Адвокат Эдди Флинн

Комплект
из **6** книг

Эдди ФлиннСборник)
Стив Кавана

Аннотация
Стив Кавана. Защита
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72

Благодарности
От переводчика
Прошение
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТЬ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТЬ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДВА
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА СОРОК
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ
ГЛАВА СОРОК ДВА
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТА
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТА
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДВА
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТА
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДВА
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯНОСТОЯЩАЯ
ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ
БЛАГОДАРНОСТИ
Стив Кавана. Тринадцать
Пролог
Шесть недель спустя. Понедельник
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14

Глава 15
Вторник
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Среда
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38

Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Четверг
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63

Глава 64
Глава 65
Глава 66
Пятница
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
Благодарности
Стив Кавана. Пятьдесят на пятьдесят
Январь
Часть I. Сестры. Тремя месяцами ранее
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Часть II. Игра начинается
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Часть III. Поверенные на доверии
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Часть IV. Темно-красная ночь
Глава 24
Часть V. Суд. Три месяца спустя
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33

Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Благодарности
Стив Кавана. Судный день
Пролог

Три месяца спустя
- Глава 1
- Глава 2

День первый
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7

День второй
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

День третий
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22

Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
День четвертый
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
День пятый
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

День шестой
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
День седьмой
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70

Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Примечание автора
Благодарности
Стив Кавана. Соучастница
Пролог. Пейдж Дилейни
Глава 1. Эдди
Глава 2. Эдди
Глава 3. Эдди
Глава 4. Песочный человек
Глава 5. Дилейни
Глава 6. Дилейни
Глава 7. Эдди
Глава 8. Эдди
Глава 9. Эдди
Глава 10. Эдди
Глава 11
Глава 12. Эдди
Глава 13. Песочный человек
Глава 14. Кейт
Глава 15

Глава 16. Блок
Глава 17. Эдди
Глава 18. Блок
Глава 19. Песочный человек
Глава 20. Блок
Глава 21. Песочный человек
Глава 22. Блок
Глава 23. Песочный человек
Глава 24. Эдди
Глава 25. Кейт
Глава 26. Эдди
Глава 27. Эдди
Глава 28. Блок
Глава 29. Эдди
Глава 30. Эдди
Глава 31. Блок
Глава 32. Эдди
Глава 33. Эдди
Глава 34. Эдди
Глава 35. Эдди
Глава 36
Глава 37. Блок
Глава 38. Блок
Глава 39. Эдди
Глава 40. Эдди
Глава 41. Эдди

Глава 42. Блок
Глава 43. Эдди
Глава 44. Эдди
Глава 45. Кейт
Глава 46
Глава 47. Кейт
Глава 48. Песочный человек
Глава 49. Эдди
Глава 50. Эдди
Глава 51. Песочный человек
Глава 52. Кейт
Глава 53. Эдди
Глава 54
Глава 55. Эдди
Глава 56. Песочный человек
Глава 57. Эдди
Глава 58. Песочный человек
Глава 59. Кейт
Глава 60. Кейт
Глава 61. Гэбриэл лейк
Глава 62. Кэрри миллер
Глава 63. Гэбриэл лейк
Благодарности

Аннотация

Содержание:

1. Защита

2. Прошение

4. Тринадцать

5. Пятьдесят на пятьдесят

6. Судный день

7. Соучастница

Стив Кавана
Защита

Steve Cavanagh
THE DEFENCE

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Брайди и Сэму
Сначала казнь, приговор – потом!
Льюис Кэрролл «Приключения Алисы в Стране чудес»

Глава 1

— Делайте в точности как говорю, иначе получите пулю в хребет.

Голос мужской, акцент какой-то восточноевропейский. Ни дрожи, ни других намеков на волнение. Тон ровный и взвешенный. Не угроза — простая констатация факта: если не подчинюсь, меня пристрелят.

Электризующее давление ствола, плотно прижатого к пояснице, ни с чем не спутаешь. Первым побуждением было резко надавить на него спиной и крутнуться влево, чтобы отвести выстрел в сторону. Парень наверняка правша, так что слева естественным образом открыт. Можно было бы в момент разворота достать его локтем в рожу, а потом сломать запястье и залепить в лоб его же собственной волыной. Старые инстинкты, но только вот парня, который сумел бы все это проделать, со мной больше нету. Похоронен вместе с моим собственным прошлым. Раскисаю помаленьку… Вот так-то все и происходит, когда завязываешь.

Журчание воды, изливающейся на фаянс, умолкло будто само по себе — на ручку крана я

вроде не нажимал. Поднимая руки, почувствовал, как дрожат пальцы.

— Не стоит, мистер Флинн.

Знает, как меня зовут… Уцепившись за раковину, я поднял голову и глянул в зеркало. В жизни этого парня не видел. Высокий, худощавый, поверх черного костюма — коричневое пальто. Башка бритая, из-под левого глаза к низу челюсти вертикально сбегает шрам. Вдавливая ствол мне в спину, он продолжил:

— Двигайте из туалета, я за вами. Забирайте пальто, расплачивайтесь. Выйдем вместе. Надо поговорить. Если сделаете как я сказал, все будет нормуль. Не сделаете — вы труп.

Сцепились взглядами. Никакой тебе возбужденной красноты на лице или шее, никаких непроизвольных движений, вообще ничего наружу, ни единой «подсказочки» — могила. Вора я сразу узна́ю, когда увижу. Узна́ю по повадкам. У самого такие долго были. Однако парень — не вор. Это убийца. Впрочем, далеко не первый убийца, которому вздумалось на меня наезжать. Помнится, в последний раз я тоже легко вышел сухим из воды, поскольку сохранил способность мыслить и не поддаваться панике.

— Пошли, — сказал он.

Отступил на шаг, приподнял ствол, чтобы я хорошенько рассмотрел его в зеркало. Вроде настоящий: тупорылый серебристый револьвер. С самой первой секунды я понял, что он не шутит, все по-серьезке, но при виде этой коротенькой злобной штуки в зеркале по коже горячей волной пробежал реальный страх. Грудь сжалась, а сердце замолотило, словно кто-то втопил педаль газа. Слишком уж долго не в теме… Ладно, придется просто мыслить, с паникой потом разберемся. Револьвер исчез в кармане пальто. Парень махнул рукой к двери. По ходу, разговор окончен.

— О'кей, — сказал я.

Два года на юридических курсах, два с половиной на подхвате у судьи, почти девять лет в качестве практикующего адвоката — а мозгов хватило только на какое-то несчастное «о'кей»! Вытер мокрые руки о зад штанов, наскоро пригладил всклокоченные русые волосы. Он проследовал за мной из туалета, а потом по абсолютно пустому ныне залу закусочной — где я подхватил пальто, надел, подсунул под кофейную чашку пять «баков» и направился к дверям. Тип со шрамом неотвязно держался сзади едва ли не вплотную.

В закусочной «У Теда» мне лучше всего дума-

ется. Уж и не знаю, сколько судебных стратегий разработано в этих кабинках — за столиками, усыпанными медицинскими заключениями, фотками огнестрельных ранений и залитыми кофе заметками по уголовным делам. В давние времена никогда не стал бы завтракать в одном и том же месте два раза подряд. Стрёмно. В новой же жизни обрел вкус к повседневной размеренной рутине, частью которой стали завтраки у Теда. Вконец расслабился, перестал оборачиваться через плечо… Вот закономерно и вляпался. Если б не жевал сопли, засек бы его еще на входе.

Выйдя из тесной закусочной в самое сердце большого города, на миг ощутил себя в безопасности. На тротуарах полно делового люда — понедельник, утро, все еще только спешат на работу, под ногами твердая надежная брусчатка. Не будет же этот парень стрелять в меня чуть ли не посреди Нью-Йорка, на Чеймберс-стрит, в половину девятого утра на глазах у трех десятков свидетелей! Встал слева от закусочной, напротив заколоченного окна заброшенной скобяной лавки. Почувствовал, как краснеет лицо под щипками ноябрьского ветра. Что этому хрену надо? Я проиграл когда-то его дело? Но точняк такого не припомню. Парень со шрамом подошел,

встал чуть ли не вплотную — так, чтобы между нами не вклинились прохожие. На бесстрастной физиономии трещиной прорезалась широкая ухмылочка, причудливо изогнув рассекающий щеку шрам.

— Расстегните пальто и загляните внутрь, мистер Флинн.

Руки опять стали какими-то чужими. Неуклюже пошарил в карманах. Ничего. Распахнул пальто полностью. Заметил внутри какую-то прореху — словно шелковая подкладка вдруг отпоролась по шву. Нет, не прореха. Не сразу понял, что под пальто поддето нечто вроде тонкой черной рубахи или жакета — прямо как вторая подкладка. Не было ее раньше! Должно быть, этот малый просунул ее в рукава пальто, пока я прохлаждался в туалете. Вывернул руку, просунул дальше, за спину, и наткнулся на закрытый на липучку клапан где-то внизу, возле самой поясницы. Карман! Подтянул его к себе, чтобы рассмотреть получше, оторвал липучку, сунул руку внутрь и нащупал какую-то свободно болтающуюся толстую нитку.

Потянул ее из потайного кармана. Но это была не нитка.

Это был электропровод.

Красный электропровод.

Пальцы добежали по нему до какой-то небольшой пластмассовой коробочки, тоже опутанной проводками, а потом наткнулись на две длинных прямоугольных выпуклости, выступающих из жакета по обеим сторонам спины.

Дыхание пресеклось.

Я напялил на себя бомбу. Сам напялил.

И он вовсе не собирался застрелить меня посреди Чеймберс-стрит на глазах у тридцати свидетелей. Он задумал меня тут взорвать — заодно с бог еще знает какой кучей народу!

— Не вздумайте бежать, иначе я приведу это устройство в действие. Снять тоже не пытайтесь. Не привлекайте к себе внимания. Меня зовут Артурас.

Так, гад, и произнес с расстановочкой и акцентом: «Ар-торас», продолжая все так же лыбиться во всю ширь.

Я хватанул отдающего металлом воздуха, едва заставил себя хотя бы выдохнуть помедленней.

— Спокойно, — сказал Артурас.

— Чего тебе надо? — спросил я.

— Мой работодатель нанял вашу фирму представлять свои интересы. У нас с вами кое-какие неоконченные дела.

Страх чутка отпустил — выходит, это не ко мне. Какая-то предъява к моей бывшей юридической фирме, и я, пожалуй, просто переведу стрелки на Джека Холлорана.

— Извиняй, братан. Это давно уже не моя фирма. Не на того наехал, попутал. Кстати, а на кого работаешь?

— Думаю, что это имя вам должно быть известно. На мистера Волчека.

Мля. Он прав. Это имя я и вправду знал. Олек Волчек — главарь одной серьезной русской группировки. Мой бывший партнер, Джек Холлоран, согласился представлять его где-то за месяц до того, как мы с ним разбежались. Когда Джек взялся за дело, Волчек ожидал суда по обвинению в убийстве — какая-то там гангстерская разборка. Документов по делу я не смотрел, даже с самим Волчеком никогда не встречался. Тот месяц я целиком посвятил защите Тома Беркли, биржевого маклера, по делу о предполагаемом покушении на похищение человека — делу, которое окончательно-то меня и доконало. Все тогда пошло наперекосяк. В итоге и семью потерял, и сам потерялся в бутылке с виски. Адвокатскую практику полностью забросил почти уже как год назад — вместе с жалкими клочками собствен-

ной души, — ну а Джек тогда был только рад заполучить мою юридическую фирму целиком. С тех пор как присяжные объявили вердикт по делу Беркли, ноги моей в суде не было, и возвращаться к старой работе в ближайшее время я отнюдь не собирался.

Джек — тот совсем другое дело. Больно уж азартен, игрок, и в этом-то его главная проблема. Недавно до меня доходили слухи, будто он подумывает продать фирму и куда-то слиться. Так что наверняка просто соскочил, а то и аванс Волчека прихватил до кучи. А коли русским бандюкам не найти Джека, то они решили отыскать меня — надо же с кого-то бабло стрясти? Обычное для такой публики дело. Когда у тебя бомба к спине примотана, не важно, банкрот ты или не банкрот… Ладно, добуду я ему эти сраные бабки. Все будет путем. Просто откуплюсь от этого кента. Он же не террорист какой-нибудь — обычный бандит. Бандиты не взрывают людей, которые должны им денег. Они заставляют платить.

— Послушай, на самом-то деле тебе нужен Джек Холлоран. Лично я в жизни не встречался с мистером Волчеком. И мы с Джеком больше не партнеры. Но ладно: если хочешь получить обратно аванс, буду только рад прямо сейчас

выписать тебе чек.

Чек-то он чек, только вот что они по нему получат? На счету у меня всего-то чуть больше шестисот долларов, платежи за квартиру просрочены, да плюс неоплаченные счета за медицинскую реабилитацию — тут уж вынь да положь. Поступлений нет и не предвидится. Основная проблема — эта самая медицина. Ценники у них запредельные, но если учесть, сколько виски я не так давно выжирал за день, то попросту помер бы, если б вовремя не залег в больничку. Пока мне там вправляли мозги, понял, что для того, чтобы навсегда выжечь память о том, что случилось с делом Беркли, никакого «Джека Дэниелса» не хватит. С бухлом в итоге бесповоротно завязал и буквально через пару недель должен был прийти к окончательному соглашению со всеми своими кредиторами. Всего через две недели готов был начать жизнь по новой. Если русским нужно нечто большее, чем несколько сот «баков», я в полной жопе. Расклад не из лучших.

— Мистеру Волчеку не нужны эти деньги. Можете оставить себе. В конце концов, вы же их честно заработаете, — сказал Артурас.

— В каком это смысле «честно заработаю»? Послушай, я больше не практикую. Почти год

уже как не адвокат. Ничем не могу помочь. Аванс мистера Волчека верну, не вопрос. А теперь позволь-ка мне все-таки снять эту штуку, лады? — отозвался я, уцепившись за жакет и готовый в любой момент сорвать его с себя вместе с пальто.

— Нет. — Он покачал головой. — Вы меня не поняли, господин адвокат. Мистер Волчек хочет, чтобы вы кое-что для него сделали. Вы все-таки *будете* его адвокатом, а он вам заплатит. И сделаете все, что требуется. Иначе больше вообще ничего не сделаете в этой жизни.

Когда я попытался заговорить опять, горло перехватила паника. Все это вообще ни в какие ворота не лезло. Джек ведь наверняка должен был сказать Волчеку, что я соскочил, что я больше не при делах! В этот момент к тротуару подкатил длинный белый лимузин — совсем длинный, какие на всякие праздники обычно нанимают. В его сияющих полировкой боках, как в кривом зеркале, подергивалось мое искаженное отражение. Заднюю дверь открыли изнутри, отражение метнулось вбок и исчезло. Артурас встал рядом с открытой дверью и мотнул головой — залезай, мол. Я попытался взять себя в руки, делая глубокие вдохи, мысленно уговаривая сердце не

частить и изо всех сил сдерживая тошноту — блевануть со стрёма еще только не хватало! Из-за глухо тонированных стекол нутро лимузина было совсем темным, словно доверху заполненным черной водой.

На мгновенье все вокруг будто застыло — остались только я и распахнутая дверь. Если побегу, то далеко не уйду — не выход. Ну а если влезть в лимузин и прижаться поплотней к Артурасу? Тогда он точно ничего не взорвет. В тот момент я буквально проклинал себя за то, что не поддерживал старые навыки на должном уровне, что дал им притупиться. Те самые навыки и умения, благодаря которым я мог развести, как лоха, любого адвоката с миллионными гонорарами еще до того, как сам пошел на адвокатские курсы; то самое искусство, которое помогло бы засечь этого парня, не успей он еще подобраться ко мне и на десять футов…

Наконец я решился — полез в эту кроличью нору.

Глава 2

Усевшись, сразу почувствовал, как бомба впилась мне в спину.

В задней части лимузина устроились четверо — включая Артураса, который влез следом за мной, захлопнул дверь и сел слева от меня все с той же неуютной полуулыбочкой. Я слышал пофыркивание мотора, но с места мы не двигались. В нос ударил запах сигарного дыма и новенькой кожаной обивки. Переднюю часть салона с водителем тоже отгораживало тонированное стекло.

На полу валялась большая кожаная сумка — с такими обычно в спортзал или качалку ходят.

Справа от меня на продольном диване, рассчитанном на шестерых, едва помещались еще два мужика в темных пальто. Ну просто нереально здоровенных, прямо какие-то сказочные персонажи. Первый — блондин, с конским хвостом на затылке. Второй, с коротким коричневым ежиком, — действительно огромный. Башка у него была размером с баскетбольный мяч, и здоровяк-блондин казался рядом с ним просто карликом. Но больше всего меня пугало выражение его лица, полностью лишенное каких-либо чувств и

эмоций, — холодный, гнетущий лик полумертвой души. В воровском деле обычно полагаешься на свое умение видеть «подсказочки», полагаешься на способность управлять чужими эмоциями и прочими естественными человеческими реакциями. Но есть класс личностей, которые к обычным приемам в этом деле иммунны и которых каждый вор высокого класса способен сразу распознать. Распознать, дабы держаться от такой публики подальше. Это я о психопатах. Великан с темным ежиком выглядел, как классический психопат с первых страниц учебника.

Ну а прямо напротив меня расположился Олек Волчек собственной персоной. На нем был черный костюм поверх белоснежной рубашки с расстегнутым воротом. На щеках — седоватая щетина, седина поблескивает и в волосах. На вид так вполне симпатичный малый, если б в глазах его столь ясно не кипела злобная жестокость, которая сразу же смазывала благоприятное поначалу впечатление от правильного и даже в чем-то красивого лица. Я сразу узнал его по газетам и телику — мафиозный босс, убийца, наркобарон.

И на хрена мне такой клиент?

С публикой вроде Волчека я имел дело всю свою жизнь. И дружки у меня такие были, и враги, и

даже клиенты. И не важно, откуда, — из Бронкса, Комптона, Майами или Маленькой Одессы. Такие ребята уважают только одну вещь на свете — силу. И как бы я ни был на самом деле напуган, ни в коем случае нельзя этого ему показывать, иначе я мертвец.

— Я не работаю на тех, кто мне угрожает, — взял я быка за рога.

— У вас нет выбора, мистер Флинн. Я — ваш новый клиент, — сказал Волчек. Говорил он с сильным русским акцентом, на слегка ломаном английском, с такой же деланой ледяной вежливостью, как и Артурас.

— Иногда, как выражаются у вас в Америке, говно попадает в вентилятор. Можете винить в этом Джона Холлорана, если так вам легче, — продолжил он после паузы.

— Мне и без того хватает, в чем его винить. Почему он сам-то вас не представляет? Где он вообще?

Волчек бросил взгляд на Артураса, ответил на его несмываемую улыбочку точно такой же ухмылкой, после чего опять посерьезнел и повернулся обратно ко мне:

— Когда Джек Холлоран брался за мое дело, то сразу сказал: выиграть нереально. А я и без

него это знал. Уже четыре адвокатские конторы смотрели дело, еще до Джека. И все-таки он иногда способен на то, что другие адвокаты не могут. Я заплатил ему, дал работу… К сожалению, Джек не сумел выполнить обязательства со своей стороны.

— Какая жалость. Но я-то тут не при делах, — отозвался я, из всех сил стараясь не выдать свое взвинченное состояние голосом.

— А вот тут-то вы ошибаетесь, — сказал Волчек. Достал из лежащей на сиденье золотой шкатулки шоколадного цвета сигарку, откусил кончик, поджег. — Два года назад заказал я одного парня, Марио Геральдо его звали. Попросил Малютку-Бенни разобраться. Бенни все чисто обделал, замочил парня. А потом, когда его сцапали, стал распускать язык в ФБР. Теперь на суде Бенни готов сдать меня, как заказчика. С кем бы из адвокатов я ни говорил, все в один голос твердят: для стороны обвинения Бенни — настоящая находка, ну прямо звезда, а не свидетель. Его показания меня утопят. Нет никаких сомнений.

Челюсти у меня так сжались, что даже заболели.

— Бенни сейчас в фэбээровской крытке. Упакован так, что ни подкатишь, ни просто не найдешь.

Защита свидетелей и все такое. Даже при моих контактах ничего не вышло. Вы единственный, кто сумеет к нему подобраться, — как мой адвокат.

Понизив голос, Волчек продолжал:

— До перекрестного допроса Бенни просто снимете жакет, а когда суд уйдет на перерыв, мы прилепим бомбу под его стул на трибуне для свидетелей. Как Бенни опять туда сядет, так сразу и взлетит на воздух. Нет Бенни — нет дела, нет больше проблем. А взрывником будете как раз вы, мистер Флинн. И это вы отправитесь в тюрьму. Для повторного рассмотрения обвинению не хватит доказательств, и я ухожу чистеньким.

— Ты совсем охерел, — проговорил я.

Волчек поначалу никак не отреагировал. Не взорвался от злобы, не стал сыпать угрозами. Секунду просто сидел, склонив голову набок, словно что-то прикидывал. Не слышалось ни звука — только мое собственное сердце сумасшедше барабанило в груди. Не заработал ли я только что пулю? Я все никак не мог отвести глаз от Волчека, но чувствовал, как все остальные тоже уставились на меня — скорее, с каким-то недоуменным любопытством, как смотрят на парня, который только что сунул пальцы в банку со змеями.

— Гляньте-ка лучше сюда, прежде чем принять окончательное решение, — сказал Волчек, кивая Артурасу.

Тот подхватил спортивную сумку, открыл.

Внутри была голова Джека.

Желудок у меня судорожно сжался. Рот наполнился слюной. Я рыгнул, прикрыл рот ладонью, закашлялся. Сплюнул, безуспешно пытаясь собрать воедино рассыпавшиеся чувства и с такой силой вцепившись в сиденье, что ногти оставляли следы на кожаной обивке. Если до этого и был какой-то фасад деланого спокойствия, то теперь он улетучился без следа.

— Мы думали, что как раз Джек-то все это и проделает. Ошибочка вышла. Но с вами мы на случайку ставить не будем, мистер Флинн, — произнес Волчек, откидываясь на спинку сиденья. — У нас ваша дочка.

Время, дыхание, кровь, движение — все остановилось.

— Если ты посмеешь хотя бы пальцем…

Он вытащил из брючного кармана телефон, развернул ко мне экраном. Эми стояла на темном перекрестке возле какого-то газетного ларька. Девочка моя!.. Ей всего десять. И вот я вижу, как она стоит где-то в Нью-Йорке, зябко кутаясь в

собственные руки и опасливо поглядывая в камеру. За спиной у нее видать газетный заголовок про какой-то сухогруз, затонувший в Гудзоне субботним вечером.

Я даже не сознавал, что буквально обливаюсь потом, — рубашку хоть выжимай, лицо и волосы тоже мокрые. Мне было уже плевать на бомбу, на пистолет — да и на пару безгласных гигантов, пялящихся на меня своими мертвыми глазами, плевать тоже.

— Отпусти ее, и я дам тебе пожить еще, — прошипел я.

От этого заявления Волчека вместе с его поддужными только прошиб смех. Они знали меня только как Эдди Флинна, адвоката; они не знали старого Эдди Флинна — вора, уличного бойца, «делового». По правде сказать, я и сам себя такого почти забыл.

Прежде чем заговорить, Волчек наклонил голову. Вид у него был такой, будто он тщательно взвешивает каждое слово.

— Не в том вы положении, чтобы сыпать угрозами. Включите голову. Ничего с вашей дочкой не случится, если будете делать все, что я вам скажу.

— Отпусти ее. Я и пальцем о палец не ударю

до тех пор, пока не буду знать, что она в полной безопасности! Убей меня, если хочешь. Вообще-то тебе и вправду лучше меня убить, потому что когда меня будут хоронить, то хоронить будут с твоими буркалами на пальцах, если ты ее не отпустишь!

Волчек затянулся своей сигаркой, приоткрыл рот и подержал клубок дыма возле своих пухлых губ, наслаждаясь вкусом.

— Ваша дочка в полной безопасности. Мы подхватили ее вчера у школы, когда она ждала автобуса — на экскурсию ехать. Она думает, что мои ребята, забравшие ее, — это секьюрити, которые работают на вас. Вы же получали в прошлом угрозы убийством, и она это знает. Ваша бывшая считает, что Эми на пешеходной экскурсии по Лонг-Айленду. В школе уверены, что она у вас. Так что день-другой ее точно не хватятся. Если вы откажетесь следовать моим инструкциям, я ее убью. Но это будет для нее облегчением. Придется ей помучиться, если мы не сговоримся. Кое-кто из моих парней…

Он нарочито примолк, делая вид, будто подбирает подходящее слово — чтобы мое воображение само успело услужливо нарисовать любые возможные кошмары. Все мое тело сжалось, словно

готовясь отразить чисто физическую атаку. На организм неистовой волной обрушился адреналин.

— Ну, в общем, кое-кто из моих парней проявляет несколько *нестандартный* интерес к красивым маленьким девочкам.

Тут-то я на Волчека и набросился. Прямо с сиденья — не совсем соображая, что, собственно, делаю. Скрюченный, без особой точки опоры, пригнувший голову, — но вспыхнувший, как порох, я все же ухитрился провести достойный правый кросс, угодивший аккурат в левую скулу Волчека. Сигара пулей вылетела из пухлогубого рта. Моя левая рука отлетела назад, и перед тем, как вмазать ему в горло, я даже успел слегка утвердиться на ногах.

Но прежде чем мне удалось нанести второй удар, меня ухватила чья-то громадная ручища, полностью оторвав от пола. Полуобернувшись, я увидел, что сцапал меня тот здоровенный психопат с ежиком. Чуть было не посадил меня на жопу ровно, как расшалившегося ребенка, но проснулись мои старые прихваты. Правая рука будто сама собой вцепилась ему в физиономию — крепко, вдавливая ногти в мясистый лоб. Чисто на автомате, сознание в процессе не участвовало — это и прием защиты-нападения, и

отвод, чтобы отвлечь внимание. Левая рука в тот же момент, тоже сама собой, нырнула здоровяку в карман пиджака и подцепила бумажник. Все за полсекунды. Быстро и шито-крыто. Выходит, за годы не особо-то растерял я скорости. Чисто и грамотно щипнул лопатник. Здоровяк так ничего и не просек — был слишком занят, пытаясь оторвать мне голову. Едва я сбросил бумажник себе в карман, как перед лицом у меня возник кулак размером с суповую тарелку. Попытался уклониться от удара, но в тот же миг ощутил резкую обжигающую боль в затылке. Упал, шмякнулся башкой об пол лимузина.

Однако отрубился не сразу, хоть голова едва не лопалась от боли. Первый щипок за последние пятнадцать лет! Инстинкт не пропьешь. А все из-за того, кем я был раньше.

Нет — кем я и остался!

Навыки и техника, которые я упорно развивал, совершенствовал и успешно использовал будучи процветающим вором-разводилой — отвод, втирка, загрузка, прихват, сброс, пресс, — так вот, все эти методы, которые я в свое время годами оттачивал на улице, прекрасно канали и в последние девять лет в суде. На самом-то деле ничуть я не изменился. Просто слегка изменились лишь цели

и задачи самого развода.

Глаза и сознание захлопнулись практически одновременно, и я провалился в моментально сгустившуюся тьму.

Глава 3

Очухался на кожаной обивке — затылок трещит, хоть помирай. Одна из горилл прикладывала мне к шее пакет со льдом — тот самый блондин с хвостом, которого будто только что выгнали из какой-нибудь шведской группы в стиле хеви-метал. От сладковатого, едкого запаха сигары Волчека меня сразу же замутило. Понял, что меня подняли с пола лимузина и водрузили обратно на сиденье. Глаза ел дым, но буквально через секунду я осознал, что здоровенного психопата, который меня вырубил, в машине уже нет. Схватился за пакет со льдом, швырнул на пол.

— Мы возле суда, — объявил Артурас.

Я резко сел.

— С какой это стати возле суда? — спросил я.

— Потому что суд мистера Волчека начинается сегодня утром, — любезно объяснил Артурас.

— Сегодня? — тупо повторил я.

Припомнил фотку дочери на мобильнике Волчека. Опять накатила бешеная ярость, причинившая еще большую боль, чем огромная шишка на затылке и напрягшиеся, как железо, мускулы.

— Суд начинается через час. Прежде чем вас

выпустить, надо убедиться, что вы сделаете все как надо. Иначе мы убьем вас прямо сейчас. А потом и дочку с супругой, — сказал Артурас.

Он вытащил револьвер, положил на согнутое колено. Затем вручил мне манерного вида стакан, на дне которого болталась некая жидкость цвета мочи. По запаху вроде бурбон. Я опрокинул его залпом, сразу ощутив знакомое кисленькое тепло. Первая выпивка с тех пор, как выписался из больнички для алкашей. Секунду поразмыслил, сколько же я еще должен клинике, а потом подумал — да и ну ее в жопу. Время и место, чтобы развязать узелок, были самые подходящие — ничуть не хуже любых прочих. Протянул руку за добавкой, и Артурас налил мне еще бурбона из столь же манерного хрустального графина. Я быстро проглотил желтоватую жидкость, наслаждаясь горячим взрывом внутри. От крепкого алкоголя по всему телу пробежала крупная дрожь, и я помотал головой, словно встряхивая магический бильярдный шарик-«восьмерку»[1], который должен дать нужную подсказку. Однако

---

[1] notes: 1

В культовом фильме Боба Гейла «Трасса 60» (2002) герой постоянно сверяется с попавшим ему в руки волшебным шаром для пула (черным, «восьмеркой»), на котором высвечиваются ответы на всякие вопросы. Естественно, вскоре появилась и похожая игрушка — для любителей погадать. — *Здесь и далее прим. пер.*

никаких толковых подсказок не высветилось.

— Где моя дочь?

— Жива-здорова, — заверил Артурас. Подлил мне еще.

Махнув и этот стаканчик, я принялся размышлять.

— Зачем вы убили Джека? — спросил я наконец.

Волчек кивнул Артурасу, начальственно дозволяя ему выложить подробности.

— Все адвокаты, с которыми мы встречались, в один голос твердили, что показания Бенни утопят мистера Волчека. Так что, по уму, надо было просто кокнуть Бенни. Сказать-то просто, но только вот никак до него было не добраться. Так что мы, гм… *убедили* Джека надеть этот жакет, чтобы замочить Бенни, когда он попадет в суд. Но он не справился.

Интересно, подумал я, что за методы убеждения они применили к Джеку. Наверняка пытали, и к гадалке не ходи. Он, конечно, полный говнюк и игроман, но все-таки бывший партнер. При этой новости я почему-то подумал о нем с несколько большей теплотой. Что бы он там ни представлял собой по жизни, цеплять на него бомбу — это уж слишком. Да и какой из него бомбист? Он порой

и собственный портфель-то не мог донести до места без того, чтобы не уронить кому-нибудь на ногу. Здорово же, видать, его обработали…

— А почему именно Джек? — спросил я.

— Требовался совершенно определенный тип адвоката. Нам известно, что вы с Джеком основали фирму на бабки от подпольных ростовщиков. У Джека и без того неважнецкая репутация — за базар не отвечал, по долгам не платил… Очень нуждался в деньгах — после вашего ухода стали уходить и клиенты. А нам был нужен кто-то, кто смог бы пронести бомбу через охрану на входе. Сами мы не могли: там всех обыскивают, проверяют металлодетекторами, а потом еще и по новой шмонают. Всех, кроме вас с Джеком. Мы-то в курсе. Несколько месяцев следили, как вы каждый день входите в суд. Какие там детекторы, вас даже ни разу просто не остановили! Охрана вас прямо так с ходу и пропускает, будто лучших дружков. Мы велели Джеку то же самое, что и вам, — приделать бомбу к стулу, чтобы совершить ликвидацию.

Артурас откинулся на сиденье и бросил быстрый взгляд на Волчека. Привыкли, видать, работать в паре — Артурас в ней отвечает за четкое и сухое изложение фактов. Честь запугивать

и грозить принадлежит боссу.

— Джек сидел на том же месте, что и вы, мистер Флинн, всего лишь три дня назад. На нем был такой же жакет, с той же бомбой внутри. Мы рассказали ему то же самое, что и вам. Я открыл дверь этой тачки и велел ему идти, сделать дело, — произнес Волчек, опуская глаза к полу.

Медленно выпущенный клуб сигарного дыма окутал его лицо серым призрачным туманом.

— Джек застыл. Весь трясся, словно… как вы это там называете? Эпилептик? Будто в припадке. Обоссался даже, всю штанину себе обмочил. Короче, закрыли дверь, отвезли его к себе.

Он опять пососал сигару, поглядел на красновато тлеющий кончик.

— Я привязал его к стулу. Сказал, что убью его сестру, если он не сделает то, что приказано. Вон Виктор, — он показал на здоровяка-блондина, — съездил, привез ее. Беру нож, режу ей по лицу. У него на глазах. «Теперь сделаешь?» — спрашиваю. Ноль эмоций. Ладно, начинаю работать ножиком всерьез. А он все так и сидит, как истукан…

Грудь сжало, словно натуральными железными тисками. И у этого чудища моя дочурка! Я даже непроизвольно вздрогнул, когда хрустнули костяшки моих собственных пальцев, крепко

сжавшихся от бессильной ярости. В другой руке я по-прежнему держал пустой тяжелый стакан. Чуть было не ткнул им Волчека в глаз, но вовремя отказался от этой затеи. Недавняя попытка такого рода закончилась довольно плачевно, так что зря рисковать не стоило.

По крайней мере, пока.

— Я понял, что полагаться на Джека нельзя. Прежде чем прикончить его, доставил его сестре некоторое удовольствие. Сунул ей в руку свой нож и помог ей его резать. Как следует резать.

Во взгляде его сверкнул адский огонь, глаза будто купались в его свете. От подобных воспоминаний он реально кайфовал.

— Джек и без того был безголовый, судя по его поведению. Ну я ему башку и отхватил. Вручил сеструхе, прежде чем и ее почикать. Вообще-то боевая девка. Не то что братец.

Я поглядел на спортивную сумку на полу, теперь милосердно закрытую. Подумал о Джеке. Опять испытал к нему лютую ненависть. Дай мне волю, я б его башку пинками в Гудзон сейчас загнал бы. Чтоб дерьмо из нее выбить. Самое ей там место — на дне реки, рядом с тем утопшим сухогрузом!

— С вами у нас нет времени на репетиции, —

опять вступил в разговор Артурас. — Бомба уже на вас, мистер Флинн. Успокойтесь, возьмите себя в руки. Помните про дочь. Занесете бомбу внутрь — будете на шажок ближе к ней. Если вас поймают, отправитесь в тюрьму за попытку взрыва общественного здания. Скорее всего, дадут пожизненное, без всяких условно-досрочных. Как думаете?

Я думал, что он совершенно прав. С публикой, которая пытается взорвать общественные здания, в этом городе обычно не церемонятся, приговор будет самый суровый. И впрямь корячится пожизненное, тут и думать нечего. Единственное смягчающее обстоятельство — это что я подложу бомбу, поскольку они угрожали моей дочери. Действия под принуждением. Не самый сильный аргумент защиты, но от высшей меры вполне можно отвертеться.

По физиономии Артураса опять расплылась та отвратительная улыбочка. Я почти уверился в том, что он прекрасно понимает, о чем я сейчас думаю. Волчек затушил сигару в пепельнице, пристально пригляделся ко мне сквозь рассеивающиеся клубы дыма. Мне подумалось, что разумом эти две безжалостные твари явно не обижены, только вот разум у них устроен по-разному.

Артурас, судя по всему — типичный советник, человек плана, который ничего не оставляет на волю случайности и тщательно взвешивает все возможные риски. Расчетливый мыслитель. Босс же его совсем из другого теста. Все движения у Волчека замедленные, чуть ли не изящные — словно у кота, которой подстерегает добычу в высокой траве; интеллект у него природно-примитивный, основанный на инстинктах — почти как у дикого зверя. Мой личный инстинкт подсказывал мне, что ни тот ни другой не оставят меня в живых, никогда не позволят рассказать о том, что произошло в действительности. При любом раскладе.

— Да в этом здании сто лет ноги моей не было! С чего вы взяли, что я так вот попросту войду туда без досмотра?

— Вы знаете охранников, и, что более важно, они знают вас, — сказал Артурас. Наклонился ко мне, заговорил громко и размеренно, будто гвозди вбивал: — Мы очень долго наблюдали за этим зданием, господин адвокат. Я почти два года угрохал, разрабатывая свой план до мельчайших подробностей. Тот, кто пронесет бомбу, должен пользоваться доверием охранников; это должен быть такой человек, которого они никогда ни

в чем не заподозрят. Другого способа доставить бомбу в здание не существует. Я сам за вами прослежу. Просто быстро проскочите в рамку в самый последний момент, будто бы на суд опаздываете, помашете охране за стойкой. Сигнал сработает, но они не обратят на него внимания — махнут, чтоб проходили быстрей. Перебросьтесь с ними парой слов. Они вас знают. Они ведь даже ваши звонки принимают.

Действительно, мобильника у меня не было. Еще не хватало, чтобы мое местонахождение можно было в любой момент вычислить по сотовым башням… Понятно, что все это отрыжка старых годов, от которой мне так и не удалось избавиться, хотя Джеку регулярно удавалось всучивать мне сотовые телефоны, которые я почти сразу же терял. Занимаясь адвокатской практикой, бóльшую часть дня я обычно проводил в суде. Если я кому-то вдруг неотложно требовался, то звонили мне на таксофон у входа. Обычно кто-то из охраны знал, на каком именно заседании я в данный момент присутствую, — исправно приходили и звали к телефону. Пара бутылок вискаря на Рождество да по корзинке со всякими вкусностями каждому на День благодарения — вот и все расчеты за столь полезное содействие.

Голова стала понемногу проясняться.

— А почему бы вам не замочить этого парня каким-то другим способом? Тот же снайпер запросто снимет его еще по пути в суд.

Артурас кивнул.

— Я на этот счет тоже думал. Перебрал все возможные варианты. Мы не знаем, где он и каким образом его будут доставлять в суд. Это единственный способ. Дело смотрело уже множество юридических фирм. Эти крупные фирмы работают по всему городу. Вы с Джеком вели едва ли не все свои дела именно здесь, на Чеймберс-стрит. Хорошо знаете местный персонал. Прочие адвокаты заряжают по девятьсот долларов в час. Думаете, у них есть время остановиться и поболтать с охраной? Нет, конечно же. Еще когда я в первый раз увидел, как вы с Джеком мчитесь через ту рамку, машете охране, все мигает и звенит, а они и ухом не ведут, то сразу понял: вот оно. Так мы и поступим. Вы же сами мне этот способ и подсказали.

Да, мозгом здесь явно был Артурас. План был точно его. По сравнению со своими подельниками он стои́т малость особняком — холодный, рациональный, расчетливый. Похоже, подобными принципами он руководствуется и тогда,

когда приходится спускать курок. Волчек — совсем другая история. Хоть он и сохранил видимое спокойствие, когда я ухитрился ему врезать, я чувствовал, что за напускной сдержанностью таится и скребет когтями бешеный монстр, готовый в любой момент вырваться на свободу.

Я обхватил голову руками, медленно и глубоко вдохнул и выдохнул.

— И вот что еще, мистер Флинн, — сказал Волчек. — Вам следует помнить, что мы — бойцы. И гордимся этим. Мы — *Bratva*. По-вашему это будет «братство». Я полностью доверяю этому человеку. — Он положил руку Артурасу на плечо. — Но очень многое может пойти не так. Короче, вам нужно занести этот жакет внутрь. От смерти дочери вас отделяет лишь один телефонный звонок. Так что вы сейчас туда по-любому зайдете. Вы тоже боец, как я погляжу. Но только не пытайтесь биться со мной.

Он умолк, чтобы прикурить следующую сигару.

— Мы с Артурасом начинали двадцать лет назад с полного нуля. Пока мы не стали теми, кто мы сейчас, пролилось немало крови, и спуску мы никому не давали. Но не думайте, что мы настолько уж тупые. Суд рассчитан по меньшей мере на

три дня. Даем вам два. Больше рисковать мы не можем. Два дня, чтобы усадить Малютку-Бенни на тот стул, который разорвет его в клочки. Если завтра к четырем часам дня он не будет мертв, у меня просто не останется выбора. Мне придется бежать. Чем дольше будет тянуться это дело, тем больше шансов, что прокурор аннулирует мой выход под залог[2]. Это как раз такой вот девятисотдолларовый адвокат сказал. Вы человек умный, наверняка понимаете, что он прав.

Я и сам с подобным не раз сталкивался. Когда обвиняемый запрашивает выход под залог, у стороны обвинения обычно еще не хватает доказательной базы, особенно самой убойной. Анализ ДНК и прочие технические экспертизы занимают порядочно времени. Но к моменту передачи дела в суд все уже подготовлено и разложено по полочкам, так что обвинитель вполне может попросить судью отменить выход под залог и взять обвиняемого под стражу. С этого момента его судьба, считай, отмечена несмываемой печатью.

---

[2] notes: 2

Обвиняемых даже в особо тяжких преступлениях в США редко заключают под стражу — после ареста обычно выпускают под денежный залог. Суммы немаленькие, но ими в любой момент готовы ссудить многочисленные фирмы, которые только этим и занимаются. Адвокаты с такими вполне легальными ростовщиками всегда на связи. Перед Волчеком такая проблема, понятное дело, не стояла.

А все-то, что для этого требуется, — крошечная, но тем не менее тщательно рассчитанная задержечка со стороны конвоиров, которые якобы ненамеренно демонстрируют присяжным обвиняемого в наручниках. Один лишь взгляд на эти браслеты, и участь бедняги решена — практически стопроцентно обвинительный приговор.

Я кивнул Волчеку. Он наверняка в курсе, что тактика обвинителей мне давно уже насквозь известна, так что не было смысла отрицать очевидное.

Излагая свой ультиматум, Волчек всеми силами старался прикрыть дикую сущность своей натуры бесстрастным холодным тоном.

— Мой паспорт — в суде, это условие выхода под залог. Мне тут кое-что возят из России по воздуху, три раза в год. Самолет частный, полоса тоже частная — рядом, неподалеку от города. Тот борт прибывает завтра в три и улетает обратно в шесть. Если Бенни до четырех часов будет еще жив — ваше время истекло. Мне нужно выйти из суда как минимум в четыре, чтобы успеть к вылету. Этот рейс — мой последний шанс убраться из Соединенных Штатов. Но я хочу остаться. Хочу биться дальше. До четырех часов Малютка-Бенни должен уже быть на том свете, иначе я убью вас

вместе с вашей дочерью. За базар отвечаю.

Стакан с виски хрустнул у меня в руке.

Показалось, будто я падаю в пустоту. Тело обмякло, подбородок задрожал — пришлось крепко стиснуть челюсти, чтобы не стучали зубы. Из пореза в ладони струилась кровь, но боли я не чувствовал. Не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Не мог мыслить связно. Дыхание вырывалась изо рта отрывистыми тихими всхлипами. Если что-нибудь случится с Эми, такой боли мне не вынести. При одной лишь мысли о подобной муке все тело — мозг, мышцы, сердце — начинало жечь будто огнем. Моей жене, Кристине, порядком от меня доставалось: бесконечное сидение в конторе, звонки в три часа ночи из полицейских участков, куда вдруг угодили мои клиенты, великое число запланированных, но так и не состоявшихся ужинов вдвоем — и все это под предлогом, что поступаю я так исключительно ради нее с Эми. Когда год назад я по-настоящему запил, она дала мне от ворот поворот. Я потерял лучшее, что имел когда-либо в жизни. А что если теперь потеряю и дочь? О таком и просто подумать-то страшно.

Откуда-то ниоткуда в голове вдруг зазвучал голос отца — человека, который и научил меня

всем воровским и мошенническим премудростям, человека, который сказал, как поступать, если тебя вдруг раскусят: «Что бы ни случилось, держи себя в руках, не раскисай».

Я прикрыл глаза и произнес про себя коротенькую молитву: «Господи Боженька, помоги мне. Помоги моей девочке. Я так ее люблю!»

Вытер глаза перед тем, как на них успели навернуться слезы, шмыргнул, прокрутил меню своих цифровых часов с будильника на таймер. И включил обратный отчет.

— Вам нужно принять решение, господин адвокат, — напомнил Артурас, многозначительно постукивая пальцем по револьверу.

— Сделаю. Только не трогайте Эми. Ей всего десять, — ответил я.

Волчек с Артурасом переглянулись.

— Ну вот и отлично, — объявил последний. — Тогда вперед. Подождите меня в вестибюле, когда пройдете за рамку.

— В смысле, *если* пройду?

— Может, попросить вашу дочку помолиться за вас? — иронически заметил Волчек.

Не ответив, я вылез из лимузина. Артурас проследил, как я ступаю на тротуар.

— Помните, что за вами наблюдают. И за доч-

кой тоже, — предупредил он.

Кивнув, я заверил:

— Буянить не буду.

Соврал, конечно же.

Точно так же, как они врали мне. Не важно, что они мне грузили, не важно, что обещали, — завтра в четыре, даже если Бенни уже станет мокрым местом на потолке зала судебных заседаний, Эми они не отпустят. И меня они убьют, и мою девочку.

У меня оставался тридцать один час.

Тридцать один час на то, чтобы развести русскую мафию и выкрасть свою дочь. И уже были мысли, как это сделать.

Расправил на себе пальто. Застегнул на все пуговицы, поднял воротник, повернулся к зданию суда. Голос отца по-прежнему тихо звучал в голове: «Держи себя в руках, не раскисай». Кровь из ладони идти перестала. Похоже, стало еще холоднее — дыхание замерло перед лицом туманным облачком. Когда оно рассеялось, я узрел перед собой то, что за все девять лет работы в этом здании ни разу не видывал, — длиннющий, человек в сорок, хвост из репортеров, адвокатов, свидетелей, подзащитных, телевизионщиков, которые все терпеливо дожидались своей очереди

пройти в рамку металлодетектора.

Глава 4

В начале громкого судебного процесса всегда есть нечто электризующее. Пристроившись в хвост, я сразу ощутил нависшее над толпой возбуждение — словно те миражи, что вьются над раскаленным асфальтовым шоссе в жару. У многих в очереди были с собой свежие газеты — утренний выпуск «Нью-Йорк таймс». Мужик передо мной как раз читал первую полосу, и я заглянул ему через плечо. На ней красовался огромный портрет Волчека, а над ним — заголовок: «НАЧИНАЕТСЯ СУД НАД РУССКОЙ МАФИЕЙ». На вид — репортер из криминальной хроники. Скорее всего, внештатник. А может, из какого-нибудь совсем уж захудалого листка. Этот тип распознается за милю: дрянной костюмишко, дрянная стрижечка… Судя по никотиновым пятнам на пальцах, садит одну сигарету за другой. Я втянул голову в воротник и постарался не смотреть в его сторону.

Здание суда на Чеймберс-стрит представляло собой довольно древнее строение в викторианско-готическом стиле, изрядно накачанное стероидами, — аж девятнадцать этажей, по кото-

рым раскидан двадцать один зал для судебных заседаний.

Пока что насчитал перед собой двадцать человек.

Посетителей, поднявшихся по пятидесятифутовой ширины каменным ступенькам, встречал изрядно облупившийся портик с коринфскими колоннами, который последний раз приводили в порядок, наверное, где-то в шестидесятых, не позже. Народ все прибывал, пристраивался за мной в хвост очереди, которая под шарканье ног постепенно продвигалась наверх по ступенькам. От нечего делать еще раз оглядел знакомое здание снизу доверху. Аллегорические статуи и бюсты бывших президентов вкупе с основоположниками нью-йоркского правосудия, которыми были уставлены чуть ли не все свободные ниши и карнизы старого здания, изрядно потрепали и время, и климат.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, почувствовал, как по щеке стекает струйка пота. Рубашка прилипла к спине, отчего обжигающая чужеродная близость бомбы стала еще более ощутимой. Передо мной оставалось всего двенадцать человек.

Вероятность проникнуть в здание без досмотра

представлялась теперь еще более эфемерной, чем это мыслилось в лимузине. Каким-то непостижимым образом в правой руке у меня оказалась моя авторучка, хотя из кармана я ее вроде не вынимал. Мелкими шажками продвигаясь ко входу, я бездумно вертел ее в пальцах. Часто ловлю себя на том, что порой делаю это совершенно бессознательно — наверное, это как-то помогает сосредоточиться. Ручку подарила мне Эми.

Тогда это было нечто вроде прощального подарка. Когда я запил, то редко добирался до дома. Где-то за неделю до Дня отцов Кристина решила, что мне пора окончательно выметаться вон и что Эми имеет полное право знать, почему. Заявила, что отныне знать меня не знает и что Эми лучше не видеть того, как я все ниже скатываюсь по наклонной.

Дети — вообще народ сообразительный, а уж про Эми и говорить нечего. Когда она увидела нас обоих на пороге своей спальни, то сразу поняла, что мы принесли дурные вести. Ее длинные светлые волосы были завязаны на затылке — чтобы не падали на глаза, пока она сидит за компьютером. Как обычно, поверх пижамы на ней была ее любимая джинсовая курточка, которую она снимала, разве когда укладывалась спать или

отправлялась в школу, — курточка, на которой живого места не было из-за разнокалиберных значков со смайликами и эмблемами всяких рок-групп. Целый месяц дочка копила выдаваемые ей еженедельно карманные деньги; сама пошла в какую-то дешевую одежную лавку, сама купила, сама украсила по собственному вкусу. Я молча посмотрел на нее — впрочем, мы оба тогда на нее молча посмотрели. И прежде чем успели хоть что-то сказать, она оттолкнула от себя ноутбук и расплакалась. Можно было вообще ничего ей не сообщать. Эми сама все за милю учуяла. Потом задала обычные в таких случаях вопросы. Надолго я ухожу? Это насовсем? Разве нельзя просто все уладить? Ни на один вопрос ответа у меня не было. Я просто сидел рядом с ней на краешке кровати, обнимал за плечи, старался проявлять твердость. Но какая там, к чертям, твердость — стыдно было до жути. Случайно бросил взгляд на открытый монитор и увидел, что на нем открыт интернет-магазин, продающий подарочные авторучки с гравировкой. Заметил даже образец гравировки, которую она выбрала: «Лучшему в мире папе».

Авторучка замерла у меня в руке — та самая ручка, которую подарила мне Эми, когда я ушел

из дома. Взгляд опустился на единственное слово, выгравированное на цилиндрике из полированного алюминия: «Папе». Как вспомнишь, чего мне это тогда стоило… Сунул ручку в задний карман, еще раз оглядел очередь.

Еще десять человек передо мной.

Внимание отвлек какой-то механический вой и лязг наверху. Власти наконец сподобились санкционировать основательный косметический ремонт старого фасада, и теперь на уровне примерно четвертого этажа от крыши висела здоровенная люлька с работягами. Самих их с земли я особо не разглядел, но даже издалека было хорошо видно, как она раскачивается на ветру. Работяги обдирали грязь водяным бластером и восстанавливали порушенную лепнину. Вообще-то вездесущие застройщики давно подбивали клинья, чтобы здание снести, а правосудию подыскать обиталище подешевле. Но общественность вовремя спохватилась. Поскольку мэр — сам бывший юрист, составить соответствующую петицию за подписью влиятельных членов муниципального совета труда не составило. Здание суда останется стоять где было. Подшаманят снаружи, ну а внутри пусть себе и дальше разваливается. В Нью-Йорке та-

кое регулярно — за полированной облицовкой вполне может скрываться разлагающийся труп. Реальность же ситуации в том, что это здание на Чеймберс-стрит представляло собой в первую очередь историческую ценность — здесь впервые за всю историю Соединенных Штатов был открыт так называемый «ночной суд». Ночной суд — это, считай, самый важный суд во всем городе. В одном только Манхэттене по триста арестов в день — до пяти вечера по-любому все дела не разгрести, приходится до часу ночи заседать. А как прижал кризис, так и преступность сразу же полезла вверх, еще больше нагрузка выросла. Теперь уголовный суд работает в этом здании все двадцать четыре часа в сутки. Правосудие здесь не спит никогда, а двери здания вот уже два года не закрываются в принципе.

Чем ближе я продвигался к этим дверям, тем слышнее становились то и дело доносящиеся из-за них гудочки металлоискателя. К счастью, всех дежурных охранников я знал по имени. Один из секретов успеха в суде — личное знакомство с судебным персоналом. До самой распоследней мелкой сошки. Никогда не знаешь, когда тебе вдруг понадобится какая-нибудь мелкая услуга: то факс надо принять по-быстрому, то заблудшего

клиента отловить, то просто мелочь разменять для кофейного автомата — или же, как в моем случае, отловить меня самого при срочном звонке по таксофону в вестибюле…

Восемь человек впереди.

Заглянул через плечо репортера, чтобы получше рассмотреть охранников — чья сейчас смена. На дверях стояли Барри с Эдгаром. Секьюрити в большинстве нью-йоркских судов — фактически те же копы, за исключением разве что названия. И оружие у них, и форма. Они и арестовать вас вправе, и задержать, а если вы действительно представляете собой угрозу, то и завалить могут — с концами.

Барри стоял рядом с лентой багажного сканера, передавал лотки, собирал мобильники, ключи, бумажники, сумки, пропускал через рентген. Обладатели всего этого добра тем временем опасливо ступали в рамку металлоискателя в надежде, что та не зазвенит. Эдгар охлопывал посетителей вручную, выуживал у них забытые подозрительные предметы, заворачивал обратно — гонял посетителя через рамку до тех пор, пока не был окончательно удовлетворен.

Кроме этих двух охранников, я заметил третьего — молодого, белобрысого, незнакомого. А

за ним и еще одного — тот стоял футах в десяти за рамкой, выпятив основательное брюхо, растопырив локти и заткнув большие пальцы за кожаный ремень с болтающимся на нем пистолетом. В принципе, ничего необычного — при большом наплыве посетителей ко входу вполне могут подогнать еще одного-другого охранника, чисто для подстраховки. Этого мужика я тоже не узнал — усики, крошечные свиные глазки… Сам я его не сумел припомнить, но решил, что мы с ним наверняка когда-то встречались, поскольку он явно меня узнал. Барри, Эдгар и белобрысый юнец полностью сосредоточили свое внимание на публике в самом начале очереди. Толстяк же просто не сводил с меня глаз.

Шесть человек между мной и рамкой.

Я утер пот с бровей.

Если буду ждать своей очереди, придется пройти через ту же процедуру, что и остальным. Попробовал припомнить, как я обычно вел себя в таких случаях. Для меня войти в это здание всегда было что зубы почистить — проделывал это каждое утро, — но теперь любые воспоминания об этом обыденном деле словно корова языком слизала. Что я обычно делаю — пру, как на кассу? Или смирно стою в очереди, а мне просто

машут — проходи, мол, не задерживай? Переминаясь с ноги на ногу с трясущимися руками и переполненным сухой горечью ртом, я был близок к самой настоящей панике. Никак не мог представить ни единого реального примера того, как прохожу в эту чертову рамку, хоть убей.

Впереди всего четверо.

С каждым шажком бомба на спине становилась все больше и увесистей. Толстый охранник все так же таращился прямо на меня. Может, меня выдает тревожный «язык тела», который эти парни теперь обучены подмечать? После 11 сентября[3] любой, кто имеет хотя бы отдаленное отношение к защите правопорядка, прошел соответствующую подготовку и обязан сразу же распознавать потенциальную террористическую угрозу.

Подумал про Эми — как она, размазывая по пижамке слезы, умоляла меня остаться.

Ну уж нет. Больше я тебя не брошу. Мгновенно привел голову в порядок. Террористы не лезут

---

[3] notes: 3

Естественно, имеется в виду массовая террористическая атака на США 11 сентября 2001 г., известная еще как «9/11». После тех событий подход к вопросам общественной безопасности в стране был коренным образом пересмотрен, а правоохранительные и вообще силовые структуры, даже частные охранные фирмы, наделены значительными дополнительными полномочиями.

без очереди. Они терпеливо ждут. Их задача — максимально слиться с толпой, не привлекать внимания, не вызывать даже малейших подозрений. Так что лучше мне сейчас превратиться в наглого беспардонного хама, поднять как можно больше шума и суматохи — тогда толстяк решит, что я просто жлоб, а никакой не потенциальный бомбист.

Когда я решительно двинулся в обход очереди, публика возмущенно зароптала. «Вот гондон!» — пробурчал тот самый репортер. Сердце опять отчаянно запрыгало в груди — все быстрей и быстрей по мере того, как приближалась цель.

— Эй, Барри! Дай-ка я проскочу по-быстрому. Опаздываю, — бросил я, нахально проламываясь сквозь рамку, которая тут же протестующее загудела. Слишком уж громко. Наверное, она у всех так гудела, но меня этот звук просто реально оглушил. Быстро перевел взгляд на толстого. Тот не двигался. Просто смотрел. Эдгар, в свою очередь, старательно шмонал первого в очереди и ни на что другое не отвлекался.

— Эдди! — позвал Барри. Не спеша вылез из-за экрана сканера, обошел вокруг аппарата, лениво шаркая ногами. — На секундочку.

За рамкой я ускорил шаг и нацелился в вести-

бюль, но тут белобрысый юнец вдруг растопырил руки и преградил мне дорогу. Так и стоял крестом, пока я не просек, что от меня требуется принять ту же позу — для обыска. Руки я по-прежнему держал по швам.

Толстый сорвался с места. Я влип?

Может, подорвать отсюда? Растолкать всех на пути, пробиться сквозь толпу, метнуться к выходу? Но за спиной в самом дверном подъеме уже громоздился какой-то здоровенный бородатый тип, который полностью перекрыл не только дорогу, но и сам дневной свет. Проскочить нереально. Едва остановил готовые сорваться с места ноги, которые незамедлительно задрожали мелкой дрожью.

— Братан, я тоже тебя с удовольствием обниму, но только не сейчас, — сказал я.

— Просто поднимите руки, сэр. Мне нужно вас по-быстрому досмотреть.

— Послушай, сынок, я очень спешу. Мы с тобой вроде еще не встречались, но уж поверь — я тут практически живу вот уже почти десять лет. Я адвокат. Вон хоть у Барри спроси, — продолжал я, пытаясь проскользнуть мимо него.

Его открытая ладонь зависла над рукояткой торчащей из кобуры «беретты», а пальцы скрю-

чились, как у актера в старинном вестерне.

Я замер как вкопанный.

— Что-о?! Мне вытащить «пушку», торопыга?

Я ощутил, как публика позади отпрянула, наталкиваясь друг на друга. Ну вот, буквально через секунду все и кончится — спасибо тому ходячему шкафу и малолетнему упертому придурку, который слишком ревностно относится к своим служебным обязанностям.

— Хэнк, пропусти Эдди, — пришел мне на выручку Барри.

Хэнк опустил руки, закатил глаза и отступил в сторону. Толстый охранник остановился и сложил руки на груди поверх выпирающего живота.

Барри шутливо погрозил мне пальцем.

— Из-за этого твоего святого Христофора тебе когда-нибудь в жопу залезут с фонариком. Это тебе не прежние времена, Эдди!

«Как же я, мудак, ухитрился забыть-то?» — промелькнуло в голове. Судорожно расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, я выдернул из-за пазухи серебряную цепочку. Нервозно хихикнул, помахал перед Барри круглым медальоном из белого золота. Все верно — вон он, святой Христофор.

И все сразу стало на свои места. Память моментально вернулась.

Когда я только начинал в роли адвоката и впервые стал представлять клиентов в этом здании, металлодетектор гудел при каждом моем появлении. Барри, Эдгар, другие охранники могли по сто раз прогонять меня через рамку — только чтобы услышать все то же занудное дудение. И обыскивали, и чуть ли не догола раздевали… Интересовались, не вставлен ли мне куда-нибудь в ногу стальной штырь. А медальон висит у меня на шее еще с подросткового возраста. Стал уже практически частью тела, я его вообще не чувствую и не замечаю. В общем, все только недоуменно скребли в затылках. И как раз Барри-то в конце концов его и обнаружил. Как сейчас помню — среда была, утро, на улице морось. Рассказал о находке остальным охранникам. С тех пор не припомню случая, чтобы меня обыскивали при входе. Рамка гудит — я прохожу. А если дежурному не лень оторвать жопу от стула, чтобы меня обыскать, то просто вынимаю медальон из-за пазухи и верчу его над головой, по-прежнему не задерживаясь. Даже после 11 сентября ни разу не обыскали. Вдобавок к тому времени меня уже хорошо знали в лицо — все-таки каждый божий

день сюда ходил. Обыскивать меня — это все равно что обыскивать судей. Пару охранников даже довелось представлять в суде. Ко мне стали относиться чуть ли не как к предмету окружающей обстановки, как к закадычному дружку. Ну а у кого поднимется рука обшмонать друга? Может, это все адреналин, или спиртное, или удар по башке от того здоровенного русского, но по какой-то причине я напрочь забыл про медальон, пока Барри мне не напомнил.

— Не знаешь, что это за дяденька? — спросил Барри, обращаясь к Хэнку. — Это мистер Эдди Флинн. Я и забыл, что тебя сюда недавно перевели… Лучший адвокат во всем Нью-Йорке. Ты уж присматривай за ним, а он присмотрит за тобой. Если ему что-нибудь понадобится, сразу передавай мне.

Еще не остывший Хэнк недовольно кивнул и повернулся к следующему в очереди перед металлодетектором. Барри, судя по всему, регулярно накручивал ему яйца каждую смену — видать, находилось за что.

Я проследил, как толстый охранник поворачивается и уходит в сторону.

Черт, едва не влип. Буквально на волос был от того, чтобы влипнуть.

— Барри, мне реально пора, братан. Опаздываю. У меня этот мафиозный процесс, а я еще даже не знаю, в каком зале заседание.

— А я не знал, что ты эту сволочь защищать взялся… Но тебе пока везет: дело слушает судья Пайк, а она еще завтракает. Мы с Эдгаром только пятнадцать минут назад как впустили ее. Извиняй за мальца. Учишь его, учишь, а всё без толку. Тупой как пробка… Не подойдешь? Чисто на секундочку.

Оглядевшись по сторонам, никого из людей Волчека в очереди я не заметил. Но у него могли быть и другие глаза, которых я пока что не вычислил. От частящего пульса в ушах буквально звенело. Я понятия не имел, что еще вдруг понадобилось Барри. Не донесся ли до него какой слушок про Джека? И что, если русские заметят, как я перешептываюсь с Барри?

Придется все-таки переговорить с ним. Если откажусь, он может о чем-нибудь догадаться.

— Да запросто! — отозвался я с кружащейся головой.

Отошли в сторонку в угол вестибюля.

— Это насчет Терри, — сказал Барри. — Он, типа, хотел с тобой посоветоваться. Судится насчет руки, синдром у него какой-то профессиональ-

ный…

Я мысленно возблагодарил господа. Барри просто понадобилась халява для своего дружка. Классный мужик этот Барри. Человеку уже хорошо за шестьдесят, скоро пора на покой. Бывший коп, которому просто хочется спокойно сидеть за рентгеновским аппаратом, разглядывая содержимое чужих сумок, а после смены с чистой совестью пропустить стаканчик в баре.

— Терри захомутали Холлиндер с Данном, только бабки из него тянут. Я ему сразу говорил, чтоб к тебе обращался, но ему, видите ли, только профсоюзных законников подавай. Так и не смог его отговорить. Уже шесть тыщ с него стрясли, а доктору только одному показали. Не глянешь бумажки по делу?

Терри от меня — поцелуй и обед из семи блюд в «Ритце», не то что какое-то там несчастное дело о профессиональном заболевании! Считай, друг, что компенсация за приобретенный на работе туннельный синдром у тебя в кармане.

— Скажи ему, что я готов представлять его интересы бесплатно, — сказал я.

Барри осклабился.

— Скажу-скажу, не сомневайся! Прямо сейчас и звякну. Он сейчас наверху, на двенадцатом.

— Послушай, Барри, мне действительно пора бежать.

— Нет проблем. И спасибочки. Прямо сейчас ему и скажу. Не поверит ведь!

От восторгов Барри удалось отделаться даже быстрее, чем я надеялся, — через секунду он уже запрыгнул обратно в свое кресло за сканером.

Вошел-таки!

Развернувшись, я прислонился затылком к холодному мрамору. Еще раз ощутил хребтом прицепленную сзади бомбу, наблюдая за вливающимся в вестибюль потоком публики.

На моих часах — девять тридцать. До начала судебного заседания у нас остается еще где-то с полчаса.

Артурас прошел через рамку, подхватил с ленты рентгеновского сканера большой чемодан «Самсонайт». Поставил на пол, покатил за собой на колесиках.

— Отлично проделано, — сказал мне.

Я ничего не ответил. Протянув руку сбоку от меня, он нажал на кнопку вызова лифта.

Двери разъехались, и я нажал на кнопку четырнадцатого этажа, на котором находился зал номер шестнадцать. Артурас — на кнопку последнего этажа, девятнадцатого.

— Нам в шестнадцатый зал, это на четырнадцатом, — удивился я.

— У нас есть кабинетик на последнем. Вам нужно переодеться для суда, — ответил Артурас.

Двери закрылись, и я услышал, как в шахте тронулся с места противовес, когда лифт неторопливо пошел вверх.

Глава 5

Поднимаясь в лифте на последний этаж, я поневоле подумал про само здание суда, которое наложило столь серьезный отпечаток на всю мою жизнь. Судебные палаты на Чеймберс-стрит меня и сделали, и сломали до основания. Старики, предпочитающие не напрягаться и решать дело обычной сделкой между обвинением и защитой[4] в судах низшей инстанции, прозвали его «Отель Дракулы», хотя никто до сих пор не может понять, почему. Кто-то считает, что из-за какого-то бессменно прописавшегося здесь судьи, на удивление похожего на Белу Лугоши, который этого самого Дракулу в кино и изображал. Что же до меня, то последние полгода моей юридической практики это здание и впрямь служило мне чем-то вроде отеля. Мы с Джеком Холлораном

---

[4] notes: 4

Едва ли не 90 % уголовных дел в США вообще не доходят до суда — за счет внесудебных сделок. Адвокаты сторон договариваются между собой без участия судьи и присяжных — защита обязуется не оспаривать обвинение, а обвинители обещают предъявить обвинение по статье уголовного кодекса, предусматривающей менее строгое наказание, чем предполагалось первоначально. Очень распространенная практика — если, не дай бог, в США вы влипнете в какую-нибудь историю, то ваш адвокат первым делом предложит вам заключить подобную сделку, даже не интересуясь, что, собственно, произошло.

отчаянно пытались выбраться из лап нежданно грянувшего кризиса, пытаясь извлечь выгоду хотя бы из изрядно возросшего по этой причине уровня преступности. Для кое-кого из уголовных адвокатов это была реально золотая жила. В общем, из уголовных судов мы буквально не вылезали. Просидишь, бывало, весь день в нормальном суде, а к вечеру бац — еще кого-нибудь замели; с этим уже в ночной. Кого ночью прихватят, тем адвоката добыть сложно — большинство юридических фирм закрыты, а те, кто реально и с толком готов вписаться в защиту круглые сутки, все наперечет.

В общем, работали обычным порядком с девяти до пяти, а потом вахтенным методом — по понедельникам первая судебная сессия с пяти тридцати вечера до часу ночи была моя, а «собачья вахта» на Джеке. На следующий день менялись, и так далее. К тому моменту как я сворачивал дело — скажем, к трем, а то и к пяти утра, — двигать домой смысла уже не было, так что попросту заваливался спать прямо в совещательной комнате. А если туда ломился кто-то из прочих адвокатов, чтобы перетереть с клиентом или тоже малость соснуть, иногда кто-нибудь из клерков пускал меня в свободный кабинет своего

коллеги. Или же я выпивал стаканчик-другой с судьей Гарри Фордом — перед тем, как упасть на кушетку у него в приемной. Единственной положительной стороной «Отеля Дракулы» являлось то, что отель этот был бесплатный.

В ближайшие шесть месяцев старому больному зданию предстояла основательная диспансеризация. Деньги, якобы потраченные муниципалитетом на наружный марафет, ухнули неизвестно куда — так, по крайней мере, писали в газетах. Большинство верхних этажей так и остались пустовать — если не считать древних канцелярских шкафов и прочей мебели, место которой давно на свалке. Вспомогательный персонал в основном переселили в новые офисы через дорогу, что еще больше подстегнуло ажиотаж по поводу спасения исторического здания.

Двери лифта распахнулись на девятнадцатом — целом этаже заброшенных опустевших офисов. Бывал я и здесь, когда прикорнуть перед очередным слушанием было больше негде. Спать мне доводилось в стольких местах и на стольких этажах этого здания, что всех просто и не упомнишь. С удобствами здесь вообще напряженка, а основная проблема с профессиональной точки зрения — трудно найти укромный уголок,

чтобы приватно переговорить с клиентом. Вот в этих-то разбабаханных кабинетах и приходилось нередко общаться. Никто сюда больше не заглядывает — разве что встретишь иногда такого же собрата-адвоката, который шепчется с клиентом или сопит во всю носовую завертку на продранном диване.

Запахом тлена и плесени здесь, похоже, пропитаны уже сами стены. И никаких уборщиц эти стены тоже сто лет не видели. Мы свернули от лифта направо, прошли по широкому коридору, остановились у второй двери справа. Артурас вытащил из кармана пальто связку ключей, сунул один в замок. Замок был новехонький. Артурас явно планировал привести меня сюда далеко заранее. Открыл дверь, зашел, закатил за собой чемодан на колесиках. Закрыл и запер за мной дверь. Помещение некогда служило приемной при личном кабинете судьи. Стояли здесь письменный стол, усеянный непонятного происхождения пятнами, три кушетки, обитые на старинный манер зеленой кожей, и древний копировальный аппарат. Над столом — пожелтевшая репродукция «Моны Лизы» в рамке.

За кушетками я углядел дверь, ведущую в кабинет и прочие судейские палаты. Открыл ее и

прямо перед собой увидел длинное окно со сдвижной рамой. Слева вдоль всей стены протянулся книжный шкаф с какими-то старыми отчетами и давно потерявшими актуальность справочниками. На противоположной стене поверх ободранных обоев в цветочек висели два довольно унылых пейзажа, изображающих какие-то ирландские пустоши, — на мой вкус, так полная мазня. Под картинами мрачно громоздилась еще одна кушетка. Пахло старыми газетами, и на всех поверхностях лежал толстенный слой пыли.

Я прошел обратно в приемную, где Артурас уже вытаскивал из чемодана на колесиках одежный чехол. Открыл его, вручил мне пару аккуратно сложенных костюмных брюк. Пиджак повесил на стул. Потом вынул белую рубашку, все еще в магазинной упаковке, и новенький красный галстук.

Помимо пальто, на мне были легкие светлые брюки и темно-синий блейзер поверх голубой рубашки.

— Снимайте пальто, — распорядился Артурас.

Снял пальто — и в этот самый момент поддетый под него тонкий жакет выскользнул из рукавов, вытянутый оттуда массивной бомбой. Не успело еще его смертоносное содержимое коснуться

пола, как я ласточкой нырнул в открытую дверь кабинета, прикрыв голову руками.

Ничего.

Потом смех.

Чувствуя себя дурак дураком, я поднялся и вернулся в приемную. Жакет кучей лежал на полу, а Артурас лыбился во всю ширь.

— Не переживайте. Чтобы взорвать эту бомбу, нужен взрыватель. Можете хоть об стены ею колотить, ничего ей не сделается. Нужно включить вот это…

Он вытащил из своего коричневого пальто что-то маленькое и черное, похожее на брелок автомобильной сигнализации, — пластиковый овал размером со спичечный коробок. На нем две кнопки — одна зеленая, другая красная.

— Одна кнопка — взводить, другая — стартовая. Бомба не очень большая. Зона поражения четыре-пять футов, не больше, — сказал Артурас.

Он подхватил с пола жакет, разложил его на столе, разгладил.

Кто-то постучался. Артурас открыл дверь высокому белобрысому русскому, которого я видел в лимузине — тому, которого Волчек назвал Виктором. Здоровяк закрыл дверь и нацелился на меня недобрым взглядом.

Артурас вернулся к письменному столу, отстегнул липучку тонкого шелкового жакета и вытащил то устройство, которой я чувствовал спиной сквозь материю, — два тонких граненых бруска из чего-то вроде твердой замазки с приделанной сверху электронной платой. Тонкие проводки сбегали с платы куда-то еще. Это вполне могли быть потроха какого-нибудь старого пейджера или чего-то в этом духе. Другие провода соединяли ее с белесой пластиковой взрывчаткой. Вся эта штуковина была размером не больше карманной записной книжки. Довольно тонкая и, несмотря на масштаб бедствий, который была способна натворить, весила совсем немного. Артурас снял со стула повешенный туда пиджак. Вывернул наизнанку на столе, принялся ощупывать швы. Прекрасно знал, что на суде мне надо быть при костюме. Этот, похоже, был сшит на заказ — чтобы упрятанное на спине пиджака устройство не бросалось в глаза. Укрепив бомбу, он залепил застежку, прикинул пиджак на руке. В жизни не сказал бы, что на спине у него что-то спрятано. Пиджак как пиджак.

— Переодевайтесь, — приказал Артурас.

Подхватив брюки, рубашку, галстук и пальто, я двинулся к двери бывшего кабинета.

— Не возражаете? — спросил.

Он покачал головой.

Брюки подошли просто идеально. Белая рубашка оказалась чуток свободной в горле, но и моя голубая, которая на мне, вполне сойдет. Оставил все прочие шмотки вместе с галстуком в кабинете, вернулся в приемную примерить пиджак. Артурас услужливо придержал его, словно продавец в магазине. Развернувшись, я отвел руки назад, он продел их в рукава и водрузил пиджак мне на плечи. Вроде тоже малость великоват, как и рубашка. Артурас обошел меня кругом, проверяя, как сидит, кое-где разгладил.

— Вполне сойдет. А что, рубашка совсем уж велика? — спросил он.

— Угу. Шея в вороте болтается.

Он кивнул.

Без лишних слов я удалился в кабинет и задрал воротник, чтобы завязать галстук. За русскими приглядывал периферийным зрением. Артурас закрывал чемодан на колесиках, который по-прежнему выглядел так, будто набит до отказа. Виктор наблюдал за Артурасом. Прежде чем они успели что-нибудь заметить, я подхватил свое пальто и вытащил из него лопатник, который подрезал у громилы в лимузине. Если б пиджак

оказался на размер-другой поменьше, спрятать добычу во внутреннем кармане моего нового костюма было бы затруднительно. Но поскольку он широковат, никто ничего не просечет. Заглядывать в краденый бумажник было пока рискованно; лучше подождать. Скорее всего, ничего ценного там не найдется. Но я был дьявольски горд, что стырил его. Уже сам факт, что мне удалось щипнуть лопатник совершенно незаметно, оставлял надежду на то, что и прочие навыки, которыми я обзавелся много лет назад, меня до конца не оставили. Сжимая и разжимая кулаки и вертя плечами, я попробовал успокоиться и трезво оценить ситуацию.

В углу книжного шкафа было приделано грязное зеркало. Кое-как вытер с него пыль, убедился, что галстук завязан ровно.

Против правды не попрешь: стоит мне нацепить костюм и посмотреться в зеркало, как адвоката я там не вижу. Я вижу «делового».

Такого же, как мой отец.

Незаметно подрезать лопатник — не такая уж легкая задача. Щипачу надо долго учиться и практиковаться, чтобы достичь должного совершенства. Нужны быстрые, легкие руки, крепкие нервы, а также умение правильно обработать

объект — собственно пассажира, лоха, фраера, как их только не называют. Терпилу, короче. Сам я учился у одного из лучших мастеров в этом деле, настоящего артиста карманной гребли — своего папани, Пэта Флинна. Кстати, многие щипачи почему-то не любят, когда их называют щипачами, предпочитая рекомендоваться карманниками, а то и бери выше — марвихерами. Стоит мне вспомнить отца, так всякий раз будто наяву вижу, как он сидит в своем кресле перед теликом — глаза прикрыты, дыхание замедленное, будто спит или вообще умер, — а у самого по пальцам монетка бегает быстро-быстро, будто капелька ртути на вилке. Для крупного мужика руки у него были на удивление маленькие и изящные, и каждый палец будто жил собственной жизнью — ну прямо группа крошечных танцоров, где каждый быстро, ловко и чисто выкаблучивает на свой собственный лад. К большому неудовольствию матушки, отец содержал на задах бара Макгонагалла в Бруклине подпольный тотализатор. На родине, в Дублине, он был профессиональным мошенником, каталой и контрабандистом — пока не скопил достаточно денег на пароходный билет в Америку. Едва сойдя на берег, отправился в ближайшую закусочную и заказал первый в своей

жизни гамбургер. Правда, девятнадцатилетняя официантка чаевых от него так и не дождалась — гналась за ним аж четыре квартала, пока сумела настичь. Обаянием его господь не обидел — получила она свои чаевые сторицей, и почти сразу они стали встречаться. Той официанткой была итальянская девчонка — американка во втором поколении, по имени Изабелла. Через год мои родители, Пэт и Изабелла, уже поженились, хотя и втайне от ее родителей.

После школы я обычно сразу шел в тот бар — сидел, потягивал газировку, наблюдал, как отец управляется со своей командой. Под ним работали человек сорок «бегунов», которые собирали в округе ставки на что угодно — собачьи бега, скачки, бокс, футбол… Когда он заканчивал с бегунами, мы могли сгонять с ним партийку-другую в пул. Потом он водружал меня на высокий табурет перед стойкой, откладывал в сторону свою потрепанную красную книгу и показывал мне, как вертеть и неожиданно прятать в руке игральную карту, маленький десятицентовик или что-нибудь покрупнее вроде серебряного доллара или даже наручных часов; как подрезать у лоха лопатник, глядя ему прямо в глаза; как сложить десятидолларовую бумажку таким

образом, чтобы она выглядела как сотенная; как и когда маякнуть помощнику-тырщику, чтоб отвлек внимание терпилы; как спрятать на себе деньги, чтоб их в жизни никто не нашел, и многое-многое другое. До сих пор помню вкус «Доктора Пеппера», цитрусовый аромат лосьона после бритья, помню, какой гладкой была стойка из полированного розового дерева, помню, как отцовские руки на секунду ныряли под нее и творили свое непостижимое волшебство.

Поначалу он отказывался меня учить. Но даже тогда, в восьмилетнем возрасте, я мог быть очень убедителен и в конце концов попросту достал его. Учить меня он согласился на двух условиях. Первое — держать все наши уроки в строгом секрете, чтобы мама ни в коем случае ничего не вызнала. Второе — решившись меня учить, он прекрасно сознает, что ничто не удержит меня от искушения опробовать свои новые знания на улице, так что на случай, если я вдруг попадусь, он должен быть уверен, что я сумею достойно за себя постоять. Преподав мне несколько уроков самообороны прямо в баре, отец в конце концов отвел меня в спортзал и внимательно следил, чтобы я не отлынивал от занятий боксом. Мать пребывала в блаженном неведении. Работала она

допоздна — обслуживала столики в ресторане в десяти кварталах от нас. Это был наш личный секрет — мой и папин. Когда мама возвращалась домой со смены, у папани всегда находился для нее какой-нибудь отвлекающий сюрприз. Потом она заваливалась на диван с очередным романом (чем дрянней, тем лучше) и потихоньку отходила ко сну.

К тому времени как мне стукнуло четырнадцать, я успел задать перцу чуть ли не всем известным любителям мордобоя на районе, включая парней года на два-три постарше меня. Я был быстр, обладал крепким ударом, да и сам отлично держал удар. Но папаню и это не совсем устраивало, так что после очередных посиделок в баре мы как-то сели в метро до Лексингтон-авеню, где в зале Мики Хоули на 54-й улице мне представился шанс сойтись на кулачки с лучшими из малолетних бойцов, которых только могла выставить Адская Кухня[5]. Там-то я и познакомился с ребятами, впоследствии составившими

[5] notes: 5

Адская Кухня (*англ.* Hell's Kitchen) — район нью-йоркского Манхэттена, изначально запредельно бандитский, отсюда и название. Хозяйничали в нем в основном ирландские банды. В наши дни, с 1980 гг., достаточно благополучный, местами даже богемный. Хотя в 1960-х власти решили официально переименовать его в Клинтон, все по-прежнему именуют его Адской Кухней.

костяк моей собственной команды. А один из них, приземистый коротышка с совершенно убойным правым кроссом, Джимми Феллини, почти сразу стал моим лучшим корешем. В качестве боксера-любителя Джимми подавал очень большие надежды, и я не пропускал тогда ни одного его боя. Тогда мы были считай что братья. Но потом Джимми пошел другой дорогой и шанс дорасти до профессионала упустил.

Чисто по семейным обстоятельствам.

Через два года после того, как я стал заниматься у Мики, папа всерьез заболел. Семья у нас была небедная, медицинскую страховку за всех оплачивал отец — всегда вовремя, ровно каждый месяц, тик в тик. Редкую форму рака, которая на него свалилась, полис не покрывал. Папа нанял адвоката — самого дешевого, какого только смог найти. А страховая компания наняла целую юридическую фирму, и дело отправилось в суд. Сам видел, как папиного адвоката там буквально распяли. В том не было его вины — противники его просто весом задавили. Короче, дело мы проиграли, и даже с теми деньгами, которыми помогли наши друзья и родители Джимми, больничные счета было никак не потянуть. Без должного ухода и лечения отец едва протянул еще всего лишь

шесть месяцев.

Меня не было с ним, когда он умер. Одиннадцать часов я просидел с ним в больничной палате, держа его за тоненькую, как у скелета, руку, а потом встал и вышел купить водички в автомате. Когда вернулся, то увидел, что мама поджидает меня в дверях. Я сразу понял, что отец умер. Она тогда ничего не сказала. Просто протянула мне его медальон со святым Христофором и заплакала.

После этого остались только мы с мамой, и она приглядывала за мной, как только могла. Даже разрешила продолжить занятия боксом — при условии, что буду учиться на круглые пятерки. Я сдержал обещание — закончил школу в числе первых отличников. Следил, чтобы на столе ее всегда ждала тарелка запеканки из макарон с сыром или хотя бы яичница, когда она вернется домой с работы. Мама практически к ним не притрагивалась, но никогда не забывала меня поблагодарить. Повар из меня никакой, и она это прекрасно знала — благодарила за то, что остаюсь мужчиной в доме и что сохраняю хотя бы видимость того, что папа по-прежнему жив. Читать свои бесконечные романы перестала. Взамен могла немного посидеть со мной перед

телевизором перед тем, как отправиться спать.

Закончив школу, я почти год принимал участие в подпольных боях без правил и успел прокрутить на стороне несколько сомнительных с точки зрения закона делишек. До окончания года у меня уже хватало денег, чтобы завести собственное дело. В восемнадцать я вышел на улицу с одной-единственной целью: идеально, красиво и профессионально ободрать как липку тех, кто фактически убил моего отца, — страховые компании и богатеньких адвокатов, состоявших у них на службе.

Даже с моей нынешней точки зрения, особых шансов у них не было.

— Господин адвокат, — донесся из приемной голос Артураса. — Время! Пора выдвигаться. Заседание вот-вот начнется.

Глава 6

Оставив пальто и штаны в бывшем кабинете судьи и щеголяя в новом костюме, я догнал русских в дверях. Артурас катил за собой чемодан.

— Что там? — полюбопытствовал я.

— Документы Волчека — все бумажки, которые Джек подготовил к слушанию.

— А есть список свидетелей обвинения?

— Есть, и Бенни там в самом конце.

Так я и думал. Лучших свидетелей обвинение всегда приберегает на сладкое.

Спустились на лифте на четырнадцатый этаж, к залу номер шестнадцать. Лифты открывались в просторный холл. Белые каменные стены, четыре большие мемориальные доски с именами юристов и судей, которые воевали и погибли во Вторую мировую. По углам — туалеты и разномастные торговые автоматы. Слева от лифтов на следующий этаж поднималась длинная мраморная лестница.

Прямо перед нами были двойные дубовые двери, сейчас широко распахнутые, которые вели в забитый до отказа зал судебных заседаний.

Зал номер шестнадцать — самый большой во

всем здании. За четырьмя огромными арочными окнами по его левой стороне открывался знакомый городской силуэт. Мраморный пол заливали лучи бледного утреннего солнышка. Публика теснилась на свежесрубленных сосновых скамейках. Двое судей как-то пригрозили, что ноги их в этом зале не будет, пока не поставят новые скамьи для публики. Старые были как в театре, откидные и с обивкой, в которой прочно прописались блохи — а что удивляться, такого уж рода публика в уголовные суды ходит. Когда блохи стали перекидываться и на судей, замена зрительских сидений сразу же попала в число первоочередных реставрационных мероприятий.

Скамейки стояли рядов в двадцать пять, с широким проходом посередине. От столов для участников процесса публику отгораживали перила. Стол обвинителя располагался слева, защитника — справа, оба лицом к судье. Обвинительский был пока пуст. Волчеку и его окружению отводились несколько рядов позади стола защиты. Направляясь к нему, в перешептывании публики я несколько раз уловил и собственное имя. Кожаное кресло за длинной внушительного вида стойкой из красного дерева в глубине зала все еще ожидало появления судьи. Футах в пят-

надцати перед столом обвинителя располагалась свидетельская трибуна — здоровенный ящик из цельного дуба. К закрывающей ее калиточке поднималось крылечко из трех ступенек, внутри стоял железный стул с прямой спинкой и протертой до дыр обивкой. На прямо противоположной стороне от свидетельской трибуны, футах в десяти правее стола защиты — двенадцать пока что пустых стульев за деревянным ограждением. Ложа для присяжных смотрела своим фасадом на свидетельскую трибуну и на окна за ней. Пока я усаживался, в голову мне пришла одна мысль.

— Отбор присяжных закончен? — спросил я у Артураса.

— Да, но…

Прежде чем Артурас успел ответить, в зал номер шестнадцать торжественно вступила Мириам Салливан, и. о. окружного прокурора Нью-Йорка, в окружении своей свиты — всяких заместителей, помощников и секретарей, за которыми споро поспешали еще три каких-то молодца в темных костюмах. Судя по манере двигаться и виду, отставшие от процессии молодцы были из ФБР.

О деле я знал исключительно из газет, не больше любого рядового нью-йоркца. Человека,

подозреваемого в связях с итальянской мафией, нашли застреленным в собственной квартире два года назад. На месте преступления арестовали некую неназванную личность — это теперь-то мне стало известно, что ею был Малютка-Бенни. Его взяли с поличным — вот вам труп, вот орудие убийства. Волчек рассказал мне далеко не все, но я предположил, что ФБР уже несколько лет упорно следило за Волчеком и что с Бенни просто полюбовно договорились. Им важнее было добраться до того, кто реально дергает за ниточки, до настоящего босса. После ареста Волчека «Таймс» сообщила, что судья установил залог в размере пяти миллионов долларов. Волчек уплатил эту сумму наличными уже буквально через полчаса.

Преступление не затрагивало границ штата и не было, насколько я мог судить, связано с наркоторговлей, так что его юрисдикция ограничилась департаментом полиции Нью-Йорка и офисом окружного прокурора. Но основным свидетелем располагали федералы, так что и они могли приглядывать за процессом. Имелось в этом деле что-то необычное — что-то, что не давало мне покоя с того самого момента, как я прочитал о нем в газетах. Обвинение было только одно — в

убийстве. Волчека не пытались привлечь ни за наркотики, ни за рэкет, ни за какие-то прочие грехи, какие обычно фигурируют в делах об организованной преступности. Одно-единственное убийство, хотя и первой степени.

Помощники обвинительницы уставили стол картонными коробками, разбухшими от разнокалиберных папок и скоросшивателей, сходили за дополнительными стульями, возвели из бумаг на столе натуральную крепость. Психологическая атака, рассчитанная на присяжных: «Только гляньте, сколько материала у нас на этого парня». Как-никак, государство — обвинителей у нас пруд пруди, могут хоть месяцами готовить все так, чтобы комар носа не подточил, да и бюджет у них практически неограниченный.

Вид у Мириам был спокойный и профессиональный — эдакий бывалый судебный крючкотвор до мозга костей. На ней был черный деловой костюм с юбкой. Красавицей ее особо не назовешь — по общему мнению, мордашка у нее довольно простоватая. Но стоило ей вступить под судебные своды, как образ простушки кардинально менялся, особенно глаза — взгляд становился пронзительным и обретал чуть ли не гипнотические свойства. Добавим сюда стройные ножки

и аппетитную фигурку — короче, присяжным было на чем остановить свои взоры. Не то чтобы Мириам особо нуждалась в подобных дополнительных стимулах — даже если б она выглядела как Денни де Вито, это ровным счетом ничего не поменяло бы. Салливан — просто юрист от бога, и этим все сказано. Имя себе она сделала на борьбе с проституцией, после чего переключилась на преступления на сексуальной почве. За те пять лет, что Мириам клеймила в суде всяких насильников и совратителей, процент обвинительных приговоров по таким делам почти удвоился. Теперь вот еще и убийства подтянула, а на следующих выборах ее, пока лишь «исполняющую обязанности», уже прочили в настоящие окружные прокуроры.

Артурас закатил чемодан под стол защиты, поставил на попа и уселся на скамью у меня за спиной. От входа донеслись чьи-то размеренные тяжелые шаги, по толпе в зале пробежал ропот — даже не пришлось оборачиваться, чтобы понять: в зал внушительно вступил Волчек. Я открыл чемодан, поглядел на семь толстенных папок — шесть, а то и семь тысяч страниц в общем и целом.

Гомон в зале стал громче. Обернувшись, я

увидел, как Волчек шагает по центральному проходу — в полном одиночестве. И тут из публики вдруг поднялся какой-то мужик, по виду латинос — в красно-синей бандане, белой рубахе и куртейке от тренировочного костюма. Вся физиономия — в татуировках, от горла чуть ли не до самых глаз. Но привлек мое внимание не сам факт, что он встал — важнее было то, что он при этом принялся делать. А принялся он медленно и ритмично хлопать в ладоши. Потом встал какой-то азиат, последовал его примеру — тоже захлопал, будто пытаясь привлечь к себе внимание. Третьим поднялся тоже латиноамериканец — в красно-коричневой футболке и с черными замысловатыми татуировками на голых руках и шее. Захлопали в такт.

Проходя мимо, Волчек вежливо кивнул всем троим и уселся рядом со мной за столом защиты.

— Кореша? — поинтересовался я.

— Нет. Не кореша. Враги. Пришли поглазеть, как меня свалят.

Медленная размеренная овация в честь Волчека понемногу стихла.

— А что за враги, если точнее? — спросил я.

— Пуэрториканцы, мексиканцы… Представляют тут, в Нью-Йорке, южноамериканские

картели. А тот, второй, — якудза. Приперлись для того, чтобы показать: если меня посадят, то они и до меня доберутся, и до моего бизнеса… Их ждет небольшой сюрприз, — добавил он после паузы.

Глава 7

Из-за двери судейских палат появилась Джин Денвер, одна из секретарей. Подмигнула мне. Джин мне всегда нравилась — очень пикантная дамочка, глазками так и стреляет, да и умница вдобавок. Она катила перед собой тяжелую тележку. В тележке — пять скоросшивателей, буквально лопающихся от бумаг. Материалы по делу для судьи. Вот-вот и сама судья Пайк должна была предстать перед публикой. Это означало, что вскоре мне предстояло впервые взглянуть и на присяжных. Вы можете быть самым раскрутейшим адвокатом на свете, настоящим мастером по перекрестным допросам, но если вы не умеете разговаривать с присяжными, то вас ждет полный облом. А прежде чем обращаться к ним, для начала их надо понять. Большинство присяжных совсем не хотят быть присяжными. А того жалкого меньшинства, что само стремится попасть в жюри, следует избегать всеми возможными способами.

Я чувствовал, как мускулы шеи сжимаются все крепче и крепче — словно бомба сама собой взбиралась вверх по спине, чтобы задушить меня.

Мириам подошла к моему столу, встала рядом. Голову у меня будто сорвало куда-то в открытый космос со скоростью многих сотен миль в час. От улыбки Мириам бросило в жар. Она держала какую-то рукописную записку на желтенькой квадратной бумажке для заметок. Помахала ею у меня перед носом, потом размашисто прилепила к столу.

«Твоему клиенту каюк. Я отзываю его залог в 17.00».

Во рту пересохло. Для Эми эта записка была смертным приговором. Если Мириам не врет и у нее действительно получится отозвать залог, мы с Эми будем трупами еще до того, как на Волчека успеют нацепить браслеты. Ощутил, как каблуки самопроизвольно отбивают дробь по мраморному полу. Ругнулся про себя, мысленно приказал себе успокоиться и хорошенько все обдумать.

Мириам обычно не переходит на личности. Как и большинство хороших юристов, предпочитает отстраненный подход к делу. Когда мы с ней впервые схлестнулись в суде, я ее здорово недооценил. Она меня тогда буквально по полу размазала. Мой клиент попался на продаже метадона прямо у школы. Ну какие тут сделки с

правосудием? Пришлось по-серьезке бороться, но этот поганец все равно получил по-полной. С присяжными Мириам работала безупречно — оставалась неизменно собранной, сдержанной и беспристрастной, эмоций не подпускала, отчего у присяжных создавалось впечатление, что она просто приводит сухие факты, а не пытается выжать у них слезу. Где-то через месяц после того суда кто-то сказал мне, что у Мириам сын ходит в ту же школу и что мой клиент тоже пытался втюхать ему наркоту. Мне она про это и словом не обмолвилась, тихо-спокойно доплыла на всех парусах до победного финиша, не поднимая шума и пыли. И хотя вердикт был совершенно справедливый — прийти к нему присяжным особого труда все равно не составило бы, — тот способ, которым она добилась победы, немало меня впечатлил.

Записка же, которую она мне подсунула, явно ставила целью выбить защиту из колеи. Это означало, что у Мириам у самой пошаливают нервишки. Убийство далеко не рядовое. Сегодня решается вопрос всей ее дальнейшей карьеры. Если она каким-то чудом вдруг упустит столь редкостный шанс — хотя дело-то, в общем, не из сложных, — то прости-прощай все планы на

будущее. Зачастую обвинители испытывают еще большее давление в таких делах, поскольку от них ждут лишь победы, и если она отстоит свой вердикт, пока федералы держат под ручки ее главного свидетеля, вести о ее победе быстро разнесутся в нужных кругах. Я передал записку Волчеку. Во-первых, для того, чтобы он не заподозрил, будто записками я пытаюсь сообщить обвинению о бомбе, а во-вторых, мне надо было его чем-то испугать. Люди, когда напуганы, легче идут на компромиссы. Если б существовали такие вещи, как воровская библия, то на самой первой странице там было бы черным по белому написано ровно то же самое, что и в руководстве для судебных адвокатов: «Дай людям то, что они хотят».

— Думаю, что она начнет прямо с вопроса о залоге, — сказал я.

Артурас перегнулся через барьер, чтобы лучше нас слышать. Я увидел, как Волчек заметно побледнел и повернулся к Артурасу.

— Такого в твоих планах не было, — сказал он.

— На данный момент у нее ничего не выйдет. Адвокаты предупреждали, что она наверняка попытается, но четко заверили, что она обломается, — отозвался тот.

— А тебе не кажется, что подобный оптимизм мог был вызван просто желанием срубить хороший аванс? — встрял я. Посмотрел, как напрягается лицо Артураса, как он щурит глаза.

— Она, должно быть, считает, что первый свидетель у нее просто убойный. Грамотный прокурор всегда начинает слушание с сильного свидетеля. А Мириам Салливан — действительно грамотный прокурор. Решила, наверное, что показаний первого же свидетеля хватит, чтобы надеть на вас наручники.

Волчек оскалил зубы, рявкнул:

— Артурас, ты же мне втирал, будто все продумал! У тебя было целых два года, чтобы все подготовить! А теперь то Джек не желает вылезать из лимузина с бомбой, не говоря уже о проходе через охрану, то еще вот это…

Он даже потянулся к физиономии Артураса, словно собираясь заграбастать ее скрюченными пальцами, но вовремя опомнился.

— Если ты меня опять подставишь…

Покачал головой.

Артурас машинально погладил шрам на щеке. Заметил, что я за ним наблюдаю, отдернул руку от лица. Вблизи было заметно, что шрам даже еще окончательно не зажил — из красной ранки

наверху, под самым глазом, сочилась полупрозрачная сукровица. Ребятки вроде Артураса по больницам да травмпунктам не ходят, и тот, кто накладывал ему швы, был явно в этом деле не мастак. Дворовые доктора и сами себе-то не могут шприц всадить без того, чтобы заразу не занести, — какие там швы, какая гигиена? Рубец явно келоидный[6], с нагноением, и, скорее всего, таким и останется — поврежденная ткань порой так до конца и не заживает.

Прикинул, откуда вообще этот шрам взялся. Не исключено, что после наказания от Волчека за какой-то прошлый косяк. Артурас излил свою ярость на меня.

— Не вздумайте позволить ей отозвать залог! Хоть наизнанку вывернитесь! На кону жизнь вашей дочери! Один телефонный звонок — и ей перережут ее хрупкое горлышко!

От злости у меня даже предательская дрожь в голосе пропала.

— Спокойно, — сказал я. — Я этого не допущу. Чтобы в первый же день отозвать залог, ей потре-

---

[6] notes: 6

Как адвокат Эдди наверняка много раз сталкивался с результатами медэкспертиз, так что медицинские термины ему не в диковинку. Келоидный рубец — опухолевидное разрастание соединительной ткани кожи, действительно уродливая штука.

буется что-то совсем уж невероятное. Но что бы у нее там ни было, я с этим разберусь.

Услышал, как открывается дверь за судейской трибуной. Вот-вот начнется слушание дела, о котором я не имею ни малейшего представления. Что бы там Мириам ни прятала в рукаве, узнаю я об этом только из ее вступительного обращения к присяжным. Поправил галстук, разгладил пиджак, постоянно ощущая давление приделанной к спине бомбы.

— Тишина в зале! Всем встать. Судья — достопочтенная Габриэла Пайк, слушается дело регистрационный номер пятьсот пятьдесят два сто девяносто два «Народ против Олека Волчека» по одному пункту обвинения: убийство первой степени.

Не успел еще судебный пристав привычно отбарабанить предписанную формулу, как в зал рысцой вбежала миниатюрная невзрачная брюнетка в черной мантии, которая тут же плюхнулась в кожаное кресло за трибуной — кое-кто из публики даже жопу не успел оторвать от скамейки. Судья Пайк вообще весьма скоростная дамочка. Быстро говорит, быстро ходит, быстро ест. Начинала она как адвокат защиты, и защитник из нее был дай бог каждому — носилась туда-сюда и при

этом соображала с нечеловеческой быстротой. В перекрестном допросе ей не было равных. Тактику, если надо, меняла мгновенно, с ходу — просто не уследишь. Вскоре и нужные люди обратили внимание на эти ее таланты. Амбиций дамочке тоже не занимать, и в самом скором времени Габриэле не составило труда стать самой молодой представительницей судейского корпуса за всю историю штата. А поскольку сама она — бывший адвокат, защитникам под ее председательством достается по первое число.

— С дозволения ее чести прошу всех сесть! — выкрикнул пристав, и все принялись усаживаться обратно.

Судья Пайк посмотрела прямо на меня.

— Мистер Флинн, по-моему, это дело вел ваш коллега, — заметила она. В речи ее проскальзывал едва заметный бруклинский говорок, но из-за пулеметной быстроты, с которой она обычно излагала свои мысли, это не особо резало слух.

В голове стала нарастать пульсирующая боль.

— На время данного слушания я его просто замещаю — надеюсь, у вашей чести нет на этот счет возражений? — ответил я скорее с надеждой, чем с чем-нибудь еще. И без того знал, что никаких возражений не последует, что она и подтвердила.

Смена защитника — вполне обыденное дело. Клиенты-уголовники порой меняют адвокатов как перчатки, некоторые ухитряются по пять-шесть защитников за процесс переменить — то, мол, советы им не те дают, то больно уж много денег просят…

— А что у нас с присяжными? — поинтересовалась судья Пайк, ни к кому конкретно не обращаясь. Однако пристав, уловив намек, удалился в боковую дверь.

Господи, хоть бы все это еще затянулось, хоть какая-то надежда! Судья будет внимательно наблюдать за присяжными: если на открытии процесса обвинение выставит действительно сильного свидетеля и будет понятно, что присяжные настроены против Волчека, тогда у судьи Пайк будет куда меньше повода для колебаний, когда обвинение влезет с требованием отозвать залог и заключить обвиняемого под стражу. Голова заболела еще сильней, меня даже замутило. Но выбора нету — придется иметь дело с тем, что есть. Джек все-таки был хорошим адвокатом — наверняка и присяжных подобрал правильных.

Вошли присяжные, расселись по местам — шестеро в первом ряду и еще шестеро в заднем, чуть повыше.

М-да, лично я таких вряд ли одобрил бы…

Первый был белый, чуть за сорок, в клетчатой рубашке и очочках. Типичный гнилой интеллигент, хотя интеллектом явно не блещет — этот, пожалуй, хуже всех. Остальные тоже отнюдь не пара волчековской тусовке: пятеро чернокожих теток лет пятидесяти-шестидесяти в платьишках в цветочек — нормальные, в принципе, тетки, но в симпатиях к русской мафии их заподозришь едва ли. Потом еще четыре женщины от тридцати до сорока — две белые, одна латиноамериканка, одна китаянка. Потом чернокожий малый в белой рубашке с красным галстуком-бабочкой. Бабочка для любого адвоката — сигнал тревоги: нету более упертых зануд, чем люди в «кисках». Последний парень тоже латинос — рубашка отутюжена так, что на рукавах аж острые стрелки, как на брюках. Чистенький, представительный, и что-то в нем говорило о том, что и умом не обижен. Тоже вариант не ах какой — но, скорее всего, из всей этой разнокалиберной шатии наиболее подходящий. Этот, по крайней мере, будет слушать. Жизненно важно, чтобы среди присяжных нашелся тот, кто готов слушать. Лицо такого человека для тебя — что барометр. Пока он словно что-то в уме высчитывает, время от времени улы-

бается или кивает твоим словам, — шансы у тебя еще есть. Те из присяжных, что «болото», обычно к таким прислушиваются, идут у них на поводу.

— Миз[7] Салливан, ваше вступительное слово, прошу, — пригласила судья.

В зале воцарилась выжидательная тишина. Артурас залез в чемодан, вытащил для меня большой линованный блокнот и карандаш — мало ли, придется что-нибудь записать. Все продумал… Я открыл блокнот, оттолкнул карандаш, вытащил свою авторучку «Папе», приготовился.

Первыми я обычно записываю номер дела, а также имена судьи и обвинителя. Но, заглянув в блокнот, обнаружил, что записал всего лишь одно имя — «Эми». До прошлого года только и ждал, когда наступит воскресенье. Это был наш день. И не важно, какое дело я в тот момент вел, насколько был нагружен работой — в воскресенье я пек на завтрак оладьи, и мы с Эми на весь день отправлялись в Проспект-парк. Наше было время. Она училась кататься на велике по тропинкам, ведущим к старому арочному мосту, и радостно предвкушала, как дома расскажет

---

[7] notes: 7

Миз — госпожа…; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины — как замужней, так и незамужней.

об этом Кристине; засыпала прямо у меня на плечах, когда мы возвращались из зоопарка, пуская слюнки прямо мне на рубашку; лакомилась вместе со мной мороженым в конических вафельных стаканчиках возле озера, где мы глазели на пролетающих над лодочной пристанью гусей и перемывали косточки как ее лучшим подружкам, так и тем, с которыми ей так не удалось достичь взаимопонимания — из-за того, что она немного не такая, как все. В отличие от большинства сверстниц и сверстников, Эми никогда не западала на подростковые бойз-бэнды или хип-хоп, даже телик особо не смотрела. Любила читать, слушать старые команды вроде «Роллинг стоунз» или «Битлз». Если не было дождя, мы до отказа затаривались попкорном и шли смотреть какое-нибудь старое кино. Воскресенья я всегда ждал как манны небесной. Но теперь это уже не наш день — после того, как мы разошлись, Кристина решила, что в воскресенье ей лучше готовится к школе, так что пришлось переключиться на субботу. И каждую субботу, уже под вечер, я забрасывал ее домой, целовал на прощание и катил обратно в свою пустую квартиру…

Оглядел зал — все ждали вступительного слова обвинителя.

Мириам оперлась локтями о стол, мягким движением сложила руки под подбородком. Я уже видел, как она это проделывает. Все взгляды были устремлены на нее. Так она вовлекает вас в свой собственный мир — надежное, заслуживающее доверия лицо со сложенными под ними хрупкими изящными ручками. Потом Мириам встала, подошла к присяжным и принялась весьма уверенно и профессионально разглядывать их одного за другим, глядя глаза в глаза — примерно таким взглядом эксперт-криминалист изучает отпечатки пальцев или следы от нарезов на пуле. Это ее способ законтачить с ними — с каждым из них, — и контакт явно был достигнут. Если б она прямо сейчас объявила, что Волчек виновен, его прямо тут же на месте и осудили бы — в ту же секунду.

— Дамы и господа присяжные, меня зовут Мириам Салливан. Я отвечаю за обвинение мистера Волчека в убийстве. Совсем скоро я предоставлю вам все доказательства — вещественные улики и показания свидетелей. Все обстоятельства этого убийства сложатся для вас в столь же четкую и ясную картину, какую вы видите на дорожной карте. И на этой карте вы сразу отыщете ту верную дорогу к правде, которая выведет вас

к единственному верному ответу: да, мистер Волчек виновен. Все вы видели телевизионные репортажи с предыдущих разбирательств по этому делу и знаете, что очень многие характеризуют мистера Волчека исключительно как главаря русской мафии. Наш главный свидетель еще поведает вам о том, какие порядки царят в организации под названием *Bratva* — так эта криминальная структура именуется по-русски. И вы лично убедитесь, что за гора улик противостоит голословным утверждениям обвиняемого.

Как и ожидалось, для наглядной иллюстрации этих слов она плавным движением нацелила на стол своей команды наманикюренный пальчик. Наверняка наксерили все бумажки в двух-трех экземплярах для весу, и наверняка далеко не все из них указывают на то, что Волчек — убийца. Однако нужное впечатление достигнуто, спору нет.

Мириам продолжила:

— И это как раз то, что вам и предстоит оценить. Не какие-то там газетные рассуждения и домыслы, а улики и доказательства. Далее я собираюсь подробней посвятить вас в суть рассматриваемого дела, а также представить вам свидетеля-эксперта, который расскажет, как мистер Волчек заказал убийство Марио Геральдо.

Я совершенно не представлял, что за эксперта Мириам имела в виду, но возникло чувство, что именно он и окажется открывающим процесс свидетелем — тем самым козырем, которым она замыслила с ходу прихлопнуть залог Волчека.

— И, что крайне немаловажно, — еще одним экспертом по этому делу выступит тот самый человек, который и спустил курок. Этот человек в подробностях расскажет вам, как и при каких обстоятельствах его босс, глава русской мафии Олек Волчек, приказал ему убить мистера Геральдо. Этот человек — человек, который застрелил мистера Геральдо, — находится в данный момент под защитой ФБР. И его прежние, и новые личные данные в ходе нынешнего процесса также охраняются законом и не подлежат разглашению — поскольку, будучи бывшим членом организации под названием *Bratva*, этот человек находится под смертельной угрозой. Во время данного судебного заседания эта персона будет фигурировать в качестве свидетеля Икс.

Для пущего эффекта Мириам сделала довольно продолжительную паузу, так что я успел проглядеть то, что только что записал. Перечитал фразу «этот человек находится под смертельной угрозой». И подчеркнул. Дважды.

Глава 8

Где-то еще с час Мириам разглагольствовала о бремени доказательства. Втолковывала присяжным, что им следует определить виновность Волчека «вне всяких разумных сомнений». Присяжные в ходе этой части ее речи согласно кивали, и она постепенно перешла к тому, что за доказательства будут предъявлены, дабы эту самую ношу потянуть.

— Дамы и господа присяжные, со стороны обвинения первым даст свидетельские показания доктор Ирвин Голдштейн, выдающийся эксперт-криминалист в области экспертизы документов. Это специалист, который анализирует образцы почерка с целью определить, чьей рукой они написаны. Доктору Голдштейну известен почерк обвиняемого, образцами которого в виде записей в различных официальных документах мы, сторона обвинения, располагаем. После этого он изучит другие образцы, которые мы ему предоставим, и с научной точностью определит, написаны ли они рукой обвиняемого.

Дорогущие туфли Мириам на высоких каблуках процокали к столу обвинения, где она подхва-

тила запечатанный полиэтиленовый пакет для вещественных улик с чем-то вроде денежной купюры внутри.

— Перед вами улика обвинения номер один. Это старая банкнота достоинством в один рубль, разорванная пополам. Одна половинка чистая, на другой маркером написаны имя и фамилия. «Марио Геральдо» — это имя и фамилия потерпевшего по данному делу. Свидетель Икс расскажет вам, что он получил половинку этой банкноты — без всяких отметок — от своего босса, обвиняемого Олека Волчека, и что когда неизвестный передал ему вторую половинку, с именем, это и был приказ убить обозначенную на ней жертву. Свидетель Икс расскажет вам, что это обычный «модус операнди»[8] русских гангстеров — как раз таким способом у обвиняемого было принято отдавать приказы об устранении неугодных. Как мы узнаем, что именно обвиняемый написал имя жертвы на половинке банкноты? Ну что ж, на то у нас здесь и доктор Голдштейн. Он подтвердит вам, что почерк на банкноте полностью совпадает с почерком об-

[8] notes: 8

Modus operandi, или просто MO — старинный латинский термин, известный любому юристу, означает «образ действий» (как правило, преступника). Он же «почерк», кому как привычней.

виняемого.

Мириам примолкла, продолжая держать на весу пакет с половинками купюры. Вот вам и тот самый козырь в рукаве. Такая улика реально стоит залога. Некоторые из присяжных нацелились на обвиняемого колючими взглядами.

Я откинулся на стуле, скрестил руки на груди, шепнул сидящему рядом Волчеку:

— Откиньтесь тоже. Улыбайтесь. Присяжные на вас смотрят. Делайте вид, что вам всё по барабану. Пусть присяжные думают, что эта улика для нас — ничто, что мы ее в пять секунд закроем.

Мы оба натужно заулыбались.

— Из меня-то на хера дурака было делать? Как вы, блин, вообще под залог умудрились выйти? — прошипел я.

— Когда предъявляли, у обвинения этой улики еще не было. Этот графологический отчет только в начале года выплыл.

Я на миг призадумался.

— А какого хрена вы вообще отдаете такие приказы в письменном виде? Большей дури и представить трудно! Скажите, что она врет, и мы мигом всё оспорим.

Деланая улыбка Волчека словно испарилась. Брови насупились, голос сгустился:

— Не ваше дело, кто я такой по жизни и как веду дела. Это очень старый способ. Еще со времен Советского Союза. Особого порядка в бандах не было, но босса все уважали. А вот простой *vor* — рядовой «боец» по-вашему — по отношению к таким же бойцам особо не церемонился. Предположим, он хочет вступить в ряды братвы. Для этого проще всего кого-нибудь замочить — лучше всего кого-то из тех, кто больше всего мешает. Соперника. Но мочит он не сам, а руками других бойцов. Втирает им, будто бы босс — *pakhan* — распорядился того парня прикончить. Те, естественно, беспрекословно подчиняются, а пахан про то ни сном ни духом, узнает только по факту. Сам видел, как в одной команде пацаны таким вот образом друг друга чуть ли не целиком перемочили. Для того чтобы такого не происходило, есть старый способ, и я его использую. Это он и есть, — сказал Волчек, ткнув пальцем в мешочек с купюрой в руке у Мириам. Та опустила руку и медленно направилась к своему столу.

Он продолжал:

— Единственный, кто может отдавать такие приказы в моей организации, — это я сам. Все смертельные приговоры — в моих руках. Так я могу быть уверен, что не устрою войну с другими

группировками и что мои пацаны не перебьют друг друга. Для устранения врагов у меня есть «торпеды». «Торпеда» — это ликвидатор, так их еще в советские времена называли. Такой человек приходит ко мне, и только ко мне одному. У него на глазах я разрываю старую рублевую купюру на две части. Одну отдаю ему. С этого момента он уже «торпеда». Когда мне нужно кого-нибудь замочить, я пишу имя на своей половинке купюры и отсылаю «торпеде». Он прикладывает ее к своей и смотрит, подходит ли. Если подходит, то он знает, что приказ настоящий и поступил непосредственно от меня. Таким образом, никаких запуток, никакого бардака, да и мой авторитет не страдает.

— А этот свидетель Икс — Малютка-Бенни то есть, — он, выходит, тоже «торпеда»? Какого же хрена он сохранил купюру? — спросил я.

— В Советском Союзе мы называли рублевую банкноту *tselkovy* — «целая» в переводе. Это означает, что «торпеда» целиком мне доверяет и целиком мне принадлежит. Вообще-то после того, как дело сделано, купюру полагается сжечь. Но многие этого не делают. Хранят такие рубли. В наши дни старые рублевые банкноты днем с огнем не сыщешь. Это типа ордена. Некоторые их

даже у себя на спине выкалывают. Лично у меня татуировки под запретом. То, чем мы гордимся, у нас в глазах, а не на спине.

Выдавать свои чувства было нельзя — присяжные могли заметить, но мне дико захотелось обхватить голову руками и завизжать. Судебный зал больше не казался огромным; теперь я чувствовал себя здесь как мышь в мышеловке. Интересно, где они держат Эми? Неужели ей сейчас столь же тесно, страшно и одиноко? Если буду гадать, что с ней сейчас происходит, то просто сойду с ума. Надо собраться.

Начал усиленно думать.

— Дайте-ка материалы по делу, — распорядился я.

Волчек заглянул в чемодан — похоже, искал какую-то конкретную папку. Нашел наконец, вытащил. Скоросшиватель с надписью «Экспертные отчеты» на корешке. Я сразу принялся его перелистывать. Волчек обратился чуть ли не во все крупные юридические конторы штата и получил отчеты сразу от нескольких специалистов по почерковедению. Согласно листку с перечнем документов, всего таких отчетов было одиннадцать. Волчек явно хватался за соломинку. Я быстро заглянул в конец каждого документа. Вез-

де говорилось одно и то же — эксперты сходились на том, что имя на половинке купюры написано рукой Волчека.

Мириам тем временем продолжала свое вступительное слово:

— Дамы и господа присяжные, также мы заслушаем родственников потерпевшего. Перед вами выступит Тони Геральдо, двоюродный брат жертвы. Он расскажет о споре, который произошел между его кузеном и обвиняемым. Расскажет об угрозах убийством, которые последовали в результате этого спора от обвиняемого. Расскажет о своих опасениях в том, что обвиняемый убьет его двоюродного брата или же организует его убийство.

Названное имя, Тони Геральдо, словно пробудило что-то у меня в голове, но я был слишком взвинчен, чтобы сразу ухватить за хвост промелькнувшую мысль. Мириам мастерски держала ритм.

— Также вы заслушаете показания офицера полиции, который арестовывал и допрашивал обвиняемого. Услышите подробное описание следственных действий, которые этот офицер…

Интерес к речи у меня опять угас, поскольку в материалах дела я наконец-то нашел список

свидетелей обвинения. Всего их оказалось пятеро — маленькая, плотненькая. крепко сбитая команда. От распространенной тактики «от пуза веером», при которой присяжных с пулеметной быстротой расстреливают показаниями многочисленных свидетелей — в надежде, что хоть один из множества выстрелов достигнет цели, Мириам отказалась. Свое дело она знала получше: пулемету предпочла пусть и не скорострельную, но куда более убойную и точную снайперскую винтовку. Первым свидетелем в списке значился доктор Ирвин Голдштейн, эксперт по почерковедению. Отличная стратегия, подумал я. В первый же день одним махом и покончить со скучными материями вроде почерковедческой экспертизы, и всучить в руку обвиняемого дымящийся пистолет — вот он, ирод, вяжите его! Но в этом свидетеле я узрел и самый свой крупный шанс. Волчек, видать, выложил целое состояние на все эти отчеты, озолотил кучу адвокатов — только чтобы получить один и тот же ответ: «Это твой почерк». Этот свидетель полностью подводит его под монастырь. Того, кто сумеет опровергнуть Голдштейна, ему в жизни не сыскать. Все до единого адвокаты в один голос твердили, что круче Голдштейна только тучи.

У меня не было выбора. Если доктор Голдштейн действительно такой хороший свидетель, как надеялась Мириам, то через несколько часов залог Волчека будет отозван, а самого его заключат под стражу. И Эми заплатит за это жизнью. Нужно как-то развалить показания Голдштейна. Если у меня это выйдет, одним выстрелом я убью двух зайцев. Во-первых, получу еще сутки на то, чтобы придумать, как из всей этой поганки выбраться. Во-вторых, русские начнут мне доверять. Если Волчек будет уверен, что я выворачиваюсь наизнанку только чтобы спасти его от тюрьмы и самому потом поднять Бенни на воздух, как и договаривались, то в жизни не заподозрит, что эта самая бомба при первой же возможности окажется под жопой у него самого. Но, как и перед любым разводом, сперва надо было завоевать доверие лоха. У воров на доверии это называется «запудрить мозг».

Мириам стала понемногу сворачивать свой затянувшийся спич.

— И, дамы и господа, если вы сочтете эту достаточно незамысловатую пропозицию соответствующей истине, то вам просто не останется ничего иного, кроме как признать обвиняемого виновным. Мы докажем вам, что он виновен, и

вам просто *придется* осудить его.

Мириам уселась. Присяжные явно утомились.

Подала голос судья Пайк:

— Мистер Флинн, вы выступите со вступительным словом прямо сейчас или же после предъявления доказательств обвинения?

Я медленно поднялся со стула, ответил:

— Ваша честь, присяжным наверняка понадобится какое-то время, чтобы переварить сказанное миз Салливан. Может, дадим им слегка передохнуть, подкрепиться? Перед обращением к жюри мне все равно нужно получить кое-какие инструкции от клиента.

Это моя обычная тактика, и многие защитники ее тоже используют. Всегда предпочитаю переговорить с клиентом сразу после вступительного слова обвинителя. Обычно только тогда защита и может прикинуть, что у обвинения за козыри и как оно собирается ими распорядиться. А при этом стоит еще раз перетереть с обвиняемым — хотя бы для того, чтобы уточнить, все ли сказанное обвинителем соответствует действительности, не сгустил ли он краски. А еще просто хотелось понравиться присяжным. Ведь почти два часа просидели сиднем, внимая речам Мириам! Буду для них спасителем. Для этого

надо было просто встать, быстренько произнести что-нибудь пустяковое — и вперед, к кофе с плюшками. Я, видите ли, переживаю, как бы они не остались без перерыва — до чего же я заботливый, чуткий, отзывчивый! Только такого парня слушать и надо.

Мириам сразу просекла мои поползновения разрушить чары, которыми она успела оплести присяжных, и сыграла на опережение:

— Ваша честь, боюсь, что сегодня я была чересчур многословной. Может, вместо короткого перерыва на кофе сразу объявим нормальный, обеденный?

— Всем быть здесь ровно через час, — распорядилась судья Пайк.

Когда зал начал на глазах пустеть, я почувствовал у себя на плече сильную руку. Артурас.

— Поехали наверх, есть разговор.

Времени на разговоры у меня не было. Всего за один час мне предстояло прочесть восемь тыщ страниц, сочинить офигительное вступительное слово и подготовить офигительные же каверзы для перекрестного допроса. Я поерзал на стуле, устраиваясь поудобней, и посмотрел ему прямо в глаза.

— Разговоры потом будем разговаривать. Мне

нужно поработать. Твоя помощь тоже понадобится.

Глава 9

Виктор закрыл и запер на ключ дверь приемной — той самой, на девятнадцатом этаже, в которой мы уже бывали. Артурас встал посреди комнаты, сложил руки на груди, топнул ногой. Он явно нервничал и злился. Его босс попросту забился в угол дивана и наблюдал.

— Мне нужен лэптоп или смартфон с выходом в Интернет, — сказал я, не давая им опомниться.

— Это еще зачем? — вопросил Артурас.

Я его проигнорировал и демонстративно обратился к Волчеку — в конце концов, это ведь он клиент, это ему нужны ответы, вот пусть сам и командует.

— Ваши предыдущие адвокаты пытались добыть экспертные показания, способные опровергнуть заключение доктора Голдштейна само по себе. Пробовали найти другого эксперта по почерку, который сказал бы, что эта надпись на купюре сделана не вами. Я пересмотрел целый ворох таких отчетов в деле — никто подобного мнения не разделяет. И только потому, что иного мнения попросту не существует. По крайней мере, с точки зрения профессионалов. В лучшем

случае кто-нибудь написал бы вам, что почерк *скорее всего* не ваш, но у подобных ребят нету таких регалий, как у Голдштейна, а когда эксперты в зале суда начинают мериться пиписьками, то побеждает обычно тот, у кого послужной список толще.

Волчек кивнул. Похоже, он на это купился, а вот Артурас — не очень.

— Да что вы можете сделать? Тут целые фирмы пытались эту улику оспорить, несколько месяцев убили! Что вы такого сотворите за час?

— Надо же что-то делать. Если мы будем сидеть на жопе ровно и не снимем эту улику со счетов, Мириам Салливан в момент отзовет залог, и вы окажетесь в наручниках еще до того, как Голдштейн слезет со своей трибуны. А это значит, что прости-прощай ваши планы запрыгнуть завтра в самолет и свалить отсюда — все полетит к чертям.

Я услышал, как Артурас скрипнул зубами. Скривил губы, стал переминаться с ноги на ногу. Ну конечно — столько времени убил, чтобы разрулить ситуацию, а теперь, как говорится в этих кругах, «попал в непонятное»… А судопроизводство порой и вовсе понять невозможно. Судебный зал — все равно что зал казино в Вегасе,

что угодно может выпасть.

Волчек продолжал слушать. Как-никак, на кону стояла его свобода.

— Не мне вам рассказывать, чем все заканчивается, когда обвиняемый вроде как уже сидит, а с государственным свидетелем вдруг случается какая-нибудь неприятность. Обратно под залог вас не выпустят, пока не прокрутят полное следствие и не убедятся, что вы не при делах. Сколько это может тянуться? Два, может, три года? А в крытке что угодно за это время может произойти. От бомбы, может, вы и отбрешетесь, но что им помешает сунуть вас в одну камеру с четырехсотфунтовым каннибалом? Это если вы только каким-то образом ускользнете от бойцов из тех картелей. Да-да, эти ваши кореша, что хлопали вам в зале, мигом до вас доберутся, на киче это даже проще. Я-то посижу, если Эми точно не тронут. Как-нибудь переживу. Лучше уж это, чем второй вариант. Но если посадят вас — вам конец.

Волчек бросил взгляд на Артураса. Тот пригладил штаны, пытаясь подавить понимающую ухмылочку. Что бы я сейчас ни грузил Волчеку, ясно было одно: оставлять в живых ни меня, ни Эми вовсе не входило в их планы. Не хватало еще, чтобы я рассказал ФБР, что мою дочь похитили,

а самого вынудили подложить бомбу в полный народу судебный зал. Но пусть и дальше держат меня за простофилю, купившегося на их шитую белыми нитками историю.

— Я все равно хочу знать, что вы такого можете сделать, что другие адвокаты не смогли, — упорствовал Артурас.

Хороший вопрос, и я дал на него простой ответ:

— Эти ваши фирмы пытались оспорить саму улику. Но не с той стороны зашли. Это как в футболе: предположим, у тебя совсем задрипанная, никому не известная команда, а играть надо с известной, богатой, у которой вдобавок офигительный распасовщик. При нормальной игре твоих игроков просто раскатают по площадке, выиграть нереально. Вроде и лезть нечего, только позориться. А вот лично я не колебался бы. Если есть какой-то супер-пупер-герой, человек-гора, которого мне не переиграть, нет проблем — я просто выведу его из игры. Покалечу. Возьму на такую подножку с вывертом, что он до конца сезона не очухается. Как там говорят — это игра с людьми, а не с мячом. В суде ровно то же самое: не можешь оспорить доказательства — дезавуируй свидетеля, который их предоставил. Если

присяжные решат, что Голдштейн не заслуживает доверия, то совершенно не важно, что он там будет нести. Интернет мне нужен, чтобы хоть что-то на него накопать. Послушайте, непохоже, чтобы у нас был выбор. Либо впрягайтесь и помогайте, либо я подержу ваше пальто, пока пристав будет ковать вас в браслеты. Все элементарно.

Волчек с Артурасом согласно закивали.

— Что вы накопаете за час? — спросил Артурас.

— Не знаю, пока сам не увижу.

Я и в самом деле не знал. Но была мыслишка, где искать. Было видно, как плотно сжатые губы Волчека кривит нерешительная улыбка. Он был явно заинтригован.

— Ладно, — сказал Артурас, доставая свой «Айфон». — Где смотреть?

— Он из Висконсинского университета. Начни с его трудовой биографии, а потом найди список работ. Мне нужны его публикации за двухтысячный, две тысячи четвертый и восьмой годы.

— Почему именно за эти? — удивился Артурас.

— Когда собираешься тряхнуть на перекрестном допросе любого ученого, первым делом смотри именно эти годы. Тогда проводилась АНИА — американская научно-исследователь-

ская аттестация[9]. Чем больше научных публикаций всякие профессора и академики вывалят в ходе АНИА, тем большее финансирование привалит в их институты и тем больше бабла эти яйцеголовые унесут домой. Пока идет аттестация, все только и строчат научные статьи как умалишенные, и даже грамотные люди могут от спешки такого там навалять, что сами потом дивятся. Вдобавок про нормальные научные теории сильно не распишешься, все они наперечет, вот и начинают чисто для весу и объему даже в обычные газеты гнать про барабашек, НЛО и прочую такую пургу, лишь бы за публикацию зачлось. Чем больше статей — тем больше бабла. Если на Голдштейна есть что-нибудь пикантное, то только там и надо искать.

Гонять на перекрестном допросе ученую публику мне доводилось не раз, и про фокус с АНИА я уже сто лет как знаю. Не было случая, чтобы не нарыл там боеприпасов. Это как все остальное в жизни — начинай с денежных интересов, а все

[9] notes: 9

Научно-исследовательская аттестация ученых с гонкой за публикациями действительно регулярно проводится, но только не в Америке, а в родной для автора Великобритании — RAE (Research Assessment Exercise). По-русски это будет что-то вроде «НИА», без начальной «А». Как штатовские адвокаты без такого оружия против ученых-экспертов обходятся, ума не приложу.

остальное само притянется.

Пока Артурас лазал по Сети, я внимательно прочитал экспертный отчет Голдштейна. Довелось мне как-то представлять по делу о подделке чеков некоего Арчи Мейлора — тогда-то и начитался подобных отчетов выше крыши. Арчи был у меня подставным, когда я и сам баловался мошенничеством со страховками. Настоящий талант. Паспорта и удостоверения, которые он мне рисовал, были лучше настоящих. В ходе рассмотрения его дела мне тоже пришлось подвергнуть перекрестному допросу одного почерковеда-криминалиста, который давал показания по поводу почерка Арчи на липовых чеках. Не особо уже помнилось, на что эти ребята обращают внимание при экспертизе, но ведь и времени прошло порядком. Что действительно застряло в голове, так это что они первым делом смотрят на заглавные буквы в начале предложений и имен. Я еще раз заглянул в отчет Голдштейна. Ну да, он тоже сосредоточился на заглавном «Г» в начале фамилии «Геральдо», которую Волчек накалякал на купюре маркером. Помимо отчета Голдштейна, я нашел бумагу из криминалистической лаборатории; там рублевую банкноту проверяли на отпечатки. Судя по всему, пальчики Малютки-

Бенни и районного копа, который собирал его барахлишко, либо перекрыли, либо стерли любые другие годные для идентификации отпечатки.

Артурасу потребовалось семь минут, чтобы отыскать на университетском веб-сайте нужную страницу: «Перечень публикаций за 2008 г.» Ни фига. Проверили 2004-й — та же история.

Залезли в 2000-й, и вот оно — жемчужное зерно в навозной куче. Голдштейн, подобно прочим профессорам кислых щей, ковал железо, пока горячо. Навалял как минимум с полдюжины совершенно идиотских статей — объем надувал. Ну и чтобы денег срубить, естественно. Одна так и вовсе была хоть стой, хоть падай. Меня озарила гениальная идея.

— Эту статью нужно распечатать. Мне нужен ксерокс, бумага, горячий кофе, и чтоб меня на хер оставили в покое, — объявил я.

Под строгим контролем Артураса по его же «Айфону» я позвонил Джин, судейскому секретарю, и полюбовно договорился распечатать статью. Сказал ей, что с меня коробка пончиков, растолковал, как отыскать этот опус в Интернете. Подумал, что Мириам наверняка даже не знает, как Джин и зовут-то. Большинство всех этих звезд от юриспруденции до простого судебного

персонала не снисходит — мелочь, она и есть мелочь. Ну и пусть, нам больше достанется. Среди этой «мелочи», между прочим, полным-полно достойных людей.

В бывшем кабинете судьи от меня наконец-то все отцепились. Виктор торчал в приемной, пытался реанимировать ксерокс. Как только тот заработает, надо сразу скопировать пару страниц, с увеличением — чтобы присяжные получше разглядели. Разложив на столе бумаги, я уставился в пространство. План понемногу складывался в голове, хотя она по-прежнему трещала от удара по затылку, полученного в лимузине. Если я собираюсь одурачить этих русских, надо усыпить их бдительность, пусть начнут мне доверять — тогда и перестанут поминутно заглядывать мне через плечо. Отец говаривал, что честного человека развести практически нереально, но заставить нечестного лоха довериться тебе — тоже нелегкая задача. Хороший развод полностью основан на доверии.

— Волчек, — обратился я к русскому мафиозо. Тот жестом пригласил меня присесть рядом на кушетку. — Ваши бывшие адвокаты — действительно превосходные, талантливые профессионалы. Не мне вам про это говорить, угу? Сами

знаете, что круче их не найти. И они предупреждали вас, что эксперт по почерку разобьет вашу защиту в пух и прах.

Во всем поведении Волчека теперь проглядывала какая-то нерешительность — «семь раз отмерь, один раз отрежь», словно он наконец-то научился держать в узде свою истинную натуру. Он долго прикуривал сигару, размышляя над ответом. Наконец отозвался:

— И вправду такое говорили, но, чтобы меня осудить, одного этого мало.

— Святая правда. Только вам забыли сообщить, что этого более чем достаточно, чтобы отозвать залог и направить дело на пересмотр, даже если Бенни уже не будет в живых.

Он ничего не ответил. Я продолжал нажимать:

— И с почерком те юристы провозились несколько месяцев, точно?

— Точно.

— Эксперта они прижать даже не пытались, точно?

Волчек вздохнул.

— Точно. К чему это вы клоните?

— Я дезавуирую показания эксперта, а вы даете мне шанс выиграть дело без того, чтобы поднимать Малютку-Бенни на воздух.

Я сказал Артурасу, чтобы дал Волчеку прочитать опус Голдштейна. Тот быстро проглядел статью на экране «Айфона», роняя на него сигарный пепел.

— Ну и что? Чем это поможет?

— Предоставьте это мне. Если я размажу этого парня по полу, вы даете мне возможность самому поработать и с Бенни. Я пойду на все, чтобы спасти дочь. Она в моем мире, в моей жизни, и, чтобы ее защитить, я, конечно, и в тюрьму пойду. Но все же мне не особо улыбается провести остаток своих дней на площади шесть на восемь. Дайте поработать с Бенни. Если перекрестный допрос ничего не даст, тогда ладно — сам нажму на кнопку и разнесу его к чертовой матери.

Первое правило воровской библии — дайте людям то, чего они хотят.

Когда Волчек мотнул головой на Артураса, я заметил у него в глазах странный огонек. Он тоже не хотел взрывать свидетеля в переполненном суде! Слишком большой риск. Бежать тоже рискованно. Надежду просто выиграть дело он давно оставил. И теперь я ему эту надежду вернул.

— Вам в жизни не выиграть это дело, господин адвокат. Люди получше и поумнее вас, и те давно от него отказались, — сказал Артурас.

— Если я хотя бы попробую, от вас ничего не убудет. По крайней мере, с Голдштейном, тут уж просто нет выбора. Либо я порушу его показания, либо твой босс отправится в тюрьму.

В комнате наступила тишина. Слышались только тяжелое дыхание Виктора и негромкое гудение вентиляторов ксерокса из-за двери. За окном бибикнул автомобиль. Волчек очень хотел сказать «да», я это видел. Я оказался нежданным ответом на его молитвы.

— И еще кое-что, — сказал я.

— Что? — гаркнул Артурас.

— Ты так и не принес мне кофе, — напомнил я.

Стряхивая пепел с сигары прямо на пол, Волчек отчетливо проговорил:

— Виктор, сгоняй-ка за кофейком для мистера Флинна.

Глава 10

Часовой обеденный перерыв затягивался уже на час пятьдесят.

Глянул на часы — на таймере оставалось двадцать шесть часов. Часы у меня были за двадцать «баков», цифровые, с жидкокристаллическим дисплеем — отстой и дешевка, конечно, но эти «котлы» я любил больше всех прочих, что имелись у меня в загашнике. Дэ-эр у нас с Эми в один день — первого сентября. На наш последний день рождения я заехал за ней, чтобы пошляться по магазинам. С Кристиной мы жили по отдельности уже с конца июня. В дом в Куинсе, где мы некогда жили всей семьей, закатываться было как-то неловко, так что мы с Эми предпочли нейтральную территорию. Всю голову сломал, пытаясь выдумать, что бы такое подарить десятилетней девчонке, и в конце концов решил: пускай сама выберет. Проходим мимо крошечной ювелирной лавки где-то на Бродвее, и чувствую — Эми дергает меня за рукав. На витрине у них цифровые часы — распродажа. Заходим, и она заявляет, что ей нужно две пары — совершенно одинаковых. Одни для меня, другие для нее. Пытаюсь

объяснить ей, что часы у меня уже есть — ее мать подарила. А она только носом по стеклу прилавка возит, приглянувшиеся часы изучает — весь прилавок своей светлой шевелюрой накрыла. Кристину часто беспокоило, что дочка у нас больно уж серьезная; я пропускал это мимо ушей. По-моему, она просто чуть пораньше повзрослела, чем большинство ее сверстниц, и любопытство к происходящему вокруг у нее не праздное, а по-взрослому деловое.

Сжимает она эти часы в своем крохотном кулачке и говорит: «Пап, ты ведь не бросишь ходить к доктору?» — это она про районную наркологическую клинику, в которую я без особой охоты записался по настоянию Кристины. Продавец деликатно отвалил, дал нам перетереть тет-а-тет.

Шепотом, словно наш общий большой секрет, она докладывает свой план: «В общем, я тут подумала, что если у нас будут одинаковые часы, то можно вместе поставить напоминалку ровно на восемь. Тогда ты точно не забудешь мне позвонить, и мы можем, типа, поболтать, или ты, типа, мне сказку расскажешь, или еще чего».

Искренне так, совершенно серьезно сказала. И хотя для своего возраста она уже здорово вытянулась, похорошела, а иногда была и по-под-

ростковому несносной, красота сердца затмевала любые ее проделки, освещала ярким теплым светом все, что бы она ни делала. Этот свет в тот день буквально спас мне жизнь — если б не те дешевые часы на наш крайний день рождения, лечение от пьянства я точно забросил бы. Каждый вечер наши часики начинали синхронно бибикать ровно в восемь вечера, и я тут же набирал ее номер. Звонил обычно прямо из клиники и зачитывал ей по телефону «Алису в Стране Чудес». Дочка из нее получилась получше, чем из меня родитель…

Сидя за столом защиты, я то и дело мысленно давал себе по рукам — не играйся с авторучкой! Почему-то это реально действовало мне на нервы. На столе уже лежала распечатка статьи Голдштейна — молодец Джин, не забыла, принесла.

Госпожа судья по-прежнему где-то прохлаждалась — давала понять, кто тут главный. Это они могут. В зале кишмя кишели репортеры, но вот телевизионщикам из-за секретного свидетеля Икс дали от ворот поворот — пустили только печатные издания. Судьи вообще весьма щепетильны касательно камер в зале. В большинстве своем не любят, когда их снимают, выдворяют операторов и фотографов при первой же возмож-

ности, вспоминают всякие замшелые правила. В судебных залах обычных камер наблюдения, и тех нет. Судья тоже может брякнуть в ходе разбирательства что-нибудь не то — зачем оставлять это в записи?

Я чувствовал, как в зале нарастает нетерпение. У всех, кто слышал вступительное слово Мириам, явно сложилось мнение, что защита посажена в глубокую лужу. Азиатский браток, которого я видел раньше, сокрушенно крутил головой, демонстративно поглядывая на часы, — какого хрена задержка? Признавайте поскорей Волчека виновным — и разбежались.

Проглотив любые эмоции, страхи и сомнения, я повернулся к мрачной физиономии своего клиента.

— Где моя дочь?

— Неподалеку, и все у нее хорошо. Я проверяю время от времени. Ест чипсы, смотрит телик. Будете по-прежнему паинькой, покажу вам еще одну фотку, — отозвался Волчек.

Прошло еще несколько минут, но судья так и не показывалась. Подготовка вступительного слова не вызвала у меня особых затруднений, а вот предстоящий перекрестный допрос доктора Голдштейна несколько беспокоил. Мысленно

проиграл его в голове еще раз: вопрос — ответ, вопрос — ответ, еще и еще, чтобы навести окончательный блеск.

— Достало уже ждать, — буркнул Волчек. — Надеюсь, это не вы подстроили.

Вид у него был откровенно обличительный. М-да, чтобы убедительно загрузить этого типа, придется затратить куда больше усилий, чем представлялось вначале.

— Знаете, отец у меня был героем войны, — продолжал Волчек, глядя на украшенный лепниной потолок, словно это помогало ему лучше припомнить своего родителя. — Во время битвы за Сталинград в одиночку перещелкал целое подразделение снайперов. Сталин лично вручал ему орден. А мать — польская еврейка, из концлагеря освободили. Влюбилась в отца, потому что он был настоящий герой.

При мысли о матери лицо его заметно смягчилось, а голос словно упал, поплыл куда-то вместе с теплым течением воспоминаний.

— Это она дала мне имя Олек. Означает «покровитель». После войны она долго не протянула.

— Жалко. Жесть там у вас в России, угу? — отстраненно отозвался я. Очень хотелось сказать ему, что как только я заполучу обратно свою дочь,

он тоже долго не протянет.

— Когда мать умерла, отец запил. Пил по-черному. От диабета потерял обе ноги. Пришлось катать его в инвалидном кресле по барам на востоке Москвы, где он гордо звенел своими орденами и пил водку прямо из горла́. Мне тогда было всего двенадцать — не намного больше, чем вашей дочери. Я очень гордился отцом.

Когда Волчек продолжил, глаза его сузились, наполнились какой-то горькой злобой.

— Но эта гордость сходила на нет, когда он по-настоящему напивался. Напившись, сразу лез в драку. Лев, который просыпался в нем, не помнил, что у него нет ног. Затевал свару, потом соображал, что в драке ему не выстоять, и объявлял: «Вон мой сын будет драться за меня!» И приходилось драться, к какому бы пьяному отребью он ни цеплялся. Может, так отец хотел оправдать имя, которое дала мне мать. Может, это помогало ему сохранить хотя бы частичку ее живой. Когда мне стукнуло шестнадцать, я убил его, продал его ордена и купил свой первый ствол. Но я все равно любил его. Всегда любил. Если меня били, он мне еще добавлял — его разочарование было несравненно хуже. Если вы разочаруете меня, господин адвокат, вашей дочке придется

драться за вас.

Мне захотелось оторвать ему голову. Кое-как усмирил гнев, сцепился с ним взглядом.

— Поскольку вы за мной следили, то много чего про меня знаете. Наверняка в курсе, где я живу и чем занимался в последние месяцы. Но вы и понятия не имеете, на что я способен в суде. Все эти ваши дорогие адвокаты, за которых вы цеплялись, ни хрена не знают, как можно обработать свидетеля. Не знают, как обвести вокруг пальца прокурора, чтобы тот сам наделал ошибок. А я знаю.

Я непроизвольно встал, уже не в силах сдерживаться, навис над Волчеком, буквально вбивая в него слова:

— Этого эксперта более чем хватит, чтобы накрыть медным тазом ваш сраный залог вместе со всем прочим разбирательством! Я его устраняю, а вы даете мне шанс с Малюткой-Бенни. Пора вам кое-что понять. Чтобы выиграть это дело, вам не нужна бомба. Она у вас уже есть — *я сам* бомба!

Буквально выплевывая эти слова Волчеку, я вдруг ощутил, как волосы у меня на загривке становятся дыбом, а плечи наливаются тяжестью — чувство, которое мне не раз доводилось испытывать раньше и которое утром, в туалете,

когда Артурас приставил мне к спине ствол, почему-то от меня ускользнуло. Когда зарабатываешь себе на жизнь сомнительными способами, то тут не до шуток. Опасность начинаешь чуять инстинктом, тем самым шестым чувством, что позволяет всегда быть на шаг впереди и терпил, и копов. Не будешь прислушиваться к этому голосу у себя в голове — и ты либо труп, либо гниешь за решеткой. Инстинкт этот есть абсолютно у всех, только далеко не все готовы беспрекословно ему отдаться. Многие наверняка испытывали ощущение, что за ними незаметно наблюдают, — сидишь, например, спокойно себе в баре, а кто-то сверлит тебе взглядом затылок. Вот на такие-то инстинкты «деловые» и заточены. Оттачивают их еще острей, учатся им доверять. И в тот момент моя «система раннего оповещения» буквально исходила тревожным звоном. Она всегда безотказно давала нужный сигнал: за тобой наблюдают; тебя срисовали; пора рвать когти.

В ту же секунду я понял, что на меня нацелен еще чей-то взгляд, не только Волчека.

Голова сама собой повернулась на шее, глаза задвигались вправо-влево, привычно сканируя пространство. В нетерпеливом ожидании надвигающейся битвы публика в зале возбужденно

переговаривалась и пересмеивалась — словно жадная до крови чернь вокруг гладиаторской арены. Я сфокусировал взгляд на дальней стене, оставив отлов несообразностей окружающей обстановки на откуп периферийному зрению. Тогда-то я его и углядел. Человек явно выделялся среди остальных: не суетился, ни с кем не разговаривал. Застыл, словно бронзовый бюст среди взволнованного моря голов.

Едва я его засек, как сразу же понял, почему сразу же ощутил его единичное присутствие среди этой людской массы. Из всех ста или больше людей, заполнивших зал, он один сидел совершенно неподвижно, не сводя с меня пристального взгляда.

И я знал, почему.

Звали его Арнольд Новоселич. Я уже пересекался с ним года четыре назад и с тех пор никогда его не забуду. Это само по себе уже дело неслыханное, поскольку Арнольд обладает редким бесценным качеством — а именно полной неприметностью, свойством быть никем среди никого, безликим безобидным человечком в огромном городе, полном одиноких потерянных душ. Огромная залысина начиналась у него чуть ли не от самого его жирного затылка. На нем были тот же корич-

невый костюм, та же кремовая рубашка и те же здоровенные очки в черной оправе, что и при нашей первой встрече, но запомнился он тогда отнюдь не своей внешностью. Вообще-то Арнольд затратил немало трудов и усердия на то, чтобы сделать свой облик как можно более незапоминающимся. Его внешность и полное безразличие, которое та вызывала у окружающих, были его убежищем, его непробиваемой броней.

И я знал, что главный его дар — наблюдательность. Вуайерист от природы, он всегда что-то высматривал вокруг, практически не обращая внимания на самого себя — и, наверное, по этой-то причине никто не обращал внимания на него самого. Для одного из лучших в стране консультантов по отбору присяжных[10] — дар действительно редкостный. Он запросто предсказывал, что будет двигать тем или иным членом жюри при голосовании, как выстроится среди

---

[10] notes: 10

Надо сказать, что отбор присяжных — это тоже целая процедура: ведь обвинитель желает видеть в жюри тех, кто к подсудимому будет настроен строго отрицательно, а защитник — наоборот; ему нужны присяжные, которые изначально отнесутся к его клиенту с симпатией. Отсюда и такая отдельная профессия — консультант по отбору присяжных (социолог, психолог и бог еще знает кто в одном лице), целые фирмы только этим и занимаются. В ходе процесса такие консультанты выступают еще и в роли советников — постоянно отслеживают реакцию членов жюри и при необходимости рекомендуют обвинителю или защитнику сменить тактику.

них социальная иерархия, кто будет верховодить, кто у кого пойдет на поводу… Что только Арнольд для этого ни привлекал: тут тебе и теория личности, и статистический анализ, и расовое профилирование — и, помимо всего прочего, еще один талант, который он предпочитал держать в секрете.

Познакомился я с Арнольдом четыре года назад, во время собеседования на роль отборщика присяжных по делу, которое я подготовил против одной фармацевтической компании. Помню, что был нисколько не впечатлен и даже немного растерян, впервые увидев Арнольда Новоселича, так сказать, во плоти, — хотя на бумаге Арнольд выглядел просто-таки лучшим по профессии. Согласно резюме — ни единого прокола. В каждом из дел, над которыми работал, сумел предсказать вердикт жюри с аптекарской точностью. Это сразу меня насторожило, но еще большие подозрения вызвал тот факт, что в четырех делах, в которых он выступал в роли консультанта, Арнольд ухитрился в точности предсказать решение каждого из присяжных *еще до поименного голосования* — стопроцентное попадание четыре раза из четырех! В этих делах я разбираюсь; таких вещей, как безошибочное предсказание, тут по

жизни не бывает. Короче, прямо так напрямую и спросил — в чем же секрет?

Арнольд, видать, сразу просек, что от меня ничего не скроешь, раскололся. Выдал-таки тайну, тоже под большим секретом. Пока остальные консультанты только гадают, о чем могут вести разговоры присяжные, Арнольд уже знает все до последнего слова, потому как он отлично умеет читать по губам.

Вообще-то присяжным не полагается обсуждать дело нигде, кроме запертой на замок совещательной комнаты, но в реальности они постоянно треплют языками где только душа пожелает. Шепчутся, оценивая свидетелей, а в ключевые моменты процесса даже ругаются матерно. Арнольд все это видит — то есть читает — и мотает на ус.

Мазнув по Волчеку, мой взгляд сфокусировался на Арнольде, которых сидел футах в двадцати пяти от нас. Как бы ни пытался он укрыться от общественного взора, от меня-то ему ни себя, ни свое выражение лица было не спрятать. Страх чуть ли капал с кончика его толстого кургузого носа. Арнольд явно прочитал по губам мой диалог с Волчеком. И наверняка знает теперь про бомбу. Но совершенно неясно, зачем он здесь вообще и

как распорядится полученной информацией.

Я повернулся обратно к Волчеку.

— Дайте-ка мне минутку. Мне нужно кое с кем пере…

Но закончить фразу не успел — зал дружно поднялся, поскольку к императорской трибуне гладиаторской арены уже устремилась судья Пайк.

Глава 11

— Мистер Флинн, если желаете выступить со вступительным словом, то прошу, — пригласила судья Пайк.

Старина Пайки была сегодня явно в настроении. Ну как же — дело громкое, пресса просто в рот заглядывает, а почти гарантированная посадка известного русского гангстера — отличная возможность взлететь по карьерной лестнице еще на ступеньку-другую вверх.

Вступительное слово — очень важная штука. Это ваш шанс показать присяжным свое видение дела в целом. Мириам буквально загрузила их всеми видами информации. Двадцать раз успела повторить, что доказательств для обвинительного приговора более чем достаточно. Как говорится, на уровне заклинаний. Шаман какой-то, а не юрист. Ладно, ну а мы по-другому попробуем. Встал — и немедля принялся теребить пиджак. Мешала бомба, которая вдруг показалась тяжеленной и чуть ли не горячей. Спина вспотела, хотя в зале было прохладно, да и сам я вроде успел остыть. Наклоняя графин, поймал себя на том, что слегка подрагивают руки.

Медленно осушив стакан холодной воды, почувствовал, что готов. Мириам расположилась у себя за столом с блокнотом и авторучкой наготове. Ее свидетель-эксперт, доктор Голдштейн, сидел в трех рядах у нее за спиной, не парился. Показания ему предстояло давать от силы к вечеру, а то и вообще завтра, с утра пораньше. Я узнал его по фотографии на университетском веб-сайте. Вживую он выглядел даже еще большим ботаником, чем на совершенно жуткой фотке в Интернете.

Я повернулся к присяжным, одарил их улыбкой.

— Уважаемые члены жюри, чрезвычайно рад всех вас тут видеть. Миз Салливан проговорила сегодня порядка двух часов. Я же постараюсь уложиться примерно в две минуты. — Смешки среди присяжных. — Рассматривается дело о действительно ужасном преступлении. Задача обвинения — доказать вам, что совершил его Олек Волчек. Если к завершающему этапу слушания у вас останутся на этот счет какие-либо разумные сомнения, то ваш священный долг — оправдать обвиняемого. Но в любом случае выбор за вами. Миз Салливан *требовала* от вас признать мистера Волчека виновным. Мы же *требовать* от вас ничего не станем. Мы лишь

просим вас тщательно рассмотреть предоставленные доказательства, а также *призываем* со столь же пристальным вниманием изучить и нашу позицию по данному делу. Все остальное же оставляем *вам* и *вашему* добросовестному суждению. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать на данный момент.

Я сел.

В уголовном деле у присяжных, образно выражаясь, только две двери — одна «виновен», другая «не виновен». Мириам пыталась их в свою дверь затолкать. Я же свою гостеприимно приоткрыл и сделал ручкой — прошу, мол, к нашему шалашу. Присяжные — что прохожие на улице; не любят они, когда их куда-нибудь заталкивают. Любят, когда можно самим выбирать дорогу.

Доктор Голдштейн нервозно перебирал свои бумаги. Чем больше он изумлен и выбит из колеи, тем лучше. Прямо в данный момент передо мной стоял выбор — можно было либо сыграть обычным спокойным порядком, либо с ходу заманить Мириам в ловушку. С ловушкой был риск, что прилетит обратка, да такая, что мало не покажется. Но если выгорит, присяжные будут мои.

Решил рискнуть.

Едва я наклонился к Мириам, как Артурас сразу

же навострил уши. Я уже говорил ему, что при нужном раскладе могу приватно обратиться к обвинителю, так что пусть слушает себе на здоровье. Не хотелось создавать впечатление, будто я хочу тайком предупредить ее о бомбе.

— Этот ваш Голдштейн… который графолог. Не вызывайте его, иначе сильно пожалеете, — сказал я.

— Какой еще, к чертям, графолог? — возмутилась Мириам, как я и ожидал. — Голдштейн — специалист по экспертизе документов, ученый-почерковед!

Ответ был уже у меня наготове.

— Работа эксперта — определять авторство по образцам почерка, это научный анализ. Графолог же пытается толковать по почерку *характер* автора, а это уже гадание на кофейной гуще. Это все равно как христианский археолог откопает кости динозавра и клянется потом на Библии, что мир существует всего пять тысяч лет. Нельзя сидеть на двух стульях сразу. Не вызывайте его.

Я сел.

Ща точно вызовет.

Надменное личико Мириам исказила злоба. Судья покосилась на нее. Со вступительным словом защиты покончено. Пора обвинению выдвигать

свои свидетельства. Я выбил Мириам из колеи. Голдштейн на сегодня, походу, — единственный свидетель обвинения в зале.

Она встала.

— Ваша честь, я вызываю доктора Ирвина Голдштейна.

Не ожидая столь рано услышать свои имя-фамилию, тот суетливо собрал свои бумажки, застегнул пиджак и стал пробираться вперед. Кривоватая улыбка у него на лице отнюдь не скрывала того, что добрый доктор малость на измене. Как-никак, самое крупное дело за всю его карьеру. Угу, а если мои труды окупятся, то и самое последнее. По пути к свидетельской трибуне он зацепился ногой за стул, покрепче ухватил рассыпающуюся папку. Экспертный отчет — это его скала посреди бурного моря, только за него и хвататься. Мог бы вести себя и поуверенней — отчет действительно точный, правдивый, хорошо написан, я ни слова в нем не оспорил бы.

Хоть никто этого и не просек, но ставил я на восхитительную предсказуемость Мириам. Юрист она действительно классный, в судебных битвах собаку съела. И поступит так, как я и сам поступил бы на ее месте. А лично я в такой ситуации сразу ухватился бы за резонный выпад

оппонента, развернул направленное на меня острие в обратную сторону. Сам задал бы доку вопрос насчет графологии-графомании-почерковедения — аккуратненько, чтоб все выглядело естественно, обыденно, даже скучно. Дал бы ему обстоятельно выложить по этому вопросу все от и до, разложить по полочкам. В итоге смешал бы этот резонный аргумент с говном. Мириам сделает все то же самое.

На это и был расчет.

Глава 12

Голдштейну было хорошо за полтинник, и мне показалось, что «хорошо за полтинник» ему уже как минимум лет тридцать. Костюм на вид был даже постарше его, и, в дополнение ко всему, на нем красовался галстук-бабочка.

Он встал, чтобы произнести присягу. Постоянно поправляя съезжающие очки, старательно зачитал по бумажке слова, которые отправляли его прямиком ко мне в лапы. По ходу пьесы выдул аж два стакана воды — готовился к марафонской сессии за трибуной, приводил в порядок нервишки. На месте Мириам я с Голдштейном не затягивал бы. С любыми экспертами хороший адвокат старается разделаться на раз-два — хотя бы потому, что в подавляющем большинстве они просто редкостные зануды. Показания их жизненно важны, но уж больно они любят тянуть резину, растолковывая все до мельчайших подробностей, так что лучше сразу окорачивать их простыми вопросами: «Кто вы такой? Почему вы круче, чем вся остальная публика в вашей области? Расскажите все, что нам следует знать, и проваливайте ко всем чертям». Мириам навер-

няка сказала доку, что на трибуне ему придется проторчать весь день. Он еще не знал, что от силы часок-другой — и все благополучно закончится.

Мириам держала перед собой отчет Голдштейна, будто автомобильную баранку, с помощью которой можно вырулить к истине и осуждению Волчека.

— Доктор Голдштейн, опишите, пожалуйста, присяжным в общих чертах, каковы ваши познания в данной области и вообще, какой квалификацией для проведения подобных экспертиз вы обладаете, — начала Мириам. Вопрос был направлен на то, чтобы док сразу ощутил почву под ногами. «Расскажи этим людям за загородкой, почему ты такой умный». Тема не стрёмная, знакомая, сразу поможет воспрянуть духом.

— Я — судебный эксперт по документам. Анализирую образцы почерка с целью определить личность их автора. Мое образование…

И пошло, и пошло. Еще добрых пять минут доктор расписывал, какой он опытный и образованный. Я не вмешивался — пускай себе похваляется. Чем больше Голдштейн будет рассказывать присяжным, какой он умник, тем большим идиотом будет выглядеть, когда я запущу в него когти. Вскоре док начал сбиваться,

занервничал — решил, наверное, что слишком увлекся. Стал теребить свою бабочку. Мириам мигом усекла эти знаки и пришла к нему на выручку.

— Благодарю вас, доктор. Весьма впечатляющее резюме. А теперь объясните, пожалуйста, присяжным, по какой причине стороне обвинения пришлось вас привлечь.

— Конечно. Если присяжные соблаговолят открыть скоросшиватель «Д» на странице двести восемьдесят семь, то увидят копию записки. Она представляет собой две половинки банкноты достоинством в один рубль, на одной из которых написано имя жертвы. Мне сообщили, что эта записка была обнаружена в автомобиле, принадлежащем свидетелю Икс. Также мне сообщили, что свидетель Икс даст показания относительно того, что эта надпись означает и какое отношение имеет к убийству потерпевшего. Этот аспект я не могу комментировать. Сторона обвинения привлекла меня затем, чтобы определить, является ли почерк, которым написано имя, почерком обвиняемого.

Мириам сделала паузу, чтобы присяжные успели отыскать нужную страницу. Дала им изучить записку. Рассмотреть почерк.

«Марио Геральдо».

— Доктор, расскажите нам, как вы исследовали эту записку.

Мириам старательно ввертывала этого «доктора» где только возможно, стараясь при этом не раздражать присяжных. Повторение официального титула вызывает большее доверие к эксперту.

— Почерк, которым выполнена эта надпись, стал предметом спора. Обвиняемый не признает, что имя написано его рукой. Дабы определить, что это почерк обвиняемого, я провел научный анализ образцов почерка, заведомо принадлежащего обвиняемому, с целью последующего экспертного сравнения.

— А где вы получили образцы почерка, заведомо принадлежащего обвиняемому, доктор? — спросила Мириам.

— Из налоговых деклараций, бланков социального страхования, заявлений на выдачу паспорта и получения гражданства, а также других архивных документов, на которых имеется подпись обвиняемого и — или — иные записи, сделанные его рукой.

— И какие же результаты вы получили в результате этого *научного анализа*?

— Я определил, что во всех предоставленных образцах, включая оспариваемую записку, четко наличествует уникальное начертание отдельных символов — собственная конструкция букв, так сказать. Другими словами, способ формирования буквенных знаков и ярко выраженная индивидуальная манера, с которой двигали ручкой, позволяют четко выделить характерные признаки данного почерка. На данном основании я с большой долей уверенности могу заявить, что автором записки, которую вы сейчас видите перед собой, является обвиняемый.

Круто. Как и полагается хорошему судебному юристу, в этот кульминационный момент Мириам сделала паузу, не сводя глаз с присяжных — типа, все ли прониклись.

— Не затруднит ли вас, доктор, показать нам это на конкретном примере? — спросила наконец.

— Конечно, — отозвался Голдштейн, подхватывая листок с многократно увеличенной буквой «Г» — которая, как он объяснил, является первой буквой фамилии «Геральдо» на оспариваемой записке. Извлек на свет также несколько копий поменьше, с похожими буквами «Г», растолковал, что это с образцов почерка, заведомо принадлежащего обвиняемому. Развесил все листки с

увеличенными буквами на огромном, словно художественный мольберт, пюпитре на растопыренных ножках, развернутом к присяжным.

— Если посмотреть на конструкцию буквы «Г» из «Геральдо», то можно увидеть ярко выраженный острый хвостик, образованный в результате отрыва пишущего предмета при нанесении сплошной линии, спускающейся из верхней части символа. Затем символ — или же буква, если вам угодно, — был завершен горизонтальным верхним штрихом, нанесенным слева направо с небольшим уклоном вверх, с аналогичным хвостиком. Этот символ, сиречь буква, построен аналогично всем образцам, которые я изучил, включая и те, которые заведомо принадлежат обвиняемому. Таким образом, я вправе утверждать, со значительной степенью достоверности, что имя жертвы на купюре достоинством в один рубль написал именно обвиняемый.

— С какой именно степенью достоверности, доктор?

— С достоверностью от девяноста пяти до девяносто восьми процентов.

— На основании чего вы называете столь высокий процент?

— Уникальная конструкция данного символа в

точности повторяется абсолютно во всех исследованных мною образцах почерка. Имя на купюре могло быть написано только обвиняемым.

— Доктор, а что такое графология? — спросила Мириам как бы невзначай.

Дай ей волю, так она обсасывала бы все эти хвостики и неразрывные линии хоть до самого вечера, но после чересчур затянувшегося вступительного слова позволить себе такую роскошь уже не могла — присяжные забуксуют. Ходу, ходу! Кроме того, Мириам не сомневалась, что из этого свидетеля и я буду часами кишки вытягивать. Кое-кто из адвокатов считает, что чем дольше мотаешь эксперта на перекрестном допросе, тем вернее он где-нибудь проколется и выйдет из игры. Тут все средства хороши: сбивай его с толку, подначивай, оспаривай все, что бы он ни сказал, — до тех пор, пока обвинитель уже сам на стенку не полезет. Но у меня на такое просто не было времени. У Эми тоже.

Доктор Голдштейн, похоже, от вопроса Мириам малость офонарел, но все-таки сумел скрыть замешательство, выдавив некое подобие улыбки. Поерзал на стуле, заложил ногу за ногу, облизал губы. Графология, судя по всему, была его коньком, и он явно просек, что с этого боку на него

обязательно зайдут.

— Что такое графология?.. Ну, этот термин обычно используется для тех исследований почерка, которые ставят своей целью определить на данной основе всякие особенности самого автора — в частности, не страдает ли он какими-то заболеваниями, в том числе психическими. Это не имеет отношения к определению авторства документа. Это больше относятся к толкованию собственно личности автора.

«Ну давай же, Мириам. Ну спроси его. Ты же знаешь, чего я хочу», — мысленно воззвал я.

— Доктор, существует мнение, будто человек, практикующий одновременно и криминалистический анализ почерка, и графологию, сродни тому археологу, который, будучи ревностным христианином, готов засвидетельствовать, что мир существует всего пять тысяч лет…

Есть!!!

— Возражаю, ваша честь!

Я вскочил на ноги и, несмотря на всю свою дикую радость — Мириам заглотила-таки крючок, ха-ха! — старательно изобразил на лице возмущение и праведный гнев.

— На каком основании? — поинтересовалась судья.

— На основании моих религиозных взглядов, ваша честь! Я верю в Бога, так что не желаю, чтобы обвинитель подвергал мою веру сомнению. И не считаю, что Господа нашего Иисуса Христа вообще уместно втягивать в решение судебного спора. Это дискриминационное заявление оскорбляет чувства всех христиан без исключения, от лица обвинителя пропагандирует атеистические взгляды, что противоречит праву на свободу вероисповедания, гарантированное конституцией. Не важно, во что верит сам обвинитель, но навязывать свои взгляды остальным и подвергать осмеянию то, во что верю я, в корне неверно!

Мириам посмотрела на меня, будто была готова убить на месте. Я ее в этом не винил. Действительно, удар ниже пояса, но ведь сама же напросилась…

У членов жюри вид был такой, будто они готовы отнести меня домой на плечах с развернутым знаменем. Я поставил на то, что присяжные в этой части города окажутся в основном христианского вероисповедания, — и не прогадал. На четверых, вообще-то, и вовсе были крестики. Понять, какому идолу поклоняются присяжные, и потрясать им прямо у них перед носом — лучший способ

перетянуть их на свою сторону. Главное — правильно этого идола вычислить. Будь я в Вегасе, это были бы Элвис или Сэмми Дэвис-младший; в повернутом на футболе Техасе — Сэмми Бау; в Оклахоме — Микки Мэнтл[11]. В этой же части Нью-Йорка лучше всего срабатывает что-нибудь либерально-христианское. Большинство присяжных мне улыбались, другая же часть не улыбалась только потому, что сверлила возмущенными взглядами Мириам.

Очко в мою пользу.

Но судью это не столь впечатлило. Она за милю учуяла, откуда ветер дует.

— Миз Салливан, думаю, что вам необходимо переформулировать ваш вопрос, — спокойно сказала она.

Но у Мириам уже иссяк пыл.

— Снимаю вопрос, ваша честь.

---

[11] notes: 11

Сэмми Дэвис-младший (1925–1990) — афроамериканский певец, музыкант, танцор, комедийный актер. В общем, как и Элвис Пресли — яркий представитель шоу-бизнеса, для города-балагана Лас-Вегаса самое то.

Сэмми Бау (1914–2008) — один из самых результативных игроков за всю историю американского футбола, родом из г. Темпл, штат Техас; обладатель чуть ли всех рекордов Национальной футбольной лиги США.

Микки Мэнтл (1931–1995) — знаменитый бейсболист-профессионал, тоже чемпион из чемпионов; родился в штате Оклахома.

Глава 13

Встав из-за стола защиты, под которым у меня, словно у дешевого уличного фокусника, был уже припрятан необходимый реквизит, я вдруг осознал, что к процессу совсем не готов и в любой момент рискую сесть на жопу ровно. Мысленно приказал себе успокоиться и не пороть горячку. На мгновение прикрыл глаза. Ровно настолько, чтобы сделать глубокий вздох, но все равно знал — бесполезно, я увижу ее даже в темноте. Ханна Тубловски. Лицо, которое я видел перед собой каждую ночь перед тем, как уснуть. Этот же образ и пробуждал меня каждое утро. Смыть эту картинку я пытался бурбоном и холодным пивом. Знал, когда еще впервые увидел ее, что на сердце навек останется незаживающий шрам, и с тех пор и ногой не ступал в зал суда. Моя линия жизни словно разорвалась надвое — на то, что происходило до того, как я взялся за дело Беркли, и на то, что произошло потом.

Когда глаза открылись и голова немного очистилась, я поглядел на Голдштейна. Нужные вопросы словно сами собой возникли в мозгу.

— Доктор Голдштейн, — услышал я собствен-

ные слова, — буду ли я прав, если скажу, что при сравнении рукописных документов лучше всего сравнивать аналогичные документы? Ну к примеру — резюме с резюме, заявление с заявлением, водительские права с водительскими правами?

— Да, но это не всегда возможно. Вот если б ваш клиент написал сразу два заказа на убийство людей, тогда я сравнил бы оба, — ответил Голдштейн, поглядывая на меня поверх оправы очков. В публике пробежал нервозный смешок. Док был явно доволен собой и собственным ответом. Надо быть с ним поаккуратней.

— Вы сказали, что составили следующее мнение: неизвестный автор надписи на банкноте и известный автор предоставленных образцов почерка, мой клиент, — это одно и то же лицо. И к такому заключению вы пришли на основе начертания букв и способа их написания?

— Да, — отозвался Голдштейн. Он явно получил инструкции быть со мной пожестче, в подробности не вдаваться, отвечать коротко и отрывисто. Руководство для болванов по выживанию при перекрестном допросе: чем меньше болтаешь, тем меньше наломаешь дров.

— А не тем же самым занимается графология? Толкованием букв и способов начертания?

— Да.

— Так что в методике анализа есть значительное сходство?

— В некоторой степени.

— Так все-таки есть значительное сходство в методике? — повторил я — очень медленно, словно несмышленому дитяте, чтобы он как следует осознал вопрос. Придется теперь ему давать более определенный ответ, иначе рискует выставить себя перед присяжными вруном или полным мудаком. Мой любимый метод повторения вопросов уже вынудил его завилять.

— Да. Значительное сходство в методике анализа имеется.

«Замечательно», — подумал я.

— Обвинитель пытался задать вам вопрос относительно графологии. Наверное, она хотела спросить, насколько легитимна такая система. Итак, она легитимна?

— Да. Конечно, легитимна.

— А это правда, что один графолог растолковал кляксу на подписи Джона Уэйна[12] как подсозна-

---

[12] notes: 12

Джон Уэйн (наст. Мэрион Роберт Моррисон, 1907–1979) — знаменитый американский киноактер, «король вестерна». Его знаменитую ковбойскую походку вперевалочку пытались имитировать миллионы зрителей-поклонников по всему миру.

тельную подсказку его подсознания о том, что у него рак легких? Было такое?

При этом я вытаращился на присяжных с совершенно офигевшим видом — мол, в жизни большей дури не слышал, но к свидетелю повернулся спиной, чтобы он не видел выражения моего лица.

— Да, — произнес док. Ответил честь по чести, что некий графолог действительно сделал такой вывод, но из-за моей вытянутой физиономии присяжные восприняли это как его согласие с дурацкой теорией, а не как простую констатацию факта, что такая теория на самом деле существует.

— Так это, выходит, больше похоже на предсказание судьбы?

— Нет. Это легитимный интерпретационный метод анализа.

— Никак не пойму, о чем это вы, доктор.

Я повернулся к присяжным и воздел руки к потолку — видите, мол, даже высокооплачиваемому адвокату не по уму, о чем толкует этот парень! Те заулыбались.

— А нельзя ли, так сказать, на примере наглядной демонстрации?..

Настала пора, как выражаются в бейсболе, «за-

нять базу» — только так, чтобы док ни о чем не догадался. Я выдернул из пачки листок с буквой «Г», которую увеличил при помощи копира наверху, и продемонстрировал присяжным. Потом повернулся, чтобы и док его хорошенько разглядел, после чего пришпилил к доске на ножках, рядом с такой же увеличенной буквой с рублевой банкноты. Придвинутые друг к другу, они выглядели совершенно одинаково. Многие обвинители тут же заявили бы протест, и начался бы долгий спор, имею ли я право подвергать испытанию методику работы эксперта. Обычно судья допускает при перекрестном допросе некоторые вольности, и Мириам не стала возражать, потому что знала: своего я все равно добьюсь, а присяжные могут подумать, будто она прикрывает слабые места свидетеля. Мириам вообще предпочитала, чтобы свидетели и сами могли за себя постоять.

— Доктор, эта буква имеет ту же структуру, что и буква на оспариваемой записке, а также на заведомо принадлежащих обвиняемому образцах. Верно?

Я надеялся на положительный ответ. Чуть ли не целую минуту и док, и присяжные таращились на большие буквы перед собой. Голдштейн так старательно в них всматривался, что весь аж

перекосился.

Пришлось его малость подпихнуть.

— Эта увеличенная «Г» очень похожа на букву с записки, не так ли?

— Что-то общее есть, да.

— Так они похожи?

— Да.

— А вот эта?

Я вытащил еще один лист бумаги. «Г» была тоже похожая, только взята с другого образца — на увеличенной копии осталась часть какого-то письма. Снова наморщенные брови и пристальных взгляд, но на сей раз не так надолго.

— Да. Очень похожа.

— Графологи выносят суждение о людях на основе того, каким образом те пишут букву «Г»?

— Верно.

— И разве не верно, что, с точки зрения графолога, у человека, написавшего эту букву «Г», могут быть *сексуальные отклонения*?

Два последние слова я специально оставил на конец фразы, да еще и чуть ли не гаркнул их во все горло, чтобы они эхом заметались по залу, — отличный способ всех разбудить. Почерковедение — это нудно. Секс интересней. А сексуальные отклонения — интересней вдвойне.

— Да, — сказал Голдштейн. — У автора, или кто бы там ни написал эти буквы «Г», вполне может быть предрасположенность к отклонениям в половой жизни.

Я сделал паузу. Хотел, чтобы у присяжных включились мозги, дабы оценить это заявление.

— Вам уже доводилось встречаться с окружным прокурором, ответственным за данную часть суши, — с Мириам Салливан?

Он вдруг занервничал.

— Да. Конечно, приходилось.

— Есть ли у Мириам Салливан сексуальные отклонения?

— Что?! Конечно же, нет!

— Ваша честь!.. — дала петуха Мириам.

— Да-да, я поняла, миз Салливан, — отозвалась судья Пайк. — Мистер Флинн, соблаговолите соблюдать приличия.

— Прошу прощения, ваша честь, но дозволено ли мне спросить, не доводилось ли и вашей чести практиковать в половой жизни нечто экстравагантное?

Все, теперь я реально спустил на себя всех собак. Теперь можно не только растерять все завоеванные у присяжных очки, но и угодить за решетку за неуважение к суду.

Судья Пайк сдвинула очки на самый кончик своего подправленного пластическими хирургами носа и глянула на меня поверх оправы — так серийный убийца-маньяк в кино смотрит на жертву поверх капота своего мощного «Шевроле», перед тем как ее переехать.

— Мистер Флинн, даю вам ровно десять секунд, после чего выброшу вас отсюда к чертовой матери!

Я вдруг ощутил на спине два коротких толчка вибрации. Артурас поставил устройство на боевой взвод. Сразу вспомнилось, как он недавно объяснял про пульт: две кнопки, одна взводить, другая взрывать. Понял, что бомба ожила и готова в любой момент разнести меня на куски.

Глава 14

Артурас смотрел на меня так, будто я только что поднес к горлу его матери острый нож. Я понял, что нажатие на первую кнопку было предупреждением — если меня заберут на отсидку, Артурас сразу же приведет взрывное устройство в действие.

Судья Пайк с пылающими щеками грозно приподнялась над креслом, словно скопившихся в ней паров гнева и впрямь хватало для того, что левитировать над столом.

— Ваша честь, уважаемые члены жюри, прошу вас открыть скоросшиватель «Б» на седьмой странице, — поспешно сказал я.

Никогда не видел, чтобы дело листали с такой лихорадочной быстротой. Судья Пайк открыла подшивку на нужной странице и опять нацелилась на меня разъяренным взглядом. Вид у присяжных был озадаченный.

Я подошел к пюпитру, дабы наглядно пояснить свою мысль.

— Ваша честь, первая буква, которую я тут добавил, — это заглавная «Г» из вашей подписи на реестре подшитых документов, страница семь.

Габриэла Пайк. Все верно?

— Да, — отозвалась она — все еще сердито, но уже слегка заинтригованно.

— Доктор Голдштейн, согласно вашему заключению, оспариваемую записку написала судья.

— Нет!

Вытащив из кармана брюк желтенькую бумажку с клейким слоем, я направился к присяжным и вручил ее прилично одетому латиносу.

— Эту записку вручила мне сегодня обвинитель. Передайте ее, пожалуйста, своим коллегам.

«Твоему клиенту каюк. Я отзываю его залог в 17.00».

— Последняя буква в слове «залог», написанном, как и все остальное, заглавными буквами, на самом-то деле та самая, которую я добавил на доску следующей. Вот она. Тот же самый метод начертания, который использовал автор оспариваемой записки. Все верно, доктор?

— Я уже сказал, что они похожи.

— Так кем, во вашему экспертному мнению, была написана та смертоносная записка — обвиняемым, судьей или обвинителем?

— Нет. Вы все перекручиваете.

— Давайте разрешим жюри присяжных взгля-

нуть на записку. Пусть они сами решают.

Половинка купюры пошла по рукам. Все присяжные до единого внимательно ее рассмотрели. Переводили взгляды с увеличенной «Г» из слова «залог» на Мириам и обратно. Вид у той был, как у сопливого малыша, которого застукали с рукой, запущенной в сахарницу. Она даже схватилась за голову. «Довыёживалась» — это, наверное, самое мягкое из определений, которые в тот момент приходили в голову присяжным.

— Давайте все-таки все проясним, доктор. Некоторые графологи утверждают, что люди, которые добавляют загибающиеся хвостики к букве «Г», склонны к сексуальным отклонениям, но не все графологи разделяют такое мнение, верно?

— Верно.

— Доктор, верно ли также, что элементы букв алфавита мы строим в соответствии с тем, как нас в свое время их научили писать — дома или в школе?

— Это важный фактор, но далеко не единственный. У многих людей почерк с возрастом меняется, хотя и не коренным образом — я это вполне допускаю.

— А как же монашки, которые учили меня письму в католической школе? Когда они добавляли

к букве «Г» хвостики, чтобы я писал точно так же, у них что, тоже в голове были сексуальные отклонения? Или нет?

Те члены жюри, что с крестиками на шее, резко выпрямились на стульях.

— Нет. Вряд ли.

— И это не значит, что у судьи или обвинителя тоже есть склонность к отклонениям, — как и у того, кто написал имя на этой рублевой купюре? Больше похоже на то, что их просто научили писать именно так и что множество абсолютно нормальных людей пишет эту букву абсолютно тем же самым образом, верно?

— Вы правы.

— Это довольно распространенный способ написания данной буквы?

— Да.

— Сейчас в суде порядка двухсот человек. Сколько из них пишет эту букву алфавита схожим образом? Четверть? Треть?

— Очень многие так пишут, — согласился Голдштейн.

Доктор быстро шел на попятный. Когда он отхлебывал воду из стакана, руки у него ощутимо тряслись. Я заманил его в дебри, в которые он вовсе не жаждал попасть, и теперь все помыслы

Голдштейна были только о том, как бы выбраться оттуда подобру-поздорову.

Присяжные закончили изучение записки Мириам, и пристав передал ее судье. Судя по виду судьи Пайк, на Мириам она разозлилась еще больше, чем на меня, если такое вообще возможно. С Голдштейном я практически закончил — в гроб уложил, крышкой накрыл, осталось только заколотить.

— Теперь вы говорите, что это невозможно, — но все же в двухтысячном году написали труд под заглавием «Методы распознания потенциальных правонарушителей на сексуальной почве по их почерку». В данной статье вы утверждаете, будто способны определить насильников, педофилов и прочих всяких извращенцев всего-то по их налоговым декларациям. Это ведь вы писали, не так ли?

Я помахал перед присяжными распечаткой.

Голдштейн тупо таращился прямо перед собой. Челюсть и губы у него беззвучно шевелились, после чего он едва заметно кивнул.

— Воспринимаю это как «да». Таким образом, доктор, учитывая только что данные вами под присягой показания о том, что определить сексуальное поведение по почерку невозможно,

а также тот факт, что в двухтысячном году вы лично опубликовали статью, в которой утверждаете, будто способны определить не только потенциальных сексуальных преступников, но также их тип…

Я якобы перевел дух. Вообще-то, это был еще не сам вопрос — пауза понадобилась, чтобы посмотреть на присяжных так, будто я жду от них продолжения своей речи.

— Вопрос, на который присяжные наверняка хотят получить ответ, таков: доктор, вы лгали в своей публикации двухтысячного года — или лжете сейчас? Когда вы соврали?

Вопрос, на который нет ответа, — самый лучший из вопросов. Не важно, что док там скажет, все равно никто не поверит ни слову. Он просто повесил голову. Две чернокожие тетки в жюри изучали его с чуть ли не физическим отвращением. Остальные присяжные либо бросали на него сердитые взгляды, либо не смотрели на доктора вообще, предпочитая разглядывать собственные ботинки.

Никакой повторной экспертизы со стороны Мириам не последует. Ее записочка и подсказала мне всю эту идею. Буква «Г» на желтой бумажке была написана практически так же, как и та «Г»,

на которой Голдштейн сосредоточился в своем отчете, а на поиски еще такой же буквы в ворохе документов много времени не ушло. Повезло, что она оказалась от судьи. Док Голдштейн стыдливо слился со свидетельской трибуны и занял свое место на задах зала.

— Сегодня мне больше такого не вынести, — объявила судья Пайк. Вооруженный охранник вернулся в зал, чтобы проводить судью в ее покои. Заседание на сегодняшний день сворачивалось.

— Всем встать, — приказал судебный пристав.

Выходя, Пайк от души хлопнула дверью. Зал начал быстро пустеть. Была уже половина пятого. Мириам собрала вокруг себя свою шатию. Пиджак тяжело давил мне на плечи. «Развод» получился козырный, Волчек должен плясать от радости. Когда мой взгляд упал на него, я увидел, что он улыбается, а вот Артурас почему-то по-прежнему мрачен.

Когда из зала пулей вылетали последние репортеры, я увидел, что посреди выливающегося из дверей людского потока столбом стоит один человек. Арнольд Новоселич. Вот он застегнул пальто, проскользнул по проходу между скамьями прямиком к столу обвинителя, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я покачал головой, но взгляд его не дрогнул, и в нем ясно читалась решимость. По крайней мере, теперь ясно, что Арнольд явился сюда отнюдь не из праздного любопытства — шпионил на команду обвинителя.

Едва заметив приближение Арнольда, Мириам мигом побросала столпившихся вокруг нее поддужных. Вышла навстречу, едва он успел добраться до стола, и оба уселись на пустую зрительскую скамейку, как голубки. Глянув на Волчека, я увидел, что тот по-прежнему сидит на своем месте, сложив руки на груди. Опять обернувшись на места для зрителей, заметил, как Мириам с Арнольдом дружно отвели от меня взгляды: Новоселич рассказывал ей про бомбу.

Они одновременно встали и направились к дверям. Помощники Мириам при виде уходящей начальницы всполошились, быстро собрали бумаги и ринулись следом. Не доходя до дверей, Салливан обернулась и озадаченно посмотрела на меня. Вообще-то после полученной от меня взбучки она должна была смотреть на меня так, будто я только что взял гвоздь и нацарапал на ее тачке неприличное слово. Отвела взгляд, быстро оглядела пустой зал. Взгляд остановился на тех молодцах в негнущихся костюмах, которых

я принял за федералов. Арнольд с Мириам выжидательно застыли в дверях, и я увидел, как обвинитель представляет своего консультанта фэбээровцам, после чего все они вместе отваливают.

Я повесил голову и выругался про себя. Развод удался, доверие русской братвы вроде как завоевано, но теперь в любой момент все может пойти прахом. По физиономии Мириам я прочитал, что шансы на то, что меня арестуют в ту же секунду, как я выйду за двери, составляют примерно пятьдесят на пятьдесят. И Эми не проживет после этого и минуты.

Глава 15

По мере того как зал пустел, я чувствовал себя все более и более неуютно. Русские так и не двигались со своих стульев. Через минуту я остался с ними совершенно один.

— Виктор, займи дверь, — распорядился Волчек.

Вид у здоровяка Виктора был такой, будто любую дверь он мог просто сожрать — широченные плечи и шея, что твоя мишленовская шина. Вставая со стула, он оперся на перила, и я заметил, что костяшки у него на руках основательно сбиты и все в шрамах. Нос выглядел так, будто после перелома его и не вправляли вообще — типичный «бык». Я был чуть ли не лучшим бойцом у себя в квартале, а в Бруклине быстро дорос до лучшего из всех юных боксерских талантов. Но, начав тренировки у Мики Хоули, быстро понял, что боксером-профессионалом мне не стать, чего-то не хватает. Хотя тренировки все равно любил. Лет до одиннадцати на улице не подворовывал — постоянно торчал в зале, выбивая дерьмо из всего, что попадется под руку. Было это очень давно, и хотя кое-какие остатки былого таланта у меня

еще уцелели, против Виктора у меня не было ровно никаких шансов.

Неспешной походкой он направился к дверям. Прислонился к распашным половинкам спиной, полностью перекрыв выход. Похоже, что нам предстоял небольшой разговор.

— Я хочу поговорить с дочерью, — сказал я.

— Я изнасилую и убью вашу дочь, если еще раз услышу подобную просьбу, — сказал Артурас.

Я терялся в догадках, что это такое на него нашло. Наоборот, должен быть доволен, что все так хорошо идет! Я заткнулся и мысленно дал себе клятву: когда все кончится, Артурас сильно пострадает.

Волчек же, с другой стороны, был явно обрадован.

— Неплохо управились, господин адвокат. Сделаете, что я прошу, и получите свою дочку в целости и сохранности, — сказал он, пытаясь перенять фирменную улыбочку Артураса. И добавил: — Ходить туда-сюда через охрану слишком рискованно. Здание открыто круглые сутки, к вечеру подтянется народ в ночной суд, будет тут везде шляться… Останетесь в том офисе наверху. Не волнуйтесь, Грегор скоро вернется. Без компании не останетесь. Виктор с Артурасом тоже с

вами побудут, приглядят…

Я подумал, что Грегор — это, наверное, тот самый монстр, что вырубил меня тогда в лимузине. Когда я очухался на кожаном сиденье, его уже не было.

В этом здании мне довелось провести отнюдь не единственную ночь, и теперь я очень сожалею обо всех таких случаях до единого.

Кристина однажды сказала мне, что в нашем браке чувствует себя одинокой. В последний год наших отношений дома я практически не ночевал — мы с Джеком легли костьми, чтобы держать суд все двадцать четыре часа в сутки, и я очень скучал по жене с дочкой. Твердил себе, что все это только для них, чтобы они жили, ни в чем себе не отказывая. А им всего-то хотелось почаще меня видеть. Даже при всех этих сверхурочных деньги текли не так чтобы густо. Кристина как-то спросила меня, действительно ли я работаю или завел кого-нибудь на стороне. Вряд ли она считала, что у меня интрижка — просто злилась. Не на такую жизнь она рассчитывала. После гибельных последствий дела Беркли, когда у меня на полгода отозвали адвокатскую лицензию, я вместо того, чтобы сидеть дома, перся прямиком в бар, где убивал еще больше времени вдали от тех, кого

больше всего любил. Я пришел к осознанию того, что просто не хочу оказаться лицом к лицу с Кристиной и признаваться ей в том, что все эти ночи, что я провел в «Отеле Дракулы», пошли псу под хвост; что я наплевал на школьные праздники и спортивные выступления Эми лишь ради того, чтобы цапаться с судьями в суде; что я пожертвовал нашим браком ради абсолютно ничего. А ведь до прошлого года брак у нас с Кристиной был достаточно крепкий. Был хороший дом в Куинсе, умница-дочка, и даже при том, что, работая сутками, золотых гор я не имел, мы были вполне счастливы. Или мне так просто казалось…

С Кристиной мы познакомились на юридических курсах. В первые месяцы я с ней даже не заговаривал. Просто не мог набраться духу. Там было полным-полно симпатичных богатых девчонок и не слишком-то много парней вроде меня, которые ходили на лекции в драных джинсах, замасленных футболках и со вчерашним пивным выхлопом изо рта. Выглядел я тогда довольно неплохо, и недостатка в телках, которые были не прочь провести со мной ночку, особо не испытывал. Но я хотел Кристину. Познакомились мы на

следующее утро после дня Святого Патрика[13], когда в девять утра я вывалился из заведения Фленнери, все еще пьяный, и залез в такси, чтобы ехать на занятия. Не успевает еще таксист тронуть с места, как дверь опять распахивается и ко мне запрыгивает какая-то девчонка. Это и была Кристина.

«Нам ведь вроде как по пути?» — спрашивает. «Точно», — отвечаю ей.

Едва такси отъезжает от тротуара, как она начинает раздеваться до белья. Снимает верх, джинсы, бросает их на пол между сиденьями, лезет в сумку, прыскается дезиком, натягивает свежие штаны и топик. Тоже всю ночь пробухáла, как и я. В ходе всего этого представления не произносит ни слова. У нас с таксистом только челюсти до полу. Подкатываем ко входу в здание, где курсы, она расплачивается, выскакивает, заталкивает свои длинные каштановые волосы за уши и говорит: «Извини. Ты, наверное, очень шокирован?» «Не, — отвечаю, — я на седьмом небе!»

---

[13] notes: 13

День Св. Патрика — самый главный праздник в Ирландии. Празднуется по всему миру ежегодно 17 марта. Пиво и виски льются рекой, наутро действительно тяжело. Куда же без него, даже в Америке, тем более что Эдди наполовину ирландец.

Так все и началось. В тот же вечер опять встретились и потихоньку влюбились друг в друга за здоровенным кувшином пива и ведерком креветок, за которые я, надо сказать, не платил.

Она была совершенно свободной. За это-то я ее и полюбил. И полюбил еще пуще, когда мы поженились и она в первый раз дала мне подержать Эми. У той такая же вольная душа, как и у матушки…

Я опять ощутил внизу спины короткую вибрацию — такую же вибрацию, которую почувствовал ранее во время заседания. Наверное, Артурас снял взрывное устройство с боевого взвода.

— Знаете, что мне сегодня больше всего понравилось? — спросил Волчек. — Вы не стали дергаться, когда почувствовали, что бомба наготове. Я видел, как Артурас ее взвел. Теперь вы понимаете, что нужно сделать, чтобы получить дочь и избавиться от взрывчатки. — Он махнул на свидетельскую трибуну. — Если я дам вам шанс допросить Бенни, о чем вы будете его спрашивать?

— Пока не знаю. Пока что в голове только то, что лежит на поверхности, — что он пытается впутать вас, чтобы самому спасти свою шкуру. Что заключил сделку с правосудием, дабы из-

бежать пожизненного, и что к нему не больше доверия, чем к обычному тюремному стукачу.

Вереница охвативших меня мыслей вдруг уперлась в один смутный вопрос — в то, что подсознательно не давало мне покоя с того самого момента, как я прочел про это дело в газете. Волчека судили за одно-единственное убийство, убийство Марио Геральдо. Волчек стоял во главе огромной, ворочающей многими миллионами преступной организации. Если Бенни попался во время заказухи с поличным, то почему не заключил сделку получше? Почему не вывалил ФБР абсолютно все, что знал об организации Волчека как таковой, вместо одной несчастной мокрухи? Пошел бы себе по программе защиты свидетелей, жил бы втихаря на свободе, вместо того чтобы мотать серьезный срок, когда все закончится…

— Понимаете, проблема с Малюткой-Бенни в том, что эта версия несколько слабовата — если он подставляет вас из-за того, что он просто стукач, то почему же такой копеечный стук? Про убийство сказал, а про прочие ваши делишки — нет? Это придает ему определенный вес как свидетелю. А ведь мог и рассказать, как думаете? — спросил я.

Волчек с Артурасом оба хранили молчание. Я

принял это молчание за «да».

— Его ведь вроде уже осудили? Я читал в «Таймс», что некий анонимный свидетель по предстоящему процессу русской мафии отбывает срок. Все, кто это прочел, наверняка поняли, что речь про вас. Сколько ему дали? Десятку?

— Двенадцать, — сказал Артурас.

— Так что же помешало ему вломить вас по полной? Все это ни в какие ворота не лезет. Почему он не сдал вас с потрохами и не вышел на свободу с новыми документами стараниями ФБР?

Волчек сплюнул на пол, и хотя лицо его было направлено на меня, глаза метнулись в сторону Артураса.

— Наверное, Малютка-Бенни сохранил какие-то остатки преданности старым друзьям… — Его холодный, жестокий взгляд вернулся на меня. — Но это не важно. Не думаю, что у вас получится выиграть дело, мистер Флинн. Но можете попытаться. Я разрешаю. Хотя завтра мы все равно приделаем эту бомбу под стул, как Артурас и планировал, — сказал Волчек.

И когда он произносил имя своего подручного, я опять увидел у него в глазах какое-то темное, кровожадное желание, словно и уже совершенные убийства, и те, что еще только предстояли, явля-

лись для Волчека лишь источником садистского удовольствия. Этот человек возглавлял огромную организацию — и все же не погнушался лично пытать Джека и его сестру. Артурас был весь на делах, бизнес есть бизнес, в то время как Волчек вовсю наслаждался мокрой работой.

Все эти его разглагольствования про криминальное братство, преданность и доверие ничуть не отменяли того факта, что, когда его человека поймали, тот указал пальцем прямиком на своего босса, *pakhana,* на того самого человека, который вручил ему половинку рублевой банкноты — *tselkovy*, от всего своего «целого» сердца. В большой криминальной структуре должна быть определенная степень доверия. Не будешь требовать преданности — скоро окажешься не при делах. По моим прикидкам, Волчеку было чуть за полтинник. Не многие гангстеры доживают до такого возраста, и сам этот факт достаточно убедительно доказывал, что в рядах организации под названием *Bratva* дела с лояльностью обстоят не так уж плохо. Впрочем, лояльность в таких случаях во многом зиждется на высоких ожиданиях — когда они сильно отстают от реальности, последствия неизбежны. Шрам на щеке у Артураса наверняка был наглядным свидетель-

ством подобного постулата. Волчек презирал Малютку-Бенни. Когда кого-то таким вот образом опускают, это сигнал собственной братве на всех уровнях. Сигнал всем правоохранительным органам по всему миру. Сигнал всем конкурирующим бандам: «Мы вас достанем. Где угодно». Продашь русскую мафию — проживешь недолго.

На все здание опустилась тьма, когда над ним сгустилась огромная дождевая туча, перекрывая и без того тускнеющий дневной свет.

Я услышал стук, громкий и настойчивый. Кто-то вовсю барабанил в двери зала.

Глава 16

Я увидел, как Виктор с Артурасом синхронно падают на колени и что-то достают из своих ботинок. В каждом из тайничков, встроенных в каблуки, пряталось по короткому хищно изогнутому ножу. Сделаны они были из одинакового материала — никаких массивных рукояток, просто тонкое, серое, цельное лезвие. Наверное, керамика; она не звенит на металлодетекторе. Такие клинки наверняка стоят кучу денег. Вполне приличный нож можно купить долларов за семьдесят пять. Эти же явно обошлись по семьдесят пять сотен каждый, не меньше.

Подстраховка. Если план полетит к чертям, пустят в ход ножи. Никаких стволов. Что бы там Артурас на меня ни прицепил, того большого револьвера при нем точно нет. Если они не сумели пронести сюда бомбу, то и протащить через досмотр стволы тоже не могли.

Виктор прислушивался у дверей. Свой нож он держал в левой руке чуть на отлете, кончиком вверх, к потолку. Артурас, похоже, ножом владел получше. Как только вытащил, сразу перевернул и взял идеальным обратным хватом — порезал,

ткнул, убежал. При обратном хвате нож не столь заметен, да и выбить его гораздо сложнее. Вдобавок в удар сверху вниз можно вложить бóльшую силу, да и скорость выше, чем при прямом хвате. Приходилось мне раньше и «перо» в ход пускать — для самообороны…

Артурас подошел к застывшему у дверей Виктору.

Оба прислушались.

Вроде ничего.

БАМ! БАМ!

Артурас поманил меня рукой, сказал:

— Сейчас мы откроем. Узнайте, что им надо, и пусть проваливают.

Виктор взял на себя левую половинку двери, Артурас переместился вправо, держа в левой руке пульт. Бомба опять отозвалась короткими вибрациями, и я впервые заметил на пульте красную светящуюся точку — очевидно, индикатор боевого взвода.

В зале было слышно лишь наше дыхание вразнобой.

— А что, если это федералы? — спросил я.

Артурас буркнул:

— И чего это вдруг вы понадобились федералам?

— Обвинитель нанял консультанта по отбору присяжных. Я видел его сегодня в суде. Зовут Арнольд Новоселич. Арнольд — известный чтец по губам. Как бы он не прочитал, как я или кто-то из ваших ребят перетираем про эту бомбу.

Волчек помотал головой и сказал:

— Исключено. Давайте смотрите, кто там.

Артурас с Виктором взялись за дверные ручки, переглянулись.

Распахнули — и на нас хлынул поток ослепительного белого света.

* * *

Они выстроились в шеренгу, словно расстрельная команда, но только вместо пуль на меня обрушился шквальный огонь как минимум дюжины фотовспышек. Я инстинктивно прикрылся, чтобы защитить глаза от нестерпимо ярких флуоресцентных всполохов.

Когда мы еще открывали свою адвокатскую контору, Джек настоял на том, чтобы сделать несколько постановочных снимков для рекламы. Тогда мне пришлось битых сорок минут проторчать в ярко освещенной комнате возле какого-то большого растения в горшке — пока фотограф, запросивший за свои труды совершенно неслы-

ханные деньги, наконец не решил, что вид у меня достаточно приличный, чтобы поместить его на постер или на кофейную кружку. С высоты своего нынешнего положения я понимаю, что затея с кружкой была оторви да выбрось. Ну какой клиент захочет каждый день любоваться на рожу своего адвоката на кружке? Только лишнее напоминание о ДТП, изнасиловании, расторжении брака, убийстве или — что хуже всего — о счетах, которые пришлось при этом оплачивать. Припомнив тот день в обществе фотографа, я даже невольно улыбнулся. Через сорок минут я был уже сыт художественной фотографией по горло. В итоге достал картишки и раскатал фотографа с его ассистентом на пятьдесят сотен каждого. Пришлось. В те дни у нас с Джеком и на бензин-то порой не хватало — какие уж там рекламные фотосессии!.. Я почувствовал, как при мысли о Джеке и о том, во что он втравил, у меня крепко стиснулись зубы.

Все так же прикрывая лицо обеими руками, шагнул вперед. Фотографы этого явно не ждали. Какой-то долговязый малый, который упорно светил мне в физиономию приделанным к телекамере прожектором, чуть не свалился, когда я на него попер. Зуб даю, что чуть ли не у каж-

дого из них в архиве обязательно есть фотка со мной — стою, идиотски осклабившись, в обнимку с каким-нибудь очередным гопником. Хочешь не хочешь, но пришлось выработать нечто вроде шкалы: чем страшнее преступление, в котором обвиняли моего клиента, тем ближе я должен быть к нему на фотке. Согласно этой шкале, сейчас мне полагалось бы прижаться к Волчеку вплотную и нежно поглаживать его по попке. Если вы мало-мальски достойный адвокат, то обязательно должны светить свою морду в газетах и завести знакомства среди представителей прессы.

За фотографами и операторами таились настоящие акулы — репортеры. Ребята с фотиками и камерами расступились, и я внезапно оказался в окружении микрофонов, диктофонов и прочих «фонов» — настойчивые и требовательные руки совали их мне чуть ли не в рот. Если не считать того утопшего сухогруза, мафиозный процесс был самой достойной внимания новостью в нашем замечательном городке. Каждый из репортеров жаждал отхватить свой кусок. Волчек — один из крупнейших боссов организованной преступности, ухитрившихся угодить под суд в нынешние времена, а поскольку фото- и видеосъемка во

время суда категорически запрещена, пришлось всей этой шатии дожидаться его выхода из зала, чтобы записать хоть какие-то обрывки изображения и звука, пока он не шмыгнет в лифт.

— Эдди, как ты собираешься защищать Волчека?

— Эдди, ну ты им и устроил! Что припас на завтра?

— Мистер Флинн, ваш клиент будет давать показания?

На меня свалилась одновременно еще дюжина подобных вопросов. Я протолкался через холл к лифтам и повернулся к толпе репортеров. Волчека они еще не заметили. Он стоял за спиной у Виктора, а это все равно что стоять за стеной, только двигающейся. Двери лифта с мелодичным звоном распахнулись. Виктор, волоча за собой чемодан с документами, стал обходить стоящих к нему спиной репортеров по левому флангу, пока все взгляды были нацелены только на меня. Проскользнув перед ними и быстро нырнув в лифт, он затащил меня за собой. Волчек забился в угол лифта, Артурас с Виктором встали у дверей. Репортеры просекли, кого от них скрывают, стали звать фотографов. Но было уже поздно.

Двери начали закрываться. Артурас с Виктором

были на взводе, тяжело дышали. Руки держали в карманах пальто, явно сжимая свои ножи. В подобной ситуации такие ребята очень опасны. Адреналин и страх — вообще взрывоопасная комбинация, а для публики вроде Артураса — тем более. И до смертоубийства может дойти.

В этот самый момент между сходящимися дверями лифта просунулась чья-то рука, останавливая их. Двери дернулись и опять разъехались по сторонам. Надеюсь, не какой-нибудь слишком рьяный репортер, подумал я.

Это оказался Барри, охранник. Вид у него был такой, будто он искал меня весь день. Едва только двери открылись, Барри сразу шагнул ко мне в лифт.

— Эдди, давно хочу сказать тебе спасибо за Терри. Я рассказал ему, что ты готов бесплатно его представлять, так он чуть потолок башкой не пробил от радости. Сразу позвонил жене — они ждут тебя сегодня на ужин.

Барри очень много времени проводит на ногах. Когда приходится делать это достаточно долго, вырабатывается определенная поза — стоишь так, чтобы не напрягаться и чтобы ничего потом не заболело. Барри перенес вес на правую ногу. Ответа он ждал, небрежно опираясь правой ру-

кой на рукоятку своей «беретты» сорок пятого калибра[14].

Виктор опять ткнул кнопку верхнего этажа.

Глянув Барри через плечо, я заметил стоящую футах в двадцати от лифта Мириам — она о чем-то переговаривалась с одним из федералов, самым высоким. На том были негнущийся темно-синий костюм, белая рубашка и синий галстук. Волосы такие черные, что я заподозрил, не крашеные ли. Мириам показывала пальцем на меня. Федерал посмотрел мне прямо в глаза и двинулся к лифту, но тут поднял взгляд куда-то наверх — понял, видно, что в лифт со мной не успеет, и решил узнать по электронному табло над дверями, на каком этаже мы остановимся. Наверняка поднимется вслед за нами.

Двери лифта сомкнулись.

«Господи, Барри! Что ты творишь! На мне же бомба!» — вот что мне хотелось сейчас сказать.

Но ничего не сказал, конечно же.

Барри дожидался, пока я приму приглашение его дружка на мясной рулет с пивом, но я не мог поднять на него глаз. Это же из-за меня он оказался в этом проклятом лифте! Если б я сдуру не

---

[14] notes: 14

Калибра.45 (0,45 дюйма, или 11,51 мм). Фактически самый крупный калибр ручного огнестрельного оружия.

вписался в дело Терри, если б вежливо отказал, его бы здесь не было. Артурас крепко сжал губы.

Лицо Барри я видел только периферийным зрением — он жевал резинку. Видно было, как гуляют под подбородком челюстные мускулы, слышно, как влажно почавкивает жвачка. На табло светилась цифра «19».

— Девятнадцатый? — удивился Барри, глядя на подсвеченный номер этажа. — Опять на всю ночь?

— Угу. Крупное дело. А там тихо-спокойно, есть где кости кинуть… Внизу больно уж людно. Почти всю ночь там с клиентами проваландаюсь. Если будет минутка, потом в ночной суд заскочу. У кого из судей сегодня «собачья вахта»?

— У судьи Форда, — ответил Барри.

— Придется тебе передать Терри, что с ужином я беру отсрочку. Пусть перенесет, ничего не поделаешь… Слышь, а там наверху по-прежнему можно поработать? Сто лет уже в этом здании не был.

— Да запросто. Там постоянно кто-нибудь торчит. На десятом в совещательной вчера подушку нашел, зубную щетку и бритву. Кто-то оставил. Если ты только не вздумаешь там прописаться, никто и слова не скажет. В конце концов, это же

общественное здание, мы никогда не закрываемся, так что валяй, будь как дома. У меня у самого сегодня вторая смена подряд, так что прослежу, чтоб тебя никто не дергал… Кстати, тут ребята на вечер пиццу заказали — хочешь, пришлю пару кусочков?

— Не, спасибо, Барри. Ты молодец.

Двери открылись на девятнадцатом этаже. Барри прижался к стенке лифта, давая нам протиснуться мимо.

— Сказать по правде, не думаю, чтоб уборщицы сюда теперь заглядывали — судя по тому, насколько тут все запущено, — сказал он мне со смешком.

Остался в лифте, уехал обратно вниз. А мы двинулись обратно в ту же бывшую приемную, которую занимали ранее. Артурас отпер дверь, дождался, пока все войдут. Закрыл, собрался опять сунуть ключ в замок.

— Не запирай. Сейчас сюда явится ФБР.

Артурас с Волчеком окружили меня с двух сторон.

— Это вы о чем? — спросил Волчек.

— Я только что видел, как обвинитель показывает на меня федералу в синем костюме. Это все тот консультант по присяжным, о котором я гово-

рил — он, должно быть, рассказал ей про бомбу, а она передала федералам. Они уже поднимаются. Я видел одного из них перед тем, как лифт закрылся на четырнадцатом. Он смотрел на табло над дверями. Проверял, на какой этаж поедем.

— Виктор, бегом к лифту. Говори, где он будет останавливаться и куда едет, — приказал Волчек.

Мы стояли в приемной, молча дожидаясь Виктора.

— Проехал семнадцатый, едет вниз! — крикнул Виктор из холла.

— Если остановится на четырнадцатом, то они сразу поднимутся сюда, — сказал я.

— Проехал шестнадцатый!

Волчек с Артурасом пялились на меня, но я на них смотреть уже не мог. Не отрывал взгляда от пола и молился, чтобы лифт проскочил четырнадцатый без остановки.

— Остановился на четырнадцатом, — объявил Виктор.

Артурас прижал мне к щеке нож.

Волчек вытащил мобильник, набрал номер.

Ноги у меня задрожали, под черепом гулко заухал пульс.

Волчеку ответили быстро.

— Это Олек. Может понадобиться кокнуть девчонку. Виси на линии и жди указаний.

Он резко опустил руку, прижав телефон к бедру. Прислушался в ожидании очередного выкрика Виктора — не поднимается ли сюда лифт.

Дрожь расползлась уже по всему телу. Я сцепил руки в замок, поджал подбородок и стал ждать.

Глава 17

Пока я пытался перебороть панику, все мысли в голове словно сорвались в галоп. Артурас сильней придавил мне к щеке лезвие ножа.

— Погоди, — сказал я. — Расслабься. Федералы не собираются меня арестовывать. Не рискнут развалить дело. Консультант рассказал прокурорше, а федералам все рассказала как раз прокурорша. Мириам мечтает прищучить главу русской мафии, для нее это дело номер один. Забрать меня федам она в жисть не даст, потому что в результате вы останетесь без защитника. Это поставит под угрозу само судебное разбирательство. Если они даже заявятся сюда, это ровно ничего не значит. Это так, попугать. Навешаю им лапши на уши и налажу отсюда. Не трогайте только Эми. Пожалуйста.

Последнее слово словно застряло у меня в горле.

— Лифт проехал пятнадцатый, они поднимаются, — крикнул Виктор из холла.

— Все, пипец, — сказал Волчек. — Артурас, кончай его. Надо сматывать.

Сердце у меня замерло, когда он стал подни-

мать телефон к уху.

— Нет! Не выйдет! Феды будут здесь в любую секунду. Не успеете. Дайте я с ними поговорю. Я от них избавлюсь. Я смогу! — буквально выкрикнул я.

— Олек, поздно уже сматываться. Он прав. Мы не успеем, — проговорил Артурас с бледным от страха лицом; весь его план на глазах летел к чертям.

— На шестнадцатом! — объявил Виктор.

— Отпустите меня. Дайте я все сделаю. Я — ваш единственный шанс, — сказал я.

Волчек медлил, уткнув себе голову в грудь. Резко крутнулся на каблуках, готовый сорваться с места, но опять замер. Выругался. Я весь подобрался, чуть расставил руки, крепко уперся ногами в пол. Всего полсекунды уйдет, чтобы сцапать запястье Артураса правой рукой, подтянуть его к груди и удержать нож в каких-то долях дюйма от собственной кожи; еще полсекунды на то, чтобы другой рукой перехватить его за локоть и резко пихнуть вверх, сломав руку и вывихнув плечо. Нет, все равно слишком долго, отобрать у Волчека телефон уже не выйдет, а он на линии. Успеет, гад, крикнуть, чтобы Эми убили.

— Семнадцатый, — объявил Виктор, пятясь

обратно к приемной.

— Всем сесть! Артурас, дай мне папку. Мы спокойно сидим, работаем над делом. Всем успокоиться — я все улажу, — выкрикнул я, едва скрывая отчаяние в голосе.

Артурас убрал от моей щеки нож, перекинул в обратный хват, скрывая лезвие из виду.

— Если вы хоть что-нибудь выкинете… если я просто увижу, что вы встаете со стула, то вашу девчонку сразу зарежут. Услышали меня? — прошипел Волчек.

— Услышал, — буркнул я.

Телефон опять метнулся к его уху.

— Я отключаюсь. Если через несколько минут получишь от меня эсэмэску, сразу убьешь девчонку.

Я проследил, как он набирает что-то на клавиатуре мобильника. Закончил, показал мне. Это было текстовое сообщение.

«Убей ее», а под текстом две кнопки: «отправить» и «удалить».

— Телефон будет лежать на столе. Если я ткну в эту кнопку, она умрет. Не забывайте про это, — сказал Волчек.

Я услышал, как задребезжали и лязгнули открывшиеся двери лифта. Все бросились в кабинет,

распихивая стулья. Мы с Волчеком пролезли за письменный стол. Артурас бросил передо мной скоросшиватель из чемодана, и я открыл его на первой попавшейся странице. Артурас с Виктором присели на кушетку.

Буквально через секунду я заметил, как мимо двери быстро прошел какой-то человек. Развернулся, махнул рукой кому-то за собой и столь же быстро метнулся обратно. Из-за спины у него возник тот самый долговязый в белой рубашке и темно-синем костюме — тот тип с иссиня-черными, будто бы крашеными волосами, которого совсем недавно я видел с Мириам. Остановился в дверях, молча описал пальцем в воздухе кружок, явно адресуясь к первому, и вошел в кабинет.

— Билл Кеннеди, ФБР, — бросил долговязый в синем костюме, махнув удостоверением. Я оказался прав — федерала за милю учую. — Это вы Эдди Флинн?

— Ну я Эдди Флинн. Если вы не против, у меня важный разговор с клиентом. Его тут судят за убийство, если вы еще не заметили, так что прошу прощения.

Я отвернулся от Кеннеди — и тут же наткнулся на взгляд Волчека. Телефон по-прежнему лежал на столе. Эсэмэска тоже никуда не девалась —

ждала либо отправки, либо удаления. Я убрал руки под стол. В таких ситуациях по возможности всегда прячьте руки. Они вас и выдают. Дрожат или же сильно отличаются по цвету друг от друга — в зависимости от того, какую руку вы напрягаете, чтобы перебороть волнение. Или же вы неосознанно так крепко сжимаете кулаки, что белеют костяшки.

— Боюсь, что вам придется пройти со мной, — сказал Кеннеди.

– *А я* боюсь, что у меня нет времени на всякие фэбээровские игры. Прикройте дверь, когда будете уходить.

Кеннеди напрягся.

— Мистер Флинн, если вы сейчас же не пойдете со мной, у меня не останется иного выбора, кроме как взять вас под арест.

— Это вас прокурорша науськала? — спросил я.

— Я получил информацию о потенциальной угрозе взрыва. Инструкции для таких случаев совершенно четкие, но я все же надеюсь, что можно прояснить ситуацию и без крайних мер вроде ареста. Если выйдете на минутку, мы просто поговорим. Много времени это не займет.

Волчек едва заметно качнул головой, пальцы его легли на телефон.

— Никуда я не пойду, — ответил я.

— Мистер Флинн, мне нужно, чтоб вы немедленно встали.

— Нет, — твердо сказал я. Мои пальцы под столом нервно задвигались.

Кеннеди сунул руку за пазуху пиджака, выдернул оттуда «глок 19», опустил к ляжке.

— Мистер Флинн, последний раз предупреждаю…

Я бесцеремонно перебил его:

— В жизни не видал такого тупого фэбээровца!

— Могу произнести по буквам: если через десять секунд вы не окажетесь на ногах, то я вас арестую! — рявкнул Кеннеди, куда более громко и куда более агрессивным тоном.

За спиной у Кеннеди в дверях возникли еще двое — один появился слева, другой справа. Еще агенты, которых я уже тоже видел. Должно быть, приехали с ним в одном лифте и успели осмотреть этаж, пока Кеннеди отвлекал меня разговором. На обоих были темные костюмы и белые рубашки. Тот, что слева, походил на итальянца. Чистая кожа, ясные молодые глаза. Другой был низенький, коренастый, с рыжей шевелюрой и неопрятными усиками.

Не знаю, двинулся ли Волчек или мне это толь-

ко показалось. Это уже не имело значения. Я потянулся было к телефону, чтобы остановить его, но Волчек быстро отдернул руку и положил ее на стол рядом с трубкой. Наклонив голову, я увидел, что черновик сообщения по-прежнему висит на экране, а выбор все тот же — отправить или стереть. Выражение лица Волчека я прочесть не сумел, но услышал, как он шумно выдохнул перед тем, как сложить руки на груди.

— На этаже чисто, — сказал тот, который помоложе, долговязый.

Оба агента заметили, что Кеннеди вытащил пистолет.

— В чем дело, Билл? — удивился рыжий.

Кеннеди сделал вид, будто ничего не услышал.

— Мистер Флинн, время!

Взялся за «глок» обеими руками, направляя его в пол.

Вмешался рыжеволосый коротышка:

— Билл, угомонись. Это всего лишь адвокат.

Кеннеди опять никак не отреагировал. Я воспользовался моментом, чтобы получше рассмотреть агента Кеннеди. «Глок» он держал классическим двуручным хватом: правая рука обхватывает рукоятку, левая чашечкой под ней, чтобы стабилизировать прицел. Кожица вокруг

большого пальца на левой руке вся в заусенцах и воспаленная — видать, привык обкусывать или другим пальцем подковыривать. Вообще-то довольно типичный признак нервного и опасливого человека. ФБР прятало Малютку-Бенни в каком-то секретном изоляторе, чтобы сохранить ему жизнь, и Кеннеди явно опасался потерять столь бесценного свидетеля. М-да, у него действительно были все основания нервничать…

В такие моменты я обычно спокоен. Мне не раз доводилось бывать во всяких гнилых переделках, но никогда еще на чашу весов не бросали жизнь моей дочери. Эта-то мысль и пробудила во мне ярость. Примерно как тогда в лимузине. Мне просто нужна была эта ярость. Она-то и прочистила мне мозги. Я вспомнил, как тогда внизу Арнольд Новоселич шептался с Мириам, и сразу увидел выход.

— Хочу услышать, каковы резонные основания для ареста, — сказал я.

Кеннеди не ответил. Но и угрожать по новой не стал. Просто стоял, где стоял. Я тут же осознал, что если б у Кеннеди действительно были какие-то веские основания для ареста, я бы уже две минуты как валялся носом в пол, прижатый сверху его коленкой. Кеннеди явно испытывал

неуверенность по поводу всей ситуации в целом. Я надавил посильней.

— Так каковы же резонные основания, агент Кеннеди? Я имею право знать резонные основания любых действий государственных органов, направленных на ограничение моих конституционных прав. Так в чем же они?

Пистолет в двуручном захвате нерешительно качнулся вправо-влево.

— У нас есть информация от одного источника, что во время судебного заседания вы обсуждали с другим человеком взрывчатые вещества, — ответил Кеннеди наконец.

— По-моему, тут какое-то недоразумение. Все можно прекрасно прояснить сразу после окончания процесса. Не хочу ставить его под угрозу.

Я ненадолго примолк — пусть усвоит. Мне надо было, чтоб он начал думать, сомневаться.

— Агент Кеннеди, тот разговор, который я якобы вел в суде насчет взрывчатки, — он, случайно, был не с мистером Волчеком?

— Полагаю, что да, — ответил Кеннеди.

Я медленно выдохнул — перед тем, как сделать решающий ход, нужно максимально взять себя в руки.

— И кого же Мириам Салливан наняла шпио-

нить за присяжными? Не Арни ли Новоселича, часом? — спросил я.

Кеннеди явно был изумлен, но изо всех сил старался этого не выдать.

— Потом это обсудим. Встать, Флинн.

Ну вот, уже и «мистера» отбросил — похоже, я попал в точку. Задел нервный центр. Кеннеди стал переминаться с ноги на ногу, проявляя четкие признаки беспокойства — небось лихорадочно размышляет теперь, не отколол ли только что самый фееричный в своей жизни косяк. Я откинулся на стуле и залепил ему уже по полной:

— Агент Кеннеди, если вы меня арестуете, я выставлю федеральному правительству иск на десять миллионов долларов. И я выиграю. Выкину к чертям с работы и вас, и вашего директора. Но главный смак всего этого будет для меня в другом — в прерывании судебного процесса по обстоятельствам, не зависящим от стороны защиты. Если вы меня арестуете, суд будет гарантированно прерван. Обвинению придется запросить отсрочку, пока мой клиент будет искать нового защитника, но какие тут нах отсрочки? Судья Пайк в жизни не станет откладывать рассмотрение громкого гангстерского дела с теми же присяжными чуть ли не на год — а примерно

столько и уйдет, пока новый адвокат Волчека наберет обороты. Это совершенно исключено. Процесс объявят прерванным, а через годик, когда новый адвокат Волчека успеет подготовиться, приведут к присяге новый состав жюри.

Внезапно Кеннеди будто застыл. Все нервозные подергивания прекратились. Похоже, удар достиг цели.

— Прокуратуре в этом городе здорово урезали бюджет. Как это будет выглядеть, если вдруг всплывет, что окружной прокурор выплачивает огромные суммы какому-то мелкому жулику Арнольду? Агент Кеннеди, ваш консультант по отбору присяжных нелегально шпионит за жюри. Ладно, не возьмусь сказать, в курсе ли была Мириам, как именно он действует, когда нанимала его, но теперь-то она точно знает, что Арнольд умеет читать по губам, — он сам в этом признался. Наверняка вам тоже поведал, что и по *моим* губам читал. Могу вас заверить, что ни про какую бомбу я не упоминал. Он же не сказал, что своими ушами это *слышал*, так ведь? А если он читал по губам мои беседы, то с равным успехом читал по губам и присяжных. А это уже оскорбление суда. Оказание воздействия на присяжных. От пяти до десяти, реальный срок. Этот человек

шпионил за мной, когда я беседовал с подзащитным. Все, что я говорю мистеру Волчеку в суде, имеет прямое отношение к его уголовному делу. Вряд ли вы убедите судью в обратном. Все, что мы ним обсуждаем, — строго конфиденциально и охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента, так что попытка нарушить эту привилегию без судебного ордера, право одобрения которого есть только у Верховного суда, абсолютно незаконна.

Подавшись вперед, я словно гвозди вбивал:

— Так что позвольте мне назвать все своими именами. Вы полагаетесь на свидетельства беспринципного человека, вовлеченного в незаконную деятельность на территории судебного учреждения и нарушающего мою привилегию адвокатской тайны. Человека, который готов загрузить вас любой херней, чтобы показать вам, какой он молодец, — может, его и в федеральные консультанты после такого возьмут? Арестуете меня — покажете себя полным ослом. Что ж, буду не прочь отобрать у вас должность, а у государства — денежки. Так что валяйте, вперед — арестовывайте на здоровье. Выигрывайте за меня дело и делайте меня богатеем.

Я вытянул вперед руки, словно приглашая

нацепить на меня наручники. Вид у меня был при этом совершенно уверенный и спокойный — вряд ли кто просек, что на самом-то деле кишки у меня сводит судорогой, а сердце молотит так часто, что вот-вот замрет насовсем.

Кеннеди не двинулся с места.

— Билл, завязывай, — сказал рыжий агент у него из-за спины.

Кеннеди что-то буркнул, недовольно скривив губы. Он все никак не мог прийти к какому-то решению, и это его убивало. Не знаю уж, что тут больше повлияло — его собственная ущербная нерешительность или моя убедительная тирада, — но в итоге он сдался.

— Это еще не конец, мистер Флинн, — буркнул Кеннеди, засовывая ствол обратно в кобуру под мышкой. Несмотря на все свои усилия скрыть волнение, я все же не удержался — облегченно выдохнул.

Руки его упали по швам, и я заметил, как он корябает большой палец указательным.

Повернулся уходить. Едва я опустил протянутые руки обратно на стол, как он вдруг остановился и оглянулся на меня через плечо. Злость и неуверенность словно куда-то девались. С заметно воспрянувшим видом Кеннеди коротко

бросил:

— Еще поговорим!

После чего столь же поспешно, как и явились, они исчезли. Я услышал из коридора их приглушенные голоса, а потом глухой металлический звон — кто-то от души пнул по дверям лифта. По лбу у меня ручьями катил пот. Я вытер лицо и почувствовал на щеке какое-то жжение. Увидел, что на руках поблескивают не только пот, но и темные сгустки крови. Артурас, видать, меня все-таки порезал, когда прижимал нож к лицу. Запекшаяся кровь основательно уделала и манжету рубашки. Но это вполне могла быть и кровь с ладони, которой я раздавил стакан с бурбоном.

Плевать три раза. Я опять прорвался. Вот и все дела. Правая рука метнулась к прыгающему в груди сердцу, чтобы угомонить его, и пальцы скользнули по какой-то выпуклости под плотной тканью пиджака. Бумажник. Тот, который я двинул у здоровяка в лимузине — того самого монстра, который чуть не оторвал мне башку. Надо будет заглянуть в этот лопатник. Выяснить, с кем я тогда имел дело. Но рисковать пока не стоит. Когда буду убежден, что остался совсем один и без посторонних глаз, тогда и загляну. Не сейчас, но скоро.

Глава 18

Головными болями я страдал чуть ли не всю свою жизнь, пока в конце концов не нашел целительное средство. Что это было за средство? Шестифутового роста путана по имени Бу, которая косила под физиотерапевта в моем мошенничестве со страховками — еще до того, как я подался в адвокаты. Весь фокус был построен на липовых травмах шейного отдела позвоночника, и когда денежки от страховых компаний потекли рекой, она бросила старое ремесло и настолько вжилась в роль, что пошла на вечерние медицинские курсы. Перестала надевать под белый халат мини-юбки и блузки с глубоченным вырезом — короче, девчонку стало не узнать.

Тогда я целыми ночами валялся под нашими «боевыми» машинами, приводя эту битую-перебитую рухлядь в относительный порядок для очередного дорожного «тычка». От постоянного пребывания в неудобной позе шея затекала и просто горела огнем. Бу торчала в офисе, зубрила анатомию. Она-то и научила меня, насколько важна для здоровья правильная осанка. Прием простой: подними голову, выпрями шею и спину,

расслабь мышцы и правильно дыши. Ее техника избавления от боли ни разу меня не подводила — отдергиваешь голову назад, чтоб хрустнуло, пару секунд держишь, если можешь терпеть боль, потом расслабляешься. Позже все эти советы насчет правильной осанки здорово пригодились мне в суде — помогали выглядеть раскованно и естественно, несмотря на усталость.

Повертев плечами, я выполнил предписанную Бу растяжку. Услышал, как лифт, приняв в свое нутро федералов, с лязгом затворяет свои старые двери.

Артурас опять знакомо ухмылялся. Волчек хохотал во все горло.

— А вы молодец! — бросил он, подхватывая телефон и стирая заготовленную эсэмэску.

Успешный мошенник должен много чего знать и уметь, быть докой в великом множестве разнообразных ремесел. Но все эти знания и умения пойдут псу под хвост, если вы не способны заставить людей проникнуться к вам доверием. Втереться в доверие к лоху на улице ничуть не сложней и не проще, чем к присяжным в суде — приемы одни и те же. При помощи таких вот приемов я успешно размазал по полу Голдштейна, а теперь еще и ФБР указал на две-

ри. Всех уболтал. Похоже, что доверие Волчека завоевано — осталось только грамотно этим распорядиться.

— А откуда мне знать, что моя дочь до сих пор жива? — спросил я.

Ухмылка с физиономии Артураса постепенно сползла, он брюзгливо поджал губы.

— Можете с ней поговорить. Заслужили. Только не вздумайте подавать ей какие-то сигналы. Она ничего не подозревает. Не забывайте, она уверена, что люди с ней — из частной охранной фирмы, которых вы сами и подогнали, из-за угроз в свой адрес.

Артурас набрал номер, включил на телефоне громкую связь. Ничего в разговоре я не понял — он перешел на родной русский. Но вроде все было спокойно, тона никто не повышал. Голос в трубке был женский, и лицо Артураса во время разговора несколько смягчилось. Наверное, подружка. Артурас умолк и протянул мне телефон. Я держал его дюймах в трех от лица.

— Эми, это ты? — осторожно проговорил я.

Тишина.

— Папа?

Отчаянно попытался убрать из голоса любые эмоции.

— Угу, это я. Ты как?

— Нормально. Что происходит? Где вы с мамой? Элейна говорит, что мне нельзя… что мне… что мне нельзя никуда выходить.

Голосок у нее ощутимо подрагивал. Из динамика слышалось быстрое, прерывистое дыхание. Она была испугана. Наверное, Элейна — это та женщина, с которой разговаривал Артурас, скорее всего, его девушка. Разумно, что *Bratva* привлекла приглядывать за девчонкой возраста Эми именно женщину — к той и в школе наверняка отнеслись с большим доверием.

— Во всем слушайся эту тетю, солнышко.

«1–646–695–8875».

— А почему ты не со мной? В смысле… мы ведь могли бы прятаться вместе, точно? — произнесла Эми, голос которой на последнем слове предательски дрогнул.

Такова уж Эми: проницательная, пытливая, с отлично откалиброванным «индикатором брехни», встроенным в ее умненькую головку, — такой чуть ли не у всех детишек ее возраста уже есть. Она знала. Знала: что-то тут не так — и это ее пугало.

Я невольно закашлялся, прикрыв рукой микрофон и надув щеки. Нельзя, чтобы Эми засекла

страх у меня в голосе, так что попробовал просто проглотить тугую царапающую горечь, перехватившую горло.

— Я очень тебя люблю, зайчик. Совсем скоро увидимся. Ничего не бойся. Я не допущу, чтоб тебя кто-нибудь обидел. Ты ведь мой ангел, не забыла?

— Папа?

«1–646–695–8875».

— Да?

— А мама с тобой? Можно я… Ну пожалуйста… Я хочу с ней поговорить. Я хочу, чтобы ты… Хочу, чтобы вы с мамой меня забрали. Я люблю тебя. Пожалуйста, папочка, забери меня отсюда!.. Ну пожалуйста…

Тут она окончательно сломалась, и бессвязные мольбы перешли в судорожные всхлипы почти на самой границе истерики, которые сразу же ушли на задний план — телефон у нее забрали.

Быстро сморгнув с глаз одинокую слезинку, я попытался опять позвать ее, но слова комом застряли в горле. Артурас молча чиркнул пальцем по горлу. Отведенное им время истекло, и он протянул руку к телефону.

«1–646–695–8875».

— Солнышко, все хорошо. Не плачь. Я тоже тебя

люблю, — проговорил я, возвысив голос, который вдруг стал вязким от страха и злости.

Артурас нажал на отбой.

Мне хотелось их всех убить. Прямо сейчас, прямо здесь. Остановил себя только каким-то невероятным усилием воли. Нельзя допустить, чтобы такое произошло. Только не сейчас. Их трое. Да, я быстр, но даже при всей моей скорости хоть кто-то из них да успеет сделать телефонный звонок. Звонок, который оборвет жизнь моей Эми. Я постарался думать о чем-нибудь другом.

— Где моя жена?

— Она не знает, что Эми пропала, насколько нам известно, — ответил Волчек. — В школе считают, что мы забрали ее в безопасное убежище. Поддельная ксива охранника вопросов у них не вызвала. Ваша супруга не ждет Эми домой до завтрашнего вечера. Жена вас не побеспокоит. Нас тоже. А если поднимет шум — отправится к своей дочке.

Я осторожно покачал головой с боку на бок, чтобы размять шею и утихомирить боль, которая расползалась по плечам и, казалось, проникала прямо в мозг. Эми знала, что происходит нечто плохое. Своим «защитникам» не доверяла. Не купилась на их объяснения. Не помню, чтоб она

когда-нибудь была так испугана. Последний раз действительно сильный страх ей довелось испытать полтора года назад, когда на уроке английского в школе им дали задание подготовить речь и произнести ее на общем собрании учеников. Весь день тогда Эми просидела в столовой у нас дома, тихонечко всхлипывая над листочком. Я прочитал — речь вышла хоть куда. Проблема была в том, чтобы произнести ее, стоя перед сотней других детишек. После множества ободряющих слов она решилась выступить со своей речью передо мной, но так и не закончила ее — застыла, подавившись словами, потом расплакалась.

«Я никогда не смогу! Убегу из школы! Типа, мне никак!»

Ну, в общем, я и говорю ей, что сейчас раскрою секрет, как стать великим оратором — адвокат я, в конце концов, или кто?

«Поджимай пальцы на ногах».

«Как это?» — удивляется она сквозь слезы.

«А вот так. Наши мозги почему-то лучше работают, когда тело еще чем-нибудь занято. Вот потому-то многие находят решение какой-то проблемы или делают великое изобретение в тот момент, когда ведут машину, варят обед или про-

сто сидят на толчке. Никто твоих ног не увидит, а на то, чтобы нервничать, тебя уже не останется — надо будет все время помнить про пальцы».

Она пробует поджимать пальцы на ногах и опять произносит свой спич — на сей раз безупречно.

И еще одна забавная вещь насчет того вечера в столовой — не могу припомнить, когда Эми меня в последний раз обнимала, но те объятия помню крепко. Речь в школе я в тот раз пропустил. Элементарно вылетело из головы — мы с Джеком как раз взяли дело о вооруженном ограблении. Когда вечером я явился домой, Кристина рассказала, что выступление Эми было одним из лучших, но всю дорогу назад из школы она проплакала, потому что сам я ее триумфа не видел.

Ну уж нет, больше я ожиданий своей малышки не обману.

«1–646–695–8875», — повторял в уме снова и снова. До тех пор, пока эти цифры сами собой не зазвучали у меня в голове.

Никогда не забуду этот номер. Яркие белые цифры на экране мобильника стояли перед глазами, будто наяву. Что мне с ними делать? Этого я на тот момент еще не придумал.

Но обязательно придумаю.

Ведь там была Эми — в квартире, или в доме, или в офисе на другом конце линии мобильной телефонной связи. У меня самого мобильника никогда не было — терпеть их не могу, так что все нужные телефонные номера попросту держу в голове. Я знал, что «646» — это код зоны. А именно той зоны, что охватывает Манхэттен. Это несколько сужало поиски Эми. Остров Манхэттен — больше тринадцати миль в длину и чуть меньше двух с половиной миль в ширину. Живет на этом замечательном острове порядка двух миллионов народу, и еще миллиона два-три наезжает сюда каждый день по делам и на работу. Угу, сузил поиск, ничего не скажешь…

Чтобы отыскать Эми, забрать ее из плена, нужно было проследить этот мобильный номер до конкретного места, привязать его к реальному человеку и адресу. У меня в жизни были только два человека, которым я мог безоговорочно доверять: первый — мой лучший дружок детства, Джимми Феллини, которого теперь все остальные небезосновательно опасались; второй, как ни странно, судья, Гарри Форд — человек, которому уже дважды доводилось держать мою судьбу в собственных руках, причем оба случая буквально перевернули всю мою предыдущую жизнь. К

своему тридцать шестому году существования на этой планете я жил как бы в двух совершенно отдельных мирах одновременно — в мире жуликов и в мире юристов, и те навыки, которые преподал мне в свое время отец, позволяли безбедно процветать сразу в обоих — поскольку, если как следует разобраться, на самом деле не особо-то эти миры и разные.

Помощь мне была нужна сразу от обоих, хотя пока я еще не понимал до конца, как с ними связаться и сколько им можно рассказать.

Таймер на часах показывал, что на все про все оставалось ровно двадцать два часа. Всего двадцать два часа, чтобы освободить Эми и развести бандюков. Жидкокристаллический дисплей на руке показывал шесть вечера. Первая сессия ночного суда уже в самом разгаре. Барри сказал, что «собачья вахта» у судьи Форда, у ночных это второе слушание. А это означало, что Гарри уже наверняка где-то в здании — читает дела, готовится к ночной работе. Слишком уж часто всю мою жизнь в корне меняли всякие непредвиденные обстоятельства — случай, удача… Интересно, это судьба? Все, что я знал на данный момент, — это что у меня семь часов на то, чтобы разыскать Гарри до того, как он займет председательское

место в зале суда. Если не отловлю его до часу ночи, то не отловлю уже никогда.

Глава 19

На столе в бывшем кабинете судьи передо мной лежала раскрытая папка. Я сказал Волчеку, что мне нужно прочитать материалы по делу — не кроется ли там еще какая-нибудь угроза его выходу под залог. За дверью, в бывшей приемной, о чем-то перешептывались Артурас с Волчеком. Попробовал прислушаться к их разговору, но ни черта толком не разобрал. Был уже восьмой час, за окнами темень и дождь как из ведра. Виктор лежал на зеленой кушетке в кабинете, отдыхал. Я подумал про Гарри — просто огромный риск его во все это втягивать. В конце концов, он все-таки судья. Но для меня он был не только судья — это был друг. Если б не Гарри, я так до конца своих дней и прожил бы жуликом и мошенником.

Первые несколько лет мошеннический кураж сродни кокаиновому приходу — хочется испытывать его снова и снова; но даже если и этого мало, чтобы окончательно втянуться, деньги и без того быстро затянут вас с головой. Моей мишенью были в основном страховые компании. Компании вроде той, что исправно получала с моего отца ежемесячные взносы, а потом бросила умирать,

отказавшись платить по полису. Медицинскому страхованию отводилась в моих делишках не слишком-то значительная доля: сфокусировался я прежде всего на мошенничестве в области урегулирования убытков по дорожно-транспортным происшествиям — весьма рискованной, но и сулящей самые высокие барыши игре с самыми хитрожопыми умами, которые только можно себе представить. «Разводить» страховую компанию — все равно что играть в покер с самим сатаной: его дом, его правила. Но я всегда выигрывал. К тому времени, как завязал, довел свое мастерство практически до полного совершенства.

Срубить с компании возмещение по фиктивному страховому случаю — уже само по себе фокус. Но главный цирковой трюк при таком разводе в том, чтобы компания думала, будто это она сама тебя развела.

Начинаешь с того, что открываешь липовую юридическую контору. Многим может показаться, что это слишком уж заморочное дело, но для меня это был самый простой этап. Постоянно проглядывая газетные некрологи и оповещения о смерти, я как минимум раз в месяц натыкался на очередного почившего в бозе адвоката средней

руки. Обычно у таких представителей адвокатуры полный букет: тут тебе и повышенный уровень холестерина, и повышенный уровень алкоголя, и повышенный уровень никотина от сигарет, которые они смолят одну за другой по причине повышенного стресса. Все до единого адвокаты, у которых мне доводилось красть их личные данные, померли от инфаркта. К счастью для меня, бухло и алкоголь косят таких адвокатов сотнями. Короче, я выбирал подходящего мертвого кандидата и наносил убитой горем вдове светский визит. Цветочки и чек на энную сумму были моим главным оружием. Я грузил ей, что ее усопший супруг некогда представлял мои интересы и отсудил мне целое состояние, но только вот был такой джентльмен, что напрочь отказался принять от меня хоть какой-нибудь подарок. И теперь, мол, я хочу передать ей несколько тысяч «баков» чисто в порядке благодарности. Вручив вдове бабло, я тут же спрашивал, нельзя ли мне получить что-нибудь на память о моем любимом герое юридического фронта — лучше всего его адвокатскую лицензию, дабы вставить ее в рамочку, повесить на стену и лить над нею слезы долгими зимними вечерами.

Лицензия — это, вообще-то, все, что мне тре-

бовалось. От том, что один из ее членов изволил отбросить коньки, Ассоциация практикующих судебных адвокатов штата Нью-Йорк обычно узнает самой последней. Адвокаты на похороны других адвокатов не ходят. Некогда. Можно и в суд не поспеть. В общем, заполучив очередную мертвую душу в виде оформленной по всем правилам лицензии, я присвоил ее себе и под именем усопшего открыл свою липовую адвокатскую практику.

Практика эта, впрочем, больше заключалась в кузовном ремонте и прочих автомеханических премудростях, нежели в юридических битвах. Все начиналось с обычного ДТП. Дешевая тачка, которую легко подшаманить и вернуть к жизни, подкатывала к светофору в тот самый момент, когда на нем вот-вот должен был загореться красный, и вместо того, чтобы проскочить перекресток, как все нормальные люди, водила в нужный момент резко ударял по тормозам, из-за чего едущий за ним автомобиль врезался в него сзади. Задачка не из простых, и на вершине своей карьеры я даже нанял двух асов вождения, которые не только с великой точностью обставляли «тычок», но и достаточно убедительно изображали потом страдающих от ран жертв

дорожно-транспортного происшествия.

В правилах движения сказано, что при движении необходимо соблюдать безопасную дистанцию, а к моменту «тычка» красный свет уже горел. От агента по урегулированию убытков семи пядей во лбу при этом не требуется. Главное — уладить вопрос побыстрей и подешевле. Но не тут-то было. В игру вступал придурковатый адвокат пострадавшей стороны. От лица моей подставной юридической фирмы виновнику ДТП поступало письмо, которое он пересылал своему страховщику. Как только связь была установлена, требовалось показать страховой компании наживку. Таковой наживкой было другое письмо, касающееся обстоятельств инцидента, которое получала страховая или ее адвокаты. Только на сей раз в конверт якобы случайно затесывалось еще одно письмо. Письму этому старательно придавали вид, будто его зажевало в принтере и что прикладывать его к письму в страховую компанию вовсе никто не собирался. Это зажеванное письмо с размазанными буквами от подставной юридической фирмы подставному же клиенту ставило того в известность, что немедленно соглашаться на условия возмещения по травмам, полученным в результате страхового случая

(хирургическое вмешательство/неосторожность детей и подростков/прорвало трубу и т. д. и т. п.) ему ни в коем случае не следует, поскольку, по предварительным данным медицинского освидетельствования, ему светит, скажем, две сотни кусков.

Ко всей этой фигне для большей убедительности прилагалась и липовая медицинская справка. Это была самая дорогостоящая и расходная часть всего предприятия, поскольку ради этого пришлось городить целое подставное медучреждение. Тут в дело вступала Бу — экс-путана, а ныне доктор-физиотерапевт. Несколько недель изображала активность фиктивной поликлиники, отвечала на звонки и сразу давала мне знать, когда представителям страховщика вздумалось нагрянуть в наш медицинский центр с проверкой. Понять это было проще некуда — кроме проверщиков, никто туда больше не звонил, ни о каких настоящих пациентах мы и слыхом не слыхивали. И чем ниже у Бу был вырез на блузке, тем охотней страховые ревизоры расписывалась в полной надежности нашего здравоохранительного заведения.

Познакомился я с Бу прямо на улице, сразу после своего девятнадцатого дня рождения.

Вывалился из бара Макгонагалла где-то около полуночи и гляжу: двое довольно свирепого вида гопников мутузят долговязую симпатичную девицу в белом платье и с ярко-красной, словно кетчуп, помадой на губах. Та кое-как отбивается, едва стоя на десятидюмовой высоты шпильках толщиной с карандаш. У одного гопника железная труба, другой ремнем размахивает. Я тут же влезаю, естественно, хоть и пьяный, ухитряюсь смачно залепить тому, который с ремнем, но тут его кореш мочит меня по башке трубой. Когда зрение более или менее вернулось, вижу: Бу стоит рядом со мной, покуривая сигаретку, — в тех же туфлях, но уже без каблуков. Гопники растянулись рядом. У одного, который вопит во всю мочь, собственный ремень обмотан вокруг шеи, а из коленки торчит каблук-шпилька на манер стилета. Другой не издает ни звука, и вижу, что сбоку валяется его труба — конец сплющен и весь мокрый от крови. На Бу — ни царапины. Отвезла меня тогда к себе на квартиру, помыла-почистила, уложила спать на диване…

Примерно в течение недели после того, как страховая компания или ее юристы получали подобные послания, в фиктивную клинику Бу заявлялся ревизор с проверкой. Через пару

дней после этого у нас появлялись предложения уладить дело по ДТП на сумму от двадцати до пятидесяти тысяч долларов при условии, если предложение об урегулировании будет акцептовано в течение четырнадцати дней.

Нечего и говорить, что все мои подставные клиенты с радостью принимали столь щедрое предложение. И просили выписать чек на мою фирму — якобы для предварительного вычета юридических издержек; ну а банки были только рады обналичить его для молодого юриста, пытающегося воскресить фирму своего умершего наставника. Я же радовался тому, что в очередной раз прищучил адвокатов и страховщиков, укравших у отца его достоинство и саму жизнь. Но вмешалась судьба — или счастливый случай, называйте как хотите, — когда девятифунтовый молоток и ошибка на какие-то полсекунды изменили мою жизнь навсегда.

Глава 20

Попытался сосредоточиться на документах. Раз уж это дело и затащило меня сюда, надо узнать о нем как можно больше. Часть моего плана требовала найти какой-то рычаг воздействия на русских, и я не сомневался, что во всех этих папках и скоросшивателях обязательно хоть что-нибудь да отыщется. Кожа горела, глаза не могли ни на чем надолго сфокусироваться. Стоило мне на секунду отвлечься от бумаг, как я ловил себя на том, что бездумно таращусь в пространство. Паника. Ладно, по крайней мере хоть сознаю, что это паника. Взял под узду дыхание, сконцентрировался на простейшей задаче: вдох — выдох, вдох — выдох.

От трех первых подшивок проку оказалось ноль. Экспертные отчеты, составленные четырьмя различными юридическими фирмами, — ни в одном из правовых заключений и резюме по делу ни нашлось ничего ценного. Эксперты утверждали, что худшего свидетеля, чем Волчек, им за всю их карьеру не встречалось. Вполне правдивая оценка, подумалось мне. Все отчеты и заключения заканчивались одним и тем же выводом:

Волчек виновен.

Следующие четыре папки содержали материалы следствия. В первой я нашел протокол задержания Волчека и официальные переводы его допросов в полиции Нью-Йорка. Волчек не дал ответа ни на один заданный ему вопрос. Единственным документом, представляющим хоть какой-то интерес, оказалась ксерокопия первой полосы «Нью-Йорк таймс» от пятого апреля двухлетней давности — полицейский снимок Марио Геральдо, очевидно, с каких-то прошлых арестов, и ниже, под сгибом, фото Волчека, выходящего под конвоем из суда. В статье речь шла про убийство и последующий арест знаменитого русского мафиозо.

Большую часть содержимого папки номер два представляли собой фотографии и схемы — в основном места преступления. На многочисленных снимках — интерьер неопрятной квартирки и толстяк на полу. Прямо на лице у толстяка зияло входное отверстие от пули — на дюйм пониже левого глаза и в четверти дюйма от носа. Выстрел практически в десятку. Наверняка где-то среди бумаг есть еще и отчет медэксперта, но я его пока не нашел. Хотя углубляться в него не было нужды — причина смерти этого парня и так была

налицо. Вернее, на лице. Тянущая боль в плечах вдруг немного утихла, и я осторожно расправил плечи, чтобы она не вернулась опять.

Толстяк на фотках был в грязной белой безрукавке и темных брюках. Босиком. Марио Геральдо, потерпевший. Хотя с такой рожей — да потерпевший? Вид у него был такой, будто он только что сошел с экрана очередного шедевра Мартина Скорсезе[15]. Всего в Нью-Йорке четыре итальянских криминальных семейства. Никаких Геральдо среди них, сколько помнится, вроде бы нету, хотя эта фамилия все же вызвала в голове некий смутный резонанс, который я пока не сумел окончательно распознать.

Поднес фотку под лампу на столе, внимательней рассмотрел распластанного посреди комнаты толстяка. Попробовал различить татуировки — у каждой банды они обычно свои. Не, наколки вроде не территориальные. Заметил вокруг входной раны пороховые ожоги. Застрелили практически в упор. Приставили ствол к самому лицу, но не вплотную. Если б в момент выстрела дуло было прижато к коже, не осталось бы такое широкое

[15] notes: 15

Мартин Чарльз Скорсезе (р. 1942) — американский кинорежиссер, актер, продюсер и сценарист, лауреат премии «Оскар». Славен в первую очередь своими гангстерскими лентами.

пятно от догорающего пороха — метина была бы меньше в диаметре, но более четко очерчена, поскольку ожог оставил бы в первую очередь раскаленный дульный срез.

Я вывалил фотографии из папки прямо на стол, стал раскладывать по смыслу. Вместе с фотками выпали еще два документа — отчет криминалистической лаборатории и обвинительное заключение следователя по делу, некоего Мартинеса, но читать ни тот, ни другой пока не хотелось. Лучше для начала сам все посмотрю, составлю свое мнение. Если прочту, то буду смотреть на фотки уже чужими глазами, смажу собственное толкование событий. Хотя толковать тут вроде как особо нечего. Копы сцапали Бенни прямо в квартире, пистолет еще горяченький лежал на полу. В убийстве он признался на следующий день после того, как подписал сделку с обвинением. Получил двенадцать лет, выйдет через семь.

Брызг крови на полу за головой убитого вроде не видно. Подхватил еще три фотки — крупный план головы с различных ракурсов. Судя по всему, в Марио стреляли, когда он либо сидел, либо стоял на коленях — но определенно не лежал, поскольку на ковре нет характерных для выстрела разлетающихся брызг. Кровь, которая попала на

ковер, явно натекла уже после его падения.

Перебирая фотографии, я по-прежнему слышал, как Волчек с Артурасом что-то вполголоса обсуждают в приемной.

Стены в квартире убитого светлые, следы крови на них должны быть хорошо видны. При более пристальном рассмотрении на одной из фотографий я и впрямь обнаружил густое скопление красных пятнышек — прямо на стене за телом Марио. Почти по центру этой кляксы красовалось небольшое отверстие — туда, судя по всему, в итоге и угодила пуля, — а буквально в дюйме над этой дыркой из стены торчал гвоздь. Из всего этого я сделал вывод, что почти наверняка Малютка-Бенни стрелял, сидя за маленьким обеденным столом — как и перевернутый стул, тот был хорошо виден на фотографиях неподалеку от тела. Малютка-Бенни и его жертва оба сидели за этим столом перед тем, как Бенни спустил курок.

О причинах заказухи Волчек ничего не говорил, но все несколько прояснилось, когда я добрался до фото под номером пятьдесят два. Стол покрывали осколки стекла, а на полу валялась сломанная фоторамка. На крупном плане было хорошо видно, что в нее вставлен черно-белый художественный снимок — какой-то плакатный

красавчик с ребенком на руках. Очевидно, так в рамке и продавался.

На собственную внешность убитому было, судя по всему, совершенно плевать — несколько дней не брился, жилетка вся в каких-то пятнах, вроде как от жратвы. Фатера тоже не блещет чистотой, но даже последняя свинья обязательно подметет битое стекло, тем более что босиком ходит. А на босых ногах — ни единого пореза. Да и вообще никаких ран, помимо огнестрельной, я на теле Марио не нашел, так что рамку с фоткой разбили явно не об его башку. Вся прочая мебель не тронута — никаких тебе выдернутых ящичков, да и вообще ни единого признака того, что тут что-то громили или хотя бы просто обыскивали. Предположил, что изначально картинка висела на гвозде, который я усмотрел прямо над кровавой кляксой. Следов крови на рамке вроде не было, сама фотка не прострелена. Выходит, по какой-то причине Марио снял эту картинку со стены еще до того, как получить пулю.

Разложил на столе перед собой остальные снимки с места преступления, и взгляд сразу упал на фотографии кухонной раковины в однокомнатной студии Марио. Первая была несколько не в фокусе, но все же какие-то черные хлопья и

обрывки бумаги в раковине вышли достаточно четко. Последняя фотка в этом наборе была сделана крупным планом. Черные хлопья оказались остатками одного, а может, и двух полароидных снимков. Кто-то, видать, поджег их, а потом почему-то не дождался и открыл кран, чтобы смыть их в раковину. Уцелел от огня только один-единственный уголок. Единственное, что удалось разглядеть, — это чья-то ладонь и часть руки. Вот оно.

Откинувшись на стуле — и тут же поежившись, когда бомба опять впилась в спину, — я попробовал восстановить порядок событий в той квартире. Прямо в дверях Марио не застрелили. Малютка-Бенни прошел в квартиру и, насколько можно судить, даже уселся за стол напротив своей жертвы. Почему не на диван? Почему именно за стол? Марио снял картинку в рамке со стены — пулевое отверстие и кровавая клякса располагались аккурат посреди более светлого прямоугольника, оставленного картинкой, которая прикрывала краску от пыли и грязи. Рамка валялась на полу возле стола, осколки стекла разлетелись по всей столешнице. Сама по себе картинка — дешевая стандартная поделка, такие продаются сразу в рамке. Плюс эти обго-

релые фотки в раковине… Наиболее вероятной мне представилась версия, что в ходе какой-то деловой операции что-то пошло не по плану. Малютка-Бенни явился в квартиру, чтобы якобы обстряпать какое-то дельце. Потому-то они и уселись за стол. Марио снял со стены картинку в рамке. Они распотрошили ее, потому что внутри было что-то спрятано, и единственное, что приходило мне в голову, это что за типовым изображением молодого папаши с дитем скрывались те полароидные фотки из раковины.

Это уже была ниточка — тоненькая, ненадежная, но все-таки ниточка.

Вроде бы все сходилось.

Из короткого рапорта патрульного офицера женского пола по фамилии Таскет, которая и произвела арест, следовало, что вызов на скандал в квартире Марио поступил от кого-то из его соседей. Патрульная машина была всего лишь в квартале от места происшествия, и копы вошли в подъезд дома Марио в тот самый момент, когда прозвучал выстрел. Выломав дверь, они обнаружили, что Марио мертв, а Бенни терпеливо дожидается их за столом. Пистолет лежал на полу. Таскет отметила в рапорте, что, пока они выламывали дверь квартиры, сработала пожар-

ная сигнализация. Я увидел отметку, что рапорт принят стороной защиты, так что для дачи показаний в суде Таскет не вызывали.

Моя версия заключалась в том, что Малютку-Бенни послали к Марио, чтобы пришить его и изъять фотки, но из-за того, что не вовремя нагрянули копы, он просто решил как-то избавиться от снимков. Попробовал сжечь их в раковине. Никаких реальных подтверждений тому у меня не было. Наверняка Мириам тоже думала на этот счет, и, скорее всего, пришла к такому же выводу, что и я, но отказалась предъявить это в качестве мотива из-за недостатка улик. Да у меня и самого это была чистая интуиция — просто кишками чуял.

Мне-то на улице частенько приходилось прислушиваться к тому, что подсказывает подобное чутье, — потому-то, наверное, до сих пор и жив. А вот присяжным кишки да интуицию не предъявишь; нужны железные улики и доказательства, в том числе и для мотива.

В своем вступительном слове Мириам насчет мотива особо не распространялась. А обвинители любят рассуждать о мотивах, потому что присяжные тоже их любят. И могла быть только одна причина, по которой она не стала вдалбливать

это им в головы, — потому что сильного мотива у нее просто *не было*. Если б Малютка-Бенни раскололся ей, по какой причине его наняли убить Марио, то это было бы первым, что она выдала бы жюри. Салливан же предоставила присяжным самим догадываться, какой тут мог быть мотив. Сильный, но очень рискованный ход для любого обвинителя.

Что там было на этих сгоревших фотографиях? Как Марио заполучил их? За что его убили?

Что-то тут не сходилось. Пока не сходилось. Но что-то очень важное. Убийство Марио Геральдо послужило той искрой, из которой и возгорелась вся эта нынешняя ситуация. Малютка-Бенни сдал своего босса за убийство, но молчит обо всех его прочих делишках. Почему? Из чувства преданности к собрату, который тоже *vor*? Что-то в движущих Бенни мотивах явно не дружило с логикой.

Мне показалось, будто я только слегка окунул пальцы в пруд с черной водой, под поверхностью которого и скрывалась вся правда об этом убийстве и вообще обо всей ситуации в целом. И что абсолютно не представляю, в какую глубь простерлись его воды.

Глава 21

Обратившись к следующему скоросшивателю, я нашел стопку заявлений и письменных показаний под присягой. Показаний Бенни среди них не было. Что ж, разумно. При таком способе допроса свидетеля защита вправе заранее знать, когда и где таковой допрос будет проводиться. А это означало бы сразу раскрыть адвокатам Волчека местонахождение Малютки-Бенни. ФБР небось изрядно раскошелилось, чтобы понадежней припрятать Малютку-Бенни от посторонних глаз, — какой смысл присылать всем киллерам русской мафии приглашение, в котором открытым текстом указаны дата, время и место его появления? Если б даже Бенни не кокнули прямо во время допроса, то запросто проследили бы и достали чуть позже. Когда жизнь свидетеля под угрозой, правила частенько идут побоку.

Заключение следака оказалось настоящим шедевром. Далеко пойдет этот Рафаэль Мартинес, просто талант. Он строго придерживался фактов, не выдвигал всяких заумных версий, как ему вдалбливали в полицейской академии, не пытался трактовать что-либо из обнаруженного на

месте преступления, ничего не приукрасил. В общем, забил на все, чему его учили, — что и делало его буквально бесценным свидетелем. На перекрестном допросе ничем такого не проймешь.

На минутку я закрыл скоросшиватель. В глазах щипало, в глотке пересохло. Крикнул:

— Артурас, есть чего попить?

— Сейчас принесут.

Если я собираюсь проработать всю ночь, надо хоть как-то взбодриться — даже скорее разозлиться.

Голову сразу заполнил образ Эми — дрожащей, сотрясающейся от рыданий, не находящей себе места от страха. Она у меня умница, отлично учится, любит читать. Когда она была совсем маленькой, мать читала ей сказки про волшебников и принцесс. В первый же вечер лечебного курса на руке у меня ровно в восемь запищали часы; я вспомнил, что точно так же пищат часы и у нее, — и чуть ли не физически ощутил протянувшуюся между нами связь. Мы поговорили, и я зачитал ей главку из «Приключений Алисы в Стране чудес». Эми, конечно, могла и сама прекрасно ее прочесть, но сказала, что ей нравится слушать мой голос — ну просто мед на душу. В начале лечения я и сам чувствовал себя

как Алиса: влип в какой-то странный мир, пил непонятно что, чтобы из него выбраться — чтобы хоть как-то изменить то, что сам был изменить не в силах. К концу курса все-таки пришел к осознанию, что прятаться от этого чуждого мира в бутылке — не выход. Выписывался из клиники с твердым убеждением, что в жизни не вернусь к адвокатской практике. Кристина с Эми тогда за мной заехали, и мы перекусили гамбургерами с картошкой в забегаловке на углу. Было классно. Прямо как в старые времена. Моя жена всегда оказывалась рядом, когда я в ней нуждался, — даже хотя сам я далеко не всегда был с ней, когда она нуждалась во мне. Между нами, конечно, был определенный напряг, но из-за Эми я его практически не чувствовал. Мы с дочкой стали потихоньку восстанавливать утраченную было связь, в чем очень помогало чтение и обсуждение прочитанных книг — хоть я и предпочитал не рассказывать Кристине о том, какого рода книги больше всего любит Эми. У себя в квартире я собрал небольшую библиотеку: фокусы, манипуляция, ловкость рук, покер, и значительную долю ее составляли книги, имеющие отношение

к моему главному кумиру — Гарри Гудини[16].

Когда Эми уже второй раз оставалась ночевать у меня в квартире, я вышел из кухни, где готовил ужин, и застал дочку с биографией Гудини в руках. Кристина прекрасно знала о моем прошлом и никогда не позволила бы ей читать что-нибудь подобное — посчитала бы дурным влиянием. О повышенном интересе Эми к Гудини я рассказывать Кристине не стал. Как и не стал рассказывать о том, что научил ее нескольким фокусам с монеткой — пусть одноклассники поахают. В свои десять лет Эми находилась еще в той волшебной поре жизни, когда я оставался для нее наиважнейшим мужчиной на свете. Мой лучший друг, судья Гарри Форд, посоветовал мне ловить момент, потому что через годик-два проку ей от меня будет разве что как от бесплатного автомеханика.

Губы сами собой задрожали. У Эми ведь вся жизнь еще впереди!

Я прокашлялся, крепко потер лицо руками и опять открыл папки.

Кроме следователя и неизбежного Бенни, име-

---

[16] notes: 16

Гарри Гудини (наст. Эрик Вайс, 1874–1926) — один из самых знаменитых в мире иллюзионистов-эскапистов, прославился своими сложными трюками с побегами и освобождениями.

лись еще два свидетеля. Первый — девушка, Никки Бланделл, танцовщица ночного клуба, двадцати шести лет. Она лично видела драку между Волчеком и Марио в клубе «Сирокко»[17] на Седьмой Восточной улице за вечер до того, как тот был убит. Мириам не хуже меня знала, что кабацкая драка — далеко не лучший мотив для заказного убийства, но свидетельство все равно сильное, не стоит с ходу списывать его со счетов.

Оставшимся же последним свидетелем был двоюродный брат убитого — Тони Геральдо. И тут меня осенило. Знавал я некого Тони Г., который работал на Джимми «Кепарика» Феллини, моего дружбана детских лет. Карьера Джимми как боксера-любителя закончилась, когда к нему перешел семейный бизнес. И бизнесом этим была организованная преступность. Мы с Тони Г. как-то раз встречались, давным-давно, и как раз у Джимми. Он был у Джимми кем-то вроде инкассатора — собирал бабло за «крышу», долги и все в таком духе. Я не сумел с ходу припомнить,

---

[17] notes: 17

Скандально известный ночной клуб «Сирокко» в Нью-Йорке действительно был, и захаживали в него не только видные представитель американского криминала, но и околомафиозные деятели искусства, вроде того же Фрэнка Синатры. Однако закрылся он еще в 1990-х (после рейда ФБР, как рассадник наркоторговли) и на тихой Седьмой Восточной улице никогда не располагался.

как он выглядел, но если увижу, то по-любому сразу пойму, тот или не тот, — хватит и просто на ботинки ему глянуть. Такие вот криминальные инкассаторы могут часами не вылезать из машины и часами же топтаться где-нибудь в ожидании плательщика. Должность у них материально ответственная, так что молодняка среди них практически не встретишь — не доверят молодняку такое дело. Когда неделю киснешь в машине за наблюдением, потом пару дней гоняешь на своих двоих, собирая улов, и еще денек мочалишь кого-нибудь до полусмерти, то твой собственный внешний вид тебя уже не особо колышет. Главное, чтобы ноге было хорошо. По этой-то причине такие ребятки предпочитают хоть и неказистые, но мягкие, легкие и несна-шиваемые ботинки типа «прощай, молодость», в каких обычно столетние деды ходят. Никаких тебе итальянских манерных туфель с острыми носами — эти после первой же разборки хоть на помойку выбрасывай. Древние старички и серьезные мафиози — только они-то и держат на плаву американского производителя удобной и практичной обуви.

Показания Тони затрагивали в основном неприязненные отношения, которые сложились

у его кузена Марио с Волчеком. Тони обстоятельно изложил все от и до: как бедовый Марио еще сопляком посидел на малолетке; как потом, когда повзрослел и возмужал, угодил уже в федеральную тюрьму; и как после, поставив на прошлом крест, начал новую жизнь — но только вот сдуру связался с Волчеком, с которым у него сразу начались какие-то бесконечные трения. Припомнил и про стычку в ночном клубе — очевидно, ту самую, свидетелем которой стала Никки Бланделл. Ничего хорошего эти показания Тони Волчеку не сулили. Во-первых, упрочивали личную неприязнь в качестве мотива — типа, все случилось не с бухты-барахты, тянулось уже издавна, ссора в клубе могла стать просто последним толчком. Во-вторых, они полностью «бились» с показаниями Никки Бланделл. Плохо дело.

Еще раз пробежал глазами список свидетелей.

Следак, конечно, может создать некоторые сложности — подкопаться в его показаниях практически не к чему. Но и опасных моментов тоже не сильно-то много. Вон тетку-патрульную, которая арестовывала Малютку-Бенни на месте преступления, вообще не вызвали, потому что ее показания ничем не указывали на виновность Волчека.

С девчонкой из клуба как-нибудь разберусь.

А вот родственничек убитого — это реально проблема. Мириам наверняка делает на него главную ставку. Есть у нее с ним что-то, что я еще не обнаружил.

Плюс последний свидетель, звезда процесса — свидетель Икс. Кликуху ему дали разве что за тем, чтобы пресса не разнюхала, кто он теперь такой по документам. Волчек-то в курсе, кто его сдал, — не важно, под новой фамилией или под старой.

Тони Геральдо и Малютка-Бенни оба топили Волчека. А на па́ру — тем более. Впрочем, не все так плохо: есть у меня и чем обвинителя озадачить, и чем Волчеку голову занять, чтобы он по моему поводу не дергался.

Если Тони Г. и есть Тони Геральдо, тогда искомый рычаг воздействия у меня в руках.

Я сел на стуле чуть боком. Артурас с Волчеком по-прежнему о чем-то шептались. Нарочно поерзал, поскрипел стулом. Волчек, обернувшись на меня, закрыл дверь между приемной и кабинетом. Не хотел, чтобы я подслушивал. А я по-любому ни черта не слышал — мне просто было надо, чтобы он решил, будто я подслушиваю, и закрыл дверь. Тогда можно наблюдать за ними, самому оставаясь невидимкой.

Под ручкой старинного вида двери с дубовыми панелями зияла замочная скважина. Я сразу прильнул к ней — черт, ключ оставили! Торчащий в скважине ключ сильно сужал обзор, но все-таки я кое-как различил Волчека, который что-то говорил Виктору. Потом тот повернулся, обнял Артураса и вышел. Артурас сел и завел разговор с Волчеком, по-русски. Так, вроде меня наконец-то оставили в покое. Склоняясь перед скважиной, опять почувствовал, как детали бомбы режут спину. А я уже почти и забыл, что на мне это адское устройство!

Полез во внутренний карман, вытащил бумажник, который свистнул у здоровяка в лимузине прямо перед тем, как тот меня вырубил. Внутри раскрывающихся кожаных корок лежали шестьсот долларов россыпью — стодолларовыми банкнотами, и два бронзовых зажима с тысячей долларов в каждом, тоже сотками. А среди кредиток на имя «Грегор Обловскон» затесалось нечто, что сразу родило у меня в голове целую бурю вопросов — визитная карточка с наспех нацарапанным на обратной стороне телефонным номером. Номер был написан синими чернилами. Судя по всему, мобильный. Имени-фамилии на визитке не значилось, но больше всего меня

обеспокоили напечатанные на ней адрес и название организации. Название я мог даже не читать, поскольку адрес — «26, Федерал-плаза, 23 этаж, Нью-Йорк» — был мне очень хорошо знаком. Это на Бродвее, к югу от Кэнел-стрит и к северу от Сити-холла, и сидит там Федеральное бюро расследований.

Теперь я знал, что нельзя доверять ровным счетом никому — ни копам, ни тем более федералам.

Часы на руке запикали — восемь вечера. Часы Эми сейчас тоже дают такой же сигнал. Наше время. Но нельзя сейчас отвлекаться на думы про нее. Надо оставаться таким, каким заставил себя стать сейчас — бдительным, сосредоточенным, злым. Если начну сходить с ума от беспокойства за Эми, ничем ей тогда не помогу.

Пять часов на то, чтобы отловить Гарри, пока тот не приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Был лишь один способ добраться до его кабинета незаметно для русских. И одна только мысль об этом приводила меня в ужас.

Глава 22

Услыхав за дверью шаги, я быстро затолкал бумажник обратно в карман, плюхнулся на стул, наугад открыл первую попавшуюся папку и углубился в нее с головой.

Дверь открылась, и передо мной возник Артурас. Швырнул в угол дивана бутыль с водой.

— Олек ушел ночевать домой, так что я вас тут запираю. Нам с Виктором надо немного отдохнуть. Можете тоже поспать. Если только попробуете смыться…

— А куда мне идти? — возразил я. — Можно хотя бы снять пиджак?

— Нельзя. Но все равно постарайтесь выспаться. На рассвете загляну вас проведать.

— Ну пожалуйста! — не отставал я.

Встал, ухватил его за локоть, заглядывая в глаза с самым умоляющим видом. Едва Артурас попробовал вырвать руку и попятился, как я быстро повернулся, как бы оступился и неловко поддел его коленкой. Пока он падал, моя правая рука успела мгновенно нырнуть ему в пальто — уже второй «щипок» за день. Он с руганью шлепнулся за задницу. Подобрав ноги, пружиной прыгнул на

меня. Продолжая цепляться за его руку, я рывком поставил его на ноги.

— Господи… Прости, чувак. Я не нарочно, — сказал я. Сокрушенно поднял руки, показывая Артурасу открытые ладони с растопыренными пальцами — типа, нету в них ничего.

Угу, как бы не так — трофей был зажат в сгибе запястья между рукой и тыльной стороной ладони. Фокус не из простых, но за годы я насобачился проделывать такое совершенно непринужденно. Таким манером я мог незаметно для окружающих прилепить к руке серебряный доллар и при этом еще и сыграть кон-другой в покер.

Сделал вид, будто смертельно испуган — тогда как на самом деле все мои члены сковало не от страха, а от ярости. Артурас притворился, будто хочет достать меня правым крюком. Я трусливо прикрылся и отпрянул — надеюсь, что не переиграл. Он усмехнулся и прикрыл дверь. Из-за нее донесся гулкий хохот Виктора.

— Ссыкун! — довольным тоном констатировал тот.

Я услышал, как в замке поворачивается ключ. Несколько секунд выждал, потом резким движением согнутого запястья отправил маленький черный пультик к потолку, поймал в ладонь.

Интересно, скоро ли Артурас заметит, что тот куда-то девался? Спокойней было держать пульт при себе. Не хватало еще, чтобы Артурас нажал на кнопку, если б случайно открыл дверь и обнаружил, что меня за ней нет. Я собирался повидаться с Гарри, и бомбу надо было захватить с собой, потому что если кто и знал, как ее обезвредить, так только верховный судья и бывший капитан вооруженных сил Соединенных Штатов Гарри Форд.

Глава 23

Но прежде чем что-либо предпринимать, следовало убедиться, что в ближайшее время мои няньки меня не хватятся и не бросятся на поиски. Волчек, слава богу, давно свалил. После негромкого разговора за стенкой дверь в холл скрипнула, и к лифту протопали тяжелые шаги. Дверь опять закрыли. Я услышал лязг ключей, а сквозь замочную скважину увидел, как Виктор укладывается на кушетку и закрывает глаза. Артурас только что ушел.

Виктор остался один.

Внимательно понаблюдал за ним — чуть ли не целый час. Было хорошо слышно, как он тяжело сопит, лежа на кушетке. Глаза у него были закрыты, а руки сложены на животе. Если не считать маленькой настольной лампы, единственным источником освещения в моем обиталище был светящийся рекламный щит на противоположной стороне улицы, который каждые несколько секунд размеренно посылал в окно красные, синие и белые всполохи, рисуя на стенах тени причудливо искаженных тварей.

Показалось, что Виктор опять захрапел, на сей

раз громче.

Вертя в пальцах фэбээровскую визитку, я вдруг припомнил сказанное Волчеком утром, в лимузине.

«Бенни сейчас в фэбээровской крытке. Упакован так, что ни подкатишь, ни просто не найдешь. Защита свидетелей и все такое. Даже при моих контактах ничего не вышло».

Теперь упоминание о «контактах» обретало конкретный смысл.

У Волчека был свой прикормленный федерал, агент-оборотень. И какого бы ранга этот агент ни был, вычислить местонахождение Бенни оказалось ему не по плечу. Если эта бандитская группировка ухитрилась подкупить федерального агента, то уж обычные-то нью-йоркские копы ей точно по карману — бери хоть оптом, хоть в розницу.

Опять заглянув в замочную скважину, я убедился, что Виктор все так же беспробудно дрыхнет на кушетке. Непохоже, что Артурас сегодня вернется — сам сказал, что появится не раньше рассвета. Я надел пальто.

На часах 21.10.

Пора сваливать.

Осторожно подкрался к сдвижному окну. Когда

стал открывать задвижку нижней рамы, стекло замутилось паром от моего дыхания. Ухватился за раму обеими руками, чуть присел, надавил вверх.

Стекло не сдвинулось.

Даже на дюйм.

Проверил — все замки и задвижки отперты. Попробовал еще. Даже не шевелится. Света не хватало, так что просто ощупал раму по периметру. Пальцы не нашли ни единой щели. Судя по всему, раму наглухо закрасили еще лет двадцать назад, и с тех пор никто ни разу не удосужился ее поднять. Охлопал себя по бокам, но знакомого позвякивания ключей не услышал — ключом можно было бы отодрать краску. Тщательно проверил карманы и понял, что ключи пропали. Не понял, то ли я просто их где-то посеял, то ли связку забрал Артурас; но строить предположения не было времени. Вытащил авторучку, стал шкрябать по краю рамы острым кончиком колпачка. По ходу дела тот весь покрылся липкими ошметками, вязкая высохшая краска длинными хрупкими лентами сыпалась на подоконник.

Влез на широкий подоконник с ногами, ухватился за раму, напружился, как штангист. Наделал шуму, но ничего не поделаешь. Оставшаяся

краска затрещала, лопаясь в щелях, и с хриплым облегченным стоном нижний край рамы наконец оторвался от горизонтального выступа на подоконнике. В открытое окно хлынула какофония уличного движения, обрывков музыки и того не поддающегося определению гула, который во всякое время стоит над Нью-Йорком. Дождь перестал. Ночной суд уже молотил на полную катушку, и прямо под собой я узрел длинную вереницу такси, заворачивающую за угол к главному входу. По понедельникам у таксистов затишье, но возле ночного суда всегда полно седоков. Кому приспичило внести залог после девяти вечера, тому без такси никак, тут уж без вариантов.

Чуть прикрыл окно, чтобы шум был потише. Не хватало еще, чтобы Виктор услышал. Присел на корточки, сместился на четыре шажка вбок и стал осторожно протискиваться на наружный карниз, вжимая голову в грудь, чтобы не стукнуться макушкой о верх проема. Едва башка высунулась за край окна, как глаза зажмурились по своему собственному хотению. Заставил их опять открыться — и тут же об этом пожалел. Стоял я — а вернее, кое-как балансировал на коленях — на ширине в каких-то три фута, в девятнадцати этажах над землей. Густой зеленый мох впере-

мешку с окаменевшими птичьими лепешками, которыми была густо уделана каменная кладка, наполняли воздух застарелой затхлой вонью. Черт, скользко… Справа от меня — тупик. Выступ лифтовой шахты, обойти нереально. Остается только влево. Надо как-то спуститься на один этаж, отыскать нужное окно и просто надеяться, что Гарри остался человеком привычки.

Опять зажмурившись, я мысленно представил себе план здания, пытаясь сообразить, как попасть к искомому месту снаружи. Здание суда стояло отдельно от других, с южной и западной сторон к нему примыкал небольшой скверик. Я — на восточной его стороне. Прямо подо мной пролегала Литтл-Портленд-стрит, выходившая на Чеймберс-стрит и к главному входу, расположенному на северной стороне здания. Кабинет Гарри располагался на этой же стороне, восточной, но только этажом ниже, — и была еще одна проблема, едва ли не самая серьезная. На этой стороне имелось еще кое-что, перекрывавшее мне дорогу — кое-что футов тридцати в высоту, не меньше. Своей верхней третью это препятствие залезало на мой этаж. Голова, руки, меч — обойти их будет нелегко, но не так чтобы совсем уж нереально.

Прежде чем направиться к цели, придется как-то слезть вниз прямо по этой молчаливой серой даме.

Очень медленно, цепляясь обеими руками за выступы оконной арки, я кое-как утвердился на ногах — и тут же опять чуть не плюхнулся обратно на колени. Всякий раз на высоте со мной такая фигня: не важно, на пяти я или на всех пятидесяти футах над землей — хуже всего, когда прямо над головой потолок. Даже когда просто стою на балконе, хоть всего в десяти футах от земли, а в поле зрения попадает верхний балкон, то сразу подсаживаюсь на измену. Дайте мне чистое бездонное небо над головой, и я в полном порядке. Никогда не мог понять, почему.

Когда я встал в арке, голова оказалась в считаных дюймах от верхнего края гранитной ниши — вот меня и прихватило. Думал, свалюсь на фиг. Вцепился в стену, ломая ногти и судорожно хватая воздух ртом. Пронизывающий холод ничуть не помогал, тем более что ветер яростно пытался сорвать с меня пальто. Каждый вдох давался с усилием. Звуки автомобильных гудков и моторов, шипение пневматических тормозов автобусов и хлопанье дверей такси неотвязно напоминали о том, что в девятнадцати этажах подо

мной по-прежнему кипит жизнь, которая для меня сейчас как никогда более недостижима.

Несколько раз резко вдохнул-выдохнул, словно выдувая из себя страх и муть, рискнул сделать первый шажок. Мозг при этом буквально зашелся в крике — типа, куда прешь, мудак? Мне было на это совершенно плевать. Я крепко утвердил перед мысленным взором образ Эми — *мой* образ *моей* Эми, опять ощутил под рукой ее пушистые волосенки, когда она, надув щеки, тушила все эти свечи на деньрожденном торте перед тем, как мы торжественно нацепили на руки свои новые часы. За пределами ниши карниз сужался — там уже фута два с половиной. Словно зачарованный, я следил, как правая ступня выдвигается вперед, находит опору — в ожидании, пока к ней подтянется левая.

В жизни не пробовал держаться за что-то своей собственной физиономией! Подволакивая в сторону цели левую ступню, я обнял стену, плотно прилепившись к ней щекой и цепляясь трясущимися пальцами за малейшие выемки в кладке. Еще шажок.

Минут через десять я стоял уже футах в пяти от Дамы.

Дама была знакомая. Многие тоже сразу узнают

ее по фигуре. Закутанная в тогу тетка с повязкой на глазах, меч в одной руке, весы в другой. Обе руки вытянуты параллельно полу — типа, баланс между милостью и возмездием. А повязка якобы символизирует ее беспристрастность — слепоту к расе, цвету кожи или вероисповеданию.

Угу. Держи карман шире.

Эта Дама больше известна как Фемида — внебрачная дочка всяких древнегреческих и древнеримских богинь правосудия. Хотя она далеко не всегда с повязкой. У той Дамы, что венчает купол Олд-Бэйли в Лондоне, к примеру, никакой повязки нету. Ученые люди утверждают, что повязка — это излишество, фигура, мол, женская и, следовательно, и без того должна быть непредвзятой. К судье Пайк бы их в зубы…

Нога, почти не отрываясь от загаженного птицами карниза, опять скользнула вперед, но на сей раз едва-едва. Тормозило меня конкретно. Брови сами собой напряженно насупились, и я ощутил в голове и груди знакомое горячее покалывание. Давай сюда, злость! Давай сюда, свеженький адреналин! На этой адреналиновой волне сделал еще два шажка, потянулся к рукояти меча. Черт, не достать! Дальше двигаться некуда — карниз кончился. Все во мне, и в голове, и в теле, букваль-

но визжало — держись за стену! — но надо было во что бы то ни стало ухватиться за этот чертов меч, ради Эми. Правая нога приняла весь мой вес, другую я занес, кое-как удерживая равновесие.

И тут откуда-то из-под меня послышался глухой треск. Вес резко сместился куда-то вперед, и в тот самый момент, когда опора ушла из-под ног, я прыгнул.

Глава 24

Правая рука судорожно ухватилась за меч, левая скользнула поверх каменной ручищи, и я с размаху забросил обе ноги в гранитные складки тоги, отчаянно заскреб подошвами, пытаясь найти точку опоры.

— Все хорошо, все у тебя хорошо, — твердил как заведенный.

Руки дико тряслись. Глянув через плечо, увидел за спиной у Дамы широкую нишу, уходящую на нижний этаж. Можно было либо сначала залезть статуе на руку, либо попробовать спрыгнуть прямо так, спиной вперед. Уперся, наконец, ногами, понадежней перехватился левой рукой, готовый в случае чего принять на нее весь свой вес. Невзирая на все свои природные инстинкты, заставил себя выбросить ноги перед собой и, когда все тело качнулось назад, в крайней точке размаха отпустил руки.

Приземлился на карнизе ниши на восемнадцатом этаже. Первым приветствием там мне было неистовое хлопанье множества крыльев и оглушительное карканье, так что пришлось опять спешно обнять статую и уткнуться носом в

ее гранитные складки — пока городские вороны, возмущенные моим бесцеремонным вторжением в их тихий уголок, малость не угомонились.

Приливы адреналина никогда не доставляли мне особых хлопот. Я давно уже научился, как их использовать. Когда стоишь в зале, полном сотен людей, и все глаза устремлены на тебя, то испытываешь мощный выброс адреналина. А если не испытываешь, то ты не живой человек, а кукла. Все как в замедленной съемке. Секундная пауза становится трехминутным кошмаром, когда эта дрянь плавает у тебя в крови. Так и задумано. Затянувшееся мгновение дает тебе время решить: драться или бежать. Адреналин ускоряет реакцию и полностью рушит привычное ощущение пространства и времени. Каждый орган чувств напряжен до предела, каждая реакция отточена до бритвенной остроты.

Волевым усилием переключил свой организм на несколько передач вверх, сбросил обороты. Дал мотору немного остыть, поднял взгляд на только что проделанный до статуи путь. Та часть карниза, с которой я прыгал, практически полностью отсутствовала. Кирпич весь осыпался. Я глянул вниз на улицу. Никто не лежал там, глядя на меня пустыми глазами, никто не бегал вокруг,

мерзко сквернословя и грозя мне кулаком. Обломки усыпали тротуар, но никто не пострадал. Слава богу, я в Нью-Йорке, а настоящие нью-йоркцы никогда не смотрят вверх. Откинулся на холодные кирпичи, поднял взгляд на спину Дамы. Она была частью игры. Адвокатов частенько спрашивают, как они могут кого-то защищать, если заранее знают, что по тому тюрьма плачет. Мне и самому много раз задавали этот вопрос, и я всегда давал на него один и тот же ответ: а мы таких и не защищаем. Исповедуем с подзащитными примерно тот же принцип, что и американские вооруженные силы относительно геев в своем личном составе: нет вопроса — нет ответа[18]. Никогда не представлял в суде тех, про кого знал, что они виновны, — по той простой причине, что никогда не спрашивал своих клиентов, действительно ли они совершили те преступления, в которых их обвиняют. Не спрашивал, потому что почти наверняка в ответ мне вывалили бы всю правду-матушку. А правде не место в суде. Важно

[18] notes: 18

Он же «Не спрашивай — не говори», Don't ask, don't tell — закон США, принятый в 1993 г., который запрещал служить в вооруженных силах США гомосексуалам обоих полов, если они не скрывали свою сексуальную ориентацию, а также требовал от командования и сослуживцев не выяснять сведения о сексуальной ориентации военнослужащих. Закон действовал в течение 17 лет, являясь источником политических дебатов и скандалов. В 2010 г. отменен.

не то, как было на самом деле, а что обвинение способно доказать. Беседуя с клиентами, на которых завели уголовное дело, я просто перечислял им, *что* у копов или прокурора на них есть, и спрашивал, что они по этому поводу думают. А дальше уж их собственный спектакль. Признаешь, что копы совершенно правы? Валяй, иди в сознанку, скидка за чистосердечное выйдет. Хочешь продолжить пляски с бубнами? Ладно, соглашусь, что ты был не при делах, попробуем тебя вытащить. Но все отлично понимали: если они скажут мне, что виновны в содеянном, но все равно хотят выиграть дело, то я просто умою руки. Таковы уж правила игры.

Нет вопроса — нет ответа.

Одиннадцать месяцев назад я понял, что на кону в таких играх могут оказаться человеческие жизни, и принял твердое решение ни за что на свете в них больше не играть.

Сердце немного угомонилось, и я перевел взгляд на маршрут, который еще только предстояло преодолеть, — на другой карниз, столь же узенький и сопливый на вид.

Звуки города все еще окружали меня со всех сторон, и в тот момент слуха вдруг коснулось что-то очень знакомое. Осмотрел улицу внизу —

только редкие машины шмыгают туда-сюда. Народу практически никого. Придвинулся ближе к выступающему наружу карнизу, осторожно понажимал на него ногой, прикладывая все больший и больший вес. Вроде держит. Ступил — и тут же услышал это опять: ритмичное пощелкивание ударных, голос. И то, и другое было таким же родным, как мои собственные имя и фамилия. Команда — «Роллинг стоунз». Песня — Satisfaction. Играло где-то вдали и почти неслышно, но ошибки быть не могло.

Я знал эту песню, знал команду, знал владельца пластинки, что крутилась сейчас на проигрывателе. Музыка дала мне тот финальный толчок, в котором я столь отчаянно нуждался. Хватаясь за бок здания, я двинулся дальше по карнизу — и двигался уже без остановки. По мере моего продвижения гитара Кита Ричардса звучала все четче и четче. Совсем скоро я различил приветливый мягкий свет за окном футах в пяти о себя.

Шаркающие шажки сами собой ускорились.

Добравшись до окна, я опять присел на корточки и попробовал его открыть. Заперто. Сцена за окном была почти по-домашнему уютной. Проигрыватель в углу сладкоголосой сиреной, заманивающей странников, горланил мою лю-

бимую песню. В теплом столбе света настольной лампы незыблемо стояла бутылка виски, рассыпая, в свою очередь, яркие золотые зайчики по доскам паркета. За письменным столом, уткнув подбородок в грудь, прикорнул пожилой чернокожий мужчина в красном пуловере — то ли спит, то ли бухой, то ли и то, и другое вместе. Его седые волосы стояли торчком — словно антенны, улавливающие колебания басовых струн и передающие творимое ими волшебство прямиком в мозг.

Я постучал в стекло.

Ноль эмоций.

Постучал еще раз, посильней.

Ну явно хорошо поддал, дрыхнет без задних ног!

Постучал в третий раз — да так, что окно чуть не провалилось внутрь, и его честь верховный судья Гарри Форд наконец соизволил продрать глаза. Нервно повел головой по сторонам, потом опять уронил ее на грудь. Я продолжал колотить в стекло, и на сей раз он вроде как вычислил, откуда весь этот непонятный тарарам. Глянул прямо на меня, разинул рот. Я услышал приглушенное «Ах!», и ноги уважаемого судьи вдруг взлетели к потолку, а сам он загремел на спину

на пол вместе с креслом. Сердито вскочил с перекошенным от злости лицом. Решил, видать, что я тоже на кочерге и вздумал над ним приколоться. Окно рывком открылось.

— Надо было вызвать копов или просто спихнуть тебя на хрен отсюда, сукин ты сын!

Настроение мое моментально переменилось, поскольку предстояло серьезное объяснение. Веселье, вызванное его пьяным замешательством, моментально испарилось, я вновь ощутил всю тяжесть ситуации и пластиковой взрывчатки у себя на спине.

— Гарри, у меня беда. Большая беда. Они захватили Эми.

— Кто захватил Эми?

— Русские бандюки.

Глава 25

Я задвинул раму, отсекая поток леденящего воздуха с улицы. Вокал Мика Джаггера тоже оборвался на полуслове — Гарри сдернул иголку с проигрывателя. Отворачиваясь от окна, чтобы посмотреть на Гарри, я все еще ощущал адреналиновый подъем. Его злость, похоже, быстро улетучилась, уступив место тревожной озабоченности.

— Надо выпить, — сказали мы хором.

Он плеснул на три пальца в грязный стакан, протянул мне. Стакан был мой. Не шел в дело с того самого дня, как я был здесь в последний раз — за вечер до того, как залег в клинику. Пошло хорошо, за грудиной сразу растеклось мягкое умиротворяющее тепло. Это было просто надо, сказал я себе. На те же грабли опять наступать не буду, это чисто нервишки подправить. Свой стакан Гарри нашел под столом. Налил от души, взял обеими руками, глотнул. Поставил обратно на колесики свое древнее крутящееся кресло, с привычным вздохом уселся.

— Что вообще творится, Эдди?

Еще глоток бурбона, и я ему все выложил. Все,

что произошло за день с того момента, как в туалете закусочной «У Теда» Артурас приставил мне к спине пистолет.

Гарри просто слушал. Не перебивал — он в таких делах человек опытный. Сначала получи всю историю целиком, а всякие подробности и потом можно выспросить.

Когда я закончил, он посмотрел на меня, как на идиота.

— Господи, а тут-то ты что забыл? Звони копам!

Схватил телефон, нажал девятку для выхода в город. Я прижал рычаг рукой.

— Нельзя мне копов. У тех говнюков целый фэбээровец прикормлен, так что и свои копы наверняка имеются, это уж как бог свят. Если позвоню, то как знать, что не нарвусь на одного из их людей?

— Но я знаю нормальных… могу Филу Джефферсону звякнуть, к примеру.

— Мы сейчас говорим о жизни моей дочери. Я не хочу играть в орлянку — честный коп выпадет или нечестный. И мне плевать, кто там у него в дружках, пусть даже и ты. Система не работает — сам прекрасно это знаешь. И у меня никаких доказательств. Бомба-то на мне. Даже если я

вдруг наткнусь на честного копа, то арестуют, скорее всего, меня, а не русских. И даже если копы или ФБР мне поверят — в чем я сильно сомневаюсь, — у Волчека уйдет ровно секунда, чтобы позвонить своим, и мою дочь убьют. Сегодня я еще раз убедился в одном: не следует пренебрегать собственными инстинктами. А интуиция подсказывает мне, что придется разруливать всю эту поганку самому — по крайней мере, на данный момент.

Гарри положил трубку. Взгляд его заметался по кабинету, и я заметил, что кожа у него на лице словно натянулась; грудь быстро вздымалась и опадала.

— Эми в порядке?

— Они ей грузят, будто они частные охранники, работают на меня — типа, я получал какие-то угрозы и теперь решил залечь на дно. Думаю, что поначалу она купилась. Но когда я говорил с ней, у меня сложилось твердое убеждение, что больше она всей этой брехне ни на грош не верит. Эми все знает, Гарри. Знает, что ее похитили. Надо мне ее как-то вытащить.

Гарри прикончил стакан, поморщился. Растопыренные деревянные ножки древнего кресла скрипнули, когда он вновь потянулся за бутыл-

кой.

— Ну а что Кристина?

— Она уверена, что Эми на Лонг-Айленде, на трехдневной экскурсии. Насколько мне известно, она пока ни сном ни духом. Но сам же знаешь Кристину. Не хочу, чтобы она раскисла и стала звонить копам. Так что ничего ей рассказывать не собираюсь.

— Тебе *придется* позвонить в полицию.

— Если я позвоню в полицию, они убьют Эми. Говорю же тебе, в полицию мне нельзя, они подкупили даже федерала. А если они такое сумели, то копов могут купить хоть целый райотдел.

— А как ты узнал, что у них есть свой федерал?

— Говорю же, нашел визитку в бумажнике. А бумажник подрезал у одного из них тогда, в лимузине. Визитка фэбээровская. Вроде настоящая. На обратной стороне — телефонный номер.

— Ты свистнул бумажник?!

— Только не говори мне, будто это так тебя удивляет! Вроде ты в курсе, чем я раньше промышлял.

— Просто гадаю, насколько тут подходит прошедшее время…

Гарри сокрушенно повесил голову и вздохнул. А ведь он наверняка прав — ничуть не сменил

я былую сущность. Как был мошенником, так и остался, только развожу теперь не страховые компании, а присяжных в суде…

Я выпил еще, потянул шею и спину. Пляски на карнизе сказались на шейном отделе позвоночника не лучшим образом — опять все признаки хронического спазма. Алкоголь в помощь, но главное — не увлекаться.

— Фамилия там есть на визитке?

— Нету.

— С равным успехом и тот русский может быть и нашим, и вашим… Может, эта визитка у него, чтобы стучать в ФБР.

— Исключено. Тот парень явно не стукач. Такой реально бандитской рожи в жизни не видел. Плечищи — во! Уделал меня, будто куклу… Нет. Да и какой ему смысл таскать с собой визитку, если он стукач? Это же надо быть полным дебилом — глядите, братва, вот сюда я стучу, а вот тут и номерочек записан! Хорош информатор!.. Не, не думаю. Он даже и не пытался заныкать ее поглубже. Номер на карточке — того, кто на них работает. Кого-то из ФБР, скорее всего. Не вижу иной причины, почему этот телефон записали на фэбээровской визитке, но готов выслушать любые другие предположения.

Других предположений у Гарри не нашлось.

— Хочу, чтобы ты глянул на эту штуку — нельзя ли ее обезвредить.

— Да я уже сто лет ничем подобным не занимался, Эдди! — сказал он, и в тот момент мне показалось, что по лицу его пробежала тень — хотя не знаю, может, это была просто причуда тусклого освещения. Гарри — один из первых афроамериканцев, которые сумели дослужиться во Вьетнаме до звания капитана. Он был в отряде так называемых «туннельных крыс» — ребят, которые воевали с вьетконговцами под землей, в полной темноте. У него было три таких спуска, о своих подвигах там он никогда не рассказывал — равно как не показывал никому целую связку полученных там медалей. В этом весь Гарри.

Я стянул пиджак, вывернул его наизнанку, разложил на письменном столе, отстегнул липучку. Лично мои познания относительно взрывчатых веществ сводились к нулю.

Гарри осторожно подошел к устройству, уперев руки в бедра. Низко наклонился над ним. Сперва я подумал, что он просто рассматривает его во всех подробностях, но потом заметил, что Гарри к этой штуке принюхивается.

— «Си-четыре». Внутри два подрывных капсю-

ля, плюс весь набор причиндалов для активации, — сказал он.

— И все это ты определил по запаху?

— Не тупи, по запаху я определил, что это «Си-четыре». Сам нюхни.

Пластиковая взрывчатка действительно чем-то пахла, только с ходу я никак не мог сообразить, что мне этот запах напоминает.

— Бензин? — предположил я.

— Близко. Моторное масло. «Си-четыре» — это композитная взрывчатка, в состав которой входит множество разных веществ и химических компонентов. По какой-то причине туда добавлено и моторное масло. Вот потому-то она так пришлась ко двору во Вьетнаме. У нас там она была в огромном количестве, чтоб подрывать подземные ходы вьетконговцев. Но в основном на «Си-четыре» мы пайки разогревали.

— Разогревали?!

— Ну да. Воняло будь здоров, но в дождь — самое то. Лучше пусть повоняет, чем холодный паек жрать. Понимаешь, чтоб подорвать эту хрень, нужен еще один взрыв, только маленький. Можешь жечь ее, даже бить молотком, но без первичного детонатора, который этот маленький взрывчик обеспечивает, она не опаснее детского

пластилина. Вон те цилиндрики, вроде карандашиков, — это и есть капсюль-детонаторы. Но тут еще какая-то схема присобачена. Лично я не взялся бы в ней ковыряться, потому что тут может быть встроена какая-нибудь ловушка — тронешь, и бабахнет. Так, говоришь, тиснул еще и дистанционный пульт к ней?

— Угу. — Я вытащил из кармана черный брелок, положил на кресло.

— Проще всего вытащить батарейку из пульта. Где-то у меня тут была отверточка… — И он отошел.

Минуту-другую Гарри копался в каких-то картонных коробках, потом перешел к книжному шкафу в углу, полки которого были заполнены в основном всякими инструментами вперемешку с маленькими рюмочками и бутылками с виски, а не юридической литературой. Вернулся с набором отверток. Пульт выглядел как обычный брелок, которым открывают гаражные ворота или ставят машину на сигнализацию — дюйма два длиной, где-то в дюйм шириной и с полдюйма толщиной. На одной стороне — две кнопки. С обратной стороны — три утопленных заподлицо винтика, скрепляющих обе половинки вместе. Я выбрал из набора самую маленькую плоскую

отвертку, вытащил из прозрачной коробочки, попробовал вставить в головку винтика на пульте. Не подошла. Слишком широкая.

Гарри опять принялся открывать и закрывать ящики, хлопать дверцами шкафа и что-то бормотать про себя. Через несколько минут вернулся с канцелярским резаком — таким, что с многоразовым обламывающимся лезвием, только оно там почти закончилось. Острый кончик лезвия вошел в шлиц винтика как родной. Надо только поаккуратней — лезвие совсем тоненькое, если сломается, то кончен бал, другого нету.

Я взял пульт в левую руку, стараясь ненароком не коснуться кнопок, и принялся очень медленно и осторожно откручивать первый винт. Глаза заслезились — больно уж резкий переход вышел от полутьмы кабинета к яркому свету настольной лампы. Гарри заглядывал мне через плечо. Я прямо чувствовал его напряженное нетерпение.

Несмотря на теплый свет лампы и включенный обогреватель, в кабинете почему-то становилось все холоднее. Гарри врубил радиатор на полную, согрелся стаканчиком виски. Мне тоже налил. Голова слегка кружилась — все-таки многовато принял уже на пустой желудок.

Стряхнул первый винтик на ладонь, осторожно

сгрузил на стол.

Гарри склонился над ним и принялся чесать голову — попеременно скрести затылок обеими руками до самой свой седой всклокоченной макушки. Мы уже достаточно долго были друзьями, чтобы я без труда расшифровывал такие маленькие «подсказочки». Когда он волнуется или напряженно что-то обдумывает, то всегда начинает скрести башку таким вот манером. На удивление многие делают то же самое. Словно пытаются ухватить какую-то навязчивую мысль прямо руками.

— Ну ладно, выкладывай, — сказал я.

— Волчек выдал тебе материалы дела?

— Да. Я почти все уже прочитал — по крайней мере, все, что стоило прочтения.

— А там есть что-нибудь насчет того свидетеля — ну, типа, на каких условиях была сделка?

Я уже знал, к чему он клонит.

— Ты хочешь сказать, с чего это он сдал Волчека только по убийству Марио? Понял. У самого такой же вопрос возник. Пытался спросить у Волчека. Тот сказал, что Бенни, мол, сохранил какие-то остатки верности и чести. У меня сложилось впечатление, что Малютка-Бенни просто не хочет впутывать таких же простых братков,

как и он сам, что это им он хранит верность, а не боссу, которого подставил. Хотя все равно что-то не складывается. Малютка-Бенни выложил ФБР достаточно, чтоб свои его шлепнули, но слишком мало, что выйти сухим из воды. Мог бы и со срока соскочить с новым именем, жил бы себе поживал на воле…

Гарри кивнул, втянул в себя остаток виски из стакана — там оставалось еще где-то на палец. Спрятал бутылку обратно в ящик стола, затеял варить кофе. Наверное, обыденные дела вроде варки кофе помогали ему лучше соображать. Я знал, что в таких случаях лучше оставить его в покое — пусть спокойно поработает мозгами. Сам скажет, когда будет готов.

— Когда-нибудь слышал о Пендити? — спросил вдруг Гарри.

Моя мать была итальянкой; друг детства — глава нью-йоркской итальянской мафии. Еще бы не слышал.

— Естественно — «ренегаты». Так их прозвали в сицилийской полиции. Промышляли в основном заказными убийствами и рэкетом. Когда их переловили, все дружно дали показания против мафии. Все до единого. Это ты к чему, Гарри?

— Насколько мне известно, Пендити были одни

из самых крутых ребят в мире. Полные беспредельщики. Но даже они сдавали своих. Я хочу сказать, что должна быть какая-то чертовски веская причина, по которой Малютка-Бенни предпочитает держать рот на замке насчет всей остальной банды.

Мирное побулькивание кофеварки сменилось свистом и клекотом, и Гарри налил нам обоим по большой кружке. Насколько же мне повезло, подумалось мне, что нас с ним свела судьба, и насколько же повезло тем, кто служил под его началом по Вьетнаме. Светлая голова, прирожденный лидер, и даже теперь, на седьмом десятке, ничем, похоже, его не испугаешь.

— Так не хочешь рассказать мне, что задумал? — спросил Гарри.

— Есть у меня один друг, который может помочь разыскать и вызволить Эми. Наверное, лучше, чтобы ты ничего про это не знал. Мне нужно как-то связаться с ним до того, как увидимся с глазу на глаз. История может выйти мутная, и я не хочу, чтобы из-за нее как-то на тебя вышли. У этого парня, типа, все телефоны на прослушке. Так что отсюда звонить ему не хочу. Но есть одна вещь, которую точно попрошу тебя сделать. Мне нужно кое-какое снаряжение. Все, что от тебя

требуется, — это просто забрать его и спрятать где-нибудь в этом здании. Пожалуй, лучше всего в инвалидном сортире на этом этаже. Засунь все дела в такой закуток, где никто не увидит. На девятнадцатом туалетов нет. Так что просто спущусь на этаж и якобы им воспользуюсь. Там просто одна большая комната, без кабинок. То, что доктор прописал. Это ближайший туалет от нас, и русские останутся ждать снаружи. Со мной туда не полезут, раз кабинок нету. Напишу тебе список того, что мне нужно, и где все это достать. Лучше тебе не слишком влезать во все это, Гарри. Тот, кто удерживает Эми, вряд ли отдаст ее без боя.

Гарри почесал голову.

— А тот парень, который тебе будет помогать, — как ты собираешься встретиться с ним без ведома Волчека? — спросил Гарри.

— Без ведома не смогу, — согласился я. — Но, по-моему, я уже придумал, как убедить русских *самим* отвезти меня к нему.

Глава 26

Ветер за окном усиливался — когда очередной порыв навалился на стекло, рама задребезжала в направляющих. Гарри уселся в свое любимое кресло — древнее, деревянное, на толстом поворотном столбике. Оно напоминало самого Гарри — такое же старое, видавшее виды, крепкое.

На письменный стол упал второй винтик, укатился куда-то вбок по дуге, но вовремя остановился.

Гарри снял очки, пощипал себя за кончик носа. Это у него еще один «значок».

— Не нравится мне все это. Гнильцой попахивает, — произнес он.

Потом вздохнул и сказал:

— Не важно, что ты для них сделаешь, — они все равно убьют и тебя, и Эми. Собираются, по крайней мере. Все эти разговоры о том, будто если ты разберешься со свидетелями, то тебя отпустят, — полная херня. Как только спляшешь под их дудку, так сразу и отправишься к праотцам, где никому ничего уже не расскажешь. Не пойдут они на такой риск.

Я сосредоточился на последнем винте.

— Но ты уже наверняка и сам об этом подумал, — добавил Гарри.

Кивнув, я подцепил винтик кончиком резака и вытащил его из углубления в пластмассовом корпусе.

Гарри подъехал ко мне вместе с креслом. В тревожном ожидании мы оба склонились над кругом света от лампы. Я аккуратно зажал корпус брелока в пальцах, засунул в щель между половинками ноготь, стал осторожно разнимать.

Половинки разошлись.

Пальцы дрожали, но я умудрился ничего не выронить. Положил обе пластмассовые скорлупки рядышком, бортиками вверх, на стол под лампой.

К тому моменту план у меня уже был практически готов. Все-таки не один час его обдумывал.

Я знал, что ни копам, ни ФБР довериться нельзя, но, как только я заполучу Эми, у Волчека уже не будет надо мной власти. Заберу ее и скроюсь. Причем я даже в общих чертах продумал, как именно все это проделаю — какая схема «развода» понадобится, чтобы *Bratva* сама отвезла меня к Джимми. Тот проследит номер мобильника, который я срисовал на экране телефона Волче-

ка, и тогда Эми у меня в руках. Как только она окажется в безопасности, можно будет связаться с ФБР и все им рассказать, помочь окончательно прищучить Волчека и всю его команду. Об остальном договоримся.

Таков был план.

Но все изменилось, когда я заглянул внутрь разъятого на две половинки пульта.

Внутри не оказалось ни платы, ни микросхем, ни проводов, ни батареек — ровным счетом ничего.

Это была просто пустая пластмассовая скорлупа.

— Пустышка? — спросил Гарри.

— Чушь какая-то! Артурас несколько раз ставил бомбу на боевой взвод. Я сам видел на пульте красный огонек, когда его активировали! Вот тут, на самом кончике, — сказал я, показывая Гарри на чуть выступающий из корпуса колпачок светодиода. Этот-то вряд ли засветится — нет даже источника питания. — Когда Артурас ее взводил, я чувствовал какую-то вибрацию…

Скрестив руки на груди, я от души выругался.

— Ну что еще за хрень?

В тот же самый момент в голове вихрем закрутилось множество других, более конкретных

вопросов. Главный был такой: зачем Артурас таскает с собой сразу два пульта — один макет, а другой настоящий?

— Тут явно еще что-то затевается. Еще какая-то игра помимо прочих. Как по-твоему, что это все означает? — сказал Гарри.

— Это означает две вещи, — ответил я. — Во-первых, есть настоящая бомба, и она на мне. Во-вторых, есть настоящий пульт, но он не у меня. Не знал, что у Артураса сразу два пульта. Если б знал, свистнул бы настоящий.

Бездумно повертел в пальцах пустые пластмассовые скорлупки.

И вдруг замер, застыл.

У Гарри тоже отвалилась челюсть, потому что в голову ему пришла абсолютно та же мысль.

— Двигай по-быстрому, — проговорил он. — Если они увидят, что в комнате никого, то просто нажмут кнопку, и…

Глава 27

Пальцы тряслись, когда я бросился прилаживать половинки корпуса обратно друг к другу. Винтики словно успели уменьшиться в размерах, поскольку никак не удавалось подцепить их пальцами.

— Успокойся. Они еще не обнаружили, что тебя там нет, — сказал Гарри.

— С чего ты взял?

Он посмотрел на меня, как на полного придурка. Впрочем, Гарри было вовсе не обязательно растолковывать мне все на пальцах. Я просто автоматически поддерживал разговор — нужно было хоть чем-то отвлечься, чтобы пальцы опять стали меня слушаться.

— Да понял я, Гарри, понял, — буркнул я.

Первый винтик наконец-то вошел в свое углубление, и я принялся его закручивать.

Гарри расхаживал взад и вперед, опять что-то бормоча себе под нос.

— Ладно, ты возвращайся, а я пока раздобуду твое барахло и подброшу, куда договорились. Что там тебе надо и где мне это взять?

В ту же секунду я затаил дыхание и мысленно

обратился к богу, поскольку только что обронил второй винтик и теперь смотрел, как он скачет по полу прямиком к открытой отдушине. Метнувшись к нему, я ухитрился перехватить беглеца сразу перед тем, как тот свалился в вентиляционную преисподнюю.

Тяжело дыша, я ухитрился просунуть его на место и принялся работать острием резака.

— Пиши, — сказал я.

Гарри схватил карандаш, приготовился писать под диктовку.

— Мне нужно с чего-то звонить. Чтобы перетереть с Джимми, ну и с тобой связь поддерживать. Короче, мне нужна пиратская мобила.

— Чего-чего?

— Это такая разновидность одноразового сотового телефона. Не переживай, весь товар найдешь в одном магазине. Это такая лавочка на Бейкер-стрит, называется «АМПМ секьюрити». Спросишь Пола. Когда подойдешь туда, на вид он будет типа закрыт. Но ни фига. Стучись, пока кто-нибудь не откроет и не сунет тебе в физиономию ствол. Скажешь Полу, что это я послал. Он в курсе, что это за штучки. Мне понадобится невидимый маркер. Либо «СЕДНА», либо «Секьюрити уотер». Не важно, какой фирмы. И к нему еще маленький

темный фонарик, отметки смотреть.

Гарри был явно озадачен.

— Не волнуйся, Пол поймет. Сам проверит, чтобы я получил то, что надо.

Днем Пол Гринбау на вполне законных основаниях рулил добропорядочной фирмой «АМПМ секьюрити», а по ночам вовсю торговал всякими нелегальными достижениями технического прогресса. Ночная смена приносила Полу куда больший доход, и я давно затаривался у него всяким оборудованием — в основном тем, на которое закон смотрит крайне косо. Бывают случаи, когда успех «делового» определяется в основном качеством его инструментов.

— Это всё? Давай уже, Эдди! Не тяни резину, — сказал Гарри.

Подошел к окну, сдвинул вверх раму, глянул вниз на город. Очередной ливень понемногу стихал.

Затянув последний винт, я внимательно оглядел фальшивый пульт — Артурас вряд ли заметит, что я его открывал. Я очень надеялся обезвредить либо саму бомбу, либо хотя бы пульт. Никак не думал, что вытащу у Артураса макет. Это навело меня на мысль.

— Гарри, у тебя есть камера в мобильнике?

— Угу, — отозвался он, вытаскивая свой телефон-«раскладушку».

— Щелкни этот пульт. Скажи Полу, что мне нужен точно такой же.

Держа брелок двумя пальцами, Гарри заснял его со всех углов, добавил этот пункт в список и зачитал его полностью.

— Придется тебе прямо сейчас пойти и купить все это. Очень скоро мне нужно будет сделать свой ход, и все это мне крайне понадобится. Бейкер-стрит не слишком-то далеко отсюда. Как думаешь, сможешь обернуться за час?

— Постараюсь, но я даже не знаю, что половина всего этого добра из себя представляет. Не уверен, правда, что вообще хочу это знать, — ответил Гарри.

Укладывая обратно бомбу и натягивая пиджак, я заверил:

— Положись на меня, Гарри. Тебе этого знать и не надо.

Глава 28

Бывают ситуации, когда действительно надо прислушиваться к инстинктам, а временами хоть в лепешку разбейся, но сделай дело. Когда я опять стоял на карнизе за окном, все мои инстинкты буквально орали во весь голос: зачем вылез на этот чертов карниз, давай быстро обратно, ищи другой способ, на сей раз точно свалишься!

Постарался не обращать внимания на страх, опять подумал про Эми. Гарри словно прочитал мои мысли.

— Она девчонка сильная, Эдди. Они ее не тронут, а мы ее обязательно вытащим. Завтра у меня дело в гражданском суде, но постараюсь разделаться пораньше, прикрою тебе спину. Сяду рядом с судьей Пайк и буду за тобой присматривать.

Любые слова признательности застряли у меня в глотке, прежде чем я вновь обрел голос. Черт, до чего же классно, что у меня есть такой друг, как Гарри!

— А как… как ты собираешься это подать?

— Скажу Габриэле, что хочу оценить ее профпригодность на должность апелляционного

судьи. Не твоя забота. Что-то я беспокоюсь… Слишком уж многое может пойти наперекосяк. Одного я тебя в суде не брошу. Буду там.

Я кивнул и опять пожал ему руку, припомнив, как первый раз взялся за эту большую мягкую руку многие годы тому назад. Когда мы с Гарри впервые обменялись рукопожатием, это ознаменовало мое окончательное расставание с воровской профессией — ну или почти окончательное.

Гарри убрал руку и закрыл окно. Интересно, подумал я, вновь двинувшись по карнизу, суждено ли мне когда-нибудь пожать эту большую руку опять. Гарри многим ради меня рисковал. Таковы уж его личные моральные принципы, честь и преданность друзьям. Хотя в моем случае главную роль наверняка сыграло чувство ответственности, которое Гарри за меня, непутевого, испытывал. Он как раз из таких, сильно ответственных.

К счастью, дождь перестал, хотя и оставил поблескивающую пленку воды на и без того скользком карнизе. В очередной раз подтягивая ногу вперед, я все-таки поскользнулся, и мой левый башмак съехал к самому краю.

На долю секунды показалось, что мое бренное

тело весит всю тысячу фунтов. Ухватился было за кирпичную кладку, но пальцы не нашли ни единой выемки. Вторая нога тоже скользнула, подвернулась под меня, и я упал, отчаянно пытаясь изменить угол падения. Треснулся грудью так, что вышибло дух. Почувствовал, что съезжаю к краю карниза, зацарапал перед собой скрюченными пальцами, тщетно пытаясь удержаться на мокрой гладкой поверхности. Левая нога слетела с плоского камня, зависла над бездной, но правая рука все-таки зацепилась за чуть выступающий кирпич — я быстро крутнулся всем телом и все-таки ухитрился подобрать обе ноги на каменную твердь, хотя напрягшуюся спину свела резкая боль.

Скорее всего, порвал какие-то мышцы внизу спины, но все-таки удержался.

Попробовал сделать вдох — вроде получается, но вот тело полностью забастовало, не двинуть ни рукой, ни ногой. Лежа носом вниз на узеньком карнизе, под собой я видел Нью-Йорк. Уличное движение окончательно угомонилось. Очередь такси, обслуживающих ночной суд, уже не доставала до этой стороны здания. Машин совсем мало, а пешеходов и вовсе ни одного… Хотя нет, один все-таки есть. С моей обзорной площадки

был хорошо виден лысый худощавый тип, который остановился под фонарем — на его гладкой макушке сиял оранжевый отблеск. На нем было темное пальто, и он явно чего-то ждал. У меня на глазах к противоположному тротуару подкатил белый лимузин — тот самый лимузин, который подхватил меня утром у закусочной. Человеком под фонарем мог быть только Артурас. Задняя пассажирская дверь лимузина распахнулась, и оттуда выбрался громадных размеров детина — Грегор. Мне показалось, что его бумажник у меня в кармане прожжет мне в груди дыру, когда Грегор вытащил вслед за собой большой чемодан на колесиках. Выглядел тот точно так же, как чемодан с материалами дела, который стоял сейчас в приемной. Я оставил его у Виктора — просто вынул из него нужные папки и отнес к себе в кабинет.

В свете фонаря я увидел, как Грегор отпирает чемодан и слегка приоткрывает крышку. Артурас быстро заглянул внутрь, и Грегор опять закрыл чемодан. К ним обоим присоединился кто-то третий — в темно-синей униформе, и я заметил, как на груди у него в свете фонаря ярко сверкнула большая металлическая бляха. Тот самый толстый охранник, которого я утром видел в

вестибюле!

Все трое чего-то ждали — в окружении погруженных во тьму молчаливых офисных зданий. С перекрестка на улицу свернули два белых фургона, притормозили напротив лимузина. Грегор махнул водилам, и первый фургон исчез на пандусе, ведущем на подземную стоянку под зданием суда. Второй остановился, и водитель распахнул пассажирскую дверь. Грегор подкатил чемодан к фургону, подхватил его обеими руками, поднатужился и плюхнул на пассажирское сиденье. И этот-то бычара швырнул меня, как куклу! Что бы там ни было в чемодане, он был зверски тяжелым. Захлопнулась дверь, и фургон укатил вслед за первым на подземную парковку. Потом Грегор, Артурас и толстый охранник отступили к стене, подальше от света фонаря. Опять стали чего-то ждать. Лимузин все так же стоял у тротуара. Через несколько минут по пандусу стоянки поднялись два человека — наверное, те самые водилы, догадался я, только на своих двоих. Оба направились к Грегору.

На секунду дыхание у меня прервалось.

Грегор полез за пазуху. Потом проверил все остальные карманы пальто. Охлопал себя по бокам, даже ощупал со всех сторон своими толстен-

ными пальцами, и в конце концов недоуменно воздел руки к небесам. Просек, что лопатник исчез. Артурас вытащил свой собственный бумажник, вручил каждому водителю фургона по пачке банкнот. Оба забрались на заднее сиденье лимузина, и тот в ту же секунду отъехал. Я предположил, что сотки в зажимах, которые я недавно нашел в бумажнике, предназначались для расплаты с водителями. Артурас с Грегором вроде обменялись какими-то шуточками, и я увидел, как бычара опять поднимает свое здоровенные лапы — типа, сам не в курсах, где бумажник. А что, вполне мог просрать где-нибудь или просто не туда засунуть — может, с ним это вообще обычная история. Заподозрить, что это я подрезал лопатник, они всяко не могли. Для них я просто адвокат, о моем прошлом они в блаженном неведении. А адвокаты не тырят бумажники. Русские вместе с толстым охранником направились вдоль по улице и свернули вправо, к главному входу. Скрылись за углом.

Артурас с Грегором собирались проникнуть в здание тем же манером, что и я утром — просто пройти через досмотровую зону, потом пересечь вестибюль и направиться к лифтам. По самым оптимистическим расчетам, на это у них уйдет

около девяноста секунд. На подъем в лифте накинем еще шестьдесят, и еще десять на то, чтобы дойти до бывших судейских покоев. Перед тем как ломиться ко мне, надо будет разбудить Виктора — еще секунд десять-пятнадцать. Короче, для полной гарантии мне надо быть у себя в комнате через две с половиной минуты — иначе они увидят, что меня нет, сделают телефонный звонок, который оборвет жизнь Эми, и нажмут кнопку на пульте.

Я давно привык хронометрировать в уме перекрестные допросы и, по-моему, могу похвастать вполне приличной точностью своих биологических часов. Подобрал под себя ноги, встал, двинулся дальше. К тому времени, как добрался до статуи, сорок пять секунд из отведенного времени уже истекли. Серая дама оказалась не такой скользкой, как карниз, и на то, чтобы забраться ей на плечи, ушло всего секунд двадцать. Встал, упираясь ногами в мантию у нее за спиной и обеими руками цепляясь ей за голову. Из-за обвалившихся на том пути кирпичей между статуей и более-менее безопасным участком карниза образовался примерно четырехфутовый зазор.

На нерешительное стояние в обнимку с головой Дамы ушло целых пять секунд. Потом я поставил

ногу ей на правое плечо, выпрямился и ухватился за меч, чтобы удержать равновесие.

Все, что Артурас грузил мне днем, было совершенно беспардонным враньем. Он мог хоть рояль сюда протащить, если б захотел, — только что закатил в здание два фургона с каким-то чемоданом внутри без всякого досмотра. Бомбу, которая давила мне сейчас на поясницу, можно было запросто положить в чемодан, который Грегор засунул в фургон. Чтобы незаметно пронести что-нибудь в здание, ни я, ни Джек им абсолютно не требовались. Я выругал себя за глупость — если им по карману федерал, то уж всяко по карману и какой-то вшивый охранник, который пронесет мимо досмотра все, что душа пожелает. Раз уж на то пошло, бабла у них хватит, чтобы сделать миллионером каждого охранника в этом здании. Я еще раз проиграл в голове, как входил сюда утром. Барри выкрикнул мое имя; блондинчик по имени Хэнк вздумал меня обыскать. Не успел я еще даже приблизиться к рентгеновскому сканеру, как толстяк уже вовсю таращился на меня. Тогда я принял его за знакомого, которого просто не могу припомнить. В свете того, как он помогал русским незаметно загнать фургоны на подземную стоянку, его присутствие в вестибюле

выглядело уже совсем по-другому. Когда Хэнк потребовал от меня растопырить руки, толстяк сразу устремился к нам. Тогда я подумал, что он хочет прикрыть Хэнка, — но теперь-то знаю, что он сверлил меня взглядом с одной лишь целью: проследить, чтобы я прошел через досмотр в неповрежденном виде и чтобы Хэнк или кто-то другой не нашел бомбу.

Как только от меня не будет проку, они сразу убьют Эми. Одного я не мог понять — зачем? Зачем я вообще им понадобился?

Отец как-то сказал мне, что в жизни никого не напаришь, пока не узнаешь объект со всех сторон и не разведаешь все входы и выходы. Но в данной ситуации абсолютно все представлялось совершеннейшей бессмыслицей. У меня было чувство, что я не более чем пешка в какой-то куда более серьезной игре. Но, по крайней мере, я начинал понимать, кто тут главные игроки. А значит, настала пора затевать свою собственную игру.

Я отпустил меч, резко выдохнул и прыгнул.

Глава 29

Шлепнулся всем телом на живот; на карниз попал, хотя ногами отбил еще часть кирпичей возле осыпающегося разлома. Привычно обнял стену и по-рачьи зашаркал вперед со всей возможной скоростью. Когда ввалился в окно кабинета, со старта прошло уже две минуты и двадцать секунд. Быстро вскочил на ноги, опустил раму. Сорвал пальто, стал чистить его прямо рукой. Оно насквозь промокло, как и брюки. Батарея в углу была выключена, так что выкрутил регулятор на полную, повесил на нее пальто и прислонился к ее теплому боку коленями, где темнели большие мокрые пятна. Кое-как перевел дух. Между судорожными вдохами услышал в коридоре шаги. Покинув тепло древнего радиатора, заглянул в замочную скважину и с облегчением узрел, что Виктор по-прежнему дрыхнет на кушетке примерно в той же позе, в какой я его и оставил. Самсонайтовский чемодан, в котором принесли материалы дела, остался стоять пустым и открытым — там же, где я его бросил. Вынутые из него папки все так же лежали на письменном столе.

Тишину нарушил приглушенный металли-

ческий лязг — в холле закрылись двери лифта. Спину под пиджаком прошиб пот, я вытер лоб. По коридору шли двое — второй топал, как слон. Артурас потихоньку скользнул в приемную, почти неслышно откинулся в кресле. За ним ввалился Грегор, пнул Виктора — просыпайся, мол. Потребовал от того подвинуться, и оба бугая опять улеглись, закрыв глаза. Мягкий свет настольной лампы, точно такой же, как в моей комнате, придавал обстановке вид почти мирный и домашний. Я попробовал дверную ручку — заперто. Проверить меня никто не заглядывал. Если б они открыли дверь и обнаружили, что меня нет, опять запирать не стали бы.

Как можно тише я прокрался к набирающей тепло батарее и слегка подсушил штаны. Следующий шаг был уже спланирован. Прежде чем сделать свой ход, надо было как-то связаться с Джимми. Для это мне и требовался телефон из списка Гарри. Даже без утренних пробок у того уйдет как минимум час, чтобы раздобыть нужный мне товар и подложить его в условленное место. Оставалось только ждать. Вытянув ноги и прислонившись спиной к стене, можно было по-прежнему углядеть кое-что через скважину.

Русские отдыхали.

Где-то через полчаса я поймал себя на том, что голова падает на грудь. Чуть не задремал. Пальто и коленки высохли, да и вообще на темном пятна практически незаметны — повезло, что цвет немаркий. В маленьком кабинете вскоре стало жарко. Я выключил радиатор и опять погрузился в собственные мысли.

Гарри Форду я и без того очень многим обязан. Не будь его, я сейчас сидел бы за решеткой или лежал в могиле. В профессии «делового» это неизбежно. Никакого тебе пенсионного плана. Никакого здравоохранения. Под конец своей карьеры страхового мошенника я стал все чаще испытывать судьбу, порхая как мотылек, — либо нюх потерял, либо просто сам уже хотел, чтобы меня наконец поймали. Но тогда-то так не думалось. Когда все это случилось, я во всем винил свою секундную промашку и девятифунтовый молоток. Ладно, сам по себе молоток, предположим, ни в чем не был виноват — как и не был виноват тот, который этим молотком орудовал. На самом-то деле роковую роль сыграли моя невнимательность за рулем и присущая многим мужикам страсть спать с чужими женами.

Походящего терпилу я уже подобрал, все разведал, и для «тычка», намеченного на пятничное

утро, все было на мази. А во вторник вечером моего водилу-виртуоза, выпавшего из обоймы гонщика «НАСКАР»[19] по имени Перри Лейк, полностью вывел из строя ревнивый муж, застукавший его с собственной супругой. Муж привязал его к стулу, сходил за инструментальным ящиком и продемонстрировал Перри новехонький девятифунтовый молоток. Обработал его по полной: переломал к чертям коленки, пальцы, локти, выбил все зубы. Надо было сразу отменить намеченную подставу. Но я уперся. Забыл старый принцип: получил деньги — и сваливай. За последние годы мошеннического бизнеса я сколотил почти две сотни кусков. Чисто ради денег уже на дело не ходил. Ходил для привычного куража, ради того восхитительного чувства, с которым разводишь на многие тысячи мощного страховщика со всеми его прикормленными законниками, — а потом, перед тем как обналичить чеки с возмещением по липовому страховому случаю, садишься в баре и поднимаешь стаканчик за папу. В общем, я занял в тот день место Перри. Вышло бы куда лучше, если

[19] notes: 19

NASCAR (National Association of Stock Car Auto Racing) — одна из самых престижных автогоночных серий в США, в которой участвуют автомобили «кузовных» классов на основе серийных моделей.

б я просто привязал то, что осталось от Перри, к водительскому сиденью, и предоставил это дело ему. Облажался по полной — дал по тормозам и слишком сильно, и слишком рано. Тот «Мерседес» въехал мне в зад задолго до перекрестка. Мой косяк, а не его. И вместо того чтобы это я грозил водителю «Мерседеса» судебным разбирательством, он сам поволок меня в суд за нанесение телесных увечий. В гражданский суд на Чеймберс-стрит. Судьей, которому выпало слушать это дело, и был Гарри Форд.

Обычно такого рода инциденты вообще до суда не доходят. Моя вина в ДТП была очевидна, но я соврал — сказал, что, мол, дорогу прямо передо мной перебегал пешеход, потому и пришлось резко затормозить. Однако свидетелем аварии оказался какой-то коп, который стоял через дорогу. Он сказал, что никакого пешехода передо мной не видел. Если б не этот несчастный коп на месте происшествия, я бы попросту дал газу и свалил. А так он записал все мои данные. Я тогда сдуру взял с собой свои собственные документы — еще одна серьезная ошибка.

В тот раз я пришел в суд, чтобы предложить тому парню отмазку — десять тысяч долларов. Но его адвокат сказал, чтобы он их ни в коем случае

не брал — типа, только через суд. Машина, которой я тогда управлял, не была застрахована, а нанять адвоката значило бы показать водителю «Мерседеса», что деньги на адвоката у меня есть, так что я решил защищаться сам. Когда началось слушание, у судьи, Гарри Форда, был такой вид, будто бы ему до смерти все надоело. Если б не тот коп, было бы просто мое слово против слова водителя «Мерса». Но только до тех пор, пока я не начал задавать вопросы, — тут я заметил, что Гарри малость оживился. Терпила показал, что не видел никакого пешехода перед тем, как я дал по тормозам. Я задал ему единственный вопрос: «Вы утверждаете, что не видели, как я торможу, до того момента, когда было уже поздно и вы в меня въехали. Так что если вы не обращали внимания на мои действия, то и пешехода могли не заметить, так ведь?» Он не ответил.

Коп сообщил, что отлично меня видел и прекрасно помнит весь ход событий, закончившихся столкновением. И абсолютно убежден, что тоже не видел, чтоб пешеход перебегал улицу прямо у меня перед бампером. Я понял, что если смогу поколебать показания копа, тогда у меня появятся хоть какие-то шансы, так что решил проверить, *что* он действительно помнит.

«Офицер, вы утверждаете, что можете в подробностях воспроизвести в памяти весь тот день — события, которые произошли шесть месяцев назад?»

«Совершенно верно».

Тут я поднес к глазам листок бумаги — письмо от адвоката терпилы, в котором он грозил мне судом, если я немедленно не выплачу его клиенту сто тысяч долларов. Коп видел, что я смотрю в какой-то документ, но не видел, что там.

«Офицер, какой вызов вы получили после того, как стали свидетелем данного происшествия?»

Он явно собирался соврать, что-нибудь выдумать. Но при виде того, как я с важным видом изучаю какой-то документ в ожидании ответа, призадумался. Коп решил, что у меня есть какая-то информация насчет вызова после ДТП, и что она на бумаге передо мной.

«Не помню», — предпочел он самый безобидный ответ.

Та же история и с вопросом о природе вызова, полученного непосредственно перед происшествием. Ответ в том же духе — ни с того ни с сего у него вдруг напрочь отшибло память.

Еще мальчишкой я не раз наблюдал, как отец устраивает перед своими «бегунами» такое же

представление, когда они вдруг являлись без денег или приносили слишком мало. Допрашивая их, он всегда держал перед собой раскрытой свою красную записную книжку — чтобы показать, что все ходы у него записаны и перед ним совершенно железные доказательства. Ни фига он не записывал, естественно. Это был чистый блеф.

После нескольких подобных вопросов я услышал оглушительный хохот судьи Форда. Он впервые обратился прямо ко мне: «Можете больше ничего не спрашивать. Я отвожу иск».

Я сохранил свои немалые денежки! Только что. Терпила вылетел из зала, осыпая своего адвоката проклятьями. Эта маленькая победа подарила мне совершенно восхитительное чувство. Это оказалось столь же классно, как самое хитроумное кидалово. Через дорогу от здания суда был небольшой мексиканский бар, и я как на крыльях понесся прямиком туда, поскольку почему-то почувствовал зверский голод. Пока ждал, когда освободится столик, услышал за спиной густой низкий голос: «Неплохо управился, сынок. Жалко, что ты не настоящий адвокат».

Мы перекусили вместе. Гарри сказал мне, что никогда еще не видел, чтобы простой ответчик так непринужденно управился с делом при от-

сутствии сторонней юридической поддержки, и что сработал я получше большинства профессиональных адвокатов, с которыми ему приходилось иметь дело. Таких, как Гарри, я до той поры не встречал. Человек он оказался прямой, уверенный в себе, с довольно соленым юморком и… В общем, от него еще и неуловимо веяло какой-то смутной опасностью. Он спросил меня, чем я зарабатываю на жизнь, и я ответил, что после смерти родителей отложил немножко деньжат, но еще не решил, куда направить свои стопы.

Слизывая соус с пальцев, он сказал: «Знаешь, у тебя просто редкостный дар. Тебе стоит подумать насчет адвокатских курсов. Мне нравится, как ты задаешь вопросы. Сразу видать талант и предрасположенность к этому делу. Особенно с тем копом. Ты же просто по столу его размазал!»

«Честно говоря, я и понятия не имел, что за вызовы были у него в день происшествия. По-моему, я его просто развел. Не думаю, что такому учат на курсах».

Он заржал.

«Слышал когда-нибудь про Кларенса Дэрроу?[20] Был такой судебный адвокат, давным-давно. Ты мне его напомнил. Перед началом судебного заседания Кларенс продевал в одну из своих толстенных кубинских сигар, которые так любил курить в суде, длинную шляпную булавку. Когда его противник начинал излагать свое видение дела, Кларенс непринужденно закуривал эту сигару. Оппонент вещает, а он только сигару покуривает. Сигара горит, а пепел-то все не падает! Там ведь булавка внутри, она как балка держит. В общем, пепел все длинней и длинней, но все так же вперед торчит. Скоро уже присяжные только и смотрят, что на эту сигару — всё ждут, когда пепел наконец упадет и весь его белоснежный льняной костюмчик уделает. Только вот пепел никогда не падал, а Кларенс никогда не проигрывал дело. Думаешь, есть большая разница между Дэрроу и тем фокусом, который ты показал сегодня копу?»

«Как-то я на этот счет не думал».

«Это и доказывает, что у тебя талант. Если все-таки решишь пойти на курсы, звякни. Реко-

---

[20] notes: 20

Кларенс Сьюард Дэрроу (1857–1938) — видный американский юрист, один из руководителей Американского союза гражданских свобод, из идейных соображений выступавший в качестве адвоката на многих известных судебных процессах. Действительно, очень колоритная личность.

мендация не помешает. А пока будешь учиться, мне всегда нужен клерк».

Так и вышло. И хотя мысль о том, чтобы стать адвокатом, заронил мне в голову Гарри, полностью утвердила меня в ней моя мама — окончательно и бесповоротно я принял это решение только из-за нее.

* * *

Доносящийся из приемной храп вдруг резко оборвался, но тут же возобновился опять.

Полночь.

На таймере — всего шесть оставшихся часов.

У Гарри было полно времени, чтобы раздобыть все необходимое и принести в здание до двенадцати.

Пора было в этом убедиться.

В игре на доверии первый твой ход — самый стрёмный. После него уже нет возврата, и подсаживаешься на измену до тех самых пор, пока не настанет пора перейти к следующему. Дальше нервная горячка почему-то сама собой отпускает.

Встал, потянулся, подверг окончательной проверке одежду и пальто. Остатки грязи на полах стер, слегка смочив водой из бутылки, которую

бросил мне Артурас. Сполоснув руки из той же бутылки, как следует потер их, чтобы высушить. Решил наконец, что все о'кей и что не выгляжу так, будто всю ночь ползал по грязным закопченным стенам. Проверил — дрожь в руках пропала. Громко постучал в дверь, крикнул:

— Эй, открывайте! Есть разговор! Нужно устранить еще одного свидетеля, если ваш босс хочет избежать пересмотра!

Нагнувшись к замочной скважине, я различил за ней какое-то движение. Виктор встал и сразу же перекрыл мне обзор на репродукцию «Моны Лизы», маячившую по центру скважины, — ту самую, которую я первым делом и узрел, едва только появившись здесь. Почему-то при виде его туши перед картиной в голове у меня промелькнул хвостик какой-то важной мысли, словно крохотная искорка — что-то связанное с фальшивым пультом и тяжеленным чемоданом, который Грегор с трудом взгромоздил в фургон, но через миг эту едва оформившуюся мысль сразу же затянуло туманом.

Глава 30

Я услышал, как в замке заскребся ключ, и дверь резко распахнулась внутрь. За порогом стояли все трое.

— Даже если я кокну Малютку-Бенни, обвинение все равно добьется пересмотра дела, основываясь на показаниях Тони Геральдо. Если не удалить его со сцены, ваша затея ничего не даст. Проблема в том, что вы не можете просто так пристрелить Тони — рискуете развязать полномасштабную войну с итальянцами. Но вам повезло, ребята, мочить его не обязательно. Если он — тот, про кого я думаю, то его молчание можно купить деньгами.

Артурас пригляделся ко мне и медленно кивнул.

— Да. В других фирмах тоже упоминали про этого макаронника. Сказали, что его показания могут наделать дел, но самих по себе их недостаточно, чтобы осудить Волчека.

— Они абсолютно правы, но их более чем достаточно, чтобы прокурор отправил дело на пересмотр. Проще всего откупиться, но для этого мне нужны настоящие деньги. По-моему, Тони

Геральдо еще известен в определенных кругах как Тони Г. Если это тот самый Тони, тогда я знаю главу семьи. Представлял его как-то в суде, сто лет назад. Могу все обстряпать. Но для этого мне нужно четыре миллиона долларов — два его боссу за посредничество, еще два для самого Тони.

Артурас при этой цифре даже не вздрогнул. Похоже, это его ничуть не шокировало. Ну да, четыре лимона для этих ребят не сумма. Соберут за считаные часы. Мне сразу припомнилась та статья в газете: когда Волчек выходил под залог, то без всяких проволочек внес пять миллионов нальником. Четыре миллиона тем более не проблема. Жизнь моей дочери стоит дороже.

— Да, Тони Г. и есть Тони Геральдо. И вы правы — вести переговоры с этими людьми у нас не получится. Может, получится у вас. А может, и нет. Но это не имеет значения. После того как мы замочим Бенни, уже никто не рискнет давать показания против Волчека, даже при пересмотре дела. Забудьте, — сказал Артурас.

— Я не могу так поступить. Твой босс дал мне шанс с Бенни — шанс выиграть дело, не прибегая к мокрухе. Но Тони Геральдо мне ничем не зацепить. Надо от него просто откупиться.

— Я сказал же — забудьте, — ответил Артурас,

на сей раз со сталью в голосе.

— Ты предлагаешь мне забыть об опасном свидетеле обвинения, когда твоего босса судят за убийство?

Вот тут он реально вздрогнул. Я заметил, как натянулась кожа возле его глаз, прежде чем на лицо Артураса вернулась знакомая уже угрожающая усмешечка.

— Это мой план, господин адвокат. Вы тут не при делах.

— План, может, и твой, а судебное разбирательство — мое. Волчек — *мой* клиент. Я вписался во все это только ради жизни дочери. И если ты не скажешь ему о моем предложении, тогда я сам скажу. Расскажу ему, как ты пытался ставить мне палки в колеса. И как ты после этого будешь выглядеть?

Комнату озаряли неоновые вспышки от мигающего вдали за окном рекламного щита. Когда она вновь на миг осветилась, в синем призрачном свете я углядел, что щека Артураса влажно поблескивает — его шрам потек опять. За деланой улыбочкой мозг его что-то лихорадочно высчитывал, проигрывал все возможные варианты.

— Не забывайте, у кого ваша дочь, — бросил он, набирая номер на мобильнике.

Вот так — длинных разговоров не разводили, но друг друга поняли. Если я буду на него давить, он надавит в ответ — через Эми.

Разговор шел по-русски. Слушая босса, Артурас то и дело бросал взгляды на меня. Через несколько минут он нажал на отбой и плюхнулся обратно на кушетку.

Предположив, что Артурас ожидает решения начальства, я занял свое место за письменным столом в кабинете по соседству и стал ждать. Показания Тони Геральдо вполне могли дать обвинению основания для пересмотра дела — мотив из них особо не выжать, разве что косвенно, а вот сам факт личной неприязни подтверждается крепко, тем более что та драка непосредственно предшествовала смерти Марио Геральдо. Мириам наверняка все разрисует в ярких красках: вот вам убитый горем родственник, а вот подающий надежды юноша в белых одеждах, безжалостно убитый кровавой русской мафией, но на самом-то деле все это полная херня. Если Артурас прав и Тони Геральдо — это действительно Тони Г., то глубоко насрать ему на своего кузена. На фотках с места преступления я отлично разглядел и Марио, и его халупу — такая публика в лучшем случае дурь по подворотням толкает. А Тони — большая

шишка, почтенный член семьи, в полном авторитете и шоколаде. У него статус. Волчек лишь оказал Тони услугу, кокнув Марио. Тони лез в криминальной иерархии все выше и выше, а подобный гнилой родственничек лишь тянул его вниз. А это ему надо? Ему уважуха нужна, в том числе в собственном доме. В конце концов, если Тони не в состоянии вправить мозги собственному кузену, то кто доверит ему руководство целой командой всяких отморозков?

Но все-таки — родная кровь… Убийство члена семьи — это борзый наезд, за которым должна сразу же прилететь обратка. Нельзя замочить члена семьи и спокойно уйти своими ногами. Не важно, какого. Тони Геральдо требовалось как-то сохранить лицо. Развязывать полномасштабную войну не с руки — во всяком случае, не из-за такой сявки, как его кузен, — вот и встала перед ним дилемма. Очевидно, показания Тони стали некоей формой отплаты за Марио — обратка все-таки прилетела. Как бы там ни было, показания Тони оказались для меня отличным поводом повидать моего старого дружка Джимми по прозвищу Кепарик — главу семьи.

Правая рука и спина жутко ныли после акробатики на карнизе. Подумал было, не попросить

ли у Артураса какие-нибудь таблетки, но потом решил, что не стоит.

Мобильник Артураса задудел — входящий звонок.

Он ответил и тут же поглядел на меня. Довольно долго не произносил не слова, только слушал. Секунд через тридцать завершил звонок, встал, что-то бросил Виктору по-русски. Виктор направил на меня яростный взгляд.

— Гонишь, сука! — выкрикнул он, выдергивая нож из кармана.

Глава 31

Меня и Виктора разделяли футов восемь пустого пространства. Я по-прежнему сидел за столом в бывшем кабинете судьи. Виктор совершенно неподвижно стоял возле кушетки, не сводя с меня глаз. Нож держал в левой руке. Мериться с ним взглядами было бы сейчас неразумно. Тем более что основное внимание приковывал нож.

Двинулся ко мне.

Все так же молча.

В голове быстро промелькнули сразу несколько сценариев дальнейшего развития событий. Никак не удавалось сообразить, где я мог облажаться. Глаза сами собой забегали — обычное дело, когда в подобной ситуации начинаешь лихорадочно перебирать все возможные варианты. Пальцы метнулись ко рту. Если меня раскусили, то это будет ясно прямо сейчас.

Но тут мозг резко нажал на тормоза.

Папина школа — «держи себя в руках, что бы ни случилось».

А что, если и не раскусили?

— Знаешь что, Виктор? Вот сижу здесь и думаю — что такого подозрительного Волчек мог

найти в моих действиях?

Виктор замедлил шаг, навострил уши.

— С головой я вообще-то дружу — это на тот случай, если у тебя самого мозгов не хватает, чтобы до такого допереть. У нас с твоим боссом — полное доверие. И я не вижу ни одной разумной причины, по которой он мог вдруг во мне засомневаться. Из этого я заключаю, что он вовсе не считает, что я вру, — или, как ты выражаешься, гоню. Да, он человек осторожный — слишком уж осторожный, по моему мнению. Но как, блин, он вообще нажил хоть какое-то бабло, если ни разу не рисковал хотя бы по мелочи? Короче говоря, лично я ни в чем не соврал и ничего не гоню. Это вот ты гонишь. Ты просто пытаешься меня напугать, чтобы я раскис и что-нибудь выдал; хочешь выяснить, не задумал ли я обвести твоего босса вокруг пальца. Предлагаю сэкономить общее время. У меня нет никакого скрытого мотива. Что-что? Я вздумал прикарманить бабло, а свою дочку оставить ему? Он что, похож на чокнутого?

Виктор остановился футах в трех от меня, но нож не опустил.

— Так что? — сказал я.

— Давай, — подзуживал Виктора Артурас.

— Не гоните пургу, — отмахнулся я. — Ничего,

ребятки, у вас на меня нету. Вы просто решили посмотреть, как я отреагирую. Вздумали погадать на кофейной гуще — а вдруг я расколюсь и выдам свой коварный план? Расслабьтесь! Куда я, блин, денусь? Целый день уже тут с вами, говнюками, проторчал. Мне нужна моя дочь. Хочу, чтобы с ней все было в порядке. Хочу выиграть дело. И я его таки *выиграю*, только ради дочки и выиграю!

Виктор не двигался с места. Мгновение ничего не происходило. Потом он опять быстро направился ко мне, держа нож возле бедра. Я чуть поджал по себя ноги, крепко вцепился в сиденье. Еще шаг — и нырну влево, буду отбиваться стулом.

Нога его замерла в воздухе, он взмахнул ножом — и тут же заржал, отступил, повернулся к Артурасу.

— Не, не гонит. Чуть штаны не намочил. Ссыкун! — объявил Виктор со своим сильным славянским акцентом, разразившись гулким хохотом.

Я слегка расслабился. Проверку я только что прошел, и весьма серьезную.

Артурас взял телефон, опять стал разговаривать по-русски. Наверное, с Волчеком. Закончил, нацелил на меня палец.

— Вам лучше быть паинькой, господин адвокат. Четыре миллиона — большие деньги. Не для нас, конечно, но все равно большие. Мы очень расстроимся, если они пропадут.

— Когда?

— Сейчас начнем собирать. Это займет пару часов, не больше. А с ними куда?

— Хочу застать Джимми у него в ресторане за завтраком. Туда меня и отвезешь, там мы с ним и перетрем. Тебе там делать нечего. Если он тебя просто увидит, ты сразу мертвец, это хоть понимаешь? Это ради твоего босса. Я единственный, кто сможет это прокрутить.

Артурас ничего не сказал.

— Знаешь, кто такой Джимми? Так ведь? — сказал я.

— Жирный итальянский индюк, — пробурчал Артурас.

— Верно, только он еще глава чуть ли самого большого криминального семейства в Нью-Йорке. И крайне не любит, когда кто-то наезжает на членов его семьи и родственников — не важно, близких или дальних. Одного не могу понять — как получилось, что вы, ребятки, до сих пор живы?

— Потому что он не хочет затевать войну из-

за какого-то мелкого торчка вроде Марио. Уж поверьте — война была бы реальная. В конце Джимми наверняка победил бы, но потерял бы по ходу кучу своих людей и еще большую кучу денег. Стоит всего этого какой-то несчастный наркот? Нет, конечно. Он нам на это уже более чем прозрачно намекал. Так что мы просто отвели пока своих дилеров с его территории — пускай думает, что бизнес слишком хорош, чтоб его терять. Скоро он и думать про все забудет.

Пресса подала убийство Марио как гангстерскую разборку — очередной передел территории. Тони подтвердил, что драка в ночном клубе между Волчеком и Марио Геральдо действительно имела место, и сказал, что убийство связано с каком-то долгом. Самым же важным было то, чего я пока не знал. Марио, скорее всего, убили из-за фотографий, спрятанных в той сломанной картинке с рамкой, которую я видел на снимках с места преступления, — фотографий, которые Малютка-Бенни попытался сжечь, когда полиция начала ломиться в дверь квартиры. Что на них было? Почему Марио убили — чтобы их забрать? Пока не узнаю хоть что-нибудь о тех полароидных фотках, так и буду блуждать в потемках.

— Ладно, выходит, на сей раз Джимми поднял

денег вместо крови. Или просто хочет, чтобы вы, ребята, так думали. Вопрос в том, насколько для Джимми это личное дело. Так насколько личное? За что убили Марио?

— Он сдох, потому что был тупой наркот и начал залупаться на Волчека.

— Но Тони Геральдо говорит про какой-то долг.

— Волчеку все должны, — сказал Артурас, глаза которого на миг метнулись куда-то в сторону.

— Так это был долг или пьяная драка? Или Малютка-Бенни убил его из-за фотографий, остатки которых полиция нашла в кухонной раковине Марио?

Артурас с удивленным видом обозрел меня с ног до головы.

— Это была судьба. Вот все, что вам надо знать. Не задавайте слишком много вопросов, господин адвокат. Всего одного такого вопроса может хватить, чтоб вашу дочь прикончили, — произнес он; пальцы его машинально пробежали по шраму на щеке.

Уже второй раз он трогал этот шрам у меня на глазах. Похоже, даже не сознавал, что это делает, — как большинство людей непроизвольно выдает наружу «подсказочки», по которым можно судить об их чувствах и настроениях. Шрам

на вид был сравнительно недавний — розовый, воспаленный, года полтора ему, не больше. Я предположил, что Артурас заработал это украшение примерно в то самое время, когда Волчек узнал о показаниях, которые дал на него Малютка-Бенни.

Глава 32

Заснуть никак не удавалось.

Кожаная обивка старого диванчика изобиловала буграми и впадинами, сломанные пружины и какие-то жесткие прутья впивались в ноги, но даже если бы я лежал сейчас на широченном ложе где-нибудь в «Уолдорф-Астории», то все равно испытывал бы точно такие же проблемы со сном. Никак не мог остановить бесконечное кружение мыслей у себя в голове. В некотором роде это тоже помогало — обдумывание ситуации отвлекало от навязчивых мыслей об Эми. Голову буквально переполняли всякие версии — некоторые совсем уж психопатические, некоторые ближе к истине, а одна-две и вовсе выглядели вполне правдоподобно.

В жизни не слышал, чтобы гангстер выступал на стороне государственного обвинения за что-то меньшее, чем полный иммунитет по программе защиты свидетелей: новое имя, новое место жительства, полная анонимность — и все это, естественно, на свободе. Покупаются эти блага за данные под присягой подробнейшие показания обо всей организации в целом: вот наши

поставщики, вот сеть распространения, вот кто отмывает деньги, вот кто кого убил, когда, где, все дела. Обычно ко всему этому прилагается еще и утыканная булавками карта, показывающая места захоронения тел. Как в случае с Пендити.

Мы же от такой ситуации были крайне далеки. Малютка-Бенни слил всего одно несчастное убийство, и программа защиты свидетелей ему после суда не светила — будет досиживать свое. Покамест он отбывал срок в закрытом изоляторе ФБР.

Я никак не мог понять: неужели Малютка-Бенни настолько глуп, чтобы вообще хоть сколько-то отсиживать? Почему не сдал всех до единого, не заключил соглашение об иммунитете, чтобы потом скрываться до конца своих дней под государственной защитой?

Должны были иметься какие-то веские причины. Первой среди моих версий была семья. Документы об этом умалчивали, но если у Малютки-Бенни действительно есть семья, то наверняка где-нибудь в матушке-России. И даже у федералов хватит ума не обещать там хоть какую-то защиту. Нет, семья в России Бенни не волновала — если б у него там оставались какие-то любимые родственники, то он на Волчека и вовсе рот бы не разевал, поскольку там обеспечить их безопас-

ность попросту нереально. Если семья здесь, в Соединенных Штатах, он раскололся бы по самые помидоры — прикрыть родных и близких здесь вполне реально. Или же вообще молчал бы в тряпочку. Нет, семейные отношения в ситуацию не укладывались.

«Что же им изначально двигало?» — ломал голову я.

Обычно единственный разумный мотив — это стремление избежать тюрьмы.

Но и это с фактами не «билось». Малютке-Бенни оставалось сидеть еще одиннадцать с небольшим лет. Почему бы ему окончательно не сдать Волчека в обмен на деньги и свободу? Зачем сливать информацию такими аптекарскими дозами — когда на то, чтобы за твою голову назначили цену, уже хватает, а чтобы самому заплатили и отпустили восвояси, еще нет?

Естественно, здесь я упускал из виду такой фактор, способный в корне изменить правила игры, как обычная глупость.

Будучи разумным и рациональным человеческим существом, вы всегда стремитесь найти и какую-то другую сторону ситуации, тогда как не исключено, что на деле этой стороны вовсе и нету. Может, я просто пытался с рациональной

точки зрения рассмотреть ситуацию из тех, суть которых крайне незамысловата: человек просто дурак, и понять его способ принятия решений с рациональной точки зрения невозможно.

Но был ли Бенни настолько уж глуп?

Взяли-то его с поличным.

Ответ, который дал мне Волчек, был очень похож на правду: Малютка-Бенни сохранил какие-то остатки преданности старым друзьям — не исключено, что и тому же Артурасу. А вот это уже ключик — нужно обязательно найти связь между Артурасом и Малюткой-Бенни.

Я медленно встал с дивана. Спина сразу заныла, протестуя против малейших движений.

Еще раз быстро пробежался по свидетельским показаниям, фотографиям, полицейским рапортам.

Что-то тут было не так.

Принялся размышлять про толстого охранника внизу, про схожий с артуровским чемодан, который Грегор погрузил на пассажирское сиденье фургона перед тем, как его отогнали на подземную стоянку, про фэбээровскую визитку — но все это лишь только бездумно плавало у меня перед глазами, никак не складываясь вместе. Голова лопалась, уже не в силах вместить все это. Но

вскоре только один образ поднялся из всей этой безумной мешанины на поверхность сознания и прочно остался там — Эми. Я внимательно изучал каждую черточку ее лица, застывшего перед моим мысленным взором, представлял, как обнимаю ее, твержу ей, что все хорошо, что она в безопасности, что папа скоро за ней придет. Все мое тело содрогнулось. Я стиснул зубы, удерживая слезы, и рухнул на стул.

* * *

Должно быть, после я все-таки задремал над папками. Не знаю, сколько проспал, но сразу же проснулся, когда дверь кабинета опять распахнулась.

— Поехали. — Артурас мотнул головой.

Виктор с Грегором сказали что-то Артурасу на своем языке, и тот сердито им что-то ответил. Я не понимал, о чем они говорили, но, судя по тону, вроде как о чем-то спорили. Артурас продел руки в рукава пальто, вздернул его на плечи, опустил воротник.

— Погодите, — бросил он мне, продолжая спорить с Виктором — на сей раз уже всерьез. Блондин постоянно тыкал в меня пальцем.

— Если вы оба не будете вести себя потише, то

скоро сюда поднимется охрана проверить, с чего тут такой галдеж, — сказал я.

— Заткнитесь и снимайте… — начал было Артурас, прежде чем Виктор успел его перебить.

Спорили они о том, оставить ли мне бомбу здесь или же по-прежнему таскать на себе — стоило ли рисковать, повторно проходя с ней через досмотр. Лично мне этого очень не хотелось. Стоящая перед братками дилемма была не из простых. Если оставить бомбу в кабинете, всегда оставался пусть крохотный, но шанс, что ФБР ее найдет — даже с новым замком на двери. Плюс без бомбы на спине у меня было куда больше свободы. С бомбой же я, типа, никуда не денусь — если вдруг не вернусь после встречи с Джимми, стоит просто нажать на кнопку. При этом подразумевалось, что бомба будет всегда при мне — ха-ха, ребятки, мечтать не вредно.

— Хочешь, чтобы я оставил здесь пиджак? — спросил я.

Оба прекратили спорить.

— Снимайте, — решил Артурас. — Не хватало еще, чтобы на обратном пути вас обыскали.

Я снял пальто и пиджак. Аккуратно повесил пиджак на спинку стула в кабинете, опять натянул пальто.

— Звоните Джимми, — приказал Артурас, протягивая мне телефон.

— Чуть позже. Сейчас мне надо в туалет, — сказал я, от всей души надеясь, что Гарри уже успел вернуться из своего незапланированного похода в «АМПМ секьюрити» и припрятать купленное там снаряжение в сортире.

Глава 33

Человеку иногда надо отправлять естественные надобности, и Артурас, похоже, это предвидел. Сказал:

— Туалет ниже этажом. Виктор вас проводит.

— Вообще-то на горшок я давно уже сам хожу, — буркнул я.

— Вздумаете продолжать в том же духе — будете до конца своей жизни в мешок через трубку гадить, — огрызнулся Артурас.

Виктор повел меня к лестнице и вниз на соседний этаж. Я едва различал ступеньки. Основной свет после девяти вечера в здании выключали, и сейчас он горел только на этажах, где заседал ночной суд.

Не спеша спустились. Я нашел туалет и быстро нырнул туда, прежде чем Виктор успел хоть что-то возразить. Туалет здесь представлял собой одно большое помещение, выходящее прямо в коридор. Задвижка медленно и бесшумно провернулась в пальцах на полоборота, запирая дверь. Это меня все равно не спасет. В случае чего Виктор вынесет это сопливое изделие за несколько секунд.

Я с треском опустил сиденье унитаза, сразу представив, как Виктор подозрительно прислушивается у двери, — но тут же сказал себе, что у меня слишком уж разыгралось воображение.

«Куда же Гарри мог все это засунуть?» — подумал я, оглядываясь по сторонам.

Поиски начались не лучшим образом. Снял фаянсовую крышку бачка и тут же чуть не уронил — противный скрежет разнесся чуть ли не по всему этажу.

Выждал, затаив дыхание.

Ни окликов, ни вопросов из-за двери.

Шкафчики под раковинами не открывались. Проверил потолок — не отстает ли где плитка. А потом увидел лежащую на виду стопку бумажных полотенец и рядом с ней на стене — обшарпанный дозатор. Полотенца из него не торчали.

Отличная мысль, Гарри! Открыл защитную крышку, пошарил внутри. Рука коснулась бумажного пакета. Тот легко вылез из пустого корпуса. Судя по всему, держатель для полотенец был сломан уже довольно давно, и уборщицы к нему даже не прикасались. Как можно медленней и тише открыл пакет. Все было на месте. Одну за другой я достал из него сделанные Гарри покупки.

Невидимый маркер был марки «СЕДНА» — ма-

ленький аэрозольный баллончик черного цвета вроде парфюмерного пробника, прячь где хочешь. Следующим я вытащил фонарик — вернее, лишь похожий на фонарик источник «темного света» для обнаружения меток, сделанных невидимым маркером, они только в ультрафиолетовом свете видны.

Мобильник просто терялся в руке, но мне такой был нужен не только из-за размера — важней были встроенные в него примочки. Основная была в том, что телефон работал через нелегальную пиратскую сеть, в которой ни звонок не отследить, ни местонахождение абонента не обнаружить. Спрятать его на себе тоже не проблема. Пульт-пустышка, похоже, тот, что надо. Вытащил из кармана фальшивый пульт, который свистнул у Артураса, сравнил. Абсолютно одинаковые, не отличишь.

Услышал мелодию телефонного звонка и в панике чуть не выронил крошечную мобилу. Мелодия оборвалась, и из-за двери послышался голос Виктора. Слава богу, это его телефон, а не мой. Голос стал звучать чуть тише, словно отдаляясь, — видно, расхаживает по коридору во время разговора.

Гарри справился на «отлично». Я включил

мобильник, убедился, что он заботливо поставлен в тихий режим — на случай, если мне вдруг кто-нибудь позвонит, — набрал номер и добрых десять секунд ждал, пока мне ответят.

— Кто это?

— Мне нужно срочно поговорить с Джимми. Это Эдди Флинн.

— Повисите на трубочке.

Мне было слышно, как на другом конце линии о чем-то переговариваются.

— Перезвони мне на тот же номер, — услышал я голос Джимми.

Я перезвонил — на сей раз на безопасную линию.

— Что, блин, за дела? — поинтересовался Джимми «Кепарик» Феллини с легким итальянским акцентом.

Стараясь говорить как можно тише, я ответил:

— Я в глубокой жопе. Какие-то люди похитили Эми. Я перезвоню тебе через несколько минут. Сделай вид, что мы еще ни о чем не договаривались. У меня будет одно деловое предложение, я попрошу о встрече, а ты меня *обязательно* примешь. Похитители будут слушать. Гляди не подставь меня.

— Эдди, тебе чего, деньги нужны? — спросил

Джимми.

— Нет. Я приеду в твой в ресторан, чтобы предложить деньги *тебе*. Хочу нанять команду крутых бойцов.

Глава 34

После нескольких секунд тишины стало ясно, что звонок исподтишка сошел мне с рук. Каждые несколько секунд до меня по-прежнему долетал гулкий голос Виктора — иногда от самой двери, иногда чуть издалека, пока тот расхаживал с телефоном по коридору. Я облегченно выдохнул. Даже не заметил, что затаил дыхание.

Оставалось сделать еще два звонка.

Позвонил Гарри, оставил ему сообщение на автоответчике. Было около четырех утра, и он наверняка еще был в суде. Сообщил ему, что получил пакет, поблагодарил, сказал, что, если мне понадобится что-нибудь еще, отправлю ему эсэмэску.

Последний звонок заставил меня изрядно понервничать.

Клавиатура на телефончике была совсем крошечная, и при наборе номера я постоянно тыкал куда-то не туда — правда, дело было наверняка в моем взвинченном состоянии, а не в размере кнопок. В конце концов, с предыдущими-то звонками я управился без всяких затруднений! Руки тряслись, и далеко не первый раз за день. Ушло

добрых десять секунд, прежде чем я ухитрился правильно набрать номер, постоянно сверяясь с цифрами, нацарапанными от руки на обратной стороне фэбээровский карточки. Еще раз проверил. Удовлетворенный результатом, ткнул на вызов.

Не исключено, что звонить сейчас было большой ошибкой, но у меня имелись и острая необходимость в этом звонке, и подходящий для этого аппарат — изрядно доработанная «Нокия» со специальной сим-картой. Телефон был дорогущий, и не без причины. Он перехватывал мобильную сеть телефона, на который отправлял вызов. Тот, кому я звонил, фактически звонил сам себе. При этом использовалась обычная проводная сеть: эта мобила запускала беспорядочный беспроводной поиск, подцеплялась к ближайшей наземной линии, подсоединенной к сотовой вышке, и звонок регистрировался как сделанный со стационарного телефона. Одна и та же линия никогда не перехватывалась дважды.

Мне ответили.

— Да? — услышал я мужской голос с типично американским выговором.

— Здравствуйте. Могу я поговорить с абонентом? — спросил я.

— С кем? Каким еще абонентом? Вы, наверное, не туда попали, — ответил голос. Похоже, курильщик. Коротковатое дыхание и баритональная хрипотца выдавали заядлого любителя никотина.

— Ой, простите. Меня недавно из техотдела перевели, у нас там так все говорят, машинально вырвалось. Могу я поговорить с владельцем данного номера?

— У аппарата. А кто говорит?

— Это из вашей телефонной компании, сэр. Боюсь, что вынужден дать вам шестидесятисекундное предупреждение — ваш телефон сейчас будет отключен. Если вам требуется сделать экстренный звонок, прошу вас сделать его прямо сейчас, сэр. Находитесь ли вы в данной момент в экстренной ситуации или же ожидаете таковую в ближайшее время? — на одном дыхании пробубнил я эту дурацкую формулу, словно по шпаргалке зачитывал. Прямо как настоящий оператор телефонной компании.

— Эй, с какой это стати? С чего это вдруг вы меня отключите?

— У вас закончились средства на личном счету, сэр.

— Не надо делать из меня дурака! Это корпо-

ративный номер — за него Федеральное бюро расследований платит, дружок. — Ишь ты, целиком название развернул.

— Боюсь, что он не оплачен, сэр. Если вы не сможете уплатить мне шестьдесят шесть долларов восемьдесят центов в течение нескольких ближайших минут, я буду вынужден отключить вас от обслуживания.

— Не посмеете! Я уже сказал, за этот телефон платит ФБР!

— Боюсь, что не в данный момент, сэр. Так вы можете уплатить указанную сумму?

— Нет. Все уже оплачено.

— Тогда буду вынужден вас отключить.

— Не выйдет! В смысле, как это у вас получится?

— Я уже сделал это прямо сейчас, сэр. Если не верите, просто попробуйте сделать звонок после того, как повесите трубку.

Он моментально отключился. А я-то нет. Я подцепился к его номеру и в данный момент его использовал. Если он попробует с него сейчас позвонить — а наверняка попробует, — то привычных длинных гудков не услышит.

Выждал тридцать секунд, прислушиваясь к тому, как Виктор за дверью ржет в свой телефон,

потом опять вышел на связь.

— Убедились? — спросил я.

— Как вам это удалось? — спросил он.

— Просто нажал кнопку тут, на клавиатуре, сэр. Так вы готовы осуществить просроченный платеж?

Он испустил вздох и притих. На миг мне показалось, что я спалился. Звонок реально был стрёмный — не стоило совать голову в петлю. Я положил палец на красную кнопку отбоя. Ну давай же! Ставил только на то, он не рискнет остаться без телефона именно сегодня — когда больше всего может понадобиться русским.

— С карты можно? — спросил он.

Я чуть было не подпрыгнул от радости.

— Конечно. Но перед тем, как назвать номер карты, не могли бы вы продиктовать по буквам имя и фамилию — в точности, как там написано?

Последовало секундное молчание; потом он произнес:

— Вот уж хрен. Это какой-то развод.

— Разве может какой-то мелкий мошенник отключить вам телефон? — спросил я.

— Нет, но…

— Ладно, так на какую фамилию?

— А как вышло, что вы ее не знаете? В смысле, вы же сами позвонили. Я же вроде ваш абонент? Зачем вам тогда моя фамилия?

— Мне нужно всего лишь сверить фамилию с карты, сэр. Это не «Аль-Каида».

Во всей этой затее имелось одно слабое звено, до которого мы неминуемо добрались. Впрочем, я этого ожидал.

— Сэр, естественно, у меня есть все ваши клиентские данные, но откуда мне знать, что в данный момент я беседую именно с зарегистрированным у нас абонентом? Ответить на звонок мог кто угодно, я же просто прошу назвать идентификационные данные с вашей карты.

Еще одна томительная пауза.

— Вы сказали, что звоните из телефонной компании. И что у меня за компания?

Я глянул на дисплей телефона — тот подцепился к «АП&К».

— «АП&К», сэр. Не желаете ли спросить у меня, какого цвета на вас сейчас трусы?

— Че… — Мужик умолк, со свистом втянув воздух сквозь зубы. Сейчас он вполне мог наорать на меня и бросить трубку, но все же я полагался на его доверчивость. Хорошо еще, что он из ФБР,

а не из какого-нибудь УБН[21]. Копы и фэбээровцы — практически безотказный вариант. Знаю мошенников, которые работают исключительно по полицейским и федералам, потому что те безоглядно верят властям в любом их виде. Древние бабульки и патрульные копы — вот кого наколоть проще всего.

— Имя, как написано на карте, — Томас П. Левин, — продиктовал он.

— Благодарю вас, мистер Левин. Назовите, пожалуйста, тип карты и подтвердите первую строку адреса.

Виктор забарабанил в дверь. Но я уже получил все, что требовалось.

Сделал вид, что провожу платеж, потом отключился.

[21] notes: 21

Управление по борьбе с наркотиками (*англ.* DEA, Drug Enforcement Administration) — агентство в составе Министерства юстиции США, занимающееся исполнением федерального законодательства о наркотиках, нечто вроде нашего УБНОНа.

Глава 35

Взбираясь вслед за Виктором по едва освещенным ступенькам, я невольно только и думал, что про этого Томаса П. Левина. Интересно, как он выглядит? Но все эти мысли моментально вылетели у меня из головы, когда в бывших судейских покоях я взял у Артураса телефон.

— Здрасте, можно Джимми?

— А это кто? — ответил незнакомый голос.

— Скажите ему, что это его адвокат.

В трубке возник голос Джимми.

— Вы вообще в курсе, сколько сейчас времени? — буркнул он.

— Это Эдди, — ответил я.

Молчание. Я ничего не говорил. Просто ждал.

— Сто лет, сто зим… Перезвони мне на этот же номер, — сказал Джимми.

Я внес номер в память мобильника, перезвонил.

Он сразу же ответил.

— Молодец. Теперь никто не подслушает. Что стряслось?

— У меня есть четыре лимона, и на них твоя фамилия. Есть для тебя работенка, деньги легкие.

Кое-кому надо закрыть рот, — сказал я.

— Ну закрывать рты мы умеем. Когда заявишься?

— Нужно сперва заехать за баблом, много времени не займет.

— Тогда подгребай к шести. Соберу что-нибудь пожрать. Примерно в это время пересменка. В смысле, у тихарей, они тут со всех лавок пасутся. Так что прямиком не ходи, давай в обход. Боковая дверь, стукнешь три раза. Улыбнитесь, вас снимают. До встречи, братан.

И он отключился.

Когда я завязал, наши с Джимми дорожки окончательно разошлись. На этот счет мы более или менее пришли к соглашению. Федералы, Департамент полиции Нью-Йорка, Департамент юстиции, налоговики и бог знает кто еще просто глаз не сводят с мафии. Это могло создать в моей новой честной жизни определенные трудности, и если б нас увидели вместе, я тоже оказался бы под прицелом. Мы время от времени перезванивались, но и это долго не продлилось. Я уже и забыл, что тайная встреча с Джимми может оказаться весьма геморройным делом. Протащить к нему четыре миллиона так, чтобы никто из всех этих многочисленных государственных служб меня

не засек, было практически нереально. Ну вот, только вроде начал вылезать из ямы, как сразу же огреб целый мешок забот по новой! Устал, как собака, в жизни так не уставал… Я выругался и пнул стоящий на полу пустой чемодан так, что тот выкатился за дверь.

— У нас проблема, — сказал я.

— Какая? Он хочет больше денег? — поинтересовался Артурас.

— Нет. У него гости. ФБР, АТО[22], УБН — выбирай, кого хочешь. Стали вокруг его лавки лагерем. Нужно зайти по-тихому. Если я в открытую попрусь туда с целым чемоданом бабла, меня вмиг арестуют, а до кучи и остальных прихватят.

— Ну и обойдемся. И без того риска хватает. Попытаем счастья с Бенни. Сейчас позвоню Олеку и отговорю, — сказал Артурас.

— Погоди. Я сказал, что это будет непросто, но не имел в виду, что совсем уж невозможно. Что-нибудь придумаю. Забыл, что ли, что я хочу все разрулить без убийства свидетеля? Забыл, что я хочу вернуть дочь? Я сделаю все, чтобы вытащить

---

[22] notes: 22

АТО, Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives, сокр. ATF или BATFE) — федеральное агентство Министерства юстиции США. Крайне могущественная организация.

Волчека, не ликвидируя Малютку-Бенни. Я это могу. Твоему боссу нужно, чтобы все произошло именно таким образом.

Это развязало очередной спор между русскими, только на сей раз я вроде как сумел разобрать несколько знакомых слов. К примеру, регулярно повторялось имя Бенни, что сразу возбудило мой интерес. Артурас был вне себя от злости — шея и грудь под рубашкой раскраснелись, с губ летели капельки слюны. Пока он орал на Виктора, я опять уловил «Бенни», а после «*nyet, nyet, nyet!*». Насколько я понимаю, «*nyet*» значит «нет». Потом «Бенедикта» и еще какое-то слово, которое я не разобрал, и Артурас сразу же проревел: «*Moy brat!*» Эта последняя фраза эхом заметалась по комнате. Явно обсуждали Малютку-Бенни, хотя сути я не понял ни шиша.

Виктор внезапно угомонился. Похоже, что в споре победил Артурас.

— Ладно. Поехали за деньгами. Вы тоже с нами. А оттуда — прямиком к Джимми, — объявил тот.

Четыре утра. Два часа на то, чтобы забрать деньги и добраться до ресторана.

Глава 36

Выйти из здания суда куда проще, чем войти. В вестибюле толпились родственники и дружки тех, кто только что загремел под арест и теперь надеялся выйти под залог. В самом низу лестницы кучка копов сдувала пар со стаканчиков с кофе и обменивалась шуточками. Никого из охранников в ночной смене я не узнал. Да и плевать — на выходе не досматривают.

На улице меня сразу пробрал пронизывающий ветер, однако это меня даже порадовало. Долго был на взводе от адреналина, но тот уже начинал испаряться. Холодный ветерок меня здорово взбодрил. Грегор остался наверху. К лимузину на противоположной стороне улицы направились только я, Артурас и Виктор. Я влез первым. Вслед за мной — Виктор, который сел напротив. Когда Артурас забрался в лимузин и сел, я наклонился к нему и задел плечами, делая вид, будто хочу вытащить полы пальто из-под задницы.

Артурас лишь недовольно буркнул.

Ни «щипка», ни «сброса» он не почувствовал.

Я вытащил у него из кармана пальто пульт — настоящий — и подбросил вместо него сразу два

фальшивых: тот, что подрезал у него раньше, и тот, который Гарри раздобыл мне у Пола. Теперь у Артураса опять было два пульта, как и вчера, только пустышками на сей раз были оба. Настоящий показался мне чуть более увесистым, когда я сбрасывал его к себе в карман, но в этом плане я набил руку уже двадцать лет назад — могу засечь разницу в полграмма у фальшивого десятицентовика, просто взяв его в пальцы. Артурас вряд ли заметит разницу в весе. По крайней мере, я на это надеялся. Я уже обратил внимание, что настоящий пульт он держит в левом кармане, а пустышку в правом — видно, чтобы случайно не перепутать.

Когда лимузин отъехал от тротуара, я заметил, что припаркован он был у того самого мексиканского ресторанчика, в котором мы с Гарри впервые встретились и разделили трапезу. При той встрече Гарри фактически предложил мне работу. До тех пор у меня в жизни ни разу не было честной работы. И не нужна была, и не хотелось. Мама же моя, с другой стороны, всегда считала, что я работаю юристом, хоть и на подхвате, без диплома. На следующий день после встречи с Гарри я навестил ее в больнице. С каждым годом после смерти отца она все больше сдавала. Каж-

дую неделю я исправно приносил ей деньги, так что мама могла не работать — но от этого, по-моему, было только хуже. Она редко вылезала из кровати раньше полудня, прекратила общаться с подружками. Даже чтение, и то забросила.

В тот день, последний день, она выглядела совсем изможденной. Кожа на лице так истончала, что, казалось, вот-вот порвется. Губы сухие и потрескавшиеся, взмокшие волосы прилипли к коже. Врачи говорили, что точно не знают, откуда вся эта потеря веса, боли, кашель. Ставили все — от рассеянного склероза до рака и обратно.

Где-то глубоко внутри себя я знал, *что* ее убивает.

Потеря.

Когда отец умер, она продолжала жить — ради меня. Никогда много не плакала — не хотела, чтобы я видел ее боль. Но при всех ее усилиях я знал. Знал, что она уже мертвая изнутри. Как только я начал делать хорошие деньги и мама решила, что у меня хорошая работа, она типа как остановилась. Почти так, как будто закончила свою работу. Подняла меня, а теперь настала пора уходить. Уходить туда, где она опять будет с папой. И стала медленно умирать от разбитого сердца.

Глаза ее осветились, когда я принес ей цветы. Она обожала цветы.

Взяла меня за руку, и я увидел, как на щеке ее блеснула слезинка.

— Ну как ты, мам? Боли поменьше?

— Нет. Ничего не болит. Я так рада… У меня такой большой сын, и когда-нибудь он обязательно станет знаменитым адвокатом…

Ее радостная улыбка словно врезала мне под дых. Я просто не мог ей все рассказать. Не важно, сколько раз я ей втолковывал, но она все равно не понимала, что, будучи юристом без диплома, я вовсе не обязательно со временем дорасту до адвоката. Она просто не слушала. Ей хотелось мечтать, кем станет ее сын, и в конце концов я просто на это забил. Если б я признался, что никакой я не юрист-недоучка, а мошенник, который притворяется адвокатом, чтоб ловчей надувать страховые компании, растаяла бы без следа и та малость, которая до сих пор в ней оставалась. В некотором роде из-за той лжи я до сих пор чувствую себя ответственным за ее смерть. Если б она узнала, что я не юрист, а мошенник, сдалась бы она смерти так скоро? Расскажи я ей всю правду, она наверняка расплакалась бы, накричала на меня, чтоб я немедля прекратил вести такую

жизнь, что отец хотел лучшей участи для своего сына. Сидя возле ее кровати и наблюдая, как мама угасает, я принял твердое решение, что буду правдив перед ней хотя бы в своей памяти. Дам ей настоящий повод гордится собой.

Ее рука упала в мою. Я понял, что она не заснула. На сердечном мониторе загудел предупреждающий сигнал. Некоторое время никто не появлялся. Потом медленно открылась дверь. Вошедшая медсестра выключила монитор, погладила маму по голове и сказала: «Она ушла».

Я похоронил ее рядом с отцом, рассчитался с подельниками и позвонил Гарри, который пристроил меня на юридические курсы. И пока Артурас не приставил мне пистолет к спине в закусочной «У Теда», ни разу не оглядывался назад. Жизнь мошенника оставил далеко за собой. И теперь был рад. Рад тому, что все эти воровские ухватки по-прежнему со мной.

Гарри фактически спас меня в тот день, когда предложил работу. Взял мою судьбу в свои руки, полностью перевернул всю мою жизнь. И мне почему-то казалось, что он до сих пор чувствует за меня ответственность.

Рев автомобильного сигнала откуда-то с улицы вернул меня обратно в нутро лимузина. Окна

были настолько глухо затонированы, что я совершенно не понимал, где мы находимся.

Через несколько минут я решил, что мы направляемся к югу, в сторону Бруклина, и вскоре лимузин и впрямь свернул на съезд к тоннелю Бруклин — Бэттери. Я по-прежнему называю его Бэттери, хотя недавно его переименовали в туннель Хью Кэри, в честь бывшего губернатора Нью-Йорка. Отец частенько говаривал, что Кэри — добрый католик. Похоже на правду — детишек у него было аж целых четырнадцать.

— Куда едем-то? — спросил я.

— В Шипсхед-Бэй, — отозвался Артурас.

Неплохо знаю эти места. Совсем неподалеку оттуда, где я вырос. Одноименный заливчик отгораживает бруклинскую часть района от бывшего острова Кони-Айленд. От океанского берега, вдоль которого длинной вереницей протянулись разгульные кабаки в советском стиле, вглубь уходят тихие жилые кварталы. Ехали еще минут тридцать, пока не зарулили на площадку на задах авторемонтной мастерской на углу Грейвсэнд-Нек-роуд и Восемнадцатой Восточной улицы. На другой стороне площадки стоял старый складской ангар.

— Давайте за мной, — сказал Артурас.

Мы вылезли, я огляделся по сторонам. Жилые дома и офисные здания, закрытые с пяти вечера, стояли здесь вперемешку. Тихая улочка, тем более в такое время суток. Слегка оскальзываясь на изморози под ногами, направились к стальной двери — входу в ангар, предназначенному для тех, кто прибыл на своих двоих. Дверь вела в большой прилично обставленный офис. Вдоль одной из стен стояли два диванчика, напротив — телевизионная панель на стене. Панель была включена — какой-то новостной канал. Ведущий выступал на фоне вида на Гудзон. Бегущая строка внизу экрана сообщала, что спасатели приступили к извлечению тел с грузового судна под названием «Саша», затонувшего здесь со всем экипажем в субботу вечером. Говорилось также, что судно и часть экипажа уже обнаружены, но выживших среди них не оказалось. Если верить ведущему, факт об обнаружении затонувшего судна представлял собой хорошую новость для едущих на работу, поскольку выяснилось, что обломки уже не представляют опасности и теперь можно опять открыть для движения Холланд-тоннель. Ведущего, судя по всему, больше заботили проблемы уличного движения и утренних пробок, чем судьба погибших и их род-

ственников. Явно не уроженец Нью-Йорка — у нас тут к родным так относиться не принято.

Из соседней комнаты в офис бесшумно зашли двое — у каждого по большой дорожной сумке. Сбросили их прямо на пол и тут же свалили. Уж не те ли это водилы, которых я видел с карниза, подумалось мне, хотя полной уверенности не было.

— Четыре миллиона. Забирайте и поехали, — сказал Артурас.

— Никуда я не поеду. Если я зайду туда, а в этих четырех миллионах не хватит хотя бы долларовой бумажки, то я труп. И с места не двинусь, пока все не пересчитаю. Я обещал Джимми, что привезу ровно четыре миллиона долларов, и должен убедиться, что это в точности та сумма, — отрезал я.

Опустился на колени, расстегнул молнии обеих сумок и принялся вынимать «капусту», прочно упакованную в стопки дюймов шесть в высоту.

Склоняясь над сумкой и перекладывая толстенные пачки, я втихаря приглядывал за Артурасом и Виктором.

Через несколько минут на полу возле меня скопилась порядочная куча наличных. Артурас поманил Виктора за собой в коридор. Продолжая

внаклонку копаться в сумках, я по-прежнему хорошо видел обоих. Артурас стоял ко мне спиной. Виктору тоже было не разглядеть, что происходит в офисе, — загораживал Артурас.

Крошечный черный баллончик с жидкостью легко спрятать, но трудно найти, особенно в глубоком кармане. Колпачок бесшумно открылся, и я четыре раза нажал на головку распылителя. На верхние пачки денег в куче опустились белесые, тут же растаявшие облачка, похожие на клубы обычного пара из чайника. Защелкнув колпачок, я быстро сбросил черный баллончик в карман пальто.

Через сорок пять минут притворного пересчета денег я решил, что хватит. Встал, потянул ноющую шею, ругнулся от боли и позвал Артураса.

— Слушай, этот ваш Виктор хоть когда-нибудь занят делом? Скажи ему, пусть подсобит тут обратно все запаковать.

Виктор опустился на колени рядом со мной. Я удостоверился, что ему досталась только что помеченная мною куча. Всякий раз, когда он брался за очередную денежную буханку, то касался и осевшего на ней аэрозоля. Тот оставлял на руках следы — уникальную химическую «подпись», намертво привязывающую Виктора к этим

деньгам.

Глава 37

Без утренних пробок поездка от склада до ресторана Джимми заняла около тридцати пяти минут. Далеко не худшая автомобильная прогулка в моей жизни — лимузин, прямо под ногами четыре миллиона долларов… И ладно, что пойдут они наикрутейшему парню, какого я только встречал в своей жизни, — моя дочка для меня куда дороже, а только он и сумеет ее найти.

Пока мы неслись по Нижнему Манхэттену, я видел, как уличные торговцы буррито расставляют на углах свои тележки, а прохожие расхватывают толстые пачки свежих газет — город открывал глаза навстречу новому дню. Солнце грозило в любую секунду пробиться сквозь густой лес высоченных зданий. Я был полностью вымотан. До сих пор меня держал лишь адреналин. За прошедшие сутки я толком не спал, и стоило мне только об этом подумать, как меня одолела зевота.

Ресторан у Джимми манерный, один из лучших в городе, и расположен в самом сердце Маленькой Италии, на Малберри-стрит. И у меня уже была мысль, как туда пробраться, чтобы меня не срисовали притаившиеся в округе представители

разнообразных силовых структур.

— Сворачиваем вправо на Мотт-стрит, — приказал я.

— Зачем еще? — буркнул Артурас.

— Мне нужно как-то отвлечь всю ту публику, что приглядывает за рестораном. Не могу же я просто так взять и войти туда с баблом. На Мотт-стрит есть рыбный рынок. Там и остановимся. Схожу перетру с ребятами, которые могут нас выручить.

Артурас какое-то время молчал. Потом переглянулся с Виктором, приказал водителю повернуть на Мотт-стрит.

— Послушайте меня, господин адвокат. Если вы подумываете смыться, то хочу заранее предупредить, что это совершенно бесполезно. Для начала я убью вашу дочь, причем очень медленно. Она будет сильно страдать. А потом разыщу вас и тоже убью. Не доводилось слышать фамилию Крючкурр?

— Нет. А что?

— Это бывший советский военачальник. После падения Советского Союза мы приехали сюда с Олеком, открыли дело. Крючкурр обеспечивал поставки оружия и наркотиков. Во время чистки в старых Советах его арестовали, и он сбежал —

вместе с большей частью наших денег и товара.

Артурас поерзал на сиденье и выпрямил спину, так что практически навис надо мной.

— Через год я отыскал его в Бразилии. Его жена и сын умерли первыми. Я заставил его смотреть. Я все это сейчас рассказываю, чтобы вы знали: нет такого места на земле, в котором вы сможете от меня спрятаться. Помните об этом.

Артурас говорил ровно и размеренно, не нагнетал, не преувеличивал. Не вращал глазами, даже голос ни разу не повысил — словно и не брал на испуг. Это опять была простая констатация факта, напрочь лишенная каких-либо эмоций.

— Никуда я не сбегу. Я хочу вернуть дочь. Я хочу, чтобы ты тоже понял: я играю в эти ваши игры только потому, что хочу ее вернуть. Она для меня всё — так что не переживай.

Лимузин медленно продвигался по Мотт-стрит. Я объяснил Артурасу, что черный ход ресторана тоже не представляется мне безопасным. Сказать по правде, этого я не знал, но знал одно — надо произвести впечатление на Джимми. Мне требовалась от него просто-таки фундаментальная услуга, и ни деньги, ни связывающие нас дружеские узы наверняка не стоили связанного с нею риска. Я не могу просить его довериться

мне, если просто прошмыгну черным ходом; он должен понять, что к нему вернулся *настоящий* Эдди Флинн, и для этого требовался театральный выход — а точнее, вход: надо было по-пацански вступить в заведение через парадные двери — но так, чтобы меня не засекли копы.

— Вот здесь остановите, — распорядился я. — Мне нужны пятьсот «баков», но в четыре миллиона залезать нельзя. Я знаю пару ребят, которые помогут мне войти в ресторан незамеченным.

Виктор протянул мне пятьсот долларов, свернутых в трубочку. Я вылез из лимузина и нырнул в двери рынка.

Через десять минут я уже подпирал угол дома в половине квартала от заведения Джимми. Лимузин дожидался на улице. Всё, пора. Двинулся по тротуару, высматривая тихарей. За год до того, как Джимми открыл ресторан, через дорогу здесь были две закусочные. В одной хавчик был вполне достойный. В другой — на любителя. Когда Джимми открылся, такая вечерняя конкуренция ему даром не сдалась. Короче, обе забегаловки стали работать лишь до семи вечера, но дела у них по-прежнему шли неплохо. Никакой тебе платы за «крышу», никаких ежемесячных отчислений с выручки. Через несколько месяцев обе кафешки

стали делать больше денег на том, что закрыты, а не открыты. Джимми со временем их потихоньку перекупил. Стал использовать в качестве перевалочной базы. У ФБР, АТО и прочих контор, для которых он представлял интерес, сразу возникла проблема — агентам стало некуда податься. Уже нельзя было, как раньше, часами торчать за столиком с единственной чашечкой кофе и пялить глаза на заведение Джимми, которое на противоположной стороне улицы было как на ладони. Так что пришлось творчески пересматривать привычные методы наблюдения.

Я замедлил шаг — и буквально через минуту засек наружку: коричневый фургон с глухо тонированными стеклами. Тротуар прямо под пассажирским стеклом густо усыпáли окурки — ну прямо вывеска «Здесь сидят копы».

Этот мобильный штаб контролировал остальных оперативников, занятых наружным наблюдением. Учитывая планировку улицы, я предположил, что таковых здесь трое: один с быстрым доступом к какому-нибудь транспортному средству, второй следит за тем, кто к Джимми заходит, ну а третий наверняка работает с верхней точки — мониторит выходящих. Возле тротуара приткнулся черный мотоцикл «Хон-

да». Седок его что-то больно уж долго мусолил стаканчик кофе, купленный навынос — тихарь номер один. Двое остальных для лучшего обзора наверняка разделились. Так, один из них явно торчит в прачечной-автомате, тем более что и машины с товаром мимо глаз не проедут, и публика, что к метро тянется, — тихарь номер два. Третий где-то наверху. Поднял глаза к небу и кое-где увидел людей в окнах. Никто вроде не выделялся. Но потом заметил, что у одного мужика в окне рубашка вся жеваная, будто он в ней спал. Ага, вот она и «верхняя точка». Это самое око с небес представляло собой самую серьезную проблему, поскольку пропадал я у него из виду, только когда переходил на противоположную от ресторана сторону улицы… Ладно, там пока и приткнемся. Пристроил жопу на скамейку на автобусной остановке и, беззаботно насвистывая, принялся незаметно для верхнего тихаря озирать окрестности.

Впервые мне довелось представлять Пита Тулиши в суде два года назад. Пит чуть ли не круглыми сутками трудился на рыбном рынке на Мотт-стрит, а с наступлением пятницы шел со всеми заработанными грошами в бар, спускал все до единого цента на водяру и затевал драку —

обычный, ничем не примечательный для Пита пятничный вечер. В скопившихся на него полицейских протоколах фигурировали в основном легкие телесные и нарушения общественного порядка — так, обычная бакланка. Когда выписываемые по суду штрафы за все эти художества стали расти, Пит прекратил платить по адвокатским счетам. Короче, мы пришли к соглашению. Когда он не мог платить наличными, расплачивался свежей рыбкой. Я никогда не приставал к нему и другим подобным клиентам с ножом к горлу — если только на штрафы наскреб, то лучше уж их оплати, иначе отсидка. Я уже успел побывать на рабочем месте Пита на Мотт-стрит и вручить ему полученную от Виктора пятихатку, так что задуманное шоу было уже на мази.

Питов дружбан, шоферюга из доков, как раз остановился напротив заведения Джимми — якобы шнурки развязались. Заслышав мой сигнал, возмущенно ткнул пальцем в Пита, который по тому же сигналу вывернул из-за угла. Оба мужика принялись сверлить друг друга глазами, срывая с себя пальто и рубахи. И ровно через секунду кинулись друг друга убивать. Оба были парни не хилые — кулачищи что твои бейсбольные ловушки, а плечи как у футболистов в щитках.

Весили оба хорошо за двести пятьдесят, если в фунтах считать, и молотили друг друга по-чесноку, не придуривались — аж слюни изо рта летели после каждой плюхи. Моему старику явно понравилось бы.

Вскоре они уже катились единым клубком по тротуару, опрокидывая мусорные баки. Тут — удача. Объявились копы, но сунуться к мужикам не осмелились. Чем дальше те смещались по Малберри-стрит, подальше от ресторана, чем жестче становился махач — Пит со своим дружком швыряли друг друга в припаркованные машины, сигнализации которых тут же заходились истошным воем, визгом и кряканьем, и вообще устроили такой шум, гам и кавардак, что просто пальчики оближешь. Копы по-прежнему держались поодаль, предоставляя обоим монстрам без помех мутузить друг друга — ждали, видно, когда те выдохнутся. Когда полиции приходится иметь дело с подобными бугаями, не факт, что и от «Тазера»[23] будет толк — электрошоком такую

[23] notes: 23

«Тазер» (Taser, правильно произносится «тейзер») — электрошоковый пистолет, выбрасывает на тонких проводках две острые стрелки, который должны воткнуться в буяна и хлопнуть его током. Бьет на 5–10 м. Хоть оружие формально и огнестрельное, после появления этого полезного приспособления в США количество задержанных с дыркой во лбу сразу пошло на убыль.

публику не проймешь.

М-да, пятьсот долларов за такой феерический отвлекающий спектакль — не деньги.

Быстро глянул на обоих уличных тихарей и верхнего агента — все трое не сводили глаз с потасовки. Ко мне подкатил лимузин, пассажирская дверь распахнулась.

— Пересчитать деньги займет не больше получаса, денежка к денежке. Если не будете стоять здесь ровно через час, я сразу звоню, и кровь вашей дочери будет на ваших руках, — предостерег Артурас.

— Ты забыл, что мне надо дать инструктаж Тони насчет того, что ему говорить в суде. Мне нужно два часа, — возразил я.

— Даю ровно час, не больше.

Всего один час — это проблема. Придется работать быстро.

Часы на руке показывали 6:01. Меньше десяти часов до назначенного Волчеком срока.

Я выхватил у Артураса обе сумки, набитые деньгами, и, никем не замеченный, метнулся к ресторану. Распахнул дверь плечом — и сразу уткнулся прямо в дуло автоматического «кольта» сорок пятого калибра.

Глава 38

Встретили меня, естественно, вышибалы. Два типичных быка в черных кожаных куртках и шитых на заказ штанцах. Тот, что поменьше, держа чуть на отлете «кольт», целил мне в грудь. Баулы с деньгами тяжким грузом давили мне на плечи.

— Джимми меня ждет. Меня зовут Эдди Флинн.

— Руки на стену, — приказал тот, что с «кольтом», не такой урод, как его напарник. Его тупые карие глазки почти полностью скрывались в черной тени нависающих над ними троглодитских бровей. Дружок его был повыше ростом и, наверное, родился все-таки с носом — пока кто-то не решил напрочь его откусить. На месте носа у него из физиономии слегка выступал здоровенный шрам, похожий на небрежно защипанный пельмень с двумя черными прорезями по бокам, сходившими, видимо, за ноздри.

Я даже не двинулся.

— Насрать мне, кто ты такой. Не войдешь, пока я тебя не обшмонаю, — сказал вышибала с пистолетом.

— Ты даже пальцем не тронешь ни меня, ни эти

кутули. У меня есть четыре миллиона причин, чтобы создать вам, парни, очень большие проблемы. Если я сейчас просто развернусь и уйду, Джимми наверняка захочется узнать, что за говнюк меня отсюда выставил. А я сразу скажу — а вон тот красавчик и его кореш, дед-мороз-красный-нос. Так что осади-ка назад, пижон, не то я так тебя усыплю, что вовек не проснешься!

Парни переглянулись.

— Ладно, но шаг в сторону, и мы вышибем тебе мозги.

Оба уткнули стволы мне в затылок и таким манером проводили в зал. В ресторане в этот момент обслуживался только один стол, за которым Джимми по ходу завтрака проводил утреннюю летучку — собственно, обычное толковище по понятиям, только с кормежкой.

Что бы там ни говорили в кино и в прессе, на самом-то деле у мафиози нету никаких званий, рангов и титулов. Во всяком случае, не в нынешние дни. Да, советники есть, консультанты тоже, но никаких там капитанов и боссов над боссами — оставьте все это Скорсезе и Копполе.

Однако с другой стороны, конечно, мафия — это вам не какой-то там коммунистический коллектив. Без босса в этом деле никак. В данный

отрезок времени боссом был Джимми — в избранном криминальными семьями исполнительном комитете он выступал в качестве кого-то вроде председателя. Из десяти парней, собравшихся за столом, каждый как минимум раз кого-нибудь пришил. Джимми, наверное, побольше всех остальных — причем на близком расстоянии и лично. Своими собственными руками. Такая уж работа. Но вообще-то обязанности тут распределялись по принципу «кто в чем больше силен». Вот, к примеру, кузен Альби — который по жизни всем кузен, независимо от того, кто ты и откуда — со своим высшим образованием и дипломом был весьма компетентным бухгалтером. Рулил денежными потоками — там снять, туда положить, оттуда перевести, да еще и простирать все это в тридцати водах. Альби любил повторять, что есть тридцать абсолютно надежных способов отмыть деньги, только нужно задействовать все тридцать одновременно. Если будешь использовать только один метод, обязательно спалишься. А когда все тридцать, то, во-первых, не рискуешь большими суммами, а, во-вторых, меньше обращаешь на себя внимание. Альби одевался с иголочки, выглядел молодо и респектабельно и ни капельки не походил на гангстера.

В данный момент кузен Альби чинно кушал кашу из большой миски. От Джимми он сидел по левую руку. По правую я узрел его полную противоположность — Фрэнки. Тот бумажками и счетами не заморачивался, предпочитал простой ручной труд. Кожу у него на лапах можно было сравнить по фактуре с грубой наждачной бумагой — номера эдак третьего. Помню историю, как он нарастил себе на костяшках такую шкуру, как у бегемота, — всего за три дня, пока безостановочно молотил какого-то поляка, оказавшегося стукачом. К тому моменту, как Фрэнки с ним закончил, у бедолаги не осталось ни одного целого зуба, а рожа раздулась вдвое от своего нормального размера. Фрэнки настолько раздолбал себе кулаки, что неделю даже не мог сесть за руль. Сидел дома, опустив багровые переломанные руки в ведра со льдом. Физиономия у него с руками особо не дисгармонировала. Ему уже под шестьдесят, и это хорошо заметно. За столом в тот день страшноватые грубые лапы Фрэнки деликатно подносили ко рту сандвич.

Отопление в зале, судя по всему, фигачило на всю катушку. Я сразу почувствовал, как на лбу выступает пот. Ресторан мог вместить где-то с сотню народу за полусотней или около того столиков.

Толстенный ковер в серовато-сиреневых тонах намекал вроде как на нечто неброско-старинное в интерьере, но двадцать огромных светильников сияли во всю мощь, словно в средней руки кинотеатре.

Вид у Джимми был самый обыкновенный, как и всегда. Обычно он носил простецкие свитера с темными брюками и нигде не появлялся без кепки на голове — отсюда и погоняло. Кепка была еще дедушкина, куплена на Сицилии годах в шестидесятых — серая, плоская. С того момента, как деда в Чикаго замочили копы, Джимми стал носить его кепку каждый божий день. Поговаривали, что он даже спит в ней. Такая вот уважуха к старшим. Из-под кепки выглядывали короткие черные волосы. Ростом Джимми не отличался, но был сложен как борец — толстенные руки, на груди и шее бугрится мощная мышца́. Начинали качаться мы вместе, в зале Мика Хоули, молотя по увесистым мешкам и гоняя с ними вверх-вниз по старой скрипучей лестнице. Когда отец впервые привел меня туда, никого из местных ребят я не знал. Были там в основном ирландцы в первом или втором поколении. К одному из ребят вообще никто не подходил — это и был Джимми Феллини. Поскольку сам я наполовину итальянец, мы

о чем-то с ним разговорились — и вскоре уже на па́ру стирали костяшки на кулаках, отжимаясь на полу из крашеного бетона. Вообще-то говоря, мы с Джимми были неразлейвода как минимум лет пятнадцать. С тех пор как я последний раз его видел, он явно набрал несколько фунтов. А я вот свой вес сохранил, восемьдесят пять кэгэ, как в аптеке — далеко не задохлик, но и не грузный кабан какой-нибудь.

Когда воротчики подвели меня ближе, базары за столом прекратились, и все уставились на меня.

— Что за дела, Эдди? — спросил Джимми.

— Помощь нужна, готов не поскупиться.

— А что в сумках?

— Четыре миллиона долларов. Олек Волчек зацапал мою дочь. Надо ее как-то вернуть; вот ищу, кто бы подсобил.

— Да ну? Сто лет тебя не видел, кидала… А откуда мне знать, что ты не работаешь на русских?

— А оттуда, что если б я хотел вас всех сейчас замочить, парни, то давно уже это одним пальцем сделал бы! — Я вытащил из кармана пульт и помахал им в воздухе. — Так что, пацаны, хотите заработать пару «лимонов» или вы тут ремонт давно не делали?

За столом воцарилась гнетущая тишина. Никто не шевелился. Все взгляды были устремлены на Джимми. Одно его слово, и меня разорвут на куски.

Губы его вдруг сложились в улыбку. Джимми просек. Просек, что только что купился, как дитя.

Встал, вытер губы шелковым платочком и уже по-настоящему заржал.

— Эдди, Эдди-Финт, братан! Поди ко мне, я так по тебе соскучился! — радостно гаркнул он на весь зал, двигаясь ко мне с распростертыми руками. «Эдди-Финт». Давненько меня так никто не называл.

Джимми заключил меня в объятия, похлопал по спине. Чисто дружеский жест, но при этом он заодно проверил, нет ли на мне каких-нибудь проводов или еще чего-нибудь стрёмного. Как хорошо, что я оставил бомбу в здании суда! Опять увидеть Джимми было все равно как вернуться домой. Это восхитительное чувство длилось не больше секунды, поскольку я сразу же осознал, что здорово рискую жизнью дочери, явившись сюда. Любовь к ней и желание вернуть ее навалились на меня с такой силой, что я даже скрипнул зубами.

— Джимми, они забрали мою малышку!

— Ну, теперь это уже ненадолго, — отозвался он.

Глава 39

На то, чтобы изложить ход событий с происшествия в закусочной до приезда в ресторан, много времени не ушло. Некоторые пораскрывали рты, хотя я заметил и пару недоверчивых взглядов. Те двое, что сидели по бокам от Джимми, слушали с абсолютно каменными лицами и за весь мой рассказ не проронили ни слова.

Джимми, как обычно, никаких своих чувств не выдавал. Вообще никак не реагировал. Просто сидел, временами отхлебывая кофе из чашки, но был настороже и внимательно ловил каждое слово. Иногда коротко поглядывал на своих людей — оценить реакцию. Когда я закончил, опустил взгляд на стол с недоеденным завтраком.

— Так, давай вкратце, — сказал он. — От тебя требуется подложить бомбу на свидетельскую трибуну и устранить информатора, Бенни. Эми похитили и где-то удерживают. Ты не знаешь точно, где, но где-то на Манхэттене. К копам или федералам тебе обращаться нельзя. И ты не хочешь, чтобы Тони дал показания на Волчека. Правильно излагаю?

— Вполне, — сказал я. — Только я забыл упомянуть про Гарри. Про судью Форда то есть. Это он раздобыл мне кое-какие полезные вещи — вроде той мобилы, с которой я тебе звонил.

Вид у Джимми был такой, будто он перебирает в голове какие-то варианты.

— И в дополнение к двум миллионам могу еще преподнести тебе на тарелочке прикормленного федерала.

— Продажные федералы меня не интересуют. Нету у меня к ним веры. И несколько минут назад это вроде было четыре миллиона? — сказал Джимми.

— Пардон. Одна сумка помечена невидимой краской — это такая жидкость с уникальным химическим составом, вроде подписи. Код состава есть во всех основных базах данных. Мне нужно, чтобы ты пока придержал эту сумку при себе, а потом, когда все кончится, отдал федералам. Я специально пометил деньги на взятку, чтобы их можно было проследить обратно к русским. Тот бугай, который помогал мне укладывать бабло, все руки в этой химии перемазал. Я собираюсь сказать федералам, что взятка была в один миллион, и они его наверняка заберут. Но и нам кое-что останется.

Джимми вытянул от открытой пачки на столе сигарету, прикурил от любезно поднесенной кузеном Альби спички. При первой же глубокой затяжке сигарета сгорела чуть ли не на полдюйма. Выдув дым высоко в потолок, Джимми опять стал весь внимание.

— Значит, остается три миллиона, Эдвард, — проговорил он, словно мы до сих пор были детьми. Тогда он тоже иногда называл меня «Эдвард» — матушку мою передразнивал. Когда она на меня за что-то сердилась и ругала, то всегда называла «Эдвард». Вот и он меня так подкалывал, особенно при матушке. Кликуха «Эдди-Финт» появилась уже позже, когда я обзавелся собственной шайкой.

Я надеялся, что пока мы этот вопрос как-нибудь обойдем — но, похоже, не вышло.

— Один миллион мне придется занять. Считай, что беру в долг. Помоги мне выручить Эми — и считай, что три миллиона у тебя в кармане: два прямо сейчас, а еще один чутка попозже, за мной не заржавеет.

— А почему я не могу получить три миллиона сразу?

— Никак. Мне нужно кое о чем позаботиться. Сам же знаешь, я тебя не кину.

Он поразмыслил. Как хороший бизнесмен Джимми любил рискнуть. По-моему, втайне он хотел войны с русскими. Ему нужен был повод, чтобы в них вцепиться. Убийства Марио для этого было недостаточно, потому как Марио был всем до лампочки. А это уже реально тема.

— Так можно на тебя рассчитывать, Джимми? Тут никакого кидалова. Это все-таки моя дочка. Я ее жизнь тебе в руки вручаю.

Добрую минуту Джимми просто пристально смотрел на меня.

— Я верю тебе, Эдди, — произнес он наконец. — Вижу все это так, что мы с тобой родные, ты и я. Семья. Выросли, раздавая плюхи одним и тем же людям. Так что Эми — это тоже семья.

Я позволил вышибалам унести сумку в подсобку.

— И чего ты от нас хочешь? — спросил Джимми.

Я придвинул стул и сел, вклинившись между двумя какими-то отморозками. Полез в нагрудный карман, уловил краем уха шепоток, обернулся и опять увидел нацеленные на меня стволы воротчиков — но на сей раз всего на мгновенье. Джимми лишь досадливо от них отмахнулся. Я медленно достал из-за пазухи бумажник.

— Мне нужно, чтобы вы разыскали Эми и переправили ее в безопасное место. Ее удерживает еще какая-то шайка. Вот лопатник Грегора, — сказал я, укладывая его на стол. — В нем его водительские права с последним известным адресом. Сомневаюсь, что она там, но это чисто для начала. Перед тем как меня сюда привезли, мы заехали на какой-то склад в Шипсхед-бэй. Там были двое парней. Если их хорошенько тряхнуть, то можно узнать адрес. Но брать их надо так, чтобы у них не осталось ни малейшего шанса предупредить Волчека или Артураса. Единственное, что у меня еще есть, — это номер мобильника, на который звонил Волчек. Эми упоминала про какую-то Элейну. Не знаю, ее ли это мобильник, но есть номер.

Закончив, я пристально посмотрел на Джимми. Он меня не разочаровал. Глянул на Альби — пусть и мимолетно, но все-таки глянул. Альби — парень со связями, в том числе и в профсоюзах, у него доступ ко всему на свете. Главный решальщик.

Я продолжил:

— Насколько я понимаю, по номеру телефона или через этого Грегора можно вычислить конкретное место.

— Вы сказали, номер мобильный. А вы не в

курсе, какого типа там сама труба? — спросил Альби.

— Нет. У Артураса «Айфон». У Волчека маленькая черная трубочка с хорошей камерой и большим экраном. Это все, что я знаю. По номеру можно проследить адрес?

— Если он зарегистрирован, то запросто. Но почти наверняка эти телефоны куплены на черном рынке. Значит, никаких документов. С другой стороны, если телефоны новые, то с этим малость попроще.

— На вид вроде новые. Насчет того, какой у этой Элейны, не знаю.

— Если телефон выпущен после две тысячи пятого года, тогда у него должен быть встроенный GPS-трекер. У любого мобильника, выпущенного в Америке, есть такой чип. Что-то там связанное с терактами одиннадцатого сентября. Адрес узнать не получится, прослушивать звонки тоже, но определить местонахождение через GPS можно. У меня есть парень, который с этим справится. Сейчас позвоню ему, — сказал Альби.

— Отлично. Займись этим номером. А вы, парни, начинайте обзванивать своих людей. Нужно выяснить, куда запрятали нашу девчонку. Есть у меня двое в Бруклине, которые могут по-быст-

рому подскочить в Шипсхед-бэй. Фрэнки, звякни своим пацанам, — сказал Джимми.

Я дал Фрэнки адрес склада.

Симпатичная официантка принесла еще горячего кофе, и я с благодарностью принял у нее чашечку. У нее были длинные темные волосы и большущие обворожительные глаза. У Джимми только такие девчонки и бывают. Тот поднес было чашку к губам, но тут же замер, словно что-то внезапно пришло ему в голову.

— В какое время ты вчера разговаривал с Эми? — спросил он.

— Во второй половине дня. Часа в четыре или в пять. А что?

Он потянулся губами к чашке, но вдруг опять остановился — так, что поднимающийся над ней горячий пар окутал ему щеки.

— А что, если они ее перевезли?

Джимми был прав. Не было никакой гарантии, что они не возят ее по кругу, используя с полдюжины подобных конспиративных квартир. Но все-таки вряд ли. Повсюду таскать с собой десятилетнюю девчонку — только лишний риск привлечь ненужное внимание. Гораздо разумнее оставаться в одном и том же месте.

— Сомневаюсь. Думаю, они предпочли затаить-

ся и никуда не вылезать. И если мы собираемся их достать, не исключено, что придется распылить силы, чтобы накрыть все возможные точки одновременно. Хотя, если получится зацепить GPS-модуль на телефоне, я бы сказал, что как раз там и держат Эми, — сказал я.

Джимми, похоже, был со мной согласен.

— И не забывайте про Тони, — добавил я. — Ему придется взять назад все, что он сказал копам. Иначе русские поймут, что за свои четыре лимона ни фига не купили, и наверняка меня кокнут.

— Мики, сгоняй за Тони, — распорядился Джимми.

Его лицо немного смягчилось, и я сразу припомнил того маленького забияку, с которым познакомился тогда в спортзале. Его взгляд словно скользил по мне вместе с дымом его сигареты, проникал в мои воспоминания, выхватывая отдельные яркие картинки тех счастливых беззаботных дней, когда мы на пару зажигали на районе и на всю катушку отмечали каждую затрепанную купюру, отжатую у лохов.

Джимми улыбнулся, но вдруг опять посерьезнел, словно счел улыбку неуместной.

— Слыхал, что с тобой приключилось в прошлом году. Сочувствую, — сказал он.

Это застало меня врасплох. Не знал, что он в курсе.

— Крепко тебе, должно быть, досталось, братан.

— Крепко. И сейчас достается. Даже во сне ее вижу — когда вообще удается заснуть. Может, так она хочет сказать, что простила меня? Или просто мне хочется в это верить?

Джимми, несмотря на свою специфическую профессиональную деятельность, тоже ухитрялся быть отцом, и далеко не бессердечным.

— А что тебе известно про группировку под названием «*Bratva*»?

— Да не особо много. Заявились сюда в девяностых, сразу после развала Советского Союза. В огромном количестве, тогда вообще оттуда много народу уехало. Волчек со своей командой, видать, оказался покрепче остальных, раз уж столько продержался. Поговаривают, что они бывшие вояки. С самого начала неплохо развернулись, продавая «калаши» местным бандитам. Потом все как обычно — наркота, девки, переправка нелегальных эмигрантов, весь прочий набор. Когда сюда выдвинулись международные картели, то пооборвали русским чуть ли не все их каналы поставки. Просто всё перекупили. Против того

бабла, которым эти картели ворочают, приема нету. Из того, что я слышал, их здорово прижали конкуренты, и теперь русские буквально зубами держатся за то, что у них до сих пор осталось.

— Видел я этих конкурентов вчера в суде… Волчек говорит, это они на его позор поглазеть приехали.

— Наверняка. Большинство организаций вынуждены сотрудничать с картелями, потому что против численного перевеса не попрешь. Волчек держался до последнего, но это не может длиться вечно. Рано или поздно они все равно потушат ему свет, это и к гадалке не ходи. Может, они думают, что если сольют его, так и всю его лавку можно будет быстро прибрать к рукам.

Все это определенно имело смысл. Я и сам заметил по поведению Волчека с Артурасом, что оба явно в отчаянном положении.

— Сколько у нас на все про все? — спросил Джимми.

— Сорок девять минут. Надо пошевеливаться.

— Энтони, позвони Вонгу и скажи, что нам нужны два его ниндзя, через пять минут как штык. И звякни еще Ящеру — пусть срочно дует на Манхэттен и остается на связи, скоро мы его сориентируем.

Энтони — высокий симпатичный малый лет двадцати пяти, племянник Джимми — сразу же принялся тыкать в кнопки телефона. Я просто не мог не заметить, как при упоминании некого Ящера физиономия Фрэнки скривилась от отвращения.

— Что это еще за Ящер такой? — поинтересовался я.

— Друг. Моим ребяткам надо выдвигаться налегке, чтобы поспеть вовремя. А Ящер их прикроет, со всех сторон сразу. В лучшем виде, — заверил Джимми.

Глава 40

Поджидая появления Тони, я только диву давался, насколько быстро бандитский кабак превратился в нечто вроде военного штаба. Толкачи и торчки, которые могли иметь хотя бы отдаленное представление о том, где *Bratva* могла устроить конспиративные квартиры, методично обзванивались и опрашивались. У каждого из сидящих за столом был в руке мобильный телефон — кто орал в него, кто прижимал к уху, кто набирал очередной номер. Официантки убрали посуду, и скатерть теперь была усеяна листочками бумаги, ручками и сигаретным пеплом. Альби пробивал полученный от меня номер мобильника. У него нашелся какой-то профсоюзный деятель, работавший в телефонной компании, и теперь Альби ждал, когда его приятель ответит на звонок.

Один из людей Джимми напялил резиновые перчатки и светил на деньги ультрафиолетовым фонариком — я заметил на тех банкнотах, которые пометил, яркие пурпурные пятна. Те пачки, которые не светились, откладывали в сторону. Было бы глупо такого не сделать.

Довольно скоро вся эта кутерьма стала приносить результат.

— Мой парень говорит, что у них консервный цех на причале.

— Есть хаза в Куинсе!

— Прихватили двух их дилеров — не знают ни хрена, адрес не помнят, но вроде автосервис.

— У меня уже два склада, нычка с «крэком» и кафешка.

— Выбираем три самых вероятных места, парни. Решайте сами. Даю вам пять минут. Потом подходим и говорим, что решили. Энтони и Фрэнки — сразу на адрес. По-любому, сами выберете из списка. Если там облом — на следующий, пока адреса не кончатся. Найдете ее живой или мертвой — сразу звонить мне, — распоряжался Джимми, но вдруг примолк. Видать, осознал, что только что брякнул.

Паника, чувство вины и страх опять до треска сдавили мне грудь. На секунду показалось, что напрочь нечем дышать.

Джимми обернулся ко мне.

— Извини, братан. Сила привычки. Обычно те, кого мы так ищем, уже трупы. Но она жива. Сто пудов.

Альби дозвонился наконец до своего челове-

ка в телефонной компании, и его правая рука с ручкой быстро побежала над листом бумаги, оставляя размашистые глубоко вдавленные буквы и цифры.

— Есть! — объявил Альби.

Джимми зачитал адрес.

— Это в шести кварталах от здания суда. Звони Ящеру, пусть встретит там Энтони с Фрэнки, — приказал он.

— Позвони Вонгу. Скажи, что тебе нужны три ниндзя. Поеду с ними. Мне нужно увидеть дочь.

Джимми вздохнул, покачал головой и попросил Энтони еще раз набрать Вонга.

В этот момент вошел мужчина в блестящем сером костюме. Его черная шевелюра выглядела так, будто он извел на нее целый баллон лака для волос. Я сразу припомнил того Тони Г., с которым когда-то встречался у Джимми. Тот, кого я знал теперь как Тони Геральдо, мог снять кучу возникших у меня вопросов. Глянул ему на ботинки. Надраены до блеска, но фасончик тот самый. Разлапистые, мягкие, старомодные — типичные рэкетирские говнодавы, только в таких бабло и собирать.

— Тони, ты ведь помнишь Эдди? — спросил Джимми.

— Ну да, Эдди-Финт, как не помнить — фармазонщик и адвокат. Вечно тебя в лапту надирал, поганец, когда мы еще мелкими пацанами были, — отозвался Тони, шутливо делая вид, будто хочет врезать Джимми под ребра. — Как сам-то, Эдди? — спросил он, усаживаясь напротив меня.

— Не лучшим образом. Нету времени, Тони. Лучше расскажи, за что Олек Волчек заказал твоего кузена Марио.

— М-да, не любитель ты вола вертеть… Ладно, все было как-то так. Марио всегда у меня был что заноза в жопе. Тупой, как пробка, по малолетке его пару раз прихватывали; ну а мне-то что делать? Родная кровь все-таки. Вот и взял его к себе под крыло. Приставил к строительным подрядам, думал, что тут даже Марио не сможет накосячить. И что ты думаешь? Он и тут говна наложил кучу. Перестарался. Прижал какого-то честного парня так, что федералы вмешались. Отмотал пятерик в Райкерсе[24], пару лет назад вышел. После того, что он тогда учудил, я сказал

[24] notes: 24

Райкерс (*англ.* Rikers Island) — остров-тюрьма в проливе Ист-Ривер, относящийся к городу Нью-Йорку, районам Куинс и Бронкс. Тюремные блоки рассчитаны на 10 тысяч сидельцев, натуральный город. Используется в основном как следственный изолятор, отбывающих там наказание сравнительно немного (около 15 %), причем по небольшим срокам, до года.

ему, что в дело больше не возьму. И что думаешь? Он по ходу стал еще тупее.

— И что на сей раз?

— Полез в амбиции — мы, мол, и сами с усами. В Райкерсе он ходил на фотографические курсы. Вроде реально чему-то научился, кстати. Когда вышел, стал повсюду таскать с собой фотик. Не знаю, чем уж он там реально занимался, только вот сидим мы как-то вечером в «Сирокко» — я, он и еще несколько ребят. Марио уходит в бар. И тут, типа, все пацаны Волчека вдруг вскакивают и начинают его метелить. Сразу отвалили, правда, как только меня заметили. А на следующий день Марио кокнули.

— Все это и в твоих показаниях написано, Тони, но ты упустил одну важную деталь — фотографии. Из-за чего началась драка с Волчеком?

Тони утер рот и поглядел на Джимми, который в ответ согласно кивнул.

Я подумал, что его надо малость подтолкнуть, так что изложил ему собственную версию:

— Я видел снимки с места преступления. Там была разбитая картинка в рамке и что-то вроде обгоревших фотокарточек в раковине. Лично я предполагаю, что Марио щелкнул что-то такое, что, с точки зрения Волчека, не надо было щел-

кать, а потом попробовал толкнуть эти фотки Волчеку. Если он действительно был настолько тупой, как ты говоришь, то это вполне возможно.

— Угу, реально тупой.

— А почему ты не рассказал про это копам? — спросил я.

— Как только Марио попробовал продать те фотки, его сразу замочили. Я не хотел, чтобы кто-то просек про копии.

— У тебя есть копии?!

— Именно. Подумал, что пригодятся, если мы и вправду затеем войну с этими бывшими коммуняками. Вдруг понадобится их чем подковырнуть…

— А почему эти фотки так были нужны Волчеку? Что там Марио углядел?

— Я просмотрел их — и сам не понял. Понятия не имею, зачем они ему сдались.

— А где они сейчас?

— Да где-то дома валяются… Кстати, я тут слышал, что сегодня от меня требуется помалкивать в тряпочку. Так вот, проблема в том, что я не могу. Мне придется дать ровно те же показания, что и в письменной заяве, и ни за какие бабки ты меня от этого не отговоришь.

Глава 41

— Эдди, пора двигать, если хочешь успеть, — напомнил Джимми.

Я поднял руку.

— Еще секундочку. Все это по-любому бессмысленно, если твой человек вздумал пойти в отказ.

Тони откинулся на стуле и скрестил руки, всем своим видом показывая, что не промолвит больше ни слова. Я сразу вычислил причину подобного молчания.

— Давай посмотрим, правильно ли я все понял. Тебя замели, и прокуратура предложила тебе сделку, я прав? Ребятки вроде тебя никогда не дают показания копам. Я знаю, что должна быть серьезная причина, по которой ты согласился стать свидетелем. Колись — сколько было при тебе «кокса», когда тебя прихватили?

В ярком свете светильников костюм Тони сиял, будто новогодняя елка. Он покачался на стуле.

— Да всего ничего, где-то с полкило. Если не буду сотрудничать и давать показания, как добропорядочный гражданин, то мне пипец. У меня нет выбора.

Такого я не предвидел. Четыре миллиона дол-

ларов не имели для Тони Г. ровно никакого значения. В тюрьме богатеев не бывает, и если б я даже удвоил эту сумму, он бы все равно не передумал. Обдумав ситуацию, в которую угодил Тони, я быстро нашел решение. Взял листок бумаги, начиркал несколько строчек, сложил пополам и толкнул под лучи осиянного радужной аурой костюмчика.

— Скажешь в суде *вот это*, что бы ни спросили, — и будешь в полном порядке. Твое соглашение с прокурором — совершенно стандартная бумага. Я ее наизусть знаю. Говори это и только это, и никакое уголовное преследование тебе не светит.

Тони пробежался по накарябанным на бумажке строчкам.

— И чё, это всё?

— Всё. Отвечаю.

На плечо Тони опустилась рука Джимми.

— Делай что говорят, Тони. Еще и отстегну тебе из того бабла, что притащил Эдди, в обиде не будешь. Если что вдруг пойдет не так, о семье позабочусь. Но не пойдет. Если Эдди сказал, что отвечает, — значит, отвечает. Все срастется. Эдди мне как брат. Его слово — мое слово.

Тони кивнул и поднялся.

— Ладно, Эдди, но если не срастется, я тебя убью. Понял?

Я тоже встал и пожал ему руку.

— Если такое случится, тебе придется встать в очередь… Слушай, мне нужно глянуть на фотки. Что-то во всей этой истории не срастается, только я никак не могу понять, что. Эти карточки могут помочь.

— Фотки дома. Часа полтора езды туда и обратно.

— Они мне очень нужны, но ждать нету времени. Привезешь в суд.

— А как я их там тебе передам, спрашивается?

— Ты верующий, Тони? Лично я — нет. Так почему бы тебе не наставить заблудшую овцу на путь истинный?

Тони молодец, все словил на лету.

Джимми же явно чего-то недопонимал.

— Погоди-ка секундочку. Если мы вовремя вытащим Эми, то что тебе вообще делать в суде, Эдди?

Плечи у меня опали. Даже если я вызволю Эми, все равно придется все довести до конца.

Глава 42

Вслед за Энтони и Фрэнки я поспешил в глубь зала к широким распашным дверям кухни. Кухня оказалась такой огромной, что вполне могла обслуживать и вдвое больший ресторан, чем у Джимми. Длинный разделочный стол из блестящей нержавейки и четыре промышленного размера плиты разделял широченный проход. С Энтони мы уже встречались — когда он еще малышом сидел у матери на коленях. Если Джимми доверил ему такое дело, малыш оказался явно не без способностей. Энтони распахнул дверь огромной морозильной камеры, и мы с Фрэнки нырнули вслед за ним внутрь. Дыхание перехватило, изо рта вырвалась струя прихваченного морозом пара. Фрэнки принялся споро раздвигать ящики с затянутым в прозрачную пленку замороженным мясом в дальнем правом углу, и вскоре за ними открылась потайная дверца. Мы оказались в небольшой кладовке. Стеллажи по ее стенам были до потолка забиты оружием всех сортов и размеров, мешками с «коксом» и пачками денег, небрежно обернутых в целлофан.

Энтони и Фрэнки вооружились длинными

стальными ломиками. У каждого на конце был крюк, и эти крюки они просунули в отверстия чугунного канализационного люка, красовавшегося в самой середине пола. Поднатужились, сдвинули его вбок. Под ним показалась железная лестница, уходящая вглубь, в канализацию.

— Прикалываетесь? — спросил я.

— По-другому никак, — отозвался Фрэнки, подхватывая с полки фонарик.

Энтони подобрал с пола мешок, вручил мне фонарь, и мы друг за другом полезли вниз в темный пованивающий тоннель, в котором оказалось на удивление сухо. Я включил фонарик, но его луч пробивал тьму не более чем на полсотни футов.

Свернули влево, на следующем перекрестке вправо, и где-то через минуту движения по прямой Энтони остановился у еще одной приделанной к стене лестницы. Фрэнки забрался по ней наверх, постучал изнутри в люк. Через несколько секунд в тоннель хлынул свет — какой-то азиат сдвинул чугунную крышку и теперь протягивал руку Фрэнки, помогая ему выбраться.

Оказались мы в другой кладовке — другого ресторана. Судя по иероглифам на ящиках и коробках, а также аромату чеснока, имбиря и лимонника, я предположил, что ресторан, ско-

рее всего, азиатский. Человек, помогший нам выбраться из канализации, махнул рукой — давайте, мол, за мной, — и по узкому коридору мы выбрались на приподнятую над землей погрузочную площадку, выходящую в переулок. На ней и стояли три ниндзя, которых затребовал Джимми, — три черных 650-кубовых мотоцикла «Кавасаки Ниндзя», водители которых нетерпеливо подергивали ручки газа, взревывая моторами. Каждому из нас незамедлительно вручили по шлему, и я увидел, как Энтони залезает на заднее сиденье первого мотика.

— Самый скоростной способ, Эдди. За то время, что тебе отвели, на машине в жизни не обернуться. Сэмми Вонг — наш курьер. Иногда так вот по городу и катаемся. Быстро и незаметно, — сказал Энтони.

— Не говоря уже о том, что очень опасно, — заметил я.

— Да расслабься! Эти ребята — реальные профи. Просто делай, что тебе говорят, и все будет нормуль.

Я натянул на голову тугой шлем, кое-как влез на заднее сиденье последнего байка. Похлопал водилу по плечу, на всякий случай крикнул:

— Я вообще-то первый раз на мотоцикле!

— Я тоже, — отозвался тот из-под шлема.

Все, кроме меня, дружно заржали.

— Меня зовут Эдди. Гляди не убей меня, — сказал я.

— А я — Тао. Ничего не обещаю, чувак.

Я крепко обхватил Тао за бока обеими руками, и тот незамедлительно газанул. Мы пулей вылетели с бокового пандуса погрузочной площадки и вывернули вправо в переулок. Тот был длиной футов четыреста, но эту дистанцию мы одолели всего секунды за три. Желудок у меня прилип куда-то к спине, и я услышал в шлеме свой собственный визг.

Мотик с Энтони вырвался вперед, подлетая к самому концу переулка. Он вообще собирается тормозить? Но его водила даже газу не сбросил — все так же бешено разгонялся до самого выезда на главную улицу. Долго размышлять над его действиями мне была не судьба — вместо того, чтобы притормозить, он еще больше наддал, проскочил сквозь несколько поперечных рядов движения и растворился в утренних тенях переулка на противоположной стороне улицы.

— Херасе, — выдохнул я.

Улица перед нами выглядела довольно оживленной — аккурат поперек намеченной траек-

тории слева направо проскакивали автомобили и велосипедисты, а чуть дальше за ними происходило то же самое, только справа налево. Под ликующий вопль Тао наш байк вонзился прямо в четыре полосы вялотекущего нью-йоркского движения, словно выпущенная из жерла переулка четырехсотфунтовая ракета. Мы бешено виляли, резко тормозили и резко ускорялись, обтекаемые со всех сторон взвихрившимся потоком машин.

Я крепко зажмурил глаза и только молился: «Господи, дай мне силы через все это пройти!»

Сильно ударился грудью о спину Тао, когда тот резко дал по тормозам. Ноздри наполнила вонь дымящихся тормозных колодок. Приоткрыв глаза, я увидел, что справа на нас юзом несет черный «Форд Таурус» — его водитель в панике давил на сигнал. Сейчас получим в бочину!

— Откинься! — услышал я крик Тао, и в ту же секунду наши шлемы с треском стукнулись друг о друга. Спину пронзило резкой болью, когда напряжением всех своих мышц я попытался отвести назад плечи, вдруг налившиеся невероятной тяжестью, — инерция неуклонно волокла нас вперед. И тут же понял, что именно собирается сотворить Тао — он отпустил один из тормозов, задний, и мотоцикл резко клюнул носом,

упершись в заблокированное переднее колесо. Я взмыл куда-то ввысь. Тао отклонился вправо, и поставленный почти на попа байк крутанулся на переднем колесе на девяносто градусов — за какую-то долю секунды до того, как наше заднее колесо аккуратно поцеловалось с краем крыши «Тауруса». На миг мы намертво застыли в этой позиции — рискованно зависнув над асфальтом, но целые и невредимые.

Задранное вверх заднее колесо рикошетом отскочило от «Форда» вбок, и еще до того, как опять соприкоснулось с асфальтом, уже бешено вращалось. Байк рванул с места, накрывая замерший на месте «Таурус» дымом горелой резины, вильнул, и через секунду нас поглотила густая тень узкого переулка.

Глава 43

Девять минут страха — и мимо уже проскочило знакомое здание суда. Ровно столько заняло наше перемещение в этот район от погрузочной платформы Вонга. Похоже, что временами байки разгонялись за сотню миль в час — пулей проскакивали улицы, ныряли в переулки, чтобы не попасть в поле зрения копов и дорожных камер.

Мотик Энтони впереди замедлил ход, подкатывая к конечному пункту — новому жилому массиву Сёверн-тауэрс всего в нескольких кварталах от здания суда. Зарулили на подземную стоянку, приткнулись рядом с каким-то синим «Транзитом». Я по-прежнему цеплялся за Тао и его мотоцикл, как клещ, по ногам словно кто-то прошелся газовой горелкой — едва разогнул их, чтобы слезть, наконец, на твердую землю.

До встречи с русскими у входа в ресторан Джимми оставалось двадцать семь минут.

— Будем ждать на углу, — сказал Тао, и мотоциклы практически бесшумно выехали с парковки.

Даже для рабочего дня здесь было на удивление пусто — под бетонными сводами там и сям пристроилось всего с полдюжины машин. Я по-

звонил Джимми со своей одноразовой мобилы.

— Мы на месте. Есть точное местоположение?

— Секунду… О'кей, Альби говорит, что его парню удалось засечь лишь приблизительные координаты. Это в Сёверн-тауэрс. GPS подглючивает, когда телефон расположен высоко над землей. Скорее всего, он где-то не ниже пятого этажа.

— Джимми, это довольно большой дом, этажей тридцать. Мне нужно поточнее.

— Придется подождать, пока не отзвонятся ребята с Шипсхед-бэй. Как только буду знать точно, сразу же наберу.

Он отключился.

Из синего фургона выбрался какой-то долговязый, поджарый, как волк, тип в черной футболке и черных штанах, поручкался с Энтони. Потом протянул руку Фрэнки, который лишь просто кивнул. Тип кивнул ему в ответ. Волосы у него были по-военному стрижены ежиком. По его мускулистым рукам змеились толстые вены, и я сразу предположил, что свернуть кому-нибудь шею — для него секундное дело.

— Что так долго? Ящер уже весь обождался, — сказал поджарый.

Энтони рассмеялся и представил нас друг дру-

гу.

— Эдди, это и есть Ящер. Это его шоу.

Мы обменялись рукопожатием. Хватка у него была как у боа-констриктора. Несмотря на внушительную мускулатуру, двигался он легко и грациозно, почти как танцор.

— До двадцать пятого этажа доступ свободный. Дальше — проблема. На двадцать пятом лестница упирается в стальную дверь. Кодовый замок. В лифте тоже надо код для верхних этажей. Если ваша дочь там, то без кода нам ничего не сделать. Если я взорву дверь, то они услышат и убьют ее. Просто молитесь, чтобы она была на нижних этажах. Фрэнки, там через улицу художественная галерея. Как думаешь, сможешь залезь на крышу? Ящеру нужны вторые глаза, — сказал Ящер, и я невольно улыбнулся, услышав, как он опять упоминает себя в третьем лице.

— Базара нет, — буркнул Фрэнки.

Ящер вручил ему бинокль и мобильник.

— На телефоне есть конференц-связь, только нажать осталось. Воткну тебя на громкую. Ноги в руки, — сказал он, и Фрэнки, рысцой перебежав парковку, исчез на выездном пандусе.

Энтони опустил свою сумку на землю, расстегнул молнию, вытащил обрез двадцатого калибра

и коробку патронов.

— Знаешь, не стоит тебе с нами. Сами управимся, — сказал он.

— И все-таки я с вами, — твердо ответил я. — Так спокойней.

— Не лучшая мысль, — сказал Ящер, распахивая задние двери своего фургона и отпирая лежащий на полу стальной ящик. Вытащил из него автомат, стал осматривать. Автомат был коротенький, черный, с торчащим прямо из рукояти магазином.

— Совсем новый, что ли? — спросил я.

— О, совсем новый! — закивал и заулыбался Ящер.

Я отвел Энтони в сторонку за фургон.

— Что это вообще за хрен с горы? — шепнул я.

— Бывший морпех. Его двоюродный брат работает на Джимми. Когда Ящер вернулся из Ирака и стал подыскивать работу, этот кузен организовал встречу. Ты уж мне поверь, этому парню стопудово доверять можно. Один — что целая армия. Если кто и может вытащить твою дочку из той квартиры, так только Билли.

— Билли, — медленно повторил я. — А почему тогда Ящер? И с чего это Фрэнки его на дух не переносит?

Энтони, который в этот момент засовывал в обрез патроны с красными гильзами, на секунду опустил голову.

— По правде сказать, куча народу его просто боится. Билли обожает ящериц. У него на спине огромная татуха с ящером, а дома, в Куинсе, целая коллекция змеюг и прочих гадов; он даже парочку варанов с Комодо во дворе держит. Но это не единственная причина. Когда кто-то сильно упрямится и не хочет по-доброму рассказать нам все, что знает, мы зовем Ящера. Знаешь, как некоторые такие твари сбрасывают кожу, когда вырастают? Так вот, это как раз по Биллиной части. Если парень молчит, Билли начинает обдирать с него кожу, будто с банана, и тут же скармливает ее своим питомцам — тут кто хочешь напугается до усрачки. Лично мне он нравится. Только вот в его психический домик в Куинсе я лучше ни ногой.

Глава 44

Телефон Ящера завибрировал. Он ответил, включил громкую связь, но я уже не слушал — мне как раз перезванивал Джимми.

— Один из этих отморозков на складе слил адрес, — сообщил Джимми. — Это на самом верху. В пентхаусе. Вы на правильном месте. Не очкуй, у этих чмошников не было ни единого шанса кому-нибудь звякнуть, а скоро они вообще никому не позвонят. Мои ребятки там все грамотно подчистят. Профи. Если вдруг русские на этот склад и нагрянут, то даже не просекут, что их людей там замесили. Ты давай лучше поскорей обратно. У тебя только двадцать минут до встречи с русскими. Буду ждать тебя на задах у Вонга, братан.

В трубке щелкнуло, наступила тишина.

Ноги у меня подкосились, и я упал на колени. Эми на самом верхнем этаже, за стальной дверью, которую нам не открыть! Я выругался, сжал кулаки. Почувствовал в одном кулаке что-то мокрое. Разжал пальцы — все тот же порез на ладони, опять открылся.

— Она в пентхаусе, — объявил я.

— Фрэнки, понял? Пентхаус, — проговорил

Ящер в свою трубку.

Из динамика послышался голос Фрэнки:

— Понял. Как раз на него смотрю. Жалюзи в гостиной открыты. В квартире пока засек четверых. Двое на диване справа от входной двери, один в кухне и еще один в кресле с газетой валяется. К левой стене прислонен автомат. Вижу в кухне телку — блондинка, чуть за тридцать. Играется с ножиком-бабочкой. Больше вроде никого не видать. Справа — три спальни. В двух двери открыты, третья закрыта. Ванная, походу, у них слева от кухни. Вроде всё. Нашу девчонку не вижу.

Сердце у меня упало — опять все не складывается! Я лишь хотел убедиться, что она все еще жива.

— Она, наверное, в одной из спален. В той, где автомат стоит. На хрена им вообще в этой квартире тяжелая артиллерия? Эми тебе говорила, что за ней приглядывает какая-то баба, Элейна. По ходу, это та телка с перышком, — сказал Энтони.

Я поднялся, согласно кивнул. Место то самое. Вроде иди и возьми. Скорей бы все кончилось — как только заберу ее, сразу же запрячу в толстенный сейф, чтобы ни одна сволочь больше не дотянулась!

— Фрэнки, это Ящер. Видишь еще что-нибудь в квартире? Нужно как-то решать с той железной дверью. Никакой записочки с кодом там не приколото?

— Ща гляну.

Мы молча переглянулись.

— Не, ничего не пришпилено.

— А что еще видишь, Фрэнки? — вмешался я.

— Картины на стенках — типа, какой-то авангард… Не в моем вкусе. Мебель тоже в том же духе, угловатая такая, неудобная, вся в коже. Белой. На столе в кухне стопка коробок из-под пиццы — видать, эта овца та еще стряпуха… Телик включенный…

— Что за название на коробках? Можешь разобрать? — спросил я.

— Запросто. «Биг-Джо-Пицца». У них тут лавка неподалеку. Слыхал, неплохо готовят.

— И все коробки из «Биг-Джо»? — уточнил я.

— Угу, тут их штук шесть.

— Похоже, заказывают по телефону, — предположил я. Приготовив свою трубку, сказал: — Фрэнки, можешь разглядеть, какой у них там в «Биг-Джо» номер?

Набрал продиктованные Фрэнки цифры, нажал вызов.

— «Биг-Джо-Пицца», готов принять заказ.

— Здрасте, мне в Сёверн-тауэрс, как обычно. Но смотрите, на сей раз максимум через полчаса! Вчера вы где-то проваландались, ребята.

— Приносим извинения. А кто звонит?

— Это друг Элейны. По-моему, вчера ваш парень то ли код забыл от двери, то ли еще чего. Пришлось на лифте прямо в трусах спускаться, чтобы его впустить… Ладно, с кем не бывает, проехали, но вы все-таки прочитайте мне код, которые ему дали, на всякий пожарный. Не хочется опять с голой жопой вверх-вниз кататься.

— Искренне прошу прощения, сэр. Передайте, пожалуйста, Элейне, что такое больше не повторится. Как раз смотрю ваши данные… Вот, тут записано четыре семь восемь девять. Все верно?

— Точно. Спасибо, чувак.

— С вас будет тридцать девяносто пять, сэр. Доставим через двадцать минут.

— Прямо так уж не гони, малыш, — сказал я и отключился.

Ящер улыбнулся, загоняя в «глок» свежий магазин. Сунул пистолет в штаны, закинул на плечо автомат.

— Вы нравитесь Ящеру, мистер Флинн, — сказал он.

— Пошли уже, — ответил я.

Энтони похлопал меня по спине.

— Эдди, ты никуда не идешь. У тебя нет времени. Тао ждет на углу.

— Да времени у меня…

Ящер не дал мне договорить.

— Даже если время и есть, нет никакой гарантии, что ваша дочь именно там. Если ее там нет, а вы не успеете вернуться… мы все испортим, и ее убьют. А потом, вы Ящеру не нужны, Эдди. Еще ворветесь очертя голову в квартиру, начнете метаться, попадете под перекрестный огонь… Или, что хуже, саму Эми подстрелят. Не переживайте. Если она там, то скоро мы привезем ее к Джимми.

Он протянул руку. Я пожал ее. Он был прав. Пусть управляются без меня. Слишком большой риск — пора возвращаться.

— Не вздумайте допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Пусть Джимми кинет мне эсэмэску, когда она будет у вас.

Отвернувшись, я от души врезал кулаком в бочину синего фургона и побежал к выезду со стоянки, за которым меня поджидал Тао.

Глава 45

Тао подрулил к знакомой погрузочной платформе. Джимми отпрянул от стены, отшвырнул сигарету, глянул на свой мобильник.

— Пока ничего, — сказал он.

Оставалось всего шесть минут.

— Сбрось мне эсэмэску, когда будешь знать. Мне пора бежать.

— Да выручат они ее, Эдди! Верняк. Эсэмэску пошлю, не парься. И сразу тогда сваливай, а об остальном мы сами позаботимся.

Плечи мои опустились. Я прикрыл глаза, помотал головой.

— Не все так просто, Джимми.

— Да почему же? Эми у нас. Ты вылезаешь из всей этой поганки и спокойно звонишь копам. Что тут сложного?

— Нет. Я по-прежнему не могу доверять ни копам, ни ФБР, ни кому другому, кроме тебя и Гарри. А потом, на данный момент я не могу ничего доказать. Даже если я вдруг наткнусь на честного копа или честного федерала, они мне просто не поверят. Мне нужно все закончить.

— Как? Если ты действительно хочешь всю эту

непонятку закрыть с концами, то Ящер просто пройдется по их пафосной тачке из автомата, едва только они завернут за угол. И «мама» сказать не успеют.

— Верно, только вот в тачке они будут не все, и проделать это придется на глазах у ФБР, АТО, УБН и кто еще у тебя там пасется под дверью. И если Эми в той квартире нет, мы в жизни ее уже не найдем. Я не могу так рисковать. А потом, у меня до сих пор еще нет полной картины. Точно не знаю, какие у них планы, но понимаю, что все, кто находится в здании суда, сейчас в большой опасности, и Гарри в том числе. Только подумай: два фургона на подземной стоянке под судом; чемодан, который Грегор засунул в фургон; фальшивый пульт, который я подрезал у Артураса; свой человек в охране здания… Тут явно что-то затевается, и мне нужно выяснить, что именно. Тони Г. утром привезет мне фотографии Марио — это чисто для начала. Потом что-нибудь придумаю. Придется. Русские знают, где я живу. Знают, где живут жена с дочкой. Знают, в какую школу ходит Эми. Абсолютно все про меня знают.

Рассказанная Артурасом история о том, как они выследили своего бывшего подельника в Брази-

лии, неотвязно прокручивалась у меня в голове.

— Джимми, эта публика достанет меня где угодно. Если я сбегу, то меня найдут и убьют всю мою семью. Ты не хуже меня понимаешь, что нельзя мне сейчас бежать. Я должен все закончить.

На какое-то мгновенье я словно вновь сидел рядышком с отцом на высоком табурете в баре Макгонагалла, в котором мы и заключили свое маленькое соглашение.

«Договариваемся таким вот образом. Я учу тебя всему, что сам знаю; ты учишься, как себя при этом вести. Я знаю, что когда-нибудь тебе обязательно захочется испытать все эти штучки-дрючки в деле. Навсегда запомни, что я тебе сейчас говорю: попал в ощип — держи себя в руках до последнего. Что бы ни случилось. Если совсем прижмет — беги. Если нельзя убежать — дерись, бей в лоб, делай клоуна».

Сразу ощутил тяжесть медальона со святым Христофором у себя на шее. Это была единственная ценность, которую отец привез с собой из Дублина в Штаты. Я знал, как он сам поступил бы на моем месте. Он бы дрался — пошел на все, только чтобы защитить семью. И не ради мести. Ради того, чтобы выжить. Если я сам со всем этим не покончу, Эми никогда не будет безопасности.

— Эдди, не лезь ты во всю эту мутоту. Должен же быть какой-то другой способ, — не отставал Джимми.

От отведенного мне часа остались каких-то две минуты. Я уже нетерпеливо подскакивал на каблуках, готовый сорваться с места.

— Я уже сто раз все это в голове прокручивал. Другого способа нет. Я собираюсь дознаться, что происходит, а если дознаюсь — по полной, с доказательствами, — то передам все это федералам. Люди, которые водят за нос русскую мафию, долго не живут. Если я не разделаюсь с ними окончательно и бесповоротно, то заработаю себе на голову лишь банду киллеров, которые весь остаток жизни будут гоняться за мной и моей семьей по всему миру. Либо я сам эту гопу́ прикончу, либо они прикончат меня. Брось сообщение, как только Эми будет у тебя. И да, передай вот это.

Отдавая Джимми авторучку с гравировкой, я сказал:

— Напомни ей, как она сама просила маму купить мне эту ручку на День отцов. Не хочу, чтобы твои головорезы тоже ее напугали — пусть знает, что вернулась домой, в семью, что это я послал за ней людей.

— Сто пудов, братан, — отозвался Джимми.

Я развернулся и бросился к ресторану, оскальзываясь на асфальте и едва не задыхаясь от усталости и напряжения. Боль в спине и шее расплавленным свинцом тянула вниз, замедляла бег. Старался не обращать на нее внимания — если не поспею к ресторану вовремя, Артурас позвонит Элейне. Если та не ответит, начнет ее искать. Мне нужно сохранить преимущество. Пусть *Bratva* и дальше верит, что все карты у нее в руках. На полной скорости завернув за угол, я еще быстрей заработал ногами и руками. Только б успеть!

Когда подбегал к дверям, мимо промчалась патрульная машина, завывая сиреной.

В конце улицы показался белый лимузин.

Глава 46

Задняя дверь распахнулась, и я ввалился в темное кожаное нутро машины.

— Откуда это вы? — подозрительно поинтересовался Артурас.

Перед тем, как ответить, пришлось основательно отдышаться.

— Пришлось в обход. По-быстрому мотанул вокруг квартала, проверил, нет ли кого на хвосте. Все чисто, просто хотел убедиться — даже федералы не настолько уж тупые, чтобы купиться сразу на два отвлекающих маневра за день. Я понимаю, деньги большие, но они того стоили. Тони Геральдо теперь — наш человек, а вы, ребятки, заработали сегодня от итальянцев миллион поцелуев и благодарностей.

— Да уж надеюсь, — буркнул Артурас.

— Я тоже, — подал голос Волчек.

Я не сразу осознал, что он тоже в лимузине — темновато было. Должно быть, подобрали его, пока болтались в округе, дожидаясь меня. Если б я знал, что Волчек тоже в машине, то дважды подумал бы насчет предложения Джимми по поводу тяжелой артиллерии.

— Не переживайте. Прокуроршу сегодня ждет адская сковородка, — сказал я.

«Тебя тоже, Олек», — подумал про себя.

— Держите. Эта вроде в размер, — сказал Артурас, передавая мне белую рубашку, еще в магазинной обертке.

Даже узел на галстуке — и тот пропитался пóтом. Я переоделся прямо в лимузине. Приятно было ощутить на себе свежую рубашку, а воротник и впрямь оказался впору. Артурас протянул мне другой галстук — на сей раз синий — и электробритву. Его предусмотрительность и внимание к мелочам продолжали меня удивлять: сообразил ведь, что адвокату защиты не к лицу появляться в суде в таком виде, будто он спал не раздеваясь где-нибудь под мостом.

Беседа быстро увяла, что я только приветствовал. Откинул голову, закрыл глаза, но сон не шел — мозг продолжал работать сверхурочно. С того самого момента, как увидел Артураса, я сразу почувствовал в нем убийцу — но совсем не такого убийцу, как Волчек. Артурас — убийца методичный и хладнокровный, в то время как Волчеком в первую очередь двигала страсть к чужим страданиям. В свою бытность как мошенником, так и адвокатом мне доводилось встречать и тех и

других. Типы вроде Артураса довольно малочисленны и редки. Такие, как Волчек, встречаются гораздо чаще. Стоило мне об этом подумать, как сразу пришло в голову, насколько все-таки у Волчека много общего с Тедом Беркли — тем самым человеком, который прикончил мою адвокатскую карьеру чуть меньше года назад…

Беркли сделал попытку похитить семнадцатилетнюю Ханну Тубловски, когда та поздно вечером выходила из метро. Не успела она подойти к выходу, как чьи-то сильные руки обхватили ее сзади за грудь, оторвали от земли и поволокли в холодный темный тоннель. На той остановке в это позднее время никто из пассажиров больше из поезда не вышел. Человек, который напал на нее, подгадал момент так, чтобы оказаться в мертвой зоне между двух камер наблюдения. Когда она попробовала закричать, он зажал ей рот рукой и шепнул, что прикончит ее, если она хотя бы пикнет.

Какой-то бомж все-таки услышал крик и поднял тревогу. Нападавший скрылся. Подъехали транспортные копы, кое-как успокоили бьющуюся в истерике молодую женщину. На земле, примерно в том месте, где ее схватили, нашли месячный проездной на метро. Кто-то из копов

подобрал пластиковую карточку скорее просто на всякий случай, чем движимый неким детективным озарением. Выяснилось, что уборочная машина прошла по платформе всего за десять минут до нападения. Это означало, что карту, скорее всего, обронил нападавший. Месячный билет был куплен по кредитке — кредитке Теда Беркли. Беркли чисто случайно выпал мне в ночном суде, поскольку своего адвоката по уголовным делам у него не было, и я даже умудрился добиться его освобождения под залог.

На суде линия обвинения основывалась в основном на этой самой карте и показаниях потерпевшей, которая опознала Беркли. Полиция обыскала его офис, квартиру и летний домик, но так ничего и не нашла. Ну а прикиньте, кто этот Тед Беркли — чуть за тридцать, денег куры не клюют, шикарная подружка, дача в Хэмптонс[25]… Короче, отнюдь не типичный похититель. А как клиент — просто одно удовольствие с таким работать: вежливый, «здрасте — до свидания», платит исправно, во всем доверяет… Я, как и он, думал, что девчонка просто обозналась. Беркли заявил, что потерял бумажник, в котором в том

[25] notes: 25

Хэмптонс — престижный район Нью-Йорка на восточной оконечности Лонг-Айленда, по-нашему говоря, дачный.

числе был и проездной на метро, примерно за сутки до происшествия.

Ханна Тубловски, учившаяся в музыкальной школе, в тот вечер возвращалась домой на метро со студенческого концерта. Талантливая виолончелистка, она готовилась к поступлению в консерваторию. У нее были темные волосы, бледная кожа, и, когда она сидела на свидетельской трибуне, я отчетливо видел ее страх. И просто так-то выступать свидетелем страшновато, но нет более выматывающей жилы ситуации, чем встреча молодой женщины с тем, кто на нее напал.

Решив не вставать со своего места, чтобы во время перекрестного допроса Ханны выглядеть как можно менее угрожающе, я долго откашливался и перед тем, как задать свой первый вопрос, ободряюще ей улыбнулся. Но не успел я раскрыть рот, как Беркли прошипел мне в ухо: «Порви эту суку!» За все наши встречи, предшествовавшие суду, он ни разу так не выражался и вообще не выказывал никакой враждебности к потерпевшей.

Не обращая на него внимания, я все же избрал свой собственный подход. Присяжным девчонка явно нравилась. Если б я попер на нее буром, то наверняка сразу все испортил бы. Короче, вел себя

в ходе допроса по-отечески, над ее ответами больше беззлобно прикалывался, нежели пытался их опровергнуть — чем исподтишка, но настойчиво их рушил, даже не пытаясь обвинять ее во лжи. Я внедрял в сознание присяжных простую мысль: да, она не врет, она действительно жертва коварного нападения, только вот по вполне понятным причинам все в ее бедной головушке перепуталось, в том числе и настоящий злодей — с моим клиентом.

Дайте людям то, чего они хотят.

Присяжные обычно симпатизируют жертвам. По данной же схеме — моей схеме, — им следовало симпатизировать не только ей, но и обаятельному молодому человеку в костюме от «Брукс Бразерс», которого я представлял.

Несмотря на то что обошелся я с ней чуть ли не ласково, по окончании допроса Ханна расплакалась и в полном отчаянии посмотрела на присяжных. Я чувствовал себя полным дерьмом и, когда опять повернулся к своему клиенту, уловил на лице Беркли недовольное раздражение и что-то еще. В тот момент подумалось, что все это просто от нервов и страха. Но, приглядевшись повнимательней, я все-таки определил истинную природу этого чувства — возбуждение. Вид

семнадцатилетней девчонки, которая в слезах описывала, какая всепоглощающая паника охватила ее, когда ее схватили и поволокли во тьму, вызвал у Теда Беркли животное возбуждение. Присяжные удалились на совещание, чтобы вынести вердикт. Увидев реакцию Беркли при виде Ханны, я сразу понял, что он виновен. Уже в последующие месяцы, шатаясь по манхэттенским барам, пьяный, я неустанно твердил себе, что перед оглашением вердикта все равно не смог бы что-либо изменить.

Присяжные единогласно оправдали Беркли. Объяснения потерпевшей в ходе опознания сочли необоснованными и недостаточными.

Где-то через час после вынесения вердикта мне позвонил следователь по делу — сообщил, что Ханна пропала, и поинтересовался, нет ли у Беркли возражений против еще одного обыска в его владениях. Тот не возражал. Ничего указывающего на Ханну полиция у него не нашла.

На следующий день, в субботу, я заглянул к Беркли домой. Следак передал мне его лэптоп, который они изъяли в ходе предыдущего обыска. Технические эксперты департамента полиции не обнаружили в нем абсолютно ничего инкриминирующего и теперь решили вернуть. Я сказал

копу, что передам его сам, — хотелось как можно скорее навсегда выкинуть Беркли из моей жизни, поскольку я был далеко не убежден, что присяжные вынесли правильный вердикт. Инстинкты подсказывали мне, что Беркли очень опасен, что за его благопристойной и безупречной во всех отношениях оболочкой скрывается что-то темное.

В квартире его не было, и я взял на себя смелость поехать к нему на дачу, куда он обычно отправлялся на выходные.

Постучался, выждал. Его «Порше» стоял на подъездной дорожке. Я услышал шум душа. Через две-три минуты он открыл дверь — голова и грудь мокрые, вокруг талии обмотано полотенце. И прямо чуть ниже пупка на этом самом полотенце — какие-то бурые пятна.

— Что за дела, Эдди? — спросил Беркли, тяжело дыша.

— Копы вернули твой лэптоп. Вот, просто решил заехать отдать.

— Мог бы и не переться в такую даль. Забрал бы у тебя в конторе.

Не хотелось мне больше видеть Беркли ни дома, ни в офисе.

— Да ничего страшного. Я просто…

Но не успел я еще толком выдать неуклюжие

объяснения своего нежданного визита, как услышал сдавленный крик.

Беркли улыбнулся и сказал:

— Телик включенным оставил.

— Я тебя ничего ни о чем не спрашивал, — сказал я, просовывая ногу в дверь.

Он попытался было захлопнуть ее, но я резко надавил плечом, и она врезала Беркли точно в лоб. Он полетел на пол, из пореза под глазом сразу заструилась кровь.

Крик перешел в истошный визг.

Я метнулся в прихожую, пнув Беркли по пути ногой в физиономию.

Визг, казалось, целиком заполнил весь дом. На первом этаже было пусто. На втором я увидел приоткрытую дверь спальни. У края кровати виднелась чья-то ступня, ярко-красная ступня, привязанная к угловой стойке изножья.

Широко распахнул дверь. Потом я проделывал это бесчисленное множество раз — почти каждую ночь я распахивал эту дверь во сне и видел ее опять.

Руки и ноги Ханны Тубловски были крепко привязаны к углам кровати проволокой, которая глубоко впилась в истерзанную плоть. Из сломанной челюсти выпал шарообразный кляп,

который теперь свободно болтался у горла. Думаю, что Беркли попробовал вырубить ее ударом в лицо, когда услышал мой стук. Ударил слишком сильно. Челюсть сломалась и сместилась, отчего кляп выпал и она получила возможность кричать. Совершенно синие губы были все в свежей крови.

Она была абсолютно голой.

Весь пах и живот покрывала запекшаяся кровь. Груди и шея — сплошь в следах от укусов. Каждый укус окружал сине-багровый кровоподтек, а там, где зубы Беркли прорвали кожу, шариками выступала кровь. Левый глаз у нее был полностью закрыт; правый широко распахнут и в дикой панике смотрел на меня.

Я не смог ее сразу отвязать. Проволоку надо было чем-то перекусить. Так что я просто опустился рядом с ней на колени и сказал, что она в безопасности, что полиция уже в пути.

Набрав «911» с телефона в кухне, я предположил, что на вызов из этого района полиция должна приехать с рекордной скоростью, минут за пять. Оказалось, даже еще быстрее. Копы появились в доме меньше чем через три минуты. Если б они чуть запоздали, Беркли было бы точно не жить.

Он все так же валялся в прихожей, но вроде уже начинал очухиваться. Прижав его руки коленями, я распял его на полу и принялся молотить в рожу. Когда почувствовал, что в левой руке хрустнули кости, стал бить локтями, резко бросаясь на него сверху всем своим весом, отчего его башка с треском колотилась о твердый плиточный пол. Боли в сломанной руке я тогда не чувствовал. Чувствовал только горячие укусы крови, которая брызгала мне в лицо при каждом ударе. Не помню, как копы меня от него оттаскивали. Не помню, как арестовывали. Запомнилось только лицо Кристины, когда она вносила за меня залог. Прокуратура решила не выдвигать против меня обвинения — по той лишь причине, что благодаря моему вмешательству Ханна осталась в живых. Но в моем сознании ее пытали и насиловали только потому, что в отношении к Беркли я не доверился своим инстинктам.

Коллегия адвокатов была готова отозвать мою лицензию и пожизненно исключить из своих рядов — ну как же, собственного клиента избил до полусмерти! На слушании дисциплинарного комитета меня представлял Гарри. Он не стал расписывать, какой я классный адвокат; взамен просто зачитал перечень полученных Ханной

телесных повреждений. Она потеряла глаз; сломанная челюсть, которую пришлось буквально собирать по кускам — а потом еще несколько раз ломать и опять собирать по новой, — так окончательно и не срослась, отчего лицо навсегда осталось перекошенным. И на ее теле, и в ее психике остались незаживающие пожизненные шрамы.

Беркли нанес ей такие внутренние повреждения, что Ханна никогда больше не могла иметь детей.

И хотя Гарри меня спас — во второй уже раз подряд, — я чувствовал, что привычный мне мир куда-то от меня ускользает — я был ответственен за все эти раны ровно в той же степени, что и сам преступник.

Беркли получил двадцать лет; я — шесть месяцев испытательного срока.

Мне оставалось жить с той мыслью, что ему удалось сотворить все это с Ханной лишь потому, что я ему фактически в этом помог. Это была моя ошибка, моя вина. И никакое количество бухла не могло это изменить.

Сразу перед тем как присяжные оправдали Беркли, я уже сердцем чувствовал, что это действительно он и что он обязательно сделает это

снова. Я просто уговаривал себя, что вряд ли он нападет на эту девчонку во второй раз, коли первая попытка закончилась таким серьезным провалом. Интуиция взывала ко мне, что это не так, — и, наверное, именно она-то и привела меня в его дом в тот кровавый день.

Больше я подобных ошибок не допущу. Публику вроде Беркли, Волчека или Артураса нужно останавливать сразу, пока они не успели порушить чьи-то жизни…

Сидя с закрытыми глазами в лимузине, который мчался к зданию суда, я знал, что только что сделал правильный ход — я и мои близкие будем в полной безопасности, лишь если извести эту русскую банду на корню. Телефон я поставил на вибрацию — вроде пока ничего, но вдруг все-таки прохлопал вызов, не заметил за шумом уличного движения за окном и шуршанием шин по грубому асфальту? Приоткрыв глаза, увидел Волчека, который развалился на сиденье нога на ногу с закрытыми глазами. Обдумывает предстоящий день? Не поймешь. Знакомец со шрамом смотрел в окно, избегая переводить взгляд на босса. Рука сама собой пролезла к телефону. Только одним бы глазком глянуть! Просто убедиться! Поправив галстук, я откашлялся и буквально заставил себя

повернуть голову к окну, переключить ее на обдумывание следующего хода. Артурас играл какую-то собственную игру, и, похоже, я скоро выясню, в чем она заключается.

Чем ближе мы подъезжали к зданию суда, тем больше я убеждался, что ответы на мои вопросы скрываются внутри фургонов, упрятанных на подземную стоянку.

Глава 47

Мы подкатили ко входу в суд на Чеймберс-стрит сразу после половины восьмого. Солнце уже начинало нагревать его выстывшие за ночь ступеньки.

Оставалось меньше восьми часов до того момента, как Волчек сбежит из страны. Нарыть на него все, что только возможно, и найти федерала, которому можно доверять, нужно максимум до четырех дня.

Волчек, Артурас и Виктор выбрались вслед за мной из лимузина, и мы все вместе направились к главному входу.

— После вас, — сказал Артурас, и я обогнал его, перепрыгивая через ступеньки. Нас опять ждал обычный досмотр.

За последними ступеньками широкой лестницы стал уже виден вестибюль. Ни одного из охранников я не узнал — похоже, все новые. Ни портфеля, ни прочего адвокатского барахла, которое нужно прогонять через рентгеновский сканер, у меня при себе не было. С проносом бомбы тоже не надо заморачиваться, ее на мне нет. Есть зато баллончик с нелегальным маркером, то,

что я считал настоящим пультом для активации бомбы, ультрафиолетовый фонарик и пиратский мобильник. Если русские увидят хотя бы один из этих предметов, пиши пропало.

Уже футах в двадцати от зоны досмотра я все-таки углядел знакомого охранника. Светловолосый, молодой, энергичный — Хэнк, тот самый малый, который вчера утром пытался меня обшмонать, пока не вмешался Барри.

Хэнк меня тоже приметил. Встал прямо перед входом, пощелкивая костяшками пальцев. Дай такому волю — в прямую кишку залезет.

И в этот самый момент у меня из-за спины с лестницы донеслись чьи-то торопливые шаги. Обернувшись, я увидел, что за мной вприпрыжку поспевает специальный агент Билл Кеннеди, а за ним — еще два агента, которых я увидел вчера.

— Очень хорошо, что успел вас перехватить, мистер Флинн. Хотел извиниться за вчерашнее. Но нам все-таки надо переговорить с глазу на глаз. Давайте немного прокатимся. Это ненадолго. Обещаю.

Волчек поглядел на агентов, а потом на меня.

— Ладно, мистер Флинн. Можете поехать с агентом. Мы подождем вас наверху, — сказал он. — Только не опоздайте в суд. Вы же не хотите,

чтобы я звонил, так ведь?

Наклонился ко мне поближе и шепнул: «Попробуете дурить, я вашу девчонку на куски порежу».

— Не беспокойтесь. Я ненадолго, — ответил я.

Отходя от Волчека, прямо чувствовал, как он сверлит мне спину взглядом.

Два других агента вообще не проронили ни слова. Низенький рыжеволосый крепыш шагал перед Кеннеди, а долговязый с атлетической фигурой пристроился вслед за мной.

— И на какие же красоты будем любоваться?

— Съездим на реку, на пирс номер сорок. Кстати, — сказал он, указывая на долговязого элегантно одетого агента позади нас, — это специальный агент Колсон.

— Рад познакомиться, — отозвался я. Мы обменялись рукопожатием.

Кеннеди ткнул пальцем в рыжеволосого впереди.

— А это специальный агент Том Левин.

Левин не стал протягивать руку, просто кивнул. Я машинально кивнул в ответ — скорее из-за внезапного озарения, чем в качестве приветствия. Теперь-то понятно, почему Волчек вдруг так легко отпустил меня прокатиться с ФБР: во время этой автомобильной прогулки рядом будет

его прикормленный федерал, и все, что я скажу, будет тут же передано Волчеку.

— А что там на сороковом пирсе, агент Кеннеди? — спросил я.

— Увидите, мистер Флинн… Сами увидите.

Глава 48

По дороге к пирсу особо много не разговаривали. Левин, который сидел за рулем, и вовсе не вымолвил ни слова. Колсон сидел впереди, а мы с Кеннеди устроились на заднем сиденье.

— Так чем же примечателен этот пирс?

— Видели сегодняшнюю «Таймс»? — спросил он.

— Пока в руки не попадалась, — ответил я.

Кеннеди вручил мне экземпляр «Нью-Йорк таймс». На первой полосе красовалась моя собственная фотография с заголовком «ПРОДОЛЖАЕТСЯ СУД НАД РУССКОЙ МАФИЕЙ».

— Гляньте статью на обратной стороне.

Я перевернул страницу, и перед глазами у меня оказалось фото, которое я уже видел в воскресенье, — грузовое судно под названием «Саша», пришвартованное у какого-то речного причала. То самое судно, которое в субботу вечером затонуло в Гудзоне вместе со всем экипажем. В газетной статье высказывались благодарности командам соседних судов за помощь в обнаружении пропавших моряков и самого судна.

— Мы нашли одного матроса, который видел,

как «Саша» идет вниз по течению мимо сорокового пирса. Гудзон — река большая, но вчера ночью мы все-таки смогли обнаружить судно и часть экипажа. Уже подъезжаем. Сами всё увидите.

Мы подкатили к высоким железным воротам. Стоящий рядом коп махнул, чтобы проезжали, и мы припарковались возле патрульной машины департамента полиции. Колсон с Левиным вылезли и подождали нас возле пешеходного прохода на пирс. Вдали за воротами на солнце ярко сверкала река. Гудзон, по которому гуляла крутая стоячая волна, словно бугрился мускулами.

Приближаясь к коллегам, Кеннеди на ходу приблизился ко мне и понизил голос:

— Если хотите мне что-то сказать, то сейчас самое время.

— Нечего мне вам сказать, — ответил я, глядя через его плечо на Левина, который хоть и делал вид, будто полностью поглощен разговором с Колсоном, но тем не менее украдкой поглядывал на меня.

— Что ж, разумно, — произнес Кеннеди со вздохом.

В голове у меня мячиком метался только один-единственный вопрос: почему до сих пор ничего не слышно от Джимми? Наверное, что-то пошло

наперекосяк. Может, Эми в той квартире и не было. А что, если русские просто перебили ребят Джимми? Я ухватился за телефон в кармане, крепко стиснул его в пальцах, чуть не умоляя завибрировать. Стресс частенько проявляется у меня чисто физически, питоном сдавливая позвоночник, и при первом же уколе боли я сделал глубокий вдох, раскинул руки, потянулся и попытался привести в порядок мысли. Я едва держался на ногах от усталости. Почти совсем не спал, тело было готово в любой момент забастовать.

Жесткие подошвы ботинок Кеннеди заскрежетали на гравийной дорожке, тянувшейся от эллинга к причалу номер сорок. Я шел, не поднимая головы и глядя только на его ноги впереди. Когда он замедлил шаг, я поднял голову и чуть не задел ею широкую желтую ленту с надписью «Место преступления», которая перегородила нам путь.

Вдруг какое-то тихое короткое гудение. Вибрирует телефон!

Эсэмэска. Либо Эми жива, либо не обнаружена — или мертва.

Кровь кинулась в лицо, воздух застрял в горле. У меня есть ответ, но при Левине нельзя рисковать, даже совсем коротко на экран глянуть!

Колсон с Левиным впереди прислонились к ангару, Кеннеди о чем-то беседовал с двумя экспертами-криминалистами в белых пластиковых комбинезонах. Я видел пришвартованный к пирсу катер береговой охраны и водолазов в воде. Потом Кеннеди махнул мне рукой, приглашая зайти в какой-то шатер. Я уже знал, что это за шатер и что там может быть внутри. Такие временные сооружения полиция использует по всему миру — для того, чтобы защитить найденные человеческие останки от всяких природных явлений.

Внутри шатра на земле лежали два больших пластиковых мешка. Я до упора опустил молнию, закрывая полог шатра. Только я, Кеннеди и два упакованных в мешки трупа.

Агент повернулся ко мне спиной, присел рядом с мешками.

Телефон словно сам прыгнул мне в руку. «Она у нас. Все чисто. Четверо и баба в минусе. Эми в шоке, но ОК».

Ноги подогнулись. Колени с хрустом врезались в гравий, и я закрыл лицо руками. Губы повторяли «спасибо!» снова и снова. Боли в шее будто и не бывало. Чувство было такое, словно какой-то ядовитый свинцовый груз, который грозил в любой

момент раздавить мне сердце, вдруг внезапно взял и испарился. Набрав полные легкие воздуху, я вдруг почувствовал, что готов.

Готов смешать Волчека с землей.

— С полчаса назад эти ребята еще были в трупповозке. Я ее специально завернул, чтобы вы полюбовались, — сказал Кеннеди.

— Вот уж спасибо — это как раз то, на что я мечтал взглянуть перед завтраком. Ко мне-то все это какое имеет отношение?

— Это уж вы мне сами скажите.

Кеннеди присел на корточки возле одного из мешков, и в этот момент я заметил, что из его застежки-молнии сочится вода. Я вообще-то в курсе, что тела, обнаруженные в озерах и реках, обычно пакуют прямо в воде, чтобы максимально сохранить возможные улики. Иногда такие мелочи помогают определить причину или время смерти.

Сверкающая застежка ярко выделялась на серой унылой поверхности мешка. Кеннеди потянул замочек, и блестящие зубчики разъехались по сторонам. Он полностью открыл один мешок, потом следующий. В мешках лежали два мужских тела. Оба в темно-синих комбинезонах; оба белые; оба, судя по виду, пробыли в воде больше

суток; и, что было совершенно очевидно, оба погибли насильственной смертью. А точнее, были убиты — на груди первого трупа отчетливо выделялись два пулевых отверстия. Аналогичные раны были и у трупа номер два. Судя по кучности попаданий, тот, кто их убил, явно умел обращаться с оружием, а вот третье пулевое отверстие в каждом из тел безошибочно указывало на убийцу-профессионала. Контрольный выстрел — оба получили еще и по пуле в голову практически в упор.

— Насколько я понимаю, обнаружить пену в легких вы не рассчитываете, — сказал я.

— На смерть от утопления действительно не похоже; этих людей казнили, мистер Флинн. Оба были мертвы еще до того, как попали в воду. Пиратство на реке в наши дни не сильно-то развито, и до сих пор мы уж точно не видели чего-то подобного.

— Груз-то нашли? — спросил я.

— Ни крошечки.

— А что перевозила «Саша»?

Кеннеди не ответил. Только ухватился за тот труп, что поближе, и перевернул его на грудь. На спине комбинезона я прочитал название компании: «Маклоклин. Взрывные работы».

— Короче, подобьем бабки, мистер Флинн. Примерно за двое суток до начала этого судебного разбирательства весь экипаж «Саши» убивают, а груз бесследно исчезает. Вчера я получаю информацию о потенциальной угрозе взрыва. Здесь может быть какая-то связь. А может, и нет. Мне просто хотелось, чтобы вы приехали на это взглянуть, потому что я не верю в совпадения. Думаю, что и вы тоже. Мне хотелось, чтобы для начала вы посмотрели, какого рода публику представляете…

Я никак не мог сосредоточиться на словах Кеннеди. Полностью переключился на другую волну. Все прочее в голове затмил лишь один образ — фургоны, въезжающие на подземную парковку под зданием суда.

— Сколько они взяли? — спросил я.

— Достаточно, чтобы нанести любому из зданий в Нью-Йорке очень серьезный урон.

Кеннеди чуть отклонился назад и посмотрел на меня — явно в ожидании, что вот сейчас я все и выложу.

Но я так ничего и не сказал. За спиной у меня послышалось шуршание пластика, и на освещенной солнцем стенке шатра проступил темный силуэт. Это был Левин, который втихаря потяги-

вал сигаретку.

— Послушайте, буду с вами откровенным, мистер Флинн. Вчера мы получаем информацию, что вы с вашим клиентом обсуждаете какую-то бомбу. Сегодня выясняется, что пропал целый пароход взрывчатки, а весь его экипаж перебили. Лично я не думаю, что это вы застрелили этих парней, но просто убежден, что вы знаете куда больше, чем говорите. И еще эта кровь…

— Какая кровь? — встрепенулся я.

— Кровь, которую я заметил у вас вчера на обшлагах рубашки. Уж не с этих ли она ребят?

Я уже и думать забыл про то пятно — про кровь с моей собственной руки. Вчера вечером я притворно протягивал Кеннеди руки для наручников, когда всячески пытался его выпроводить. Точно — руки мои он прекрасно разглядел.

— Порезался вчера. Стеклом. Это была моя кровь. Вот, смотрите. Вон он, порез, — сказал я.

Кеннеди внимательно изучил мою ладонь.

— По-моему, это первый случай, когда вы говорите мне правду, — заметил он. — Так что бросьте нести пургу и выкладывайте остальное.

— Да больше особо и нечего выкладывать.

— Послушайте, я вижу, что вы нервничаете. Встаете на защиту клиента и все такое. Но в

данный момент это вы — тот человек, которому нужна защита. Я хочу исключить вас, чтобы полностью сосредоточиться на вашем клиенте. И поэтому мне требуется ваше добровольное согласие на обыск в вашей квартире.

Он развернул вынутый из кармана пальто листок и сунул его мне под нос. Это был стандартный бланк согласия владельца на обыск жилого помещения. Я припомнил тот момент прошлым вечером, когда стоял перед наглухо закрашенной оконной рамой и охлопывал карманы в поисках ключей. Либо ключи просто выпали из кармана, когда утром меня вырубили в лимузине, либо же… Ужасная мысль поразила меня, словно прямой в голову, — Артурасу нужно было подставить меня как взрывника! Он вытащил у меня ключи, чтобы подбросить ко мне в квартиру что-то инкриминирующее — что-то, что связало бы меня с взрывным устройством. Кеннеди я не мог выдать даже самой малости, по крайней мере, пока — когда рядом ошивается навостривший уши Левин, а у меня нет доказательств. Таких доказательств, которые позволят преподнести ему на тарелочке и Левина, и русских — и которые надежно перевесят абсолютно все, что эти твари могли подбросить мне в квартиру.

Левин словно почувствовал, что я за ним наблюдаю. Подошел ко входу, вжикнул молнией.

— Лучше бы нам двигать, иначе не поспеем, — произнес с улыбкой.

Кеннеди застегнул мешки, поднялся, вытащил из правого нагрудного кармана мобилу.

— Подписывайте согласие, и мы исключаем вас из расследования. Сосредоточим усилия на настоящих преступниках. Последний раз предлагаю, — сказал он, держа телефон на весу.

— Мне нечего вам сказать, — ответствовал я.

Откинув крышку телефона, агент набрал номер.

— Это Кеннеди. Я тут с Флинном. Он отказывается давать согласие на обыск. Так что исправь-ка последний абзац ходатайства, пусть звучит так: «Эдди Флинн, адвокат и член адвокатской коллегии, отказался от сотрудничества по обоснованному предложению со стороны федерального правоохранительного агентства произвести обыск в принадлежащем ему жилом помещении с целью исключения данного лица из числа подозреваемых в ходе проведения оперативных мероприятий».

Он сделал паузу, чтобы его собеседник на другом конце линии успел все это записать. Про-

должил, упорно глядя мне прямо в глаза:

— «Таковой категорический отказ от сотрудничества ничем не обоснован и может создать препятствия ходу федерального расследования. Ходатайствуем перед судом о пересмотре решения о выдаче ордера с целью получения и сохранения существенных вещественных улик». Успел записать? Молодец. Сразу отправь Хименесу, с пометкой «срочно».

Звучно захлопнув телефон, Кеннеди не удержался от торжествующей ухмылки. Я поразмыслил над этим звонком. Он мне многое поведал. Поведал, в частности, что ФБР уже пыталось получить ордер на обыск моей квартиры, но безуспешно — Кеннеди ходатайствовал о *пересмотре* решения. Когда ФБР срочно нужен ордер, то они просто звонят дежурному федеральному судье и запрашивают его по телефону. Видать, Кеннеди вчера вечером тоже пытался решить вопрос по телефону, да обломался. И не без причины. Во-первых, дело было явно построено на песке: прочитанное по губам слово «бомба», потенциальная угроза федеральному свидетелю, кража взрывчатых веществ без всякой привязки ко мне — все это было шито белыми нитками. Во-вторых, конгресс давно установил для пред-

ставителей определенных профессий особые правила, направленные на защиту их интересов, и возглавляли этот список как раз адвокаты.

Обыскивать жилище или рабочее место адвоката — дело стрёмное, поскольку при этом могут быть обнаружены материалы, охраняемые привилегией адвокатской тайны в отношении клиента. Может, федеральный судья был бы и рад приостановить действие моих прав по четвертой поправке[26], но из-за угрозы нарушить права клиента вряд ли выдал бы ордер без дополнительного слушания. В большинстве случаев ордера оформляются не по телефону, а письменно, без всяких слушаний, прямо судьей. Агент показывает под присягой, какие у него в точности основания для обыска и что он рассчитывает найти, и в девяти случаях из десяти такие объяснения принимаются. Если дело посложней, вроде обыска в квартире адвоката, федеральному обвинителю приходится отстаивать свои аргументы в ходе судебного слушания. Это требует

[26] notes: 26

Хотя поправки к конституции США, упоминания о которых часто попадаются в тексте, по-прежнему существуют в виде отдельных документов, статус у них тот же, что и у собственно конституции, — это основной закон, обладающий приоритетом над другими правовыми нормами. Судьи к основному закону относятся трепетно, чем ловкие адвокаты и пользуются.

времени. На получение ордера обычно уходит весь день — или полдня, если федералам повезет. А в некоторых случаях надо неделями готовиться, чтобы вообще запрос на ордер подать.

Ухмылочка Кеннеди растянулась в полноразмерную самодовольную усмешку.

Он знал, что его заявление на выдачу ордера обязательно будет удовлетворено и что я сам ему в этом деле помогу. Будучи адвокатом я просто обязан всячески содействовать суду, это в некотором роде мой священный долг. Отказавшись добровольно дать разрешение на обыск, я фактически преподнес Кеннеди этот ордер на тарелочке. Ни один судья не возьмет на себя риск отказать в ордере — хотя бы просто из опасений выставить себя тем, кто из корпоративных соображений прикрывает проштрафившегося коллегу-юриста.

— Какой судья слушает запрос? — спросил я.

— Поттер. Нам назначено на двенадцать.

Сейчас было 8:05.

Весь мой график летел к чертям. В полдень помощник федерального прокурора Хименес выдаст ФБР затребованный ордер. Федералы наверняка уже заранее перекрыли мою квартиру со всех сторон, поставили человека у дверей,

чтобы никто не изъял оттуда никакие улики — теперь ждут только бумаги с подписью Поттера. После того как тот утвердит запрос, на всякую канцелярскую мутату вроде подписей и печатей у клерка уйдет еще десять, от силы пятнадцать минут. Потом — минут сорок на то, чтобы доставить оригинал документа ко мне на квартиру, чтобы было законное основание для обыска. А я-то думал, мне только к четырем дня надо со всем разобраться! Теперь же на все про все у меня меньше пяти часов, офигеть!

Едва мы вышли из шатра, как Кеннеди придержал меня за руку. В другой у него была визитка.

— Вот мои контакты. Хорошенько всё обдумайте. Вы влипли по самые уши.

Я увидел, как Левин вытаскивает свой мобильник.

— Нет, спасибо. Оставьте при себе, — сказал я.

Кеннеди сунул визитку обратно в пиджак.

Агент Билл Кеннеди — мужик малость дерганый, но весьма настойчивый, пришло мне в голову. Реально болеет за дело, такое не сыграешь. К тому моменту у меня уже сложилось довольное твердое убеждение, что малый он честный. Когда-нибудь я ему все наверняка выложу, но перед этим надо самому во всем окончательно

разобраться. И еще не хотелось, чтобы русские знали, что я взял у него визитку. Ладно, еще придумаю способ, как с ним связаться…

Такой, который русским и в голову не придет.

Глава 49

Федералы подбросили меня обратно к зданию суда. В дороге никаких разговоров не заводили. Я был за это только благодарен, поскольку смог хоть немного подумать.

Твердил себе, что единственное, чем сейчас можно прищучить русских, — это содержимое того чемодана. Чемодана на пассажирском сиденье одного из фургонов, в которых наверняка скрывался груз взрывчатки, похищенный с «Саши».

На обратном пути Кеннеди постоянно поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Судя по всему, Кеннеди и другой агент, Колсон, даже не подозревали, что Левин и нашим и вашим. Убедить в этом Кеннеди будет ой как непросто. Одному только никак не находилось разумного объяснения: если Левин заодно с бандитами, то почему ему так и не удалось вызнать, где федералы запрятали Бенни?

— Выходит, ребята, сегодня вы притащите в суд своего «свидетеля Икс»? — спросил я как бы между прочим.

При этом вопросе Колсон с Левиным оба явно навострили уши, словно сами заинтересовались,

что же ответит Кеннеди.

— Только между нами, парни, годится? — обратился тот ко всем сразу.

— Годится, — чуть ли не хором отозвались Колсон и Левин.

— Вообще-то, его *уже* туда везут. Этим особое подразделение занимается, не из нашего города, — ребята из программы защиты свидетелей. Даже я не знаю, где его держат. Но это и к лучшему. До дверей суда вся ответственность только на них. Дальше все вопросы безопасности на мне.

Все прекрасно объяснилось. Левин — стопудово человек Волчека, и абсолютно никто в машине не знает, где держат Бенни. Умно, подумал я. Кеннеди еще больше вырос в моих глазах.

— Мистер Флинн, сегодня я за вами буду плотно присматривать, — сказал Кеннеди. — Если у вас дома мы что-нибудь найдем, я хочу сам произвести арест.

Помотав головой, я выдавил деланый смешок — типа, держи карман шире, — однако Кеннеди этим явно не убедил.

— Но это крайняя мера. Если вы знаете, что в суд хотят подложить бомбу, то лучше сразу сказать про это, — внушительно произнес он.

— А откуда вам знать — может, она уже там?

— Мы всё обыскали, от подвала до крыши. Чисто, — сказал Кеннеди.

Прежде чем я успел спросить себя, как это ФБР ухитрилось не заметить те фургоны, как ответ пришел ко мне сам. Если на подземной парковке стоит какое-то транспортное средство и оно включено в утвержденный охраной список, имеющийся у сторожей, то у ФБР нет никаких законных оснований его обыскивать. Опять четвертая поправка. Артурас продумал все до последней мелочи, и я мог поставить на кон последнюю рубашку, что номера фургонов давно уже в этом списке. Подземную парковку в этом здании оборудовали еще в семидесятых, когда порушили расположенные здесь камеры временного содержания, а заодно и палату для исполнения смертных приговоров. Огромное освободившееся пространство могло вместить где-то сотни две автомобилей. На то, чтобы вычислить владельцев всех машин на парковке, у ФБР ушла бы как минимум неделя — а на это однозначно пришлось бы пойти, поскольку при запросе ордера требуется известить того, на кого зарегистрировано транспортное средство. Чтобы на законных основаниях тщательно обыскать каждую, потребовалось бы слишком много вре-

мени. Так что их оперативники наверняка просто по-быстрому осмотрели машины снаружи, со стороны, и на этом успокоились. Бить в них стекла слишком рискованно — а вдруг подвернется тачка адвоката или судьи?

Фэбээровская машина подкатила ко входу в суд, и Кеннеди меня выпустил.

— Не забывайте про наш разговор, — напомнил он.

Я никак не отреагировал и споро двинулся к поднимающимся наверх широким ступенькам. Работяги, которые реставрировали наружную оболочку здания, уже торчали на своей подъемной платформе у меня над головой. Платформа висела на укрепленных где-то на крыше толстых стальных тросах и сейчас располагалась всего в паре этажей от крыши. Работяги обдирали вековую грязищу с кладки водой под высоким давлением, отчего на плечи стоявших в очереди перед входом сыпался коричневатый снежок. Толстый охранник с усиками стоял сразу за спиной у Хэнка, наверняка высматривая меня. Как я пройду досмотр, русских явно не волновало — бомба-то давно наверху. Однако у меня по-прежнему были мобильник, аэрозольный баллончик, фонарик и настоящий пульт от бомбы,

и мне очень не хотелось, чтобы толстяк все это увидел. На сей раз я не стал ждать, пока продвинусь ко входу поближе, прежде чем пролезть без очереди, — сразу обогнул длиннющий хвост и решительно двинулся прямо к толстому охраннику. И на сей раз особо не нервничал. Уже придумал, как войду, практически не привлекая постороннего внимания.

Рамка металлоискателя сразу бибикнула, едва я проскочил сквозь нее; не обращая внимания на призывные жесты Хэнка, я шагнул прямо к человеку Артураса, шепнул:

— Отвадь этого мудака Хэнка. У меня на себе бабки, не хочу, чтобы обнаружили. Деньги твои — Артурас сказал, чтобы я передал тебе премию.

— Все нормально, Хэнк. Этот парень со мной, — тут же бросил коллеге толстяк. Звали его, судя по бейджу, Элвин Мартин.

Прежде чем Хэнк успел выразить протест по поводу того, что ему уже во второй раз не дают меня обыскать, я мотнул головой Элвину:

— Отойдем-ка куда-нибудь, где потише. Тут в вестибюле полно видеокамер. Знаю одно местечко на техническом этаже.

Мне сразу припомнилась лавочка Эдгара — потайная комнатка, в которой Эдгар, бывший

начальник службы безопасности здания, втихаря гнал самогон на продажу, распространяя его среди догадливой клиентуры вроде меня, моих дружков-адвокатов и даже кое-кого из судей. Помнится, Гарри особо восхищался одной эдгаровской настоечкой с довольно неприличным названием.

Элвин прошел вслед за мной к двойным дверям на западной стороне вестибюля, за которыми скрывалась уходящая вниз лестница.

Мы спустились на подземную стоянку и свернули влево по длинному неосвещенному коридору. Здесь, за одной из утопленных в ниши дверей, и размещалась в свое время подпольная винокурня Эдгара. К счастью, дверь оказалась не заперта. Похоже, что самогонную аппаратуру отсюда уже понемногу повывезли. Некогда тут была бойлерная, но теперь здесь хранились лишь горы пыльных складных стульчиков и несколько столов. Эдгара в конце концов застукали, но без особых последствий. Помню, как на дисциплинарном слушании Гарри замолвил за него словечко. Поскольку вступился не кто-нибудь, а сам судья, Эдгара не уволили. Понизили в должности, объявили выговор, но и под зад коленкой не дали. В качестве благодарности Гарри получил

остатки его припасов.

Я придержал для Элвина дверь.

— Я должен заплатить тебе прямо сейчас, но хочу убедиться, что ты все правильно понял — насчет того, что от тебя требуется, — сказал я.

Вид у Элвина был малость удивленный и растерянный. Однако при напоминании о деньгах бодро зашел в темное помещение. Я врубил свет, и, едва он двинулся ко мне, как моя правая рука незаметно метнулась к его пистолету. Отстегнул ремешок кобуры и дернул «беретту» я абсолютно чисто, практически одним движением — но, видно, он все-таки услышал щелчок кнопки и шорох соприкасающегося с кожей кобуры металла, поскольку сделал попытку цапнуть меня за руку. Мой прямой левой тут же молотом бухнул ему в затылок. Элвин упал на колени, отпустил руку.

— Не гоношись, и тогда, может, останешься в живых, — сказал я, нацеливая его собственный пистолет прямо ему в башку. — Сядь!

Для человека в его положении он вел себя довольно спокойно. Выдернул металлический стульчик из стопки в углу, сел футах в пяти лицом ко мне. Я закрыл дверь.

— Итак, ты запустил в здание суда фургоны русской мафии. Зачем ты это сделал, Элвин?

— За тем же, что и ты, — за деньги. Платят гроши, а еще и алименты светят… Только не грузи мне, что сам ты такой чистенький и в жизни взяток не брал!

— Может, и не буду, только я никогда не стану убивать кучу народа за деньги. Что в фургонах?

— Они сказали, фургоны нужны, чтобы смыться по-тихому. Волчек собрался удрать, если его осудят. Если потом кто-нибудь спросит, то все, что я сделал, — это впустил сюда пару фургонов и добавил их в список на выезд. Откуда мне знать, чьи они? Даже если я потеряю работу, дома меня ждут десять кусков. За такие деньги нах мне всякие подробности?

— Где сейчас Волчек?

— Они все на девятнадцатом, тебя ждут.

— Есть ключи от тачек?

— Нет. Послушай, я тебе все рассказал. Отпусти меня, и забудем про все.

— Не могу рисковать. Есть наручники?

— А то.

— Тогда цепляйся вон к той батарее.

Элвин встал, повернулся было направо к радиатору, но тут же резко крутнулся на месте. Крутнулся, с разворота метнув в меня подхваченный стальной стул. Я моментально выставил

перед собой руки, почувствовал, как железные ножки ударились в локоть и запястье. Пистолет выпал из руки. Элвин уже метнулся к подпрыгивающей на полу «беретте». Ласточкой нырнул на пол, схватил пистолет за ствол. Я подпрыгнул на левой ноге, поджал правую и пнул его в физиономию — все равно как влепил прямо в ворота с сорока ярдов. Голова его резко мотнулась назад, но через миг он уже шлепнулся мордой в бетон. Тело сразу безжизненно обмякло.

Подбирая с полу «беретту», я приложил ему пальцы к шее. Пульс хороший. Вырубился, но, по крайней мере, жив. Отволок его к батарее, прицепил наручниками к трубе. Не забыл сорвать с ремня рацию, мобильник и запасной магазин к «беретте». Рацию и мобильник тут же расколотил об стену. Вырубил свет, закрыл за собой дверь. Вряд ли его скоро кто найдет. «Беретту» и магазин распихал по карманам пальто.

Первым я обнаружил фургон, поставленный в северо-западном углу парковки. Его загнали точно на размеченное линиями на полу место, и пассажирская сторона располагалась футах в трех от стены. Задние двери были дополнительно заперты на стальной висячий замок. Подвеска фургона, похоже, просела чуть ниже

обычного, словно при полной загрузке, но поди пойми. Внутри из-за наглухо затонированных окон ничего не разобрать. Если эти фургоны оборудованы сигнализацией и иммобилайзерами, на приборной панели будет помигивать красный огонек — его и сквозь тонировку должно быть видно. Где-то через минуту я окончательно уверился, что никакого огонька не вижу. Отлично, можно использовать старый добрый способ открывания дверей. Прежде чем взяться за дело, еще раз внимательно оглядел стоянку и убедился, что никого на ней нет. Будки охранников отсюда было не видать, но те наверняка занимались тем, что лучше всего умеют делать все сторожа на свете, — смотрели кабельное телевидение, а не пялились в мониторы камер наблюдения. Вернувшись к фургону, я дважды врезал рукояткой «беретты» по пассажирскому окну. На втором ударе стекло разлетелось в мелкий мак. Если только какому-нибудь копу или охраннику не взбредет в голову прогуляться на самый дальний конец стоянки и заглянуть вдоль стены за припаркованный там фургон, никто разбитого стекла и не заметит. Выждал минутку — нет, никто ничего не услышал. Ни малейшего движения.

Грузовой отсек фургона был забит от пола до

потолка. Груз прикрыт брезентом. Я сдернул его вниз и увидел нечто похожее на шеренги поставленных друг на друга бочек, обернутых голубым пластиком. Поначалу я даже не понял, что еще перед собой вижу, но тут же судорожно сглотнул — откуда-то из-под левого угла плотной стены из бочек змеились провода. Тянулись они все к черной пластмассовой коробочке, которая, судя по всему, представляла собой нечто вроде разветвителя. От нее уже единственный толстый провод шел на монтажную плату. На плате был установлен цифровой таймер, который показывал 00:20:00:00 — очевидно, «20» означало минуты, а остальное часы, секунды и десятые доли секунды. Ничего похожего на радиоприемник я не нашел, так что предположил, что таймер запускается вручную — хотя черт его знает. Ясно было одно — это всяко не транспортное средство для побега.

Другой фургон поставили на противоположной конце парковки, в юго-восточном углу. Оба располагались прямо возле несущих стен здания, пассажирской стороной к ним. Тонировка на стеклах второго фургона была послабее, и я сумел разглядеть сквозь задние двери, что он также загружен по самую крышу. Подвеска тоже изрядно

просела, так что я предположил, что груз в обоих совершенно одинаковый. На пассажирском сиденье стоял чемодан, который Грегор взгромоздил сюда вчерашним вечером, — такой же жесткий серебристый «Самсонайт», какой стоял сейчас наверху, тот, в котором Артурас доставил в суд материалы дела. Я вскрыл стекло, отпер фургон, ухватился за чемодан, чтобы спустить его на пол, — и тут же подивился, насколько он легкий. Вчера вечером бугай Грегор едва взгромоздил его сюда обеими руками…

Что-то тут было не так.

Перед тем как открыть чемодан, поразмыслил, не сбегать ли наверх и не притащить ли сюда за руку Кеннеди — пусть полюбуется. Останавливали две вещи. Во-первых, охранник Элвин. Он с ног до головы в моей ДНК, а до кучи еще и отличный отпечаток моей подошвы у него на роже. Во-вторых, я вскрыл оба фургона. На них только мои отпечатки, а русских мне к этим фургонам никак не привязать.

Все зависело от того, что в этом чемодане. Я сдвинул большими пальцами замки, и, открывая крышку, думал, что найду под ней еще один пульт, или просто какой-то ключ к тому, на что Артурасу эти фургоны понадобились, или вообще

хоть что-нибудь, что прояснит обстановку. Когда увидел, что там внутри, то не удержался, закрыл лицо руками. Зажмурился, два раза стукнул себя по голове.

Уже второй раз за сутки я лишился дара речи.

Чемодан был пуст.

Потом голову мне вдруг пронзила одна мысль и прочно застряла там. Чемодан пуст — как и первый пульт-детонатор, который я свистнул у Артураса.

Подходила лишь одна теория. Только одним можно было хотя бы частично все это объяснить. Я отыскал лифт и ткнул в кнопку девятнадцатого этажа. Перед тем как отправиться в лифте на последний этаж на встречу с Волчеком, потратил несколько секунд, чтобы заныкать «беретту» в мусорном бачке.

Глава 50

Волчек, Артурас, Виктор и Грегор сидели в кабинетике на девятнадцатом этаже в окружении распахнутых контейнеров из забегаловки — завтракали.

— А мне? — сказал я.

Грегор сунул мне пенопластовое корытце с остатками блинчиков.

— Чего там надо федералам? — спросил Волчек.

— Пытались убедить меня, что вы представляете собой угрозу для их свидетеля и что если я что-то знаю, в моих же интересах все это им выложить. Я сказал им, что вы не при делах, просто образец добродетели, и представлять вас одно удовольствие.

Волчек заржал.

В углу приемной я увидел знакомый чемодан. Жесткий «Самсонайт» — точно такой же, какой я нашел пустым в фургоне. Крышка была откинута.

И точно так же, как и его близнец на парковке, он был совершенно пуст.

Ну или просто *казался* пустым.

Блинчики были жирные и липкие, но сразу придали мне сил, да и бурчание в животе прекратило напоминать, что я ничего не ел уже целые сутки. Запихивая их в рот, я продолжал все обдумывать.

Чемодан внизу был на вид футов четырех в длину, двух в ширину и где-то фута полтора в глубину. Тот, который лежал сейчас передо мной на полу, снаружи был, похоже, точно таких же размеров, только вот в глубину изнутри был от силы в один фут. Это могло означать только одно: пропавшие полфута никуда не девались — просто накрыты фальшивым дном. Как я и ожидал. Прежде чем метнуться к лифту, я тщательно ощупал найденный в фургоне чемодан изнутри и никаких тайников не обнаружил.

За годы сухого закона Америка на контрабанде чего угодно собаку съела. Чемодан с двойным дном — просто классика жанра. Главный фокус в том, что того, кто такой хитрый чемодан обыскивает, обычно интересует лишь одно: что *внутри* у этой проклятой штуковины. Никто не берет за труд осмотреть чемодан снаружи — а только так и можно заметить, что он с двойным дном. Частенько обмануть глаз помогает специально подобранный узор внутренней обивки, который

зрительно увеличивает его внутренний объем — оптическая иллюзия. Мне же догадаться о наличии фальшивого дна помогло то, что я только что видел идентичный «Самсонайт», так что уже визуально представлял, какой у него должен быть объем.

Единственный серьезный минус чемодана с двойным дном заключается в том, что он не выдерживает действительно тщательной проверки, особенно если вы знаете, где и что искать. Я решил проверить свою теорию. Выбросив пустое корытце из-под блинчиков, присел рядом с чемоданом на корточки, захлопнул крышку, подхватил с пола — сразу ощутив прибавку веса по сравнению с чемоданом внизу, — и собрался было отнести в кабинет, когда испытания неожиданно пришлось прервать.

— Это еще зачем? — поинтересовался Артурас.

— Хочу сложить материалы по делу. Мне они понадобятся в суде.

— Поставьте чемодан на место. Виктор все уложит.

— Да ладно, мне нетрудно. Я могу…

— Поставьте чемодан!!!

Артурас мигом растерял все свое холодное спокойствие. Явно не хотел, чтобы я совал нос в

чемодан. А вдруг я найду тайник?

Волчек, похоже, был несколько удивлен.

— Артурас, угомонись. Видишь, адвокат старается. Может, и вытащит меня, так что не придется… ну ты понимаешь. Дай ему отдохнуть чутка, — сказал он.

Я опустил чемодан обратно на пол и присел на кушетку. Взгляд упал на репродукцию «Моны Лизы» над письменным столом, и пока я бездумно таращился на знаменитый портрет, то, что было всего лишь смутной догадкой, вдруг внезапно прояснилось и окончательно оформилось у меня в голове.

Ключом к пониманию всего и стала эта «Мона Лиза». С точки зрения мошенника, у нее очень много привлекательных сторон. Это, наверное, самая копируемая картина в мире, копии ее висят во множестве знаменитых галерей и музеев по всему миру. Каждую пару лет читаю в газетах про очередное научное открытие — дескать, то, что всегда считали копией, на самом-то деле и есть оригинальный шедевр. У меня к таким статьям чисто профессиональный интерес, поскольку, с моей точки зрения, заморачиваться изготовлением копии будет только тот, кто задумал «подсунуть сменку» — вынудить кого-то считать,

что оригинал по-прежнему на месте, в то время как перед носом у того давно уже грошовая копия. Копиисты и фальшивомонетчики — лучшие друзья мошенника.

Я пришел к заключению, что чемодан, который Артурас пронес через досмотр и который содержал материалы дела, — это на самом деле тот чемодан, который я только что видел на подземной парковке. Грегор оставался в здании все утро, в то время как Артурас и Виктор вместе со мной ездили вначале за деньгами, а потом расплачиваться с Джимми. За это время Грегор вполне мог спуститься на парковку и поменять чемоданы, так что чемодан, в котором Артурас вчера принес в суд материалы дела, теперь был внизу, а тот, который Грегор засунул вечером в фургон, лежал на полу прямо передо мной. Это означало, что содержимое чемодана со вторым дном, задумай Артурас пронести его через досмотр, могло бы зазвенеть на металлодетекторе или, что хуже, высветиться на рентгеновском сканере — этому аппарату что одно дно, что два.

Волчека чемодан интересовал меньше всего. Он и понятия не имел, что его подменили. А если он ничего про эти чемоданы не знал, решил я, то тогда наверняка не знал и про фургоны, и про

Элвина, а также про то, что Артурас таскает с собой сразу два пульта от бомбы — настоящий и поддельный.

Зачем держать при себе фальшивый и настоящий пульты? Зачем два одинаковых чемодана? Зачем малевать копию «Моны Лизы»?

А затем, чтобы потом «подсунуть сменку» незаметно для лоха.

Всю дорогу считал, что это я пытаюсь развести русских!

Да, Артурас тоже меня разводил — но, что более важно, как-то разводил и Волчека. Я ясно ощущал повисший между ними напряг и видел, как Артурас все чаще поглаживает свой шрам.

Волчек встал, навис надо мной.

— До начала суда пять минут, мистер Флинн. Надеюсь, что деньги не выброшены на ветер, это в ваших же интересах. Если Тони Геральдо вякнет хоть что-нибудь, что привяжет меня к убийству Марио, я сразу же велю Артурасу звонить его телке. Пусть ваша дочка винит вас, пока будет развлекать моих ребят.

— Тони будет держать язык за зубами, — заверил я.

Артурас подхватил со спинки стула пиджак от костюма.

— Надевайте. Подложим бомбу по время обеденного перерыва, — сказал он.

Я вновь ощутил вес взрывного устройства у себя на плечах и леденящий холодок, когда эта адская штука прикоснулась к спине. ФБР вовсю хлопочет насчет ордера на обыск моей квартиры, до обеденного перерыва дело вполне может не дойти.

Даже если я прав и Артурас действительно задумал как-то надурить своего босса, то все равно непонятно — зачем? Какова его конечная цель? Я по-прежнему был убежден, что все ответы скрываются под фальшивым дном чемодана, стоявшего сейчас на полу приемной. Нужно как-то заглянуть в него — так, чтобы Артурас не видел, — но как? Никакого плана на этот счет у меня пока не было.

— Держи, — сказал Артурас, протягивая что-то Волчеку. Тот глянул, сунул в карман. Артурас только что передал Волчеку пульт от бомбы.

Одну из двух пустышек.

Глава 51

Не считая свежей рубашки и галстука, на мне было все то же, что и вчера, и в подобной ситуации я и сам не стал бы капитально переодеваться. Обычно на второй день суда на мне тот же костюм — просто надеваю другую рубашку и галстук. На третий день и костюм меняю. На седьмой — еще раз, но больше трех костюмов за одно разбирательство не использую, если только оно не затягивается на месяц и более — тогда пять, но это мой абсолютный лимит. Дома у меня штук пятнадцать хороших костюмов. Мог бы хоть каждый день щеголять в новом, и некогда я так и делал. Потом присяжные стали обращать на это внимание, и я тоже обратил внимание, что они обращают внимание. Это мне было совсем ни к чему.

Если присяжные шепчутся насчет моих костюмов — значит, все мои речи они пропускают мимо ушей. Рассуждают, до чего же классно каждый день ходить на работу в новом костюме, да сколько все эти костюмчики стоят, да какие ж мне деньжищи иметь надо, чтоб так вот щеголять, да что эти преступники-злодеи чего

хошь выложат, только чтоб избежать тюрьмы… Судебный адвокат может хоть пляски с бубнами устраивать, жонглируя доказательствами и развлекая присяжных, но если хоть в какой-то самой мелкой мелочи прокололся — бах, и твой клиент уже за решеткой. И даже очень хорошего адвоката запросто может погубить такая мелочь, как излишне пафосный костюм. Если я покажусь на суде одетый от Армани, то клиент с равным успехом может меня уволить и попросить общественного защитника.

Мое обычное судебное обмундирование — простой рыжевато-коричневый костюм в пересменку с таким же темно-синим. Видно, что переоделся — но и только, присяжные не начинают обсуждать состояние моего банковского счета и по-прежнему держат меня за обычного парня, чистоплотного и профессионального аккуратиста. Такому вполне можно довериться.

Присяжные терпеливо дожидались появления судьи. Пайк велела служителю рассадить их по местам — сама она, мол, сейчас тоже выйдет. Присяжные помалкивали. В большинстве своем просто сидели повесив головы — разве что один-другой время от времени бросал взгляд на меня. Арнольда на сей раз я в зале не приметил. Видать,

тот сказал Мириам, что защита его раскусила и теперь он скомпрометирован.

На Салливан никто из них не смотрел. Неплохо я ее вчера поджарил. Но даже если так, времени зализать раны у нее было предостаточно. Суд — это тебе что море-океан: то шторм, то штиль, то прилив, то отлив. Вот ты вроде чист, как ангел, а через миг уже по уши в дерьме. Такая уж изначально схема работы со свидетелями: за прямым допросом сразу следует перекрестный допрос — сначала доводы, потом контрдоводы. Большинству адвокатов дай волю, так они целыми днями свидетелей на перекрестном допросе мурыжили бы. Совали бы нос в каждую мелкую подробность, так агрессивно цеплялись бы за каждую малейшую нестыковку, будто несчастный свидетель лично сидел со стволом за тем травянистым пригорком, когда мимо проезжал Д. Ф. Кеннеди[27]. Лично по мне, так совершенно неверная тактика. Чем дольше тянется словесная битва, тем больше создается впечатление, что свидетель в ней побеждает. Весь фокус в том,

---

[27] notes: 27

При расследовании громкого убийства в Далласе в 1963 г. тогдашнего президента США Джона Кеннеди одной из самых популярных была версия, что настоящие убийцы прятались за заборчиком на поросшем травой пригорке неподалеку от маршрута следования кортежа. Действительно, мутная история.

чтобы одним быстрым ударом нанести максимальный ущерб — именно такое и откладывается в мозгах у присяжных.

Разложив перед собой по столу папки и скоросшиватели с делом, я вдруг вспомнил, что о чем-то забыл. Ах да, авторучка… Похлопал по карманам. Сокрушенно поцокал языком, сообщил Волчеку, что где-то посеял ручку и что хочу попросить другую у секретаря. Он кивнул. Джин вручила мне запасную ручку и одарила милой улыбкой в придачу.

Сегодня предстояло сцепиться языками как минимум с четырьмя свидетелями. Придется покороче, не растекаясь. Кеннеди скоро получит подписанный ордер, а черт его знает, что там Артурас подсунул ко мне в квартиру. Наверняка какую-нибудь пакость, которая намертво привяжет меня к его плану и отправит за решетку до конца моих дней.

— Всем встать!

Все поднялись. Я повернул голову, поскольку Артурас отчетливо выругался. Он быстро нажал на отбой на телефоне, что-то шепнул Волчеку и тут же вышел из зала с Грегором, оставив меня за столом защиты с Волчеком и сидящим позади в качестве няньки Виктором. Что там у него про-

изошло? Я надеялся, что вся эта кутерьма просто из-за того, что им никак не связаться с Элвином, который наверняка уже очухался, но по-прежнему надежно прицеплен наручниками к батарее. Однако интуиция подсказывала кое-что другое — подсказывала, что Артурас пытался связаться с Элейной, но так и не дозвонился. Если он заглянет в квартиру в Сёверн-тауэрс, до которой рукой подать, и обнаружит, что всех там перебили, а Эми исчезла, тогда все кончено. Артурас ударится в бега, а потом обязательно найдет способ поквитаться со мной и моей семьей. Сейчас нельзя об этом даже и думать. Эми надежно упрятана в мафиозной крепости, за которой присматривает как минимум одна правоохранительная структура, так что в настоящей момент хотя бы она в безопасности.

Я повернулся спиной к скамье присяжных, рассчитывая увидеть Гарри, сидящего по соседству с судьей Пайк. Его там не было. А Гарри был край как нужен — на случай, если влипну в какую-нибудь поганку.

Мириам поднялась со своего места. Сегодня она тщательно избегала любых разговоров со мной. Ни записок, ни улыбочек, и, видно, для большего куражу она напялила сегодня еще более корот-

кую юбку, тем вчерашняя, которая и без того была на грани приличий.

— Государственное обвинение вызывает Тони Геральдо.

Ошибочка. Мириам этого еще не просекла. Задумала вызвать у суда сочувствие к жертве, но слишком спешит. Лучше было ту девицу из клуба первой вызвать. Никки Бланделл привязала бы Волчека к спору с жертвой за день до убийства. О чем спор, сама она не слышала; видела только потасовку. Так что у присяжных вполне логично возник бы вопрос: о чем спорили-то? Тут бы Мириам и вызвать Тони, он все растолковал бы. Следуйте логике присяжных, подсовывайте им задачки на уровне «дважды два». Они это любят.

Оглядев зал, я увидел Тони, который с понтом, как по бульвару, направлялся к свидетельской трибуне. При виде его нагловатой самодовольной физиономии можно было предположить, по какой причине Мириам вызвала его первым. Поняла, видать, что он не особо-то расположен к сотрудничеству, так что переключилась на режим минимизации потерь: разделаемся поскорей с самым мутным свидетелем, а уж потом как вдарим! В общем, вначале кислое, а вкусности на потом.

Волчек напряженно сверлил взглядом Тони. Прикидывал, наверное, *что* он купил за четыре лимона баков. Пульт держал в руке. Мне его было хорошо видно — прятал он этот черный брелочек совершенно по-лоховски. Настоящий пульт был надежно укрыт у меня в кармане.

Сверкающий костюмчик Тони — это нечто. Добавьте к нему пижонские кремовые туфли, черную как смоль рубашку и белоснежный галстук — вылитый сутенер из третьеразрядного кино. Присяжные вряд ли с ходу прониклись к нему симпатией. Походняк — тоже отдельная песня. С каждым его самодовольным шагом подковки манерных туфель громко клацали, отчего по залу с треском заметалось эхо.

Едва он забрался на свидетельскую трибуну, как к нему сразу же бросилась Джин, секретарь суда. Когда она увидела, что он жует жвачку, то вся аж перекосилась. Протянула ему ко рту руку с салфеткой. Челюсть Тони мерно ворочалась, издавая громкое чавканье. К присяге Джин всегда относится серьезно, чертовски серьезно. К счастью, Тони послушно выплюнул резинку в подставленную салфетку.

— Можешь оставить себе, красотка, — сказал он при этом.

Кое-как ухитрился без ошибок зачитать слова присяги по бумажке, положив руку на Библию, и тут же плюхнулся на стул, не дожидаясь, когда судья ему это разрешит.

— Мистер Геральдо, — начала Мириам, — не затруднит ли вас объяснить присяжным, в каких отношениях вы находились с потерпевшим по данному делу, Марио Геральдо?

Молчание.

— Мистер Геральдо? — встрепенулась Мириам.

Никакого отклика. Тони просто сидел, как пень. Присяжные дружно наклонились вперед.

Не поднимая головы, я чувствовал, как глаза Мириам прожигают меня насквозь на манер двуствольного лазера.

— Мистер Геральдо, сообщите, пожалуйста, свою дату рождения для протокола, — зашла она с другого конца.

Я не удержался, чтобы не склонить голову еще ниже, когда услышал ответ — тот самый заготовленный ответ, написанный мною для Тони тогда в ресторане; ответ, который Тони выучил наизусть.

— Отказываюсь отвечать на том основании, что имею право не свидетельствовать против себя.

Судья посмотрела на Мириам. Потом обе по-

смотрели на меня. Мириам переступила с ноги на ногу, слегка приоткрыв рот. Похоже, была оскорблена в лучших чувствах и приготовилась выдать мне такую репрессалию[28], по сравнению с которой Хиросима покажется детской хлопушкой. Присяжные всегда чувствуют, когда что-то идет наперекосяк, а сейчас этот «наперекосяк» был такой ясный, как если б в метро прямо у вас перед носом с рельсов сошел поезд и в вас полетели обломки вагонов и дымящиеся кишки.

— Разрешите напомнить вам, мистер Геральдо, что вообще-то вы подписали с прокуратурой соглашение о правовом иммунитете. Если вы сегодня нарушите это соглашение отказом в даче показаний, то отправитесь прямиком в тюрьму.

Тони молодец, ничего не ответил. Правда, лучше б он при этом так не лыбился.

Лицо Мириам вспыхнуло, и на миг она потеряла дар речи. Потом-таки собралась что-то высказать, но вовремя прикусила язык. Судья пришла к ней на выручку.

— Миз Салливан, вы можете подать заявление о придании этому свидетелю статуса враждебно настроенного, но пока вы еще этого не сделали,

---

[28] notes: 28

Адвокат Эдди или не адвокат? Репрессалия (от *лат.* repressaliae) — решительные действия ответного характера.

не устроить ли нам пятиминутный перерыв, чтобы вы могли хорошенько обдумать свои дальнейшие действия?

И с этими словами покинула зал.

Я встал, присел на край стола и скрестил на груди руки в ожидании тирады, которая должна была неизбежно последовать от Мириам. Ждать пришлось недолго.

— Сволочь ты, Эдди! Ты хоть понимаешь, что творишь? Это же попытка повлиять на государственного свидетеля! Совсем чокнулся?

— Нет. Я его адвокат. Так уже вышло, что я представляю Тони Геральдо по тем обвинениям насчет наркоты. Все, что я могу сказать по этому поводу, это что у меня совсем недавние инструкции.

— Насколько недавние?

— Я беседовал с ним сегодня с утра.

— Что ж, тогда я очень надеюсь, что он даст тебе ногой под зад и найдет адвоката получше, потому что ему светит владение с целью перепродажи, транспортировка, распространение и вообще все, что мне еще придет в голову. Не хуже меня знаешь, как все это делается. Это палка о двух концах, Эдди: нет показаний — нет сделки. Почему ты ему об этом не сказал?

— Э-э, осади чутка. Можно глянуть на соглашение?

Мириам посмотрела на меня так, будто я только что сделал ей непристойное предложение. Прежде чем она успела откусить мне голову, кто-то из секретарей сунул мне в руку копию соглашения. Я знал его содержание наизусть. Абсолютно стандартная государственная сделка о предоставлении правового иммунитета, и в умелых адвокатских руках эта серьезная бумага с реально набитой картиной может рассыпаться в клочки. Просто-таки в мельчайшие клочки.

— Это ваше типовое соглашение о правовом иммунитете. В нем указано, что в обмен на показания на данном суде моему клиенту не будут предъявлены никакие обвинения. Но там не уточняется, какие именно показания он должен дать. Еще бы это уточнялось! Будешь диктовать свидетелям, что им говорить, — мигом из коллегии вылетишь.

При слове «диктовать» глаза ее недобро сощурились. И защитник, и обвинитель имеют право подготовить свидетеля к процессу, но вот что категорически запрещено — так это заранее оговаривать, какие в точности ответы свидетель будет давать в ходе допроса. Свидетельство не

может исходить от юриста.

— По-твоему, это *я-то* диктую свидетелям показания? Откуда у этого жлоба такие познания в области пятой поправки, Эдди? Уж не от тебя ли? Это ты ему так велел говорить? И мне тут еще читают лекции о давлении на свидетелей!.. Этим он не отмажется, и ты тоже!

— Еще как отмажется. Сама знаешь, ни один судья в Соединенных Штатах не позволит осудить человека за то, что тот отстаивает свои конституционные права. Право не свидетельствовать против себя — фундаментальное и неотъемлемое право любого гражданина. И плевать, что на основе этого права он нарушает какое-то там соглашение. Конституция превалирует над любыми законами и подзаконными актами, не говоря уже о соглашениях. И на твоем месте я не стал бы присваивать ему статус враждебно настроенного свидетеля[29]. Он все равно и слова не скажет, а ты свою линию еще больше пору-

[29] notes: 29

Свидетель защиты или обвинения может и не разделять позиций этих сторон, но вынужден давать показания в суде будучи вызван туда повесткой. Если такой свидетель начинает упираться, адвокат той или иной стороны может попросить присвоить ему статус враждебно настроенного (или предвзято настроенного) свидетеля, после чего ему разрешается задавать наводящие вопросы, что к обычным свидетелям неприменимо. Да и присяжным это намек, как воспринимать показания такого *hostile witness*.

шишь. Присяжные решат, что ты цепляешься за соломинку, потому что позиция у тебя изначально хилая… Ладно, просто проехали. Мафия натянула тебе нос. Ну и что с того? И на старуху бывает проруха. Вызывай-ка лучше следующего свидетеля, Мириам.

Вы никогда не окажетесь в такой должности, как у Салливан, если не будете хитрым, жестоким и безжалостным. Она знала, что Тони Геральдо — уже отрезанный ломоть, но вовсе не собиралась так просто мне это спускать.

— А что это за заварушка была вчера? Что за разговоры про бомбу? — поинтересовалась она, складывая руки на груди.

— Твой консультант — просто ничтожество. Этот чтец по губам либо просто все выдумал, либо обчитался, либо выхватил слово из контекста. Лично я не стал бы на него полагаться. На хрена тебе было вообще нанимать этого Арнольда? А я-то, дурак, думал, что ты всегда работаешь по-честному…

— Я не знала, что он умеет читать по губам. Главное, дает результат. Он вроде тебя, Эдди. Тебе тоже плевать, как ты получаешь результат. Ты просто хочешь выиграть. По-моему, ты все-таки что-то говорил про бомбу. Не про настоящую.

Про воображаемую. По-моему, ты тянешь дело на пересмотр.

— Чушь собачья. Я просто делаю свою работу.

Когда я повернулся, чтобы уходить, Мириам цапнула меня за руку.

— Это ты ничтожество, Эдди. Что это за работа — представлять такого выродка? — выпалила она, мотнув головой на Тони.

Последний из присяжных уже скрылся за дверями зала, и Тони привстал на своей свидетельской трибуне.

— Эй, дамочка, хорош про меня гнать, будто я какой-то там преступник! Я добрый католик, — объявил он, надувая грудь.

Мириам ответила Тони одним из своих самых злобных взглядов.

— Да брось, Тони. Не рви на себе рубаху. Кто ты такой, как не преступник? Иначе не вляпался бы во всю эту бодягу. Что там на этот счет сказано в Библии? — ответствовал я.

Тони схватил с пюпитра Библию и буквально выпрыгнул с трибуны, не заморачиваясь с калиткой. Приставы рванули было вперед, но я придержал их взмахом руки и помотал головой — типа, все пучком. Тони всучил мне Библию со словами:

— Вам лучше бы почитывать эту книгу хоть иногда, мистер Флинн! Кой-чё и узнали бы полезного.

Он вернулся на место, а я подошел к своему столу и положил перед собой Библию. Как мы и договорились утром у Джимми, Тони наставил меня на путь истинный. Волчека его выходка, похоже, только позабавила. Я тяжело вздохнул и остался стоять, чуть склонившись влево, чтобы оставаться спиной к Волчеку. Открыв одну из папок, достал из него заключение медэксперта о причине смерти Марио и обеими руками положил его прямо поверх Библии. Под прикрытием документа мой правый мизинец пробежался по обрезу доброй книги, взъерошивая страницы, и вскоре наткнулся на нечто жесткое, вложенное между ними. Я аккуратно зацепил это двумя пальцами и тут же затолкал между обложкой Библии и последней страницей медицинского отчета. Опять поднимая документ, подсунул пальцы поглубже, чтобы вместе с отчетом подхватить и конверт. Положил документ вместе с упрятанным под ним конвертом на стол и вернул Библию секретарю.

Это называется «дернуть вприпарку» — так обычно работают те, кто под нищих косит. Самые

виртуозы по этому делу обитают в славном городе Барселоне, столице жуликов всего мира. Сам видел, как такое проделывается, когда ездил туда с Кристиной и Эми на несколько деньков отдохнуть. Сидим как-то на открытой веранде кафе, греемся на солнышке, и тут вижу — идет бомж, а в руках у него закатанный в прозрачный пластик плакатик, форматом примерно с журнал. Подходит к парочке за соседним столиком, средних лет британцам. Муж — реальный говнюк, ноет супруге на все кафе: что ты, мол, в это платье вырядилась, и без того толстая, все такое… В общем, с нормальным мужиком такого не случилось бы. Бомж кладет свой ламинированный плакатик на стол, молитвенно складывает руки и все повторяет: «Пожалуйста, прочитать. Пожалуйста, прочитать. Моя нет английски». Британец читает. Ясно, что там какая-то слезливая пурга про семью и кучу детишек, а в конце просьба материально, так сказать, пособить держателю данного плаката. Британец дочитывает и начинает отмахиваться: «Нет-нет-нет, иди в жопу, мудила». Мудила рассыпается в благодарностях и подхватывает свою слёзницу со стола. Но не просто так, а с припаркой. Подхватывает вместе с мобилой и лопатником британского парня — нарочно

положил плакатик сверху, чтобы замаскировать свои преступные действия.

Тот же жук подгреб и к нашему столику, но не успел он накрыть сумочку Кристины своим припарочным буклетом, как я развернул у него перед носом несколько купюр. Подмигнул ему. Он взял деньги и подмигнул мне в ответ. Тогда я уже завязал с мошенничеством, но по-прежнему не мог не оценить настоящий талант, коли он попался мне на глаза.

* * *

Мириам угрюмо горбилась за своим столом, когда я, порывшись в папках с делом, высыпал все фотографии с места преступления прямо на стол. Быстро пролистал экспертный отчет, страницы которого надежно скрывали припрятанный под ними конверт. Вроде как листал, а на самом деле мои пальцы внизу ловко вскрыли конверт, фотографии из которого выпали в общую кучу. Отложил документ в сторонку, посмотрел на мешанину из фоток на столе. Кто со стороны посмотрит, в жизни не поймет, какие тут из дела, а какие со стороны. Волчек не обращал на меня никакого внимания. Просто на всякий случай — вдруг глянет — я собрал снимки в стопку и

близоруко поднес к самому носу.

Ага, вот и фотки, из-за которых и началась вся эта свистопляска — из-за них-то и убили Марио. Две штуки. На первой Волчек сидит за накрытым столиком с Артурасом и кем-то третьим. Снято в каком-то темном кабаке — скорее всего, в том самом клубе «Сирокко». Волчек, видать, заметил, как Марио его щелкает, и сразу на него бросился. Этот-то момент и видела танцовщица Никки Бланделл.

Третий человек на фото был в темно-синем костюме и белой рубашке. Аккуратно подстриженные рыжие волосы, тоненькие ухоженные усики, широкая улыбка — Том Левин. Волчека застукали за ужином с агентом ФБР. Марио наверняка знавал Левина. Мне припомнился рассказ Тони о том, как его замели федералы, после чего он отсидел пять лет в Райкерсе. Либо он там познакомился с Левиным, либо, что наиболее вероятно, Левин и был тем агентом, который его повязал. Волчек, наверное, извел кучу времени и денег, обхаживая Левина, и явно не хотел, чтобы столь полезное приобретение вылезло наружу из-за какого-то придурка Марио. А то, что он придурок, это к гадалке не ходи — только придурку и придет в голову шантажировать русскую

мафию.

Второе фото было снято совершенно в другом месте. Какая-то автостоянка, ночь. Артурас, Левин и еще трое. С ходу я их не узнал. Но, обернувшись, увидел всех троих среди публики. Один японец — якудза. Еще двое — из латиноамериканских картелей. Та самая публика, которая встала и аплодировала Волчеку, когда он вчера утром входил в зал. Джимми рассказывал, что с остальными группировками Волчек на ножах, на попытки подмять себя под кого-то не ведется, и что упрямство может стоить ему бизнеса. Левин, должно быть, как-то поспособствовал стрелке между Артурасом и тремя другими преступными главарями. С какой целью, я пока не знал, но был убежден, что за этим снимком и крылась одна из причин того, почему Артурас водит за нос своего босса.

Я готов был просто расцеловать Тони. Фотка, на которой Левин по-дружески бухáет с Волчеком, окончательно убедит Кеннеди и, не исключено, даже спасет мне жизнь. Еще раз оглядел зал — агент устроился в нескольких рядах за спиной у Мириам. Ни Левина, ни Колсона рядом с ним не видать. Это несколько упрощало дело, но все равно оставалось придумать, как пообщаться с

ним с глазу на глаз.

Время мое истекало. Нужно было срочно делать свой ход. Конечно, я предпочел бы сперва заглянуть в чемодан, прежде чем разговаривать с Кеннеди, но нельзя было терять ни минуты.

Виктор заметил, как я поглядываю на чемодан. Эх, заглянуть бы в него сейчас хоть одним глазком — все ответы наверняка были бы уже у меня! Но в данный момент совать туда нос было слишком рискованно — больно уж много народу вокруг, да и Виктор вряд ли позволил бы мне даже близко подобраться к этому чертову баулу.

Часы на руке показывали 10:05. Два часа до получения ордера. Я повернулся, поглядел на Кеннеди. Он тоже смотрел на часы. Вдруг в груди у меня словно что-то провалилось — а ну как Кеннеди соврал? А ну как федеральный прокурор Хименес уже вовсю перетирает этот вопрос с судьей Поттером? В таком случае оставалось не больше часа до того, как они выломают мою дверь. Не оставалось уже ровно никаких сомнений в том, что русские действительно что-то подбросили в квартиру — что-то, что крепко пришпилит меня к коварному замыслу разнести Бенни на куски. Только б я ошибался! Ошибался насчет Кеннеди, насчет русских! Но где-то в глу-

бине души было ясно, что хотя бы одно из этих подозрений наверняка соответствует истине.

Глава 52

Судья Пайк и присяжные вернулись в зал. Мириам сняла допрос Тони Геральдо с повестки дня. Гарри по-прежнему не видать. У меня вопросов к Тони не было, и он гордо прошествовал со свидетельской трибуны, словно какой-нибудь Фрэнк Синатра[30].

— Народ вызывает офицера полиции Рафаэля Мартинеса, — объявила Мириам.

С Мартинесом она вновь обрела твердую почву под ногами. Никаких тебе лирических отступлений, пространных рассуждений и сомнительных версий. Он просто перечислял факты. Полагаю, что в этом деле ему не было нужды проявлять особо творческий подход. Бенни сцапали с поличным прямо в квартире убитого, и арестованный тут же сдал главу русской мафии в качестве заказчика.

Мартинес оказался представительным мужи-

---

[30] notes: 30

Если кто не помнит, то этот прекрасный певец и актер всерьез подозревался в связях с мафией, и даже в каком-то ресторане чуть не набил морду писателю Марио Пьюзо, который вывел его в «Крестном отце» под именем прибандиченного артиста Джонни Фонтейна. Обошлось — разняли.

ком лет под сорок, латиноамериканской внешности, в отлично сидящем костюме. Довольно уверенной походкой, хотя и без лишних понтов, он двинулся к свидетельской трибуне. Канцелярская папка у него под мышкой была уклеена разноцветными листочками для заметок, словно птица перьями, — ясен пень, чтоб показать жюри, как он хорошо подготовился. Он высоко держал голову и смотрел членам жюри прямо в глаза. Опасаться Мартинесу было нечего.

— Офицер Мартинес, сообщите, пожалуйста, присяжным ваше звание и каков ваш опыт работы.

Опять промашечка со стороны Мириам — два вопроса одновременно. Могла бы и сама сообразить. Наверное, все-таки нервишки пошаливают, подумал я. Юристы послабей давно опустили бы руки, но Мириам быстро оправилась от удара. Минут за десять набрала правильный темп, и где-то с полчаса Мартинес расписывал признание Бенни и заключенную при этом сделку.

Крепко.

Получив ответ на последний вопрос, Салливан отвернулась от присяжных и на обратном пути к своему столу обернулась на меня, с улыбкой промолвив:

— Свидетель — ваш.

Если попробую тряхнуть Мартинеса, то обломаюсь. Попадаются и такие свидетели, показания которых хоть лопни, не поколеблешь, и Мартинес явно относился именно к такой категории. Я решил быть краток и затронуть лишь темы, которых Мириам в ходе прямого допроса не касалась.

— Офицер Мартинес, будьте добры раскрыть папку и заглянуть в раздел три, закладка девять, страница вторая, — сказал я.

В ходе перекрестного допроса не место всяким «не могли бы вы» и «не затруднит ли вас». Все, абсолютно все должно звучать как утверждение, а не как вопрос. Говорят, что хороший адвокат никогда не задает вопрос, если не знает на него ответ. Святая правда, но это вовсе не от того, что адвокаты такие всезнайки. Все потому, что мы даем вам ответ, который желаем услышать, уже в самом вопросе.

Мартинес нашел нужную страницу, которую тут же отметил желтенькой наклеечкой.

— Офицер, эту рамку с фотографией нашли в квартире уже разбитой?

— Да.

Я повернулся к присяжным и улыбнулся, будто бы глубоко удовлетворенный ответом, и сделал

небольшую паузу перед тем, как вновь обратиться к свидетелю.

— Подпись под снимком гласит: «Разбитая фоторамка», но не уточняет, сколько в рамке было фотографий, так ведь?

Глаза его прищурились. Он был несколько сбит с толку.

— Нет, не уточняет.

С удовлетворенной понимающей усмешкой я опять повернулся к присяжным, отчетливо и насмешливо повторил им ответ Мартинеса: «Нет, не уточняет!», словно ответ этот только что с трудом вырвал у него в ходе яростной перепалки. Присяжные закивали. Им еще не было понятно, что за победа мне досталась, но это их явно заинтриговало. Мириам никак не отреагировала. Застыла с едва ли не скучающим видом — как, впрочем, поступил бы на ее месте любой закаленный в судебных битвах юрист, только что получивший удар под дых. Делай вид, что тебе все по барабану, и надейся, что присяжные на это поведутся. По правде сказать, все эти вопросы были не для жюри — адресовал я их в первую очередь Кеннеди: пусть поразмыслит хорошенько насчет этой фоторамки.

— Разрешите на секундочку проконсультиро-

ваться с клиентом, ваша честь?

— Да, мистер Флинн.

Я наклонился и шепнул Волчеку:

— Что вы ели на завтрак?

— Ваши любимые блинчики. А что?

— Просто придуриваюсь; пусть прокурорша думает, что у меня какой-то офигительный план, пусть понервничает. Но кое-что мне действительно хотелось бы выяснить. По-моему, вы близки к оправданию и можно будет обойтись без бомбы. Однако мне нужно знать, что Малютка-Бенни скажет жюри. Единственное, чего не хватает обвинению, так это мотива. Есть у меня подозрение, что этот мотив Бенни им обеспечит. Так что выкладывайте, по какой причине вы заказали Марио Геральдо. Что такое было спрятано в той рамке, раз вам так приспичило это заполучить?

Советчика-Артураса рядом не было, а до Виктора вряд ли вообще дошло, о чем это я толкую.

— Мистер Флинн, у вас есть еще вопросы? — спросила судья, но я сделал вид, будто ничего не слышал.

— Ну давайте же, колитесь! Я запросто разберусь с Бенни, но не смогу ничего поделать, если не буду знать, что он скажет с трибуны. Так что там было в рамке?

Проведя обеими руками по ляжкам и разгладив брюки, Волчек еще раз поразмыслил над моим вопросом.

— Марио кое с кем меня щелкнул. С кем я втайне сотрудничаю. Кое с кем из силовых структур. Это моя главная ценность. Я не мог его потерять. Марио хотел денег за фотку. Я послал Бенни кокнуть его и уничтожить улику.

— Сколько фоток он сделал?

— Одну, копий нет. Так мне сказал Артурас. Я хотел договориться. Артурас хотел преподать всем урок.

— И это Артурас сказал, что фотка только одна — та, что из клуба «Сирокко»?

— Угу, — кивнул Волчек. Взгляд его был совершенно естественным, лицевые мышцы расслабились, руки свободно лежали на коленях. Он сказал правду. Именно это мне и требовалось знать.

Артурас разобрался с Марио через Волчека, поскольку знал, что у Марио есть еще одна фотография — та, где он с главарями картелей и якудза. Если б Волчек узнал, что Артурас у него за спиной шушукается с латиносами и японцами, тот вскоре обнаружил бы свое имя на оторванной половинке рублевой купюры. Артурас держал ту

стрелку в тайне от Волчека, а Малютка-Бенни эту тайну сохранил, пристрелив Марио и уничтожив фотки.

Похоже, что можно обойтись и без проверки чемодана.

На часах 10.40.

Дальше тянуть время — только зря рисковать. Нужно срочно поговорить с Кеннеди, пока тот не получил ордер.

Глава 53

— Мистер Флинн, так у вас есть еще вопросы к свидетелю? — спросила судья Пайк и даже зубами щелкнула от раздражения.

— Ваша честь, еще всего несколько минут, нужно пообщаться с клиентом.

— Перерыв пятнадцать минут, — объявила Пайк.

Кивнула, встает — отлично. Я решительно двинулся к центральному проходу. Бросил на ходу Волчеку:

— Я в туалет.

Направляясь к выходу из зала, услышал, как Виктор у меня за спиной шумно поднимается с места и двигает вслед за мной. Неподалеку от Кеннеди я замедлил шаг, слыша позади приближающийся топот Виктора.

Пять футов до Кеннеди.

Опять прибавил шагу, увеличивая дистанцию от Виктора, перехватил взгляд агента. Заметив, как я на него таращусь, Кеннеди начал привставать. Я ухватил его левой рукой за галстук, рывком поднял на ноги, притянул к себе — нос к носу, грудь к груди, и моя рука незаметно скольз-

нула ему под пиджак.

Прежде чем Виктор успел меня догнать, я успел одними губами шепнуть:

— Доверьтесь мне.

Кеннеди отпихнул меня, будто психа. Я пинком распахнул двери, промаршировал через полный народу холл и заперся в туалете для инвалидов. Через десять секунд услышал стук в дверь и низкий голос со славянским акцентом:

— Не вздумай куда-нибудь податься, адвокат. Я тут.

Виктор. Уже встал на страже. Снаружи доносился нарастающий шум — народ продолжал валить из зала на перерыв. Залез в карман, вытащил из него телефон Кеннеди и набрал номер своего пиратского мобильника. После нескольких гудков Кеннеди ответил.

— Что за дела?

— Это Эдди Флинн. Ваш телефон у меня. Небось и сами уже догадались. Наверняка узнали свой номер на дисплее. А трубка у вас в руках — моя. Жалко, что не взял утром вашу визитку. Срочно приперло позвонить, а номера нету, так что пришлось махнуть телефоны. Дело в том, что меня похитила русская мафия и мне нужна ваша помощь. Ваш дружок Левин на них работает. А

еще они похитили мою дочь, и на мне их бомба. Похоже, что сегодня вас ждет тяжелый денек.

Глава 54

Я прижимал телефон к уху и шептал так громко, как только осмеливался:

— Судя по всему, Артурас задумал возглавить организацию — ту, которая называет себя *Bratva*. Разводит своего босса, но пока не пойму, как именно.

— Вы с ума сошли, мистер Флинн, — попросту ответил Кеннеди.

— Не исключено, но насчет этого я прав. Марио Геральдо убили, поскольку тот видел, как Том Левин ужинает с Волчеком, и все это зафотал. Бенни вам так и не сказал, почему убил Марио. Так вот — потому, что Марио пытался шантажировать Волчека этими фотками. Вдобавок Артурас встречался с главарями других группировок за спиной у Волчека. С такими конкурентами либо вали с корабля, либо захватывай тот, в котором уже сидишь, договаривайся. Фотка Левина уже у вас — в правом нагрудном кармане.

Теперь пошла моя игра. Я все поставил на то, что Кеннеди поверит мне и арестует русских, но рассказать ему все от и до по-прежнему не решался. Бомба у меня в пиджаке, фургоны вни-

зу — ничто не привязывало их к русской братве. На фургонах и на бомбе — только мои «пальчики». Перед тем как поведать Кеннеди абсолютно все, нужно было убедиться, что он мне поверил.

— Слушаете меня?

— Это абсолютно ничего не доказывает.

Я хлопнулся спиной о стенку туалета, съехал вниз по кафельным плиткам.

— Чт-то?

— Вообще-то не ваше дело, но агент Левин уже пару лет как работает под прикрытием. Его задачей было внедриться в банду. Так что ничуть не удивлюсь, если он ужинал с Волчеком не раз и не два.

— Но я же нашел визитку ФБР в бумажнике у Грегора! С обратной стороны там ручкой написан телефонный номер — номер Левина. Если он под прикрытием уже пару лет, то на какой-то стадии успел переметнуться в другой лагерь. Он работает на русскую группировку. Я не мог сказать вам это раньше, потому что он моментально донес бы Волчеку.

— Том Левин — человек заслуженный. Придумайте что-нибудь более убедительное. Должен сказать, мистер Флинн, что ваша история малость отдает психозом. Нам известно, что вы

только что вернулись к практике после лечения от алкоголизма. Как вы вообще себя чувствуете, нормально?

Я потер лицо, напряг мозги.

— Загляните еще разок в тот карман, где был телефон. Найдете там фонарик. Только на самом деле это не совсем фонарик, он ультрафиолетовый. Волчек выдал мне миллион долларов на подкуп Тони Геральдо. Я пометил деньги, которые получил от русских. Посветите им на правую руку Виктора — увидите химические метки. Они соответствуют миллиону долларов наличными, который сейчас у одного моего друга, и эта химическая «подпись» приведет обратно к русским. Я сейчас в туалете прямо напротив зала. Виктор торчит снаружи. Проверьте его руку, я вам еще перезвоню.

— Просто чтобы вы знали — рассмотрение заявки немного сдвинули, Портер взял нас без очереди. Хименес сейчас ждет у него в приемной. Рассмотрение много времени не займет. Если все будет нормально, то уже через час наши агенты будут у ваших дверей.

Я стукнулся затылком о кафельные плитки.

— Да ни хрена вы не сдвинули! Слушание и так было назначено на одиннадцать! Просто не

хотели, чтобы я раньше времени гоношился!

Кеннеди нажал на отбой.

Он меня переиграл, уже второй раз подряд. Сначала с тем бланком, который гарантировал, что он получит ордер, теперь вот со временем слушания… Но, что хуже, ничуть не купился на мою историю. Я еще раз подумал, не предложить ли ему заглянуть в фургоны на подземной парковке, но тут же решил, что нет, слишком рискованно — с русской братвой их ничего не связывает, ко мне же все это рикошетом и отлетит. Набрал Гарри, но он не ответил — может, звонок-то и увидел, но не понял, кто звонит.

Телефон Кеннеди завибрировал. На экране высветилось: «Энди Колсон». Тот самый второй агент ФБР, с которым мы познакомились утром.

— Да, — бросил я в трубку, по мере сил стараясь подражать энергичной манере Кеннеди.

— У нас тут чэпэ — перестрелка, — сказал Колсон.

— Где? — спросил я, изображая озабоченность. И так знал, что обнаружение кучи трупов, оставленных Энтони и Ящером в ходе освобождения Эми, — чисто вопрос времени.

— В Маленькой Италии. АТО запрашивает нашу поддержку.

Я выронил телефон, едва поймал.

— Эй, вы где, босс? — забеспокоился Колсон.

— Тут я. Где конкретно в Маленькой Италии?

— Что-то голос у вас странный… Прием, наверное, хреновый. Короче, это в кабаке Джимми Феллини на Малберри. Семь трупов. Двадцать минут назад. Не думаете, что это может иметь отношение к утреннему налету на хазу Волчека? По-моему, явно есть связь. На ресторацию Кепарика так просто не наедешь, нужны серьезные бойцы. Думаю, что русские просто отыгрались за тот замес в Сёверн-тауэрс. Если не вмешаемся, начнется реальная война.

Я придушенно вскрикнул, едва успев заткнуть рот кулаком, все тело застыло от шока.

— Аллё, слушаешь, Билл?

В голове застрял только один вопрос — словно горячая пуля, пробившая череп. Я обеими руками ухватил телефон, раскрыл было рот, чтобы заговорить, но слова не шли. Если я сейчас этот вопрос не задам, голову просто разнесет на куски — но если получу ответ, которого в ужасе жду, то мне все равно не жить.

— А там… А там…

— Прерываетесь, босс.

Уткнувшись лбом в холодную стену, я все-таки

выпалил:

— А там среди погибших была маленькая девочка, блондинка?

— У меня тут «мыло» на телефоне от АТО, сейчас гляну.

Виктор заколотил в дверь туалета, и я спустил воду в унитазе. Судорожно сжатые пальцы так сильно впились в ладонь, что из пореза опять показалась кровь.

— Нет. Про ребенка ничего не сказано. Точно знаю, что там два швейцара, официантка и три каких-то быка. И еще Энтони Феллини. Судя по всему, двое парней с автоматами пробрались через канализацию, всех покрошили и ушли тем же путем. Подробности сообщу, когда сам дотуда доберусь.

Колсон повесил трубку, и я тут же набрал мобильный Джимми.

Ответил он сразу же. Фоном в трубке звучали автомобильные гудки и гул мотора — он куда-то ехал.

— Джимми… Это Эдди. Чертовы русские напали на твой ресторан. Энтони мертв. По-моему, они забрали Эми.

— Знаю. Слышал. Мы с Ящером отвозили бабло, которое ты дал, а тут звонок. Если б хотели убить,

то пристрелили бы и бросили в ресторане. Она жива. Сто пудов. Просто забрали с собой. Мы с Ящером как раз к тебе едем. Теперь я сам лично всем этим займусь. Энтони был славный малыш. Сеструха просто убьет себя, когда узнает… Эдди, пусть никто не думает, что может так вот запросто вломиться ко мне, замочить моих парней и спокойно уйти! Пусть теперь посмотрят, как я сам с ними разберусь! Эти суки уже трупы.

— Джимми, только не затевай войну. Эми у них.

— Я не могу такого спустить. Будем ждать возле суда. Как только Волчек со своими шестерками высунется, им кранты.

Он отключился.

Я бросился к умывальнику, поплескал холодной водой на лицо и макушку. Артурас, очевидно, поехал на квартиру проверить Эми. В такой ситуации не надо быть гением, чтобы сообразить, кто именно обвел его вокруг пальца и куда забрали Эми. Какой же я был дурак! Нельзя было позволять Энтони везти ее в ресторан. В то же время я никак не ожидал, что Артурас решится объявить полномасштабную войну Джимми. Такого рода акции развязывают всем руки. Если Джимми не смешает их с землей, каждый мелкий гопник

на районе будет думать, что его теперь можно сожрать с потрохами.

Мобильник Кеннеди загудел опять. На сей раз высветился номер моего одноразового телефона.

— Да, видел я марочку у Виктора на руке. Пришлось исхитриться. Он чуть не заметил фонарик. Но все равно не думаю, что это что-то доказывает. Я сейчас звонил в нашу контору, просил, чтобы кто-нибудь из агентов связался с вашей женой. Не знаю, что за трубку вы мне подсунули, но они там все на уши встали, пока мне обратно дозвонились. Короче, ваша супруга утверждает, что дочь на экскурсии по Лонг-Айленду. О пропаже дочери она не заявляла, и вы тоже. Не надо мне врать. Я понимаю, что вам нужна помощь, но придется начать с того, что вы расскажете мне всю правду. У нас есть на вас досье. Мы в курсе вашей истории. Вы — бывший мошенник, но меня вам не напарить. Облегчите мне задачу. Выкладывайте правду.

Я выдохнул, медленно и негромко произнес:

— Кеннеди, я сказал вам правду. Если вы мне не верите, катитесь к чертовой матери. Я сам все закончу, по-своему.

Глава 55

Когда я возвращался в зал, Волчек провожал меня взглядом. Я сел на свое место и почувствовал, как он нагнулся мне к самому уху.

— Как покончите с копом, дальше будет танцовщица?

— Угу. Бенни они приберегли напоследок.

— После танцовщицы прикиньте, как пристроить туда пиджак. Я, конечно, нисколько не возражаю — можете оставить его на себе и встать с Бенни в обнимку, когда я его взорву, но это уж сами решайте, — прошептал Волчек. Повернувшись, я увидел у него в руке пульт детонатора.

— А где остальные ваши люди? — спросил я.

— Навещают вашу дочку. Не забывайте, зачем вы здесь, мистер Флинн. Я не хочу рисковать. Справляетесь вы пока хорошо, но я не могу отдать все на откуп присяжным. Подложим бомбу во время обеденного перерыва.

Отвернувшись от Волчека, я прикрыл глаза и еще раз все обдумал. Тихое потрескивание вертящейся в пальцах шариковой ручки, которую дала мне Джин, словно полностью заглушило гомон толпы вокруг. Кеннеди меня отшил. Гарри

так и не появился. У меня нет ничего, что прочно привязало бы русских к похищению Эми, бомбе у меня под пиджаком или к фургонам. Поднять сейчас общую тревогу по поводу угрозы взрыва — тоже риск. Охрана просто эвакуирует все здание, а Волчек смоется. Нет уж. Если я поставлю копов в известность о бомбах, Эми конец.

Оставалось только одно.

Я поднял руку, привлекая внимание секретаря.

— Джин, сделай мне одолжение. Скажи ее чести, что кое-что всплыло, и нам с клиентом нужно на десять минут вас покинуть. Не больше.

— Уже пять минут двенадцатого, Эдди, она не хочет сегодня затягивать. Если она вернется, а тебя не будет на месте, то оштрафует тебя на пятьдесят долларов за каждую минуту опоздания. Сама видела, как две недели назад она так с мистером Лэнгтри обошлась. Бедняжка. Знаешь, у него ведь простатит, а его сестра мне сказала…

— Прости, Джин, нам с клиентом нужно выйти. Я быстро. Отвлеки ее чем-нибудь, если можно.

Волчек явно ничего не понимал.

— Я кое-что придумал, но здесь говорить нельзя. Пошли в переговорную, это тут рядом.

— О чем вообще речь?

— Да сказал же — не здесь. Тут есть глаза и

уши. Доверьтесь мне. Это того стоит, — сказал я, убирая папки в чемодан и устремляясь к дверям с «Самсонайтом» на буксире.

— Бумаги-то оставьте! — крикнул мне в спину Волчек.

Я не ответил, лишь обернулся на ходу — убедиться, последовал ли Волчек моему примеру. Через секунду он поднялся, застегнул костюмный пиджак и быстрой походкой направился вслед за мной. Виктор опять было запротестовал, но Волчек по-быстрому его заткнул.

На двери ближайшей переговорной висела табличка «Занято».

Я без стука распахнул дверь и закатил чемодан в угол. За усыпанным бумагами столом какой-то молодой адвокат беседовал со своим клиентом.

— Пардон, мне нужен этот кабинет.

— Что за дела? Я даю указания клиенту! Нельзя же прямо вот так…

— Выметайся, пока не получил под зад.

Молодой адвокат поднялся — крепенький, агрессивный. Он был явно против того, чтобы старший коллега выставлял его перед клиентом сопливым салагой.

— Что-что? Уж не от вас ли? — поинтересовался он.

— В другой ситуации — да, но только не сегодня. Если ты немедленно не уберешься, это *вот он* даст тебе под зад, — отозвался я, тыкая пальцем в вырисовывающуюся в дверном проеме фигуру Волчека.

Клиент молодого адвоката, углядев главаря русской мафии, схватил своего советника за рукав и буквально выволок наружу, позабыв прихватить бумаги и адвокатский портфель. В кабинет шагнул Виктор. Я чуть не прихлопнул его дверью.

— Только я и клиент, блондинчик.

Виктор продолжал ломиться внутрь.

— Проследи, чтоб нам не помешали, — приказал ему Волчек.

Виктор неохотно осадил назад и прикрыл дверь.

Стены были обиты каким-то толстым материалом — для дополнительной звукоизоляции. Обычно все переговорные оборудуются подобным образом, поскольку беседы тут строго конфиденциальны и охраняются привилегией адвокатской тайны в отношении клиента. Если мы только не собираемся тут орать, Виктор из-за толстой двери ни черта ни услышит.

Волчек сел, сцепил пальцы на животе и лениво повернулся ко мне — типа, давай выкладывай,

что там у тебя. Взявшись руками за спинку стула, я наклонился над Волчеком и постарался не повышать голос.

— То, что я собираюсь тебе рассказать, может показаться весьма шокирующим, так что веди себя потише; очень важно, чтобы все осталось только между нами. Карты на стол, Олек: я пытался тебя развести. Но обломался. Сейчас все это не важно, поскольку я единственный, кто может спасти тебе жизнь.

Глава 56

Волчек положил руки на стол перед собой, в любой момент готовый на меня кинуться; тоже отбросил псевдоофициальный тон.

— А ты в курсе, что бывает с теми, кто пробует разводить…

— Сказал же, что не вышло. Кто-то из ребят Джимми нашел Эми и забрал ее из той квартиры — и да, они там всех перебили. Ты бы то же самое сделал, будь это твоя дочь. Артурас только что вломился в ресторан Джимми, убил кое-кое из его родственников и опять захватил Эми. Но это еще не всё. Теперь этим наши расклады не ограничиваются. Вот, гляди, — у тебя проблемы покруче моих, — сказал я, бросая Волчеку фотографию Артураса, сделанную Марио на какой-то темной парковке.

Тот было привстал, но, увидев фотку, опустился обратно. Со свистом выпустил воздух сквозь зубы. На шее ясно выступили вены.

— Это копия одной из тех фотографий, которые Бенни сжег на кухне у Марио. Нашлась у Тони в загашнике. Наверное, не надо объяснять, что изображено на этой фотке. Твой любимчик Арту-

рас встречается с твоими конкурентами. Ребятки на этом снимке — те самые, что хлопали тебе вчера в зале. Несколько минут назад я спрашивал, сколько фоток Марио использовал для шантажа. Ты сказал, что одну. Так что, насколько я понимаю, про эту ты просто не знал. Лично я полагаю, что это и есть настоящая причина того, прочему Артурас желал смерти Марио. Так это все-таки он предложил тебе его устранить?

На миг его глаза встретились с моими. Волчек просто кивнул и опять уставился на фотку. Уголки рта чуть дрогнули, но он тут же крепко сжал губы.

— Артурас планировал лечь под конкурентов задолго до того, как ты заказал Марио. Тебе сказали, что тот хочет денег за фотку с тобой и твоим фэбээровским информатором, и я понимаю, что терять такой ценный кадр тебе было очень не в жилу. Но убийство Марио из-за того, что он грозил раскрыть источник в ФБР, было чревато войной с итальянской мафией. Я не думаю, что это стоило такого риска, и предполагаю, что ты тоже так считал. Но Артурас все-таки уболтал тебя заказать Марио. И ему был нужен кто-то, кому можно было доверить не только пришить Марио, но и уничтожить *обе* фотографии. Потому-то он и

присоветовал тебе обратиться к Малютке-Бенни. Артурас доверил Бенни кокнуть Марио и заодно подчистить его собственные хвосты. Но Бенни спалился. И тогда Артурас спланировал что-то еще, и у меня есть чувство, что нечто в этом чемодане и объяснит нам в точности, что тут вообще творится.

Волчек судорожно скомкал фото в кулаке. Рука его дрожала, но я не взялся бы сказать, от усилия ли, или же просто от бешенства.

— Что? В каком еще чемодане?

— Вот в этом, — сказал я, водружая «Самсонайт» на стол. — Вчера вечером я видел, как на подземную парковку под этим зданием заехали два фургона. За рулем были твои пацаны, и оба фургона под крышу напичканы взрывчаткой.

Плечи у Волчека опали, рот приоткрылся, а ярость словно куда-то улетучилась, сменившись глубоким потрясением.

— Я тебе не верю, — тихо проговорил он.

— Артурас следил, как они заезжают, и я видел, как Грегор поставил тяжеленный чемодан, точь-в-точь как этот, на пассажирское сиденье одного из фургонов. Утром я проверил этот чемодан и убедился, что в нем ничего нет. Но вчера вечером он не был пуст. Это навело меня на мысль:

на хрена Артурасу два одинаковых чемодана? По-моему, чемодан, который я видел утром на парковке, — это тот, в котором Артурас привез вчера материалы дела, а чемодан, который завезли сюда вместе с фургоном, на самом деле вот этот. Я видел его открытым наверху, на девятнадцатом. В этом чемодане — второе дно.

Откинув крышку, я вынул папки и скоросшиватели, сваливая их прямо на пол. Ощупал вставное дно по краям. Крепилось оно в расчете на то, чтобы можно было быстро открыть, — обычная липучка. Я с треском выдернул фальшивую панель и повернулся к Волчеку.

— Можешь не полагаться только на мои слова. Вот, сам глянь.

Я и сам не знал, что могло быть спрятано в чемодане. Явно что-то важное, какой-то ключ к планам Артураса. Но что бы ни рисовал я в своем воображении, это даже близко не лежало к тому, что я на самом деле обнаружил.

Глава 57

Внутри потайного отсека чемодана лежали две аккуратно уложенные стопки рабочих спецовок. Серых, прочных рабочих комбинезонов. У каждого — нечто вроде шлейки или страховочной сбруи, укрепленной под мышками. К поясу приделан отрезок довольно тонкого, но прочного шнура, на другом конце которого болтается стальной карабин. Похоже, что для верхолазов. Первый комбез был размера «5XL», второй «XXXL», третий «L», а последний, самый маленький, «S» — это я по ярлыкам на воротниках выяснил.

Под комбинезонами обнаружились четыре компактных автомата. Вроде как «МП-5». Идеальное оружие для ближнего боя, в упор четырехсотфунтового громилу можно в секунды на ленточки нашинковать. Снаряженные магазины были прилеплены к стволам скотчем, коротенькими отрезочками — только сорвать осталось. Последний предмет на дне чемодана поставил меня в тупик — это был какой-то пульт дистанционного управления, типа как для авиамодели. Довольно большой, из металла и пластмассы, с раздвижной телескопической антенной, парой джойстиков

по бокам и двумя кнопками — зеленой и красной. Я подсунул пульт обратно под стволы.

Волчек обошел стол и встал позади меня, разглядывая тайник.

— Похоже, что ты тоже насчет всего этого не в курсе, так ведь?

Недоуменное выражение у него на лице было и без того ясным ответом.

— Что это вообще за дела? — вопросил Волчек, обводя рукой автоматы и спецодежду.

— Это доказательство того, что Артурас водит за нос нас обоих. Он твердил мне, что я единственный, кто сможет пронести бомбу в зал суда. Но он и сам мог запросто это сделать, абсолютно в любой момент.

Качая головой, Волчек молча поджал губы — похоже, и для него все это было уже слишком. Вся его жизнь была построена на преданности его людей. Уже само его существование было немыслимо без подчинения, верности и чести, пусть и воровской. Он был свидетелем того, как из-за мелкой зависти братки уничтожают друг друга, и сделал все, чтобы взять своих людей под тотальный контроль. А теперь возведенные с таким трудом фундаментальные основы рушились прямо у него на глазах…

Чуть отступив, я оглядел Волчека с ног до головы.

— У нас с тобой вроде одинаковый размер. Как думаешь, сможешь влезть вот в этот? — сказал я, вытаскивая из стопки комбинезонов «эльку».

— Вряд ли, — отозвался Волчек.

Оба мы весили как минимум фунтов на тридцать побольше Артураса.

— Я бы сказал, что этот как раз на Артураса. Большие размеры для Грегора и Виктора, а самый маленький…

— Бенни, — сказал Волчек.

Всего одно слово — и словно ключ идеально вошел в свою скважину. Все оставшиеся без ответа вопросы, все эти нестыковки, все сделанные Артурасом непонятные ходы слились в один-единственный бесспорный вывод: убийство Малютки-Бенни никогда не входило в его планы.

— Артурас собирается вызволить Малютку-Бенни из-за решетки. Вот что он с самого начала и планировал. Просто подумай. Бенни не сдал всю эту вашу долбаную группировку целиком, чтобы спокойно уйти под программу защиты свидетелей. Нет, он ткнул лишь в тебя, и никого другого. А все потому, что рассчитывал: руководство перейдет к Артурасу. Тот не мог просто убить

тебя после ареста Бенни, потому что ты ему был нужен. Нужен, чтобы выставить тебя на суде, на который обвинитель неминуемо вызовет Бенни. Помнишь, что ты мне сказал вчера утром? «Даже при моих контактах не найти, где прячут Малютку-Бенни». До недавних пор у Артураса не было возможности организовать побег Бенни, поскольку он попросту не знал, где его искать; даже этот ваш оборотень Левин не знал, где прячут Бенни. Артурас убедил тебя явиться на суд и взорвать Бенни бомбой, которую он заставит меня пронести в здание. Все это целиком и полностью его собственная затея — заманить тебя в суд, чтобы Бенни извлекли из его потайного убежища. Если б у Артураса не было плана освободить Бенни, никакого суда и не было бы — от тебя давно избавились бы. Осталась только финальная стадия: как только Бенни оказывается на свидетельской трибуне, Артурас мочит тебя, кладет всю публику в зале и смывается, прихватив Бенни.

— Нет. Чуму ты какую-то гонишь… Как он оттуда смоется?

— Он собирается взорвать все здание целиком. На то и фургоны. Он хочет, чтобы все считали, что он погиб при взрыве вместе с Бенни, Грегором и Виктором. Не знаю в точности, как он собрался

это проделать. Комбезы, видно, для какой-то маскировки. Но это единственный способ, который может сработать. Мертвецов в розыск не объявляют, даже в ФБР.

— Все это полная херня, — сказал Волчек, чуть отступая назад и шаря глазами по комнате.

Я сжался, и он это заметил.

Внезапное осознание того, что все его верования и представления о жизни рушатся прямо у него на глазах, отбросило Волчека на ту самую крайнюю грань, на которой он стал уже по-настоящему опасен.

Волчек кинулся на меня, но я был к этому готов.

Глава 58

Моя нога угодила ему в грудь. Он отлетел, шмякнулся спиной и затылком об стену с толстой обивкой. Я выхватил из чемодана один из «МП-5», сорвал с него едва прилепленный скотчем магазин, воткнул на место, передернул затвор и направил ствол на Волчека — и все это чуть ли не единственным неуловимым движением.

Он поднял руки.

В дверь два раза стукнули, и мы услышали, как Виктор что-то выкликает по-русски. Наверное, все-таки уловил какую-то возню и решил узнать, всё ли в порядке.

— Скажи ему, что все нормально. *По-английски.*

Волчек секунду поразмыслил и в конце концов крикнул:

— Отвали! Всё пучком!

Мы оба немного выждали, не двигаясь с места. Волчек не сводил глаз со ствола.

— Я мог бы шлепнуть тебя прямо тут, подстеречь на улице Артураса и отвезти его в какое-нибудь тихое местечко, где ребята Джимми вытянут из него все кишки. Скажет, где моя доч-

ка, никуда не денется! Но я не собираюсь этого делать. Не убиваю людей без крайней нужды. Артурас — молодец, крепко меня подставил. ФБР уже едет ко мне на квартиру, и я думаю, что он и туда подсунул что-то, что переведет стрелки прямиком на меня. Так что сейчас мы заключим новое соглашение. Но для начала ты выясняешь, где прячут Эми, и приказываешь своим, чтобы ее немедленно отпустили и передали одному моему другу. И делаешь это прямо сейчас.

Волчек помотал головой.

— Никуда ты отсюда не рыпнешься, Флинн. Тут полон дом копов и охранников. По-моему, ты опять пудришь мне мозг.

— Ты чё, вообще тупой? Если до сих пор мне не веришь, просто доставай пульт, который тебе дал Артурас!

Волчек медленно залез в карман пальто и вытащил пульт.

— Нажимай.

— Что?! Если бомба тут ахнет, нам обоим пипец!

— Просто изготовь. Давай.

Он ткнул на кнопку, чтобы поставить бомбу у меня на спине на боевой взвод. Никакого отклика — ни вибрации, ни огонька индикатора.

Отведя взгляд от «МП-5», принялся разглядывать пульт, почесывая бровь и что-то бормоча по-русски.

— Бросай сюда, — приказал я.

Поймал черный брелок одной рукой, продолжая целить в грудь Волчеку из автомата, хлопнул им об край стола. Хруст ломающейся пластмассы сразу поглотила толстая стенная обивка.

Бросив пустые надтреснутые скорлупки на стол, я увидел, как удивление на лице Волчека быстро сменяется совсем другим выражением. Он все понял. Разбился на куски не только какой-то там паршивый брелок — треснул и рассыпался в пух и прах весь собственный мир Волчека.

Съехав по стене к полу, он обхватил голову руками. Запустил скрюченные пальцы в волосы, с силой провел ими по голове, будто граблями, грязно выругался.

— Я же говорю — тебя разводят, как лоха. Насколько я себе представляю, Артурас готов убить нас обоих, только чтобы вызволить Бенни. Настоящий пульт он давать тебе не рискнул — а вдруг ты случайно взведешь бомбу и все-таки взорвешь Малютку-Бенни? Вот тебе доказательство — здесь, прямо у тебя перед носом! Он тебе врал. И мне тоже врал. Одного не могу понять — зачем?

На хрена идти на такой риск ради одного-единственного человека?

Из глотки у Волчека вдруг вырвался лающий смех, но он тут же оборвал его, крепко сжав зубы. Посмотрел на меня, как на слабоумного.

— Как думаешь, почему я порезал Артураса, когда Бенни меня сдал? — поинтересовался он, чиркнув себя пальцем по щеке — аккурат по тому месту, где на лице у Артураса красовался уродливый шрам. — Артурасу пришлось ответить за то, что учудил его младший *brat*, — закончил Волчек, буквально выплюнув последнее слово, словно оно вызывало у него отвращение.

Опять этот «*brat*»! Только на сей раз незнакомое слово обретало смысл. Недавно наверху я слышал, как Артурас выкрикнул «*moy brat*», когда речь шла про Бенни. Если «*Bratva*» — это «братство», то тогда «*brat*»…

— Брат. Они братья, — произнес я вслух.

Русский с шутовской улыбочкой раскинул руки — типа, видишь, как все просто? Оценивающе глянув на него, я решил, что до Волчека наконец дошло истинное положение дел.

— Артурас уговорил тебя не бежать, а все-таки появиться на суде — чтобы можно было одним махом и покончить с тобой, и освободить братца.

И ты хочешь, чтобы это сошло ему с рук?

— Нет. Но тебе я тоже ни хрена не верю.

— Придется поверить. Отпусти Эми, и я вытащу тебя из всей этой поганки.

— Пойдешь в полицию или ФБР? Ну уж нет.

— К ним нам нельзя. Кеннеди меня просто послал. Ни на одно слово Артураса тебе тоже полагаться нельзя. Зуб даю, что никакой самолет тебя не ждет. Ты в такой же жопе, как и я. Деваться тебе некуда — ни от заготовленной Артурасом подставы, ни от этого суда за мокруху. Мы на пару во все это вляпались, Волчек. Здесь уж не попляшешь. Но можно сделать так, что сам Артурас попляшет — под нашу собственную дудку. И сам загремит за все свои художества.

Волчек покусал большой палец, тяжело поднялся на ноги. Ситуация уже не вызывала у него каких сомнений. Этот этап он уже прошел. Соображал теперь, как из всего этого выпутаться. Поддернул брюки, уселся.

— Я не могу ее отпустить. Пока не буду полностью доверять тебе.

Я опустил автомат, еще раз перебрал в голове все возможные варианты.

— Нечего мне тебе сказать такого, чтоб ты вдруг проникся ко мне доверием. Я и сам тебе

ни на грош не верю. Но сейчас у нас с тобой общий враг — и это все, что мы на данный момент имеем. Продемонстрируй добрые намерения. Верни мне ее. Мне нужно знать, что она до сих пор жива. Я попрошу кого-нибудь переправить ее в безопасное место.

Волчек медленно покачал головой.

— Нет. Сперва сними с меня это убийство. Тогда я ее отпущу.

— Нет времени.

— Тогда и базара нет.

Плевать, что ствол сейчас у меня, плевать, что только я могу спасти Волчека от его же собственных «шестерок». Моя дочь по-прежнему у него, так что ему и карты в руки.

И он это прекрасно знал.

— У тебя есть хоть кто-нибудь в твоей лавке, на кого ты можешь полностью положиться?

— Да. Мой водитель, Юрий. Он мой племянник. Скорее умрет, чем предаст меня. Родная кровь. Артурас не дал ему прийти на суд, подсунул мне на той неделе другого водилу. Он привезет твою дочку ко мне в офис, это совсем рядом. И место надежное, и ехать недалеко. Там будет Юрий. Он — единственный, кому я могу сейчас доверять. Не знаю, кого еще Артурас сманил — наверное,

уже всех, но пусть даже не пробует настроить против меня Юрия — обломается. Флинн, убивать твою дочку мне теперь нет резону, раз уж все стрелки теперь на Артураса. Дай мне соскочить на суде — и получишь ее назад. Отвечаю.

Этот маньяк был моей последней надеждой. И последней надеждой Эми.

Ничего другого у меня не было.

Вынимая из автомата магазин, я бросил взгляд на пол, где так и стоял брошенный молодым адвокатом портфель. Улыбнулся, поскольку в голове вдруг оформилась кое-какая идея. Сказал:

— О'кей. У нас не так много времени. Обвинение я с тебя сниму. Ты возвращаешь мне Эми, а потом мы вместе беремся за Артураса. А поступим мы примерно вот так…

Глава 59

Волоча за собой грохочущий колесиками чемодан, я рысью промчался к столу защиты. Уже выкладывая папки, услышал у входа какой-то шум — Артурас вызывал Волчека обратно в холл; обладатель шрама только что опять объявился. Оба стояли в дверях, громко перешептываясь. Волчек становился все более агрессивным.

«Извини», — одними губами произнесла Джин, постукивая пальцем по своим наручным часам. Должно быть, переговорила с судьей, и моя просьба посовещаться с клиентом наедине была встречена крайне прохладно. Судья Пайк вот-вот должна была сделать свой торжественный выход и пригласить обратно присяжных. Свидетель, офицер полиции Мартинес, так и сидел на своей трибуне.

Я встал и направился к погруженным в какой-то спор русским.

— Где она? — спрашивал Волчек.

Артурас что-то прошептал в ответ.

— Мне нужно с ней поговорить. Адвокат может меня вытащить. Хочу его мотивировать. Пускай она садится в машину к Юрию и возьмет трубку,

сразу же, — сказал Волчек.

— Он пудрит нам мозг, Олек. Нельзя сейчас…

— Давай по-быстрому, иначе я сваливаю на самолет.

Волчек играл отведенную ему роль. Артурас, должно быть, уже рассказал ему о налете на пентхаус в Сёверн-тауэрс и свершившемся возмездии — стрельбе в ресторане Джимми, в результате которой он опять отбил Эми. Артурас никак не мог позволить Волчеку удариться в бега — ему нужно было увидеть брата на свидетельском месте, иначе весь его план летел прахом.

Он вытащил из пальто мобильник, набрал номер, передал Волчеку, и оба отступили в холл. Я последовал за ними, краем глаза присматривая за Виктором, который с подозрительным видом не сводил с меня глаз. Бугай Грегор сидел где-то в зале.

Я подошел к Волчеку с Артурасом, которые уединились в тихом уголке холла.

— Юрий, это Олек. Бери девчонку — только ты, без никого — и вези в суд. Возьми «Мерседес». Кинешь эсэмэску, когда будешь на месте. Потом жди. Получишь дальнейшие инструкции. Дай ей трубочку… — Специально для меня он говорил

по-английски, как и договорились.

Сильный удар в ребра чуть не переломил меня пополам — быстрый, незаметный. Холл был абсолютно пуст. Все уже сидели в зале, ждали возобновления разбирательства. На физиономии Артураса, всегда деланно безличной, маской застыла ненависть. Он сделал попытку ударить еще раз, но я перехватил его кулак. Отстраненно-официальную форму обращения Артурас тоже оставил.

— Даже если твоя дочка выживет, сам ты сегодня сдохнешь! Я тебе это обещаю, — прошипел он.

Я ничего не сказал. Артурас вывернул из моего захвата кулак, разгладил пальто и смачно плюнул на пол.

Волчек нажал на громкую связь.

Эми не могла говорить. Все, что я слышал, — это лишь судорожные неконтролируемые всхлипы. Желудок у меня рванулся куда-то к горлу, рот наполнился желчью. Я слышал, как Юрий на заднем плане пытается ее успокоить. Эми взвизгнула. На лице Артураса застыла та мерзкая улыбочка, которую я впервые увидел прошлым утром. Я попробовал сосредоточить внимание на Волчеке, на Эми, на чем угодно — только не на безудерж-

ном стремлении немедля вырвать ему глотку.

— Что ей сделали? — спросил я.

Прежде чем Волчек успел ответить, в динамике телефона отозвался Юрий:

— Ничего. Просто плачет. Дать ей конфетку?

Мне показалось, что парень он малость тормозной.

— Да. Дай. Успокой ее, Юрий. И выдвигайся.

Незаметно для Артураса Волчек легонько кивнул мне — типа, все сделал, как договаривались.

Я кивнул в ответ. Настало время и мне выполнить взятые на себя обязательства.

Глава 60

Волчек уже занял свое место за столом защиты, и я уже собирался присоединиться к нему, когда на середине прохода Артурас вдруг ухватил меня за рукав, развернул.

При звуках его ледяного, тихого голос у меня по спине опять побежали мурашки.

— Думаешь, все эти адвокатские штучки тебе помогут? Можешь сколько угодно дурить Волчека, но только не меня. Ты никогда не выиграешь это дело. Ты просто ничего не знаешь. Бомба у тебя на спине — не единственная бомба в здании. Есть еще два взрывных устройства в подвале. Очень мощных. Если хочешь, чтобы твоя дочь осталась жива, быстро вызывай на трибуну Малютку-Бенни. И ни слова Волчеку, иначе мы пришьем ее прямо сейчас.

Первой моей мыслью было, что Левин успел сообщить Артурасу про ордер на обыск в моей квартире. Что бы Артурас туда ни подсунул, это должно было обнаружиться лишь после того, как осядут дым и кирпичная пыль. Артурас не хотел, чтобы меня арестовали до тех пор, пока все не закончится. Всем сейчас приходилось действовать

в соответствии с навязанным ФБР расписанием.

11:20.

Сорок минут на то, чтобы вызвать Бенни и дать Волчеку обещанный результат.

— Всем встать! Прерванное заседание объявляется открытым!

Самая быстроходная из судей в здании просеменила своими маленьким ножками по залу и плюхнулась в кресло. Я понимал, что даже при лучшем раскладе никаких сорока минут у меня нет. Люди Кеннеди могли вломиться в мою квартиру абсолютно в любую секунду. Оставалось только верить, что успею. Нельзя было не успеть.

Переставил таймер на обратный отсчет к полудню.

— Тебе это понадобится, — буркнул Артурас, чем-то больно ткнув меня в живот. Рука поймала этот предмет, прежде чем тот упал на пол. Даже не глядя, я сразу понял, что это. Ручка — подарок Эми, та самая ручка, которую я отдал Джимми, чтобы Эми поняла, что перед ней друг. Колпачок показался каким-то странным на ощупь, и, приглядевшись, я увидел на нем запекшуюся кровь.

Прежде чем я успел спросить, Артурас пробормотал сквозь зубы:

— Это не ее кровь, адвокат. Она была у нее в руке, когда я шлепнул парня рядом с ней. Вызывай Бенни, быстро!

— Вы уже закончили, господин советник? — язвительно поинтересовалась судья Пайк, когда Артурас убрался на свое место. — С вашим опозданием мы разберемся в конце рабочего дня. А теперь, коли уж вы закончили свой небольшой перерыв, мистер Флинн, имеете ли вы какие-то дальнейшие вопросы к свидетелю?

Волчек кивнул.

Я выкинул ордер и фургоны из головы. Сейчас это не имело значения. Надо было дать Волчеку результат, ради Эми. И для спасения жизни дочери я был готов вновь окунуться в хитроумные юридические игры.

— Всего лишь несколько вопросов, ваша честь, — сказал я.

Мартинес улыбнулся. Полагал, что с ним уже закончили — и без того все ясно.

— Офицер Мартинес, вы несли полную единоличную ответственность за расследование убийства мистера Геральдо, так?

— Именно так.

— Верно ли утверждение, что еще один свидетель по данному делу, свидетель Икс, и является

тем человеком, который стрелял в мистера Геральдо и тем самым причинил ему не совместимые с жизнью ранения?

— Верно, только он говорит, что сделал это по приказу вашего клиента.

— И полиция обнаружила его в квартире потерпевшего вместе с орудием убийства, впоследствии получив от него признание в убийстве мистера Геральдо?

— Да.

— Я, конечно, понимаю, что вы не юрист и тем более не адвокат, но вам довелось расследовать значительное число насильственных смертей и неоднократно участвовать в судебных разбирательствах по обвинению в убийстве. Если подозреваемый был обнаружен в квартире вместе с потерпевшим и орудием убийства, которое лежало у его ног — что называется, с поличным, — то у него вряд ли было много оснований для защиты?

Мартинес принужденно улыбнулся и ответил:

— Может, и немало, особенно если б это вы его защищали, мистер Флинн.

Присяжные захихикали. Коп явно пришелся им по душе. Нажимать не стоило.

— Учитывая ваш опыт участия в подобных су-

дебных разбирательствах — может ли человек в таком положении сделать или сказать что-либо, чтобы получить более мягкое наказание?

— Такое вполне возможно.

— И на месте преступления не обнаружено каких-либо вещественных улик, каким-либо образом указывающих на подсудимого?

— Нет. Только та половинка купюры, которой обладал на момент совершения преступления свидетель Икс.

— На ней не было пальцевых отпечатков обвиняемого, так ведь?

— Единственные пригодные для идентификации отпечатки на ней оставлены свидетелем Икс и дежурным офицером изолятора временного содержания, который оформлял его поступление. Все прочие пальцевые отпечатки перекрыты отпечатками двух указанных лиц.

— Прошу прощения, офицер Мартинес. Наверное, вы просто хотели сказать «нет». Отпечатки подсудимого на той рублевой купюре не обнаружены, верно?

— Отпечатки подсудимого не обнаружены.

— Офицер, в прошлом департаменту полиции доводилось выдвигать обвинения на основе частичных отпечатков ладони. Это так?

— В принципе, да.

— И частичные отпечатки ладони на купюре тоже не обнаружены.

— Нет, не обнаружены.

— Так что нет никаких технических свидетельств тому, что Олек Волчек мог вообще прикасаться к этой купюре?

Мартинес бросил взгляд на Мириам. Та ему ничем помочь не могла.

— Верно.

— Больше вопросов не имею.

Отнюдь не высший пилотаж. Но даже если так, я сделал все, что мог, и кое-чего добился. Дали б мне еще часок-другой, и вышло бы получше, но просто не было времени.

— Допрос не возобновляю, — сказала Мириам.

Я прошептал Волчеку:

— На каком «Мерседесе» приедет Юрий?

— На белом, S-класса.

Коп поблагодарил присяжных и встал, освобождая трибуну. Такие моменты, когда одного свидетеля уже отпустили с миром, а другого еще не вызвали, все собравшиеся в зале — судья, представители сторон, публика — воспринимают как небольшой необъявленный перерыв: примерно как во время бейсбольного матча, когда «дом»

в ожидании подачи занимает новый отбивающий с битой в руках. Артурас сидел позади меня, чуть справа. Я отклонился влево и украдкой набрал на мобильнике Кеннеди текстовое сообщение для Джимми: «Я договорился с Волчеком. Эми будет в белом «мерсе» S-класса где-то возле суда. Не рыпайся, пока я не скажу. Но будь готов забрать ее по моему сигналу».

Глава 61

— Миз Салливан, вы готовы вызвать следующего свидетеля? — спросила судья Пайк.

— Да, ваша честь. Народ вызывает Никки Бланделл.

Из публики поднялась симпатичная молодая женщина с бледной кожей, стала пробираться к свидетельской трибуне. Белые струящиеся слаксы и кремовая блузка, светло-каштановые волосы забраны в узел. Высокая, атлетически сложенная, двигалась она проворно и грациозно. Мириам, скорее всего, потратит на нее минут тридцать. Я подбежал к обвинителю в тот самый момент, когда танцовщица ночного клуба открывала калиточку в трибуне.

— Может, не будем ходить вокруг да около, перейдем к сути? На фига тебе эта танцорка? Вызывай сразу свидетеля Икс, и быстро со всем покончим.

— У меня всё по списку, Эдди. Потерпи, получишь еще гвоздь моей программы.

— Можешь задавать наводящие, я не возражаю. Только давай в темпе.

Обычно обвинение не вправе задавать свиде-

телю наводящие вопросы. Но меня поджимало время, а Мириам должна была с радостью ухватиться за возможность практически подсказать своей танцовщице нужные ответы, проследить, чтобы Никки исполнила свою партию без единой фальшивой ноты.

Стоя рядом с Мириам, я почувствовал, как телефон Кеннеди завибрировал. Отвернувшись от Артураса, проверил сообщения — есть ответ от Джимми! «Жду. Послал Ящера прикрыть тебе спину».

Пока «ночная бабочка» произносила слова присяги, тайком набил ответ: «В мусорке возле лифтов на подземной парковке лежит ствол».

Мириам сразу взяла быка за рога.

— Миз Бланделл, вы работаете танцовщицей в ночном клубе «Сирокко» на Седьмой Восточной улице?

— Да.

Гляделась Никки Бланделл вполне элегантно и изъяснялась довольно культурным языком, практически без всякого акцента или простонародного говора. Мне подумалось, что Мириам наверняка убила кучу времени, чтобы подобрать ей соответствующий гардероб — так, чтобы вид был сугубо деловой и ничем не наводил на мысли

о типичных девицах, выламывающихся у шеста в ночных клубах.

— А чем вы занимаетесь помимо работы в клубе «Сироккo»?

— Изучаю юриспруденцию в Колумбийском[31].

Фигасе! А я-то ожидал, что Никки Бланделл окажется какой-нибудь смазливой прошмандовочкой, с которой я управлюсь одной левой. На такое никак не рассчитывал — без пяти минут юрист, почти профессионал… Присяжные таких свидетелей обожают.

— Вы работаете в клубе уже два года?

— Совершенно верно.

— На первый взгляд несколько странное сочетание — юриспруденция и исполнение эротических танцев.

Публика такое тоже любит. Присяжные поначалу несколько засмущались, но сразу заулыбались, даже подались вперед, прислушиваясь к ответу.

— Ну я работаю у шеста, и этот стиль скорее можно назвать экзотическим, нежели эротическим. Это не какая-то там пошлая безвкусица,

[31] notes: 31

Колубийский университет — частный университет в Нью-Йорке, один из известнейших и престижнейших университетов США, входит в элитную Лигу плюща.

это настоящее искусство. — Вторую часть своего ответа она адресовала непосредственно жюри: — А вообще-то я научилась танцевать у шеста на вечерних курсах в доме культуры и часто ходила туда сразу после церкви, она была рядом. Куча девчонок ходили туда просто как на фитнес. Отлично развивает мышцы, а растяжка так просто чудо. За универ я плачу сама. Официанткой такие деньжищи вовек не поднимешь. Мой папа, он пастор… В общем, он сказал, что ничего тут такого, вот я и решила: почему бы и нет?

Присяжные обменялись кивками. Даже дамочки с крестиками заулыбались, пожимая плечами — действительно, что тут такого? Любые очки, которые я мог набрать на основе рода занятий Никки Бланделл, безнадежно шли лесом.

— Миз Бланделл, я прошу вас мысленно вернуться в тот имеющий отношение к делу вечер около двух лет назад, четвертого апреля. Тогда вы работали в клубе и что-то видели?

— Угу. Я только что закончила свой обычный номер, и вдруг гляжу — вспышка в толпе. От фотокамеры. Это привлекло мое внимание. Посетителям вообще-то запрещено фотографировать в клубе, такие уж правила, менеджер строго

следит. Так что вспышка была чем-то из ряда вон выходящим. Мне захотелось посмотреть, кто снимает.

— И что вы увидели?

— О, я увидела подсудимого — вон он там сидит. — Она ткнула пальцем на Волчека. — Совершенно отчетливо. Он полез в драку с другим парнем — наверное, с тем, кто фотал. Они долго толкались и пихались; потом их разняли.

— Насколько вы уверены в том, что человек, которого вы видели, — это действительно подсудимый?

Никки поглядела на присяжных, кивнула и произнесла:

— Жизнью могу поклясться! Это на сто процентов был подсудимый. Это он первый начал. Мне показалось, он вообще хочет убить того другого парня. Это был он, без всяких сомнений!

Офигительный ответ, и Мириам намеренно сделала паузу, чтобы он как следует отложился в головах у присяжных. Если говорить о гвоздях программы, то пока что таковым оказалась Никки.

— На каком расстоянии вы находились от подсудимого и того другого человека?

— Я бы сказала, где-то футов семьдесят.

— Когда вы заметили драку, то узнали человека с камерой?

В заметках перед собой я подчеркнул слово «камера». Оно неожиданно дало мне подсказку, как управиться с Бенни и отыграть несколько минут наедине с Волчеком.

— Не в тот раз, но где-то через неделю я увидела его портрет в газете. В статье было написано, что его зовут Марио Геральдо и что его убили на следующий день после того, как на него напали в клубе. А я ведь все видела! Мне стало так страшно, что я позвонила в полицию.

— Впоследствии вы посетили районный отдел полиции, где вам показали несколько фотографий лиц, среди которых предположительно мог быть тот человек, который при вас напал на Марио Геральдо. Помните, как это было?

— Угу. Целую стопку фоток перебрала, пока не наткнулась на того, кто напал на потерпевшего.

Мириам высоко подняла фотографию Волчека. В департаменте полиции хранятся фотографии всех, кто подозревается в принадлежности к организованной преступности в городе, а уж главарей — тем более.

— Вот этот снимок вы выбрали?

— Да. Этот человек и напал на парня с фоти-

ком.

— Прошу занести в протокол, что свидетельница опознала по фотографии именно Олека Волчека.

Еще одна пауза для вящего эффекта.

— Миз Бланделл, подсудимый указывал на то, что дело было в переполненном ночном клубе. Как вышло, что вы так четко его рассмотрели?

— Потому что я была на сцене и смотрела на всех сверху. Вообще-то с этого места самый лучший обзор на весь клуб. У меня была, типа того, верхняя точка.

— Миз Бланделл, вы сообщили, что та драка имела место вечером четвертого апреля, всего за сутки до того, как Марио Геральдо, потерпевший по данному делу, был убит. По какой причине вы настолько уверены, что это было именно в ту конкретную дату?

— Ну, это просто. На следующий день у моей мамы был день рождения. Помню, что пришла домой со смены и до пяти утра пекла ей пирог.

Мириам отвернулась от свидетельницы, подмигнула мне и с довольным видом уселась в окружении своих поддужных.

— Лихо, — буркнул Волчек.

— Десяток вопросов — и от нее рожки да ножки

останутся, — заверил я.

Глава 62

— Миз Бланделл, сколько вы выпили в тот вечер четвертого апреля?

С этим неудобным вопросом я решил разделаться в самом начале.

Давая ответ, она подалась всем телом к присяжным, словно это была какая-то интимная материя, чисто для своих.

— Менеджер принес перед началом программы в раздевалку бутылочку шампанского, на всех девочек. Так что, может, разве что один бокал.

— Вы сказали, что находились приблизительно в семидесяти футах от тех двоих, когда увидели драку; а не могло это быть в восьмидесяти, девяноста, ста футах?

— Ну нет, не настолько далеко. Я бы сказала, в восьмидесяти максимум.

— Клуб «Сирокко», должно быть, такой же, как и большинство подобных ночных заведений в этой части города, — весь пышет огнями, ярко освещен?

Никки рассмеялась, прикрыв рот ладошкой, похлопала ресницами на жюри.

— Нет. Конечно, нет. Там было темновато.

— Но вы-то сами были хорошо освещены? Вы же там звезда — два-три прожектора-то на вас точно было направлено?

— Вообще-то четыре. Хотя нет, погодите… Да, по-моему, четыре.

— А сколько народу вмещает «Сирокко»? Две, три тысячи?

— Четвертое апреля — пятница, так что народу в клубе было битком. Угу, с пару тысяч запросто. Но я видела, что видела. Как я уже говорила, первым делом мое внимание привлекла фотовспышка. Я видела, как этот человек, подсудимый, напал на мистера Геральдо. Совершенно четко видела.

Это наверняка ей Мириам в голову вбила: вертывать про то, как она опознала подсудимого, при каждом удобном случае.

— Давайте проверим, все ли я правильно понял: вы употребляли алкоголь, вы предположительно довольно-таки устали, поскольку как раз заканчивали свою программу, яркие прожекторы светили вам прямо в лицо, и в восьмидесяти футах от себя, в темноте, среди пары тысяч людей вы четко и ясно разглядели подсудимого?

Никки Бланделл, которая сидела нога на ногу, поставила на пол обе ноги, потом опять закинула

одну на другую, быстро заморгала, поглядела на жюри…

— Да, — выдала она наконец.

Кое-кто из присяжных откинулся назад и скрестил руки на груди, — похоже, понемногу пересматривая свое первое впечатление от Никки.

— Тогда вы не придали этой драке особого значения — связались с полицией только после того, как прочитали статью в газете и наткнулись на снимок мистера Геральдо. Вы именно такое показали в ходе прямого допроса, верно?

— Верно.

— Вот эту статью? — уточнил я, поднимая на всеобщее обозрение экземпляр «Нью-Йорк таймс», который нашел прошлым вечером в одной из папок с делом. Газета была сложена пополам, так что свидетельнице и присяжным были видны лишь название газеты, фотка Марио и заголовок: «УБИЙСТВО В ГАНГСТЕРСКОМ СТИЛЕ».

— Да, эту самую статью.

— Во время прямого допроса вы сообщили, что в районном отделе полиции выбрали фото подсудимого и опознали на нем человека, который устроил с потерпевшим драку, но других причин выбрать ее, помимо ваших воспоминаний о том,

что произошло четвертого апреля, у вас не было, верно?

— Верно.

— И до этого вы никогда не видели фотографий подсудимого?

— Нет. Конечно же, нет. До этого никаких фотографий подсудимого я не видела.

Я развернул газету, чтобы свидетельнице и присяжным было видно фото под сгибом — Волчек выходит из здания суда сразу после того, как ему предъявили обвинение в убийстве.

— Прошу занести в протокол, что в статье, которую свидетельница, по ее собственным словам, читала перед тем, как связаться с полицией, имеется фотография подсудимого, Олека Волчека, — объявил я, тщательно избегая напрямую задавать свидетельнице вопросы на эту тему, в ходе чего у нее появился бы шанс хоть что-то объяснить.

Зажав в руке первую попавшуюся фотку, вытащенную из папки со снимками с места преступления, я задал следующий вопрос:

— Когда вы увидели подсудимого в огромной толпе, в темноте, в восьмидесяти футах от себя и при четырех нацеленных вам в лицо прожекторах, была ли у него борода, как сейчас, или он

был чисто выбрит?

Опять старый фокус моего папаши. Увидев у меня в руке тыльную сторону какой-то фотографии, она закусила губу. Наверняка просекла, что я мог раздобыть стоп-кадры с записей камер наблюдения за тот вечер — например, как Волчек выходит из клуба. Она не знала, брит он был или небрит, но кто ее в этом обвинит? Такие мелкие подробности частенько ускользают от глаз очевидцев, даже самых добропорядочных. Ей следовало быть поаккуратней — с той статьей я ее уже подловил.

— Не знаю. Он был слишком далеко.

Я наклонился и стал старательно записывать ответ в свой адвокатский блокнот, громогласно и медленно диктуя сам себе — естественно, для присяжных: «Не — знаю — он — был — слишком — далеко».

— Еще один вопрос, миз Бланделл. Не планируете ли вы после окончания обучения пристроиться на какую-нибудь должность в офисе окружного прокурора?

— Пока об этом не думала, — ответила она.

Даже если и не соврала, присяжным от спекуляций на эту тему уже не отвязаться.

— Благодарю вас, миз Бланделл.

Кое-кто из членов жюри посматривал на Мириам уже довольно неодобрительно — мол, и стоило на такое время тратить?

— Есть вопросы? — спросила у нее судья Пайк.

Мириам покачала головой. Спускаясь с трибуны, Никки нерешительно улыбнулась ей. Обвинительница не стала улыбаться в ответ.

— Ваша честь, мы вызываем свидетеля Икс, — объявила Мириам.

Глава 63

Приставы открыли боковую дверь в дальней стене, футах в шести за свидетельской трибуной. Из нее шагнул конвойный в черной фуражке, за которым двигался какой-то человек в отлично сидящем костюме. Конвойный отпер наручники, снял их со свидетеля.

Волчек зажал в руке пульт детонатора — так, чтобы Артурас хорошо это видел. Свидетель Икс оказался довольно миниатюрным, но вполне представительным мужчиной. Пока он подходил к свидетельской трибуне, я хорошенько пригляделся к его внешнему облику — в первую очередь к глазам и линии рта. И сразу его узнал. Он был помоложе и помельче Артураса, но жесткие черты лица были точь-в-точь как у брата. Обернувшись через плечо, я увидел, как Артурас улыбается своему младшенькому. Улыбка эта ничуть не напоминала ту недобрую ухмылочку, которая последнее время просто не слезала с физиономии Артураса. И было у меня чувство, что улыбки, которыми обменялись братья, были понимающими.

Бенни был явно посвящен в его план.

Секретарь суда предложила свидетелю выбор: принести присягу в виде клятвы на Библии или просто торжественного обещания. Бенни выбрал Библию — взял ее в правую руку, зачитал текст присяги с карточки[32]. С разрешения судьи сел на стул.

Я глянул на таймер — до полудня двадцать минут.

Если я позволю Мириам прогнать Бенни через прямой допрос, мое время истечет прежде, чем наступит мой черед его допрашивать. У меня уже была пара мыслишек, как управиться с этой проблемой, но одно-единственное слово — «камера», прозвучавшее в ходе допроса Никки Бланделл, — подсказало мне идею получше. Все, что мне сейчас требовалось, — чтобы Мириам дала мне вклиниться. Если повезет, то такой шанс представится после первого же ее вопроса — так сказать, затравочного. Тогда все остальное она уже сама за меня доделает.

Мириам встала и принялась озвучивать свой первый вопрос — совершенно безобидное вступ-

---

[32] notes: 32

Вообще-то в США, когда приносят присягу в суде, на Библию кладут левую руку, а правую поднимают вверх. Так, как описано в книге, дают присягу в Великобритании — опять сорвалось у автора-ирландца по профессиональной привычке…

ление из серии «здрасте-рады-вас-видеть-добро-пожаловать-в-суд». Я затаил дыхание, когда она положила перед собой свои записи, посмотрела на свидетеля… и все-таки выдала то, что требовалось:

— Ничего, если я буду называть вас «мистер Икс»?

Я тут же вскочил со стула, высоко вздернув руку.

— Возражаю, ваша честь!

Мириам, явно застигнутая врасплох, быстро оправилась от неожиданности — изумленное выражение у нее на лице сменилось откровенной злобой. Ее голос обрушился на меня, словно размеренное буханье барабана, а каждый ритмично выделенный слог был буквально пропитан глубоким ко мне отвращением.

— Ваша честь, до настоящего момента я просто терпела выходки мистера Флинна, но это уже ни в какие ворота не лезет! У него нет абсолютно никаких законных оснований возражать против подобного вопроса!

Судья Пайк, которая до этой вспышки обвинительницы смотрела на меня так, будто я только что помочился прямо на пол, вдруг перенесла свой молчаливый укор и на Мириам — сдвинула

очки на самый кончик носа и глянула на нее поверх оправы, словно бы говоря: «Я и сама как-нибудь управлюсь со всякими говнюками в суде, благодарю вас, миз Салливан».

— Мистер Флинн, что вы творите? У вас нет оснований выдвигать возражения против этого вопроса. Отклоняется! Пожалуйста, сядьте и держите язык за зубами, пока не найдете законного повода для протеста, — ледяным тоном произнесла судья Пайк.

Но я еще не закончил.

— Ваша честь, у меня все-таки есть основания возражать против данного вопроса, и, если ваша честь позволит, я хотел бы их привести.

Времени на дальнейшие препирательства уже не оставалось. Прежде чем она опять успела меня заткнуть, я сразу развернул свои аргументы:

— Ваша честь, в ходе судебного разбирательства в Соединенных Штатах любой человек, мужчина или женщина, имеет право знать личность свидетеля, дающего против него показания, а также право на очную ставку с ним. Эти права охраняются шестой поправкой. Прошу суд рассмотреть мое ходатайство по данному вопросу.

Физиономия Габриэлы Пайк выражала открытый скептицизм. Судья повернулась к Мириам,

словно испрашивая у нее помощи — типа, может, хоть у тебя еще осталась капелька здравого смысла?

— Мне совершенно непонятно, почему мистер Флинн поднял этот вопрос только в настоящий момент, ваша честь. Этот свидетель фигурирует в списке уже несколько месяцев. У мистера Флинна было полно времени, чтобы обсудить законность его выдвижения и выразить свой протест. Призываю вашу честь отвести это ходатайство.

Ага, исправляемся — вот уже «призываем», а не «требуем».

— По-моему, мистер Флинн, вам следовало поднять этот вопрос ранее. Но раз уж вы выдвинули его на данной ключевой стадии процесса, я вынуждена вас сейчас ненадолго покинуть и попросить секретаря подыскать соответствующий прецедент[33]. Вернусь через пять минут.

---

[33] notes: 33

Американская судебная практика во многом основана на так называемом прецедентном праве. То есть если по схожему делу некогда было вынесено то или иное судебное решение, то оно обретает чуть ли не ранг закона. По этой причине адвокаты держат в голове великое множество судебных прецедентов — порой совершенно замшелых, еще времен освоения Дикого Запада. Существуют специальные справочники, в которых приводятся наиболее расхожие случаи, но иногда требуется что-нибудь эдакое — тогда без помощника никак. Так что даже самые небогатые из адвокатов частенько нанимают секретарей — специально для того, чтобы те часами просиживали в библиотеках и архивах, раскапывая подходящие случаю прецеденты.

При рассмотрении данного судебного спора присутствие присяжных не требуется. Мы вернем жюри, когда будем готовы продолжить основное слушание. Насколько я понимаю, миз Салливан, поскольку суть данного вопроса заключается в том, имеет ли свидетель Икс право сохранять свою анонимность, то вы не против провести слушание ходатайства мистера Флинна *in camera*?

— Не против, ваша честь, — сказала Мириам.

Никуда бы они не делись, такие вопросы рассматриваются только *in camera*. Этот старинный юридический термин на латыни означает судебное заседание за закрытыми дверями, без участия присяжных и публики.

Судья поднялась и со словами «Очистить зал!» удалилась в свои судейские палаты.

Я услышал у себя за спиной смех Волчека.

— Так и знал, что у тебя найдется что-нибудь в рукаве!

Пристав уже выдворял из зала всех, кроме судейских и обвиняемого.

Артурас подхватил чемодан.

— Алё! Мне понадобятся документы!

Он чуть помедлил, после чего решительно покатил чемодан к выходу.

— Артурас, погоди. Он же сказал, что они ему

нужны, — крикнул Волчек.

С точки зрения Артураса, ни я, ни Волчек и понятия не имели, что на самом деле находится в чемодане. Так что в конце концов он сдался: бросил на меня тяжелый взгляд, выразительно постучал пальцем по часам, отпустил-таки чемодан и убрался из зала.

Очередной перерыв еще больше урезал время, оставшееся у меня на Бенни, но нужно было еще разок надавить на Волчека.

Когда я убедился, что мы остались более или менее наедине, а из-за стола обвинения нас не слышно, то выложил на стол мобильник Кеннеди. Сказал Волчеку, что затеял всю эту пургу только для того, чтобы без посторонних ушей организовать намеченный обмен. Вообще-то я втайне надеялся, что он уже видел достаточно, чтобы отпустить Эми.

— Бенни считай что уже нет. Давай, приступаем. Звони водиле, пусть отпускает Эми.

— Нет. Будем придерживаться плана. Сначала мне нужно решение. А сейчас только все заготовим, как и договаривались.

Он набрал номер, стал дожидаться ответа. Я сделал то же самое.

Джимми ответил первым.

— Это я. Видишь тачку?

— Вижу. Футах в тридцати от меня. Водила снаружи, прислонился к задней двери. Не доверяй Волчеку! Он кинет тебя и убьет Эми, — отозвался Джимми.

Прикрыв трубку сложенной в горсть ладонью и стараясь говорить потише, я сказал:

— Не думаю. В данный момент я — единственный, кому он может доверять. Только я могу спасти его жопу, так что я ему нужен. Но если все повалится к чертям, я хочу, чтобы ты сделал все возможное… Чтобы Эми…

— Можешь всего этого не говорить. Не исключено, что я возьму ее прямо сейчас. Погоди. Водила базарит по телефону.

Волчек начал что-то говорить по-русски.

— По-английски! — напомнил я ему.

— Юрий, жди моего сигнала. Это будет либо звонок, либо эсэмэска. Либо отпустишь девчонку, либо… Короче, сам знаешь, что делать, — сказал Волчек в трубку.

— Эдди, у водилы волына. Только что засветил из кармана, нарочно. Так что мне к ней не поспеть. Стоит, сука, у самой двери. Если Эми на заднем сиденье, то ему и секунды хватит, — сообщил Джимми.

— Жди. Я перезвоню. А если не смогу… Если со мной что-нибудь случится, обещай, что выручишь ее. Скажешь ей… Скажешь, что папа просил прощения. Скажешь, что я очень…

При мысли о том, что я могу потерять дочь, перехватило горло, слова не шли.

— Да знает она, что ты ее любишь! По-любому, она будет у меня. Удачи, братан. Ящер уже на подъезде.

Дверь судейских палат распахнулась — появилась судья Пайк.

Мы с Волчеком быстро отключились, спрятали телефоны.

Уже заталкивая мобилу в карман, я почувствовал короткую вибрацию — эсэмэска. Пайк смотрела прямо на меня. Нельзя сейчас посмотреть. Пока что нельзя.

Глава 64

— В чем суть вашего ходатайства, мистер Флинн? — спросила судья.

— Ваша честь, несомненно, вы читали дело «Народ против Стэннарда» и аналогичные прецеденты. Согласно прецедентному праву оно устанавливает, какие моменты госпожа окружной прокурор должна доказать, чтобы по-прежнему сохранять личность свидетеля в тайне. Любой мало-мальски опытный адвокат по уголовным делам хотя бы раз в жизни сталкивался с подобной проблемой. Лично в моей практике встречались два дела, в которых пришлось решать данный вопрос. Оба были связаны с контрольными закупками — это когда полицейский под прикрытием изображает из себя покупателя наркотиков, покупку фиксируют, а на суде переодетый коп не выдает своих личных данных, выступая только под номером своего полицейского значка. Сохранение анонимности свидетеля ущемляет право моего клиента на защиту и может быть рассмотрено как оказание на него психологического давления. Ваша честь, прошу вашего разрешения допросить данного

свидетеля только по предмету данного спора. Я ничуть не стремлюсь вызнать его личные данные — желаю лишь выяснить, насколько сильны его аргументы в пользу того, что в случае их раскрытия жизнь его окажется в опасности. Если вы сочтете эти аргументы недостаточными, тогда в защите его личных данных нет нужды и он должен быть поименован.

— Не вижу препятствий. Могу по-быстрому провести прямой допрос, — сказала Мириам, — но лишь при условии, если он будет проводиться в присутствии присяжных.

Салливан и тут решила не упускать возможную выгоду — мол, если сейчас перед лицом присяжных я задам жару бедненькому Бенни, скрывающему свои имя-фамилию от бандитов, то к нему они начнут испытывать симпатию, а меня сочтут жестоким бессердечным крючкотвором, которому все средства хороши.

— Согласен, — сказал я. Мне-то нужно было просто опять затащить Бенни на свидетельскую трибуну, причем как можно скорее.

— Отлично. Тогда возвращаем свидетеля и присяжных. Кстати, раз уж присяжные все равно будут присутствовать, есть какие-нибудь возражения по поводу публичного слушания данного

вопроса?

Мы с Мириам помотали головами.

— Тогда я сейчас прервусь, пока присяжные не займут свои места, — заключила Пайк и ушла к себе. Так, еще пару спокойных минут выиграли. Конвойный скрылся за боковой дверью — пошел за свидетелем Икс.

Пристав распахнул двери, и зал быстро наполнился опять. Артурас, Виктор и Грегор тоже вернулись. Направляясь к своему месту, Артурас сосредоточенно тыкал в кнопки телефона. Несколько секунд подержал его возле уха, цокнул языком, опять поднес к глазам и повторил процесс. Убрал с глаз долой, только добравшись до первого ряда скамеек, — чтобы судья не увидела. Прежде чем сесть, долго оглядывался на двери, в явном нетерпении. Уселся, сложил руки на груди. Наверное, пытался кого-то отловить по телефону — кого-то, кто должен был в любую секунду появиться в дверях. Но кого бы он ни ждал, тот так и не появился.

Я вновь ощутил вибрацию мобильника Кеннеди. Артурас пересел ко мне поближе. И телефона-то из кармана не вытащить, чтобы глянуть на экран, — заметит! Прошептал так, чтобы Волчек с Артурасом услышали:

— Схожу потолкую с прокуроршей, попробую вызнать, на какие прецеденты она думает ссылаться.

Волчек немного поразмыслил и все-таки разрешил:

— Давай.

Завидев меня возле своего стола, Мириам насупилась. Я потолкался рядом, опираясь на стол и перебирая бумаги. Повернулся спиной к Волчеку. Вибрация прекратилась.

— Тебе стоит на это глянуть, — обратился я к Мириам. протягивая ей один из снимков с места преступления.

— Что? Хочешь сказать, что этой фотки нет среди… Хотя нет. Лучше скажи, какое присяжным вообще дело до какой-то недостающей фотографии! — сразу же повелась она.

— Вот, смотри, — сказал я.

Она встала, обошла стол и встала слева от меня, отлично прикрыв меня от русских. Пока я нес какую-то чепуху про сломанную фоторамку, телефон Кеннеди завибрировал снова. Коротко, два раза. Потом опять тишина. Видать, был звонок, а теперь эсэмэски.

Едва только Салливан в очередной раз уткнулась носом в фотки, как я сразу же выхватил

мобильник.

Телефон Кеннеди зарегистрировал два новых сообщения и четыре пропущенных вызова.

Глянул на звонки. Два первых были от кого-то Феррара, еще два от Вайнштейна. Наверное, агенты. Стал открывать сообщения.

Первая эсэмэска пришла пять минут назад от Феррара: «Мы возле квартиры адвоката. Ты на связи? Входим через 60 секунд, если не скажешь подождать».

Открыл последнее сообщение, отправленное две минуты назад. М-да, здорово же я недооценил Артураса… «Нашли предсмертную записку Эдди Флинна. Он собирается взорвать здание суда. Нашли еще грузовую декларацию “Саши” и план здания. Бери его и ищи взрывчатку».

Тут телефон завибрировал прямо в руке — опять звонил Феррар. Мириам была слишком поглощена разглядыванием фоток, чтобы это заметить. Вообще ничего кругом себя не видела. Я глянул поверх ее плеча. Кеннеди сидел в четырех рядах от нас. Один. Никого из агентов вокруг — ясен пень, его телефон-то у меня, никому с ним не связаться. Я проиграл в голове наиболее вероятный сценарий. Феррар с Вайнштейном наверняка ломанутся из моей квартиры прями-

ком сюда. Займет это у них полчаса, сорок минут максимум. До Кеннеди Феррар не достучится, будет вызванивать других агентов.

Двойные двери резко распахнулись, и к месту Кеннеди быстро прошагал агент Колсон. Шепнул что-то ему на ухо. Кеннеди встал, двинулся в мою сторону. Я отступил от Мириам, встал в самом центре отгороженной перилами части зала, предназначенной для судейских — адвокаты называют ее «колодец». Вытаскивая на ходу пистолет, Кеннеди крикнул:

— Стоять, Флинн! Ты арестован!

Я все просрал.

Глава 65

Волчек заметил, как Кеннеди кинулся ко мне, и занес большой палец над мобильником в руке.

В кои-то веки мне не нашлось что сказать.

Кеннеди встал передо мной, нацелив свой «глок» мне в голову. Колсон тоже вытащил пистолет, но держался позади, прикрывал босса.

— Не того берете, — сказал я, поднимая руки.

— Лицом на пол, медленно, — приказал Кеннеди.

— Это мой адвокат! Это произвол! — выкрикнул Волчек.

Задрав руки повыше, я опустился на колено, потом на другое. Опустил руки на пол, лег. Мраморный пол холодил щеку. Раскинув руки, словно распятый на кресте, я слышал в ушах упругое биение пульса.

Мне заломили руки за спину, сковали наручниками. Чьи-то сильные руки рывком подняли меня на ноги.

— Да что вы тут, блин, творите? — завопила Мириам. — Я же предупреждала — это тот еще жук! Ну разве не ясно, что Эдди вас просто дурачит? Сам хочет, чтобы его арестовали! На пересмотр

дело тянет! Снимите с него наручники, пока присяжные не вернулись!

Агент не обратил на Мириам внимания.

Я ухитрился прошептать Кеннеди:

— До поверь же ты мне, наконец! Не делай этого. У них моя дочь. Артурас хочет освободить брата. У него автоматы, вон, в чемодане.

Кеннеди выступил вперед, чтобы увидеть головы людей в первых рядах. Чемодан был открыт, на его фальшивом дне сиротливо лежала единственная папка.

— В пустом-то? Поздно рыпаться, Флинн. Мы нашли твою предсмертную записку в квартире, а еще грузовую декларацию и планы здания. Все кончено.

В этот момент мне оставалось только молиться, что Джимми выручит Эми, что каким-то образом все-таки до нее доберется и отвезет домой к маме. Давненько же я не молился… Молитвенно сжав за спиной руки, я взывал к Богу спасти мою дочь. Руки и ноги словно обожгло кипятком, тело налилось свинцовой тяжестью, ударом молота прибила усталость — в воронку постигшего меня провала утекли последние капли адреналина, который один до той поры кое-как меня и поддерживал.

Кеннеди стал было выводить меня из зала, но не учел, что своим кавалерийским наскоком вызвал немалое бурление в рядах репортеров, которые устроили давку в дверях — всем приспичило щелкнуть меня выходящим из зала суда в наручниках.

Громовой голос у меня за спиной заставил Кеннеди застыть на месте.

— Офицер! Вы там! А ну заворачивайте назад! Черт бы вас всех побрал!

Этот голос я прекрасно знал.

Мы с Кеннеди синхронно обернулись. Перед своим креслом стояла судья Пайк, а рядом с ней возвышался верховный судья Гарри Форд. Его шестидесяти с чем-то лет как и не бывало. Какой там старичок-судья, дослуживающий до пенсии! Спина гордо выпрямлена, подбородок воинственно торчит вперед.

— Кто вы такой? — вопросил Гарри, пригвождая фэбээровца к полу пронзительным властным взглядом.

— Я — специальный агент Кеннеди, забираю подозреваемого для допроса, — отозвался тот, отворачиваясь и намереваясь двигать дальше.

– *Специальный агент* Кеннеди, один шаг за дверь с этим человеком — и буквально через час

вы уже просто *мистер* Кеннеди! Немедленно вернитесь, снимите с него наручники и сядьте на место, мать вашу! — гаркнул Гарри — больше как армейский капитан из вьетнамских джунглей, нежели судья. Кеннеди и впрямь остановился, и впрямь повернул назад, но наручников с меня не снял — а то и про них я чуть было не сказал «и впрямь».

— Конвойный! — прогремел Гарри стражнику, который только что вернулся в зал с Бенни. — Если специальный агент Кеннеди немедленно не освободит мистера Флинна, арестуйте этого агента. А будет сопротивляться — пристрелите его.

Взявшись было протестовать, Кеннеди обратился к суду.

— Этот человек — это… — начал он. Но лучше б вообще не вякал.

— Если через пять секунд эти наручники не снимут, то очнетесь уже в обезьяннике, прямо в этом здании! — рявкнул Гарри.

Я увидел, как взгляд Кеннеди заметался между мной и Гарри. Такой тишины, которая опустилась при этом на зал, я в жизни еще не слышал. Слыхать было даже, как Кеннеди все тяжелей и тяжелей дышит. В этой почти могильной тишине конвойный шагнул вперед и выхватил у него пи-

столет. Не знаю уж, что за магические эманации исходили в тот момент от Гарри, но на конвойного они точно подействовали, поскольку, завладев пистолетом, он тут же направил его на Кеннеди, будто бы так и надо. Тот придвинулся ко мне так плотно, что, кроме меня, никто его больше не слышал.

— Хочешь взорвать тут все к чертям, Эдди? Конец делу?

— Меня подставили. Я готов был на все, только чтобы спасти дочь.

— Где бомба?

— Говорил же, что Левин — оборотень.

О фургонах на подземной парковке говорить сейчас нельзя. Если скажу, Кеннеди эвакуирует все здание, а мне нужно еще чуток времени. Буквально совсем чуток.

— Я тебе не верю. Левин — агент под прикрытием. Охрана уже обыскивает здание. Не верю тебе ни на грош.

— Кеннеди, отпустите его, — распорядилась Мириам.

— Не могу. И кстати, это вопрос федеральной юрисдикции. Это не ваша сфера, миз Салливан.

— И можете, и отпустите! Вы находитесь в зале суда, в котором действуют федеральные законы,

да еще и собираетесь подарить главарю русской мафии пересмотр дела! Это *его* адвоката вы арестовали — процесс развалится, и он спокойно будет гулять на свободе. Вот этого-то и добивается Эдди. Неужели не понятно?

Я почувствовал, что Кеннеди колеблется. Взгляд его метался по залу, из головы разве что не шел пар.

— Время вышло, — объявил Гарри.

— Подождите еще чуть-чуть, пожалуйста. Стойте там. Просто смотрите. Не пожалеете — будет интересно, — ответил я Гарри и повернулся к Кеннеди: — Никуда я не денусь. В левом внутреннем кармане у меня визитка. Гляньте на нее.

К Артурасу я стоял спиной, и ему не было видно, что там достает Кеннеди у меня из кармана. Фэбээровец повертел визитку в пальцах.

— Это и есть та карточка, про которую я уже рассказывал. Вы — старший офицер Левина. Наверняка читаете его собственноручные рапорты. И попробуйте сказать, что это не его почерк.

Карточка позволила Кеннеди получить законную передышку. Хорошо, что я ее раньше ему не отдал. Лицо его заметно смягчилось, морщины на лбу разгладились. Дыхание из приоткрытого рта отдавало утренним кофе. Почерк он явно узнал.

— Это из бумажника Грегора. А теперь послушайте меня. Вы обыскиваете здание — просто замечательно. Пока ищете бомбу, даете мне немного времени. Тридцать минут. Если за полчаса вы мне так и не поверите, можете арестовать мой труп.

С Гарри было уже достаточно.

— Агент Кеннеди, ваши пять секунд давно истекли!

Я услышал сзади из толпы испуганные вопли, началась суматоха: люди у нас за спиной суматошно перелезали через ряды скамей, чтобы не оказаться на линии огня — конвойный с наставленным на Кеннеди пистолетом решительно шагнул вперед.

Мириам уже держала в руке телефон.

— Я звоню вашему городскому дежурному. Ваш директор наверняка захочет узнать, с какой это стати один из его агентов устроил бардак на судебном процессе над русской мафией — между прочим, самом крупном процессе такого рода за последние пятнадцать лет!

Кеннеди по-прежнему пребывал в замешательстве. Опустил голову. Стал опять обдирать ногтем заусенцы на большом пальце, чуть не до крови.

— Что вы говорили мне сегодня утром, агент

Кеннеди? Не забыли? Сами же сказали, что Эдди Флинн — бывший мошенник! Так теперь это он *вам* голову дурит, Кеннеди! Хочет, чтобы его арестовали, — тогда и суду конец. Чем дольше будет тянуться этот процесс, тем сложней будет защитить свидетеля от его бывшего босса. Ну, давайте же, думайте! Только попробуйте из-за подобной фигни развалить дело, от которого зависит вся моя дальнейшая карьера! Не выйдет!!! — окончательно разбушевалась Мириам.

Натужный выдох — и голова его вздернулась вверх.

— У вас двадцать минут, Флинн. Буду за вами наблюдать. Только рыпнетесь — и вы мертвец, — буркнул Кеннеди, расстегивая наручники. Кивнул судье, направился на свое место, не выпуская меня из поля зрения.

Конвойный убрал пистолет. Гарри с Габриэлой переглянулись, сели.

— Агент Кеннеди, закон в суде представляю я. Не забывайте об этом, — сказал Гарри.

Я опять занял свое место за столом защиты. В публике стоял такой шум и гам, будто это был не суд, а бой за звание чемпиона в тяжелом весе. Волчек схватил меня за рукав, притянул к себе.

— С чего вообще весь этот кипиш? — поинте-

ресовался он.

— Это удача. Просто офигенная удача.

Судья Пайк, похоже, была готова вернуть процесс на нормальные рельсы. Будучи большим модернистом-реформатором от традиционного судейского молотка она в свое время отказалась — типа, пережиток прошлого, — так что просто от души шмякнула ладонью по своей конторке красного дерева.

— Тихо всем!

Публика угомонилась.

— За оставшейся частью разбирательства будет наблюдать судья Форд, — объявила Пайк. — Учитывая поведение отдельных участников суда, я только рада, что он здесь тоже присутствует.

Щелкнув кнопкой, судья изготовила свою шариковую ручку к бою. Кончик ручки уткнулся в раскрытый блокнот и в любой момент готов был пуститься в пляс по бумаге, фиксируя показания свидетеля. Последний из присяжных пробрался на свое место, а Малютка-Бенни обосновался на свидетельской трибуне. Мириам предстояло задать несколько вопросов, касающихся угрозы жизни Бенни, после чего наступал мой черед.

Кеннеди не сводил с меня глаз.

Поднявшись на ноги и расправив пиджак,

Мириам встала поудобней и принялась за свой короткий прямой допрос.

— Мистер Икс, как вообще получилось, что вы стали свидетелем на данном процессе?

Бенни, похоже, подобный вопрос несколько озадачил, но ответил он быстро — обычно это хороший индикатор честного ответа.

— Полиция задержала меня на месте преступления.

— Какого преступления?

— Убийства Марио Геральдо.

— А кто убил Марио Геральдо?

Пауза. Бенни вытер рот.

— Я убил, — ответил он, как нечто само собой разумеющееся — будто у него спросили, как называется столица Австралии.

— Вы сами? — уточнила Мириам. Свидетель-то тормознул, упустил кое-какой важный момент, вот она и дала ему еще одну попытку. Надо было бы возразить, но я не стал.

— Да. Олек Волчек прислал мне сообщение. Имя потерпевшего на половинке рублевой банкноты. Другая половинка уже была у меня. Это такой старый русский код, кого надо убить.

Я вскочил, чтобы выразить протест. Нужно было поторопить Мириам, чтобы успеть самому

допросить Бенни.

— Ваша честь, это даже и близко не лежит к рассматриваемому вопросу!

— Вопрос к чему-то подводит? — спросила судья Пайк у обвинительницы.

— Да, ваша честь. Прямо сейчас до этого и доберемся, — отозвалась Мириам. — После того как вас арестовали за убийство, что произошло дальше? — продолжила она.

— Я заключил сделку. Выдал полиции, кто заказчик, а мне за это срок скостили.

— Все это время вы находились в тюрьме?

— Нет. Как заключил сделку, ФБР сразу посадило меня под свою защиту.

— Почему ФБР пришлось поместить вас в изолятор превентивного содержания?

Блин. Опять нельзя не возразить.

— Возражаю. Свидетель не может знать мотивов ФБР.

Судья Пайк изобразила нацеленной на Мириам ручкой кружок — мол, отмотай назад и перефразируй.

— Почему, на ваш взгляд, вы находитесь под защитой в надзорном учреждении, а не просто отбываете срок в тюрьме?

Бенни ничего не сказал. Посмотрел на Мириам,

потом на судью, потом его глаза остановились на Волчеке.

— Все просто, — начал он. — Олек говорит — другие убивают. За него. Меня давно уже по его приказу пришили бы, если б я сидел в обычной тюряге. ФБР защищает меня от окружения Волчека, потому что одно его слово — и ты покойник. Он знает, что я дал на него показания, и хочет меня убить.

Мириам поняла, что больше тут ничего особо не выжмешь, так что попросту кивнула.

— Вопросов больше не имею.

Судья посмотрела на меня, ожидая начала перекрестного допроса. Охрана, ФБР, а наверняка и полиция переворачивали сейчас здание вверх дном — в поисках всего, что хотя бы отдаленно походило на взрывное устройство. Поскольку боковые окна в фургонах разбиты, взрывчатку в них определенно обнаружат. Чисто вопрос времени — может, даже каких-то минут. Публика притихла — все ждали, когда за убийцу на трибуне возьмется защита.

— У меня всего несколько вопросов, — сказал я, стоя я восемнадцати футах от Бенни — пока тот оказывался вне гипотетической зоны поражения. Налитые свинцом конечности понемногу

отпускало — по мере того, как пульс неуклонно набирал обороты.

Все события последних полутора суток сошлись своим острием на этих финальных минутах, на этих заключительных вопросах. Я подумал про отца и сразу ощутил прохладное прикосновение его медальона, прильнувшего к коже.

— Каким образом Волчек может вас убить? — спросил я.

Вопрос, похоже, Бенни только позабавил. Он хохотнул, оглядел зал, поерзал на стуле и несколько раз потер физиономию.

— Человеку, которого вы представляете, совершенно плевать, как кого убьют.

— Откуда вам это известно? — поинтересовался я.

— Знаете, я двадцать лет на него проработал. Если он хочет видеть кого-то мертвым — тот будет мертв. И не важно, как.

— Приведите пример.

На сей раз Бенни уже не веселился.

— Ну взять хотя бы этого Марио Геральдо… Волчек послал мне вторую половинку купюры с именем Марио, и я его застрелил. Но он не сказал конкретно: застрелить там, или зарезать, или утопить. Имя на рубле просто означает, что этот

человек должен быть мертв.

— Хотелось бы получить несколько других примеров — скажем, возьмем трех последних людей, которых он приказал убить. Как они умерли?

— Откуда мне это знать?

— Вы сказали, что опасаетесь за свою жизнь; вы сказали, что мой клиент — убийца. Расскажите мне об этом. Расскажите, как он убивает.

— Да говорю же: он пишет имя…

— Просто перечислите мне имена трех последних людей, которых он убил.

Я заметил, как на лице Бенни вспыхнула злость — мелькнула и тут же исчезла. Мне нужно было вызвать у Бенни эту злость. От нее зависела жизнь Эми.

— Выкладывайте!

Малютка-Бенни подался вперед, стиснул кулаки.

— Не скажу. Я буду говорить только про это убийство.

— Вы заключили сделку и при этом получили двенадцать лет отсидки. Вы могли рассказать прокуратуре и ФБР гораздо больше. И все же не стали. Это потому, что вы до сих пор храните верность кому-то в организации? Или тут нечто большее?

Поерзав на стуле, Малютка-Бенни оттянул воротничок рубашки, словно тот вдруг придавил ему горло. Провел ладонью по шее, потянулся за стаканом с водой.

— Да, блин, понятия не имею, о чем это вы, — ответил он наконец.

— О, еще как имеете, мистер Икс! Вас взяли с поличным, прямо на месте преступления. Вы заключили сделку. В качестве заказчика этого убийства вы сдали ФБР моего клиента, верно?

— Верно.

— И вот вам пожалуйста: вашей жизни якобы угрожают, а вы и не думаете дать показания относительно других убийств, которые этот человек либо сам совершил, либо кому-то еще заказал. Вы ведь ничего не рассказывали полиции или ФБР про другие убийства, да и сейчас не собираетесь, верно?

— Верно.

— И ничего не сказали ФБР о целой наркоимперии, которой предположительно ворочает мой клиент?

Волчек никак не отреагировал. Я уже объяснил ему, к чему все это подведу.

— Ваш клиент не обвиняется в распространении наркотиков, мистер Флинн, — но вы тем не

менее желаете занести в протокол, что таковая империя под его началом действительно существует? — вмешалась судья Пайк.

— Нет, ваша честь. Обвинение полагает, что мой клиент возглавляет русскую мафию. Легко предположить, что такая структура промышляет отнюдь не развозкой пиццы.

В своем вступительном слове Мириам более чем прозрачно намекнула жюри, что Волчек — главарь русской мафии. В тот раз я не стал вклиниваться с возражениями, но больше всего меня занимала сейчас вовсе не эта часть ее выступления — нет, было тогда в ее словах, обращенных к присяжным, и еще кое-что, что давало мне шанс. Хотя шанс и довольно рискованный.

— Мистер Икс, вы не сообщили ФБР о сети распространения наркотиков, которой предположительно владеет мой клиент, верно?

Весь план полетит к чертям, если сейчас завоет сигнал тревоги! Я неуклонно давил на Бенни, задавая размеренный ритм этими своими повторяющимися «верно?», которые отлетали от него, словно мячики, вынуждал постоянно вертеть головой в догадках, откуда прилетит следующий удар, намеренно злил, чтобы он отвечал быстро и не задумываясь.

— Верно… Я…

Я сразу оборвал его.

— Вот именно. Про предположительные операции моего клиента с наркотиками вы ФБР не сказали, равно как не поведали о сети организованной проституции, которую предположительно контролирует мой клиент, верно?

— Верно.

Ответ поступил так быстро, что молниеносная Пайк не успела уточнить, не желаю ли я заодно занести в протокол и тот факт, что мой клиент владеет одним из лучших борделей в Маленькой Одессе. Обойдя вокруг своего стола, я в упор посмотрел на Бенни. Он отвел глаза.

— Как и не рассказали ФБР о схемах отмывания денег, которые предположительно использует мой клиент, верно? — спросил я, медленно приближаясь к Бенни — неуклонно сокращая расстояние между нами, наращивая противостояние, затягивая его в зону поражения.

— Верно, — ответил он, упорно глядя на что угодно, но только не на меня.

Когда я подошел ближе, наши глаза наконец встретились. Бенни раздраженно подался вперед.

— Вы не сказали ФБР о нелегальной переправке

иммигрантов, которую предположительно организует мой клиент, верно?

— Верно.

Всего три фута между нами. Чем меньшее расстояние нас разделяло, тем заметней напрягался Бенни — будто готов был в любой момент перемахнуть прямо через пюпитр трибуны и задушить меня до смерти.

— Вы не сказали ФБР о подпольной торговле оружием, которой предположительно занимается мой клиент, верно?

— Верно.

— Вы не рассказали им обо всей этой деятельности, потому что если б подсудимый действительно стоял во главе этой преступной организации, ФБР моментально прикрыла бы ее, и тогда…

Ухватившись за края свидетельской трибуны, я наклонился к Бенни чуть ли не нос к носу и выдал во всеуслышание его главный секрет:

— И тогда вам с вашим братцем нечего было бы возглавить по окончании данного суда, верно?

— Верно.

Но едва он это ляпнул, как сразу же опомнился, отрицательно замотал головой. Пайк выронила ручку. Гарри ахнул.

— Нет! В смысле, я не понял, что ты там только

что сказал, адвокат ты херов!

Я шепнул ему: «Волчек уже в курсе», и он вскочил. Я повернулся к публике спиной. Бенни отпихнул меня прочь, но не успел он еще ухватить меня за плечи, как мои руки быстро и мягко прошлись ему по бокам. Я неловко попятился, но сумел устоять на ногах.

Подскочил конвойный, силой усадил Бенни обратно. Пайк принялась орать на Бенни, чтоб в следующий раз не думал распускать руки. Мириам разразилась протестами по поводу того, что я запугиваю ее свидетеля. Взмахом руки я остановил обеих. Перед завершением допроса рискнул бросить взгляд на Кеннеди — тот был весь внимание.

— Я сам виноват. Приношу извинения. У меня только один последний вопрос. С момента ареста вы все время находились в изоляторе для лиц, нуждающихся в защите. В нормальные места заключения не попадали. Так от кого же вы получили сведения, что подсудимый заказал ваше убийство?

Бенни не сразу нашелся, что ответить. Действительно, странный вопрос, с его-то точки зрения. Будучи давним членом организации под названием *Bratva* он прекрасно знал, что происходит с

теми, кто вздумал предать босса.

— Да ни от кого, — ответил Бенни все с тем же недоуменным выражением на лице.

— Так что никаких угроз вы не получали?

Вопрос повис в воздухе. Бенни откинулся на стуле, фыркнул, помотал головой — типа, видали идиота?

— Нет. Никаких угроз я не получал. Так вообще не делается. Он же *pakhan*! Все и так знают, что будет, если кто его сдаст, — смертный приговор, однозначно.

— Кого еще подсудимый приказал убить за предательство?

— Не скажу, — ответил Бенни.

Вот оно!

Ключ ко всей этой поганке.

— Ваша честь, в свете последнего ответа свидетеля я вынужден просить об остановке данного судебного разбирательства.

По залу пробежал недовольный ропот, кто-то в открытую запротестовал. Я услышал, как хлопнули двери зала, и агент Левин стал быстро пробираться вдоль заполненного публикой ряда к свободному месту на его правом конце. Перед тем как опуститься на него, он кивнул в сторону Артураса, который сидел в нескольких футах от

меня. Это был очень быстрый сигнал — какие-то полсекунды, и уже ничего не заметишь.

Кеннеди ничего не заметил.

Артурас поерзал на своем месте, отвернулся от судьи спиной, и я увидел, как он набирает номер на телефоне. Самого разговора я не слышал, но крупные цифры набранного номера различил на экране «Айфона» совершенно отчетливо.

Он набрал 911.

Глава 66

Пайк распорядилась удалить присяжных. Как и большинство их коллег, они уже привыкли к тому, что судебное заседание постоянно из-за чего-нибудь прерывается. Пока они выходили из зала, я поразмыслил над звонком Артураса. Скорее всего, он попросту выложил копам, где именно в здании спрятаны взрывные устройства, — наверняка уже подробно растолковал, где в точности искать каждый из фургонов и сколько в них взрывчатки. На службу 911 каждые сутки валятся тонны ложных вызовов, но в данном случае вряд ли они будут долго рассусоливать, прежде чем забить тревогу. Тут и думать нечего: вот вам суд над главой русской мафии, вот охраняемый ФБР свидетель, вот обыск у меня на квартире, вот украденная с «Саши» взрывчатка… По моим прикидкам, охрана должна была приступить к эвакуации здания в лучшем случае через три, максимум четыре минуты. Артурас не мог позвонить раньше — ждал того кивка от Левина. Этот сигнал мог означать только одно: Левин только что запустил таймеры в фургонах на подземной стоянке. Следующая часть плана

основывалась на том, что полиция сработает быстро и сразу же объявит эвакуацию. Едва только прозвучит сигнал тревоги, как под прикрытием неизбежного в таких случаях бардака и всеобщей паники Артурас и его поддужные спокойно распотрошат чемодан, достанут автоматы и отобьют Бенни.

Судья Пайк внушительно откашлялась — несомненно, приготовившись в очередной раз выдать по первое число защите, которая вставляет палки в колеса правосудию. Медленно стащила с носа очки, положила их на свои заметки, уткнулась в сложенные руки подбородком. Когда последний из присяжных вымелся за двери, я подмигнул Волчеку. Он тут же положил свой телефон на стол, готовый в любой момент им воспользоваться.

— Мистер Флинн, я хочу, чтобы вы как следует прояснили суть вашего обращения. Я полагаю, вы ходатайствуете о том, чтобы аннулировать анонимность свидетеля Икс?

— Речь сейчас не о том ходатайстве. И суть сейчас не в раскрытии личных данных свидетеля — суть в необходимости пересмотра дела, — провозгласил я.

Брови у Пайк полезли на лоб. Я незаметно взял в руку телефон Кеннеди — в любой момент был

готов позвонить Джимми. Публика явно ухватила пикантность сцены, и тихий ропот начал быстро перерастать в возбужденный галдеж. Мириам воинственно подалась вперед, готовая к бою, а оба судьи обменялись озабоченными взглядами.

— Вы собираетесь потребовать пересмотра на основании своего личного ходатайства? — спросила судья Пайк.

— Нет, ваша честь. — Я повернулся к Мириам. — Думаю, что обвинение сделает это за меня.

Мириам вскочила — с перекошенным от изумления и бешенства лицом. Шея у нее мгновенно покраснела, и она настолько раскипятилась, что даже ручку свою отшвырнула от злости — так, что та с треском покатилась по полу.

— Ваша честь, — начал я, — вы только что сами слышали показания свидетеля Икс — под присягой он показал, что не получал ни от кого ни единой угрозы. Ни единой. Сторона обвинения ввела присяжных в заблуждение. — Я подхватил свои записи. — В своем вступительном слове миз Салливан сообщила жюри, что мой клиент является главарем русской преступной группировки и что ее свидетелю угрожают. Она сказала, я цитирую: «Этот человек находится под смертельной угрозой». Это есть в моих записях. Видите — под-

черкнуто, даже дважды. Если присяжные верят, что свидетель Икс находится под смертельной угрозой, поскольку выступает свидетелем обвинения на суде, на котором подсудимый предположительно является главой русской мафии, то из этого вполне логично вытекает, что угрожает ему именно мой клиент. Теперь мы знаем, что никаких таких угроз не было. Я напрямую спросил свидетеля, получал ли тот подобные угрозы, и он ответил «нет». Проблема в том, что обвинитель сообщила присяжным нечто совсем иное, нечто не соответствующее истине.

Послышалось громкое «бум!» — это Мириам врезала по столу кулаком.

— Ваша честь, свидетель заявил, что входил в огромную преступную организацию, что был наемным убийцей русской мафии! Совершенно понятно, что в таких организациях случается со стукачами!

— Нет, ваша честь, это не так. Свидетель не давал никаких показаний, свидетельствующих о своей принадлежности к такой предположительно существующей организации. Я специально уделил этому такое внимание в ходе допроса, предоставил ему любую возможность это озвучить, чуть ли не по буквам — наркотики,

проституция, отмывание денег, заказные убийства. Свидетель ничего нам не сказал. Отказался отвечать на любые вопросы, связанные с этой организацией. Присяжные не услышали ни одного свидетельства в пользу существования смертельных угроз, более того — свидетель сам отрицает, что получал их. Обвинение ввело в заблуждение присяжных и суд. Ваша честь, мы не утверждаем, что окружной прокурор умышленно ввела в заблуждение жюри, но подобное искажение фактов несомненно настроило присяжных против моего клиента.

Я повернулся к Мириам.

— Мы убеждены, что это искажение было непреднамеренным и вызвано вполне невинными причинами, и если обвинение сделает правильные выводы и запросит пересмотр дела, то я постараюсь убедить своего клиента не подавать жалобу за неправомерные действия со стороны прокуратуры.

Мириам пинком отбросила стул и вихрем налетела на меня, не обращая внимания на призывы судьи оставаться на месте. Она знала, что я прав, и это ее убивало. Как бывалый, закаленный в судебных битвах юрист Салливан знала, что Пайк в жизни не рискнет доводить до вердикта дело,

которое тут же развернут на апелляцию с огромными шансами эту самую апелляцию выиграть.

— Сволочь! Что ты вообще творишь? — взвизгнула она.

— Для тебя же стараюсь, Мириам. Ты и так уже почти все прочихала. Давай сворачивайся. Нарой другого эксперта по почерку, начинай по новой. Я, конечно, и сам мог бы просить пересмотра. Но если ты сама это сделаешь, то повернешь уже как хочешь, даже как умный ход будет выглядеть — эксперт-то твой сдулся…

Она помотала головой.

— Тебе конец, Эдди! Я сделаю все, чтобы в следующий раз сдулся как раз твой клиент, причем по полной программе! Надеюсь, это тебя порадует — отныне ты у прокуратуры навсегда в черном списке, пожизненно!

Действуй я обычным порядком, мне пришлось бы еще отвечать на вопросы, почему я добиваюсь пересмотра дела для своего клиента. Вынудив обвинение подать такое ходатайство за меня, я немного дистанцировался от той бури насилия, которая неминуемо должна была в самом скором времени грянуть.

Мириам поправила блузку, без лишних слов промаршировала к своему столу и сквозь стисну-

тые зубы обратилась к суду:

— Ваша честь, в свете позиции мистера Флинна у меня не остается иного выбора, кроме как просить суд направить дело на пересмотр.

Грузно плюхнулась на стул, сложила руки на груди.

Бенни с меланхоличным видом восседал на свидетельской трибуне, барабаня пальцами по бортику. Артурас нагнулся на стуле, готовый в любой момент запустить руки в чемодан.

Наклонив ко мне телефон, Волчек продемонстрировал только что набитое текстовое сообщение: «Отпусти ее».

— Отправляй, — сказал я, вызывая Джимми на упрятанном под столом телефоне — поглядывал только вполглаза, не появится на экране значок соединения. Никто на меня не смотрел — все взоры были устремлены на судью.

Судья Пайк на миг прикрыла глаза и откинулась в кресле, — даже не подозревая о том, что от ее решения целиком и полностью зависит жизнь моей десятилетней дочери. Затем, тяжело вздохнув, произнесла:

— Не думаю, что у меня тоже есть какой-то иной выбор. Позовите, пожалуйста, присяжных, я освобожу их от исполнения обязанностей. Дело

отправляется на пересмотр.

И тут же начала о чем-то перешептываться с Гарри.

Публика отозвалась громким гулом.

Волчек нажал на отправку.

Джимми тоже ответил на мой звонок.

— Джимми, он ее отпускает. Иди, забери ее.

— Уже иду…

— Джимми, погоди, пусть он увидит эсэмэску…

Нас внезапно рассоединили. Я немедленно ткнул на повтор звонка. Пайк была слишком поглощена разговором с Гарри, чтобы обращать внимание на мои действия. Да это, похоже, ее уже не волновало. Суду кранты, в протокол теперь ничего не запишешь.

Не успели еще присяжные заполнить свою ложу, как зал наполнился завыванием сирены.

Двери резко распахнулись, ударившись о стены, и в зал ворвался охранник, силясь перекричать ее оглушительный рев:

— Все на выход! Срочная эвакуация! Здание заминировано!

Едва он успел наклониться и откашляться, как его мгновенно смела толпа. Поднялся крик и визг, ряды для публики стремительно опустели. Расталкивая друг друга, все кучей ломанулись

к дверям, в которых мгновенно образовалась давка — каждый отчаянно стремился пробиться вперед. Команда Мириам побросала свои папки и тоже дала деру. Салливан не двинулась с места. Словно приросла к стулу, не сводя с меня глаз и приоткрыв рот; на лице ее смешались ужас и шок. Кто-то из ее помощников бегом вернулся к ней, схватил за руку и буквально поволок к выходу.

Кеннеди пулей метнулся было к тяжело отдувающемуся охраннику, пытаясь пробиться к нему, но толпа репортеров уже выносила того в холл.

Артурас нырнул в чемодан.

Великолепный отвлекающий маневр! Все здание только что погрузилось в глубокий хаос, люди буквально лезли друг у друга по головам, только чтобы пробиться к выходу. Я увидел, как Гарри заботливо подводит судью Пайк к дверям судейских палат.

Посреди всей этой свистопляски Волчек продолжал исправно играть отведенную ему роль — забрался с ногами на стул, тыкал пальцем в Бенни и орал:

— Вон у него детонатор! В кармане!

В ту же секунду крики и визг достигли своего апогея. Монотонное завывание сирены словно сбавило ритм, напоминая теперь биение серд-

ца — все взоры обратились на Малютку-Бенни. Артурас вынул голову из чемодана и в полном изумлении уставился на брата.

Бенни помотал головой, похлопал по карманам. Конвойный, который привел его в зал, моментально выхватил пистолет и направил на Бенни. Целил в него уже и Кеннеди, выкликая команды:

— Лежать! На пол!

Малютка-Бенни с разинутым ртом и все тем же обалдевшим видом стоял столбом, продолжая хлопать себя по бокам, и вдруг в правом нагрудном кармане нащупал то, чего там не было прежде. Едва его рука наткнулась на незнакомый бугорок, как недоумение у него на лице сменилось неприкрытым ужасом, а сам он затрясся всем телом. Подняв в ответ на направленные на него стволы только одну руку, все-таки не удержался и решил проверить, что там у него в кармане, вытащив оттуда в итоге фальшивый пульт детонатора. Глаза его отыскали меня, и он сразу просек связь. В руке у него была та пустышка, которую Волчек отдал мне в переговорной, тот пульт, который я разломал об край стола и потом склеил опять при помощи скотча с автоматного магазина — тот самый детонатор, который я подсунул Бенни, когда он отпихивал меня всего

лишь несколько минут назад.

От удивления и внезапного осознания Бенни застыл, словно его облили жидким азотом. В этот миг шока и фатального промедления размеренные нутряные завывания сирены словно вновь ускорили темп. Волчек не хуже меня знал внутренние правила силовых структур — если подобное устройство у подозреваемого в руке, стрельба ведется только на поражение.

Кеннеди открыл огонь первым, буквально через полсекунды к нему присоединился конвойный, и Малютка-Бенни расстался с жизнью с широко открытыми глазами и все тем же изумленным выражением на лице.

Любая вероятность того, что Волчека опять потянут в суд за убийство, умерла вместе со свидетелем Икс. Заманка для Волчека была отличная, а совесть вполне позволяла мне принести ему такую жертву — в обмен на жизнь моей дочери.

У себя за спиной я услышал горловой рев. Не надо было даже оборачиваться, чтобы понять — исходит он от Артураса.

Я крутанулся на месте аккурат вовремя, чтобы заметить бегущего к дверям Волчека. Промчавшись до середины прохода между скамьями, он замедлил бег и посмотрел на остальных русских,

которые поспешно натягивали рабочие комбинезоны и расхватывали «МП-5» из чемодана. Артурас был слишком занят возней с дистанционным пультом, который я уже видел в чемодане. Он включил его, подергал за какие-то рычажки и положил на пол. Волчек отнюдь не собирался и дальше болтаться поблизости. Свою победу он получил. Повернулся и опять ударился в бегство. Когда Артурас встал, выискивая глазами Волчека, главаря могущественной организации под названием *Bratva* уже и след простыл.

Глава 67

— У них стволы! — выкрикнул я, ныряя под прикрытие стола защиты. Сразу же чуть высунулся — ровно настолько, чтобы хорошо видеть уже облаченных в комбинезоны Грегора с Виктором, очумело таращившихся на пустые автоматные магазины. Боеприпасы лежали теперь россыпью под толстым слоем бумаг в портфеле молодого адвоката, который тот бросил в переговорной. Перед тем как упаковать чемодан обратно, мы с Волчеком методично изъяли из магазинов все патроны до последнего.

— Бросить оружие! Лицом вниз! — прогремел Кеннеди, который тоже заметил этот конфуз. К нему присоединился агент Колсон, который взял на прицел Грегора с Виктором. Испуганных криков на сей раз не последовало — вся публика давно уже слилась за двери.

Конвойный, который был приставлен к Бенни, двинулся к русским, далеко выставив руку с пистолетом.

Пока я пытался дозвониться до Джимми, сердце молотом ухало в груди. Он не брал трубку. Я приподнял голову, но слишком поздно, чтобы

всех предупредить.

— А ну, стоять! — послышался голос Левина.

Он стоял позади Кеннеди и Колсона, держа под прицелом сразу обоих. Кеннеди и его молодой подчиненный застыли на месте. Покачав головой, первый прикрыл глаза, уронил голову на грудь и выругался.

— Брось ствол, иначе им капец! — завопил Левин, перекрикивая сирену. Обращался он к судейскому охраннику, который и без того едва держал пистолет в руке, тяжело дыша от страха и избытка адреналина — все-таки только что стрелять пришлось, да еще и человека убить первый раз в жизни!

— Левин, не делай этого, — предостерег Кеннеди, опуская пистолет.

— Я и сам предпочел бы не спускать курок, Билл. Я только что запустил два взрывных устройства в подвале, и через двадцать минут от этого здания только пыль останется. Если потом спасатели вдруг все-таки найдут твой труп, мне не хотелось бы, чтобы в нем были дырки от пуль. Бросай ствол и скажи охраннику сделать то же самое.

Фэбээровцы медленно опустили оружие на пол. Отбросив бесполезный «МП-5», Грегор вразвалку подошел к охраннику и выдернул у него из руки

«беретту».

Вдруг шаги совсем рядом со мной. Слышно металлическое позвякивание страховочной сбруи — Артурас. Вздернул меня за воротник, швырнул к судейскому столу.

— На колени, руки за спину, — приказал Левин. Кеннеди с Колсоном подчинились.

— Поверил теперь, мудила? — с горечью произнес я, но Кеннеди не мог посмотреть мне в глаза — взгляд его не отрывался от его собственного ствола, который лежал на мраморном полу в каких-то двух футах.

Артурас попятился от меня, выхватил из левого кармана пульт детонатора.

— Ну что, дерьма кусок? Спелся с Волчеком? Не переживай, мы его еще найдем. А вот ты — ты сегодня умрешь, господин ты наш адвокат. За все заплатишь!

И попятился еще дальше, чтобы выйти из зоны поражения.

Несколько мгновений все происходило словно в замедленной съемке. Все тело, будто наэлектризованное, готово было рвануть при малейшем шорохе, но движения выходили какими-то тормозными и скованными; в голове гулко ухало в такт завываниям сирены.

Грегор заткнул отобранную у молодого охранника «беретту» за пояс, после чего небрежно свернул бедолаге шею своими огромными ручищами.

Продажный федерал, Левин, врезал Колсону рукояткой пистолета по голове и с явным удовольствием наблюдал, как его бывший напарник падает на колени — даже лыбился при этом, гаденыш.

Виктор подхватил ствол Колсона и неспешно направился к дверям — проверить, не остался ли кто-нибудь в зале.

При виде того, как я силюсь отползти от него подальше, Артурас скривил губы в покойницкой улыбочке и ткнул в кнопку детонатора от бомбы, которую я больше суток проносил у себя на спине. Ничего, ясен пень, не произошло.

Улыбочка увяла. Ткнул в пульт еще раз. В тот самый пульт, который вчера вечером раздобыл мне Гарри.

Ни фига.

— Мочите их всех! — крикнул он наконец остальным.

Вместо того чтобы обрушить «беретту» на череп Кеннеди, Левин опустил ствол и два раза подряд выстрелил в своего босса, после чего сразу же

прицелился мне в грудь.

Я прикрыл глаза и представил себе Эми — как она валяется себе на травке в Проспект-парке теплым летним деньком.

Выстрел.

Ни боли, ни тепла, ни холода — вообще ничего.

Открыл глаза и увидел, что Левин застыл, как статуя, а откуда из-под уха у него медленно вылетает раздувающееся облачко красноватого пара. Он повалился вперед, и только тут я заметил у него на шее дырку от пули и стоящего позади Ящера.

В тот же миг русские нырнули в укрытие.

Откуда-то из глубины зала Ящер целился в Виктора из той самой «беретты», которую я спрятал в мусорном бачке на подземной парковке. Светловолосый бугай отреагировал недостаточно быстро. Засуетился, принялся палить в белый свет как в копеечку, тогда как Ящер был смертоносно меток.

Окно у меня за спиной взорвалось осколками. От стола обвинителя с треском отлетели куски красного дерева — всего футах в трех от меня, — и я осознал, что Грегор только что разрядил в мою сторону пистолет охранника. Кое-как подняв-

шись на ноги, я развернулся и побежал. В стол угодила еще одна пуля, прямо в физиономию дунуло деревянной пылью и щепками.

Укрыться негде.

Деваться некуда.

Я услышал, как в ответ откуда-то бьет второй ствол, но куда там сейчас оборачиваться да смотреть, кто в кого лупит!

Пиджак на мне рывком закрутило чуть не задом наперед — пулей за полу цапнуло. Окно быстро приближалось. Я еще наддал, одним прыжком одолел оставшиеся пять футов до разбитого окна, проскочил между торчащих из рамы осколков стекла — и был встречен лишь холодным нью-йоркским воздухом. Четырнадцатый этаж, между прочим.

При виде раскинувшейся подо мной шири городских кварталов в голове молнией мелькнула одна-единственная мысль — ну что, умник, достукался?

Глава 68

Я испуганно вскрикнул.

Несколько уцелевших осколков стекла, оставшихся торчать в раме, тут же разлетелись под пулями, рассеялись в бездонном небе.

Короче, я все-таки сорвался.

На миг завис спиной вперед, нацелившись жопой на твердый бетон под собой — показалось, что до него чуть ли не с четверть мили. Перед глазами мелькнули вздымающаяся ввысь верхняя часть здания и чистое голубое небо над ней. Казалось, что падаю я целую вечность, хотя на самом деле почти сразу же левое плечо взорвалось от боли — я врезался в висящую у стены строительную люльку, крепко шмякнувшись головой об ее стальной пол. Перед глазами вспыхнули, притухая, яркие белые искорки.

Перехватившая меня подвесная платформа для ремонта фасада, судя по всему, была изготовлена специально под это здание, аккурат в размер — одна из самых больших в городе, сорока футов в длину и где-то шести в ширину. Стальные тросы чуть ли не с руку толщиной, на которых она ездила вверх-вниз, тянулись с крыши до

самой земли. Я припомнил, что когда вчера и сегодня входил в здание, видел на ней работяг с водяными бластерами. Так вот зачем и спецовки со страховочными шлейками, и большой пульт дистанционного управления, спрятанный в «Самсонайте»!

Русские заранее заготовили путь для бегства. Пока полиция будет ставить оцепление у главного входа на западной стороне здания, они потихоньку соскользнут в своих такелажных спецовках в строительной люльке по восточной стене, прыгнут в машину, и поминай как звали — никто даже не просечет, что они вообще покинули здание. Копы и федералы будут считать, что русские погибли при взрыве, а тела их похоронены под обломками. На самом же деле они благополучно смоются, затаятся, начнут потихоньку подгребать под себя дело Волчека. Никто даже и не подумает их искать.

Стрельба в здании прекратилась.

Я понемногу очухался. Мое падение сотрясло платформу до основания, и теперь она легонько покачивалась на тросах. Цепляясь за страховочное ограждение, кое-как встал на ноги. Пульт управления был заперт — чтобы привести люльку в движение, требовался ключ. Она не

двигалась. Судя по всему, тот пульт, с которым Артурас недавно возился наверху, и предназначался для того, чтобы дистанционно передвигать платформу к нужным этажам.

Где-то у себя за спиной я вдруг услышал звон выбитого стекла — в каком-то из четырех стрельчатых окон, которые испокон веков украшали здание. Осторожно продвинулся вдоль всей платформы к разбитому окну. На подоконнике надо мной вырисовывалась чья-то фигура.

Тяжело дыша, фигура отбросила назад стул, которым только что выбила стекло. Судейская мантия на ней была вся белой от известковой пыли. Послышался кашель, фигура опасно зашаталась на подоконнике.

Это был Гарри. Вернулся все-таки за мной.

Глава 69

— Осторожно! — крикнул я.

Гарри опять покачнулся, ухватился за какую-то декоративную завитушку — видать, башка от высоты закружилась. Поставив ногу на перила ограждения, я собрался было влезть к нему на карниз. Стрельба в зале началась по новой.

В этот момент платформа с лязгом и звоном сотряслась — на другой ее конец спрыгнул Артурас. Выскочил из того же окна, из которого я только что выпал. Защелкнул на ограждении карабин страховочного конца, который тянулся от намертво пришитой к комбинезону трехточечной шлейки из толстенных кожаных ремней. Присев на колено, сгрузил на стальной пол радиопульт управления платформой, сдвинул каблук, вынул из тайника в подошве нож.

— Давай руку, Эдди! — крикнул Гарри.

— Эй, адвокат! — позвал Артурас.

Улыбался он точно так же, как и в то утро в туалете закусочной «У Теда». Уродливый шрам, сбегающий чуть ли не до самого рта, искривленного этой улыбочкой, на холоде чуть покраснел, выступал над кожей розоватой грубой веревкой.

Но вид у Артураса был уже все-таки совсем другой. Куда девалось деланое леденящее хладнокровие? В глазах застыли боль и яростная жажда мести.

В голове у меня еще звенело после падения. Из раны на башке вовсю сочилась кровь, струйкой стекая по шее, а плечо и часть спины наверняка представляли собой один огромный синяк, который не пройдет и за месяц.

— Все кончено, адвокат, — пафосно объявил Артурас.

Я быстро отпрянул, насколько мог — только чтобы можно было в любой момент ухватиться за протянутую ко мне руку Гарри. Артурас стоял где-то футах в двадцати от меня.

— Спецовочки-то, видать, реально увесистые.

Артурас даже не кивнул. Двинулся ко мне.

— Видать, такие увесистые, что еще пары фунтов всяко не заметишь.

Тут он застыл на месте, стал медленно опускать голову. Пробежал руками по груди, по спине, и рука его замерла на большом кармане, пришитом к правой штанине. Мы с Волчеком тогда решили, что спецовка размера «L» предназначалась Артурасу. Бомбу я спрятал в ней сразу после того, как обо всем договорился с Волчеком.

Я выхватил из брючного кармана пульт от нее,

высоко поднял над головой.

— Полюбуйся, поганец!

Быстро ухватился за руку Гарри, рывком взлетел на подоконник и, уже переваливаясь за него, ткнул в кнопку.

Бывший вьетнамский вояка резко втянул меня внутрь в тот самый момент, когда платформа обрушилась вниз. Взрыв разорвал Артураса напополам и вдребезги разнес пульт управления, после чего платформа вздыбилась и камнем понеслась к земле. Не успел я встать коленом на подоконник и опять осторожно высунуться из окна, как услышал стон рвущейся стали, врезавшейся в тротуар. «Господи, как хорошо, что полиция эвакуировала весь квартал!» — промелькнуло в голове. Звон, грохот и лязг, с которыми искореженная платформа несколько раз пружинисто подпрыгнула на булыжниках, выкручиваясь штопором и разлетаясь на части, отдавались вибрацией даже где-то в зубах.

— Не пособите маленько?

Услышав за спиной голос Колсона, я сразу отвернулся от окна. Он держал бесчувственное тело Кеннеди, закинув его на плечо. Кеннеди еще дышал — едва-едва, так что, похоже, как минимум один из выстрелов наверняка принял на себя

бронежилет. Засовывая «беретту» за пояс, подбежал Ящер, тоже подхватил Кеннеди. Колсона ощутимо пошатывало.

— Тот бугай тоже готов. Больше никого не осталось, — сообщил Ящер.

— Двигаем, — сказал Гарри.

Все произошло очень быстро, но я все равно полагал, что у нас оставалось разве что шесть, от силы семь минут, чтобы покинуть здание — до того, как рванут фургоны.

Глава 70

Лифт устремился вниз. Сбегать по лестнице времени уже не было.

Мерное завывание сирены словно ускорило темп, тревожно отбивая оставшиеся секунды.

Ящер вздернул безвольно повисшего у него на плечах Кеннеди повыше, потоптался, чтобы равномерней распределить нагрузку на спину. Я был уже не в силах контролировать собственное дыхание — сказывались паника и невероятная усталость. Колсона по-прежнему колбасило. Более или менее спокойный вид был у одного только Гарри, хотя я не взялся бы сказать, не терзает ли его внутри такой же безудержный страх, как и всех остальных.

Гарри беззвучно отсчитывал этажи.

Сирена все завывала без умолку.

Улетали секунды.

— Джимми забрал ее? — спросил я.

— Не знаю, — отозвался Ящер.

Я попробовал набрать Джимми опять, но не было сигнала.

«Пожалуйста, ну скажи мне, что она уже у тебя! Ну пожалуйста!»

Наконец, двери открылись в вестибюль, и мы скопом вырвались из лифта. Входные двери были широко распахнуты, и за ними я углядел, как последние из обитателей здания со всех ног бегут к полицейскому кордону — от входа они были уже ярдов за двести.

— Бежим! — выкрикнул Колсон, хватая Гарри за руку.

Ящер с Кеннеди на плечах метнулся следом. Я тоже взял ноги в руки.

Уже прыгая вниз по ступенькам широченной парадной лестницы, мы услышали раскаты чьего-то многократно усиленного голоса. Где-то в пятистах ярдах от нас из-за взрывозащитного барьера высовывалась голова копа с мегафоном. Мы мчались вниз, спотыкаясь и перепрыгивая через ступеньки. Кровь раненого заливала Ящеру спину; она натекла на штаны, просочилась в ботинки, и он то и дело оскальзывался.

Гарри с Колсоном бежали впереди. Я невольно замедлил бег, еще раз ткнув на повтор номера Джимми и прислушиваясь к гудкам.

Легкие горели огнем, и хотя мы уже покинули здание, пульсирующий вой сирены по-прежнему отдавался у меня в голове, отсчитывая оставшиеся секунды. Этот неуклонный ритм накладывался

на тихие гудочки из зажатой в руке трубки и громкий топот моих ног по каменным плитам. Казалось, что время ускоряет свой бег, а вот ноги все сильней отстают, все медленней и медленней перебирают ступеньки.

Все у меня было уже почти на исходе — кончалась дыхалка, кончались силы. Голова лопалась от боли. Не знаю, благодаря чему я еще хоть как-то двигал ногами и размахивал в такт руками — широко разинув рот, но уже не в состоянии захватить ни глотка воздуха.

Полицейский кордон был уже близко — в каких-то пятидесяти ярдах. Я даже различал отдельные лица в толпе сквозь брешь во взрывозащитном барьере — его приоткрыли при нашем появлении для спасателей, готовых прийти нам на помощь. Взгляд метался по этим лицам, но ни Эми, ни Джимми не находил.

Еще раз ткнул на повтор звонка на бегу.

Оставалось уже совсем чуть-чуть.

Колсон, Гарри и Ящер добежали до барьера, нырнули в раздвинувшийся перед ними проем.

Я был уже почти у цели, когда нас соединили, и я услышал голос Джимми.

— Эдди, я…

И в этот миг весь мир куда-то провалился.

Взрыв моментально оглушил — меня словно вдруг окунули в густую тягучую воду. Почувствовал, как куда-то лечу — хотя и не помню, чтобы мои ноги отрывались от земли. Голова ударилась о тротуар, но я не отметил боли — помню только глухой стук, с которым череп соприкоснулся с каменной плиткой. Почувствовал, как в горло мне ударил горячий вонючий газ вперемешку с песком и кирпичной пылью, скрипуче осел на зубах.

Валяясь на земле, я видел лишь огромное, совершенно жуткого вида облако густой черной пыли на том месте, где только что стояло здание суда. Когда его стены, ускоряясь, обрушились вниз, весь город содрогнулся от ужасающего грохота, и хотя ничего я в тот момент не слышал, но все равно чувствовал, как сотрясается земля под тоннами раскрошенного кирпича и бетона. Ноздри и горло обожгла вонь горелого металла и гнилого дерева, а густое облако из пыли, камней и дыма поглотило меня целиком. Перед тем как отключиться, вроде услышал, будто сквозь наполнивший уши беспорядочный перезвон, как от миллионов бьющихся осколков стекла, едва пробивается голос Гарри, повторяющий мое имя…

Ничего больше в памяти не отложилось.

Глава 71

Вдруг я ощутил на губах что-то теплое и влажное. Губы пересохли, и поцелуй был сейчас очень кстати.

Я с трудом разлепил один глаз и в считаных дюймах от себя увидел лицо Кристины.

В следующую секунду понял, что лежу на больничной койке.

Она резко отпрянула от меня. Глаза ее покраснели, тушь потекла, оставив на лице грязные дорожки. Непроизвольно прикрыла рот рукой, когда слезы брызнули опять, — пальцы ощутимо дрожали. Опять разразившись рыданиями, принялась колотить меня кулачками по груди и рукам. Я слегка приподнял руки, и она сдалась, отступила от меня, все еще всхлипывая и тряся головой.

Когда Кристина отодвинулась, я увидел у нее спиной крошечную фигурку — кто-то спал в кресле для посетителей моей больничной палаты. В жизни еще не видал такого красивого полуденного света, чем в тот день, когда он яркими отсветами золотил волосы моей спящей дочери. Я смотрел на нее, не отрывая глаз, и даже

не понимал, от чего исходил этот волшебный свет — от солнца или от головы моей малышки. На ней были ее любимая курточка, на которой из-под многочисленных больших и маленьких значков едва проглядывала джинсá, футболочка с Брюсом Спрингстином, зеленые штанишки и огромные кроссовки.

У нее был такой умиротворенный вид!

— Сукин ты сын, — негромко произнесла Кристина, чтобы не разбудить дочь. — Ей просто повезло. Ее чуть не убили! Ты поставил ее жизнь под угрозу — ты и эта твоя фирма!

— В жизни не поставил бы ее под угрозу! Она — самое важное, что…

— И все-таки *поставил*! Стоит мне только подумать, что с ней могли сделать…

— Крисси, я люблю тебя и люблю Эми.

— Этого мало, Эдди. Вся эта твоя жизнь, все эти твои клиенты — все это слишком опасно. Я не могу пойти на такой риск. Это будет нечестно по отношению к Эми. — Она молча встала, покачивая головой.

— Да никакие это были не клиенты!

— А мне плевать! Они похитили нашу малышку. Никогда тебе этого не прощу.

Я не нашелся, что ответить.

Кристина посмотрела на нашу дочь, все еще мирно спящую в кресле.

— Она так устала. Мы обе устали, Эдди. Можешь ее разбудить. Она так ждала. Я пока схожу за медсестрой.

Утерла слезы платочком, повернулась и вышла за двери. У меня возникло чувство, что уходит она не просто из моей палаты. К нашему браку она тоже повернулась спиной, навсегда.

— Эми! — позвал я.

Она проснулась, тут же кинулась ко мне. Я обнял ее так, как никогда не обнимал прежде. Плевать на боль в спине и плече — сел в кровати и принялся осматривать ее, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке, что нигде нет синяков, порезов, царапин. Но Эми не дала себя долго осматривать. Ее тоненькие ручонки обхватили меня за шею, и она стиснула меня изо всех своих силенок, окутав своим восхитительным ароматом — непередаваемой смесью запахов шампуня, карандашей, джинсы и жевательной резинки.

— Ну вот мы и вместе! Ну вот мы опять вместе! — повторял я.

Потом Эми меня наконец отпустила, присела на краешек койки рядышком со мной, взяла меня за руку.

— Папа, это покажется тебе немножко странным, но я хочу подарить тебе новую ручку, — серьезно сказала она.

Опять заключив ее в объятия, я сказал ей, что ручка — это все ерунда. Что мне не важно, что там была за надпись — что я люблю ее больше всего на свете и ни за что теперь с ней не разлучусь. Никогда.

Сказал, что пусть больше не беспокоится.

Что теперь она всегда будет в безопасности.

* * *

В ту ночь обычные сны с Ханной Тубловски, привязанной к кровати Беркли, мне не снились. Впервые с тех пор как я нашел ее, мне удалось заснуть, не видя перед собой ее лица.

Где-то через неделю я почувствовал себя достаточно прилично, чтобы серьезно поговорить с Кеннеди. Агент лежал в соседней палате — досталось ему изрядно, но, несмотря на все опасения, что он вот-вот отправится к праотцам, все-таки понемножку выкарабкивался. С учетом того, что произошло, я и сам еще легко отделался — довольно серьезное сотрясение и четыре треснувших ребра, не считая отдельных ушибов и глубоких порезов. Я рассказал Кеннеди о том, что со мной

приключилось, хотя и далеко не всё. Гарри полностью подтвердил мой рассказ — выручил меня, как всегда. Кеннеди долго извинялся и даже взялся меня поддержать, когда его коллеги явились меня допрашивать. Джимми передал им помеченный миллион через своего адвоката — еще два оставил себе, а один приберег для меня.

Гарри навещал меня, втихаря приносил спиртное — которое я без всякой задней мысли и употреблял, — перекидывался со мной вечерком в картишки. Но главное — теперь у меня была самая лучшая вещь на свете.

Мой ребенок.

* * *

Пару дней спустя Гарри приехал забрать меня из Центральной нью-йоркской больницы и отвезти обратно на квартиру. Он сменил там замки и даже немного прибрался. Нес мою сумку, когда я не без опаски ступил на тротуар, направляясь к его видавшей виды тачке с подъемным верхом. Не успел еще Гарри отпереть машину, как я услышал автомобильный гудок, а на противоположной стороне улицы увидел знакомый белый лимузин. Возле задней дверцы стоял Олек Волчек, махал рукой — типа, давай сюда.

— Эдди, не стоит, — предостерег Гарри.

Когда я двинулся прямо через поток машин к противоположному тротуару, ребра пронзило горячей болью.

— Чего тебе надо? — сказал я.

Волчек примиряюще поднял руки:

— Просто хотел узнать, что ты сказал ФБР.

— Не бзди. Сказал, что все спланировал Артурас, что ты — такая же потерпевшая сторона, как и я. Ты чист. Как бы мне ни хотелось тебя засадить, я далеко не дурак. Я знаю, что если все расскажу федералам, ты сразу выложишь им, что это я организовал тот налет на Сёверн-тауэрс.

Он улыбнулся — ровно на секунду.

— Отлично. Рад, что мы поняли друг друга. Даже и не думай опять лезть мне под ноги. Мы с тобой в абсолютно одинаковом положении. Лучше уж так и оставим. Не забывай — я в курсе, где живет твоя дочка.

Из-за руля лимузина выбрался еще какой-то тип, наверное, тоже русский, в черных джинсах и черной же кожанке, обошел вокруг, приоткрыл Волчеку заднюю дверцу. Водила был здоровенный, уродливый, со сплющенным боксерским носом и маленькими черными глазками. Глянул на меня так, как глядит доберман на жопу вора-

домушника. Этот парень у него явно не только баранку вертел. Волчек восстанавливал организацию, *Bratva* опять поднимала голову. То, что этот бык услужливо распахивал для него дверь, должно было продемонстрировать мне, что Волчек вернул себе власть, что он опять на коне.

Я отступил было, но тут же развернулся на каблуках и бросил:

— Эй, и вот еще что…

Волчек, который был уже одной ногой в лимузине, начал было поворачиваться ко мне; водила по-прежнему придерживал открытую дверь.

Не обращая внимания на боль, которая простреливала все тело при каждом вдохе, я покрепче утвердился на ногах и изо всех сил пнул водилу ногой в голень, отчего тот упал на колени. Едва поставив ногу обратно на землю, принял боксерскую стойку и с разворота превосходным правым крюком влепил Волчеку в башку, отчего тот треснулся черепом о стекло. Ухватившись за приоткрытую дверь, от души врезал ею прямо в ошеломленную физиономию водилы.

Босс того, что некогда было могущественной организацией под названием *Bratva*, повалился на мокрый асфальт, усыпаемый дождем из мелких кубиков разбитого стекла и тщетно пытаясь

прикрыть лицо руками.

— Это тебе за Эми, Джека и его сестру. Можешь не париться насчет ФБР. Лучше парься насчет Джимми Кепарика. Он тебе своего племянника так просто не спустит. На твоем месте я сейчас взял бы ноги в руки и вместе с этой вот обезьяной пулей свалил бы на самолет. И просто чтоб ты знал: мы отнюдь не в равном положении. Теперь мою дочку охраняют получше, чем мэра. Мы с Джимми уже об этом позаботились. За ней постоянно присматривают, так что теперь ты меня этим не запугаешь, гаденыш. Если я еще раз увижу, как ты или кто-то из твоих быков ошивается возле меня или моих близких, тебе не жить, и умирать ты будешь медленно!

Пока я шагал обратно через улицу к машине Гарри, легковушки и такси с визгом тормозили прямо у меня перед носом. Судья почесал голову и глянул на меня крайне неодобрительно. Когда он заговорил, в голосе его явственно звучали свинцовые осуждающие нотки.

— Это было глупо, — сказал Гарри.

И, как всегда, когда что-нибудь говорил, был совершенно прав.

Глава 72

В больнице я провел месяц. Эми начинала оправляться от пережитого шока. Она до сих пор испытывала приступы страха и одна из дому старалась не выходить, но все-таки понемногу приходила в себя. К счастью, скоро ей надо было опять в школу. Ребята Джимми по-прежнему присматривали за ней и Кристиной, но с тех пор, как на Уильямс-стрит я выдал мафиозному боссу по первое число, от Волчека не было ни слуху ни духу. Каждый вечер ровно в восемь мы разговаривали с Эми по телефону, но вот Кристина общаться с мной отказывалась. Я ее в этом не винил. Отказывалась она также хоть на минуту выпускать Эми из-под своего родительского надзора, так что в своем старом доме я бывал теперь гораздо реже — заглядывал туда раз в две недели от силы на пару часов.

Остановив свой видавший виды «Мустанг» на углу, я вылез, подхватив с пассажирского сиденья большой кожаный саквояж.

Маленький домик передо мной представлял собой потрепанное двухэтажное строение, вполне обычное для этой самой бедной части Бронкса.

Подоконники насквозь прогнили, и даже снаружи я явственно ощутил запах сырости и тлена. Сто раз уже проезжал мимо этого дома, однако всякий не раз не хватало смелости остановить машину.

Но только не сегодня.

Пять минут восьмого утра. На улице тихо.

Поставил саквояж на ступеньки крыльца, нажал на звонок.

Шаги в прихожей.

Открывая дверцу «Мустанга» и забираясь в машину, я слышал у себя за спиной, как лязгают замки и звенит дверная цепочка. Тронулся с места в тот самый момент, когда Ханна Тубловски открыла входную дверь. Подняла саквояж вместе с письмом, которое я положил сверху.

Мне не надо было прощения. Я не хотел от нее слышать, что это была не моя вина.

Я знал, что наделал; знал, что никогда не допущу подобную ошибку опять; знал, что этот мир полон плохих людей, и что пока я участвую в этой игре в правосудие и помню, кто я на самом деле такой, у них не будет второго шанса нанести кому-либо вред.

В зеркале заднего вида я увидел, как Ханна Тубловски роняет письмо и открывает сумку,

просыпав часть своих девятисот тысяч долларов на тротуар. Она смотрела вслед машине, пока я не свернул за угол.

Я воткнул третью и втопил педаль в пол.

Благодарности

Без огромной любви к делу, а также знаний и умений моего литературного агента, Юэна Торникрофта из «АМ Хис», эта книга никогда не увидела бы свет. Он был мне и редактором, и наставником, и другом. Хочу выразить признательность всем сотрудникам этого литературного агентства, чьими неустанными усилиями я влился в ряды публикуемых авторов, — в особенности Дженнифер, Хелене, Пиппе и Вики.

Не могу не поблагодарить и редактора «Орайон букс» Джемайму Форрестер, весьма одаренную в криминальных материях, — за ее нелегкий труд, острую прозорливость и завидный энтузиазм. Работать с этим издательством было одно удовольствие, так что честь и хвала Грэму Уильямсу, Анжеле и вообще всему славному коллективу «Орайон букс». Отдельное спасибо Джону Вуду, который и сам в некотором роде мошенник — по крайней мере, за бильярдным столом.

Мне просто повезло, что меня представляют и публикуют такие классные люди.

Моей семье, друзьям, собратьям-писателям и вообще всем тем, кому довелось познакомиться

с первыми вариантами этой книги еще до ее публикации, особенно Саймону Томпсону, Тузу, Макки, и Джону «Паводку» Маккеллу — спасибо за то, что дали поверить в себя, для меня это многое значит.

Ну, а самое большое спасибо говорю своей замечательной супруге Трейси — за терпение и веру в меня, да и вообще абсолютно за все, что она делает для меня и для наших детей каждый божий день.

От переводчика

«Правде не место в суде», — заявляет главный герой этой книжки Эдди Флинн — бывший профессиональный мазурик, а ныне адвокат, который успешно применяет отработанные приемы облапошивания граждан на присяжных с прокурором. И похоже, что его создатель Стив Кавана, тоже адвокат (причем довольно известный, выигравший немало громких дел в своей родной Ирландии), вполне разделяет подобный подход к делу. По большому счету, основная задача и у мошенника, и у адвоката примерно одна и та же — заставить публику развесить уши. Подобрал к кому-нибудь ключик — а дальше, как поется в песне, «делай с ним что хошь». Чистая манипуляция. И чем же хуже тогда писатель-детективщик? Главное, создать у господ присяжных заседателей — тьфу ты, у господ читателей! — нужное впечатление; ну а факты… Факты — дело десятое.

Да уж, Артурас, Олек, Грегор и Бенни — чисто русские имена. Кто, как говорится, в курсах, тот при описании организации со страшным названием *Bratva* тоже немало повеселится.

Русские братки и впрямь «чиста» картинные, прямо американское кино — не хватает разве что отставного полковника КГБ по имени Моисей Пастернак или Саша Гоголь, как это у них там принято. Оригинальный способ использования советской купюры достоинством в один рубль тоже вызвал у меня неподдельный восторг — вот только с учетом того, что с ней вытворяют, я назвал бы ее не *tselkovy* от слова «целый», как уверяет Кавана, а *rvany*, было бы ближе по смыслу. В очередной раз убеждаюсь, что криминалитет из наших бывших соотечественников оставляет заграничной публике в основном безграничное поле для фантазий.

Но не проникайтесь с ходу патриотическим негодованием — подобным образом досталось у Каваны представителям чуть ли не всех стран и национальностей. Взять, к примеру, криминальное сицилийское семейство Пендити, на которое тут ссылаются вроде бы на полном серьезе — мол, записные предатели гангстерских традиций, сливают своих же собратьев-мафиози ментам направо и налево. Между тем автор, похоже, не стал мудрствовать и просто составил эту звучную фамилию из итальянских *Banditi* и *Pentiti* — «бандиты» и «ренегаты». Фильм еще был такой — *Il*

Pentito, у нас шел под названием «Раскаявшийся»… Короче, это примерно как если б у главаря русской ОПГ фамилия была бы не Волчек, а что-то вроде Браток-Стукачок.

Ирландским ура-патриотизмом автор тоже особо не страдает — своему герою, ирландцу по происхождению, естественно, симпатизирует, но Эдди Флинн все-таки тот еще гусь; получает в одном из эпизодов щелчок по носу и некий гордый представитель Британской империи — впрочем, поделом. А уж как Кавана проехался по Америке, в которой происходит действие, и говорить нечего — и федералы-то с копами-ментами там сплошь продажные, и судья прямо перед ночным заседанием уже хорошо «на кочерге», и здание суда там больше на какой-то сомнительный сквот похоже, чем на вместилище государственного правосудия…

Кстати, не ищите упомянутое здание на «Гугл-картах» (кто книжку прочитал, тот уже понял, почему). Хоть автор и разместил его на реально существующей Чеймберс-стрит в Нью-Йорке, непосредственно на которой и в ближайших окрестностях действительно имеется сразу несколько судебных зданий, в том числе исторических, образ это собирательный: от одного

взяты исполинские размеры, от другого — вход с коринфским портиком, от третьего — всякие архитектурные излишества… Хотя в остальном география вполне реальная: есть в Нью-Йорке и «русский» районч ик Шипсхед-бэй, вплотную примыкающий к более известному среди соотечественников Брайтон-бич, и четкая граница между Маленькой Италией и китайским Чайна-тауном на Манхэттене, где буквально через коротенький квартал, разделяющий параллельные улицы, вывески вроде *Ristorante Italiano* и *Pizza La Bello* контрастно сменяются китайскими иероглифами.

Впрочем, большинству читателей из разных стран, судя по ошеломительному успеху дебютной для Кавaны «Защиты», все это страноведение совершенно по барабану. Мне тоже. Больно уж лихо все закручено. Полный отвод внимания, как выразился был сам работающий на доверии хитрюга Эдди Флинн. Литературные адвокаты вроде интеллектуала Перри Мейсона или прохиндея Микки Холлера наверняка с удовольствием пожали бы ему руку — впрочем, равно как и Остап Бендер с Энди Таккером. Единственно, удивляешься — что же это сам Кавана так вот запросто раскрывает свою адвокатскую кухню (все-таки с

практикой-то, несмотря на писательские лавры, он вроде бы не завязал)? Наверное, потому, что всяких таких приемчиков у него в загашнике навалом — и на читателей хватит, и на присяжных с прокурором. На подходе и другие книжки с Эдди Флинном, так что ждите продолжения.

* * *

Поскольку значительная часть сюжетных коллизий происходит в ходе судебного разбирательства, то наверное, будет не лишним вкратце напомнить заинтересованному читателю, как это там вообще у них происходит.

Англосаксонская судебная система — чисто соревновательная, и главными лицами в ней выступают адвокаты. Судье при этом отводится лишь роль арбитра, который следит, чтобы разбирательство не превращалось в разборку и базар. В случае уголовного дела от имени государства выступает адвокат обвинения (да-да, представитель прокуратуры — тоже адвокат, только со знаком «минус»). И исход зачастую зависит лишь от того, какая из сторон — обвинение или защита — оказалась круче, кто из них сумел лучше убедить присяжных в своей правоте: ведь окончательное решение, вердикт, выносят как раз эти двена-

дцать человек, набранных из простого народа.

В начале процесса обвинитель, а потом и защитник обращаются к ним с вступительным словом, вкратце обрисовывая свои аргументы. Дальше уже собственно «толковище», как выразился бы Эдди, — допрос свидетелей (всякие вещественные улики, как правило, тоже представляют свидетели — те, кто их обнаружил, эксперты, которые их изучали, и так далее). Проводится он в две стадии: обвинитель подвергает свидетеля прямому допросу, а защитник — встречному, который у нас в литературе обычно именуется перекрестным. В общем-то, не совсем корректная «калька» с английского *cross-examination*, но так уж сложилось. Ведь в ходе и прямого, и «перекрестного» допросов адвокату противоположной стороны со своими вопросами влезать нельзя, дозволяется лишь выразить протест относительно того или иного вопроса соперника, а дальше уже судья решает — отвести его совсем или потребовать переформулировать. Если после встречного допроса обвинителю опять захочется задать какие-то вопросы, он может запросить повторный прямой допрос (*redirect*), и все начинается по новой. Когда все свидетели и обвиняемый по нескольку раз допрошены, сто-

роны обвинения и защиты каждый выступают с заключительным словом, а судья произносит нечто вроде напутствия — всё, теперь исход для подсудимого зависит лишь от решения присяжных. Тем, посовещавшись, нужно единогласно ответить на один-единственный простой вопрос: виновен или невиновен. А проще говоря, признать, кто их больше убедил — обвинитель или защитник. А еще проще — кто из этих двоих ими более грамотно манипулировал. Такие вот дела.

Остальное — в отдельных комментариях, если кому интересно.

Артём Лисочкин

Прошение

Для Трейси

ВТОРНИК, 17 МАРТА

, 19:58

Я думал, все умерли.

Я был неправ.

Офисы адвокатской конторы «Харланд и Синтон» занимали тридцать седьмой этаж здания Лайтнер. Это была круглосуточная юридическая фирма, одна из крупнейших в Нью-Йорке. Обычно свет горит круглосуточно, но злоумышленники отключили электричество две минуты назад, а может, и раньше. У меня болела спина, и во рту чувствовался привкус крови, смешивавшийся с запахом жженой кислоты, исходившим от стреляных гильз, дребезжащих по ковру. Полная луна освещала призрачные струйки дыма, которые, казалось, поднимались с пола и испарялись, едва я их замечал. Мое левое ухо казалось наполненным водой, но я понимал, что меня просто оглушили выстрелы. В правой руке я держал пустой табельный «Глок-19»; последний

патрон лежал в теле мертвеца у моих ног. Его ноги упали на живот лежавшего рядом трупа, и в какой-то момент я заметил, что тела на полу конференц-зала словно тянулись друг к другу. Я не смотрел на каждого из них; я не мог заставить себя взглянуть на их мертвые лица.

Дыхание вырывалось короткими рывками, которым приходилось бороться с адреналином, грозившим раздавить грудь. Прохладный ветер из разбитого окна позади меня начал сушить пот на затылке.

Цифровые часы на стене показали 20:00, когда я увидел своего убийцу.

Я не видел ни лица, ни даже тела; это была тень, прячущаяся в тёмном углу конференц-зала. Зелёные, белые и золотые вспышки фейерверка…прорвавшись над Таймс-сквер, он послал в комнату узоры света под странными углами, которые на мгновение осветили небольшой пистолет, который держала, казалось бы, бестелесная рука в перчатке. В этой руке был Ruger LCP. Хотя я не мог разглядеть лица, пистолет многое мне рассказал. Он вмещает шесть девятимиллиметровых патронов. Он помещается в ладонь и весит меньше хорошего стейка. Хотя это эффективное оружие, ему не хватает оста-

навливающей силы полноразмерного пистолета. Единственная причина, по которой кто-либо использовал бы такое оружие, — это замаскировать тот факт, что они вообще носят его. Этот маленький пистолет — популярный запасной вариант для большинства правоохранительных органов; он достаточно мал, чтобы поместиться в компактной сумочке; его можно легко спрятать в кармане сшитого на заказ костюма, не портя при этом линию пиджака.

На ум пришли три варианта.

Три возможных стрелка.

Никакой возможности убедить кого-либо из них бросить оружие нет.

Учитывая последние два дня, что я провёл в суде, у всех троих была веская причина убить меня. У меня была догадка, какая именно, но сейчас это почему-то не имело значения.

Четырнадцать лет назад я перестал быть мошенником. Из Эдди Флинна-афериста я превратился в Эдди Флинна-адвоката. И навыки, приобретенные мной на улице, с легкостью пригодились в суде. Вместо того чтобы обманывать боссов, букмекеров, страховые компании и наркоторговцев, я теперь вел свою профессию, выступая против судей и присяжных. Но я

никогда не обманывал клиентов. До недавнего времени.

Ствол «Ругера» был направлен мне в грудь.

Этот последний обман стоил мне жизни.

Я закрыл глаза, ощущая странное спокойствие. Всё должно было произойти не так. Почему-то этот последний глоток воздуха был каким-то неправильным. Словно меня обманули. И всё же я наполнил лёгкие дымом с металлическим привкусом, который ещё долго держался после выстрела.

Я не слышал выстрела, не видел ни дульной вспышки, ни отдачи. Я лишь почувствовал, как пуля вонзилась в мою плоть. Этот смертельный выстрел стал неизбежным с того самого момента, как я заключил сделку. *Как я здесь оказался?* — подумал я.

Какая сделка заставила меня принять пулю?

Как и всё, всё началось с малого. Всё началось сорок восемь часов назад с зубочистки и монеты в десять центов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 15 МАРТА

48 часов до прививки

Мой ключ вошел в замок.

Я замер.

Что-то было не так.

Входная дверь из красного дерева в четырёхэтажное здание из песчаника, где размещались пять офисов, включая мою юридическую практику, которой я владел один, выглядела как любая другая дверь в этом конце Западной Сорок шестой улицы. Район представлял собой смесь баров, лапшичных, элитных ресторанов, бухгалтерских контор и частных медицинских кабинетов, и каждый из них становился всё более изысканным по мере приближения к Бродвею. Филёнчатая входная дверь моего дома была выкрашена в синий цвет около месяца назад. На обратной стороне двери красовалась вырезанная вручную стальная пластина — небольшой сюрприз для тех, кто решил, что сможет выбить одну из панелей и открыть дверь изнутри.

Это был такой район.

Что касается замков, у меня не так много опыта.

Я не ношу отмычек; никогда ими не пользовался, даже в прежней жизни мошенника. В отличие от многих мошенников, я не выбирал себе жертвой простых жителей Нью-Йорка. Я нацелился на тех, кто заслуживает того, чтобы его обчистили. Моими любимыми целями были страховые компании. Чем крупнее, тем лучше. На мой взгляд, это была самая крупная афера в мире. Справедливо, что время от времени они проверяют свои карманы. А чтобы обмануть страховую компанию, мне не нужно было вламываться; мне просто нужно было убедиться, что меня пригласят. Моя игра заключалась не только в разговорах. У меня были физические данные, подтверждающие это. Я годами изучал ловкость рук. Мой отец…Он был настоящим художником, профессионалом, работавшим в барах и метро. Я учился у него, и со временем у меня развилась особая техника: глубокое чувство веса, осязания и движения. Мой отец называл это «умными руками». Именно это отточенное чувство подсказало мне, что что-то не так.

Я вынул ключ из замка. Вставил его обратно. Потом вынул. Повторил.

Работа была тише и плавнее, чем я помнил. Менее громоздко, меньше сопротивления, меньше

давления. Мой ключ почти сам собой проскользнул, словно сквозь сливки. Я проверил зубцы: они были настолько твёрдыми и острыми, насколько это вообще возможно для свежевырезанных ключей. На лицевой стороне замка, стандартного двухцилиндрового засова, были царапины вокруг замочной скважины, но потом я вспомнил, что парень, управляющий турагентством в офисе внизу, любил добавлять бурбон в утренний кофе. Я несколько раз слышал, как он возится с ключами, и в то единственное утро, когда я прошёл мимо него в вестибюле, его дыхание чуть не сбило меня с ног. Год назад я бы этого не заметил. Я был бы таким же пьяным, как турагент.

Если не считать царапин на замке, нельзя было отрицать, что принцип работы ключа кардинально изменился. Если бы владелец сменил механизм замка, мой ключ бы не работал. Никакого заметного запаха от замка или ключа, который был сухим на ощупь, не было. Если бы туда распылили баллончик WD-40, я бы почувствовал запах. Объяснение было только одно: кто-то взломал замок, поскольку я ушёл из офиса этим утром. Воскресенья в офисе стали необходимым злом, поскольку я привык там ночевать. Я больше не мог позволить себе платить за квар-

тиру и офис. Всё, что мне было нужно — это раскладная кровать в задней комнате.

Хозяин не мог позволить себе сигнализацию. Я тоже, но мне всё равно хотелось какой-то безопасности. Дверь открывалась внутрь. Я приоткрыл её на полдюйма и увидел монету в углублении справа от дверной рамы, со стороны замка. Сама дверца закрывала половину монеты, не давая ей упасть на ступеньку. Вечером, выходя за едой, я просовывал монету в щель между рамой и дверью, вставляя её в отверстие в форме монеты, которое я прорезал в раме перочинным ножом. Если кто-то взломает дверь и не захочет, чтобы я узнал, он услышит падение монеты, распознает в ней поделку и аккуратно положит её на место. Вся надежда была на то, что злоумышленник сосредоточится на звуке и блеске падающей монеты и не заметит зубочистку, застрявшую ровно в десяти дюймах над первой петлей с противоположной стороны двери.

Кем бы ни был мой злоумышленник в ту ночь, он позаботился о том, чтобы вернуть монету на место, но промахнулся по зубочистке, которая лежала на ступеньке.

Из пяти офисов здания три были заняты: туристическое агентство, находившееся на грани

банкротства, финансовый консультант, которого я пока нигде не видел поблизости, и подозрительный гипнотизёр, любивший ходить на дом. В основном они работали с девяти до пяти, а в случае турагента и гипнотизёра — с одиннадцати до трёх. Ни за что они не пришли бы в воскресенье и ни за что не потрудились бы заменить монетку. Будь это мои соседи, они бы положили монетку в карман и забыли бы о ней.

Я уронил газету и наклонился, чтобы её поднять. Пока я отдыхал на корточках, я решил перевязать шнурки. Слева никого. Справа никого.

Шаркая ногами в поисках второго ботинка, я оглядел противоположную сторону улицы. И снова ничего. Несколько машин слева от меня, но это были старые импортные, с запотевшими лобовыми стеклами; никак не машины наблюдения. Через дорогу справа от меня парочка, держась за руки, вошла в таверну «Песочные часы» — театральные наркоманы, перекусывающие перед представлением. С тех пор, как я переехал сюда, я дважды был в таверне, оба раза ел равиоли с лобстером и умудрился избежать таинственного пива и специального предложения, которое менялось вместе с поворотом больших песочных

часов на стене за барной стойкой. Воздержание по-прежнему было для меня делом одного дня за раз.

Закрыв входную дверь, я забрал со ступенек газету, затянул воротник, чтобы уберечься от затянувшегося зимнего холода, и пошёл. Будучи мошенником, я нажил себе множество врагов, а за время юридической карьеры умудрился нажить ещё несколько. Теперь я решил, что осторожность оправдана. Я сделал круг из трёх кварталов, используя все известные мне методы контрнаблюдения: сворачивал в случайные переулки; переходил на лёгкую трусцу перед поворотом и резко замедлялся на другой стороне; глядел задним ходом в окна машин и рекламу на автобусных остановках из оргстекла; резко останавливался и резко поворачивал, а затем возвращался по своим следам. Я начал чувствовать себя немного глупо. Хвоста не было. Я решил, что либо гипнотизёру повезло и он привёл клиента обратно в свой кабинет, либо, может быть, финансовый консультант наконец-то появился, чтобы опустошить свой переполненный почтовый ящик или уничтожить свои файлы.

Когда я снова увидел своё здание, я уже не чувствовал себя таким глупым. Мой офис находился

на третьем этаже. Первые два этажа были погружены в темноту.

Из моего окна лился свет, и это была не настольная лампа. Луч света казался узким, приглушённым, он наклонялся и двигался.

Фонарик.

У меня защипало кожу, и дыхание вырвалось одним долгим, хриплым выдохом. Мне пришло в голову, что нормальный человек вызвал бы полицию. Меня так не воспитывали. Когда зарабатываешь на жизнь мошенником, полицейские не занимают места в твоих мыслях. Я сам занимался всеми этими делами, и мне нужно было знать, кто в моём офисе. В багажнике «Мустанга» я возил монтировку, но возвращаться за ней на парковку не было смысла, потому что мне не хотелось таскать её по улице. У меня нет оружия; я его не люблю, но были кое-какие средства самообороны, которыми я не прочь был воспользоваться.

Я тихо открыл входную дверь, поймал монету до того, как она ударилась о плитку, и снял обувь в вестибюле, чтобы не шуметь, прежде чем подойти к ряду почтовых ящиков на стене.

В коробке с надписью ЭДДИ Ф. ЛИНН , АДВОКАТ , у меня была вся необходимая резервная копия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сняв маленький ключик со своей цепочки, я осторожно положил остальные ключи на почтовые ящики, прежде чем открыть новый навесной замок, который я установил. Под грудой толстых коричневых конвертов и ненужной почты я нашел пару кастетов. В подростковом возрасте я боксировал за свой приход. Многие бедные католические дети в Нью-Йорке делали то же самое. Это должно было привить дисциплину и спортивное благородство, но в моем случае мой отец настоял на этом по совершенно другой причине. Он считал, что если я смогу ударить парня вдвое крупнее меня, он не будет так сильно беспокоиться о моих ошибках новичка, когда придет время действовать самостоятельно как мошенник. Все, что мне нужно было сделать, это усердно тренироваться в спортзале, с умом подходить к аферам и, черт возьми, сделать так, чтобы моя мама ни о чем не узнала.

В вестибюле было темно, тихо и спокойно, если не считать редких стонов отопительных труб. Старая лестница скрипела как сумасшедшая. Взвесив варианты, я решил, что лестница будет

шумнее древнего лифта. Я ступал легко и близко к кафельной стене. Это позволяло мне наблюдать за верхними этажами, пока я поднимался, и помогало избежать сильного скрипа старых досок, которые лаяли, если надавить ближе к центру лестницы. Кастет холодил мои руки. Их ледяное прикосновение каким-то образом успокаивало. Поднявшись на третий пролёт, я услышал голоса. Приглушённые, тихие.

Дверь, ведущая в мой кабинет, была распахнута настежь. В дверном проёме спиной к коридору стоял мужчина. За ним я видел по крайней мере ещё одного человека с фонариком, высунувшимся из верхнего ящика моего картотечного шкафа. Мужчина, стоявший ко мне спиной, носил наушник. Я видел полупрозрачный провод, змеящийся отего ухо к складкам его черной кожаной куртки. На нем были джинсы и ботинки на толстой подошве. Сотрудник правоохранительных органов, но определенно не коп. Наушники не являются стандартной выдачей для полиции Нью-Йорка, и большинство не хотели выкладывать сотню долларов за привилегию казаться тактически или круто. Федеральный бюджет правоохранительных органов был рассчитан на наушник для каждого мужчины, но федералы поставили бы

человека в вестибюле, и им было бы все равно, заменят ли они десятицентовик в дверном проеме. Если они не были федералами или полицией, то кто они такие? Тот факт, что у них были связи, заставлял меня нервничать. Связь делала их организованными. Это была не пара наркоманов, желающих быстро срубить денег.

Поднимаясь по последним ступенькам, я старался не отрывать живот от земли. Я слышал шёпот, но не мог разобрать ни слова. Мужчина с фонариком в картотечном шкафу молчал. В офисе были и другие, которых я не видел; это они вели разговор. По мере того, как я подходил ближе, голоса становились всё отчётливее.

«Что-нибудь известно?» — спросил голос.

Обыскивающий закрыл ящик картотечного шкафа и открыл тот, что находился под ним.

«Ничего, относящегося к цели», — сказал мужчина, выбрав файл, открыв его и начав читать с фонариком.

Цель.

Это слово, словно ударная волна, вызвало бурлящий прилив адреналина в моих жилах. Мышцы шеи напряглись, а дыхание участилось.

Они меня не видели.

У меня было два хороших варианта: смыться

оттуда, сесть в машину, гонять как сумасшедший всю ночь, а потом вызвать полицию из соседнего штата. Второй вариант — уехать, забыть о машине, запрыгнуть в первое попавшееся такси и поехать в квартиру судьи Гарри Форда в Верхнем Ист-Сайде, где, не вставая с дивана Гарри, оставить копам монетку.

Оба варианта были разумными, оба — разумными, оба несли минимальный риск.

Но это был не я.

Я бесшумно встал, повертел шеей, прижал правый кулак к подбородку и бросился к двери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стоявший у двери мужчина начал оборачиваться, когда я бросился бежать. Сначала он вздрогнул от внезапных тяжёлых шагов. Увидев меня, он открыл рот, вдыхая воздух, и широко раскрыл глаза — инстинкт самосохранения, непривычный для него, — сработал. Сначала был шок, а затем реакция. Ещё до того, как он успел крикнуть, я видел, как его ментальная установка пытается взять верх над паникой, когда его правая рука начала нащупывать прикреплённый к боку пистолет.

Он опоздал.

Я не хотел убивать этого парня. Кто-то однажды сказал мне, что убивать кого-то, не зная точно, — непрофессионально. Обычно, если бы я ударил его в лицо или голову, вероятность того, что удар окажется смертельным, составляла пятьдесят на пятьдесят: либо от силы удара кастетом, который расколол бы ему голову и вызвал обильное кровотечение, либо от того, что бедняга сам проломил бы себе череп, когда его бессознательное тело ударилось бы о палубу. Моя инерция легко добавила бы к силе удара ещё тридцать или сорок

фунтов. На такой скорости вероятность фатальных повреждений возрастала, а если бы я попал в голову, то, скорее всего, лишил бы этого парня света навсегда.

Все, что мне нужно было сделать, это обезвредить этого человека.

Он был правшой.

В последнюю секунду я опустил правый кулак и скорректировал прицел.

Удар пришелся ему по правую руку, по самую кость, и пальцы его руки мгновенно разжались, а затем расслабились; это было похоже на перерезание линии электропередачи — она превратилась в порошок.Такая большая мышца означала бы, что рука мужчины будет безжизненной на несколько часов. По инерции я пролетел мимо парня как раз в тот момент, когда у него из горла вырвался первый крик.

Его напарник бросил файлы, которые читал, и замахнулся на меня фонариком. Этот мужчина был левшой, и я встретил его удар. Два с половиной фунта кливлендской латуни, обмотанной вокруг моего левого кулака, столкнулись с фонариком и разрубили его надвое. Лампочка взорвалась, и свет погас в снопе искр. В момент взрыва лицо мужчины на мгновение озарилось

светом, и я увидел, как его рот открылся, глаза вспыхнули, когда шок пронзил его лицо. Только это был не шок. Должно быть, я задел часть его руки кастетом. В полумраке уличных фонарей я видел, как мужчина упал на колени, сжав сломанные пальцы.

«Эдди, остановись!» — раздался голос из темноты.

Лампа на моем столе загорелась.

«Феррар, Вайнштейн, отойдите», — сказал мужчина, сидевший за моим столом. Я впервые встретил его около полугода назад. Это был тот парень, которого я спас, когда мы оба столкнулись с русской мафией — специальный агент Билл Кеннеди из Федерального бюро расследований. Он обращался к мужчинам, на которых я напал, и оба стояли на коленях. Тот, что был с короткой стрижкой, стиснул зубы от боли в изуродованных пальцах. Другой, более крупный мужчина в кожаной куртке, катался по полу, держась за руку, в которой всё ещё был надёжно зажат пистолет.

Кеннеди был последним человеком, которого я ожидал увидеть в своём кабинете. Он откинулся на спинку моего кресла, закинул ноги на стол и скрестил их. Он посмотрел на своих людей, а затем на меня, словно я сломал ему что-то. Тём-

но-синие брюки его костюма слегка задрались, и я увидел чёрные шёлковые носки и запасной пистолет, закреплённый на левой лодыжке — «Ругер LCP».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Что это, черт возьми, такое?» — сказал я.

«Успокойся. Ты только что напал на двух федеральных агентов. Господи, Эдди, это же мои ребята».

Агент, державший фонарик, медленно поднялся, его указательный палец был направлен в неестественном направлении. Оскалив зубы, он вернул палец на место. Я ничего не сломал. Просто вывихнул палец. Его приятель выглядел гораздо хуже. Он был бледным и вспотевшим. Оба агента направились к дивану в противоположной стороне комнаты от картотечных шкафов.

«С ними всё будет в порядке», — сказал я. «Возможно, им придётся подтирать задницы другими руками неделю-другую, но они выживут. О тебе того же сказать не могу, пока ты не расскажешь, зачем ты вламываешься в мой офис. Кстати, если ты защищаешь свою личность или имущество от постороннего, это не нападение. Думал, тебя этому научили в Квантико. Ордер есть?»

Я снял латунные пластинки и позволил каждой

из них упасть на стопку документов на столе. Кеннеди переставил ноги на пол, взял один из них и надел на руку, чувствуя смертельную тяжесть на костяшках пальцев.

Он вытащил латунь из пальцев, бросил ее на стопку страниц на моем столе и сказал: «Кастет, Эдди?»

«Пресс-папье», — сказал я. «Где ваш ордер?»

Прежде чем ответить, он начал чесать тыльную сторону ладони. Это сказало мне всё, что мне нужно было знать: Кеннеди очень переживал и вымещал свою тревогу на теле. Кожа вокруг его больших пальцев была опухшей и красной, там, где…Он обработал кутикулу зубами и ногтями. Он не брился, и, судя по всему, ему не помешал бы душ, стрижка и хороший сон. Его обычно белоснежная рубашка выцвела до того же цвета, что и мешки под глазами, а кожа на его сорокалетнем лице истончилась. Судя по свободному дюйму вокруг воротника, он сильно похудел.

Когда я впервые встретился с Кеннеди, я представлял главу русской мафии, Олека Волчека. Судебный процесс прошёл с большим размахом. Волчек взял в заложники мою десятилетнюю дочь Эми и угрожал убить её. За пять месяцев, прошедших после суда, я пытался забыть эти

отчаянные часы. Но не смог. Я помнил всё — свои мучения при мысли о том, что кто-то причинит ей боль, отнимет её молодую жизнь, и что во всём этом будет виноват я. От одной мысли об этом у меня вспотели ладони.

Кеннеди чуть не умер, но мне удалось доставить его к врачу, прежде чем стало слишком поздно. Его раны хорошо зажили, и он даже помог мне уладить ситуацию, когда улеглась пыль по делу Волчека. Многое из того, что я сделал за эти два дня, было в высшей степени противозаконным. Кеннеди всё это замял. Но на самом деле он не знал и половины того, что я сделал, и я надеялся, что никогда не узнает.

Оправившись от перестрелки, он пригласил меня и мою семью к себе на новогоднюю вечеринку. Моя жена Кристина сказала, что не хочет идти; между нами уже давно были проблемы. Меня выгнали из дома, и заслуженно, около полутора лет назад, потому что я проводил больше времени в барах, ночных судах и вытрезвителях, чем дома. Я завязал, и наши отношения с Кристиной наладились, пока не случилось дело Волчека.

Кристина думала, что я подвергаю Эми опасности, что нашу дочь забрали из-за меня. Она была права. Но в последние несколько недель её гнев

начал утихать. Я мог видеться с Эми чаще, а в прошлую среду, когда я её высаживал, Кристина пригласила меня в дом. Мы распили бутылку вина и даже немного посмеялись. Конечно, я накосячил, когда попытался поцеловать её на пороге перед уходом. Она отвернулась и положила руку мне на грудь; было ещё слишком рано. По дороге обратно в офис я думал, что когда-нибудь всё наладится. Когда-нибудь я смогу вернуть своих девочек. Я думал о них каждый час каждого дня.

Я пошёл на вечеринку к Кеннеди один, пил Dr. Peppers, ел свинину с солониной и ушёл пораньше. Адвокаты защиты обычно не ладят с представителями правоохранительных органов, а мошенники — ещё меньше. Но Кеннеди мне, честно говоря, понравился. Несмотря на свою тревожность и упрямство, он был прямолинейным и добросовестным агентом.С хорошей репутацией, и он поставил всё это на карту ради меня. Я видел эту каменную нравственность в его взгляде, когда он сидел по другую сторону моего стола, в моём кресле, обдумывая мой вопрос. В конце концов я решил ответить на него сам.

«У вас ведь нет ордера?»

«Пока что я могу сказать лишь то, что эта маленькая вечеринка пойдет вам на пользу».

Осмотрев офис, я увидел четыре увесистых металлических чемодана, сложенных в углу, а рядом с ними — что-то похожее на звуковое оборудование.

«Я что, прервал репетицию группы?» — спросил я.

«Мы оказали вам услугу, проверив ваш офис на наличие подслушивающих устройств».

«Подслушивающие устройства? В будущем не делайте мне одолжений без моего разрешения. Интересно, вы их нашли?»

«Нет. Ты чистый», — сказал он, вставая и потягиваясь. «Ты всегда носишь с собой пресс-папье?»

«Канцелярские принадлежности время от времени пригодятся. Почему ты не позвонил и не предупредил, что придёшь?»

«Не было времени. Извините».

«Что значит, не было времени? Я слышал, как твой приятель там упомянул слово «цель», поэтому хочу знать, что ты на самом деле здесь делаешь».

Прежде чем Кеннеди успел ответить, я услышал шаги. Дверь в мой кабинет открылась, и в комнату вошёл невысокий мужчина лет пятидесяти, с седой бородой и очками в чёрной оправе. На нём было длинное чёрное пальто до щиколоток.

Синяя рубашка, тёмные брюки, седеющие вьющиеся волосы зачёсаны назад, обрамляя худое загорелое лицо.

«Защита», — сказал маленький человек, отвечая на вопрос, который я адресовал Кеннеди.

Он стоял, засунув руки в карманы, уверенный и властный. Он небрежно прошёл мимо Кеннеди, уселся на мой стол и улыбнулся мне.

«Мистер Флинн, меня зовут Лестер Делл. Я не из ФБР. Я из другого агентства. Бюро здесь, потому что оно входит в состав объединённой оперативной группы, которую я возглавляю. У нас есть для вас работа», — сказал он, кивнув.

«Отлично. А ты кто? Из УБН? Из АТФ? Кабельщик?»

«О, я работаю в агентстве, которое официально не проводит операции на территории США. Именно поэтому ФБР и Министерство финансов управляют всеми кадрами. Что касается Госдепартамента, я здесь в качестве консультанта», — сказал он, и когда он улыбнулся, на его загорелой коже над бородой появились глубокие морщины.Сужались к глазам. Морщины, казалось, не совсем соответствовали его лицу, словно улыбка была для него чем-то необычным. Акцент казался немного странным, хотя произношение

было таким точным и чистым.

Мне не нужно было спрашивать, где он работает — улыбка говорила сама за себя. Он всё равно мне рассказал. «Неофициально, мистер Флинн, это моя операция. И, вижу, вы уже догадались, на кого я работаю. Вы правы — я работаю на ЦРУ».

Я кивнул. Кеннеди следил за мной. Он внимательно наблюдал, оценивая мою реакцию.

«У нас мало времени, поэтому простите меня, если я буду краток и по существу. Мы здесь, чтобы принять меры предосторожности. Чтобы убедиться, что никто, кроме нас, не услышит этот разговор. У меня есть к вам предложение. На самом деле, у меня есть к вам дело», — сказал он.

«Я не работаю на правительство. Это вдвойне касается тех правительств, которые вламываются в мой офис».

«О? Я подумал, что ты не отказался бы от какой-нибудь оплачиваемой работы. Вижу, у тебя есть диван-кровать в глубине, одежда, телевизор, зубная щётка в ванной и стопка книг в мягкой обложке. Но мне не нужно делать никаких выводов: я знаю о тебе всё. Всё до мелочей. Ты нищий. Ты живёшь в своём офисе. На самом деле, у тебя на текущем счёте тысяча двести долларов, твой офисный счёт в минусе на тридцать тысяч, а

работа идёт медленно».

Я бросил взгляд на Кеннеди. Он скрестил руки на груди и кивнул Деллу, сказав, что я должен его выслушать.

«Мистер Флинн, вот в чём моя ситуация. Я пять лет расследовал деятельность группы очень плохих людей. Честно говоря, я остался ни с чем. Я ничего не получил. До вчерашнего дня, когда все мои молитвы были услышаны. Оказалось, что друга этих плохих людей арестовали за *очень* скверный поступок. Его будут судить и осудят; это дело очевидно и очевидно. Я надеюсь, что этого человека удастся убедить заключить со мной сделку, по которой он выйдет из тюрьмы, пока он ещё молод, а я взамен арестую его друзей. Проблема в том, что адвокаты этого человека смотрят на ситуацию иначе. Я хочу, чтобы вы взяли его дело на себя. Я хочу, чтобы вы представляли этого человека и убедили его заключить сделку. Это в его интересах, и в ваших».

Взглянув на часы, он сказал: «У вас есть ровно сорок восемь часов, чтобы добиться того, чтобы ваш новый клиент вас нанял, заставил его признать себя виновным, и мы заключим с ним сделку. Если вы это сделаете, федеральное правительство сделает для вас две вещи».

Он достал из пальто фляжку, открыл её и налил немного в пустую кофейную чашку на моём столе. Он не спросил, хочу ли я кофе.Он просто налил и протянул мне кружку. Он сделал небольшой глоток из фляжки и продолжил:

«Во-первых, мы заплатим вам сто тысяч долларов. Наличными. Без налогов. Неплохо за утреннюю работу. Во-вторых, и это важнее для вас, сделайте это для меня, и я не отправлю вашу жену в федеральную тюрьму на всю оставшуюся жизнь».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сидя на моём рабочем столе, Делл сделал ещё один глоток из своей фляжки. Я не обратил внимания на то, что он налил мне в кружку. Он снова неестественно улыбнулся, и я позволил его словам окутать меня.

Сделайте это, и мы не отправим вашу жену в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

Я видел, как Кеннеди напрягся. Он знал судьбу последней группы серьёзных преступников, угрожавших моей семье, и Кеннеди, казалось, был удивлён не меньше моего.

«Делл, скажи ему, что мы здесь хорошие парни», — сказал Кеннеди.

«Я говорю здесь, Билл», — сказал Делл, не сводя с меня своей фальшивой улыбки.

Если Кеннеди или Делл ожидали зрелища, я им его не устроил. Вместо этого я откинулся на спинку кресла, которое обычно отведено для моих клиентов, и сложил руки.

«Делл, всё это очень интересно, но моя жена совершенно честная. Она даже не переходит улицу в неположенном месте. Если думаешь, что у тебя есть на неё что-то? Ладно, давай, используй это,

и увидимся в суде. На самом деле, я ей не понадоблюсь. Кристина гораздо лучший юрист, чем я. Именно поэтому она работает в Harland and Sinton, а я… ну, я работаю здесь. Так что спасибо за предложение. Деньги кажутся заманчивыми, но когда они сопровождаются угрозой, я теряю к ним интерес. Меня не так-то просто напугать, Делл. Не забудь вернуть мне монетку на выходе», — сказал я.

Фальшивая улыбка сменилась настоящей. В этот момент он выглядел по-другому. Очаровательно. Несмотря на то, что он сказал и как себя проявил, в нём чувствовалась неожиданная теплота. Он обменялся взглядом с Кеннеди, затем наклонился и достал из кейса рядом с собой зелёную папку.

«Вы считаете, что ваша жена в безопасности, потому что она юрист в Harland and Sinton?»сказал Делл. «Ирония в том, что ваша жена оказалась в такой ситуации, *потому что* она юрист в юридической фирме Harland and Sinton».

"Что?"

«Я принёс вам кое-что. Можете оставить себе. У меня есть копия. У федерального прокурора тоже. С этими документами мы можем предъявить вашей жене тридцать восемь обвинений по закону

RICO и потребовать в общей сложности сто пятнадцать лет лишения свободы. Взгляните сами».

В деле было три страницы. Ни одна из них не показалась мне особо понятной. Первая представляла собой нечто похожее на договор купли-продажи акций компании, о которой я никогда не слышал. Подпись Кристины, подтверждавшая договор, стояла рядом с подписью клиента, покупателя акций.

«Я этого не понимаю», — сказал я.

«Позвольте мне объяснить всё предельно просто. Ваша жена подписала этот документ в свой первый день работы в юридической фирме Harland and Sinton. К каждому юристу в Harland and Sinton в первый день относятся одинаково. Вы знаете, каково это — первый день в новом офисе: половину времени тратишь на то, чтобы запомнить имена всех, где тебе положено сидеть, где лежат твои документы, и пытаешься запомнить все эти чертовы новые компьютерные пароли, которые тебе только что вручили. Примерно в четыре тридцать в ваш первый день в Harland and Sinton один из старших партнёров позовёт вас в свой кабинет. Он только что завершил договор о передаче акций для клиента. Проверка уже проведена, но его вызвали на экстренное со-

вещание, а клиент только что приехал. Старший партнёр хочет, чтобы вы засвидетельствовали этот документ. Вам нужно всего лишь увидеть, как клиент подписывает этот чёртов листок бумаги, и поставить рядом своё имя. Вот и всё. Такое случается постоянно. На самом деле, у всех двухсот двадцати трёх юристов там были… Тот же опыт в первый день. Но не питайте иллюзий, мистер Флинн. Подписав этот документ, ваша жена невольно стала участницей одной из крупнейших финансовых афер в истории Америки.

«Харланд и Синтон? Мошенничество? Приятель, ты глубоко ошибаешься. Это одна из старейших и самых уважаемых фирм в городе. Они точно не замышляют ничего противозаконного. Зачем им это? У них денег больше, чем они могут себе позволить».

«О, у них есть деньги, конечно. Грязные деньги».

«У тебя есть доказательства?»

«Некоторые, например, документы, которые вы только что прочитали. У нас пока нет всего. Пока нет. Вот тут-то и вступаете в дело вы. Видите ли, у Harland and Associates были финансовые взлёты и падения на протяжении многих лет, но всё изменилось в 1995 году, когда к нам пришёл Джерри

Синтон.Недавно созданная фирма Harland and Sinton сократила список клиентов до менее чем пятидесяти и сосредоточилась на ценных бумагах, налогообложении, облигациях, управлении капиталом и наследстве. Их прибыль взлетела до небес. До прихода Синтона фирма была чиста и по-прежнему пользуется превосходной репутацией. Это идеальное место для их небольшой компании.

«Какая операция?»

Делл помолчал, посмотрел на нетронутый алкоголь передо мной, повернулся к Кеннеди и сказал: «Билл, принеси нам кофе, пожалуйста».

Кеннеди зашел в дом и попытался вдохнуть жизнь в мою старую кофемашину.

«Harland and Sinton — это прикрытие. Они немного занимаются юридической практикой, но на самом деле проворачивают крупнейшую схему отмывания денег, когда-либо проворачивавшуюся на территории США. Фирма действует в интересах компаний, которых на самом деле не существует, разве что на бумаге. Они убеждают своих законных клиентов покупать акции этих компаний, и эти клиенты гарантированно получают около двадцати процентов от своих инвестиций. Эти клиенты, сами того не подозре-

вая, передают чистые деньги, а грязные деньги возвращаются через счета фиктивных компаний, отмывая их в бухгалтерских книгах, чтобы платить инвесторам. Грязные деньги поступают от наркокартелей, террористов и всех остальных. А ваша жена подписала документ, изобличающий её в этом мошенничестве».

"Ни за что."

Я ещё раз посмотрел на документы. Если слова Делла были верны, Кристина попала в серьёзную беду. То, что она ничего об этом не знала, не имело никакого значения. Это правонарушение строгой ответственности: если вы каким-либо образом вмешались в сделку и не проявили должной осмотрительности, вас арестовали. Самого факта, что вы провели транзакцию, достаточно для обвинительного приговора, независимо от ваших намерений.

«Откуда вы все это знаете?»

«Потому что я поговорил с парнем, который курировал некоторые транзакции через банки. Он рассказал мне всю схему. Он собирался сорвать эту операцию».

«Тогда зачем я тебе?»

«Честный ответ? Потому что свидетель мёртв. Начальник вашей жены, Джерри Синтон, прика-

зал его убить».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кеннеди замер на месте. В руках у него был горячий кофе. В комнате воцарилась тишина. Я закрыл глаза и потёр лоб. Ощущение было такое, будто в висках застыл свинцовый поток.

Во что, черт возьми, ввязалась Кристина?

Она была единственной женщиной, которую я когда-либо по-настоящему любил. Наша свадьба была скромным событием. Мои родители были оба мертвы, и за исключением судьи Гарри Форда и моего партнера Джека Холлорана, все мои друзья были либо мошенниками, либо проститутками, либо мафиози, но все же они были моими друзьями. В тот день в церкви на Фримен-авеню была необычная община. Ее сторона церкви была полна представителей высшего класса Нью-Йорка, элиты Манхэттена: владельцы газет, известные повара, миллионеры, сколотившие состояние на недвижимости, юристы, модели и светские львицы — кем бы они ни были. На моей стороне был судья, мой наставник Гарри Форд; продажный адвокат в лице моего тогдашнего партнера Джека Холлорана; шестифутовая бывшая проститутка по имени Бу; четверо состо-

явшихся парней вместе со своими невероятными женами и их боссом Джимми «Шляпой» Феллини; пара старых приятелей по мошенникам; И моя бывшая хозяйка, миссис Вачовски, которая мне не особо нравилась, но она отвлекала от остальных. Все вели себя хорошо. Только миссис Вачовски подвела меня, упав в унитаз после того, как слишком много отвёрток. Маме Кристины пришлось её вытаскивать.

Мне было всё равно. Я смотрел только на Кристину. Мы были счастливы.

Но так продолжалось не всегда.

Где-то между моими безумными часами в суде, делом Беркли и моими пьянками Кристина меня разлюбила. Я видел это по её глазам.Она устала от этого. Устала от меня. Хотя я и сбился с пути, я никогда не терял любви к жене. В прошлую среду вечером я напомнил ей о падении миссис Вачовски в туалете, и она шумно выдохнула вино. И хотя она отвернулась от меня на крыльце, я знал, что есть небольшой шанс, что мы когда-нибудь снова будем вместе. Рука, которую она положила мне на грудь, была нежной; в ней была нежность, которая вселяла в меня надежду.

Сдувая пар с кружек с кофе, Кеннеди подошёл и протянул мне чашку. Он встал рядом с Деллом и

подождал, пока я сделаю глоток. Кофе был слишком горячим. Я поставил кружку на стол и взял ручку, позволяя ей обтекать пальцы, помогая мне думать.

«Кто был информатором?» — спросил я.

Скрыв гримасу, Делл встал из-за моего стола, обошел его и со вздохом опустился на мой стул, в то время как Кеннеди принес Деллу еще одну чашку из мини-кухни.

«Спасибо, Билл», — сказал Делл, добавляя еще немного горячего напитка из своей фляжки в кружку.

«С 11 сентября ЦРУ взяло на прицел сердце мирового терроризма — финансирование. Последние пятнадцать лет я работал на Большом Каймане, то есть на Панамском канале, за грязные деньги. У нас в списке наблюдения был человек — Фарук. Он выполнял приказы напрямую от Джерри Синтона. Мы выяснили, что Фарук, помимо того, что был коррумпированным банкиром и отмывателем денег, также торговал онлайн-изображениями детей. Его поймали в апреле прошлого года благодаря межконтинентальной полицейской оперативной группе. Фарука выследили через сеть педофилов, и когда местные копы поймали его, они обнаружили незаконные

изображения на его компьютере. На Большом Каймане это означало серьезный срок, но, скорее всего, его бы убили, как только он ступил в тюрьму. Фирма полагалась на посредников, таких как Фарук, для перемещения денег, и если бы он стал стукачом, он мог бы всех их прикончить.

«Поэтому я решил поговорить с ним в полицейском участке Джорджтауна. Сделать из него ценного агента. Фирма уволила его несколько недель назад, потому что у Синтона появился совершенно новый метод перемещения и отмывания денег; к тому же он боялся за свою шкуру. Он пообещал нам крупнейшую в мире операцию по отмыванию денег и даже предоставил кое-какие доказательства. Некоторые документы были в точности как соглашение о разделе акций, которое вы уже видели, а некоторые представляли собой старые выписки со счёта, чтобы мы могли представить, что он может предложить, если мы дадим ему новую личность и устроим жизнь в другом месте. Он предлагал нам Харланд и Синтон».

Кофе был горьким на вкус — старая кофемашина без фильтров. Я старался сосредоточиться на мужчине передо мной и следить за его поведением. Он выглядел расслабленным, он делал и

делал перерывы.зрительный контакт был естественным, его жесты были непринужденными, он не подчеркивал слова и не прикрывал рот пальцами.

Мы были готовы к сделке, поэтому покинули местное полицейское управление в сопровождении колонны. Фарук так и не добрался до посольства. Я не знаю, кто совершил нападение, но кто бы это ни был, он действовал с использованием военной тактики — уничтожил головную машину из РПГ, перекрыл дорогу позади. Мой ведущий аналитик погиб в одной из машин. Всё, что я помню, — это её крики, когда она горела. Я не смог к ней добраться. Фарука взяли живым; фирме нужно было знать, что он сказал полиции.

Его взгляд встретился со столом и задержался на нём, пока он говорил: «Он всё им рассказал. Он бы не смог выдержать. Мы нашли его тело, висевшее на стене посольства. Он был обожжён кислотой с головы до ног. Не было ни смертельных ран, ни признаков серьёзных травм. Мы предположили, что он умер от сердечного приступа или припадка, вызванного болью от кислотных ожогов. Представьте себе — настолько сильное страдание, что тело просто умирает».

«Когда Фарук умер, дело тоже. Все бумажные

улики привели к юристам, засвидетельствовавшим соглашения, но ничто не связывало партнёров. Джерри Синтон устранил остальных посредников, и фирма начала отмывать деньги другим способом. Мы получили шанс.

«У нас есть один шанс заполучить Harland and Sinton, и он буквально вчера нам выпал. Мы думаем, что нашли новый актив. *Вашего* нового клиента».

«Ты мне не сказал, кто этот парень. Зачем ему заключать сделку?»

«Он заключит сделку. Он всего лишь ребёнок. Запуганный ребёнок. Да, он по-своему силён. Но он не справится с перспективой пожизненного заключения. У него есть информация о фирме — ключевая информация. Это всё, что вам нужно знать на данный момент. Переманите его на нашу сторону. Я заключу сделку».

«Что сделал этот ребенок?»

«Пятнадцать часов назад он застрелил свою девушку. У нас есть пистолет, свидетели, которые видели его на месте преступления, и результаты экспертизы. Полный пакет документов. Вам нужно заставить его уволить его нынешних адвокатов, нанять его защитником и заставить его заключить сделку со мной».

«Меня лишат лицензии. У меня серьёзный конфликт интересов. Я не могу убедить клиента заключить сделку, выгодную моей жене».

Он сделал вид, будто не слышит меня. «Мы хотим, чтобы он признал себя виновным до предварительного слушания. Он должен быть привлечен к ответственности в течение 24 часов после ареста. Сегодня утром его арестовали за убийство. Его допросили, предъявили обвинение, и сегодня вечером он будет отправлен в центральный изолятор. Он должен быть привлечен к ответственности до…Завтра полдень; это ваше время — пятнадцать часов, чтобы ограбить фирму и увести их клиента. Если вам удастся устроиться, судья, вероятно, назначит предварительное слушание на следующий день. Я хочу, чтобы он признал себя виновным до начала предварительного слушания, пока давление нарастает, и окружной прокурор готов к сделке; именно тогда этот человек будет наиболее уязвим. К тому же, если мы просто получим показания от этого парня, чтобы прижать партнёров, это не поможет. Нам нужны деньги фирмы. Взять, к примеру, Берни Мейдоффа — крупнейшее в истории расследование финансового мошенничества, но для правоохранительных органов оно считается про-

валом, потому что они не вернули деньги. Нам нужны и партнёры, и деньги. Чтобы заполучить и то, и другое, нам нужно действовать быстро, пока деньги не исчезли. Вы сделаете это, мы позаботимся о том, чтобы Кристин ушла.

Я покачал головой.

«Я буду с тобой откровенен, Эдди. Так работает ЦРУ. Мы получаем информацию, контролируем её и эксплуатируем. Этот ресурс — твой новый клиент. Нам нужно держать его под контролем, чтобы мы могли его использовать. Ты получишь хорошую компенсацию. Мы знаем, что ты справишься с давлением после того случая на Чамберс-стрит. Мы всегда можем надавить на тебя, если понадобится, Эдди Флай».

Толпа называла меня Эдди Флай, особенно мой старый приятель Джимми Шляпа. В детстве, после спаррингов, мы играли в стикбол. Я не мог сравниться с Джимми по скорости замаха — он был трёхочковый отбивающий, — но у меня были быстрые руки, которые я никогда не пропускал. Джимми дал мне прозвище Эдди Флай. После того, как я начал играть в игру, основанную на уверенности, это прозвище прижилось.

Я подумал о Кристине и Эми. Несмотря на профессиональные клятвы, я не мог позволить

ничему поставить под угрозу мою семью. И судя по тому, что сказал мне Делл, клиент выглядел виновным. Помочь виновному человеку признаться и заключить сделку ради спасения моей жены, в конце концов, казалось не таким уж и плохим.

«Я должен рассказать Кристине. Она имеет право знать».

Делл покачал головой. «Ты ей ничего не говори. Чем меньше она знает, тем лучше. А вдруг она запаникует и проболтается кому-нибудь из партнёров? Она погибнет, и вся операция провалится. Не говори ей ничего. Ты купишь ей билет на выход из этой ситуации. Этого достаточно».

Я понял логику. Я понятия не имел, как отреагирует Кристина и поверит ли она мне вообще. Я посмотрел на Делла.

«Кто клиент?»

«Он — твоя цель. Ты поймаешь его как клиента и заставишь признать себя виновным в убийстве в обмен на сделку с нами. Он получит смягчение приговора, фирма пойдёт на дно, мы получим деньги, а ты — Кристину».

Делл взглянул на Кеннеди.

«Мне нужно размять ноги», — сказал Делл. Он встал из-за стола, и я заметил, что он слегка при-

храмывает. Он отошёл, потёр бедро.

«Я не отделался шрамами после покушения на Фарука, мистер Флинн. Мне нужна эта фирма. Они забрали моего свидетеля, моего аналитика. Я их *заберу* ».

Он отошёл назад, и я слышал, как он закрыл дверь ванной. Кеннеди наклонился вперёд, чтобы Делл нас не услышал.

«Аналитик, погибший при покушении на Фарука, — её звали Софи. Протеже Делла . И его любовница. Я слышал , они были крепкой парой. Настоящей. Он принимает это близко к сердцу. Дайте ему передышку», — сказал Кеннеди.

«Он угрожает моей жене».

«Он выполняет свою работу. Он не хочет причинять вред вашей семье. Он даёт вам отсрочку для Кристины. Вы же понимаете, что неважно, намеревалась ли Кристина отмыть деньги или это была просто невинная ошибка. Факт в том, что она подписала документ, не проявив должной осмотрительности; неважно, лгали ли ей партнёры. У неё нет оправданий. Dell даёт ей выход из этой ситуации».

«Вы до сих пор не сказали мне, кто ваш клиент и как он может разрушить фирму».

«Он ключ, Эдди. Вернее, ключ у него. Мы ду-

маем, сейчас лучше всего, если ты не будешь слишком много знать о том, что у этого человека есть на фирму. Но он единственный, кто может привести нас к деньгам. Предстоят напряжённые пару дней. Я знаю, что ты молодец — именно поэтому мы здесь, — но мы не можем рисковать, чтобы ты что-то проговорился, даже случайно. Если клиент подумает, что ты натравливаешь его на фирму, он может замкнуться. Скажи ему, что можешь предложить ему выгодную сделку. Ему просто нужно поговорить с парой твоих знакомых. А дальше мы уже будем действовать».

Я услышал, как из-за угла вышел Делл.

«Хорошо, как мы это сделаем?»

В другом конце комнаты я увидел, как Кеннеди заметно расслабился. Двое агентов, которых я ранил, тоже. Делл поджал губы и кивнул; в его глазах словно зажегся огонёк.

«Мы можем помочь вам задержать его адвоката завтра, до того, как он явится в суд. Выиграем вам немного времени. После этого вы будете предоставлены сами себе».

«А его нынешние адвокаты…?»

«Ещё бы. Харланд и Синтон».

ЧАСТЬ **ПЕРВАЯ**
УСТАНОВКА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 16 МАРТА

36 часов до выстрела

Отец как-то сказал мне, что в мошенничестве есть два основных способа: короткие и длинные мошенничества. Короткие мошенничества обычно происходят на улице или в баре, занимают от пяти минут до пяти секунд и характеризуются низким риском и низкой отдачей. Длинные мошенничества требуют времени. Нередко на реализацию длинного мошенничества уходит полгода, а то и год. Они требуют детального планирования, разведки, подготовки, серьёзного финансирования, а высокий риск компенсируется потенциальным крупным выигрышем.

Существует третий тип афер: мошенничество с пулями. Это долгая афера, сжатая в короткие сроки, от недели до пары дней. Скорость — ключ к успеху, и это, безусловно, самый рискованный метод работы. Времени на репетиции, планирование и подготовку мало. Неизбежно, большую часть времени приходится действовать по наитию. Никто не решится на аферу с пулями, если только не свалится что-то невероятное, что-то

слишком хорошее, чтобы упустить, что-то непреодолимое: богатый человек, любитель азартных игр, прилетает в город, но остается всего на неделю, или бесценную картину неожиданно забирают из ее обычно надежного места для экстренной уборки. Вот такие дела. Быстрые, сложные, опасные.

Я слышал, как старожилы называют это мошенничеством с пулями, потому что оно запускается очень быстро — словно нажатие на курок. На самом деле, название происходит от того, что если мошенничество провалится, мошенник может рассчитывать на то, что его ждёт пуля.

Утром накануне Дня Святого Патрика, в восемь пятнадцать, я начал свою первую в карьере аферу с пулями. Как и большинство хороших афер, всё началось с малого. Сначала это были простые движения и жесты: мошеннические инструменты, чтобы зацепить жертву, заставить её волноваться,чтобы заставить его попотеть, прежде чем мошенник ворвется с золотым билетом, который является ответом на все проблемы марки.

В то утро, войдя в подвальное помещение для задержанных в здании Уголовного суда Манхэттена, я спрятал в правой руке сложенную двадцатидолларовую купюру. Купюра была акку-

ратно смята, чтобы удобно умещалась в ладони. Мои шаги гулко разносились по полированному линолеуму, когда я проходил мимо решётки, отделявшей меня от задержанных, ожидающих суда. Боковым зрением я уловил свою метку. Он сидел вдали от других заключённых, в углу, опустив голову и закрыв лицо руками. Я посмотрел прямо на надзирателя, державшего в руках дробовик. Он держал ключ от загона, где находились моя метка и ещё тридцать парней, ожидавших предъявления обвинения.

Большинство мужчин, оказавшихся в тем утром в камере, оказались там из-за наркотиков, алкоголя, проблем с психическим здоровьем, бедности или банд, и некоторые из них, без сомнения, были обязаны своим нынешним заключением сочетанию всех этих вещей. Цель была другой. Совсем другой. Он был самым низкорослым парнем из них по какой-то причине. Он выглядел достаточно здоровым, но чуть худее. Оранжевый комбинезон болтался на его костях. Кто-то уже забрал его обувь; я видел его белые спортивные носки. Охранники всегда отбирают обувь на шнурках на случай, если кто-то из заключенных попытается повеситься на шнурках сам или еще на ком-нибудь. Вместо Nike или

Converse им выдают черные резиновые кеды. Цель была без обуви, поэтому было очевидно, что кто-то в камере взял обувь, в которой он был арестован; никто там не стал бы красть кеды заключенного. Его неопрятные кудрявые волосы цвета карамели и очки в металлической оправе придавали ему немного нелепый вид, он казался слишком занудным, чтобы быть крутым, хотя я сомневаюсь, что кто-то когда-либо говорил ему об этом.

Если вы миллиардер, люди внезапно становятся очень вежливыми.

Нил, надзиратель, известный как «оператор пит-стопа», услышал мои шаги и переложил ружьё в руках. Для адвоката защиты клетка для задержанных была рекламным местом. Парни следили за тем, кто внёс залог, а кто нет, кто быстро получил дату суда и отпустили ли их. А у парней, сидящих в этой клетке, много свободного времени, чтобы поговорить. Нил проработал опекуном двадцать лет. Мой бывший партнёр занимался разводом Нила со скидкой в обмен на то, что Нил распространял информацию среди постоянных посетителей клетки.

Черт возьми, как этот придурок смог внести залог?

Эдди Флинн, вот как.

Шум из загона представлял собой оглушительный шум ругани, криков и пьяного пения. В обычной суматохе никто не обратил бы внимания на мой разговор с Нилом. Я сообщил ему об этом за несколько часов до встречи, и мы разработали небольшой ритуал для моего появления этим утром, чтобы привлечь внимание жертвы.

Я остановился перед Нилом и подмигнул ему. Он засунул патрон в двенадцатый калибр. Этот звук, этот безошибочно узнаваемый треск и скольжение, способны замереть на месте. Даже стоя спиной к клетке, я чувствовал на себе взгляды всех заключённых. Моя правая рука выскользнула, чтобы пожать руку офицера. Я изменил позу влево, чтобы цель могла видеть это движение. Мои пальцы разжались достаточно широко, чтобы миллиардер мог видеть, как деньги переходят из рук в руки. Нил дал сигнал к подъёму, чтобы все могли хорошо видеть, как он засовывает купюру в нагрудный карман. Он открыл для меня клетку — это было строго запрещено — и я шагнул в бассейн с акулами. Оставалось только закинуть наживку в воду.

Попо, произносимый как «по-по», мой клиент-наркоман, встретил меня угрюмым наклоном

головы. Родом из Лос-Анджелеса, Попо был профессиональным стукачом и переехал сюда, когда во Фресно для него стало слишком жарко. Он выглядел довольно хорошо для парня в его ситуации. Его джинсы были порваны с одной стороны, а его майка была покрыта множеством пятен от еды. От него пахло старым дерьмом и сигаретами. Густой слой пота покрывал его исхудавший торс. Пот отмечал раннее начало героиновой абстиненции. Попо носил дешевые кроссовки без застежек, чтобы иметь возможность не снимать обувь, когда его арестовывали, что случалось регулярно. Его настоящее имя было Дейл Барнс. Это имя он всегда называл копам, но он так часто стучал, что заслужил уличное прозвище Попо, которое означало «полиция». Происхождение слова неясно, но, похоже, оно возникло в Калифорнии; Те самые патрульные, что бок о бок патрулировали на велосипедах, с трафаретной надписью «PO» на спине футболки, как в слове «Police Officer». Сзади они читали «PO PO». Для стукача такое имя не сулило ничего хорошего.

Попо проговорил потрескавшимися и кровоточащими губами: «Где ты был, адвокат?»

Он казался немного раздраженным, как мы и договаривались.

«Угощаю тебя завтраком», — сказал я и протянул ему мешок, спрятанный под папкой с делом. Я сел на скамейку слева от Попо. Попо был ближайшим к цели заключённым, сидевшим в нескольких футах справа от Попо, на краю скамьи. После того, как я утром поговорил с Нилом, он соединил меня с Попо, и я сказал своему клиенту, чтобы он подружился с этим белым парнем с гиковым видом.Дрожащими пальцами он открыл мешок и начал уплетать бургер. Я позволил ему съесть его. Второй бургер он предложил мужчине справа. Тот отказался. Тогда я подумал, что они представляют собой странную пару. Им обоим было по двадцать два года, оба родились в одном городе, оба жили в одном городе и оба сидели на одной тюремной скамье, и всё же они могли бы с таким же успехом прилететь с разных планет. Один с планеты Богатых, другой с планеты Бедных.

Мужчина справа от Попо был той самой целью — Дэвид Чайлд. Он владел самой быстрорастущей социальной сетью в истории — Reeler. За три года с момента запуска она сделала Дэвида Чайлда миллиардером, а Facebook — Myspace. Почти не проходило месяца, чтобы какая-нибудь история о Reeler, или Дэвиде, не попала в заголовки. С опу-

щенной на грудь головой и скользкими от пота волосами, я почти не узнавал его. Вблизи он не показался мне человеком, способным ввязаться в какие-то грязные дела. Он выглядел нормальным. Но, с другой стороны, многие нормальные парни способны на убийство. Этот парень был гением, но я не мог понять, как он связан с Харландом и Синтоном. Он был клиентом фирмы, но что ещё их связывало? Кеннеди сказал, что этот парень — единственный, кто может привести их к деньгам. Я пока не понимал, как. Я посмотрел на Дэвида и Попо, сидевших на одной скамейке. Преступность — великий уравнитель.

«И сколько времени это заняло, Эдди?» — спросил Попо.

Я втянул воздух сквозь зубы. Не то, что хотелось бы услышать любому клиенту.

«Ну, у нас здесь нет правила трёх предупреждений, но, учитывая, что у вас уже почти сорок третье предупреждение, я бы сказал, полчаса, сорок пять минут максимум. К тому времени я уговорю прокурора снять обвинения, и вы выйдете на свободу».

Когда я обещал злостному нарушителю и наркоману, что вытащу его в течение часа, я услышал смешок. Дэвид повернул голову и уставился на

меня. Я намеренно избегал зрительного контакта и не сводил с клиента равнодушного взгляда.

«Я же говорил, Эдди — настоящий мужик», — сказал Попо, повернувшись и дружески ткнув Дэвида в плечо. «Лучше бы тебе не быть здесь дольше, Эдди. Мне нужно быть в разных местах», — сказал Попо.

«Я сделаю всё возможное. Я не волшебник. Я должен выпустить тебя до половины одиннадцатого, но ничего не обещаю».

Он улыбнулся. Правда в том, что Попо арестовывали каждую вторую ночь воскресенья. Такова была наша договорённость. Пару месяцев назад его поймали за ограбление, и ему грозил серьёзный срок. Единственным выходом для него было сотрудничество с полицией, и с моей помощью он заключил сделку. Если вы платный…У вас есть два варианта оплаты: 63,60 доллара в неделю или штат оплатит услуги выбранного вами адвоката максимум за сто пятьдесят долларов в час. Эта новая пилотная схема, по которой оплачивались услуги частного адвоката, в отличие от обычных благотворительных или частично финансируемых государством альтернатив, была разработана для того, чтобы снизить нагрузку на государственного защитника и другие, пере-

груженные программы юридической помощи, а также избежать конфликта интересов для офиса государственного защитника. Нередко государственный защитник одновременно представлял интересы и стукача, и человека, которого он сдал. Хотя это была хорошая идея, на практике большинство просто брали 63,60 доллара.

Не Попо.

Пока Попо арестовывали за хранение наркотиков каждое второе воскресенье, я мог бы выставить его на свободу за шесть часов работы на следующий день. Каким-то образом тот факт, что он был платным полицейским информатором, ускользал от его одурманенного наркотиками разума, а мне предстояло в понедельник явиться в суд и разобраться со всем этим за сто пятьдесят в час. Нельзя быть своим в наркокартеле, не имея при себе немного наркотика, так что снять обвинения было бы проще простого. Тем не менее, я обычно не торопился с освобождением Попо. С помощью Попо я выставлял Министерству юстиции счет примерно на полторы тысячи в месяц, отдавал пятьдесят дежурному сержанту в Центральном отделе регистрации и пятьсот Попо, который, в свою очередь, платил местному дилеру отступные, чтобы его не убили за стукача.

Парню с такой фамилией, как Попо, требовалась вся возможная помощь, чтобы выжить на улице. Дилер давал Попо имена своих сотрудников, которые торчали на перекрестках, чтобы их поймали, и дилер мог нанять новых, более дешевых специалистов. В конце концов, тому, кто не мог продать травку на две тысячи долларов в день на углу улицы в Нью-Йорке, вообще не стоило этим заниматься. Я считал это выгодной сделкой для всех. Все получили зарплату, статистика преступлений улучшилась, а у государственного защитника появилось немного свободного времени. Никто не пострадал, и город оплатил счёт.

Милая маленькая ракетка.

«Сиди спокойно. Я поговорил с прокурором. Она моя подруга. Она сначала вынесет твоё дело на допрос, чтобы ты мог побыстрее убраться отсюда», — сказал я и похлопал Попо по мокрой спине.

Я встал и дал своему клиенту последний совет.

«Будь готова минут через десять. Ничего не говори и предоставь все разговоры мне. Понятно?»

Он кивнул. Удовлетворённый, я повернулся, чтобы уйти. Я ожидал, что успею добраться до двери клетки прежде, чем Дэвид окликнет меня. Он окликнул меня прежде, чем я успел сделать

второй шаг.

«Простите, советник, у вас есть минутка?» — спросил Дэвид.

Я остановился, но не обернулся.

«Государственный защитник будет в суде позже. Я не оказываю юридическую помощь или помощь pro bono, приятель», — сказал я.

«Нет… нет… ах… вы не понимаете. У меня уже есть адвокат… Просто я…»

Я полуобернулся и оборвал его. «Тогда я тебе не нужен».

«Нет, подождите, пожалуйста, перестаньте. Мне просто нужно вас кое о чём спросить», — сказал он и, сцепив пальцы, прижал их к подбородку. Он беззвучно повторял *«пожалуйста»*, снова и снова. Хотя ему отчаянно хотелось поговорить со мной, он не хотел вставать; страх встать со скамьи и тем самым привлечь внимание сокамерников перевешивал отчаяние.

«Не волнуйся. Всё в порядке. Скажи, я тебя не знаю?»

Он словно съежился и обхватил себя руками. Меньше всего ему хотелось, чтобы его узнали.

«Я не думаю, что мы встречались», — сказал он.

"Что я могу сделать для вас?"

«Мой адвокат вчера вечером сказал мне, что будет здесь сегодня утром. Он так и не появился, и я волнуюсь. Я… я не привык…»

«Вас никогда раньше не арестовывали. Я понял. Кто ваш адвокат?»

«Джерри Синтон».

«Из Харланда и Синтона?»

«Да. Ты кажешься удивлённым».

«Ну, немного. Моя жена — юрист в Harland and Sinton. Я думал, что они занимаются исключительно корпоративным правом».

«Мы с Джерри давно знакомы. Я ему доверяю. Ты видел его сегодня утром?» — спросил он, и его голос срывался то на высокий, то на низкий из-за саднившего горла. Нил рассказал мне, что Дэвид плакал почти всю ночь, пока Попо не удалось его успокоить. Мудрый ход: люди в клетке чувствуют слабость за милю.

«Нет, по-моему, я не видел Джерри сегодня утром, но уверен, что он скоро будет здесь».

Я заметил, что его руки были маленькими и мягкими. Они дрожали от того же страха и угрозы.Он пытался полностью его одолеть. Его челюсть работала как отбойный молоток, глаза покраснели и расширились. Он протянул руку, когда я повернулся, чтобы уйти, и схватил меня

за запястье.

«Эй, руки прочь!» — сказал охранник Нил.

Цель отпустила его и скривилась.

«Подождите, пожалуйста. Не могли бы вы узнать, приехал ли Джерри? Я не могу ему позвонить, а он уже должен быть здесь. Я оплачу ваше время. Может быть, вы позвоните жене? Узнайте, не видела ли она его?»

У Попо не было банковского счёта, денег и имущества, кроме одежды. Кеннеди рассказал мне, что состояние Дэвида оценивалось в 1,9 миллиарда долларов; у него была яхта, автопарк, три объекта недвижимости и баскетбольная команда. В тот момент Дэвида и Попо почти не было. Каждому из них нужна была своя доза. Попо нужен был героин, жертве — адвокат, и их страдания уравняли обоих так, что с ними могли сравниться только смерть или болезнь.

«Кристина работает в Ben Harland. Не знаю, часто ли она видится с Джерри Синтоном, но я всё равно ей позвоню».

Делая вид, что звоню Кристине по мобильному, я посмотрел на часы. До того, как прийти в суд, я пытался дозвониться до неё раз шесть, когда мне удавалось ускользнуть от Делл и федералов. Она не брала трубку. Честно говоря, я не знал,

что бы ей сказал, если бы она ответила. Я думал, что попрошу её остаться дома, но не думал, что она послушает, если я не расскажу ей всё. Потом я решил, что Делл, вероятно, права: чем больше она знает, тем больше ей грозит опасность.

«Я бы не волновался. Он, наверное, застрял в пробке. Уверен, он будет здесь. Когда он приедет, он назовёт себя секретарю суда и зарегистрируется в качестве вашего адвоката, заберёт документы по делу и свяжется с прокурором. Слушайте, я попрошу Нила позвонить секретарю и всё для вас проверить».

«Спасибо», — сказал знак, закрывая глаза в надежде, что когда он их откроет, я увижу его спасителя.

Я закрыл телефон и сказал: «У неё телефон выключен. Наверное, она на совещании».

Я позвал Нила к бару и попросил его позвонить Дениз, клерку, чтобы проверить, прибыл ли Джерри Синтон в суд. Пока Нил звонил, я ободряюще улыбнулся Дэвиду. Нил, вероятно, позвонил своему букмекеру. Дениз он точно не звонил. В этом не было необходимости. В тот момент я довольно точно представлял себе точное местонахождение Джерри Синтона, и если всё пойдёт по плану, у него не было ни малейшей надежды

попасть в суд в ближайшее время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Примерно за час до того, как я вошёл в камеры, Джерри Синтон, должно быть, стоял в пробке на Авеню Америк за рулём Rolls-Royce Silver Shadow 1968 года. Делл рассказал мне, что у Синтона была коллекция автомобилей, которая заставила бы Джея Лено рыдать, и Синтон любил водить. Одно время у него был водитель, как и у большинства других ведущих адвокатов, но он уволил его, когда полгода назад купил свой Rolls-Royce.

Пока он ехал, машина перед ним, старый пикап Ford, начинала вилять на полосу движения Джерри и выезжать из нее. Джерри, увидев, как парочка в той машине спорит, мог бы раз или два посигналить пикапу и попытаться их обогнать. Водитель пикапа, Артур Подольске, не допустил бы этого. Артур весил около 140 кг. Ему было за пятьдесят, он был астматиком и считался одним из лучших водителей, с которыми мне когда-либо приходилось работать. Этот парень мог остановить лодку в мгновение ока. Артур менял полосу, чтобы заблокировать обгон Джерри, и в самый нужный момент резко тормозил в ту самую секунду, как загорелся красный свет. У Джерри не

было бы шансов остановиться. Его классическая машина наверняка врезалась бы в заднюю часть старого пикапа.

Джерри, наверное, выскочил из машины, выкрикивая ругательства Артуру. Долго бы это не продлилось. Как только водительская дверь пикапа открылась, и Артур вывалил свою внушительную задницу на дорогу, он бы начал изображать сердечный приступ. По сравнению с женой Артура, Эйлин, Артур выглядит гимнасткой. Я представил, как Эйлин, как обычно, впала в истерику и замахала огромными руками на Джерри, и…За считанные секунды паника охватила бы всю ситуацию. Большой риск заключался в том, что Джерри позвонит по мобильному в офис и отправит в суд другого адвоката, чтобы тот присмотрел за его клиентом. Я это спланировал. К счастью, проезжавший мимо патруль полиции Нью-Йорка увидел всю аварию, и пока один патрульный вызывал по рации парамедика, другой вытащил Джерри из «Роллера», уложил его лицом вниз на капот, надел наручники, а затем запихнул в патрульную машину, чтобы им занялись после прибытия парамедиков. И всё это до того, как Джерри успел позвонить и вызвать помощь.

Это было совсем не просто, но мне помогли люди, которые могут организовать патрульную машину, которая будет преследовать адвоката и задержать его прежде, чем он успеет позвонить по мобильному телефону, и которые могут сделать практически все, что посчитают нужным.

Шансов на то, что Джерри доберется до суда в то утро, не было никаких.

«Ваш клиент очень высоко отзывается о вас», — сказал Дэвид, протягивая руку Попо.

«Я ему сказал, что мой Эдди — лучший», — процедил Попо сквозь стиснутые зубы. Отказ начал его сильно терзать.

Я не отрывала взгляда от Дэвида, словно впервые увидела его по-настоящему. Его лицо было залито слезами, а волосы прилипли ко лбу.

«Эй, я тебя знаю. Ты...»

«Не здесь», — сказал он. Его взгляд заметался по клетке, и он обхватил колени, чтобы унять дрожь в руках. Тем не менее, его ноги напряглись, и, почувствовав мой взгляд, он сунул их под скамью.

Я не ожидал, что Дэвид потеряет свою обувь. Иногда приходится импровизировать. Некоторые из лучших и самых убедительных афер увенчались успехом, потому что мошенник увидел возможность показать себя честным человеком.

Завоевать доверие жертвы — самое сложное препятствие, и когда появляется возможность укрепить отношения с ней, нужно ею воспользоваться. В игре мы называли такие маленькие хитрости «убеждающими» или «убеждающими». Этими шансами нужно воспользоваться, несмотря ни на что. Потеря его обуви стала для меня золотой возможностью доказать Дэвиду свою честность.

«Эй, что случилось с твоими туфлями?»

Он опустил голову и потёр затылок. Его ноги нервно подпрыгивали, и он заламывал руки. Он посмотрел на меня, прежде чем бросить взгляд в самое сердце загона. Я увидел огромного чёрного парня, стоящего посреди загона, словно он был здесь хозяином. Вокруг него было много свободного места в переполненной клетке, полной опасных людей. Этот парень был на вершине пищевой цепочки. Он носил пару…новых кроссовок Nike. Красные слипоны. Они были ему слишком малы, и каблуки свисали на пол.

Не обращая внимания на мольбы Дэвида и его шёпот «пожалуйста, оставьте это», я направился к центру загона и протянул руку гиганту передо мной. Он был на шесть дюймов выше моих шести футов, возможно, фунтов на сто тяжелее меня,

и весь этот лишний вес казался накачанными мышцами. На его широкой груди красовалась татуировка чёрного орла, расправившего крылья, а в его дёснах я увидел золотое сияние.

Этот здоровяк просто смотрел на меня.

«Я Эдди Флинн», — сказал я, протягивая руку.

Ничего.

«Не могу не заметить, что вы носите обувь моего клиента. Мне кажется, она вам не подходит. Я бы хотел их вернуть».

Глаза здоровяка горели, и я видел, как остальные в клетке толкают друг друга, готовые наблюдать за происходящим. Над загоном повисла тяжелая тишина. Я чувствовал запах его пота. Моя рука оставалась протянутой, а взгляд не отрывался от его лица.

Вместо того, чтобы взять меня за руку, гигант взмахнул правой рукой и схватил меня за галстук. Он собирался либо прижать к себе и задушить, либо просто угрожать. Я не дал ему возможности. Вместо этого я схватил его правую руку и прижал к груди. Моя левая рука взметнулась к потолку, зацепив локоть здоровяка. Я держал его запястье низко, и его локоть с громким хрустом ударился плечом о десять часов. Я видел, как выражение лица мужчины изменилось с гнева на изумле-

ние, а затем на чистую, жгучую агонию. Руки не созданы для того, чтобы так сгибаться.

«Я поднимаю руку на пять сантиметров выше, и плечо хрустит навсегда. Там много хрящей, которые будут тереться и ломаться. Ты потеряешь сознание, а когда проснёшься, пожалеешь, что не умер. Хочешь снять обувь и вести себя хорошо? Или хочешь получать пособие по инвалидности первого числа каждого месяца?»

Он кивнул. Я отпустил. Рука будет мертва ещё несколько часов, нервы и мышечные волокна разлетятся вдребезги. Я видел, что он подумывает на меня наброситься.

Я улыбнулся.

Он снял обувь.

Детство в самом отвратительном боксерском зале города имело свои преимущества, даже в юридической практике.

Я бросил туфли в цель. Он отвис, рот отвис. Нил сломал ошеломлённоготишина. «Знаешь, мне действительно нужно выписать новый рецепт на эти очки», — сказал он, снимая очки и поднося их к свету.

Нил продолжил: «Ты уже проснулся, Эдди, и твой маленький друг тоже проснулся сразу после тебя. Я позвонил Дениз: мистера Синтона нигде

не видно».

«Спасибо, Нил», — сказал я.

Я видел, как Дэвид затаил дыхание, услышав, что Джерри Синтон не явился в суд. Он издавал лишь короткие, шумные вздохи, от которых губы его сжимались, когда он с трудом вдыхал спертый воздух. Пот капал с кончика его носа, смешиваясь со свежими слезами на лице.

«Помогите мне, пожалуйста? Я не знаю, что случилось с Джерри. Он должен *быть* здесь, но, послушай, меня всё равно не отпустят под залог. Джерри сказал, что у меня нет шансов. Просто я… я не могу пойти туда одна. Вы можете меня представлять? Хотя бы один раз? Пожалуйста, умоляю».

Всё это планирование, вся эта подготовка, всё, что я сделал этим утром, было направлено на то, чтобы вызвать эту мольбу о помощи. Когда она пришла, я промолчал, потому что знал, что если скажу «да», пути назад не будет. Я ещё раз перебрал в голове все варианты. Последние десять часов я ни о чём другом не думал. Ничего не изменилось. Не было другого выбора, другого выхода.

Альтернативой было бы оказаться в клетке, точно такой же, как та, в которой я сейчас стою, только я бы приехал туда не для того, чтобы на-

вестить клиента, а чтобы навестить жену.

«Хорошо», — сказал я.

Он медленно выдохнул и улыбнулся. У меня было такое чувство, будто мне на плечи навалилась тяжесть и начала меня раздавливать.

Я подошел ближе и понизил голос.

«Давайте разберёмся с формальностями. Вы Дэвид Чайлд, тот самый, кто основал Reeler?»

«Хорошо», сказал он.

«Что такое Рилер?» — спросил Попо.

«Это как Twitter или Facebook», — сказал я.

«Что такое Twitter?» — спросил Попо.

Игнорируя его, я обратил внимание на Дэвида. «Если я буду представлять ваши интересы, мне нужно знать всё о вашем деле. Сначала мне показалось невежливым спрашивать, но теперь я лучше узнаю. В чём вас обвиняют?»

Он вытер лицо, затем протёр мокрые руки о рубашку. Когда он ответил мне, голос его звучал так, будто он сам не мог поверить своим словам.Как будто сам акт произнесения этих слов принёс ему новое осознание. Словно пытался ходить с больным коленом, забыв о травме, а боль была ненавистным напоминанием о реальности. Наконец, ему удалось выговориться.

«Убийство», — сказал он. «Мне предъявлено

обвинение в убийстве первой степени. Уверяю вас, я её не убивал».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он закрыл лицо руками. Мне нужно было узнать больше, но сейчас не было смысла продолжать.

«Ладно, не напрягайся. Сначала мне нужно разобраться с Попо. Это займёт десять минут. Я попрошу судью ненадолго оставить ваше дело в силе, чтобы мы могли поговорить где-нибудь наедине. Надеюсь, у Джерри будет достаточно времени, чтобы приехать сюда».

Пока я говорил, Дэвид не смотрел на меня. Он держал руки над глазами.

Я вышел из клетки и не спускал с него глаз, пока не прошёл через защищённую дверь, ведущую на верхние этажи здания суда. Ожидая лифт, я достал из кармана куртки свой новый мобильный телефон, набрал сообщение и нажал «Отправить».

Я за. Не позволяйте Джерри появляться на горизонте хотя бы еще час.

К тому времени, как прибыл лифт, я получил ответ.

У вас максимум сорок минут.

Мои часы показывали девять пятнадцать. Вре-

мени было мало.

К счастью, лифт был пуст. Я нажал кнопку пятого этажа. Двери закрылись, лифт поднялся и начал мучительно медленно подниматься. За сутки до этого моя жизнь, казалось, вернулась на круги своя. Три месяца назад я открыл собственную фирму. Дела пошли в гору в последние две недели, и я начал чувствовать себя почти самим собой. Снова в седле, с клиентами, дедлайнами, овердрафтом и подержанной машиной — мир, далекий от моей старой фирмы, но всё же это было лучше; это было похоже на честность.

Полтора года назад я ушёл из юридической практики. Дело пошло совсем плохо, очень плохо.Кто-то пострадал, не обманывая кого-то или совершая что-то противозаконное, а просто выполняя свою работу. А я потерял всё — жену, дочь, жизнь. После довольно удачной попытки покончить с собой алкоголем я лег в реабилитационный центр, завязал и обрёл уверенность в себе. На этом всё. Я решил завязать с юриспруденцией: больше никаких клиентов, никаких судебных махинаций. Всё. А потом, пять месяцев назад, меня заставили представлять интересы главы русской мафии. Я выжил и вернулся в юриспруденцию.

И вот я здесь, не только собираясь участвовать в самом сенсационном деле об убийстве со времён О. Джей. Симпсона, но и вынужден обманывать своего клиента, чтобы спасти жену от тюремного срока. Обман клиента ради спасения Кристины меня не слишком волновал.

Мой новый клиент был сорок пятым самым богатым человеком в Америке.

И, судя по тому, что мне сказали, он был чертовски виновен. На секунду я подумал о Делле. Он потерял кого-то, и ему было больно — это казалось вполне очевидным. Такая боль может иметь два значения: ты хочешь спасти других от своей боли или хочешь, чтобы все страдали так же, как ты. Я не мог понять, какое место в этом уравнении занимает Делл. Пока нет. Он увидел в аресте Дэвида возможность. Полагаю, признания вины было бы достаточно, чтобы успокоить совесть Делла. Тогда он мог бы использовать Дэвида, чтобы добраться до фирмы, до людей, которых он хотел бы пощадить — Бена Харланда и Джерри Синтона. А Делл хотел от этих двоих всего — их жизни, их бизнес, их репутацию и их деньги.

Деньги.

Все сводилось к деньгам.

По оценкам, восемь миллиардов долларов

незаконных транзакций. Так сказал мне Кеннеди сегодня утром перед моим уходом. Мне пришлось признать вину за Дэвида, чтобы Dell смогла договориться о смягчении приговора в обмен на партнёров, деньги. Признай вину, иначе Кристину посадят пожизненно. Вернувшись в офис, я ничуть не сомневался в этой схеме. Теперь, увидев парня, я начал задаваться вопросом, как ему удалось выстрелить в свою девушку. Он не выглядел так, будто мог бы открыть крышку банки с газировкой без посторонней помощи. В глубине души меня закралось неприятное предчувствие. Я постарался не обращать на него внимания.

Лифт с грохотом медленно пополз и открыл двери на пятом этаже здания суда на Сентр-стрит.

Сорок минут, чтобы получить полное представление от марки.

Затем еще двадцать четыре часа, чтобы заставить его признать вину.

Я вошел в большой зал, заполненный обычной толпой людей, ожидающих свидания.с судьёй. Прислонившись к колонне в углу зала, я лучше всех видел толпу. Там было несколько адвокатов, ожидавших своей очереди, и те, которых я знал, были не из Harland and Sinton; ни один из адвокатов в зале не носил ничего хоть сколько-нибудь

дорогого. Эта фирма гордилась тем, что у неё работают лучшие адвокаты, которых только можно купить за деньги, и все они получали две тысячи долларов в месяц на одежду. Женщины-адвокаты отдавали предпочтение Alexander McQueen, а мужчины — Armani. Большинство моих костюмов были в химчистке. В моём кабинете было немного сыровато, поэтому мне приходилось часто их чистить, чтобы избавиться от запаха. Костюм, который я надел тем утром, стоил триста долларов, и это был, пожалуй, лучший из моих костюмов.

Я уже собирался сбросить столб и направиться в суд, когда увидел его.

Это был не Джерри Синтон. И это был не адвокат из Harland and Sinton.

Он выглядел как латиноамериканец, в чёрном шерстяном пальто поверх серого свитера, тёмных брюках и чёрных туфлях. Он сидел на скамейке справа от центральной лестницы, примерно в девяти метрах от меня. Его левый указательный палец скользил по экрану смартфона. Довольно много клиентов суда делали то же самое, жавшись по углам и на скамейках, потягивая кофе из пластиковых стаканчиков и наблюдая за происходящим в своей виртуальной жизни. Но

человек, которого я увидел, был другим. Хотя его палец скользил по экрану в руке, он не обращал на это внимания. Смартфон стал газетой XXI века для специалистов по наблюдению.

Этот парень внимательно следил за посетителями, мельком скользнув взглядом по мне. Он отпил кофе на вынос и окинул взглядом зал. Когда он откинулся назад, чтобы сделать ещё один глоток, я заметил татуировку на его шее, но стоял слишком далеко, чтобы разглядеть, что это. Точно не федерал. Я оглядел толпу, чтобы понять, за кем он наблюдает. Никто не выделялся.

Ощущение, словно кто-то провел иглой по моему затылку, привлекло мое внимание к любительнице кофе.

Он пристально смотрел на меня.

Когда я был маленьким, отец водил меня на монорельсе «Дикая Азия» в Бронксском зоопарке. Когда мы проезжали мимо вольера, один из амурских тигров замер и уставился на мой вагон. Он смотрел прямо на меня. Он не рычал и не скалил зубы. Просто смотрел. Даже в десять лет я понимал по этим свирепым глазам, что 200-килограммовый зверь внизу хочет разорвать меня на части.

У меня от этого парня было точно такое же

чувство.

Он выбросил свой кофе в мусорку и вышел по лестнице. Я догадался, что он не...Он искал меня, но почувствовал, что я его заметил. Наверное, поэтому он и ушёл. Только когда я направился к залу суда, я понял, что тяжело дышу.

И руки у меня тряслись.

Кем бы ни был этот парень, я больше никогда не хотел его видеть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пять минут спустя, усевшись за стол защиты, я получил свой первый шанс: судья Нокс вошел в зал, занял свое место, кашлянул и тут же изложил свои планы на день.

Доброе утро, дамы и господа. К вашему сведению: сегодня днём я играю в гольф, поэтому должен быть не позднее половины второго. Если ваше дело не будет рассмотрено к этому времени, ваш клиент будет автоматически заключен под стражу до следующей ротации. Вызовите первого.

Судье Джону Ноксу было плевать на правосудие. Он любил гольф, виски и привлекательных женщин-секретарей. Его любимым развлечением было угрожать адвокатам, которые появлялись в зале суда. Гленфиддик, высокое кровяное давление и угрюмый характер придавали его щекам и носу румянец. Он был невысокого роста и страдал от изрядной дозы синдрома маленького человека. Нокс сидел в суде несколько часов, быстро разбирая дела, затем вставал, а всех остальных отправляли в тюрьму, не рассматривая ходатайства об освобождении под залог. В прошлом

он уже подвергался судебным санкциям, и его приговоры многократно обжаловались, но ему было просто наплевать.

Зал суда казался довольно пустым. Там было, наверное, полдюжины адвокатов, и они представляли примерно столько же клиентов. В итоге внизу в камерах оставалось около двадцати человек, ожидающих государственного защитника. Я уже договорился, чтобы сначала было рассмотрено дело Попо, а потом Дэвида Чайлда. Ранее утром я позвонил секретарю, Дениз. Сказал ей, что мне нужно как можно скорее освободиться, и что я буду считать это личным одолжением. Она согласилась. У меня была хорошая репутация среди сотрудников.

Сотрудник полиции привёл Попо. На нём были наручники на запястьях и лодыжках.И он прошаркал на своё место слева от меня. Примерно в шести метрах от меня я видел конвейер заключённых, ожидающих слушания дел. Дэвид Чайлд возглавлял эту очередь и оглядывал зал суда, словно это была камера пыток. Его глаза были широко раскрыты, и даже с такого расстояния я слышал, как звенят его цепи, когда он дрожит.

Джули Лопес, прокурор, была, пожалуй, одного роста с судьей Ноксом: на пару дюймов выше

пяти футов. Перед ней лежало около тридцати синих папок, сложенных в две стопки одинакового размера. Как и её папки, Джули всегда выглядела суперорганизованной: волосы были собраны в свободный пучок и заколоты ручкой, сдержанный макияж, тёмные деловые костюмы безупречного покроя. Она взяла первую папку из левой стопки и начала свой день.

«Ваша честь, первое дело — Дейл «Попо» Барнс. Мистер Флинн выступает на стороне ответчика. Обвинение снимает все обвинения, Ваша честь».

Нокс нечасто присутствовал в этом зале суда, поэтому не был знаком с Попо. Сначала он ничего не сказал прокурору. Прищурившись, он пролистал страницы дела, и по мере чтения на его лице появилось выражение, не скрывавшее его явного презрения ко мне и моему подзащитному.

«Мисс Лопес, я правильно вас понял? Прокуратура снимает все обвинения?»

«Да, Ваша честь», — сказала Джули.

«Но у него было достаточно наркотиков, чтобы оправдать обвинение в распространении, не говоря уже о простом хранении».

«Да, Ваша честь».

«Так почему же отозвать обвинения?»

В довершение ко всему, судья Нокс был изрядно

глуп. Джули посмотрела на меня и пожала плечами. Я ответил ей взглядом и покачал головой. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, не обращая внимания на судью. Мы решали, что делать. Было бы нехорошо объявлять в открытом судебном заседании, что Попо был давним информатором полиции и имел иммунитет от судебного преследования за широкий спектр преступлений, связанных с наркотиками. Возможно, я думал, что имя Попо выдаст меня. Похоже, на Нокса это не подействовало.

Большинство судей поняли бы намек и поняли, что этот парень выложил все начистоту полиции Нью-Йорка, но Нокс не клюнул, несмотря на смущенную улыбку Джули.

«Может, я что-то упускаю?» — спросил Нокс.

Я хотел сказать примерно пятьдесят баллов IQ , но не сказал. Вместо этого мой мозг внезапно включился, и я увидел возможность для своего второго утреннего убеждения.

«Ваша честь, можем ли мы обсудить с вами этот вопрос в кабинете? Здесь есть деликатный вопрос. Кроме того, я был бы признателен за возможность обсудить следующее дело в списке вашей чести наедине. Это дело мистера Чайлда», — и, назвав имя своего объекта, я посмотрел

прямо на него, а затем снова на судью. Было ещё рановато для того, чтобы репортёры заняли места, и даже если в заднем ряду и было несколько криминальных обозревателей, они вряд ли ожидали увидеть Дэвида Чайлда в зале суда, поэтому имя не прозвучало бы для них как что-то важное, и они бы увидели его только в первых рядах. На этих местах репортёров не было.

Нокс сразу узнал его, но благоразумно не захотел разбудить журналистов, которые могли оказаться в зале суда. Достаточно было лёгкого кивка. Нокс встал, секретарь сказал: «Встать», и мы с Джули последовали за Ноксом через заднюю дверь суда, по небольшому коридору, мимо залов, отведённых для этого суда, в его личный кабинет, который также служил маленьким королевством Нокса. В суде существовали правила, касающиеся кабинетов судей, но не устанавливались правила о личных кабинетах, поэтому Нокс воспользовался этой лазейкой. У меня было время осмотреться, пока он устраивался поудобнее и поправлял мантию. Небольшой кабинет был выкрашен в тот же кремовый цвет, который, казалось, украшал стены всех офисов в последнее время. По всей комнате висели фотографии Нокса с известными гольфистами. У дальней стены даже стоял набор

клюшек. Семейных фотографий не было. От коврового покрытия исходил запах, одновременно знакомый и неуловимый. Пахло медом, отбеливателем и солодовым виски.

«Итак, сначала Попо, а потом вы оба сделайте мне день, рассказав все о мистере Чайлде», — сказал Нокс, не в силах сдержать усмешку.

Мы с Джули остались стоять перед двумя удобными на вид кожаными креслами, расположенными напротив стола Нокса. В кабинете судьи садиться разрешалось только по приглашению. Насколько мне было известно, Нокс никогда никого не просил сесть. Вот такой он был придурок.

Джули пыталась уравновесить синюю папку, ту, что касалась Попо, на спинке стула перед собой, чтобы она могла открыть её и прочитать свои заметки. У меня не было ни папки, ни заметок для Попо. У меня было с собой несколько старых папок Попо, которые я носила просто для виду. Обычно я не создавала бумажную папку для Попо, потому что тогда кто-нибудь мог проверить её и обнаружить, что я не работаю и близко не в те часы, за которые буду выставлять счёт полиции Нью-Йорка. Нет папки, нет проверки. Если бы налоговая задала вопросы, я бы сказала, что она

где-то неправильно подана, и они бы дали мне презумпцию невиновности. Если бы полиция Нью-Йорка захотела увидеть папку, я бы послала их к чёрту; это была папка моего клиента, и её защищала адвокатская тайна.

Я решила сразу же проявить дружелюбие и лестность, пока Джули читала свои заметки.

Судья, мой клиент Попо — полицейский информатор. Ему приходится носить и употреблять наркотики по роду своей деятельности. Окружной прокурор знает об этом и закрывает на это глаза ради общего блага. Мой клиент предоставил информацию, которая привела к ряду удачных арестов.

Шея Нокса стала того же цвета, что и его нос. Ему было стыдно, что он чуть не оступился перед полицейским информатором прямо в зале суда. Я дал ему спасительный круг, возможность выглядеть умным и сохранить лицо.

«Господин Флинн, я просто хотел уточнить у прокурора, заслуживает ли информация, которую она получает от вашего клиента, снятия всех обвинений», — сказал Нокс.

«У нас с Попо действует постоянное соглашение, а также у него есть соглашение об иммунитете», — сказала Джули.

«Ну, прежде чем мы поговорим о Ребёнке, можно ли отпустить Попо?» — спросил я.

«Кто? А, наркоман, конечно. Расскажи мне о нашем миллиардере. Я взглянул в досье. У него есть защита?»

«Конечно», — сказал я.

«Как обвинение относится к залогу?» — спросил Нокс, быстро переключая внимание на Джули.

«Мы против освобождения под залог», — сказала Джули.

«На пределе?» — спросил Нокс.

«Да, Ваша честь. Люди считают, что суд не сможет гарантировать возвращение мистера Чайлда на судебное разбирательство даже при самых строгих условиях освобождения под залог».

Судья наклонился вперёд в кресле и сложил пальцы домиком под подбородком. Кончик бледного языка выскользнул из его рта, и Нокс издал громкий сосущий звук, заталкивая его обратно в рот. Движение было внезапным и каким-то рептильным. Он сделал вид, что обдумывает слова прокурора.

«На какие условия освобождения под залог согласился бы ваш клиент, мистер Флинн?»

Это была попытка сорвать слушание о залоге. Если бы я сообщил ему условия, на которые со-

гласится мой клиент, он бы одобрил залог, но на дополнительных условиях сверх тех, которые, как я ему сообщил, согласятся с моим клиентом. После того, как я ответил на этот вопрос, он бы расспросил Джули, какие условия она запросила бы, если бы он был готов предоставить залог. Таким образом, Нокс мог бы убедить и защиту, и обвинение согласиться на сделку о залоге, и ему вообще не пришлось бы проводить слушание. Таким образом, и защита, и обвинение были бы недовольны, но…Никто из нас не стал бы оспаривать его решение, поскольку мы оба боялись бы потерять то немногое преимущество, которое каждый из нас уже имел. Нокс, возможно, и медленно соображал, но он уже усвоил пару юридических трюков.

«Боюсь, мне придется запросить у моего клиента инструкции относительно условий освобождения под залог».

«Хорошо», — сказал Нокс. «У тебя десять минут».

Я посмотрел на часы и прикинул, что у меня есть около четырнадцати минут до того, как Джерри Синтон ворвался в зал суда, и тогда все закончится еще до того, как мы начнем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Я уже знал эту историю. Делл подробно рассказал мне её около девяти часов назад. Тем не менее, я хотел услышать её от клиента. У каждой истории всегда было несколько версий. Мы — наши собственные маленькие планеты, и мы неизменно можем видеть вещи только со своей точки зрения, которая включает в себя наши предрассудки, наши пороки, наши таланты и наше ограниченное восприятие. Два человека не видят одинаково. Если добавить, что один и тот же человек может по-разному описывать одни и те же обстоятельства в зависимости от того, с кем он разговаривает, это даёт представление о том, насколько неясными могут быть версии событий. Человек расскажет одну и ту же историю по-разному в зависимости от того, разговаривает ли он с мужчиной или женщиной, с профессором колледжа или таксистом, полицейским или адвокатом. Мы подсознательно подстраиваем свою речь и язык тела так, чтобы добиться сочувствия и понимания от слушателя. Проблема в том, что для принятия решения о том, что произошло на самом деле, нужна вся информация. И это без

учёта того, говорит ли ваш рассказчик правду или нет.

Существуют простые методы, предназначенные для получения необработанных данных, а не их интерпретации.

Я применил самый простой из этих приёмов, чтобы разговорить Дэвида Чайлда. Мы сидели в тесной серой комнате для консультаций. Нас разделял тёмный стол красного дерева. Стол был весь в шрамах от скрепок, ножей и ручек, которыми на нём выцарапывали имена бывших преступников.

Я только что сел. Я ничего не рассказал Чайлду о своём разговоре с судьёй Ноксом.

«И что случилось?» — спросил я.

«Что сказал судья?»

Откинувшись на спинку стула, я молчала. Руки лежали на бёдрах. Важно было не скрещивать руки, сохранять открытую позу. Так я подсознательно оставалась в состоянии «приёма».

«Что он сказал?»

Моя голова наклонилась вправо.

«Мистер Флинн?»

Несколько секунд прошли в тишине. Ребёнок смотрел в пол. Довольно сложно хранить молчание, когда кто-то терпеливо ждёт, когда ты

начнёшь говорить. Он поднял голову и встретил мой взгляд умоляющим. Я приподнял бровь.

«Что случилось, Дэвид?» — повторил я.

Он кивнул несколько раз, а затем поднял руки в знак капитуляции.

Я не стал спрашивать Чайлда, за что его арестовали, почему его обвинили в убийстве и какие улики есть у полиции. Я задал максимально открытый и развернутый вопрос, чтобы получить как можно больше информации.

«Господи», — сказал Чайлд, проводя руками по голове. «Я любил Клару. Я никогда не встречал никого похожего на неё. Она была само совершенство. Настолько совершенство. Какого чёрта она связалась с таким засранцем, как я, ума не приложу. Господи Иисусе, прости меня, но сейчас я бы лучше никогда её не встречал. Она была бы жива».

Он заплакал. Слёзы текли рекой, и, судя по отёкам вокруг глаз, он много плакал в последние часы. И всё же он согнулся пополам, и его спина сотрясалась от глубоких вдохов, которые он выдавливал из себя гортанными криками. Несмотря на всю свою предполагаемую финансовую состоятельность и власть, сейчас, с соплями и солёными слёзами на лице, он выглядел жалким

мальчишкой.

Я ничего не сказал.

Я не обняла его. Не сказала ни слова утешения или ободрения. Я оставалась спокойной и молчаливой.

Если бы я ему посочувствовал, это бы ему не помогло. Я бы потратил оставшиеся восемь минут, наблюдая, как он плачет и сморкается. Самый быстрый способ заставить кого-то перестать плакать и начать говорить — это промолчать. Людям неловко выплескивать свои эмоции на незнакомца.

Ребенок приподнял край рубашки и вытер лицо.

«Мне очень жаль. Мне очень жаль», — сказал он.

Я ничего не сказал.

Осталось семь минут.

«Что случилось, Дэвид?»

Он повернул шею, несколько раз выдохнул, чтобы восстановить дыхание, и дал мне ответ.

«Она умерла из-за меня», — сказал он.

Говоря это, он не смотрел на меня. Он не поднимал глаз, опустив их на стол. Слова прозвучали как ни в чём не бывало, словно он только что назвал мне свой адрес или дату рождения. Это было

не искреннее признание, а простое заявление.

Адвокаты обычно не сомневаются в правдивости слов клиента. Это путь к безумию. Вы делаете то, что должны, и доверяете системе. Итак, виновные признают себя виновными. Невиновные отстаивают свою позицию, а присяжные выносят решение. Если побочным продуктом этого процесса становится установление истины, то так тому и быть, но правда — не цель процесса. Цель — вердикт. Истине нет места в суде, потому что никто не заинтересован в её поиске, меньше всего — адвокаты и судья.

Однако в моей прежней карьере, до того, как я стал юристом, правда всегда была моей целью. Как мошенник, ты живёшь и умираешь, изображая абсолютную правду для своей жертвы. Не настоящую правду, конечно. Нет, версию правды, подходящую для мошенника, но эта история, эта фраза, что бы это ни было, должна была выглядеть, ощущаться, ощущаться на вкус и стать правдой для этой жертвы.

С моим опытом я обычно мог распознать ложь за милю. Я ожидал, что Чайлд будет превосходным лжецом, человеком, которого мне придётся изучить, прежде чем я смогу распознать его подвохи. Я недооценил его. Он был комком нервов,

шока и вины. Из-за этого его было практически невозможно прочитать. Поэтому мне пришлось положиться на свою интуицию.

Моё первое впечатление: этот парень не убийца. Но я уже ошибался.

Шесть минут.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В комнате для допросов раздавался лязг запертых дверей в соседнем коридоре. Даже тяжёлая дверь в кабинку была плотно закрыта, но этого было недостаточно, чтобы заглушить эти звуки. Плач, пение и молитвы.

Ребенок вытер лицо, шмыгнул носом и выпрямился.

«Я знала, что случится что-то плохое, ещё до того, как вышла из квартиры. Я проверила почту на телефоне; там было семнадцать новых сообщений. Нечётное число. Я не люблю нечётные числа, поэтому знала, что случится что-то плохое, и это будет моя вина. Знаю, это безумие, но у меня всегда так было. Врач поставил диагноз…»

«У нас мало времени, Дэвид. Подробности обсудим позже. Расскажи только основную информацию о том, что случилось с твоей девушкой».

«Я оставил Клару в своей квартире — она только что переехала в тот день. Я ехал на работу — остановился на светофоре в паре кварталов от дома. Каждую пятницу в восемь тридцать у нас встреча в Reeler; мы проверяем цифры за неделю, корректируем маркетинговый план и обмени-

ваемся идеями. Загорелся зелёный, и я пересёк белую линию. Я проехал метров двадцать через перекрёсток, когда этот придурок врезался в меня. Он проехал на красный свет и врезался в мой Bugatti. Я почувствовал запах алкоголя, как только он вышел из машины, а потом он мне угрожал. Приехала полиция, и они… они спросили меня, что случилось. Я рассказал им, а потом коп сказал, что водитель видел пистолет в нише для ног моей машины. Я сказал ему, что это ошибка, но потом коп пошёл к моей машине. Клянусь вам, мистер Флинн, я никогда раньше не видел этого пистолета. У меня нет пистолета. Он спросил меня…для моего разрешения. У меня его не было. Я сказал ему, что оно не моё, и он меня арестовал. Я думал, что меня оштрафуют или что-то в этом роде. Мы были в участке всего несколько часов. Они пришли, забрали мою одежду, взяли мазки с лица, рук, кистей и отпечатки пальцев. Я думал, что это обычная рутина. Я позвонил Джерри Синтону, и он приехал в участок. Позже тем же вечером мне сказали, что Клара мертва. Её застрелили. Её тело было в моей квартире… Я… я…

Его охватила паника, и я увидела, как у него на глаза навернулись слезы.

«Я оставил её в своей квартире около восьми

часов. Я поцеловал её на прощание. Она была жива, когда я уходил. Клянусь».

«Итак, вас допросили. Джерри был с вами. Вы рассказали полиции то же, что и мне?»

«Да, я сказал им правду. Мне нечего было скрывать».

Если он и был лжецом, то одним из лучших.

«Почему ты сказал мне, что она умерла из-за тебя?»

«Чёрт возьми, нечётное число. Я так и знал. Кто-то, должно быть, вломился в мою квартиру, разыскивая меня, чтобы ограбить, и они… они её нашли. Я её не убивал. У меня нет пистолета. Я этого не делал… Я… нет… не я… Я не мог».

Его грудь заколотилась, глаза остекленели. Руки сильно дрожали, а лицо побелело, прежде чем его вырвало на стол. Затем его голова упала. Я подхватил его, прежде чем он упал со стула, положил на бок, выбил дверь кабинета и позвал на помощь.

Тяжело дыша, он с трудом выдавливал из себя слова.

«Джерри… Джерри… сказал… мне… залога нет… залога нет… СМИ не выйдут на свободу… риск побега».

«Успокойся. Заткнись и дыши».

Вбежал охранник, опустился на колени рядом с Чайлдом и посмотрел на меня. Дэвид был в шоке.

Охранник, молодой офицер с большими добрыми глазами, ушёл и быстро вернулся с маской и небольшим переносным кислородным баллоном. Вместе мы усадили Дэвида, прислонив его спиной к стене. Он сделал два отчаянных вдоха из ингалятора, прежде чем охранник надел ему на лицо кислородную маску. Мы посидели с ним несколько минут, давая ему возможность взять себя в руки. Через некоторое время его дыхание стало глубже и медленнее.

Надвинув маску на грудь, он сказал: «Джерри сказал мне, что у меня нет шансов на освобождение под залог».

Это был мой шанс. Я встал, открыл папку, положил сверху четырёхстраничный документ и положил его Дэвиду на колени.

"Что это?"

«Это соглашение о гонораре. Подпишешь, я стану твоим адвокатом. Я внесу тебя под залог и не допущу, чтобы это попало в газеты. Всё, что тебе нужно сделать, — это подписать его», — сказал я, протягивая ему ручку.

«Но Джерри сказал, что меня не отпустят под

залог. У меня четыре личных самолёта. Я представляю опасность для полётов. А если кто-то подаст заявление на залог, пресса… они… будут… повсюду», — сказал он, и страх грозил сдавить ему грудь.

«Просто подпиши. Ты не протянешь и дня в тюрьме. Я могу тебя вытащить. Но мне нужно сделать это законно. Подпиши, и я позабочусь о тебе, Дэвид».

Ручка дрожала в его руке, пока он торопливо нацарапывал подпись. Я взял документ и ручку и передал их охраннику рядом с ним.

«Поскольку он немного трясется, убедитесь в этом сами».

Охранник посмотрел на эту бумагу так, словно это была сибирская язва, и поднял руку.

«Послушай, это для моей безопасности», — сказал я.

«Давай, подпиши», — сказал Нил, стоя в дверях. Он пришёл убедиться, что со мной всё в порядке.

Я посмотрел на бейдж охранника — Дэррил Коул. Я попросил Дэррила подписать документ, поставить инициалы и дату.

«Врач дома?» — спросил я.

«Он встречается с одной из постоянных клиенток», — сказал Нил.

«Можешь дать ему взглянуть на моего мальчика? Может, дать ему синее, чтобы он успокоился?»

«Конечно. Пойдём, сынок. Теперь ты в надёжных руках», — сказал Нил.

Вместе мы подняли Дэвида на ноги. Дэррил, который был меньше меня, мог бы поднять мальчика одной рукой. Он весил, наверное, фунтов сто десять. Кости у него в локтях казались острыми, а мускулатуры там почти не было, словно он был скреплён сухожилиями и канцелярским клеем.

Сидя в медицинском кабинете, запрокинув голову и широко раскрыв глаза, словно желая, чтобы они всосали ему воздух в лёгкие, Дэвид заговорил. Шёпотом. Я не расслышал.

«Не волнуйтесь. Доктор сейчас придёт», — сказал я.

Сделав шумный вдох из кислородного аппарата, Дэвид оттянул маску в сторону и спросил: «Ничего, если я буду называть тебя Эдди?»

«Конечно», — сказал я.

«Хорошо. Я подписал ваше соглашение. Значит, вы мой адвокат, верно?»

Я кивнул.

«Пожалуйста, Эдди, помоги мне. Я не убивал Клару. Помоги мне. Умоляю тебя».

И вот она, мольба. Крик о помощи от испуганного ребёнка.

Вибрация моего мобильного телефона.

Еще одно сообщение от Dell.

Джерри Синтон только что вошел в зал суда №12.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТЬ

Женщина-адвокат из полицейского управления в течение пяти минут разбирала быстрое дело с прокурором Джули Лопес в зале суда номер двенадцать. Судья Нокс просматривал материалы дела на своем столе, пока адвокаты, сидевшие перед ним, быстро добивались начала судебного разбирательства.

Сначала я не увидел Джерри Синтона. Я никогда не встречал его лично. Вчера вечером Делл показал мне фотографию, но она была сделана давно и совершенно не передавала того ощущения власти, которое окружало этого человека, словно сладкое облако лосьона после бритья за пятьсот долларов. Его синий костюм в тонкую полоску был безупречно сшит на его высокой и элегантной фигуре. Чёрные локоны с проседью обрамляли крупную, грозную голову. На кончике носа сидели широкие, но стильные очки. Он был загорелым, с морщинами, но не выглядел на свои шестьдесят. Деньги обладали свойством останавливать процесс старения. Он стоял на коленях у стола клерка, разговаривал с ней, проверял списки, проверяя, не пропустил ли он

появления своего клиента перед судьёй. Я так и видел, как клерк говорит ему, что вопрос уже обсуждался, но решение по нему не вынесено. Он наклонился ближе и прочитал имя адвоката, которое клерк вписал рядом с именем Дэвида Чайлда. Клерк оглядел комнату, заметил меня, сказал что-то Джерри и указал так, как могут только клерки… *Вот мистер Флинн. Он адвокат, действующий по делу. Иди, поспорь с ним, приятель. Оставь меня в покое.*

Джерри поднял большую голову, сдернул очки и посмотрел на меня так, будто готов был жевать стекло. Рычания не было. Просто чувство угрозы, исходившее от этого мужчины. Он снова надел очки и пошёл.

Скрестив руки на груди, я перенесла вес на одно бедро и смотрела, как он приближается. Чем ближе он подходил, тем сильнее краснела его шея, и к тому времени, как он оказался передо мной, из-под его накрахмаленного воротника вздулась жирная вена. Он возвышался надо мной как минимум на полфута и стоял вплотную, словно разыгрывающий защитник, блокирующий корзину. Из своего потертого кожаного портфеля он достал длинный документ и сунул его под мышку. Огромный чёрный камень в кольце

на мизинце отражал свет верхнего света и на секунду ослепил меня. Я подумала, что кольцо, наверное, стоит дороже моего первого дома.

Он снова снял очки. Вот тут-то я и увидел.

Убить человека непросто. Большинство убийств происходит, когда преступник пьян, под кайфом или и то, и другое. Или ссора выходит из-под контроля, или кто-то испытывает сильное эмоциональное потрясение. Большинство людей даже помыслить не могут об убийстве. Но есть те, кто просто невосприимчив к психологическим барьерам, которые мешают нам убивать. У них нет сочувствия. Мне не нужно было знать историю Джерри Синтона, чтобы увидеть убийцу. Иногда ты просто понимаешь. Человек передо мной не мог ничего чувствовать к другой живой душе. Был только я. Ничего больше.

«Вы Эдди Флинн?» — в его низком голосе все еще скрывались нотки южного Балтимора.

«Хорошо», — сказал я.

«Хватит нести чушь. Сколько?»

" *Прошу прощения* ."

Он взял меня за локоть и повел в угол зала суда.

Его голос был тихим и медленным. «Значит, приятель сообщил тебе, что у тебя в кармане

какая-то знаменитость. Ты пойдёшь туда и попытаешься украсть себе крупную рыбу. Понимаю. Но это *моя* рыба. Ты её не получишь. У меня нет на это времени. Сколько ты хочешь за это уйти? Десять? Пятнадцать? Как насчёт двадцати тысяч?»

"Нет, спасибо."

Выражение его лица не изменилось. Холодная ненависть, скрытая за мёртвым лицом. Мне показалось, что он был таким же, когда отдавал приказ убить Фарука, информатора.

«Вы незаконно домогались моего клиента. Я могу отстранить вас от адвокатской практики и лишить лицензии. Прямо сейчас. Или можете забрать двадцать тысяч и уйти».

Я стоял твердо.

Он успокоился, и гнев улетучивался по мере того, как он пристальнее разглядывал меня. Наверное, он увидел мелкого адвоката, продирающегося сквозь списки преступников, пытаясь заработать на аренду.

«Бери деньги. Уходи. Это слишком серьёзно для тебя».

«Думаю, это ты влип по уши, приятель. Здесь не зал заседаний. Это уголовный суд. Ты сейчас у меня дома. На твоём месте я бы щёлкнул этими

рубиновыми туфельками и подумал о Верхнем Ист-Сайде», — сказал я.

Никакой видимой реакции. Лишь лёгкая дрожь в голосе выдавала раздражение.

«У меня солидный гонорар за это дело, Флинн. Ты же знаешь, как действуют большие ребята. Он мой клиент».

«У меня есть последний гонорар. Подписанный Дэвидом Чайлдом сегодня утром».

Он наклонился ближе, не привыкший спорить с такими никчемными юристами, как я.

«Мое предложение в двадцать тысяч остается в силе в течение следующих шестидесяти секунд».

Я пожал плечами.

«Тебе стоит взять деньги. Если ты этого не сделаешь, случится что-то плохое».

Я почувствовал, как мои руки сжались в кулаки, а голос повысился. «Отстань. Ты меня не напугаешь».

«Вы понятия не имеете, с кем имеете дело…»

Звук голоса судьи привлек внимание Синтона.

«Эй, это же суд. Если у вас двоих проблемы, выносите их на улицу. Я читаю здесь», — сказал Нокс.

«Ваша честь, — сказал Синтон, — со стороны мистера Флинна имело место недобросовестное

обращение с моим клиентом. Я хотел бы обсудить этот вопрос в судебном заседании».

«А вы кто, сэр? Я никогда раньше не видел вас в этом зале», — сказал судья Нокс.

«Меня зовут Джерри Синтон, Ваша честь. Я представляю мистера Чайлда. Мистер Флинн пытался…»

«Джерри Синтон? Из «Харланд и Синтон»?»

«Да, Ваша честь. Я хотел бы…» Но судья Нокс выбил у него почву из-под ног.

«Я знал мистера Харланда-старшего, когда ещё работал в юридической фирме. Он был бы очень горд, если бы увидел сейчас нашу фирму», — сказал Нокс, впервые улыбнувшись. «Знаешь что, я как раз заканчиваю выносить приговор. Это не займёт много времени. Вы с мистером Флинном возвращайтесь, а я буду в кабинете через пять минут. Секретарь вам всё покажет».

Прежде чем последовать за клерком, Синтон обернулся и с удовлетворением посмотрел на меня. Он был убеждён, что старый друг фирмы, судья Нокс, посмотрит на вещи с его точки зрения. Я не мог этого допустить. Если меня отстранят от дела, для Кристин всё будет кончено.

Проходя по проходу к выходу, ведущему в кабинет Нокса, я глубоко вдыхал, задерживал

дыхание и медленно выдыхал. Если я не придумаю что-нибудь стоящее в ближайшие пять минут, непробиваемый контракт с Харландом и Синтоном навсегда выбьет меня из игры.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Секретарь провела Джерри Синтона по тому же безликому коридору к кабинету Нокса. Она впустила нас и вышла. С разочарованным и усталым вздохом Джерри сел в одно из изящных кресел судьи Нокса, стоявших напротив его стола. В комнате были только мы. Он не произнес ни слова, просто сидел и игнорировал меня. Он никогда не появлялся перед Ноксом и не знал, что сидение в этом кресле без разрешения может вызвать у Нокса аневризму.

Я увидел свою первую пьесу и решил держать рот на замке.

Через пять минут я услышал бормотание судьи Нокса, идущего по коридору. Я наполнил стакан воды из диспенсера и встал в глубине комнаты. Когда дверь открылась, Джерри встал, а затем сел рядом с Ноксом. Я увидел его взгляд. Судейские брови поднялись, а Нокс прикусил нижнюю губу.

«Господа, мне не нравится, когда адвокаты спорят между собой в моём зале суда. Это неприлично. Если хотите спорить, делайте это, когда я объявлю ваше дело. Итак, в чём, по-вашему,

проблема? Мистер Флинн значится в моём списке слушаний как адвокат Чайлда. В чём проблема, мистер Синтон?»

Из портфеля Джерри вытащил объёмистый договор и почтительно положил его перед судьёй. Синтон выпрямился в кресле и застёгнул пиджак. Его тон изменился, когда он обратился к судье: он стал легче, теплее.

«Ваша честь, это гонорар, подписанный г-ном Чайлдом в 2013 году. Он уполномочивает мою фирму, и только мою, действовать от его имени по всем юридическим вопросам. Если г-н Чайлд захочет сменить адвоката, он должен сначала уведомить нас об этом за тридцать дней. Если он решит не делать этого,Если вы предоставите такое уведомление, настоящее соглашение предоставит нам право залога на любые файлы и документы, созданные в рамках этих отношений. По сути, этот пункт предоставляет нам исключительное право действовать от имени г-на Чайлда. Перед подписанием настоящего соглашения этот пункт был специально зачитан клиенту, и ему была предоставлена отдельная юридическая консультация о его последствиях. Любой договор, подписанный г-ном Чайлдом сегодня, недействителен. Г-н Флинн нарушил

ранее существовавшие отношения между адвокатом и клиентом; он незаконно привлекал моего клиента к ответственности, и я намерен созвать сегодня днем чрезвычайное заседание коллегии адвокатов штата и отстранить г-на Флинна от должности до принятия дисциплинарного взыскания.

Синтон откинулся назад, скрестил длинные, толстые ноги и изящно положил руку на колени. Его речь была отточенной и чистой. Глубокий голос звучал, словно камешки, падающие в бархатную шляпу; он был глубоким, с чистым тембром и лёгкой суровостью. От хладнокровного палача не осталось и следа. Судья Нокс пробежал глазами нужные разделы, затем бросил бумагу на стол, потёр подбородок и посмотрел на меня, прислонившегося к его книжному шкафу в глубине комнаты. Я выпрямился как раз перед тем, как он ко мне обратился.

«Что вы на это скажете, мистер Флинн? Вы читали этот документ?»

«Нет», — сказал я.

Нокс ждал, что я скажу ещё что-нибудь. Я промолчал.

«Хотите прочитать? Мистер Синтон выдвигает довольно серьёзные обвинения».

Я вылил воду из пластикового стаканчика и выбросил его в мусор.

Мистера Синтона здесь не было, когда рассматривалось дело мистера Чайлда. Я был. Я разговаривал с мистером Чайлдом, и он практически умолял меня помочь ему. Он подписал со мной гонорар, и один из сотрудников следственного изолятора засвидетельствовал подписание. Что бы произошло, если бы обвинение мистеру Чайлду было предъявлено без присутствия мистера Синтона? По моему мнению, это было бы неэффективным представительством адвоката. Чтобы представлять своего клиента, нужно лично *присутствовать* здесь.

Судья бросил на Синтона злобный взгляд. Он терпеть не мог, когда кто-то опаздывал в его зале суда. Если опоздаешь — проиграешь. Вот и всё.

«Если мистер Синтон выдвинет этот аргумент, я мог бы убедить своего клиента подать жалобу в Комитет по стандартам адвокатуры на его опоздания. Мой гонорар имеет наибольшее значение, поскольку он касается уголовных обвинений, и он был подписан и заверен сегодня. Полагаю, мистер Синтон не может смириться с тем, что его уволили», — сказал я, положив руки на спинку стула рядом с Синтоном.

«Ваша честь», — сказал Синтон, наклоняясь вперед в своем кресле и качая головой.

«Ваша задница, мистер Синтон», — сказал судья Нокс.

«Простите?» — спросил Синтон с большим удивлением и негодованием, чем следовало бы.

«Я вас не слышу, мистер Синтон», — сказал судья.

«Я *сказал* ...» — громко начал Джерри.

«Я говорил не о вашем объёме. Я имел в виду вашу задницу. Эти кабинеты и офисы — продолжение моего зала суда, мистер Синтон. Ни один адвокат никогда не обращался ко мне, не стоя на ногах. Вы первый, кто обратился ко мне, развалившись в моём кресле. И, кстати, кто вам разрешил сидеть? Никто не садится без моего разрешения. Если бы у вас был опыт работы в этом суде, вы бы это знали».

Кожа на лбу Синтона натянулась. Он знал, что я позволил ему сесть; он знал, что я позволю ему разозлить судью. И судья Нокс тоже это знал, поскольку я видел, как лёгкая улыбка играет на этих двух складках, которые можно было принять за губы.

С безжизненной улыбкой Джерри встал, застегнул пиджак и поправил галстук. Притворная

приветливость исчезла — акула вернулась в комнату.

«Ваша честь, ответчик — мой законный клиент. Я был с ним в участке во время допроса. Я первым начал это дело. Если вы поддерживаете аргументацию мистера Флинна, вы поддерживаете это незаконное предложение услуг».

Это был главный аргумент Джерри. Он, вероятно, надеялся, что ему не придётся этим воспользоваться, что судья окажет ему услугу. Нокс не занимался оказанием услуг, и угрозы ему не сработали бы. С ним нужно было действовать деликатно. Он повернулся ко мне.

«Ваша честь, мистер Синтон приводит юридический аргумент. Думаю, он прав, что это вопрос юридического толкования. Какое бы решение вы ни приняли, оно, скорее всего, будет обжаловано. Я сказал достаточно. Позвольте вам самим обдумать этот вопрос».

Судья Нокс потёр руки, облокотился на стол и уставился в пространство. Хотя Нокс обладал неплохим здравым смыслом и был в самый раз для судьи по уголовным делам достаточно строгим, в юридических вопросах он был совершенно беспомощен. В тех редких случаях, когда у него не было выбора, кроме как принять решение на ос-

нове закона, судьи апелляционного суда жёстко критиковали его. Его презрение к обвиняемым по уголовным делам, представшим перед его судом, было общеизвестно, и его не волновало, критиковал ли его вышестоящий суд за чрезмерную строгость или непризнание их прав, но услышать от судьи апелляционного суда, что он неправильно понял закон, было для него слишком. Нокс этого не хотел. Он избегал подобных ситуаций. Всё, что угодно, лишь бы не принимать решение.

Поэтому я дал ему выход.

Прежде чем вы примете решение, Ваша честь, я хотел бы извиниться за то, что произошло в зале суда ранее. Очень жаль, что мистер Синтон счёл необходимым поднять этот вопрос перед вами. Мы должны были решить этот вопрос самостоятельно.

Я почти увидел, как в голове Нокса загорелась лампочка.

«Мистер Флинн, позвольте мне выразить своё недовольство тем, что дело зашло так далеко. Препирательства двух опытных адвокатов из-за клиента не красит ни одного из вас. Поэтому я дам каждому из вас ещё один шанс решить этот вопрос самостоятельно. Господа, у меня есть право назначить государственного защитника.

Думаю, это может быть правильным решением. Итак, вы оба выйдите на две минуты. Либо вы оба вернётесь сюда с согласованным планом действий, либо мистер Чайлд отправится в офис полиции, и вы оба сможете подать друг на друга в какой-нибудь другой суд».

«Ваша достопочтенность…» начал Джерри.

«Ни слова больше, мистер Синтон. Выйдите и обсудите это».

С этими словами судья Нокс вытер руки и улыбнулся про себя.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТЬ

В коридоре раздавалось эхо от наших шагов взад-вперед и от того, как Джерри Синтон царапал о стену свое кольцо на мизинце.

«Он всегда такой?» — спросил он.

«В принципе. Послушайте, он не хочет принимать решение, которое можно обжаловать. Государственный защитник не может возражать против рассмотрения дела, и мы не можем обжаловать это решение. Он не хочет принимать никакого решения. Почему бы вам не доверить это мне? Ребёнок в надёжных руках. У меня большой опыт. Я могу предложить ему наилучшее представительство».

Джерри скрестил руки на груди. «Какими ресурсами вы располагаете? У меня двести юристов и команда экспертов, с которыми я могу работать круглосуточно. Сколько у вас сотрудников службы поддержки?»

«Вы смотрите на вспомогательный персонал, машинистку и уборщицу».

«Это ошибка, Флинн».

«Не уверен. Я знаю судей и знаю, как с ними обращаться. Пусть у тебя тут десяток адвокатов,

но это не помешает окружному прокурору надрать тебе задницу, потому что ты не знаешь, что делаешь. Хотя, в деле об убийстве рабочая сила всегда пригодится…»

«Вы понятия не имеете, с кем имеете дело. Просто возьмите деньги».

Я вспомнил, что Синтон нуждался в этом деле так же сильно, как и я. Если Дэвид Чайлд мог навредить Харланду и Синтону так, как надеялась Делл, то фирма должна была представлять его интересы любой ценой, чтобы они могли за ним следить. И убедиться, чтоон не заключил сделку, сдав своих адвокатов федералам в обмен на мягкий приговор.

«Мне не нужны деньги. Мне нужно это дело. Это будет грандиозный судебный процесс, который будет привлекать внимание СМИ. Это может стать основой моей практики. Это моё дело. Я не отступлю. Мне нечего терять. Раз уж мы оба не можем его представлять, давайте просто скажем Ноксу, чтобы он позвонил государственному защитнику».

Я сделал три шага и взялся за ручку двери кабинета Нокса. Синтон протянул руку, чтобы остановить меня.

«Подожди-подожди. Это интересно. Ты сказал,

что мы не можем представлять его оба. Почему бы и нет? У меня есть ресурсы, у тебя есть опыт. Ты берёшь на себя роль специального советника, или консультанта, как бы ты это ни называл. Мы займёмся этим делом заранее».

«Ни в коем случае», — сказал я, поворачивая ручку.

«Подожди! Ты можешь занять второй стул. Это...»

«Приятно было познакомиться», — сказал я, приоткрывая дверь судьи Нокса.

«Подождите», — процедил Синтон сквозь зубы. «Хорошо, первый стул. Но мы команда».

«Как скажете», — сказал я, входя в кабинет Нокса.

Нокс играл в Angry Birds на своём мобильном телефоне. Перед ним остывала чашка свежего кофе.

«Ваша честь, у нас есть компромисс. Фирма «Харланд и Синтон» выступит моим со-юристом в этом деле».

Судья кивнул, но не оторвал взгляд от смартфона.

«Рад это слышать, господа. Слушание по вопросу освобождения под залог через пять минут. Просто подождите прокурора снаружи».

Джерри Синтон клюнул на наживку. Кристина попала в такую переделку из-за Джерри Синтона и Бена Харланда. Я хотел быть рядом с этими ребятами. Может быть, мне удастся найти что-то, что удовлетворит Делла, достаточное, чтобы снять Кристину с крючка и не пришлось бы уговаривать Дэвида Чайлда посадить его в тюрьму. Теперь у меня был шанс. Я был уверен, что поступил правильно. Я не мог заставить Чайлда сесть в тюрьму, не попытавшись хотя бы что-то другое, не попытавшись вызволить Кристину другим способом.

Джерри Синтон прислонился спиной к бледной стене коридора и медленно вздохнул. Он вернул своего клиента.

Я дал Кристине шанс.

И, вероятно, подписал себе смертный приговор.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТЬ

Стук в дверь судьи Нокса. Прокурор Джули Лопес.

«Мы возвращаемся к делу *«Люди против ребёнка»*. Команда защиты за последние несколько минут значительно расширилась, мисс Лопес. Надеюсь, у вас нет возражений», — сказал судья Нокс.

«Ни одного», — сказал Лопес, глядя на Джерри Синтона.

«И, для информации, ваш клиент согласен на это слушание в его отсутствие, мистер Флинн?» — спросил судья Нокс.

«Верно, Ваша честь. Не вижу смысла вызывать его на открытое заседание суда перед прессой. Мы готовы продолжить здесь, в закрытом режиме».

«Итак, каковы согласованные условия залога, адвокат?»

«Мы требуем, чтобы ответчик проживал по адресу…» — сказала Лопес, но Синтон перебил ее.

«Секундочку, Ваша честь. Мы не подавали ходатайство об освобождении под залог. Мой клиент пока не хочет ходатайствовать об освобождении под залог. Это дело, требующее особого внимания

со стороны СМИ, и мой клиент…»

«Ваша честь, я первый председатель. Не обращайте внимания на моего со-адвоката. Наше ходатайство уже принято к сведению судом, и мы действуем в соответствии с указаниями мистера Чайлда, который хочет ходатайствовать об освобождении под залог. Мы согласны с условиями проживания. Есть ли другие?» — спросил я.

«За исключением случаев явки в суд, он будет ежедневно отмечаться в ближайшем полицейском участке до часу дня. Он сдаст свой паспорт. Ему запрещено употреблять алкоголь и наркотики, кроме назначенных лекарств, а также он будет периодически проходить выборочное тестирование на алкоголь и наркотики», — сказал Лопес.

«Ваша честь, подсудимый…»

«Согласен», — сказал я, прежде чем Синтон успел нанести еще больший ущерб.

«Залог установлен в размере десяти миллионов долларов. Предварительное слушание состоится завтра в…»

«Ваша честь, мы готовы приступить к предварительным слушаниям сегодня днем», — заявил Лопес.

«Документы были вручены?» — спросил судья.

Лопес протянул мне большой конверт из плотной бумаги.

«Теперь они это сделали», — сказала она.

Потирая подбородок, судья Нокс подумал об отмене своей игры в гольф.

«Что вы думаете о предварительном слушании? Если это дело будет в центре внимания СМИ, полагаю, вы откажетесь от предварительного слушания», — сказал судья.

В большинстве дел о тяжких преступлениях, таких как убийства, не было предварительного слушания, призванного определить, достаточно ли у обвинения доказательств для предъявления обвинения и передачи дела на рассмотрение большого жюри. Обвинению не нужно было доказывать вину. Им нужно было доказать наличие веских оснований для обвинения. Обычно, если доказательств достаточно для ареста и предъявления обвинения, это означает, что у обвинения более чем достаточно, чтобы легко пройти предварительное слушание.

«Каково ваше решение?» — спросил судья Нокс.

Я уже догадывался о содержании материалов обвинения. Накануне вечером Делл изложил улики, имеющиеся у полиции. Предварительное

слушание было бы пустой тратой времени. Улик было достаточно, чтобы дважды осудить Дэвида Чайлда.

«Мы не отменяем предварительный этап», — сказал я.

Если я игнорировала доказательства и просто слушала Дэвида, я ему верила. Он разваливался на части, и я не была готова позволить ему это сделать, пока нет. Мне нужно было увидеть доказательства своими глазами, снова поговорить с ним. Я хотела сохранить возможность выбора.

На столе судьи Нокса зазвонил телефон.

«Очень хорошо. Дело отложено до 16:00», — сказал он и ответил на звонок.

Прежде чем мы подошли к двери, судья остановил меня.

«Подождите, мистер Флинн».

Мы с Лопесом и Синтоном повернулись к судье. Он выглядел потрясённым. Его лицо побледнело, и я видел, как на верхней губе выступил пот. Он слушал вызов, его глаза быстро двигались, обрабатывая информацию. Наконец он покачал головой.

«Он здесь, со мной. Я ему сообщу. Мы требуем полного расследования. Это возмутительно. Держи меня в курсе, Уилсон», — сказал Нокс. «Чёрт

возьми!» — крикнул он, бросая трубку. «Господа, вам лучше немедленно спуститься в камеру. Вашего клиента зарезали».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Нажатие кнопки «С» на лифте не заставило его двигаться быстрее. Синтон стоял в углу, прикрыв рот рукой, опустив голову и глубоко задумавшись. Он не произнес ни слова с тех пор, как Нокс сообщил нам эту новость.

«Пошли», — сказал я, нажимая кнопку подвала.

Закрыв глаза, я прислонилась лбом к холодной алюминиевой панели над пультом управления лифтом. Я молча молилась, чтобы Дэвид был жив. В тот момент я поняла, что начала заботиться о нём. Он выглядел таким беспомощным, его мир и разум рушились. И ради чего? Он не был убийцей.

У Чайлда не было ни подлости, ни недостатка сочувствия, и даже несмотря на то, что мир вокруг него рушился, он не злился — он был напуган.

Не может быть, чтобы этот парень убил свою девушку.

Я зажмурился и попытался вспомнить всё, что знал о Дэвиде. Нельзя достичь его уровня богатства, не причинив никому вреда. А люди в положении Дэвида не пачкали рук. Если бы

он хотел кого-то убить, он всегда мог бы нанять человека, который бы это сделал.

Мне бы хотелось увидеть его вне камеры, увидеть его без холода и паники, вызванной тюремно-оранжевым комбинезоном. Тогда я бы точно знал. В тот момент всё, что у меня было, — это интуиция, подсказывающая, что он невиновен.

А теперь кто-то ударил его ножом.

Лифт замедлил ход, и двери открылись со звоном. Я услышал шум в камерах задолго до того, как мы добрались до нижнего этажа. Заключённые шлиБезумие. Кровь в воздухе. Охранники кричали на заключённых, которые в ответ трясли решётку, плевали и рыдали. Пальцы обвиняюще указывали на охранников. Раздалось скандирование: «Убийца, убийца, убийца». Охранник отмотал шланг от задней стены и уже готовился облить всё помещение, когда из кабинета мне помахал медик. Пробежав мимо камер, а Синтон бежал следом, я добрался до небольшого коридора, ведущего в медпункт.

Замедляясь, я поскользнулся, и мои ноги заплясали по полу, пытаясь найти опору, пока мне не удалось удержаться рукой за стену. Верхний свет идеально отражался на мокром полу. Тут и там,

на дверях, на стенах, я всё ещё видел остатки свежей крови. Обернувшись через плечо, я увидел, что след от только что вымытого пола тянулся до самых камер. В комнате первой помощи было многолюдно, и из полной мусорной корзины торчали пропитанные кровью бинты и марля. Даже у медика на плече рубашки всё ещё были кровавые пятна. Медицинская кушетка в углу тоже была заляпана кровью, и хотя её протирали, её ещё не убрали как следует.

«Что случилось?» — спросил Джерри.

«Кто этот парень?» — спросил медик.

«Всё в порядке. Он со мной. Как наш парень? Он выкарабкается?» — спросил я.

«Он был жив, когда его забрали медики. Его жизненно важные показатели были неудовлетворительными, он потерял много крови».

«Господи, что случилось?» — сказал я.

«Не знаю. Сработала сигнализация, и я видел, как двое охранников вытаскивали его из клетки. Парень был весь в крови. Руки были сильно порезаны, а в районе живота — большая ножевая рана. Сука не переставала кричать. Тот, кто его приставил, рванул лезвие вверх, пытаясь выпотрошить, а потом довольно сильно порезал ему лицо».

«Куда его везут парамедики?» — спросил Синтон.

«В центре отделения неотложной помощи», — сказал медик.

«Никуда не уходи», — сказал я, но Синтон уже бежал к двери. Он хотел, чтобы Дэвид остался один, чтобы он мог добиться моего увольнения. Мне ужасно хотелось броситься вслед за Синтоном. Но сначала мне нужно было узнать, что случилось. И у меня было время. Скорее всего, Дэвида сразу же отправят в операционную. Синтону придётся долго ждать приёма у клиента. Я молился, чтобы это была не моя вина, и чтобы тот здоровяк, который недавно забрал у Дэвида обувь, не решил отомстить.

Шум стих, и лишь горстка задержанных спорила с охранниками. Я заглянул в туалет. Пол ещё не вытерли, и я увидел кровавые следы, ведущие к столу. Нил, охранник, который помог мне подобраться к Дэвиду тем утром, сидел, заложив руки за голову, его лицо было всего в нескольких дюймах от чашки дымящегося кофе. На наручниках виднелись пятна крови. Рядом с ним сидел полицейский, его блокнот лежал открытым на столе, а в руке он держал ручку.

«Нил, ты в порядке?» — спросил я.

Он резко поднял голову и попытался выдавить улыбку, но безуспешно. Он закашлялся, вытер рот и откинулся на спинку стула. «Тебе не следует разгуливать без сопровождения».

«Мне не нужен эскорт. Я знаю эти камеры так же хорошо, как и ты. Медик сказал мне, что ты вытащил ребёнка. Мне нужно знать, что случилось», — сказал я.

«Этот парень — адвокат?» — спросил полицейский, указывая на меня ручкой.

«Всё в порядке. Это Эдди Флинн. Он его адвокат. Садись, Эдди», — сказал Нил. «Послушайте, тут особо нечего рассказывать. После того, как паническая атака утихла, медик передал Чайлда обратно в отделение. Он пробыл там, наверное, минуты две-три, когда я услышал тихие крики, ничего необычного. Потом я увидел мексиканца, парня с татуировками и длинной косой, который подходит к Чайлду и что-то говорит ему. Он уже готов наброситься на него, но ваш клиент встал перед Чайлдом и принял на себя всю силу атаки. Мне потребовалось десять, может быть, двенадцать секунд, чтобы добраться туда и свалить парня. К тому времени было уже слишком поздно. У парня с косой, должно быть, заткнули задницу. Только так он мог пройти обыск. Мы изолирова-

ли Попо, расчистили пространство и начали им заниматься. Мы не смогли стабилизировать его состояние, поэтому перевели его в медпункт. Он просто молодец, что спас Чайлда».

"Я не понимаю..."

«Попо! Ты что, ничего не понимаешь? Парень с косичкой пытался замутить с Чайлдом. В следующий момент у него в руке заточка, и он бросается на Чайлда. В последний момент Попо подпрыгивает и принимает удар на себя. Храбрый парень. Может, и глупый, но храбрый».

«Господи, Попо. Он бы никогда этого не сделал, если бы я не сказал ему следить за Дэвидом».

«Он справится. Попо — крепкий парень. И мы довольно быстро с ним справились».

На меня навалилось ещё больше веса. Голова кружилась. Тошнило. Стыдно, что я подверг Попо риску.

«Где Чайлд?» — спросил я.

«У него снова паническая атака. Мы поместили его в камеру содержания под стражей этажом выше. У двери дежурит офицер, но он не может оставаться там весь день. Мне нужен этот охранник».

Мне хотелось поднять руки и возблагодарить Господа за то, что билет Кристины на свободу всё

ещё дышит, но я не мог. Попо — наркоман, стукач, вор, самый неожиданный герой во всём городе — просто вмешался и спас жизнь миллиардера. Мои веки отяжелели, и я провёл пальцами от уголков глаз по коже, а затем помассировал виски. Должно быть, Попо сделал это за меня. Он предвидел нападение и вмешался, возможно, из неуместной преданности мне, и остановил убийство. Или, может быть, я оказал Попо медвежью услугу. Конечно, он был наркоманом и преступником, но в Попо было что-то ещё. Может быть, он сделал это просто потому, что так было правильно.

«Если вы что-нибудь услышите о Попо, немедленно дайте мне знать».

Я повернулся и направился к выходу. Из-за инцидента охранники были не в лучшем состоянии и нервничали. Больше визитов не будет. Приоритетом было восстановить спокойствие в клетках и доставить ловцов наверх, в суд и офис по освобождению под залог, или обратно в режим содержания под стражей. Всё замедлится. Это даст мне немного времени. Я гадал, сколько времени понадобится Джерри Синтону, чтобы осознать ошибку — что в отделении неотложной помощи был Попо, а не Чайлд. Я дал ему максимум полчаса.

«Спасибо, Нил. Ты, наверное, сегодня спас Попо».

«В этом парне почти всё, что наркотики уже не разъели. Он был не в лучшей форме, когда пришёл, но он боец».

Одна мысль пришла мне в голову и не заставила себя ждать.

«Парень с косой, который напал на Дэвида, сколько времени он провел в клетке, прежде чем сделал свой ход?»

«А, кажется, он пробыл там полчаса, может, больше. Он вошёл сразу после того, как вы отвели Дэвида в комнату для допросов».

Я кивнул и оставил Нила давать показания полицейскому. Я вызвал лифт и, пока ждал, наблюдал, как охранник за стойкой безопасности протирает доску. Надпись над доской гласила: «ДНЕЙ БЕЗ КРУПНЫХ ИНЦИДЕНТОВ » . Охранник стёр цифру « 87 », снял колпачок с толстого маркера Magic Marker и нарисовал на доске большой ноль.

Пришло время обратиться в Dell.

Пора сказать ему, что я нашел клиента.

И что наша сделка расторгнута.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я не заметил никаких наблюдателей, направляясь к выходу и переходя улицу от здания суда. У круглосуточной химчистки «У Джека» меня ждал чёрный внедорожник. Я бросил несколько долларов через руку продавцу газет и взял номера *«Нью-Йорк Таймс»* и *«Уолл-стрит джорнэл».* Я снова оглядел улицу. Хвоста не было.

Открылась задняя пассажирская дверь.

«Как дела?» — спросил Делл, когда я сел рядом с ним. Я бросил папки с делами на кожаное сиденье, сверху — газеты, и закрыл дверь.

На жизнь Дэвида было совершено покушение. Мексиканец с длинной косой, спускающейся по спине, пытался ударить его ножом в клетке, и мой клиент вмешался; Попо, возможно, не выживет. Но с ребёнком всё в порядке. Это может помочь нам в долгосрочной перспективе, и, поверьте, нам понадобится вся возможная помощь. Джерри Синтону удалось добиться назначения себя со-адвокатом.

Делл сделал круговое движение левой рукой, и внедорожник влился в поток машин. Он не отрывал взгляда от машин и пешеходов, проверяя,

нет ли за нами слежки. У водителя была короткая стрижка, и я видел, как склеены пальцы его левой руки. Он специально обернулся и хмуро посмотрел на меня, когда мы подъехали к светофору.

«Вы уже встречались с агентом Вайнштейном», — сказал Делл.

«Как палец?» — спросил я.

Худой мужчина улыбнулся мне, подбросил мне птицу правой рукой, а затемРазвернулся. Его начальник продолжал следить за нашим хвостом ещё полквартала, а затем перевёл взгляд на меня.

«Союзник? Как вы могли это допустить?» — спросил Делл. Я уловил лёгкий жар в его голосе.

«Ваши люди должны были задержать его на месте происшествия. Он приехал раньше».

Служба безопасности фирмы следила за Синтоном. В Harland and Sinton работает отряд из шести бывших морских пехотинцев. Они следят за адвокатами и документами, но мы считаем, что они просто телохранители и сторожевые псы ради денег. Команду возглавляет парень по имени Гилл. Он бывший морской пехотинец и бывший сотрудник полиции Нью-Йорка — умный и безжалостный. Служба безопасности фирмы вмешалась. Полагаю, одного из них звали Гилл.

Вероятно, он оказал им некоторую услугу, потому что полицейские, удерживавшие Синтона, получили сообщение по рации, и Джерри сразу же после этого звонка отпустили. Офицер на месте происшествия рассказал мне, что получил приказ от своего лейтенанта отпустить его. Если бы он задержал Синтона подольше, кто-нибудь бы догадался, что у полицейских был мотив. Где сейчас Синтон?

«Мы оба думали, что Чайлда ударили ножом. Его везут в отделение неотложной помощи. Думаю, у нас есть около получаса, прежде чем он поймёт, что Чайлд всё ещё в здании суда».

«Вы уверены, что этот заключенный напал на Ребёнка?»

«Я так и слышал. Похоже, фирма пыталась его убрать».

Из папки из плотной бумаги, лежащей у него на коленях, Делл достал черно-белую фотографию. Он осторожно не открывал папку слишком широко, на случай, если я увижу содержимое, но я увидел достаточно, чтобы понять, что в папке лежит толстая пачка документов по делу Харланда и Синтона. На фотографии крупным планом был мужчина примерно моего возраста, может быть, чуть ближе к сорока, мускулистого телосложения

со светлыми рыжеватыми волосами. Его челюсть выглядела так, будто могла сломать бейсбольную биту. Это был не тот парень в чёрном пальто и сером свитере, который пялился на меня в коридоре у двенадцатого корта.

«Это Гилл. Берегитесь его. Он опасен. Фирма готова убивать, чтобы защитить свою деятельность, а Гилл — исполнитель. Я бы сказал, что он организовал покушение на убийство в камере предварительного заключения. Нам нужно, чтобы вы убрали Синтона из игры. Вы не можете давить на Чайлда, когда Синтон стоит у вас на горле. Как вы собираетесь от него избавиться?»

«На данный момент он остаётся. Он мне понадобится. Честно говоря, Делл, я не уверен, что Чайлд виновен. Должен быть другой способ. Я просто ещё не придумал».

«О, он ведь невиновен, да? Как ты это понял?»

«Я просто знаю. У этого парня нет на это сил. Я вижу».

«Почему бы тебе не объяснить это своей жене, когда она получит восемьдесят пять лет за отмывание денег и рэкет? Не дай этому парню себя обмануть . Он сделал себя миллиардером, и сделал это безжалостно, так что запомни это».

«Подожди. Тебе просто нужна разведка, верно?

Счета, банки, контракты, улики, связывающие всё это с Беном Харландом и Джерри Синтоном. Я точно знаю, что тебе нужно для успешного судебного преследования, но от Чайлда ты ничего этого не получишь. Этому парню не нужны деньги, отмытые грязными деньгами. Он не причастен. Он не из тех. Он ничего не знает, Делл. Он просто мишень, вот и всё. Он такая же жертва, как и другие богатые идиоты, вкладывающие деньги в Харланда и Синтона. Я могу добыть тебе нужные улики, но я должен сделать это по-своему».

«Этот парень тебя здорово обманул, Эдди. Я думал, ты знаешь, что делаешь; я думал, у нас сделка. Доказательства, деньги и показания в обмен на свободу твоей жены. Многого и не просил».

«Это было до того, как я встретил Чайлда. Он так молод, и он разваливается на части. Я люблю свою жену, но не пожертвую ради неё жизнью. Нет, если есть другой выход. Я позабочусь о том, чтобы ты получил всё необходимое, и чтобы ты оставил Кристину в покое. Но мне нужно знать, как Чайлд связан с фирмой и что у него на них есть. Расскажи мне».

Я вернул ему фотографию, которую он аккуратно убрал обратно в папку и бросил на сиденье

между нами. Он вздохнул и наклонился вперёд. Проведя руками по лицу, он что-то пробормотал, а затем заговорил отчётливо.

«У нас была сделка. У нас был план. Мне не нравятся люди, которые нарушают своё слово, Эдди. И мне не нравятся эти подлые бывшие мошенники, которые говорят мне, что делать. Мне это совсем не нравится», — сказал он.

Голова Делла откинулась на спинку сиденья. Он просунул пальцы под очки и потёр глаза. Движения были медленными, размеренными, словно он боролся со сном, которого ему не хватало с тех пор, как Чайлд арестовали двадцать четыре часа назад. Я заметил, как подернулся его левый глаз, и почувствовал запах пота на лбу. Морщины вокруг глаз стали глубокими.

Мы придерживаемся нашего первоначального плана. Улик против Чайлда более чем достаточно, чтобы обвинить его в убийстве своей девушки. Знаешь почему? Потому что он убил её, Эдди. Скажи ему, что у тебя есть выход. Скажи ему, что ты можешь спасти ему жизнь. Скажи ему, что ты можешь заключить с ним сделку. Нам нужно, чтобы он рассказал всё о фирме. Пять лет — это лёгкая прогулка. Это выгодная сделка за убийство. Если он откажется, он попадёт на пожизненное.

«Нет. Либо я уйду, либо ты расскажешь мне, что у Дэвида есть на фирму».

«Это слишком рискованно. Мы должны сделать это по-моему. У ребёнка проблема. Вы предложите решение. Он ни за что не расстанется с этой информацией».

«Я могу это получить», — сказал я.

Делл внимательно посмотрел на меня, взвешивая варианты и решая, смогу ли я его выполнить. Я посмотрел в зеркало заднего вида. Ближайшая машина к внедорожнику была в добрых девяти метрах, и, по моим прикидкам, мы ехали примерно двадцать миль в час. Я знал, что ответит Делл, и уже представлял себе свой следующий шаг.

«Нет», сказал Делл.

«Тогда всё кончено», — сказал я, просунув руку между передними сиденьями и потянув стояночный тормоз. Вся машина качнулась вперёд, когда шины заблокировались. Голова водителя скрылась на груди, когда ремень безопасности надёжно зафиксировался.

Моё правое плечо уже вжалось в переднее пассажирское сиденье, готовясь к удару. Делл врезался лицом в водительское сиденье, папки слетели на пол, а машина позади нас посигналила и успела остановиться, прежде чем он врезался

в заднюю часть нашей машины.

Я собрал свои документы и газеты, открыл дверь и сказал: «Я ухожу. Ты предоставлен сам себе».

Водитель, Вайнштейн, уже не стеснялся называть меня сумасшедшим.

Рука на моём плече. Я ожидал, что меня схватят с силой и потянут обратно в машину. Но нет. В этом пожатии чувствовалось смирение и последняя мольба о помощи.

«Хорошо», сказал Делл.

Закрыв дверь, я смотрел прямо перед собой, держа папки на коленях, и ждал информации, не глядя Деллу в глаза. Сигналы машин позади нас стихли, и внедорожник медленно тронулся с места.

«Не пытайтесь сделать это снова», — сказал Вайнштейн.

Делл со вздохом изложил суть дела.

«То, что делает Дэвид Чайлд, не противозаконно. Более того, это совершенно законно. Самый большой риск для прачечной — это персонал в сети. Дэвид Чайлд предложил фирме решение, которое позволило снизить этот риск. Вместо того, чтобы деньги проходили через множество рук, теперь они проходят по счетам одним нажа-

тием кнопки».

"О чем ты говоришь?"

«Он разработал систему цифровой безопасности для фирмы. Эта компания использует огромные суммы денег для своих клиентов, поэтому ей нужна надёжная система безопасности для защиты от хакеров. Поэтому Дэвид разработал алгоритм. Он основан наТе же принципы, что и у Рилера: сочетание случайных и целенаправленных последовательностей. По сути, Дэвид установил систему IT-безопасности в Харленде и Синтоне — она абсолютно легальна, но при использовании по-другому становится самым безопасным и лучшим методом отмывания денег из когда-либо созданных.

«Но он не был предназначен для отмывания денег?»

«Всё понятно. Допустим, система, установленная Дэвидом, обнаруживает хакерскую угрозу. Если она достаточно серьёзна, программа переводит все деньги с бизнес-счетов и клиентских счетов фирмы в эфир. Миллионы и миллионы долларов, которые обычно хранятся на сотнях клиентских счетов фирмы, начинают двигаться. Алгоритм разбивает деньги на более мелкие суммы, не превышающие десяти тысяч долларов,

и отправляет их в случайное цифровое путешествие по сотням счетов, чтобы защитить их от хакера. После того, как деньги исчезают, их невозможно отследить, но через семьдесят два часа деньги возвращаются на один высокозащищённый счёт. Конечно, к тому времени, как деньги туда попадают, они полностью чисты. Фирма может *тестировать* систему сколько угодно раз, чтобы убедиться в её работоспособности. Поскольку деньги разбиваются на суммы меньше десяти тысяч, Закон о банковской тайне не вступает в силу, и эти суммы могут перемещаться без должной осмотрительности или проверки на предмет отмывания денег. Вот что такое отмывание денег. Это как покупать паспорт за каждый доллар. Отмывание денег состоит из трёх основных этапов: введение, наслоение и интеграция. Поддельная транзакция с акциями вводит деньги в систему; когда Харланд и Синтон запускают алгоритм, перемещение денег с одного законного счёта на другой добавляет уровни происхождения, и через семьдесят два часа все деньги, как грязные, так и законные, оседают на одном счёте.

Я не мог не восхищаться системой; она была великолепна. Фирма может обработать миллионы

одним нажатием кнопки — делая вид, что проверяет свою систему безопасности, они запускают алгоритм Дэвида, и деньги случайным образом прокручиваются через цикл стирки. Идеально.

«Поскольку система безопасности легальна, ордер не получить, а деньги, которые крутятся, отследить невозможно. Полагаю, алгоритм ведёт к партнёрам?»

Кивнув головой, Делл подавил смех.

Да, мы полагаем, что именно так партнёры получают деньги: они забирают часть денег, когда они попадают на счёт с высокой степенью безопасности. Последний счёт, на который поступают все деньги, всегда открыт на имя Бена Харланда. Это нам известно. Но мы не знаем ни номера счёта, ни банка, в котором он находится. У фирмы тысячи неиспользуемых счетов в нескольких банках. Деньги попадают на другой счёт каждый раз, когда алгоритм завершает свой цикл. Потребовалась бы целая армия технарей, чтобы найти даже небольшую их часть, и нам нужно было бы знать точное время.что деньги попали на счёт. Мы даже не знаем, в какой банк они направляются. Когда алгоритм завершает работу, он отправляет партнёрам электронное письмо с информацией о новом счёте. К тому вре-

мени деньги уже чистые, и партнёры снимают свой процент с суммы, прежде чем платить инвесторам. Мы предполагаем, что отмывание денег происходит раз в несколько месяцев, и, по нашим самым оптимистичным оценкам, партнёры каждый раз забирают себе около пяти миллионов. Но главное здесь — возврат. Подумайте сами: все крупные финансовые махинации последних нескольких лет имеют одну общую черту: деньги так и не были возвращены. С помощью алгоритма мы можем вернуть и деньги, и партнёров.

Я обдумал все, что мне сказал Делл.

«Вы вчера сказали, что Фарук заявил, что фирма избавляется от посредников, так что теперь вся работа ведется в цифровом формате?»

«В принципе, да. Так безопаснее. Мы предположили, что если им не нужны посредники, то они, вероятно, перешли на цифровые технологии. В то же время, когда фирма избавлялась от своих денежных мулов, Чайлд стал её клиентом и разработал систему безопасности, поэтому мы начали разбираться. Нашим специалистам не потребовалось много времени, чтобы разобраться, как это работает, но отслеживать это чертовски сложно. Именно поэтому нам нужен Чайлд. Вся наша команда специалистов в Лэнгли может от-

слеживать около сотни счетов. На самом деле их тысячи. Но мы обнаружили, что деньги исчезают с этих счетов, а затем возвращаются через семьдесят два часа. Наше наблюдение не совсем законно — нам нужен кто-то, кого мы можем вызвать для дачи показаний. Нам нужен Чайлд. Наши специалисты считают, что Джерри запустил алгоритм вчера, и деньги сейчас утекают в воздух».

«Вот почему вы хотели, чтобы Чайлд быстро заключил сделку. Вам нужен доступ к системе, чтобы отследить грязные деньги до партнёров, но вам также нужно ждать в банке, чтобы забрать деньги после окончательной промывки».

«Ты понял. Тот факт, что Синтон запустил алгоритм после ареста Чайлда, заставляет меня нервничать. Думаю, он его чистит, а когда он приземлится, Синтон и Харланд заберут чистые деньги и исчезнут. Но они не хотят этого делать. Если им удастся убрать Дэвида до того, как он выболтает всё про алгоритм, им не придётся бежать. Нам повезло — нужно этим воспользоваться. Если мы сможем отследить путь денег через прачечную, мы сможем всё это забрать и посадить партнёров в тюрьму. Мне нужны Харланд и Синтон — они убили одного из моих людей, Эдди. Я слышал, как она звала меня, пока

горела в той машине. Мне это нужно».

«Твой аналитик, Софи. Кеннеди сказал, что вы были вместе. Сочувствую твоей утрате».

Я говорил серьёзно. Делл не мешал мне искать на моём лице хоть намёк на неискренность. Удовлетворённый, он сказал: «Спасибо. Она была слишком молода. В том конвое должен был быть я. Знаю, что я настойчив, но я неплохой парень. Мне просто нужна фирма».

«Так что же именно вам нужно от Дэвида Чайлда?»

«Он написал алгоритм. У него должен быть способ отслеживать, как деньги перемещаются и где они в конечном итоге окажутся. У него должен быть способ контролировать деньги, пока алгоритм их перемещает. Мне нужен маршрут, который проходят деньги от первого доллара, поступившего на счёт фирмы, до выплаты партнёрам. Он рассказывает нам, куда попадут деньги и как они попадут в Харланд и Синтон. Это даёт нам доказательства для обвинения Джерри Синтона и Бена Харланда, и гарантирует, что мы сможем получить все деньги фирмы».

Я позволил этому осознаться, просматривая отчёт Dell в поисках любых несоответствий. Нашёл только одно.

«Скажем, я вам верю. Это больше похоже на правду. Но если вы узнали, что Чайлд может манипулировать алгоритмом, и вы взамен заключите с ним сделку, то на кой чёрт вам я нужен? Почему бы вам не съездить к нему самому и не заключить сделку? Зачем впутывать меня?»

Как только мы получили доступ к IT-системе Дэвида, мы планировали именно это сделать. Пока наши друзья из Бюро не предоставили нам заключение о психическом состоянии Дэвида. У этого парня давние проблемы с властью — он много лет был хакером, ненавидит правительство и не доверяет ему. Он на грани паранойи и страдает каким-то расстройством адаптации. Если бы мы обратились к нему напрямую, он бы нам не доверял. Но это неважно; мы не смогли бы законно связаться с ним без того, чтобы об этом узнал его адвокат. К тому же, есть ещё один небольшой вопрос о его погибшей девушке. Мы не можем заключить с ним сделку, если у него нет адвоката. Нам нужен был Чайлд, союзник, которому можно доверять, и нам пришлось отстранить его от фирмы. Было разумно нанять для него нового адвоката, который был бы сочувствующим и мотивированным, чтобы убедить Чайлда признать себя виновным и заключить

сделку. Вы были в поле нашего зрения с тех пор, как ваша жена устроилась на работу в фирму. Мы знаем об этих адвокатах всё, все возможные способы их эксплуатации. И когда… Появилась возможность, и мы решили ею воспользоваться. Вы идеально подошли для этой работы.

Это была стандартная практика ЦРУ: использовать людей, манипулировать их жизнями ради собственной выгоды. Я и сам играл в эту игру.

«Я не настолько идеален. Я не буду заставлять Чайлда давать ложные показания».

«Я знаю, что можно хорошо понять человека, но никогда нельзя быть уверенным,Эдди. Дэвид Чайлд очень умён, и все улики говорят о том, что он убийца. Ты готов отпустить убийцу на свободу? Я видел фотографии. Я знаю, что он сделал с той девушкой. Как бы мне ни хотелось сохранить фирму, я не могу позволить такому парню просто так уйти.

Холодная, тупая боль пронзила мою правую руку. Старая травма. Нахлынули тяжёлые воспоминания.

«Делл, если бы я считал его виновным, я бы помог тебе его прижать. Мне нужно довериться своей интуиции. Я добуду тебе доказательства другим способом. Когда я их получу, ты позво-

лишь Кристине уклониться от соглашения об иммунитете», — сказал я.

Он потер свою цепь и спросил: «Как ты ее получишь?»

«Предоставьте это мне».

Мы остановились в полумиле от здания суда.

«Ты можешь уйти отсюда. Береги себя. Я же говорил, что эти люди опасны. Теперь ты знаешь, насколько они опасны. Сделай себе одолжение и пойди лёгким путём — дай мне моё признание вины, и я позабочусь о безопасности Кристины. Но не думай, что я не допущу предъявления обвинения Кристине, если ты мне перейдешь дорогу. Завтра вечером деньги фирмы окажутся на защищённом счёте — все. Мне нужна информация до этого, чтобы мы могли подождать. Если к тому времени мы не найдём след алгоритма, будет слишком поздно. Синтон может украсть деньги и исчезнуть, если сочтёт нужным», — сказал Делл.

Я засунул папки с делами под мышку, открыл дверь и вылез из внедорожника на тротуар. Делл открыл телефон и переключил внимание на экран. Я закрыл дверь, и внедорожник тронулся с места.

Моя жена или мой клиент. Двадцать девять часов до получения денег. Двадцать девять ча-

сов, чтобы освободить Кристину, *если* я отдам Чайлда.

Накануне вечером это казалось лёгким решением. Но я не могла избавиться от ощущения, что я не права, что Дэвиду нужен кто-то, кто защитит его, а не поможет ему попасть в тюрьму.

Не так давно я представлял интересы человека, виновность которого я знал. Я довёл дело до конца и вызволил его. И с тех пор каждый день жалел об этом. Я слишком много потерял на этом пути.

Я не мог отправить невиновного в тюрьму, как не мог позволить виновному выйти на свободу. Система, позволявшая обвиняемому нанять крутого адвоката, чтобы тот его оправдал, — это та же система, которая противопоставляла опытных прокуроров с неограниченными ресурсами государственным защитникам, которые не могли купить своим подзащитным билет на автобус, чтобы доставить их в суд.

Система была неправильной. Она позволяла игрокам править. Я был игроком, и что бы я ни делал, как бы я ни мошенничал, чтобы продолжать тренировки, я не позволю системе рухнуть по неправильным причинам.

Мне нужно было как-то вызволить Кристину и Дэвида, и прямо сейчас, как бы я ни разыгрывал

ситуацию в голове, я понимал, что если попытаюсь спасти их обоих, то, скорее всего, потеряю как минимум одного из них. Мне нужно было добиться доверия Дэвида. Мне нужно было заключить сделку.

Уголки моих губ тронула лёгкая улыбка, когда я подумал, сможет ли экземпляр *«Нью-Йорк Таймс»* , которым я подменил содержимое папки, обмануть Делла, если он взглянет на обложку. С украденными документами мне понадобилось всего несколько минут.

В половине квартала от меня я увидел офис FedEx.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

33 ЧАСА ДО ВЫСТРЕЛА

В офисе FedEx было шесть новейших высокотехнологичных копировальных аппаратов. Я заправил страницы из папки в три из них, равномерно распределяя их, не больше пятидесяти на один аппарат. Я нажал кнопку «Пуск» на каждом аппарате и ждал, пока копировальные аппараты урчали и жужжали, делая копии досье Делла.

Я собрал копии с каждого аппарата, заплатил на стойке и ушел.

Я позвонил напрямую в Dell, это мой номер экстренной помощи.

Внедорожник появился через минуту.

На этот раз я открыл пассажирскую дверь и протянул документы. «Извините, это, должно быть, затерялось среди моих документов».

Подергивание.

Не говоря ни слова, Делл схватил оригиналы документов, закрыл дверь и снова включился в движение на Нью-Йоркской улице, направляясь к зданию Крайслер.

Я подсунул свои копии между страницами раскрытия старых документов Попо, которые взял с

собой в тот день. В тот момент я не мог прочитать дело. Мне нужно было вернуться в суд, чтобы помочь с процедурой освобождения Чайлда под залог и его освобождением, как только ситуация в тюрьме уляжется. Мне нужно будет прочитать дело позже. Когда у меня будет время посидеть и всё обдумать.

Взяв эти бумаги, я перешёл черту. Даже если Делл не был уверен, что я взял дело намеренно, он бы решил, что это был мой ход. Мне нужно было вести себя с Деллом осторожнее. Судьба Кристины была в его руках. И мне это не нравилось.

Каким-то образом мне нужно было найти способ изменить баланс сил в свою пользу, и я знал, что ключом к этому был двадцатидвухлетний парень, который от паники мочился в камере, неспособный дышать или думать, не говоря уже о том, чтобы помочь кому-то еще.

Я помахал таксисту, попросил водителя отвезти меня обратно в суд, открыл дело обвинения, которое Лопес передал мне в кабинете Нокса, и начал читать. Я уже знал основные факты: жертва, девушка Дэвида, была найдена застреленной в его квартире. Чего я не знал до того, как открыл это дело, так это то, как обвинение будет вести дело, какие конкретные улики против Чайлда у

него есть, какой мотив они представят судье.

Это был небольшой файл — предварительные заключения судебно-медицинской экспертизы, показания свидетелей, фотографии с места преступления и компьютерные журналы. Закончив читать, я начал сомневаться в своей оценке Дэвида Чайлда; улики выглядели неопровержимыми и, вне всякого сомнения, доказывали, что Дэвид застрелил свою девушку, Клару Риз. Я подумал о глазах этого парня. Его панике. Он словно смотрел, как он падает в глубокую яму.

Мне было трудно предположить, как обвинение объяснит мотив убийства. Доказательства ясно показывали, что Дэвид не только убил свою девушку, но и никто другой не смог бы сделать этого.

Я попросил таксиста остановиться за квартал от здания суда. Мне нужна была прогулка, чтобы проветрить голову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ

Начался небольшой дождь, и я поднял воротник и засунул папки в складки пальто, чтобы они не промокли. Тротуар гудел от проезжающих на работу, покупателей, бегунов, торговцев, уличных артистов и людей, громко разговаривающих по мобильным телефонам. Я ничего этого не слышал и, по сути, не видел. Я также не видел каменных колонн перед зданием суда или жёлтых такси, выстроившихся снаружи, с водителями, высовывающимися из окон, спорящими о том, кто первый в очереди. Ничего из этого не попадало мне в поле зрения, но я всё это осознавал, но лишь на самом базовом уровне. Я всё ещё был погружен в делопроизводство.

В деле упоминалось о существовании двух DVD-дисков, которые ещё не были предъявлены защите, но были заявления детективов, которые их смотрели и хотели, чтобы их комментарии были учтены в качестве доказательств. Первый DVD, согласно заявлению полицейского, был с камеры слежения на Центральном парке Вест, которая запечатлела RTC. Пьяный водитель врезался лоб в лоб в Bugatti Дэвида. Когда полиция прибыла

на место происшествия, они увидели огнестрельное оружие в ногах пассажирского автомобиля суперкара. Чайлд сказал, что пистолет ему не принадлежал. Полицейский, Фил Джонс, сказал, что он почуял запах пистолета и почувствовал от него запах, как будто из него недавно стреляли. Лицензии на оружие не было, и они арестовали Чайлда и поместили его в камеру хранения. Позже они сопоставили его адрес с сообщениями о теле, найденном в квартире — его квартире. Я могу сказать, что полицейские в своих показаниях намекали, что если бы машину Чайлда не сбил пьяный водитель, он мог бы уйти от ответственности и успеть избавиться от орудия убийства.

Но судьба распорядилась так, что его поймали.

Будучи относительно молодым миллиардером, Чайлд владел квартирой в Central Park Eleven, самом дорогом жилом доме в Соединенных Штатах. Здание фактически располагалось на западной стороне Центрального парка, но его решили окрестить Central Park Eleven. Его квартира занимала площадь больше баскетбольной площадки и имела широкий, опоясывающий дом балкон с лучшим видом на парк в Манхэттене. Заявление его соседа, голливудского кинорежиссера по имени Гершбаум, начиналось с объяснения того, что

ему принадлежит соседняя квартира на двадцать пятом этаже, и на такой высоте, в башне над главным блоком, на этаже было всего две квартиры. Он сказал, что был в своей квартире, смотрел кадры из фильма, который снимал в тот день, когда ему показалось, что он услышал выстрелы. Сначала он не был уверен. Он подумал, что это, возможно, выхлоп автомобиля на улице, поэтому он открыл балконную дверь и перегнулся через перила, чтобы проверить. Именно тогда он увидел, как в соседней квартире взрывается окно. Он так испугался, что чуть не упал через собственные перила. Он позвонил в службу безопасности здания из своей комнаты паники и ждал. Охрана была у его двери через четыре минуты. Гершбаум рассказал охраннику об увиденном и показал ему стекло на соседнем балконе. Первый охранник, вошедший в квартиру, обнаружил тело Клары на кухне.

Мне не нужно было вспоминать, как охранник описывал увиденное. Фотография тела на месте преступления уже запечатлелась в моей памяти. У неё были светлые волосы, подстриженные в короткое каре. Её волосы больше не были светлыми; теперь они представляли собой массу окровавленной ткани. Одета она была просто в

белую футболку поверх тёмно-синих джинсов, ноги босые. Её тело лежало лицом вниз на кухне, голова слегка повёрнута вправо. Обе руки были по бокам. Людей редко расстреливают, когда они лежат лицом вниз на полу. И большинство людей, в которых стреляют, не умирают мгновенно, и их руки рефлекторно тянутся, чтобы смягчить падение, когда они падают под кинетической силой пули. Руки Клары не двигались, чтобы смягчить падение. Рациональным объяснением этому могло быть то, что она умерла ещё до того, как её тело ударилось о полированную белую плитку.

Судмедэксперт установил, что Клару несколько раз ранили — большинство выстрелов в голову. Два входных пулевых отверстия располагались в центре спины на расстоянии тринадцати миллиметров друг от друга. Остальные выстрелы пришлись в затылок. Судя по положению тела, если его не перемещали после смерти, я предполагаю, что сначала ей выстрелили в голову, а затем бросили. Два выстрела в позвоночник, чтобы убедиться, что она упала, а затем убийца выстрелил ей в затылок. Судмедэксперт не смог подтвердить количество выстрелов.выстрелы в голову, так как от черепа почти ничего не оста-

лось. В заявлении криминалиста-криминалиста было подтверждено, что под лицом Клары плитка была разбита, а в цементе скопилось нечто, превратившееся в шар из искореженных пуль.

Осмотрев место преступления, он пришел к выводу, что убийца дважды выстрелил ей в спину, а затем расстрелял ее оставшуюся часть обоймы выстрелами в затылок.

Затем перезагрузил.

Вторая обойма затем была выпущена в то, что осталось от ее черепа.

Стрельба в порыве гнева. Это указывало на подозреваемого, хорошо знавшего жертву, и я предположил, что именно это и будет рассматриваться окружным прокурором в качестве мотива. Среди остальных фотографий с места преступления была фотография Клары, взятая из её аккаунта на Reeler. Она была с другой женщиной примерно её возраста, но не такой красивой. Они сидели на барных стульях, демонстрируя свои новые, одинаковые татуировки. На их правых запястьях красовалась фиолетовая маргаритка. За ними стояли напитки, и они смотрели в другую сторону от бара. Казалось, Клара хихикает. Она была от природы красива: кожа чистая и яркая, а глаза искрились.

На мгновение я подумал о молодой девушке, которую я так позорно подвел, освободив ее насильника.

Я чувствовал, как в животе нарастает жар. Руки тяжелели и готовы были взлететь. Это чувство иногда посещало меня, когда мне хотелось причинить кому-то боль. Для Клары всё, что я мог сделать, — это убедиться, что её убийца больше никогда не сможет сделать этого с кем-то другим. Видя ту же самую татуировку на фотографиях с места преступления, на её запрокинутом, безжизненном запястье, я не мог отделаться от мысли, что какая-то часть её души осталась, чтобы наблюдать, рыдать над отнятой жизнью и судить. Я снова подумал о Дэвиде Чайлде: мог ли он так хорошо лгать? Настолько хорошо, чтобы обмануть меня — парня, который мог заметить подвох на манекене? Я не верил, что он сможет, но улики против Чайлда становились всё ужаснее и ужаснее, чем больше я читал.

Если вы снимали квартиру в Central Park Eleven, вы получали ключ от квартиры и электронный брелок. Брелок управлял лифтами в здании и отключал охранную сигнализацию, что было стандартным условием проживания. Служба безопасности здания фиксировала все перемещения

Чайлда с точностью до минуты с помощью его брелока. В 19:46 он вошел в квартиру вместе с Кларой; семнадцать минут спустя брелок Чайлда был зарегистрирован, когда он вышел из здания на лифте один. Он был последним, кто покинул квартиру. Через четыре минуты охранники были у квартиры Гершбаума, а затем обнаружили тело Клары в пустой квартире Дэвида Чайлда. Квартире, которую он покинул всего несколько минут назад.

Полицейский просмотрел записи с камер видеонаблюдения здания и увидел, как ребенок вошелОн вышел из квартиры. На нём была свободная зелёная кофта с капюшоном, мешковатые серые спортивные штаны и красные кроссовки Nike. Я проверил описание «Чайлда» на первом DVD, где были кадры с камер видеонаблюдения с места автокатастрофы. Он был одет в ту же одежду.

Предварительная экспертиза показала, что руки и одежда Чайлда были покрыты следами пороха. Это не было следствием вторичного переноса, например, при соприкосновении с человеком, только что выстрелившим из пистолета, или при ходьбе по стрельбищу. Похоже, он принял ванну с раствором GSR; концентрация

следов, обнаруженных на его руках, одежде и лице, соответствовала тому, что он неоднократно стрелял из пистолета.

На допросе в полиции Чайлд заявил, что никогда не видел пистолета, пока полицейский его ему не показал, якобы найдя его на полу «Бугатти» Дэвида. Он сказал им, что у него нет оружия и что он никогда в жизни не стрелял из него.

Гильзы, найденные в квартире, должны были пройти баллистическую экспертизу, и отчёты должны быть готовы в ближайшее время. Однако, учитывая схожий калибр и предварительные результаты, похоже, орудием убийства было оружие из машины Чайлда.

Оружие — Ruger LCP.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Задняя лестница здания суда, куда можно было попасть через пожарную дверь с неисправной сигнализацией, привела меня на этаж, где содержался под стражей. Департамент исправительных учреждений зарезервировал этот блок для самых опасных и уязвимых заключённых. За зарешеченным входом двое охранников дежурили на мониторах. Я знал одного из них в лицо и сказал ему, что пришёл навестить Чайлда. Эта часть следственного изолятора не была закрыта на карантин, и он пропустил меня, предварительно обыскав и тщательно просмотрев мои документы, чтобы убедиться, что я не пытаюсь ничего подсунуть заключённому.

Коридор один раз изгибался, и в конце, за линией камер у правой стены, я увидел одного охранника, сидевшего у входа в комнату безопасности. Для сотрудника следственного изолятора он был невысокого роста, не выше пяти футов двух дюймов. Дубинка, висевшая у него на поясе, казалась больше его самого.

«Кто-нибудь хочет увидеть моего клиента?»

«Врач приходил проверить его, но ушёл десять

минут назад. Хотите его увидеть?» — спросил охранник.

«Конечно».

«Вы его адвокат?»

«Нет, я его дизайнер интерьера. Конечно, я его адвокат. Вы можете открыть камеру? Разве вы не должны за ним следить?»

«Он в группе риска, поэтому я проверяю его состояние каждые девять минут. Хотите, я посмотрю мою историю болезни?» — спросил он.

Он, вероятно, уже отметил галочками все пункты проверки, и не было бы никакого смысла.В проверке. Дверь камеры открылась с металлическим скрежетом, и внутри я увидел Чайлда, лежащего на пятисантиметровом резиновом матрасе, который служил кроватью. Даже лёжа, он обхватывал голову руками, возможно, опасаясь, что, если не прижмёт руку ко лбу, вихрь, в который он попал, закрутится ещё быстрее.

«Я добился вашего освобождения под залог, но с некоторыми условиями. Вам придётся…» — начал я.

«Он жив?» — спросил Чайлд.

Моё впечатление об этом человеке ещё больше усилилось. Когда сидишь в оранжевом комбинезоне и над тобой висит угроза убийства, очень

легко забыть о чужих проблемах.

«Он защищал меня», — сказал Дэвид, принимая сидячее положение.

Кровать представляла собой стальную пластину, висевшую на двух кронштейнах, прикрученных к стене справа. Центральное место в камере занимал стальной унитаз, а слева — стальная скамья. Пол был из литого бетона, который всё ещё выглядел влажным, и я чувствовал, как сырость поднимается сквозь мои ноги, и даже чувствовал её запах.

«Зачем он это сделал?» — спросил он.

«Я просил Попо присматривать за тобой. Но, полагаю, дело не только в этом. Он бы не стал пытаться остановить нападение, если бы ему было всё равно».

Охранник закрыл и запер дверь камеры.

«У меня никогда не было друзей в детстве. Надо мной часто издевались. Когда я заработал свой первый миллион, я вдруг стал популярным. Может быть… не знаю, думаешь, он хотел денег?»

«Я не думаю, что он до конца понимал, кто ты».

«Да, но я же вроде как на обложке журнала *Time* . Он, должно быть, меня узнал».

«Ну, не думаю, что у Попо есть подписка

на *Time.* Он не умеет читать, и я уж точно не говорил ему, кто ты. Социальные сети не попадают в поле зрения, если ты бездомный, нищий и ищешь себе новую дозу. Если бы он знал, что ты миллиардер, можешь быть уверен, он бы попросил денег. Полагаю, он догадался, что у тебя есть деньги, потому что ты белый, ты чист и носишь эти дорогие кроссовки, но он бы не стал лезть под нож только потому, что ты богатый белый парень».

Он помассировал лоб.

«Что теперь будет?»

«Произошло нечто новое. Джерри Синтон появился, устроил скандал и убедил судью назначить его со-адвокатом. Если вы хотите его уволить, вам придётся обратиться в суд. Гонорар, который вы подписали с Harland & Sinton, очень узкий.и накладывает на них залог на любой результат работы адвоката с клиентом. Вы можете его игнорировать, но всё будет плохо. Не для вас, а для меня. Он наложит на меня запретительные меры и попытается лишить меня лицензии за переманивание одного из его клиентов. Мой совет — оставить его при себе, хотя бы на какое-то время.

«Всё в порядке. Я уже начал переживать из-за

его увольнения».

Я слышал прерывистое хлопанье жевательной резинки охранника за дверью камеры, поэтому я подошел поближе к Дэвиду и сел рядом с ним.

«Прежде чем мы продолжим, вам нужно кое-что знать. Джерри не хотел просить об освобождении под залог. Он же сказал вам об этом вчера вечером в участке, не так ли?»

Дэвид кивнул. «Он сказал, что пресса всё это обсудит. Акции моей компании упадут в цене, а поскольку у меня есть несколько самолётов, я слишком рискован, чтобы получить залог. Он сказал, что просить об освобождении под залог бессмысленно — слишком много недостатков».

В этот момент я почему-то вдруг осознал, что не побрился утром. Я чувствовал шелушение дневной растительности на подбородке. Я откашлялся и, встретившись взглядом с Дэвидом, рассказал ему правду.

Любой студент-первокурсник юридического факультета мог бы сказать вам, что вас отпустят под залог, и что судья имеет право сделать это в закрытом режиме, сохраняя порядок и конфиденциальность. К тому же, неважно, сколько у вас частных самолётов — предъявите суду свой паспорт, внесите большой залог, и, учитывая вашу

чистую историю, вас всегда отпустят под залог. Я знаю, что у Джерри мало опыта в уголовном судопроизводстве, если он вообще есть, но я не думаю, что он настолько глуп. Думаю, он хотел, чтобы вы остались под стражей.

"Почему?"

«Чтобы тебя убили».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Он задержал мой взгляд на полсекунды, а затем на его лице промелькнула целая череда эмоций. Сначала он улыбнулся, замер, снова посмотрел на меня, проверяя, не морочу ли я ему голову, нахмурив брови. Его глаза затрепетали и сузились. Он не хотел верить тому, что я ему сказал. В человеческой природе заложено игнорировать то, чего мы больше всего боимся, и цепляться за любую надежду, пусть даже ложную.

«Это не имеет никакого смысла».

«Конечно, так и есть. Нелогично оставаться дома и не подавать заявление об освобождении под залог. Джерри и не рассчитывал, что ты получишь альтернативную юридическую помощь. Если то, что я думаю, правда, он, вероятно, ожидал, что ты уже будешь мертв и лежишь в морге с заточкой в сердце».

«Нет, это неправда», — сказал Дэвид.

Парень с длинной косой и татуировками вошёл в твою камеру, когда ты был в больнице, после того, как у тебя случилась паническая атака в кабинете. Как только ты вернулся в клетку, он сделал свой ход. Ты не член банды. Ты никто в

этой клетке, и я не думаю, что ты стал бы что-то делать, чтобы спровоцировать этого парня. Он пронёс туда заточку только по одной причине: он хотел убить тебя, Дэвид. И Джерри Синтон его послал.

Он встал и принялся ходить по комнате, обдумывая свои мысли. Я замолчал и позволил ему подумать.

Одна мысль заставила его остановиться.

«Слушай, теперь ты мой адвокат, понятно? Я уволю Джерри, если тебе от этого станет легче.Думаю, будет лучше, если у меня будет опытный адвокат по уголовным делам, вроде вас, но не выдвигайте нелепых обвинений — это меня пугает».

«Тебе стоит бояться. Двенадцать часов назад ко мне пришла федеральная оперативная группа и сообщила, что посадит мою жену в тюрьму, если я им не помогу. Они хотели, чтобы я сблизился с тобой и убедил тебя нанять меня для защиты по этому делу. Потом они хотели, чтобы я надавил на тебя, чтобы ты заключил сделку о признании вины: предай улики штата против своих адвокатов, Харланда и Синтона, и их операции по отмыванию денег, а взамен получишь лёгкий срок за убийство своей девушки. Я тоже был готов

это сделать. Потом я встретил тебя и узнал две вещи: я не думаю, что ты убивал свою девушку, и ты ничего не знаешь о Харланде и Синтоне. Если бы ты знал об их операции, у тебя было бы почти что право на освобождение из тюрьмы. В таком случае ты бы не хотел, чтобы Джерри Синтон находился рядом с тобой и в полумиле от тебя, и уж точно не хотел бы, чтобы он сидел рядом с тобой во время допроса в полиции».

Ноги у него словно подкосились, и он полуопустился, полуупал на холодный бетонный пол.

Если ты не убивал свою девушку, то, чёрт возьми, тебя кто-то подставил. И дело не в фирме. Они не хотят держать тебя в кабине, на случай, если ты пойдёшь на сделку и сдашь их в обмен на смягчение срока. Именно поэтому они не хотели, чтобы тебя выпустили под залог. Они хотели, чтобы ты остался в тюрьме, где случайный акт насилия, совершенно не связанный с ними, мог бы положить конец твоей жизни. Мертвецы не дают показаний.

Он покачал головой, и его дыхание снова участилось. Он ритмично поглаживал колени, покачиваясь взад-вперёд, отгоняя панику.

«Смерть твоей девушки может быть совпадением, но я в это не верю. Слушай, я ещё не всё

продумал. Я знаю, что ты невиновен. Я знаю, что ты слишком богат и знаменит, чтобы заниматься отмыванием денег».

«Отмывание денег? Речь идёт о Harland and Sinton. Это одна из самых уважаемых фирм в Нью-Йорке. Они ни за что…»

«Подожди. Я тоже сначала не поверил, Дэвид. Но теперь я убеждён, что это правда. Если всё это было чушь собачья, и федералы ошиблись, зачем какому-то бандиту покупать себе пожизненное заключение, убив пятидесятикилограммового белого парня, которого он никогда раньше не встречал? Это не даёт ему никакого статуса. Да, таких, как ты, могут избить в клетке, а то и хуже, но у них нет причин тебя убивать, потому что ты не представляешь угрозы. Ты для них ничто. Моя теория такова, что Харланд и Синтон заплатили кому-то, чтобы ты стал значимым. Они хотят твоей смерти».

«Нет, это безумие, просто полное безумие. Нет. Ни за что. Я ничего не знаю о том, что эта фирма занимается чем-то незаконным».

«Именно. Думаю, ты прав. Если бы ты ни черта не знал, ты бы не стал целью ни для федералов, ни для фирмы. Но ты — цель. Мне сказали, что твоя система IT-безопасности, алгоритм, который

скрывает деньги при обнаружении кибератаки, используется фирмой для отмывания денег — миллионов долларов. Они делают вид, что тестируют систему, — но на самом деле отмывают деньги. Федералы хотят получить твой алгоритм, чтобы отследить деньги до партнёров. Если ты отдашь его им, мы сможем заключить сделку».

«Что? Мой алгоритм не предназначен для отмывания денег. Это система безопасности».

«Знаю. Но, полагаю, партнёры попросили вас разработать систему безопасности в соответствии с определённой спецификацией, чтобы при обнаружении угрозы деньги начали течь. Я прав?»

Он кивнул.

«Федералам нужны деньги и партнёры, и ваш алгоритм — ключ к успеху. Если они получат доступ к алгоритму, это даст ФБР полный денежный след — от первоначальных транзакций до чистых счетов. Фирма запустила алгоритм в момент вашего ареста. Полагаю, как только деньги поступят на последний счёт, партнёры сбегут. ФБР хочет быть рядом, когда деньги поступят. Они хотят, чтобы вы признали себя виновным, им нужен алгоритм, а затем они будут к вам снисходительны и отпустят мою жену. Но, думаю,

здесь есть ещё одна загвоздка».

«Я её не убивал. Я не признаю себя виновным».

«Я не позволю тебе сесть в тюрьму за убийство, которого ты не совершал. Мы заключим новую сделку. Я продам им алгоритм — цена высока — им придётся отпустить вас с Кристиной».

Я протянула руку и только тогда заметила, что дрожу.

Он уставился на меня, испуганный так же, как и я.

Дэвид отступил назад, пока его голова не ударилась о стену.

«Я не могу», — сказал он.

«Ты должен это сделать. Я твой единственный шанс выбраться отсюда целым и невредимым».

«Нет, я имею в виду, что ничем не могу вам помочь. Федералы всё неправильно понимают. Алгоритм находится в отдельной внутренней системе фирмы. У меня нет к ней доступа».

Сцепив пальцы, он поднял руки над головой, а затем опустил их на череп. Сцепив обе руки на затылке, он свёл локти вместе и начал хлопать руками. Казалось, парень пытался выдуть из головы какую-то идею, используя руки как меха.

«О Боже, как бы мне хотелось, чтобы этого не происходило», — сказал он.

Он замер, застыв в мыслях. Его тело ожило, когда он позволил идее вдохнуть в себя жизнь.

«Эдди, а если бы я мог отследить алгоритм? Почему я должен тебе доверять?»

Хороший вопрос. Я подумал, не сформулировать ли убедительную версию, но отмахнулся и сказал ему правду.

«На вашем месте я бы никому не доверял. К сожалению, у вас нет выбора. Фирма считает вас угрозой и хочет вашей смерти. Если мы дадим федералам достаточно информации, чтобы уничтожить фирму, это даст вам шанс, и у меня будет что предложить вам и моей жене. Тогда я помогу вам выяснить, кто убил Клару. Не думаю, что это было ограбление, которое пошло не по плану: из вашей квартиры ничего не пропало. У вас было время подумать. Если вы говорите, что невиновны, значит, вы догадываетесь, кто мог хотеть вас подставить».

«Многие меня не любят. Те, кто помог мне создать Reeler, те, кому я подкупил. Все они когда-то были друзьями, и я не думаю, что кто-то из них стал бы кого-то убивать. Но я знаю одного человека, который мог бы».

"ВОЗ?"

«Бернард Лангимер».

«Кто, черт возьми, такой Бернард Лангимер?»

«Конкурент. Тот, кто однажды сказал мне, что уничтожит меня. Я могу рассказать вам всё, что вам нужно знать о нём».

«Мы поговорим об этом, когда вытащим тебя отсюда. А пока я могу защитить тебя снаружи».

«Как ты собираешься это сделать?»

У меня есть друг, которому я могу позвонить. Он работает у моего старого приятеля по спаррингам. Этот друг немного необычный, но он спасёт тебя. Люди зовут его Ящером. Ну, если быть точным, он *сам себя* называет Ящером.

«Ящерица?»

«Я же говорила тебе — он немного необычный, но я доверяю ему свою жизнь. И мне нужны контакты твоей семьи, кто-нибудь, кто приедет сюда и организует внесение залога».

«У меня нет родственников. По сути, нет. Можешь позвонить Холли. Она организует перевод денег».

«Кто такая Холли?»

«Холли Шепард. Она моя старая подруга и личный секретарь».

«Может ли она принести тебе какую-нибудь одежду?»

"Конечно."

Он знал номер мобильного наизусть, и я записал его в папку. Дэвид ходил по комнате, бормоча что-то себе под нос. Я думал об уликах против него и о том, что мне рассказал Делл. На мгновение мне показалось, что Дэвид меня разыгрывает.

«Вы действительно можете отследить деньги?» — спросил я.

Он остановился. Потёр руки.

«Не уверен. Могу попробовать. Думаешь, они меня отпустят, если я им отдам?»

Охранник постучал в дверь камеры палкой. Глазок отодвинулся, и я увидел его тусклые глаза.

«Мне звонили из офиса. Тебя зовут Флинн, верно?»

«Да, Эдди Флинн».

«Ваша жена пришла вас навестить», — сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

С верхней площадки лестницы в то утро мне открылся вид на центральный вестибюль, ничем не отличавшийся от обычного. Охрана была рассредоточена повсюду: отряды были сосредоточены на сканерах сумок у входа, а резервные отряды были расставлены повсюду, неусыпно бдительные. Пол был чёрным, из жёсткой резины с ребрами, рассчитанной на интенсивное использование. Ряды сосновых скамеек были прикручены к полу стальными прутьями. Скамейки тянулись вдоль стен, а напротив кофемашин располагалось несколько островков с сиденьями. В тот день через зал суда, где рассматривались обвинения, с утра до часу ночи, когда он закрывался на ночь, проходил нескончаемый поток обвиняемых. Обычно это означало, что через двери проходил целый поток родственников, подружек, поручителей, полицейских, адвокатов, торговцев наркотиками, репортёров, сутенёров, сотрудников службы пробации и сотрудников суда.

Холли, помощница Дэвида, ответила на мой звонок.

«Холли, это Эдди Флинн. Я звоню от имени моего клиента, Дэвида Чайлда. Мне нужна твоя помощь с...»

«С ним всё в порядке? Мне не разрешают к нему попасть, и фирма ничего мне не сообщает. Джерри с вами? Почему он не перезвонил? Дэвид собирается внести залог?»

Она говорила быстрее, чем я мог её слышать. Но она не паниковала и не перевозбуждалась; она говорила как человек, который очень организован и не понимает, почему все остальные не действуют на одном уровне. Трудно было сказать, но я предположил, что она была ненамного старше Дэвида — максимум двадцать пять-двадцать пять.

«Позвольте мне вас немного замедлить. Я являюсь со-консультантом в компании Harland and Sinton. Я...Адвокат по уголовным делам. Судя по всему, вы знаете, что Дэвида арестовали. Могу сказать, что ему предъявлено обвинение в серьёзном преступлении. Мне нужно, чтобы вы приехали в офис залога и организовали перевод средств для внесения залога. Вы можете это сделать?

«Боже мой! С ним всё в порядке? Дэвид не выносит замкнутого пространства. Он сойдет с ума... У

него есть лекарства?»

«Холли, с ним всё в порядке. Я за ним присматриваю. А теперь вот что тебе нужно сделать…»

Я дал ей адрес суда, банковские реквизиты отдела судебной казны, номер дела и попросил её принести одежду для Дэвида. Она всё записала и сказала, что сейчас займётся этим. Отключив звонок, я набрал номер Ящерицы и договорился, чтобы он забрал Дэвида, когда тот выйдет под залог. Ящерица был бывшим морским пехотинцем и киллером/дознавателем Джимми Шляпы, моего старого друга. Ящерица был одним из его людей, которые помогали мне справиться с русской мафией. Он мог обеспечить безопасность.

Спускаясь по лестнице, я заметил Кристину. Она сидела на скамейке у восточной стены под табличкой «ЗАПРЕЩЕНО ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ . ЗАПРЕЩЕНО ФОТОГРАФИЯ » . Рядом с ней лежала кожаная сумка; она выглядела новой, дорогой. Ее каштановые волосы были собраны в хвост. На ней был чистый черный костюм с юбкой чуть выше колена. Она сидела, скрестив ноги. Ее левая нога ритмично покачивалась, грозя сбросить ее начищенную кожаную туфлю на высоком каблуке. Она выглядела встревоженной. Погода последние несколько дней стояла

хорошая, и с включенными на полную мощность батареями в вестибюле для охраны у двери, в комнате стояла невыносимая жара. Длинными, нежными пальцами она обмахивала бледную кожу шеи, обнажавшуюся под расстегнутой кремовой блузкой.

Прежде чем я успел спуститься по лестнице, она увидела меня, схватила сумку и направилась ко мне. Её высокие каблуки глухо стучали по стенам. Её шаги были решительными и быстрыми, а челка на затылке развевалась в такт её энергичной походке.

Она дошла до подножия лестницы и ждала меня. Я видел растерянность на её лице, а постоянное постукивание туфлей подтверждало её беспокойство.

Кожа вокруг ее голубых глаз была натянута, а скулы покраснели, как будто с помощью однотонного костюма и каблуков они хотели выделиться более заметно.

Неважно, сколько раз я просыпался рядом с ней, или поворачивался к ней, когда она смотрела телевизор на диване, или чувствовал ее запах в ваннойкаждое утро — каждый раз, когда я чувствовал этот трепет в животе и это теплое чувство, что я нашёл единственную женщину

на этой планете, с которой мне хотелось быть. В последнее время это чувство тут же сменялось потоком ненависти к себе — я потерял лучшее, что когда-либо случалось со мной, и это была моя вина. Я всё ещё цеплялся за крошечную надежду, что, возможно, наш разрыв не будет окончательным. Мысль о том, что она проведёт двадцать три часа в сутки в тюремной камере, если я всё испорчу, вызывала всплеск адреналина в моих венах.

Я ещё не успел спуститься по лестнице, как она заговорила. Она хотела получить ответы.

«Помощница Джерри Синтона только что вытащила меня со встречи из-за тебя. Я думал, меня уволят. Она сказала мне, что ты саботируешь их бизнес и незаконно переманиваешь одного из их крупнейших клиентов. Я сказал ей, что ты ни за что на это не пойдешь. Что ты не можешь этого сделать. Меня прислали сюда поговорить с тобой. Что происходит, Эдди?»

«Успокойся. Давай я попробую объяснить. Ты прав. Я *представляю* Дэвида Чайлда», — сказал я.

Её глаза сузились. Кристина была невероятно умным юристом и знала о судебных разбирательствах больше, чем я когда-либо мог себе представить. Мы познакомились на юридическом факультете; она была лучшей студенткой, и

я держалась на волоске. Однажды утром мы ехали в университет на такси, и я была ею очарована. В отличие от других женщин, сосредоточенных на карьере и чопорных, в Кристине была некая буйная жилка. У неё были те же деньги и привилегированное воспитание, что и у большинства других женщин в группе, но это не испортило её. Вместо того, чтобы тратить время на учёбу и планирование заявлений о приёме на работу, она либо работала в баре, либо волонтёром в приюте для бездомных. К счастью, у неё хватало ума преуспеть практически без усилий. Я никогда раньше не встречала никого похожего на неё.

«Зачем ты это делаешь? Разве ты не понимаешь, что это ставит меня в ужасное положение?»

«Ты же знаешь, я бы не стал делать ничего, что могло бы навредить твоей карьере», — сказал я.

«Как, чёрт возьми, ты думаешь увести одного из клиентов моей фирмы? Ты же не корпоративный юрист. Ты не отличишь ни слова из юридической книги от каталога Sears».

«Это прозвучит безумно, но я делаю это для вас».

Она закатила глаза и отвернулась. Я видел, как она массирует виски, медленно покачивая головой.

Я подошёл к ней сзади и замер в воздухе, как раз перед тем, как коснуться её плеча. Она это почувствовала.

«Не надо. Я знаю, что тебя волнует моя карьера. Вот почему я этого не понимаю. Это не имеет ко мне никакого отношения. И я так зла на помощницу Джерри Синтона — она разговаривала со мной, как с грязью. Боже, Эдди, меня могут уволить», — сказала она.

Моя рука упала вниз.

Мы постояли немного. Я ничего не сказал, позволив неловкому молчанию заполнить пространство между нами. Она повернулась и внимательно посмотрела на меня.

«Что вы делаете с этим клиентом? Скажите мне правду».

«Мы не можем здесь разговаривать. Слушай, это не про нас с тобой. Мне нужно тебе кое-что сказать, но сейчас не время и не место. Я могу зайти позже, и мы поговорим. Я не собираюсь тебя обманывать, обещаю. Я хочу, чтобы всё вернулось на круги своя, только лучше. Я смогу это сделать. Я пытаюсь. Поверь мне, я делаю это ради тебя — ради нас».

Она всматривалась в моё лицо, пытаясь уловить признаки того, что я ей вру. Она читала

меня, и я чувствовал, что она знает, что я говорю правду.

«Эми любит тебя, и я знаю, что ты любишь её. Иногда… иногда я думаю, что у нас есть шанс…»

Мягкий взгляд ее голубых глаз испарился, когда она сказала: «А потом ты делаешь такие вещи…»

"Кристин-"

«Нет, Эдди. Ты разозлил одного из моих начальников. Не знаю, что ты задумал, но это не должно обернуться против меня. Хочешь исправить ситуацию? Ладно. Исправь *это.* Скажи клиенту, что ты ошибся, и отправь его обратно к Джерри Синтону».

«Всё гораздо сложнее. Пойдём прогуляемся», — сказал я, указывая на входную дверь.

Она перекинула сумочку через плечо и направилась к двери. Я пропустил её вперёд и сосредоточил взгляд на стеклянном входе в здание суда. В свете верхнего света я видел отражение Кристины в стекле. Я не отрывал взгляда от середины стеклянной стены, концентрируясь на этом центре, пока шёл, напрягая периферическое зрение.

Вот тогда я их и увидел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Их было двое.

Первый мужчина спускался за мной по лестнице. Он был крепкого телосложения, лет сорока с небольшим, в клетчатой рубашке, зелёной стеганой куртке и с лёгкими усами в тон волосам.

Он остановился на лестнице, чтобы проверить свой мобильный, когда я спустился вниз и встретил Кристину. Даже во время нашего разговора я чувствовал присутствие здоровяка позади меня. На нём были тёмные брюки с заметной стрелкой посередине и рабочие ботинки. Это окончательно убедило меня. У любого мужчины, у которого есть чёрные элегантные брюки, должна быть и приличная обувь, и он ни за что не пришёл бы в суд в рабочих ботинках.

Мужчина с рыжеватыми волосами в зеленой куртке продолжал медленно приближаться, держа в руке телефон с включенным наушником.

Я не слишком беспокоился об этом парне. Я не был уверен, но он был очень похож на человека на фотографии, которую мне показал Делл: начальника службы безопасности Гилла, Харланда и Синтона, хотя я пока не успел как следует раз-

глядеть его лицо.

Со вторым мужчиной всё было совсем иначе. Он сидел на скамейке справа от меня. Руки скрещены, газета разложена на скамейке рядом. Длинное чёрное пальто распахнулось, когда он сидел, вытянув и скрестив ноги. Голова откинута назад, глаза закрыты. У него тоже был наушник, только я не видел, к какому устройству он был подключен. Я учуял сильный запах перегара, который усиливался по мере моего приближения, и тут я узнал в нём того парня, которого видел в коридоре.Ранее этим утром он был в том же пальто. Он снял серый свитер, чтобы немного изменить внешность, и надел кремовую рубашку на пуговицах. Но татуировка на шее выдавала его. Это был определённо тот человек, которого я видел раньше со смартфоном. Тот, который смотрел прямо на меня. Присмотревшись, я разглядел родинку на правой щеке, и он был сильно загорел, отчего его чёрные волосы казались ещё темнее. У него был тонкий, сжатый рот, словно у него не было губ, из-за чего он больше походил на открытую рану. Это противоречило моим инстинктам, но я догадался, что он мог быть лишь приманкой для Делла и федералов, хотя на самом деле он не был похож ни на одного федерального

агента, которого я когда-либо видел.

Кристина направилась к выходу, размахивая руками.

Я остановился перед мужчиной в чёрном пальто. От него несло. На указательном пальце были пятна никотина. Должно быть, он выкуривал по паре пачек в день, как минимум. Положив папки на пол рядом с собой, я опустился на колено и принялся за шнурок. Я был примерно в трёх футах от мужчины в чёрном пальто. Я кашлянул, выругался. Он не поднял глаз. Я был достаточно близко к его личному пространству, чтобы любой мог открыть глаза, поднять голову и спросить, что, чёрт возьми, я делаю. Он не двигался. С такого расстояния я мог разглядеть татуировку на его шее. Изображение, вытатуированное на его коже, было одновременно знакомым и в то же время оставалось странным для меня, сколько бы раз я его ни видел: человек, или призрак человека — его тело было текучим и имело изгибы, которые подчёркивали овальную голову, руки прижаты к ушам, рот открыт. Это был *«Крик»*, картина Мунка.

Он не смотрел на меня, и я была рада. Я не хотела снова видеть эти чёрные глаза. От этой мысли у меня пересохло во рту.

Расшнуровывая шнурки, я наблюдал за парнем в зелёной куртке, который приближался ко мне сзади. Прежде чем пройти мимо, он отсоединил наушник, сложил провод и сунул его в правый карман куртки. Телефон же переместился в левый карман. В его отражении я видел, как он наблюдает за мной. Он ускорял шаг по мере приближения. Он собирался пройти прямо мимо меня.

Я быстро вскочил и двинулся вправо, прямо ему наперерез. Правое плечо ударило его прямо под левой рукой. Он споткнулся, и я подхватил его, удерживая, прежде чем он упал. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, полный удивления и смущения.

«Ох, боже, извини, приятель. Чёртовы шнурки. Ты в порядке?» — спросил я.

«Не беспокойтесь», — пробормотал он и, не останавливаясь, вышел за дверь. Это был он, начальник службы безопасности фирмы — Гилл.

Мужчина в черном пальто с татуировкой, даже несмотря на шум столкновения всего в нескольких футах от него, не поднял головы.

Я последовал за Джилл и вышел из парадных дверей и увидел Кристину, прислонившуюся к одной из колонн, постукивающую каблуком по

камню, одну руку прижав к груди и не сводящую глаз с проезжающего транспорта.

Джилл прошла мимо нее и почти сбежала вниз по каменным ступеням.

Я сунул его мобильный телефон в карман пальто и присоединился к Кристине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

«Я знаю, о чем речь», — сказала Кристина, кивнув.

Она всё ещё не смотрела на меня. Ветер поднялся и трепал отвороты её куртки. Она обхватила себя руками и моргнула от холода, крепко сжав челюсти, чтобы зубы не стучали. Я подумал, что она, должно быть, так разозлилась на личного помощника Синтона, что выбежала из офиса, даже не схватив пальто. Её глаза слезились, и я подумал, не от восточного ли ветра, дующего через рукотворные каньоны Манхэттена, или от жизни, которая у нас когда-то была, а потом ушла. Видеть её, чувствовать её запах, слышать её голос и понимать, что сейчас мы не вместе, — это было словно горе.

В тот момент меня охватило сильное желание опереться на Дэвида, чтобы спасти её. Я сопротивлялась; это была ложная надежда и гнусная мысль. Совершив правильные действия, я могла бы спасти их обоих.

В её голосе не было гнева. Она говорила тихо. «Это не похоже на тебя, но в глубине души ты, Эдди, мне кажется, ревнуешь. Ты думаешь, что

теперь, когда у меня есть карьера, я тебя не хочу или, может быть, ты мне не нужен. Ты не должен так думать».

«Это не про нас. В вашей фирме творится что-то неладное. Я не могу обсуждать это здесь. Сделайте мне одолжение. Не возвращайтесь на работу. Заберите Эми и исчезните на пару дней».

«Не говори глупостей. Ты говоришь о Харланде и Синтоне».

Это было худшее место для этого разговора. Я не знал, кто рядом, кто подслушивает. Я не мог рискнуть рассказать ей больше. Она повернулась ко мне, и я видел, как в её взгляде нарастает разочарование. Какой бы прогресс мы ни получили,сделанные за последние несколько недель, она подумала, что я выбрасываю их из-за своей глупости.

«Я прошу тебя довериться мне. Я всё объясню сегодня вечером».

«Нет, не будете. Это закончится здесь и сейчас. Отправьте клиента обратно к Джерри Синтону, и тогда поговорим», — сказала она.

«Не могу. Поверь мне, это…» Мой голос дрогнул, когда она сунула руку в сумочку и вытащила оттуда кольцо. Её обручальное кольцо. Я носил своё каждый день. Никогда не снимал. Она давно

перестала носить кольцо.

«После того, как ты ушёл прошлой ночью, я надела это. Всего на несколько минут. Хотела узнать, каково это».

Я ничего не сказал, просто пытался удержаться от того, чтобы обнять ее.

«Знаешь, было приятно? Как в первый раз, когда мы поженились. Я перестала его носить, потому что оно напоминало мне обо всех плохих временах. Теперь я могу надеть его и подумать, что, возможно, в будущем нас ждёт что-то хорошее — что-то хорошее для нас с Эми. Я положила его в сумку и таскала с собой. Не хочу снова прятать его в ящик, Эдди. Отправь клиента обратно в фирму, пожалуйста. Для нас», — сказала она, отталкиваясь от столба и направляясь на улицу.

Не обращая на меня внимания, когда я её окликнул, она протянула руку, чтобы остановить такси. Водитель остановился, она села в машину и уехала.

Раздался цифровой сигнал.

Я проверил свой мобильный, но не было никаких сообщений, текстовых сообщений или электронных писем.

Двигаясь, я всматривался в толпу, высматривая лица, повернулся спиной к улице и внимательно

осмотрел телефон, который отобрал у Джилл. Это был одноразовый телефон, Nokia, дешёвый, без GPS, без каких-либо следов.

Пришло одно новое текстовое сообщение.

Я нажал «ОТКРЫТЬ СООБЩЕНИЕ» .

Мы снаружи.

Рядом с сообщением не было имени, только номер мобильного телефона. Однако это было второе сообщение в текстовой переписке. Первое было отправлено три минуты назад.

Одно-единственное утверждение заглавными буквами. Три слова, от которых по моему позвоночнику пробежала дрожь, застрявшая у основания шеи, словно глыба льда. Я сжал телефон так крепко, что чуть не разбил экран.

УБЕЙ ЖЕНУ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Такси Кристины скрылось в потоке машин. Парня в зелёной куртке нигде не было видно. Я развернулся и побежал обратно в здание суда, протиснулся сквозь очередь досмотра и увидел, что скамья пуста. Мужчина в длинном чёрном пальто ушёл.

Дрожащими пальцами я набрал номер Кристины с телефона, который мне дал Делл. Если бы я позвонил своим, она бы не ответила.

Зазвонил телефон. Ответа не было. Я позволил ему звонить.

Я начал ходить по комнате.

Два звонка. Я побежал к группе телефонов-автоматов в коридоре рядом со справочной.

О боже, Кристина, возьми чертов телефон.

Три звонка. Кровь бросилась мне в лицо, я почувствовал, как грудь наполняется, рубашка туго стягивает, но я не мог дышать. Я втянул в себя воздух, словно тонул, и ударил кулаком в стену.

Голосовая почта.

Я повесил трубку и снова набрал номер.

«Кристин Уайт», — сказала она. Она не упоминала, что вернула себе девичью фамилию.

«Это я. Не вешайте трубку. Вы в опасности. Где вы?»

«Что? Эдди?» Она услышала настойчивость в моем голосе, высокий тон, с которым я процеживал слова сквозь тяжелое дыхание.

"Где ты?"

«Я в такси на Сентр-стрит. Что случилось? Это Эми?»

Я услышал первые нотки страха в ее голосе; она говорила быстро и понимала, что я говорю серьезно.

«Нет, это *ты.* Скажи водителю такси перестроиться, как будто он поворачивает направо на Уокер-стрит. Затем попроси его проверить, не выезжают ли за тобой на полосу другие машины. Сделай это сейчас же».

«Ты меня пугаешь. Если это что-то…»

«Сделай это сейчас!»

«Хорошо», — сказала она, и я услышал, как она даёт указания таксисту. Я не совсем разобрал, что именно он говорит, но она с настойчивостью повторила приказ.

«Тебе угрожали смертью? Я имею право знать, и почему, чёрт возьми, ты не сказал мне об этом пять минут назад?»

«Кристина, не спрашивай. Не сейчас. Я объясню

позже. Ты перестроилась?»

«Да, мы переехали. Что именно я должна искать? Погоди», — сказала она.

Водитель что-то пробормотал, и Кристина ответила. Я не смог разобрать.

Затем я услышал, как водитель сказал: «Синий седан, три машины позади».

«Передайте ему, чтобы он вернулся на свою прежнюю полосу, как будто вы передумали и возвращаетесь в офис».

Она дала указание.

«Что происходит?» — спросила она.

«Седан следовал за вами?»

Медленный стук шин по асфальту, далекий гудок.

Водитель снова: «Вот он, леди. У нас хвост», — сказал он.

«Боже мой! Что это? Что ты наделал?»

«Я объясню позже. Ты в опасности. Ребята в этой машине причинят тебе вред, пойми. А теперь делай всё, что я тебе скажу».

Она плакала. Водитель пытался её успокоить.

«Я звоню в полицию», — сказала она, и в ее голосе слышался страх.

«Нет, не…»

Линия связи оборвалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я перезвонил ей, но звонок сразу переключился на голосовую почту. Я позвонил ей ещё раз. Ничего.

У меня закружилась голова. Что же, чёрт возьми, мне делать? Она была слишком далеко, чтобы я успел к ней. Я снова набрал номер.

«Эдди, у меня на другом конце провода полиция. Мы остановимся и дождёмся патрульную машину».

«Нет! Не останавливайтесь. Если такси остановится, вам конец. Вы меня слышите? Передайте водителю, чтобы ехал дальше. Где именно вы находитесь?»

«На Уокере. Подожди…» — услышал я её разговор с водителем. «Он хочет, чтобы я дождалась копов».

«Включи громкую связь».

Я услышал радио и услышал водителя, говорившего что-то на полуслове.

«Эй, если ты остановишься, люди из седана выйдут и убьют тебя и мою жену до того, как копы доберутся до улицы. Хочешь жить? Делай всё, как я говорю».

«Ладно, Иисус, что мне делать?» — спросил водитель.

"Как тебя зовут?"

«Ахмед».

«Ладно, Ахмед, ты должен подъехать к перекрёстку с Бакстером. Когда доберёшься, поверни налево и нажми на газ».

«Сейчас поднимусь», — сказал он.

«Подожди», — сказал я.

Не знаю, услышала ли меня Кристина. Она ничего не сказала.

«Глубоко вдохни, ты почти у цели. Ты сможешь. Поговори со мной. Скажи, где ты».

«Мы проезжаем мимо супермаркета. Движение затруднено. Останавливаемся».

Ее одежда зашуршала, и я догадался, что она обернулась, оглядываясь назад.

«Лицом вперёд, дорогая. Я не хочу, чтобы они нервничали и налетели на тебя в пробке».

«Подождите…» Глухой стук. «Они прямо за нами. Свет всё ещё красный. О, Боже…»

«Держись», — сказал я.

«Они выходят из машины!» — закричала Кристина.

«Спускайся!» — крикнул я.

Я услышал рев двигателя и слова Ахмеда: «У

этих ребят есть оружие».

«Мы переезжаем. Слава богу, переезжаем», — сказала Кристина.

«Оставайся внизу. Ты готов, Ахмед?»

«Ох, чёрт, подожди. На Бакстере одностороннее движение, я не могу повернуть», — сказал он.

«Именно поэтому ты и повернёшь. Дави на газ и жми на гудок до упора. Это твой единственный шанс».

Я слышал, как обороты зашкаливают. Кристина тихонько захныкала. Мне оставалось лишь слушать её влажное, тяжёлое дыхание и молиться. Такси то разгонялось, то тормозило, хриплое бормотание двигателя сменялось визгом шин и тяжёлым гудком гудка. Ахмед лавировал на встречном потоке.

«Они еще не успели повернуть», — сказал Ахмед.

Разбивающееся стекло, скрежет металла. Крики Кристины. Раздался оглушительный удар. Рог перестал биться, и вместо этого раздался долгий, медленный звук.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Мой телефон молчал и неподвижно лежал у меня в руке. Я проверил, нет ли звонков, и уставился на главный экран, надеясь, что он зазвонит. Я позвонил ей — ответа нет.

Я набрал номер, услышал её голосовое сообщение. Повесил трубку. Снова. Ничего. Снова.

Словно я выныривал из глубокой воды, и стук моей крови в жилах сменился шумом из вестибюля суда. Я отключился от него, когда впал в панику. Я слышал тихие сигналы сканера сумок, скрип резиновых подошв по резиновому полу, гудение лифтов, жужжание электрического насоса кофеварки в другом конце коридора, нервный говор свидетелей и фальшивые смешки их адвокатов, которые тонули в периодических всплесках бессвязных, загадочных помех, которые выдавали за объявления по громкой связи.

Мой телефон смотрел на меня, стоически не произнося ни слова. Я прошёл мимо телефонов, осмотрел весь вестибюль. Ни мужчины в чёрном пальто, ни Джилла так и не было видно. Скрестив ноги, я уперся левым плечом в стену, снова проверяя телефон. Ничего. Я слегка приподнял те-

лефон, чтобы случайный наблюдатель подумал, что я проверяю сообщения, и позволил своему периферийному зрению сделать своё дело. Никто больше не выделялся, но это не означало, что рядом не было никого, кто следил бы за мной.

Я почувствовал звонок прежде, чем услышал его.

«Кристина?» — спросил я.

Бежала. Задыхалась. Едва могла говорить. Сильно тужилась.

«Я в порядке. Я их не вижу. С водителем всё в порядке. Что мне делать?»

«Ты всё ещё принимаешь Бакстер?»

"Да."

«Беги обратно тем же путём, что и пришёл, мимо места аварии. Перейди улицу и запрыгивай в ближайшее такси. Не оглядывайся. Просто беги».

Ноги бьются. В горле тихое трепетание.

«Я перехожу дорогу. Вижу такси, ждёт».

«Перестаньте бежать. Обувайтесь. Садитесь. Они попытаются вас подрезать. Они попадут на Бакстер, если направятся к Канал-стрит, повернут налево и выедут к вам со стороны Хестер. Из-за аварии они не смогут проехать по Бакстер-стрит. Садитесь в такси и скажите водителю, чтобы ехал к Манхэттенскому мосту».

Ничего.

Дверь машины открывается. Кристина садится в машину и даёт указания водителю.

«Я согласен. Мы переезжаем».

Я прислонился головой к прохладной стене. Это было приятно, расслабляя организм. Я дал Кристине перевести дух. Когда она отдышалась, она позвала меня.

«Вы хотели, чтобы водитель разбился», — сказала она.

— Да. Я знал, что они не пойдут за тобой. Слишком много внимания для того, что они задумали. Я догадался, что они развернутся и подрежут тебя на Хестере. Теперь они не могут. Из-за твоей аварии на Бакстере сейчас пробка. С Ахмедом всё в порядке?

«Да. Думаю, да. Мы врезались в другое такси. Довольно низкая скорость. Все в порядке, но машины разбиты. Они не причинят ему вреда?»

«Нет. Слишком много свидетелей. Это Нью-Йорк. На месте аварии уже собралось человек двадцать».

Я проверил телефон, который забрал у Джилл, и обнаружил, что он заблокировался. Он запросил четырёхзначный код. Положив телефон в карман, я сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

Она сказала, что седана не видно. Она добралась.

«Мне нужно позвать Эми», — сказала она и расплакалась.

«Послушай меня. Позвони сестре. Скажи ей, чтобы она немедленно забрала Эми из школы. Найди мотель в Ред-Хуке, недалеко от скоростной автомагистрали».

«Мне придется позвонить в офис и сказать, что сегодня меня не будет».

«Нет. Нельзя. Послушай меня. Это прозвучит безумно…»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я рассказал ей всё. Я рассказал ей о соглашении о распределении акций с её подписью. Она смутно помнила, как засвидетельствовала соглашение для Бена Харланда, который сказал ей, что у него семейное дело — что-то связанное с дочерью — и попросил Кристину засвидетельствовать подпись. В тот момент она не обратила на это внимания. Я рассказал ей о Dell и оперативной группе. Я вкратце рассказал о фирме, её истории, финансах, а затем о Дэвиде. Я не стал рассказывать ей о доказательствах против него. В этом не было необходимости. Я сказал ей, что считаю его невиновным. Этого было достаточно.

Когда я закончил, я слышал, как она глотает слёзы, как нервы вибрируют в горле. Она шептала в трубку, стараясь не допустить разговора к таксисту.

«Сегодня в здании суда за мной следил парень. Его зовут Гилл. Он глава службы безопасности фирмы. Я наткнулся на его телефон, на котором было сообщение с приказом убить тебя. Твои начальники напуганы и не хотят, чтобы я представлял Дэвида Чайлда. Полагаю, они решили,

что если они тебя убьют, я не смогу продолжать дело. Кажется, это отличный способ избавиться от конкурентов».

Она снова выдохнула, и от напряжения ее дыхание со свистом дрогнуло.

«Они убьют меня, чтобы избавить тебя от дела?»

«Этот парень может им навредить. Они хотят контролировать Дэвида, не дать ему заключить сделку с полицией, которая сократит ему срок в обмен на крах фирмы», — сказал я.

«Какая у него информация о фирме?»

Один из финансовых агентов фирмы, Фарук, был пойман полицией на Каймановых островах. Фирма увольняла персонал, занимавшийся стиркой; они нашли более безопасный способ отмывания наличных. Информатора убили, прежде чем он успел дать показания. Федеральная оперативная группа выяснила, что фирма использует антихакерскую систему безопасности Дэвида Чайлда для отмывания денег. Достаточно нажать кнопку, и миллионы исчезнут со счетов клиентов, циркулируя по тысячам счетов в сотнях банков, прежде чем окажутся на безопасном счете.

«Это всё моя вина. Он сказал мне, что они уже

провели комплексную проверку», — сказала Кристина.

«Я вас не виню. То есть, ваш босс, этакая легенда высшего общества, кладёт перед вами документ и говорит, что он кошерный — ну, любой бы с этим просто согласился. Это не ваша вина. Это вина Бена Харланда и Джерри Синтона. Нам просто нужно с этим смириться».

«Что я сделал? Извините. Я пойду в ФБР. Дам показания».

«Нет. Позволь мне разобраться. Затаись с Эми и дай мне разобраться. Думаю, есть способ получить информацию, которую хочет Делл. Дэвид говорит, что, возможно, сможет отследить алгоритм, который переводит деньги. Не знаю. Если не получится, мне придётся всё пересмотреть».

«Если ты веришь в его невиновность, ты не можешь позволить ему признать себя виновным. Не для меня. Пообещай мне, что не сделаешь этого, Эдди».

«Обещаю. Мне нужно время подумать».

«У меня разряжается батарея», — сказала она.

«Послушай, ты не можешь вернуться к работе. И я знаю, что это означает, что Харланд и Синтон поверят, что ты что-то знаешь, но это уже не имеет значения; они уже объявили о нападении».

«И что же ты собираешься делать?»

Моя голова упала вперед, а взгляд упал на мои туфли, как будто я поднимал эту мысль с пола.

«Я помогу Дэвиду всем, чем смогу. Я постараюсь помочь ему добиться того, чего хочет Делл, а потом заключу сделку с федералами о вашей и его неприкосновенности».

«Но это же убийство. Они не могут отпустить его на свободу, если считают, что он застрелил свою девушку».

Я потер подбородок и сказал: «Думаю, можно как-то обойти это, но ты для меня сейчас на первом месте».

«Я не могу допустить, чтобы невиновный человек оказался в тюрьме из-за меня. Вы бы смогли с этим жить?» — сказала она.

В тот момент у меня не было ответа, но я знал, что всё может свестись к этому выбору. Мой отец был букмекером и мошенником, но он никогда не воровал деньги у честных людей, никогда никого не обманывал, если им не за что было платить, и никогда не принимал ставки от тех, кто не мог позволить себе проиграть. Когда отец учил меня всем трюкам первоклассного профессионала, он также велел мне никогда не использовать эти навыки во вред «простому человеку», как он

выражался.

Потому что, сынок, мы — маленькие ребята.

Я был мошенником, пользовался навыками отца, следовал его кодексу, брал кредиты у самых отвратительных страховых компаний, у наркоторговцев, у самых мерзких отбросов, которых только мог найти. И спал я как младенец. Проблемы со сном у меня начались только когда я стал юристом. Граница никогда не была чёткой, и я поплатился за это, пытаясь её игнорировать. Я поклялся никогда больше так не делать. Даже наши с Попо мошеннические действия с городским фондом адвокатов помогали мне не падать духом и поддерживать профессионального стукача. Город мог себе это позволить. Мы не могли себе позволить не воспользоваться ею.

«Если фирма готова убить меня, что они готовы сделать с вами?» — спросила она.

«Я могу постоять за себя. Ты же знаешь».

«Я спасу Эми и позвоню тебе из мотеля. Мне нужно идти, пока не сел аккумулятор. Будь осторожен, Эдди», — сказала она и повесила трубку.

Вибрация мобильного телефона, который мне дал Делл. Сообщение от него: « *Раскрытие информации по делу о ребёнке готово к получению в офисе окружного прокурора».*

Я был почти уверен, что это лишь добавит улик против Дэвида, и Делл хотел, чтобы я увидел это как можно скорее. Он не хотел, чтобы я отстаивал Дэвида. Он хотел, чтобы я поверил в его виновность. Что бы ни было в этом раскрытии, новости должны были быть плохими.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Чайлд быстро пересек коридор. Его светловолосая помощница, Холли, почти бежала за ним, её короткие ноги казались размытыми на фоне его широких, размеренных шагов. Она была одета в джинсы и свитер, в одной руке держала мобильный телефон, а в другой — iPad. Оба устройства каждые несколько секунд подавали сигналы о каком-то новом сообщении. Справа от Чайлда стоял Джерри Синтон. Этот здоровяк шёл, положив руку на плечо своего клиента. Он не мог скрыть презрения, увидев меня. Интересно, когда он понял, что в больнице находится Попо, а не Дэвид? Может быть, когда он туда добрался.

Я подошел к ним и увидел едва скрываемое облегчение на лице Чайлда.

«Я не знаю, как вас отблагодарить», — сказал мне Дэвид.

«Не упоминай об этом», — сказал Синтон.

Моё лицо скривилось в гримасе типа *«Серьёзно, Джерри?»* . Дэвид прикрыл рот и подавил нервный смешок. Радость от залога. Но как бы Чайлд ни выглядела, сквозь улыбку пробивался страх.

«И что же произойдет сегодня днем?» — спро-

сил Дэвид.

«Мы начинаем предварительное следствие, нашу первую попытку проверить версию обвинения».

«Я думал, мы договорились отказаться от предварительного слушания? Это дело нужно выиграть в суде. И даже если каким-то чудом на предварительном слушании вы докажете, что у обвинения недостаточно доказательств, прокурор всё равно сможет передать дело большому жюри для вынесения обвинительного заключения», — сказал Синтон.

По сути, в деле о тяжком преступлении обвинение получает две выгоды. Если им не удастся доказать судье, что есть достаточно веские основания для обвинения,В ходе предварительного слушания они всегда могут передать то же самое дело на рассмотрение большого жюри: тридцати присяжных, которые решают, достаточно ли доказательств для предъявления обвинения подсудимому. Они заслушивают только прокуроров, а не адвокатов защиты, и в девяноста девяти случаях из ста прокурор получает обвинительное заключение.

«Пусть я позабочусь о большом жюри. Это дело каждого отдельного случая. Сейчас нам нужно

начать атаковать обвинение. Если Дэвид невиновен, как он говорит, он будет бороться до конца», — сказал я.

«Эдди прав, — сказал Дэвид. — В какой-то момент СМИ узнают об этом деле, и я хочу, чтобы они знали, что я борюсь с ним на всех возможных уровнях».

«Конечно, — сказал Синтон. — Просто, Дэвид, должен сказать, улики против тебя весьма веские».

«Давай не будем это обсуждать, Джерри. Присоединяйся к команде», — сказал я.

Синтон лишь коротко кивнул. Дэвид снова улыбнулся и пожал мне руку. Разжав её, он схватил визитку, которую я ему сунул в рукопожатие, и сунул руку в карман брюк. На карточке я написал инструкцию, как встретиться с Ящером.

Если бы Чайлд выполнил свою часть сделки, он сказал бы Синтону, что поедет в отель, но потом изменил бы направление, вышел бы из такси на Пятой улице и сел в синий фургон — с Ящерицей за рулём. Я встретился бы с ними позже в квартире Холли.

«Предварительное слушание начнётся в четыре часа. Встретимся здесь в три», — сказал я Дэвиду и смотрел, как они с Холли выходят из

здания суда и садятся в такси. Джерри Синтон тоже наблюдал за ним.

«Ты не поехал в больницу, Флинн», — сказал Синтон.

«Я узнал об этой путанице только после того, как ты ушёл. Иначе я бы тебе сказал. Извини. Я не знал твоего номера».

Он отступил назад и оглядел меня с ног до головы.

«Мы должны быть в одной команде. Мы оба хотим Дэвиду добра, не так ли?»

Я кивнул и задумался, что сказал ему Дэвид, когда они встретились всего несколько минут назад. Что бы это ни было, я всё ещё был со-адвокатом.

«Я не хочу, чтобы ты был на предварительном этапе», — сказал Синтон. «Думаю, тебе стоит пересмотреть договорённость. Ты понятия не имеешь, с кем имеешь дело. Последний, кто мне перешёл дорогу, серьёзно обжёгся».

Все, что я мог сделать, это представить себе облитый кислотой труп Фарука, информатора.

«Возможно, тебе стоит позвонить жене. Послушай её совета и уходи.Пока ещё можешь». По его щеке пробежала дрожь. Когда он снова заговорил, и на его лице отражалось немалое

удовольствие, я понял, что Джерри Синтону не нужно оправдываться перед самим собой, и дело было не в том, что ему было плевать на нарушение закона и причинение вреда людям. Синтон наслаждался своей работой. Ему нравилось угрожать мне, нравилось красть огромные суммы денег и нравилось лишать жизни тех, кто стоял у него на пути.

«Я возвращаюсь в офис. Уверен, что больше не увижу вас, поэтому, пожалуйста, передайте жене сообщение от меня. Скажите ей, что она не может включить стоимость такси в свои расходы».

Как и у большинства крупных мужчин, у Синтона была толстая челюсть. Височно-нижнечелюстной сустав, всего в сантиметре от уха. Резкий удар в это самое уязвимое место разбил бы даже самую тяжёлую челюсть, как стекло. Я думал об этом, когда чёрный «Мерседес» подъехал к обочине и, не сказав ни слова, увез Синтона.

Единственный способ устранить угрозу Дэвиду и Кристине — добиться прекращения уголовного преследования против Дэвида. Угроза обвинительного приговора напрягала Дэвида, а моё сотрудничество с ним ставило под угрозу жизни обоих. Если бы доказательства против Дэвида были отклонены, он больше не был бы вынужден

отказаться от фирмы. Большинство соглашений о признании вины заключались до предварительного слушания. Именно поэтому Джерри хотел пропустить этот процесс и исключить стимул к заключению сделки.

Пройдя через досмотр, я положил телефон, который отобрал у Джилл, в конверт и оставил его на стойке охраны. Выйдя из здания, я отправил сообщение Лестеру Деллу с просьбой взять трубку. Улица перед зданием суда была полна людей. Полдень на Манхэттене. Я затерялся в большой, быстрой толпе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я взял чашку кофе в закусочной и сел за столик в глубине зала, у окна. Пешком за мной было бы сложно угнаться, учитывая, что я несколько раз отклонился от маршрута. Тем не менее, я периодически поглядывал в окно, проверяя, нет ли на мне чьих-то глаз. Над домами висело шлакоблочное небо, готовое к дождю. Кофе был горячим и крепким.

С мобильного телефона, который мне дали федералы, я набрал номер Делла. Он даже не поздоровался.

«Я видел Джерри Синтона всего двадцать минут назад, когда он разговаривал с вашим клиентом в фойе суда. Вы тоже там были. Я думал, мы пришли к взаимопониманию. Я думал, мы всё ясно объяснили: предоставьте мне заявление о признании вины, алгоритм и показания Чайлда против фирмы, и мы закроем глаза на обвинения против вашей жены».

«Я же говорил, что достану то, что тебе нужно, не ставя голову Дэвида на плаху. Ты взял телефон?»

«Я понял. А где ты это взял?»

«Снял его с Гилла. Там есть послание с приказом убить мою жену».

«Господи, с ней всё в порядке? Где она?»

«Она в безопасности. Пока. Телефон может помочь вам сблизиться с Синтоном — полагаю, это сообщение было от него. Это же обвинение в покушении на убийство, вот оно».

«Я сейчас же подключу к этому своего специалиста. Это интересно. Фирма хочет любыми способами отстранить тебя от дела. Мы почти готовы. Но не заблуждайся — я не собираюсь арестовывать Синтона за покушение на убийство; федералы могут его этим посадить.Моя работа — наносить ущерб клиентам фирмы: наркобаронам, торговцам оружием, террористам. Для этого мне нужно отслеживать деньги.

«Я сделаю все, что потребуется, но взамен я хочу Кристину и Дэвида».

Он вздохнул.

«Вы когда-нибудь по-настоящему теряли кого-то?» — сказал он.

Я подумал о своих родителях. Они умерли довольно молодыми, раньше времени, конечно.

«Это как яма, Эдди. Ты не можешь заменить то, что ушло, но можешь попытаться заполнить это чем-то другим. Новым. Ты можешь попытаться

всё исправить. Фирма забрала у меня Софи, и мне нужно это исправить. Поверь, я думал о том, чтобы действовать тайно. Подъехать к Джерри Синтону и Бену Харланду и прикончить их на улице из AR-15. Но я не могу этого сделать. Это нужно сделать правильно. Но подумай о другой жертве. Клара Риз найдена лежащей в квартире Дэвида с двумя магазинами патронов в затылке. Если я позволю ему снять обвинение в убийстве, чтобы получить то, что мне нужно, я просто вырою себе новую яму. Ты получил моё сообщение раньше — у окружного прокурора есть дополнительные доказательства для предварительного слушания. Прочитай его и скажи мне, что Дэвид Чайлд невиновен».

Я раскусил игру Делла. Она была мне знакома. Это игра, в которую система правосудия в Америке играет каждый день, потому что иногда просто неважно, действительно ли ты невиновен в преступлении; единственный разумный ход — признать себя виновным и заключить сделку о смягчении приговора.

«Вы хотите, чтобы я прочитал новые доказательства и сказал Дэвиду, что независимо от его невиновности, он обязательно будет осужден, и его единственный выбор — признать себя винов-

ным и заключить сделку, чтобы сократить срок наказания».

«Бинго», — сказал Делл.

Такое случается постоянно. Я сам через это проходил. Невиновные часто не хотят рисковать проиграть и отсидеть пятнадцать или двадцать лет, когда можно было бы заключить сделку и выйти через два. Это математика, а не правосудие, но такова реальность.

«Я изучу это, но не уверен, что смогу убедить Дэвида. Мне нужно, чтобы эксперт GSR дал показания на предварительном слушании. Это поможет».

«Как так? Разве экспертные заключения не предоставляются на данном этапе? Я не понимаю, как это может помочь».

Он был прав. На предварительном слушании эксперты не были обязаны давать показания под присягой, если на то не было веских оснований. Их заключения просто представлялись судье, без перекрёстного допроса.

«Это для ребенка. Это убедительно. Одно из самых веских доказательств —ГСР на его коже и одежде. Если отчёт будет представлен, это никак не повлияет на Чайлда. С другой стороны, если эксперт даст показания, а у меня не будет

ничего, чтобы опровергнуть его показания, это ещё больше угнетает Чайлда и оказывает на него давление.

«Понимаю, что ты имеешь в виду. Я позвоню окружному прокурору. Этот парень должен понять, что заключить сделку — его единственный шанс. Ты тоже. Тебе стоит что-нибудь съесть. День будет долгим. Говорят, там очень вкусные блинчики с черникой».

Прежде чем я успел ответить, звонок прервался. Ни одной припаркованной машины на улице, ни одного человека, похожего на Делла, на тротуаре. Чёрт, он был хорош. Я смирился с мыслью, что сотрудников ЦРУ видят только по собственному желанию. Официантка спросила, не хочу ли я чего-нибудь ещё. Я заказал блинчики с черникой.

Я рассчитывал, что Делл убедит окружного прокурора вызвать эксперта по GSR. У меня не было шансов выиграть предварительное слушание, если я даже не смогу провести перекрёстный допрос. Но в тот момент я не мог придумать ни одного аргумента, который мог бы привести свидетелю. Он появится. Если Дэвид невиновен, рано или поздно необходимые доказательства придут ко мне.

Пока я ждал свой заказ, я открыл свой экзем-

пляр досье Dell и начал листать документы. Первая пачка состояла из договоров о передаче акций, все заверенные сотрудниками Harland and Sinton. Я насчитал более сорока договоров, включая тот, который засвидетельствовала Кристина.

За этими бумагами лежал напечатанный список компаний. Я насчитал тридцать на каждой странице и восемнадцать на каждой. Ни одна из компаний мне не была знакома. Список был в алфавитном порядке, и я пролистал его, чтобы проверить название компании в договоре Кристины. Это была информация, которую они получили от Фарука. Команда Dell в Лэнгли, должно быть, отслеживала счета этих компаний. Так они и обнаружили новую систему прачечной.

Единственными другими документами были фотографии службы безопасности Харланда и Синтона. Я задержал взгляд на фотографии Гилла, которую видел раньше.

За этой фотографией ещё четыре фотографии. Служба безопасности фирмы. Групповые снимки пяти мужчин. Двое из них были в чёрных костюмах, белых рубашках, тёмных галстуках и с практичными корпоративными стрижками. Двое других были в штатском: рубашках на пуговицах, заправленных в джинсы.

Не было ни одной фотографии мужчины в черном пальто с татуировкой кричащего мужчины на шее.

После нескольких минут, проведенных в пути, мне наконец удалось переключиться на медсестру в центре отделения неотложной помощи. Попо уже выписали из операционной, но он всё ещё находился в критическом состоянии. Когда принесли блины, у меня не было аппетита, но я…Всё же откусил. Лестер Делл был прав в одном: блины были превосходны.

Я немного посидел, обдумывая ситуацию. В углу закусочной стояли два компьютера с мигающей надписью «ВСТАВЬТЕ МОНЕТУ» . Я взял свой кофе и подошел к одному из компьютерных терминалов. Рядом с моими коленями была прорезь, и я скормил ему пару долларов мелочи. Экран изменился, и появилась главная страница Google. Я набрал «Бернард Лангимер» и нажал «Поиск».

Сначала поиск выдал кучу результатов по какому-то другому человеку с немного другим именем. Я выбрал вариант поиска по точному написанию имени и получил шесть тысяч результатов — все на немецком языке. Чтобы сузить поиск, я ввёл «Дэвид Чайлд» вместе с «Бернард Лангимер» и нажал Enter.

Первой появилась статья из технического блога, показавшая положительные результаты для обоих названий. Статья была о дотком-компаниях, в частности, о том, почему некоторые платформы социальных сетей взлетели, а некоторые просто провалились. Я сам не следил за этим — у меня не было ни одной социальной сети, — но я знал, как это работает. Небольшой раздел статьи рассматривал платформу социальных сетей Wave и сравнивал ее с Reeler. Согласно статье, Wave была детищем Бернарда Лангимера. Она была запущена через две недели после Reeler, а год спустя закрылась. Автор считал, что Reeler удобнее для пользователя, менее сложна, чем Wave, и она появилась раньше. Все это способствовало провалу проекта Лангимера. Я пролистал еще полдюжины страниц, но все они были на немецком языке и связаны с древними генеалогическими древами.

В интернете не было никакой информации о каких-либо разногласиях между Лэнгимером и Дэвидом, и я не нашёл ничего, что указывало бы на то, что Лэнгимер может представлять угрозу для кого-либо. Я подумал, что Дэвид, вероятно, принял неверное решение, если решил, что Лэнгимер его подставил. Парень казался вполне

обычным.

Я потратил минуту, чтобы зайти в почту. Ничего срочного. Вышел из системы, собрал файлы, оплатил чек и направился к двери.

Я услышал звонок своего мобильного и надеялся, что это Кристина. Определитель номера сообщил, что номер недоступен.

«Привет», — сказал я.

«Не могли бы вы рассказать, чем вы занимаетесь?» — спросил голос на другом конце провода. Мужчина, чуть за тридцать, возможно, с оттенком среднезападного акцента.

«Кто это?» — спросил я.

«Бернард Лангимер».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДВА

Я оглядел закусочную. Никто не обращал на меня внимания. Я решил, что на улице безопаснее, поэтому вышел и направился обратно в центр города.

«Откуда ты взял этот номер?» — спросил я.

«Итак, вы меня *расследуете* », — сказал он, выплевывая фразу сквозь зубы.

«Я этого не говорил».

«О, вы искали. Не пытайтесь меня обмануть, мистер Флинн. Я знаю, что вы меня искали. Я хочу знать, почему».

Я не мог понять, как он так быстро меня выследил, всего лишь зайдя в интернет-кафе . Потом вспомнил, что проверял почту. Может, он и через неё меня нашёл. Разыгрывать этого парня не имело смысла, поэтому я свернул с этой темы и сразу перешёл к делу.

«Хочу встретиться», — сказал я.

На заднем плане я услышал женский голос. Кто-то крикнул Лэнгимеру: «Повесь трубку. Звонков не будет».

Я услышал скрежет в микрофоне и приглушённый мужской голос. Лангимер закрыл телефон

рукой, чтобы сказать что-то, чего не хотел, чтобы я услышал. Возможно, это был голос его девушки, но слова были какие-то странные. Это застряло в моей памяти.

Когда он снова заговорил, голос его был ясен и не утратил гнева.

«И что мы будем обсуждать? Минимальную сумму денег на клиентском счёте вашей фирмы? Ваш овердрафт? Может быть, вашу любовь к детективам в мягкой обложке или тот факт, что вы всегда завтракаете в закусочной Теда? Я могу продолжать…»

«Вы быстры, мистер Лэнгимер. Очень быстры. Если бы вы быстрее запустили Wave, вы бы уже были богаты. Жаль, что Дэвид Чайлд вас опередил».

«Так, я вижу, речь идёт о Дэвиде. Я свяжусь с тобой», — сказал он и отключился.

Я в недоумении уставился на телефон. Бернард Лангимер стал невероятно интересным.

Старшая сестра Кристины, Кармель, забрала Эми из школы и присоединилась к ней в гостевом доме в Ред-Хуке. Эми была потрясена. Она была молчалива и не отпускала Кристину. Семь месяцев назад её похитила русская мафия, и, хотя она не пострадала физически, ущерб был нанесён. Её

выздоровление было уверенным, но медленным, и всё это было для неё слишком. Кристина плакала в трубку. Я подавила желание поехать к ним, обнять их обеих. Мне нужно было, чего бы это ни стоило, увезти их к черту из Нью-Йорка — в безопасное место, куда-нибудь подальше, где их никто не будет искать.

«Эдди, мне страшно», — сказала Кристина.

«Я всё исправлю. Я прослежу, чтобы с тобой всё было в порядке. Я люблю тебя».

Она вздохнула, и я услышал, как эмоции стали грубее в её голосе. «Я… никому не позволю тебя обидеть», — сказала она и отключила связь.

Я вышел на тротуар на площади Фоли и направился в офис окружного прокурора по адресу Хоган-плейс, дом 1. В здании были усилены меры безопасности, и, пока я там находился, непосредственной опасности мне не угрожало.

Я поднялся на лифте в приёмную окружного прокурора. Секретарем был пожилой мужчина по имени Херб Голдман. Херб видел на своём веку не одну дюжину окружных прокуроров. Его седые волосы стального цвета обрамляли лицо, покрытое пигментными пятнами, почти такого же возраста, как и само здание.

«Пришел сдаться, Эдди?» — спросил Герб.

«Я сдаюсь, Герб. Виновен в том, что я адвокат. Мне что, ждать здесь повязки на глаза и расстрела?»

«Ты можешь посидеть вон там на заляпанном диване, пока я найду того тупого придурка, который согласился с тобой поговорить. Кого ты ищешь?»

«Джули Лопес».

Глаза Херба слегка полезли на лоб, когда он поднял трубку и набрал внутренний номер.

«Он здесь», — сказал он.

Положив трубку, он сказал мне сесть и сказал, что меня скоро примут.

Приближалось время половины второго дня. До начала предварительного матча оставалось два с половиной часа.

Я едва успел сесть, как сам окружной прокурор Майкл Задер выбил дверь ногой и сказал: «Флинн, сюда», — после чего повернулся и ворвался обратно в огромный кабинет.

Херб усмехнулся и, убедившись, что Задер скрылся за дверью, сложил руки, издал звук *«жужжжжж»* и сделал вид, что ударяет меня световым мечом. Окружному прокурору досталось немало дерьма, потому что его фамилия напоминала фамилию персонажа из *«Звёздных*

войн». Никто, даже Херб, больше не станет так с ним обращаться.

В приёмной разместились пятьдесят лучших помощников окружного прокурора города. Офис был открытой планировки, без перегородок, и помощники прокурора сидели группами по четыре человека, лицом друг к другу. Задер поощрял своих сотрудников обсуждать дела в офисе, обмениваться вступительными и заключительными речами, давать обратную связь и критические замечания, учиться на этом и совершенствоваться. Задер сделал обязательным коучинг адвокатов, занимающий два часа в неделю, и тратил на репетиторов около пяти процентов своего бюджета. В результате процент обвинительных приговоров начал расти. Он был настоящим учеником суда и стремительно поднимался по служебной лестнице в помощниках прокурора. После того, как Задер с разгромным успехом выиграл свой первый процесс по делу об убийстве, коллеги перестали оставлять в его ящиках игрушки *из «Звёздных войн»* .

Мы прошли мимо стола Мириам Салливан, который стоял в угловом кабинете рядом с кабинетом Задера, но её там не было. Я увидел табличку на её окне: « СТАРШИЙ ПОМОЩНИК О

КРУЖНОГО ПРОКУРОРА » . Она баллотировалась против Задера на последних выборах и проиграла с небольшим отрывом. Обычно неудачливый кандидат в такой момент выбывает из гонки за право быть прокурором, но не Мириам. Я слышал , что Задер уговорил её остаться и сказал, что выдвинет её кандидатуру, когда покинет свой пост через четыре года; он уже планировал свою кампанию на пост губернатора.

Я проследовал за ним в кабинет и закрыл за собой дверь. Задер выглядел как пожилой манекенщик. Он был не таким жирным, как большинство профессиональных бодибилдеров, и, хотя у него не было их массы, он был довольно рельефным. Рукава закатаны, верхняя пуговица расстёгнута под бледно-голубым галстуком, а чёрные блестящие волосы — он выглядел так, будто готов позировать для каталога.

«Сядь», — сказал он, наливая себе апельсиновый сок из бутылки, которую держал в маленьком холодильнике рядом со столом. Бурбона в этом офисе не было. Мне он ничего не предложил.

Он сел и пролистал папку перед собой. В офисе был…На стене висел большой телевизор, а за ним полки были завалены книгами по судебному представительству, обучающими DVD по адвока-

туре и томами законов в кожаных переплётах. Перед ним стояли ноутбук и компьютер, и нигде не было ни одной фотографии; Задер был поглощён работой.

Не отрывая глаз от страниц, он спросил: «Итак, кто у вас в «Джастис»?»

Я ничего не сказал.

«Вы, должно быть, много подмазали шестерёнок или передали кучу коричневых конвертов, чтобы заполучить такого клиента, как Дэвид Чайлд. Мне просто интересно, как вам удалось завязать столь важные отношения. Может быть, вымогательство?»

Понимание.

«Просто интересно, как такой подлый адвокат, как ты, смог заполучить такую крупную рыбу, как Чайлд». Только тогда он поднял голову и посмотрел на меня.

«Это привилегия, и ты это знаешь. Я думал, Джули — помощник прокурора по этому делу. Почему я с тобой разговариваю?»

Уголок его губ дернулся, словно улыбаясь. Подняв стакан, он сделал большой глоток, осушив апельсиновый сок, оставив на стенках густой осадок из долек апельсина.

«Я бы предложил вам выпить, но у меня нет

водки к апельсиновому соку».

Задер был сплошной тактик. Всё время. В суде было всем известно, что я на год забросил практику и крепко запил. Никто больше не счёл нужным поднять этот вопрос после моего возвращения несколько месяцев назад. Это было личное, и большинство адвокатов, даже прокуроров, не держали на меня зла. Чёрт, куча адвокатов прошла через анонимных алкоголиков. Нет, у Задера не было ко мне претензий из-за того, что я раньше пил. Он не любил меня только потому, что я был компетентным адвокатом. С его точки зрения, я был отбросом.

«Я больше так много не пью. В любом случае, мне ещё рановато. Я здесь, чтобы узнать подробности дела «Чайлд», а не для того, чтобы обмениваться оскорблениями. Никакого неуважения».

«Ничего не занято. Как твоя жена? Слышал, она работает в настоящей юридической фирме. Молодец. По крайней мере, кто-то в доме приносит хорошие деньги. Ой, погоди, вы теперь расстались. Извини, я забыл».

Деревянный подлокотник слегка треснул, когда я сжал его ещё крепче. Мне это было ни к чему. Я и так был слишком близок к краю, и Задер не

стал меня пинать, пытаясь вывести из себя.

Я ничего не сказал, просто склонил голову набок и улыбнулся. Насмешка мелькнула на его лице и исчезла так же быстро, как и появилась.

Закрыв перед собой папку, он откинулся на спинку стула. «Ваше открытие у меня здесь. Ещё кое-что прислали мне в офис сегодня днём».

«Цветы от твоего парня?» — спросила я.

Он кивнул, словно игра началась. Мне было всё равно, есть ли у него парень, но Задер был из тех гомофобных зануд, которых такая ребяческая шутка серьёзно оскорбила бы.

Позади него стоял ещё один стол, заваленный бумагами. На одной из стопок лежал толстый коричневый конверт. Схватив его сверху, он открыл его, вынул листы и бросил конверт через голову.

«Это проект соглашения о признании вины для Дэвида Чайлда», — сказал он, размахивая соглашением перед собой.

Я не ответил.

«Если быть точнее, Флинн, это федеральное соглашение о признании вины. Ваш клиент признаёт, что хладнокровно застрелил свою двадцатидевятилетнюю девушку, и получает пять лет при условии полного сотрудничества с федеральными правоохранительными органами».

«Я не видел никакого соглашения», — сказал я.

«Знаю», — сказал Задер. «Ты тоже не сделаешь этого».

Сложив страницы пополам, он разорвал их по сгибу, снова сложил страницы вдвое и снова разорвал, после чего позволил кускам упасть на стол и положил руки на доску из красного дерева.

«Уничтожение федерального документа — это правонарушение. Возможно, вы это изучали на юридическом факультете, но, полагаю, были слишком заняты качанием пресса в спортзале».

«Это не станет официальным федеральным документом, пока не будет подписано. Мы не предлагаем сделку. Я пригласил вас, чтобы сказать вам это лично. Я не знаю, кого знаете вы или кого знает ваш клиент, но на мой офис оказывалось сильное давление сверху, чтобы добиться подписания этой сделки. Я только что ознакомился с материалами дела об этом убийстве, и мне редко доводилось видеть дело более открытое и однозначное. Ваш клиент виновен, и я не поддамся. Даже если это будет стоить мне карьеры, я не допущу сделки о признании вины в этом деле».

«Это не твоё дело. Лопес — американец с ограниченными возможностями».

«Всё меняется, Эдди. Лопес теперь второй пред-

седатель. Я берусь за это дело лично. Неважно, насколько богат твой клиент. Неважно, за сколько федеральных связей он пытается зацепиться. Я лично отправлю его в тюрьму на всю жизнь за убийство этой девушки».

«Он говорит мне, что невиновен, и я, честно говоря, начинаю ему верить. Должно быть, это дело очень шаткое, раз вам приходится подниматься на борт, чтобы удержать корабль на плаву».

«Они все говорят, что невиновны. Прочтите дело, и вы увидите, что этот парень виновен».

«По-моему, это блеф. Всегда можно договориться. Вы считаете, что пять лет — это слишком мало, но если бы мой парень захотел признать себя виновным в обмен на десять лет, вы бы ему руку откусили».

«Эдди, это дело не выиграть. Если бы твой клиент хотел получить двадцать лет, я бы об этом подумал. На мой взгляд, обвинительный приговор твоему клиенту предначертан».

"О чем ты говоришь?"

«Так распорядились боги. Подумайте сами. Вашего парня сбивает другая машина, когда он пытается скрыться? А тут ещё и арестовывающий его офицер — вот это удача».

«Офицер Джонс?»

«Чёрт возьми, да. Он ветеран с пятнадцатилетним стажем, хотя и не слишком умён. Он так и не смог сдать экзамен на сержанта. В этом году он решает завязать и устраивается в частную охранную фирму, охраняя инженеров нефтяной компании в Ираке. И в свой последний день в полиции Нью-Йорка он арестовывает вашего клиента, совершая самый громкий облав в своей карьере, хотя и не подозревал об этом, когда арестовывал вашего парня».

«Я не верю в судьбу», — сказал я.

«Да, — сказал Задер. — И сегодня днём я решу судьбу вашего клиента».

«Кому вы позвоните первым? Информационному центру?»

Свет в его глазах погас.

«Я вызову эксперта GSR в качестве первого свидетеля. Я мог бы просто предоставить его заключение, но я хочу, чтобы судья выслушал эти показания, потому что иначе никак. Я утоплю ваше дело одним свидетелем».

Пока он говорил, его пальцы слегка коснулись линии подбородка.

Рассказ.

Он только что солгал мне. Я был уверен, что Делл каким-то образом связался с окружным

прокурором, и ему удалось убедить его позвонить эксперту GSR, но по другим причинам, чем те, что только что назвал мне Задер. Работа окружного прокурора — это не результат. Главное — пиар, который ты получаешь благодаря этим результатам. Конечно, он улучшил цифры, но подтасовать их может каждый. Он был достаточно умен, чтобы понимать, что ему нужно громкое убийство, чтобы его лицо появилось в национальных новостях. Дело Чайлда было его мечтой. Если бы он начал предварительное следствие с неопровержимых экспертных доказательств, которые он представил мировым СМИ, к выборам в штате он был бы на вес золота. Вместо того, чтобы передать отчёт судье, он устроил бы представление перед камерами.

«Я собираюсь положить голову вашего клиента на блюде и хочу, чтобы он это знал».

Стук в дверь. Мириам Салливан вошла в кабинет Задера, неся мужской костюм, завёрнутый в прозрачную плёнку. Только что из химчистки, специально для камер. Она была в деловом костюме и коротко подстриглась с тех пор, как я видел её в последний раз.

Она положила костюм на стул перед телевизором и ушла, не сказав ни слова.

«Если вы не возражаете, через двадцать минут у меня пресс-конференция», — сказал Задер.

Я забрал у него копию дела, закрыл за собой дверь его кабинета и вышел.

Я остановился у открытой двери кабинета Мириам.

«Теперь вы забираете вещи из химчистки?» — спросил я.

Она покачала головой. Сняла очки и погладила красные морщинки на переносице. Мириам была сорокалетней привлекательной, но опасной женщиной, работавшей в суде. Она вела свои дела с хладнокровной отстранённостью, которая давала ей преимущество перед большинством оппонентов.

«Не надо, Эдди».

«Я здесь не для того, чтобы злорадствовать, Мириам. Ты должна быть в этом кабинете, как окружной прокурор. Ты лучше его. Ты, чёрт возьми, не должна позволять ему так с собой обращаться. Это отвратительно».

«Вы никогда не рассматривали дело против Задера, не так ли?»

«Не могу сказать, что я это сделал».

«Посмотрите на него. Он мог бы меня уволить. Но не сделал этого. Он хотел, чтобы я остался,

чтобы унизить меня за то, что я баллотировался против него на пост окружного прокурора. Он мстительный, расчётливый и мошенничающий. Если подумать, он немного похож на вас».

«Я польщен».

«Не надо», — сказала она, затем наклонилась вперёд и прошептала: «Я забираю его дерьмо, потому что я всё записываю: дневниковые записи, фотографии и видео. Я создаю дело мирового уровня о дискриминации по половому признаку».

«Вам нужен адвокат?»

«А ты знаешь что-нибудь хорошее?»

Она поднесла телефон к чеку из химчистки, сделала снимок и подмигнула.

«Будьте осторожны. Задер не играет по правилам. За всю свою карьеру он проиграл всего пару дел, и то много лет назад, когда он только учился. Я готовлюсь к тому дню, когда ему надоест эта игра. Он пытается…Заставлю меня уйти. Не буду. Я жду, пока он уйдёт, и когда он решит, что проще меня уволить, у меня будет достаточно доказательств, чтобы добиться отличного соглашения, при условии, что я не подам в суд за домогательства. Видишь ли, я думаю, что единственный способ победить Задера — это позволить ему думать, что он победил. Удачи, Эдди. Обязательно

надрай ему задницу сегодня днём.

«Хорошо», — сказал я.

К тому времени, как я попрощался с Гербом у стойки регистрации, я уже пожалел о лжи, сказанной Мириам, — правда заключалась в том, что у меня не было никаких шансов выиграть дело.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Делл ответил на мой звонок после третьего гудка. Я снова сел в жёлтое такси и поехал по длинному маршруту через город, убедившись, что за мной нет слежки, прежде чем отправиться к квартире Холли.

Окружной прокурор снимает с рассмотрения дело о признании вины. Он даже не дал мне прочитать это чёртово соглашение. Прежде чем вы что-нибудь скажете, нет, я не думаю, что он блефует, чтобы Чайлд получил ещё больше тюремного срока. Зачем ему это? Задер — амбициозный сукин сын, и это дело будет на первых полосах газет по всему миру. Это билет Задера наверх, и он хочет, чтобы всё было разыграно перед камерами.

Тишина.

"Вы там?"

«Я здесь. Не беспокойтесь о Задере. Я с этим разберусь. Просто доставьте мне моё заявление».

«Не могу. Времени нет. Предварительное слушание начнётся через два часа. Как только начнётся слушание, окружной прокурор не пойдёт на сделку. Учитывая пристальное внимание

прессы к этому делу, если окружной прокурор пойдёт на сделку, это будет выглядеть так, будто он мягок к миллиардерам и суров к бедным. Задер должен показать Чайлду пример».

«Я же говорил, я всё улажу. Позвони, когда договоришься. Пять лет за убийство, если найдём партнёров и деньги».

Он повесил трубку.

Квартира Холли находилась в дорогом здании сразу за Централ-парком, где жил Чайлд и где произошло убийство. Я пролистал материалы обвинения, которые мне дал Задер, и закрыл их через двадцать минут. Мы были в трёх кварталах от квартиры Холли.

Я ознакомился с заключением эксперта GSR, доктора Генри Портера, и перечитал все документы в деле: протоколы осмотра места преступления, показания свидетелей, фотографии с места преступления и компьютерные распечатки. Все улики выглядели безупречно.

И все это без всяких сомнений доказывало, что Дэвид Чайлд был убийцей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ **ЧЕТВЕРТАЯ**

Водитель пикапа Ford, некий Джон Вудроу, сбил Чайлд на перекрёстке. Он увидел пистолет на пассажирском сиденье, отъехал назад и вы-

звал полицию. Затем последовали показания следователя по месту преступления Руди Нобла с его описанием места убийства. По словам Руди, жертва была ранена в спину, что парализовало её. Она упала лицом вперёд. Выстрел, разбивший окно в квартире Чайлд и настороживший его соседа Гершбаума, вероятно, был произведён в жертву, когда она падала. Криминалисты предположили, что пуля прошла сквозь неё и выбила окно, а пуля, пролетев через балкон, улетела в бездонную голубизну, и её так и не нашли. Учитывая обширные черепно-мозговые травмы жертвы и повреждение пола под ее головой, криминалист Нобл заявил, что оставшаяся часть обоймы была выпущена в череп, что убийца перезарядил и затем выстрелил всю вторую обойму ей в затылок, но на самом деле большинство пуль уже не попадали в кости или плоть, а проходили прямо в пол. Учитывая отношения между подозреваемым и погибшей и способ ее смерти, Руди Нобл выдвинул теорию, что чрезмерное убийство было классическим признаком преступления, совершенного безумным супругом или партнером — в данном случае Дэвидом Чайлдом. К отчету Нобла была приложена масштабная карта квартиры; маленькая, неровно нарисованная фигурка обо-

значала тело жертвы, найденное на кухне.

Детектив по расследованию убийств Энди Морган сделал несколько заявлений, большинство из которых касалось установления цепочки поставок, когда он делал копии записей с камер видеонаблюдения в Центральном парке 11 и с дорожной камеры наДепартамент транспорта. Основное заявление детектива касалось его открытия, что Чайлд, проживавший по адресу, где было обнаружено тело Клары Риз, попал в дорожно-транспортное происшествие через несколько минут после того, как тело было обнаружено охранниками здания.

Он также сообщил, что назначил анализы на аллергическую реакцию кожи (КРР) Ребёнка и его одежды, и поручил их провести независимому эксперту по КРР, чтобы убедиться в отсутствии возможности заражения образцов, взятых с кожи и одежды Ребёнка. Выбранный Морганом эксперт оказался интересным кандидатом на эту роль.

Доктор Генри Портер когда-то работал в судебно-медицинском департаменте штата, но теперь он стал независимым экспертом. Доктор Портер был практически непоколебим на стенде — действительно сложный случай. Ни одно из показаний Портера никогда не было успешно

оспорено. Он был хорошо известен в кругах адвокатов защиты как непреклонный эксперт. Поэтому, когда полиция учуяла запах громкого убийства — которое, несомненно, должно было попасть в заголовки газет, — они проконсультировались с окружным прокурором и привлекли якобы независимого доктора Портера для усиления своей позиции.

Отчет Портера подтвердил наличие большого количества высококонцентрированных остатков пороха на лице, руках, предплечьях и верхней части тела Чайлда. Когда кто-то нажимает на курок, небольшой взрыв, возникающий от контакта ударника с капсюлем, создает небольшое облачко газа вокруг оружия и пули. Это облако содержит мельчайшие частицы, такие как осколки, некоторые из которых сплавляются вместе под воздействием тепла. Это остатки пороха. Часть материала можно найти на жертве, оружии или стрелке. Эксперты ищут свинец, барий и сурьму или их сгоревшие комбинации, которые появляются в результате взрыва, или осколки от патрона, а иногда даже на самом пистолете. По мнению Портера, общее количество КГР соответствует тому, что Чайлд стрелял из огнестрельного оружия несколько раз. В приложениях к отчету

были графики, показывающие концентрации материала, обнаруженного в каждом образце. Образцы с кожи и одежды Дэвида выглядели практически одинаково, но график, отображающий результаты образца, взятого из пистолета, немного отличался; ГСР был не таким концентрированным. Учитывая, что вещество широко рассеивается от самого пистолета, легко понять, почему это может быть так. Однако были и другие различия. На пистолете были обнаружены отложения свинца, один из ключевых индикаторов ГСР, но в результатах анализа образцов Дэвида их не обнаружено. Кроме того, некоторые другие материалы, не относящиеся к ГСР, обнаруженные в образцах Дэвида, отличались от результатов анализа пистолета. Опять же, не такая уж большая проблема. Главная проблема заключалась в том, что если Дэвид говорил правду, то при нём вообще не должно было быть ГСР.

Портер также выдвинул теорию о том, что крупные частицы горелой резины и нейлона, обнаруженные в образцах Дэвида, могут означать, что он был в перчатках. Эта теория меня немного смутила. Похоже, обвинение попросило Портера включить это в свои выводы, чтобы можно было утверждать, что отсутствие отпечатков пальцев

на пистолете, найденном в машине Дэвида, можно объяснить тем, что он был в перчатках.

Я вспомнил, что детектив Морган не менее шести раз спрашивал Чайлда, владел ли он когда-либо оружием, стрелял ли он или находился ли рядом с кем-то, кто стрелял. Чайлд ответил, что никогда не владел оружием, не держал его в руках и не находился рядом с тем, кто стрелял. Отчёт Портера по КГР, похоже, опровергал это утверждение.

Сочетание ответов Чайлда на допросе и отчёта Моргана практически раскрыло его секрет. А если к этому добавить запись с видеокамеры, где Чайлд входит в квартиру, а затем выходит, как раз перед тем, как Гершбаум услышала выстрелы и увидела, как разбивается окно, — вот и всё, что она написала.

Я размышлял над отчётом Портера. Меня заинтриговали едва заметные различия в результатах теста между GSR Дэвида и GSR пистолета. Часто ключ к раскрытию дела кроется в мелких деталях, в мельчайших несоответствиях. Мне просто нужно было разобраться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ящер открыл дверь квартиры Холли и ткнул мне в лицо пистолетом «Беретта».

«Господи, если ты не будешь осторожен, ты кого-нибудь убьешь в один прекрасный день», — сказал я.

«Ящерица живет надеждой», — сказала Ящерица.

Опустив пистолет на бок, он протянул мне свободную руку. У парня была хватка, как у пневматического пресса. С тех пор, как я видел его в последний раз, он сделал новую татуировку. Бутылочно-зелёный змеиный хвост выглядывал из горловины его простой чёрной футболки и извивался до линии подбородка. Он любил рептилий. И по какой-то причине он всегда говорил о себе в третьем лице. Никто не знал, почему, и ни у кого не хватало смелости спросить его. Гладко выбритый, с коротко стриженными тёмными волосами и нулевым уровнем жира на подтянутом, как в спортзале, теле, Ящер излучал серьёзность. Он был бывшим военным, служил в Афганистане и Ираке. Когда он вернулся домой, его война продолжилась, только теперь ему за неё хорошо

платил Джимми Шляпа.

«Какие-то проблемы с потерей хвоста?» — спросил я.

«Ни одного. Такси заехало в переулок, они выскочили, свернули в следующий переулок и сели в мой фургон. Такси оставалось на месте, загораживая обзор и их хвост. Мы уехали чисто».

Он вышел из квартиры и окинул взглядом коридор, когда я прошла мимо него. Резкий химический запах окутал меня, как только я переступила порог. Холли стояла на коленях на деревянном полу, яростно оттирая стойкое пятно. На кухонном столе над её головой стояла двухгаллонная бутылка отбеливателя, а рядом со старым, потрёпанным коричневым кожаным креслом лежало ведро для швабры.

Она подняла голову от пола, и я увидел, что ее лицо раскраснелось от усилий, которые она приложила к щетке.

«У него пунктик насчет чистоплотности», — сказала она и широко раскрыла ладони. Я подумал, что с её новым гостем будет довольно трудно ужиться.

Хотя аренда этого жилья, вероятно, стоила целое состояние, оно было не таким уж большим. Небольшая кухонька справа, телевизор, диван

и кожаное кресло слева. За гостиной располагался компактный квадратный обеденный стол, окружённый четырьмя стульями. Две двери вели в ванную и спальню с односпальной кроватью соответственно.

За обеденным столом Чайлд нажимал на клавиши ноутбука. Он даже не заметил моего присутствия. Подойдя к нему, я заметил на полу полдюжины пакетов с покупками — все из того же спортивного магазина. Пакеты были полны новой одежды.

Я собирался поздороваться с Дэвидом, но остановился. Сдал назад. Поднял один из мешков и посмотрел на него.

На нём была зелёная толстовка с капюшоном, в которую он, казалось, мог влезть дважды. Серые спортивные штаны болтались на его тощих ногах, а на ногах были красные кроссовки. В сумках лежало ещё несколько одинаковых зелёных топов, серых брюк и две пары красных кроссовок Nike.

Я посмотрел на Холли, которая в ответ закатила глаза.

Это был тот самый наряд, который полицейский описал в своем заявлении, обобщив кадры с камер видеонаблюдения из дома Дэвида; та же

одежда, которая была на Дэвиде, когда его сбил пьяный водитель; та же одежда, в которой он сидел за столом.

«Я могу принимать деловые решения в мгновение ока, но могу потратить час на выбор марки хлопьев по утрам. Когда дело касается повседневных дел, мне не нравится… делать выбор», — сказал Дэвид, всё ещё не отрывая взгляда от экрана компьютера. «Мне нравится эта одежда. Я покупаю несколько штук, и утром всё становится проще. Мне не нужно выбирать. Мне нужно просто надеть одежду в правильном порядке».

Я кивнул, не совсем понимая, какой должен быть правильный порядок.

Из ноутбука Дэвида раздался звонок. Затем ещё один. Писклявое оповещение усилилось, и Дэвид начал нажимать на курсорную панель и водить по ней пальцами.

«Я разослал электронное письмо с моим именем. Похоже, мне конец», — сказал он.

Он встал, нашел пульт от телевизора, включил его и нашел CNN.Его фотография , сделанная на красной дорожке анонимной церемонии награждения. На баннере внизу экрана было написано : « ОСНОВАТЕЛЬ И УПРАВЛЯЮЩИЙ ДИ РЕКТОР КОМПАНИИ REELER — ДЭВИД ЧАЙЛД —

ОБВИНЯЕТСЯ В УБИЙСТВЕ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ » .

На экране появился индикатор громкости, который начал увеличиваться, пока из телевизора раздавался голос ведущего.

… Окружной прокурор Майкл Задер сообщил об аресте Дэвида Эллиотта Чайлда, которому предъявлено обвинение в убийстве первой степени. Жертвой официально признана двадцатидевятилетняя Клара Риз. Источники CNN полагают, что Клара Риз была невестой двадцатидвухлетнего Дэвида Чайлда, миллиардера и основателя популярной социальной сети Reeler. На данный момент никакой дополнительной информации не опубликовано, но CNN сообщит вам подробности этой истории, как только она появится. Мы надеемся, что в течение часа мы опубликуем отчёт наших аналитиков по экономике и бизнесу о реакции фондового рынка на эту новость. Как и следовало ожидать, для Reeler это нехорошо. Кроме того, полиция Нью-Йоркской гавани обнаружила тело неопознанного мужчины в Ист-Ривер. Сообщается, что мужчине около шестидесяти лет…

Дэвид выключил питание и отвел руку, готовый швырнуть пульт в стену.

Он остановился, на мгновение придержал

бровь, а затем положил пульт на диван. Он вернулся за стол и попытался сосредоточиться на экране, пока его мир и дела рушились вокруг него. Холли стояла позади него, положила руку ему на плечо. Он не вздрогнул, не пожал плечами, просто кивнул, и она отпустила его, вернувшись на кухню. Меня предупреждали не подходить слишком близко к Дэвиду, когда я впервые его встретил. Делл рассказал мне, что у Дэвида были серьёзные проблемы с прикосновениями.

У него не было проблем с Холли. У меня сложилось впечатление, что они были ближе, чем я думала поначалу.

«В камере я спросил тебя, кто мог тебя подставить. Ты назвал имя — Бернар Лангимер. Расскажи мне о нём», — попросил я.

«Он дьявол. Лэнгимер, пожалуй, единственный знаменитый гений в мире технологий, о котором мало кто за его пределами знает», — сказал Дэвид, отрываясь от экрана.

В четырнадцать лет он взломал китайскую Секретную службу. Он разослал каждому секретному агенту в Китае рождественскую электронную открытку. Его так и не привлекли к ответственности, а китайцы скрыли это. Они не хотели опозориться, признав, что ребёнок в его

спальне сжёг их систему. ЦРУ, ФБР, даже Секретная служба пытались…Чтобы завербовать этого парня, он ответил отказом на все предложения и отправился работать на Уолл-стрит. В городе скорость передачи информации имеет решающее значение. Лангимер практически произвёл революцию в компьютерных системах.

«А откуда вы его знаете?»

Он стер с губ грустную улыбку.

Примерно через месяц после запуска Reeler Лангимер запустил собственную социальную платформу — Wave. Честно говоря, она была ничуть не хуже Reeler, может, даже чуть лучше, — но мы были хитом месяца, а Wave умер. Я слышал, что Лангимер потерял кучу денег, и винил меня.

Wave закрылся, и через несколько недель он попытался купить Reeler. Сначала он прятался за группой спонсоров. Потом он вышел на открытое обсуждение. Я отклонил все предложения. Когда я перестал отвечать на звонки, Лэнгимер появился у меня дома.

«Я его отпустил. Мне было любопытно с ним познакомиться; парень — легенда. Ему чуть за тридцать. Хипстерская бородка, обтягивающий костюм от Армани, и он стоял у меня в дверях с китайской едой на вынос и портфелем. Мы немного

поговорили — кого оба знали в индустрии, кто нам нравился, кого мы терпеть не могли. Ему никто не нравился. Я не ел, он тоже. Потом он встал, оставил портфель на столе и сказал, что будет ждать ответа через 24 часа».

«Сколько денег было в портфеле?» — спросил я.

«Денег не было. Внутри было соглашение о партнёрстве. В обмен на продажу Reeler он должен был включить меня в свой бизнес. Если бы я подписал его, мне бы принадлежала изрядная доля цифрового мира. И я был бы богаче, чем сейчас. Но я хотел свою собственную компанию. Я не умею играть с другими. Я разозлился. Лангимер думает, что может купить кого угодно. Поэтому я дождался, пока его машина подъехала к моему дому, и выбросил соглашение с балкона. Помню, как он смотрел на меня. Я не видел его лица, он был слишком далеко. Пока эти страницы падали вокруг него, он прислал мне сообщение на Reeler. В нём говорилось: «Я тебя уничтожу».

Я отодвинул стул от стола и скрестил руки.

«Ты думаешь, этот парень тебя подставил?»

У него есть деньги, власть. Он уже делал это раньше — отправлял нелегальные изображения детей на компьютеры известных блогеров, которые публиковали критические статьи о Wave или

пытались организовать кампанию, чтобы разоблачить сомнительную сторону его деятельности. Ему это сошло с рук — блогеры попали в тюрьму. Некоторых из них так сильно троллили в Twitter и Reeler, что они покончили с собой. Единственные упоминания о Лэнгимере в интернете — это те, которые он сам туда допускает.Знаю, что на своём пути я причинил боль многим людям — я этим не горжусь. Но всем им заплатили. Лэнгимер — единственный, кто ненавидит меня настолько, чтобы пойти на это.

Я рассказал Дэвиду о своих поисках в Интернете и о звонке от Лангимера, который поступил через несколько минут.

«Статья, вероятно, была фейком, который он опубликовал, чтобы следить за теми, кто мог за ним следить. В самой статье, вероятно, был заложен вирус-след, позволяющий ему взломать компьютер. Когда вы проверяли почту, он вас идентифицировал, получил историю ваших банковских операций и всё такое. Вам было бы разумно сменить пароль электронной почты и банковские счета».

«Ты думаешь, он меня встретит?» — спросил я.

«Не знаю. Знаю только, что вам следует быть осторожным. Кстати, я сам работаю над трассиро-

вочным кодированием. Кажется, я нашёл способ отследить алгоритм».

Он вытащил флешку из ноутбука. «Эта программа может отслеживать каждый цент денег фирмы с той же скоростью, с которой алгоритм их перемещает. Она даже может сказать нам, на какой счёт все деньги поступят по завершении цикла. Есть только одно но: мы не можем её использовать».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Он работает над этой штукой с тех пор, как мы сюда приехали», — сказал Ящер. Я обернулся и увидел, как здоровяк осматривает окна.

Холли поднялась на ноги, вытерла пот со лба и спросила, не хочу ли я кофе.

Я сделал.

«Почему мы не можем им воспользоваться?» — спросил я.

Дэвид поджал губы и положил флешку на стол. Он опустил голову и посмотрел на меня поверх оправы своих дизайнерских очков.

«Когда вы обманом заставили меня представлять свои интересы, вы хотели заставить меня признать себя виновным, чтобы вы могли заключить сделку для своей жены, верно?» — сказал Чайлд.

С тех пор, как он вышел, он мыслил яснее. Паника исчезла из его голоса, и он казался спокойным и уверенным. Я ждал, что он сбросит эту бомбу, ждал, когда мои не слишком этичные методы стать его адвокатом будут обсуждаться. Он не кричал, не ухмылялся и даже не выглядел слегка раздраженным. Казалось, это был нейтральный

вопрос, как будто он просто выложил его на стол, как ни в чем не бывало, как будто положил флешку на стол… *Вот она.*

«Как только я понял, что ты невиновен, я признался. Мне не нужно было ничего тебе говорить, Дэвид. Честно говоря, я до сих пор не могу поверить, что рассказал тебе хоть что-то. Не в моём стиле быть таким откровенным с людьми».

Переминаясь с ноги на ногу, я вдруг почувствовал себя некомфортно. Я отодвинул стул от стола и сел. Флешка лежала в нескольких сантиметрах от меня.

«Я был настолько честен с каждым, насколько это вообще возможно. Не забывай, единственная причина, по которой ты сидишь здесь, а не лежишь мёртвым в морге, — это я и Попо».

Он кивнул, переведя взгляд на флешку. Он коснулся динамиков наушников, висевших на шее, и потёр пальцы. Рядом с ноутбуком лежала пачка антибактериальных салфеток. Он оторвал пару листков и аккуратно протёр пальцы.

«Я не знаю, могу ли я тебе доверять», — сказал он.

«Может, и нет, но я не тот, кто пытается тебя убить».

Тяжёлый вздох и покачивание головы.

«Но ты мне солгал», — сказал он.

«Я солгал, и если бы я не солгал, тебя бы сейчас не было в живых. Я хочу, чтобы мою жену оправдали, но на неё только что напали, и теперь я больше беспокоюсь, останется ли она жива. Они преследуют её, потому что не хотят, чтобы я представлял твои интересы, чтобы контролировать ситуацию и не дать тебе показания против них в обмен на небольшой срок».

«Боже мой, твоя жена, с ней все в порядке?»

«Она в безопасности. Пока что».

Передо мной появилась белая кофейная кружка, от черного как смоль напитка поднимался пар.

«Сливки или сахар?» — спросила Холли.

«Нет, спасибо», — сказал я.

Она посмотрела на Дэвида, и он покачал головой. Они знали друг друга достаточно хорошо, поэтому ей не пришлось спрашивать, нужно ли ему что-нибудь. Их понимание не было выражено словами.

Кофе был вкусным, насыщенным, и в нём было столько кофеина, что хватило бы, чтобы разбудить целый взвод морской пехоты. Дэвид наполнил свой стакан из банки энергетической газировки. Жидкость выглядела почти ядовитой:

она была ярко-голубой и шипела, как научный эксперимент, когда касалась льда на дне стакана. Я чувствовал запах сахара за милю. Он осушил половину газировки, причмокнул губами и наклонился вперёд.

«Я… э-э, мне тут нелегко», — сказал он, и его голос выдавал маску, которую он напустил на себя при моём появлении. «Я не знаю, кому могу доверять. Мне нужна помощь. Я хочу сказать, что хочу доверять тебе, но не могу. Откуда мне знать, что ты не используешь меня, чтобы спасти свою жену?»

Я задумался на мгновение, вздохнул. И тут я не смог придумать ничего лучше, чем сказать ему чистую правду.

«Пару лет назад со мной кое-что случилось», — начала я, и Дэвид скрестил руки на груди, склонив голову. Он был полон любопытства, но насторожен.

«Я представлял парня, обвиняемого в попытке похищения молодой женщины, Ханны Тубловски. Я избавил его от наказания. Прежде чем присяжные вынесли вердикт «невиновен», я понял, что мой клиент действительно пытался похитить эту девушку. Во время перекрёстного допроса жертвы я увидел, как лицо моего клиента

озарилось ненавистью и волнением, и я понял, что этот парень виновен. Слушать, как плачет эта семнадцатилетняя девушка во время дачи показаний, доставляло моему клиенту огромное удовольствие. Как будто вид её распадающейся на части заставил ожить какую-то часть его существа, которую он скрывал. Он не мог этого от меня скрыть. Я выполнил свою работу, и он вышел сухим из воды. Позже я нашёл ту же девушку, привязанную к его кровати. Её избили и… ну, вам лучше не знать, что он с ней сделал. К тому времени, как приехали копы, я чуть не убил этого парня. Я сломал руку о его лицо.

«Я подвела эту девушку. Я ничего ей не должна, и не моё дело было о ней заботиться; моя задача была уничтожить её на свидетельском месте».

Руки ребенка упали вдоль тела, и он покачал головой.

«Я пообещал себе, что не позволю этому случиться снова. Что буду отстаивать правосудие по-своему, несмотря ни на что. Я не мог отправить тебя в тюрьму за то, чего ты не делал, как и позволить этому парню снова разгуливать на свободе. По-моему, это ничуть не хуже».

«Но вы не можете решать, что произойдет в том или ином случае», — сказал Дэвид.

Я сделал ещё глоток кофе, поставил чашку на стол и сказал: «Поэт Роберт Фрост однажды сказал, что присяжные — это двенадцать человек, избранных для того, чтобы решить, у кого лучший адвокат. Думаю, в этом есть доля правды. Доказательства обвинения очень веские, и я не обещаю вам, что выручу вас, но я могу попытаться, и я буду бороться яростнее любого другого адвоката в этом городе».

«Каковы шансы на оправдание?»

До этого момента моя риторика звучала убедительно. «Как только вы входите в суд, наступает время Вегаса. Всякое может случиться, но я не волшебник».

«Вы хотите сказать, что мне нужно чудо, чтобы победить?»

Остановившись, я заметил ожидание в его глазах. Он открыл рот и наклонился вперёд, чтобы услышать мой ответ.

«Улик против вас масса. Орудие убийства у них в машине, а вы весь в пороховых отложениях. Вы сказали детективам, что даже не стреляли. Как вы собираетесь объяснить тот факт, что при аресте вы были покрыты пороховыми отложениями? И камеры видеонаблюдения показывают…Никто, кроме вас, не входил и не выходил из вашей

квартиры в момент убийства. Здесь нет решающего удара, Дэвид. Попытка убедить судью, что доказательств недостаточно для того, чтобы ваше дело дошло до суда, — это очень маловероятно. А если нам удастся убедить судью, у окружного прокурора появится ещё один шанс вынести обвинительное заключение перед большим жюри.

Плечи его поникли, а взгляд словно исчез в никуда, как будто он ослеп.

Я солгал, что это маловероятно. Судя по увиденным мной доказательствам, это казалось практически невозможным. Но я и раньше попадал в неприятные ситуации. Всегда можно было найти выход, нужно было лишь его найти.

«Жаль, для нас обоих», — сказал Дэвид.

"Что ты имеешь в виду?"

Он взял карту памяти и поднес ее к своему взгляду.

«Я верю всему, что ты мне сказал. Правда верю. Но на кону слишком многое. Люди видят во мне только то, что я могу им дать. Клара была единственной, кого не волновали деньги. Я хочу увидеть того, кто убил её, за решёткой. Я заплачу тебе за это. Но всё, что я могу сказать, это то, что это был не я, и мне нужна твоя защита».

Он передал мне карту памяти.

«Этот USB-накопитель содержит программное обеспечение. ФБР может получить доступ к мэйнфрейму Harland and Sinton и использовать его для отслеживания денег».

Маленькое чёрное устройство было длиной около дюйма. Меня до сих пор поражает, как столько информации может храниться на таком маленьком, незаметном с виду устройстве.

«Флэшка ваша. Если ФБР вставит этот диск в систему Harland and Sinton, у них попросят пароль для начала отслеживания. Как только обвинения с меня будут сняты, я сообщу им пароль».

«Вот что предлагали федералы, способ...»

«Нет, это не так. Они хотят, чтобы я признал себя виновным в убийстве Клары. Я не могу этого сделать. Я не буду этого делать. Вы снимите с меня обвинения, и я отдам вам фирму».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Это была игра Дэвида. Он уже какое-то время прокручивал этот сценарий в голове.

«Продайте это ФБР. Я хочу, чтобы все обвинения были сняты, а моё имя очищено. В этом моя суть. Я не признаю себя виновным, даже если это означает, что мне вообще не придётся сидеть в тюрьме. Признание вины — не вариант. Я этого не делал. Если я признаю вину, я потеряю Reeler. Я проводил сорок, пятьдесят часов подряд за компьютером в своей маленькой комнате в студенческом общежитии, мечтая, что когда-нибудь у меня всё получится. В шестнадцать лет у меня случился инсульт. Знаете? 73-часовой марафон по программированию ради запуска Reeler. В одну минуту я усердно работаю за ноутбуком, а в следующую — просыпаюсь в больнице и не чувствую правой ноги. Когда меня привезли парамедики, у меня в кармане были все мои сбережения — двадцать три доллара семьдесят восемь центов и банковский кредит в сорок тысяч долларов, который я не мог погасить. Три дня спустя я запустил Reeler прямо с больничной койки. Пару Через несколько недель я выписался

из больницы, полностью выздоровел. У Reeler уже девятьсот тысяч пользователей, и это самая быстрорастущая социальная сеть в истории. Я рискнул всем: своим здоровьем, деньгами, своим рассудком. И это окупилось. Я… я не могу этого потерять».

Он снял очки и положил их на стол. Из футляра в кармане он достал шёлковую салфетку и начал протирать линзы. Быстрыми, почти неистовыми движениями.

«Проблема в том, что улики говорят, что это ты убил Клару. Будь у меня время, я бы смог этим заняться. У моей жены нет столько времени, Дэвид. Помоги мне, и я дам тебе слово, что помогу».

«Если это дойдёт до суда, моя репутация в любом случае будет испорчена. Мне нужно выгнать это немедленно. Заключите сделку».

«Поверьте, я хочу, чтобы это дело закрыли так же сильно, как и вы. Но что, если я не смогу? И заключить сделку — знаете ли, город не отпустит убийц, даже если они помогают ФБР раскрыть крупнейшую операцию по отмыванию денег в истории США. Они считают вас виновным, и у них есть доказательства. Я не могу заключить сделку, которая отпустит вас на свободу».

«Тогда докажите мою невиновность на предва-

рительном слушании».

Я глубоко вздохнул и потер виски.

«Предварительное слушание через два часа. Обвинению нужно лишь доказать, что против вас есть веские основания. Нам же придётся практически доказать вашу невиновность. И присяжных нет; решение принимает один судья».

Ребенок сложил шелковую ткань, аккуратно положил ее в футляр для очков и захлопнул крышку.

«Нет ничего невозможного. Я невиновен, нам просто нужно это доказать».

«Всё не так просто», — сказал я. Боль за глазами распространилась по всему черепу и проникла в мышцы шеи.

«Но это так просто».

У меня сложилось впечатление, что для Дэвида всё было либо чёрным, либо белым, чистым или грязным, виновным или невинным; серые линии не проникали в его сознание. У него был буквальный, непреложный мыслительный процесс, зелёные худи, серые спортивные штаны и красные кроссовки Nike.

«Ты ведь не веришь в мою невиновность, да?»

Это всегда самый простой вопрос для адвоката. Ответ заключается в том, что неважно, во что

верит адвокат; наша задача не верить кому-либо — мы должны лишь представлять интересы клиента и убеждать присяжных в его правоте. Дэвиду нужно было больше, чем шаблонный ответ — ему нужно было доверять мне, — поэтому я сказал ему то, что он хотел услышать.

«Я не думаю, что ты убийца, Дэвид», — сказал я.

Чутьё подсказывало мне, что он невиновен. Разум не мог игнорировать улики.

Он выглядел сбитым с толку.

«Если ты не считаешь меня убийцей, докажи это в суде. Ты же сказал, что у нас всего два часа до начала всего этого. Разве тебе не пора изучать судебную практику или что-то в этом роде?» — сказал Дэвид. Он не слушал ни слова из того, что я говорил. Тем не менее, я им восхищался. Сила его веры в свою невиновность помогала мне сохранять непредвзятость.

«Нет, мне не нужно проводить никаких юридических исследований. Мне просто нужно всё перечитать, посмотреть DVD и найти способ разобраться».

«Путь к чему?»

«Это способ доказать, что вас подставили», — сказал я.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Холли вставила первый DVD в проигрыватель. Я встал, Ящер опустился на колено, а Дэвид сел в кресло. Наклонившись вперёд, сложив пальцы домиком у рта, он наблюдал за картинкой вращающегося диска, загружающегося видео.

На экране появилось изображение вестибюля отеля Central Park Eleven, где проживает больше миллиардеров Манхэттена, чем в любом другом здании. Огромные растения в горшках и небольшие деревья украшали вестибюль, отделанный персиковым мрамором. Камера, должно быть, была установлена над стойкой регистрации. В углу экрана было написано « КАМЕРА 1», но ни даты, ни времени не было видно.

В вестибюль вошёл худенький парень в зелёной спортивной кофте с капюшоном, серых мешковатых штанах и красных кроссовках. Капюшон был откинут. Это был Дэвид. Он держал за руку молодую блондинку в синих джинсах и короткой тёмно-синей куртке поверх белой блузки — Клару. Я отвернулся от телевизора и взглянул на Дэвида, который так сильно наклонился вперёд, что едва умещался в кресле. В мерцающем

свете плазменного экрана я увидел слезу на его щеке. Это была последняя запись Клары перед её убийством.

Пара проскользнула мимо стойки регистрации, и изображение с камеры изменилось. Теперь мы смотрели на камеру лифта. Двери открылись, и Клара с Дэвидом вошли в лифт. Из кармана толстовки Дэвид достал брелок и приложил его к панели лифта. Затем он выбрал этаж, повернулся и обнял Клару. Я взглянул на Холли — её взгляд метнулся в пол, затем снова на экран, а когда она увидела видео, её рука закрыла открытый рот.

Я снова посмотрел на телевизор, и увидел Клару Риз в углу лифта.Она опустила глаза. Дэвид подошёл к ней, и она подняла руку. Он остановился. Она выглядела неловко, несчастно. Возможно, даже немного испуганной. Когда двери открылись, она быстро вышла.

Я заметил, что эта запись имеет отметку даты и времени: 14 МАРТА , 19:45.

Изображение снова изменилось. На этот раз мы получили изображение с камеры пятьдесят три, которая показывала лестничную площадку с двумя дверями, расположенными на расстоянии пятнадцати метров друг от друга. Первой из лифта вышла Клара, за ней — Дэвид, на этот раз

в капюшоне. Он обнял её за плечо, и они пошли к его квартире. Рядом с каждой квартирой стояло зеркало, подставка для зонта и небольшой столик. Он снова воспользовался брелком у двери справа, а затем открыл дверь ключами.

Я поставил видео на паузу и перемотал. В одну минуту они обнимались, а в следующую она уже не хотела, чтобы он был рядом. Я спросил: «Что это было, Дэвид? Клара выглядела довольно смущённой в лифте. Вы поссорились?»

«Боже, нет. У неё была клаустрофобия. Кларе было тяжело находиться в лифте с другими людьми, даже со мной. Она заставляла себя это делать, пытаясь преодолеть страх».

Дэвид зарыдал, уткнувшись лицом в ладони. Он отвернулся, пошёл на кухню и плеснул себе в лицо водой.

Окружной прокурор выдал бы запись в лифте за драку между Дэвидом и Кларой. Это действительно могло бы выглядеть как драка. Обвинение только что узнало мотив.

Экран потемнел, затем потускнел, и снова появилось то же изображение, на этот раз пустой лестничной площадки. Фигура Дэвида, на этот раз в капюшоне и со спортивной сумкой через плечо, вышла из квартиры и закрыла дверь. Он

помедлил секунду, а затем повернулся к двери. Словно что-то забыл. Затем он порылся в нагрудном кармане свитера, достал iPod или телефон с парой внутренних наушников, вставил их в уши и вызвал лифт. Прошло около шестнадцати-семнадцати минут с того момента, как они с Кларой вошли в квартиру; часы на камере показывали 20:02. Он подождал пару мгновений, а затем зашёл в лифт. Видеозаписи спуска не было. На последнем кадре Дэвид всё ещё в капюшоне выходит из лифта в вестибюле и покидает здание. DVD заканчивался полицейским серийным номером и ссылкой на каталог экспонатов: «RM № 1–RM № 5».

Полицейский, снявший запись, заявил, что наблюдал за камерой снаружи квартиры Дэвида. После его ухода никто не входил и не выходил. Следующим живым человеком, вошедшим в квартиру, был сотрудник службы безопасности здания, который обнаружил тело Клары Риз на полу кухни, и больше никого в квартире не было.просто: если полицейский был прав и никто не приближался к дому Дэвида после того, как он ушел, то он был единственным человеком, который мог убить Клару.

Не очень хорошее начало.

Раздался жужжащий звук выскочившего DVD. Я протянул Холли следующий, и она включила его. Дэвид всё ещё был на маленькой кухне, облокотившись на столешницу.

«Дэвид, тебе нужно на это посмотреть», — сказал я.

Его лицо всё ещё было мокрым. Он шмыгал носом и вытирал его влажной салфеткой. Он повернулся к телевизору.

Я снова посмотрел на экран и увидел оживлённый перекрёсток на Манхэттене, вдоль Центрального парка. Отметка времени с камеры слежения Департамента транспорта Нью-Йорка показывала 20:18. Между кадром, где Дэвид выходит из дома, и кадром, запечатлевшим его на этой камере, прошло около двенадцати минут.

«На чем ты опять ездишь?» — спросил я Дэвида.

«Bugatti Veyron», — сказал он.

Я видел, как характерный автомобиль за 1,3 миллиона долларов медленно двигался на светофоре. Bugatti смотрел в камеру. Машины выезжали на перекресток к Центральному парку, двигаясь слева направо по экрану. Затем движение остановилось, и несколько пешеходов перешли улицу перед машиной Дэвида. Как толь-

ко последний из них перешел улицу, прошла десятисекундная задержка, прежде чем я увидел, как машина Дэвида тронулась с места. Он двигался быстро; достаточно было лишь слегка нажать на педаль газа 1000-сильного суперкара. Bugatti рванул с места, и каким-то образом пикап Ford, ехавший навстречу, в последний момент вырулил на траекторию Bugatti. Сила удара была такова, что я увидел, как задняя подвеска Ford подпрыгнула от земли, задние шины отлетели в воздух, шасси прогнулось от удара. Из радиатора Ford почти мгновенно вырвался пар. Обе машины остались неподвижными. Водитель Ford первым вышел из кабины. В заявлении полиции говорилось, что этому парню, Джону Вудроу, впоследствии были предъявлены обвинения в вождении в нетрезвом виде и неосторожном вождении. Он не выглядел особенно уверенным на ногах. На нём была белая рубашка на пуговицах, наполовину заправленная в джинсы. Когда он ходил по грузовику, я заметил, что он сильно хромает.

Нет, не плохо, а отчетливо.

Его правая нога вытянулась вперёд, ступня болталась. Коленный и голеностопный суставы выглядели так, будто их держали вместе верёв-

кой. Затем он прыгнул вперёд на левую ногу и повторил манёвр.

Мне запомнились две вещи.

Он мог серьёзно повредить правое колено и лодыжку при падении. Я не мог исключить такую возможность. Но в глубине души я понимал, что этот парень хромает из-за старой травмы, и мне показалось, что я уже видел эту хромоту раньше.

Камера приблизилась, когда он подошел к пассажирскому окну «Бугатти». Он наклонился, словно хотел поговорить с Дэвидом, положив раскрытые, пустые руки на крышу машины. Когда он высунул голову из машины, камера почти полностью захватила его лицо. Ряд огромных, сверкающих белых зубов блеснул на его крупном плане.

Я сразу понял, что Дэвида подставили в убийстве; автокатастрофа не была несчастным случаем. За рулём пикапа был человек, с которым я работал много лет назад. Его настоящее имя было не Джон Вудро, и я помнил, как он хромал.

И как он получил свои новые зубы.

После того, как его крупным планом, водитель пикапа, казалось, отпрянул от пассажирского окна, вытащил мобильный телефон из кармана и позвонил в полицию. Оба автомобиля оставались

на месте, пока полиция не прибыла через две минуты. Патрульный подошел к Дэвиду, вытащил его из машины, а затем остановился и заглянул в Bugatti, как будто что-то заметил. Полицейский обошел машину с пустыми руками, открыл пассажирскую дверь, а затем нырнул внутрь. Когда он вернулся, он держал рукоятку Ruger зажатыми пальцами. Он поговорил с Вудроу, затем обыскал и надел наручники на моего клиента. Подъехала вторая патрульная машина и увезла водителя пикапа. Дэвида поместили на заднее сиденье первой патрульной машины, которая вскоре покинула место происшествия.

Я поставил видео на паузу, перемотал назад и увидел, как водитель пикапа и полицейский подходят к машине Дэвида. Водитель пикапа так и не засунул руки в «Бугатти», а на полицейском не было куртки, и я видел, что его руки были пусты, когда он просунул голову в пассажирское сиденье. Через секунду его руки снова появились, и он держал орудие убийства.

Дэвид опередил мой вопрос.

«Я понятия не имею, как этот пистолет оказался в моей машине», — сказал он.

«Может быть, кто-то подбросил его туда?»

«Сомневаюсь. Система безопасности в машине

самая современная, и, кроме того, я положил сумку на пассажирское сиденье. Если бы в ногах пассажира был пистолет, я бы его заметил».

Я кивнул. Если я прав, то пистолет должен был быть подброшен в машину Дэвида. Не похоже, что ни полицейский, ни водитель пикапа могли его подбросить. Как они вообще перенесли его из квартиры Дэвида в машину?

«Авария была подстроена. Водитель — Перри Лейк. Он — сбитый водитель», — сказал я.

«Что?» — спросил Дэвид.

«Он подстраивает несчастные случаи», — сказал я.

Я работал с Перри Лейком несколько месяцев, целую жизнь назад. Перри раньше был гонщиком. Он был талантливым гонщиком NASCAR, пока его не бросила кокаиновая зависимость, а обвинение в вождении в нетрезвом виде не поставило крест на его карьере. Однако человек с навыками Перри всегда может найти работу. С его пристрастием к наркотикам это всегда была нелегальная, высокооплачиваемая работа. Пару лет он был водителем, укрывающим преступников в банде из Атлантик-Сити, затем шофером у высококлассного сутенера, который работал с девушками в Верхнем Ист-Сайде, а потом, нако-

нец, работал на меня водителем-убийцей. Перри подстраивал автомобильные аварии, чтобы обманывать страховые компании, используя фальшивые иски о причинении вреда здоровью. Он также заработал много денег. А потом он спал с неподходящим типом женщины — с теми, у кого муж-собственник, психопат, оставил его хромым и с большим количеством стоматологических процедур.

«Суть в том, Дэвид, что кто-то заплатил Перри, чтобы тот выпил достаточно спиртного, чтобы значительно превысить лимит, а затем врезался своей машиной в твою на том перекрестке, в то самое время и в тот самый день — чтобы копы нашли этот пистолет».

Дэвид ничего не ответил. Он тупо уставился на телевизор и открыл рот.

«Я тоже так думаю, но мне это кажется бессмысленным. Зачем устраивать фальшивую аварию, если копы всё равно придут тебя искать, как только найдут тело Клары?» — сказал я.

«Ты прав. Это бессмыслица», — сказал Дэвид.

Я потер подбородок и покрутил ручку в пальцах.

«Холли, можно мне воспользоваться твоей спальней? Мне нужно немного времени, чтобы

всё обдумать», — сказала я.

«Конечно, — сказала она. — Только не затягивайте. У нас всего час до суда».

Я еще раз осмотрела наряд Дэвида, проверила сумки.

«Дэвид, тебе понадобится костюм».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Чтобы подстроить автомобильную аварию, требуется много внимания, мастерства и тщательного планирования. Когда я проворачивал аферу, я потратил неделю на разведку маршрута. Я часами следил за светофорами, измерял расстояния между перекрёстками, следил за движением транспорта в разное время. Определив желаемое место на ежедневном маршруте жертвы, я следил за ней ещё две недели. Мне нравилось нападать на них днём, обычно по дороге на работу. Это был самый предсказуемый маршрут, наименее подверженный изменениям, тот, где авария могла причинить больше всего неудобств. Но были и профессионалы, такие как Перри Лейк и Артур Подольске, которые могли просто прочувствовать ситуацию. Таких водителей очень мало. Если нужен был профессиональный водитель, который инсценировал аварию и придал ей вид настоящей, список кандидатов был очень коротким. В Нью-Йорке список ещё короче, и я знал их всех. Если авария была подставой, я всё равно понятия не имел, почему она произошла.

Зачем было так утруждаться? Зачем же тогда

это делать, если полиция даже не знает, что девушка Дэвида была убита?

Ручка, подаренная мне дочерью, та самая, на которой сбоку было выгравировано слово «папа», шептала сквозь мои пальцы, кувыркаясь в бесконечном потоке, проходя через каждый палец, вокруг моего большого пальца, а затем обратно.

Это помогло мне думать.

У меня на кровати были разложены все материалы обвинения: показания свидетелей, фотографии с места преступления, отчет ГСР доктора Портера, фотографии автокатастрофы — разбитого «Форда» Перри и «Бугатти» Дэвида с почти оторванной передней шиной и воздушнымСумки безжизненно свисали с консоли, словно проколотые мультяшные привидения. Я даже разложил копии журналов безопасности, результаты анализа отпечатков пальцев (который дал отрицательный результат на оружии) и протокол ареста Дэвида. Все улики, все документы — всё было отдельно, всё аккуратно разложено на листах.

Обойдя кровать, держа ручку в руке, я почувствовал, что приближаюсь к чему-то. Что-то не сходилось воедино. Оно было прямо передо мной, но я не мог его увидеть.

Ящерица, не постучав, открыла дверь спальни и сказала: «Нам придется разделиться на пять человек, если мы хотим добраться до здания суда».

Натягивая короткую кожаную куртку, он заметил папку, разложенную на кровати аккуратными столбиками.

«Нашли что-нибудь?» — спросил он.

«Ещё нет, но я скоро. Лучше бы ты оставил меня в покое, чтобы я мог подумать».

Он усмехнулся, достал из кармана пиджака пару кожаных водительских перчаток и принялся надевать их.

«Ну, ты правильно делаешь, что всё это раскладываешь. Помогает упорядочить мысли. Ящер любит так поступать со своим оружием — разбирать его по частям и выкладывать в разобранном виде. Чистить, доводить до блеска. А потом складывать обратно… Эй, на что уставился?»

Должно быть, я был в полном шоке. Я смотрел на перчатки Ящера. Что-то в них, что-то в его словах — это навело меня на мысль.

Я крикнул: «Дэвид, принеси мне сейчас же твой ноутбук».

То, что я искал, появилось на шестой странице моего интернет-поиска. Упоминание в малоизвестном французском журнале по крими-

налистике. Какой бы поисковой системой Дэвид ни воспользовался, он предложил мне довольно неплохой перевод веб-страницы. Мне пришлось заплатить за статью. В течение минуты я скачал и перевёл её. Статья была представлена на конференции по криминалистике, организованной Интерполом в прошлом году.

Это было там. Это было возможно.

Это было великолепно.

«Дэвид, тот, кто тебя подставил, — умный сукин сын. Я бы никогда не стал его искать, если бы Ящер не подсказал мне эту идею».

«Ящерица подала тебе идею?» — спросила Ящерица.

Мой взгляд переместился с фотографии разбитого Bugatti на руки Ящерицы в перчатках.

«Ты можешь быть очень мотивирующим, но мне нужна небольшая услуга. Мне нужны твои перчатки».

ЧАСТЬ **ВТОРАЯ**
ВЫПЛАТА

ГЛАВА СОРОК

28 ЧАСОВ ДО ВЫСТРЕЛА

Возвращение в здание суда потребовало от Ящерицы долгих раздумий и планирования. Мы ехали туда на двух разных машинах. Я сидел на заднем сиденье огромного седана, которым управлял Фрэнки, ещё один сообщник Джимми Шляпы, работавший с Ящерицей, когда ему требовалась помощь. Кожаный руль практически исчез из виду, поглощённый огромными мозолистыми руками Фрэнки. Руками, которые выбивали деньги из крепких, как алмазы, парней, которые были должны Джимми.

Мы проехали мимо здания суда. От тротуара, по ступенькам и до самого входа всё было похоже на пресс-конференцию. Можно было подумать, что президент вот-вот должен прибыть. Слишком много людей. Достаточно было бы кого-нибудь с 38-м калибром в толпе, чтобы Дэвид не поднялся даже на первую ступеньку. В толпе я увидел пару людей в костюмах, и в центре этой дорогой группы возвышалась высокая фигура Джерри Синтона, ожидавшего снаружи, чтобы сопроводить своего клиента к представителям мировых

СМИ.

«Как и ожидалось, здесь многолюдно», — сказал я.

Мы развернулись и остановились за пару кварталов до здания суда. Ожидая, когда фургон Ящерицы покажется в зеркале заднего вида, я думал о ста двадцати пяти футах (примерно 125 футов) людей между тротуаром и входом в здание суда. Сколько стрелков может быть в этой толпе у фирмы? Я дал Ящерице фотографии службы безопасности фирмы для изучения. Я тоже изучал их лица — как и Дэвид. Если мы видели кого-то из них, мы бежали. В зеркале заднего вида появился синий фургон Ford Transit, он замедлил ход. Фрэнки выехал в поток, и «Транзит» пристроился за нами.

Седан припарковался у обочины, сразу за грузовиками СМИ с ихС крыши светили спутниковые антенны. Я вышел, перекинув документы через плечо в сумке для ноутбука. Хотелось, чтобы руки были свободны, на всякий случай.

Я увидел Джерри Синтона, отбивающегося от горстки репортёров, которые узнали в нём адвоката Дэвида и жадно окружали его. Он увидел меня и спустился по ступенькам, проталкиваясь сквозь съёмочную группу. Репортёры, знавшие,

что происходит, почувствовали, что их вот-вот снимут, и последовали за Синтоном вниз по ступенькам к тротуару.

Он кивнул мне в знак приветствия.

«Транзит» подъехал и остановился позади седана. Синтон шёл рядом со мной, репортёры и камеры следовали за ним по пятам. Его голос дрожал, он изо всех сил пытался сдержать ярость.

«Где Дэвид? Он так и не добрался до отеля», — сказал он.

«Давайте заведем его внутрь, а потом поговорим. А вот и он», — ответил я.

Фрэнки вышел из седана и открыл заднюю пассажирскую дверь. Джерри выглянул из-за моего плеча и увидел, как пара красных кроссовок Nike упала на асфальт, а сгорбленная фигура, укрытая белой простыней, чуть не вывалилась из машины и не побежала к нам.

Джерри схватил простыню, обхватил подзащитного руками и повёл его к бурлящему морю камер, софитов и голосов. Не обращая внимания на репортёров, я проверил, кто же там тусуется. Никого из службы безопасности фирмы я не увидел. Несколько человек присоединились к толпе репортёров, не совсем понимая, что происходит, но просто переполненные энергией, витавшей

в воздухе, и отчаянно желая увидеть обвиняемого под простынёй. Пока Джерри пробирался сквозь толпу репортёров, выставив перед собой правую руку, словно лайнбекер из семидесятых, я позволил себе отстраниться как раз перед тем, как СМИ полностью поглотили Джерри и его подзащитного.

Ещё раз осмотрелся — потенциальных стрелков нет. Я кивнул Фрэнки, который стоял на капоте машины и наблюдал.

Задняя дверь «Ящерицы» распахнулась, и я увидел маленькую фигурку молодого человека в плохо сидящем костюме. Он закрыл дверь фургона и быстрым шагом направился к входу в здание суда. Я двинулся вместе с ним и смотрел, как Холли идёт следом и бросает ключи от фургона Фрэнки, прежде чем она пускается в бега.

В этот момент я услышал выстрел.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

«Вперёд!» — крикнула я, и Дэвид отвернулся от звука выстрелов. Холли схватила его за руку, и они вместе бросились к выходу. Путь был свободен.

Я обернулся и увидел, как по лестнице падают тела, люди спешно убегают, чтобы не попасть под перекрёстный огонь. Здоровенный парень в бежевом пальто, всё ещё говорящий в микрофон, оттолкнул меня плечом, и мне пришлось протиснуться мимо пары женщин-ведущих, чтобы хоть что-то увидеть.

Джерри Синтон стоял на коленях, опустив голову на бетон. Он сел, провёл руками по животу, груди, ногам, проверяя, не попала ли в него шальная пуля. Белая простыня слетела с головы Ящерицы, и вместе с ней он отбросил использованную петарду. Прежде чем Джерри успел его как следует разглядеть, Ящерица убежала. Фрэнки сделал над головой круговое движение кулаком. Он собирался припарковаться, а потом вернётся. Толпа репортёров затаила дыхание, камеры замерли, и крики превратились в комментарии.

Поднявшись наверх, я увидел Дэвида и Холли, благополучно миновавших зону досмотра, внутри здания суда.

Холли держала Дэвида за руку.

Я извинился, пробираясь сквозь толпу репортёров, собравшихся у входа. Меня схватили за руку, и я обернулся.

Мужчина с татуировкой *«Крик»* на горле схватил меня. Я не мог пошевелиться. Меня держала не его хватка, а его глаза. Его зрачки и радужки были не тёмно-карими, а чёрными. Абсолютно чёрными. Каждый глаз выглядел как идеальный…Жемчужина оникса покоилась в блюдце с молоком. А под этим лицом бледный человек кричал, сжимая горло.

Я уловил запах сигарет, исходивший от него, когда он отпустил меня и поднял раскрытые руки с широко расставленными пальцами. Кожа у него была тёмной, а ладони — ослепительно белыми. Я заметил ещё больше капель и пятен белой краски на его пальцах и запястьях. Кожа в этих местах была гладкой: ни морщин, ни линий на ладонях. Всё было ошпарено, чисто, ровно и без следов. Его прикосновения не оставляли даже отпечатков пальцев.

Этот человек был настолько необычен, настоль-

ко поразителен, что на мгновение я не заметил, что он что-то прячет в зажиме между большим и указательным пальцами.

«Передай своему клиенту, чтобы держал рот на замке, *каброн* », — сказал мужчина с сильным испанским акцентом.

Он отступил назад и оттопырил большой палец правой руки от указательного.

Я услышал треск тонкого стекла. Проталкиваясь сквозь толпу, он спустился по ступеням. Я услышал шипение и посмотрел вниз. Осколки стекла, размером не больше ложки, и вокруг них янтарная жидкость, пузырясь, разъедала бетон.

Он держал в руках небольшой пузырёк с кислотой. Я вздрогнул и оглядел ступеньки. Он исчез.

ГЛАВА СОРОК ДВА

Зал суда судьи Нокса быстро заполнялся всё ещё дрожащими от страха представителями СМИ. Я немного замедлил шаг, чтобы убедиться, что Дэвид и Холли идут прямо за мной. Я уже решил не говорить Дэвиду о предупреждении; он ещё только собирался с духом. Я разложил бумаги на столе защиты и сел справа, Дэвид — слева. Когда он придёт, Джерри придётся занять угловое место.

Задние двери суда открылись в ста футах позади нас. Обвинение приближалось. Задер плелся в хвосте группы помощников окружного прокурора, которые тащили в зал коробки с уликами и папки. Окружной прокурор Задер печатал что-то на своём iPhone большим пальцем.

Проходя мимо меня, он наклонился и сказал: «Я только что опубликовал это на Reeler».

Официальная лента окружной прокуратуры Нью-Йорка опубликовала новое сообщение:

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЕ МЫ ПРЕДСТАВИМ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛУШАНИЯХ ПО ДЕЛУ ДЭВИДА ЧАЙЛДА, ШОКИРУЮТ СТРАНУ. СЛЕДИТЕ ЗА НАМИ, ПОКА МЫ ЖДЕМ ЗАГРУЗКУ ВИДЕО

СЛУШАНИЯ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ. #ПРАВОСУДИЕПОКЛОНАМ #ОБЩЕСТВЕННЫЙ&БЕСПОРЯДОК

«Как говорится, публично и грязно», — сказал Задер, не в силах скрыть волнение в голосе.

Под постом окружного прокурора в Reeler я увидел квадрат с буквой «R», а под ним — число. Оно увеличивалось каждые полсекунды — 257, 583, 1009. Именно столько раз сообщение было передано через Reeler, Facebook и Twitter.

«Публичное и грязное», — медленно повторил он.

Он вернулся к своим помощникам и помахал нескольким наиболее влиятельным телеведущим, занявшим свои лучшие места в первом ряду галереи.

«Он может это сделать?» — спросил Дэвид.

«В принципе. Он не раскрывает никаких подробностей дела. Он просто хочет повысить свой авторитет. Ты довольно крупная рыба — он хочет публично тебя выпотрошить. Если он хочет стать мэром или губернатором, ему нужно личное присутствие на телевидении. Думаю, ему нравится, что он использует Рилера, чтобы тебя уничтожить. Наверное, он находит в этом некую иронию. Ты — его кровная. Дело не в Кларе. Дело

в нём, и это меня тошнит».

Джерри Синтон молча сел в конце стола защиты. Я не слышал, как он приблизился; для такого крупного мужчины он шёл тихо. Предупредить Джерри с помощью флакона с кислотой было не в его силах. Он пробрался по цепочке от задворков до зала заседаний. Делл мне об этом рассказал. Я подумал было протянуть руку, схватить Джерри за шёлковый галстук и пару раз ударить его головой о красное дерево. Но передумал, когда судья Нокс вошёл в комнату, сел за скамью и объявил слушание.

Теперь пути назад нет. Вот оно. То, что произошло здесь, спасёт или осудит Дэвида. Это спасёт или осудит Кристину. Это определит ход моей жизни. У обвинения было полдюжины свидетелей, и все они были готовы дать показания, которые позволили Дэвиду Чайлду с лёгкостью осудить его. Гораздо легче разнести свидетеля в пух и прах, когда он лжёт. Насколько я мог судить, за исключением разве что двух свидетелей, каждый из оставшихся свидетелей обвинения говорил правду, и эта правда усугубляла вину Дэвида. Мне пришлось отмахнуться от правды каждого из них, чтобы создать свою собственную правду и позволить Ноксу увидеть общую

картину.

Проблема была в том, что я не понимал всей картины. Я пока не мог увидеть всю правду.

Я сказал себе, что это придёт. Дай время.

Доктор Генри Портер был первым крупным заказчиком. Эксперт по ГСР. Я видел его сидящим в четырёх рядах позади Задера. Мужчина лет пятидесяти, элегантно одетый в серые брюки, белую рубашку и синий блейзер. Всё это дополнял бледно-жёлтый галстук. По какой-то причине, как и большинство его коллег-экспертов по огнестрельному оружию того времени, он носил седеющие усы. Интересно, выдают ли они усы вместе с сертификатом эксперта-криминалиста.

Он заметил, что я пристально смотрю на него, и указательным и большим пальцами поправил очки, а затем обратил внимание на Задера.

Окружной прокурор встал, готовый предоставить слово судье Ноксу, который тем временем готовил свое дело к представлению доказательств.

Я подумал, не догадываются ли Задер или Портер о том, что я им уготовил. Надеялся, что нет. Окружной прокурор проверил галерею, убедившись, что его первый свидетель готов. Они обменялись одобрением. Я даже понадеялся, что

через час Задер будет сидеть, засунув большой палец в задницу, и гадать, где же всё пошло не так. С таким же успехом я мог бы сидеть и гадать, как же я так облажался. Слишком близко было, чтобы точно сказать.

Судья Нокс подал Задеру знак, что готов. Окружной прокурор не торопился. Отпил воды из стакана. Быстро оглядел галерею, чтобы убедиться, что всё тихо, все взгляды устремлены на него — что его аудитория готова.

Телекамеры включились. Это дело будет транслироваться в прямом эфире практически на всех новостных каналах страны. Последние слова Задера эхом отдавались в моей голове.

Публичный и грязный.

Черт, как жаль, что я не побрился.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

«Ваша честь, Майкл Задер, окружной прокурор. Второй председатель — г-жа Лопес. Г-н Флинн и г-н Синтон представляют интересы ответчика».

Он обошел стол обвинения, заняв центральное место в зале суда. Мне показалось, он уже прикинул, какое место в зале суда обеспечит лучший обзор для камер.

«Я буду краток в своем вступительном слове, Ваша честь», — сказал Задер, застегивая пиджак.

Он знал, что судья Нокс не любит пространных вступительных заявлений. Он предпочитал сразу переходить к доказательствам. Тот факт, что Задер указал это, означал, что судья Нокс предоставит ему немного времени для камер, без перерывов. Одна из первых вещей, которую узнаёшь как адвокат, — это насколько важно выяснить предпочтения каждого судьи. Кому-то нравятся длинные речи, кому-то — строгие юридические аргументы с минимальным упоминанием фактов, а кто-то предпочитает, чтобы всё было закончено как можно проще и быстрее — независимо от справедливости разбирательства. Судья Нокс относился ко второй категории.

Окружной прокурор выполнил свою домашнюю работу.

Мы предоставим суду ряд свидетелей, которые докажут, что обвиняемый был единственным человеком, находившимся в его квартире вместе с жертвой, Кларой Риз, когда она была застрелена. У нас есть запись с камеры, на которой отчётливо видно, как обвиняемый и жертва входят в его квартиру. Через несколько минут сосед обвиняемого, мистер Гершбаум, услышал первые выстрелы, вышел на балкон, чтобы проверить, что происходит, и стал свидетелем выстрела, доносившегося через окно квартиры обвиняемого. Выстрел был произведён из квартиры. Охранник...Затем на снимке видно, как подсудимый выходит из квартиры. Ричард Форест, охранник, которому позвонил мистер Гершбаум, скажет, что он был там вместе с другими охранниками из здания и обнаружил тело Клары Риз в пустой квартире подсудимого. Доказательства покажут, что в те важные и напряжённые минуты между вызовом мистера Гершбаума в службу безопасности и обнаружением тела в квартире подсудимого, записи с камер видеонаблюдения ясно показывают, что подсудимый был единственным, кто покидал квартиру. Всё просто:

двое входят в пустую квартиру, и только один выходит живым. Мы знаем, что больше никого там не было, и никто больше не заходил. Дэвид Чайлд выходит из дома, и через несколько минут обнаруживается тело его девушки. Короче говоря, он — единственный человек, который мог её убить.

Он помолчал и кивнул сам себе, пока судья просматривал его записи.

«В заключении судмедэксперта описывается способ убийства жертвы. Это, Ваша честь, самая шокирующая часть этого дела».

Ещё одна пауза, нагнетающая напряжение в зале суда. Этот парень был очень хорош.

Жертва, Клара Риз, была убита двенадцатью выстрелами в затылок из небольшого, легко скрываемого пистолета «Ругер». Двенадцать выстрелов. Она была явно мертва после первого выстрела в голову, но её убийца, обвиняемый, разрядил почти полный магазин ей в затылок, выкинул пустой магазин, перезарядил, взвёл курок и сделал ещё семь выстрелов ей в голову.

«Чрезмерная жестокость, присущая этому убийству, явно указывает на то, что оно было совершено в порыве слепой ярости. Это не дело рук наёмного убийцы. Это крайне жестокое, мстительное убийство, которое, как мы утверждаем,

было явно совершено отвергнутым и глубоко обеспокоенным любовником. Любовником жертвы — подсудимым Дэвидом Чайлдом.

В конечном счёте, жестокость, с которой он совершил это гнусное преступление, в сочетании с невезением, неизбежно привели к раскрытию личности подсудимого как убийцы. Через несколько минут после того, как подсудимый вышел из дома, он попал в дорожно-транспортное происшествие с другим автомобилем, менее чем в полумиле от своего дома. За рулём был некий мистер Джон Вудроу. Содержание алкоголя в крови мистера Вудроу в несколько раз превышало допустимую норму, и он признаёт, что стал причиной ДТП — лобового столкновения со спортивным автомобилем подсудимого.

Когда мистер Вудроу подошёл к машине подсудимого после аварии, он заметил в машине пистолет, который лежал на виду. Он вызвал полицию, и офицер Фил Джонс прибыл на место происшествия. Именно офицер Джонс обнаружил пистолет «Ругер» в машине подсудимого.

Это оружие было независимо протестировано доктором Портером, нашим экспертом по следам пороха. Когда у подсудимого взяли мазок на следы пороха, было обнаружено и подтверждено

независимым научным анализом доктора Портера, что подсудимый был буквально покрыт ГСР. В ходе допроса следователя, детектива Моргана, подсудимый отрицал, что когда-либо владел оружием, прикасался к нему, стрелял из него и даже находился в одной комнате с тем, когда раздался выстрел. Учитывая научные доказательства, очевидно, что подсудимый лгал.

Чтобы подчеркнуть очевидное несоответствие с неопровержимыми доказательствами судебной экспертизы, Задер поднял руки, закрыл глаза и сделал такое лицо, как будто хотел сказать: «*Я знаю, этот парень врет как угорелый*».

Итак, подытожим: не только есть вероятная причина, но и обвиняемый — единственный человек, который мог совершить это преступление. Во-вторых, судя по данным судебной экспертизы, обвиняемый солгал полиции. Совершенно верно, мы утверждаем, что он солгал, потому что, честно говоря, судебная экспертиза *не может* лгать.

«Это краткий обзор доказательств обвинения», — сказал он.

Он посмотрел на камеры, хотя ему это делать не положено. Я думаю, он не смог сдержаться.

«Мистер Флинн, у вас есть свободное время?»

Моё мнение о судье Ноксе смягчилось. Он знал,

что Задер играет на публику, и хотел хотя бы дать мне шанс на быстрый ответ.

«Нет, спасибо, Ваша честь. Давайте начнём».

«Очень хорошо. Ваш первый свидетель, господин Задер?»

«Мы вызываем доктора Генри Портера на...»

«Подождите. Разве он не эксперт-свидетель? Если да, то вам не обязательно вызывать его на предварительное слушание. Я могу просто зачитать его отчёт».

«В данном случае, Ваша честь, мы считаем, что всем будет полезно услышать мнение доктора Портера. Он может изложить суду свои выводы, и я уверен, что он сможет ответить на любые вопросы г-на Флинна».

Опять же, для камер. Судья знал, что Задер звонит Портеру, чтобы СМИ сразу же получили эти неопровержимые доказательства. Десятиминутный кадр с судьей Ноксом, читающим отчёт, не подошёл бы для телевидения.

«Если вы так хотите, то позвоните ему», — сказал судья.

Свидетель уже встал и направлялся к свидетельскому месту, держа протокол под мышкой. Когда он проходил мимо меня, я уловил запах оружейного масла и дешёвого лосьона после

бритья. Он выглядел уверенным и бесстрашным. На этой ранней стадии процесса у защиты просто нет времени, чтобы…Собственный эксперт может опровергнуть выводы свидетелей обвинения. Именно этого эксперты-свидетели боятся больше всего — того, что другой эксперт с более высокой квалификацией скажет, что они неправы. Без этого им не о чем беспокоиться. К тому же, у Портера была хорошая свидетельская репутация — в любом случае, его показания никогда ранее не подвергались успешному опровержению.

Я говорил себе, что все бывает в первый раз.

Портер принял присягу и сел.

«Доктор Портер, можете ли вы вкратце рассказать о характере вашей специализации?» — спросил Задер.

«Конечно. Я — квалифицированный эксперт по баллистике и криминалистическому извлечению остатков огнестрельного оружия. Ранее я работал в государственной судебно-медицинской лаборатории и участвовал в тысячах экспертиз. Я давал показания в двухстах трёх судебных процессах».

Он выглядел расслабленным, как дома. В конце концов, быть профессиональным свидетелем было его работой. А Портер был хорош, очень

хорош. Я не сомневался, что он назвал точное количество своих судебных выступлений, чтобы сразу показаться чётким, точным и опытным. В то же время я почти не сомневался, что он упомянул количество дел, которые он вёл, пытаясь меня запугать; во всех этих делах он выступал свидетелем обвинения, и каждое из них завершилось обвинительным приговором. Некоторые приговоры были отменены в апелляции, но у Портера всё равно был впечатляющий послужной список.

«Доктор Портер, что такое следы пороха?» — спросил Задер.

Когда стрелок нажимает на спусковой крючок заряженного огнестрельного оружия, ударник давит на капсюль, который воспламеняет порох внутри патрона, что приводит к очень быстрому образованию огромного количества газа. Этот газ затем выстреливает пулю из ствола со скоростью примерно тридцати метров в секунду. Взрыв капсюля и пороха выбрасывает в атмосферу газы и фрагменты материала, некоторые из которых сплавляются воедино. Эти фрагменты представляют собой сочетание мельчайших частиц боёка, пороха, капсюля и пули. Все эти материалы затем быстро оседают в среде, в которой они образова-

лись. Поэтому остатки выстрела обычно оседают на коже и одежде стрелка.

«Доктор, проводили ли вы исследования образцов, взятых с кожи и одежды подсудимого?»

«Я это сделал. Сотрудники полиции Нью-Йорка взяли образцы с рук, свитера и лица обвиняемого. Затем я проверил эти образцы на наличие в них веществ, которые обычно присутствуют в следах пороха».

«И что вы нашли?»

«Я обнаружил высококонцентрированные отложения бария и сурьмы во всех образцахНекоторые из этих материалов, в основном барий, сплавились воедино. Научно доказано, что эта комбинация материалов представляет собой остатки пороха.

«Когда вы говорите «высококонцентрированные месторождения», что это значит?» — спросил Задер.

«Если стрелок выстрелит один раз, я смогу найти на его коже и/или одежде следы пороха. Если будет произведено больше одного выстрела, будет и больше одного взрыва, поэтому объём и плотность обнаруженного материала увеличиваются».

«В данном случае, доктор Портер, каково было

ваше заключение относительно высокой концентрации остатков пороха, обнаруженных на теле обвиняемого?»

«Учитывая широкое распространение и концентрированное количество остатков пороха, я могу со значительной степенью уверенности заключить, что г-н Чайлд находился в непосредственной близости от огнестрельного оружия, из которого стреляли несколько раз, и он подвергался воздействию этого материала в течение последних нескольких часов перед взятием образцов».

«Ваша честь, не могли бы вы дать мне минутку, чтобы проверить мои записи?» — спросил Задер.

«Конечно», сказал Нокс.

Он вернулся к блокноту и пролистал пару страниц. На самом деле он просто сделал паузу для пущего эффекта, позволяя последнему ответу дойти до сознания судьи и зрителей дома.

Он выпрямился и снова обратил внимание на свидетеля.

«Благодарю вас, ваша честь. Итак, доктор Портер, у меня есть справка о том, что обвиняемый Чайлд заявил полиции, что никогда не стрелял из оружия и даже не находился в комнате, когда раздался выстрел. Учитывая ваши выводы, счи-

таете ли вы это возможным?»

"Нет."

«Просто мы все слышали о случаях, когда следы, например, следы пороха, могут перемещаться с места на место, от человека к человеку. Возможно ли это в данном случае?»

«Возможно, что ГСР может передаваться. Частицы ГСР могут переноситься с одежды или кожи человека на другие участки. В данном случае этого не произошло. Количество остатков, обнаруженных мной во всех образцах с рук, одежды и лица обвиняемого, исключает возможность переноса».

«И почему это?»

«Потому что обвиняемому пришлось бы принимать душ в следах пороха. По моему опыту, это невозможно из-за огромного количества и высокой концентрации…GSR установил, что ответчик попал туда посредством вторичного переноса. Этого не может быть. Веские доказательства по этому делу доказывают, что он находился в непосредственной близости от огнестрельного оружия, которое выстрелило несколько раз.

Задер снова замолчал, позволяя ответам впитаться в камеры. Он не стал задавать дальнейших вопросов. Он уже донес свои доводы до конца и

отрезал наиболее вероятный путь для атаки. Я прошептал Дэвиду: «Включи свой мобильный телефон и не говори». Пока он это делал, под столом, чтобы судья не увидел, я нацарапал записку и передал её Дэвиду.

Он выжидающе посмотрел на меня.

«Не делай этого пока. Жди моего сигнала», — сказал я.

«Ваш свидетель», — сказал Задер почти с вызовом: «*Делай, что хочешь. Я выдержу*».

Портер ничуть не выглядел обеспокоенным. Насколько ему было известно, это был обычный тест, обычное дело с обычными результатами. У него было достаточно опыта, чтобы знать все обычные точки зрения адвокатов защиты, все старые аргументы. Обычно стандартной тактикой атаки на подобные доказательства была атака на цепочку. Портер работал в лаборатории. Он не собирал доказательства и не знал, какие образцы подлинные, а какие нет, какие образцы были загрязнены, а какие были тщательно сохранены. Когда защита не смогла спорить с научными данными, она заявила, что научные данные не имеют значения, поскольку эксперт исследовал загрязненный материал.

Портер скрестил руки на груди. Он уже слы-

шал всё это раньше, много раз. Он был готов ко всему.

Но не в этот раз.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

«Не ходите с этим парнем на рыбалку, — сказал Синтон. — Он опасен — подождите, пока мы найдём нашего эксперта. Приберегите это для суда».

Впервые я видел, как Синтон нервничает. Пот на верхней губе, ручка дрожала в руке. Ему хотелось лишь одного: убраться отсюда к черту и забрать Дэвида с собой. Фирма не могла убить его в здании суда. Если они хотели его убрать, им нужно было убрать его из охраняемого здания, оставить на улице, уязвимым.

Я проигнорировал Джерри, встал с пустыми руками и посмотрел на судью Нокса. Он выглядел раздраженным. Он ждал долгого, скучного спора между мной и свидетелем, который ни к чему не приведет.

Но у меня была четкая цель.

«Доктор Портер, вы начали свои показания с заявления о том, что вы давали показания по более чем двумстам делам, да?»

«Двести четыре, включая этого».

«Я благодарен за напоминание. Из этих двухсот четырёх выступлений, сколько раз выступлений были в качестве экспертов-свидетелей защиты?»

Любой другой так называемый независимый эксперт, вероятно, немного бы смутился. Портер же не стал. Он просто небрежно отмахнулся.

«Ни одного», — сказал он.

"Никто?"

"Правильный."

«Извините, возможно, я не понимаю. Просто вы в своих показаниях заявили, что являетесь *независимым* экспертом», — сказал я.

«Да. Меня может нанять как адвокат защиты, так и обвинение. Мой долг — честно изложить суду своё мнение; неважно, какая сторона подпишет чек на оплату моих гонораров».

Он приоткрыл дверь лишь на щёлочку. Ровно настолько, чтобы впустить меня.

«То есть, чтобы прийти к своему честному, экспертному мнению, вам придется игнорировать имя на чеке и основывать свое мнение исключительно на тех доказательствах, которые вы нашли, верно?»

"Правильный."

«Итак, просто в качестве примера, если бы обвинение попросило вас высказать мнение, не основанное на фактах или ваших собственных доказательственных выводах, что бы вы сделали?»

«Сомневаюсь, что какой-либо прокурор по-

просит об этом профессионального свидетеля, но для протокола: я бы не стал делать никаких официальных заявлений без подтверждающих их доказательств».

«То есть ваше мнение основывается только на фактах и доказательствах?»

"Конечно."

«То есть нельзя основывать мнение на домыслах, когда известные факты говорят об обратном, верно?»

«Хорошо», — сказал он, вздохнув.

Я слышал, как Задер шепчет своим окружным прокурорам, сообщая им, что я быстро не добьюсь никаких результатов.

Я взял отчёт Портера, пролистал его до конца, где был представлен анализ частиц и материалов, обнаруженных в образцах, взятых с лица, рук и одежды Дэвида. Это были исходные научные данные, на которых Портер основывал свои доказательства.

«Доктор, в результатах ваших анализов вы обнаружили много разных частиц?»

«Да. Когда происходит взрыв, мельчайшие частицы, выбрасываемые в атмосферу выстрелом, смешиваются с другими частицами, прежде чем оседают на коже, поэтому иногда они притягива-

ют к себе и другие частицы, например, пыль».

«И три основных индикатора остатков пороха — это частицы свинца, бария и сурьмы?»

"Правильный."

«Частицы бария и сурьмы имеют тенденцию выделяться при воспламенении капсюля и топлива?»

«В целом, да».

«Частицы свинца, как правило, попадают из пули или из цельнометаллической оболочки?»

"Да."

«Вы не обнаружили следов свинца в своих результатах?»

«Это не новость. Пули некоторых производителей просто прочнее и устойчивее других. Высокая концентрация бария и сурьмы — научно признанные признаки GSR».

«Помимо высоких концентраций бария и сурьмы, ваши результаты показывают плотное скопление нейлона?»

«Да. Возможно, стрелок был в перчатках из этого материала. Горячего материала GSR, оседающего на перчатках, могло быть достаточно, чтобы прожечь нейлон и попасть на кожу», — сказал Портер, и его голос затих к концу заявления. Он не был уверен в этом, и я уже догадался, что

при составлении отчёта прокурор надавил на него, чтобы он объяснил, почему он обнаружил так много нейлона и резины в образцах. Это даёт окружному прокурору лёгкий аргумент, когда защита указывает на отсутствие отпечатков пальцев на оружии; Задер мог просто сослаться на предположение Портера о том, что стрелок мог быть в перчатках.

Я замолчал, изобразил замешательство и посмотрел на судью. Дэвид протянул мне перчатки Ящерицы, которые я спрятал под столом защиты. Я отложил отчёт Портера и поднял их.

«Я немного запутался. Это не нейлоновые перчатки, но, конечно, если бы стрелок был в таких перчатках, закрывающих всю руку, вы бы не обнаружили столько материала GSR в образце, взятом с рук?» — спросил я.

«Я понимаю вашу точку зрения, но вещество могло попасть обратно в воздух, а затем осесть на руках, когда перчатки были сняты».

«Вы лжец, доктор Портер?»

Судья Нокс поднял голову от своих записей, чтобы его обеспокоенный взгляд дошёл до адвоката. Этот взгляд ясно дал мне понять, что я хожу по тонкому льду, и мне лучше подтвердить свои слова.

«Я под присягой, мистер Флинн», — ответил Портер.

«Я знаю, что вы это делаете. Просто в своих прямых показаниях вы специально исключили возможность попадания материала на одежду и руки подсудимого путем вторичного переноса, верно?»

Он кивнул судье, давая понять, что все в порядке.

«Ну, я полагаю, строго говоря, материал, попадающий на руки ответчика, когда он снимает перчатки, будет вторичным переносом, но некоторые могут сказать, что это все равно первичный перенос, поскольку материал просто перемещается вокруг первоначального источника».

«Главный детектив в этом расследовании — детектив Морган. Вы называете его *л*жецом, доктор Портер?»

"Конечно, нет."

«Просто детектив Морган просмотрел записи с камер видеонаблюдения частных охранных компаний и уличных камер, которые следят за Дэвидом Чайлдом с момента выхода из квартиры до момента его участия в операции RTC. Детектив Морган в своих показаниях ничего не упоминает о том, что Дэвид Чайлд выбросил пару перчаток.

Перчаток не обнаружено ни в его машине, ни в квартире, ни при нём, и очевидно, что он их не выбрасывал, потому что это было бы видно на камере. Итак, если вы утверждаете, что стрелок мог быть в перчатках, куда они делись?»

«Я не могу на это ответить».

Я показал отчет Портера.

«В результатах ваших испытаний, наряду с барием, сурьмой и нейлоном, вы также обнаружили сплавленную резину, кожу и пластик, верно?»

"Да."

«На самом деле во всех образцах кожи и одежды подсудимого была обнаружена высокая концентрация нейлона, резины, кожи и пластика, верно?»

«Это справедливо. Да».

«Вы когда-нибудь сталкивались с подобными результатами?»

«Нет, не могу сказать, что сталкивался, но каждая среда, в которой применяется оружие, отличается. Не всегда можно предсказать, какой материал найдешь».

«Учитывая, что вы основываете свои выводы на доказательствах, и принимая во внимание, что полиция не нашла никаких перчаток, откуда, по

вашему мнению, взялись все эти нейлоновые, резиновые, кожаные и пластиковые отложения?»

«Боюсь, я не могу делать никаких предположений».

«Это потому, что у вас нет доказательств того, где обвиняемый мог контактировать с этим материалом?»

Он замолчал, обдумывая это. Его тонкие пальцы пробежались по подбородку. Вопрос показался ему подозрительным.

«Верно. У меня нет никаких доказательств, которые могли бы помочь мне точно определить, откуда взялся этот материал».

Портер имел полное право на подозрения. В тот момент все его показания были на грани.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

«Доктор Портер, пожалуйста, взгляните на эти фотографии». Я протянул ему кадры с камеры видеонаблюдения, заснявшей столкновение Bugatti Дэвида и пикапа Ford.

«Можете ли вы подтвердить, видели ли вы эти фотографии раньше?»

Он посмотрел на судью и сказал: «Ваша честь, я никогда раньше не видел этих фотографий».

«Обвинение и защита пришли к единому мнению, что это машина мистера Чайлда, Bugatti. Вы видите её на этих фотографиях?» — спросил я.

"Да."

«Вы видите, что передняя часть этого автомобиля сильно повреждена в результате сильного лобового столкновения, верно?»

«Я не эксперт по автомобилям, но я согласен».

«Итак, увидев эти фотографии, желаете ли вы отказаться от своих прежних показаний?»

«Простите, что? Я не понимаю», — сказал Портер. Окружной прокурор знал, что я нарываюсь на подвох, но не знал, к чему это приведёт. Я слышал, как Задер шепчет Лопес — она тоже не знала, к чему я клоню. Даже если бы они догадались, это

не имело бы значения. Главное, что Портер тогда этого не предвидел.

«Вы знаете, доктор, что эксперт-свидетель обязан давать беспристрастное экспертное заключение».

«Я осознаю свои обязательства, но не понимаю, от какой части моих показаний вы просите меня отказаться».

Ваши показания о том, что Дэвид Чайлд дал положительный результат на следы пороха, и, следовательно, он либо несколько раз выстрелил из пистолета, либо, вероятно, находился в непосредственной близости от оружия, из которого было произведено несколько выстрелов. Я предоставлю вам последнюю возможность отозвать эти показания, доктор.

«Нет, я не вижу причин отзывать это заявление».

Я помолчал, кивнул и посмотрел на судью.

«Посмотрите на фотографию три, доктор Портер».

Он пролистал фотографии, пока не нашёл нужную. Крупный план разбитого «Бугатти». Он рассматривал её всего несколько минут назад, но взглянул ещё раз и ждал вопроса.

«Ещё минуту назад вы не могли объяснить на-

личие частиц нейлона, пластика, кожи и резины на руках, предплечьях, одежде и лице мистера Чайлда. А теперь можете?»

Еще раз взгляните на фотографию.

"Нет."

Я вздохнул, как будто мне пришлось вытягивать это признание из Портера, хотя на самом деле я не дал ему достаточно информации для ответа на вопрос.

«Доктор Портер, мы уже установили, что автомобиль получил сильный удар — фотография три — это крупный план этого автомобиля. Как вы видите из салона, не менее трёх…»

Он слегка сполз на стуле. Закрыл глаза. Я загнал его в угол. Высеченные на каменной скрижали его показания. Если бы он отклонился от них хоть на дюйм, его башня доказательств рухнула бы, и он это знал. Но у него не было выбора.

Он это видел.

Озарение пришло ко мне, когда Ящер рассказывал о том, как разложил части своего разобранного оружия в разобранном виде. Мне пришло в голову, что GSR — это материал, оставшийся после взрыва, и я точно знал, что в тот день Дэвид находился рядом со взрывом. Небольшим, но более мощным, чем взрыв от выстрела пули.

«Подушки безопасности», — сказал Портер.

Позади себя я услышал возбуждённый шёпот Задера. Я обернулся и увидел, как помощник прокурора выходит из зала суда, на ходу включая телефон. Он был молод, лет двадцати с небольшим, в сером костюме, коричневых кожаных ботинках, с тёмной бородой под каштановыми волосами. Я снова обратил внимание на Портера.

«Да, подушки безопасности. Когда подушки безопасности срабатывают при столкновении, они вылетают из приборной панели и надуваются за микросекунды, не так ли?» — спросил я.

«Да», сказал Портер.

«Эта взрывная сила возникает из-за небольшого детонатора, который оставляет следы бария и сурьмы. Разве не так?»

«Я не уверен в точном составе…»

Я уже шёл к нему. В руке я держал копию французского заключения судебно-медицинской экспертизы о сходстве между GSR и следами, обнаруженными в автомобиле после срабатывания подушки безопасности.

«Доктор, это научная статья, опубликованная в прошлом году, в которой подробно описывается криминалистический анализ остатков срабатывания подушки безопасности и их сходство с GSR.

Переверните, пожалуйста, страницу четыре, и вы сможете ознакомиться с результатами самостоятельно».

Секретарь снял копию с бумаги для судьи. Я оставил одну копию на столе Задера. Он не стал её брать, просто смотрел на меня.

Читая, Портер жевал губу. Я дал ему целых три минуты, чтобы прочитать всю статью. У меня внутри всё ёкнуло, когда я увидел, что судья Нокс тоже читает. Ему было интересно. Мне нужно было продолжать в том же духе.

«Да, я вижу, что результаты экспертизы подтверждают стандартные характеристики остатков частиц, образовавшихся при срабатывании подушки безопасности. Но это не значит, что мои результаты не выявили наличия ГСР».

Портер упорно цеплялся за своё мнение, отбиваясь. Именно этого я и ожидал от эксперта, успешно выступившего в двухстах трёх предыдущих судебных заседаниях.

«Ты уверен?» — спросил я.

«Я уверен в своих результатах».

«Вполне вероятно, что при взрыве, который пробивает кожух рулевого колеса и приборную панель, чтобы высвободить подушки безопасности, мелкие частицы самой нейлоновой подушки

безопасности вместе с резиной, кожей и пластиком панели приборов также расплавятся под воздействием тепла, высвободятся и отложатся на коже, как и показало исследование?»

"Возможно."

«Возможно? Это вполне вероятно. Разве не так?»

«Да», — тихо сказал он.

«В этом судебно-медицинском заключении по остаткам срабатывания подушки безопасности указано, что почти во всех проведенных анализах был обнаружен очень похожий материал. Вы согласны с этим?»

"Я должен."

«Вы признаете, что характерный материал отложений подушки безопасности, указанный в этой статье, практически идентичен материалу, обнаруженному в вашем анализе образцов, взятых у ответчика?»

Прежде чем я закончил вопрос, Портер уже начал качать головой; он не собирался сдаваться без борьбы.

«Они практически идентичны, и некоторые отложения, такие как нейлон и резина, могли образоваться в результате взрыва подушки безопасности, но это ничего не меняет. Барий и

сурьма, обнаруженные у обвиняемого, являются характерными материалами, содержащими следы пороха. Я по-прежнему считаю, что обнаружил следы ГСР в этих образцах».

Он оглядел зал суда почти с облегчением. Сделав глоток воды и прополоскав рот перед тем, как проглотить, он выглядел как боксёр, только что выдержавший сильнейший удар противника и с хлестким оком вернувшийся к прежнему. Он ещё не осознавал этого, но уже падал на счёт «десять».

«Доктор Портер, мы ранее установили, что святая троица материалов ГСР — это свинец, барий и сурьма, вы помните?»

"Я делаю."

«Вы сказали, что патроны некоторых производителей прочнее других, поэтому они могут не оставлять следов свинца в GSR. Вы всё ещё придерживаетесь этого мнения?»

"Это."

«Вы исследовали образцы, взятые у обвиняемого, но вы также исследовали образцы, взятые из пистолета?»

Его глаза медленно закрылись. Он был далеко впереди меня. Он слепо кивнул.

«Это да?» — спросил я.

«Да», — тихо ответил он, закрыв глаза, чтобы не увидеть грузовой поезд, когда он врежется в него.

«Доктор, ваш анализ оружия, изъятого в машине обвиняемого, обнаружил следы бария, сурьмы *и* свинца».

Его глаза открылись, и он сказал: «Да».

«Нет нейлона?»

"Нет."

«Нет резины?»

"Нет."

«Нет кожи?»

"Нет."

«Результаты ваших тестов материала, из которого изготовлено оружие, и материала, обнаруженного у обвиняемого, сильно различаются?»

«Да, есть различия».

«Если говорить честно, доктор Портер, то окружная прокуратура не сообщила вам, что непосредственно перед арестом подсудимый попал в автомобильную аварию, в которой сработали подушки безопасности, верно?»

Он понял, что я бросаю ему кость, и схватил ее обеими руками.

«Верно, мистер Флинн. Я не смогу проводить точные сравнительные испытания, если у меня

не будет жизненно важных данных об окружающей среде, которые можно было бы использовать в анализе».

«Если бы прокурор предоставил вам эту важную информацию, ваше мнение было бы иным?»

Еще до того, как Портер бросил Задера под автобус, я уже чувствовал на своем затылке взгляд окружного прокурора; презрение было ощутимым.

«Мое мнение было бы совсем другим», — сказал Портер.

«Невозможно, чтобы при выстреле из ружья остались свинцовые следы только на самом оружии и не осталось ни следа на руках или одежде стрелка, верно?»

Я не мог оторвать взгляд от окружного прокурора, наблюдая, как он уговаривал доктора Портера придумать что-нибудь, какой-нибудь веский научный козырь, волшебное средство, чтобы спасти его показания. Эксперт какое-то время молчал. Он посмотрел на Задера почти с извинением. Клянусь, я видел, как Портер пожал плечами.

«Учитывая то, что мне известно сейчас, я бы сказал, что это крайне маловероятно».

«Судя по вашим результатам и тому, что вы теперь знаете о подушках безопасности и общих

существенных различиях между результатами ваших образцов, можно сделать вывод, что материал, обнаруженный на пистолете, — это GSR, а материал, обнаруженный на обвиняемом, — это материал подушки безопасности?»

Он тонул, а я привязывал ему к ногам мешки с цементом. Он почесал голову и какое-то время молчал.

Я говорил медленно, даже тихо. «Доктор, позвольте напомнить вам ваш предыдущий ответ? Вы заявили суду, что ваше мнение основано на фактах и представленных вам доказательствах. Пожалуйста, помните об этом. Итак, я спрошу вас ещё раз: исходя из фактов и доказательств, которые вам теперь известны, вещество, обнаруженное вами у подсудимого, скорее всего, является остатками взрыва подушки безопасности, а не следами выстрела?»

«Да, теперь, когда у меня есть все факты, я согласен с этим утверждением», — сказал Портер.

«Доктор, ранее вы дали под присягой показания, что подсудимый стрелял из пистолета несколько раз. Теперь вы не можете быть уверены, что он сделал хотя бы один выстрел. Не так ли?»

Тишина. Ни малейшего звука дыхания. Все

ждали ответа.

Сквозь стиснутые зубы Портер сказал: «Нет. Сейчас я не могу быть в этом уверен».

Я развернулся на сто восемьдесят и сказал Чайлду: «Отправь».

Под столом защиты руки Дэвида работали со своим смартфоном. Единственным звуком были мои каблуки, стучащие по полу. Затем стул Задера заскрипел по кафелю, когда он встал и сказал: «Перенаправления нет».

«Есть ли еще свидетели сегодня, мистер Задер?» — спросил судья Нокс.

«Позвольте мне одну минуту, Ваша честь», — сказал Задер, садясь и листая страницы своего дела. Он тянул время.

Дэвид протянул мне телефон, чтобы показать экран. Для парня, обвиняемого в убийстве первой степени, он выглядел невероятно довольным собой. Я забрал у него телефон и подошёл к обвинению. Судья опустил голову, просматривая свои записи. Я промолчал. Просто протянул телефон, чтобы Задер мог видеть.

Это было из аккаунта Дэвида в Reeler. Новый пост разлетелся по всем остальным социальным сетям. Количество просмотров внизу экрана росло в режиме реального времени и достигало

тысяч. К тому времени, как Задер прочитал пост, у него было двадцать одна тысяча просмотров. Публикация была простой и личной, написанной Дэвидом для своих подписчиков:

Я НЕВИНЕН. ЭКСПЕРТ-СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ ТОЛЬКО ЧТО БЫЛ УНИЧТОЖЕН. ДЕЛО ОБВИНЕНИЯ РУШИТСЯ.

ЭТО СМУТНО ДЛЯ ПРОКУРОРА.

ЭТО ПУБЛИЧНО И ГРЯЗНО.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Помощник прокурора, отправленный Задером с поручением, вернулся в зал суда. Он показал своему боссу большой палец вверх, направляясь по центральному проходу.

Лицо Задера снова приняло стальное выражение. Челюсти сжаты, глаза загорелись изнутри — без сомнения, это был какой-то план, который он замышлял с вернувшимся АДА.

Он не мог удержаться от соблазна позлорадствовать.

«Двадцать лет по признанию вины?» — сказал он.

«Снимите обвинения, пусть гуляет».

«Я надеялся, что вы так скажете. Вы хорошо поработали с Портером. Жаль, что всё это оказалось напрасным», — сказал Задер. В следующий момент он обратился к суду.

«Ваша честь, возник вопрос, и мы хотели бы поговорить с вами наедине, в вашем кабинете».

«Господин Задер, я уже пропустил свой день игры в гольф и опаздываю на сегодняшний ужин, так что вам лучше поторопиться», — сказал Нокс, расслабляясь в кресле.

Задер и помощник прокурора, вернувшийся в суд с документом, стояли за правым стулом у стола Нокса. Мы с Синтоном стояли слева. Задер не собирался выставлять себя дураком, садясь за стол. Он знал своих судей.

Задер вынул страницу из своего протокола об административном правонарушении и передал её судье. Его тон был торжественным и уважительным, когда он обратился к судье Ноксу: «Ваша честь, я должен сообщить вам о нашем намерении подать ходатайство о вашем отводе от этого дела. У нас есть доказательства предвзятости судьи, и вы не можете продолжать это слушание».

Вспышка гнева мелькнула на губах Нокса, превратив их в рычание, прежде чем он...Он стиснул зубы, сдерживая желание оторвать кусок от Задера. Пока он читал, его глаза расширились, щёки залила кровь, а кожа приобрела оттенок, который можно было описать только как пожелтевший закат.

«Откуда у вас эта информация?» — спросил судья Нокс, переворачивая страницу и кладя ее лицевой стороной вниз на стол.

Посмотрев на своего ADA, Задер невинно протянул руки.

«Это для вашего же блага, Ваша честь. Вам следует отойти в сторону и предоставить другому судье возможность выслушать это предварительное слушание. Никто не утверждает, что вы знали об этой информации до начала дела. На самом деле, мы сами только что это обнаружили. Возможно, мы избавим вас от неловкой ситуации, если вы сейчас добровольно откажетесь от иска».

Судья покачал головой, широко раскрыв рот от изумления. Наконец он повернулся ко мне и спросил: «Что вы думаете по этому поводу, мистер Флинн?»

«Понятия не имею, что происходит. Я так же удивлен, как и вы, судья. Могу ли я взглянуть на документ...»

«Нет», — сказал Нокс, и его рука с грохотом опустилась на страницу. «Вам не обязательно это видеть, но я расскажу вам содержание. Это заявление моего инвестиционного агента. У меня есть акции и облигации, вложенные в различные портфели, и моя жена общается с агентом и управляет этими делами. Это её сфера деятельности. Я просто выписываю чеки. Похоже, у меня есть небольшая инвестиция в материнскую компанию Reeler, компании вашего клиента.

Уверяю вас, я ничего не знал об этой инвестиции до начала дела».

Сукин сын.

Окружной прокурор знал, что действия Портера испортили обвинение. По сути, они разбили его в пух и прах, и Задер хотел уничтожить улики. Если бы судья Нокс взял самоотвод, дело пришлось бы начинать заново. И на этот раз Портер либо был бы полностью готов к моим вопросам, либо, что более вероятно, Задер даже не вызвал бы его в качестве свидетеля и построил бы свою позицию на оставшихся доказательствах. Новый старт для Задера, на этот раз без ошибок.

«Ну, Ваша честь, если вы не знали об этом, то я не понимаю, как вы можете быть предвзяты...» — сказал я.

«О, могу», — сказал судья Нокс, бросив на Задера взгляд, в котором было видно всё его презрение к окружному прокурору. Если бы доказательства были в пользу обвинения, они бы ни за что не стали просить судью взять самоотвод. У меня было подозрение, что Задер знал обо всех инвестициях судьи ещё до начала дела, так что в случае провала у него в кармане было прошение об отводе, чтобы он мог начать всё сначала. Отправка ADAПолучение списка инвестиций Нокса

было лишь показным. Эта информация была у него ещё до начала предварительного слушания.

«При всем уважении, Ваша честь, защита не возражает против продолжения слушания».

«Ну, конечно, нет», — сказал Задер. «Защита не будет возражать, потому что цена акций Reeler падает с каждой секундой этого судебного разбирательства, и если дело обвиняемого рассматривает судья, финансово заинтересованный в отклонении обвинений и сохранении цены акций и прибыли от собственных инвестиций, ну кто бы не хотел такого судьи? Дело в том, Ваша честь, что если вы продолжите в том же духе и если пресса узнает об этом, предварительное слушание превратится в фарс, а ваша карьера будет серьёзно подорвана».

«Как вы смеете читать мне нотации о моей карьере и профессиональном суждении, мистер Задер, и не угрожайте мне прессой. Вы находитесь на расстоянии листа бумаги от того, чтобы увидеть, что происходит внутри камеры. Дело в том, что, несмотря на любезный ответ мистера Флинна, у меня нет иного выбора, кроме как взять самоотвод. Извините, джентльмены. Я свяжусь с вышестоящим судьёй и передам это дело новому судье утром. Боюсь, предварительное слушание

придётся начать заново».

Это было правильное решение, по всем правильным причинам, но оно всё равно оставило неприятный осадок. Я думал, что доводы против Портера заставят Дэвида сочувственно выслушать; это был первый из серии мощных ударов, которые должны были сокрушить обвинение. Портер и подушка безопасности были единственным мощнейшим ударом, который я нашёл на данный момент. Теперь его больше нет. Не имело значения, что об этом узнала пресса. Новый судья вообще не станет рассматривать это дело, если только Задер снова не вызовет Портера в качестве свидетеля, а он ни за что на это не пойдёт.

Никто не произнес ни слова. Мы вышли из кабинета Нокса, и я увидел Задера, ожидающего меня в коридоре.

Видишь ли, Флинн, меня не победить. Тебе меня *не* победить. Завтра я тебя разнесу в пух и прах, и ты ничего не сможешь с этим поделать. Если понадобится, я продолжу отстранять от этого дела каждого чёртова судью, пока не найду того, кто вынесет верный результат. У меня также есть резерв. Завтра днём мы собираем большое жюри. Так что даже если ты завтра выиграешь предварительное слушание, я всё равно смогу предстать

перед большим жюри, которое *предъявит* обвинение Чайлду. У тебя ничего нет. Приходи ко мне, когда захочешь заключить сделку.

Я отпустил Задера, Джерри Синтон последовал за ним. Синтон не хотел быть рядом со мной. Огромная рука Синтона легла Задеру на плечо. Он дал окружному прокурору свою визитку, и они разговаривали, всё дальше отходя от слышимости. ДжерриОн занимался страховкой, строил планы, чтобы первым узнать, обращусь ли я к окружному прокурору заключить сделку. Вероятно, он объяснял Задеру, что на самом деле он — адвокат, действующий по делу, и что любая сделка должна проходить через него. Синтон не хотел никакой сделки. Ему нужна была наводка от окружного прокурора, чтобы он мог гарантированно убить молодого Дэвида, прежде чем тот согласится похоронить фирму в обмен на лёгкую прогулку по убийству Клары. Я воспользовался возможностью оторваться от Джерри в толпе, схватил Дэвида и направился к боковому выходу из зала суда, ведущему к камерам.

Одна мысль продолжала терзать меня. Как Задеру удалось раздобыть информацию на судью Нокса? Даже если бы у него уже была эта информация до начала слушания, получить её

было бы непросто. Кто-то помогал Задеру. Кто-то с серьёзными связями.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Выйти из здания суда незамеченным оказалось гораздо проще, чем попасть внутрь. Сотрудник службы безопасности здания суда по имени Томми Биггс провел нас на первый этаж от защищённого лифта, который использовался для перемещения задержанных из камер в зал суда. Я поставил себе задачу познакомиться как можно с большим количеством охранников, клерков, секретарей, сотрудников бэк-офиса, полицейских и сотрудников содержания под стражей. Причин было несколько. Во-первых, это обычно довольно хорошие люди, с которыми приятно познакомиться, когда ты лежишь в засаде в ожидании слушания дела своего клиента. Дополнительным бонусом от знакомства с этими хорошими людьми является то, что ты понимаешь, что на самом деле они управляют системой правосудия. Они делают всю работу. Всё, что нужно для отправления правосудия, — это горстка порядочных судей из кучи придурков и банк хорошего вспомогательного персонала.

Мы ждали в тёмном коридоре, пока Томми проверял, свободен ли сервисный отсек. Он полу-

обернулся и заглянул в стальную дверь. Мне стало интересно, много ли дверей ему пришлось проходить боком. Томми был бывшим участником конкурса «Мистер Вселенная», отцом-одиночкой и одним из лучших надзирателей, которых я когда-либо встречал. Барри, бывший полицейский и мой друг, который последние годы жизни перевозил заключённых из фургона в камеру в старом здании суда на Чемберс-стрит, познакомил меня с Томми.

Томми махнул нам рукой в зону погрузки, на охраняемую парковку, куда доставляли продукты, канцелярские принадлежности и граждан, которые по какой-то причине умудрились попасть в полицейское управление Нью-Йорка и попасть сюда в кузове заключённого. Он направился к единственной двери для пешеходов, которая…Был разрезан на части стальными ставнями. Проверив камеру видеонаблюдения на мониторах рядом с дверью, Томми убедился, что у входа нет репортёров.

«Иди. Всё чисто», — сказал Томми.

«Спасибо, Т. Я твой должник», — сказал я.

Он похлопал меня по плечу, когда я проходил мимо, и мы вышли на улицу, где сразу же сели в другой тёмный седан, на этот раз насыщенного

тёмно-синего цвета; предыдущая машина была слишком горячей, чтобы снова туда ехать. Фрэнки рванул с места прежде, чем я успел закрыть дверь.

Мы вышли. К счастью, Дэвид и все остальные были целы и невредимы. Теперь у меня было немного времени подумать. Но вместо того, чтобы прокручивать в голове действия Задера и обдумывать улики против Дэвида, я думал о Кристине. Каждая уступка, которую я уступил Задеру, делала нападение на Кристину и Дэвида всё более привлекательным для фирмы. Теперь они будут в отчаянии. Они пойдут на больший риск, чтобы Дэвид не проболтался.

Мне так хотелось обнять её, что я чувствовал боль в руках. Эми это было не нужно. Она и так уже слишком много пережила. Мне нужно было увезти их куда-нибудь подальше, в безопасное место.

«Что мы можем сделать с этим обвинением?» — спросил Дэвид. «Мы, конечно же, могли бы вернуть судью».

«Не думаю, что мы это сделаем. Думаю, у окружного прокурора есть шанс провести новое слушание с чистого листа. И он собирает большое жюри для подстраховки. Этот парень — серьёз-

ный игрок».

«Ты сможешь его победить?» — спросил Дэвид.

«Надеюсь, нам не придется это узнать», — сказал я.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Холли, должно быть, оставила обогреватель включённым в квартире, пока нас не было. Когда она открыла дверь, меня словно ударило из промышленной сушилки для краски. Я посмотрел в окно и увидел, как Ящерица и Фрэнки разделились и пошли пешком, проезжая по нашему маршруту, проверяя, нет ли за нами слежки. Дрожащий голос жены эхом отозвался в моей памяти — страх в её горле, когда я объяснял ей, как ехать на такси ранее в тот день. И плач Эми. Я знал её плач — это был мой собственный. И я ничего не мог с этим поделать.

Холли заперла за нами входную дверь, нашла другой ключ от засова и повесила на дверь две цепочки. Дэвид подошёл к двери, трижды дёрнул ручку, убеждаясь, что дверь заперта. Он постучал по цепочкам и, довольный, снял рюкзак, расстегнул его и разложил ноутбук на маленьком обеденном столике.

«Сядь, Дэвид. Мне нужно узнать больше об этой флешке. Ты хочешь, чтобы я совершил чудо на предварительном слушании завтра? Я не так уверен в себе, как ты. Должен быть другой способ

вытащить вас с Кристиной из этой ситуации. Возможно, я смогу заключить сделку, если у меня будет больше возможностей для сделки».

«Я уже говорил вам, что программа подключается к системе учёта фирмы. Она отслеживает и контролирует движение денег. Федералам просто нужно внедрить её в цифровую сеть фирмы».

Его гладкое, персиковое лицо не дрогнуло ни на дюйм. Глаза двигались естественно, без намеренной фиксации, они могли меняться, но их интенсивность никогда не колебалась. Он говорил…правда. Холли дала ему ещё одну банку холодного энергетического напитка. Он открыл крышку и налил себе новый стакан. Холли налила мне чашку из кофейника, который превратил жидкость в горькую, горячую кашу. Как я и люблю. Я поблагодарил её. Она ответила мне сдержанной улыбкой, и, улыбаясь, её взгляд задержался на Дэвиде.

«Вы написали эту программу сегодня днем?»

«Нет. Он у меня уже был. Прежде чем система безопасности фирмы была запущена в эксплуатацию, нам пришлось протестировать алгоритм и убедиться в его работоспособности. Это программное обеспечение отслеживает движение денег, чтобы мы были уверены в его работо-

способности. Это была работа по обеспечению безопасности высочайшего уровня, учитывая огромные суммы, поэтому доступ к алгоритму после его кодирования был только у меня».

«А Джерри Синтон просил вас разработать это?»

«Да. Он хотел создать резервную систему безопасности, которая бы взяла под контроль клиентские счета фирмы в случае взлома базы данных. При обнаружении реальной угрозы система, установленная моей компанией, запускает серию проверок. Тысячи вычислений в секунду. Если система определяет наличие риска, активируется алгоритм безопасности, и деньги перемещаются в течение семидесяти двух часов, прежде чем вернуться на один защищённый счёт. На имя Бена Харланда существуют сотни неактивных счетов, разбросанных по пяти разным банкам Манхэттена. Алгоритм случайным образом выбирает один из этих счетов в качестве конечного пункта назначения для всех денег».

«А к тому времени, как деньги попадут домой, их уже отмоют», — сказал я.

«Честно говоря, когда я создавал этот алгоритм, это мне и в голову не приходило», — бесстрастно сказал Чайлд.

«Структурирование» — вот этот термин. Элби, бухгалтер, работавший у моего приятеля Джимми Шляпы, использовал похожий метод, который он называл «грязными тридцатками». Он разбивал наличные на суммы меньше десяти тысяч долларов, чтобы банку не приходилось писать отчёт в соответствии с Законом о банковской тайне и отправлять сообщение о подозрительной деятельности в Группу по финансовой безопасности.

«И доступ к этому алгоритму есть только у вас, за пределами фирмы, я имею в виду».

«Да, фирма настояла на этом. Я тоже. Я добавил свои небольшие штрихи, чтобы никто, кроме меня, не мог получить доступ к основным функциям программы. Подобный алгоритм превосходит все стандартные технологии безопасности на рынке и должен быть безопасным, а это означает всего один проход. Система разработана для работы сама по себе. Она не требует обновлений или обслуживания. Фирма может ею пользоваться, но только я могу её открыть.«Под капотом и получить доступ к коду, который запускает программу. Но я могу сделать это только из их офиса, с их ведома».

«Фирма это знает, поэтому вы и стали целью.

Откуда у ФБР такая информация?»

«Не знаю», — сказал он, пожав плечами.

«Что нужно, чтобы запустить этот алгоритм?»

«Угроза или приказ».

«Итак, кто-то в фирме может нажать кнопку, чтобы это произошло?»

«Конечно. У него должна быть такая возможность, иначе ничто не остановит физическое ограбление. Видите ли, в ситуации угрозы совершенно законно переместить или заморозить активы, чтобы предотвратить их кражу. Если фирма использует это как новый метод отмывания денег, значит, она использует мою систему. Так что неважно, что сделала ваша жена. Пока она не управляет системой, она не совершила ничего противозаконного».

«Но она засвидетельствовала документы, разрешающие передачу акций. Это фактически скрывает отмывание денег».

Мой кофе достиг идеальной температуры, я сделал глоток и откинулся на спинку стула. Дэвид вдруг заметил, что капли пота из его стакана капнули на стол. Он вытащил из кармана салфетку, вытер стол и поставил на неё напиток.

«То есть вы можете получить доступ к алгоритму и узнать, куда направляются деньги?»

«Нет. Отсюда это сделать невозможно. Это нужно сделать в их системе».

Мы не смогли бы вернуться и выйти из Харленда и Синтона живыми. Слишком рискованно.

Я откинула волосы назад и сцепила пальцы на затылке. Головная боль усиливалась с каждой минутой, давление нарастало с тех пор, как я вышла из здания суда.

«У тебя есть обезболивающие?»

«Конечно», — сказала Холли и начала обыскивать шкафы.

«Мне это нужно, Дэвид. Моя жена в опасности. Фирма пыталась убить её сегодня, только чтобы отстранить меня от твоего дела. Я не хочу, чтобы ей причинили вред, и уж точно не хочу, чтобы она оказалась в тюрьме только потому, что её босс обманом заставил её подписать то, что она не должна была подписывать».

«Мне жаль вашу жену. Я не хочу, чтобы кто-то причинил ей вред. Но если с меня снимут все обвинения, фирма перестанет сомневаться, стоит ли мне заключать сделку с ФБР. Это избавит вашу жену от угрозы».

Его глаза быстро двигались, и я почти мог видеть, как его пульс отбивает техно-ритм по вене на шее.

Он шмыгнул носом, достал еще одну салфетку и высморкался.

Он не заслуживал того, чтобы быть принесённым в жертву ради Кристины. Конечно, я бы отсидел за неё, если бы мог. Она доверилась своему боссу и ввязалась во что-то серьёзное и грязное. Задер ни за что не выдвинул бы обвинения против Дэвида, будь у него выбор, но я задавался вопросом: если бы я помахал Деллу перед носом полной историей происхождения денег, смог бы он что-то с Задером провернуть? И купить Кристине иммунитет? Я должен был в это поверить. В тот момент я не видел другого выхода.

«Дэвид, дай мне данные. Я позабочусь о том, чтобы обвинения были сняты. Либо ФБР снимает обвинение, либо я делаю это в суде. В любом случае, я гарантирую, что ты не будешь причастен к убийству».

Именно тогда я задумался, как мне сдержать обещание. На этом этапе я даже не видел плана атаки на доказательства обвинения. Дэвид откинулся на спинку стула, посмотрел на Холли, на экран, а затем на меня.

«Это было бы неплохо, но я уже говорил вам, что отсюда я не могу получить доступ к систе-

ме. Это нужно сделать на сервере Harland and Sinton, и я смогу получить к нему доступ, только находясь в их здании и зная код доступа к их Wi-Fi. Точка доступа к их мэйнфрейму находится в конференц-зале. Все их компьютеры, включая этот, работают по защищённому Wi-Fi. Если я смогу взломать этот компьютер удалённо через их Wi-Fi, я смогу получить данные. Но мы не можем попасть в их офис. Мы бы никогда не смогли выбраться оттуда».

Компания Harland and Sinton занимала восемь этажей в одном из самых престижных небоскрёбов Манхэттена. Как только мы туда вошли, нас, скорее всего, больше никто не видел. Разве что существовал какой-то способ гарантировать, что служба безопасности фирмы не предпримет никаких действий.

«Думаю, я знаю человека, который может нам помочь», — сказал я.

Я набрал номер по памяти и стал ждать. На мой звонок ответил женский голос, звучавший словно шуршание шёлка по гладкой гальке.

"Привет?"

«Это я. У меня есть работа».

«Ну, и тебе привет, дорогая. Рада тебя слышать, но я думала, ты уже на верном пути. Ты же крутой

юрист и всё такое. Ты ещё в игре?»

«Всегда, Бу. Всегда». Бу была бывшей проституткой и очень активной мошенницей, с которой мы дружили много лет. У меня была идея, как попасть в Харланд и Синтон и выйти из них.

«Скажи, ты все еще дружишь с парнем, который парковал свой фургон возле твоей квартиры?»

«Я всегда отношусь дружелюбно к таким людям».

«Отлично. Мне нужен он, его оборудование и его фургон. И ты тоже».

«Звучит заманчиво. А какой размер?»

«Назови это одолжением, но я позабочусь о том, чтобы тебе заплатили. Должен сказать, это опасно».

Она замерла, ее дыхание было учащенным и полным ожидания.

«Я бы не хотела, чтобы все было по-другому», — сказала она.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

25 часов до выстрела

Холли водила машину меньше моего портфеля. Маленькую «Хонду», пахнущую косметикой и жевательной резинкой. «Ящерица» ехала за нами, Дэвид сидел низко на пассажирском сиденье новенького чёрного «Транзита» «Ящерицы». Мы подъехали к пирсу и стали ждать Бу. Облака затмевали полную луну. Было начало девятого, и я позвонил Джерри Синтону из телефона-автомата на Девяносто восьмой улице и сказал, что привезу дело и клиента в их офис в семь тридцать на стратегическое совещание.

Пока мы ждали, я обдумывала улики против Дэвида и гадала, как, чёрт возьми, я буду их оспаривать следующим утром. Я выбросила эту мысль из головы, позвонив Кристине. Она сказала, что у них с Эми всё в порядке. Они заказали пиццу и не выходили из отеля. Я понимала, что это чушь. Эми тихонько плакала где-то на заднем плане, даже несмотря на то, что телевизор был включён на полную громкость, чтобы заглушить шум. Я сжимала челюсть, от нарастающей злости. В конце концов Кристина сдалась.

«Конечно, она в ужасе, Эдди. Я тоже», — сказала она, и голос её был мокрым от слёз, горло охрипло.

«Я всё улажу. Я прослежу, чтобы полиция тебя не искала».

«А как насчет фирмы?» — спросила она.

«ФБР собирается их обезвредить. Я могу помочь, но сначала мне нужно убедиться, что ты выйдешь из игры. Мне нужна от тебя кое-что. Это поможет. Какой пароль от Wi-Fi в Harland and Sinton на сегодня?»

"Почему?"

«Он мне нужен. Я же сказал, что всё исправлю, так что мне нужен пароль».

«Ты не можешь сделать ничего противозаконного, Эдди».

«Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответы. Пароль».

«Это chimera87. Но, наверное, его уже поменяли».

Я тихо выругался.

«Ребёнок говорит, что, вероятно, сможет взломать, если будет в зоне досягаемости. Как получить пароль? Электронная почта?»

«Они прислали сообщение. Слушай, Эдди, тебе не обязательно этого делать. Я сам в это ввязался.

Мне просто нужно поговорить с ФБР и поднять руки».

«Нет, не делай этого. Я могу это исправить…»

«Иногда есть вещи, которые невозможно исправить…»

«Как наш брак? Ты ведь это хотел сказать, да?»

Тишина.

«Нет, прости. Я не это имел в виду. Эми скучает по тебе. Я… я скучаю по тебе».

Некоторое время мы оба не могли говорить. Мы просто слушали дыхание друг друга.

«Не дайте себя убить. Если я утону… Эми нужен хотя бы один родитель», — сказала она.

«Со мной всё будет в порядке, но если что-то случится, не идите в ФБР. Бегите и забирайте Эми с собой».

Позади нас зажглись фары. Я поняла, что это фургон, поэтому вышла и стала ждать Бу. Бу Джонсон была самой крутой женщиной из всех, кого я встречала, и одной из самых умных. Прирождённая мошенница. Со своего места я не могла разглядеть ливрею фургона, по крайней мере, в темноте. Поэтому я двинулась им навстречу и встретила их на полпути к пирсу 39.

Фургон медленно, плавно остановился, пассажирская дверь открылась, и из него показалась

пара неестественно длинных бледных мускулистых ног. Она закрыла дверь и, стараясь не поранить лодыжки в высоких туфлях на шпильках, направилась ко мне.

Когда я впервые встретил Бу, я был мошенником. Она работала со мной на паре работ, в основном на лёгкой, подстраивая фальшивые автокатастрофы. У Бу был такой вид, словно она была кинозвездой; она почти сияла. На ней была яркая, цвета пожарной машины, блузка, облегающая живот, и чёрная юбка в обтяжку. Её обесцвеченные волосы были коротко острижены и уложены под немыслимым углом с помощью полбутылки лака для волос. Солнце давно село, но Бу всегда носила солнцезащитные очки. За этими широкими овальными очками скрывались глаза, способные сбросить священника с крыши высотного здания.

Она приподняла бедро и спросила: «Достаточно хорошо?»

Секунду я не мог понять, о чём идёт речь. Потом увидел в её руке ламинированный пропуск. Я взял его и осмотрел. Не было никаких сомнений, что он выглядит подлинным.

«Неплохо за час работы. Кто художник?»

«В Квинсе есть парень по имени Джорджи»,

— сказал Бу.

«Передай ему, что мне нравится его работа. Возможно, когда-нибудь мне понадобятся его услуги».

Ящерица пожала руку водителю фургона, крупному парню в синем свитере, кожаной куртке, рваных джинсах и бейсболке. Он выглядел красиво. Она представила его как Роджера. Мы пожали руки, и он вернулся к своему фургону.

«Мы с Роджером пока просто друзья», — сказал Бу с улыбкой.

«Выдержит ли он?» — спросил я.

«Определенно. С его точки зрения, это как любая другая рабочая ночь. Меня больше беспокоят Гензель и Гретель», — сказала Бу, глядя на Холли и Дэвида.

«Предоставьте их мне», — сказал я.

Оба выглядели ужасно нервными. Дэвид растерянно смотрел на воду. Холли постукивала ногой, засунув руки в карманы. При моём приближении они оба встали по стойке смирно.

«Холли, тебе не нужно этого делать», — сказал я.

«Он прав», — сказал Дэвид.

«Нет, я его личный секретарь. Они будут удивляться, почему меня там нет, если я не приду».

Несмотря на очевидную тревогу, Холли обладала решимостью, и это было нечто большее, чем просто преданность. Дэвид мог сидеть дома за компьютером или на деловой встрече, но у меня сложилось впечатление, что в реальном мире ему нужен был проводник, и этим проводником была Холли. Ему чертовски повезло с ней.

«Ладно, ты знаешь, как всё устроено. Джерри Синтону нужно, чтобы ты был в могиле, Дэвид. Они, по сути, убьют нас всех, если представится хоть малейший шанс. Это афера. Она гарантирует, что они не смогут сегодня ничего сделать с нами, не запятнав фирму. Как бы они ни хотели нашей смерти, они делают это только для собственной защиты, поэтому они не станут рисковать, если подумают, что наше убийство может привести к ним. Афера защищает нас, но сработает только в том случае, если мы все безоговорочно поверим в неё. Придётся жить по ней. Если ты выглядишь нервным, если ты выглядишь так, будто входишь в здание, полное людей, которые хотят тебя убить, — угадай что? Всё кончено. Мы пойдём в офис твоего адвоката, чтобы обсудить твою защиту, Дэвид, и ничего больше».

Они кивнули.

Они поняли, но я не был уверен, что они вы-

держат.

«Просто следуй примеру Бу. Не разговаривай с охраной. Предоставь это мне и Бу. Дэвид, когда получишь всё необходимое, скажи, что устал и что тебе нужно поспать перед предварительным этапом. Это сигнал. Мы закончим и уберёмся оттуда к чертям».

«Что произойдёт, если они это раскусят? Что произойдёт, если они попытаются меня убить?» — спросил Дэвид.

«Они этого не сделают», — сказал я.

Мы с Дэвидом и Холли запрыгнули к ней в машину. Бу, Роджер и Ящерица сели в его фургон.

Мы отправились в путь, и я отрепетировал с Дэвидом несколько кодовых слов, по которым он мог бы сообщать мне о своих успехах, а также слово, сообщающее, что он готов.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТА

Печально известные пробки на Манхэттене рассеялись, когда мы добрались до здания Лайтнер, где располагались Харланд и Синтон. Дэвид сидел, съежившись, на заднем сиденье машины Холли, а я старалась не думать об афере. Бу, пожалуй, была лучшим мошенником из всех, кого я встречала, если не считать моего отца. Когда наши пути впервые пересеклись, Бу работала высококлассной проституткой. Она искала способ выпутаться из этой ситуации, который приносил бы ей не меньше пятисот долларов в час, зарабатывая на проделках, и вскоре я показала ей, как можно использовать свой актёрский талант с потрясающим эффектом.

В любой афере нужен был человек, который убеждал. Большинству страховых афер, которые я проворачивал, требовался человек, который мог бы общаться со следователями страховых компаний, которые по какой-то странной причине все были мужчинами. Поэтому в подстроенной мной автокатастрофе с подставным истцом, поддельной травмой и подставным медицинским центром Бу обычно дежурила на стойке

регистрации медицинского центра и льстила следователям, пока они не убеждались в её правдивости. Она была мастером убеждения.

Мои мысли перенеслись к предварительному слушанию на следующее утро. Я молился, чтобы, если сегодняшний вечер пройдёт хорошо, мне не пришлось идти завтра в суд, но в глубине души понимал, что не получу сделку для Дэвида и нужно готовиться к худшему. Я никогда не выигрывал предварительное слушание и не знал никого, кто бы выиграл его за последние десять лет. По сути, это просто штампы: если обвинение может предоставить хоть крупицу весомых доказательств против подсудимого, оно выигрывает.

Если я хочу выиграть предварительный этап, мне придется доказать невиновность Дэвида.

«Я думаю о завтрашнем слушании, — сказал я. — Нам нужен ещё один подозреваемый».

«Я не знаю никого, кто мог бы даже подумать о том, чтобы причинить вред Кларе. Она была…» Я взглянула в зеркало в солнцезащитном козырьке и увидела слёзы, струящиеся по лицу Дэвида.

«Извините. Мне не следовало об этом говорить. Забудьте об этом пока. Позвольте мне позаботиться об этом. Просто сосредоточьтесь на том, что мы здесь делаем».

Он достал пачку антибактериальных носовых платков, вытер лицо и шумно высморкался. Как такая прекрасная женщина, как Клара, могла родить маленького Дэвида? Тогда я перестала глупить… *Итак, Клара, что же тебя изначально привлекло в миллиардере Дэвиде Чайлде?*

«Она была старше тебя, да?»

«Да, но это не имело значения. Она была потрясающей красоты и умной. У неё было доброе сердце, мистер Флинн. Она, ах, она была лучшим, что случалось со мной. Эти шесть месяцев, что мы провели вместе, были самыми счастливыми в моей жизни».

Боковым зрением я увидел, как Холли крепче сжала руль.

«Как вы познакомились с Кларой?» — спросил я.

«Рилер. Она была одной из моих подписчиц, и мы встретились на концерте Рилер».

«Я ничего из этого не понял», — сказал я.

«Ты на Reeler?» — спросил Дэвид.

«Нет, не могу сказать, что я такая, и моя дочь ещё слишком мала для соцсетей. Я знаю только основы, ничего больше».

«Всё выглядит примерно так: вы создаёте учётную запись и публикуете свои фотографии, блог

и все обновления в Reel. Reel — это как ваша собственная страница, а алгоритмы Reeler отправляют ваши обновления тем, кому, по их мнению, может быть интересна ваша публикация, и подключаются к другим вашим социальным сетям, таким как Twitter и Facebook, чтобы вы могли публиковать всё из своего аккаунта Reeler. Кроме того, есть и важное преимущество: Reeler — единственная социальная сеть, которая поощряет личное общение — мы называем это «крючками». Например, если вы в баре публикуете фотографию, и если вы готовы к «крючку» Reeler, Reeler расскажет всем остальным пользователям Reeler поблизости, где вы находитесь и чем занимаетесь, и пригласит их поговорить с вами. Именно поэтому Reeler так быстро стал популярным среди студентов — знаете, сколько спонтанных вечеринок Reeler было в первый месяц его существования? Попробуйте восемь тысяч. Reeler — единственная настоящая социальная сеть».

«Хорошо, я понял. А как вы познакомились с Кларой?»

Он потер руки и на мгновение опустил голову, прежде чем придумать ответ.

«Я редко выхожу куда-то. Обычно я сижу дома

или хожу на вечеринки к друзьям. Так вот, как-то вечером в Loft стартовала грандиозная вечеринка Reeler. Вы знаете Loft — это большой кабаре в городе. Почти все в баре писали о Reeler, и было так много активности, что сеть чуть не упала. Телевизионные камеры отправились туда, чтобы освещать события, поэтому я и ещё пара ребят из совета директоров отправились на вечеринку. Покажитесь в новостях в прайм-тайм».

Он тепло улыбнулся, вспоминая это; затем новая реальность ее смерти отразилась на его лице, задушив улыбку.

«Её подруга не пригласила её на ужин, поэтому она пошла на вечеринку и дала интервью одному из новостных каналов. Она была такая красивая, казалась очевидным выбором для них, и она так горячо говорила о Рилер, что мне захотелось встретиться с ней лично и поблагодарить. Мы встретились, поговорили, разошлись и выпили кофе. Я не очень люблю толпы. Вот и всё».

Машина перелетела через крышку водостока, и было такое ощущение, будто мы только что проехали через защитное ограждение.

«Расскажи мне о ней», — попросил я.

Она была из Вирджинии, изучала языки и какое-то время работала внештатным переводчи-

ком за границей. Не помню, сколькими языками она владела, может, семью или восемью. Она работала по всему миру, потом устала и вернулась в Штаты. Её родители переехали во Флориду. Возвращаться домой не было смысла, поэтому она приехала в Нью-Йорк в поисках работы переводчиком в ООН. Она вернулась всего через несколько недель, когда я её встретил. Это было похоже на судьбу. Поскольку она была в отъезде, она никого не знала в Нью-Йорке, и, полагаю, я тоже. Мы как будто нашли друг друга.

«Она получила работу в ООН?»

«Нет, она сама подала заявку. Она работала официанткой».

«И на месте происшествия не было бывших парней, никого, кто бы держал обиду?»

«Нет. Не могу вспомнить ни одного человека, которому она бы даже не нравилась. У неё было не так уж много знакомых».

Холли вмешалась: «Я знаю Дэвида с восьмого класса. Он не будет против, если я это скажу, но он нечасто ходил на свидания ни в школе, ни в колледже. Когда Рилер стал популярным, Дэвид отлично проводил время, но серьёзных отношений не было. Я права?»

Дэвид кивнул и улыбнулся.

«Я всегда заботилась о нём. Мы друзья, и он заботился обо мне, когда меня уволили. Он также помог мне пережить несколько расставаний. Должна сказать, Клара отличалась от большинства девушек, которых Дэвид встречал после истории с Рилером. Большинство из них…Дэвид был нужен ему из-за его статуса и денег, а он не строил серьёзных отношений ни с одной из этих девушек. Клара была другой. Она была, не знаю… искренней. И в своей привязанности к Дэвиду, и в своём равнодушии к его деньгам. Помнишь, ты купил ей то ожерелье от Тиффани?

По выражению лица Дэвида, по улыбке, а затем по прищуренным глазам я видела, что воспоминание сначала было тёплым, а потом болезненным. Напоминание о человеке, которым он был, и о краже несостоявшейся жизни. Я подумала о Делле, и на мгновение поняла его лучше. Он был убеждён, что Дэвид — убийца, и хотел, чтобы тот заплатил. Гибель человека, такая жестокая, такая внезапная, требовала восстановления равновесия.

Дэвид не мог говорить, и Холли подхватила историю, но говорила она тихо, как будто ее слова могли ранить.

«Они встречались уже месяц, и Дэвид удивил

Клару, подарив ей колье Tiffany за сто тысяч долларов. Она сказала ему, чтобы он не говорил глупостей. В ту субботу они вернули колье и отправились за покупками в секонд-хенды в Бруклине. Она выбрала маленькое колье, которое ей понравилось, и Дэвид его купил. Оно стоило сорок долларов».

Мы промчались через ещё один люк, и мой позвоночник начал протестовать против выбора машины Холли. Я снова подумал о Лангимере.

«Ты думаешь, Лангимер мог бы подставить тебя в одиночку? Он может быть безжалостен, когда сидит за клавиатурой, но сможет ли он нажать на курок?»

«Я не знаю», сказал Дэвид.

Я вспомнил кадры из коридора. После Дэвида из квартиры никто не выходил, и полиция обнаружила её пустой. Всё указывало на него. Если Лангимер убил Клару, или даже если он заплатил кому-то другому за стрельбу, они что, просто выпрыгнули из окна после этого? Я думал об этом, приближаясь к зданию Лайтнер-билдинг, и вспомнил слова моего приятеля судьи Форда: иногда заходишь так далеко в поисках объяснений, что игнорируешь решение, которое ждёшь в кармане. Даже с показаниями ГСР, которые я

выбил из Портера, Дэвид мог застрелить Клару в перчатках, а затем выбросить их в разбитое окно, оставив на руках только ГСР от взрыва подушки безопасности. Портер об этом не подумал, но, держу пари, Задер в конце концов догадается.

Мне хотелось позвонить своему наставнику, но судья Гарри сказал бы мне, что я сумасшедший, и что независимо от того, что я думаю или во что верю, доказательства указывают только в одну сторону.

Я не хотел этого разговора. Может быть, я боялся, что Гарри убедит меня в своей правоте.

Холли подъехала к зданию Лайтнера, и мой телефон зазвонил. Анонимный номер.

«Эдди Флинн», — сказал я.

«Почему вы хотите встретиться со мной, мистер Флинн?» Это был Бернард Лэнгимер. Я узнал его голос: лёгкий сельский акцент, смягчённый интонациями выпускника Гарварда, заглушал его. Я вышел из машины и вышел на тротуар.

«Я хочу поговорить. Забавно, я только что о тебе подумал. А я уж начал сомневаться, перезвонишь ли ты мне».

«Странно. Я думала, у тебя и так полно забот, учитывая юридические проблемы Дэвида. Но, похоже, ты неплохо с ними справляешься. Я

видела в новостях репортаж Дэвида. Это была твоя идея?»

«Почему бы нам не встретиться и не поговорить о Рилере столько, сколько вы хотите».

«Но мы же разговариваем. Зачем ты хочешь со мной встретиться?»

Мне хотелось посмотреть этому сукину сыну в глаза, когда я спросил его, подставил ли он Дэвида. Слишком сложно узнать правду по телефону.

«Это не займет много времени», — сказал я.

«Поможет ли это Дэвиду?»

«Только если я решу, что ты лжешь», — подумал я.

«Сомневаюсь, но кто знает».

«В таком случае, встретимся сегодня вечером?»

«Отлично. Закусочная Теда на Чемберс-стрит. В десять часов».

«Я буду там. Только будьте осторожны сегодня вечером. В здании Лайтнера плавает много акул».

Звонок оборвался. Я уставился на телефон. Лэнгимер отслеживал мой мобильник. Ему явно нравилось запугивать, играть в маленькие властные игры. У меня всё ещё был телефон, который мне дал Делл. Пока что сойдет. Я выключил свой телефон, бросил его на тротуар и поднял каблук,

готовый разобрать на запчасти. Я остановился. Поднял его и положил в карман. Если мобильник был выключен, он не мог отследить сигнал. Для него нашлись более подходящие применения.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ **ПЕРВАЯ**

Автоматические вращающиеся двери здания Лайтнер позволили нам всем вписаться в один из трёх его сегментов, и мы медленно развернулись, когда оно проводило нас к вестибюлю. Величественный вход был оформлен изысканным сочетанием стали, гранита и мрамора, а единственная стойка регистрации располагалась в шести метрах справа, между нами и лифтами.

На ресепшене сидели четверо мужчин. В это время ночи в большинстве зданий повезёт, если найдётся один администратор; четверо точно не нужны.

Первый мужчина был высоким, широким, в строгом черном костюме с бейджем на лацкане с надписью S ERGEI . У него была копна светлых волос, и я узнал его по фотографиям службы безопасности. За ним внушительная женщина средних лет с клубнично-светлыми волосами, подстриженными под горшок, сосала холодный кофе через соломинку. Слева от стола двое мужчин в черных куртках, лет тридцати с

небольшим, с короткими волосами, вероятно, вооруженные — часть службы безопасности Harland & Sinton. Я также узнал их по досье Делла. Фирма была на карантине, и я не сомневался, что эти парни были готовы убить нас, как только мы вошли в лифт.

Я пошёл к стойке регистрации, за мной следовали Дэвид и Холли, Бу и Роджер замыкали шествие. Ящер остался в фургоне. Он был подстраховкой и подслушивал всё, что происходит, по моему мобильному. Я позвонил ему, оставив телефон заблокированным и включённым на громкой связи в нагрудном кармане пиджака.

«Эдди Флинн и Дэвид Чайлд для Джерри Синтона», — сказал я Сергею.

«Эти джентльмены из службы безопасности Харланда и Синтона. Они вас сопроводят», — сказал он.

Охранники не сводили с меня глаз, стиснув челюсти и сложив руки перед собой. Один из них выглядел самоанцем и был почти таким же широким, как стойки регистрации. Второй был белым и поменьше ростом, но выглядел более злобным из них двоих.

«Одну секунду», — сказал я.

Обращаясь к Бу, я спросил: «Мисс Фельдштейн,

вы хотели получить вступительную часть?»

«Спасибо, мистер Флинн», — сказала Бу, проходя мимо нас с Дэвидом. Роджер последовал за ней. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, как работают шестерёнки в маленьких головках службы безопасности: Роджер достал из сумки большую телекамеру, протянул Бу микрофон и нажал кнопку на камере, осветив приёмную.

Бу поправила блузку, пробормотала что-то Роджеру, а затем начала свой репортаж на камеру.

Сегодня вечером миллиардер Дэвид Чайлд начинает консультации со своей командой юристов в рамках подготовки к завтрашнему слушанию. На выходных любовница Чайлда, Клара Риз, была зверски застрелена в своей квартире. Полиция Нью-Йорка считает, что у них есть веские доказательства против Чайлда. В программе *«60 минут»* мы подробно разберём суть этого захватывающего дела. Нам предоставлен эксклюзивный доступ к закрытым консультациям Дэвида Чайлда с адвокатом и его командой опытных юристов, которые отчаянно пытаются выстроить защиту по делу, которое многие считают очевидным и закрытым.

Она замолчала. Роджер убедился, что в кадр

попала вся группа безопасности, а затем выключил луч.

«Отлично, загрузили. Монтаж начнётся прямо сейчас — никаких пересъёмок; ты станешь великой, Лана», — сказал Роджер. Бу улыбнулся.

«Что это, черт возьми, такое?» — сказал большой, широкий охранник.

«Это телевидение», — сказал я. «CBS. Ты смотришь *«60 минут* »?»

«Нет», — сказал он. «Здесь камеры запрещены, мистер Флинн».

«Правда? Ну, тогда нам придётся пойти ко мне в кабинет. Не забудь передать Джерри привет».

Я повернулся и медленно направился к выходу. Холли, Чайлд, Бу и Роджер пошли со мной.

«Подождите», — сказал здоровяк, набирая номер со своего мобильного телефона.

Мы остановились. Я не отрывала глаз от земли. Дэвид стоял рядом со мной, и я почти чувствовала, как он дрожит от вибрации, передающейся от пола к моим ногам. Я положила его руку на его плечо, чтобы поддержать. Глаза Холли были широко раскрыты.И она продолжала стучать пальцами по сумке. Я прочистил горло, чтобы привлечь её внимание, а затем сделал пассивный жест руками, и она перестала ёрзать.

Я знал, что этот здоровяк не отведёт от меня глаз. Он жевал жвачку в своих огромных челюстях, и я слышал его дыхание за три метра. Скорее всего, он довёл себя до состояния, когда мог бы прикончить пару человек, а теперь ему нужно было передумать, потому что они привели с собой телевизионщиков. Его звонок был соединён, и я слышал, как он бормотал что-то, вероятно, самому Джерри Синтону.

Я слышал, как здоровяк сказал: « *60 минут* ». Он послушал, а потом сказал: «Потому что это сбоку этого чертового фургона».

Это была правда. Роджер был опытным оператором CBS и мог выезжать на фургоне, когда ему вздумается. Преимущества долгосрочных деловых отношений с Бу позволяли Роджеру иногда первым получать свежие, горячие новости. Чем бы Бу ни занималась, она немного занималась шантажом и торговлей фотографиями, которые политики предпочитают держать в секрете. Бу был ценным активом для оператора, мечтающего когда-нибудь оказаться перед камерой. Продюсеры научились давать Роджеру фургон и небольшую свободу действий — это всегда окупалось.

Ливреиный фургон CBS оказался самым убеди-

тельным инструментом. Отец как-то сказал мне, что суть аферы кроется в глазах.

Люди верят тому, что видят. Пока вы контролируете их взгляд, вы контролируете их разум.

«Ты можешь подняться», — сказал здоровяк.

Дэвид лихорадочно закивал, схватил сумку с ноутбуком и последовал за мной. Моя сдержанная улыбка, казалось, немного успокоила его.

Когда мы проходили мимо охраны, здоровенный охранник сказал: «Не торопитесь. Мы подождём здесь».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ **ДВА**

Если вестибюль здания Лайтнера производил внушительное впечатление, то по сравнению с офисами Harland и Sinton вход в здание выглядел как задняя дверь захолустного притона.

Золото.

Практически всё было покрыто каким-то сусальным золотом. Золотые лампы, золотые буквы на стеклянных стенах и бесплатные золотые ручки, стоявшие в чашечке на журнальном столике, который выглядел таким изящным, что я почти боялся на него дышать. В приёмной фирмы стояла богато украшенная антикварная мебель, а журнальный столик выглядел так, будто стоял в Венской опере. Из приёмной был виден весь

конференц-зал. Стеклянные перегородки были прозрачными и создавали впечатление большого открытого офиса. Жизнь в офисе всё ещё кипела: юристы сновали по кабинетам, суетясь, чтобы заработать деньги на счётчике.

Я слегка кивнула Бу, и она достала из сумочки свой телефон и поставила таймер на тридцать секунд. Это был также сигнал Роджеру: он включил камеру и сделал панорамные снимки офисов.

«Дэвид, мистер Флинн», — произнёс глубокий, властный голос. Это был Джерри Синтон. Он вышел из бокового кабинета и направился к нам с протянутой рукой, готовый поприветствовать. Трое молодых мужчин в костюмах, которых я принял за партнёров, подошли к нему сзади и замерли, пока он брал Дэвида за руку.

«Вам следовало позвонить заранее и предупредить нас, что мы ожидаем съёмочную группу», — сказал он с улыбкой, едва скрывающей отвращение. «Уверен, мистер Флинн заботится о ваших интересах, но пускать телевизионщиков на конфиденциальные встречи с адвокатами — это немного неправильно».

«Вообще-то, это была моя идея», — сказал Дэвид, и хотя я слышал напряжение в его голосе, он умудрился вытянуть шею, чтобы повернуться к

Джерри, когда говорил это.

«Я думаю, это отличная идея, но всему свое время и место…» — начал Джерри.

«Нам нужно выйти вперёд, сообщая об этом СМИ», — сказал я. «Это уже стало известно. Гораздо лучше, если мы сами создадим эту историю. Тогда мы сможем её контролировать».

«Мы получаем эксклюзив, поэтому мы готовы к небольшому редакционному вкладу», — сказала Бу, протягивая руку Синтону.

«Лана Фельдштейн», — сказала она.

«Джерри Синтон. Зови меня Джерри. Кажется, я раньше не видел тебя в *«60 минутах»* , Лана».

«Это мисс Фелдштейн», — сказала Бу, снимая очки и обрушивая на Синтона всю мощь своих невероятных глаз. Из зелёного секретного оружия Бу исходило какое-то электричество или свет. Казалось, она притягивала мужчин к этим глазам, как мотыльков к лампочке. Им это было нужно, но они знали, что оно слишком горячее, чтобы к нему прикоснуться.

«Конечно, госпожа Фельдштейн», — сказал он.

Он держал руку Бу на секунду или две дольше, чем было необходимо, но не смог выдержать ее взгляд в течение того же времени; никто не мог.

У Бу зазвонил телефон; таймер истёк, и она

отменила звонок, притворившись, что отвечает на звонок. «Скотт, ты сделал прививки?» — спросила она.

«Скотт Пелли — продюсер», — сказал я. «Роджер может загружать видео по беспроводной сети в их монтажную. Они как раз просматривают отснятый материал из вестибюля, а монтажёр находится в студии».

Синтон кивнул, и его губы пошевелились, словно он пытался избавиться от неприятного привкуса. Он оглянулся через плечо на другого мужчину, стоявшего в коридоре, ведущем во внутренние кабинеты. Что бы ни значил этот взгляд, он заставил этого человека броситься обратно в лабиринт кабинетов за конференц-залом. Сейчас они уже не могли ничего сделать, ведь видеозаписи моего и Чайлда находились вне их контроля.

«У вас есть полное досье?» — спросил он.

Я передал ему материалы обвинения, чтобы он мог сделать копии.

Он передал файл одному из коллег, который быстро ушёл, чтобы сделать копию. Мы последовали за Синтоном по коридору со стеклянными панелями.

На данный момент мы были в безопасности.

Пока не пришлось уходить. Хотя я не хотел слишком уж сильно рисковать. Я сказал Дэвиду, что мы пробудем в офисе не больше часа. Если он не сможет взломать алгоритм за это время, мы сдадимся, несмотря ни на что.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ **ТРЕТЬЯ**

Джерри Синтон провёл нас в конференц-зал с длинным столом из тёмного речного сланца, украшенного редкими вкраплениями ярко-зелёного. Мы придвинули стулья и сели за один угол стола, ближайший к широкоэкранному телевизору на стене. Я заранее объяснил Дэвиду, как рассадить гостей. Он должен был дождаться, пока Синтон сядет, а затем сесть напротив него, а Дэвиду, по возможности, следовало прислониться спиной к стене или окну.

Роджер обвел взглядом зал, а Бу представила всех присутствующих. Она объяснила, что, хотя Дэвид Чайлд хотел предоставить своим зрителям полный доступ, CBS не хочет предпринимать никаких шагов, которые могли бы поставить под угрозу ход судебного разбирательства; поэтому никакие звуки конфиденциальной встречи записываться не будут.

«Спасибо», сказал Синтон.

Дэвид достал из кожаной сумки элегантный

серебристый ноутбук, включил его, открыл ещё одну банку энергетического напитка и наклонился через стол к Бу. Она подошла, и они начали шепчутся, пока Бу читала то, что было на экране Дэвида.

«Мисс Фелдштейн помогает мне с личным заявлением, которое мы опубликуем для прессы завтра», — сказал Дэвид в ответ на испытующий взгляд Синтона. «Я подумал, что поработаю над ним, пока вы читаете материалы обвинения и вникаете в суть дела».

«Конечно», сказал Синтон.

Дэвид стучал по ноутбуку, стоя спиной к большому окну с видом на Манхэттен. Синтон и его приятели сидели напротив него за столом. Дэвид мог работать, не привлекая внимания адвокатов, которые видели экран его ноутбука. Я развернулся на стуле.Чтобы полюбоваться видом. За Дэвидом находилось здание Корбина, одно из старых офисных зданий города, которое с трудом находило арендаторов с тех пор, как Харланд и Синтон купили здание Лайтнера. Объявления «Сдаётся» висели как минимум на одном окне каждого этажа здания Корбина. Времена были тяжёлые, даже для арендодателей.

Сотрудник вернулся с оригиналом моего об-

винительного заключения и пятью копиями. Он отдал одну Джерри, одну Дэвиду, а оставшиеся копии раздал коллегам, сидевшим рядом с Синтоном.

«Я потрачу всего несколько минут, чтобы это прочитать», — сказал Синтон.

Я сделал то же самое. Роджер продолжал обводить взглядом комнату, а Бу и Дэвид продолжали перешёптываться, а Холли время от времени вмешивалась.

«Трудно решить, что сказать, когда кто-то обвиняет тебя в преступлении, которого ты не совершал».

Это был сигнал: сетевой пароль, который нам дала Кристина, больше не работал. Дэвиду придётся попытаться взломать систему.

Джерри не спеша просматривал каждую страницу. Его толстые пальцы работали с бумагой деликатно, почти благоговейно. Сотрудники пролистывали гораздо быстрее, делая быстрые пометки в жёлтых блокнотах с шапками HARLAND AND S INTON .

Мне не нужно было перечитывать то, что было в деле. Я взял его с собой в первый раз, в такси.

Десять минут спустя, перевернув последнюю страницу, Синтон сказал: «Посмотрим DVD?»

«Конечно», — сказал я, протягивая ему первый диск. Он вставил его в слот для дисков в боковой части телевизора и взял тонкий пульт. Когда телевизор включился, свет автоматически погас.

«Надо было поручить это дело пиар-агентству», — разочарованно сказал Дэвид — это был второй сигнал. Взломать их систему было сложно; ему, вероятно, потребовался бы целый час.

На экране появился вестибюль отеля Central Park Eleven. Я наблюдала, как Дэвид и Клара, держась за руки, вошли в лифт, как Дэвид провел брелком по циферблату, а затем выбрал этаж, и как испугалась Клара в лифте, которую Дэвид назвал клаустрофобией. Камера переключилась на лестничную площадку, ведущую к роскошным апартаментам Дэвида и Гершбаума. Временная метка на камере показывала 19:46, когда входная дверь квартиры закрылась за Дэвидом и Кларой. Запись была воспроизведена до 20:02, когда Дэвид вышел из квартиры со спортивной сумкой.

Во время воспроизведения отснятого материала Синтон делал заметки, отмечал временные метки и идентификационные номера камер.

Я пролистал файл и нашёл журналы безопасности здания Дэвида. Экстренный вызов от Гершбаума поступил в 20:02 на охрану, которая,

должно быть, просто не заметила Дэвида, когда он спускался на лифте. Охранники связались с диспетчером, когда подошли к входной двери Гершбаума в 20:06.

Шестнадцати минут было вполне достаточно, чтобы убить свою подругу.

Проверяя свои записи, Синтон перемотал запись назад, чтобы увидеть, как Дэвид выходит из квартиры. Он перемотал и пересмотрел запись, на этот раз игнорируя свои записи.

Я видел, как Джерри бросил на Дэвида мимолетный взгляд, а затем вернулся к образу своего клиента, беззаботно ожидающего в лифте. Конечно, я знал, о чём думал Джерри — у большинства адвокатов, когда они представляют кого-то на суде по делу об убийстве, возникает та же мысль: он ли это сделал?

Возможно, Синтону показалось, что Дэвид выглядит слишком спокойным, выходя из квартиры. Он не шарил по карманам, не подпрыгивал на каблуках, пытаясь скрыться. Не было никакого нервного беспокойства. Синтон спрашивал себя, способен ли Дэвид убить свою девушку и так хорошо это скрыть. Я так не думал. Мне казалось, Дэвид из тех парней, которые нервничают, заказывая латте. Если бы этот парень только

что хладнокровно убил кого-то, он бы чуть не выломал дверь, чтобы выбраться оттуда, а если бы лифт не ждал его, он бы спрыгнул вниз по лестнице или выбросился из окна. Вместо этого на кадрах Дэвид, в толстовке с капюшоном, закрыл за собой дверь, остановился, развернулся и сделал шаг к двери, словно что-то забыл, затем отступил от двери, надел наушники, небрежно повернулся и нажал кнопку лифта. Я смотрел это во второй раз и хотел узнать, что заставило Дэвида колебаться, повернуться к квартире, а затем передумать и пойти к лифту.

Дэвид не смотрел на экран. Его внимание было сосредоточено на ноутбуке.

Мне пришлось спросить его.

«Дэвид, когда вы выходили из квартиры, вы слышали что-нибудь в коридоре, пока ждали лифт, может быть, выстрел?»

«Нет. Я бы запомнил», — сказал он.

Джерри постучал по губам перьевой ручкой; он положил ручку, убедился, что она ровно лежит рядом с блокнотом, затем сложил пальцы домиком. Он оценивал Дэвида, взвешивал. Мог ли он убить её?

Но тот факт, что Синтон был заинтересован в виновности или невиновности Дэвида, вы-

звалМысль: Фирма не имела никакого отношения к убийству Клары Риз, а если и имела, то Синтон об этом ничего не знал. Убийство и арест Дэвида Чайлда поставили фирму в крайне невыгодное положение — нет, они бы не стали сознательно обрушивать на себя такую волну.

«Я подумал, что мы могли бы просмотреть бумажное досье», — наконец сказал Синтон.

«Хорошо», — сказал я. «Тебя это устраивает, Дэвид?»

«Вы, ребята, давайте обсудите это. Дайте мне закончить, и тогда мы сможем всё обсудить».

Еще одно сообщение: Он все еще не смог получить доступ к системе.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ **ЧЕТВЕРТАЯ**

«Мне кажется, что главная проблема здесь, помимо записей с камер видеонаблюдения, подтверждающих, что Дэвид был последним человеком, находившимся в квартире, — это пистолет в машине Дэвида», — сказал Синтон.

«Согласен», — сказал я.

«Так чего же мы надеемся добиться завтра? С этими доказательствами предварительное слушание зашло в тупик. Предлагаю отказаться от слушания и готовиться к судебному разбирательству».

"Нет."

Синтону потребовалась секунда, чтобы понять, что я ему возражаю. Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и фыркнул.

«Завтра мы ничего не выиграем, Флинн. Мы не можем сказать, что нет достаточных доказательств для задержания Дэвида, когда на самом деле их вполне достаточно, чтобы признать его виновным».

«Дэвид хочет, чтобы обвинения были сняты завтра», — сказал я.

«Я уверен, что он это сделает, но мы-то с вами знаем, что этого не произойдет».

Дэвид на мгновение поднял голову и посмотрел на меня. Я кивнул.

«Я уже сказал Дэвиду, что это маловероятно, но таковы его указания. Мы будем бороться до конца».

Синтон рассмеялся и покачал головой. «Да ладно. Даже если каким-то чудом ты выиграешь предварительное слушание, окружной прокурор всё равно сможет сразу обратиться к большому жюри. Мы теряем время, когда могли бы готовиться к суду».

«Я хочу победить завтра», — сказал Дэвид.

На этом спор прекратился. Синтон кивнул,

размахивая руками: «Конечно, хочешь, и если хочешь драться, мы будем драться, но тут особо не с чем работать».

Взглянув на часы, я увидел, что до конца часа осталось меньше двадцати минут.

Джерри включил запись аварии, но мне не нужно было смотреть её второй раз. Вместо этого я внимательно следил за Синтоном и его сообщниками, поэтому был почти уверен, что они не узнали Перри Лейка, профессионального водителя, которому, как я был уверен, заплатили за то, чтобы он сбил Дэвида, и который назвал полицейским вымышленное имя. По данным полиции Нью-Йорка, Перри был Джоном Вудро. Это имело смысл. У Перри Лейка был список судимостей за опасное вождение. Я подозревал, что у Джона Вудро была чистая история.

«Дайте мне секунду, и я закончу», — сказал Дэвид.

Указательным пальцем правой руки я постучал по тыльной стороне левой ладони. Он хотел ещё времени, а я дал ему знак, что у него есть пять минут.

Казалось, мы просидели в тишине десять минут. На самом деле прошло секунд тридцать. Синтон не мог просто сидеть. Он хотел утвердить

свой авторитет в этом деле.

«Дэвид, я знаю, что ты невиновен. Я знаю, что мистер Флинн, здесь присутствующий, обладает страстью и мастерством. Но он также — простите меня за такие слова — мелкий адвокат по уголовным делам, который не упустит возможности участвовать в таком масштабном процессе. Без обид», — сказал он, бросив на меня взгляд, который ясно давал понять, что каждое его слово было максимально оскорбительным.

«Ничего не принято», — сказал я.

«Пистолет, который, как я думаю, вероятно, является орудием убийства, был найден в вашей машине».

«Как я уже сказал, я никогда раньше этого не видел…»

«Дэвид, пойми, его нашли рядом с тобой», — сказал Синтон.

«Ты мне не веришь», — сказал Дэвид.

«Дело не в том, во что я верю, Дэвид. Дело в доказательствах. Мы должны…»

Синтон замолчал. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он не останавливается, чтобы подобрать нужные слова, чтобы успокоить своего клиента. Он смотрел прямо на Дэвида, заворожённый. Я встал и обошёл стол,

попутно подхватив пульт. Я нажал кнопку извлечения и ждал, пока диск будет извлечен, но на самом деле я пытался увидеть, что смотрит Синтон.

Его взгляд сосредоточился на Дэвиде, который, опустив голову и игнорируя всех, яростно печатал что-то на своем ноутбуке.

И тут я увидел это.

Джерри Синтон смотрел не на Дэвида. Он смотрел ему за спину. Он не отрывал взгляда от отражения экрана компьютера Дэвида в окне.

Я находился дальше, чем Синтон, и под худшим углом, но даже я мог видеть в зеркальном отражении, что происходило на компьютере Дэвида.

На ноутбуке отображались две страницы на разделённом экране. С одной стороны находился экран входа в систему Harland and Sinton, а под логотипом располагалось большое белое поле с запросом пароля.

На другом экране было что-то похожее на код. Ярко-зелёные символы и цифры, которые Дэвид набирал с невероятной скоростью, а затем выделил последовательность, а затем скопировал и вставил код в поле ввода пароля на другом экране. Я увидел сообщение « ОШИБКА ВХОДА » на странице Harland and Sinton, и Дэвид перепечатал

другую последовательность.

По моему позвоночнику пробежал электрический ток.

DVD вылетел на насыщенный бордовый ковёр. Я уже двинулась к Дэвиду. Я захлопнула крышку ноутбука, чуть не прищемив ему пальцы.

«Хватит пиариться. Джерри прав. Если мы тебя не вытащим, то всё это, — сказал я, указывая на Бу и Роджера, — не имеет никакого значения».

Внезапность моей вспышки и резкий хлопок закрывшегося ноутбука создали в комнате тишину, словно все замерли, давая возможность эху найти пристанище.

Синтон постучал по грифельной доске стола, и его кольцо на мизинце издало повторяющийся стук. Его взгляд, казалось, был устремлён куда-то вдаль, на здание Корбина, на крыши домов и за деревья Центрального парка. Он повернул голову и бросил на меня холодный взгляд.

Его голос изменился. Глубокая, агрессивная, протяжная речь сменилась холодным, отстранённым тоном.

Ваша жена сегодня днём пошла в суд, чтобы поговорить с вами. После этого она не вернулась на работу.

Он вытащил из кармана куртки мобильный

телефон, что-то набрал, нажал «отправить» и снова посмотрел на меня.

«Если она больна, ей следовало бы сообщить об этом. Хотя бы позвонить. Не могли бы вы сказать мне, где она?»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

«Я видел её мельком сегодня днём. Она сказала, что ей нужно куда-то быть. Мы больше не вместе, так что я не знаю, куда она пошла. Кстати, где твой партнёр? Я думал, Бен Харланд тоже будет здесь», — сказал я.

«Бен в отпуске. Я больше беспокоюсь о твоей жене. Может быть, она заболела. Может быть, ты сказал что-то, что её расстроило», — сказал он.

«Не думаю. Мы пили кофе вместе. Всё было нормально. Дэвид, давай сходим с тобой и выпьем кофе. Потом можешь меня высадить», — сказала я. Сигнал к бегству.

Роджер включил камеру, и Бу полезла в сумку. Я не знал, что у неё там, может, пистолет, может, нож. Бу могла постоять за себя; она могла быть смертельно опасна практически любым предметом крупнее помады.

Холли встала, немного слишком быстро, но это не имело значения. Мы уже были созданы.

Шаги в коридоре. Быстрые. Тяжёлые. Как минимум двое мужчин.

Дверь конференц-зала открылась, и в проёме появился Джилл. Он всё ещё был в клетчатой

рубашке, но снял зелёную куртку. Он разговаривал по мобильному телефону. Рядом с ним стоял светловолосый Сергей.

«Передай Бронду и Фисо, пусть придут. Они не отвечают на мои звонки», — сказал Гилл.

Я предположил, что Джилл звонит на ресепшен, поскольку не может связаться с здоровяком и его другом в вестибюле.

Сотрудники выглядели растерянными. Они понятия не имели, что происходит.

«Это все наше видео, загруженное в студию», — сказал Роджер.

Гилл и Сергей обменялись взглядами. Они замерли в нерешительности.

«Это мистер Гилл», — сказал Синтон, лоб которого от яркого света на экране телевизора блестел от пота. «Мистер Гилл и его люди обеспечивают надёжную охрану. Уверен, ты не будешь против, если они сопроводят тебя в отель, Дэвид. Лишняя осторожность не помешает».

Я чувствовал, как мои пальцы впиваются в ладони. Ноги раскинулись в стороны, и я был готов снести мистеру Гиллу голову с плеч, если он пошевелится. Если они решат, что Дэвид взломал их систему, никто из нас не выйдет из здания живым. Джерри Синтон выглядел отчаявшимся

— правила изменились.

Тихий электрический гул от кондиционера.

Дэвид держал ноутбук на груди, словно щит, но это лишь привлекало внимание к его панике. Казалось, Дэвид использовал грудь как насос, чтобы надуть эту чёртову штуку. Он был на грани новой панической атаки.

Я не двигался. Я ждал, когда Джилл потянется за спину за пистолетом.

«Мистер Гилл, не будете ли вы так любезны принести мне эту камеру? Я бы хотел её проверить», — сказал Синтон.

Кивнув человеку рядом с собой, Джилл остался на месте. Он хорошо видел всю комнату, прислонившись спиной к стене, и все его потенциальные цели и угрозы были прямо перед ним. Он не хотел рисковать этим положением. Блондин из вестибюля, Сергей, вышел вперёд, обошёл Синтона и направился к Роджеру и камере. Прежде чем добраться до Роджера, ему нужно было обойти Бу.

Сергей, ростом около шести с половиной футов и весом в двести пятьдесят фунтов, который влезал в пиджак размера XXXL, не отрывая взгляда от Роджера. Приближаясь, он протянул правую руку с раскрытой ладонью, чтобы оттолкнуть Бу,

если она попытается вмешаться. Она была вдвое меньше его. Он даже не смотрел на неё.

Мне почти стало жаль этого парня.

Бу небрежно подняла правое колено и опустила каблук-карандаш на левую ногу Сергея, словно гидравлический пресс. Как минимум пять сантиметров шпильки ушли в мягкую кожу там, где ступня соприкасалась с лодыжкой. Он не закричал. У него не было времени. Его рот открылся, глаза закатились, и к тому времени, как он упал на пол, он уже потерял сознание.

Джилл не двинулся с места.

Его правая рука согнулась. Он поднял кисть, и когда она достигла уровня талии, я увидел, как его локоть вытянулся назад. Он собирался схватить кусок.

Двери конференц-зала распахнулись. Джилл замер, и все головы повернулись к задней части комнаты, чтобы увидеть высокую тёмную фигуру с «Глоком» в руках.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

«Ящерица должна немного извиниться», — сказала Ящерица.

«Кто это?» — спросил Синтон, выпрямляясь во весь рост.

«Это Ящер. Он мой друг. Он отвечает за *мою* личную безопасность», — сказал я.

«Двое парней в вестибюле не хотели меня сюда пускать. Мы поговорили. Они не слушали. Полиция уже в пути. Ваш администратор позвонил им, а потом вызвала парамедиков. Этот здоровяк выглядит неважно. Завтра он может проснуться и обнаружить, что стал немного ниже ростом, чем был раньше».

Синтон отшатнулся назад, опрокинув стул. Гилл положил руку ему на плечо, не отрывая взгляда от Ящера. Я заметил, что Ящер тоже пристально посмотрел на Гилла. Я уже видел такое раньше. Каким-то образом два самых опасных человека в любой комнате всегда находят друг друга; они инстинктивно чувствуют, кто представляет наибольшую угрозу, и ни один из них не отступит, пока один из них не получит штраф.

Мне не нужно было смотреть на часы, чтобы

знать, что мы были в здании уже семьдесят минут. Я сказал Ящеру, что если мы не выйдем через час, он должен за нами приехать.

Никто не пошевелился.

Я услышал безошибочно узнаваемый звук полицейской сирены. Он был тихим и отдалённым, но настойчивым.

«Нам пора, Эдди. У тебя есть эта штука», — сказал Ящер.

«Он прав. У меня есть к тебе что-то общее. Думаю, я могу сказать от имени Дэвида: ты уволен».

Когда Синтон заговорил, вся его натренированная щедрость улетучилась в ярости. «Всё в порядке. Мы же не стукачи. Какой смысл. Обычно их убивают».

«Почему бы нам не подняться по лестнице? Ждать в машине пришлось долго», — сказала Ящерица.

Мы быстро вышли: Бу и Роджер впереди, Холли и Дэвид, а потом я. Взгляд Ящерицы задержался на Гилле ещё на секунду, а затем он послал ему воздушный поцелуй.

Джилл подмигнул.

Мы спустились по лестнице, перепрыгивая через два пролета.

«Вот», — сказал Ящер.

Мы последовали за ним через распашные двери в темную приемную офиса, освещенную внутренним светом из лифта — нож заклинил двери лифта.

Пока лифт спускался на первый этаж, никто не мог вымолвить ни слова. Мы все пытались отдышаться, сдержать выброс адреналина, кроме Бу и Ящерицы, которые дышали не так тяжело; они смотрели на цифровой дисплей, отсчитывающий этажи. В вестибюле нас увидела девушка-администратор, закричала, когда заметила Ящерицу, и спряталась за столом.

Выходя, я увидел двух охранников, лежащих кучей у двери, с разобранным и бесполезным автоматом перед ними. Один охранник лежал лицом вниз и не двигался. Здоровяк, который первым уговорил нас пропустить, сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Он осторожно коснулся икры. Его дыхание стало коротким, прерывистым, учащаясь по мере того, как он приближал руки к лодыжке. Казалось, что его нога была повёрнута не в ту сторону. Когда вращающиеся двери распахнулись, пропуская нас на улицу, его крики заглушили всё ещё слышный вой полицейских сирен.

Я сел за руль машины Холли и завел двигатель.

«Не двигайся, подожди», — сказал Дэвид.

Я вытянул шею, чтобы посмотреть на него, и увидел, что он держит перед своим лицом ноутбук.

Экран с кодом исчез, осталась только страница фирмы. Под логотипом Harland and Sinton было написано:

ВЫ ТЕПЕРЬ ВОЙДЕНЫ В СИСТЕМУ

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ **СЕДЬМАЯ**

«Подожди, подожди… Если ты взлетишь, я потеряю сигнал».

Машины реагирования полиции Нью-Йорка находились примерно в пяти кварталах от места происшествия, их сирены с каждой секундой становились все громче и громче.

Я завёл машину, подождал, пока обороты снизятся, и плавно нажал на педаль газа. Если бы я слишком сильно разгонял машину, двигатель бы переливал — мне просто нужно было, чтобы он был тёплым, свободным и готовым к старту.

«О, Иисусе, они идут», — сказала Холли.

Она уткнулась головой в сиденье и сползла вниз, пока её взгляд не коснулся нижней части пассажирского окна. Джилл и ещё двое мужчин

стояли в вестибюле, склонившись над здоровяком.

Ящер тоже не уехал. Он ждал, чтобы последовать за мной. Он высунулся из окна фургона и погрозил мне большим пальцем. Роджер сидел за рулём этого фургона и тоже нажимал на газ.

«Дэвид», — сказал я.

Глухой пластиковый звон пальцев по клавишам усиливался.

«Скачиваю. Тридцать процентов… сорок один процент… Подождите».

«Дэвид, нам нужно выбираться отсюда».

Ничего.

Сирены уже были близко.

Гилл находился во вращающейся двери, его правая рука была за спиной.

Я кивнул Ящерице, нажал на газ и выехал на улицу.Позади меня раздался глухой, хриплый звук двигателя V-8 фургона. Я включил поворотник, свернул за угол и помчался вглубь города на максимально возможной скорости.

«Нет, я почти закончил. Подожди!»

«Понял?» — спросил я, глядя в зеркало заднего вида.

«Понял», — сказал он, вынимая USB-накопитель из ноутбука.

Мы въехали в Джерси, петляя по пригородам безумными зигзагами. Через тридцать минут я остановил машину и подождал Ящерицу, Бу и Роджера.

«Ты думаешь, окружной прокурор отпустит меня на свободу в обмен на это?» — спросил Дэвид, показывая флешку.

«Я буду давить изо всех сил. Ты рисковал жизнью сегодня вечером. Я этого не забуду. Федералы будут опираться на Задера, чтобы получить эти данные. Это всё, что у нас есть. Надеюсь только, что они им очень нужны».

Мы слушали хрип двигателя, пока эта идея витала в воздухе.

«Ты думаешь, они смогут его убедить?» — спросил Дэвид.

«Я не знаю, но очень надеюсь на это».

Я лгал. Я знал. Делл, какими бы связями он ни был в Нью-Йорке, не смог бы убедить окружного прокурора в необходимости снятия денег для Дэвида. Ни за что. Им нужно было бы полное признание и тюремный срок. Ничто другое не удовлетворило бы Задера. Либо я не хотел говорить Дэвиду, либо не мог. В любом случае, я больше ничего не сказал. Мы сделали свой ход. Афера сожгла все притворство перед фирмой.

Теперь началась открытая война. Я уже предупредил Ящера, чтобы тот был начеку из-за человека с татуировкой *«Крик»* на шее. Когда Роджер за рулём фургона CBS показался в моём заднем зеркале, я позволил ему обогнать меня и поехал следом.

Петляя по улицам, не спуская с фургона фар, я думал о Кристине. Я был близок к тому, чтобы вытащить её из этой ситуации. Им с Эми просто нужно было продержаться ещё немного.

Небо потемнело, и светила полная луна, яркая и с красноватым оттенком. Я представлял, что, когда копы приедут в фирму, Джерри замнет ситуацию, может быть, скажет, что их человек упал с лестницы. Я знал, что Джерри Синтон не хотел, чтобы копы следили за ним или его охраной. Он не стал бы жаловаться на то, что Ящер избил его ребят.

Синтон разберётся с этим по-своему. Теперь, когда он знал, что мы раскрыли схему отмывания денег, он готов был изо всех сил покончить с нами. Ему нужно было быть осторожным. Ничто не связывало бы это с ним или с фирмой. Но давление было нарастающим.

«Куда пойдут деньги?» — спросил я.

«Завтра в 16:05 в «Чейз Манхэттен». У меня есть

номер счёта».

Я гадал, что сделает Джерри, когда деньги поступят на счёт. Я знал, что бы сделал на его месте. Будь Джерри умён, он бы оставил деньги там, где они были, взял бы припрятанные наличные и улетел бы на частном самолёте в страну, где экстрадиция невозможна.

Деллу нужны были данные счёта и все улики, чтобы потопить фирму до того, как деньги станут доступны. Его главной надеждой было вернуть незаконные средства. Настоящая слава Делла заключалась в сумме, которую удалось вернуть.

«Сколько там денег?»

«Достаточно, чтобы у Дональда Трампа забилось сердце. Около восьми», — сказал Дэвид.

«Восемь миллионов?» — спросила Холли.

«Нет, восемь миллиардов», — сказал Дэвид.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ **ВОСЬМАЯ**

Наш пункт назначения после посещения Харленда и Синтона уже был согласован. Ящер должен был забрать свой фургон из дома Роджера и оставить Бу и Роджера ставить фургон CBS в гараж. Ящер должен был забрать свой фургон и встретиться с Холли, Дэвидом и мной у себя. Ящер сказал, что безопаснее всего будет его дом. Оказалось, что он не так уж и безопасен. Но это

было связано скорее с дикой природой в доме, чем с фирмой.

Я подъехал к стоянке возле дома в пригороде Квинса, и фургон Ящерицы припарковался позади меня. Как только мы остановились, я позвонил Фрэнки, сообщнику Ящерицы, чьи люди следили за отелем, в котором укрылись Кристина и Эми. Пока что они были в безопасности, и не было никакой подозрительной активности. И никаких мужчин с татуировками на шее.

Жилище Ящерицы больше походило на жилище рептилий, чем на семейное гнездо в сонном уголке Квинса.

«Не заходите во двор. Даже дверь не открывайте», — медленно сказал Ящер всем, кто входил через парадную дверь. Я вспомнил, что на заднем дворе Ящер хранил своё самое ценное и крайне незаконное имущество — пару комодских варанов, которых он называл Бертом и Эрни. Помимо личной охраны, убийств и редких срочных вылазок, основной ролью Ящера для итальянской мафии была роль дознавателя. Если им нужно было с кем-то поговорить, они приводили его сюда. Обычно одного взгляда на Берта и Эрни было достаточно. Большинство этих парней не понимали, что самым смертоносным животным

в этом доме был сам Ящер.

Холли поела немного и легла спать в гостевой комнате Ящерицы. Ящерица стоялаОн нарезал на кухне двадцатифунтовую свиную грудинку и рёбрышки на полоски длиной около 30 см. Закончив, он вышел на задний двор и запер дверь снаружи.

Время кормления.

Дэвид не притронулся к тарелке перед собой. Хотя он поставил ноутбук на кухонный стол, он его ещё не открыл. Он отпил ещё один энергетический напиток и уставился на аквариум с тарантулами, который Ящер держал рядом с тостером. Меня вдруг охватило чувство тошноты и голода. Ящер оставил мне сэндвич «Герой», который я развернул, разрезал пополам и разложил по отдельным тарелкам.

«Хочешь?» — спросил я, прежде чем откусить.

«Сегодня вечером ты снова спас мне жизнь», — сказал он.

Я покачал головой.

«Бу и Ящер спасли всех нас. Надеюсь, это окупится».

Он трижды постучал пальцами по столу, поправил тарелку с сэндвичами и соленьями, приготовленными Ящерицей, повернув тарел-

ки на сорок пять градусов. Он не торопился с тарелкой, убедившись, что она находится на одинаковом расстоянии от ноутбука и края стола. Удовлетворившись, он осмотрел один огурец, прежде чем быстро вернуть его на место и снова нырнуть за антибактериальными салфетками.

«Я тебе доверюсь», — сказал Дэвид, протягивая мне флешку. «Вот», — сказал он. «Попробуй договориться. Знаю, шансы невелики. Но твоей жене не грозит опасность. Ты не можешь изменить то, что произошло. Я могу. Завтра ты не сможешь выиграть. Знаю, ты попытаешься, теперь я это понимаю. Но, честно говоря, твоей жене не за что страдать. Давай, бери».

Он написал пароль на салфетке. Я завернула флешку в салфетку, встала и положила руку Дэвиду на плечо. Он, казалось, слегка отпрянул, и я уступила ему место. Я не восприняла это как оскорбление.

«Спасибо, но я не отдам им это, пока вы с Кристиной не уйдете», — сказал я.

Он кивнул. «Эдди, я знаю, ты сделаешь всё возможное. Я сегодня дважды чуть не погиб. Я всё ещё здесь благодаря тебе. Я этого не забуду».

Я набрал номер Делла на телефоне, который он мне дал.

«У меня есть то, что вам нужно».

«Признание вины?»

«Нет, но у меня есть кое-что получше. У меня есть трассировка алгоритма для доступа к денежному следу и номеру счёта для последнего перевода. Деньги приходят сразу после…Завтра в четыре часа дня, и я точно знаю, куда всё идёт. Ты ведь этого хотел, да?

«Встретимся в отеле St. Regis через полчаса».

"Нет."

Тишина.

«Что это, Эдди? Шантаж?»

«Называйте это как хотите. У меня есть кое-что, что вам отчаянно нужно. Я хочу кое-что взамен».

«Тебе нужны деньги?»

«Мне нужны четыре вещи. Частный самолёт, заправленный и готовый к посадке в аэропорту Тетерборо. Один пилот. Принесите сто тысяч непоследовательными, нетронутыми купюрами, и я отдам вам флешку. Вы добьётесь того, чтобы окружной прокурор снял все обвинения с Дэвида Чайлда, и заключите соглашение об иммунитете для моей жены. Моя жена и дочь улетят отсюда к чертям, а когда мне позвонят и сообщат, что самолёт приземлился, я дам вам пароль для алгоритмической трассировки».

Даже несмотря на то, что он приглушил микрофон, я понял, что он разговаривает с кем-то еще в комнате, передавая информацию.

«Мне понадобится два часа. Договорились», — сказал он.

Я повесил трубку, повернулся к Дэвиду и сказал: «Мы в эфире. У меня как раз достаточно времени, чтобы встретиться с Лэнгимером, прежде чем мне нужно будет ехать в аэропорт».

«Я удивлен, что он согласился с вами встретиться».

«Это, конечно, интересно. Либо он не имеет никакого отношения к смерти Клары и просто хочет позлорадствовать, либо он в этом замешан и хочет выяснить, насколько нам удалось раскрыть заговор. В любом случае, как только я его встречу, я всё узнаю».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

В три минуты одиннадцатого я проезжал мимо закусочной «У Теда». Это было довольно маленькое заведение, и я любил завтракать. Благодаря стеклянному фасаду оттуда было отлично видно людей. Там сидели пара парней в светоотражающих пальто, вероятно, дорожные рабочие, которые перекусывали; пожилая дама в искусственной шубе, которая была завсегдатаем; и молодой человек в чёрной толстовке с открытым MacBook на столе перед ним. Он был самым молодым посетителем, подходил под описание Дэвида и сидел у двери. Это был Лэнгимер. Готов поспорить.

Я объехал квартал и припарковался на улице рядом с закусочной. В это время ночи вокруг всё ещё толпилось много людей. Я включил телефон, запер машину Холли и попытался поймать такси. Пока я ждал на тротуаре, я включил переадресацию на телефоне и набрал номер телефона, который мне дал Делл. Закусочная находилась примерно в ста метрах от меня. Я видел, как свет падает на тротуар, но никто внутри меня не видел. Подъехало такси, и я сел на заднее сиденье.

«Куда, приятель?»

«Извините, я забыл кошелёк. Мне придётся вернуться в квартиру», — сказал я, вылезая на улицу.

Водитель покачал головой. Я закрыла дверь и смотрела, как жёлтое такси отъезжает от закусочной к реке, засунув телефон за сиденье.

Я вернулся в «Хонду» и стал ждать.

До сих пор все мои непродолжительные контакты с Лэнгимером проходили на его условиях: он контролировал ситуацию и имел на меня информацию. Мне нужно было это изменить.

Поначалу я рассчитывал на пять минут. Я не сомневался, что как только я включил телефон, какая-то программа оповестила Лэнгимера. Он, наверное, сидел у Теда, пялился на экран и недоумевал, почему я иду в противоположную сторону от закусочной.

Через четыре минуты зазвонил мобильный. Переадресация. Мой собственный телефон в такси был в беззвучном режиме, и звонок переключился на телефон в моей руке. Я ответил.

«Я жду…», — сказал Лангимер.

«Извините. Что-то произошло. Я не смогу прийти. Можно перенести встречу?» — спросил я.

«Я так не думаю», — сказал Лангимер и отклю-

чился.

Я завёл машину. Лангимер вышел из закусочной с сумкой для ноутбука на плече. Он перешёл по пешеходному переходу на мою сторону улицы и подал знак такси. Через минуту его подобрало жёлтое такси. Я подождал несколько секунд, прежде чем въехать на полосу движения и последовать за ним.

Жёлтое такси быстро высадило его на Пятой авеню. Я припарковался, быстро вышел и был уже метрах в шести от меня к тому времени, как он расплатился с водителем и направился к многоквартирному дому с видом на парк. Я смотрел, как он входит в здание, и задержался. Я подождал несколько минут, а затем последовал за ним. У входа стоял швейцар в полном облачении, который, вероятно, предпочитал, чтобы его называли «консьержем жилого помещения», и разглядывал меня.

«Привет. Я из автосалона Manhattan Cars. Только что отвёз мистера Лэнгимера. Дело в том, что я нашёл мобильный телефон на заднем сиденье своей машины. Я убирался в машине перед началом смены и не нашёл никаких телефонов. Кажется, это его телефон. Не могли бы вы меня пропустить, чтобы я мог показать ему телефон?»

Я не рассчитывал на пропуск, хотя и говорил убедительно. Я держал в руке телефон и выглядел уставшим и скучающим.

«Я позвоню ему и спрошу. Подождите здесь», — сказал швейцар.

Пара коричневых кожаных диванов рядом со стойкой охраны выглядели очень удобными, и я сел на тот, что был лицом к лифтам. С того места, где я сидел, я не слышал разговора с Лангимером.

Если бы он был хотя бы наполовину так умен, как я думал, он бы понял.

«Мистер Лангимер сейчас спустится и примет вас», — сказал швейцар.

И действительно, прежде чем я успел устроиться поудобнее, двери лифта открылись, и я увидел того самого мужчину, который вышел из закусочной Теда. Светлая бородка, тёмные круги под глазами. Стройный, одетый во всё чёрное. Лёгкая дрожь губ и широко раскрытые глаза выдавали его нервный гнев.

Он выскочил из лифта, протянув руку. Я взялаЯ пожал ему руку, поднялся и почувствовал, как он потянул меня к двери. Я позволил ему это сделать. Меня выбрасывали из множества баров, и это было до жути похоже.

«Давайте поговорим на улице», — сказал он.

«Все в порядке, мистер Лангимер?» — спросил швейцар.

«Все отлично», — сказал он.

Выйдя из здания на тротуар, он отпустил мою руку.

«Тебе не стоило сюда приходить. Я подождал в закусочной, как ты и просил. Отличный ход со швейцаром. У меня есть телефон, и ты это знаешь. Наверное, это твой телефон катался по Манхэттену на заднем сиденье такси. Умно».

«Я подумал, что сообщение, которое я оставил швейцару, может быть вам подсказкой. Вы не очень гостеприимны. Я с нетерпением ждал возможности взглянуть на вид из вашей квартиры».

"Что ты хочешь?"

Вот почему я пришёл. Мне хотелось выбить парня из колеи, прежде чем сделать предложение. И я вспомнил, что, когда он впервые позвонил мне, на заднем плане раздался женский голос, который просил его повесить трубку. Фраза, которую она использовала, была странной: «Повесь трубку. Никаких звонков».

«Ты уверен, что тебе не нужно разрешение твоей девушки, прежде чем поговорить со мной?»

— спросил я.

"Что?"

«Когда ты сегодня позвонил мне в закусочную, я вдруг услышала женский голос, который велел тебе повесить трубку. Никаких звонков. Полезно знать, кто в твоём доме хозяин», — сказала я.

Это был дешёвый способ разозлить его: сыграть на его гневе. Я ожидала, что он взорвётся, развяжет язык и, возможно, только возможно, выдаст что-то, чего бы не сделал, если бы был спокоен.

Лангимер не взорвался. Он не дал волю своему гневу. Совсем наоборот.

Он отшатнулся назад, качая головой. По выражению его лица я понял, что он напуган. Это была не та реакция, на которую я рассчитывал, но я решил воспользоваться этим.

«Где вы были в субботу вечером около восьми?»

Ни слова не слетело с его губ. Он просто смотрел на меня какое-то время, давая себе время, чтобы яд снова впитался в его организм. «Я убивал девушку Дэвида. Ты это хочешь, чтобы я сказал?»

Его правая бровь дрогнула, и руки нырнули в карманы.

"Где вы были?"

«Я был дома. Один. А теперь убери от меня

свою вонючую задницу, иначе я позвоню своему адвокату».

Он не двинулся с места. Я тоже. Он отступил, не сводя с меня взгляда.

«Я высоко ценю свою конфиденциальность, мистер Флинн. А теперь уходите».

«Жаль, что ты так мало ценишь чужую личную жизнь», — сказал я, достал телефон и сфотографировал Лангимера. Он хотел было схватить мой телефон, но передумал и вернулся в дом. На швейцара накричали и стали тыкать в него пальцами.

Он что-то скрывал. Я знала это. Было ли это как-то связано со смертью Клары или Дэвида, я не могла сказать. Что бы это ни было, это было как-то связано с женским голосом, который я слышала по телефону. Тот факт, что я слышала её, напугал его. И я понятия не имела, почему.

Я быстро повернулся, понимая, что мне нужно быть в аэропорту к полуночи. Как только я повернулся, что-то уловил боковым зрением. Кто-то неподвижно стоял напротив, в парке. Мужчина с татуировкой *«Крик»* . Я застыл, не отрывая от него взгляда, и начал подсчитывать. Машина Холли была припаркована примерно в пятидесяти футах от меня. Мужчина был, вероятно, в

семидесяти пяти футах от меня и в пятидесяти футах от машины, но на противоположной стороне улицы. Постоянный поток машин на проспекте означал, что ему придётся лавировать в потоке машин, чтобы добраться до меня.

Я думал, что смогу добежать до машины, завести её и уехать. Но это будет туго. Если он будет слишком близко к тому времени, как я доберусь до машины, мне придётся открыть багажник и надеяться, что у Холли под рукой окажется монтировка.

Ключи от машины звенели в моей руке, волна страха в груди перехватила дыхание, и я почувствовал, как мои ноги жаждут бежать.

Как раз перед тем, как я сорвался с места, мужчина на другой стороне улицы улыбнулся, закурил сигарету, повернулся ко мне спиной и побрел в парк.

Прежде чем он успел передумать, я сорвался с места, сел в машину и врезался шинами в асфальт.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Ветер, лижущий с взлётно-посадочной полосы аэропорта Тетерборо, покачивал мою маленькую «Хонду», пока я ехал на север по Индастриал-авеню, направляясь к ангару Министерства внутренней безопасности, обслуживавшему ФБР и ещё несколько федеральных агентств, когда им требовалась помощь. Тетерборо находился примерно в десяти милях к западу от Манхэттена, в округе Берген, штат Нью-Джерси. Здесь располагалось множество частных чартерных компаний, перевозивших товары и людей. Когда-то я встречался с девушкой в соседнем Муначи, и мы ехали по Индастриал-авеню, а потом сидели на капоте моего потрёпанного «Шевроле» и распивали по шести бутылок пива, пока над головой ревели самолёты.

Пока я ехал, я старался не думать о Кристине. Мысленно я прокручивал в голове разговор с Лэнгимером. Он не любил Дэвида. Скорее всего, ненавидел его. Но было ли этого достаточно, чтобы убить Клару и подставить Дэвида? В глубине души я знал, что Дэвид не убивал Клару. Но я задавался вопросом: не обманывает ли ме-

ня Дэвид, или я сам себя обманываю, веря в его невиновность.

Так или иначе, мне нужно было это остановить, пока татуированный человек из фирмы не вылил миску с кислотой на Кристину, Дэвида или на меня.

«Хонда» врезалась в «лежачего полицейского», которого я не заметил. Я стукнулся головой о потолок и выругался.

Как только я расслабилась и перестала думать о Дэвиде и Лангимере, мои мысли сразу же обратились к Кристине. Вспомнился наш телефонный разговор, который был меньше получаса назад.

Кристина сказала мне, что не хочет уезжать из Нью-Йорка. Она хотела остаться и выстоять. Она была очень жёсткой, но такой же жёсткой, как и юристы:Бороться с трудностями и рисковать. Здесь всё было иначе. Я сказал ей, что она в опасности, и что если она не сядет в этот чёртов самолёт вместе с Эми, я затащу её на борт и привяжу к сиденью.

Чувство вины.

Я винил Бена Харланда и Джерри Синтона в их жадности и трусости, из-за которых они использовали младших сотрудников своей фирмы в качестве марионеток для своих мошеннических

действий.

И я винила себя.

Когда родилась Эми, Кристина сказала, что не хочет работать, пока Эми не станет подростком. Я подумала, что это связано с воспитанием Кристины. Её мама много работала, и большую часть своих ранних лет Кристина проводила с нянями и сиделками, редко проводя время с родителями, даже по выходным.

Чувство вины.

Единственной причиной, по которой Кристина устроилась на работу в Harland and Sinton, было то, что я не мог свести концы с концами для моей семьи. Кристина работала в престижных фирмах после сдачи экзамена на адвоката, и её резюме открывало перед ней множество дверей. Как раз перед Рождеством Кристина устроилась на работу в Harland and Sinton, сначала на неполный рабочий день, затем на большее количество часов. К концу января она работала по шестьдесят часов в неделю. Она не хотела работать. Ей хотелось проводить время с Эми. Время, которого я лишал их обеих, не принося домой деньги.

Начал накрапывать небольшой дождь, и в свете фар я с трудом различал что-либо впереди. Минут через десять, прижавшись носом к лобовому

стеклу и высматривая «лежачих полицейских», я увидел впереди справа задние огни небольшого самолёта и маяк ангара аэродрома прямо за ним. Я свернул на стоянку и направился к ангару.

Подойдя ближе, я увидел машину Делла, припаркованную у открытых ворот ангара.

Кристина, ее сестра и Эми скоро приедут.

Я припарковал «Хонду», обернул воротник пиджака вокруг шеи и побежал к двери ангара. К тому времени, как я вошёл, я был насквозь мокрым. Желто-оранжевый свет от потолочных светильников создавал ложное ощущение жары. Ангар был похож на морозильную камеру. Стоя у небольшого самолёта, я увидел Делла, Кеннеди и ещё двух-трёх агентов в костюмах, среди которых были Феррар и Вайнштейн. Вайнштейн всё ещё держал перевязанные пальцы.

Когда я подошёл к ним, Делл взмахнул рукой, и Кеннеди замолчал. Оба были в длинных пальто и перчатках.

«Я знал, что могу на тебя положиться, Эдди», — сказал Делл. Он кивнул и улыбнулся.

«Кеннеди знает, что я всегда добиваюсь результата», — сказал я.

«Слава богу», — сказал Кеннеди таким тоном, что я каким-то образом понял, что он с самого

начала был против всей этой схемы. Хотя мы с Кеннеди никогда не были друзьями, я подозревал, что он не одобрял методы Делла. У Кеннеди тоже была семья.

Техник открыл ноутбук на капоте чёрного внедорожника, и Делл протянул руку за флешкой. Чуть дальше в ангаре я увидел ещё один чёрный внедорожник, но не стал обращать на него внимания.

«Мы хотим убедиться, что ты нас не обманываешь, Эдди. Если ты не против, мы хотим посмотреть, какие данные находятся на диске», — сказал Делл.

«Без пароля вы не сможете его прочитать», — сказал я, протягивая ему документ.

Техник вставил диск в ноутбук, и я услышал, как машина заурчала, оживая, запуская проверки и системы оповещения, когда она начала получать доступ к памяти.

Большой палец вверх.

«Здесь очень много данных», — сказал Делл.

«Они там. Дай-ка я посмотрю на деньги», — сказал я.

Агент достал большую спортивную сумку и открыл её. Стодолларовые купюры — по двадцать пять штук в каждой пачке. Я высыпал деньги на

залитый бетонный пол и выбросил сумку. Стопку за стопкой я просматривал купюры, проверяя, нет ли на них каких-либо устройств вроде маркера или чернильной бомбы, и что на каждой купюре изображён портрет Бенджамина Франклина. Осматривая каждую пачку, я аккуратно сложил их рядом с собой и начал строить небольшую башенку из денег. Все они выглядели одинаково, были на ощупь одинаковыми и весили примерно одинаково.

«Если я найду следы трассирующего аэрозоля на этих купюрах…»

«Они хороши», — сказал Делл.

Удовлетворённый, я встал. Дождь всё громче барабанил по алюминиевой крыше ангара. Даже сквозь грохот я услышал, как приближается машина, и увидел отражение фар в толстых, проливных струях дождя. Машина остановилась у ангара. Это был «Лексус» Кармель, внутри которого сидели Кристин и Эми.

«Ваши пассажиры?» — спросил Делл.

«Это они».

«Тогда мы все здесь. Пароль, пожалуйста, Эдди».

«Сначала соглашения».

Подойдя ближе, Кеннеди вытащил два конвер-

та. Один из них он положил на капот грузовика, а другой передал Деллу.

В первом конверте находилось соглашение об иммунитете для Кристины, подписанное Кеннеди и окружным прокурором Задером, подтверждающее, что против Кристины Уайт не будут выдвинуты никакие уголовные обвинения на государственном или федеральном уровне в связи с ее работой в Harland and Sinton.

Но было одно условие.

Всегда есть условие.

Ее иммунитет зависел от ее показаний против Бенджамина К. Харланда и Джеральда Синтона на последующих судебных процессах.

Я сложил документ обратно в конверт и сунул его в карман пиджака. Делл повторил мой жест и спрятал второй конверт в карман своего пальто.

«Мне нужно увидеть согласие Дэвида», — сказал я, протягивая руку.

«Мы не знаем, что у вас на самом деле на этой дороге. Если всё хорошо, он получит по заслугам», — сказал Делл, направляясь к открытым дверям. Он жестом пригласил меня следовать за ним. Феррар схватил зонтик, встал рядом с Деллом и поморщился, пытаясь его раскрыть. Он переложил зонтик в левую руку. В правой руке, должно

быть, всё ещё звенело от кастета.

Я присоединился к ним на пороге ангара, где ветер хлестал нас по лицу дождём. Казалось, дождь остудил жгучую, свинцовую боль в шее. Я позволил ему омыть лицо, вдохнул его.

«У нас была сделка. Сначала соглашения», — сказал я.

«Куда вы везете мой самолет?» — спросил Делл.

«Вам не обязательно знать».

«Ей нужно будет сообщить пилоту, по крайней мере. Ему придётся сообщить по радио, где находится пункт назначения, так что, возможно, вам стоит сказать мне сейчас».

«Когда самолет поднимется в воздух, я дам вам знать», — сказал я.

«Не думаю, что это имеет большое значение», — ответил он, втягивая воздух и устремляя взгляд в тёмное небо. «Надвигается буря», — сказал он.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Двери самолёта были распахнуты. Меня манила небольшая лестница, встроенная в раму двери. Я никуда не собирался уходить. Мне нужно было остаться, чтобы завершить сделку и добиться снятия обвинения с Дэвида утром.

Я ненавидел прощаться.

От волос Кристины пахло сигаретами. Она бросила ещё до рождения Эми, но я всегда знал, что она тайком наслаждалась «Лаки» с бокалом вина. Я прижал её к себе. Мы обе обнялись под дождём. Отпустив, я нежно взял её лицо в ладони и поцеловал. Её губы были холодными и сладкими, и я ощутил вкус дыма на её языке. Это был наш первый поцелуй за много месяцев. Почему-то это было почти как наш первый поцелуй — в нём были волнение и страх, но на этот раз также любовь и сожаление. Она отстранилась, посмотрела на землю и опустилась на колени рядом с Эми.

«Нам пора идти, милый», — сказала она.

Значки на джинсовой куртке Эми с логотипами множества рок-групп, о которых я никогда не слышал, блестели в свете из кабины. Я присел и обнял свою малышку. Я чувствовал, как она

дрожит. Я посмотрел на Кармель, более высокую и немного старше Кристины. Она никогда меня не любила.

«Я люблю тебя, малыш. Береги свою маму. Ты уезжаешь куда-то далеко, в по-настоящему безопасное место. Я скоро буду с тобой».

Эми поцеловала меня в лоб и еще раз крепко сжала меня всей своейДесятилетняя девочка, возможно, взяла маму за руку, и они направились к самолёту. Я отдала Кармель деньги. « *Я* прослежу, чтобы они были в безопасности», — сказала она.

Прежде чем нырнуть в самолёт, Кристина обернулась и снова посмотрела на меня. Её глаза были полны слёз. Она вытерла их. Губы её шевелились. «Я люблю тебя». Я не слышал её из-за шума двигателей. Возможно, осознание того, что я не услышу этих слов, каким-то образом облегчило ей их произнесение.

Я ответила то же самое. Она помахала мне и зашла на борт.

Дверь самолета закрылась, и я услышал запуск реактивного двигателя, а затем изменение тангажа, когда самолет развернулся и порулил к взлетно-посадочной полосе.

«Пароль?» — спросил Делл.

Я промолчал, желая, чтобы самолёт взлетел и

увез Кристину и Эми далеко-далеко. Подальше от фирмы, от Делла и Кеннеди.

Подальше от меня.

Феррар с трудом переложил зонтик в левую руку и протянул боссу рацию.

«Подожди здесь», — сказал Делл. «Пилоту не взлететь без моей команды. Пароль, Эдди. Иначе самолёт никогда не поднимется с земли».

«Мы договорились?» — спросил я.

Делл кивнул.

Чувствуя, как к горлу подступает желчь, я отдал Деллу салфетку с написанным синими чернилами паролем. Делл передал её Феррару, который сложил зонтик и отдал пароль ожидающему технику.

Не глядя на Делла, я поднял руку, прервав дальнейший разговор, и вышел вслед за самолётом. Я слышал, как он что-то бормотал пилоту по рации. Дождь перешёл в лёгкий ливень, и я видел, как облака немного рассеялись, когда самолёт разогнался по взлётно-посадочной полосе и поднялся в бурное небо.

Я оставался там ещё несколько мгновений. Они были в безопасности. Никто не мог их тронуть, по крайней мере, пока. По мере того, как самолёт набирал высоту, острая боль в лопатках раство-

рилась в тупом отголоске боли.

«Пункт назначения?» — спросил Делл пилота на другом конце провода.

«Позволь мне избавить тебя от хлопот», — сказал я. «Они сейчас летят в неправильном направлении. Кристина пока не сообщит пилоту место посадки. Когда она это сделает, у тебя не будет времени ничего подготовить. Как только самолёт приземлится, кто-то отвезёт мою семью в безопасное, секретное место. Всё…Вы дали им фору. Они не выберутся из этой ситуации, пока вы не разберётесь с Харландом и Синтоном.

Он кивнул, и мы пошли обратно в ангар. Техник сработал быстро, и через несколько секунд я увидел, как по его лицу расплылась улыбка. Его зубы ярко сверкнули в отражении на полированном капоте внедорожника. Он смазал губу пузырём клубничной жвачки и прошептал Деллу.

«Спасибо», — сказал Делл.

«Мне нужно согласие Дэвида», — сказал я.

Он протянул мне конверт. Как только я его взял, я понял. Его вес, ощущение. Кеннеди заметил, как изменилось моё выражение лица. Гнев и кипящий в животе страх, должно быть, лишили меня цвета.

«Что случилось, Эдди?» — спросил Кеннеди.

Я протянул ему конверт. Он открыл его. Он был пуст. Кеннеди разорвал его и собирался что-то сказать, но Делл его перебил.

«Если вы хотите избежать пожизненного заключения для Дэвида Чайлда, вам придется поговорить с ним», — сказал Делл.

Задняя пассажирская дверь второго внедорожника открылась, и из неё вышел окружной прокурор Задер. Он застёгнул свой серый пиджак в тонкую полоску и поправил галстук. В руках у него был большой коричневый конверт с надписью «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО — ДЭВИД ЧИЛД » . Он протянул его мне.

Говоря это, он изо всех сил старался скрыть торжествующий тон своего голоса.

«Знаешь, Эдди, я разочарован. Я не думал, что смогу обмануть мошенника».

Я разорвал конверт и обнаружил пять тщательно отпечатанных страниц.

Это не было соглашением о признании вины. Я бегло прочитал документ, и тошнотворное ощущение в желудке переросло в спазм, который распространился по всему животу, сжимая горло тугой, горькой хваткой.

В тот момент я понял две вещи.

Я позволил своим переживаниям за Кристину

скомпрометировать Дэвида; мне не следовало передавать пароль, не ознакомившись с соглашением. Последним ударом в лицо стало осознание того, что неважно, что я сделаю на следующий день или через несколько месяцев, на суде. Документ, который мне дал Задер, гарантировал, что Дэвид Чайлд будет осуждён за убийство.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА

20 часов до выстрела

Документ, который мне передал Задер, представлял собой баллистическое заключение. Оно без всяких сомнений подтверждало, что пули, обнаруженные в жертве, были выпущены из того же оружия, что и в машине Дэвида. Я ожидал увидеть это заключение, но не сейчас, не так скоро. И я не мог оспорить ни слова из этих доказательств. Окружной прокурор подкладывал орудие убийства в машину Дэвида, чтобы оно совпадало с телом его девушки в его квартире. Из этой ситуации не было выхода.

Игра закончена.

«Ты меня использовал», — сказала я, сжав кулаки. Ноги раздвинулись в боевой стойке, а сердце забилось в такт адреналину, вливающемуся в кровь и в мышцы.

«И твоя жена, — сказал Делл. — Теперь, когда у нас есть партнёры, нам до неё нет дела. Она может уйти. Ей не будут предъявлены никакие обвинения. Она больше нам не нужна».

«Он этого не делал, Задер. У нас была сделка — флешка для соглашений об иммунитете».

«Вы не заключали со мной сделку», — сказал Задер. «Вы пытались заключить сделку с агентом Деллом, но у него нет полномочий в деле Чайлда. Я же говорил вам, мы не заключаем сделки, которые освобождают убийц. Не в моём офисе. Максимум, что я мог бы сделать, — это двадцать лет, если он признает себя виновным. В противном случае, увидимся в суде».

Когда он резко повернулся к внедорожнику, я бросился за ним, но тут же остановился. Если бы я его догнал, то почти наверняка бы его прикончил. Ночь в тюрьме за нападение не помогла бы мне защитить Дэвида.

«Это шутка, да?» — сказал Кеннеди.

«Ты уже большой мальчик, Билл. Пора тебе начать вести себя соответственно», — сказал Делл.

Кеннеди откинул голову и подошел к Деллу, который приветствовал его горящим взглядом.

«Хочешь наехать на меня, пацан? Давай. Я надеру тебе задницу и отниму твой значок», — сказал Делл.

Кеннеди покачал головой, повернулся ко мне и сказал: «Эдди, я ничего об этом не знал, уверяю тебя». Он говорил серьёзно. Он выглядел ещё более изможденным и растрепанным, чем накануне. Его волосы были мокрыми от дождя,

рубашка тоже, и у меня сложилось впечатление, что единственное, что удерживало его на ногах, — это ярость. Кеннеди говорил прямо — он и представить себе не мог, что меня собираются обмануть. И это его терзало.

Делл шагнул вперёд, приглашая атаку. Кеннеди отступил и прошёл назад. Через несколько секунд я увидел, как он уезжает на тёмном седане.

Отчет баллистической экспертизы превратился в комок бумаги в моих руках, когда Делл и его люди расселись по своим машинам и выехали из ангара.

Я сделал именно то, чего себе не обещал. Я бросил невинного человека ради жены. Человека, который рисковал своей жизнью, чтобы помочь Кристине, который оплатил вертолёт, чтобы встретить её при выходе из самолёта в Вирджинии, — человека, которого я жестоко подвёл.

Я позвонил Кристине на мобильный, но, должно быть, его отключили перед взлётом. Дождь барабанил по крыше. В ангаре я был один, и он превратился в эхо-камеру для моего дыхания и стука ботинка по бетону.

Думать.

Деллу я больше не был нужен. Он получил код, улики, которые привели к партнёрам и день-

гам. Он разгромит фирму завтра же, как только появятся деньги. Он подождет с командой у их офисов и нагрянет ровно в ту же секунду, как первый цент поступит на счёт фирмы. Теперь он ничем мне не поможет.

Задер хотел совершить это громкое убийство. Он создавал себе имя. Имя, которое, как он надеялся, поможет его политическим амбициям выйти далеко за рамки должности окружного прокурора.

Оставалось только одно: бороться в суде.

Где-то вдалеке я услышал звон, словно под водой. Когда я вытащил телефон из кармана, звук звонка, отражаясь от ангара, почти оглушил меня. Это окончательно выбило меня из колеи.

«Эдди, это Билл», — сказал агент Кеннеди. Он никогда раньше не называл меня по имени. «То, что сделал Делл, было неправильно, и я не буду в этом участвовать. Если…Мы не можем быть честными, какая ещё надежда? Прости, Эдди. Я хотел, чтобы ты это знал. И я хотел, чтобы ты знал, куда я направляюсь.

«Я слушаю».

«Федерал Плаза. Я проверю все документы полиции и прокуратуры, чтобы убедиться, что у вас всё готово к завтрашнему дню. Вашему клиенту

это, скорее всего, не поможет, но я хочу помочь».

«Его подставили».

«Знаю, ты так думаешь. Чёрт возьми, возможно, ты прав. Но послушай, что я могу для тебя сделать — прибереги это для суда. Судья ни за что не отклонит это дело из-за отсутствия доказательств. И даже если ты и провернул какой-нибудь трюк Гудини на предварительном слушании, я слышал, что Задер собрал большое жюри на завтрашний день, и они обязательно найдут дело против твоего клиента, потому что ты даже не можешь с ними поговорить».

«Пусть я побеспокоюсь о большом жюри — возможно, есть способ что-то провернуть, но я пока не уверен. Главное — начать работать над этим сейчас, и мне нужно, чтобы вы сделали для меня кое-что ещё, если вы серьёзно намерены мне помочь, конечно».

«Конечно, стреляй».

«Мне нужно знать всё о жертве. Мне нужно всё, что вы сможете найти. Помимо того, что это может быть драка в лифте, а может и нет, у обвинения пока нет чёткого мотива убийства, и я не хочу, чтобы завтра его обнаружили. Если я прав, Чайлда подставили».

«Конечно. Я могу получить информацию. Я

предоставлю её вам как можно скорее. Что-нибудь ещё нужно?»

«Я хотел тебя кое о чём спросить. За мной следят. Латиноамериканец с татуировкой на шее. Это *«Крик»* Эдварда Мунка. Он предупредил меня, применив пузырёк с кислотой, чтобы Дэвид держал рот на замке. Полагаю, он просто головорез, неофициально работает на «Харланд энд Синтон». Ты его знаешь?»

«Я знаю только службу безопасности фирмы. Делл сказал, что уже рассказал вам о Гилле и его людях. Я не видел никого, подходящего под это описание, в фирме. Я разберусь. Если увидите его снова, позвоните мне».

«Спасибо. Если увижу его, позвоню».

Голос Кеннеди стал тяжелым и медленным.

«Прости, Эдди. Я втянул тебя в это. Я присоединился к оперативной группе только в прошлом месяце. Они ничего не добились, и меня пригласили изучить улики, посмотреть, не упустили ли они чего-нибудь. Несмотря на то, что Делл тебе только что сказал, мы…Мы собирались предъявить обвинение сообщникам, если не сможем прижать Харланда и Синтона. Мы были готовы это сделать. А потом, на выходных, Чайлд свалился нам в руки. Делл хотел, чтобы Чайлд заключил

сделку, но нам пришлось отделить его от фирмы и найти ему нового адвоката. Он спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы взяться за это дело за хорошее вознаграждение. Я предложил тебя. Он сказал, что слышал это имя раньше, и показал досье Кристины. У него была обширная информация обо всех сообщниках. Ты идеально подходил для этой работы. Эдди, извини.

«Я знаю, что ты меня не подставил. Ты можешь мне помочь. Собери все файлы, которые сможешь, и встретимся в моём кабинете через час. Мне нужно начать планировать, что, чёрт возьми, я буду говорить на завтрашнем слушании».

Мои мысли запутались. В трубке повисла тишина.

«Знаете, вы можете ошибаться. Я знаю, вы думаете, что Чайлд не способен на это, но запись с камеры видеонаблюдения из многоквартирного дома показывает, что он был последним, кто покинул квартиру, а через несколько минут было обнаружено тело его девушки. Она умерла от множественных огнестрельных ранений, а пистолет находится в машине вашего клиента. Факты говорят о его причастности к убийству. Вы уверены, что на правильной стороне?»

«Я адвокат, Кеннеди. У меня нет правой сторо-

ны — у меня есть только клиент».

Именно это Кеннеди и ожидал услышать. Все правоохранительные органы думают об адвокатах одинаково. Как они спят, зная, что освободили виновного? Спать ещё труднее, когда невиновный сидит в тюрьме. Ну, с кошмарами я покончил.

«Не волнуйся. Я знаю, что прав. Чувствую. Увидимся в моём кабинете через час».

«Хорошо, но сначала я проверю, удостоверюсь, что это безопасно. Что ты собираешься делать целый час?» — спросил Кеннеди.

Я обдумал это. Возвращаться к дому Ящера не имело смысла. К тому же, у меня появилась идея.

«Я собираюсь поджарить подкрепление Задера», — сказал я.

«Что? Большое жюри? Что вы собираетесь делать?»

«Я собираюсь получить свое секретное оружие, которое даст нам шанс уничтожить дело, если оно когда-нибудь дойдет до большого жюри».

«Как ты собираешься это сделать?»

«Я собираюсь нанять Чайлду другого адвоката».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Паб «Finnegan's» на Пятьдесят шестой улице больше напоминал ночлежку для слепых, чем бар. На двери висела табличка: « МЫ НИКОГДА НЕ ЗАКРЫВАЕМСЯ».

Я сидел у бара на водительском сиденье «Хонды» Холли, свет салона освещал новый отчёт баллистической экспертизы доктора Пиблза. По уникальным отметинам и царапинам на пулях, найденных у жертвы, он смог подтвердить, что эти пули могли быть выпущены только из пистолета, найденного в машине Дэвида. Абсолютный успех для обвинения. Меня беспокоило только одно: осмотрев оружие, Пиблз обнаружил следы земли на рукояти, и часть этой земли попала в крошечный зазор вокруг магазина, который вставлялся в приклад пистолета. Я сказал себе, что подумаю об этом позже, что, вероятно, это ничего не значит, но всё равно такие мелочи не давали мне покоя. Я вышел из машины и подошёл к «Финнегану».

Окна паба были заклеены изнутри, а вторая дверь, сразу за входом, всегда была закрыта и занавешена плотными зелёными шторами, от

которых несло тухлым пивом и сигаретами. Создавалось впечатление, будто посетители — вампиры, и если бы в бар хоть немного проникал естественный свет, все посетители вспыхивали бы огнём. У паба была репутация хулиганского заведения, и его владелец, Пэдди Джо, терпел всех посетителей. Десять лет назад не было ничего необычного в том, чтобы увидеть в одном углу банду байкеров, в другом — «58-х», «Кровавых», играющих в бильярд, и половину убойного отдела Шестнадцатого участка, распивающих текилу у барной стойки.

«Куч сегодня дома?» — спросил я.

Пэдди Джо поднял взгляд от бара, и какое-то мгновение я не мог разглядеть его лицо, потому что голова казалась огромной, как у серебристого оленя. Из-под футболки свисала жесткая борода, кончик которой доходил до моего живота. Отойдя от бара, я смог лучше рассмотреть его красивые голубые глаза и ряд зубов с коронками, похожих на стопку золотых слитков, лежащих у входа в тёмную пещеру.

«Он на своём месте. Рад тебя видеть, Эдди. Хочешь колу или что-нибудь ещё?»

Пока я прикладывался к бутылке, Пэдди позаботился о том, чтобы я добрался домой из бара

целым и невредимым, поэтому он знал, что я завязал с выпивкой или пытаюсь это сделать.

«Нет, спасибо. У меня всё хорошо. Я тоже рад тебя видеть, приятель».

Он поднял свой огромный кулак для удара. Я повиновался. Это было словно зефир, на мгновение коснувшийся шара для сноса зданий.

Я отвернулся от бара, прошёл мимо сломанного музыкального автомата и поднялся по небольшой лестнице к большой кабинке в дальнем левом углу паба. Там, в окружении трёх пьяных адвокатов, Куч вёл заседание.

«Я всегда говорю: никогда не вызывайте своего клиента на допрос. Это самоубийство», — сказал Куч. «Возьмите Джерри Спенса, да, лучшего адвоката, которого я когда-либо видел. Спенс занимался адвокатской практикой пятьдесят чёртовых лет, не проиграл ни одного дела и всего один-два раза вызывал своего клиента на допрос».

Двое мужчин-юристов за столом Куча были примерно его возраста; третий, молодой блондин, ловил каждое его слово. Я отошёл назад, чтобы дать Куч закончить. Он был немного глуховат и плохо говорил. Его почти можно было услышать на улице, настолько он был громким.

Куч также носил слуховой аппарат и время от времени стучал по нему, если не слышал, что вы говорите. Как будто вы напоминали ему, что это его очередь в бар.

Спенс говорил, что историю своего клиента нужно рассказывать во время перекрёстного допроса. Атакуйте обвинение. Атакуйте, атакуйте, атакуйте. Но выбирайте, в чём сражаться…

Двое адвокатов средних лет уже слышали всё это раньше — это была любимая тема Куча — и начали разговор. Не смутившись, Куч переключил внимание на молодого адвоката.

«Уголовное право — это война, малыш. Но не борись с системой, борись с уликами. Это как… как его там… Ирвинг Канарек. Он бы дрался даже за подброшенную монетку. Ты когда-нибудь слышал о нём, малыш?»

Молодой человек покачал головой.

«Он был адвокатом из Лос-Анджелеса. Он представлял интересы Чарльза Мэнсона. Он почти освободил его. Но Ирвинг зашёл слишком далеко. Он возражал против всего. Он…Он выдвигал возражения одно за другим. Он возражал прямо во время слушаний, во время вступительных речей — по всему. Он, конечно, изрядно разозлил судью. На процессе Мэнсона Ирвинг дважды попадал

в тюрьму за неуважение к суду. Он был просто агрессивным парнем. Однажды прокурор вызвал свидетеля и попросил его назвать своё имя для протокола. Старый Ирвинг в мгновение ока вскочил на ноги. «Возражаю, ваша честь. Этот ответ — слухи. Свидетель знает его имя только потому, что ему сказала мать!»

Молодой адвокат рассмеялся из вежливости, а затем уставился в свое пиво.

Выйдя на свет, я кивнул Кучу.

«Вот настоящий талант, парень. Это Эдди Флинн. Вы видите его в суде, вы смотрите на него. Учитесь у него. Он — будущий Джерри Спенс», — сказал Куч.

Я обменялся приветствиями с другими адвокатами, которые пожали руки Кучу, извинились и ушли. Молодой адвокат допил «Миллер», поблагодарил Куча за совет и вышел. Я сел.

«Хороший парень, высший балл на экзамене на адвоката и лучший ученик в юридическом колледже. Настоящий талант. Жаль, что у него нет ни малейшего представления о том, как стать юристом, но он научится. Как и ты, Эдди».

«Ты дал мне немало советов, когда мне было его лет. Я был благодарен; это помогло».

Он пренебрежительно махнул рукой.

«Что я знаю?» — сказал он.

«Слушай, Куч, мне нужна услуга».

«Что? Я не расслышал», — сказал он и наклонился ко мне, постукивая по слуховому аппарату.

Я прошептал: «Я заплачу тебе десять тысяч за день работы в суде завтра».

«Десять штук? Завтра? В чём дело?» Он без труда это услышал.

«Убийство. Завтра предварительное слушание. Ты — второй председатель».

Подняв руки, он посмотрел на узоры никотиновых пятен на потолке, что-то пробормотал, а затем снова обратил свое внимание на меня, ожидая подробностей.

Несмотря на преклонный возраст, семидесятилетний адвокат оставался таким же проницательным и преданным своему делу, как и все, кого я встречал. Куч проявлял искренний интерес к своим клиентам, узнавая их, их семьи, поручителей, детей и домашних животных. Он выживал благодаря постоянным сделкам с большой группой клиентов, большинство из которых были родственниками и специализировались на мелкой организованной преступности и ограблениях складов. Прошёл почти год с тех пор, как я видел Куча в последний раз, и в тотЗа это

время он заметно постарел. Кожа на шее обвисла, рубашка казалась ему слишком большой, а волосы стали почти совсем седыми. Последние пряди «Только для мужчин» стали лишь блеклым воспоминанием, быстро испаряясь вместе с его пудрово-белыми корнями.

«Ну и что? Давай, ты должен рассказать мне подробности. Как я подготовлюсь, если ты ничего не рассказываешь мне о деле? Ты хочешь, чтобы я допросил половину свидетелей? Что? Ну же, что ты хочешь, чтобы я сделал?»

Один из адвокатов, сидевших с Кучем, оставил кусочек скотча в стакане, и тающий кубик льда разбавил его. Я долго смотрел на тёмно-янтарную жидкость в стакане. «Не стоит этого делать», — сказал я себе, поднимая стакан и проглатывая эту чёртову штуку.

«Послушай, не беспокойся об этом», — сказал я.

«Да ладно, Эдди, это несправедливо. Должна же быть причина, по которой я тебе нужен. Так что ты хочешь, чтобы я сделал завтра?»

«На предварительном этапе? Абсолютно ничего».

"Что?"

«Я не хочу, чтобы ты что-либо делал на предварительном слушании. Ты мне нужен для

большого жюри», — сказал я, не в силах сдержать улыбку.

«Подождите. Я ничего не могу сделать в большом жюри; я не могу вести перекрёстный допрос… Вы же знаете. Даже находиться там бесполезно. Помните, что сказал судья Сол Вахтлер в апелляционном суде?»

Это была одна из любимых фраз Куча. Я знал её наизусть, но позволил ему высказаться.

«Он сказал: „Прокурор мог бы убедить большое жюри предъявить обвинение сэндвичу с ветчиной“. Ваш клиент зря тратит деньги; я ничего не могу с этим поделать».

«Я не просил тебя ничего говорить на заседании большого жюри; ты просто должен явиться».

Куч откинулся на спинку сиденья с обивкой из искусственной кожи и открыл рот, размышляя об этом.

Через несколько мгновений он сел и направил на меня сжатый палец.

«Вы не хотите, чтобы я что-то делал на предварительном слушании, но вам нужно, чтобы я там присутствовал, верно? А потом вы хотите, чтобы я пошёл к большому жюри с сюрпризом?»

«Ты понял».

Он покачал головой и рассмеялся. «Эдди, ты

настоящий гений, ты знаешь это?»

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Мне казалось, что я прячусь от бури в игрушечной машинке. Дождь хлестал по капоту и заливал лобовое стекло. Я сказал себе, что не могу позвонить Чайлду, потому что не услышу его из-за оглушительного шума дождя. Он звонил мне, а я не ответил. Я пока не мог выдержать этот разговор, пока не найду ему ответ, пока не найду выход.

Я снова позвонил Кристине. Голосовая почта. Просматривая список набранных номеров, я набрал номер больницы. На этот раз я довольно быстро дозвонился до медсестры в палате Попо. Он был в сознании, послушен и был накачан морфином, поэтому мне не разрешили с ним поговорить. Полицейским тоже не разрешили. Я попросил медсестру передать Попо, что я звонил, и что я благодарен ему за то, что он сделал для Дэвида. Медсестра сказала, что передаст. Я отключил звонок и снова сосредоточился на Западной Сорок шестой улице.

На улице никого не было; дождь не давал пешеходам выходить из дома. Я простоял на парковке почти двадцать минут и не видел ни одного

человека мимо своего офиса. Несколько машин проехали слишком быстро, чтобы осматривать помещение. Я сам несколько раз проехал туда-сюда, просто чтобы проверить, не сидит ли кто-нибудь в машине, ожидая моего возвращения в офис. Насколько я мог судить, улица была свободна. Я не был экспертом по слежке и смирился с тем, что буду ждать Кеннеди. Насколько я знал, Джерри Синтон мог уже загнать половину своей охраны в мой кабинет с оружием наперевес, ожидая моего возвращения в темноте.

Я опаздывал, а Кеннеди не появлялся. Я собирался позвонить ему, когда увидел, как мимо меня проехал тёмный седан и припарковался в пятидесяти ярдах от меня, прямо напротив моего дома.

Я подождал и увидел, как из машины выходит высокая, худощавая фигура Билла Кеннеди, зажатого под правой рукой в синей пластиковой папке. Гудок «Хонды» прозвучал, как взвизг больного осла. Этого было достаточно, чтобы Кеннеди обернулся. Я помигал фарами, вышел из машины и запер её ключом зажигания. К тому времени, как я присоединился к нему, я промок насквозь, и с папками, которые я нес в куртке, дела обстояли не лучше. Дождь был слишком сильным, чтобы

мы могли остановиться и поговорить, и мы побежали к входу в мой дом.

Я не был в офисе с раннего утра, и, учитывая обычный поток людей через парадную дверь, принимать обычные меры предосторожности не имело смысла. Не было ни монетки в десять центов, ни зубочистки, чтобы предупредить меня, не ждут ли меня наверху незваные гости. Мы шумно вошли, и я слишком быстро закрыл дверь, слишком торопясь уйти от бури. Если кто-то и был наверху, он, вероятно, услышал, как мы вошли.

Мы отряхнули одежду, я вытерла дождь с лица и откинула назад волосы, которые начали прилипать ко лбу. В холодном вестибюле дыхание было облачным, а у ног уже образовались лужи дождевой воды. Я махнула рукой в сторону своего кабинета. Кеннеди кивнул, протянул мне пластиковую папку, вытащил табельное оружие и осторожно поднялся по лестнице. Я последовала за ним на расстоянии.

В моем кабинете горела лампа для чтения.

Кеннеди вытянул ладонь, приказывая мне оставаться наверху лестницы. Он грациозно и бесшумно подпрыгнул к двери, держа пистолет обеими руками наготове. Я последовал за ним, и мы заняли позиции по обе стороны от две-

ри. Кеннеди покачал головой и одними губами прошептал, чтобы я оставался на месте. Одним плавным движением он щёлкнул дверной ручкой одной рукой, затем коленом полностью распахнул дверь и толкнул её внутрь, держа пистолет перед собой.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Дождь стекал по моей спине, и я сильнее прижался к стене.

Я ничего не слышал.

Ни звука.

«Кеннеди?» — спросил я.

«Ясно», — сказал он.

Я выдохнула, вошла в дом и включила свет. Должно быть, сегодня утром я оставила включенной настольную лампу. Это на меня не похоже. Я была осторожна. Если бы Dell не предложила мне деньги за представление интересов Чайлда, я бы планировала оплатить счёт за электричество за этот месяц своей кредитной картой. Мы снова отряхнули одежду от дождя. Затем я сняла куртку и села читать содержимое папки, которую мне дал Кеннеди.

Документы, принесенные Кеннеди, содержали не так уж много того, что я уже видел. Только несколько страниц списков вещественных доказательств и более чёткую, увеличенную версию плана квартиры Дэвида.

«Вы все еще считаете, что ваш клиент невиновен?» — спросил Кеннеди.

Я кивнул.

«Мне не нравится, как все обернулось с Деллом, поэтому я сделаю все, что смогу, но мне нужно знать, почему вы так уверены в Чайлде», — сказал он.

«Я знаю, как это выглядит. Но я посмотрел ему в глаза. В нём нет ничего такого. Это выглядит плохо для Дэвида, потому что так и должно выглядеть. Тот, кто его подставил, хотел, чтобы его посадили за убийство Клары. Кстати, вы так и не показали мне, что у вас есть на жертву».

Сотрудник ФБР засунул обе руки в карманы, вытащил их и раскрыл пустые ладони.

«Ничего?» — спросил я.

«Никаких налоговых деклараций, номера социального страхования, никаких медицинских карт в этом штате. То же самое и со стоматологией. Нет свидетельства о рождении, нет зарегистрированного на её имя мобильного телефона. Единственное, что у меня есть, — это водительские права, читательский билет и карта для банкомата, выданные Кларе Риз примерно полгода назад».

«С тобой такое когда-нибудь случалось?»

«Нет. Если подумать, мне всегда удавалось найти больше одного следа, даже если это всего лишь

свидетельство о рождении. Её мобильный был дорогой одноразовой вещью. У неё в сумочке были наличные — никаких кредитных карт, только расчётный счёт. Похоже, полиция отправила машину по адресу, который Дэвид дал Кларе. Я знаю, что она только что переехала к Дэвиду, но квартира была пуста. Ни мебели, ни писем, ни даже телевизора. Там не было ни клочка бумаги. Ах да, ещё этот запах: похоже, всю квартиру вычистили паром и обработали химикатами за несколько дней до убийства. Она сказала своему управляющему, что переезжает к Дэвиду, но он говорит, что не убирался в квартире. Кто-то всё-таки убрал, и они были тщательны. Копы не смогли даже волоска из квартиры вытащить».

«Как будто ее стерли из памяти», — сказал я.

Кивнув головой, Кеннеди сказал: «Должен признать, это меня озадачило. Окружной прокурор представил это как дикое преступление в порыве страсти. Почему-то мне так не кажется. Похоже, Клара Риз бежала от чего-то или от кого-то и сорвала куш, встретив твоего клиента. Это ничего не доказывает, Эдди. Но это можно добавить в общую картину. Я просто не знаю, насколько далеко всё это заведёт».

«Если я прав, это была подстава», — сказал я.

Он подавил смех. «Что ж, если его подставили, то это лучшая схема, которую я когда-либо видел. Ваш клиент утверждает, что вышел из квартиры в двадцать два, только что поцеловав Клару на прощание. По его словам, она была жива и здорова, когда он уходил. Однако Гершбаум слышит выстрелы, выходит на балкон, видит, как шальная пуля разбивает окно, и звонит в службу безопасности — его вызов зафиксирован в двадцать два. Камера видеонаблюдения не показывает, чтобы кто-то приближался к квартире, пока охрана не прибыла четыре минуты спустя. Единственный человек в квартире — наша мёртвая жертва. Если есть ещё один убийца, ну, он, должно быть, улетел. Чайлд застрелил её, Эдди. Почему вы этого не видите? Итак, какова защита вашего клиента? Либо он лжёт, либо Клара Риз выстрелила себе в затылок двенадцать раз. Я не…Думаю, она могла бы это сделать, и никто другой не мог, потому что никого там не было. Гершбаум не видел, чтобы кто-то выбегал на его балкон, и никто не выходил из его квартиры в это время — на записях с камер видеонаблюдения видна его входная дверь. И, как будто этого мало, орудие убийства находится в его машине. Посмотри правде в глаза: этот человек убил её.

Нужно перестать видеть то, что хочешь видеть, и взглянуть на голые факты.

Что-то в словах Кеннеди меня зацепило, но я не был уверен, что именно. Как будто мне только что показали колоду карт, и дилер задержал одну карту на микросекунду дольше остальных, перебирая их. Дилер показывал мне карту, которую хотел запомнить, — по сути, это была единственная карта, которую я мог видеть. Остальные проносились мимо, словно в тумане. Я мысленно повторял слова Кеннеди, ища свою карту.

Я нашел это.

«Ты сказал, что я вижу то, что *хочу* видеть. И я хочу, чтобы он был невиновен», — сказал я.

«Я не хотел, чтобы это прозвучало слишком резко, но вам нужно было это услышать», — ответил он.

«Но это всё. Это ключ».

Всё было просто. Это был краеугольный камень любого дела: люди верят тому, что видят.

Кеннеди потянулся, и в этот момент папка с его колена соскользнула на пол. Я встал, размял шею, а затем обошёл стол, чтобы привести в порядок ноги.

«Мне нужна ещё одна услуга. И меня нужно подвезти», — сказал я.

«Куда?» — спросил Кеннеди, взглянув на часы.

Это было около часа ночи.

«Централ Парк Вест. Мне нужно осмотреть место преступления».

«Это может быть сложно».

«Это здание работает круглосуточно. Мы можем туда попасть. Мы что-нибудь придумаем. Если всё сложится так, как я думаю, то мне нужно, чтобы вы рассмотрели другого подозреваемого в убийстве Клары. Этого парня зовут Бернард Лангимер».

«Никогда о нем не слышал».

«Он что-то скрывает. У Дэвида и Лэнгимера есть история. Я разговаривала с ним сегодня, и он…» Слова застряли у меня в горле. Я стояла у окна, глядя сквозь жалюзи на улицу внизу. Синий «Шевроле» припарковался в девяти метрах от моего офиса. Окно водителя, должно быть, было открыто. Я видела струйки дыма, медленно поднимающиеся над крышей машины.

«У нас гости», — сказал я.

«Кто?» — спросил Кеннеди.

«Отсюда ничего не видно», — сказал я. Свет от настольной лампы отражался в окно, скрывая водителя от обзора.

Я услышал, как Кеннеди встал со своего места,

чтобы подойти посмотреть. Я обернулся и увидел, что он заметил отражение лампы на стекле. Он сделал два шага к столу. Он собирался выключить лампу, чтобы нам было лучше видно.

Что-то в глубине моего сознания начало расти. Это была не теория или мысль; это было нечто более глубокое. Чувство тревоги, которое теперь перерастало в панику.

«Не двигайся. Подожди!» — сказал я.

Кеннеди замер на месте, положив руку на мой стол.

«До того, как вчера Dell предложил мне деньги, я беспокоился о том, как я буду платить за электричество».

Он выглядел озадаченным.

«Разве ты не понимаешь? Я почти уверен, что не оставлял лампу включённой. Кто-то здесь был».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ

Кеннеди медленно отодвинул разбросанные страницы на моём столе, чтобы лучше рассмотреть кабельный выключатель лампы. Он поднял кабель со стола и осторожно положил его обратно. Мне было достаточно понять, что кто-то потрогал выключатель. Красный провод вёл прямо из-под выключателя к свежепросверленному отверстию в моём столе.

Мы с Кеннеди обменялись взглядами. Никто из нас не мог дышать. Пот выступил на наших лицах.

Когда кабель лежал на столе, а выключатель был направлен вверх, провод был невидим. Отверстие в моём столе было шириной всего пару миллиметров. Как раз подходящего размера для провода. Отодвинув одной рукой мой стул, Кеннеди встал на колени и достал из кармана небольшой фонарик. Перевернувшись на спину, он протиснулся под мой стол, словно механик, подлезающий под автомобиль.

«Эдди, пойди посмотри. Ради бога, двигайся медленно и ничего не трогай».

Я осторожно лег рядом с ним и заглянул под

него. К обратной стороне моего стола скотчем были приклеены шесть двухлитровых пластиковых бутылок из-под колы. Они стояли далеко позади, чтобы мои колени не касались их, если я сяду в офисное кресло. Красный провод проходил через отверстие и был приклеен скотчем к основанию каждой бутылки. Каждая бутылка была наполнена мутной жидкостью, а дно было покрыто чем-то, похожим на фольгу.

«Что бы вы ни делали, не трогайте лампу. Мы очень медленно поднимемся, заберём ваши документы и уйдём».

Так мы и сделали. Закрывая дверь моего кабинета, Кеннеди выдохнул и вытер блестящий пот со лба о волосы.

«Это кислотная бомба. Бутылки наполнены соляной кислотой. Он добавил ещё и нажатие на кабельный выключатель на лампе. Если бы мы выключили лампу, ток бы попал на красный провод и нагрел алюминиевое основание каждой бутылки. Через пять, может быть, десять секунд этот стол взлетел бы на потолок, и весь ваш офис превратился бы в кислотный душ. Видели когда-нибудь, как кто-то бросает пищевую соду в бутылку колы? Она взлетает на пятнадцать метров в воздух. Кислота в этих бутылках была

бы перегрета и имела бы гораздо большую силу».

«Это тот парень, о котором я тебе рассказывал».

«Понял. У меня возникли подозрения насчёт этого парня, как только вы о нём упомянули. Это подтверждает их. Мы должны его устранить», — сказал он, набирая номер на мобильном телефоне.

Пока он ждал, когда кто-нибудь ответит на его звонок, он сказал: «Официально мне здесь не положено быть. Я могу позвонить Феррару и Вайнштейну, может быть. Они пойдут на риск ради меня. Мужчина в той машине ждёт, когда вы выключите свет. Он ждёт, когда вы закричите».

Мы сидели в тёмном вестибюле моего дома. Кеннеди держал «Глок» в одной руке, а мобильный телефон — в другой. Он ждал звонка от Феррара с сообщением о том, что они на месте.

«Человек с татуировкой на горле, ты знаешь, кто он, и не говоришь мне», — сказал я.

Никто не знает его настоящего имени. Люди зовут его Эль Грито — Крик. Он следователь и наёмный убийца картеля «Роза»: одного из крупнейших в Мексике. Они воюют с другими картелями, но им удаётся удерживать «Белую линию» — путь от Бока-дель-Рио через всю страну

до самой Тихуаны. Эль Грито — один из самых грозных людей в Центральной Америке. В мексиканских нарковойнах этим парням нужна репутация. Они строят своё имя на жестокости и страхе. Эль Грито любит использовать кислоту и никогда не затыкает рты жертвам — ему нравится слышать их крики. Кислотная бомба — его метод.

«Мне это не нравится, Кеннеди».

«У картеля большие деньги, связанные с Harland and Sinton. Полагаю, они здесь, чтобы помочь фирме решить её маленькую проблему».

«Становится все лучше и лучше», — сказал я.

«Эдди, я понятия не имел, что картель вмешается напрямую. СМИ уже все время обсуждают это дело, и этого должно быть достаточно, чтобы держать их подальше от него».

«Тот парень, который пытался ударить Дэвида ножом, прежде чем Попо успел помешать, был мексиканцем. А информатор Делла, Фарук, разве его не обжёг кислотой?»

Кеннеди посмотрел на пол и сказал: «Тонкий, но влезает. Этот парень защищает фирму».

Его мобильный телефон зажужжал. Он прислушался и сказал тому, кто был на другом конце провода, быть наготове.

«Мы готовы ехать. Феррар и Вайнштейн проехали мимо. Это он, хотя на пассажирском сиденье у него кто-то сидит. Вероятно, стрелок. Мои люди на парковке в ста метрах дальше по улице. Когда он побежит, они его заблокируют. Оставайтесь здесь», — сказал Кеннеди.

Он вытащил свой «Глок», распахнул входную дверь и бросился налево, держа пистолет наготове, крича Эль Грито, чтобы тот вылезал из машины.

В тот же миг я услышал звук заведённого двигателя, затем выстрелы. Два разных выстрела. Громкий треск «глока» Кеннеди и громовой ответ дробовика. Я выглянул из парадной двери. Кеннеди был прижат к земле своей машиной, а Эль Грито выезжал, чтобы обогнать его. Я видел, как опускается пассажирское стекло машины Эль Грито. Он собирался остановиться и по дороге прикончить Кеннеди.

Я открыл почтовый ящик, вытащил кастет и выскочил на улицу. Тёмный седан Эль Грито навёл его на машину Кеннеди, и я увидел обрез в его руке, направленный в пассажирское окно. Ружьё нависало над головой человека, прячущегося на пассажирском сиденье седана. Я швырнул кастет со всей силы. Я был всего в шести метрах,

так что выстрел был лёгким. Костяшки кастета отскочили от лобового стекла, оставив огромную трещину.

Эль Грито нажал на газ, его машина пронеслась мимо Кеннеди, а я уже взбирался по ступенькам к входной двери. Я вбежал внутрь и захлопнул дверь, но прежде чем она закрылась, она с резким лязгом отскочила назад и ударила меня по лбу, сбив меня с ног. Стальная пластина на входной двери погнулась и деформировалась там, где остановила выстрел из дробовика. Я распахнул дверь и увидел Кеннеди, стоящего посреди улицы и стреляющего в заднюю часть седана, когда тот уезжал. Заднее стекло взорвалось, но седан только ускорился, мчась к внедорожнику с Феррар за рулем. Они ждали на парковке у ресторанов, и теперь оказались прямо через узкую улицу с односторонним движением. Седан заехал на бордюр и собирался проскользнуть мимо.

Я сорвался с места и догнал Кеннеди, когда мы оба помчались по улице.

«Он не выживет», — сказал Кеннеди.

Седан, должно быть, разогнался до пятидесяти миль в час, прорвавшись сквозь щель между внедорожником слева и чёрными ограждениями справа, снеся передний бампер автомобиля

федералов. С правой стороны седана в воздух вылетел сноп искр, а пассажирская дверь упала на тротуар.

Когда внедорожник дал задний ход, чтобы преследовать свою добычу, мы с Кеннеди её догнали. Мы запрыгнули на заднее сиденье, и Кеннеди заорал: «Погнали, погнали, погнали!»

Феррар нажал на газ, и Вайнштейн высунулся из пассажирского окна передо мной с оружием наготове.

Седан почти подъехал к перекрёстку с Восьмой авеню. Он не сбавил скорость. Вместо этого он ускорился, и я увидел, как Эль Грито наклонился вправо, к пассажирскому сидению.

Перед самым перекрёстком из пассажирского сиденья выпало тело. Оно ударилось о припаркованную машину и, отскочив назад, покатилось к внедорожнику. Этот квартал Западной Сорок шестой улицы был узким, и, поскольку по обеим сторонам были припаркованы машины, единственным способом продолжить погоню было переехать человека, выброшенного из машины Эль Грито.

Я ударился головой о переднее пассажирское сиденье, когда Феррар резко затормозил. Мы выскочили из машины и смотрели, как Эль Гри-

то уезжает. Феррар включил рацию, но мы все понимали, что это бесполезно. Мы его потеряли.

Тело на дороге остановилось. Я присоединился к Кеннеди, когда он стоял над ним. По тому, как тело безвольно перекатилось через дорогу, было понятно, что оно мертво.

Кеннеди стоял над беспорядком. Зелёная куртка-стёганый пиджак. Светло-рыжие волосы. Я присоединился к федералам и уставился на мёртвого. Это был начальник службы безопасности Гилла, Харланда и Синтона.

Его одежда была разорвана, вероятно, из-за падения с движущейся машины. Но это не стало причиной его смерти. На правой руке у него не было кожи. Я видел белые участки костей и сухожилий, но плоти не было. Горло и большая часть нижней челюсти отсутствовали.

Кеннеди все еще переводил дыхание, когда говорил.

«Его пытали. Потом заставили выпить кислоту, которая растворила его руку. В одном мы можем быть уверены: всё, что хотел узнать Эль Грито, он ему рассказал».

Он повернулся к Вайнштейну и сказал: «Вызови. Нам ещё и сапёры для офиса понадобятся. Я скоро вернусь. Мне нужно подвезти Эдди».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Кеннеди припарковал машину у дома Дэвида. Он позвонил Деллу, рассказал ему об Эль Грито и Гилле. Он умолчал о том, что поможет мне. Сказал, что зайдёт, когда я найду бомбу под столом. По словам Делла, картель Роза был, безусловно, крупнейшим клиентом фирмы. Почти шесть из восьми миллиардов долларов на счетах принадлежали картелю. Они хотели убедиться в их безопасности, а это означало предупредить Синтона о том, что произойдёт, если они пропадут. Это не изменило плана Делла; он просто велел Кеннеди быть осторожнее.

Мы вышли из машины Кеннеди и вошли в мир Дэвида.

Вестибюль отеля Central Park Eleven выглядел как холл из сладких снов миллиардера. Мраморные полы, антикварная мебель, частная библиотека с дубовыми панелями слева от стойки регистрации, экзотические растения, источающие столь же необычные ароматы, дирижёры классической музыки — Шопена. Секретарша, наверное, за неделю заработала больше чаевых, чем я за год. Высокая блондинка с тёплым лицом

цвета медового молока. Её ногти были безумно красными, как и губы, которые смотрелись на её лице, словно два «Феррари» на пляже Золотого берега.

Слева от стойки регистрации лифт охраняли четверо охранников. Все они выглядели знакомыми, словно я уже видел их на записях с камер видеонаблюдения. Каждый весил от двух до двух с половиной фунтов, с очень небольшим количеством жира. Они были загорелыми, с баскетбольными плечами и без шеи. Головы были коротко выбриты, форма была идеально выглажена светло-голубого цвета. «Глоки» висели на поясе вместе с рациями и мобильными телефонами. Я предположил, что они были либо бывшими полицейскими, либо бывшими военными. Они…определенно все они выглядели так, будто могли бы простоять целый день, уперев руки в бока, словно монолиты безопасности.

Я проигнорировал взгляды охранника справа и снова обратил внимание на администратора.

«Привет. Я здесь со специальным агентом ФБР Уильямом Кеннеди. Нам нужно осмотреть место преступления».

«Уже очень поздно для проверки. Полиция дала нам указание никого не подпускать к это-

му этажу. У вас есть удостоверение личности и ордер, агент Кеннеди?» — спросила девушка на ресепшене.

Прежде чем он успел ответить, я вмешался. Я не хотел раскрывать, что мы на самом деле не на одной стороне с полицией.

«Мы не думали, что нам нужен ордер, мэм. Квартира всё ещё остаётся местом преступления».

Она задумалась на секунду, а затем медленно покачала головой. Из лифта вышел латиноамериканец в сером костюме и рубашке того же светло-голубого цвета, что и охранники, и направился за стойку регистрации. Он узнал новости от администратора.

«Можем ли мы увидеть какие-нибудь документы, джентльмены?» — спросил парень в костюме.

Кеннеди показал мне свое удостоверение, и я сунул руки в карманы.

«Я Алекс Медрано. Я здесь начальник службы безопасности», — сказал мужчина, читая значок и удостоверение личности Кеннеди.

«Вы адвокат мистера Чайлда?» — спросил он.

Что-то в том, как он задал этот вопрос, заставило меня подумать, что если бы я ему солгал, он

бы это сразу понял.

«Я представляю интересы мистера Чайлда», — сказал я.

«Я сам провожу вас, джентльмены. Мистера Чайлда здесь очень уважают. Если мы можем чем-то помочь, просто скажите».

Стена мускулов и лосьона после бритья расступилась, и мы с Кеннеди последовали за Медрано к лифтам. С брелка на поясе он вытащил полированный кусочек пластика и поднёс его к считывателю на панели управления. Внезапно загорелись кнопки, и Медрано смог вызвать лифт. Двери открылись, и мы вошли в пахнущую лимоном кабину лифта. Зеркала на каждой стене, кафельный пол, полированный дуб на потолке. Медрано снова приложил брелок к лазерному считывателю и выбрал этаж.

«Если у вас есть свой брелок, вы сможете попасть на любой этаж?» — спросил я.

«Конечно. У нас здесь хорошее сообщество. Мы любим поддерживать соседей.отношение к работе чопорное, поэтому на разных этажах проходят совещания, создаются социальные группы, и, конечно же, тренажерный зал находится на тридцать пятом этаже, спа-салон чуть выше, а винный погреб находится в подвале».

Лифт играл ту же симфонию, что и в вестибюле, и я догадался, что она разносилась по всему зданию.

Мы прибыли на этаж Дэвида с приятным звонком, и я проверил камеру видеонаблюдения, спрятанную в верхнем северо-восточном углу лифта.

Двери открылись.

Музыка продолжалась.

Мы оказались на прямоугольной лестничной площадке, чуть шире лифтовой, футов пятьдесят шириной. Дверь в северо-восточном углу принадлежала Гершбауму, дверь в северо-западном углу вела в квартиру Дэвида, а справа от лифта была единственная дверь, которая, несомненно, вела на лестницу. Рядом с входными дверями каждой квартиры стоял антикварный столик, на котором лежали носовые платки в серебряной шкатулке, ваза со свежими фруктами и флакон фирменного крема для рук. На подставке для зонтов красовалось несколько зонтов с фирменными логотипами C ENTRAL P ARK E LEVEN , а рядом с каждым столиком стояло красивое зеркало в раме из красного дерева. У меня сложилось впечатление, что, прежде чем покинуть свой этаж, жильцы наслаждались возможностью ещё

раз проверить свой внешний вид перед тем, как предстать перед публикой.

Медрано направился к двери в северо-западном углу, которая была заклеена сине-белой лентой полиции, и снова достал из кармана брюк цепочку ключей и брелок.

«Это квартира мистера Чайлда», — сказал он, выискивая нужный ключ среди пятидесяти или шестидесяти ключей. Кеннеди достал из кармана пиджака пачку латексных перчаток и протянул одну мне, а другую — Медрано. Кеннеди и Медрано без труда надели перчатки. Мне было трудно держать папки и надевать эти чёртовы штуки.

В конце концов Медрано нашёл нужный ключ, сначала провёл брелком, затем вставил ключ в замок и открыл дверь. Квартира была именно такой, какой я её себе представляла от манхэттенской элиты. Белая и бежевая мебель гармонировала с толстым ковром нейтрального оттенка. Вероятно, это был дизайн от Dior; Кристина бы сразу это поняла. Гостиная представляла собой огромное пространство открытой планировки с двадцатифутовыми диванами, змеящимися по центру комнаты. В комнате витал затхлый, металлический, слегка неприятный запах. Запах оставался почти как напоминание

о насильственной смерти, произошедшей в этих стенах. Даже несмотря на ветер, пронизывающий квартиру через разбитое окно, этот запах сохранялся. В одном концеВ гостиной я увидел начало белой плитки и направился туда. На кухне я увидел место убийства. Одна плитка раскололась, и тёмное шоколадно-красное пятно покрывало осколки, которые лежали в небольшом углублении на полу. Капли воды от удара разлетались веером от центра пятна. Казалось, на некоторых поверхностях оставалась кровь — след, который невозможно полностью удалить.

Примерно в семнадцати дюймах от сломанной напольной плитки я отчетливо увидел пятно от одной-единственной капли крови.

Пока место преступления не будет освобождено, уборка невозможна. Полиция обычно держит место преступления под стражей от нескольких дней до нескольких недель, в зависимости от хода расследования. Если инцидент произошёл в доме обвиняемого, полиция обычно держит место преступления под стражей гораздо дольше, чтобы обвиняемый не мог подать заявление на освобождение под залог по этому адресу. Это значительно усложняет процедуру освобождения под залог, поскольку обвиняемому приходится не

только платить поручителю, но и искать деньги на проживание в другом месте, если семья не захочет или не сможет его принять.

В большинстве случаев эта тактика срабатывает, и обвиняемый даже не удосуживается подать заявление об освобождении под залог.

Я опустился на колени, чтобы получше рассмотреть небольшое пятнышко крови. Капля была около двух-трёх миллиметров в диаметре, тёмная и идеальной формы. Насколько я мог судить, её не трогали, не размазывали и не трогали с тех пор, как она покинула тело Клары.

Отступив, я не спеша оглядел место происшествия, убеждаясь, что на кухне нет других пятен крови. Их не было. Примерно в шести футах от места, где было найдено тело, ветер дул через щель размером с панель в стеклянной стене, образовавшуюся от разбитого от выстрела оконного стекла. Защитное стекло взорвалось от удара, и мелкие осколки разлетелись с балкона в сторону того места, где лежало тело. Осколки остановились, не долетев до разбитой, запятнанной плитки. Большая часть стекла осталась на балконе. Я шагнул в щель, образовавшуюся после разбитого стекла, и встал на балкон. Я порадовался, что на мне пальто, и запахнул отвороты. Ливень прекратился, но

балкон оставался скользким от осколков стекла, залитых дождём. Я посмотрел вверх и вниз. Никто не мог забраться в квартиру или спрыгнуть на этот балкон сверху. Балкон был слишком высоким, а кирпичная кладка была заштукатурена. Нигде не было опоры для ног или рук. Подо мной, сквозь деревья, тускло светили уличные фонари Центрального парка. Мы были так близко, что я чувствовал запах травы. Двухполосная улицаЭта сторона улицы отделяла парк, и мне казалось, что я могу высунуться и коснуться листьев дубов, растущих прямо на территории парка. С балкона открывался вид на тихий участок лужайки, размером чуть меньше поля детской бейсбольной лиги. От парковой дорожки его отделял ряд высоких живых изгородей. В правом углу рос дуб. Вокруг ствола валялась куча пустых пивных банок. Платишь тридцать миллионов за вид на парк, а получаешь подростков и пьяниц.

Мы с Кеннеди потратили по пять минут, чтобы разделиться и проверить каждую комнату в квартире на наличие пятен крови. Ничего не нашли.

Из принесённых с собой файлов я достал отчёт судмедэксперта и пролистал рисунок тела. В большинстве отчётов судмедэксперта есть стандартная, заранее напечатанная женская

форма; затем судмедэксперт указывает место пулевых ранений и, на рисунке профиля, угол проникновения пули. Помимо выстрелов в голову, Кларе дважды выстрелили в спину. Первая пуля застряла в позвоночнике, вероятно, мгновенно парализовав её. Второе входное отверстие располагалось близко к позвоночнику, но эта пуля прошла сквозь тело и вышла через нижнюю часть грудной клетки. Выходное отверстие было отмечено чуть левее груди.

Я передал рисунок Кеннеди.

Он еще раз изучил отчет и осмотрел место происшествия.

«Угол представляет собой очень небольшую нисходящую траекторию», — сказал он.

Но я не слушал ни слова Кеннеди. Вместо этого я смотрел на архитектурный план в рамке на стене кухни. Он был нарисован белым цветом на синем фоне, с подписью в левом нижнем углу, но, несмотря на это, показался мне знакомым. Я пролистал материалы обвинения, пока не нашёл схему места преступления, на которой было обозначено местонахождение тела жертвы в квартире.

Медрано всё ещё ждал меня у входной двери. Я поманил его.

«Это то, о чём я думаю?» — спросил я.

«Да, это Клаудио. Они есть в каждой квартире в доме. Владельцы были хорошими друзьями Клаудио, и он спроектировал ремонт в 1981 году. Жильцы получают рамку с изображением, когда въезжают в дом».

«Нет, дизайнер мне не интересен. Это точный план квартиры?»

«Так и есть. Жильцам не разрешается вносить структурные изменения».

Я позвал Кеннеди. Он пришёл на кухню и встал рядом с нами. Затем…Осознав, насколько он устал, он потянулся за табуреткой и сел на неё. Было уже больше двух часов ночи, и он выглядел совершенно измотанным.

«Медрано, если мне удастся уговорить Кеннеди прислать сюда агента в ближайшие несколько часов с камерой и бутылкой люминола, вы сможете гарантировать, что они получат доступ в эту квартиру?»

«Мне нужно закончить через час. Я… Ты же знаешь, что полиция Нью-Йорка дала нам строгие указания никого сюда не пускать, верно?»

Кеннеди собирался заговорить. Я дёрнул его за пиджак, чтобы заставить замолчать. Мне хотелось, чтобы Медрано заговорил.

«Думаю, это может быть очень полезно для моего клиента. Вы сказали, что у Дэвида в здании хорошая репутация?»

«Да, можно сказать и так. У одного из моих начальников, Кори, шестилетний сын заболел редкой формой лейкемии около года назад. Страховка не покрывала лечение. Администрация здания разрешила Кори разместить в вестибюле плакат для сбора средств и ящик для пожертвований. Ему нужно было собрать четыреста тысяч долларов на лечение. За неделю он собрал двадцать пять тысяч; люди в этом здании получают много денег, и они довольно щедры. В общем, мистер Чайлд какое-то время был в командировке. Вернувшись, он увидел плакат. Он позвонил в администрацию здания и встретился с Кори, спросил, сколько ему нужно и какое лечение потребуется ребёнку. Кори сказал, что лечение может продлить жизнь его ребёнка — может быть, на пять лет. Но это всё».

Медрано поправил позу и вытер рот.

«Ну, мистер Чайлд немного поискал в интернете и нашёл этого эксперта. И тут он, как говорится, перевёз всю семью Кори в Женеву, заплатив больше миллиона долларов за экспериментальное лечение. Полтора месяца назад ребёнок Кори

получил справку о полном выздоровлении».

Мы с Кеннеди обменялись взглядами.

«Я хочу сказать, поможет ли это ему?»

«Думаю, что да», — сказал я.

«Если это касается только нас», — сказал он.

Я улыбнулся и повернулся к Кеннеди. «Ладно, вот что ищет твой парень. Мы просто взглянем, прежде чем уйдём», — сказал я, снимая со стены рамку с изображением Клаудио.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Наше расследование пока не дало мне ответов, которые я искал, но я был уверен, что эксперт-криминалист ФБР подтвердит мою теорию. На тот момент у меня была только теория. Но она совпадала.

«Знаете, на что нужно обратить внимание криминалистам?» — спросил я.

«Да, все хорошо», — сказал Кеннеди.

«Отлично. Мне нужна ещё одна услуга».

«Ты слишком расточителен с одолжениями», — сказал Кеннеди, но не стал развивать эту тему. Я понимал, что перегибаю палку, но считал, что он у меня в долгу. Мешки под глазами, казалось, стали больше и темнее, но в нём чувствовалась настороженность. Он начал сомневаться в виновности Чайлда и хотел посмотреть, к чему это приведёт.

«Есть ли в полиции Нью-Йорка кто-нибудь, кто мог бы оказать вам услугу и не бежать по этому поводу к Задеру?»

«Я знаю одного парня, но почему именно полиция Нью-Йорка?» — сказал он.

Я передал Кеннеди одну страницу из дела.

«Мне нужен отчёт с трекера этого автомобиля. У ФБР ведь нет доступа к этой системе, верно?»

«Нет, не знаем. Если подумать, я не знаю, есть ли у моего человека в полиции Нью-Йорка доступ к этой системе. Но я могу попробовать», — сказал он.

«Это важно, я начинаю собирать всё по кусочкам. Я рассчитываю на тебя. Предварительный этап начнётся чуть больше чем через семь часов, и нам осталось проверить ещё кое-что».

"Что это такое?"

«Кадры с камер видеонаблюдения, на которых запечатлены полицейские, работающие на месте преступления».

«Пойдем ко мне в кабинет. Там и посмотришь», — сказал Медрано.

Мы вышли из квартиры Дэвида. Кеннеди нажал кнопку вызова лифта и задержался, ожидая, пока Медрано закроет дверь. Я посмотрел на камеру видеонаблюдения, расположенную прямо над лифтами, немного отступил назад и остановился.

«Что ты делаешь?» — спросил Кеннеди.

«На записи с камеры, которую я смотрел, видно, как Дэвид колеблется сразу после того, как в последний раз вышел из квартиры. Он уже соби-

рался уходить, а потом остановился и повернулся к двери».

Я осмотрел дверь, но мало что мог разглядеть, потому что Медрано загораживал обзор. Опустившись на колени, я проверил ковёр; возможно, Дэвид что-то уронил и оно закатилось под стол, но я ничего не увидел.

«Ищете что-нибудь?» — спросил Медрано.

«Не совсем. Дэвид остановился и обернулся сразу после того, как вышел из квартиры. Я видел это сегодня, когда смотрел запись. Думал, что он что-то уронил или… не знаю».

«Если он что-то уронил, скорее всего, уборщики это подобрали. Мы всегда можем проверить камеру», — сказал Медрано.

«На записи этого не видно. Дэвид загораживает обзор», — сказал я, указывая на камеру.

«Ну, мы всегда можем посмотреть в другую камеру», — сказал Медрано.

«Какая камера?»

«Скрытая камера, которая ведет наблюдение за лестничной клеткой», — сказал Медрано, указывая на вентиляционное отверстие на западной стене.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ

Кабинет Медрано, расположенный в подвале здания, больше напоминал телестудию. На одной стене располагался ряд из пятнадцати плоских экранов, каждый из которых показывал прямую трансляцию с системы безопасности здания. За этой комнатой находилась зона хранения для охранников, а за мониторами располагалось около полудюжины столов, каждый с компьютером и телефоном.

«Итак, когда сосед Дэвида, мистер Гершбаум, сделал экстренный звонок, этот звонок дошел до кого-то в этой комнате, верно?»

«Правильно», сказал Медрано.

«А система безопасности регистрирует дату и время звонка?»

«Да, и сотрудник службы безопасности занимается полицейскими тревогами», — сказал Медрано.

«Что вы имеете в виду?» — спросил Кеннеди.

«Когда житель звонит нам в экстренном порядке, наша система отправляет SMS-сообщение на номер 911 о поступлении вызова. Если наш оператор не свяжется с 911 в течение пяти минут и

не сообщит, что всё в порядке, полиция Нью-Йорка отправит патрульную машину на проверку. Это своего рода подстраховка. В этом здании около двадцати супербогачей Манхэттена. Если банда попытается нас ограбить, первым делом они отключат пульт управления охраной. Таким образом, если житель или сотрудник успеет добраться до телефона экстренной связи, даже если мы будем недееспособны, кто-то из 911 узнает о чрезвычайной ситуации, и если мы не дадим им отпор, прибудет полиция».

«Я этого не знал. У меня есть только запись звонка службы безопасности на номер 911, когда нашли тело. Кеннеди, как думаешь, сможешь достать мне запись сообщения?»

«Я сделаю все возможное».

«Могу ли я посмотреть всю запись с камеры, которую сняла полиция Нью-Йорка? Я хочу убедиться, что её не редактировали», — сказал я.

Медрано сменил охранника у ряда мониторов и начал просматривать видео с жёсткого диска. Через несколько мгновений экран прямо перед нами погас, а затем появилось изображение охранников, стучащих в дверь Гершбаума, прежде чем войти.

«Подожди. Я перемотаю назад», — сказал

Медрано.

«Нет, всё в порядке. Просто пускай играет», — сказал я.

Из квартиры Чайлда вышел охранник и позвонил. Несколько минут ничего не происходило, поэтому Медрано прокручивал цифровую запись, пока не прибыла первая пара полицейских. Медрано появился на экране и пропустил полицейских в квартиру Чайлда. Он перемотал запись, и мы наблюдали, как Медрано быстро расхаживал взад и вперед по коридору, пока не прибыли детективы, за которыми следовала группа криминалистов в белых комбинезонах для работы с уликами. Я следил за каждой фигурой и просил Медрано замедлить движение, чтобы я мог хорошо разглядеть всех полицейских. Были периоды, когда на экране никого не было, и Медрано мог перематывать запись так, что минута реального времени проигрывалась на экране менее чем за три секунды. Примерно через двадцать минут перемотки Медрано я крикнул: «Стоп!»

Медрано тут же остановил видео. Тогда я понял, что у меня есть шанс сыграть свою роль в суде утром.

«На что я смотрю?» — сказал Кеннеди.

«Не уверен», — сказал я. «Но я собираюсь это

выяснить. Мне нужно посмотреть запись за весь день. Можно мне копию?»

Начальник охраны потёр подбородок. «Не понимаю, почему бы и нет. Копы тоже сняли весь день. О, а вам нужна копия записи с вентиляционной камеры?»

«Дай мне сначала взглянуть», — сказал я.

«Почему копы не сделали копию этой записи с вентиляционной камеры?» — спросил Кеннеди.

Медрано прочистил горло, посмотрел на эти туфли, а затем поднял голову и обратился к Кеннеди.

«Послушайте, в этом здании живёт много богатых и знаменитых людей. Мы за всем следим, но, по сути, ничего не видим. Понимаете, о чём я? Папарацци пытались купить кого-нибудь, кого угодно, в этом здании, кто будет сообщать им, когда проститутка, дилер или другая знаменитость посещает квартиру в…Это здание. Нам хорошо платят за наше молчание и за то, что мы отворачиваемся. До недавнего времени там не было камер. У нас было своего рода негласное правило, что лестница была вне зоны действия камер. Произошла кража со взломом. Мы поймали этого парня и в качестве компромисса установили скрытые камеры на каждом этаже. Полиция не

просила показать нам эту запись, и мы никогда её им не показывали. Это единственная камера, которая снимает дверь на лестницу. Это баланс. Многие жильцы не хотят жить под камерами видеонаблюдения, учитывая их образ жизни. Поэтому мы должны постараться, чтобы они чувствовали себя одновременно в безопасности и анонимно.

После того, как Медрано пролистал меню и ввёл дату и время поиска, на экране над панелью управления появилась запись. Это был вид сбоку. Мы наблюдали, как Дэвид и Клара входят в квартиру. Медрано ускорял запись, пока мы снова не увидели Дэвида с рюкзаком на плече и в капюшоне. Он замедлил запись, перемотал её назад и воспроизвёл. Дэвид ничего не ронял на пол. Я отчётливо видел его руки. Он повернулся спиной к двери и скрылся из виду, направляясь к лифту.

«Стой», — сказал Кеннеди. «Ты это видел?» — спросил он.

«Нет», — сказал я.

Медрано отступил назад и снова воспроизвел отснятый материал.

«Вот именно», — сказал Кеннеди.

«Что?» — спросил я.

«Можно ли увеличить масштаб?» — спросил

Кеннеди.

«Конечно. Где?» — спросил Медрано.

Сотрудник ФБР указал на зеркало в коридоре. В ответ Медрано сфокусировался на зеркале двумя большими дисками по обе стороны клавиатуры. Изображение крупным планом стало зернистым, но гораздо крупнее.

«Воспроизведите это еще раз», — сказал Кеннеди.

Когда я увидел отснятый материал, я не мог сдержать вздоха.

«Вот это да», — сказал Медрано.

Мы втроем некоторое время молчали, не отрывая глаз от изображения, застывшего на экране.

«Вы уверены, что копы не смотрели эту запись?» — спросил я.

«Да. У них было всё необходимое от основной камеры», — сказал Медрано.

«Итак, вы собираетесь передать это окружному прокурору?» — спросил Кеннеди.

Я на секунду задумался. Покачал головой. Не хотел, чтобы Задер узнал об этих уликах. Они не доказывали невиновность Дэвида, но при правильном подходе могли дать ему шанс.

«Нет. Лучше, чтобы это вынесли на открытый суд. Публичный и грязный», — сказал я.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТА

Дэвид Чайлд, должно быть, услышал, как я пытаюсь припарковать «Хонду» на подъездной дорожке к дому Ящерицы. Он стоял у открытой входной двери, засунув руки в карманы, его правая нога дрожала.

«Я ясно выразился?» — спросил он, когда я вылез из тесного водительского сиденья.

"Еще нет."

Я рассказал ему всё, что произошло в аэропорту, за двумя энергетиками и половиной чашки кофе. Неудивительно, что Дэвид не спал. Напитки отдавали бензином и апельсиновым соком. Я не стал рассказывать ему про «Эль Грито». Ему не нужно было ещё больше давления.

«Срок — двадцать лет, иначе придётся бороться с делом и рисковать пожизненным. Окружной прокурор уже получил результаты баллистической экспертизы, которая подтвердила, что пистолет, найденный в вашей машине, был тем же оружием, из которого была произведена стрельба, убившая Клару. Я читал отчёт доктора Пиблза, эксперта по баллистике. Отчёт довольно прямолинейный. Единственное, что бросается в

глаза, — это то, что Пиблз не смог найти серийный номер на орудии убийства. Но это не даст нам никаких поблажек».

Он пытался заговорить. Я видел, как паника нарастает у него в животе, сжимая каждую жилу, натягивая каждую жилу, перехватывая дыхание. Он уронил голову на стол.

И тут он снова меня удивил.

«По крайней мере, твоя жена свободна от ответственности, я имею в виду, от закона. По крайней мере, это хоть один хороший результат. Я понял это по тому, как окружной прокурор вёл себя в суде ранее. Я просто знал. Он никогда не пойдёт со мной на сделку. Я знал это», — сказал он, стуча кулаками по столу.

Долгий вздох, он вытянул пальцы. Затем его тело, казалось, расслабилось. Словно наблюдал, как кто-то ослабляет натяжение сжатой пружины.

«Я просто благодарен, что твоя семья в безопасности», — сказал он. И он был искренен.

«Кристине угрожает опасность со стороны фирмы. Она не прекратится, пока это обвинение не будет снято. У вас есть средства навредить фирме, и они не успокоятся, пока эта угроза не будет устранена окончательно. Ваш единственный шанс — завтра же снять это обвинение и молить-

ся, чтобы спецгруппа разобралась с фирмой до того, как они доберутся до вас».

«Но твоя жена теперь свободна. Она в безопасности. Ты можешь просто уйти. Возвращайся к своей семье, я бы… я бы понял».

Даже глядя на перспективу пожизненного заключения, Дэвид думал о других.

"Нет."

«Почему?» — спросил он.

«Потому что вам нужна помощь, потому что я вас уже достаточно подвёл. Думаю, вам стоит послать окружного прокурора к чёрту. Это плохой юридический совет, но, честно говоря, я не очень-то разбираюсь в юристах».

«Серьёзно, а в чём ты хорош?» — спросил Дэвид.

«Аферы. Мошенничество. Аферы. И благодаря этому я почти понял, как тебя подставили. Но доказать это — совсем другое дело. У нас есть одно новое доказательство, которое может быть полезным, но мне нужно всё сделать правильно».

Я рассказал ему о кадрах, которые я видел на скрытой вентиляционной камере.

«Я… я… этого не помню».

«Судя по ракурсу, вы этого не заметили. Вы, должно быть, каким-то образом это заметили,

потому что обернулись и остановились».

«Тогда я не понимал, что это такое. Клара пыталась помочь мне справиться с этой стороной моей личности. С компульсивностью. Полагаю, иногда это работало».

«Теперь нам нужна остальная часть истории. Это не сработает, если мы не сможем объяснить всю схему».

После визита в дом Дэвида у меня зародилась теория о том, как его могли подставить. Но оставалось слишком много неясностей и вопросов без ответов. Я не знал всего. Пока нет. И я не видел смысла рассказывать ему, как, по моему мнению, всё произошло. Во-первых, всё было так сложно, так рискованно — чудо, что всё получилось. Пока что мы нашли одну ошибку. Я был уверен, что будут и другие.

«Вы встречались с Лангимером?» — спросил он.

Я показал Дэвиду фотографию, которую сделал на свой телефон.

«Он выглядит злым на тебя», — сказал Дэвид.

«Да, там что-то происходит. У него есть девушка?»

«Не знаю, наверное».

«Я не могу исключить его, но не понимаю,

какое отношение он имеет к этому на данный момент».

Внезапная боль пронзила мой череп, ослепляя меня. Я не спал больше суток, и, похоже, этой ночью мне не удастся нормально заснуть. Я закрыл один глаз, чтобы не болеть, сел и допил остатки кофе из одной из кружек «Ящерицы» с надписью «ЯЩЕРИЦЫ, ДЕЛАЙТЕ ГОЛЫМИ » . Было почти три ночи, и небо вот-вот должно было смениться с дымчато - чёрного на растущее предвкушение утра.

«Он единственный, у кого есть деньги и власть, чтобы сделать это», — сказал Дэвид.

«Но почему? Корпоративная война — это одно, а убийство — совсем другое. Ты правда думаешь, что он такой безжалостный? Он убьёт невинную девушку, чтобы подставить тебя?»

Дэвид потер подбородок, но потом передумал, вытащил из упаковки три влажные салфетки и начал вытирать пальцы.

Я позвонил Кристине на сотовый примерно раз двадцатый. Всё безрезультатно. Я убеждал себя, что с ними всё в порядке, они едут в открытую местность, в глушь, так что там может не быть сигнала.

«И что же будет завтра?» — спросил Дэвид.

Сложив папки, я поднялся на ноги, готовый найти диван Ящерицы и хотя бы попытаться немного поспать.

Мы боремся. Сейчас у нас недостаточно сил для победы. Надеюсь, Кеннеди справится. На самом деле, я уверен в этом. Я оставил его у вашего здания — он просматривает записи с камер, пытаясь прояснить некоторые моменты. Он также пытается найти информацию, которая поможет нам. Её будет непросто получить, но он справится.

«Итак, он решительный тип».

«Я бы так не сказал. Он, скорее, упрямый сукин сын».

Ребенок оглядел меня с ног до головы и покачал головой.

«Я знаю, что вы сделаете всё возможное, но я не думаю, что это слушание пройдёт в мою пользу. Тот, кто меня подставил, позаботился об этом».

Положив файлы на журнальный столик, я снова села и потерла виски.

«Дэвид, шанс есть всегда», — сказал я.

«Потому что я говорю правду?»

«Нет, потому что я представляю ваши интересы и не верю, что вы кого-то убили. Уверен, это правда, но одной правды недостаточно. Дело не в правде. Ни один суд не имеет отношения к прав-

де. Дело в том, что можно доказать, а что нельзя. Это игра. И завтра мы будем играть на победу».

Дэвид встал и протянул руку — это был смелый жест с его стороны. Я пожал её.

Я устроился на диване Ящерицы, но не мог заснуть. Я обдумывал всё, что произошло сегодня, перебирал в уме различные варианты того, как могла бы быть реализована схема убийства Клары. Я позвонил Кеннеди.

«Ты еще не спишь?» — спросил я.

«Я не сплю. Жду, когда со мной свяжутся. Думаю, я смогу достать тебе всё необходимое».

«Отлично. Не возражаете, если я вам кое-что расскажу?»

"Стрелять."

«Автомобильная авария. Машину Дэвида сбили намеренно. Тот, кто организовал аварию, знал, что следы от подушки безопасности можно легко принять за следы пороха».

«Вполне справедливо», — сказал Кеннеди.

«Итак, вы займетесь этим?»

«Рассмотреть что?»

Я вздохнул. «Мне пришлось купить эту статью онлайн прямо в университете. Возможно, тот, кто подставил Дэвида, получил информацию из того же источника».

«Хорошо, я разберусь. Вы также просили меня проверить кого-то ещё, возможно, причастного к убийству. Как звали этого парня?»

Я рассказал Кеннеди все, что знал о Бернарде Лангимере.

«Я никогда о нем не слышал, но...» Он сделал паузу.

"Что?"

«Вы сказали, что Лангимер расправился с некоторыми недоброжелательными блогерами, загрузив в их компьютеры изображения, демонстрирующие эксплуатацию детей?»

«Да, это больной человек», — сказал я.

«Может быть, ничего, а может быть, и что-то. Я видел видеозапись прошлогодних интервью Делла с информатором Фаруком. В основном они говорят о фирме, её истории, о том, как Бен Харланд был подкуплен Джерри Синтоном, и тому подобном. Но в какой-то момент Делл предлагает Фаруку сделку за дачу показаний. Фарук сказал, что, если ему не будет предоставлен иммунитет, он будет бороться с предъявленными ему обвинениями».

"Так..."

«Фарук заявил, что никогда раньше не видел этих изображений. Он сказал, что его подста-

вили».

«Посмотри-ка на Лангимера, может, еще что-нибудь накопаешь», — сказал я.

Кеннеди подавил зевок и спросил: «Что-нибудь еще?»

«Неужели ты станешь звонить мне в семь утра?»

ЧАСТЬ **ТРЕТЬЯ**
ИСТОРИЯ С ОБЛОЖКИ

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

16 часов до выстрела

В 4:05 утра меня разбудил звонок.

Я проспал меньше часа. Подняв верхнюю часть тела с дивана, я свесил ноги на пол, опрокинул стакан с водой и едва успел схватить телефон, прежде чем он упал в лужу жидкости на полу.

«Да? Эдди Флинн здесь».

Звонивший уже повесил трубку. Это была Кристина. Я набрала ещё раз — голосовая почта.

Следующие полчаса я набирал номер — связи не было. Я знал, что она в Вирджинии, в малонаселённой местности, в пятидесяти милях от ближайшего города. Проклиная себя за то, что не поехал с ней, я представлял, как они жмутся друг к другу. Кристин и Кармель сделают вид, что не сдаются Эми — это обострит Кристину и поможет ей сосредоточиться.

Я не мог снова заснуть, голова лихорадочно перебирала варианты. В доме было тихо и спокойно. Передо мной лежал остывший кофе и досье Дэвида. Я отложил телефон, открыл бумаги и перечитал их.

Через несколько часов мы уже были в пути.

«Холли, если мы все выберемся отсюда живыми, я хочу, чтобы ты сделала для меня одну вещь», — сказала я.

"Что это такое?"

«Я хочу, чтобы вы отвезли эту машину на свалку металлолома и разбили ее».

Мои ноги были настолько напряжены на переднем пассажирском сиденье «Хонды», что я подумал, что мне, возможно, придется ампутировать их.

В зеркало заднего вида я увидел фургон Ящерицы, который ехал нам навстречу. Мы проехалиМы провели там час, прежде чем двинулись к зданию суда, чтобы убедиться, что за нами не следят. Холли нашла парковку и поехала на самый верх. Ящер присоединился к нам.

Мы вышли из машины и спустились на лифте на улицу. В поднятом капюшоне Дэвид выглядел довольно неприметно: мешковатый капюшон хорошо скрывал его лицо. Под свободной одеждой он носил костюм.

«И как же мы попадем в суд?» — спросила Холли.

«Я же говорил, нас подвезет друг», — сказал я.

Сильный дождь, заливавший город ночью, наконец-то прекратился. Солнце грозило метал-

лическому небу, словно спичка, пролитая сквозь бумагу.

Мы были в шести кварталах от здания суда, когда я зашёл в магазинчик. Только когда Ящерица велел Дэвиду и Холли следовать за мной, они вошли в небольшое, тесное помещение. Половину магазина занимал гастроном. Владелец, Ленни Зиглер, складывал у входа стопки газет, шоколадных батончиков, завёрнутых в фольгу сэндвичей на завтрак и журналов. Тридцать лет Ленни развозил газеты в местный суд. Пять лет назад бюджетное сокращение привело к тому, что Ленни пришлось свернуть работу, пока не был назначен новый судья Верховного суда — Гарри Форд. Гарри питал слабость к горячим нью-йоркским сэндвичам с большим количеством халапеньо , особенно после обильного ночного отдыха на «Джеке». Утренняя доставка газет возобновилась вскоре после того, как Гарри занял эту должность — по двойной цене и с бесплатным сэндвичем.

«Паршивое утро, правда, Эдди? Как там судья Гарри? Он ведь не присылал тебя сюда по этому поводу на прошлой неделе? Я ему уже сказал: он хочет, чтобы его сэндвич был погорячее, так что придётся воспользоваться микроволновкой»,

— сказал он.

«Ничего подобного. Честно говоря, мне нужно подвезти до здания суда».

«Кто-то сломал тебе ноги? Это всего лишь…»

Слова Ленни замерли, едва я открыла рот. Он посмотрел на фотографию Дэвида на обложке каждой газеты у своих ног, а затем на молодого человека позади меня, откинувшего капюшон.

Мы с Ящеркой помогли Ленни загрузить фургон, припаркованный у заднего входа в его магазин. Когда мы закончили, Дэвид и Холли запрыгнули внутрь и уселись на стопки газет. Я сел на арку колеса, а Ящерка сел спереди рядом с Ленни. Запах типографской краски от газет и горячего мяса в сэндвичах смешивался с остаточным запахом бензина и масла.

Разговора не было; Дэвид потирал руки и ковырял ногти.

«Все будет хорошо, Дэвид», — сказала Холли.

Дэвид ответил на это с полуулыбкой. Дело крутилось у меня в голове, пока я пытался его осмыслить. Ленни не получал от Ящерицы много пустых разговоров; он был слишком занят, осматривая машины и тротуары, предупреждая любую потенциальную угрозу. Чтобы прервать неловкое молчание, Ленни включил радио. Было

чуть больше восьми утра, и ежечасный выпуск новостей начинался с истории Дэвида. Он не хотел её слушать, но и не хотел быть грубым с Ленни, поэтому он заткнул уши капюшоном и подключил наушники к своему iPod.

«Другие новости: полиция Харбора опознала тело мужчины, выловленного вчера в Ист-Ривер. Бенджамин Харланд, 68 лет…»

«Эй, Ленни, сделай погромче», — сказал я, чувствуя, как по моему позвоночнику разливается холодок.

…партнёр успешной юридической фирмы Harland and Sinton на Манхэттене. Предполагается, что погибший мог попасть в аварию во время прогулки на яхте по заливу в минувшие выходные. Лодка до сих пор не найдена, а двадцатитрёхлетняя дочь погибшего, Саманта Харланд, до сих пор числится пропавшей без вести.

Повернувшись на своем месте, Ящер посмотрел на меня, ожидая моей реакции.

Холли рассказала Дэвиду то, что мы все только что услышали по радио.

«Что это значит? Что происходит?» — спросил он.

Я покачал головой, пытаясь осмыслить все это.

«Что ж, учитывая, что Харланд и Синтон вот-

вот попадутся за крупнейшую схему отмывания денег в истории США, я не думаю, что Бен Харланд попал в беду. Либо его достал Эль Грито, либо Джерри Синтон. Харланд был партнёром, который обеспечил фирме легитимность; конечно, он забрал деньги, которые Джерри отмыл, но это была схема Джерри, и он использовал Харланда. Теперь всё вот-вот раскроется, и Джерри напуган. Он убирает свидетелей. Расчищает палубу и готовится скрыться с деньгами, как только они поступят на счёт. Это конец игры. Такую операцию можно проводить только ограниченное время. Скоро всех поймают. Джерри теперь в отчаянии. Фирма рушится, и они хотят спрятаться. Они будут ещё более решительно пытаться убрать тебя, прежде чем они сбегут. Мы должны снять с тебя все обвинения, чтобы ты мог уехать. Чем дольше ты остаёшься в городе, тем опаснее становится».

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДВА

Подвальный лифт поднял нас на восьмой этаж здания муниципального суда. Я проверил списки дел и обнаружил, что дело Дэвида назначено к рассмотрению в суде номер двенадцать.

Зал суда был небольшим, вмещал не больше сотни зрителей. Когда мы вошли, все места были заняты либо тележурналистом, либо журналистом, либо блогером. Они болтали друг с другом, пока мы не вошли. Я словно нажал на какую-то кнопку отключения звука, потому что шум толпы мгновенно стих, а затем сменился потоком вопросов, пока я вёл Дэвида к столу защиты. Мы это уже обсудили; он не должен был ничего говорить.

Холли и Ящерица последовали за нами и сели позади нас, на места, отведённые для адвокатов защиты. Я бросила документы на стол и оглядела зал суда, пока Дэвид устраивался поудобнее. Стол обвинения был пуст; Задер хотел эффектно появиться. Секретарь, Патти, сидела перед поднятой скамьёй судьи. Кроме Патти, охраны и половины представителей СМИ Нью-Йорка, зал суда был пуст.

По крайней мере я так думал.

Выйдя из-под стола Пэтти, Куч встал, поправил штаны, а затем указал на компьютер Пэтти под столом, шёпотом отдавая указания. Пэтти кивнула.

Куч вытащил из кармана пиджака листок бумаги, достал из футляра очки для чтения и надел их, а затем принялся читать то, что было написано на листке бумаги, пока Пэтти печатала что-то на компьютере.

Патти улыбнулась и кивнула Кучу. Он подмигнул ей в ответ, положил руку ей на плечо и что-то прошептал ей на ухо. Она рассмеялась. Он увидел меня за столом защиты, обошел длинную скамью клерка, миновал стол обвинения и сел справа от меня.

«Все готово?» — спросил я.

Он поднял большой палец.

«Дэвид, я хотел бы представить тебе Куча. Он новый член твоей команды защиты».

Дэвид встал со своего места и тепло пожал руку Кучу. При этом Дэвид невольно окинул взглядом своего нового адвоката. Галстук, который носил Куч, был слишком широким для пошива до 1974 года, рубашка слегка пожелтела у воротника, но костюм сидел на нём хорошо и был куплен, по крайней мере, не раньше десяти лет назад.

«Спасибо за помощь», — сказал Дэвид.

«С удовольствием», — сказал Куч. «Эдди, можно нас на минутку?»

«Конечно», — сказал я.

Мы прогулялись до места дачи свидетельских показаний, подальше от слышимости.

«Сегодня тебе не выиграть предварительный этап», — сказал Куч.

«Я на это не рассчитываю. У меня есть кое-какие боеприпасы, но всё может обернуться как угодно…» Я замолчал. Куч покачал головой. Он не имел в виду улики.

«Ты ведь знаешь, кто наш новый судья, не так ли?» — спросил я.

Он кивнул.

«Скажите мне, что это не Роллинс», — сказал я.

Его лицо сморщилось, и он снова кивнул, извиняясь. Единственное, на чём я сосредоточился в первый год практики, — это изучение характера судей. Некоторые судьи выносят более суровые приговоры за определённые преступления. Некоторые не рассматривают дела о самообороне. Некоторые требуют больших компенсаций, некоторые — низких. Некоторые не слушают ни единого слова из уст адвоката.

Хуже всех был судья Роллинз, человек, только

что назначенный на должность судьи, который ещё ни разу не отпустил подсудимого под залог меньше пятизначной суммы. За два месяца своего пребывания у власти он не закрыл ни одного иска обвинения и назначил девяносто процентов от максимального срока каждому, кому не повезло выступить в его защиту.

Он создавал себе грозную репутацию, и слухи о нём быстро распространились среди адвокатов. В результате, в последние недели, новый судья…Намерения были предприняты. Сделки о признании вины были в порядке вещей. Обвинения не оспаривались. Все обвиняемые признали себя виновными, и список дел у судьи уже казался пустым. На прошлой неделе он каждый день приходил домой пораньше, выполнив свою дневную норму.

Мне нужно было придумать, как справиться с Роллинсом. Если я не смогу, дело будет закрыто ещё до начала.

«Я вернусь через секунду. Куч, забери меня, если появится судья», — сказал я.

Расстегнув куртку, я вытащил телефон из внутреннего кармана и начал набирать номер, прежде чем покинуть зал суда.

Они должны были приземлиться несколько

часов назад. Дэвид пытался дозвониться до компании, предоставляющей вертолётные услуги, которая должна была встретить Кристин, Эми и Кармель по прибытии на борт самолёта, но никто в офисе не ответил. Я подняла взгляд, осматривая коридор. Никто не смотрел в мою сторону. Ударив кулаком в стену, я снова и снова ругалась себе под нос. У меня было ощущение, что я падаю, мои внутренности подкатывали к горлу, и непреодолимое желание ухватиться за что-нибудь, чтобы остановить мир. Упершись ладонью в дверь, я вдохнула и выдохнула. Дэвиду нужна была моя холодная голова.

Я убеждала себя, что с ними всё в порядке. Оставалось лишь молиться, чтобы на этом пути их ждала какая-нибудь ловушка — не было сигнала, или, может быть, они потеряли свои телефоны? При этой мысли у меня перехватило горло, и я зажмурилась, пытаясь отогнать эти мысли.

Кто-то похлопал меня по плечу.

Я обернулся, немного ошеломленный.

Лестер Делл протянул мобильный телефон. С безразличным выражением лица он сказал: «Вам звонят. У вас серьёзная проблема».

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

В уголке глаза Делла я заметил тень улыбки.

Я взял телефон.

«Эдди», — сказала Кристина. У меня было такое ощущение, будто я всю ночь была подключена к электросети, и, услышав её голос, я просто выдернула вилку из розетки, отключила электричество и позволила каждой мышце расслабиться.

Облегчение длилось всего две секунды.

«Господи Иисусе, что происходит? Нас арестовали», — сказала Кристина.

"Что?"

«Они следовали за нами от взлётно-посадочной полосы в Ремо. Два федеральных агента забрали нас несколько часов назад. Вертолёт доставил нас в Грейс-Пойнт. Должно быть, они следили за ним. Они ждали нас на дороге, чуть не столкнули с шоссе. Это чушь. Я думал, это была сделка».

«Подожди. Ты в порядке? С Эми всё в порядке?»

«Она очень шокирована, и я тоже. Они оставили её с Кармель, когда схватили меня. Я в машине для задержанных, куда-то еду. Не знаю куда. Окна не видно, но, кажется, мы едем…»

Звонок оборвался. Я повернулся спиной к Дел-

лу, переложил телефон в левую руку и сказал: «Подожди секунду. Оставайся на линии, Крисси. Скажи, если…»

Развернувшись на пятке, я врезал Деллу локтем в лицо, позволил инерции пройти полный круг и продолжил правым кроссом, который сбил его с ног. Прежде чем он успел среагировать, я оказался на нём, прижав его плечи к земле.Я уперся коленями в землю. Я наклонился над ним и впился пальцами ему в лицо. Он брыкался и брыкался, но я крепко держал его.

«Ты, кусок дерьма. Ты приказал забрать мою жену. Моя дочь была в той машине. Её могли убить. У нас был…»

Коленом Делл ударил меня в спину. Он схватил меня за запястье, перекинул ногу через плечо и толкнул. Извиваясь, я пытался ухватиться за лодыжку Делла, мои руки быстро двигались, царапая его.

Но у меня была идея получше, чем просто схватить его за лодыжку.

Я позволил ему сбросить меня с себя. Для парня, который был почти вдвое старше меня, скорость Делла меня удивила: он вскочил и набросился на меня за секунду.

Два быстрых выстрела в почки, прежде чем

я услышал крик охранника, и вес Делла упал с моей груди.

«Лестер Делл, командир федеральной оперативной группы», — сказал он, потянувшись за значком. Он протянул охраннику удостоверение. Я поднял голову и увидел Большого Томми Биггса.

«Этот человек напал на федерального офицера при исполнении служебных обязанностей. Вы его видели. Арестуйте его немедленно», — сказал Делл, пытаясь отдышаться.

Я потянулся, медленно поднялся на ноги и посмотрел Большому Томми в живот. Его голова была в нескольких футах от меня. У меня закружилась голова, и я наполовину опустился, наполовину упал на пол. Я сидел, вытянув ноги перед собой, тяжело дыша. Вытянув шею, я почувствовал острую, жгучую боль и увидел, как Томми кивнул мне.

«Я ни черта не видел», — сказал Томми, уходя.

Делл проводил его взглядом, выругался и сел на скамейку возле здания суда номер двенадцать.

«Чего ты хочешь?» — спросил я.

Он рассмеялся, прикоснулся к губе и сплюнул немного крови на пол. Дверь в зал суда открылась, и оттуда высунулась голова репортёра. Я угрожа-

ющe отмахнулся от него. Он закрыл дверь.

«Соглашение о неприкосновенности вашей жены заключается в обмен на её показания против Джерри Синтона и Бена Харланда на суде. Если вы ещё не слышали, Бен Харланд мёртв. Его нашли в Ист-Ривер сегодня утром. Он купил себе билет на неприкосновенность. Синтон наводит порядок в доме. Полиция Нью-Йорка разговаривала с ним сегодня утром, и у него есть алиби на то же время, когда, как мы знаем, Харланд покинул порт. К сожалению, Синтон — это лишь половина выигрыша. Деньги должны поступить на счёт в Манхэттене сегодня в четыре часа дня на имя Бена Харланда. Понятия не имею, как Синтон получит доступ к деньгам, но если мы не поймаем его на краже или переводе…Если судить по его имени, у нас на него ничего нет. Возможно, он вообще не гонится за деньгами. Возможно, у него где-то достаточно денег припрятано. Думаю, именно поэтому окончательный счёт всегда был на имя Бена Харланда; это надёжная позиция. Если что-то пойдёт не так, Синтон может свалить всю вину за отмывание денег на покойника. У нас нет буквально ничего, что связывало бы эти деньги с Джерри Синтоном. Поэтому у нас нет другого выбора, кроме как заняться сообщника-

ми, которых подставил Бен Харланд. Ваша жена — одна из этих сообщников.

Он кашлянул, сплюнул еще немного, взял себя в руки и наклонился вперед.

«Соглашение об иммунитете умерло вместе с Беном Харландом. Но я дам Кристине последний шанс. Всё зависит от тебя, Эдди. Дэвид Чайлд солгал тебе. Он замешан гораздо глубже, чем ты думаешь. Он не разрабатывал этот алгоритм для предотвращения кибератак — он разработал его, чтобы скрыть деньги от ФБР и Министерства финансов. Он не идеален, но этого может быть достаточно, чтобы добиться обвинительного приговора. Дай мне моё признание вины. Он получает десять лет за убийство, даёт показания, что Джерри Синтон приказал ему разработать программу для отмывания денег, и кто знает? Может быть, Дэвид выйдет через пять. Это твой единственный выход сейчас. Это единственный выход для Кристины. Ты должен заставить этого парня признать себя виновным, а не отпустить его. Ты кинул меня, я кинул тебя».

«А как насчёт телефона, который я тебе дал? Не можешь ли ты найти в телефоне Джилл что-нибудь, что связало бы покушение на Кристину с Джерри Синтоном?»

«Телефон был удалённо удалён примерно через час после того, как вы его мне дали. Мы даже не знаем, как это было сделано. Специалисты ФБР ломают голову».

Я подумал о Лангимере. Если бы он смог отследить мой телефон меньше чем за минуту, он мог бы стереть память мобильника.

Кто-то подставляет Дэвида и помогает фирме. Чем больше я об этом думаю, тем яснее вижу, что этот парень замешан. Не знаю, какое отношение он имеет к фирме, но он в центре всего этого. Его зовут Бернард Лангимер.

«Кто, чёрт возьми, такой Бернард Лангимер? Слушай, Эдди, это чушь собачья. Дэвид убил свою девушку. Джерри Синтон заведует прачечной фирмы — вот и всё. Не отвлекайся. Это твой последний шанс».

И вот так всё и случилось. Полностью.

Дэвид или Кристина?

Я не смог спасти их обоих. Если бы я не согласился на эту сделку, скорее всего, Дэвид и Кристин провели бы остаток жизни в тюрьме. Сделка была разумной. Мне оставалось лишь убедить своего клиента признать себя виновным.

Я медленно поднялся на ноги, разгладил костюм и поправил галстук.

«Никакой сделки. Я сказал себе, что, вернувшись к практике, поступлю правильно. Дэвид Чайлд не убивал эту девушку, и я собираюсь это доказать».

«С каких это пор тебя волнует, что правильно? Ты же адвокат. Мне плевать, что ты обвиняешь свою жену или других соучастников — мне нужны партнёры. Бен Харланд мне сейчас не нужен, поэтому мне нужен Джерри Синтон для всей операции».

У Делла зазвонил телефон.

Он ответил на звонок, а затем повесил трубку.

«Джерри Синтон только что вошёл в лифт. Он не может видеть нас вместе. Подумай о том, что ты делаешь. Подумай о своей жене».

У меня затуманились глаза. Я протёр их и откашлялся.

«Это все, что я делаю, Делл».

«Обязательно скажите ей об этом. Мои люди оставили Кармел и Эми там, где мы их нашли. Они уже вне игры. Кристина уже едет сюда. Максимум через час её доставят в изолятор. Если к тому времени мы не заключим соглашение о признании вины, ей предъявят обвинения в отмывании денег, сговоре, мошенничестве — во всём том, чего избежал Бен Харланд, когда купал-

ся в реке. Перестань тянуть чушь и принеси мне признание вины. Делай свою чёртову работу и заботься о жене», — сказал он. Затем он встал и вернулся в зал суда.

Большой Томми стоял в шести метрах от меня. Он убедился, что Делл ушёл, и отвернулся. В коридоре больше никого не было.

Я достал из кармана куртки пистолет Делла, висевший на лодыжке, проверил, заряжен ли первый патрон, заправил Ruger LCP за пояс брюк и последовал за ним в суд.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Высокая, широкая фигура Джерри Синтона обрамляла вход. Я стоял в центральном проходе, спиной к всё ещё пустому судейскому месту, засунув руки в карманы, и ждал его.

Джерри, сопровождаемый той же группой помощников юристов, направился ко мне. Его лицо блестело от пота. Он был похож на гладиатора в костюме за три тысячи долларов.

Прежде чем занять своё место на галерее, он сказал: «Надеюсь, мы скоро снова увидим Кристину. Уверен, нам будет что обсудить».

Он сел и скрестил руки на груди. Я повернулся и пошёл обратно к столу защиты, кровь шумела в ушах. Мне хотелось свернуть Синтону шею.

Вместо этого я сел и открыл материалы дела.

«Дэвид, Dell сделал мне предложение. Он говорит, что тебя наняла компания Harland and Sinton для разработки алгоритма с конкретной целью: отмыть их деньги под видом протокола безопасности. Я знаю, что всё было не так».

«Я не знал, что деньги фирмы грязные. Вся схема основана на предпосылке, что они легальны. Если деньги, которые они принесли, были гряз-

ными, то да, алгоритм, защищающий эти деньги, тоже их отмыл бы. Но я не знал. Клянусь. Я не буду давать показания о том, что создал программу для отмывания денег — я этого не делал».

«Dell предлагает десять лет, если вы признаете себя виновным в этом убийстве и дадите показания о том, что фирма попросила вас разработать цифровую прачечную. Должен сказать, у нас есть несколько шагов, чтобы…сегодня, но у обвинения отличная версия, а нам достался очень плохой судья».

Я опустила часть про Кристину. Не хотела затуманивать разум девчонки. В общем, это было отличное предложение.

«Я никого не убивал. Я никогда ничего не проектировал с преступной целью. Я этого делать не буду».

Если и оставались какие-то сомнения, то они исчезли. Виновные не бросают сделку всей своей жизни. Они хватаются за неё обеими руками. Иногда, даже если сделка неправильная, невиновные тоже соглашаются на сделку: идут в суд и рискуют получить пятнадцать лет, или признают себя виновными и выходят на свободу через три; правосудие — холодный дом для невиновных. Я поймал себя на том, что восхищаюсь Дэвидом;

как ни крути, парень был храбрым.

Делл хотел справедливости для убийцы Софи. У меня не было в этом никаких сомнений. Люди, пережившие такую травму, уже не те. Они либо набрасываются на других, либо, как Делл, не хотят, чтобы кто-то ещё страдал от их боли. Он не мог позволить ещё одной жертве лежать в грязи, а убийца остался безнаказанным. К тому же, Делл знал, что Чайлд никогда не признает преступный умысел при разработке алгоритма — вероятно, потому что это была правда. Деллу было всё равно — с его точки зрения, Чайлд был убийцей, и именно он предоставил фирме средства для управления прачечной. Он хотел использовать Дэвида, а для этого ему нужно было взять под контроль его жизнь. Признание вины и сделка дали Деллу все необходимые полномочия, чтобы использовать Дэвида как оружие против фирмы. Чтобы получить своё оружие, он рисковал жизнью моей жены.

Мне нужно было действовать честно, по одному делу за раз. Освободить Дэвида, найти способ похоронить фирму и спасти Кристину.

«Я верю тебе, Дэвид», — сказал я.

Задние двери зала суда открылись в нескольких сотнях футов позади нас. Я услышал, как

вошли ещё несколько человек.

«Я ощущаю возмущение силы», — сказал Куч.

Задер плелся в хвосте группы помощников окружного прокурора, которые тащили в суд коробки с уликами и папки. Задер выглядел решительным. На этот раз у него в руках не было телефона. Он пока закончил с игрой со СМИ. Ему нужно было решение, которое устроит его. Тогда он разместит эту победу на всех каналах, в газетах, блогах и журналах.

«Не думаю, что у него есть чувство юмора по поводу всей этой истории *со «Звездными войнами»*, — сказал я.

«Хорошо», сказал Куч.

Куч встал и протянул руку окружному прокурору.

«Кажется, мы не знакомы. Меня зовут Макс Кушерон, зовите меня Куч».

«Майкл Задер», — сказал он, пожимая руку Куч.

«О, я *знаю* , кто ты. Я просто не узнал тебя без шлема».

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

В зале суда воцарилась тишина, когда судья Роллинз вышел из своего кабинета и поправил мантию, прежде чем занять место. Объявления о начале заседания не было. Роллинз сказал секретарю, что не хочет, чтобы его призывали к тишине, когда он входил, потому что «моё присутствие создаёт тишину». Эта история быстро распространилась, и многие из старших адвокатов защиты сочли необходимым громко продолжать свои разговоры, когда Роллинз входил в зал, просто чтобы позлить его.

Не то чтобы ему нужно было злиться больше обычного.

«А теперь дело *«Государство против Ребёнка* », — сказал он, оглядывая зал суда и упиваясь массовым вниманием СМИ.

Он посмотрел на стол обвинения и кивнул. «Окружной прокурор Задер, рад видеть вас в моём зале суда».

«Всегда рад оказаться на стороне правосудия», — сказал Задер.

Я услышал, как некоторые репортёры имитируют рвоту, и по залу прокатился нервный,

приглушённый смех. Роллинз полностью проигнорировал его и переключил своё внимание на меня.

Ему было около пятидесяти, но он проигрывал. Мне показалось, что он тоже проигрывает битву со своей талией. Несмотря на лишний вес, лицо его не смягчалось — под светло-каштановыми волосами скрывалось сердитое выражение. У него была кожа цвета слабого чая и сухие, пухлые губы. Роллинз был налоговым юристом, прежде чем подал заявление на должность судьи. До того, как стать судьёй, он был ближе всего к уголовному суду, чем проезжая мимо здания суда по пути в свой кабинет.

«Г-н... э-э...», — сказал он, держа перед собой объявление о продаже, словно оно было чем-то ядовитым.

«Флинн», — сказал я, убедившись, что встал, прежде чем обратиться к нему.

«Флинн? Я думал, что Харланд и Синтон — известные адвокаты».

«Я адвокат, действующий в суде, и произошла смена второго председателя. Сейчас выступает господин Кушерон», — сказал я.

Куч встал и поклонился с улыбкой.

По выражению отвращения на лице Роллинса

я понял, что он уже встречал Куча в своем суде.

«Прежде чем мы начнём, я хотел бы спросить, готов ли ответчик отказаться от слушания. Конечно же, это всего лишь формальность, мистер Флинн. Ваш клиент должен понимать, что полиция не арестовала бы его и не предъявила бы ему обвинение, если бы у неё не было достаточных доказательств для этого».

«Мы не согласны. Именно поэтому мы здесь, Ваша честь. Именно поэтому мы проводим предварительные слушания, чтобы ответчик мог оспорить слабые и необоснованные доказательства…»

«Я знаю основы уголовного судопроизводства, мистер Флинн. Мне не нужны ваши лекции», — сказал он. Его цвет лица уже приобрел ярко-красный оттенок, словно выдержанный на солнце.

«Обвинение вызовет своего первого свидетеля».

Держа в руке тонкую пачку бумаг, Задер встал из-за стола обвинения и передал бумаги клерку.

«Ваша честь, могу ли я сделать краткое вступительное заявление, чтобы сформулировать доказательства и помочь суду?»

«Конечно, господин Задер».

«Благодарю вас, Ваша честь. Это будет краткое, но подробное изложение имеющихся на сегодняшний день доказательств по этому убийству. Штат твёрдо убеждён, что эти доказательства создают веские, косвенные и криминалистически обоснованные доказательства против обвиняемого, г-на Дэвида Чайлда».

Задер говорил медленно, не отрывая глаз от ручки судьи, скользившей по страницам его блокнота. Роллинз записывал каждое слово как мог. Задер это знал и сдерживал темп речи, чтобы судья всё записал. Это также означало, что репортёры и любой помощник юриста, которого он привёл из своего отдела, могли получить дословную запись его речи. Он стоял, широко расставив ноги и слегка сжав руки, чтобы жестикулировать естественно во время речи. Задер был опытным адвокатом и точно знал, как продемонстрировать в суде свою уверенность и авторитет.

Ваша честь, мы вызовем свидетелей, чтобы доказать наличие в данном случае достаточного количества достаточных оснований. В данном случае будет доказано, что Дэвид Чайлд был наедине с жертвой в момент её убийства. При этом не присутствовал никто другой, и никто, кроме обвиняемого, не мог совершить это преступле-

ние. Эти доказательства будут представлены двумя свидетелями: г-ном Гершбаумом, который слышал выстрелы, и сотрудником службы безопасности здания, г-ном Ричардом Форестом, который обнаружил тело жертвы.

Следователь Руди Нобл, проводивший расследование на месте преступления, установит причину смерти и расскажет, что насилие, применённое к жертве, можно описать только как преступление, совершённое в порыве страсти. Убийство любовника.

Далее, в связи с задержанием подсудимого, мистер Вудроу даст показания о том, что попал в автомобильную аварию по своей вине, в которой его автомобиль врезался в Bugatti Veyron подсудимого стоимостью два миллиона долларов. Мистер Вудроу увидел в этом суперкаре оружие. Он вызвал полицию, и офицер Фил Джонс извлёк из ниши для ног автомобиля подсудимого то же самое оружие — небольшой пистолет.

Ваша честь, мы недавно получили результаты баллистической экспертизы, подтверждающие, что оружие, найденное в машине обвиняемого, действительно является орудием убийства. Мистер Пиблз, наш эксперт по баллистике, подтвердит, что следы на пулях, изъятых у жертвы,

совпадают с отметинами на оружии, найденном у обвиняемого через несколько минут после совершения преступления. Мы оставляем за собой право представить это заключение без вызова мистера Пиблза.

Окружной прокурор извлёк урок из фиаско с Портером. Эти доказательства будут представлены судье, не дав мне ни единого шанса на перекрёстный допрос Пиблза. Роллинз примет эти доказательства дословно; пистолет в машине Дэвида был орудием убийства, и я не мог оспорить ни слова из этого. Была одна вещь, которая не давала мне покоя в отчёте Пиблза: он не смог найти серийный номер на орудии убийства, даже используя их металлургическую технологию извлечения. По сути, каждое оружие в Америке имеет серийный номер производителя; если этот номер сохранить, эксперты всё равно смогут поместить оружие в кислоту, которая позволит им отследить на микроскопическом уровне отпечатки, сделанные при нанесении номера на оружие. Пиблз сказал, что даже после попытки использования этого метода серийный номер так и не был получен.

«Наконец, — продолжил Задер, — детектив Морган даст показания относительно записей с

камер видеонаблюдения из квартиры обвиняемого, которые без всяких сомнений подтверждают, что он является убийцей.

«Если нет ничего другого, люди называют свой первый...»

Роллинс с озадаченным выражением лица обратил на меня внимание.

«Господин Флинн, прошу вас ещё раз рассмотреть, учитывая вступительное заявление обвинения, вопрос о том, желает ли ваш клиент отказаться от этого слушания. Время суда дорого. Моё время дорого».

Нога Дэвида подпрыгивала под столом, тревога разносилась по его телу, словно кофеин. Я посмотрел на Куча. Он читал утреннюю газету, не послушав ни слова из того, что сказал окружной прокурор. Задер выглядел победителем. Я вдруг осознал, что на мне тот же костюм, рубашка и галстук, что и вчера, я до сих пор не побрился, нервы на пределе, жене вот-вот предъявят обвинение в федеральных преступлениях, а я спал в костюме.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, когда я сказал: «Ваша честь, мы продолжаем слушание».

Судья Роллинз вздохнул и покачал головой. Из галереи донеслось море невнятного бормотания,

но Роллинз проигнорировал его. Казалось, он был слишком зол на меня, чтобы это заметить.

«Я не впечатлён, мистер Флинн. Конечно, это дело должно быть передано на рассмотрение присяжных», — сказал Роллинз.

У меня было два варианта: проигнорировать этого придурка и настаивать на слушании, или послать Роллинсу сообщение и рискнуть ещё больше отдалить Дэвида. Безопаснее было проигнорировать его замечание и вызвать на слушание первого свидетеля.

Но я был готов рискнуть. Если бы это окупилось, я бы смог справиться с Роллинсом.

«Ваша честь, могу ли я подойти к скамье?»

«Нет, не можете. Я не вижу необходимости в боковой панели. Это публичные слушания. Если вам есть что сказать, говорите».

Я знал, что он не предоставит мне боковой панели. Его не интересовало ничего из того, что я говорил. *Ну и ладно,* подумал я.

«Хорошо, Ваша честь. Защита хотела бы подать ходатайство о вашем отводе».

Настала очередь Задера усмехнуться от удивления.

Роллинз положил ручку на стол, скрестил руки и, казалось, немного приподнялся на стуле.

«На каком основании вы добиваетесь моего отвода, адвокат?»

«За предвзятость, Ваша честь. Мой клиент не может рассчитывать на справедливое слушание. Вы выслушали господина Задера, и из ваших слов ясно, что вы уже приняли решение по этому делу. Вы предвзяты в пользу обвинения».

«Сейчас я в своем кабинете», — сказал Роллинз.

Поднявшись, я почувствовал вибрацию телефона. Я позволил Роллинсу отвернуться, прежде чем проверить телефон. Это было сообщение от Кеннеди.

У МЕНЯ ЕСТЬ ИНТЕРЕСНОЕ ЧТЕНИЕ. Я СКОРО ТАМ БУДУ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

«Меня никогда в жизни так не оскорбляли», — сказал Роллинз, расхаживая взад-вперёд за столом. «Я бы обвинил вас в неуважении к суду», — сказал он.

Задер покачал головой. «Понимаю, как вы, должно быть, расстроены, ваша честь, но разве это не было бы слишком? Это также может подлить масла в огонь аргументации мистера Флинна».

Я вынул руки из карманов и внимательно посмотрел на Задера. Он меня раскусил. Мне нужно было быть гораздо осторожнее. Это был опасный противник.

Постукивая указательным пальцем по столу, Роллинз старался сдержать свой гнев, воротник натягивал вздувшиеся вены на шее.

«Как вы смеете выдвигать подобные обвинения в моём зале суда? Речь идёт об уважении, Флинн…» — сказал Роллинз. Он опустил формальное обращение. «Вы отзовёте это гнусное обвинение прямо сейчас, в открытом судебном заседании, и лично передо мной извинитесь. Если вы это сделаете, я подумаю, нужно ли мне

направлять жалобу в Коллегию адвокатов. Вы меня понимаете?»

«Понимаю, прекрасно. Какого судью вы предлагаете себе на замену?»

"Прошу прощения?"

«Что ж, очевидно, если вы собираетесь подать на меня жалобу в Коллегию адвокатов, вы не сможете продолжать слушание дела моего клиента, пока эта жалоба не будет рассмотрена. Вам придётся взять самоотвод. Так кто же ваш преемник?»

Он вовремя прикусил язык. Я видел, что Роллинз подумал, что недооценил меня. Он был далеко не первым, кто так сделал.

«Не могу поверить, что у тебя хватает наглости стоять там...»

Ваша честь, при всём уважении, вы дважды просили меня в открытом судебном заседании склонить моего клиента к отказу от предварительного слушания. Вы даже заявили, что это дело должно быть передано на рассмотрение присяжных, хотя до сих пор не услышали ни слова доказательств. Всё, что у вас есть, — это вступительное слово окружного прокурора. По моему мнению, вы уже решили это дело в пользу обвинения.

«Конечно, я еще не решил».

«Но теперь вы понимаете, откуда у меня сложилось такое впечатление».

Он подошёл к своему стулу и осторожно сел за стол. Его лишний подбородок свесился на воротник, пальцы сложены на животе, и он обдумывал своё положение. Гнев угас, уступив место сомнениям.

«Мои комментарии были исключительно мимоходными, мистер Флинн. Ничего более. Я просто рассматривал возможность переноса судебного разбирательства. Ваш клиент имеет право на безотлагательное судебное разбирательство».

Я не ответил. Вместо этого я склонил голову и не отрывал взгляда от судьи, который не мог встретиться со мной взглядом дольше секунды.

«У вас, честно говоря, нет причин для предвзятости», — сказал Роллинз, разжимая ладони и растопырив пальцы. Он спрашивал меня, а не говорил. Остыв, он снова и снова прокручивал в голове свою просьбу отказаться от предварительного экзамена, спрашивая себя, не перешёл ли он черту.

Я промолчал и позволил ему волноваться.

Роллинз посмотрел на Задера, приглашая его

к сотрудничеству. Задер не хотел вмешиваться, опасаясь, что это будет выглядеть так, будто он поддерживает своего приятеля-судью. Он избегал взгляда судьи, листая материалы дела.

«Я не отношусь предвзято к вашему клиенту, мистер Флинн. Вы можете это принять?»

Уперев руки в бока, я кивнул и сказал: «Ваша честь, вашего слова мне достаточно, но я помню о своём долге перед клиентом. Я не буду сейчас добиваться отвода, Ваша честь, но оставлю за собой право поднять этот вопрос снова, если возникнет такая необходимость. Уверен, что не возникнет».

Судья поднялся со своего места, кивнул и жестом пригласил нас вернуться в зал. Стоя спиной к судье, Задер стиснул зубы и покачал головой, когда мы вышли из зала суда. Он понимал, что потерял преимущество перед Роллинсом.

Теперь у меня был рычаг давления. Будучи новым судьёй, Роллинз не хотел выносить решение об отводе, потому что боялся, что я подам апелляцию на его решение не брать самоотвод. Последнее, что нужно начинающему судье, — это чтобы высокопоставленный член судебной системы анализировал его поведение, когда он проработал всего пять минут. Вместо этого Роллинз теперь позаботится о том, чтобы у меня не

было возможности снова поднять вопрос о предвзятости, предоставив мне…Небольшая свобода действий, чуть более дружелюбное отношение к защите. И Задер предположил то же самое. Я не мог удержаться от желания натравить на Задера.

«В игру «Предвзятость» могут играть двое», — сказал я.

В ответ он выдавил из себя лишь фальшивую улыбку.

Шум в толпе стих, когда мы с Задером вернулись в зал суда, а Роллинз последовал за ними. Я занял место за столом защиты. Задер вернулся за кафедру.

«Ваша честь, мы вызываем для дачи показаний первого свидетеля обвинения, г-на Гершбаума».

Куч показал мне одобрение.

Мы были на месте.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

9 часов до выстрела

После принесения присяги мистер Леопольд Максимилиан Гершбаум произнёс своё полное имя для протокола с акцентом, чистокровным жителем Боро-Парка. Голос дребезжал в груди, словно избыток смазки в старом, хриплом двигателе. Он расстёгнул твидовый пиджак и сел. По моим подсчётам, ему было под шестьдесят. Его седоватый парик выглядел лет на двадцать с небольшим. Рыжевато-коричневые усы делали плохо сидящий парик ещё более нелепым. Похоже, ему было всё равно. С тридцатью миллионами на банковском счёте, четырьмя разводами за плечами и будущей бывшей миссис Гершбаум, платиновой блондинкой, бывшей «Подружкой месяца», сидевшей в зале для моральной поддержки, Лео Гершбаум мог позволить себе расслабиться в плане внешности.

Я слышала звук перелистываемых страниц в деле Задера, приглушенное постукивание встревоженных ног Гершбаума и шуршание ручки, перекатывающейся по моим пальцам; это был момент спокойствия перед тем, как Задер

заполнил пустые страницы слушания версией обвинения.

«Господин Гершбаум, какова ваша профессия?» — спросил Задер.

Он был к этому готов: Гершбаум повернулся и, отвечая, уделил судье все свое внимание.

«Я крупный кинорежиссер».

Глаза судьи расширились, а на его обычно кислом лице появилась улыбка.

«Смотрел бы я какой-нибудь из ваших фильмов?» — спросил судья Роллинз.

«Возможно, Ваша честь», — сказал Гершбаум, слегка приподнявшись. «Несколько лет назад я снял фильм под названием « *Скаут из ручья Литл-Крик* » .

Отложив ручку, Роллинз откинулся на спинку стула.

«Что ж, мистер Гершбаум, могу я сказать, что это одна из моих любимых историй. Прекрасная американская история. Ну-ну. Можете продолжать, мистер Задер».

И этим отвратительным зрелищем Задер сделал Гершбаума практически неуязвимым. Если бы я вступил в драку с режиссёром любимого фильма судьи, меня бы разнесло в пух и прах.

Куч наклонился и прошептал несколько сове-

тов: «Не перегибай палку с Гершбаумом. Роллинз — большой киноман, и он обожает этого парня».

«Не волнуйся. Я его переверну», — сказал я.

Пара непослушных, но выразительных бровей взлетела вверх, почти до самой макушки Куча. Когда у тебя есть свидетель обвинения, которого обожают судья или присяжные, ты не можешь нападать на него, не нанося ущерба своей позиции. Есть только один вариант — перевернуть его показания; показания, которые понравились судье, в которые он поверил, ну, ты просто заставляешь их говорить в вашу пользу, а не в пользу обвинения. Весь фокус был в том, чтобы перевернуть показания свидетеля так, чтобы ни прокурор, ни судья этого даже не заметили.

«Благодарю вас, ваша честь», — сказал Задер. «Теперь я хочу обсудить события вечера четырнадцатого марта. Где вы были в ту ночь, мистер Гершбаум?»

«Я был в своей квартире в Сентрал-Парк-Уэст и смотрел ежедневные репортажи».

«На каком этаже находится ваша квартира?»

Двадцать пятый. Башня «Централ Парк Одиннадцать». На каждом этаже башни всего по две квартиры. На нижних этажах по три квартиры на каждом этаже.

«А что такое ежедневные газеты?»

«Ой, простите. Ежедневные съёмки — это отснятый материал со стрельбы, произошедшей накануне. Мы снимали перестрелку в переулке. Я просматривал отснятый материал и делал заметки для редактора».

«Был ли с вами в квартире еще кто-нибудь?»

«Нет. Я был один».

«А в какое время вы начали смотреть ежедневные новости?»

«Около семи тридцати. Сразу после ужина».

«А что-нибудь необычное произошло в тот вечер?»

«Да. Незадолго до восьми часов я услышал серию громких хлопков. Похоже на выстрелы. Сначала я не понял, что именно услышал. Был слышен небольшой шум от оружия, использованного в дубле. Но потом я убавил звук телевизора и услышал серию тресков. Они были громкими и очень частыми».

«Сколько вы слышали?»

«Не уверен. Выстрелы были частыми. Может, пять? Может, больше».

«Что вы сделали после того, как услышали эти выстрелы?»

«Ну, я всё ещё не был уверен, что это было.

Квартира довольно хорошо шумоизолирована, поэтому я не думал, что это с улицы, но про себя подумал, что это могло быть только снизу. Поэтому я открыл балконные двери и вышел посмотреть».

«И что вы увидели?»

«Я выглянул с балкона, возможно, ожидая увидеть дым от выхлопной трубы. Или, может быть, кого-то в парке с фейерверком. Дело было близко к Дню Святого Патрика, так что для некоторых людей необычно начинать праздновать немного раньше. Вы же знаете, какие ирландцы…»

«Вы видели что-нибудь из этого?»

«Нет, сэр. Я внимательно посмотрел, а потом произошёл взрыв. Стекла просто разлетелись во все стороны. Взрывы были из окон соседней квартиры. Я взглянул на них, когда вбегал обратно в дом».

«Продолжайте, пожалуйста».

«Ну, я был очень шокирован. Я не понимал, что произошло. Я подумал, что кто-то стреляет по зданию из винтовки, а может, кто-то стреляет в соседней квартире. Я схватил телефон и побежал в убежище.

«Я пытался позвонить 911, но оттуда не было связи. Мне не хотелось выходить из номера,

чтобы не пришлось быстро закрывать дверь. Поэтому я воспользовался телефоном в номере, позвонил прямо в охрану и рассказал им, что произошло».

«Ты заперся в своей комнате страха?»

«Нет. У меня лёгкая клаустрофобия. Я собирался закрыть эту дверь только в том случае, если бы у меня действительно не было другого выбора».

«Следующий вопрос очень важен, мистер Гершбаум. Сколько времени прошло с того момента, как вы увидели, как взорвалось окно, до того, как вы позвонили в службу безопасности?»

Как и все хорошие, честные свидетели, он немного подумал.

«Я сразу же позвонил в службу безопасности. Я был напуган. Так что, наверное, секунд через десять я уже был на связи».

Ярко изъяв документ из своего дела, Задер подошел к судье с копией.

«Ваша честь, в настоящее время мы хотели бы обратиться к вещественному доказательству обвинения TM-One. Детектив Морган официально представит это вещественное доказательство в установленном порядке. С разрешения обвиняемого, возможно, будет уместно обратиться к нему сейчас?»

«Никаких возражений», — сказал я.

Кивнув в знак согласия, Роллинз взял копию документа и попросил клерка зарегистрировать ее.

«Господин Гершбаум, это журнал безопасности вашего дома. В нём в электронном виде зафиксировано время экстренных вызовов от жильцов. Как вы видите, в журнале зафиксирован экстренный вызов из вашей квартиры в двадцать два часа ночи четырнадцатого марта. Всё верно?»

"Да."

«Внизу страницы вы увидите, что сотрудник службы безопасности Ричард Форест связался по рации с постом охраны, когда подошел к двери вашей квартиры. В журнале это время зафиксировано как двадцать шесть. Опять же, соответствует ли это вашим воспоминаниям?»

«Я так думаю».

«Как служба безопасности проникла в вашу квартиру?»

«Я могу вызвать их через панель управления в комнате безопасности. Именно так я и сделал, как только увидел их на камере видеонаблюдения у входной двери».

«Что произошло дальше?»

«Я рассказал им, что произошло. Один из охранников вышел на балкон. Тогда, я думаю, они её

и нашли».

«Кроме входной двери вашей квартиры, есть ли другой выход?»

"Нет."

«Не знаете ли вы, аналогичная ситуация наблюдается в квартире мистера Чайлда?»

«Полагаю, что да. Когда я сдавал квартиру в аренду, я подразумевал, что никаких структурных изменений не будет. Полагаю, у мистера Чайлда был такой же договор аренды, как и у меня. Думаю, всем жильцам сказали то же самое. Так что нет, единственный выход — через входную дверь».

«Можно ли выйти из квартиры мистера Чайлда через ваш балкон?»

Задер замкнул все концы, пригвоздив Чайлда к месту преступления и времени убийства без каких-либо сомнений.

«Нет, если только вы не спуститесь вниз из здания, как Человек-паук или что-то в этом роде».

«Когда вы вошли в свою комнату страха, вы сказали, что держали дверь открытой, потому что у вас лёгкая клаустрофобия. А был бы у вас всё равно вид на балкон?»

"Да."

«Итак, в промежутке между выстрелами и при-

бытием команды безопасности вы видели, как кто-то выходил из квартиры мистера Чайлда и выходил на ваш балкон?»

«Нет. Я следил за балконом на случай, если кто-то перепрыгнет через разделительную перегородку и попытается проникнуть в мою квартиру. Тогда мне пришлось бы закрыть дверь в комнату страха. Я не хотел этого делать без крайней необходимости. Я плохо себя чувствую в замкнутых пространствах, особенно после шестинедельных ночных съёмок в туннеле студии Pinewood».

«Больше ничего», — сказал Задер, садясь на свое место.

Я встал, застегнул куртку и улыбнулся Гершбауму.

У меня был всего один вопрос. Простой. Я бросал снежок на холм в надежде, что этот вопрос покатится вниз по склону, становясь всё больше и больше, пока не достигнет дна и не раздавит дело Задера, словно шаровая молния, разбивающая бревенчатую избу.

Прочистив горло, я уже собирался заговорить, когда задние двери зала суда с грохотом распахнулись. Вошли двое мужчин, федеральных агентов, стоявших по обе стороны от моей жены.

Даже с такого расстояния я видел ее слезы, дрожащие руки и яркие серебряные браслеты на ее тонких запястьях.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Места, прикрученные к задней стене зала суда, были зарезервированы для службы безопасности, правоохранительных органов и поручителей. Один из агентов накинул пальто на запястья Кристины и повёл её к этим местам. Они хотели, чтобы я увидел наручники. Теперь же они решили действовать осторожно.

В толпе я разглядел бородатое улыбающееся лицо Делла. Он подмигнул.

Давление. Делл был помешан на давлении. И он использовал все рычаги, чтобы добиться сделки. Я видел, как Синтон поднялся с галереи и покинул зал. Он кивнул Кристине, проходя мимо.

Я почувствовал холод в спине, который распространился к шее. Словно пистолет за поясом звал меня. Глаза защипало, и я подумал о том, чтобы выхватить оружие, схватить Кристину и бежать. Если мы выберемся из здания суда, мы сможем спрятаться. Но Кристин и Эми не смогли бы жить так.

«Мистер Флинн?»

Роллинз зовёт меня. Ледяной холодок в моей спине растаял, когда я повернулся к свидетелю,

отвернувшись от жены, от её покрасневших, умоляющих глаз.

Спасти её можно было только одним способом. Её судьба и судьба Дэвида Чайлда были связаны, связаны так же прочно, как я был связан с ней. Я не доверял Деллу, но на горьком опыте научился доверять собственным инстинктам. Тогда это казалось мне бессмысленным. Я просто знал. Убрать этого ребёнка — вот всё, что мне нужно было сделать, и для Кристины всё сложится удачно.

«Прошу прощения, Ваша честь».

Как я и ожидал, Роллинз закатил глаза. Я был уверен, что он всё ещё считает это слушание пустой тратой времени.

«Мистер Гершбаум, вы услышали выстрелы и вышли на балкон, чтобы выяснить, в чём дело. Затем вы увидели, как разлетается стекло в соседней квартире. Значит, вы не слышали выстрелов после того, как пуля прошла через балконное окно мистера Чайлда?»

Он опустил взгляд, моргнул и начал качать головой.

«Нет. Я бы это услышал. После того, как окно взорвалось, стрельбы больше не было».

«Вопросов больше нет», — сказал я, взглянув на Задера. Его ручка замерла на странице. Затем он

посмотрел на своих помощников, раскинув руки, словно спрашивая: « *Это всё?»*

Я был рад. Задер этого не видел, но если бы всё остальное в деле пошло так, как я надеялся, то Лео Гершбаум стал бы главным свидетелем защиты.

«Перенаправить?» — спросил Роллинс. Задер покачал головой.

«Вызовите следующего свидетеля. Давайте продолжим, господа советники», — сказал Роллинз.

«Люди зовут Ричарда Форестом».

Пока он говорил, Задер с подозрением посмотрел на меня. Он уже начал подозревать, что что-то упустил.

Шаги в проходе. Я даже не услышал, как открылись двери. Это был Кеннеди, с пачкой документов в руках. Он чуть не столкнулся со следующим свидетелем, так ему не терпелось показать мне свою находку.

Четыре листа бумаги. Пять копий каждого из четырёх документов. Копия для меня, по одной для судьи, прокурора и свидетеля, а также оригинал, который должен был быть приобщён к делу.

Я зачитывал документы, пока офицер безопасности Форест принимал присягу.

«Что это?» — спросил Дэвид.

«Снежки», — сказал я. «Огромные, чёрт возьми,

снежки».

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Кеннеди рассказал мне, что ему позвонил по поводу Кристины один из его приятелей из ФБР, работавших в оперативной группе.

«Прости, Эдди. Это неправильно. Мой человек сказал мне, что с Кармель и Эми всё в порядке. Они всё ещё в Грейс-Пойнт. По крайней мере, Эми в безопасности», — сказал он.

«Она слишком мала, чтобы всё это видеть. Видеть, как её мать забирают после всего, что она пережила…» Я стиснула зубы и больше ничего не сказала. Что бы ни случилось, Делл заплатит за то, что заставила мою семью пройти через это.

Задеру потребовалось около пяти минут, чтобы провести сотрудника службы безопасности по большей части его показаний. Они рассказали о первом экстренном вызове от Гершбаума, времени реагирования, о том, как он проник в квартиру Гершбаума и перелез через небольшой проём между балконами. Он был хорошим свидетелем; давал чёткие ответы, и по его ответам было очевидно, что он когда-то был полицейским. Медрано рассказал мне, что Форест ушёл из полиции из-за сержанта-ворчуна. Он не очень

хорошо относился к такому авторитету, но нашёл пристанище и лучшую зарплату в Central Park Eleven Security. Высокий, поджарый офицер с накрахмаленным воротничком и красным платком в пиджаке, Форест производил впечатление точного и добросовестного свидетеля.

«Что вы увидели, когда попали на балкон мистера Чайлда?» — спросил Задер.

«Сначала я увидел стекло на полу балкона. Я вытащил оружие, присел и заглянул в комнату. И тут я увидел тело молодой светловолосой женщины, лежащей лицом вниз на полу кухни. Я мог сказать, что она получила обширные черепно-мозговые травмы и, по всей вероятности, уже была мертва».

«Что вы сделали дальше?»

«Я перелез через балкон и вошел в комнату, стараясь не слишком сильно наступать на стекло, и сообщил по рации своему начальнику, чтобы он зашел в квартиру мистера Чайлда, так как у нас на руках тело, и преступник может все еще находиться там».

«Ваш руководитель не заходил в квартиру до вашего звонка?»

«Нет. Обычно мы не можем войти в жилище жильца без разрешения. Только если у нас есть

доказательства, что его безопасность или безопасность других людей находится под угрозой. Мы не полиция. Там живёт много влиятельных людей, и они ценят свою частную жизнь больше, чем большинство людей».

«Пожалуйста, продолжайте», — сказал Задер.

Мой руководитель позвонил в 911 и сообщил, что мы входим в квартиру для экстренного обыска. Он получил разрешение оператора и вошёл через главный вход вместе с группой быстрого реагирования. Мы обыскали квартиру, но больше никого не нашли. Вскоре после окончания обыска наконец-то появились сотрудники полиции Нью-Йорка. Мы осмотрели место происшествия, и я дал показания детективу Моргану.

«Спасибо», — сказал Задер, беря свои бумаги с кафедры.

«Мистер Флинн, у вас есть вопросы к мистеру Форесту?» — спросил Роллинз.

«Да, Ваша честь. Мистер Форест, вы вошли в квартиру и обнаружили тело. Затем вы утверждаете, что вызвали по рации подкрепление, и ваша группа провела осмотр квартиры. Это верно?»

"Это верно."

«Опишите этот обыск квартиры».

«Мы обыскали кухню, гостиную, комнату с

телевизором, ванную комнату на первом этаже, а потом мы обыскали спальни, ванную комнату, кабинет».

«Еще где-нибудь?»

«Нет, ну… искать больше было негде. Кроме жертвы, квартира была пуста».

Теплое дыхание моего отца у моего уха: *Люди верят тому, что видят.*

Следующий вопрос был рискованным. Я не знал ответа наверняка. У меня пересохло во рту, пока я говорил.

«Вы не обыскали комнату страха?»

Перед ним появились предупреждающие знаки, огромные, как дорожные, и мигающие красным, сигнализирующие об опасности. Он искал ответ.

К моменту прибытия службы безопасности им уже сообщили, что мистер Чайлд покинул квартиру, поэтому обыскивать убежище не имело смысла. Доступ туда есть только у него, и он уже ушёл.

Это было достаточно хорошо. Пора двигаться дальше.

«Мистер Форест, вы бывший полицейский, поэтому у вас есть определенная подготовка и опыт обращения с огнестрельным оружием?»

"Правильный."

«Учитывая вашу подготовку и опыт, сколько времени вам потребуется, чтобы прицелиться и выстрелить из пистолета из всего магазина, перезарядить его, а затем израсходовать новый патрон?»

Он надул щеки и сказал: «Не знаю, может быть, полминуты?»

«Полминуты. Не могли бы вы сделать это быстрее? Можно ли сделать это, скажем, за пятнадцать или двадцать секунд?»

«Пятнадцать — это было бы очень быстро, может быть, двадцать секунд».

«Двадцать секунд, ладно. Вижу, вы носите часы, мистер Форест».

Он был немного ошеломлён. Он прищурился, губы его скривились. «Да, жена подарила мне его на годовщину».

«У тебя есть с собой мобильный телефон?»

«Да, он выключен».

«С разрешения Его чести, я бы хотел, чтобы вы на минутку включили свой мобильный телефон».

«Ваша честь, возражение, уместность?» — спросил Задер.

«Я буду краток, Ваша честь. Это важно, и я скоро

перейду к сути».

«Двигайтесь быстрее, мистер Флинн», — сказал Роллинз.

Мы подождали, пока Форест включил телефон. Эта задержка дала мне достаточно времени, чтобы усомниться в правильности следующих вопросов. Я решил, что риск того стоит.

«Пока мы ждем включения, не могли бы вы сказать мне, который час, мистер Форест?»

Задер вскинул руки к судье. Роллинз кивнул, посмотрел на меня. Я пристально посмотрел на него, стиснув зубы. Я слегка покачал головой, переводя взгляд с Роллинза на Задера. Как будто ждал, что судья поддержит Задера, и тогда я буду готов вмешаться и заявить о предвзятости.

«Давайте пока предоставим мистеру Флинну презумпцию невиновности, мистер Задер».

«Благодарю вас, Ваша честь. Мистер Форест, который час по вашим часам?»

«Одиннадцать ноль два».

«Можете ли вы сказать мне, который час, по настенным часам прямо за вашей спиной?»

Он обернулся, посмотрел и сказал: «Одиннадцать ноль пять».

«А который час на твоем мобильном телефоне?»

Нажав кнопку, он вздохнул и сказал: «Десять пятьдесят девять».

«То есть это три разных момента времени, на трех разных устройствах только в этой комнате.Господин Форест, журнал безопасности в Central Park Eleven работает по другой системе, нежели система камер видеонаблюдения, не так ли?

«Да. Они работают на двух разных программах, на разных системах».

«Господин Форест, вы ни разу после этого убийства не проверяли, был ли временной код на записях камер видеонаблюдения синхронизирован с временным кодом в вашем журнале безопасности, не так ли?»

Он поджал губы и выпрямился в кресле.

«Нет, не знал».

Я взял первый документ из стопки, которую мне дал Кеннеди, и раздал копии судье Роллинсу, Задеру и свидетелю.

«Мистер Форест, это копия журнала экстренных вызовов службы 911 за ту ночь. Полагаю, вы в курсе, что когда житель звонит в службу экстренной помощи, одновременно на службу 911 отправляется SMS-сообщение с регистрацией этого вызова?»

«Я знал это», — сказал он.

«А из этого документа вы можете узнать время получения текста?»

Глаза его вспыхнули, и он прочитал: «Двадцать ноль четыре».

«Спасибо», — сказал я.

Я сел, и Задер тут же вскочил на ноги.

Внезапно я осознала всю весомость улик против Дэвида. А защита была не толще льда. Мне нужно было действовать осторожно, медленно, иначе Дэвид, Кристина и я провалимся в холодную, тёмную пучину.

Задер был близок к тому, чтобы создать огромную трещину на льду.

«Мистер Форест, если бы существовала разница в размерах, мог ли бы обвиняемый покинуть свою квартиру до того, как произошло убийство?»

Судья Роллинз с энтузиазмом кивнул — он думал о том же.

Свидетель покачал головой.

Нет. Убийство не могло произойти после того, как подсудимый покинул квартиру. Вход и выход только через парадную дверь. На записи с камеры видеонаблюдения видно, как мистер Чайлд и жертва входят в квартиру, а затем мистер Чайлд уходит. Я лично разговаривал с мистером Герш-

баумом. Никто не входил в его квартиру через балкон, а это двадцать пятый этаж. Когда я обыскал квартиру, она была пуста. Это невозможно, поскольку у жертвы были травмы, которые она не могла нанести себе сама, и никто, кроме подсудимого, не выходил из квартиры. Единственным человеком, который мог убить Клару Риз, был Дэвид Чайлд.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТА

Каждый нерв, каждая мышца, каждая капля крови в моём теле хотели, чтобы я обернулся и посмотрел на Кристину, но я знал, что если сделаю это, то рискую окончательно проиграть. Битва шла в этом испытании.

Я сказал себе сосредоточиться.

Я прошептала Дэвиду: «Не волнуйся. Всё в порядке». Мы были очень далеки от нормального состояния.

Подавив страх, Дэвид похлопал меня по руке. Он всё ещё верил в меня.

По крайней мере, кто-то это сделал.

«Офицер Нобл», — сказал Задер.

Худой мужчина в очках, синих джинсах, красно-синей клетчатой рубашке и совершенно неподходящем белом галстуке вышел вперёд и занял место свидетеля. На нём были ковбойские сапоги, которые, по непонятной причине, придавали всему ансамблю целостность.

После приведения к присяге офицер Руди Нобл начал протирать очки кончиком галстука. Первые же вопросы окружного прокурора показали, что Нобл — опытный криминалист, осмотрев-

ший и жертву, и место преступления, а также задокументировавший результаты своего расследования фотографиями.

«Офицер Нобл, учитывая ваш тщательный осмотр места преступления и выводы судмедэксперта, каковы были ваши выводы относительно того, как произошло убийство?» — сказал Задер.

«Учитывая раны на теле жертвы и пули, застрявшие в черепе жертвы и в бетоне под кафельным полом, выстрелы в голову были произведены, когда жертва лежала лицом вниз на полу. Это приводит меня к выводу, что…Полагаю, что изначально её застрелили сзади. В поясничной области жертвы имеются два входных пулевых отверстия. Одна пуля застряла в позвоночнике. Вторая пуля была сквозной. Это…

«Извините, можно вас на минутку прервать? Что такое сквозная проверка?» — спросил Роллинз. Налоговым юристам нечасто приходилось сталкиваться с жертвами огнестрельных ранений.

«Это термин, используемый для описания пули, которая входит в жертву и проходит сквозь тело полностью».

«Понимаю. Пожалуйста, продолжайте», — сказал Роллинз.

«Основываясь на имеющихся доказательствах, я полагаю, что вторая пуля прошла через спину жертвы, оставив большую выходную рану в груди, и именно эта пуля затем вылетела в окно».

«Как вы пришли к выводу, что именно эта пуля разбила окно?»

Мы обнаружили пустую обойму на месте преступления и ещё одну пустую обойму в орудии убийства, найденном в машине обвиняемого. В магазине этого оружия содержится семь патронов. Четырнадцать гильз были найдены на полу кухни. Всего в теле жертвы или на полу под её головой было обнаружено тринадцать патронов. Одна выпущенная пуля не установлена. Можно сделать обоснованный вывод, что эта пуля прошла сквозь жертву, разбила стекло и впоследствии была потеряна для нас.

«Что находится за окном балкона?»

«Из окна открывается вид на Центральный парк. Мы обыскали часть парка, но не смогли найти отстреленную пулю».

В отчёте судмедэксперта указано, что пуля, застрявшая в позвоночнике жертвы, могла убить её мгновенно или, безусловно, парализовать. Учитывая вашу экспертизу, какую точку зрения можно обоснованно дать относительно выстре-

лов в голову после того, как жертва уже получила почти смертельное ранение?

«Страсть. На мой взгляд, выстрелы в голову были излишними. Это не дело рук профессионального убийцы — это было убийство в порыве ярости».

«Почему вы в этом уверены?»

«Убийца перезарядил. А затем расстрелял весь магазин».

«Есть ли официальная статистика относительно убийств с такой степенью насилия?»

«Да. В случаях, когда убийство произошло дома, и жертве был причинён значительный ущерб посмертно, статистика показывает, что в девяноста четырёх случаяхВ восьмидесяти девяти процентах случаев жертва была убита супругом или партнером».

И с этими словами Задер сел. Мой свидетель.

Я молча стоял, ожидая, когда Роллинз поднимет голову от своих записей и выслушает мой вопрос. Прошло целых десять секунд, прежде чем судья соизволил обратить на меня внимание. Казалось, что прошло десять минут. Нобл успел сделать глоток воды, поправить галстук и проверить очки. У меня было время подумать, поволноваться. Как раз перед тем, как судья Роллинз бросил на меня

презрительный взгляд, Куч встал, положил руку мне на плечо и прошептал: «Отвяжись, Эдди».

Мой разум прояснился, и я медленно начал.

«Офицер, вы, вероятно, проверили орудие убийства на отпечатки пальцев, да?»

«Верно. Ничего не обнаружено».

«Да, я читал ваш отчёт. Вы утверждаете, что единственные найденные отпечатки пальцев принадлежали офицеру Филиппу Джонсу, который извлёк оружие из машины обвиняемого, верно?»

«Это верно».

«Но вы также сделали в своём отчёте ещё одно наблюдение. Вы говорите, что, когда вы расстреляли пустую обойму, вы обнаружили небольшое количество грязи?»

«Да, немного земли. Это было просто наблюдение. Я должен записывать все свои выводы, когда осматриваю оружие».

Пора двигаться дальше. Пора начать переворачивать Гершбаума.

«Офицер Нобл, вы только что были в суде и заслушивали показания мистера Гершбаума, верно?»

«Да. Я выслушал показания мистера Гершбаума».

«Тогда почему вы говорите, что мистер Гершбаум *лжет*?»

Судья Роллинз поморщился и снова пролистал свои записи.

«Свидетель называет мистера Гершбаума *лжецом*, мистер Флинн? В моих записях этого нет», — сказал Роллинз.

«Таков смысл его показаний, Ваша честь. Позвольте мне рассмотреть этот вопрос».

«Хорошо, но я всё внимательно изучу, мистер Флинн. И, пожалуйста, будьте конкретнее».

Я кивнул, вдохнул и выдохнул и попробовал еще раз.

«Офицер Нобл, мистер Гершбаум утверждает, что услышал выстрелы, вышел на балкон, чтобы осмотреть улицу внизу, а затем увидел, как взорвалось окно квартиры обвиняемого. Он заявил, что после взрыва окна он больше не слышал выстрелов. Согласны ли вы с показаниями мистера Гершбаума?»

«Я признаю, что он всё это говорил. И я не называю его *лжецом*», — сказал Нобл, раскрыв ладони и ухмыляясь.

«Но вы правы, офицер Нобл. Вы говорите, что первые два пулевых ранения жертвы пришлись на поясничную область: одно вылетело из тела, а

другое парализовало её и, возможно, убило, а затем она получила два выстрела в голову. Верно?»

"Да."

«Но, согласно показаниям г-на Гершбаума, выстрел, который вы описываете, прошёл сквозь жертву и разбил окно, вероятно, был первым или вторым выстрелом, когда жертва стояла перед окном, а затем последовал выстрел в упор в затылок, когда жертва лежала на земле. Г-н Гершбаум не слышал никаких выстрелов после того, как окно взорвалось».

«Я не могу говорить за господина Гершбаума. Я могу только оценивать доказательства».

«Доказательства — да. Возможно, магазин оружия был заряжен семью патронами, и ещё один патрон уже был в патроннике. Не так ли?»

«Возможно. Но пятнадцатой гильзы в квартире мы не нашли».

«Вы так и не нашли пулю, прошедшую сквозь стекло?»

«Нет, еще не успели».

«То есть, возможно, убийца мог подобрать эту гильзу и выбросить ее из окна?» — спросил я.

«Я не могу сказать, что это невозможно».

«Вы хотите сказать: «Да, мистер Флинн, это возможно»?» — сказал я.

Я услышал неприятный влажный звук, когда судья Роллинз цокнул зубом. Он покачал головой, записывая ответ. Нобл отреагировал как ученик третьего класса, которого только что оставили после уроков.

«Да, мистер Флинн. Это… возможно…»

«У меня есть ещё несколько вопросов. Я хочу, чтобы вы объяснили, почему вы считаете, что пуля, прошедшая сквозь жертву, разбила окно. Разве жертва не могла лежать лицом вниз, когда ей в поясницу был произведён выстрел?»

Я слишком долго ждал. Задер уже был на ногах. Он учуял запах крови в воздухе и отчаянно пытался минимизировать ущерб.

«Ваша честь, это предварительное слушание, а не Нюрнбергский процесс. Мистер Флинн затягивает это без необходимости».

«Скоро мой крестный путь подходит к концу, Ваша честь. Конечно, в интересах правосудия и права моего клиента на справедливое судебное разбирательство мне нужно дать ещё немного времени».

«Сделайте это быстро», — сказал Роллинз.

«Спасибо, Ваша Честь», — сказал я, а затем снова переключил внимание на Нобла. Он улыбался. У него было время подумать над ответом, и я

молился, чтобы он оказался правильным, тем, которого я ждал.

«Жертва не могла лежать лицом вниз, когда в неё был произведён выстрел, по двум причинам. Во-первых, мы бы обнаружили большое количество крови и тканей на полу под жертвой. Во-вторых, мы бы обнаружили либо пулю в полу, либо следы рикошета от плитки в месте её попадания».

Кровь залила мои щеки. Задер увидел это, и его лицо вытянулось. Он понял ещё до того, как я успел открыть рот, что я устроил ловушку для его свидетеля, который только что вошёл.

«Ваша честь», - сказал я, - «у меня есть опровергающие доказательства, которые я хотел бы представить».

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Судья зачитал документ, который я ему только что передал, и толпа загудела и зашепталась, словно лёгкая рябь на полуночном озере. Шум толпы нарушали ритмичные удары каблука Дэвида по полу, его колено подпрыгивало от волнения. Холли положила руку ему на плечо, заглушая шум.

Сжав страницы между указательным и большим пальцами, словно они были ядовитыми, он со вздохом вернул мне отчёт. «Хорошо. Убедитесь, что у господина Задера есть копия».

Куч бросил копию в Задера, которая пролетела по воздуху и умело приземлилась на стол обвинения.

«В следующий раз передайте ему это, мистер Кушерон», — сказал судья Роллинз.

Я подождал около пятнадцати секунд, чтобы Задер успел бегло просмотреть отчёт. Когда его хватка судорожно сжалась и он порвал уголки страниц, я понял, что он дочитал. Я отдал свой экземпляр свидетелю.

Это отчёт, составленный оперативным агентом ФБР Тео Ференце. В нём подробно описан осмотр

пола комнаты страха в квартире Дэвида Чайлда. На обороте вы видите две фотографии, напечатанные на обычной бумаге и приложенные к отчёту.

«Я их вижу», — сказал Нобл, сжав губы.

«В аннотации к фотографии номер один написано: „Пол комнаты страха, обработанный люминолом“. Итак, что же такое люминол?»

Судья Роллинз приподнял бровь: у меня сложилось впечатление, что анализ места преступления не входил в число его ограниченного опыта.

«Люминол — это химическое вещество, которое при нанесении на поверхности делает пятна крови более заметными, если направить на эту область черный свет», — сказал Нобл.

«Спасибо. Вы не обыскали убежище?»

«Я не знал, что здесь есть комната страха».

Я поднял Клаудио, архитектурный чертеж, на котором четко видна комната страха, который я снял со стены квартиры Дэвида.

«Это висело на стене. Ты не заметил?»

«Нет. Мы не обращаем внимания на гобелены. В любом случае, комнаты страха предназначены для жильцов. Как нам стало известно от службы безопасности здания, жилец, мистер Чайлд, покинул здание».

«Возвращаясь к отчету ФБР, в нем говорится, что на полу комнаты страха в квартире мистера Чайлда было обнаружено большое количество недавних пятен крови, как мы можем судить по фиолетовому пятну на полу, верно?»

"Правильный."

«Кроме того, на фотографии два крупным планом запечатлена выемка на бетонном полу, в центре пятна крови или около него, что, по мнению эксперта ФБР, соответствует следу пули, рикошетившей от пола?»

"Правильный."

«По словам агента Ференце, окровавленные волокна, обнаруженные на поврежденной части пола, похожи на футболку, которую жертва носила в тот день?»

«Согласно этому отчёту, это верно. У меня не было возможности...»

«Одну секунду», — сказал судья Роллинз. «Что всё это значит, мистер Флинн?»

«Значит, жертву застрелили в спину в комнате страха. Вероятно, она там и скончалась. Значит, через некоторое время её тело оттащили на кухню, где ей сделали двенадцать выстрелов в затылок. Не так ли, мистер Нобл?»

Его рот сжался, губы подтянулись к перено-

сице.

«Это кажется вероятным», — сказал Нобл.

«Если это так, то, учитывая точность остальных выстрелов, убийца намеренно выстрелил в окно?» — спросил я.

«Это возможно».

«Возможно, чтобы привлечь внимание мистера Гершбаума и заставить его вызвать охрану?» — спросил я.

«Возражаю, Ваша честь. Это домыслы», — сказал Задер.

Через некоторое время судья Роллинз сказал: «Поддерживается».

Я проигнорировал удар. Эта идея уже была заложена в голову Роллинса. Последний вопрос.

Вы пришли к выводу, что жертва получила множественные выстрелы в голову из-за ярости нападавшего, но есть и другое объяснение. Может быть, повреждения были нанесены намеренно, чтобы стереть лицо жертвы и сделать невозможным её опознание по чертам лица или стоматологическим данным?

«Я не могу этого исключить», — сказал Нобл, ерзая на стуле.

Я выждал мгновение. Оценил. Задумался, достаточно ли я сделал. Судья выглядел растерянным,

больше, чем что-либо ещё. Я решил сдаться, пока есть преимущество. Я подумал, что приберегу свои лучшие кадры для последнего свидетеля, детектива Энди Моргана.

«Больше вопросов нет», — сказал я. Задеру больше не нужен был этот свидетель.

Нобл чуть не упал, выходя с трибуны. Он не хотел там оставаться ни на секунду.

«Предлагаю сделать небольшой перерыв, господа. Кто ваш следующий свидетель, господин Задер? Вы можете подготовить их во время перерыва».

«Ваша честь, мы вызовем водителя автомобиля, участвовавшего в ДТП с обвиняемым, мистера Джона Вудроу».

Нет, не сделаешь, подумал я.

Я встал, посмотрел на Кристину и, проходя мимо Ящерицы, схватил ее мобильный телефон.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДВА

У меня все внутри закипело.

Осмотрев комнату и направляясь к дверям, я ускорил шаг; я побежал, вертя головой и высматривая глазами свою жену.

Нет.

Она исчезла, и агенты вместе с ней. Кристину забрали. Я распахнул двери. В коридоре было пусто, если не считать двух человек. Справа от меня — Перри Лейк, или Джон Вудро, по словам окружного прокурора. Слева — Делл. Я напомнил себе, что у меня есть работа.

Перри Лейк прислонился к стене и провёл большим пальцем по экрану своего мобильного телефона. Увидев, как я приближаюсь, он открыл рот.

«Эдди… я… не знал, что ты в этом замешан. Извини, мужик».

«Возьмите, мистер Вудро. На этом телефоне фотографии. Обязательно ответьте, когда он зазвонит», — сказал я, протягивая ему телефон, который Ящер передал мне именно для этой цели. Не сказав больше ни слова, я повернулся и направился к Деллу.

Сидя, скрестив ноги, на скамейке у стены, Делл оторвал взгляд от мобильного телефона и сказал: «Это твоя вина, Эдди. Я же говорил тебе, что ты должен сделать. Почему ты не слушаешь?»

«Где она? Если она арестована, она имеет право на телефонный звонок и адвоката».

«Это только если она находится в участке или в федеральной тюрьме. Вы же юрист и должны это знать».

«Вы должны оформить её как можно скорее. Вы удерживаете её незаконно».

«Хочешь подать на меня в суд? Подумай ещё раз», — сказал он и встал. Он жестом пригласил меня следовать за ним, направляясь к одному из больших окон, выходящих на площадь. Он остановился в нескольких шагах от окна и жестом пригласил меня взглянуть.

Я почувствовал вибрацию мобильного телефона. Я проверил его и увидел сообщение с номера Кристины.

Третье окно, рядом с лестницей. Взгляните на улицу.

Я подбежал к окну и почувствовал, как мое сердце рухнуло на десять этажей.

Десятью этажами ниже, на тротуаре, Кристина смотрела на меня снизу вверх. Это был

мимолетный миг, ужасная секунда осознания, обрушившаяся на меня, словно удар молота. Один из охранников фирмы запихнул её в чёрный таункар. Я стучал по стеклу, не обращая внимания на взгляды и крики людей в коридоре, и стиснул зубы, увидев Джерри Синтона с мобильным телефоном в руке, вероятно, Кристины. Он сел в машину следом за ней. Они влились в поток машин и скрылись из виду.

«Даже не думай нападать на меня. Я больше с тобой не играю. Попробуешь что-нибудь сделать, и я тебя прикончу. Это твоя вина. Всё, что тебе нужно было сделать, — это добиться моего признания вины. Но ты же не мог этого сделать, правда?» — сказал Делл.

«Что ты наделал?» — спросил я, качая головой.

«Я ничего не сделал. Мы её отпустили. Её подобрал кто-то другой. Я тут ни при чём».

В ушах звенело от крови, руки дрожали. Я думала о своих руках: как они обхватывали горло Делла, сжимали его шею, как сжимали его трахею, как лопались капилляры в его глазах.

Он посмотрел на часы.

Если алгоритм Чайлда верен, деньги поступят на счёт в центре Манхэттена через четыре часа. Если к тому времени я не получу признание

вины, я не могу гарантировать её безопасность. Сейчас фирма хочет точно знать, что Кристина обо всём этом слышала и кому она рассказала. Они заберут её обратно в свой офис. Им нужно знать, что у ФБР есть на них. Они уже знают о какой-то сделке, потому что агент ФБР передаёт вам документы в суде. Это было глупо.

Он был прав. Я не подумал, как это будет выглядеть, если фирма будет наблюдать. Глупый поступок. Я обернулся и услышал, как Перри отвечает на телефонный звонок, который я ему передал. Через несколько секунд он опустился на колени. Я понимал, что он чувствует.

«Как думаешь, сколько она продержится? Час? Пять минут? Пять секунд?Что? Полагаю, они не предпримут окончательного шага, пока деньги не поступят на счёт Харланд. Мы будем следить за ситуацией, чтобы она не пострадала слишком сильно.

«Я дам тебе последний шанс, Эдди. Я не хочу вызывать Дэвида Чайлда повесткой. Я хочу, чтобы он был на соглашении, под моим контролем. Неважно, какую сделку предложит окружной прокурор. Просто соглашайся. Я всегда могу скостить себе несколько лет, если он даст нужные мне показания».

«Вы хотите, чтобы он солгал. Вы хотите, чтобы он солгал об убийстве своей девушки и дал показания, что его система была разработана и построена для фирмы, чтобы они могли отмывать деньги».

«Только сейчас понял? Я думал, ты умный».

«Он никогда не признается в убийстве, которого не совершал, а что касается системы, то он построил её добросовестно. Если фирма использовала её незаконно, это их вина. Это ложь, и она его губит».

«Он уже погряз. Даже если его оправдают, люди никогда не убедятся в его невиновности. Такое дерьмо липнет к ним навсегда. Но для Кристины всё может обернуться иначе. Как только он признает себя виновным, мы её спасём. Решать вам. Не беспокойтесь о Дэвиде Чайлде; как я и говорил, дерьмо липнет к ним, и вы не сможете ему помочь».

Делл протиснулся мимо меня плечом обратно в зал суда. Я резко обернулся и увидел, как Перри приближается ко мне так быстро, как только позволяет его хромота. Он вернул мне телефон, одними губами прошептал «извините», а затем, шаркая ногами, вбежал в лифт, чуть не упав от спешки.

Коридор сузился. Я сглотнул, пытаясь сдержать рвоту. Я боролся за контроль.

Ящер вышел из зала и присоединился ко мне. Мне пришлось опереться на его плечо и сделать несколько глубоких вдохов. Мы отошли за угол, чтобы поговорить, не боясь, что нас услышат.

«Оказалось, твой старый приятель Перри не захотел знакомиться с Бертом и Эрни. Он сказал, что ему нужно на время уехать к тёте в Топику».

«Dell позволил Кристине ускользнуть из зала суда. Фирма её ждала. Всё это давление направлено на то, чтобы я разрушил дело Дэвида и вынудил его признать вину. Перри рассказал вам, кто заплатил ему за то, чтобы он врезался в машину Дэвида?»

«Он узнал парня по фотографиям в телефоне. Сказал, что это мужчина с фотографии три».

«Он был уверен?»

«Сто процентов. Ты собираешься заставить Дэвида признать себя виновным?» — сказал он.

«Я не доверяю Деллу. Он готов рискнуть жизнью Кристины. Я не уверен, что он готов её спасти».

Ящер показал третью фотографию на камере телефона. Это был снимок Лангимера, который я сделал.

«Черт возьми, Дэвид был прав», — сказал я.

«Ты сказал, что тебе нужен Ящер», — сказал Ящер.

«Кристина у фирмы. Кажется, её отвезли в здание Лайтнера. Помнишь, в тот день, когда мы впервые встретились, у тебя в фургоне был стальной ящик с игрушками?»

«Она все еще там», — сказал он.

«Вот что мне нужно, чтобы ты сделал…»

Ящер сбежал по ступенькам и выскочил с молитвой «Аве Мария». Он был, пожалуй, единственным человеком, которому я полностью доверял во всей этой чёртовой ситуации. Тяжёлые шаги позади меня. Кеннеди похлопал меня по плечу.

Я сказал: «Это Лэнгимер. Он заплатил водителю, чтобы тот врезался в машину Дэвида. Мне только что подтвердили. Это он подстроил всю эту чёртову историю. И я не могу использовать это в суде. Вам нужно его арестовать».

«Мы получим, но пока не всё. Это меняет дело», — сказал он и протянул свой мобильный телефон. На экране было изображение.

Вы просили меня проверить, у кого был доступ к этой французской баллистической работе по GSR и подушкам безопасности. Я позвонил в университет, и единственным человеком, кто вчера

заказал её онлайн, были вы. Они ведут учёт. Кроме этого, отчёт никогда не публиковался ни в одном периодическом издании. Единственный другой случай, когда разделы отчёта были доступны, был на конференции Интерпола в прошлом году. Я узнал имена участников. Ничего особенного. Поэтому я позвонил в Интерпол и запросил удостоверения личности всех делегатов, посетивших эту лекцию. Присутствовало четырнадцать человек. Вот та, которую мы ищем. Сара Каллан.

Я снова взглянул на изображение на телефоне Кеннеди. На этот раз я уловил связь.

«Вы, должно быть, шутите», — сказал я.

Он покачал головой.

«Что, черт возьми, это значит, Эдди?»

Тогда я еще не знал.

«У тебя есть информация об этой Саре Каллан?»

«Мой директор пишет мне по электронной почте. Я рассказал ему, что происходит в оперативной группе, и он так же зол, как и я. Он не хочет, чтобы это выплеснулось наружу».

Я рассказал ему о Кристине. Он вздрогнул.

«Я слышал, что оперативная группа уже направляется к зданию Лайтнера. Команда собирается зачистить здание от сообщников и арестовать

Синтон и сотрудников службы безопасности фирмы. С ней всё будет в порядке. Я попрошу Феррара и Вайнштейна позаботиться о ней», — сказал он.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

«Ваша честь, похоже, у нас возникли некоторые трудности с поиском нашего следующего свидетеля, мистера Вудроу», — сказал Задер. «Его показания касались автокатастрофы и обнаружения орудия убийства в машине обвиняемого. Мы не можем продолжать рассмотрение этих показаний, но у нас есть имя офицера, который обнаружил оружие в машине и произвёл арест. В полиции называют его патрульным Филипом Джонсом».

Вперед вышел полицейский в форме, крепкого телосложения, лет сорока с небольшим, с темными волосами и тенью бороды на щеках, хотя он, очевидно, побрился утром.

«Офицер, я так понимаю, вы недавно уволились из полиции?» — спросил Задер.

«Не совсем. День ареста обвиняемого должен был стать моим последним днём в полиции, но, поскольку это дело стало настолько важным, я согласился остаться ещё на месяц, чтобы помочь с обвинением».

Задер поблагодарил его за преданность делу, а затем принялся задавать предварительные

вопросы: время работы, опыт, присутствие на месте аварии. Быстрые вопросы сопровождались быстрыми ответами; Задеру не терпелось перейти к сути.

«Офицер полиции, что вы увидели на месте автомобильной аварии, стоя у пассажирской двери автомобиля обвиняемого?»

«Пистолет, просто лежащий там, в пространстве для ног».

«Вы уверены, что это был пистолет?»

«Я ясно это видел. Я открыл дверь, вынул оружие, а затем допросил подозреваемого. Он сказал, что у него нет оружия, и он никогда раньше не видел этого оружия».

«Благодарю вас, офицер. Пожалуйста, оставайтесь на месте для дачи показаний. Мистер Флинн, возможно,«У меня есть пара вопросов. Хотя я не могу себе представить, какие именно», — сказал Задер.

«Ты уверен, что это сработает?» — спросил Дэвид.

«Я должен попытаться», — сказал я ему, похлопав по плечу, когда встал. Он уже лучше справлялся с физическим контактом — возможно, он нуждался в нём сейчас больше, чем когда-либо осознавал.

«Офицер, вы действительно очень быстро прибыли на место происшествия. Как вам это удалось?» — спросил я.

«Всё произошло не так уж быстро. Мне позвонил диспетчер, а я был где-то в двух кварталах оттуда, так что я ответил».

«А где вы были, когда вам позвонили?»

Прежде чем ответить, он сделал глубокий вдох и слегка покачал головой.

«Я точно не уверен. Я был в том районе».

«Вы сказали, что были примерно в двух кварталах от места аварии. У вас есть какие-то соображения?»

«Кажется, я был где-то на Шестьдесят третьей улице».

«Вы уверены?»

«Да, да, я уверен», — сказал он.

Я передал свидетелю протокол допроса, который Кеннеди достал для меня. Одну копию я передал судье, а другую — Задеру.

«У тебя в шляпе есть еще кролики?» — спросил Задер.

«Всего несколько», — сказал я.

«Это стенограмма звонка диспетчеру за ночь убийства. Мистер Вудроу, водитель пикапа, врезавшийся в машину обвиняемого, указывает своё

местонахождение на перекрёстке 66-й улицы и Сентрал-Парк-Уэст. Можете ли вы огласить свой ответ диспетчеру?»

Он откашлялся и уверенно, даже небрежно, прочитал: «Покажите управление Двадцать Чарли. Я на Шестьдесят четвёртой, въезжаю на Центральный парк Вест». Я в Двадцатом участке, и я Чарли. Это мой позывной. Видишь, я был прав. Я вспомнил. Я был на Шестьдесят третьей», — сказал он с улыбкой.

«Итак, вы были на Шестьдесят третьей улице, когда поступил звонок. Я полагаю, вы в это время были на патрулировании?»

«Верно. Я был в движении».

Судья покачал головой. Мне нужно было объяснить ему всё по полочкам.

«Когда вы говорите, что были мобильны, это значит, что до получения вызова вы ездили по окрестностям, патрулируя, верно?»

Джонс немного помедлил, прежде чем сказать: «Верно. Я патрулировал с того самого дня».

«И после того, как вы ответили на звонок, вы сразу же отправились на место происшествия?» — спросил я.

«Да. Когда я добрался до конца Шестьдесят четвёртой улицы, я повернул налево на Цен-

тральный парк, и авария произошла в двух кварталах впереди».

Судья Роллинз кивнул и просмотрел свои записи. До сих пор офицер Джонс был совершенно прямолинеен.

«Офицер, в тот день вы были единственным патрульным в районе Твенти Чарли?»

«Да, у меня за плечами много лет. Я не сержант, но у меня достаточно времени на службе, чтобы я мог действовать самостоятельно».

«Сколько раз вы проваливали экзамен на сержанта?»

«Актуальность?» — спросил Задер.

«Немного свободы, Ваша честь», — сказал я.

«Я разрешаю это», — сказал Роллинз.

Джонс кашлянул. «Восемь раз».

«Я так понимаю, у вас новая должность. Вы уходите из полиции?»

«Верно. Я буду работать на частную охранную фирму в Ираке. Охранником. Там немного опаснее, чем на Манхэттене, но платят в три раза больше, чем в полиции».

«Очень хорошо. Когда вы получили эту новую должность?»

«Я получил подтверждение несколько месяцев назад».

«И каков был ваш подписной бонус?»

«Мне обязательно на это отвечать?»

«Это мой последний вопрос на эту тему, Ваша честь».

Судья Роллинз кивнул, и Джонс покачал головой. Он сложил пальцы домиком, крепко сжав их, отчего кончики побелели.

«Двести тысяч долларов», — сказал Джонс.

Я не отреагировал. Но наблюдал, как судья Роллинз надул щеки.

«До этого дня вы никогда не встречались с подсудимым?»

«Нет. Я, конечно, слышал о нём, но никогда с ним не встречался».

«Значит, ты не держишь на него зла?»

«Нет. Я сотрудник правоохранительных органов. Мы не держим зла. И, как я уже сказал, я никогда с ним не встречался».

«И у вас нет никаких причин лгать по этому поводу, не так ли?»

«Никаких причин», — сказал он, качая головой и поджимая губы.

«Ты ведь не повышения ищешь. Ты переходишь на гораздо более высокооплачиваемую работу, верно?»

«Хорошо», сказал он, скрестив ноги.

«Так почему же ты лжешь?»

Судья Роллинз резко посмотрел на меня, а затем снова на свидетеля.

«Я ни в чем не лгу, советник».

Я взял последний из документов, которые раздобыл Кеннеди, и передал копии судье и Задеру, а затем передал копию офицеру Джонсу. Он неохотно взял её, затем просмотрел и повесил голову.

«Офицер, это запись GPS-координат вашего автомобиля в ночь убийства. Все автомобили полиции Нью-Йорка оснащены трекером, верно?»

«Да, у нас есть трекер, но...»

«Это данные полиции Нью-Йорка о перемещениях вашего автомобиля за тот вечер. Пожалуйста, просмотрите их и сообщите мне, когда трекер определит ваше местоположение как Шестьдесят четвёртую улицу».

Он не читал отчёт. Он покачал головой и просто посмотрел на страницу. Он уже знал. Задер и Роллинз быстро пробежали глазами, выискивая нужную запись.

«Возможно, я смогу вам помочь, офицер. В отчёте подтверждается, что в тот день ваша машина не въезжала на Шестьдесят четвёртую улицу».

«Возможно, спутник вышел из строя», — сказал Джонс.

«Нет, не было. Если отмотать назад, запись показывает, что ваш автомобиль остановился на углу Шестьдесят шестой улицы и Сентрал-Парк-Уэст на двадцать три минуты, пока вы разбирались с аварией, нашли пистолет и арестовали мистера Чайлда. До этого запись показывает, что ваш автомобиль двигался к месту аварии на север через Сентрал-Парк-Уэст. Фактически, по пути к месту аварии вы проехали перекрёсток с Шестьдесят четвёртой улицей».

Кивнув, но не ответив, Джонс огляделся в поисках помощи. Никто её не предложил.

«То есть ваши показания о том, что вы только что повернули налево в конце Шестьдесят четвертой улицы на Центральный парк Вест, были ложью?»

«Нет. Это была честная ошибка».

«До того, как вы подъехали к месту аварии, ваш автомобиль, согласно записи, стоял на парковке у дома номер один по улице Central Park Eleven тридцать три минуты. Вы солгали диспетчеру?»

«Значит, я совершил ошибку. Я…»

«У вас за плечами большой опыт работы в полиции. Вы сами это говорили. Вы хотите сказать суду, что не знаете разницы между Сентрал-Парк-Уэст и Шестьдесят четвёртой улицей?»

«Нет. Я просто совершил ошибку», — сказал он.

«Ошибка, а не ложь?»

«Нет, я совершил ошибку».

«Значит, это просто совпадение, что именно в то время, когда была убита Клара Риз, вы припарковались напротив ее дома?»

"Да."

«И это просто еще одно совпадение, что вы ответили на вызов диспетчера по факту несчастного случая, который привел к аресту обвиняемого с орудием убийства?»

"Да."

«Вы были сегодня утром в суде, когда офицер Нобл давал показания?»

«Да, был».

«Вы слышали его показания о том, что он обнаружил грязь или землю в магазине орудия убийства, когда вытащил обойму».

«Вот что он сказал».

«И вы слышали, как он свидетельствовал о том, что убийца, возможно, намеренно выстрелил в окно квартиры мистера Чайлда, возможно, чтобы предупредить соседа, мистера Гершбаума?»

«Я это слышал».

«Возможно, окно разбилось по другой причине. Квартира мистера Чайлда находится на

двадцать пятом этаже этого здания. На такой высоте не нужно быть сильным мужчиной, чтобы перебросить орудие убийства через дорогу в Центральный парк, не так ли?»

Тишина. Свидетель не шевелился, даже не пытался ответить на вопрос. Его взгляд скользнул мимо меня. От входной двери дома Дэвида пятиклассник мог бы забросить мяч в парк. С балкона квартиры Дэвида на двадцать пятом этаже можно было хоть плюнуть в парк.

«Ваша машина долго стояла у парка. Вы ждали в парке напротив здания, наблюдая за балкончиком. Это довольно уединённый участок парка. Вы находитесь за живой изгородью. Всё было тщательно спланировано, и вы знали с точностью до минуты, когда с балкона в парк будет выброшено оружие. Вы дождались, пока увидели, как оружие выбрасывают из квартиры, вытащили его из травы, вытерли от грязи и спрятали в пальто…»

«Это чушь…»

«Следите за языком в этом зале суда», — сказал судья Роллинз, глядя на Джонса.Мне показалось, что я увидел лучик света в Роллинсе, искорку чего-то в его глазах — зарождающееся сомнение. Мне нужно было дать ему разгореться.

«Когда вы подошли к машине, вы вынули за-

пасной пистолет из кобуры на лодыжке, заперли его в бардачке и положили орудие убийства в кобуру на лодыжке, верно?»

«Это… ложь».

«Офицер, вы обыскали обвиняемого, его сумку и весь его автомобиль, не так ли?»

«Это точно. Я так и сделал».

«И вы не нашли никаких перчаток?»

«Я не нашел перчаток».

«И несмотря на отсутствие перчаток и средств для надлежащей очистки орудия убийства, отпечатки пальцев обвиняемого на этом оружии не были обнаружены?»

«Я не верю, что это были они».

«Единственные отпечатки пальцев на этом пистолете были вашими, офицер Джонс?»

«Мне следовало надеть перчатки, когда я взял пистолет».

«Ты имеешь в виду тот момент, когда ты подобрал его из грязи в Центральном парке?»

Он помедлил мгновение, прежде чем сказать: «Нет».

«Ты ведь не успел очистить оружие от всей грязи, да? Полагаю, у тебя было мало времени. Никто на улице не увидит пролетающего над головой пистолета, но тебе нужно было поторопиться,

чтобы подобрать его с лужайки».

Он не ответил.

«Мистер Вудроу не может дать показания о том, что он видел. Там только вы. И когда вы наклонились, чтобы заглянуть в пространство для ног пассажира автомобиля Дэвида, вы вытащили орудие убийства из кобуры на лодыжке и подняли его в воздух, чтобы камера снимала дорожное движение?»

"Ни за что."

«Между Шестьдесят четвёртой улицей и Централ-парком 11 всего пара кварталов. Вы не ожидали, что диспетчер это заметит, и ни у кого не было причин сомневаться в вашем местоположении, или, по крайней мере, вы так думали. Вы солгали о своём местоположении, потому что не хотели быть связанными с местом убийства, чтобы никто не смог собрать всё воедино. Верно?»

«Поэтому я солгал диспетчеру о том, где я был. Я был на перерыве. Я не имел никакого отношения к этому пистолету, пока не вытащил его из машины вашего клиента. Я говорю правду».

«То есть, ты только что солгал под присягой, дал ложные показания. Но теперь ты говоришь правду, так ведь?»

"Ага."

«То есть ты честный лжец?»

Поднявшись, он указал на меня и проревел: «Ты полон дерьма».

Судья не стал его выговаривать — он уже достаточно услышал.

«И последний вопрос», — сказал я. «Двести тысяч — это обычная ставка за подброс оружия?»

Джонс вытер рот тыльной стороной ладони. Он хотел сказать ещё, гораздо больше. Он был взбешён, но, казалось, пытался сдержаться, чтобы не причинить ещё больше вреда. Все взгляды были устремлены на него. Он откинулся на спинку стула, посмотрел на судью и сказал: «Я отказываюсь отвечать, поскольку могу дать показания против себя».

Я сел. Не глядя на Джонса, Задер указал на дверь. Он хотел, чтобы Джонс ушёл, но не мог заставить себя взглянуть на него.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

2 часа до выстрела

«Эдди, я думаю, судья начинает думать об этом деле», — сказал Дэвид.

«Недостаточно просто думать об этом. Нужно в это верить».

«Люди называют детектива Энди Моргана».

Блондин-полицейский в застиранном коричневом костюме сплюнул жвачку в руку, повесил трубку и сунул телефон и жвачку в один карман. Что бы ни значило этот телефонный разговор, он был несколько обеспокоен. По его раскрасневшемуся лицу я догадался, что он переживает из-за того, о чём я собираюсь его спросить. Он видел, как прижали двух полицейских, и теперь следующим был он. Он принял присягу, провёл пальцами по волосам, которые, как я заметил, выцвели до седины на лбу, почти так же, как побледнел его костюм. Я почувствовал вибрацию телефона, проверил сообщения: одно новое сообщение от Ящера.

Федералы только что появились. Хочешь, чтобы я разыграл ситуацию?

Под столом я набрал ответ.

Нет. Они вытащат Кристину оттуда. Смотри. Скажи мне, когда она освободится.

Окружной прокурор рассказал Моргану историю его участия: сообщение диспетчера, подтвердившего, что патруль в форме идентифицировал тело в квартире Дэвида как вероятное убийство, его прибытие в здание и обыск квартиры Чайлд, открытие журнала убийств на месте происшествия, запись смертельных травм, звонок в CSI, все вплоть до поиска улик на записях камер видеонаблюдения.

«Затем я посетил офис службы безопасности здания и поговорил с г-ном Медрано, ихНачальник службы безопасности. Он смог найти соответствующую запись с камер видеонаблюдения, и я получил её копию.

«Вы имеете в виду этот диск? Доказательство ТМ-2?» — спросил Задер.

«Верно», сказал Морган.

«Если суд не возражает, сейчас самое время просмотреть отснятый материал».

«Очень хорошо», сказал Роллинз.

Задер передал диск Моргану, который встал и вставил его в DVD-плеер, расположенный под семидесятидюймовым экраном телевизора слева от судьи.

Морган передал пульт управления окружному прокурору и вернулся на свое место.

В начале и в конце записи Задер просит Моргана опознать Дэвида и Клару. Мы показали, как они вместе входят в комнату, а затем, примерно через семнадцать минут, Дэвид уходит один. Четыре минуты спустя группа охраны во главе с Форестом уже у двери Гершбаума.

«Какие выводы можно сделать из этой записи?» — сказал Задер.

«Похоже, имеются неопровержимые доказательства того, что подсудимый и погибший вошли в квартиру вместе. Только один из них ушёл живым. При обыске в квартире никого больше не оказалось. Таковы факты. Подсудимый — единственный человек, который мог застрелить жертву».

«Спасибо», — сказал Задер.

По цифровому индикатору, появившемуся внизу экрана, я увидел, что запись с камеры в коридоре у квартиры Дэвида на этом DVD длилась ещё восемь часов. Медрано, вероятно, просто скопировал всю запись за сутки на диск. Я мог бы использовать против него показания самого Задера.

«Будет ли перекрестный допрос?» — спросил

судья Роллинз.

Я встал и начал задавать серию банальных вопросов, чтобы разговорить Моргана, чтобы он раскрепостился и успокоился. На предварительных слушаниях полицейские привыкли к длительному перекрёстному допросу, который ни к чему не приводит. Просто попытка поймать момент.

Я закинул удочку.

«Детектив, во сколько вам позвонил диспетчер о возможном убийстве в Центральном парке Одиннадцать?»

Прежде чем ответить, он, с разрешения, сверился со своими записями. «Я записал: двадцать двадцать семь».

«А во сколько вы прибыли на место преступления?»

«Двадцать тридцать восемь», — сказал он со вздохом, гадая, как долго ему придется сидеть в кресле, отвечая на бессмысленные вопросы.

«Когда вы прибыли на место происшествия, каковы были ваши первые действия?»

«Я оцепил место происшествия. Убедился, что весь персонал покинул квартиру, и открыл журнал регистрации убийств».

«Что?» — спросил судья.

«Журнал, ваша честь. Мы регистрируем вход и выход сотрудников с места происшествия, важные события, назначаем допросы, записываем принятые решения. Это основа нашей процедуры расследования убийств; это Библия, в которой записано наше расследование, и это отправная точка для цепочки доказательств».

Роллинз сделал пометку.

Я взял у Задера пульт от телевизора и переслал запись с момента прибытия Моргана.

— Значит, в двадцать пятьдесят одну минуту, судя по записям камеры видеонаблюдения, вы и ваш напарник, детектив Элджин, были единственными сотрудниками в квартире?

Он проверил журнал, все еще глядя в камеру.

"Правильный."

«Что вы сделали после того, как вошли в квартиру?»

«Я осмотрел квартиру, убедился, что она пуста. После этого я осмотрел тело. Сначала я осмотрел раны и установил, что жертве были нанесены множественные огнестрельные ранения в затылок и два выстрела в поясничную область».

«Что вы сделали дальше?»

«Я заметил небольшую выпуклость в заднем кармане брюк жертвы. Подумал, что это может

быть кошелёк или бумажник, поэтому вынул его из кармана жертвы и осмотрел».

«И что же это было?»

«Розовый кожаный бумажник. В нём лежали читательский билет, водительские права, банковская карта для текущего счёта и около восьмидесяти пяти долларов наличными».

«Имя на карточках?»

«Клара Риз».

«Когда DMV выдало водительское удостоверение жертве?»

Его голова откинулась назад, а глаза широко раскрылись от удивления из-за бессмысленности вопроса.

«У меня есть лицензия, Ваша честь. Могу ли я на неё сослаться?»

Задер протянул руки к судье, умоляя: «Ваша честь, это уже настоящая рыбалка. Это нужно прекратить немедленно».

«Я склонен согласиться с окружным прокурором, мистером Флинном. Я дал вам некоторую свободу действий, но не вижу здесь никакой связи», — сказал Роллинз.

«Это крайне актуально, и мне достаточно трёх вопросов, чтобы подтвердить эту актуальность. Если после трёх вопросов вы не увидите актуаль-

ности, я продолжу».

Он обдумал это, вздохнул. Опустив руки и хлопнув себя по бёдрам, Задер изо всех сил старался выглядеть рассерженным.

«Очень хорошо. Три страйка, и вы вылетаете, мистер Флинн», — сказал судья Роллинз.

Я подождал, пока Морган принес вещественные доказательства у другого офицера и показал удостоверение, запечатанное в прозрачный пакет для улик. Перевернув удостоверение, не вынимая его из пакета, он прищурился, разглядывая пластик.

«Дата выдачи — тридцатое августа прошлого года».

«Спасибо», — сказал я, поймав Роллинса, когда он щёлкал по странице. Он считал мои вопросы — у меня оставалось два.

«Когда был открыт расчетный счет жертвы?»

Он вытащил из сумки рядом с собой блокнот и полистал его, облизывая большой палец перед каждой страницей, убивая время и растягивая мой перекрёстный допрос. Примерно через полминуты он нашёл нужную страницу в своём блокноте.

«Тридцатого августа?» — спросил он. На этот раз он не объявлял дату. Он подвергал сомнению

записку.

«А когда был выдан читательский билет?»

Ему снова пришлось искать читательский билет, и он нашёл его в пакете для улик. Он прочитал дату и посмотрел на меня.

Его брови сошлись на переносице, когда он сказал: «Тридцатого августа прошлого года».

«Ваша честь, мне нужно еще немного времени», — сказал я.

Судья Роллинз был заинтригован.

«Небольшая свобода действий, мистер Флинн, но не большая», — сказал он.

«Детектив Морган, это не тот случай, когда жертва потеряла кошелек или что-то подобное?»

«Я не могу сказать этого наверняка», — сказал Морган.

«Её банковский счёт, водительские права и читательская карта были созданы в один и тот же день в прошлом году. Ведь эти счета и права не существовали уже, и это были просто карты-заменители, не так ли?»

"Нет."

«Все удостоверения личности Клары Риз были созданы несколько месяцев назад, всего за несколько недель до ее встречи с Дэвидом Чайлдом, верно?»

«Я так думаю», — сказал он.

«Итак, на основании этих доказательств вы смогли опознать жертву?»

«Более того. После того, как судмедэксперт осмотрел жертву, её перевернули,Я нашёл у неё мобильный телефон. На телефоне были установлены приложения для социальных сетей Twitter и Reeler, и в каждом из них был зарегистрирован аккаунт Клары Риз. Впоследствии мы обнаружили на телефоне цифровую фотографию, опубликованную в этих аккаунтах. На фотографии была изображена Клара Риз с новой татуировкой фиолетовой ромашки на правом запястье. Тело, найденное на месте преступления, также имело свежую татуировку в том же месте. Благодаря этому мы получили довольно убедительные данные о её личности, и, в сочетании с водительскими правами и картой банкомата, мы опознали нашу жертву. Кроме того, по записям с камер видеонаблюдения, запечатлевших её вход в здание, охранник опознал Клару Риз.

Он прочистил горло, сел и пошел в атаку.

«Мы не смогли провести официальную идентификацию тела, поскольку благодаря вашему клиенту у Клары Риз больше не было лица».

Я услышал, как Задер резко вздохнул. Он при-

крыл глаза и выдавил из себя большую букву «О» — словно только что наблюдал, как Шугар Рэй Леонард врезал балерине в больницу.

Роллинз, казалось, поморщился, но, по крайней мере, осмелился сказать: «Детектив Морган, я вижу, что вы, несомненно, увлечённый и преданный своему делу полицейский, но, пожалуйста, оставьте вопросы о виновности в стороне. Вы — свидетель, дающий неопровержимые доказательства. Вы здесь не для того, чтобы приводить аргументы».

«Прошу прощения, Ваша честь».

Я двинулся дальше, позволив Задеру подумать, что я получил удар. Следующие десять минут я рассказывал Моргану о прибытии судмедэксперта, Нобла и трёх его криминалистов, двух парамедиков, которые доставили тело в морг. При прибытии каждого человека я просил его свериться с журналом регистрации убийств, чтобы проверить время прибытия каждого, пока мы просматривали записи с камер.

«И вы заполняли журнал на месте происшествия?»

"Да."

«Где именно?»

«Кажется, я стоял в гостиной и заканчивал за-

пись в журнале».

«А согласно журналу осмотра места преступления, когда офицер Нобл и его команда покинули место преступления?»

«Э-э, одиннадцать пятнадцать».

Я нашёл нужную запись и включил видео, где офицер Нобл и ещё трое человек в белых комбинезонах выходят из квартиры. Только на записи было указано время: одиннадцать шестнадцать. Однако разница во времени между записью в журнале и камерой оказалась не самой интересной.

«А парамедики?»

Он пролистал страницу журнала и сказал: «Одиннадцать ноль девять».

Мы наблюдали через камеру в холле, как примерно в одно и то же время парамедики уносили тело, упакованное в черный мешок и положившее его на носилки.

«А судмедэксперт?»

«Десять сорок пять».

Я снова включил запись того, как высокий медицинский работник уходит.

«Помимо вас и вашего напарника, офицер Нобл и его команда были последними, кто ушёл в одиннадцать пятнадцать?»

Он не торопился, проверяя записи.

«Это верно».

«А во сколько вы с партнером ушли?»

«Мы ушли вместе в одиннадцать двадцать семь. Перед уходом я поговорил с начальником службы безопасности здания, чтобы убедиться, что он понимает, что квартира опечатана».

Мы наблюдали, как Морган и его более молодой партнёр разговаривали с Медрано. На двери была натянута синяя клейкая лента, обозначающая место преступления. Камера зафиксировала, как они ушли в одиннадцать двадцать восемь.

«Значит, к половине двенадцатого все ваши сотрудники уже ушли, и квартира пустует?»

«Совершенно верно», — сказал Морган, сдерживая зевок.

Я перемотал на одиннадцать пятьдесят одну. Вид с камеры снаружи квартиры.

«В таком случае, не могли бы вы сказать мне, кто это выходит из квартиры в одиннадцать пятьдесят одну?»

Это был кто-то худой, в белом защитном костюме и с сумкой в руках. Они вышли из квартиры, проскользнув под ленту, ограждающую место преступления. Они закрыли за собой дверь и направились к лестнице.

Он проверил журнал.

«Не уверен. Я закрыл место преступления на ночь. Возможно, это кто-то из криминалистов», — сказал он, всё ещё не проявляя интереса, полагая, что я ни к чему хорошему не приведу.

«Но мы только что наблюдали, как офицер Нобл прибыл с тремя другими криминалистами, и видели, как они ушли, прежде чем вы с напарником закрыли место преступления. Вы сами зафиксировали время их ухода».

Он покачал головой и уставился на экран.

«Давайте скажем по-другому. Когда вы покинули место происшествия в одиннадцать двадцать семь, вы выключили всех остальных?»

Просматривая свои записи, он сказал: «Кажется, да».

«Похоже, вы всех вывели из системы, судя по кадрам, которые мы только что видели».

Он кивнул.

«Это значит да?» — спросил я.

"Да."

«Ни один из криминалистов, которых мы видели входящими в квартиру, не был таким же низким или худым, как человек, который вышел в защитном костюме. Разве не так?»

Морган проверил свой журнал, снова взглянул

на экран, где я остановил изображение.

«Я не уверен, что смогу опознать этого офицера».

«Вы согласны, что мы не видели, чтобы этот офицер входил в квартиру после убийства?»

Капля пота скатилась по щеке Моргана.

«Возможно, их не заметили в толпе», — сказал он.

«На только что показанной записи мы не видим, как этот человек входит в квартиру, не так ли?»

"Нет."

Судья Роллинз бросил ручку.

«Это к чему-то ведёт, мистер Флинн? Вы утверждаете, что конституционные права вашего клиента нарушаются из-за того, что действия этого офицера не зафиксированы?»

«Нет, Ваша честь».

«Тогда какой смысл освещать передвижения этого офицера?»

Дэвид сидел совершенно неподвижно, сложив руки на груди и не сводя с меня глаз, а Куч шепнул ему что-то подбадривающее.

«Ваша честь, человек, которого вы видите на записи с камер видеонаблюдения, — не настоящий полицейский. Это не фельдшер. Это не

специалист по осмотру места преступления. Это не сотрудник бюро судмедэкспертизы. На записи с камер видеонаблюдения этого человека нет, когда он входит в квартиру после убийства».

«Так кто же это?» — спросил Роллинз.

Прежде чем заговорить, я расставил ноги, выпрямил спину и позволил словам мягко и уверенно донестись до судьи.

«Ваша честь, защита считает, что этот человек — настоящий убийца. Этот человек убил Клару Риз».

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Я достал из сумки ещё один DVD и вставил его в проигрыватель. Я объяснил, что у защиты есть кадры из Центрального парка, и что, если потребуется, начальник службы безопасности Медрано подтвердит их подлинность. Я переслал запись с места событий, начиная с двух часов дня, накануне убийства. Кадр из лифта. Он был полон людей. Среди них была Клара Риз, совершенно спокойная и явно не проявляющая никаких признаков клаустрофобии.

Я невольно взглянула на Дэвида. Он увидел Клару, спокойную и собранную в переполненном лифте. Он знал, что она солгала ему о своей клаустрофобии. Я наблюдала, как Клара выходит из лифта с коробкой своих вещей, а другая женщина, с таким же цветом волос, такой же причёской и длиной, как у Клары, таким же телосложением и цветом кожи, помогла ей донести коробку до квартиры Дэвида.

«Это Клара Риз, переезжающая в квартиру ответчика. Ей помогает другая женщина».

Я замерла, когда другая женщина вошла в квартиру с последней коробкой. Я перемотала на

двадцать минут вперёд и увидела, как из квартиры выходит только Клара Риз.

«Другая самка все еще в квартире?»

«Да, судя по этим кадрам, это верно», — сказал Морган.

«Вы видели эту запись?»

«Не так давно, нет. Мы поняли, что квартира была пуста до того, как обвиняемый и жертва прибыли в тот вечер. Служба безопасности здания обыскала квартиру. Сотрудники полиции Нью-Йорка в форме обыскали квартиру.мент. Я сам обыскал квартиру. Она была пуста, если не считать тела жертвы. Нам не нужно было просматривать записи за столь ранний период. За несколько минут до убийства жертва и обвиняемый вместе входят в квартиру. Обвиняемый уходит. Он был последним, кто видел её живой. Он оставил её тело в своей пустой квартире — там больше никого не было, поэтому нам не нужно было просматривать записи предыдущего дня.

Люди верят тому, что видят.

Я нажал на ускоренную перемотку, пропуская десять минут времени камеры каждую секунду. Если на этаже никого не было в течение часа, свет приглушался. Энергосберегающая система. Поэтому было легко увидеть, когда кто-то выхо-

дил из лифта, когда зажигался свет. Я остановил отснятый материал в семь тридцать вечера, когда Дэвид и Клара вместе пришли в квартиру. Снова в девять пятнадцать вечера, когда Гершбаум пришел в свою квартиру. После этого никакого движения до утра, когда Клара и Дэвид ушли около девяти утра, а Гершбаум немного раньше. Ничего до того вечера. Когда Гершбаум вышел из лифта, я поставил на паузу, перемотал назад и позволил отснятому материалу воспроизводиться, пока он не вошел в свою квартиру, затем снова нажал на ускоренную перемотку, пока Дэвид и Клара не вышли из лифта для своего последнего визита в квартиру.

«Детектив Морган, судя по этой записи, женщина, которую мы видели вошедшей в квартиру накануне, все еще находится там».

Глубокий вдох, вырвавшийся из груди с медленным, гневным вздохом.

"Да."

Судья Роллинз наклонился вперёд, внимательно разглядывая запись, словно я только что показал ему фокус, а он пытался его разгадать. Я вынул DVD и заменил его другим.

«Ваша честь, это кадры, которые ФБР получило вчера вечером из здания Central Park Eleven.

Изображение с небольшой камеры, спрятанной в вентиляционном отверстии на восточной стене. Эта камера снимает лестницу».

На записи видно, как Дэвид и Клара входят в квартиру, и я перемотал ее вперед до 20:00, когда открылась входная дверь.

«Первое, что вы заметите, — это часы. Судя по записи на этой камере, обвиняемый вышел из квартиры за целых две минуты до звонка мистера Гершбаума в службу безопасности. И, если вам интересно, эти часы *синхронизированы* с часами в журнале безопасности. Я покажу вам эту запись, детектив Морган, и прошу вас внимательно посмотреть».

Я нажал «Воспроизвести». В комнате стояла полная тишина. Я слышал, как крутится диск.В плеере скрип кресла Роллинса, когда он напрягся, стук ручки Задера по его губам, слабое жужжание электрических камер. Около двухсот человек молча наблюдали за происходящим.

Все, кроме одного.

Из глубины корта за мной наблюдал Делл.

На экране Дэвид помедлил, повернулся к двери, затем остановился, обернулся, надев наушники, и направился за пределы кадра к лифту.

«Ты видел?» — спросил я.

«Что я увидел? Я не совсем понимаю, о чём вы говорите», — сказал Морган.

«Давай посмотрим ещё раз. На этот раз я смогу замедлить».

Я включил запись ещё раз. В этот раз я услышал, как ахнул оператор новостей, а один из помощников помощников поднял руки, но потом вспомнил, где находится, и скрестил их на груди. Однако он не смог скрыть удивления на лице.

«Я все еще не понимаю, о чем вы говорите», — сказал Морган.

«Я тоже», — сказал судья Роллинз, но без всякого возмущения в голосе, только с любопытством. Я предупредил их обоих.

«Детектив, ваша честь, не смотрите на подсудимого. Смотрите мимо него. Посмотрите в зеркало».

DVD снова запустили, всё ещё в замедленном режиме. На этот раз они не могли его пропустить.

Дэвид закрыл за собой дверь, сделал несколько шагов и остановился, и я подумал, не сопротивляется ли он искушению обернуться и убедиться, что дверь заперта. Но нет — он остановился, потому что что-то почувствовал. Прежде чем он обернулся, зеркало в коридоре рядом с маленьким столиком задержало отражение двери. Оно

появилось там всего на секунду. Дверная ручка двинулась. Опустилась, затем поднялась. Кто-то по ту сторону двери проверил, заперта ли она.

Пока все смотрели на экран, я на мгновение остановился и взглянул на Задера. Он встретил мой взгляд — он знал, что это игра.

«Детектив, дверные ручки сами по себе не двигаются. В этой квартире кто-то жив и здоров».

Морган не смог ответить. Вместо этого он виновато посмотрел на Задера, подняв руки ладонями вверх. *Извините, мы пропустили этот момент.*

«Детектив Морган, судя по записям с камеры, Дэвид Чайлд покинул квартиру ровно в двадцать два. За две минуты до того, как мистер Гершбаум услышал выстрелы и вызвал охрану?»

«Если временная метка на этой записи и время звонка в службу 911 точны, то да».

«Этого времени более чем достаточно, чтобы преступник мог вытащить тело изв комнате страха, где, судя по остаточным пятнам крови, ей выстрелили в спину, отвести ее на кухню и выстрелить ей в голову?

Стиснув зубы, Морган прошипел «да».

«У преступника было дополнительное время — целых четыре минуты, прежде чем охрана вошла в квартиру, — чтобы выстрелить через окно, вы-

бросить пистолет в парк и попасть в убежище».

«Это одна теория».

У меня оставался последний бросок кубика. Осталось добавить ещё одно доказательство в общую картину.

«Детектив, как следователь, вы поручили независимому эксперту провести анализы остатков огнестрельного оружия на образцах, взятых с лица, одежды и рук обвиняемого?»

Он посмотрел на Задера, боясь, что тот скажет что-то не то.

"Я сделал."

«И результаты этих тестов содержатся в отчете доктора Портера?» — спросил я, показывая его работу.

"Да."

«Прокуратура не собирается опираться на этот отчет на данном слушании, верно?» — спросил я.

Его рот двигался, словно рыба, внезапно выпрыгнувшая из чаши в камин. Задер встал и обратился к судье.

«Ваша честь, на этот отчет нельзя полагаться».

«Я хотел бы приобщить этот отчет к доказательствам, Ваша честь, вместе с этой научной статьей».

«Позвольте мне прояснить ситуацию. Вы хоти-

те полагаться на отчёт прокуратуры?» — спросил Роллинз.

Я передал копии секретарю, который поставил на них печать и передал их судье.

«Детектив Морган, обвинение ранее пыталось опираться на это доказательственное заключение доктора Портера, в котором сделан вывод о том, что на теле обвиняемого было обнаружено большое количество следов пороха?»

«Да, так оно и было, но мы больше не хотим на это полагаться».

«Почему бы и нет?» — спросил судья.

«Потому что доктор Портер признал, что материал, вероятно, не был ГСР, а остатками материала, попавшего на ответчика после взрыва, который привел к срабатыванию подушек безопасности в его автомобиле».

Я почти его поймал, осталось совсем немного.

«Сначала доктор Портер полагал, что это был GSR, верно?» — спросил я.

«Именно это он и говорил в своём отчёте, пока вы не обратились к нему. Потом он передумал», — сказал Морган.

«Детектив, если кто-то хочет, чтобы все выглядело так, будто он покрыт GSR, то попадание в автомобильную аварию со сработавшими

подушками безопасности может оказаться достаточным, чтобы обмануть такого эксперта, как доктор Портер».

«Может быть».

«Справедливости ради надо сказать, что доктор Портер не читал научное исследование о сравнении подушек безопасности и GSR, которое обнаружила защита, не так ли?»

«Нет, не видел».

«Если бы кто-то обладал такими знаниями и подстроил автомобильную аварию, он мог бы создать впечатление, что у водителя транспортного средства был GSR?»

"Я не знаю."

Кеннеди передал мне копии пропуска, полученного им на конференции Интерпола; копии были отправлены ему по электронной почте. Я раздал копии и наблюдал, как Задер побледнел. Ни Морган, ни судья ещё не уловили связи.

«Это удостоверение безопасности было получено на конференции Интерпола, где был представлен этот доклад. Его предоставил делегат, присутствовавший на той лекции. Вы узнаёте человека на этой фотографии?» — спросил я.

«Не могу сказать, что знаю», — сказал Морган, но прозвучало это совсем неубедительно.

«Позвольте мне помочь вам; посмотрите на вещественное доказательство номер четырнадцать».

Роллинз нашёл нужное вещественное доказательство в пачке бумаг. Морган сделал то же самое.

«Удостоверение личности принадлежит Саре Каллан. Сравните фотографию на удостоверении с фотографией Клары Риз в вещественном доказательстве номер четырнадцать, фотографией профиля Клары Риз, взятой из её аккаунта на Reeler. На видео явно изображена та же женщина, которая сопровождает обвиняемого в его квартиру, и, без сомнения, это та же молодая женщина на фотографии в удостоверении личности Сары Каллан, верно?»

Тишина. Судья ответил на вопрос, адресованный Моргану.

«Это одна и та же женщина. Клара Риз и Сара Каллан — одно и то же лицо», — сказал Роллинз.

Ни один опытный детектив, дающий свидетельские показания, не станет спорить с судьей.

«Похоже, что так оно и есть, Ваша честь», — сказал Морган.

«Детектив, текущий счет, читательский билет, водительские права — все этовыданный в тот же

день в прошлом году, может быть, кто-то создает историю под чужой личностью?

«Я не знаю», — сказал он.

«Конечно. Вы из полиции Нью-Йорка. Полиция никогда не создавала фальшивые документы для тайных агентов, не так ли?»

Даже судья Роллинз улыбнулся, услышав это.

«Это возможно», — сказал он.

«У вас не было совпадений по ДНК или отпечаткам пальцев с телом в квартире, не так ли?»

"Нет."

«И лицо жертвы было стерто, поэтому вы не смогли опознать тело?»

Он кивнул.

Роллинс перебил меня. «Что это значит, мистер Флинн?» — спросил он.

Вот он, тот самый момент. Вот он, мой шанс. Я вздохнула, отложила документ и положила руку Дэвиду на плечо. Он качался взад-вперёд на стуле, тряс головой, глаза его были полны слёз. Я поддержала его.

«Ваша честь, защита считает, что Сара Каллан использовала фальшивое имя, чтобы обвинить Дэвида Чайлда в убийстве. В её убийстве».

«Что?» — спросил Роллинз.

Я поменял DVD-диски и нашел изображение

фигуры в защитном костюме, выходящей из квартиры как раз в тот момент, когда кто-то пробирался через ленту, ограждавшую место преступления.

Ваша честь, человек на этом видео — тот, кто совершил убийство в этой квартире. Это тот же человек, который посетил лекцию в Париже во время конференции Интерпола, посвящённую сходству между остатками срабатывания подушки безопасности и GSR, под именем Сара Каллан; тот же человек, который три месяца спустя выдал себя за Клару Риз; тот же человек, который три недели спустя познакомился и начал встречаться с миллиардером Дэвидом Чайлдом; тот же человек, которого мы видели входящим в квартиру с похожей на него молодой женщиной, а затем выходящим из неё в одиночестве за день до убийства. Мы пока не знаем личность настоящей жертвы, но я полагаю, что Клара Риз — или Сара Каллан — всё ещё жива, поскольку именно она обладала неясными экспертными знаниями, позволяющими получить убедительный ложный положительный результат GSR, и я полагаю, что она организовала автокатастрофу, чтобы предоставить обвиняемому эти ложные доказательства. Настоящая жертва была застрелена в

комнате страха. Эта комната звукоизолирована, и там легко можно было спрятаться. Лицо настоящей жертвы было изуродовано огнестрельными ранениями, так что её невозможно было опознать. Временной размер на вентиляционной камере совпадает сСогласно записи в журнале системы безопасности здания, обвиняемого не было в квартире, когда раздались выстрелы. И мы знаем, что кто-то был жив и двигался в квартире после того, как мистер Чайлд ушёл — дверная ручка двигалась. Мы все это видели. Вот она на экране, покидает место преступления. Это была очень изощрённая, но в конечном итоге провалившаяся попытка обвинить мистера Чайлда в убийстве.

«С какой целью?» — спросил Роллинз.

«Ваша честь, мистер Чайлд — один из самых богатых людей в этом городе». На этом я и остановился, предоставив Роллинзу заполнить пробелы. Пусть он поверит в ложь. Дэвида, конечно, подставили, но шантаж тут ни при чём. В удостоверении личности Сары Каллан она значилась как госслужащая, что может означать всё, что угодно, но библиотекари вряд ли станут посещать лекции Интерпола.

Морган смотрел в потолок, пытаясь все осо-

знать. Вскоре он вышел из своего задумчивого состояния, когда судья обратился к нему напрямую.

«Детектив, мне больше ничего не нужно слышать. Господин Задер, я полагаю, детектив был вашим последним свидетелем?»

Окружной прокурор был на ногах, готовый к спасательной операции. Он понимал, что Роллинс вынесет решение не в его пользу. Видеозапись движения дверной ручки стала последней каплей.

«Да, судья. Это просто смешно. Подсудимый мог организовать эту сложную схему так же легко, как и любой предполагаемый…»

«У вас есть доказательства этого, мистер Задер?» — спросил Роллинз.

«Нет, Ваша честь, сейчас нет, но…»

«Тогда я предлагаю вам пойти и провести расследование. Похоже, мистер Флинн представил множество доказательств, которые полиция либо проигнорировала, либо просто проигнорировала. И я не впечатлён офицером Джонсом и его откровенной попыткой ввести суд в заблуждение. Учитывая видеозапись, которая, несомненно, доказывает, что кто-то ходил по квартире после ухода мистера Чайлда, а также несоответствие

временных характеристик звонка в службу 911 и журнала видеонаблюдения, а также принимая во внимание неоспоримые показания Гершбаума, я считаю, что в настоящее время нет достаточных доказательств того, что подсудимый находился в квартире в момент стрельбы. Доказательств для предъявления подсудимому текущего обвинения недостаточно, и, соответственно, я выношу решение в пользу защиты. Мистер Задер, если вы уверены в этих обвинениях, у вас всегда будет большое жюри. Я не убеждён — дело прекращено».

Звук, с которым судья Роллинз отодвигает стул, когда он встает и закрывает свою записку.Книга, и выход из зала суда затерялись в восторженном гуле толпы. То, что обещало стать судебным процессом по делу об убийстве знаменитости и стать темой для новостей на несколько месяцев, теперь превратилось в заговор, раздуваемый тайной убийства знаменитости, которая, как знали журналисты, будет преследовать страну долгие годы, или, точнее, СМИ будут преследовать общественность статьями, размышляющими о личности настоящего убийцы.

Я почти не слышала, как Дэвид плачет. Холли прижимала его к себе. Его плечи содрогались от

восторга освобождения, свободы, побега и потери. Он снова потерял её, потому что жизнь с Кларой была ложью. Клары Риз не существовало. Жизнь, которая лежала перед ним, была пугающей и неопределённой, но, по крайней мере, он мог что-то из неё сделать.

«Дэвид, не оплакивай Клару. В ночь убийства она сказала тебе, что в лифте сходила с ума из-за клаустрофобии. Ты видел запись из лифта за день до этого. Клаустрофобии у неё не было. Она подставила тебя: сделала вид, будто ты её напугал, и дала тебе мотив».

Он кивнул и выпрямился.

Я услышал, как Задер подошел ко мне сзади.

«Готовьтесь к третьему раунду», — сказал Задер.

«Я так не думаю», — сказал я.

«Поверьте. У нас уже готово большое жюри. Через двадцать минут я буду допрашивать тех же свидетелей. Жаль, что у нас нет времени ждать стенограммы этого заседания. Ни один ваш перекрёстный допрос не дойдёт до большого жюри. Я получу обвинительное заключение. Вам даже нет смысла там присутствовать — вы не можете задавать вопросы или выступать с речами. Просто предоставьте это мне. Я обязательно позвоню

вам и сообщу, что произошло».

«Большое жюри не вынесет вам обвинительное заключение. Я знаю это. Но в одном вы правы: меня не будет на слушании. А его будет», — сказал я, указывая на Куча.

«Жаль, что он не может провести перекрестный допрос свидетелей», — сказал Задер.

«Ему и не придется», — ответил я, и с этими словами Куч подошел к скамье, взял у клерка компакт-диск и присоединился к моему разговору с Задером.

«Господин Кушерон, — сказал я, объясняя Задеру, — страдает от плохого слуха. Он носит слуховой аппарат. Прямая трансляция с этого аппарата записывается на цифровую камеру и доступна господину Кушерону в любое время. Он не может допрашивать ваших свидетелей или произносить речь — вы правы, — но он может воспроизвести эту запись. Она заверена судом».

Я бросил диск в лицо Задеру. Он быстро среагировал и поймал его.

«Я только что вручил вам диск в открытом суде перед камерами. Господин Кушерон сообщит мне, если вы его не воспроизведёте. Если я узнаю, что вы этого не сделали, я потребую предъявить *вам* обвинение в прокурорском мо-

шенничестве и злоупотреблении служебным положением. Удачи вам с обвинением».

«Чёрт возьми», — сказал Задер. Он повернулся к своей свите и сказал: «Отложите заседание большого жюри на месяц». Я ушёл, Куч, Холли и Дэвид пошли следом. Я услышал, как Задер крикнул мне вслед: «Это ещё не конец».

Проверил телефон: одно сообщение от Ящера: *ФБР зачистило здание. Внутри двое агентов с Кристиной. С ней всё в порядке.*

Я изо всех сил старался держаться, продолжать идти и не рухнуть от облегчения. Но это ещё не конец.

Плотная стена репортёров, казалось, не двигалась с места при моём приближении. Камеры ослепляли, быстрые вопросы терялись в потоке голосов, а умоляющие руки, протянутые микрофоны и диктофоны слились в единую, голодную бурлящую массу. Что-то происходило в конце толпы; репортёры расступились, и двое мужчин в костюмах прорвались сквозь толпу. Один из них протянул мне наручники. Оба были в тёмных костюмах, обоим было около тридцати, подтянутые и с властной походкой. Это были те самые мужчины, которые привели Кристин в суд. Один был латиноамериканцем, а другой — мерзавцем;

мерзавец носил очки-авиаторы и выглядел так, будто наслаждался происходящим. Я чуть было не протянул руки к наручникам, но они прошли мимо меня, и латиноамериканец набросился на Дэвида. С каждым щелчком и щелчком наручников на запястьях Дэвида шум и вспышки камер становились всё громче. Дэвид качал головой, отстраняясь, его мир рушился перед ним, словно гнилые половицы, засасываемые землей.

«Эй. Это мой клиент, и судья только что его отпустил. Какого чёрта ты творишь?»

«Домингес, сотрудник Казначейства США. Я его арестовываю».

"За что?"

«Кража в особо крупном размере», — ответил он и приступил к перечислению прав Дэвида.

«Что? Это чушь собачья», — сказал я.

Объяснение раздалось где-то позади меня. Это был Делл, шепчущий мне на ухо.

«Я же говорил тебе не попадаться на удочку этого парня. Ты всё испортил. Он тебя обманул, Эдди. Твой клиент только что украл семь с половиной миллиардов долларов».

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Пока мы мчались по Манхэттену на заднем сиденье чёрного внедорожника, я прокручивал в голове все улики, все ходы Джерри Синтона и всё, что мне говорили за последние сорок восемь часов. Дэвид жевал губу, одновременно злясь и боясь. Мне было трудно отвести от него взгляд. Снова и снова одна и та же мысль громко звучала в моей голове.

Меня обманули.

Для бывшего мошенника эта мысль была источником немалого стыда. Несмотря на то, что это было злом, несмотря на гибель людей, я всё равно не мог не восхищаться его гениальностью. Возможно, это было самое грандиозное мошенничество, с которым я когда-либо сталкивался.

И это было проделано со мной.

Внедорожник замедлил ход и затормозил на проезжей части. Празднование Дня Святого Патрика готовилось к вечеру. Сотни людей в зелёном и белом заполонили тротуар. Ирландские сувенирные лавки, киоски с хот-догами и кофейные киоски пробивались сквозь строй участников парада, соперничая за любую возможность ку-

пить что-нибудь в последнюю минуту. Парад прошёл полчаса назад. Нам потребовалось бы как минимум столько же, чтобы добраться до здания Лайтнера в таком потоке. Полиция Нью-Йорка вновь открывала дороги, и внедорожник прибавил скорость. Город готовился к Skyfest — фейерверку в День Святого Патрика, который начался в Дублине, а затем переместился из города в город. Париж уже провёл его в прошлом году, и Нью-Йорк хотел оставить свой след в этой традиции.

Я сидел рядом с Дэвидом в восьмиместном внедорожнике. Он выглядел оцепеневшим, качал головой и бормотал себе под нос. Я велел ему замолчать. Агенты казначейства сидели вПозади нас появились дополнительные места. Кеннеди сел спереди, рядом с Деллом, который был за рулём.

«Это полный бардак», — сказал Делл.

«Ваша операция вышла из-под контроля, — сказал Кеннеди. — Я здесь, чтобы убедиться, что вы не причините вреда ни одному мирному жителю в ходе этой вашей безумной миссии».

Делл бросил на него взгляд и сказал: «Можете быть уверены, после того, что вы вытворили, я поговорю с вашим начальником. Вы должны

быть моим вторым номером в этой оперативной группе. Вы должны сосредоточиться на фирме, а не на деле ребёнка».

«Куда мы едем?» — спросил я в третий раз. Я настоял на том, чтобы сопровождать Дэвида на досмотр, но знал, что его ни за что не привезут в участок или в ФБР. Я знал, куда мы направляемся, — мне просто нужно было подтверждение.

Dell предоставила его после пятого моего запроса.

«Трассировка алгоритма, которую дал нам ваш клиент, позволила нашей системе отследить деньги, как вы и говорили. Но четырнадцать минут назад система дала сбой. Незадолго до этого она сообщила, что все средства — почти восемь миллиардов — не поступили на счёт Бена Харланда, как планировалось. Вместо этого они были переведены на клиентский счёт Harland and Sinton. Имя клиента — «Дэвид Чайлд». Через сорок три секунды после поступления на счёт деньги исчезли. Сейчас мы едем в Harland and Sinton, чтобы встретиться с остальными членами команды, которые уже произвели аресты. Ваш клиент войдет в их систему учётных записей и расскажет нам, где спрятал деньги».

«Я не брал эти чёртовы деньги!» — закричал

Дэвид. Он был на грани новой панической атаки. Я тихонько заговорил с ним и крепко сжал руку. Боль усыпила его, заставила сосредоточиться.

Я прошептал ему: «Дэвид, скажи мне, что ты этого не делал».

Он выглядел так, будто тонул. Его глаза остекленели, и он просто покачал головой.

Было ли это лицо человека, ложно обвинённого во второй раз? Или лицо человека, укравшего мир? Я не мог сказать. Я позволил себе подойти слишком близко.

Я доверял своей интуиции. Я поддержал Дэвида. Я был почти уверен, что он не убийца. Украдет ли он восемь миллиардов долларов? Я понятия не имел. Я был с ним как его адвокат, и мы направлялись в здание, где держали Кристину. В тот момент меня волновало только одно: как бы вызволить оттуда жену.

«Пусть это произойдёт», — сказал я.

Он закрыл лицо руками, и я понял, что больше ничего не добьюсь от Дэвида.

Я набрал сообщение Ящерице.

Я уже еду. Ничего не делайте, пока я не дам добро.

«Ты единственный, у кого есть доступ к этому алгоритму, Чайлд. Ты изменил код прошлой

ночью, когда вошёл в базу данных Харланда и Синтона и отследил алгоритм. Это значит, что ты либо украл деньги, либо, по крайней мере, знаешь, где они. И мы не покинем это здание, пока ты не покажешь нам, что именно ты сделал и как мы отследим деньги», — сказал Делл.

Я посмотрела на Дэвида, он откинулся назад, вытер руки о штаны и дважды сдавленно вздохнул.

Дорога до офиса Harland and Sinton заняла час. Когда мы вышли из машины, вдали последние лучи дневного света уже исчезали за зданием Крайслер. У здания Лайтнер нас никто не ждал. Никого не было ни в приёмной, ни у лифта.

«Им положено держать это место под замком», — сказал Делл, доставая из кармана мобильный телефон. Пока мы ждали лифт, мне показалось, что я учуял знакомый запах.

Несвежие сигареты.

Лифт открылся, и агенты казначейства высыпали из дверей. Сквозь стеклянную перегородку я видел Кристину, сидящую в конференц-зале с двумя мужчинами. Делл повёл меня в большой конференц-зал, где центральное место занимал стол.

Феррар и Вайнштейн сидели за столом пе-

реговоров и пили кофе. Рядом с ними стояла Кристина, руки которой были прикованы наручниками спереди. Я подбежал к ней, но Феррар встал у меня на пути.

«Вы не можете к ней приблизиться. Она находится под стражей в федеральных органах», — сказал Феррар.

«Если ты не будешь двигаться, то попадешь в государственную больницу», — сказал я.

Рука на моем плече, Кеннеди.

«Эдди, успокойся. Это не поможет», — сказала Кристина. Грязные слёзы струились по её лицу. Она выглядела усталой, избитой, смирившейся с тюрьмой из-за фирмы. Я сбросил руку Кеннеди и двинулся к Кристине. Феррар потянулся за оружием, но остановился, поняв, что его ведущая рука всё ещё ужасно болит, и перехватил оружие левой рукой. Я оттолкнул его и обнял Кристину.

«Отпусти его, Феррар», — сказал Кеннеди.

Она положила руки мне на живот, и я обнял ее. Я чувствовалОна дрожала. Я поцеловал её голову и губы и крепко прижал к себе. Я прошептал: «Когда выйдешь отсюда, иди дальше и не возвращайся, что бы ни случилось. С Эми всё в порядке. Она с Кармель».

Она ничего не сказала, но я почувствовал, как

её ноги подкосились. Я крепко обнял её. Её поддерживала только тревога за Эми. Теперь, когда она знала, что наша дочь в безопасности, её тело было готово сдаться.

Делл обратился к Феррару и Вайнштейну: «Эй, где Шаффлер? Он должен быть внизу, прикрывать вход».

«Будь я проклят, если знаю», — сказал Вайнштейн.

«Коллеги ушли?» — спросил Делл.

«Все до единого. Джерри Синтон находится в соседнем офисе. Агент Паттон руководил рейдом. Он и провёл арест. В остальном всё здание чисто», — сказал Вайнштейн.

«Хорошо. Нам понадобится Синтон».

Вайнштейн связался по рации с агентом Паттоном и приказал ему привести Джерри Синтона в конференц-зал.

Делл потащил Дэвида за наручники вперёд и усадил его на стул в конце стола для совещаний. На столе стоял открытый ноутбук. Делл схватил его, поставил перед Дэвидом и велел Домингесу снять наручники.

«Найдите мне деньги», — сказал Делл.

Делл достал из кармана пиджака флешку и вставил ее в ноутбук.

«Это ваша программа, след для алгоритма. Это ваш единственный шанс. Может быть, всё будет легко, а может, и сложно. Я спрошу только один раз: скажите, куда вы отправили деньги».

Я повернулся спиной к окну конференц-зала, и на секунду взгляд Кеннеди встретился с моим. Кристин прижалась ко мне ещё ближе.

«Я не брал деньги. Они должны были поступить на новый счёт на имя Бена Харланда — таков был результат отслеживания. Я сам проверил. Если кто-то и изменил конечный получатель, то это был не я. Вот, сейчас покажу. Я отследю».

Его пальцы быстро работали по сенсорным клавишам. Никто не произнес ни слова. Я слышал только голос Кристины: её грудь трепетала, словно испуганная птица, когда она дышала.

«Что это, чёрт возьми, такое?» — воскликнул Дэвид. Кеннеди наклонился к нему через плечо.

«Боже мой, это вирус», — сказал Дэвид. «Он пожирает данные. Он сжигает всё — и здесь, и в банке. Я заперт. Я ничего не могу сделать», — сказал он.

«Вы запустили вирус в систему?» — спросил Делл.

Дэвид открыл рот, широко раскинул руки. Он дрожал от страха. Он повернул экран. Изобра-

жение было размытым и застывшим — искаженным.

Вытащив диск из ноутбука, Дэвид поднес его к Деллу и сказал: «Вирус попал с этого диска. Он загрузился сразу же, как только я его открыл».

«Чушь собачья. Ты всё это время водил нас за нос», — сказал Делл, выхватывая флешку у Дэвида. «Это улика. Это был твой последний шанс. Всё, Дитя, ты пропал».

Дэвид встал, гнев заставил его выпрямиться.

«Я ничего не сделал».

«Чёрт возьми!» — сказал Делл, захлопывая крышку ноутбука. «Кеннеди, Феррар, Вайнштейн, арестуйте Кристин Уайт и Чайлда. Предъявите обвинения обоим. Уайту по всему спектру — отмывание денег, рэкет, всё, что он там ест. Чайлда за хищение в особо крупном размере и любые обвинения по закону RICO, которые только сможете придумать. Либо он прячет деньги для Джерри Синтона, либо украл их для себя. В любом случае, он даст показания в федеральной тюрьме. Заберите их. Эдди, оставайся здесь. Мне нужно знать, что Дэвид рассказал тебе об алгоритме. Не уверен, что ты всё это время не мошенничал. Если я узнаю, что ты что-то знал об этом, ты будешь сидеть в одной камере со своим клиентом».

«Иди», — сказал я Кристине. «Я найду тебя и вытащу».

«Всё это неправильно», — сказал Кеннеди. Но Делл не слушал. Кеннеди, Феррар и Вайнштейн неохотно повели Кристину и Дэвида к лифту, Дэвид же уверял, что невиновен. Я был благодарен Кеннеди, когда он осторожно вёл Кристину в лифт. Она опустила голову и покачала ею, вытирая новые слёзы, не в силах позволить кому-либо увидеть её такой. Я видел, как напряжены мышцы на челюсти Кеннеди. Его взгляд был прикован к Дэвиду. Двери лифта открылись и поглотили их.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Домингес вышел по лестнице. Он собирался дежурить на ресепшене и охранять здание. Его напарник поправил солнцезащитные очки и взял кофейник. Налил себе чашку, сел за стол переговоров. Делл повернулся и ударил кулаком по стеклянной перегородке конференц-зала. Крупный лысый мужчина в синей футболке, которого я принял за агента Паттона, провёл Джерри Синтона в конференц-зал. На запястьях Джерри были стяжки. Агент Паттон стоял позади него, положив руку ему на затылок, прижимая голову к земле.

«В здании больше никого нет?» — спросил Делл.

Услышав голос Делла, Синтон поднял голову и встретился взглядом с Деллом.

«Все чисто и безопасно, мистер Делл», — сказал агент Паттон.

«Что он здесь делает?» — спросил Синтон, глядя на меня. Он потерял пиджак. Кабельные стяжки перекрывали кровообращение в запястьях. Руки у него были красные — того же цвета, что и лицо.

«Ваш бывший коллега-адвокат мог бы помочь

мне прояснить некоторые моменты», — сказал Делл.

«Почему бы нам не поговорить наедине?» — предложил Синтон. Делл покачал головой.

«Не раньше, чем мы разберёмся с этим. Эдди, Синтон говорит, что у него нет денег. Он ждал, когда они поступят на счёт партнёра. Он убил партнёра, потому что знал, что деньги окажутся на счёте Харланда. Согласно их партнёрскому соглашению, в случае исчезновения партнёра, другой партнёр имеет доверенность на управление их финансами и делами партнёрства. Я полагаю, что Джерри собирался присвоить все восемь миллиардов и…Похоже, Бен Харланд забрал их и скрылся на своей яхте. Но Джерри не объяснил, почему тело Бена вчера выбросило на берег. Это создало для него проблему. Деньги пришлось перевести обратно, на другой счёт, который невозможно было отследить. Значит, либо Чайлд, либо Синтон. Или, может быть, они работают вместе. В любом случае, мы останемся здесь, пока кто-нибудь не скажет мне, куда они делись.

Синтон, конечно, был умён. Он мог убить своего партнёра, подставить его во всём деле и скрыться с деньгами. Изменил ли он свои планы, когда

нашли тело Харланда? Судя по тому, как Дэвид говорил об алгоритме, у меня сложилось впечатление, что его невозможно изменить, но всё зависело от того, говорил ли Дэвид мне правду.

Паттон нанес Синтону сильный удар ногой по ногам, от которого тот упал на колени.

Агент казначейства в темных очках подавил смех и сказал: «Вы слышали мистера Делла, говорите».

«Давай поговорим наедине», — сказал Синтон, умоляюще глядя на Делла. Агент Паттон снова пнул Синтона.

Зазвонил мой мобильный. Кеннеди.

«Подожди, Делл. Дай мне ответить». Я ответил на звонок. «Привет».

«Эдди, это Кеннеди. Слушай меня очень внимательно. Дэвид и Кристин в безопасности. Ты — нет. Что бы ты ни делал в следующие пять секунд, не реагируй на то, что я тебе сейчас скажу».

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

«Я слушаю, Куч», — сказал я.

«Хорошо», — сказал Кеннеди.

Сердце колотилось. Глаза закрылись. Глубокий вдох.

Делл покачал головой. Он не мог поверить, что у меня хватило наглости ответить на звонок и прервать его. «Ты можешь поверить этому парню?» — сказал Делл, махнув мне рукой.

Мне только что позвонил заместитель директора ФБР. Я запросил информацию о Саре Каллан, женщине, выдававшей себя за Клару Риз. Только что мне ответили на самом высоком уровне. Сара Каллан — псевдоним Софи Блан, сотрудницы ЦРУ. Она числится погибшей в прошлом году на Большом Каймане после вооружённого нападения на её кортеж, целью которого был свидетель по текущему расследованию.

«Куч, ты знаешь, что это значит?» — спросил я.

«Паттон, у Синтона было при себе оружие?» — спросил Делл.

Паттон вытащил из-за пояса «Глок» и передал его Деллу. Казначей в очках-авиаторах залпом выпил кофе.

«Мёртвые женщины не ходят на лекции по GSR. Делл нам солгал. Софи и Делл всё это подстроили вместе. Они собираются украсть деньги и обвинить Дэвида в убийстве и краже восьми миллиардов».

Всё, что я мог сделать, — это прикусить губу. Делл и его девушка подставили Дэвида в убийстве. Они хотели, чтобы он признал себя виновным, и тогда его посадят в тюрьму на смерть. И он точно умрёт, потому что они подставили его не только в убийстве, но и в краже самих денег. Это было блестяще.

Делл проверил оружие, которое ему дал Паттон. Вставил магазин и вставил его обратно.

«Что у окружного прокурора есть на этого парня?» — спросил я.

«У нас пока немного. Но достаточно, чтобы арестовать. Мы приближаемся. Полная тактическая атака. Подождите две минуты».

«Позвони мне, когда ответит окружной прокурор», — сказал я и положил телефон на стол.

Делл расставил ноги пошире, повернулся и небрежно выстрелил агенту Паттону в лицо. Казначей выронил кофе и свесил ноги со стола, а Делл всадил пулю ему в очки-авиаторы. Делл опустил пистолет и направил его на Синтона.

Я стоял по другую сторону стола, и, с его точки зрения, был безоружен и не представлял угрозы.

У меня было два варианта: хлопнуть в ладоши или сделать ход самому. Ситуация была слишком сложной, чтобы полагаться на кого-то ещё.

Я пригнулся, и через полсекунды запасной ствол Делла оказался у меня в руке, ствол был направлен через стол в голову Делла. Ствол всё ещё был тёплым, ведь он весь день пролежал у меня за спиной.

«Не двигайся», — сказал я. У меня было преимущество перед Деллом.

Руки у меня тряслись, спина вспотела. Прицел на затворе «Ругера» дрожал в моей руке, когда я пытался крепко его удержать, и я что-то увидел на оружии. Вернее, я ничего не увидел. На «Ругере» Делла не было серийного номера. Как и на орудии убийства. Единственный способ получить пистолет без серийного номера — это сообщить производителю, что вам так нужно. Правительство США могло бы это сделать, если бы не хотело, чтобы оружие выследили. Такое оружие использовалось ЦРУ в секретных операциях.

Делл посмотрел на пистолет в моей руке.

«Это моя часть. Я хочу её вернуть».

Никто не пошевелился.

«Делл, ты лживый сукин сын», — сказал Синтон.

Сотрудник ЦРУ заставил Синтона замолчать, нанеся ему удар в лицо.

«Руки вверх, Делл», — сказал я. Он отступил назад, направив ствол на Синтона, и медленно повернулся ко мне.

«Ты когда-нибудь кого-нибудь застрелил, Эдди? Это не так просто, как кажется. Тебе не обязательно никого убивать, и ты можешь уйти отсюда, понимаешь? Всегда можно договориться, верно? Но мне нужно понять, насколько много ты знаешь. И как…Сколько бы тебе стоило молчание? Я всажу Джерри две пули в голову. Видишь ли, Джерри Синтон только что убил двух агентов казначейства. Потом я уйду отсюда и встречусь с одним особенным другом. И этот друг может прислать тебе пятьдесят миллионов долларов. Ты получишь их завтра. Этот же друг проложит путь этим деньгам по счетам Джерри — скажем, семидесяти или восьмидесяти миллионов. И то же самое для Дэвида Чайлда, тебя, меня и твоей жены. Мы будем чисты и богаты. Так что скажи мне, что ты знаешь и стоит ли это пятидесяти миллионов?

— Нет… — сказал Синтон.

Я не спускал глаз с рук Делла, пока говорил. Мне нужно было время. Кеннеди уже ехал.

«Это стоит гораздо больше пятидесяти, Делл. Ты говорил мне, что Большой Кайман — это Панамский канал, где водятся грязные деньги. Полагаю, ты знал каждую операцию и неплохо заработал, снимая сливки. Но такой бизнес рискованный. Ты сам так говорил. Чем меньше людей задействовано, тем лучше. Думаю, Синтон придумал использовать технологии для перемещения денег, и он уволил тебя вместе с другими денежными мулами. Тебе это не понравилось. Думаю, Бернард Лангимер работает на ЦРУ — на тебя. Думаю, он твой закадычный друг. Ты уговорил его подставить Фарука, чтобы опереться на него и получить всю необходимую информацию, чтобы притвориться, будто ты охотишься на фирму. Фарук рассказал тебе об алгоритме, технологии, которая тебя заменила, поэтому ты хотел отомстить Дэвиду не меньше, чем фирме».

Делл кивнул и ухмыльнулся.

Сара, или Софи, или кто бы она ни была, создала Клару Риз, чтобы подобраться к Дэвиду. Она инсценировала смерть Клары, убив какую-то другую бедную девушку и стёрев ей лицо, чтобы копы не смогли опознать тело. Затем Клара спря-

талась в комнате страха, пока всё не расчистили, и вышла из квартиры в защитном костюме. Лэнгимер помог вам подставить Дэвида, подстроив автокатастрофу. Вы использовали меня, вы использовали Кристину и вы использовали Дэвида. Его арест привёл фирму к краху и заставил их запустить алгоритм. Они не хотели, чтобы Дэвид разговаривал с ФБР. Вам нужно было, чтобы фирма запаниковала и нажала кнопку стирки, чтобы вы могли дождаться, чтобы схватить всю кучу, когда она приземлится, подставив Дэвида в ограблении на восемь миллиардов долларов.

Если бы тебе нужна была информация от Дэвида, ты мог бы схватить его и напугать, чтобы он дал тебе всё, что ты хочешь. Нет, тебе нужен был простофиля. Тебе нужно было, чтобы Дэвид признал себя виновным в убийстве. Только поэтому ты и позвал меня. Дерьмо липкое, да? Ты сам мне это говорил. Никто не поверит, что Дэвид не крал деньги, после того как признал себя виновным в убийстве своей девушки.Ты не просто подставлял его для убийства. Ты подставлял его, чтобы он взял на себя вину за твоё ограбление. Всё дело было в деньгах. Схема Дэвида была тщательно продуманной и блестящей — стоила, наверное, восемь миллиардов. Вот насколько я знаю. Это

стоит гораздо больше пятидесяти, — сказал я.

«Ты сукин сын!» — закричал Синтон.

Делл обратил внимание на Синтона. «Ты заплатил мне за отмывку денег, но я тебе больше не нужен после того, как Чайлд придумал свой алгоритм. Мне не нравится, что меня увольняют из преступных организаций, которые платят мне за мои услуги; это плохой пример для всех остальных. Это величайшее ограбление всех времён. Разве ты не понимаешь? Я пустил тебя в бега, как зайца, а ты очень быстро убил своего бывшего партнёра. Должен сказать, мне это понравилось. Это облегчило нам жизнь. Как ты себя сейчас чувствуешь? Я беру всё на себя, Джерри».

Пистолет дрожал в моей руке. Раньше я никогда ни в кого не стрелял, но сейчас, похоже, настало подходящее время начать.

«Эдди, я сейчас нажму на курок. Для Джерри всё кончено. Не стреляй. Прежде чем я это сделаю, мне нужно знать: мы договорились? Сто миллионов — это честно?»

«Если это грязные деньги, зачем столько изощрённой подставы, Делл?» — спросил я. Мне нужно было выиграть время. Я не собирался сдавать Дэвида или кого-либо ещё, и я знал, что Делл убьёт меня при первой же возможности. Я знал,

что не стоило доставать пистолет. Мне следовало хлопнуть в ладоши. *Ну же, Кеннеди, где ты?*

«О, меня не волнуют копы. Нет, меня волнуют организации, которым принадлежат большие суммы. Картель уже прислал сюда своего человека, чтобы проверить. Единственный способ выжить — если они найдут кого-то другого, например, Дэвида Чайлда».

Лифт зазвонил, и двери открылись. Я поблагодарил Бога за то, что Кеннеди успел. Делл медленно повернулся, прикрывая пистолет рукой. У меня сжалось сердце, когда я увидел, что это не Кеннеди. В шести метрах от меня, перед лифтом, стояли двое последних людей на земле, которых я ожидал увидеть.

Фигура в чёрном. Мужчина с татуировкой кричащей души — Эль Грито. В одной руке он держал пистолет. Другой рукой он обнимал горло Софи Бланк. Её волосы были коротко острижены и выкрашены в чёрный цвет. Ярко-красный синяк, казалось, почти разделил её лицо пополам. Но это была она. Сара, Клара, Софи — знала ли она вообще, кто она на самом деле? Сейчас это, вероятно, не имело значения. Она знала, что уже мертва.

«Мы наблюдали за вами», — сказал Эль Грито с сильным латиноамериканским акцентом.«Лэн-

гимер мёртв. Никто не придёт тебя вытаскивать. Я нашёл эту маленькую шлюху в квартире Лэнгимера. Бросай пистолет и отведи меня к деньгам. И тогда она быстро умрёт. Это лучшее, что я могу предложить. Ты же знаешь, *засранец* » .

Киллер картеля дал мне небольшое окно; мне хватило лишь одного мгновения отвлечения. Я бросил «Ругер» к ногам. Я поднял руки над головой и хлопнул в ладоши. Окно обрушилось на меня, осыпав волной осколков. На грохот бьющегося стекла ответили выстрелы. Эль Грито бросил своего заложника на пол и начал стрелять. Двери рядом с лифтом распахнулись — Кеннеди проскользнул низко, Вайнштейн и Феррар — за ним.

Я пригнулся, перегнулся через грифельную доску, ухватился за край обеими руками и перевернул её набок. Стол весил тонну, и, тянув его, я надорвал мышцы спины и выпустил эту чёртову штуковину как раз в тот момент, когда она врезалась мне в голову. Я упал за ней. Свет во всём здании погас. Стандартная тактическая операция ФБР.

Глухой.

Я чувствовал вибрацию от оружия. В ушах ревели кровь и скрежет зубов.

Слепой.

Безумный танец сверкающей дульной вспышки. Фейерверки парада расцвели фосфоресцирующими цветами в чёрном небе Манхэттена. Внутри оглушительный балет прерывался лишь кишащей чернотой комнаты, которая, казалось, боролась с мерцанием дульной вспышки. Тьма жаждала этого места и боролась за него. Я не мог понять, кто именно убивал — тьма или люди.

Я лежал на полу и смотрел, как искры от взорвавшегося телевизора поджигают ковер.

И затем тишина.

Тишина пришла раньше, чем запах — кислый запах раскаленного металла, разрывающего плоть, кости и жизнь. Разбитое окно впускало в помещение свежий воздух Манхэттена — почти тщетная попытка смыть запах в воздухе.

Моё тело не двигалось. Мне казалось, что конечности меня предают, парализуют, и я не могу подняться и поймать пулю. Я подумал о Кристине и Эми, и каким-то образом мне удалось пошевелиться.

Я всё ещё мало что видел. Глаза жгло от дыма, поднимавшегося от горящего ковра. Стоя на четвереньках, я не мог найти «Ругер». Впереди меня лежал «Глок». Я взял его и встал.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Я думал, все умерли.

Офис адвокатской конторы «Харланд и Синтон» напоминал зону боевых действий. Во рту чувствовался привкус крови, вероятно, от опрокинувшегося на меня стола. Металлический привкус смешивался с запахом жженой кислоты, исходившим от грохочущих по полу стреляных гильз. Полная луна освещала призрачные струйки дыма, которые, казалось, поднимались с пола и испарялись, едва я их замечал. Мое левое ухо казалось наполненным водой, но я понимал, что меня просто оглушили выстрелы. В правой руке я держал табельный «Глок-19». Я обошел стол и в свете тлеющего ковра увидел, как Синтон ползет по полу, хватаясь за пистолет. Не раздумывая, я направил «Глок» на него и выстрелил. Пуля попала ему в бедро, и он перевернулся. Его хриплое, кровавое дыхание вырвалось наружу. В его груди уже было множество пулевых ранений. Это меня успокоило. Я его не убивал — он уже был мертв.

«Глок» был пуст. Ноги Синтона упали на живот лежавшего рядом с ним трупа, и в какой-то момент я заметил, что тела на полу конференц-зала

словно тянулись друг к другу. Я не смотрел на каждого из них; я не мог сосредоточиться на их мёртвых лицах. Я видел агентов казначейства, Паттона и человека в солнцезащитных очках. Жертвы Делла. Я огляделся в поисках Кеннеди, но не увидел его.

Моё дыхание вырывалось короткими рывками, которым приходилось бороться с адреналином, грозившим раздавить мою грудь. Холодный ветер из разбитого…Окно позади меня начало сушить пот на затылке. Стеклянная перегородка, ещё мгновение назад отделявшая приёмную от конференц-зала, лежала на полу толстыми, похожими на капли, осколками.

Цифровые часы на стене показали 20:00, когда я увидел своего убийцу.

Я не видел ни лица, ни даже тела; мой убийца укрылся в темном углу конференц-зала. Зелёные, белые и золотые вспышки фейерверка над Таймс-сквер отбрасывали в комнату световые узоры под странными углами, которые на мгновение осветили небольшой пистолет, который держала, казалось бы, бестелесная рука в перчатке. В этой руке был «Ругер» LCP. Хотя я не видел своего убийцу, пистолет многое мне рассказал. «Ругер» был вмещал шесть девятимиллиметровых патро-

нов. Он был достаточно мал, чтобы уместиться на ладони, и весил меньше хорошего стейка. В голову пришли три варианта.

Три возможных стрелка.

Это была работа Делла. Может быть, он её нашёл.

Я не видел тела Эль Грито. Он мог подобрать пистолет или прихватить его с собой.

Третья возможность: любовница Делла.

Никакой возможности убедить кого-либо из них бросить оружие не существует.

Учитывая последние два дня, что я провёл в суде, у всех была веская причина убить меня. У меня была догадка, какая именно, но сейчас это почему-то не имело значения.

Ствол «Ругера» был направлен мне в грудь.

Я закрыл глаза, ощущая странное спокойствие. Всё должно было произойти не так. Почему-то этот последний глоток воздуха был каким-то неправильным. Словно меня обманули. И всё же я наполнил лёгкие дымом с металлическим привкусом, который ещё долго оставался после перестрелки.

Я не слышал выстрела, только глухой удар, который не мог быть выстрелом. Мои глаза были плотно закрыты, поэтому я не видел дульной

вспышки — я лишь почувствовал, как пуля вонзилась в мою плоть. Этот роковой выстрел стал неизбежным с того самого момента, как я заключил сделку, чтобы убедить Дэвида признать себя виновным в обмен на неприкосновенность Кристины.

Мои штаны были мокрыми и тёплыми. Я догадался, что это моя кровь.

Только тогда я услышал выстрел; он прозвучал как щелчок кнута.

Я сразу понял, что звук другой — это не оглушительный грохот выстрела пули и вырывающихся из ствола пороховых газов. Это был звук, издаваемый пулей, преодолевающей звуковой барьер. Я знал, что не услышу выстрела, потому что стрелок был слишком далеко. Он находился в здании напротив.За табличкой «Сдаётся» стояла снайперская винтовка M2, одна из его любимых игрушек. Он наблюдал за Кристиной из здания Корбина, и если бы кто-то попытался её убить, он бы снёс ему голову одним нажатием на курок.

Я открыл глаза. «Ругера» больше не было, как и руки в перчатке. Окровавленный обрубок кости и плоти, рука, начисто оторванная выстрелом Ящера. И тут я услышал крик. Женский голос, глубокий и полный боли. Она шагнула вперёд, в

лунный свет, и Софи Бланк другой рукой подняла «Глок».

Я думал, все мертвы.

Я был неправ.

Четыре быстрых удара. Её тело рухнуло на пол.

Я обернулся и увидел Кеннеди, высунувшегося из-за дивана.

Боль в груди нарастала от чего-то похожего на жгучую рану от ледоруба, вонзённого в грудную клетку. Я заставил себя посмотреть вниз. Пулевого ранения не было. Вместо этого из моей груди торчал затвор «Ругера». Пистолет был разорван экспансивным снарядом из снайперской винтовки «Ящерицы». Я прикинул, что часть пистолета была длиной около шести дюймов, и большая её часть застряла у меня в груди.

Я не помню, как падал, но помню, как Кеннеди выкрикивал моё имя. А потом в комнате рядом с Кеннеди появился Вайнштейн. Его голова была видна в реве фейерверка.

«Эдди, оставайся с нами. Мы их поймали. Мы их всех поймали. Мы всё слышали по твоему звонку», — сказал Кеннеди.

Я не отключил звонок Кеннеди. Вместо этого я положил телефон на стол для переговоров и дал Деллу возможность говорить.

«Ваша жена в безопасности. Дэвид тоже. Всё в порядке. Парамедики уже в пути…»

Моя голова не держалась прямо. Она всё время падала влево. Каждый раз я видел тело Делла, без макушки. Ящер, должно быть, первым делом убил бы Делла. Рядом с ним я видел труп Эль Грито, его мёртвые глаза смотрели на меня.

Я слышал, как Кеннеди кричал, призывая парамедиков.

И я проиграл битву за свет.

ВЫДЕРЖКА ИЗ *NEW YORK TIMES*, СРЕДА, 18 МАРТА.

Полиция Нью-Йорка опубликовала имена некоторых людей, погибших в кровавой перестрелке, произошедшей вчера. Вечер в самом сердце корпоративного Манхэттена. Лестер Уильям Делл, 54 года, и Софи Бланк, 31 год, были сотрудниками правоохранительных органов, работавшими с Министерством финансов. Эли Паттон, 28 лет, Джоэл Френд, 29 лет, и Сонни Феррар были агентами Федерального бюро расследований. Джеральд Синтон, 49 лет, был названным партнером в Harland and Sinton, одной из самых уважаемых юридических фирм Америки. Его партнер, Бенджамин Харланд, погиб в результате крушения лодки всего за два дня до этого. Источники в

полиции считают, что эти два инцидента не связаны между собой. Имя одного погибшего, предположительно связанного с картелем Роза, пока не названо. И, наконец, адвокат по уголовным делам Эдди Флинн, 37 лет, также погиб. Окружная прокуратура еще не назначила дату слушания большого жюри по делу об убийстве Клары Риз. Официального заявления о причинах этого насильственного эпизода не было сделано.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТОЯЩАЯ

6 недель после прививки

«Каково это — быть мертвецом?» — сказал Кеннеди.

Даже несмотря на то, что у федерала было время отдохнуть и восстановиться после пережитого, он все равно выглядел ужасно.

«Я чувствую себя гораздо лучше, чем ты выглядишь. Ты вообще спишь?» — спросил я.

«Не так уж много. После похорон Феррара. Я видел тебя там, но если бы мы поговорили, это бы не понравилось остальным в Бюро. Понимаешь?»

Я кивнул.

«Послушайте, я знаю, что ваш бизнес пошёл на спад после того, как *Times* сообщила всем о вашей смерти, но у нас не было выбора. Нам пришлось смириться с этим. Госдепартамент, Министерство финансов и Министерство юстиции возмущены тем, что перебежчики из ЦРУ создают объединённую оперативную группу для совершения крупнейшего ограбления, когда-либо совершённого на американской земле. ЦРУ заявило, что проводит собственное расследование».

«Уверен, расследование будет крайне тщатель-

ным. Им нужно точно знать, что произошло, чтобы убедиться, что это навсегда похоронено».

Кеннеди улыбнулся и сказал: «Возможно, вы правы. Я бы сказал, что ничего из этого не станет достоянием общественности — слишком неловко. Всё утихнет. А пока я подумал, что неплохо было бы на время отвлечь внимание от вас и вашей семьи. Если все будут думать, что вы в подвешенном состоянии, картель не станет искать мертвеца».

«Ты уже нашел деньги?»

Он покачал головой. «Вирус, который Дэвид невольно загрузил, уничтожил весь…Мы считаем, что вирус и перевод денег на клиентский счёт Дэвида, а затем на ветер — дело рук Бернарда Лангимера…»

Его лицо потемнело при упоминании Лангимера.

«Ты его уже нашел?» — спросил я.

«Большая его часть, — сказал Кеннеди. — Похоже, партнёрша Делла, Софи, пряталась в квартире Лэнгхимера. Эль Грито нашёл их и разговорил Лэнгхимера и Софи. Это было не очень приятно».

«Значит, вы думаете, картель знает, что их ограбил Делл?»

«Мы так думаем, но мы в этом уверены. Мы

не хотим кровавой бани, пока они ищут деньги. Пока мы скрываем это в прессе, мы сообщаем нашим источникам в картеле, что Dell вышел из-под контроля и что мы вернули деньги. Таким образом, никто не будет искать их у Дэвида или Кристины. Картель очень недоволен тем, что их человека арестовали, но, как оказалось, Эль Грито уже сообщил своему боссу, что фирма разваливается из-за того, что Синтон убил Бена Харланда и его дочь».

«Его дочь?»

На прошлой неделе мы получили положительный результат опознания: тело в квартире Дэвида принадлежало Саманте Харланд. ДНК-профилирование тела её отца. Мы также получили токсикологический отчёт. Оказалось, что ей дали сильное успокоительное. Мы предполагаем, что Софи привела её в квартиру Дэвида за день до убийства, накачала наркотиками и спрятала в звукоизолированной комнате страха. На следующий день, после того как Дэвид вышел из квартиры, она выстрелила Саманте в спину, затем затащила её на кухню и выстрелила ей в затылок. Саманте было двадцать шесть лет. Такие придурки, как её отец, никогда не думают, что то, во что они ввязываются, может навредить

их детям.

Я посмотрел на улицу.

«Извините, я не имел в виду...»

«Все в порядке», — сказал я.

Думаю, тебе лучше затаиться на какое-то время, а когда ты снова захочешь заняться юридической практикой, мы попросим « *Таймс»* напечатать опровержение. Если бы картель узнал, что ты выбрался оттуда живым, они бы тебя убили из принципа. Но у них короткая память на пуританских юристов. Иногда убить рядового Джо Паблика гораздо сложнее, чем вырубить игрока.

«Понимаю», — сказал я.

«Не думаете ли вы, что ваша память улучшилась?» — сказал он.

"Что ты имеешь в виду?"

«Дыра, пробитая снайпером в стекле на тридцать восьмом этаже здания Корбина, тот факт, что у Делла и Софи Бланк были пулевые ранения, соответствующие выстрелу из крупнокалиберной винтовки? Всё это уже наводит на какие-то мысли?»

«Я же тебе уже сказал, я ничего об этом не знаю».

Я доела свою стопку черничных блинчиков, допила остатки кофе и оставила на столе сорок

баксов на оплату счета и чаевые.

«Дэвид платит тебе за отборочные?» — спросил Кеннеди.

«Слишком много», — сказал я. Мои финансовые проблемы остались позади, по крайней мере, на время.

Возле закусочной Теда раздался гудок, и я пожал руку Кеннеди.

«Это моя тачка», — сказал я.

«О, чуть не забыл», — сказал Кеннеди, протягивая мне большой конверт из плотной манильской бумаги. Я проверил его содержимое, снова пожал руку Кеннеди и положил конверт в сумку рядом с двумя другими такого же размера.

Был конец апреля, и цветы падали в лужи на тротуаре. Я открыл заднюю пассажирскую дверь Range Rover и сел в машину.

«Это огромный шаг вперёд по сравнению с той «Хондой», — сказал я, стиснув зубы, чтобы забраться в высокую машину. Рана в груди всё ещё болела адски, когда я меньше всего этого ожидал. Она заживёт, но меня предупредили, что останется уродливый шрам.

Холли влилась в пробку и посмотрела на меня в зеркало заднего вида. «Знаю», — сказала она. «Можно сказать, наши отношения продвинулись.

Дэвид хотел купить мне «Феррари», но я сказала ему, что это слишком вычурно. Это мило». Дэвид наклонился с переднего пассажирского сиденья и что-то прошептал ей. Она похлопала его по колену, и они тихо рассмеялись. Когда Дэвида освободили на следующий день после Дня Святого Патрика, Холли забрала его к себе. Несмотря на всё то дерьмо, что им пришлось пережить за эти два дня, они каким-то образом нашли друг друга. Я была рада.

«Ну что, ты готов?» — спросил Дэвид.

Вопрос был адресован не мне. Он был адресован другому пассажиру, сидевшему рядом со мной. Он не ответил. Он просто смотрел в окно.

Мы с Дэвидом немного поговорили по дороге, и Холли рассказала мне о своих планах на романтические выходные — их первые. Другой пассажир молчал. Через час, когда мы уже были на севере штата Нью-Йорк, мы замолчали, приближаясь к месту назначения. Холли и Дэвид были очень влюблены друг в друга. Было приятно это видеть, но мне было больно. Кристина и Эми остановились у родителей Кристины. Я видел их обоих мельком, как только выписался из больницы. Мы договорились встретиться в парке.

Я наблюдал за Эми на качелях. Мы с Кристиной

сидели на траве в маленькомПаркуюсь рядом с домом её родителей. Через какое-то время я намеренно отключился от Кристины и стал смотреть на свою дочь. Мне не хотелось слышать, что она говорит. Она сказала, что во мне есть что-то, что представляет опасность для нашей жизни, что, пока я работаю в сфере юриспруденции, я буду привлекать плохих людей. И плохие вещи будут происходить, хочу я поступать правильно или нет.

Кристина и Эми будут жить с её родителями в Хэмптоне. Эми будет переходить в другую школу. Я смогу видеться с Эми раз в месяц, у них дома. Больше не буду. Ненадолго. Пока Кристина не убедится, что с ними всё в порядке. Я снова отключился и уставился на Эми.

«И что ты думаешь?» — спросила Кристина.

«Прошу прощения?» — сказал я.

«Ты ведь совсем не слушал, да? Я спросил: как бы ты отреагировал, если бы мы попробовали ещё раз через полгода?»

«Ты имеешь в виду нас?»

«Да, я имею в виду нас».

Скрип качелей снова привлёк мой взгляд к Эми. Она становилась всё выше. Её ноги волочились по земле на каждой нижней точке качелей. Год

назад я водил её в этот же парк, и тогда её ноги не могли коснуться земли. Я вспомнил, как нашёл окровавленную семнадцатилетнюю девушку в доме моей клиентки, меньше чем в миле отсюда; я вспомнил Дэвида, хватающего ртом воздух в зале заседаний суда и умоляющего меня помочь ему; я вспомнил Кристину, тот момент в Харланде и Синтоне, прежде чем я вытащил её.

«Я не могу. Я слишком сильно люблю вас обоих», — сказала я.

"Что ты имеешь в виду?"

«Вокруг меня происходят плохие вещи. Может быть, я сам это допускаю. Не знаю, Кристин. Я не могу рисковать тем, что что-то может случиться с тобой или Эми. Я не хочу отдалять нас друг от друга и хочу видеть, как растёт моя малышка. Но важнее, чтобы у неё был шанс вырасти и быть с тобой. Что бы ни случилось со мной, что бы ни случилось с нами, я не могу этого изменить. Всё, что я могу сделать, — это не причинять больше вреда, чем уже причинил».

«Эдди, это не навсегда. Я хочу попробовать ещё раз, когда всё успокоится. Это твоя работа, а не ты. Я думал, ты мог бы подумать о том, чтобы свернуть сложные дела, может быть, даже попробовать новую карьеру. И, эй, я тоже не безгрешен.

То, что случилось с фирмой, — не твоя вина».

«Ты ошибаешься. Делл сказал мне, что целью был я, а не ты. Они хотели использовать меня, чтобы добраться до Дэвида. Ты был для них лишь рычагом давления, не более того. Я не могу тебя разоблачить.Или Эми, рискуя этим. В нынешних обстоятельствах я покойник. Этот фасад долго не продержится. Я могу провести здесь выходные, но мне нужно вернуться.

"Почему?"

«Потому что я должен. Не могу объяснить, но мне это нужно. Мне нужно работать. Я могу помогать людям. Дэвид напомнил мне об этом».

«Есть и другие юристы…»

«Знаю, но большинство из них, наверное, такие же, как я до того, как вытащил Ханну Тубловски из того дома. Если меня не будет, кто вытащит следующую?»

Она подползла ко мне поближе и положила голову мне на плечо.

Я собирался остаться один. Ради блага своей семьи. Это заставило меня задуматься о том, какой я человек, и что моей семье будет лучше без меня — без этого мошенника, адвоката, афериста.

Холли повернула налево и поехала по узкой гравийной дорожке, которая привела к боль-

шому особняку, расположенному среди акров открытых зеленых полей.

Мы подъехали к дому. Снаружи ждали несколько мужчин в белой больничной форме. Я вышел из машины, обошёл её и открыл другую пассажирскую дверь. Низкое утреннее солнце светило в салон. Об этом месте не было рекламы ни в интернете, ни где-либо ещё. О его существовании знала, наверное, сотня врачей по всей стране. Насколько мне было известно, у дома даже не было названия. Рок-звёзды, кинозвёзды, супербогачи приезжали сюда, чтобы завязать.

Попо плакал, выходя из «Рейндж Ровера». Он дрожал, его губы были порезаны и кровоточили. Я попросил его перестать кусать губы. К нам присоединились Дэвид и Холли.

«Ты останешься здесь, пока не поправишься. Пока не выздоровеешь», — сказал Дэвид. «А когда выздоровеешь, приходи ко мне, и я позабочусь о том, чтобы ты нашёл работу в Reeler».

«Я не знаю, что мне следует сказать», — сказал Попо.

«Тебе не нужно ничего говорить. Ты спас мне жизнь. Всё, что я могу сделать, чтобы спасти твою, ты сделаешь», — сказал Дэвид.

Я знал, что Попо справится. Ему дали шанс

изменить свою жизнь, стать другой версией себя, лучшей, сильнее, чище. Шанс вернуться к тому, кем он был на самом деле.

Я надеялся, что когда-нибудь мне представится такой же шанс.

Мы помахали Попо на прощание и сели обратно в Range Rover.

«Ладно, теперь к делу», — сказал я. «Можете высадить меня у Хоган-Плейс».

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ

«Ходячий мертвец», — сказал Задер, когда я закрыл дверь его офиса на Хоган Плейс, 1.

Я сел и залюбовался заголовками газет, которые он разложил перед собой. Большинство из них строили предположения о его следующих шагах в деле Дэвида Чайлда и о том, когда большое жюри заслушает показания. Окружной прокурор выглядел усталым: веки у него были тяжёлые, а воротник расстёгнут.

«Итак, как вы думаете, ваш клиент будет готов предстать перед большим жюри на следующей неделе?» — спросил он.

Я открыла сумку, вынула три конверта и положила их поверх бумаг.

«Скажите, можно мне выпить?» — спросил я.

Он превратил усмешку в полуулыбку и нажал кнопку на настольном телефоне.

«Мириам, два кофе, пожалуйста. Ой, извините, отмените. Один кофе мне, и попробуй сварить скотч для мистера Флинна. Кажется, он ему не помешает».

«Я больше не пью», — сказал я. «Но ты же это знал».

«Мириам?» — спросил Задер в переговорное устройство. «Мириам, ты там?»

«Может быть, она забирает твои вещи из химчистки?» — спросил я.

Он откинулся на спинку кожаного кресла и сказал: «Мы будем считать вашего клиента соучастником убийства. Это не совсем так, но…»

Я видел, как его взгляд сфокусировался на чём-то позади меня, что прервало его рассказ. Мириам вошла в его кабинет с двумя чашками кофе на пластиковом подносе. Она поставила однуКофе поставили передо мной, а второй — рядом. Она придвинулась и взяла себе вторую чашку кофе.

«Сливки и сахар?» — спросила она меня.

«Спасибо», — сказал я.

Задер уставился на нас обоих.

«Большого жюри не будет», — сказал я, взяв первый конверт и бросив его Задеру. Он открыл его, начал читать двухстраничный документ и собирался сказать что-то ёмкое, но я его перебил.

Министерство юстиции, Госдепартамент и Министерство финансов хотят, чтобы дело Дэвида Чайлда замело всё это по-тихому. Оно слишком грязное для них. Не могу сказать, почему, но уверен, вы уже знаете об этом; кто-то наверху, вероятно, уже говорил с вами об этом. Пока избавлю

вас от необходимости его читать. Это пресс-заявление, которое ваше ведомство опубликует сегодня днём. Оно подтверждает, что в результате вашего обширного расследования Дэвид Чайлд невиновен по всем пунктам обвинения в убийстве Клары Риз. Оно ещё не опубликовано, но Клары на самом деле не существовало. Мёртвая девушка в квартире Дэвида — Саманта Харланд, с одинаковыми татуировками и всем остальным. Дэвиду Чайлду принесены публичные извинения, которые я хочу, чтобы вы зачитали перед камерой. Обратите внимание, это заявление составлено Министерством юстиции. Они посылают вам чёткий сигнал, чтобы всё это замять: если вы всё испортите, вы наживёте врага правительству США.

«Ты, должно быть, шутишь, если думаешь, что на меня будут оказывать давление...»

«Вы оказываете давление на невиновных обвиняемых, заставляя их признать себя виновными в преступлениях, которых они не совершали. Вы делаете это каждый день недели, подбрасывая им соглашения о признании вины. Либо пять лет на признание вины, либо боритесь с обвинением и рискуйте получить двадцать. Вот что это такое, это давление. Открой это...» — сказал я, протяги-

вая ему второй конверт.

Это был объёмистый пакет, и он вывалил его содержимое на стол. Он увидел фотографии квитанций из химчистки, электронные письма с требованием к Мириам уменьшить нагрузку, передав самые серьёзные дела младшим помощникам по административным делам. Там были видеокадры, на которых Мириам приносит ему кофе, убирается в его кабинете, пылесосит ковры, моет кофейные чашки. Среди фотографий и электронных писем было также несколько микрокассет с записями самых пикантных сексистских высказываний Задера.

«Когда вы конкурировали с Мириам за пост окружного прокурора, вы дали интервью, в котором заявили, как сильно вы восхищаетесь её талантами юриста и как польстились бы вам, если бы она согласилась остаться старшим прокурором в случае вашей победы на выборах. Однако есть масса доказательств, подтверждающих, что вы относились к ней…Как дерьмо. И ты это сделал, потому что она женщина. Записи особенно хороши. Мне больше всего нравится твой разговор с Мириам три недели назад, где ты говоришь ей, что адвокаты-женщины всегда будут проигрывать адвокатам-мужчинам в суде,

потому что мужчины вызывают больше доверия. Отлично. Думаю, одно это заявление стоит сотни тысяч от присяжных.

Мириам улыбнулась ему.

«Мириам, это возмутительно. Если я и обошелся с тобой плохо, то лишь потому, что ты была моей оппозицией. Будь ты мужчиной, я бы поступил так же», — сказал Задер.

«Отличная защита», — сказал я. «Ваша честь, я приставал к мисс Салливан не потому, что она женщина. Я унизил её просто потому, что я мудак, и я бы поступил так же с мужчиной».

Я услышал, как Мириам цокнула языком.

В этой стопке вы также найдёте два документа, которые вам нужно будет прочитать. Первый — это копия моего черновика иска о сексуальных домогательствах, поданного моей клиенткой. Я подам его сегодня днём, если вы не подпишете соглашение прямо сейчас.

«Какое соглашение?» — спросил Задер.

Я нашел соглашение на его столе и передал ему.

Главное, что вы уйдете в отставку уже завтра утром. Вы можете сказать, что это по личным причинам, и полностью поддержите Мириам Салливан, которую вы назначаете исполняющей

обязанности окружного прокурора до проведения новых выборов. Если вы откажетесь созвать пресс-конференцию в поддержку Дэвида или подписать это соглашение, я подам иск от имени Мириам, она победит, и вашей карьере придет конец. Таким образом, вы сможете уйти отсюда без судебного решения против вас.

Его взгляд метался между фотографиями и соглашением. Капля пота упала на стол, он вытер лоб и потянул галстук, хотя тот уже развязался.

«Я буду бороться до конца. Ты думаешь, что победил, но ты ошибаешься. Меня не так-то просто запугать».

Я повернулся к Мириам и сказал: «Ты была права. Он глупый».

«Я же говорила, что нам понадобится больше», — сказала Мириам.

«Ты это назвал. Тебе оказана честь», — сказал я.

Из внутреннего кармана куртки Мириам достала два листа и молча передала их Задеру. Первый лист представлял собой показания под присягой, заверенные помощником окружного прокурора Билли Брауном. Он заявил, что Задер попросил его…Свяжитесь с частным детективом, чтобы получить конфиденциальную и крайне деликатную

личную и финансовую информацию о каждом судье Нью-Йорка. Информация о частных акциях, которую Задер использовал, чтобы избавиться от судьи Нокса, уже была у него на момент начала дела, и он не поднимал её до тех пор, пока не стало ясно, что Нокс собирается найти что-то для защиты. Одного этого было бы достаточно, чтобы начать расследование по обвинению в проступке, но тот факт, что он незаконно получил личную информацию и создал досье на каждого судью, в мгновение ока положил бы конец его карьере и, вероятно, отправил бы его в тюрьму. Вторая страница была чётко обозначена как черновик электронного письма. Оно было адресовано ФБР и нынешнему губернатору. В письме в качестве единственного вложения был указан аффидевит Билли Брауна. Черновик электронного письма был ничуть не хуже, чем взвести курок пистолета и приставить его к виску Задера.

«Нельзя быть одновременно преступником и окружным прокурором. Может быть, мэром?» — спросил я.

«Ты мерзавец, ты же знаешь это?» — сказал он. «Я никак не могу созвать сегодня пресс-конференцию. Это займёт…»

«Пресса уже в зале для брифингов», — сказала

Мириам. «Я взяла на себя смелость позвонить им. Хотите, я нажму «отправить» это письмо?»

Он покачал головой. Я проигнорировал его и подождал.

Он заметил последний конверт, лежавший передо мной нераспечатанным.

«Что в этом такого?»

«Это вариант Б», — сказал я.

Он протянул дрожащую руку. Я отдал ему конверт, допил кофе и встал. Я застегнул пиджак и сказал Мириам: «Как хорошо, что ты вернулась».

Она улыбнулась.

Задер разорвал конверт как раз в тот момент, когда дверь его кабинета закрылась за мной. Тишина. Затем я услышал строгий голос Мириам. Прежде чем покинуть офис с открытой планировкой, я немного подождал у кофемашины. Я ушёл, потому что это была победа Мириам. Она вышла из кабинета Задера, перехватила мой взгляд, улыбнулась и радостно показала большой палец вверх. Подписанное соглашение и пресс-релиз были у неё в руках. В третьем конверте я предложил Задеру тот же вариант, что и Дэвиду Чайлду, — конверт был пуст.

Я вошёл в лифт, помахал на прощание Гербу Голдману на стойке регистрации и нажал кнопку

первого этажа. Задер появился у стола Герба, глядя мне вслед с выражением полнейшего презрения на лице. Его кожа блестела под лампами; страх и ненависть плясали в каплях пота. Он ударил Герба по столу и обругал меня.

Я ничего не сказал.

Герб окинул нас обоих проницательным взглядом и усмехнулся про себя. Откуда-то Герб знал, что скоро ему придётся работать под началом очередного нового окружного прокурора.

Двери лифта начали закрываться. Прежде чем они закрылись, я услышал, как Херб дал последний совет уходящему прокурору.

«Знаете, как говорится, мистер Задер, — сказал Херб. — Мошенника не обманешь».

БЛАГОДАРНОСТИ

Огромное количество людей, которых я хочу поблагодарить. Первая в списке — моя жена Трейси, которая для меня неиссякаемый источник прекрасных идей, идей, поддержки, вдохновения и имбирного латте. Я обязан ей больше, чем могу выразить словами.

Моему агенту Юэну Торникрофту и всем сотрудникам AM Heath за поддержку, советы и экспертное представительство.

Моим редакторам, Джемайме Форрестер из Orion Books и Кристин Коппраш из Flatiron Books, за их терпение, профессионализм и преданность своему делу, позволившие сделать этот роман настолько хорошим, насколько это вообще возможно. Также огромное спасибо Джону Вуду, Анджеле Макмэхон, Грэму Уильямсу и всем сотрудникам Orion Books и Hachette Ireland. Также огромное спасибо моей американской команде, Эми Эйнхорн и Марлене Биттнер из Flatiron. И Бобу Миллеру, который просто потрясающий.

Моя семья, друзья, читатели, все, кто рецензировал мои книги, и особенно продавцы книг, которые поддерживали меня с первого дня, — я

должен вам всем пинту пива и объятия.

Стив Кавана
Тринадцать

Посвящается Ною

(Вообще-то изначально это цитата из Бодлера, но с тех пор эту мысль высказывали все кому не лень. Спасибо Крису Маккуорри, что разрешил мне стырить его собственную версию.)

Величайшая подстава, которую когда-либо провернул Дьявол, – это когда убедил весь мир, что его не существует.

Из сценария кинофильма «Подозрительные лица» Кристофера Маккуорри

Steve Cavanagh
TH1RT3EN
Copyright © Steve Cavanagh 2018

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Промозглым декабрьским днем, в десять минут шестого, Джошуа Кейн валялся на своем картонном лежбище возле здания уголовного суда на Манхэттене, подумывая убить человека. И не просто какого-то там человека. Он думал о кое-ком конкретном. Временами, где-нибудь в метро или наблюдая за прохожими, Кейн и вправду приходил к мысли убить какого-нибудь безымянного, случайного ньюйоркца, вдруг оказавшегося в поле его зрения. Это могла быть блондиночка-секретарша, читающая дамский роман в поезде линии «К», или какой-нибудь банкир с Уолл-стрит, лишь отмахивающийся зонтиком на его мольбы подкинуть ему мелочишки, или даже ребенок, за руку с мамой проходящий по пешеходному переходу.

Каково это было бы убить их? Какие это родило бы чувства? Что они произнесли бы при своем последнем издыхании? Изменятся ли их глаза в тот момент, когда их души покинут этот мир? Когда Кейн представлял себе подобные картины, все его тело охватывал приятный теплый трепет.

Он глянул на часы.

Одиннадцать минут шестого.

Резкие, высокие тени затопили улицу, когда на город опустились сумерки. Глянув на небо, Кейн лишь приветствовал этот тусклый, размытый свет — как будто кто-то накрыл лампу вуалью. Полумрак полностью соответствовал его намерениям. Темнеющее небо вернуло его мысли к убийству.

Последние шесть недель, лежа на улице, он почти ни о чем другом и не думал. Часами подряд молча прикидывал, заслуживает ли этот человек смерти. Помимо того, жить ему или умереть, все остальное уже было тщательно спланировано.

Кейн почти не рисковал. Главное в таких случаях — действовать с умом. Если хочешь остаться незамеченным, надо соблюдать осторожность. Он понял это уже давным-давно. Оставлять этого человека в живых было рискованно. А вдруг когда-нибудь в будущем их пути опять пересекутся? Узнает ли он Кейна? Сумеет ли сделать из этого какие-то выводы?

Ну а если Кейн убьет его? Такая задача всегда сопряжена со множеством рискованных моментов.

Но это все риски, которые были Кейну хорошо знакомы, — риски, которых он до сих пор много

раз успешно избегал.

К тротуару подкатил почтовый фургон, который остановился прямо напротив Кейна. Водитель, коренастый мужчина лет сорока с небольшим, одетый в форму почтовой службы, выскочил из-за руля. Пунктуальный малый — как по часам. Проходя мимо и направляясь к служебному входу здания суда, на Кейна, лежащего на улице, он не обратил ни малейшего внимания. Даже пары монеток несчастному бездомному не подбросил. Как и все последние шесть недель. Такого вообще никогда не случалось. И опять, когда почтальон все в то же обычное время проходил прямо мимо него, Кейн задумался, стоит ли его убивать.

На принятие решения у него было двенадцать минут.

Почтальона звали Элтон — женат, двое детей-подростков. Раз в неделю Элтон заглядывал полакомиться в один дорогой гастроном с закусочной, торгующий эксклюзивными продуктами собственного производства, — при этом его жена думала, что он просто вышел на пробежку; читал романы в мягкой обложке, которые покупал по доллару за штуку в маленьком магазинчике в

Трайбеке[34], а выносить мусор по четвергам выходил в меховых тапочках. Каково это будет смотреть, как он умирает?

Джошуа Кейну нравилось наблюдать, как другие люди переживают различные эмоции. Чувства беспомощности, горя и страха опьяняли его, дарили радость почище любых наркотиков на планете.

Джошуа Кейн был не таким, как все остальные. Во всем мире больше не было таких, как он.

Кейн посмотрел на часы. Двадцать минут шестого.

Пора приступать.

Он почесал свою почти отросшую бороду, первоначальный цвет которой уже наверняка достаточно изменили грязь и пот, медленно поднялся с картонки и потянулся. При этом движении ноздрей Кейна коснулся его собственный запах. Все-таки шесть недель не менял ни трусов, ни носков, ни разу не был в душе… От этого запаха его даже замутило.

Надо было как-то отвлечься от собственной грязи. У его ног в измызганной перевернутой

---

[34] notes: 34

Трайбека (Tribeca, сокр. от *англ.* Triangle Below Canal — «Треугольник южнее Кэнэл-стрит) — престижный район нью-йоркского Манхэттена. (*Прим. пер.*)

бейсболке лежала пара долларов мелочью.

Приятно было сознавать, что задуманное подходит к своему логическому завершению. Что видишь сейчас перед собой именно ту картину, какую ты себе и представлял. И все же Кейн подумал, что было бы интересно ввести в игру некий элемент случайности. Элтон так никогда и не узнает, что его судьбу решил в этот момент не он, а брошенная монетка. Выбрав четвертак, Кейн подбросил его в воздух, поймал и пришлепнул плашмя на тыльную сторону ладони. Пока еще монета крутилась в холодном облачке пара от его дыхания, он уже решил: если орел, то Элтон умрет.

Кейн посмотрел на четвертак, новенький и блестящий на фоне въевшейся в кожу грязи, и улыбнулся.

Футах в десяти от припаркованного у здания суда почтового фургона стоял киоск с хот-догами. Продавец обслуживал какого-то высокого мужика без пальто. Тот, видать, только что вышел под залог и праздновал это событие более-менее приличной жратвой. Взяв у мужика два доллара, продавец показал ему на вывеску под прилавком. Сбоку от изображений всяких жареных колбасок пристроилось объявление адвоката с указанным

под ним номером телефона.

ТЕБЯ АРЕСТОВАЛИ?
ОБВИНИЛИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ?
ПОЗВОНИ ЭДДИ ФЛИННУ!

Впившись зубами в хот-дог, высокий мужчина отхватил от него порядочный кусок, кивнул и отошел от киоска как раз в тот момент, когда из здания суда вышел Элтон с тремя большими мешковинными сумками в руках.

Три мешка. Вот и подтверждение.

Сегодня — тот самый день.

Обычно Элтон появлялся на улице с двумя почтовыми сумками, а то даже и с одной. Но каждые шесть недель он выходил из здания суда сразу с тремя мешками. Этот дополнительный почтовый мешок и был тем, чего так ждал Кейн.

Отперев задние двери почтового фургона, Элтон забросил первую сумку в грузовой отсек. Кейн медленно приблизился, просительно вытянув правую руку.

За первой сумкой последовала вторая.

Когда Элтон подхватил третью, Кейн бросился к нему.

— Эй, друг, лишней мелочи не найдется?

— Нет, — коротко буркнул Элтон, закидывая в

грузовой отсек последний мешок. Закрыл правую дверцу на задке фургона и взялся уже за левую, готовясь от души бабахнуть ею — ну конечно, фургон-то казенный, так чего миндальничать? Тут было важно правильно подгадать момент. Кейн быстро протянул руку, умоляя положить ему на ладонь пару баксов, и рука его оказалась точно на пути дверцы, которая с размаху прихлопнула ее.

Расчет оказался верным. Кейн все точно продумал: коротко скрипнули дверные петли, и острые края дверей ножницами врезались в плоть, сокрушая конечность. Вцепившись пальцами в пострадавшую руку, Кейн вскрикнул и упал на колени, внимательно наблюдая за Элтоном, который лишь схватился за голову. Глаза почтальона расширились, а рот потрясенно приоткрылся. Учитывая быстроту, с которой он захлопнул дверь, и солидный ее вес, не было никаких сомнений в том, что Кейн заработал перелом руки. Причем серьезный. Наверняка осколочный. Травму, которую медики относят к тяжелым.

Но Кейн был особенным. Это то, что всегда говорила ему его мама. Он опять вскрикнул, понимая, что важно как можно убедительней разыграть эту сцену — изобразить, будто он просто загиба-

ется от боли.

— Господи, да смотри же, куда руки суешь! Я ничего и не заметил… Ты… Прости, — запинаясь, вымолвил Элтон.

Присев на корточки рядом с Кейном, он еще раз извинился.

— По-моему, перелом, — простонал Кейн, прекрасно зная, что это не так. Десять лет назад бóльшая часть костей руки была заменена стальными пластинами, спицами и винтами. То немногое, что от нее осталось, с тех пор было основательно укреплено.

— Черт, черт, черт… — бормотал Элтон, оглядывая улицу и явно не зная, как поступить. — Я тут ни при чем. Хотя могу вызвать «скорую»…

— Нет! Они не станут меня лечить! Просто отвезут в неотложку, оставят валяться на каталке на всю ночь, а потом вышибут на улицу. У меня нет страховки. Тут есть один медицинский центр — самое большее в десяти кварталах отсюда. Они лечат бездомных. Отвези меня лучше туда, — взмолился Кейн.

— Я не могу тебя отвезти, — возразил Элтон.

— Это почему еще? — спросил Кейн.

— Мне запрещено брать пассажиров в этот фургон. Если кто-нибудь увидит тебя рядом со

мной в кабине, я могу потерять работу.

Кейн с облегчением вздохнул, поняв, что Элтон намерен пунктуально придерживаться правил, предписанных работникам почтовой службы. Он как раз на это и рассчитывал.

— Тогда посади меня назад. Так меня никто не увидит, — предложил Кейн.

Элтон уставился на заднюю часть фургона, левая дверца которой по-прежнему оставалась приоткрытой.

— Ну, я не знаю…

— Я не собираюсь ничего красть — я даже рукой не могу пошевелить, черт возьми! — воскликнул Кейн, со стонами баюкая пострадавшую руку.

После некоторых колебаний Элтон наконец произнес:

— Ладно. Но к почтовым мешкам даже не суйся. Договорились?

— Договорились, — отозвался Кейн.

Он застонал, когда Элтон поднял его с тротуара, и жалобно вскрикнул, когда ему показалось, что пальцы почтальона оказались слишком уж близко к его поврежденной руке, но вскоре наконец уселся на стальной пол в задней части фургона, и когда тот двинулся на восток, принялся издавать все нужные звуки вдобавок к поскрипыванию

подвески. Грузовой отсек был отделен от кабины перегородкой, так что Элтон не мог его видеть и, скорей всего, ничего не слышал, но Кейн все равно решил, что на всякий случай стоит немного поныть. Единственным источником света был здесь люк из матового стекла размером два на два фута в крыше.

Едва они успели выехать за пределы квартала, в котором располагалось здание суда, как Кейн достал из кармана пальто канцелярский резак с выдвижным скошенным лезвием и перерезал завязки на всех трех почтовых мешках, которые Элтон вынес из канцелярии суда.

С первой сумкой — облом. Самые обычные почтовые конверты разного размера. Со второй тоже.

А вот с третьей — везуха.

Конверты в этой сумке оказались совершенно одинаковыми. На каждом понизу тянулась красная полоска с надписью белыми буквами: «ОТКРОЙТЕ ДАННОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ СРАЗУ ПО ПОЛУЧЕНИИ. ВНУТРИ — ВАЖНАЯ СУДЕБНАЯ ПОВЕСТКА».

Кейн не стал ничего открывать. Вместо этого лишь аккуратно разложил конверты из третьего мешка на полу. Покончив с этим делом, выбрал

те, что были адресованы женщинам, и побросал их обратно в сумку. Через полминуты перед ним осталось где-то шестьдесят, а то и все семьдесят конвертов. Эти он заснял цифровой камерой, которую тут же спрятал обратно за пазуху — сразу по пять штук за раз. Позже можно будет увеличить изображения и сосредоточиться на именах и адресах, написанных на каждом из них.

Покончив с этим делом, Кейн вернул все письма на место и прикрепил к мешкам новые бирки в прозрачных пластиковых кармашках, которыми запасся заранее. Бирки оказалось не так уж трудно достать, и все они были от того же производителя, что и в канцелярии суда.

Имея в запасе время, Кейн вытянул ноги на полу и стал рассматривать фотографии конвертов на экране своей камеры.

Где-то среди них он найдет нужного человека. Он знал это. Просто нутром чуял. Сердце его трепетало от волнения — словно электрический ток прострелил от его ног прямо к груди.

После постоянных остановок и трогания с места на забитом транспортом Манхэттене Кейн не сразу понял, что фургон наконец действительно остановился у тротуара, и спрятал фотоаппарат. Задние двери открылись. Кейн опять схватился

за якобы травмированное предплечье. Элтон перегнулся над задним порогом грузового отсека, протягивая ладонь. Продолжая опасливо держать одну руку на весу, Кейн вытянул другую и ухватился за Элтона. Потом встал. Это вышло бы так просто, так быстро… Все, что ему оставалось сделать, это упереться ногами и дернуть. Еще небольшое усилие, и почтальон оказался бы в фургоне. Канцелярский нож одним плавным движением взрезал бы заднюю часть шеи Элтона, а затем скользнул по линии подбородка до сонной артерии…

Элтон помог Кейну выбраться из фургона — с такими предосторожностями, будто тот был сделан из стекла — и проводил его ко входу в медицинский центр.

Монета выпала решкой — почтальон остался невредим.

Поблагодарив своего спасителя, Кейн посмотрел ему вслед. А через несколько минут вышел из вестибюля медицинского центра на улицу — проверить, не вернулся ли фургон, и убедиться, что ему ничто не угрожает. Фургона нигде не было видно.

* * *

Гораздо позже тем же вечером Элтон, облаченный по обыкновению в спортивный костюм для бега, вышел из своего любимого гастронома с недоеденным сэндвичем «Рубен»[35] в одной руке и коричневым бумажным пакетом с продуктами в другой. Высокий, чисто выбритый, хорошо одетый мужчина внезапно встал прямо перед ним, преградив ему путь и заставив остановиться в темноте под разбитым уличным фонарем.

Джошуа Кейн наслаждался прохладным вечером, ощущением хорошего костюма и чистой шеи.

— Я еще раз подбросил монетку, — объявил он.

После чего выстрелил Элтону прямо в лицо, быстро нырнул в темный переулок и исчез. Такая быстрая и легкая казнь не доставила Кейну никакого удовольствия. В идеале он хотел бы провести с Элтоном несколько дней, но у него не было на это свободного времени.

Очень много чего предстояло сделать.

---

[35] notes: 35

Сэндвич «Рубен» — американский гриль-сэндвич из солонины, швейцарского сыра, квашеной капусты и майонеза с кетчупом на ржаном хлебе. (*Прим. пер.*)

Шесть недель спустя. Понедельник
Глава 1

Позади меня в зале суда — ни единого репортера. Ни зевак на скамьях для публики, ни сходящих с ума от волнения родственников. Только я, моя клиентка, прокурор, судья, стенографистка и секретарь. Да, и еще офицер службы безопасности суда, сидящий в углу и втихаря смотрящий игру «Янкиз»[36] на своем смартфоне.

Дело было на Сентер-стрит, 100, в здании уголовного суда Манхэттена, в небольшом зальчике на восьмом этаже.

А больше никого там не было, потому что всем было глубоко насрать. Обвинитель вообще-то не слишком интересовался этим делом, а судья и вовсе потерял к нему всякий интерес, едва только прочитав перечень вменяемых моей подзащитной проступков — хранение наркотиков и принадлежностей для их употребления. Обвинителем был пожизненный сотрудник про-

---

[36] notes: 36

«Нью-Йорк Янкиз» (*англ.* New York Yankees) — профессиональный клуб из Главной бейсбольной лиги, базирующийся в Бронксе, одном из пяти районов Нью-Йорка. (*Прим. пер.*)

куратуры по имени Норман Фолкс. До пенсии Норму оставалось всего шесть месяцев, и это было хорошо заметно. Верхняя пуговица его рубашки была расстегнута, костюм выглядел так, как будто он купил его еще во времена президентства Рейгана, а единственной чистой деталью его внешности казалась разве что двухдневная щетина на щеках.

Лицо у достопочтенного Кливленда Паркса, председательствующего судьи, походило на сдувшийся воздушный шарик. Он нависал над судейской трибуной, подперев голову рукой.

— Ну и сколько еще прикажете ждать, мистер Фолкс? — саркастическим тоном поинтересовался он.

Глянув на часы, Норм пожал плечами.

— Прошу прощения, ваша честь, он должен быть здесь с минуты на минуту.

Женщина-секретарь немного пошуршала разложенными перед ней бумагами, и в зале вновь воцарилась тишина.

— Позвольте мне сказать, причем для протокола, мистер Фолкс: вы очень опытный обвинитель, и, я полагаю, давно уже в курсе, что ничто так не раздражает меня, как опоздания, — недовольно произнес судья.

Норм кивнул. Еще раз извинился и опять потянул за воротничок своей рубашки, когда брылястые щеки судьи Паркса начали менять цвет. Чем дольше тот сидел за своей трибуной, тем сильней краснела его физиономия. Вот в принципе и все, что выдавало скопившиеся в нем эмоции. Паркс никогда не повышал голос и не грозил обвиняющим перстом — просто сидел, кипя от злости. Его ненависть к опозданиям была хорошо известна.

Моя клиентка, пятидесятипятилетняя бывшая проститутка по имени Джин Мари (первое — это имя, а второе фамилия, если что), наклонилась ко мне и прошептала:

— И что будет, если этот коп так и не появится, Эдди?

— Появится, — заверил я.

Я знал, что полицейский в итоге все-таки придет. Но при этом и не сомневался, что он опоздает. Я сам и позаботился об этом.

Это могло выгореть только с Нормом в качестве обвинителя. Я подал ходатайство о снятии обвинений еще два дня назад, незадолго до пяти, когда сотрудник отдела регистрации уже ушел домой. Годы практики дали мне хорошее представление о том, с какой скоростью здешняя контора обраба-

тывает бумаги и назначает слушания. Учитывая, что очередь у них там будь здоров какая, мы, скорей всего, не смогли бы провести слушание до сегодняшнего дня, и судебной канцелярии наверняка пришлось пометаться в поисках свободного судебного зала. Ходатайства обычно подаются во второй половине дня, около двух часов, но и обвинение, и защита обычно узнают номер зала разве что за пару часов до судебного заседания. Впрочем, это неважно. Норму еще с утра предстояло принять участие в нескольких слушаниях по предъявлению обвинений, и мне тоже. Обычно, в каком бы зале суда это ни происходило, мы просили секретаря заглянуть в компьютер и сообщить нам, в каком месте будут рассматривать наши следующие ходатайства, намеченные на день. Как только секретарь называл номер зала, любой другой обвинитель тут же доставал мобильник и звонил своим свидетелям, сообщая им, куда подойти. Но только не Норм. У него никогда не было мобильника. Не верил он в них. Был убежден, что они излучают вредные для здоровья радиоволны. Я позаботился о том, чтобы разыскать Норма с самого утра, в суде по предъявлению обвинений, и сообщил ему о месте проведения этого дневного слушания. Норм должен был явно положиться на

то, что его свидетель поступит так, как и должен был поступить, даже если б я и не назвал ему номер зала, — подойти к доске объявлений и посмотреть, где именно будет проводиться разбирательство по этому делу.

Находится она в кабинете под номером 1000 — в секретариате. Внутри этого офиса, наряду с толпами людей, ожидающих своей очереди уплатить штраф, имеется белая доска с написанным маркером списком судебных процессов и ходатайств, которые будут рассмотрены в этот день. Предназначена она для того, чтобы свидетели, копы, прокуроры, студенты юридических факультетов, туристы и адвокаты знали, где именно в здании в любой момент времени проходит то или иное судебное разбирательство. Примерно за час до рассмотрения своего ходатайства я поднялся в комнату под номером 1000, убедился, что стою спиной к секретарю, нашел свое дело на доске, стер номер зала суда и намалевал маркером новый. Маленькая хитрость. Не то что те долгие, рискованные операции, которые я проводил в свою бытность мошенником и разводилой на протяжении более чем десяти лет. Но даже теперь, став адвокатом, иногда позволяю себе возвращаться к своим старым привычкам.

С учетом того, как долго в этом здании приходится ждать лифта, я решил, что этот мой отвлекающий маневр задержит свидетеля Норма как минимум минут на десять или около того.

Детектив Майк Грейнджер ворвался в зал суда с двадцатиминутным опозданием. Поначалу я даже не обернулся, когда услышал, как позади меня открылись двери. Просто слушал, как Грейнджер перебирает ногами по плиточному полу почти с такой же быстротой, с какой пальцы судьи Паркса постукивают по столу. Но потом вдруг услышал еще и нормальные размеренные шаги. Это заставило меня обернуться.

Вслед за Грейнджером в зал вошел пожилой мужчина в дорогом костюме, который сел в задних рядах. Я сразу узнал его — по копне светлых волос, ряду ослепительно-белых зубов и бледному, как у офисного работника, лицу. Руди Карп был из тех адвокатов, которые месяцами вели дела, освещаемые в вечерних новостях, появлялись в судебных телепрограммах, светились на обложках журналов и обладали всеми навыками работы в зале суда, чтобы заслужить подобное внимание. Официальный представитель «звезд».

Очно мы с ним никогда еще не пересекались, охотясь в разных социальных кругах. Руди два-

жды в год обедал в Белом доме. Мы же с судьей Гарри Фордом раз в месяц пили дешевый скотч. Одно время я позволял бухлу взять надо мной верх. Но только не сейчас. Всего раз в месяц. Не больше двух стаканчиков. Теперь у меня все под контролем.

Руди махнул куда-то в мою сторону. Отвернувшись от него, я увидел, что судья сверлит взглядом детектива Грейнджера. Когда я повернулся обратно, Руди вновь помахал рукой. Только тогда я понял, что машет он именно мне. Я машинально помахал в ответ, отвернулся и попытался сориентироваться в ситуации, тщетно пытаясь сообразить, какого черта такая фигура делает на моем слушании.

— Хорошо, что вы наконец изволили присоединиться к нам, детектив, — едко произнес судья Паркс.

Майк Грейнджер выглядел как типичный ветеран нью-йоркской полиции. Вразвалочку выйдя вперед, он вынул из-под пиджака наплечную кобуру с пистолетом и прилепил к ней выплюнутую изо рта жвачку, прежде чем засунуть все это хозяйство под стол обвинения. В зале суда — никакого оружия. Сотрудники правоохранительных органов были обязаны предъявлять

свои стволы местной службе безопасности. Старым опытным копам судебные приставы обычно давали поблажку, но даже самые испытанные ветераны знали, что на свидетельской трибуне нельзя находиться при оружии.

Грейнджер попытался было объяснить, почему опоздал. Судья Паркс сразу оборвал его, покачав головой, — мол, приберегти силы для выступления за свидетельской трибуной.

Я услышал, как Джин Мари тихонько вздохнула. Сквозь ее обесцвеченные патлы просвечивали черные корни, пальцы дрожали, когда она нервно поднесла их ко рту.

— Не дергайся. Я уже говорил, что в тюрьму ты не вернешься, — сказал я.

Для суда она надела новый черный брючный костюм. Смотрелся он на ней неплохо и явно придавал ей чуть больше уверенности в себе.

Пока я пытался успокоить Джин, Норм наконец перешел к делу, вызвав на свидетельскую трибуну Грейнджера. После того как детектива привели к присяге, Норм стал выяснять у него обстоятельства ареста Джин.

Выходило типа того: в тот вечер он проезжал через перекресток Тридцать седьмой улицы и Лексингтон-авеню и увидел Джин, стоящую воз-

ле массажного салона с коричневым бумажным пакетом в руке. Грейнджер знал, что в свое время у нее была целая куча приводов за проституцию, так что остановил машину и подошел к ней. Представился, показал свой значок. И в этот момент, по его словам, увидел «принадлежность для употребления наркотиков», торчащую из пакета Джин.

— И что это была за принадлежность? — уточнил Норм.

— Соломинка. Такие обычно используются наркоманами для вдыхания наркотиков через нос. Я четко видел такую соломинку, которая торчала из верхней части пакета у нее в руках, — ответил Грейнджер.

Судья Паркс не удивился, но тем не менее закатил глаза. Хотите верьте, хотите нет, но за последние шесть месяцев полиция Нью-Йорка арестовала с полдюжины молодых афроамериканцев за хранение принадлежностей для употребления наркотиков, поскольку те держали в руках стаканы с газировкой, из крышек которых торчали пластиковые соломинки.

— И как вы поступили потом? — спросил Норм.

— Для меня видеть при ком-то принадлежности

для употребления наркотиков — уже основание для задержания. У миз[37] Мари имеются судимости за преступления, связанные с наркотиками, поэтому я обыскал ее пакет и нашел в нем наркотики. Пять маленьких пакетиков марихуаны на самом дне. Поэтому я арестовал ее.

Дело вроде шло к тому, что Джин опять сядет. Уже второе преступление, связанное с наркотиками, за двенадцать месяцев. И на сей раз никакого условного срока. Корячилось ей от двух до трех лет. И вообще-то я припомнил, что она уже отсидела небольшой срок за это преступление. После ареста провела три недели в тюрьме, прежде чем я уболтал поручителя выписать ей залог.

Я уже спрашивал Джин об обстоятельствах ее задержания. И она рассказала мне все как на духу. Джин всегда говорила мне правду. Детектив Грейнджер подкатил к ней в поисках небольших бесплатных развлечений на заднем сиденье своей машины. Джин сказала ему, что с нее хватит — она, мол, с этим давно завязала. В результате Грейнджер вышел из машины, выхватил у нее пакет, а когда увидел внутри травку, то сразу сме-

[37] notes: 37

М и з — госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины — как замужней, так и незамужней. (*Прим. пер.*)

нил тон — сказал ей, что с этого момента хочет пятнадцать процентов от ее выручки, или же арестует ее прямо здесь и сейчас.

Джин сказала ему, что уже платит десять процентов двоим патрульным из семнадцатого райотдела и что это ее вполне устраивает. Эти копы знали Джин, и им было легко закрывать глаза на ее мелкие проделки. Несмотря на свое прошлое, Джин была патриоткой. Торговала она стопроцентно домашней американской марихуаной, полученной прямо с лицензированных государством ферм в штате Вашингтон[38]. Большинство клиентов Джин были пожилыми людьми — они курили траву, чтобы избавиться от болей при артрите или не знаю уж от каких еще скорбей. Они были постоянными клиентами и не создавали никаких проблем. Короче, Джин сказала Грейнджеру, чтобы тот шел лесом, поэтому он повязал ее и состряпал всю эту историю.

Разумеется, ничего из этого я не мог доказать в суде. Не собирался даже пытаться.

Когда Норм уселся на свое место, я встал, от-

---

[38] notes: 38

С марта 2022 г. к числу штатов, легализовавших употребление марихуаны как в медицинских, так и в рекреационных целях, присоединился и Нью-Йорк. Так что теперь Джин Мари может спать спокойно. (*Прим. пер.*)

кашлялся и поправил галстук. Расставил ноги на ширину плеч, сделал глоток воды и приосанился. Типа как настраивался на то, чтобы промурыжить Грейнджера по меньшей мере пару часов. Вынул из папки у себя на столе листок бумаги и задал свидетелю свой первый вопрос:

— Детектив, в ваших показаниях вы утверждаете, что обвиняемая держала пакет в правой руке. Мы знаем, что речь идет о большом коричневом бумажном пакете, который трудно удержать в одной руке. Я так понимаю, она держала его за ручки, приделанные к нему сверху?

Грейнджер посмотрел на меня так, словно я лишь зря трачу его драгоценное время на банальные дурацкие вопросы. Затем кивнул, и уголки его рта приподнялись в улыбке.

— Да, она держала сумку за ручки, — подтвердил он, после чего уверенно посмотрел на стол обвинения, давая сидящим за ним понять, что предвидел нечто подобное, — я не сомневался, что при подготовке к сегодняшнему слушанию Норм с Грейнджером уделили достаточно много времени законности использования коктейльных соломинок. Грейнджер был более чем готов к этому и ожидал, что сейчас я заведу долгий разговор об этих соломинках — используются

ли они лишь для газировки, и так далее, и тому подобное.

Не произнеся больше ни слова, я сел. Мой первый вопрос был также и последним.

Я видел, что Грейнджер смотрит на меня с таким подозрительным видом, будто у него только что обчистили карманы, но он в этом не до конца уверен. Норм подтвердил, что у него нет желания повторно допрашивать свидетеля. Детектив Грейнджер покинул свидетельское место, и я попросил Норма предъявить мне три вещественных доказательства, приобщенных к делу.

— Ваша честь, вещественным доказательством номер один в этом деле является сумка. Вот эта, — сказал я, демонстрируя коричневый бумажный пакет с логотипом «Макдоналдса», уложенный в прозрачный пакет для улик. Потом наклонился и поднял с пола свой собственный пакет из «Макдоналдса». Поднял его к первому. — Этот пакет — точно такого же размера. Ровно двадцати дюймов глубиной. Я получил его сегодня утром вместе со своим завтраком.

Поставив оба пакета на пол, я взял следующую пронумерованную улику.

— А вот это — содержимое пакета обвиняемой, изъятое у моей клиентки при аресте. Веществен-

ное доказательство номер два.

Внутри этого опечатанного пакета для улик лежали пять маленьких упаковок марихуаны. По объему их не хватило бы, чтобы даже заполнить чайное блюдце.

— Вещественное доказательство номер три — стандартная соломинка для газировки из «Макдоналдса». Длина ее — восемь дюймов, — объявил я, поднимая ее повыше. — Это точно такая же соломинка, как та, какую я получил сегодня утром.

Достав свою собственную соломинку, я положил ее на стол. Скинул упаковки марихуаны в свой пакет из «Макдоналдса» и показал его судье. После чего взял со стола свою соломинку и, держа ее за кончик, одной рукой опустил в пакет, а другой взялся за бумажные ручки.

Соломинка исчезла из виду.

Пакет я передал судье. Тот посмотрел на него, вынул из его глубин соломинку и бросил ее обратно. Повторил это несколько раз и даже поставил ее вертикально внутри пакета поверх пакетиков с марихуаной. Кончик соломинки оставался в добрых пяти дюймах от верха бумажного мешка. Я точно это знал, поскольку успел и сам провести подобный эксперимент.

— Ваша честь, здесь я вынужден полагаться на

точность судебного стенографиста, но, согласно зафиксированным им показаниям детектива Грейнджера, тот «совершенно четко видел соломинку, торчащую из верхней части бумажного пакета». Защита, конечно, признает, что соломинка могла показаться над краем пакета, если б его верхняя часть была свернута вниз. Однако детектив Грейнджер только что подтвердил в своих показаниях, что моя клиентка держала пакет за ручки. Ваша честь, это последняя соломинка, за которую тут можно ухватиться — так сказать.

Судья Паркс поднял руку — он явно услышал от меня достаточно — и, повернувшись в своем кресле, перевел взгляд на Норма.

— Мистер Фолкс, я только что изучил этот пакет и соломинку вкупе с прочими предметами, находящимися на самом его дне. И меня не убеждают слова детектива Грейнджера о том, что он мог видеть соломинку, торчащую из верхней части этого пакета. Таким образом, у него не имелось никаких законных оснований для обыска пакета, и все собранные в результате улики не могут быть приняты судом. Включая соломинку. Я, мягко говоря, несколько обеспокоен недавней склонностью отдельных офицеров полиции относить коктейльные соломинки и прочие

безобидные предметы к средствам для употребления наркотиков. Как бы там ни было, у вас не имеется никаких доказательств в поддержку обоснованности ареста, и я снимаю с подсудимой все обвинения. Я уверен, что у вас есть что мне сказать, мистер Фолкс, но в этом уже нет смысла — боюсь, что вы чертовски опоздали.

Джин обхватила меня за шею, едва не придушив. Я слегка похлопал ее по руке, и она отпустила меня. Пожалуй, у нее пропадет всякое желание душить меня в объятиях, когда она получит от меня счет. Судья и его помощники встали и покинули зал суда.

Грейнджер тоже метнулся к двери, по дороге нацелившись в меня указательным пальцем и изобразив выстрел из пистолета. Это ничуть меня не обеспокоило — я к этому давно привык.

— Так когда ждать от вас апелляции? — бросил я Норму.

— Не в этой жизни, — ответил он. — Грейнджер не интересуется всякой мелкой шелупонью вроде вашей клиентки. Похоже, за этим арестом стоит что-то еще, о чем мы с вами никогда не узнаем.

Собрав свое барахло, Норм последовал за моей клиенткой из зала суда. Теперь в зале остались только я и Руди Карп. Он несколько раз хлопнул

в ладоши — типа как поаплодировал мне, и на лице у него появилось нечто похожее на искреннюю улыбку.

Встав, Руди произнес:

— Поздравляю! Это выглядело… весьма впечатляюще. Не уделите мне пяток минут своего времени?

— Зачем?

— Я хочу знать, не желаете ли вы занять место второго защитника в самом крупном процессе по делу об убийстве, который только когда-либо видели в этом городе.

Глава 2

Кейн смотрел, как мужчина в клетчатой рубашке открывает входную дверь своей квартиры и стоит на пороге, совершенно потеряв дар речи. Было видно, что тот в полном замешательстве, и Кейну стало интересно, о чем он сейчас думает. Поначалу человек в клетчатой рубашке наверняка решил, что смотрит на собственное отражение в зеркале — как будто какой-то шутник позвонил в его дверь и тут же установил зеркало в полный рост прямо напротив дверного проема. А затем, когда обитатель квартиры понял, что

никакого зеркала нет, то потер лоб и отступил на шаг от двери, пытаясь осмыслить увиденное. Кейн впервые оказался от него так близко. Он уже давно наблюдал за ним, фотографировал его, имитировал его речь и походку… Оглядев этого человека с ног до головы, Кейн остался доволен своей работой. На Кейне была точно такая же рубашка, как и на мужчине у двери. Он выкрасил волосы в тот же цвет, и с помощью ножниц, бритвы и кое-какого грима ему удалось довольно точно скопировать линию залысин над висками. Очки в черной оправе были той же модели. Даже на серых брюках, на нижней части левой штанины, в пяти дюймах от обшлага и в двух дюймах от внутреннего шва, красовалось точно такое же пятно от отбеливателя. Ботинки были тоже такими же.

Нацелившись взглядом в лицо мужчины, Кейн отсчитал три секунды, пока тот не понял, что это не розыгрыш и видит он не собственное отражение в зеркале. Тем не менее мужчина посмотрел на свои руки, словно чтобы убедиться, что они пусты. Поскольку в правой руке Кейн держал пистолет с глушителем, опущенный дулом вниз.

Воспользовавшись замешательством своей жертвы, Кейн сильно толкнул мужчину в грудь,

заставив его отступить. Вошел в квартиру, ногой толкнул дверь и услышал, как она ударилась о косяк.

— В ванную, быстро, ты в опасности! — выпалил Кейн.

Мужчина поднял руки, его губы беззвучно шевелились, пытаясь подобрать слова. Любые слова. Слова так и не пришли. Он просто пятился по коридору, пока не оказался в ванной комнате и не уперся задом в фаянсовую ванну. Его высоко поднятые руки дрожали, глаза метались по всей фигуре Кейна. Замешательство явно грозило перерасти в панику.

Кейн столь же внимательно изучал мужчину в ванной, подмечая небольшие различия во внешности. Вблизи выяснилось, что сам он похудощавей — тот весил на добрых пятнадцать-двадцать фунтов побольше. Цвет волос оказался близок к оригиналу, но все-таки не совсем то. И еще шрам — маленький, прямо над верхней губой мужчины, на левой щеке. Кейн не видел этого шрама на снимках, которые сделал пять недель назад, и не приметил его на фотографии из водительских прав мужчины, хранящейся в

УАТ[39]. Наверное, шрам появился уже после того, как тот фотографировался на права. Правда, Кейн знал, что сможет запросто изобразить его. В свое время он как следует изучил технику голливудских гримеров — тонкий слой быстросохнущего латексного раствора способен воспроизвести практически любой шрам. Кейн кивнул. Единственное, в чем он в буквальном смысле попал в цвет, так это с цветом глаз — по крайней мере, контактные линзы удалось подобрать один в один. Подумалось, что, пожалуй, стоит добавить немного темных теней вокруг глаз, а может, и слегка осветлить кожу. Нос тоже был проблемой. Но той, которую вполне можно было исправить.

«Не идеально, но и не так уж плохо», — подумал Кейн.

— Что, черт возьми, происходит? — вопросил упершийся в ванну человек.

Кейн достал из кармана сложенный листок бумаги и бросил его к ногам мужчины, распорядившись:

— Подбери-ка и прочти вслух.

Наклонившись на дрожащих ногах, тот подобрал бумажку, развернул и прочел написанное.

---

[39] notes: 39

УАТ (*англ.* DMV — Department of Motor Vehicles) — Управление автомобильного транспорта, нечто вроде российского ГИБДД. (*Прим. пер.*)

А когда опять поднял взгляд, Кейн уже держал в руке небольшой цифровой диктофон.

— Вслух!

— Б-берите все, что хотите, только не убивайте меня, — пролепетал мужчина, закрывая лицо руками.

— Эй, послушай-ка! Твоя жизнь в опасности. У нас не так много времени. Кое-кто идет сюда, чтобы убить тебя. Расслабься, я коп. Я здесь, чтобы занять твое место и защитить тебя. Как думаешь, почему я одет точно так же, как ты? — спросил Кейн.

Глянув сквозь накрывшие лицо пальцы, мужчина опять посмотрел на Кейна, прищурился и принялся качать головой.

— Да кому это понадобилось убивать меня?

— У меня нет времени на объяснения, но этот человек должен поверить, что я — это ты. Мы собираемся уберечь тебя от большой беды — обеспечить твою безопасность. Но сначала мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Видишь ли, я выгляжу в точности как ты, но говорю не так, как ты. Прочти записку вслух, чтобы я мог услышать твой голос. Мне нужно поймать ритм твоей речи, понять, как ты произносишь слова.

Записка задрожала в руках мужчины, когда он

начал читать вслух, поначалу нерешительно, пропуская отдельные слова и запинаясь.

— Стоп. Расслабься. Ты в полной безопасности. Все будет хорошо. А теперь попробуй еще разок, с самого начала, — приказал Кейн.

Мужчина перевел дыхание и попробовал снова.

— Голодный фиолетовый динозавр съел добрую игривую лису, болтливого краба и бешеного кита и начал торговать и крякать, — произнес он со смущенным выражением на лице, добавив: — А что все это значит?

Кейн нажал кнопку «стоп», остановив свой цифровой диктофон, поднял пистолет и нацелил его в изумленно приоткрытый рот мужчины.

— Это предложение представляет собой фонетическую панграмму[40]. Оно дает мне основу для твоего звукового диапазона. Прости. Я соврал. Я и есть тот человек, который пришел убить тебя. Ты уж поверь, мне и вправду хотелось бы пообщаться с тобой подольше. Это все значительно упростило бы…

Единственная пуля из пистолета с глушителем проделала небольшую дыру в нёбе мужчины. Пи-

---

[40] notes: 40

Панграмма — фраза, содержащая все буквы латинского алфавита. (*Прим. пер.*)

столет был двадцать второго калибра. Никакого выходного отверстия. Никакой крови и мозгов, которые надо смывать, никакой пули, которую пришлось бы выковыривать из стены. Красиво и чисто. Тело мужчины свалилось в ванну.

Кейн бросил пистолет в раковину, вышел из ванной и открыл входную дверь. Осмотрел лестничную площадку. Немного выждал. Вроде никого не видать. Никто ничего не слышал.

Напротив от входной двери на площадке находилась небольшая кладовка. Кейн открыл ее, взял спортивную сумку и ведро со щелоком, которые там оставил, вернулся в квартиру и прошел в ванную. Если б после убийства этого человека можно было бы куда-нибудь перевезти тело, работу удалось бы завершить в другом месте и гораздо эффективнее. Но обстоятельства диктовали иное. Нельзя было рисковать, пытаясь вынести тело, даже по частям. За пять недель наблюдения Кейн видел мужчину выходящим из этой квартиры не больше десятка раз. В здании тот вроде никого не знал, у него не было ни друзей, ни семьи, ни работы, и, что немаловажно, никто его не навещал. Кейн был в этом полностью уверен. Но самого мужчину все-таки знали в этом доме и в окрестностях. Он здоровался с соседями

в вестибюле, общался с продавцами в магазине и так далее. Мимолетные знакомства, но тем не менее хоть какой-то контакт. Так что Кейну требовалось разговаривать, как он, выглядеть, как он, и как можно точнее придерживаться его распорядка дня.

С одним очевидным исключением. Распорядку дня этого человека предстояло измениться самым необычным образом.

И прежде чем заняться телом мужчины, Кейну нужно было поработать над самим собой. Он воспользовался моментом, чтобы еще раз изучить лицо своей жертвы поближе.

Нос…

Нос мужчины чуть покосился на левую сторону и был толще, чем у Кейна. Должно быть, он сломал его всего пару лет назад, и у него не было либо страховки, либо денег, либо желания как следует привести его порядок.

Кейн быстро разделся, аккуратно сложил одежду и отнес ее в гостиную. Взял полотенце из ванной, намочил горячей водой под краном в раковине, затем отжал. То же самое проделал с маленьким полотенчиком для лица.

Мокрое банное полотенце он скатал в плотный рулон толщиной около трех дюймов. Накинул

маленькое полотенчико на правую сторону лица — так, чтобы оно закрывало нос. Свернутое банное полотенце оказалось достаточно длинным, чтобы удалось повязать его вокруг головы.

Кейн подошел к выходу из ванной, взялся правой рукой за дверную ручку и подтянул дверь к лицу — так, чтобы край двери коснулся переносицы. Повязка должна была частично поглотить удар острого края двери, чтобы тот не рассек кожу. Кейн слегка наклонил голову влево и положил левую руку на левую сторону лица. Почувствовал, как напряглись шейные мышцы, преодолевая давление руки. Теперь уже голова не откинется влево от удара.

Сосчитав в уме до трех, Кейн отвел дверь от себя, а затем резко дернул к себе, ударив ее краем в переносицу. Придерживаемая рукой голова удержалась на месте. Нос — нет. Он понял это по хрусту костей. Ориентироваться приходилось только на звук, поскольку при этом Кейн абсолютно ничего не почувствовал.

Полотенце, обернутое вокруг головы, не позволило двери достать до головы и привести к перелому глазной орбиты. Подобная травма привела бы к кровоизлиянию в глаз, для устранения которого потребовалось бы обращаться

к врачам.

Кейн снял с головы оба полотенца и бросил их в ванну на ноги убитого. Посмотрелся в зеркало. Потом глянул на нос мужчины.

То, да не совсем.

Ухватив себя за нос пальцами, Кейн резко мотнул головой влево, услышав при этом характерный хруст раздробленных хрящей — примерно такой же, как если насыпать хлопья для завтрака в салфетку и крепко сжать ее в кулаке. Еще раз посмотрел в зеркало.

Уже лучше. Отек тоже только в жилу. Ну а синяки, которые неизбежно появятся вокруг носа и глаз, можно убрать при помощи тонального крема.

Затем Кейн надел костюм химической защиты, который заранее положил в спортивную сумку вместе с другими вещами. Раздел мужчину в ванне догола. В воздух взметнулось облачко белой пыли, когда он открыл крышку ведра со щелоком в концентрированной порошкообразной форме. Горячая вода текла быстро, вскоре достигнув невыносимой температуры. Кожа мужчины покраснела от жара. Струйки крови плавали и танцевали в горячей воде, словно красный туман. Одну за другой Кейн забросил в

ванну три полные пригоршни щелока.

Когда ванна наполнилась примерно на три четверти, он выключил воду. Достал из своей сумки большую прорезиненную простыню, развернул и накрыл ею ванну. Приготовив рулон строительного скотча, принялся крепить простыню к ванне при помощи длинных отрезков ленты.

Кейн знал множество способов избавиться от тела, позволяющих не оставить после себя никаких следов. И этот метод утилизации он находил особенно эффективным. Процесс был основан на щелочном гидролизе. Биокремация разрушает кожу, мышцы, ткани и даже зубы на клеточном уровне. Порошок щелока, смешанный в нужной пропорции с водой, полностью растворяет человека менее чем за шестнадцать часов. После этого в ванне остается лишь зеленовато-бурая жидкость, которая легко смывается в канализацию.

Оставшиеся после этого зубы и кости выглядят обесцвеченными и хрупкими, и их можно легко растереть в пыль просто каблуком ботинка. Осмотревшись, Кейн понял, что идеальное место для избавления от костной пыли — большая коробка со стиральным порошком. На вид растертая кость почти такая же, особенно если как следует перемешать ее с порошком, и никому и в

голову не придет туда заглядывать.

Единственная оставшаяся в ванне вещь, которая требовала дополнительного внимания, — это пуля, а ее Кейн мог просто выбросить в реку.

Красиво и чисто — именно так, как ему нравилось.

Удовлетворенный своей работой, Кейн кивнул сам себе и вышел в небольшую прихожую квартиры. Рядом с закрытой входной дверью стоял маленький столик, на котором лежала стопка вскрытой почты. На самом ее верху, гордо выделяясь ярко-красной полоской на фоне белой бумаги, лежал конверт, который Кейн сфотографировал несколько недель назад. Повестка, призывающая исполнить гражданский долг в качестве присяжного в суде.

Глава 3

На Сентер-стрит, прямо перед зданием суда, я увидел черный лимузин, водитель которого уже стоял на тротуаре, придерживая открытую заднюю дверцу. Руди Карп пригласил меня на обед. Я и вправду успел проголодаться.

Водитель лимузина припарковал машину буквально в десяти футах от передвижного киоска с

хот-догами, под прилавком которого красовалась моя собственная физиономия — вкупе с объявлением, рекламирующим мои адвокатские услуги. Как будто сейчас мне требовалось дополнительное напоминание о том космическом расстоянии, что разделяло меня и Руди… Как только мы сели в лимузин, он ответил на звонок по мобильнику. Водитель отвез нас в ресторан на Южной Парк-авеню. Я даже не смог бы выговорить его название; звучало оно скорее по-французски. Выйдя из машины, Руди закончил разговор по телефону и сказал:

— Люблю это место. Лучший рататуй в городе.

Я и понятия не имел, что это за «рататуй» такой. Лишь смутно подозревал, что вряд ли это какое-то животное, но с видом знатока кивнул и проследовал за Руди внутрь.

Официант при виде такого гостя сразу переполошился и предоставил нам столик в задней части зала, подальше от людной обеденной зоны. Руди уселся напротив меня. Скатерти и салфетки в этом заведении были, естественно, настоящие, не бумажные, и на заднем плане кто-то тихо наигрывал на фортепиано.

— Мне нравится здешнее освещение. Так… атмосферно, — заметил Руди.

Освещение оказалось настолько атмосферным, что мне пришлось подсветить себе мобильником, чтобы просто изучить меню. Оно было на французском. Я решил заказать все, что закажет Руди, и на этом успокоиться. Почему-то я чувствовал себя в этом заведении крайне неуютно. Не люблю заказывать по меню, в котором рядом с названиями блюд не указаны цены. Не в моем вкусе такие места. Официант принял наш заказ, налил два стакана воды и ушел.

— В общем, давай сразу к делу, Эдди. Ты мне нравишься. Я уже некоторое время присматриваюсь к тебе. За последние несколько лет у тебя был ряд замечательных дел. Помнишь небось историю с Дэвидом Чайлдом?

Я лишь кивнул. Не люблю разговоров о своих старых делах. Предпочитаю, чтобы все это оставалось между мной и клиентом.

— И ты не раз добивался успеха в судебных процессах против полиции Нью-Йорка. Видишь, мы как следует подготовились, кое-что изучили… Парень ты вроде стоящий.

То, как он произнес «изучили», навело меня на мысль, что ему наверняка известна и моя репутация до того, как я сдал экзамен на адвоката. Хотя все, что пересказывалось о моей прежней жизни

мошенника, было лишь слухами. Никто ни черта не мог доказать, и мне это нравилось.

— Насколько я понимаю, ты в курсе, над каким делом я сейчас работаю, — утвердительно произнес Руди.

Это и в самом деле было так. На такое было просто невозможно не обратить внимания. В течение всего последнего года я каждую неделю видел его физиономию в новостях.

— Вы представляете Роберта Соломона, кинозвезду. Суд назначен на следующую неделю, если я не ошибаюсь.

— Процесс начнется через три дня. Завтра — отбор присяжных. И мы бы хотели, чтоб ты был в нашей команде. Ты наверняка сумеешь взять на себя пару свидетелей, если дать тебе немного времени на подготовку. Думаю, что твой стиль принесет успех. Вот потому-то я и здесь. Даю тебе роль второго защитника — поработаешь пару недель, и не говоря уже о всей той рекламе, которую ты на халяву получишь, мы можем предложить тебе фиксированный гонорар в двести тысяч долларов.

Руди улыбнулся мне, сверкнув своими идеальными белоснежными зубами. В этот момент он походил на владельца кондитерской, бесплатно

предлагающего беспризорнику столько шоколада, сколько тот способен одолеть. Ну просто филантроп и благотворитель. Чем дольше я молчал, тем труднее становилось Руди удерживать эту улыбку.

— Когда вы говорите «мы», то кого именно имеете в виду? Я-то думал, вы единолично рулите своим кораблем под названием «Адвокатское бюро Карпа».

Кивнув, он ответил:

— Да, но когда дело доходит до голливудских звезд, которых судят за убийство, всегда есть и другой игрок. Мой клиент — студия. Это они попросили меня представлять Бобби, и именно они оплачивают счет. Так что скажешь, малыш? Хочешь стать знаменитым адвокатом?

— Обычно предпочитаю держаться в тени, — сказал я.

Лицо у него вытянулось.

— Да ладно, это ведь процесс об убийстве века! Так как все-таки? — не отставал Руди.

— Нет, спасибо, — ответил я.

Карп этого явно не ожидал. Откинувшись на спинку стула, он скрестил руки на груди и произнес:

— Эдди, да любой адвокат в этом городе просто

убил бы за место за столом защиты в этом деле! И ты это знаешь. Дело в деньгах? В чем проблема?

Подошел официант с двумя тарелками супа, от которого Руди лишь отмахнулся. Придвинув стул поближе к столу, он подался вперед, опершись на локти в ожидании моего ответа.

— Не хочу показаться надменным придурком, Руди… Вы правы, большинство адвокатов убили бы за это кресло. Но я не такой, как большинство адвокатов. Из того, что я читал в газетах, и того, что видел по телевизору, по-моему, именно Роберт Соломон и убил этих людей. А я не собираюсь помогать убийце уйти от наказания, независимо от того, насколько он знаменит или сколько у него денег. Извините, но мой ответ — нет.

На лице Карпа все еще играла улыбка на пять тысяч долларов, когда он искоса глянул на меня и, слегка кивнув, сказал:

— Я понял, Эдди. А как насчет четверти миллиона для ровного счета?

— Дело не в деньгах. Я не выступаю за виновных. Я уже это проходил. Это обходится гораздо дороже любых денег, — ответил я.

Наконец на лице Руди отразилось осознание, и он на какое-то время спрятал улыбку.

— О, с этим-то у нас как раз нет никаких про-

блем. Видишь ли, Бобби Соломон невиновен. Полиция Нью-Йорка обвинила его в убийствах при помощи подтасовки улик.

— В самом деле? И вы можете это доказать? — спросил я.

Карп ненадолго примолк.

— Нет, — наконец произнес он. — Но думаю, что ты сможешь.

Глава 4

Кейн уставился в высокое, во весь рост, зеркало, висящее перед ним в спальне. По краям его, засунутые между стеклом и рамой, были прикреплены десятки фотографий мужчины, который сейчас медленно растворялся в собственной ванне. Кейн привез фотографии с собой. Ему требовалось еще немного времени, чтобы как следует изучить свой объект. Один снимок — единственный, на котором Кейну удалось запечатлеть мужчину в сидячем положении — привлек его внимание больше остальных. На этой фотографии объект расположился на скамейке в Центральном парке, бросая хлебные крошки птицам и вытянув перед собой скрещенные ноги.

Кресло, которое Кейн приволок из гостиной, было примерно на пять дюймов ниже парковой скамейки на фотографии, и он изо всех сил пытался правильно расположить ноги. Кейн в жизни не сидел, скрестив ноги. Это никогда не было для него удобно или естественно, но он был настоящим перфекционистом, когда дело доходило до того, чтобы стать кем-то другим. Это всегда было жизненно важно для успеха в намеченном деле.

Способность к подражанию была даром, который он обнаружил у себя еще в школе. На переменах Кейн частенько изображал учителей для остальной части класса, а его одноклассники катались по полу от смеха. Сам он никогда не смеялся, но ему нравилось всеобщее внимание. Нравился смех его ровесников, хотя он не мог понять, почему они смеялись и что именно связывало их смех с его попытками подражания. Тем не менее он время от времени это проделывал. Вдобавок это помогало ему вписаться в любую компанию, не чувствовать себя в ней чужим. В детстве Кейн много переезжал — в новую школу, в новый город — почти каждый год, и каждый раз вскоре после этого его мать неизбежно теряла работу из-за болезни или пьянства. А затем по всему их району появлялись расклеенные объявления

— фотографии пропавших домашних животных.

Обычно тогда, когда приходило время двигаться дальше.

Кейн быстро развил в себе способность знакомиться с людьми. Заводить новых друзей ему удавалось без труда, и не похоже, чтобы в этом деле у него недоставало практики. Устраиваемые им представления быстро растапливали лед. Буквально через пару дней девчонки из его класса переставали поглядывать на него свысока, а парни вовлекали его в разговоры о бейсболе. Вскоре, став постарше, Кейн уже изображал из себя всяких знаменитостей, а также профессоров и преподавателей.

Он сел прямо и опять попытался закинуть одну ногу на другую точно так же, как на фотографии. Правая икра над левым коленом, нога вытянута. Тут его правая нога соскользнула с колена, и он выругался. Сделав небольшой перерыв, несколько раз проиграл панграмму, записанную прямо перед тем, как он пустил зачитавшему ее человеку пулю в голову. Несколько раз произнес ее от начала до конца — вначале едва слышным шепотом, а потом постепенно увеличивая громкость. Кейн вновь и вновь прокручивал запись. Закрыв глаза, внимательно вслушивался. Голос на дикто-

фоне мог быть и получше. Он все еще мог уловить страх в этом голосе. Из-за дрожи, поселившейся в глубине гортани мужчины, некоторые слова звучали неразборчиво. Кейн попытался вычленить их и повторил с более уверенной интонацией, проверяя, как они будут звучать без страха. Голос на диктофоне был довольно низким. Кейн понизил голос на октаву, выпил немного молока, смешанного с жирными сливками, — просто чтобы немного подсадить свои голосовые связки. Это сработало. После некоторой практики, когда Кейн уже мог слышать эти интонации и высоту тона в своей собственной голове, то почувствовал уверенность, что сможет полностью повторить их или, по крайней мере, максимально приблизиться к ним — даже без небольшого отека гортани, вызванного жирным молоком.

Еще минут через пятнадцать голос из диктофона и речь Кейна стали практически идентичными. И на сей раз, когда он закинул ногу на ногу, она осталась там.

Удовлетворенный достигнутым, Кейн встал, вернулся на кухню и опять подошел к холодильнику. Наливая очередную порцию молока, увидел в холодильнике жертвы несколько ингредиентов, которые ему приглянулись. Бекон,

яйца, плавленый сыр в аэрозольном баллончике, пачка сливочного масла, несколько мягких на вид помидоров и лимон. Он решил, что яичница с беконом и, пожалуй, несколько ломтиков поджаренного хлеба помогут ему увеличить потребление калорий. Кейну требовалось набрать еще несколько фунтов, чтобы соответствовать весу и комплекции своей жертвы. Учитывая все обстоятельства, наверняка сошло бы и так, или же можно было пристроить на живот тонкую подушку, но Кейн подходил к подобным вещам крайне методично. Если сегодня вечером можно приблизиться к своей цели хотя бы на фунт, съев много жирной пищи, то именно так и следовало поступить.

Найдя под раковиной сковородку, он приготовил яичницу. За едой пролистал несколько рыболовных журналов «Американ энглер», лежащих на кухонном столе. Наевшись, отодвинул тарелку. Кейн знал, что в зависимости от того, как пойдут дела вечером, ему может и не выпасть другого шанса поесть до полуночи.

Сегодняшний вечер, подумал он, и вправду мог оказаться довольно хлопотным.

Глава 5

По-моему, этот загадочный рататуй все-таки стоил того, чтобы его дождаться. Супчик, к слову, оказался ничего себе. Неплохо. Совсем неплохо. Разговор прекратился, как только Руди наконец позволил официанту принести тарелки. Ели мы в полном молчании. Убедившись, что он закончил, я отложил ложку, вытер губы салфеткой и полностью сосредоточился на Руди.

— По-моему, ты все-таки соблазнился этим делом. И наверняка хочешь узнать кое-какие подробности, прежде чем окончательно принять решение. Я прав? — спросил он.

— Правы.

— Не выйдет. Это самое громкое дело, когда-либо случавшееся на Восточном побережье. Через пару дней мне предстоит выступить со вступительной речью перед присяжными. Я занимался этим делом с самого начала и приложил все усилия, чтобы сохранить стратегию защиты в секрете. Элемент неожиданности в судебном разбирательстве порой имеет решающее значение. Ты и сам это знаешь. На данный момент ты не зарегистрирован в суде в качестве защитника

по этому делу. Все, что я тебе сейчас говорю, не охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента.

— А если я подпишу соглашение о конфиденциальности? — спросил я.

— Оно не будет стоить даже бумаги, на которой напечатано, — ответил Руди. — Я мог бы весь свой дом оклеить всеми этими соглашениями о конфиденциальности, и знаешь, сколько из них было выполнено? Не хватит даже жопу нормально подтереть. Это же Голливуд.

— Так что вы больше ничего не расскажете мне об этом деле? — уточнил я.

— Не могу. Могу сказать лишь одно: я просто уверен, что парнишка невиновен, — сказал Руди.

Искренность вполне можно подделать. Клиент Руди — одаренный молодой актер. Он знает, как играть перед камерой. Но вот Руди, несмотря на все его нахальство и умение убеждать в зале суда, не сумел бы скрыть от меня правду. Я пробыл в его обществе всего полчаса — может, чуть больше. И это заявление прозвучало вполне естественно — похоже, он и вправду верил в то, что говорил. Я не уловил в его речи никаких тревожных звоночков — физических или вербальных, сознательных или бессознательных. Она была чистой. Слова

лились рекой. Если б меня спросили, я бы сказал, что Руди говорит правду — он и вправду уверен в невиновности Роберта Соломона.

Но этого было недостаточно. Только не для меня. А что, если Руди попался на удочку клиента-манипулятора? Тем более профессионального актера…

— Послушайте, я и вправду ценю ваше предложение, но мне придется…

— Погоди-ка, — перебил меня Руди. — Не говори пока «нет». Не спеши. Утро вечера мудреней. Хорошенько все обдумай и завтра дай мне знать. Ты еще можешь передумать.

Он оплатил счет, добавил чаевые, достойные знаменитости и покруче, и мы вышли из темного ресторана на улицу. Водитель лимузина выбрался из-за руля и распахнул заднюю дверцу.

— Куда тебя подбросить? — спросил Руди.

— Я оставил машину на Бакстер, сразу за зданием суда, — ответил я.

— Нет проблем. Не против, если мы заскочим на Сорок вторую по дороге? Я хотел бы тебе кое-что показать.

— Годится.

Руди уставился в окно, положив руку на подлокотник и задумчиво поглаживая пальцами

губы. Я же обдумывал все услышанное. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, почему Руди настолько хотелось, чтобы я занялся этим делом. Полной уверенности не было, но у меня возник вопрос, который прояснил бы все это раз и навсегда.

— Понимаю, что вы не можете посвятить меня во все подробности, но скажите вот что. Насколько я уяснил себе, некая важная улика, указывающая на то, что правоохранители попросту подставили Роберта Соломона, за последние две недели так волшебным образом и не выплыла на свет?

Секунду Руди молчал. Потом улыбнулся. Он понял, о чем я думаю.

— Ты прав. Новых улик нет. Вообще ничего нового за последние три месяца. Так что, я думаю, ты уже все понял. Не принимай на личный счет.

Если б меня наняли задать перцу полиции Нью-Йорка, то я был бы единственным адвокатом в команде защиты, кого не страшили бы свидетели-полицейские. Я был бы тем, кто их натурально с говном смешал бы. Если получилось бы — отлично. А если б это не понравилось присяжным, меня бы тупо уволили. У Руди было бы время объяснить присяжным, что меня наня-

ли всего неделю назад и что любые обвинения, которые я выдвигаю против копов, исходят не от нашего клиента. Меня бы выставили изгоем, отбившимся от рук. Вычеркнули из сценария. И в этих обстоятельствах Руди сохранил бы хорошие отношения с присяжными, что бы ни случилось. Я был бы в команде в некотором роде расходным материалом — либо героем, либо козлом отпущения.

Умно. Очень умно.

Подняв глаза, я увидел, как Руди показывает на что-то за боковым окошком лимузина. Я наклонился вперед и проследил за его взглядом, увидев рекламный щит нового фильма под названием «Вихрь». Билборды на Сорок второй улице обходятся недешево. Фильм тоже вроде был не дешевый — явно что-то дико дорогостоящее из области научной фантастики. Согласно титрам внизу, в фильме снимались такие звезды, как Роберт Соломон и Ариэлла Блум. Я уже слышал об этом фильме. Все в стране, кто хоть раз в этом году включал телевизор, тоже знали о нем. И о сумасшедшем бюджете в три сотни миллионов долларов, и о Роберте Соломоне с его супругой Ариэллой Блум в главных ролях. Арест восходящей голливудской звезды, обвиняемой

в убийстве, гарантировал массовое, бешеное освещение в прессе. Жертвами этого убийства стали сразу двое: начальник службы безопасности Бобби — Карл Тозер, и жена Бобби — Ариэлла Блум. На момент этих убийств Роберт и Ариэлла были женаты уже два месяца и только что сняли первый сезон собственного реалити-шоу. Большинство экспертов утверждали, что этот судебный процесс будет более громким, чем суды над О. Джей Симпсоном и Майклом Джексоном, вместе взятыми[41].

— Этот рекламный щит появился на прошлой неделе. Хороший пиар для Бобби, но фильм уже почти год лежит на полке. А если Роберта признают виновным, то там и останется. Если после долгого судебного разбирательства его отпустят за недостаточностью улик или чем-то в этом роде, — тоже. Единственный способ выпустить

[41] notes: 41

Один из самых резонансных судебных процессов в современной истории. Бывшего профессионального футболиста, а позже киноактера *О. Джей Симпсона* в 1994 г. обвиняли в убийстве собственной жены и ее приятеля, но благодаря мастерству адвокатов Р. Кардашьяна и Дж. Кокрана ему удалось выкрутиться. Впрочем, так называемый «гражданский суд» все-таки признал его виновным и обязал выплатить родственникам погибших 33,5 млн долларов. Известного певца и композитора Майкла Джексона неоднократно обвиняли в развращении малолетних, но все судебные процессы он выиграл. Единственные проигранные певцом суды касались невыполнения им финансовых обязательств. (*Прим. пер.*)

этот фильм и вернуть студии вложенные деньги — продемонстрировать всему миру, что Роберт невиновен. Он подписал выгодный контракт со студией еще на три фильма. Для студии это был бы верняк. Мы должны приложить все усилия, чтобы Бобби смог выполнить этот контракт. В противном случае студия может потерять значительную сумму денег. Вообще-то измеряемую миллионами. От этого многое зависит, Эдди. Нам нужен окончательный результат в нашу пользу, и как можно скорее.

Я кивнул и отвернулся от щита. Может, Руди и заботила судьба Роберта Соломона, но все-таки не так сильно, как денег студии. И кто стал бы его в этом винить? В конце концов, он ведь адвокат.

Все газетные киоски на Сорок второй улице пестрели новостями о скором начале судебного процесса.

Чем больше я думал об этом, тем больше приходил к мысли, что это дело — натуральный кошмар. Судя по всему, между студией и Бобби может возникнуть конфликт. А что, если парень захочет признать себя виновным и заключить сделку с окружным прокурором, а студия ему не позволит? А вдруг он и вправду невиновен?

С Сорок второй улицы мы свернули на юг, к

Сентер-стрит, и я постарался припомнить все, что слышал об этом деле в новостях. Судя по всему, началось все со звонка Соломона в службу «911» — он сообщил полиции, что нашел свою жену и своего начальника службы безопасности мертвыми. По вызову приехали двое копов. Соломон впустил их в дом, и они поднялись наверх.

Столик на лестничной площадке второго этажа был перевернут. Рядом с ним — разбитая ваза. Столик стоял перед окном в задней части дома, выходящим на небольшой огороженный садик внизу. На этом этаже было три спальни. Две стояли пустыми и темными. Хозяйская спальня в конце коридора была тоже погружена во тьму. Внутри этой комнаты они нашли Ариэллу и Карла, начальника службы безопасности. Или, вернее, то, чем они стали. Оба лежали на кровати мертвые и голые.

На Соломоне обнаружили кровь его жены. По-видимому, имелись и другие вещественные улики, обнаруженные криминалистами, которые прокуратура охарактеризовала бы лишь как неопровержимые доказательства вины Соломона.

Дело закрыто.

По крайней мере, так мне тогда подумалось.

— Если Роберт не убивал тех людей, то кто же это сделал? — спросил я.

Машина свернула на Сентер-стрит и притормозила у здания суда. Развернувшись на сиденье, Руди произнес:

— Мы сейчас должны сосредоточиться на том, кто этого *не делал*. Это полицейская подстава. Все как по учебнику. Послушай, я знаю, что это непростое решение. И ценю твой подход с моральной точки зрения. Потрать сегодняшний вечер на то, чтобы как следует подумать об этом. Если ты решишь, что хочешь вписаться, позвони мне. Что там дальше ни будет, приятно было пообщаться, — сказал Руди, протягивая мне свою визитку.

Машина остановилась, мы с Карпом обменялись рукопожатием, а водитель вышел и открыл мне дверцу. Выйдя на тротуар, я посмотрел на отъезжающий лимузин. Не видя материалов по делу, я мог лишь догадываться, что копы с ходу решили, что убийца — Роберт, и наверняка позаботились о том, чтобы его гарантированно осудили. Большинство копов просто хотят посадить преступников за решетку. И чем страшней преступление, тем больше вероятность того, что полиция подтасует улики. А это незаконно. Да, нечто подобное можно кое-как оправдать с мо-

ральной точки зрения, но копы не имеют права баловаться с уликами — потому как в следующий раз они могут проделать то же самое с ни в чем не повинным человеком.

Я знал нескольких копов. Честных. А любого копа, который манипулировал уликами в угоду своему делу, его честные коллеги ненавидели даже еще сильней, чем адвокатов защиты.

Свернув за угол на Бакстер-стрит, я поискал глазами свою машину — синий «Мустанг». Нигде его на улице не приметив, огляделся. И тут увидел, как сотрудник городской парковочной службы грузит его на эвакуатор.

— Эй, это моя машина! — заорал я, перебегая улицу.

— Тогда вам следовало заплатить за парковку, старина, — отозвался пухлый малый в ярко-синей униформе.

— Но я заплатил за парковку! — возмутился я.

Парковщик покачал головой, протянул мне квитанцию и ткнул пальцем в мою машину, которую уже опускали краном-манипулятором на грузовик. Вначале я не мог понять, на что указывает парень, но потом все увидел. Вместо парковочного квитка под щетку стеклоочистителя на моем лобовом стекле был засунут пакет

из «Макдоналдса». Поверх него торчали штук тридцать или сорок коктейльных соломинок. На коричневой бумаге пакета виднелись какие-то буквы, написанные черным маркером. Шины «Мустанга» наконец ударились о платформу, я вскарабкался на эвакуатор и выдернул пакет. Оставленное мне сообщение гласило:

«Ты ОПОЗДАЛ».

Я бросил пакет в ближайший мусорный бак, достал мобильник и набрал номер на карточке, которую оставил мне Руди.

— Руди, это Эдди. Я уже все обдумал. Хотите, чтобы я дал просраться полиции Нью-Йорка? Да пошло оно все к чертям! Я хочу посмотреть документы по делу как официальный адвокат Роберта, но только при одном условии. Если после того, как я ознакомлюсь с делом, у меня останутся сомнения в его невиновности, то я пас.

Глава 6

В любое другое время года я мог бы дойти до офиса «Адвокатского бюро Карпа» всего минут за десять. Мой собственный офис, который без ведома моего домовладельца одновременно служил мне квартирой, находился на Западной Сорок

шестой улице, неподалеку от Девятой авеню. Обернув шею шарфом и закутавшись в пальто, я вышел из него около половины шестого. Времени хватало, чтоб перехватить по дороге ломтик пеперони с какой-нибудь газировкой и вообще не торопиться. Солнце уже зашло, и тротуары начали покрываться наледью. Спешить не стоило, если я намеревался добраться до места целым и невредимым. Мой пункт назначения располагался по адресу Таймс-сквер, 4 — здание, некогда известное как «Конде-Наст-билдинг». Легендарный, экологически чистый небоскреб сорока восьми этажей в высоту, питаемый солнечной энергией. Люди, обитающие в этом здании, употребляли продукты с маркировкой «Фейртрейд», органический кофе и чайный гриб. Всемирно известное журнальное издательство Конде Наст несколько лет назад переехало отсюда в «Башню свободы», после чего в названный именем его основателя небоскреб вселились адвокаты.

Ровно в пять минут седьмого я вошел в вестибюль. Входные двери и регистрационную стойку, облицованную белым мрамором, разделяла как минимум сотня футов сверкающих плиток. Потолок высотой где-то в восемьдесят-девяносто футов был выложен рядами отполированных до

блеска стальных панелей, напоминающих броню какого-то огромного зверя.

Если б у Господа Бога был вестибюль, то, думаю, он не слишком отличался бы от этого.

Отбивая каблуками размеренный ритм, гулко отдающийся в огромном помещении, я направился к регистрационной стойке, возле которой не приметил ни диванов, ни кресел. Если кого-то здесь ждешь — значит, стой столбом. Все это место словно специально было создано для того, чтобы ты почувствовал себя чем-то мелким и незначительным. Прошла, как мне показалось, целая вечность, когда я наконец добрался до мраморной стойки и назвал свое имя худощавому розоволицему малому в костюме, который словно еще больше сдавливал его и без того птичью грудь.

— Вас ожидают, сэр? — поинтересовался он с британским прононсом.

— У меня назначена встреча, если ты это имеешь в виду, — ответил я.

Его губы скривились в нечто долженствующее изображать приветливую улыбку, хотя без особого успеха. Выглядело это так, будто розоволицый консьерж только что попробовал какую-то гадость, но отчаянно пытается этого не

показывать.

— Сейчас к вам кто-нибудь спустится, — сказал он.

Благодарно кивнув, я отошел в сторонку и принялся бесцельно расхаживать по плиточному полу — просто чтобы не стоять на месте. Тут в кармане куртки у меня зажужжал телефон. На дисплее высветилось: «Кристина». Моя жена. Последние полтора года она жила в Риверхеде и работала в одной юридической фирме среднего пошиба. Наша двенадцатилетняя дочь Эми хорошо освоилась в своей новой школе. Разошлись мы пару лет назад. К этому уже давно подводило мое пьянство, но последней каплей стали несколько судебных дел, в ходе работы над которыми я реально поставил свою семью под угрозу. Год назад мы с Кристиной поговаривали о том, чтобы опять сойтись, но я не мог так рисковать. Только не тогда, пока продолжаю заниматься адвокатской практикой. Я давно уже подумывал завязать, но что-то всякий раз удерживало меня от этого шага. Бухáть по-черному я начал в свое время во многом потому, что совершил серьезную ошибку, доверившись одному клиенту и позволив ему выйти сухим из воды. Выяснилось, что он был виновен в том преступлении, которое ему вменя-

лось, и в какой-то момент я и сам это понял. А уже после суда, выйдя на свободу, этот гад опять едва не убил человека. Мне приходилось иметь дело с этим знанием каждый божий день. И каждый день я пытался загладить свою вину. Понимая при этом, что если отойду от дел и перестану помогать людям, то где-то с полгодика еще продержусь, но потом опять начну это чувствовать. Чувство вины было клеймом, весившим добрых двести фунтов. Пока я боролся за тех клиентов, в которых верил, то постепенно сбрасывал с плеч этот вес. Но это дело небыстрое. Я надеялся и молился, чтобы в конце меня ждала Кристина.

— Эдди, ты завтра вечером сильно занят? Я собираюсь приготовить фрикадельки, и Эми будет рада тебя видеть, — сказала Кристина.

Это было непривычно. Повидаться с Эми я обычно приезжал по выходным. На буднях меня никогда еще не приглашали.

— Вообще-то не исключено, что я возьмусь за новое дело. Довольно серьезное, но пару часов всегда выкрою. А по какому случаю банкет? — спросил я.

— О, ничего особенного. Так как насчет половины восьмого?

— Обязательно буду.

— Только именно в половине восьмого, а не в восемь и не в половине девятого, хорошо?

— Обещаю.

Меня давно уже не приглашали на ужин, и я даже слегка занервничал. Мне очень хотелось, чтобы мы опять стали одной семьей, но моя работа частенько подкладывала мне под двери всевозможные неприятности. Последние несколько лет я ломал голову над тем, как бы найти в своем ремесле нишу поспокойней. Дела, за которые я брался, обычно заканчивались всякими серьезными заморочками. Моя семья этого никак не заслуживала. В последнее время я все больше чувствовал, что пора бы сделать перерыв. Моя дочь росла, а я не был с ней каждый день, чтобы видеть это.

Явно требовались какие-то перемены.

Эхо шагов, разнесшееся по вестибюлю, привлекло мое внимание к миниатюрной женщине с суровым лицом, в черном костюме и со стрижкой, которая у дам вроде именуется «боб-каре с ушами» — коротенькие вихры на затылке и две длинные треугольные пряди по бокам. Эти пряди энергично болтались в такт цоканью каблуков, возвестившему о ее появлении.

— Мистер Флинн, прошу за мной, — произнесла

она с каким-то акцентом, вроде как немецким.

Я последовал за ней к ожидающему лифту. Через несколько секунд мы оказались на другом этаже. Еще больше белых плиток вели к стеклянным дверям с надписью «АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА».

К штабу предстоящего процесса со стороны защиты.

Офис оказался просто-таки огромным, полностью открытой планировки, не считая двух больших конференц-залов со стеклянными стенами справа. На лицах армии адвокатов Руди, занявших все имеющиеся столы, горели отсветы компьютерных экранов. Нигде ни клочка бумаги. В одном из конференц-залов я увидел группу людей в деловых костюмах, суетящихся вокруг двенадцати человек, одетых в обычную уличную одежду — якобы жюри присяжных. Некоторые крупные юридические фирмы предпочитают обкатывать свои судебные стратегии, устраивая такие вот имитационные слушания с присяжными, в основном из безработных актеров, от которых требуют подписать толстые, пугающие соглашения о конфиденциальности в обмен на солидную дневную оплату. Актеров, в отличие от адвокатов, как правило, легко напугать, когда

речь заходит о соглашениях о конфиденциальности.

В другом конференц-зале я увидел Руди Карпа, в полном одиночестве восседавшего во главе длинного стола. Меня провели туда.

— Присаживайся, Эдди, — произнес он, указывая на кресло рядом с собой. Я снял пальто, бросил его на соседнее кресло и уселся за стол для совещаний — не такой большой, как в главном конференц-зале. Вокруг него было расставлено девять кресел — по четыре с каждой стороны и одно во главе стола для Руди. Оглядев комнату, я увидел шкаф, заполненный разнообразными деловыми призами — статуэтками, фигурками и хрусталем от всяких почтенных организаций вроде Всеамериканской ассоциации адвокатов. Похоже, Руди всегда усаживал своих клиентов по эту сторону стола, чтобы набитый наградами шкаф оказывался у них прямо на виду. Отчасти с рекламными целями, хотя я не сомневался, что дело тут было скорее в чрезмерно раздутом самолюбии.

— Я приготовил материалы по делу, которые ты можешь забрать с собой. Думаю, вечера хватит, чтобы выяснить все, что тебе может понадобиться, — сказал Руди.

Уже знакомая мне блондинка подошла к нам, взяла с дальнего конца стола тонкий металлический лэптоп и положила перед ним. Он развернул его и подтолкнул ко мне.

— Все, что тебе нужно, здесь на жестком диске. К сожалению, выносить из офиса любые бумаги у нас строго запрещено. Вокруг наших сотрудников так и кружат репортеры. Приходится соблюдать большую осторожность. У всех, кто занимается этим делом, есть защищенный «Мак». Интернет на всех этих компьютерах отключен, так что выйти в Сеть можно только в этом офисе, через блютуз. У нас есть защищенный паролем сервер. Можешь взять этот ноут с собой, — сказал он.

— Предпочитаю работать с бумажными документами, — сказал я.

— Знаю. Тоже предпочитаю, но мы не можем рисковать тем, чтобы хоть одна страница этого дела попала в газеты до суда. Сам понимаешь.

Кивнув, я открыл крышку лэптопа и увидел запрос на ввод пароля.

— Забудь об этом пока… Я хочу тебя кое с кем познакомить. Миз Каннард, не будете ли так добры? — произнес Руди.

Дама, которая привела меня сюда, повернулась и ушла, не сказав ни слова.

Мои пальцы нетерпеливо постукивали по полированной дубовой поверхности стола для совещаний. Я хотел поскорей перейти к делу.

— Что заставляет вас думать, что Роберта Соломона подставили копы? — спросил я.

— Ты, конечно, сейчас начнешь возмущаться, но я не хочу тебе этого говорить. Если я скажу, ты сосредоточишься только на этом наборе факторов. Я хочу, чтобы ты сам во всем разобрался. Таким образом, если мы оба придем к одним и тем же выводам, мне будет легче донести это до присяжных, — сказал Руди и, произнося слово «присяжных», на миг бросил взгляд на имитацию судебного процесса, проходящую в соседнем конференц-зале.

— Что ж, разумно. Ну а как дела со всеми этими инсценировками? — поинтересовался я.

— Не слишком-то хорошо. Мы провели уже четыре таких имитационных процесса. В трех случаях — единогласно обвинительный вердикт, и лишь в одном мнения присяжных разделились.

— В какой пропорции?

— Трое выступили за невиновность. Во время собеседований по окончании инсценировки эти присяжные сказали, что копы их не убедили, хотя

и не сочли при этом, что имела место какая-то нечистая игра. Это тот тонкий момент, когда нам придется буквально ходить по краю. Вот потому-то мы и привлекли тебя. Если ты свалишься, то свалишься. Мы продолжим без тебя и постараемся ликвидировать ущерб. Ты ведь и сам это понимаешь, верно?

— Так я и думал. Для меня это не имеет значения. Единственно, я пока не решил, готов ли в принципе во все это вписаться. Мне нужно ознакомиться с делом. Тогда я и приму решение.

Прежде чем я успел договорить, Руди встал. Взгляд его был прикован к двери. К ней подошли два здоровенных мужика в черных шерстяных пальто. Короткие стрижки. Большие руки. Толстые шеи. За ними появились еще двое. Те же габариты. Те же «ежики» на головах. Те же бычьи затылки. Они следовали за невысоким молодым мужчиной в темных очках и кожаной куртке. Один из здоровяков открыл стеклянную дверь в кабинет Руди, вошел внутрь и придержал ее. Парень, находящийся на их попечении, вошел в офис, а охранник вышел и закрыл за собой дверь.

Глядя на Роберта Соломона на большом экране, я всегда считал, что он примерно моего роста

— где-то шесть футов и два дюйма. И около ста семидесяти пяти фунтов весом. Тот же человек, что оказался сейчас передо мной, ростом был от силы в пять футов пять дюймов, а весил, наверное, примерно столько же, сколько одна рука его охранника. Кожаная куртка висела на узких плечах, как на вешалке, а тесные джинсы делали его ноги похожими на зубочистки. Темные волосы спадали ему на лицо, большие солнцезащитные очки закрывали глаза. Он подошел к столу для совещаний, и я встал, когда он протянул мне бледную костлявую руку.

Я осторожно взял ее. Не хотел ненароком причинить ему боль.

— Это тот самый парень, Руди? — спросил он, и тут я окончательно узнал его. Голос был сильным и мелодичным. Вне всяких сомнений, передо мной стоял Роберт Соломон.

— Да, тот самый, — подтвердил Руди.

— Рад познакомиться с вами, мистер Флинн, — сказал Роберт.

— Зовите меня просто Эдди.

— Эдди, — произнес он, словно пробуя это слово на вкус. Я просто не сумел сдержать дешевый трепет, когда он произнес мое имя. Это был парень, которого подавали как следующего Леонардо Ди

Каприо. — Зовите меня просто Бобби.

Рукопожатие, по крайней мере, оказалось крепким. И вроде даже искренним. Он подошел к креслу рядом с моим, и все мы уселись. Руди положил передо мной на стол какой-то документ, попросив внимательно прочесть и подписать его. Я бегло просмотрел скрепленные степлером листы. Довольно жесткое соглашение о предварительной оплате адвокатских услуг, связывающее меня с клиентом отношениями полной конфиденциальности. Перелистывая страницы, я заметил, как сидящий справа от меня Бобби снял черные очки и запустил пальцы в волосы. Красивый малый. Высокие скулы. Пронзительные голубые глаза.

Подписав соглашение, я вернул его Руди.

— Спасибо. Бобби, просто чтоб вы знали: Эдди еще не согласился взяться за это дело. Он собирается изучить все материалы и только потом принять решение. Видите ли, Эдди не такой, как большинство адвокатов защиты. Он следует… Ну, по-моему, кодекс — это будет слишком уж громко сказано… Скажем так: если Эдди после прочтения материалов по делу решит, что вы виновны, он уйдет. А если сочтет, что невиновны, то возьмется помочь нам. Офигительный способ вести дела

для адвоката, вам не кажется? — сказал Руди.

— Мне это нравится, — отозвался Бобби, кладя руку мне на плечо, и всего пару секунд мы смотрели друг на друга. Не произнося ни слова. Просто смотрели. Ощупывали друг друга невидимыми усиками. Он хотел знать, сомневаюсь ли я в нем. Я же наблюдал за его «значками», как сам это называю — тем, что по-научному именуется «языком тела», — но также изучал его глаза. Ни на секунду не упуская из виду тот факт, что он — одаренный актер.

— Я ценю, что у вас есть свои собственные принципы работы. Хотите предварительно ознакомиться с делом? Меня это полностью устраивает. По большому счету, доказательства обвинения не имеют никакого значения. Только не для меня. Я не убивал Ари. Я не убивал Карла. Это сделал кто-то другой. Я… я нашел их, понимаете? Голыми в собственной постели. Я до сих пор вижу их. Стоит только закрыть глаза. Я просто не могу выбросить эту картинку из головы. Что сделали с Ари? Это… просто… Господи… Никто не должен так умирать! Я хочу увидеть настоящего убийцу в суде. Это все, чего я хочу. Хотел бы я видеть, как он горит в аду за то, что сделал!

Печально, но факт: в совершении преступле-

ний порой обвиняют и ни в чем не повинных людей. Вся наша система правосудия построена на этом. Каждый, блин, день нечто подобное происходит. Я видел достаточно невиновных людей, обвиненных в причинении вреда своим близким, чтобы научиться понимать, когда кто-то говорит правду, а когда лжет. У лжецов нет такого взгляда. Это трудно описать… Есть в нем потеря и боль. Но есть и кое-что еще. Гнев и страх, конечно же. И, наконец, пылающее, сжигающее человека изнутри чувство несправедливости. Мне настолько часто приходилось иметь с этим дело, что я чуть ли не наяву видел, как оно танцует где-то в уголках глаз, словно открытое пламя. Кто-то убивает кого-то из вашей родни, любовницу или друга, и именно вы предстаете перед судом, в то время как убийца преспокойно гуляет на свободе. На земле больше нет ничего подобного. И во всем мире это всегда один и тот же взгляд. Ни в чем не повинный человек, ложно обвиненный в каком-либо преступлении, выглядит точно так же что в Нигерии, что в Ирландии, Исландии и так далее. Если вам когда-либо доводилось видеть такой взгляд, вы его уже никогда не забудете. Увидеть его можно редко. А уж если он есть, то его обладатель с равным успехом может выта-

туировать слово «невиновен» прямо у себя на лбу. Я догадался, что Руди и сам засек этот взгляд. Вот потому-то и хотел поскорей познакомить меня с Бобби. Он знал, что я тоже его увижу, и это повлияет на мое решение гораздо сильнее, чем чтение материалов дела.

У Бобби Соломона был как раз такой взгляд.

И я понял, что должен ему помочь.

Глава 7

Полчаса в компании Бобби пролетели незаметно. Полный кофейник помог ему разговориться, и я тоже выпил две чашки, пока слушал. Он оказался сыном фермера из Вирджинии. Ни братьев, ни сестер. Мать ушла, когда ему было шесть. Сбежала с каким-то гитаристом, с которым познакомилась в баре. Остались только Бобби, его отец и ферма. В детстве подобное существование его вполне устраивало, пока он не понял, что возможна и совсем другая жизнь. Осознание этого поразило Бобби одним субботним днем, когда ему было пятнадцать. Его девушка училась актерскому мастерству в театральной студии, а Бобби перепутал время и подошел к церковному залу примерно за час до окончания занятий.

И вместо того, чтобы дожидаться подругу на улице, решил войти и посмотреть.

Тот день изменил для него все.

Бобби был просто сражен. Он никогда раньше не видел театр. Не понимал его, всей его силы. Это было странно для него, потому что он всегда любил кинофильмы, но никогда по-настоящему не задумывался о том, как они делаются или кто в них играет. Когда девушка освободилась, он буквально завалил ее вопросами, отчаянно желая побольше узнать об актерском ремесле. На следующей неделе и сам записался в студию, а шесть недель спустя впервые попробовал себя в самодеятельной постановке. После этого обратного пути на ферму уже не было.

— Мой папаня, он тогда сделал мне просто-таки царский подарок. В тот день, когда мне исполнилось семнадцать, продал часть скота и вручил мне в руки тысячу баксов. Блин, в то время я думал, что это все деньги в мире! Я никогда не видел столько денег. Купюры были в основном десятки и пятерки, с крупинками земли и так далее. Настоящие деньги торговца скотом, понимаете?

Я легко догадался, что Бобби — миллионер. И что миллион у него наверняка не один. Однако глаза его блестели, когда он говорил о той пачке

мелких банкнот, которую дал ему отец.

— Я аккуратно сложил эти купюры, половину засунул в бумажник, а половину — в карман. А потом отец сказал, что купил мне билет на автобус до Нью-Йорка. Боже, это был лучший день в моей жизни! Но при этом и худший. Я понимал, что годы берут свое. Отцу было уже не под силу в одиночку управляться с фермой. Однако все это не имело для него никакого значения. Он просто хотел, чтобы я обязательно получил свой шанс, понимаете?

Я кивнул.

— И я воспользовался им ради своего папани. Семь лет регулярно ходил на актерские пробы, каждую собаку там уже знал, подрабатывал уборщиком посуды в ресторане, официантом… Везде поспевал. Получил почти половину ролей, на которые рассчитывал. И вот в один прекрасный день карты легли так, что я оказался прямиком на Бродвее. Те первые два года дались нелегко. Отец заболел, и пришлось носиться туда-сюда. Он все-таки попал на мою премьеру. Увидел, как я играю главную роль в бродвейском спектакле. После этого папа долго не протянул. Так и не узнал о том, что мне позвонили из Голливуда. Ему бы это понравилось, — сказал Бобби.

— Он успел познакомиться с Ариэллой? — спросил я.

Бобби покачал головой:

— Нет, к сожалению. Папа наверняка полюбил бы ее.

Он склонил голову. Сглотнул. И поведал мне, как все было.

Познакомились они на съемках независимой картины под названием «Ветчина». Что-то там такое про историю взросления. Ни одной совместной сцены в фильме у них не было, но они случайно пересеклись на съемочной площадке и после этого уже проводили все свое свободное время вместе. К тому моменту Ариэлла успела сыграть несколько второстепенных ролей в полудюжине популярных фильмов. Карьера ее, похоже, шла в гору. В том независимом фильме она впервые сыграла главную роль и рассчитывала, что он станет суперхитом и ее визитной карточкой. И все вышло именно так. Восходящая звезда на некоторое время присоединилась к звезде, уже давно сияющей на небосклоне. Им не потребовалось много времени, чтобы стать молодой знаменитой парой. Они получили главные роли в научно-фантастическом блокбастере и подписали контракт на реалити-шоу.

— Все просто не могло сложиться еще лучше, — сказал Бобби. — Вот почему все это не имеет никакого смысла. Я был счастлив с Ари, все шло просто чудесно. Мы только что поженились. Если во время дачи показаний выпадет такая возможность, я спрошу у прокурора, с чего это они, блин, взяли, что я мог убить женщину, которую любил? Это просто не имеет никакого смысла, — еще раз повторил он.

Бобби сгорбился в кресле и принялся тереть лоб, уставившись куда-то в пространство. Я предпочел умолчать, что могу назвать ему дюжину причин, по которым кто-то в его положении мог прикончить свою новоиспеченную супругу.

— Поскольку я, скорее всего, возьмусь за это дело, Бобби, вы должны знать, что я буду воспринимать каждую нашу встречу как тренировку перед судом. Если я услышу, что вы говорите что-то неуместное, мне придется указать вам на это, чтобы вы не ляпнули этого на суде, понятно? — сказал я.

— Конечно, конечно. А что я такого успел ляпнуть? — спросил он, вновь выпрямляясь.

— Вы сказали, что собираетесь задать вопрос прокурору. Хотя ваша задача — *отвечать* на вопросы. Вот в чем суть дачи показаний на суде.

Худшее, что может случиться, если вы зададите подобный вопрос, — это что прокурор и вправду даст вам ответ. Он может сказать, что вы убили Ариэллу Блум, потому что получили от нее все, что вам требовалось, что вы ее не любили, что вы влюбились в другую женщину и не хотели громкого развода с полосканием грязного белья, или что вы вдруг выяснили, что она влюбилась в кого-то другого, и опять-таки не хотели громкого развода, что вы были под кайфом, что вы были пьяны, что на вас внезапно накатил приступ ревности, или она раскрыла какой-то ваш темный секрет.

Я сделал паузу. Как только я произнес слово «секрет», глаза Бобби ожили, пробежались по комнате и остановились на моем лице.

Это меня напрягло. Поначалу мне нравился этот парень. Теперь же я не был настолько в этом уверен.

— Я не хочу, чтобы между нами были какие-то секреты. Это касается и вас, Руди, — произнес Бобби.

И я, и Карп собрались было предупредить его, чтобы он не рассказывал нам ничего, что могло бы скомпрометировать его защиту, но было уже слишком поздно. Прежде чем мы успели остано-

вить его, Бобби рассказал нам все.

Глава 8

Месяц назад Кейну потребовался целый день, чтобы заполучить это парковочное место. В тот день ему удалось занять место довольно близко от него, и он терпеливо сидел в машине до тех пор, пока нужное не освободилось. Как только это произошло, он быстро заехал на него. Теперь же Кейн сидел на водительском сиденье своего универсала, прихлебывая горячий кофе из термоса. Он знал, что все это того стоило. Гараж на Таймс-сквер — прямо через дорогу от здания «Конде Наст». Если припарковаться на восьмом этаже и занять одно из десяти мест слева, можно получить довольно хороший обзор противоположной стороны улицы. С такой высоты по-прежнему хорошо видно происходящее на тротуаре и проезжей части, а офис «Адвокатского бюро Карпа», свет в котором, похоже, горел круглосуточно, — прямо на уровне глаз. С помощью небольшого цифрового бинокля Кейн наблюдал за подготовкой команды защиты к судебному разбирательству. Видел, как партнеры Карпа отпускают какие-то замечания, пока Руди Карп

репетирует свою вступительную речь, и сумел проследить за двумя инсценировками судебного процесса.

Что еще более важно, Кейну удалось углядеть, как Карп вместе с консультантом по отбору присяжных размещают ламинированные фотографии размером восемь на десять на большой доске в задней части конференц-зала. На снимках были мужчины и женщины, привлеченные государством в качестве присяжных. Некоторые фотографии от недели к неделе менялись, поскольку, пытаясь подобрать оптимальный состав присяжных для грядущего судебного разбирательства, команда защиты регулярно вносила коррективы в их список. В тот вечер на доске был вывешен результат окончательного отбора — фотографии двенадцати человек, которых защита намеревалась предложить суду со своей стороны.

Удалось Кейну и подслушать то, о чем говорилось на совещаниях в просторном личном кабинете Руди Карпа, — речь шла о стратегии защиты. Быстрый осмотр внутренних помещений фирмы при помощи бинокля всего после пары дней наблюдения дал ему представление о том, как установить там подслушивающее устрой-

ство. Дело было рискованное, но не слишком. Кейн лично видел, как Руди взял у своего секретаря принесенную почтальоном посылку, открыл коробку и осмотрел очередной приз вроде тех, которыми был забит застекленный шкаф, — некую металлическую загогулину на полой деревянной подставке. На приделанной к ней маленькой медной табличке красовалась надпись: «Руди Карпу, адвокату года. ЕАМА».

Согласно сопроводительной записке, ЕАМА расшифровывалась как «Европейская ассоциация молодых адвокатов». Указывался и обратный адрес. Через микрофон, встроенный в фальшивый приз, Кейн первым делом услышал, как Карп диктует благодарственное письмо, которое требовалось отправить на почтовый ящик в Брюсселе, заранее зарегистрированный Кейном.

Со своего наблюдательного пункта на парковке через дорогу Кейн проследил, как секретарша Карпа ставит награду рядом с остальными.

Было это три недели назад. До суда оставалось всего два дня, и Кейн чувствовал себя вполне уверенно. Инсценировки судебного процесса практически всякий раз заканчивались обвинительным приговором. Члены команды защиты постоянно грызлись между собой. Бобби Соломон

все больше походил на человека, находящегося на грани полного нервного срыва. И в довершение всего, студия была явно недовольна. Ее руководство постоянно давило на Руди. В Голливуде хотели, чтобы Соломон был признан невиновным, и до сих пор никакие киношные деньги не позволили даже на шаг приблизиться к решению этой задачи. В студии просто не понимали, что тут не так.

Кейн был крайне всем этим доволен.

Всем, кроме окончательного списка из двенадцати присяжных, отобранных защитой. Не было никакой гарантии, что какая-то из множества предложенных кандидатур попадет в окончательный состав жюри, и хотя он уже не раз видел фотографию человека, которого теперь представлял, сегодня ее на доске не наблюдалось.

Требовалось внести в список присяжных некоторые коррективы.

Размышляя об этом, Кейн смотрел на какого-то молодого адвоката, сидящего в кабинете Карпа. Тот взял предложенный ему лэптоп. Подписал соглашение о предварительной оплате адвокатских услуг. И вот теперь разговаривал с Бобби Соломоном. Новый адвокат. Соломон рассказывал этому адвокату историю своей жизни. Явно

пытаясь надурить его. Разжалобить.

Кейн поплотней прижал наушники к голове и прислушался.

Флинн. Вот как звали адвоката.

Новый игрок. Кейн решил, что вечерком надо будет познакомиться с этим Флинном поближе. В данный момент у него не было на это времени. Он достал свой телефон — дешевую одноразовую мобилу, — вызвал из памяти аппарата единственный сохраненный в нем номер и ткнул в зеленую кнопку.

На звонок ответил знакомый голос.

— Я работаю. Давайте-ка попозже.

Голос этот был низким, звучным. В нем явственно слышались властные нотки.

— Попозже не выйдет. Я тоже работаю. Мне нужно, чтобы сегодня вечером ты проследил за полицейским радиообменом. Я подумываю навестить одного человечка и не хочу, чтобы меня побеспокоили, — сказал Кейн.

Он внимательно прислушивался к речи собеседника, выискивая любые намеки на сопротивление или неохоту. Оба хорошо знали, что именно представляют собой их отношения. Они — не равноправные партнеры и не слаженный коллектив. Власть в этих отношениях принад-

лежала Кейну. Так было всегда, и так всегда и будет.

Абонент на миг примолк. Даже такая небольшая задержка вызвала у Кейна раздражение.

— Нужны еще какие-то объяснения? — спросил он.

— Нет, не нужны. Я этим займусь. Куда вы планируете выдвинуться? — спросил голос.

— Пока не знаю, точный адрес потом сброшу эсэмэской, — сказал Кейн и сразу отключился.

Он был осторожен. На каждом шагу взвешивал возможные риски. Тем не менее, иногда жизнь подбрасывала Кейну всякие непредвиденности — вроде полицейских постов по пути к месту назначения. В большинстве случаев он мог справиться и сам, но иногда ему требовалась помощь кого-то, кто мог получить доступ к базам данных или нарыть информацию, недоступную большинству обычных граждан. Такие люди всегда были полезны, и этот человек неплохо себя зарекомендовал.

Они не были друзьями. Кейн и этот человек были далеки от такого рода отношений. Когда они разговаривали, его собеседник делал вид, будто полностью разделяет убеждения Кейна, и выказывал преданность его миссии. Кейн знал,

что все это не так. Этого человека не заботила идеология Кейна, интересовали лишь его методы — простой акт убийства и все удовольствия, которые с ним связаны.

«Я не хочу, чтобы между нами были какие-то секреты. Это касается и вас, Руди…» — произнес Соломон. Через микрофон эти слова донеслись четко и ясно. Убрав мобильник, Кейн вновь сосредоточился на конференц-зале. Карп расположился спиной к окну, лица его не было видно. Флинн сидел справа от руководителя фирмы, но тоже отвернулся от окна, глядя в сторону Бобби Соломона. Напряженно подавшись вперед, Кейн прислушался.

Глава 9

Нет такого понятия, как плохое дело. Бывают только плохие клиенты. Судья Гарри Форд, мой наставник, давным-давно меня этому научил. Время доказало его правоту. Причем не раз и не два. Сидя в кожаном кресле рядом с Бобби Соломоном, я вспомнил совет Гарри.

— В тот вечер, когда убили Ариэллу, мы с ней поссорились. Вот почему я ушел из дома и напился. Я… я просто хотел, чтобы вы это знали. На

случай, если это выплывет. Мы поссорились, но, упаси Господь, я ее не убивал. Я любил ее, — сказал Бобби.

— Из-за чего вышла ссора? — спросил я.

— Ари хотела, чтобы я подписал контракт на второй сезон «Соломоновых островов», нашего реалити-шоу. А меня уже достало, что повсюду за нами таскаются люди с камерами, это уже было для меня… просто чересчур. Понимаете меня? Я не мог на такое пойти. Вот мы и поцапались. Не физически — такого вообще никогда не случалось. Я никогда и пальцем ее не тронул бы. Но шуму было много, и она здорово разозлилась. Я сказал ей, что не стану продлевать контракт. А потом ушел, — сказал Бобби.

Он откинулся на спинку кресла, шумно выдохнул, надув щеки, и положил обе руки себе на макушку. Вид у него был как у человека, только что снявшего с души какой-то тяжелый груз. А потом на глаза Бобби навернулись слезы. Я внимательно изучал его. Выражение его лица говорило лишь об одном — о чувстве вины. Вины за то, что так резко обошелся с женой прямо перед ее смертью, или за что-то еще — судить было трудно.

Руди встал, раскинул руки и жестом предложил

Бобби обнять его.

Оба мужчины обнялись. Я слышал, как Руди шепчет:

— Я понимаю, все понимаю. Ну ладно уже… Да не переживайте вы так… Я рад, что вы мне это сказали. Все будет хорошо.

Когда они наконец отпустили друг друга, я увидел блестящие от слез глаза Бобби. Шмыгнув носом, актер смахнул слезы с лица.

— Ладно, по-моему, это все, что у меня было сказать. На сегодня, — произнес Бобби, после чего посмотрел на меня сверху вниз и протянул руку. — Спасибо, что выслушали. И простите, что я так расчувствовался. Понимаете, я и вправду в полной заднице. И очень рад, что вы готовы мне помочь.

Я встал, чтобы пожать ему руку. На сей раз рукопожатие оказалось на удивление крепким. Я чутка затянул его, чтобы получше рассмотреть Бобби вблизи. Он все еще склонял голову к полу. Чувствовалось, как нервно подрагивает его рука. Несмотря на телохранителей, модную одежду, маникюр и деньги, Бобби Соломон был сейчас напуганным ребенком, над которым нависла перспектива пожизненного заключения. Он мне понравился. Я поверил ему. И все же оставалась

тоненькая ниточка сомнения. Может, все это было лишь притворством, чтобы убедить меня вписаться. У парня был актерский талант — в этом не было никаких сомнений. Но достаточно ли у него таланта, чтобы одурачить меня?

— Обещаю сделать все, что в моих силах, — заверил я.

Он положил левую руку мне на запястье, а правой крепко сжал мою ладонь и произнес:

— Спасибо. Это все, о чем я могу просить.

— Спасибо, Бобби, — сказал Руди. — На сегодня хватит. Увидимся утром в суде на слушании по отбору присяжных. Машина будет у вашего отеля в восемь пятнадцать. Так что попробуйте хотя бы немного поспать.

После этих слов Бобби помахал нам и вышел из кабинета, сразу оказавшись в плотном кольце телохранителей — они не хотели рисковать. Здоровяки в длинных кашемировых пальто повели его к выходу.

Я повернулся к Руди. Мы вновь уселись.

— Итак, давно ли вам известно, что у Бобби с Ариэллой вышла свара из-за этого реалити-шоу? — спросил я.

— С самого начала, — отозвался Руди. — Я предполагал, что клиент когда-нибудь да расколется.

Похоже, ты произвел на Бобби сильное впечатление. Он сразу же открылся тебе.

Кивнув, я сказал:

— Вы тоже хорошо подыграли. Пускай он почувствует, будто снял камень с души. Это повысит его уверенность в себе.

Тут лицо Руди помрачнело, и он уставился на свои сцепленные перед собой пальцы, после чего поднял голову, взял со стола лэптоп и протянул его мне.

— Улики против Бобби неопровержимы. Но шанс все-таки есть. Ничтожный шанс. И я сделаю все возможное, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону. Глянь вечерком на аргументы обвинения. Сразу поймешь, с чем мы столкнулись.

Взяв у него лэптоп, я открыл его.

— Нужно что-то совсем уж экстраординарное, чтобы хладнокровно убить двух человек… Особенно собственную жену и человека, которого хорошо знаешь. Очень редко случается, чтобы кто-то, не замеченный ранее в склонности к насилию, так вот вдруг съехал с катушек. Не было ли у Бобби в прошлом каких-то психологических проблем? Если в его медкартах нет ничего насильственного, то, пожалуй, стоит предъявить их обвинению в качестве документального доказа-

тельства, — предложил я.

— Медкарты мы предъявлять не будем, — категорически отрезал Руди. Потом нажал кнопку настольного телефона и произнес: — Мне нужен безопасный транспорт.

В голосе у него я уловил что-то странное. Либо ему пришлись не по вкусу мои взгляды на эту сторону дела, либо он что-то скрывал. В чем бы ни была причина, я предположил, что это не слишком важно, иначе обвинение уже нашло бы эти медкарты и использовало в своих интересах. Я не стал развивать эту тему — пока что.

Лэптоп запросил пароль. Руди написал что-то на листочке для заметок и протянул его мне.

— Вот пароль. И мы хотим убедиться в том, что ты благополучно вернешься с этим компом в наш офис. Поэтому я попрошу кого-нибудь из нашей службы безопасности проводить тебя, если ты не против.

Я сразу подумал о морозце на улице и о том, как собираюсь добираться до собственного офиса.

— Этот парень из службы безопасности — на машине? — спросил я.

— Ну конечно же.

Я глянул на листок. Пароль оказался «НеВиновен1». Закрыв крышку компьютера, я встал и

пожал руку Руди.

— Рад, что теперь ты официально в нашей команде, — сказал он.

— Я предупреждал, что сначала изучу материалы по делу, а уже потом приму решение, — напомнил я.

Руди покачал головой.

— Нет. Ты сказал Бобби, что поможешь ему. Пообещал сделать все, что в твоих силах. Так что ты в деле. Ты ведь веришь ему, насколько я понимаю?

Похоже, не было особого смысла это скрывать.

— Пожалуй, что да.

«Но тебе уже приходилось ошибаться», — подумал я.

— Ты в точности такой же, как я. Всегда можешь сказать, когда у тебя на руках невиновный клиент. Ты просто чувствуешь это. Никогда еще не встречал людей, которые на это способны. До сегодняшнего вечера, — сказал Руди.

— Я не Бобби Соломон, Руди. Вам нет нужды целовать меня в задницу. Я знаю, что вы притащили его сюда, потому что хотели, чтобы я с ним лично познакомился. Хотели, чтобы я посмотрел ему в глаза. Испытал его. И сразу согласился. Вы знали, что я ему поверю. Вы развели меня. И

хотя я не думаю, что он убийца, но не могу быть уверен, что он не разводит нас обоих.

Руди поднял руки.

— Виновен по всем пунктам обвинения! Но это не меняет того факта, что сценарий у нас просто кошмарный — невиновного человека обвиняют в страшном преступлении. Да, он умеет играть. Но одним актерством от двойного убийства не отмажешься.

Двери кабинета открылись. Мужику, вошедшему в комнату, пришлось распахнуть обе двери одновременно, но все равно он был вынужден протискиваться сквозь них боком. Роста он был вроде как моего. Лысый. Широкий, как этот чертов стол для совещаний. Черные брюки и черная куртка, застегнутая на все пуговицы. Мужик скрестил руки на груди. По моим прикидкам, постарше меня лет на пять или шесть, и явно боец. Выступающие костяшки здоровенных кулаков — что твои шарики жевательной резинки.

— Это Холтен. Он проследит за тем, чтобы лэптоп и ты сам были в полной безопасности, — сказал Руди, после чего низко наклонился, достал из-под стола алюминиевый чемоданчик вроде «дипломата» и поставил перед собой.

Холтен подошел ближе, мы обменялись вежли-

выми приветствиями, и он сразу перешел к делу. Отстегнул защелки, поднял крышку и уложил лэптоп в отформованное внутри углубление. Потом закрыл чемоданчик, запер его и достал из кармана пиджака пару наручников с очень длинной цепочкой. Прицепил ими чемоданчик к своему запястью за ручку, поднял его и коротко бросил:

— Поехали.

Поблагодарив Руди, я совсем уже собрался выйти за дверь вслед за Холтеном, когда Руди дал мне последний совет:

— Когда будешь читать материалы, помни о том, что здесь сегодня произошло. Помни, что ты почувствовал. Помни, что понял: этот молодой человек невиновен. Мы должны сделать так, чтобы он остался таким и с точки зрения присяжных.

Глава 10

Услышав признание Роберта Соломона, Кейн сразу отключил связь с подслушивающим устройством. Заперев универсал, пересел в серый седан «Форд». Стоял тот передком к выезду с парковки. С этой выгодной позиции сидящему за рулем Кейну был хорошо виден достаточно большой

участок улицы внизу, чтобы углядеть большой черный внедорожник «Адвокатского бюро Карпа» при его появлении.

Двигатель «Форда» коротко взревел.

Не отрывая глаз от улицы впереди, Кейн перегнулся через пассажирское сиденье и открыл бардачок. Достал из него «Кольт» сорок пятого калибра и вынул магазин. Пальцы нащупали вставленные в него патроны. По салону машины разнесся негромкий щелчок, когда магазин встал на место. Еще один металлический щелчок возвестил, что патрон в стволе.

Мимо выезда впереди по улице прокатил красный «Корвет».

«Кольт» теперь пристроился во внутреннем кармане пиджака Кейна. Часы показывали семь пятнадцать.

«С минуты на минуту», — подумал Кейн, натягивая пару плотно облегающих кожаных перчаток.

Ему нравился запах кожи. Тот напоминал ему о женщине, которую он когда-то знал. Она постоянно носила черную кожаную байкерскую куртку, белую футболку и синие джинсы. Кейну припомнились тугие завитки ее черных волос, ее бледная кожа; то, как она фыркала, когда смеялась, вкус

ее губ… Но больше всего ему запомнилась эта байкерская куртка. Этот всепоглощающий запах. И то, как кровь задержалась на поверхности черной кожи, прежде чем начать постепенно впитываться, как будто куртка долго и неспешно пила ее.

Кейн покрепче взялся за руль, прислушиваясь к скрипу кожи о кожу — перчаток о рулевое колесо.

Он представил себе звуки, исходящие от байкерской куртки девушки, когда она размахивала руками, делая жалкие попытки отбиться от него. Она не кричала. Даже ни разу не крикнула. Рот ее открылся, но из горла не вырвалось ни звука. Лишь позвякивал язычок замочка «молнии», да поскрипывала кожа, хлещущая о кожу, пока она, вскинув руки, пыталась оттолкнуть его. Кейну эти звуки показались не громче шепота.

Вдруг — повизгивание шин по крашеному гладкому бетону. Мазнувший по стенам свет фар. Кейн глянул в сторону звука и огней и увидел какой-то пикап, спускающийся по пандусу с этажа выше. Совсем ни к чему, чтобы тот загородил ему обзор. Тронув машину, Кейн покатил к выезду. Остановился. Камера считала его номерной знак. Шлагбаум начал подниматься, и Кейн вновь

придавил педаль газа.

Когда нос «Форда» уже практически высунулся на улицу, мимо проехал черный внедорожник, остановившийся у здания «Конде Наст». Кейн перевел взгляд вправо. Потом влево. Дорога была свободна. Он выехал как можно медленней, не привлекая к себе внимания. Вполне можно было проехать мимо припаркованного внедорожника, но Кейну этого не требовалось. Подкатив к нему сзади, он, к своему облегчению, увидел, как Флинн и какой-то громила из службы безопасности адвокатской фирмы выходят из здания и направляются к машине. Изучая эту пару, Кейн почувствовал, что адвокат представляет собой такую же физическую угрозу, как и охранник. Было слишком темно, чтобы разглядеть их лица, но он видел, как они двигались. Бобби охраняло так много народу, что трудно было сказать, кто конкретно это был, — все они выглядели практически одинаково. Одно и то же телосложение, одна и та же походка… Этот охранник был приземистым, широким, мускулистым и двигался скованно. Флинн же скорее двигался как танцор. Или боксер. Уверенно. Демонстрируя хорошее чувство равновесия. Был он высоким, подтянутым. Явно немало тренировался, когда

был помоложе. Держался как боец.

У охранника был один из знакомых чемоданчиков. Кейс для лэптопа. Фирма была очень осторожна в отношении безопасности своих переносных компьютеров. Доступ — только при наличии одного из индивидуальных паролей, которые ежедневно менялись. Впрочем, при наличии времени скорее всего удалось бы взломать такой лэптоп, но для начала требовалось заполучить его в руки. Без ведома фирмы. У Кейна были свои способы проникнуть в здание, где располагалось «Адвокатское бюро Карпа», имелись и кое-какие необходимые контакты. Однако никто не мог оставить его наедине с таким вот адвокатским ноутом достаточно надолго, не вызвав подозрений. И вынести его из офиса тоже было нереально, поскольку камеры слежения торчали тут буквально на каждом углу. А один из таких лэптопов ему требовался позарез. В них содержались материалы по делу Роберта Соломона.

От мысли о том, что выпал шанс завладеть этими материалами, у Кейна даже мурашки пробежали по коже. Волоски на затылке встали дыбом. Он испустил прерывистый вздох. Адвокат и охранник забрались в машину, которая сразу же отъехала от тротуара.

Кейн отпустил сцепление и последовал за ней.

В этой части Манхэттена в такое время движение было плотным, все еле ползли. Подобный темп вполне устраивал Кейна. Ему очень требовался этот чемоданчик.

Справа от рулевого колеса торчал из держателя смартфон — разумеется, незарегистрированный. Зайдя в «Гугл», Кейн забил в поисковую строку: «Эдди Флинн, адвокат». К его удивлению, все верхние ссылки оказались на всякие новостные статьи с прошлыми делами Флинна. Просматривая их, Кейн понял, что в зале суда Флинн представляет собой большую угрозу. Этот человек был опасен. Он быстро просмотрел еще несколько открытых вкладок, содержавших, похоже, все те же тексты, либо тупо скопированные, либо слегка переиначенные различными блогерами и новостными сайтами. Собственного веб-сайта у фирмы Эдди Флинна не имелось. Единственное, что Кейну удалось нарыть, — это адрес и номер телефона на сайте «Желтых страниц».

И впрямь — двадцать минут спустя внедорожник подкатил к тротуару возле дома на Западной Сорок шестой улице. По тому же адресу, который Кейн нашел в интернете. Заехав на свободное место у левого тротуара, он заглушил мотор. Достав

свой телефон из держателя, засунул его в карман куртки, вышел из машины и открыл багажник — для начала оглядевшись, чтобы убедиться, что на улице за спиной у него больше никого нет. Все было чисто. Под одеялом в багажнике обнаружился набор кухонных ножей, изготовленных по спецзаказу. Кейн выбрал тонкий нож для разделки филе и мясницкий косарь, оба — в кожаных защитных чехлах. Рядом с одеялом лежал наготове открытый рюкзак. Упрятав в него оба ножа, Кейн застегнул его и закинул за спину. Когда оба мужчины будут мертвы, останется как-то заполучить чемоданчик. Еще много лет назад он понял, что самый простой и быстрый способ отделить конечность больше связан с искусством разделки и знанием анатомии, нежели с грубой силой. Если просто попытаться отсечь руку увесистым косарем, наверняка потребуется от пяти до десяти ударов. Бóльшая часть силы этих ударов будет поглощена мышцами и сухожилиями запястья. Займет это порядка тридцати секунд. Вместо этого Кейн планировал потратить пять секунд на то, чтобы провести филейным ножом вокруг сустава запястья, обнажив кость. Один удар трехфунтового тесака довершит начатое. Расчетное время — пятнадцать-семнадцать секунд.

Пониже опустив на лицо козырек бейсболки, он закрыл багажник и двинулся через улицу.

Охранник с чемоданчиком, прикованным наручниками к запястью, уже вышел из машины и, стоя на тротуаре спиной к Кейну, протягивал руку, чтобы открыть заднюю пассажирскую дверцу. Свет ближайшего уличного фонаря проникал недостаточно далеко, чтобы Кейн мог как следует его разглядеть. От цели его отделяло примерно пятьдесят футов. Наконец задняя дверца внедорожника распахнулась, и из машины выбрался Флинн. Кейн узнал его по манере двигаться. Засунув правую руку в карман куртки, он взялся за рукоятку пистолета и слегка придавил спусковой крючок.

Сорок футов. А Флинн тем временем расстегивал пальто, готовый подняться на крыльцо перед входом в здание.

Вдруг Кейн услышал, как где-то совсем рядом с ним хлопнула дверца машины, и сразу напрягся. Пожилой чернокожий мужчина в темно-синем костюме обошел капот приземистого темно-зеленого автомобиля с откидным верхом и ступил на тротуар всего в нескольких футах перед Кейном, освещенный тусклым светом уличного фонаря. Двигался он в том же направлении, направляясь

к офису Флинна. Лица его не было видно — лишь седые волосы на затылке.

Кейн совсем уже собрался вытащить ствол и оттолкнуть мужчину с дороги, когда тот поднял руку и крикнул:

— Эй, Эдди!

Флинн повернулся в сторону Кейна. Охранник тоже. Оба мужчины уже стояли на крыльце. Кейн опустил голову. Из-под козырька бейсболки ему были по-прежнему видны их ноги и плечи, но только не лица. Он не хотел рисковать, вступая в зрительный контакт. Последнее, что ему было нужно, так это чтобы его узнали. Едва повернувшись, охранник распахнул пальто и ухватился за рукоять пистолета на поясе. И он, и Флинн оба располагались лицом к Кейну.

Фактор неожиданности был утерян. Если б Кейн вытащил ствол, это все сразу бы увидели. В таком случае, учитывая среднестатистическое время человеческой реакции, охранник успел бы выстрелить по меньшей мере дважды. Именно он должен был стать первой мишенью.

Высокие ботинки Кейна мерно постукивали по плитам тротуара. Сердце же его билось в куда более быстром ритме. Кровь громко стучала в ушах. Он уже едва ли не чувствовал на вкус едкий

дымок, оставшийся в воздухе после выстрелов. Восхитительный холодок пробежал по его спине. Вот оно. Это было то, ради чего Кейн и жил — будоражащее чувство предвкушения. Выдохнув, одним плавным движением он поднял локоть и быстро выдернул правую руку из внутреннего кармана куртки.

Глава 11

Я сделал уже третий шаг ко входу в свое здание, когда услышал, как кто-то зовет меня по имени с улицы. Сразу почувствовал, как напрягся Холтен. По дороге он со мной практически не разговаривал — единственно, спросил, удобно ли мне. На все мои попытка завязать ни к чему не обязывающую беседу отвечал вежливо, но односложно. «Ну и как служится под началом Руди Карпа?» — «Да, работать с ним легко, но формально он мне не начальник, мы сотрудничаем с ним по договору». — «А давно сотрудничаете?» — «Ага». — «Любите бейсбол?» — «Нет». — «Футбол?» — «Нет». В конце концов я сдался, решив, что он смотрит на дорогу и не стоит его отвлекать. Стоя на ступеньках, ведущих к моей входной двери, я был удивлен, насколько быстро он среагировал. Хотя

на самом-то деле вроде ничего такого не сделал. Просто изготовился. Сразу ко всему. Я повернулся в ту сторону, откуда меня позвали, и увидел судью Гарри Форда, машущего мне с тротуара. Его старый классический кабриолет был припаркован чуть дальше по улице.

Я уже собрался помахать Гарри в ответ, когда увидел позади него какого-то мужика. В бейсболке, низко надвинутой на лоб. В тусклом свете уличных фонарей лица его я не разглядел — оно было почти полностью прикрыто длинным козырьком. Хотя в тот момент лицо его меня особо не интересовало. Больше беспокоила его правая рука, засунутая во внутренний карман куртки, как будто готовая в любую секунду выхватить ствол.

Краем глаза я заметил, что Холтен тоже засек этого парня и положил ладонь на свой пистолет, висящий на поясе. У меня пересохло во рту, и я поймал себя на том, что не могу глубоко вдохнуть. Тело словно застыло. Какие бы основные первобытные инстинкты ни сохранились во мне, все мое внимание сосредоточилось на приближающемся человеке с рукой во внутреннем кармане куртки. Тело в тот момент не нуждалось ни в каких отвлекающих факторах вроде дыхания или

размышлений. Каждая мышца и нервное окончание сразу же пришли в состояние повышенной готовности. Вся энергия, которую потребляло мое тело, теперь полностью перенаправилась, переключившись на режим выживания. Я словно прирос к месту. Если б эта рука вынырнула из-под куртки, сжимая пистолет, я был готов моментально броситься на землю.

Еще больше похолодало. Я видел, что на тротуаре образовался свежий ледок, блестящий в свете натриевых фонарей, словно дробленый хрусталь.

Поравнявшись с Гарри, непонятный мужик выдернул правую руку из кармана и вытянул ее перед собой, направив в нашу сторону. В ней было что-то блестящее, черное. Я услышал, как глухо хлопнула крышка кожаной кобуры Холтена, когда он выхватил из нее пистолет. Как будто сработал какой-то внутренний переключатель — резко набрав полную грудь воздуха, я упал на колени и прикрыл голову руками.

Тишина. Никаких выстрелов. Никаких дульных вспышек. Никаких пуль, бьющих в кирпичи у меня над головой. Я почувствовал, как здоровенная ручища похлопывает меня по плечу.

— Все в порядке, — произнес Холтен.

Я поднял взгляд. Гарри уже стоял рядом с тем парнем в бейсболке — оба уставились на сотовый телефон, который тот держал в руке. Гарри сначала указал на мобильник, а затем куда-то в западный конец Сорок шестой улицы. Мужчина кивнул, что-то сказал Гарри и поднял смартфон повыше. Даже с такого расстояния я углядел на его большом экране нечто вроде карты. Мужик в бейсболке прошел мимо моего дома, направляясь на запад.

— Господи, Холтен… Эдак меня кондрашка хватит, — выдавил я.

— Простите, — сказал он. — Приходится соблюдать осторожность.

— Эдди, да ты чего? — удивленно спросил Гарри.

Я встал, отряхнул пальто и перегнулся через перила крыльца.

— Соблюдаю осторожность — не видишь, что ли? Чего хотел этот парень?

— Просто турист. Хотел узнать дорогу, — отозвался Гарри.

Я оглянулся через плечо. Парень продолжал идти своей дорогой, держа перед собой смартфон. Видел я только сияющий в полутьме экран и его спину. Я посмотрел, как он удаляется, после чего

опять повернулся к Гарри.

— Мы думали, что у этого парня ствол. По тому, как он к нам ломанулся. Типа как целенаправленно. Никогда его раньше не встречал? — сказал я.

— Не знаю… Я толком-то и не видел его лица из-за кепки. А если б даже и видел, все равно без разницы, когда я без очков, — ответил Гарри.

— Как ты вообще досюда доехал? — спросил я.

— Соблюдая осторожность, — сказал Гарри.

* * *

Подхватив один из деревянных стульев, Холтен вышел из моего кабинета и поставил его рядом с входной дверью, прямо на лестничной площадке. Потом вернулся и еще раз оглядел мои владения. Гарри поглядывал на него с дивана с безразличием человека, держащего в руке стакан отличного скотча и сознающего, насколько этот скотч и вправду хорош.

— Вроде ничего вам здесь не грозит, мистер Флинн. Я буду снаружи. А утром распоряжусь, чтобы к вам в офис привезли сейф. Лэптоп должен храниться в этом сейфе, когда вас нет дома. Вас это устраивает? — спросил Холтен.

— Вы хотите сказать, что собираетесь всю ночь сидеть за дверью моего офиса?

— Да, план таков.

— Ну, наверное, вы заметили кровать в задней комнате. У меня нет квартиры. Я сплю здесь. И, скорее всего, буду работать всю ночь, так что не переживайте на этот счет. Двигайте туда и слегка вздремните. Все со мной будет в порядке.

— Если вам без разницы, я все-таки побуду снаружи.

— Еще есть диван. Если вы задумали остаться, то можете и тут кости бросить. Всяко удобней.

Он кинул взгляд на диван. Пару лет назад Гарри рухнул на него всем своим немалым весом прямо посередине, сломав несколько пружин. Так что обивка там с тех пор заметно просела. Как постоянное напоминание о той ночи. И хоть всякий раз, приходя сюда, Гарри садится на дальний конец дивана, уцелевшие пружины заставляют его заваливаться вбок, отчего кажется, что он в любой момент свалится в это углубление, похожее на окруженную горами долину. Судя по всему, Холтен счел, что на жестком деревянном стуле ему будет все-таки удобней.

— От меня не слишком-то много толку как от охранника, когда я дрыхну на диване, а кто-то ломится в вашу дверь за лэптопом. Я буду снаружи. Договорились?

Я посмотрел на лежащий на столе чемоданчик, к ручке которого все еще были прицеплены наручники на длинной цепочке, и отозвался:

— Ладно, договорились.

— Тогда я оставлю вас, джентльмены, — объявил Холтен, закрывая за собой дверь кабинета.

— Упорный малый, — заметил Гарри.

— У него вообще всего в избытке. Хотя он мне по-любому нравится. Сразу видать, что профессионал, — сказал я.

— Так чего же в этом лэптопе такого, что надо над ним так трястись? — спросил Гарри.

— Я мог бы рассказать тебе, но ты ведь сегодня все равно наклюкаешься и ни фига не запомнишь, так что давай лучше завтра, о'кей?

— Вот за это и выпьем, — сказал Гарри.

Я налил себе на два пальца скотча и сел за свой стол. Всего один глоточек. Чтобы снять напряжение. Для ознакомления с материалами дела требовалась ясная голова. А пока можно было хотя бы чутка расслабиться. Торшер в углу и настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром заливали мой маленький кабинет теплым неярким светом. Откинувшись на спинку стула, я закинул одну ногу на стол и поднес стакан к губам. Теперь я вполне уже мог время от време-

ни слегка поддать с Гарри. Научился наконец держать себя в руках, хотя времени на это ушло порядком. Как раз Гарри мне в этом и помог.

Если б не он, я вообще не стал бы адвокатом. Несколько лет назад на меня подали в суд, как на виновника ДТП, и я предпочел выступить в роли собственного защитника — моя страховая афера пошла не по плану. Судьей был Гарри. Я переспорил адвоката другого парня, выиграл дело, а Гарри потом встретился со мной. Сказал, что мне стоит подумать о карьере защитника. И впрямь — поработав клерком у Гарри, вскоре я сдал экзамен на адвоката. Он подарил мне новую жизнь, свободную от зэков и уличных «разводов». Теперь я развожу людей исключительно в зале суда.

— Как твои? — спросил Гарри.

— Эми быстро взрослеет. Я скучаю по ней. Хотя вроде все понемногу налаживается, не знаю. Кристина недавно звонила, пригласила на ужин, — сказал я.

— Да это же просто здорово! — оживился Гарри. — Думаешь, все-таки опять помиритесь?

— Не знаю. Кристина и Эми теперь живут в Риверхеде. Такое чувство, что их жизнь идет своим чередом, без меня. Мне нужна такая работа, при которой не придется каждую секунду подстав-

лять башку под топор. Что-нибудь стабильное, что-нибудь скучное, что не доставит неприятностей ни мне, ни кому-либо еще. Это то, чего хочет Кристина. Нормальной жизни.

Даже произнося эти слова, я не был окончательно уверен, что это по-прежнему так. Стабильный, безопасный дом — это то, чего мы всегда хотели. Моя работа мешала этому, но теперь я уже сомневался, что Кристина вообще по-прежнему хочет, чтобы я был частью ее жизни. Что-то нас разделяло. И я очень надеялся, что приглашение на ужин станет моим шансом опять сблизиться с ней.

Отхлебнув виски, Гарри почесал в голове.

— О чем задумался? — спросил я.

— Да про этот чемоданчик… И про этого борца сумо, который сидит сейчас у тебя на лестничной площадке. Вот о чем. Если ты ищешь занятие поспокойней, то явно не из этой оперы. И попробуй сказать мне, что не вляпался в очередную поганку.

— Никуда я не вляпался.

— Почему-то мне кажется, что это далеко не вся история, — заметил Гарри.

Покрутив янтарную жидкость в стакане, я поднес его к свету. Сделал еще глоток и поставил стакан на стол.

— Сегодня я познакомился с Руди Карпом. Он нанял меня в качестве еще одного члена команды защиты Роберта Соломона.

Гарри встал. Махом заглотил остатки скотча и поставил пустой стакан рядом с моим.

— В таком случае я должен уйти, — объявил он.

— С чего это вдруг?

Гарри вздохнул, засунул руки в карманы брюк и уставился в пол.

— Насколько я понимаю, вы познакомились лишь сегодня днем. И до этого Руди Карп к тебе не обращался. Ни по «мылу» не писал, ни по телефону не звонил. Я прав?

— Верно. А как ты узнал?

— Руди сказал тебе, почему нанял именно тебя?

— Я вроде как и сам допер. Я — расходный материал. Моя задача — задать перцу копам. Если присяжным это не понравится, команда защиты откажется от меня, и все сделают вид, будто ничего такого и не было. Я — буфер между Руди и присяжными. Он должен сохранить свою репутацию в глазах членов жюри, если этот сценарий не прокатит. Схема не слишком-то для меня выгодная, но я хочу помочь этому парню — Бобби.

Да, я знаю, что он кинозвезда и все такое, но он мне нравится. И я думаю, что он невиновен.

— А я думаю, что Руди требовалась история, на которую ты бы купился. В каком-то смысле это выглядит более убедительно, если ты сам считаешь, что схема не слишком-то для тебя выгодная. Это как раз и объясняет, почему они наняли тебя всего за день до отбора присяжных.

Тут настала уже моя очередь насторожиться. Я сел прямо и полностью сосредоточился на Гарри.

— Гарри, заканчивай ходить вокруг да около. Выкладывай.

— В пятницу мне звонила судья Коллинз. Сказала, что чувствует себя как-то странно. Меня это не удивило. В течение всего последнего года она только тем и занималась, что подготовкой судебного процесса по делу Соломона. Уже было с десяток слушаний по доказательной базе, рассмотрений ходатайств о закрытии дела, чего только ни хочешь. Две недели назад она переехала в отель, чтобы иметь пространство и спокойную обстановку для работы. Ровена Коллинз, при всех ее недостатках, — это судья, которая не против тяжелой работы. Во всяком случае, я подумал, что это просто стресс. Подобное дело всегда берет свое.

Гарри замолчал, глубоко задумавшись. Я ничего не ответил, зная, что остальное он скажет мне, когда соберется с мыслями.

— А в субботу утром мне позвонили из больницы. Накануне вечером Ровена вдруг потеряла сознание, вскоре после нашего разговора. Если б ей в номер регулярно не доставляли еду и напитки, она вполне могла бы помереть. Помощник официанта нашел ее на полу. Она едва дышала. Слава богу, хоть кто-то нашел ее. Медики со «скорой» буквально спасли ей жизнь. С ней случился какого-то рода сердечный приступ, и сейчас она в реанимации. Состояние тяжелое, но стабильное. Я виделся с ней сегодня. Выглядит она неважнецки. А это, помимо всего прочего, поставило под угрозу суд над Соломоном. Я не нашел никого, кто был бы готов отказаться от собственных дел на две недели, так что пришлось вписаться самому. Теперь я — судья по делу Соломона.

Глава 12

Гарри ушел от меня злой как черт. Он просто терпеть не может, когда адвокаты пытаются надурить систему. Как следует обдумав ситуацию, Гарри пришел к заключению, что Руди Карп

собирается поставить под сомнение его беспристрастность как судьи. Вообще-то нет никаких проблем в том, что адвокаты и судьи дружат между собой. Судьи не отказываются от своих приятелей-адвокатов, едва только тех назначают в качестве защитников по тому же делу. Адвокаты и судьи поддерживают дружеские отношения за пределами зала суда, равно как и некоторые прокурорские — с адвокатами защиты. Но, назначенные на одно и то же слушание, играют по правилам. Так уж принято. Если они оказываются по разные стороны баррикад, эти отношения на время рассмотрения дела как бы приостанавливаются. Являясь членом команды защиты Бобби Соломона, я не имел права выпивать или даже просто по-приятельски общаться с Гарри. И это было то, что задело его больше всего.

Вынув из чемоданчика лэптоп, я включил его и позвонил Руди Карпу.

— Эдди, ну не мог же ты уже прочесть все дело от корки до корки? — удивился Руди.

— Я еще даже не открывал его. Просто сижу тут выпиваю со своим давним приятелем Гарри Фордом…

Тишина.

Я ждал, пока Руди что-нибудь скажет. И един-

ственное, что слышал, это его дыхание в трубке. Некая часть меня хотела, чтобы он просто во всем признался. Другая же часть — чтобы он молчал и немного подергался, как уж на сковородке.

— Руди, мне, наверное, стоит уволиться.

— Нет, нет, нет, нет! Не уходи. Послушай, я просто должен был как-то подключить тебя к этому делу. И ты отличный адвокат, Эдди. Мы бы не взяли тебя с прицелом на это слушание, если б не считали, что ты реально хорош.

— Как я теперь могу верить всему, что вы говорите?

— Послушай: то, что я тебе сказал — чистая правда. Нам нужен кто-то, кто задаст жару копам. Ты можешь отлично управиться с этой стороной дела. Ты уже не раз это успешно проделывал. А если вдруг промахнешься и врежешься в стену, мы тебя по-любому уволим, чтобы сохранить лицо перед присяжными. Если вы с судьей дружки не разлей вода… что ж, тогда, наверное, он будет не столь склонен чморить нас за то, что ты способен устроить. Это не слишком-то хорошо отразилось бы на его приятеле Эдди Флинне, так ведь?

Умно… В этом городе полным-полно хороших адвокатов. И достаточно много людей с большим опытом поджаривания копов на раскаленной

сковородке. А вот дружков Гарри Форда — раз-два и обчелся.

— Если вы думаете, что из-за меня Гарри отнесется к вашему клиенту более снисходительно, то ошибаетесь.

— Не переживай, я не ставлю под сомнение моральные устои судьи. И не рассчитываю на его предвзятость в нашу пользу. Считай, что я этого не говорил, но эта стратегия довольно рискованна. Просто если присяжные на нее не купятся, судья Форд не допустит, чтобы это плохо сказалось на нашем клиенте или на тебе. Это все, что я хочу сказать. Это не делает его предвзятым, это делает его справедливым.

Настал уже мой черед прикусить язык. Я только что хотел сказать Руди, что отказываюсь от дела. Что сейчас отправлю лэптоп обратно вместе с Холтеном. На экране по-прежнему маячило окошко для ввода пароля. Размышляя, что бы сказать, я набрал «НеВиновен1», и заставка изменилась. Передо мной возникла уже знакомая мне физиономия Бобби Соломона. Они с Ариэллой в рождественских свитерах стояли в своем особняке перед наряженной елкой. Фото изображало двух молодых людей, явно любящих друг друга. Они держались за руки и смотрели друг на друга.

В их взглядах было обещание. Обещание, данное друг другу. Если я уйду, то подведу Бобби. По причинам, не имеющим к нему абсолютно никакого отношения.

— Мне не нравится, когда меня используют. Если вы хотите, чтобы я занимался этим делом, то теперь это обойдется вам подороже.

— Я понимаю, как это может тебя разозлить, но бюджет у нас все-таки ограниченный. Хотя, пожалуй, все-таки можно малость увеличить сумму — дабы, так сказать, слегка подсластить пилюлю. Чтоб не было потом никаких обид. Как насчет дополнительных двадцати пяти процентов?

— А как насчет партнерства в «Адвокатском бюро Карпа»? Должности младшего партнера, к примеру. Со всем причитающимся. И правом самому выбирать дела. Мне не нужна еще одна охапка денег, чтобы прожить еще шесть месяцев. Все, что мне требуется, так это постоянная работа, при которой не придется всякий раз совать голову в пекло.

— Серьезные запросы, — заметил Руди.

— Так и дело-то серьезное, — сказал я.

Карп сделал паузу. Я слышал, как он что-то бормочет, обдумывая мое предложение.

— А как насчет двухлетнего контракта в каче-

стве старшего помощника? Два годика поработаешь по нашим ставкам, как и любой другой старший помощник, а потом мы сделаем тебя младшим партнером. Это лучшее, что я могу тебе предложить, Эдди, — сказал наконец Руди.

— Работаю по своим обычным ставкам, и по рукам, — сказал я. Гонорары мне тоже не помешали бы, но больше была нужна постоянная работа. Кристина хотела, чтобы я занимался чем-нибудь спокойным и стабильным, что не грозило бы какими-то заморочками ни мне, ни моей семье. Это могло быть важно для восстановления наших отношений, а также с расчетом на будущее.

— Считай, что договорились, — отозвался он.

— Отлично, а теперь: что еще вы не рассказали мне об этом деле?

— Ничего. Клянусь. Просто прочти дело. И опять-таки, прости за эту маленькую хитрость с судьей. Хотя не то чтобы я мог долго держать это в секрете… Ты все равно обо всем догадался бы, едва только войдя в зал суда. Послушай, я и вправду думаю, что Бобби невиновен. Я знаю это. Просто нутром чую. Знаешь, как редко это со мной случается? Я готов на все, только чтоб вытащить этого парня. Прочти материалы по делу — и сам все поймешь. Звякни мне с утречка.

В девять у меня отбор присяжных.

Он дал отбой.

Интересно, подумалось мне, как далеко Руди готов зайти, чтобы спасти своего клиента…

Мои пальцы скользнули по сенсорной панели, вызвав на экран список папок. Ни интернет-браузера, ни каких-то других приложений — на этом лэптопе не обнаружилось ничего, кроме этих папок с файлами внутри. Всего их оказалось пять. «Свидетельские показания и результаты предварительного следствия». «Фотоматериалы». «Отчеты криминалистической и судебно-медицинской экспертиз». «Заявления защиты». «Эксперты защиты».

Подобрав со стола карандаш, я покрутил его в пальцах. Почему-то это всегда помогало мне думать. А еще сохранять ловкость рук. До того, как стать адвокатом, в определенных кругах я был больше известен как мошенник и разводила. Какие только делишки прокручивал… Некоторые из них требовали умения незаметно стырить бумажник, связку ключей или сотовый телефон. Отец всегда говорил мне, что нельзя позволять пальцам застаиваться — а значит, для поддержания рефлексов и скорости рук требовалось регулярно практиковаться. Поэтому, если я о

чем-то размышлял, то всегда брал ручку или покерную фишку и вертел их между пальцами.

Первые три папки представляли дело со стороны обвинения. В тех, что назывались «Заявления защиты» и «Эксперты защиты», были собраны материалы, подготовленные фирмой Карпа. Большинство адвокатов сразу перешли бы к материалам обвинения — открыли бы экспертные отчеты и свидетельские показания и прочли их до последнего слова. Ведь каждый такой документ — это целая история. То, что нашлось сказать у того или иного человека. Все вместе они складывались в общее повествование. В историю, которую сторона обвинения собиралась скормить присяжным.

Самое худшее в любых повествованиях — это то, что частенько они весьма ненадежны.

Мой подход был немного другим. Настоящая, реальная история была на фотографиях. Фотографии с места преступления не врут. Это вам не свидетели. Они не могут ошибиться, не могут скрыть правду. И это заставило меня представить себе дело со стороны обвинения. Как я построил бы дело против Бобби Соломона на месте обвинителя? В процессе по делу об убийстве недостаточно знать, какой будет ваша защита, — вам

нужно знать, какие шаги предпримет сторона обвинения, и действовать на опережение.

Фото загрузились на экран в виде галереи. Только вот первый квадратик в ней не был фотографией. Это было видео. Я нажал на значок воспроизведения.

Экран почернел, и на секунду мне показалось, что это какая-то ошибка загрузки. Но потом я понял, что это запись с камеры наблюдения, установленной перед чьей-то входной дверью. Разглядел улицу внизу. Мужчина в худи с поднятым капюшоном и черных джинсах поднялся к этой двери по ступенькам крыльца. Опустив голову. Его взгляд был явно прикован к экрану «Айпода», который он держал перед собой и от которого к наушникам поднимался белый провод. Мужчина пролистал какой-то список на экране. Постоял возле двери, а когда она открылась, слегка приподнял голову. Этого оказалось достаточно, чтобы я смог разглядеть бледное худое лицо и половинки густо-черных солнцезащитных очков, выглядывающих из-под капюшона. Потом мужчина исчез из поля зрения, предположительно войдя внутрь.

Отметка времени внизу экрана показывала 21:02.

Согласно этому видео, Бобби Соломон вернулся домой в самом начале десятого.

Закрыв окно с записью, я вернулся к фотографиям. И по первым же снимкам понял, что место убийства посетил и кто-то из офиса окружного прокурора. Который начал съемку со входной двери в различных ракурсах. Умно.

Дверь была самая обыкновенная — толстая, обшитая деревянными панелями, недавно выкрашенная в темно-зеленый цвет. Фотографии были сделаны прямо в ту ночь, и вспышка отразилась в относительно свежей краске. Примерно посередине двери по высоте торчала массивная медная ручка. Крупный план замка показал, что тот находился в первозданном состоянии. Никаких сколов краски вокруг скважины. Собственно замок не поврежден. Дверь вообще никак не пострадала.

Учитывая, что в комнате наверху лежали два жестоко убитых человека, фотографирование самой обычной входной двери явно не входило в число приоритетных дел детективов нью-йоркской полиции. Им надо было ловить убийцу. Каждая минута, которую они проводят на месте преступления, должна быть потрачена именно на это. В офисе окружного прокурора придер-

живаются несколько иного подхода. Там хотят приложить все усилия к тому, чтобы убийца, когда он будет пойман, гарантированно был осужден. Частью этого процесса является предвосхищение потенциальной линии защиты — что, мол, Ариэллу Блум и Карла Тозера убил некий залетный злоумышленник, — и пресечение ее в самом корне. Видите — ни входная дверь, ни замок не повреждены?

Я открыл следующий набор фотографий — самое начало истории, которые они должны были поведать. Серию снимков коридора, гостиных, кухни, ванных комнат на верхнем этаже, гостевых спален — в общем, каждого помещения в доме, за исключением того, в котором лежали два трупа.

Декор, похоже, повсюду был более-менее одинаковый. Современный. Минималистичный. В основном в различных оттенках белого, серого или бежевого. И лишь кое-где — неожиданные всплески цвета. Фиолетовая подушка на темно-сером диване. Красное абстрактное полотно на стене кухни, импрессионистский морской пейзаж в приглушенных синих тонах в гостиной над белым камином… Все выглядело безупречно чистым и опрятным. Эдакий стерильно-идеаль-

ный дом из глянцевого каталога. Ничем после покупки не отмеченный. Даже не скажешь, что тут вообще кто-то жил. Хотя, возможно, его владельцы не так уж часто в нем и бывали, учитывая их профессию.

Десять минут просмотра фотографий прояснили еще несколько вопросов. Имелась еще и задняя дверь. Она была заперта, ключ все еще торчал в замке изнутри. Снаружи ее прикрывала декоративная металлическая решетка, запертая на висячий замок. Здесь тоже никаких признаков взлома.

Ковры были почти белые, напоминающие тонкий слой снега на полу. Мягкие. Пушистые. Место, в котором ты снимаешь уличную обувь, едва только зайдя в прихожую. Весь дом был в этих коврах. Даже единственную каплю крови было бы легко заметить. Но крови нигде не было.

Единственной фотографией, которая заметно выделялась среди прочих, был снимок лестничной площадки второго этажа. Небольшой старинный столик перевернут, на полу валяются осколки разбитой вазы. Прямо за ним — огромное окно в окружении замысловатой лепнины. Люди дорого платят за оригинальные декоративные элементы в подобных домах.

Следующая фотография оказалась первой из более чем двух десятков, на которых было запечатлено место убийства. Насильственная смерть всегда рассказывает свою собственную историю. Написанную на жертвах. В их ранах. На их коже. А иногда и в их глазах.

Я никогда еще не видел ничего подобного.

Фотограф-криминалист нью-йоркской полиции сделал первый снимок, стоя в ногах кровати. Ариэлла лежала лицом вверх на ее левой стороне — ближе к окну, выходящему на улицу. Карл лежал рядом с ней, справа. Сбоку от него валялось скомканное в кучу одеяло. На Ариэлле были трусики, но больше ничего. Руки вытянуты по бокам, ноги сведены вместе. Рот открыт. Глаза тоже. Торс ее был ярко-красным. В пупке застыла небольшая лужица крови. Я различил темные пятна, разбросанные по всей ее груди, — колотые раны. Простыня под ней тоже была красной. Брызги крови — только на шее. Никаких кровавых пятен ни на лице, ни на ногах.

Карл лежал на правом боку, совершенно голый, лицом к Ариэлле. Ноги согнуты в коленях, позвоночник выгнут дугой. С этого ракурса его тело напоминало своей формой лебедя. Насколько я мог судить, на нем не имелось ни единой

отметины. Никаких ножевых ранений. Никаких синяков. Вид у него был умиротворенный — как будто он просто свернулся калачиком рядом с ней, да так и умер. И лишь увидев его фотографию со спины, я понял причину смерти. Затылок у него был насквозь проломлен. Крови натекло немного — лишь небольшое темно-красное пятнышко под головой, хотя, судя по форме раны, его наверняка убили с одного удара. Вероятно, это и объясняло положение тела: ноги подтянуты к животу, почти в позе эмбриона, а голова после сильного удара в затылок уткнулась подбородком в грудь.

Адвокаты по уголовным делам, как и копы, со временем привыкают к таким картинам, иллюстрирующим ужасающую конечность человеческой жизни, привыкают к жутким следам насилия, которые люди оставляют на телах друг у друга. Такова уж человеческая природа. Если вы достаточно часто чем-то занимаетесь, это перестает нести в себе прежний смысл, прекращает оказывать то же воздействие, что и в первый раз.

Хотя я так и не привык к зрелищу насильственной смерти. И молился, чтобы этого никогда со мной не случилось, поскольку эта часть меня умерла бы и никогда не воскресла. Мне это было

просто нужно. Я приветствовал эту боль. Мужчина и женщина были силой вырваны из этого мира — у них отняли все, что было у них в жизни, и все, чем они когда-либо могли стать. Всего два слова все крутились и крутились у меня в голове. За что? За что? За что?

Они ничем этого не заслуживали.

Щелк!

Опустив взгляд на свою руку, я обнаружил, что перестал вертеть карандаш. Я сжимал его так крепко, что сломал пополам, сам того не сознавая. Что бы ни подразумевала моя работа, я был в долгу перед Ариэллой и Карлом. Тот, кто навлек на них весь этот ад, обязательно должен быть наказан. Если этим человеком был Бобби, то с ним следовало поступить по всей строгости закона. Хотя почему-то при виде жертв я еще больше засомневался в том, что Бобби на такое способен.

Но тут кое-что вспомнил. В глубине души все мы на такое способны…

Судя по тому, что я видел, причины смерти не совсем соответствовали тем, о которых сообщалось в СМИ. Газеты и телевидение уверяли, будто обе жертвы были изрублены на куски в результате неистового нападения — скорее всего, на почве бешеной ревности. Это оказалось вовсе не тем,

что я видел на фотографиях. А на Карле вообще не было никаких ножевых ранений. Прокручивая следующий набор фотографий, я наткнулся на снимок крупным планом — бейсбольной биты на полу спальни. Толстый конец ее выглядел так, как будто именно ею и проломили череп Карлу.

Прокручивая все это в уме, я понял: все, что я видел, не особо стыковалось между собой. У убийцы был доступ в дом. Он как-то пробрался внутрь или попросту вошел, открыв дверь ключом, поднялся в спальню и обнаружил лежащих в постели Ариэллу и Карла. Первой жертвой, скорее всего, стал Карл — имело смысл первым делом устранить наибольшую угрозу. Удар деревянной битой по голове с достаточной силой, чтобы проломить череп, должен был наделать шуму. Много шуму. И никак нельзя было как-то приглушить этот звук, не уменьшив ущерб от удара. И все же на руках у Ариэллы не имелось защитных ран. Ни порезов, ни синяков. Похоже, первая или вторая проникающая ножевая рана оказалась для нее смертельной. Или, по крайней мере, достаточно серьезной, чтобы полностью обездвижить ее.

Что-то в этой картине не складывалось.

Под конец мне осталось проглядеть лишь еще

два набора снимков. На первом был в разных ракурсах заснят Бобби Соломон, одетый в темно-бордовое худи, белую футболку и черные спортивные брюки. Рукава худи были в крови. Руки тоже. Больше нигде крови не обнаружилось.

А вот последняя серия фотографий заставила меня напрячься. Их сделали уже в морге. Карл Тозер лежал голый на стальном столе. И тут я впервые углядел тонкий фиолетовый синяк поперек его горла, примерно трех дюймов длиной. Как будто его ударили тонким металлическим прутом или на короткое время что-то обвили вокруг его горла и сильно дернули. Но беспокоило меня не это. Такой синяк явно не мог привести к смерти, и не исключено, что это было просто одно из трупных пятен — кровь, скопившаяся в жировой ткани вокруг шеи, когда сердце перестало биться. Нет, заставил меня сделать стойку следующий набор снимков — приоткрытый рот Карла крупным планом…

У него было что-то под языком.

Фотограф переключился на видео, чтобы запечатлеть этот неожиданный поворот. Я нажал на значок воспроизведения и стал смотреть, как в рот Карла запускают длинный металлический пинцет. Когда его вытащили, в нем было зажа-

то нечто, что я с ходу не опознал. Непонятный предмет аккуратно уложили в хирургическую чашку, и к первому пинцету присоединился второй. Теперь это больше походило на какую-то записку, сложенную пополам, с крошечным конусом посередине — размером примерно с колпачок авторучки. Оба пинцета покопались в записке, разворачивая ее, и камера увеличила изображение.

В газетах об этом не упоминалось. Ни единым словом.

Это оказалась не записка, а банкнота. Однодолларовая купюра, замысловато сложенная во множество раз. На обратной стороне такой купюры изображены две Большие печати Соединенных Штатов, а в каждом углу — единица цифрой, поверх которой буквами напечатано слово «ОДИН». И все это на фоне чего-то вроде паучьей паутины. Эта купюра была сложена так, что каждый уголок выглядел как узор или отметина на четырех крылышках, расходящихся от центрального конуса посередине. Только вот конус этот представлял собой замысловатую складку в средней части купюры, напоминая своей верхней частью торакс какого-то насекомого, а нижней — брюшко. От торакса в обе стороны

отходили передние и задние крылышки.

Убийца сложил однодолларовую купюру в виде бабочки и засунул ее Карлу Тозеру в рот.

Глава 13

После неудачной попытки завладеть чемоданчиком Кейн обошел вокруг квартала. К тому времени, как он вернулся к своей машине, дыхание пришло в норму. Руки больше не казались такими тяжелыми, пульс в кончиках пальцев наконец утих. Бросив рюкзак на пассажирское сиденье, Кейн стал ждать.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем он увидел, как из квартиры Флинна выходит тот чернокожий мужчина в хорошо сшитом костюме. Кейн проследил, как тот садится в свой автомобиль с откидным верхом и уезжает. Пульс вновь застучал в пальцах, а пистолет во внутреннем кармане куртки словно сам собой прижался к груди. Итак, только охранник и Флинн. Только теперь этот охранник будет настороже. Лишь в последнюю секунду Кейн решил не светить пистолет перед людьми на улице. Слишком уж долго ждал, прежде чем выхватить ствол. Охранник опередил его. Так что взамен пришлось выта-

щить мобильник и изобразить заблудившегося туриста. «Тоже молодец, что сообразил», — подумал Кейн. Охранник застрелил бы его первым.

При мысли о лэптопе, находящемся в квартире Флинна, Кейн даже скрежетнул зубами. Опять посмотрел на здание. Непонятно, какие камеры наблюдения там внутри и сколько там жильцов. Может, даже на входе дежурит швейцар или консьерж…

Мотор на морозце завелся без особой охоты. Включив передачу, Кейн медленно покатил по Западной Сорок шестой улице.

В другой раз. Когда он будет готов. Кейн пообещал себе, что еще вернется.

А пока у него были и другие дела.

Направился он на восток, к реке. Проехал по Сорок шестой до самой Второй авеню, затем вырулил на ФДР[42]. Движение было по-прежнему плотным, и продвигался он довольно медленно. Кейн не был коренным ньюйоркцем. Никаким боком. Но даже при этом на спутниковый навигатор он практически не смотрел. Планировка на Манхэттене простая и четкая, на манер координатной сетки. Если тебя сюда вдруг занесет,

[42] notes: 42

ФДР (*англ.* FDR Drive) — автострада имени Франклина Делано Рузвельта, одна из главных транспортных артерий Нью-Йорка. (*Прим. пер.*)

просто потрать пять минут на изучение карты — и сразу поймешь, как куда попасть. На карте остров напоминал печатную плату. Требовалась лишь энергия, чтобы та бесперебойно работала. Кейну подумалось, что отнюдь не люди, жители Манхэттена, являлись тем электричеством, что питало этот город — печатную плату. И не машины. Не поезда.

А деньги.

Самая экологически чистая энергия в мире.

Остановившись в пробке, он глянул на свое отражение в зеркале заднего вида. Нос раздулся, как и задумывалось. Пожалуй, даже немного лишку. Да и остальное лицо порядком опухло. Кейн сделал себе мысленную пометку потом приложить к нему лед, чтобы слегка уменьшить отек. А кроме того, не помешало бы дополнительно подкраситься тональным кремом. Сквозь тонкий слой грима стали отчетливо проступать синяки.

Любой другой на его месте сейчас не находил бы себе места от боли. Но только не Кейн. Он был особенным. Как любила повторять ему его мать.

Он не знал своего собственного тела. Как будто оно ему и не принадлежало.

Кейн обнаружил, что не такой, как все остальные, еще когда ему было восемь. Тогда он свалил-

ся с яблони в саду. Неудачно. Забрался слишком высоко и рухнул на землю с самых верхних ветвей. И, лежа на траве, не расплакался. Он вообще никогда не плакал. Через секунду опять встал и собирался было вновь взобраться на дерево, когда вдруг понял, что не может ухватиться за ветку левой рукой. Запястье вроде как здорово опухло. Это было необычно, и он пошел на кухню, чтобы спросить у матери, почему его рука так странно выглядит. Когда он вошел в дом, запястье уже утроилось в размерах и выглядело так, будто кто-то засунул ему под кожу мячик для настольного тенниса. И по сей день Кейн помнил, как исказилось лицо его матери при виде его руки. Она вызвала по телефону «скорую», а потом, уже не в силах ждать, примотала ему к запястью два пакета замороженного горошка, усадила Кейна в свою старую машину и отвезла в отделение неотложной помощи. Никогда еще его мать не водила машину так быстро.

Кейн до мелочей помнил эту поездку. По радио играли «Стоунз», лицо его матери блестело от слез. Голос ее от паники стал высоким и возбужденным.

— Все нормально, все нормально… Не паникуй! Сейчас мы приведем тебя в порядок. Очень боль-

но, милый? — повторяла она.

— Нет, — отвечал тогда Кейн.

В больнице рентген подтвердил множественные переломы. Врач объяснил, что потребуется хирургическая манипуляция, прежде чем можно будет наложить гипс. Сказал, что дело срочное и что они сделают все возможное, чтобы облегчить боль от этой процедуры при помощи специального газа. Маленький Джошуа никак не хотел вдыхать странно пахнущий газ, исходящий из трубки, и несколько раз срывал маску.

Во время процедуры он не кричал, не отбивался. Сидел совершенно неподвижно и с молчаливым восхищением прислушивался к приглушенному хрусту своих раздробленных костей, пока док мял в руках его запястье. Медсестра налепила ему на футболку наклейку с надписью «Храбрый пациент». Кейн сказал ей, что ему не нужны никакие обезболивающие лекарства. Что он в полном порядке.

Поначалу медперсонал списал это на шок, но мать Кейна поняла, что дело не только в этом. А скорее, совсем не в этом. И потребовала от врачей как следует осмотреть своего сына. Он и по сей день не знал, откуда она взяла деньги на оплату всех этих осмотров и анализов. Сперва врачи ре-

шили, что у него что-то не в порядке с головой. Он даже ни разу не вскрикнул, пока они кололи его в разных местах иголками. Кейн слышал слово «бластома», но не знал, что оно означает. Однако вскоре опухоль в мозгу полностью исключили. Мать это очень обрадовало, но она все равно волновалась, и пришлось сделать еще несколько анализов.

Год спустя Джошуа Кейну диагностировали редкое генетическое заболевание — врожденную анальгезию. Болевые рецепторы в его мозгу вообще никак не функционировали. Маленький Джошуа никогда не чувствовал боли и не должен был ощущать ее и впредь. Кейн частенько вспоминал, как его мать восприняла это известие — одновременно и с радостью, и со страхом. Она радовалась, что ее сыну никогда не доведется испытать физические страдания, но тем не менее боялась. Кейн мог легко представить себе ее в тот момент — как она сидит в кресле в кабинете врача и смотрит на него. В том самом синем платье, которое было на ней, когда он свалился с дерева. И все с тем же огоньком испуга в глазах.

И Кейн наслаждался каждой секундой этого зрелища…

Недовольно рявкнувший позади автомо-

бильный гудок — напоминание, что пора бы и тронуться с места — вернул его мысли к настоящему. Где-то через час Кейн уже был в Бруклине. Вырубил мотор, вышел из машины и отправил сообщение о своем местонахождении своему контакту в полиции.

Если б кто-то в этом районе вдруг вызвал копов, Кейн вовремя узнал бы об этом.

Он не спеша двинулся между рядами одинаковых трехэтажных пригородных домов, населенных в основном представителями среднего класса. Спальни и гостиные располагались в этих типовых строениях на втором этаже, над гаражом. Ржавчину на окружающих участки оградах скрывала свежая краска. Наконец Кейн подошел к дому, принадлежащему некому Уолли Куку.

Фото Уолли появлялось на пробковой доске в фирме Карпа значительно чаще остальных — похоже, он был чуть ли не основным кандидатом в присяжные со стороны защиты. Упертый либерал, регулярно жертвует часть прибыли от своего бизнеса частного детектива Американскому союзу гражданских свобод, по выходным тренирует детскую бейсбольную команду Младшей лиги…

Не стоило полагаться на то, что в ходе окончательного отбора обвинение вдруг исключит

Уолли из числа присяжных — было слишком опасно оставлять его в списке. А кроме того, он занимал место, на которое со стороны защиты мог попасть Кейн.

На подъездной дорожке дома Уолли стояли легковой автомобиль и фургон. В окнах второго этажа горел свет. В одном из них появилась женщина лет тридцати с длинными каштановыми волосами, с ребенком на руках. Уолли подошел к ней, поцеловал и скрылся из виду. Вытащив тонкий филейный нож, Кейн направился ко входной двери.

Глава 14

Оставшиеся материалы по делу Соломона я изучил меньше чем за два часа. Многое можно было пока что просто просмотреть по диагонали — рапорты сотрудников полиции касательно задержания и заключения подозреваемого под стражу, пространные отчеты судмедэкспертов, показания свидетелей… А вот ключевым уликам я уделил куда более пристальное внимание.

Первой из них была расшифровка звонка Роберта Соломона в службу «911», к которой прилагалась и оригинальная аудиозапись. Бобби

был в полной панике, буквально захлебывался слезами; в голосе его явственно звучали ярость, страх и отчаяние.

Диспетчер: Экстренная служба «девять-один-один». Вам нужна помощь пожарных, полиции или медиков?

Соломон: Помогите… Господи… Я нахожусь в доме двести семьдесят пять по Западной Восемьдесят восьмой улице… Моя жена… По-моему, она мертва. Кто-то… О боже… Кто-то убил их!

Диспетчер: Отправляю к вам полицейский наряд и «скорую». Успокойтесь, сэр. Лично вам грозит какая-нибудь опасность?

Соломон: Я… я… не знаю.

Диспетчер: Вы сейчас находитесь в доме?

Соломон: Да, я… я только что нашел их. Они в спальне. Они мертвы!

(звуки плача)

Диспетчер: Сэр? Сэр? Сделайте глубокий вдох. Мне нужно, чтобы вы сказали мне, нет ли, по-вашему, в данный момент кого-то еще в этом доме.

(звон бьющегося стекла, кто-то спотыкается)

Соломон: Я здесь. Ох, я еще не проверял… Вот черт… Пожалуйста, немедленно пришлите «скорую»! Она не дышит…

(Соломон роняет телефон)

Диспетчер: Сэр? Пожалуйста, возьмите трубку. Сэр? Сэр?

Бобби сообщил полиции, что ушел из дома еще днем и порядком набрался. А еще принял какие-то таблетки. Не помнил, где он был, — знал лишь, что побывал сразу в нескольких барах; знакомился там с кем-то, но ни одного имени тоже не помнит. Возле какого-то ночного клуба взял такси и вернулся домой незадолго до полуночи. Свет в прихожей не горел. Карла не было ни на кухне, ни в гостиной. Он поднялся наверх, чтобы разыскать его. Увидел открытую дверь и горящую за ней лампу. Вошел и обнаружил Ариэллу и Карла мертвыми.

Звонок в «911», показания Соломона — все это поначалу показалось мне вполне правдоподобным. У Бобби уже случались приводы за мелкие правонарушения по пьяни, и ни черта не помнить о том, что он в таком состоянии делал, было для него в порядке вещей.

Алиби, конечно, было неважнецким, хотя особых причин сомневаться в его словах не было.

Пока я не прочитал показания некоего Кена Эйджерсона, проживающего в доме 277 по Западной Восемьдесят восьмой улице — сорока трех

лет от роду, менеджера какого-то хедж-фонда. Эйджерсон сообщил, что в тот день вернулся домой в девять вечера, поздоровавшись по дороге со своим знаменитым соседом Бобби Соломоном. И собственными глазами видел, как Бобби поднимается на крыльцо к своей двери. Эйджерсон так точно указал время, поскольку по четвергам его жена всегда работает допоздна, а приходящая няня уходит ровно в девять. Двадцатитрехлетняя Конни Брюковски — та самая няня — подтвердила, что ушла из их дома именно в это время, как только вернулся Эйджерсон.

Я прикинул, что из этого можно извлечь. Нет ли тут какого-то слабого места. И тут вдруг вспомнил про то видео — запись с камеры наблюдения, установленной над дверью дома Соломона. Там ведь и дата проставлена, и время, все четко: в вечер убийства Бобби зашел в дом в самом начале десятого.

Эта камера активируется датчиком движения. И больше ничего не записала, пока в десять минут первого ночи туда не заявились копы, согласно их рапорту.

То есть абсолютно ничего не подтверждает слова Бобби, что он вернулся домой в полночь. Непонятно, сколько времени он провел в доме до

появления полиции, которую сам и впустил.

Вывод? Бобби Соломон явно солгал насчет того, во сколько вернулся домой.

Но окончательно топили его результаты криминалистической экспертизы. Кровь Карла на бейсбольной бите Бобби с отпечатками пальцев Бобби на ней. Кровь Ариэллы на одежде Бобби. И вишенка на торте: на долларовой банкноте в виде бабочки, найденной у Карла во рту, обнаружились отпечатки пальцев и следы ДНК Бобби. Хотя он уверял копов, что никогда раньше эту банкноту, сложенную в виде бабочки, и в глаза не видел и, естественно, в рот Карлу ее не заталкивал.

Финита ля комедия.

Руди сразу же ответил на мой звонок.

— Дело плохо, — сказал я.

— Согласен, — отозвался он, — но ты смотришь недостаточно глубоко. Криминалисты нью-йоркской полиции просто как-то поместили на эту банкноту ДНК Бобби.

— Почему вы так в этом уверены?

— Потому что их тесты показали более одного профиля ДНК.

— Секундочку, — произнес я, открывая криминалистический отчет. И впрямь: фигурировали в нем сразу два профиля ДНК, успешно снятых

с долларовой купюры и обозначенные буквами «А» и «Б». Профиль «А» — это ДНК Бобби. А второй был идентифицирован по базе данных как принадлежащий некоему Ричарду Пене.

— Погодите-ка, Руди… На любой банкноте, находящейся в обращении, и должно быть больше одного образца ДНК. Странно, что они не нашли на ней сразу двадцать различных профилей. Из этого вовсе не следует, что копы все это сфабриковали.

— Нет, следует. Как выяснилось, образец Ричарда Пены случайно попал на эту банкноту в лаборатории, — объяснил Руди.

— Как это вышло?

— Мы тут кое-что выяснили про этого Ричарда Пену. Это давняя история. В период с тысяча девятьсот девяносто восьмой по девяносто девятый годы он убил четырех женщин в Северной Каролине. Пресса называла его Чапелхиллским душителем. Его поймали, осудили, а после того, как все его апелляции провалились, в две тысячи первом он был казнен.

Я не стал дожидаться, пока Руди скажет что-нибудь еще. Вместо этого открыл на экране фотографии той долларовой купюры, уже развернутой. Первая показывала ее обратную сторону.

На изображении американского орла я заметил какие-то странные штришки — как будто эту банкноту долго таскали в кармане вместе с шариковой ручкой, которая и оставила эти следы. Особо пристально я присматриваться к ним не стал — меня больше интересовала лицевая сторона купюры. Открыл вторую фотку. На лицевой стороне любой такой банкноты, с правой стороны, указывается ее серийный номер, который начинается с какой-либо буквы. Эта буква, собственно, и есть серия, которая меняется в случае внедрения нового дизайна банкноты или вообще каких-то изменений в ее оформлении. Плюс есть еще и две подписи, по бокам от портрета Джорджа Вашингтона — казначея Соединенных Штатов и министра финансов. Подписи на купюре, которую вытащили изо рта у Карла, принадлежали казначею Розе Гуматаотоа Риос и министру Джеку Лью. Буква «М» в начале серийного номера банкноты-бабочки соответствовала году назначения Лью — две тысячи тринадцатому.

Руди растолковал мне это как маленькому.

— Ричард Пена просто не мог и пальцем прикоснуться к этой купюре. В то время, когда ее напечатали, он уже двенадцать лет как лежал в могиле.

— И, насколько я понимаю, никаких отпечатков пальцев Пены на ней не нашли, только ДНК, — сказал я.

— Совершенно верно.

— Если единственные отпечатки пальцев на этой банкноте принадлежат Бобби, а ДНК тут и Бобби, и Пены… Тогда и вправду не исключено, что эксперт очистил ее, прежде чем поместить на нее ДНК Соломона, и каким-то образом по запарке занес на нее и ДНК Пены, — предположил я.

— Понял теперь? Это единственно возможное объяснение. Следы ДНК можно удалить даже при помощи обычных бытовых моющих средств. От них достаточно легко избавиться. А сколько рук касалось этой купюры с две тысячи тринадцатого года? Да сотни, если не тысячи! Они облажались, пытаясь подставить Бобби. Выстирали эту долларовую бумажку, а потом нанесли на нее ДНК Бобби. Плюс случайно на нее попал образец Пены, невесть как оказавшийся в лаборатории. По-другому никак. И мы их на этом прищучим, — сказал Руди.

Что ж, разумно. И все же кое-что еще не давало мне покоя. Бабочка — это в некотором роде символ. Имеющий некое значение. Каким-то образом связанный либо с убийцей, либо с жертвой. И

напрямую указывающий на *умышленное* убийство. Копы решили этим воспользоваться, чтобы подставить Бобби, но в итоге сели в лужу.

— С образцами ДНК Пены работали в совсем другом штате. Как они вообще попали в лабораторию нью-йоркской полиции?

— Мы этого не знаем. Но тем не менее это произошло.

Я еще немного послушал, как Руди разглагольствует о нечистоплотности нью-йоркской полиции, да какая буря разразится в СМИ, когда все это вскроется, да как это станет главным козырем защиты, но через тридцать секунд уже стал воспринимать его голос чисто как фон. Мысленно вернулся в его офис. Опять оказался рядом с Бобби, слушая, как тот заявляет о своей невиновности. И в этот момент задумался, насколько позволил ему себя убедить. Актер он талантливый, можно не сомневаться. Хотя далеко не все кинозвезды — великие актеры. А вот Бобби — реально мастер своего дела, обладающий всеми необходимыми в его профессии навыками. Но беспокоило меня не только это. Если копы и фабриковали порой улики против подозреваемого, то в большинстве случаев только потому, что были твердо уверены в его виновности. Тем более что я никак не мог

понять, как это можно войти в дом или выйти из него, оставшись незамеченным камерой наблюдения, срабатывающий от датчика движения. Вдобавок имелись еще и показания того соседа…

— Руди, я купился на историю Бобби. Не стану лгать ни вам, ни себе на этот счет. Я поверил ему, когда он сказал мне, что невиновен. И не хочу, чтобы что-то еще поколебало это суждение. Если вы не против, я хотел бы для начала привлечь своего собственного следователя. У нас все еще нет ножа, которым была убита Ариэлла. Скажите, что там Бобби говорит про бейсбольную биту, которой проломили череп Карлу?

— Он сказал, что держал ее в прихожей. Конечно, у него была охрана, но его старик всегда держал возле входной двери бейсбольную биту. Вот и Бобби поступал точно так же. Это его бита, так что это объясняет, почему на ней повсюду его отпечатки…

— Но не кровь. Мне нужно получше в этом разобраться, — сказал я.

— Твой гонорар уже переведен на твой расчетный счет. Если хочешь частично потратить его на частного детектива, то ни в чем себе не отказывай. А я займусь отбором присяжных. С утра обязательно мне позвони. И не забудь хотя

бы немного поспать, — посоветовал Руди, после чего завершил разговор.

А я стал прокручивать список контактов на своем телефоне, пока не нашел нужный, коротко обозначенный «Отсоси». Ткнул в зеленую кнопку, даже не глянув на часы, — абонент, которому я звонил, привык отвечать на звонки в любое время суток. Такая уж у него теперь работа. Вернее, у нее. Соединение установилось, и мне ответил женский голос — хрипловатый, с легким намеком на чикагский выговор.

— Эдди Флинн, разводила из зала суда! А я все гадала, когда ты мне наконец позвонишь…

Голос принадлежал бывшему агенту ФБР по фамилии Харпер. Свое имя она мне так и не назвала. Хотя, если задуматься, не уверен, что когда-нибудь ее об этом спрашивал. Познакомились мы с ней год назад, прямо перед тем, как Харпер и ее напарник Джо Вашингтон уволились из Бюро, основав свою собственную частную службу безопасности и расследований на Манхэттене, и, судя по всему, дела у них шли неплохо. Знакомство наше знаменовалось тем, что она шмякнула меня башкой о крышу моего же «Мустанга». Несколько месяцев спустя мы преследовали одного и того же мерзавца, и она спасла жизнь не

только мне, но и своим коллегам-агентам. Я мог бы покопаться в деле Бобби и сам, но все-таки хотел, чтобы этим занялась Харпер. У нее отлично развита интуиция. Я полностью доверял ее суждениям — если б она сочла Бобби виновным, я бы дважды подумал.

— Тоже рад тебя слышать. Прости, что надолго пропал, — просто ждал подходящего случая. Мне нужен следователь. Знаешь кого-нибудь достойного?

— Отсоси. Кто твой клиент?

Я знал, что будет дальше, еще до того, как ответить. Но все равно ответил.

— Я в команде защиты Бобби Соломона. Мы собираемся доказать, что нью-йоркская полиция его подставила. И ты мне в этом поможешь.

Хохотнув, она сказала:

— Неплохо! А в следующий раз ты скажешь мне, что представляешь Чарльза Мэнсона[43].

— Не, я серьезно. Охранник из «Адвокатского бюро Карпа» в течение часа подъедет к тебе

---

[43] notes: 43

Чарльз Мэнсон (1934–2017) — американский преступник, создатель и руководитель деструктивной секты «Семья», члены которой в 1969 г., подчиняясь его приказам, совершили ряд жестоких убийств, в том числе беременной жены кинорежиссера Р. Полански — актрисы Шэрон Тейт. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на девять пожизненных сроков. (*Прим. пер.*)

на квартиру с лэптопом. И подождет, пока ты не ознакомишься со всеми материалами. Дело крайне деликатное. Если хоть что-нибудь из этого выплывет наружу до суда…

Смех Харпер застрял у нее в горле.

— Эдди, перестань… Ты и вправду серьезно?

— Еще как серьезно. Похоже, у нас всего день или два, чтобы со всем разобраться. Просмотри все материалы по делу. Позвони, когда закончишь. Утром мы начнем с места убийства. Или, может, тебе этот лэптоп в какое-то другое место закинуть?

— Я позвоню, когда закончу с документами. Из того, что я видела по телевизору, все указывает на Соломона как на убийцу. Ты ведь и сам это знаешь, верно? Похоже, дела у него швах.

— Я тоже прочитал все, что пишут в газетах. И в курсе, что думают по этому поводу все эти якобы эксперты по правовым вопросам на Си-эн-эн. Их послушать, так этот судебный процесс закончился еще до того, как начаться… Может, они и правы. Но я говорил с Бобби. Руди Карп — тоже. Мы не думаем, что это двойное убийство — его рук дело, вряд ли он на такое способен. Все, что нам остается сделать, — это убедить в своей правоте еще двенадцать человек.

Глава 15

Одним неуловимым движением запястья Кейн поменял хват ножа. Проходя мимо стоящего возле дома фургона, низко наклонился и быстро воткнул нож в заднюю шину с водительской стороны. Воздух с шипением вырвался из пореза в боковине, фургон накренился. Надвинув бейсболку пониже на лоб, Кейн убрал нож обратно в карман, поднялся по ступенькам крыльца и позвонил.

Через несколько мгновений Уолли открыл дверь. Кейн впервые сумел как следует его рассмотреть. Возраст, похоже, в районе тридцатника. Волосы на висках поредели, лицо раскраснелось. Кейн ощутил запах вина в его дыхании, а рубиновое пятнышко над верхней губой подсказало ему, что Уолли только что выпил большой бокал красного. Что, судя по всему, и объясняло детский румянец на его в остальном суровом и жестком лице.

При виде визитера выражение лица Уолли немного смягчилось. Кого бы он ни ожидал увидеть, но явно не кого-то вроде Кейна в его нынешнем обличье.

Кейн изобразил южный акцент. Он вообще частенько им пользовался. Почему-то этот мягкий протяжный выговор добавлял правдоподобия всему, что он говорил. Люди сразу начинали доверять ему.

— Простите за беспокойство, — начал Кейн. — Я тут проходил мимо и заметил, что у вашего фургона спустило колесо. Может, вы уже в курсе, но дай-ка, думаю, предупрежу хозяина по-соседски…

Он обернулся, по-прежнему стараясь не показывать полуприкрытое шарфом лицо и опустив взгляд. Похоже, хозяин дома так ничего и не заподозрил.

— О… Ну что ж, спасибо, — ответил Уолли. — Так какое колесо, говорите?

— Вон то, давайте покажу, — сказал Кейн.

Выйдя из дома, Уолли направился вслед за ним к задней части фургона. Присел на корточки, чтобы взглянуть на шину, а Кейн встал рядом с ним. Уличных фонарей поблизости не было, свет из дома до конца подъездной дорожки не проникал.

— Вот черт, чем же его так резануло? — в сердцах воскликнул Уолли, ощупывая дыру пальцами. Выглядела она как прямой порез, сде-

ланный чем-то твердым и острым как бритва.

— Ну что ж, спасибо за… — начал было он, уже начиная подниматься, но тут же умолк и замер. Так до конца и не разогнув ноги и подняв руки с выставленными вперед ладонями, уставился на пистолет Кейна. Кейн постарался, чтобы Уолли не упустил эту деталь, направив ствол ему прямо в лицо.

Когда Кейн заговорил снова, теплый южный мед напрочь растаял у него на языке, словно его там никогда и не было. Голос стал жестким и ровным.

— Ничего не говори. Не двигайся. Когда я тебе скажу, мы пойдем к моей машине. Я задам тебе несколько простых вопросов, и если ты ответишь на них, то отправишься домой. А если вздумаешь создать мне какие-то сложности или не ответишь, тогда мне придется задать один вопрос твоей молодой жене.

Дуло пистолета окутывали облачка пара от тяжелого дыхания Уолли. Ноги у него начали панически дрожать, и он все никак не мог отвести глаз от Кейна. Смотрел ему прямо в лицо, полускрытое в тени. Кейн представил себе, что свет, который, казалось, вырывался у него из глаз, был виден человеку перед ним, и это все, что тот сей-

час мог видеть, — две огненные точки в темноте.

— Выпрямляйся и пошли, — сказал Кейн. — Или мне и вправду задать тот вопрос твоей жене? Очень простой вопрос. Какой вариант ее больше всего расстроит — если я выстрелю тебе в рожу или всажу ножик в глаз твоему младенцу?

Уолли выпрямился. Его большой кадык подпрыгнул вверх-вниз, когда он сглотнул, пытаясь справиться с паникой. Кейн жестом приказал ему идти впереди. Уолли подчинился.

— В конце дорожки сверни направо, пройди дальше по улице и встань рядом с пассажирской дверью вон того универсала. Я в пяти шагах позади тебя. Если побежишь, тебе конец. Как и ребенку.

Они молча двинулись к машине, Кейн сжимал пистолет под курткой. Больше на улице не было ни души — пронизывающий холод и поздний час не располагали к прогулкам. Наконец Уолли остановился у пассажирской дверцы универсала Кейна.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Уолли, страх которого барабаном стучал в груди.

Кейн отпер машину и велел Уолли садиться в нее, не делая резких движений. Когда оба одновременно скользнули на передние сиденья, Кейн

опять открыто направил пистолет на Уолли. Хлопнули закрываемые дверцы. Уолли смотрел прямо перед собой, дрожа и хватая воздух ртом.

— Дай-ка мне свой мобильник, — потребовал Кейн.

Глаза Уолли на полсекунды метнулись вниз. Кейн заметил это. Похоже, тот глянул на пистолет, который Кейн держал в левой руке, низко, поперек живота, и которым ткнул в Уолли, когда тот выгнул спину, пытаясь залезть в брючный карман.

— Медленно, — напомнил Кейн.

Уолли осторожно достал из кармана смартфон, провел пальцем по экрану, который тут же засветился, но его все еще трясло, и он уронил мобильник на пол. Потянулся вниз, чтобы подобрать его. Внутреннее освещение салона было выключено, так что Кейн мог видеть лишь светящийся прямоугольник экрана на полу. Этого света оказалось достаточно, чтобы Кейн заметил, как дернулась штанина Уолли. Кейн напрягся и выбросил было руку, но опоздал. Уолли резко выпрямился и вонзил ему сбоку в правую ногу складной пружинный нож. Кейн перехватил запястье Уолли как раз в тот момент, когда тот провернул лезвие и попытался выдернуть его,

чтобы из раны потоком хлынула кровь. Но хватка Кейна оказалась слишком крепкой, и это ему не удалось.

Кейн ударил его по макушке стволом пистолета. Потом еще раз, рукояткой — на сей раз в солнечное сплетение. Уолли выпустил нож, хрипя и тщетно пытаясь отдышаться. У большинства частных детективов всегда есть резервное оружие скрытого ношения — маленький пистолет или нож, которые обычно держат в кобуре или ножнах на лодыжке, а Кейну не пришло в голову обыскать Уолли, прежде чем посадить его в машину. Он приставил дуло пистолета ему к голове и с небрежным безразличием посмотрел на торчащий из ноги нож.

— Только штаны загубил, — буркнул Кейн.

— Что… что… что, блин, с тобой не так, мужик? — прохрипел Уолли, ухватившись за макушку, болезненными толчками втягивая воздух в грудь и пытаясь осмыслить происходящее. Кейн никак не отреагировал на вонзившийся в ногу клинок. Не скривился от боли. Не вскрикнул. Не скрежетнул зубами. Откуда такое полное безразличие к серьезной, болезненной ране?

— Тебе интересно, почему я не визжу во всю глотку? Дай-ка мне свой телефон, иначе это я

заставлю тебя громко кричать, — приказал Кейн.

На сей раз Уолли наклонился помедленней, подобрал мобильник и передал его Кейну. Тот опустил пистолет. Уолли искоса посмотрел на него, прикрыв руками лицо и в каждую секунду ожидая выстрела.

— Черт возьми, я так старался, чтобы эти брюки выглядели как надо! — посетовал Кейн. — Не волнуйся, я не собираюсь в тебя стрелять, — добавил он, пряча пистолет в карман куртки. — Но мне придется оставить твой нож себе. На вот, возьми мой.

Движение Кейна оказалось слишком быстрым, чтобы Уолли успел хоть как-то на него отреагировать. На лице его застыло все то же испуганное выражение, как будто он все еще лишь ожидал нападения. Вокруг дыры в его черепе, оставленной ножом Кейна на месте глаза, запузырилась кровь. Кейн завел мотор, затолкал Уолли головой вперед под переднюю панель и рванул с места, на ходу включив фары. Осветившиеся приборы отбросили оранжевый отсвет на хромированное основание лезвия, торчащего из ноги Кейна. Выдернуть нож он не осмеливался, опасаясь истечь кровью. Требовалось найти какое-нибудь тихое место, чтобы подлатать рану и избавиться от

тела Уолли.

Пятнадцать минут спустя он нашел какую-то промзону — грузовые дворы, фабрики и гаражи. Все они закрывались на ночь, а некоторые были закрыты уже годами. Кейн заехал на пустырь рядом с заброшенной фабрикой и катил по нему, пока не уперся в ограду из проволочной сетки. Ни фонарей, ни камер наблюдения. Вышел из машины и сменил номерные знаки. Обычно на это у него уходило ровно пять минут. Но только не на сей раз. Лезвие в бедре мешало опуститься на корточки, да и нога вела себя словно чужая. Стерев с мобильника Уолли отпечатки пальцев, Кейн бросил его на гравий под ногами. Вытащил тело Уолли из машины и уложил рядом с телефоном. В багажнике у него была припасена канистра с бензином. Как следует облив им тело и телефон, он поджег их и пару минут наблюдал за окрестной обстановкой. Никого и ничего до самой реки. Тело могло пролежать тут неделю или даже больше, так никем и не обнаруженное. А когда копы все-таки найдут его, потребуется еще по меньшей мере неделя или около того, чтобы опознать его по зубным картам. Более чем достаточно времени, чтобы завершить задуманное.

Да и узнают ли вообще копы, что Уолли пред-

стояло участвовать в отборе присяжных? Не исключено. Если завтра он не появится на слушании, его внесут в список получателей еще одной повестки в суд, на котором от таких вот без вести пропавших потребуют объяснений, почему они не явились исполнить свой гражданский долг. Все это займет как минимум пару дней, а может, и больше.

Примерно через час Кейн заехал на свое место в гараже напротив «Адвокатского бюро Карпа». Выждал пару минут, пока автоматически не погаснут лампы под потолком, погрузив этаж в темноту. Потом достал с заднего сиденья аптечку и открыл ее. Взрезал острыми ножницами штанину, обнажив лезвие, вонзившееся в бедро по самую рукоять. Вид серьезной травмы на собственном теле всегда вызывал у Кейна любопытство. Он абсолютно ничего не чувствовал, но знал, что мышцы наверняка серьезно повреждены. Меняя номерные знаки, он сильно хромал, но не знал, было ли это просто потому, что из ноги по-прежнему торчал нож. Положительной стороной было то, что тот не повредил ни одной крупной артерии, иначе по пути обратно на Манхэттен Кейн наверняка истек бы кровью.

Он знал, что должен действовать быстро. Дви-

гатель все еще работал на холостых оборотах. Выключив фары, Кейн нажал на кнопку прикуривателя на приборной панели. Держа марлю и бинты наготове, вытащил нож. Промокнул рану бинтами. Кровь текла из нее ровно, а не выплескивалась толчками в такт сердцебиению. Это его обрадовало. В противном случае пришлось бы ехать в больницу. А это вызвало бы вопросы.

Щелкнул прикуриватель, выскочив из гнезда.

Любого нормального человека то, что сделал потом Кейн, заставило бы корчиться, орать от боли и биться в агонии, прежде чем потерять сознание. Кейну же оставалось лишь сосредоточиться и проследить за тем, чтобы случайно не выпустить из пальцев прикуриватель, который он глубоко запустил в рану. Кейн держал его там, пока кровотечение не остановилось, после чего вернул прикуриватель на место и продел нитку в иглу. Работал он мастерски. Ему уже не впервые доводилось зашивать собственные раны. Ощущения были те же самые — как будто кто-то прихватил его пальцами за кожу, стягивая ее, но ничего особо неприятного. Потом, не жалея бинтов и марли, он перевязал рану, напоследок примотав повязку скотчем. Вышел из машины, отчего лампы под потолком гаража, включаемые

датчиками движения, опять зажглись. Прикрыв ногу курткой, пересел во вторую машину, снял окровавленные, изрезанные брюки и натянул чистые черные джинсы, которые держал под пассажирским сиденьем вместе с тонким свитером и бейсболкой с эмблемой «Никс»[44].

Лишь вернувшись в свою квартиру, Кейн понял, насколько устал. Медленно раздеваясь перед зеркалом, он еще раз осмотрел пострадавшую ногу. Крови было немного. Оставалось надеяться, что к завтрашнему дню кровотечение полностью остановится.

День предстоял весьма насыщенный событиями.

[44] notes: 44

«Никс» («Нью-Йорк Никербокерс») — профессиональный клуб из Национальной баскетбольной лиги, базирующийся в Нью-Йорке. (*Прим. пер.*)

Вторник
Глава 16

Кофе в пекарне «Хот энд красти» на углу Западной Восемьдесят восьмой улицы и Бродвея оказался приличным, а блинчики — еще лучше. Моя машина все еще оставалась на городской штрафстоянке, так что я предпочел воспользоваться метро, чтобы не тыкаться по пробкам. Успел и позавтракать. Умял большую стопку блинчиков с хрустящим беконом и выдул две чашки кофе, ожидая Харпер. Уже в восемь пятнадцать здесь выстроилась длинная очередь из строителей, офисных работников и туристов, тоже желающих позавтракать.

Холтена я увидел раньше, чем Харпер. Войдя в кафе, он заметил меня и успел пройти половину зала, прежде чем она нарисовалась у него за спиной. Харпер — дамочка отнюдь не миниатюрная, дело было в Холтене. За его необъятной тушей вы не заметили бы и «Бьюик» пятьдесят второго года выпуска. Харпер — чуть ниже среднего роста, стройная и подтянутая, с конским хвостиком на затылке, в джинсах, ботинках на шнуровке и ко-

жаной куртке, застегнутой до самой шеи. Холтен был одет все в тот же костюм и нес тот же чемоданчик, прикованный цепочкой к запястью.

— В девять тридцать меня сменят. Сюда должен подъехать Янни. Он и присмотрит за лэптопом, пока вечером опять не наступит мое дежурство, — первым делом сообщил Холтен.

— И вам доброе утро, — сказал я.

— Не гони на Холтена, Эдди. Он спал на моем диване. Ты на его месте тоже пребывал бы в ворчливом настроении, — вмешалась Харпер.

— Ты хочешь сказать, что Холтен и вправду когда-нибудь спит? Я думал, он просто вырубает питание и подключается к розетке, чтобы подзарядиться.

— Уж поверьте мне, — в сердцах произнес Холтен, — если б Руди Карп считал, что такое возможно, у меня давно бы уже электропровод торчал из задницы!

Наконец-то в Холтене проглянуло хоть что-то человеческое. Я предположил, что дело в Харпер. Оба — бывшие сотрудники правоохранительных органов, у них явно нашлось много общего.

Харпер уселась напротив меня, Холтен — рядышком. Оба заказали горячие пышки, и я решил, что стоит выпить еще кофейку.

— Так ты получил разрешение от окружного прокурора на наше небольшое расследование? — спросила она.

— Получил, — ответил я. — Переговорил с его помощником, и он уладил это дело с управлением полиции Нью-Йорка. При всем внимании СМИ этот дом стал просто-таки меккой для киношных фанатов. Комиссару полиции пришлось даже скрепя сердце утвердить оплату сверхурочных, чтобы кто-нибудь из копов торчал возле входной двери двадцать четыре часа в сутки. Иначе сейчас там было бы не протолкнуться от любителей сувениров и желающих пощелкать этот дом для «Голливудского репортера»[45]. Дежурный коп в курсе, что мы должны подойти.

Кивнув, Харпер толкнула локтем Холтена, который улыбнулся ей в ответ. Он явно проникся к ней теплыми чувствами. Из-за этой дурацкой улыбки Холтен сейчас походил на влюбленного старшеклассника.

— Я же говорила тебе, что попасть в дом не составит труда. А ты не верил, — сказала Харпер. Холтен лишь поднял руки, признавая свое

[45] notes: 45

«Голливудский репортер» (*англ.* The Hollywood Reporter) — ведущий американский журнал, освещающий события в киноиндустрии США. Основан в 1930 г., выходит раз в неделю. (*Прим. пер.*)

поражение.

Хотя и я, и Харпер изучили материалы дела от корки до корки, у нас обоих хватало опыта, чтобы знать: сколько бы полицейских снимков мы ни просмотрели, ничто не сравнится с осмотром места преступления собственными глазами. Мне требовалось «почувствовать» его, получить представление об окрестностях и планировке дома. К тому же я хотел убедиться, что и Руди, и работавшие в доме копы ничего не упустили.

— Итак, что думаешь об этом деле? — спросил я.

Лицо Харпер сразу потемнело. Взгляд ее переместился на стол, и она нерешительно кашлянула, прочищая горло.

— Скажем так: я не настолько убеждена, как ты. По-моему, нашему клиенту надо много чего объяснить, а он до сих пор так этого и не сделал, — ответила она.

— Думаешь, он лжет?

В этот момент им принесли заказ. Мы молча выждали, пока официантка не окажется за пределами слышимости. И только потом Харпер ответила:

— Насчет чего-то он точно врет. Насчет чего-то важного.

За едой разговоров не было. Впрочем, много времени это не заняло. Холтен проглотил свои пышки едва ли не в один присест, а Харпер ела так, словно запасалась топливом для предстоящей трудной дороги. По-моему, ни один из них так и не почувствовал вкус того, что ест. Я потягивал свой кофе и ждал.

Наконец Харпер вытерла губы салфеткой и откинулась на спинку стула. У нее явно было что-то на уме.

— Все никак не могу выбросить из головы эту бабочку, — задумчиво произнесла она.

— Да, понимаю, — отпечаток пальца Бобби и два разных профиля ДНК. Руди считает, что образец ДНК Бобби намеренно нанесен на эту купюру уже после убийства и что сделали это в полицейской лаборатории. По-моему, не исключено, что он прав.

Они с Холтеном синхронно кивнули, и Харпер сказала:

— Да, ума не приложу, как образец ДНК этого Пены мог попасть в лабораторию нью-йоркской полиции. Это просто необъяснимо. Но меня больше беспокоит собственно бабочка. Я и сама попробовала сложить такую же этой ночью, когда решила устроить небольшой перерыв. Это

оригами из долларовой купюры — явно непростая штука. На «Ютьюбе» есть обучающие видео. Я просидела сорок пять минут, но так и не сумела его повторить. Тому, кто это сделал, пришлось порядком повозиться, чтобы сложить эту бабочку. Думаю, она была заготовлена заранее, еще до убийства. Но все равно нужно обладать изрядным хладнокровием, чтобы засунуть ее в рот мертвецу. Это явно какое-то послание.

— Я уже думал об этом. Не знаю, как обвинение растолкует эту бабочку, но могу предположить: она будет подана как доказательство того, что Бобби убил Карла и Ариэллу отнюдь не в приступе ревности. Как ты только что сказала, это говорит о хладнокровии. Указывает на преднамеренность и хорошую обдуманность действий.

— Да, и вправду странный поступок со стороны убийцы, — ответила Харпер. — Что-то очень похожее на ритуал. Как будто это больше связано с убийцей, чем с жертвой… Может, я придаю этой бабочке слишком большое значение, но я все-таки позвонила одному своему хорошему знакомому из Бюро поведенческих наук. Он пообещал пробить схожие случаи по их базе данных. ФБР ведет учет ритуальных убийств; там есть специальная группа, которая отслеживает

различные модели преступного поведения. Не исключено, что выплывет схожий «модус операнди»[46].

Холтен тем временем отсчитал несколько купюр, держа их перед собой веером. Чемоданчик с лэптопом лежал у него на коленях; длинная цепочка позвякивала, когда он перебирал их в руках.

— Руди уже пытался это сделать. Вся его команда убила несколько дней, тычась в разные места в поисках схожего «почерка». В ФБР нам дали от ворот поворот, поэтому мы провели собственное расследование, основываясь на материалах СМИ и разговорах со знакомыми копами. Так по-прежнему и ничего. Может, хотя бы вам с вашей подругой повезет, — произнес Холтен.

Официантка убрала тарелки и оставила счет.

— Угощаю, — сказал я, кладя на стол несколько банкнот.

Харпер и Холтен оба принялись возражать. Особенно Холтен. Даже у бывших копов остается привычка не залезать в карманы адвокатов защиты. Конечно, не считая тех случаев, когда они прикормленные.

---

[46] notes: 46

«Модус операнди» (*лат.* modus operandi) — образ действий, в данном случае — преступный почерк. (*Прим. пер.*)

— Давайте-ка лучше я, — безапелляционно заявил Холтен, возвращая Харпер двадцатку. — Завтрак — за счет фирмы Карпа. Я потом спишу на расходы.

Подхватив мою стопочку наличных, он вернул ее мне и бросил на стол свою. И тут мое внимание привлекла долларовая бумажка на самом верху кучки купюр, оставленной Холтеном. Лежала она портретом Джорджа Вашингтона вниз. С обратной ее стороны на меня смотрела Большая печать Соединенных Штатов — орел, частично прикрытый звездно-полосатым щитом, с оливковой ветвью в одной лапе и пучком стрел, зажатым в другой, а с противоположной стороны — известная всем пирамида со всевидящим оком на вершине. И в этот момент что-то вдруг щелкнуло у меня где-то в самой глубине головы. Чисто интуитивное подозрение, что долларовая купюра во рту у Карла Тозера и есть ключ ко всему этому чертову делу.

Свернув за угол, вся наша троица оказалась на Западной Восемьдесят восьмой улице. Тянулась она до самой реки, но нам не пришлось переться в такую даль. Миновав церковь, пару хозяйственных магазинов и гостиницу на противоположной стороне улицы, мы углядели

искомый дом — трехэтажный особняк из бурого камня. На фоне двери ярко выделялась полицейская лента, обозначающая место преступления. На крыльце прохлаждался полицейский в форме, поставленный присматривать за домом, — чутка помельче Холтена, но все равно здоровенный детина с бритой головой и толстой шеей. На улице толклось с десяток человек, все одетые в черное. Кто-то обернул вокруг шеи черную футболку, другие держали в руках цветы и увеличенные фотографии Ариэллы. Непромокаемые плащи, складные стульчики — наверняка проторчали здесь весь день, а то и являлись сюда ежедневно. У подножия дерева напротив дома мерцали язычки пламени поминальных свечей. Над ними я приметил еще один полноразмерный плакат с изображением Ариэллы, примотанный к дереву веревкой и скотчем.

Когда мы стали подниматься по ступенькам, дежурный коп встал, кивнул и прижал палец к губам. Взгляд его метнулся куда-то над моим плечом, после чего он подмигнул мне и сказал:

— Проходите, господа офицеры.

Я кивнул. Фанаты у меня за спиной поминали исключительно Ариэллу. Ни футболок, ни постеров с Бобби я не приметил. Если б коп дал толпе

понять, что мы представляем Роберта Соломона, дело могло кончиться плохо. Полицейский отодвинул ленту и на пару футов приоткрыл входную дверь — ровно настолько, чтобы мы могли протиснуться внутрь по одному. Я услышал за собой топот ног, когда фанаты дружно рванули к крыльцу, надеясь хоть мельком заглянуть внутрь.

— А ну назад! — рявкнул коп, после чего протиснулся вслед за нами и закрыл за собой дверь. — Блин, да эти малолетки совсем с ума посходили, — буркнул он.

Харпер подошла к нему, протягивая руку.

— Здравствуйте, моя фамилия Харпер, — начала она с улыбкой. Бывший федерал — тот же бывший коп. При всех своих нередких терках представители различных правоохранительных структур все-таки уважают друг друга. Ощущают определенное родство.

Детина в форме демонстративно засунул руки в карманы.

— Осади, овца. Ничего здесь не трогать. Полчаса — и чтоб духу вашего здесь не было!

— Милости просим в мир защиты по уголовным делам, Харпер, — сказал я.

Глава 17

С утра, прежде чем покинуть квартиру, Кейн сорвал брезент, прикрывающий ванну. Наклонился, выдернул затычку и включил душ. Где-то с минуту промывал им хрупкие белые кости. Осторожно собрав остатки костей и зубы, завернул их в полотенце и расколотил молотком в пыль. Высыпал эту пыль в коробку со стиральным порошком и закрыл ее. Пулю убрал в карман — скоро ей предстояло оказаться в реке или ливневой канализации. Дело сделано. Потом он принял душ, наложил на рану на ноге свежую повязку, оделся, обновил грим, убедился, что пакет со льдом достаточно уменьшил отек на лице, натянул куртку и вышел на улицу.

Вскоре после этого Кейн уже стоял к очереди ожидающих досмотра перед входом в здание уголовного суда на Сентер-стрит. Очередей было две. Все стоящие в той же, что и он, держали в руках конверты с красной полоской — повестки с вызовом в суд в качестве присяжного заседателя.

Обе очереди продвигались достаточно быстро, и вскоре Кейн уже укрылся от холода внутри. Несмотря на колотую рану на ноге, он не хромал.

Вчерашнее происшествие никак не сказалось на его походке, ведь никакой боли он не испытывал. Его обыскали, а куртку пришлось пропустить через багажный рентгеновский сканер. Сумку в этот день он с собой не взял. Оружие тоже. Слишком рискованно. После досмотра службой безопасности его направили к лифтам, объяснив, что нужно явиться к судебному приставу, который будет ждать его на этаже. Переполненные лифты всегда вызывали у Кейна чувство дискомфорта. Люди в них дурно пахли. Лосьон после бритья, дезодорант, сигареты, прокисший пот… Опустив голову, он уткнулся носом в свой толстый шарф.

Где-то в животе узлом закручивалось волнение, и Кейн всячески старался подавить его.

Двери лифта открылись в фойе, выложенное светлой мраморной плиткой, и он двинулся за вывалившей из него толпой к круглолицей даме — судебному приставу, стоящей за регистрационной стойкой. Стал дожидаться своей очереди, изобразив на лице легкое замешательство. Вертел в руках повестку и удостоверение личности. С деланым любопытством озирался по сторонам, постукивая пальцами по пряжке ремня. Наконец пристав отправила стоявшую перед ним женщину в небольшой зал справа от регистрационной

стойки. По затылку Кейна словно пробежал электрический разряд. Как будто кто-то прижал к нему горячую лампочку. Это восхитительное чувство тревоги было для Кейна приятным бонусом. Ему нравилось это ощущение.

— Вашу повестку и удостоверение личности, сэр, — нетерпеливо произнесла дама-пристав. Губы у нее были накрашены ярко-красной помадой, часть которой размазалась по передним зубам.

Передав документы, Кейн глянул ей через плечо на открытые двери помещения справа от стойки. Отсканировав штрихкод на повестке и лишь мельком взглянув на него, она вернула ему удостоверение личности со словами:

— Проходите и присаживайтесь. Видеопрезентация начнется с минуты на минуту. Следующий!

Взяв у нее документы, Кейн убрал их обратно в бумажник. Удостоверение личности было не его. Водительские права, выданные в штате Нью-Йорк, принадлежали мужчине, который накануне растворился в собственной ванне. Кейн едва подавил желание победно потрясти кулаком в воздухе. Успешно пройти такую проверку по чужим документам не так-то просто. Иногда Кейну просто не удавалось достаточно близко передать

внешность объекта. Например, как тогда, в Северной Каролине. Фотографии в удостоверении личности было больше десяти лет. Даже сам объект не был похож на фото в своем собственном документе. Судебный пристав смотрел тогда на Кейна и водительские права добрых две минуты, даже позвонил своему начальнику, прежде чем пропустить его. К счастью, Нью-Йорк оказался к нему более благосклонен.

Зал выглядел не особо парадно. На потолке проглядывали никотиновые разводы, оставшиеся с тех времен, когда будущим присяжным разрешалось курить, ожидая своей участи. Кейн присоединился к остальным кандидатам, которых набралось уже человек двадцать и которые расселись по креслицам с поворотными столиками, установленными на одном из подлокотников. К нему подошла еще одна дама в форме судебного пристава, протянула два листка бумаги — анкету и информационную брошюру Службы присяжных заседателей с ответами на часто задаваемые вопросы.

Кейн заполнил анкету — пожалуй, слишком уж быстро. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что остальные по-прежнему грызут кончики своих ручек, обдумывая ответы. Главной задачей этой

анкеты было отсеять тех кандидатов в присяжные, которые знали кого-либо из свидетелей или основных участников предстоящего судебного процесса, да и вообще выявить их возможную предвзятость. Ни один из вопросов не доставил Кейну никаких хлопот — он давно уже научился выглядеть нейтральным на бумаге.

Не успел он отложить ручку, как осветились две семидесятипятидюймовые телевизионные панели, висящие на стене. Кейн заинтересованно выпрямился, положил руки на колени и стал внимательно смотреть обучающее видео — короткий пятнадцатиминутный ролик, подготовленный судьями и адвокатами, чтобы познакомить присяжных с основами судебного процесса, растолковать им, кто будет присутствовать в зале суда и в какой роли, и, конечно же, объяснить, чего правосудие ожидает от образцового нью-йоркского присяжного заседателя. От тех требовалось сохранять непредвзятость, ни с кем не обсуждать дело до его завершения и прежде всего уделять внимание доказательной базе. Взамен каждый присяжный будет получать по сорок долларов в день либо от своего работодателя, либо от суда. Если судебное разбирательство продлится более тридцати дней, то суд, по своему

усмотрению, может добавить к этой сумме еще по шесть долларов в день. Обед — за счет государства. Дорожные расходы и расходы на парковку не возмещаются.

Во время пауз в просмотре, когда перед началом очередного раздела голос диктора умолкал, Кейн бросал взгляды на мужчин и женщин, сидящих вокруг него. Многие из них были больше сосредоточены на своих телефонах. Мало кто внимал происходящему на экранах, а кое-кто и вовсе откровенно дремал. Кейн опять перевел взгляд на один из экранов, и вот тут-то заметил его — мужчину в сером костюме, который стоял в небольшом тамбуре у входа в зал.

Был он лыс, а те немногие волосы, что еще оставались по бокам головы, подернулись сединой. Полноват, но не то, чтобы откровенный толстяк — разве что двадцать или тридцать фунтов лишку, не больше. На самом кончике носа у него пристроились очки, будто готовые вот-вот соскользнуть с него. Неизвестный опустил голову, держа перед собой смартфон. Его толстый палец скользнул по экрану, который контрастно подсветил двойной подбородок мужчины, делая его похожим на какого-то злодея из фильма ужасов пятидесятых годов. А также позволил Кейну разглядеть его

темные, чуть навыкате глаза — темно-карие, почти черные. Маленькие, безжалостные. И глаза эти смотрели вовсе не на экран смартфона. Они обшаривали зал, останавливаясь на каждом из кандидатов в присяжные по очереди — секунд на пять максимум. Пристально всматриваясь в него, а затем переходя к следующему.

Наверное, один лишь Кейн заметил этого человека. Он уже видел его раньше. Знал, как его зовут. Больше никто в зале не обратил на лысого внимания, и того это явно устраивало. Кейн знал это. Одет этот мужчина был в серый унылый костюм с белой рубашкой и светлым галстуком. И ни одна из этих вещей, похоже, не была куплена в последние годы. Костюму было по меньшей мере лет десять. И в лице его тоже не было абсолютно ничего примечательного. Это был человек, напротив которого можно целый час просидеть в метро, а уже через десять секунд после выхода из вагона напрочь его забыть.

Звали мужчину Арнольд Новоселич. «Адвокатское бюро Карпа» наняло его в качестве консультанта по отбору присяжных на процесс Роберта Соломона. В течение всего последнего месяца, день за днем просиживая в своей машине, Кейн видел, как Арнольд переставляет фото на

пробковой доске в офисе фирмы. Целая команда работала там над тем, чтобы внимательно проверить каждого из кандидатов в присяжные из списка. Их незаметно фотографировали, исследовали их прошлое и нынешнюю жизнь, просматривали их аккаунты в соцсетях, банковские счета, изучали их семьи, их убеждения. Человек, личность которого украл Кейн, тоже появлялся на этой доске. Равно как и тот, которого он сжег прошлой ночью на темном пустыре.

Во многих отношениях Арнольд был для Кейна чем-то вроде лакмусовой бумажки. Если кто-то и мог заметить, что Кейн присвоил себе жизнь одного из кандидатов в присяжные, то разве что Арнольд, который продолжал украдкой наблюдать за ними, наверняка сразу понимая, кто серьезно относится к делу, а кто нет.

Вдруг Кейн осознал, что глаза-бусинки Арнольда вот-вот упадут и на него, и при этой мысли даже пресеклось дыхание. Стало жарко. Пот был главным врагом Кейна. Грим мог растечься и постепенно обнажить синяки вокруг глаз. Сделав вид, будто не сводит глаз с экрана на стене, Кейн с рассеянным видом снял шарф и расстегнул воротничок рубашки.

И в этот момент почувствовал на себе взгляд

Арнольда. Очень хотелось в этом убедиться — повернуть голову и хотя бы мельком глянуть на консультанта, но Кейн все-таки сдержался, как бы ни взывали к этому все его нервы и инстинкты. Продолжал упорно таращиться на экран, присматривая за Арнольдом лишь боковым зрением. Полной уверенности не было, но, похоже, тот убрал телефон и теперь пристально смотрел прямо на него.

Кейн поерзал на стуле, чувствуя себя так, будто попал в луч полицейского прожектора. Беспомощно застывший. Выставленный на всеобщее обозрение. Поскорей бы закончилось это чертово видео! Тогда можно будет и оглядеться. Проверить, чем занят Арнольд. Каждое мгновение тянулось мучительно долго.

Наконец ролик закончился, и Кейн перевел взгляд на Арнольда. Тот смотрел куда-то правее, изучая теперь кого-то другого. Достав из кармана рубашки салфетку персикового цвета, Кейн осторожно промокнул лоб. Вспотел он не так сильно, как опасался. Грима на салфетке практически не осталось, а то, что все-таки стерлось, мало отличалось от нее по цвету. На сей раз он заранее продумал и этот момент.

Кейн услышал, как женщина-пристав пробира-

ется из задней части зала в переднюю — стук ее каблуков по паркетному полу гулко разносился по залу. Повернувшись, она оглядела собравшихся. Позади нее Кейн увидел еще одну толпу кандидатов в присяжные, ожидающих своей очереди войти в зал.

Встав перед потухшими экранами, она обратилась к сидящим в зале:

— Дамы и господа, благодарю вас за внимание. Прошу вас положить свои анкеты в синюю коробку в задней части зала и проследовать за моим коллегой Джимом в следующий зал. Пока вы еще не ушли — просто на случай, если вам на это еще не указали, — в этом зале будет проводиться отбор присяжных сторонами защиты и обвинения. Тех из вас, кто не попадет в окончательный список жюри, прошу подойти сюда и дождаться кого-то из моих коллег. Вы не имеете права просто уйти, даже если вас не выбрали. Всем спасибо.

Кейн быстро собрал свои вещи и торопливо прошел в дальний конец помещения для инструктажа. Чем ближе он окажется к голове очереди, тем больше шансов заполучить место в жюри. Положив свою анкету в коробку, он встал за женщиной средних лет с вьющимися каш-

тановыми волосами, в теплом зеленом пальто. Обернувшись, она улыбнулась Кейну и сказала:

— Захватывающе, не правда ли?

Кейн кивнул. Вот оно. Можно сколько угодно планировать и усердно работать, даже вносить небольшие коррективы в состав кандидатов, чтобы увеличить свои шансы быть выбранным защитой, но теперь все сводилось к простому везению. Раньше ему уже приходилось доходить до этого этапа — и потерпеть неудачу. Кейн напомнил себе, что сам создал свою удачу, что он умнее всех в этом зале.

Двери в задней части помещения распахнулись, и за ними Кейн увидел коридор, ведущий в судебный зал. Наконец-то, после стольких лет…

Его момент настал.

Глава 18

Между входной дверью и краем белого ковра, расстеленного по всему дому, оставалось футов десять твердого деревянного пола. Все мы старательно вытерли ноги о лежащий на нем коврик. Дежурный коп, прислонившись к двери, внимательно наблюдал за нами. Прежде чем войти, я засек над дверью, чуть правей ее, небольшую

черную видеокамеру, нацеленную на крыльцо. Оглядел прихожую, но панели охранной сигнализации нигде не приметил.

— Вот, — показала Харпер.

Панели она тоже не нашла, но обнаружила, где та недавно висела, — четыре отверстия от шурупов в стене, справа от двери. На плинтусе даже лежал легкий снежок из цементной пыли.

— А где же сама панель? — спросил я.

— Похоже, что сняли для экспертизы, — предположила Харпер. Я сделал себе мысленную пометку спросить об этом у Руди, когда с ним увижусь.

Коридор оказался достаточно широк, чтобы двинуться по нему втроем шеренгой — даже при том, что третьим у нас был Холтен. Ему пришлось прибавить шагу, лишь когда мы подошли к столу, приставленному к левой стене. Мы с Харпер пропустили его, после чего все так же бок о бок обошли стол. Вид у того был антикварный. Похоже, красное дерево, не меньше. Рядом с телефоном, роутером и стопкой нераспечатанной почты на нем стояла погашенная лампа. Лестница располагалась по правой стороне.

Холтен свернул налево — туда, где, по моим прикидкам, находилась кухня. Оказалась она

куда просторней, чем мне представлялось по фотографиям. Там не нашлось ничего из ряда вон выходящего. Потом я заглянул в гостиную. Диваны и стулья там были выпотрошены, набивка клочьями свисала из взрезанных подушек. В деле не хватало одной важной улики, хотя копы настойчиво расспрашивали Бобби на этот счет — они так и не сумели найти нож, которым закололи Ариэллу.

На первом этаже располагались кабинет и комната, все еще заставленная коробками. Ванная комната и две гостевые спальни. Здесь тоже не нашлось ничего существенного. Из большого окна на лестничной площадке открывался вид на садик за домом — маленький, обнесенный каменной оградой и основательно заросший. Ничего похожего на стремянку я в нем не приметил. Да и по-любому задняя дверь была заперта изнутри. Никто не смог бы скрыться с места преступления через сад.

Хозяйская спальня располагалась на втором этаже. Вслед за Харпер мы поднялись туда.

Единственно, чего здесь не хватало, так это перевернутого столика на лестничной площадке под окном, который я видел на снимках с места преступления — равно как и осколков разбитой

вазы на полу.

Однако главные секреты, которые нам требовалось разгадать, хранила хозяйская спальня. Харпер вошла туда первой. Остановилась, вытащила ворот футболки из-под воротника куртки и натянула его на нос.

— Ну и пылища! Пыль просто убивает мои носовые пазухи, — пробубнила она.

Мебели тут было немного — я уже понял это по полицейским снимкам. Прикроватный столик с лампой для чтения. Туалетный столик. Оба белые. Рама зеркала на туалетном столике утыкана сорокаваттными лампочками по периметру, типа как в театральной гримерке. Явно старинная кровать с полукруглым изголовьем — из кованого железа, скрученного в замысловатые финтифлюшки и выкрашенного в белый цвет с декоративными красными цветочками.

Матрас все еще был на месте. На одной его стороне — красно-коричневое круглое пятно, оставшееся после того, как Ариэлла истекла кровью. Со стороны Карла — совсем крошечное бурое пятнышко. Харпер с трудом подавила чих. Бóльшую часть года эта комната явно пустовала. Вообще-то и во всем доме воздух показался мне довольно затхлым, но здесь, казалось, еще

сильней пахло пылью и еще чем-то — вроде как ржавчиной и протухшим сыром. Запах старой крови.

Прикрыв глаза, я попытался не обращать на Харпер внимания. Вызвал из памяти образы места преступления, снятые полицейским фотографом. Припомнил покрывала, кучей валяющиеся на полу, бейсбольную биту в углу, лежащих в кровати Ариэллу с Карлом…

— Ножа у копов так и нет, насколько я понимаю? — спросила Харпер.

Не открывая глаз, я ответил:

— Нет. Они проверили все ножи в доме. Ни на одном из них не нашлось и следа крови, и они не совсем соответствовали конфигурации ран. В саду тоже смотрели. И на чердаке. Буквально разобрали этот дом по косточкам. Думаю, даже в канализацию заглядывали. Нож так и не нашли. Это наш шанс побороться. Мы можем утверждать, что тот, кто убил Ариэллу, забрал нож с собой, когда уходил.

Я услышал, как Харпер прошла на другой конец комнаты — половицы под ковром ощутимо поскрипывали. Открыв глаза, медленно двинулся вокруг кровати. На ковре — ни единой капли крови. Единственное кровавое пятно на полу, в

углу, было оставлено битой.

Харпер опустила ворот футболки, потянулась за спину и достала из заднего кармана джинсов маленькую бутылочку воды. Отвинтила крышку, приложилась к горлышку. И, должно быть, поперхнулась, поскольку вдруг опять расчихалась и раскашлялась. Вода потекла у нее между пальцами, когда она попыталась прикрыть рот.

— Черт, прости, — буркнула Харпер, вновь натягивая на лицо ворот футболки.

— Ты в порядке? Это просто вода, не переживай, — сказал я.

Подойдя ближе, увидел небольшое влажное пятно на ковре и несколько капель воды на кровати. Присел на корточки и стал протирать ковер носовым платком.

— Прости, Эдди, — повторила она.

— Да ничего страшного, — отозвался я, собираясь уже встать и протереть матрас, как вдруг замер. На нем по-прежнему поблескивали мелкие прозрачные капельки. Они так и не впитались в него. Харпер быстро смахнула их ладонью. Я пощупал матрас. Он был совершенно сухим.

Мы оба посмотрели на кровавое пятно на кровати. Потом друг на друга.

— Вот же бли-и-и-н… — протянула Харпер.

Я кивнул. Опять вытащив из кармана бутылку с водой, она осторожно наклонила ее над матрасом. Вода опять собралась на нем отдельными шариками, похожими на крупные жемчужины. Мы стали ждать.

Через тридцать секунд эти водяные шарики так никуда и не впитались. Харпер вытащила свой телефон, и я услышал характерный щелчок фотоаппаратного затвора — вернее, его цифровую имитацию.

— Нам нужна простыня, — сказала она.

— Уже и сам сообразил, — отозвался я, открывая дверцы встроенного шкафа. В двух шкафах обнаружилась одежда Ариэллы. В третьем — скомканные льняные простыни и прочее постельное белье. Судя по всему, изначально они были аккуратно сложены, но в поисках орудия убийства, лишившего жизни Ариэллу, копы обыскали здесь каждый дюйм. Вытащив простыню, я положил ее поверх кровавого пятна, свернув вдвое. Харпер улеглась прямо на нее. Я прилег рядом. Мы посмотрели друг на друга. Харпер улыбалась.

Я не видел ее с тех самых пор, как мы закончили одно дело около года назад. Тогда я провел в ее компании много часов, работая в тесном

контакте, иногда болтая с ней о том о сем и изо всех сил стараясь удержаться на пассажирском сиденье, когда она вела машину. И за все это время мне ни разу не пришло в голову, насколько удивительные у нее глаза.

— Кхе-гм, — послышалось откуда-то из-за спины.

Я сел и увидел Холтена, который стоял в дверях и многозначительно откашливался.

— Я вас разбудил? Или вы еще чем тут занимались? — поинтересовался он.

Мы оба скатились с кровати. Харпер сорвала с матраса простыню, свернула ее и прошла мимо меня, чтобы убрать ее обратно в шкаф для белья. Щеки у нее покраснели, но уголки губ были все еще приподняты в улыбке.

— Мы работали над спасением задницы Бобби Соломона. Похоже, он все-таки может быть невиновен, — объяснила она.

Тут зазвонил ее телефон. Харпер ответила на звонок и вышла на лестничную площадку. Пока она с кем-то общалась, мы с Холтеном обменялись неловкими взглядами. Закончив, Харпер вернулась в спальню, явно собираясь что-то сказать, но Холтен ее опередил.

— Я ничуть не устал — пожалуй, позвоню-ка

Янни и скажу, что могу сегодня его подменить. А потом, может, заглянем куда-нибудь выпить? — предложил он.

Харпер отступила на шаг, приглаживая волосы, и без того туго стянутые на затылке резинкой.

— Конечно, — отозвалась она. — Ребята, мне только что звонил Джо Вашингтон. Он пообщался с одной своей знакомой из Бюро, и, похоже, мы можем от нее кое-что получить, но тогда нам нужно срочно выдвигаться отсюда.

— Куда? — спросил Холтен.

— На Федерал-Плаза. Шансов мало, но не исключено, что у нас только что появился альтернативный подозреваемый в этих убийствах.

Глава 19

Смешавшись с остальными, Кейн двинулся к дверям судебного зала. И едва оказавшись там, обратил внимание, что места для публики и прессы совершенно пусты. Их предстояло занять кандидатам в присяжные. На этой стадии судебного процесса — никаких посторонних глаз и ушей. Кейн увидел Руди Карпа, сидящего за столом защиты бок о бок с Бобби Соломоном. На углу этого стола, поближе к Руди, расположился Арнольд

Новоселич. Соломон с безучастным выражением лица озирался по сторонам.

На лице обвинителя, Арта Прайора, играла приветливая улыбка. Кейн постарался разузнать про него все, что только возможно. Он оказался выше ростом, чем ожидал Кейн, уже полгода наблюдавший за его выступлениями на различных пресс-конференциях по телевизору. Бледно-голубой, явно сшитый на заказ костюм плотно облегал широкие плечи. Белая рубашка, розовый галстук и такой же розовый носовой платочек, выглядывающий из нагрудного кармашка пиджака… Светло-каштановые волосы, загорелое лицо, мягкие руки и огонек в зеленых глазах — все это делало Прайора явно интересной фигурой для противоположного пола. Движения его были неспешными и грациозными. Человек был явно из тех, кто целует бабушек в щеку, запуская при этом свои холеные пальцы в их сумочки, едва только холодные губы коснутся их кожи. Он был из Алабамы — там и родился, и вырос. Практиковал в основном на Юге, и всегда лишь в качестве обвинителя. Несмотря на неоднократные настойчивые предложения, он ни разу не пытался баллотироваться на пост окружного прокурора, губернатора или мэра. Политических амбиций у

него не было. Судебный зал привлекал его куда больше.

Кейн подумал, что просто идеально рассчитал момент, чтобы присоединиться к очереди. Первые двадцать кандидатов в присяжные устроились на передней скамье, а Кейн оказался во главе вереницы, потянувшейся ко второму ряду. Когда сидишь в первом, некоторым может показаться, что ты слишком уж горишь желанием попасть в состав жюри. Он знал, что адвокаты с подозрением относятся к подобным людям, которые обычно преследуют какие-то собственные цели. Кейн просто не мог допустить, чтобы кто-то догадался, что у него есть цель.

Усевшись, он впервые позволил себе оглядеть часть зала, отгороженную от мест для публики деревянным барьером. И, как ни старался, все равно не сумел скрыть свое удивление. Судья. Вместо светловолосой женщины, которая должна была рассматривать дело, Кейн узрел в судейском кресле чернокожего мужчину, которого видел вчера выходящим из зеленого автомобиля с откидным верхом возле офиса Эдди Флинна. На мгновение он замер. Не смел даже пошевелиться, опасаясь, что судья его увидит. Кейн не любил сюрпризов. Сюрпризы всегда чреваты неприят-

ностями. А вдруг этот мужик узнает его? Кейн припомнил свой короткий разговор с ним. Он использовал свой собственный голос, когда спрашивал у этого человека дорогу. А не тот, который отрепетировал. Не тот, каким говорил сейчас. И тогда он постарался как следует прикрыть лицо козырьком бейсболки.

Судья посмотрел на присяжных, когда все заняли свои места. Взгляд его упал на Кейна, и тот уставился на него в ответ. Сердцебиение у Кейна ускорилось. Насколько он мог судить, судья ничего не заметил — вновь повернулся к адвокатам сторон. Кейн слегка встряхнулся, просто чтобы успокоить нервы.

Цель уже совсем близка.

* * *

Прошло уже два часа с начала отбора присяжных, а судья все еще работал над вторым рядом кандидатов. Проблема была в том, что начал он с противоположного конца ряда от Кейна. Окажется ли тот или иной кандидат на трибуне для присяжных, во многом зависело от судьи. Кейн уже видел, как это делается, и у каждого был свой собственный метод отбора. Поскольку и без того наличествовал определенный фактор

случайности, этот судья особо в подробности не вдавался. Некоторые вообще называли идентификационные номера кандидатов в присяжные, выбирая их из списка наугад. Другие считали, что кандидаты и без того входят в зал и рассаживаются по местам в случайном порядке, так что могли сосредоточить внимание просто на какой-то отдельной скамье в зале. Судья Гарри Форд, как он представился собравшимся, судя по всему, предпочитал именно такой метод.

Вначале судья произнес речь о роли присяжных и объяснил, как устроен уголовный процесс. Кейн слышал все это и раньше, но никогда еще в настолько доходчивой форме.

А потом начался собственно отбор. С полдюжины кандидатов заявили, что у них забронированы билеты в отпуск, имеются больные родственники или же назначен прием у врача — этих одного за другим отпустили.

А в оставшихся запустили зубы адвокаты защиты и обвинения.

Один за другим кандидаты в присяжные были подробно допрошены, после чего приняты или отклонены. Защита имела право отвести ту или иную кандидатуру без объяснения причин не более двенадцати раз. Далее требовалось приводить

какие-то аргументы в пользу такого решения. Для начала защита исключила из списка одну женщину, даже не задав ей ни единого вопроса. Похоже, что подобная судьба ждала еще многих, и наконец защита окончательно исчерпала свой лимит. Обвинитель же отвел всего лишь одного кандидата, аргументировав это тем, что тот был давним поклонником Бобби Соломона.

Кейн позволил ногтям впиться в кожу. Не ради боли. Ее не было. Просто чтобы перестать двигать руками, ерзать на месте. Он не хотел выказывать свою тревогу. Только не сейчас.

Наконец обеими сторонами было принято десять присяжных. Оставалось выбрать еще двоих членов жюри основного состава и четырех запасных — на случай если кто-то вдруг заболеет или по каким-то иным причинам не сможет принимать участия в слушаниях.

На свидетельскую трибуну поднялся мужчина, представившийся как Брайан Дейл. Женат, детей нет. Менеджер в «Старбакс». Переехал в Нью-Йорк со своей женой шесть лет назад из Саванны, штат Джорджия. Руди Карп не задал ему ни единого вопроса. Арнольд уже провел расследование в отношении Брайана, и Руди безоговорочно принял его в качестве присяжного заседателя.

Кейн заметил, что это произошло впервые. Ни один другой кандидат не был так легко принят защитой. «Похоже, он их полностью устраивает», — подумал Кейн. Припомнил фотографии Брайана, которые успел сделать. И габариты, и вес — практически как у него самого. Стройный, мускулистый. Среднего роста. Схожая структура лицевых костей, особенно носа. Теперь для Кейна все сводилось к выбору между его нынешней личностью и Брайаном Дейлом.

— У обвинения есть какие-то вопросы? — спросил судья Форд.

— Разве что один или два, ваша честь, — отозвался Прайор, поднимаясь на ноги и застегивая пиджак. Кейну нравилось слышать его голос. Как будто в ствол пистолета налили меду. — Итак, мистер Дейл, насколько я понимаю, вы освящены таинством брака?

— Совершенно верно. Уже шестнадцать лет, — ответил Дейл.

Кейн посмотрел, как Прайор направляется к свидетельскому месту. В походке его проглядывала некоторая развязность, но это ему шло. Никакого самодовольства или высокомерия. Скорее дружеская непринужденность.

— Просто замечательно — нет ничего важней,

чем супружеские узы. Как зовут вашу жену, позвольте поинтересоваться?

На лице Кейна появилась улыбка. Он знал, что Прайор уже располагал этой информацией. Это была игра. Танец вроде вальса. Сейчас Прайор покрутит-покрутит Дейла, да и выкинет его за двери, а тот даже и не подозревает об этом.

— Марта Мэри Дейл.

— Прекрасное имя, да позволено мне будет так выразиться. А теперь представьте, что сегодня вечером вы возвращаетесь домой к своей Марте Мэри. Чувствуете запах вкусной домашней еды, едва только открыв дверь. Марта Мэри уже несколько часов простояла у плиты. Вы моете руки, садитесь вместе ужинать, и Марта Мэри спрашивает, где вы сегодня были. И представьте, просто на минутку, что вы не даете Марте Мэри никакого ответа. Можете ли вы представить себе подобную ситуацию, мистер Дейл?

— Теоретически могу, но я всегда рассказываю Марте Мэри, где был. У нас нет никаких секретов друг от друга.

— Стану ли я первым, кто похвалит вас обоих? Но представьте, что вы так ничего и не ответили. Как, по-вашему: отнеслась бы Марта Мэри к вашему молчанию с некоторым подозрением?

— Думаю, что да, сэр.

— А что, если бы после такого Марта Мэри обвинила вас в том, что вы встречаетесь с другой женщиной, что у вас с ней незаконная связь? И если б вы не развеяли ее страхи, имела бы она право подумать о вас плохо?

Кейн заметил, как Дейл машинально кивнул.

— Да, у нее были бы основания думать, что случилось что-то нехорошее, это уж точно, — ответил он.

— Ну естественно, были бы! Когда человека обвиняют в совершении какого-то ужасного преступления, а он держит рот на замке и предпочитает не говорить присяжным, что он невиновен, вам не показалось бы это подозрительным?

— Конечно же показалось бы, мистер Прайор, — сказал Дейл.

Обаяние Прайора явно не знало границ. Он подошел прямо к свидетельскому месту, хлопнул Дейла по плечу и сказал:

— Спасибо вам за готовность исполнить свой гражданский долг, мистер Дейл. Передайте Марте Мэри мои наилучшие пожелания.

Развернувшись и двинувшись обратно к столу обвинения, он бросил судье через плечо:

— Ваша честь, кандидатура мистера Дейла

отводится, с указанием причины. Он не способен вынести беспристрастный вердикт.

— Принято, — отозвался судья.

Кейн подумал, что Прайор, вероятно, один из лучших адвокатов, которых он когда-либо видел — пусть даже со стороны обвинения. У него на глазах тот только что отвел благосклонного к защите присяжного, используя их собственную тактику. Единственное, что имеет значение, когда дело доходит до отбора присяжных, — это беспристрастность.

— Я сделал что-то не так? — спросил явно смущенный Дейл, широко раскинув руки.

— Посидите пока в приемной, мистер Дейл. Я уверен, что пристав вам все потом объяснит, — сказал судья. — И просто как напоминание оставшимся кандидатам в присяжные, явившимся исполнить свой гражданский долг: я ведь уже объяснял, что подсудимый не обязан ничего доказывать. Если он решит не давать показаний, на что имеет полное право, вам не следует делать из этого его решения никаких выводов.

Один из приставов подошел к Дейлу и мягко увел его со свидетельской трибуны. Кейн тихонько вздохнул. А ведь он уже был почти готов присвоить себе личность Брайана! Теперь Кейн

не чувствовал ничего, кроме облегчения от того, что не придется этого делать. В конце концов, как раз эта Марта Мэри и стала решающим фактором. Это была тетка почти шести футов ростом и весом около трехсот фунтов, на фоне которой Брайан казался просто-таки карликом. Кейн понимал, что все равно не смог бы затолкать в ванну сразу обоих.

— Следующие кандидаты в присяжные заседатели, пожалуйста — по порядку, — объявил судья.

Кейн встал и вслед за приставом направился к свидетельской трибуне.

Глава 20

По дороге в нью-йоркское отделение ФБР на Федерал-Плаза Харпер вкратце рассказала нам о том, что такого мог обнаружить ее бывший напарник Джо Вашингтон. За рулем сидел Холтен, Харпер — на переднем пассажирском сиденье, а я — сзади. Я подался вперед, чтобы получше слышать. Пытаться убедить присяжных в том, что ваш клиент не совершал убийства, — это одно. Но куда проще доказать, что он этого не делал, когда есть возможность ткнуть пальцем в

кого-то другого.

Харпер больше обращалась к Холтену, не знакомому с ситуацией. Я просто слушал.

— Я рассталась с Бюро не слишком-то по-дружески. В отличие от моего напарника Джо. Он всегда умел хорошо ладить с людьми. Короче, он позвонил одному из своих старых приятелей и попросил его провести поиск через ПУЗНП и НИЦУП. Ничего так и не нашлось. И по какому-то наитию этот его приятель предложил поговорить с кем-нибудь из ППА-2. Вдруг это им что-нибудь напомнит. Оказалось, есть агент, у которого может найтись что-то полезное.

Подразделение поведенческого анализа ФБР номер два занимается серийными убийствами взрослых людей. Эта команда знает о серийных убийцах больше, чем практически любая правоохранительная структура на планете. Программа учета задержаний по насильственным преступлениям — ПУЗНП, и Национальный информационный центр учета преступности — НИЦУП, располагающие целым набором федеральных баз данных, регулярно подключают правоохранителей к расследованию нераскрытых преступлений по всей стране.

— И кто этот агент? — спросил я.

— Она скорее аналитик — Пейдж Дилейни. Джо говорит, что в прошлом месяце она работала в нью-йоркском офисе Бюро. Помогала местным с делом Убийцы с Кони-Айленда, — объяснила Харпер.

— И какое отношение она имеет к нашему делу? — не отставал я.

— Может, и никакого. А может, какое-то и имеет. Единственное, что мне не понравилось на этом месте преступления, так это его стерильная чистота. Если убийца — Роберт Соломон, то для первого раза он проделал буквально адову работу. На телах — ни следа постороннего ДНК, защитные раны отсутствуют, на нем самом — ни царапин, ни порезов. Два человека убиты совершенно чисто. И после этого он оставляет во рту у Карла долларовую купюру со своим отпечатком пальца и ДНК? Я на это не куплюсь. Что-то тут не то — хотя, опять-таки, в историю нашего клиента я тоже не особо верю.

— Да вообще многое в этом деле не поддается никакому объяснению — подумай хотя об орудиях убийства, — сказал я. — Каким-то образом, не выходя из дома, Бобби прячет нож, которым убил Ариэллу, но оставляет биту, которой убил Карла, прямо на полу спальни — со своими от-

печатками пальцев, — а затем звонит копам и сообщает, что только что нашел тела? Что-то тут не сходится, согласна? Но сторона обвинения так это не изобразит. Эта бита принадлежит Бобби. На ней уже изначально имелись его отпечатки пальцев. Они могут подать это так, что он, мол, не хотел, чтобы место преступления выглядело совсем уж идеально. Чтобы никто не заподозрил, что все это от начала до конца постановка. А бабочка здесь, вероятно, лишь для того, чтобы отправить копов искать ветра в поле, или же это какое-то нездоровое послание с его стороны. Только вот он малость прокололся и оставил на ней свою ДНК. Типа, просто ошибочка вышла. В любом случае они будут уверять, что Бобби все это заранее спланировал.

Уткнувшись затылком в подголовник, Харпер подняла глаза к потолку машины и задумалась.

— Такое тоже возможно, Эдди. Как я уже говорила, не исключено, что копы взяли как раз того, кого надо. Давайте посмотрим, что скажет Пейдж. Я отправила список того, что могло быть «подписями» убийцы, и что-то в этом списке привлекло внимание ФБР, иначе они не согласились бы на встречу.

Высадив нас на Федерал-Плаза, Холтен нашел

место для парковки и присоединился к нам в вестибюле здания, известного как Джейкоб-Кей-Джавитс-билдинг. Он решил подождать нас внизу. Я забрал у него лэптоп — Холтен пришел к заключению, что здесь достаточно безопасно. После тщательного досмотра, когда мою обувь и лэптоп прогнали через багажный рентгеновский сканер, нам с Харпер разрешили подняться на двадцать третий этаж. Я пропустил ее вперед. Она проработала в этом здании пару лет и хорошо знала местную обстановку. Однако это не помешало ей заработать пару-тройку презрительных взглядов от каких-то агентов в приемной, пока мы дожидались, когда же нас соизволят принять.

Мы все ждали и ждали. Когда через двадцать минут я был уже готов плюнуть на все и уйти, к нам подошла женщина в линялых серых джинсах и черном свитере. Выглядела Пейдж Дилейни лет на пятьдесят с небольшим, хотя для своих лет сохранилась неплохо — явно находилась в хорошей физической форме, и возраст ее выдавала лишь легкая седина, которую она не трудилась закрашивать. На ее тонком носу пристроились очки, а уголки рта чуть загибались вверх, придавая ей приветливый вид.

Они с Харпер обменялись рукопожатием. Я

получил в качестве приветствия лишь взгляд — такого рода взгляд, к которому адвокаты защиты в конце концов привыкают. Мы прошли вслед за ней по длинному узкому коридору в конференц-зал, где на столе лежал закрытый лэптоп. Мы с Харпер уселись за стол с одной стороны, Дилейни — напротив, перед лэптопом. Сняв очки, она положила их на стол.

— Ну и как вам жизнь частного детектива? — первым делом спросила Дилейни.

— Хорошо, когда сама себе начальница, — ответила Харпер.

Я помалкивал. Это был не мой мир. У правоохранителей — свои собственные узы. Вот пусть Харпер и творит свое волшебство.

— Вам привет от Джо Вашингтона, — добавила Харпер.

— Он всегда отличался галантностью манер. Я рада, что вы работаете с ним. Джо — отличный парень. Ладно — думаю, у вас не так уже много времени, так что давайте сразу к делу. Я тут взглянула на эти ваши «подписи», — ответила Дилейни, открыв лэптоп и повернув его боком, чтобы нам обоим было видно электронное письмо Харпер. — Большинство из них вообще-то не классифицируются как «подписи» для целей

поиска. Мы собираем информацию о как можно большем количестве отдельных деталей с мест преступления — но лишь в том случае, если имеем дело с чем-то достаточно четким и значимым. Например, если убийца всякий раз использует определенный тип оружия, или оставляет какие-то метки на телах, или пишет какого-то рода послания, или следует некоему определенному сценарию — все это может рассматриваться как «подпись», или преступный почерк. По таким «подписям» мы вычисляем жертв серийных убийц и рецидивистов. Иногда такие «подписи» намеренны: убийца воплощает в жизнь какие-то свои фантазии. В других случаях это чисто подсознательный акт. Если прослеживается некая закономерность или это может навести на какие-то мысли касательно личности преступника, мы рассматриваем все это как потенциальную «подпись», которая попадает в ПУЗНП.

— В нашем случае в ПУЗНП ничего не нашлось, — заметила Харпер.

— Система далеко не идеальна. И ее используют не все правоохранительные органы. Те же копы, к примеру, — отнюдь не прирожденные сетевые администраторы. И, конечно, убийцы могут менять модели поведения. В основном

система основана на том, что детективы или агенты вводят в нее данные и проверяют системные оповещения о новых преступлениях. Кроме того, если преступление раскрыто, оно вообще не попадает в систему. Она предназначена в первую очередь для того, чтобы помочь полиции поймать совершивших насильственные преступления, идентифицировать неизвестных лиц и разыскать пропавших без вести. Мы не размещаем в ней сведения о преступниках, которых сразу же поймали и осудили. И в этом ее главное слабое место.

Харпер откинулась назад, скрестив руки на груди.

— Как это может быть слабым местом? — спросила она. — Естественно, закрытые дела об убийствах уже не так важны.

— Система не допускает неправомерных обвинительных приговоров, — вмешался я.

Впервые с тех пор, как мы оказались здесь, Дилейни наконец меня заметила. Немного помолчав, она кивнула.

— Он прав. Исследования, проведенные Национальным реестром реабилитаций, показывают, что из каждых двадцати пяти человек, осужденных и приговоренных к смертной казни в

Соединенных Штатах, как минимум один невиновен. Ежегодно отменяется от пятидесяти до шестидесяти обвинительных приговоров за убийство. Это множество дел, которых нет в наших базах данных и которые не отслеживаются на предмет «подписей», — и это не считая тех невиновных людей, у которых нет адвоката и которые не могут подать апелляцию на отмену своих приговоров. Агент, с которым общался Джо, знает меня. Он подумал, что кое-что из того, что вы мне отправили, может представлять интерес. Я пока не знаю, так ли это, но рада, что вы сейчас здесь. Эта последняя «подпись» в вашем списке — долларовая купюра…

Дилейни резко умолкла. У меня сложилось впечатление, что она хотела сказать больше, но поняла, что нельзя. Чувствовалось, что обе сидящие рядом со мной дамы отличаются редкостной упертостью. Когда у Харпер возникала версия по какому-нибудь делу, она была готова в лепешку разбиться, но проверить, к чему та способна привести. Соображала она быстро и обладала физической энергией, которая словно вливалась во все, что она делала. В Харпер был огонь, в то время как Дилейни, похоже, была более глубоким мыслителем. Тем, кто спокойно размышляет и

взвешивает. Словно жесткий диск, который лишь тихо жужжит, решая какую-то проблему.

Харпер молчала. Я тоже не произнес ни слова. Мы пассивно подталкивали Дилейни к чему-то большему. Она нам так ничего и не дала. Я понимал, что она пытается выкачать из нас как можно больше информации, ничем с нами толком не поделившись. Харпер тоже это понимала. Совершенно стандартная практика ФБР.

— Мне нужно увидеть долларовую купюру, о которой идет речь, — наконец подала голос Дилейни.

— У нас только фотографии, — отозвалась Харпер.

— Они у вас с собой?

Харпер кивнула и, чтобы еще больше обозначить свою позицию, положила обе руки на стол, сидя совершенно неподвижно. Я предпочел во все это не влезать. Это была игра, правила которой были Харпер хорошо известны.

Никто так и не пошевелился. Никто не произнес ни слова.

В конце концов Дилейни покачала головой и улыбнулась.

— Так можно их увидеть? Иначе я не смогу вам помочь, — произнесла она.

— Давайте заключим сделку. Мы показываем вам фотографии. Если они актуальны, вы делитесь с нами всем, что у вас есть. Каждый выкладывает карты на стол.

— Я не могу этого сделать. Я участвую в одном очень деликатном расследовании, и…

Я шумно встал, позволив ножкам стула скрежетнуть по кафельному полу. Харпер тоже приподнялась на дюйм со своего места, но тут Дилейни подняла руку.

— Ладно, погодите… Да, я могу рассказать вам кое-какие подробности. Но далеко не все. И то если сочту, что это имеет отношение к делу. Я не знаю, над каким делом вы сейчас работаете, и если эта долларовая бумажка не укладывается в схему, мне и не нужно этого знать. Пожалуйста, сядьте. Дайте мне взглянуть на фотографии, и если это то, что я ищу, то я расскажу вам столько, сколько смогу.

Мы с Харпер обменялись взглядами. Опять сели. Я открыл лежащий передо мной чемоданчик, достал из него лэптоп и включил его. Нашел снимки бабочки, сложенной из долларовой купюры, и развернул лэптоп, чтобы всем было видно.

Дилейни потребовалось всего пять секунд, чтобы сказать:

— Нет, не похоже, что есть какая-то связь… А у вас нет фотографий этой купюры в развернутом виде?

Сердце у меня слегка упало. Я видел, как Харпер сдувается прямо у меня на глазах. Плечи у нее поникли, а подбородок уперся в грудь.

Я тяжко вздохнул. На секунду у меня возникла слабая надежда, что у нас появится что-то, что уверит меня в невиновности Бобби Соломона…

— Конечно же есть, — отозвался я. Положил палец на трекпад, открыл два окна и позволил Дилейни на них взглянуть. Харпер пробормотала мне:

— Прости, но мы, по крайней мере, закрыли тупиковое направление.

Я кивнул, и тут мое внимание привлекла Дилейни. Кожа вокруг ее глаз и лба натянулась. Губы беззвучно шевелились, когда она все ближе и ближе склонялась к экрану. Потом полезла под стол и вытащила оттуда блокнот для рисования, на вид старый и потрепанный, с загнутыми уголками страниц. Открыла его где-то посередине, нашла нужную страницу и нетерпеливо посмотрела на экран.

— Мне нужно знать о деле, над которым вы работаете, абсолютно все. Прямо сейчас, — объ-

явила она.

— Что? Вы что-то нашли? — оживилась Харпер.

Проигнорировав вопрос, Дилейни достала из сумки карандаш и начала что-то чиркать в альбоме, то и дело поглядывая на экран. Оставив без внимания вопрос Харпер, задала собственный:

— Что вы знаете о серийных убийцах?

Я почувствовал, как по коже у меня пробежал холодок.

— Только то, что читал в газетах. Не так уж много, — ответил я.

— Обычно это белые мужчины, от двадцати пяти до пятидесяти лет, одиночки, социально неприспособленные, с интеллектом ниже среднего и часто страдающие тем или иным психическим заболеванием, — добавила Харпер.

Это соответствовало тому немногому, что я и сам знал по этой теме. Слегка приподнявшись на стуле, я увидел на открытой странице в блокноте крупное изображение Большой печати Соединенных Штатов. Дилейни что-то быстро заштриховывала прямо на оливковой ветви, зажатой в правой лапе орла. Потом вновь подняла голову, и я увидел, как ее карандаш завис над пучком стрел, а губы зашевелились. Она что-то

подсчитывала в уме. Потом карандаш опять упал на страницу, и Дилейни вновь принялась что-то лихорадочно чиркать.

— Почти все, что вы только что сказали, не соответствует действительности, — сказала она. — Мы у себя в БПА называем их репитерами. Они могут принадлежать к любой этнической группе. И быть абсолютно любого возраста, в разумных пределах. Многие из них женаты и имеют большие семьи с кучей детишек. Вы можете жить по соседству с одним из них и никогда ни о чем не догадаться. Отсутствие социальных навыков и низкий уровень интеллекта — разумные предположения, но это далеко не всегда так. Многие из них долгое время избегают поимки за счет своего выбора жертв. Большинство жертв репитеров никогда раньше не встречались со своим убийцей. Даже самый тупой репитер может убивать годами, прежде чем копы его прищучат. Но есть еще один тип таких убийц, всего один процент. С социальными навыками у них все в полном порядке, ай-кью буквально зашкаливает, а то, что у них в голове заставляет их убивать, успешно скрывается даже от самых близких друзей. Мы не слишком-то часто ловим таких, как они. Один из наиболее наглядных примеров такого репитера

— Тед Банди[47]. И вопреки тому, что вам втирают по телевизору, эти убийцы вовсе не хотят, чтобы их поймали. Нисколько. Некоторые из них готовы абсолютно на все, только чтобы избежать тюрьмы, в том числе всячески маскируя свои убийства. Другие, хоть и тоже не горят желанием быть пойманными, все-таки втайне хотят, чтобы кто-то оценил их деяния.

Дилейни развернула лэптоп экраном к нам. Увеличила фото обратной стороны банкноты — та ее часть, что с Большой печатью США, занимала весь экран. И только теперь я понял, что странные штришки на ней, которые я уже видел и которым не уделил тогда особого внимания, приняв за случайно оставленные лежащей в кармане ручкой, — это на самом деле нечто вроде пометок, аккуратно нанесенных чернилами в определенных местах: на одной из стрел в левой лапе орла, на листочке оливковой ветви в правой и на верхней левой звездочке у него над головой.

— И что? — спросил я.

---

[47] notes: 47

Теодор (Тед) Банди (1946–1989) — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно. Незадолго до своей казни он признался в 36 убийствах, однако настоящее количество его жертв может быть гораздо больше. Чтобы втереться в доверие к женщинам, нередко держал руку на перевязи, изображая беспомощность. (*Прим. пер.*)

Развернув свой альбом для рисования, Дилейни подтолкнула его к нам. Несколько оливковых листочков, наконечников стрел и звездочек на изображенной в нем Большой печати были заштрихованы карандашом.

Я опять посмотрел на экран. На оливковый

листочек, наконечник стрелы и звездочку, помеченные красными чернилами на банкноте, обнаруженной во рту у Карла.

— Такие пометки на долларовых купюрах я видела уже трижды. И отметила их на этом эскизе, — объяснила Дилейни. — Одну такую сложенную купюру мы нашли между пальцами ног мертвой женщины, матери двоих детей. Другую — на прикроватном столике в дешевом мотеле, рядом с убитым продавцом автофургонов. А последнюю вытащили из мертвой руки одной рестораторши. На мой взгляд, прослеживается четкая схема — «подпись» кого-то, кто явно принадлежит к тому ничтожному проценту, про который я упоминала. Каким бы делом вы сейчас ни занимались, оно может быть напрямую связано с тем, кто в нашем отделе поведенческого анализа давно уже что бельмо на глазу. По-моему, эта неуловимая личность вполне способна претендовать на звание самого изощренного серийного убийцы в истории Бюро. Никто его и в глаза не видел. Все, что у нас есть, — это пометки на банкноте, так что некоторые аналитики даже сомневаются, что такой человек вообще существует; однако те, кто так не считает, успели

прозвать его Долларовым Биллом[48]. Так что вам лучше рассказать мне о вашем деле прямо сейчас.

Глава 21

Взяв в правую руку Библию, Кейн зачитал напечатанный на карточке-шпаргалке текст присяги так, как будто был готов расписаться под каждым ее словом. Секретарь суда забрал у него Библию; Кейн назвал свои имя и фамилию, когда его об этом попросили, и занял место за свидетельской трибуной.

Карп и его консультант по отбору присяжных Новоселич о чем-то долго перешептывались, сблизившись головами. В конце концов, когда судья многозначительно откашлялся, Карп поднялся и задал свой первый вопрос. Кейну было до лампочки, о чем его будут спрашивать. Он прекрасно знал, как и что надо отвечать. Знал, какие требования адвокаты защиты предъявляют к присяжным.

— Как по-вашему, имеются ли какие-либо

---

[48] notes: 48

По-английски это прозвище (Dollar Bill) звучит и как «долларовая банкнота». (*Прим. пер.*)

противопоказания для отправления вами обязанностей присяжного заседателя на данном процессе? — спросил Карп.

Вопрос был просто ни о чем. Кейн понимал это. И догадался, что Карп тоже это понимает. Они просто хотели посмотреть, как он отреагирует.

Кейн отвел взгляд в сторону. Немного помолчал. Пару раз моргнул. А потом опять посмотрел на Карпа и наконец ответил:

— Нет. Ничего такого в голову не приходит.

Совершенно не важно, как именно он сформулировал свой ответ. Гораздо важней было то, что Кейн дал защите полюбоваться, как он *думает*. Он знал, что кандидат в присяжные, которого сочтут мыслящим человеком, всегда будет благосклонно воспринят защитой и вовсе не обязательно насторожит сторону обвинения.

— Спасибо. Защита принимает этого кандидата, — объявил Карп.

Повернувшись в своем кресле, Прайор что-то сказал своему помощнику, стоявшему позади него. Разговор оказался коротким. Потом он встал и пристально посмотрел на Кейна, который безмятежно прислушивался к шепоткам своих коллег-присяжных, уже прошедших отбор. Жюри присяжных было живым, дышащим существом.

Естественно, каждый из них по отдельности представлял собой личность. Но стоило собрать их вместе, как они превращались в единое существо. В зверя, которого Кейну предстояло приручить.

С того момента, как Прайор поднялся со своего места, прошло разве что три-четыре секунды. Кейну они показались минутами. В зале воцарилась тишина. Шелест бумаг прекратился. Фоновый шум, исходивший от толпы, померк. Прайор продолжал внимательно изучать Кейна. На миг их взгляды встретились. Даже меньше чем на полсекунды. И все же за этот короткий отрезок времени между ними словно проскочила искра. Кейну показалось, что взаимопонимание достигнуто.

— Ваша честь, — произнес наконец Прайор, — у обвинения нет вопросов, и на данный момент данную кандидатуру мы принимаем условно.

Судья велел Кейну занять место на трибуне для присяжных. Тот встал, вышел из-за загородки свидетельского места и направился к креслам, отведенным для жюри. Уселся в первом ряду, почти у самого края.

Прошел еще час, в течение которого защита и обвинение исключили еще пятнадцать кандидатов. Как и в случае с Кейном, Прайор условно

принял еще семерых. Оглядев трибуну, Кейн увидел, что вместе с ним набралось уже двадцать человек — были заняты даже все дополнительные кресла.

Прайор отвел еще одного кандидата, который в детстве играл в школьных постановках и теоретически мог иметь какое-то отдаленное отношение к Бобби Соломону. Садиться после этого не стал. Вместо этого посмотрел на забитую битком трибуну. Не спеша оглядел всех собравшихся до единого. Потом подобрал со стола свой блокнот и подошел к судье.

— Ваша честь, сторона обвинения благодарит миссис Макки, миссис Макел, мистера Уилсона и мистера О'Коннора за готовность исполнить свой гражданский долг. Их присутствие здесь более не требуется.

Седоватый мужчина, сидящий в четырех креслах справа от Кейна, встал и начал пробираться вдоль ряда к выходу. Мимо коленок дам, не отличавшихся ростом и габаритами, он проскользнул успешно, но Кейну пришлось встать и отойти в сторонку, чтобы пропустить его — как и высокой женщине, сидящей слева от него, на самом крайнем месте.

— Всех оставшихся прошу пересесть как можно

дальше вправо. Двигайтесь, ребята, — скомандовал судья Форд.

Мужчина протиснулся мимо Кейна. А когда тот повернулся обратно к трибуне, то обнаружил, что та высокая женщина — лет пятидесяти с небольшим, с рыжевато-каштановыми волосами, в бледно-голубом свитере — только что заняла его место, согласно приказу судьи сместившись вправо. Взглянув на Кейна, она вежливо улыбнулась ему, когда он опустился в кресло, которое она грела последние полчаса. Кейн не стал улыбаться ей в ответ.

Наконец из ряда позади него выбралась последняя из женщин, которых Прайор исключил из состава присяжных.

— Итак, дамы и господа, теперь все вы — наше жюри, — объявил судья Форд. — Первые шестеро из вас в заднем ряду и первые шестеро в первом — присяжные заседатели.

Кейн огляделся.

— То есть, считая с правой стороны, — поправился судья. — Остальные же четверо из вас — дама и два джентльмена в заднем ряду, а также джентльмен в первом ряду — остаются в резерве.

Высокая женщина заняла не только кресло

Кейна. Она заняла его место в жюри присяжных. Вид у нее был довольный. А Кейну оставалось довольствоваться ролью запасного. Теперь он будет лишь наблюдать за процессом. Без права доступа в совещательную комнату. Без права голоса в жюри. И все из-за этой долговязой тетки, что сидела сейчас рядом с ним!

Кейн наблюдал, как секретарь одного за другим приводит присяжных к присяге, присваивая каждому из них личный номер. Самому ему достался тринадцатый. Другим запасным позади него — четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый.

Судья вынес всем предупреждение — не читать газет, не смотреть новости по телевизору, полностью вычеркнуть из жизни все комментарии СМИ. Затем он привел к присяге женщину-пристава, которой предстояло присматривать за присяжными — следить за тем, чтобы они соблюдали правила.

Высокая тетка в свитере, занявшая место Кейна, присяжный заседатель под номером двенадцать, шепнула ему, запрокинув голову:

— Восхитительно, не правда ли?

Кейн лишь молча кивнул.

Судя по выговору, была она откуда-то из Нью-Джерси. В ее дыхании Кейн уловил запашок

утренних сигарет. Это напомнило ему о матери, и он постарался сосредоточиться на воспоминаниях о ней. Все что угодно, лишь бы не думать о том, что место в жюри присяжных ему так и не досталось. Знать бы все наперед…

Теперь все его планы словно ветром сдуло. Развеяло как пепел, как дым.

Прозвучавшие в зале слова судьи немного отвлекли кипящего от злобы Кейна от тоскливых дум.

— Господа советники, на отбор присяжных отводилось два дня, но мы управились раньше. Предлагаю и дальше не тратить время суда попусту и открыть процесс прямо завтра с утра, — сказал судья Форд.

— Мы готовы, ваша честь. Мой клиент очень хочет очистить свое имя от любых подозрений, чтобы полиция наконец занялась поисками настоящего убийцы, — быстро отозвался Карп.

Брови судьи взлетели вверх, и он с явным неодобрением покосился на адвоката. Кейн знал, что защита Соломона готова воспользоваться любым шансом убедить присяжных в невиновности своего клиента — даже в такой момент. Пожалуй, кое-кто из них в итоге и поверит в нее, если достаточно часто им это повторять.

Женщина-пристав, поставленная присматривать за присяжными, вывела их одного за другим из зала суда в холодный коридор, выкрашенный светло-коричневой краской. Поравнявшись с той теткой в свитере, Кейн остановился. Пристав прошла вдоль очереди, раздавая какие-то бланки и информационные листовки с объяснениями, как новоиспеченным присяжным осчастливить свое начальство на работе, потребовав выплаты вознаграждения за работу в суде.

Прислонившись спиной к стене, женщина в голубом свитере одарила Кейна фальшивой улыбкой и протянула руку. Хоть улыбка и была неискренней, Кейн все равно ощутил, насколько полна она мещанского энтузиазма. Его соседка по трибуне была явно из тех женщин, что пекут пироги для стариков, а потом не устают напоминать им, насколько те должны быть им благодарны и сколько времени и труда ушло на создание такого пирога.

— Я Бренда. Бренда Ковальски, — представилась она.

Кейн пожал ей руку и назвал свое временное имя.

— Знаете, я никогда еще не попадала в присяжные, и я в полном восторге! Знаю, что мы не

имеем права обсуждать между собой это дело; я просто хотела сказать, насколько это для меня волнительно — иметь возможность вернуть что-то этому городу. Понимаете, о чем я? По-моему, выступить в роли присяжного — долг любого достойного гражданина.

Он кивнул.

Женщина-пристав вручила бланк и информационную листовку Бренде, а затем Кейну.

— По любым вопросам насчет заполнения бланков обращайтесь ко мне. Расходы на парковку не возмещаются, оправдательные документы на них судом не выдаются. Прошу вас быть здесь завтра ровно в половине девятого утра. Хорошего дня, — привычно оттарабанила она.

Кейн взял листовку и бланк и, уходя, помахал Бренде на прощание. День у него выдался суматошный. Поначалу все вроде шло как по маслу, но в число присяжных он все же не попал. Подумалось, не порезать ли себе вечером руки одним из ножей. Не для того, чтобы покончить с собой. Просто порезать. Чтобы ощутить то странное щекочущее чувство, когда кончик лезвия начнет рассекать верхний слой кожи. Никакой боли. Только тепло его собственной крови на руках.

— Ладно, пока! Думаю, завтра опять пересечем-

ся! — крикнула ему в спину Бренда.

Кейн остановился и опять повернулся к ней. Широко улыбнулся и подмигнул, подумав про себя: «Вот уж нет, если сегодня мы пересечемся еще разок…»

Глава 22

Довольно долго ни Харпер, ни я даже не знали, что и сказать. Если то, что только что сообщила нам Дилейни, соответствовало действительности, то Бобби Соломон был невиновен, а Карл с Ариэллой стали жертвами серийного убийцы.

Прессе это понравилось бы.

При мысли об этом сердце у меня забилось чаще. Дилейни со всеми ее материалами можно было вызвать в суд в качестве свидетеля. Она продемонстрировала бы там свой фокус с долларовой бумажкой, показала присяжным схему… Тем более что она опытный аналитик высокого ранга из ФБР. Это был бы билет Бобби на свободу. Я хотел сразу же позвонить Карпу, но что-то меня от этого все-таки удерживало. Требовалось разузнать больше. И хоть немного остыть, а то я чересчур уж возбудился. Харпер не сумела сдержать довольной ухмылки. Организованная ею

встреча все-таки принесла свои плоды. Еще как принесла…

— Да, мы можем вам все рассказать, — сказал я. — Но не за просто так. На этой неделе наш клиент предстанет перед судом. Нам нужно будет вызвать вас со всеми вашими документами в суд. Чтобы вы дали показания о том, о чем нам только что рассказали.

— Боюсь, это совершенно исключено, — ответила Дилейни.

— Что?! — возмутилась Харпер, так хлопнув ладонью по столу, что стоящий на нем лэптоп подпрыгнул на месте.

Сначала я подумал, что эта фэбээровская тетка просто торгуется. Ей требовалась имеющаяся у нас информация. Нам — ее показания. Вроде бы баш на баш. Но тут я понял, что все далеко не так просто. Дилейни просто не могла засвидетельствовать в суде то, о чем только что нам рассказала. А мы никак не могли получить судебный ордер, принуждающий ее к даче показаний.

— Расследование по этим убийствам все еще продолжается, насколько я понимаю? — спросил я.

Дилейни лишь кивнула, поджав губы.

— Так что вы не можете обсуждать его на от-

крытом судебном процессе, а мы не можем вас заставить. Иначе вы напрямую сообщили бы убийце, что про него знаете, а что нет, — продолжал я.

— Совершенно верно. А теперь мне хотелось бы знать, над каким делом вы работаете, — сказала Дилейни.

По большому счету, ничего она нам так и не дала. Ни имен. Ни каких-то существенных подробностей, кроме нескольких едва заметных пометок на долларовых купюрах. Этого было явно недостаточно. Я был уверен, что за этим кроется нечто большее. Что-то еще, связывающее все эти убийства. Наверняка что-то посерьезней нескольких чернильных пятнышек. А если б даже Дилейни и смогла выступить со всем этим в суде, присяжных это вряд ли особо убедило бы. Образно выражаясь, на данный момент у нас было достаточно материала для хорошего заголовка, а не для полноценной статьи.

— Мы не имеем права раскрывать конфиденциальную информацию о клиентах, — сказал я.

— Чушь собачья! Если ваше дело связано с моим расследованием, то не исключено, что я — ваша единственная надежда освободить этого вашего клиента. Утаивать от меня информацию отнюдь

не в его интересах.

— И какие у нас гарантии, что вы ему хоть чем-то поможете? — спросил я.

— Никаких, но это единственный шанс, который у вас есть.

— Нет, это всего лишь единственная свежая зацепка, которая есть *у вас*. Я-то думал, мы договорились… Вам нужно одно имя. Нам нужно три, — возразил я.

Дилейни оперлась локтями о стол, закрыла лицо руками и вздохнула.

— Я не имею права предоставить вам доступ к материалам по делу, но могу оставить этот эскиз на столе ровно на шестьдесят секунд, — сказала она.

Я тут же полез в карман, вытащил пригоршню банкнот, выбрал одну и начал копировать пометки с эскиза прямо на нее.

— И я не имею права раскрыть вам подробности по делам Энни Хайтауэр, Дерека Касса и… кто там у нас третий? — произнесла она, воздев глаза к потолку.

Мигом все уловив, я подхватил:

— Часом, не Бобби ли Соломон? Вы его имели в виду?

Голова у нее резко опустилась, рот приоткрыл-

ся, и она уставилась прямо на меня. По-моему, даже губы у нее задрожали. На какой-то миг Дилейни совершенно забыла о нашей маленькой игре, впитывая в себя это имя. Всю его весомость. Сияние прожекторов, окружающих его.

Наконец она закрыла рот, покачала головой и произнесла:

— Нет, нет, не его. Карен Харви — вспомнила теперь… Так вот, никаких подробностей по их делам я раскрыть не могу.

Я уже закончил копировать отметины с Большой печати в блокноте на свой собственный доллар. Сложил его, убрал подальше. Потом упрятал в чемоданчик лэптоп фирмы. Мы с Харпер встали, обменялись с Дилейни рукопожатиями. Сначала Харпер — коротко, по-деловому. Как профессионал с профессионалом.

Дилейни проводила нас от конференц-зала обратно по коридору к регистрационной стойке, а потом развернулась и ушла. Пока мы ждали лифта, я изучал долларовую бумажку со своими пометками.

— Что, черт возьми, все это значит? — вопросила Харпер.

— Понятия не имею. Если она права, то имеется некая насквозь больная на голову личность. Ко-

торая играет в какие-то собственные игры. Нам нужно этим заняться. И все-таки найти способ вызвать Дилейни в качестве свидетеля по делу Бобби, — ответил я.

Переступив с ноги на ногу, Харпер уперлась рукой в бедро и уставилась на меня непонимающим взглядом.

— Ты же слышал ее. Да и сам это озвучил — мы не можем заставить ее дать показания. Дело-то не закрыто.

Двери лифта наконец открылись, мы вошли в него, и Харпер нажала кнопку первого этажа.

— И все-таки есть один способ заставить ее выступить на суде, — задумчиво произнес я.

— Отсоси! У нас нет ни единого шанса. Ну давай, удиви меня… Ставлю доллар, что ничего не выйдет. Дилейни в жизни не станет давать показания по своему собственному делу.

— Единственная причина, по которой она не может сейчас выступить на суде — это потому что дело до сих пор не закрыто. Поэтому все, что нам нужно сделать, — закрыть его.

* * *

Поездка до «Адвокатского бюро Карпа» заняла не слишком много времени, и по пути никто из

нас не произнес ни слова. Холтен вел машину. Мы с Харпер устроились на заднем сиденье, просматривая старые новостные статьи на своих телефонах.

Энни Хайтауэр была найдена мертвой в ноябре 2001 года в гостиной своего дома в Спрингфилде. Горло у нее было перерезано до самого позвоночника. Ее дети должны были провести выходные в гостях у своего отца, Омара Хайтауэра. На самом же деле в тот момент они находились у сестры Омара в двух кварталах от дома своей матери. Омар показал на суде, что недавно у него появились деньги — удачно сыграл на футбольном тотализаторе. Почти сто косарей. Он даже попал в местную газету. Часть денег Хайтауэр потратил на наркоту — выкурил в тот день несколько трубочек, и его сестра застала детей у него на кухне балующимися с микроволновкой. Эта сестра, Шайенн, забрала детей на ночь к себе, пока Омар не проспится. Таким образом, алиби на ночь убийства у него не имелось. Он задолжал Энни почти тысячу долларов алиментов, и она поручила адвокату вернуть их. На долларовой купюре, найденной у Энни между пальцами ног, обнаружили отпечатки пальцев Омара. Я сразу припомнил орла на Большой печати — пучок

стрел и оливковые ветви, зажатые у него в когтях. На суде адвокат Омара утверждал, что чуть раньше на той же неделе его клиент вернул Энни долг наличными, а убийца просто использовал одну из этих банкнот, чтобы подставить его.

Присяжные на это не купились.

Заметка из единственного абзаца, опубликованная в 2008 году, сообщала, что Омар был убит в тюрьме.

Дело Дерека Касса казалось столь же простым. Тот тоже был семейным человеком. Жена. Трое детей. Продавал фургоны «Форд Транзит» со своей собственной площадки в центре Уилмингтона. Для встреч с клиентами и поставщиками частенько разъезжал по всяким городам и весям. И уже в дороге из Дерека превращался в Дилайлу. В качестве Дилайлы летом 2010 года он и влип в серьезные неприятности — в каком-то баре в двух милях от Ньюарка. Работающий на полставки работяга из местного автосервиса, некто Пит Тимсон, не слишком-то обрадовался, узнав, что его горячая подружка на самом-то деле мужчина, и пригрозил задушить Дилайлу. Последовал за ней обратно в мотель, в котором она остановилась. Задушил ее прямо в постели и оставил на прикроватном столике банкноту со своими отпе-

чатками пальцев. Свидетели на суде показали, что слышали, как он угрожал ее пристукнуть. Дело было закрыто.

— Карен Харви не совсем подходит, — подала голос Харпер.

— Я еще до нее не добрался. И почему же? — отозвался я.

Проведя большим пальцем по экрану и прокрутив текст статьи к началу, Харпер объяснила:

— Она не такая, как остальные. Владела рестораном в Манчестере, штат Нью-Гэмпшир. Под пятьдесят, разведенка, все у нее было пучком. Погибла в результате чего-то похожего на ограбление в тысяча девятьсот девяносто девятом. Выстрел в живот, потом еще два в голову, с близкого расстояния. Кассовый аппарат был поврежден, но не открыт. Не хватало только половинки долларовой банкноты. Когда Карен нашли, другую половинку она все еще сжимала в руке. Пропавшую часть купюры нашли в квартире некоего Родди Роудса, басиста из местной группы. Наркомана с целым букетом судимостей за вооруженное ограбление. Местные копы, действуя по анонимной наводке, провели у него в квартире обыск, нашли этот обрывок купюры и орудие убийства — «Магнум» сорок пятого

калибра. Его отпечатков пальцев на купюре не обнаружилось, но Роудса все равно посадили — хотя и по досудебной сделке.

— Он признал себя виновным?

— Сошлись на убийстве второй степени. Выйдет через двадцать пять лет.

Я подумал об отпечатке пальца Бобби на сложенной в виде бабочки купюре, обнаруженной у Карла во рту.

Наконец Холтен подкатил к зданию, в котором размещалась фирма Карпа. Мы с Харпер выбрались из машины и зашли внутрь. Холтен опять остался ждать нас в вестибюле. Когда мы все еще общались с федералами, Руди оставил сообщение на моем мобильнике. Поставил в известность, что отбор присяжных завершен и что судебный процесс начнется завтра. Офис фирмы так и гудел. Секретари, адвокаты, их помощники — у всех вид был жутко деловой и возбужденный.

В конференц-зале мы нашли Руди, Бобби и еще одного человека, который сидел ко мне спиной и которого я надеялся больше никогда не увидеть. В последний раз мы пересекались с ним пару лет назад, когда он создал мне кое-какие проблемы с ФБР. Я узнал его даже со спины. Да эту уродливую лысую башку я где угодно узнал бы! Арнольд

Новоселич. Консультирование по работе с присяжными — вообще довольно грязная игра. И Арнольд был самым грязным из таких вот консультантов. Приходилось мне уже сталкиваться с его подходцами.

— Здоро́во, Арнольд, — сказал я.

Он встал, обернулся, и при виде меня у него сразу отвисла челюсть. Арнольд ничуть не изменился. По-прежнему фунтов пятьдесят лишнего веса. По-прежнему все в том же сером костюмчике. По-прежнему получает несусветные деньги за игры с правосудием.

— Все еще читаешь по губам у присяжных? — бросил я.

Он мне ничего не ответил. Вместо этого обратил свой гнев на Руди.

— Я отказываюсь работать с этим человеком! Он… э-э…

— Жулик? И от кого, интересно, я это услышу? — буркнул я.

— Прекратите! — прикрикнул Руди. — Сейчас же! Арнольд, сядь. Прошу тебя. Эдди, Арнольд — наш консультант по присяжным на этом процессе. Человек он проверенный и дает результат. Как он его добивается — это вообще-то не моя забота. И не твоя. Пусть Арнольд занимается своим

делом. А ты занимайся своим, и тогда все будет пучком. Сейчас не до грызни. Процесс начинается уже завтра.

Гарри, видать, решил маленько подхлестнуть лошадей, подправив первоначальное расписание. Отлично. Я только и ждал, когда будет можно наконец заняться делом. Отведя взгляд от Арнольда, я представил им Харпер.

Похлопав Бобби по плечу, Руди предложил ему бутылку воды из стоящих в центре стола. Тот взял ее, с хрустом откупорил и жадно осушил. Сегодня он лишь слегка попробовал судебный зал на вкус. И пусть даже сам я при этом не присутствовал, но мог с полной уверенностью сказать, что это стало для него серьезным испытанием. Вид у него был дерганый и обалдевший. Склонившись над столом, Бобби крепко сжал пустую пластиковую бутылку в руке и нервно скрутил ее, как тряпку.

Вырвав из блокнота страничку, я стал составлять коротенький список того, что мне может понадобиться.

— Ну что, малость разобрались в деле? — спросил Руди.

Мы с Харпер переглянулись. Я решил ответить первым.

— Потом Харпер подробно изложит, что нам

удалось выяснить. Хотя да, все немного прояснилось. Впереди еще очень много работы. Если все срастется, то не исключено, что мы все-таки выиграем это дело. Прежде всего мне понадобится кто-то из ваших помощников, чтобы пробежаться по магазинам, — сказал я, передавая ему свой список.

Руди взял бумагу, и я увидел, что его брови все ближе сходятся к переносице по мере того, как он изучал список.

— Здесь много каких-то непонятных вещей… Лист полиэтилена шириной в двенадцать футов? Кукурузная патока? Как это понимать, Эдди? — спросил Руди.

— Долго объяснять. Вдобавок мы думаем, что у нас появилась зацепка по альтернативному подозреваемому. Харпер сегодня организовала нам встречу с одним аналитиком из федералов. И вроде как наметилась связь между нашим делом и продолжающимся расследованием ФБР касательно возможного серийного убийцы. Информации пока недостаточно. Связь довольно зыбкая, и она далека от того, чтобы посеять разумные сомнения, но мы работаем над этим. А пока мне требуется ваша помощь. Мне нужно, чтобы вы вызвали в суд человека по имени Гэри Чиз-

мен. Потом я дам вам его рабочий адрес. Внесите Чизмена в наш список свидетелей и передайте его окружному прокурору. И не волнуйтесь, мне не придется его вызывать. Просто хочу, чтобы он сидел среди публики.

Я увидел, как Харпер глубоко задумалась, услышав это имя. Потом наконец она очнулась и спросила:

— Да кто такой, черт побери, этот Гэри Чизмен?

— Гэри Чизмен — президент компании под названием «Свитслэнд лимитед», базирующейся в Иллинойсе.

— И как он связан с нашим делом? — поинтересовался Руди.

— Никак. И именно в этом его главная прелесть. Уж поверьте мне: Гэри Чизмен проделает в версии обвинения просто-таки гигантскую дыру.

Глава 23

К семи вечера заметно похолодало. Лицо Кейна окутывали облачка пара от его дыхания, но ему было жарко. Он даже вспотел, целый час отмывая «Шевроле Сильверадо» в заброшенном гараже. На то, чтобы фомкой сорвать замок, поднять

дверь на роликах, загнать туда «Шеви» и вновь закрыться изнутри, много времени не ушло. Всего пять минут. Максимум. В месте ножевой раны кожа на ноге казалась стянутой.

В углу стояла ржавая бочка из-под моторного масла. Предыдущий владелец сжигал в ней мусор — над ней была установлена алюминиевая вытяжка. Откачав из бака «Шеви» немного бензина, Кейн плеснул его в бочку, чиркнул спичкой и уронил ее внутрь.

Стоя перед горящей бочкой, он стянул рубашку и бросил ее в огонь. Пошарил по карманам брюк, вытащил завалявшуюся там долларовую бумажку, потом снял их и тоже бросил в бочку. Секунду изучал купюру, прежде чем она отправилась туда же. В сумке на заднем сиденье «Шеви» лежал комплект чистой одежды. Кейн не мог поклясться, что это так, но все же ему показалось, что пламя приобрело зеленоватый оттенок. Может, на дне бочки завалялось что-то медное или что-то химическое. Это напомнило ему «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда — сцену, в которой тот высматривает зеленый огонек над темной водой. Американская мечта… Недостижимая, тающая перед ним с каждым потрескиванием пламени.

Кейн знал про эту мечту. Его мать частенько говорила о ней. Она всеми силами стремилась к ней всю свою жизнь и потерпела неудачу. Точно так же, как и он сам, пока не осознал, что та представляет собой на самом деле. Американская мечта — это не деньги. А свобода. Истинная свобода.

Ему не нравилось стягивающее ощущение в ноге. Он проверил повязку, слегка ослабил ее, закинулся двойной дозой антибиотиков и цифровым термометром измерил температуру. Девяносто восемь и шесть[49]. Отлично.

Кейн много чего знал о боли — для человека, который никогда ее не испытывал. Она несла важную физиологическую функцию. Была частью системы раннего предупреждения. Сигналы из мозга подсказывали, что возникла какая-то проблема. Сотрясение. Повреждения мышц. Инфекция. Если б Кейн регулярно не следил за состоянием своего тела, то запросто мог погибнуть.

Ощутив вибрацию одноразового мобильника, он вытащил его из кармана.

— Детишки нашли труп, который вы оставили в Бруклине. Вызвали копов. Но не переживайте, на опознание уйдет какое-то время.

---

[49] notes: 49
98,6 градуса по Фаренгейту — 37 °C. (*Прим. пер.*)

— Не подстегнуть ли мне события? — спросил Кейн.

— Связь тела с вызовом в суд обнаружится не сразу, а может, и вообще никогда. Он был частным детективом и упертым либералом — на данный момент полно и других подозреваемых и мотивов. Смотрю, вы и сегодня без дела не сидели… Может, стоит немного придержать лошадей?

— Буду держать этот совет в голове, — ответил Кейн.

В трубке вздохнули.

— «Шеви» объявлен в розыск на уровне штата. Вы отмыли машину? Поменяли номера?

— Естественно. Остынь. Эту машину никогда не отследят. Что сегодня слышно про полицию — что они собираются предпринять?

— Я знаю одного мужика в местном райотделе, из отдела убийств. Он мне сообщит. А я тем часом послежу за радиообменом. Если у них будут какие-то подвижки, сразу дам знать.

— Да уж постарайся. Если я вдруг узнаю, что ты что-то скрываешь… Короче, тебе известны последствия, — заключил Кейн.

Глава 24

Мне требовалась пара свободных часов. Просто чтобы все улеглось в голове. Под конец совещания в фирме Карпа я мог точно сказать, что и остальным тоже. Все внимательно слушали. Уж на что Руди всякого навидался в своей жизни, но даже он изумленно поднял брови. Постепенно все мы сошлись в одном — для того чтобы предъявить суду альтернативного подозреваемого, материала у нас недостаточно. Явно недостаточно. Но остальные мои соображения Руди понравились, и он отправил пару своих помощников по Манхэттену, снабдив их кредиткой фирмы и моим списком. Неплохо для начала. Единственным человеком, который за все совещание не проронил ни слова, был Бобби. Я никак не мог «прочитать» его. Бóльшую часть времени он неотрывно смотрел в окно, выходящее на Таймс-сквер. Мне показалось, что Бобби полностью поглощен открывающимся за ним видом. Словно тот, кому следующие тридцать или сорок лет не доведется любоваться никакими видами.

Встреча в верхах закончилась тем, что мы договорились еще раз собраться завтра с утра,

прямо перед судом, чтобы пробежаться по тексту вступительного выступления Руди перед присяжными.

А еще я пообещал Харпер потом ей позвонить — после ее свидания с Холтеном. Поначалу она упорно отрицала, что это свидание. Но в конце концов кивнула и сказала:

— Ну ладно, пусть будет свидание. Я понимаю, что не совсем профессионально так вот встречаться, но подумала — какого черта? Если Руди Карпу это придется не по вкусу, пускай отсосет.

— Хватит уже постоянно повторять про отсос. Холтен может это неправильно понять, — отозвался я.

Мы оба немного поржали. Стало полегче. Но как только перед нами открылись двери лифта, на плечи вновь словно навалился двухсотфунтовый рюкзак. Дело есть дело.

— Я собираюсь звякнуть кое-каким своим знакомым дамам в различных правоохранительных структурах. Джо знает целую кучу копов. Отношения с полицейскими управами на местах у меня получше, чем с федералами, так что их тоже обзвоню. Шерифов, их помощников, детективов… Накрою почти половину Штатов. Хочу отправить им данные по этой купюре — глядишь, что и

вытряхнется, — сказала Харпер.

Тут зазвонил мой телефон. Кристина.

— Привет! Слушай, я сейчас в городе, решила повидать пару старых друзей… Когда вернусь домой, просто сил не будет что-то готовить. Как насчет китайской еды? — сказала она.

— Китайская так китайская. А я и не знал, что ты собиралась на Манхэттен.

— Сегодня я не работаю, вот и решила повидаться с народом. Я не обязана ставить тебя в известность обо всех своих передвижениях, Эдди.

— Прости, я вовсе не это имел в виду. Я… слушай, ужин — это просто здорово. Я только что подумал, что сегодня вечером наконец-то увижусь с Эми, — сказал я.

— Ну что ж, на сей раз тебе придется довольствоваться мной. В обычном месте? Через час?

Я предпочел ничего не доказывать. Время, проводимое мной с Эми, во многом определялось Кристиной — и у меня не было настроения выяснять с ней отношения по этому поводу. Все это лишь ухудшило бы ситуацию. Нет, сегодня мне надо было произвести хорошее впечатление. Я наконец-то нашел способ расстаться с той жизнью, которой всегда жил. Постоянная работа у

Руди. Никаких рискованных дел. Никаких клиентов-психопатов. Никаких причин волноваться, что какой-нибудь ненормальный нацелится на мою семью, чтобы добраться до меня. Как раз то, чего всегда хотелось Кристине. И чего всегда хотелось и мне.

— Конечно, там и увидимся, — подтвердил я.

У меня наконец-то появилось время вызволить машину. Не хотелось оставлять ее на штрафстоянке хоть сколько-то еще, и я планировал, едва только забрав ее, сразу двинуть в Риверхед на ужин с Эми и Кристиной.

Поймав такси, я поехал к северу. По вечерним пробкам. До самой площадки номер 76 манхэттенской штрафстоянки. Там нашел служителя, показал ему квитанцию, оплатил штраф, а он отдал мне мои ключи, снабдил номером места и схемой стоянки. Когда я наконец разыскал свой «Мустанг», из-под «дворника» торчал еще один бумажный пакет из «Макдоналдса». Я выдернул его, зашвырнул на заднее сиденье и от души отматерил детектива Грейнджера.

Вот же гондон!

Полчаса спустя я уже ехал в машине в Чайна-таун. Едва нашел место для парковки и два квартала до Дойер-стрит проделал поспешной

рысью. Снаружи чайная Ном-Ва выглядела не особо презентабельно. Внутри тоже. Красные виниловые кабинки, пластиковые столики… В общем, типичная забегаловка вроде тех, интерьер которых больше напоминает нутро вагона-ресторана, с одним лишь отличием — вместо ножей и вилок по бокам от тарелок лежат деревянные палочки для еды. Это если кто не в курсе ее истории. Чайна-таун вырос как раз вокруг этого места. Оно открылось еще в 1920 году, и здесь готовили пельмени и дим-сум[50], как больше нигде в городе.

Я опоздал — Кристина уже сидела в кабинке и даже успела заказать чаю. Увидев меня, она не улыбнулась. Лишь помахала мне палочками и вновь переключила внимание на пельмени и соевый соус. Поскольку часть дороги пришлось проделать бегом, я малость запыхался. Желудок крепко сжался, и я вдруг осознал, что нервничаю. Очень хотелось поскорей рассказать ей про работу в «Адвокатском бюро Карпа», но я не знал, с чего начать. Во рту пересохло, и я вдруг испытал то же самое чувство, что и при нашем первом свидании, — страх. Уже тогда я знал, что она

[50] notes: 50

Дим-сум — легкие закуски, которые в китайской традиции чаепития подают к столу вместе с чашкой китайского чая сорта пуэр — как правило, до основного обеда. (*Прим. пер.*)

особенная и что нельзя все испортить. Ну что ж, до сих пор я лишь доказывал, что в этом деле я мастер. Это был мой последний шанс.

Кристина подстриглась. Мягкие темно-каштановые волосы теперь были пострижены «под пажа». Выглядела она теперь совсем по-другому. И казалась чуть более загорелой, чем обычно. Я уселся напротив нее, и официант сразу принес мне пиво, даже ничего не спрашивая.

— Слышала, ты опять пьешь, — заметила Кристина.

— Секундочку! Во-первых, прости, что опоздал, а во-вторых, я не заказывал пиво. Это твоя личная инициатива.

— Гарри мне все рассказал. Он говорит, что теперь ты умеешь держать себя в руках. И считает, что стаканчик-другой, когда он может за тобой присматривать, — это лучше, чем ты будешь кусать локти, думая, что тебе больше никогда не суждено выпить, — как бы вскользь произнесла она, отправляя в рот пельмени.

Я поднял руки — мол, сдаюсь.

— Слушай, и вправду прости, что опоздал. Может, начнем по новой?

Кристина отпила чаю, откинулась назад и вытерла губы салфеткой. Пристально посмотрела

на меня. Отмахнулась и сказала:

— Просто я сегодня малость заведенная. Как дела?

Я взялся рассказывать ей про грядущий процесс Соломона. Поначалу она разозлилась. Брови ее сошлись вместе, шея покраснела. Я прекрасно знал эти ее маленькие «значки».

— Я-то думала, ты наконец угомонился! Что уже не лезешь на рожон. Такие дела привлекают слишком много внимания. И мы оба знаем, что такого рода внимание, которое ты привлекаешь, обычно опасно, — сказала она наконец.

Крыть мне тут было нечем. Именно по этой причине мы и не были вместе. Моя работа просто притягивала неприятности. А семья была для меня слишком важна. Если б из-за меня с Кристиной и Эми что-нибудь случилось, просто не знаю, что я сделал бы. Им уже приходилось оказываться в немалой опасности. Один раз едва не пострадала наша дочь.

— Это дело совершенно не опасное. И оно дает мне шанс. Сейчас все объясню, но послушай — ты так и не сказала мне, как там Эми. Я хочу знать абсолютно все.

— Все у нее отлично, Эдди. Сдала экзамен по математике, из-за которого так переживала. И кое

с кем подружилась в шахматном клубе. С одним мальчиком, но они просто друзья. Пока что. Она просто счастлива, и ей вроде нравится Кевин…

Кевин… Кристина здорово сблизилась со своим боссом. Он помог ей обосноваться в Риверхеде, познакомил там с лучшими людьми. Даже лично что-то там такое починил у нее в квартире. Этого мужика я ни разу не видел, но очень хотелось малость поработать над его физиономией.

— Очень хорошо. Я рад. Она все еще читает?

— Каждый вечер. Даже прочла пару грошовых детективчиков, которые ты ей подарил.

Я кивнул. Просто прекрасно. Готов поспорить, что этот Кевин читает лишь юридические справочники и инструкции к бытовой технике. У нас с Эми всегда был вкус касательно книг.

Я кое-что поклевал. Пиво оставил без внимания. Тянул время. Пытался набраться духу, чтобы поговорить о наших отношениях. Мы уже долго жили порознь. В один прекрасный момент прекращаешь подкатывать с намеками, что пора бы все исправить, — это слишком болезненно. Все в моей жизни вот-вот должно было измениться. Это и есть мой шанс все исправить. Работа, которую мы оба всегда хотели. Стабильность, безопасность и возможность каждый вечер воз-

вращаться домой к ужину, а не гадать, кто вдруг постучится во входную дверь.

Я просто не знал, как все это высказать. От еды слегка подташнивало, и я чувствовал, как на лбу выступает пот.

— Я получил постоянную работу, — наконец выпалил я. — В «Адвокатском бюро Карпа». Дела в основном гражданские, уголовных совсем немного. Ничего опасного. Ничего скандального. От девяти до пяти и за хорошие деньги. Прошлому конец, Кристина. Процесс Соломона — мое последнее крупное дело. Я хочу, чтобы вы с Эми вернулись домой. Мы могли бы опять поселиться в том нашем старом доме в Квинсе…

Глаза ее увлажнились, губы задрожали.

— Или, знаешь, вообще купить какой-нибудь новый дом. Начать все с нуля. Теперь я могу обеспечить тебя и Эми. Тебе не нужно будет работать. Все будет так, как мы всегда хотели. Мы опять сможем стать одной семьей.

Она вытерла слезу со щеки, бросила в меня салфетку.

— Я ждала тебя! Несмотря на все дерьмо, в которое ты регулярно вляпывался. Пьянство. Лечение от алкоголизма. Я ждала. И несмотря на все эти твои стремные судебные дела, Эдди. Ты сделал

свой выбор. Твоя работа ставила нас на линию огня. И вот теперь, насколько я понимаю, ты уже набегался?

— Это не так. Люди обращаются ко мне. Им нужна помощь. Я не могу дать им от ворот поворот. Каким бы я был человеком, если б позволил всем этим людям сесть в тюрьму? Я просто не смог бы спокойно жить, если б допустил такое. Это не *выбор*. И никогда не было выбором. Только не для меня, — сказал я.

— Но у меня-то *есть* выбор! Я никогда не хотела такой… такой жизни. Я не хотела мужа, который сторонится своей семьи на случай, если вдруг кто-то ей что-нибудь сделает. Я пыталась, Эдди. Я ждала. Я уже устала ждать…

— Тебе уже не нужно ждать. Говорю же, я получил работу. Безопасную. Все может вернуться в нормальную колею.

— В эту колею нет возврата. Я уже думала на этот счет. Я хотела, чтобы ты сегодня приехал к нам домой и повидался с Эми, но днем поняла, что просто обязана тебе это сказать. Я больше не могу этого скрывать. Так что решила встретиться с тобою здесь, потому что не хотела, чтобы Эми это видела. С меня хватит, Эдди. Я устала ждать. Мы с Кевином встречаемся. Он хочет, чтобы мы

переехали к нему.

И вдруг я словно уже и не сидел в кабинке вместе с Кристиной. И в этой чайной. И даже вообще в Китайском квартале. В тот момент я увидел именно то, чего и опасался, что так долго снилось мне в страшных снах. Мое недвижимое тело лежит у подножия Эмпайр-стейт-билдинг. Кристина стоит на его смотровой площадке, в восьмидесяти шести этажах над улицей. А потом снимает свое обручальное кольцо и бросает его за ограждение. Лежа на тротуаре, я понимаю, что сверкающий золотой кружочек летит прямо ко мне. Все быстрей и быстрей. Вот я уже могу четко его видеть. Но не в силах даже пошевелиться. Не в силах дышать. Все, на что я способен, — это впиться ногтями в плитки тротуара и смотреть.

Когда оно бьет меня в грудь, я просыпаюсь.

Теперь боль в груди была совершенно реальной. Удушающая, глухая боль, от которой пресеклось дыхание. И я понимал, к чему идет дело. Отчего было еще хуже.

— Но ты…

— Эдди, я все решила. Прости, — произнесла она. Голос ее стал отстраненно-холодным.

— Прости! Ну прости же ты меня! Все изменится! Я сам изменюсь! Эта новая работа… — Но

слова застревали у меня в горле. Я уже потерял ее. Что-то проснулось во мне. Вся та боль, которую я пытался притушить бухлом. Все это с ревом пробудилось к жизни. И заставило меня бороться.

— Он не любит тебя так, как я, — сказал я.

Кристина отсчитала несколько банкнот, положила их на стол, и ее рука ненадолго замерла над ними. Она колебалась, но вовсе не над счетом. Я не осмеливался сказать ни слова. Я знал, что какая-то часть ее по-прежнему любит меня. Слишком уж многое мы пережили вместе. Быстро заморгав, она покачала головой. А потом встала, выскользнула из кабинки и произнесла:

— Кевин любит меня. Я это знаю. Он позаботится об Эми. И обо мне. Не звони. Хотя бы какое-то время.

Когда Кристина направилась к выходу, моя рука метнулась к ней. Быстро. Я ухватил ее за запястье. Она остановилась. Глупый ход. Я отпустил ее.

Стал слушать, как стук ее каблучков, и без того едва различимый, еще больше стихает, пока она идет к выходу. Я глянул на бутылку пива перед собой. «Миллер». По запотевшим бокам ее стекали прозрачные капли воды, оставляя за собой гладкие дорожки. Жутко хотелось немедленно ее

осушить. А потом еще десять. Полирнуть водкой, вискарем — чем угодно, только чтобы умерить боль. Подхватив бутылку, я уже поднес ее к губам, когда вдруг мой взгляд упал на деньги, которые Кристина оставила на столе.

Поверх стопки блокнот лежало золотое кольцо.

Я поставил бутылку обратно на стол. С силой потер виски. Казалось, что по венам с грохотом проносятся товарные поезда.

Поднявшись, я взял кольцо и положил его в карман.

Ноги кое-как донесли меня до машины. Всю дорогу до стоянки я не поднимал взгляд. Ни разу. И когда пролез за руль и завел мотор, даже уже не помнил, как шел сюда от ресторана. Меня мутило. Как будто я проглотил туго надутый воздушный шарик, который никак не могу вытащить из горла.

Поездка до Сорок шестой улицы точно так же не отложилась в памяти. Я свернул на нее, даже не представляя, как здесь оказался или сколько времени сюда ехал. Остановился возле своего офиса, вылез из машины и направился к крыльцу. Ключи дребезжали у меня в кармане. Дыхание холодными облачками пара отлетало к ногам.

Детектива Грейнджера я заметил только тогда, когда он пихнул меня в плечи.

Я, спотыкаясь, попятился, но сумел удержаться на ногах. Хлопнули дверцы машины. Несколько раз. Я огляделся. Трое мясистых мужиков — слева от меня. Еще двое справа. У одного из тех, что справа, — тяжелая полицейская дубинка. Грейнджер отступил на шаг к крыльцу, продолжая держать меня в поле зрения. Они явно поджидали меня. И хоть разглядел я их лишь мельком, но сразу опознал в них копов — даже еще до того, как увидел дубинку. По тому, как они держались. По одежде — «левайсам» и «рэнглерам». Крепким высоким ботинкам. Заправленным в джинсы рубашкам и свободным курткам, скрывающим наплечную кобуру.

Я покрутил плечами, стряхнул с плеч пальто. Не знаю, из-за чего — из-за холодного ли ветра или же из-за страха, стремительно разлившего адреналин по венам, но все тело прошибла крупная дрожь. Я чувствовал, как дрожит даже мой крепко сжатый кулак.

Позади меня со звоном лопнуло стекло. Осколки осыпали мне спину, и я понял, что один из этих парней шарахнул дубинкой по моей машине.

Голос Грейнджера звучал чуть ли не привет-

ливо. Он ждал этого почти двое суток и не сумел скрыть довольства этим в своих следующих четырех словах.

— Только не по хлебалу, — произнес он, обращаясь к своим дружкам.

Сукин сын!

Я не стал этого ждать. Это уже происходило. Бежать было некуда, но я понимал, что далеко все равно не убегу и что они не собираются убивать меня. Но вполне могут, если я сорвусь с места. Выстрелом в спину. Подозреваемый, который не остановился, когда ему выкрикнули предупреждение.

Такое случается сплошь и рядом. Добро пожаловать в Нью-Йорк.

Первый из копов кинулся ко мне справа. Здоровенный. Короткие волосы. Маленькие темные глазки. Густые усы и полное отсутствие шеи. Каждый кулачище — что твой мешок с четвертаками на сорок долларов. Он был дюйма на три повыше меня и наверняка на четыре-пять дюймов пошире в плечах. Явно самый здоровый из этой кодлы. Самый крутой.

Он уже занес правый кулак, выставив за плечо локоть, словно собираясь приложить этой толстенной ручищей подозреваемого. Глазки стали

еще меньше, когда его рожа исказилась в злобной ухмылке, натянувшей губы над оскаленными зубами. Остальные пока держались позади. Просто наблюдали.

Я заметил, как он слегка согнул ноги в коленях, явно прицелившись мне в солнечное сплетение. К единственному мощному удару, который сразу выведет меня из игры. А остальные тут же кинутся обрабатывать меня по ребрам, коленкам, голеностопам. А через полчаса будут глушить холодное пиво и ржать. Похлопывая Грейнджера по спине. Опять переживая момент, когда преподали мне урок, который я никогда не забуду.

Но только не сегодня. Вот уж хрен.

Я резко отпрянул в тот самый момент, когда здоровенный кулачище уже налетал на меня. Парень он, может, был и крупный, но при этом и медлительный. Хотя, по правде говоря, это не имело никакого значения. Мышцá есть мышцá. Не нужно обладать высокой скоростью, когда в удар вкладываются такие вот сила и вес.

К счастью для меня.

В свое время, еще в Адской Кухне, я работал с пружинной грушей по шесть дней в неделю — в наикрутейшем ирландском спортзале на районе. Что в принципе означало — в наикрутейшем

боксерском клубе во всем Нью-Йорке.

Я резко выбросил вперед правую. Ослепляюще быстро. Короткий тычок — и тут же отскочил, оказавшись вне его досягаемости. Здоровяк даже этого не увидел. Никаких движений бедром, никакого веса, вложенного в удар. Мне это и не требовалось. Я успел выбрать нужную точку, и этого оказалось вполне достаточно. Объемистый кулачище был довольно легкой целью. Я уже знал, куда он прилетит, с какой силой и насколько быстро. Свой кулак я держал вертикально. Как будто заготовив его для первого удара. Но не такой уж я дурачок. Руку слегка согнул в запястье, так что средняя костяшка и локоть оказались на одной линии. Крепкое основание кости, нацеленное под идеальным углом, чтобы поглотить удар, ничуть не повредив ее.

А вот противнику все это обещало очень серьезные повреждения. Эта самая средняя костяшка влепила ему точнехонько в пятую пястную кость — костяшку мизинца. Треск был просто-таки жуткий. Как будто этот детина, пытаясь меня достать, промазал и влепил кулаком в угол кирпичной стены. Все до одного копы услышали треск сломавшейся кости, рвущихся связок и хруст обломков, перемешавшихся в запястье

здоровяка. Словно врезали молотком по мешочку с орехами.

Тот поднес сломанную руку к лицу, прикрыв ее другой и содрогнувшись от боли. И тут я врезал ему по корпусу. А затем, чуть отступив вбок, со всей дури вмазал ему апперкотом по ребрам. Удар прошел как надо, и он скорчился на тротуаре. Я крутнулся на месте, готовый встретить следующего.

Но опоздал. Тупой стук удара по голове я услышал, еще не успев почувствовать его. Тротуар навалился на меня, и я едва успел выставить руки, чтобы смягчить падение. Перед глазами у меня заплясало золотое кольцо — обручалка Кристины выпала у меня из кармана. Я услышал тупое позвякивание, с которым оно запрыгало по плиткам. Вытянул руку, отчаянно пытаясь схватить его. Приготовился удариться лицом рядом с ним. Но на тротуар я не упал. Он расплылся перед глазами, закружился и исчез.

Шлепнулся я на камни уже в полном отрубе.

Глава 25

От хлынувшего на меня света жутко резало глаза. С таким же успехом мне могли проткнуть

башку пикой для колки льда. Свет притух, и в глазах все поплыло. Ногам холодно, мокро. Рубашка тоже хоть выжимай. Я лежал на диване. Надо мной нависала какая-то фигура. Свет фонарика опять ударил в глаза, и я закрыл их. Чьи-то пальцы опять раскрыли мне веки. Луч по очереди заглянул в оба глаза, и я ругнулся.

— Знаешь, Эдди, я уже начинаю думать, что карьера судебного адвоката — это все-таки не для тебя, — услышал я знакомый голос судьи Форда.

Гарри вырубил фонарик, чуть отступил. Я лежал на диване в собственном офисе.

— У тебя на башке шишка размером с яйцо. И, скорей всего, как минимум одно ребро сломано. Зрачки нормально реагируют на свет и одинакового размера. Тебя не тошнит. Крови в носу и в ушах тоже нет. Ты наверняка чувствуешь себя так, будто тебя лягнула лошадь, и, пожалуй, легкое сотрясение все же имеет место, но в остальном ты все в том же дерьмовом состоянии, что и вчера.

Начинал Гарри в качестве санитара во Вьетнаме, еще когда ему было шестнадцать. Прогнал всем, что ему уже двадцать один, даже поддельной ксивой обзавелся. Вскоре быстро продвинулся по службе — и завершил свою выдающуюся

военную карьеру, только чтобы начать более успешную карьеру в области правосудия. Это единственный из знакомых мне судей, способный разобрать и собрать M16 с пузырем вискаря во лбу.

— Сколько пальцев показываю? — спросил Гарри, выставив вверх три.

— Три, — ответил я.

— Какой сегодня день?

— Вторник, — сказал я.

— Кто президент Соединенных Штатов? — спросил Гарри.

— Какой-то мудак.

— Верно.

Я попытался сесть. Комната кружилась вокруг меня. Я опять положил голову на подлокотник и решил, что с этим можно обождать.

— Где ты меня нашел? — поинтересовался я.

— Сразу у входа. Когда я сворачивал сюда, меня подрезал здоровенный черный «Эскалейд». Как будто сматывался откуда-то во весь дух. Я подъехал и нашел тебя. Собирался уже позвонить в «девять-один-один», но ты был вроде в порядке. Помнишь, что говорил мне тогда на улице?

— Нет. А что я сказал?

— Ты попросил меня найти вот это.

Гарри показал мне золотое обручальное кольцо.

На сей раз я все-таки ухитрился кое-как сесть. Жутко болел бок. Гарри положил кольцо на стол и сходил за двумя кружками кофе. Я увидел стоящую на столе бутылку скотча. Все еще в коричневом бумажном пакете.

— Спасибо, Гарри.

— Не за что. Кристина уже мне звонила. Рассказала, что произошло. А теперь не поведаешь ли мне, как ты оказался на улице в таком виде? В баре подрался или еще чего? — сказал он.

— Все сложно, — ответил я.

— Я был бы разочарован, если б это было не так. Хотя давай-ка серьезно. Что тут, блин, произошло?

— На меня набросилась целая свора копов. Вчера я здорово разозлил одного детектива по фамилии Грейнджер. Он это не слишком хорошо воспринял. Должно быть, узнал со штрафстоянки, что я забрал машину, подъехал к моему офису с целой бандой копов и стал меня ждать.

— Не нравится мне то, что я слышу… Тебе нужно обязательно сообщить…

— Кому? Копам же? Сам разберусь, — отозвался я.

Гарри откупорил скотч, налил нам обоим понемногу. Каждый вдох отзывался резкой болью в и без того трещащей голове. Я сделал большой глоток скотча, поставил пустую кружку на стол. Гарри налил мне еще. Я опять махнул залпом. Он опять налил и сказал:

— Успокойся.

Я опять откинулся на диван и прикрыл глаза. Дал мозгам чутка поостыть. Я понимал, что уже на пределе. Брак мой наконец рассыпался в пыль, организм был готов последовать его примеру. Если я не обрету контроль над собственной головой, то окончательно ее потеряю. Через пару минут боль в черепе малость поутихла. А вот в боку — нет. Похоже, Грейнджер успел пнуть меня туда напоследок, когда меня огрели по башке дубинкой и я повалился на тротуар. Они хотели просто меня проучить. Не убить. Один хороший пинок в ребра, и Грейнджер отозвал свою кодлу. Мне это тоже не нравилось, но я понимал, что мне повезло.

В бумажнике у меня лежало фото Эми с Кристиной. Мне хотелось вытащить эту фотку и посмотреть на нее. А потом разнести свой офис на куски.

Но я лишь выпил еще скотча. Понимая, что

нужно опять поразмыслить над делом. Кристину теперь требовалось затолкать в самую глубину головы. По крайней мере, на данный момент. А потом, когда получится наконец продохнуть после суда, это не будет настолько свежо, как обнаженная рана. Мне требовалось время. И ей требовалось время. Тогда, в ресторане, она надолго задумалась, прежде чем положить кольцо на стопку банкнот. Может — всего лишь может, — получится отговорить ее. Может, все еще остается шанс вернуть ее. Но придется подождать, пока я не разделаюсь с этим судебным процессом. Процесс… Стараясь двигаться помедленней, я поднял голову и открыл глаза.

— Тебе нельзя здесь находиться. Окружную прокуроршу удар хватит, если она об этом прознает.

— Мириам Салливан в курсе, что я здесь. Я ей предварительно позвонил. Мы ведь с тобой не собираемся обсуждать дело, и ты до сих пор официально не представлен суду в качестве адвоката защиты. Она и сама недавно развелась; понимает, что к чему. Насчет Мириам не переживай. И она не позволит Арту Прайору этим воспользоваться. Короче, не заморачивайся. Не хочешь поговорить про Кристину? — спросил Гарри.

Я не хотел. Просто не мог.

Через какое-то время я произнес:

— Это Мириам Прайора на дело подрядила?

— Она. Знаком с ним?

— Нет. Знаю лишь его репутацию.

Конторы окружных прокуроров забиты делами от пола до потолка, и когда отвлекаешь своего первого заместителя от его обычной бумажной работы, поручив ему громкий и сложный судебный процесс, обычно это влечет за собой катастрофические результаты. Им бы со своими делами кое-как разделаться, не то что найти время на какое-нибудь громкое дело. Так что либо контора подряжает кого-то со стороны, либо выкручивается своими силами, практически смирившись с тем фактом, что даже сильные обвинители могут все просрать — только из-за того, что просто не могут уделить делу достаточно внимания. А потом, когда кто-то из таких заместителей вдруг вытаскивает счастливый билет и выигрывает громкое дело, через пару лет он вполне может подсидеть свое начальство, и сам наметившись в окружные прокуроры.

Единственный более или менее безопасный путь — привлечь какого-нибудь вольного стрелка. Арт Прайор был одним из лучших. У него имелась лицензия на осуществление адвокат-

ской деятельности почти в двадцати штатах. Участвовал он лишь в процессах по делам об убийстве. И всегда в качестве обвинителя. Если цена устраивала, Арт мог приехать куда угодно. Окружной прокурор мог спокойно оставить своих заместителей заниматься их собственными делами, разве что приставить парочку в помощь Арту. Тот выигрывает дело, надевает шляпу и уезжает в какой-нибудь другой город, где намечается столь же громкий процесс. И волки сыты, и овцы целы. Тем более что Арт и вправду был хорош в своем деле. Долго не рассусоливал — раз, два и получайте свой приговор: много лет отсидки, а то и «вышка».

У большинства обвинителей по делам об убийстве от свидетелей просто не протолкаться, тут тебе и копы, и профайлеры, и криминалисты со всякими-разными экспертами — все, что только в голову может прийти. Если кто-то из копов вдруг подъехал на место преступления к своим дружкам и подвез им пончиков, поскольку они, бедолаги, проработали там четыре часа без продыху, можете поставить свой последний доллар на то, что окружной прокурор и его вызовет в качестве свидетеля.

Арт Прайор — совсем другое дело. Был у него

процесс по делу об убийстве лет десять тому назад. Суд был рассчитан как минимум на шесть недель. Арт добился вердикта «виновен» всего за четыре дня. Вызывал лишь существенных свидетелей и никогда долго не мурыжил их на трибуне. Многие адвокаты считали это рискованной практикой, и все же у Прайора всегда выгорало.

Впервые я услышал об этом деле от одного молодого обвинителя, который сказал, что хочет попробовать и собезьянничать стиль Прайора. Называл его революционным. Я просто не смог удержаться от того, чтобы малость не притушить пыл этого малого. Понимаете, Прайору платили твердую ставку. И неважно, сколько протянется суд — шесть недель или шесть месяцев. Гонорар-то тот же самый. Так зачем же валандаться шесть месяцев, когда за те же деньги все можно проделать вдвое быстрей?

Арт Прайор не был артистом, охочим до зрительского внимания. Он был бизнесменом.

— Я в курсе, какая у Арта репутация с точки зрения добросердечных судей. Все дело в его южном выговоре. В Нью-Йорке это любят. Но не покупайся на это. Арт может сколько угодно изображать из себя эдакого мудрого деревенского дедушку, но он башку тебе откусит, если понадобится.

Доказательства по делу я обсуждать с тобой не имею права, но обязательно спроси у Руди, как он сегодня кандидатов в присяжные одного за другим вышибал. Было на что посмотреть. Этот мужик — реальный профи, — сказал Гарри.

Я еще раз приложился к стакану. Боль понемногу стихала. Гарри схватил пустой стакан, убрал подальше.

— На сегодня более чем достаточно. Не забывай про наш уговор: это я говорю тебе, когда надо остановиться.

Я кивнул. Гарри был прав. С парой стаканчиков я вполне могу управиться, но только в его присутствии. И вдруг я перестал даже думать про виски — мозг полностью переключился на Прайора.

— Он лучше меня? — спросил я.

— Наверное, скоро мы это выясним, — отозвался Гарри.

Среда
Глава 26

Кейн все никак не мог заснуть.

Предвкушение было слишком уж сильным. Наконец часам к четырем он оставил попытки забыться сном. Пару часов поупражнялся.

Пятьсот отжиманий.

Тысяча приседаний.

Двадцать минут растяжки.

Потом встал перед зеркалом. Голова и грудь были у него все в поту. Не спеша изучил свое отражение. Дополнительный вес вроде набрал. И переживать по этому поводу не было смысла. Он просто играл очередную роль, только и всего. Пощупал твердые, сильные бицепсы. С восемнадцатилетнего возраста Кейн просто не вылезал из спортзалов и «качалок». Благодаря особенности своего организма он не чувствовал боли, работая с весом. Правильно питался, ежедневно усердно тренировался. Через пару лет набрал форму, необходимую для своих целей. Сильный, хорошо сложенный, ни капли жира. Следы растяжек по всей груди поначалу его раздражали — он

наращивал мускулы быстрей, чем успевала растягиваться кожа. Они служили напоминанием о его достижениях.

Опустив взгляд на грудь, Кейн почесал самый недавний шрам. От полудюймового пореза, прямо над правой грудной мышцей. Шрам оставался красным и все так же выступал над кожей. Еще с полгодика, и он потускнеет, как и все остальные. А вот воспоминания об этом порезе все еще не тускнели. Он даже улыбнулся.

Раздернув занавески, Кейн уставился в ночь. Теплился рассвет. На улице внизу — ни души. Окна здания напротив оставались темными и молчаливыми. Наклонившись, он щелкнул задвижкой и открыл окно. Студеный воздух нахлынул на тело, словно холодная волна с Атлантики. Некоторой заторможенности от бессонной ночи вдруг как не бывало. По всему телу пробежала дрожь. Он и сам не знал — от морозного ли ветерка или же от того, что стоял сейчас, голый и свободный, перед спящим городом. Кейн позволил Нью-Йорку полюбоваться собой. Своей истинной сущностью. Без грима. Без крыльев. Просто самим собой. Джошуа Кейном.

Он давно уже мечтал наконец открыть себя миру. Показать ему свое истинное «я». Он знал, что

до него подобных людей не существовало. Он изучал психологию, психиатрию, неврологические дисфункции… Кейн не вписывался в аккуратный набор диагнозов. Он не слышал голоса. У него не было видений. Ни шизофрении, ни паранойи. Ни эпизодов насилия над ним в детстве.

Может, он психопат? Кейн не чувствовал других людей. Доброта и сопереживание были ему неведомы. По его представлениям, во всем этом не было нужды. Ему не требовалось испытывать к людям какие-то чувства, потому что он был не таким, как все остальные. Все они были ниже его. Он был особенным.

Припомнилось, как это постоянно повторяла его мать. «Ты особенный, Джош. Ты иной».

«До чего же она была права», — подумалось Кейну.

Он был единственным в своем роде.

Хотя сознавалось это далеко не всегда. Гордость этого определения пришла не сразу. Он никуда не вписывался, ни с кем не мог сойтись. Даже в школе. Если б не его талант к подражанию и перевоплощению, в школе ему пришлось бы тяжко. Лишь очередное представление в стиле Джонни

Карсона[51] позволило ему заслужить свидание на выпускном балу с симпатичной светловолосой девчонкой по имени Дженни Маски. Она была очень милая, даже несмотря на брекеты. Дженни частенько пропускала школу из-за тонзиллита. А когда возвращалась после болезни, обычно подхрипывала, отчего заслужила прозвище Хаски-Маски[52].

В вечер бала, в машине матери и во взятом напрокат смокинге Кейн подкатил к дому Дженни и стал ждать. Внутрь заходить не стал. Довольно долго сидел, не выключая мотор и борясь с желанием немедленно уехать. Физической боли он не знал, но такие вещи, как тревога, смущение, стыд и неловкость, были ему хорошо знакомы. Даже слишком. Наконец он выбрался из машины, позвонил в дверь. Ее отец, крупный мужчина с сигаретой в зубах, строго потребовал от него как следует присматривать за его драгоценной дочуркой, а потом чуть не лопнул со смеха, когда Дженни попросила Кейна изобразить Джонни Карсона. Ее папаня оказался большим поклонни-

---

[51] notes: 51

Джонни Карсон (1925–2005) — известный американский комик и телеведущий, шоу которого выходило с 1962 по 1995 г. (*Прим. пер.*)

[52] notes: 52

H u s k y — хриплый, сиплый (*англ.*). (*Прим. пер.*)

ком программы «Сегодня вечером».

До школы доехали в основном молча. Кейн не знал, что сказать, а Дженни, которая поначалу тарахтела, как пулемет, вдруг заткнулась, а потом нервно заговорила снова, прежде чем Кейн успел уложить в голове ее первые слова. Кейн любил книги. И вот в чем было дело: Дженни не любила чтение. И не читала его любимую книгу — «Великий Гэтсби».

— А что это за Гэтсби? — спросила она.

Наверное, исключительно от смущения, вызванного последовавшим за этим неловким молчанием, она спросила его, как ему удаются такие перевоплощения. Кейн ответил, что и сам не знает — он типа как изучает людей, прежде чем что-то сказать, или вдруг слышит что-то, что составляет суть того или иного человека. До нее явно не дошло, но Кейна это особо не задело. Единственное, что его волновало в тот вечер, — это что она красивая и что она *с ним*.

Кейн вошел тогда в школьный зал рука об руку с Дженни. Она была в голубом платье, а он — в плохо сидящем смокинге. Они взяли напитки, попробовали каких-то дрянных закусок и через полчаса разделились. Кейн никогда не танцевал и до бала неделями переживал, как же это он бу-

дет танцевать с Дженни в этот знаменательный вечер. Ему так и не выпала возможность сказать ей, что танцевать он не умеет, да и вообще не хочет. Он был доволен и тем, что может просто поговорить с ней.

Прошло еще с полчаса, прежде чем Кейн опять увидел ее в толпе — она целовалась с Риком Томпсоном на танцполе. Дженни была девушкой Кейна. Ему захотелось решительным шагом подойти туда и оторвать Дженни от Рика. Но он не смог. Лишь выпил приторного пунша, уселся на пластиковый стульчик и весь вечер наблюдал за Дженни. Увидел, как она уходит с Риком. Как они садятся в его машину. Он ехал за ними, держась на почтительном расстоянии, пока они не остановились на какой-то пустынной автостоянке в тени высоких деревьев. Кейн посмотрел, как они занимаются любовью на заднем сиденье машины. И вот тогда-то решил, что больше не хочет ни на что смотреть.

…Кейн закрыл окно к нью-йоркской ночи и к своему прошлому. Вернулся в спальню и открыл набор с гримом. Кое-какую одежду он уже заготовил. У человека, жизнь которого украл Кейн, гардероб оказался небогатый, но такие вещи его не особо заботили.

Все начнется всего через пару часов. Тот судебный процесс, которым он грезил чуть ли не всю свою сознательную жизнь. Особенный процесс. Внимание прессы было просто-таки невероятным. За рамками самых невероятных его мечтаний. Все, что происходило до этого, было лишь простой репетицией. Все, что привело его к этому этапу.

Он дал себе обещание ни в коем случае не проколоться.

Глава 27

Бóльшую часть вечера Гарри безуспешно пытался пристроить к моей голове пакет со льдом. Это было слишком уж болезненно.

Мы проговорили несколько часов. В основном про Кристину. Про меня. Это было последним, что мне хотелось бы на тот момент обсуждать, — но разговаривать о деле мы не имели права.

Около двух часов ночи Гарри позвонил своему клерку, который приехал на такси и отвез Гарри домой на его зеленом кабриолете, оставленном напротив моего офиса. Уже привык откуда-то забирать судью — и Гарри не забывал расплачиваться услугой за услугу. С утречка нам с Гарри

явно предстояло проснуться с дурной головой. Хотя и по разным причинам.

Пробудился я в пять, по-прежнему на диване в своем офисе. Достал свежего льда из мини-холодильника возле письменного стола, приложил его к шишке на затылке. Опухоль немного спала, и боль окончательно пробудила меня, едва только первый кубик льда коснулся черепа.

Потом я довольно долго лежал на диване, размышляя о жене и дочери. Я сам был виноват. Во всем. Это я сам просрал свою собственную жизнь. Опять подумалось, не лучше ли будет Кристине и Эми совсем без меня. Кристина заслуживала кого-то получше моей собственной персоны. Эми тоже.

Потянулся к бутылке с виски. Обычно Гарри забирает ее с собой, но в этот вечер, видать, запамятовал. Подхватив ее, я отвинтил крышечку. Но не успели первые капли виски упасть в стакан, мысленно нажал на паузу. Опять закупорил бутылку, оставив стакан пустым.

Люди полагались на меня. Бобби Соломон. Гарри. Руди Карп. А еще Харпер, в некотором роде. Даже Ариэлла Блум и Карл Тозер. Перед ними я был в долгу больше всего. Их смерти требовали отплаты, в том или ином виде. Если Соломон

виновен — он должен понести наказание. Если нет, то копы обязаны найти настоящего убийцу. Осуществить правосудие. В соответствии с должной процедурой.

Все это была полная херня. Но это была лучшая херня, которая у нас имелась.

Я медленно встал, направился в ванную и наполнил раковину холодной водой. Опустив в нее лицо, держал там, пока не защипало щеки.

Это окончательно меня разбудило.

Зазвонил мой мобильник. На дисплее высветился знакомый абонент — «Отсоси».

— Харпер, а ты почему не спишь? Нарыла что-нибудь? — произнес я вместо приветствия.

— Кто сейчас может спать? Я всю ночь на ногах. Джо пробовал подергать за кое-какие ниточки. Я читала материалы по делу об убийствах Долларового Билла.

— По всем трем?

— Угу. Там вообще-то не особо-то много чего. Федералы отказались выдать абсолютно все. Все остальное придерживает Дилейни. Так что я обратилась напрямую к первоисточнику. В отделы уголовного розыска Спрингфилда, Уилмингтона и Манчестера. Джо состряпал какую-то историю — типа как он проводит тренинги по осмотру

места преступления. Все эти дела давно закрыты. Всем насрать, пусть даже кто и посмотрит материалы по ним.

— Что-нибудь наклюнулось? — спросил я.

— Ничегошеньки. Никакой связи. Насколько я понимаю, Энни Хайтауэр, Дерек Касс и Карен Харви никогда не встречались. Там на каждую жертву — подробнейшая биография. И ничто не связывает их между собой, кроме долларовой бумажки. А в то время копы не обратили на эти банкноты особого внимания. Но все равно приобщили их к делу. Сам знаешь, как они работают. Устраивают налет на наркоторговцев и находят полный чемодан бабла — который наверняка становится малость полегче, когда регистрируется в качестве улики. Но если это место убийства какого-нибудь мелкого обывателя, никто и единой монетки не прикарманит. Так что все на месте. Комар носа не подточит.

Я тихонько вздохнул. Я-то надеялся, что все-таки обнаружится какая-то связь… Хотя не сомневался, что Дилейни подобную связь уже обнаружила. О которой предпочла нам не рассказывать. Тут она нас опережала.

— В делах Касса и Хайтауэр на банкнотах были обнаружены отпечатки пальцев, которые, как

сочли копы, принадлежали преступнику. Это и увело их в сторону. В случае с Карен Харви в квартире Роудса нашли половинку долларовой бумажки, но его отпечатков на ней не было. А имелись еще какие-то отпечатки или следы ДНК на этих банкнотах? — спросил я.

— ДНК — нет. В случае с убийством Дерека Касса на купюре имелся какой-то частичный отпечаток. На банкноте, оставленной между пальцами ног Энни Хайтауэр — просто-таки море всяких отпечатков. А на обрывке в квартире Родди Роудса, связывающем его с якобы ограблением Карен Харви, — ни одного. И ни одного совпадения по базам.

— Так что все остальные отпечатки тоже сверили, насколько я понимаю?

— Похоже, что да. Но точно сказать не могу.

— Надо в этом убедиться, — сказал я.

Я услышал, как пальцы Харпер забегали по клавиатуре.

— Сейчас перешлю тебе по «мылу» результаты лабораторных исследований. Не будет вреда, если ты и сам глянешь.

— Может, и все остальные материалы до кучи пришлешь? — спросил я.

— Они уже ждут тебя на почте.

Пока я раскочегаривал свой лэптоп, Харпер оставалась на линии. Чтобы найти в почте зазипованные файлы и скачать их, много времени не потребовалось.

— Так в чем же связь? — услышал я в трубке голос Харпер.

— Сам не знаю. Если это серийный убийца, как подозревает Дилейни, то, может, и нету никакой связи, кроме этой долларовой купюры. Как она ее там назвала? «Подпись»?

— Ну да, типа визитной карточки. И все это както связано с психологией убийцы. Непохоже, что у них в привычках намеренно оставлять за собой след из хлебных крошек. Такая «подпись» — это часть того, что они собой представляют и почему убивают.

— По-моему, есть тут и что-то еще. Просто должно быть, — сказал я. — Никто бы и не заметил эти купюры, если б на них не указывало и что-то другое. Все эти дела объединяет одно — купюра привела копов к убийце. Вот в чем дело. Может, как раз на это и обратила внимание Дилейни. Если это дело рук одного и того же человека, то, ясен пень, он не хотел быть пойманным. Настоящий убийца предпринял просто-таки экстраординарные усилия, только чтобы перевести стрелки на

других людей. Почему?

Харпер не мешкала ни секунды. Она уже знала ответ.

— Как лучше всего избежать ответственности за убийство? Сделать так, чтобы копы и не подумали тебя искать. Если убийство быстро раскрыто, то схема по базам не прослеживается. Он маскирует свои преступления — предпринимает чрезвычайные шаги, чтобы его точно не вычислили… Ладно, взгляни-ка на материалы, я собираюсь немного вздремнуть. Увидимся в суде.

С этими словами Харпер дала отбой.

Я сварил кофе и стал открывать полученные файлы. К семи утра я уже более или менее внимательно изучил все три дела. Кофе давно остыл, а мозг горел огнем. Разыскав свой бумажник, я вытащил из него долларовую бумажку, которую самолично разрисовал в кабинете у Дилейни, и как следует присмотрелся к отметинам.

За всю свою жизнь я хорошо научился обращаться с деньгами. Даже дурить людей с их помощью. Да любой мелкий жулик запросто превратит десятку в сотенную прямо на глазах у сонного бармена в ночном клубе! Видывал я, как это проделывается. Да и сам так баловался — в

своей прошлой жизни.

Я умылся, побрился, оделся, каждую секунду все продолжая размышлять про Большую печать Соединенных Штатов. Про отметины на долларе. Про стрелы. Оливковую ветвь. Звездочки. На каждой банкноте — ровно три пометки. По три отметины на убийство.

И про тот пальцевой отпечаток на сложенной в виде бабочки купюре во рту у Карла. Да как, блин, копы ухитрились нанести на нее ДНК Ричарда Пены, когда тот лежал в гробу задолго до того, как эта купюра была напечатана?

Набросив на плечи пальто, я допил остатки дрянного остывшего кофе и направился на утренний холод, прихватив с собой сумку с лэптопом. И едва только открыл дверь на улицу, как мороз вцепился мне в физиономию, словно пытаясь сорвать с нее кожу. Нет уж, пешком в такую погодку не попрусь, решил я, хотя и воспользоваться своей машиной тоже было нельзя — с такой дырищей в лобовухе, через которую на пассажирское сиденье уже намело снегу. Я позвонил одному парню, который держал автомобильную разборку в Бронксе, где не гнушались и раздевать краденые тачки. Тот с готовностью согласился мне помочь, но заломил порядочную цену.

Оставив ключи от машины на заднем колесе с водительской стороны, я поплотней закутался в пальто и направился на поиски свободного такси. И через пять минут уже направлялся в его тепле и уюте на Сентер-стрит, навстречу самому громкому судебному процессу, который только видывали в этом городе за долгие годы. В голове была полная каша. Надо было бы думать про свидетелей, вступительные речи защиты и обвинения, стратегию Арта Прайора…

Но из головы все не шла эта долларовая купюра.

Главенствовать на процессе предстояло Руди. Мне отводилась лишь маленькая роль в этом деле. Что в некотором роде радовало. Все-таки не столь напряжно.

Таксист все пытался завязать разговор про «Никс». Отвечал я ему односложно, так что вскоре он наконец заткнулся.

Долларовая бумажка…

Я к чему-то подобрался. В этих трех убийствах было что-то, что уже обнаружила Дилейни. Размышляя о купюре в деле Бобби, я явно что-то упускал из виду. Что-то копошилось в самой глубине головы, но только не сам Бобби и не бабочка.

Я мысленно повторил имена жертв, о которых узнал вчера. Дерек Касс. Энни Хайтауэр. Карен Харви. Все-таки было что-то в этой троице, что упорно дергало за ниточку, где-то глубоко внутри. Казалось, это «что-то» смотрит мне прямо в лицо, но я этого упорно не вижу.

Касс. Хайтауэр. Харви.

Касс убит в Уилмингтоне. Энни Хайтауэр — в Спригфилде. Карен Харви застрелили и ограбили в Манчестере.

Наконец мы подкатили к тротуару перед зданием суда. Я расплатился, добавив таксисту чаевые.

Едва пробило восемь утра, а здесь уже было не протолкнуться. Две разные людские толпы. В обеих размахивали плакатами на палках, орали и пели. В одной лозунги гласили «Правосудия для Ари!», плакаты в другой поддерживали Бобби Соломона. Его сторонники, похоже, находились в меньшинстве. Бог знает что могли подумать присяжные, протискиваясь между этими двумя толпами, которые с каждой секундой лишь увеличивались. Полицейские в форме уже устанавливали между ними барьеры, чтобы разделить противоборствующие партии.

Пришлось протолкаться мимо очереди на досмотр, вьющейся перед входом в здание. Всем

хотелось хоть одним глазком взглянуть на зал, отведенный для процесса. Сейчас это был главный аттракцион в городе. К тому времени, как я прошел досмотр и нажал на кнопку лифта, в голове опять всплыла эта долларовая купюра.

Звездочки…

Вытащив свою бумажку, я так и таращился на изображенную на ней печать до самого двадцать первого этажа. В левой лапе орел сжимал пучок из тринадцати стрел. В правой — оливковую ветвь с тринадцатью листочками. Звездочек на щите у него над головой тоже оказалось тринадцать.

Звездочки. Щит. Дерека Касса убили в Уилмингтоне. Энни Хайтауэр — в Спрингфилде. Карен Харви застрелили в Манчестере.

Перевернув банкноту, я посмотрел на портрет Джорджа Вашингтона, вытащил мобильник и позвонил Харпер. Ответила она буквально через секунду.

— Я кое-что нарыл. Ты где?

— Еще еду, буду минут через десять, — отозвалась она.

— Останавливайся, — сказал я.

— Что?

— Останавливайся, говорю. Мне нужно, чтобы ты развернулась и поехала пообщаться с Дилей-

ни на Федерал-Плаза. Скажи ей, что обнаружила связь. И что у тебя появилось больше информации.

— Погоди-ка, дай подъеду к тротуару, — бросила она.

Я услышал, как стихает рев движка ее «Доджа Чарджер» — Харпер останавливалась.

— Так что ты нарыл? — опять послышался ее голос в трубке.

— Отметины на купюре. Это тоже схема. Есть при себе долларовая бумажка?

Харпер, видать, включила громкую связь. На заднем плане слышались автомобильные гудки, шипение пневматических тормозов и вообще уличного движения. Лифт, вздрогнув, замер на двадцать первом этаже. Выйдя из кабины, я сразу свернул вправо, в закуток между лифтовыми шахтами. Глянул на Манхэттен внизу, похожий сквозь пыльное стекло на старинную фотографию.

— Да, уже достала. И на что смотреть? — сказала Харпер.

— На Большую печать. Там тринадцать оливковых листочков, тринадцать стрел и тринадцать звездочек над орлом. Почему именно тринадцать?

— С ходу не скажу. Никогда не обращала на это внимания.

— А ведь должна знать! Наверняка проходила это в школе. Просто сейчас не помнишь. Переверни-ка купюру. Джордж Вашингтон. Первый президент Соединенных Штатов. Который перед тем, как стать президентом, командовал в Нью-Йорке войсками, обороняющими город от британцев. Он и зачитал перед армией Декларацию независимости. А после этого ее подписали в тринадцати штатах.

— Тринадцать звездочек… — произнесла Харпер.

— Это типа карты. Касс был убит в Уилмингтоне, штат Делавэр. Хайтауэр — в Спрингфилде, штат Массачусетс. Харви — в Манчестере, это Нью-Гемпшир. Все это бывшие колонии, представители которых первыми подписали декларацию независимости. Если учитывать Ариэллу Блум и Карла Тозера, то еще и Нью-Йорк. Убийств могло быть и больше. Вдоль всего Восточного побережья. Скажи Дилейни, пусть проверит, не был ли кто еще обвинен в убийстве на основании такой банкноты. Нет ли дел, уликой в которых была долларовая бумажка. Дилейни уже наверняка вчерне проделала это по всей стране,

но теперь может сузить поиск. Надо искать по восьми оставшимся штатам, подписавшим тогда декларацию, — Пенсильвании, Нью-Джерси, Джорджии, Коннектикуту, Мэриленду, Вирджинии, Род-Айленду, Северной Каролине…

— Эдди, Ричард Пена! Тот казненный убийца, чью ДНК нашли на купюре во рту у Тозера. Его осудили за убийство нескольких женщин как раз в Северной Каролине. Тут может быть и связь, — сказала Харпер.

— Верно. Может. Нужно развить эту тему. Так сможешь пообщаться с Дилейни? Она ничего не знает про Пену.

— Уже еду, но пара вещей в эту картину пока не вписывается. Почему на каждой купюре — по три отметины? Могу понять, что звездочки — это место. А для чего еще две?

— Пока не знаю. Нужно подумать. Может, это имеет какое-то отношение к жертвам.

— И есть кое-что еще, чего мы тут не учитываем. А что, если и не было схожих убийств в других штатах? А вдруг этот хрен только начал?

— Между этими убийствами прошло уже несколько лет. Не думаю, что он так надолго залег на дно. По-моему, есть и еще жертвы, которых мы пока не обнаружили. А вдруг Ариэлла Блум и

Карл Тозер тоже стали жертвами этого типа? Ну что ж, у него явно было время попрактиковаться. Так что ставлю на то, что жертв было больше. Но я понял тебя. Этот парень может по-прежнему играть в свои игры. И в данный момент нацелился на следующую жертву.

— Вот именно. Но послушай: я не хочу тратить слишком много времени на этого Ричарда Пену. Он убил сразу нескольких человек. В отличие от остальных случаев. В общую схему это не особо укладывается, — сказала Харпер.

— Может, и не укладывается. Но в нашем деле все те же три отметины на купюре и сразу две жертвы.

Я положил долларовую бумажку на подоконник, прищурился и зачитал вслух латинскую фразу на вымпелах, трепещущих по бокам от орлиной головы.

E pluribus unum.

«Из многих — единое».

Глава 28

В помещении для присяжных воняло про-

кисшим кофе, пóтом и свежей краской. Кейн тихонько сидел за длинным столом и слушал. Едва только он появился в суде, пристав, поставленный присматривать за присяжными, велел ему пройти сюда. Кейну не пришлось ждать в коридоре на жестких пластмассовых стульчиках, как прочим запасным. Распоряжение судьи.

Прихлебывая воду из пластикового стаканчика, он пытался уловить витающие в комнате настроения. Остальные одиннадцать присяжных — четыре женщины и семеро мужчин — успели разделиться по интересам. Трое мужиков разговаривали про баскетбол. Пытались отвлечься от предстоящего суда. Хотя было хорошо заметно, что груз грядущей ответственности успел основательно навалиться на их поникшие плечи.

Остальные четверо мужчин едва обменялись парой слов, больше прислушиваясь к разговору женщин, которые обсуждали присяжную под номером двенадцать — Бренду Ковальски.

— Я видела в новостях. Это точно она. Какой кошмар! — говорила низенькая светловолосая дамочка, которую звали Энни.

Во время отбора присяжных Кейн внимательно слушал, что рассказывали о себе остальные кандидаты. Делал себе мысленные пометки. Род

занятий. Семейное положение. Дети. Религиозные воззрения. Запомнил, и как кого зовут. Женщина, сидящая рядом с Энни, прижала руку к груди, уткнувшись в нее подбородком и приоткрыв рот. Рита.

— А что случилось с Брендой? Это ведь та дама, которая была здесь вчера, точно? В красивом свитере? — спрашивала Рита.

— Она погибла. Ее сбила машина прямо перед библиотекой, в которой она работала; водитель скрылся. Это просто ужасно, — ответила Энни. Остальные женщины покачали головами, уставившись на выщербленную дубовую столешницу.

Кейну очень понравилось слушать, как на инсценировках процесса Арнольд Новоселич характеризовал одну из них — Бетси. Арнольд наверняка был доволен тем, что Руди Карп сумел протащить ее в состав присяжных. Сторона защиты просто-таки влюбилась в Бетси.

Кейн был совершенно согласен с таким мнением. Ему тоже нравилась Бетси. Длинные каштановые волосы были у нее убраны в конский хвост на затылке. Кейна так и тянуло провести рукой по этим волосам.

Последняя из четырех женщин — Кассандра

— изумленно помотала головой, услышав про Бренду. Вчера Кейн видел, как они с Брендой о чем-то переговаривались, сразу перед его уходом. Дамой она была элегантной, с правильной грамотной речью.

— Так опасно теперь стало переходить улицу… Бедная Бренда, — произнесла Кассандра.

— Я тоже видела это в новостях, — встряла Бетси. — Господи, я и не поняла, что она одна из нас! А вы знаете, в новостях говорили, будто бы машина еще и проехала по ней задним ходом после того, как сбила?

— Вообще-то нам не полагается смотреть новости. Разве не слышали, что вчера говорил судья? — напомнил Спенсер, самый молодой из присяжных.

Энни испуганно поднесла пальцы ко рту. Даже шея у нее покраснела. Бетси отмахнулась от Спенсера, как от надоедливой мухи.

— Вчера мы только познакомились, и вот теперь она мертва. Вот что тут важно, — возразила она.

— Нет, важно то, чтобы мы делали все, что велит судья. Типа как каждый день кто-нибудь гибнет под колесами. Не собирался все это обсасывать, но, типа, и что с того? Непохоже, чтоб

кто-то сильно по ней горевал, — цинично заметил Спенсер.

Кейн поднялся со своего места, достал бумажник, вытащил из него двадцатку и бросил ее на стол.

— Я вчера разговаривал с Брендой. Она показалась мне славной дамой. И неважно, хорошо мы ее знали или нет. Мы все в одной группе. Я вот никого из вас не знаю, но хотел бы думать, что если завтра я вдруг помру, кого-то здесь это не оставит равнодушным. Думаю, что надо скинуться и послать венок. Это последнее, что мы можем для нее сделать, — объявил он.

Один за другим присяжные полезли за бумажниками, приговаривая: «Вот это правильно», или «Вот бедняжка!», или «Давайте еще и карточку отправим». Все, за исключением Спенсера. Тот стоял, с независимым видом сложив руки на груди и отставив ногу. Наконец, когда кто-то из присяжных многозначительно посмотрел на него, он закатил глаза, извлек десятидолларовую банкноту и буркнул:

— Ну ладно.

Маленькая, но победа. Кейн знал, что подобные жесты жизненно важны. Такие вот небольшие маневры. Всего один-другой для начала. Больше и

не требовалось, чтобы слегка здесь утвердиться. Собрав купюры, Кейн спросил у Энни, не возражает ли она выбрать что-нибудь приличное.

Она ничуть не возражала. Широко улыбнулась Кейну, забирая у него деньги.

— Так внимательно с вашей стороны… Спасибо вам — в смысле, всем вам, — произнесла Энни с легкой хрипотцой, только и выдающей ее чувства. Сглотнув, убрала деньги в сумочку.

Присяжные явно почувствовали себя посвободней.

Опять усевшись за стол, Кейн припомнил, с каким звуком череп Бренды раскололся о капот его «Шеви Сильверадо». Единственный барабанный удар чего-то твердого и пустого внутри об упругий металл. И этот хруст долей секунды ранее. Практически неразличимый из-за слишком короткого промежутка времени. И гляди ж ты — все-таки запомнился среди прочих звуков… Вместе с отзвуками лопающихся ключиц и шейных позвонков, словно в гитарном аккорде. Для Кейна все это прозвучало едва ли не мелодично. Словно оркестр, дружно грянувший вступительный такт перед началом увертюры.

Кейн отхлебнул кофе, снял несколько пушинок со своего свитера и припомнил разочаровыва-

юще тихий подскок машины, когда он проехал задним ходом ей по голове.

«Ну и черт с ним», — подумал Кейн.

Дверь в задней части помещения для присяжных распахнулась, и вошел судья — в черной мантии поверх черного костюма.

Все моментально утихли и перевели взгляды на него. Энни так просто запаниковала — как будто ее застукали за нарушением какого-то правила, о котором она и понятия не имела. Кейн склонился к ней и мягко похлопал по руке.

Положив свои крупные руки на стол, судья подался вперед и негромко заговорил, переводя взгляд с одного из присяжных на другого и иногда на ком-то его останавливая:

— Дамы и господа, у меня довольно неприятная новость. И я подумал, что следует сообщить ее вам без посторонних глаз. Поверьте мне, я обязательно обсужу ее с советниками, работающими по этому делу. Это тоже важно. Но я все-таки хочу, чтобы вы услышали ее от меня первыми. Сегодня утром мне позвонили из ведомства комиссара полиции. У них есть все основания полагать, что все вы находитесь в реальной опасности.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Дело: «Государство против Роберта Соломона»

Уголовный суд Манхэттена

Энн Коппельманн

Возраст: 27

Воспитательница детского сада в Сент-Айвс. Не замужем. Детей нет.

Подписчица «Нью-йоркер». Играет на кларнете и фортепиано. Оба родителя скончались. Мать была домохозяйкой, отец работал в одной из муниципальных служб (бюджетник). Финансовых проблем не испытывает. «Лайки» в соцсетях:

БЛМ, Берни Сандерс, демократы и т. д. Либералка. Поклонница телепрограммы «В настоящее время с Биллом Мейером»[53].

Вероятность голосования за невиновность клиента: 64 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 29

Двери лифта разъехались по сторонам, и из-за них вывалился какой-то дикий клубок из рук, ног и туловищ.

Первым из кабины задом наперед вылетел какой-то тип в зеленой куртке — как будто им выстрелили из пушки. Он даже стукнулся спиной о двери лифта напротив, крепко приложив о них свой явно дорогущий фотоаппарат.

---

[53] notes: 53

BLM (Black Lives Matter — «Жизни черных важны») — общественное движение (с 2013), выступающее против расизма и насилия в отношении чернокожих, в особенности против полицейского насилия; Бернард Сандерс — американский независимый политик и общественный деятель левого толка, сенатор от штата Вермонт с 2007 года, рекордсмен по длительности пребывания в Конгрессе США из всех независимых депутатов; *Билл Мейер* — американский комик, политический комментатор и телеведущий, известен своей политической сатирой и острыми социально-политическими комментариями, поддерживает легализацию марихуаны и гомосексуальные союзы, разоблачает коррумпированных политиков, известен своей критикой религии.

Вслед за ним единственным плавным движением из лифта выкатилась команда облаченных во все черное охранников. В центре этого комка мощной плоти я углядел макушку головы Бобби Соломона, а рядом, чуть повыше, — голову Руди. И прямо в этот момент рядом со мной с треском распахнулись двери лестничной площадки, и из-за них выступила шеренга фоторепортеров — словно взвод солдат, идущих в атаку на врага. На этаже остановился еще один лифт, из которого тоже вывалила целая толпа журналистов и телеоператоров. По вестибюлю заполыхали яркие сполохи фотовспышек. Градом посыпались вопросы, в кружок охранников уткнулись микрофоны, выискивая в нем слабое место.

Я бросился к дверям судебного зала и быстро распахнул их. Команда охранников прибавила ходу и стала решительно проталкиваться сквозь напирающих журналистов.

Господи, ну и цирк!

Вцепившись в опекаемых ими людей, охранники устремились к дверям. Отступил я вбок как раз вовремя. Если б остался стоять на месте, меня бы попросту снесли. Здоровенный охранник в куртке-бомбере крутнулся на месте и быстро захлопнул двери перед наступающими на него

объективами.

Я огляделся. Некоторые охранники держали в руках чемоданчики вроде того, в котором Холтен носил лэптоп. Эти сразу направились в глубину зала, к столу защиты. Я увидел, как Бобби согнулся пополам в проходе между скамьями для публики, тяжело отдуваясь. Руди похлопывал его по спине — видать, пытался успокоить.

Я не спеша подошел к Руди, сказал, что надо переговорить. Он помог Бобби выпрямиться, поправил ему галстук, разгладил пиджак, потрепал по руке и попросил сесть за стол защиты. Потом мы с Руди отошли ко входу в зал, и я изложил ему версию Долларового Билла.

Поначалу он время от времени кивал, чисто из вежливости. Но чем больше я говорил, тем меньший интерес испытывал к моему рассказу. Я хорошо видел, насколько напряжен Руди — хотя бы потому, как он жевал верхнюю губу. Руки его находились в постоянном движении. Он нервничал. Дергался. Когда предстоит выступить первым номером со стороны защиты на подобном процессе, тут всякий занервничает.

— Эта ваша тетка из ФБР, Дилейни, — она готова засвидетельствовать все это на суде? — наконец спросил Руди.

— Сомневаюсь. Но можно найти какой-то другой способ. Мы сейчас как раз этим занимаемся.

Он вздернул подбородок, подмигнул мне. Кивнул и сказал:

— Хорошо. А теперь, если не возражаешь, мне нужно подготовиться к вступительному слову. И да, вот еще что…

Руди поманил меня ближе, понизил голос до шепота.

— Мы наняли тебя, чтобы ты задал перцу копам на этом слушании. И мы оба прекрасно понимаем почему, так ведь? В данный момент ты — солдат, Эдди. И если ты сумеешь уличить их во вранье, я лично вынесу тебя отсюда на собственных плечах. А если нет — ну что ж, полагаю, ты сам бросишься грудью на амбразуру, чтобы защитить нашего клиента. Если такое случится, ты исчезнешь из этого дела, как будто тебя тут и не было. Это понятно? Вообще-то я не хочу, чтобы ты тратил время и ресурсы на зацепки, которые мы вряд ли сможем использовать. Просто занимайся тем, ради чего тебя наняли. Хорошо? Звучит разумно?

— Меня это вполне устраивает, — ответил я тоном, который ясно говорил Руди, что это меня далеко не устраивает.

— Вот и замечательно. Кстати, заказанные

тобой покупки уже привезли. Мой помощник сложил их в комнате для улик дальше по коридору. Их принесут, когда они понадобятся.

С этими словами Руди отошел от меня, уселся за стол защиты рядом с Бобби и стал о чем-то с ним негромко переговариваться, по-прежнему пытаясь успокоить. Я стоял как минимум в пятидесяти футах от них, но все равно видел, как у того трясутся спина и плечи. Арнольд Новоселич тоже присел на углу стола и принялся перебирать какие-то документы.

Наконец присоединившись к ним, я и сам уже немного успокоился. Не было смысла цапаться с Руди. Только не сейчас. С этим можно было подождать. Стоило сесть, как опять сильно заболел бок. Я закинулся таблетками, запил их водой. В принципе, вполне можно было бы и постоять. Насиделся уже. Но, по крайней мере, боль от сломанного ребра немного отвлекала от боли в голове.

Под звуки уже знакомых мне воплей и окриков из коридора пристав открыл двери, и в зал вошел мужчина, в котором я опознал Арта Прайора. Его сопровождала кучка помощников с увесистыми картонными коробками в руках. Выглядел Прайор вполне ожидаемо. Безукоризненный синий

костюм в тонкую полоску — шитый на заказ, разумеется. Накрахмаленная, белоснежная, чуть ли не светящаяся рубашка с розовым галстуком. Прайор просто-таки обожал розовые галстуки — по крайней мере, как я слышал. Уголок такого же розового платочка в нагрудном кармашке. Ну и походочка вразвалочку. Не совсем уж выпендрежная, но близко.

Подойдя к столу защиты, он едва ли не по-дружески поприветствовал Руди. Зубы у него при этом выглядели так, словно были подключены к той же электрической розетке, что и рубашка.

— Ну что, готов потягаться с нами, Арт? — произнес Руди. — Кстати, это мой второй номер — Эдди Флинн.

Я встал, радуясь возможности дать отдых ребрам, и протянул руку, сопроводив этот жест наиприятнейшей из своих улыбок.

Прайор пожал ее, ничего не ответив. Затем чуть отступил и одним взмахом выхватил свой розовый платочек. Встряхнул его — словно салфетку, которую кладут на колени в мишленовском ресторане — и, продолжая улыбаться, тщательно вытер им руки.

— Ну что ж, дорогой мой… дорогой мой мистер Флинн. Вот мы наконец и познакомились.

Наслышан, наслышан о том, как вы провели последние сутки, — произнес он с южным выговором, словно прямо из экранизации «Трамвая “Желание”»[54].

Глаза его угрожающе поблескивали. Я чуть ли не кожей ощущал ненависть, исходящую от его загорелой физиономии. Мне уже приходилось иметь дело с такими типами. Гладиаторами из судебного зала. И неважно, в чем была суть рассматриваемого дела. Неважно, избили кого-то или зарезали. Такие типы рассматривали судебный процесс как спорт. И хотели любой ценой победить. Причем больше того — желали полностью растоптать противника. Просто-таки кончали от этого. Меня от таких буквально тошнило. Я сразу понял, что общий язык мы с ним не найдем.

— Что бы хорошего вы про меня ни слышали, все это, скорее всего, неправда. А то, что вы слышали про меня плохого, — это наверняка лишь верхушка айсберга, — любезно ответил я.

Прайор резко втянул воздух через нос. Словно вдыхая враждебность, так и витающую в воз-

---

[54] notes: 54

«Трамвай “Желание”» — черно-белый фильм 1951 г., снятый по одноименной пьесе Т. Уильямса, действие которой происходит на американском Юге, в Нью-Орлеане. (*Прим. пер.*)

духе.

— Искренне надеюсь, что вы выложитесь по полной, джентльмены. Это вам явно понадобится, — произнес он, после чего направился к столу обвинения, на ходу не спуская глаз с Бобби.

Но прежде чем обвинитель успел усесться, к нему подошел какой-то малый в светлых брюках, синей спортивной куртке и белой рубашке с красным галстуком. Ослабленный галстук болтался у него на шее, поскольку воротничок рубашки был расстегнут. Короткие светлые волосы, внимательные глаза и плохая кожа. Реально плохая. Из-под воротничка рубашки выглядывали воспаленные красные пятнышки, скопища черных угрей усеивали щеки и нос в окружении белой шелушащейся кожи. И все это еще больше выделялось на фоне его мертвенно-бледного лица. К карману куртки и к висящей на плече сумке у него были прицеплены бейджи с надписью «Пресса».

— Что это за репортер общается там с Прайором? — спросил я.

Мельком глянув в ту сторону, Руди ответил:

— Пол Бенеттио. Пишет колонку про всяких знаменитостей в «Нью-Йорк стар». Та еще штучка. Нанимает частных детективов, чтобы

разнюхивать всякие пикантные подробности. Он свидетель по этому делу. Читал его показания?

— Читал — просто не знал, как он выглядит. По сути он особо ничего и не сказал. В основном его собственные умозаключения на тему, что Бобби с Ариэллой не слишком-то ладили.

— Вот именно, и свои источники он так и не назвал. Глянь-ка сюда, — сказал Руди.

Открыв на своем лэптопе показания Бенеттио, он ткнул пальцем в последний абзац.

«Сохранять источники информации в тайне — профессиональное право журналиста, закрепленное на законодательном уровне. Я не могу их назвать, а также раскрыть иную имеющуюся у меня на данный момент информацию».

— И никак его не прижать? — спросил я.

— Нет. Да ладно, этот малый — обычный писака. Нет смысла тратить ресурсы на шелупонь вроде него, — ответил Руди.

Я заметил, что Прайор и Бенеттио не стали обмениваться рукопожатием. Сразу вступили в разговор — ни улыбок, ни каких-либо других приветствий, просто с ходу перешли к делу. Мне не было слышно, о чем они беседуют. Хотя было ясно, что оба хорошо знают друг друга и что речь идет о чем-то, что уже совсем недавно

обсуждалось. В какой-то момент оба примолкли и глянули в мою сторону.

Только вот смотрели они мимо меня — прямо на нашего клиента. Проследив направление из взглядов, я сразу понял, что именно привлекло их внимание.

Бобби был на грани срыва. Запрокинув голову назад, он дробно барабанил пальцами по столу. Ноги его так и плясали под столом. Стул его уже заваливался назад. Я потянулся было, чтобы перехватить его, но из-за резкой боли в боку не успел. Стул окончательно опрокинулся, и передо мной промелькнули закатившиеся глаза Бобби, прежде чем тот стукнулся затылком об пол.

Он резко согнулся в поясе, подтянув ноги к животу, в уголках рта выступила пена. Руки и ноги забились и затряслись. Арнольд первым подскочил к нему. Попытался повернуть его на бок, произнося какие-то успокаивающие слова — обращаясь к нему по имени.

— Врача!

Не знаю, кто это выкрикнул. Может, и Руди. Вокруг нас быстро собралась целая толпа. Я встал рядом с Бобби на колени, едва не задохнувшись от боли в груди. Приподнял ему голову, вытащил свой бумажник и втиснул его ему между зубов,

чтобы он не подавился собственным языком.

— Да давайте же сюда этого чертова врача!

На сей раз я понял, что это кричит Руди. Люди столпились вокруг нас. По плиточному полу заметались яркие отражения целого множества фотовспышек. Долбаные папарацци! Бенеттио тоже был здесь, явно не без удовольствия наблюдая за происходящим. Какая-то женщина в белой блузке с красными погончиками на плечах протолкалась сквозь толпу, решительно отпихнув его в сторону. В руке у нее был чемоданчик с красным крестом.

— Он эпилептик? — выкрикнула она, падая на колени рядом с Бобби.

Я поднял взгляд, увидел Руди. Тот застыл.

— Он эпилептик? Принимает какие-то лекарства? Есть у него на что-то аллергия? Ну давайте же, мне нужно знать!

Руди все медлил.

— Да скажите же ей! — выкрикнул Арнольд.

— Да, он эпилептик. Принимает клоназепам, — наконец ответил Руди.

— Все назад! Дайте нам пространство, — приказал я остальным.

Толпа немного поредела, и я увидел на другом конце зала Прайора, который прислонился к

барьеру трибуны для присяжных, сложив руки на груди.

Этот гондон все еще улыбался. Обернулся проверить, нет ли кого у него за спиной, и принялся набирать какое-то сообщение на своем мобильнике.

Глава 30

Кейн давно уже понял, чего теперь ждать.

Остальным членам жюри судья растолковал это по буквам. Большинство из них все так и не могли уложить сказанное в голове.

— Комиссар полиции поставил меня в известность, что не может исключить вероятности того, что Бренда Ковальски была сбита машиной намеренно, поскольку была выбрана в состав данной коллегии присяжных. Вообще-то имеются прямые указания на то, что это было не банальное ДТП. Как вы уже наверняка знаете из новостей, автомобиль вначале сбил Бренду, а затем сдал назад и проехал ей по голове. Таким образом, мы вынуждены предпринять определенные шаги, чтобы обеспечить вашу безопасность, — объявил судья.

Спенсер заговорил первым.

— Я так и знал… Я… Гос-споди… В смысле, какие шаги, чувак? То есть сэр?

Кейн заметил, что судья Форд не стал как-то реагировать на подобные вольности. Чего-то подобного тот явно ожидал и был настроен сочувственно.

— Когда наступит обеденный перерыв, всем вам разрешается съездить домой и собрать необходимые вещи. Каждого из вас будет сопровождать вооруженный пристав. А по окончании сегодняшних слушаний вас отвезут в отель, где вы будете оставаться под вооруженной охраной на протяжении всего судебного процесса, — ответил судья.

Стоны. Протесты. Шок. Слезы.

Кейн позволил всему этому развернуться перед ним.

Судья держался твердо.

— На подобных слушаниях, привлекающих повышенное внимание средств массовой информации, секвестирование, а иными словами, изоляция присяжных — вполне обычная практика. Подобное решение далось мне нелегко, уж поверьте. Однако я все-таки считаю, что подобную меру предосторожности обязательно следует предпринять. И я говорю вам все это именно

сейчас — на случай если вам потребуется позвонить друзьям или родственникам. Кому-то из вас наверняка придется организовать присмотр за детьми и так далее. Даю вам на это тридцать минут до начала суда.

На судью тут же обрушилась лавина протестующих криков и вопросов — в основном со стороны мужской части жюри, пока он пятился к выходу. Один из вопросов Кейн расслышал достаточно отчетливо. Поступил он от мужчины в бледно-голубой рубашке с галстуком, Мануэля.

— Сэр! Сэр! А где нас поселят? — выкрикнул тот.

Кейн подался вперед на своем стуле, постаравшись максимально абстрагироваться от остальных выкриков.

— Вскоре суд все это организует, — отозвался судья прямо перед тем, как скрыться за дверью.

Кивнув, Кейн почувствовал, как где-то внутри него прокатилась волна приятного возбуждения. Вообще-то на нечто подобное он и рассчитывал. Суд мог сколько угодно все организовывать, но он и без того прекрасно знал, куда именно направятся присяжные в пять часов вечера.

Кейн уже сам все организовал.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Дело: «Государство против Роберта Соломона»

Уголовный суд Манхэттена

Спенсер Кольбер

Возраст: 21

Бариста в «Старбакс» на Юнион-сквер. По выходным – диджей в различных манхэттенских клубах. Холост. Гей. Образование среднее. Демократ. Альтернативное времяпрепровождение – регулярное употребление марихуаны (без приводов и судимостей). Финансовая ситуация нестабильная, регулярно сидит на мели.

Отец умер. Мать слаба здоровьем и проживает в Нью-Джерси. За ней ухаживает сестра Спенсера, Пенни.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 88 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 31

Мы с Руди наблюдали, как Бобби понемногу приходит в себя в медпункте. Поначалу он мало что соображал. Не понимал, где он и что вообще случилось. Врачиха дала ему водички. Велела опять прилечь. Руди стоял в углу, рявкая в свой мобильник:

— Он еще не в порядке. Пока что нет. Дайте мне еще немного времени!

Мне было слышно лишь одну сторону этого обмена репликами. Ладно, неважно. И так было ясно, что все пошло наперекосяк.

— А что, если журналисты увидят? Он все еще кинозвезда. Дайте мне две недели, и я обеспечу…

Тот, с кем он общался, похоже, бросил трубку. Руди замахнулся, явно готовый швырнуть свой мобильник в стенку. Выругался, неохотно опу-

стил руку с телефоном.

Медпункт представлял собой довольно тесную комнатку с единственной клеенчатой кушеткой, парой шкафчиков со всякими обезболивающими таблетками и бинтами и дефибриллятором в футляре, висящем на стене. Руди мягко попросил врачиху ненадолго оставить нас наедине. Прежде чем выйти, она потребовала от нас не трогать Бобби как минимум пятнадцать минут, чтобы дать ему окончательно прийти в себя.

— В зале я видел двоих репортеров. До начала процесса никого из прессы там быть не должно, но эти тем не менее как-то туда просочились. И все видели. Да еще и засняли. Вечером все это будет на первых полосах, — сказал Руди.

— Да плевать мне уже на это… Я по-прежнему способен сыграть любую роль, — отозвался Бобби.

— Погодите-ка, что-то я не догоняю… При чем тут вообще тот факт, что Бобби — эпилептик? — вмешался я.

Руди вздохнул, уставился в пол и произнес:

— До сегодняшнего дня никто не знал, что у Бобби эпилепсия. Понятно? Ты не можешь сниматься в фильме с бюджетом в триста миллионов долларов, если тебя вдруг прихватит и ты сва-

лишься в корчах прямо на съемочной площадке. Один только Бобби застрахован на пятьдесят миллионов. Студия раскручивала его, как нового Брюса Уиллиса. Теперь всему этому конец.

— По-моему, у нас сейчас есть более серьезные поводы для беспокойства, чем его карьера в кино, — заметил я. — Вроде перспективы угодить за решетку за убийство, согласны?

— Знаю, но тут мы ничего не можем поделать. Бобби, мне очень жаль, но студия выпускает фильм в прокат уже в эту пятницу, и они отстраняют фирму от этого дела, — сказал Руди.

Бобби потерял дар речи. Закрыл глаза, откинул голову на подушку. Словно тот, кто вот-вот свалится с высокого обрыва.

— Они не имеют права так поступать, — заметил я.

— Я пытался, Эдди. Все эти рекламные щиты поставили как раз из-за предстоящего суда. Можно было не заморачиваться с длинной пиар-кампанией и вообще особо тратиться на рекламу. Студия и так получает всю бесплатную рекламу, какую только может пожелать, причем по всему миру. Если эпилепсия Бобби станет достоянием общественности, его договором со студией можно будет разве что жопу подтереть. Он это знает.

Он его сам подписывал. Я пытался убедить их подождать, дать нам закончить суд и добиться оправдательного приговора. Но они больше не видят в этом смысла, и им надоело рисковать. Они выпустят картину в свет, пока Бобби все еще формально невиновен.

— Ну не можем же мы просто бросить его! — возмутился я.

— Дело сделано. Это у меня как кость в горле, но клиент в данном случае — студия. Я поговорю с судьей, Бобби. Вам предоставят отсрочку в рассмотрении дела.

Бобби все слышал. Кинозвезда он там или нет, но в тот момент он казался мне испуганным ребенком — обхватил голову руками, сотрясаясь всем телом от слез.

Выходя за дверь медпункта, Руди бросил мне через плечо:

— Давай-ка, Эдди, немного пройдемся.

Я не тронулся с места.

Он остановился, вернулся и выложил все начистоту:

— Эдди, студии больше не нужен этот судебный процесс. Напомню, что именно она — клиент фирмы. Идем сейчас со мной, и можешь приступить к работе у меня хоть завтра. Достойная

зарплата, работа — не бей лежачего… Давай, ты это заслужил. У нас нет выбора.

— Выходит, все, что вы мне вкручивали насчет веры в Бобби, — это была просто игра, чтобы заманить меня в свои ряды? Так, что ли? Вы собираетесь бросить этого парня в первый же день процесса по делу об убийстве?

— Судебный процесс еще не начался. Я поговорю с судьей, и он отложит слушания до тех пор, пока Бобби не найдет себе нового адвоката. Послушай, Эдди, я ведь все-таки не последняя сволочь. Я не бросаю Бобби. Просто не хочу потерять семнадцать миллионов долларов, которые мне платят за оказание юридических услуг, ежегодно. Я следую указаниям своего клиента, и ты тоже. Ну давай уже, пошли, — сказал он.

Я понимал, что если сейчас откажусь, мне никогда уже не выпадет другой такой возможности. Предложение работы в фирме было единственным шансом вернуть Кристину, который у меня еще оставался. Солидная должность. Спокойная жизнь. Никакого стресса. Никакого риска. Никакой опасности для семьи. Я знал, что если поступлю на работу в «Адвокатское бюро Карпа», то у меня по-прежнему останется надежда вернуть свою жену. Без этого она никогда не поверит,

что я вообще получал подобное предложение. Я был бы для нее Эдди Флинном, лжецом. Опять.

Я выдохнул. Спокойно, не спеша. Кивнул сам себе.

После чего вышел в коридор и последовал за Руди к лифтам. Он поправил галстук, нажал кнопку вызова. Увидев, что я приближаюсь, произнес:

— Вот и умница.

Я стоял молча, опустив голову. Когда двери лифта открылись и Руди вошел в кабину, я даже не пошевелился.

Двери начали уже закрываться, и Руди быстро вытянул руку, чтобы остановить их.

— Ну давай же, Эдди. Пора идти. Дело закрыто, — поторопил он.

— Нет, — ответил я. — Дело только начинается. Спасибо за предложение работы.

И лишь уже свернув за угол и направляясь обратно в медпункт, услышал, как двери лифта захлопнулись у меня за спиной. Врачиха успела вернуться и теперь пыталась утешить Бобби. Он увидел, что я стою в дверях. Лицо его было мокрым от слез. Рубашка потемнела от пота, и тетка в белом халате все пыталась уложить его, но он сопротивлялся.

— Можно войти? — спросил я.

Бобби кивнул. Врачиха отступила назад. Натянув рукава рубашки на ладони, он вытер лицо и шмыгнул носом. Вид у него был бледный. Я видел, что он весь дрожит. Голос у него звучал, как треск сухих веток в бурю.

— Плевать мне на студию. Я просто хочу поскорей со всем этим покончить. Я не убивал Ари и Карла. Мне нужно, чтобы люди этому поверили.

Нет таких обвиняемых, которые реагировали бы на предстоящий уголовный процесс совершенно одинаково. Некоторые в первый же день суда буквально разваливаются на части. Другим так или иначе на все насрать — им уже приходилось побывать за решеткой, и перспектива опять получить серьезный срок их особо не колышет. Третьи проходят сразу несколько противоположных стадий. Поначалу они излишне самоуверенны. Полны энтузиазма. И чем ближе суд, тем оптимистичней их настрой. Но в то же время понемногу нарастает тревога, так что вскоре вся эта уверенность уже изъедена парализующим страхом. И когда в первый день судебного процесса громоздкая машина правосудия наконец начинает проворачивать свои шестеренки, такие люди — уже полные развалины.

Бобби относился к этой последней категории.

По полной программе. Первый день судебного разбирательства по делу об убийстве — это «тони или плыви». Бобби явно тонул.

— Похоже, вам опять нужен адвокат, — заметил я.

На секунду его веки слегка опустились. Скованные напряжением плечи немного расслабились. Но это облегчение длилось недолго.

— Я не смогу заплатить столько же, сколько студия, — проговорил Бобби, и я увидел, как его плечи опять напряглись. На лицо вернулась паника.

— Успокойтесь. Руди уже достаточно мне заплатил. Я все еще в его платежной ведомости. Но теперь вы мой клиент. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы вас вытащить. Если вы, конечно, не против, — сказал я.

Он протянул мне руку. Я пожал ее.

— Спасибо…

— Благодарить пока что рано. Мы все еще в полном дерьме, Бобби.

Запрокинув голову, тот испустил нервный смешок, который тут же резко оборвался, когда реальность происходящего вновь всем весом обрушилась на него.

— Знаю — но, по крайней мере, теперь я в нем

не один, — сказал он.

Глава 32

Присяжным приходится привыкать к долгим ожиданиям. Большинству из них это не очень-то удается. Они не могут усидеть на месте, начинают злиться и раздражаться, когда считают, что лишь зря тратят время. У Кейна же в этом имелся большой опыт. Он был терпеливым человеком. В помещении для присяжных защелкали старые батареи, загудели трубы. На улице подморозило, и отопительная система с трудом справлялась с подступающим холодом.

Кейн все так же неподвижно сидел за столом. Остальные присяжные либо постоянно ерзали, либо согревались кофейком, болтая обо всякой ерунде. Женщины все еще обсуждали Бренду. Мужчины предпочли спортивные темы. За исключением Спенсера, которого спорт ничуть не интересовал. Тот просто таращился в окно, за которым опять посыпал легкий снежок.

Потом он вытащил бумажник, пересчитал тощую пачку банкнот и повернулся к Кейну.

— Сорок баксов в день! Я не собираюсь отправить парня за решетку до конца его жизни за

сорок сраных баксов в день!

После чего цыкнул зубом.

Кейн уже видел его фото на пробковой доске в фирме во время отбора. Некоторые присяжные отождествляют себя с правоохранителями — лицами, облеченными властью, карающей дланью. Другие видят себя в роли судей. Спенсер явно подпадал под последнюю категорию. Было нетрудно понять, почему защите так хотелось видеть его в жюри.

— Как по-вашему, когда нам заплатят? — спросил Спенсер.

Кейн покачал головой, ничего не ответив.

Деньги. Они всегда порождают в людях самое худшее, подумалось ему. Припомнился тот летний день, давным-давно… Наверное, где-то с неделю после того, как ему стукнуло десять. Его мать стояла у кухонной раковины, и солнце играло у нее в волосах. Мыла посуду, слушала музыку. Платье на ней было такое старое, что стало почти прозрачным. Она уже успела опрокинуть пару стаканчиков, как и всегда в это время. Когда мать отступила от раковины и крутнулась на месте, солнце насквозь просветило ее платье. Волосы разметались по сторонам, а с мокрой губки в руке слетели хлопья мыльной пены, и один белый

комок шлепнулся прямо на нос Кейну. Старые половицы сельского дома стонали и скрипели в такт заводной музыке.

Кейн помнил, что засмеялся. Подумалось, что тогда он в последний раз был по-настоящему счастлив.

Тот мужчина появился в тот же день, чуть позже. Кейн сидел на качелях под тем старым деревом, с которого свалился пару лет назад. Солнце уже низко повисло над горизонтом. Сук над ним размеренно поскрипывал, когда он покачивал ногами взад и вперед. И тут Кейн услышал звон бьющегося стекла. Вскрик. Поначалу показалось, что это просто ветер или какой-то странный звук, издаваемый веревками, на которых висели качели, но вскоре он осознал, что это не то и не другое. Бросился к дому, зовя маму.

Нашел он ее на полу кухни. С разбитым в кровь лицом. А прямо над ней — что-то огромное, черное.

Это был мужчина с темно-каштановыми волосами. В грязных джинсах, в измазанной чем-то рубахе. Пахло от него в точности как от пастора в субботу вечером. Кейн учуял такой же странный, густой сладковатый запах. Мама называла это бурбон. Мужчина повернул голову и нацелил

свои красноватые глазки на Кейна.

— Выходит, это и есть тот малец, — пробурчал он.

— Нет, нет, нет, я же говорила тебе, что не хочу, чтоб ты больше здесь появлялся!..

Мужчина прихлопнул ей рот рукой.

— Иди-ка пока на двор, с тобой я после разберусь, — сказал он Кейну. А потом опять повернулся к матери. — Да нисколько он на меня не похож! Отлично. Значит, наш прежний уговор в силе. Давненько же это было…

Мать вскрикнула, и Кейн рванулся вперед, вдруг неожиданно для себя оказавшись на другом конце кухни. Мужчина обернулся, ухватил его за рубашку, резко подтянул к себе и отвесил ему такую оглушительную оплеуху, что матери показалось, что Кейн никогда уже больше не встанет. Кейн ударился затылком о дальнюю стену и сполз по ней на пол.

Она вскрикнула даже еще громче.

По щеке Кейна расплылось тепло. Он поднялся с пола, поднес руки к лицу и впервые в жизни увидел собственную кровь. Оплеуха сильно рассекла ему лицо. Большинство мальчишек на его месте потеряли бы сознание, или кричали от боли, или забились от страха в угол, но Кейн

всего лишь разозлился. Этот человек ударил его! Он ударил его мать!

Кейн быстро метнулся к раковине, заметив черную рукоятку большого маминого ножа, торчащую из нее. Мама постоянно повторяла ему, что не разрешает ему даже просто прикасаться к этому ножу. Ухватив его, Кейн понадеялся, что мама простит его за то, что он все-таки прикоснулся к нему.

Мужчина успел лишь изумленно поднять взгляд. Он едва не оторвал этому мальцу башку — и вот этот малец стоит прямо перед ним. Изумленное выражение так и застыло у него на лице. И тут левая щека у него отвисла. Левый глаз тоже. Правый вдруг резко побелел. Как будто щелкнули выключателем. Но Кейн понял, что просто провернулось глазное яблоко, очень быстро.

Выбравшись из-под навалившегося на нее мужчины, мать обняла Кейна, подхватила на руки, стала укачивать и что-то напевать. И все это время он не сводил взгляд с кончика большого ножа, торчащего из затылка мужчины.

Потом Кейн подтащил к крыльцу ржавую садовую тачку, и мать кое-как покатила тело на поле за домом. Он понял, что она задумала, и изо всех сил попытался помешать ей, но вскоре понял, что

это бесполезно. Мать направлялась к огромной мусорной куче, густо поросшей мхом. Прямо за той была впадина, и если зарыть в ней человека, то никто ничего и не заметит, пока не встанет прямо на могилу.

На самой вершине кучи тачка выскользнула у матери из рук, и тело вывалилось из нее, упав на самое дно впадины. Земля там была темной, рыхлой и легко поддавалась под лопатой, которую Кейн принес на плече.

Очень скоро мать Кейна наткнулась на первый набор костей. Маленьких. И чем глубже копала, тем больше находила. Кости каких-то животных. Закопанные в рыхлой сырой земле. Кейну она ничего не сказала, и они вместе зарыли тело.

А когда закончили, мать Кейна, вся в земле и в крови, опустилась рядом с ним на колени. Взяла его за мягкие, перемазанные в крови щеки и произнесла: «Я никому ничего не скажу про этих животных. Я знала, что это ты, с самого начала знала. Мы сохраним все это в секрете. Все это останется только между нами. Я тебе это обещаю. А ты обещаешь?»

Кейн кивнул, и никто из них и словом не обмолвился об этом еще несколько лет. А в пятнадцать лет он узнал правду. Мать призналась Кейну, что

это был ее кузен. Когда умер дед Кейна, оставив ей старый фермерский дом, этот кузен предложил ей помочь деньгами. Он работал разнорабочим по всему их округу, и у него всегда водились наличные для не особо разборчивых женщин. Мать Кейна оказалась в отчаянном положении. У нее не было даже еды — лишь не оплаченные счета и земля, которую она не могла обрабатывать. Эти деньги помогли ей встать на ноги. И она сказала Кейну, что ненавидит каждую минуту, проведенную с этим мужчиной. И что отец Кейна на самом деле не был морским пехотинцем, погибшим в каких-то далеких краях. Им был тот, кого они вместе похоронили.

Она сказала Кейну, что очень об этом сожалеет. Просто ей очень нужны были деньги.

Кейн сказал ей, что все понял. И так оно и было на самом деле.

А вот о другом предпочел умолчать. О чем, как он понимал, вообще никому нельзя рассказывать. Что когда он всадил этот большой нож в лицо мужчине, то испытал удовольствие.

Очень сильное удовольствие.

С годами это чувство было все трудней воспроизвести.

…Кейн моргнул, прогоняя это воспоминание,

и опять посмотрел на Спенсера. Он понимал, что придется что-то предпринять в отношении присяжных вроде него. Некоторых людей просто невозможно переубедить. Что бы ни происходило в зале суда, что бы ни доказывал он в совещательной комнате, Спенсер обязательно проголосует по-своему. В пользу обвиняемого. Равно как и этот музыкант, Мануэль. Еще один любимчик защиты…

Слишком уж многое было поставлено на карту. Кейн не мог рисковать тем, что в совещательной комнате все это может вдруг развалиться. Надо было разобраться с этой проблемой, пока все не зашло слишком уж далеко.

А как поступить со Спенсером и Мануэлем, он уже знал.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ
Дело: «Государство против Роберта Соломона»
Уголовный суд Манхэттена

Элизабет (Бетси) Мюллер
Возраст: 35
Домохозяйка. Пятеро детей в возрасте до десяти лет, замужем за инженером-строителем. Инструктор по карате по выходным. Республиканка. Давние штрафы за неправильную парковку (не являются противопоказанием для включения в состав коллегии присяжных). С финансами туго. Реставрирует старую мебель и продает ее на «Ибэе». Интересы в соцсетях – «Фейсбук» и «Инстаграм»[55] *– в основном связаны с боевыми единоборствами и боями без правил.*

---

[55] notes: 55
Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей *Instagram* и *Facebook*, принадлежащих компании *Meta Platforms Inc*., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России. (*Прим. изд*.)

Вероятность голосования за невиновность клиента: 45 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 33

Оставив Бобби в медпункте, я направился обратно в зал судебных заседаний. Секретарь суда передала мне через врачиху по телефону, что Гарри хочет срочно видеть меня и обвинителя в своих судейских палатах.

Войдя в зал, я обнаружил на столе защиты единственный лэптоп — свой собственный. С уже выведенным на экран архивным файлом, который оставалось только распаковать. Ну что ж, у меня по-прежнему имелись материалы по делу.

— Не против, если я присяду? — послышался знакомый голос.

Опустившись на стул, Арнольд Новоселич шлепнул рядом с моим компьютером толстенную картонную папку.

— Я-то думал, что ты смылся вместе с Карпом, — заметил я.

Отъехав назад на стуле, Арнольд посмотрел мне прямо в глаза и ответил:

— Мне заплатили вперед. Уйти-то я могу в любой момент, но о квалификации консультанта по присяжным обычно судят по его последнему делу. Сам же знаешь. И это дело мне нужно довести до конца. Может, чем и смогу помочь, не знаю… Я никогда раньше так дела не бросал. А с этим меня так и подмывает продолжить.

— А меня так и подмывает уволить тебя, но не похоже, чтобы от желающих вступить в команду защиты просто не было отбоя. Вдобавок ты первым бросился на помощь Бобби, когда его тут прихватило, — сказал я.

— И у меня бывают маленькие слабости, — отозвался Арнольд, открывая свою папку и вручая мне какой-то документ. — Это наш окончательный список присяжных. На каждого — подробная биография. Я тут уже подправил его после недавних известий.

— Каких еще известий? — не понял я.

— Ну, мне пришлось вписать сюда одного из запасных. Понимаешь, одного человека из первоначального списка вчера вечером сбила машина. Бренду Ковальски. Насмерть. У копов это явно вызвало какие-то подозрения. Я видел, как утром сюда приходил их лейтенант, чтобы пообщаться с судьей.

— Вот блин…

— И не говори, — согласился Арнольд. — Секретарь уже вовсю тебя ищет. Прайор тоже здесь, ждет. Постарайся убедить судью не изолировать присяжных.

— Хочешь объяснить, как мне делать мою работу?

— Нет, но я тебе не доверяю. И ты меня недолюбливаешь. Давай уж по-честному, и из этого и будем исходить, — сказал он.

Я кивнул и позволил Арнольду разложить на столе свои бумаги и папки. Мы и вправду с ним не особо-то ладили. Консультанты по присяжным — необходимое зло, особенно на громких процессах. Услуги их обходятся в целое состояние, хотя все равно неясно, насколько они могут повлиять на результат.

Однако насчет одного Арнольд был прав. Изоляция присяжных — это худшее, что может произойти на суде, и ни одна из сторон этого не приветствует. Вы можете потратить недели, даже месяцы, чтобы отобрать идеальных с вашей точки зрения присяжных. Защита обычно предпочитает людей творческих, с хорошо развитым воображением. Обвинение же склоняется к «рабочим пчелкам». Тем людям, что зарабатывают

себе на жизнь, делая то, что велят им другие, и на это не жалуются. И каждая сторона стремится заполнить трибуну для присяжных людьми своего типа.

Защита хочет мыслителей.

Обвинение — солдат.

Но что на самом деле требуется каждой из сторон, так это чтобы каждый из присяжных принимал решение исключительно на основе того, что услышал от адвокатов и свидетелей. В идеале жюри должно представлять собой набор свободных умов, разнообразных и наиболее полно представляющих тот или иной регион.

Но стоит запереть присяжных в каком-то одном месте, отрезать их от внешнего мира, как все это разнообразие идет коту под хвост. Они проводят так много времени вместе, причем в обстановке, далекой от их нормальной жизни, что становятся единым целым. Сбиваются в стаю. По принципу «мы против них». А «они» в данном случае — это система правосудия, которая запрещает им смотреть телевизор, или читать газеты, или съездить домой до окончания суда. Из отдельных личностей жюри превращается в коллективный разум.

А это не устраивает ни защиту, ни обвинение, поскольку никто не знает, куда этих секвести-

рованных присяжных в итоге занесет. Хотя куда бы их ни занесло, с большой долей вероятности это произойдет довольно быстро. Обычно они настолько уже устали и сыты по горло процессом и изоляцией от внешнего мира, что стоит только закончиться их мучениям, как присяжные моментально выносят единогласный вердикт. Виновен или невиновен — неважно, лишь бы побыстрей собрать манатки и разъехаться по домам.

Секретарь суда дала мне знак от двери в глубине зала. Пройдя мимо загородки для свидетелей и кресла судьи, я проследовал за ней по холодному коридору к судейским палатам. Напротив кабинета Гарри уже стоял Прайор, прислонившись спиной к стене. Разок стукнув в дверь, секретарь впустила нас обоих внутрь.

Прайор заговорил, лишь когда дверь за нами закрылась.

— Ну и как там ваш клиент? — спросил он.

— Все с ним будет нормально, — заверил я.

— Входите, садитесь, — произнес Гарри, прежде чем Прайор успел еще что-то сказать.

Судейские палаты обычно отражают личность их обладателя, но при этом это еще и официальное место для всяких кулуарных разбирательств,

что накладывает на них определенные ограничения. За исключением пары фотографий Гарри в военной форме по Вьетнаме и еще одной, в рамке и с автографом, на которой он запечатлен в обнимку с Миком Джаггером, никаких прочих личных штучек тут не наблюдалось.

Секретарь присела за небольшой письменный стол в углу. Мы с Прайором устроились в кожаных креслах перед столом Гарри. Дождались, пока судья разольет всем кофе, включая секретаря. Потом он опять уселся за стол, сдвинув бумаги по сторонам и расчистив на нем место для локтей. Подался вперед, держа чашку обеими руками.

— Карп бежал с корабля — это наша первая проблема. Эдди, насколько я понимаю, вам требуется отсрочка, — сказал он.

— Может, и нет, — отозвался я. — Я уже подготовился к допросу большинства свидетелей из полиции и кое-каких экспертов. С такими свидетелями у меня вообще никогда не бывает проблем. Если только мистер Прайор не преподнесет мне никаких сюрпризов, то все пройдет гладко. Если у нас выйдет разделаться с полицейскими и экспертами к пятнице, то на выходных у меня будет время подготовиться к допросу свидетелей из гражданских.

— Кстати о свидетелях: я изучил оба ваших списка. Арт, в вашем тридцать пять свидетелей. У Эдди двадцать семь. Насколько я понимаю, вы просто морочите друг другу голову. Я уже прочитал пакет судебных документов и могу сказать, что вы, Арт, вполне можете обойтись пятью, максимум шестью свидетелями, чтобы обосновать свою позицию. А что касается половины людей в вашем списке, Эдди, то я просто не представляю, откуда они вообще взялись. Понимаю, что этот список составлял Руди, но все-таки, если серьезно: кто такой, черт возьми, этот Гэри Чизмен?

Списки свидетелей — это вообще-то по большей части игра. Вы включаете в свой список всех, кто только может прийти в голову, — просто на случай, если эти люди вдруг вам когда-то понадобятся. И добавляете в него еще и просто каких-то практически случайных людей, чтобы запутать противника и заставить его убить время на бесплодные попытки выяснить, каким боком они во все это вписаны.

— Послушайте, мне сейчас не хотелось бы опять просматривать свой список и обсуждать достоинства каждого из свидетелей. Если Арт готов сократить свой список — просто замечательно. Тогда я тоже так поступлю. Я понимаю,

что вы имеете в виду: мы и вправду пускаем друг другу пыль в глаза этими списками. Если их как следует почистить от всякой шелухи, то с этим разбирательством можно будет управиться за полторы недели.

— Нет. Давайте сократим списки и будем ориентироваться на то, чтобы закончить этот процесс к пятнице, — сказал Гарри.

— К пятнице? Серьезная заявка, — отозвался Прайор.

На этом месте мы ненадолго прервались. Спокойно допили кофе. Отставив пустую чашку, Гарри оперся локтями о стол, переплел пальцы, опустил на них подбородок и произнес:

— Я принял решение секвестировать присяжных. Такое решение отводится на усмотрение суда, и я не хочу никаких обсуждений по этому вопросу, поскольку все равно не передумаю. Я всерьез обеспокоен.

— Из-за миз Ковальски? — уточнил Прайор. — Наверняка это было не более чем трагическое стечение обстоятельств.

— У меня здесь с утра побывали представители нью-йоркского управления полиции, и они практически не сомневаются в том, что ее сбили машиной целенаправленно. Это библиотека-

ря-то, хорошо известного и уважаемого в своем районе человека… Какие тут могут быть мотивы? Кроме того, что ее включили в состав жюри на данном процессе.

— По-моему, это малость притянуто за уши, господин судья, — заметил Прайор.

— Здесь — просто Гарри. Может, и притянуто. Но если я не изолирую присяжных, а с кем-то из них вдруг опять что-нибудь случится…

— Поступайте, как считаете нужным, Гарри. А эти люди из полиции вам не сказали, почему именно она могла оказаться целью преступника?

— Нет, но они работают над этим. Итак, джентльмены, а теперь идите и еще раз просмотрите свои списки свидетелей. Сократите их. Если вы вызовете свидетеля, которого я сочту несущественным, получите от меня по шее. Чем дольше протянется этот судебный процесс, тем больше риск того, что присяжные окажутся в центре чьего-то нездорового внимания. Кого вы планируете вызвать первым, Арт? — спросил Гарри.

— Детектива, ведущего дело. Даже учитывая вступительные речи, завтра мы вполне успеем разделаться с его показаниями.

Гарри кивнул и обратился ко мне:

— Я слышал, что у вашего клиента было нечто вроде эпилептического припадка. Как он, в порядке?

— Думаю, что да. Хотя чем скорей закончится этот процесс, тем лучше.

* * *

Из судейских палат мы с Прайором вышли вместе. Секретарь осталась, чтобы подготовить для Гарри какие-то бумаги. Обратную дорогу мы знали и в провожатом не нуждались.

— Чисто из любопытства: кто такой этот Гэри Чизмен? — поинтересовался Прайор. — Мои помощники покопались в интернете, но так и не нашли эксперта с таким именем или вообще кого-нибудь, кто имел бы хоть отдаленное отношение к этому преступлению. Как это ни удивительно, но Гэри Чизменов в Штатах не так уж и много. Хотелось бы знать, с какого перепугу он нарисовался в списке только вчера.

— Может, мне и не придется его вызывать. Вот и все, что я могу сказать на данный момент.

— Ну что ж, я знал, что Руди заготовит мне какой-нибудь сюрприз… Какая жалость, что он слился. Надеюсь, ты меня тоже не разочаруешь.

Видать, после неформального общения в ка-

бинете у Гарри Прайор решил и тут отбросить официоз.

Я помотал головой. Публика вроде Прайора вызывала у меня отвращение. Он вписался в этот процесс исключительно ради куража и ради денег. Конечно, любой со временем становится нечувствительным к трупам, трагедиям и всяким страшным вещам, которые люди творят друг с другом. Но это был другой случай. Это был цинизм, или же что-то близкое. Что-то явно нездоровое. Давным-давно, прямо перед тем, как податься в адвокаты, я поклялся себе, что если вдруг когда-нибудь привыкну смотреть на место преступления, не испытывая никаких чувств к жертвам, — то все, надо завязывать с этой профессией.

— Послушайте, я все понимаю. Вы хотите выиграть. Ладно, флаг вам в руки. Но мы тут не пиписьками меряемся, Прайор, — два человека мертвы.

— И когда этот процесс завершится, они все равно будут мертвы, — без запинки парировал он.

Открыв дверь в конце коридора, я шагнул в зал. Тот был полон. Набит битком репортерами, ведущими новостных телеканалов, фанатами Ариэллы Блум и даже отчасти фанатами Бобби.

Натуральный цирк.

Прайор, который вышел туда вслед за мной, оглядел занятые публикой скамьи и сказал:

— Касательно одного ты ошибаешься. Именно пиписьками мы и меряемся. В конечном счете все сводится к тому, кто из адвокатов круче. Штанишки у тебя уже достаточно длинные, чтоб это понимать, сынок. И в пятницу именно я буду стоять тут перед камерами, провозглашая торжество правосудия, свершившегося во имя несчастных жертв. Я за двадцать лет не проиграл ни одного процесса. Не собираюсь проигрывать и сейчас.

Сверкнув своими жемчужно-белыми зубами, он встал перед барьером для публики, одарил собравшихся в зале широченной улыбкой, поднял руки над головой и принялся ритмично хлопать. Толпа подхватила, тоже разразившись овацией. Со стороны фанатов Бобби возмущенно засвистели и зашикали, но довольно жиденько. Арнольд уже привел Бобби обратно в зал, и теперь они оба терпеливо сидели за столом защиты. Вид у Бобби был бледный, на лбу поблескивал пот. Я опустился на стул рядом с ним.

— Похоже, что все тут против меня, — произнес он.

— На этот счет не переживайте, — ответил ему

я. — К тому времени, как мы тут на сегодня закончим, все может развернуться в обратную сторону. Забудьте про всю эту публику. Единственные люди, которые имеют значение на суде, — это присяжные. Пока они справедливы и непредвзяты, мы в полном порядке.

— Кстати о присяжных: ты уже посмотрел мой обновленный список? — вмешался Арнольд.

Вытащив из папки перечень, которым он меня снабдил, я начал читать. Настала пора познакомиться и с присяжными. Двенадцать человек. Двенадцать умов. М-да, не лучший состав жюри, на который я мог надеяться… Но явно и не худший. У меня три дня, чтобы они стали моими.

Тут коротко гуднул мой мобильник. Эсэмэска от Харпер.

«На перерыве подойди к нам с Дилейни. Мы нашли и других жертв».

Глава 34

Занимая место на трибуне для присяжных, Кейн держался поближе к Рите. Она продвинулась дальше между рядами, освободив ему место. Он оказался крайним во втором ряду, у самого выхода. Перед ним, чуть правей и чуть ниже,

сидел Спенсер. Свидетельская трибуна просматривалась над его плечом просто-таки идеально.

То, что надо.

Каждому из присяжных вручили увесистый красный скоросшиватель с материалами дела и блокнот. Судья Форд проинструктировал их, что эти скоросшиватели пока что лучше положить под ноги — при необходимости либо он, либо кто-то из адвокатов сторон назовут им страницу, которую нужно будет открыть. Добавил, что делать заметки в ходе слушаний не возбраняется.

Большинство женщин, за исключением Кассандры, немедленно открыли свои блокноты и приготовили ручки. Спенсер тоже. Мануэль просто положил блокнот на коленку и зажал новехонькую ручку в зубах. Остальные мужчины свалили все это добро на пол, откинулись на спинки кресел, раздвинули ноги, насколько позволяли приличия, и сложили руки на груди.

Шум в зале все усиливался. Публика явно пребывала в нетерпении. Записные завсегдатаи судебных залов, писатели-документалисты, пишущие о реальных преступлениях, журналисты, телерепортеры возбужденно переговаривались друг с другом. Подробности двойного убийства пока еще не стали достоянием широкой обще-

ственности. Только самое основное, в общем и целом. Но и этого оказалось достаточно, чтобы вызвать натуральную газетную бурю. Даже такой мизерной информации хватило, чтобы ежедневно обсасывать этот сюжет с незначительными вариациями. Кейн уже знал, что «Вашингтон пост» успела окрестить предстоящий суд «процессом века». Большинство были с этим согласны. То есть до тех пор, пока под суд за убийство не угодит еще какая-нибудь крупная знаменитость. Но до той поры, что касается Нью-Йорка и его окрестностей, это была новость номер один.

Судья призвал к тишине, и шум в зале понемногу стих. Кейн внимательно оглядел толпу — на суд явилось множество родственников Ариэллы. Потом перевел взгляд на стол защиты. Руди Карпа за ним не было. Только Эдди Флинн в качестве основного защитника и Арнольд Новоселич, консультант по присяжным.

Что-то явно успело произойти. Наверное, Соломон уволил остальных своих адвокатов и оставил одного Флинна. «Ошибка, которая может дорого ему обойтись», — подумал Кейн.

Открыла процесс сторона обвинения. Кейн любил эту часть больше всего.

Поднявшись со своего места, Прайор вышел на

центр зала и встал лицом к жюри. Со своего места Кейн мог даже учуять его лосьон после бритья, несмотря на солидное расстояние. Аромат был густой, но и не такой уж неприятный. Прежде чем прозвучали какие-то слова, Кейн заметил, что обвинитель просто-таки наслаждается воцарившейся тишиной. Все глаза в зале были направлены на него.

Сделав еще шажок к трибуне для присяжных — словно танцор свое первое па при первых тактах музыки, — Прайор начал вступительную речь:

— Дамы и господа присяжные, я уже имел удовольствие пообщаться кое с кем из вас вчера, во время отбора, но, думаю, мне все же стоит представиться еще разок. Моя мамочка всегда говорила, что именно так поступают воспитанные люди. Итак, дамы и господа, зовут меня Арт Прайор. Я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили мое имя, поскольку собираюсь дать вам три обещания.

Кейн выпрямился на стуле, заметив, что остальные присяжные тоже зашевелились. Опять перевел взгляд на Прайора, который поднял указательный палец.

— Первое: обещаю предоставить вам факты, которые убедительно докажут, что Роберт Соло-

мон умышленно и хладнокровно убил Ариэллу Блум и Карла Тозера. Я не собираюсь *строить домыслы*, я не собираюсь *теоретизировать*, я собираюсь показать вам *правду*.

В воздух взлетел второй палец.

— Второе: обещаю показать вам, что Роберт Соломон солгал полиции о своих передвижениях в вечер убийства. Он сообщил полиции, что вернулся домой около полуночи. Мы же докажем, что он солгал в этом ключевом моменте своих показаний, чтобы скрыть свою причастность к данным убийствам.

Три пальца.

— Третье: обещаю продемонстрировать вам железные, подкрепленные криминалистической экспертизой доказательства того, что именно Роберт Соломон и совершил данное преступление. Продемонстрирую вам отпечаток его пальца со следами его ДНК на предмете, помещенном в рот Карла Тозера уже *после* того, как тот был убит.

По спине у Кейна пробежала приятная дрожь. Речь Прайора производила буквально гипнотический эффект. Такого он еще никогда не видывал. А когда наконец Прайор позволил своей руке повиснуть вдоль бока, Кейн едва удержался от того, чтобы не наградить его аплодисментами.

Голос Прайора переполняли жалость и сочувствие к жертвам, а также праведный гнев, когда он упоминал Роберта Соломона.

— Дамы и господа, я сдержу свои обещания. Моя старая добрая мамочка перевернулась бы в гробу, если б я не выполнил этот свой долг. Это дело о *сексе, деньгах* и *мести*. Роберт Соломон застал свою жену в постели с начальником своей охраны, Карлом Тозером. Он знал, что у них роман и что его браку пришел конец. Он разбил Карлу Тозеру голову бейсбольной битой, а потом достал нож и стал вонзать его в тело своей жены — *раз за разом, раз за разом, раз за разом*. Сложил долларовую купюру и засунул ее Тозеру в глотку. Может, он считал, что Тозеру были нужны деньги Ариэллы? Этого ему никак нельзя было допустить. В случае ее смерти подсудимый наследовал все ее денежные средства. Все тридцать два миллиона.

Я покажу вам, как он лгал полиции. Продемонстрирую подкрепленные криминалистической экспертизой доказательства того, что именно он — убийца. В вашей, и только вашей власти дать жертвам то правосудие, которого они несомненно заслуживают. Их уже не вернуть, но в ваших силах подарить им покой. Признав Роберта Соло-

мона виновным. Виновным в совершении этого страшного преступления. Виновным в убийстве ни в чем не повинных людей.

Прайор двинулся к столу обвинения, а Кейн по-прежнему не сводил с него глаз. Смотрел, как тот вытаскивает платок и промакивает губы, словно стирая с них свой гнев. Большинство собравшихся в зале аплодировали. Судья вновь призвал к тишине.

Даже совсем слегка подавшись вперед, Кейн мог прочесть заметки, нацарапанные Спенсером в блокноте. Он долго смотрел на них, подмечая стиль, размер и отличительные признаки определенных букв. Вновь выпрямившись, оглядел своих соседей по трибуне. Накатившая на них волна эмоций явно никого не оставила равнодушным. Некоторые кивали, наверняка даже сами того не замечая.

«Черт, а этот Прайор и вправду хорош в своем деле», — подумал Кейн.

Глава 35

Гарри был прав. Прайор и в самом деле оказался реальным профи. Слушая его вступительное слово, я внимательно наблюдал за присяжными.

Когда он закончил, я посмотрел на Бобби. Того буквально трясло. Наклонившись ко мне, он произнес:

— Все это вранье. Если Карл и Ари и спали вместе, то я про это не знал. Богом клянусь, Эдди! Все это чушь собачья.

Я кивнул, посоветовал ему успокоиться. Арнольд шепнул мне:

— Прайор молодец, присяжные явно прониклись. Надо тебе это из них вытряхнуть.

Он был прав. Прайор использовал старый обвинительский прием под названием «математическая правда». Все дело в тройке. Каждое слово, которое он использовал, было тщательно взвешено, проверено и отрепетировано. И все крутилось вокруг цифры три.

Три — и в самом деле магическое число. Оно занимает некое важное место у нас в голове, и мы постоянно встречаем ее в нашей культуре и в повседневной жизни. Если вам разок позвонили и ошиблись номером — ну что ж, бывает. Если тот же человек звонит вам во второй раз — это совпадение. Третий такой звонок — и вы понимаете, что что-то неладно. Число три ассоциируется у нас в голове с некой формой правды или факта. Оно в некотором роде священно. Иисус воскрес

на третий день. Святая Троица. На третий раз повезет. Три страйка — и аут[56].

Прайор дал три обещания. Трижды произнес слово «виновен». Да и само слово «три» произнес. Поднял вверх три пальца. Ритм и модуляция его речи вращались вокруг цифры три.

«Я не собираюсь *строить домыслы*, я не собираюсь *теоретизировать*, я собираюсь показать вам *правду*…»

«Это дело о *сексе, деньгах* и *мести*…»

«Он достал нож и стал вонзать его в тело своей жены — *раз за разом, раз за разом, раз за разом*…»

Даже по своей структуре речь Прайора была построена вокруг этого числа.

Во-первых, он сказал присяжным, что собирается посвятить их в три вещи. Во-вторых, рассказал им об этих трех вещах. И, в-третьих, объяснил то, что только что сказал.

Он был в полном праве быть довольным собой. Все это было хорошо отрепетировано, как следует продумано, психологически манипулятивно и чертовски убедительно.

Прежде чем встать и тоже обратиться к при-

---

[56] notes: 56
Речь идет о бейсболе. (*Прим. пер.*)

сяжным со вступительным словом, я поймал встревоженный взгляд Бобби. Я понимал, о чем он думает: правильно ли он сделал выбор адвоката. Жизнь его висела на тоненькой нитке. Уголовный процесс обычно не дает второго шанса.

Я не стал воспринимать это близко к сердцу. На месте Бобби я наверняка чувствовал бы себя точно так же. Встал, застегнул пиджак и подошел к присяжным, остановившись всего в паре футов от барьера. Достаточно близко, чтобы создать некое подобие интимности.

В то время как Прайор распинался со всей мощью и напором завзятого актера, я предпочел обратиться к присяжным вполголоса — так, чтобы мои слова были слышны только им, а не публике. Сколь бы сокрушительный эффект ни произвела речь Прайора, он все-таки выказал одну свою слабость — излишнее самодовольство и склонность к театральным эффектам.

— Меня зовут Эдди Флинн, и в данный момент я представляю обвиняемого, Роберта Соломона. В отличие от мистера Прайора, я не стану требовать от вас обязательно запомнить мое имя. Я не столь важен. Во что я верю, не имеет никакого значения. И я не собираюсь давать вам никаких обещаний. Хочу попросить вас лишь об одном.

Я хочу, чтобы это *вы* сдержали то обещание, которое каждый из вас дал вчера, положив руку на Библию и поклявшись вынести честный и справедливый вердикт по этому делу.

Я сделал еще шажок вперед. Две женщины и кто-то из мужчин на трибуне подались в мою сторону. Положив руку на барьер, я перегнулся через него.

— На данный момент закон нашего округа говорит, что Роберт Соломон невиновен. Обвинению придется убедить вас в обратном. Убедить вас, что именно он совершил эти убийства, убедить за пределами любых разумных сомнений. Держите это у себя в голове. Уверены ли вы, что все услышанное вами от стороны обвинения соответствует действительности? Правда ли это? Так ли все было на самом деле? Или же все могло происходить совсем по-другому? Не мог ли кто-то еще убить Ариэллу Блум и Карла Тозера?

Защита намеревается показать вам, что все-таки есть кое-кто, кого сторона обвинения проглядела. Тот, кто оставил свои знаки на месте преступления. Кого ФБР безуспешно ищет уже несколько лет. Тот, кому уже приходилось убивать, и не раз. Уж не этот ли человек и есть настоящий убийца? По завершении слушаний

вы будете обязаны задать себе этот вопрос. Если ответ будет «да», то Роберт Соломон вернется домой.

Держась за перила барьера, я еще раз обвел взглядом всех присяжных до единого, после чего направился обратно к столу защиты. По пути просто не удержался — глянул на Прайора. Взгляд его говорил четко и ясно: «Ну, теперь держись!»

Впервые за сегодняшний день я углядел некий просвет в глазах у Бобби. Что-то едва заметное, но очень важное.

Надежду.

Арнольд наклонился ко мне и поманил к себе.

— Мастерская работа. Присяжные все схавали. Правда, есть там один… — начал было он, но тут Прайор поднялся на ноги, и Арнольд это заметил. — Ладно, неважно, — закончил он.

— Сторона обвинения вызывает детектива Джозефа Андерсона, — объявил Прайор.

Он явно не хотел, чтобы моя речь так и продолжала звучать в ушах у присяжных. Ему требовалось сохранять заданный темп — опять отвоевать их и удержать при себе. Показания Андерсона я уже читал. Он был ведущим детективом по делу.

Здоровенный детина в серых штанах и белой

рубашке выступил вперед. Шесть футов пять дюймов. Короткие темные волосы. Зайдя за ограждение свидетельской трибуны, он повернулся лицом к залу. Маленькие темные глазки. Густые усы и полное отсутствие шеи. Правая рука у него была в гипсе до самого локтя, так что ему пришлось закатать рукав рубашки.

Тогда я этого не знал, но с детективом Андерсоном мы уже познакомились. Не далее как вчера вечером. Он был из той своры, которую приволок с собой детектив Майк Грейнджер. Тот самый бычара, который пытался пробить дыру у меня в груди и которому я влепил в ласту встречным ударом.

Он уже узнал меня. Я понял это по его маленьким острым глазкам.

Впервые за три дня я немного расслабился. Если Андерсон настолько же нечист на руку, как и Грейнджер, отнюдь не исключалось, что дело он закрыл самым простым и легким манером — с поисками каких-то других подозреваемых заморачиваться не стал и попросту подтасовал улики, дабы подкрепить свою версию.

Все это обещало быть интересным.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Дело: «Государство против Роберта Соломона»

Уголовный суд Манхэттена

Терри Эндрюс

Возраст: 49

Бывший баскетболист. Подавал надежды (был включен в запасной состав одной из профессиональных команд), но после серьезного повреждения связок в 19-летнем возрасте ушел из большого спорта. Владелец гриль-ресторана в Бронксе, где также работает шеф-поваром. Дважды разведен. Отец двоих детей. Никаких кон-

тактов с семьей. Сведения о голосовании или политических предпочтениях отсутствуют. Поклонник джаза. Финансовое положение нестабильное, ресторан под угрозой закрытия.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 55 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 36

— Детектив Андерсон, если вы просто поднимете левую руку, этого будет вполне достаточно. Я вижу, что вы не сможете удержать в ней Библию. Секретарь сейчас зачитает вам текст присяги, — сказал судья Форд.

Он проследил, как детектив повторяет слова присяги и занимает место за свидетельской трибуной. Все это время Кейн размышлял над вступительным словом адвоката защиты. Тот упомянул какого-то другого возможного преступника. Серийного убийцу. Которого выслеживает ФБР.

Кейн вернулся мыслями на много лет назад. Его мать уже потеряла ферму. Они переехали по-

дальше оттуда и сменили фамилии. Новая жизнь, все с нуля. Какое-то время мать была счастлива. Покров новой личности оказался опьяняющим. Мать безуспешно перепробовала несколько занятий — официантка, уборщица, барменша, продавщица… А стопка неоплаченных счетов продолжала расти. Маленькие коричневые конверты были разбросаны по всей их сыроватой квартирке. Пока их не накопилось столько, что домохозяин выбросил Кейна с матерью на улицу.

Потом они еще не раз переезжали, пока она наконец не сумела удержаться на работе на местной фабрике, в основном по той причине, что желающих на ее место больше не находилось. Она мыла бочки — после того, как их бог знает для чего использовали. Для каких-то химикатов, объяснила она Кейну, хоть и не знала, каких именно. С каждым днем мать возвращалась домой чуть более бледной, чуть более худой, чуть более нездоровой. Пока в один прекрасный день просто не смогла выйти на работу. Медицинской страховки у нее не было, равно как и денег на врача. Кейн как раз окончил школу с высшими оценками, каких там давно уже не видывали. И пусть даже учился он эпизодически, его высокие

интеллектуальные способности не подлежали сомнению. Его ждала стипендия в Брауновском университете[57].

Его мать умерла через неделю после его выпуска из школы. Скончалась в своей собственной постели в их крошечной дрянной квартирке. В тот день она получила письмо от управляющего фабрикой с уведомлением об увольнении. Под конец мать едва могла дышать, и каждое небольшое движение доставляло ей мучения. Вот тогда-то Кейн и решил, что надо положить им конец. Она не была достаточно сильна, но он уже научился быть сильным. Существовало сразу несколько способов со всем этим покончить: накрепко закрыть ей рот и нос рукой, прижать ей к лицу подушку или же дать слишком большую дозу дешевого уличного морфия. Поначалу Кейн остановился на морфии, но не знал, сколько его понадобится, чтобы добиться нужного результата. И любой из этих способов мог вызвать у нее страдания. Ему требовалось что-то более эффективное. Более быстрое.

---

[57] notes: 57

Брауновский университет, или Университет Брауна — один из наиболее престижных частных университетов США, расположенный в г. Провиденс, шт. Род-Айленд. Обучение там стоит сумасшедших денег, но одаренные выходцы из бедных семей принимаются туда бесплатно и даже получают стипендию. (*Прим. пер.*)

Под конец Кейн остановился на методе, который, как он знал, будет и быстрым, и безотказным.

Сходил за топором.

И когда занес его у нее над головой, готовый оборвать ее страдания, мать поняла, во что превратился ее сын.

У нее в сумочке Кейн нашел двадцать долларов и сорок три цента. Порывшись в остальных ее вещах, обнаружил нечто вроде альбома. Со старыми фото своей матери, когда она была еще молодой. И несколькими газетными вырезками. Все с одним и тем же сюжетом, примерно шестилетней давности. На задворках фермы было обнаружено закопанное тело неизвестного мужчины. Сообщалось, что полиция разыскивает бывшую владелицу фермы и ее сына. При виде своего имени на бумаге, своего настоящего имени, Кейн ощутил кайф, какого никогда еще не испытывал. Вот оно, прямо перед ним. Черным по белому.

Джошуа Кейн.

Он сохранил этот альбом. Затолкал его в сумку вместе с кое-какой одежонкой.

В Брауновский он так и не поступил. Понимал, что какое-то время нельзя. Болезнь матери оказа-

лась для него в некотором роде благословением. Она была слишком плоха, чтобы почувствовать, какой запах исходит из его комнаты. Школьный аттестат он получил 31 мая. А выпускной бал состоялся 20 мая — в тот день, когда бесследно исчезли составившая ему пару Дженни Маски и еще один выпускник, Рик Томпсон. Копы объявили машину Рика в розыск, но безуспешно. На следующий день после их исчезновения полиция обыскала квартиру Кейна, извинившись перед его матерью и ничего не обнаружив. После этого они трижды беседовали с Кейном, и каждый раз он выдавал копам одну и ту же историю — что приехал на выпускной бал вместе с Дженни, или же Хаски-Маски, как ее прозвали в школе, а вскоре после этого она уехала с Риком. С тех пор он их не видел.

Больше их вообще никто не видел.

Кейн закинул на плечи рюкзак, вернулся в свою комнату. Взял канистру с бензином, скачанным из соседских машин, и как следует облил им свою кровать, полы, комнату матери и кухню. Но бóльшую часть бензина он вылил на пол своей собственной спальни. Не хотел, чтобы полиция узнала, что он вытворял с телом Дженни. Тело они наверняка должны были найти, когда прого-

рят половицы.

Окинув квартиру последним взглядом, Кейн зажег сразу целый пучок спичек, бросил их на пол и был таков.

Потом он угнал машину и не сумел удержаться, чтобы разок не проехать мимо водохранилища. Если в нем спустят воду, то наверняка найдут на дне машину Рика. С его телом в багажнике и отрезанной головой, втиснутой между приборной панелью и педалью акселератора.

Это было только начало. Тот толчок, в котором он нуждался, чтобы самому выйти в большой мир. Уже имея цель. Его мать умерла, безуспешно преследуя мечту о лучшей жизни. Такую же мечту, как и у всех бедных американцев, убежденных, что если трудиться не покладая рук, то можно ее достичь. И ради чего она часами трудилась во всех этих жутких местах? Ради двадцати долларов сорока трех центов… Его мать была всем, что он знал, и вот теперь ее не стало.

Кейн знал, что мечта, за которой гналась его мать, была ложью. Ложью, увековеченной в газетах и на телевидении. Те, кто за счет усердного труда или простого везения все-таки добился своего, превозносились как иконы. Кейн мог проследить за тем, чтобы люди, давшие жизнь этой

мечте, подпитывавшие в ней огонь, тоже страдали. О, какие страдания он мог им принести!

И вот теперь, заседая в суде, Кейн вдруг припомнил то чувство, с которым смотрел на свое имя на старой газетной вырезке, найденной в материнском альбоме. Он даже опять ощутил его во время вступительной речи Флинна. По всему телу пробежала дрожь жутковатого удовольствия. Словно чья-то холодная, но ласковая рука протянулась ниоткуда и тронула его за плечо.

«Я знаю, как тебя зовут. Я знаю, что ты сделал».

И тут Кейн вдруг осознал, что на какую-то секунду маска соскользнула у него с лица. Безучастное выражение на нем, открытый и нейтральный «язык тела» сразу сменились другими, как только все эти мысли наполнили голову. Он кашлянул, огляделся по сторонам. Никто из присяжных ничего не заметил. Потом Кейн глянул на адвоката защиты. Флинн тоже вроде ничего не просек.

Что-то тут все равно не так, понял Кейн. Он просто чувствовал это. На сей раз это был не тот восхитительный трепет, который обычно приходил при воспоминаниях о его прошлых деяниях, и даже не легкое дуновение приятной ностальгии. Это было что-то совсем другое.

Страх.

Он вдруг почувствовал себя голым. И сколь отчаянно ни хотелось ему оглядеть зал, Кейн просто не осмеливался это сделать. Вместо этого он сосредоточился на Флинне, позволив боковому зрению делать свое дело.

И оно не подвело.

Кейн убедился в этом, чуть переведя взгляд. Теперь уже не было никаких сомнений.

Консультант по присяжным, Арнольд, пристально смотрел прямо на него. И явно что-то увидел. Увидел его истинное лицо.

Глава 37

Андерсон быстро оттарабанил положенное о своем четырнадцатилетнем опыте работы в качестве детектива из отдела убийств и наконец перешел к сути дела.

— На такой работе много чего навидаешься… Через какое-то время уже начинаешь чувствовать место убийства, видеть, что там произошло. Опыт сразу подсказал мне, что имели место какие-то личные счеты.

Лично мой опыт подсказывал мне, что Андерсон несет сраную пургу. Он загреб парня, которого счел виновным в убийстве, и был готов на что

угодно, только чтобы все остальное укладывалось в эту версию. Если улики не указывали на Роберта Соломона как на преступника, то такие улики терялись или считались несущественными.

— Детектив Андерсон, в каком это смысле «личные»? — уточнил Прайор.

— Когда молодую женщину и ее любовника убивают в постели, то какие тут еще могут быть счеты, как не личные? Не надо иметь значок детектива, чтобы понять, что это, скорее всего, дело рук мужа. Он тут, кстати, присутствует, вон там сидит… Это обвиняемый, Роберт Соломон.

Прайор сделал небольшую паузу, повернулся, чтобы глянуть на Бобби, убедился, что присяжные проследили направление его взгляда, а затем вернулся к прямому допросу:

— Детектив, сейчас я выведу на экран одну фотографию. Это верхний план спальни с лежащими на кровати Ариэллой Блум и Карлом Тозером, сделанный профессиональным фотографом-криминалистом, и, насколько я понимаю, не последует возражений, чтобы мы приобщили это фото к делу в качестве вещественного доказательства номер один. Я просто хотел бы предупредить присяжных и присутствующих на процессе граждан, что изображение довольно

натуралистичное, — сказал Прайор.

Я уже согласился с тем, что без вызова фотографа вполне можно и обойтись. Фото не лгут, так что не было смысла зря тратить время, вызывая его в качестве свидетеля, чтобы просто подтвердить подлинность снимков.

Пока Прайор искал изображение в компьютере, я не смотрел на большой экран у него над головой. Все мое внимание было приковано к Бобби. Закрыв глаза, он чуть ли не уткнулся головой в стол. О том, что фото открылось, подсказали мне сдавленные ахи и охи из публики. Я услышал, как Гарри призывает к тишине.

Мобильники с камерами в суде под запретом, так что я был уверен, что в новости этот снимок не попадет. Да он и вправду оказался чересчур уж натуралистичным.

Бобби бросил взгляд на экран, всего лишь раз, и тут же закрыл лицо руками.

Арнольд повел плечами, мотнул головой на Бобби, а потом на присяжных. Я понял, что он пытается мне сказать. Мне пришла в голову та же мысль. Бобби придется нелегко, но это в его интересах.

— Бобби, мне нужно, чтобы вы посмотрели на экран, — шепнул я.

— Не могу! Да мне и не нужно. У меня эта картина и без того в голове, и я никак не могу ее оттуда выбросить, — отозвался он.

— Я понимаю, что это тяжело. Вот потому-то вам и надо это сделать. Понимаю, что вам не хочется смотреть на то, что кто-то сотворил с вашей женой. Мне нужно, чтобы присяжные увидели это в ваших глазах, — сказал я.

Он помотал головой.

— Бобби, Эдди дает вам выбор, — вмешался Арнольд. — Либо следующие тридцать пять лет каждую ночь смотреть в потолок тюремной камеры, либо глянуть на это фото. Ну давайте же!

Никогда бы не подумал, что такая мысль вообще придет мне в голову, но я был рад, что Арнольд сейчас со мной.

Бобби шмыгнул носом, сделал глубокий вдох и сделал, что велено.

Не знаю, увидели ли это присяжные, но лично я — да. По лицу его заструились слезы, а в глазах было горе, а не вина.

Я благодарно кивнул Арнольду. Он искоса встретился со мной взглядом и кивнул в ответ.

— Детектив Андерсон, по этой фотографии, а также по нанесенным жертвам ранениям смогли бы вы сказать присяжным, что, по вашему мне-

нию, произошло в этой спальне? — будничным тоном спросил Прайор. Как если бы поинтересовался у Андерсона, холодно ли сейчас на улице.

Мне тоже не хотелось смотреть на фото, но, как и у Бобби, у меня не было выбора. Нужно было следить за показаниями Андерсона.

Господи, ну и зверство!

Андерсон с Прайором уставились на экран. На двух человеческих существ, сметенных бурным потоком насилия. И почти небрежно, чисто поделовому стали обсуждать, как именно могли погибнуть эти два молодых человека.

— Для начала обратите внимание, что голова мистера Тозера направлена вниз, а ноги поджаты под себя. Согласно отчету патологоанатома, мистер Тозер погиб от обширной черепно-мозговой травмы. Череп его был расколот, а мозгу нанесены катастрофические повреждения. Если он и не умер моментально, удар полностью его обездвижил. Мое толкование этого в том, что мистер Тозер не воспринимал убийцу как угрозу. Тозер был хорошо подготовленным специалистом по безопасности, и с ним имело смысл разделаться первым. Единственный сильный удар по затылку, когда он спал, вполне может вызвать такие повреждения и объяснить отсутствие защитных

ран, — сказал Андерсон.

— А вы сумели определить орудие, которое было использовано против мистера Тозера? — спросил Прайор.

— Да. В углу комнаты я нашел бейсбольную биту. На ней имелась кровь, соотносящаяся с предположением, что ею кого-то ударили. Позже в лаборатории подтвердили, что кровь на бите принадлежит мистеру Тозеру. Так что велика вероятность того, что это и есть орудие убийства. И прежде чем вы успели спросить — да, на бите имелись отпечатки пальцев подсудимого.

Меня чуть не стошнило, когда Прайор отреагировал на этот ответ, сверкнув своей голливудской улыбкой. Присяжные этого не видели, их внимание было сосредоточено на Андерсоне.

Прайор взял биту, обернутую в прозрачный пакет для улик, и поднял ее над головой.

— Вот эта бита? — уточнил он.

— Та самая, — подтвердил Андерсон. Биту приобщили к вещественным доказательствам, и Прайор передал ее секретарю.

— Итак, если, как явствует из ваших слов, мистера Тозера убили этой битой, что произошло дальше?

— Ариэллу Блум пять раз ударили ножом в

область груди и живота. Один из ударов попал в сердце. Она должна была умереть очень быстро.

По крайней мере, у Прайора было хорошее чувство паузы, и он позволил присяжным как следует рассмотреть фото Ариэллы на экране. Дал всем возможность в красках представить, как она умирала. Он прекрасно знал, что разгневанные и негодующие присяжные выносят вердикты не в пользу подсудимого в девяти случаях из десяти.

— Тела жертв были осмотрены Шерон Морган, судмедэкспертом — и непосредственно на месте преступления, и в морге. Вас поставили в известность о результатах этих осмотров?

— Да, медэксперт вызвала меня в морг, когда обнаружила кое-что в самой глубине ротовой полости Карла Тозера.

— И что это было?

— Банкнота достоинством в один доллар. Ее сложили в виде бабочки, а потом еще вдвое и поместили в рот Карлу Тозеру.

Помощник Прайора с пультом от проектора уже подсуетился, вызвал на экран фото купюры. По толпе пробежали шепотки. Все это было для них внове. Ничего из этого не было ни в газетах, ни по телику. На стальном столе лежало странное оригами в виде крылатого насекомого. С тенями

под крылышками. Я заметил, что на уголках банкноты проглядывают несколько каких-то пятен — может, слюна, а может, и кровь.

Знание о том, что эта штуковина была найдена во рту у мертвеца, порождало какое-то потустороннее чувство — жутковатое насекомое, красивое и зловещее, словно вылупившееся у него внутри.

— Эта бабочка тоже была исследована экспертами, детектив?

— Да, я попросил криминалистов подвергнуть ее полному анализу. На этой купюре мы нашли два разных образца ДНК. Первый ДНК-профиль принадлежал какому-то другому лицу и представлялся не имеющим никакого отношения к данному преступлению. Аномалией. Не обладающей особой важностью. А вот что важно, это что эксперты обнаружили на этом долларе отпечатки пальцев подсудимого. Большого пальца — на лицевой стороне банкноты, частичный отпечаток указательного пальца — на обратной. На том же участке купюры, где находился отпечаток большого пальца, криминалисты обнаружили генетический материал, по-видимому, оказавшийся там в результате прикосновения этого самого пальца, — пот и кожные клетки. Этот

образец ДНК полностью соответствовал профилю подсудимого.

Эта последняя фраза произвела в зале эффект ударной волны. Не последовало ни возбужденных переговоров, ни громких восклицаний. Воцарилась мертвая тишина. Никто не шаркал ногами, не шуршал бумагами, не кашлял и вообще не издавал никаких звуков, которые ожидаешь услышать от большой, сгорающей от любопытства толпы.

Потом тишину нарушил женский плач — какая-то дама зарыдала, прикрыв лицо руками. Явно кто-то из родственников. Наверное, мать Ариэллы. Я не стал оборачиваться. В такие моменты лучше оставить человека наедине с самим собой.

И Прайор идеально все разыграл. Стоял совершенно неподвижно, позволяя отзвукам материнского горя проникнуть в голову каждого из присутствующих в зале. Все в нем были явно потрясены. За исключением лишь одного человека — того репортера из «Нью-Йорк стар», Пола Бенеттио. Тот сидел, сложив руки на груди, в ряду кресел прямо за столом обвинения, и на показания Андерсона никак не реагировал. Наверное, все и без того знал.

Когда тишина стала уже неловкой, Прайор решил, что выждал достаточно, и вновь заговорил:

— Ваша честь, мы обязательно вызовем и эксперта, проводившего все эти исследования, естественно.

Гарри кивнул, и Прайор опять перешел к делу.

— Детектив, вы ведь разговаривали с обвиняемым на месте преступления, верно?

— Да. У обвиняемого была кровь на свитере, тренировочных штанах и на руках. Он сказал мне, что вернулся домой около полуночи, поднялся наверх и обнаружил свою жену и начальника охраны мертвыми у себя в спальне. А потом добавил, что пытался реанимировать Ариэллу, после чего позвонил в «девять-один-один».

Прайор крутнулся на месте и ткнул пальцем в одного из своих помощников, который тут же подхватил пульт и нажал на кнопку.

— Сейчас мы проиграем этот звонок в экстренную службу. Я очень хочу, чтобы все внимательно послушали.

Эту запись я уже тоже слышал, а вот присяжным предстояло ознакомиться с ней впервые. Тогда я решил, что этот звонок должен укрепить позиции защиты. Голос и речь Бобби звучали как у человека, который только что обнаружил свою

жену мертвой, и это стало для него огромным потрясением. Паника, недоверие, страх, горе — абсолютно все это было в этом голосе на записи. Найдя на своем лэптопе расшифровку, я стал параллельно читать с экрана.

Диспетчер: Экстренная служба «девять-один-один». Вам нужна помощь пожарных, полиции или медиков?

Соломон: Помогите… Господи… Я нахожусь в доме двести семьдесят пять по Западной Восемьдесят восьмой улице… Моя жена… По-моему, она мертва. Кто-то… О боже… Кто-то убил их!

Диспетчер: Отправляю к вам полицейский наряд и «скорую». Успокойтесь, сэр. Лично вам грозит какая-нибудь опасность?

Соломон: Я… я… не знаю.

Диспетчер: Вы сейчас находитесь в доме?

Соломон: Да, я… я только что нашел их. Они в спальне. Они мертвы!

(звуки плача)

Диспетчер: Сэр? Сэр? Сделайте глубокий вдох. Мне нужно, чтобы вы сказали мне, нет ли, по-вашему, в данный момент кого-то еще в этом доме.

(звон бьющегося стекла, кто-то спотыкается)

Соломон: Я здесь. Ох, я еще не проверял… Вот

черт… Пожалуйста, немедленно пришлите «скорую»! Она не дышит…

(Соломон роняет телефон)

Диспетчер: Сэр? Пожалуйста, возьмите трубку. Сэр? Сэр?

— Разговор длится считаные секунды. Детектив, перед тем как впервые появиться на месте преступления, прослушивали ли вы запись этого звонка? — спросил Прайор.

Мне не понравилось то, к чему он мог подводить.

— Нет, не прослушивал, — ответил Андерсон.

Я тронул Бобби за руку.

— Бобби, разговаривая с диспетчером, вы вроде как споткнулись, и что-то опрокинулось и разбилось. Что это было? — прошептал я.

— Гм, попробую вспомнить… Точно не могу сказать. Наверное, я сбил что-то с прикроватного столика. Я не обратил внимания, — ответил он затухающим голосом, когда вновь окунулся в тот момент, оказавшись в комнате с двумя мертвыми телами.

Открыв на экране лэптопа фото с места преступления, я принялся их быстро просматривать, выискивая прикроватный столик. На одном из снимков его можно было разглядеть более-менее

целиком. На полу рядом с ним лежала картинка в рамке с разбитым стеклом. Наверное, Бобби смахнул ее, даже не заметив этого, — неудивительно при подобных обстоятельствах. У меня было нехорошее чувство, что Прайор может предложить альтернативную версию источника этого звука.

— Детектив Андерсон, прокомментируйте присяжным фотографию под номером семнадцать, — попросил Прайор, пока помощник вызывал ее на экран.

Это был снимок коридора второго этажа, с перевернутым антикварным столиком и разбитой вазой под задним окном. Я понятия не имел, куда заведет это направление допроса, но, похоже, Прайор, сделав пару обманных движений, уже вплотную подобрался к тому, чтобы нанести нокаутирующий удар.

— Конечно. Когда я поднялся наверх, то сразу заметил перевернутый столик на лестничной площадке. Ваза уже была разбита, — сказал Андерсон.

— И где сейчас этот столик? — спросил Прайор.

— В криминалистической лаборатории. Его, наверное, каким-то образом задели либо до, либо после убийства. Когда я допрашивал подсудимого у себя в отделе, то спросил его, не он ли опрокинул

этот столик. Он сказал, что не помнит. Утверждал, что обнаружил тела и что кто-то другой убил его жену и начальника охраны. На тот момент расследования подсудимый уже был подозреваемым, но мы не исключали вероятность того, что он говорит правду. Если не он перевернул столик, то, наверное, это сделал кто-то еще. Мы забрали его для исследования вместе с осколками вазы.

— И что обнаружили? — продолжал Прайор.

Я пробежался по списку изъятого из дома в материалах дела. Там не было никакого отчета о криминалистическом исследовании старинного столика. Собрался уже вылезти с возражением, когда Андерсон ответил:

— Ничего. Поначалу.

— Так, дальше, — изобразил заинтересованность Прайор.

— Вчера я был в лаборатории, и мы осмотрели этот столик. Понимаете, у нас до сих не хватало одной важной улики — а именно ножа, которым убили Ариэллу Блум. Весь дом перерыли, да и участок тоже. Столик старый, антикварный. Вот я и подумал, нет ли в нем какого тайника.

— И он там был? — спросил Прайор.

— Нет. Но я еще раз просмотрел результаты экспертизы и обнаружил кое-что любопытное.

В лаборатории искали «пальчики», и ничего тут из ряда вон выходящего не нашлось, но еще они нашли какие-то странные отметины на столешнице. Я попросил еще раз эти отметины исследовать, и сегодня прямо с утра мы получили отчет.

Прайоровский помощник подгреб к столу защиты со скоросшивателем. Я взял его. Открыл отчет. Пробежался по тексту.

Могло быть и хуже. Но ненамного. Я передал отчет Бобби. В последнюю секунду новая улика! Можно было бы повозмущаться и поорать, подготовить ходатайство об исключении ее из списка. Но я понимал, что все это будет без толку. Гарри все равно ее примет.

Ситуация Бобби значительно усложнилась.

Экран переменился, и теперь мы смотрели на нечто вроде двух наборов из трех параллельных линий, пересекающих столешницу. Типа как кто-то просто взял в руки три кисти и дважды провел ими по столу.

Хотел бы я, чтоб это были кисти…

— Что это, детектив?

— Следы от подошв, — объяснил Андерсон. — Рисунок на них соответствует паре адидасовских кроссовок, которые были на подсудимом в тот

вечер. Выглядит это так, как будто подсудимый встал на этот столик, а когда тот опрокинулся, подошвы кроссовок скользнули по нему.

— Чушь! — сказал Бобби. — Я никогда не залезал с ногами на этот столик!

Произнес он это достаточно громко, чтобы быть услышанным остальными, и Гарри стрельнул в него взглядом, велящим ему заткнуться ко всем чертям.

Андерсон тем временем продолжал:

— Так что сегодня я еще раз побывал на месте преступления. Совсем неподалеку от того места, где стоял этот столик, в коридоре висит люстра. На потолке, с разноцветным стеклянным абажуром в виде чаши. Я залез туда по стремянке и нашел нож, который кто-то положил в этот абажур.

У Бобби задрожали руки.

— Вот этот нож? — уточнил Прайор, давая знак добавить еще одно фото на экран.

Подняв взгляд, я увидел тот же самый снимок, что и в отчете. Выкидное лезвие, черная рукоятка со светлыми поясками, вроде как под слоновую кость… На ноже виднелись следы крови. И, похоже, обычной пыли.

Единственная радость — никаких отпечатков.

— Это тот самый нож, которым убили Ариэллу Блум? — спросил Прайор.

Все до одного в зале уже знали ответ. Голова Бобби упала на грудь. Этот нож только что перерезал последние ниточки, позволявшие защите не развалиться на куски.

Глава 38

Андерсон подтвердил, что обнаруженная на ноже кровь соответствует по типу крови жертвы, и сообщил, что в данный момент проводится анализ ДНК, дабы окончательно определить ее принадлежность. Я шепнул Бобби, чтоб поднял голову. Я не хотел, чтобы он выглядел побежденным. Рано еще.

Прайор выстрелил в копа еще одним вопросом:

— Детектив Андерсон, это ведь необычно для преступника, который воспользовался ножом, чтобы зарезать кого-то до смерти, — спрятать орудие убийства в доме жертвы?

Я быстро встал. Слишком уж быстро. В боку стрельнула резкая боль, и я едва смог отдышаться, чтобы заговорить.

— Возражаю, ваша честь; мистер Прайор высту-

пает с утверждениями, а не задает вопросы.

— Принимается, — сказал Гарри.

Я осторожно опустился на место. Возражать в данном случае не было особого смысла. Прайор мог легко переформулировать вопрос — хотя Андерсон и без того был готов дать ответ, о котором они наверняка заранее договорились.

— Детектив, за все годы работы в полиции приходилось ли вам сталкиваться с ситуацией, в которой проникший в чей-то дом преступник прятал бы орудие нападения на месте преступления?

— Нет, никогда с таким не встречался. За всю свою карьеру. Обычно нож забирают с собой. А потом либо оставляют при себе, либо избавляются от него. Нет смысла прятать его в доме. Единственная причина так поступить — это чтобы создать у оперативников впечатление, будто убийца покинул дом и унес орудие убийства с собой. Если еще раз прослушать запись того звонка в «девять-один-один», то очень похоже на то, что подсудимый разговаривал с диспетчером, стоя на том столике. Там слышен частый дробный топот, как будто кто-то запнулся и стал быстро перебирать ногами, а потом что-то разбилось. По мне, так это очень похоже на то, как если бы столик

со стоящим на нем подсудимым опрокинулся, а ваза при этом упала на пол и разбилась.

— Благодарю вас, детектив Андерсон. На данный момент у меня к вам все. А теперь, насколько я понимаю, мой коллега готов пожаловаться на ненадлежащее исполнение вами служебных обязанностей и потребовать, чтобы присяжные не принимали все это во внимание. Вообще-то я удивлен, что он еще не выступил с возражением касательно ножа.

Я шепотом отдал распоряжения Арнольду, и тот сразу же вышел из зала. А потом я встал и направился к Прайору. Если не спешить, боль в ребрах была вполне терпимой. Тот присел на краешек своего стола, небрежно упершись левой рукой в бедро и явно жутко довольный собой.

— У нас нет возражений, ваша честь, — сказал я. — Вообще-то данная улика лишь на руку защите.

Гарри посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Выражение на лице у Прайора — как у кота, добравшегося до сметаны — слетело с него быстрей стукача, сброшенного мафиозными братками в лифтовую шахту.

По залу пробежали шепотки. Но я уже абстрагировался от всего остального. Только я и

Андерсон. Больше ничего не имело значения, словно больше никто за нами не наблюдал. Я полностью отключился от толпы, обвинителя, судьи и присяжных. Только я и он. Я дал ему немного помариноваться. Отпив воды, Андерсон ждал.

Я тоже. Не хотел приступать к встречному допросу, пока не вернется Арнольд. Тот мог появиться в любую секунду, принести из хранилища для улик заготовленные нами принадлежности — дело недолгое.

— Детектив, я хотел бы спросить вас, при каких обстоятельствах вы сломали руку, — наконец начал я.

Челюсть у него была что твои тиски, подвешенные к верстаку. Я видел, как по обеим сторонам его физиономии заходили массивные желваки — напряглись, когда он изо всех сил стиснул зубы.

— Упал, — ответил он.

— Упали? — переспросил я.

Колебания. Кадык дернулся вверх-вниз у него на горле.

— Да, поскользнулся на льду. Когда мы тут закончим, я расскажу вам все во всех подробностях, — процедил он сквозь пересохшие губы и еще раз приложился к стакану. Я много раз видел, как начинают нервничать люди, оказавшись

на свидетельском месте. Одни дрожат, другие отвечают слишком быстро, третьи отделываются односложными ответами, и почти у всех пересыхает во рту.

Я и не ждал, что он скажет мне правду. И не стал уточнять, как все было на самом деле, — хотел лишь, чтобы он думал, что я могу это сделать. Просто чтобы заставить его задергаться. И, в свою очередь, угрожать мне.

Двери позади нас распахнулись. Арнольд наконец вернулся и привел за собой судебных охранников — человек пять. Идя гуськом друг за другом, они образовывали совершенно невиданную процессию, нагруженную пакетами и коробками, а двое тащили тяжеленный матрас. Я прервал допрос и молча ждал, пока вереница охранников направлялась по центральному проходу между скамьями для публики ко мне. Ее появление вызвало у присутствующих недоуменные взгляды.

Я услышал, как Прайор пытается набрать очки у толпы.

— А почему позади этой колонны не марширует оркестр? — поинтересовался он.

Перегнувшись через стол обвинения, я ответил:

— Ну как же, есть оркестр. И он уже играет для вас похоронный марш.

Прежде чем этот обмен остроумными репликами продолжился, я обратился к Гарри — сказал, что хочу внести на рассмотрение суда официальное ходатайство с просьбой разрешить мне провести в ходе своего встречного допроса Андерсона небольшую реконструкцию. Гарри удалил присяжных из зала, и мы с Прайором подошли к нему.

— Насколько научно обоснована эта реконструкция? — спросил он.

— Я не ученый, господин судья, хотя среди наших свидетелей все-таки имеется эксперт по данному вопросу; ну а все остальное — это чистая физика, — ответил я.

— Ваша честь, обвинение ни в коем виде не уведомили ни о чем подобном! Мы понятия не имеем, что именно затевает мистер Флинн, и выступаем с требованием отклонить его ходатайство. Это удар исподтишка! — встрял Прайор.

— Ходатайство защиты принимается, — ответил ему Гарри. — И прежде чем у вас возникнут какие-то мысли приостановить данное слушание, чтобы обжаловать мое решение, настоятельно советую подумать об одной вещи. Я все-таки

обратил внимание на ваш маленький фокус с орудием убийства, мистер Прайор. Если б мистер Флинн обратился ко мне с просьбой об отсрочке, чтобы разобраться с этими вновь вскрывшимися обстоятельствами, я бы удовлетворил ее. Могу предположить, что вы давно уже придерживали эту улику в рукаве. Вы лишь затягиваете данный процесс, и для экономии времени я могу воспользоваться этой задержкой, допросив под присягой эксперта из полицейской криминалистической лаборатории касательно того, когда именно он обнаружил эти отметины на столике.

Прайор попятился, подняв руки.

— Как будет угодно вашей чести. У меня нет намерения затягивать это разбирательство.

Гарри кивнул, повернулся ко мне и сказал:

— Предоставляю вам некоторую свободу действий. Но с данного момента имейте в виду: если у любого из вас имеются улики, которые вы желаете приобщить к делу, — заранее ставьте друг друга в известность.

— Вообще-то есть еще несколько фотографий, которые мне потребуется использовать. Они были сделаны вчера на месте преступления, — сказал я.

— Предъявите их прямо сейчас, — потребовал

Гарри.

Я вытащил свой телефон, отыскал снимки, которые Харпер вчера сделала в спальне, и переслал их по «мылу» в офис окружного прокурора. Потом отвел Прайора в сторонку и показал ему эти фото на экране мобильника. Возражений по поводу их использования у него не возникло. Наверняка потому, что он не понял, к чему все это подводит. Если б Прайор имел хотя бы малейшее представление о том, что именно я затеваю, то наверняка поднял бы шум. Я молился, чтобы вскоре он горько пожалел об этом своем решении.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Дело: «Государство против Роберта Соломона»

Уголовный суд Манхэттена

Рита Вестe
Возраст: 33
Частный детский психолог. Замужем. Супруг – шеф-повар ресторана «У Мароны». Детей нет. Оба родителя на пенсии, живут во Флориде. Сторонница демократической партии, но на последних выборах не голосовала. В соцсетях не присутствует. Любительница изысканных вин. В качестве свидетеля-эксперта никогда не вызывалась. Финансовое положение прочное.
Вероятность голосования за невиновность клиента: 65 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 39

Прямой допрос Прайором детектива Андерсона явно увлек соседей Кейна по трибуне. Детектив дал им почувствовать доказательства на вкус. Как говорят музыканты, сработал на разогреве. И теперь все присяжные вроде как сосредоточи-

лись на этом свидетеле.

Это, конечно, Кейну было только на руку, поскольку оказалось отличным отвлекающим фактором. Пока Андерсон давал показания, Кейн без помех изучал заметки Спенсера в блокноте, лежащем у того на колене. Никто из присяжных во втором ряду не обладал достаточным ростом, чтобы заглядывать через плечо соседям в первом ряду. Кроме Кейна. Он уже и сам исписал половину страницы, конспективно фиксируя ключевые моменты допроса. Потом открыл чистый листок и написал единственное слово.

«Виновен».

Опять глянув на заметки Спенсера, перевел взгляд на свой блокнот. Жирно замарал слово «виновен» и еще раз написал это слово на чистом листе. На сей раз буква «в» вышла чуть попрямее, а перекладинка у «н» — чуть пониже. Занимаясь этим делом, Кейн старательно склонялся над своим блокнотом, чтобы никто не подсмотрел, что именно он пишет. Ручку при этом старался держать практически на весу, не касаясь страницы голыми руками.

Бóльшую часть своей жизни Кейн только и делал, что учился становиться кем-то другим. Порой достаточно надолго, особенно когда занимал

место реального человека. Иногда фальшивые личности быстро использовались и сразу же отбрасывались, послужив намеченной цели. Из тех же, какими он пользовался дольше всего, у Кейна была парочка особо излюбленных. И, как он вскоре выяснил, чтобы успешно оставаться в одной из них, требовалось умение подписывать всякие документы — новые водительские права, чеки, денежные переводы и так далее. Когда выдавалась свободная минутка, Кейн раз за разом пробовал воспроизвести подпись человека, которого замещал, пока не получалось идеально ее подделать. За годы он стал в этом деле настоящим мастером. Развил в себе уровень владения пишущими предметами и зрительно-моторную координацию, которым позавидовал бы и маститый художник.

Наконец удовлетворенный результатом своих попыток воспроизвести почерк Спенсера, Кейн откинулся на спинку кресла, устроившись на нем чуть пониже, отлистал страницы в блокноте обратно до своих заметок и сложил руки на груди.

Прайор уже закончил прямой допрос, и Кейн с удивлением узрел, как из дверей в зал вливается целая вереница людей, нагруженных какими-то пакетами, коробками и даже матрасом. Увидел,

как Прайор о чем-то спорит с Флинном.

— Ваша честь, я хотел бы внести ходатайство о разрешении провести в ходе моего допроса данного свидетеля небольшую наглядную демонстрацию, — объявил Флинн.

— Давайте заслушаем ее, но прежде нам нужно удалить присяжных, — ответил судья.

Соседи Кейна по трибуне встали и потянулись к выходу. Он последовал за ними, засунув блокнот в карман. На суде присяжных частенько гоняют туда-сюда по двадцать раз на дню, отправляя в совещательную комнату, пока адвокаты сторон обсуждают юридические тонкости. Кейн уже привык к этому.

На выходе из зала стояла женщина-пристав, придерживая дверь. Подойдя к ней, Кейн спросил:

— Простите, а ничего, если я загляну в туалет?

— Конечно. Чуть дальше по коридору, вторая дверь слева, — отозвалась она.

Кейн поблагодарил ее и направился по коридору к указанной двери. Туалет был маленький, темный, и пахло в нем, как и в большинстве мужских туалетов. Одна из лампочек не горела. На белых плитках — два писсуара. Кейн же сразу направился к единственной кабинке, закрыл и

запер за собой дверь.

Действовал он быстро.

Первым делом вытащил из кармана упаковку жевательной резинки — той, что продается в виде кубиков. Она была уже открыта, и одного из кубиков в ней не хватало. Кейн вытряхнул ее содержимое на ладонь — вместе с маленьким пакетиком примерно того же размера, что кубики жевательной резинки. Удалил с него целлофановую обертку, скрывающую пару невероятно тонких латексных перчаток. Быстро натянул их. Вынул из кармана блокнот и вырвал из него страничку с надписью «Виновен». Скомкал ее в плотный шарик, но постарался сделать это так, чтобы на виду оставались как минимум три-четыре буквы этого слова. Убрал бумажный комок в карман куртки, стащил перчатки, засунул в них несколько монеток для тяжести, завернул в туалетную бумагу, бросил в унитаз и спустил воду.

* * *

Ожидать присяжным пришлось недолго — минут десять. Но и этого хватило, чтобы Спенсер не сумел удержать свои соображения при себе, наплевав на все, что им говорилось на инструктаже.

— Послушайте, я понимаю, что для подсудимого все это выглядит не слишком-то хорошо, но дело-то еще не закрыто! И как хотите: не верю я этому копу, — во всеуслышание объявил он.

— Я тоже. И у этого хитрюги-обвинителя нож был с самого начала. Просто он решил придержать эту улику от защиты, — подхватил Мануэль.

— Откуда нам это знать? Все, что я могу сказать, — для Соломона это и вправду выглядит не лучшим образом, — вступила в разговор Кассандра.

Кейн заметил, что она то и дело украдкой поглядывает на молодого симпатичного Спенсера. Кассандра пока не набралась духу заговорить с ним, но то, что она на него запала, было очевидно даже Кейну.

— Давайте не будем делать скоропалительные выводы. И нам нельзя обсуждать доказательства до окончания суда, — рассудительно произнес Кейн.

Кое-кто из присяжных согласно кивнул, а Бетси сказала:

— Он прав. Нам нельзя это обсуждать.

— Дык вот и я про то же! — воскликнул Спенсер. — Не стоит безоговорочно верить всему

сказанному только потому, что он коп. Имейте свои головы на плечах, народ!

* * *

Присяжные вновь устроились на трибуне, а Кейн немного замешкался, снимая с себя пиджак, после чего занял свое место во втором ряду, сразу за Спенсером. Сложенный пиджак он перекинул через правое колено. Судья возобновил слушания.

— Благодарю вас, дамы и господа. Я только что разрешил мистеру Флинну провести запрошенную им наглядную демонстрацию. Вам следует помнить, что обвинение вправе повторно допросить данного свидетеля по любому вопросу, могущему возникнуть в ходе данной реконструкции. Прошу вас, мистер Флинн, — сказал он.

Кейн позволил пиджаку соскользнуть на пол — так, чтобы тот упал левым рукавом к нему. Наклонился, чтобы подобрать его, убедившись, что внимание остальных присяжных сосредоточено на Эдди Флинне, который как раз задавал свидетелю свой первый вопрос. И Терри, и Рита не сводили глаз с адвоката. Ухватившись за пиджак, Кейн нащупал через прокладку лежащий в кармане скомканный листок и незаметно

вытолкнул его. В итоге тот оказался на полу, прикрытый пиджаком. Поднимая пиджак, Кейн махнул им, как метлой, и в этот короткий миг заметил, как бумажный комок укатывается под скамью перед ним.

Потом коротко глянул по сторонам — на лица присяжных в первом ряду и на Риту справа. Вроде как никто ничего не заметил.

Едва только Флинн приступил к встречному допросу Андерсона, как от внимания Кейна не ускользнуло повисшее между ними напряжение. Особенно когда коп начал объяснять, почему у него сломана рука. Детектив сказал, что просто поскользнулся и упал.

Интересно, подумал Кейн, и вправду ли Андерсон просто упал, а не пытался врезать адвокату защиты да промахнулся.

Флинн явно испытывал боль. Двигался он заметно медленней и осторожней, чем вчера. И Кейн заметил, как адвокат каждый раз невольно кривится, поднимаясь из-за стола.

Кейн практически не сомневался, что накануне у Андерсона с Флинном произошла какого-то рода стычка. Больно уже тяжелым взглядом смотрел этот коп на Флинна. Ненависть, которая исходила от Андерсона словно пар, явно объяснялась чем-

то бóльшим, чем обычное отвращение детектива к адвокату защиты.

Нет, за всем этим явно крылась какая-то история. Причем совсем недавняя.

Сам же Кейн ничего не имел против копов. У него не было к ним ненависти.

Вот потому-то он и решил работать с одним из них. Тот ему уже не раз пригодился. Он сделал себе мысленную пометку позже позвонить своему контакту в полиции. Еще много чего предстояло сделать.

Глава 40

Любой хороший мошеннический развод состоит из трех основных элементов. И неважно, откуда вы родом и где собираетесь его провернуть — в Гаване, Лондоне или Пекине. Вам все равно придется пройти все эти три основополагающих этапа. Называют их по-разному, и они могут преследовать разные цели, но суть от этого не меняется — в итоге все равно все сводится к этим трем стадиям, приводящим к успеху задуманного мошенничества.

Опять это магическое число…

У хорошего встречного допроса — те же три

стадии. И частенько случается так, что они точно такие же, что использует и мелкое уличное жулье, и международные аферисты высокого класса. Искусство перекрестного допроса и искусство мошенничества — это фактически одно и то же. И я достаточно хорошо владел обоими.

Стадия первая: готовим почву. Объект пока и не подозревает, что сейчас его начнут потрошить, — полностью уверен в себе, решительно отметая все ваши доводы и не видя под ними абсолютно никаких оснований.

— Детектив, исходя из фотографий, которые мы только что видели, а также отчетов о вскрытии жертв и результатов вашего собственного расследования, эти убийства вполне могли быть совершены и кем-то помимо моего подзащитного, верно?

Подобная мысль явно не приходила ему в голову. Я знал, что не приходила. Стоит только детективу из отдела убийств вбить себе что-то в башку, как это уже никакими силами оттуда не вытряхнешь.

— Нет, неверно. Все улики указывают на подсудимого как на убийцу.

— Защита с этим категорически не согласна, но все-таки предположим на минуточку, что вы

правы. Что все улики действительно указывают на моего подзащитного. Однако не могло ли быть так, что настоящий преступник попросту хотел, чтобы и вы, и ваши коллеги, и сторона обвинения сочли, что именно мой подзащитный виновен в совершении данного преступления?

— Вы хотите сказать, что кто-то ухитрился пробраться в дом незамеченным и подбросить улики, указывающие на Роберта Соломона? Нет уж, — ответил Андерсон, едва подавив ухмылку. — Простите, конечно, но это просто смехотворно.

— Могли ли эти убийства быть совершены каким-то иным способом, нежели тот, что вы описали присяжным, — что Карла Тозера ударили бейсбольной битой, а Ариэллу Блум закололи ножом, когда они лежали на кровати?

— Это единственный сценарий, который соответствует уликам, — сказал детектив.

Я вернулся к своему лэптопу, зашел по своему паролю в видеосистему суда и загрузил на большой экран два снимка, сделанные Харпер вчерашним вечером. Посмотрел на экран и увидел, что Прайор оставил на нем полицейское фото места преступления. Это было только в жилу. Я шепотом объяснил Арнольду, как про-

кручивать картинки и выводить их на экран. Он молча показал мне большой палец, а потом встал и передвинул принадлежности для наглядной демонстрации в переднюю часть зала, на покрытое керамической плиткой пространство перед трибунами судьи, свидетеля и присяжных.

Я тоже встал перед ними, поморщившись от боли в боку, и сказал себе, что скоро придется еще разок закинуться болеутоляющими таблетками. Просто надо еще чуть-чуть продержаться. Коротко глянул на коробки и матрас, а еще на магазинный полиэтиленовый пакет, лежащий на матрасе.

Стадия вторая. Приступаем к потрошению.

— Детектив, это вот фото жертв на экране — оно точно соответствует тому, в каком виде вы их обнаружили, прибыв на место преступления?

Он опять бросил взгляд на фото. Карл — на боку, затылок у него в крови. Ариэлла на спине, кровь у нее на животе, груди и больше нигде.

— Да, мы нашли их именно в таком виде.

Я уже читал отчет медэксперта, которая осматривала тела непосредственно на месте преступления. Там подробнейшим образом расписывалось, и в каких позах они лежали, и какие у них были раны. Приехала она около часа ночи. И, по ее

прикидкам, смерть наступила в промежуток от трех до четырех часов до ее появления.

Я показал Арнольду два пальца, и он сменил фото на экране в зале. Теперь там появился фабричный ярлык в нижней части матраса с места преступления, снятый крупным планом.

— Детектив, лежащий сейчас перед вами на полу матрас — марки «Немо-слип», артикул пять-пять-шесть-один-два-эл. Можете ли вы подтвердить, что точно такой же артикульный номер виден и на матрасе со следами крови жертв на нем?

Он посмотрел на фото и ответил:

— Да вроде.

— Медэксперт указывает в своем отчете, что верхняя часть туловища Ариэллы располагалась в двенадцати дюймах от левого края кровати, а голова — в девяти дюймах от изголовья, верно?

— Думаю, что да, хотя точно сказать не могу, не перечитав отчет, — сказал он.

Я прервался, пока помощник Прайора искал отчет, который передал Андерсону. Я по памяти назвал ему нужную страницу. Это мое свойство уже не раз сослужило мне добрую службу в адвокатской деятельности. Никогда ничего не забываю.

— Да, я бы сказал, что верно, — согласился он наконец.

Также детектив подтвердил, что голова Тозера располагалась в двадцати четырех дюймах от изголовья кровати и в восемнадцати дюймах от ее правого края, как и было указано в отчете.

Взяв с матраса полиэтиленовый пакет, я разложил его содержимое на полу.

Рулетка. Толстый канцелярский маркер. Водочная стопка. Кукурузная патока. Бутылка воды. Простыня.

Встряхнув новехонькую простыню, я застелил ею матрас. Отмерил рулеткой расстояния, указанные в отчете, и обвел соответствующие места маркером. Потом показал Арнольду один палец — мне требовалось вывести на экран фото номер один.

Изображение на экране переменилось. Теперь там появилось фото матраса, сделанное вчера, — с большим бесформенным кровавым пятном со стороны Ариэллы и лишь совсем крошечным пятнышком со стороны Тозера, оставленным его головой, размером примерно с донышко кофейной чашки.

— Детектив, вы согласны с тем, что эти обозначенные мною контуры соответствуют кровавым

пятнам на фотографии?

Какое-то время он не торопясь переводил взгляд между экраном и матрасом, после чего произнес:

— Более или менее.

— Отчет медэксперта — прямо перед вами. Там указано, что вес Ариэллы Блум — сто десять фунтов, а Карла Тозера — двести тридцать три фунта, я прав?

Андерсон перелистнул несколько страниц, после чего согласился и с этим.

— Детектив, это не экзамен по математике, но Карл Тозер был более чем вдвое тяжелей Ариэллы, вы согласны?

Он кивнул. Поерзал на стуле.

— Вам нужно ответить вслух для протокола, — напомнил я.

— Да, — произнес он, подавшись чуть ближе к микрофону.

Открыв одну из коробок, я вынул из нее две гири. Показал их Андерсону. Он согласился с тем, что одна из них весит двадцать пять фунтов, а другая пятьдесят. Одну я поставил на круг, обозначающий местоположение головы Ариэллы, а другую — прямо рядом с отметиной, обозначающей затылок Тозера. И еще до того, как продолжить, мог сказать, что демонстрация

удастся. Я знал это еще в спальне Бобби, когда мы с Харпер лежали на кровати. Пятидесятифунтовая гиря продавила матрас по меньшей мере на пару дюймов глубже более легкой.

— Детектив, опять-таки согласно отчету медэксперта, Ариэлла Блум потеряла значительное количество крови. Почти тысячу миллилитров, насколько я помню?

Он покопался в отчете.

— Да.

Я откупорил бутылку с водой, немного плеснул в свой стакан на столе защиты, а потом добавил в бутылку кукурузной патоки и две капли пищевого красителя. Опять закупорил и встряхнул ее. Отвинтил крышечку и получившейся смесью наполнил до краев заготовленную водочную стопку.

— Детектив, эта стопка, которую вы можете в любой момент изучить, содержит ровно пятьдесят миллилитров жидкости. Не желаете ее осмотреть? — сказал я.

— Поверю вам на слово, — сказал он.

— Криминалистическая лаборатория нью-йоркского управления полиции использует смесь из одной части кукурузной патоки и четырех частей воды, чтобы воспроизвести консистен-

цию человеческой крови. Это из руководства по реконструкции преступлений для их экспертов по кровавым следам. Вы в курсе насчет этого?

— Нет, не в курсе, но опять-таки не буду это оспаривать, — сказал Андерсон. Детектив явно осторожничал, старался не потерять очки, когда знал, что у меня есть что-то в рукаве. Если б он стал без нужды возражать, это ослабило бы его показания. У всех нью-йоркских копов одна и та же подготовка на случай выступлений на суде в качестве свидетеля. Я допросил их достаточно, чтобы знать, как он себя поведет.

Я медленно вылил содержимое стопки на гирю на стороне Ариэллы. Поначалу под гирей скопилась лужица, а потом темное пятно стало расползаться по сторонам. Часть жидкости струйкой потекла по кровати и эдакой змеей залезла под гирю на стороне Тозера. Желваки на подбородке Андерсона заходили, как работающий насос. Я просто-таки мог слышать, как в десяти футах от меня скрипнули его зубы.

— Детектив, вы можете встать и осмотреть этот матрас, если желаете, прежде чем ответить на мой следующий вопрос. Я хочу, чтобы вы посмотрели на фотографию матраса на экране и сказали мне, что, по-вашему, на ней не так.

Андерсон посмотрел на экран, посмотрел на матрас. Актер из него был никудышный. Потер виски, а потом покачал головой, безуспешно пытаясь скрыть замешательство.

— Не пойму, что вы имеете в виду, — буркнул он.

Я понял, что детектив пытается усложнить мне задачу, но он уже дал мне неверный ответ и тем самым открыл мне дверь для того, чтобы объяснить все это *ему самому* — и, что более важно, присяжным.

Экран переменился — Арнольд вывел на него фото жертв, снятое на месте преступления. По крайней мере, с Арнольдом мы были на одной волне. Прежде чем открыть рот, я заметил, что Гарри делает какие-то пометки в своем блокноте. Он уже явно просек, куда ветер дует.

— Детектив, на теле Карла Тозера нет и следа крови Ариэллы Блум, так?

— Думаю, что нет, — отозвался он.

Прайор уже услышал достаточно. Подскочил со своего места и встал рядом со мной.

— Ваша честь, сторона обвинения просто не может не высказать решительный протест против этой… этой комедии! Если даже кровь, или что еще там сейчас на этом матрасе, стекает вниз в

другую его область, то это ровным счетом ничего не значит. Матрас в доме подсудимого не был исследован экспертами. Он другой. Нет никаких резонных оснований утверждать, что то, что происходит на данном матрасе, обязательно произошло бы и на матрасе с места преступления.

Брови Гарри взлетели ко лбу, и он постучал ручкой по своей трибуне.

— До сих пор я позволял вам продолжать, мистер Флинн, но мистер Прайор поднимает вполне обоснованный вопрос, — сказал он.

Стадия третья. Тот момент, когда объект наконец осознает, какой же он лопух.

Я оглядел толпу, нетерпеливо ожидающую моего ответа. И многое увидел на лицах, обращенных ко мне. На одних было написано сомнение, на других — недоумение, но большинство присутствующих были явно заинтригованы. Они уже несколько месяцев слышали лишь одну и ту же историю — что Бобби Соломон убил свою жену и начальника собственной охраны. А теперь, похоже, им предстояло услышать совсем другую.

Покажите мне человека, который в такой ситуации остался бы равнодушным.

Я отыскал в толпе лицо, которое мне требовалось.

— Мистер Чизмен, вас не затруднит встать?

Во втором ряду из публики поднялся мужчина лет пятидесяти — с густыми, тщательно причесанными черными волосами и с усами, которые выглядели так, как будто их холили и лелеяли, как самого любимого домашнего питомца. Крупный по всем статьям дядечка, в темно-синем костюме, белой рубашке и изумрудно-зеленом галстуке.

Я опять повернулся к Гарри.

— Ваша честь, разрешите представить вам мистера Чизмена. В две тысячи третьем году он разработал и запатентовал матрас, известный ныне под маркой «Немо-слип». Изготавливаются такие матрасы из специальной ткани с латексным и кевларовым покрытием, которая стопроцентно, гарантированно водонепроницаема. Впитывающая способность у такого матраса — как у легированной стали. То есть вообще никакая. А еще он гипоаллергенный, антибактериальный, антигрибковый и используется в отельной индустрии по всему миру. Если потребуется, мистер Чизмен может дать показания, хоть это и не предусмотрено сегодняшним расписанием, — вдруг мистер Прайор пожелает допросить его.

Гарри едва сумел скрыть удовольствие на лице, глядя на мистера Чизмена. Но куда больше порадовало меня выражение на физиономии Прайора. Изумление — это еще слабо сказано. Он только что уткнулся в кирпичную стену с крупной надписью «невиновен» на ней.

— Гм, ваша честь, боюсь, что я вынужден воздержаться от допроса мистера Чизмена на данный момент.

— Тогда разрешаю продолжить данную линию допроса, — объявил Гарри.

Не успел еще Прайор вернуться к своему столу, как я вновь наступил на горло Андерсону.

— Детектив, как мы уже установили, на теле мистера Тозера не обнаружено крови Ариэллы Блум. Ни единой капли. Если жертвы во время убийства были расположены так, в каком виде вы их обнаружили, тогда на мистере Тозере была бы ее кровь. Вы с этим согласны?

— Нет, я считаю, что жертвы были убиты там, где лежали, — упорно гнул свое Андерсон.

— Вы согласны с тем, что любая жидкость стекает с уклона вниз? — спросил я.

— Я… Ну конечно, — ответил он.

— Это простая физика, детектив. Карл Тозер был вдвое тяжелее Ариэллы Блум. Под его весом мат-

рас значительно просел. Любая кровь, вытекшая из тела миз Блум, должна была согласно закону всемирного тяготения стечь вниз под уклон и быть обнаружена на мистере Тозере, верно?

Андерсон замешкался. Губы у него двигались, но из горла не вырвалось ни звука.

— Возможно, — наконец выдавил он.

Я приготовился к решающему удару. На экране появилось фото пятен на матрасе, сделанное Харпер.

— Если в момент убийства миз Блум Тозер находился на кровати, на него обязательно должна была попасть ее кровь. Детектив, после данной демонстрации разве не очевидно, что мистер Тозер находился не на кровати, когда убивали вторую жертву? Что ее кровь уже успела остановиться и высохнуть, когда Карла Тозера поместили на эту кровать?

— Наверное, — буркнул Андерсон.

— Вы хотели сказать, наверняка?

— Наверное, — повторил он сквозь стиснутые зубы.

— В самом начале данного допроса вы сказали присяжным, что убийства могли произойти, лишь когда обе жертвы лежали рядом друг с другом на кровати. А теперь данное свидетельство

позволяет в этом усомниться, не так ли? — сказал я.

— Наверное. Но это не меняет того факта, что ваш клиент и был тем, кто их убил, — сказал Андерсон.

Я совсем уже собрался окончательно добить детектива. У меня было множество вопросов к его расследованию. Только вот судья поднял руку, останавливая меня. Один из приставов что-то шептал ему на ухо. Гарри поднялся и объявил:

— Перерыв двадцать минут. Представителям сторон сию же секунду ко мне в кабинет.

Голос у него был раздраженный. Я увидел, как дама-пристав, ответственная за присяжных, собирает у них блокноты. Блин. Нового состава жюри мне сейчас только не хватало… Я только-только начал завоевывать этих людей.

Что бы там ни случилось, Гарри был буквально в бешенстве.

И тут мое внимание привлек какой-то шум. Разговоры на повышенных тонах. Определив источник переполоха, я даже отступил на шаг. За все годы работы адвокатом я еще не видывал ничего подобного.

На трибуне для присяжных разгоралась горячая перепалка.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Дело: «Государство против Роберта Соломона»

Уголовный суд Манхэттена

Мануэль Ортега

Возраст: 38

Пианист, флейтист, гитарист. Основной источник денежных поступлений – выступления в качестве сессионного музыканта. Участником какой-либо музыкальной группы на данный момент не является. Разведен. Один ребенок, мальчик, одиннадцати лет, живет с бывшей женой. Финансовое положение шаткое

(агрессивные кредиторы). История голосования отсутствует. Двадцать лет назад переехал в Нью-Йорк из Техаса. Брат в тюрьме. Посты в социальных сетях свидетельствуют о категорическом неприятии существующей тюремной системы.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 90 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 41

Он уже долго ждал подходящего момента.

Хотя было трудно судить. Слишком много народу вокруг. В такой обстановке Кейн всегда испытывал серьезный дискомфорт. Он потратил годы на то, чтобы научиться улавливать мельчайшие особенности людей, на которых нацеливался: тембр их голоса, манеру речи, излюбленные позы, привычки, непроизвольные движения, ритм их дыхания, их запах и даже то, как они складывали руки, присев отдохнуть.

И, оказавшись посреди большой толпы, никак не мог отключить его — это острое чувство дру-

гих людей. Временами это было невыносимо. Временами он был рад этому.

Вот как сейчас.

Он ощутил это, даже ни на кого не глядя. Флинн как раз загнал обвинителя в угол. Во втором ряду зала из публики поднялся высокий толстяк — Чизмен. Даже вся мебель в зале, казалось, повернулась к нему. Все уставились на него словно загипнотизированные.

Кейн выставил вперед правую ногу, затем плавно занес ее над левым коленом. Сел, скрестив перед собой ноги, сложил руки на груди и немного выждал. Он помнил, что скомканный листок улетел вперед, под кресла переднего ряда. Наконец нащупал его ногой, услышав легкое шуршание бумаги, и чуть подтолкнул вперед.

Сидящий перед ним Спенсер глянул влево, пытаясь определить источник звука. Затем вправо. Ничего не увидел. Ему пришлось бы наклониться, чтобы заметить бумажный комок.

Кейн тоже его больше не видел, но знал, где тот находится, чисто по наитию.

Присяжная справа от Спенсера, Бетси, оперлась ладонями о сиденье и поменяла позу, вытянув ноги, а затем упрятала их под скамью, скрестив лодыжки. И тут вдруг что-то услышала. Кейн

тоже это услышал. На сей раз звук был громче. Отчетливый хруст бумаги. Бетси наклонилась, чтобы посмотреть, в чем дело, и выпрямилась уже с бумажным комком в руке. Некоторое время неподвижно сидела, держа его перед собой и уставившись на него, как на магический хрустальный шар.

На одной из бумажных складок отчетливо читалось слово «Виновен». Сидящая рядом с Кейном Рита заметила, как Бетси что-то подобрала с пола. Подалась вперед и осторожно тронула ту рукой за плечо.

— О боже, тут же написано «виновен», — пролепетала она.

— Точно, — отозвалась Бетси.

Обе женщины вытянули шеи в сторону Спенсера.

— Что за дела, Спенсер? — вопросила Бетси.

Тот недоуменно посмотрел на нее.

— В смысле? — отозвался он.

Стоящая у двери женщина-пристав услышала их голоса и, пройдя мимо Кейна, наклонилась к ним, готовая сказать им, чтобы они замолчали. Вот тогда-то и увидела этот бумажный комок. Бетси повернула его так, чтобы ей было видно, что там на нем написано. Пристав резко выпрями-

лась. Велела им сохранять тишину. Забрала у них скомканную бумажку и направилась к судье.

Кейн, который по-прежнему ни во что не вмешивался, изобразил растерянность. Воспользовавшись отсутствием пристава, Бетси не стала сдерживаться.

— Ах ты мелкий интриган! — выпалила она.

И все остальные присяжные это услышали.

Глава 42

Чтобы угомонить разбушевавшихся присяжных, потребовалось вмешательство всех присутствующих в зале сотрудников службы безопасности суда. Всех пятерых. А когда присяжных уводили с трибуны, они все еще продолжали пререкаться. Во всех судебных процессах, в которых я принимал участие за все эти годы, присяжным впервые грозило привлечение к ответственности за неуважение к суду.

Крис Пеллоси, парень с бледной как у мертвеца физиономией, веб-дизайнер, одной рукой тянул Спенсера за свитер, а другой возмущенно тыкал в Мануэля Ортегу. Дэниел Клэй, любитель научной фантастики, присоединился к пенсионеру Брэдли Саммерсу, самому пожилому среди

присяжных, и Джеймсу Джонсону, переводчику, которые громко призывали остальных вести себя потише. Естественно, без толку. Орать на людей, призывая их замолчать, — занятие совершенно бессмысленное.

Мануэль, музыкант, воинственно напирал на здоровенного Терри Эндрюса, в то время как Бетси с Ритой крыли почем зря Спенсера Кольбера.

В стороне от всей этой катавасии оставался всего лишь один человек — Алек Уинн, который тихо сидел на своем месте, опустив голову. Наконец приставы вывели присяжных из зала. И даже когда дверь в коридор закрылась за ними, до нас по-прежнему доносились отголоски их жаркого спора.

— Господи, да что там происходит? — заволновался Бобби.

Вернувшись к своему клиенту, я попытался успокоить его.

— Понятия не имею, но в любом случае это может оказаться вам на руку, — сказал я.

— Каким образом? В каком это смысле на руку? — спросил он.

— Суд едва только начался, а мнения присяжных, похоже, уже успели разделиться. Это хороший знак. Будем надеяться, что так все и

останется.

Бобби вроде понял. Немного воспрянул духом. На щеки его вернулся румянец. Мои слова явно его приободрили.

Все это того стоило. Я много от чего отказался, чтобы сидеть сейчас рядом с Бобби Соломоном и представлять его интересы. И, глядя на него в эту секунду, понял, что сделал правильный выбор.

— Значит, у нас еще есть шанс? В смысле, я никогда не видел этот нож до сегодняшнего дня, Эдди! Клянусь, что никогда даже не видел его раньше, не говоря уже о том, чтобы прикасаться к нему! — запинаясь, выпалил он.

— Бобби, насчет той биты, которую нашли в спальне… Руди сказал мне, что обычно вы держали ее в прихожей — это так?

— Да, именно так. Я вырос на ферме, и мой отец не любил огнестрельное оружие. Поэтому постоянно держал у входной двери увесистый деревянный брусок. Чисто для самозащиты, понимаете? Однажды он расколотил эту деревяшку о башку одного типа, который явился к нам выбивать какой-то долг. Отсидел за это пару месяцев. А когда вышел, то пошел и купил себе бейсбольную биту. Поставил ее в том же самом месте, в маленькой нише рядом с дверью. Сказал, что бита так

легко не сломается. Я всегда поступал точно так же, независимо от того, где жил и какая у меня была охрана. Хотя никогда ее не использовал.

— Что ж, разумно, — заметил я. У меня уже возникла одна идея касательно этой биты в прихожей — каким образом она могла быть связана с таинственным синяком на горле у Карла Тозера.

Тут к нам подбежала вся взмыленная секретарь суда. Сказала, что судья хочет немедленно встретиться с адвокатами сторон. Мы последовали за ней в кабинет Гарри, и на сей раз Прайор помалкивал в тряпочку. Наверняка напрягся из-за происшествия в жюри, понимая, что двенадцать человек, которые уже в первый же день суда переcрались между собой, в жизни не вынесут ему единогласный вердикт. Он так боролся за то, чтобы завоевать их сердца, — и вот на тебе…

Гарри сидел за своим письменным столом. Судейскую мантию он успел снять и повесить на вешалку, оставшись в белой рубашке и черных брюках с подтяжками. На столе перед ним лежал какой-то мятый бумажный листок, а рядом с ним — высокая стопка блокнотов.

Мы расположились в бархатных креслах напротив него. Секретарь уселась за свой стол, а сбоку от нее пристроилась стенографистка, ко-

торая принялась колотить по клавишам, едва только Гарри открыл рот. Кулуарный разговор на сей раз велся под протокол.

— Джентльмены, — объявил Гарри, — в ряды наших присяжных затесался подставной.

— Этого еще только не хватало! — не сдержался Прайор, хлопнув рукой по судейскому столу.

Я потер лицо, попросил у Гарри водички и закинулся еще одной дозой обезболивающих. В них я сейчас тоже нуждался. Даже еще больше, чем когда-либо. Помимо сломанного ребра, давала знать о себе голова, в которой зарождалась пульсирующая боль. Вообще-то бóльшую часть дня все с ней было в порядке, пока я не трогал шишку на затылке. Теперь же я чувствовал, что скоро она готова разболеться по полной. И это не имело никакого отношения к бите, которой меня огрели вчера вечером.

Слова Гарри произвели примерно такой же эффект, как рояль, брякнувшийся оземь со стрелы подъемного крана.

Подставной…

Лично я с такими еще ни разу не сталкивался, хотя не раз слышал про них и читал в газетах. Подставной присяжный — это член жюри, который действует в соответствии со своими собствен-

ными планами. В большинстве случаев такой человек знаком с подсудимым — например, это какой-нибудь его дальний родственник или приятель. И в голове у него лишь одна цель — попасть в состав присяжных и подправить исход процесса в нужную ему сторону.

— Кто из них? — спросил Прайор.

— Вот, взгляните, только не берите в руки, — ответил Гарри. — А то тут и так уже полным-полно всяких отпечатков.

Мы оба встали и изучили мятый листок у него на столе. Написанное на нем слово «Виновен» отозвалось еще одной ударной волной боли у меня в черепе.

— Вы хотите приостановить процесс? — спросил я.

— Пока не знаю. Я уже просмотрел блокноты, которые мы раздали присяжным. И вроде как нашел, откуда этот листок. Два блокнота чистые. В большинстве остальных почерк даже близко к этому не лежал. Я, конечно, не эксперт-почерковед, но вот в этом явно очень похожий, — сказал Гарри, показывая на открытый блокнот у себя на столе. Почерк в нем был не просто похож на тот, которым было написано слово «Виновен» на мятом листке — он выглядел совершенно

идентично.

— По-моему, и вправду тот же почерк, — согласился Прайор.

— По-моему, тоже, — сказал я.

Гарри попросил секретаря привести недавнего обладателя блокнота в свой кабинет. Ждать пришлось недолго. Спенсера Кольбера усадили на дополнительный стул возле стола Гарри. В другой ситуации мне не хотелось бы потерять такого присяжного. На бумаге — наш человек. Творческая личность, хипстер, либерал, любитель обтягивающих свитеров с высоким воротом и травки. Как раз то, что доктор прописал.

Он неловко присел на краешек стула, словно малолетний пацан, которого привели в кабинет директора за драку на школьном дворе.

— Мистер Кольбер, данная беседа ведется под протокол. Я хочу знать, не вы ли написали это слово на листе бумаги из блокнота, оставив его в качестве своего рода послания для своих коллег-присяжных, — обратился к нему Гарри.

— Что?! Нет, я не имею к этому никакого отношения!

— Вообще-то очень похоже на ваш почерк, — заметил Гарри.

Кольбер попытался что-то сказать, но пере-

думал. Лишь пожал плечами, а затем все-таки выдавил:

— Я ничего не знаю про эту записку. Это не я, господин судья.

— Не делайте из меня дурака, сэр! Я уже сравнил эту записку с почерком в вашем блокноте. Даю вам последний шанс, — строго произнес Гарри.

Присяжный уставился в пол, собрался было что-то сказать, но лишь покачал головой.

— Подумайте как следует, мистер Кольбер. Прежде чем вы что-нибудь скажете, вам следует знать, что сейчас я могу пойти и допросить каждого из присяжных. Или же вы можете слегка сэкономить мне время. Тем более что если мне придется потратить еще какую-то часть своего дня на разговоры с другими присяжными, то можете не сомневаться, что ночь вы проведете не дома и не в отеле, а прямо тут, в камере временного содержания, пока я не решу, что с вами делать, — сказал Гарри.

Больше он мог уже ничего не говорить. Перспектива провести ночь за решеткой еще с двадцатью бедовыми парнями сразу развязала Кольберу язык.

— Я не писал эту записку! И вообще по-любому не думаю, что Соломон виновен, — поспешно

ответил он.

И тут же пожалел, что произнес эти слова. Судья развернулся в своем кресле лицом к нам и сказал:

— Мистер Кольбер, я исключаю вас из состава данной коллегии присяжных. На настоящий момент от вас не ожидается, чтобы вы выносили любые суждения касательно виновности или невиновности подсудимого. На одном только этом основании вам следует указать на дверь. Хотя должен сказать, что я вам не верю. По-моему, как раз вы и написали эту записку. Я думаю, что вы хотели убедить своих коллег-присяжных в виновности подсудимого. В любом случае я более не позволю вам вмешиваться в это судебное разбирательство. Насчет записки я еще решения не принял. Я собираюсь попросить полицию Нью-Йорка заняться ею и заняться вами. Надеюсь, им вы скажете правду, ради своего же блага. Если на этом листке найдутся ваши отпечатки пальцев, я вас еще разок побеспокою. Это понятно?

Спенсер кивнул и, получив разрешение, со всех ног бросился к выходу, пока не успел еще больше наломать дров.

— Присяжные просто валятся с дерева, как перезрелые яблоки, господин судья, — заметил

Прайор.

— И не говорите. Мне надо было назначить сразу полдюжины запасных. Я велю присяжным оставить эту записку без внимания. Кто-нибудь из вас хочет сказать что-нибудь еще? Хочу предупредить, что никаких ходатайств касательно аннуляции данного процесса и отправки дела на пересмотр я здесь рассматривать не намерен.

Мы с Прайором помотали головами. Добиваться аннуляции с пересмотром дела, которая объявляется либо в случае каких-то нарушений судебной процедуры, либо при отсутствии единогласного решения по вердикту со стороны присяжных, просто не было смысла. Если Гарри велит присяжным проигнорировать записку, для этого не будет никаких законных оснований. Да и не в наших это было интересах.

— Вот и славненько, — заключил Гарри. — Мы вызовем второго альтернативного присяжного. Она присутствовала на всех сегодняшних слушаниях, и не вижу, чтобы с этим были какие-то проблемы. А теперь давайте вернемся к работе.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально
Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ
Дело: «Государство против Роберта Соломона»
Уголовный суд Манхэттена

Джеймс Джонстон
Возраст: 43
Два года назад переехал в Нью-Йорк из Вашингтона. Родители умерли. Имеет родного брата, который остался в Вашингтоне. Переводчик (арабский, французский, русский и немецкий языки). Сотрудничает с местной службой переводов, работает на дому (посредством видеоконференций). Финансовое положение устойчивое. Выступает в роли волонтера в ряде неправительственных организаций, в основном ради общения. Друзей и приятелей нет. Увлекается французским кино, научно-популярной

литературой и дегустацией сыров. В качестве избирателя не регистрировался.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 50 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 43

Пока присяжные ожидали, когда их опять вызовут в зал, с ними оставались два сотрудника службы безопасности суда. Никто из присутствующих не проронил ни слова. Налив себе кофе, Кейн наблюдал за своими коллегами. Задержка их явно раздражала, и чем дальше, тем больше.

Когда присяжных наконец проводили обратно на трибуну, там их уже ждал новый член жюри — Вэлери Берлингтон, дама лет сорока с небольшим, одетая в дорогие черные джинсы и черный топ. И с ног до головы увешанная украшениями — все из золота и все настоящие. Одна только массивная цепь у нее на запястье тянула, наверное, штук на двадцать. Несмотря на дороговизну всех этих побрякушек, смотрелась она дешевкой. Оказалась Вэлери далеко от Кейна, на противоположном конце ряда кресел.

Судья проинформировал присяжных, что Спенсер из их числа исключен и что пришлось привлечь на его место одного из запасных. Велел присяжным оставить найденную записку без внимания и строго напомнил о запрете обсуждать любые подробности рассматриваемого дела до тех пор, пока они не заслушают все показания свидетелей. При этом он ясно дал понять, какими будут последствия, если кто-то это правило вдруг нарушит.

После ухода Спенсера единственным присяжным, вызывавшим у Кейна определенное беспокойство, оставался Мануэль.

Но с этим приходилось пока обождать.

Сосредоточенность Кейна нарушил голос адвоката. Он явно недооценил этого человека — Эдди Флинна. Больше он такого не допустит.

Глава 44

Детектив Андерсон был явно не слишком-то рад опять меня увидеть. Как и вообще большинство свидетелей, когда-либо попадавших мне в лапы. Я потерял разгон, и у него было время подумать, о чем еще я могу его спросить. Элемент неожиданности я тоже утратил.

— Детектив, как мы уже установили, вы согласны с тем, что данные убийства могли быть совершены каким-то иным способом, нежели тот, что вы изначально описали присяжным. Еще разок взгляните, пожалуйста, на отчет о вскрытии тела мистера Тозера.

Андерсон отыскал среди лежащих перед ним документов названный отчет и отозвался:

— Я по-прежнему считаю, что обе жертвы были убиты прямо в кровати, советник. Я не знаю, почему на мистере Тозере не оказалось следов крови Ариэллы Блум, но это абсолютно ничего не меняет.

Пока что я пропустил это заявление мимо ушей. Нужно было срочно отвоевывать утраченные было позиции.

— Как вы видите на третьей странице отчета, на горле у мистера Тозера был обнаружен кровоподтек линейной формы — треть дюйма в толщину, три дюйма в длину. Нашли?

— Да.

— И как же, по-вашему, он мог заработать этот кровоподтек, если, согласно вашему заключению, обе жертвы в момент убийства мирно спали в кровати?

Детектив призадумался, перевернул страницу

отчета и посмотрел на схематическое изображение тела, на котором медэксперт отметила обнаруженные ею повреждения.

— Не знаю. Наверное, он получил его еще до того, как лечь в постель. Может, это и не имеет никакого отношения к убийству, — ответил он.

— Конечно, вероятность того, что это не имеет никакого отношения к убийству, отнюдь не исключается. А может, это самый важный пункт во всем этом отчете. Взгляните вот на эти фотографии, пожалуйста, — сказал я.

Арнольд вывел на экран полицейские снимки остальной части дома. Кухни, коридоров, гостиных… За исключением кухни, полы были повсюду покрыты белоснежным ковром.

— Если мистер Тозер погиб не в постели, то, скорее всего, его убили где-то еще в доме. Как вы видите, нигде нет и следа крови, так?

На сей раз Андерсон не медлил с ответом.

— Вот именно! Единственное место, в котором мы обнаружили кровь мистера Тозера, — это кровать в спальне.

— Детектив, если кто-то сумел каким-то образом проникнуть в дом, подкрасться к мистеру Тозеру со спины, накинуть ему на голову мешок и затянуть его, вы ожидали бы найти у него на

горле подобный кровоподтек, так ведь?

Андерсон нажал на тормоза. Он явно не ожидал такого поворота.

— Наверное, но мистер Тозер умер не от удушья. Ему пробили череп бейсбольной битой.

— Да, и вправду похоже на то. Детектив, вы в курсе, где мой подзащитный обычно держал эту биту в доме?

— Вообще-то нет, — ответил он.

— В прихожей, возле входной двери, — просветил его я.

Андерсон пожал плечами и покачал головой, как бы говоря: «Ну и что с того?»

— Тот, кто сумел проникнуть в дом — скажем, под каким-то надуманным предлогом, — мог потом накинуть на голову мистера Тозера мешок, затянуть его, что вызвало этот кровоподтек на горле, а затем схватить стоящую возле двери биту и нанести ему сильный удар по затылку. Такое вполне возможно, согласны?

Пока я задавал этот вопрос, детектив лишь мотал головой. Он был явно не согласен с моими словами и думал, что может легко на них ответить. Прайор не стал вылезать с возражениями и вроде как был рад предоставить Андерсону возможность самому отмести этот мой вопрос.

— Никоим образом. В таком случае где же следы крови? На ковре должна была остаться хотя бы крошечная капля. А мы такое не пропустили бы.

— Но если этот неизвестный накинул на голову мистеру Тозеру мешок, а может, даже затягивающийся шнурком, то удар можно было бы нанести в абсолютно любом месте дома, поскольку кровавые брызги остались бы в мешке, согласны?

Это вполне имело смысл. Объясняло бы и характерный кровоподтек на горле, и отсутствие крови Тозера на ковре, и почему кровь Ариэллы не скатилась в сторону Карла в кровати. К тому моменту, как Тозера подняли по лестнице и положили рядом с ее телом, сердце ее уже перестало биться. А значит, кровотечение прекратилось. Вся вытекшая из нее кровь скопилась во впадине на матрасе, образованной ее весом. И успела частично впитаться в простыню.

— Что-то я не пойму… Если все было так, то зачем было убивать Ариэллу Блум, а потом класть на кровать рядом с ней тело Тозера? — возразил Андерсон.

Типичная ошибка новичка. Гарри уже собрался предупредить Андерсона, чтобы не задавал допрашивающему вопросов. Свидетели не задают вопросов — они отвечают на них. Однако в дан-

ном случае я был только рад ответить.

— Потому что если б тело Тозера нашли рядом с телом Ариэллы, это выглядело бы так, будто кто-то обнаружил их в одной постели, взревновал и убил их. Это обеспечивает Бобби Соломону мотив и переключает все внимание следствия исключительно на него, оставляя настоящего убийцу в тени, разве не так?

— Это *ваше* мнение, — упрямо сказал Андерсон.

— Тогда давайте отвлечемся от мнений, хорошо? То, что на теле миз Блум не было обнаружено каких-либо защитных ран, — это доказанный факт, верно?

— Да. Могу предположить, что она спала, когда убийца нанес свой первый удар ножом, — сказал Андерсон.

— Можно мне на минуточку вещественное доказательство номер восемь? — попросил я секретаря.

Та протянула руку под стол и вытащила бейсбольную биту, упакованную в опечатанный полиэтиленовый пакет. Я подошел к матрасу и аккуратно тюкнул ею по гире, обозначающей голову Тозера.

Тупой стук эхом разнесся по залу. Я отдал биту

секретарю.

— Сами слышали, какой чертовски громкий звук производит кленовая бита при ударе по металлу даже при совсем слабом ударе. А когда бита проломила Карлу Тозеру череп, это наверняка сопровождалось еще более громким треском, согласны?

— Да, какой-то шум при этом был, согласен с этим.

— И разве он не разбудил бы миз Блум, которая, по вашим словам, безмятежно спала в считаных дюймах от источника этого шума?

Андерсон протяжно выдохнул через нос. Явно пытаясь подавить раздражение.

— Не могу сказать, — ответил он.

Самый момент двигаться дальше — тот столик и нож тоже были важными пунктами в деле.

— Сколько раз дом и участок обыскивали в поисках возможного орудия убийства? — спросил я.

Немного подумав, Андерсон ответил:

— Наверное, с десяток раз.

— И нож в ходе этих поисков так и не нашли, насколько я понимаю?

— Нет, как я уже и говорил. Я нашел его только вчера.

— Это был хороший тайник, так ведь? — продолжал я.

Он кивнул, с кривой улыбкой на лице. Ответил:

— Пожалуй, неплохой, но в итоге мы его все-таки нашли.

— И вы бы не сказали, что орудие убийства засунули в тот светильник исключительно по той причине, что убийца не хотел, чтобы его нашли?

— Сказал бы.

— Предположим на минуточку, что мой подзащитный и вправду залез с ногами на этот столик, чтобы дотянуться до светильника, но почему же тогда он не вернул этот столик в первоначальное положение после того, как тот опрокинулся?

— Не знаю, — ответил Андерсон.

— Нож вы нашли только потому, что обратили внимание на опрокинутый столик, да?

— Да.

— И если б убийца поставил столик на место, вы так и не нашли бы этот нож?

— Скорее всего, нет, — признал он.

— Между тем звонком в «девять-один-один» и появлением в доме первых сотрудников полиции прошло всего семь минут?

— Думаю, что да.

— Вы бы не сказали, что у убийцы было полным-полно времени, чтобы скрыть тот факт, что он залезал на этот столик, попросту поставив его на место?

— Возможно.

— Давайте предположим, что вы правы и что убийцей, пытавшимся спрятать нож, был мой подзащитный. Итак, он не хочет, чтобы этот нож нашли. С великими трудами прячет его там, где никто явно не станет искать. В абажуре светильника. А потом прямо под этим светильником опрокидывает столик и разбивает вазу. И вы хотите уверить меня, что мой подзащитный так и оставил перевернутый столик и осколки вазы на полу? Все это явно должно было привести полицию к орудию убийства, как вы уже сами признали. Было бы полной глупостью со стороны моего подзащитного оставлять столик в таком виде, будь он убийцей, согласны?

— Убийцы постоянно допускают ошибки. Вот потому-то мы их и ловим.

Я показал на экран — на полицейское фото картинки с разбитым стеклом на полу спальни, рядом с прикроватным столиком.

— Детектив, тот звон бьющегося стекла на записи звонка в «девять-один-один» — он вполне

может объясняться и тем, что мой клиент в спешке сбил эту рамку с прикроватного столика, согласны?

— Наверное.

Он был явно доволен своим ответом. С Андерсоном я практически закончил. Оставалось только поставить присяжных в известность, что мы не забыли про долларовую банкноту, найденную у Тозера во рту.

— Детектив, сами вы лично не проводили все эти криминалистические исследования той долларовой купюры, насколько я понимаю?

— Нет, не проводил.

— Тогда ладно. Мы разберемся с данной уликой при помощи соответствующего эксперта-криминалиста.

Припомнив события вчерашнего вечера, я решил, что надо оставить Андерсона с дурным привкусом во рту. Команда Руди Карпа уже основательно изучила его подноготную, и я подумал, что просто грех этим не воспользоваться.

— У нас есть одно только ваше слово касательно того, что вы нашли орудие убийства в том абажуре. Сколько раз вы становились объектом расследования службы внутренней безопасности полиции?

Глаза Андерсона угрожающе сузились, и он буквально выплюнул свой ответ:

— Дважды. И был очищен ото всех подозрений — тоже дважды.

Глядя прямо в его перекошенную физиономию, я произнес:

— Когда этот процесс завершится, как думаете — вам и в третий раз повезет?

Прайор выступил с возражением. Присяжным велели не принимать во внимание этот мой последний вопрос.

— Спасибо, детектив. Пока у меня все, — заключил я.

От повторного допроса свидетеля Прайор отказался. Выходя из-за загородки, Андерсон бросил на меня убийственный взгляд. Я знал, что он нечист на руку. Он был дружком Майка Грейнджера. То, что он устроил прошлым вечером под окнами моего офиса, лишний раз подтверждало, что Андерсон — с такой же гнильцой, как и большинство детективов в нью-йоркском отделе убийств. Я только что заработал себе врага. Реально серьезного врага.

Дело уже было к часу дня. Я заметил, как Гарри поглядывает на часы.

— Дамы и господа, скоро мы прервемся на

обед. А потом нам будет нужно кое-что обсудить с присяжными. Предлагаю собраться вновь в пятнадцать ноль-ноль. Объявляется перерыв, — произнес он из-за судейской трибуны.

Когда я вернулся к столу защиты, Арнольд коротко охарактеризовал мне настроения присяжных:

— Ты им понравился. Никогда не думал, что скажу нечто подобное, но просто не могу этого отрицать. Две женщины согласно кивали, когда ты толковал про опрокинутый столик. Твоя наглядная демонстрация с битой тоже прошла на ура.

При этих словах в разговор вклинился Бобби:

— Спасибо! Рад, что вы на моей стороне, ребята.

— Не слишком-то обольщайтесь. У стороны обвинения еще полно свидетелей, которые могут создать вам большие проблемы. И у меня есть чувство, что у Прайора еще кое-что припрятано в рукаве, — отозвался я.

* * *

Когда зал начал пустеть, я заметил с десяток мужчин в костюмах, выстроившихся у выхода. Бобби по-прежнему охраняли. Они приготовились со всеми мерами предосторожности прове-

сти его в небольшую комнатку, где можно было спокойно съесть буррито и хранить секреты. Я чуть ли не наяву видел, как это придавливает его — некое чувство вины. Правда, которую он предпочел скрыть. «Что ты утаиваешь, Бобби?»

Прежде чем я успел поразмыслить над этим, толпа поредела, и я увидел проталкивающихся ко мне двух женщин. Харпер и ее подругу из ФБР, Дилейни. Я не знал, что именно они обнаружили. По их лицам было трудно об этом судить. Все, что я понял, это что они нарыли какой-то крупняк. Когда обе дамы наконец пробились через последних зрителей, Харпер подошла к столу защиты и объявила:

— Нужно поговорить, прямо сейчас. Ты просто не поверишь!

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ
Дело: «Государство против Роберта Соломона»
Уголовный суд Манхэттена

Брэдли Саммерс
Возраст: 68
Почтовый служащий на пенсии. Вдовец. Благодаря хорошей государственной пенсии финансовое положение устойчивое. Никаких долгов. Никаких финансовых активов. Проживает отдельно от обоих детей (один живет в Австралии, другой – в Калифорнии). Иногда играет в шахматы в парке. Голосовал за демократов. В интернете не присутствует. Почитывает «Нью-Йорк таймс».
Вероятность голосования за невиновность клиента: 66 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 45

Ехать на полицейском автомобиле с мигалками

Кейну было уже не впервой. Вместе с остальными присяжными его вывели из здания через боковой выход. Вдоль тротуара уже выстроилась вереница сине-белых «Краун Виктория» нью-йоркской полиции. К главному входу им подъехать не удалось. Дорожной службе пришлось перекрыть половину Сентер-стрит — столько народу толпилось у здания суда.

Коп, который вез его в квартиру, все дорогу молчал. Они вместе поднялись в лифте на третий этаж. Этот коп, патрульный Лок, все так же молча ждал в тесной прихожей квартирки, когда Кейн прошел в спальню и стал собирать вещи.

В сумку полетели брюки, футболки, носки, две рубашки и две пары трусов. Сумка была с секретом. Кейн много лет назад заказал ее себе в Вегасе. Ручной работы, из толстой итальянской кожи, выглядела она так, будто он только что принес ее из магазина. Бритва, зубная щетка и упаковка таблеток — антибиотики — отправились следом. Цифровой термометр он уложил туда же, но прежде измерил им температуру, которая оказалась нормальной.

Покопавшись в сумке, Кейн провел рукой по выступающему шву изнутри. Нащупал небольшой полукруглый язычок и потянул за него, откры-

вая потайной отсек, выстланный алюминиевой фольгой, чтобы сбивать с толку металлодетекторы. Прямо поверх этого отсека располагалась металлическая бляха с логотипом производителя. Копы должны были прийти к выводу, что детекторы пищат из-за металла фирменной эмблемы.

Кейн собрал еще несколько важных вещей, помельче, составляющих базовый набор для убийства. Все это он затолкал в потайной отсек, застегнул «молнию» сумки и присоединился к полицейскому в прихожей. Патрульный Лок пролистывал один из журналов, который подобрал со столика у двери.

— Любите рыбачить? — спросил он.

— Угу, когда получается, — ответил Кейн.

— Мы с парой дружков ездим на реку Осуиго, дважды в год. Вот там рыбалка так рыбалка!

— Да, наслышан. Как откроется сезон, наверняка тоже туда скатаюсь.

Все обратную дорогу до Сентер-стрит они обменивались рыбацкими байками. Наперебой хвастали, как раз поймали *вот такую* рыбину, а она возьми да и сорвись с крючка. Все эти байки всегда одни и те же. Лок провел Кейна в здание суда через задний вход, после чего ушел. Тот остался в совещательной комнате совсем один. Потом

вернулся первый из остальных присяжных. Этот судебный процесс вряд ли окажется чересчур уж сложным, решил Кейн. Он знал, что уже видит своих коллег насквозь. Мысли сами собой вышли за пределы судебного зала. На планирование его следующего хода ушли месяцы. Нынешний ход событий заставил его прикинуть, не стоит ли изменить эти планы.

Кейн положил на стол десятицентовую монетку.

Орел — план остается в силе.

Решка — нужно составить новый.

Подбросил монетку.

Жизнь и смерть закрутились в воздухе. Сама судьба, зависящая исключительно от случайности. Кейн будет осторожен, независимо от того, какой стороной упадет монета. Неопределенность всегда возбуждала его. Он чувствовал, как она затаилась где-то в глубине живота.

Попрыгав на столе, монетка замерла.

Решка.

Убрав десятицентовик, он вгрызся в сэндвич. Жуя, думал о человеке, что отныне будет жить своей жизнью, которую сохранила ему монетка. И никогда не узнает, какого кошмара счастливо избежал. Вообще-то Руди Карп так никогда и не

поймет, какая серьезная опасность ему грозила.

Естественно, это означало, что высокую цену придется заплатить кому-то другому.

Подхватив свою сумку, Кейн вышел из комнаты, прошел по коридору, отыскал туалет и убедился, что тот пуст. Заперся в кабинке, вытащил из потайного отсека сумки одноразовый мобильник и набрал номер. Ответили практически моментально.

— Смена плана на Род-Айленд, — произнес Кейн.

— Эта ваша монетка когда-нибудь не доведет вас до добра. Дайте-ка угадаю: Карп может спать спокойно, — ответил ему знакомый голос.

— Монетка сделала мудрый выбор. Этот Флинн к утру будет во всех газетах и новостных лентах соцсетей. Он — как раз то, что надо. А теперь: можешь достать мне то, о чем я просил? — спросил Кейн.

— Я уже прикинул, что вы можете поступить и так. В прессе только и разговоров, что про этого Флинна. Думаю, вы будете довольны. Оставлю все, что вам нужно, в вашей машине в аэропорту Кеннеди, — ответил голос.

— Уже раздобыл?

— Подвернулась удачная возможность. Я ею

воспользовался. Флинн по-любому задает слишком много вопросов. Андерсон сегодня пару раз едва не напортачил. Нам нужно прикрыть его.

— Естественно, а на что еще существуют партнеры? По-моему, Андерсону это понравится, — сказал Кейн. — Он просто ненавидит Флинна.

— Знаю. Мне уже почти что жаль Флинна. Он и понятия не имеет, что его ждет.

Глава 46

В тесной огороженной кабинке, предназначенной для конфиденциальных консультаций клиентов с адвокатами, стоял запах дешевого одеколона и застарелого пота. Дилейни, похоже, было все равно. Это оказалось большей проблемой для Харпер, которой пару минут пришлось привыкать к подобным ароматам. Она к таким вещам вообще чувствительная.

Обе принесли какие-то папки и разрозненные листки, которые выложили на стол. Харпер начала первой.

— Жертвы Ричарда Пены связаны с делом Долларового Билла, — объявила она.

Как раз ДНК Пены и нашли на долларовой банкноте, обнаруженной во рту у Карла Тозера. Вместе

с отпечатком пальца и ДНК Бобби Соломона. И все же Пена умер за двенадцать лет до того, как эта купюра была даже просто напечатана. Был казнен согласно законам штата Северная Каролина за убийство четырех человек. Да и число жертв, приписываемых Пене, выделяло его из общего ряда. И при чем же здесь Долларовый Билл?

— На местах этих преступлений находили долларовые банкноты? — спросил я.

Никто из них сразу же не ответил. Дамы лишь переглянулись, словно спрашивая друг у друга, кому из них все мне рассказать. Наконец Дилейни открыла одну из папок и выложила на стол несколько фотографий.

Четыре штуки. Четырех женщин. Все — белые. Все молодые. Судя по фото, всех их нашли на газоне или просто на каком-то открытом травянистом участке. Все в одинаковых позах. Руки и ноги у них были раскинуты в стороны, словно в популярном в соцсетях прыжке «звезда».

У всех на горле — багрово-синюшные кровоподтеки. И больше никаких других признаков насилия, хотя судить по фото было трудно. Все девушки полностью одеты. Худи, кардиганы, футболки и джинсы.

— Все это студентки Северокаролинского го-

сударственного университета в Чапел-Хилл. Их тела были оставлены в студгородке, предположительно сброшены с фургона. Самой старшей было двадцать три, — сказала Дилейни.

Тут меня отвлек какой-то треск. Даже сам того не сознавая, я вцепился в хилую ножку стола и чуть не отломал ее.

Я мысленно встряхнулся, пытаясь отогнать бешенство и как следует рассмотреть разложенные передо мной снимки. Поначалу я этого не увидел. А потом заметил, что из-за отворота блузки одной из жертв что-то выглядывает. Долларовая банкнота, засунутая за лифчик.

И едва я только это увидел, как Дилейни бросила на стол еще одно фото. Это был коллаж из всех четырех жертв. Долларовые купюры были подсунуты под ткань лифчиков абсолютно у всех.

— Блин, — только и сказал я.

— Копы придержали это от журналистов. На одной из банкнот они нашли следы ДНК. Поначалу совпадений по базе не обнаружилось. А потом полиция и служба безопасности студгородка провели добровольный сбор образцов ДНК у тысячи четырехсот лиц мужского пола, живущих или работающих на его территории. И так и вычислили Ричарда Пену. Он был дворником, но недолгое

время ухлестывал за одной из жертв. Последней, Дженифер Эспозито. И да, на всех долларах имеются отметины, — продолжала Дилейни.

Она выложила еще четыре фотографии. На каждой из купюр Большая печать США была помечена в знакомых местах — на наконечниках стрел, листочках оливковой ветви и звездочках над головой у орла.

— Копы сфотографировали эти банкноты и приобщили к уликам. Пометки они не заметили, а если даже и заметили, то на суде речь об этом не заходила. Совпадения ДНК и одинакового почерка во всех четырех преступлениях оказалось более чем достаточно.

— И Пена добровольно сдал образец ДНК? — спросил я.

— У него не было особого выбора, — ответила Харпер. — Руководство университета приказало всему персоналу сдать образцы в обязательном порядке. Может, он думал, что не оставил никаких следов. В конце концов, убийца был достаточно осторожен. Этого совпадения ДНК хватило, чтобы осудить его за рекордно короткое время. До этих убийств Чапел-Хилл терроризировал какой-то серийный насильник. Повесить эти изнасилования на Пену не удалось, но если

читать между строк, копы были просто-таки уверены, что этим насильником был Пена, и просто подняли ставки. Городок месяцами жил в страхе, и давно уже было пора посадить кого-то за это на электрический стул. Судебный процесс занял всего два дня. Присяжные вынесли решение за десять минут. Наверное, ты мог бы сказать, что у Пены просто не было достойного защитника. Хорошего адвоката ему и вправду было не потянуть, а государственный защитник, как водится, спал на ходу, или же ему было просто плевать на своего подзащитного. Все апелляции Пены были отклонены быстро и жестко. Люди хотели видеть этого парня мертвым, и штат подчинился.

Однако и вправду быстро… Органы правосудия обычно стремятся растянуть удовольствие, но, видно, только не в данном случае.

— Пена заявлял о своей невиновности? — спросил я.

— До последнего вздоха, — ответила Харпер.

— Как и все остальные, — добавила Дилейни.

— В каком это смысле «все остальные»? — удивился я, отодвинув от себя снимки.

Харпер поднялась со своего стула напротив меня и, протиснувшись мимо стола в тесной комнатенке, встала за спиной у Дилейни.

— Это еще не всё, — сказала Дилейни. — После того как вы с Харпер ушли, я получила разрешение еще раз провести поиск по базам. Долларовая банкнота в деле Соломона стала моим основанием для обращения к начальству. А еще я отправила запросы в отделы убийств шерифской службы и окружной полиции по всем тринадцати штатам Восточного побережья. Тем, которые первыми подписали Декларацию независимости. Думаю, вы уже и сами это поняли. Это заняло у меня какое-то время. До этого ваше дело с тремя жертвами оставалось всего лишь версией, и этого было недостаточно, чтобы просить правоохранителей покопаться в закрытых делах, закончившихся твердым приговором. Мой директор дал мне карт-бланш на любые запросы. А еще дал добро отправить запросы судьям и судебным секретарям в каждом из округов, входящих в состав этих штатов. Это произошло впервые. Такого мы еще не делали. И это дало результат.

Придвинув свой стул поближе к столу, я стал смотреть, как Дилейни вытаскивает из своей папки еще какие-то документы. Четыре отдельные стопки, перехваченные резинками. Она одну за другой выложила их передо мной на стол. Там были вырезки из газет, полицейские отчеты и

результаты сравнения образцов ДНК.

— Поджог в церкви для чернокожих в Джорджии. Двое погибших. Рядом с канистрой из-под бензина обнаружен обгоревший обрывок долларовой банкноты. С ее помощью и подожгли бензин, а потом поджигатель затоптал ее. Отпечатки пальцев на канистре принадлежали некоему Алексу, стороннику «белого превосходства» и полному утырку, который только что выиграл два миллиона долларов в государственной лотерее.

Она шлепнула на стол следующую стопку.

— Пенсильванский потрошитель. Три женщины в буквальном смысле слова разорваны на куски в своих собственных домах, частично съедены и обезображены. Всех трех нашли в течение двух недель летом две тысячи третьего, по всей территории штата. Долларовые купюры заталкали им в трусы. В совершении этих убийств сознался некий Иона Паркс, страдающий параноидной шизофренией — несмотря на горячие протесты своей новой жены, предоставившей ему алиби. Но этого оказалось недостаточно, чтобы спасти его от тюрьмы.

Следующая стопка бумаг. Еще одно мертвое лицо, смотрящее на меня с фотографии. На сей

раз мужчины, сидящего за рулем дальнобойного грузовика.

— Убийца, которого окрестили Питстопом. Пятеро мужчин, все дальнобойщики. Подбирали автостопщика где-то в Коннектикуте и в итоге расставались с жизнью. Застрелены в голову с близкого расстояния и ограблены. На приборной доске всякий раз — долларовая банкнота. Копы считали, что это в оплату за поездку со стороны стопщика. Отпечаток пальца на одной из купюр привел копов к бывшему бродяге, который только что заселился в дом, доставшийся ему после смерти какого-то дальнего родственника вместе с прочим солидным наследством. Мужик даже не успел толком им насладиться.

И последняя стопка.

— Шестнадцатилетняя Салли Бакнер. Штат Мэриленд. Похищена, изнасилована и убита обоюдоострым ножом. Вытаскивая ее тело из-под соседского крыльца, копы нашли у нее в руке однодолларовую банкноту. Ее сосед Альфред Карек, восьмидесяти одного года, категорически отрицал свою причастность к убийству, но нашлись косвенные улики. По воскресеньям с утра Салли частенько ходила для него в магазин, и он всегда платил ей пару долларов за хлопоты. На купюре

— отпечатки Карека. Он умер через неделю после того, как его признали виновным в убийстве.

Дилейни покачала головой. Произнесла:

— На всех этих купюрах Большая печать США помечена обычным способом — наконечник стрелы, листок, звездочка. Мы все еще ждем, нет ли совпадений из Нью-Джерси, Южной Каролины, Вирджинии и Род-Айленда. Может, он пока и не успел добраться до этих штатов. А может, и успел, только мы пока этого не обнаружили.

Никто из нас не мог продолжить разговор. Харпер, прислонившись спиной к стене, уставилась в пол. Все мы ощутили это — словно какая-то черная, злобная тварь проникла в комнату. Нечто такое, о чем и подумать-то страшно. Все мы в детстве чего-то боялись. Буку, чудища из шкафа или дьявола, прячущегося под кроватью. И наши родители говорили нам, что это лишь плод нашего воображения. Что не бывает никаких демонов. Никаких чудищ.

Но они все-таки есть.

Мне и самому доводилось делать херовые вещи в своей жизни. Бить людей. Убивать людей. У меня просто не было выбора. Для самообороны. Защищая свою родню. Защищая других людей. И не так-то легко убить человека, даже при таких

обстоятельствах. Я знал из опыта, что Харпер тоже приходилось спускать курок. Одного человека она грохнула насмерть. Я не взялся бы с полной уверенностью сказать, имелся ли подобный опыт у Дилейни, но ей этого и не требовалось, чтобы понять, каково это. Это та черта, за которую иногда приходится переступить.

Но это всегда оставляет шрам.

И вот вам человек, который убивает чисто ради удовольствия. Это для него игра. Но вот только это не человек. Это один из таких монстров.

Я знал, о чем хочу спросить, — просто не мог набраться духу это сделать. Губы у меня пересохли. Я облизнул их, сглотнул и спросил:

— А сколько там всего жертв?

Дилейни уже знала ответ. Как и Харпер. Это знание тяжким грузом навалилось им на плечи. Харпер прикрыла глаза и практически прошептала:

— Пока нам известно о восемнадцати. Двадцати, если считать Ариэллу Блум и Карла Тозера.

— А мы включаем сюда Ариэллу и Карла, агент Дилейни? — спросил я.

— Думаю, что да, хотя здесь мы здорово отстаем. И дело еще не закрыто, расследование продолжается. Я поделилась с вами этими сведениями,

поскольку именно вы меня на все это и навели. Я готова показать на суде, что ФБР расследует возможную связь между убийствами Блум и Тозера и известным нам серийным убийцей, орудующем на Восточном побережье, но это и все. Никаких иных доказательств или информации у меня нет. Если Соломона осудят за эти убийства, это закроет еще одну дверь прямо у меня перед носом. Знаете, как трудно вновь открыть уже закрытое дело? Когда уже вынесен приговор? Практически невозможно.

В комнате вновь воцарилась тишина.

— Есть ли какая-то связь между жертвами? Наверняка он не зря выбирает тех или иных людей. Вряд ли по совершенно случайному принципу, — наконец сказал я.

— Связь мы пока не обнаружили, — ответила Харпер. — Сейчас занимаемся этим. Я решила, что буду наиболее полезна тебе, Эдди, работая именно в этом направлении. До сих пор никакой связи между жертвами в различных штатах не прослеживается. Все разного возраста, разного пола, разной расовой принадлежности, с разным прошлым.

Я кивнул. Она была права. Но ни в чем из этого не было ни малейшего толку для Бобби на суде.

Никакого реального толку.

— Должна быть связь! А как же отметки на долларе? В смысле, у этого парня наверняка есть какая-то темная миссия. У него есть цель. У него есть план. Он убил уже двадцать человек, а копы с федералами даже не ищут его. Он ухитрился переложить вину за каждое из убийств на какого-то другого человека, — сказал я.

Это слово, это странное ярко-красное слово — убийство… Почему-то оно будто застряло у меня на языке. Мозг никак не хотел избавиться от него.

Я воспользовался моментом тишины, чтобы все улеглось в голове. Скоро мне предстояло вновь вернуться в судебный зал. Прикрыв глаза, я позволил мыслям блуждать по их собственному разумению. Где-то в глубине моего подсознания скрывался ответ.

Началось это исподволь. Словно негромкий пульс, забившийся в комнате. Словно вибрация в самом сердце скрипки — едва заметная, просто от пальцев, легших на струны прямо перед тем, как прозвучит первая нота увертюры. Я едва ли не физически это ощутил. И вот ответ оказался прямо перед мной.

— Мне нужно время, чтобы пробежаться по

всем этим делам. Будем надеяться, что получим и что-то еще из остальных штатов. Если мы собираемся все это использовать, нам нужно привести данные в порядок и обнаружить связь между жертвами. И нам придется выдать все эти сведения на тарелочке Прайору, если вы желаете заключить с нами сделку, а, Дилейни? А я тем временем попробую отложить сегодняшние слушания до завтра — попрошу Гарри предоставить мне отсрочку. Он довольно прозрачно намекнул, что я могу на нее рассчитывать, если она мне понадобится. А сейчас она мне ох как нужна. Нам всем нужна, — сказал я.

Пока я говорил, мой взгляд блуждал по комнате вместе с моими мыслями.

И тут маэстро взмахнул руками. И первая нота наконец прозвучала у меня в голове.

— Какую это сделку вы имеете в виду? — насторожилась Дилейни.

— Предложение действительно только здесь и сейчас. Никакого торга. Либо соглашаетесь, либо нет. Завтра вы приходите в суд. И, может, я вызову вас для дачи показаний, хотя не думаю, что до этого дойдет. Все, что мне нужно, это ваше согласие поделиться данными материалами с окружным прокурором и ваше обещание, что,

если понадобится, вы расскажете присяжным все, о чем только что рассказали мне.

Дилейни сложила руки на груди, глянула через плечо на Харпер, а потом опять на меня.

— Я уже говорила вам, что не могу. Я не имею права ставить под угрозу текущее расследование, — сказала она.

— Ничего вы не поставите под угрозу! Придете в суд. Согласитесь дать показания, чтобы я мог официально представить вас стороне обвинения в качестве свидетеля. Но давать показания вам не придется. Если вы согласны на это, то клянусь вам: ваш преступник буквально через сутки окажется за решеткой.

Дилейни откинулась назад вместе со стулом, изумленная столь наглой заявкой.

— И как же именно вы собираетесь сдать мне Долларового Билла? — поинтересовалась она.

— Это самая лучшая часть. Лично *мне* не придется сдавать его. Если завтра все пройдет гладко, Долларовый Билл сам придет в ваши распростертые объятия.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально
Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ
Дело: «Государство против Роберта Соломона»
Уголовный суд Манхэттена

Кассандра Денёв
Возраст: 23
Два года назад сменила имя и фамилию. Ранее была известна как Молли Фройденбергер. Студентка выпускного курса Нью-Йоркского государственного университета (специальность – сценография). За два года бросила два университетских курса по другим специальностям. Работает в «Макдоналдсе». Финансовое положение прочное, во многом благодаря поддержке родителей. В отношениях сразу с несколькими молодыми людьми. Большое количество подписчиков в «Инстаграме». Любит кошек. История

голосования отсутствует.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 38 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 47

Появление на трибуне новой присяжной сопровождалось постоянным позвякиванием и побрякиванием. Она уже начинала раздражать Кейна. На левой лодыжке у нее был браслет-амулет, который позванивал даже при малейшем движении. Другие присяжные тоже это заметили. Вэлери Берлингтон и ее браслетику скоро предстояло стать костью в горле даже у самых терпимых ее коллег.

Кейн позволил себе помечтать, каково это было бы — отрезать ей ногу, и поймал себя на том, что неотрывно смотрит на ее вены, выступающие над туфлей из-под искусственного загара, словно дождевые черви из грязи.

Вэлери болтала ногой, не обращая внимания на укоризненные цоканья языками и шепотки, долетающие до ее ушей.

К счастью, ждать присяжным пришлось недол-

го.

Кейн почувствовал разочарование, когда судья отложил дальнейшие слушания до завтрашнего утра. Единственной положительной стороной оказалось то, что это позволило Кейну пораньше отделаться от прочей компании и подольше побыть наедине с самим собой.

Все опять набились в совещательную комнату, собрали свои сумки и покинули здание суда через задний вход. Желтый городской автобус повез их с Манхэттена. Вместе с присяжными в нем ехали еще двое судебных приставов. Почти час катили по автостраде, направляясь в сторону международного аэропорта имени Джона Кеннеди. Только вот двигались они не в аэропорт. Чего вокруг до него в избытке, так это достаточно недорогих отелей. Многие из них находятся в районе под названием Джамейка — части Куинса, населенной в основном представителями среднего класса. Заселить двенадцать присяжных и двух оставшихся заместителей в какой-нибудь манхэттенский отель было бы слишком накладно для городского бюджета.

Секретариат суда предпочел три тамошних отеля — «Холидей-инн», «Гарден-инн» и на самый крайний случай, если совсем уж некуда

будет деваться, «Грейдис-инн». Выяснилось, что этот крайний случай все-таки наступил. Сам Кейн и позаботился об этом. Неделей ранее он воспользовался несколькими предоплаченными кредитными картами, чтобы сделать несколько стратегических бронирований и в «Холидей-инн», и в «Гарден-инн». Оба отеля не жаловались на недостаток постояльцев, так что пришлось забронировать всего с полдюжины номеров. Все — на разные фамилии. Некоторые через интернет, некоторые при помощи одноразового мобильника. Оформляя заказ, он каждый раз указывал по телефону или по электронной почте желаемый номер комнаты и этаж.

Результат: ни в одном из этих отелей не смогли предложить пятнадцать номеров на одном и том же этаже, когда сотрудник канцелярии суда попытался оформить групповое бронирование. По соображениям безопасности на этаже следовало поставить охранника, чтобы тот наблюдал, как присяжные соблюдают режим изоляции. Уследить сразу за двумя или тремя этажами было решительно невозможно. Нет, сэр. Один этаж — один охранник. Таковы правила.

Таким образом, оставался только «Грейдис-инн». Один этаж. Один охранник.

Автобус подкатил к отелю, и Кейн увидел разочарование на лицах своих коллег, когда их взгляды упали на место, в котором им предстояло разместиться.

— И когда же они убрали вывеску «Мотель Бейтса»[58]? — громко поинтересовалась Бетси, вызвав нервные смешки остальных присяжных и сопровождающих их приставов.

Присяжные влились в вестибюль, больше похожий на приемную похоронного бюро. По всем стенам — темные дубовые панели, всасывающие в себя остатки и без того тусклого света, что просачивался сквозь грязные окна. Кейн почуял запах тушеных овощей. Стоящий у входа носильщик кивнул каждому из присяжных, когда те проходили мимо него, но не выказал ни малейшего стремления подхватить чью-нибудь сумку. Вообще-то этот малый и без того выглядел малость загруженным. И пахло от него соответственно. Над престарелой теткой-портье висел ряд оленьих голов. Выглядела она лет на восемьдесят и была глуховата. Приставу было бы явно проще общаться с кем-то из оленей у нее над головой.

Пока они ждали в вестибюле, Кейн старался

---

[58] notes: 58

Полузаброшенный мотель Бейтса — место действия знаменитого черно-белого триллера А. Хичкока «Психоз». (*Прим. пер.*)

держаться поближе к Мануэлю. Пихнул его в бок. Тот поднял на него взгляд. Кейн подался к нему и жарко прошептал:

— Я знаю — вы считаете, что Соломон невиновен! Мы с вами на одной волне. Нам нельзя допустить, чтобы его посадили в тюрьму за то, что он не совершал… Ладно, потом поговорим.

Кейн заговорщицки мотнул головой на остальных присяжных. Мануэль немного поразмыслил над его словами, после чего незаметно показал большой палец — мол, договорились.

Раздали пятнадцать ключей. Настоящих ключей, не каких-то там пластиковых карточек. Такое вот это было место. Судя по всему, в какие-то незапамятные времена этот отель был шикарным особняком. По пяти этажам раскинулось почти сорок комнат. Никаких лифтов. Присяжные потянулись вслед за приставом на четвертый этаж, а потом разошлись мимо него по своим номерам. Кейну достался сорок первый, по правой стороне коридора. Он достаточно долго возился с ключом в замке, чтобы к соседней двери подошел еще кто-то из присяжных.

Это оказалась Вэлери. Кейн услышал у себя за спиной звон ее побрякушек. Обернувшись, он обратился к ней:

— Вэлери, простите, но у меня бывают жуткие мигрени. С утра этот номер будет залит солнечным светом, и от него у меня точно разболится голова. Вы не против поменяться?

Та улыбнулась, похлопала его по руке и ответила:

— Ну конечно же, я не против, сладенький. Занимайте мой номер.

Кейн взял ключ с цифрой «39» на массивном брелоке, улыбнулся и поблагодарил Вэлери. Открыл дверь своего нового номера, закрыл ее и запер за собой. Комната была маленькой и грязноватой. Большое окно выходило на свес крыши этажа внизу. Сад под ним был едва виден.

Бросив свою сумку на пол, Кейн упал на кровать и сразу же заснул.

Через час его разбудил громкий стук в дверь. Он сказал приставу, что неважно себя чувствует и на ужин не пойдет. Лучше немного поспит. Нет, врач ему не нужен.

Кейн сумел еще слегка вздремнуть и проснулся в час ночи. С ясной головой. Бодрый. Отдохнувший.

Переоделся, померил температуру. Приняв несколько таблеток антибиотиков, собрал сумку, натянул на голову лыжную маску с прорезями

для рта и глаз и вылез из окна.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально
Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ
Дело: «Государство против Роберта Соломона»
Уголовный суд Манхэттена

Алек Уинн
Возраст: 46
Инженер, специалист по системам кондиционирования воздуха, в настоящее время не работает. Холост. Республиканец. Финансовое положение шаткое, но пока не критическое. Помимо работы практически ни с кем не общается. Одиночка. Любитель активного отды-

ха – охота, рыбалка, байдарки. Имеет лицензии на короткоствольное огнестрельное оружие, действительные в штатах Нью-Йорк и Вирджиния. Владеет тремя пистолетами – два держит дома, еще один в Вирджинии. Также обладает разрешением на многозарядное охотничье оружие. Интересы в интернете: «Брайтбарт ньюс»[59]*, Дональд Трамп, Республиканская партия, жесткая порнография и различные сайты, посвященные военным США. В армии никогда не служил.*

Вероятность голосования за невиновность клиента: 20 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 48

Гарри в мгновение ока предоставил мне отсрочку. Прайор не возражал. У меня появилось время до утра, чтобы подготовиться к завтрашнему слу-

---

[59] notes: 59

«Брайтбарт ньюс» (*англ.* Brietbart News) — ультраправый новостной и аналитический интернет-ресурс, основанный в 2007 г. консервативным американским журналистом Э. Брайтбартом. (*Прим. пер.*)

шанию. Когда зал суда опустел, остались только я, Арнольд и Бобби. Холтен, частная охранная фирма которого сотрудничала с «Адвокатским бюро Карпа» по договору, сказал, что останется и будет обеспечивать безопасность Бобби. По его словам, он уже договорился с Карпом, что Соломон может пользоваться предусмотренными договором охранными услугами по крайней мере до выходных. После этого — все за его собственный счет. Джентльменский жест со стороны Руди — по крайней мере, Бобби будет оставаться в безопасности, прежде чем его отправят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. В коридоре уже стояли пятеро охранников во главе с Холтеном, готовых сопроводить Бобби домой.

— Где вы остановились? — спросил я.

— В Мидтауне[60]. Старый дом, тихий приличный район… Там даже сохранилась комната-убежище наверху, с толстой стальной дверью. Там я буду в безопасности. Руди арендовал его для меня, заплатив до конца месяца. Скажите, вы по-прежнему думаете, что у нас есть шанс? — спросил Бобби.

---

[60] notes: 60

Мидтаун (Средний Манхэттен) — фактически центр Нью-Йорка, в котором сосредоточены основные его достопримечательности во главе с Эмпайр-стейт-билдинг. (*Прим. пер.*)

Денек выдался тяжелый, и это начинало на нем сказываться. Можно было сказать Бобби все как есть, но это ему не помогло бы. У меня было интуитивное предчувствие, что мы все-таки сумеем поймать настоящего убийцу. Перед Дилейни мне требовалось изобразить полную уверенность в этом, однако сам я в глубине души сомневался абсолютно во всем. И абсолютно все в этом деле по-прежнему зависело от простого везения.

— Вообще-то думаю, что есть. Завтра я буду знать больше. По-моему, Ариэлла с Карлом стали невольными жертвами какой-то грязной игры. Их убийца хотел подставить вас. Пока я не знаю почему. И как именно он все это проделал. Мне нужно, чтобы сейчас вы поехали домой и хорошенько подумали. И завтра рассказали мне, где были в вечер убийства, — сказал я.

— Я ведь уже говорил, что не помню. Господи, хотелось бы мне это знать!

Произнося эти слова, Бобби смотрел в пол.

Он врал. Я знал это. Арнольд тоже это понял.

— Бобби, у вас просто нет выбора в этом вопросе. Вы обязаны рассказать мне, — настаивал я.

Он покачал головой:

— Да говорю же — не помню…

— Тогда будем надеяться, что к утру ваша па-

мять освежится. Присяжные захотят выяснить, где вы были. Если не сможете им этого сообщить, то у вас появятся большие проблемы, — сказал я.

Мы проводили Бобби в коридор к толпе охранников, которые должны были проводить его до дома. Бобби пообещал хотя бы немного поспать и принять все необходимые лекарства. А потом в окружении здоровенных детин в черных костюмах двинулся навстречу беснующейся внизу толпе.

Мне наконец-то впервые выпала возможность нормально поговорить с Арнольдом. Я по-быстрому ввел его в курс дела касательно версии Долларового Билла. Поначалу вид у него был недоверчивый. Но чем больше подробностей я ему излагал, тем более заинтересованным он становился.

— Как думаешь, присяжные на это купятся? — спросил я.

Он почесал свою лысину, вздохнул и ответил:

— Стоит попробовать. Теперь, когда суд принял решение об изоляции присяжных, главное — вычислить у них «альфу».

— Альфу?

— В условиях изоляции присяжные очень быстро скатываются к стайному образу мыслей. Она

отрезает их от привычной нормальной жизни и одновременно забрасывает в стрессовую ситуацию. Происходит деление на «нас» и «их». И в такой ситуации обязательно появляется вожак. Обрати внимание, что я не сказал «альфа-*самец*». Большей частью стаю присяжных ведет за собой как раз женщина. Как только ты вычислишь, кто из них «альфа», тебе просто надо сосредоточиться на нем или ней. Если завоюешь такого человека, остальные присяжные послушно за ним последуют.

Я кивнул. Звучало все это вполне разумно. Я еще раз порадовался тому, что Арнольд сейчас со мной.

— Спасибо, это и вправду очень полезно, — сказал я, особо не покривив душой. Арнольд вроде как хорошо это воспринял. Он был явно рад помочь.

— Я знаю, что отношения у нас с тобой были не самые… Ну, короче, ты понял. Сожалею об этом. По-моему, Бобби с тобой очень повезло, — произнес Арнольд, протягивая руку.

Я пожал ее. Никогда не держу на людей зла.

— Ах да, давно уже собирался сказать тебе кое-что, — спохватился Арнольд. — Это насчет одного из присяжных — я заметил, как он… В общем,

понимаю, что это прозвучит немного странно…

— Ну давай уже.

— Это трудно объяснить… Гм, понимаешь, пару лет назад я смотрел одно кино по кабельному. Фильм ужасов про каких-то там нью-йоркских мажоров. Вроде как один из них был адвокатом, а может, еще и дьяволом, не знаю… Эту часть не помню уже. Но одна сцена хорошо запомнилась. Одна девица переодевается в примерочной в магазине и улыбается прямо в камеру. И тут на какую-то секунду лицо у нее меняется. Улыбка вдруг превращается… типа как в злобный оскал. У нее были острые зубы и дьявольские глаза. А другой персонаж, главная героиня — она так и не может понять, видела это или нет, понимаешь?[61] Короче, что-то такое я вроде тоже почувствовал. Посмотрел на того присяжного, и, в общем, у него тоже лицо вдруг изменилось. Это было страшно. На какую-то секунду на нем появилось выражение… чего-то, сам не знаю чего. Чего-то плохого, — сбивчиво закончил Арнольд.

Он аж вспотел, под глазами у него набрякли мешки — фунтов на десять картошки каждый. Вид у него был серый и вымотанный. И испу-

[61] notes: 61

Судя по всему, имеется в виду фильм «Адвокат дьявола» режиссера Т. Хекфорда, вышедший на экраны в 1997 г. (*Прим. пер.*)

ганный.

— Кто это был? — спросил я.

Тут загудел мой мобильник. Я вытащил телефон из пиджака, и Арнольд засек его. Высветившийся номер был мне незнаком.

— Погоди секундочку, хорошо? — сказал я.

— Ладно, забудь. Прости. Сам не знаю, что несу. Я уже отработал над этим делом пятьдесят четыре дня за шесть месяцев. День был тяжелый. Спокойно отвечай на звонок и давай до завтра.

— Езжай домой. Хотя бы немного отдохни, Арнольд.

Я проследил, как он уходит. Стресс на всех сказывается по-разному. Полной уверенности не было, но мне показалось, что Арнольд уже доработался до галлюцинаций. Или, может, это была игра света или не знаю еще чего.

Я ответил на звонок. Это был тот мужик с автомобильной разборки. На мой «Мустанг» поставили новую лобовуху, и можно было его забрать. Счет выглядел не столь ужасно, тем более что их механик воспользовался случаем отрегулировать мотор и поменять масло. Я поблагодарил его, сказал, что буду как только смогу и заберу машину.

Меня ждала долгая ночь. Надо было просмот-

реть материалы по новым жертвам, как следует изучить предъявленные обвинением улики к завтрашнему слушанию… Дилейни создавала чрезвычайную группу в нью-йоркском отделении ФБР, и мы с Харпер договорились в шесть утра встретиться с ней за завтраком. Когда мне выпадет возможность забрать машину, было совершенно непонятно.

Таксист высадил меня на Западной Сорок шестой улице. На сей раз никакой приветственный комитет меня здесь не ждал. Устало взбираясь по лестнице к своему офису, я подумывал позвонить Кристине. Когда добрался до первой лестничной площадки, решил сказать ей, что не стану возражать против развода — пускай поступает как хочет. Как будет лучше для нее и Эми. А уже перед дверью своего офиса решил позвонить и сказать ей, что люблю ее. Люблю больше всего на свете, и что как только разделаюсь с этим процессом, окончательно завяжу с адвокатской практикой.

Но вместо этого просто выключил свой мобильник. На столе по-прежнему стояла полупустая бутылка виски. Я налил немного в стакан. Довольно долго держал его в руке, прежде чем выплеснуть виски в раковину и заняться делом.

Первым делом я просмотрел материалы по делу

Соломона. Подготовился к завтрашнему встречному допросу. А потом разложил на столе все бумаги, относящиеся к делу Долларового Билла. Я не профессиональный психолог, не криминалист, не полицейский аналитик, не федерал, не коп. Мои умения в этой области довольно ограничены.

Но в двух вещах я разбираюсь все-таки неплохо.

Во-первых, я знаю, как дурить людей. А здесь явно прослеживалась общая схема. Совершенно классическая: обманка и подмена. Кого-то убивают. В разных штатах — разным способом. Всем подбрасывают долларовые купюры. Не простые купюры, но копы не обращают на это внимания. Впрочем, я не стал бы их в этом винить. Пометки на банкноте, сложенной в виде бабочки, были у меня прямо перед носом, и все же я тоже их не заметил, как и нью-йоркская полиция. Все их прохлопали. Все, кроме Дилейни. Подброшенные улики наводят детективов на какого-то ни в чем не повинного человека. Проделав это, Долларовый Билл перемещается в другой штат, в другой город и начинает все по новой.

Во-вторых, я знаю, что такое убийство.

Я вырос среди парней, многие из которых по-

том стали убийцами. Будучи мошенником, я общался с теми же мафиозными «чистильщиками» едва ли не ежедневно. Некоторые из них занимались этим исключительно ради денег. Но для большинства это было забавой, чем-то вроде спорта. Знавал я и людей, которые натурально получали удовольствие, убивая себе подобных. Таких я видел за милю. И до сих пор жив и здоров лишь по той причине, что задался целью понять таких людей — чтобы случайно не угодить в зону их внимания и пореже попадаться им на глаза.

* * *

Когда я в следующий раз глянул на часы, было уже четыре утра. К тому моменту я уже гораздо ясней представлял себе ситуацию. Позвонил Харпер.

— Все еще не спишь?

— Вообще-то сплю, — сердито отозвалась она хрипловатым со сна голосом. — Чего надо?

— Я просмотрел материалы. Между жертвами и в самом деле нет абсолютно никакой связи.

— А разве Дилейни тебе этого не говорила еще вчера?

— Говорила. Но она смотрела не на тех жертв.

Я услышал в трубке стон и шуршание про-

стыней. Представил себе, как Харпер садится на кровати, пытаясь окончательно проснуться.

— В каком это смысле не тех?

— Дилейни смотрела на жертв убийств. Но я не думаю, что они были истинной целью. Этот убийца убивает людей, чтобы подставить кого-то другого. Люди, осужденные за эти преступления, — вот они-то и есть истинная цель, я в этом просто-таки уверен.

— Та же проблема, что и с непосредственными жертвами. Некоторые из осужденных за убийства вообще никогда не покидали территорию своего штата.

— Да, не прослеживается ни географической, ни социальной связи. Насколько я понимаю, эти люди никогда между собой не встречались. Никогда не жили по соседству, вращались в абсолютно разных социальных кругах, учились в разных колледжах, некоторые вообще без высшего образования. Но я не фэбээровец. Я могу опираться лишь на то, что нашел в предоставленных мне материалах или нарыл в интернете. На данный момент не слишком-то много. Отыскал вот в интернете пару статеек… В частности, про Акселя, поджигателя, — как тот выиграл в государственную лотерею; или статью про Омара Хайтауэра,

которому повезло на футбольном тотализаторе…

— И что? — спросила Харпер.

Когда произносишь что-то вслух, иногда это становится реальным. По крайней мере, для меня.

— Харпер, истинные жертвы — это люди, которых подставили. Он выбирает их, потому в их жизни произошли какие-то радикальные перемены. Омар выиграл в лотерею, бродяге, которого осудили за убийства дальнобойщиков, вдруг нежданно привалило большое наследство… и все это было в местных газетах. Мне нужно, чтобы вы с Дилейни проверили каждого из осужденных и выяснили, что с ними произошло. Какое событие коренным образом изменило их жизнь. Убийца как-то узнал об этом. Вот потому-то и нацелился на них.

Харпер уже не могла усидеть на месте. Я услышал, как ее пятки шлепают по деревянному полу. А еще чей-то голос. Едва слышный, на заднем плане:

— Кто это?

Поначалу она не ответила. Эти ее колебания заставили меня почувствовать себя полным мерзавцем.

— Ой, Харпер, прости, я и не знал, что ты не одна. Давай я пере… — начал было я.

— Все нормально. Это Холтен. Он не против, — отозвалась она.

Довольно долго я не знал, что и сказать. Или как себя чувствовать. Поймал себя на том, что поглаживаю большим пальцем обручальное кольцо, которое так и носил не снимая. За годы я отполировал его нижнюю часть до блеска.

— Да, круто! Наверное, — брякнул я, словно какой-нибудь шестиклассник.

— Сейчас слегка очухаюсь и попробую позвонить Дилейни. Что-нибудь еще?

Больше ничего у меня не было. Я еще раз извинился. Нажал на «отбой». Уткнулся лбом в стол, больше от смущения, чем от усталости.

Мысли мои при этом опять набрели на разговор с Арнольдом, который состоялся у нас вчера днем. Дело буквально висело на волоске, и мне требовались две вещи: Арнольд с ясной головой и честное и непредвзятое жюри присяжных. Без еще каких-нибудь подставных.

Озабоченность Арнольда касательно выражения лица одного из присяжных не давала мне покоя. И неважно, насколько безумно это прозвучало. Мне нужно было знать больше. Арнольд привык участвовать в громких судебных процессах, так что прекрасно знал, что сон в деле об

убийстве — понятие относительное. Я позвонил ему. Он ответил после пары гудков.

— Алло? — послышалось в трубке. Никакого сна у него в голосе я не засек. Звучал он бодро.

— Не разбудил? — спросил я.

— Не могу заснуть, — сказал он.

— Послушай, прости, что звоню в такую рань… Я всю ночь на ногах, работал. Хочу попробовать хотя бы полчасика вздремнуть перед встречей с федералами. Но не могу завалиться спать, не узнав больше про то, о чем ты мне недавно говорил. Насчет того присяжного. Тебе показалось, будто ты что-то заметил.

— Присяжного? — переспросил Арнольд.

— Ну, того, про которого ты мне рассказывал. У которого лицо… типа как изменилось. Ты и сам не понял, что увидел, и это длилось всего какую-то секунду. Это может быть важно. А может, и нет. Я просто хочу знать, про кого это ты говорил.

— А, про того-то… — протянул Арнольд. До него наконец дошло. — Ну да, как ты и сказал, я и сам окончательно не пойму, что именно увидел. Лицо у него всего на миг вдруг стало совсем другим.

— Так кто это был?

Он примолк. Почему-то теперь я точно знал, что это важно.

— Алек Уинн, — наконец произнес Арнольд.

Уинн был повернут на оружии. Этот парень обожал охоту, рыбалку и «Фокс ньюс». Интересно, подумалось мне, не любил ли Алек охотиться не только на оленей, но и на людей.

— Спасибо, Арнольд. Послушай, я знаю, сколько тебе приходится работать. Давай-ка все-таки чуток отдохни, а потом, как сможешь, подгребай в суд.

Он поблагодарил меня, и я завершил звонок. Поставил будильник в телефоне, чтобы он просигналил ровно через тридцать минут. Можно будет тоже маленько вздремнуть, а потом нормально собраться и поспеть в офис ФБР к шести.

У меня было чувство, что сегодняшний день тоже будет долгим.

Четверг
Глава 49

Когда с противоположной стороны от «Грейдисинн» поднялось солнце, Кейн уже успел принять душ и переодеться в футболку. Лежал на кровати, позволив себе погрузиться в сон. Рана на ноге вроде была чистой, не кровоточила, несмотря на все ночные усилия. Тщательно осмотрев ее, он сменил повязку. Никаких признаков инфекции. Антибиотики Кейн принял чисто для подстраховки. Измерил температуру. Полный порядок.

Решил, что охранник начнет созывать присяжных на завтрак лишь через час-полтора. Расслабил мышцы. Сделал два глубоких вдоха и позволил своему разуму отлететь в царство полусна, где за всем следит подсознание.

Кейн был доволен своей ночной работой.

Вскоре охранник начнет стучать в двери. А потом колотить что есть силы. После чего поднимутся крики. И женский визг.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально

Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Дело: «Государство против Роберта Соломона»

Уголовный суд Манхэттена

Дэниел Клэй

Возраст: 49

Безработный. Живет на пособие. Холост. Ни родителей, ни семьи, ни друзей. Финансовое положение – хуже некуда. Увлечения: соцсети и научно-фантастическая литература. Газет не читает, новостные ленты в интернете тоже. Поклонник Элвиса Пресли. Судимости и приводы в полицию отсутствуют. Интересуется сайентологией, но к церкви еще не присоединился – в основном по причине недостатка финансов.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 25 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 50

Говорите что угодно про Федеральное бюро расследований. Про его методы. Про его тайные политические цели. Про коррупцию. Про скрытое наблюдение за каждым из граждан Америки. Про ошибки. Про загубленные им жизни.

Однако в пять минут седьмого утра в четверг лично у меня не было к ФБР никаких претензий. Пока мне продолжали подливать кофе, я был готов сохранять временное перемирие.

Также говорила в их пользу быстрота, с которой они оборудовали штабную комнату по делу Долларового Билла. У Дилейни нашлось достаточно веских аргументов, чтобы заставить начальство тряхнуть мошной. Меня проводили в большую комнату без окон — хорошо освещенную и уставленную письменными столами. В роли обычной в таких случаях белой доски выступала высокая стеклянная перегородка, делящая помещение пополам. Фото жертв с их краткими биографиями

были сгруппированы вокруг портретов людей, осужденных за их убийства. По стеклу в разные стороны тянулись стрелки, нарисованные толстым маркером.

— У нас появилась еще одна жертва, — произнесла Дилейни у меня из-за спины.

Выступив вперед, она прикрепила к стеклу фото девушки с жесткими курчавыми черными волосами, в кожаной байкерской куртке. Бледная кожа. Широченная белозубая улыбка. Ей было чуть больше двадцати. Рядом с ней появилась фотография высокого пожилого мужчины с усами. Полицейский снимок.

— В убийстве официантки в Северной Каролине обвинили университетского преподавателя английской литературы, — объяснила Дилейни.

— Когда? — спросил я.

— В две тысячи четырнадцатом. Этот профессор только что продал свой дебютный роман одному крупному нью-йоркскому издательству. Когда его осудили, они тут же разорвали договор.

На противоположной стороне комнаты, на задней стене была нанесена хронологическая шкала, показывающая время совершения убийств и судебных разбирательств, на которых были осуждены подозреваемые в них. Начиналась она

с тысяча девятьсот девяносто восьмого года, с убийства молодых женщин, в которых обвинили Пену, и тянулась до самого недавнего дела — того профессора в две тысячи четырнадцатом.

— Шестнадцать лет, — негромко произнес я.

— Наверное, — отозвалась Дилейни. — У нас по-прежнему не хватает нескольких штатов. А именно Нью-Джерси, Вирджинии и Род-Айленда. Шкала может быть и длиннее, но, думаю, ненамного. Хотя с этим бы пока разобраться.

Я поймал себя на том, что мне трудно сосредоточиться на жертвах — этих мужчинах и женщинах, смотрящих на меня со стеклянной стены. Жизнь каждого была беспощадно и жестоко оборвана. У них были родители, друзья, у некоторых даже дети. Масштаб нанесенных убийцей опустошений просто не укладывался в голове. Я уселся за свободный стол. Комната уже гудела от федералов. Даже просто мимолетного взгляда на всю ту боль, которую причинил этот человек, было слишком много, чтобы безболезненно поглотить ее в себе без остатка — она была как пожар, пылающий где-то на горизонте. Лица его жертв словно тлели, раскаленные докрасна. Казалось, что, если я подойду слишком близко или слишком пристально всмотрюсь в одно из

этих лиц, этот огонь поглотит меня целиком, и гореть мне в нем до скончания моих дней.

Дилейни отличалась будничной отстраненностью правоохранителя. На лица жертв она смотрела клиническим взором.

— Как вам это удается? — спросил я.

— Что?

— Спокойно смотреть на все это. Как будто это вас ничуть не трогает.

— О, еще как трогает! — отозвалась она. — Вы уж мне поверьте. Видеть перед собой все эти мертвые тела, сознавать весь масштаб происходящего — чудовищная мука, и можно просто угодить в дурдом, если хоть немного дать слабину. Так что смотрю я не на это. Рассматривая такие фото, я изучаю не жертву — я изучаю убийцу. Пытаюсь понять, что им движет, или приметить характерную «подпись», или отыскать какого-то рода след. Нужно абстрагироваться от всех этих ужасов и постараться разглядеть монстра, скрывающегося за ними.

Мы на какое-то время погрузились в молчание. Я все думал про всех этих людей.

— Итак, он еще не сказал тебе, как собирается прищучить этого гада? — услышал я голос Харпер.

Я и не заметил, как она подошла. В руках у нее был бумажный стакан купленного навынос кофе размером с небольшое ведерко — даже руки ей оттягивал. Харпер поставила его на стол, присела рядом со мной.

— Пока что нет, — ответила Дилейни.

По правде говоря, я был далеко не уверен, что все это выгорит. Шансы были крайне невысоки, хотя, проведя ночь над размышлениями про Долларового Билла, я почти не сомневался, что понял его суть.

— Мне кажется, что истинные цели — это люди, которых Долларовый Билл подставил за собственные убийства. И которых он помечает на банкнотах. Пометок три. Могу предположить, что стрела — это собственно жертва. Оливковая ветвь — общество, которое поймало и осудило преступника. То есть того человека, которого подставил Билл, естественно. Звезда — это штат. Наверняка так. А теперь представьте себя на месте этого человека.

Харпер сделала большой глоток кофе, а Дилейни сложила руки на груди и откинулась на стуле. Судя по всему, пока что я ее не убедил.

— Этот тип предпринимает просто-таки невероятные усилия, что обвинить в убийстве ни в

чем не повинного человека. Мое предположение — ради удовлетворения каких-то собственных амбиций. Ты планируешь убийство, исполняешь его, а копы тебя даже не ищут. Это ведь почти идеальное преступление, согласны? А теперь смотрите: разве после всех этих хлопот с подставой не захочется тебе чуток поболтаться поблизости и лично убедиться, что бедолагу и впрямь упекли за совершенное тобой преступление?

Дилейни потянулась за ручкой, придвинула стул поближе к столу и принялась что-то записывать.

— В каком это смысле «поболтаться поблизости»? — не поняла Харпер.

— По-моему, он наблюдает за судебными процессами. Для этого говнюка это не просто игра. Это миссия. Только представьте, какое это упоение собственным могуществом: сидеть в зале суда, когда за твое преступление осуждают другого человека, и знать, что по большей части это твоя собственная заслуга. Твой план в буквальном смысле идеально воплощается в жизнь прямо у тебя на глазах. В смысле, этот тип реально мастер подставлять людей. Абсолютно всех, кого он избрал своей целью, ухитрился довести

до обвинительного приговора. Просто не могу поверить, что адвокаты не сумели выиграть ни одно из этих дел! Он всякий раз обеспечивает обвинительный приговор. Это должно вызывать у него чувство собственного всесилия. Великое множество убийц укладывает людей в могилу как раз ради этого чувства. Так почему же этот парень должен чем-то отличаться?

Ручка в пальцах Дилейни лихорадочно летала по странице. Делая записи, она кивала.

— И много вы знаете убийц? — поинтересовалась она.

— В данном случае предпочитаю воспользоваться пятой поправкой[62], — парировал я.

— Освещение судебных процессов по телевидению, фото в местных и национальных газетах, в блогах… Мы уже можем начать высматривать этого гада, — сказала Харпер.

— И если я прав, то сегодня он обязательно будет присутствовать на суде, чтобы полюбоваться на Бобби. Посадите в зале с полдюжины федералов, чтобы присматривать за публикой. Когда на встречных допросах я начну задавать

---

[62] notes: 62

Пятая поправка к Конституции США в числе прочего гарантирует право обвиняемого в совершении какого-либо преступления не свидетельствовать против самого себя. (*Прим. пер.*)

свидетелям обвинения вопросы насчет Долларового Билла, посмотрим, что произойдет. При удаче мы напугаем его. Я хочу, чтобы он думал, будто мы знаем про него гораздо больше, чем это требуется для его собственного спокойствия. Если соображалка у него работает, то он мигом вскочит и помчится на ближайший самолет из Нью-Йорка. Вам останется лишь перехватить его, как только он выйдет из зала.

Дилейни и Харпер обменялись возбужденными взглядами. План выглядел вполне реальным. Покопавшись в папке, Дилейни нашла какой-то переплетенный документ.

— Это психологический профиль Долларового Билла. Мы разработали его за ночь, поэтому он еще очень приблизительный и требует корректировок. Пока там указаны его известные места пребывания, соотносящиеся лишь с датами убийств, так что я дополню его временными периодами судебных процессов, последовавших за ними. По-моему, вы абсолютно правы, Эдди. И да — я получила ваше сообщение, Харпер. И вправду есть связь между теми, кого осудили за преступления Билла. У нас уже возникала такая мысль, но мы не могли этого подтвердить, пока еще раз не присмотрелись ко всем до единого. И

теперь окончательно в этом убедились.

Она передала нам копии профиля, и мы быстро пролистали его до раздела «Выбор жертв». Долларовый Билл именовался в нем аббревиатурой НП — «неустановленный преступник».

Между группами жертв НП, убитых в разных штатах, не прослеживается ярко выраженной физической, половой или географической общности. Скорее всего, жертвы выбирались по принципу наличия какой-либо связи или личных отношений с лицом, которое НП на тот или иной момент времени избрал своей целью для судебного осуждения за данное убийство или серию убийств. Эти лица, которых он предположительно сумел выдать за исполнителей собственных преступлений, объединяет одна характерная особенность: во временной промежуток, предшествовавший убийствам, все они подверглись тому, что можно обоснованно охарактеризовать как кардинальную смену образа жизни, вызванную значительными изменениями их финансового положения или социального статуса (благодаря выигрышу в государственную лотерею, неожиданно полученному наследству, успеху в ресторанном бизнесе и пр.). Эта перемена всегда была для указанных лиц весьма существенной.

Пометки на купюрах достоинством в один доллар, подброшенных на места преступлений и впоследствии использованных в судебном преследовании, а также привязка к штатам, в которых были совершены убийства, могут свидетельствовать равно как о рациональности мышления НП, так и о серьезной психологической патологии.

Тринадцать штатов, которые символизируют звездочки на однодолларовой купюре, были первыми, подписавшими Декларацию независимости — документ, заложивший правовую основу американского образа жизни с его стремлением к богатству и процветанию.

Закономерность очевидна, а указанная патология заключается в стремлении покуситься на саму амбициозную природу американского общества. Таким образом, не исключается вероятность того, что НП или кому-то из его близких не удалось достигнуть какой-либо намеченной цели в жизни. Действия его можно охарактеризовать как образец широкомасштабной мести за собственные неудачи. Наказание для тех, кто сумел изменить свою жизнь к лучшему, заключается в том, чтобы разрушить эту новую жизнь перспективой обвинения в убийстве. НП ненавидит людей, сумевших по каким-то причинам

разбогатеть или обрести более высокое положение в обществе. Что и может предположительно символизировать складывание однодолларовой купюры в виде бабочки при убийствах Ариэллы Блум и Карла Тозера.

Перевернув последнюю страницу, я прочел заключение.

Пол: мужской

Возраст: предположительно от тридцати восьми до пятидесяти лет.

Расовая принадлежность: неизвестна

Государственное происхождение: неизвестно

Внешность: Данные отсутствуют, однако, учитывая физическую силу, необходимую для нанесения травм в некоторых случаях, НП, вероятно, достаточно силен и находится в хорошей физической форме.

Психология: НП обладает высоким уровнем интеллекта. Чрезвычайно организован. Социально адаптирован. Манипулятивен. Склонен к нарциссизму. Наличествуют признаки социопатии и психопатии, но при этом НП остается высокофункциональной личностью, у которой хватает интеллектуального потенциала скрывать вероятную симптоматику от общественности,

друзей и родственников. Жестокость, проявленная к жертвам как в ходе убийств, так и, в ряде случаев, посмертно, подразумевает садистическую составляющую преступлений. В частности, перекладывание вины за свои преступления на невиновных людей может быть формой эмоционального садизма. Высока вероятность психосексуальной одержимости болью, а также какого-то парафилического расстройства — скорее всего, сексуально-садистического. Образован, наверняка на уровне колледжа. Хорошее знание криминалистических процедур. НП, учитывая его патологию, наверняка относится к тем, кто не преуспел в избранной им области, или же кто-то из его близких так и не сумел раскрыть свой потенциал. Можно предположить, что какую-то часть своей жизни НП провел в бедности. Его миссия — извращенное покушение на американские ценности и амбиции — наверняка мотивируется стремлением отомстить за собственные неудачи.

— Он думает, что убивает Американскую Мечту, — произнес я вслух, сам того не сознавая.

Поднял взгляд от документа и обнаружил, что обе женщины не сводят с меня глаз.

— Он должен предварительно изучать свои це-

ли. Через газеты, местное телевидение или что-то в этом роде. Знаете — положительная история в конце вечернего новостного выпуска, полного всякой чернухи. Про счастливчика, сумевшего воплотить в жизнь свои грезы. Вот так он их и находит. Я поищу, — сказала Харпер.

— Я придам вам двух моих сотрудников, — пообещала Дилейни. — Они прямо сейчас начнут обзванивать местные новостные агентства.

Комната на глазах наполнялась энергией. Дилейни явно ощутила, что неуловимый призрак где-то уже совсем близко. И все же что-то во всем этом не давало мне покоя. Версия выглядела убедительно, но этому Биллу как-то слишком уж подозрительно везло. А чем еще это объяснялось? До настоящего момента он совершил убийства уже в восьми штатах и добился чьего-то осуждения за них во всех восьми случаях. В Нью-Йорке дело шло к девятому. И могло быть что-то еще, чего Дилейни еще не выяснила.

Я получше любого другого знал, что в уголовном процессе может случиться все что угодно. Слишком уж много переменных, даже в случае с сильной доказательной базой. Неужели Биллу настолько улыбалась удача, что он получил обвинительный приговор в восьми случаях из

восьми?

— Когда будете связываться с новостными агентствами на местах, постарайтесь получить весь изобразительный материал с судебных разбирательств. Там могут быть видео или фотографии толпы, присутствовавшей на процессе. Я думаю, что наш человек наблюдал за каждым разбирательством от начала и до конца. Есть шанс, что где-то он просто случайно попал в кадр, — сказал я.

— Шансов мало, но мы этим займемся, — ответила Дилейни. — Посещение слушаний соответствовало бы его психологическому профилю. Многие убийцы возвращаются на места своих преступлений или забирают трофеи у своих жертв. Это позволяет им вновь и вновь переживать этот волнующий момент. Конечно, это не то же самое, что убийство, они не получают такого же кайфа. Но что-то все-таки получают.

Харпер встала и собрала свои записи — ей не терпелось приступить к работе.

— Этого достаточно, чтобы снять с Соломона обвинения? — спросила она.

— Не знаю. У Прайора хватает веских улик, которые он сегодня предъявит присяжным. Было бы лучше, если б Бобби смог вспомнить, где, черт

возьми, его носило в тот вечер.

— А он и вправду не знает? — спросила Харпер.

— Говорит, что был пьян и ничего не помнит.

— Наверняка же кто-нибудь узнал бы его, если б он заглянул в какой-нибудь бар? — сказала Дилейни.

— Можно подумать. Но я видел запись с камеры наблюдения. Он был в темной одежде, бейсболке и с поднятым капюшоном. Многим знаменитостям сходит с рук прогулка по городу вроде Нью-Йорка, если они прикрывают даже…

Слова застряли у меня в горле. Дилейни попала в точку. Бобби просто должны были узнать. Именно что должны. Вот оно.

— Дилейни, у вас есть список криминалистов ФБР в этом здании? — быстро спросил я.

— Могу достать. А что?

— Это в наших общих интересах, если Бобби уйдет от ответственности. Мне нужна ваша помощь, — сказал я.

Сперва Дилейни насторожилась. Встала, скрестив руки на груди.

— Если в этом нет ничего противозаконного, то мы могли бы протянуть руку помощи, — осторожно произнесла она.

— А вот с этим-то как раз могут возникнуть

проблемы.

Дилейни вопросительно посмотрела на меня. Я улыбнулся и добавил:

— Правда, с юридической точки зрения это будет незаконно, только если мы спалимся.

Глава 51

Судебный пристав колотил в дверь уже почти десять минут. Была половина восьмого. Застарелый душок тушеных овощей в коридоре сменился ароматом яичницы. Большинство присяжных уже спустились вниз. Кейн, пристав, Бетси и Рита остались на этаже, призывая обитателя номера открыть дверь.

— Черт, да где же этот носильщик с ключом? — в сердцах воскликнул пристав. Опять забарабанил в дверь, позвал.

Прямо в эту секунду тот вывернул из-за угла и передал ему запасной ключ.

— А побыстрей нельзя было? — недовольно заметил пристав.

Носильщик лишь пожал плечами.

— Мы заходим! — крикнула Бетси.

Кейн, как и все остальные, был уже полностью одет, хотя и с полотенцем на плечах. Он успел

принять душ, переодеться и нанести грим, чтобы прикрыть оставшийся от перелома носа синяк на лице, и теперь пытался подавить возбуждение, когда пристав вставил ключ в замок и открыл дверь.

— Вы уже встали? Это охрана! — крикнул пристав, переступая через порог. Легонько отстранив Бетси, Кейн последовал за ним.

Комната выглядела нетронутой. На кровати лежала спортивная сумка. Одеяло было откинуто, но кровать справа от Кейна была пуста. Из ванной комнаты слева лился свет. Пристав направился туда, окликая жильца.

— О господи! — вскрикнула Бетси.

Пристав резко обернулся. Кейн тоже. Бетси с Ритой взвизгнули. Обе смотрели на узкое пространство между кроватью и левой стеной неподалеку от двери. Пристав ухватился за спинку кровати, отодвигая ее от стены. Все уставились на труп Мануэля Ортеги, сгорбившийся на полу. Вокруг шеи у него была обмотана простыня. Другой конец ее был привязан к изголовью кровати. Выглядело все так, будто он сам себя задушил.

Держа Бетси, Риту и пристава в поле зрения, Кейн попятился назад, якобы испуганно прикрыв рукой рот. Быстро, пока остальные, стоя к нему

спиной, в ужасе таращились на тело Мануэля, сдернул с плеч полотенце и прикрыл им оконную защелку. Одно быстрое движение, и окно оказалось заперто изнутри. Ни отпечатков пальцев, ни ДНК. Все чисто. Кейн опять накинул полотенце на плечи, шагнул вперед.

Выглядело все очень похоже на самоубийство. Пристав уже говорил в рацию, запрашивая помощь полиции. Выпученные глаза Мануэля безжизненно уставились на бежевый ковер.

…В ранний утренний час Кейн постучал в окно Мануэля. Поначалу изумленный, тот тихо впустил его.

— Ты че творишь, мужик? — шепотом спросил Мануэль.

— Только так мы можем поговорить с глазу на глаз. Меня очень беспокоит это дело. По-моему, копы просто подставили Соломона. Надо постараться освободить его. Я и на секунду не верю, что он убил этих людей.

— Я тоже, — отозвался Мануэль.

Они стали обсуждать дальнейшие действия. Как повлиять на остальных присяжных. Через десять минут Мануэль направился в ванную. Кейн двинулся за ним, на ходу натягивая перчатки. Подкрался к Мануэлю со спины, затолкал

ему в рот тряпку и удерживал ее там. Другая рука Кейна скользнула к его горлу. Чтобы одолеть Мануэля, много времени не понадобилось. Все прошло тихо и быстро, и когда тот уже был задушен, Кейн даже не вспотел. Он затащил тело за кровать, привязал один конец простыни к изголовью, а другой обмотал вокруг горла Мануэля. Туго затянул.

Выбрался он из номера тем же путем, что и вошел. Единственно, не удалось запереть окно.

Теперь и эта проблема была решена…

В коридоре — пристав, дверь номера заперта изнутри, а теперь и окно. Копам лишь останется списать эту смерть на самоубийство. Иначе как это могло бы произойти?

— Всем выйти, — приказал пристав.

Кейн, Бетси и Рита покинули комнату. Сгрудились в коридоре, и Кейн приобнял всхлипывающую Риту. Бетси, запинаясь, пролепетала:

— Я хочу уйти отсюда! Это так ужасно… Что, черт возьми, происходит?

Он мягко заговорил с обеими женщинами, предложив им спуститься вниз и выпить чего-нибудь покрепче, чтоб успокоить нервы. И когда послышался вой полицейских сирен, приближающихся к отелю, Кейн уже вел своих коллег под

руки по коридору и лестнице в сторону бара.

Итак, состав жюри окончательно подчищен. Оставшиеся полностью открыты его дару убеждения. Последним шансом Соломона на оправдательный приговор был Мануэль. Теперь его не стало. Наконец-то коллегия присяжных полностью принадлежала Кейну.

* * *

АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА

—

Пом. 421, Конде-Наст-билдинг, Таймс-сквер, 4, Нью-Йорк

Строго конфиденциально
Охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента

СПРАВКА
НА ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ
Дело: «Государство против Роберта Соломона»
Уголовный суд Манхэттена

Кристофер Пеллоси
Возраст: 45
Веб-дизайнер. Работает из дома. Живет

один. Разведен. Обильное употребление алкоголя по выходным (весь алкоголь употребляется дома). Практически ни с кем не общается. Оба родителя живут в доме престарелых в Пенсильвании. Финансовое положение шаткое. Потерял большую часть своих денег из-за неудачных инвестиций. Интересы: еда и кулинария. Принимает легкие антидепрессанты и транквилизаторы.

Вероятность голосования за невиновность клиента: 32 %

Арнольд Л. Новоселич

Глава 52

Прежде чем Прайор задал своей первый вопрос, я подумал о том, что произошло с утра.

Выйдя из здания Бюро, я позвонил ему и сообщил, что моему следователю нужен доступ во владения Соломона. Возражать он не стал, но голос по телефону у него был очень недовольный.

— Похоже, вы теперь у нас знаменитость, — сказал мне Прайор.

— Я работал. Новости не смотрел, — ответил я.

— Вы сейчас по всем телеканалам. Ваше фото — на первой полосе «Нью-Йорк таймс». Ну и каково это?

Так вот что его грызло… Прайор сам хотел попасть в газетные заголовки.

— Как уже было сказано, я ничего не видел. Получили мое письмо по электронке?

Прайор подтвердил, что уже ознакомился с моими новыми открытиями. Он явно думал, что я хватаюсь за соломинку, пытаясь повесить эти убийства на какого-то серийного убийцу.

Может, он был и прав, но это единственное, что у меня имелось.

День в суде мы начали с посещения кабинета Гарри. Погиб еще один присяжный — Мануэль Ортега. Полиция подтвердила, что в результате самоубийства. Родственников уже известили. Некоторые из присяжных видели тело, но сейчас были в порядке. С ними уже пообщался психолог, который счел их годными для дальнейшего отправления обязанностей в жюри. В состав коллегии включили еще одного запасного — Рейчел Коффи. Мы с Прайором не возражали. Гарри сказал, что хочет закончить это разбирательство, пока мы не потеряли еще кого-нибудь из присяжных.

— Это дело будто проклято! — в сердцах произнес он. — Надо разделаться с ним как можно быстрее.

Бобби плохо провел ночь. Вообще не спал. Холтен и группа охранников привезли его в суд, и Холтен занял место в ряду стульев позади нас. Бóльшую часть утра он обнимал Бобби за плечи, не давая тому завалиться вперед. Что-то шептал ему, пытаясь приободрить. Повторял Бобби, что у него лучшая команда защиты на планете.

Я был благодарен Холтену. Он явно нравился Харпер, и у него хватало проницательности понимать, что Бобби вот-вот дойдет до ручки. Держался тот буквально из последних сил.

Сидя за столом защиты рядом со своим подзащитным, я сказал ему, что Арнольд сегодня немного задержится. Бобби оглянулся через плечо. Холтен улыбнулся ему, показал сжатый кулак и одними губами произнес: «Держитесь!»

— Все нормально, Бобби. Мы вроде как знаем, кто мог проделать все это с Карлом и Ариэллой. Сегодня я расскажу об этом присяжным. Просто немного потерпите, — сказал я.

Бобби кивнул. Говорить он не мог. Я видел, как он натужно сглатывает, пытаясь подавить страх. По крайней мере, сегодня Бобби принял свои

лекарства. И Холтен проследил за тем, чтобы его подопечного ожидал горячий сэндвич на завтрак, когда тот забрался в машину, чтобы отправиться в суд. Целиком его Бобби не одолел.

Я налил ему водички. Убедился, что он немного взял себя в руки. А потом задал ему вопрос. Неприятный, опасный вопрос, но непохоже, чтобы у меня был особый выбор.

— Бобби, мне нужно знать, где вы были в вечер убийства. Вы готовы сказать мне правду?

Он уставился на меня, пытаясь изобразить негодование. Ничего у него не вышло.

— Я был пьян. Не помню, — ответил Бобби.

— Я вам не верю. А значит, и присяжные вам не поверят, — сказал я.

— Это мои проблемы. Я никого не убивал, Эдди, — в это-то вы верите?

Я кивнул. Но где-то в животе поселилось противное чувство. Мне уже приходилось ошибаться насчет своих клиентов.

— Если вы мне не расскажете, я могу отказаться от этого дела. Вы ведь это понимаете? — пригрозил я.

Он кивнул, ничего не ответив. Менять адвоката в самый разгар судебного процесса об убийстве способен только полный кретин. И все же Бобби

молчал. Я уже нажимал на него, как только мог. Я не хотел, чтобы он окончательно сломался. То, что Бобби держал при себе, явно имело какое-то отношение к его чувству вины за произошедшее. Если б он тогда находился дома, то, может, Ариэлла с Карлом и остались бы живы?

* * *

Все мы встали, когда в зал вошел Гарри. Он распорядился привести присяжных, и я стал внимательно смотреть, как они рассаживаются по своим местам. Прежде всего пытаясь вычислить среди них «альфу», как выразился Арнольд.

Среди дам выделялись две, явно наиболее влиятельные — Рита Весте и Бетси Мюллер. Поразмыслив, я решил, что наиболее вероятным кандидатом является Бетси. Этим утром вид у обеих женщин был мрачный. Было ясно, что недавно они плакали. Я видел это по их лицам. Обе сидели в защитных позах: Бетси — обхватив себя руками за плечи, а Рита — скрестив руки на груди и заложив ногу на ногу.

Наверное, как раз они и обнаружили тело Мануэля.

Мужчинам я до этого момента особого внимания не уделял, но теперь попристальней

присмотрелся к каждому.

Самым высоким и крупным среди присяжных был Терри Эндрюс, шеф-повар собственного ресторана. Его кандидатуру в «альфы» я сразу отмел. Вид у него был откровенно незаинтересованный, даже отстраненный. Этого мужика больше заботил его собственный бизнес. У Дэниела Клэя что-то застряло между зубов, и он был полностью поглощен этим, обшаривая их языком и практически не наблюдая за происходящим.

Джеймс Джонсон о чем-то переговаривался с Крисом Пеллоси. Переводчик и веб-дизайнер явно были сильными личностями, и каждый из них вполне подходил на роль гипотетического вожака. Самый старший из присяжных, шестидесятивосьмилетний Брэдли Саммерс, подняв глаза к потолку, покусывал ногти. Я воспринял это как добрый знак. Он думал. Может, и не о деле, но, по крайней мере, у него наверняка хватало ума для рационального анализа услышанного.

В итоге это привело меня к последнему из мужчин, Алеку Уинну. Любителю активного отдыха на природе с целой коллекцией стволов. Тому самому, у которого Арнольд заметил недоброе выражение на лице, которое он пытался скрыть. Уинн сидел, выпрямив спину и положив руки

на колени. Весь внимание. Готовый исполнять свой долг.

Я пришел к мысли, что «альфа» — скорее всего, он, и решил присмотреться к нему повнимательней.

Прайор вызвал на свидетельскую трибуну даму-медэксперта, Шэрон Морган — блондинку в облегающем черном костюме. Ей было хорошо за пятьдесят, но выглядела она моложе. И что более важно, подкопаться к ее показаниям было практически нереально, как и всегда. Она лично побывала на месте преступления, сама проводила вскрытия, и как раз она-то и нашла долларовую купюру во рту у Карла Тозера. Ответив на вопросы Прайора касательно своей квалификации и заслуг, медэксперт перешла к результатам вскрытий. Назвала причину смерти каждой из жертв — у Карла, по ее словам, ею стала обширная черепно-мозговая травма, нанесенная тупым предметом.

— Вы столь же точно установили и причину смерти жертвы женского пола? — продолжал Прайор.

— Да. Несколько ножевых ран в области груди были хорошо видны даже при внешнем осмотре. Впоследствии мне удалось определить, что ноже-

вой удар, рана от которого располагалась прямо под левой грудью, повредил крупную вену. Сердце продолжало перекачивать кровь, создавая в ней вакуум. В эту вену затянуло воздух, который быстро добрался до сердца и создал воздушную пробку, остановившую кровоток и тем самым вызвав полную остановку сердца. Смерть наступила в течение нескольких секунд.

— Это может объяснять отсутствие защитных ран на руках у потерпевшей? — спросил Прайор.

Вопрос был наводящим, но я не стал возражать. Прайор силился возместить некоторый ущерб, нанесенный мною вчера, — пытался доказать, что обе жертвы были убиты, когда лежали в одной постели.

Я заметил, что Уинн кивнул. Обвинение явно набирало очки с этим прямым допросом. Прайор продемонстрировал фото грудной клетки Ариэллы, сделанное при вскрытии. С пятью овальными дырами, которые дилетант принял бы за пулевые отверстия.

— У вас было достаточно времени, чтобы внимательно изучить нож, изъятый из дома подсудимого. Что вы можете поведать нам о нем и о ранах, полученных Ариэллой Блум?

— Раны были нанесены клинком с односторон-

ней заточкой. Не обоюдоострым. В данном случае утолщение на каждой из ран свидетельствует об односторонней заточке. Изученный мною нож полностью соответствует конфигурации ран на теле жертвы.

Прайор сел на свое место. У меня было к Морган три вопроса.

Один подводил к тому, что жертвы были однозначно убиты по отдельности и в разных местах. Другие закладывали фундамент для моей заключительной речи — и причастности Долларового Билла. Просматривая вчера дела об убийствах в различных штатах, я нашел еще больше свидетельств тому, что они связаны с Биллом. Теперь наступил момент кое-что из этого озвучить.

Медэксперт терпеливо сидела за свидетельской загородкой, ожидая моего первого вопроса. Она явно не позволила бы вовлечь себя в обсуждение всяких предположений и домыслов. Что касается дачи показаний в суде, она была реальным профи. И как раз на это я и полагался.

— Доктор Морган, вы уже показали, что обнаружили пять ножевых ран, разбросанных по грудной клетке потерпевшей. Как явствует из этой фотографии, одна из них расположена строго между грудей, еще две, расположенные

параллельно друг другу — непосредственно под каждой из грудей, и еще две параллельные раны — чуть ниже и чуть ближе друг к другу. Эти пять ран образуют концы идеальной пятиконечной звезды, верно?

Морган еще раз изучила снимок.

— Да, — наконец согласилась она.

Я сменил фотографию на экране, на котором появилось изображение долларовой купюры.

— Вы извлекли данную банкноту изо рта Карла Тозера. Когда вы изучали ее, предварительно сфотографировав, на изображении Большой печати с обратной стороны купюры обнаружились три пометки. На одной из стрел, на оливковой ветви… и что еще было помечено?

Морган посмотрела на крупный план купюры на экране.

— Звездочка, — сказала она.

Две женщины из присяжных, Бетси и Рита, вроде слегка подались вперед. Я дал им время пока что покрутить этот вопрос в головах.

— И еще один момент. Смертельная рана на черепе Карла Тозера была нанесена каким-то тупым предметом, как вы нам только что сообщили. Удар таким предметом должен сопровождаться достаточно громким звуком, насколько я пони-

маю?

— Практически однозначно, — ответила Морган.

Вернувшись к столу защиты, я отыскал фотографию жертв, лежащих рядышком на кровати. Больше вопросов я задавать не планировал, но что-то, зародившееся где-то в самой глубине головы, вроде как сделало крошечный шажок вперед. Я развернул это фото на весь экран своего лэптопа. Вот оно. Прямо сейчас присяжным это ничего не скажет. Вообще-то даже приведет их в недоумение. Прайора тоже. Я решил, что стоит рискнуть.

— И последнее, доктор Морган, — произнес я, выводя снимок лежащих в кровати тел на большой экран. — Вы показали, что смерть обоих жертв наступила практически мгновенно. Ариэлла Блум лежала на спине, вытянув руки по бокам. Карл Тозер — на боку, лицом к ней, согнувшись и поджав под себя ноги, почти что в позе лебедя. Возможно ли, чтобы убийца расположил обе жертвы в таких позах сразу после их смерти?

Морган посмотрела на фотографию.

— Думаю, что это не исключено, — ответила она.

— А не кажется ли вам, что поза Карла Тозера

скорее напоминает своей формой не лебедя, а цифру «два»?

— Вообще-то да.

— А поза Ариэллы — единицу?

— Наверное, — сказала она.

Я уже давно все понял, просто увидел это только сейчас. Долларовому Биллу предстояло завершить еще один судебный процесс. Ариэлла Блум, Карл Тозер и Бобби Соломон были для него двенадцатой звездочкой. Вот он и расположил тела в виде числа «двенадцать».

Двенадцать судебных процессов. Двенадцать ни в чем не повинных людей. Надо было срочно остановить этого типа, пока их не стало тринадцать, как звездочек на купюре.

Я глянул в сторону выхода. Там стояли с полдюжины агентов ФБР в черном. Дилейни — в центре. Она едва заметно покачала головой. Никто не пытался уйти. Пока что.

Двери зала открылись, и вошла Харпер с каким-то коротышкой в сером костюме. Он сразу заговорил с Дилейни. Обойдя зал по правой стене, Харпер присела за стол защиты. Вытащила из сумки кипу бумажных листов, положила передо мной и шепнула:

— Ты был прав.

Глава 53

Он внимательно наблюдал за реакцией своих коллег-присяжных. Доводам медэксперта они явно поверили. Заглотили наживку. Флинн мало кого заинтересовал. Когда тот упомянул про долларовую банкноту, Кейн сжался. Пометки… С трудом подавил возбуждение, чуть было не отразившееся у него на лице.

Возможно ли, чтобы после всех этих лет кто-то случайно набрел на его миссию?

Позы жертв… Флинн знал. Видел руку Кейна в этих смертях. До сих пор в ходе всех своих убийств Кейн противился стремлению расположить тела в каких-то определенных позах. Но этот случай — особенный. Бобби был настоящей знаменитостью. Кейн уже достиг пика своих способностей и нуждался в чем-то посложней и поинтересней. В ком-то неприкосновенном. Вроде кинозвезды.

«Если б она только не умерла так быстро…» — подумал Кейн.

Первый удар ножа разбудил ее, а уже через секунду потушил свет у нее в глазах. Еще одна звезда. Нож Кейна изобразил эту звезду у нее на теле. В убийстве должно ведь быть и что-то еще,

оно прошло слишком уж легко, слишком быстро. У нее был такой умиротворенный вид, когда она лежала на спине, вытянув руки по бокам… Он отнес мужчину наверх. Надетый на голову Карла мешок, туго стянутый вокруг шеи, не позволял крови вытечь наружу и оставить следы где-нибудь в доме, как и сказал Флинн. Положив Тозера на кровать, Кейн снял мешок. А потом засунул в него принесенную из прихожей биту, измазав ее кровью, и забросил в угол спальни.

Двенадцать было важной вехой. Он согнул Карлу ноги и нагнул ему голову к груди, немного подправив получившуюся двойку. Естественно, эта мысль пришла к нему в голову, лишь когда он убил Ариэллу. Кейн был уже совсем близок к окончательному выполнению своей миссии. И что-то в нем желало, чтобы кто-то узнал про него. Понял.

Он заметил, что Флинн смотрит на какую-то женщину у входа. И на остальных людей, стоящих вокруг нее.

ФБР.

Кейн облизнул губы.

Итак, его уже преследуют. Но вряд ли найдут. Федералы внимательно изучали толпу в зале, а не присяжных.

Кейн глянул на часы. Сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Они уже должны были обнаружить тело. То, которое он оставил для них вчера вечером — после того, как навестил Мануэля.

Все начиналось по новой, в последний раз.

Глава 54

Очередной ход Прайора заключался в том, чтобы вписать Бобби в установленную следствием хронологию событий и выставить его лжецом, поэтому следующим он вызвал соседа Бобби, Кена Эйджерсона — мужчину лет сорока пяти в двубортном костюме, скрывающем пивной животик, и с жиденьким зачесом, безуспешно пытающимся скрыть лысину. Одно из двух — не так уж и плохо. Эйджерсон подтвердил, что работает на Уолл-стрит и по четвергам всегда возвращается домой ровно к девяти. По четвергам его жена преподает экстремальную йогу, и он должен являться домой именно в это время, чтобы их приходящая нянька, Конни, могла успеть на автобус.

— Что вы увидели, когда вышли из машины? — спросил Прайор.

— Увидел Роберта Соломона. Как вот сейчас вижу вас. Я запер машину и как раз шел к своему дому, когда услышал слева от себя чьи-то шаги. Поворачиваю голову и вижу — он. Я никогда с ним раньше не разговаривал. Только видел разок-другой — ну, в общем, когда он уходил или приходил. Я помахал, поздоровался. Он помахал в ответ, вот и все. Я зашел в дом. Дети спали, а Конни, нянька, уже собиралась уходить.

— Вы уверены, что это был он? — продолжал Прайор.

— На все сто процентов. Он же знаменитость. Я видел его в каком-то фильме.

— И откуда у вас такая уверенность в том, что вы вернулись домой именно в девять?

— Я вышел с работы в половине девятого. Сел в машину, а когда остановился возле дома, глянул на часы на приборной панели. Я раз уже немного опоздал на прошлой неделе. Приехал домой в десять минут десятого. Конни была недовольна. Сказала, что пропустит свой автобус, и я дал ей пятьдесят баксов на такси. Знаете, как сложно сейчас найти хорошую няньку? Так что я постарался быть дома вовремя. И так и вышло. Тютелька в тютельку.

— Соберитесь с мыслями, мистер Эйджерсон,

поскольку это очень важный момент. Я хочу, чтобы вы осознали всю весомость ваших слов. Подсудимый утверждает, что вернулся домой в полночь. Так что либо он лжет, либо вы. Если у вас есть хотя бы малейшие сомнения, сейчас самое время сообщить об этом присяжным. Так что я собираюсь спросить у вас еще раз: уверены ли вы в том, что видели, как Роберт Соломон в вечер убийства вернулся домой именно в двадцать один час?

На сей раз Эйджерсон повернулся к присяжным, глядя прямо на них, и уверенным тоном произнес:

— Совершенно уверен. Я видел его. Это было ровно в девять вечера. Готов поклясться в этом здоровьем своих детей.

— Свидетель — ваш, — бросил мне Прайор, явно довольный собой, после чего, отвернувшись от судьи и свидетеля, направился к своему столу.

Я быстро встал, не обращая внимания на резкую боль в боку, и схватил Прайора за руку, прежде чем он успел занять свое место.

— Прошу вас немного задержаться здесь, мистер Прайор, если вы не против.

Обвинитель попытался повернуться и посмотреть на присяжных, но я крепко держал его. Он

остановился и оскалил на меня зубы. И прежде чем успел выступить с возражением или вырваться, я, образно выражаясь, спустил курок.

— Мистер Эйджерсон, вы беседовали с мистером Прайором почти полчаса. Он стоял примерно в десяти футах от вас и все это время находился в поле вашего зрения. Скажите мне, какого цвета на мистере Прайоре галстук? — спросил я.

Прайор укоризненно поцокал языком. И все же я не дал ему повернуться. Стоял он спиной к свидетелю.

— Да вроде красный, — ответил Эйджерсон.

Я отпустил руку Прайора. Тот недобро прищурился и застегнул пиджак, из-под которого выглядывал нежно-розовый галстук. Потом сел за свой стол.

— Ой, — смутился Эйджерсон. — А мне показалось, красный… Ошибочка вышла.

— Дешевка, — пренебрежительно бросил мне Прайор.

Повернувшись к нему, я тут же ответил:

— Вообще-то я не спрашивал, сколько стоит ваш галстук, но если вы отдали за него больше полутора баксов, то это натуральный грабеж.

По залу пробежали смешки.

— Мистер Эйджерсон, долго ли вы видели того

человека на улице? Две — может, три секунды?

— Да, примерно столько.

— Далеко вы от него находились?

— Футах в двадцати — может, чуть больше, — ответил он.

— Так что не исключено, что и в тридцати футах?

Он задумался.

— Нет, вряд ли настолько уж далеко. Наверное, максимум в двадцати пяти, плюс-минус.

— Было темно?

— Да, — подтвердил Эйджерсон.

— На человеке, которого вы видели, были темные очки, а капюшон худи у него был поднят, так?

— Это был он, — упорно повторил Эйджерсон.

— Итак, с двадцати пяти футов, в темноте вы увидели какого-то человека в надвинутом на лоб капюшоне и в темных очках. Именно так можно описать увиденное вами?

— Да. И это был…

— Это был какой-то человек, идущий в сторону дома, в котором живет Роберт Соломон. Вот потому-то вы и решили, что это мой подзащитный. Разве я не прав?

Эйджерсон ничего не ответил. Подыскивал

правильный ответ.

— Это мог быть кто угодно, так ведь? Лица его вы на самом деле не видели?

— Лицо я особо не разглядел, но сразу понял, что это он, — вызывающе отозвался Эйджерсон.

Перед тем, как задать свой последний вопрос, я повернулся к присяжным и спросил:

— А он был в галстуке?

Присяжные рассмеялись. Все, кроме Алека Уинна.

Эйджерсон промолчал.

— Повторный допрос не требуется. Обвинение вызывает Тодда Кинни, — объявил Прайор.

Эйджерсон, повесив голову, вышел со свидетельского места. Прайор не повел и глазом. Это был его стиль. Большинство обвинителей убили бы на этого Эйджерсона все утро. Но только не Прайор. Он щелкал свидетелей как семечки. И если кто-то из них не нравился присяжным, им тут же выставляли другого. Довольно рискованная тактика — такой вот залп из свидетелей. С другой стороны, это все значительно упрощало — ускоряло процесс и не давало присяжным заскучать.

Кинни оказался на удивление молодым человеком в белой рубашке и галстуке, голубых джинсах и синем блейзере, которые оба были ему на пару

размеров маловаты. Даже галстук не доставал ему до пояса. Хипстер. Парень только зря парился в криминалистах. Из него вышел бы отличный агент под прикрытием.

Прайор уже был на ногах. Правый ботинок его нетерпеливо пошлепывал по полу. Я все-таки достал его. Воротничок рубашки сдавил ему шею. Я решил увеличить это давление. По пути к своему столу остановился и шепнул ему на ухо:

— Простите за галстук. Это и впрямь был дешевый трюк.

Сзади послышались шаги Кинни.

— Это не спасет твоего клиента. А если еще раз ко мне прикоснешься, я тебе всю рожу разделаю, — прошипел Прайор, улыбаясь судье.

— Больше не трону, обещаю, — заверил я, попятившись от него прямо на Кинни. Тот запнулся, и я поддержал его.

— Ой, простите великодушно, — извинился я.

Кинни ничего не ответил. Лишь мотнул головой и направился к свидетельскому месту. Заняв свое место за столом защиты, я наконец-то позволил Прайору перейти к делу. После того как Кинни привели к присяге, Прайор задал ему обычные вопросы касательно квалификации и опыта работы с генетическим материалом.

Времени это много не заняло, и я не стал вмешиваться. Ждал, пока Прайор не доберется до сути.

— Это вы изучали долларовую банкноту, обнаруженную во рту у Карла Тозера? — наконец спросил он, вызывая на экран изображение купюры, сложенной в виде бабочки.

— Я. Она была изъята и надлежащим образом упакована медэкспертом. Я, в свою очередь, проверил ее на пальцевые отпечатки. Обнаружил хороший отпечаток большого пальца, после чего изучил печатную поверхность банкноты на наличие следов ДНК. Также взял пробы с полей купюры и остальных ее участков.

— И что показал анализ пальцевого отпечатка?

— С подсудимого сняли отпечатки пальцев для сравнения. Большой палец правой руки подсудимого полностью, на все двадцать пунктов, совпал по папиллярным линиям с отпечатком, полученным с банкноты.

— Что вы понимаете под полным, на все двадцать пунктов, совпадением пальцевых отпечатков?

Кинни с явным удовольствием принялся объяснять, стараясь особо не щеголять научными терминами.

— У каждого человеческого существа на планете — свой собственный, уникальный набор пальцевых отпечатков, образуемых так называемыми папиллярными линиями на поверхности кожи. Наша система считывает конфигурацию этих линий в двадцати стратегических контрольных точках. Наукой доказано, что совпадение по всем двадцати пунктам говорит о полной идентичности отпечатков, — не спеша произнес Кинни, не сводя взгляда с присяжных.

— Возможно ли, чтобы данный отпечаток был неправильно идентифицирован? — спросил Прайор. Он методично перекрывал все мои направления для атаки, одно за другим.

— Нет. Это совершенно исключено. Я сам проводил сравнение. Вдобавок следы ДНК, снятые с зоны отпечатка, полностью совпали с ДНК подсудимого, — сказал Кинни.

— Как вы это выяснили?

— Я опять-таки лично проводил это сравнение. Образец ДНК подсудимого я получил при помощи мазка с внутренней поверхности щеки. Таким образом был определен его полный ДНК-профиль. Этот профиль оказался, с математической вероятностью миллиард к одному, идентичным тому, что был получен с купюры.

Кинни был хорошим ученым. Просто не был силен в растолковывании подобных материй присяжным.

— Что вы понимаете под математической вероятностью миллиард к одному?

— Это означает, что ДНК с купюры практически полностью соответствует профилю подсудимого, и если б мы взяли образцы у миллиарда других людей, то теоретически могли бы получить лишь еще одно совпадение с профилем с купюры.

— Так что вполне вероятно, что ДНК на этом долларе — это ДНК подсудимого?

Тут Кинни не пришлось особо задумываться. Вопрос был задан четко и недвусмысленно.

— С очень большой степенью уверенности могу утверждать, что образец на данной купюре принадлежит подсудимому.

— Спасибо, прошу вас пока не уходить. У мистера Флинна могут быть какие-то вопросы, — сказал Прайор.

У меня и вправду были вопросы. Великое множество. Хотя далеко не все из них можно было задать Кинни. Я бросил взгляд на Бобби. Вид у того был такой, будто его сшиб грузовик. Руди уже сообщил ему об этой улике, но услышать о ней в зале суда, перед лицом двенадцати человек,

которым предстоит вынести вам приговор, — это не для слабонервных. Я подлил ему водички. Рука его дрожала, когда он подносил стакан к губам. Бобби понимал всю весомость показаний Кинни. Он все-таки был актером — чувствовал перемены настроения толпы. Эти показания однозначно оказались для него серьезным ударом. Изначально меня привлекли к этому делу, чтобы порвать свидетелей вроде Кинни на куски. Хотя я с самого начала знал, что мы не в силах оспорить его показания. Все дело сводилось к этому свидетелю. На уголовном процессе криминалистические улики — это Господь Бог.

Но я-то адвокат защиты. Я-то на стороне дьявола. А он не всегда играет по-честному.

Шагая к барьеру, огораживающему свидетельское место, я всеми силами постарался придать себе уверенный вид, просто-таки кожей чувствуя на себе взгляды присяжных. Уголком глаза заметил, что Алек Уинн сложил руки на груди. Для него все уже закончилось. Что бы я сейчас ни сказал, он уже принял решение.

— Офицер Кинни, прежде чем дать показания, вы дали присягу говорить только правду и ничего, кроме правды. Вас не затруднит взять в руку Библию, которая лежит сейчас рядом с вами? —

произнес я.

Я услышал скрип кресла Прайора по плиточному полу, когда он отъехал вместе с ним от своего стола. Представил, как обвинитель складывает руки на груди с этой своей надменной улыбочкой на лице. Он знал, что единственное направление атаки для меня — это поставить слова Кинни под сомнение. Если мне удастся доказать, что он лжет — намеренно или же добросовестно заблуждаясь, — у меня еще есть шанс. Прайор наверняка к этому подготовился.

«Придерживайся науки — результаты экспертизы не лгут».

Взяв Библию в правую руку, Кинни бросил взгляд через мое плечо на Прайора. Ну да, он тоже был явно готов, что я подъеду к нему с этой стороны. Я знал, что так и будет. Я заранее ставил на это. Я не стал бы задавать ему никаких вопросов, если б он покривил душой, не стал бы напоминать ему о присяге или обвинять во лжи. Вместо этого я буквально молился, чтобы Кинни отвечал правдиво.

— Офицер, можете положить Библию на место, — сказал я.

Брови Кинни сошлись вместе. Кресло Прайора опять скрипнуло, и я понял, что он выпрямился

и придвинул его поближе к столу, чтобы делать заметки. На нечто подобное Прайор явно не рассчитывал.

Я подобрал Библию, обеими руками поднес ее к груди и повернулся к присяжным. Им надо было ее видеть.

— Офицер, уже многие свидетели присягали сегодня на этой Библии. Вы и сами брали ее в руки, когда произносили слова присяги. Теперь ее держу в руках я. Скажите мне, офицер: если б сейчас вам отдали эту Библию на экспертизу, вы наверняка обнаружили бы на ней отпечатки всех сегодняшних свидетелей, верно?

— Верно. Скорей всего, нашлись бы кое-какие отпечатки и более ранних свидетелей — хотя бы частичные, если наши пальцы их еще не затерли. И со всех них мы получили бы образцы ДНК. В том числе и ваш, мистер Флинн, — ответил Кинни.

— Согласен. И секретаря, и вчерашних свидетелей, и вообще всех, кто недавно прикасался к этой Библии. С нее можно было бы собрать целую коллекцию образцов ДНК, верно?

— Да.

Кинни примерно догадывался, к чему я клоню. Он уже начинал замыкаться, отвечая коротко и отрывисто.

— Если б вы исследовали эту Библию и обнаружили только мою ДНК, это было бы необычно, так ведь? — спросил я.

Кое-кого из присяжных это вдруг заинтересовало. Рита Весте, детский психолог, Бетси Мюллер, инструктор по карате по выходным, славный старикан Брэдли Саммерс и Терри Эндрюс, шеф-повар, — все сосредоточились на мне и Кинни, внимательно прислушиваясь к нашей беседе. Алек Уинн все так и сидел, сложив руки на груди. Наука криминалистика его явно убедила. Но у меня были припасены несколько вопросов, которые могли заставить его передумать.

Кинни крепко задумался над ответом. Наконец произнес:

— Пожалуй.

Я окончательно перешел в атаку. Теперь меня уже ничего не сдерживало.

— И одной из причин, по которой вы не нашли бы других образцов на этой Библии, было бы то, что кто-то тщательно протер переплет, я прав?

— Да.

Положив Библию обратно на свидетельский столик, я нацелился взглядом на Кинни. Пришла пора врезать ему как следует.

— Офицер, на долларовой банкноте, которая

находится в обращении в Соединенных Штатах несколько лет, скорее всего должны обнаружиться сотни, если не тысячи разнообразных отпечатков пальцев и ДНК-профилей. Банковских кассиров, продавцов, обычных граждан — в общем, тех, кто в том или ином регионе имеет дело с наличными деньгами. Вы с этим согласны?

— Да, наверное, это так, — ответил он.

— Да ладно вам — скорее наверняка, чем наверное, так ведь?

— Да, наверняка, — произнес Кинни уже с легкими нотками раздражения в голосе.

— На долларовой банкноте, извлеченной изо рта Карла Тозера, нашлись его ДНК, ДНК моего подзащитного и еще какой-то другой профиль, верно?

— Да.

— И, как показал поиск по базе ДНК, этот третий профиль принадлежит человеку по имени Ричард Пена, которого казнили в совершенно другом штате еще до того, как эта купюра была даже напечатана, верно?

Он этого ожидал.

— Я счел этот профиль аномалией. Он не был настолько же полон, как профиль подсудимого, и вполне мог принадлежать кому-то из близких

родственников мистера Пены. Я проверил регистрационные журналы нашей лаборатории, и, насколько могу судить, образец ДНК Пены никогда не покидал пределов штата, в котором его казнили. И никогда не пересылался в нашу лабораторию, так что вероятность загрязнения улики равна нулю. Эта ДНК может принадлежать какому-то его кровному родственнику.

— Наверное. А вы в курсе, что Ричард Пена был осужден сразу за несколько убийств, и на теле каждой из его жертв, молодых девушек, была найдена однодолларовая купюра, заткнутая за лифчик, на одной из которых имелись следы его ДНК?

— Нет, я про это не знал, — признался Кинни.

— Вернемся к нашему делу. Мы так и не знаем, почему на купюре, обнаруженной во рту у Карла Тозера, не оказалось следов ДНК других людей. Знаем только, что она никак не могла побывать в руках у мистера Пены и что эта банкнота долгие годы находилась в обращении. Очень похоже на то, что кто-то удалил с нее все иные следы, прежде чем мой подзащитный ее коснулся. Это единственное объяснение, не так ли?

— Я с этим не согласен.

— И причина, по которой купюра была отчи-

щена от иных следов, заключалась в том, чтобы образец ДНК моего подзащитного сохранился в целости и сохранности и мог быть легко снят с этого доллара. Иными словами, кто-то поместил на него этот образец, чтобы подставить мистера Соломона, ложно обвинив его в убийстве.

Кинни замотал головой.

— Это не объясняет, почему на этой купюре оказался и отпечаток пальца подсудимого, — возразил он.

— С этим я могу вам помочь. Скорее всего, кто-то подсунул ему эту купюру, чтобы он коснулся ее, не сознавая всей значимости этого действия. А потом забрал ее у него и позже засунул в рот Карлу Тозеру.

Кинни опять помотал головой и даже скривился.

— Такого никогда не могло произойти!

Я повернулся к присяжным, продолжая обращаться к нему:

— Офицер, у меня к вам одна просьба: загляните, пожалуйста, в левый внутренний карман своего пиджака.

Он шумно выдохнул через нос от неожиданности. Полез в карман. Вытащил из него однодолларовую купюру и в полном ужасе уставился

на нее.

— С утра у меня не было долларовой бумажки в кармане пиджака! — выпалил он.

— Естественно, не было, это я ее туда положил. И теперь на ней — ваша ДНК.

Я вытащил из собственного кармана носовой платок и осторожно забрал у него купюру, взявшись за нее через ткань.

— Все гораздо проще, чем вы думали, так ведь? — сказал я.

И пошел обратно к своему месту под звенящий у меня в ушах голос Прайора. Он взывал к Гарри, который поддержал его возражение.

Ну и плевать. Присяжные-то все видели. Кое-кто из них наверняка задумается об этом и поставит под сомнение значимость этой генетической улики. Если мне удалось смутить достаточное их количество, то у нас есть шанс.

Глава 55

Флинн опять уселся на свое место, а Тодд Кинни сошел с возвышения для свидетелей. Судья объявил обеденный перерыв, и как раз вовремя. Кейн опасался, что еще чуть-чуть, и просто не сумеет сдержаться и покажет свое истинное лицо. Вме-

сте с остальными присяжными он направился к выходу из зала, стискивая зубы так, что занемела челюсть; во рту стоял привкус крови. Несильный — просто было такое чувство. Вытерев губы, он увидел на руке красноватый след. Наверное, прикусил щеку изнутри от злости. И, естественно, ничего не почувствовал.

В свои самые излюбленные моменты Кейн никогда не поддавался ярости. Вонзая нож или чувствуя, как чье-то горло подается под руками, он получал удовольствие от страха или паники на лице жертвы. Ненависти никогда не было места в его деле.

Слушая Флинна, Кейн начинал испытывать это старое знакомое чувство. Он много чего ненавидел: вранье средств массовой информации, мысль о том, что люди — сами кузнецы собственного счастья, а также большинство всех тех, кто сумел в корне изменить свою жизнь. Сам Кейн не был таким счастливчиком. Как и его мать. Ненависть была лишь частью этого. Вместе со стремлением поквитаться. Большей же частью он испытывал жалость. Жалость к тем простофилям, которые думали, что деньги, семья, счастливый случай или даже любовь способны все изменить. Все это было совсем не так. Для Кейна это была Великая

Американская Ложь.

Кейн знал правду. Нет никакой мечты. Нет никаких перемен. Есть только боль. Он никогда не чувствовал ее жалящих уколов, но все равно знал ее. Он видел ее в столь многих лицах…

Присяжные расселись вокруг длинного стола в совещательной комнате, и туда вошла пристав с сумками, полными сэндвичей и напитков. Кейн щелкнул язычком на банке с «Кока-колой», посмотрел, как один из приставов отсчитывает ему сдачу и отдает вместе с чеком. Тот выходил из здания и купил обед для присяжных за наличные, полученные в секретариате суда. Кейн уже видел, как это делается. «Блин, хоть бы кто чаевые оставил!» — шутливо заметил пристав. На чеке он сделал пометку, а мелочь положил на однодолларовую банкноту и завернул их в сложенный чек.

Кейн вернулся мыслями к событиям более чем годичной давности, когда он лежал на холодном тротуаре, одетый в грязное тряпье, в шапке, найденной в мусорном баке, день за днем изображая бездомного. Это было эффективно, поскольку мало кто из ньюйоркцев обращает внимание на бездомных. Проходить мимо людей с грязными лицами, у которых ни еды, ни денег, — это неотъ-

емлемая часть повседневной жизни Нью-Йорка. Кто-то может подкинуть им мелочишки. Кто-то — нет. И это просто идеальный способ наблюдать за объектом.

В отличие от слежки за почтовой службой суда, это пребывание в роли безымянного, бездомного человека длилось всего пару дней. И в достаточно приличном районе. Кейн выбрал точку на одном из углов Западной Восемьдесят восьмой улицы — в пяти сотнях ярдов от дома Роберта Соломона. На третий день актер прошел мимо со своим «Айподом» с наушниками. Кейн протянул к нему руку.

— Не подбросишь доллар, мужик? — прохрипел он.

Роберт Соломон порылся в глубоком кармане, вытащил две долларовые купюры и протянул Кейну. Прежде чем взять их, тот запомнил расположение пальцев Соломона на них. На верхней купюре должен был остаться превосходный жирный отпечаток, прямо на лице Джорджа Вашингтона. Кейн подставил бумажный кофейный стаканчик, и купюры упали в него. Потом оставалось лишь почистить банкноты антибактериальным спреем, постаравшись сохранить отпечаток пальца Соломона.

Все оказалось так просто. Так легко. Как только Соломон двинулся дальше, Кейн закрыл стаканчик пластиковой крышечкой, встал и ушел.

Так все в данном случае и началось.

Откусив большой кусок сэндвича, Кейн посмотрел на остальных присяжных, занятых тем же самым. Глянул на часы.

Ждать осталось недолго, он в этом не сомневался. Вряд ли удалось бы справиться со всем этим без посторонней помощи. Хорошо иметь друга — еще одну темную душу, которого он допустил к своей миссии. И тот уже на деле доказал свою ценность.

Кейну не удалось бы зайти так далеко без своего человечка в рядах противника.

Глава 56

— Меня сочтут виновным, так ведь? — спросил мой подзащитный.

— Мы еще не проиграли, Бобби. У нас еще есть кое-какие сюрпризы, — ответил я.

— Вы невиновны, Бобби, — добавил Холтен. — И присяжные это поймут.

Бобби сидел в тесной комнатке для консультаций; обед перед ним оставался нетронутым.

Холтен выходил и принес несколько сэндвичей. У меня тоже не было аппетита. Кинни нанес по делу Соломона серьезный удар. Еще одного тот просто не вынесет. У Прайора оставались еще два свидетеля — спец по системам видеонаблюдения, который проводил экспертизу работающей от датчика движения камеры на доме Бобби, и репортер Пол Бенеттио. Благодаря Харпер видеоспеца у меня было чем прижать, а репортер не сообщил на предварительном следствии ничего такого, что стоило бы моего беспокойства. Просто сказал, что Бобби и Ариэлла не особо ладили друг с другом. С семейными парами такое частенько случается. Из этого вовсе не следовало, что он убил ее.

Я уже переговорил с агентом, которого привела с собой Харпер. С тем коротышкой в сером костюме. Он оказался специалистом по цифровым коммуникациям, работающим на ФБР, и таким же аккуратным человеком, как его костюм. Молодым, но чертовски квалифицированным. Харпер представила его — Энджел Торрес. Он рассказал мне о том, что именно ему удалось обнаружить в ходе сегодняшнего посещения дома Бобби. Не бомба, конечно, способная вдребезги разнести позицию обвинения, но чертовски полезная инфа.

— А тот коп, поставленный следить за домом, видел, как вы, ребята, там копаетесь? — спросил я.

— Нет, — ответила Харпер. — Он — фанат «Никс». Так что я отвлекла его разговором в гостиной. Его особо не волновало, чем мы занимаемся. Его больше заботил итоговый счет. Торрес махнул фэбээровской ксивой, и коп успокоился.

— Да и по-любому это не заняло много времени. Через пять минут мы уже ушли, — добавил Торрес.

— Отлично, — сказал я.

Доев свои сэндвичи, Холтен, Торрес и Харпер встали из-за стола. Я же довольствовался болеутоляющими таблетками, которые запил газировкой.

В комнату зашла Дилейни со стопкой папок в руках.

— Ну и что там присяжные? — поинтересовалась она.

Бобби посмотрел на меня, явно ожидая ободряющего ответа.

— Показания насчет ДНК нанесли нам некоторый урон, но мы были к этому готовы. Может, мне удастся сократить ущерб. Подождем, посмотрим. Задержитесь здесь, Бобби. Мы еще не закончи-

ли, — сказал я.

— Ты еще не рассказывала Эдди про присяжных? — спросила Дилейни у Харпер.

— Как раз собиралась, — отозвалась та. — Выйдя из дома Бобби, мы с Торресом поехали обратно в Бюро, и я пробежалась по стопке статей, которые наши агенты нарыли в местных газетных архивах. И нашла два материала. Первый — наиболее любопытный. Даму, о которой там идет речь, застрелили в ходе вооруженного ограбления. И она была в числе присяжных на суде над Пеной.

Харпер показала мне статью на экране мобильника.

Этой даме, некоей Розанне Вахбах, было чуть за шестьдесят. Работала она продавщицей в комиссионке в Чапел-Хилл, штат Северная Каролина. Какой-то герой выпалил ей из обоих стволов двустволки прямо в лицо. Из товаров грабители практически ничего не взяли, обчистили лишь кассовый аппарат и копилку для пожертвований. По прикидкам владельца магазина, взяли сущую ерунду — чуть больше ста долларов. В статье говорилось о потерянной жизни и жестокости убийц, и все ради чего? Ради сотни долларов с мелочью?

— Можешь сказать, что тут не так? — спросила Харпер. — Глянь-ка на фотку.

На фото в статье был общий вид закрытого магазина с улицы. Поперек двери — полицейская лента с надписью «Место преступления».

Я сразу понял, что имела в виду Харпер. Прямо рядом с комиссионкой, справа, располагался «Севен-илевен»[63]. Слева — магазинчик по продаже алкоголя. А сразу за ним — зданьице местного банка.

— Это было не ограбление, — сказал я. — Это была ликвидация.

— Я и сама так подумала. В комиссионках обычно денег кот наплакал. Красть там нечего, да и покупать тоже. Если б я решила ограбить магазин, то полезла бы в круглосуточный. Продавец винного наверняка вооружен, в банке хорошая охрана, а вот в «ночнике» вряд ли. Скорее всего, разве что бейсбольная бита под прилавком. Продавец там вряд ли станет изображать из себя героя. Кто пойдет на такой риск из-за столь мизерной суммы? Хотя наличных там полно.

---

[63] notes: 63

«Севен-илевен» («7–11») — крупнейшая в мире сеть небольших продовольственных магазинчиков, представленная в 18 странах. Изначально работали с 7 утра до 11 вечера, отсюда и название, но сейчас многие такие магазины работают и круглосуточно. (*Прим. пер.*)

Гораздо больше, чем в какой-то зачуханной комиссионке.

— А про что вторая статья? — спросил я.

— Я ее с собой не взяла. Это объявление из «Уилмингтон стандард». После того как Пита Тимсона осудили за убийство Дерека Касса, бесследно пропал один из присяжных. Родственников у него не было, но была работа. И он так и не объявился там после суда, и его работодатель заволновался. Связался с полицией и даже дал объявление о розыске в газету. После того как тот малый вышел из совещательной комнаты, больше его никто не видел.

Боль в ребрах начала понемногу стихать. Ее сменили чувство пустоты в животе и жжение в горле. Версия Дилейни касательно Долларового Билла всю дорогу была верной. Только вот видели мы лишь половину всего. Я съехал на стуле пониже, прикрыл глаза и погладил шишку на голове. Мне сейчас требовалась боль.

Впервые за все время этого судебного разбирательства я ощутил страх. Долларовый Билл оказался гораздо более изощренным типом, чем мы предполагали.

— Мы не там искали, — сказал я. — Все, кого он подставил, были в итоге осуждены. Все до еди-

ного. Ход суда всегда можно повернуть в другую сторону. Даже с криминалистическими уликами. Откуда у него была убежденность, что обвиняемого обязательно осудят? Просто подбросить улики для этого парня явно недостаточно. Долларовый Билл не наблюдал за этими процессами, надежно укрытый людской толпой. Он был в числе присяжных. Как сказал бы Гарри, у нас подставной.

— Что?! — чуть ли не хором воскликнули Харпер и Дилейни.

Бобби с Холтеном переглянулись, раскрыв рты.

— Он каким-то образом ухитрился пробраться в жюри. Тот присяжный по делу об убийстве Дерека Касса… По-моему, он не появился на работе после суда, поскольку был уже мертв. Причем задолго до того. По крайней мере за неделю до начала процесса. Билл занял его место. И это он переехал Бренду Ковальски на улице, каким-то образом задушил Мануэля Ортегу и застрелил пожилую присяжную по делу Пены. Он избавился от них, поскольку они собирались проголосовать по-своему.

— Он убивает кандидатов до отбора присяжных и крадет их личные данные. Это единственный способ. Вот почему тот присяжный сразу после суда бесследно исчез, — холодно произнесла Ди-

лейни. Осознание словно ледяным ветром овеяло ее лицо.

— А откуда ему знать, кто именно окажется в числе кандидатов в присяжные? — спросила Харпер.

— Может, он взламывает сервер суда? Или компьютеры кого-то из адвокатов? Или окружного прокурора, или как-то пролезает в секретариат? — предположил Холтен.

— Это полная дурь, — произнесла Харпер.

— Нет, это Билл, — возразила Дилейни. — Я уже говорила вам обоим: у этого типа очень высокий уровень интеллектуального развития. Может, самый высокий, с каким мы до сих пор сталкивались. Нам нужно получить списки присяжных по каждому из этих дел. Можно будет пробить их удостоверения личности по УАТ, паспортному контролю — да по всем, блин, базам данных, которые у нас только есть! Вряд ли он способен так уж кардинально менять внешность. Начнем с того присяжного, который пропал после суда по делу Касса. Мы вычислим этого типа. Я дам показания, Эдди. Сделаю все, что нужно, — заверила меня Дилейни.

Мы обсудили дальнейшую стратегию. На сей раз мы будем наблюдать за присяжными. Но был

и некоторый риск.

— Бобби, если все пройдет хорошо, то нам удастся отправить дело на пересмотр. Вот какова на данный момент наша цель. А значит, все приостановится. Дилейни может понаблюдать за присяжными, последить за ними, пока мы не сумеем определить, кто из них убийца. Мы должны остановить этот судебный процесс. Я не допущу, чтобы все оказалось в руках жюри. Только не тогда, когда среди присяжных сидит убийца. Но вам следует знать, что я могу и не добиться успеха. Пока это всего лишь версия. У нас нет никаких доказательств. Если судья откажется отправить дело на пересмотр, не исключено, что Прайор обернет это против нас.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бобби.

— Если мы выступим с заявлением, что в жюри сидит серийный убийца и что на данный момент мы не знаем, кто это конкретно, то все до одного присяжные воспримут это так, будто мы обвиняем их в совершении этого преступления. Они примут это на личный счет. А значит, наверняка объявят вас виновным. Если мы попробуем, и ничего у нас не выйдет и мы не прищучим этого типа, вы можете оказаться за решеткой до скончания своих дней.

Мне нравился Бобби. При всех своих деньгах и славе он вообще-то не слишком отличался от того паренька с фермы, который уехал из дома с отцовскими сбережениями в кармане. Конечно, у него были свои проблемы. Как и у любого из нас. Но он не приезжал в суд на «Бентли». Вокруг него не вилось двенадцать лакеев, круглые сутки повторяющих ему, какой он прекрасный и замечательный. Еще в раннем возрасте он уже хорошо знал, чем хочет заниматься в жизни. Ему повезло, что он оказался хорош в выбранном деле и сумел воплотить свою мечту в жизнь, но теперь Бобби был просто молодым человеком, горюющим по ушедшей любви. И никакие деньги и слава не могли этого хоть как-то изменить.

— Этот человек убил Ариэллу и Карла. И всех этих других людей. Я хочу, чтобы вы поймали его. Делайте все, что сочтете нужным. Меня это не волнует. Я знаю, что вы обязательно прищучите его, — сказал Бобби.

— Должен быть и какой-то другой способ, — вмешался Холтен.

Мне тоже не хотелось подвергать Бобби риску. Но в тот момент какой-то иной план не приходил мне в голову. Я знал, что что-то упускаю из виду. Этот образец ДНК беспокоил меня с самого нача-

ла. Да как, блин, ДНК мертвеца могла попасть на ту долларовую банкноту?

Это уже из области фантастики…

Как только эта мысль промелькнула у меня в мозгу, я понял, каким именно образом ДНК Пены могла оказаться на купюре во рту у Карла. Быстро накидав список того, что надо проверить, я передал листок Дилейни. Долларовый Билл был очень хитер и предусмотрителен.

Но все допускают ошибки.

Глава 57

Переплетя пальцы на животе и размеренно дыша, Кейн устроился поудобней и приготовился смотреть, как Прайор заберет дело в собственные руки. Во время обеденного перерыва присяжные негромко переговаривались между собой — то тут, то там слышались шепотки. Если б им пришлось проголосовать прямо сейчас, то две трети из них были бы за обвинительный вердикт. Он предположил, что остальные пока не пришли к окончательному мнению, но большинство все же склонялось к виновности подсудимого. Кейну приходилось сталкиваться и с худшими ситуациями в совещательной комнате.

После перерыва Прайор вызвал своего очередного свидетеля — технаря по фамилии Уильямс, который занимался экспертизой охранной видеосистемы во владениях Соломона. Тот показал, что демонтировал и забрал систему с собой для изучения и обнаружил запись, имеющую отношение к делу.

Большой экран в зале суда опять осветился, и на нем появилось черно-белое изображение улицы, снятое камерой над входом в дом Соломона. Временна́я отметка в левом нижнем углу показывала 21:01, когда экран заполнила фигура в низко надвинутом на лоб капюшоне. Загримироваться под Бобби у Кейна не вышло. На экране промелькнул лишь подбородок мужчины, когда тот поднял руку, которая замерла в этом положении.

— Что делает этот человек на экране? — спросил Прайор, который поставил запись на паузу.

— Должно быть, вставляет ключ в замок. По моему мнению, очень на то похоже, — ответил Уильямс.

Запись пошла дальше. Фигура в капюшоне, низко склонив голову, смотрела на экранчик «Айпода», от которого к капюшону тянулся длинный белый проводок — к наушникам. Дверь открылась, и из-за нее хлынул свет. Фигура шагнула

внутрь, и на этом запись оборвалась.

— Как работает данная система наблюдения, офицер Уильямс? — спросил Прайор.

— Она активируется датчиком движения. Камера автоматически включается, получив сигнал от датчика. Я проверил этот датчик в лаборатории и могу подтвердить, что он полностью исправен, как вы можете здесь видеть. Радиус его действия — десять футов. Любое движение в этих пределах включает камеру.

— Подсудимый по этому делу утверждает, что вернулся домой около полуночи. И что в девять вечера никак не мог повстречаться со своим соседом. Как вы можете прокомментировать данное утверждение?

— Это совершенно исключено. Он попал на камеру в двадцать один ноль одну. Все выглядит так, что именно Роберт Соломон вошел в свой дом через переднюю дверь, воспользовавшись ключом. Я проверил систему, и записи после этой отсутствуют.

Прайор сел на свое место, и Кейн увидел, как из-за своего стола поднимается Флинн. И прежде чем адвокат успел хоть что-то произнести, как Кейна отвлекли. Он бросил взгляд влево, в сторону источника шума. Двери зала были открыты, и

в них только что вошли два детектива. Одним из них был Майк Андерсон, все еще с гипсом на руке. Второй, постарше, с седыми зализанными назад волосами, был, судя по всему, его напарником. Оба встали у задней стены зала.

Кейн вновь перевел взгляд на Флинна и подумал о своих ножах. Представил себе адвоката, связанного в каком-нибудь тихом местечке далеко отсюда. Там, где можно позволить Флинну орать во всю глотку. Представил, как выбирает нож. Дает Флинну посмотреть на это. А потом медленно подходит к связанному адвокату. Кейн умел резать так, что это могло показаться вечностью. Медленно вонзать нож в трепещущую плоть было для него истинным наслаждением…

Он встряхнул головой, постаравшись избавиться от этих фантазий. Его работа здесь еще не закончена. Осталось совсем немного.

Флинн подошел к Прайору и вручил ему какой-то переплетенный документ. Обвинитель быстро пролистал его. Даже с трибуны для присяжных Кейн отчетливо услышал его слова.

— Как вы это раздобыли? — спросил Прайор.

— С разрешения представителя нью-йоркской полиции. Торреса никто не остановил. А он — федеральный агент, и у него имелись на то до-

статочные основания. Так что если не возникло возражений, то ордер не требовался, — сказал Флинн.

Кейн прислушался, что же ответит Прайор, но ничего не разобрал. Оба советника подошли к судье и стали о чем-то спорить. Через пару минут судья Форд объявил:

— Юридически это допустимо. Если со стороны нью-йоркского управления полиции, предоставившего доступ, не последовало возражений, тогда я это разрешаю.

Глава 58

Я уже чуть ли не жалел копа, приставленного к дому Соломона. Если б он знал, что ФБР решило провести собственную экспертизу, то наверняка стал бы возражать. И мог вообще арестовать Харпер и Торреса. Но он-то ничего не просек. Так что никаких возражений, никаких проблем. Гарри согласился приобщить мой отчет к числу улик по делу.

Блин, как же я в этом нуждался!

Равно как и Бобби. Если мне не удастся отправить дело на пересмотр, то требовалось, чтоб хотя бы кто-то из присяжных проголосовал за нас.

Я взял копию отчета в руки. Словно цепляясь за спасательный плот.

— Офицер Уильямс, вам ведь не удалось разглядеть лицо Роберта Соломона на этом видео, насколько я понимаю?

— Полностью — нет. Частично видны его очки, часть рта и подбородка. Бóльшую часть лица скрывает поднятый капюшон. Но я могу сказать, что это он, — ответил Уильямс.

Закончив прямой допрос, Прайор отмотал запись назад и поставил на паузу в том месте, где фигура в капюшоне стоит перед дверью.

— Человек на данном видео держит в руках какое-то электронное устройство. Можете сказать, какое именно? — спросил я.

— Похоже на «Айпод», — сказал Уильямс.

— Вас не затруднит напомнить присяжным, в какое время записалось это видео?

— Сразу после двадцати ноль-ноль в вечер убийства.

Я вызвал на экран один из полицейских снимков с места преступления — общий вид прихожей. Впереди — начало лестничного пролета, слева столик с телефоном, вай-фай-роутером и вазой. Я передал Уильямсу подготовленный Торресом отчет и перешел к сути.

— Офицер, отчет, который лежит сейчас прямо перед вами, подготовлен сегодня специальным агентом ФБР Торресом. Это результаты криминалистической экспертизы интернет-роутера, который вы видите на данной фотографии. Роутер вы исследовали?

— Нет, не исследовал.

— Агенту Торресу удалось извлечь из памяти этого роутера историю использования его интерфейса. Вы можете найти отметку о прерванном соединении на четвертой странице. Взгляните, пожалуйста, — сказал я.

Уильямс перевернул несколько страниц и стал читать. Я дал ему тридцать секунд. Закончив чтение, он остался сидеть с пустым выражением лица.

— Мой подзащитный сообщил полиции, что вернулся домой около полуночи. Посмотрите на строчку примерно на середине четвертой страницы — под номером восемнадцать. Пожалуйста, зачитайте ее.

— Тут написано «ноль-ноль ноль-три, соединение с “Айподом” Бобби», — произнес Уильямс.

— А теперь взгляните на предыдущий пункт журнала за тот же вечер, под номером семнадцать.

— Тут написано, что устройство отсоединено — имя пользователя не авторизированно, двадцать один ноль две.

Я схватил пульт от экрана и переключил его на изображение фигуры в капюшоне перед входной дверью.

— Разумно ли предположить, офицер, что устройство, которое мы сейчас видим на экране, пыталось соединиться с роутером в доме моего подзащитного?

— Точно сказать не могу, — сказал он.

— Ну конечно же не можете. Но было бы странным совпадением, если б это было какое-то другое устройство, справедливо?

Уильямс, натужно сглотнув, ответил:

— Справедливо.

— Поскольку тот, кто оделся так, чтобы походить на Бобби Соломона, наверняка и знал, что Бобби повсюду таскает с собой «Айпод». А заодно это и хорошее оправдание, чтобы скрыть лицо от камеры, не так ли?

— Не знаю. Наверное, такое не исключено, — отозвался Уильямс.

— И впрямь не исключено. И если данная личность все-таки сумела проникнуть в дом, то она могла попросту отключить питание камеры,

согласны? В таком случае та не активировалась бы и не засняла того, кто следующим подошел к дому, — сказал я.

— Этот человек мог так поступить, но у меня нет свидетельств тому, что все так и было, — ответил Уильямс.

— В самом деле?

Он примолк, задумался. Наконец произнес:

— В самом деле.

— Ладно. Итак, офицер Уильямс, я хотел бы, чтобы вы показали присяжным запись, на которой прибывшая по вызову полиция входит в дом через переднюю дверь.

Уильямс лишь неразборчиво что-то буркнул, вроде как «мля». Затем признал:

— Такой записи нет. Запись, на которой подсудимый входит в дом, — последняя, сделанная системой.

— Но мы точно знаем, что полиция побывала на месте преступления. Единственная причина, по которой запись их прибытия отсутствует, и единственная причина, по которой мой клиент не был зафиксирован системой, когда вернулся домой в полночь, это что кто-то ранее вечером выключил эту камеру — верно?

Уильямс поерзал на стуле, изо всех сил пытаясь

подобрать ответ и буквально завязываясь узлом.

— Это не исключено. В смысле, да, такое вполне могло произойти.

Я мог бы поднажать и сильнее, но не ощущал твердой почвы под ногами. На данный момент мне требовалось, чтобы присяжные по крайней мере не исключали вероятности того, что это мог быть кто-то еще. Торрес дал нам эту надежду. Черт, надо было раньше исследовать этот роутер!

При повторном допросе свидетеля Прайор обошелся лишь одной фразой.

— Офицер, у нас ведь нет данных о дальности действия этого роутера? — спросил он.

— Э-э… нет, нету. Роутер вполне мог перехватить сигнал из проезжавшей мимо машины, — радостно ухватился за предложенную соломинку Уильямс.

И на том спасибо. Поправив галстук, Прайор уселся на свое место.

— Лишь один момент, возникший из сказанного, — произнес я, вопросительно глянув на Гарри.

— Один вопрос, мистер Флинн, и не более, — ответил он.

Я нажал кнопку воспроизведения на пульте, и

мы еще раз просмотрели сорокапятисекундную запись. Остановив ее, я увидел, что Уильямс уже догадался, о чем я собираюсь спросить, но не мог придумать, что бы такого сказать.

— Офицер, просто подтвердите для протокола, что на записи хорошо видна и часть улицы, на которой нет ни проезжающих автомобилей, ни пешеходов.

— Подтверждаю, — со вздохом произнес Уильямс.

На этом я с этим парнем закончил.

Глава 59

Поерзав на скамье, Кейн впервые почувствовал себя неуютно. Он молча ругал себя, что не подумал про роутер. Этот адвокат оказался натуральным проклятием. Кейн уже давно привык к приливам и отливам в ходе судебного разбирательства, навидался их по полной программе. Но с чем-то подобным столкнулся впервые. Из всех адвокатов защиты, которых он видел в деле, Флинн явно был лучшим. Уж не счел ли Руди Карп Флинна равным себе? Хотя не то чтобы это имело сейчас какое-то значение…

Кейн услышал, как Прайор представляет при-

сяжным своего последнего свидетеля. В отличие от большинства прочих обвинителей, он энергично пер напролом, не сбавляя темпа. И это приносило свои плоды. На одном суде, много лет назад, Кейн был вынужден напоминать кое-кому из присяжных, о чем говорилось в показаниях, которые они слышали неделю назад. Про большинство важных улик они успели благополучно забыть. С Прайором такое полностью исключалось.

Репортер выступил вперед, взял в руку Библию и произнес слова присяги. Кейн совершенно не представлял, что такого тот может поведать суду. Наверняка какую-нибудь чепуху. Но Прайор был игроком — пожалуй, не таким, как Флинн, но близко. Одним из моментов, на которые Кейн научился полагаться, были закулисные методы обвинителей. У него было чувство, что Прайор сейчас собирается разыграть козырную карту, которую на протяжении всего суда придерживал в рукаве.

Первым делом тот сделал упор на профессиональной квалификации и опыте Бенеттио. У репортера были хорошие связи в Голливуде. Он прекрасно знал ситуацию изнутри.

— Что вы можете сообщить присяжным касае-

мо отношений подсудимого со второй из жертв, Ариэллой Блум? — спросил Прайор.

— Они познакомились на съемочной площадке и сразу влюбились друг в друга, после чего поженились, недавно. Их брак оказался мощным деловым альянсом. Именно их союз позволил им прочно закрепиться в Голливуде. Сами знаете, каким могуществом обладают все эти звездные пары вроде Брэда и Анджелины[64]. Вскоре после этого они запустили свое собственное реалити-шоу. И получили главные роли в недавно вышедшем на экраны фантастическом эпосе. Студии буквально заваливали их деньгами. А все только потому, что они были женаты.

— А каковы были их сугубо личные отношения?

— Знаете, Голливуд всегда полон слухов. Такова уж природа этого зверя. Всегда находится кто-то, кто ставит под сомнение прочность таких звездных отношений. В том числе и я. В данном случае я намереваюсь нарушить привилегию журналистской тайны. У меня был источник, прямо в самом сердце их отношений. И он сообщил мне,

---

[64] notes: 64

Семейная пара голливудских актеров Брэда Питта и Анджелины Джоли известна не только своей благотворительностью, но и многочисленными судебными скандалами. (*Прим. пер.*)

что данный брак — это брак по расчету. Конечно, они ладили. Но больше как брат и сестра — по причине гомосексуальности Роберта Соломона.

Глава 60

Я люблю Америку. Люблю Нью-Йорк. Люблю живущих здесь людей. Но иногда он вгоняет меня в тоску. Нет, не какие-то отдельные личности — в основном средства массовой информации. Что касается всех этих телеканалов, газет и новостных сайтов, то американцам они служат не лучшую службу. Зал был заполнен в основном как раз журналистами. И это их сдавленные охи и ахи пронеслись по залу, когда Бенеттио во всеуслышание объявил, что Роберт Соломон — гей.

Все эти репортеры даже глазом не моргнули, когда Прайор демонстрировал им фото тела Ариэллы и полученных ею ран — этой юной жизни, разорванной на куски и выложенной на всеобщее обозрение в высоком разрешении. Но объявите им, что кто-то исповедует иной образ жизни, помимо гетеросексуального, и они тут же из штанов выпрыгнут.

Бобби замотал головой, и я шепнул ему, что все будет нормуль. Он кивнул и ответил, что ладно.

— Мистер Бенеттио, это довольно экстраординарное заявление. И оно не было сделано ни в ходе предварительного следствия, ни при подготовке материалов для данного разбирательства. Почему? — спросил Прайор.

— Я хотел защитить свой источник. А теперь, на суде, вынужден открыть правду.

— И кто этот ваш источник?

— Этот источник — Карл Тозер. Он обещал мне рассказать, что на самом деле представляет собой этот брак. Ариэлла всегда это подозревала. Даже брала Карла к себе в постель. Ариэлла с Робертом жили каждый своей собственной жизнью. Перед камерами они были вместе, но на этом все. Я считаю, что…

— Возражаю, ваша честь, — вмешался я, но прежде чем Гарри успел его заткнуть, Бенеттио продолжил, даже пытаясь перекричать судью:

— У меня есть твердое убеждение, что Роберт Соломон как-то узнал, что Карл перекуплен мной, и вот поэтому-то и убил его, а заодно и Ариэллу. Роберт жил во лжи и никак не мог встретить правду лицом к лицу. Раскрытие его гомосексуальной сущности в Голливуде загубило бы его карьеру. Он хорошо это понимал. Так что вместо признания убил их обоих! — провозгласил

Бенеттио.

Я опять выступил с возражением, сославшись на то, что свидетель оперирует личными домыслами. Гарри поддержал его, приказав присяжным не принимать во внимание все сказанное. Но слишком поздно. Даже когда я обращался к Гарри, Бенеттио продолжал говорить. Присяжные все это слышали. Ущерб уже был нанесен.

— Вопросов больше не имею, — объявил Прайор.

Я понимал, что если начну задавать Бенеттио вопросы, он все равно постарается поднять эту тему. Так что в этом просто не было смысла. Судья велел присяжным не принимать его слова во внимание, и заявил, что не хватало еще превращать суд в обсуждение гомосексуальности Бобби. Я сказал Гарри, что у меня нет никаких вопросов.

— У обвинения все, — произнес Прайор.

Время принимать решение. Прайор уже сказал мне, что не станет вызывать в качестве свидетеля того матрасника, Гэри Чизмена. А отчет Торреса касательно роутера был уже приобщен к уликам, Прайор так и не сумел его отмести.

У меня со стороны защиты было только два реальных свидетеля. Дилейни и Бобби.

— Защита вызывает специального агента

Пейдж Дилейни, — объявил я.

Больше часа та выкладывала все присяжным. Показала им Долларового Билла во всей его сомнительной красе. Мы не спешили, по косточкам разбирая каждое из дел, каждую из жертв, долларовые банкноты и вещественные доказательства, приведшие к осуждению ни в чем не повинных людей за преступления Долларового Билла, обсудили пометки на банкнотах и психологию убийцы.

Я вполглаза все время приглядывал за присяжными. Особенно за мужчинами. Все внимательно слушали, буквально завороженные показаниями Дилейни. Дэниел Клэй, любитель научной фантастики, внимал с особенным энтузиазмом. По возрасту он подходил, но я не думал, что он на такое способен. Было что-то такое у него в глазах… При упоминании каждого из убийств, которые перечисляла Дилейни, его аж передергивало. Это был не он. Хотя его личность было достаточно легко украсть.

Переводчик, Джеймс Джонсон, соответствовал многим требованиям. Опять-таки нужный возраст, и не так уж много людей заметили бы его исчезновение за пару дней — работал он дистанционно, из дома. Хотя опять-таки, на Дилейни

Джонсон смотрел словно загипнотизированный. По его «языку тела» и по тому, как шевелились его губы, я мог сказать, что он верил всему, сказанному Дилейни. И это его пугало. Нет. Это не Джеймс.

Терри Эндрюс, повар, и Крис Пеллоси, веб-дизайнер, тоже были возможными кандидатами на роль Долларового Билла. Люди, личности которых можно было бы запросто ненадолго украсть. Но Эндрюс был слишком уж высокого роста, и я подумал, что Билл просто не сумел бы так часто изображать настолько долговязого человека. А вот Пеллоси совсем не исключался.

Брэдли Саммерс, пенсионер шестидесяти восьми лет, относился к другой возрастной группе. И вроде как пользовался популярностью среди остальных присяжных. Они явно относились к нему с уважением — наверное, по причине почтенного возраста.

В итоге оставался Алек Уинн. Бывший инженер по кондиционерам, отошедший от дел. Любитель активного отдыха на природе. Человек, владеющий огнестрельным оружием и держащийся особняком от остальных.

Тот самый человек, на которого обратил внимание Арнольд. Человек, лицо которого вдруг на

миг изменилось.

Арнольд так и не появился в суде, и я сделал себе мысленную пометку позвонить ему. Я импровизировал, и, по правде говоря, настолько уже привык работать в одиночку, что сразу и не заметил его отсутствие. Но сейчас он был мне нужен. Я хотел, чтобы он присмотрелся к Уинну.

Встав перед присяжными, я задал Дилейни свой последний вопрос. Мы уже его отрепетировали.

— Агент Дилейни, как же так вышло, что Долларовый Билл сумел добиться обвинения других людей в своих преступлениях? Вообще-то любой уголовный процесс всегда может склониться в сторону подсудимого, даже при наличии сильных улик.

Смотрела она в этот момент не на меня — в последний раз оглядывала своих коллег, проверяя, все ли наготове. Несколько агентов уже успели переместиться поближе к присяжным. Харпер сидела за столом защиты, продолжая работать и одновременно прислушиваясь к происходящему в зале. Перед ней стоял открытый лэптоп, на который весь день продолжали приходить статьи, фото газетных вырезок и короткие видео с судебных процессов, на которых судили людей, обвиненных в преступлениях Долларового Бил-

ла. Харпер явно услышала мой заключительный вопрос. Закрыла лэптоп и перевела взгляд на трибуну жюри.

Дилейни коротко бросила взгляд на меня, кивнула, а потом мы оба стали смотреть на присяжных, когда она вновь заговорила. Только вот я сосредоточился только на одном человеке. На Алеке Уинне. Он сидел, положив одну руку на колено и вытянув перед собой скрещенные ноги, а другой поглаживал подбородок. И внимательно прислушивался к каждому слову, слетавшему с губ Дилейни.

Вот оно. Мы уже все обсудили. Взвесили все за и против. И между собой решили, что ничего другого не остается.

— ФБР считает, что этот серийный убийца, Долларовый Билл, каждый раз проникал в состав жюри, заслушивающего все эти дела, и манипулировал присяжными, убеждая их вынести обвинительный вердикт.

На этом месте толпа должна была как-то отреагировать. Изумленные охи и ахи, невольные недоверчивые восклицания… Как угодно. Я был в этом просто-таки уверен. Но если так и было, то я ничего не слышал. Слышал лишь бешеный стук сердца у себя в ушах, полностью сосредото-

чившись на Уинне. Я знал уже каждый дюйм его лица. Видел, как вздымается и опадает его грудь, видел его руки, мельчайшие покачивания его ноги, перекинутой через колено…

Когда Дилейни ответила на мой вопрос, выражение его лица изменилось. Глаза расширились, губы раздвинулись.

Я-то думал, что сразу пойму. Сделать подобное заявление — это все равно что сорвать с Долларового Билла маску прямо в этом переполненном зале. Это должно было ударить его, как поленом по голове.

Но я не был уверен.

Постепенно я стал вновь сознавать окружающую обстановку. Звуки, запахи, вкус и боль в ребрах разом навалились на меня, словно я только что вынырнул из-под воды.

У остальных присяжных была такая же реакция. У некоторых — недоверие. У других — потрясение и реальный страх при осознании того, что этот человек может находиться прямо среди них, свободный, как птица.

Кем бы из них ни был Долларовый Билл, но разыграл он все это мастерски. Ничем себя не выдал. Я еще раз надолго остановил взгляд на Алеке Уинне.

Так и не смог сказать с полной уверенностью.

Предусматривался еще и вопрос вдогонку. Вопрос, неизбежно вытекающий из последнего ответа Дилейни. Я мог задать ей его прямо здесь и сейчас. Но не стал. Если б я задал этот вопрос, все выглядело бы так, будто я пытаюсь довести дело до пересмотра. И при этом тычу обвиняющим пальцем в присяжных. Было бы лучше, чтобы его задал Прайор.

И я позволил ему задать его.

— Вопросов больше не имею, — объявил я.

Прайор дал свой первый залп, даже прежде чем я успел опуститься на свое место. Словно гончая, вырвавшаяся из-за распахнувшихся створок гоночного трека.

— Специальный агент Дилейни, вы клоните к тому, что Ариэлла Блум и Карл Тозер могли стать жертвами этого серийного убийцы, Долларового Билла, верно?

— Да, — ответила она.

— И вы только что показали, что Долларовый Билл выбирает своих жертв, убивает их, а потом тщательно подбрасывает улики, чтобы подставить ни в чем не повинных людей?

— Верно, — подтвердила Дилейни.

— Но, судя по последнему вопросу, заданному

вам мистером Флинном, вы уверены, что он этим далеко не ограничивается. Считаете, что он проникает в состав жюри, чтобы подставленного им человека с гарантией осудили за убийство?

— Именно так я и считаю.

Прайор подошел к присяжным поближе и облокотился о перила ограждения. Как бы становясь в их ряды — глядите, люди, я на вашей стороне.

— Из чего вытекает, что, по вашему разумению, упомянутый серийный убийца находится сейчас здесь, в этом зале? И что сидит среди присяжных, прямо у меня за спиной?

Я затаил дыхание.

— Прежде чем вы ответите на этот вопрос, специальный агент Дилейни, — вмешался Гарри, — я хотел бы немедленно видеть обоих советников у себя в кабинете.

Глава 61

Неважно, сколько судебных процессов довелось повидать Кейну — в каждом из них находилось что-нибудь новенькое. И в этом тоже очень многое было впервые.

На этих слушаниях Кейн ощущал себя настоящей их частью. Не просто присяжным, а

непосредственным участником. ФБР наконец добралось до него. Похоже, эта агентша, Дилейни, — тетка башковитая. Взгляд такой острый… Кейн просто чувствовал угрожающе ощетинившийся ум, скрывающийся за довольно заурядной внешностью. Сто́ящий противник? Пожалуй, решил он.

Это было неизбежно, подумалось ему. После всех этих лет, всех этих трупов, всех этих судебных процессов… Кто-то со временем обязательно должен был все это сопоставить. Он не упрощал им задачу. Естественно, нет. Но Кейн лелеял мечту, что однажды, когда его давно уже не будет в живых, наверняка найдется кто-то достаточно сметливый, чтобы сложить все воедино.

И когда это произойдет, этот человек каким-то образом проведет связь с Кейном. Поймет и оценит его работу, как никто когда-либо раньше. Его миссию. Его призвание. Продемонстрированные всему миру.

Кейн не ожидал, что это произойдет так скоро. По крайней мере, еще до того, как он окончательно завершит свой шедевр.

Еще одно «впервые» подкинул судья.

Прежде чем вызвать обоих адвокатов в свой кабинет, тот отдал распоряжение женщине-при-

ставу, ответственной за жюри. Теперь каждого из присяжных, удаленных из зала, следовало держать по отдельности. К счастью, в соседних помещениях не проводилось слушаний, и их офисы, судейские палаты, кабинеты секретарей и сами залы были свободны. Более чем достаточно пространства, чтобы держать присяжных отдельно друг от друга. Ответственная за них пристав вызвала коллег, чтобы те помогли ей сопроводить присяжных по разным помещениям.

Кейн никогда еще ничего подобного не видывал. Судья не хотел, чтобы присяжные взорвались, начали сомневаться друг в друге и подозревать, что кто-то из их числа может быть убийцей.

Потребовалось какое-то время, чтобы собрать приставов, после чего они стали по одному выводить присяжных из зала. Тот, что сопровождал Кейна, был молодым человеком со светлыми волосами и бледной кожей, вряд ли старше двадцати пяти. Он вывел Кейна из зала в холл и далее по коридору в маленький кабинетик. Кейн уселся в офисное креслице перед темным компьютерным экраном. Пристав закрыл дверь.

Еще одно «впервые». Теперь, задним числом, было понятно, что это когда-то должно было произойти. Его маска слетела с лица. Кейн оглядел

кабинетик. Два письменных стола, оба лицом к стене, к которой пришпилен календарь. Про оба не скажешь, что за ними сидят аккуратисты — вокруг компьютерных клавиатур разбросаны степлеры, липкие бумажки для заметок, шариковые ручки, по краям столов или прямо на полу громоздятся стопки канцелярских папок… Кейн обхватил голову руками.

Можно все это переждать. Дело уже близко к тому, чтобы перейти в руки жюри.

А можно постучать в дверь и попросить пристава зайти в кабинет. Уйдет всего минута, чтобы закрыть дверь и свернуть ему шею. Его мундир будет маловат, но Кейн решил, что все выгорит, если быстро переодеться и проскочить коридор. Голову надо будет держать пониже и отворачивать лицо к стене, приметив камеру наблюдения.

Кейн терпеть не мог, когда не знал, как поступить. Неважно, какой выбор он сделает, — понимал, что со временем может о нем пожалеть. Либо сидя в тюремной камере до конца своих дней, пиная себя за то, что вовремя не ударился в бега, или же далеко от Нью-Йорка, сидя в каком-нибудь кафе и представляя себе, что могло произойти, если б он задержался немного подольше.

Наконец Кейн принял решение — встал и постучал в дверь. Пристав приоткрыл ее и заглянул внутрь. Лицо у него было совершенно мальчишеское.

— Простите, нельзя ли стаканчик водички? — попросил Кейн.

— Конечно, — отозвался пристав.

И начал было уже закрывать дверь, когда Кейн перехватил ее и сказал:

— Погодите, оставьте ее слегка приоткрытой. В таких местах у меня клаустрофобия.

Пристав кивнул и ушел. Кейн опять уселся за письменный стол, теперь уже тяжело дыша. Кровь под кожей казалась горячей — накатил прилив предвкушения того, что вот-вот произойдет. Он ясно видел это у себя в голове. Пристав поставит стакан с водой на стол перед ним, Кейн одной рукой ухватит его за запястье, резко повернется и ткнет сомкнутыми пальцами парню в горло. Дальше — по обстоятельствам. Если пристав упадет на пол, Кейн прыгнет на него сверху, перевернет его на живот, ухватит за подбородок, упрется коленом в спину и резко дернет. Если парнишка сумеет устоять на ногах, надо будет заскочить ему за спину и вырвать у него пистолет, прежде чем обхватить за шею и толкнуть вперед,

рванув ему голову назад и влево.

Он уже почти слышал хруст его позвонков.

Пристав вернулся в кабинет с пластиковым стаканчиком с водой. Кейн смотрел строго перед собой, наблюдая в отражении компьютерного экрана, как тот ставит воду на стол.

Рука Кейна метнулась вбок, хватая его за запястье.

Глава 62

— Да что, черт возьми, тут происходит? — возмутился Гарри.

Он даже не успел сесть за свой стол. Все мы стояли у него в кабинете. Гарри был зол, но еще и озабочен. Прежде чем я успел хоть что-то сказать, Прайор решительно ринулся в бой, так и кипя от праведного негодования. Или что там сходило за праведное негодование в устах прожженного адвоката, навеки избравшего сторону обвинения.

— Защита хватается за соломинку, ваша честь, — вот что происходит! Они понимают, что доказательная база по этому делу железная и что крыть им нечем. Вот и пыжатся направить дело на пересмотр. Вы это знаете. И я это знаю. Но они не добьются этого, бросаясь дикими обвинениями

в адрес присяжных без единого доказательства — нет уж, сэр!

— Если б у нас были доказательства, мы давно бы пришли к вам, Гарри, — сказал я. — Послушайте, ФБР не станет давать показания на суде по делу об убийстве на основании голой интуиции. Вы это понимаете. Если агент Дилейни права и убийца и вправду среди присяжных, то дальнейшее продолжение этого слушания — это вопиющее неправосудие по отношению к моему клиенту. Я не хочу тыкать пальцем в кого-то из присяжных и утверждать, что это он или она держит в своих руках судьбу Соломона, но на данном процессе и так слишком уж много чего произошло. Двое присяжных мертвы, а одному указали на дверь из-за его якобы попыток повлиять на жюри. Попробуйте увидеть более широкую картину.

— И в чем она? Подставной присяжный, который на самом деле настоящий убийца по этому делу? Да такого просто не может быть! — воскликнул Гарри.

— Еще как может, — возразил я.

— Это просто смешно, — буркнул Прайор.

— Хватит! — взревел Гарри. Отвернулся от нас, подошел к своему письменному столу, вынул бутылку десятилетнего виски и три стакана.

— Мне не наливайте, господин судья, — сказал Прайор.

Бутылка зависла над стаканом, и Гарри нацелился взглядом на обвинителя. Ничего не было сказано. Судья просто неотрывно смотрел на него. Молчание уже становилось неловким, и на лице Гарри застыло все то же неодобрительное выражение.

— Тогда совсем капельку, — сдался Прайор.

Гарри налил три стакана. Один передал мне, второй Прайору. Мы быстро опрокинули их одним махом. Все мы. Прайор закашлялся, лицо у него побагровело. Видать, не привык к хорошему вискарю.

— Когда я еще был молодым адвокатом защиты, помню, как бывал в этих палатах, у старого судьи Фуллера. Тот еще был тип. Держал «сорок пятый» в ящике стола. Он обычно говаривал, что ни один адвокат не должен выступать с заключительным словом, пока не махнет добрую порцию скотча, — сказал Гарри.

Я поставил пустой стакан на его стол. Судья уже все решил.

— Меня крайне беспокоит это дело, и этот присяжный тоже. Нет нужды говорить вам обоим, как трудно далось мне это решение. В конечном

счете я должен следовать уликам. Один из присяжных в нашем составе вызывает подозрения, но я не в том положении, чтобы давать оценку этим подозрениям. Нет никаких свидетельств, убеждающих меня в том, что кто-то из состава жюри скомпрометирован. Должен сказать вам, мистер Прайор, меня это отнюдь не радует. Но я обязан следовать закону. Простите, Эдди. Я отвожу ваш вопрос, мистер Прайор. У вас есть еще какие-то вопросы к агенту Дилейни?

— Нет, вопросов больше не имею.

— Не желает ли защита вызвать следующих свидетелей? — спросил Гарри.

— Нет, моего подзащитного мы вызывать не будем, — ответил я.

В жизни не вызову собственного клиента давать показания. Когда доходишь до той стадии, когда вынужден полагаться на своего клиента, чтобы доказать его невиновность, — ты уже проиграл. Дело выигрывается во время свидетельств обвинения. Или проигрывается. Вот и сейчас я решил не рисковать. Если позволю сейчас Прайору рвать Бобби на куски касательно его местонахождения, это лишь понизит наши шансы.

Его единственным шансом была моя офигенная

заключительная речь. Кларенс Дэрроу[65], один из лучших адвокатов, когда-либо открывавших бутылку скотча, выигрывал большинство своих дел исключительно за счет заключительного слова. Это последнее, что присяжные слышат перед тем, как удалиться в совещательную комнату и решить судьбу твоего клиента. Мощью своих слов Дэрроу спас не одну жизнь.

Иногда единственное, что есть у адвоката защиты, — это его голос. Проблема в том, что это тот же голос, что заказывает «еще одну на дорожку»; тот же голос, который губит твой брак; тот же голос, который пускает коту под хвост все, что у тебя есть. Но сейчас он должен был спасти человеческую жизнь.

Слова никогда не бывают настолько весомы, как тогда, когда они обращены к кому-то еще. Я чувствовал сейчас этот вес, засевший у меня в груди. Если вердикт будет «виновен», эта тяжесть так никуда и не денется.

— Мы можем закончить с этим делом прямо сегодня, но мне хотелось бы попросить об одной

---

[65] notes: 65

Кларенс Сьюард Дэрроу (1857–1938) — видный американский юрист, один из руководителей Американского союза гражданских свобод, из идейных соображений выступавший в качестве адвоката на многих известных судебных процессах, большую часть которых выиграл. Действительно очень колоритная личность. (*Прим. пер.*)

вещи.

— О чем? — спросил Гарри.

— Я хочу, чтобы вы назвали Дилейни фамилию копа, у которого сейчас блокноты, изъятые вами у присяжных.

Глава 63

— Как вы себя чувствуете? — спросил молоденький, мальчишеского вида пристав.

Кейн на миг еще крепче сжал пальцы у него на руке. Пальцы его другой руки выпрямились, напряглись, образуя клинок из мышц, сухожилий и костей. Готовый рубануть пристава по горлу.

Он медлил.

Осталось продержаться всего пару часов.

Отпустив запястье пристава, Кейн произнес:

— Ой, простите, вы меня напугали… Спасибо за воду.

Осушил пластиковый стаканчик, посмотрел, как пристав выходит и закрывает за собой дверь. Выдохнул и опять уставился на черный экран компьютера перед собой. Мысли сами собой набрели на Великого Гэтсби — как тот протягивал руки к неспокойным черным водам, к тусклому зеленому огоньку далеко на горизонте. Если сей-

час он опустит руки, если не сумеет завершить начатое, тогда остальные так и будут растрачивать свои жизни в поисках этого зеленого света, в бесплодных грезах и надеждах на что-то лучшее.

Нет никакой надежды. Грезы Кейна всегда были темными. Полными чудищ и мальчишек, роющих пересыпанную костями землю.

Ждать пришлось недолго. Пристав проводил Кейна обратно в зал, где тот присоединился к остальным присяжным. Судья сказал им, что защита закончила допрос свидетелей. Было уже почти пять часов вечера, но оба советника считали, что успеют разделаться со своими заключительными речами к шести. Присяжные смогут поехать в отель, поразмыслить над делом, а затем утром вернутся, чтобы вынести свой вердикт.

Темп этого судебного разбирательства вдохновил Кейна. Он был рад, что оставил пристава в живых. Бросаться в бегство не было нужды. Пока что. Пока все это не закончится.

Когда Прайор поднялся со своего места и обратился к присяжным, весь зал замер. Кейн прямо-таки всем телом ощутил эту мертвенную неподвижность. Обвинитель нарушил тишину с торжественной клятвы.

— Обещаю вам, всем и каждому из вас, что решение, которое вы примете по этому делу, станет неотъемлемой частью вашей жизни. Я знаю, что станет. Вы должны принять правильное решение. В противном случае оно станет иголкой, которая с каждым днем будет все глубже и глубже продвигаться по вашим венам. Пока в конце концов не достигнет сердца. В ваших руках — человеческая жизнь. Защита обязательно вам про это скажет. Мистер Флинн наверняка не раз и не два напомнит вам об этом. Но на самом деле у вас в руках нечто гораздо большее. У вас в руках — судьба каждого из граждан этого города. Все мы полагаемся на то, что закон защитит нас. Накажет тех, кто забирает наши жизни. Мы поступимся самой нашей природой, если не будем чтить эту высокую ответственность. Мы забудем о жертвах, если не выполним свой долг. И давайте без обиняков — ваш долг в этом деле, если вы внимательно слушали и как следует изучили все доказательства, признать подсудимого виновным.

Глава 64

Бобби съеживался буквально у меня на глазах. С каждым словом Прайора словно становился меньше, тщедушней, будто теплящаяся в нем жизнь испарялась из него с каждой минутой.

Прайор напомнил присяжным ключевые моменты. Бобби так никому и не сказал, где был в вечер убийства. На бейсбольной бите нашли отпечатки его пальцев. Он солгал касательно времени своего возвращения домой. Его отпечатки и ДНК были на долларовой банкноте, найденной во рту у Карла Тозера. У него имелись мотив и возможность, на нем была кровь Ариэллы, а нож, которым ее убили, не покидал пределов дома. А все эти теории касательно другого убийцы? Это все штучки защиты. Не более того.

К тому времени, как Прайор наконец уселся на свое место, на лице у него даже выступил пот. За тридцать минут он выложился по полной.

Настал мой черед.

Я напомнил присяжным, что роутер в доме Соломона отметил присутствие неопознанного устройства в точности в тот момент, когда некто, одетый как Бобби, подошел к двери. На-

помнил, что этот некто, проникнув в дом, мог отключить датчик движения, активирующий камеру наблюдения. Некоторые из присяжных, в первую очередь Рита и Бетси, вроде следовали моей логике.

Уинн на протяжении всего моего выступления сидел, сложив руки на груди.

Убийства никак не могли произойти так, как это подавала сторона обвинения. Карла, скорее всего, застали врасплох, накинув ему из-за спины на голову мешок, после чего воспользовались бейсбольной битой, которую Бобби держал в прихожей. Вот потому-то Ариэлла спокойно спала, когда убийца прокрался в спальню. Ну а долларовая купюра была очищена от всех следов ДНК, кроме принадлежащих Бобби и убитому.

— Господа присяжные, мистер Прайор напомнил вам про ваш долг. Разрешите мне немного прояснить его высказывания. Каждый из вас в долгу лишь перед самим собой. Единственный вопрос, который вы должны себе задать, таков: уверены ли вы в том, что Роберт Соломон умышленно и хладнокровно убил Ариэллу Блум и Карла Тозера? *Окончательно* уверены? Я могу сказать, что мистер Эйджерсон не был окончательно убежден, что в тот вечер видел именно

моего подзащитного. Могу сказать, что у нас нет и окончательной уверенности в том, что купюра, обнаруженная во рту у Карла Тозера, не была каким-то образом загрязнена криминалистами и не подверглась какому-то вмешательству со стороны. Но то, что я могу сказать, ни черта не важно. Важно то, что вы знаете. А в глубине души вы знаете, что не можете быть окончательно уверены в том, что именно Роберт убил этих людей. И теперь вам остается лишь высказать это.

Следующие несколько минут в моей жизни прошли как в тумане, смазавшись в одно размытое пятно. Вот я вроде бы обращаюсь к присяжным, а уже в следующую минуту собираю сумку и прощаюсь с Бобби. Он уезжал на ночь с Холтеном и командой его охранников. Может, завтра мы и получим вердикт. Присяжных вывели с трибуны, и зал начал пустеть. Гарри склонился над своей трибуной, о чем-то беседуя с секретарем. В зале оставались лишь несколько задержавшихся. Дилейни и Харпер дожидались меня. Вроде как чувствовали, что мне нужно время, чтобы разбежавшиеся мысли улеглись у меня в голове. Своему заключительному слову я отдал все без остатка. В голове у меня была полная каша.

Закинув ремень сумки с лэптопом через плечо,

я толкнул калитку барьера, отделяющего места для зрителей от остальной части зала. В конце прохода меня дожидались Дилейни и Харпер. Я чувствовал себя жутко усталым. Раздраженным. Окончательно вымотанным. И все же я знал, что предстоит еще одна ночная работа. Все-таки оставался шанс найти хоть какую-то зацепку в деле Долларового Билла. И у меня было нехорошее чувство, что это единственный шанс Бобби.

Вдруг какое-то движение слева от меня. Быстрое. Низко. Я уловил его лишь боковым зрением. Кто-то присел на корточки в ряду кресел слева от меня. Я повернулся посмотреть, что происходит, но недостаточно быстро.

Чей-то кулак от души влепил мне в челюсть. Я услышал крик Дилейни. И Харпер. Я уже падал, пол быстро налетал на меня. Я выставил руки и ухитрился не раскроить себе башку, но соприкосновение ребер с плиточным полом заставило меня вскрикнуть. Я не мог дышать, сквозь волны боли плохо сознавая, что происходит вокруг меня. Харпер полетела на пол где-то впереди. Упала она на спину. Я услышал позади торопливые шаги — Гарри бежал посмотреть, что, черт возьми, происходит.

Я почувствовал крепкий захват на обоих запя-

стьях, после чего руки мне заломили за спину. И тут вдруг я понял, что происходит. Меня уже достаточно арестовывали, чтобы знать, как действуют копы. И едва только эта мысль пришла мне в голову, как я почувствовал холодный укус наручников, сомкнувшихся сначала вокруг моего левого запястья, а потом правого. Мне сковали руки за спиной. Подхватив за локти, дернули назад, поднимая на ноги. Я попытался заговорить, но из-за боли в челюсти лишь лающе кашлянул. Первый удар едва не свернул ее.

Я ухитрился выгнуть шею назад и влево.

Детектив Грейнджер. А за спиной у него я увидел Андерсона.

— Эдди Флинн, вы арестованы. Вы имеете право хранить молчание, — произнес Грейнджер, после чего продолжил зачитывать мне права, подталкивая меня вперед. Впереди в дверях зала уже поджидал коп в форме, взявшись руками за ремень с кобурой.

— Вы не имеете права! — выкрикнул Гарри. — Немедленно прекратите!

— Еще как имеем, — отозвался Андерсон.

Харпер поднялась с пола, и Дилейни обхватила ее за спину, крикнув:

— Я федеральный агент, что за хрень тут про-

исходит? По какому обвинению?

— А это не федеральный вопрос. Не ваша юрисдикция. Мы забираем этого человека в управление полиции Род-Айленда для допроса, — сказал Грейнджер.

Я не мог дышать. Боль теперь накатывала волнами, каждая из которых сокрушала легкие. Подняв взгляд, я заметил, что у копа, поджидающего в конце прохода между скамьями, немного другая униформа — отдела полиции Род-Айленда. Андерсон с Грейнджером взяли с собой тамошнего сотрудника по связям. Они производили арест и собирались вывезти меня за пределы штата.

— По… какому… обвинению? — умудрился выговорить я. На такой вопрос копы всегда обязаны ответить. Чтобы произнести эти слова, потребовалось громадное усилие, которое едва не выжгло мне легкие.

Грейнджер дернул меня за руки, посылая новый ад мне в ребра. Я почувствовал, как мои ноги наливаются тяжестью. И чуть не вырубился, когда услышал ответ Андерсона.

— Вы арестованы за убийство Арнольда Новоселича, — сказал он.

Господи… Арнольд… Всего только пару дней я ничуть бы не опечалился, услышав, что он отбро-

сил коньки. Теперь же испытывал совсем иные чувства. Я ведь совсем недавно разговаривал с ним, ранним утром. Потрясение от известия о его смерти почти притупило тот факт, что я арестован.

— С какой это стати Эдди убивать своего консультанта по присяжным? — выкрикнула Дилейни Андерсону, поспевая за мной.

— Можете спросить у самого Флинна, — отозвался Андерсон. — А заодно поинтересоваться, почему он не надел перчатки, когда заталкивал в глотку Новоселичу долларовые бумажки.

Глава 65

Автобус наконец выехал со стоянки на задах здания суда. Присяжные помалкивали. Все взвешивали заключительные аргументы по делу. Большинство из них вроде как радовались, что все наконец закончилось. Когда автобус миновал главный вход в здание, Кейн выглянул в окно как раз вовремя, чтобы увидеть, как полицейские, которые вывели Флинна на улицу, усаживают его в седан без опознавательных знаков.

Кейн позволил себе улыбнуться. Вот они, преимущества дружбы.

От нью-йоркской Джамейки до квартиры Арнольда в Род-Айленде он добрался за рекордно короткое время. Поначалу консультант по присяжным не хотел его впускать. Кейн пообещал ему разоблачение — внутреннюю информацию на подставного присяжного, сидящего в данный момент в жюри. Арнольд просто не смог устоять. Кейн вошел в шикарную квартиру, попросил воды и задушил Арнольда со спины, завалив его на пол кухни. Вытащил долларовые купюры из пластикового пакета, который держал в бардачке машины, спрятанной на долгосрочной многоярусной парковке аэропорта имени Джона Кеннеди. Действовать надо было быстро, и он затолкал несколько купюр поглубже в горло Арнольда найденной на кухне ложкой. Хотя не забыл оставить одну купюру торчащей у того изо рта. Купюру, которую он пометил красной шариковой ручкой, подкрасив ею абсолютно все звездочки, стрелы и оливковые листочки на Большой печати. Финальную.

С отпечатками пальцев и ДНК Эдди Флинна.

Купюру, которая бросит Эдди Флинна за решетку прямо в тот момент, когда его карьера готова взлететь в стратосферу. Флинн сейчас по всем телеканалам, во всех газетах. Самый крутой

адвокат во всем Нью-Йорке. Кейн видел, к чему все катится.

Американской мечте Эдди Флинна наступит конец.

Глава 66

Грейнджер приказал мне повернуться к нему спиной, снял с меня наручники и вновь сковал мне руки спереди — небольшой акт милосердия. Сидение в полицейском автомобиле с руками, скованными за спиной, излишне нагружало бы ребра. Я вырубился бы от боли, не успели б мы проехать и пары кварталов. Нагнув мне голову вниз, он затолкал меня на заднее сиденье машины без опознавательных знаков — типичной тачки детективов из полицейского гаража. Вонь прогорклого масла от гамбургеров, продранные сиденья…

При мысли об Арнольде — убитом, задушенном деньгами — по коже у меня поползли мурашки. Долларовый Билл подставил меня. Точно так же, как и остальных.

Водительская дверь открылась, и Грейнджер пролез за руль. Коп из Род-Айленда забрался в машину с моей стороны и уселся прямо передо

мной на пассажирском сиденье. Я почувствовал, как автомобиль качнулся — Андерсон тяжело опустился слева от меня. Все еще в гипсе. Я глянул на него, и то, что я увидел у него на лице, меня испугало.

Андерсон обливался по́том. И весь дрожал. Грейнджер отъехал от тротуара и влился в дорожный поток. Я все не мог отвести взгляд от Андерсона. Я довольно круто обошелся с ним в суде. И руку здорово ему раздолбал. Сейчас он должен был бы злорадно торжествовать. Смотреть на меня сверху вниз, наслаждаясь своей победой. Грейнджеру с Андерсоном полагалось бы обмениваться шуточками, обсирая мои выступления на суде. Пугать меня. Говорить мне, что теперь все кончено — что я проведу остаток своей жизни в тюрьме.

Но вместо этого атмосфера в автомобиле словно сгустилась. Это напомнило мне те времена, когда я таился в кузове какого-нибудь фургона или сидел в автомобиле, ожидая, когда можно будет приступить к очередной автоподставе или мошенническому разводу.

— Спасибо, что позволили нам взять этого типа, — произнес Грейнджер.

— Нет проблем. Добрый вечер, мистер Флинн,

моя фамилия Веласкес, — сказал коп из Род-Айленда, после чего опять повернулся к Грейнджеру. — Рад, что ваш отдел свел меня с вами, это избавило нас от препирательств касательно юрисдикции. Я сразу понял, что у вас, ребята, большой зуб на Флинна — едва мы только встретились.

— Ну да, у нас с ним давняя история, — отозвался Грейнджер, после чего глянул в зеркальце заднего вида, и вместо довольного, надменного выражения я увидел у него на лице кое-что совсем другое. Возбуждение. Если б я выпрямился на сиденье, то все равно по-прежнему видел бы в зеркале заднего вида его глаза. Они лихорадочно метались по сторонам. Он шарил взглядом по проезжей части, по тротуарам, потом опять переводил его на Андерсона, словно убеждаясь, что тот по-прежнему присматривает за род-айлендским копом, Веласкесом.

Я понял, что что-то затевается. Единственно, не знал, вписан ли в это Веласкес. Предположил, что нет.

Пока мы ехали по Сентер-стрит, я откинулся на спинку сиденья и нащупал в кармане пиджака телефон. Никто меня не обыскивал. Хотя, по моим прикидкам, у моих конвоиров, учитывая их воз-

раст и то, как они держались, было как минимум пятьдесят лет службы в полиции на троих.

Странно даже для одного копа с десятилетним стажем забыть обыскать подозреваемого. Это заставило меня занервничать. Грейнджер пару раз свернул, и теперь мы направлялись к северу. Это тоже не умерило моей тревоги. Они вроде как собирались отвезти меня в Род-Айленд. Быстрей всего было бы поехать к югу, вырулить на ФДР и следовать вдоль реки до развязки на трассу И-95. Ни один нью-йоркский детектив не поехал бы другим путем. Они знали город получше любого другого.

— Куда это мы едем? — спросил я, медленно опуская скованные руки к полам пиджака и сдвигая их вправо, поближе к дверной ручке.

— Заткнись на хер, — бросил Грейнджер.

— Отсоси, — отозвался я.

— Делай как он говорит, заткни свою поганую пасть! — рявкнул на меня Андерсон.

Затыкаться я не стал.

— Если мы едем в Род-Айленд, то почему не через ФДР? — спросил я.

Сидящий впереди меня на пассажирском сиденье род-айлендский коп повернулся к Грейнджеру.

— Противно в этом признаваться, но адвокат говорит дело, — сказал он, глянув на часы.

— Час пик. Там в это время сумасшедшие пробки, — ответил ему Грейнджер.

Последние лучи дневного света быстро тускнели. Все водители автомобилей вокруг нас включили фары. Наша же машина оставалась темной. Вскоре Грейнджер резко свернул влево. Теперь мы направлялись к западу. И после нескольких быстрых правых и левых поворотов продолжали ехать в этом направлении.

Выглянув в боковое окошко, я спросил:

— Угол Западной Тринадцатой и Девятой авеню? Что мы вообще забыли в Митпэкинге?[66]

— Так короче, — буркнул Грейнджер.

Машина свернула на боковую улочку. Пар, клубящийся над канализационными решетками и подсвеченный уличными фонарями, наводил на мысль, что ад скрывается прямо под Манхэттеном.

— Ща тормозну на секундочку, — сказал Грейнджер.

Вот оно. Никакой остановки не будет. И в Род-Айленд я так и не попаду.

---

[66] notes: 66

Митпэкинг (*англ.* Meatpacking District) — некогда промзона, а ныне модный торговый район в западной части Манхэттена. (*Прим. пер.*)

Андерсон навалился на меня сбоку, левой рукой выуживая что-то из кармана пиджака. Гипс на правой руке фактически оставил его однруким. Потом он опять отклонился к водительской стороне машины, и я увидел в его левой руке что-то блестящее. Он бросил это к моим ногам, а потом его левая рука опять нырнула за отворот пиджака. Я успел бросить на этот предмет лишь единственный короткий взгляд. Это было все, что мне требовалось. Под ногами у меня лежал маленький пистолет.

— У него ствол! — выкрикнул Андерсон. Рука его вынырнула обратно уже с табельным пистолетом. Он собирался убить меня и выдать это за самооборону. Вот почему меня не обыскали перед тем, как усадить в машину. Все эти мысли вихрем пронеслись у меня в мозгу, когда я резко подался к Андерсону. Моя голова с треском врезалась ему в нос, я потянулся и перехватил его левую руку обеими скованными руками. Наручники впились в запястья, когда я силой пригнул его левую руку вниз.

Он дико вырывался. Я резко привстал с сиденья и ухитрился влепить сидящему за рулем Грейнджеру в башку локтем. Тот завалился набок, непроизвольно вытянув ногу и вжимая педаль

газа в пол. Автомобиль рванулся вперед, и меня отбросило на спинку сиденья.

До чего же больно! Лишь выплеснувшийся в кровь адреналин помогал мне справиться с болью.

Андерсон выронил пистолет и уже наклонялся вперед, чтобы подобрать его. Похоже, что тот завалился под заднее сиденье. Я видел, как его рука тянется к нему. Автомобиль вдруг резко содрогнулся, и я заметил искры, промелькнувшие за боковым окошком со стороны Андерсона. Мы, видать, зацепили одну из припаркованных по левой стороне машин.

Андерсон выпрямился на сиденье и нацелил на меня пистолет.

И тут его голова ударилась о потолок салона. Грохнул выстрел, и лицо мне обсыпало осколками стекла. Он прострелил боковое окошко с моей стороны. Тоже выпрямившись, я заметил, что Веласкес держится за голову. Ремнем он не пристегнулся. Перед лобовым стеклом нашей машины из искореженного капота вздымался фонарный столб.

Прежде чем Андерсон успел выстрелить еще раз, я поджал колени к груди, ухватился обеими руками за ручку над своей дверцей и нацелился

обеими каблуками прямо Андерсону в физиономию. Мое тело разогнулось как лук, из которого только что выпустили стрелу. Я ударил ногами что было сил — и промазал. Попал по корпусу. Однако так, что Андерсон выпал из-за приоткрывшейся после столкновения дверцы на улицу.

Этот последний пинок отобрал у меня последние силы. Я попытался сесть, но боль была просто невыносимой. Я плюхнулся обратно на спинку сиденья, пытаясь криком выгнать ее. Надо было двигаться. Надо было выбраться на хер из этой машины, но я даже не мог нормально сидеть. Дыхание врывалось в меня короткими толчками, каждый из которых был вспышкой мучительной боли.

— Тебе конец, сукин сын! — выкрикнул Грейнджер.

Подняв взгляд, я увидел, как он отступает от водительской дверцы. Собственно дверца практически отвалилась после столкновения со столбом, а самого его наполовину выбросило из машины. Я слышал, как его ботинки хрустят по битому стеклу, усыпавшему улицу. Видеть его я мог лишь частично, но все-таки заметил, как он вытаскивает свой ствол из наплечной кобуры. Перешагнув через Андерсона, Грейнджер крик-

нул: «Он вооружен!», после чего выстрелил.

Я прикрыл голову.

Удара пули я не почувствовал. Боли тоже. Ощутил лишь, как в лицо мне ударили горячие брызги.

Веласкес держался за плечо, крича от боли.

Грейнджер окончательно пристрелил его. Я услышал хлопок выстрела, и голова Веласкеса треснула, как арбуз.

— Ты только что убил полицейского! Вот что случается, когда грозишь нам службой внутренних расследований! — крикнул он мне.

И тут я наконец увидел его лицо. Согнувшись, Грейнджер упал на колени. В руках он двуручным хватом держал пистолет. Нацеленный мне прямо в голову. Андерсон лежал на тротуаре прямо за ним; я видел лишь его руку, поднявшуюся в воздух за спиной у Грейнджера.

Мне захотелось вскрикнуть. Заорать. Но с губ не сорвалось ни звука. А если б и сорвалось, я все равно ни черта не услышал бы. Все, что я мог слышать, — это шум собственной крови в ушах, словно шум океана. Мой пульс чередой звуковых волн колотил у меня в голове.

Злость пришла быстро, как только я подумал о дочке. Этот человек собирался отобрать у нее

отца. Говенного отца, но все же отца. Упершись одной рукой в кожаное сиденье, я оскалился и вложил все свои силы в попытку нагнуться. Маленький пистолетик, который Андерсон сбросил на коврик перед сиденьем, был в каких-то дюймах от моих пальцев. С таким же успехом он мог находиться на другом конце футбольного поля.

Рука у меня соскользнула, и я кучей повалился вниз, повернув голову в сторону Грейнджера.

На лице у этого говнюка сияла улыбка. Он выпрямил руку, прицеливаясь потщательней, — и тут вдруг исчез в вихре искр, каких-то темных ошметков и пыли.

Я помотал головой. Закрыл глаза. Открыл их. Смотрел я на борт какой-то машины. Синий. Автомобиль быстро сдавал назад. Я услышал знакомое ворчание V-образной «восьмерки». Машина пропала из моего поля зрения. Дверца за спиной у меня открылась, и я увидел над собой лицо Харпер. Глаза ее были широко раскрыты, и она тяжело дышала. В руке Харпер держала свой телефон. С моим именем на экране. Я успел нажать на голосовой вызов у себя на мобильнике и произнести имя, под которым Харпер была записана в ее телефонной книжке.

— Ты должен мне новую машину, — сказала

она, глядя на меня влажными от слез глазами. Осторожно приложила руку мне к груди.

— Отсоси, — сказал я.

Тут послышался голос Гарри, и через секунду он и сам нарисовался рядом с Харпер.

— Я спросил, как он? — спросил Гарри.

Я услышал вдалеке завывание сирен, которое быстро приближалось.

— Я в порядке, Гарри.

— Слава богу! Напомни мне больше никогда не садиться в машину с Харпер. Я думал, меня инфаркт хватит, — сказал он.

— Дилейни сказала, что уже звонила в управление полиции Род-Айленда. Долларовый Билл тебя подставил. Мы можем со всем этим разобраться, — сказала Харпер.

Я знал, что Дилейни умеет быть убедительной.

— Андерсон и Грейнджер — а они…

— У них уже ничего не выйдет, — ответила Харпер.

Я кивнул и прикрыл глаза. Ощутив вкус крови во рту, проглотил ее. Похоже, нам предстояла долгая ночь.

Пятница
Глава 67

Два часа семнадцать минут ночи.

Кейн лежал на кровати, уставившись в потолок. Слишком уж взвинченный, чтобы даже помыслить о сне. Он никогда еще не сводил две миссии настолько близко по времени. Риск был велик, но когда исполнение его мечты оказалось так близко, Кейн решил рискнуть. Всю свою жизнь он ощущал свою практически полную неуязвимость.

Он — особенный. Как всегда говорила ему мама.

Где-то на лестничной площадке, должно быть, стояли старинные часы. Кейн слышал их, как они негромко тикают. В темной, погруженной в тишине комнате, посреди ночи, все звуки казались искусственно усиленными. Он повернул голову, глянул на цифровые часы возле кровати.

Два часа девятнадцать минут.

Вздохнул. Нет смысла даже пытаться заснуть. Кейн сбросил одеяло, спустил ноги на пол. Рана на бедре отлично заживала. Перед тем как улечься в

постель, он сменил повязку. Ни гноя, ни гнилостного запаха, ни сильного вздутия вокруг пореза.

Кейн выпрямил спину, потянулся, подняв руки к потолку, зевнул.

И вот тут-то и услышал это. И неподвижно застыл. По-прежнему тикали часы в коридоре, но теперь он слышал и что-то еще.

Движение. Чьи-то шаги на лестнице. Много. Кейн бесшумно встал. Натянул трусы, штаны и носки.

Завязывая шнурки, он услышал, как скрипнула половица. Один раз. Потом еще. Потом в третий раз. Отставшая половица находилась во втором или третьем ряду паркетин. Он еще вчера это заметил.

Времени надевать рубашку уже не было — засунув в брючный карман нож, Кейн тихонько прокрался к двери. Приложил ухо к деревянной филенке, затаил дыхание и прислушался. В коридоре кто-то был. Он осторожно приложился глазом к дверному глазку.

Прямо перед его номером стояли четверо мужчин в полном снаряжении группы захвата. Бронежилеты, перчатки, шлемы с прикрепленными сбоку видеокамерами. У каждого — автомат. Кейн плавно отпрянул от двери и прижался спиной к

стене рядом с ней, пытаясь взять под контроль дыхание. Они таки нашли его. После всех этих лет им наконец-то это удалось. С одной стороны, Кейн испытывал определенное чувство гордости. ФБР наконец признало то, чем он занимался. Он надеялся, что хоть кто-то из них поймет его методы, оценит его усилия.

Цифровые часы на тумбочке показывали двадцать три минуты третьего.

Кейн сделал глубокий вдох, резко выдохнул и бросился было бежать к окну, когда услышал треск расщепившегося дерева — дверь у него за спиной с грохотом распахнулась — и крики: «На пол, быстро!»

Глава 68

Я глянул на часы.

Два часа ночи.

Я морозил жопу в штабном фургоне ФБР со стальным полом, который представлял собой нечто большее, чем простой фургон, если учесть офисные креслица и набор компьютерных экранов на одной из внутренних стенок.

Я сидел на противоположной стороне от них, сдувая пар со стаканчика с кофе и обхватив его

руками для тепла. Последние пятнадцать часов в мой организм не попадало ничего, кроме кофе и морфия. И то и другое очень даже неплохо, хотя морфий казался на тот момент малость преждевременным. Я чувствовал себя здорово заторможенным, но боль заметно ослабла. Вечер оказался не настолько плох, как я опасался. Четыре часа в райотделе полиции — и меня отпустили. Если б при мне не было судьи нью-йоркского суда высшей инстанции и бывшего сотрудника ФБР, ныне частного детектива, париться бы мне за решеткой как минимум пару дней. В итоге Харпер все утрясла. Она не только приняла мой звонок, но и записала его.

Буквально через час к происходящему подключилась служба внутренних расследований нью-йоркской полиции, где на Андерсона с Грейнджером завели дело в фут вышиной. Там моментально получили доступ к биллинговой информации их мобильных телефонов, голосовой почте, эсэмэскам и сообщениям в «Вотсаппе». Ко всему до кучи, Андерсона с Грейнджером охватила паранойя, что я, которому светило пожизненное за убийство Арнольда, попытаюсь продать их прокурору за уменьшение срока. В мире нечистых на руку копов, мафиози и вообще

организованной преступности самый быстрый способ кого-то прикончить — это взять его под арест.

Я уже с этим сталкивался.

План заключался в том, чтобы убить меня, а потом Андерсон должен был подобрать маленький пистолет и всадить две пули в затылок Веласкесу. Заезжего копа и обвинили бы в том, что он не обыскал меня. Выбросить свои одноразовые мобильники они не успели.

Андерсон с Грейнджером решили воспользоваться подвернувшимся случаем, когда узнали, что у род-айлендского управления полиции есть на меня веские вещественные улики. Интересно, уж не Долларовый ли Билл присоветовал этим двоим прикончить меня? Хотя как-то это не соответствовало его обычному почерку… Ему требовался громкий судебный процесс. Вряд ли ему захотелось бы, чтобы мне попросту влепили пулю в затылок в полицейской машине.

Предварительные результаты криминалистической экспертизы пришли через три часа — они подтвердили, что Веласкес был застрелен кем-то, находящимся за пределами машины, из пистолета Грейнджера. Тест Грейнджера на

продукты выстрела[67] оказался положительным. У меня — нет.

Мне еще предстояло вернуться и изложить полную диспозицию службе внутренних расследований — чтобы они, подобно вихрю, пронеслись по всему отделу убийств, — но на данный момент они согласились отпустить меня, как только меня осмотрел врач и дал мне кое-какие болеутоляющие средства.

К тому времени, как я оттуда выбрался, у нас с Харпер накопилась целая куча непринятых звонков от Дилейни. Харпер перезвонила ей, и мы направились прямиком на Федерал-Плаза. Она спросила у Гарри, не хочет ли он присоединиться. У ФБР намечался определенный прогресс, и им уже требовался федеральный ордер на обыск — и, соответственно, Гарри, чтобы его получить.

Это было несколько часов назад. А теперь я, как уже было сказано, морозил жопу в кузове фэбээровского фургона, припаркованного на

[67] notes: 67

Продукты выстрела (ПВ) — совокупность веществ, образующихся при выстреле из огнестрельного оружия и выбрасываемых из ствола и окна затвора (крышки ствольной коробки и др.). Содержат не только следы сгоревшего и несгоревшего пороха, но и микрочастицы капсюльного состава, материала пули и ствола, смазки и т. д. Химический анализ ПВ, оседающих на окрестных предметах и различных частях тела стрелка, в ряде случаев позволяет с большой точностью идентифицировать оружие или боеприпас. (*Прим. пер.*)

однополосной шоссейке, ведущей к отелю «Грейдис-инн». Задние двери были открыты, и внутрь зашел Гарри в сопровождении Джун, судейской стенографистки — дамы лет пятидесяти пяти в жемчужного цвета блузке, плотной юбке и толстом шерстяном пальто. Она принесла с собой стенографическую пишущую машинку в футляре — и, судя по выражению ее лица, еще и полный мешок возмущения за то, что в два часа ночи ее выдернули из постели.

— Прайор уже здесь, — сообщил Гарри. — Я видел, как он подъехал.

Кивнув, я отхлебнул кофе. Гарри вытащил плоскую фляжку и надолго приложился к ней. У каждого был свой собственный способ согреться. Джун присела рядом с Гарри, открыла футляр и поставила машинку на колени.

В фургон вслед за Дилейни забрался Прайор. Все мы расположились на откидных сиденьях вдоль одной из боковых стенок. Фургон был большой, и здесь запросто поместились бы еще четверо-пятеро — главное было не забывать пригибать голову, оказавшись внутри. Дилейни сидела на крутящемся кресле перед мониторами. Нацепив на голову наушники с микрофоном, она произнесла:

— Команда Фокс, ожидайте распоряжений.

— Может, все-таки скажете мне, что я здесь делаю? — сварливо осведомился Прайор.

— Протокол ведется, Джун? — спросил Гарри.

Та лишь недовольно поджала губы, но пулеметная быстрота, с которой она заколотила по клавишам своего стенотипа, была достаточным ответом и сама по себе.

— Мистер Прайор, данный протокол будет приобщен к делу «Государство против Роберта Соломона». Я хотел, чтобы вы присутствовали здесь, поскольку собираюсь санкционировать правоохранителей предпринять действия в отношении одного из присяжных по этому делу. В данный момент по закону, согласно правилам секвестирования, присяжные находятся на моем попечении и исключительно в моем подчинении до тех пор, пока не вынесут вердикт. Поскольку вердикт пока не вынесен, любой представитель правоохранительных органов или государственной власти, желающий поговорить с кем-то из присяжных, должен запросить моего разрешения. Я хотел, чтобы вы и мистер Флинн присутствовали при этом, дабы могли высказать любые свои возражения и засвидетельствовать это вмешательство, если таковое будет иметь

место. Мы находимся сейчас здесь по просьбе ФБР и ради безопасности присяжных. Ситуация способна измениться в любую секунду, и Бюро не может тратить время на поездки в суд. Данная операция будет санкционирована прямо на месте. Все ясно?

— Нет, а что вообще происходит? — спросил Прайор.

— Этот Долларовый Билл — он и вправду в жюри, — сказал я.

Громкое «бум!» эхом разнеслось по всему фургону — Прайор стукнулся в его потолок башкой. Он был прирожденным адвокатом — а адвокаты излагают свои аргументы стоя и горделиво выпрямившись. Затем Прайор опять уселся на место, потирая макушку.

— Все это не более чем очковтирательство. Санкционируя вмешательство в работу жюри, вы выказываете доверие всем доводам в пользу подсудимого. Вы практически сказали этим, что защита права. Господин судья, вы не имеете права так поступать!

— Имею, мистер Прайор. Вы желаете отправить дело на пересмотр по причине его ненадлежащего рассмотрения? — спросил Гарри.

Это быстро заткнуло обвинителя. Он знал, что

позиции у него прочные, и теперь прикидывал, насколько это способно склонить чашу весов в мою пользу.

— Я придержу свою позицию по данному вопросу при себе до завтрашнего утра, ваша честь, если суд не против, — осторожно ответил Прайор.

— Ну вот и славно. А теперь, на основании информации, переданной мне специальным агентом Пейдж Дилейни, я санкционирую арест присяжного, известного как Алек Уинн, — объявил Гарри. — У нас есть все основания полагать, что Уинн — это серийный убийца, прозванный Долларовым Биллом, чей преступный почерк характеризуется обвинением ни в чем не повинных людей в его собственных преступлениях, с каковой целью он подбрасывает на места преступлений однодолларовые купюры, привязывающие этих людей к совершенным им убийствам. После чего Долларовый Билл убивает и присваивает себе личность одного из кандидатов в присяжные, отобранных для суда над тем невиновным человеком — с целью гарантированно добиться его осуждения. Убедительные доказательства этого, предоставленные мне агентом Дилейни, включают в себя…

Я и без того знал, что это за доказательства.

Дилейни уже обсудила их со мной и Харпер на Федерал-Плаза. Все было аккуратно заготовлено.

Гарри тем временем продолжал для протокола:

— Я санкционировал криминалистическую экспертизу каждого из изъятых у членов жюри блокнотов, которые сохранил при себе после отстранения присяжного Спенсера Кольбера. С моего разрешения ФБР завладело этими блокнотами, и, согласно аффидевиту[68] агента Дилейни, первым из них, назначенным для экспертизы, стал блокнот присяжного Алека Уинна. Агент показала, что данный блокнот был выбран для экспертизы на основании свидетельств, предоставленных адвокатом защиты Эдди Флинном.

Прайор смерил меня недобрым взглядом, после чего перевел его обратно на Гарри. Он так и кипел от злости.

— Для протокола, мистер Флинн: какие именно свидетельства вы предоставили агенту Дилейни?

— Я передал ей содержание своего телефонного

---

[68] notes: 68

Аффидевит — письменные показания лица, выступающего в роли свидетеля, которые, при невозможности его личной явки, даются под присягой и удостоверяются нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом. (*Прим. пер.*)

разговора с Арнольдом Новоселичем, консультантом по присяжным со стороны защиты. Заметив подозрительное поведение данного присяжного, тот…

— Возражение, ваша честь! — сказал Прайор. — Подозрительное поведение?!

— Он заметил, что наружность этого присяжного на миг переменилась. Его выражение лица. Помимо всего прочего, Арнольд был специалистом по «языку тела», и он счел этот факт достаточно экстраординарным, чтобы поставить меня в известность, — сказал я.

— И это все? Вы собираетесь санкционировать арест одного из присяжных на основании чьих-то слов касательно выражения его лица? — возмутился Прайор. Он уже пропускал удары. И если все его усилия пойдут прахом, хотел, чтобы его возражения были занесены в протокол.

— Нет, — сказала Дилейни. — Свидетельства в виде результатов экспертизы отпечатков пальцев, снятых с блокнота Алека Уинна, более чем убедительны. Эти отпечатки соответствуют в национальной базе данных подозреваемому по имени Джошуа Кейн. Какие-либо данные на эту личность практически отсутствуют. Ни места рождения, ни даты рождения, ни адреса в на-

стоящий момент. Но нам все-таки известно, что он разыскивался за тройное убийство и поджог. Дальнейшей информацией по этим преступлениям мы пока не располагаем — известно лишь, что они были совершены в штате Вирджиния. Мы уже запросили это дело и теперь ожидаем его отправки из отдела полиции Уильямсберга. Запрос был сделан два часа назад, и мы уже несколько раз просили ускорить процесс. Скоро и это дело, и фото Кейна окажутся у нас на руках.

Гарри кивнул.

— На основании идентификации пальцевых отпечатков и вероятной связи с делом Долларового Билла я санкционирую арест присяжного Алека Уинна. Советники, какие-либо возражения? — спросил он.

— Никаких, — отозвался я.

— Я хочу, чтобы мое возражение занесли в протокол! Данные действия бьют в самое сердце надлежащего судопроизводства! — воскликнул Прайор.

— Занесено. Агент Дилейни, можете продолжать, — сказал Гарри.

— Команда Фокс, начинаем! — объявила Дилейни, разворачиваясь в своем кресле к мониторам.

Где-то на середине высоты кузова фургона

расположились пять экранов. На четыре из них выводились изображения с камер, прикрепленных к шлемам бойцов небольшой группы захвата. На оставшемся была открыта электронная почта Дилейни — агент обновляла это окно чуть не каждую пару секунд. Чем больше информации у нее будет на Кейна, тем лучше. Изображение с камер на шлемах прыгало вверх-вниз. Нам было слышно, как высокие ботинки бойцов топают по земле, и когда они свернули за угол, на экранах показался «Грейдис-инн». Старый домина. Реально старый. В такой отель стоит заселиться, разве только чтобы в нем помереть.

Первый из парней из группы захвата махнул своим удостоверением перед носом у консьержа, который выглядел даже старше самого отеля. Они негромко переговорили с ночным носильщиком у стойки, выяснили, в каком номере живет Уинн, приказали консьержу никуда не звонить и стали медленно красться по ступенькам. Я наблюдал за изображением с камеры агента на среднем экране. Видел, как тот, что шел впереди, опять взмахнул своим значком и направился к судебному приставу, охранявшему коридор. Они прошептали ему, чтобы держался сзади и что у них имеется выданный судьей ордер на арест Але-

ка Уинна. Пристав подтвердил номер комнаты, и группа захвата медленно направилась туда.

Перед дверью они все как один остановились. Включили фонари — судя по всему, под стволами автоматов.

Командир группы начал обратный отсчет.

Часы с камер на экранах показывали два часа двадцать три минуты ночи.

Три.

Два.

Блям! На экране с электронной почтой Дилейни выскочило сообщение с пометкой «срочно».

Один!

Дверь резко распахнулась, и лучи фонарей захватили фигуру Уинна, стоящего возле изножья кровати — голого по пояс, с широко раскрытыми глазами. Он инстинктивно поднял руки.

«ФБР! На пол, быстро!»

Уинн опустился на колени, после чего лег, раскинув по полу дрожащие руки. За какие-то секунды его обхлопали со всех сторон и сковали наручниками.

— С меня хватит! — заявил Прайор. Встал, застегнул на груди пальто и вышел из фургона, громко захлопнув за собой дверь. Я вновь перевел взгляд на мониторы. Один из вооруженных

парней вздернул Уинна на ноги, а другой стал еще раз обыскивать его. У нас был полный вид с камеры.

— Господи Иисусе, только не бейте меня! Я ничего не сделал! — выговорил Уинн, весь в слезах и соплях, трясясь всем телом от страха.

Боец, стоявший к нему лицом, попятился, и мы увидели, как он подносит руку к лицу. Затем негромко выругался, и теперь мы увидели, на что он смотрит.

По ширинке Уинна растекалось темное пятно, все росло и ширилось, распространяясь вниз по одной ноге. Уинн потерял контроль над функциями организма. Трясся в панике всем телом, не в состоянии вымолвить ни слова.

Просмотрев письмо, Дилейни выругалась. Это было как раз то, что она ждала: из отдела полиции Уильямсберга, выжимка из дела Джошуа Кейна — только самое главное. Мы с Гарри встали со своих мест и склонились у нее над плечами. Кейн разыскивался в связи с убийством и изнасилованием ученицы выпускного класса по имени Дженнифер Маски и еще одного старшеклассника, Рика Томпсона. Обоих в последний раз видели в вечер выпускного бала. Третьей жертвой была Ракель Кейн — мать Кейна. Полиция подозревала,

что он похитил, изнасиловал и убил Дженнифер и спрятал ее тело в материнской квартире. Его мать была тоже убита — зарублена топором, а вся квартира сгорела дотла.

Дальше в документе сообщалось, что тело Рика Томпсона обнаружили в местном водохранилище, равно как и его машину.

Прикладывался черно-белый полицейский снимок Кейна — он был плохо отсканирован и мелкие детали лица разобрать было трудно, но на Уинна он был не похож.

Я опять посмотрел на изображение с камеры бойца. Уинн окончательно сломался. Плакал и молил о пощаде. И это не было актерской игрой. У Джошуа Кейна должны были быть просто-таки стальные яйца, чтобы совершать все эти преступления и хитростью проникать в жюри. Уинн же походил на человека, который собственные яйца не найдет даже обеими руками.

— Блин! — выпалил я. Вытащил телефон, открыл журнал исходящих звонков. Прокрутив его, отыскал строчку со своим звонком Арнольду вчера вечером. Позвонил я ему в половине пятого утра. Разговаривали мы недолго. Тогда я решил, что Арнольд находился тогда дома, в своей квартире в Род-Айленде. Даже откровенно наплевав

на скоростные ограничения и с допущением того, что нигде не уткнешься в пробку, Кейну понадобилось бы как минимум два с четвертью часа, чтобы доехать из Род-Айленда обратно в район аэропорта.

— Дилейни, попросите кого-нибудь из группы захвата спросить у судебного пристава — в какое время он вчера будил присяжных на завтрак? — произнес я.

Она передала эту просьбу, и один из бойцов вышел в коридор переговорить с приставом.

— Я бы сказал, где-то в шесть сорок пять, сорок семь самое позднее, — ответил тот.

За прошедшее после моего звонка время Кейн просто не смог бы убить Арнольда, приехать назад, спрятать машину, вернуться в отель и прокрасться в свой номер.

— Мы взяли не того человека, — объявил я.

Дилейни ничего не ответила — все еще читала документы, присланные по «мылу». Гарри принялся почесывать в голове и махнул еще порядочный глоток из своей плоской фляжки.

— Арнольд сказал мне вчера вечером по телефону, что присяжным, скрывающим свое истинное выражение лица, был Уинн. Но, стоит сейчас подумать, к моменту моего звонка Арнольд был

уже мертв. Я не с ним разговаривал по телефону. Я разговаривал с Кейном, — объяснил я.

— С Кейном? — переспросила Дилейни.

— Если как следует подумать, у него просто не хватило бы времени вернуться в отель из Род-Айленда. Это совершенно исключено, только если он уже не убил Арнольда. Долларовый Билл отвел нас от себя, подставив нам Уинна, — сказал я.

— Господи, — выдохнула Дилейни. Схватив свой мобильник, она куда-то позвонила. Там сразу взяли трубку.

— Блокнот, который мы отдавали на экспертизу… На нем было имя Алека Уинна. Я хочу, чтобы проверили все остальные и сказали мне, нет ли среди них еще одного с его именем, — сказала Дилейни в телефон.

Пока мы ждали, она продолжила пролистывать страницы оригинальных документов, которые в Уильямсберге отсканировали и отправили ей по электронке.

Я заметил, как агент вздрогнула. Нашла что-то.

— Это определенно не Уинн, — наконец произнесла она, уставившись на экран. Голос, доносящийся из ее мобильника, подтвердил, что имя Алек Уинн указано на двух блокнотах. Кейн написал его на своем собственном блокноте.

Я придвинулся ближе — посмотреть, на что так пристально глядит Дилейни.

Дженнифер Маски и Ракель Кейн были обе убиты в 1969 году…

И в этот момент я догадался, кто из присяжных на самом деле Джошуа Кейн. Дилейни тоже. Ей надо было действовать быстро — затолкать подальше свое недоверие и работать по новым вводным.

Она быстро отдала приказы группе захвата, перенаправив их от Уинна на другую цель.

Блямкнул мой телефон. Это была эсэмэска от Харпер — она сообщала, что уже едет к нам и что нашла фото Долларового Билла в старых газетных вырезках. Внизу указывалось и имя присяжного.

Это был тот самый присяжный, про которого я и подумал.

Вот же сукин сын…

Глава 69

Пока группа захвата выносила дверь номера напротив, Кейн быстро открыл окно и выбрался на козырек крыши. Осторожно сползать по черепицам на крышу ниже, поддерживаемую опорами, времени уже не было.

Каждая секунда была на счету. Выбравшись на козырек, он так и съезжал по нему на животе ногами вперед, притормаживая руками, до самого края, нависающего над большим сугробом. Рубашки на нем не было, но боли он не испытывал — чувствовал лишь, как острые края черепиц обдирают кожу. Перевалился через карниз — сначала ногами, потом всем туловищем, на секунду повис на руках, прицеливаясь к большому сугробу внизу. Наконец отпустил руки и с высоты в двенадцать футов ухнул в снег.

Выбравшись из сугроба на задах отеля, Кейн метнулся к деревьям, подальше от огней, которые видел впереди, — красных, белых и синих мигалок. Подальше от копов прямо впереди, возле въезда на частную дорогу, ведущую к «Грейдис-инн». Ни секунды не колеблясь, бросился бежать влево от этих огней, тяжело дыша; дыхание облачками пара вырывалось у него изо рта в холодном ночном воздухе. Даже раздетый до пояса, Кейн не чувствовал ледяных укусов морозного ветра. Он не ощущал холода или жара, как любой нормальный человек. Эти ощущения были приглушены, но студеный воздух все равно заставлял его поеживаться.

Уже подбегая к густо растущим деревьям, он

заметил свет фар автомобиля, отъезжающего от отеля — белого «Астон-Мартина». Выскочив на дорогу, замахал руками над головой. Машина остановилась, и из-за руля выбрался Арт Прайор.

— Мистер Саммерс? — удивился тот. — Вы в порядке? Что вы тут делаете в такую погоду? В вашем возрасте и заболеть недолго.

Кейн прижал руки к груди, дрожа и поеживаясь.

— Д-дайте пальто, пожалуйста, — проговорил он, стуча зубами.

Прайор сбросил свое кашемировое пальто и укутал им плечи Кейна.

— Я услышал стрельбу, крики… Испугался и убежал, — объяснил Кейн.

— Залезайте, сейчас отвезу вас куда-нибудь, где потеплей, — сказал Прайор.

Просунув руки в рукава пальто, Кейн обошел машину к пассажирскому месту и забрался внутрь. Прайор пролез за руль и, повернувшись, чтобы посмотреть на присяжного, которого знал как шестидесятивосьмилетнего Брэдли Саммерса, в ужасе уставился на грудь своего пассажира. Кейн позволил пальто распахнуться, демонстрируя Прайору своей шедевр.

— Господи ты боже… — проговорил тот.

Лишь немногим доводилось видеть грудь Кейна, и Прайору выпала возможность взглянуть на нее во всей красе в свете плафонов машины. Вся грудь Кейна была опутана множеством белых шрамов. Замысловатые их линии образовывали Большую печать Соединенных Штатов — орла, держащего в лапах пучок стрел и оливковую ветвь. Лапы его раскинулись под обе стороны живота Кейна. Щит со звездочками над головой у орла располагался чуть выше грудины.

— Поехали уже. Тут в миле отсюда есть «Холидей-инн». Остановите там, и я ничего вам не сделаю, — сказал Кейн, доставая из кармана штанов нож и кладя руку с ним на колено.

Прайор непроизвольно газанул, уставившись на нож, — Кейн приказал ему успокоиться. Они тронулись с места и ехали пару минут, пока впереди не показался «Холидей-инн». Все это время Прайор тяжело дышал, умоляя не трогать его.

Наконец они остановились в темном углу пустынной автостоянки, примерно в тысяче ярдов от отеля.

— Мне нужны ваша одежда и ваша машина. Бумажник я вам оставлю. До отеля идти всего ничего, прямо через стоянку. Если откажетесь, я возьму все это силой.

Просить дважды не пришлось. Прайор быстро разделся до белья и бросил одежду на заднее сиденье, как приказал Кейн.

— А теперь вылезайте из машины, — распорядился тот.

Прайор открыл дверцу, и Кейн увидел, как холод сразу ударил его. Обвинитель стоял в ботинках и носках, обхватив себя руками, на темной пустынной автостоянке.

— А мой бумажник? — напомнил он.

Кейн перебрался на водительское сиденье, захлопнул дверцу, опустил боковое стекло и бросил бумажник на асфальт.

Прайор подошел ближе и наклонился, чтобы подобрать его. А когда встал, оказался лицом к лицу с Кейном, смотрящим прямо на него.

Он застыл. Ноги его завихлялись и задрожали, когда Кейн вонзил нож ему в левую глазницу и позволил его телу упасть рядом с машиной.

Кейн быстро переоделся в одежду Прайора. Все было ему великовато, но это не имело особого значения. Через пару минут он уже направлялся за рулем «Астон-Мартина» в сторону Манхэттена. Кейн не мог допустить, чтобы ФБР вмешивалось в его планы. Ему надо было убить человека.

И ничто не могло его остановить.

Глава 70

Группа захвата обнаружила номер Брэдли Сам-мерса пустым. Окно было оставлено открытым. Командир группы вылез на крышу, осмотрелся и заметил следы на снегу, ведущие от большого сугроба, в котором зияла глубокая яма. Просто для полной уверенности Дилейни распорядилась тщательно обыскать отель и прилегающую территорию. Это заняло примерно полчаса, и, закончив, федералы удовлетворились тем, что разозлили всех постояльцев отеля и убедились, что следы идут к дороге, ведущей от отеля, и что нет никаких признаков того, чтобы Долларовый Билл вернулся по ним назад.

Джошуа Кейн бесследно исчез.

Скорость, с которой работало ФБР, была завораживающей и даже пугающей. Через считаные минуты после окончания обыска были оповещены все правоохранительные структуры. Приехала Харпер. В газетных вырезках она нашла две фотографии. На обеих был запечатлен вроде как один и тот же человек лет шестидесяти. На одной он входил в здание суда, на другой выходил, и оба раза располагался где-то на заднем плане.

Разный цвет волос, разная одежда, но черты лица были примерно одинаковыми. За исключением сломанного носа, как у Саммерса, это был один и тот же человек. Усевшись вместе с Дилейни в штабном фургоне, мы внимательно изучили фотографии. Гарри все еще пытался дозвониться до Прайора. Дело Бобби шло к пересмотру. Вне всяких сомнений.

— Куда же он мог податься? — задумчиво произнесла Дилейни, изучая снимки.

— Может, обратно в квартиру Брэдли Саммерса? — предположила Харпер.

— У меня туда уже сейчас едет агент, но шансов мало. Этот тип так долго не продержался бы незамеченным, если б допускал такие детские ошибки.

— Просто невероятно, что это так долго сходило ему с рук! В смысле, он ведь занимался этим десятилетиями, — заметила Харпер.

Меня угнетало, что как раз правоохранители все это и допустили. Хотя ничего удивительного. Едва ли не каждый отдел убийств в любом городе перегружен делами выше крыши. Они всю дорогу следуют уликам. У них нет времени особо подвергать их сомнению. В некотором роде это была не их вина. Ими манипулировал хладнокровный

убийца с высоким уровнем интеллекта, и у них попросту не было времени рассматривать альтернативные версии. Но все равно Долларовому Биллу должна была сопутствовать изрядная доля везения, чтобы зайти так далеко — чтобы безнаказанно перебить и отправить за решетку такую уйму народу. И все ради каких-то его собственных извращенных представлений…

Я припомнил все, что уже знал о Кейне. Про убийства. Судебные процессы. Жертв. Его преступный почерк и Большую печать.

Этот тип ни в коем случае не собирался позволить всему этому развалиться на части. Он хотел успешно завершить свою миссию.

— Харпер, срочно звони Холтену! Прямо сию секунду. Этот шизанутый урод зациклен и педантичен. Он обязательно попытается закончить все это на своих собственных условиях. По-моему, Кейн нацелился на Бобби, — сказал я.

* * *

Ровно через три минуты я уже сидел справа от Харпер в ее прокатной машине, упираясь руками в панель перед собой, когда она на бешеной скорости висела на хвосте у гуляющего по полосам фургона группы захвата, который распугивал

остальных участников движения завыванием сирены.

— Попробуй еще разок набрать Холтена, — попросил я.

Харпер голосом вызвала номер на своем мобильнике, мотающемся туда-сюда в углублении на приборной панели. Я увидел, как экран осветился, отразившись в ветровом стекле, и из динамиков системы громкой связи машины послышались гудки.

Ответа не последовало.

— Сейчас наберу Бобби, — сказал я.

Прежде чем расстаться с нами и сесть в фургон, Дилейни позвонила в нью-йоркское управление полиции с просьбой отправить к дому Бобби наряд и проверить, все ли в порядке. Они должны были подъехать туда в любую минуту. А еще позвонила какому-то оперативнику с Федерал-Плаза, чтобы тот тоже подскочил туда и убедился, что дом надежно заперт.

Из Джамейки до центра Манхэттена обычно около часа езды. Мы же выскочили на автостраду Куинс — Мидтаун меньше чем через десять минут, и вскоре впереди на горизонте нарисовался знакомый силуэт — подсвеченное как на почтовой открытке здание ООН за Мидтаунским

тоннелем.

Загудел телефон Харпер — Дилейни.

— Только что звонили из полиции. Они пообщались с охраной Соломона. Я попросила их убрать оттуда патрульную машину и отозвала своего агента. После выезда из тоннеля мы выключим сирены и дальше поедем по-тихому. Я пересяду в машину без опознавательных знаков и аккуратненько осмотрю окрестности. Кейн вряд ли успел добраться до дома Соломона, но если он уже там и наблюдает за ним, я не хочу спугнуть его.

— Понятно, — сказала Харпер. — Но ничего страшного, если мы с Эдди тоже туда заглянем, так ведь?

— Дайте я сначала изучу обстановку. А потом дам вам знать. Кстати, я только что получила инфу от экспертов насчет ДНК-профиля, который мы получили с блокнота Уинна с отпечатками Кейна на нем. Анализ ДНК еще не завершен, это займет еще около десяти часов, но уже сейчас ясно, что этот профиль подходит Ричарду Пене — тому якобы мертвецу, ДНК которого нашли на купюре во рту у Карла Тозера. Как только будет получен полный профиль, мы будем знать точно. Мне нужно, чтобы вы держали меня в курсе насчет того, насколько продвинулись с профилем

Пены, Харпер. Тут явно должна быть какая-то связь с Кейном.

Едва мы въехали в тоннель, как телефоны потеряли сигнал. Но неважно. Я все равно никак не мог отлепить руки от панели перед собой — только не при манере езды Харпер, которая висела на хвосте у машины фэбээровской группы захвата на семидесяти пяти милях в час, порой в считаных дюймах от соседних машин и стен тоннеля. Хотелось спросить у нее насчет ДНК Пены и что ей удалось выяснить, но я слишком боялся, что мы в любой момент влепимся в стену, чтобы отвлекать ее.

Едва мы выскочили из тоннеля, паника прошла. Мы остановились на Тридцать восьмой улице, в квартале от съемного дома Бобби, и стали ждать. Эта часть Мидтауна — достаточно тихий районч ик. Обитают в нем в основном врачи и дантисты. Автомобили, выстроившиеся вдоль тротуара, представляли собой либо навороченные новенькие кроссоверы, либо приземистые спортивные тачки, позволяющие дантистам справиться с кризисом среднего возраста.

— Ты что, как-то продвинулась с ДНК Пены? — спросил я.

— Вроде да. В свое время Ричард Пена был

опознан как Убийца из Чапел-Хилла именно по своему ДНК-профилю. Его ДНК совпадала с профилем на долларовой банкноте. Тысяча четыреста мужчин в тех краях добровольно сдали образцы ДНК, в том числе и Пена. Коп из Чапел-Хилла сказал, что при таком количестве объектов сами они уже не могли справиться со сбором мазков; пришлось обучить этому сотрудников службы безопасности кампуса, которые тоже брали пробы у преподавательского состава, обслуживающего персонала и студентов. На следствии сотрудник охраны по имени Рассел Макпартленд показал, что это он взял мазок у Пены, должным образом опечатал его и передал полиции. Сейчас, пока мы с тобой разговариваем, один коп из местного райотдела как раз копается в личных делах университетского отдела кадров.

— И как это ты заставляешь копов заниматься всем этим для тебя? — удивился я.

— Я умею быть убедительной, — отозвалась Харпер, одарив меня короткой улыбкой.

Я в этом ничуть не сомневался. Все шло к тому, что этот Рассел Макпартленд — очередное перевоплощение Джошуа Кейна. Тот не смог бы совершать все эти убийства столь чисто из раза в раз — рано или поздно должен был оставить

где-то свою ДНК. Судя по всему, Кейн устроился на работу в охрану студгородка под вымышленным именем. Подобная работа предоставляла ему беспрепятственный доступ к доверчивым студенткам. Когда где-то в округе бродил убийца, уязвимые молодые женщины отнеслись бы с куда большим доверием к охраннику кампуса, если б он подошел к ним и предложил проводить домой. Но тут-то Кейн и дал маху. Должно быть, оставил свою ДНК на одной из долларовых купюр, обнаруженных на жертвах. И наверняка узнал об этом только тогда, когда местная полиция затребовала образцы ДНК у всех лиц мужского пола в округе. Только вот Кейн обернул это в свою пользу. Взял мазок у Пены, дворника. Всех-то дел — провести ватной палочкой по внутренней стороне щеки Пены и запечатать ее в пробирку. Но Кейн, судя по всему, подменил образец Пены своим собственным. Так что образец Кейна был ошибочно помечен в журнале как принадлежащий Пене. ДНК-профиль Пены на самом деле принадлежал Кейну. Приличного адвоката защиты дворнику было не потянуть — а никто не стал бы представ-

лять Чапелхиллского душителя «про боно»[69]. А что касается государственных защитников, то их служба не располагает достаточным бюджетом для того, чтобы перепроверять ДНК.

Вот поэтому-то образец с долларовой купюры во рту у Тозера опять указал на Пену. Не Пена дотрагивался до этой купюры — он был давно уже мертв. Это была ДНК Кейна, которую он в свое время пометил как принадлежащую Пене.

Умно.

Я решил, что во всех личных делах охранников кампуса должны иметься их фото, и ждал, когда контакт Харпер пришлет фото Кейна из личного дела Рассела Макпартленда.

Другого объяснения быть не могло.

Тут зазвонил мобильник Харпер, и она ответила. Из динамиков стереосистемы машины послышался голос Дилейни:

— Мы проверили все прилегающие улицы в радиусе четырех кварталов. Никаких признаков Кейна. Народ тут бродит, но ничего из ряда вон выходящего. Люди возвращаются домой из ночных клубов и баров, в конце квартала сидят два

[69] notes: 69

Pro bono (*лат.*) — оказание профессиональных услуг бесплатно, на общественных началах. Больше всего этот термин в ходу у привыкших к латыни юристов. (*Прим. пер.*)

каких-то торчка в одеялах, а один малый даже дрыхнет с полным пива брюхом прямо перед входом в паб О'Брайена, на пассажирском сиденье своего «Астон-Мартина». Мы продолжаем наблюдение, но Кейна нигде не видать. Пока что.

— Так что нормально, если я повидаюсь с Бобби? — спросил я.

— Конечно, только недолго, — ответила Дилейни и отключилась.

— Иди. Я тебя выброшу и припаркуюсь где-нибудь неподалеку, — сказала Харпер.

Мы тронулись с места. Снятый для Бобби дом располагался примерно посередине соседней Тридцать девятой улицы. Я подумал, как Бобби отреагирует на то, что мне ему придется сказать. Я практически не сомневался, что сумею снять с него все обвинения прямо завтра с утра, если сегодня к вечеру у федералов выйдет поймать Долларового Билла. Так многое успело произойти! Арнольд мертв, а у меня даже не было времени осознать это… Кейн каким-то образом ухитрился подставить меня самого за убийство Арнольда при помощи очередной долларовой банкноты…

— Останови машину, — приказал я.

— Что? — удивилась Харпер.

— Останови прямо сейчас. Мне нужно, чтобы

ты позвонила тому копу из Чапел-Хилла. Кейн все эти годы выезжал не за счет голого везения, — сказал я.

Харпер позвонила. Мы стали ждать. Наконец тот ответил и сказал, что только что нашел личное дело охранника кампуса по фамилии Макпартленд. Коп собирался с утра отправить его Харпер по электронной почте, но она убедила его скинуть фото Макпартленда себе на телефон и переслать эсэмэской. Коп выполнил ее просьбу, после чего я позвонил Дилейни и все это ей изложил.

Наконец-то все детальки головоломки встали на место. Мы обсуждали это десять минут, а затем Харпер высадила меня из машины перед домом Бобби, оказавшимся довольно невзрачным особнячком из бурого кирпича. Отличный район, чтобы скрываться от медийных бурь.

Поднявшись на крыльцо, я постучал в дверь. Холод кусал меня за щеки, и я подул себе в руки, сложенные ковшиком. Холтен открыл мне, и я сразу ощутил тепло, изливающееся из дома.

Он был все еще в черных костюмных брюках и в галстуке. Без пиджака. При виде того, что он вооружен, я несколько приободрился. Под мышкой у него висел «Глок» в наплечной кобуре.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как кусок дерьма. А как Бобби?

— Заходите, он наверху. Есть какие-то новости?

Я шагнул внутрь, мимо Холтена, и сразу возблагодарил судьбу, когда он закрыл за мной дверь. Я был без пальто и на коротком пути от машины к двери успел основательно продрогнуть. К счастью, морфий все еще делал свое дело, иначе я давно загнулся бы от боли в сломанных ребрах.

В прихожей было темно, но из гостиной просачивался неяркий свет. Я услышал звуки бейсбольного матча по телевизору. Чуть отступил вбок, пропуская Холтена.

— Поднимайтесь к нему. Он на третьем этаже. Я записал игру. Просто ненадолго спустился. Да и можно уже. Я не чувствую себя таким голым, когда на улице машины федералов. Можно ведь и мне типа как чуток расслабиться, согласны? — сказал Холтен.

Я кивнул.

— Конечно. Это была паршивая пара дней. По-моему, все наконец-то начинает склоняться в сторону Бобби. Надеюсь, все это скоро закончится.

Холтен уже повернулся и направлялся обратно

в гостиную. Я увидел, как он плюхается на большой диван перед громадным плоским экраном со словами:

— Ну что, взяли того типа? Долларового Билла?

— Наверное, — сказал я. — Хотя, по-моему, у нас и так достаточно аргументов, чтобы направить дело на пересмотр. А если мы его поймаем, то, думаю, добьемся полного оправдания.

Я увидел, как Холтен откупоривает бутылку пива и протягивает ее мне.

— Хотите? По-моему, вы сейчас с удовольствием приложились бы.

Он был прав. Я с удовольствием приложился бы к этой бутылке. Равно как и еще к двадцати вдогонку.

— Нет, спасибо, — отказался я.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я перешел к другому пролету и позвал Бобби.

Ответа не последовало. Уже ставя ногу на верхнюю ступеньку, я вдруг опять ощутил холод. Свет был выключен, и я предположил, что Бобби может лежать в постели. Ледяной ветерок коснулся моей щеки. Окно, выходящее на улицу, было открыто. Я тихонько подошел к нему. Выглянул наружу. Окно было приоткрыто разве что на фут и выходило на пожарную лестницу. Я высунул

голову чуть дальше, огляделся. На лестнице ни выше, ни ниже меня — никого.

Едва я успел выпрямиться, как чья-то рука прихлопнула мне рот, отдернув голову назад. Какую-то секунду я не двигался. Дыхание остановилось. Инстинкт подсказывал перехватить запястье напавшего, толкнуть его спиной и развернуть на месте, заломив ему руку за спину.

И тут я почувствовал спиной что-то острое. Кончик ножа.

Я опустил взгляд на окно. Там, в отражении стекла, маячил присяжный по имени Брэдли Саммерс. Стоял он у меня за спиной, но я все равно видел его лицо. Он тоже уставился на наше отражение, встретился со мной взглядом. Снизу доносились приглушенные расстоянием голоса комментаторов из телика.

Я не осмелился двинуться с места. Если бы двинулся, исход был бы один — Кейн всадил бы нож мне в спину.

В пиджаке у меня по-прежнему лежал телефон. Если б я сумел дотянуться до него, можно было бы голосом вызвать номер Харпер, как я это проделал на заднем сиденье полицейской машины всего несколько часов назад.

Все эти мысли за какую-то секунду пронеслись

у меня в голове. И тут я осознал, что у Кейна наверняка возникли те же самые мысли. Он изучал меня в стекле, следил за моей реакцией. Голова его придвинулась ближе, и я ощутил его дыхание у себя на ухе, когда он прошипел мне:

— Не двигаться! Даже не думай пошевелиться или позвать на помощь. Сегодня ты умрешь, Флинн. Единственный вопрос — это насколько медленно, и убью ли я заодно твою симпатичную напарницу. Если ты хочешь, чтобы все прошло быстро и безболезненно, я могу это устроить. Просто тебе надо делать то, что я говорю.

Глава 71

Кейн чувствовал, как бьется сердце у Флинна. Левой рукой крепко зажимая ему рот, он предплечьем надавливал ему на шею. Вот оно, опять. Этот кайф. Этот восхитительный пульс — живой и бьющий в знакомый барабан страха и адреналина.

— Сейчас я уберу руку. Ты будешь делать только то, что я скажу. Не вздумай орать. Ничего не говори. Одно слово, один только шепот, и я убью тебя. А потом убью ее, твою напарницу. Только на сей раз я сделаю это медленно. Я буду снимать

с нее кожу лоскутами, пока она не будет молить о смерти. Если ты все понял, кивни, — произнес Кейн.

Флинн коротко кивнул.

Кейн ослабил захват, убрал руку ото рта адвоката. Тот жадно вдохнул. Его паника была почти удушающей.

— Я хочу, чтобы ты одной рукой достал свой телефон и бросил его на пол, — приказал Кейн.

Флинн полез в карман пиджака, вытащил мобильник и разжал пальцы. Телефон практически беззвучно упал на толстый ковер.

Отступив на шаг, Кейн продолжал:

— Дверь — справа от тебя. Открой ее и зайди.

Флинн повернулся, открыл дверь и шагнул в темную спальню. Занавески не были задернуты, так что уличные фонари за окном по-прежнему заливали комнату тусклым желтоватым свечением. Справа стояла кровать. Прямо впереди — массивная железная дверь.

Она была закрыта. Прямо над ней висела камера наблюдения со светящейся красной точечкой над ней. Она была направлена вниз, чтобы захватывать участок пола непосредственно перед мощной дверью.

Кейн двинулся к ней, остановившись на пороге

спальни.

— Соломон ухитрился юркнуть в комнату-убежище прямо перед тем, как я успел добраться до него. Мне нужно, чтобы ты убедил его выйти. Он следит за тобой через камеру. Скажи ему, что я ушел. Скажи, что здесь полиция и что он в полной безопасности. Вымани его оттуда.

Адвокат не двинулся с места. Кейн заметил, что он изучает взглядом столик рядом с дверью. На нем стояли лампа и телефон. Шнур телефона огибал стол и тянулся к розетке в стене — городская линия. Рядом с дверью комнаты-убежища в ту же розетку упирался кабель-канал. Кожух его был оторван от стены, а шнур, подключенный к городской линии, перерезан. Это была совсем старая комната-убежище, наверняка устроенная еще до того, как ее оборудовали телефонной связью. Причем, чтобы не долбить бетон, воспользовавшись существующей розеткой. Кейн был очень доволен этим обстоятельством. Он сумел перерезать шнур, прежде чем Соломон успел воспользоваться телефоном внутри комнаты-убежища.

— Ты зря тянешь время, — произнес Кейн. — Скажи ему, что тут безопасно. Вытащи его оттуда.

Адвокат шагнул вперед и встал перед дверью.

— Ну давай же! — поторопил его Кейн.

Подняв голову, Флинн посмотрел прямо в объектив камеры и произнес:

— Бобби, это я, Эдди.

Кейн перехватил нож другим хватом и медленно вошел в комнату, стараясь держаться подальше от поля зрения камеры.

— Бобби, слушай меня внимательно. Ты в безопасности. Ты в полной безопасности. А теперь вот что я хочу, чтобы ты сделал… — продолжал Флинн.

Изо рта Кейна, словно головка змеи, высунулся длинный язык, облизал губы. Он чувствовал, как ускоряется биение сердца, жаждущего убивать.

— Бобби, что бы ни происходило, ни в коем случае не открывай эту дверь, — закончил Флинн.

«Вот же дурак…» — подумал Кейн.

Он все равно доберется до Соломона. Может, и не сегодня. Но скоро. А сейчас этот адвокат должен заплатить. Кейн покрепче сжал рукоять керамического ножа, ощутив первую волну жара от прилива крови. Увидел, как адвокат хватается за свой галстук, прикрывает им рот и нос.

И тут окно слева от него разлетелось вдребезги, и комнату наполнил слезоточивый газ.

Глава 72

Как только первая газовая граната взорвалась в углу спальни, я услышал вокруг себя звон разбиваемых стекол. Два бойца группы захвата в полном снаряжении и противогазах влетели в окно. Я услышал, как в коридоре тоже бьется стекло, и увидел еще одного бойца, спрыгнувшего на пол прямо перед Кейном. Ближайший от меня агент сунул мне противогазную маску, и я успел упасть на колени и отползти в угол, прежде чем натянуть ее. Когда я застегнул на затылке ремешок с липучкой, глаза уже жутко щипало.

Я слышал крики «ФБР!» и обращенные к Кейну требования бросить нож и лечь на пол. Самих агентов не было видно. Даже при разбитых окнах в спальне и коридоре и зимнем ветре с улицы комната вскоре наполнилась облаком непроницаемого белого дыма. Окна высасывали это облако наружу, но в эти самые первые секунды я ни черта не видел.

Короткий треск автоматного огня. Звон стреляных гильз, разлетающихся по полу. А потом тишина. Вскоре я услышал стон и звук падения на пол чего-то тяжелого. И тут же опять стрельба.

Два мощных оглушительных хлопка. В дыму я увидел дульные вспышки, но не смог определить направление огня.

В дыму быстро промелькнула какая-то фигура. Я видел лишь ее очертания. Фигура низко склонилась в углу комнаты, выпрямилась, и тут я услышал звон бьющегося стекла и увидел дугу белого дыма, вылетающую из окна. Потом — шаги на лестнице. Тяжелые. Быстрые.

Дым еще немного рассеялся. Я встал и едва не споткнулся о тело агента, лежащего на полу. Того самого, что сунул мне противогаз. Горло у него было взрезано от уха до уха. И его автомат пропал. За ним лицом вниз лежал второй агент. И тут в коридоре я увидел Кейна, стоящего над телом последнего из бойцов, ворвавшихся через окна на третий этаж. Тот, подергиваясь, лежал на ковре. Кейн разрядил в него оставшиеся в магазине патроны. Боец неподвижно замер. Кейн отбросил автомат, выхватил свой нож и бросился ко мне.

Глаза у него были красными и сильно слезились, но он вроде как не обращал на это внимания. Я заметил темное пятно у него на рубашке, по всему животу. В него явно попали еще до того, как он сумел убить первого агента и завладеть его стволом.

И опять-таки это вроде никак не обескуражило его и не замедлило его движений. Ничуть.

Да что это с ним такое?

Нас с Кейном разделяло около десяти футов. Грохот шагов на лестнице становился все громче. Я пятился, пока не уткнулся спиной в стальную дверь комнаты-убежища. Кейн с улыбкой на лице быстро подступал ко мне.

Выдернув из кармана пиджака «Глок», я выстрелил Кейну прямо в грудь. Ствол я подрезал у Холтена в тот самый момент, когда он повернулся ко мне спиной, закрывая входную дверь. Выстрел отбросил Кейна на несколько шагов назад, но каким-то чудом он устоял на ногах. Опустил взгляд на огромную дыру в груди. Голова его опять вздернулась вверх, рот приоткрылся. Отплевываясь пузырящейся на губах кровью, Кейн опять устремился ко мне.

Следующая пуля угодила ему в плечо. На сей раз он даже не остановился.

Восемь футов до меня. Нож по-прежнему у него в руке.

Я все продолжал нажимать на спусковой крючок — снова, снова и снова. То мазал, то попадал ему в живот или в грудь, но этот гад все равно продолжал надвигаться.

Пять футов. Грохот шагов уже в коридоре.

Я прицелился пониже и выстрелил еще дважды. В первый раз промахнулся. Вторая пуля раздробила Кейну колено, и он упал. Начал ползти ко мне, хрипя сквозь кровь.

Три фута, и он взмахнул ножом — лезвие воткнулось мне в ляжку. И в этот последний момент глаза Кейна изменились. Смягчились, расслабились. Почти как если бы какая-то тяжелая ноша свалилась у него с плеч, когда он поднял взгляд на дуло «Глока».

Я последний раз спустил курок — и вышиб из него мозги.

Колени у меня подогнулись, когда резкая боль отдалась во всем теле. На бедре у меня был длинный порез, и я ощутил, как кровь пропитывает мне брюки. Я поплыл. Комната перекосилась. Должно быть, я кучей рухнул на пол. Прямо перед глазами увидел пистолет Холтена. Наверное, я выронил его. Подняв взгляд, увидел самого Холтена, стоящего надо мной. Он тяжело дышал. Потом наклонился, подобрал пистолет.

Не сводя с него глаз, я увидел решение у него на лице. Он выщелкнул магазин, посмотрел на него. Там оставалось еще по меньшей мере два патрона. Я не мог дышать в этой долбаной маске.

Сорвал ее с лица.

— Во вторник, в закусочной… Когда мы встретились за завтраком, прежде чем отправиться на место преступления, — с трудом выговорил я.

Холтен присел на корточки, уставившись на тело Кейна.

— Никогда не думал, что доживу до этого дня, — произнес он. Недоверчиво покачал головой над трупом Кейна. — Таких, как он, больше не было. Его нельзя было ранить. Он не чувствовал боли. Я думал, что он вообще не человек, — продолжал Холтен.

— Закусочная… Ты взял деньги, которые я пересчитал, чтобы заплатить по счету, а потом отдал мне и сказал, что заплатишь сам. После чего взял одну из долларовых бумажек и передал ее Кейну. Ты помог ему подставить меня. Ты всю дорогу ему помогал, — сказал я.

Он встал, повернулся ко мне, и лицо его расплылось в улыбке.

Она была кривой и злобной — эта улыбка. Я уже успел посмотреть фото, которые коп из Чапел-Хилла прислал Харпер. Холтен ничуть не изменился. Я хотел, чтобы он понял, что маска с него сорвана, что больше ему не прятаться под вымышленным именем. Голос у меня преры-

вался, боль была слишком сильна. Но я кое-как ухитрился выговорить:

— Это ведь ты подменил ДНК Ричарда Пены на образец Кейна в Чапел-Хилле. Разве не так, офицер Рассел Макпартленд?

Он защелкнул магазин на место, дослал патрон в ствол и прицелился мне в голову.

Я стиснул зубы. Встретился с ним взглядом.

Тут его тело задергалось, и осколки стекла, оставшиеся торчать из оконной рамы, окрасились красным, после чего Холтен выпал из окна.

В коридоре бок о бок стояли Дилейни и Харпер. Они опустили стволы. Я услышал, как Дилейни вызывает «скорую», и комната вновь погрузилась во тьму. Я попытался открыть глаза, но поймал себя на том, что не могу. Голова казалась жутко тяжелой, я был весь в поту. Показалось, будто я куда-то проваливаюсь — стремительно падаю и никак не могу остановить это падение. Я очень быстро терял сознание.

И прежде чем окончательно вырубиться, ощутил чью-то ладонь у себя на щеке. Я не мог разобрать, что мне говорят. Кто-то барабанил в металлическую дверь. Вроде как Бобби — спрашивал, можно ли уже выходить. Я попытался сказать ему, что все в порядке, что можно. Пы-

тался сказать ему, что утром можно не являться в суд, что дело против него закрыто, но не мог подобрать слов.

Глава 73

За восемь недель, прошедших после перестрелки на Тридцать девятой улице, проявилась полная картина преступлений Долларового Билла. Я был слишком слаб, чтобы встретиться с Дилейни, но она позвонила Гарри и все ему рассказала. Я жил в квартире Гарри, пока выздоравливал, и он-то и поведал мне полную историю.

Кейн был очень продуктивным убийцей, и его ДНК была обнаружена на местах еще трех его преступлений. За неделю до суда бесследно пропал некий Уолли Кук. ДНК Кейна обнаружили на взрезанной шине фургона Кука, стоящего возле его дома. Тело Кука было сожжено, но впоследствии опознано по зубным картам. Он был в списке кандидатов в присяжные для суда над Соломоном. Кроме того, мертвым нашли и Прайора — на пассажирском сиденье его «Астон-Мартина», припаркованного на улице Бобби.

Кейн сбежал из отеля, встретил Прайора, забрал у него одежду, убил его, а потом надел на

него пальто и шляпу, чтобы прикрыть пустую окровавленную глазницу.

И хотя это никогда уже исчерпывающе не доказать, считалось, что Кейн убил присяжных Мануэля Ортегу и Бренду Ковальски.

Дилейни нарыла и больше информации на Холтена, которого на самом деле звали Рассел Макпартленд. Он был с позором уволен из вооруженных сил после целой серии обвинений в сексуальных домогательствах. Ни один из этих эпизодов не был доказан, но это дало его командованию стимул вышибить его ногой под зад за несколько не столь серьезных проступков, за большинство из которых были ответственны его товарищи по службе. После этого Макпартленд устроился на работу в службу безопасности университета в Чапел-Хилле, а вскоре после этого началась череда жестоких изнасилований в кампусе. Как-никак, он был копом, и молодые женщины полностью доверяли ему, когда он подходил к ним. Когда нашли первую жертву Чапелхиллского душителя, все сочли, что насильник решил повысить ставки, но теперь у ФБР несколько иное мнение. Дилейни убеждена, что Кейн вычислил Макпартленда и угрожал выдать его, если тот не будет помогать ему покрывать

его преступления.

Эти двое хорошо сработались. У Макпартленда было охранное прошлое, контакты в полиции. Все ресурсы, в которых нуждался Кейн. И, естественно, тот знал, куда обращаться, когда дело доходило до подмены личных данных. Кейну не просто везло все эти годы — ему помогали.

А потом начались реабилитации. Некоторые посмертные, но большинство нет. Люди, которых осудили за преступления Долларового Билла, были освобождены, и всех их ждал долгий путь к компенсации нанесенного ущерба за неправомерные приговоры. Неважно, сколько денег они получат, — свою жизнь им уже не вернуть назад.

Я лежал на диване у Гарри, смотрел повтор «Кегни и Лейси»[70]. Бобби звонил мне каждый день, желая поблагодарить за спасение своей жизни. Гарри опять-таки был достаточно любезен, чтобы поговорить с ним за меня. И я уже видел интервью Бобби по Си-эн-эн. Он говорил, какое это тяжкое испытание — попасть под суд за преступление, которого не совершал. Рассказывал про свою эпилепсию и как он скрывал ее от киношного мира. И про свою сексуальную ориен-

[70] notes: 70

«Кегни и Лейси» — американский полицейский телесериал, выходивший в эфир на телеканале Си-би-эс с 1981 по 1988 г. (*Прим. пер.*)

тацию. Поведал репортеру, что в вечер убийства Ариэллы и Карла был с другим мужчиной. Тоже актером. Еще одной знаменитостью, живущей во лжи. И как это до сих пор не дает ему покоя, и как он скрывал этот позор от всех — даже от своих адвокатов.

Америка простила Бобби, пусть даже если и не Голливуд.

Я услышал, как открылась входная дверь, и вошел Гарри с коричневым бумажным пакетом в форме бутылки. Пакет он поставил на кофейный столик вместе со стопкой почты, сходил за двумя стаканами и налил нам обоим.

— Что ты там смотришь? — спросил он.

— «Кегни и Лейси», — отозвался я.

— Всегда любил этот сериал, — сказал Гарри.

Отхлебнув бурбона, он поставил стакан на стол.

— Бобби Соломон хочет тебя нанять.

— Для чего?

— Он работает над пилотной серией для «Нетфликса» — про мошенника, который стал адвокатом, — с улыбкой ответил Гарри.

— Ничего из этого не выйдет, — буркнул я.

Заметив, что я смотрю на верхний конверт в стопке почты, Гарри взял его и отложил в сто-

рону.

— Там для меня какие-то бумаги? — спросил я.

Он ничего не ответил. Я все смотрел на коричневый конверт — большой, знакомый.

— Дай мне его, Гарри, — попросил я.

Он вздохнул, подобрал конверт и передал его мне, сказав:

— Тебе совсем не обязательно заниматься этим прямо сейчас.

Я открыл конверт, вытащил из него бумаги и сел. Нога до сих пор жутко болела, но рана понемногу заживала. Док сказал, что еще пара недель, и я смогу обходиться без палочки. Теперь я чувствовал лишь тупую боль. Бумаги, разложенные передо мной на кофейном столике, ранили гораздо больнее. Я вытащил из стаканчика на столе одну из ручек, пролистнул несколько страниц и подписал свое согласие на развод и документ об опеке.

Осушил стакан, впервые за долгое время ощутив, как алкоголь ударил в голову. Гарри вновь наполнил его.

— Я могу поговорить с Кристиной, — предложил он.

— Не надо, — ответил я. — Так для них лучше. Чем дальше они от меня, тем им спокойней.

Именно так и обстоят дела. Тогда, в доме у Бобби, когда Кейн угрожал мне и Харпер, я был почти что рад. Если б я был с Кристиной и Эми, он стал бы угрожать им смертью или чем похуже. Хорошо, что сейчас они далеко от меня.

— Бобби хорошо тебе заплатил. Ты можешь выйти из игры, Эдди. Заняться чем-нибудь другим.

— А что я еще умею? Я сейчас не в лучшей форме, чтобы опять податься в разводилы.

— Я не это имел в виду. Знаешь, выбрать какую-нибудь другую карьеру… Что-нибудь законное.

Сериал прервался на рекламу, и первым прокрутили трейлер документального фильма про Бобби Соломона и Ариэллу Блум. Журналисты доили Бобби на предмет всего, что только возможно, поскольку он до сих пор был крут.

А за этим трейлером последовал еще один анонс — интервью с Руди Карпом. Руди красовался во всех ток-шоу и новостных каналах, уверяя, что победа в деле Соломона — его заслуга. Мне было плевать. Пускай себе пыжится. Не было смысла биться за славу с адвокатом вроде Руди. Я занимался этим делом не ради саморекламы. Это было последнее, в чем я нуждался.

— Пожалуй, я все-таки задержусь в адвокатах

защиты на какое-то время, — сказал я.

— Зачем? Только посмотри, во что это тебе обходится, Эдди. Зачем тебе это?

Я даже не смотрел в тот момент на Гарри, но чувствовал, что он уже знает ответ.

— Потому что я это умею. Потому что должен. Потому что в этом бизнесе всегда будут Арты Прайоры и Руди Карпы. Кто-то же должен делать правильные вещи.

— Но необязательно ты, — заметил Гарри.

— А что, если все так будут говорить? Что, если никто ни за кого не вступится, потому что подумает, что это сделает кто-то другой? Кто-то же должен стоять по эту сторону линии фронта. И если я вдруг упаду, кто-то должен прийти и занять мое место. Все, что от меня требуется, это простоять так долго, как только смогу.

— Что-то ты в последнее время не так уж много стоишь… Харпер хочет с тобой повидаться.

Я позволил установиться молчанию. Потом собрал бумаги, подготовленные адвокатом Кристины, и засунул их обратно в конверт. Мысленно опять вернулся в ту спальню в Мидтауне. Стащил с пальца обручальное кольцо, тоже бросил в конверт. Лучше для них, если у меня не будет семьи. Они слишком хороши для меня. И я слишком

сильно их люблю.

Обручальное кольцо Кристины я держал у себя в бумажнике. Тогда я не знал, что с ним делать. Я мог пройти через развод и согласиться на все, что хотела Кристина, конечно же. Это было бы только к лучшему. К лучшему для них.

Я допил остаток виски в стакане, налил еще и откинулся на спинку дивана.

— И что теперь собираешься делать? — спросил Гарри.

Я вытащил свой телефон, подумал позвонить Кристине. Очень хотелось позвонить ей, но я понятия не имел, что сказать. С другой стороны, я знал, что у меня есть много что сказать Харпер, но подумалось, что, наверное, все это лучше оставить невысказанным.

Я долго смотрел на телефон, прежде чем выбрать строчку в списке контактов и нажать на «вызов».

Благодарности

Большое спасибо, как всегда, Юэну Торникрофту и всему коллективу «Эй-Эм Хиф». Лучшего литагента и пожелать нельзя. Франческа Патак и Бетан Джонс из «Орион букс» уверенной рукой привели этот роман в порядок — спасибо им и всему коллективу издательства, а особенно Йону Вуду — за то, что поверил в эту книгу.

А еще моему партнеру по подкасту Люку Весте — за то, что поддерживал меня в здравом уме, смешил и прочел этот роман. Всем моим друзьям и коллегам. Моя искренняя благодарность всем книготорговцам и читателям, которые поддерживают меня.

А отдельное спасибо — моей жене Трейси, которая всегда мой первый читатель, первое мнение, первая во всем. Потому что она лучше всех.

Стив Кавана
Пятьдесят на пятьдесят

Steve Cavanagh
FIFTY FIFTY
Copyright © Steve Cavanagh 2020

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Январь

Эдди

Есть в английском языке два слова, способные более всех прочих вселить ужас в сердце судебного адвоката. И сейчас эти два слова, поступившие в виде текстового сообщения пару секунд назад, смотрели на меня с экрана моего мобильника.

«ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ».

Присяжные отсутствовали в зале ровно сорок восемь минут.

За сорок восемь минут можно много чего успеть. Можно пообедать. Можно поменять масло в машине. Можно, пожалуй, даже посмотреть эпизод какого-нибудь телесериала.

Но вот чего никак нельзя успеть за сорок восемь минут, так это вынести справедливый и взвешенный вердикт по самому сложному судебному делу об убийстве в истории города Нью-Йорка. Это просто нереально. «Наверное, у присяжных возник какой-то вопрос, — подумал я. — Это не вердикт».

Такого просто не может быть.

На противоположной стороне улицы, на углу

Лафайет, находится кафе «Кортэ» — типа как «Судебное», только на испанско-французский манер. Снаружи оно выглядит довольно соблазнительно. Внутри же — простецкие пластиковые столы и стульчики, кофе и сэндвичи. Обычно на этих стульчиках прохлаждаются три-четыре адвоката. И всегда можно сказать, кто из них ожидает возвращения присяжных. Еда не лезет им в горло. Они не способны усидеть на месте. Такие люди нервируют остальных посетителей, как если бы на их месте сидел какой-нибудь псих с мачете на коленях. Некогда я и сам захаживал туда в ожидании вердикта, но одного только взгляда на другого адвоката, зависшего в томительной неизвестности между адом и раем судебного процесса, вполне достаточно, чтобы кофе в «Кортэ» застрял в глотке. А кофе там приличный.

Так что вместо того, чтобы ерзать на стуле, рискуя протереть штаны, я взял там кофе навынос и отправился прогуляться по площади. Даже сам не знаю, сколько раз мне уже доводилось так вот расхаживать по Фоли-сквер. Мой личный рекорд — три дня. Именно столько времени потребовалось присяжным, чтобы оправдать одного из моих клиентов, и я, блин, едва не проделал подметками канаву в тротуаре. Но на сей раз едва

только успел выйти из «Кортэ» с бумажным стаканом кофе в руке, как получил это сообщение.

Выбросив недопитый стакан в урну, я перешел на противоположную сторону улицы и направился за угол, к зданию уголовного суда Манхэттена, над входными дверями которого на тридцатифутовой высоте развевался на флагштоке звездно-полосатый флаг. Флаг был очень старый. Ветер, дождь и время не по-доброму обошлись с ним. Цвета его потускнели, а сам флаг порвался чуть ли не надвое. Часть звезд распалась и была унесена ветром. Длинные разлохмаченные нити, свисающие с красно-белых полос, почти достигали мостовой. Деньги на его замену обычно находились. Да, времена сейчас тяжелые и становятся только тяжелей, но флаг всегда выглядел как новенький, даже если протекала крыша… Подумалось, что им стоит сохранить этот старый флаг — выгоревшие на солнце краски, разрывы и прорехи почему-то казались уместными в нынешнее время. Я мог лишь догадываться, не испытывают ли и судьи схожие чувства. Когда

на границе детей держат в клетках[71], звезды и полосы для многих утратили свой блеск. Никогда не думал, что моя страна будет настолько разделена и расколота.

На конце флагштока сидел ворон — большая черная птица с длинным клювом и острыми когтями. Первые вороны, вернувшиеся в Нью-Йорк, были замечены еще в 2016 году. Обычно они обитали на севере штата, и никто не знал, почему они вернулись. Вороны устраивали свои гнезда на высоких пилонах мостов и путепроводов, а иногда даже на вышках сотовой связи и опорах ЛЭП, питаясь всякими отходами и мертвечиной, скапливающимися в углах переулков по всему городу.

Когда я проходил под вороном, тот пару раз

---

[71] notes: 71

В числе своих первых шагов на посту президента США в 2021 г. Джо Байден отказался от практики, введенной при Трампе, заключившем соглашения с Мексикой, Гондурасом, Гватемалой и Сальвадором, согласно которым мигранты, пытающиеся попасть в США, должны дожидаться решения миграционной службы в этих странах. Эти соглашения были разорваны, и огромные толпы людей устремились к американской границе, рассчитывая, что добрый и толерантный Байден, в отличие от злого расиста Трампа, примет их с распростертыми объятиями. Итогом стала настоящая гуманитарная катастрофа на американо-мексиканской границе. Силы безопасности не справлялись с наплывом людей, центры временного содержания были переполнены, и наибольшее возмущение по всему миру вызвали кадры зарешеченных камер, битком набитых детьми, которых разлучили с родителями. — *Здесь и далее прим. пер.*

отрывисто каркнул: «Кар-р! Кар-р!» Я так и не понял, приветствие это или предостережение.

Но чем бы это ни было, карканье малость выбило меня из колеи.

Перед тем как взяться за это дело, я не верил в зло. До этого момента в своей жизни мне не раз доводилось иметь дело с мужчинами и женщинами, способными на злые поступки, но я списывал это на чисто человеческие слабости — жадность, похоть, гнев или желание. И некоторые из этих людей были больны. Больны на всю голову. В принципе, можно было сказать, что они не несут ответственности за свои ужасные преступления.

Проходя через пост охраны в вестибюль здания суда, я никак не мог избавиться от подобных мыслей. Они вторглись в мой разум, отравляя его. Каждая такая мысль была словно еще одной каплей крови в стакане прохладной воды. Когда совсем скоро начинаешь видеть все в красном цвете.

Сталкиваясь с убийцами — а доводилось мне сталкиваться с ними не раз и не два, — я почти всегда мог найти какое-то объяснение их поведению. Что-то в их прошлом или в особенностях психики давало ключ к их образу мыслей и преступным поступкам. Я всегда мог включить

голову, применив рациональный подход.

На сей раз какого-то простого объяснения не имелось. Зацепиться было не за что. Рациональный подход был здесь неприменим. Почти что неприменим. В основе этого дела лежало что-то темное. Что-то зловещее.

И я сразу ощутил прикосновение этого зла. Которое нависло над этим судебным делом, как вороны над городом.

Присматриваясь.

Выжидая.

Чтобы в один прекрасный момент резко метнуться вниз и пустить в ход свои длинные когти и острый как бритва клюв. Как что-то мрачное и черное, быстрое и смертоносное.

По-другому это не описать. Иначе никак не скажешь. Да, люди могут быть хорошими. Есть ведь такое явление, как хороший человек. Тот, кто совершает добрые поступки, потому что ему это нравится. Тогда почему же не может существовать и чего-то прямо противоположного? Почему человек не может быть злым просто потому, что ему это нравится? Раньше я не рассуждал об этом с такой точки зрения, но теперь вижу суть. Зло абсолютно реально. Обитает оно в темных закоулках сознания и способно пожирать человека,

словно раковая опухоль.

Погибло уже так много людей… И не исключено, что погибнет еще больше, прежде чем все это закончится. Когда я был ребенком и рос в маленьком холодном доме в Бруклине, моя мама говорила мне, что никаких страшил и подкроватных монстров не существует. Истории, которые я читал в детстве о чудищах и ведьмах, уводящих детей от родителей в лес, она называла просто сказками. Никаких монстров не бывает, говорила мама.

Она ошибалась.

Лифты в здании уголовного суда — старые и жутко медленные. Когда один из них наконец доставил меня на мой этаж, я вышел из кабины, проследовал со всей остальной толпой по коридору в судебный зал и занял свое место за столом защиты рядом со своей клиенткой. После того как публика расселась по местам, двери закрылись. Судья уже расположился за своей кафедрой. Когда присяжные вошли в зал, воцарилась гнетущая тишина.

Документы они уже передали секретарю. Все бумаги были оформлены в совещательной комнате. Моя клиентка попыталась что-то сказать, но я ее не расслышал. Просто не смог. Слишком

уж кровь шумела в ушах.

Я всегда мог неплохо рассудить, к какому решению склонятся присяжные. Был способен заранее предсказать его. И всякий, блин, раз оказывался прав. И всегда знал, прежде чем взяться за какое-то дело, виновен ли мой клиент в том, в чем его обвиняют.

Я много лет был профессиональным мошенником, прежде чем применить эти свои навыки в юридической практике, — естественно, с небольшими поправками. Хотя надуть на пару сотен штук какого-нибудь наркоторговца — это вам не то же самое, что развести присяжных и заставить их вынести нужный тебе вердикт. Ни в чем не повинные люди регулярно оказываются за решеткой, но только не в мою вахту. Я давно уже научился — в барах, закусочных, на улицах — разбираться в людях. У меня это очень хорошо получалось. Так что, перенеся свою деятельность в судебные залы, я всегда еще с самой первой встречи знал, виновен ли мой клиент. И если он или она были виновны, но хотели доказать свою невиновность в суде, я желал им удачи и прощался с ними. Я уже это проходил, и это слишком дорого мне обошлось. Тогда я проигнорировал свое чутье и позволил своему клиенту выйти

сухим из воды. Он был виновен, а я выпустил его на свободу. После чего он едва не убил ни в чем не повинного человека. Поэтому я едва не убил его самого. В некотором роде я все еще расплачиваюсь за ту фатальную ошибку. Не бывает абсолютно непогрешимых людей. Обмануть можно кого угодно.

Даже меня.

Короче говоря, читать клиентов и присяжных как открытую книгу — это я умею. Но это дело не было каким-то обычным. В нем не просматривалось ничего даже отдаленно нормального.

Это был первый вердикт, который я не взялся бы предсказать. Хотя в любом случае не оказался бы слишком далеко от истины. На мой взгляд, вероятности того или иного исхода были примерно равными, так что с одинаковым успехом можно было просто подбросить монетку. Фифти-фифти. Пятьдесят на пятьдесят. Я знал, чего хочу. Теперь я знал, кто убийца. Я просто не знал, увидели ли это присяжные. Я был шорами на глазах у присяжных.

А еще я жутко устал. Я не спал уже несколько недель. С той самой темно-красной ночи.

Секретарь суда встал и обратился к старшине присяжных:

— Итак, оба вердикта вынесены? И вынесены единогласно?

— Да, — последовал ответ. — Единогласно.

Часть I. Сестры. Тремя месяцами ранее

Расшифровка звонка в службу 911

Рег. номер происшествия: 19–269851
5 октября 2018 г.
Время: 23:35:24

Диспетчер: Нью-Йорк, 911. Вам нужна полиция, пожарные или «скорая»?

Вызывающий абонент: Мне нужны полиция и «скорая помощь». Прямо сейчас!

Диспетчер: Какой адрес?

Вызывающий абонент: Франклин-стрит, 152. Пожалуйста, поскорей, она ударила его ножом и теперь поднимается по лестнице!

Диспетчер: В доме кто-то ранен?

Вызывающий абонент: Да, мой отец. О господи, я слышу, как она поднимается по лестнице!

Диспетчер: Полиция и «скорая помощь» уже в пути. Где вы находитесь в доме? И где ваш отец?

Вызывающий абонент: Он на втором этаже. В главной спальне. Там всё в крови. А я… я в ванной. Это моя сестра! Она все еще здесь. Кажется, у нее нож. О господи… [неразборчиво].

Диспетчер: Сохраняйте спокойствие. Вы запер-

ли дверь?

Вызывающий абонент: Да.

Диспетчер: Вы не ранены?

Вызывающий абонент: Нет, не ранена. Но она собирается убить меня. Пожалуйста, пришлите сюда полицию и врача поскорее! Мне нужна помощь. Прошу вас, поспешите!

Диспетчер: Они уже едут. Никуда не выходите. Если можете, упритесь ногами в дверь. Все обойдется. Постарайтесь взять себя в руки, полиция уже в пути. Сохраняйте спокойствие и не шумите. Как вас зовут?

Вызывающий абонент: Александра Авеллино.

Диспетчер: А вашего отца?

Вызывающий абонент: Фрэнк Авеллино. Это моя сестра София — она, видать, окончательно сошла с ума. Она буквально раскромсала его на части… Она [неразборчиво].

Диспетчер: Там ведь у вас не одна ванная комната? В какой конкретно вы находитесь?

Вызывающий абонент: В той, что в главной спальне. Я вроде слышу ее. Она в спальне. О господи…

Диспетчер: Постарайтесь не шуметь. Все с вами будет в порядке. Полиция всего в нескольких кварталах от вас. Оставайтесь на линии.

Вызывающий абонент: [неразборчиво]

Диспетчер: Александра… Александра? Вы еще здесь?

Звонок завершен в 23:37:58

Расшифровка звонка в службу «911»

Номер происшествия: 19–269851
5 октября 2018 г.
Время: 23:36:14

Диспетчер: Нью-Йорк, 911, вам нужна полиция, пожарные или медики?

Вызывающий абонент: Полиция и «скорая». Мой отец умирает! Я на Франклин-стрит, 152. Папа! Папа, пожалуйста, скажи что-нибудь!.. На него напали. Ему нужен врач!

Диспетчер: Как вас зовут?

Вызывающий абонент: София. София Авеллино. Черт, я не знаю, что делать! Здесь столько крови…

Диспетчер: На вашего отца напали? Дома?

Вызывающий абонент: Он в спальне. Это ее рук дело. Это она…[неразборчиво]

Диспетчер: В доме есть еще кто-нибудь? Вы в безопасном месте?

Вызывающий абонент: По-моему, она ушла… Пожалуйста, пришлите сюда кого-нибудь, мне

так страшно! Я не знаю, что делать.

Диспетчер: Ваш отец истекает кровью? Если да, то попробуйте прижать к ране какую-нибудь тряпку или полотенце. И не отпускайте. Полиция появится с минуты на минуту. Я вижу, что из вашего дома поступил еще один звонок…

Вызывающий абонент: Что? Вам еще кто-то позвонил?

Диспетчер: В доме есть кто-нибудь еще?

Вызывающий абонент: О боже! Это Александра! Она в ванной. Я вижу ее тень под дверью. Вот черт! Она прямо здесь! Мне надо уходить. Она убьет меня. Пожалуйста, помогите мне, пожалуйста!.. [кричит]

Звонок завершен в 23:38:09.

Глава 1

Эдди

Терпеть не могу юристов. Большинство из них. Вообще-то почти всех, за редким исключением. Не считая разве что моего наставника, судьи Гарри Форда, и еще пары-тройки таких же древних судебных зубров, которые слоняются по зданию уголовного суда Манхэттена, словно призраки

на собственных похоронах. Прокручивая в свои юные годы всякие хитроумные мошеннические схемы, я знал куда больше законников, чем сейчас. Большинство юристов довольно легко напарить, поскольку они сами народ нечестный.

Никогда не думал, что стану одним из них. На визитке в моем заднем кармане значится: «Эдди Флинн, судебный адвокат».

Если б мой папаня, и сам талантливый аферист, дожил до этого дня, ему было бы стыдно. Я ведь мог стать боксером, или мошенником, или карманником, или даже букмекером. Он смотрел бы на своего сына, адвоката, качал головой и задавался вопросом, в чем же ошибся как родитель.

Главная проблема в том, что адвокаты склонны больше думать о самих себе, чем о своих клиентах. Начинается все с благих намерений: все смотрели «Убить пересмешника», а может, даже и одолели книгу Харпер Ли, и все хотят стать такими, как Аттикус Финч[72]. Чтобы встать горой за маленького человека, вступиться за которого больше некому. В общем, вся эта дави-

[72] notes: 72

Аттикус Финч — главный герой романа американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960): адвокат, представлявший в суде чернокожего парнишку, ложно обвиненного в изнасиловании белой женщины.

до-голиафовская муть. А потом вдруг понимают, что особых денег это не сулит, что все их клиенты виновны и что даже если они напишут речь, достойную Аттикуса Финча, судья пропустит все эти их словеса мимо ушей.

Те, у кого достает ума понять несбыточность подобной мечты, приходят к заключению, что нужно устроиться в какую-нибудь крупную фирму, вкалывать не покладая рук и попытаться пролезть в партнеры[73], пока еще не хватила кондрашка. Другими словами, они понимают, что закон — это бизнес. И у некоторых этот бизнес вполне себе процветает.

Стоя возле дома под номером 16 по Эриксон-плейс, я невольно припомнил, сколько бабла заколачивают маститые адвокаты по уголовным делам. По этому адресу располагается Первый райотдел полиции Нью-Йорка — в смысле, отдел под номером один. Парковочные места перед зданием, обычно предназначенные для патрульных машин, сейчас занимала целая выставка дорогостоящих достижений мирового автопрома, в основном германского. Я насчитал пять «Мерсе-

[73] notes: 73

Партнер — высшая должность в адвокатской и вообще юридической фирме. Партнер, как правило, это еще и один из учредителей фирмы, фактически один из ее хозяев.

десов», девять «БМВ» и один «Лексус».

Внутри явно что-то происходило.

В отдел можно попасть через выкрашенные синей и белой краской двери из красного дерева, с железными заклепками, обрамляющими каждую декоративную филенку. Сразу за ними — пункт охраны, и чуть дальше — стойка дежурного сержанта. Вот там-то я и обнаружил какой-то кипиш, причем в самом разгаре. Детектив в штатском, в желтой рубашке, гневно тыкал пальцем в физиономию сержанта Буковски, в то время как около дюжины адвокатов по другую сторону стойки, в приемной, оживленно грызлись между собой. Приемная здесь не более двадцати футов в длину и десяти в ширину, стены выложены желтоватой плиткой. Когда-то, наверное, эта плитка была девственно-белой, но в семидесятые и восьмидесятые копы курили как паровозы.

Буковски позвонил мне двадцать минут назад. Сказал, что мне нужно срочно гнать сюда. Появилось дело. Крупняк. А значит, с меня билеты на «Никс»[74]. Это у нас с ним такая договоренность. Если за его стойкой вырисовывалось что-нибудь интересное, он сразу звонил мне. Единственная

[74] notes: 74

«*Никс*» («Нью-Йорк Никербокерс») — профессиональный клуб из Национальной баскетбольной лиги, базирующийся в Нью-Йорке.

проблема заключалась в том, что Буковски был не единственным копом в участке, который брал взятки, и, судя по толпе адвокатов, слухи про лакомый кусочек уже успели распространиться по всему городу.

— Буковски… — тихонько позвал я его.

Буковски — это плотный, поросший густым волосом комок мускулов и жира, облаченный в темно-синюю форму полиции Нью-Йорка. В свете потолочных ламп на его лысой макушке блеснул пот, когда он повернулся, подмигнул мне, а затем беззаботно велел детективу убрать палец от своего лица, пригрозив засунуть его куда-то самому этому детективу или его мамаше. Я особо не вслушивался.

— С меня уже хватит, Буковски! У каждого из них ровно одна минута на беседу с подозреваемой! Не больше. После этого она выбирает себе адвоката, и мы сразу приступаем к допросу. Понятно? — процедил детектив в желтой рубашке.

— Что ж, я не против. Это по-честному. Я прослежу за этим. Скройся-ка пока на полчасика — сходи кофейку выпей, что ли… Или позвони своей мамаше — скажи, что я зайду, когда закончится моя смена.

Детектив отступил назад, многозначительно

поглядывая на Буковски, а затем резко крутнулся на каблуках и направился к стальной двери в дальнем конце приемной.

Сержант обратился к толпе адвокатов, стоявших перед ним, словно устроитель подпольной лотереи, объясняющий правила:

— Итак, поступим вот каким образом… Каждый из вас, красавцы, сейчас возьмет талон с номером, и по этим номерам я буду вас вызывать. У каждого ровно одна минута, чтобы уболтать подозреваемую. Кому отказали, тот немедля валит отсюда. Понятно? Это все, что я могу для вас сделать.

Некоторые из адвокатов негодующе воздели руки в воздух, после чего принялись стучать пальцами по своим мобильным телефонам, в то время как другие, не переставая недовольно ворчать, стали проталкиваться к автомату, чтобы получить талон с номером очереди. Талоны вообще-то предназначались для граждан, явившихся подать заявление, а не для адвокатов, жаждущих пообщаться с потенциальным клиентом.

— Какого хрена, Буковски? — возмутился я. — Какой мне смысл покупать тебе билеты на «Никс», если ты обзваниваешь всех адвокатов на Манхэттене?

— Прости, Эдди. Послушай, это дело — просто нечто. Ты явно захочешь вписаться. Сейчас так все это просто детский лепет по сравнению с тем, как это место будет выглядеть утром, когда на улице соберется армия папарацци, желающих зафотать этих девиц, когда мы повезем их в суд для предъявления обвинения.

— Каких еще девиц? В чем вообще суть?

— В полночь группа быстрого реагирования привезла сюда двух красоток. Сестер. Обеим по двадцать с небольшим. Их папаня лежал наверху в спальне, раскромсанный на куски. Сестры вызвали полицию друг на друга. Обе уверяют, что его убила другая. Дело явно обещает быть громким.

Я оглядел приемную, в которой собрались все сливки манхэттенской адвокатуры по уголовным делам — сплошь крупные игроки в тысячедолларовых костюмах, за которыми хвостом держались их подручные. А потом опустил взгляд на свои черно-белые кроссовки «Эйр Джордан Лоу», голубые джинсы и футболку «Эй-Си/Ди-Си» под черным блейзером. Большинство моих клиентов не парились по поводу моего внешнего вида после полуночи. Я заметил, как несколько человек в костюмах принялись подталкивать друг друга

локтями, указывая подбородками в мою сторону. Судя по всему, эта публика не воспринимала меня как конкурента. Но вот чего я не понимал, так это почему они сочли это дело таким уж вкусным.

— Обе сестры утверждают, что это сделала другая… Ну и что? У них есть деньги или еще чего? Что привело всех этих львов на берег реки нынешней ночью?

— Блин, ты что, новости не смотрел? — изумился Буковски.

— Нет, я спал сном праведника.

— Девиц зовут София и Александра Авеллино. Это дочки Фрэнка.

— Так это Фрэнка убили?

Буковски кивнул:

— Я разговаривал с одним из ребят из группы быстрого реагирования. Фрэнка выпотрошили, как рыбу. Буквально кишки выпустили. Парень говорит, что выглядело это не фонтан. А ты же знаешь — эти ребята всякого насмотрелись…

Подразделение быстрого реагирования — это практически тот же полицейский спецназ. Они там и вправду чего только не насмотрелись — от терактов до ограблений банков, от захватов заложников до перестрелок с применением автоматического оружия. И если кто-то из этой

группы говорит, что выглядело увиденное не фонтан, то это и впрямь было нечто кошмарное. Однако вовсе не необычайный уровень насилия, сопровождавший преступление, привлек внимание лучших судебных акул Манхэттена — это были жертва и предполагаемые преступники.

До ноября прошлого года Фрэнк Авеллино был мэром города Нью-Йорка.

— Каковы шансы, что мне достанется это дело, если я буду стоять в самом хвосте очереди?

— Теперь ты уже в самом начале очереди. Кэрол не сумела заполучить клиентку. А тот малый, который сейчас перед тобой, только зря топчется. Сейчас я тебя туда отведу, — сказал Буковски.

— Погоди-ка, так я какой в очереди — третий?

— Кэрол Чиприани подкинула мне штуку, чтобы быть первой, но так и не уболтала клиентку. Ты уж прости, Эдди, мне тоже нужно есть…

— Эй, а мы кто такие, по-вашему? Мелочь пузатая? Что тут вообще происходит? — вопросил один из костюмов.

— Не переживайте, всё по-честному. Он не лезет вне очереди. У вас еще есть шанс, — заверил его Буковски. — Всё в порядке, Эдди. Большинство этих павлинов пришли повидаться с Александрой. А ты встречаешься с Софией.

— Погодите, а мы здесь разве не для того, чтобы пообщаться с обеими сестрами? — поинтересовался один из прикостюмленных адвокатов, и все они дружно загалдели, выражая свое недовольство.

Буковски давно уже был моим человечком в полиции — равно как и с полдюжины других дежурных сержантов, которые сразу же ставили меня в известность в случае крупного ареста, и я тоже не забывал позаботиться о них в ответ. На сей раз полиция Нью-Йорка учуяла запах реально громкого дела, и каждый коп, у которого есть адвокат, набивающий ему карманы, взялся за телефон. Мне уже доводилось такое видеть. Детективы, назначенные на это дело, могли пожаловаться на сержантов, но, пока те не слишком затягивали время предварительного содержания под стражей, ничего не могли с этим поделать. А кроме того, детективы вообще не стали бы жаловаться своему руководству, потому что тогда они просто сдали бы своего коллегу-копа.

Стукачи в полиции Нью-Йорка долго не живут. Кому-то из адвокатов в итоге везет, а те, кто в пролете, в жизни не станут поднимать бучу. В противном случае никто им больше не позвонит. Клиенты тоже обычно не против, поскольку

получают возможность выбрать лучшего из адвокатов. Громкое убийство — это для копов в форме праздник почище Рождества. Как и в случае с большинством всего прочего в нашем городе, малая толика коррупции и немного бабла со стороны помогают подмазать нужные колеса. Добро пожаловать в Нью-Йорк…

— Дай-ка только возьму ключи и сразу же представлю тебя Софии.

— А почему именно Софии? — спросил я.

Буковски перегнулся ко мне через стойку:

— Я тебя знаю. Ты не возьмешься за дело, если клиент пытается отмазаться от совершенного им преступления. Насчет Александры у меня возникли кое-какие сомнения. А вот эта цыпочка, София… Короче, сам увидишь. Каждый день через мои руки проходят от двадцати до тридцати человек, и я не хуже тебя могу распознать, кто из них реально преступник, а кто нет. Она не преступница. Но должен тебя предупредить: лучше не делай с ней никаких резких движений. И ничего ей не передавай — не оставляй ни ручек, ни бумаги.

— И почему же?

— Ну, наш док считает, что она малость того. Хотя нападать на тебя вряд ли станет. Ты будешь

ее адвокатом, это я тебе гарантирую.

Глава 2

Кейт

Кейт Брукс крепко спала, завернувшись в несколько слоев шерстяных одеял и натянув поверх спортивного костюма пижаму от «Тейлор Свифт» и две пары толстых белых носков по колено. Сколько бы она ни возилась со старыми батареями в своей квартирке, никак не могла заставить их нагреться. В рекламном объявлении о сдаче внаем однокомнатная студия подавалась как «люксовое жилое помещение с центральным отоплением». Две батареи в противоположных концах комнаты формально оправдывали такое определение, но в результате каждый вечер перед сном Кейт напяливала на себя все доступные одежки. Когда по-настоящему наступила зима, она уже и не знала, что ей делать.

На мобильнике сработал будильник — забрякал электронный колокол, становясь все громче с каждой секундой. Кейт потянулась к прикроватной тумбочке и дважды шлепнула рукой по экрану, чтобы отключить звук. Потом быстро

засунула руку обратно под одеяло и перевернулась на другой бок, так по-настоящему и не проснувшись.

Телефон забрякал опять.

На сей раз она заставила себя открыть глаза. Звук, доносящийся из телефона, не был похож на сигнал будильника. Тут она сообразила, что звонит ее босс — Теодор Леви. А еще и то, что сбросила его первый звонок.

— Здравствуйте, мистер Леви, — произнесла она хриплым со сна голосом.

— Одевайся. Мне нужно, чтобы ты заскочила в офис и забрала кое-какие документы, а потом встречаемся в Первом райотделе в Трайбеке, — без всяких приветствий распорядился Леви.

— О, конечно. А что нужно забрать?

— Скотт сейчас в офисе, подчищает кое-какие концы, но он требуется мне здесь. Мне нужно, чтобы ты подготовила клиентский договор на имя Александры Авеллино. Привози его сюда. Он понадобится мне в течение сорока пяти минут. И не вздумай опоздать.

С этими словами он повесил трубку.

Кейт откинула одеяло и поднялась с кровати. Такова уж жизнь начинающего юриста. Она проработала в этой области меньше полугода — как

говорится, чернила на ее адвокатской лицензии еще не высохли. Скотт, еще один начинающий адвокат из их фирмы, уже торчал в офисе, и почему, черт возьми, он так и не сумел найти то, что требовалось Леви, Кейт не интересовало. Леви выкрикивал приказы, и люди послушно брали под козырек. И не важно, что наверняка имелся и более простой или быстрый способ что-либо сделать, — пока все носились туда-сюда, как припадочные, Леви был просто счастлив.

Кейт глянула на часы. Ей понадобится такси. От ее квартиры до офиса — где-то двадцать минут езды. Попытавшись прикинуть, сколько времени займет дорога от их фирмы до Первого райотдела полиции, она решила, что наверняка еще минут двадцать.

Времени на душ уже не оставалось. Стащив пижаму и треники, Кейт надела блузку и деловой костюм. Юбка оказалась мятой, но это не имело значения. Когда она натягивала колготки, по правой икре пробежала стрелка. Блин, последняя пара… Ругнувшись, Кейт отправилась на поиски обуви и стукнулась головой об арку, отделявшую кровать от небольшого пространства, в которое ей удалось втиснуть компактный диванчик и стеллаж с книгами, — пространства, сходившего

здесь за гостиную. На лбу осталась небольшая ссадина, которую тут же противно защипало, отчего она резко втянула воздух сквозь зубы.

— Вот же скотство, — буркнула Кейт.

У входной двери квартиры стояла пара адидасовских кроссовок. Она влезла в них, схватила пальто и сумочку и выбежала на улицу.

Двадцать минут спустя Кейт выбралась из такси на Уолл-стрит, попросила водителя немного обождать и бросилась ко входу в здание. Воспользовавшись электронной карточкой-пропуском, чтобы открыть входную дверь, вбежала в вестибюль, где за стеклом регистрационной стойки маячил охранник. Звякнул сигнал лифта. Двери начали открываться, и Кейт уже шагнула к ним, готовая запрыгнуть внутрь; в этот момент из кабины навстречу ей вырвался Скотт с папкой под мышкой, так задев ее плечом, что она развернулась на месте.

— Прости, Кейт, мне нужно спешить. Секретарша Леви все еще распечатывает клиентский договор. У меня уже не было времени забрать его — Леви хочет, чтобы я немедленно приехал в райотдел.

— Подожди, я буду ровно через две минуты. У меня там такси ждет на улице, — сказала она.

Скотт кивнул, повернулся и побежал к входной двери.

Кейт ткнула в кнопку двадцать пятого этажа и успела нажать ее еще двадцать пять раз, отсчитывая каждый этаж по мере подъема кабины. Секретарша Леви, Морин, уже вынимала из принтера отпечатанные страницы. Убрав их в папку, она протянула ее Кейт.

— Это клиентский договор?

Морин кивнула. Страницы были еще теплыми после принтера.

Почему Скотт не мог немного подождать и взять его с собой?

Кейт уже давно отказалась от попыток отвечать на подобные вопросы. В том мире, в котором существуют крупные юридические фирмы, могут не моргнув глазом нанять хоть двадцать адвокатов и полсотни нелицензированных помощников, если это сулит преимущество над оппонентом. Ее отправили за договором, потому что ее *могли* отправить за договором. Кейт вернулась в лифт, выбрала первый этаж и вдавила средним пальцем кнопку закрывания дверей. Одними губами шепча: «Ну давай же, давай!», проследила, как они неспешно закрываются.

Не успели еще двери лифта полностью от-

крыться на первом этаже, как Кейт выскочила в вестибюль. Охранник при ее появлении встал и своим пропуском открыл входную дверь, после чего схватился за ручку и распахнул ее перед ней. Выдохнув «Спасибо!», Кейт выбежала на холодный воздух.

И остановилась как вкопанная.

Ее такси уехало.

Скотт…

«Вот же сволочь…»

Она в отчаянии оглядела улицу — ни одного такси, — после чего открыла приложение «Убер» на своем телефоне. Ее отец терпеть не мог, когда она пользовалась «Убером», и много раз предостерегал ее от этого. Приложение сообщало, что свободная машина находится в двух кварталах от нее.

Уберовское такси подъехало буквально через несколько секунд, и Кейт забралась на заднее сиденье. Это был старый «Форд» цвета синий металлик, в салоне ощутимо воняло псиной. Было слишком темно, чтобы как следует разглядеть водителя, но она поняла, что он светловолосый, худой и с татуировками на обеих руках.

«Ну и гадина же этот Скотт!»

Скотт получил должность младшего юриста

через четыре месяца после Кейт. Фирма «Леви, Бернард и Грофф» предоставляла полный спектр юридических услуг, а это означало, что здесь могли спрятать ваши миллионы, чтобы вы не платили налоговому управлению, лишить вашего супруга или супругу возможности расторгнуть брак и предоставить вам возможность подать в суд на любого, кто пришелся вам не по вкусу — причем по абсолютно любой высосанной из пальца причине; а если дело действительно пахло жареным, то здесь имелся Теодор Леви — мастер судебной тяжбы и адвокат по уголовным делам. Кейт успела поработать в нескольких отделах и в конце концов остановилась на уголовном. У нее обнаружился талант к этой сфере. И это было заметно. Команда Леви насчитывала больше десятка адвокатов, но к своим собственным делам он предпочитал более тесно привлекать как раз новых младших сотрудников, чтобы не вносить путаницу в расчеты почасовой оплаты более опытных юристов.

Кейт заметила, что Леви особенно нравилось находиться рядом с молоденькими сотрудницами.

Скотт пришел в отдел уголовного права месяц назад и сразу же отлично поладил с начальни-

ком, став у Леви чуть ли не любимчиком. Кейт совершенно ясно это видела. Она была с Леви всего на одном деловом обеде, а ведь до появления Скотта успела проработать в отделе целых два месяца. За четыре последующих месяца Скотт успел уже четырежды отобедать с Леви. В то время как их босс был человеком низеньким, приземистым и малость смахивал на жабу, Скотт был высоким и худым, как жердь, а его скулами вполне можно было бы отбивать мясо. Довершала угловатую наружность младшего адвоката пара темно-синих глаз, которые словно каким-то непостижимым образом подсвечивались изнутри — как будто за каждым из них ярко горела маленькая лампочка.

И вот теперь он перехватил у нее такси… Кейт дала себе обещание как следует поговорить с ним, как только они окажутся наедине.

Водитель всю дорогу молчал. Вскоре она вышла из машины и направилась к зданию отдела полиции.

Внутри ее ждал натуральный цирк. Здесь толклась целая толпа адвокатов из ведущих фирм Манхэттена, и все чего-то ждали.

Наконец Кейт заметила Леви и Скотта, которые сидели на алюминиевой скамье в дальнем кон-

це помещения, увлеченные разговором. Чтобы попасть туда, ей пришлось протиснуться мимо дюжины других юристов, набившихся в тесную приемную. Некоторые лица были ей знакомы — одних она видела по телевизору, других узнала по рекламным роликам или фотографиям в журнале «АБА»[75]. Все это были люди, постоянно купающиеся в сиянии фотовспышек на всяких мероприятиях нью-йоркской коллегии адвокатов. Всем за сорок. Все белые. Все богатые. Все мужчины.

И все смотрят на нее как на пустое место.

— Простите, — пробормотала Кейт, пытаясь пробраться сквозь толпу. Некоторые из собравшихся были увлечены групповой беседой. Гольф… Все богатые белые адвокаты просто-таки обожают гольф. Другие о чем-то спорили, а третьи приникли к своим телефонам. Никто не смотрел ей в глаза. Она низко опустила голову и осторожно двинулась вперед, тихонько лепеча извинения. В самом центре толпы, где все уже терлись плечами, чьи-то руки мягко скользнули по ее пояснице, и когда она отдернулась, эти руки сразу же убрались, но Кейт почувствовала,

---

[75] notes: 75

«*АБА*» (*англ.* «ABA Journal») — американский журнал юридической направленности, существующий уже более 100 лет.

как еще чья-то рука коснулась ее спины, а потом чьи-то пальцы сжали сначала верхнюю часть ее бедра, а затем и ягодицу.

Кейт закашлялась, подтолкнув стоящего впереди седовласого адвоката намного сильнее, чем тот ожидал, и наконец вновь оказалась на более или менее свободном пространстве, услышав за спиной взрыв смеха. Двое или трое мужчин склонили друг к другу головы, явно обмениваясь какими-то шуточками. Вероятно, как раз кто-то из них и ущипнул ее за задницу, и теперь они смеялись над этим. Ни Леви, ни Скотт не подняли глаз. Кейт повернулась, и лицо у нее вспыхнуло, когда она оглядела толпу. Седовласый адвокат вернулся на свое место, закрыв свободное пространство, оставленное ею в толпе. Невозможно было сказать, кто конкретно ее лапал. Лицо и шея у Кейт покраснели от смущения. Однако выражать протест не приходилось — ее восприняли бы как скандалистку.

Позади она услышала недовольный и чуть ли не плаксивый голос Леви:

— Кэти, где, черт побери, тебя носило? Скотт добрался сюда уже десять минут назад!

Кейт прикрыла глаза. А потом открыла их и попыталась настроиться на деловой лад. Ночь

обещала оказаться тяжелой. Ей не хотелось сорваться прямо на глазах у Леви. Он лишь посоветовал бы ей не распускаться и начал бы ныть, что она поставила его в неловкое положение. Она решила плюнуть на происшедшее. Чтобы иметь дело с Леви, ей понадобится все ее самообладание. Только двое мужчин называли ее Кэти. Один из них приходился ей отцом, а другой — Леви. И насколько она любила, когда отец называл ее этим уменьшительным именем, настолько же терпеть не могла то, как произносил его Леви.

Отступив на шаг, Кейт повернулась лицом к своему боссу. Забрав у нее папку с документами, он сухо произнес:

— Это очень важное дело для нас. Для фирмы. Нам надо кровь из носу заполучить эту клиентку. Мне нужно, чтобы ты была в отличной форме, это понятно?

Кейт кивнула.

— Я в полном порядке. А что за дело?

У Леви отвисла челюсть, оставшись в таком положении на несколько секунд — он будто поджидал, когда мимо пролетит какое-нибудь насекомое, чтобы в этот момент, словно хамелеон, выстрелить перед собой своим рептильим языком, перехватить его в воздухе и втянуть в

свой розовый рот.

— Погиб бывший мэр Нью-Йорка, Фрэнк Авеллино. Убит в собственной спальне, его ударили ножом… Сколько там раз, Скотт?

— Пятьдесят три раза, — быстро ответил тот.

— Пятьдесят три удара ножом, моя дорогая. И мы собираемся представлять интересы его старшей дочери. На месте преступления задержаны обе его дочери, и каждая из них обвиняет в убийстве другую. Одна из них *лжет*, и наша задача — доказать, что это не наша клиентка. Понятно?

В словах Леви явственно слышались покровительственные нотки, но Кейт проигнорировала этот тон.

Это «моя дорогая» прозвучало явно не поджентльменски. Она уже привыкла к большей части дерьма, с которым ей приходилось мириться, но «моя дорогая» или «моя юная леди» все еще заставляли ее сжимать зубы. Кейт подавила гнев, поскольку это был тот момент, которого она ждала с тех самых пор, как пришла в фирму. Со всяким жлобьем в барах и повседневным уличным сексизмом ей удавалось справляться без особого труда. Но вот когда речь шла о мужчинах, от которых зависела ее карьера, все было совсем по-другому. Она знала, что так быть не должно,

что это неправильно, но сочла за лучшее держать язык за зубами и не высовываться. По крайней мере, на данный момент. У них была вся власть. Вздумай она протестовать и жаловаться, то, по мнению Кейт, ее бы мигом уволили — ее карьера закончилась бы, даже не успев толком начаться.

Вот уже несколько месяцев Кейт составляла выписки по прошлым судебным делам, развлекала разговорами клиентов и раздавала канапе на вечеринках фирмы. И вот теперь наконец могла заняться делом. Настоящим, громким делом об убийстве. Чувствуя возбужденное трепыхание в животе, она одернула пиджак, облизнула пересохшие губы и прочистила горло. Кейт хотела быть готовой к этому. Она чувствовала, что готова.

— Я поняла, — последовал ее ответ.

Леви оглядел ее с ног до головы.

— Что это на тебе надето? Это что — кроссовки?

Кейт открыла было рот, чтобы ответить, но не успела.

— Леви! Ваша очередь! — послышался чей-то голос. Это был полицейский, высунувшийся из-за приоткрытой стальной двери.

— Уже иду! — отозвался Леви, после чего встал

и поддернул брюки, которые регулярно спадали с его округлого живота. Причем не важно, был на нем ремень или подтяжки — подтягивание штанов, похоже, уже давно вошло у Леви в привычку.

Кейт увидела, как из-за стальной двери вышла небольшая группа адвокатов — судя по всему, только что пообщавшихся с потенциальной клиенткой. Головы у них были опущены, вид унылый. Леви явно получит это дело. Кем бы ни была клиентка. Это не имеет значения. Это всегда было его сильной стороной. Леви умел ладить с клиентами. Быстро привлекал их на свою сторону. Просто пиар-машина с адвокатской лицензией. Они обязательно выиграют это дело, и Кейт с самого начала должна находиться в самом центре защиты. Она едва подавила дурацкую улыбку, готовую расцвести у нее на губах — просто от волнения и нервов.

— Ладно, пошли, — бросил Леви.

Скотт кивнул Кейт. Кейт ответила тем же. Они втроем вместе шагнули к двери. Но тут прямо перед лицом у Кейт возникла картонная папка. Она едва успела выставить руки, когда папка опустилась и хлопнула ее по груди, остановив на полпути к двери. Кейт обеими руками под-

хватила ее.

— В этом досье Скотта есть кое-что, что клиентка и полиция Нью-Йорка не должны видеть, — бросил Леви. — Убери его в сейф для документов в багажнике моей машины. Она припаркована снаружи. Золотистая «БМВ».

Перед лицом у нее болталась связка ключей. Кейт взяла их и судорожно сглотнула, ощутив першение в горле. Как будто наглоталась песку.

— Мы скоро. Ты можешь использовать это время, чтобы подумать о том, почему так поздно приехала. Когда мы закончим, я могу подбросить тебя домой, — добавил Леви.

И с этими словами Скотт и Леви направились к открытой стальной двери. Кейт замерла, не в силах двинуться с места.

— Не бери в голову, детка. У тебя самая важная работа. Ты можешь присмотреть за «бэхой» Леви, — послышался голос у нее за спиной. Кто-то из конкурирующих адвокатов.

Этого оказалось достаточно, чтобы вся группа разразилась громким хохотом, раскатившимся по всей приемной.

Кейт мучительно покраснела, после чего бочком протолкалась мимо группы, не решаясь вновь влезать в самую гущу, и направилась к

выходу.

Чувствуя, как противное жжение переползает с лица на шею, она припомнила последние слова Леви. Когда он закончит, то предложит подвезти ее домой. А значит, может предпринять еще одну неуклюжую попытку подкатить к ней.

Дробно стуча подошвами кроссовок, Кейт выбежала через входную дверь на улицу.

Глава 3

Она

Когда ее привезли в Первый райотдел, дежурный сержант оглядел ее с ног до головы, объяснил ее права, а затем рассказал, как будут дальше развиваться события.

— Ваши личные вещи будут изъяты в качестве вещественного доказательства. Включая одежду и нижнее белье. Две женщины-полицейские сопроводят вас в отдельную комнату, где все это будет происходить. Одежду на смену вам выдадут. Детективы, расследующие это дело, хотят взять у вас образец ДНК, слепок с зубов и состричь вам ногти. Просто подчинитесь. Не сопротивляйтесь. Это только навредит вам. Жен-

щины-полицейские также сфотографируют вас и снимут отпечатки пальцев. Затем вас отведут в допросную, где к вам придут детективы и зададут несколько вопросов. Вам что-нибудь из этого непонятно?

Она покачала головой.

— У вас уже есть адвокат?

Она опять покачала головой. Не произнеся ни слова.

— Что ж, к тому времени, как вас отсюда увезут, он у вас будет, — заключил сержант.

Полицейский был прав. Все произошло именно так, как он и сказал. Она молча разделась перед двумя женщинами в полицейской форме и отдала им свою окровавленную одежду, которую они сложили в большие прозрачные пластиковые пакеты, выдав взамен нижнее белье и оранжевый комбинезон. Когда она оделась, они убрали срезанные кончики ее ногтей в маленький пакетик и провели ватной палочкой по внутренней стороне рта, после чего на языке остался неприятный привкус.

Затем ее отвели в комнату для допросов и оставили одну. В одной из стен допросной было зеркало, и она догадалась, что кто-то наблюдает за ней из-за него.

Упершись локтями в колени, она наклонилась вперед, опустив голову и не сводя взгляда с белых резиновых тапок, которые ей выдали. Некоторое время посидела так, неподвижная и молчаливая.

Она не проронила ни слова с тех самых пор, как полиция задержала ее на Франклин-стрит. Услышав, как кто-то из копов произнес слово «шок», решила этим воспользоваться.

Она не была в шоке.

Она размышляла.

И слушала.

Стальной стол перед ней был весь в каких-то вмятинах и царапинах. И очень хотелось протянуть руку и провести пальцами по этим неровным линиям, понюхать стол, прикоснуться к нему и ощупать его.

Это навязчивое желание зародилось у нее еще в детстве. Еще один повод для раздражения для матери, которая всегда шлепала ее, застукав за тем, как она трогает и нюхает всякие предметы вокруг. *Она* могла целый час провозиться так с каким-нибудь листочком, камешком, ягодкой. Запахи и ощущения были почти ошеломляющими, и тут вдруг мать — шлеп! «Не трогай! Хватит уже все лапать, паршивая ты девчонка!»

Наслаждение от прикосновения стало для нее

чем-то таким, что приходилось держать в секрете. Скрыть это непреодолимое побуждение помогала музыка. Когда *она* влюблялась в какую-нибудь песню, то видела цвета и очертания, и музыка становилась для нее чем-то более реальным и осязаемым, что помогало держать руки в узде.

И одна из таких песен по-прежнему звучала у нее в голове. Та самая, которую она слушала, входя этим вечером в дом своего отца на Франклин-стрит, 152. Это была любимая песня ее матери — «Она» в исполнении Шарля Азнавура. В то время как сама *она* всегда предпочитала кавер-версию этой песни от Элвиса Костелло. Эта песня беспрестанно крутилась у нее в голове, звучала громко и ярко, заглушая все остальные мысли. Сидя в маленькой, вонючей допросной, *она* одними губами пропела несколько слов, пока эта песня звучала только для нее.

«Она — лицо, что не забыть…»

Пока звучала музыка, образы в голове у нее сменяли друг друга. Галстук ее отца… Узел, все еще туго затянутый у него на шее… Поблескивающая белая кость у него в груди… И все эти чудесные искорки света на лезвии ножа, когда она выдернула его из отцовской груди, вскинула над головой и стала вонзать в живот, шею, в лицо,

в глаза — раз за разом, раз за разом…

«Она».

Все это было заранее спланировано. Конечно, *она* фантазировала об этом уже много лет. Как здорово было бы не просто убить его, а растерзать на куски. Уничтожить его тело. Опустошить его. И ей пришла в голову мысль, что все остальные убийства были всего лишь репетицией этого главного действа.

Тренировкой.

Поначалу смотреть, как угасает свет в глазах у жертвы, было очень захватывающе. Словно наблюдать за неким превращением. От жизни к смерти. Причем от ее собственной руки. И никаких угрызений совести. Никакого чувства вины.

Ее мать выбила это из нее и ее сестры еще в юном возрасте. Мать была блестящей шахматисткой и хотела, чтобы ее дочери превзошли ее. В свои молодые годы она видела, на что способны за шахматной доской сестры Полгар[76], и хотела, чтобы ее дочери тоже преуспели в этом деле, поэтому очень рано начала обучать их шахматам.

---

[76] notes: 76

Все три сестры Полгар (Сьюзен, София и Юдит) добились небывалых успехов в шахматах под руководством своего отца, венгра Ласло Полгара (р. 1946), поставившего своей целью доказать, что талант — это не нечто врожденное, а то, что можно развить благодаря правильному воспитанию.

С четырехлетнего возраста *ее* заставляли сидеть в комнате перед доской и передвигать фигуры — под присмотром матери, растолковывающей ей классические приемы и стратегии, победа в которых закладывалась еще в миттельшпиле. Тренировались они буквально часами. Каждый день. Обе сестры по отдельности. Мать никогда не разрешала им играть друг с другом, даже в порядке тренировки. Тренировки проходили только с матерью. И мать никогда не позволяла обеим есть перед дневной тренировкой. Никакого тебе обеда — тарелка хлопьев или фруктов, съеденная на завтрак, оставалась далеким воспоминанием. *Она* часами сидела в маленькой комнате с матерью — растерянная, испуганная и голодная.

Если мать замечала ошибку в стратегии или когда *она* слишком долго держала какую-нибудь фигуру на весу, ощупывая углубления на полированном дереве или пытаясь уловить ее запах, то хватала ее за эту провинившуюся пухлую ручонку, пытающуюся сделать ход, поднимала повыше и кусала за один из пальцев. *Она* все еще могла представить это сейчас, словно наяву. Когда мать хватала ее за запястье, у нее возникало чувство, будто рука угодила в какой-то страшный бездушный механизм, медленно затягивающий ее во

что-то вроде циркулярной пилы. Только это был не бешено крутящийся зубчатый диск — вместо него она видела, как ее мать раздвигает свои ярко-красные губы, обнажая два ряда идеально белых зубов. Пальцы у *нее* начинали дрожать, и сразу же — хвать!

Укус причинял боль. Но это наказание не ставило своей целью пустить кровь. Целью его было напугать, привести в смятение. Убедиться, что подобная ошибка больше не повторится. И *ей* оставалось лишь гадать, уж не все ли матери на свете такие, как у нее, — холодные, бесчувственные женщины с острыми зубами.

Играя в шахматы, *она* всегда терзалась от голода. Мать говорила, что голод помогает мозгу оставаться творческим, живым. И всякий раз при виде того, как эти зубы тянутся к ее мизинцу, ощущала тошноту и голод в ожидании боли, которое всегда было даже страшней, чем сам укус.

Она многому научилась на собственных ошибках.

Ей припомнилось выражение лица ее дорогой сестры в тот день, когда мать упала с лестницы. Сестра все плакала и плакала, пока наконец домой не вернулся отец. Но сестра так и не оправилась от случившегося. Это заставило *ее*

задуматься о том, что хоть мать кусала и била их обеих, заставляя каждый день часами играть в шахматы и читать о них, в той все равно оставалась какая-то часть, по которой ее сестра будет скучать. Некая связь, которая теперь была разорвана навсегда.

Даже сейчас, спустя многие годы, *она* все еще слышала крики своей сестры, когда та увидела тело матери. Сестра стояла у подножия лестницы с этим своим дурацким плюшевым зайчиком в руке, плотно сжав колени, и на ее бордовых колготках расплывалось темное пятно, распространяясь от промежности вниз по обеим ногам. Вскоре рыдания стали такими сильными, что у сестры перехватило дыхание — до того это был панический, судорожный, отрывистый плач.

Теперь укусы, побои и слезы остались лишь в памяти. Как та неотъемлемая часть ее, что помогла ей стать тем совершенным созданием, которое *она* представляла собой сегодня.

* * *

Сегодняшний вечер прошел просто идеально. Все выглядело беспорядочно, грязно, неистово, и тело дорогого папочки осталось лежать там, где упало. Убийство, совершенное окончательно

обезумевшим маньяком.

Вот на что это было похоже. Именно так *она* и хотела, чтобы это выглядело. По правде говоря, ей это понравилось. Она всегда контролировала свои убийства, и исполнение задуманного приносило ей удовлетворение, хотя ничто не шло ни в какое сравнение с тем самым первым разом. Разве что сегодняшний вечер. Она и вправду позабыла обо всем на свете. Те порывы, которые до той поры сдерживались силой воли и лекарствами, — все это выплеснулось на дорогого папочку. Казалось, что у нее в голове сорвало какой-то предохранительный клапан, не выдержавший навалившегося на него давления — облегчение было полным и чудодейственным.

До этого правоохранительные органы никогда не связывали ее ни с какими преступлениями. И вот теперь *она* сидит в отделе полиции, ожидая, когда ей предъявят официальное обвинение в убийстве, которое она совершила.

Она оказалась именно там, где и хотела оказаться.

Там, где и *планировала* оказаться.

Глава 4

Эдди

Буковски повел меня по коридору, выложенному такой же пожелтевшей от никотина плиткой, как и в приемной. Услышав, как кто-то из копов вызывает следующую команду адвокатов для собеседования с потенциальной клиенткой, я замедлил шаг — хотелось посмотреть, кто это.

За высоким патрульным в форме вслед за нами поспешали Теодор Леви и какой-то молодой светловолосый парень. Мне иногда доводилось сталкиваться с Леви в судебных коридорах на Сентер-стрит, но мы никогда не вели какого-либо дела вместе. Хоть и тоже адвокат защиты, Леви плавал поглубже меня, работая на преступников в белых воротничках, готовых выложить за его услуги целое состояние. Он знал, что это дело обязательно попадет в газетные заголовки, и ему время от времени требовались подобные судебные процессы, чтобы поднять свой авторитет. Когда в течение шести месяцев твоя физиономия регулярно светится на первых полосах газет, обычно это означает существенное увеличение

объема работы и возможность прибавить к своей почасовой ставке на следующий год еще процентов двадцать.

Я продолжал идти, но позволил Леви догнать меня. В конце коридора Буковски свернул направо, и мы поднялись на два лестничных пролета. Еще пару лет назад на этом этаже располагались четыре камеры предварительного заключения, но не так давно полиция Нью-Йорка полностью распотрошила их, чтобы освободить место для рабочих кабинетов. Железные двери весом в шестьсот сорок фунтов каждая были вырваны с мясом, после чего бесследно исчезли. Бог его знает, чьими усилиями — подрядчиков или самих копов. Но кто-то явно неплохо заработал на металлоломе, и уж точно не городская казна. Теперь, помимо дополнительных офисных помещений для отдела уголовного розыска, в здании появилось пять новых комнат для допросов.

На данный момент заняты были только две. Об этом можно было судить по надписям, сделанным маркером на белых досках, приделанных к дверям, прямо под небольшими смотровыми окошками. Подавив желание хоть одним глазком глянуть на свою клиентку, я дождался Леви.

— Эдди Флинн, насколько я понимаю? Я Теодор

Леви, — представился он, протягивая руку.

Мы обменялись рукопожатиями, после чего Леви засунул большие пальцы за пояс и натянул брюки обратно на живот. Его черные волосы были коротко пострижены, а два внимательных глаза за толстыми линзами очков в черной оправе оглядывали меня с ног до головы, словно у гробовщика, снимающего с меня мерку для гроба.

— Рад познакомиться, — сказал я.

— У вас что, сегодня в офисе день без галстуков? — поинтересовался он.

— Перед судебным слушанием я переоденусь. Мои клиенты нанимают меня не из-за моего гардероба.

— Аналогично. Вы тут по поводу второй сестры? — продолжал он. — Тогда желаю удачи.

— Мне нужна удача?.. Похоже, вы знаете нечто такое, чего не знаю я. Что-то я не пойму, с чего это половина манхэттенской адвокатуры заявилась на прослушивание к этой вашей дамочке. Не желаете просветить меня, почему большинство из них предпочитают одну сестру другой?

— Если вы не в курсе, то у Софии есть кое-какие проблемы. Всегда были. Любой, кто знал Фрэнка Авеллино, вам это скажет. Это общеизвестно.

Александра была его любимицей. Она — не последняя фигура на Манхэттене, и это практически беспроигрышный вариант. А вот София — паршивая овца в семье, да и с головой у нее не всё в порядке. Тут может быть только один исход. Думаю, что лучший вариант для вас — уболтать Софию на досудебную сделку с признанием вины. Это сэкономит всем нам кучу времени.

— Я еще не разговаривал с Софией. Посмотрим, как все будет складываться.

— Ладно, удачи, — бросил Леви, увлекая за собой своего помощника, симпатичного малого с пачкой бумаг в руках, и взмахом руки подзывая к себе высокого полицейского, который открыл дверь допросной и отступил в сторону. Я шагнул ближе, чтобы глянуть на Александру Авеллино.

Даже сидя за столом в допросной, та казалась стройной и высокой. Светлые волосы явно крашеные, понял я, хотя покраска качественная. Глаза у нее покраснели, а помада поблекла. В остальном же Александра выглядела здоровой и подтянутой, с кожей молочного, миндального оттенка. Учитывая обстоятельства, смотрелась она на все сто. В выражении ее лица чувствовалась уверенность. Это была женщина, явно способная постоять за себя и за других. Когда дверь откры-

лась, я ощутил легкий аромат духов.

Высокий полицейский закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Ладно, Эдди, а вот и София, — поторопил меня Буковски, вставляя ключ в замок и открывая дверь.

Я вошел во вторую допросную.

София Авеллино оказалась чуть пониже своей сестры, хотя и ненамного, а ее темные волосы резко контрастировали с белым как мел лицом. А вот глаза у сестер оказались совершенно одинаковыми, явно отцовскими — узкими, но яркими и проницательными. Она не улыбалась. Губы у нее были тоньше, чем у сестры, и нос тоже. Сестры выглядели полными ровесницами, хотя мне припомнилось, что дочери Фрэнка вроде как родились с разницей примерно в год. Сам не знаю, откуда у меня взялись такие сведения — хотя, скорее всего, я видел их обеих или кого-то из них в каком-нибудь журнале или новостной статье.

София с подозрением посмотрела на меня, но ничего не сказала. Напротив нее сидел какой-то незнакомый мне адвокат — на вид такой же богатый и успешный, как и все остальные. Собрав свои бумаги, он бросил с досадой:

— Вы совершаете большую ошибку, не наняв

меня! — после чего выбежал вон.

Я не обратил на него внимания, сосредоточившись на сидящей передо мной молодой женщине.

— Здравствуйте, София, меня зовут Эдди Флинн. Я адвокат защиты. Сержант Буковски сказал мне, что у вас нет адвоката. Я хотел бы немного поговорить с вами и посмотреть, не могу ли я чем-нибудь вам помочь. Вы не против?

Немного поколебавшись, она кивнула, принявшись чертить пальцами воображаемые линии и круги на столе. Подойдя ближе, я увидел, что София проводит пальцами по вмятинам и царапинам, исследуя текстуру, — нервная реакция, в чем-то даже детская. Тут она вроде как спохватилась и спрятала руки под стол.

Я уселся напротив нее, расслабленно положив перед собой раскрытые ладони — приглашение к разговору на «языке тела».

— Вы знаете, почему здесь оказались? — начал я.

Сглотнув, София кивнула и ответила:

— Мой отец мертв. Его убила моя сестра. Она говорит, что это сделала я, но клянусь вам — я этого не делала! Просто не смогла бы. Лживая сука, убийца!

Ее руки взлетели в воздух и резко опустились, хлопнув по столу и словно поставив точку после слова «убийца».

— Ладно, я понимаю, это звучит глупо, но мне нужно, чтобы вы сохраняли спокойствие. Я здесь для того, чтобы помочь вам, если смогу.

— Сержант Буковски сказал, что мне надо поговорить со всеми этими адвокатами, но ни в коем случае не принимать окончательное решение, пока не поговорю с вами. Я уже и не знаю, что мне надо делать, а чего не надо…

София покачала головой, и на глаза у нее навернулись слезы — глаза, которые оказались гораздо более зелеными, чем мне поначалу показалось. Отведя взгляд, она проглотила всхлип, мышцы шеи у нее напряглись, и вместо того чтобы разрыдаться, она сделала глубокий вдох. А потом, закрыв глаза и позволив слезам упасть на пол, произнесла:

— Простите… Я все никак не могу поверить, что его больше нет. Не могу поверить в то, что она с ним сделала.

Я только лишь кивнул, ничего не ответив, а она подтянула колени к груди, обхватила их руками и наконец расплакалась, тихонько раскачиваясь взад и вперед.

— Очень вам сочувствую. Правда сочувствую, — наконец произнес я. — Но правда еще и в том, что вы оказались в наихудшей ситуации из всех возможных. На вас насели копы, а наверняка и на вашу сестру тоже. Одной из вас или вам обеим может быть предъявлено обвинение в убийстве. Возможно, я смогу вам помочь. Или нет. Пока что мне нужно знать только одно. Мне нужна твердая уверенность в том, что это не вы убили своего отца.

София слушала меня сквозь слезы. А потом вытерла лицо бумажной салфеткой, шмыгнула носом и вроде немного взяла себя в руки, настраиваясь на предстоящий разговор. Если она и притворялась, то это у нее просто отлично выходило. Хотя я не видел за столом напротив себя никакой актрисы. Я видел перед собой терзающуюся, страдающую молодую женщину. Это было по-настоящему. Это было правдой. Но вот чем были вызваны эти ее терзания — смертью отца, или же страхом, что ее могут уличить в убийстве, или еще какой-то причиной, — было пока не совсем ясно.

— Почему вы меня об этом спрашиваете? Другие адвокаты не спрашивали у меня, виновна ли я в убийстве. Вы мне не верите?

— Я задаю этот самый вопрос абсолютно всем своим клиентам. За тех, кого считаю невиновными, я борюсь до последнего. Если люди уверяют меня, что чего-то не делали, и лгут при этом, я обычно могу это распознать, и тогда наши дорожки расходятся. Если они поднимают руки и признаются, что виновны, я помогаю им рассказать свою историю суду — чтобы судья сумел понять, почему они это сделали и какая мера милосердия или смягчения наказания в данном случае может быть уместна. Я не защищаю убийц, которые просто хотят выйти сухими из воды. Это не в моих принципах.

Она глянула на меня как-то по-новому, как будто я снял некий камуфляж и теперь она видела перед собой реального человека.

— Мне нравится, что вы меня об этом спросили, — наконец сказала она. — Я хочу, чтобы вы были моим адвокатом. Я не убивала своего отца. Это всё Александра. Это ее рук дело.

Я не торопил события, внимательно наблюдая за ней, пока она произносила эти слова. В ее глазах, в ее голосе, на ее лице была только правда. Никаких тревожных сигналов, никаких «значков», которые могли бы указывать на ложь. Я поверил ей.

Пора было приниматься за работу.

— Расскажите мне, что там произошло, — попросил я.

— Я была дома у папы на Франклин-стрит. У меня есть собственное жилье неподалеку, и я частенько его навещаю. В последнее время все чаще и чаще, так как он становился все более рассеянным. Когда я зашла, то сначала подумала, что его нет дома…

— Погодите секундочку — как вы попали внутрь?

— У меня есть ключи. У Александры тоже.

— Ладно, простите, что перебиваю. Вы сказали, вам показалось, что его нет дома…

— Я прошла дальше, и в кабинете тоже его не нашла. А обычно он там чуть ли не постоянно торчит — смотрит телевизор или работает. В общем, там его не оказалось. Я подошла к лестнице и окликнула его, но папа не ответил. Я подумала, что он, наверное, вышел прогуляться, поэтому подошла к бару в кабинете, налила себе выпить, а потом поднялась наверх.

— Зачем вы поднялись наверх?

— Я услышала какой-то шум и подумала, что он, наверное, все-таки дома и просто не слышал, как я вошла. Так что поднялась на второй этаж,

но там его тоже не нашла.

— А что находится на втором этаже?

— Три спальни и тренажерный зал. В тренажерном зале его не оказалось, а в спальни я не заглядывала. Ему там было просто нечего делать. А потом опять услышала шум, на сей раз этажом выше.

— Какого рода шум? — спросил я.

— Даже не знаю… Это трудно описать. Это было похоже на стон, или мычание, или что-то подобное. Может, даже на какие-то обрывки разговора. Я не знаю — вообще-то уже не помню. Помню только, что поднялась наверх, чтобы проверить, не там ли он. У папы случались провалы в памяти, из-за которых он терял ориентацию. Старость или, не дай бог, начало деменции или чего-то еще в этом роде. Поначалу я подумала, что он просто упал. Когда увидела, что папа лежит навзничь на кровати в собственной спальне. Свет там был выключен, но я помню, что это показалось мне странным. Что-то было не так.

— В каком это смысле?

— Я не могла как следует разглядеть его в темноте, но заметила одну из его ног на кровати. На ней был ботинок. Это было необычно. Папа вечно пилил меня, когда я заваливалась на диван

в обуви.

— И вы включили свет? — спросил я.

— Нет, не стала. Просто подошла к нему и спросила, как он себя чувствует. Я решила, что он просто прилег вздремнуть. Папа ничего не ответил. И вот тогда-то и увидела, что с ним сделали. Я взяла его за голову и увидела, что остальная часть лица у него настолько…

София ненадолго примолкла, а затем добавила:

— Вот тогда я запаниковала и набрала «девять-один-один».

— Вы видели, как ваша сестра или кто-то еще напал на вашего отца?

— Нет, не видела. Но я знаю, что это была она. Она пряталась в ванной. Я заметила, как из-под двери ванной просачивается свет. И увидела ее тень, когда она подошла к двери. Готовая выскочить и, наверное, убить и меня тоже. Я знала, что это она. Я закричала и выбежала из дома.

— И почему же вы так уверены, что вашего отца убила именно ваша сестра? — спросил я.

— Потому что хуже стервы, чем моя сестричка, я в жизни не видела! У нее есть этот фасад, который она выставляет напоказ всему миру. Богатая, успешная… Всё это ложь. Она больная на всю голову. Наша маманя дала нам жизни, когда

мы росли… Александра еще более чокнутая, чем я. Просто она лучше это скрывает. Копы тоже арестовали ее, когда я сказала им, что видела ее в ванной. Я видела, как они надевали на нее наручники, когда сидела на заднем сиденье патрульной машины.

В дверь постучали. В глазах у Софии промелькнул страх, когда она заглянула мне через плечо. Поднявшись, я увидел, что по другую сторону двери стоят два детектива.

— Всё в порядке, София. Вы отлично держитесь. Дайте мне минутку переговорить с этими ребятами.

Она с трудом перевела дыхание, широко раскрыв глаза, и я понял, что София заново переживает тот момент, когда обнаружила своего убитого отца. Я опять попытался успокоить ее, и она кивнула, опустив веки. Кончики ее пальцев вновь нащупали углубления на столе, задвигались. Я встал, открыл дверь, вышел в коридор и закрыл ее за собой.

Одного из детективов я уже видел — это был тот, в желтой рубашке, который цапался с сержантом. Он был моего роста, примерно моего телосложения, но лет на десять постарше, с копной седых волос. Его напарник был одет в

темный костюм-тройку с темно-синей рубашкой и бледно-голубым галстуком. Этот был моложе меня, с чуть ли не напрочь выбритыми висками и зачесанной назад уцелевшей прядью на макушке. Пару они представляли собой довольно странную.

— Детектив Сомс, — представился тот, что в желтой рубашке, ткнув себя большим пальцем в грудь. А затем указал на молодого человека и сказал: — Это детектив Тайлер.

На этом все светские любезности и закончились.

Тайлер заполнил возникшую паузу мертвенным молчанием, даже не кивнув и не улыбнувшись. Просто уставившись на меня. Как и полагается нью-йоркскому копу старой закалки: «Адвокаты — наши смертельные враги». Ни один из них не протянул мне руки, и оба были явно раздражены моим присутствием.

— А вы-то кто будете? — поинтересовался Сомс.

— Рад познакомиться с вами обоими, — сказал я.

— Да, да, а вас-то как зовут, *приятель*? Мы готовы допросить подозреваемую, — подал голос Тайлер. Его зализанные назад волосы даже не

шевельнулись при этих словах. Не знаю уж, что там удерживало их на месте, но это было явно промышленного происхождения. Слово «приятель» он произнес так, словно оно означало нечто прямо противоположное.

— Я Эдди Флинн. И я только что познакомился со своей клиенткой. Мне нужно еще совсем немного времени — если вы, ребята, не возражаете, — со всей возможной вежливостью произнес я. Они этого не заслуживали, но на меня вдруг накатил приступ великодушия.

— Нам нужно двигаться дальше. Часики тикают. У вас есть пять минут, а потом мы заходим, — объявил Сомс.

— Боюсь, что в пять минут я не уложусь. Моя клиентка только что потеряла отца. В данный момент она далеко не в лучшей форме.

— Док говорит, что она в полном порядке и готова к допросу, — возразил Тайлер.

Рука руку моет… Тайлер помахал у меня перед носом стандартным отчетом, составленным дежурным врачом, который время от времени осматривал подозреваемых для полиции — просто чтобы получить свои четыреста долларов и поставить галочку в графе, подтверждающую, что подозреваемый, по его просвещенному ме-

дицинскому мнению, пригоден для допроса. Это позволяло полиции слегка прикрыть задницу на случай, если потом адвокат попытается опровергнуть версию событий своего клиента, заявив, что бедный клиент был не в себе от шока или вообще каким-то образом в растрепанных чувствах и не ведал, что говорит. Это нечто вроде страхового полиса, а не медицинская справка.

Я отвернулся от Тайлера — пса, который лает, — и обратился напрямую к парню, держащему поводок.

— А док не осмотрел заодно вашу задницу, Сомс? На предмет геморроя? Особенно когда этот хипстер создает его вам при каждом удобном случае.

— Пять минут, — повторил Тайлер, после чего прошел мимо меня, намеренно задев плечом, и постучал в дверь соседней допросной.

Вместо того чтобы вернуться к Софии, я засунул руки в карманы и прислонился к стене.

Из соседней допросной вышел Леви. Все та же церемония представления со стороны Сомса. Никаких тебе рукопожатий. Тут Леви заметил за спиной у Сомса меня.

— Послушайте, почему бы вам сначала не побеседовать с Софией? Моя клиентка еще не

готова, — обратился он к детективу.

— Вы хотите сказать, что она еще не подписала ваш клиентский договор? — иронически уточнил Сомс.

— Нет, вообще-то подписала. Она понимает, что значит качественное представление интересов. Мне нужно еще двадцать минут, чтобы получить от нее инструкции.

Дверь в допросную с Александрой была все еще приоткрыта. Помощник Леви оставался внутри, и я слышал, как Александра разговаривает с ним. Плачет и все повторяет ему:

— Я этого не делала! Это была моя сестра! Она просто сумасшедшая! Почему я здесь? Я такая же жертва, как и мой отец!

— Мистер Леви, еще раз: нам нужно просто получить первое представление о случившемся. Что видела ваша клиентка этой ночью? Каковы были ее передвижения? Сейчас мы не собираемся обсуждать всю эту проблему с завещанием ее отца, — сказал Сомс.

— Какую еще проблему? — насторожился Леви.

Детектив отступил на шаг и скрестил руки на груди.

— Нам только что звонил Майк Моди́н, пове-

ренный Фрэнка. Пока это все, что я могу сказать.

Я оттолкнулся от стены и открыл дверь, чтобы вернуться в допросную. Надо было спросить у Софии, не знает ли она что-нибудь про завещание своего отца, но при этом я понимал, что копы в курсе, что я все это слышал. Может, они просто морочили нам головы, как, с их точки зрения, и полагается поступать с адвокатами защиты — заставляя нас гоняться за собственными хвостами по темным закоулкам… Тем не менее мне требовалось это знать. Я не был знаком с Майком Модином, никогда о нем не слышал, а значит, он вряд ли относился к судебной адвокатской братии. Если он представлял интересы Фрэнка, то наверняка сам и составил его завещание. Я не был в этом уверен, но если Модин предупредил копов, то, значит, в этом завещании имелось что-то интересное. Оставалось лишь предположить, что именно этот документ и оказался мотивом убийства.

Нужно было срочно обсудить этот вопрос с Софией.

Я приоткрыл дверь.

И остановился как вкопанный.

— Простите… — выдавила она.

— О господи! Врача! — выкрикнул я.

Рот, шея и грудь Софии были все в крови. Она прокусила себе запястье. Глаза у нее закатились, она сползла со стула и без чувств свалилась на пол.

Глава 5

Кейт

Секунд тридцать или даже больше Кейт стояла на холоде рядом с «БМВ» Леви с ключами в руке. На связке болтались ключи от дома и электронный брелок от машины. Она уже подумывала о том, чтобы провести ключом от дома по всей бочине этой шикарной тачки и посмотреть, как лента краски «золотистый металлик» ценой в десять тысяч долларов закручивается в спираль.

Всегда можно было сказать, что так и было, когда она появилась здесь.

В конце концов Кейт отбросила эту фантазию, какой бы приятной та ни была, открыла брелком машину и забралась на пассажирское сиденье. Усаживаться за руль почему-то казалось неправильным. Перегнувшись через подлокотник, она несколько секунд возилась с брелком, пытаясь вставить его в замок зажигания, пока не сообра-

зила, что замка зажигания тут нет. Это была одна из тех машин, в которых ключ должен просто находиться где-то неподалеку от места водителя. Кейт была далека от того, чтобы владеть подобным транспортным средством или даже просто позволить себе любой автомобиль, раз уж на то пошло. Она знала этот «БМВ» Леви лишь потому, что регулярно таскала коробки с папками и скоросшивателями в небольшой сейф для документов, который он держал в багажнике, — и обратно, естественно.

Это была мысль, на которой не хотелось особо задерживаться. Раз в неделю, по пятницам, по окончании рабочего дня она спускалась в лифте на подземную парковку вместе с Леви. Он прислонялся к противоположной стенке кабины, делая вид, будто смотрит в свой телефон, в то время как Кейт стояла, поставив под ноги коробку, доверху набитую всякими бумагами. Но при этом знала, что на самом деле он наблюдает за ней, пялясь на ее задницу и на ноги. И чуть ли не физически ощущала, как его пристальный взгляд становится еще пристальней, когда она наклонялась, чтобы поднять коробки с пола.

Леви никогда не носил с собой ничего тяжелей своего мобильного телефона.

Это воспоминание заставило ее поежиться. Дотронувшись до кнопок на приборной панели, она щелкнула центральным замком, а потом включила обогрев. Через несколько секунд из сиденья заструился теплый воздух. Это ей сейчас требовалось.

Опустив взгляд на свои кроссовки, Кейт увидела папку с бумагами, которую забрала у Леви в отделе полиции. Предполагалось, что она положит их в сейф в багажнике. Что он там про них сказал? Что они могут встревожить Александру?

С того места, где Леви оставил машину, вход в отдел полиции просматривался достаточно отчетливо. Кейт внимательно пригляделась, чтобы убедиться, что ее босс внезапно не выбежал на улицу. Впрочем, он вполне мог провести в отделе весь остаток ночи. Так что Кейт подобрала папку, открыла ее и принялась листать страницы.

Это было досье, которое Скотт успел составить на Фрэнка Авеллино и его дочерей. Бóльшая часть материала, как водится, была честно стырена в интернете. На самом верху лежала газетная статья с фотографией Авеллино, сделанной сразу после его первого избрания на пост мэра Нью-Йорка. Он стоял на трибуне в компании своей второй жены Хизер и гораздо более молодой

Александры. Фотографий Софии или даже просто каких-то упоминаний о ней в статье не нашлось. Баллотировался Авеллино под флагом борьбы с коррупцией, обещая навести порядок в профсоюзах, среди лоббистов и в мэрии.

Знакомая история. И Кейт знала, чем это обернулось.

Всего через шесть месяцев с начала своего первого срока в качестве мэра Авеллино стал объектом расследования, связанного с получением неофициальных платежей от двух строительных профсоюзов и инвестиционного фонда, финансировавшего несколько казино. Ему не потребовалось много времени, чтобы благополучно замять эту историю.

Да и вообще для борца с коррупцией Фрэнк Авеллино больно уж часто оказывался в самом эпицентре скандальных историй — всяческий компромат сыпался на него как из дырявого мешка. В папке нашлись фотографии Фрэнка в ресторанах и на светских раутах не только с кинозвездами, писателями, режиссерами и магнатами недвижимости, но и с известными гангстерами вроде Джимми Феллини по прозвищу Кепарик. Его программы оздоровления вроде как хронически преследовали трудности с бухгалтерским

учетом — к примеру, вроде затеянного в Бронксе проекта по очистке территории стоимостью в два миллиона долларов, из которых ни много ни мало триста тысяч исчезли неведомо куда. А реконструкция здания Первого райотдела полиции была поручена строительной фирме, подконтрольной Джимми-Кепарику, так что и не было ничего удивительного в том, что ценные железные двери бывших камер временного задержания во время этих работ были необъяснимым образом утрачены.

Всего в папке содержалось десятка два статей, и Кейт пролистала их в поисках какой-нибудь информации о семье бывшего мэра, в результате чего обнаружила откровенно помпезный очерк, скопированный из онлайн-издания одного популярного журнала. В нем подробно рассказывалось о скромных корнях Авеллино в Бруклине и его взлете благодаря бизнес-империи, основанной на перепродаже недвижимости — вплоть до его последнего переизбрания на пост мэра Нью-Йорка. Фотографии, иллюстрирующие эту статью трехгодичной давности, были сделаны в семейном доме на Франклин-стрит. Тогдашняя жена Фрэнка, Хизер, на снимках не фигурировала. Изображался на них в основном только сам

Фрэнк в домашнем антураже, за исключением всего одного снимка, сделанного в чем-то вроде личного кабинета.

Рядом с длинным письменным столом там располагался бар, а на противоположной стене — несколько телевизионных экранов. Фрэнк сидел за этим столом между стоящих по бокам от него двух молодых женщин — высокой блондинки и другой, пониже ростом и с темными волосами. В общем, светленькой и темненькой. Подпись к фото гласила: «Дома у Фрэнка, слева направо: Александра Авеллино, Фрэнк Авеллино, София Авеллино». Кейт обратила внимание, что девушки на фото стоят спиной к Фрэнку и друг к другу.

Особых подробностей о семейной жизни в статье не приводилось. Фрэнк просто сообщил интервьюеру, что Александра подает большие надежды на деловом поприще и успела сделать себе имя в кругах манхэттенских риелторов. И что он возлагает большие надежды на Софию как на талантливую художницу. Мол, он знает, что его девочки сами найдут свой путь в жизни — умом их Господь не обидел, и обе одаренные шахматистки, пусть даже теперь и не выступают на турнирах.

Кейт почитала еще немного, но так и не смогла

найти ничего, что говорило бы о первой жене Фрэнка — матери Софии и Александры. Хизер была его второй женой, но она тоже умерла. Как и когда, нигде не упоминалось. Ясно было одно: Хизер была слишком молода, чтобы быть матерью двух взрослых дочерей.

Кейт закрыла папку, зевнула, а затем положила ее обратно на коврик под ногами. От тепла ее клонило в сон. Вытащив телефон, она заглянула в «Твиттер». Шум и ярость, как выразился бы Шекспир[77]… Иногда ее уже тошнило от всего этого. Она закрыла приложение, откинула голову на спинку теплого сиденья и задумалась над тем, когда же мир успел настолько сойти с ума.

ТУК-ТУК-ТУК!

Кейт резко проснулась, на миг растерявшись и не понимая, где находится и что вообще происходит. При включенном обогревателе она, видать, задремала, но вот насколько надолго? Покосившись вправо, Кейт увидела Скотта, стучащего костяшками пальцев по пассажирскому стеклу. Стряхнув с себя остатки сна, она распахнула двер-

---

[77] notes: 77

Выражение «шум и ярость» больше известно по одноименному роману американского писателя У. Фолкнера (1897–1962), хотя это цитата из «Макбета»: «Жизнь — это история, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, но лишенная всякого смысла».

цу и выбралась из машины.

— Не перетрудилась? — поинтересовался Скотт.

Кейт открыла было рот для какого-нибудь остроумного ответа, но он перебил ее:

— Теперь твоя очередь. Теодор хочет, чтобы ты подошла туда и делала записи. Кое-что выплыло, и я должен срочно это проверить. Что-то связанное с поверенным Фрэнка, Майком Модином, и завещанием. Это займет не больше пары часов. А потом я вернусь и сменю тебя.

— Нет, нет. Нет нужды. С записями я вполне справлюсь. А ты давай беги выполняй поручение, — сказала Кейт.

Она прекрасно видела, что Скотт так и кипит от злости из-за того, что его выставили с допроса ради рутинной проверки данных, с которой справился бы и полный профан. Выскочив на проезжую часть, он поймал такси и отправился исполнять очередную прихоть Леви.

Надежно упрятав папку в багажник, Кейт заперла брелком машину и уже собралась двинуться ко входу в отдел, когда вдруг услышала за углом завывание сирены. У входа в отдел резко затормозила машина «скорой помощи», а навстречу ей из-за двери выбежал какой-то мужчина в чер-

ном пиджаке и голубых джинсах, который нес на руках молодую женщину — темноволосую, в тюремном комбинезоне. Грудь и шея у нее были залиты кровью. Это была София Авеллино. Кейт сразу узнала ее по фотографиям в досье. За ним поспешали два детектива в штатском, дежурный сержант и еще один полицейский в форме.

Задние дверцы «скорой» были уже распахнуты. Выдернув из нее сложенную каталку, двое медиков с грохотом поставили ее колесами на асфальт и бросились к мужчине, который нес Софию. Кейт увидела у нее на запястье толстую повязку и заметила, что женщина вроде в сознании. Мужчина в черном пиджаке осторожно положил Софию на каталку, после чего склонился над ней, положил руку ей на макушку и большим пальцем нежно погладил лоб, убирая с него волосы, прилипшие к коже от пота и крови. И все это время не переставал негромко разговаривать с ней. Голос у него звучал мягко, успокаивающе.

— Все будет хорошо, София. Я обязательно вам помогу. Обещаю: я сделаю все, что в моих силах, — сказал он напоследок.

Женщина вроде бы слабо улыбнулась и закрыла глаза.

Один из детективов шагнул вперед, взмахнув

наручниками, и защелкнул один из браслетов на перекладине каталки.

— Если эти наручники даже просто коснутся ее, я заставлю тебя их проглотить, — предостерегающе произнес мужчина в черном пиджаке.

— Тайлер, оставь ее в покое. Она и так еле жива. С ней поедет один из моих ребят, — вмешался толстяк в форме сержанта.

— Не лезь не в свое дело, Буковски, я сам с ними поеду! — тявкнул детектив с наручниками, Тайлер.

— Нет, не поедешь, — возразил мужчина в черной куртке. — Ее проводит человек Буковски. Он не занимается этим делом и у него не будет соблазна допросить ее прямо в «скорой».

Тайлер плотно сжал губы, отцепил от каталки наручники и отошел в сторонку. Полицейский в форме взялся за ручки каталки и помог медикам погрузить ее в машину. Когда все возвращались обратно в отдел, сержант Буковски продолжал пререкаться с детективами.

Кейт наблюдала за происходящим, широко распахнув глаза.

— Вы с нами? — спросил у мужчины в черном пиджаке один из медиков.

— Встретимся в больнице, — отозвался тот.

— Вы можете поехать следом, — предложил медик.

— Нет, всё в порядке. Сейчас за мной заскочит подруга. Судя по тому, как она ездит, я буду на месте гораздо раньше вас, ребятки.

Медик лишь фыркнул:

— Ладно, как знаете.

Двери захлопнулись, завыла сирена, и «скорая» сорвалась с места. Тут Кейт услышала, как из-за угла быстро выруливает еще одна машина. Это был черный «Додж Чарджер». На миг ей показалось, что он просто не успеет вовремя остановиться, но приземистый спортивный автомобиль резко свернул и, взвизгнув шинами, буквально воткнулся в свободное парковочное место перед отделом. Из него выбралась женщина с короткими каштановыми волосами, в темных джинсах и облегающем пальто из коричневой кожи, которая бросилась к мужчине в черном пиджаке, и они обнялись.

— Почему так долго? — недовольно спросил мужчина в черном пиджаке.

— Отсоси! — отозвалась женщина.

Они улыбнулись друг другу, но тут оба застыли и повернулись к Кейт, вдруг осознав ее присутствие.

Наконец закрыв разинутый рот, та спросила:

— Там, в «скорой», — это была София Авеллино?

— Вы журналистка? — поинтересовался в ответ мужчина.

— Нет, я К-Кейт… Кейт Брукс из «Леви, Бернард и Грофф».

Она по-прежнему нервничала и была немного ошеломлена сценой, только что разыгравшейся у нее на глазах.

Мужчина протянул ей руку:

— Привет, я Эдди Флинн. А это Харпер.

Заметив, что рука у него вся в крови, Кейт заколебалась. Проследив за ее взглядом, тот тоже заметил кровь на своей ладони и вытер руки.

— Что, для вас двоих это совершенно нормальная ситуация? — не удержалась от вопроса Кейт.

Эдди и Харпер обменялись понимающими взглядами. Наполненными общими воспоминаниями о крови и убийцах.

Потом оба кивнули и направились к ее машине.

— Рад был познакомиться, Кейт, — бросил Эдди через плечо.

Они забрались в машину: Харпер — за руль. Задние колеса с визгом крутнулись на месте, об-

дав Кейт облаком дыма, и «Додж» с невероятной быстротой унесся прочь.

* * *

Через пять минут Кейт уже вошла в допросную и подсела к Леви. Напротив них сидела их клиентка — Александра Авеллино. Перед тем как войти, Кейт успела шепотом переговорить со своим боссом — с глазу на глаз. Сцена, разыгравшаяся перед входом в отдел, Леви вроде ничуть не удивила, но он посоветовал ей поскорей выбросить произошедшее из головы — ему требовалась, чтобы она ни на что не отвлекалась. Клиентка только что подписала договор, и на данный момент это вроде представлялось Леви наиболее важным. Он велел Кейт как можно подробней записывать ход допроса — точность, мол, превыше всего, — а также сообщил, что копы случайно отпустили какое-то замечание касательно завещания, и теперь он отправил Скотта это проверить.

Наконец в допросную вошли детективы, которых Кейт видела снаружи спорящими с Эдди. Пока они раскладывали свои бумаги и устанавливали камеру для записи допроса, Кейт воспользовалась возможностью получше рассмотреть клиентку.

Выглядела та как модель, рекламирующая средства по уходу за кожей. Красивая, богатая молодая женщина, волею судьбы оказавшаяся в ужасной ситуации. Кейт могла сказать, что недавно та плакала — судя по припухшим и покрасневшим глазам, и время от времени, когда Александра поднимала руку, чтобы положить ее на стол или провести ею по волосам, замечала дрожь в кончиках пальцев. Копы, судя по всему, подстригли ей ногти — те были острыми и неровными. Никто из тех, кто так тщательно следит за своим внешним видом, не вышел бы на улицу с такими ногтями. А Александра принадлежала к тем женщинам, один только маникюр которым обходился дороже, чем весь наряд Кейт.

— Для протокола: меня зовут детектив Бретт Сомс, а это мой напарник Айзея Тайлер, и в данный момент мы проводим допрос Александры Авеллино в Первом райотделе полиции города Нью-Йорка. Также присутствуют адвокат Теодор Леви и…

Кейт яростно строчила в своем блокноте, ручка так и летала над страницей. Написав «Леви и», она остановилась, ожидая продолжения.

Никто не произнес ни слова. Подняв голову, Кейт увидела, что детективы и Леви выжидающе

смотрят на нее.

— Пожалуйста, назовите свое имя и фамилию для протокола, мэм, — попросил Сомс.

— Ой, простите — Кейт Брукс.

Сомс кивнул, поджал губы, как будто только что попробовал что-то кислое, и продолжил:

— Мисс Авеллино, на данном этапе мы просто хотим получить от вас первое представление о недавних событиях, связанных с убийством вашего отца. Не хотите рассказать нам, что там произошло?

— София убила моего отца. Вы это хотите от меня услышать? — ответила Александра. Челюсть у нее тряслась, голос дрожал.

Леви немедленно вмешался:

— Детектив, моя клиентка сделает полное заявление, как только мы получим обвинительное заключение и всю информацию по делу, которой вы располагаете. Вы только что слышали ее слова касательно того, кто убил ее отца. На данный момент это всё. Для протокола: я в курсе, что у вас имеются какие-то сведения о завещании покойного, которыми вы с нами не поделились. Если Майк Модин дал полиции официальные показания, то я хочу с ними ознакомиться. Пока я не буду располагать всей информацией, которой

владеет дознание, моя клиентка не будет отвечать ни на какие вопросы.

— Мистер Леви, если ваша клиентка утверждает, что Фрэнка Авеллино убила ее сестра, то разве она не хочет, чтобы ее сестру привлекли к ответственности? Вы сейчас практически сказали, что она не более чем свидетель, — ответил ему Тайлер.

— Я нашла его на кровати, — сказала Александра.

Леви тут же положил свои пухлые пальцы ей на руку. Судя по всему, в открытую посоветовать ей держать язык за зубами он не решался, но все же требовалось как-то напомнить ей об этом. Однако Кейт почувствовала и что-то еще. От одного только вида того, как он прикасается к этой женщине, по коже у нее побежали мурашки. Александра убрала руку со стола, вежливо освобождаясь от пальцев Леви.

— Продолжайте, — попросил Тайлер.

— Я поднялась наверх, и дверь его спальни была открыта. Он лежал там в темноте. Я позвала его по имени, но…

Она покачала головой — слезы теперь потекли ручьем, в горле пересохло. Теперь Кейт захотелось утешить ее, взять за руку, сказать, что она

сожалеет о ее потере.

— Он даже не пошевелился. Я крикнула: «Папа, папа!» — и он ничего не ответил. Сначала я подумала, что он просто заснул, а когда подошла к нему, то увидела, что он весь в чем-то черном. Я дотронулась до него и почувствовала под рукой что-то мокрое и липкое. А когда глаза привыкли к темноте, увидела, что это кровь. Я даже не поняла, что произошло, — я просто прижимала его к себе и не могла дышать, а потом вроде закричала. Наверняка закричала, потому что услышала саму себя. А потом… потом я услышала, как она поднимается по лестнице. Это она убила его. Она испорченная. С ней всегда было что-то не так. Я побежала в ванную, закрыла за собой дверь и позвонила в «девять-один-один».

— Итак, вы утверждаете, что ваша сестра испорченная и что с ней всегда было что-то не так… Что именно вы имеете под этим в виду? — спросил Тайлер.

— Александра, хватит. Не забывайте, о чем мы с вами говорили, — вмешался Леви.

Опустив взгляд на страницу, Кейт поняла, что не записала последний вопрос, поэтому поспешила восполнить этот пробел. Ее слишком уж увлекла Александра. Эта женщина испытывала

ужасную боль. И гнев. Кейт поняла это, когда Александра упомянула про Софию. В ней чувствовалась твердость — что-то, словно сделанное из железа и стали, — и это «что-то» ярко вспыхнуло, когда она произнесла имя своей сестры. И вспыхнуло еще раз, когда Леви попытался заткнуть ее.

— Может, просто ответим на последний вопрос и на этом закончим? — предложила Кейт.

Взгляд Александры смягчился, когда она посмотрела на нее. Александра была независимой молодой женщиной и не привыкла подчиняться приказам мужчин. К ней требовался совершенно иной подход. Леви был явно недоволен тем, что Кейт позволила себе открыть рот, — она поняла это по испепеляющему выражению его лица.

— Просто скажу вот что, — произнесла Александра. — София считает себя очень умной. Умней меня. Она ошибается. Мы уже много лет с ней не разговариваем. С тех пор, как умерла мама. Она ненавидит меня. К отцу она не испытывала ненависти, но пошла бы на все, только чтобы навредить мне. Она больна. Вы понимаете? Она хочет победить. Она думает, что это нечто вроде соревнования между нами. Вы должны поверить, что я этого не делала.

— Последний вопрос… Где вы находились до то-

го, как оказались в доме своего отца? И в котором часу пришли туда?

— Господи, да не помню я, сколько тогда было времени… Я бегала в парке, а потом забежала к папе. Мне еще пришлось заскочить за фруктовыми смузи для него, в кафе на Второй авеню. Я не знаю, во сколько пришла.

Кейт просто записала все это, а когда подняла взгляд от блокнота, то увидела, как Сомс и Тайлер о чем-то тихо переговариваются между собой.

— Мистер Леви, мы собираемся предъявить вашей клиентке обвинение в умышленном убийстве — равно как и ее сестре. По словам поверенного, Фрэнк Авеллино владеет недвижимостью, наличными и прочими активами на сорок девять миллионов долларов. Пять лет назад он составил завещание, разделив свое наследство поровну между двумя своими дочерьми. Но прежде чем мы предъявим вашей клиентке официальное обвинение, у нас есть к ней один последний вопрос. Мисс Авеллино, когда вы узнали, что ваш отец разговаривал со своим поверенным об изменении условий завещания?

Часть II. Игра начинается
Глава 6

Эдди

Для адвоката каждое дело — это игра.

В уголовном праве все начинается с ареста и заканчивается вынесением вердикта. В начале игры вы не можете контролировать происходящее, а затем понемногу разрабатываете стратегию и делаете несколько пробных ходов. В конце этой игры вам предстоит предстать перед присяжными — в полном одиночестве. Сторона обвинения уже не имеет никакого значения — можете плюнуть на нее слюной. Есть только вы и двенадцать человек, чисто символически отделенных от вас деревянной перегородкой. Как только произнесено последнее слово, все заканчивается. И уже не важно, каким будет вердикт. Вы выполнили свою работу защитника.

Только вот это все-таки еще как важно.

Вердикт — это все. Без разницы, каким искусным игроком ты себя проявил, — все зависит от этого решения присяжных. Адвокатам, которые гребут деньги лопатой, которые уезжают из суда

к своим женам и детям на «Мерседесах», в свои дома с девятью спальнями, абсолютно пофиг, что будет означать этот вердикт для подсудимого, для родственников жертвы, для общества и всех его членов. Им на это глубоко насрать.

Моя же самая большая проблема как адвоката заключается в том, что я хочу, чтобы виновные были наказаны, а невиновные остались на свободе. Но закон так не работает. Никогда не работал. И никогда не будет так работать.

Иногда мне удается склонить чашу весов в ту или иную сторону. Иногда нет. Важно, что я пытаюсь. В тот день, когда мне перестанет быть до этого дело, я брошу свое занятие. Софии Авеллино понадобилась моя помощь. Было еще слишком рано говорить, верю ли я в то, что убийство совершила ее сестра. Ни одна из сестер Авеллино не выглядела так, будто могла кого-то хоть пальцем тронуть, а уж тем более раскромсать на куски собственного отца. На данный момент я вписался в это дело, но мне нужно было убедиться, что София говорит правду. В той допросной я сочувствовал ей. Мне показалось, что между нами возникла какая-то связь. Что она была открыта и честна со мной. Так мне подсказывало чутье, которое редко меня подводит. Но мне требовалась твердая

уверенность в том, что я могу довериться этому первому впечатлению.

После того, как тогда в отделе полиции София прокусила себе запястье, она провела ночь в больнице под охраной копов. Запястье у нее выглядело страшновато, но крови она потеряла не так уж и много — это всегда выглядит хуже, чем есть на самом деле. Переливания крови не потребовалось, но врачи, опасаясь гиповолемического шока[78] и заражения, накачали ее изотоническими жидкостями и антибиотиками. Рана зашита, все показатели в норме, пациентка готова к выписке. Пообщаться с Софией в больнице мне не удалось, но вышло поговорить с ее лечащим врачом — невысокой блондинкой по фамилии Дитрих. Она разговаривала с Софией, и, насколько могла судить, происшедшее не было попыткой суицида — это была крайняя реакция на потерю отца и арест.

В полдень Софию доставили в суд, где ей было официально предъявлено обвинение в убийстве. С залогом проблем не возникло: Леви проделал всю работу за меня, за час до этого внеся залог за Александру. Обвинитель, Уэсли Драйер, возражал

---

[78] notes: 78

Гиповолемический шок — критическое состояние, связанное со значительным дефицитом объема артериальной крови.

против освобождения под залог на тех же основаниях, хотя и знал, что судья объявит ту же сумму, что и в случае с Александрой, — пятьсот тысяч долларов. Зачем принимать новое решение, если таковое уже имеется? Когда судья назначил залог на тех же самых условиях, Драйер явно приуныл. Обвинителем оказался молодой человек с серьезным выражением лица — стройный, невысокий и аккуратный. Он тщательно подбирал слова, фраз не комкал и следил за правильными интонациями. А чересчур усердного обвинителя всегда стоит опасаться.

София внесла залог, вскоре оказавшись на свободе, но по-прежнему хранила молчание. Даже на консультации перед слушанием о залоге не произнесла ни слова, лишь изредка кивая в ответ на мои слова. Виновной она себя не признала, естественно. Когда слушание закончилось, опять скрылась в камере изолятора временного содержания, откуда ее отвели в офис суда, где она дождалась внесения залога, а затем дала подписку об освобождении.

Я дожидался Софию под зимним солнцем на Сентер-стрит, в тени здания Центрального уголовного суда, наскоро перекусив хот-догом, купленным в стоящем неподалеку киоске, на ко-

тором по-прежнему висела выцветшая объява с моим именем и номером телефона. Истрепанные звезды и полосы у меня за спиной хлопали под легким ветерком.

В какой-то момент я вроде как услышал карканье ворона, и, обернувшись, увидел Софию.

Она вышла из здания суда через хозяйственную погрузочную площадку в задней части здания, дабы избежать толпящихся у главного входа фотографов. На ней были черный свитер, черные джинсы и дешевые туфли, которые я купил и оставил для нее в изоляторе — пропитанную кровью одежду, в которой она была прошлой ночью, забрали для экспертизы копы. Я спросил у нее, всё ли в порядке. Она кивнула, и мы так же молча направились к моей машине. По дороге тоже не проронили ни слова. Подъехав к ее дому, я вырубил мотор и откинулся на спинку водительского сиденья.

— Давайте кое о чем договоримся, София. Я буду вас защищать, но мне нужно, чтобы вы постарались собраться и взять себя в руки. Я не знаю, что выгорит из этого судебного процесса. Пока что не знаю. Нужно дождаться, пока обвинение не выложит все свои козыри. Я не хочу, чтобы вы пока что забивали себе этим голову. Просто идите

домой и как следует отдохните. Через денек-другой у вас появится ко мне миллион вопросов. Тогда и пообщаемся. А пока что у меня есть одна подруга, которая поможет вам устроиться и проследит, чтобы ничего с вами не случилось. Ее зовут Харпер. Не переживайте — она не юрист. Просто помогает мне кое в чем, присматривает за свидетелями и все такое.

Харпер, которая в этот момент сидела на крыльце здания, поставив рядом с собой бумажный пакет, оторвала взгляд от своего мобильника и кивнула в мою сторону.

София повернула ко мне голову, и я увидел у нее на лице слезы. Она вытерла их, проведя бледной рукой по своей шокирующе белой коже. Мне припомнилась ее сестра Александра: высокая, загорелая, так и пышущая здоровьем. Казалось, будто весь солнечный свет до последнего лучика впитала в себя Александра, а София всю свою жизнь прожила бледной и голодной в длинной, холодной тени своей сестры.

— Я не пыталась покончить с собой прошлой ночью, — тихо произнесла она.

Я ничего не ответил. Это было самое большее, что я смог добиться от нее за последние несколько часов. Если она решила заговорить, то мне

хотелось это послушать.

— Вчера я сказала про это врачу в больнице Святого Винсента. Иногда у меня словно повышается давление — в голове. Я должна как-то выпустить его. Я не склонна к суициду.

В качестве объяснения София закатала рукава и показала мне свои руки. Оба ее предплечья с внутренней стороны сплошь покрывали тонкие шрамы. Некоторые из них были все еще розовыми и слегка выступали над кожей — пока что в келоидном состоянии, в то время как другие — более старыми и мертвенно-белыми. Эти длинные, во всю ширину руки, следы поперечных порезов начинались чуть ниже локтя и заканчивались у самого запястья. На обеих руках. Сотни порезов. Некоторые выглядели так, словно были глубже остальных. Часть этих шрамов скрывала повязка у нее на запястье.

— Я не хотела вас напугать. Простите. Спасибо, что помогли мне, — добавила она. А затем подалась вперед, глядя мимо меня на Харпер, и спросила: — Это ваша девушка?

Поначалу я не знал, что и сказать. София была прямолинейна, как ребенок, никаких тебе подходцев издалека — говорила в точности то, что думала.

— Нет-нет, мы просто друзья, — ответил я, вдруг ощутив, как щеки наливаются краской.

Мы с Харпер и вправду были не более чем друзьями, но время от времени я ловил себя на том, что заглядываю ей в глаза или, вдохнув ее аромат, продолжаю еще долго ощущать его у себя в ноздрях. Когда мы по-дружески обнимались и ее руки обхватывали меня за плечи, у меня возникало какое-то странное чувство. Моя бывшая жена, Кристина, нашла себе новую пару, и, судя по тому немногому, что я мог почерпнуть от своей дочери Эми, все у них шло как по маслу. Кристина была счастлива с Кевином. Пребывала в таком блаженстве и спокойствии, которых я никогда не смог бы ей обеспечить.

Глубоко погрузившись в подобные мысли, я вернулся к действительности лишь при щелчке открывающейся дверцы своей машины. Захлопнув ее, София обошла вокруг капота, и Харпер встала, чтобы поприветствовать ее. Я тоже вышел и попытался представить их друг другу, но, как выяснилось, опоздал.

— Это…

— Мы уже миновали эту часть, Эдди, — объявила Харпер, прежде чем вновь переключить свое внимание на Софию. — По-моему, мы поладим.

У меня с собой чипсы, конфеты, замороженная пицца и газировка на обед.

— Хорошо, что я не помешана на здоровом питании, — заметила София.

— О, это только для меня. Вам я захватила сельдерей и обезжиренный хумус, — отозвалась Харпер, едва сдерживая улыбку.

С ходу София вроде не знала, как отнестись к такому ответу. А потом улыбнулась — сначала чуть нервно, а затем более тепло. И сразу же заметно расслабилась. Ее напряженные плечи опустились. Лицо смягчилось, а глаза открылись намного шире и ярче.

— Ладно, берите продукты. Увидимся наверху. А мне пока что надо кое-что уладить с этим парнем, — сказала Харпер.

София выполнила ее просьбу, и мы с Харпер проследили, как она заходит внутрь.

— Неважнецки она выглядит, — заметила Харпер.

— Она только что потеряла отца.

— Я просто хочу проследить за ней пару-тройку часов, помочь ей прийти в себя. Убедиться, что всё с ней в порядке. Наверняка она испытывает какую-то эмоциональную боль, если занимается членовредительством.

— Психиатр провел ее полное обследование перед выпиской. Он не думает, что она представляет опасность для самой себя. Я хочу, чтобы ты тоже в этом убедилась. В подробности особо не вдавайся — постарайся просто понять ее. Нам нужно знать, способна ли она продержаться в суде.

— Попробую вытащить ее из скорлупы, насколько смогу. Можно и самим понемногу приступить к делу, пока окружной прокурор разгребает собственное дерьмо.

— Согласен, но спешить некуда. Полиция Нью-Йорка не станет разглашать сведения об осмотре места преступления еще как минимум неделю. Посмотрим, что ты у нее добудешь. Она уверяет, что невиновна, и на данный момент я ей верю.

Харпер приподняла бровь:

— А я вот пока не определилась. Дам тебе знать, что думаю, немного погодя.

— Просто будь с ней помягче. Поужинайте, поболтайте… Уложи ее спать, а потом можешь уходить.

Некогда Харпер была одним из самых талантливых агентов ФБР. Вообще-то даже слишком талантливым. Наверное, как раз по этой причине вместе со своим напарником Джо Вашингтоном ушла в частный сектор и теперь была основным

из привлекаемых мной независимых следователей. Мы с ней очень через многое прошли, и я доверял ее суждениям.

Войдя в дом, мы поднялись на лифте на этаж Софии. Дверь в ее квартиру была приоткрыта. Харпер постучала и широко распахнула ее.

Квартира Софии, оформленная в бежевых и кремовых тонах, оказалась куда больше любой, которую я мог бы себе позволить. Пакет с продуктами лежал на кухонной стойке. София стояла у кофейного столика, уставившись на шахматную доску.

— Я не играю, — сразу же предупредила Харпер.

— Вообще-то я тоже. С некоторых пор. Послушайте, я не собираюсь делать никаких глупостей.

— Вот и прекрасно. Харпер наверняка захочет немного с вами поговорить. Узнать кое-какую предысторию. Если мы собираемся защищать вас, нам нужно знать, что вы из себя представляете, чтобы мы могли представить этого человека присяжным, — сказал я.

София кивнула:

— Я просто сама не своя от конфет и старых черно-белых фильмов.

— Ну вот, уже в чем-то мы едины, — отозвалась Харпер, мягко подталкивая меня к двери.

В кармане моего пиджака загудел телефон. Я глянул на высветившийся номер. Звонили из офиса окружного прокурора.

— Прошу прощения, мне надо ответить на звонок. Увидимся завтра вечером на проводах Гарри, но вечерком позвони мне, чтобы я был в курсе.

Харпер пообещала, что да, обязательно позвонит.

Затем я повернулся к Софии:

— Просто постарайтесь не нервничать. Все будет хорошо. Если здесь появятся журналисты или кто-то из них попытается дозвониться до вас, не разговаривайте с ними.

— Не буду. Наверное, потом я ненадолго выйду прогуляться. Надену бейсболку и худи, прикроюсь капюшоном. И буду смотреть в землю. Спасибо, мистер Флинн.

— Зовите меня просто Эдди, — сказал я, выходя из квартиры, после чего ответил на звонок.

— Мистер Флинн? — послышался женский голос из трубки.

— Да, и если вы по поводу тех штрафов за парковку…

— Простите? Гм, нет, я по другому вопросу.

Я и так знал, что дело не в штрафах за парковку, но иногда просто не в силах сдержаться, чтобы не поддеть прокуратуру. Ничего не могу с собой поделать. Будучи адвокатом защиты, я часто имею дело с представителями этого ведомства, выступающими на стороне обвинения. И звонят они мне, только когда возникает какая-то серьезная проблема в каком-то очень серьезном судебном деле.

Женщина на противоположном конце линии откашлялась и продолжила:

— Я секретарь мистера Драйера — он хотел бы завтра встретиться с вами по поводу дела Авеллино.

— По поводу чего конкретно?

— У него есть одно предложение, которое он хочет с вами обсудить.

Глава 7

Она

После предъявления обвинения *она* вышла на свободу под залог. Как и ее дорогая сестричка.

Остаток дня выдался напряженным и хлопотным.

Очень хлопотным.

Пришлось приложить все усилия, чтобы замести следы и подставить сестру. Когда в час ночи она в полном изнеможении плюхнулась в постель, то поняла, что накануне почти ничего не ела.

Спала она урывками. Проснувшись в пять утра, сделала себе бутерброд с арахисовой пастой, съела его, запив стаканом молока, а затем опять улеглась в постель, то задремывая, то вдруг опять просыпаясь. Ее прерывистый сон не был вызван каким-либо страхом или тревогой. Мысль о возвращении в тюремную камеру на всю оставшуюся жизнь не внушала ей никаких опасений.

Этого никогда не произойдет.

Ни в коем случае.

Сон прерывался в основном из-за приподнятого возбуждения. Наконец-то она опять на свободе. А свобода — это деньги. Все деньги ее отца. Если ее сестру осудят, та не сможет унаследовать свою долю отцовского состояния — согласно закону, известному как «закон Сына Сэма»[79]. *Она* по-

[79] notes: 79

Вообще-то закон, получивший такое разговорное название по прозвищу знаменитого серийного убийцы Дэвида Берковица, запрещает преступникам получать доходы от огласки своих преступлений (публикации мемуаров, интервью и пр.), но у автора так.

лучит все до последнего цента. Деньги — это свобода и власть. Поначалу была мысль первым делом убить сестру, а потом уже и отца, но две смерти, оставившие единственного наследника огромного состояния, выглядели бы слишком уж подозрительно. Это навсегда омрачило бы ее жизнь вероятностью того, что в какой-то момент ей придется предстать перед судом за их смерть. Так было лучше. Комар носу не подточит. Отец мертв. Сестра в тюрьме за убийство. Никаких неувязанных концов. Никаких подозрений на ее счет.

Впереди — полная свобода.

Она встала с постели около десяти утра. Приняв душ, потерла кожу грубым косметическим камнем. Гребни этого камня были для нее настоящим чудом. Если б она излишне увлеклась, то могла бы добрых полчаса вертеть его в руках, ощупывать его, исследуя каждую линию на его поверхности.

Потом вытерлась и стянула волосы резинкой. Перед тем, как вчера вечером завершить свои труды, она сделала кое-какие покупки. Продукты и предметы первой необходимости — в первую очередь кое-какие инструменты для предстоящей работы. У входной двери все еще стояли три сумки с покупками из магазина медицин-

ских принадлежностей и хозяйственного. Она слишком устала, чтобы разобрать их сразу по возвращении.

Одевшись, она высушила волосы феном и остаток дня провела на диване, хрустя картофельными чипсами и пересматривая старые фильмы — «Касабланку», «39 ступеней» и, наконец, «Окно во двор». На кровати ее дожидался заранее заготовленный наряд — черные леггинсы из лайкры и облегающий спортивный топ. Выключив телевизор, она переоделась, влезла в кроссовки и заправила волосы под черную бейсболку «Найк». Прежде чем выйти из квартиры, размяла ноги, спину, руки и плечи.

На улице она пустилась легкой рысцой, чтобы разогреть мышцы, войти в ритм и настроить дыхание. После смерти матери их с сестрой поместили в разные школы-интернаты. Обе располагались в Вирджинии, в сотне миль друг от друга. Ни одна из сестер не приезжала домой на выходные. Именно в школе-интернате *она* прониклась любовью к бегу. Через год после смерти матери ей исполнилось тринадцать. Ее тогдашний учитель физкультуры был чемпионом по бегу по пересеченной местности и заразил этим увлечением и свою ученицу. Ей нравилось оказаться

субботним утром на природе — смотреть, как солнце встает над бескрайними пшеничными полями, ощущать, как легкие готовы разорваться на куски. И когда вокруг совсем никого — только ее мысли и планы. Несколько лет бег помогал ей держать свои темные устремления в узде. И вот теперь, став молодой женщиной, она больше не чувствовала необходимости сдерживать этих демонов. В четырнадцать лет она всерьез подумывала о том, чтобы задушить девочку из своего класса, Мелани Блумингтон. Ее тошнило даже просто от одного этого имени. У Мелани были длинные тонкие косички, заплетенные в невероятно сложные узлы на голове, а кожа розовая и безупречная, как и результаты ее школьных тестов — абсолютно все в Мелани Блумингтон представляло собой образец совершенства.

Тогда *она* подумала, что было бы забавно задушить Мелани в туалетной кабинке. Завести ее туда, схватить за школьный галстук и тянуть, перекручивать и дергать, пока идеальное розовое личико Мелани не станет сначала красным, потом фиолетовым, а затем синим и окончательно мертвым. И тогда можно будет дотронуться до лица Мелани, до ее глаз, ее губ. Но в школе этого делать было нельзя. Это вызвало бы панику.

Привлекло бы слишком много внимания. И все же устоять было трудно.

Однажды воскресным утром *она* оказалась в небольшом лесу на краю обширной школьной территории и остановилась, чтобы рассмотреть какой-то цветок с ярко-желтыми бархатистыми лепестками, но едва только потянулась к нему, как услышала какой-то шум. Шорох, блеяние… И, осторожно переступив через толстый ствол упавшего дерева, на поляне впереди увидела маленького олененка. Тот застрял в остатках ветхих столбов и проволочной сетки, которые, судя по всему, обозначали какую-то старую границу, прежде чем лес разросся и поглотил ее. Олененок был уже при смерти. Неподалеку на большом камне сидел большой кровожадный ворон — как видно, учуял запах крови столь же отчетливо, что и она. Он ждал, когда олененок умрет — что, судя по виду животного, не должно было занять много времени. Тремя своими тонкими ногами тот запутался в ржавой колючей проволоке и в ходе попыток вырваться на свободу едва не оторвал одну из них.

Запах крови теперь стал сильнее. *Она* шагнула к существу, которое не запаниковало, увидев, как кто-то приближается к нему, медленно и

украдкой, что-то тихо шепча. Либо олененок надеялся на спасение, либо у него больше не было сил сопротивляться. Она достала из рюкзака перочинный нож, который купила в местном магазинчике на свои карманные деньги, — с перламутровой рукояткой и маленьким острым лезвием. Олененок забился, увидев отблеск солнечного света на лезвии, но она успокоила его.

Было бы милосердно убить этого олененка. Она знала это.

Но вместо этого дрожащими от возбуждения пальцами, прерывисто дыша, погладила животное. Ощутив под рукой его шерсть, учуяв его запах, услышав его сердцебиение — неровное и быстрое.

Олененок умирал медленно.

После этого она умылась в ручье и побежала обратно в школьное общежитие, зная, что эта принесенная ею жертва спасла Мелани Блумингтон. На данный момент ее аппетит был утолен. Ее желание удовлетворено.

Бег сдерживал эти желания, и это позволяло ей чувствовать себя почти нормальной. Раньше она думала, что на ней лежит какое-то проклятие. Что все эти мысли и чувства были некой болезнью. И лишь окончив школу, осознала, что это ее стрем-

ление причинять боль другим и испытывать от этого радость не было каким-то уродством, проклятием или болезнью — это был дар. Через шесть недель после окончания школы она встретилась с Мелани Блумингтон, чтобы выпить кофейку и пройтись по магазинам на Манхэттене. Олененок стал уже далеким воспоминанием, а ее аппетит разыгрался по новой. Мелани была в восторге от предстоящего лета. Она уже неделю как выполняла задуманный план — целый месяц путешествовать по Соединенным Штатам с рюкзаком за плечами, пытаясь «найти себя» перед тем, как в сентябре поступить в колледж. На следующий день после встречи с Мелани *она* отправилась на свою первую длительную пробежку по Манхэттену и лишь улыбнулась, пробегая мимо закусочной, в которой они с Мелани накануне сидели за чашечкой кофе.

Сейчас, спустя годы, ей по-прежнему нравилось бегать в городе. Это было просто еще одно из ее многочисленных развлечений. Бегать в Нью-Йорке было почти так же классно, как и за городом. Это была такая же череда долин, только из стали, стекла и бетона. И все они были ее охотничьей территорией.

Ускорив бег, вскоре она оказалась на Второй

авеню, миновав соковый бар, в котором обычно покупала особые фруктовые смузи для своего отца, а когда пересекла очередную улицу прямо перед Трамп-Тауэр, увидела возле здания какие-то ограждения и вооруженную охрану.

Политика такого масштаба ее не интересовала. Ее отец неоднократно встречался с Трампом, и тот ему не очень-то нравился, хотя он знал, как его использовать. Жизнь — это просто игра для сильных мира сего, а также тех, кто готов делать то, на что не способен никто другой. Этому она научилась у своего отца.

Еще немного бега, и она оказалась в Центральном парке. Свернув на тротуар, огибающий парк с востока, глянула на часы.

22:28.

Она снова увеличила темп, найдя в себе новые силы. Ее ноги начали двигаться все быстрее и быстрее, и вскоре она уже мчалась, как спринтер. Это было необходимо, чтобы гарантированно не разминуться с целью. Этот бег не был чем-то очистительным — был просто работой, совмещенной с удовольствием. Она вновь припомнила свою первую пробежку по Манхэттену — на следующий день после встречи с Мелани, которую ждало лето, посвященное самопознанию. Бед-

няжка Мелани так и не нашла себя в то лето…

Тело Мелани тоже так и не было найдено.

В десять сорок *она* замедлила бег, приближаясь ко входу в музей «Метрополитен». Из дверей его толпой валила публика в коктейльных платьях и смокингах. Она присела на ступеньки и перевела дыхание.

Прошло несколько минут, прежде чем она наконец увидела его.

Мужчину среднего роста. С седыми волосами, расчесанными на косой пробор. Под кашемировым пальто с накинутым поверх шарфом — смокинг. Он разговаривал с двумя пожилыми дамами, а потом, подав обеим руку, сопроводил их вниз по ступенькам. Звали его Хэл Коэн. В течение пятнадцати лет он был политическим стратегом ее отца, бессменным руководителем его предвыборных кампаний, главным сборщиком средств и сообщником.

Спустившись на улицу, дамы поблагодарили Хэла.

Она резко встала. Достаточно резко, чтобы привлечь его взгляд.

Когда Хэл увидел ее, улыбка исчезла у него с лица. Однако он быстро вернул ее на место и помахал на прощание дамам, направлявшимся

к пешеходному переходу, после чего немного постоял, засунув руки в карманы пальто. Его дыхание клубилось в вечернем воздухе, пока Хэл размышлял, что делать дальше.

Потом он коротко кивнул и небрежной походкой направился к ней.

— Ну как, хорошо развлеклись? — спросила она.

— Это было мероприятие по сбору средств для одного моего хорошего знакомого. Развлечения в меню не входили, — ответил Хэл. И, по-отечески положив руку ей на плечо, добавил: — Сочувствую насчет твоего отца, детка.

Он всегда ее так называл: «детка». Когда Хэл начал помогать ее отцу проникнуть в политические сферы, то пришел к ним домой, чтобы поговорить с ним, познакомиться с ее матерью, с семьей — убедиться, что в шкафу у той нет никаких скелетов. Сказал, что если б там были скелеты, то ему пришлось бы похоронить весь этот шкаф на дне Ист-Ривер.

— Спасибо. Вы ему всегда нравились. Папа говорил, что вы способны уладить все, что угодно. Мне нужно поговорить с вами, Хэл, — сказала она.

— Послушай, я очень сожалею о том, что случилось с твоим отцом. Фрэнк этого не заслуживал,

однако…

— Вот об этом мне и нужно с вами поговорить. У меня нет времени ждать. Это нужно сделать прямо сейчас. Хэл, вы должны знать, что я не убивала своего отца.

Он вздохнул, кивнул и указал на элегантный «БМВ», припаркованный на противоположной стороне улицы. Они молча направились к машине. Она села на пассажирское сиденье, он — за руль.

— Я отвезу тебя домой. Ну давай, говори, что хотела, — сказал Хэл.

Она ничего не ответила.

— Ты же хотела поговорить — так давай поговорим, — настаивал он.

Склонившись к водительскому сиденью, она положила руку ему на бедро. Он напрягся, и она прошептала:

— Я знаю, вы записываете все, что сказано в этой машине. Отец мне говорил. Мы можем пообщаться в моей квартире.

А потом отодвинулась от него, откинувшись на спинку сиденья, и положила руки на колени. Хэл просто кивнул и ответил:

— Ладно.

Ей понравилось это чувство, когда Хэл ощутимо

напрягся. Оно позволило ей ощутить свое могущество — когда она склонилась к нему, чтобы коснуться губами его уха, а ее рука лежала у него на бедре. Это было слишком уж фамильярно, и все же она знала, что Хэл явно возбудился бы, если б молодая женщина дотронулась до него.

Они ехали молча, пока он не подкатил к ее дому и не припарковался на противоположной стороне улицы. Здание было таким же, как и многие другие в этой части Манхэттена — элегантным и величественным, — но время уже начинало брать свое. Камера видеонаблюдения в вестибюле уже несколько недель не работала. Преступления в этой части города случались относительно редко, так что камеры были не в приоритете. Главное, что старый лифт работал по-прежнему исправно, а все остальное обитателей дома особо не интересовало.

Двери кабины открылись, и *она* провела Хэла к своей квартире, самой большой на этаже — к последней двери в левом конце коридора. Внутри небольшой коридорчик привел их к обеденному столу, стоящему в кухне открытой планировки.

— Осторожно, не споткнитесь о мои покупки, — предупредила она, указывая на груду неразобранных пакетов, лежащих у двери.

Коэн прошел мимо них вслед за ней. Она бросила ключи на стол, сняла бейсболку и зашвырнула ее на диван в другом конце комнаты, после чего направилась в кухню. Налив стакан воды из холодильника, спросила:

— Не хотите чего-нибудь выпить?

Покачав головой, Хэл облокотился о спинку кухонного стула.

— Итак, давай поговорим, — предложил он.

— Не хотите присесть? — спросила она.

— Не обижайся, но мне еще нужно кое-куда съездить. И, честно говоря, мне немного неловко. Я знаю, что тебя выпустили под залог, — а еще знаю, что ты можешь предстать перед судом вместе со своей сестрой, а меня могут вызвать в качестве свидетеля.

— Копы думают, что папа собирался изменить завещание. Это правда?

Хэл глубоко вздохнул, задержал дыхание и склонился над спинкой стула еще ниже. Покачал головой. А затем выпрямился и позволил ответу выплеснуться наружу, как будто долго задерживал его внутри, словно дыхание под водой. Тот вырвался из него сам собой, взбаламутив гладкую поверхность разговора.

— Мне сказали то же самое, — произнес он.

— Кто сказал?

— Копы. Они хотели знать, говорил ли со мной твой отец об изменении завещания. Я сказал, что нет, не говорил. В конце концов, твой отец был уже не тем человеком, как прежде. Он стал каким-то рассеянным, забывчивым. Не знаю, то ли от старости, то ли от чего-то еще… Мы по-прежнему почти каждый день завтракали вместе в ресторане у Джимми, но, кроме этого, практически не общались. Про завещание он никогда не упоминал. Когда я услышал о смерти Фрэнка и о завещании, то сразу позвонил Майку Модину.

Допив остаток воды, она поставила пустой стакан на стойку и сосредоточила на Хэле Коэне все свое внимание. Костяшки у него на руках казались комочками белого жира — так сильно он стискивал спинку стула. Хэл был явно настороже, опасаясь брякнуть то, что могло бы впоследствии выйти ему боком.

— И что сказал Модин?

— Сказал, что твой отец договорился в понедельник встретиться с ним, чтобы обсудить свое завещание. Но не дожил даже до конца выходных. Послушай, это все, что я…

— А Модин не говорил, почему мой отец хотел изменить завещание? У него под конец началась

натуральная паранойя, вы же помните.

— Можешь мне об этом не напоминать, детка… Твой отец был уверен, что все вокруг только и думают, как бы покончить с ним. Он запросто мог назвать победителей всех Мировых серий[80] начиная с тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, но напрочь не помнил, что заказывал на завтрак у Джимми буквально вчера. Модин не сказал мне, что именно твой отец хотел изменить в завещании. Не исключено, что это не имело никакого отношения ни к тебе, ни к твоей сестре.

— А потом Модин связывался с вами?

— Ни разу с тех пор, как я позвонил ему в вечер убийства твоего отца. Я — один из душеприказчиков по его завещанию, поэтому мне нужно знать, что там написано и по-прежнему ли оно в силе. Пусть даже в этом завещании указано имя твоей сестры, но если ее признают виновной в убийстве твоего отца, то по закону она не может извлечь выгоду из своего преступления. То же самое касается и тебя. Я и сегодня пытался дозвониться Модину, но его секретарша сказала, что он в отпуске где-то за границей. Предполагалось, что я буду помогать управлять имуществом твоего

---

[80] notes: 80

Мировая серия — решающая, финальная серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола.

отца, но теперь я даже не знаю, что и делать. От Модина толку мало.

— Когда он вернется из отпуска? — спросила она.

— Секретарша этого не знает. Сказала, что у нее вообще-то нет возможности надзирать за старшим партнером. Модину на все это плевать — все корпоративные юристы одинаковы. Он наверняка сейчас пьет коктейли где-нибудь на пляже, тогда как твой отец лежит в морге со своим…

Он оборвал себя. Видать, вспомнил, с кем разговаривает.

— Всё в порядке, Хэл. Как думаете, мой отец не работал с кем-нибудь новым в то время, когда погиб? Под конец он казался каким-то отстраненным. И даже когда не крыл налоговую службу или кого-то еще, кто якобы пытается с ним покончить, то все равно был явно чем-то встревожен.

— Ну, пару месяцев назад он спрашивал меня, не знаю ли я какого-нибудь хорошего частного детектива… Я не знаю, к чему это было, а вновь поднимать эту тему он не стал.

— Я знаю, что вы заработали кое-какие деньги, работая с моим отцом. Вы были преданы ему.

Хэл кивнул.

— И я хочу, чтобы вы были верны мне. Когда

все это закончится, я унаследую все состояние моего отца.

— Похоже, ты в этом совершенно уверена, — заметил Хэл.

— Я невиновна. И хочу, чтобы вы помогли мне. Я вознагражу вашу преданность.

Обещание денег словно разрядило гнетущую атмосферу. Хэл выполнял для ее отца много грязной работы. Подкупал членов городского совета, профсоюзных боссов, журналистов, и, как она подозревала, если кого-то нельзя было подкупить, то пускались в ход иные методы убеждения. Политика — грязная игра, и ее отец, умело играя в нее, всегда оставался чист. Хэл был единственным, кто пачкал руки.

— Я могу быть верным, детка, но такая преданность обходится недешево.

— Вы наверняка зарабатывали не больше миллиона в год, работая на отца. Я могу предложить условия получше. Три миллиона долларов в качестве компенсации ваших расходов как душеприказчика — которые будут выплачены, как только меня оправдают, а мою сестру осудят за убийство.

— И что именно я должен делать?

— Остаться верным памяти моего отца. Если он

собирался изменить свое завещание, то, значит, что-то подтолкнуло его к этому решению. Я хочу, чтобы вы это выяснили.

Хэл обдумывал эти слова всего три секунды, после чего ответил:

— Я сделаю все, что в моих силах. Полиция пока что не пускает меня в дом. Это все еще место преступления, но я поспрашиваю — посмотрим, с кем общался твой отец. И постараюсь разыскать Модина.

— Спасибо.

— Нет проблем. Послушай, мне и вправду пора ехать. Не возражаешь, если перед уходом я воспользуюсь твоей ванной комнатой?

Обойдя кухонный «островок», она взяла Хэла под руку и ненавязчиво повела его ко входной двери.

— Мне так неловко… Это здание старое, действительно очень старое. Унитаз опять засорился, и я уже целую вечность жду сантехника. Управдом — просто козел.

— Хочешь, чтобы я прислал тебе сантехника?

— Не волнуйтесь, завтра прямо с утра ко мне кто-нибудь обязательно зайдет. А пока что как-нибудь обойдусь.

У входной двери она обняла его.

— Если вам удастся связаться с Майком Модином, то дадите мне знать, что он сказал, хорошо? — спросила она, глядя Хэлу прямо в глаза.

Он кивнул:

— Попробую связаться с ним прямо завтра с утра.

Поблагодарив его, она закрыла дверь, а Хэл вышел в коридор и направился к лифту. На двери у нее было целых пять отдельных замков, и она не спеша заперла каждый из них. Закончив, прислонилась спиной к стене и прислушалась к тому, как с грохотом закрылись двери лифта, а затем к слабому гудению и постукиванию противовеса, двигающегося вверх по мере того, как кабина опускалась на первый этаж.

Ее взгляд упал на пакеты, стоящие рядом с входной дверью. Она перебрала их, прикидывая вес. А когда нашла самый тяжелый, размерами примерно с большую коробку для пиццы, но вдвое толще, подхватила его и направилась в кухню. Там поставила коробку на стойку, отыскала в ящике ножницы и принялась срезать упаковочную ленту. Наконец крышка поднялась, открыв простую коробку чуть поменьше размерами, спрятанную внутри. Эту она вскрыла попросту ногтями. Заглянула внутрь, а затем поставила

на стойку.

Оглянувшись через плечо, убедилась, что жалюзи на кухне закрыты, прежде чем раздеться догола. Аккуратно сложив одежду в стопку и пристроив поверх кроссовки, подхватила коробку и направилась в ванную, где уселась на унитаз, оставив дверь открытой.

Подошвы ног быстро замерзли на белом кафельном полу. Облегчая мочевой пузырь, она вынула из коробки некое устройство и принялась изучать его. То было серебристым, блестящим и восхитительно пахло машинным маслом. Она вытерлась, встала, спустила воду в унитазе и нашла конец электропровода, свисавшего с устройства. Воткнула его в розетку над раковиной и ногой захлопнула дверь ванной.

Потом повернулась к ванне и отдернула свисавшую до пола занавеску.

Ванна была до краев наполнена пакетиками со льдом.

Среди этих пакетиков проглядывало обращенное к потолку мертвое лицо Майка Модина, на котором все еще застыло удивленное выражение. Чтобы заманить его в квартиру, потребовалось немало усилий. У нее уже не было времени ждать, поэтому она проделала это вчера вечером. Сказа-

ла ему, что прямо перед смертью ее отец составил еще одно завещание — написанное от руки и должным образом засвидетельствованное, что делало недействительным завещание, составленное несколько лет назад в кабинете Майка. Поделилась своими опасениями, что сестра попытается убить ее, если узнает о существовании этого документа, — что это она убила Фрэнка, думая, что он еще не составил завещание, исключающее ее в качестве наследницы. Она, мол, не доверяет никому, кроме Майка. Он должен встретиться с ней прямо сейчас, она ждет его возле его офиса. Модин вышел к ней на улицу, и они вместе отправились к ней на квартиру, где она якобы спрятала завещание.

Как только Майк переступил порог ее квартиры, у него уже не было ни единого шанса. Она применила электрошокер, чтобы обездвижить его, а затем затащила в ванную и связала ему руки и ноги. Час спустя Майк был мертв, ее филейный кухонный нож почти полностью затупился от активного использования, а она была довольна тем, что ее отец все-таки не сообщил Модину о своем намерении вычеркнуть ее из завещания. Он всего лишь назначил встречу, не более того. Она вела психологическую шахматную партию

против отца и сестры уже несколько лет. Фрэнк как-то узнал об этом. Она была в этом практически уверена — или, по крайней мере, у него возникли серьезные подозрения. Так что папочке пришлось умереть. Она должна была убедиться, что он никому ничего не рассказал, прежде чем у нее появится шанс убрать его. И на данный момент была вполне уверена, что его подозрения умерли вместе с ним. Учитывая, сколько усилий она приложила, орудуя ножом, Модин наверняка сказал ей правду.

О частных детективах Майк никак не упомянул. Она и без того знала о них, но они не дали Фрэнку ничего стоящего — она об этом уже позаботилась.

Теперь, склонившись над ванной, она принялась выгребать из нее пакетики с тающим льдом, которые использовала, чтобы охлаждать тело Майка. Побросала их в раковину. Кожа Майка была холодной, но она все равно провела по ней пальцами, наслаждаясь ощущением. Коснулась его языка и глаз. Осознав, что начинает отвлекаться, наклонилась, чтобы взять устройство, только что извлеченное из коробки. И тут замерла. Немного поколебавшись, недовольно фыркнула. Она кое-что забыла.

— Алекса! Поставь «Она» Элвиса Костелло! — громко произнесла она.

— Ставлю «Она» Элвиса Костелло, — отозвался механический голос из динамиков. И тут квартира мгновенно наполнилась ее любимой песней. Сегодня ей хотелось послушать ее именно в исполнении Костелло.

Музыка была призвана заглушить шум. Нажав на кнопку включения своей новенькой хирургической пилы и подпевая знакомой мелодии, *она* принялась за дело.

Глава 8

Эдди

Харпер позвонила мне сразу после того, как ушла от Софии, около пяти часов вечера. Она почти ничего не смогла от нее добиться, и голос у нее был усталый. Мы договорились встретиться за завтраком на следующий день, после моей встречи с Драйером в прокуратуре.

За всю мою адвокатскую практику я еще ни разу не видел примера хорошей досудебной сделки. Даже если обвинение предлагает вашему клиенту выгодные условия за признание вины — в

первую очередь сокращение тюремного срока за то, что город экономит на судебных издержках, — у меня всегда остается чувство сожаления. В случае подобной сделки приговор клиенту выносит прокурор, а не судья. Конечно, вы можете малость поторговаться, но обычно в такой ситуации у вас нет особой власти. Гарри Форд, еще до того, как стал судьей, однажды сказал мне, что именно сделки о признании вины способны ввязать тебя в неприятности с клиентами. Конечно, поначалу такая сделка им очень даже по вкусу — всего какой-то год отсидки за признание вины вместо судебного разбирательства, в результате которого может корячиться все пятнадцать лет «строгача». Не такая уж и большая премудрость даже для тех клиентов, которых ну никак не отнесешь к великим мудрецам. Но уже после шести месяцев гостеприимства Департамента исполнения наказаний, проведенных в двухместной камере в Синг-Синге, когда впереди еще шесть месяцев, вы просто удивитесь, сколько клиентов начинают жаловаться, что это адвокаты заставили их признать вину — ведь на самом-то деле они чисты, как слеза младенца. Увы, но многие из них говорят правду. Ни в чем не повинные люди признают себя виновными каждый божий

день в каждом уголке Америки, поскольку прокурор предлагает им сделку, которая позволяет отсидеть совсем небольшой срок, а затем выйти на свободу и спокойно жить прежней жизнью. Пойти на сделку и провести за решеткой один год или рискнуть получить от двадцати пяти до пожизненного? Нетрудно понять, почему люди соглашаются на такие схемы.

В общем, досудебные сделки никогда не доставляли мне большого удовольствия, а бывать на Хоган-плейс мне нравилось еще меньше. Офис окружного прокурора представлялся мне вражеской территорией. Всегда представлялся. И всегда будет.

Дверь лифта открылась прямо в приемную окружного прокурора, где за регистрационной стойкой восседал Херб Голдман. Иногда мне кажется, что он — это неотъемлемая часть тамошней обстановки, причем не только из-за его многолетнего пребывания на этой работе. Его кожей вполне можно было бы обтянуть диван, где она сошла бы за тонко выделанную итальянскую кожу. И все-таки, даже в его возрасте, от Херба мало что ускользает. Он знает все сплетни в прокуратуре, и он старше самого Господа Бога. А возможно, даже мудрее. Я подошел к ярко-фи-

олетовому галстуку и широкой улыбке Херба. Он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

— Как вышло, что тебя до сих пор не лишили лицензии, Эдди? — поинтересовался Херб.

— Просто до сих пор не поймали… Я думал, ты уже умер.

— Я? Нет, только достойные умирают молодыми.

— В таком случае этот галстук проживет дольше, чем ты. Что это там на нем, черепашки? — осведомился я, наклоняясь, чтобы получше рассмотреть галстук Херба, но тут же решил, что не хочу подходить к нему так близко, и отступил на шаг.

— Этот галстук мне купила жена.

— Тогда тебе пора развестись.

— А ты знаешь какого-нибудь хорошего адвоката? — спросил он, приставив ладонь козырьком ко лбу и оглядывая приемную, словно ковбой, озирающий бесплодную прерию.

— Тебе следовало бы жить в одном из тех домов престарелых во Флориде, чтобы изводить людей своего собственного возраста.

— Не искушай меня. Я бы с удовольствием вышел на пенсию, да только не могу. Окружной

прокурор постоянно грозится подарить мне золотые часы, а я отвечаю всем одно и то же — что просто не могу уйти на покой. Это же смертный приговор — жена убьет меня, если я весь день буду торчать дома. А окружной прокурор, который спишет меня в утиль, будет соучастником этого убийства.

— Если твоя жена убьет тебя, окружной прокурор пришлет ей цветы и благодарственную открытку.

У Херба вырвался смех, который зародился где-то в животе и с шипением вырвался наружу, прежде чем сорваться с губ в виде пронзительного какофонического хрипа и клекота. Прямо как у пса Маттли из известного мультика.

— Сейчас проведу тебя к Драйеру, вместе вон с той компашкой, — сказал он, указывая кончиком авторучки в другой конец комнаты.

Я этого не заметил, когда вошел, но слева от меня на диване восседали Леви с той девицей, с которой я познакомился возле отдела полиции, — Кейт. А в кресле рядом с ними я узрел еще одно знакомое лицо: парня от силы лет двадцати пяти с внимательным взглядом — того самого, которого я видел входящим вместе с Леви в допросную Александры пару дней назад.

Присутствие Леви и его команды означало, что скоро забот у всех будет полон рот.

Когда я подошел, они поднялись.

— Эдди, рад вас опять видеть, — произнес Леви тоном, в котором даже близко не прозвучало ни искренности, ни тем более радости. — Это мой помощник Скотт Хелмсли.

Он указал на светловолосого парня в обтягивающем костюме слева от себя. Я уже видел его в Первом райотделе в ночь ареста, но тогда у меня не было возможности как следует его рассмотреть. Выглядел он недостаточно взрослым, чтобы даже бриться, но все же расплылся в улыбке кинозвезды и протянул мне руку, вылезшую из-под двойной манжеты шелковой рубашки.

— Рад познакомиться, — произнес Скотт и крепко стиснул мне руку, как это делают некоторые мужчины. Я всегда считал, что парни с крепким рукопожатием просто что-то этим компенсируют. Людям, которые и вправду способны раздавить вам пальцы, не нужно доказывать свою силу при помощи подобного приветствия.

Женщина справа от него, Кейт, склонила голову, подняла носок туфли к потолку и повертела им туда-сюда, опираясь о каблук. Одета она была в серую юбку делового покроя, белую блузку и

черный пиджак. Руки она сцепила перед собой, и мне было видно только ее макушку. А потом подняла на меня взгляд.

Последовала неловкая пауза. Недолгая. Может, всего секунды на четыре или на пять, но этого оказалась достаточно, чтобы Леви успел сделать вид, будто совершенно забыл про нее. Заметив, как Кейт вертит носком своей туфли, он просто хотел убедиться, что мы с ней знаем принятую у него иерархию касательно сотрудников.

— О, простите, а это… — наконец добавил Леви, не поворачиваясь к ней и просто протянув ладонь в ее сторону, словно чтобы подчеркнуть запоздалую мысль.

— Кейт Брукс, — громко произнес я, проходя мимо Леви и Скотта. — Мы уже познакомились в полиции. Как вы?

— Всё в порядке, спасибо, мистер Флинн.

— Зовите меня просто Эдди, — сказал я.

Леви закусил губу. Я сразу учуял запах дерьмовых офисных разборок — его и за пятьдесят ярдов можно было учуять.

— Как там ваша клиентка? — спросила она.

— Получше. Ее выписали из больницы и выпустили под залог. Насколько я понимаю, и вашу тоже.

— Д-да, она…

— Верно, — сказал Леви, вставая между нами и обрывая Кейт на полуслове. Потом поддернул брюки, поводя ими из стороны в сторону и словно навинчивая их на живот. — Итак, как думаете разыграть все это с Драйером? Предлагаю просто выслушать его, а потом выйти из кабинета и все как следует обдумать. Никаких решений прямо там. Единственное, на чем мы настаиваем, — это разделение процесса. Надо провести отдельные судебные слушания — наши клиентки обвиняют друг друга, так что ничего другого не остается.

Я кивнул, ничего не ответив. Кейт отступила на шаг и опять опустила голову, тогда как Скотт бочком придвинулся к Леви, кивая каждому его слову, словно его босс излагал какие-то библейские истины. Две секунды назад я разговаривал с Кейт, а теперь эти красавцы буквально растоптали ее, захватив контроль над пространством и разговором.

Я подумал, каким же маленьким должен быть член у Леви, чтобы он получал такое удовольствие, унижая свою сотрудницу. И пришел к выводу, что чертовски маленьким.

Тут Херб крикнул из-за своей стойки:

— Мистер Драйер примет вас всех в конференц-

зале. Проходите, он уже ждет. Рад был повидаться, Эдди!

— И я тоже, Херб, — отозвался я.

Леви повернулся к двойным дверям, расположенным сразу за диванами в приемной, и махнул рукой через плечо, словно командир, подзывающий к себе своих солдат. Скотт мигом пристроился рядом с ним, а Кейт двинулась последней, сжимая в руке блокнот. Протянув руку к голове, она вытащила из пучка волос шариковую ручку. Распахнув двери конференц-зала, Леви пропустил Скотта вперед, даже не взглянув на него. Когда мимо него проходила Кейт, я заметил, как взгляд Леви скользнул по ее икрам. Когда он наблюдал за Кейт со спины, его толстые губы брюзгливо поджались, что я расценил как его довольство увиденным.

Он отпустил дверь и уже собирался войти сам, когда я рванулся вперед и перехватил закрывающуюся дверь, врезавшись в него всем своим весом. Он пошатнулся и отлетел на пару шагов, размахивая своими хилыми ручонками, чтобы сохранить равновесие. Умудрившись наконец ухватиться за кресло, бросил на меня сердитый взгляд. Жар в его взгляде вызывался в основном смущением. Я заметил, как Кейт прикрыла рот

рукой, стараясь не рассмеяться.

— Простите, Тео, я думал, что вы держите дверь. Виноват, — извинился я.

Он раздраженно отвернулся от меня, отодвинул кресло и сел.

Овальный стол для совещаний был рассчитан на десятерых — четыре кресла с одной стороны, еще четыре с противоположной и по одному на обоих концах. Дверь в дальнем конце зала открылась, и вошел Уэсли Драйер. У него была медленная, уверенная походка, тонкие губы и редеющие волосы. Лысеть он начал, думаю, еще когда ему было чуть за двадцать. То, что оставалось на макушке, было тщательно причесано, хотя и выглядело почти прозрачным. Костюм на нем был другой — не тот, в котором он щеголял сегодня утром на предъявлении обвинения Софии. Этот был бледно-голубым, с рубашкой такого же цвета и темно-синим галстуком.

— Садитесь, пожалуйста, господа — и дамы, — сказал Драйер, подчеркнуто вежливо кивнув Кейт.

А потом выдвинул кресло во главе стола. Я обошел стол и занял место напротив Леви и его команды. Прежде чем сесть, Драйер расстегнул пиджак, разгладил галстук и грациозно пристроил

свою задницу в кресле. Чуть ли не по-балетному. Достал из кармана пиджака авторучку, отвинтил колпачок и принялся педантично и тщательно, аккуратным почерком, едва ли не с завитушками, делать заметки в своем блокноте. Записал, кто присутствует на встрече, поднес руку к глазам, глянул на свой «Ситизен» и отметил время. Затем отложил ручку, поправил манжеты и аккуратно переплел пальцы. Некоторые его движения, хотя и грациозные, несколько напоминали движения рептилии. Он был похож на змею, свернувшуюся кольцами и готовую метнуться вперед.

— Буду краток и не стану повторяться — так что, наверное, вы захотите делать заметки, — сказал Драйер.

Кейт, Скотт и Леви уже держали ручки наготове, нависнув над своими блокнотами, на страницах которых золотыми буквами было вытеснено название фирмы.

Я скрестил руки на груди, шмыгнул носом и стал ждать. Не поворачивая головы, Драйер скосил взгляд влево и остановил его на мне. В то время как остальные склонили головы, готовые записывать каждое его слово, я не сводил глаз с Драйера. В мой план игры входило все, что способно выбить прокурора из колеи. Похоже, это не

сработало. Драйер смотрел на меня так, словно у него на руках были одни тузы и при этом он знал, что у меня всего лишь пара восьмерок.

— Суд состоится в январе. У нас есть бóльшая часть улик и мотив. С основными обстоятельствами дела, которыми располагает дознание, вы уже ознакомились, а прочим я надеюсь снабдить вас в самое ближайшее время. Все, чего я пока жду, — это полные отчеты криминалистической экспертизы и свидетельские показания поверенного покойного, мистера Модина. Предварительные отчеты криминалистов у меня уже имеются. Со временем вы получите и окончательно оформленные, но вкратце могу сказать, что у меня имеются улики, связывающие с этим убийством обеих ваших клиенток. И только ваших клиенток.

— В каком это смысле *только* наших клиенток? — уточнила Кейт.

Стоило ей произнести эти слова, как Леви недовольно хрюкнул, после чего Кейт опустила взгляд в свой блокнот и сглотнула. Леви явно не приветствовал попытки своих подчиненных подавать голос на встрече с прокурором. А я подумал, что это совершенно правильный вопрос. Мне и самому пришло в голову то же самое. Соображалка

у Кейт работала как надо. Она мне нравилась. В случае с Леви не имело значения, что она задала хороший вопрос, — важен был сам факт, что она осмелилась вообще открыть рот.

— Что ж, мисс Брукс, я бы попросил вас оставить все возникающие у вас вопросы до конца этой встречи, но раз уж вы спросили, то сейчас я вам отвечу, — сказал Драйер, не глядя на Кейт. Вместо этого он нацелился взглядом на Леви, словно признавая его старшинство. — Обе ваших клиентки были задержаны непосредственно на месте преступления. Больше в доме никого не было. Судмедэксперт установил, что время смерти примерно совпадает с тем, когда поступили звонки в службу спасения. Мы не ищем других подозреваемых — обнаруженные криминалистами улики привязывают ваших клиенток не только к месту преступления, но и к собственно убийству.

Записав ответ, Кейт опустила плечи, как будто стараясь казаться как можно меньше. Одними губами произнесла «простите», покосившись на Леви, который лишь закатил глаза и приложил указательный палец к губам. Не важно, что это не стоило потраченного времени и сил — если б я работал на Леви, то давным-давно влепил бы по этим толстым губам кулаком.

Я обдумал эту новую информацию и то, как она соотносится с историей Софии. Дом Фрэнка представлял собой практически особняк. Множество комнат, три высоких этажа… Вполне возможно, что София и Александра могли находиться в доме в одно и то же время и даже не подозревать о присутствии друг друга.

— Это убийство совершено либо одной из ваших клиенток, либо сразу обеими. В таком случае, учитывая результаты криминалистической экспертизы и показания свидетелей обвинения, это будет совместное судебное разбирательство. Все доказательства частично совпадают, — сказал Драйер.

Совместное судебное разбирательство по такому делу, как это, — заветная мечта любого прокурора. Поскольку двое подсудимых обвиняют друг друга, присяжные, скорее всего, не поверят ни одному из них, и оба будут осуждены. Если один из обвиняемых каким-то чудом сумеет убедить присяжных в своей невиновности, другой примет удар на себя. Это гарантирует обвинителю победу при любом раскладе.

Леви выстрелил первым:

— Совместного судебного разбирательства вам не видать как собственных ушей! Когда один

подсудимый обвиняет другого, уголовный кодекс и судебная практика предписывают разделить судебные процессы. Мистер Флинн не обязан вызывать свою клиентку для дачи показаний, а если он решит этого не делать, то это будет нарушением конституционного права моей клиентки встретиться лицом к лицу со своим обвинителем. Это несправедливо. Прямо с ходу могу сказать: мы категорически против, окончательно и бесповоротно. Это ясно? — оттарабанил Леви.

Если Драйер малость и опешил от услышанного, то никак этого не показал. Он опять одернул манжеты рубашки, убедившись, что они выступают из-под рукавов пиджака ровно на полдюйма, прежде чем взять ручку и записать возражение Леви.

— Дело в том, что нам придется вести два практически идентичных дела против ваших клиенток, а это создаст излишнюю финансовую нагрузку на город. Это должно быть совместное судебное разбирательство. Меня очень активно к этому подталкивают.

— Кто подталкивает? — уточнил я.

Леви явно не возражал против этого вопроса — больше того, даже согласно кивнул. Мы стали ждать ответа. Его так и не последовало.

— Мистер Флинн, мистер Леви: если кто-то из вас хочет разделить процесс, вам нужно обратиться в суд с соответствующим ходатайством. Мы будем возражать против этого ходатайства. Это все, что я могу сказать по этому поводу. А теперь я хотел бы перейти к сути этой встречи, если вы не против.

Драйер обвел взглядом обе стороны стола. Леви и его команда молчали, а я подался вперед, готовый его выслушать.

— Спасибо. Окружная прокуратура принимает во внимание тот факт, что обе ваши клиентки обвиняют друг друга в убийстве. Мы считаем, что совместное судебное разбирательство приведет к осуждению *как минимум* одной из них. Присяжные могут вынести обвинительный вердикт обеим обвиняемым, и мне не нужно напоминать вам, что это наиболее вероятный исход данного процесса. Предлагаю сделку, условия которой действительны только на данный момент. Двенадцать лет в обмен на полное признание вины и заявление о причастности другой обвиняемой. Если одна из сестер даст признание, то фактически выйдет из тюрьмы через шесть лет, а может, и всего через четыре года, при хорошем поведении, в то время как другая проведет там всю

жизнь. Это разовая сделка, доступная только одной из обвиняемых. Предложение остается в силе в течение сорока восьми часов, начиная с сегодняшнего дня.

А люди еще удивляются, с чего это обычные граждане признают себя виновными в преступлениях, которых они не совершали… Драйер довольно точно все описал. Вполне возможно, что в ходе совместного судебного разбирательства будут осуждены сразу обе женщины. Шансы на победу одной из них крайне невелики, поскольку обе называют друг друга лгуньями и убийцами. Большинство присяжных в совместных процессах не верят ни одному из подсудимых и признаю́т виновными обоих. В подобной ситуации вполне имело смысл признать вину и отсидеть четыре года вместо пожизненного заключения.

Ни Леви, ни я так и не произнесли ни слова. Я наблюдал за тем, как Драйер пощипывает циферблат своих часов, и мне потребовалась секунда, чтобы понять, что на самом деле он устанавливает таймер. Без дураков. И у Леви, и у меня имелись профессиональные обязательства донести это предложение до наших клиенток. Позволить им самим принять решение. Я не хотел, чтобы на

Софию оказывалось такое давление, да еще и в самом начале, но, похоже, у меня не было выбора.

— Если ни одна из обвиняемых не признает себя виновной и не окажет содействия в привлечении к ответственности другой обвиняемой, мы передаем дело в суд. Больше никаких предложений и продлений не будет. Сорок восемь часов. Если признания не будет, а суд примет решение провести совместное разбирательство, тогда я предлагаю обеим вашим клиенткам пройти проверку на полиграфе.

— Что? — изумился Леви.

— Вы меня услышали.

— Результаты проверки на детекторе *лжи* не являются допустимыми доказательствами в этом штате, — напомнил я.

— Судом не принимались старые методы проверки на полиграфе. Технологии не стоят на месте. Сейчас полиграф является допустимым доказательством в восемнадцати штатах. Мы уверены, что сможем доказать компетентность нашего эксперта в Нью-Йорке. На данный момент используемые им методы признаны важным инструментом при расследованиях, проводимых правоохранительными органами. В этом деле многое зависит от доверия к вашим клиенткам.

Кому поверят присяжные? Одной из них или вообще никому? Мы проинформируем суд о том, что обеим было предложено пройти проверку на полиграфе, и в случае отказа обязательно воспользуемся этим фактом. Судья может сослаться на это в своем заключительном слове перед присяжными.

Я недооценил Драйера. Это было чертовски умно. Настоящий шахматный ход. Если одна из сестер откажется от проверки на детекторе лжи, это выставит ее виновной. Если откажутся обе, то это будет выглядеть так, будто они вместе участвовали в убийстве. А если одна из них успешно пройдет проверку на детекторе лжи, а другая нет, Драйер сможет использовать это, чтобы осудить ту из сестер, тест которой дал негативные результаты.

Я сунул руку во внутренний карман пиджака, наблюдая, как багровеет лицо Леви. Выглядел он так, как я себя чувствовал. Только вот я старался этого не показывать. Держал свои карты при себе. Судебное разбирательство по делу об убийстве требует абсолютно бесстрастного покерного лица. Леви стал отвечать Драйеру так громко и быстро, что с губ у него маленькими белыми хлопьями слетала слюна, падая прямо на стол. Я

уперся локтями в колени, после чего под столом, вне поля зрения Драйера и команды защиты Александры, открыл бумажник Леви и начал копаться в нем. Я подрезал этот лопатник в тот самый момент, когда якобы случайно наткнулся на Леви в дверях. Вообще-то я не собирался так сильно его толкать, но «щипок» вышел довольно неуклюжим — я давно не практиковался, и если б не вывел его из равновесия, он сразу бы что-то почувствовал. А так он ничего не заметил. Я подумывал прихватить и его телефон, но почувствовал, как тот завибрировал, едва я только протянул к нему пальцы. Просто невозможно подрезать вибрирующий телефон, чтобы терпила этого не прочухал. Так что пришлось довольствоваться только этим коричневым кожаным бумажником.

Внутри я обнаружил четыре стодолларовые купюры, две двадцатки, одну пятерку и обычный набор кредитных и дебетовых карточек. Нашлись там членские билеты каких-то спортклубов, скидочные карты различных магазинов и нечто вроде толстой пластиковой визитки с вытисненной на ней надписью «Конфиденциальные предложения» — явно недешевой, с хорошим дизайном. Буквы «К» и «П» были крупней остальных

и выполнены каким-то витиеватым шрифтом. Ни номера телефона, ни адреса веб-сайта — лишь кьюар-код для смартфона на обратной стороне. Карточку я прибрал в карман, а бумажник закрыл и бросил его на пол подальше от себя, под стол.

Когда я поднял голову, Леви все еще кипятился, тыча пальцем в Драйера, который с совершенно невозмутимым видом наблюдал за ним.

— Мистер Леви… — попытался было вставить прокурор.

— Я еще не закончил, далеко не закончил — мэр обязательно узнает, что за оскорбительные…

— Мистер Леви, с меня хватит. Встреча окончена, — объявил Драйер, отъезжая от стола вместе с креслом.

— Погодите-ка, Леви… Да заткнитесь вы на секундочку, черт возьми! — вмешался я.

Выражение лица Леви настолько позабавило Драйера, что он остался сидеть в кресле. Я увидел, как Скотт, лакей Леви, нахмурил брови, явно адресуя свое недовольство мне. Кейт прикусила губу, едва сдерживая довольную улыбку.

Поскольку Леви все еще ловил мух широко разинутым ртом, я перешел к главной причине, по которой явился сюда.

— Какие бы предложения вы ни выдвинули,

все это не будет иметь никакого веса в суде, если вы не поделитесь еще какими-то доказательствами обвинения. Обвиняемый имеет право знать, на каком основании ему что-то предъявляют. Давайте посмотрим, чем вы располагаете, — тогда наши клиентки смогут сделать осознанный выбор.

— Согласен, — просто сказал Драйер, после чего встал и вышел из комнаты, но всего на несколько секунд. Когда он открыл дверь, я увидел, что в коридоре столпилось с полдюжины прочих прокурорских — должно быть, услышали разглагольствования Леви и пришли послушать. Когда Драйер вышел в приемную, они быстро разошлись — за исключением одного, который вручил ему два толстых коричневых конверта. Прокурор поблагодарил своего помощника, а затем отступил в открытую дверь и передал по конверту мне и Леви. И, не сказав больше ни слова, удалился.

Поднявшись из-за стола, я небрежно произнес:

— Под столом лежит чей-то бумажник. Лучше подберите его. В этом здании нет ни одного честного человека, который вернул бы его. Увидимся позже, ребятки. Я позвоню вам, Тео. Позвольте один совет — если вам что-то нужно, просто

попросите об этом. Это намного проще, чем колотить кулаками по столу.

Он начал было что-то говорить, но я уже вышел из комнаты. Я хотел, чтобы Тео пребывал в боевом настроении. Когда у адвоката кипит кровь, он не думает, а просто бушует. А вот мне требовалось время, чтобы подумать. Тео не был похож на судебного защитника. Выглядел он скорее как тот, кто скорей предложит своему клиенту договориться с обвинением. Он из тех, кто без раздумий изложит суть сделки своей клиентке и постарается убедить ее, что сделка выгодная.

Мне хотелось увидеть реакцию Софии на эту сделку. И нужна была полная уверенность в том, что она не причастна к смерти своего отца. На каком-то глубинном уровне я чувствовал, что София невиновна, но в некоторых делах все равно по-прежнему теплится огонек сомнения. Я хотел, чтобы она задула эту свечу.

Этот судебный процесс представлялся мне сплошным кошмаром. Однако и у Драйера имелись некоторые проблемы — у него пропал свидетель. Он никак не мог разыскать Майка Модина, поверенного Фрэнка. Когда он сказал, что у него нет полученных от того показаний, я уловил что-то у него в голосе — нотку тоскливого раз-

дражения. Модин, кем бы он ни был, наверняка не хотел быть замешанным в судебный процесс по делу об убийстве даже в качестве свидетеля и просто водил окружного прокурора за нос, скрываясь от него. Дело было и вправду не из лучших — из тех, к которым вряд ли захочешь иметь хоть какое-то касательство.

Суть же наихудших дел всегда сводится к тому, кто говорит правду.

Проверка на полиграфе в подобном деле подобна ручной гранате, готовой в любой момент взорваться прямо у кого-нибудь перед носом. Либо у Софии, либо у Александры. И не важно, с какой стороны посмотреть — одна из них точно убийца. Я просто надеялся, что это не София.

И у меня было чувство, что я вот-вот это выясню.

Глава 9

Кейт

На тротуаре Хоган-плейс Леви первым делом подтянул штаны и вопросил:

— Каким местом ты там думала, Кейт?

Та почувствовала, как кровь бросилась ей в

щеки.

— В офисе окружного прокурора веду переговоры я. Ты — младший помощник. Тебе следовало бы об этом помнить. Ты поставила меня в неловкое положение, ты вообще это осознаешь? Ты подорвала мою репутацию. Еще раз так поступишь — получишь коленкой под зад. Понятно излагаю, малышка? Или ты хочешь, чтобы я говорил помедленней?

Это заявление Леви повергло ее в шок, вызвав целую бурю эмоций. Долгое время Кейт задавалась вопросом: может, такое занятие ей просто не по силенкам? Регулярные подколки Леви касательно ее мелких промахов автоматически заставляли ее чувствовать себя неполноценной. Хотя в последнее время она стала все чаще приходить к выводу, что дело отнюдь не в ее способностях и профессиональной подготовке — по крайней мере, не целиком и полностью. Однако эта обращенная к ней тирада была изрядно сдобрена ядом. Кейт посмотрела на Скотта, который опустил голову и начал отходить в сторонку. Она чувствовала себя ребенком, которого отчитывает родитель и который не понимает, что такого он натворил. Открыла было рот, но не произнесла ни слова. Быстро заморгала, что-то неразборчиво

пролепетав, а затем плотно сжала губы, когда на смену растерянности пришло иное чувство — гнев. Кейт хотела заговорить. Хотела сказать Леви, куда именно он может засунуть эту работу. Что он самодовольный сексист и говнюк. Она стиснула зубы, во рту пересохло. Прохожие на улице явно видели, что происходит, и, проходя мимо их примолкшей троицы, с любопытством поворачивали к ним головы. Леви явно дожидался ее реакции.

Кейт покачала головой.

— Если ты собираешься и дальше заниматься этим делом, то будь больше похожа на Скотта. Мы с ним сейчас возвращаемся в офис, а тебе я предлагаю воспользоваться остатком утра, чтобы хорошенько подумать. Никакой самодеятельности, Кейт. Приходи после обеда, подготовленная, настроив голову на игру. Если ты не готова к этому, то, пожалуй, тебе стоит сменить отдел. Уоллесу постоянно нужен младший юридический персонал для оформления завещаний. Пошли, Скотт, — поедем на моей машине.

На этом оба ушли. Кейт начинала уже привыкать к чему-то подобному, и чувство пустоты в груди лишь росло. Она хотела пользоваться успехом у Леви. Он был и вправду хорошим ад-

вокатом. И ее начальником. Он мог бы сделать ей отличную карьеру. А еще хотел переспать с ней. В этом Кейт была совершенно уверена. И чем больше отвергала его ухаживания, тем более агрессивным становилось его отношение к ней. В первый же месяц работы под его началом Леви предложил подбросить ее домой, и она почувствовала, что у нее нет иного выбора, кроме как согласиться. Он ведь ее босс. В машине, возле ее дома, Леви завел с ней неловкий разговор.

— Красивое здание, — заметил он.

— В прошлом году его чуть не снесли, — сказала Кейт.

— Да ну? А так никогда не скажешь. Оно выглядит таким… историческим, — продолжал он, изо всех сил пытаясь выдумать какой-нибудь комплимент в адрес громоздящегося перед ними обшарпанного монстра. — Я жил примерно в таком же доме, когда только переехал в этот город. В этой округе все квартиры примерно одинаковы. Было бы здорово взглянуть, вспомнить юность, — добавил Леви, улыбаясь своими маленькими черными глазками.

— Простите, Тео, но у меня там полный бардак. Я не могу принимать гостей в неубранной квартире, — ответила Кейт, хватаясь за ручку

дверцы.

— Не стоит смущаться. Мы же знаем друг друга. Мы ведь коллеги. Пожалуй, нам стоит получше узнать друг друга…

Кейт наконец дернула за ручку, быстро выбралась из машины, обернулась и сказала:

— Спасибо, что подвезли. — И тут же захлопнула дверцу. А потом закинула сумку на плечо и как можно быстрей двинулась к зданию, прислушиваясь к звуку мотора у себя за спиной и страстно желая, чтобы Леви наконец прибавил газу и свалил от нее подальше. Однако единственным звуком у нее в ушах было биение ее собственного сердца и тихое пофыркивание машины Леви, которая неподвижно стояла на прежнем месте.

Она буквально спиной чувствовала на себе его взгляд.

С того самого дня Кейт стала брать с собой на работу кроссовки. В конце рабочего дня, когда Леви собирался ехать домой, она сидела за своим столом, сжав плечи и застыв от страха.

— Ты слишком много работаешь. Пошли, я подброшу тебя домой. Мы могли бы даже перекусить по дороге. Любишь суши? Погоди-ка, что за дурацкий вопрос?.. Ну кто же не любит суши? Я знаю отличное местечко на…

— Нет, всё в порядке, Тео. Спасибо, но я прихватила с собой спортивную форму. Домой я побегу. В нынешние дни трудно найти время, чтобы поддерживать себя в форме, — отозвалась Кейт, достав из спортивной сумки кроссовки и воздев их над головой в доказательства своих намерений.

— Тебе это ни чему. По-моему, ты и так в отличной форме, — сказал он.

От этих слов ее едва не стошнило.

Иногда Леви проявлял настойчивость, выдвигая подобные предложения по два-три раза за вечер. Не хочет ли она чего-нибудь выпить или поужинать? Или объявлял, что купил через интернет билеты на какое-нибудь бродвейское шоу, или снял на сутки номер в «Четырех сезонах» — не хочет ли она составить ему компанию?

Кейт отказывалась. Каждый раз. Казалось, это не имело абсолютно никакого значения. Он клал руку ей на плечо, как бы ненароком касаясь пальцами шеи, а затем вздыхал и уходил. Каждый вечер, когда он скрывался за дверями лифта, Кейт вздрагивала от облегчения, расправляла плечи и чувствовала, как наконец спадает охватившее ее напряжение.

На совещаниях Леви частенько устраивал-

ся рядом с ней, и его рука похлопывала ее по коленке или бедру, когда он представлял ее кому-нибудь из клиентов или адвокатов противоположной стороны. Это было неприятно. Он словно предъявлял на нее права — делал ее своей собственностью.

Каждый вечер сразу по возвращении домой Кейт принимала душ, и вовсе не потому, что вспотела после пробежки — она никогда не добиралась домой бегом. Вся эта чепуха касательно поддержания себя в форме была лишь отмазкой. Она мылась, чтобы избавиться от его запаха, от того мерзостного ощущения, которое испытывала, когда он прикасался к ней. Это уже начинало сказываться на ее здоровье.

В последнее время у Кейт часто болела голова. Она знала, что все это из-за стресса. Причем вызываемого не какими-то заморочками на работе, а ее собственным боссом. Хуже всего приходилось по пятницам, когда она относила папки с делами в его машину, а он стоял в лифте у нее за спиной, мысленно раздевая ее, и сердце у Кейт гулко колотилось в груди, когда она ждала, что он сделает какое-нибудь движение или прикоснется к ней.

Чем больше Кейт избегала встречаться с Леви с глазу на глаз и придумывала всякие отговорки,

почему она якобы не может поужинать с ним, тем более заметным становилось его раздражение. Он регулярно критиковал ее работу под маркой «обратной связи и наставничества», и Кейт не могла не заметить, что чем больше она отвергала его ухаживания, тем более ядовитой становилась критика.

Она даже подумывала о том, чтобы подать жалобу, но у нее никогда не возникало ощущения, что он пересек черту, необходимую для обвинений в домогательстве — сколько бы Кейт ни перечитывала внутрикорпоративный документ, излагающий политику защиты от домогательств и выложенный во внутренней сети фирмы. Иногда Леви был довольно близок к тому, чтобы переступить эту черту, и Кейт знала, что всего одного подобного случая недостаточно — требовалось доказать, что они происходят систематически, хотя как, черт возьми, она могла это сделать, когда большинство подобных инцидентов происходили только тогда, когда поблизости не наблюдалось ни одного свидетеля? Это были бы всего лишь слова Кейт против слов Леви. А кроме того, младшие сотрудники, рискнувшие подать жалобу на кого-нибудь из партнеров фирмы, частенько оказывались на

улице, причем без всяких рекомендаций, что практически ставило крест на любых попытках впоследствии найти работу по специальности. Кейт такого не хотелось. Она слишком уж многим пожертвовала, чтобы попасть сюда.

Пока Леви и Скотт уходили от Кейт по Хоган-плейс, упрек Леви по-прежнему продолжал звучать у нее в ушах. Немного постояв, она направилась в противоположную сторону, намереваясь вернуться домой — пусть даже короче было бы двинуться вслед за ненавистными коллегами. Приметив первый же узенький переулок, быстро нырнула в его спасительную тень. Слез не было, но ей хотелось расплакаться. Трепет в груди, вскоре превратившийся в спазм, пресекший дыхание, так и не пройдет, если не открыть некий предохранительный клапан и не выпустить все это наружу. Поплакать иногда полезно. Кейт знала это, прочтя немало книг по самопомощи, но устроена была по-другому. Она не могла плакать. Больше не могла — по крайней мере, с того дня. Клапан был плотно закрыт и законтрен, удерживая все эти бурлящие эмоции внутри. Хотя одна мысль немного успокоила ее. Пульс поутих, а дыхание замедлилось и стало более глубоким.

Ей захотелось домой. Но только не в свою квар-

тиру. Домой.

Сорок пять минут спустя Кейт сошла в Эджуотере с парома, на который села в Мидтауне, оказавшись в другом штате — Нью-Джерси. Здесь в девятилетнем возрасте она играла на заброшенной фабрике «Келлог» со своей подругой детства, Мелиссой Блок. Теперь фабрика исчезла, а на ее месте раскинулась современная яхтенная марина. Время не стоит на месте: большинство промышленных предприятий уступили место дорогим прибрежным кондоминиумам, и Эджуотер превратился в нечто вроде модного Золотого побережья[81]. По крайней мере, частично. Протянувшаяся параллельно берегу Гудзона улица под названием Ривер-роуд отделяла дорогие прибрежные кварталы от всего остального города — сразу за ней, на холмах, недвижимость стоила как минимум вдвое дешевле. Выйдя из паромного терминала и перейдя дорогу, Кейт направилась в восточную часть городка. Миновав несколько риелторских контор, в конце квартала свернула направо на Гудзон-авеню и принялась одолевать крутой подъем к улочке Аделаида-плейс и дому

[81] notes: 81

Золотое побережье применительно к штату Нью-Йорк — престижный участок с самой дорогой недвижимостью на северном побережье Лонг-Айленда.

своего отца.

Луис Брукс переехал в Эджуотер еще в семидесятых. В то время он работал полицейским в Нью-Йорке, а напарником у него был Джерри Блок, отец Мелиссы. Именно Джерри и уговорил ее отца переехать сюда. Недвижимость тогда стоила дешево, поскольку как минимум за сотню лет земля здесь была основательно отравлена производителями кукурузного масла и химикатов. Обе семьи поселились бок о бок на Аделаида-плейс. Это было волшебное время — детство в маленьком городке с подругой, которая воспринималась как сестра. Жизнь была прекрасна. То есть до той поры, пока Джерри Блока не арестовали.

Когда перед ней наконец открылся дом в колониальном стиле, в котором она выросла, икры у нее уже горели огнем, а ступни болели после подъема. Кейт взбиралась на холм в туфлях на каблуках — кроссовки остались в ящике стола на работе. Она уже поднималась по кирпичным ступенькам крыльца, обрамленным крашеными деревянными перилами, когда входная дверь открылась словно сама собой.

Кейт ожидала увидеть своего отца — седого как лунь семидесятилетнего старика, который по-прежнему думал, что ему сорок пять. Луиса

Брукса — именно «Лу-иса», и никаких там «Лу-и». Носил он обычно клетчатую ковбойку и рабочие брюки, а его морщинистое, но приветливое лицо всегда было слегка перепачкано краской или машинным маслом, а то и тем и другим одновременно.

Но дверь открыл не отец. Вместо этого она обнаружила, что смотрит на высокую, эффектную молодую женщину. Черные волосы той, длинные на макушке и зачесанные назад, были растрепаны по бокам. На ней была черная джинсовая куртка, темно-синие джинсы и зеленая рубашка. Никакой косметики. Только широкая улыбка на лице. Это была лучшая подруга Кейт, Мелисса Блок.

Мелисса на несколько лет уезжала из родного городка — после поступления на службу в полицию ее частенько переводили в различные подразделения по всей стране. Полгода назад она досрочно уволилась из органов и переехала в свой старый дом по соседству с домом отца Кейт. Это стало большим облегчением для Кейт, которая жутко скучала по Мелиссе с самого момента ее отъезда. Теперь Блок зарабатывала себе на жизнь в качестве внештатного инструктора полиции Нью-Йорка — вела курсы повышения квалифика-

ции по вождению, технике силового задержания и следственной практике. В свободное время Луис тоже не давал ей сидеть без дела, регулярно обращаясь с просьбами помочь с какой-нибудь очередной самоделкой — когда, по его словам, было не обойтись без дополнительной пары рук. И Кейт, и Блок знали, что на самом деле Луису не требовалась никакая помощь — ему просто нужна была компания.

— Разве ты не должна быть сейчас на работе? — спросила Блок.

— Я взяла на это утро отгул, — ответила Кейт.

Склонив голову, Блок несколько секунд пристально смотрела на Кейт, прежде чем отойти в сторонку и пропустить ее в дом. Кейт знала, что подруга на это не купилась. Хотя проблемы на работе занимали все мысли Кейт двадцать четыре часа в сутки, она еще никому о них не рассказывала — даже Мелиссе. Это была ее личная проблема, так что она твердо решила не раскисать, держать язык за зубами и просто перетерпеть происходящее. На кухне Луис уже разливал кофе. На щеке и воротнике рубашки у него красовались какие-то темные пятна — то ли краска, то ли смазочное масло. Если он и заподозрил неладное по причине подобного визита в

рабочее время, то никак этого не показал. Кейт подумала, что наверняка он просто рад ее видеть. Луис вручил Кейт и Блок дымящиеся кружки, и все уселись за кухонный стол.

Сделав глоток, Кейт ощутила, как теплеет на душе. Дело было не только в кофе — было что-то безопасное и целительное в том, чтобы находиться сейчас дома с отцом и лучшей подругой. Помимо того, что они с Блок были соседками, а их отцы — друзьями, Кейт всегда ощущала более сильную связь с ней. Обе не могли и дня провести без книжки и обладали высоким интеллектом, но все-таки в чем-то неуловимо отличались друг от друга. Кейт была единственной в классе, кто был способен запросто управиться даже с самой сложной экзаменационной задачей, в то время как Блок единственная во всей школе могла в любой момент сказать, у кого из учителей любовная интрижка, и с кем, и как долго.

— Почему ты не на работе? — спросил Луис.

— Я взяла на это утро отгул, — повторила Кейт.

Блок с Луисом обменялись взглядами, но ничего не сказали.

— А мы тут с Мелиссой просто говорили о древесине. Она собирается что-нибудь сегодня прикупить, чтобы сделать шкафчик. Ей самое

время обзавестись хоть какой-нибудь мебелью.

— Мне много не нужно, — тут же вмешалась Блок.

Кейт улыбнулась. Подруга могла попросту купить любую мебель, но у Луиса заканчивались проекты. Изготовление шкафчика заняло бы его как минимум на пару недель.

— Твой отец сказал мне, что ты представляешь интересы Александры Авеллино, — сменила тему Блок.

— Ой, да нет, ее интересы представляет наша фирма. Я просто в команде. Работаю на подхвате. Проверка фактов, ведение записей, такого вот всё рода…

Прежде чем Кейт успела закончить, как у нее задрожала нижняя губа. Отец инстинктивно потянулся к ней, коснулся ее руки, и события последних нескольких дней посыпались из нее как из дырявого мешка. Правда, она так и не осмелилась сказать отцу, что подвергается сексуальным домогательствам со стороны своего босса. Луис хранил дома несколько пистолетов, на один из них даже имелась лицензия. И он был нью-йоркским копом старой закалки, так что вполне был способен объявиться на пороге у Леви, ткнуть ему в рожу стволом тридцать вось-

мого калибра и напомнить наглецу о кое-каких правилах поведения.

Кейт рассказала им об утренних событиях и угрозах Леви. Отец отвернулся, постукивая правой подошвой по полу. Она увидела, как Блок нетерпеливо подалась вперед.

— Он назвал тебя малышкой? О, какая прелесть… А ты что ему ответила? — спросила та, упершись локтями в стол и даже вытянув шею, чтобы не пропустить ни слова из той потрясающей тирады, которую, по ее мнению, явно выдала Кейт в ответ на «малышку».

Но та лишь покачала головой:

— Ничего я не ответила. Просто не смогла.

Явно не уловив суть истории, Блок на миг растерялась, а затем пристально посмотрела на Кейт — как будто пытаясь понять, что же случилось с ее подругой, которая умела осадить любого парня одним-единственным взглядом, а в споре на повышенных тонах всегда одерживала верх. В те дни Кейт была крепким орешком. Могла в случае чего вступиться и за Мелиссу, и уж точно не стала бы терпеть оскорблений, причем от кого угодно. Еще в раннем возрасте Кейт отлично умела ранить словами — они и были ее главным оружием.

Ее отец допил свой кофе и, стараясь по своему обыкновению избежать излишне серьезного или даже просто хоть в чем-то значимого разговора, предложил:

— Пойдем-ка покормим птичек.

Кейт последовала за подругой и отцом в мощеный дворик, где стояли две большие кормушки для птиц. На жердочке одной из кормушек сидел одинокий зеленый попугай. В Эджуотере такая картина не была чем-то из ряда вон выходящим. Это был один из довольно многочисленных здесь попугаев-монахов. Никто точно не знал, как и почему эти птицы вдруг стали гнездиться в Эджуотере — такие в Нью-Джерси в жизни не водились. Некоторые утверждали, будто бы они удрали из лопнувшего упаковочного ящика в аэропорту Кеннеди в шестидесятых годах. Однако никаких подтверждений тому не имелось.

Кейт помогла отцу наполнить кормушку семенами и орехами, которые он хранил в старом бочонке, а ее подруга наблюдала за обоими. Через несколько минут она произнесла:

— Мне пора бежать, Луис, — можно я заберу эти…

— Да, конечно, — отозвался тот, после чего засунул руку поглубже в бочонок и рылся в его

содержимом, пока не нашел искомое. Когда он вытащил руку, в ней был желтый конверт с мягким наполнителем, который он и передал Блок.

— Это последние из денег твоего отца. Здесь всего пара штук. Надеюсь, они принесут тебе удачу, — добавил он.

Кейт отвела взгляд. Джерри Блок не был продажным полицейским, как кое-кто думал. Он просто отказался стучать на своих коллег-копов, замеченных во взятках и прочих злоупотреблениях, а поскольку наказывать было некого, руководство полиции Нью-Йорка решило повесить всех собак на Джерри. Остальные сотрудники отдела собрали тогда деньги для его семьи. Деньги наверняка были грязными, но попавшего в такой переплет Джерри это уже не волновало. Кейт всегда это знала, но теперь она была юристом. Да еще судебным. Она была обязана сообщить об этом куда следует, но никогда бы этого не сделала. Ни за что на свете. Это было семейное дело.

— Я сегодня же закажу доски в «Хоум Депо», — заверила Блок. — А вот за это — большое спасибо.

Луис лишь кивнул.

Кейт проводила подругу до входной двери.

— Это, конечно, не мое дело… — начала Блок,

спустившись по ступенькам крыльца, и повернулась к Кейт: — Но ты заслуживаешь работать в этой фирме. Без дураков. Ты ведь Кейт Брукс из Эджуотера, штат Нью-Джерси!

Потом она вздохнула, покачала головой и добавила:

— Твоя мама такого не потерпела бы.

Кейт посмотрела, как Блок садится на мотоцикл, услышала, как взревел мотор, и проводила ее взглядом. Блок говорила мало, но стоило ей заговорить, как это стоило послушать. Слова подруги все еще осыпались вокруг Кейт, словно снежинки, и каждое из них было холодным и в то же время нежным напоминанием о том, что она все еще жива, что она настоящая и ощущает каждое мгновение этой жизни. Сокрушительная волна воспоминаний согнула ее пополам, так что ей пришлось упереться ладонями в поручень крыльца. Пришибла ее не боль, а стыд. Ей было стыдно за то, что она все скрывает — за то, что делает вид, будто все в порядке, за то, что ничего не говорит. Капая на выгоревшие серые доски, следы оставляли на них темные круглые пятна.

Кейт не плакала с тех самых пор, как умерла ее мать. За год до того, как Кейт окончила юридическую школу, у матери обнаружили рак.

Давали той еще год. Покопавшись в интернете, Кейт нашла специалиста, который согласился повторно осмотреть мать и дать заключение. На следующий день после договоренности с этим онкологом мама объявила ей, что решила не ходить на прием — мол, такое случается, жизнь прожита и просто пришло ее время. Хватит с нее врачей. Сюзанна Брукс умерла за неделю до того, как Кейт окончила школу. Мама взяла с нее обещание не плакать во время церемонии, и Кейт сдержала его — все было выплакано еще за последние дни, и на похороны у нее просто не осталось слез. Она успешно сдала адвокатский экзамен, набрав в том году второй по величине балл среди всех экзаменующихся, и получила работу в «Леви, Бернард и Грофф».

Уже через месяц после начала работы ей пришлось связаться с парой онкологов, чтобы подготовить медико-юридическое заключение для дела о врачебной халатности, которое тогда вела фирма. Одним из них оказался тот самый специалист, к которому она записала свою мать. Они поговорили по телефону, и Кейт упомянула, что они уже общались.

— Да, я помню. Не стану делать вид, будто помню всех своих пациентов, Кейт, но ваших маму

и папу я помню хорошо. Знакомая история. Страховые компании — самые отъявленные подонки на свете.

— Простите? Что-то я не пойму… Мама сказала, что просто не пойдет на прием.

— Нет-нет, они приходили и общались со мной. Я сказал вашей маме, что мы, скорей всего, сможем дать ей еще от трех до пяти лет с этим новым препаратом. Ее страховка его не покрывала, а лечение было очень дорогим. Я очень сожалею о вашей утрате.

— Чушь какая-то — у моего отца имелись кое-какие сбережения… У него были деньги на лекарства. Я знаю, потому что он оплатил мои расходы на обучение.

Внезапное осознание поразило Кейт, словно обухом по голове, и она быстренько свернула разговор, поблагодарив врача за потраченное время. А потом съездила домой, и ее отец во всем признался. Сюзанна не хотела, чтобы ее дочь обременяли студенческие долги, которые она никогда не сможет выплатить, и отец использовал семейные сбережения, чтобы оплатить обучение дочери в юридической школе. Деньги, которые у них были, деньги, на которые можно было купить лекарства, способные продлить жизнь ее

матери, пошли на обучение Кейт. Они не могли позволить себе сразу и то и другое. Кейт была для своих родителей самым важным человеком на свете. На этом настояла ее мать.

Диплом юриста и работа в фирме достались ей очень высокой ценой. Вот почему Кейт всегда приходила в офис первой и уходила последней. Ее мать подарила дочери несколько лет своей жизни. И Кейт не могла теперь отказаться от этого подарка. Эта жертва двигала ею. Заставляла ее молчать. Она не хотела раскачивать лодку.

Кейт подумала, что сказала бы сейчас ее мать. Она бы не хотела, чтобы Кейт страдала молча. Ей бы хотелось, чтобы Кейт могла постоять за себя. И вот все это время ее дочь держала рот на замке в присутствии Леви — стыд пожирал ее, как огонь, хотя и быстро остывал, превращаясь в нечто гораздо более жесткое.

Кейт поклялась себе, что если в офисе фирмы опять произойдет нечто подобное, она обязательно сообщит об этом. Время вышло. Хватит убегать. Хватит прятаться. Хватит кусать губы. В следующий раз она использует свой голос на полную катушку.

Потому что она — дочь Сюзанны Брукс.

Потому что она — Кейт-так-ее-растак-Брукс из

Эджуотера, штат Нью-Джерси.

Фрэнк Авеллино
Запись в дневнике, пятница, 31 августа 2018 г.

07:55

Ненавижу писать всю эту херню. Никогда раньше этого не делал. Я не из тех, кто хочет видеть свои мемуары опубликованными. У меня в шкафу столько скелетов, что их хватит на целое кладбище – дважды. Это по предписанию врача. И только для меня. А еще для дока Гудмана. Хрен его знает, чего он хочет, чтобы я тут писал.

У меня опять были провалы в памяти. Сейчас половина девятого утра. Я не сплю с четырех. Захотелось отлить, и не смог снова заснуть. Все как обычно. Если не простата, так хотя бы мозг. Хэл Коэн наконец-то уговорил меня обратиться к врачу по поводу обоих. От простаты я принимаю таблетки, а для мозга нужно писать всю эту чепуху. Док задал мне несколько вопросов, на кото-

рые я ответил, и он сказал, что со мной всё в порядке. Но, мол, чтобы просто доставить ему удовольствие, просит меня записывать свои мысли и любые симптомы, которые я замечу. Он навестит меня через пару месяцев. Прочтет это дерьмо, и оно его усыпит, я это знаю.

Может, он и прав. А может, все это ни о чем. Или это просто старость. В последнее время я хоть что-нибудь да забуду. Могу забыть про таблетки, которые должен принимать вечером. Или оставить открытым кран с горячей водой. Иногда я смотрю телевизор и не могу вспомнить, успел ли поужинать. Но самое гадство – это что я стал пропускать деловые встречи. Если я кому-то говорю, что буду присутствовать на каком-то мероприятии, то всегда являюсь на это мероприятие. Без всяких исключений. Просто не могу поверить, что на прошлой неделе я пропустил целых четыре встречи. Просто тупо забыл про них. Наверное, мне стоит нанять личного помощника. Но он все равно не сможет позвонить мне и напомнить, чтобы я

надел носки. Про это я тоже забыл на прошлой неделе.

Вроде бы мелочи. Беспокоиться не о чем. Так сказал врач.

Сегодня я чувствую себя просто замечательно. Никаких проблем. Я прекрасно помню, что должен сделать и где должен быть. Всё в порядке.

А сейчас меня ждет завтрак с Хэлом Коэном.

23:00

Вечером приходила Александра. Славная девочка. Умница. Она опять бегала в парке. Сказал ей, что не стоит бегать в парке по вечерам. Это небезопасно, тем более в одиночку. Она сказала мне, что способна постоять за себя, и я ей поверил. Александра принесла мне одно из тех смузи, которые я так люблю, из заведения на Второй авеню. Сказала, что сегодня несколько раз пыталась дозвониться до меня. Наверное, разрядился мой мобильник. Нашел на нем пропущенные звонки, но могу поклясться, что он не звонил. А еще я пропустил сегодняшнюю встречу с

бухгалтером.

Опять.

Александра дала мне таблетки и рассказала о сделке, которую она заключила касательно квартиры на углу Тринадцатой улицы и Третьей авеню. Отличная сделка. Молодец девочка! Звонила София. Она не станет приходить сюда, когда в доме Александра. Эти двое по-прежнему не разговаривают друг с другом. Я уже давно оставил любые попытки. Но хотел бы, чтоб София больше походила на Александру.

Когда-нибудь София сведет меня с ума.

Я уже лежу в кровати, но не уверен, почистил ли зубы.

Сегодня я заметил кого-то на улице. Всего в черном. Мне кажется, он следил за мной. Я шел по Парк-авеню и увидел его на другой стороне улицы, после чего вдруг забыл, куда направляюсь, и поехал домой на такси. Я поговорил об этом с таксистом. Он сказал, что, наверное, у меня просто паранойя. Я ответил, что спрошу об этом у Джейн.

Вернувшись домой, я позвал Джейн. И

никак не мог понять, почему ее нет дома.

А потом вспомнил.

Джейн умерла. Я видел ее мертвой на лестнице. Шея у нее застряла в перилах. Перекрученная и сломанная.

И было еще кое-что.

Господи…

Может, это только к лучшему? Есть вещи, о которых я не хочу вспоминать.

Это ужасно. Терпеть не могу все это записывать.

Глава 10

Она

Таймер нагревателя «су-вид»[82] принялся размеренно попискивать. Чуть раньше она уже вставала, чтобы начать готовить кое-какое лакомство к завтраку, а затем вернулась в постель.

---

[82] notes: 82

Су-вид (*фр*. sous-vide) — технология приготовления продуктов в вакуумных упаковках при относительно низкой температуре, несравнимой даже с температурой кипения воды. Считается, что это позволяет сохранить все полезные свойства продуктов. Специальная кухонная техника позволяет с точностью выдерживать необходимую температуру и время приготовления.

День предстоял хлопотный. Сбросив одеяло, она прошлепала на кухню, выключила нагреватель и сняла крышку. Внутри был галлон воды, температура которой поддерживалась на уровне ровно ста тридцати градусов[83] в течение сорока пяти минут. Когда она сунула палец внутрь, вода показалась ей очень горячей, хотя и не обожгла кожу. Достав из водяной бани небольшой пластиковый пакет, она положила его на чистую тарелку. Перед приготовлением мясо было упаковано в вакууме вместе с солью и тридцатью граммами копченого сливочного масла.

Она провела по краю пакета ножом, выпустив облачко теплого пара. Из шкафчика возле коленей достала сковородку с чугунным дном, поставила ее на плиту, зажгла конфорку. Зашипел брошенный на сковороду изрядный кус сливочного масла. Засунув пальцы в пакет, она пощупала кусок печенки. Тот был ощутимо горячим, но не слишком. Не обжигал. На ощупь горячая промасленная печенка оказалась даже слишком уж восхитительной.

Печенку она слегка обжарила с обеих сторон, облизывая замасленные пальцы, и выложила

---

[83] notes: 83
130 градусов по Фаренгейту — примерно 55 °C.

содержимое сковороды на тарелку, на которой уже лежали тосты из хлеба на закваске с мелко нашинкованным авокадо. Несколько капель бальзамического уксуса и ломтик красного апельсина завершили сервировку. Соблазнительные ароматы лишь усилили ее голод. Она отнесла тарелку к обеденному столу, села и принялась за еду.

Наконец отложив нож и вилку, взяла со стола сотовый телефон, лежащий рядом с цифровым диктофоном. Мобильник был одноразовым. Полностью одноразовым. Открыв приложение переадресации звонков, она набрала номер и включила громкую связь. Соединение установилось, послышались длинные гудки. Никто не взял трубку. Она и не рассчитывала, что на звонок ответят. В семь утра в офисе никого не бывает. Она дожидалась автоответчика.

«Это помощник окружного прокурора Уэсли Драйер. Я сейчас недоступен. Пожалуйста, оставьте сообщение после звукового сигнала…»

Дождавшись короткого писка, она ткнула в кнопку воспроизведения диктофона.

«Это Майк Модин. Я слышал, вы меня искали? Простите, что не в самое удачное время. Я годами откладывал деньги, и теперь пришло время

их потратить. Можете называть это кризисом среднего возраста или вообще чем угодно, но я не вернусь. Фрэнк Авеллино мертв, и я могу стать следующим. Он позвонил мне и хотел изменить свое завещание, но не сказал, как и почему. Судя по его речи, я заподозрил бы паранойю и начальную стадию деменции. Это все, что я знаю. Прекратите меня искать. Я не собираюсь с вами разговаривать, мистер Драйер. Просто оставьте меня в покое».

Она оборвала вызов, но диктофон не выключила. Следующий голос принадлежал ей.

«Вот и молодец».

«Это все? Теперь ты меня отпустишь? Перестань, пожалуйста! Пожалуйста, просто отпусти меня! Нет, нет, не делай этого. Нет, не надо…»

Крики Майка на записи превратились в хрип вроде радиопомех. Они были слишком громкими, чтобы микрофон мог их отчетливо уловить.

Оленья печень оказалась хороша. И напомнила ей про того олененка. Его плоть тоже была в меру горячей и пахучей. Хотя быстро остыла. Скоро она больше узнает о деле со стороны обвинения — каких свидетелей и какие данные криминалистической экспертизы они намерены против нее использовать. А еще требовалось знать, какие

улики имеются против ее сестры. В остальном от адвокатов нет особого толку. Задача склонить чашу весов в свою пользу целиком и полностью лежит на ее собственных плечах. Взять хотя бы это сообщение на автоответчике Драйера. Оно может нацелить его в определенном направлении.

Имелось множество способов добиться того, чтобы из зала суда она вышла прямо на свободу. Некоторые участники процесса никогда не изменят своего мнения. Этим бедолагам потребуется ее особое внимание.

Отправляя в рот последний кусочек печенки, она подумала, что в этом блюде все-таки чего-то не хватает. Пожалуй, арманьяка. Тяжеловато для завтрака, хотя для ужина — самое то. Теперь Майк Модин уже разделен на компактные фрагменты, плотно обернутые черным пластиком — каждый с диском соответствующего веса из недавно заказанного ею набора гантелей. В Нью-Йорке есть множество способов избавиться от трупа. Реки, конечно, самый простой вариант. На паромах после десяти утра обычно тихо. Она

возьмет билет до Дамбо[84] на Ист-Ривер, а затем, в тени Бруклинского моста, стоя спиной к камере наблюдения на задней палубе, незаметно вывалит черный пакет из своей спортивной сумки, и никто даже и всплеска не услышит.

Она приняла душ, переоделась для бега.

А потом сделала пометку в блокноте, лежащем на столе рядом с ней. После того как она выбросит в реку руки Майка, надо будет заскочить в винный магазин и купить бутылочку арманьяка.

Глава 11

Эдди

Выйдя из офиса окружного прокурора с дополнительными материалами обвинения в руках, я направился прямиком в ресторан Блума на Лексингтон-авеню, где договорился встретиться с Харпер за поздним завтраком. Явился я туда

[84] notes: 84

Дамбо — нью-йоркский район с мощеными улочками и перестроенными складскими помещениями, в которых сейчас находятся независимые магазины, элитные рестораны и модные кафе. Расположен на противоположной стороне Ист-Ривер от Манхэттена и соединен с ним Бруклинским и Манхэттенским мостами. Изначально это название представляло собой аббревиатуру DUMBO (Down under the Manhattan Bridge Overpass) — нечто вроде «Территория под путепроводом Манхэттенского моста».

пораньше, так что успел ознакомиться с полученными бумагами еще до ее появления. Наряду с криминалистическими отчетами, там имелась и медкарта Фрэнка Авеллино. Он был в неплохой форме, когда погиб. Единственное, что представляло какой-то интерес, — это заключение невролога, в котором говорилось, что у Фрэнка были проблемы с памятью. Бóльшую часть куриного врачебного почерка я так и не сумел разобрать. В конце заключения имелась пометка: «ПО 3/12 ДН, регулярная связь по тлф на предмет любых изм.»

У врачей есть свои собственные сокращения, и далеко не все из них являются общепринятыми или даже приведены в словаре медицинских аббревиатур. Я достал свой телефон, просмотрел эти сокращения в медицинском словаре и обнаружил, что «ПО» может расшифровываться сразу несколькими способами, хотя один вариант подходил больше всего — «Повторный осмотр». Что же касается «3/12», то я уже понял, что речь идет о трех месяцах. Итак, «повторный осмотр через три месяца». Но вот это «ДН» мне так и не удалось разгадать. Судя по всему, это не было чем-то особо важным. Меня куда больше интересовали эксперты обвинения и криминалистические отчеты по

данному делу. Увиденное наводило на мрачные размышления. Прокуратура могла связать Софию с убийством целым множеством способов.

На орудии убийства обнаружены частичные отпечатки пальцев, совпадающие с отпечатками Софии.

На изуродованном теле жертвы найдены фрагменты волос, предположительно принадлежащие Софии.

На одежде Софии — значительное количество крови. Кровь совпадает с кровью убитого.

В прошлом у меня не раз бывали дела, в которых эксперты-криминалисты создавали мне немало проблем. Но я никогда еще не сталкивался с судебным процессом, в котором против моего клиента было бы так много материальных улик. Единственно, что грело, так это что я знал о наличии подобных улик, указывающих и на Александру Авеллино. Если у Драйера выйдет добиться совместного судебного разбирательства, на котором обвиняемые предстанут перед судом присяжных бок о бок, то он добьется самого легкого приговора за убийство за всю историю штата. Все улики на его стороне.

Было и еще кое-что, что вызывало у меня беспокойство. Отчет судмедэксперта о вскрытии

Фрэнка Авеллино я прочитал дважды. Читать этот документ по второму разу вроде не было нужды, но едва только закончив первое чтение, я почувствовал необходимость прочесть его еще разок, как будто что-то пропустил — или же в отчете чего-то не хватало. Фрэнку нанесли множество ножевых ранений, даже укусили. На верхней части груди остался след от единственного укуса. Хотя, если не считать травм, полученных во время нападения, Фрэнк был здоров как бык. Скелет, внутренние органы, суставы — все было просто в образцовом состоянии. Во второй раз я прочел отчет медленней, но опять что-то не давало мне отложить его в сторону. Что-то в нем не складывалось. Наверное, я слишком устал, а может, ужасные подробности того, как человека раскромсали чуть ли не на отдельные куски, просто мешали мне думать…

Я этого не знал. Решил, что надо спросить у Харпер, что она по этому поводу думает.

* * *

Когда она наконец приехала, мы оба заказали кофе и блинчики, а потом я молча сидел, пока Харпер рассказывала мне о том, как провела остаток вчерашнего дня с Софией. Для Софии задачей

Харпер было просто проверить квартиру на предмет безопасности и убедиться, что психическое состояние ее подопечной в норме и что у нее есть все необходимое. Настоящей же целью моей помощницы было разговорить Софию, узнать о нашей новой клиентке все, что только возможно. Я работал вместе с Харпер над двумя своими последними делами, и она была просто великолепна. И не просто умна — ей доводилось спасать мне жизнь. И всякий раз, когда она улыбалась, во мне как будто вдруг что-то загоралось — что, как я думал, никогда уже не загорится опять.

— Мы много разговаривали, — сказала Харпер. — Для молодой женщины, которая так и не смогла окончить колледж, София весьма впечатляет своими познаниями. Начитанная, умная, не хуже нас с тобой. Она была шахматным вундеркиндом, как и ее сестра. Они очень близки по возрасту — меньше года разницы, — но совершенно не похожи. Насколько я могу судить, единственное, что их объединяло, — это родители и шахматы. Шахматам их обучила мать.

— Я так ничего и не знаю о первой жене Фрэнка. Кем она была?

— Ее звали Джейн Марсден. Выросла в Верхнем Ист-Сайде, в шикарном таунхаусе, в богатой се-

мье. Познакомилась с Фрэнком, когда тот только пошел в гору. Джейн была типичной светской дамочкой, и у нее не было никаких интересов, кроме как быть богатой, ходить на всякие приемы и играть в шахматы. Похоже, она хотела передать эти свои знания и умения своим дочерям. Судя по всему, это было все, что она могла им дать. Не думаю, что в их доме было так уж много любви. София сказала мне, что мать даже кусала ее, если она допускала ошибку в игре.

— Кусала?!

— Да, за пальцы или за тыльную сторону ладони. У Джейн явно были серьезные проблемы с головой.

Я кивнул.

— Они обе были еще маленькими, когда их мать упала с лестницы на Франклин-стрит и разбилась насмерть. После этого Фрэнк отправил обеих сестер в разные школы-интернаты. София и Александра не то что не ладили — они просто-таки ненавидели друг друга, и не думаю, что смерть их матери им особо помогла. Вот, собственно, и все, что София рассказала мне о своей мамаше, но еще я навела справки в местном отделе полиции. Фрэнк тогда был на каком-то благотворительном вечере, и дома с Джейн оставались только де-

вочки. В «девять-один-один» позвонили как раз Александра с Софией, когда обнаружили свою мать на лестнице.

— Да ну?

— Просто жуть, правда? Как бы там Джейн ни упала, но ее голова застряла между стойками перил. У нее были сломаны шея и лодыжка. Очень неудачное падение. Чистой воды несчастный случай. В таком виде дети ее и нашли. Не возьмусь сказать с полной уверенностью, но, похоже, вскоре после этого София стала посещать психотерапевта, поскольку ее психическое здоровье начало заметно ухудшаться, равно как и успеваемость. Она так и не смогла оправиться от смерти матери. Оценки, посещаемость — все пошло прахом, и чем дальше, тем хуже. У нее бывали периоды, когда она где-то на годик все-таки могла взять себя в руки — ровно настолько, чтобы поступить в колледж или пройти преддипломную практику, а потом бац — вновь натыкалась на стену: очередной нервный срыв. Бедное дитя…

— Ты ей сочувствуешь?

— Вообще-то да. Ты же меня знаешь — соплей я обычно не развожу. У этой девчонки были все преимущества в жизни, а толку-то? Поневоле задумаешься. Она мне понравилась, Эдди.

— Так что она не убийца, — заключил я.

Харпер откусила хрустящий ломтик бекона, погрызла его передними зубами, обдумывая свой ответ, а затем сказала:

— И никаких мотивов, кроме завещания. Если Фрэнк собирался вычеркнуть одну из них, то, пожалуй, для кого-то это вполне мог быть и мотив, но только не для Софии. Для некоторых людей деньги — это все, что ими движет. Я такого в ней не уловила. И она любила Фрэнка. Она говорила мне, что отец всегда поддерживал ее во время болезни. Хотя после смерти Джейн Фрэнк отвернулся от обеих своих дочерей. Причем София перенесла это намного тяжелее, насколько я могу судить. Фрэнк даже несколько раз укладывал ее во всякие реабилитационные центры — печально, что все вроде начало понемногу налаживаться, и тут Фрэнка убили. А еще она сказала, что после смерти Джейн отец так и не стал прежним. У меня сложилось впечатление, что это было нечто большее, чем просто горе. У Фрэнка была и вторая жена, Хизер, которая умерла от передоза четыре года назад.

— Я помню, что где-то читал об этом. Оксикон-

тин[85] вроде как? Печальная история. Это была случайная передозировка?

— По мнению судмедэксперта, вполне вероятно. Никаких предсмертных записок. У Хизер были какие-то сильные боли, и она подсела на окси. Такое сплошь и рядом случается. Печально, но София и Хизер не были особо близки, хотя Хизер была всего на восемь лет старше ее.

Я подчистил свою тарелку, и официантка подлила нам кофе. Семейная история Софии была донельзя трагичной. Две внезапные смерти, обе явно чисто по воле случая, а теперь еще и убийство ее отца… Подумалось, как бы я сам держался, доведись мне пройти через подобный кошмар. За окном ресторана по-прежнему кипела жизнь, как и всегда в Нью-Йорке. Полицейский-автоинспектор о чем-то пререкался с водителем здоровенного мусорного грузовика, а вокруг них пританцовывал бездомный, корча рожи обоим.

---

[85] notes: 85

Оксиконтин, он же *окси*, — сильное обезболивающее средство на основе полусинтетического наркотика оксикодона, бесконтрольная выписка которого врачами привела к т. н. «опиоидному кризису» (эпидемии наркозависимости среди обычных людей) в США, Великобритании и ряде других стран. Попытки ввести контроль за его оборотом и миллиардные иски к фармацевтическим компаниям практически не уменьшили масштабов кризиса, признанного в США национальным бедствием — оксикодон давно научились синтезировать и в подпольных лабораториях.

Маленькая девочка, которую вела за руку ее мать, последовала его примеру и тоже принялась приплясывать, показав полицейскому язык, когда они проходили мимо этой сцены по тротуару. Мимо окна промелькнула бегунья, одетая во все черное, волосы у нее были убраны под плотно надвинутую бейсболку.

— Мотив — это еще не все, знаешь ли… Как думаешь, София способна убить кого-то подобным образом? Фрэнка ведь фактически на мясо разделали.

— Думаю, что все мы способны на чудовищные поступки, — отозвалась Харпер. — Я вот убивала людей, потому что мне просто ничего другого не оставалось. И ни капельки об этом не жалею. Прямо сейчас кое-какие люди лежат в земле, потому что это *ты* их туда уложил. Вот мы с тобой — двое образованных, рационально мыслящих людей, завтракающих в цивильном месте… Никто и не подумал бы, что мы способны отнять жизнь.

— Но то, как именно убили Фрэнка… Никто из нас не смог бы этого сделать. По крайней мере, я надеюсь, что не смог бы. Как думаешь, а София смогла бы?

— Не думаю, что это ее рук дело. Зачем ей это? Это было убийство безумца, совершенное в при-

ступе ярости. Да, в ней чувствуется гнев, но я просто не могу представить, чтобы София так поступила со своим отцом. Любое насилие в Софии направлено против Софии. Ты видел ее руки?

Я кивнул. Кое-что из сказанного Харпер заставило меня задуматься. В этом деле мне не хватало какой-то важной детальки. И при этом оставалась еще одна, которая никак не вписывалась в общую картину. Две сестры… Отец убит и изувечен, и каждая из них обвиняет другую. У обеих имелась возможность это сделать. И ни у одной из них, похоже, не было причин. Общая сумма наследства составляет сорок девять миллионов долларов, и копы, похоже, думают, что Фрэнк собирался вычеркнуть из завещания одну из сестер. Они не знают, кого именно, а поверенного Фрэнка разыскать так и не удалось. Копы сочли, что мотив был чисто финансовым. Одна из сестер почувствовала себя обманутой — ее собирались вычеркнуть из завещания — и поэтому убила Фрэнка, прежде чем он успел лишить ее наследства. Такова была версия обвинения. Это имело смысл и в то же время не имело никакого смысла. У обеих сестер были деньги. Я явно что-то упускал.

Бегунья, которую я уже видел, опять промелькнула мимо окна. По крайней мере, как мне пока-

залось. Возможно, это была та же самая девушка, а может, и нет. В Нью-Йорке полным-полно любителей бега трусцой. Я покачал головой и допил свой кофе, чтобы отогнать это дежавю. Мне надо было хорошенько выспаться — матрица начинала глючить.

— Я хочу, чтобы ты ознакомилась с вещественными доказательствами. Сегодня утром Драйер предоставил нам предварительные отчеты криминалистов. Особо присмотрись к отчету судмедэксперта. Что-то в нем не складывается — по крайней мере, у меня в голове. Судебный процесс будет проходить быстро, так что нужна полная готовность. Кроме того, Драйер настаивает на совместном процессе.

— А разве у него это выйдет, раз уж обе обвиняют друг друга? — с сомнением произнесла Харпер.

— Он думает, что сумеет отклонить наши ходатайства касательно раздельных слушаний. Возможно, он прав. Мне нужна помощь в этом вопросе. Кто-то, кто знает закон. Юридическое крючкотворство никогда не было моей сильной стороной.

Харпер фыркнула:

— Чья бы корова мычала… Если б тебе требова-

лись аргументы в пользу того, чтобы *нарушить* закон, то ты ухватился бы за любые крючки.

Я уже давно нуждался в ком-то, кто мог бы пособить мне с моей практикой. В каком-нибудь собрате-адвокате, которому я мог бы доверять. В ком-то, кто не стал бы отжимать мои деньги, переманивать моих клиентов или, что еще хуже, наводить порядок в моем офисе. В последнее время я постоянно присматривался в суде к молодым адвокатам, выискивая того, кто мог бы отвечать всем моим требованиям. Но так пока никого и не нашел. Теперь же у меня просто не было выбора. В этом деле мне требовался помощник. Харпер — отличный следователь, но мне нужен был еще один профессиональный юрист.

— Я вроде знаю одного законника, который мог бы присоединиться к твоей фирме, — сказала Харпер.

— Кто это? — заинтересовался я.

— Сначала я спрошу, заинтересует ли его это. Потом поговорим, на проводах Гарри. А сейчас мне пора. Работы еще до жопы.

— Кто этот законник? Ну хотя бы намекни.

— В общем, он теперь не имеет права заниматься судебной практикой, — туманно ответила Харпер.

Я сразу понял, о ком она говорит. И не думал, что он впишется, но попытаться стоило. Харпер была права. Это было ровно то, что надо, хоть этот человек с некоторых пор не имел права и слова произнести в суде.

Я поблагодарил ее, сказал, что она права, и добавил:

— А я пока пообщаюсь с Софией. До встречи!

Харпер встала из-за стола, прихватив бумаги, которые я ей принес. Я не спеша проводил ее взглядом. При всей нашей дружбе я всегда воспринимал ее прежде всего как бывшего агента ФБР, с одинаковой уверенностью владеющего как стволом, так и собственными мозгами, но в последнее время Харпер стала открываться мне и с совсем другой стороны. Через большие окна ресторана я проследил, как она переходит улицу. На пешеходном переходе было многолюдно, и я увидел прямо у нее за спиной ту женщину в черной лайкре для бега и бейсболке. Под бейсболкой, как видно, у нее была сеточка или что-то в этом роде, поскольку я не взялся бы сказать, какой у нее цвет волос. Когда Харпер перешла на другую сторону улицы, бегунья развернулась и побежала в обратную сторону.

Возможно, это была совсем другая девушка —

или, на худой конец, она просто нарезала круги в пределах одного и того же квартала. Я опять выбросил эту бегунью из головы, начиная казаться себе уже полным параноиком.

Мысли в голове беспорядочно сменяли друг друга, и вновь вдруг припомнился тот отчет о вскрытии. На миг показалось, будто я понял, что меня беспокоит. Но эта мысль исчезла столь же быстро, как и появилась. Я попытался дозвониться до Софии, однако она не брала трубку, так что оставил сообщение с просьбой перезвонить мне. Телефон загудел, как только я спустился в метро.

— Мистер Флинн, простите, я пропустила ваш звонок… Что-то случилось?

Это была София. Голос у нее был взволнованный, и она явно запыхалась.

— Всё в порядке. Ничего особенного, но нам нужно поговорить. У вас такой голос, будто вы задыхаетесь… У вас всё в порядке?

— Да, я в порядке.

— Ну вот и отлично. Так мы можем встретиться?

— Конечно. Около пяти? Мне еще нужно кое-куда забежать.

Глава 12

Кейт

В дамском туалете на четырнадцатом этаже здания, в котором располагались офисы «Леви, Бернард и Грофф», Кейт заправила кончики воротничка блузки под лацканы пиджака. Было около двух часов дня, и после раннего завтрака она еще ничего не ела. Была голодна как собака, но слишком зациклена на предстоящей задаче, чтобы заскочить куда-нибудь перекусить.

Посмотрела на свое отражение в зеркале.

Открыла кран, вымыла и вытерла руки.

Опять посмотрелась в зеркало. Подкрасила губы. Резко выдохнула, кивнула и вышла.

Направлялась Кейт в конференц-зал, который был отведен для адвокатов, работающих над делом Авеллино. Леви прозвал это помещение «военным штабом», и, конечно же, когда Кейт открыла дверь, битва там была уже в самом разгаре.

По самому центру зала протянулся длинный стол, заваленный раскрытыми юридическими справочниками, отчетами по судебным делам,

лэптопами, кофейными чашками, блокнотами и карандашами. Группа работала все утро, обсуждая доказательства обвинения и возможные стратегии. На следующее утро всем предстояло представить свои идеи Леви. Босс без обиняков дал понять, что тот, чьи предложения он признает лучшими, скорее всего станет его вторым номером и на суде займет место за столом защиты рядом с ним. Кейт хотелось этого больше всего на свете. Это был ее момент, и она не собиралась упускать его. Это с лихвой искупало все то дерьмо, с которым ей здесь доводилось сталкиваться. Это было все, о чем она сейчас могла думать. У всех остальных в комнате было перед ней преимущество, поскольку утреннее совещание Кейт пропустила. И вот теперь она внимательно изучала материалы обвинения, наверстывая упущенное. От нее не ускользнуло, что Леви намеренно отправил ее проветрить голову, не позволив вернуться в офис. И хотя в рабочем плане она здорово отстала, встреча с отцом и подругой в то утро была именно тем, в чем она так нуждалась.

Едва Кейт устроилась за столом на пустом стуле рядом со Скоттом, как в зал ввалились три адвоката из отдела судопроизводства, некогда

работавшие в отделе уголовного права, которые устроились напротив них. Все мужчины, все в дорогих костюмах, которые казались им слишком тесными, и в слишком тонких галстуках. Представились они ей как Чед, Брэд и Андерсон. Руки никто из них не протянул, но один из них, Брэд, по-приятельски стукнулся со Скоттом кулаками. А касательно Андерсона она так и не поняла, имя это или фамилия. Впрочем, это не имело особого значения. Брэд, Чед и Андерсон выглядели так, будто сошли с одной колодки, — пергидрольные блондинчики, завсегдатаи тренажерных залов с богатенькими предками и трастовыми фондами.

Кейт вернулась к лежащей перед ней стопке бумаг — краткой истории семьи Авеллино с более подробной информацией об Александре и Софии. И чем дальше читала, тем больше убеждалась, что Александра представляет собой абсолютно дееспособную, организованную личность, которая с юных лет держала себя в руках, ни на шаг не сбиваясь с намеченного для себя пути. В то время как София представлялась ей натуральной катастрофой: регулярные уходы в наркотический штопор, череда пребываний в реабилитационных центрах и кабинетах психотерапевтов и

далеко не одно «дружеское вмешательство»[86] по поводу деструктивного поведения. Кейт было приятно сознавать, что она явно представляет невиновного человека, но это осознание лишь усиливало груз навалившейся на нее ответственности.

Бремя доказательства вины вне всяких разумных сомнений лежит на стороне обвинения, но защита в суде ни в чем не повинного клиента, обвиняемого в убийстве, — бремя куда более тяжкое.

Невиновность весит тонну.

— Давайте-ка проясним основные моменты. Хватит уже читать всю эту фигню. У нас сорок один день, чтобы подать ходатайство в суд. Время пошло. Нам нужны материалы обвинения, ходатайства об отклонении исков и ходатайство о разделении процесса. Ну что, псы, какие мысли? — спросил один из блондинов в костюмах. Сосредоточившись на деле, Кейт уже забыла, кто

[86] notes: 86

«*Дружеское вмешательство*» (intervention) — довольно распространенное явление в США. Если кто-то страдает алкоголизмом, наркоманией или каким-то опасным заболеванием, но ничего не делает по этому поводу, собирается группа его друзей, знакомых и родственников, чтобы коллективно надавить на него и заставить предпринять какие-то меры. В крайнем случае такая группа доброхотов имеет право поставить в известность правоохранителей или организовать принудительное лечение.

из них кто. Решила, что это вроде как Андерсон.

— Андерсон, не употребляй здесь такие выражения, — ответил ему Скотт. — Мы тут не все псы, здесь присутствует дама.

Да, Кейт не ошиблась — возглавлял эту компашку именно Андерсон, который теперь стрельнул в Скотта взглядом, в котором ясно читалось: «Да ну?»

— Ладно, ладно, — отмахнулся он, — псы и *сучка*. Так лучше?

Один из мужчин в костюмах протянул к Андерсону ладонь с растопыренными пальцами, по которой тот с удовольствием шлепнул, а другой так расхохотался, что согнулся на стуле пополам. Покосившись вбок, Кейт заметила, что Скотт пытается сдержать смех, хотя и безуспешно.

Она ощутила, как кровь приливает к коже у основания шеи, словно сыпь. Кожа покрылась острыми мурашками и стала чувствительной.

Андерсон наверняка заметил ее реакцию, поскольку выставил перед собой руки ладонями вперед, словно пытаясь остановить мчащийся на него автомобиль:

— Ого, и вправду простите… Я не хотел никого обидеть. Это у нас просто такое чувство юмора — лично к вам это не имеет абсолютно никакого

отношения.

Чед, Брэд и Скотт наконец угомонились и извинились с улыбками на лицах — ни в одной из них не было ни капли искренности. Извинились, потому что так полагалось.

— Он и вправду сожалеет, — сказал Скотт.

— И я. И Брэд, — сказал тот, которого, как видно, звали Чед.

— Я тоже, — многозначительно добавил Андерсон, борясь с очередным приступом смеха. Брэд, который, похоже, соображал чуток побыстрей Чеда, прикусил палец, чтобы не фыркнуть.

— Простите, я вовсе не это имел в виду. Я хотел сказать, что тоже сожалею. А не хэштег «Я Тоже», — добавил Андерсон, изображая пальцами кавычки[87].

— Может, двинемся дальше? — предложила Кейт.

Мужчины выпрямились, теперь уже немного обеспокоенные тем, что обидели Кейт. С нее уже было достаточно всего этого дерьма. Ей просто хо-

---

[87] notes: 87

«*Я Тоже*» (*англ.* #МеТоо) — хэштег, подчеркивающий осуждение сексуального насилия и домогательств со стороны мужчин, который мгновенно распространился в социальных сетях в октябре 2017 г. в результате обвинений в адрес кинопродюсера Харви Вайнштейна, обоснованность ряда которых на данный момент уже официально признана сомнительной.

телось выбежать из комнаты, чтобы куда-нибудь пойти и успокоиться, пока она не успела сказать что-то, о чем может впоследствии пожалеть. Брэд, Чед и Андерсон были старшими по должности за этим столом, и она крепко держала этот факт в голове, так что даже прикусила язык, чтобы с него случайно не сорвалось бранное слово.

— Да, вы совершенно правы. Давайте продолжим. Простите, как вас там зовут, еще раз? — ответил Андерсон.

— Кейт.

— Простите, Кейт. Пожалуйста, поделитесь своими соображениями, — попросил он.

В комнате повисла пауза весом в пятьсот фунтов. Достаточно плотная и глубокая, чтобы утопить человека.

— Я успела уже много прочесть об этой семье. Ситуация там всегда была непростой — может, и не более непростой, чем во многих других семьях, но, что бы там ни происходило в этом доме, София пострадала больше всех. Она просто развалина. Серьезные проблемы с психическим здоровьем, попытки суицида, наркотическая и алкогольная зависимость, непроходящие проблемы с самоувечьями… Обвинению будет проще убедить присяжных в том, что София могла сорваться и

убить своего отца.

Воспользовавшись секундной паузой, Кейт оглядела сидящих за столом.

Смешки и ехидные полуулыбочки исчезли. Скотт и блондины в костюмах слушали — серьезно слушали. То, что Кейт собиралась сказать, звучало безумно, но она была уверена, что это может сработать. Ей просто требовалось достаточно поверить в себя, чтобы высказать это вслух.

Скотт заметил:

— При раздельных судебных слушаниях мы не знаем, какой из процессов окружной прокурор назначит первым. Возможно, сначала они рассмотрят дело Софии, и если ее признают виновной, то Драйер удовлетворится всего одним скальпом — может, и не рискнет преследовать Александру. Но у нас нет способа добиться этого. После того как будет удовлетворено наше ходатайство о раздельных разбирательствах, мы не сможем диктовать, какое из них проводить первым.

Брэд, Чед и Андерсон одобрительно кивнули Скотту, а затем начали просматривать свои записи.

— Вы меня не поняли. Я предлагаю не разделять слушания, — сказала Кейт.

Скотт выглядел так, словно получил по физиономии. Голова у него откинулась назад, он нахмурился, а на лбу появились морщины.

— В каком это смысле не разделять слушания? Поскольку обвиняемые обвиняют друг друга, мы должны попытаться — иначе они просто подорвут доверие к самим себе, тыча пальцем друг в друга. Вдруг Александра решит не давать никаких показаний, а София будет свидетельствовать против нее — тогда нам крышка, — сказал Скотт.

— Это может сработать только в том случае, если Александра все-таки решит давать показания, — возразила Кейт. — Взгляните на это с другой стороны. В отдельном судебном процессе мы должны опровергнуть свидетельства, предоставленные прокурором. А в случае с совместным слушанием нам нужно победить только Софию — психически неуравновешенную наркоманку с длинной историей насилия. Александра — молодая женщина-профессионал, с безупречным послужным списком, которая абсолютно убедительно утверждает, что не имеет никакого отношения к убийству. Она не свидетельница, а просто мечта. Четко формулирующая свои мысли, заслуживающая доверия, искренняя.

— Это чертовски рискованно, — заметил Ан-

дерсон.

— Знаете старый анекдот про двух фотографов-анималистов, которые спугнули льва на африканской равнине? Тот, кто оказался ближе ко льву, мигом стащил сапоги и переобулся в адидасовские кроссовки. Другой фотограф говорит ему: «Да ты и в кроссовках льва не обгонишь». А первый ему и отвечает: «К черту льва! Я должен обогнать ТЕБЯ!»

* * *

Совещание продолжалась еще час, в течение которого сидящие за столом перебрасывались юридическими принципами и стратегиями. И наконец все уже были готовы разойтись, чтобы изложить свои замыслы в письменном виде. Причем не только представить свои стратегии Леви, но и высказать критические замечания в адрес стратегий своих коллег, как это всем было предложено. Все теперь зависело от документа, который Кейт предстояло составить. Завтрашняя встреча с Леви была ее шансом занять второе кресло в суде.

Поужинав в одиночестве всё за тем столом, Кейт лихорадочно колотила по клавишам лэптопа, выстраивая свою теорию проведения совместно-

го судебного процесса и то и дело переключаясь между текстом служебной записки для Леви и загруженным на компьютер досье, которое их следователи подготовили на Александру.

Если б Кейт могла вести такой образ жизни, как Александра, то была бы на седьмом небе от счастья. До ареста Александра была высокой, белокурой, богатой светской львицей на манхэттенской сцене — вечеринки, лимузины, ужины и платья, о покупке которых Кейт могла только мечтать. Ее риелторский бизнес развивался словно сам по себе — она выставляла на продажу недвижимость для сверхбогатых. И сверхбогатые покупали ее, порой даже не осматривая. На глянцевых страницах журналов, посвященных сплетням и светской жизни, красовалась целая выставка ее бойфрендов, сплошь знаменитостей — баскетболисты, актеры, сыновья актеров, телеведущие и даже блогеры, прославившиеся благодаря своим скандальным подкастам. К тому же Александра была умна. У нее было все, чего можно только пожелать. Прекрасная жизнь и прекрасная одежда. «О боже, что за одежда!» — думала Кейт.

Жизнь в стиле Парк-авеню… При деньгах… В полной безопасности и полнейшей роскоши. У

Александры Авеллино не было абсолютно никаких мотивов убивать своего отца. Он подарил ей жизнь, о которой она мечтала. Наставил ее на этот путь. Она была последним человеком на земле, способным причинить ему хоть какой-то вред.

Пробило и миновало шесть часов вечера, но никто не уходил из офиса. Эта юридическая фирма брала со своих клиентов почасовую оплату. И если ты не вносил свою долю в общую копилку этих рабочих часов, то в пять секунд оказывался на улице. Кейт отмечалась при приходе на работу в шесть утра, а выход пробивала в девять вечера. Плюс четыре рабочих часа по субботам. По воскресеньям она пребывала в отключке, отсыпаясь за всю неделю.

Только в восьмом часу домой отправился первый из младших сотрудников. Кейт посмотрела ему вслед и откинулась на спинку стула, подняв руки к потолку и выгнув спину. И в этот момент услышала, как позади нее открылась дверь кабинета Леви и прозвучали чьи-то торопливые шаги. Из кабинета Леви вышел Скотт — пружинистая походка и широкая улыбка на фотогеничном лице, — зашел в лифт и уехал вниз.

Кейт вернулась к экрану перед собой и пе-

речитала последнее предложение, тщательно проверяя, нет ли опечаток. И в этот самый момент опять услышала, как хлопнула дверь Леви. Он редко покидал свой кабинет — обычно лишь отправляясь на какую-нибудь встречу или домой. Там у него имелся личный туалет, а небольшая армия секретарш таскала ему туда обеды и ужины, равно как и бессчетное количество стаканов охлажденного миндального молока. Обернувшись, Кейт поняла, что Леви, на ходу подтягивая штаны, направляется к ней. Когда он остановился за спинкой ее стула, она едва подавила стремление содрогнуться, почувствовав его руку у себя на плече.

— Есть какой-нибудь ответ из прокуратуры на мое встречное предложение? — спросил Леви.

— Нет, пока нет, — ответила Кейт.

— Хорошо. Послушай, Кэти, почему бы тебе не закончить все это завтра с утра? — спросил он.

Она почувствовала, как его указательный палец скользнул по ее ключице, и, не желая кричать или врезать ему локтем по яйцам, просто развернула свой стул так, чтобы оказаться к нему лицом, заставив убрать руку.

— Я не могу, мне нужно дописать кое-какие заметки для завтрашней презентации стратегии.

Я скоро закончу, — сказала Кейт.

— Но тебе нужно поесть. Нужно сделать перерыв. Я знаю отличный итальянский ресторанчик совсем неподалеку от моей квартиры. И самое замечательное, что там есть доставка. Мы могли бы поехать ко мне, что-нибудь у них заказать, откупорить бутылочку вина, и ты рассказала бы мне, как видишь это дело…

На секунду — целую секунду! — мысль о том, чтобы поехать к нему на квартиру, все-таки промелькнула у нее в голове. Кейт хотела получить второе кресло. Просто ужас как хотела. Но этот момент прошел, оставив во рту неприятный привкус, которого раньше точно не было.

— Я немного отстаю со своей служебной запиской. Мне нужно еще кое-что проверить, с чисто юридической точки зрения. Простите, я и вправду хочу все это закончить и завтра произвести хорошее впечатление. Моя стратегия может показаться немного необычной, но она вполне может сработать в пользу Александры. Я и вправду думаю, что заслуживаю шанса занять второе кресло за столом защиты.

Леви отступил на шаг, сложил губы буквой «О», а затем немного помялся и сказал:

— Я только что передал второе кресло Скотту.

Ты уж прости, но мне уже никак не отыграть назад. Ничуть не сомневаюсь, что стратегия у тебя боевая, но она явно не может превзойти задумку Скотта. В каком-то смысле это просто гениально. Безжалостно, что мне нравится, но при этом совершенно нестандартно. Сначала я не мог поверить в то, что он говорит, но он меня убедил. Мы не станем обращаться в суд с ходатайством о разделении слушаний. Это будет совместный процесс. Мы выставим Александру против Софии, и Александра разделает свою чеканутую сестру как бог черепаху. Как там сказал Скотт? Наденем найковские кроссовки, завидев тигра в джунглях… В этих кроссовках от тигра мы не убежим, но если обгоним другого парня, то будем в полном шоколаде. Забавно, не думаешь?

У Кейт гулко забилось сердце — она почувствовала, как пульсирует крупная вена где-то на шее.

— Когда Скотт рассказал вам этот анекдот?

— Буквально только что. Просто блестяще. Я не видел смысла откладывать решение. Скотт получает второе кресло. Если мы подыграем обвинению и получим совместное слушание, я смогу надавить на Драйера, чтобы тот заключил сделку в пользу Александры. Она согласится на признание в нетяжком в пять секунд. Так что,

как видишь, тебе совсем ни к чему заканчивать эту работу к утру. Лучше пошли, поужинаешь со мной. Моя квартира — это реально нечто, понимаешь? Просторная, но в то же время… интимная.

Рот Кейт наполнился желчью. У нее закружилась голова, и она отвернулась от Леви, чтобы опереться на стол. Ей нужно было за что-нибудь ухватиться, иначе ее вырвало бы прямо на пол.

Если б она с самого начала сказала Леви, что это ее идея, то, скорей всего, он бы ей не поверил. Даже учитывая сделанные ею записи, Скотт всегда мог сказать, что это он говорил об этом на собрании, и его придурочные дружки стопроцентно его поддержат. Откуда-то издалека Кейт услышала голос Леви:

— В общем, если потом передумаешь, то заскакивай. Я только что установил джакузи. Там хватит места для двоих. Можно будет немного расслабиться, выпить шампусика и обсудить твои предложения по делу. Никогда не знаешь — может, мне понадобится и третье кресло на этом слушании…

Кейт схватилась за голову.

В голове у нее промелькнул целый ряд возможных действий. Ни одно из них не предполагало

посещения квартиры Леви.

— Нет, спасибо, — ответила она.

Леви попятился — видимо, осознав, что все-таки перегнул палку.

Кейт очень хотелось засунуть свой лэптоп Леви в задницу, но вместо этого она щелкнула мышкой, возвращая потухший экран к жизни, и проверила электронную почту, на которую только что пришли заметки Брэда, Чеда и Андерсона для комментариев. Она распечатала их, а потом еще два документа. Достала листы из копировального аппарата, схватила пальто и нажала на кнопку вызова лифта. Пока она стояла там, у нее возникли некоторые сомнения. То, что она собиралась сделать, было опасным и совершенно возмутительным. Это могло стоить ей карьеры.

Двери лифта открылись, и Кейт вошла в кабину — совсем одна. Отдел кадров располагался этажом ниже. Она уже подумывала о том, чтобы нажать на кнопку этого этажа, пойти к начальнику отдела и подать жалобу на сексуальные домогательства и дискриминацию. Двери начали закрываться.

Она напомнила себе, что она — Кейт Брукс.

И нажала на кнопку с цифрой «один». С нее хватит. Пришло время прибегнуть к радикальному

варианту. Любые жалобы на Леви не выдержат никакой критики. Практически невозможно доказать, что человек сделал что-то плохое, когда работаешь в офисе, на фирменном бланке которого красуется фамилия этого человека.

Так что никаких заявлений о сексуальных домогательствах.

То, что Кейт держала сейчас в голове, было гораздо более разрушительным.

Глава 13

Эдди

Я прождал в своем офисе до половины шестого, а потом позвонил Софии. Она опаздывала уже на полчаса, и я хотел убедиться, что она все-таки появится.

На сей раз София ответила на мой звонок.

— Господи, простите! Я, наверное, задремала… Можно я прямо сейчас приеду?

Я глянул на часы. Через полчаса мне надо уже было уходить к Гарри, так что этот вариант исключался.

— Может, завтра с утра? Годится? — спросил я.

— Конечно, спасибо. И еще раз: простите, по-

жалуйста.

— Нет проблем. Послушайте, я могу сам завтра к вам заско…

— Нет, — резко оборвала она меня, — я сама к вам приеду. Мне так удобней.

Я дал отбой, мысленно проклиная предстоящий вечер. Всяческие светские тусовки наводили на меня тоску еще со студенческих времен. Едва закончив юридическую школу, я дал себе торжественное обещание избегать любых подобных мероприятий, особенно требующих вечерних нарядов. Все полученные мной приглашения с пометкой «смокинг обязателен» отправлялись прямиком в мусорную корзину.

Но от этого приглашения было никак не отбрехаться.

Смокинга я дома не держу и, блин, уж точно не собирался брать его напрокат. В китайский ресторан Вонга я заявился в обычном черном костюме, белой рубашке и черном галстуке — наряде, вполне уместном что на светском приеме, что на похоронах. В кармане пиджака до сих пор лежала программка заупокойной службы с последних похорон, на которых я в нем присутствовал. Хоронили престарелого аферист по имени Билли Бэнгс, который в семидесятых обчи-

стил половину «Золотой мили» в Лас-Вегасе. Эти похороны оказались чертовски депрессивными. Уже в самом понятии «престарелый мошенник» есть что-то унизительное. Эта профессия не слишком-то хорошо сочетается со старостью. Я засвидетельствовал почтение покойному и по-быстрому свалил оттуда.

На сей раз у входа в хорошо знакомый ресторан мне вручили бокал шампанского с серебряного подноса, и официантка провела меня в глубь заведения. С потолка длинного, ярко освещенного зала свисало множество китайских фонариков и две люстры в форме драконьих голов. Прием начался в шесть, а пришел я около семи. Отклонить приглашение я не мог, но мне не требовалось являться вовремя. Гарри Форд знал, что я здесь в знак протеста.

Гарри я приметил в другом конце зала, в котором толклись мужчины в смокингах и их жены в сверкающих вечерних платьях — сплошь видные адвокаты, судьи и сотрудники суда. Все они явились сюда ради Гарри. И наверняка девяносто девять процентов из них сейчас находились здесь, потому что это от них ожидалось. Оставшийся же один процент гостей ставил своей целью проследить за тем, чтобы Гарри благо-

получно управился с происходящим. Я тоже относился к этой однопроцентной категории. Я пришел сюда в первую очередь для того, чтобы поддержать своего друга Гарри Форда.

За небольшой трибуной в другом конце зала я увидел судью Стоуна. Гарри стоял слева от него. Стоун как раз заканчивал свою речь:

— Заслуги судьи Форда перед этим городом неизмеримы. Он один из наших самых уважаемых коллег, который в свое время был просто-таки замечательным адвокатом и стал еще более замечательным судьей. Дамы и господа из Южного округа Нью-Йорка, прошу вас поднять бокалы. Тост! За Гарри Форда! Пожелаем же ему еще долгих лет безмятежной жизни на пенсии, чего он безусловно заслуживает. За Гарри!

— За Гарри! — вразнобой подхватила толпа, и все вежливо пригубили шампанское. Я одним махом осушил свой фужер, огляделся в поисках места, куда бы его поставить, и тут увидел ее.

На этой женщине было длинное платье, открывавшее спину чуть ли не до самой талии, волосы закручены в замысловатые локоны и украшены яркими драгоценными камнями. Она обернулась, словно ощутив на себе мой взгляд.

— Харпер? — осторожно произнес я.

Она улыбнулась и, извинившись перед четырьмя или пятью окружившими ее мужиками, направилась ко мне.

— Так и знала, что ты опоздаешь… Я и сама только что ввалилась, — сказала Харпер.

— Ты выглядишь… просто офигительно, — запинаясь, вымолвил я, не в силах — или, может быть, не желая — говорить что-либо еще.

Ухватив меня за локоть, Харпер приблизила свои ярко-красные губы к моему уху. Я ощутил ее дыхание у себя на шее, которую словно обожгло огнем.

— Никогда еще не бывала в одном помещении с таким количеством придурков. Пошли выручать Гарри, — шепнула она.

Мы стали вместе пробираться сквозь толпу. Я никогда еще не видел Харпер в таком наряде. Это явилось для меня полным откровением. И я не мог сказать ей, что при этом почувствовал. Не мог вообще ничего сказать. Как будто в горле у меня застряла пробка. Кляп. Может, это было и к лучшему. Харпер заслуживала кого-то поприличней меня.

— Предоставляю слово виновнику торжества! — объявил судья Стоун, отходя от микрофона, чтобы освободить место для Гарри.

Я увидел Гарри впервые за две недели, и мне показалось, что за это время он заметно похудел, хотя обычно был даже излишне грузноват, и это ему шло. Стоя за трибуной, Гарри казался каким-то старым и тощим. Даже щеки у него ввалились.

Мы с Харпер остановились в толпе, отделенные от него всего парой-тройкой гостей.

— В жизни мне довелось быть мойщиком посуды, поваром холодного цеха, разносчиком газет, самым молодым темнокожим капитаном в Вооруженных силах Соединенных Штатов, судебным клерком, адвокатом и, наконец, судьей. Хотя я бы сказал, что на протяжении пятидесяти лет моя карьера шла в обратном направлении. Лучшей работой, которая у меня когда-либо имелась, было мытье посуды во «Всеамериканской закусочной Роко». Мне было всего тринадцать, когда я устроился туда. И обучился всему, что мне требовалось знать, меньше чем за тридцать секунд. Тарелки поступали на кухню грязными, и в мои обязанности входило следить за тем, чтобы всегда имелось достаточно чистых тарелок, которые можно было бы забрать обратно. Там не было места какой-либо двусмысленности. Тарелки были либо чистыми, либо нет. Когда я стал адво-

катом, стоящие перед мной задачи значительно усложнились, а уж когда занял председательское кресло в коллегии судей — тем более.

Я оглядел зал. То, что начиналось как вежливый смех, когда люди сочли, что Гарри просто шутит, быстро стихло. Теперь в толпе адвокатов и судей я видел множество сурово напрягшихся лиц, нацеленных на Гарри. Некоторые смотрели на него с явным неодобрением. Некоторые недоверчиво.

А одно лицо выражало откровенную злобу.

Судья Стоун уже сошел с небольшой сцены и теперь стоял рядом с Уэсли Драйером, помощником окружного прокурора. Драйер внимательно наблюдал за Стоуном, как будто изучал каждый его жест, считывал его эмоции. Словно во время игры в покер. С такими людьми, как Драйер, любой разговор — это карточная игра, и единственное, что для него стоит на кону, — это то, что он может тут для себя извлечь. А в данном случае не требовалось особого умения «читать» людей, чтобы заметить презрение и растущую агрессию на лице у Стоуна.

— Поскольку судья Стоун занимает мое председательское место в коллегии, у меня есть для него несколько советов, — сказал Гарри, теперь поворачиваясь и глядя прямо на Стоуна. — Я старался

быть справедливым, соблюдать закон и конституцию и выполнять свой долг перед жителями этого города. Я отмотал свой срок. Да-да, теперь у меня такое чувство, будто я только что вышел из тюрьмы. Я хочу, чтобы вы, судья Стоун, были лучше меня, и говорю это совершенно серьезно. Всем нам нужно гораздо лучше заниматься порученным нам делом. Жители Нью-Йорка этого безусловно заслуживают. Спасибо вам всем за то, что пришли сюда. Увидимся в баре.

Под нестройные хлопки Гарри сошел со сцены. Это была довольно странная речь. Я уже раз бывал на подобном мероприятии — когда провожали на пенсию старого приятеля Гарри, судью Фолчера. Со множеством высокопарных поздравительных речей, фронтовых историй и неоднократных похлопываний по спине. Гарри — из другого теста. Он тащил на себе весь груз ответственности, словно раненых солдат на собственной спине в тот последний год вьетнамского конфликта. У Гарри было одно качество, которое не очень-то подходило для должности судьи, — он был человек неравнодушный. Причем его в одинаковой степени заботили судьбы как жертв преступлений, так и подсудимых. Очень немногие люди в этом мире по-настоящему, непоправимо плохи.

Большинство из тех, кто оступился, испорчены наркотиками, алкоголем или самой жизнью. И почти в каждом на своем суде Гарри видел прежде всего жертву. Человеческие страдания плотно прилипают к частичкам твоей души. Въедаются в них и остаются там, как бы ты ни старался избавиться от них при помощи законов, профессиональной этики или, что еще лучше, бурбона.

Заметив нас с Харпер, Гарри стал пробираться к нам через толпу, пожимая на ходу руки в ответ на добрые пожелания. Не успел он пересечь зал, как рядом с нами нарисовалась нежелательная компания.

— Довольно необычная речь, — послышался голос у меня за спиной.

Обернувшись, я увидел судью Стоуна. Рядом с ним стоял Драйер, и за деланым безразличием обоих явно что-то скрывалось. Если Гарри проявлял сострадание и человечность в каждом решении, принятом им в зале суда, то Стоун обеспечивал системе правосудия баланс, который, по мнению некоторых, был ей необходим. Он не был милосердным человеком. Стоун проработал судьей уже десять с лишним лет, но его самое первое дело в этой роли до сих пор было у всех на слуху. Тогда он отказался принять предложенную

окружной прокуратурой сделку с признанием вины и отправил бездомную мать пятерых детей в тюрьму на шесть месяцев. Все ее преступление заключалось в том, что она стащила хот-дог у уличного торговца. Все ее дети на тот момент находились на попечении социальных служб, и она отчаянно пыталась найти жилье и работу, чтобы вернуть их. Когда она украла этот несчастный хот-дог, то уже три дня ничего не ела. Это был ее первый проступок. По условиям досудебной сделки эту женщину ждал небольшой условный срок с зачетом времени, уже проведенного под стражей — двадцать один час с момента ареста, так что максимум, что ей грозило, — это необходимость регулярно отмечаться в полиции.

Она повесилась в своей камере на вторую ночь того шестимесячного срока, к которому ее приговорил Стоун.

На следующий день тот явился в суд и, находясь в своих судейских палатах, сообщил своему секретарю, что прочел в новостях о самоубийстве этой женщины. И при этом добавил: «Одним тараканом в мире стало меньше». Секретари не дают обета молчания, это любому судье известно. Фактически Стоун во всеуслышание объявил, что он хладнокровный расистский гондон, и да

поможет вам бог, если вам придется когда-нибудь предстать перед его судом. Секретарь, естественно, поведал кому-то эту историю, которая быстро распространилась.

У Стоуна было вытянутое, бледное лицо с сухой кожей, которая всегда выглядела словно обсыпанной мелкой сухой пудрой. А вот его розовые губы, напротив, казались постоянно влажными и блестящими, и за ними скрывались мелкие крысиные зубки. Глаза у него походили на черные жемчужины, и от него исходил какой-то запах, который я так и не мог определить. Вроде как химический, только вот пахло не чистотой. Словно он пытался замаскировать исходящую от него вонь увядшими цветами.

Стоун посмотрел на меня, ожидая какой-то реакции. Я отвернулся.

— Я сказал, что это довольно *необычная* речь, — повторил он.

— Я и в первый раз вас хорошо услышал, — отозвался я. — И проявил вежливость, не став вам возражать. Это были совершенно справедливые слова. Гарри посвятил этой работе очень много времени. И не хочет, чтобы плоды его трудов пошли прахом, когда вы возьмете бразды правления на себя.

Драйер подступил на шаг ближе, с явным предвкушением на лице — как будто увидел, как в толпу людей несется автомобиль с отказавшими тормозами, и хочет поскорей увидеть кровь и кишки на асфальте.

— Вы считаете меня недостойным преемником? — поинтересовался Стоун.

Он явно получил некоторое удовольствие от своего вопроса — его маленькие черные глазки сузились, а губы скривились в самодовольной ухмылке.

Я ничего не ответил.

— Судья Стоун задал вам вопрос, мистер Флинн, — подал голос Драйер, явно желая подыграть судье.

— Его я тоже услышал. И подумал, что это риторический вопрос. Но если вы и вправду хотите, чтобы я на него ответил, то извольте.

Тут Харпер потянула меня за рукав и сказала:

— Привет, я Харпер!

Она оказалась умней меня, и судья с Драйером ненадолго отвлеклись, чтобы окинуть ее оценивающим взглядом с головы до пят.

— Я собираюсь украсть у вас Эдди — если вы, джентльмены, конечно, не против, — продолжала она. Я мог бы сказать, что она в бешенстве

и что ей очень не понравилось, как Драйер со Стоуном блуждают по ней взглядами.

Мне это тоже не понравилось.

Харпер потянула меня за руку, пытаясь вытащить из этой ситуации.

— А вот вы, мисс Харпер, — как *вы* думаете: я стану достойным преемником судьи Форда? — спросил Стоун, явно желая не спускать на тормозах любую предполагаемую критику.

— Стоун, что тут происходит? — спросил подошедший Гарри, прерывая меня, прежде чем я успел сказать что-то, о чем мог бы впоследствии пожалеть.

— Мистер Флинн как раз собирался сказать нам, что, по его мнению, судья Стоун станет достойным вашим преемником, господин судья, — вставил Драйер.

— Эдди не настолько пьян, — буркнул Гарри. — Пока что. Стоун, ты не стал бы достойным преемником даже служителя в платном сортире. Я знаю твои политические взгляды. Я знаю, какого ты *сорта*.

Вытянув руку, Гарри ткнул пальцем в лацкан смокинга Стоуна, из которого торчал металлический значок на булавке. Совсем крошечный, и я даже не обратил на него внимания, пока Гарри

не указал на него — металлический кружок с буквой «i» в центре.

— Твое время вышло, Форд. Ты сдулся. Не вынуждай меня предпринимать в отношении тебя какие-то законные меры, — надменно ответствовал Стоун.

— Пошли-ка лучше выпьем, — сказал Гарри, уводя нас с Харпер прочь. — Здесь дурно пахнет.

Когда мы уходили, я оглянулся через плечо и только тогда заметил на лацкане у Драйера точно такой же значок.

У выхода из зала Гарри распрощался кое с кем из оставшихся судей и адвокатов, и мы направились в шикарный бар в соседнем квартале. Гарри Форд относился к подобным мероприятиям, даже своим собственным, точно так же, как и я. Бар был частью отеля, так что в своих пингвинских костюмах мы не смотрелись там особо неуместно, в то время как Харпер в этом своем наряде выглядела бы на миллион долларов в любой обстановке.

Я взял нам пива и скотча, и мы заняли столик в углу.

— А что это за значок у Стоуна? — полюбопытствовала Харпер.

— Это отличительный знак организации, кото-

рая меняет название примерно раз в год. Раньше так опознавали друг друга белые парни из одной уличной банды в Теннесси. Потом они ударились в политику и сменили название с «Нация прежде всего» на «Жизни американцев прежде всего», потом на «Мужчины Америки», потом на что-то еще — они так часто раскалываются, реформируются и разделяются опять, что я даже не знаю, как именно они себя называют в наши дни. Хотя это не важно. Они не признают права женщин, евреев, черных, латиноамериканцев, да и вообще всех, кто не является белым, богатым и невежественным.

— Я думал, судьи не имеют права заниматься политикой, когда они у власти, — сказал я.

— Да, есть такое правило. И Стоун всегда придерживается буквы закона, это у него не отнимешь. Согласно Первой поправке[88], у него есть право на свободное выражение мнений, когда он не в зале суда и не председательствует в коллегии. Я просто не могу смириться с мыслью, что этот мудак займет мое место. Я никогда не думал, что он получит это назначение, — если б знал, то не ушел бы, но на тот момент я уже

[88] notes: 88

Имеется в виду Первая поправка к Конституции США, являющаяся частью Билля о правах и относящаяся к основным законам.

оформил все документы.

— У этого нового пузыря в офисе окружного прокурора, Уэсли Драйера, тоже такой же значок, — заметил я.

— Я тоже это заметил. Драйер и Стоун — одного поля ягоды. Расисты слабы, Эдди. Они сильны, только когда соберутся толпой. Не думаю, что Драйер и вправду верит во всю эту херню, которая идет в комплекте с этим значком. Он просто подлаживается к влиятельному судье, как только может. В некотором смысле это даже еще хуже. Стоун слишком глуп, чтобы признать ущербность своих взглядов. А Драйеру на это насрать, пока он продолжает карабкаться по служебной лестнице. Хотя будь осторожен — это опасная пара. Закон не препятствует Драйеру выступать на суде под председательством Стоуна. Если ты попробуешь обвинить Стоуна в судейской предвзятости, то ничего хорошего не жди, — сказал Гарри.

Некоторое время мы молча потягивали наши напитки, и я заказал официанту еще.

— Мы с Харпер тут недавно подумали… У тебя ведь нет каких-то ближайших планов касательно твоего выхода на пенсию, насколько я понимаю? — спросил я.

— В каком это смысле — «планов»? Мне не нра-

вится, как это звучит, Эдди.

— Ну, ходить под парусом ты не умеешь, никаких хобби у тебя нет, и ты вроде не собираешься подрядиться консультантом в какую-нибудь крупную фирму… Ты ведь теперь типа как свободный человек, верно?

— По-моему, мне стоит пожить спокойной жизнью хотя бы недельку, прежде чем мы поедем в Вегас и нас там арестуют, — заметил Гарри.

— Не думаю, что Эдди именно это имел в виду, — заметила Харпер.

Гарри отодвинулся от стола и посмотрел на меня поверх очков.

— Эд-ди… — произнес он таким тоном, словно я уже сделал что-то сомнительное.

— Я хочу, чтобы ты поработал со мной. Я знаю, что практиковать тебе запрещено, но ничто не мешает тебе быть консультантом. Мне нужен помощник. Кто-то, кто знает закон как свои пять пальцев. Если тебя это немного успокоит, то мой оппонент — Драйер. Я представляю интересы Софии Авеллино. Расследование ведет Харпер. Я займусь уликами и свидетелями, но мне нужен кто-то с юридическим складом ума. У меня нет дюжины помощников, которые строчат мне резюме по делу двадцать четыре часа в сутки.

Поднеся стакан к губам, Гарри задумчиво сделал глоток, а когда поставил его на стол, на лице у него играла озорная улыбка.

— Эдди, твои дела имеют обыкновение становиться… несколько стрёмными. Тебе еще не угрожали, тебя еще не избили и не арестовывали? — спросил Гарри.

— Дай мне шанс, мы еще толком не начали.

Гарри поднял свой стакан, и мы с Харпер последовали его примеру. Мы чокнулись, и Гарри сказал:

— Ну что ж, по крайней мере, не придется тащиться в Вегас, чтобы влипнуть в какую-нибудь поганку.

Глава 14

Кейт

Дождь уже лил вовсю, когда Кейт вытащила одну из распечатанных в офисе страниц и сверила указанный наверху адрес с номером дома. В утопленном в стену дверном проеме тускло светилась панель домофона. Сложив забрызганный каплями дождя листок, она сунула его в карман пальто. Перед тем как нажать на кнопку с номе-

ром квартиры, ее палец нерешительно завис над ней. Стоит ей это сделать, как обратного пути уже не будет.

Наконец она почти бессознательно вдавила кнопку в панель и услышала гудение сигнала вызова. Поправила пиджак, откашлялась и смахнула с лица пряди мокрых волос.

— Да? — ответил голос из домофона.

— Мисс Авеллино, это Кейт Брукс из «Леви, Бернард и Грофф». Я из тех адвокатов, которым поручено вести ваше дело. Мы познакомились в Первом райотделе полиции. Простите, что беспокою вас, но это срочно. Вы не возражаете, если мы поговорим?

— Поднимайтесь, — последовал ответ.

Услышав щелчок замка, Кейт открыла входную дверь, разыскала лифты и поднялась на этаж Александры Авеллино. Кабина лифта была размером примерно в половину квартиры Кейт. Двери открылись в классический холл богатого манхэттенского дома — потолок в стиле ар-деко и лампы по всей длине. Пахло сосновыми шишками и корицей. Кейт постучалась. Александра, как видно, уже ждала ее прямо за дверью, поскольку та сразу же открылась.

Увидев стоящую в дверях хозяйку квартиры,

Кейт была вновь поражена тем, как та выглядит — высокая, белокурая, без макияжа, в белом пушистом халате. Волосы у Александры были еще влажными после душа. Она по-прежнему была той красоткой, которую Кейт видела под руку с голливудскими актерами и знаменитостями.

— Заходите, — пригласила ее Александра.

Кейт вошла, и хозяйка забрала у нее пальто. Прежде чем отдать его, Кейт достала из кармана влажные страницы и извинилась за то, что пальто промокло насквозь. Из офиса она выбежала в спешке — без зонта и папки для документов.

Кейт не хотела, чтобы кто-то знал, что она вынесла бумаги из офиса. Она не имела права приносить домой никакие документы, связанные с этим делом, и уж точно не должна была находиться здесь.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить? — осведомилась Александра. — Вода, травяной чай?

— Чай — это было бы здорово, — ответила продрогшая Кейт, после чего последовала за Александрой, которая босиком прошлепала на кухню и поставила чайник.

— Похоже, на улице и впрямь льет как из ведра. Хотите полотенце? — спросила Александра.

— Нет, всё в порядке, — отозвалась Кейт, стараясь не обращать внимания на каплю дождевой воды, шлепнувшуюся с головы на воротничок ее блузки.

— Сейчас все-таки принесу, — решила Александра, выходя из кухни и направляясь в ванную комнату.

Кейт осмотрела кухню и то, что смогла разглядеть в гостиной. Это было просто замечательное место с чудесным видом на город. У Александры был великолепный вкус — она тщательно подобрала цветовую гамму по всей квартире, в тон дивану и креслам. Повсюду царил безупречный порядок, если не считать пары черных спортивных штанов из лайкры, накинутых на спинку одного из кухонных стульев. На сиденье лежал такой же черный верх, накрытый черной бейсболкой. Сбоку от входной двери стояли пакеты с какими-то коробками. Некоторые из них были вскрыты, из одной торчал раскрошенный упаковочный пенопласт.

На журнальном столике лежала шахматная доска. Судя по расположению фигур, Александра разыгрывала какую-то партию.

— Простите, надеюсь, я не помешала вашей игре? Я и не знала, что у вас гости, — сказала Кейт.

Александра вернулась на кухню с мягким белым полотенцем, которое протянула Кейт.

— Нет, нисколько. Я здесь одна. И сейчас не играла. Это очень старая партия, — сказала она, мотнув головой в сторону шахматной доски. — Вы вроде сказали, что это срочно?

— Да. Я думаю, будет лучше, если мы присядем.

Александра налила в две кружки кипятка и протянула одну из них Кейт, которая вытирала волосы полотенцем. Аромат ромашки согрел ее еще до того, как она сделала первый глоток. Александра села за кухонный стол, а Кейт устроилась напротив нее.

— Что случилось? У прокурора опять какое-то предложение? Я до сих пор не знаю, стоит ли проходить тест на детекторе *лжи*. Мистер Леви сказал, что это было мое решение.

— Вот потому-то я и здесь, — ответила Кейт. — Ничего, если я буду называть вас Александрой?

Та согласно кивнула.

— Я проработала в «Леви, Бернард и Грофф» не так уж и долго. И даже за такое короткое время мне приходилось на многое закрывать глаза, но я уже больше не могу этого делать. Мистер Леви оставит решение касательно детектора *лжи* на ваше усмотрение. Плевать он хотел на полиграф.

Чего он на самом деле хочет, так это чтобы вы согласились на досудебную сделку.

— Что-что?

— Он хочет, чтобы вы сказали окружному прокурору, что Фрэнка Авеллино убили вы и ваша сестра, но что ваша роль была совсем незначительной и что на самом деле это была идея Софии. Таким образом, у вас все еще будет возможность жить нормальной жизнью после того, как вы выйдете из тюрьмы.

— Но он же знает, что я не убивала своего отца! Я сама ему это сказала — вы ведь при этом присутствовали!

— Я знаю. Он максимально затянет досудебный процесс — завалит обвинение бумажной волокитой в рамках своей переговорной стратегии, а затем предложит вам наилучшую сделку, какую только сможет. Единственная проблема в том, что вам придется признать свою причастность к убийству.

— Нет, я никак не могу на это пойти.

— А что, если он сумеет добиться того, чтобы вас отпустили на все четыре стороны? Без всякой отсидки. Это было его последнее предложение окружному прокурору.

Кейт достала листок с распечатанной пе-

перепиской, протянула его Александре и стала внимательно наблюдать за ее глазами, бегающими по строчкам. Леви был хорошим адвокатом и вел бы дело в суде, если б пришлось, но при возможности решить дело досудебной сделкой сломал бы клиентке руку, только чтобы заставить ее согласиться.

— Здесь говорится, что я готова признать себя виновной в непредумышленном убийстве, но я такого не говорила. И папа был убит намеренно. Его убила София, — сказала Александра. — Кто дал ему право делать такие предложения?

— Вы сами, — ответила Кейт.

— Что?! Когда?

— Когда вы подписали клиентский договор, то уполномочили Леви вести переговоры от своего имени. Это там написано мелким шрифтом.

— Я про это не знала, я даже не читала его. Дело было в полиции — у меня только что убили отца, и не было времени, чтобы…

— Я знаю, — сказала Кейт и, протянув руку, легонько коснулась руки Александры.

— Он не имел права этого делать; я ведь сказала ему, что невиновна, ради всего святого! — воскликнула Александра, повысив голос. Грудь у нее тяжело вздымалась, она была на грани пани-

ческой атаки. — А вдруг это выплывет наружу? Тогда мне конец. Моя репутация, мой бизнес — господи, я даже не могу…

— Вот поэтому-то я и здесь, — повторила Кейт. — Я вам верю. Я знаю, что вы не убивали своего отца. Я не хочу, чтобы моя фирма вела такие переговоры. И думаю, что есть железный способ добиться вашего оправдания.

— Вы думаете, что можете гарантировать мне оправдательный приговор?

— Я бы поставила на это все свои сбережения, — пылко объявила Кейт. Вот разве что Александра не знала, что все сбережения Кейт составляли четыреста двенадцать долларов, которые она хранила в банке из-под печенья в своей квартире на всякий пожарный случай.

Кейт передала ей записи, подготовленные Чедом, Брэдом и Андерсоном, содержащие подробные обоснования для ходатайства о разделении судебного разбирательства в качестве первого шага.

— Когда мы с вами той ночью познакомились в отделе полиции, вы были очень напуганы. Я не стану делать вид, будто понимаю, каково это — так вот потерять отца. А тем более от рук своей родной сестры. Я даже не могу представить, что

вы тогда чувствовали. Я не просто хочу добиться вашего оправдания — я хочу убедиться, что ваша сестра заплатит за то, что она сделала с вашим отцом.

Страницы в руке у Александры задрожали.

— И как это у вас выйдет? — спросила она.

— Прокурор хочет, чтобы вас и вашу сестру судили вместе перед лицом одного и того же жюри присяжных. Я прочитала о вашей семье все, что только сумела найти. Я знаю, что вы невиновны. Я знаю, что ваша сестра очень больной человек, склонный к насилию и саморазрушению. Я думаю, что присяжные, посмотрев на вас обеих, тоже это поймут. В общем, Леви хочет заключить досудебную сделку, а я хочу *выиграть*.

Кейт изложила свой план — как она докажет, что Александра не могла совершить этого убийства, поддержав при этом обвинение против ее сестры.

— По-моему, это может выгореть, — наконец произнесла Александра.

— Скажите это остальным сотрудникам фирмы… Вы же только что видели предложенные ими стратегии. Я думаю, что моя стратегия гораздо лучше. У них в производстве очень много судебных дел — это просто одно из них. А для

меня это личное дело.

Александра подалась вперед, внимательно прислушиваясь к каждому слову Кейт. О своей практически полной уверенности в победе Кейт говорила совершенно искренне, хотя ложь касательно разделения слушаний далась ей не без труда. Естественно, пришлось умолчать о том, что Леви со Скоттом украли ее только что изложенную Александре стратегию и теперь сами собирались применить ее на суде. Но эта парочка может сколько угодно красть ее идеи — Кейт желала Александре только самого лучшего и верила, что сможет победить.

— Моя мама не так давно умерла — рак. Когда я росла, у нас было не слишком-то много денег. У нее и у моего отца был выбор — они могли отправить меня в юридическую школу или же купить лекарства, которые продлили бы ее жизнь. Они предпочли заплатить за мое обучение. Я не знала об этом до тех самых пор, пока мама не умерла, а я не получила лицензию адвоката. Послушайте, я знаю, каково это — потерять родителя и нести в себе эту боль, да еще и когда его отняла у вас ваша… Господи, я не знаю, как кто-то может с этим справиться! Я хочу помочь вам. Я бы все отдала, только чтобы вернуть свою маму. И сде-

лаю все возможное, чтобы упрятать за решетку вашу сестру.

Между ними ненадолго повисло молчание. Кейт не осмеливалась нарушить его. В эти мгновения она чувствовала незримую связь с Александрой. Как между двумя молодыми женщинами, в жизни которых было больше душевной боли, чем они заслуживали. Если у Кейт и оставались какие-то сомнения в невиновности Александры, то за эти секунды общения без слов они окончательно развеялись.

Александра с силой потерла лицо и со вздохом спросила:

— И что же мне теперь делать?

— Наймите меня в качестве своего адвоката. Я только что уволилась из «Леви, Бернард и Грофф». Это обойдется вам вполовину меньше того, что вы собирались заплатить им. А я позабочусь о том, чтобы добиться справедливого правосудия для вас и для вашего отца.

Кейт написала на листке бумаги доверенность на передачу материалов дела от «Леви, Бернард и Грофф» Кейт Брукс, советнику по уголовному праву. В этом документе Кейт назначалась единственным адвокатом Александры. Перевернув страницу, она подтолкнула ее Александре вместе

с ручкой. Кейт знала, что, если Александра поставит на ней свою подпись, это станет началом не только ее карьеры, но и ожесточенной войны с ее старой фирмой.

— Когда вы ушли из фирмы?

— Когда вы открыли дверь и впустили меня. Я бросаю работу мечты в одной из лучших юридических фирм в этом городе. Я делаю это ради вас и ради себя. Если я позволю Леви проиграть это дело — или, что еще хуже, если он вынудит вас заключить сделку с обвинением, — я не думаю, что смогу это вынести. Доверьтесь мне. Мы можем сделать это вместе. Вы будете моим единственным клиентом, пока это дело не будет закрыто. Я обещаю, что буду работать день и ночь, только ради вас. Ради вашего отца. Я не подведу вас.

Александра не спеша прочла документ о передаче полномочий. Положила страницу на стол и пристально посмотрела на Кейт. А затем взяла ручку, поставила свою подпись и протянула Кейт руку через стол.

— Глядя на вас, я вспоминаю саму себя пять лет назад, — произнесла Александра. — Мы обе потеряли наших мам. Мы обе переживаем эту боль, и я знаю, что вы будете использовать эту боль, чтобы бороться. Как я это сделала сама. Я

думаю, что вы умный, преданный своему делу и неравнодушный человек. Как раз такой, какой и должен представлять меня. Давайте сделаем это вместе.

Они пожали друг другу руки, и обе женщины взволнованно и с некоторым облегчением улыбнулись друг другу. Следующие десять минут Кейт не закрывала рта, развивая свою стратегию и давая Александре указания касательно следующих первоочередных шагов. Клиентка жадно впитывала ее слова, и по выражению ее лица Кейт поняла, что Александра немало впечатлена.

— Я много занимаюсь благотворительностью, помогаю бездомным и некоторым приютам для животных. Не стоит ли мне получить какие-то характеристики от этих организаций — или, может, найти кого-нибудь, кто дал бы показания в качестве свидетеля, способного аттестовать меня и подтвердить мою репутацию? Мой отец знал много достойных людей — бывших мэров, членов Конгресса… Может, привлечь руководителя его предвыборной кампании — Хэла Коэна?

— Пришлите мне все имена, названия и контакты. Такого рода свидетели нередко преследуют какие-то свои собственные интересы, так что это должны быть люди независимые, которые и сами

обладают действительно высокой репутацией, чтобы устоять на перекрестном допросе, — сказала Кейт.

— Думаю, у меня есть кое-кто на примете, — сказала Александра.

Они поговорили еще немного, и Кейт окончательно поняла, что ей нравится общество Александры. Та была теплой, решительной и позитивной. Окажись она сама на месте Александры, подумалось Кейт, то смогла бы сохранить такое же отношение к делу?

Сделав последний глоток чая, она опять взялась за забытое было полотенце и принялась вытирать волосы, пока Александра рассказывала ей про Фрэнка и о том, каким замечательным отцом он был для нее в детстве.

— Моя сестра… Она просто как чума для всей нашей семьи. София уже давным-давно разбила папино сердце. Она ненормальная. Я видела это, еще когда мы были детьми. Она не была похожа ни на кого из моих знакомых. Она всегда была холодной и странной.

— Вы с ней больше не общаетесь, верно?

Александра посмотрела мимо Кейт на башни Манхэттена из стекла и стали, и Кейт знала, что ее собеседница отнюдь не наслаждается откры-

вающимся из окна видом. Она была сейчас где-то за много миль отсюда. Затерявшись в мыслях и чувствах, накопившихся за десятилетия.

— Мы не разговариваем с тех самых пор, как погибла мама. Это был ужасный несчастный случай на лестнице…

— Я читала об этом, — перебила ее Кейт. — Сколько вам тогда было лет?

— Одиннадцать, двенадцать? Точно не помню. Что-то во мне отключилось в тот день. Я не могу вспомнить мамино лицо. Не могу его себе представить. По крайней мере, четко. Сейчас она с папой. Они опять вместе, как и должны были быть всегда.

— Вы были близки со своей мамой?

— И да, и нет. Моя мать не отличалась теплотой и нежностью. Особо не отличалась. Она проявляла свою любовь по-другому. Если я выигрывала партию в шахматы, она могла купить мне какой-нибудь подарок или угостить чем-нибудь вкусненьким. Она не проявляла любви, если это не отвечало ее целям. В ней была любовь, но она редко выпускала ее наружу.

— Могу это понять, — пробормотала Кейт.

За последние несколько дней она уже сбилась со счета, сколько раз видела в интернете фото-

графии Александры — яркой, темпераментной, зарождающейся звезды светского Манхэттена. У нее были деньги, красота и относительная известность. И все же, глядя на нее сейчас, Кейт этого не замечала. Она видела перед собой молодую женщину, испытывающую боль, борющуюся со своей разладившейся семьей, а также с горем и гневом. Сейчас Александра не была той, кому можно было лишь позавидовать, — а возможно, никогда такой и не была. Печаль заострила черты ее лица, залегла где-то в самой глубине ее глаз.

Поначалу мотивы, побудившие Кейт отбить у Леви его крупнейшего клиента, были в основном связаны с ее собственной местью. Она хотела, чтобы это дело дало толчок ее карьере, стало офигительным средним пальцем, который она сунет под нос Леви. Но пока сидела в квартире Александры и слушала ее, эти мотивы изменились. Александра была невиновна. И тогда Кейт поняла, что не просто хочет выиграть это дело для себя, для своей карьеры — она хочет помочь Александре. Ей нужно было спасти ее. И отправить убийцу в тюрьму до конца ее дней.

— София разрушила всю мою жизнь. Она всегда была с какой-то гнильцой. Я ненавидела ее, когда росла. А сейчас ненавижу еще больше. Простите,

мне не очень-то хочется говорить о ней… Я хочу, чтобы вы прижали ее за убийство моего отца. Ее давно уже следовало убрать с глаз долой.

Наконец поднявшись, чтобы уходить, Кейт произнесла:

— Я обещаю, что добьюсь правосудия и справедливости для вашего отца. И для вас. Спасибо за все. Чай был прекрасен. О, и, может, мне отнести это полотенце обратно в ванную?

Александра мягко, но решительно забрала у нее полотенце и ответила:

— Лучше не заходите туда. Я только что вышла из душа, когда вы пришли. Там сильно набрызгано.

Глава 15

Эдди

Когда мы стояли на тротуаре возле бара отеля, ожидая такси, Гарри взял Харпер за руку. Жил он всего в нескольких кварталах отсюда, но не ушел бы, пока не отправил по домам нас обоих. Харпер было со мной по пути.

Я ступил на проезжую часть, глядя в конец Второй авеню. Пока Гарри и Харпер разговаривали,

к ним подошла собака — маленькая дворняжка с шерстью песочного цвета, потемневшей от грязи и копоти манхэттенских пробок. Собака села у ног Гарри, повернувшись к улице. Тот опустил на нее взгляд, погладил и потрепал по голове.

Поблизости не было видно ни одного такси.

Желтое такси подкатило к тротуару только минут через пять. К этому времени Гарри и бездомный пес уже крепко подружились. Харпер поцеловала Гарри на ночь, попрощалась с его новым четвероногим другом и забралась на заднее сиденье машины. Я устроился рядом с ней, и когда мы тронулись с места, то увидели, как Гарри направляется домой, а маленькая собачка бежит рядом с ним.

— Он вообще любит беспризорных и отбившихся от рук, — заметила Харпер, глядя прямо на меня.

Думаю, она была права. Я был беспризорным и отбившимся от рук — пожалуй, даже почище, чем эта собака, — когда в один прекрасный день Гарри пригласил меня пообедать и полностью перевернул всю мою жизнь, превратив из аферист а в юриста.

Дальше мы ехали в молчании, сидя так близко друг к другу, что наши плечи соприкасались. Ко-

гда такси остановилось у дома Харпер, я выглянул в окно и посмотрел на ее владения. Несколько лет назад родители оставили ей по завещанию кое-какие деньги, и теперь, когда ее бизнес процветал, она переехала из квартиры в таунхаус[89]. По сравнению с другими соседними особняками, он был небольшим, но аккуратным и ухоженным.

Харпер наклонилась ко мне, и я растворился в ее глазах. Мои чувства были наполнены ею.

— Я прекрасно провела вечер, — сказала она.

— Я тоже. Нам стоит…

Но больше я уже ничего не сумел сказать. Я не доверял тому, что могло сорваться с моих губ.

Мы были друзьями. Я заботился о ней больше, чем о любой другой женщине после Кристины. Мой брак распался как из-за меня самого, так и из-за моей работы. Моя дочь росла в доме со своей мамой и другим мужчиной. Я был рад за Кристину, поскольку не мог сделать ее счастливой, но господи, до чего же я скучал по своей

---

[89] notes: 89

В США таунхаусом принято именовать семейный дом в два этажа и выше, имеющий как минимум одну общую стену с соседним и расположенный, как правило, в городской черте. При этом, в отличие от британских таунхаусов и домов шпалерной застройки, примыкающие друг к другу дома могут значительно отличаться своей архитектурой и планировкой.

дочери! Эми быстро взрослела. Подросток, отец которого никогда не работал с девяти до пяти, как большинство других отцов.

В основе всего лежал страх. Я боялся заводить отношения с Харпер — я не мог опять испортить чью-то жизнь, и мне нравилась наша дружба. Я не хотел все это разрушить. Это было бы глубоко неправильно. Мы работали вместе. Если б я поставил ее в неловкое положение или каким-либо образом поставил под угрозу нашу дружбу, то никогда не смог бы себе этого простить. Ее безупречное овальное лицо было совсем близко от моего. Харпер посмотрела мне прямо в глаза. Кончик ее языка коснулся верхней губы. На миг мне показалось, что она думает о том же, о чем и я. Я не хотел, чтобы все пошло наперекосяк. Это слишком многое значило. Харпер выпила с полдюжины стаканов скотча — она не была пьяной, но и трезвой тоже не была. Я не мог сделать первый шаг. Только не тогда. Это был просто неподходящий момент.

Она чмокнула меня в щеку, пожелала спокойной ночи и выбралась из такси. Я пересел на ее сторону сиденья, чтобы проследить, как Харпер доберется до входной двери, — хотел убедиться, что она благополучно оказалась внутри. Харпер

так и сделала — оглянулась и помахала мне рукой, прежде чем закрыть за собой дверь.

Такси не тронулось с места. Я посмотрел на водителя, но он все еще таращился туда, где только что стояла Харпер. Должно быть, почувствовал, что я смотрю на него.

— Приятель, эта дама на тебя запала. Бедняга, тебе еще многое предстоит узнать о женщинах, — сказал таксист.

Я не мог с ним спорить.

Полчаса спустя, после нескольких советов о том, как распознавать женские сигналы, таксист высадил меня на Западной сорок шестой улице. Я дал ему на чай больше обычного и поблагодарил за совет. Прошел короткое расстояние до крыльца своего дома и вдруг остановился как вкопанный.

На его ступеньках кто-то сидел. Одетый во все черное.

Уличное освещение было слабым, время подошло к часу ночи. Я не мог разглядеть, кто это. Но явно не какой-нибудь бездомный, ищущий место для ночлега. Фигура была темней и меньше.

Дойдя до подножия крыльца, я увидел лицо под черной бейсболкой.

София.

Она была одета в черный беговой костюм из

лайкры и черную худи.

— Здравствуйте, мистер Флинн. Я пыталась до вас дозвониться. Я нашла вас в телефонной книге, и там был указан только этот адрес. Я не знала, что это ваш офис. Я думала, вы здесь живете. Я просто сидела здесь и пыталась сообразить, как с вами связаться, потому что не могла дожидаться завтрашнего дня, чтобы поговорить с вами.

— В чем дело — что-то случилось?

— Просто для меня все это становится невыносимым, — сказала София, закатывая рукав худи. Под ним я увидел темный рубец у нее на предплечье — она опять порезала себя.

— Давайте зайдем.

Мы поднялись в мой офис, и я провел Софию в ванную комнату в задней его части. Она сняла худи, и я опять увидел ее обнаженные руки, но на сей раз губы у нее подрагивали и она повесила голову. София была смущена. В первый раз, когда она показала мне свои руки, у нее была причина — доказать, что она не склонна к суициду. Теперь я смотрел на ее изрезанные руки, поскольку ее компульсивность опять вышла из-под контроля, и в основе всего лежал стыд.

— Все нормально, София, — ободрил я ее.

На руке у нее был новый порез, поверх много-

численных белых и розовых шрамов, который все еще кровоточил. Ничего серьезного — артерию она не задела, — но рана выглядела глубже большинства остальных.

Я достал из шкафчика в ванной марлю и пластырь, промыл и заклеил порез. Кровь продолжала просачиваться даже сквозь пластырь. На другом запястье у нее все еще белела повязка на месте укуса, нанесенного ею себе в полиции. В тот момент я не особо представлял, что мне следует сказать. В итоге решил, что в нотациях она не нуждается.

— Вот полотенце, прижмите его как следует, — велел я, отклеивая пластырь — было еще слишком рано его накладывать.

София поблагодарила меня, и мы вернулись в мой кабинет. Она присела на диван, и я налил ей стакан бурбона.

— Кофе у меня нет, как раз сегодня закончился. Просто потягивайте это потихоньку, а когда будете готовы, тогда и поговорим.

Она кивнула и сняла бейсболку, распустив темные волосы. Выпила одним глотком сразу половину стакана, и я наполнил его опять.

— Не спешите. Пейте маленькими глотками, — посоветовал я, наливая и себе; потом сел в кресло

для клиентов и развернул его так, чтобы оказаться к ней лицом.

Мы сидели вместе, молча потягивая бурбон.

— Так вы живете где-то поблизости? — наконец спросила София.

— Я живу здесь. В задней части дома есть раскладушка, кое-какие книжки. Ванная, туалет… Это все, что мне требуется. Но нужно найти нормальное жилье, чтобы моя дочь могла приезжать и оставаться на выходные.

— Вы часто видитесь со своей дочерью? — спросила София, и по мере того, как она говорила, в глазах у нее все усиливался отстраненный блеск. Как будто этот вопрос на самом деле относился вовсе не ко мне.

— Мы проводим время вместе каждые выходные. По субботам ходим в торговый центр, а по воскресеньям — в парк. Сейчас ей четырнадцать. Я заметил, что торговый центр теперь ей нравится больше, чем парк.

— Вы покупаете ей всякие вещи? — спросила она, опять словно уставившись на что-то в тысяче миль отсюда.

— Покупаю. Ну, вообще-то даю ей карманные деньги, и она их тратит. Я не разбираюсь в косметике или в том, какие журналы она сейчас

читает. Но я дарю ей книги. Она любит читать. Сейчас пытается одолеть Росса Макдональда и Патрицию Хайсмит.

— Умный ребенок… А я вот никогда не могла сосредоточиться на книгах. Не могла усидеть на месте… У меня просто никогда не получалось. Я вечно была в движении, понимаете?

Я кивнул.

— Мой отец открыл мне мой собственный счет, когда мне было столько же лет. После смерти мамы меня отправили в школу-интернат. У него не было времени навещать меня. На дни рождения и всякие праздники он присылал мне деньги. В юности бывали у меня времена, когда я виделась с ним, может, всего два-три раза в год, не больше…

— А как насчет вашей сестры? Вы чаще с ней виделись?

— Еще реже. И это меня вполне устраивало.

— Ну а письма, телефонные звонки?

— Папа никогда не писал. И никогда не звонил, — сказала София, опять устремив отсутствующий взгляд куда-то в никуда. — Незадолго до маминой смерти мы с Александрой стали потихоньку обмениваться записочками — чтобы сыграть друг с другом шахматную партию втайне от мамы. В каждой записочке был следующий

шахматный ход, и так целые месяцы.

— И кто выиграл? — поинтересовался я.

София вновь вернула свое внимание ко мне, посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

— Никто. Прежде чем мы успели закончить игру, мамы не стало. Ее шея застряла в перилах лестницы…

— Я знаю. Ужасное стечение обстоятельств.

— А стечение ли? Иногда я задаюсь вопросом, уж не Александра ли толкнула ее…

— Правда?

— Я помню, как она стояла там, испуганная. Как прижимала к себе своего голубого зайчика и плакала. Но, может, Александра плакала не из-за мамы? Может, она плакала из-за того, что сделала?

— Вы когда-нибудь говорили об этом с полицией?

— Нет, самого падения я не видела. И просто не могла видеть. Простите, я не должна обременять вас своими семейными проблемами…

— Что-что? Послушайте, я ведь ваш адвокат, София. Все это часть моей работы. Я рад, что вы мне об этом рассказываете. И мне жаль, что вы не смогли дозвониться до меня раньше. Мой сотовый был выключен. У Харпер тоже, наверное.

Вы звонили нам до или после того, как…

— Порезала себя? После. Кровь все продолжала идти. Я подумала, что мне, наверное, понадобится врач, но Харпер велела никому не звонить. Если что-то случится, я должна позвонить ей или вам. Она сказала, что в моей медкарте не должно быть никаких новых записей. Я знаю, это плохо выглядит. Я просто задумалась о своем отце, об этом деле, и, понимаете, все это накопилось один к одному… Как давление. Иногда помогает бег, но не всегда. Когда я прорезаю кожу, это как бы выпускает *все* это наружу. Я не хотела обращаться в неотложку, чтобы не усугублять ситуацию.

Я не хотел соглашаться с этим прямо сейчас. Сейчас это было бы не вовремя. Но София была права. История ее психического здоровья была тем оружием, при помощи которого Драйер мог побить ее.

— В вашем деле все только начинается, София. Когда у нас появятся все аргументы обвинения, мы будем знать больше. На данный момент у них есть результаты криминалистической экспертизы, которые связывают вас и вашу сестру с телом вашего отца и орудием убийства — кухонным ножом.

— Но я ведь использовала этот нож, чтобы наре-

за́ть курицу и овощи… Мы обе готовили для него. Ну, вообще-то для папы готовила Александра. Я готовила только для себя — моя стряпня ему никогда не нравилась. Что касается еды, он был очень привередлив. Хотя под конец ему уже было все равно. В последние несколько месяцев он был каким-то… рассеянным. По правде говоря, я подумала, что у него начинается деменция.

— Почему вы так подумали?

— Он стал жутко забывчивым. Иногда с ним все было в порядке, а иногда он называл меня не тем именем. Или называл меня Джейн.

— Как вашу мать?

Она уставилась в пол, сделала еще глоток и пробормотала «да» себе под нос. Иногда София напоминала мне ребенка. Стоило мне затронуть какую-то болезненную тему, как она словно вновь становилась полнейшей малолеткой — воспринимала все это горе с детской точки зрения. Даже сейчас, удерживая в руке стакан с крепким спиртным, ее пальцы скользили по декоративным канавкам у его основания; она ласкала каждую выемку и углубление, ощупывая узор. Поднесла стакан к губам, втянула ноздрями аромат, немножко отпила и прикоснулась к губам, словно желая убедиться, что алкоголь и

вправду липкий и влажный на ощупь. Перехватив мой взгляд, покачала головой и поставила стакан на стол.

— Харпер передала мне ваш разговор. Сказала, что вы рассказывали о своем отце — о том, как он всеми силами старался помочь вам. И что ваша мама была суровой и жесткой женщиной. Сейчас меня больше интересует ваша сестра.

— Что вы хотите знать?

— На что это было похоже — расти с таким человеком, как ваша сестра?

— На ад. На сущий ад. Она превратила мою жизнь в кошмар. Мы не разговаривали, не играли вместе. Это было нечто вроде войны. После смерти мамы папа отправил нас по разным школам-интернатам. Я не справилась бы с учебой в школе Александры, а он не смог бы справиться с двумя маленькими девочками и при этом управлять городом. Мы остались совсем одни. В своих собственных мирах, понимаете?

Я не понимал. Я действительно не мог себе такого представить.

— Наверняка это было трудное время, — произнес я.

— Вы когда-нибудь жили бок о бок со своим врагом? А я вот жила. Я ненавидела ее. Я хоте-

ла, чтобы она умерла. Выбраться из того дома было настоящим счастьем. Кроме той тайной шахматной партии, мы не общались. Даже наши записочки были просто ходами, без слов. Мне так и не удалось победить ее в игре, и я сожалею об этом, но я была рада, когда мы наконец расстались. Я могла бы рассказать вам истории, от которых вас бы стошнило. Нет, мы с сестрой не были близки. Мы были настолько далеки друг от друга, насколько это вообще возможно для двух людей. Она сказала мне, что мама умерла из-за меня. Что папа отдалился от нас из-за меня. Я, конечно, знала, что это неправда. Я так и не простила ее за эти слова — за то, что она заставила меня так себя чувствовать. Мама была очень непростым человеком, но она все равно оставалась моей мамой. Я любила ее. Не знаю, любила ли она меня в ответ, но это не имело значения. Практически не имело. Я много думаю о ней. Мне ее очень не хватает.

Мы еще немного поговорили о предстоящем судебном процессе. Я объяснил, что обвинение располагает материальными уликами, устанавливающими связь Софии и ее сестры с местом преступления.

— Я проверила, дышит ли он. Обняла его, при-

жала к себе. Естественно, на мне была кровь. Его кровь. Но я не причинила ему вреда. Просто не смогла бы.

— Я вам верю. Есть кое-что, что вам следует знать. Я собирался поговорить с вами об этом завтра, но мы можем поговорить и сейчас. Обвинитель предлагает сделку. Он собирается добиться совместного судебного разбирательства, чтобы вы и ваша сестра предстали перед одним и тем же судом присяжных по обвинению в убийстве. Я собираюсь попытаться предотвратить это и провести отдельные судебные слушания. Не знаю, смогу ли я разделить судебные процессы, но обязательно попытаюсь. Человек, который помогает мне в этом, — бывший судья. Обвинитель предлагает вам обеим пройти проверку на полиграфе. Если вы не согласитесь, он попытается использовать это против вас. И вам придется тяжко, если ваша сестра согласится на такую проверку и успешно ее пройдет. А если вы согласитесь и провалите ее, то вы в беде. Кроме того, он предлагает вам досудебную сделку: признать себя виновной в убийстве и сообщить суду, что вы совершили его вместе со своей сестрой. И тогда вы сможете избежать тюрьмы, пока еще молоды. Я не могу позволить вам признать себя виновной

в преступлении, которого вы не совершали, но обязан сообщить вам об этом предложении.

— Я не убивала своего отца. Если б я знала, что Александра собирается убить его, то убила ее первой.

Впервые София заговорила уверенно и четко. Глядя мне прямо в глаза, ни секунды не колеблясь. Не отводя взгляда ни вверх, ни вниз. Ни разу не запнувшись. Руки у нее спокойно лежали на коленях. Никаких «значков», как я это называю. Это была чистая правда.

— В таком случае нам просто нужно подумать на этот счет. Решение за вами. Полиграф — это не точная наука. Если вы откажетесь, я, вероятно, смогу минимизировать часть ущерба. А если согласитесь и провалите проверку, это может выйти вам боком. Мой совет — пошлите обвинителя ко всем чертям. Не думаю, что стоит рисковать, — сказал я.

— Нет, скажите ему, что я это сделаю. Я не убивала своего отца. Я говорю правду. Он сам это увидит, и они снимут все обвинения, — ответила София.

— Он не снимет обвинения, и вам следует это знать. Прокурор готов лишь пойти на сделку: признание вины и дача показаний против вашей

сестры в обмен на смягчение приговора.

— Я пройду поверку. Мне бояться нечего. Я этого не делала.

Если она будет так же настроена и в ходе проверки на полиграфе, то наверняка успешно пройдет ее. Внезапно я заметно приободрился. У Софии был источник силы, где-то глубоко внутри. Мне просто требовалось докопаться до него и сохранить до суда.

Я предложил отправить ее домой на такси, но она отказалась. Сказала, что чувствует себя лучше. Рука перестала кровоточить, и ей хочется добраться домой бегом. Сказала, что пробежка поможет ей прочистить голову.

А вот мою голову разговор с Софией явно прояснил. Она была невиновна. Я чувствовал это. Я практически в этом не сомневался. И больше того: теперь я понял, что было не так с тем отчетом о вскрытии Фрэнка Авеллино.

Это был сам Фрэнк Авеллино.

На момент убийства он находился в простотаки прекрасном физическом состоянии. Если не считать некоторых признаков дыхательной недостаточности, которые могли быть вызваны нападением, все остальное было в полном ажуре. Сердце, легкие, печень, мозг, желудок, кишечник

— просто идеальны для человека его возраста.

После ухода Софии я отыскал этот отчет в самом низу стопки бумаг на моем столе. Я уже сделал несколько копий для Харпер и Гарри, но хотел, чтобы Гарри увидел его прямо сейчас. Скормил отчет факсу и набрал номер Гарри. Через десять минут, после очередной порции бурбона, у меня зазвонил телефон.

— На что тут смотреть? — поинтересовался Гарри.

— Тебе ничего не показалось странным в этом отчете? — ответил я.

— Кроме невероятной жестокости, укуса и хирургического мастерства убийцы — ничего.

— А что, если я тебе скажу, что в течение нескольких месяцев перед смертью у Фрэнка Авеллино проявлялись некоторые симптомы деменции?

Я слышал, как Гарри перелистывает страницы. Он примолк. На заднем плане послышалось тихое тявканье.

— Ты ведь забрал этого пса домой, насколько я понимаю?

— Какого еще пса?

— Пса, который сегодня ластился к тебе на улице.

— Это мой давний приятель. Он просто обожает вяленую говядину с молоком. Я думаю, мы подружимся, — сказал Гарри.

Я дал ему еще немного времени почитать. Наконец он произнес:

— Мозг Фрэнка, за исключением повреждений, полученных в результате попадания клинка в глазную впадину, был в норме.

— У Фрэнка не было деменции, — заключил я.

— Согласен, — отозвался Гарри.

Нам обоим довелось прочесть до беса таких вот патологоанатомических отчетов. У любого человека, страдающего деменцией или каким-либо иным дегенеративным заболеванием мозга, признаки этого заболевания будут видны во время вскрытия просто невооруженным глазом. Мозг выглядит совсем по-другому. Однако судмедэксперт заключил, что мозг Фрэнка был в полном порядке. Именно это меня и обеспокоило. Мозг человека, страдающего деменцией, не выглядит нормальным — болезнь разрушает его. Это очевидно. Мозг Фрэнка не был поврежден болезнью. Значит, никакой деменции у него не было.

— Его поверенный, Майк Модин, сообщил полиции, что Фрэнк звонил ему, чтобы назначить встречу для обсуждения изменений в завеща-

нии, — сказал я.

— Каких конкретно изменений? — уточнил Гарри.

— Непонятно. Майк Модин пропал неизвестно куда.

Гарри тяжело вздохнул, и я услышал, как скрипнуло старое кресло в его кабинете. А затем как Гарри что-то шепчет псу, называя его умничкой. Я представил себе собаку, свернувшуюся калачиком у него под ногами, и только порадовался. Ему требовался компаньон. Да и эта дворняжка, похоже, тоже нуждалась в Гарри.

— Ты вообще в курсе, что я только что вышел на пенсию? Всего два часа назад, ради всего святого!

— Да ладно тебе, Гарри… Ты заметил, что есть признаки дыхательной недостаточности? Это серьезный индикатор. Ты подумал о том же, что и я, верно?

— Существует сразу несколько возможных объяснений. Нам нужен токсикологический отчет.

— Ладно, немного поспи и пожелай спокойной ночи собаке от меня.

Он повесил трубку.

Мы с Гарри были на одной волне. Насколько я понял, обвинитель этого не заметил. В противном случае Драйер назначил бы дополнительную

экспертизу, и в свидетельство о смерти внесли бы изменения касательно причины. Адвокаты Александры тоже могли это проглядеть. По крайней мере, на обратное ничто не указывало.

Теперь я знал, что Фрэнка Авеллино не просто зарезали.

В течение нескольких месяцев, предшествовавших убийству, его систематически чем-то травили. Чем-то, что притупляло его рассудок, сбивало с толку и делало послушным. Дыхательная недостаточность свидетельствовала о том, что этот яд наверняка преследовал вполне понятную конечную цель. В конце концов Фрэнк был бы отравлен до смерти.

Но только вот кто его травил?

У ответа на этот первый вопрос было очень узкое поле возможных ответов. Чтобы отравить такого человека, как Фрэнк, за достаточно долгий период времени, требовался очень близкий и постоянный доступ.

Так что подозреваемых было двое.

София и Александра.

И у меня было чувство, что та, кто травила его, решила ускорить смерть Фрэнка при помощи двенадцатидюймового кухонного ножа, пока он не успел изменить свое завещание.

Глава 16

Она

Было уже около двух часов ночи — тротуар смазанной лентой летел под ноги, ветер бил в лицо, ноги горели от напряжения.

Ночной бег был для нее одним из главных источников удовольствия.

Сегодняшний вечер предназначался не для удовольствий, а был исключительно деловым. Недавний разговор с адвокатом оказался очень полезным. Приятно иметь дело с человеком, который не просто явный профессионал, но еще убежден в твоей невиновности. Если присяжных будет так же легко убедить, как и ее адвоката, тогда все с ней будет в порядке.

На перекрестке Восточной тридцать третьей улицы с Третьей авеню она свернула направо и ускорила бег, чувствуя, как учащается сердцебиение, и теперь ей пришлось сконцентрироваться на том, чтобы следить за дыханием. Лямки рюкзака были туго подтянуты до упора, чтобы он не колотился об спину. Она энергично работала руками, задавая ритм дыханию. Вдох — выдох,

вдох — выдох. Сохраняла размеренный темп, полностью сосредоточившись на беге.

Впереди показалась вывеска многоэтажной автомобильной парковки. Она перешла на шаг, остановилась и наклонилась, чтобы перевести дыхание. Со лба у нее градом катился пот. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на улице никого нет, вошла внутрь и поднялась по лестнице на пятый этаж. В задней части площадки на этом этаже освещение отсутствовало. В этом углу было совсем темно, что ее полностью устраивало. Она прошла между длинными рядами машин с обеих сторон. Имелись тут и свободные места, но не слишком много. Она разыскала свой мотоцикл, стоящий в темном углу. Лампочка над этим парковочным местом была по-прежнему разбита: две недели назад, в последний раз заехав сюда, забралась на седло мотоцикла и шлемом снесла ее. Благослови господь владельцев дешевых парковок!

Скинув рюкзак на землю, она расстегнула молнию и достала мотоциклетный комбинезон из кевларовой ткани. Стоил тот намного дороже кожанки, но ей требовалось что-то легко укладывающееся в рюкзак. Потом сняла кроссовки, одну за другой просунула ноги в штанины комбине-

зона и натянула его поверх лайкры. Застегнула молнию до шеи, пригладила липучки на воротнике. Из рюкзака достала короткие мотоциклетные сапоги без шнуровки — с жесткой подошвой, но все из того же легко складывающегося кевлара. Надела их, натянула перчатки. При всей своей практичности кевларовый комбинезон не обладал такими же эстетическими качествами, как натуральная кожа. У него не было этого восхитительного запаха. Запах и ощущение настоящей кожи пьянили ее не хуже хорошего красного вина.

Убрав кроссовки в рюкзак, она закрыла его и накинула на плечи, туго затянув лямки. Отстегнула шлем от замка на сиденье и надела его. Тонированное забрало шлема резко уменьшило видимость в темном углу стоянки, сделав все вокруг почти непроглядно черным. Она перекинула ногу через «Хонду», завела мотор, включила фары и, проехав по площадке, спустилась по винтообразному пандусу на улицу.

Через десять минут она уже пересекала Ист-Ривер по мосту Эда Коча — не так давно именуемому мостом Куинсборо. Проехала по бульвару Куинс, улице Ван-Дам и Ревью-авеню, после чего начала петлять, сворачивая на перекрестках то налево,

то направо, но стараясь придерживаться общего юго-западного направления, и в результате оказалась в промышленном квартале под названием Хаберман, в котором громоздятся огромные склады и распределительные центры «Ю-пи-эс», «Федэкса» и прочих подобных компаний. Промзона эта располагается неподалеку от огромной развязки, на которой сходятся такие оживленные транспортные артерии, как автомагистрали «Лонг-Айленд» и «Куинс-Мидтаун», а также трасса I-278. Центры доставки и распределения не случайно были построены именно здесь — в идеальной точке, обеспечивающей быстрый доступ к Манхэттену, Нью-Джерси и прочим густонаселенным районам.

Всем подобным предприятиям требуются работники. А этим работникам надо где-то питаться, отдыхать и покупать предметы первой необходимости. Так что имелось там и несколько небольших закусочных, «Макдоналдс», «Бургер Кинг», «Костко»[90], а еще аптека.

Она выбрала именно эту аптеку, потому что та никогда не закрывалась и от нее можно было быстро убраться в любом направлении. В общем,

---

[90] notes: 90

«*Костко*» (*англ.* Costco) — сеть магазинов мелкооптовой торговли вроде действующей в России «Метро».

примерно по той же причине, что и компании, занимающиеся хранением и доставкой. Через полчаса после выхода из аптеки вы могли оказаться в любом месте в радиусе пятидесяти миль. Как раз то, что надо.

Аптека располагалась в длинном одноэтажном торговом центре, протянувшемся вдоль дороги, которая из-за тяжелых большегрузов, круглосуточно разбивавших асфальт, постоянно ремонтировалась. Имелись в этом торговом центре еще и мастерская по ремонту одежды, китайская лапшевня и химчистка, но все они были закрыты. Работала только аптека.

Она остановила мотоцикл, выключила фары и мотор и поставила его на боковую подножку. Аптека была частью известной сети. Из большой витрины на парковку падал свет, но до ее мотоцикла не доставал. Со своего наблюдательного пункта она могла видеть кассиршу за прилавком слева, сразу за входом. На бейджике у той на груди было написано «Пенни». Блондинка лет двадцати пяти, она смотрела в свой телефон и своими пухлыми розовыми губами выдувала пузыри из жвачки.

В глубине *она* едва могла различить фармацевта, которого звали Афзал Джатт. Он смотрел в

экран компьютера и жевал «Твинки».

Все как и ожидалось. Она всегда имела дело только с этими двумя сотрудниками. Когда, приехав забрать товар, она проходила мимо, Пенни неизменно надувала пузырь жвачки. Затем *она* подходила к Афзалу, забирала свой заказ, расплачивалась с Пенни и уходила.

Раз в месяц. Как по часам. В ночь со среды на четверг. Афзал и Пенни всегда работали по ночам, с понедельника по четверг. Однажды, когда *она* приехала сюда, а Пенни за кассой не оказалось, пришлось дождаться следующей ночи. Не хватало еще, чтобы еще кто-то из сотрудников увидел ее, — а может, и запомнил…

Эта ночь изначально должна была случиться. *Она* знала это с самого начала. Знала, что, как только ее отец умрет, потребуется принять меры, и что эти меры будут как необходимыми, так и грязными.

Она слезла с мотоцикла и открыла багажный отсек под сиденьем. Был он тут довольно глубоким и объемистым — целых два галлона против полугаллонных отсеков у большинства других мотоциклов.

Пошарив внутри, вытащила коричневый бумажный пакет и опустила сиденье на место.

Встала лицом к аптеке — забрало шлема опущено, пакет в руке.

Как только она приблизилась ко входу на расстояние двух-трех футов, раздвижные двери разъехались по сторонам. Пенни, стоявшая в десяти футах от нее у прилавка, на секунду оторвала взгляд от своего телефона, а затем вновь вернула его к экрану.

В аптеке негромко играла фоновая музыка — какие-то хиты девяностых. Когда двери закрылись у нее за спиной, она услышала первые такты песни Бритни Спирс: «Упс… И вот я опять».

Она быстро подступила к панели управления дверью, расположенной на стене рядом с подставкой для зонтов, и нажала на кнопку, обозначенную значком в виде висячего замка. Ни Пенни, ни Афзал не видели, как она это сделала, так как в этот момент ее рука скрылась за выставленными зонтиками. Теперь автоматические двери не открылись бы, пока Пенни не нажмет на кнопку разблокировки. *Она* прошла мимо Пенни, не сводя глаз с диетических напитков и шоколадных батончиков на полках, пока не дошла до конца прохода, а затем направилась прямиком к Афзалу. Тот закинул в рот последний кусочек «Твинки», отряхнул ладони, чтобы избавиться от

липких крошек, и положил их на прилавок.

— Чем могу помочь, мэм? — спросил он, все еще сидя на своем табурете за прилавком и вполглаза поглядывая на покупательницу — явно не желая отрываться от какого-то видео на экране своего компьютера. Она решила, что он смотрит какое-нибудь шоу, коротая поздние ночные часы.

Стойка была ей ниже пояса, так что Афзал в сидячем положении находился на расстоянии ширины стойки, но ниже ее полного роста.

Ровно то, что надо.

Ее правая рука нырнула в сумку и быстро вынырнула обратно с маленьким туристским топориком, который она вскинула над головой и резко опустила со всей силой и скоростью, на которые была способна. Лезвие его на дюйм воткнулось в макушку Афзала — с таким звуком, как будто проломили пустотелый древесный ствол. На левую сторону забрала ее шлема струей брызнула кровь. Она не хотела вытирать ее, так как могла размазать кровь по стеклу и тогда не смогла бы ничего видеть.

Топорик легко выдернулся обратно, и еще один удар окончательно расколол череп фармацевта. Все еще слыша в ушах влажный треск, с которым топорик пробил кость, она быстро повернулась и

двинулась к Пенни.

Услышав шум, та вышла из-за прилавка. Крикнула:

— Афзал, ты в порядке?

Но тут увидела *ее* с ручным топориком, с которого капала кровь. Повернулась и со всех ног побежала к дверям. Закричала, но крик мгновенно оборвался, когда двери не открылись и ее голова ударилась о стекло, по которому зазмеились трещины. Почти оглушенная, Пенни пошатнулась, упала на спину и прижала руку ко лбу.

Она встала над кассиршей, которая перекатилась на четвереньки и попыталась встать. Обеими руками воздела топор, присоединившись к концовке припева Бритни:

— …Я не столь не-вин-ная!

Лезвие со свистом рассекло воздух и вонзилось в шею Пенни чуть ниже затылка. Тело кассирши мгновенно обмякло и распласталось на полу. Топор не застрял, а проскочил насквозь, оставив в плоти огромную рану, сквозь которую виднелась белая кость. Она ударила еще раз, на сей раз чуть сбоку.

Топор вонзился глубоко в шею и остался там. *Она* едва переборола желание выдернуть его и

забрать с собой. Запах смазанного лезвия, ощущение рукояти из орехового дерева… Даже давно став взрослой, она все еще ощущала потребность прикасаться к определенным предметам и вдыхать их запах.

Перешагнув через подергивающееся тело Пенни, она ткнула в кнопку разблокировки автоматических дверей и вышла, когда они с шуршанием разъехались по сторонам. Села на мотоцикл, включила зажигание и быстро отъехала от торгового центра, направляясь к развязке. Поскольку движение на автостраде было не очень плотным, открыла заслонки в глушителях, позволив мотоциклу громко реветь под собой миль десять. Потом съехала с автострады и запетляла по местным улочкам в сторону Манхэттена.

До той же многоэтажной парковки.

Там начисто протерла шлем комбинезоном. Убрала комбинезон, короткие сапоги и перчатки в рюкзак и снова надела бейсболку и кроссовки. Рюкзаку предстояло оказаться в реке, когда она будет бежать по окраине острова, к своей квартире и долгому душу.

Хорошая ночная работа. Если обвинению удастся установить, что Фрэнка отравили, то не исключено, что они смогут проследить путь к

этой аптеке и Афзалу Джатту. И так окажутся на шаг ближе к ней, а этого нельзя было допустить.

Но требовалось сделать и кое-что еще. Имелась еще одна возможная связь. Мужчина. Тот, к кому нелегко подобраться. Он хорошо защищен. И умом не обижен.

Он будет ожидать ее появления.

Глава 17

Кейт

Нажав «обновить» на своем телефоне, она посмотрела, как меняется изображение на экране, и увидела это.

Пятьдесят тысяч долларов. На своем банковском счету. Первый взнос на оплату юридических услуг. Будут еще выплаты на общую сумму двести пятьдесят тысяч долларов. Ее первые гонорары в качестве адвоката. В качестве единственного адвоката.

Официант принес ей кофе. К огуречно-салатному соку Кейт даже не притронулась. Лежащий перед ней на тарелке морковно-миндальный маффин оставался столь же нетронутым, как и пятнадцать минут назад, когда ей его только

принесли. Она была слишком возбуждена, чтобы хоть что-то съесть.

Посмотрела на часы.

Блок опаздывала. Всего на пару минут. И, наконец, вошла. Ее подруга была одета все в ту же кожаную куртку, голубые джинсы и тяжелые ботинки. Футболка, правда, сменилась на темно-синюю, и теперь на ней был черно-белый шарф. Блок уселась напротив Кейт и, подхватив стакан с ярко-зеленым соком, спросила:

— Что это?

— Сок из огурцов и салата-латука. Хочешь попробовать? — спросила Кейт.

— Ты хочешь сказать, выпить его?

— Да.

Скривившись от отвращения, Блок помотала головой.

Кейт сообщила подруге последние новости. Рассказала ей о том, что произошло вчера в офисе, — что Скотт украл ее идею и использовал ее, чтобы занять второе кресло за столом защиты в деле Авеллино. А затем рассказала ей, что сделала в отместку.

— Молодец, — похвалила ее Блок. — Ты уже сказала Леви?

— Я подумала, что мы могли бы навестить его

вместе.

Блок кивнула.

— Я хочу, чтобы ты была там не просто как подруга, — сказала Кейт. — Я ведь осталась совсем одна. Мне нужен следователь. Раньше ты была копом. Ты обучаешь копов, как расследовать преступления. Мне нужен помощник, и я хочу, чтобы это была ты. Что скажешь?

Блок кивнула.

— Это понимать как «да»? Ты готова?

— Угу. Если будешь исправно компенсировать расходы, то…

— О, предпочитаешь оплату по твердой ставке или долю от гонорара? Я так волнуюсь… И немного напугана. Мне нужно, чтобы ты была со мной.

Блок кивнула:

— Давай испортим Леви этот год.

* * *

Рыжеволосый охранник в вестибюле настоял на том, чтобы Кейт зарегистрировала Блок на территории фирмы как гостя. Той пришлось предъявить удостоверение личности, и как только ей выдали пропуск посетителя, они вместе поднялись на лифте на четырнадцатый этаж. А когда вышли в коридор, в офисе явно царило

оживление. Младшие юристы, секретари, ассистенты — все столпились вокруг Леви и Скотта, которые сидели без пиджаков в конференц-зале со стеклянными стенами, отдавая распоряжения и раскладывая бумаги по стопкам. Подготовка к процессу была в самом разгаре.

Кейт провела Блок в конференц-зал. Она была в своем пиджаке делового покроя, но в джинсах и легкомысленного вида сапожках.

Заметив, как Кейт вошла, Леви шлепнул на стол пачку разрозненных листов, рассыпав их.

— Кэти, где, черт возьми, тебя носило? И почему ты одета неподобающим образом? Куда это ты, по-твоему, собралась? На родео?

— Я увольняюсь, — объявила Кейт, протягивая Леви ксерокопию доверенности, подписанной Александрой Авеллино.

— А это еще что, черт возьми? — вопросил Леви.

— Это отплата. Все мои предложения можете оставить себе на память — я просто хочу получить обвинительный акт со всеми приложениями, после чего ухожу.

Скотт взял у Леви бумагу, и лицо у него побелело, когда он прочел ее. Что было приятным контрастом с Леви, у которого, казалось, вот-вот

лопнет голова.

— Ты не имеешь права! Твой контракт запрещает переманивать клиентов фирмы! Я отсужу у тебя все до последнего цента! А еще поставлю в известность коллегию адвокатов. Ты только что подписала себе смертный приговор! — разбушевался Леви.

— Это угроза? — поинтересовалась Блок, делая шаг вперед.

Две секретарши лет под тридцать, одетые в стандартную серо-голубую униформу сотрудников фирмы, вошли в конференц-зал, скрестили руки на груди и стали слушать.

— А вы-то кто? — бросил Леви, после чего заметил секретарш и раздраженно махнул им на дверь. Те не двинулись с места.

— Я с Кейт Брукс. Давайте документы, и мы от вас отцепимся.

— Вы не вынесете ни единой страницы из этого офиса! Скотт, вызывай охрану!

Тот перегнулся через стол, сорвал трубку со стоящего в конференц-зале стационарного телефона и нажал на кнопку внутренней связи.

— Если вы не выполните это требование, я могу пожаловаться в коллегию адвокатов *на вас*. А теперь документы, — твердо сказала Кейт.

Леви надул щеки, так и пыхтя от возмущения. Несколько раз сжал и разжал кулаки, а затем обошел стол, воздев палец вверх. Потом нацелился этим пальцем в лицо Кейт, брызгая слюной.

— Тебе конец! Да я тебя просто УНИЧТОЖУ…

Палец ткнул Кейт в грудь.

Блок шагнула вперед, перехватила палец Леви, зажав его в кулаке, и слегка согнула его. Что-то слегка хрустнуло, но палец не сломался. Этого оказалось достаточно, чтобы заставить Леви умолкнуть, но особого вреда не причинило.

Кейт услышала, как одна из секретарш за ее спиной потрясенно ахнула.

Скотт лихорадочно переговаривался по телефону с охраной, требуя немедленно подняться сюда.

— Так отдадите нам эти документы, чтобы мы могли оставить вас в покое? — поинтересовалась Блок.

Глаза у Леви были широко раскрыты от смущения и страха.

— Отпустите меня, это уже переходит все границы!

Блок еще немного согнула палец.

— Принесите им документы! — наконец буркнул Леви.

Секретарши прикрыли рты руками, чтобы скрыть смех, но все же взяли два комплекта бумаг на другом конце конференц-зала и вручили их Кейт.

— Если вам когда-нибудь понадобится секретарь, позвоните мне, — шепнула одна из них, стараясь, чтобы Леви ее не услышал. Звали ее Джейн, и Кейт сделала себе мысленную пометку. Сейчас она не могла позволить себе даже офис, не говоря уже о секретарше, но кто знает…

В коридоре за дверью офиса послышались торопливые шаги, и в конференц-зал ворвались пятеро охранников, едва не сбив Джейн с ног. Один из них, высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти пяти, с короткой стрижкой, потрясенно спросил:

— Блок? Это ты?

Та обернулась, увидела, кто это, и небрежно отозвалась:

— Привет, Реджи.

Она все еще держала Леви за палец, а когда он попытался его вырвать, надавила еще сильнее, и у него подломились колени.

Все остальные охранники посмотрели на мужчину, которого Кейт теперь знала как Реджи. Как видно, он был их начальником. С совершенно

дурацким и непрофессиональным видом они просто стояли там, пока Блок удерживала Леви.

— Уберите ее от меня, сию же секунду! — приказал тот.

— Ты на работе? — спросил Реджи.

— Теперь я такой же частник, как и ты.

— Блок, это мой босс. Мне нужно, чтобы ты его отпустила, — продолжал Реджи.

— Сначала пусть извинится, — парировала Блок.

Рыжеволосый охранник, который куражился над ними в вестибюле, шагнул было к ней, но огромная ручища Реджи потянулась к нему, ухватила его за рубашку и оттащила назад.

— Не двигайся. Дай-ка я сам со всем этим разберусь. Ты не сможешь выходить на смены, если окажешься в больничке, — сказал Реджи.

Скотт, который вроде как собрался с духом, двинулся к своему боссу. Затруднительное положение Леви просто дало ему еще один шанс подлизаться к начальнику, если выйдет выручить его. Он пытался подкрасться к Блок сзади, широко раскинув руки и готовясь схватить ее. Блок явно это почувствовала, поскольку покосилась на него и бросила:

— Вообще-то у меня *две* руки, герой.

Скотт остановился как вкопанный и попятился назад.

— Мистер Леви, я думаю, вам следует извиниться, сэр, — произнес Реджи.

— Что?! За что я вам плачу? Уберите ее от меня! — выкрикнул Леви.

— Сэр, за месяц до моего ухода в отставку Блок проводила с моим подразделением курсы повышения квалификации по вождению и технике силового задержания. Она в шести футах от нас, а нас всего пятеро. Я думаю, вам следует извиниться, сэр.

— Она делает мне больно! — взвизгнул Леви, выдавив эти слова сквозь боль.

Охранники посмотрели на Реджи, который едва сдерживал смех — рот и губы у него так и дрожали от подобных усилий.

— Сэр… Я бы сделал, как она говорит.

— Ладно, я извиняюсь — я *извиняюсь*, — процедил Леви.

— Мисс Брукс, вы получили все бумаги, которые требовались? — официальным тоном поинтересовалась Блок.

— Все здесь, — подтвердила Кейт.

Блок отпустила палец Леви, и тот попятился, прижимая к себе руку. Реджи отступил в сторону,

уступая дорогу Кейт и Блок.

— Это еще не конец, Кэти, — прошипел Леви.

— Для вас я мисс Брукс, — надменно отозвалась Кейт.

Фрэнк Авеллино

Запись в дневнике, среда, 5 сентября 2018 г.

07:30

За мной кто-то следит.

Это случилось вчера. Женщина на черном мотоцикле. Возможно, это была та же личность во всем черном, которую я видел на прошлой неделе.

Я не схожу с ума.

После завтрака я вышел из ресторана Джимми, а она была на другой стороне улицы. Я вижу ее уже второй раз за последние несколько дней. Она пару раз газанула и уехала как раз в тот момент, когда из дверей ресторана вышел Хэл. Он сказал, что не заметил ее.

Может, это как раз у Хэла шарики за ролики заехали.

Я сразу же позвонил Майку Модину и

велел ему нанять того частного детектива, которого рекомендовал Хэл.

22:30

София принесла куриный суп с лапшой, и мы посмотрели «Свою игру» по телику. Потом она приготовила сырный тост и подала его мне на подносе со стаканом молока. Это было не так вкусно, как стряпня Александры, но я не осмелился сказать ей об этом.

Вчера вечером Александра приготовила мне пасту, и это было здорово. Хотя немного странное послевкусие. Я выпил один из этих смузи, так что не сумел понять, дело в пасте или в смузи. Не важно – еда была такой вкусной, что я проспал потом целый час.

Я беспокоюсь за Софию. Она не похожа на свою сестру. Александра сильная, организованная и сама пробивает себе дорогу в жизни. У Софии даже нет работы. И парня у нее тоже нет, хотя в наши дни это не так уж и плохо. Некоторые из парней, с которыми она встречалась, были просто наркоманами. Я понял это,

только взглянув на них. Она говорит, что сейчас чиста. Я ей верю.

Когда она убирала пустой поднос, я увидел ее руки.

На рукаве у нее было пятно крови. На предплечье.

Она не употребляет, но по-прежнему режет себя. Так вот все и начинается. Через полгода мне придется записать ее в другую клинику, чтобы привести в чувство.

Она говорит мне, что принимает свои лекарства. Я говорю ей, что ее сестра никогда не пропускала свои успокоительные, и вот посмотри, как у нее все хорошо. София не хочет говорить об Александре. Эти двое никогда не помирятся. Этого просто не произойдет. Я хотел сказать ей, чтобы она поостереглась женщины на мотоцикле, но потом передумал. У Софии и без этого будь здоров какая паранойя.

Когда она была здесь, то кое-что такое сделала. Какой-то жест, или движение, или что-то еще, чего я точно не помню, и это напомнило мне о ее матери. Я хотел сказать ей об этом, но в тот момент не

мог вспомнить, как звали ее мать. Я не мог вспомнить, как звали мою собственную покойную жену!

Наверное, я и вправду схожу с ума.

Часть III. Поверенные на доверии
Глава 18

Эдди

Никто не побежал к Уэсли Драйеру заключать сделку. Никаких соглашений о признании вины. Предстоял честный бой, а сегодня — первая крупная сшибка.

Я прибыл в суд в сопровождении Гарри. Он и подготовил большинство ходатайств, поданных мной на прошлой неделе. Сегодня все это рассматривалось судом. Вызывать клиентку в суд не было нужды, и меня это только порадовало. После того как София объявилась у меня в офисе, она немного успокоилась, и мы с Харпер навещали ее почти каждый день. Вчера она пригласила нас на кофе. Мы с Харпер сидели у нее на диване, пока София хлопотала на кухне, разогревая кексы.

— Она и вправду иногда как ребенок, — заметил я. — Ну кто еще угощает своих адвокатов кексами?

— Смотри, — негромко произнесла Харпер, указывая куда-то в сторону прихожей. — Давай, просто глянь одним глазком. Это должно быть у

нее на кровати.

Я тихонько встал, вышел в прихожую и увидел оттуда на кровати Софии старую мягкую игрушку. Искусственный мех слипся, а кое-где протерся до дыр. Это был голубой зайчик. Я быстро вернулся и опять сел за стол, пока София не заметила, что я подглядываю.

Харпер прошептала:

— Он у нее с детства. Она сказала, что мать купила двух одинаковых для нее и ее сестры — незадолго до того, как матери не стало. София до сих пор спит с ним.

Я кивнул. Я слышал, как София упоминала про такого же зайчика в руках у своей сестры, когда та нашла свою мать мертвой на лестнице.

— Она что, упоминала тебе про эту игрушку?

— Да. Говорю же, она спит с ней. Сказала, что они с сестрой повсюду таскали с собой этих зайчиков, пока были детьми. Я понимаю, что этот зайчик дорог ей как память, но сейчас-то Софии уже под тридцатник! Ей нужен кто-то, кто бы за ней присматривал.

Да уж, София была явно не приспособлена к жизненным стрессам даже в обычных обстоятельствах.

Я не сомневался, что если ее осудят, то от два-

дцати пяти до пожизненного в исправительной тюрьме Бедфорд-Хиллз[91] ей не вынести. Вообще-то по сравнению с другими крытками там не так уж и плохо, есть места и похуже. Но это все равно учреждение строгого режима. Единственная тюрьма строгого режима для женщин в штате. Все, что видать снаружи, — это стены с колючей проволокой и нечто вроде старого дома в викторианском стиле за ними. Но территория там довольно большая, с несколькими круглыми зданиями в окружении спортивных площадок и двориков для прогулок. Софию наверняка сразу же поместят под наблюдение за склонными к суициду — но не навсегда. Я знал, что она воспользуется первой же возможностью, чтобы покинуть эти пределы навсегда. Либо намеренно, либо порежется слишком уж глубоко, и на этом все и закончится.

София принесла с кухни поднос с кексами. Мы ели их и пили кофе, пока я рассказывал ей о том, что произойдет в суде на следующий день. Похоже, она все-таки понимала — хотя, может, просто не до конца сознавала, — какой оборот может принять дело, если слушание пройдет неудачно.

---

[91] notes: 91

Бедфорд-Хиллз — небольшой городок в округе Вестчестер, штат Нью-Йорк, в котором расположены сразу две женские тюрьмы.

Поблагодарив Софию за угощение, мы с Харпер ушли, оставив ее прижимать к себе своего голубого зайчика для укрепления духа.

Это было вчера. Сегодня же начиналась битва за то, чтобы спасти ее от тюрьмы. Первая стычка. И все должно было закончиться в нашу пользу.

На кону стояла ее жизнь. И единственным способом спасти эту жизнь было добиться того, чтобы присяжные вынесли вердикт «невиновна». Первые детальки, необходимые для претворения этого вердикта в жизнь, предстояло выложить на стол сегодня утром, в этом зале суда.

Под мышкой у меня были копии ходатайств, и я положил их на стол защиты. У Гарри были свои экземпляры, которые он бросил рядом с моими и устроился на стуле рядом со мной. Потом оглядел зал, заметив при этом:

— Как-то странно сидеть по эту сторону от судейской трибуны…

— Ты всего четыре недели как на пенсии, и только не говори мне, будто теперь уже начинаешь сожалеть об этом, — отозвался я.

— Я этого не говорил — просто сказал, что это странно, — ответил Гарри, после чего откинулся назад вместе со стулом, упершись ногами в пол, и сцепил пальцы на животе. Он немного прибавил

в весе, и я был рад этому. Это придавало ему более солидный вид, сгладило кое-какие морщины у него на лице. Мы уже не раз засиживались допоздна над этими ходатайствами у меня в офисе, и эти вечера обычно заканчивались скотчем и пиццей часа в три часа ночи, когда пес Гарри ловил на лету корки, которые мы ему бросали. Этот пес мог сожрать все что угодно.

В зале больше никого не было. Я всегда любил приходить в суд пораньше. Занять свое место. Прочувствовать зал. А кроме того, мне нравилось наблюдать за физиономиями своих оппонентов, когда, войдя в зал, они обнаруживали, что я уже там — в полной боевой готовности. Это из области психологии. Тонкая форма манипуляции. Я хотел, чтобы мой оппонент чувствовал себя так, словно пришел ко мне домой.

— Как, по-твоему, сегодня все пройдет? — спросил Гарри.

— Зависит от судьи, — ответил я.

— Я уже трижды звонил своей бывшей секретарше, и она так и не сказала мне, какой судья ведет дело. Сказала, что не имеет права. Она, мол, поклялась хранить тайну. Лояльность уже не та, что прежде…

Двери в задней части зала открылись, и я услы-

шал приближающиеся шаги. Одна пара женских каблучков и одна пара ботинок. Обернувшись, я увидел Кейт Брукс, решительно шагающую в нашу сторону, а за ней какую-то высокую даму в кожаной байкерской куртке и тяжелых ботинках. С «Леви, Бернард и Грофф» эта парочка как-то не особо вязалась.

Кейт заняла место за соседним столом защиты, расположенным чуть дальше от центрального прохода. По другую сторону от него стоял стол, отведенный для обвинения. А посередине, чуть в глубине, возвышалась массивная трибуна из красного дерева, из-за которой выглядывала высокая спинка кожаного судейского кресла на фоне американского флага. Проходя мимо моего стола, Кейт поздоровалась с нами.

Гарри встал и представился:

— Я Гарри Форд, консультант Эдди Флинна. А вы кто?

— Кейт Брукс, из «Адвокатского бюро Брукс». А за спиной у вас мой следователь, Блок.

Гарри обернулся, и та высокая дама с короткими черными волосами пожала ему руку.

— Из бывших правоохранителей, насколько я понимаю? — поинтересовался Гарри.

Блок кивнула.

— Простите, не расслышал вашего имени, мисс Блок, — продолжал он.

Блок то ли опять кивнула, то ли мотнула головой, я так и не понял. Все так же молча. Гарри без лишних слов опустился обратно на свое место и опять откинулся назад вместе со стулом.

Я встал и подошел к столу Кейт, которая уже раскладывала на нем свои бумаги. Вытащив из сумки пять разноцветных блоков липучих листочков для заметок и пять разноцветных маркеров, аккуратно выстроила их перед собой. Я не намеревался ей мешать, но хотел убедиться, что правильно ее расслышал.

— Вы сказали «Адвокатское бюро Брукс», верно?

— Верно. Я ушла из «Леви, Бернард и Грофф» около месяца назад.

— Блин, и вы представляете интересы Александры?

— Вот именно, — коротко ответила Кейт.

Я отступил на шаг, чтобы как следует ее рассмотреть. Она словно стала выше ростом. На лице у нее застыла нервная и возбужденная улыбка, но теперь Кейт была действительно похожа на адвоката, а не на затурканного младшего юриста, который каждые десять минут вскакивает со сво-

его места и неистово аплодирует своему боссу.

— Поздравляю, очень рад за вас — и вправду рад. Хотя у меня есть один вопрос. Я не получал никаких ваших ходатайств суду. Насколько я понимаю, вы ведь тоже за то, чтобы разделить слушания?

Теперь настал уже черед Кейт не спешить с ответом и столь же внимательно оглядеть меня с ног до головы. Она оценивала меня, пытаясь понять, какого рода угрозу я собой представляю и какую затеваю игру.

— У нас нет возражений против рассмотрения обоих обвинений в ходе одного судебного процесса, на чем настаивает окружная прокуратура, — наконец ответила она.

Я услышал, как Гарри изумленно втянул воздух сквозь зубы, а передние ножки его стула со стуком опустились обратно на плиточный пол. Он тоже явно не рассчитывал, что Кейт подложит нам такую свинью, хотя ничего удивительного. Она хорошо сознавала, что у нее куда больше шансов в совместном процессе — присяжные скорее поверят Александре, чем Софии. Блестящая стратегия, если не считать одного обстоятельства.

— Я понимаю ход ваших мыслей. Но это большой риск — есть много вариантов, при которых

эта ваша стратегия может выйти вам боком, — заметил я.

— Не может. Нам опасаться нечего, это может выйти боком только для вашей клиентки, — ответила она.

— Еще как может — если вы подорвете доверие к моей клиентке, а я, в свою очередь, подорву доверие к вашей. Тогда присяжные не поверят ни одной из подсудимых, и обе будут осуждены. Это все равно что пилить сук, на котором сидит не только ваш оппонент, но и вы сами. Обвинитель может просто выдать каждому из нас пилу и спокойно ждать, пока мы оба не сверзимся на землю.

— Я уже размышляла на этот счет. И не думаю, что вам удастся так уж легко опорочить мою клиентку.

— Не будьте так уверены. Не думаю, что это разумно. Нам следует бороться с обвинением, а не друг с другом.

— Моя клиентка осознает все возможные риски, но мы полностью уверены в победе. Скажите, София собирается пройти проверку на полиграфе?

— А Александра собирается пройти проверку на полиграфе? — немедленно парировал я.

Кейт скрестила руки на груди и, переступив с

ноги на ногу, задумчиво выпятила языком щеку. Она не собиралась так просто сдаваться.

— Послушайте: на мой взгляд, совместное судебное разбирательство выгодно в первую очередь обвинению, — продолжал я. — Им и делать-то особо ничего не придется. Это заставит нас бороться друг с другом — вместо того, чтобы дать отпор Драйеру.

Вместо ответа Кейт выдвинула стул и села за стол защиты, аккуратно разложив перед собой три одинаковые ручки «Мудзи». Разговор был окончен. Для Софии все начинало складываться как война на два фронта. Поэтому было еще важней добиться разделения слушаний.

— Кейт, я очень рад, что вы решили действовать самостоятельно. Это смелый поступок, и вы этого более чем заслуживаете. По-моему, Леви — настоящий подонок. Это классно для вас, но я беспокоюсь о том, что мы облегчим жизнь стороне обвинения. По крайней мере, у вас нет возражений против моего ходатайства о разделении слушаний? Только честно?

— Я собираюсь делать то, что считаю нужным для моей клиентки, — туманно ответила она.

— Ладно, посмотрим, как пойдет дело, — сказал я. Мне не хотелось затевать ссору с Кейт. Она мне

нравилась. Мозгов у нее явно хватало, и я был рад, что Кейт бросила Леви и сумела отжать у него его самое крупное дело.

Я вернулся за свой стол, и Гарри бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Если мы не разделим слушания… — пробормотал он себе под нос.

— Да знаю я, знаю…

Уэсли Драйер явился последним, и выглядел он так, словно перед этим долго ходил по магазинам, выбирая себе на сегодня новую экипировку. На белоснежной накрахмаленной рубашке возлежал бледно-желтый галстук, завязанный идеальным виндзорским узлом. Это сочетание подчеркивал элегантный синий костюм, скроенный, естественно, строго по мерке. Вид у обвинителя был такой, словно он собирался на фотосессию для какого-нибудь престижного журнала, и в некотором роде именно это и должно было произойти сразу после слушания. Я не сомневался, что Драйер уже созвал пресс-конференцию в офисе окружного прокурора. Сопровождал его ассистент — молодой человек в почти столь же элегантном костюме, как у его босса.

Хотя я заметил, что в наряде Драйера все-таки кое-чего не хватает.

— Смотрю, вы не пришпилили свой значок, — заметил я.

— Сегодня в нем нет нужды, — отозвался Драйер с самодовольной улыбкой на розовом лице.

Тут из дверей судейских палат вышел секретарь суда.

— Всем встать!

Мы с Гарри поднялись. Драйер был уже на ногах. И из-за двери показался судья Стоун с нашими ходатайствами под мышкой.

— Черт… Нам конец, — услышал я бормотание Гарри. — Вот же сукин…

— Мистер Драйер, насколько я понимаю, вы выступаете от имени народа, — начал Стоун. — От имени Софии Авеллино выступает мистер Флинн, а мисс…

— Брукс, — подсказала Кейт. — Я представляю здесь Александру Авеллино.

— Очень хорошо, — заключил судья. — Мистер Флинн, я ознакомился с вашими юридическими обоснованиями. И удовлетворяю все три ваших ходатайства об истребовании доказательств. Обвинение обязано предоставить вам все материалы, указанные в вашем запросе, до конца сегодняшнего рабочего дня. Ходатайство об осмотре места преступления я тоже удовле-

творяю. Кстати, это касается представителей обеих обвиняемых. Осмотр будет проводиться каждой из сторон по отдельности, без участия полиции, в присутствии лишь полномочного представителя суда, который будет вести видеозапись и проследит за тем, чтобы обстановка на месте преступления не была каким-то образом нарушена. Каждая из сторон получит запись как собственного осмотра, так и того, что был проведен противоположной стороной. Записи будут предоставлены без звука, так что вы можете свободно обсуждать дело непосредственно в ходе осмотра.

Помощник Драйера взял со стола обвинения коробку и поставил ее на мой стол. Другую такую же отнес к столу Кейт.

— Все документы, имеющие доказательственное значение, теперь вам предоставлены. Сотрудник прокуратуры с видеокамерой готов в любой момент выехать на Франклин-стрит для фиксации осмотра, — объявил Драйер.

Он был уже в курсе. Я не сомневался, что они со Стоуном успели обсудить все это с глазу на глаз еще пару дней назад. Это было просто-таки вопиющим нарушением профессиональной этики, но это уже произошло, причем не стоило и пытаться

хоть что-то доказать.

— Мисс Брукс, аналогичным образом я удовлетворяю и ваши ходатайства касательно материалов обвинения, — сказал Стоун. — Вообще-то мистер Флинн запросил больше документов, чем вы, так что ваши требования выполнены даже с некоторым запасом.

Кейт встала и поблагодарила судью.

— Теперь перейдем к последнему вопросу. Мистер Флинн, что касается вашего ходатайства о разделении обвинительного заключения и проведении отдельных судебных процессов для каждой из обвиняемых… Я внимательно ознакомился как с данным документом, так и с приложенными к нему обоснованиями, и должен заметить, что все это составлено… явно с хорошим знанием *судебной процедуры*, — сказал Стоун, подчеркнув два последних слова и одарив Гарри тошнотворной улыбкой.

Тот одними губами произнес что-то в ответ. Я не умею читать по губам, но мне показалось, что Гарри каким-то образом помянул маму Стоуна. В каком именно контексте, разобрать не удалось.

— Ваши аргументы довольно убедительны. Риск предубеждений по отношению к вашей клиентке вполне реален. Однако, как вы сами

упомянули в своем ходатайстве, закон предоставляет мне значительную свободу действий, оставляя решение по данному вопросу на мое собственное усмотрение — при условии, что я учту возможные предубеждения в отношении обеих подсудимых. Даже при том, что они обвиняют друг друга, если обе готовы давать показания на суде, это отменяет любые доводы в пользу того, что совместное разбирательство нарушает конституционное право вашей клиентки на надлежащее судебное разбирательство. И я вправе предупредить присяжных касательно возможных опасений в предвзятости, которые могут у вас возникнуть. Подобные меры должны предотвратить любую существенную несправедливость и понесенный вследствие нее ущерб. Мисс Брукс, насколько я понимаю, ваша клиентка собирается давать показания на суде?

— Да, ваша честь.

— Что ж, мистер Флинн, разве это не означает, что ваша клиентка должна опровергнуть эти показания своими собственными?

— Ваша честь, при всем уважении: это означает, что моя клиентка теоретически не сможет воспользоваться правом не свидетельствовать против самой себя, предоставляемым ей Пятой

поправкой, — возразил я.

— Вам решать, как вести дело, мистер Флинн. Ваша клиентка может сколько угодно ссылаться на Пятую поправку, и я уверен, что вы заранее объясните ей возможные последствия. Я должен убедиться в том, что вашей клиентке и вправду может быть нанесен существенный ущерб, прежде чем принимать решение разделить этот судебный процесс. Слово «существенный» здесь является ключевым. Любое совместное судебное разбирательство изначально несет в себе некоторый элемент предвзятости и вытекающего из нее потенциального ущерба — однако, на мой взгляд, в данном случае он не является существенным. Кроме того, я должен принять во внимание и стоимость двух отдельных судебных слушаний для налогоплательщиков. Исходя из этого, я отклоняю ваше ходатайство. Совместное судебное разбирательство начнется ровно через две недели. В понедельник мы приведем присяжных к присяге. Заседание закрыто.

— Ваша честь… — начал было я, но Стоун уже был на полпути к двери. Проигнорировал меня и просто ушел.

— Черт, — пробормотал я себе под нос. — Можем мы прямо сейчас подать апелляцию?

Гарри скрестил руки на груди. Глаза у него были закрыты, брови сошлись вместе.

— Ничего не попишешь. Судебный процесс еще не начался, так что мы не можем сослаться на какие-то конкретные факты, свидетельствующие о том, что какое-либо предубеждение и вправду имеет место. При подаче апелляции нам придется доказать, что судья неправомерно распорядился своим правом принятия решений по собственному усмотрению, а поскольку таковое право установлено законом, практически нереально добиться того, чтобы апелляционный суд отменил его решение. В данном случае ничего у нас не выйдет. Стоун признаёт наши аргументы, но говорит, что это автоматически не означает необходимости раздельного судебного разбирательства, если он сможет разобраться с какой-либо существенной предвзятостью по отношению к кому-то из обвиняемых, предупредив присяжных касательно некоторых аспектов приводимых доказательств. Дело Зафиро[92] типа

[92] notes: 92

Имеется в виду судебный процесс над четырьмя наркоторговцами, состоявшийся в 1993 г. в Чикаго. Глория Зафиро, Хосе Мартинес, Сальвадор Гарсия и Альфонсо Сото, которых судили в ходе общего разбирательства, перекладывали вину друг на друга и через своих адвокатов требовали рассмотрения предъявленных им обвинений в ходе отдельных слушаний, но им было в этом отказано. В условиях прецедентного права — и вправду серьезный аргумент в пользу Стоуна.

как подтверждает его доводы. Старина, даже…

— Но уголовный кодекс гласит, что если позиции обеих сторон защиты диаметрально противоположны…

— Я знаю, что там говорится в кодексах. Как и ты. Как и он. И у него все еще есть привилегия действовать по собственному усмотрению. Мы не можем обжаловать его решение, если только оно не является неправомерным, — сказал Гарри.

— А как насчет его личных предубеждений? На пару с Драйером он утопит обеих обвиняемых.

— И как ты это докажешь? Особенно учитывая, что он удовлетворил все остальные твои ходатайства? Это в некотором роде доказывает, что он не предвзят. Я уверен, что именно это и было у него на уме, когда он предоставил нам все материалы, которые мы затребовали. Вот если в ходе судебного разбирательства это его предубеждение проявится в полный рост, тогда у нашей клиентки действительно есть все шансы подать апелляцию. Иначе никак.

— Но это предубеждение уже приведет к ее осуждению! Нам нельзя этого допустить. София долго не продержится в тюрьме. Сам же знаешь, сколько времени займет апелляция, и если мы выиграем, то добьемся лишь пересмотра дела.

Ей придется пройти через все это по новой! — горячился я.

— Он просто сукин сын, — пробормотал Гарри, покачав головой.

— Что вы сказали, мистер Форд? Вы как-то охарактеризовали достопочтенного судью первой инстанции? — серьезным тоном поинтересовался Драйер, о присутствии которого в какой-то момент мы попросту забыли. Он хотел смутить Гарри, вывести его из себя. И это была угроза: попробуй, мол, плохо отозваться о его приятеле, таком же белом националисте — который вдобавок является судьей, — и он позаботится о том, чтобы тот узнал об этом.

Гарри ничего не ответил — просто уставился на Драйера, стиснув зубы.

— Вы вроде назвали его сукиным сыном? Вы ведь именно это сейчас сказали? — продолжал Драйер. Теперь он уже откровенно напирал, наслаждаясь своей властью.

— Я не называл его сукиным сыном, — проворчал Гарри.

— Ну вот и хорошо. Вот и умничка, — пропел Драйер.

Гарри резко встал — слово «умничка» вывело его из себя.

— Я сказал, что он неонацистский гондон, а ты его прихвостень! Вот что я сказал, Уэсли. Обязательно передай ему мои слова. Вы оба можете напялить свои белые капюшоны и хорошенько посмеяться над этим.

Драйер наморщил нос и отступил назад. Гарри больше не был ни судьей, ни даже адвокатом. И жаловаться на него в какие-то профессиональные органы было совершенно без толку, поскольку он не принадлежал ни к одному из них. С некоторых пор.

— На случай, если вы этого до сих пор не поняли: совместное разбирательство дает мне гарантированную победу. Одна из этих женщин убила Авеллино. Присяжные признают виновной по крайней мере одну из них. Мне насрать, кого именно — вашу клиентку или клиентку Кейт. Я постараюсь добиться осуждения их обоих, но даже если одну из них оправдают, я все равно получу свой обвинительный приговор. Я просто не могу проиграть. А вот вы с мисс Брукс — один из вас или вы оба — обязательно проиграете. До встречи в суде, джентльмены, — сказал Драйер и с этими словами удалился.

— Гарри, это было неразумно. Нам совсем ни к чему, чтобы судья был настроен против нас еще

более предвзято, чем уже есть, — заметил я.

— А такое разве возможно? — буркнул Гарри.

Кейт собрала свои документы и, проходя мимо моего стола, тихонько бросила:

— Моя клиентка готова пройти проверку на полиграфе.

После чего направилась к выходу.

Вот же гадство…

Теперь у нас нарисовалась еще более серьезная проблема.

Глава 19

Кейт

Кейт внимательно наблюдала за тем, как Драйер всматривается в лицо старого судьи. Про Гарри Форда она была немало наслышана. Как и большинство молодых адвокатов. Он был настоящей легендой. Умный, справедливый, бесстрашный… Каким и должен быть любой судья.

И слышала, как Драйер назвал Гарри «умничкой».

В тот момент ей хотелось, чтобы Гарри дал Драйеру по физиономии. Хотя она была даже немного разочарована, когда Гарри попался на

удочку и как следует обложил судью Стоуна, который был его полной противоположностью. Тут Кейт поняла, что если ее стратегия оправдает себя, то клиентка Эдди отправится в тюрьму, и сейчас она помогает в этом Драйеру. Живот неприятно сжался.

Блок подхватила коробку с материалами обвинения, Кейт собрала свои папки и, проходя мимо Эдди, не сдержалась и кое-что ему выдала. Совершеннейшую мелочь. Просто поставила его в известность, что Александра решила пройти тест на детекторе лжи. По крайней мере, это должно было подтолкнуть Эдди к подобному решению и в отношении его клиентки. Если от теста откажутся обе сестры, то у обвинения будет больше шансов осудить обеих. Кейт знала, что если Александра успешно пройдет проверку, это будет весомым аргументом в ее пользу. Особенно если София провалит тест или вообще откажется от него.

То, что София тоже может успешно пройти проверку на детекторе лжи, Кейт и в голову не приходило. Александра была крайне убедительна — даже на Блок это произвело впечатление. Кейт абсолютно верила в невиновность своей клиентки, что автоматически делало убийцей

Софию. И это правильно, что убийц осуждают и отправляют в тюрьму. Так, по крайней мере, она говорила себе. И все же что-то в ней колебалось при мысли о том, чтобы ткнуть пальцем в другого человека и назвать его убийцей. Это была работа прокурора. Всей своей душой она была адвокатом защиты. Обвинители — люди совсем другой породы.

Кейт все никак не могла избавиться от этой мысли, пока они с Блок, которая молча несла коробку с материалами обвинения, выходили из зала суда, шли по коридору и спускались в лифте на первый этаж. А когда оказались на Сентер-стрит, залитой холодным солнцем, эта неотвязная мысль уже всерьез не давала ей покоя.

А вдруг ее клиентка лжет? Вдруг это Александра убила Фрэнка Авеллино? Стратегия Кейт могла привести к пожизненному заключению ни в чем не повинной женщины.

Она остановилась и помотала головой, словно желая избавиться от этой мысли — вытряхнуть ее из уха на тротуар.

— Кейт Брукс? — послышался чей-то голос. Она подняла взгляд. К ней подходил какой-то мужчина в светло-коричневом пальто и черной

вязаной шапочке — с добрым открытым лицом и вопросительным взглядом. Вдруг он оказался прямо перед ней.

— Кейт Брукс? — повторил мужчина.

Наверное, репортер, решила Кейт. Который ищет первые материалы по этому делу. Репортеры обычно не появлялись на судебных слушаниях до тех пор, пока не светила возможность ухватить какую-нибудь жареную цитату вместе со сделанным втихаря снимком обвиняемого с парализованным страхом и болью лицом.

— Да, это я, — подтвердила она.

Мужчина мигом распахнул пальто, выдернул из-за пазухи большой конверт и сунул его Кейт. Едва только, малость удивленная и застигнутая врасплох, она машинально взяла его, как он произнес: «Вам повестка», после чего быстро удалился. Кейт разорвала конверт.

Щеки у нее вспыхнули. Она сглотнула. На нее подали в суд.

Иск на два миллиона долларов.

Блок взяла у нее бумаги и быстро просмотрела их.

— Рано или поздно это должно было случиться, — сказала она.

С тех пор как Кейт перехватила это дело у своей

фирмы, она регулярно вступала в перепалки с «Леви, Бернард и Грофф». Сначала были вежливые звонки Александре, которая сдержала свое слово, не реагируя ни на какие просьбы Леви о встрече. Через некоторое время такие звонки прекратились — фирма сменила тактику. Первое письмо пришло в коричневом конверте, прямотаки улепленном всевозможными красными штемпелями, смысл предупреждений на которых сводился к тому, что если получатель немедля не ответит на это послание, то его ждет чуть ли не расстрел.

В письме говорилось, что Кейт нарушила условия сразу двух серьезных пунктов своего договора с фирмой — касающихся отказа от конкурентных действий и неиспользования конфиденциальной информации для получения конкурентного преимущества, поскольку не только переманила крупнейшего клиента «Леви, Бернард и Грофф», но и разыскала адрес Александры в клиентской базе фирмы, чтобы посетить ее. В последнем абзаце говорилось, что если она откажется представлять Александру, все будет прощено. И что у нее ровно семь дней, чтобы принять решение.

Через семь дней пришло еще одно письмо. В нем повторялись обвинения, содержащиеся в

первом, но на сей раз говорилось, что фирма собирается подать на нее в суд за нарушение условий контракта, упущенную выгоду и причиненный ущерб.

Кейт знала правила игры. Она отправила простой ответ, в котором сообщала, что поскольку была вынуждена уволиться с работы из-за постоянных сексуальных домогательств и дискриминации, то не считает себя связанной никакими условиями контракта. Если фирма игнорирует свою политику по борьбе с домогательствами, то и она будет игнорировать договорные обязательства, ограничивающие ее в профессиональном плане, поскольку ей пришлось уволиться именно по вине фирмы.

На этом письма прекратились. После этого больше ничего не приходило. Кейт пришла к выводу, что прочие партнеры провели тщательное внутреннее расследование и решили, что овчинка не стоит выделки.

— Я думала, они просто на это забили, — сказала она.

— Нет уж, — отозвалась Блок, — такие без драки не сдаются.

Дело и вправду пахло дракой, это уж точно. Кейт понимала, что тогда ей придется подать

встречный иск, ссылаясь на развратные действия Леви, и хотя все, что она укажет в этом иске, будет чистейшей правдой, доказать это совершенно нереально.

Блок поставила коробку с материалами обвинения на тротуар, достала ключи и открыла пультом пискнувший пикап. Кейт села прямо на коробку, закрыла лицо руками и попыталась успокоиться.

— Поехали, — позвала ее Блок. — Потом со всем этим разберемся. Сейчас нам нужно выиграть дело об убийстве. И у меня такое чувство, что все ответы сейчас у тебя прямо под жопой.

Кейт улыбнулась и встала.

Вместе они убрали коробку в багажник и закрыли крышку. Кейт села на пассажирское сиденье, Блок — на водительское. Пристегиваясь ремнем безопасности, Кейт заметила, что у нее дрожат руки. Она плотно сжала колени и сказала себе, что все будет хорошо. Хотя не поверила ни единому своему слову.

Рыкнул мотор, и Блок влилась в поток машин. В пятидесяти ярдах перед ними светофор сменился с зеленого на желтый, и тут Кейт услышала рядом с собой рев мотоцикла. Повернув голову, она увидела мотоциклиста в черном шлеме с

затемненным забралом. Тот тоже повернулся к ней, явно глядя прямо на Кейт. По обтягивающему байкерскому костюму она поняла, что это женщина. Внезапно мотоцикл резко взвизгнул и рванул вперед, быстро набирая скорость — у Кейт даже заложило уши. Мотоциклист, весь в черном, влетел на перекресток на желтый свет, оказавшись на другой стороне как раз перед тем, как тот сменился красным, а затем, петляя между машинами, скрылся из виду.

— Классный мотик, — заметила Блок, останавливая пикап перед светофором.

* * *

Остаток дня и часть ночи Кейт и Блок разбирались с материалами обвинения на квартире у Кейт. Заказали по телефону поесть, Кейт приготовила кофе, и в два часа ночи Блок отложила последнюю стопку бумаг и потерла виски.

— Ну что, финита? — спросила Кейт.

— Я думаю, финита обеим этим девушкам, — безрадостно отозвалась Блок.

Обвинение опиралось в основном на данные судебно-медицинской экспертизы.

На следы ДНК обеих обвиняемых на теле убитого.

На отпечатки пальцев и ДНК обеих обвиняемых на орудии убийства.

На волосы Софии Авеллино, обнаруженные на теле жертвы.

На след укуса Александры на теле жертвы.

У обеих обвиняемых был мотив. У обеих имелась возможность.

Одежда обеих была вся в крови их отца.

— Трудно разделить ответственность. Все будет зависеть от того, кому поверят присяжные, — сказала Кейт.

Блок мотнула головой на стопку криминалистических отчетов.

— Такого рода улики позволяют закрыть их обеих.

Двухместный диванчик был вдавлен посередине — там, где сломалась центральная планка. В остальном он тоже не был особо удобным, но Кейт все равно села ровно по центру, зная по опыту, что все равно сползет туда, где бы изначально ни устроилась. Упершись локтями в колени, она накрутила на палец прядь волос, задумчиво глядя в пространство, и наконец произнесла:

— Посмотрим, что она скажет утром.

Проводив Блок до двери, Кейт прямо в одежде завалилась в постель и проспала до пяти утра,

пока окончательно не продрогла. Поднявшись, отнесла одеяла к батарее и уснула опять, свернувшись калачиком на полу.

К одиннадцати утра она уже приняла душ и надела новый костюм, чтобы встретиться с Александрой у той на квартире. Клиентка впустила ее и предложила присесть за маленький кухонный стол.

— Хороший костюмчик, — заметила Александра. — Новый?

— Да. Спасибо.

Они сидели напротив друг друга за столом, потягивая горячий травяной чай и разговаривая о всяких пустяках, прежде чем Кейт перешла к делу. Поведала Александре о том, какими вещественными уликами располагает против нее обвинение. Объяснила, насколько убийственно это выглядит. Наверное, единственным плюсом была лишь убийственность этих улик для обеих сестер.

— Полагаю, есть способ минимизировать возможный ущерб, — сказала Кейт. — Я хочу сразу оговорить на суде, что мы не станем оспаривать ДНК, кровь и отпечатки пальцев. Вы сообщили полиции, что подошли к своему отцу и пытались приподнять его. А ножом пользовались, когда

готовили. Ни одна из этих улик не указывает на то, что это именно вы убили своего отца — лишь то, что это просто *могли* быть вы. Я думаю, все эти экспертные заключения заставят присяжных прийти к мысли, что вы должны были убить его вместе со своей сестрой. Речь идет о том, чтобы свести к минимуму подобные подозрения. А лучший способ добиться этого — показать, что все это лишь полностью подтверждает вашу версию событий.

— И что же фактически произойдет, если мы не станем все это оспаривать?

— Мы скажем присяжным, что все эти улики существуют, но дадим понять, что они не важны, что они ничего не доказывают. Вот след от укуса — совсем другое дело, тут мы будем отбиваться до последнего.

Александра отвернулась, на глаза у нее навернулись слезы.

— Делайте все, что сочтете нужным. Я просто так волнуюсь из-за этого слушания… Я не могу даже просто смотреть на нее. Я не хочу находиться с ней в одной комнате. Она убила моего отца, она хочет разрушить мою жизнь. Я не хочу ее видеть. Можно ли установить ширму или что-нибудь в этом роде, чтобы мне не приходилось видеть ее

каждый день во время этого процесса?

— Насколько я знаю, нет… Хотя я подумаю над этим. Я знаю, это практически невыполнимо, хотя…

Кейт умолкла, увидев, как дрожат пальцы Александры. Ей пришло в голову, что главная забота ее клиентки вовсе не в том, будет ли она осуждена, — куда больше терзают ее потеря отца и глубокая неизгладимая рана, нанесенная его убийством.

— Предоставьте это мне. Я посмотрю, что тут можно сделать. Если не получится, тогда мне нужно, чтобы вы были сильной. Вам вовсе не обязательно смотреть на нее. Смотрите на присяжных. Пусть они увидят то, что я сама сейчас вижу.

Александра встретилась взглядом с Кейт, подбородок у нее задрожал, и она слизнула слезинку с уголка рта.

— Постараюсь, — пообещала она, сделав глубокий вдох и задержав дыхание. На выдохе пальцы ее надавили на стол, а затем кругами заскользили по нему, словно она ощупывала каждый изъян в дереве и исследовала его.

Александра набрала в грудь побольше воздуха, достала из рукава блузки носовой платок

и осторожно вытерла мокрые щеки. Кейт почувствовала в воздухе запах лаванды и специй, наверняка от этого платка. Александра понюхала надушенный носовой платок, потерла хлопок между большим и указательным пальцами, а затем развернула и показала Кейт.

В уголке платка виднелись инициалы «ФА», вышитые черной нитью.

— Этот платочек по-прежнему пахнет папой, — произнесла Александра, и в уголках ее глаз опять заблестели слезы. — Это все, что у меня от него осталось.

Кейт взяла ее за руку, и они обменялись горестными улыбками.

— Завтра проверка на полиграфе. Запомните это чувство. Это поможет вам пройти ее, — сказала Кейт.

Глава 20

Эдди

— Мой домовладелец не разрешает держать в доме собак, — сказал я.

— Тоже мне, удивил… Ты это мне и вчера говорил. И позавчера. Вообще-то уже несколько

недель это повторяешь. С тех самых пор, как я начал приводить в твой офис Кларенса. У меня начинает складываться впечатление, что он тебе не нравится, — ответил Гарри.

Он дочитывал последние страницы обвинительного заключения. Стопки документов были разложены на моем диване, а у ног Гарри сидел пес, которого он встретил в ночь своих проводов на пенсию. Гарри назвал его Кларенсом. Похоже, они отлично поладили. Пес лежал на боку, и всякий раз, когда Гарри протягивал руку за следующей пачкой страниц, стучал хвостом по полу. Каждый час Гарри залезал в карман и доставал из упрятанного там полиэтиленового пакетика сосиску, которую скармливал Кларенсу. Видать, тот долго пробыл на улице. Когда Гарри взял эту собаку к себе, она была тощей и здорово облезшей. Теперь проплешин как не бывало, а ребра бедной животины уже не столь откровенно выступали на боках.

Положив обратно последнюю страницу, Гарри похлопал своего дружка и в очередной раз угостил его сосиской. Я поднялся из-за письменного стола, собрал бумаги, разбросанные по дивану и полу, и сложил их стопкой на своем столе. Обвинительное заключение мы поделили напополам.

Я прочитал одну половину, Гарри — другую. Теперь мы поменялись.

Два часа и две с половиной сосиски спустя мы трое выглядели так, будто нам не помешало бы выпить. Я налил в миску, в которой обычно развожу овсяные хлопья, воды из-под крана в ванной и поставил ее на пол. Кларенс принялся жадно лакать.

— Он совсем не похож на Кларенса, — заметил я.

— Это все-таки собака. Я назвал его в честь Дэрроу не из-за того, как он выглядит. Кларенс Дэрроу был лучшим адвокатом защиты, когда-либо жившим на земле[93]. И настоящим бойцом, как этот малыш.

— А у присутствующего здесь Кларенса Дэрроу нет ли каких-то блестящих идей касательно защиты нашей клиентки?

Гарри даже не посмотрел на меня. Мы только что оба закончили читать обвинительное заключение и приложения к нему, содержащие все улики против нашей клиентки. Но Гарри, похо-

---

[93] notes: 93

Кларенс Сьюард Дэрроу (1857–1938) — видный американский юрист, один из руководителей Американского союза гражданских свобод, из идейных соображений выступавший в качестве адвоката на многих известных судебных процессах.

же, был больше сосредоточен на Кларенсе. Он погладил пса по пузу, а тот в полном восторге задрыгал своими маленькими задними лапками.

— Кларенс говорит, что подумает на этот счет. Задача непростая. Без полбанки не разберешься. Кстати, не выпить ли нам по маленькой?

Я налил нам с Гарри кофе из кофейника. Протянул ему кружку, и он с нескрываемым неудовольствием уставился на нее. Как будто я налил ему остатки воды из того, что теперь было миской Кларенса.

— Я вроде как предложил выпить?

— Так возьми и выпей.

— Эта дрянь когда-нибудь убьет меня. Плесника мне хорошую порцию скотча.

Гарри отодвинул кружку с кофе как можно дальше от себя, не вставая со своего места, и продолжал массировать Кларенса, пока я наливал ему настоящую выпивку. Взял стакан, пригубил, крякнул, и Кларенс тоже издал низкое, довольное рычание.

На какое-то время мы погрузились в молчание. Я потянулся, прислушиваясь к тому, как тупая боль понемногу уходит из основания позвоночника.

— Давай-ка прикинем, — предложил Гарри, —

какие сейчас основные опоры у обвинения.

Это азы любой защиты — первые страницы учебника. Образно выражаясь, сначала обвинитель должен заложить фундамент и возвести на нем колонны из доказательств. Чтобы водрузить на них крышу — вердикт «виновен». Чем лучше у нас выйдет ослабить несущую конструкцию, тем больше вероятность того, что эта крыша благополучно обвалится. Все просто, как грабли.

— Эксперт, работавший на месте преступления, извлек из одной из ран на теле Авеллино какой-то волос, один-единственный. По его словам, тот частично застрял в ране. Довольно длинный — девяти дюймов в длину. Он утверждает, что этот волос мог попасть туда только в том случае, если случайно попал под нож, нанесший рану. Вообще-то довольно логичное утверждение.

— Само по себе это не так уж и страшно, — заметил Гарри. — А вот что меня беспокоит, так это что экспертизу данного волоса проводил профессор Шандлер. Он-то и представляет собой настоящую проблему.

Профессор Шандлер — эксперт обвинения по волосяным волокнам — изучил этот волос и определил, что тот соответствует образцам волос, взятым у Софии.

— Анализ волос — это тебе не точная наука. Наверняка есть способ оспорить его выводы. Это единственная линия атаки на это дело.

— Согласен, — кивнул Гарри. — Давай-ка попросим Харпер как следует присмотреться к этому профессору кислых щей. Учитывая количество обвинительных приговоров, отмененных по причине сомнительных результатов анализа волос, кто-нибудь наверняка уже ставил под сомнение его методы.

— Ладно, попрошу ее еще разок покопаться в личной истории профессора. Возможно, у него есть кое-какие скелеты в шкафу.

— Хорошо. И что там у нас в итоге? Эксперт по следам укусов уверяет, что рана на груди у жертвы оставлена зубами Александры. Вот и умничка, как выразился этот мудак Драйер… Мы наверняка сможем использовать это в своих интересах. Если к этому эксперту не подкопаться, то Софии это только в жилу, — сказал Гарри.

— Угу. И если этот спец реально безгрешен, тогда мы имеем палку о двух концах — за один можем вытащить Софию, а другим прихлопнуть Александру. Можно попробовать подыграть обвинению в этом вопросе, подкинуть их эксперту несколько косточек по время встречного допроса

и нанести Александре серьезный ущерб, хотя, знаешь, мне это как-то не по нутру.

— Почему это? — спросил Гарри.

— Мы — адвокаты защиты. Все, что я могу сделать, чтобы помочь обвинителю, вызывает у меня тошноту.

— Но это же на руку твоей клиентке.

— Возможно, но это все равно кажется чем-то неправильным. С этого момента давай сосредоточимся на деле против Софии. Нам надо забыть про Александру.

— Я думал, ты хочешь, чтобы виновный понес наказание… Разве не так всегда было?

Это было частью моего организма — частью моей ДНК. Невиновные должны выйти на свободу, а виновные — поплатиться за свои преступления. Если София невиновна, то убийцей должна быть Александра. Я должен был просто-таки жаждать крови Александры.

Но этот случай был другим. И воспринимался совсем по-другому. Я верил, что София не убивала своего отца. А когда увидел Александру той ночью в полиции, тоже не взялся бы утверждать, что она похожа на убийцу.

— Ты веришь, что София невиновна? — спросил я.

— Не важно, во что я верю. Она — наша клиентка. Я знаю, что это очень важно для тебя. Так уж вышло, что я и вправду верю Софии. Я просто не могу представить, чтобы она поступила так со своим отцом.

— А значит, это должна быть Александра, — заявил я, хотя и без особой уверенности. Я верил в невиновность Софии, но вся проблема была в том, что я пока что не видел убийцей и Александру. Улики уликами, но внутренней убежденности не было.

Гарри подался вперед:

— Ну а ты? Сомневаешься?

Я покачал головой, сам до конца не понимая, кого я пытаюсь убедить — себя или Гарри, — в том, что у меня нет никаких сомнений. Кларенс поднялся с пола, прижался к Гарри, носом смахнул его руку с колена и запрыгнул на освободившееся место. Он хотел, чтобы Гарри уделил ему время.

Тот ласково погладил собаку и пригубил виски.

— Два набора «пальчиков», снятых с ножа, совпадают с отпечатками Софии и Александры, — продолжал я. — Это достаточно просто объяснить. Обе готовили для своего отца. Логично, что обе держали в руках этот нож. Я не слишком беспо-

коюсь по этому поводу. И Александра, и София — обе находились в доме в ту ночь, так что возможность убить отца имелась у обеих, хотя…

— Хотя мы с тобой представляем ту из обвиняемых, за которой тянется целый хвост задокументированных проблем с психическим здоровьем, наркотиками и насилием. В то время как Александра — просто-таки образец стабильности и успеха. Убийство выглядит так, как будто его совершил какой-то псих, окончательно слетевший с катушек. Это еще одна серьезная проблема, — сказал Гарри.

— Может, мне привлечь психиатра, чтобы минимизировать ущерб?

— Напрасная трата времени. Я считаю, что нам не стоит муссировать данную тему. Полагаю, это ничего не доказывает. Чем больше мы привлекаем внимания к вопросу ее психического здоровья, тем больше кажется, что эта проблема *действительно* существует.

Гарри был прав.

Тут дверь кабинета открылась, и вошла Харпер. Проигнорировав нас с Гарри, наклонилась к Кларенсу, который спрыгнул с колен Гарри и стал тереться боками о ноги Харпер. Он восторженно скулил и вилял хвостом, пока Харпер ворковала

с ним, называя молодцом и умницей.

— Эй, вообще-то адвокаты защиты *тоже* люди, ты в курсе? — возмутился я.

— Шутишь? Даже ты в это не веришь, — отозвалась Харпер.

— София готова к завтрашнему дню? — спросил я.

Она выпрямилась.

— София пройдет проверку на полиграфе. Она спокойна — я объяснила ей кое-какие методы управления стрессом, которым научилась в Бюро.

— Как думаешь, она выдержит?

— Главное при проверке на полиграфе — это справляться со стрессом, чтобы избежать ложных срабатываний. Некоторые возбудимые от природы люди могут исказить результаты — итоговые данные не позволяют отличить нервного человека от лжеца. Посмотрим. Она готова как никогда. Завтра очень важный день. Мне только что звонили из полиции. Завтра вечером нас пустят в дом Авеллино, чтобы мы осмотрели место преступления.

— Отлично, — оживился Гарри.

— Осмотр будет совместным. Но только для адвокатов и их помощников. Никаких обсуждений

дела в доме — окружной прокурор все записывает на видео.

— Он очень осторожен, — заметил я.

— А ты бы не был на его месте? Это просто чудовищное дело. Последнее, что ему нужно, — это чтобы одна из сторон нарушила обстановку на месте преступления или, что еще хуже, подбросила что-то, что может скомпрометировать другую. Адвокат Александры имеет право ознакомиться с видеозаписью нашего осмотра, и наоборот. По крайней мере, мы сможем понять, на чем они сосредоточились. Не исключено, что это позволит нам заранее подготовиться.

— Кейт Брукс наверняка считает так же, — заметил я.

— Я уже подумала об этом, — сказала Харпер. На плече у нее висел рюкзак. Она сняла его и протянула Гарри большую видеокамеру с широким объективом.

— Если нам понадобится что-то заснять незаметно для окружного прокурора, тогда мы разделимся. Гарри пускай светит эту камеру, а мы воспользуемся нашими телефонами. Оператор не сможет сопровождать сразу троих, — сказала она.

— Я люблю тебя, Харпер! — непроизвольно

воскликнул я — и тут же об этом пожалел. Выглядело это как-то легкомысленно. Вообще-то я хотел сказать, что считаю ее самой умной из всех присутствующих в этой комнате. Но прозвучало это неправильно. Прозвучало так, будто подразумевало что-то совсем другое.

— Я хотел сказать, э-э…

— Так кто там у нас, говоришь, эксперт по волосам? — сменила тему Харпер, не обращая внимания на мое смущение.

— Профессор Шандлер, — подсказал Гарри.

Харпер покачала головой:

— Черт… Это реально профи. Насколько мне известно, к нему не подкопаешься, хотя я проверю еще разок.

Анализ образцов волос уже не раз становился предметом критики в апелляционных судах, и нескольких экспертов в этой области официально признали виновными в неправомерных приговорах. Поскольку их репутация пошла коту под хвост, то абсолютно все дела, над которыми они работали, стали объектом пристального внимания и подверглись пересмотру. Оставалось надеяться на то, что эксперт обвинения тоже окажется из этой компании. Харпер хорошо подготовилась — могла назвать любого спеца по

волосяным волокнам на Восточном побережье, когда-либо облажавшегося на суде. Шандлер в их число не входил.

Харпер достала из сумки лэптоп и присела на диван рядом с Гарри.

— У него есть веб-сайт, — сообщила она. — С целой кучей статей о его работе. У него отличная репутация. Он один из ведущих экспертов-криминалистов по волосяным волокнам в стране. Помогал проектировать лабораторию судебной экспертизы для спектрометрического анализа в Куантико[94]. По сути, своими руками построил лабораторию Бюро. Мы в жизни не накопаем на него никакого компромата — он настоящий специалист.

Я допил кофе, но вместо того, чтобы потянуться к кофейнику за новой порцией, взялся за бутылку скотча. Отвинтил крышечку. Начал наклонять бутылку, чтобы налить немного себе в чашку. Янтарная жидкость докатилась до горлышка, и я остановился. Клиника, в которой я в свое время лечился от алкоголизма, казалась далеким воспоминанием. Теперь я мог пить в умеренных количествах, но всегда оставалась вероятность

---

[94] notes: 94

В *Куантико* (штат Вирджиния) находится главный учебно-тренировочный центр ФБР.

того, что когда-нибудь я налью себе виски, да так никогда и не остановлюсь. Я встал, с улыбкой на лице опять наполнил стакан Гарри и поставил бутылку обратно на стол.

— В основе любой хорошей аферы лежит один-единственный принцип: любой не прочь на халяву срубить бабла. Хотя все это до поры до времени. Жадность фраера погубит, как гласит народная мудрость. Если Шандлер чист, похоже, нам придется его малость подпортить.

— Как? — спросил Гарри.

— Мы заставим его делать то, что у него получается лучше всего.

Она подняла на меня недоумевающий взгляд.

— Я не собираюсь влезать во что-то незаконное, если ты это имеешь в виду.

— Не переживай.

Явно встревоженная, Харпер опустила голову, и волосы упали ей на глаза. Я не хотел, чтобы ее что-то беспокоило. Даже не задумываясь, я протянул руку и осторожно убрал свисающую на ее лоб прядь волос.

Какие бы мысли или чувства ни одолевали ее, но все они вроде улетучились, когда она поймала себя на том, что смотрит на меня в ответ. Ее взгляд скользнул по полу, Харпер отступила на

шаг и нервно рассмеялась.

Теперь мы оба были смущены.

Я видел, как у нее на шее пульсирует жилка. Харпер всегда носила золотое распятие, подвешенное на шее на тонкой золотой цепочке. Явно дешевой, да и само распятие было старым и слегка потускнело у основания. Я всегда думал, что это подарок от кого-то особенного. Она носила его каждый день. Я не знал, кто ей его подарил и по какому поводу. Хотя хотел знать. Я хотел знать о ней все до мельчайших подробностей. Каждую деталь.

Сдерживал меня страх. Я знал, что есть черта, которую мне нельзя переступать. Как бы сильно мне этого ни хотелось и как бы сильно я ни подозревал, что она хочет, чтобы я переступил эту черту.

— Кларенс, пойдем-ка прогуляемся, — произнес Гарри.

Пес тут же вскочил и последовал за ним к двери.

Перед уходом Гарри заметил:

— Пожалуй, тебе стоит назначить кое-кому свидание.

Я рассмеялся, опять почувствовав себя шестнадцатилетним мальчишкой. Смущение, томи-

тельное замирание в животе…

— Сначала он должен куда-нибудь меня пригласить! — крикнула Харпер ему через дверь.

Я услышал на площадке смех Гарри, сопровождаемый шарканьем лап Кларенса по деревянному полу, которое понемногу стихало по мере приближения к лестнице.

— Чисто гипотетически: если б я пригласил тебя на свидание, это было бы хорошо? — спросил я, пытаясь улыбнуться, хотя нервы превратили мой желудок в желе.

— Смотря по обстоятельствам, — ответила Харпер. — Тебе придется приложить кое-какие усилия. Вот мой папа купил цветы всего один раз в жизни — когда пригласил мою маму на их первое свидание. Он ни в коем случае не был романтиком, так что, видать, и вправду был влюблен. Моя мама часто вспоминала тот букет. И не важно, что это были дешевые розы с бензоколонки. Главное — это сама мысль.

— Посмотрим, что тут можно сделать, — заверил я.

Глава 21

Кейт

В день проверки на полиграфе Кейт сидела на стальном стуле перед кабинетом эксперта и всем сердцем желала спрятаться в какой-нибудь норе, где ее никто не смог бы найти. Левая рука у нее безудержно дрожала, поэтому она засунула ее под коленку.

— Вы вроде нервничаете сильней меня, — заметила Александра.

Клиентка Кейт сидела рядом с ней, потягивая воду из полугаллонной пластиковой бутыли. Кейт заметила, что, когда бы она ни встречалась с Александрой, у этой женщины почти всегда имелась под рукой большая бутыль воды, к которой та регулярно прикладывалась. Кейт никогда еще не встречала человека, который потреблял бы воду в таких количествах. Когда Александра в очередной раз поднесла горлышко к губам, Кейт заметила, что рука ее клиентки слегка подрагивает. Каблук Александры трижды стукнул по плиточному полу.

Блок стояла, прислонившись к противополож-

ной стене. Холодная, невозмутимая и настороженная. Ничто не ускользало от ее внимания. Она была словно машина. Все вокруг нее было информацией, которую требовалось усвоить и при необходимости принять к сведению. Не упуская ни единой мелочи. Блок постоянно переводила взгляд с Кейт на Александру.

— Просто сохраняйте спокойствие. Говорите правду, — произнесла Блок.

Александра кивнула. Сделала еще глоток.

Кейт тоже кивнула и прикусила ноготь на правой руке.

Блок оставалась совершенно непоколебимой.

Наконец слева от Кейт открылась дверь, из-за которой вышел какой-то мужчина в лабораторном халате. Поздоровавшись, он представился лицензированным экспертом по проверкам на полиграфе по имени Картер Джонсон и пригласил их войти.

Окон в комнате не было. Один из угловых столов был подсвечен лампой, и, не считая не более чем десятифутового пространства по обе стороны от нее, комната была погружена во тьму. Рядом с лампой виднелись лэптоп и стационарный компьютер с двумя большими экранами над ним. Рядом со столом стояло кресло, развернутое

спинкой к стене.

Джонсон усадил на него Александру и принялся прикреплять датчики — к большому пальцу, рукам, лбу и шее.

— Я здесь только в роли наблюдателя, — послышался чей-то голос из темноты.

Определив местонахождение его источника, Кейт увидела половину лица Уэсли Драйера, освещенную голубоватым светом экрана его мобильного телефона.

— Я не давала согласия на ваше присутствие здесь! — возмутилась она.

— А еще вы никогда не говорили, что мне не разрешается при этом присутствовать. Я уже здесь. Я не буду мешать. Буду сидеть тут, в углу. Тихо, как мышка, — ответил Драйер.

Когда глаза Кейт немного привыкли к полумраку, она различила в противоположном углу комнаты ряд стульев. Они с Блок устроились там бок о бок и стали наблюдать, как Александра готовится к предстоящей проверке. Та делала глубокие вдохи через нос, медленно выдыхая через рот. Длинные и медленные. Затем задышала быстрей и короче. И, наконец, выгнула шею и прикрыла глаза.

Александра была готова.

Эксперт, Джонсон, объяснил, что собирается задать ей несколько вопросов, чтобы получить базовую реакцию.

— Вас зовут Александра Авеллино? — спросил он.

— Да.

— У вас светлые волосы?

— Да.

— Вы живете в Нью-Йорке?

— Да.

Отвечая на вопросы, она смотрела прямо перед собой и старалась держаться как можно неподвижней. Двигались лишь ее пальцы, поглаживающие браслет из кожи и черного жемчуга с несколькими металлическими подвесками. Александра не крутила браслет на запястье, как будто ей было не по себе. Вместо этого потирала пальцами кожу, вертела жемчужины и оглаживала подвески, словно пытаясь определить их форму на ощупь.

— Хиллари Клинтон — президент Соединенных Штатов?

— Нет.

Пока продолжались эти вопросы, на двух экранах мелькали какие-то строчки, а Джонсон делал пометки в блокноте и щелкал мышью. Это была

новая технология. Кейт подумала, насколько же далеко они ушли от бумаги, которая подается из гудящего аппарата, и летающей над ней иглы, выводящей тонкие волнистые линии.

— Сегодня среда?

— Нет.

— Когда вы вошли в здание, шел снег?

— Нет.

— Это вы убили Фрэнка Авеллино?

— Нет.

— Это ваша сестра убила Фрэнка Авеллино?

— Да.

— Вы солгали в своих ответах на данный момент?

— Нет.

Джонсон оглянулся через плечо и кивнул Драйеру, который вздохнул, а затем показал ему поднятый большой палец. Затем левой рукой полез вниз и достал что-то в прозрачном пластиковом пакете.

— Это тот нож, которым вы убили Фрэнка Авеллино?

Пауза. Александра уставилась на предмет перед собой, в то время как Кейт встала и разразилась тирадой в адрес Драйера — с каждым словом ее голос и негодование поднимались все выше и

выше:

— Это ловушка! Тест окончен! Я согласилась позволить вашему эксперту задавать вопросы, а не показывать моей клиентке нож, которым был убит ее отец, — это совершенно возмутительно. У вас совсем нет стыда?

Драйер примирительно поднял руки. Блок подошла к Александре. Та так и не ответила на этот вопрос. Отвернулась от ножа, пряча от него глаза. Грудь у нее тяжело вздымалась. Блок сорвала с нее датчики.

— Это совершенно недопустимо. С нас хватит, и мы уходим. Моя клиентка — жертва. Как вы посмели показать ей орудие, которым был убит ее отец? Что за больное животное так поступает? — бушевала Кейт.

— Она не жертва, пока двенадцать человек в жюри не скажут, что она невиновна, мисс Брукс. Вы это знаете. Факты о том, что здесь произошло, могут быть упомянуты в ходе перекрестного допроса. Скажите своей клиентке, что я не купился на ее фальшивые слезы.

Блок повела Александру к двери. Кейт последовала за ними. В коридоре она наткнулась на спину Блок — та вдруг неподвижно застыла на месте, глядя прямо перед собой. Если б Кейт не

стояла позади них, то не заметила бы, как Блок протянула руку и крепко схватила Александру за правое запястье.

Шагнув в сторону, Кейт посмотрела вперед, наконец обнаружив на другом конце коридора причину, вынудившую Блок остановиться. Навстречу им шли Эдди Флинн, Гарри Форд и Харпер со своей клиенткой Софией.

Кейт резко обернулась и увидела Драйера, выходящего из лаборатории. Пройдя вперед, он тоже остановился. Теперь им пришлось бы пройти мимо него и другой команды защиты, чтобы выйти из здания.

Кейт не хотела, чтобы для Александры этот момент наступил так скоро.

Одним из главных страхов Александры был оказаться со своей сестрой в одном помещении. Столкнуться лицом к лицу с убийцей своего отца — это одно, но тот факт, что это твоя сестра, способен лишь усилить боль.

— Александра, опустите глаза в пол и идите со мной. Не смотрите на нее. Не разговаривайте с ней, — приказала Блок.

Они двинулись дальше.

— Вы всё это заранее подстроили! — прошипела Кейт Драйеру, когда они проходили мимо него.

Тот ничего не ответил. Условия освобождения Александры под залог были такими же, как и у Софии. Ни одна из них не должна была вступать в контакт, прямой или косвенный, ни с кем из свидетелей по делу или друг с другом.

— Если вы скажете ей хоть слово, Драйер добьется вашего ареста и попросит суд отменить залог. Не разговаривайте с ней, не смотрите на нее, не поднимайте головы, — сказала Кейт Александре.

Судя по всему, Эдди Флинн втолковывал то же самое своей клиентке. Открыв первую попавшуюся дверь, он распахнул ее, и Харпер втащила туда Софию.

Они были уже всего в десяти футах. София держалась за дверной проем, а Эдди прикрывал ее от обзора из коридора. София все повторяла им: «Нет, нет, нет…» Когда они проходили мимо, Кейт заметила, как София выглядывает из-за плеча Эдди. И подумала, что никогда не забудет выражение ее лица.

Глаза у той горели огнем. Кожа вокруг них покраснела, глаза набухли от слез, ненависть и горе так и пылали в них. София больше ничего не сказала, когда они проходили мимо. Гарри Форд прижался к стене, и Кейт приветственно

кивнула ему. Он кивнул в ответ, затем посмотрел на клиентку Кейт.

Александра прикрыла глаза рукой, как будто ее сестра была вспышкой на Солнце и от одного только взгляда на нее можно было ослепнуть.

Ни одна из сестер не проронила ни слова. Кейт положила руку на спину Александры, мягко побуждая ее ускорить шаг и ощутив, как та резко напряглась, словно из этого дверного проема исходило ядовитое облако.

Без происшествий разминувшись со своими оппонентами, они свернули за угол и направились к выходу. Блок придержала для них дверь, а затем повела к «Лендроверу» Александры, оставленному на стоянке. Порывшись в сумочке, та уронила ключи. Кейт подняла их, открыла машину и усадила Александру на водительское сиденье. Все еще держа дверцу открытой, она дожидалась, пока ее клиентка перестанет плакать.

— Просто не знаю, как со всем этим справлюсь, — наконец выдавила Александра.

— Мы будем рядом с вами на каждом шагу. Вы сильней, чем думаете, — заверила ее Кейт.

Александра издала нервный смешок.

— Я в полном раздрае. Я не могу находиться в одном помещении с Софией, зная, что она сдела-

ла. Просто не могу.

— Сможете. И будете находиться, — сказала Блок.

Некоторое время все молчали. Наконец Александра кивнула, высморкалась в салфетку и поблагодарила своих спутниц. Кейт пообещала чуть позже отправить по электронке видео с осмотра места преступления — вдруг Александра сможет обнаружить что-нибудь полезное. Потом захлопнула дверцу машины и проследила, как Александра уезжает.

— Драйер хотел посмотреть, как она отреагирует на нож и на присутствие своей сестры. Умно, — сказала Блок.

— Он не уверен, кто из них убил Фрэнка Авеллино. Он оценивает их. У меня такое впечатление, что Драйер намеренно выводит их из себя. Он хочет, чтобы сестры разорвали друг друга на части, чтобы потом спокойно смыть кровь с рук и осудить их обеих. Будем надеяться, что результаты теста Софии окажутся намного хуже, чем у Александры, — заключила Кейт.

* * *

Позже в тот же вечер Кейт и Блок проследили за тем, чтобы прибыть на Франклин-стрит для

осмотра места преступления в строго назначенное время и чтобы Александра при этом не присутствовала. Они больше не хотели никаких контактов между Александрой и Софией.

Видеооператор из офиса окружного прокурора встретил их у входной двери, и парень в синей форме полицейского управления Нью-Йорка впустил внутрь.

Кейт надеялась, что, увидев дом изнутри, сможет выстроить дополнительную линию защиты — заметит что-то, что поможет доказать невиновность Александры. Или, скорее, вину Софии.

Когда час спустя, сделав множество фотографий и засняв собственное видео, обе покинули дом, они были разочарованы тем, что так и не нашли какого-то убойного аргумента, позволившего бы выиграть дело. Хотя обе стали лучше понимать планировку и размеры особняка, так что это не было совсем уж пустой тратой времени.

К тому времени, как Кейт вернулась домой, оператор окружного прокурора успел прислать оба видео по электронной почте. Пощелкав мышью, Кейт переправила их Александре.

Может, ее клиентка сумеет увидеть что-то, чего не заметила она сама?

Глава 22

Эдди

Лишь убедившись, что Кейт и ее клиентка благополучно прошли мимо, я отпустил Софию. Она и без того была встревожена мыслью о проверке на детекторе лжи, и все это лишь усугубило ситуацию. Когда я увидел, что они направляются к нам, то понял, что должен увести ее. В углу комнаты, в которой мы оказались, были свалены какие-то коробки, а все остальное пространство на стене занимали полки с канцелярскими принадлежностями. Сначала она сопротивлялась. Я видел, как в Софии нарастает гнев. Ей тоже было больно. Сначала она попыталась вырваться, говоря мне «нет», и повторяла это, ухватившись за дверной косяк. София хотела добраться до своей сестры. Александра забрала у нее все. Эмоции захлестнули мою клиентку с головой.

Потом София схватила меня, прижала к себе и уткнулась лицом мне в грудь. Всхлипывала и крепко обнимала меня. Я положил руки ей на плечи, шепча, что все будет хорошо. Теперь, отпустив ее, я сказал ей, что Александра ушла.

Она разжала руки, обнимавшие меня, отступила назад и поправила волосы. София плакала, и на кармане моей рубашки осталось мокрое пятно.

— Простите, — пролепетала она.

— Всё в порядке. За все эти годы на этой рубашке перебывало много слез. В основном моих собственных. Не волнуйтесь, ее больше нет. Вы в полной безопасности.

— Все чисто, — объявил Гарри из коридора.

Мы присоединились к нему и направились по коридору в кабинет с полиграфом. Внутри я увидел Драйера и эксперта в лабораторном халате, который что-то набирал на компьютере с парой экранов над ним. Рядом стояло кресло для испытуемых. Я попросил Софию расслабиться и присесть на него. Гарри пошел с ней, чтобы убедиться, что она готова, и понаблюдать за ходом проверки.

— Надеюсь, это того стоило, — сказал я Драйеру, который, даже не повернув ко мне головы, уже что-то записывал.

— Поживем — увидим, — ответил он.

Пока эксперт в белом лабораторном халате подключал Софию к своим аппаратам, Гарри мягко разговаривал с ней, напомнив, что нужно говорить правду и, главное, расслабиться.

Эксперт начал проверку на детекторе лжи с простых вопросов. Через несколько минут София несколько освоилась и вошла в ритм. Отвечала все более уверенно, придерживаясь своей истории.

— Вы убили своего отца? — спросил экзаменатор.

София посмотрела прямо на него, а затем на Драйера, с совершенно бесстрастным лицом. Она явно держала себя в руках. Драйер же, напротив, выглядел как человек, который понял, что, скорее всего, сел не на тот автобус. Он прикусил ноготь указательного пальца, затем поправил галстук и снова зажал в зубах уже обкусанный ноготь. Какую бы подлянку он на сегодня ни заготовил, все явно пошло не так, как он надеялся.

Я вновь переключил внимание на Софию, осознав, что она не ответила на очередной вопрос. Губы у нее задрожали, и она не сразу произнесла:

— Нет.

Теперь эксперт что-то держал в руке. Это было в пластиковом пакете для улик. Он положил его рядом с Софией и спросил:

— Это вы втыкали этот нож в глаза своему отцу?

Слезы навернулись у нее на глаза и быстро потекли по щекам, когда она прошептала:

— Нет.

— Черт возьми, — воскликнул я, — это низко! Немедленно прекратите этот тест!

Прежде чем Драйер успел вмешаться, София произнесла:

— Нет, все нормально. Я в полном порядке. Спрашивайте дальше.

Я покачал головой:

— Это ловушка, София. Результаты этого теста искажены. Ваша реакция на орудие убийства вполне естественна, и это будет зафиксировано в виде всплеска в данных этого вот доктора Мудозвона, который будет утверждать, что вы солгали в этом ответе, — сказал я, указывая на эксперта.

Тот повернулся ко мне и сказал:

— Я просто выполняю свою работу.

— Если ваша работа состоит в том, чтобы запугивать мою клиентку, то вы отлично с этим справляетесь. Да ладно, это же просто шоу уродов, а не тест!

— Нет, всё в порядке. Я говорю им правду, — вмешалась София.

Вообще-то мне сейчас оставалось лишь подойти к ней и снять с ее кожи все эти чертовы

датчики, но я на секунду задумался. И правильно сделал. Я посмотрел на средний из трех экранов перед экспертом, довольно плавная линия на котором сменялась какими-то дикими каракулями — сигналом того, что от реакции Софии на орудие убийства сенсоры просто с ума посходили.

Было тут что-то не то.

— Задайте ей последний вопрос еще раз, — потребовал я.

— Разумно, — ответил эксперт. — Это вы воткнули этот нож в череп своего отца?

— Нет, — сказала София.

Я посмотрел на экран. Ни единого всплеска.

Правда.

На меня нахлынуло облегчение. Теплой волной, которая омыла меня, унеся с собой все сомнения. Я не ошибся в своем выборе. София была невиновна. Однако утешение от этого знания длилось недолго. Как бы быстро ни возникло это чувство, оно быстро рассеялось под натиском ответственности. Если я потерплю неудачу, эта ни в чем не повинная, психически нездоровая молодая женщина отправится в тюрьму. И при первой же возможности накинет себе на шею веревку из одеяла.

Процесс по делу об убийстве с невиновным

клиентом подобен спасению человека, готового сорваться с обрыва. Ты держишь его за руку. Ты должен держаться сам. Ты должен вытащить его обратно — туда, где ничто ему не грозит. Его жизнь в твоих руках. Твоя сила и выдержка — вот все, что отделяет его от дна пропасти.

Просто еще пара-тройка недель. Затем суд.

Тогда как я не сомневался, что Драйер совершенно противоположного мнения. И был готов поспорить на что угодно, что он просто рассчитывал немного прояснить отношения между обвиняемыми с помощью этого теста на детекторе лжи. Это вышло ему боком. И вот теперь он грыз ногти, игнорируя меня и наблюдая за экраном эксперта. Потом вздохнул, встал и сказал:

— Будьте готовы к слушанию. Миндальничать я не стану, Эдди.

— Флаг в руки, — отозвался я.

* * *

Осмотр места убийства в тот же вечер оказался практически безрезультатным. Я не получил ничего, кроме лучшего представления о планировке особняка. В машине, на обратном пути в мой офис, Харпер и Гарри подтвердили, что тоже мало что вынесли из этого осмотра. Копы ниче-

го не упустили из виду. Мы сделали несколько фотографий, но, похоже, в этом не было особого смысла. Прокурор скорее покажет присяжным снимки своего официального фотографа, на котором место преступления изображено во всей красе, с истерзанным телом жертвы, и наверняка вызовет его в качестве свидетеля. Наши фото не имели никакой доказательственной ценности. Можно было, конечно, просмотреть их еще разок — вдруг чего и вытряхнется, хотя я в этом сомневался…

Через два часа после возвращения в офис, когда Харпер и Гарри уже ушли, я получил электронное письмо из прокуратуры с видеозаписями нашего осмотра. Просмотрел видео Кейт — не похоже, чтобы и они получили какие-либо откровения в результате осмотра, а если и получили, то хорошо скрыли свою реакцию.

Я переслал все эти видео Софии, чтобы она тоже их просмотрела, допил свой кофе и завалился спать.

Глава 23

Она

Эхо ее гортанного, животного рыка отразилось от стен квартиры. На противоположной стене темнело большое пятно, с которого на пол капало красное вино. Под пятном виднелись осколки бокала, который разбился, когда она швырнула его в стену.

Она провела пальцем по экрану своего телефона, чтобы отобразить панель управления видео. Выбрав перемотку, прокрутила ролик на тридцать секунд назад и посмотрела его еще раз.

Она уже изучила обе записи. Две команды защиты на них осматривали дом, делали фотки, что-то записывали. Она не искала на них ничего, что могло бы помочь ее защите, как это от нее ожидалось. Вместо этого всматривалась в экран, дабы убедиться, что ни одна из сторон защиты не обнаружила в той спальне ничего, что могло бы связать ее с убийством отца. Потому что там наверняка что-то было. Что-то, что она упустила из виду. Пол, испещренный множеством разных отпечатков ног, большое рыжее пятно на голом матрасе… Ничего, что отличало бы ее от другой обвиняемой, что касается кровавых следов. На этот счет можно было не переживать.

Нет — посмотрев это видео, она увидела лишь единственный прокол в своем плане.

Четко и ясно. И, похоже, одна из групп защиты могла раскрыть ее ошибку с помощью одной-единственной фотографии. Вспышка мобильного телефона сработала как раз в том месте. Если они не заметили этого сразу — а она была уверена, что этого не произошло, — то наверняка заметят, когда напечатают эти фотографии. Судя по видео, та, кто сделала этот снимок, не сознавала его значения. Никак не отреагировала. Но со временем обязательно поймет.

Имелся реальный риск. Только одна команда защиты сделала фото в этом месте. Этот снимок не должен увидеть свет. Если кто-то изучит его, то сразу поймет, кто из сестер настоящая убийца. Слишком уж все очевидно. Надо этому помешать. Никто из живущих на земле не должен узнать, что она убила своего отца. Этого просто нельзя допустить. Все, ради чего положено столько трудов, пойдет прахом из-за одной дурацкой ошибки и одного удачного снимка на мобильник.

Ей нужно действовать. Сегодня же. Прямо сейчас.

Достать фотографии.

Убить фотографа.

Часть IV. Темно-красная ночь
Глава 24

Она

С новым рюкзаком за плечами она продвигалась вдоль темного ряда домов, избегая ярких янтарных пятен, отбрасываемых уличными фонарями на тротуар. В рюкзаке лежали фонарик «Мэглайт», моток веревки, складной нож, зажигалка, небольшая ацетиленовая горелка, «Тейзер»[95] и мощные кусачки-болторезы. Это будет быстрое убийство. Избавляться от тела не требовалось. Она обставит место преступления так, чтобы все выглядело как неудачная попытка ограбления.

При удаче даже не придется задействовать набор для взлома дверей. Если дверь приоткроют на цепочку, придется воспользоваться «Тейзером». А когда открывший ее будет лежать на полу, разжечь горелку и разогреть ею цепочку. Через десять секунд болторезы перекусят ее, как

---

[95] notes: 95

«*Тейзер*» (*англ.* Taser) — электрошоковый пистолет, выбрасывающий две тонкие стрелки на тонких проводках под высоким напряжением. Бьет на 5–10 м.

спагетти. Она предположила, что на то, чтобы проникнуть внутрь, уйдет примерно двадцать секунд — в случае с накинутой цепочкой. Стрёмно торчать так долго на пороге у жертвы, но иначе никак. Заходить с черного хода гораздо рискованней. Она никогда не была внутри и не знала, какого рода система сигнализации при этом может сработать. Кроме того, на заднем дворе установлены фонари — наверняка срабатывающие от датчика движения.

В общем, входить с задней стороны дома — не вариант.

Она обошла участок по кругу.

Залаяла собака. Где-то неподалеку. Было сложно определить, доносится ли этот лай из дома объекта или какого-то из соседних домов. Она стояла на задах дома, в переулке. На втором этаже зажегся свет. Настольная лампа или торшер. Для потолочной люстры свет был недостаточно ярким — приглушенное теплое свечение.

Не исключено, что собака разбудила объект.

Она вышла из переулка, плотно натянув капюшон поверх бейсболки — козырек не позволял капюшону сужать поле зрения. Ей нравилась темнота. Она никогда не боялась ночи. Не то что ее сестра, которая хныкала и ныла каждую ночь,

пока они росли. Сестре всегда требовался свет, чтобы уснуть, — лампа или просто луч света, падающий в комнату из коридора.

А вот *она* любила темноту. Это было все равно что надеть прохладный, уютный плащ. Она знала, что в темноте нет ничего, что могло бы причинить ей вред, даже в самом раннем возрасте. И вполне могла обходиться без сна. Пока вся их семья дрыхла без задних ног, бродила по притихшему дому. Всматриваясь в смутные силуэты, вырисовывающиеся в тени, наслаждаясь знакомыми и в то же время чужими углами комнат и мебели, которые в темноте преображались и создавались заново. Лунный свет казался ей прекрасным. В мыслях он представлялся ей неоном дьявола.

Сухо треснул гром.

Дождь хлынул так, словно кто-то включил душ. Сильный, обильный ливень. На миг она подняла лицо к небесам, позволяя дождю стекать по щекам, придавая ей сил своей холодной лаской. Потом сняла рюкзак и, держа его перед собой, расстегнула молнию и вытащила нож. Открыв его, защелкнула лезвие и аккуратно положила в карман куртки.

Пришло время.

Собака опять залаяла, когда *она* поставила ногу на первую ступеньку крыльца. Потом ступила на вторую, сопровождаемая уже целым залпом лая. Она насчитала пять каменных ступенек, ведущих до входной двери. На крыльце автоматически зажегся фонарь, осветивший ее. Она огляделась по сторонам.

На улице ни души.

Лай стих — остались лишь тишина и шелест ветра в ветвях деревьев, выстроившихся на противоположной стороне улицы.

Она еще раз оглядела улицу — там по-прежнему было пусто, — постучала в дверь и поставила рюкзак на крыльцо. Рюкзак был полуоткрыт. Наготове, если придется выхватить «Тейзер».

Больше она ничего не слышала и не заметила, чтобы в коридоре зажегся свет. Она бы увидела его в узкое окошко над дверью.

Постучала еще раз. Выждала.

Подступив ближе, повернула голову. Прислонилась ухом к двери. Услышала слабое поскрипывание ступенек на лестнице. Кто-то спускался — не быстро, размеренно. Осторожно по причине ночного времени.

Сердце у нее забилось быстрее, когда она почувствовала, как кто-то приближается к ней по

ту сторону двери, теперь уже всего в нескольких футах. Она выпрямилась. Подавила возбуждение. Зная, что через несколько секунд окажется внутри и горячая кровь потечет по ее запястью, когда она вонзит клинок в мягкую плоть.

Гарри

Он понимал, что опять все в том же проклятом сне.

И в этом странном, сумеречном состоянии между сном и явью сказал себе, что он в полной безопасности. Что это всего лишь сон. Что на самом-то деле он вовсе не стоит на коленях в том треклятом подземном тоннеле в джунглях в двадцати милях от Ханоя. Что пот, от которого его военная форма прилипла к коже, — не настоящий. И что М-16 на самом-то деле не выскальзывает из его мокрых рук. Рук, обагренных кровью его лейтенанта, который наступил на мину и потерял обе ноги после оглушительной, реальной до жестокости вспышки.

Ему все это всего лишь снилось.

Бывший судья проснулся, пыхтя и отдуваясь, как и почти всегда по ночам. Сел в постели, выпрямив спину, и набрал в легкие побольше воздуха. Этой ночью он подавил желание гля-

нуть себе на руки — убедиться, что все это не по-настоящему. Услышал, как заскулил Кларенс — пес поднялся со своей подстилки и осторожно подошел к нему. Мокрый нос пса коснулся щеки Гарри, а затем он ощутил шершавый холодный язык на своем собственном носу.

— Умница, Кларенс, всё в порядке, — произнес Гарри, поглаживая пса.

Через несколько минут дыхание нормализовалось. Только тогда он заметил, что и вправду весь взмок от пота. Его белая майка пропиталась насквозь. Гарри снял ее и зашвырнул в угол. Утром он подберет ее и бросит в корзину с грязным бельем. Самая последняя, теперь тоже уже бывшая миссис Форд отчитала бы его за такое. Она сейчас на Гавайях, наверняка со своим тренером по теннису…

— Это был просто сон, старина, — сказал Гарри, поглаживая Кларенса.

Но когда-то все это происходило в реальности. Много лет назад. И это чувство никогда не покинет его. Сколько бы ему еще ни отмерено, какая-то часть Гарри Форда всегда будет оставаться в том подземном тоннеле.

Кларенс резко повернул голову к двери спальни, глухо зарычал, а затем спрыгнул с кровати и

залаял на дверь. Гарри включил лампу на ночном столике, отыскал рядом свои очки и надел их.

— Что такое, Кларенс?

Пес повернулся к Гарри, разок гавкнул, а затем опять устремил настороженный взгляд на дверь.

Откинув одеяло, Гарри почувствовал, как холодный воздух коснулся его ног. Он спустил ноги с кровати и встал.

— Ну, это уж точно не вьетконговцы, черт возьми, — пробормотал он себе под нос.

Сухо треснул гром.

Почти сразу же Гарри услышал, как по крыше застучал дождь. Кларенс даже не вздрогнул, не отрывая взгляда от двери.

Гарри захотелось в туалет. Старость не радость. Он воспользовался тем, что имелся в спальне, прислушиваясь к тому, как Кларенс все рычит и лает у двери. Гарри велел ему угомониться, но теперь был уверен, что пес услышал или почувствовал еще что-то, помимо раскатов грома, и что надо бы это проверить. Он спустил воду в унитазе, вымыл руки и для полного счастья ополоснул лицо прохладной водой. Образы из сна уже стерлись из памяти — по крайней мере, до следующей ночи.

Выйдя из ванной комнаты, Гарри увидел, что

Кларенс скребет лапами дверь. Что-то тут было не так. На секунду он подумал про свой старый армейский ствол, надежно упрятанный в запирающемся ящике комода. Ключ лежал в горшочке на комоде, погребенный под слоем мелочи.

Потом покачал головой и открыл дверь спальни. Кларенс извернулся, просунул нос в щель между дверями и протиснулся в нее так быстро, как только мог, а затем сбежал вниз по лестнице.

Гарри уже собрался последовать за ним, когда вдруг что-то услышал и остановился.

Прислушался еще раз.

Вот оно… Слабый стук.

Спускаясь по лестнице, он так и не сумел понять, откуда исходит этот стонущий звук — от старых ступенек или от его собственных коленей. Это не имело значения. Ни то ни другое в ближайшее время чинить не собирались. Спустившись вниз, Гарри уже ожидал увидеть Кларенса, стоящего на страже у входной двери.

Только вот Кларенса там не было.

Оглядевшись, он увидел его, съежившегося в углу коридора — маленькая головка опущена, хвост поджат. Пес дрожал всем телом. Не рычал, не дышал тяжело. Он молчал. Застыв,

как показалось Гарри, от страха перед тем, что находилось по ту сторону двери. Кларенс был уличной собакой, и одному богу известно, через что ему пришлось пройти и кто мог обижать его в прошлом, но сейчас Гарри впервые увидел на мордочке своего четвероного друга откровенный страх. Было ясно: Кларенс до смерти боится того, что находится снаружи, поскольку, как бы ни был напуган, не сводил глаз с входной двери.

Гарри двинулся вперед, к двери. У него пересохло во рту. В прихожей было холодно, и золотая цепочка на шее, казалось, усиливала озноб, обвиваясь вокруг тела ледяной петлей.

Сдвинув ригель мощного замка, он взялся за дверную ручку и начал поворачивать ее.

Блок

Ей всегда было нелегко заснуть. Даже совсем еще маленькой она часами лежала в постели без сна, уставившись на светильник на потолке и на тени, которые тот отбрасывал в комнату в свете уличных фонарей снаружи.

Сейчас Блок лежала в комнате, которая когда-то была спальней ее родителей. Она переехала сюда уже несколько месяцев назад, но ей еще только предстояло распаковать вещи и как сле-

дует обставить комнаты. Футон, кое-какая мебель для спальни и диван составляли единственную меблировку во всем доме. Сегодня Блок проехала мимо трех магазинов для дома и сада, но мысль о том, чтобы обставить дом своего детства новой мебелью, все еще представлялась ей немного странной. Почему-то казалось, что мама и папа этого не одобрили бы. Умом Блок понимала, что это полная чушь, но пока этого было достаточно, чтобы обстановка дома оставалась до предела спартанской. Вдруг она что-нибудь купит, а это будет не совсем соответствовать ее представлениям об этом месте? Эта мысль беспокоила ее. Она хотела, чтобы все было безупречно.

Матрас был безжалостно жестким, но, как ни странно, довольно удобным. На полу стояла старая настольная лампа, провод от которой оказался слишком коротким, чтобы поставить ее на новую тумбочку. На приведение дома в порядок уйдет порядком времени, так что до тех пор ей придется мириться с некоторым несовершенством. Она повернулась, щелкнула выключателем лампы и с треском раскрыла ро-

ман Элмора Леонарда[96], который читала много лет назад, но сейчас уже напрочь забыла.

У нее заболела челюсть, и она напомнила себе о необходимости перестать скрежетать зубами.

Именно лампа, стоявшая на полу, а не на прикроватной тумбочке, заставляла ее до боли стискивать зубы. Лампа у нее *всегда* стояла на тумбочке.

Блок любила, чтобы все было как полагается. Что-то неуместное в комнате ощущалось как камушек, попавший в ботинок. Она задумалась о том, где бы раздобыть удлинитель для розетки в такое время суток, сказав себе, что чем-то подобным выпускает ситуацию из-под контроля. Встав с постели, прошлепала в ванную. В стаканчике рядом с умывальником лежала ночная зубная капа. Предполагалось, что она будет надевать ее каждый вечер, чтобы не скрипеть зубами, но из-за этого у нее болели десны и засыпать было еще труднее. Прополоскав капу, Блок уже совсем собралась вставить ее в рот, когда вдруг услышала собачий лай.

---

[96] notes: 96

Элмор Джон Леонард-младший (1925–2013) — американский писатель и сценарист, мастер криминальной литературы и вестернов, произведения которого отличались энергичными диалогами, персонажами-неудачниками и лаконичным юмором.

Доносился тот не из дома отца Кейт, расположенного по соседству. У Луиса не было собаки. Наверное, от других соседей — молодой пары из Сан-Диего, которые ездили на «Таурусе» и парковали его слишком близко к подъездной дорожке Блок.

Сухо треснул гром.

Собака опять разразилась лаем. Звучал тот не слишком громко. Блок могла сказать, что собака находится где-то в доме. Если б на заднем дворе, лай был бы намного громче. Эти дома были построены не для того, чтобы удерживать шум внутри. Дождь хлестал по дому, как из брандспойта. Блок немного помедлила, после чего выключила свет в ванной и уже возвращалась в спальню, когда услышала что-то еще, кроме шума дождя.

Вроде как глухое постукивание — словно ветка задевала о стену.

Звук доносился откуда-то снизу.

Она перегнулась через перила и вгляделась в темноту внизу.

Прислушалась, но ничего не услышала.

Выпрямилась, поднесла капу к губам, открыла рот — и тут услышала это снова.

Это была не ветка.

Кто-то стучал в ее дверь.

Время было позднее. Настолько позднее, что вообще-то скорее раннее.

Блок быстро прошла в ванную, бросила капу в стакан и медленно спустилась по лестнице. На стене напротив перил висели две фотографии. На одной из них была запечатлена она сама — в день окончания полицейской школы, а на другой — ее мать и отец где-то на пляже. Вид у обоих был счастливый. Мать подносила к губам рожок с мороженым, а отец целовал ее в щеку. От этого поцелуя она прикрыла глаза. По морщинкам в уголках глаз было понятно, что мать была рада этому поцелую — он казался ей таким же сладким, как мороженое.

Блок продолжила спускаться по лестнице, но, проходя мимо фотографии своих матери и отца, наклонилась и подобрала молоток, который вечером, повесив это фото, оставила на лестнице.

Молоток приятно лег в руку. В идеале ей полагалось бы вернуться наверх и взять свой пистолет, прежде чем даже приближаться к входной двери. Кто бы это ни был в это время ночи, ничего доброго это наверняка не сулило.

Босиком, в одной только пижаме Блок прошлепала к входной двери. Постояла там некоторое

время, прислушиваясь. Потом еще крепче сжала молоток, опустила руку с ним вдоль бока, а затем повернула ручку, сдвигающую засов. Тот щелкнул, вернувшись на свое место в двери.

Потом она осторожно толкнула дверь, опасаясь того, что может за ней увидеть.

Она

Нащупав в кармане рукоять ножа, она вытащила его и спрятала за спиной. Покосившись вправо, убедилась, что оружие остается незаметным для того, кто сейчас окажется прямо перед ней.

Все ее чувства обострились. Она чувствовала себя единым целым со всем миром. С природой. Естественным хищником на вершине пищевой цепочки. Ее уши уловили щелчок отпираемой двери, почти неуловимый скрежет металла о металл, когда дверная задвижка отодвинулась, притянутая поворотной ручкой, а затем дверь совсем чуть-чуть приоткрылась. Темный коридор открывался перед ней, словно в замедленной съемке, и она затаила дыхание, приготовившись к внезапному, яростному броску. Плечи у нее напряглись, она приподнялась на цыпочки, словно тигрица, готовая выпрыгнуть из высокой травы на добычу, разинув пасть и выпустив когти.

Дверь открылась еще шире…

Гарри

Гарри стал медленно толкать дверь, держа левую руку на ручке, а правую сжав в кулак. Когда постепенно открылась улица, он увидел стоящую там фигуру. Ночь окутывала ее, как саван.

Кларенс жалобно заскулил, а потом завыл.

Она

Цепочки, способной преградить ей путь, на двери не оказалось, и она метнулась вперед, ударив в дверь правым плечом, чем застала свою жертву врасплох. Внутри, в коридоре, было темно, но глаза у нее уже привыкли к полумраку.

Завыла собака.

Когда жертва отлетела назад, *она* сделала три хорошо рассчитанных, быстрых шага и вонзила нож в плоть.

Лезвие вошло чуть ниже грудной клетки. Под идеальным углом. Скользнуло под ребра, чуть отклонившись от вертикали, — кончик ножа нацелился прямо в сердце.

Кулак крепко сжал рукоять, и она провернула клинок.

В этот момент через канал посередине лезвия хлынул поток артериальной крови, которая потекла по ее руке и запястью. Она выпустила рукоять из руки и услышала глухой стук, с которым тело упало на пол. Ее жертва была мертва еще до того, как ее затылок ударился о ковер.

Она опустилась на колени и обыскала тело. Ничего. Потом побежала наверх, в спальню, достала сотовый телефон с фотографиями, порылась в ящиках и высыпала их содержимое на пол. Нашла небольшую сумму наличными, которую положила в карман. Разбила вдребезги лежащий рядом мобильник, а затем сбежала вниз по лестнице. Там низко наклонилась, подхватила безжизненное тело и протащила его дальше по коридору.

И тут увидела, как на полу что-то блеснуло.

С шеи женщины неподвижно свисала тонкая золотая цепочка. Когда *она* поднимала труп, то, видно, зацепилась за эту цепочку. Одно из звеньев вытянулось, цепочка порвалась и теперь наполовину лежала на полу. На вид дешевая. Пожалуй, ни один грабитель не счел бы нужным прикарманить ее. Она вышла из дома, закрыла за собой входную дверь и побежала прочь, придерживая лямки подпрыгивающего на спине

рюкзака.

Блок

Когда она открыла дверь, по телу пробежал холодок ночного воздуха. А когда увидела, что находится по ту сторону, прикрыла рот рукой и в ужасе зажмурилась.

На тельце маленькой зеленой птички — одного из попугаев-квакеров — сидел большой жирный ворон, который с такой силой клевал свою жертву, что его клюв насквозь пробивал добычу, стуча о доски внизу. Большая черная птица кормилась с такой алчностью, что вся голова у нее была в какой-то бурой каше, а кровь попугая залила крыльцо.

Блок прикрикнула на ворона, и тот захлопал крыльями, взлетев на перила крыльца. Подобрав одну из немногих пустых упаковочных коробок, она оторвала от нее верх и, воспользовавшись им как совком, собрала в нее останки попугая. Потом закрыла коробку и занесла ее в дом.

Закрывая дверь, Блок увидела, что ворон уставился на нее, а потом отрывисто каркнул, возмущенный прерванным пиршеством.

Попугай был давно мертв. Но Блок не могла спокойно смотреть, как его тельце разрывают

на части у ее входной двери. Утром она закопает птицу вместе с коробкой и всем остальным на заднем дворе.

Гарри

Фигура, стоявшая у его входной двери, выглядела странно. Скрюченная, сутулая, словно придавленная какой-то непосильной тяжестью.

Кларенс опять заскулил.

Фигура быстро шагнула вперед, на свет.

Эдди выглядел так, словно едва не утонул под дождем. Костюм и рубашка прилипли к телу. Он поднял голову, и Гарри увидел, что лицо у него мокрое не только от дождя. Оно исказилось от боли и страдания. Эдди не мог говорить, хотя губы у него шевелились.

Пальцы Гарри инстинктивно потянулись к золотой цепочке на шее, с которой свисали личные жетоны двух его лучших друзей, так и не выбравшихся из своих туннелей одной темной ночью в жарких джунглях к востоку от Ханоя. Эдди поднял руку. Там, вплетенная в его пальцы, поблескивала золотая цепочка, с которой свисал старый потускневший крестик. Даже под дождем Гарри мог разглядеть кровь на цепочке и на крестике.

Это была цепочка Харпер.

И только тут Гарри заметил, что Эдди сжимает в другой руке, — промокший букет цветов в обертке с логотипом «Сёркл Кей»[97]. Дешевые цветы с бензоколонки.

— Ее больше нет. Я пошел туда, чтобы подарить ей эти цветы, и увидел возле ее дома полицейские машины, — проговорил Эдди, и в голосе у него звучала боль, грозящая разорвать его на части. — Харпер убили.

[97] notes: 97

«*Сёркл Кей*» (*англ.* Circle K) — крупная американская сеть автозаправок с магазинами повседневного спроса.

Часть V. Суд. Три месяца спустя
Глава 25

Она

Первый час ночи. Судебный процесс начнется через девять часов. За ее ногами было не уследить и глазом — так быстро она перебирала ими над тротуаром, сохраняя устойчивый темп, а впереди были еще многие мили. Бег позволил вернуться мыслями к событиям последних дней.

Она не смотрела на свою сестру в те первые два дня в суде, когда адвокаты отбирали присяжных. Чувствовала на себе ее взгляды, но не смотрела. Не могла смотреть. Взамен сосредоточилась на судье, своем адвокате и присяжных. Вот и всё. Знала, что если повернет голову и посмотрит на свою сестру, то не сможет удержаться от улыбки, и нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь это увидел. Она не могла снимать свою маску во время судебного процесса. Все ее труды сводились к этому.

Шахматная партия у нее в квартире была точной копией той старой игры, в которую она некогда играла со своей сестрой. Все фигуры оста-

вались на прежних местах с того самого момента, как был сделан последний ход. Прямо перед тем, как мать свернула себе шею.

С того самого дня *она* переигрывала эту партию с сестрой у себя в голове. Выстраивала пешки. Выводила коня и ладью на идеальную позицию для атаки. Ее ферзь оставался в резерве. Скоро тому тоже предстояло вступить в игру. Самой сильной фигуре в ее арсенале.

Заполучить все состояние отца было бы и вполовину не так приятно, если б не удалось заодно наказать сестру.

Заключительные ходы в этой игре длиною в жизнь будут сделаны в зале суда, через девять часов.

Ей понадобятся все ее силы, чтобы довести дело до конца. Днем она была ни в чем не повинной сестрой, ложно обвиненной в убийстве собственного отца. Ночью у нее будет очень много работы.

Приближаясь к ресторану, она замедлила бег. Пробежала мимо, заглянув в витрину. Хэл Коэн держал за руку какую-то молодую женщину, сидящую напротив. На нем был элегантный черный костюм от «Армани» или «Лагерфельда». На женщине — настолько обтягивающее

красное платье, что оно наверняка затрудняло кровообращение, хотя явно и стимулировало кровообращение Коэна. Она предположила, что эта женщина вдвое моложе его и по меньшей мере на двадцать лет моложе его жены.

Она остановилась у большого бокового окна ресторана. Ее мобильный телефон в прозрачном пластиковом чехле был прикреплен к нарукавной манжете. В ушах — беспроводные наушники. Легонько прижав пальцем кнопку на одном из наушников, она включила камеру своего телефона, держа руку под идеальным углом, чтобы запечатлеть тайную пару.

Вытащив телефон из манжеты, выбрала фотографию и отправила ее через мессенджер Хэлу, а сама свернула за угол в переулок. Но предварительно сделала еще один снимок и отправила и его тоже. Хэл должен пройти через кухню и встретить ее на заднем дворе.

В переулок проникало совсем мало света. Она прошла дальше, мимо мусорных контейнеров, к стальным дверям в задней части ресторана. Одна из дверей открылась, Хэл вышел и закрыл ее за собой. Если то, что он ей сказал, полностью соответствовало действительности, то требовалось провернуть кое-какую сделку. Из тех, которые

лучше всего заключать в темноте.

— Я получила ваше сообщение. Это правда? — с ходу спросила она.

— Сама посмотри, — ответил Хэл, доставая из внутреннего кармана пиджака единственный листок бумаги и протягивая его ей.

Включив фонарик на телефоне, она просмотрела исписанную страницу, и сердце у нее забилось чаще.

— Это, конечно, ксерокопия, но ты же видишь, что я говорю правду, — добавил Хэл.

Она кивнула:

— Вы написали в сообщении, что нам следует обсудить какую-то сделку. А вы не забыли, что у нас уже есть сделка?

— То было раньше, — сказал Хэл.

— Раньше чего?

— Раньше того, как я это нашел, — ответил он, ткнув пальцем в листок.

— И как это все меняет?

— Ну, я думаю, твоя сестра могла бы заплатить и больше, — заметил Хэл, и на его темном лице появилась ехидная ухмылка. В полутьме она выглядела еще более зловеще — как у собаки, обнажившей зубы перед тем, как укусить.

— Где оригинал? — спросила она.

— Он у окружного прокурора. Я отправил его пару дней назад.

— Что?!

— Без меня этот документ не имеет никакой ценности. Разве ты не понимаешь? Без моих показаний он практически ничего не стоит.

— Что вы сказали окружному прокурору по этому поводу?

— Совсем мало, но им не терпится узнать больше.

— И сколько же стоят ваши показания? — поинтересовалась она.

— Десять, исключительно для тебя. Авансом.

— У меня нет таких денег, — ответила она.

— Это твои проблемы. У тебя есть время до девяти часов завтрашнего утра, а затем я пообщаюсь с твоей сестричкой. Я могу изменить свои показания в любую сторону, в зависимости от того, кто готов заплатить больше.

Хэл распахнул заднюю дверь кухни, возвращаясь к своей красотке в ресторане, и закрыл ее за собой.

Она уперла руки в бока. Сейчас у нее не было десяти миллионов долларов. Когда она получит наследство, то сможет без особого труда снять такие деньги, но прямо сейчас — никак.

Бросившись бегом, она промчалась по переулку, а к тому времени, когда добралась до уличных фонарей, у нее в голове уже созрел план.

Глава 26

Эдди

— Не знаю, сколько времени прошло с той ночи, — произнес я. — Когда я думаю об этом, то никак не могу собрать все воедино. В памяти сохранилось не все. Только отдельные фрагменты. Может, это и к лучшему… Психиатр сказал бы мне, что это основной симптом душевной травмы.

Я провел пальцами по надписи на надгробии.

Мэри Элизабет Харпер

Я не смог заставить себя дочитать остальное. Несмотря на то что Харпер и ее партнер по детективной фирме Джо Вашингтон уже почти два года как уволились из ФБР, Бюро устроило ей похороны со всеми почестями. Джо не стал со мной разговаривать. Ее бывшие коллеги оказались более любезны, позволив мне постоять у могилы

вместе с остальными скорбящими — вероятно, потому, что я пришел с Гарри. Когда служба закончилась, ко мне подошла одна из агентов — Пейдж Дилейни. Не так давно мы вместе с Харпер работали над одним делом, и Пейдж и Харпер спасли мне жизнь. Она была аналитиком в отделе поведенческого анализа ФБР. И одним из умнейших людей, которых я только встречал. Дилейни уже несколько месяцев находилась в Нью-Йорке, выслеживая Убийцу с Кони-Айленда.

— Джо одумается, — сказала она. — Ему больно, потому что его не было рядом, чтобы спасти ее.

Я благодарно кивнул, хоть и знал, что эта рана не заживет никогда. Джо винил себя и меня за то, что нас не было рядом, когда она нуждалась в нас. Я не винил его. Это я должен был быть рядом. Мне следовало раньше сказать ей, как много она для меня значит. Наверное, если б я пришел к ней домой чуть пораньше, Харпер была бы до сих пор жива. В вечер ее убийства я долго стоял перед зеркалом, пытаясь собраться с духом, чтобы пойти к ней и высказать все, что накопилось у меня на душе. Если б я был более храбрым человеком, ничего из этого не произошло бы.

Пейдж положила руку мне на плечо.

— Я спрашивала в полиции Нью-Йорка, нель-

зя ли мне взглянуть на материалы дела. Я уже работаю над профилем убийцы Харпер. Если что-нибудь услышу… В смысле… Если они кого-нибудь поймают, ты узнаешь об этом первым.

— Спасибо, я ценю это.

На этом она развернулась и ушла, присоединившись к своим коллегам-агентам. Пейдж было уже за пятьдесят, она одинока и замужем за своей работой. Ее серебристые волосы разметались по плечам черного пиджака, и мне снова показалось, что меня ударили в грудь. Харпер никогда не достигнет такого возраста. Мой брак распался отчасти из-за того, что я оттолкнул свою семью ради их же безопасности. Моя работа часто вынуждает меня общаться с плохими людьми, хотя дело не в этом. Просто почему-то моя жизнь не приносит ничего, кроме боли и потерь, всем, кто меня окружает. Тем, кого я люблю больше всего на свете.

Потеряла свою жизнь не только Харпер — мне казалось, что у меня отняли и какую-то часть моей собственной. Шанс обрести счастье с той, которую я любил.

Смерть Харпер что-то перевернула во мне. Что-то темное, что всегда было со мной. Я подавлял это чувство, боролся с ним с помощью друзей,

с помощью Эми, с помощью Харпер. Теперь я больше не мог это контролировать.

Я поднял взгляд над надгробием. В первый день процесса по делу Авеллино солнце почти взошло.

Мои губы коснулись мрамора, и я поднялся на ноги.

— Я найду того, кто это сделал, — произнес я. — Прости меня.

Основание надгробия было все еще усыпано цветами. Дань памяти от друзей. Открытки, почти полностью расклякшие от снега и дождя. Хотя одна выглядела посвежей прочих. Засунутая под целлофан, в который была завернута дюжина роз. Открытка была от Софии. Там говорилось: «Мои соболезнования».

Слезы застилали мне дорогу обратно к машине. Я поехал на Манхэттен, стиснув зубы и вцепившись в руль побелевшими пальцами.

Поставив машину возле своего офиса, я поднялся наверх. Гарри с Кларенсом уже были там. Гарри сидел за моим письменным столом, Кларенс лежал в своей корзинке — он проводил здесь порядочно времени, и я хотел, чтобы по крайней мере пес чувствовал себя комфортно. Теперь Гарри с Кларенсом были неразлучны. Гарри

просматривал материалы защиты, которыми мы поделились с обвинением и Кейт Брукс не далее как на прошлой неделе.

— Тебе не кажется, что прошло уже достаточно времени? — спросил он. — Не можешь же ты постоянно продолжать это делать…

— Делать что?

— Каждый день ездить к ней на могилу. Ее похоронили уже почти три месяца назад. Пора начать думать о том, чтобы оставить все это в прошлом. Рана никогда не исцелится, если ты так и будешь бередить ее.

— А я не хочу исцеляться. Я хочу добиться оправдания Софии, а затем выяснить, кто сделал это с Харпер.

Зазвонил мой стационарный телефон. Я снял трубку.

— Эй, Эдди-Финт, я внизу. Выходи на улицу. Нужно кое о чем побалакать.

Голос был хоть и с нью-йоркским выговором, но и с изрядной примесью итальянского акцента, и принадлежал он Джимми Феллини по прозвищу Кепарик. В последнее время больше никто не называл меня Эдди-Финт, хотя некогда это имечко частенько звучало в стенах баров, букмекерских контор и бильярдных. Мы с Джимми вместе вы-

росли, учились боксу в одном спортзале. А стоит лишь подружиться с Джимми-Кепариком, как вам придется прибегнуть к хирургической операции, чтобы удалить его. Он всегда оказывался рядом, когда вы в нем нуждались. У большинства игроков в Нью-Йорке, в любой сфере, был друг в лице Джимми. Глава нью-йоркской преступной семьи — это тот человек, которого хорошо иметь в своем углу ринга.

— Привет, Джимми. Я сейчас спущусь, — сказал я.

— Эдди… — начал было Гарри, но я перебил его:

— Я ненадолго.

Гарри не одобрял эту сторону моей натуры. Перед тем как податься в адвокаты, я жил по ту сторону закона. И иногда мне приходилось опять переступать эту черту.

Спустившись вниз, я вышел на улицу.

Посреди Западной сорок шестой улицы стоял здоровенный лимузин с работающим мотором. Сзади к нему подъехал мусоровоз, и водитель нажал на клаксон. Мусоровоз не смог проехать. Лимузин не двигался с места. Я открыл его заднюю дверцу. Мусорщики вылезли из кабины, а некоторые обошли лимузин и начали орать,

чтобы он убирался. Это были крупные мужики. Их было пятеро. У них была работа, которую нужно было выполнять. И им не понравилось, что лимузин их задерживает.

— Шевели задницей, пижон! — орали они.

Джимми выбрался из машины, повернулся к мужчинам и спросил:

— У нас какие-то проблемы?

Все знали Джимми-Кепарика. Если и не в лицо, то по репутации.

Мусорщики тут же примирительно вскинули руки и попятились, рассыпаясь в извинениях.

— Мне очень жаль, сэр, — залебезил водила. — Мы сейчас сдадим назад, не беспокойтесь. Мы не хотели вас оскорбить.

Джимми был что твоя ручная граната. Я сел в лимузине напротив него. На нем были черные брюки, до блеска начищенные итальянские туфли ручной работы, белая рубашка с расстегнутым воротом и, конечно же, знаменитая кепка его деда, от которой и кликуха. Я ни разу не видел его без этой кепки с тех самых пор, как он возглавил криминальную семью Феллини. В наши дни бизнес Джимми был на девяносто девять процентов легальным. Он владел целой кучей недвижимости, у него были солидные

доли во всяких законных и прибыльных частных предприятиях и прямая связь с нью-йоркским отделом планирования. Любой застройщик на Манхэттене, желающий получить разрешение, мог убить пару лет, по уши зарывшись в бумажную волокиту, — или же позвонить Джимми, после чего за малую мзду приступить к строительству буквально в течение месяца.

Джимми протянул ко мне руки, и мы обнялись. Отпустив меня, он с размаху хлопнул меня по спине, как это делают суровые мужики, привыкшие выражать свою привязанность такими вот хлопками, тычками кулаком и поцелуями в обе щеки, которые вроде как причиняют боль, но имеют под собой одни лишь добрые намерения. Я и понятия не имел, что поцелуй способен причинить физическую боль, пока не подружился с Джимми.

— Паршиво выглядишь. Ты хоть когда-нибудь ешь? — поинтересовался он.

— В последнее время у меня нет особого аппетита.

— Соболезную насчет твоей подруги. Я попросил мэрию держать меня в курсе.

— Это была не в том смысле подруга… Хотя мы были очень близки.

В кожаном салоне лимузина воцарилась тишина. Джимми кивнул и облизнул губы.

— Как я уже сказал, мэрия даст мне знать, если копы найдут подозреваемого, — сказал он. Джимми ко всему подходил с практической точки зрения — если кто-то причинит вред другу или, не дай бог, члену его семьи, Джимми обязательно позаботится о том, чтобы правосудие восторжествовало. Он был давним знакомым и деловым партнером Фрэнка Авеллино, и, похоже, у Джимми по-прежнему оставались кое-какие дружки в мэрии. Если ему требовалась информация о каком-либо деле об убийстве в городе, он мог получить ее в мгновение ока.

— Она занималась какими-нибудь стрёмными делами? Кто-нибудь имел на нее зуб?

Я покачал головой:

— Насколько я знаю, единственным делом, над которым она работала, было мое — дело Авеллино. Она посадила нескольких плохих людей, когда была федералом. Думаю, копы уже тщательно проверили ее предыдущие дела, чтобы убедиться, что никто из тех, у кого были причины убить Харпер, не был недавно освобожден из федеральной тюрьмы. Тут по нулям.

— Похоже на работу профессионала, — заметил

Джимми. — Ты не можешь так вот запросто грохнуть кого-то в его собственном доме и бесследно исчезнуть. По крайней мере, все произошло быстро, Эдди.

— Она умерла мгновенно. По крайней мере, как мне сказали копы. Хотя не знаю… Ты раздобыл то, о чем я просил?

Джимми покосился влево, на коричневый конверт, лежащий рядом с ним.

— Копы говорят, что ты был там в ту ночь, — заметил он.

— Да, но я почти ничего об этом не помню. Когда я добрался туда, ее уже увезли. Я протолкался в прихожую, нашел ее цепочку, лежащую на полу, и понял, что она мертва. Я взял эту цепочку. Просто не мог оставить ее лежать там.

В этот миг я ощутил потребность прикоснуться к собственной шее, где всегда носил медальон со Святым Христофором на цепочке, на удачу. Цепочку Харпер я сохранил, исправил вытянувшиеся звенья и носил ее вместе со своей собственной. Было приятно позволить хотя бы чему-то нашему опять оказаться вместе, пусть даже это всего лишь дешевая золотая цепочка.

— Мне нужно то, что в этом конверте, Джимми. В ту ночь я неважно соображал. Возможно, я

что-то упустил, — сказал я.

— То, что там внутри, тебе лучше не видеть. Я привез это, но не думаю, что тебе стоит смотреть.

— Я должен, — сказал я. — Я не могу доверять копам в этом деле. Это слишком важно. Она была слишком важна.

Джимми кивнул и передал мне конверт.

— У тебя есть что-нибудь на Фрэнка? — спросил я.

— Конечно, просто недавно я был немножко занят, вот и все. Один из моих парней из ресторана, малыш Тони П., загремел, блин, в больничку с черепно-мозговой травмой. Его сбили, когда он переходил улицу, представляешь? Я собираюсь навестить его, когда мы тут закончим. У меня много чего в голове. Прости, что это заняло так много времени, но мне еще и пришлось подождать, пока вернутся все мои информаторы, чтобы рассказать мне, что они накопали. У Фрэнка было много друзей и еще больше врагов. Я должен был убедиться, что его убийство не было заказухой. Все вернулись домой с одной и той же историей. Не было ни мотива, ни возможности, ни старых счетов, которые кто-нибудь желал бы свести, ни денег, летающих по ветру, ни контрак-

тов на голову нашего дорогого покойника.

Я так и думал, но мне нужно было в этом убедиться. Джимми подтвердил мои опасения — это не было заказухой. Это было отцеубийство. Вне всякого сомнения.

— Насколько близки вы были с Фрэнком? — спросил я.

— Зависит от того, кто хочет это знать… Если это ты меня спрашиваешь, то да, мы были корешами. Если спросит окружной прокурор, то я едва знал этого мужика.

— А ты знал Софию или Александру?

— Фрэнк по большей части держал семью в стороне. Как и многие мои деловые партнеры. Я считаю, будет лучше, если ФНС, ФБР, да и любая другая правительственная лавочка из трех букв ничего не будут знать о наших отношениях. Мы не бухали и не ходили вместе по бабам, когда он был на своем посту, но не сомневайся, что это я усадил его в кресло мэра. Он даже праймериз не прошел бы без помощи профсоюзов. Его дочки? На дни рождения, семейные торжества — не то чтобы их было так уж много — Фрэнк ходил с ними в мой ресторан.

— Какая-нибудь из них не показалась тебе… малость эксцентричной?

— Настолько эксцентричной, чтобы без всякой причины нарубить в капусту собственного старика? Нет. Они недолюбливали друг друга — вот это я знал. Фрэнк всегда на это жаловался. Я знаю, что у них в доме всегда было полно денег, но зелень — это еще не все. Семья — вот самое важное, что у тебя есть. Фрэнк дважды становился вдовцом. Ты в курсе? Это должно было оставить свой след. Эти девчонки не были счастливы в этом доме. Фрэнк как-то сказал мне… — Джимми замялся.

Вообще-то он любил поговорить. Мы выросли вместе. Джимми не видел во мне законника, да и я знал достаточно подробностей, чтобы засадить его в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Хотя не то чтобы мне этого хотелось. Хоть когда-либо. У нас было взаимное доверие. Тот факт, что Джимми колебался, означал, что он не хотел предавать доверие, которое было оказано ему кем-то другим — Фрэнком. Джимми был человеком старой закалки.

— Ты можешь мне доверять, — сказал я.

Джимми выглянул в окошко лимузина, разглядывая мой дом.

— Почему бы тебе не поселиться в каком-нибудь приличном месте, Эдди? Эта халупа не подходит для такого человека, как ты.

— Меня все устраивает. Да ладно тебе…

— Послушай: то, что я хочу тебе сказать, может, и ни о чем. Совсем ни о чем. Наверняка это не что иное, как…

— Джимми…

— Это насчет первой жены Фрэнка. Она свалилась с лестницы и застряла башкой в перилах. Обе девчонки были тогда в доме. И видели тело. Это была настоящая трагедия, понимаешь? На следующий день Фрэнк пришел ко мне. У меня есть человечек в городском морге, который у меня в платежной ведомости. Только не спрашивай меня почему…

Если я и был в чем-то уверен, так это в том, что мне совсем не хочется выяснять, зачем Джимми свой человечек в морге. Хотя мог и сам догадаться. Не нужно быть гением, чтобы сообразить, что некоторые мешки для трупов могут отправиться в печь с дополнительным жмуриком внутри.

— Фрэнк попросил меня об одолжении. Мой человек пообщался с судмедэкспертом. И я этим озаботился.

— Чем озаботился?

— Отчетом о вскрытии.

Его Харпер уже тоже раздобыла в ходе наших предварительных исследований. И я уже читал

его. Смерть от несчастного случая. Причина — обширная травма спинного мозга в результате падения с лестницы, приведшая к мгновенной смерти.

Я не стал давить на Джимми. Просто молчал, позволяя ему самому закончить рассказ.

— В результате в этом отчете кое про что не упомянуто. Это не имело отношения к причине смерти. У Джейн Авеллино была характерная отметина на икре. След от укуса. Маленький. Примерно такого же размера, какой мог оставить ребенок.

Ярко вспыхнувший у меня в голове образ даже заставил меня крепко зажмуриться. Этот образ был словно резкий удар — болезненный, хотя и не физически. А увидел я Софию в допросной первого райотдела — кровь на губах и щеках, след от укуса на запястье… Я отогнал эту мысль, поежился и сказал себе, что это совсем другое дело — вовсе не то же самое, что укусить кого-то другого, — и что она сделала это с собой только потому, что у нее не было бритвы. Шрамы у нее на руках ясно говорили об этом. И имелся еще и эксперт по следам укусов, который утверждал, что отметина на груди у Фрэнка Авеллино совпадает с отпечатком зубов Александры. Похоже, смерть

Джейн Авеллино была далеко не случайной.

— Господи, ты думаешь, что София или Александра укусили свою мать, отчего та упала с лестницы и сломала шею?

Лицо у Джимми потемнело.

— Упала она или ее столкнули, сказать невозможно. Судмедэксперт считает, что след от укуса появился позже.

— После того, как она уже была мертва?

— Все это тебе ничуть не поможет, поскольку Фрэнк так и не узнал, что произошло на самом деле. Через месяц после похорон он отправил обеих девочек в школу-интернат. Кто стал бы его винить? Он следил за тем, чтобы обе вне дома посещали психиатров, а те информировали Фрэнка касательно прогресса. Один из мозгоправов сказал ему, что укус мог быть реакцией на травму, вызванную обнаружением их матери в таком виде, и, возможно, попыткой разбудить ее. Короче, чем-то в этом роде, — сказал Джимми, закатив глаза.

— То есть ты так не думаешь?

— Фрэнк сказал мне, что Джейн была суровой женщиной. Жесткой со своими детьми, понимаешь? Фрэнк и сам был крепким орешком, но он любил своих дочек. Хотя с Джейн я встречался

всего лишь раз. Она мне не понравилась. Холодная бездушная тетка. Фрэнк сказал мне, что она била девочек. И кусала их. Мой вот старик тоже был тяжел на руку, но я любил его и никогда не поднимал на него руку в ответ. Это же был мой папаня. Одна из этих девочек была такой же суровой и холодной, как их мать.

— Жестокое обращение способно травмировать людей. Оно разрушает жизни.

— Дело не только в этом. Это тоже болезнь. Душевная. Вот что я тебе скажу: я не знаю ни одной маленькой девочки, которая нашла бы свою мать мертвой на лестнице, а затем откусила бы от ее трупа целый кусок. Ты все еще ходишь в церковь?

Я покачал головой.

— Я вот хожу, каждое воскресенье. Я говорил об этом с отцом Лоуни. Он сказал, что у Фрэнка в доме жил демон. Одна из тех девушек была злом.

— Я не придаю большого значения тому, что думают священники, — сказал я.

Джимми подался вперед, и когда он заговорил в следующий раз, его голос так и не поднялся выше шепота. Казалось, он боится, что кто-то или что-то подслушает его.

— В прошлом я совершал поступки, от которых

тебя стошнило бы. Хотя то, что произошло в доме Фрэнка, было чем-то другим. Одна из этих девчонок укусила свою мертвую мать. Это не какая-то там девчонка, у которой просто не всё в порядке с головой. Это *зло* в чистом виде.

Глава 27

Кейт

В кабинетике для консультаций в здании суда на Сентер-стрит было холодно и неуютно. Александра, одетая в элегантный черный брючный костюм и белую шелковую блузку под жакетом, поеживалась, и Кейт не могла сказать — из-за температуры или же из-за мысли о судебном процессе, который должен был начаться через час.

Блок облачилась в темно-синий блейзер, голубую рубашку и бежевые мягкие брюки-чинос — специально для присяжных. Вид у нее был профессиональный и в то же время достаточно неформальный, чтобы не чувствовать себя скованно. Для появления в суде Кейт предложила подруге тоже надеть костюм, но та ничего не сказала в ответ, и теперь Кейт приняла этот наряд как вполне разумный компромисс.

Натянув подол юбки на колени, Кейт перечитывала заметки к своей вступительной речи перед жюри. Она готовила ее почти неделю, репетируя перед зеркалом, в итоге сократив продолжительность своего выступления с часа десяти минут до всего лишь десяти минут. В речи затрагивались все основные моменты, касающиеся доказательной базы защиты, подчеркивался принцип презумпции невиновности и закладывалась основа для осуждения Софии.

Александру и Кейт разделял старый, изрядно поцарапанный стол. Александра барабанила пальцами по столешнице. В последние недели она все больше нервничала, ее тревога росла с каждым днем. Это представлялось вполне естественным. И пока Кейт удавалось скрывать от клиентки свои собственные переживания, у Александры не возникало особых проблем.

Отложив записи в сторону, Кейт переключила внимание на свою клиентку.

— Вы всерьез напуганы, и это совершенно естественно. Бояться — это нормально. Я бы скорей стала переживать, если б вы были совершенно спокойны. Вам просто нужно пережить следующие несколько дней. Вот и всё. Помните, что я вам говорила?

Александра кивнула:

— Хорошо, я попробую.

Пальцы у нее разжались и неподвижно замерли. Она сделала глубокий вдох, и на нее сразу же снизошло нечто близкое к спокойствию.

Кейт посоветовала Александре шевелить пальцами ног, если она вдруг занервничает. И никто этого не увидит. Этому трюку Кейт научили в юридической школе. Свидетели, обвиняемые и даже адвокаты просто не могут не нервничать. Остановить это невозможно, но все-таки имелись способы справиться с волнением. Осознанное шевеление пальцами ног дает выход тревоге и беспокойству. Никто не видит, как вы это делаете, поэтому при взгляде со стороны вы совершенно спокойны и уверены в себе.

— Я приму сразу две — это поможет мне расслабиться, — сказала Александра, после чего вытряхнула себе на ладонь две таблетки из блистерной упаковки и проглотила их, запив водой. Это был довольно слабенький противотревожный препарат. Александра принимала по одной таблетке каждый день. Удвоить дозу в первый день судебного разбирательства по делу об убийстве показалось Кейт неплохой идеей.

За спиной у нее послышался стук в дверь. Блок

отлепилась от стены, опустив сложенные на груди руки, после чего слегка приоткрыла дверь и выглянула наружу. Каким-то образом Кейт и Блок до сих пор удавалось избежать общения с журналистами и всякими писаками, которые вились вокруг подобных судебных дел, словно птицы-падальщики, жаждущие полакомиться свежим трупом.

— Это Драйер, — объявила Блок.

Кейт встала и последовала за ней в коридор.

— О господи, что случилось? Что-то плохое? — воскликнула ей в спину Александра. Всякого притворного спокойствия как не бывало — плечи у нее напряглись, а руки поднялись, как будто она собиралась отразить удар.

— Я уверена, что всё в порядке. Подождите здесь, я скоро вернусь, — успокоила ее Кейт.

Драйер стоял в коридоре в компании трех своих помощников — подтянутых моложавых мужчин по меньшей мере лет на пять помладше его. «Маленькие Драйеры в роли придворной свиты», — подумала Кейт.

В руках он держал документ в ламинированном переплете с заголовком «Дополнения к обвинительному акту».

— А это еще что? — поинтересовалась Кейт. —

Только не говорите мне, что я должна была получить это еще пару месяцев назад, иначе я подам уведомление судье — вы даете мне отличные очки для апелляции еще до начала процесса.

— Мы можем поговорить наедине? — спросил Драйер.

Кейт глянула на молодых людей у него за спиной и сказала:

— Блок останется.

— Как пожелаете, — ответил Драйер. Он шагнул вперед, и его свита рассеялась. Документ он протянул ей так, словно тот был ядовитым. Не так давно на нее подали в суд, и она опасалась принимать любые бумаги, предварительно не выяснив, что в них содержится.

— В чем там суть? — спросила Кейт.

— Мы получили запрос от Флинна на токсикологическое исследование тела Фрэнка Авеллино. Были проведены анализы крови и внутренних органов. Вот результаты. Я не обязан делиться этим с вами, но считаю, что вы с Флинном должны по крайней мере бороться по-честному.

Кейт взяла документ и пролистала его до конца.

— Что такое галоперидол? — спросила она. Следы этого вещества были обнаружены в печени,

мозге и крови Фрэнка Авеллино.

— Могли бы и сами догадаться. Сейчас мы переворачиваем все там вверх дном в поисках любых следов этого препарата. Вообще-то вам стоит задуматься о том, как Флинн узнал, что нужно провести подобную экспертизу, когда мы сами до этого не додумались, и почему галоперидол вообще присутствовал в организме Авеллино. Смею предположить, что ответы могут оказаться не слишком-то выгодными для вашей клиентки, мисс Брукс.

Когда Драйер ушел, Кейт передала отчет Блок. Та пролистала страницы, прочла заключение и менее чем через минуту вернула документ Кейт, которая уже открыла «Гугл» на своем телефоне и пыталась найти какую-нибудь научную статью про галоперидол — что-нибудь более надежное, чем «Википедия».

— Можешь не искать, — сказала ей Блок. — Это успокоительное средство. Одна моя давняя подруга когда-то работала в доме престарелых в Бей-Сити. Говорила, что в основном ее работа заключалась в уборке дерьма. В Бей-Сити любили, чтобы пациенты были послушными. Чему способствовал жидкий галоперидол, добавленный в овсянку.

— Это же довольно сильное антипсихотическое средство… Господи, и они дают его старикам?

— По крайней мере, в Бей-Сити давали, — подтвердила Блок.

— А теперь нет?

— Похоже, что нет — после того, как я узнала об этом и навестила заведующую медчастью. Похоже, в тот же вечер бóльшую часть их запасов галоперидола кто-то случайно вылил в канализацию. А эта заведующая неудачно споткнулась о складку ковра и сломала себе обе руки.

Кейт в очередной раз порадовалась, что Блок считает ее своей подругой. Она никогда не захотела бы видеть ее в качестве врага.

— Почему Фрэнк Авеллино принимал его? В его медицинской карте ничего про это не упоминается? — спросила Кейт. Что-то в этом отчете заставило ее задуматься. Как будто она стояла на пороге чего-то ключевого для всего этого дела. Блок добралась туда раньше ее.

— Может, Фрэнк и не знал, что принимает его, — предположила Блок.

* * *

Как только Кейт вернулась в кабинет, Александра резко вздернула голову от стола.

— Чего он хотел? — спросила она.

Кейт взмахнула документом и театрально уронила его на стол.

— Это токсикологический отчет. В нем говорится, что в организме вашего отца, когда его убили, наличествовало большое количество успокаивающего средства — галоперидола. Вы когда-нибудь слышали о нем?

Плечи Александры расслабились, выражение лица изменилось. Если до возвращения Кейт она была напряженной и обеспокоенной, то теперь выглядела совсем по-другому. Губы у нее сжались в некоем подобии решимости, в глазах блеснул огонь, и она сказала:

— Да, я слышала про галоперидол. Я знала о нем много лет. Моя сестра частенько принимала его, когда была маленькой.

Глава 28

Эдди

В здании суда на Сентер-стрит я отыскал туалет, который не вонял, как штаны Марлона Брандо в «Апокалипсисе сегодня». Через несколько секунд из крана заструилась холодная вода, я поплескал

себе в лицо и посмотрелся в треснувшее зеркало над раковиной.

Настал момент «щелкнуть выключателем», как я это называю.

Когда ты судебный адвокат, у тебя есть люди, которые полагаются на тебя. Целая куча людей. И один из них доверил тебе всю свою жизнь. Ты не можешь позволить своему собственному дерьму встать у тебя на пути. Ты должен найти способ отключиться от этого, чтобы спокойно выполнять свою работу. У тебя заболел ребенок? «Щелкни выключателем». Банк только что отобрал у тебя дом — «щелкни выключателем». Ты болен, у тебя депрессия, ты алкоголик, тебя гложет черная тоска, которая разъедает тебя до костей, — «щелкни выключателем» и выруби все это на хрен!

Ты должен уметь отгородиться от всего этого дерьма. Избавиться от него. С головой погрузиться в игру. Если ты этого не сделаешь, то никогда себе этого не простишь, а твой клиент уже точно тебя не простит.

Надув щеки, я резко выдохнул, вытер лицо бумажным полотенцем и «щелкнул выключателем».

Это был первый день слушаний. Моей первоочередной задачей было остановить их — вышибить

судью из его кресла и перенести слушание на пару-тройку месяцев. Мне требовалось время, чтобы привести в порядок голову и спокойно во всем разобраться. Это была рискованная игра, но я должен был избавиться от этого судьи.

В зал я немного запоздал.

Тот уже был приспособлен для совместного судебного разбирательства. С левой стороны находился стол обвинения, за которым сидели Драйер и его подручные. Справа — два стола защиты, расположенные бок о бок всего футах в шести друг от друга. За первым из них уже сидели Гарри с Софией. Оставалось еще два свободных стула — один для меня, другой для Харпер. Я попросил оставить это место пустым, и Гарри не стал возражать. Кейт Брукс, ее следователь Блок и Александра расположились за другим столом защиты.

Все столы были обращены к судейской трибуне, а присяжные сидели справа от них. С левой стороны зала, рядом со свидетельской трибуной, был установлен большой проекционный экран. Сейчас он был белым и пустым. Я занял свое место рядом со своей клиенткой. Она протянула мне руку, я взял ее и слегка сжал. Это был самый ободряющий жест, на который я сейчас был

способен.

— Вы неважно выглядите, — заметила София.

— Я в полном порядке. Не волнуйтесь. Я просто много работал над вашим делом, вот и всё.

Ответом мне была деланая улыбка, возникшая у нее на губах, которые тут же плотно поджались. София стиснула мне руку, чтобы подбодрить меня. Я не смотрел ни на Кейт, ни на Драйера. Пришло время вступить в игру, и нельзя было ни на что отвлекаться. Казалось, будто голова у меня залита цементом, и если я не буду держать ее прямо, то она упадет на стол и расколется.

— ВСЕМ ВСТАТЬ! — приказал пристав, и в зал вошел судья Стоун — черная мантия развевалась у него за спиной, словно крылья какой-то хищной черной птицы. Лицо у него сморщилось, а нос и губы вытянулись, когда он хмуро нацелил их на нас с Гарри.

Места для публики были до отказа заполнены простыми гражданами, журналюгами и телевизионщиками. Все мужчины и женщины в зале суда дружно поднялись и выпрямились, словно по стойке «смирно», отвечая на призыв пристава при появлении достопочтенного судьи Стоуна.

София тоже встала. Как и вся команда обвинения. Как и Александра Авеллино, Кейт и Блок.

Они продолжали стоять, пока судья не поднялся на свое место, где расправил мантию на животе и коротко склонил голову. Стоять, когда судья входит в зал суда и выходит из него, является знаком уважения.

Мы с Гарри даже не оторвали задницы со своих мест.

Ни на один чертов дюйм.

Стоун это заметил и глянул на меня так, словно я был самым отъявленным подонком на земле. Во взгляде его сквозило презрение.

Он сел, сверля меня взглядом. Позади нас послышался шорох одежды и скрип скамеек с мест для публики и скрежет ножек стульев по полу со стороны столов защиты и обвинения, когда обе команды усаживались на свои места.

— У вас что-то с ногами, мистер Флинн? — осведомился Стоун.

Я медленно встал, выпрямившись во весь рост, и ответил:

— Абсолютно ничего, ваша честь.

— А у вас, мистер Форд?

— Обе ноги в прекрасной физической форме, ваша честь, — отозвался Гарри.

— Понятно… Ну что ж, тогда, я думаю, мне придется обсудить этот вопрос с дисциплинарным

комитетом коллегии адвокатов.

— Как бывший судья, я являюсь одним из председателей упомянутого дисциплинарного комитета, — просветил его Гарри. — Вы хотите подать мне жалобу прямо сейчас или отправите ее по электронной почте чуть позже? Хотя не то чтобы это имело особое значение…

— Думаю, ему следует написать ее сейчас, если у него есть карандаш под рукой, — произнес я, обращаясь к Гарри.

Медленно и со всей грацией, на которую он был способен, судья Стоун поднялся на ноги. Пока он стоял, лицо у него из серого стало розовым, а затем приобрело оттенок, близкий к пунцовому.

— Я еще никогда не…

Он был слишком зол, чтобы говорить. В уголках его дрожащего рта вскипели белые пузырьки слюны.

Я глянул на Гарри, и он ответил мне таким же взглядом.

Получилось!

— Ваша честь! — воскликнул Драйер. — Может, лучше отложить обсуждение данного вопроса? Есть и более насущные проблемы, чем пренебрежение мистера Флинна к данному суду. Мы не хотели бы давать ему повод для необоснованных

обвинений в предвзятости, которые он может вам выдвинуть.

Блин…

Гарри вздохнул.

Почти получилось.

Наш план заключался в том, чтобы побудить Стоуна сорваться. Предохранительный клапан у него совсем слабенький. Как и у всех расистов и фанатиков. Всего одно слово против Гарри или меня, и мы немедленно подали бы ходатайство об отводе Стоуна от судебного разбирательства на основании его предвзятости. Он это ходатайство явно отклонил бы, тем самым дав нам шанс на немедленную апелляцию, которая была бы успешной. Ни один апелляционный судья не стал бы рисковать, отправляя обвиняемого на судебное разбирательство к потенциально предвзятому судье, потому что в случае вынесения обвинительного приговора тот сразу же обратится в вышестоящий апелляционный суд с жалобой не только на судью первой инстанции, но и на апелляционного судью, допустившего продолжение судебного разбирательства. Если б ходатайство о назначении нового судьи было удовлетворено, любой другой судья, кроме Стоуна, разделил бы судебные процессы, предоставив

Софии равные шансы с Александрой.

Драйер прочухал нашу игру и вывел квотербека из строя прямо перед тем, как тот успел сделать подачу. Вот же черт, однако же быстро он соображает! Я убедился, что больше не стоит его недооценивать.

Глаза судьи Стоуна понимающе сузились. Он понял, что Драйер предостерег его. Хоть и не сразу, но до Стоуна дошло. Он опустился обратно в кресло и сказал:

— Если будут еще какие-либо выходки или эпизоды неподчинения, я передам это вышестоящему судье, и он сможет разобраться с вами обоими после данного разбирательства. Это понятно?

Мы с Гарри кивнули.

Я шепнул Софии, что наша попытка отстранить судью и разделить процесс не увенчалась успехом. Шаг изначально был рискованный, и она это оценила. Мы просто делали всё, что в наших силах. Она знала о возможных рисках, и мы решили, что дело того стоит, учитывая, что основной риск для Софии заключался в совместном судебном разбирательстве.

По крайней мере, теперь Стоун осознавал опасность обвинения в предвзятости — он должен

восприниматься справедливым по отношению к защите, чтобы дистанцироваться от любых подобных обвинений. Легкого пути у нас не будет, но Стоун все-таки постарается отнестись к заявлениям нашей клиентки непредвзято, а не исключено, что и предоставит мне бóльшую свободу действий при встречных допросах. В этой игре еще ничего не потеряно. Стоун никогда не был нашим союзником. Более того, если в вашем углу ринга — судья Стоун, то вам, скорее всего, стоит хорошенько присмотреться к самому себе.

— Пристав, давайте пригласим присяжных. Пора начинать судебный процесс, — сказал судья.

Дверь справа от нас открылась, и в зал вошли члены жюри. Составом жюри я был вполне доволен, когда мы завершили отбор на прошлой неделе. Мне казалось, что это справедливые люди, настолько беспристрастные, насколько я мог только пожелать. Мужчины и женщины. И верующие, и нет. У всех было разное происхождение, карьера и этническая принадлежность. Чье-либо происхождение меня никогда не заботило. Все они были американцами. Обычными людьми, на которых сейчас легло тяжелое бремя. Только они могли решить исход этого дела. Я просто должен был приложить все усилия к тому, чтобы

их решение было таким, какое мне требовалось.

Драйер встал и представился. Одет он был скромней, чем обычно. Выглядел официально и просто: серый костюм, белая рубашка и темный галстук. Орудие на службе у государства.

— Господа присяжные, — начал он. — Я благодарю вас за вашу службу в ходе этого слушания. По окончании рассмотрения этого дела я попрошу судью освободить всех вас от необходимости исполнять свой гражданский долг в качестве присяжного заседателя до конца вашей жизни. Нет никаких сомнений — это дело изменит вас. В этом зале суда вы увидите образы, которые будут преследовать вас во сне. Вы никогда уже не станете прежними. Потому что в течение следующих нескольких дней вы будете находиться в присутствии зла. Перед вами две женщины. Сестры. Взгляните на них, пожалуйста.

Краем глаза я заметил, что Гарри подался вперед, внимательно наблюдая за присяжными. Я тоже попытался сосредоточиться на их лицах. Я хотел знать, задержался ли кто-нибудь из них взглядом на ком-нибудь из подсудимых. Пока что внимание присяжных было сосредоточено в основном на Софии. Ее сестра, одетая в черный деловой костюм, подчеркивающий ее загар, с за-

чесанными назад светлыми волосами, выглядела уверенной в себе женщиной-профессионалом. Еще до того, как наступил этот день, я собирался попросить Харпер походить с Софией по магазинам и подобрать ей наряд специально для суда — я знал, что иначе София никогда этим не озаботилась бы. Ее собственный внешний вид нисколько ее не волновал, равно как и ряды шрамов у нее на предплечьях. Когда Харпер не стало, я забыл поговорить с Софией о том, в чем лучше явиться в суд — вот что происходит, если вовремя не «щелкнуть выключателем». На Софии были черные брюки и черный же свитер с длинным рукавом; ее темные волосы резко контрастировали с бледной кожей. Александра выглядела так, словно недавно спустилась с трапа частного самолета после плодотворной деловой встречи в Париже, а София — словно только что вернулась с собрания анонимных алкоголиков.

— Обвинение представит вам доказательства, которые связывают обеих женщин с жестоким убийством их собственного отца — крупного мецената и государственного деятеля, бывшего мэра Нью-Йорка Фрэнка Авеллино. А теперь внимательно посмотрите на этих женщин. Которые хладнокровно убили Фрэнка Авеллино, своего

собственного отца.

Драйер позволил этим последним словам повисеть в воздухе, чтобы присяжные сумели без спешки дать подсудимым свою первую оценку. Судя по выражениям их лиц, увиденное не привело их в особый восторг — а меньше всего София.

— Эти сестры обвиняют друг друга в убийстве собственного отца. Они наверняка попытаются поставить под сомнение доказательства обвинения, но доказательства в этом деле не могут лгать. Наши эксперты и специалисты по осмотру мест преступления неопровержимо связывают с этим убийством обеих женщин. Мы продемонстрируем вам эти доказательства. И это только ваша задача — дать им должную оценку, принять свое собственное решение и вынести вердикт.

Для присяжных все в этом деле было пока что внове. Они еще не слышали никаких свидетельских показаний, еще не успели заскучать или быть сбитыми с толку экспертами, они не беспокоились о том, когда же дело будет наконец завершено и они смогут вернуться к своей работе и обычной жизни. Все присяжные сосредоточили свое пристальное внимание на Драйере. И он в полной мере использовал каждую секунду этого внимания.

— Четвертого октября прошлого года из кухонного держателя был вытащен нож. Кухонный нож длиной двенадцать дюймов, изготовленный из хорошей стали. Тот, что не раз использовался для приготовления семейных блюд. Примерно такой же, какой может найтись дома у каждого из нас. Этот окровавленный нож был обнаружен в спальне. С отпечатками пальцев обеих подсудимых. Обвинение допускает, что отпечатки могли попасть на нож и при обстоятельствах, никак не связанных с убийством, но это может быть и не так. Это уж вам решать. Что не подлежит сомнению, так это то, что указанный нож был принесен в спальню Фрэнка Авеллино, после чего одна из подсудимых или сразу обе сотворили с ним вот *это*.

Драйер отошел обратно к столу обвинения, и большой экран осветился под лучом проектора.

Присяжным не положено раскрывать рта. Обычно они хранят молчание. Но эти посмотрели на экран и уже больше не смогли хранить молчание. Одна из присяжных, женщина средних лет, работавшая в сфере домашнего дизайна, вскрикнула, прикрыв рукой рот, а затем и глаза. Ругательства, вздохи, даже приглушенный вскрик вырвался у одного из присяжных, но я не

мог разобрать, у кого именно.

На экране был натуральный ад.

Фрэнк Авеллино лежал на спине на окровавленной кровати — своем смертном одре. Рубашка его была разорвана и свисала клочьями, как будто разъяренный медведь вцепился в него когтями. У него больше не было лица — только масса тканей, обнаженные кости и зубы. И у него не было глаз — только что-то похожее на темно-красные бильярдные шары в глазницах.

— На одежде обеих подсудимых обнаружена кровь жертвы. Опять же это может объясняться и тем, что одна из них прикасалась к нему или пыталась привести его в чувство в той темной спальне, не понимая, что он мертв. Вам решать, принимаете ли вы такое объяснение. Одна из подсудимых или обе сразу убили этого человека. Исходом этого дела должно стать то, что должна быть осуждена по меньшей мере одна из них. Но оно может закончиться и осуждением обоих. Улики против Софии и Александры Авеллино совершенно очевидны.

Драйер сделал паузу, указал на фотографию и завершил свою речь торжественным финальным аккордом:

— Я знаю, что некоторые из вас не верят в Бога,

и в зале суда это не имеет абсолютно никакого значения. Но я отказываюсь поверить в то, что любой из вас, взглянув на Фрэнка Авеллино, может сказать, что не верит в зло. Дамы и господа, зло присутствует прямо в этом зале. Вместе с вами. Прямо сейчас. Не позвольте ему безнаказанно выйти сухим из воды.

Глава 29

Кейт

Взяв ручку с синими чернилами, Кейт сделала себе пометку в своем желтом блокноте: «Драйер — эпатажник. Он использует насилие в этом преступлении в своих интересах. Играет на эмоциях присяжных. Воспользуйся этим».

Поднявшись из-за стола, она стала слушать, как судья Стоун представляет ее присяжным в качестве адвоката Александры Авеллино. Речь, которую она так долго репетировала, накрылась медным тазом. Кейт зарубила ее, еще слушая Драйера, — требовалось придумать какие-то другие ходы, и она решила бить обвинение его же собственным оружием.

Наконец Кейт вышла из-за стола и молча

направилась в процессуальную зону суда. Располагалась та в самом центре судебного зала — эквивалент круга подачи на стадионе «Янки». Переплела пальцы и дала рукам свободно упасть вниз. Встала лицом к жюри. Немного выждала. А затем повернулась к судье:

— Ваша честь, при всем моем уважении, я думаю, что присяжные на данный момент уже достаточно насмотрелись на это изображение.

Стоун нацелился указательным пальцем в Драйера, и один из его помощников сразу же выключил проектор, превратив экран в пустой белый холст. Облегчение, отразившееся на лицах некоторых присяжных, было отрадно видеть. Именно такого момента Кейт и ждала, чтобы обратиться к жюри, — ведь, получается, это она избавила их от кошмара на экране.

Драйер хотел, чтобы эта картина буквально выжглась на сетчатке у каждого из присяжных, но он слишком уж долго держал ее на виду, и Кейт воспользовалась этим в своих интересах. Так она и планировала все разыграть. Принимать все подачи Драйера и либо выбивать мяч в аут, либо перекидывать его прямиком клиентке Эдди.

— Господа присяжные, меня зовут Кейт Брукс. Я имею честь представлять здесь Александру

Авеллино.

Кейт умолкла и посмотрела на Александру. Картина на экране довела ее клиентку до слез. Александра сидела, откинув голову, и по лицу у нее текли слезы, которые она промакивала носовым платком. Кейт помолчала еще немного. Она хотела, чтобы присяжные увидели горе ее клиентки. Впитали его в себя точно так же, как эту адскую фотографию обвинения.

— В этом деле вы столкнетесь с целым множеством косвенных улик. Моя клиентка находилась в доме, когда был убит ее отец. Обнаружив тело, она в панике позвонила в полицию и спряталась в ванной, опасаясь, что сестра убьет и ее. Все эти обстоятельства мне не нужно доказывать. Они изложены черным по белому в расшифровке ее телефонного звонка в полицию по номеру «девять-один-один». Прямо перед этим звонком она попыталась спасти своего отца, обнаружив его окровавленным и растерзанным на части, лежащим на кровати. Александра — не зло. Здесь она жертва.

Кейт опять сделала паузу, оглядела присяжных и увидела, что некоторые из них кивают. Пока что все шло лучше, чем она ожидала. А сейчас пора заканчивать, причем на высокой ноте.

— Детство и юность Александры были омрачены потерей близких ей людей. Она потеряла мать, а затем и мачеху при трагических обстоятельствах. Теперь, когда не стало и ее отца, моя клиентка считает, что у нее больше не осталось семьи. Ее сестра теперь ей уже не родня. Она забрала у Александры все. В этом зале находится всего одна убийца, дамы и господа. И это человек с историей тяжелых психических расстройств, с документально подтвержденной историей использования ножей, членовредительства, наркомании и правонарушений. Убийца предстал перед судом. Этим убийцей является София Авеллино, и ваш долг перед моей клиенткой как перед жертвой — оправдать ее и отправить ее сестру туда, где она больше никому не сможет причинить вреда.

Кейт снова сделала паузу и отметила улыбки, кивки и внимание, с которым присяжные смотрели на нее. Контакт начинал понемногу налаживаться, и это было отличное начало.

Бросив взгляд на Блок и увидев, что ее подруга сидит с выражением полного восхищения на лице, Кейт вернулась на свое место.

Блок наклонилась к ней.

— Просто потрясающе!

— Спасибо вам, — прошептала Александра, обняв Кейт со слезами на глазах.

Присяжные, которые наблюдали за каждым моментом этого действа, повернулись к Софии и Эдди Флинну с чем-то похожим на уничижение в глазах.

Глава 30

Эдди

Мне никогда еще не доводилось вставать, чтобы произнести свою вступительную речь перед столь враждебно настроенными присяжными. Они даже не смотрели на меня — они сосредоточились на Софии. Она была похожа на кролика, оказавшегося посреди дороги в свете надвигающихся фар. Застывшего и дрожащего в ожидании, когда его раздавят в лепешку.

Я сказал ей, что все в порядке, и Гарри похлопал ее по рукам. Она распластала обе руки с растопыренными пальцами на столе, одну поверх другой. Пальцы у нее дрожали. Гарри пытался унять их дрожь, хотя на самом-то деле прикрывал их своей ладонью. Беспокойство Софии можно было перевести как страх. Страх человека, который

совершил что-то ужасное и которого только что за этим застигли.

В процессуальную зону я выходить не стал. Кейт только что проделала с нами такой номер, и членам жюри она явно понравилась, так что я не хотел каких-либо сравнений в головах у присяжных. Вместо этого подошел прямо к ним и остановился всего в паре футов от первого ряда. Засунул руки в карманы и задумался о том, что собираюсь сказать.

Речь у меня была заготовлена, но сейчас она звучала у меня в голове плоско и невыразительно. Я не мог ее использовать. Требовалось придумать что-то новое. Кейт села на хвост Драйеру. И каждое его замечание по этому делу собиралась перенаправить на Софию. Легких путей не было. Присяжным в этом деле рассказывали историю. И прямо сейчас им понравилась та, которую они только что выслушали.

Моя история должна быть другой. Должна быть лучше. Кто расскажет лучшую историю, тот и победит.

Я прочистил горло и не спеша посмотрел в глаза нескольким присяжным. Это были люди, которых я отобрал за последние несколько дней. Семь женщин. Пятеро мужчин. А еще запасные

— один мужчина и одна женщина. Большинство женщин в жюри были как минимум лет на десять старше Софии. Все они работали. Уборщица… Водительница развозного фургона… Повариха… Горничная в отеле… Менеджер кофейни… Училка на пенсии… Единственная из присяжных женского пола, которая была примерно на год младше Софии, училась в Нью-Йоркском университете. По крайней мере, она выдержала мой взгляд без вызова и пренебрежения. Судя по всему, эта присяжная еще не определилась.

Мужская часть жюри тоже представляла собой сборную солянку: разнорабочий, телемаркетолог — звучит круто, хотя выяснилось, что этот малый просто садится за телефон и обзванивает первых попавшихся людей, пытаясь втюхать им всякие товары и услуги, — веб-дизайнер и двое начинающих актеров, обслуживающих столики в сетевых ресторанах в ожидании, когда им позвонит мистер Спилберг.

Меня так и подмывало повторить выбранную Кейт линию защиты. Какой бы удар они с Драйером мне ни нанесли, я всегда мог ответить им тем же. Кейт, несмотря на свою неопытность, оказалась настоящим самородком. Пожалуй, даже более серьезным противником, чем Драйер.

Потом я повернул голову к Александре. И присяжные проследили за моим взглядом. Чтобы спасти Софию, мне надо было уничтожить Александру. Этого требовала моя работа. Если присяжные поверят Александре — значит, София в беде. В довершение всего я верил в свою клиентку, что делало убийцей Александру. Я должен был сделать все возможное, чтобы уничтожить ее.

Невиновный должен выйти на свободу. Виновные должны быть наказаны. В совместном судебном разбирательстве этим принципом можно лишь подтереться. Единственным реальным оппонентом является обвинитель — на нем лежит бремя доказывания вины вне всяких разумных сомнений. Если вы упустите это из виду и затеете войну со своим коллегой, тот начнет отбиваться, и вы уничтожите друг друга на глазах у присяжных, которые неизбежно решат, что вы оба лжете. И все это время обвинитель сидит, задрав ноги, и время от времени подливает масла в огонь, чтобы противники, не дай бог, не остыли.

Затеять поединок с Кейт Брукс — лучший способ проиграть это дело. Я верил, что София невиновна, и единственное, что меня заботило на данный момент, — как добиться ее оправдания. Для этого мне требовалось максимально

сосредоточиться на Драйере и игнорировать Александру.

Последняя вытерла покрасневшие припухшие глаза, в которых поблескивали слезы. Со своим деловым костюмом, ухоженными ногтями и пятисотдолларовой стрижкой она выглядела как любая другая успешная и привлекательная манхэттенская дамочка. Она не была похожа на убийцу. И явно дергалась. Одна рука ее потянулась вперед, и я увидел, как Александра коснулась стола защиты, после чего принялась водить по его деревянной поверхности указательным пальцем, описывая маленькие концентрические круги. Нервы, предположил я. Оглянувшись на Софию, я вновь увидел молодую женщину, испытывающую сильную боль и просто пытающуюся держать себя в руках.

Я не мог выполнять работу и прокурора, и защитника. Это просто не мое.

— Дамы и господа присяжные заседатели! В этом деле я представляю Софию Авеллино. Как и Александра, она тоже потеряла отца. Я не стану говорить вам, что убийца находится в этом помещении. Это было бы слишком самонадеянно с моей стороны. Единственные люди, кто может вынести решение по этому делу, — это вы. Каж-

дый из вас в ходе этого судебного разбирательства выслушает доказательства, а потом примет решение касательно вердикта. Я не обязан доказывать вам, что Александра — убийца, равно как и не обязан доказывать невиновность моей клиентки, и любой, кто считает иначе в этом деле, будь то мисс Брукс или мистер Драйер, — ну что ж, они ошибаются.

Доказать свою правоту должно обвинение, хотя знаете что? Обвинитель не собирается объявлять вам, кто убил Фрэнка Авеллино. Мистер Драйер представит доказательства того, что это могла быть любая из подсудимых. И оставит решение на ваше усмотрение. Я говорю, что этого недостаточно, господа присяжные. Вы не можете заполнить пробелы для обвинителя. Он может сказать, что убийство совершили обе женщины, но почему же тогда они с самого начала обвиняли друг друга и вызвали друг на друга копов?

Я сделал паузу и шагнул вперед, чтобы оказаться еще ближе к присяжным. Пока что все получалось. Я задал им вопрос, и, вопреки всем моим надеждам, некоторые из них действительно задумались над ним. Мне требовалось, чтобы они думали, подвергали всё сомнению, а не слепо следовали фактам от других участников

процесса.

— Это ведь не имеет смысла, не так ли?

Двое присяжных помотали головами.

— Возможно, одна из женщин в этом зале действительно убила Фрэнка Авеллино, но прокурор не собирается говорить вам, которая из них. Он хочет, чтобы по возможности осудили обеих. Однако, я думаю, вы понимаете, что это невозможно. И если обвинение, вне всяких разумных сомнений, не докажет, кто конкретно убил Фрэнка Авеллино, тогда вы должны сделать только одно, дамы и господа, — вы должны вынести оправдательный вердикт.

И что касается данного дела, я прошу вас только о двух вещах. Внимательно ознакомьтесь с доказательствами. И если к концу слушаний вы не будете уверены, кто именно убил Фрэнка Авеллино, тогда вы должны оправдать обеих подсудимых, поскольку обвинение не смогло доказать свою правоту и как следует обосновать свое мнение. Спасибо. Я знаю, что могу положиться на всех вас.

Я сел — в лучшей форме, чем когда только встал. Некоторые из присяжных как следует подумают и оценят дело должным образом, и это все, о чем я мог только мечтать.

София наклонилась ко мне со слезами на глазах и решимостью на лице.

— Моего отца убила Александра. Я хочу, чтобы вы проследили за тем, чтобы она поплатилась за это. Не поступайте так.

— София, я пытаюсь спасти вашу жизнь. Позвольте мне делать свою работу.

Она моргнула, и слезы упали на бумаги, разложенные на столе.

— Он был моим отцом. А она убила его. И должна заплатить за это!

Глава 31

Кейт

Вступительная речь Эдди удивила Кейт. Она была уверена, что он собирается взорвать какую-нибудь сенсацию в центре зала суда и посмотреть, как это полностью развалит ее защиту.

Он этого не сделал.

Флинн не собирался преследовать Александру. Это была рискованная стратегия, но вполне разумная. Основывалась она на том, что присяжные серьезно отнесутся к своей присяге и решат, что если так и не получается определить, кто

из сестер настоящая убийца — Александра или София, — то должны вынести оправдательный вердикт обеим. Формально говоря, довод довольно веский.

Блок прошептала:

— Он хорош, но ничего у него не выйдет.

— Почему? — спросила Кейт.

— Присяжные видели эту фотографию с Фрэнком. Если они сочтут, что это сделала одна из сестер, то не покинут этот зал, пока кто-нибудь не заплатит за это.

Кейт кивнула, а затем увидела, как Драйер встает и вызывает своего первого свидетеля.

— Детектив Бретт Сомс, — представил его обвинитель.

Кейт пролистала свой блокнот в поисках записей, отмеченных розовыми липучими закладками. Пока искала нужные страницы, услышала, как Сомс выходит вперед. Она узнала его с той ночи убийства, когда только познакомилась с Александрой в допросной. Тогда на нем была реально жуткая желтая рубашка. Рубашка была настолько ужасной, что прочно застряла в голове — настолько отстойной она была.

Сомс был высок, лет пятидесяти пяти, с густыми седеющими волосами. Желтой рубашке был

предоставлен выходной, но замена выглядела ненамного лучше. На нем были темно-синий костюм и зеленая рубашка с галстуком в бело-голубую полоску. Смотрелся этот ансамбль несколько диковато. Кейт даже подумала, уже не дальтоник ли он. Когда Сомс поднял со стола Библию, Кейт заметила на безымянном пальце его левой руки вдавленный беловатый след. До совсем недавнего времени детектив постоянно носил обручальное кольцо. Логично — ни одна супруга не позволила бы своему мужу выйти из дома в подобном костюме и галстуке.

Как только Сомса привели к присяге, судья Стоун предложил ему сесть, а затем не спеша убедился, что у детектива есть вода и все остальное, что ему требуется, чтобы удобно устроиться на свидетельской трибуне.

Чтобы дать свидетелю немного освоиться, Драйер задал ему несколько простых вопросов касательно стажа службы в полиции и его опыта в качестве детектива. Опыта Сомсу было не занимать. Он проработал в отделе убийств почти пятнадцать лет. Это было его далеко не первое судебное родео.

— Детектив, как и при каких обстоятельствах полиция впервые узнала об этом преступле-

нии? — перешел к делу Драйер.

— Обе обвиняемых позвонили в службу «девять-один-один» со своих мобильных телефонов, — ответил Сомс. Произнося эти слова, он повернулся к присяжным, адресуя им свой ответ. Он не улыбался, даже не пытался выглядеть дружелюбным по отношению к ним. Сомс показался Кейт честным полицейским, который оказался здесь, чтобы просто выполнять свою работу и рассказывать все как есть. Не свидетель, а просто мечта с точки зрения обвинения.

— Ваша честь, я думаю, что в данный момент было бы разумно дать присяжным послушать эти звонки в службу спасения, — предложил Драйер.

— Я согласен — а как вы, детектив, не против? — отозвался судья.

Кейт никогда еще не видела, чтобы судья был настроен настолько прополицейски. Ты можешь получить сколь угодно высокие оценки на экзамене в адвокатуру, можешь знать назубок все законы и прецеденты и успешно пройти через все инсценированные судебные процессы, которые тебе там устраивают, но ничто не подготовит тебя к чему-то подобному. Даже если твои аргументы абсолютно точны с точки зрения фактов и закона, ты все равно можешь проиграть перед предвзя-

тым судьей. Таким был теперь реальный мир.

Драйер дал знак одному из своих ассистентов, а Кейт отложила ручку и прислушалась, пока с громким «пум!» не включилась система громкой связи и не стала проигрываться первая запись.

Это был вызов, сделанный Александрой.

Блок открыла скоросшиватель и принялась читать расшифровку параллельно с аудиозаписью. Александра натужно сглотнула и закрыла глаза, услышав свой собственный голос и страх, который сквозил в каждом ее слове, как толстая золотая жила в гранитной скале.

Присяжные тоже слушали, и Кейт внимательно наблюдала за ними. Они впитывали каждое слово.

Запись драматично оборвалась, когда диспетчер потерял Александру на линии, не зная о ее судьбе.

— И второй звонок, пожалуйста, — попросил Драйер.

Это был вызов Софии, который поступил в службу «911» почти через минуту после звонка Александры. Дрожь в голосе Софии показалась Кейт вполне реальной. Если б ей пришлось оценивать оба звонка, она бы сказала, голос Софии по телефону был более напуганным.

Закрыв скоросшиватель с расшифровками обоих звонков, Блок скрестила руки на груди и откинулась на стуле, наверняка придя к такому же выводу. Голос Софии звучал более правдоподобно.

Впрочем, Кейт не сомневалась, что страх ее клиентки в тот момент тоже был вполне реальным — это просто означало, что София лучше умела притворяться.

— Детектив Сомс, вас вызвала на место происшествия группа быстрого реагирования полиции Нью-Йорка?

— Да, — ответил тот. — Бойцы группы уже оценили дом и непосредственно место преступления. Учитывая, что обе находящиеся в доме женщины были все в крови и обе утверждали, что убийство совершила другая, сотрудники полиции, прибывшие на место происшествия, взяли обеих под стражу. Когда я сам прибыл туда, обе подсудимые уже были задержаны и им зачитали их права. Затем я поговорил с обеими женщинами.

Ручка Кейт, которая летала над блокнотом, фиксируя каждое слово показаний детектива Сомса, внезапно замерла на месте.

До этого он не сообщал о каких-либо разговорах с обвиняемыми на месте преступления. Этого

не было в его письменных показаниях, предоставленных защите. Это было что-то новенькое. Она бросила взгляд на Эдди и увидела, как у него сжались челюсти и заиграли желваки. Он тоже не ожидал чего-то подобного.

Они с ним оба оказались на неизведанной территории.

— С кем из сестер вы поговорили первой? — спросил Драйер.

— Я поговорил с Александрой Авеллино.

— И что она вам сообщила?

Прежде чем отвернуться от Драйера и огласить свой ответ присяжным, Сомс мельком глянул на Кейт. Она сразу же поняла, что дело плохо.

— Могу я свериться со своими записями? — спросил он.

Судья и Драйер кивнули. Сомс полез в карман пиджака и достал свой рабочий блокнот. Копию записей в нем Кейт не предоставили, и она сомневалась, что Эдди их тоже видел.

— Александра сказала: «Арестуйте эту суку. Она убила моего отца. Она убьет меня». Я записал это, а затем поговорил с Софией Авеллино.

— И что сказала София Авеллино?

— Она сказала: «Вы должны арестовать Александру, это ее рук дело. Она — зло. Она разрушила

всю мою жизнь».

Драйер кивнул.

Все оказалось не так плохо, как поначалу подумалось Кейт. Обвинения вроде как отменяли друг друга — но только пока что.

— Прежде чем мы поговорим о месте преступления: я заметил, что, когда вы разговаривали с обвиняемыми на месте преступления, ни София Авеллино, ни Александра Авеллино так и не спросили о состоянии их отца. Вы сказали кому-нибудь из них, что он мертв?

— Нет, не говорил.

— И в какой-либо момент, будь то на месте преступления или в отделе полиции во время допроса, интересовались ли София Авеллино или Александра Авеллино текущим состоянием здоровья их отца, насколько вам известно?

— Нет, сэр. Не интересовались. Думаю, они уже знали, поскольку…

— Возражаю, — перебила его Кейт. — Предположения данного сотрудника полиции не являются доказательством. Он выступает здесь не в роли свидетеля-эксперта.

Кейт уже согнула колени, собираясь опуститься на свое место — ее возражение было четким, точным и стопроцентно обоснованным, когда

она услышала ответ судьи Стоуна:

— Отклоняется.

Кейт опять выпрямилась.

— Ваша честь, свидетель высказывает предположения касательно…

— Мисс Брукс, — перебил ее Стоун, — я понимаю, что вы не слишком хорошо знакомы с судебной процедурой, но решение касательно вашего возражения принято окончательно и обжалованию не подлежит. Это очень опытный детектив из отдела по расследованию убийств, который, вне всякого сомнения, присутствовал на сотнях мест серьезных преступлений и беседовал с тысячами людей на этих местах в течение своей выдающейся карьеры. Если он желает высказать свое мнение по этому вопросу, суд это только приветствует.

Кейт почувствовала себя пятилетней соплячкой. Знать правила и ожидать, что судья будет соблюдать их в реальном мире, — это две совершенно разные вещи. Ей придется быстро учиться.

— Простите, детектив, не могли бы вы повторить свой ответ? — попросил Драйер.

— Да. Всякий раз, когда мы разговариваем с родственниками жертвы, они, по моему опыту,

обычно хотят знать, жив ли еще близкий им человек. И не важно, насколько серьезно он ранен — это всегда первое, о чем они спрашивают. Они очень надеются, что их любимый человек все-таки выжил. В данном случае было необычно, что никто из сестер не спросил, жив ли еще Фрэнк. Очень необычно. Я думаю, это потому, что обе уже знали, что он мертв.

— При обоих звонках в службу спасения они сообщили, что на их отца напали. Они не сказали, что он мертв, это верно?

— Верно. Они также должны были знать, что все звонки в службу «девять-один-один» в обязательном порядке записываются.

— А во время этих звонков они говорили, что требуется медицинская помощь?

— Да, обе просили прислать «скорую».

— И все же не спросили о состоянии своего отца, когда прибыли полиция и «скорая»? Почему так?

— Потому что уже знали, что он мертв, — ответил Сомс.

— Как вы думаете, почему они знали, что он мертв?

— Один из способов это узнать — проткнуть ему оба глаза двенадцатидюймовым ножом. Этого вполне достаточно.

Кейт выступила с возражением, и на сей раз судья кивнул.

— Давайте продолжим, хорошо? Я бы хотел, чтобы на экран вывели фото «е-три-восемь», пожалуйста, — попросил Драйер.

Вскоре на экране появилась очередная картинка из фильма ужасов. Более общий снимок обезображенного трупа Фрэнка Авеллино, лежащего на спине в собственной кровати.

— Не могли бы вы описать нам место происшествия, детектив?

— Это главная спальня на втором этаже дома покойного на Франклин-стрит. Фотография сделана от двери, выходящей в коридор. Когда прибыла группа быстрого реагирования, свет в этой комнате не горел — они включили его, когда увидели темные пятна на ковре вокруг кровати. Вы можете видеть на нем множество следов. Одни из них принадлежат патрульному Джейкобсу, на нем были стандартные форменные ботинки полиции Нью-Йорка. Подошва характерная, поэтому мы можем легко отличить их на подобном месте преступления. Джейкобс пощупал пульс у жертвы, но не обнаружил его. Другие кровавые следы, окружающие кровать, принадлежат Софии Авеллино и Александре Авеллино.

Внимание присяжных было сосредоточено на Сомсе, и лишь немногие из них время от времени бросали взгляд на фотографию на экране.

— Не могли бы вы описать, в каком состоянии находилось тело Фрэнка Авеллино, когда вы прибыли туда?

Откашлявшись, Сомс отпил глоток воды, прежде чем заговорить. Как будто готовился к тому, что вот-вот должно произойти.

— Мой напарник, детектив Айзея Тайлер… Мы вместе уже пять лет и кое-что повидали на своем веку. Но только не нечто подобное. Тайлер увидел тело и был вынужден покинуть комнату. От крови и тела исходил очень сильный запах. Мы уже привыкли к этому, но не привыкли видеть столь обширные раны на теле жертвы. Сначала я подумал, что жертва застрелена в упор из дробовика. Затем, подойдя ближе, увидел, что это не огнестрельное ранение. Это были отдельные удары ножом с длинным лезвием. В основном колотые раны, и, насчитав около сорока, я сбился со счета. Имелись также и резаные раны. Как вы здесь видите, у жертвы отрезана часть носа, есть горизонтальные порезы поперек горла и…

Сомс на секунду примолк, опустил взгляд, а затем опять поднял его и продолжил:

— …и грудины. В обеих глазных впадинах — колото-резаные раны, а в глазах были кровоизлияния с бильярдный шар из-за обширных повреждений. Мне показалось, что любое из этих ранений могло оказаться смертельным. Тем не менее убийца продолжал увечить уже мертвое тело. Также были обнаружены еще две раны, имеющие важное значение для следствия.

— Какие именно?

— Прежде всего ножевое ранение в грудь, из которого, как я заметил, торчал длинный каштановый волос. И еще след от укуса на груди у жертвы.

— Сначала расскажите нам о ножевом ранении, — попросил Драйер.

— Я воспользовался пинцетом и осторожно вынул этот волос, пока криминалист осматривал место преступления и фотографировал его. Волос застрял глубоко в ране, о чем вы можете судить по следам крови на его последних двух дюймах. Волос был сразу же убран в пакет для улик и отправлен на дальнейшую экспертизу.

— А след от укуса?

— Он был сфотографирован и в дальнейшем тоже изучен экспертами, насколько мне известно.

Драйер перелистал страницы с записями на

своем столе.

— Исходя из вашего опыта работы детективом отдела по расследованию убийств полиции Нью-Йорка, взялись бы вы утверждать, что все эти повреждения были нанесены одним человеком?

— Невозможно сказать. Это мог быть один нападавший, или двое, или трое… Судя по всему, использовался один и тот же нож. Нож, который мы нашли на полу, возле кровати.

— Вот этот? — спросил Драйер, поднимая над головой кухонный нож, завернутый в пластик.

— Это тот самый нож.

— И последний вопрос. Имелись ли на теле убитого какие-либо раны, полученные при самозащите? Наличествовали какие-то признаки того, что он боролся с нападавшим или пытался защититься?

Сомс повернулся к присяжным и сказал:

— Нет. При нападениях с применением ножа мы иногда видим раны на руках или предплечьях. У данной жертвы их не было. Потерпевшего застали врасплох и, вероятно, сразу нанесли смертельный удар ножом, прежде чем он смог предпринять защитные действия.

— Спасибо, детектив Сомс.

Кейт быстро поднялась со своего места. Многие

из упомянутых улик можно было прямо сейчас не оспаривать, но часть из них она просто не могла оставить без внимания, и с ними требовалось разобраться немедленно.

— Детектив, показания, полученные от Софии Авеллино и Александры Авеллино непосредственно на месте преступления, вы записали в свой блокнот. Однако не упомянули об этом в своих собственных показаниях. Почему?

— Мой аффидевит[98] составлен на основе предпринятых мною следственных действий. Эти показания внесли в протокол, когда обе подсудимые были взяты под стражу. Мне не нужно было упоминать о них в своем аффидевите, поскольку они были в точности зафиксированы в момент регистрации задержанных.

У Кейт перехватило дыхание. С этим вопросом она явно облажалась. Он оказался слишком расплывчатым. Она попросила объяснений и получила их. Присяжные наверняка и не поняли, к чему это подводило. Можно было бы управиться и получше. Кейт тщательно обдумала следую-

---

[98] notes: 98

Аффидевит — письменные показания лица, выступающего в роли свидетеля, которые при невозможности его личной явки даются под присягой и удостоверяются нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

щий вопрос и сформулировала его в уме, прежде чем открыть рот.

— При виде этой фотографии разве не очевидно, даже для близкого человека, что Фрэнк мертв? — спросила она.

— Не могу сказать, — ответил Сомс.

— Он выглядит мертвым, детектив, не так ли?

— Скорее тяжелораненым. Никто не мог бы сказать, что эти раны смертельны, просто взглянув на него. Обе обвиняемые просили вызвать «скорую», когда звонили в службу «девять-один-один», — официальным тоном ответствовал Сомс.

— И моя клиентка, и София Авеллино подходили к нему и прикасались к нему. Разве не могли они сразу понять, что он мертв?

— Могли. Но тогда зачем было просить «скорую», набрав «девять-один-один»? Это не имеет смысла.

— Если они держали его и думали, что он уже умер от тех ужасных ран, это объяснило бы, почему Александра не спросила у вас, мертв ли ее отец, не так ли?

— Возможно.

— Так оно и есть, так ведь? — спросила Кейт, настаивая на более точном ответе.

— Это одно из объяснений, но мне в это не особо верится, — сказал Сомс, и Кейт подумала, что это лучшее, чего она могла от него добиться. — Другое же заключается в том, что ваша клиентка знала, что Фрэнк мертв, потому что довольно долго кромсала его ножом, — добавил он.

Кейт кивнула и, возвращаясь на свое место за столом защиты, заметила, как двое или трое присяжных с любопытством смотрят на Александру. Это был взгляд, полный удивления и отвращения. Она только что потеряла нескольких присяжных из-за Сомса. Все будет сложней, чем она думала.

Глава 32

Эдди

У меня возникло искушение вообще ни о чем не спрашивать Сомса. Его показания нанесли кое-какой ущерб обеим подсудимым, но не слишком серьезный. Кейт сделала все возможное, чтобы свести этот ущерб к минимуму, но ее вступительный вопрос был недостаточно жестким. Не ее вина. Некоторым свидетелям нужен более строгий поводок, чем прочим, и вы не можете этого знать, пока не зададите свой первый вопрос.

Многолетний опыт может дать вам некоторое преимущество, но Кейт справлялась с этим делом лучше, чем я сам во время своего первого в жизни слушания по делу об убийстве.

Я встал и решил, что все-таки стоит еще немного потрясти дерево. Посмотрим, что оттуда вытряхнется.

— Детектив Сомс, когда подсудимые давали вам эти показания на месте преступления, я полагаю, обе уже были задержаны и им зачитали их права, прежде чем задавать им какие-то вопросы?

— Конечно, — ответил Сомс.

Даже если это было не так, подобный ответ вы получили бы от любого копа в городе, задав этот вопрос. Ни один коп не признает, что подозреваемый сказал что-то важное, не будучи предварительно ознакомлен со своим правом хранить молчание. Если права еще не были зачитаны, то таким показаниям грош цена на суде. Сомс никогда не признался бы в том, что разговаривал с подозреваемым, не зачитав ему права по правилу Миранды.

— Вы уверены, что обе подсудимые были официально задержаны и ознакомлены со своими правами еще до того, как вы побеседовали с ними на месте преступления?

— Уверен на все сто процентов, — не без удовлетворения ответил Сомс, с самодовольной ухмылочкой адресуя этот утвердительный ответ присяжным. Он и не подозревал, что только что преподнес мне свое сердце на блюдечке с голубой каемочкой. Я пока не стал вырывать его у него из груди. Надо было дождаться подходящего момента.

— Детектив Сомс, вы считаете заявления, сделанные подсудимыми на месте преступления, важными, не так ли?

— Верно.

— Я так и думал. Вы вроде намекаете на то, что, поскольку Александра и София не спросили у вас, жив ли еще их отец, это означает, что они убили его?

— Это вполне логичное заключение.

— Позвольте вам напомнить, что обвинение настаивает на наличии улик сразу против обеих подсудимых. Если одна из них делает вам важное заявление на месте преступления, разве это не является жизненно важным доказательством для обвинения?

— Является.

— Вы знали, что эти показания важны, когда записывали их в свой блокнот на месте преступ-

ления, не так ли?

— Думаю, что да.

— И учитывая, что они так важны, вы даже не подумали включить этот момент в свой аффидевит или передать копии вашего блокнота прокурору, чтобы те могли быть переданы командам защиты?

— Я передал всю существенную информацию в офис окружного прокурора.

— Но не копии существенных страниц из вашего блокнота?

Он примолк.

Если Сомс солжет и ответит «да», то рискует подорвать доверие к обвинителю; если скажет правду, то явно и понятия не имеет, в какой тупик я его завожу.

— Должно быть, я забыл про эти свои записи… Не думаю, что я передавал копию в офис окружного прокурора.

— Не думаете? Бывший мэр Нью-Йорка лежит мертвый, растерзанный на куски в своей собственной спальне, у вас под стражей двое подозреваемых, которые, по вашим словам, обе сделали важные заявления, и вы не думаете, что передали кому-то записи с этими заявлениями? Либо вы их передали, либо нет. Так что?

Сомс откашлялся, попытался было напустить на себя прежний самодовольный вид, чтобы вернуть почву под ногами, а затем посмотрел на присяжных и пробурчал:

— Я этого не сделал.

Настал мой черед ткнуть на паузу. Позволить всему этому отложиться в головах у присяжных. Вообще-то мелочь, но я хотел, чтобы коп немного помариновался.

— Вы не знакомы с основами следственных действий, детектив Сомс?

На сей раз он не потрудился перевести взгляд на присяжных, давая ответ, а выпалил его прямо мне, уже явно разгорячившись:

— Мой послужной список говорит сам за себя. В моем отделе один из самых высоких показателей раскрываемости убийств в этом городе — да и в любом другом городе, раз уж на то пошло.

— Тогда, как опытный и талантливый дознаватель, вы не допустили бы такой элементарной ошибки, не передав важную информацию в офис окружного прокурора?

— Я полагаю…

— Детектив, выходит, что заявления, сделанные обвиняемыми на месте преступления, не имеют никакого значения, не так ли?

— Еще как имеют. Александра и София не спросили, жив ли их отец, потому что обе знали, что он уже мертв — потому что они были *чертовски уверены*, что он мертв!

— Есть и еще одна причина, по которой ни одна из обвиняемых не поинтересовалась, жив ли их отец, не так ли?

— Я ничего подобного не вижу. За все мои годы работы детективом в отделе по расследованию убийств такого никогда еще не случалось.

— Ранее вы подтвердили, что перед допросом обвиняемых на месте преступления им зачитали их права, помните?

— Помню. И совершенно в этом уверен. Права им точно зачитали.

— Подозреваемым зачитывают права только после их официального задержания, так?

— Так, — сказал Сомс, которому все это уже явно надоело.

Я взял страницу из приложений к обвинительному акту и через секретаря передал ее детективу.

— Взгляните, пожалуйста, на этот документ. Это протокол задержания. Задержание проводил патрульный Джейкобс?

— Верно, — подтвердил Сомс.

— И обе подсудимые были задержаны по одному и тому же подозрению?

— Да, — подтвердил он, уже понимая, к чему это может привести.

Пора было вывести его на чистую воду.

— Согласно данному протоколу, патрульный Джейкобс задержал обеих подсудимых по подозрению в убийстве. Может, именно тогда они и поняли, что их отец мертв?

Сомс сглотнул, и кадык у него на горле запрыгал вверх-вниз.

— Вас не могут задержать по подозрению в убийстве, если нет трупа, верно?

Он ничего не ответил. В ответе не было необходимости.

— Детектив, улик против этих подсудимых кот наплакал. И вы с прокурором хватаетесь за тонкую соломинку, пытаясь подвести под это дело доказательную базу — разве не это здесь на самом деле происходит?

Сомс откашлялся, отпил воды, наклонился к микрофону и произнес:

— Нет, сэр.

Именно Сомс и выудил тот волос из глубокой раны на груди у Фрэнка Авеллино. У эксперта по волосяным волокнам и детектива Тайлера

нашлось бы больше что сказать по этому поводу, но мне просто требовалось окончательно разделаться с Сомсом.

— Вы показали, что извлекли из раны на груди у жертвы какой-то волос, детектив. Вы ведь не эксперт по волосяным волокнам, насколько я понимаю?

— Нет, сэр, для этого у нас есть профессор Шандлер.

— Хорошо. На этом всё.

Драйер даже не пытался исправить какие-либо повреждения, хотя вообще-то мало что мог сделать. Для меня все и вправду выглядело так, будто окружной прокурор наскреб по сусекам любые ошметки улик, которые могли хотя бы теоретически свидетельствовать о виновности обеих девушек, — и теперь все, что можно было обернуть в пользу обвинения, намеревался бросать в нас вместе со всем прочим, что подвернется под руку.

— Народ вызывает детектива Айзею Тайлера, — объявил Драйер.

Сомс покинул свидетельское место и обменялся с Тайлером не более чем взглядом. Это было предостережение: мол, давай поосторожней. Тайлер был намного моложе и вспыльчивее Сомса.

Более легкая добыча для ловкого адвоката.

Тайлер был одет во все черное, как и подобало случаю: рубашка, галстук, костюм, туфли… Произнеся слова присяги, он вольготно устроился на свидетельской трибуне.

— Детектив Тайлер, это вы проводили расследование в отношении жертвы и его семьи? — начал Драйер.

— Да, я, — подтвердил Тайлер. — Мы с напарником разделили нагрузку по этому делу. Так вышло, что в ночь убийства мне позвонил адвокат по имени Майк Модин. В субботу. И сказал мне, что на понедельник у него назначена встреча с жертвой, чтобы обсудить изменения в завещании.

— Вы получили копию этого завещания?

— Получил. В качестве душеприказчика по этому завещанию указан Хэл Коэн. Мистер Коэн был руководителем предвыборной кампании и другом жертвы. Он и предоставил мне копию последнего завещания. В материалах дела оно отмечено как вещественное доказательство номер шесть.

Возникла пауза, пока присяжные, у которых теперь появилась причина открыть лежащие перед ними бумаги, торопливо искали нужный

документ и приступали к чтению.

— Этому завещанию уже пять лет, не так ли? — спросил Драйер. Он направлял свидетеля, но я не стал вылезать с возражением. Нарушение было чисто формальным, и он просто экономил нам время.

— Совершенно верно. Данное завещание было составлено в две тысячи четырнадцатом году в офисе мистера Модина.

— В чем суть этого завещания, детектив?

— В завещании указаны некоторые благотворительные пожертвования на общую сумму в миллион долларов, а затем оставшееся имущество покойного делится поровну между его дочерьми Александрой и Софией Авеллино.

— Вам удалось определить стоимость наследственного имущества Фрэнка Авеллино?

— Да, мистер Коэн провел такую оценку для целей налогообложения. Общая стоимость имущества составляет сорок девять миллионов долларов. После уплаты налогов и благотворительных пожертвований остаток составляет сорок четыре миллиона долларов.

Кто-то в толпе позади нас восхищенно присвистнул. Судья, должно быть, не услышал этого, поскольку не стал делать замечаний людям на

местах для публики. При этой цифре по залу пронесся глухой ропот, послышались перешептывания, кто-то резко втянул ртом воздух. Может, даже кто-то из присяжных. И вправду — просто хренова туча бабла по любым меркам.

— Итак, из звонка мистера Модина мы знаем, что покойный хотел внести изменения в свое завещание и с этой целью договорился встретиться с мистером Модином в понедельник утром. Вы в курсе, какие изменения покойный собирался внести?

— Не могу сказать с полной определенностью. Однако у нас есть основания полагать, что на момент смерти покойный находился под ненадлежащим влиянием.

— Что вы понимаете под ненадлежащим влиянием?

— Фрэнка Авеллино одурманивали психотропным препаратом без его ведома. Мы полагаем, что, судя по типу использованного препарата, целью было в какой-то мере установить контроль над мистером Авеллино и его деньгами.

Присяжные подались вперед. В этот момент я не мог не глянуть на Софию. Ее рука метнулась к открывшемуся рту, она повернулась и с болью и обидой посмотрела на свою сестру. Мы уже

рассказали ей о подобных предположениях и токсикологическом отчете. Хотя одно дело узнать об этом от своего адвоката и совсем другое — услышать, как об этом объявляется на открытом судебном слушании под протокол.

Александра опустила голову, ее плечи тряслись от рыданий.

Драйер не спеша провел Тайлера через результаты токсикологической экспертизы, сделав кое-какие пояснения для присяжных — что галоперидол представляет собой антипсихотический препарат, который при применении в правильных дозах делает людей послушными, внушаемыми и легко управляемыми.

— Детектив, вы сказали, что жертву одурманивали этим веществом без ее ведома, но почему вы так говорите? Не мог ли Фрэнк Авеллино сам принимать его?

— Я так не считаю. Из его медкарты следует, что это не было лекарством из тех, которые ему прописывали. Кроме того, в течение нескольких месяцев, предшествовавших его смерти, он посещал своего семейного врача, поскольку испытывал симптомы, которые могли указывать на раннюю стадию деменции. Что могло быть связано и с тем, что препараты, поступавшие в

организм мистера Авеллино, вызывали симптомы старческого слабоумия. Врач порекомендовал провести МРТ и наметил это исследование на декабрь. Мистер Авеллино так его и не дождался.

— Если кому-то дают галоперидол без его ведома, о чем это вам говорит? — спросил Драйер.

— Что кто-то хотел взять Фрэнка Авеллино под свой контроль. Чтобы, скажем, убедить его подписать доверенность или…

Меня прошиб холодный пот. Драйер явно клонил к чему-то, чего я не предвидел. Открыв нужную страницу в предоставленном обвинением скоросшивателе, я еще раз просмотрел документ. Драйер уже подбирался к нему, и Тайлер открыл дверь чуть шире, чтобы впустить его. Обвинитель указал присяжным и свидетелю на ту же страницу.

— Детектив, что за документ зарегистрирован как вещественное доказательство номер двести двадцать восемь?

— Это доверенность, оформленная пятнадцатого сентября. Она предоставляет назначенным ею представителям полномочия распоряжаться всем имуществом и делами мистера Авеллино.

— Какие там указаны полномочные представители мистера Авеллино?

— Это мистер Хэл Коэн и мисс Александра Авеллино, — медленно и с расстановкой произнес Тайлер.

Фрэнк Авеллино
Запись в дневнике,
15 сентября 2018 г.

Я больше не знаю, чему верить. Либо я схожу с ума, либо кто-то пытается меня убить.

В некотором смысле я вроде как даже надеюсь, что кто-то заказал меня. Это лучше, чем сумасшествие. С заказухой я уж как-нибудь разберусь. Джимми может позаботиться об этом.

Сегодня утром я разговаривал с Джимми, и он сказал, что я параноик. Что никто не посмеет заказать меня. И ни одной банде не придет в голову ограбить меня, одного из его старых друзей. Мол, ничего такого и быть не может. Типа как я просто впадаю в маразм на старости лет.

Я убежден, что он ошибается. Я уже нанял частного детектива, чтобы присматривать за теми, кто следит за

мной. Хэл считает, что это пустая трата времени и денег, но мне стало легче. Частный детектив, крупный малый по фамилии Бедфорд, сказал мне, что я его даже не увижу. И впрямь: с тех самых пор, как две недели назад он приступил к работе, я его так ни разу и не видел. Это не помогло. Мне кажется, что, может, он вообще за мной не присматривает – может, он сейчас дома, в своей постели, смотрит телевизор и думает, что я просто еще один старый хрен, страдающий паранойей… Но я-то видел, как тот байкер следил за мной!

А потом, выйдя из ресторана, я остановился на тротуаре и заметил, что у меня развязался шнурок на ботинке. Я опустился на колено и, черт возьми, простоял там, наверное, минут десять и никак не мог вспомнить, как завязывается этот сраный шнурок. Просто стоял на одном колене, держа его концы в руках, и смотрел на свой коричневый ботинок, пока слезы не закапали на его кожаный носок.

Потом я просто затолкал концы шнур-

ков внутрь ботинка по бокам и поехал домой на такси.

22:00

Сегодня вечером я не был голоден. Только что сделал себе сэндвич.

Суп, который София приготовила вчера, все еще в холодильнике. Рядом с ним лежит рагу, которое Александра прислала из кулинарии. Я сделал себе сэндвич с арахисовым маслом и джемом, налил стакан молока и посмотрел новости. Сегодня вечером чувствую себя получше. Впервые за несколько дней у меня прояснилось в голове.

Позвонили из детективного агентства. Я сказал им, что Бедфорд не связывался со мной ни по телефону, ни по смс. Нет, я не знаю, где он сейчас, – он сказал мне, что я его не увижу, ради всего святого! Утром назначат нового оперативника.

Бедфорд пропал. В новостях появилось обращение полиции с просьбой предоставить информацию.

Сейчас я в постели. Не могу уснуть. Головная боль не проходит.

И какое-то неприятное ощущение в животе. Я позвонил Александре, оставил сообщение. Позвонил Софии, она взяла трубку и сказала, что завтра придет навестить меня…

Глава 33

Она

Несмотря на все ее приготовления, как физические, так и психологические, ничто не подготовило ее к тому чувству, которое она испытала при виде окровавленного трупа отца, распластанного на всю ширину большого проекционного экрана. Она не оставляла себе каких-то трофеев со своих убийств — чего-то способного напомнить о тех моментах изысканного удовольствия. При виде этих фотографий внизу живота разлилось томительное тепло, сердце затрепетало в груди.

Она почти ощутила вкус его плоти.

Это чувство накрыло ее с головой. Она попыталась припомнить песню, которая тогда звучала у нее в ушах, — ритмы этой песни рассеяли бы острое возбуждение, охватившее весь ее организм. И тут заметила, что ее правая рука касается

стола — указательный палец скользит по царапинам и выбоинам, оставленным тысячами тяжелых скоросшивателей с металлическими уголками. Она резко убрала руки и положила их себе на колени.

День прошел нормально. Как и ожидалось. Детектив Тайлер в своих показаниях несколько преувеличил действие галоперидола. Это не то средство, которое делает людей полностью послушными — в некотором смысле отец стал даже еще более упрямым и несговорчивым, — но он все-таки подписал эту доверенность. Еще несколько месяцев яда в пище и яда в ушах окончательно настроили бы его против ее сестры. Тогда *она* убедила бы его изменить завещание, а затем позволила ему уйти, аккуратно увеличивая дозу. Сам по себе этот препарат не смертелен, но в достаточном количестве способен привести к остановке дыхания или сердца. Ни один судмедэксперт или патологоанатом не усмотрел бы тут ничего, кроме дыхательной или сердечной недостаточности, вполне объяснимых у мужчины в возрасте ее отца.

Проблема была в том, что она недооценила его.

Если б она уделяла отцу больше внимания, то

не пришлось бы сдвигать планы и ускорять события. Почему-то где-то в глубине души думалось, что он всегда знал о ней. Отец видел тот след от укуса на ноге у матери и скрыл его. Может, сам того не сознавая, не желал взглянуть суровой правде в глаза. Ее натура привела бы в ужас любого родителя. И все же он никогда не высказывал ей никаких претензий, хотя и не смог жить ни с кем из них после смерти их матери — отослал из дома обеих сестер.

Она чувствовала, что в первые годы после смерти матери отец подозревал их обеих. Он знал, что одна из них укусила Джейн, хотя никогда и словом об этом не обмолвился. Наверное, из чувства стыда. Когда *она* окончила среднюю школу, Фрэнк вроде забыл об этом — или, по крайней мере, задвинул свои сомнения куда-то в самую глубину головы.

Хотя четыре года назад, когда она скормила три флакона оксиконтина второй его жене, Хизер, Фрэнк должен был бы понять, что абсолютно ничего не изменилось. Что его дочь ничуть не изменилась. Впрочем, у Хизер хватало собственных проблем, и наркозависимость занимала среди них отнюдь не последнее место. Так что версия смерти от случайной передозировки его вполне

убедила — как, впрочем, и власти.

А вот Хизер убеждению не поддавалась. Поначалу.

Она явилась в семейный дом, зная, что Фрэнка нет в городе и что Хизер будет там в полном одиночестве. И что будет беспробудно пить, параллельно закидываясь «колесами» для большего кайфа. Хизер уже нализалась настолько, что не могла удержать стакан, но добавленные в ее водку с содовой таблетки оксиконтина, растолченные в порошок, так и не сделали своего дела. В какой-то момент пришлось удерживать ее и через засунутую в горло резиновую воронку влить ей в желудок приправленную окси бутылку шабли.

Она оставалась с Хизер, пока та тихо умирала, а затем той же ночью убрала все следы своего присутствия в доме, прежде чем оставить мачеху, чтобы ее нашел отец, который должен был вернуться только на следующей неделе. В доме еще довольно долго сохранялся этот запах — Хизер умерла в самый разгар лета. После похорон Фрэнку пришлось нанять дорогостоящую бригаду дезинфекторов, чтобы избавиться от запаха гниющей плоти своей второй супруги.

На похоронах Хизер она в последний раз и ви-

дела свою сестру. Они стояли по разные стороны еще не закопанной могилы. Отец стоял между ними в изголовье. Голова у него была опущена, слезы капали на гроб. Сестра не смотрела на нее. Сестра винила ее во всем. *Она* подозревала, что та просто втайне завидует ей. Ее силе. Ее готовности делать все, что потребуется, дающей ей эту силу. А вот сестра была слабой. Всегда была. Даже когда они были маленькими, ею всегда можно было манипулировать. Пообещать конфету или книгу. И тогда она делала то, что ей говорили. Даже очень плохие вещи. Разница была в том, что, когда матери удавалось ее за этим застукать, сестра все плакала и плакала навзрыд.

Сестра плакала и в тот день, когда мать рассталась с жизнью на лестнице, и, насколько *она* могла судить, с тех пор и не переставала лить слезы. Некоторым поступкам нет прощения. Они пятнают душу, оставляют на ней неизгладимый след. *Она* поняла это в тот день, когда ее зубы впились в кожу матери. Мать не вскрикнула, не вздрогнула и не отстранилась. Хотя подспудно промелькнула мысль: может, мама еще жива? Может, какая-то часть ее мозга пока что не отключилась после перелома позвоночника? Та часть мозга, что позволяла матери оставаться

в сознании и чувствовать боль от маленьких зубок, впившихся в кожу? *Она* понимала, что это маловероятно, но восторженное возбуждение при мысли, что мать может это почувствовать, делало этот поступок еще более важным, еще более значительным.

Она слушала, как адвокаты сражаются сначала с детективом Сомсом, а затем с детективом Тайлером.

Ничего из этого не имело значения.

Ее сестру осудят. А она выйдет на свободу.

В этом не было никаких сомнений.

Подобные мысли рассеялись, вернув ее в зал суда. Опустив взгляд, *она* опять поймала себя на том, что оглаживает пальцами стол. Быстро убрала руки, зажала их между бедер и осторожно огляделась по сторонам.

Непонятно, видел ли ее кто-нибудь. Хотя не важно.

Судьба сестры уже решена.

Скоро ничто не будет стоять между *ней* и состоянием ее отца.

Всем состоянием до последнего цента. И все-таки дело не в деньгах. Дело в том, чтобы не позволить и сестре наложить на них лапу. Деньги — это еще и власть. Сестра была единственной,

кто знал ее истинную природу. Так и должно было случиться — то, что сейчас судят их обеих. Убийство сестры, а затем и отца вызвало бы слишком много вопросов, даже если б и удалось выдать обе смерти за роковое стечение обстоятельств. Да и в чем тогда была бы забава? Известие о том, что отец и дорогая сестра, к примеру, погибли в автокатастрофе, принесло бы определенное удовлетворение — но абсолютно никакого удовольствия. А это все-таки разные вещи.

Отец, погибший от руки убийцы, и сестра, осужденная за это убийство и лишенная наследства, — идеальный вариант. *Она* получит деньги — и власть. Фрэнк наконец заплатит за все те годы, что пренебрегал ею, держал ее подальше от себя в холодных школах-интернатах — за то, что позволял матери бить и кусать ее. Фрэнк Авеллино заслужил эту смерть.

И сестра свою участь тоже полностью заслуживала.

Глава 34

Кейт

Полный эффект показаний Тайлера врезался

в Кейт подобно перегруженному самосвалу без тормозов.

Детектив Тайлер утверждал, что Фрэнка Авеллино без его ведома накачивали психотропным препаратом, чтобы кто-то мог наложить лапу на его бизнес и деньги. А затем подтвердил, что недавно была оформлена доверенность в пользу Александры и Хэла Коэна.

Выглядело это ужасно. Выглядело все так, будто Александра обманом завоевала доверие отца, одурманивая его галоперидолом. Чтобы еще на шаг приблизиться к его богатству.

Драйер больше не задал Тайлеру ни единого вопроса — просто сел обратно на свое место, позволив подтексту показаний Тайлера распространиться по залу суда подобно какому-то ядовитому облаку, пропитавшему своими вонючими испарениями не только мысли присяжных, но и саму их одежду.

Кейт чуть ли не физически ощутила, как эта клубящаяся зловонная волна накатывает прямо на Александру. Нужно было срочно развеять это облако подозрений, пока оно не настроило присяжных против ее клиентки. Требовалось что-то предпринять, причем прямо сейчас, не теряя ни минуты.

Ножки ее деревянного кресла скрежетнули по полу, когда она резко отодвинулась от стола. Поджав под себя ноги, уже положила руки на подлокотники, готовая вскочить, но в голове было пусто.

Кейт готовилась к этому судебному процессу, как ни к чему другому, чем ей когда-либо приходилось заниматься. Чуть ли не назубок вызубрила все свидетельские показания, могла с ходу привести содержание любого документа — вплоть до номера страницы в судебном деле. Однако токсикологический отчет, предъявленный сегодня, оказался крученым мячом, неожиданно прилетевшим из ниоткуда. Внезапно весь этот судебный процесс, ее тщательно разработанная стратегия и заранее заготовленные вопросы для встречного допроса — все это теперь казалось чем-то совершенно незнакомым, а не хорошо изученным и отработанным.

Доверенность уже приобщили к уликам. Раньше она не имела особого значения, была не так уж и важна. Но вкупе со свидетельством того, что примерно в то же время, когда она была оформлена, Фрэнка Авеллино одурманивали галоперидолом, все предстало в совершенно ином свете. Обычный юридический документ, выпи-

санный на имя ее клиентки, теперь выглядел зловеще. Вся подборка доказательств обвинения превратилась в неизведанную территорию. Каждый документ в ней мог оказаться бомбой замедленного действия, готовой взорваться прямо у нее перед носом.

Кейт уже приготовилась встать. Все взгляды были нацелены на нее.

Когда она встанет, нужно будет задать вопрос. Хороший вопрос. Такой, что сможет подавить бурю воображения, разыгравшуюся в головах у присяжных. Проблема была лишь в том, что у нее не было этого вопроса. В голове было пусто.

На коже у нее выступил пот — казалось, будто гнетущая тишина выдавливает его из нее, словно сок из угодившего под каблук персика. Даже если б Кейт и удалось придумать нужный вопрос, то теперь она не была уверена, что паника не задушит ее, прежде чем она успеет задать его вслух.

Чья-то сильная рука ухватила ее за запястье. Кейт повернула голову. Блок удержала ее, притянув к себе, и прошептала:

— Выиграй немного времени. Возьми небольшую отсрочку. У меня есть кое-какая новая информация.

После чего повернула к Кейт большой экран

своего мобильного телефона. Уведомление на нем гласило, что в ее «Дропбокс»[99] были только что загружены два новых файла.

Кейт с облегчением поднялась.

— Ваша честь, мы просим о небольшой отсрочке.

Стоун лениво посмотрел на присяжных, а затем на часы на стене позади них.

— Похоже, сегодня у нас был трудный день. Завтра в десять утра, дамы и господа, — объявил он.

Стоило ему встать, как все тоже стали подниматься со своих мест и собирать вещи. Эдди и Гарри все это время сидели на своих стульях как приклеенные. Кейт чуть ли не собственными глазами видела мрачную тень, которую отбрасывал на эту парочку судья, направляясь в свой кабинет.

— Что тебе прислали? — спросила Кейт.

— Понятия не имею. Пока что, — ответила Блок. — Может, это и ни о чем. А может, и ответ на вопрос, кто на самом деле убил Фрэнка Авеллино.

---

[99] notes: 99

«*Дропбокс*» — облачное хранилище американской компании Dropbox Inc., часто использующееся в качестве файлообменника.

* * *

На то, чтобы посадить Александру в уберовское такси, ушло пять минут. Кейт и Блок было невтерпеж дожидаться возвращения на квартиру Кейт, поэтому они нашли тихий уголок в кафе «Кортэ» на Лафайет и устроились там за кофе. Блок заказала сэндвич с фрикадельками, Кейт — куриный салат. А еще картошку фри.

С того момента, как им вручили этот токсикологический отчет, дел у Блок было выше крыши. Она до сих пор поддерживала тесные отношения с различными правоохранительными структурами, были у нее свои люди и чуть ли не во всех райотделах полиции Нью-Йорка. И буквально через десять минут после того, как она ознакомилась с результатами токсикологического исследования, щупальца уже были распущены. Разнеслась весть, что Блок нужна помощь, и все лучшие и имеющиеся в наличии полицейские силы Нью-Йорка взялись за дело. И не важно, что теперь Блок была частным детективом, работающим на адвоката защиты. У нее было имя, и у ее отца тоже. В полиции Нью-Йорка не принято бросать своих. Блок попросила своих бывших коллег поискать информацию о любых ограблениях

аптек или оптовых торговцев фармацевтической продукцией за последний год. И в первом из загруженных в «Дропбокс» файле обнаружились результаты этих поисков.

Всего было совершено тридцать семь ограблений, которые могли представлять хоть какой-то интерес. Большинство из них — непосредственно в аптеках, но в двух случаях пострадали оптовики, и еще одно нападение было совершено на грузовой фургон, перевозящий лекарства. Ни в одном из них галоперидол не фигурировал и не был частью добычи.

— Так что с ограблениями голяк, — заключила Блок.

— А как насчет наркоторговцев? — спросила Кейт.

— Галоперидол — это не рекреационный наркотик. Он не вызывает привыкания. И кайфа тоже. И препарат это даже не успокоительный, а скорее нокаутирующий. Он разжижает людям мозги. Превращает их в желе.

— Но я думала, что на черном рынке наверняка представлены все виды лекарственных препаратов…

— Только не таких, которые легко добыть у правильного фармацевта. Даешь поддельный рецепт

и пятьсот «баков» — и торчишь себе на здоровье.

Скинув документ с экрана своего телефона, Блок перешла ко второму зазипованному файлу. Внутри было электронное письмо и какой-то видеоролик.

— Это попадание в ПУЗНП[100], — объяснила Блок. — Похоже, полиция Нью-Йорка расследует это как преступление на почве расовой ненависти. В прошлом месяце были убиты фармацевт-индиец и кассирша. Есть видео.

К счастью, ролик оказался без звука — все-таки устроились они в довольно популярном кафе, и вокруг было полно посетителей. То, что они увидели на экране, было похоже на запись с камеры видеонаблюдения в аптеке одной крупной сети — Кейт сразу узнала логотип на прилавке. Некто, облаченный в черный мотоциклетный комбинезон, в шлеме с опущенным забралом, вошел в аптеку, шагнул в сторону, на пару секунд выйдя из кадра, а затем небрежной походкой подошел к аптекарю за прилавком и ударил его топором по голове. Вздрогнув, Кейт отвела взгляд и одними

---

[100] notes: 100

ПУЗНП, Программа учета задержаний по насильственным преступлениям (англ. ViCAP, Violent Criminal Apprehension Program) — база данных ФБР по всем насильственным преступлениям, в том числе нераскрытым, созданная в основном для анализа характерного «почерка» преступников и выявления серийных преступлений.

губами произнесла:

— Господи…

А когда открыла глаза, то обнаружила, что пожилая дама за соседним столиком как-то странно смотрит на нее.

— Глянь-ка сюда, — сказала Блок, указывая на экран.

Перемотав видео назад, она проиграла его еще раз. При виде того, что случилось с фармацевтом, кассирша бросилась к выходу. Только вот автоматические двери не сдвинулись ни на дюйм, и она ударилась головой о стекло, которое пошло трещинами. Отскочив от дверей, кассирша упала на пол. Фигура в черном в считаные секунды оказалась рядом с ней, за чем последовали два удара топором по затылку. После этого фигура переместилась к правой стене, опять на пару секунд скрывшись из виду, и двери открылись, выпустив ее на улицу.

Видеть последствия насилия — это одно. И совсем другое — наблюдать, как это происходит, пусть даже всего лишь на экране мобильного телефона.

— Не думаю, что это нам чем-то поможет, — произнесла Кейт, покачав головой. — Скорей всего, это не имеет никакого отношения к нашему

делу. Я не понимаю, какая тут может быть связь.

Блок вернулась к электронному письму и еще раз перечитала примечания, сопровождающие видео.

— Это важно. Я думаю, это может быть убийца Фрэнка, — сказала она.

— Как это? — Кейт опять покачала головой, на сей раз уже недоверчиво. — Почему ты так думаешь?

— Мне нужно еще немного покопаться в этой истории, но здесь явно что-то есть. Я чувствую это. Ты видела, как она двигалась? — спросила Блок.

— Она?

— Да, она. Это женщина. Видно по бедрам. Уверенная в себе женщина. Это не было преступление на расовой почве. Для начала не оставлено ни граффити, ни каких-то иных посланий. Упертые расисты, которые достаточно жестоки и глупы, чтобы убивать, всегда оставляют послание от какой-нибудь группы или секты.

— К тому же она убила кассиршу. А та была белой…

— «Нация превыше всего», Ку-клукс-клан или любая другая группа сторонников превосходства белой расы, которую ты озаботишься припомнить, без колебаний убивают белых людей, если

придется. Но в данном случае такой необходимости не было. Она изначально планировала убить кассиршу. Вот, глянь…

Блок опять запустила воспроизведение, и на сей раз Кейт рассмотрела фигуру более внимательно. Теперь ей окончательно стало ясно, что это и вправду женщина. Едва войдя в магазин, та ненадолго исчезла из поля зрения камеры.

— Вот… Оказавшись внутри, эта женщина первым делом заблокировала стеклянные раздвижные двери. Когда кассирша увидела, что она сделала с аптекарем, то бросилась к дверям, но они не открылись, как ожидалось. Убийца могла оставить кассиршу в живых. Она этого не сделала. Из аптеки ничего не было взято. Ни наличных, ни лекарств. Плюс использовалось холодное оружие, что наводит на мысли в первую очередь об убийстве, а не ограблении. Такой вот туристский топорик в данном случае идеально подходит — достаточно тяжелый, чтобы нанести серьезный ущерб, но при этом и достаточно легкий для нанесения быстрых и точных ударов. Да и спрятать его не проблема.

— Почему было не воспользоваться пистолетом?

— Ствол оставляет после себя пули, по которым

его можно отследить. Кроме того, от огнестрельного оружия слишком много шума, есть риск привлечь внимание. И даже наемные убийцы, даже реальные профи, с каждым новым заказом все чаще предпочитают работать с близкого расстояния, поскольку их начинают привлекать не только деньги, но и сам процесс убийства, власть над жертвой. Эта женщина… — сказала Блок, указывая на застывшее изображение фигуры в черном на экране. — Ей уже приходилось убивать. Она даже не побежала от прилавка к кассе. Просто пошла. Не спеша. Никакой паники. Если…

— Если что?

Блок еще долго изучала изображение на экране, прежде чем ответить:

— Я бы сказала, что она наслаждалась этими убийствами.

Официантка принесла сэндвич с фрикадельками, щедро политыми соусом маринара, а затем салат и картошку фри, которые Кейт отодвинула в сторону. У нее пропал аппетит. Блок взяла сэндвич и откусила от него. Соус потек ей в уголок рта, и она вытерла его салфеткой, заметив при этом:

— Я думала, ты проголодалась?..

Кейт молча показала ей средний палец. Блок

улыбнулась.

— Я все еще не понимаю, как это связано с делом Авеллино, — наконец произнесла Кейт.

— Может, и никак. Мне нужно проверить данные о продажах и складских запасах галоперидола и присмотреться к этому фармацевту. Он наверняка и был главной целью. Нужно убедиться, что это не было местью за то, что он выдал не те лекарства или что-то в этом роде. Хотя я в этом сомневаюсь. Тем не менее я хотела бы это исключить. И есть еще кое-что, имеющее непосредственное отношение к этому делу.

Кейт терпеливо ждала.

Блок откусила еще кусок сэндвича. Прожевала его, проглотила, вытерла рот и только тогда продолжила:

— Помнишь тот день, пару недель назад — когда рассматривали наши ходатайства? Мы тогда видели женщину на мотоцикле. Всю в черном. Она подрезала нас, а потом проскочила на красный прямо за углом отсюда.

— Да ладно тебе… Это-то здесь при чем? Просто совпадение.

Блок языком убрала крошку сэндвича, застрявшую в зубах. Сделала большой глоток кофе, откинулась на спинку стула и объявила:

— С того дня я ее еще пару раз видела. Черная кожаная одежда… Черный шлем с тонированным забралом… В последний раз — вчера вечером.

— Где?

— Через дорогу от твоей квартиры.

Кейт застыла с открытым ртом, а затем разразилась беззаботным смехом.

— А я уже почти купилась… Да ладно тебе, Блок! Ты придаешь этому слишком большое значение. Зачем кому-то следить за нами?

Судя по ее виду, Блок явно не шутила. Она отложила свой сэндвич и высказала все открытым текстом:

— Если б лично меня судили за убийство, которое я реально совершила, я бы тоже понаблюдала за адвокатами. Обеих сторон. Дабы убедиться, что они не подобрались слишком уж близко. Ну а если уж это произойдет — тогда бац, и готово.

Кейт на миг задумалась, после чего спросила:

— А ты не думаешь, что это дело имеет какое-то отношение к тому, что случилось с той женщиной, которая работала на Эдди Флинна?

— Не возьмусь сказать наверняка, но я бы не удивилась.

Разговор прервался, пока Блок приканчивала свой сэндвич, а Кейт ковыряла картошку фри.

Покончив с едой, они вместе двинулись обратно на Сентер-стрит. Было темно, безветренно, но температура уже опустилась ниже нуля и быстро падала. Блок оставила машину на Леонард-стрит, и настало время вместе вернуться на квартиру Кейт, чтобы серьезно подготовиться к завтрашнему дню.

Когда они пересекали узенькую Хоган-плейс, Кейт увидела Драйера, стоящего у входа в прокуратуру со своими помощниками. Они кутались в пальто, выдыхая облачка морозного пара, пили кофе из бумажных стаканчиков и курили сигареты. Их разговор прервался, когда они увидели приближающихся Кейт и Блок. Кейт никак не показала, что заметила Драйера, — просто прошла мимо, опустив голову. Но не успели они с Блок оказаться за пределами слышимости, она уловила, как Драйер пробормотал что-то, что было встречено взрывом издевательского смеха. Она не сомневалась, что смех был адресован им.

Блок это вроде ничуть не задело.

Они остановились на пешеходном переходе к Леонард-стрит, и Блок нажала на кнопку светофора. Эта часть Сентер-стрит была односторонней — все движение шло слева от них. Мимо пронесся грузовик, а затем несколько легковушек. На

противоположной стороне пешеходного перехода Кейт увидела женщину на позднем сроке беременности — красное пальто туго обтягивало ей живот. Женщина положила на живот руку, словно прикрывая его от окружающего мира — в той манере, которую некоторые беременные находят успокаивающей. Ее жест заставил Кейт улыбнуться. Этого ребенка уже любили, хотя он еще даже не появился на свет. Потом подошел и встал рядом с ней какой-то мужчина с седыми волосами, в дорогом кашемировом пальто, который с недовольным видом еще раз ткнул в кнопку перехода, как будто этот светофор поставили здесь специально для него.

Наконец одна из подъезжающих легковых машин сбросила скорость и затормозила перед стоп-линией прямо перед Кейт. Потом подкатил автобус, остановившись рядом с ней. Загорелся зеленый свет. Кейт и Блок начали переходить улицу.

Беременная женщина и седой мужчина двинулись им навстречу с противоположной стороны.

Кейт и Блок миновали легковушку и уже оказались перед автобусом, когда вдруг услышали какой-то странный звук, который отразился от зданий, растекся по асфальту и наконец завиб-

рировал прямо в груди у Кейт. Шум усилился, его громкость ракетой взвилась ввысь, и внезапно она поняла, что это такое.

Это был неистовый визг пробуксовывающего по асфальту колеса, сопровождаемый надсадным механическим воем шестеренок и громовым ревом выхлопа.

Сильная рука обхватила Кейт поперек груди, заставив резко остановиться и отпрянуть назад. Блок остановилась как вкопанная прямо перед передком автобуса. Едва Кейт успела посмотреть на нее, как обеих на миг обдала тугая волна воздуха, заставив пошатнуться.

За автобусом промелькнуло что-то темное, и беременная женщина с криком завалилась назад, схватившись за живот и раскинув ноги. Седой мужчина пошатнулся и упал сначала на колени, а затем плашмя лицом вниз. Не успев выставить перед собой руки, чтобы остановить падение, он с влажным хрустом врезался носом в асфальт. Кейт открыла было рот, но не издала ни звука. Она все еще слышала этот рев и, посмотрев направо, увидела, как мотоцикл с седоком, одетым во все черное, выскакивает на тротуар и пулей влетает прямо в сквер Коллект-Понд.

Рука, удерживавшая ее, исчезла — Блок бро-

силась вслед за мотоциклом. Кейт оглядела разыгравшуюся перед ней сцену. Двери автобуса открылись, и выскочивший из них водитель бросился к беременной женщине, которая все еще кричала. Кейт двинулась к мужчине, лежащему лицом вниз.

— Господи, вы живы? Что случилось? — спросила она, опускаясь на колени. Руки у нее дрожали, сердце гулко колотилось в груди. Дотронувшись до плеч мужчины, Кейт тут же отпрянула, увидев расползающуюся под ними лужу темной крови.

Потом частый топот шагов позади нее, быстро приближающийся… Внезапно Кейт окружили со всех сторон. Она упала на бок, когда какой-то мужчина в костюме оттолкнул ее в сторону. Подняв взгляд, она увидела, что это Драйер со своими помощниками. Один из них перевернул седого мужчину на спину, и сразу поднялись панические крики.

Из горла у него торчала рукоять ножа. Широко раскрытые глаза безжизненно смотрели в небо, лицо представляло собой кровавое месиво. Нос был повернут под странным углом, прижатый к щеке при падении. Желудок у Кейт сжался, она прикрыла рот рукой и поднялась с асфальта.

Подбежавшая Блок присела на корточки рядом

с убитым.

— Мотоциклист скрылся, — объявила она.

Один из прокурорских встал, чтобы помочь беременной женщине — пытаясь успокоить ее, по крайней мере, ради ребенка. Кто-то — Кейт не могла сказать, кто именно — вызывал по телефону «скорую».

Драйер повернулся к Кейт:

— Это был мой свидетель. Мы ждали, когда он подойдет и даст показания.

— Кто это? — спросила Кейт.

— Его звали Хэл Коэн.

Глава 35

Она

Время *она* рассчитала тютелька в тютельку.

Это потребовало больших усилий, но оно того стоило. Она знала, что Хэл Коэн сможет встретиться с Драйером не раньше пяти вечера, поскольку до этого часа прокурор находился в суде, как и она сама. Драйеру хотелось лично снять показания с Хэла. Тот мог стать ключевым свидетелем обвинения.

У нее были на Хэла другие планы. Он выполнил

свою задачу, и даже не пришлось платить ему ни цента.

То, что Хэл уже обнаружил и передал Драйеру, могло и само по себе представлять интерес. Даже без Хэла прокурор мог использовать это конкретное доказательство по своему собственному усмотрению. Без Хэла оно имело меньшее значение, было гораздо менее важным, но все равно оставалось полезным.

Убийство Хэла заняло доли секунды. У нее было «окно» в четыре секунды, и этого оказалось более чем достаточно. Выйдя из здания суда, она доехала на такси до своего многоэтажного гаража и облачилась в кожу. Потом подкатила к офису Хэла и стала дожидаться его появления, предварительно сделав анонимный звонок, чтобы убедиться, что он все еще там. И как только Коэн вышел и двинулся пешком в сторону прокуратуры, незаметно следовала за ним все четыре квартала до перекрестка с Хоган-плейс. Пешеходный переход через Сентер-стрит был просто идеальным местом, чтобы покончить с бывшим советником отца.

Остановив мотоцикл перед светофором, она немного выждала, а увидев, что Хэл ступил на проезжую часть, раскрутила заднее колесо, отпу-

стила зажатый тормоз переднего, выхватила нож и направила его на Хэла, когда проносилась мимо. Скорость мотоцикла сделала свое дело. Когда нож задел кость, рукоять резко отдала в руку.

На сей раз она не промахнулась.

Не было нужды болтаться поблизости, чтобы убедиться, что Хэл мертв, — она знала, что это ранение смертельно. В этот момент она еще и задела какую-то беременную женщину — но удачно, только по касательной, так что мотоцикл устоял на колесах. Его здорово замотало, но она быстро выровняла его, выскочила на тротуар и, оставляя за собой вонь горелой резины, пронеслась через сквер Коллект-Понд в сторону Лафайет и Уайт-стрит. И через пару минут была уже в нескольких кварталах — умудрившись воспользоваться одним из немногих переулков в этой части города, успешно избежала последних пяти дорожных камер, прежде чем въехать на десятиэтажную парковку. Там она закатила мотоцикл в кузов коричневого фургона и тут же вывела его на улицу. Камеры искали черный мотоцикл с фальшивыми номерами, а не раздолбанный фургон.

Риск того стоил. Хэл мертв.

А ее сестра и понятия не имела, какая буря вот-

вот разразится в суде.

Глава 36

Эдди

Упершись локтями в колени, Гарри внимательным взглядом изучал Кларенса. Маленький пес неподвижно сидел, словно завороженный видом своего хозяина, и только вилял хвостом.

— Если кто-то травил Фрэнка галоперидолом, взял под контроль его империю, подчинил его своей воле и вышел сухим из воды, то с какой это стати ему умирать? — спросил Гарри.

Кларенс вылизал пах, вскочил и сунул нос Гарри под руку, сдвигая ее с колена. Услужив своему другу, Гарри задумчиво погладил его по шерстке.

У Кларенса не было ответа на вопрос Гарри. У меня тоже.

— Здесь мы не можем делать никаких выводов, — сказал я. — Фрэнка постепенно одурманивали и контролировали, но откуда нам знать, что это была та же самая дочь, которая в конечном итоге и убила его?

— Верно, но это наиболее логичное объяснение. Мое предположение в том, что Фрэнк как-то

узнал, кто разжижает ему мозги, и позвонил Майку Модину, чтобы тот вычеркнул виновную из своего завещания. Это подтолкнуло отравительницу — ей просто ничего другого не оставалось, кроме как убить Фрэнка, прежде чем тот успел внести какие-то изменения.

— И это объясняет, почему ей пришлось принять решительные меры, пока в понедельник Фрэнк не встретился со своим поверенным… Хотя вообще-то странно, что копы до сих пор не нашли Майка Модина, тебе не кажется?

— Я бы сказал, что это чертовски подозрительно. Одно знаю точно: адвокаты вроде Модина никогда не сбегают из дома вместе с проезжим цирком, если только не боятся попасть в тюрьму.

— Я тут уже попросил пробить его фирму… С документами у Майка всё в ажуре. На него не собирались подавать в суд, он уже был разведен и, насколько известно сотрудникам фирмы, не встречался ни с какой новой дамочкой. Он просто исчез. Это дурно пахнет, Гарри.

— Похоже, что многие люди, связанные с сестрами Авеллино, в конечном итоге расстались с жизнью. Их мать, их мачеха, а потом и Фрэнк… Может, Александра убила и Модина?

— Ты по-прежнему считаешь, что София невиновна? — спросил я.

Гарри встал, пристегнул поводок Кларенса к ошейнику и, выпрямляясь, недовольно крякнул. Он не становился моложе.

— Поначалу у меня были кое-какие сомнения, но я доверяю твоему суждению. Чем больше времени я провожу с ней, тем больше убеждаюсь, что она просто запутавшийся ребенок из плохой семьи. Ей нужна помощь. Ей нужен был ее отец. Я просто не могу представить, чтобы София причинила кому-то вред. А вот Александра… Тут мне гораздо легче такое вообразить, — сказал Гарри.

— И почему же?

— Какая бы из сестер это ни сделала, она наверняка знала, что ее поймают. Нельзя убивать своего собственного отца, когда в доме есть еще один свидетель. Никто так не поступает. Даже если ты в слепой ярости, было бы чертовски глупо не кокнуть еще и свидетельницу. Я не понимаю, почему обе женщины до сих пор живы. Одна из них — лгунья и убийца. Да, у Софии ветер в голове и семь пятниц на неделе, но вот Александра производит на меня впечатление человека, который хорошо умеет просчитывать свои действия. Многое в этом деле не поддается никакому объяс-

нению — если только у него нет и какой-то другой стороны, которую мы пока не видим… В любом случае сегодня я больше ничего не желаю видеть. Адиос! Мы с моим амиго отправляемся в люлю.

Гарри и Кларенс ушли из офиса сразу после одиннадцати. Я еще раз просмотрел пакет судебных документов, а когда поднял голову и глянул на часы, то увидел, что уже почти полночь. Пора бы и поспать.

Мысль о том, чтобы улечься на раскладушку в глубине офиса, представлялась совершенно невыносимой. Особенно сегодня. Каждый раз, закрывая глаза, я видел лицо Харпер. Теперь это было уже не просто горе. Это стало чем-то иным. Неделю за неделей я только и делал, что оплакивал ее. Это было похоже на кровотечение. Как будто какая-то часть меня была тяжело ранена, и от этого мне становилось все хуже и хуже, и я не знал, как это исправить. Теперь боль от ее потери уступила место чувству вины. Не знаю, когда это произошло, но тем не менее я это почувствовал. Я уже потерял — или же оттолкнул — одну семью из-за страха, что они пострадают из-за меня. Три года назад Эми попала в лапы русской мафии[101].

---

[101] notes: 101
См. роман С. Каваны «Защита».

Если б не Джимми-Кепарик, я никогда не вернул бы ее. Это многое изменило в моем браке. Самой большой угрозой для Кристины и Эми была моя работа и плохие люди, которые шли с ней в комплекте. Какая-то часть меня порвала с родными мне людьми ради их же безопасности. Теперь я расплачивался за это. Я был «отцом на выходные», со всеми вытекающими из этого заморочками и беспокойством.

Смерть Харпер тоже имела какое-то отношение ко мне? Была бы она сейчас жива, если б не встретила меня?

Это был вопрос, который я хотел задать себе, но боялся ответа.

Я прокрутил то видео еще раз, в пятый уже раз за день.

Там были мы. Гарри, Харпер и я в доме Фрэнка Авеллино. Фотографировали. Перешептывались, чтобы монтажер, убирая звук, ничего не услышал на записи. Это была одна из последних вещей, которые Харпер сделала в своей жизни. Это были ее последние изображения.

Я открыл бутылку виски, плеснул в стакан — вышло явно лишку — и откинулся на спинку стула, глядя на экран лежащего передо мной на столе лэптопа. Внимательно изучая каждое

сделанное ею движение. Я никогда не замечал, насколько она грациозна. Я знал, что Харпер красива, но это было что-то другое. Двигалась она так, словно не была человеком, и все же в ней было больше человеческого, чем в любом из нас. Ее сердце было прямо здесь, в этой улыбке.

Копы сочли убийство Харпер результатом неудачной попытки ограбления. Количество квартирных краж и проникновений в дома в последнее время резко пошло в гору — хотя, с другой стороны, такое происходило всегда. Это было неотъемлемой частью данного клочка земли. Может, дело было в моем чувстве вины, может, и в горе, но я не мог избавиться от ощущения, что это произошло из-за меня. Каждый раз, испытывая это чувство, я пытался найти какое-то рациональное объяснение. Говорил себе то, что хотел услышать. Что это на самом деле никак не может быть связано с делом Авеллино. Не было абсолютно никаких причин убивать именно ее. Если кто-то убил Харпер из-за этого дела, то я все никак не мог понять почему. Зачем нацеливаться на Харпер? Почему не на меня?

Это должен был быть я.

Хлоп!

Это должен был быть я.

Хлоп!

Это… *Хлоп!* Должен… *Хлоп!* Быть… *Хлоп!..*

Остановился я, только когда услышал хруст. Даже не понял, что это было — стол или моя рука. Опустил взгляд и увидел, что дерево в углу стола треснуло под моим кулаком. В ванной я заклеил руку пластырем и вернулся к своему креслу. К изображению Харпер, застывшему на экране. Осторожно опустил голову на стол, упершись лбом в тыльную сторону ладоней. Жутко хотелось спать, но я знал, что этого не случится.

Убийца забрал немного наличных из бюро в ее спальне. Пять сотен двадцатками. Может, подумывал прихватить и ее цепочку, а затем передумал. И он вдребезги разбил ее телефон.

От образов из той ночи ее убийства мне уже никогда не отделаться. Я опять увидел кровь на полу в прихожей. Разорванную цепочку в этой крови, с маленьким золотым крестиком посередине. Было и что-то еще, что мне позарез требовалось вспомнить. Что-то важное. Я крепко зажмурил глаза.

Вот оно… Я увидел это. Это наконец проигралось у меня в голове, словно какой-то кошмарный сон.

За прихожей Харпер виднелись стеклянные

двери, ведущие на кухню. Ее лэптоп лежал открытым на кухонном столе. Я увидел его, еще как только вошел. Хотя сначала не обратил на него внимания, не отложил этот факт в голове. Кровь на полу заняла тогда все мои мысли.

Убийца забрал деньги. Оставил ее цепочку с крестиком. Разбил ее телефон, но оставил лэптоп.

Мысли вновь метнулись к видео на экране. Я прокрутил его еще раз с самого начала. Смерть Харпер не имела никакого отношения к попытке ограбления. На ней не было оборонительных ран. Ее закололи, едва только убийца шагнул в дом. Будь это ограбление, то телефон был бы уже давно продан за сто долларов, а лэптоп — за пятьсот.

Это не было ограблением. Это просто должно было выглядеть как ограбление.

София получила копию этого видео. Александра тоже.

Вдруг Харпер что-то увидела? Что-то, чего никто из нас не заметил? Что-то, указывающее на убийцу?

И вдруг убийца узнала об этом?

Я ткнул в тачпэд и опять запустил видео. Закончив, сосканировал кое-какие материалы по делу Авеллино, составил электронное письмо,

прикрепил к нему сканы и видео и ткнул в «отправить».

Во всем мире имелся только один человек, которому я мог доверить посмотреть на все это.

Может, она сумеет увидеть то, чего не видел я сам.

Глава 37

Кейт

Дом в Эджуотере, штат Нью-Джерси, показался Кейт и знакомым, и в то же время чем-то совершенно новым. Припомнилось, как отец Блок украшал каждый его уголок рождественскими гирляндами и отказывался снимать их до самой Пасхи. Каждый раз, когда Кейт видела его, у него была улыбка на лице, готовая шутка на устах и конфета в кармане. Каждый раз. Пока его не вышибли из полиции Нью-Йорка, и тогда все стало совсем по-другому.

Теперь вместо люстр и ламп Блок развесила по комнатам рождественские гирлянды. Сказала, что это напоминает ей об отце, а кроме того, в доме не хватало розеток, да и потолочные люстры, по ее словам, слишком уж резали глаз. Блок

любила эти гирлянды. Кейт сказала, что ей они тоже нравятся.

Остатки огромной пиццы, лежащие в распахнутой настежь коробке в центре обеденного стола Блок, уже начали понемногу остывать. Рядом с коробкой пристроился толстенный скоросшиватель с материалами дела. Кейт открыла еще одну диетическую колу, а Блок сорвала язычок с банки «Мичелоба»[102]. Без лишних слов отсалютовав друг другу свежими напитками, обе сделали по глотку и откинулись на спинки стульев.

— Ты как — в порядке? — спросила Блок.

Кейт потребовалось некоторое время, чтобы подобрать нужные слова.

— Я еще никогда не видела, как кто-то умирает. Просто не могу выбросить этот звук из головы. Когда он ударился лицом об асфальт…

— Я еще раз пересмотрю видео убийства в аптеке. Байкер, женщина, вся в черном… Тонированное забрало… Это могла быть одна и та же личность.

— Думаешь, это была София? — спросила Кейт.

Блок покачала головой:

---

[102] notes: 102

«*Мичелоб*» (Michelob) — чисто американская марка пива, хоть и названная в честь чешского города Михеловице. Особой популярностью не пользуется, несмотря на рекламируемые «диетические» качества.

— Не знаю, честно говоря… Надо сказать, довольно неожиданный поворот событий. Я не думаю, что убийца — это Александра, и была бы удивлена, если б ошибалась, но не могу сказать этого наверняка. Когда я ей позвонила, она сказала, что сразу после суда поехала прямиком домой. Я не могу это подтвердить, и у нас нет возможности выяснить, где была София в то время, когда был убит Коэн.

Это последнее заявление повлекло за собой гнетущую тишину. Казалось, будто даже температура в комнате упала. Если кто-то намеренно устранил Хэла Коэна, одного из ключевых свидетелей по делу Авеллино, то, значит, он наверняка располагал какими-то сведениями, способными уличить убийцу. Ни Блок, ни Кейт совершенно не представляли, какими именно. События этого дня глубоко потрясли Кейт. Она собиралась переночевать дома у Блок — поработать над делом и попытаться уснуть. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

— Я мало сплю, — сказала ее подруга. — Если хочешь прилечь, то гостевая комната готова.

— Всё в порядке. Я тоже не думаю, что смогу много спать.

После убийства Хэла Коэна и откровений Блок о

том, что мотоциклистка в черной коже болталась возле ее дома, Кейт решила, что безопасность — в численности. Чем больше народу, тем спокойней. Пока что этот «народ» представляла собой Блок. И не было смысла отрицать: рядом с ней Кейт и вправду чувствовала себя в безопасности. На двух гвоздях над входной дверью пристроилось помповое ружье двенадцатого калибра. Блок пришлось бы привстать на цыпочки, чтобы достать его, но оружие всегда было под рукой. На кухонной стойке, рядом с бутылкой томатного кетчупа, лежал один из личных короткостволов подруги — «Магнум-500»[103]. Чуть раньше тем же вечером, прежде чем доставили пиццу, Кейт прикинула его в руке и удивилась, как, черт возьми, Блок таскала его с собой весь день. В барабане «Магнума» было пять патронов — каждый размером с одноразовую зажигалку и стоящий два с половиной доллара. Не важно, с какой проблемой вы столкнулись, — пока у вас есть такой ствол, двух с половиной долларов наверняка будет достаточно, чтобы решить ее.

---

[103] notes: 103

Имеется в виду револьвер Smith & Wesson Model 500, рассчитанный под патрон Magnum с увеличенным боезарядом калибра 0,5 дюйма (12,7 мм) — действительно убойная штука, способная при стрельбе выбить плечо у неопытного стрелка.

— Для чего он нужен? Револьвер такого размера? — спросила Кейт.

— Его носят лесники. Это один из немногих короткостволов, способных остановить медведя.

— У нас в Центральном парке не так уж много медведей.

— На людей он тоже неплохо действует.

Кейт взяла пистолет двумя руками, стараясь не класть палец на спусковой крючок.

— Не волнуйся. Чтобы выстрелить, нужно *реально* нажать на эту хрень.

— Как ты вообще получила разрешение на ношение такого ствола? В Нью-Йорке-то?

Блок забрала у Кейт «Магнум» и положила его обратно на стойку.

— А кто сказал, что у меня есть разрешение?

Кейт взглянула на револьвер, и желудок, набитый пиццей, малость поднялся к горлу. Конечно, Блок было бы полезно держать его при себе, если на них нападут. И в то же время Кейт знала, что ни в коем случае не хотела бы, чтобы подруга использовала его.

— Серьезно, к чему такая тяжелая артиллерия? — не отставала она.

На ответ ушло некоторое время. Блок любила долго обдумывать услышанное. Как будто у нее

имелось лишь определенное количество слов, которые она могла использовать, прежде чем все они иссякнут. Блок никогда не рассказывала о своих чувствах или страхах, но они проводили все больше и больше времени вместе, и подруга постепенно открывалась.

— Некоторое время назад мне довелось выпустить пару пуль в бронежилет. Это меня напугало. Вот и купила «Магнум», когда уволилась из полиции. Пришлось набрать восемь фунтов мышечной массы, прежде чем я смогла стрелять без промаха, но это того стоило. Иногда у тебя получается сделать всего один выстрел. А с этой штуковиной один выстрел в центр тяжести — вот и все, что тебе требуется.

Кейт хотела продолжить расспросы — спросить, как такой ужасный опыт повлиял на ее подругу, убедиться, что с ней всё в порядке, узнать, не хочет ли она поговорить об этом. Но по выражению лица Блок поняла, что эта крошечная информация — все, что она получит. Подруга уставилась на книжный шкаф. Там была только одна книга, поставленная обложкой наружу.

Роман «Наперекосяк» Дж. Т. Лебо[104].

Бросив взгляд на судебные документы на столе, Кейт произнесла:

— Думаю, завтра у меня есть шанс порушить кое-какие доводы обвинения.

— У тебя есть какие-то вопросы к Тайлеру?

— Да, есть парочка. Мне нужно с утра поговорить с Александрой.

— Ты и вправду думаешь, что она невиновна?

Допив остатки диетической колы, Кейт раздавила банку в руке и бросила ее в коробку из-под пиццы.

— Да, я так и думаю. Я думаю, что ее сестра могла ее подставить.

— Странный способ подставить кого-то — самой оказаться под судом за убийство, — заметила Блок.

— У меня такое чувство, что мы увидели еще не все, что нам подкинет этот процесс. Александра невиновна. Я чувствую это.

---

[104] notes: 104

Шуточка автора, нечто вроде камео, как в кино. Дж. Т. Лебо — псевдоним вымышленного писателя из романа самого Каваны под указанным названием.

Глава 38

Эдди

Разбудил меня писк входящей почты.

Я опять заснул за своим письменным столом. Я поднял взгляд на экран. Самое начало шестого. Уведомление гласило: «Новое сообщение от Кейт Брукс».

В письме говорилось, что прошлым вечером был убит Хэл Коэн. Вроде как некая женщина в черной байкерской кожаной одежде проехала мимо него на пешеходном переходе, полоснув ножом по шее. И больше никаких подробностей. К письму был прикреплен зазипованный файл. Я щелкнул по нему, чтобы открыть. Сжатый файл содержал видео. Ничего больше.

Видео заполнило экран. Это была запись с камеры видеонаблюдения в какой-то аптеке. В магазин вошла фигура, одетая во все черное, в мотоциклетном шлеме, и на глазах у меня на экране стало разворачиваться жуткое двойное убийство. Когда фигура в черном вышла из аптеки, я остановил воспроизведение и бросился в туалет, где меня вырвало, практически насухую. Наконец

желудок у меня немного успокоился, а гнев — нет. Я принял душ, надел свежую рубашку и галстук, а затем набрал номер мобильного телефона Кейт, отыскав его внизу электронного письма.

Она ответила почти сразу же.

— Нам нужно встретиться. Наши клиенты не должны знать, что мы общались. Это останется между нами.

— Приезжайте ко мне в офис, — сказала Кейт, после чего назвала адрес.

Через полчаса я припарковал свой «Мустанг» возле многоквартирного дома под названием «Лексингтон Виллидж», хотя на вывеске вполне могло значиться «Снос ведет фирма “Фитцпатрик и сыновья”». Распахнутая входная дверь зияла черной дырой, равно как и здоровенная трещина в стене рядом с ней. В коридоре пахло прокисшей тушеной капустой, и я удивился, что хотя бы один из лифтов все еще работает. Я поднялся на этаж Кейт. В коридоре на этом этаже пахло ничуть не лучше. Ковры были грязными, еще больше больших трещин змеилось по стенам. Это место давно уже отслужило свой век. Кейт открыла дверь в свою квартиру, уже одетая для суда, но кончики волос у нее были все еще влажными.

— Входите. Простите за беспорядок, я сегодня

ночевала у подруги. У меня не было времени прибраться, — сказала она.

К деловому костюму на ней были кроссовки «Адидас Суперстарз». Внутри квартира напомнила мне мое самое первое обиталище на Манхэттене — в большинстве кладбищенских склепов и то просторней. Каким-то образом кухня, спальня и гостиная были объединены в единое пространство, причем без особой продуманности. Компактно и неуютно. Из-за нас двоих это место выглядело тесным.

— Простите, что пригласила вас в свой офис. Я работаю дома, — смущенно произнесла Кейт.

— Все в порядке, я тоже живу в своем офисе, так что мы в некотором роде квиты.

Кейт непринужденно рассмеялась и вроде на миг расслабилась — больше не смущалась. Она подвела меня к единственному табурету за тем, что, по ее словам, представляло собой барную стойку. Вообще-то это был лист жесткого пластика, лежащий на доске. Я сел лицом к маленькой кухонной зоне. Кейт занялась приготовлением кофе. Поставила перед нами две кружки, даже не спросив меня. Сама она явно хотела кофе и не собиралась пить его в одиночестве.

Заклокотала кофеварка, и она разлила кофе.

Сама отхлебнула из кружки с надписью «Когтевран»[105], а мне протянула ту, на боку которой красовалась очкастая физиономия Гарри Поттера.

Кофе оказался вкусным — я поблагодарил ее, а затем глянул на кружку. Изображение юного волшебника выцвело, как будто ее слишком уж часто мыли в посудомоечной машине.

— Я люблю «Гарри Поттера». И можете подать на меня в суд, — сказала она.

— Нет, всё в порядке. Моя дочь любит книги.

— Умная девочка. Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

— Сложный возраст, — заметила Кейт.

— Мало кто с большой любовью вспоминает свои подростковые годы… Она справится с этим. А как насчет вас? Как вы справляетесь со своим первым судебным процессом?

Кейт кивнула, глотнула кофе, а затем поставила свою кружку на стол.

— Это выматывает. Такого я никак не ожидала. Как только вышла из зала суда, то поняла, насколько сильно устала. Это реально высасывает

---

[105] notes: 105

Когтевран (в оригинале Ravenclaw) — один из факультетов школы чародейства и волшебства «Хогвартс» из вселенной серии романов про Гарри Поттера.

все соки.

— К этому привыкаешь. Первые несколько судов тобой движет чистый адреналин. А еще страх. Но в конце концов тело и разум привыкают к усилиям, которые для этого требуются. Пока что у вас очень даже неплохо получается.

Я немного помолчал, давая ей возможность принять комплимент, после чего спросил:

— Так что вчера произошло с Коэном?

— Я и не знала, кто это, пока не появился Драйер. Он стоял на Хоган-плейс — поджидал Коэна. Мы переходили улицу, и мимо промчался мотоцикл. Мотоциклист воткнул нож в шею Коэна. Я просто не могла в это поверить. После этого мне пришлось пообщаться с копами и дать показания. Блок тоже. Они считают, что это могла быть попытка ограбления. Я сказала им, что для этого все произошло слишком уж быстро. Мотоциклист даже ничего не сказал. Просто ударил его ножом.

— Вы думаете, кто-то убрал потенциального свидетеля по нашему делу?

— Нет, я думаю, что это София убрала неудобного для нее свидетеля.

— Подождите, копы и близко не подходили к Софии! Если б она была подозреваемой, ее давно уже арестовали бы. А что Александра? Ее задер-

живали или хотя бы допрашивали?

— Нет. Либо это некомпетентность полиции Нью-Йорка, либо Драйер. Это крупное дело, победа в котором для него так или иначе гарантирована. Наверное, он не хочет ставить судебный процесс под угрозу, заключая обвиняемых под стражу по делу, не имеющему к нему отношения.

Это имело смысл. Драйер наверняка думал, что по крайней мере одна из обвиняемых будет осуждена, да и вообще в ближайшее время обе явно никуда не денутся, так что у него будет масса возможностей допросить их касательно смерти Коэна, когда одна из них или они обе окажутся за решеткой.

— На мотоцикле была женщина, в черной одежде, в шлеме с тонированным забралом. Вы посмотрели то видео? — спросила Кейт.

— Да. А еще посмотрел время и дату на записи и нашел сообщение в «Нью-Йорк пост». Фармацевт и кассирша убиты в своей аптеке в Хаберман. Ничего не украдено. В отчетах говорилось, что это было убийство на расовой почве, а белая кассирша оказалась всего лишь свидетелем, которого требовалось устранить.

— Эта аптека входила в пятерку крупнейших

поставщиков галоперидола в радиусе пятидесяти миль от Манхэттена. За месяцы, предшествовавшие смерти Фрэнка Авеллино, продажи этого препарата резко возросли. Они делали повторные заказы каждый месяц, и это наводит меня на мысль, что кто-то регулярно приходил и скупал все их запасы. В этой стране опиоидный кризис и полным-полно фармацевтов, готовых услужить по приемлемой цене. До этого периода ажиотажа они заказывали галоперидол у поставщиков примерно раз в год, если не реже.

— Откуда у вас такая информация?

— Мой следователь — Блок.

Я сглотнул комок в горле. Время от времени мне так или иначе напоминали о Харпер, и всякий раз это было похоже на удар бейсбольной битой. Я закашлялся и приложил немало усилий, чтобы контролировать свой голос — стараясь исключить из него любые эмоции.

— Она вроде очень хорошо знает свое дело.

— Еще как. Может, не так хорошо, как знала ваша подруга… Простите.

— Да все нормально… Мне нужно сосредоточиться на процессе. Это единственное, что не дает мне остановиться и опустить руки.

Мы оба на какое-то время замолчали, пока я

«щелкал выключателем», пытаясь вернуться в игру. Наконец вроде получилось.

— Вы и вправду думаете, что эта фигура в черном — одна из сестер Авеллино? Что это она убила фармацевта и Коэна, чтобы замести следы? — спросил я.

— Я думаю, что это единственное разумное объяснение, — ответила Кейт.

Я помолчал, переваривая услышанное и допивая кофе. Кейт подлила мне еще.

— Что вы знаете про Майка Модина? — наконец спросил я.

— Не так уж и много. Он специализировался на управлении имуществом и, в частности, на составлении завещаний. Помогал покойным передавать их деньги живым с минимальными налоговыми вычетами, насколько это вообще возможно. Он утверждал, что понятия не имеет, какие изменения Фрэнк хотел внести в свое завещание, а потом вдруг слился с горизонта. Может, переживает сейчас кризис среднего возраста в Малибу с какой-нибудь юной красоткой, — предположила Кейт.

— В прошлом году Майк Модин официально заработал два с половиной миллиона долларов до вычета налогов. А благодаря его изобрета-

тельному подходу к бухгалтерскому учету на банковском счете в Цюрихе у него есть еще пять миллионов долларов, о которых, как он думает, налоговая служба не в курсе, и на момент исчезновения в его бумажнике было с десяток кредитных карточек. Он был партнером в этой фирме в течение восьми лет. А до этого еще пятнадцать оттрубил первым помощником, пробиваясь к большим деньгам.

— Откуда вы так много знаете о Модине?

— Пришлось провести кое-какие исследования. Если он зарабатывал деньги на стороне, то должен же был их куда-то девать. Однако ничто не указывает на то, что он обирал клиентов, поскольку все его банковские документы подверглись аудиту. Я просто не куплюсь на то, что он вдруг очертя голову сорвался с места и бросил работу, ради которой так надрывал жопу.

Кейт опустила голову. Как будто что-то промелькнуло у нее перед глазами. Может, тот момент, когда она ушла из «Леви, Бернард и Грофф»? У меня сложилось впечатление, что она критически переосмысливала это свое решение. Но в чем бы ни было дело, это быстро прошло.

— Вы думаете, Модина уволили и он решил скрыться? — спросила Кейт.

— Нет.

— Что же тогда? Вы не думаете, что он сбежал, вы не думаете, что его уволили, и… — Тут на лице у нее отразилось внезапное осознание. — Вы думаете, что он мертв, так ведь?

— Практически в этом не сомневаюсь. Я думаю, Модин догадывался, почему Фрэнк хотел изменить свое завещание. Или, может, убийца не знала, что Фрэнк сказал Модину, и все равно была вынуждена убрать его — просто для полной уверенности.

Я изложил Кейт свою теорию. Рассказал ей о смерти Хизер и Джейн Авеллино, о своих подозрениях, о следе от укуса на бедре у Джейн, обнаруженном во время вскрытия.

— У меня такое чувство, что за мной следят. Что кто-то берет на заметку каждый мой шаг. Я думаю, что этот «кто-то» и есть убийца. Кто бы из наших клиенток ни убил Фрэнка, это было уже не в первый раз. Я думаю, что одна из них убила свою мать, мачеху, фармацевта и кассиршу, Хэла Коэна, Фрэнка и Майка Модина. А не исключено, что могла убить и Харпер, хотя я в этом не уверен. Возможно, есть и другие убийства, о которых мы даже не знаем. Все это взаимосвязано. Один из нас представляет интересы очень опасной жен-

щины. Я думаю, это можете быть вы, — сказал я.

— Подождите минутку, вы про *мою* клиентку? А разве не вы представляете сестру с серьезными психиатрическими проблемами? А все эти убийства… Я думаю, что это может нас слишком уже далеко завести, — сказала Кейт. — У нас нет доказательств, чтобы…

— Конечно же нет. Они перед судом не за эти убийства, потому что *и в самом деле* нет никаких доказательств. Но из этого не следует, что я ошибаюсь. И то, что у Софии в прошлом были проблемы с психикой, еще не делает ее убийцей. В этих убийствах есть определенная степень технического мастерства, планирования и умения точно подгадать нужный момент, на которые, я думаю, София просто не способна.

— Ну, Александра не убийца. Вчера прямо у меня на глазах погиб человек. Как вы думаете, если б я хоть на секунду подумала, что это могла быть Александра, я бы все еще занималась этим делом?

— Я думаю, вы все-таки не совсем уверены в своей клиентке.

— Ну, почти уверена, скажем так. А вы? Не можете же вы на сто процентов быть уверены в невиновности вашей клиентки?

Тут она попала в точку. Я поверил Софии. Было ли это потому, что я *хотел* ей верить, я не мог сказать. Просто сердце и разум говорили мне, что София — не убийца.

— В глубине души всегда остается некая крупица сомнений. Вот и всё.

— То же самое: я не могу быть уверена на все сто, но уверена достаточно, чтобы отстаивать невиновность Александры. Ради нее я поставила на карту всю свою карьеру.

— Мы должны помнить, что один из нас *и в самом деле* представляет невиновного человека. По-моему, на этом нам пока что и стоит сойтись. Я думаю, что убийца сейчас перед судом, поскольку считает, что *должна* предстать перед судом.

— Что?!

— На кону где-то около пятидесяти миллионов долларов. Как там сказал Драйер? Сорок четыре миллиона после уплаты налогов? Я не думаю, что такие деньги могут быть чем-то иным, кроме мотива. Сорок четыре миллиона — это не просто деньги, это власть. Я думаю, убийца знает, что ее оправдают. Что вы или я так или иначе позволим ей выйти сухой из воды.

— Это просто смешно… Откуда может быть такая уверенность? Шансы сейчас примерно

равные. Пятьдесят на пятьдесят. Фифти-фифти.

— На данный момент — да. И нам следует и дальше сохранять эту пропорцию.

— Что?

Я сделал паузу. Немного подумал.

— По-моему, есть кое-что, чего мы еще не видели. Какой-то свидетель или улика, которые вылезут в самый неожиданный момент и склонят чашу весов в нужную сторону. Где-то на горизонте маячит гарантированный пропуск на выход из тюрьмы. Как только мы это увидим, то сразу поймем, кто на самом деле убийца.

Кейт, вздрогнув, спросила:

— Вы думаете, кто-то из них планировал это с самого начала?

— Я думаю, что одна из сестер планировала подчинить Фрэнка своей воле, а когда галоперидол не сработал — или же он узнал о ее планах и захотел изменить завещание, — ей пришлось прибегнуть к альтернативным мерам. Как лучше всего убедиться, что вы унаследуете сорок четыре «лимона», а ваша сестра — нет?

— Кому-то нужно добиться того, чтобы ее сестру признали виновной в убийстве наследодателя, — сказала Кейт. — Закон не позволяет убийцам наследовать имущество своих жертв. А если

вас оправдают, то не смогут судить по новой, согласно Пятой поправке, — это будет вторичное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же преступление. Значит, один из нас — часть этого плана?

— Может, и нет. Я не думаю, что дело в нас. Это будет какая-то улика или свидетельские показания. Что-то, чего мы еще не видели. Если вдруг всплывет эта неопровержимая улика, нам нужно будет пообщаться еще разок. Послушайте, я никогда не задавал этот вопрос другим адвокатам, и для большинства из них это даже не имеет значения, но я должен задать этот вопрос. Вы действительно думаете, что Александра невиновна? Только честно, без дураков.

— Верю. Ну а вы? Как вы думаете — София невиновна?

Я кивнул.

— Иначе я не взялся бы за это дело.

— Блин! — в сердцах бросила Кейт.

— Мы и словом не можем обмолвиться об этом Драйеру. Или кому-то еще. Мы должны доверять друг другу, — сказал я. — Что-то должно произойти — обязательно появится какой-то свидетель или улика, которые подтвердят вину какой-то из сестер или оправдают одну из них. Я просто знаю

это. Когда мы увидим этот пропуск из тюрьмы, то поймем, что он фальшивый и что его подбросила другая сестра. Я думаю, что одна из них убила Фрэнка и твердо намерена не только осудить свою сестру, но и добиться собственного оправдания.

Кейт вытянула руку.

— Но что мы будем делать с этим «пропуском», если увидим его?

— Сложим оружие. Если я увижу, что эту карту разыгрывает София, то потоплю ее дело.

— Вы хотите сказать, уйдете?

— Нет, я хочу сказать, что позабочусь о том, чтобы ее признали виновной. Я больше не буду отстаивать ее интересы и сделаю все, что в моих силах, чтобы разрушить ее защиту, не лишившись адвокатской лицензии.

Кейт подняла глаза к потолку и провела руками по горлу, прежде чем заговорить:

— Моя мама пожертвовала всем, чтобы я могла стать хорошим юристом в престижной фирме… Теперь эта фирма подает на меня в суд. Я поставила на кон всю свою жизнь ради этого дела. Помогать убийце выйти на свободу, равно как и лишаться адвокатской лицензии, не входило в мои планы, — сказала она.

— А я и не знал, что на вас подали в суд… Вы

должны были сказать мне. У вас уже есть адвокат? — спросил я.

— Нет, адвоката мне не потянуть.

— Давайте пока что пустим этот иск побоку. Хотя если хотите, то, наверное, я смогу кое-чем помочь.

Я полез в свой бумажник, где лежало кое-что, что я хранил на черный день. Я достал это и протянул Кейт.

— Что это?

— Эту карточку я нашел в бумажнике Леви, — объяснил я. — Понятия не имею, что это такое, но она явно не от какой-то службы или компании, о которых я когда-либо слышал. Типа как полнейшая загадка. Это может быть чем-то — а может, и вовсе ничем. Сказать по правде, с тех пор, как вы взялись за это дело, я даже ни разу ее не доставал. Тогда я подумал, что если мне когда-нибудь понадобится рычаг влияния на Леви, то эта штука может пригодиться.

Когда Кейт взяла карточку, я добавил:

— Вчера вечером я отправил электронное письмо одной своей хорошей знакомой, аналитику из ФБР. Я хочу, чтобы она тоже подключилась к нашему делу. Чуть позже я собираюсь ей позвонить. Если что-нибудь от нее узнаю, то поделюсь

этим с вами. Теперь это уже выходит за рамки привилегии адвокатской тайны в отношении клиента. Один из нас — пешка в игре убийцы.

Кейт кивнула и повертела визитку в руках, изучая ее.

— Странно… Я никогда еще не видела ничего подобного, — сказала она.

— Я знаю. У таких парней, как Леви, есть свои секреты. Может, это один из них. А может, и нет. Просто пообещайте мне одну вещь, — сказал я.

— Какую?

— Если окажется, что это пуля для Леви, обязательно всадите ее ему в башку.

Глава 39

Кейт

Детектив Тайлер занял свое место на свидетельской трибуне, и на сей раз Кейт была полностью готова. Она встала, положив перед собой на стол блокнот. В последний раз просмотрев свои записи, подняла глаза и встретилась взглядом с Тайлером. У него было такое же самоуверенное выражение лица, как и вчера. Изменить это выражение Кейт считала своей святой обязанностью.

— Детектив Тайлер, после убийства в доме жертвы был проведен обыск?

— Полагаю, что да.

— И, насколько вам известно, галоперидол в доме найден не был?

— Верно.

— Полиция Нью-Йорка также обыскала квартиру моей клиентки, и там тоже не было найдено галоперидола, верно?

— Тоже верно.

— Значит, не имеется никаких улик, связывающих мою клиентку с данным препаратом?

Тайлер шмыгнул носом, заморгал и начал было:

— Мы убеждены…

Кейт перебила его:

— Вы выступаете здесь не в качестве свидетеля-эксперта, детектив. Ваши убеждения не имеют абсолютно никакого значения. Пожалуйста, ответьте на вопрос — у дознания не имеется никаких вещественных доказательств, связывающих мою клиентку с препаратом, обнаруженным в теле жертвы, так?

— Никаких вещественных доказательств нет. Однако у вашей клиентки имелась возможность подмешать это вещество в пищу жертвы.

— А вы нашли в доме жертвы еду, приправленную галоперидолом? — спросила Кейт, изо всех сил стараясь сохранять контроль над собственным голосом. Точного ответа на этот вопрос она не знала, но догадывалась, что если б криминалисты обнаружили отравленные продукты, то это уже появилось бы в отчете, с которым ее были обязаны ознакомить.

— Нет, насколько мне известно.

— Итак, все-таки не имеется никаких улик, связывающих мою клиентку с этим препаратом?

— Никаких материальных улик, кроме симптомов, описанных в медицинской карте Фрэнка, и препарата, обнаруженного в его организме непосредственно после смерти, — сказал Тайлер.

— И результаты криминалистической экспертизы никак не указывают на подобную связь?

— Нет, — неохотно признал он.

Кейт кивнула. Она сделала все, что могла. Держала Тайлера на коротком поводке. Ее так и подмывало продолжить. Задать всего еще один вопрос. Но она передумала. Один неосторожный вопрос, и можно свести к нулю все свои усилия. Вместо этого Кейт поблагодарила свидетеля и села на свое место.

Александра шепнула:

— Спасибо вам!

Кейт кивнула. Она больше не знала, как относиться к Александре. Благодарила ли та ее, потому что была невиновна? Или потому, что Кейт хорошо поработала, помогая ей избежать наказания за убийство?

Кейт поежилась и подобрала со стола ручку. Она не думала, что Эдди будет задавать какие-либо вопросы, и он действительно не стал. Пришло время перейти к следующему свидетелю.

Драйер встал и объявил:

— Народ вызывает профессора Барри Шандлера!

Кейт облегченно вздохнула. Шандлер был экспертом по волосяным волокнам, и ничто не связывало его с Александрой. Хотя отчет Шандлера она, естественно, прочитала, и ей было любопытно посмотреть, как с этим управится Эдди. Сомнения, закравшиеся было в голову Кейт, вроде рассеялись, когда она припомнила подробности этого отчета. Если Шандлер был прав, то убила Фрэнка, скорее всего, София. И Кейт не понимала, как кто-то вообще способен оспорить показания Шандлера, однако это свидетельство уже было давно предоставлено защите. Это не был тот «пропуск из тюрьмы», который они с

Эдди обсуждали этим утром.

По руке ее скользнули чьи-то пальцы, мимолетно сжав ее. Это была Александра, которая неотрывно смотрела, как Шандлер направляется к свидетельской трибуне. Кейт улыбнулась своей клиентке и похлопала ее по руке.

И заметно приободрилась. Она была уверена, что находится на правильной стороне.

Александра невиновна. Иначе и быть не может.

Глава 40

Эдди

Профессор Шандлер оказался из тех людей, которые не очень-то походят на профессоров. По крайней мере, я таких профессоров еще не видел. Начать с того, что он не был старым. Ни тебе тонких седых волос, ни густых белых бровей, похожих на облака. Ни растянутых кардиганов, ни вельветовых брюк, ни растоптанных кожаных ботинок фасона «прощай молодость»…

На вид ему было не больше пятидесяти. Черные как смоль вьющиеся волосы выглядели так, словно он нанес на них какое-то патентованное

средство. Ни бороды, ни усов. У него была бледная кожа, которая, казалось, мгновенно обгорела бы, если б он спустился хоть на милю южнее линии Мэйсона — Диксона[106], и синий костюм в тонкую полоску современного покроя поверх дорогой шелковой рубашки — синей и шелкового галстука — фиолетового. Дорогой костюм хорошо сочетался с его узким подбородком, высокими скулами и глазами орехового цвета. Он больше походил на фотомодель из престижного журнала мод.

Завидев профессора Шандлера, кое-кто из женщин-присяжных слегка выпрямился в кресле. Некогда он трудился в криминалистической лаборатории полиции Нью-Йорка, а затем на свой страх и риск занялся частной консультационной деятельностью, где крутятся куда как более серьезные деньги.

Эксперт принес присягу, с разрешения судьи опустился в кресло за свидетельской трибуной, и Драйер задал ему несколько вводных вопросов

---

[106] notes: 106

Линия Мэйсона-Диксона — граница, проведенная в 1763–1767 гг. английскими землемерами и астрономами Ч. Мэйсоном и Д. Диксоном для разрешения длившегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке: Пенсильванией и Мэрилендом. До Гражданской войны в США служила символической границей между свободными от рабства штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

касательно его многолетней квалификации и опыта — звучавших скорее не как вопросы, а как утверждения. На каждый такой вопрос Шандлер кивал и просто отвечал «да». От него так и веяло авторитетом. Голос у него был глубокий и звучный, с легкой хрипотцой, из-за которой каждое слово звучало как во время церковной службы. Как только Драйер произвел впечатление на присяжных его регалиями, то сразу же перешел к сути дела.

— Профессор, в связи с этим делом вам прислали несколько волосяных волокон для анализа. Может, для начала вы ознакомите нас с образцами, а потом мы поговорим о том, какому анализу вы их подвергли?

— Конечно, — отозвался Шандлер, поворачиваясь в кресле, чтобы лучше видеть присяжных. — Из офиса окружного прокурора я получил три объекта для последующего анализа. Одним из них был волос, по крайней мере часть которого застряла в ране на теле жертвы. Вторым был образец волос Александры Авеллино, а третьим — образец волос Софии Авеллино. Последние два я называю контрольными образцами, происхождение которых мне точно известно.

— А первый образец? Образец номер один?

— Это был волос, который мне предстояло сравнить с контрольными образцами, дабы определить его принадлежность.

— Прежде чем мы начнем, не могли бы вы рассказать нам немного о человеческих волосах?

— Конечно. У большинства из нас — тысячи волосков по всему телу. Каждый волос на голове растет из так называемой кожной фолликулы, которая также содержит и его корень. Ни у одного из исследованных мною образцов корня не оказалось. К сожалению, стержень волоса — то, с чем мне обычно приходится работать — не является живой частью тела, содержащей ДНК. Однако пряди волос все-таки обладают определенными характерными особенностями, которые я могу изучить.

— Что это за характерные особенности, профессор?

Не отрывая взгляда от присяжных, Шандлер оседлал своего любимого конька. Эта часть была у него явно хорошо отработана — поднаторел, выступая на судах.

— Дамы и господа, представьте себе круглую мишень, — начал Шандлер. Произнося слово «круглую», он очертил пальцем широкий круг, дабы наглядно проиллюстрировать свою

мысль. — И «яблочко» в центре этой мишени. Так выглядит в разрезе внутренняя часть волоса. Внешняя его оболочка именуется кутикулой и имеет снаружи характерную чешуйчатую структуру. Затем, в пространстве между внешней поверхностью волоса и «яблочком», у нас находится кортекс, который, в зависимости от уровня меланина в нем, определяет цвет волос. И, наконец, «яблочко» — оно называется медула, и она также может иметь определенную конфигурацию и отчетливо различимую структуру. Я изучаю все эти характерные особенности на микроскопическом уровне, когда рассматриваю волос с целью сравнения.

— И каковы были результаты вашего исследования?

— Образец номер один — образец для сравнения — имеет сходные характерные особенности с образцом волос, взятым у подсудимой Софии Авеллино.

Драйер снова сделал паузу, чтобы дать присяжным впитать сказанное.

— Не могли бы вы поподробнее рассказать, каким образом пришли к такому выводу?

— Конечно. Основные морфологические признаки данных образцов оказались идентичны.

Оба имели одинаковый рисунок чешуек кутикулы, а также одинаковую пигментацию. Медула обоих образцов имела одинаковый диаметр, идентичную конфигурацию среза и идентичную структуру вакуолизации. Единственный вывод, основанный на результатах моего криминалистического исследования, может заключаться в том, что волос, обнаруженный на теле жертвы, с большой степенью вероятности принадлежит Софии Авеллино.

— Позвольте напомнить присяжным, что вообще-то этот волос был обнаружен в одной из многочисленных колотых ран, обнаруженных на теле жертвы. О чем это вам говорит, профессор?

— Я ученый, дамы и господа присяжные. Я следую логике и устоявшимся научным принципам. Согласно известному локаровскому принципу обмена[107], когда два человека находятся в контакте друг с другом, между ними происходит некоторая взаимная передача материала. Так что вполне вероятно, что перенос этого волоса Софии Авеллино произошел в момент убийства или

---

[107] notes: 107

Эдмон Локар (1877–1966) — один из пионеров судебной медицины, получивший известность как «французский Шерлок Холмс», — сформулировал основной принцип криминалистики: «Каждый контакт оставляет след», впоследствии получивший известность как «локаровский принцип обмена».

близко к нему, учитывая, что он оказался в ране, предположительно попав под нож, которым та была нанесена.

— Спасибо, профессор.

Я покосился влево и увидел, что София, плотно сжав губы, мотает головой. Тяжело слышать, как кто-то говорит о тебе неправду. Прямо тебе в лицо. Лоб у нее наморщился, и она вытерла глаза, прежде чем потекли слезы, — скрывая их и не желая, чтобы они появились.

Гарри похлопал ее по руке, после чего склонился ко мне у нее за спиной со словами:

— Сейчас схожу за нашим дружком. Кинь мне эсэмэску, когда будешь готов.

Я показал ему поднятые вверх большие пальцы, и он вышел из судебного зала.

Повернувшись обратно, я заметил, что Драйер уже уселся на свое место. Тут меня отвлекло какое-то постукивание, и я увидел судью Стоуна, который многозначительно тыкал пальцем в циферблат своих часов и смотрел прямо на меня.

— Прошу прощения, ваша честь, — спохватился я, поднимаясь на ноги.

Под папкой с бумагами у меня лежали пять коричневых конвертов. Подхватив их, я вышел из-за стола защиты вперед, после чего вручил

один Драйеру, другой — Кейт, а остальные три отдал секретарю судьи.

— Ваша честь, профессор Шандлер — один из многих свидетелей со стороны обвинения. До настоящего момента я так и не знал, будет ли он вызван для дачи показаний, и как раз по этой причине не представил этот отчет своим коллегам и суду. Это важное доказательство, которое может понадобиться мне при встречном допросе данного свидетеля.

Стоун отказался взять у секретаря конверт, даже слишком уж громко прошипев:

— Уберите это с глаз долой! — Но тут понял, что его услышали, и закашлялся. А затем добавил: — Чем бы это ни было, оно должно было быть предоставлено уже несколько недель назад. Я не склонен приобщать это к доказательствам.

— Ваша честь, отказ в приобщении к доказательствам в надлежащий момент может стать основанием для обвинения в предвзятости.

Я заметил, как уши у него дернулись назад, а морщины исчезли со лба. Стоуну меньше всего хотелось, чтобы это слушание было прекращено, а принятые им до сих пор решения пересматривал какой-то другой судья.

— Очень хорошо. Если у вас есть весомые аргу-

менты в пользу того, почему я должен допустить, чтобы этот свидетель, ваш соответчик и обвинитель были застигнуты врасплох из-за ваших материалов, то я позволю это.

— Сначала я хотел бы разобраться с кое-какими вопросами общего характера, — сказал я.

Стоун лишь махнул мне рукой — мол, ладно, валяй.

— Доброе утро, профессор Шандлер.

— Доброе утро, мистер Флинн.

Он был вежлив, профессионален. Спокоен. За всю свою карьеру ему доводилось давать показания почти по двадцати громким делам, и ни разу результаты его экспертизы или свидетельские показания не были успешно оспорены в апелляционном суде. Уголки его губ изогнулись в легкой улыбке.

Я бросил взгляд на свой телефон, лежащий на столе защиты. Сообщение для Гарри было уже заготовлено, и оставалось лишь нажать на «Отправить», чтобы он появился с необходимым мне подкреплением. При виде пустого стула рядом с местом Гарри мою голову опять заволокло черное облако. Сейчас она должна была сидеть здесь. Харпер должна была быть жива…

Я прикрыл глаза — ровно настолько, чтобы

«щелкнуть выключателем». А когда открыл их, выражение лица у Шандлера было уже другим. Он едва ли не сочувствовал мне. Видать, принял меня за полного дилетанта, отчаянно пытающегося придумать какой-нибудь приличествующий случаю вопрос.

— Профессор, прежде чем мы продолжим, я дам вам возможность отказаться от своих показаний перед присяжными. Я хочу, чтобы вы объяснили жюри, что преувеличили значение результатов своей экспертизы, а ваши выводы и анализ в корне ошибочны. Даю вам на это десять секунд.

Глава 41

Эдди

Я мысленно сосчитал до десяти. Не отрывая взгляда от Шандлера, который тоже не сводил с меня глаз.

Он уже совершил большую ошибку, решив потягаться со мной. Теперь присяжные не имели для Шандлера абсолютно никакого значения. Больше не будет зрительного контакта с присяжными, тщательных объяснений, кивков и плавных жестов. Его внимание было приковано

исключительно ко мне. Как мне и требовалось. Так его будет легче вывести из себя, когда язык у него будет работать быстрей, чем мозги.

— Из-за недостоверных показаний экспертов, занимающихся анализом волосяных волокон, было отменено огромное количество обвинительных приговоров, не так ли, профессор?

— Я не в курсе. Ни одно из моих дел не было оспорено, господин советник.

— До тех пор, пока нынешняя администрация не прекратила это расследование, в процессе пересмотра находилось без малого три тысячи обвинительных приговоров, вынесенных на основании показаний экспертов ФБР по волосяным волокнам. И в девяноста процентах из почти двух тысяч тех дел, которые все-таки удалось на тот момент пересмотреть, результаты подобной экспертизы и свидетельские показания экспертов были признаны недостоверными[108]. Согласны ли вы с тем, что анализ волосяных волокон уже сам по себе в корне недостоверен?

---

[108] notes: 108

Как дико это ни звучит, но первая часть данного заявления Эдди полностью соответствует действительности — по состоянию на 2015 г. А вот с пересмотрами все обстояло далеко не столь радужно: пересмотрены были всего лишь 268 дел, в 96 процентах которых экспертиза волосяных волокон были признана несостоятельной (при этом смертный приговор на основании такой экспертизы был вынесен 35 осужденным).

— Нет. Как я уже сказал, ни одно из моих дел не было успешно обжаловано.

— Как раз специалисты ФБР в этой области и обеспечили ваше первоначальное обучение, не так ли?

Шандлер поерзал в своем кресле, подался вперед и сказал:

— Да, именно что первоначальное. И я еще раз готов повторить: я отвечаю за каждый проведенный мною тест и его результаты. Ни один из них не был до сих пор успешно оспорен.

— Просто чтобы внести ясность: вы хотите сказать, что отвечаете абсолютно за все заключения по анализу волос, которые вы когда-либо высказывали?

На сей раз он повернулся к присяжным:

— Да. Я отвечаю за каждое из них.

— А вы знакомы с концепцией предвзятости подтверждения?

— Да, я знаком с этой концепцией. И никогда не придерживаюсь предвзятого подхода.

— Просто чтобы присяжные понимали: предвзятость подтверждения возникает, когда эксперту дается совсем небольшое количество образцов для сравнения — скажем, два или три. Вы ищете в них какие-то сходные черты, не так ли?

— И различия.

— Никакой базы данных по волосяным волокнам не существует, так ведь?

— Совершенно верно.

— Так что когда вас спрашивают, принадлежит ли какой-то волос подозреваемому, вы сравниваете его только с одним контрольным образцом, а не с образцами волос всей человеческой популяции?

— Верно. Но если совпадения не просматривается, я так и говорю. А когда все характерные особенности полностью совпадают, я только рад подтвердить это.

Я не стал спешить. Позволил Шандлеру слегка обрести уверенность. Я хотел, чтобы он думал, будто отвоевывает утраченные было позиции.

— Возможно ли такое, чтобы в ходе анализа волосяных волокон обнаружилось, что два волоса с кожи головы одного и того же человека не имеют одинаковых морфологических характеристик?

— Возможно. Хотя и крайне маловероятно.

— Но все-таки возможно. В таком случае, изучив эти волосы под микроскопом, можно ли подумать, что они принадлежат двум разным людям? То есть вы не можете с полной уверенностью утверждать, что два этих волоса принадлежат

одному и тому же человеку?

— Как я уже сказал, это большая редкость, но такое не исключается.

Я повернулся к судье:

— Ваша честь, я хотел бы приобщить к делу со стороны защиты заключение эксперта по волосяным волокнам, содержащееся в этих конвертах. Вас не затруднит передать один из них свидетелю?

Драйер сразу же вылез с возражением, резко обратившись к судье, пока его помощник вскрывал полученный от меня конверт:

— Ваша честь, если защита получила заключение собственного свидетеля-эксперта, то мы должны были получить его заранее, чтобы у нашего свидетеля-эксперта было время изучить его. Это ловушка!

— Мистер Флинн! Я очень серьезно отношусь к этому возражению. Кто ваш эксперт по волосяным волокнам?

— Его фамилия Шандлер, — безмятежно ответствовал я.

В зале суда воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом вскрываемых конвертов. Я нарушил ее, чтобы изложить свою точку зрения, прежде чем Драйер успел опомниться:

— Я не устраиваю ловушку этому свидетелю, поскольку отчет в конверте был подготовлен и написан этим самым свидетелем. Его собственный отчет не может явиться для него неожиданностью и застать его врасплох. Выводы, содержащиеся в этом отчете, не имеют никакого отношения к экспертизе, проведенной им для стороны обвинения, — это совершенно отдельный вопрос, который касается достоверности результатов подобной экспертизы как таковой.

Судья Стоун просмотрел отчет, то же самое сделали окружной прокурор и Шандлер.

— Я разрешаю продолжить эту линию допроса. Я не могу исключить отчет свидетеля окружного прокурора, хотя и считаю его неуместным, — наконец объявил Стоун. — Разрешаю свидетелю и присяжным ознакомиться с этим отчетом. Он коротенький, всего две страницы.

В одном из конвертов были копии и для членов жюри. Их быстро раздали, и присяжные приступили к чтению. И как только дочитали до конца, я увидел на их лицах откровенное замешательство.

— Профессор Шандлер, в этом отчете, подготовленном по заказу «Детективного бюро Харпер», вы приводите результаты исследования двух

образцов волосяных волокон. Образцов, помеченных как «Ф-1» и «К-Д», верно?

Шандлеру потребовалось некоторое время, чтобы ответить. Он нервно заозирался по сторонам, как будто и впрямь в любой момент мог угодить в какую-то ловушку.

— Да, это я проводил данный анализ.

— И вы пришли к выводу, что эти образцы с большой степенью вероятности принадлежат одному и тому же источнику?

— Да.

— И ваши сегодняшние показания заключаются в том, что волос, обнаруженный в одной из ран жертвы, с большой степенью вероятности принадлежит моей клиентке?

— Да.

— И чуть раньше вы заявили присяжным, что полностью отвечаете за точность всех ваших отчетов?

— Да.

Подхватив телефон, я нажал на «Отправить».

— Отчет, который вы подготовили для «Детективного бюро Харпер» всего шесть недель назад, подтверждает вероятное совпадение образцов «Ф-1» и «К-Д». Могу сказать вам, что образец волос «Ф-1» был взят у меня. Это мой волос. Это меняет

ваше мнение?

— Нет, нисколько. Таким образом, образец «К-Д» должен быть тоже от вас, — сказал он.

— Вообще-то нет. Вот этот «К-Д».

Я отступил назад, указывая на задние двери, и в зал торжественно вступил Гарри. Упершись руками в подлокотники, Шандлер приподнялся в кресле, чтобы лучше видеть происходящее поверх голов собравшейся в зале публики. Увидев Гарри, он сразу же опустился обратно с самодовольной улыбкой на лице.

— Это совершенно исключено. При всем уважении, микроскопический анализ показал бы четкое различие между волосом представителя европеоидной расы и волосом афроамериканца, причем по многим параметрам. Образец «К-Д» явно не мог быть получен у этого джентльмена, — сказал он, указывая на Гарри.

Добравшись до конца прохода, Гарри встал в процессуальной зоне зала, на полном виду у свидетеля, судьи и присяжных. И, услышав эти слова Шандлера, не смог сдержать улыбки.

— Вы правы, профессор Шандлер, — согласился я. — Образец «К-Д» получен не у мистера Форда. А вот у него.

Шандлер только разинул рот, когда я указал

на Кларенса Дэрроу, который, сидя рядышком со своим хозяином, вылизал себе ляжки своим длинным языком, после чего посмотрел на Шандлера и отрывисто тявкнул.

— Вы всегда отвечаете за результаты своего анализа, профессор. И все же не способны отличить мои волосы от шерсти с брюха этой собаки… Не хотите ли прямо сейчас изменить свои показания?

— Это просто возмутительно! — заорал Шандлер, вскакивая на ноги и грозя мне пальцем. Принялся кричать и ругаться. Думаю, даже попытался бы ударить меня, окажись я к нему чуть ближе.

Толпа в зале разразилась смехом. Присяжные смотрели на Шандлера так, словно у него только что выросла вторая голова, а судья принялся стучать кулаком по своему блокноту.

— Немедленно уберите отсюда это животное! — выкрикнул Стоун.

Последнее слово осталось за Гарри:

— Какое именно, ваша честь? Кларенса или профессора Шандлера?

Глава 42

Кейт

Кейт никогда еще не видела ничего подобного.

Судья Стоун сразу же объявил обеденный перерыв и приказал освободить зал. Эдди не стал рвать на куски эксперта окружного прокурора — он просто позволил этому эксперту самому растерзать себя. Сама Кейт никогда не притащила бы в суд собаку — просто пороху не хватило бы. Присяжным это понравилось, и к тому моменту, когда Эдди и Гарри направились к выходу из зала, Кейт поняла, что их удар с максимальной точностью угодил в цель. А она-то надеялась, что показания профессора Шандлера нарисуют огромных размеров мишень на спине у Софии Авеллино…

Опять восстановилось хрупкое равновесие. Которое могло быть нарушено уже следующим свидетелем обвинения.

Этажом выше Кейт и Блок нашли тихий кабинетик и усадили там Александру — подальше от прессы, с салатом и бутылкой воды. А потом спустились по лестнице на два этажа, чтобы спо-

койно поговорить, прогуливаясь по коридорам. Ни одна из них не была голодна, и Кейт очень не хотелось, чтобы кто-нибудь подслушал их разговор, особенно ее клиентка.

— Теперь уже непонятно, что и думать… — произнесла она. — Ты по-прежнему уверена, что мы на правильной стороне в этом деле?

— Ты же адвокат защиты, — заметила Блок.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Тут не может быть правильной или неправильной стороны. Ты просто делаешь свою работу.

— Чушь это собачья, и ты это знаешь. И ты знаешь меня. Тебя бы здесь не было, если б ты не верила Александре.

— Наверное, ты права, — сказала Блок.

Иногда Кейт ловила себя на том, что подруга слегка ее раздражает. В такие моменты просто хотелось выслушать длинное объяснение касательно того, почему она все еще поступает правильно, почему Александра невиновна и как они собираются выиграть это дело. Кейт хотела, чтобы эти слова затопили ее с головой. Поглотили ее сомнения. Смыли их без следа.

Расхаживая по коридорам, они обсуждали стратегию работы с экспертом по следам укусов.

Звали его Питер Бауманн. Штатных специалистов по анализу таких следов нет ни в одной правоохранительной структуре — что на местном уровне, что на федеральном. Так что пришлось привлечь признанного эксперта со стороны. Тему Бауманн знал от и до. Он много лет проработал в правоохранительных органах и не раз выступал в качестве свидетеля-эксперта в суде, пусть даже его методы и не относились к самым передовым. Кейт знала, что обвинители выбирают своих экспертов на основании двух основных критериев: их стажа и опыта в данной области, а также — что, пожалуй, даже еще более важно — их способности выдержать перекрестный допрос. Окружному прокурору не было смысла привлекать лучшего в стране эксперта по следам укусов только для того, чтобы в ходе судебного слушания обнаружить, что под жарким напором защиты тот вдруг поплывет, словно оставленный на солнце шоколадный батончик.

Обеденный перерыв пролетел незаметно, и ни Блок, ни Кейт так и не успели поесть. Стаканчик кофе из торгового автомата — или, по крайней мере, чего-то похожего на кофе — вот и все, что Кейт была способна одолеть. В зал она вернулась задолго до окончания перерыва. От по-

вторного прямого допроса профессора Шандлера обвинение отказалось — Драйер понял, что этот свидетель безнадежен. Плохо, когда на одного из твоих свидетелей градом сыплются сложные вопросы, но в десять раз хуже, когда этот свидетель становится общим посмешищем. Кейт считала, что вообще-то Эдди мог добиться того же результата и не притаскивая в зал собаку Гарри, но эта собака заставила присяжных посмеяться над Шандлером, и как только это произошло, игра была кончена.

Питер Бауманн выглядел совсем не так, как Кейт его себе представляла. Она думала, что он будет гораздо больше похож на профессора Шандлера — статного, богатого и внешне привлекательного. Росточка Бауманн оказался совсем крошечного — не более пяти футов, был чисто выбрит и абсолютно лыс. Брови у него были такого белесого оттенка, что поначалу Кейт показалось, будто у него их тоже нет, как и волос на голове. Когда он проходил мимо столов защиты в передней части зала, направляясь к свидетельской трибуне, Кейт уловила исходящий от Бауманна необычный запашок. Не то чтобы особо неприятный — пахло чем-то вроде смеси зубоврачебной слепочной пасты, хлорки и камфары, как в каби-

нете дантиста, что показалось Кейт и странным, и в то же время успокаивающим. Вскользь подумалось, не пахнет ли от нее самой бумагой и чернилами.

Приносить присягу на Библии Бауманн отказался и вместо этого просто заявил, что будет говорить правду и ничего, кроме правды. Обвинителям нравилось, когда их эксперты давали клятву на Библии. И для свидетелей, исповедующих христианскую религию, проблемы это не составляло, в отличие от экспертов-атеистов. Некоторые ученые активно этому противились, утверждая, что чувствуют себя мошенниками, когда клянутся на Библии, будучи совершенно неверующими. Считалось, что стандартная присяга лучше воспринимается присяжными и что это может оскорбить чувства некоторых из них, если кто-то из экспертов обвинения будет открыто отвергать Библию — да и доверие к таким экспертам будет изначально подорвано.

На сей раз у присяжных, похоже, не возникло никаких возражений, когда Бауманн отказался приносить присягу на Библии. Одет он был в пастельно-голубой костюм и белую рубашку с ярко-зеленым шелковым галстуком. Кейт сочла, что этот галстук привлекает излишнее внимание. С

такой штукой можно было посадить самолет.

— Мистер Бауманн, не могли бы вы объяснить членам жюри, в какой области специализируетесь? — задал свой первый вопрос Драйер.

Как ни странно, Бауманн не стал ловить взгляды присяжных. Даже не повернул голову, чтобы посмотреть на них. Его взгляд остановился на какой-то точке на задней стене за спиной у Кейт. Пока он отвечал на вопрос обвинителя, в глазах у него застыло какое-то неопределенное, отстраненное выражение.

— Я судебный одонтолог, научный сотрудник Техасского университета в Сан-Антонио и член Американского общества судебной стоматологии и одонтологии сравнения прикуса. Я изучаю следы укусов уже более тридцати пяти лет и предоставляю экспертные заключения в более чем пятнадцати штатах по всей территории США, — монотонно сообщил Бауманн, по-техасски подчеркивая каждый слог. «Одонтология» в устах Бауманна прозвучало как «о-дон-то-логия», как будто это слово было слишком длинным для того, чтобы произноситься с таким акцентом, и требовало значительных усилий, чтобы его выговорить.

— Это вы исследовали след от укуса на теле

жертвы? — продолжал Драйер.

— Совершенно верно. На левой стороне грудной клетки, возле соска, судмедэксперт обнаружила то, что она приняла за одиночный след от укуса. Существует семь различных типов таких следов. Данный я определил как так называемый «поверхностный прокус» — зубы просто проткнули кожу. Это не был отрывной надкус, так как кожа не была удалена. Не был это и «откус», при котором удаляются подкожные ткани. По сути, этот след представлял собой обычную колотую рану. Мне удалось идентифицировать восемь проколов овальной формы, соответствующие следам передних зубов.

В этот момент Бауманн указал на экран напротив, и ассистент Драйера нажал на кнопку на пульте дистанционного управления, выводя на экран полноцветное изображение для присяжных.

— Я сделал этот снимок во время осмотра жертвы — тот самый укус крупным планом. Как вы можете видеть, он овальной формы, а образующие его раны четко очерчены. Под кожей имеется небольшое кровоизлияние, вызванное тем, что зубы сомкнулись вокруг плоти, сдавив ее в месте укуса.

— Каким образом вы проанализировали данный укус?

— Я провел все необходимые измерения — сначала непосредственно на теле, а затем и на сделанном мной снимке в натуральную величину, убедившись, что контрольные размеры полностью совпадают. После этого мне предоставили слепки зубов двух обвиняемых по этому делу. На основе этих снимков я сделал две так называемые мастер-модели и сравнил их с отпечатком зубов на фотографии.

— Как вы можете быть уверены, что эти модели в точности отображают строение зубов подсудимых?

— Модели выполнены с идеальной точностью. Они отлиты со слепков по той же технологии, что повсеместно используется в стоматологической практике — например, при зубном протезировании. Все очень точно.

— Изготовив модели, что вы сделали дальше? — продолжал свой прямой допрос Драйер.

— Я провел все необходимые измерения и сымитировал укус, используя обе модели. Измерил расстояния между клыками, ширину резцов и углы их направленности. Сравнения имитированных следов укусов, перенесенных на

прозрачную пленку, с фотографией следа, оставленного на жертве, выявили совпадение с одной из моделей. Имитированный след, оставленный этой мастер-моделью, в точности соответствовал конфигурации следа, оставленного на жертве.

— Что это была за мастер-модель?

— Мастер-модель номер два. Изготовленная со слепка зубов Александры Авеллино.

— Какое заключение, если таковое имеется, вы сделали на основе вашего исследования и сравнения следа укуса на жертве и зубов обвиняемых?

Бауманн прокашлялся, подался вперед и произнес:

— Подсудимая Александра Авеллино укусила своего отца в грудь с такой силой, что ее зубы проткнули ему кожу. Вот каково мое заключение.

Присяжные, которые до сих пор молча сидели, внимая по-южному мягкому выговору Бауманна, теперь посмотрели на Александру. Кто-то с отвращением, кто-то с разочарованием.

— Вопросов больше не имею. Хотя они могут возникнуть у мисс Брукс, так что оставайтесь пока что на своем месте, мистер Бауманн.

Глава 43

Кейт

Отложив свои записи, Кейт встала и обошла вокруг стола защиты, чтобы оказаться поближе к Бауманну. Брови у него сошлись на переносице, но он сохранил свою джентльменскую улыбку. Вид у него был снисходительный.

— Мистер Бауманн, вы сказали, что являетесь членом Американского общества судебной стоматологии и одонтологии сравнения прикуса?

— Да, являюсь, мэм.

— В Соединенных Штатах имеются еще как минимум три организации, члены которых занимаются судебной одонтологией: Бюро юридической стоматологии, Американский совет судебной одонтологии и Международная организация судебной одонто-стоматологии. Вы не являетесь членом этих организаций?

— Нет, мэм.

— А почему?

Бауманн шумно выдохнул, как будто все это было лишь пустой тратой его драгоценного времени.

— Ну, главный офис организации, к которой я принадлежу, находится в Хьюстоне. Всего в двух-трех часах езды. Так что в основном дело в удобстве.

— Три другие организации, которые я упомянула, за последние несколько лет предпринимали попытки разработать рекомендации по стандартизации криминалистической экспертизы следов укусов, прежде всего в области их сравнения. В отличие от вашего общества, верно?

— Эти организации базируются в Нью-Йорке и Калифорнии, и мы не слишком-то высоко оцениваем их подход к делу. Мы всё делаем по-своему.

Кейт сделала паузу, нацелив вопросительно поднятую бровь на присяжных. Ньюйоркцам не больно-то по вкусу пренебрежительные выпады в адрес их города или его обитателей. Паузу она затянула настолько, чтобы присяжные успели затаить обиду на Бауманна, а затем продолжила:

— Так что вы, к примеру, не проводите трехмерную компьютерную съемку зубов подозреваемого?

— Нет, не проводим.

— И у вас нет стандартизированной системы оценки, позволяющей оценить степень сходства по какой-либо цифровой или буквенной шкале?

— Нет, мэм.

— Вы просто сравнили зубные ряды подозреваемых — и одних только подозреваемых — со следом укуса на теле жертвы. А вы, к примеру, не сделали сразу несколько имитаций — при помощи, скажем, десяти или одиннадцати моделей, согласно рекомендациям Бюро юридической стоматологии? Как при полицейском опознании, когда свидетель должен указать на подозреваемого в ряду сразу из нескольких похожих на него людей?

— Нет.

— Когда вас вызвали для проведения анализа этого следа укуса?

— Мне позвонили в субботу. Я прилетел в воскресенье и тем же вечером осмотрел тело.

— Где вы осматривали тело?

— В морге.

— Значит, вы никак не учли возможные искажения конфигурации ран?

— Я предполагал, что некоторая степень искажения вполне могла иметь место, но это никак не повлияло на мои выводы или измерения.

— Давайте проясним, что я имею в виду, когда говорю об искажениях. Человеческая кожа обладает высокой степенью эластичности. Она

ведь может расширяться, сжиматься, разбухать и усыхать?

— Может.

— А когда тело перемещают, к его коже не может быть не приложен какой-то момент силы. На месте преступления тело помещают в мешок для трупов, везут сначала на труповозке, а потом на каталке в городской морг, а в морге тело снова вынимают из мешка и укладывают на секционный стол для осмотра…

— Полагаю, что так.

— И когда приподнимают тело, то обычно берут его под мышки? Вдвоем, расположившись по обе стороны тела, после чего к этим двоим присоединяется третий, который поднимает тело за ноги?

— Полагаю, что вы правы.

— Когда кожа натягивается, а какая-либо часть ее уже надорвана, это ведь может привести к дальнейшему разрыву кожи, не так ли?

Бауманн некоторое время обдумывал этот вопрос, после чего неохотно произнес:

— Такое не исключается.

— Или же, скорей всего, так и произойдет?

— Возможно.

— Учитывая, что ваши измерения были сделаны с точностью до долей миллиметра — воз-

можно ли, что проколы, которые вы измерили, в процессе перемещения тела расширились?

— Это возможно. Все возможно.

— Когда вы осматривали тело, оно наверняка еще находилось в состоянии трупного окоченения, при котором кожа натягивается и любые колотые раны могут расшириться, верно?

— Полагаю, что так.

— Одна из одонтологических организаций, о которых я упомянула, утверждает, что невозможно провести точное сравнение следов укусов, если тело подверглось трупному окоченению или его перемещали. Вы согласны с подобным мнением?

— Похоже, я вынужден повториться, мэм. Я уже говорил вам, что не одобряю их методы.

— Разве это не основная проблема при сравнении следов укусов, мистер Бауманн? Отсутствие общепринятого стандарта?

— Я так не думаю. Точность сравнения зависит от моего опыта.

Кейт ненадолго примолкла и задумалась. Она достигла той точки, на которой все могло полететь кувырком. Можно было бы и остановиться — воспользоваться теми ответами, которые у нее уже имелись, — или же навалиться на Бауманна по полной программе. Оглянувшись через плечо,

Кейт увидела Блок, которая сидела, подперев голову руками. Прикрыв глаза, та кивнула. Давай, мол, действуй.

— Мистер Бауманн, в Соединенных Штатах ведь нет базы данных следов укусов?

— Нет, насколько мне известно.

— Значит, в данном случае вы не можете сравнить следы укусов на теле жертвы с каким-либо другим набором зубов, кроме двух этих мастер-моделей?

— Прикажете мне сравнивать следы укусов всех жителей Нью-Йорка? Я вполне способен распознать сходство, а затем подтвердить его инструментальными измерениями. Мне не нужно сравнивать с населением в целом.

— У всех у нас одинаковое строение передних зубов, за исключением случаев их потери или повреждения, верно?

— Да, это так. У каждого человека имеются центральные и боковые резцы, а также клыки. По два на верхней и нижней челюстях. Всего двенадцать зубов, имеющих свои характерные особенности. Я осмотрел каждый из них и сравнил с тем следом укуса. Шансы на то, что у кого-то окажутся одинаковые расстояния между каждой парой зубов… Вообще-то я даже не возьмусь их назвать,

настолько они мизерны.

— Цель общей стоматологии — сохранять зубы и десны здоровыми и обеспечивать их единообразие, верно?

Лицо Бауманна начало краснеть. Краснота быстро распространилась на кожу головы, сделав его похожим на какой-то рассерженный помидор. Однако ответ последовал не сразу.

— Единообразие — это не всегда цель.

— Как раз с этой целью кому-то и ставят на зубы брекеты, не так ли?

— Верно, — проворчал он.

— Ваше утверждение о мизерности шансов на то, что зубы некоего усредненного представителя человеческой популяции оставят такой же след, что и зубы Александры Авеллино, основана на вероятности того, что положение каждого отдельного зуба уникально по отношению к другим зубам?

— Иначе и быть не может.

— Нет, если вы, как Александра Авеллино, в течение двенадцати месяцев носили брекеты, чтобы изменить положение зубов. Чтобы они выглядели более единообразно и соответствовали общепринятым стандартам красоты.

— Я не знал, что она носила брекеты.

— Это меняет ваши выводы?

Бауманн покачал головой.

— Не думаю. Это практически ничего не меняет.

— Понятно. А тот факт, что ни один из других судебных одонтологов даже не пытался бы в данном случае проводить какие-то сравнения следа укуса из-за трупного окоченения и перемещения тела, не дает вам повода усомниться в ваших выводах?

— Нет, мэм.

— Что же касается того, как именно вы имитировали укусы при помощи моделей: какой материал использовался в качестве заменителя человеческого тела? — спросила Кейт, уже зная ответ. Она просто хотела, чтобы присяжные это услышали.

— Свиная кожа. Это самый близкий по своим характеристикам материал, который мы можем использовать с этической точки зрения.

— И вы считаете, что свиная кожа эквивалентна человеческому телу в состоянии трупного окоченения?

— Это лучшее, чем мы располагаем.

— Подводя итог: ваш анализ никак не учитывает всевозможные изменения, которые могла

претерпеть конфигурация следа укуса с момента нанесения раны, и вы не можете утверждать, что след от укуса моей клиентки абсолютно уникален?

— Полагаю, что да, мэм.

Кейт отвернулась от свидетеля и, возвращаясь на свое место, внимательно наблюдала за присяжными. Некоторые качали головами, глядя на Бауманна, других не убедили либо Кейт, либо Бауманн — вид у них был довольно индифферентный. Трудно сказать, насколько успешно прошел этот встречный допрос, но, по крайней мере, у нее появилось несколько сторонников среди присяжных. Целью Кейт было минимизировать ущерб — и не более того. Исходя из этого, она сочла этот допрос успешным.

Не желая допустить разгрома сразу двух своих свидетелей-экспертов, Драйер добрых десять минут пытался залатать дыры в показаниях Бауманна, но довольно серьезный ущерб был уже нанесен. Все та же горстка присяжных вроде как посматривала на него с некоторым подозрением.

Этого было достаточно.

Спускаясь со свидетельской трибуны, Бауманн одними губами произнес слово «сука» — в сторону Кейт. Сначала она была шокирована, а затем

повнимательней присмотрелась к его лицу. Проходя мимо ее стола, он добавил что-то еще. И на Кейт при этом не смотрел. Как и на Блок.

Нет, это было адресовано Александре, которая не могла смотреть на Бауманна и избегала его взгляда. Поэтому и не заметила, как он опять одними губами произнес: «Сука, убийца…»

Кейт уже подумывала о том, чтобы пожаловаться, указать на это судье и попросить его наложить на Бауманна какое-нибудь взыскание. Хотя, с другой стороны, не хотела, чтобы присяжные услышали, как тот обозвал Александру.

Похоже, купился на свою собственную псевдонаучную галиматью, подумала Кейт.

Но тут у нее возникла другая мысль. А вдруг Бауманн все-таки прав?

Глава 44

Эдди

Судья Стоун разрешил Драйеру вызвать последнего свидетеля за день, когда Кейт в два счета уничтожила его эксперта по следам укусов. Я подумал, что она припасла достаточно, чтобы бросить тень на этого лысого техасца — тень

почище чем от десятигаллонного стетсона[109].

Пока Драйер совещался со своей командой, я воспользовался возможностью понаблюдать за присяжными. Некоторые из них все еще не оправились от показаний Бауманна. Я бы сказал, что семеро из них пребывали в явной растерянности. Остальных пятерых спец по укусам Драйера явно не убедил. Судя по всему, обвинитель попросил взглянуть на тот след от укуса как минимум с полдюжины экспертов, и большинство из них, пользующихся наибольшей репутацией, наверняка отказали ему, когда узнали, что тело перемещали.

Всегда найдется эксперт, который поставит свою подпись под любым заключением, основанным исключительно на его собственном мнении, если ему хорошо заплатят. Судебная экспертиза в правовой системе США больше приводится в действие деньгами и стремлением добиться обвинительного приговора, чем наукой. Деньги решают всё.

— На сегодня у меня еще только один свидетель, — наконец объявил Драйер. — Мы наме-

---

[109] notes: 109

Стетсон — широкополая ковбойская шляпа, ассоциирующаяся с образом коренного техасца. «Десятигаллонный» — намек на то, что шляпа реально большая.

ревались вызвать Хэла Коэна, давнего друга и коллегу жертвы, но, к сожалению, вчера мистер Коэн был смертельно ранен ножом по дороге в мой офис. Поиски преступника продолжаются. Полиция полагает, что могла иметь место неудачная попытка ограбления, хотя не исключено, что имелись и иные мотивы.

— Полиция допрашивала подсудимых по этому поводу? — поинтересовался судья.

— Нет, — ответил Драйер. — Этот судебный процесс слишком важен, чтобы его можно было прерывать. Я уверен, что полиция Нью-Йорка допросит обвиняемых, чтобы установить их местонахождение на момент этого убийства, по завершении данных слушаний.

В ходе судебного процесса все твои чувства находятся в состоянии повышенной боевой готовности. Начинаешь «читать» как свидетелей, так и присяжных, уже на уровне языка тела, прислушиваясь к каждому такому невысказанному слову и оценивая его. Это все равно что провести семь часов на туго натянутом канате, и стоит даже на миг потерять концентрацию, как твой клиент полетит на дно глубокой пропасти. И когда Драйер ответил на вопрос судьи, я ощутил, как в зале что-то изменилось. Что-то произошло.

София…

Ее руки были сцеплены под столом. Она так крепко переплела пальцы, что локти у нее дрожали от напряжения. На лице застыло отсутствующее выражение, в глазах стояли слезы, и она слегка раскачивалась взад и вперед. Словно ожидала появления палача.

Бросив взгляд в сторону, я увидел, что Александра нервно ерзает на своем стуле, а ее левая нога нервно подрагивает.

Обе хорошо знали Хэла Коэна. О его смерти я сообщил Софии еще утром. Вид у нее тогда был печальный и растерянный. Наверное, даже потрясенный. Мне было интересно, как восприняла эту новость Александра. Прямо сейчас, при упоминании его имени, одна из них должна была опечалиться, а другая — попытаться скрыть тот факт, что это она убила его.

— Ваша честь, — продолжал Драйер, — поскольку я надеялся допросить мистера Коэна, мне придется вызвать другого свидетеля раньше, чем предполагалось. Мне нужно еще немного времени.

— Сколько именно? — уточнил Стоун.

— Самое большее час.

— Перерыв на один час, — объявил судья, после

чего секретарь суда призвал всех встать.

Гарри еще глубже съехал вниз на стуле, а я откинулся на спинку и скрестил руки на груди. Мы с ним уже высказали свою точку зрения. Теперь это был вопрос принципа.

Оглянувшись, я увидел, что Кейт обеспокоенно посматривает на меня.

Судебные процессы вроде этого были в моей практике большой редкостью. Я совершенно не представлял, какого свидетеля Драйер припрятал в кармане. И понятия не имел, что произойдет дальше. При таком судье, как Стоун, Драйеру сойдет с рук все, что угодно. Любая ловушка, любая западня. Это не имело значения. Стоун желал обвинительного приговора не меньше, чем Драйер.

Мы отвели Софию в тихую комнату и устроили ее там. Этот судебный процесс хоть и шел довольно быстро, все-таки брал свое. Едва заметные морщинки вокруг глаз Софии углубились и растянулись, и теперь под ними появились темные круги. Пальцы у нее дрожали, голос был хриплым и прерывистым. Как будто что-то внутри нее время от времени сотрясало ее до самого основания.

— По-моему, на данный момент мы идем почти вровень с Александрой. Не знаю, что там готовит

прокурор, но, чем бы это ни было, мы с этим разберемся. Вы отлично со всем этим справляетесь. Де́ржитесь молодцом. Мне просто нужно, чтобы вы продержались еще денек-другой. Потом все закончится, — сказал я.

София кивнула.

— Не знаю, сколько еще смогу выдержать… Находиться с ней в одном помещении… Господи, это навевает на меня целое множество неприятных воспоминаний! То, о чем я очень давно не вспоминала. И то, что она сделала с папой…

Гарри положил руку ей на плечо, сжал. Она положила свою ладонь поверх его руки, а затем прижалась к ней щекой. Глаза у нее закрылись, и из них потекли слезы, одна за другой капая Гарри на пальцы.

— Все будет пучком, — ободрил ее он.

Мы сидели в тишине, пока София пыталась взять себя в руки. В эти относительно спокойные моменты поток боли, который я из последних сил сдерживал, грозил прорвать плотину. Можно было бы «щелкнуть выключателем», но горе и чувство вины все равно никуда не девались бы. Они застряли где-то под подбородком, сдавливая горло. Я знал, что, когда закончится судебный день, плотина все-таки откроется — где-то бли-

же к вечеру. Еще одна ночь без сна… Еще одна ночь, когда я буду колотить кулаками в стены… Я вздохнул, стараясь держать плотину закрытой. Разберусь с этим позже.

— Кто убил Хэла Коэна? Могла это быть Александра? — спросила София.

— Мы этого не знаем, — ответил я.

Мы оставались в комнате, пока один из помощников Драйера не разыскал нас и не постучал в дверь.

— Мистер Драйер хотел бы вас видеть, — объявил он.

София уверяла, что все с ней в полном порядке, но Гарри явно не хотел оставлять ее без присмотра — хотя в конце концов уступил, и мы оба направились по коридору туда, где на лавке, стоящей у выкрашенной в грязно-желтый цвет стены, нас поджидал Драйер. От трещины в стене отслоилась краска, и одно плечо безупречного костюма Драйера было усыпано желтыми чешуйками, но он этого еще не заметил.

Я сел рядом с ним. Гарри встал напротив нас, скрестив руки на груди.

— Если б вы попросили судью раздеться догола и станцевать с вами посреди зала суда эротический танец, он бы это сделал, — произнес я.

По лицу Драйера расплылась сухая безрадостная улыбка, обнажившая мелкие белые зубы.

— Да, мы с судьей просто отлично ладим. А у меня для вас тут кое-что есть. Вы, наверное, рассердитесь, когда я вам это передам, но даю вам слово профессионала: мне впервые в жизни доводится вручать такое.

По другую сторону от Драйера лежала небольшая стопка страниц. Наверное, не больше сотни. Она лежала на лавке лицевой стороной вниз, чтобы никто из проходящих мимо не смог увидеть название документа.

— Это принес Хэл Коэн. Я увидел это три дня назад. Это ксерокопия. А сверху — отчет Сильвии Саграды, подтверждающий подлинность данного документа. Я собираюсь приобщить его к уликам и вызываю Сагради в качестве свидетеля.

Я взял у него стопку бумаг и, не глядя передав ее Гарри, поинтересовался:

— И долго же вы это придерживали?

— Я увидел этот документ всего три дня назад. И не передавал его вам, пока не убедился, что он подлинный. По крайней мере, по словам мисс Саграды. Не возьмусь этого утверждать, но Хэл Коэн наверняка объяснил бы на суде, как это к нему попало. Однако Хэла Коэна больше нет, так ведь?

— Эдди…

— Обожди секундочку, Гарри, — отозвался я. — Драйер, и вы думаете, что я поверю в эту чушь? Это ловушка. Так на слушании по делу об убийстве не поступают.

— Как будто вы сами не предоставили свой собственный отчет о волосяных волокнах, пока не приступили к встречному допросу свидетеля обвинения, — парировал Драйер.

Он поднялся на ноги.

— Я говорю вам правду. Коэн прислал это в мой офис несколько дней назад. Я должен был убедиться в подлинности этого документа, прежде чем передать его вам. Если б он оказался «уткой», я бы им не воспользовался и мы не вели бы сейчас этот разговор. Будьте готовы. Через десять минут я вызываю на свидетельскую трибуну Сильвию Сагради.

Мы оба стояли лицом друг к другу. Я немного повыше, но Драйер выпрямился, силясь сравняться со мной. Мы встретились взглядами. Он расправил манжеты, выпятил грудь, а уголки его губ скривились в чем-то больше похожем на оскал, чем на улыбку. Если б я не знал его лучше, то мог бы поклясться, что он вот-вот полезет в драку.

Я опустил взгляд ему на ноги. Он даже привстал на цыпочки.

— Если вы хотите меня запугать, то советую прикупить «Хаш Паппиз» на более высоком каблуке, старина.

— Вы мне не нравитесь, мистер Флинн.

— Я тоже от вас не в восторге. Вы намеренно сблизились с судьей-расистом, придерживающимся правых взглядов, — и только лишь для того, чтобы продвинуться по карьерной лестнице и упростить себе работу в суде. Меня от вас тошнит.

Драйер издевательски хохотнул.

— Мне не нужен Стоун, чтобы все вышло по-моему. Строго между нами: я рад, что не использовал те проверки на полиграфе. Результаты вашей клиентки оказались довольно неоднозначными. Полагаю, что сложившаяся прецедентная практика, исключающая привлечение экспертов по детекторам лжи, все-таки в чем-то небезосновательна. А вот свидетельство, которое я только что вам вручил, хоронит вашу клиентку с потрохами. Она убийца. По-моему, ее сестра тоже имеет к этому какое-то отношение. Я думаю, что они обе убили его. Может, я и не смогу этого доказать, но, по крайней мере, сумею отправить вашу клиент-

ку за решетку, где ей самое место.

Глянув поверх моего плеча на Гарри, он добавил:

— Приятного чтения.

Глава 45

Кейт

За каких-то пять минут прочитав отчет Сильвии Саграды, Кейт и Блок пролистали подшитые к нему ксерокопии страниц. Блок не произнесла ни слова. Когда Кейт собралась задать ей какой-то вопрос, она просто покачала головой — переваривала прочитанное. Слишком рано для вопросов. Но Кейт заметила выражение ее глаз. Это была та самая улика, которую они ожидали. Она уже посвятила Блок в свой разговор с Флинном. Где-то рядом с ними в зале суда сидела убийца, которая устраняла свидетелей и манипулировала ходом слушания, подбрасывая железобетонные улики, чтобы добиться для себя оправдания, а для своей сестры — обвинительного приговора.

Кейт рассказала Александре про отчет и приметила, как в глазах у той блеснул огонек.

— Я так и знала! Я знала, что это произойдет! О,

спасибо тебе, боже! — воскликнула Александра, молитвенно сцепив пальцы рук, запрокинув голову и устремив взгляд в потолок. Эта новая улика могла засадить Софию за убийство. Александра хорошо это понимала.

— Это ваш пропуск на выход из тюрьмы, — сказала Кейт.

— Это правда! — все столь же восторженно ответила Александра. — Наконец-то суд услышит правду!

Блок лишь покачала головой.

Когда они возвращались в зал суда, Александра чуть ли не приплясывала на своих высоких каблуках — лицо у нее оживилось от новой надежды. Кейт же казалось, будто ее вот-вот стошнит. В животе что-то сжалось, к горлу подступил комок. Она капитально облажалась. Она представляла убийцу. Кейт сглотнула подступившую к горлу желчь. Сказала себе, что должна была догадаться, что как раз она и защищает убийцу. Эдди Флинн слишком опытен, чтобы позволить клиенту напарить себя.

Заняв свои места за столом защиты, они стали ждать. Наконец вернулся судья, и Драйер объявил, что вызывает нового свидетеля. Сильвию Сагради. Эдди встал и выступил с возражением,

но Стоун пренебрежительно отмел его, заявив, что нового свидетеля допускает, а приемлемость представляемой тем улики оценит по ходу дела.

Кейт казалось, что она связана по рукам и ногам в быстро несущейся машине. Руками не пошевелить, руль мотается из стороны в сторону сам по себе, не поддаваясь контролю, нога прилипла к вжатой до пола педали газа, а машина, слетев с дороги, мчится прямо в сплошную кирпичную стену. Открыв глаза, она перевела дыхание.

Они с Флинном уже обсудили, что будут делать. Кейт не могла участвовать в том, чтобы подставить невинную женщину и отпустить убийцу гулять на свободе. Заключая сделку с Флинном, она и подумать не могла, что как раз Александра и есть та убийца, что втихаря передвигает фигуры на доске. Кейт не желала быть частью чего-то подобного. Она больше и пальцем о палец не ударит, чтобы помочь Александре выйти сухой из воды. Попытка отказаться от клиентки лишь все усложнит. Да и судья наверняка не позволит ей этого в самый разгар процесса по делу об убийстве. Но даже если и позволит, это не решит проблему. Все, что ей оставалось, — постараться не стать орудием, использованным для осуждения ни в чем не повинной Софии Авеллино.

В зале суда воцарилась тишина. Кейт почувствовала, как Блок толкнула ее локтем в бок. Она подняла взгляд, и подруга многозначительно мотнула головой на судью.

— Мисс Брукс, — произнес судья Стоун, — я надеюсь, вы всё еще с нами. Скажите мне: вы уже получили инструкции своей клиентки по данному вопросу? Насколько я понимаю, у вас нет возражений против этого свидетеля?

Ей даже не пришлось поворачивать голову. Боковым зрением Кейт видела, как Александра качает головой, шепча себе под нос:

— Нет, никаких.

— Нет, ваша честь. На данный момент моя клиентка не возражает, — ответила Кейт.

— Хорошо, тогда продолжайте, мистер Драйер, — велел Стоун.

— Спасибо, ваша честь. Народ называет доктора Сильвию Сагради!

Вперед, постукивая каблучками, вышла миниатюрная женщина в сером брючном костюме. Ее длинные, очень темные волосы ярко блестели в свете потолочных ламп. Когда она приносила присягу, Кейт поняла, что эта женщина моложе, чем она ожидала, и от нее исходит некая особая аура. В ее манере говорить было что-то властное,

твердое. Когда доктор Саграда что-то говорила, вы этому верили.

— Доктор, давайте начнем с этого вашего звания, просто чтобы присяжным было понятно — вы ведь не доктор медицины, верно?

— У меня докторская степень по судебной экспертизе документов и их сравнению, полученная в Университете Мехико. А в настоящее время я работаю в Нью-Йоркском университете.

— Не так давно вам прислали из моего офиса некий пакет документов. Пожалуйста, расскажите присяжным, что в нем содержалось.

— Служебная записка, отчет токсикологической экспертизы со вскрытия Фрэнка Авеллино, несколько недавних писем, заведомо написанных его рукой, и вот это, — ответила она, подняв что-то перед собой.

Кейт увидела в руке у Саграды маленькую черную книжечку.

— Это дневник, который вел Фрэнк Авеллино в последние месяцы своей жизни, — объявила та.

По залу суда пробежал ропот. Это было что-то новенькое. Похоже, суду приготовились предъявить какую-то ключевую улику.

— Этот дневник поступил в распоряжение окружной прокуратуры несколько дней назад, —

произнес Драйер. — Он был предоставлен Хэлом Коэном, обнаружившим его во время изучения личных бумаг жертвы. У мистера Коэна не было возможности прокомментировать эту находку под протокол или выступить на этом судебном процессе, чтобы высказать свое мнение о подлинности данного дневника. Но вы готовы сказать нам, действительно ли это дневник Фрэнка Авеллино?

— По моему мнению, да — это дневник Фрэнка Авеллино.

Люди заерзали на своих местах, подавшись вперед, чтобы лучше слышать — словно армия изготовилась к маршу. Это началось позади Кейт, с мест для публики, и распространялось подобно лесному пожару.

— Тишина в зале! — прикрикнул судья Стоун.

— И — с учетом предоставленных вам материалов, которые вы только что перечислили, — что вы сделали, чтобы изучить этот дневник, доктор? — продолжал Драйер.

— Я провела криминалистическое исследование контрольных образцов — писем, заведомо написанных Фрэнком Авеллино, — и сравнила их с почерком в данном дневнике.

— И каковы были ваши выводы?

Прежде чем ответить, Саграда взяла графин с водой, стоящий на свидетельской трибуне, налила немного в пластиковый стаканчик и сделала глоток. Потом поставила стаканчик на место и перевела взгляд на присяжных.

— Все контрольные образцы оказались в превосходном состоянии. Это дало мне хорошую основу для сравнения. Кроме того, я приняла во внимание известные факторы. Из токсикологического отчета следовало, что в организме жертвы был обнаружен галоперидол, и это соответствовало некоторым моим наблюдениям касательно почерка в дневнике. Некоторые разделы в нем совершенно четко соответствовали почерку жертвы, а некоторые не очень. Эти места выглядели так, будто пишущий находился под воздействием наркотиков или алкоголя, и хотя стиль был тот же, рука его явно не слушалась. Хотя, на мой взгляд, почерк был тот же самый.

— Просто для ясности, доктор: к какому выводу вы пришли касательно личности автора данного дневника?

— По моему профессиональному мнению, все записи в этом дневнике сделаны Фрэнком Авеллино, — ответила Саграда.

— Насколько вы можете быть уверены?

— В данном случае из-за влияния психотропного препарата могу сформулировать свой ответ так: по моему профессиональному мнению, авторство принадлежит Фрэнку Авеллино. В манере написания букв и формировании слов, синтаксисе и строении предложений достаточно много общих черт, чтобы привести меня к такому убеждению.

— Благодарю вас. Вас не затруднит прочесть вслух последнюю запись в этом дневнике? От второго октября, насколько я помню. За два дня до убийства.

Кейт перевела взгляд на трибуну жюри. Она уже прочла эту запись. И теперь хотела посмотреть, как отреагируют на нее присяжные.

— «Второе октября две тысячи восемнадцатого года, — начала Саграда. — Я знаю, что происходит. Это она отравляла мою еду. Я видел ее сегодня вечером. Она подлила что-то в суп из белого флакончика. А потом спрятала его в сумочку. Она думала, что я ничего не вижу. Бьюсь об заклад, она добавляла это и в мои смузи. Я изменю свое завещание, а потом вызову полицию. Я не сошел с ума. И не болен. Это все она. Я спросил у нее, что она добавила в мой суп. Она ответила, что мне вечно что-то чудится. Мне нужно действовать

быстро, поэтому я не стал настаивать. О господи, вот уж никогда бы не подумал, что именно она предаст меня…»

Саграда подняла глаза от блокнота — ей не требовалось заглядывать в текст, чтобы дочитать последнюю фразу до конца. Она знала ее наизусть.

— «Это была София».

По залу разнесся дикий вопль. Кейт обернулась и увидела, что София вскочила на ноги, а Эдди пытается усадить ее обратно. Лицо у нее было красным, волосы прилипли ко лбу, когда она попеременно тыкала пальцем то в свидетельницу, то в Александру.

— Нет, это все ложь! Это Александра! Это она убийца! Я невиновна!

Александра безучастно сидела рядом с Кейт, не обращая внимания на сестру. Впервые за весь этот судебный процесс Кейт увидела, что ее клиентка сидит в расслабленном, почти спокойном состоянии. И сразу же поняла, что этот дневник и есть то, что предсказывал Эдди, — тот самый пропуск на выход из тюрьмы, неожиданно привалившийся Александре. Улика, подставляющая ни в чем не повинную женщину. Кейт не хотела иметь к этому ни малейшего отношения. Но

нельзя было напрямую объявить об этом своей клиентке в суде. Надо было довериться Эдди, чтобы тот предпринял какие-то действия, и лучшее, что Кейт могла сделать, — это не вставать у него на пути. Ее первое дело в качестве ведущего адвоката… Ее самый первый судебный процесс по делу об убийстве, и все, о чем она могла сейчас думать, — это о том, как бы его проиграть.

Глава 46

Эдди

— Мы знаем, что этот дневник — подделка. Нам нужно просто это доказать, — сказал я.

Лицо у Софии пошло красными пятнами, веки и кожа вокруг них опухли. Она и так не переставая дрожала весь день. Пришлось подсуетиться на предмет чего-нибудь успокоительного, чтобы привести ее в чувство.

Валиум малость угомонил ее. По крайней мере, снял большую часть напряжения. Теперь она могла говорить. Ей стало легче дышать. Паника перестала душить ее.

Мы с ней зашли в ее квартиру и остановились у двери, пока Гарри закрывал жалюзи и проверял

двери, чтобы убедиться, что ничего ей тут не грозит.

— Эдди, скажите мне прямо: меня посадят в тюрьму? — спросила София.

— Нет, — ответил я. В тот момент это показалось ложью. — Все с вами будет в порядке. Поставьте какой-нибудь из тех старых черно-белых фильмов, которые вы так любите. Закажите что-нибудь поесть. Нам с Гарри сейчас нужно поработать. Нам надо сосредоточиться, а мы не сможем этого сделать, если будем переживать за вас.

София бросилась вперед, отпустив дверь. Обхватила меня руками, и ее голова легла мне на грудь. Меня это удивило, и поначалу я даже не знал, что делать. А потом тоже обнял ее, похлопал по спине и сказал, что все будет хорошо.

Она отпустила меня, поблагодарила, и Гарри вышел из квартиры в коридор.

— Не волнуйтесь, милая, этот парень — лучший судебный адвокат, которого я когда-либо видел. Он, конечно, не так хорош, как я, далеко не идеален, но чертовски хорош, — сказал он.

— Как я могу быть на втором месте после тебя, если я лучший судебный адвокат, которого ты когда-либо видел? — логично заметил я.

— Ну, самого себя-то я никогда не видел. Как ты это себе представляешь?

На секунду — на долю секунды — на лице у Софии появилась едва заметная улыбка, пока мы с Гарри добродушно пререкались между собой.

— Спасибо, — сказала она и закрыла дверь.

Я последовал за Гарри к лифту. Мы вошли в кабину, и прежде чем двери закрылись, я спросил:

— Ты точно все взял?

— Я взял кухонный нож и упаковку бритв из ванной.

Он распахнул куртку. Кухонный нож Софии был спрятан у него во внутреннем кармане.

— Мы сделали что могли. Все с ней будет в порядке. Нам просто нужно придумать, как победить, — сказал Гарри.

* * *

Ресторана «Гастроном» на Второй авеню больше нет. Нет с 2006 года, когда арендодатель и владельцы так и не смогли прийти к соглашению. Заведение переехало на пересечение Восточной тридцать третьей улицы и Третьей авеню, и весь Нью-Йорк переехал вместе с ним. Эйб Лебевол, иммигрировавший в Нью-Йорк из Польши, прошел путь от помощника официанта,

собирающего со столиков пустую посуду, до буфетчика на Восточной десятой улице и наконец открыл в 1954 году свое собственное заведение. Эйб любил еду, людей и Нью-Йорк. Эйба любили все. Он был убит на улице в 1996 году, по дороге в банк с наличными, вырученными от продажи ресторана. Нью-Йорк оплакал его, и бизнес перешел его родне.

Впервые я пришел сюда с мамой и папой, когда был еще совсем ребенком. Когда Эйб поставил передо мной сэндвич с пастрами, который был больше моей головы, и нашел время поговорить с моими предками и познакомиться с нами поближе, я понял, что обязательно вернусь сюда.

Я поднялся на второй этаж. Гарри заранее заказал столик в дальнем углу. Когда я пришел, Кейт, Блок и Гарри уже сидели там. В углу кабинки оставался свободный стул для нашей пятой гостьи. Она еще не появилась. Я сел рядом с Гарри, напротив Кейт и Блок.

— Сожалею, Кейт, — сказал я. — Мы этого ожидали, и для меня это тоже было большим потрясением, но мы уже говорили об этом. Александра пытается подставить Софию. Этот дневник — настоящий динамит для присяжных.

Она ковырялась в тарелке с жареной картош-

кой, опустив голову. Блок пила кофе, а Гарри — пиво. Казалось, будто сам воздух налился тяжестью. Тяжестью, которая давила на всех нас.

— Я просто не думала, что это окажется Александра, — сказала Кейт. — Но так и должно быть. Она единственная, кому это выгодно. Я наблюдала за присяжными — они буквально ели глазами эту Сильвию Сагради. Верили каждому ее слову. И вы б видели, как они смотрели на Софию… С какой ненавистью… Блин, мне тоже очень жаль. Ваша клиентка невиновна. Я не могу участвовать в этой подставе… Я просто…

Опершись локтями о стол, Кейт помассировала пальцами виски. Она сейчас проходила через ад. Она отказалась от карьеры в фирме, чтобы защищать женщину, которую считала невиновной. И вот теперь все изменилось. Ее первое дело обернулось кошмаром. Защитой убийцы. И не важно, чего это ей стоило, — я знал, что Кейт никогда не позволила бы убийце разгуливать на свободе. Она сейчас находилась здесь, а значит, была готова помочь, если сможет. Кейт еще не была распята тем отупляющим этическим кодексом, который позволяет адвокатам оставаться в здравом уме и самим не попасть в тюрьму: ты не ломаешь голову, виновен или невиновен твой клиент, ты

не спрашиваешь у него, виновен он или невиновен, — ты просто делаешь свою работу, а решение остается за присяжными. Адвокатов постоянно спрашивают: как вы можете представлять интересы человека, который явно совершил то, в чем его обвиняют? Наша работа предписывает нам никогда не задавать вопросов о виновности, никогда не ставить себя в положение, когда приходится ставить под сомнение виновность или невиновность клиента — мы просто излагаем его доводы и отстаиваем их. Такова наша работа.

Чушь собачья… Это ложь, которую мы говорим себе, чтобы спокойно спать по ночам. Кейт еще не научилась обуздывать свою совесть. Единственное, что ее спасало, — это неопытность. Она еще не бывала по ту сторону этой двери. Двери, за которой ты отключаешь все свои чувства и просто выполняешь свою работу, несмотря ни на что, — даже если твой клиент виновен. Я раз прошел в эту дверь и потратил остаток своей жизни, пытаясь загладить вину за это.

— Я думаю, вы оба правы, — сказал Гарри. — Это убийство тщательно спланировано, чтобы оно выглядело как что-то другое, и слишком много людей, которые могли бы рассказать правду о том, что произошло на самом деле, мертвы или

пропали без вести. Это не совпадение. Ничто из этого. Этот дневник написала Александра. Это она убила всех этих людей.

Кейт откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и покачала головой.

— Я не могу позволить ей уйти от ответственности. Я должен прижать ее к стенке, Кейт. Чем больше я думаю об этом, тем больше гадаю, уж не связана ли и смерть Харпер с этим делом, — сказал я.

Стул, стоявший у края стола, скрежетнул по полу, когда его отодвинули. К нам подсела Пейдж Дилейни. Я представил ее Кейт и Блок.

— Пейдж — федерал, но не ждите от нее какого-то подвоха. Она уже ознакомилась с материалами дела и видеозаписями. Я попросил ее помочь нам с составлением профиля.

— Я еще не закончила его, — сказала Пейдж. — И не знаю, насколько это будет полезно. Вы получите его самое позднее завтра, хотя кое-что я могу рассказать прямо сейчас. Во-первых, я полагаю, что мы имеем дело с серийным убийцей. И вот тут-то и начинаются проблемы с профилем.

— Я думал, что ФБР превратило составление психологических портретов преступников в настоящее искусство, — заметил Гарри.

— Пока что нет — в Бюро происходит своего рода раскол. Мы по-прежнему работаем с определениями, категориями и подкатегориями типов убийц, которые существуют уже сорок лет. И думаю, что нам нужно пересмотреть весь процесс.

— Почему? — спросил Гарри.

— Потому что мы исходим из элементарной простоты. Наша работа всегда была нацелена на создание профиля, понятного каждому сотруднику правоохранительных органов. Однако реальность никогда не бывает настолько простой. В данном случае все еще сложнее из-за отсутствия исследований о серийных убийцах среди женщин. Используемые нами категории и подкатегории серийных убийц основаны на исследованиях, ориентированных на мужчин. Серийные убийцы женского пола на протяжении десятилетий оставались вне зоны нашего внимания. Около пятнадцати-двадцати процентов всех серийных убийц — женщины, и на них приходится лишь около трех процентов исследований. И даже существующие методы отслеживания и выявления серийных убийств работают не так хорошо, как следовало бы. Для того чтобы полицейский, находящийся на дежурстве, мог внести информацию об убийстве в нашу базу данных, он

должен заполнить форму, в которой содержится сто пятьдесят вопросов. На то, чтобы все сделать как полагается, уходит пара часов. Вы думаете, у простого копа есть пара часов, чтобы помочь нам в наших исследованиях?

Блок подалась вперед, но ничего не сказала. Кроме кивка в знак приветствия, она пока что не произнесла ни слова, но я мог сказать, что она укладывает в голове все услышанное.

— В итоге ФБР сообщит вам, что в Соединенных Штатах на свободе находится около пятидесяти серийных убийц. Реальная же цифра может быть ближе к двум тысячам. Если оперировать упомянутой статистикой, это означает, что сейчас в мире действует от трехсот до четырехсот женщин — серийных убийц. И мы понятия не имеем, кто они и насколько серьезны их преступления.

— Господи… — потрясенно произнес Гарри. — А как же это дело?

Официант принес сэндвичи и тарелки с закусками, и мы примолкли, пока он расставлял их на столе.

— Итак, что думаете? Это Александра или София? Я не хочу как-то повлиять на вашу точку зрения, высказывая свое собственное мнение. Мне просто нужно услышать мнение кого-то, кто

не имеет никакого отношения к этому процессу, — сказал я, когда официант ушел.

— Кто из сестер Авеллино убийца? Это сложный вопрос. Ни одна из них не укладывается в типовой профиль. Обе пережили в детстве серьезную психологическую травму, связанную со смертью их матери. Есть подозрения в связи с этой смертью, и то, что вы рассказали мне про тот след от укуса, очень интересно. После смерти матери обеих девочек разлучили с отцом и друг с другом — разные школы, разные жизни… И все же…

— Так все-таки кто? — подтолкнул ее я. — Мы хотели бы получить конкретный ответ, Дилейни. Мы считаем, что одна из сестер ловко направляет этот судебный процесс.

Прожевав кусок сэндвича, она вытерла губы салфеткой и задумалась. Я буквально видел, как в голове у нее крутятся шестеренки.

— Большинство серийных убийц не являются психически больными, — наконец произнесла она.

— Шутите, — изумился Гарри.

— Многие из них психопаты, но это не психическое заболевание. Будь это так, то половина руководителей компаний из списка «Форчун-

пятьсот»[110] находилась бы сейчас в психиатрических больницах. Большинство серийных убийц ведут внешне нормальный образ жизни и хорошо умеют вписываться в свое окружение. Одна из первых серьезных работ о серийных убийцах была написана Клекли[111] — она называется «Маска здравомыслия». Тогда, в тысяча девятьсот сорок первом году, считалось, что если ты совершаешь безумные поступки, то ты сумасшедший. Сегодня это не так. Глядя на ваших девушек, можно сказать, что членовредительство Софии не очень-то вписывается в стандартный профиль. Люди калечат себя по самым разным причинам, но это один из факторов, который уводит меня от нее.

— Пистолет вам к голове — кто из них убийца? — воскликнула Кейт.

— Александра, — ответила Дилейни.

Гарри рассказал ей о дневнике и о том, что мы думаем теперь, когда он выплыл как улика в суде.

---

[110] notes: 110

«*Форчун 500*» — список 500 крупнейших компаний США по размеру выручки, составляемый журналом Fortune. Впервые составлен в 1955 г.

[111] notes: 111

Харви Милтон Клекли (1903–1984) — американский психиатр, один из первых исследователей психопатии.

— Это умно, — заметила она, выслушав его. — Дневник заметно пошатнет мнения присяжных. Если он указывает на Софию как на отравительницу, а это убийство и судебный процесс являются частью какого-то плана — на что это очень похоже, — тогда конечно. Александра достаточно хорошо подделала этот дневник, чтобы осудить свою сестру и добиться оправдания для себя. Ей также не обязательно быть мастером подделок — почерк Фрэнка был испорчен из-за психотропного препарата. Очень умно.

— Так что же нам теперь делать? Нам нельзя допустить, чтобы это сошло ей с рук, — сказал я.

— Если я вызову ее на свидетельское место, вы ведь сможете подвергнуть ее встречному допросу? — спросила Кейт.

— Таким образом вы сознательно и на глазах у всех толкнете свою клиентку под автобус. А кроме того, нельзя исключить и вероятность дачи ею ложных показаний — что, если она убедит присяжных, что этого не делала? Удалось ведь ей убедить вас обеих. А если я вызову Софию и Драйер подложит ей какую-нибудь свинью, на что он вообще горазд, это может лишь еще больше усугубить ситуацию, — ответил я.

Несколько мгновений мы молча сидели, погру-

зившись в собственные мысли.

— Не вызывайте подсудимых, — неожиданно подала голос Блок. — Проблема в этом дневнике. Мы покажем присяжным, что это подделка. Драйер убил кучу времени, доказывая, что это *подлинник*. Я не думаю, что у них было время подумать, насколько *точен* этот дневник — насколько записи в нем соответствуют действительности.

Гарри, Дилейни и я поразевали рты — одна лишь Кейт продолжала отстраненно забрасывать в рот ломтики жареной картошки, пока ее подруга произносила эти слова — впервые с тех пор, как мы уселись за стол. Я предположил, что Блок открывала рот только в тех случаях, когда требовалось сказать что-то чертовски важное.

— Блин, да это именно то, что нам нужно сделать! — воскликнул я.

Блок промолчала.

— Черт, вот уж ни убавить, ни прибавить! — вторил мне Гарри, после чего посмотрел прямо на Кейт: — И часто она это проделывает?

Та поднесла стакан с колой к губам, немного поколебалась и ответила:

— Добро пожаловать в мой мир.

Глава 47

Эдди

Опять постукивание каблучков Сильвии Сагра-ды по полу… Словно тиканье часиков, отсчитыва-ющих время до моего встречного допроса. Позади — еще одна ночь без сна. На сей раз я работал, а не ворочался в постели. И к утру был готов снести Сагради с лица земли вместе со свидетельской трибуной. Закончив подготовку к допросу, сделал несколько звонков.

И все же я не был окончательно готов. Я этого не почувствовал.

Саграда заняла свое место за трибуной и начала наливать воду в стаканчик.

— Эдди… — шепнул Гарри.

Потом начал что-то тихо говорить, но я его не слышал. Я не думал ни о дневнике, ни о Саграде, ни о Софии с Александрой. И хотя всю ночь го-лова у меня была занята этими мыслями, утром я мог думать только о Харпер — ни о ком и ни о чем другом. С момента ее смерти я каждую ночь думал о ней, и прошлая ночь казалась мне предательством. Харпер прочно засела у меня в

голове. Я пытался «щелкать выключателем», но без толку.

— Не забывайте, вы всё еще под присягой, мисс Саграда, — напомнил судья Стоун. — Мистер Флинн, у вас есть какие-то вопросы к данному свидетелю?

Вопросы у меня были. И я не мог задать ни одного из них. Боль облепила меня со всех сторон, словно я оказался в одном из тех старых водолазных костюмов — у которых медный шлем с окошком-иллюминатором, свинцовые ботинки и пояс с утяжелителем. Я был защищен от всего мира этой болью, и она давила на меня тяжким грузом. Затягивала меня вниз.

— Эдди, ну давай же… Ради Харпер, — шепнул Гарри.

Я встал, решив не скрывать эту боль, а использовать ее.

— Доктор Саграда, согласны ли вы с тем, что некоторые представители вашей профессии могли изучить этот дневник и прийти к иному выводу касательно личности его автора?

— Согласна. Мы можем высказывать лишь свое собственное мнение. Я понимаю, что у других оно может оказаться другим.

Первый шаг сделан.

— Вы согласны с тем, что ваша интерпретация касательно того, кто написал этот дневник, может быть ошибочной?

— Такое не исключается. Я не думаю, что это так, но такое вполне возможно.

Она была осторожна, не позволяя загнать себя в угол. Ей требовалось оставить себе выход, сохранив свой профессиональный авторитет — на тот случай, если в ближайшие двадцать минут мне случится разнести к чертям все ее доводы. Умно. Кроме того, это вселяло в присяжных некоторую уверенность в объективности Саграды — она выражала свою искреннюю веру, и ее разум был открыт для других вероятностей. Это делало ее показания еще более убедительными. Здесь уже мне приходилось соблюдать осторожность.

— Вы основывали свое мнение на начертании букв — на стиле, если угодно? А также на синтаксисе и строении предложений, не так ли?

— Главным образом да.

— Хотя почерк в дневнике не совсем совпадает с заведомо подлинными образцами почерка Фрэнка Авеллино, верно?

Саграда отвела от меня взгляд и адресовала свои объяснения присяжным:

— Почерк может меняться со временем и в за-

висимости от обстоятельств. В общем и целом он похож. В некоторых фрагментах текста больше, чем в других. Известный фактор здесь заключается в том, что в то время, когда писался этот дневник, жертва находилась под воздействием психотропного препарата.

— Кто-то, кто хорошо знал почерк убитого, — кто-то, кто знал его манеру изъясняться, — мог бы довольно точно их воспроизвести, не так ли?

— В зависимости от уровня его или ее мастерства. Да, я полагаю, это возможно.

— Первая запись в дневнике датирована тридцать первым августа прошлого года. Я просто зачитаю часть первой страницы: «Ненавижу писать всю эту херню. Никогда раньше этого не делал. Я не из тех, кто хочет видеть свои мемуары опубликованными. У меня в шкафу столько скелетов, что их хватит на целое кладбище — дважды. Это по предписанию врача. И только для меня. А еще для дока Гудмана. Хрен его знает, чего он хочет, чтобы я тут писал. У меня опять были провалы в памяти. Сейчас половина девятого утра. Я не сплю с четырех. Захотелось отлить, и не смог снова заснуть. Все как обычно. Если не простата, так хотя бы мозг. Хэл Коэн наконец-то уговорил меня обратиться к врачу по поводу

обоих. От простаты я принимаю таблетки, а для мозга нужно писать всю эту чепуху. Док задал мне несколько вопросов, на которые я ответил, и он сказал, что со мной всё в порядке. Но, мол, чтобы просто доставить ему удовольствие, просит меня записывать свои мысли и любые симптомы, которые я замечу. Он навестит меня через пару месяцев». Я думаю, будет справедливо добавить, что этот дневник писался по совету невролога жертвы, доктора Гудмана, который хотел получить общее представление о симптомах?

— На мой взгляд, верное предположение. Врач, вероятно, хотел выяснить, не связано ли все это со стрессом или с чем-то еще, прежде чем проводить сканирование головного мозга. Полагаю, доктор Гудман был обеспокоен тем, что это может оказаться ранней стадией деменции.

— Я тоже так думаю. И вам предоставили также и медицинскую карту убитого, верно?

— Да, я хотела знать, лечился ли мистер Авеллино от каких-либо заболеваний, которые могли повлиять на его мелкую моторику, а следовательно, и на почерк.

Я наклонился над столом защиты, взял страницу из лежащей передо мной стопки и подошел к свидетельнице.

— Это выписка из медицинской карты Фрэнка Авеллино — та ее часть, что касается посещения доктора Гудмана, невролога жертвы. Здесь приведены данные о кровяном давлении и других жизненно важных показателях, а также результаты медицинского осмотра. Последняя запись, сделанная от руки, гласит: «ПО 3/12 ДН» — видите это внизу страницы?

— Да, вижу.

— Я не был уверен в сокращениях и их значении. Насколько я понимаю, «ПО 3/12» означает повторный осмотр через три месяца?

— Да, вы правы. Это соответствует тому, что жертва написала в своем дневнике.

— А вот это «ДН» в какой-то момент меня озадачило. Но вы допускаете, что это может быть сокращением от слова «дневник»?

— Я не просто допускаю — я с этим согласна. Доктор Гудман, вероятно, записал, что через три месяца хотел бы ознакомиться и с записями в дневнике мистера Авеллино. И, конечно, способ формирования букв и строение предложений в приведенной вами дневниковой записи соответствует таковым у жертвы.

— Спасибо. Следующая запись в дневнике относится к пятому сентября прошлого года. И вновь

я просто зачитаю отрывок: «Я не схожу с ума. После завтрака я вышел из ресторана Джимми, а она была на другой стороне улицы. Я вижу ее уже второй раз за последние несколько дней. Она пару раз газанула и уехала как раз в тот момент, когда из дверей ресторана вышел Хэл. Он сказал, что не заметил ее. Может, это как раз у Хэла шарики за ролики заехали. Я сразу же позвонил Майку Модину и велел ему нанять того частного детектива, которого рекомендовал Хэл». Соответствует ли этот раздел способу формирования букв и построению фраз жертвы?

Саграда кивнула.

— Да.

— Следующая запись датирована пятнадцатым сентября, и я снова зачитаю небольшой отрывок: «Суп, который София приготовила вчера, все еще в холодильнике. Рядом с ним лежит рагу, которое Александра прислала из кулинарии. Я сделал себе сэндвич с арахисовым маслом и джемом, налил стакан молока и посмотрел новости. Сегодня вечером чувствую себя получше. Впервые за несколько дней у меня прояснилось в голове. Позвонили из детективного агентства. Я сказал им, что Бедфорд не связывался со мной ни по телефону, ни по смс. Нет, я не знаю, где

он сейчас, — он сказал мне, что я его не увижу, ради всего святого! Утром назначат нового оперативника. Бедфорд пропал. В новостях появилось обращение полиции с просьбой предоставить информацию». Это согласуется с тем, как жертва формировала буквы и строила фразы?

— Согласуется, — ответила Саграда.

Я сделал небольшую паузу. Во все эти вопросы я заложил некоторое количество взрывчатки. И прежде чем привести в действие взрыватель, хотел посмотреть, кто может попасть в зону поражения взрыва.

Правая рука Александры сомкнулась на левом кулаке, после чего она уперлась локтями в стол и положила подбородок на побелевшие костяшки пальцев. Я видел, как ее зубы крепко прикусили нижнюю губу. Брови сошлись вместе, выражая сосредоточенность или тревогу. А может, и то, и другое одновременно. Говорят, что в глазах жертвы убийства еще долго сохраняется образ убийцы, и наоборот. Древнее суеверие, конечно же. И все же, глянув в глаза Александры, я заметил в их уголках красный оттенок, как будто ее взгляд оставался запятнанным кровью.

А вот выражение лица Софии было мягким. Она положила руки на стол перед собой, растопырив

пальцы и как будто пытаясь до чего-то дотянуться — возможно, до правды. Или до милосердия. Я не видел в Софии убийцу — только жертву. Ту, что пострадала от чужих рук. Я предположил, что в прошлом она настолько настрадалась, что эта боль была для нее почти что ностальгической. Стала чем-то вроде утешения или напоминания о том, что она все еще жива. И все еще испытывает эту боль. Все еще истекает кровью. Есть жертвы, которые тонут в своей потере. Которая лишает их абсолютно всего — вкусов, запахов, любви, уверенности, здравомыслия. Горе — величайший из воров. Оно украдет все без остатка, если его не остановить. София выглядела так, как будто терять ей уже было нечего. Она знала, что этот дневник — ее билет к пожизненному заключению. Я просто должен был порвать его в клочки.

Я вновь обратился к Саграде:

— Как вы совершенно честно заявили, ваше заключение в значительной степени основано на личном мнении, и мнения об авторстве могут быть разными. Если бы появилась какая-либо новая информация, способная поставить под сомнение подлинность этого дневника, вы не желали бы изменить свое личное мнение?

Криминалистическая экспертиза документов

— это не совсем уж гадание на кофейной гуще, но и не истина в последней инстанции. Саграда тщательно обдумала свой ответ, а затем сказала:

— Это будет зависеть от характера новой информации.

— Что, если эта новая информация покажет, что этот дневник был написан исключительно для целей данного судебного разбирательства?

— Я не уверена, что поспеваю за ходом ваших мыслей, — сказала она.

— Позвольте мне сформулировать по-другому — этот дневник является подделкой.

Иногда в суде произносится фраза, которая ощущается как резкий порыв холодного ветра. Все выпрямляются, поднимают брови и обмениваются удивленными взглядами, как будто собираются открыть попкорн и насладиться дальнейшим зрелищем. Это словно зажигательные финальные аккорды увертюры, когда занавес вот-вот взлетит вверх.

— Я уже высказала свое мнение касательно почерка, — сказала Саграда.

— Я говорю не про почерк, а про содержание самого дневника. Первая запись в нем датирована тридцать первым августа, и в ней говорится о недавнем визите жертвы к врачу и необходи-

мости вести этот дневник в медицинских целях. Запись в медицинской карте об этом приеме датирована первым сентября. А запись выше гласит: «Тридцать первое августа — Н/Я». «Н/Я» означает «не явился». Мистер Авеллино пропустил прием, который был перенесен на следующий день — на первое сентября. В дневнике фигурирует неверная дата этого приема — тридцать первое августа. Возможно, кто-то, кто знал, что у него в тот день назначен прием, сделал эту запись, но был не в курсе, что Фрэнк пропустил этот прием и появился у врача только на следующий день?

Саграда посмотрела на Драйера, но ничего не сказала.

— В дневниковой записи от пятого сентября упоминается, что покойный завтракал в ресторане «У Джимми», как и каждое утро. Однако пятого сентября ресторан был неожиданно закрыт из-за утечки газа по соседству. Но никакого упоминания об утечке газа не имеется, равно как и завтраке где-то в другом месте. Только тот, кто не был там в тот день, мог упустить эти подробности и предположить, что Фрэнк по обыкновению завтракал у Джимми. Пятнадцатого сентября в дневнике делается запись об исчезновении частного детектива Бедфорда, о чем сообщалось

в новостях, однако первое упоминание об этой истории появилось в средствах массовой информации только восемнадцатого сентября. Доктор Саграда, этот дневник был составлен кем-то, кто был осведомлен об общих передвижениях Фрэнка Авеллино, но был написан не Фрэнком Авеллино.

— У меня не было этой информации, когда я составляла свой отчет. Я не проверяла факты, упомянутые в дневнике.

— Нет, не проверяли. Если б вы располагали этими сведениями, когда составляли свой отчет, это повлияло бы на ваше мнение, насколько я понимаю?

Саграда заколебалась. Я предложил ей выход, не ставя под сомнение ее профессиональную квалификацию. Если она умна, то должна этим воспользоваться.

— Проверка достоверности информации в дневнике — это задача правоохранительных органов. Не моя. С учетом этой новой информации я не могу настаивать на истинности моего прежнего мнения. В свете этих новых сведений я вынуждена усомниться в авторстве данного дневника.

Несколько вздохов, тихое бормотание присяжных. Одна из обвиняемых была уже у них четко на

мушке, и теперь мишень выдернули у них прямо из-под носа. Вопрос о виновности или невиновности обвиняемых стал столь же туманным, как и прежде. До моего следующего вопроса.

— Офис окружного прокурора получил этот дневник в свое распоряжение через Хэла Коэна. Мистера Коэна в настоящее время нет в живых. Мы провели некоторые расследования его финансовых операций. Вы были бы удивлены, узнав, что недавно на счет мистера Коэна был переведен один миллион долларов?

— Я не знала об этом.

— Деньги были отправлены со счета, оформленного на имя Александры Авеллино. В связи с этим возникает вопрос: кому было бы выгодно фальсифицировать дневник, указывающий на Софию Авеллино как на ту, кто регулярно травил жертву галоперидолом?

— Возражаю! — выкрикнул Драйер. — Вопрос не входит в сферу компетенции данного свидетеля и содержит призыв к домыслам.

— Ваша честь, это свидетель-эксперт, которому разрешено высказывать свое личное мнение.

— Я разрешаю этот вопрос, но будьте осторожны с ответом, — сказал Стоун.

Саграда была очень осторожна. Этот допрос

мог нанести ей профессиональный ущерб. У нее не было времени как следует ознакомиться с дневником, а полиция Нью-Йорка не проверила достоверность приведенных в нем сведений. Ее единственным выходом из этого положения без единого пятнышка в послужном списке было основательно завалить дерьмом окружного прокурора и полицейское управление.

— Спрашиваю еще раз: кому было выгодно подделать этот дневник?

— Ну, наверняка Александре Авеллино. Она должна быть первым кандидатом на авторство данного дневника. В дневнике фигурирует ее сестра, и я полагаю, что он вполне может оказаться фальшивкой. А также не исключено, что Александра заплатила мистеру Коэну эти деньги, чтобы тот отнес его в прокуратуру.

Все двенадцать присяжных обвиняюще посмотрели на Александру Авеллино. Я сел. Предоставив им смотреть на женщину, убившую собственного отца.

Глава 48

Кейт

Кейт просто не могла молча сидеть рядом со своей клиенткой, даже не пытаясь ограничить ущерб, причиненный показаниями Саграды. Блок уже рассказала ей про миллион долларов, но они не упомянули об этом Александре. Все выглядело так, будто та подкупила Хэла Коэна, и ничуть не исключалось, что Коэн был убит, поскольку либо потребовал больше денег, либо собирался рассказать все полиции. В любом случае у Александры имелся потенциальный мотив для его убийства.

Защита Александры сдувалась на глазах. Кейт сомневалась, что вообще сможет хоть что-то сделать, чтобы остановить кровотечение из подобной раны, но для Александры это выглядело бы подозрительно, если б она не попыталась. Надо было как-то отреагировать — Александра безостановочно бормотала «нет, нет, нет» себе под нос. К ней вернулась дрожь в руках и ногах. Она достала из сумочки таблетку и проглотила ее, даже не запив. Похоже, это не помогло. Кейт должна была что-то предпринять хотя бы для виду.

— Доктор Саграда, возможно, вы слышали не

все показания предыдущих свидетелей, и я просто хочу напомнить вам, что детектив Тайлер подтвердил, что после осмотра дома жертвы и квартиры моей клиентки криминалистами следов галоперидола обнаружено не было. Никаких. Вы согласны с этим?

— Согласна.

— И справедливо ли будет заметить, что сейчас вы не можете с какой-либо степенью уверенности сказать, кто на самом деле написал этот дневник?

— Думаю, что справедливо. Покойным могла быть написана какая-то часть дневника, или весь дневник, или вообще ни одна из записей не сделана его рукой.

Кейт получила все, что могла, и опустилась на свое место. Никаких встречных вопросов от Драйера. Обвинение закрыло свое дело. Флинн встал и заявил суду, что защита больше не планирует вызывать никаких свидетелей.

Последнее, чего хочет подсудимый, — это подвергнуться суровому испытанию перекрестным допросом. Нет, если у него хватит ума избежать этого. Если подсудимые отказываются от дачи показаний, это означает, что им не приходится уверять присяжных, что они этого не дела-

ли, — соответственно и обвинитель не способен порвать эти уверения в клочки.

— Я хочу дать показания, — вдруг объявила Александра.

Еще в начале дня Кейт отодвинулась от нее еще на пару дюймов. Она чувствовала необходимость в этом расстоянии. Александра была настоящим исчадием ада. Психопаткой, которая манипулировала своим отцом, убила его и обвинила в этом сестру. И забрала еще много жизней, чтобы ее так и не осудили. Кейт хотела, чтобы суд закончился — как можно скорее. Больше того: она хотела, чтобы ее клиентку осудили и засадили за решетку на очень долгий срок.

— Не думаю, что это разумно. Вам могут быть предъявлены дополнительные обвинения в попытке подкупа свидетеля. Как это вообще понимать? Вы так и не рассказали нам про Коэна.

Александра расплакалась. Кейт подумала, что, наверное, ее клиентка способна лить слезы и устраивать истерики, словно открывая и закрывая водопроводный кран.

— Я хотела, чтобы он сказал правду… Он сказал, что иначе поедет к Софии за деньгами, и кто из нас ему заплатит, на стороне той он и будет — либо скажет, что дневник настоящий, либо

подделка. Я-я-я очень, очень сожалею! Он просил меня не говорить об этом моему адвокату.

— Доказывать вашу вину — дело обвинения. Если Драйер уничтожит вас на встречном допросе, вы просто сделаете за него его работу. И если расскажете об этом суду, вам определенно предъявят новые обвинения. Давайте оставим это на усмотрение присяжных.

— Вы уверены? — спросила Александра.

— Уверена. Я думаю, что у ваших показаний больше отрицательных сторон, чем вы можете себе представить. Это будет выглядеть некрасиво. И это даст Драйеру преимущество — вы будете единственной из подсудимых, которую он сможет обвинить лично, и единственной, кого он сможет порвать на куски.

Кейт наблюдала, как в голове ее клиентки крутятся шестеренки. Расчеты, подгоняемые страхом. Пять секунд… Десять… Прикусив влажную губу, Александра глянула в сторону присяжных. Двое присяжных уставились на нее в ответ. Кейт изо всех сил старалась оценить эти взгляды. Смотрели ли они на ту, которую считали невиновной, или же ждали своего шанса покарать убийцу? Кейт предположила, что они смотрели на Александру так, как десятилетний ребенок смотрит

на тигра в вольере: с некоторым восхищением, за которым скрывается понимание того, что эта тварь способна убить.

— Хорошо, если вы считаете, что так будет лучше, я последую вашему совету. Я вам доверяю. Я не буду давать показаний.

Кейт подтвердила суду, что тоже не будет вызывать свидетелей.

— Что ж, остаются только заключительные слова. Мистер Драйер…

Обвинитель встал и подошел к присяжным. Не спеша. Уверенный в своей победе. Кейт знала, что он ощутил запах крови в зале и хотел нанести удар прямо сейчас.

— Все мы много чего узнали для себя в ходе этого судебного процесса, — начал Драйер. — Узнали, к примеру, что София и Александра Авеллино достаточно богаты, чтобы купить себе хороших адвокатов защиты, это уж точно.

Губы Драйера растянулись в нечто напоминающее улыбку на человеческом лице, хотя Кейт еще ни разу не видела, чтобы он по-настоящему улыбался. Улыбка прокурора была столь же фальшивой, как у манекена чревовещателя. Как обвинитель, Драйер несомненно обладал хваткой — тактически грамотный, умный, безжалостный

и решительный. Но в этот миг Кейт поняла, чего ему не хватало, — человечности. У него не было контакта с присяжными. Вообще никакого взаимопонимания. Она догадывалась, что Драйер осознавал этот недостаток или же что ему уже указывали на него прежде, и теперь он отчаянно пытался исправить его. Рискнул отпустить шуточку — и едва не рискнул собственным лицом.

Да и вообще просто выглядел гадостно.

— Но все эти дорогостоящие адвокаты защиты не способны помешать установлению истины. Есть одна истина, один факт, одна максима, которую никто в этом зале суда не оспаривал, и это ключевой момент для вашего рассмотрения: когда Фрэнк Авеллино погиб, обе его дочери находились в его особняке. Его тело еще не остыло, когда к нему приехали медики. Его убила одна из подсудимых. Или сразу обе. Но это должна была быть по крайней мере одна из подсудимых, которые сейчас сидят перед вами, — произнес он, указывая сначала на Александру, а затем на Софию. — София Авеллино решила не давать показаний по этому делу. Равно как и Александра. Это их право. Их молчание означает, что вы не услышите, как они скажут, что не убивали своего отца. Каждая из них отрицает это устами своих

адвокатов. Но если вы лишены возможности выслушать подсудимых, тогда вы должны использовать свой здравый смысл и способность к рассуждению, чтобы оценить улики и свидетельские показания против них. А таковых великое множество…

Драйер подробно и обстоятельно напомнил присяжным суть показаний полиции и экспертов и подчеркнул, что попытки оспорить данные доказательства со стороны адвокатов защиты могут быть и обоснованными, но присяжные вправе отнестись к ним и как просто судебному крючкотворству, призванному отвлечь их внимание от сути дела.

— Господа присяжные, я прошу вас вынести в отношении обеих подсудимых обвинительный вердикт. Если вы считаете, что одна из них заслуживает кредита разумных сомнений, то предоставьте его ей. Хотя по крайней мере одна из этих женщин — убийца. Может, это Александра, которая пыталась подкупить свидетеля и подделать дневник своего отца? Может, это София, волос которой был найден в ножевой ране на груди ее отца? Мы, выступающие от имени народа, призываем вас задуматься о том, что у обеих имелись и мотив, и возможность убить

своего отца и что криминалистические улики связывают с этим ужасным преступлением обеих сестер. Спасибо за внимание.

Потом встал Эдди. В руках у него было с полдюжины страниц — речь, написанная и готовая к произнесению. Кейт подумала, что это будет что-то смелое, что-то волнующее, связанное с презумпцией невиновности и основой нашей судебной системы и конституции. Она думала, что Эдди должен был начать работать над этой речью еще много дней назад, дополняя и редактируя ее по мере накопления доказательств. И когда она была готова, репетировать ее перед зеркалом, как и она сама. Доводя ее до окончательного блеска. Оттачивая каждое слово, чтобы подача была идеальной, а заложенное в ней послание — громким и ясным.

Присяжные молча ждали. Эдди бросил листы на стол защиты, рассыпав их в разные стороны.

— Мне не нужно зачитывать свою речь. Мне даже не нужно говорить с вами о доказательствах по этому делу. Все вы внимательно слушали и свидетелей, и защитников. Я знаю это. Так что не буду зря отнимать у вас время. Поступите правильно. Оправдайте Софию Авеллино.

И с этими словами он сел на свое место.

Если б у него был микрофон, он бы его уронил.

— Мисс Брукс, — произнес судья Стоун. — У вас есть что сказать присяжным?

Кейт сглотнула, посмотрела на написанную ею речь, перевернула страницы и положила их на стол лицевой стороной вниз. Потом поднялась на ноги, поправила блузку и, обойдя стол защиты, встала перед присяжными.

— Моя клиентка… — начала она и тут вдруг умолкла.

«Моя клиентка убила своего отца, своего друга Хэла Коэна, фармацевта, кассиршу, возможно, Майка Модина, возможно, своих мать и мачеху, а также бог знает скольких еще людей».

Как можно представлять в суде человека, который, как ты знаешь, виновен в том, в чем его обвиняют? Как можно стоять и говорить присяжным, что он невиновен? Почему это должно было произойти на ее самом первом судебном процессе? Эти вопросы вертелись у нее в голове, словно шарики для лото в прозрачном барабане.

— Господа присяжные, я написала свою заключительную речь еще до начала судебного процесса. Как меня в свое время и учили. Готовиться к защите клиента необходимо задолго до начала судебного процесса, и именно так я и

поступила. Я знала, на какие моменты следует обратить особое внимание, и знала, какие проблемы возникнут в этом деле. Я написала свою речь, имея в виду все эти моменты. И хотела бы напомнить вам об этих моментах. Ненадежность улик криминалистической экспертизы, пробелы в версии обвинения, мотивы убийства другой подсудимой…

Кейт выдержала еще одну паузу. В зале воцарилась тишина. Двое присяжных сели чуть прямее — они слушали. И пока не понимали, к чему все идет.

Кейт тоже.

— Но я не собираюсь этого делать. Я думаю, вы и сами знаете, что сложилось у вас в головах. Я уверена, что вы уже как следует разобрались с доказательствами. Единственное, о чем я вас попросила бы, — это быть справедливыми и беспристрастными и вынести тот вердикт, которого заслуживает моя клиентка.

Кейт не сказала присяжным, какого вердикта заслуживает ее клиентка. Она произнесла свою речь, ни разу не солгав своим первым присяжным.

Она держалась прямо и верно и вернулась к столу защиты с высоко поднятой головой и чи-

стой совестью.

До вынесения вердикта.

Глава 49

Эдди

Есть в английском языке два слова, способные более всех прочих вселить ужас в сердце судебного адвоката. И сейчас эти два слова, поступившие в виде текстового сообщения пару секунд назад, смотрели на меня с экрана моего мобильника.

«ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ».

Присяжные отсутствовали в зале ровно сорок восемь минут.

За сорок восемь минут можно много чего успеть.

Но вот чего никак нельзя успеть за сорок восемь минут, так это вынести справедливый и взвешенный вердикт по самому сложному судебному делу об убийстве в истории города Нью-Йорка. Это просто нереально. Наверное, у присяжных возник какой-то вопрос, подумал я. Это не вердикт.

Такого просто не может быть.

Но это был он. Где-то в глубине души я это знал.

Я выбросил свой кофе в урну и повернул обратно к зданию суда.

Прошел под развевающимися, порванными, выцветшими звездами и полосами, которые свисали с флагштока перед зданием суда. Сидящий на нем ворон протестовал против моего появления.

Погибло уже так много людей… И не исключено, что погибнет еще больше, прежде чем все это закончится. Когда я был ребенком и рос в маленьком холодном доме в Бруклине, моя мама говорила мне, что никаких страшил и подкроватных монстров не существует. Истории, которые я читал в детстве о чудищах и ведьмах, уводящих детей от родителей в лес, она называла просто сказками. Никаких монстров не бывает, говорила она.

Она ошибалась.

Лифты в здании уголовного суда — старые и жутко медленные. Когда один из них наконец доставил меня на мой этаж, я вышел из кабины, проследовал со всей остальной толпой по коридору в судебный зал и занял свое место за столом защиты рядом со своей клиенткой.

Когда присяжные вошли в зал, воцарилась гнетущая тишина.

Документы они уже передали секретарю. Все бумаги были оформлены в совещательной комнате. Моя клиентка попыталась что-то сказать, но я ее не расслышал. Просто не смог. Слишком уж кровь шумела в ушах.

Я всегда мог неплохо рассудить, к какому решению склонятся присяжные. Был способен заранее предсказать его. И всякий, блин, раз оказывался прав.

Это был первый вердикт, который я не взялся бы предсказать. Хотя в любом случае не оказался бы слишком далеко от истины. На мой взгляд, вероятности того или иного исхода были примерно равными, так что с равным успехом можно было бы просто подбросить монетку. Фифти-фифти. Пятьдесят на пятьдесят. Я знал, чего хочу. Теперь я знал, кто убийца. Я просто не знал, увидели ли это присяжные. Я был шорами на глазах у присяжных.

Секретарь встал и обратился к старшине присяжных. Высокому мужчине в клетчатой рубашке, с грубыми руками.

— Итак, оба вердикта вынесены? — спросил он. — И вынесены единогласно?

— Да, — последовал ответ. — Единогласно.

— По делу «Народ против Софии Авеллино», —

продолжал секретарь, — вы сочли подсудимую виновной или невиновной?

Старшина смотрел прямо перед собой. Нехороший знак. Обычно, если присяжные собираются вынести оправдательный приговор, они смотрят на подсудимого — ждут, когда на того, ни в чем не повинного, обрушится цунами облегчения. Это то, что делает правосудие великим. Эта мощь.

Я опустил голову. Я не мог туда смотреть. Гарри схватил меня за плечо, и я почувствовал, как напряглись его пальцы.

Не было слышно ни единого звука. Даже дыхания. Зал суда больше напоминал могильный склеп. И у меня возникло смутное опасение, что сейчас София будет похоронена в нем.

Старшина присяжных прочистил горло, а когда заговорил, голос у него звучал так, словно он кричал откуда-то с крыши высоко у меня над головой:

— Невиновной.

На уши навалился все усиливающийся шум. София схватила меня за руку и вскрикнула. Прозвучало это одновременно по-человечески и по-звериному — стон боли и облегчения, как будто из плоти вытащили острую колючку.

— По делу «Народ против Александры Авел-

лино»: вы сочли подсудимую виновной или невиновной?

На сей раз никакой паузы. Никаких колебаний.

— Виновной.

Теперь уже шум стал просто оглушительным. Горловой звук, вырвавшийся из горла Александры, был полной противоположностью тому, что издала София. Никакого облегчения — только боль и гнев. Руки у нее взлетели вверх, и Кейт попыталась успокоить ее.

Угомонить собравшихся в зале было нереально никакими силами. Ряды для публики взорвались возбужденным гомоном, и все, что мог сделать судья Стоун, — это сказать Кейт, что приговор ее подзащитной будет оглашен позднее, прежде чем он распустит присяжных, отзовет залог Александры и закроет слушания.

Драйер все еще победно тыкал в потолок кулаком, с ухмылкой злобного удовлетворения на лице, когда охранники суда подошли к Александре, приготовив наручники. Она отшатнулась от них, крича: «Нет, нет, нет, они ошиблись, это была моя сестра!»

Они окружили ее, сковали наручниками и увели. Кейт последовала за ними. Прежде чем

они скрылись за боковой дверью, Кейт обернулась, увидела меня и подняла вверх большой палец. Для нее это было горькой радостью. Она поддерживала не ту сестру и знала это. И все же поступила правильно.

Большая рука хлопнула меня по спине.

— Мы сделали это, Эдди! Мы ее все-таки прищучили, — сказал Гарри.

— Я не знал, как поступят присяжные. Понятия не имел.

— С того момента, как ты раскрыл дневник, все к этому и шло.

— Правда? Я так не думал. Я просто не мог предсказать, как все сложится. Я уже окончательно запутался, где-то по пути.

— Ты очень долго не спал. Странно, что ты все еще способен держаться на ногах. Все нормально — не можешь же ты постоянно предсказывать вердикты. Отдохни немного, — сказал он.

Шмыгнув носом, Гарри последовал за Софией, которую уже поглотила толпа. Репортеры засыпали ее вопросами — шум, гам, вспышки фотокамер… Драйера тоже осаждали репортеры. Он напустил на себя дьявольский, торжествующий вид и поблагодарил свою команду.

Я протиснулся сквозь толпу, не поднимая го-

ловы, и направился к выходу. Все было кончено. Убийца в тюрьме. София на свободе. Правосудие — если такая вещь, как правосудие, вообще существует — редко находит свое отражение в вердикте. Правосудие — это не о том, что правильно, а что нет. Люди совершают ошибки. Как преступники, так и присяжные. Вердикты часто бывают ошибочными, потому что люди несовершенны. Этот вердикт оказался правильным, и, выходя из здания суда, я посмотрел на звезды и полосы и подумал, что, пожалуй, они все-таки не в таком уж плохом состоянии.

Мне было нужно поскорей вернуться в свой офис. Хотелось забраться под одеяло и проспать до следующего года.

Глава 50

Эдди

Через час после оглашения вердикта я уже был в задней комнате своего офиса — лежал на раскладушке с закрытыми глазами, в пустом желудке перекатывались два стакана виски, а глаза были крепко закрыты.

Мое тело требовало сна. Мозг тоже. Я никогда

еще не чувствовал себя таким уставшим. Месяцы бессонных ночей и долгих дней наконец-то взяли свое.

Но сон не шел.

Я мог думать только о Харпер. Ее убийца был все еще где-то среди нас. Вполне возможно, что Александра убила и ее, и этой мысли было трудно противиться, хотя ничто не связывало ее с этим убийством — кроме того, что Харпер работала над делом Софии. Если Харпер и увидела что-то во время того посещения дома на Франклин-стрит, отчего Александре пришлось устранить ее, то я не мог понять, что именно. У меня имелись лишь смутные предположения — ничего даже близко конкретного.

Мысли долбились у меня в голове с такой силой, что я почти слышал их.

Я сел.

Я и вправду слышал стук.

Во входную дверь моего офиса.

Я надел футболку, джинсы и направился в офис. Входная дверь у меня из матового стекла, и за ней на лестничной площадке маячил чей-то силуэт. Выдвинув ящик своего письменного стола, я достал пару кастетов и надел на правую руку один из них. Если только по ту сторону двери не

стояли Гарри или Кейт, я первым делом вырубил бы незваного гостя и уже только потом стал задавать вопросы. Харпер погибла, едва открыв свою входную дверь.

В дверь снова забарабанили. Это был не просто стук. Кто бы ни находился сейчас на лестничной площадке, настроен он был явно не дружелюбно.

Я сделал вдох, шагнул вперед, вскинул кулак с кастетом к груди, изготовился и резко распахнул дверь.

Это был не Гарри. И не Кейт.

И вырубать своего гостя я не стал. Вернее, гостью.

На ней были узкие серые джинсы, тяжелые черные ботинки и синий блейзер поверх темной рубашки с каким-то рисунком. Блок не поздоровалась. Вообще ничего не сказала. Уставилась в пол, как будто смотрела сквозь него на бетон и металл внизу. Погрузившись в собственные мысли или не знаю еще что. Выглядела она так, словно только что получила какую-то недобрую весть — может, кто-то из родственников попал в автомобильную аварию… В чем бы ни было дело, Блок явно испытывала затруднения с тем, чтобы это озвучить. Я открыл было рот, но у меня создалось впечатление, что если я что-нибудь скажу,

то она может влепить мне своим ботинком «Доктор Мартенс» по физиономии. Правда, потом я вспомнил, что Блок не отличается разговорчивостью, и решил, что все же стоит рискнуть, не то так и простоим до утра.

— Блок, вы в порядке? — спросил я.

Она не пошевелилась. Даже не вздрогнула. Даже не посмотрела на меня. Просто произнесла:

— Я так не думаю.

— Что-то случилось? Надеюсь, не с Кейт? У нее все хорошо?

— Она не знает, что я здесь. Пока что. Можно войти?

— Конечно, — ответил я, отступая от двери и возвращаясь в офис. Разжав кулак, сбросил кастет на стол.

Блок не села — даже после того, как я указал ей на кресло. На предложение выпить покачала головой.

— Ладно, может, поможете мне чутка? Что-то не так, я это уже понял. Давайте выкладывайте.

— Под конец все оказалось слишком уж просто, — сказала она.

Иногда требуется простое утверждение, чтобы изменить свой взгляд на что-то. Мне казалось, что часть этого дела — закрытая дверь, и Блок

только что приоткрыла ее на дюйм.

Я должен был догадаться, что присяжные вынесут обвинительный приговор Александре и оправдают Софию. Гарри был уверен в этом — единственным, кто не ожидал такого вердикта, был я. И теперь я знал почему. Я видел это по лицу Блок. Я был не только смертельно уставшим, но и неуверенным. Неуверенным во всем, и эти сомнения лишили меня сил. Я плыл по течению, окруженный туманом горя. И очень многое упустил из виду. На криминалистические улики в этом деле положиться было нельзя — эксперт по волосяным волокнам и спец по укусам были в равной степени ненадежны. Меня бы не удивило, если б Драйер каким-то образом повлиял на их отчеты, чтобы нацелить обвиняющий палец на обеих подозреваемых. В конце концов, это не имело значения, поскольку присяжные не поверили ни одному из экспертов.

— Меня беспокоят две вещи, — продолжала Блок.

И опять сделала паузу. Разговоры были явно не ее стихией. Ей требовалось собраться с силами. Сквозь грязное окно напротив пробивались последние лучи солнца. Она не сводила глаз с плавающих в полосах солнечного света пылинок.

— Я думаю, что часть записей в дневнике все-таки подлинная. Фрэнк узнал, кто пытался его отравить, и собирался изменить завещание — вот почему его и убили. Галоперидол… Он в жидкой форме. Большой белый флакон. Как получилось, что копы не нашли никаких следов, и как вышло, что Фрэнк так долго не замечал, как она подливала его ему в еду?

— Ну, наверное, она была осторожна? — предположил я.

— Она давала ему его месяцами, а он этого не замечал и она не пролила ни капли? Но каким-то образом Фрэнк все равно это понял?

— Она была *очень* осторожна? — сказал я.

— И второе, что меня беспокоит. Это было почти идеальное преступление. Она и на самом деле была очень осторожна. Убивая свидетелей, вдумчиво и не спеша планировала это — и все же оказалась настолько небрежна, чтобы занести в поддельный дневник сразу три грубые фактические ошибки? — закончила Блок.

Тут дверь в моем сознании распахнулась настежь. Мы оба посмотрели друг на друга. Доказать, что дневник был фальшивкой, оказалось слишком уж просто. Эта мысль сцепила наши взгляды и мысли между собой, как пара наручников.

Этих простых слов Блок оказалось достаточно, чтобы весь мой мир перевернулся с ног на голову. Иногда ты не видишь чего-то, потому что просто смотришь на это под совершенно не тем углом.

— Вы подумали о том же, что и я? — спросил я.

Она не ответила — просто бросила на меня взгляд, а затем вновь опустила глаза в пол.

— Мы до сих пор не знаем, почему погибла Харпер. Я вновь и вновь пересматривал видеозаписи того осмотра на Франклин-стрит. Я подумал, что, наверное, она увидела в доме на Франклин-стрит нечто такое, что указывало на одну из сестер, и засняла это. Может, в тот момент она даже этого не заметила, но снимок-то остался. Возможно, я ошибаюсь, и у меня нет фото, которые она делала на телефон, чтобы это проверить, но это единственное, что могло сделать ее мишенью для убийцы Фрэнка. Харпер была умней меня. Лучше меня. Я обязан выяснить это ради нее.

— Скоро стемнеет. Я хочу еще разок заглянуть в тот дом на Франклин-стрит, — произнесла она. — Не хотите присоединиться?

Я хотел. Я хотел и сам посмотреть, но, прежде чем что-либо предпринять, должен был убедиться в правильности дальнейших действий. Мне требовалось подтверждение. У меня возникла

одна мыслишка насчет галоперидола, и надо было ее срочно проверить.

— Возьмите с собой Гарри. Если вас застукают копы, будет полезно иметь при себе бывшего судью высшей инстанции. В этом городе нет ни одного копа, который не знал бы Гарри Форда. Вы собираетесь рассказать об этом Кейт?

— Пока что нет, — ответила Блок.

— Ничего ей не говорите, пока не уйдете с Франклин-стрит. Она захочет поехать с вами. Если ее поймают на взломе и незаконном проникновении, ее юридическая карьера закончится, даже толком не начавшись.

Кивнув, Блок спросила:

— А вы с нами?

— Я не могу, у меня есть дела поважнее.

— Какие, к примеру?

— Мне нужно позвонить одному старому другу. А потом купить газету и съездить в больницу.

— Вы нормально себя чувствуете? — спросила она.

— Нет, далеко не нормально.

Глава 51

Гарри

Поездка от дома Блок в Эджуотере до Франклин-стрит заняла всего час, но Гарри уже жалел о своем решении сесть за руль. Двадцатилетний кабриолет с мягкой крышей — не самый подходящий транспорт для долгой поездки холодной ночью. Пошел легкий снежок, и на левое бедро Гарри размеренно капала вода с протекающей крыши. В своем возрасте он чувствовал холод куда острей остальных. Старый судья туго закутался в шарф и длинное пальто, подняв воротник и натянув перчатки, но все равно весь дрожал.

Беседа была ничуть не теплее. Блок хотела, чтобы Гарри просто вел машину. Ей требовалось сосредоточиться, все как следует обдумать. Гарри не возражал, но сейчас ему хотелось поговорить.

Он получил от нее едва ли десяток слов. Ее адрес, «подождите здесь», когда они подъехали к ее дому, а затем «поехали», когда она вернулась в машину. Вот и всё. Теперь они были всего в паре минут езды от Франклин-стрит.

— Не паркуйтесь прямо возле дома. Проезжайте

мимо. Остановитесь на соседней улице, — распорядилась Блок.

Они проехали мимо дома, где был так жестоко убит Фрэнк Авеллино. Было темно и по-ночному холодно. Гарри выполнил ее требование и остановил машину в квартале от дома.

— Клянусь богом, на улице теплее, — пробурчал он, ступая на тротуар. Кое-как выбравшись из маленькой зеленой спортивной машинки, Блок выпрямила спину и неодобрительно посмотрела на нее.

— Это классика, — сказал Гарри.

— Это ведро с гайками, — отозвалась Блок, доставая сумку с переднего сиденья.

Под легким снежком они направились к дому Авеллино. Народу на этой улице было совсем мало, а на Франклин-стрит и вовсе никого, кроме изредка проезжающих машин.

Достав из кармана пальто вязаную шапочку, Гарри пристроил ее на голову, натянув как можно глубже на уши. Блок вроде не обращала внимания на холод, а если и обращала, то это было незаметно.

Подойдя ко входу в дом, она надела пару зеленых кожаных перчаток, открыла свою сумку и что-то достала из нее, после чего поднялась по

трем ступенькам, ведущим к двери. Остановилась там, делая вид, будто замерзшими руками пытается попасть ключом в замок. Гарри стоял сзади, стараясь насколько возможно заслонить ее от проезжающих машин и прислушиваясь к жужжанию чего-то похожего на маленькую дрель.

Они пробыли у двери секунд тридцать, не больше, когда он услышал, как щелкнул замок и дверь распахнулась внутрь.

Не говоря ни слова, они зашли в дом, и Блок закрыла за Гарри дверь. Протянув ему крошечный, не больше авторучки, фонарик, она предупредила:

— Держите свет подальше от окон.

— А вам не кажется, что Драйер позволил бы вам с Кейт вернуться сюда и осмотреть дом после того, как вы подали апелляцию? — спросил Гарри.

— И сколько бы времени это заняло? — ответила она.

Это был не столько вопрос, сколько поставленная в разговоре точка. Формально говоря, это был взлом с проникновением. Гарри уже далеко не впервые доводилось оказываться по другую сторону закона. Было на удивление трудно дружить с Эдди Флинном и хоть чего-нибудь не нарушить.

Рано или поздно Эдди сбивал с пути истинного абсолютно всех — разумеется, по уважительным причинам.

По крайней мере, в доме было тепло. Отопление регулярно включалось таймером, чтобы трубы не полопались на морозе. Гарри прошел вслед за Блок на кухню. Все здесь выглядело не так, как в прошлый раз, когда он был здесь, но сначала Гарри не мог понять почему. Блок открыла холодильник, медленно и всего на дюйм-другой. Она не хотела, чтобы все вокруг было залито светом. Склонила голову к приоткрытой дверце, и Гарри подошел, чтобы тоже взглянуть. Внутри было пусто. Даже полки были сняты. Вот тут-то он и понял, что изменилось. В прошлый раз, когда они были здесь, за стеклянными панелями кухонных шкафчиков виднелись хрустальные бокалы для вина и стаканы для виски. Сейчас за этими декоративными панелями ничего не было. Гарри выдвинул ящик. Никаких столовых приборов.

Быстрый осмотр кухни показал, что все кружки, чашки, стаканы, миски, тарелки, сковородки, ножи и вилки были изъяты для экспертизы. Все, что можно было использовать для еды, питья или приготовления пищи, исчезло. Криминалисты даже сняли посудомоечную машину и унесли

с собой.

— И ни следа галоперидола на всем этом, — пробормотал Гарри.

Блок ничего не ответила. Вместо этого поднялась наверх. Она шла тем же путем, что и Харпер на видео. Рассматривая те же предметы, пытаясь увидеть то, что видела та.

Вздохнув, Гарри последовал за ней на верхний этаж. В спальню Фрэнка Авеллино.

Двойные двери, ведущие в спальню, были открыты. Блок остановилась на пороге, направив луч фонарика внутрь комнаты. Ее глаза следили за лучом, который медленно обвел сначала пол, а затем каждый угол. Она сделала шаг вперед, затем другой, по-прежнему медленно перемещая фонарик и полностью сосредоточившись на этом занятии.

— Видите что-нибудь? — наконец не выдержал Гарри.

Блок не ответила. Он даже не был уверен, что она его услышала. Вслед за ней Гарри вошел в комнату, держась на почтительном расстоянии от нее — не желая попасть под луч ее фонарика. Полы были прочными. Ни единого скрипа, куда ни ступи. Гарри держал луч своего фонарика направленным прямо в пол, и когда Блок подошла

к кровати и сосредоточила свое внимание на окровавленном матрасе, двинулся к пристроенной к спальне ванной комнате. Бóльшая часть крови давно уже впиталась в постель, на полу ее было немного. Там лежал дорогой, толстый светлый ковер, и пятна были хорошо заметны. Только отдельные брызги. Никаких луж крови. Одежда обеих женщин была буквально уделана кровью — обе объясняли это тем, что хватались за своего отца, чтобы проверить, жив ли он еще. Это утверждение было трудно опровергнуть. Гарри видел фотографии, и любой, кто имел бы контакт с Фрэнком Авеллино в этой спальне, перемазался бы в крови с ног до головы.

Книг на прикроватном столике не было. Только лампа и несколько салфеток. Комод в противоположном конце комнаты выглядел нетронутым. На нем стояло зеркало, и брызги крови до него не долетели — слишком уж далеко. Гарри направил луч своего фонарика в потолок. Там тоже ничего не было. Никаких пятен. И, кроме нескольких потеков на стене над кроватью, стены тоже были чисты.

Блок не спеша приблизилась к этим кровавым пятнам — единственной реальной вещественной улике, оставшейся в доме. Харпер со своим мо-

бильником в свое время тоже задержалась здесь. Как Гарри ни присматривался, но так и не сумел понять, что именно ищет Блок. Он выключил свой фонарик, открыл дверь ванной комнаты и вошел внутрь. Окон здесь не было, так что плотно закрыл дверь и включил свет. Душа здесь не имелось — только унитаз и маленькая раковина. Вероятно, некогда это был чулан. Большая и роскошная ванная комната с джакузи и душем — достаточно большая, чтобы вместить баскетбольную команду, располагалась в некотором отдалении от спальни Фрэнка.

Из-за холода и позднего времени Гарри приспичило в туалет. Он приподнял сиденье унитаза и уже ухватился зубами за палец на перчатке, чтобы стянуть ее, когда вдруг что-то услышал. Остановился как вкопанный, по коже пробежал холодок.

— Гарри! — послышался негромкий крик снаружи.

Это была Блок.

— Здесь же нет окон! Мне нужно было включить свет, чтобы воспользоваться туалетом. Простите, я уже пожилой человек…

— Гарри! — Опять оклик, на сей раз более настойчивый.

— Что такое?

— Выходите, — приказала Блок.

Гарри развернулся на сто восемьдесят градусов и сделал два шага вперед. Потянулся к ручке. Схватился за нее и медленно повернул.

Заскрипела металлическая защелка.

— Стойте! — крикнула Блок.

— Что?

— Вы поворачиваете ручку?

— Да. Не переживайте насчет этого шума. Просто замок скрипучий. Это всего лишь я.

Как бы Гарри ни нравилась Кейт, особой симпатии к Блок он не испытывал. Она почти не разговаривала и была столь же яркой личностью, как унитаз, стоящий у него за спиной. Тем не менее он знал, что она умна и все-таки разговаривает, когда ей есть что сказать — и не важно, в какой манере она это делает. Если б Гарри вел какое-то дело, ему бы хотелось, чтобы Блок работала с ним, но он знал, что не захочет выпить с ней пивка по окончании рабочего дня. Он не думал, что в своем возрасте сможет выдержать слишком много разговоров с Блок.

Гарри продолжал медленно нажимать на ручку. Повернувшись полностью, она остановилась, и он выключил свет и открыл дверь. Вышел и

увидел, что Блок смотрит на него с каким-то странным выражением на лице.

— Я знаю, почему убили Харпер, — произнесла она.

Губы у Гарри зашевелились, и с них даже сорвался какой-то звук, но это было не слово. Он просто что-то неразборчиво промямлил, пока не пришел в себя настолько, чтобы контролировать свой язык.

— Ч-что-что?

Губы у Блок приоткрылись, и она уже сделала вдох, собираясь рассказать ему о том, что обнаружила, пока Гарри был в туалете, но так и не начала. Вместо этого ее глаза широко раскрылись. Они оба застыли на месте.

Снизу донесся какой-то шум.

Звук закрываемой двери. Входной двери.

Металлический хлопок и звяканье — это ключи упали на мраморную кухонную столешницу.

Внизу кто-то был.

Блок приложила указательный палец к губам. Гарри стоял совершенно неподвижно, коротко, прерывисто дыша и не сводя глаз с глаз Блок. Если там, внизу, были копы, то их обоих ждали серьезные неприятности. А если София, то предстояли долгие путаные объяснения,

— Под кровать. Быстро! Без шума! — прошептала Блок.

Гарри опустился на четвереньки, а затем распластался по полу. Кровать оказалась достаточно высокой, и он кое-как втиснул под нее свое грузное тело. Блок залезла с другой стороны. Из-под кровати им была видна открытая дверь спальни. Свет в коридоре не горел. Пока что. Они оказались в ловушке. Вытащив телефон, Блок принялась набирать текстовое сообщение.

Глава 52

Эдди

В отдельной палате больницы Маунт-Синай на своей кровати дремал мужчина, которого я никогда раньше не видел. Вид у него был умиротворенный. На голове и на половине лица у него все еще белели повязки. Правая нога в гипсе, подвешенная над койкой, вроде не слишком беспокоила его. Трудно было сказать. Правая рука у него тоже была в гипсе и лежала поверх его большого живота.

Открыв дверь палаты, я немного выждал на пороге, пока он не заметил меня. Похоже, он меня не

узнал. Я смотрел на него уже несколько минут и был уверен, что никогда раньше его не встречал.

— Кто вы? — спросил мужчина в гипсе.

Лицо у него выглядело смертельно бледным — под стать его голосу, похожему на предсмертный хрип. Губы были красными, воспаленными и потрескавшимися.

Я ничего не ответил. Просто зашел в палату, чтобы получше его рассмотреть.

— Вы врач? — продолжал спрашивать он.

В палату вошел еще один мужчина. На край кровати рядом с ним присел Джимми-Кепарик.

— Как самочувствие? — поинтересовался он.

— Уже получше, — прохрипел мужчина.

— Тони, это Эдди Флинн. Мой хороший друг. Эдди, а это малыш Тони П. Тот парень, про которого я тебе рассказывал. Его сбили, когда он переходил улицу.

— Рад познакомиться, — сказал я. — У меня есть пара вопросов по поводу того, что с тобой приключилось.

— Вы адвокат? Я не хочу ни на кого подавать в суд. Я не запомнил номер. Я не знаю, кто меня переехал.

На лице у него выступил пот. Здоровая рука слегка задрожала.

Он нервничал, хотя никаких причин для этого не было.

— Насколько я понимаю, ты припарковал свою тачку неподалеку от ресторана Джимми. Это было ранним утром, перед началом твоей смены. И когда вылезал из-за руля, прямо в тебя врезался мотоцикл, и тебя размазало между ним и дверцей машины. Это то, что ты сказал Джимми. Верно? — спросил я.

— Ну да, ну да… Наверное, я не посмотрел в зеркало перед тем, как выйти из машины. Наверное, я сам виноват.

Джимми покосился на меня. Я кивнул.

— Судя по тому, как это описывают некоторые свидетели, мотоциклист почти полностью сорвал дверцу, проскочил вперед, а затем развернул мотоцикл и ударил тебя передним колесом по голове? Мне кажется, не очень-то похоже на несчастный случай…

— Я не знаю, что произошло. Я не помню. Последнее, что я помню, это как я вылезал из машины, — сказал Тони.

— Это была твоя новая машина?

Он натужно сглотнул.

— Ну да, ну да… Новехонькая. Удачная ставка с большой выплатой. Сто штук, как с куста. И

как раз в тот момент, когда я подумал, что мне наконец улыбнулась удача, это и случилось.

Тони поднял здоровую руку, как бы напоминая нам, насколько серьезно пострадал.

— Проломил мне череп, сука… Я не знаю. Наверное, мне следовало посмотреть, прежде чем вылезать из-за руля.

— Я попросил Джимми поспрошать своих букмекеров и вообще всех, кто держит букмекерские конторы на Манхэттене, на предмет стотысячных выплат за последние полгода. Угадай, что они ответили? — спросил я.

— Я не знаю — в смысле, я…

— Букмекеры, которые тебя прекрасно знают, говорят, что ты больше ставил, чем выигрывал. И что за последний год шестизначных сумм никому не выплачивали.

— Послушайте… — начал было он.

— Скажи ему правду, — велел Джимми. — Если ты соврешь, я узнаю об этом. И тогда очень рассержусь.

— Я не вру! — запротестовал Тони.

Никто в здравом уме не станет лгать Джимми-Кепарику. Особенно если ты еще и работаешь на Джимми — это гарантированный билет в один конец на дно Гудзона. Мне нужно было, чтобы

этот парень открылся.

— Тони, у тебя есть только один выход, — терпеливо произнес я. — Сказать мне правду. А теперь вот что я думаю — и если я прав, то ты мне так и скажешь. А если ошибаюсь, тоже. Лады? Скажи мне правду — это единственное, что может тебя сейчас спасти.

— Я…

— Заткнись и слушай. Ты — повар в буфете. Ты работаешь в ресторане Джимми вот уже два года. Хороший друг Джимми, Фрэнк Авеллино, каждое утро приходил в этот ресторан завтракать. Мог посидеть с кем-нибудь за кофе, а потом уходил заниматься своими делами. Я пока что прав?

Теперь его уже откровенно трясло. Тони сморгнул пот с глаз и кивнул.

— Ну вот и славненько. Короче говоря, Фрэнка Авеллино систематически травили. Одурманивали его. В течение нескольких месяцев. И вот теперь полиция не может найти никаких следов этой отравы у него в доме. Ни единой капли. Хотя я думаю, что ее никогда в этом доме и не было. Я думаю, что, может, кто-то заплатил тебе за то, чтобы ты каждое утро добавлял эту дрянь в яичницу Фрэнка. И, думаю, заплатил ровно сто штук. Я думаю, ты делал то, что было велено, а по-

том, наверное, человек, который тебе заплатил, испугался. Испугался того, что ста штук может и не хватить, чтобы ты держал язык за зубами. И попытался заткнуть тебя навсегда. Как тебе пока что мой рассказ?

— Это была не отрава! Богом клянусь! Она сказала мне, что это лекарство. Лекарство! Сказала, что он не станет принимать его дома и что я должен добавлять это лекарство в яичницу и сосиски…

Джимми вытер лицо, опустил голову и испустил долгий, раздраженный вздох.

— Сто штук — довольно щедрые чаевые за то, чтобы добавлять кому-нибудь в еду обычное лекарство, — заметил я.

— Клянусь…

— Заткнись, — буркнул Джимми.

Я положил перед Тони заранее припасенный номер «Нью-Йорк таймс», первой страницей к нему.

— Ты наверняка знаком с этой женщиной. Той самой, что дала тебе галоперидол, а потом пыталась убить тебя. Ее фотография — на первой странице.

Вообще-то на первой полосе газеты было два снимка. Судебный процесс захватил мрачное воображение читателей, и под заголовком были

помещены фото и Александры, и Софии, выходящих вчера из здания суда. Крупным планом. Демонстрирующие мрачную решимость обеих перед лицом их личного кошмара.

— С которой из них? — спросил я.

Тони закрыл глаза. Он зашел слишком далеко, и теперь ему приходилось расплачиваться за это.

— Она попыталась ткнуть мне ножом в лицо, но промахнулась и выронила нож. Он, видно, отлетел под мою машину. А потом развернула мотоцикл и проехала мне передним колесом по голове. Совсем чокнутая! — воскликнул он.

— Эй, Тони, — вмешался Джимми. — Я знаю, ты, наверное, боишься эту дамочку. В конце концов, она чуть не убила тебя. Но послушай: ее здесь нет. И тебе больше не нужно ее бояться. Тебе нужно бояться *меня*. Потому что я уж точно тебя убью. Ты меня понял?

Тони открыл глаза, быстро кивнул и ткнул пальцем в газету. Я наклонился, чтобы посмотреть, на кого он указал.

— Ты уверен? — спросил я.

— Уверен. Это была она.

Теперь мне требовалось спасти Тони П.

— Джимми, Тони собирается дать показания, что он достал для нее галоперидол и ему хорошо

за это заплатили. Он также скажет, что после убийства отца она спросила его, где он достал этот препарат, и он сказал ей, что купил его в аптеке в Хаберман. А еще скажет, что она пыталась убить его на улице. Ты ведь все это сделаешь, правда, Тони?

— Я сделаю все, что вы скажете!

— Потому что если ты расскажешь копам все как есть и дашь показания о том, что травил кого-то в ресторане Джимми, это плохо скажется на бизнесе Джимми. А если ты вообще не дашь показаний, значит, у Джимми не будет причин оставить тебя в живых. Так ты это сделаешь?

— Сделаю, клянусь!

Я отложил газету, поблагодарил Джимми и бросился к двери.

— Не убивай его. Он мне нужен.

— Он еще будет дышать, когда копы приедут поговорить с ним, — заверил меня Джимми. — Хотя кто знает, как долго он еще будет дышать после этого…

Глава 53

Эдди

В доме на Франклин-стрит вроде было тихо. У входа стоял старенький фургон. Заглянув в окошко его задней двери, я увидел составленные внутри коробки и кое-что еще. Постоял секунду на ночном воздухе, прислушиваясь. В городе было тихо, слышался лишь отдаленный шум машин.

Потом я подошел к дому. Входная дверь была открыта. Несмотря на это, я все-таки постучал и громко крикнул: «Есть тут кто-нибудь?», входя внутрь.

Лампа на тумбочке в прихожей была включена. Я еще раз позвал и двинулся вперед, пока не увидел кухню и гостиную.

В полумраке гостиной стояла София — свет еще одной лампы, стоявшей на столе, падал ей прямо в глаза, отчего казалось, что внутри у них пляшут язычки пламени.

— Эдди, что вы здесь делаете? — удивилась она.

Перед ней на кофейном столике лежала шахматная доска. Фигуры располагались так, словно партия была в самом разгаре.

— Да вот зашел посмотреть, как у вас дела…

— Как вы узнали, что я здесь?

— В вашей квартире никого не было. Полагаю, теперь этот дом ваш, и я подумал, что вы можете быть здесь. Я увидел снаружи фургон — вы переезжаете?

— Да вот решила перевезти сюда кое-что из вещей. Мне хотелось хоть чем-то себя занять, — сказала она.

— Это ваша шахматная доска? Я помешал игре? Здесь есть кто-то еще? — спросил я.

— Здесь больше никого нет. Да, это моя доска. Это партия, которую мы с сестрой начали, еще когда были детьми, но так и не смогли закончить.

София наклонилась и передвинула коня.

— А теперь все кончено, — сказала она. — Я победила.

Казалось, будто свет проникает в самую глубину ее глаз, отчего они светились, словно у хищника, выслеживающего свою жертву в лунном свете. Испуганной, кроткой Софии как не бывало. Ее сестра ожидала приговора за убийство Фрэнка, а София была на свободе. Ей больше нечего было бояться. Ее уверенность сияла вокруг нее словно нимб.

— Вы определенно победили, — сказал я, кивнув. — Вы, видать, всерьез ненавидите Александру.

— Я ненавидела ее задолго до того, как она убила моего отца. Она забрала у меня все, когда столкнула маму с лестницы, — сказала София. — Это был несчастный случай. Дурацкий несчастный случай. Она не хотела ее убивать. Я не злилась на Александру за то, что она забрала нашу маму. Просто это произошло слишком рано. Я терпеть не могла свою мать. Я хотела когда-нибудь победить ее в шахматах. Я хотела вырасти и чтобы моя мама знала, что я лучше ее. И лучше, чем Александра. Я хотела причинить маме боль, а Александра отняла у меня это. Я не смогла причинить ей боль после смерти, хотя и пыталась. А потом папа отослал нас из дома. Так что я потеряла и его. Она заслуживает того, чтобы сгнить в тюрьме за то, что сделала.

В Софии произошла буквально сейсмическая перемена. Она и выглядела, и держалась совсем по-другому. Мне казалось, что я вижу ее впервые в жизни. Все начинало обретать смысл. Теперь стала ясна истинная причина ненависти между ней и Александрой. Когда она сказала, что пыталась причинить боль своей матери после ее смерти, я сразу понял, что это означало. Александра столкнула Джейн с верхней площадки лестницы — судя по всему, и вправду случайно;

но укусила ее София — уже после того, как та умерла.

София помотала головой, словно очнувшись от сна.

— Хотите кофе?

— Спасибо, это было бы здорово. Произошли кое-какие изменения, и я хотел бы вас проинформировать.

Она провела меня на кухню и включила оставшийся свет. На кухонной стойке стояла новенькая кофеварка «Банн», только что из коробки, которую София еще не успела убрать. Фрэнк, по ее словам, никогда не пил кофе; под конец он предпочитал чай. София налила воды в контейнер, включила машину в сеть, насыпала в фильтр свежемолотого кофе и оставила процеживаться.

— Убийцы всегда совершают ошибки, — произнес я.

— И вы нашли такую? — спросила София, тоном ровным и любопытствующим.

— Я нашел сразу две. Она оставила в живых свидетеля. Человека, который смог ее опознать.

Она открыла кухонный шкафчик в поисках кофейных кружек, каковых там не оказалось.

— Они забрали все кружки, — констатировала София. Заглянула еще в несколько шкафчиков,

но так ничего и не нашла.

— Полагаю, кофе сегодня в меню не входит, — сказал я.

— Похоже на то… Простите, что вы там говорили про свидетеля?

Обойдя небольшой столик в центре кухни, она остановилась всего в паре футов от меня. На ней все еще было длинное пальто и сапоги, хотя в доме было тепло.

— Парень, которому она заплатила, чтобы он добавлял галоперидол в еду Фрэнка… Он работал в ресторане Джимми.

— Господи! И что он вам сказал?

— Прямо сейчас он разговаривает с копами. Сказал, что ему за это заплатили.

София опустила взгляд на кафельный пол, обдумывая услышанное. Наконец произнесла:

— Я до сих пор не могу поверить, что она это сделала. Она же моя сестра.

— Это была не единственная ее ошибка.

— Правда?

— Да, но вам не стоит об этом беспокоиться. Честно. Теперь все кончено, София. Вам больше ничего не грозит. Я просто хотел проведать вас — убедиться, что с вами всё в порядке, а остальное я предоставлю полиции.

— Вы точно не хотите пойти и чего-нибудь съесть? Или мы можем остаться и перекусить здесь?

— Точно, — сказал я, подступая к ней. — Я рад, что все закончилось. Я так волновался, что, если вас осудят, вы не выживете в тюрьме. Теперь все это позади. Я знаю, что на это потребуется время, но вы справитесь. Теперь вы миллионер. У вас есть всё.

София протянула ко мне руки, тоже двинувшись ко мне. Я подошел к ней и обнял. Входную дверь я оставил открытой и теперь внимательно прислушивался. Вдали уже слышался вой сирен.

— Спасибо, — сказала она.

Я похлопал ее по руке, и мы отпустили друг друга.

— Я, пожалуй, пойду, — произнес я, пятясь к двери.

Кофеварка фанфарно зашипела и заклокотала, возвещая о готовности.

— А в чем была вторая ошибка? Вы сказали, что нашли две. Просто из любопытства…

Услышав негромкий скрип тормозов подъехавшей к дому машины, я сказал:

— Тот звонок в «девять-один-один».

— А что с ним?

— Ну, когда кто-то лишает человека жизни, это вызывает целую бурю эмоций. Адреналин зашкаливает, кровь бежит по венам и все такое. В такой момент легко совершить ошибку. Видите ли, когда она позвонила в «девять-один-один», то сказала, что ее сестра в ванной. Сказала, что видит тени ног под дверью. Минут двадцать назад я получил текстовое сообщение от одного друга. Оказывается, из спальни вашего отца нельзя увидеть никаких теней от ног под закрытой дверью. Даже когда кто-то стоит по ту сторону двери и поворачивает ручку. Так как же она узнала, что ее сестра там?

Лицо у Софии изменилось. То, что раньше было теплым и умиротворенным выражением, сменилось чем-то другим. Глаза сузились, губы плотно прижались к зубам.

— Это не Александра сказала такое во время звонка в «девять-один-один», — процедила она, подступая ко мне.

— Я знаю. Вы знали, что Александра в ванной, потому что видели, как она туда заходила. А затем позвонили в «девять-один-один». Харпер тогда сфотографировала на телефон ванную комнату с закрытой дверью и включенным светом внутри. Если б мы увидели эту фотографию, то

поняли бы, что свет из-под двери не пробивается. Вот почему вы убили Харпер, пока она не успела присмотреться к этому снимку. И малыш Тони П. опознал не вашу сестру. Он опознал вас.

Я отступил назад, объявив:

— Теперь можете забирать ее.

Из-за угла в кухню вышел детектив Тайлер, за которым следовал Сомс.

— София Авеллино, это полиция Нью-Йорка. Немедленно повернитесь и положите руки на стойку, — приказал Тайлер.

Я отступил на шаг, выжидая развития событий.

София покачала головой и спокойно произнесла:

— Это чушь собачья. Полная чушь. Меня уже оправдали по делу об убийстве моего отца. Вы не можете снова привлечь меня к суду — это будет повторное привлечение к ответственности за одно и то же преступление.

— Мэм, повернитесь и положите руки на стойку, прямо сейчас, — повторил Тайлер, потянувшись к поясу.

София подняла руки над головой, медленно повернулась и положила их на стойку.

Тайлер убрал руку с пистолета, подошел к Со-

фии и сказал:

— Я должен вас обыскать — есть ли у вас при себе какое-нибудь оружие?

— Нет, ничего у меня нет.

Тайлер протянул руки и положил их Софии на плечи. Начал ощупывать ткань ее пальто, затем провел руками по спине в поисках спрятанных ножей, одновременно зачитывая Софии ее права:

— Я задерживаю вас по подозрению в убийстве Афзала Джатта, Пенни Леттерман, Хэла Коэна и Элизабет Харпер. Вы имеете право хранить молчание…

— Это полная херня! Ничто не связывает меня ни с одним из этих убийств. Ничего. Одного только слова какого-то обкуренного ресторанного повара для этого недостаточно. У вас ничего нет.

— У нас есть вот это, — сказал Тайлер, вытаскивая из кармана пальто Софии что-то блестящее.

Золотое распятие на дешевой золотой цепочке. На кресте все еще темнели следы крови. Крови Харпер. По крайней мере, они всё еще были там, когда тридцать секунд назад я незаметно опустил эту цепочку в карман Софии.

— Нет… — выдавила она, увидев цепочку в руке у Тайлера.

Сомс держался в стороне. Детектив явно был рад, что бóльшую часть чисто физической работы взял на себя его младший напарник. Он повернулся ко мне и сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — отозвался я. — Просто делайте, как было обещано, и все будет пучком. Кроме того, снаружи стоит фургон. В кузове — несколько упаковочных коробок, но есть и кое-что еще. Черный мотоцикл.

Отступив на шаг, Тайлер сунул другую руку в карман куртки в поисках пакета для улик, в который он собирался убрать цепочку.

Сомс повернулся ко мне, чтобы что-то сказать, открыл было рот, но прежде чем успел заговорить, послышался какой-то жуткий треск.

Это не было похоже ни на выстрел, ни даже на хлопок в автомобильном глушителе. Звук был влажный и глухой.

Тайлер повернулся к нам, оказавшись спиной к Софии. И лица у него почти что не было. Что-то брызнуло мне на щеку. Что-то горячее, обжигающее.

София выронила пластмассовую ручку. Это было все, что осталось от колбы кофеварки. Оставшаяся часть стекла была в лице у Тайлера.

Выронив ручку, она упала на колени, дернула Тайлера за куртку, а затем быстро поползла к другой стороне обеденного стола.

Я повернулся к Сомсу, который лихорадочно вытирал лицо. Должно быть, на него попало больше брызг горячей жидкости, чем на меня.

Еще один хлопок, и на сей раз это был выстрел.

Сомс упал на спину. Я нырнул к полу, пригнув голову. Первым, что я увидел, был упавший на пол пистолет, за которым последовал Сомс. Он получил пулю в живот и был уже весь в крови. Видно, попытался выхватить пистолет, но выронил его. Тот отлетел слишком далеко, чтобы я мог дотянуться до него.

Шаги.

Подняв взгляд, я увидел Софию с пистолетом Тайлера в руке. Ствол был направлен на меня.

— Алекса, поставь мою любимую песню, — произнесла она.

Откуда-то из кухни отозвался сгенерированный электроникой голос, плоский и холодный:

— Ставлю «Она» Элвиса Костелло.

Прозвучали первые такты, и София улыбнулась.

Глава 54

Она

София бросила взгляд на Сомса. Он истекал кровью. Темная кровь уже лужей скапливалась под ним, ее наверняка было полно и в желудке. София почувствовала неприятный запах — возможно, пуля пробила часть кишечника и в рану просачивалась желчь. Сомс долго не протянет, на этот счет можно было не переживать.

Все еще держа Эдди на мушке, она посмотрела на Тайлера. Из щеки у того торчал длинный осколок стекла, еще один — из шеи. Он корчился на полу.

Эдди Флинн лежал на спине, на полу, под пристальным взглядом «сорок пятого» у нее в руке.

— Ты почти что вышла сухой из воды, София. Если б ты не убила Хэла Коэна, мы бы не связали тебя с убийствами в аптеке. Почему ему пришлось умереть?

Она склонила голову набок. Улыбнулась. Флинн оказался слишком уж умен, на свою беду. Ей был нужен такой адвокат, как он. Он был одним из лучших в городе и защищал только тех, кого

считал невиновными. Он идеально ей подходил. София полагалась на то, что он догадается, что дневник подделан. Так что постаралась скопировать почерк Фрэнка, но не идеально. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать некоторые сомнения в том, кто его написал. Включение скрытых неточностей в дневник было риском, на который ей пришлось пойти. Это был единственный способ доказать, что дневник был написан настоящим убийцей. Только тот, кто действительно совершил убийство, мог состряпать фальшивый дневник, обвиняющий в этом кого-то другого. Это была самая убедительная улика на суде. Она до сих пор гордилась этим.

— Хэл Коэн был таким же, как мой отец, и как множество прочих мужчин в этом городе. Которые зарабатывают деньги на чужих бедах. Мне было нужно, чтобы Хэл нашел этот дневник. Я спрятала его в личных бумагах Фрэнка — уже после того, как копы обыскали дом. Я хотела, чтобы Хэл нашел его, потому что он обязательно попытался бы им воспользоваться. Он был предсказуемо нечист на руку. Хэл передал дневник окружному прокурору, а затем попытался срубить бабла. В зависимости от того, кто ему больше заплатит, подтвердить или опровергнуть

подлинность дневника. Я никогда не собиралась ему платить. Я хотела, чтобы он передал дневник, а Александра заплатила ему за то, чтобы он засвидетельствовал его подлинность. Тогда, когда вы спалили бы этот дневник в суде, все выглядело бы так, будто Хэл и Александра все это время были в сговоре. Тем более когда она и вправду ему заплатила. Я не могла допустить, чтобы Хэл появился в суде и сказал, что я предлагала подкупить его. Ну уж нет… Он отдал дневник окружному прокурору и взял деньги у Александры. И после этого выполнил свою задачу.

Флинн попятился, опираясь на ноги и локти, чтобы продвинуться к коридору. София последовала за ним, держа его на мушке. Ее нож лежал в рюкзаке в гостиной. Запах крови, ощущение оружия в руке — все это опьяняло. Она указала пистолетом, чтобы он продолжал двигаться.

Для этого ей нужен был нож.

Она хотела ощутить, как тот вонзается в его плоть.

Глава 55

Эдди

София показала пистолетом, чтобы я продолжал продвигаться в сторону гостиной. Мне далеко не впервые угрожали стволом, и у меня сложилось впечатление, что она не хотела его использовать. Ей нравилось работать на близком расстоянии и лицом к лицу, вторгаясь в личное пространство. Я так и не сумел определить выражение ее лица. София явно не паниковала, и даже дыхание у нее было ровным.

Она наслаждалась этим. Каждой секундой. Она одурачила меня, но и не меня единственного. София Авеллино была монстром и всю свою жизнь носила маску. А теперь стала тем, кем всегда хотела быть, — победительницей. Отныне у нее все деньги отца, а Александра — лишь грязь у нее под ногами. Она отомстила тем, кто, по ее разумению, причинил ей зло, и теперь так и пульсировала силой, которую это ей дало.

— Не останавливаться! — прикрикнула она. Я был уже почти на самой середине коридора между кухней и гостиной.

— Ну и каково это? Знать, что ты скоро умрешь? — добавила София.

Я ничего не ответил — просто продолжал дви-

гаться.

— Харпер умерла слишком быстро. Я хотела порезать ее в лапшу, как папу. Но это выглядело бы слишком подозрительно. Ты будешь умирать медленно, Эдди.

Мне следовало бы испугаться. Страх способен парализовать организм, как пуля. Но я не испугался. Я был в ярости. Я хотел вскочить, схватить этот пистолет и сунуть его ей под подбородок. Подержать его там, позволить Софии как следует подумать о смерти, а затем нажать на спусковой крючок.

Песня, звучавшая в доме, набирала обороты, и София с каждой новой нотой становилась все более возбужденной.

— Хочешь убить меня, так ведь? — спросила она. — За то, что я сделала с Харпер? Нет уж, не выйдет. Ты не убьешь меня, Эдди.

— Если б Харпер была жива, то давно бы тебя прищучила, — отозвался я с пола. — И ты и вправду заслуживаешь смерти за то, что с ней сделала. Но ты права: я не стану тебя убивать.

Я остановился.

— Это сделает она.

София широко раскрыла глаза, а через миг ее там уже больше не было. В коридоре оглушитель-

но громыхнуло, и звук этот с треском заметался между стенами. Я вскрикнул, но мой голос потонул в этом грохоте. Вот только что, секунду назад, София стояла там, нависая надо мной, — и вот уже лежит лицом вниз в коридоре, в пяти футах от меня. Пистолет выпал у нее из руки, под которой теперь расползалась огромная лужа крови. Я поднял глаза и увидел Блок, стоящую в другом конце коридора с огромным серебристым револьвером в руке. Из-за спины у нее выглядывал Гарри.

Я вытащил из-за пазухи телефон и набрал «911».

Глава 56

Эдди

Один месяц спустя

— Я вас откуда-то знаю? — спросил продавец хот-догов.

— Я адвокат, — ответил я.

— Ну да, вы ведь представляете ту девицу, которая убила Фрэнки Авеллино…

— Теперь уже нет.

— Она вас уволила?

— Нет, это я ее уволил.

— Какие добавки желаете?

— Чили, сыр, халапеньос — все до кучи, — сказал я.

Он протянул мне огромный хот-дог на пластиковом подносике. Я дал ему десятку и предложил оставить сдачу себе. Этот продавец был уже не первым человеком, который узнал меня за последние несколько недель. Меня все еще жгло, что я не сумел вовремя распознать истинное лицо Софии. Что ей удалось провести меня, Гарри и… Харпер. Она заставила меня пожалеть ее. И я не разглядел монстра за этой маской. Если б мне это удалось, Харпер наверняка все еще была бы с нами.

В ту ночь, когда медики грузили Сомса, Тайлера и Софию в разные машины «скорой помощи», я позвонил Кейт. И все ей рассказал. Она плакала в телефон. Облегчение, которое она испытала, ударило меня еще больнее. Кейт всю дорогу была права насчет Александры.

— Мне следовало прислушаться к вам. Вы правильно выбрали сторону с самого начала.

— Вас развели, Эдди. И не только вас. София убедила абсолютно всех. Вы ни в чем не виноваты.

— Насчет меня не переживайте. Идите и вытас-

кивайте свою клиентку из тюрьмы.

Сомс и Тайлер выжили после стрельбы, а Александра Авеллино стала первой подсудимой в истории штата, чей обвинительный вердикт был отменен еще до вынесения приговора.

Софии предъявили обвинения в умышленных убийствах двух и более лиц, как это формулирует уголовный кодекс. Она не признаёт себя виновной по причине невменяемости. Это ей не поможет. Да, у нее серьезные проблемы с психикой, но ни одна из них не делает ее убийцей и не объясняет исходящее от нее зло. После того выстрела в плечо она выжила, но при этом потеряла руку. Возможно, это стало правосудием для Фрэнка, поскольку он никогда не увидел бы свою убийцу перед судом — нельзя дважды привлекать к уголовной ответственности за одно и то же преступление. Хотя не то чтобы это имело для Софии какое-то значение — она проведет остаток своей жизни, страдая от боли в тюремной камере. Боли, еще более мучительной от осознания того, что Александра унаследует все состояние Фрэнка.

Перейдя через улицу, я вошел в стеклянные двери здания, в котором располагалась адвокатская фирма «Леви, Бернард и Грофф». Девушка за стойкой в вестибюле объяснила, какой этаж мне

требуется, и я направился к лифтам. В качестве сопровождающих мне придали двух парней в костюмах. В одном из них я узнал Скотта, прихвостня Леви. В лифте он наморщил нос и с отвращением уставился на мой хот-дог.

— Прости, но ни кусочка не получишь, — сказал я.

Двери открылись, и меня провели в конференц-зал со стеклянными стенами, по центру которого протянулся длинный стол. По одну сторону от него сидели все трое партнеров, рулящих фирмой. Возглавлял их, судя по всему, Джон Бернард — ухоженный джентльмен лет шестидесяти пяти, облаченный в сшитый на заказ костюм в тонкую полоску. Мэтью Грофф был немного моложе и бледнее, если такое вообще возможно. Леви оказался самым молодым среди них и сидел в центре этой группы. Их окружала толпа охранников и помощников. Я уже слышал о маленьком инциденте Блок с Леви. Молодец Блок!

Кейт и Блок сидели лицом к армии противника. Кейт расположилась прямо напротив Леви, Блок — слева от нее. Я занял свободное место справа от Кейт. Позади Леви и его партнеров открывался вид на силуэт Манхэттена.

Перед Кейт лежал открытый лэптоп. У ног Блок

стояла картонная коробка. У всех сотрудников фирмы, сидевших за столом, были электронные планшеты, блокноты или огромные стопки каких-то юридических документов. Равно как и у их начальства.

Положив хот-дог на стол перед собой, я спросил у Блок и Кейт, не желают ли они перекусить. Кейт вежливо отказалась. Блок просто покачала головой.

— Итак, мы готовы открыть переговоры в отношении дела «Леви, Бернард и Грофф», фирма, против Кейт Брукс. Напомню, что данные переговоры проводятся при условии непричинения ими ущерба правам сторон в случае перевода вопроса в судебную плоскость. У вас есть какие-либо вопросы, прежде чем мы приступим? — произнес Леви.

— Угу, — отозвался я. — Нет ли у вас тут вилки? Этот хот-дог оказался несколько жирней, чем я думал.

Леви посмотрел на мой обед, потом на меня и недовольно заметил:

— Мы ждем вас уже десять минут. Мы не могли начать переговоры без адвоката ответчика. Я надеялся, что вы принесете что-то большее, чем дешевую нездоровую пищу.

— О, я не адвокат Кейт, — сказал я.

— Что?

— Не, она прекрасно справляется сама. Я ей не нужен, — сказал я, откусывая кусочек хот-дога. Он был горячим и вкусным.

— Тогда почему же вы здесь, мистер Флинн? — поинтересовался Бернард. Голос у него звучал так, словно доносился из глубин большого дубового шкафа.

— Я здесь исключительно в роли наблюдателя, — любезно ответствовал я. — Я ни за что на свете не пропустил бы чего-то подобного.

— Хорошо, тогда для протокола: мы можем не обращать внимания на присутствующего здесь мистера Флинна. Мисс Брукс, я поговорил со своими партнерами, и мы пришли к цифре в два с половиной миллиона долларов. Это окончательно. Вы украли нашего клиента. Это означает, что вы украли наши гонорары. Нам нужны эти деньги и ваша лицензия адвоката. Это наше последнее предложение.

Кейт достала черную пластиковую карточку, которую я тогда достал из бумажника Леви, и положила ее на стол.

— У меня есть встречное предложение, — сказала она.

На лице у Леви появилось какое-то странное выражение. Он словно вдруг увидел перед своим домом призрака, который снял штаны и гадит прямо на его собственной лужайке.

Кейт взяла карточку и нажала на одну из ее сторон, откуда выскочил маленький металлический коннектор. Похоже, это была компьютерная флэшка, только плоская.

— Эта карта принадлежит мистеру Леви, — сказала она, вставляя ее в свой лэптоп.

— Нет… — выдавил тот. Это прозвучало не как отрицание. Это была мольба. Мольба о пощаде.

— И эта карта действует как своего рода цифровой портал для входа на один сайт в Даркнете, — продолжала Кейт.

Когда она развернула лэптоп экраном от себя, я мельком увидел заглавную страницу какого-то сайта. Названия я прочитать не успел, зато увидел подборку фотографий с изображенными на них женщинами. Одна из них была немного похожа на Кейт. И она наклонялась к чему-то, лежащему на полу. Фото было сделано сзади — вероятно, на камеру телефона. Были и другие снимки, еще хуже. Некоторые из них были сняты из-под стола, когда камера была направлена под юбку женщины, и куда более натуралистические,

на которых Кейт переодевалась или сидела на унитазе. У Леви, видать, имелись камеры, спрятанные по всему офису — под столами, в женском туалете и бог знает где еще. Внезапно у меня пропал аппетит.

— Это мои фотографии, которые мистер Леви сделал тайком и загрузил на этот сайт под названием «Коллеги, которых я хотел бы отыметь».

— Господи, Тео! — воскликнул Бернард.

Тео Леви опустил голову, так как физиономия у него начала становиться ярко-красной.

— Я уверен, что за солидную годовую плату мистер Леви может посмотреть и другие фотографии своих сотрудниц, сделанные влиятельными мужчинами, — сотрудниц, некоторые из которых даже обнажены и занимаются тем, что явно не похоже на секс по взаимному согласию. Пользователи могут даже оценить этих женщин и фотографии, как это делается в соцсетях. Я вижу, что на сайте указан и мой домашний адрес. Так что я отзываю свой встречный иск о сексуальных домогательствах, вы отзываете свой иск о нарушении контракта, и…

— Кейт, — произнес Бернард, перебивая ее. — Вам больше не нужно ничего говорить. Мы отзываем наш иск. Вы поступаете так же и даете

подписку о неразглашении. Мы выплачиваем вам миллион долларов компенсации, и на этом все закончится. Ладно? И можете вы наконец выключить этот компьютер?

— Простите, мистер Бернард, я еще не закончила. Никаких подписок о неразглашении не будет. Данное предложение действительно только на данный момент. Мы отзываем наши соответствующие судебные иски, мистер Леви увольняется из фирмы, а вы публикуете заявление для прессы, в котором говорится, что в «Леви, Бернард и Грофф» возникли проблемы с сексуальными домогательствами, но вы привлекаете специалистов по персоналу для их решения. Вот и всё.

— Послушайте, мисс Брукс, — вы, несомненно, талантливый юрист, но было бы глупо отказываться от миллиона долларов…

— Никаких подписок о неразглашении! Кажется, я это уже говорила. Это дерьмо слишком долго продолжалось за закрытыми дверями. И будет продолжаться и дальше, если вы не решите проблему раз и навсегда, — сказала Кейт.

— Два миллиона, — подал голос Грофф.

Кейт покачала головой.

— Предложение действительно только на данный момент, — повторила она. — Если вы его не

принимаете, оно уходит из этой комнаты вместе со мной. А я отправляюсь прямиком в «Ньюйоркер» с этой карточкой.

— Черт возьми, — буркнул Бернард. — Просто сделай это. Просто дай ей все, что она захочет.

— Не можете же вы… — начал было Леви, но Бернард бесцеремонно оборвал его:

— У тебя здесь нет права голоса, Тео. У меня такое чувство, что твою задницу вышвырнут за дверь еще до конца этого дня.

— Считайте, что договорились. Вопрос решен, — объявил Грофф.

— Подождите… — попытался упорствовать Леви, но они проигнорировали его.

— Спасибо вам, — сказала Кейт.

Бернард и Грофф оба набросились на Леви и принялись распекать его. Не за то, что он мерзкий извращенец, а за то, что спалился. Тот пытался как-то оправдываться, но они не слушали.

— О, и еще кое-что, — сказала Кейт.

Наклонившись, Блок подхватила картонную коробку, стоявшую у ее ног, и поставила ее на стол.

— Что это? — спросил Бернард.

Кейт открыла коробку и начала доставать пачки юридических документов.

— Это судебные иски от имени четырнадцати младших юристов и секретарей фирмы «Леви, Бернард и Грофф». Все они женщины. Мистер Леви всех их тоже фотографировал, и у нас есть заверенные скриншоты с этого сайта. Пока вы еще не подсчитали, сколько денег задолжали этим женщинам, поскольку они и близко не подходили по зарплате к своим коллегам-мужчинам, и не прикинули ущерб, нанесенный им в результате сексуальных домогательств, могу порекомендовать сумму в два миллиона долларов, чтобы уладить этот вопрос.

— Два миллиона? Мы вполне можем на это пойти, — ответил Грофф.

— По два миллиона каждой, — уточнила Кейт.

Сквозь стиснутые зубы Бернард спросил:

— Так сколько, говорите, их было?

— Четырнадцать.

— Нам нужно изучить документы и проверить эти заявления. Мы свяжемся с вами по ним до конца недели, — сказал он.

— Нет проблем. Если я ничего не услышу от вас до пятницы, цена поднимется.

— Подождите секундочку, — вмешался Леви, больше не желая, чтобы на него кричали. Его карьера была закончена, и он отчаянно пытался

спастись. — Никуда я не уйду. Мы можем выиграть эти дела. Она украла у меня эту карточку. Она не может использовать ее в суде!

— Вообще-то это я ее украл, Тео, — безмятежно ответствовал я. — Хочешь заявить в полицию о краже своего паспорта извращенца?

Рот Леви открылся и закрылся, как у рыбы.

— Я тоже так не думаю.

* * *

В течение часа с документами по делу Кейт было покончено, и она была уверена, что сможет получить по крайней мере двадцать процентов от каждого из своих новых требований к партнерам. День еще как окупился.

У входа в здание нас уже поджидал Гарри с Кларенсом на поводке. Денек был чудесный — яркий, солнечный и холодный.

— Почему у меня такое чувство, что как только эти дела будут улажены, а ущерб возмещен, эта карточка каким-то образом попадет в полицию Нью-Йорка? — заметил я.

— Понятия не имею, — ответила Кейт. — Такое постоянно случается. Блок явно не станет класть ее в неподписанный конверт и отправлять в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями.

Я низко наклонился и погладил Кларенса по голове. Этот пес начинал нравиться мне все больше и больше.

— Ты знаешь, что на десятом этаже этого здания есть свободные помещения? — обратился ко мне Гарри.

Я повернулся и оглядел стеклянную башню.

— Не, — сказала Кейт. — С этим местом связано слишком много плохих воспоминаний. Значит ли это, что вы обдумали мое предложение?

— Да, — ответил я. — Людям от меня одни несчастья, Кейт. Харпер вообще убили. Это моя вина. Она работала над моим делом, а я не предвидел того, на что способна София Авеллино. Я поверил ей, и это стоило Харпер жизни. Я не могу позволить, чтобы вы…

— Харпер представляла себе весь риск, Эдди. Это не ваша вина, — сказала Кейт.

— Она любила тебя, — произнес Гарри.

— Я должен был догадаться. София обманула меня, — возразил я.

— Вы не могли догадаться, — ответила мне Кейт. — София манипулировала всеми. Проблема была в том, что мы с вами были на противоположных сторонах. Если б мы с самого начала работали вместе, этого никогда не случилось бы.

— Кейт права. Ты слишком долго был волком-одиночкой, Эдди. Пора начинать все сначала. Новая жизнь… Новая фирма… — произнес Гарри.

— Ну так как? — спросила Кейт. — Мне надо уже сегодня встретиться с Драйером и убедить его снять обвинения с Александры за то, что она заплатила Хэлу Коэну за лжесвидетельство. Я хочу сказать ему, что у меня новая работа. Что мы теперь одна команда.

— Думаете, он снимет обвинения? — спросил я.

— Я почти уверена. Там будут Сомс и Тайлер со своими боевыми ранениями. Они сказали, что сделают все возможное, чтобы убедить его. Думаю, все получится. Ну что — мы партнеры? У вас есть репутация и клиенты, так что соотношение семьдесят к тридцати в вашу пользу звучит не слишком самонадеянно с моей стороны?

— Нет уж, — ответил я. — Если мы собираемся быть партнерами, то соотношение должно быть пятьдесят на пятьдесят. Фифти-фифти.

Мы пожали друг другу руки. И в этот момент родилась новая фирма. «Флинн и Брукс». У нас уже имелись свой собственный судебный консультант, следователь и даже офисный пес. Теперь нам не хватало только этого самого офиса и телефона.

И немного удачи.

* * *

Я оставил Гарри, Кейт и Блок в баре около трех часов дня. Александре присудили год условно за попытку препятствовать отправлению правосудия, и мы праздновали последнюю победу Кейт и открытие новой фирмы. Гарри уже давно нравилась Кейт, и он проникался все большей симпатией к Блок. Обе женщины любили Кларенса. Звуки их смеха последовали за мной на улицу. Я пил только «Пепси» и воду. В тот момент у меня не было желания бухну́ть. Я думал, что на этот раз смогу наконец покончить с этим навсегда.

Я сел в машину и тронул ее с места, даже не сознавая, куда на самом деле направляюсь. Колеса типа как сами везли меня туда. Когда я доехал до кладбища, солнце уже садилось. Ноги сами нашли дорогу к могиле Харпер. Я присел на мокрую траву рядом с ней, прислонился головой к холодному камню — и через несколько секунд почувствовал, что погружаюсь в сон.

Благодарности

Я уже не раз говорил, что не написал бы ни одной книги, если б не моя жена Трейси. Это утверждение по-прежнему соответствует действительности, и я бесконечно благодарен ей за все, что она собой представляет, и за все, что она делает. Без нее я был бы просто никем.

Я также благодарю моих редакторов Франческу и Кристину за их труд, и огромное спасибо издательству «Орион букс», особенно Эмаду, Кэти, Саре, Харриет и Линси.

Большую помощь в проведении исследований в области неврологии мне оказали Джон Кейн и Дин Барнетт, а касательно фармацевтики меня консультировал А. А. Дханд, и сам одаренный автор триллеров — очень рекомендую ознакомиться с его книгами. Шахматные же советы я получил от Алана Брэдли, еще одного замечательного писателя, и очень благодарен ему за науку.

Эту книгу было трудно писать. Я имею в виду не придумывать повороты сюжета, а чисто физически. Когда я писал этот роман, то все еще был профессиональным адвокатом, работающим полный рабочий день, и в течение восьми лет

писал по ночам. Это взяло с меня свою дань. В предыдущие годы я мог работать по три-четыре часа за ночь, но в 2018 и 2019 годах частенько чересчур уж уставал, чтобы писать. Значительная часть этого романа была создана в писательском приюте «Ривер-Милл», что в Даунпатрике. И моя особая благодарность — Полу Маддерну, прославленному поэту и щедрому хозяину «Ривер-Милл». А еще спасибо Трейси, которая отправляла меня туда на выходные, чтобы я закончил эту книгу. Теперь я профессиональный писатель, работающий полный рабочий день — если такое вообще можно сказать про писательский труд, — и за это должен поблагодарить Трейси и всех вас.

Да, вас. Читателей, которые покупают мои книги и читают их.

Спасибо вам.

Спасибо также всем моим друзьям, родне и коллегам за вашу поддержку. На подходе — еще один Эдди Флинн.

И моя искренняя признательность Шейну Салерно — умелому, находчивому и организованному человеку, способному успешно воплотить в жизнь любые свои начинания.

Стив Кавана
Судный день

Steve Cavanagh
THE DEVIL'S ADVOCATE
Copyright © Steve Cavanagh 2021

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Джону, Мэтту и Алану. За дружбу.

Пролог

Исправительное учреждение имени Уильяма Холмана, округ Эскамбия, Алабама

Рэндал Корн ждал этого момента долгих четыре года.

Он стоял в камере для исполнения смертных приговоров, скрестив руки на груди, и смотрел на стоящий посреди нее электрический стул. Этому угловатому сооружению было уже почти сто лет. Построенное из красного дерева, оно было выкрашено такой же ярко-желтой краской, какой наносят осевые линии на шоссе. Краску позаимствовали в дорожном управлении штата, расположенном неподалеку от пенитенциарного учреждения, поименованного в честь его бывшего начальника. Прозывали этот стул «Желтой мамашей».

Сто сорок девять человек, которые некогда сели на него, никогда уже больше не встали.

Электронные часы на стене показывали 23:45.

Время уже почти подошло. Выйдя из камеры с кирпичными стенами, Корн оказался в коридоре из шлакоблоков. Голых, шершавых, некраше-

ных. Дверь слева вела в комнату, из которой осуществлялось управление креслом, — пультовую. Не заходя туда, он направился прямиком в помещение в конце коридора, где лицом друг к другу располагались две скамьи. На одной сидел священник, на другой — команда исполнителей приговора. Задачей этих четверых сотрудников исправительного учреждения было доставить заключенного из камеры смертников к стулу и пристегнуть его ремнями — и все это менее чем за две минуты.

Корн махнул им рукой, и старший группы исполнителей кивнул в ответ. Священника Корн проигнорировал. За этими скамьями узенький коридор сворачивал налево. В самом конце его находилась маленькая зарешеченная камера, а внутри нее, сидя на койке и уставившись в телевизор, дожидался своей участи Дариус Робинсон. Он только что съел свой последний ужин — рубленый бифштекс в кляре с кукурузным хлебом, — запив его банкой «Пепси». Священник уже проводил его в последний путь. Голова и левая икра осужденного были начисто выбриты. Отделял Дариуса от «Желтой мамаши» теперь лишь один-единственный человек.

Звали его Коди Уоррен.

Коди находился в коридоре рядом с камерой, прижимая к уху трубку древнего телефона, прикрепленного к стене. Корн прекрасно знал, чем сейчас занят Коди. Тот оставался на связи с офисом губернатора, ожидая, пока вице-губернатор Крис Пэтчетт просмотрит бумаги, которые Коди отправил ему на предмет отсрочки исполнения приговора. Как адвокат защиты, уже не раз имевший дело со смертными приговорами в Алабаме, Коди был единственным человеком, способным убедить губернатора сохранить жизнь своему клиенту.

Корн стоял совершенно неподвижно — долговязый худощавый мужчина, отличающийся весьма скромной мускулатурой и полным отсутствием жира в теле. Хотя не то чтобы он не старался поддерживать себя в форме. Ел он совсем мало, и это было хорошо заметно. Его острыми выступающими скулами можно было бы нарезáть мясо. И никаких возрастных морщин, даже намека на них. Некоторые говорили, что лицо у него словно у какой-то жутковатой фарфоровой куклы. Со своими темными волосами, расчесанными на косой пробор, и очками в металлической оправе, аккуратно и ровно сидящими на носу, выглядел он как куда более пожилой человек, который

украл для себя у кого-то более молодое тело. Маленькие черные глаза Корна сидели прямо под нависающими над ними густыми бровями, как будто скрывающими его пристальный взгляд. Рот был просто темной прорезью на лице. При росте в шесть футов семь дюймов он вполне мог бы добиться успеха в спорте, если б избрал спортивную стезю, но вместо этого Корн всегда предпочитал сидеть дома, не показываясь на белый свет, — читать, учиться и размышлять. Словно старый паук, плетущий паутину, которую только он сам способен увидеть.

Дариус Робинсон, двадцати пяти лет от роду, был признан виновным в убийстве и приговорен к смертной казни еще четыре года назад. Все апелляционные возможности были вскоре исчерпаны. Жертвой этого преступления стал торговец подержанными автомобилями, убитый выстрелом в грудь во время ограбления. Торговца застрелил человек по фамилии Портер, забрав у него пять тысяч наличными. А Робинсон всего лишь привез Портера на демонстрационную площадку при дилерском центре и увез его оттуда после ограбления. Он утверждал, будто и знать не знал, что Портер вооружен, и всего лишь подвез его на эту площадку, чтобы тот мог забрать

оттуда купленную машину. Сам Портер был застрелен полицией буквально через сутки после ограбления. Робинсон уверял присяжных, что у него не было при себе никакого оружия, что он даже не заходил на эту стоянку, что все это время находился в своей машине и понятия не имел, что Портер намеревался кого-то ограбить, пока не услышал выстрел. Он даже сказал, что Портер угрожал застрелить его самого, если он не увезет его с места преступления после ограбления.

В округе Санвилл это не имело значения. Рэндал Корн, окружной прокурор, сумел убедить присяжных, что Робинсон тоже участвовал в ограблении и знал, что Портер вооружен. Согласно законам о соучастии, этого было достаточно, чтобы отправить Робинсона в камеру смертников и обращаться с ним так, как будто это он сам произвел смертельный выстрел. Все казни в Алабаме проводятся в исправительном учреждении имени Холмана, в округе Эскамбия, соседнем с Санвиллом.

Корн знал, что, поскольку тем, кто на самом деле спустил курок, был Портер, всегда оставался очень хороший шанс на смягчение приговора.

Коди был старше Корна, и на лице у него отражался каждый год из его шестидесяти трех.

Лоб прорезали глубокие морщины. Под глазами залегли «гусиные лапки», хотя глаза эти по-прежнему светились надеждой. Его костюмный пиджак и галстук валялись прямо на крашеном бетонном полу. Смахнув пот со лба и проведя рукой по своим седым волосам, Коди Уоррен вновь прижал трубку к уху. Он был хорошим адвокатом и практически не сомневался, что спасет жизнь Дариусу, пусть даже и не сумеет подарить ему свободу.

— Ну что там губернаторские — молчат пока? — спросил у него Корн.

Повернувшись к нему, Коди покачал головой, а затем бросил взгляд на часы. Без десяти минут полночь. Всего десять минут до того, как Дариус Робинсон сделает свои последние в жизни шаги к стулу. Телефон на стене был подсоединен напрямую к офису губернатора, но большинство адвокатов просто ждали возле него у моря погоды. Как и Коди, вслушиваясь в мертвую тишину в ожидании акта милосердия.

— Он обязательно смягчит мне приговор! Я это знаю! Я невиновен! — послышался пресекающийся голос. Обернувшись, Корн увидел Дариуса, который ухватился за железные прутья камеры смертников и чуть ли не приплясывал перед

решеткой, нетерпеливо прикусив губу. По лицу у него ручьями струился пот, хотя в коридоре было прохладно. Ожидание телефонного звонка, от которого зависит, жить тебе дальше или умереть, способно разорвать человека на части, и Дариус выказывал все признаки сильного психического напряжения.

Вытащив из кармана пиджака сотовый телефон, Корн чиркнул пальцем по экрану, потыкал в него и поднес аппарат к уху.

— Вице-губернатор Пэтчетт? — произнес он. — Я здесь с Коди Уорреном и виновником торжества, мистером Робинсоном. Насколько я понимаю, мистер Уоррен по-прежнему ждет ответа от вашей епархии?

Слушания по делу об импичменте губернатора Алабамы были в самом разгаре, хотя и отложены в связи с тем, что губернатор взял отпуск по болезни и в настоящий момент поправлял здоровье в какой-то больнице в Арканзасе. Поскольку он находился за пределами штата, всеми делами ведал вице-губернатор.

Корн опять ткнул в экран, включив громкую связь, чтобы Коди и Дариус могли слышать разговор.

— Я все еще обдумываю решение на этот счет.

Хотя хотелось бы сначала узнать ваше мнение, — ответил Пэтчетт.

— Конечно. Позвольте мне обсудить ситуацию с мистером Уорреном. Я пока что переведу вас в режим ожидания.

Уоррен бросил трубку на рычаг древнего настенного телефона. Он уже почти час не мог дозвониться до офиса губернатора, и Корн не без удовольствия дал ему понять, что может связаться с губернатором в любую минуту. Эта небольшая демонстрация силы вызвала у Корна приятное покалывание в животе.

— Послушайте, Корн… Он сыграл куда как меньшую роль в том ограблении, как ни крути. Он не заслуживает смерти, и вы это прекрасно знаете. Он еще совсем молодой человек. У него вся жизнь впереди, и я просто-таки убежден, что в один прекрасный день появятся новые свидетельства, которые очистят его имя. Пожалуйста, просто дайте ему шанс, — произнес Уоррен прерывающимся и уже готовым сорваться на крик голосом: он не покладая рук пытался спасти Дариуса Робинсона от «Желтой мамаши» вот уже пять дней подряд.

Выражение лица Корна оставалось бесстрастным. Этого пустого, кукольного лица. Он ничего

не сказал в ответ, явно наслаждаясь видом того, как Уоррен, затаив дыхание, заглядывает ему в глаза, дожидаясь ответа, в поисках хоть какой-то надежды.

Никто не произнес ни слова. Никто не осмеливался даже вдохнуть воздуха. Корн мог стоять совершенно неподвижно, когда хотел, — еще одна черта, из-за которой он временами казался чем-то неодушевленным. Всех окутала зловещая тишина, полная вероятных перспектив и затаенного страха. И Корн наслаждался этой зловещей тишиной, как будто купался в мертвой воде.

А затем эта тишина была нарушена. Дариус резко втянул воздух сквозь зубы. Это напоминало тот мимолетный вакуум в космосе, когда ядро звезды разрушается, затягивая все в свою разбитую на куски сердцевину — прямо перед тем, как взорваться ослепительной вспышкой.

— Портер наставил на меня пистолет после ограбления! Если б я не увез его оттуда, он бы меня убил! Я не знал, что он собирался кого-то застрелить и ограбить. Клянусь, что не знал! — выкрикнул Дариус, и в каждом его слове сквозили страх и отчаяние.

— Я вам верю, — негромко произнес Корн.

— Вы… что? — изумленно спросил Уоррен.

— Я верю ему. Исполняющий обязанности губернатора поступит так, как я ему скажу. Я прямо сейчас опять к нему подключусь. Дайте мне секундочку, и скоро все закончится, — произнес Корн.

По щекам Дариуса Робинсона потекли слезы.

Плечи Коди Уоррена резко обмякли, как будто со спины у него только что сняли какой-то тяжеленный груз. Он поднял глаза к потолку, прошептал: «Слава небесам!» и закрыл глаза. Он только что спас жизнь этому молодому человеку. И в этот момент ничто не могло быть для него столь же сладостным, как это чувство облегчения.

Коди подошел к камере смертников, просунул руки сквозь решетку и обхватил своего клиента за щеки.

— Все будет хорошо, — шепнул он.

Корн большим пальцем нажал на экран своего мобильника.

— Губернатор, вы еще здесь?

— Здесь. Давайте не будем затягивать, Рэндал. Чего вы от меня хотите? Вообще-то я склонен смягчить приговор, основываясь на аргументах мистера Уоррена, но все-таки не пойду против своего окружного прокурора, если только у вас

самого нет каких-либо веских аргументов. Что вы сами-то по этому поводу думаете?

Корн на шаг отступил, любуясь открывшейся перед ним сценой. Уоррен и Робинсон обнимали друг друга через прутья камеры. Теперь уже оба плакали.

— Я поговорил с мистером Уорреном. Он весьма убедителен. У него есть веские аргументы в пользу смягчения приговора Робинсону. Насколько я понимаю, вы тоже этого хотите. Нелегко отнять жизнь даже во имя правосудия, — произнес Корн в телефон.

Уоррен и Робинсон теперь улыбались сквозь слезы, смеялись. Необъятный, невообразимый страх, который сковывал их в течение нескольких недель, остался позади, и чувство облегчения тоже было всеобъемлющим.

— Но именно поэтому мы *обязаны* исполнить приговор по этому делу, — закончил Корн.

Уоррен первым осознал, что только что услышал. Голова у него резко повернулась, глаза нацелились на окружного прокурора.

— Присяжные признали мистера Робинсона виновным в убийстве и приговорили его к смертной казни. Мы проявим вопиющее неуважение к этим присяжным, а также к жертве мистера

Робинсона, если оставим его в живых. Нет — по моему мнению, Дариус Робинсон должен сегодня же вечером расстаться с жизнью.

Уоррен двинулся было к Корну, но два охранника встали между ними, схватили Уоррена за руки и оттащили его назад.

— Как я уже сказал, Рэндал, я не собираюсь оспаривать ваше решение. Казнь состоится так, как это было запланировано. Ходатайство о помиловании осужденного отклоняется, — объявил Пэтчетт.

* * *

В течение нескольких недель, предшествовавших этому дню, сотрудники Департамента исполнения наказаний проводили подготовительные учения, уделяя все внимание тому, чтобы ремни были плотно затянуты, губка на голове приговоренного содержала достаточное количество соленого физиологического раствора, а все электроды надежно закреплены. Покончив со своими хорошо отработанными действиями менее чем за две минуты, они вышли из камеры исполнения смертных приговоров, оставив Робинсона пристегнутым ремнями к «Желтой мамаше» и с завязанными глазами.

Сама камера была относительно небольшой. Электрический стул располагался в самом центре этой комнаты с кирпичными стенами, перед большим смотровым окном. Пульт с рубильниками и измерительными приборами находился в отдельном помещении. Сквозь стеклянное окошко в двери этого помещения Корну и предстояло наблюдать за казнью.

Синяя тюремная роба Робинсона подверглась некоторой доработке. Левая штанина на ней была отрезана чуть выше колена. К икре осужденного был прикреплен электрод, смазанный токопроводящим гелем. Обе ноги были притянуты к стулу за лодыжки толстыми кожаными ремнями с яркими никелированными пряжками. Другие ремни перетягивали живот, грудь, руки и лоб. Губка, содержащая ровно три унции физиологического раствора, была уже надежно укреплена на электроде, высовывавшемся из того, что тут именовалось «шлемом», — колпака, который подаст в тело Корна бóльшую часть тока. Если б в губке оказалось слишком много физиологического раствора, этот электрод закоротило бы. Если слишком мало, то у Дариуса могла загореться голова.

На тюремной робе заключенного темнели

влажные пятна — под мышками и на груди. Одежда Робинсона просто-таки пропиталась потом. Даже крепко пристегнутый, он все равно дрожал, словно пистолет в руке у маленького ребенка.

При помощи рычага в пультовой подняли занавес в камере со стулом, открыв стеклянную стену и людей за ней. Полдюжины свидетелей. Никто из них не имел никакого отношения к торговцу подержанными автомобилями, убитому Портером. Нет, это были профессиональные свидетели и репортеры. Коди Уоррена там не было. Его вывели из здания. Корн мог видеть свидетелей, но они не могли видеть его — его смотровая панель была односторонней.

Осужденному было предложено произнести последнее слово.

— Я невиновен, и все они это знают!

Корн тоже это знал. Однако это его ничуть не заботило. Он не стал бы прокурором в штате, где до сих пор применяется смертная казнь, если б его заботили такие вещи, как вина и невиновность. Его привлекала система. Правосудие было просто плащом, который он надевал, чтобы скрыть свою истинную натуру.

Теперь воцарилась полная тишина. А затем он

услышал глухой стук, с которым смертоносная аппаратура возродилась к жизни.

Через секунду Корн услышал что-то еще — низкое гудение, которое внезапно стало громче, когда левое плечо Робинсона резко дернулось, а затем ударилось о спинку стула.

«Желтая мамаша» начала прогонять свой первый цикл.

Через Робинсона теперь проходил электрический ток напряжением почти в две с половиной тысячи вольт. Глаза у Корна расширились, губы приоткрылись. Во рту появился металлический привкус. Воздух был до предела насыщен статическим электричеством.

Первые две секунды все выглядело так, будто какая-то невидимая сила прижала плечи Робинсона к спинке стула. Еще две секунды все его тело дико дергалось, словно в живот ему воткнули отбойный молоток. Этот первый разряд должен был вырубить его, остановить сердце.

Однако не сделал ни того, ни другого. Человеческий череп — неважный проводник тока.

Еще через пять секунд ток был отключен. При повторном включении напряжение было уже намного ниже — всего семьсот вольт. Таким оно должно было оставаться на протяжении еще

тридцати секунд, а затем машина автоматически выключалась. Если Робинсон за это время не умрет, то весь процесс должен был повториться.

Корн стоял у смотрового окошка и все это время наблюдал за происходящим, не сводя глаз с Робинсона.

Так ни разу и не оторвав взгляд от человека на стуле.

Даже когда кожа у того начала дымиться. Даже когда ток сломал ему левую берцовую кость. Даже когда изо рта у него пошла кровавая пена.

Все это время Корну казалось, будто электрический ток течет по его собственным венам. Словно какая-то стихийная, первобытная сила переполняет его. Будучи окружным прокурором, он обладал властью над жизнью и смертью, держа их в своих длинных костлявых руках. И ему это нравилось. Он убил этого человека столь же верно, как если бы пустил ему пулю в лоб, и эта мысль опьяняла его. Застрелить или зарезать кого-то было для Корна чем-то совсем иным. Чем-то слишком уж звериным. Корн убивал, используя силу своего положения, свой разум и свое профессиональное мастерство. И это доставляло ему больше удовольствия, чем он когда-либо мог себе представить. Все это время он желал, чтобы

Робинсон подольше оставался в живых, хотя бы еще немного…

Достаточно долго, чтобы как следует помучиться.

Когда дело было сделано, над «Желтой мамашей» поднялось облако дыма, и Корн невольно затаил дыхание.

Дариусу Робинсону потребовалось девять минут, чтобы умереть.

И в эти девять мучительных минут Рэндал Корн чувствовал себя по-настоящему живым.

Пять месяцев спустя. Скайлар Эдвардс

Укрывшись в углу кухни в баре Хогга, Скайлар Эдвардс двумя большими пальцами быстро набирала сообщение на своем телефоне. Щелчки, которые она слышала при каждом нажатии на экран, были всего лишь звуковыми эффектами, имитирующими тарахтение старой компьютерной клавиатуры, но даже эти звуки несли в себе гневное раздражение, которое она только что вложила в свой текст. Закончив набирать сообщение, Скайлар ткнула в «Отправить» и сунула телефон в карман джинсов, пока владелец бара не отправился ее искать.

Была уже почти полночь, кухня закрылась

несколько часов назад, и шеф-повар, применить к которому этот титул можно было разве что с большой натяжкой, ушел вскоре после того, как вытер гриль грязной тряпкой. У нее не было никаких веских причин оставаться здесь, кроме как для того, чтобы на пять минут уединиться со своим телефоном. Ответ не должен был заставить долго себя ждать. Ее парень, Гэри Страуд, никогда не присылал длинных сообщений. Он предпочитал смайлики или гифки, чтобы скрыть ошибки при письме. Но у Скайлар не было времени ждать. Протиснувшись через двойные двери в коридор с туалетами, она через другую дверь прошла в бар.

Там осталось всего три посетителя. Местные, из Бакстауна. Из динамиков в углу бара все еще мягко наигрывал рок, но посетители не обращали на него внимания, дружно уставившись в телевизор.

— Слышь, Райан, можешь сделать погромче? — попросил крупный мужчина в конце стойки. Он просидел здесь почти весь вечер, покончив с едой, и пил газировку и имбирное пиво, разложив перед собой какие-то документы. Скайлар видела его здесь и раньше. Обычно он приходил, когда в баре было тихо, ковырялся со своими бумагами и смотрел какую-нибудь игру по телику.

Не красавец, но сложен как бог и всегда оставлял хорошие чаевые.

— Конечно, Том, — отозвался Райан, ставя две полные кружки пива перед другими посетителями.

Ну да, точно — Том. Она знала, что он работает в офисе окружного прокурора. Видела его по телевизору, и как-то раз они даже обсуждали одно из его дел, около пяти месяцев назад. Дело человека, которого казнили в округе Эскамбия. Том помогал осудить этого человека. Он крайне неохотно говорил об этом — хотя, с другой стороны, Том вообще был не из особо разговорчивых. Райан Хогг, владелец бара, всегда относился к нему с подчеркнутым почтением.

Скайлар подняла взгляд на телевизор, когда Райан выключил стереосистему и прибавил громкость на плоском экране, висевшем на стене над баром. В новостях опять показывали нового губернатора, Пэтчетта, и речь опять шла про химический завод. «Я сделаю все возможное, только чтобы сохранить рабочие места в “Солант кемикалз”…»

— Они закрывают завод? — спросил Райан.

— Уже много лет грозятся, — отозвался Том. — Похоже, на сей раз все и вправду серьезно, если

вмешался губернатор.

Скайлар начала собирать стаканы со столов, не отрываясь от телевизора. На этом заводе работал ее отец, Фрэнсис. Водителем тяжелого грузовика. Он проработал там уже двадцать лет и зарабатывал достаточно, чтобы помочь Скайлар с колледжем. Хоть умом ее господь не обидел, получить стипендию так и не удалось, и обучение оплачивал отец. Если он потеряет эту работу, ей наверняка придется бросить колледж. Как будто и без того мало поводов для беспокойства…

В кармане у нее зазвонил телефон. Отвернувшись от Райана, она вытащила его из джинсов. Райан Хогг был неплохим работодателем — платил чуть больше большинства остальных и не зарился на ее чаевые. И хотя никогда не говорил ничего неподобающего и, конечно же, никогда не распускал руки, иногда она замечала, как он украдкой посматривает на нее. Причем совсем не взглядом босса, желающего убедиться, не тратит ли его сотрудница время на переписку со своим парнем. Это был всего лишь взгляд, но от него у нее все равно слегка сводило живот.

Она открыла текстовое сообщение: смайлик в виде сердечка и «Давай скорей приезжай!!!» Сестра Гэри, Тори, в тот вечер созывала гостей, и он

заклинал Скайлар сказаться больной, чтобы побыстрее свалить с работы. Она уже ответила ему, что ей нужно поработать, и он был недоволен этим. Подстрекал ее уйти пораньше и присоединиться к нему. Скайлар не хотелось давать Гэри ложную надежду. Она устала и была не особо в настроении веселиться. Он уже несколько дней твердил про эту вечеринку, и поэтому Скайлар написала Тори, спросив, будет ли еще продолжаться веселье, когда она закончит свою смену.

— Опять разговоры двумя пальцами? — спросил Энди.

Узнав его по голосу, она обернулась, чтобы улыбнуться ему. В руках у него было несколько грязных пивных стаканов. Пока она отвлеклась, он привел в порядок оставшиеся столы.

— В каком это смысле двумя пальцами? — спросила она.

— Когда вы с Гэри ссоритесь, ты набираешь текст сразу двумя большими пальцами. Иногда мне кажется, что ты вот-вот расколешь экран, так быстро колотишь по нему, — объяснил он.

Она тепло улыбнулась ему. Энди Дюбуа делал работу в баре Хогга намного более терпимой. Он был младше ее, хотя и совсем ненамного. В сентябре еще только должен был начать учебу

в колледже. Умный парень, с добрым сердцем. Умней Скайлар, потому что получил полную стипендию. Она не обижалась на него, потому что для Энди это был единственный способ поступить в колледж. Он жил с одной только мамой. В Бакстауне было полным-полно белых представителей среднего класса вроде родителей Скайлар, которые вполне сводили концы с концами и даже имели возможность кое-что откладывать, в то время как на другом конце города обитали бедные семьи черных и иммигрантов, которым явно приходилось потяжелей, чем большинству остальных. Как только Скайлар окончит колледж, то уедет из этого городишки к чертовой матери. Она знала, что и Энди тоже, и что он и свою маму прихватит с собой.

Энди с улыбкой отвернулся и поставил грязные стаканы на стойку. Она увидела, что из заднего кармана его джинсов торчит какая-то истрепанная книжка в мягкой обложке. Если на работе у Энди выдавалась свободная минутка, он сразу же погружался в чтение. Мобильника у него не было. Скайлар подумала, что если б она сама проводила за чтением столько же времени, сколько Энди, вместо того чтобы пялиться в свой телефон, то, наверное, все-таки тоже получила бы стипендию.

Однако это напомнило ей о том, что в следующем месяце можно будет обновить свой мобильник. А нынешний, устаревшей модели, отдать Энди, с кое-какой денежкой на счете.

Скайлар собрала последние стаканы, а Райан деликатно намекнул двум посетителям, сидевшим перед ним на барных стульях, что ему пора закрываться.

Это были крупные мужчины. Один высокий, другой среднего роста, но ручищи у обоих так и бугрились мускулами. Сразу видать, что копы. Оба в штатском, не при исполнении служебных обязанностей.

Высоким был помощник шерифа[112] Леонард. У него были рыжие волосы, усы и внушительная манера держаться. Особенно когда дело касалось Энди. Вторым был помощник шерифа Шипли, маленькие темные глазки которого словно улавливали свет под какими-то странными углами

---

[112] notes: 112

Помощник шерифа (Deputy) — это не заместитель, как иногда принято считать, а просто сотрудник шерифского управления, которых под началом шерифа может быть много, а в особо крупных округах они подразделяются на ранги по старшинству точно так же, как и в полиции (один из персонажей этой книги имеет звание старшего помощника). Шерифская служба — это нечто вроде нашей областной полиции, она действует преимущественно в сельской местности и небольших городках (town), подчиняясь властям округа. В собственно городах (city) за порядком следит полиция, находящаяся под началом городского муниципалитета. *Здесь и далее — прим. пер.*

— как будто в глубине его глазных яблок то и дело вспыхивал яркий огонек. Он был не таким вспыльчивым и импульсивным, как Леонард, но Скайлар подозревала, что из этих двоих он более опасен.

Оба были постоянными посетителями и всегда устраивались на высоких табуретах прямо за стойкой, так что им не приходилось раскошеливаться на чаевые официантке. Своими барными чаевыми Райан не делился. Все, что давали за столами, предназначалось Скайлар и Энди, а любая зелень, которой шлепали о стойку, принадлежала ему.

— Эй, Скай, а твой старик по-прежнему работает на этом заводе? — спросил Леонард.

Он опять назвал ее Скай. Больше никто ее так не называл, но она все равно улыбнулась — как, впрочем, и всегда.

— Ну да, конечно, — отозвалась Скайлар.

— Многим теперь придется туго, — заметил Шипли, и они вернулись к своему разговору.

Когда Скайлар загрузила посудомоечную машину, Том собрал свои бумаги, расплатился по счету и направился к выходу. Райан начал выключать свет, и тут Шипли с Леонардом наконец-то поняли намек и тоже ушли. Скайлар и

Энди прибрались в баре, а затем Райан сказал им, что они могут идти.

Вышли они вместе, примерно в половине первого, окунувшись в теплую атмосферу летнего вечера. Скайлар помахала Энди на прощание, когда тот двинулся домой пешком — путь ему предстоял неблизкий, — и тут гуднул ее телефон. Пришло текстовое сообщение.

Ответ от Тори: «Какое еще веселье?»

Запустив пальцы в волосы, Скайлар выругалась. Быстро сделав скриншот сообщения Тори, она уже собралась отправить его Гэри с комментарием «ЧЗХ? Ты соврал насчет вечеринки?», когда зазвонил ее телефон. Это была Тори. Скайлар ответила на звонок.

— Господи, прости! Пожалуйста, приезжай, я просто не сразу поняла, — сказала Тори, перекрикивая громкую рок-музыку на заднем плане.

— Что вообще за дела? Гэри уже пару недель прессует меня по поводу какой-то грандиозной вечеринки у тебя дома…

— Ну да, просто подгребай, — последовал ответ. Почему-то прозвучало это несколько нерешительно.

Скайлар дружила с Тори еще до того, как познакомилась с Гэри. Хорошо ее знала и могла понять,

когда та чего-то недоговаривает.

— Что вообще происходит? Давай выкладывай, не то я сейчас позвоню Гэри и…

Тори оборвала ее:

— Я в баре у Бадди. Гэри у меня дома. Один. Скорей поезжай туда, и…

— Скажи мне, что, черт возьми, происходит, иначе я…

— Он купил кольцо! — выпалила Тори.

Рука Скайлар взлетела ко рту, когда она изумленно хватила ртом воздух, набрав его полные легкие, и задержала там, плотно сжав губы пальцами и как будто не смея выпустить наружу даже малую толику. На миг замерла, не отрывая пальцев от губ.

— Прости, я все испортила… — продолжала Тори. — Пожалуйста, просто сейчас же поезжай прямо туда. Он ждет, чтобы сделать тебе сюрприз. Так что сделай вид, будто ужасно удивлена, и не говори ему, что я тебе все рассказала.

— Просто не могу поверить, что он это сделал…

— Он планировал это уже несколько недель. Ровно пять лет прошло с тех пор, как вы с ним познакомились. В моем доме. Он хотел сделать тебе сюрприз.

Теперь в голосе Тори звучала теплота, и Скайлар

почувствовала, как на глаза ей наворачиваются слезы, а радость разливается по всему телу, подступая к горлу. Оказывается, сегодня у них с Гэри годовщина — с момента их первого свидания… Она даже не помнила, когда они впервые встретились, но это было невероятно мило с его стороны, тем более что он пошел на такие хлопоты.

— Теперь мы с тобой станем сестрами, — сказала Скайлар. — Типа, по-настоящему.

— Это значит, что ты собираешься сказать «да»? — отозвалась Тори.

— Ну конечно же, я собираюсь сказать «да»!

Они поговорили еще немного, после чего Скайлар дала отбой. Ей не терпелось поскорей увидеться с Гэри, и она с трудом сдерживала волнение.

Бар Хогга располагался на Юнион-хайвей, в двух милях от Бакстауна, рядом с заправочной станцией. Скайлар стояла на обочине шоссе, размышляя, как лучше поступить.

Можно было пойти в город пешком. В конце концов, не впервой. Но вечер был слишком жарким и душным, а она провела на ногах десять часов подряд. На шоссе всегда оживленное движение, а здесь, на въезде в Бакстаун, скорость ограничена до тридцати пяти миль в час. Она

запросто кого-нибудь поймает.

Скайлар уже делала это раньше. В городке имелась всего одна таксомоторная фирма. Ни одна из интернет-компаний, оказывающих подобные услуги, до этой алабамской глубинки пока что не добралась. Люди здесь ездили на собственных машинах, даже когда были пьяны в лоскуты.

Скайлар стояла на обочине дороги, ожидая трезвого и дружелюбно настроенного водителя. Она уже принялась набирать текстовое сообщение своему отцу, в котором просила его не ждать, когда показавшийся на дороге дальнобойный грузовик с полуприцепом начал замедлять ход. Мигнув фарами, он остановился рядом с ней, и пассажирская дверца кабины распахнулась у нее над головой. Ухватившись за ручку, Скайлар поднялась по ступенькам, чтобы заглянуть в темную кабину.

Водитель был в бейсболке, поэтому разглядеть его лицо было сложно. Одну руку он держал на руле, другую — на бедре.

— Подбросить, малышка? — поинтересовался он.

Что-то было не так с этим человеком. В кабине стоял неприятный запах. Ее отец и сам был дальнобойщиком, поэтому она привыкла к ароматам

пота, жевательного табака и кофе. Дело было не в этом. Тут было что-то другое. Что-то отвратительное.

Ее отец терпеть не мог, когда она так поступала. Очень волновался за нее. Говорил, что она слишком доверчива. Что ей нужно быть пожестче, иначе люди начнут ноги об нее вытирать, или того хуже. Естественно, Скайлар решительно отметала подобные заявления, но в данный момент подумала, что ее отец, пожалуй, в чем-то и прав. Она представила, как садится в этот грузовик, а затем, через несколько минут, которые потребуются, чтобы добраться до города, чья-то рука потянется по сиденью в ее сторону. А потом этот грузовик не остановится в городе, и она не встретится с Гэри, и никогда не обручится с ним, и в итоге ее лицо окажется на картонной коробке с молоком [113]. Хотя, с другой стороны, Скайлар не была уверена, что на молочных картонках изображают людей ее возраста. Наверное, теперь этого вообще больше не делают — или, может,

[113] notes: 113

Программа, предусматривающая размещение на упаковках для молока изображения пропавших детей, стартовала в американском штате Айова в 1984 г. по инициативе «Андерсон-Эриксон Дайари», после чего ее подхватили более 700 предприятий по всей стране, однако почин продержался недолго, не более двух лет: производители молока сочли, что такие изображения наводят потребителей на печальные мысли, неуместные за обеденным столом.

это вообще только для детей…

Затем включилась аналитическая часть ее мозга. Вероятность того, что с ней что-либо случится во время короткой поездки с незнакомым ей человеком, была невелика. Крайне невелика. Типа, один к миллиону. Ей нужно просто перестать дергаться и залезать в эту чертову кабину.

Водила уже протянул руку, чтобы помочь ей забраться внутрь. Кожа на ней была покрыта въевшейся грязью, и Скайлар видела, как вспотели его ладони и как он ерзал и подрагивал — наверное, в предвкушении того, что сейчас в его кабине окажется молодая женщина. И симпатичная к тому же.

Что-то внутри нее громко кричало: «НЕТ!»

— Знаете что — спасибо. Простите, сэр, но я только что получила сообщение от своего парня, он сейчас заедет за мной, — сказала Скайлар, спускаясь обратно на асфальт на краю дороги.

Водитель выругался, но она этого не услышала, так как дверь кабины уже захлопнулась. Пару раз газанув, отчего мощный тягач выпустил густые клубы вонючего дыма, он тронулся с места, оставив Скайлар переводить дух на обочине.

И тут она услышала, как к тому месту, где только что стояла фура, подъехал легковой ав-

томобиль. Она заглянула внутрь, посмотрела на водителя. На сей раз все было в порядке. Это был не какой-то там проезжий чужак. Хотя, наверное, это был последний человек, которого она ожидала здесь встретить. И перспектива сесть в эту машину не вызывала у нее совершенно никакого беспокойства. Скайлар знала водителя. Слышала, как он разговаривал с кем-то в баре Хогга не более двадцати минут назад — прямо перед тем, как начать собирать грязные стаканы.

Естественно, он предложил ее подвезти.

Скайлар села на пассажирское сиденье, сказала, что ей надо просто в город, и начала писать сообщение отцу:

«Не жди меня, ложись спать. Я еду в город с…»

Скайлар не закончила это сообщение.

Когда водитель ударил ее по лицу, телефон соскользнул в щель между пассажирским сиденьем и центральной консолью. Где и остался.

Скайлар не успела ни закричать, ни подумать о чем-то, ни что-либо почувствовать.

Она уже никогда не доберется до дома Тори. Ей уже не суждено опять поцеловать Гэри, или услышать его предложение, или дать ему свой ответ и пообещать свою руку и сердце.

Три месяца спустя
Глава 1

Эдди

Я не ищу неприятностей. Да мне это и не требуется.

Они и сами меня прекрасно находят.

Если б только они приносили еще и деньги, то, пожалуй, все было бы не так уж плохо. Некоторые люди становятся адвокатами в надежде заработать целую кучу бабла. Деньги — это просто замечательно, не поймите меня неправильно. Я, как и любой другой нормальный человек, очень даже не прочь иметь в кармане толстенькую пачку купюр, но еще я столь же не прочь иметь возможность спокойно спать по ночам. Чем больше бабла у тебя в кармане и чем больше отморозков ты выпускаешь на улицу, тем трудней заснуть. Богатство адвоката по уголовным делам можно измерить по его банковскому счету — и по тому весу, который он несет в своей душе. До того дня, того волшебного дня, когда ему просто станет на все насрать. Тогда останутся только деньги, которыми можно спокойно наслаждать-

ся, не терзаясь угрызениями совести.

Однако что-то такое — это не по мне. Снимать виновного клиента с крючка всегда было для меня против правил. Моих собственных правил. Что делает меня либо худшим адвокатом защиты на свете, либо лучшим — в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Время от времени я и сам задаюсь подобным вопросом — хотя, что касается денежной стороны дела, то если меня *реально* припрет по этой части, я всегда могу скататься на выходные в Вегас, чтобы попытать счастья за игорным столом, и этого будет вполне достаточно, чтобы поправить дела. Предыдущий опыт профессионального мошенника и разводилы всегда в тему, когда на адвокатском фронте временное затишье. Пока что все у меня шло как по маслу. Моя новая партнерша, Кейт Брукс, — это просто натуральный клад. Хотя, думаю, в крупных юридических фирмах наверняка не разделяют это мое мнение, поскольку специализируется она в основном на том, что подает на них коллективные иски о сексуальных домогательствах. Наша главная по расследованиям, Блок, которую привела с собой Кейт, — это, пожалуй, самый крутой и башковитый частный детектив, какого я когда-либо встречал. Блок

и Кейт — подруги с самого детства, и это явно помогает растопить лед на языке у Блок. Она у нас не из разговорчивых. Общается в основном с Кейт. Хотя это не значит, что она какая-то там бука, — просто открывает рот, только когда у нее реально есть что сказать, и тогда ее реально стоит выслушать.

Моя уголовная практика процветала. Гарри Форд, верховный судья Нью-Йорка в отставке, а ныне мой консультант, мог принимать клиентов в офисе, в то время как я стаптывал подметки в коридорах Сентер-стрит [114] и в здании Бруклинского суда. Гарри предпочитал торчать в офисе, чтобы не расставаться со своим псом Кларенсом, которого теперь уже с некоторой натяжкой можно было считать служебно-розыскной собакой.

Единственное, чего нам не хватало в новой фирме, — это грамотной секретарши, которая отвечала бы на звонки, печатала письма и документы и вообще слегка привела в порядок царящий у нас бумажный бардак. Адвокат хорош настолько, насколько хороша его административная поддержка, — умственные способности порой тут даже не на первом месте.

---

[114] notes: 114

По адресу Сентер-стрит, 100, расположено здание уголовного суда Нью-Йорка.

Так что Кейт разместила в интернете объявление о вакансии секретаря со знанием особенностей юриспруденции и теперь принимала соискателей. Сегодня утром кто-то опять должен был явиться на собеседование, и Кейт хотела, чтобы я при сем присутствовал. Мы с ней равноправные партнеры, и всё у нас поровну, включая решения — как хорошие, так и не очень. Назначено кандидату было на девять пятнадцать. Контора наша располагалась в Трайбеке [115], прямо над тату-салоном. Кейт мечтала об офисе в сверкающей башне неподалеку от Уолл-стрит — сплошь из стекла, сосны и натуральной кожи. Я просто не смог бы работать в таком месте, и Кейт сжалилась надо мной, позволив нам снять пару комнатушек над тату-салоном под названием «Прикольные наколки».

Кейт и Блок перекладывали пачки бумаг возле ксерокса, Гарри сидел с Кларенсом на диване в маленькой приемной. Он только что купил Кларенсу манерный новый ошейник с GPS-трекером и безуспешно пытался активировать эту

[115] notes: 115

Трайбека (TriBeCa, сокр. от англ. Triangle Below Canal — «Треугольник южнее Кэнэл-стрит) — престижный район нью-йоркского Манхэттена, известный благодаря историческим промышленным зданиям, многие из которых преобразованы в жилые лофты, рестораны и бутики.

приблуду уже в течение последних десяти минут. Я пытался заставить кофеварку приготовить что-нибудь, от чего с моего нёба не слезло бы сразу три слоя слизистой оболочки, когда внизу раздался звонок.

— Эдди, не откроешь? Готова поспорить, что это Дениз! — крикнула Кейт.

— Кто-кто?

— Дениз Браун, претендентка на должность секретаря. Разве ты не читал ее резюме?

— А ты мне его показывала?

— Еще на прошлой неделе. Наверняка оно все еще у тебя на столе.

Я не помнил, читал ли его. Из чего вовсе не следует, что я его не получал. Административно-хозяйственная деятельность — не самая сильная моя сторона.

Я нажал на кнопку, чтобы открыть входную дверь, а затем подождал, стоя на верхней площадке лестницы.

Тяжелые шаги внизу заставили меня задуматься, не носит ли эта Дениз болотные сапоги. Я перегнулся через перила. По лестнице поднимался человек, которого я меньше всего на свете хотел бы видеть.

На нем были мягкая фетровая шляпа и ста-

ренький серый плащ — судя по всему, подарок ныне покойной супруги, поскольку это было единственным возможным оправданием для его ношения. Под плащом был костюм, шитый на заказ, а под костюмом — сто восемьдесят пять фунтов [116] серьезных неприятностей.

— Если только ты здесь не по поводу работы секретарем, то, боюсь, тебе придется уйти, — сказал я.

Мужчина поднялся по лестнице, приподнял шляпу и улыбнулся мне так, что очень напомнил мне крокодила, готового откусить кусок моей задницы.

— Мои секретарские навыки уже не те, что прежде, — отозвался он.

— Ты умеешь печатать на машинке и готовить кофе? Если да, то ты принят. Платим мало, но и работа не бей лежачего.

— Я здесь как раз по поводу работы, Эдди. Но это не имеет никакого отношения к машинописи. Можно мне войти?

Звали его Александр Бе́рлин. Когда я видел его в последний раз, он работал где-то в Госдепе. Я слышал, что с тех пор Берлин сменил множество

---

[116] notes: 116
185 фунтов — примерно 85 кг.

мест: ЦРУ, АНБ [117], Министерство юстиции… Он был так называемым «решальщиком» и специалистом по тайным операциям, который запросто обходил любые законы, когда требовалось добиться результата для какого-либо подразделения федерального правительства, в котором на тот момент ему довелось работать. Он знал, где зарыты тела всех тех людей, которых прикончили по приказу правительства. И если у него имелась для меня работа, то она меня совершенно не интересовала.

— Мне не нужна работа. Чем бы это ни было, ты услышишь от меня только отказ.

— Ты еще не знаешь, о чем идет речь. Впусти меня на десять минут и на чашку горячего кофе. А если и после этого не захочешь — о'кей, я сразу же уйду. Без всяких обид. И зла держать не буду.

— Думаю, несколько преждевременно давать обещания не держать зла, не попробовав мой кофе… И тебе не понравится мой ответ. Мне это неинтересно, Берлин.

На улице шел дождь. Его старенький плащ

---

[117] notes: 117

АНБ (*англ.* NSA) — Агентство национальной безопасности США, подразделение Министерства обороны США, входящее в состав Разведывательного сообщества США на правах независимого разведывательного органа.

промок насквозь, и с него капало на ковер на лестнице. У нас еще не было времени почистить ковры, и под его мокрым плащом среди натоптанной тут грязи уже понемногу образовывалось чистое пятно.

— Выслушай меня, Эдди. Пожалуйста, — сказал Берлин.

— Назови мне хотя бы одну вескую причину, по которой я должен тебя выслушать.

Он снял шляпу, посмотрел на меня своими тяжелыми влажными глазами и объявил:

— Потому что в противном случае погибнет девятнадцатилетний парнишка. Вернее, будет убит.

— Убит? Кем убит?

— Формально говоря, мной.

Глава 2

Эдди

С плаща Берлина, висящего на вешалке в углу моего кабинета, по-прежнему капала вода. Он достал из кармана очки и принялся протирать их широким концом галстука. Если старый плащ был высоко ценимым даром от любимого

человека, то галстук выглядел как подарок от смертельного врага. Я дал ему устроиться, закрыл папку, которая лежала открытой у меня на столе, и уделил ему все свое внимание.

— Кто этот парнишка и почему это ты будешь ответственен за его смерть?

— Это долгая история. Ты в курсе, чем я занимаюсь в правительстве? — спросил он.

— Вообще-то не могу сказать.

— Я тоже. Не разгласив секретную информацию и таким образом не совершив государственную измену. Все, что я могу тебе сказать, это что я вращаюсь во всяких государственных департаментах, решая различные проблемы.

— Да, я в курсе, что ты какого-то рода решальщик. И какого же рода проблемы ты решаешь?

— Такого рода проблемы, которые возникают у компаний из списка «Форчун-500» [118] с государственной политикой… Такого рода проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, когда у них связаны руки, и такого рода проблемы, какие мы поимели два года назад.

Впервые я столкнулся с Берлином на севере штата Нью-Йорк, после того как там застрелили

---

[118] notes: 118

«Форчун-500» — список 500 крупнейших компаний США по размеру выручки, составляемый журналом Fortune. Впервые составлен в 1955 г.

федерала. Берлин помог расхлебать заварившуюся при этом кашу.

— Один из ваших псов опять взбесился? — спросил я.

Он покачал головой, сказал:

— Скажем так: частично моя роль заключается в том, чтобы сохранять статус-кво. Правительство не любит перемен. И неважно, кто сейчас сидит в Белом доме, — повседневные задачи полиции и правосудия требуют порядка и стабильности. Как на уровне штата, так и на федеральном. Сфера действия у нас не ограничена. Есть один окружной прокурор в округе Санвилл, штат Алабама, некий Рэндал Корн, и мне достаточно ясно дали понять, что он должен быть избран на следующий срок.

— Так вы там мухлюете с результатами выборов на уровне округа?

Берлин закатил глаза.

— Я тебя умоляю, Эдди… Нам доводилось мухлевать с результатами выборов на *национальном* уровне, и в большем количестве стран, чем я могу сосчитать. Это-то как раз мелкая сошка… Есть компании, которые финансируют наших политиков, и они всегда прикладывают руку к местным выборам. Кто-то, обладающий авторитетом и

деньгами, решил составить конкуренцию Корну, и я сделал несколько звоночков его сторонникам — намекнул, что стоит слегка тряхнуть мошной. Вот и все, что потребовалось. В США выигрывают выборы, тратя деньги. И обычно побеждает тот, кто тратит больше всех.

— Ладно, а дальше-то что?

— А дальше мне стало немного любопытно. Корн был окружным прокурором округа Санвилл последние семнадцать лет. И за время своего пребывания в должности привел статистику преступности к рекордно низкому уровню для округа. Вот почему он нам так нравился. Это хорошо для бизнеса, хорошо для цен на недвижимость в этом районе, хорошо для инвесторов. Позволяет сохранять статус-кво. Надо было мне оставить все как есть после выборов, но с этим мужиком что-то не так. Я копнул глубже, и то, что обнаружил, меня здорово напрягло.

— И что это было?

Не успев ответить, Берлин помедлил, отвлекшись на какой-то шум за дверью моего кабинета. Обычное дело в нашей лавочке. Я встал и приоткрыл дверь, чтобы посмотреть, что там происходит. Гарри крыл почем зря этот новый цифровой ошейник, который он купил для

Кларенса, поскольку по-прежнему не мог активировать встроенный в него GPS-трекер через свой телефон, и его возбуждение передавалось псу, который тявкал всякий раз, когда Гарри прибегал к ненормативной лексике. Ксерокс опять зажевал бумагу, и Блок самозабвенно колотила по стенке аппарата кулаком. Надрывался телефон, и Кейт наконец ухитрилась снять трубку, держа в другой руке лэптоп и прижав свой мобильник головой к плечу. Организованный хаос, одним словом. Я закрыл дверь. Сел. Жестом предложил Берлину продолжать.

— Живенько тут у вас, — заметил он.

Берлин тянул время. Ему нужно было что-то сказать, но он чувствовал, что не способен это сделать. Пока что.

— Просто расскажи мне все как есть. Здесь на тебя распространяется привилегия адвокатской тайны в отношении клиента. И эта комната защищена от прослушки.

Берлин покосился на фотографию у меня на столе. Моей дочери Эми — в летнем лагере, на каноэ с веслом в руках. С некоторых пор я перестал выставлять здесь фото своей бывшей жены. Она ушла к другому мужчине.

— Симпатичная девчонка, — сказал Берлин. —

Сколько ей сейчас?

— Пятнадцать. Ну так что: ты уже достаточно набрался духу, чтобы все выложить?

Его глаза на миг встретились с моими. Они были встревоженными и красными. Мешки под этими глазами вдруг показались мне еще более набрякшими.

— Округ Санвилл лидирует в США по количеству смертных приговоров. Мелких и не особо мелких городков там пруд пруди, но крупных городов нет. Рэндал Корн отправил в камеру смертников больше людей, чем любой другой окружной прокурор в мировой истории. В настоящее время каждый двадцатый из числа приговоренных к смертной казни в Соединенных Штатах — это работа Корна. Сто пятнадцать обвинительных приговоров за семнадцать лет.

Я ничего не сказал в ответ. Мне уже приходилось слышать о чрезмерно рьяных прокурорах на Юге, которые превыше всего ценят брак, церковь, семью, огнестрельное оружие и смертную казнь. Но даже в данном случае эти цифры вряд ли могли соответствовать действительности.

— Всего лишь два-три процента округов Соединенных Штатов ответственны за подавляющее число обитателей камер смертников по всей

стране. И округ Санвилл тут в безусловных лидерах. Когда я узнал об этом, мне пришло в голову то же самое, что сейчас и тебе: чушь собачья. Это не может быть правдой. Однако, Эдди, это на сто процентов точно. Я лично проверил статистику.

— Это, должно быть, какая-то ошибка.

— Послушай: ты же знаешь, что прокурор вправе по своему усмотрению решать, заслуживает ли какое-либо тяжкое преступление переквалификации в разряд тягчайших, наказуемых смертной казнью. Так вот: Корн никогда не привлекал к ответственности за убийство, не требуя высшей меры наказания. Эти приговоры ни разу не были успешно обжалованы, и он не проиграл ни одного дела.

— А на кой черт ему всякий раз требовать смертной казни? И почему никто этого раньше не замечал?

— О, еще как замечали… Когда я проверял Корна, то наткнулся на кое-какие хлебные крошки, оставшиеся от предыдущих расследований. Все они закончились ничем, потому что Корн по-прежнему является окружным прокурором исключительно благодаря мне. Ты спрашиваешь, почему этот хер всякий раз требует смертной казни? Разве это не очевидно?

— Только не для меня, — сказал я.

— Почему люди становятся военными? Большинство говорят, что хотят служить своей стране, многие из них выбирают эту стезю из-за того, что служил их отец или дед, еще больше из-за зарплаты или обучения; но есть еще крошечный процент людей, всего два процента, которые идут в армию по одной простой причине — они хотят кого-нибудь убить.

— Ты хочешь сказать, что этот деятель, Корн, подался в окружные прокуроры, чтобы убивать людей?

— Нет, это не то, что говорю я, — это то, что говорит он сам, причем все время, черт бы его побрал! Он — король камеры смертников. Носит эту свою репутацию как медаль. Мне уже приходилось иметь дело с плохими людьми. Через некоторое время уже видишь это у них в глазах. Корн — убийца. И занимается этим прямо у меня на виду.

— Кто этот парнишка, которого собираются казнить?

— Его зовут Энди Дюбуа, через неделю он предстанет перед судом за убийство. Он невиновен, а Корн просто хочет посмотреть, как этот парнишка поджарится на стуле. Когда я узнал про

Корна, то поставил кое-кого присматривать за его делами. Этого Энди обвиняют в убийстве молоденькой официантки из придорожной забегаловки. А он не способен даже прихлопнуть муху на собственной заднице! Сейчас я уже ничего не могу сделать, чтобы слить Корна. Шанс упущен. Поэтому я нанял одного адвоката в Санвилле, чтобы он представлял интересы Энди. Его зовут Коди Уоррен. Он скопировал для меня все материалы по этому делу. Они сейчас у меня в машине. И знаешь — я уже неделю не могу связаться с ним. Три дня назад его секретарша заявила о его исчезновении. Я думаю, что его уже нет в живых.

— Ну ты загнул! Адвокат куда-то пропал, а ты сразу решил, что он мертв, — так, что ли? Думаешь, это Корн его кокнул?

Не знаю, не было ли это просто игрой света от жалюзи на моем окне, но мне показалось, что у Берлина потемнело лицо, когда он произнес, понизив голос:

— Корн орудует в самом большом городке в Санвилле — Бакстауне. И он на короткой ноге с окружным шерифом. Он кровожаден, нечист на руку и безжалостен. Таинственное исчезновение адвоката защиты в сфере его влияния было лишь вопросом времени. Если Корн не сделал этого сам,

то ему помогли. Я думаю, он мог организовать исчезновение Уоррена, не моргнув и глазом.

— Тогда звони в ФБР, — сказал я.

— Федералы наводнят этот городишко, потратят шесть месяцев на то, чтобы разнести всё там на куски, а в итоге останутся с носом. Мне тут не нужна кувалда. Мне нужен кто-то достаточно башковитый, чтобы выступить против Корна в зале суда и вызволить парня. Если с Уорреном случилось что-то плохое, уже никто и никогда его не найдет. Корн слишком осторожен. Уоррену мне сейчас ничем не помочь. То, что я хочу знать, это готов ли ты поехать в Алабаму и спасти жизнь этому мальчишке?

— Я же ничего не знаю об этом деле. А вдруг парень виновен? Я не сторонник смертной казни, но не стану освобождать человека только для того, чтобы просто спасти ему жизнь. Если он виновен, естественно.

— Ты что, не услышал меня? Я уже все изучил. И уверен, что он невиновен. Думаю, и ты тоже это поймешь. Его держат в окружной тюрьме. Он полностью изолирован от внешнего мира. Эдди, это в чистом виде твоя епархия.

Какофония за дверью кабинета стала еще громче.

— Мне нужно подумать на этот счет, но я хочу знать, зачем ты во все это вписался. Вообще-то того рода деятельность, которой ты занимаешься, наводит на мысль, что перед поступлением на эту работу ты сдал свою совесть на длительное хранение. Только без обид.

Берлин смотрел куда-то вдаль. Его взгляд был где-то за двадцать лет и тысячу миль отсюда, когда он произнес:

— Я не знал, кто такой Корн, когда топил его соперника. У каждого есть черта, через которую нельзя переступать. Когда садист обладает властью над жизнью и смертью, а я помог ему обрести эту власть, то возникает чувство личной ответственности. Однажды я дал клятву — давным-давно, когда впервые надел на себя кобуру со стволом. Нынешнее положение Корна достигнуто благодаря мне, так что наши судьбы частично связаны. Мне нужны доказательства — что-то достаточно бронебойное, что позволило бы мне сделать правильные телефонные звонки и по-тихому отправить его в отставку.

— Для самоуспокоения? — вставил я.

— Дело не только в этом. Будь у меня время, я построил бы против него дело. Не спеша, крепкое — кирпичик, блин, за кирпичиком. Но часики-то

тикают. Я не могу ждать. Я должен что-то делать, пока он не отправил этого парнишку в камеру смертников. Если я смогу спасти хотя бы одну жизнь…

Берлин нацелился на меня взглядом и не отвел его.

Я узнал этот взгляд.

Люди совершают ошибки, от которых страдают другие люди. Наступает момент, когда ты понимаешь, что давным-давно проскочил свой поворот и что не можешь повернуть годы вспять — но что ты, черт возьми, можешь сделать все, что в твоих силах, чтобы еще одна живая душа не пострадала или не рассталась с жизнью. Берлина мучила совесть. При его занятиях когда-то приходится за это расплачиваться, и этот момент, как видно, уже почти наступил. Под конец каждый ищет искупления. Как это там в какой-то песне поется… Я уже долгое время пел ту же самую песню.

— Мне нужно поговорить с моим партнером и остальными сотрудниками фирмы, — сказал я.

— Я подожду, — отозвался Берлин.

Он не собирался уходить, а потом возвращаться. Хотел получить ответ прямо здесь и сейчас. Наверное, решил, что прижал меня к канатам, и

не хотел рисковать полученным преимуществом. Я встал и уже открыл дверь кабинета, но тут остановился. Что-то было не так. Где-то секунду я не понимал, что именно, а потом до меня дошло.

Из приемной не доносилось ни звука. Ни криков. Ни тяжелых ударов по ксероксу. Ни ругани, ни собачьего лая.

Я распахнул дверь, ожидая увидеть за ней пустую комнату.

Кларенс уже красовался в новом ошейнике, Гарри радостно пялился на свой телефон. Копировальный аппарат весело гудел и пощелкивал, один за другим выплевывая листы бумаги, Блок с довольной улыбкой стояла рядом с ним. Кейт тихо сидела в своем кабинете, щелкая по клавишам лэптопа, а за письменным столом, который мы использовали в качестве приемной стойки, расположилась какая-то незнакомая мне дама. Лет сорока с небольшим, с коротко подстриженными светлыми волосами, она с улыбкой раскладывала на столе какие-то бумаги, время от времени поглядывая на экран компьютера перед собой. Когда Кларенс, виляя хвостом, подшлепал к ней, она низко наклонилась и произнесла:

— Просто чудо у тебя, а не ошейник! Вам нужна еще помощь с этим приложением, Гарри?

Тот ответил:

— Нет, спасибо, мэм. Вы и так сотворили достаточно чудес для одного утра. О, Эдди, — это Дениз. Теперь она работает у нас.

Отвернувшись от Кларенса, дама встала из-за стола, подошла ко мне, протянула руку, и я пожал ее.

— Я Дениз. Мне нравится ваш офис.

— Мне он уже тоже начинает нравиться, — ответил я, услышав, как ко мне подходит Кейт.

— Эдди, я знаю, мы договаривались обсудить кандидатуры на должность секретаря, но Дениз…

— Дай-ка угадаю. Она настроила ошейник Кларенса, исправила ксерокс и разложила все твои бумаги по полочкам.

— А еще я починила кофеварку, — весело добавила Дениз.

Я не спеша обвел взглядом лица всех присутствующих. Впервые с тех пор, как мы переступили порог этого нового здания, все были спокойны и счастливы.

— Дениз, — сказал я, — вы не только приняты на работу, но вам еще и запрещается когда-либо покидать это место.

— С этого момента все пойдет как по маслу, —

заверила меня Кейт.

— Ну что ж, тогда, думаю, сейчас самое время сообщить всем вам, что я подумываю ненадолго кое-куда отъехать. У нас есть потенциальное дело за пределами штата. Убийство, которое тянет на «вышку». И не исключено, что с ним мне потребуется кое-какая помощь.

— На следующей неделе у меня крупное дело о разводе, — сказала Кейт.

— Не волнуйся, мы с Гарри вполне справимся.

— А что за дело? — спросил Гарри.

— Молодого парнишку вот-вот отправят в камеру смертников за убийство, которого он не совершал. Мы будем работать «про боно»[119], но один мой знакомый покроет расходы.

— Ты знаешь этого парнишку? — спросила Кейт.

— Никогда с ним раньше не встречался.

— Выходит, ты собираешься выдвинуться за пределы штата, чтобы бесплатно расследовать тяжкое убийство ради парня, которого в жизни не видел? — спросила Блок из кухни.

— Да. Смысл этой работы не в том, чтобы по-

---

[119] notes: 119

Pro bono (лат.) — оказание профессиональных услуг бесплатно, на общественных началах. Больше всего этот термин в ходу у привыкших к латыни юристов.

могать исключительно тем людям, с которыми лично знаком. А в помощи людям, которых ты *не* знаешь.

— Ну давай — по-моему, тут у нас все концы прикрыты, — сказала Кейт.

— Думаю, теперь-то уж точно, — заметил я, глянув на Дениз. — Послушай, есть и еще один момент: адвокат этого парня пропал без вести. Дело может оказаться опасным.

— Это не было бы твоим делом, если б это было не так, — вмешался Гарри. — Есть только одна проблема, Эдди. У тебя нет лицензии на оказание адвокатских услуг за пределами Нью-Йорка.

В этот момент из моего кабинета показался Берлин, доставая из кармана пиджака коричневый конверт:

— Сегодня к трем часам дня она у него будет.

День первый
Глава 3

Корн

Ровно в одну минуту десятого утра Рэндал Корн распахнул двери окружной прокуратуры округа Санвилл и, слегка прихрамывая, бесшумно прошел мимо выстроившихся рядами столов, за которыми сидели секретари и ассистенты окружного прокурора[120]. Никаких утренних приветствий не последовало. Была работа, которую требовалось выполнить. А кроме того, ему и не нужно было ничего говорить.

Его присутствие просто ощущалось само собой.

Двери личного кабинета Корна, наполовину стеклянной, было по меньшей мере лет семьдесят. Имена тех, кто в то или иное время занимал пост окружного прокурора Санвилла, писались краской на стекле, удалялись, а затем накрашивались заново по мере того, как их обладатели

---

[120] notes: 120

Тут примерно та же история, что и в случае с помощниками шерифа. Эти ассистенты — на самом деле просто сотрудники прокуратуры различного ранга, только именуемые не Deputy, а Assistant (сокращенно ADA).

сменяли друг друга. К тому моменту, как Рэндал взялся за ручку этой двери, за ним уже следовал один из сотрудников с полным документов скоросшивателем в руке. Опустившись в обитое зеленой кожей кресло за широким столом из красного дерева, Корн посмотрел на мужчину лет тридцати в белой рубашке с коротким рукавом и голубым галстуком. Том Вингфилд был главным из ассистентов Корна. Он протянул начальнику скоросшиватель.

— Это список присяжных по делу Дюбуа?

Том кивнул.

— Что там у нас вообще с Энди Дюбуа? — спросил Корн. — И давай без дураков, Том, я хочу знать полный расклад. Отбор присяжных уже через три дня.

Взявшись за узел галстука, Том подтянул его повыше. В последнее время он заметно прибавил в весе — распух как на дрожжах, заливая себе в глотку протеиновые коктейли при каждом удобном случае. Он и без того был далеко не таким уж маленьким, но теперь руки и плечи у него выглядели так, будто были наполнены гелием. Когда Том не сидел в офисе, то торчал в спортзале, тягая железо. Рубашка на нем была достаточно старой, чтобы помнить те времена, когда Том был

заметно стройней, а рукава и пуговицы на груди не так сильно сдавливали его разбухшие телеса.

— Криминалисты готовы. Отчеты составлены, свидетели заряжены. Фотограф сейчас увеличивает фотографии жертвы убийства, как вы и просили…

— Какого они будут размера?

— В натуральную величину или около того. Присяжные подумают, что смотрят на реальное тело.

— Помнишь, я просил сделать цвета понасыщенней? Напомни ему об этом. Я хочу, чтобы кровь у нее на лице выглядела поярче. Эти фотографии должны шокировать присяжных. Это первый шаг, помнишь?

Том кивнул.

Корну потребовалось какое-то время, чтобы обучить своего помощника тому, как добиться вынесения обвинительного приговора по делу об убийстве, заслуживающего высшей меры наказания. Правильно подобрать присяжных и убедить их отправить человека на верную смерть — непростая задача. Присяжные будут стремиться сохранить ему жизнь, поскольку это обычная человеческая реакция. Поэтому первоочередной задачей было шокировать присяжных настоль-

ко, насколько это только возможно, используя зрительные образы, которые запомнятся им на всю оставшуюся жизнь. Чем более наглядными и кровавыми они будут, тем лучше.

А затем предоставить им объект для ненависти. Подсудимого, который и устроил все это жуткое кровавое пиршество. Важная часть данного этапа — возвести его жертву чуть ли не в ранг святых. Изобразить ее не как какую-то абстрактную, а как совершенно реальную личность — хорошего, честного, богобоязненного члена местного сообщества. Практически усадить жертву на одну скамью с присяжными, сделать ее настолько родной и знакомой каждому из них, как их супруг, ребенок или родитель.

Чем сильней присяжные полюбят жертву, тем больше они возненавидят обвиняемого.

Последний этап наиболее труден. Тут имелось два разных подхода. Чем более христианским было жюри, тем больше Корн полагался на избранные отрывки из Библии, которые он заучивал наизусть на протяжении многих лет — «око за око» и прочие подобные хиты. Наряду с Библией задействовался и личный подход. Заставьте присяжных думать, что их ребенок, супруг, партнер или родитель будут следующими,

если они не предпримут решительных действий по защите общества и не отправят этого демона в камеру смертников.

Подведение дела к смертному приговору немыслимо без постепенной и неуклонной дегуманизации подсудимого: превращения его в монстра, которого следует бояться и предать смерти. Стоит убедить в этом каждого из присяжных, как уже достаточно просто показать, что именно этот подсудимый виновен в том, что ему инкриминируется. Когда присяжные боятся подсудимого, они готовы осудить его. Ненависть — отличный мотиватор, но этого недостаточно, чтобы склонить присяжных к убийству себе подобного. Страх куда как лучше. Страх — мощное оружие. Корн научился владеть им уже очень давно.

— А что слышно насчет адвоката Дюбуа, Коди Уоррена? Не собирается он наконец проявиться? — спросил он.

— Совершенно не представляю. Секретарша не видела его уже несколько дней. Судья Чандлер говорит, что процесс пойдет своим чередом независимо от того, объявится он или нет.

— Хорошо, — кивнул Корн.

— И еще кое-что, — сказал Том. Он заколебался,

поднес указательный палец к губам и закрыл глаза. Казалось, будто какая-то невидимая сила мешает ему заговорить. Может, чувство долга. Или что-то еще, от чего Корну еще только предстояло его отучить.

— Я тут случайно слышал, как вчера вечером в кабинете судьи разговаривали несколько клерков. Похоже, что речь шла о разрешении на оказание юридических услуг представителю сторонней адвокатуры.

— Какой-то юрист из другого штата решил поводить у нас носом на предмет коллективных исков?

— Нет, — сказал Том. — По крайней мере, я так не думаю. Насколько я понял, этот парень приезжает сюда из Нью-Йорка, чтобы защищать Энди Дюбуа.

— Когда ты об этом узнал? — насторожился Корн.

— Вчера поздно вечером. Я слышал их разговор, когда запирал кабинет, собираясь идти домой.

— Адвокат из Нью-Йорка? Кто именно?

— Да какой-то парень по имени Эдди Флинн.

В глазах у Корна вдруг затлел едва заметный огонек — предвестник куда более крупного пожара. Он облизнул губы.

— Узнай все, что только сможешь. Флинн — серьезный игрок. Я читал о некоторых его делах. Я хочу знать абсолютно все. Между Дюбуа и Флинном должна быть какая-то связь. У Дюбуа нет ни цента за душой, ему не по карману нанять адвоката. АСЗГС[121] тоже не станет оплачивать Флинна — они просто прислали бы сюда кого-то из своих собственных адвокатов. Может, это как-то связано с офисом Коди Уоррена, хотя маловероятно… Ступай поговори с клерками, судьями, с кем угодно — попробуй выяснить, с какой это стати Флинн представляет здесь какого-то мелкого убийцу, — распорядился Корн, после чего опять уткнулся в скоросшиватель, перелистывая страницы.

— Нет проблем, выясню все, что смогу. А кто это такой? Я никогда не слышал про Эдди Флинна.

— Это ручная граната с выдернутой чекой, вот кто он такой! Известная личность. Говорят, что некогда он был профессиональным мошенником, прежде чем стать адвокатом, и с некоторых пор разводит присяжных на Манхэттене.

Вингфилд кивнул и попятился к выходу, оставив Корна наедине с его мыслями.

---

[121] notes: 121

АСЗГС (*англ.* ACLU) — Американский союз защиты гражданских свобод.

Кабинет был самого простецкого вида, с канцелярскими шкафами вдоль одной стены и несколькими вставленными в рамки фотографиями Корна с различными мэрами и политиками штата на противоположной. Развернув свое кресло, он надолго уставился на сто пятнадцать полицейских снимков одинакового формата, висевших на стене позади него, — каждый из них был тоже любовно вставлен в рамку. Все они изображали каких-то неопрятного вида мужчин, глаза у которых были либо широко раскрыты от страха, либо опущены в пол, — то ли сонные, то ли пьяные. Взгляд на эту стену заставил Корна выпрямиться и воспрянуть духом. Это его наследие. Дело всей его жизни. Люди, которых он отправил в камеру смертников. На данный момент ему довелось наблюдать за смертью семидесяти девяти из них. Чего было недостаточно. Далеко не достаточно.

Его отец был человеком, поглощенным в первую очередь мыслями о своем семейном имени, который сколотил состояние на фондовом рынке и передал большую часть его Корну в своем завещании. Но Корна не интересовали деньги отца. Равно как и чьи-либо еще. Денег у него всегда хватало, и он отнюдь не молился на них, как

некоторые. А уж теперь, когда на его банковском счете накопилось уже тридцать миллионов, тем более. Что Корн всегда принимал близко к сердцу, так это разговоры отца о семейном наследии. Это было гораздо важнее.

«Неважно, сколько у тебя будет денег, когда ты умрешь, сынок. Человек оценивается не горой долларов в его сейфе, а трупами поверженных врагов, которые ты оставляешь на своем пути. Вот как надлежит оценивать свою жизнь. Когда ты по-прежнему стоишь на ногах, а все твои соперники валяются на земле, тогда-то ты и понимаешь, кто из вас лучший».

Корн черпал силу в лицах мертвецов и тех, кого он приговорил к смерти. Дариус Робинсон был последним из тех, кто доставил ему это изысканное удовольствие. А Энди Дюбуа станет следующим лицом на этой стене.

Корн снял телефонную трубку, позвонил в управление шерифа и попросил соединить его с шерифом Ломаксом. После небольшой задержки его звонок переключили на шерифа.

— С добрым утречком, — произнес Ломакс, по-деревенски растягивая слова.

— Я тут решил узнать, есть ли какие-нибудь подвижки с нашим пропавшим адвокатом.

— Увы, но пока что никаких. Продолжаем искать, обзваниваем людей… Я задействовал своих лучших сотрудников.

— Рад это слышать. Кстати, как порыбачил в эти выходные?

— Неплохо. Вытащил здоровенного сома, чуть удилище мне не сломал, гад.

— Продолжай заниматься Коди Уорреном — как только он найдется, я хочу сразу же об этом знать. Молюсь о его благополучном возвращении.

— Как и мы все, Рэндал.

— Хорошего дня, шериф, — сказал Корн и повесил трубку.

Десять минут спустя он уже крутил баранку своего «Ягуара», петляя по извилистым сельским дорожкам на окраине Бакстауна. Дороги становились все более узкими, а повороты — все более крутыми, пока он не оказался на разбитой грунтовке, вид у которой был такой, как будто она никуда не вела. Еще десять минут езды по этой дороге, и густые деревья по обеим сторонам ненадолго расступились, когда дорога резко свернула к реке под названием Локсахатчи. Бакстаун располагался в самом центре округа Санвилл. К северу от города простирался лес Талладига — полмиллиона акров чисто соснового бора, а

к югу — болота, образовавшиеся в результате разлива Локсахатчи. К востоку от Бакстауна лежали богатые сельскохозяйственные угодья, а к западу располагалась промышленная часть округа, занятая сталелитейным заводом и крупным химическим производством, которое постоянно находилось на грани закрытия.

Остановив машину, Корн выбрался из-за руля и направился сквозь негустую лесную поросль. Деревья были здесь очень старыми, сплошь поросшими испанским мхом, густыми длинными плетями свисавшим с ветвей. Здесь Локсахатчи сужалась, прежде чем разлиться во всю ширь несколькими милями южнее. Коричневая вода быстро неслась почти вровень с берегами. Корн вырос в квартире в Нижнем Манхэттене, окна которой выходили на Ист-Ривер. Со свойственным подросткам любопытством он частенько наблюдал за ее темными водами из окна своей спальни, гадая, какие секреты могут таиться на дне этой реки и почему она стала такой грязной и черной. И скольких людей его отец отправил падать кувырком в эти студеные глубины с пролетов Бруклинского моста.

Журчание и побулькивание текущей воды вернуло его мысли к настоящему, служа фоном

для стрекотания сверчков и цикад, все еще не умолкавших в лучах раннего утреннего солнца. Вскоре к этому оркестру присоединился еще один звук — характерное глухое побулькивание выхлопа большого восьмицилиндрового движка машины, медленно пробирающейся по лесу. Наконец двигатель умолк, со скрипом открылась и захлопнулась дверца. В кустах зашуршали чьи-то шаги.

Глава 4

Ломакс

Подъезжая к берегу реки, шериф Колт Ломакс учуял какой-то неприятный запах. Оставив патрульную машину на обочине грунтовой дороги, он направился к месту встречи. Во время телефонного разговора с Корном прозвучал вопрос о рыбалке — условная фраза, означавшая, что его будут ждать именно здесь. Если б у него спросили, как там у него рука после боулинга, они бы встретились на парковке боулинг-клуба. Аналогичные места для встреч были заготовлены на стоянке возле закусочной, в лодочном эллинге на озере и на старой мельнице. Под рыбалкой подразумева-

лась река, поэтому он и приехал сюда.

Корн был крайне осторожным человеком.

Гниющая от жары и влажности растительность не была причиной запаха, который становился все сильней по мере того, как Ломакс пробирался сквозь кусты. Вообще-то сладковатый запах гниения, исходящий от мха и реки, довольно приятен. Но это было что-то другое. Иногда ему казалось, что он улавливает запах, исходящий от Корна, как будто этот человек гнил изнутри. Когда такое происходило, Ломакс говорил себе, что это ему просто чудится — никто не способен так мерзко вонять, если только не пролежал несколько дней в реке, мертвый и переполненный газами.

Выйдя на небольшую поляну на берегу, он увидел высокую фигуру Корна, который прятался от солнца под ветвями сосны и приветствовал его словами:

— Да здесь жарче, чем в аду!

Выговор Корна всегда представлял собой загадку для Ломакса. Бо́льшую часть времени того можно было запросто принять за коренного жителя округа Санвилл, но иногда в его речи проглядывал манхэттенский акцент, достаточный, чтобы напомнить Ломаксу, что Корн не из этих мест. Ломакс нередко гадал, уж не приходилось

ли Корну постоянно изображать санвиллский выговор, — что это была его постоянная роль, которую он играл для какой-то невидимой толпы, и лишь иногда, всего на секунду, эта маска спадала у него с лица, открывая истинного Корна.

Окружной прокурор был бледен и обливался потом. Избытком веса он не страдал, скорей наоборот. Корн постоянно выглядел худым и каким-то больным. Казалось, будто его кожа цвета костяного фарфора постоянно покрыта тонким слоем пота. Корн всегда предпочитал держаться подальше от солнца. Вытащив из нагрудного кармана носовой платок, он вытер шею и лоб.

— Пора бы вам уже привыкнуть к жаре, — заметил Ломакс.

— Я ее просто ненавижу. Всегда ненавидел и буду ненавидеть.

— В чем проблема? Я уже говорил вам, что с Коди Уорреном дело решенное. Никто его никогда не найдет.

— Дело не в Уоррене. Ну, по крайней мере, не только в нем.

И опять этот запах накатил на Ломакса, словно кирпичная стена, обрушившаяся ему на голову.

— Нет, речь идет о том, кто его замещает. Я слышал, что сюда приезжает какая-то важная

птица из Нью-Йорка, чтобы задать нам перцу в деле Дюбуа.

— Я бы не беспокоился на этот счет. Дюбуа схвачен крепко-накрепко. Каким бы распрекрасным адвокатом ни был этот городской парень, он не сумеет добиться оправдательного приговора, тем более при наличии признания.

— Меня совсем не это заботит. У Дюбуа ни родни, ни связей в Нью-Йорке, а у его матери ни гроша за душой. Меня заботит то, на какие шиши вообще наняли этого адвоката. Есть что-то, чего мы не знаем. Что мы упускаем из виду.

— Вы хотите, чтобы я поговорил с Дюбуа?

— Да уж изволь. Наверное, стоит дать Дюбуа понять, что последнее, что ему нужно, — это чтобы какой-то там пафосный адвокат усугубил его положение. Да, кстати: мне еще нужно подготовить к суду бывшего сокамерника Дюбуа, Лоусона.

— Учитывая показания Лоусона и все остальное, этого с головой хватит, чтобы добиться своего при любом составе присяжных. Не переживайте из-за этого городского парня.

Корн быстро вышел из тени и встал перед шерифом, нависая над ним. Ломакс отступил на шаг, сердце у него забилось чаще. При необходимости Корн мог двигаться очень быстро. Словно паук,

когда тот чувствует, что в его паутину угодила муха. Вот что ощутил сейчас Ломакс — как будто только что задел какую-то тонкую липкую нить и разбудил что-то голодное, что могло поглотить его в любой момент. Бросило в пот, во рту пересохло, как будто вместо леденца он сунул в рот сухой шершавый камешек.

Когда Корн заговорил, то понизил голос, как будто дрессировал собаку:

— Думаешь, я боюсь Мистера Нью-Йорка? Я там родился и вырос, я знаю этих парней! Я могу одолеть их в любой день в зале суда. И не смей думать иначе, ни на секунду!

— Я не хотел вас обидеть, мистер Корн, — поспешил ответить Ломакс, отводя взгляд, чтобы не смотреть в его мертвые глаза. — Я просто хотел сказать, что не стоит спешить. Если пропадут сразу два адвоката, работающие над одним и тем же делом, в этом городе будет кишмя кишеть ФБР.

Корн кивнул ему со словами:

— Я понимаю твою точку зрения, но ФБР ни черта не найдет. Как и в тот раз. Если я решу, что Флинну пора слиться с горизонта, исчезнуть, вы ведь окажете мне такую любезность, *шериф*? Мы уже говорили об этом. Враг правосудия — это *наш* враг. Ты сам видел, что Дюбуа сотворил со

Скайлар Эдвардс. Ему это не сойдет с рук. И если кто-то встанет у нас на пути…

Ломакс кивнул, устремив взгляд куда-то вдаль. Он первым из копов прибыл на место происшествия, когда было обнаружено тело жертвы. Он своими глазами видел, насколько ужасно было растерзано ее тело. Задержание Энди Дюбуа не заняло много времени, и Ломакс довольно быстро выбил из него признание. А затем пришло это хреново заключение независимого судмедэксперта, и Дюбуа уже вписывался в это дело не так хорошо, как хотелось бы. Но было поздно что-либо менять. Ему уже было предъявлено обвинение, а Корн окончательно укрепился в мысли, что Дюбуа и есть искомый убийца. Последовала короткая дискуссия о дальнейшем расследовании в отношении альтернативных подозреваемых, но Корн и слышать об этом не хотел. Признание Дюбуа автоматически ослабило бы дело против любого другого подозреваемого.

— Нельзя допустить, чтобы хоть что-то воспрепятствовало нам добиться смертной казни для Дюбуа. А пока что постарайся разузнать про этого Флинна все, что только возможно. Как закончишь, сразу звони. Да, и еще кое-что…

Ломакс натужно сглотнул — в горле у него на-

столько пересохло, что это причиняло боль.

— Проследи за тем, чтобы Флинна ждал теплый прием, когда он появится в городе.

С этими словами Корн повернулся и двинулся обратно к своей машине. Ломакс резко выдохнул, и мелкие капельки пота, собравшиеся у него на усах, взметнулись в воздух. Сняв шляпу, он обнаружил, что она тоже насквозь промокла от пота.

Прежде чем уйти, Ломакс в последний раз глянул на реку. Там не было ничего, кроме аллигаторов, черепах и всякой мертвечины. Над болотами и поросшими мхом деревьями нависал низкий туман, словно земля была затянута тонкой паутиной.

Чем дальше уходил Корн, тем слабее становился запах разложения. Ломакс не спеша вернулся к своему пикапу, распахнул дверцу и уселся за руль. Стоило повернуть ключ зажигания, как сразу же загремело радио. Радиостанция, транслировавшая классическую рок-музыку, на этой неделе гоняла треки «Роллинг стоунз». Закинув правую руку на спинку пассажирского сиденья, он обернулся к заднему стеклу кабины и принялся сдавать задним ходом по заросшей колее, пока Мик Джаггер вежливо интересовался, не

разрешит ли он ему представиться [122].

Выехав задним ходом на шоссе, где можно было развернуть машину, Ломакс убрал ногу с педали газа. Он уже чувствовал запах горящего сцепления, но остановило его не это. Появилась некая мысль, которая заставила его резко ткнуть ногой в педаль тормоза.

Он вынул ключи из замка зажигания, повертел их в своих толстых красных пальцах. На кольце висела кроличья лапка — подарок от его жены Люси на первый день в должности шерифа. Она сказала, что эта лапка принесет им обоим удачу. И впрямь: Ломакс всегда возвращался домой целым и невредимым, в конце каждой своей смены. Чего нельзя было сказать о Люси…

Прикосновение мягкого меха к пальцам освободило застрявшее в груди дыхание. Показалось, будто стало немного прохладней. Ломакс вставил ключи обратно в замок зажигания, завел глухо рыкнувшую «восьмерку» и резко развернулся, провернув задние колеса. Бывали дни, когда ему хотелось, чтобы можно было развернуть не

---

[122] notes: 122

Имеется в виду композиция Sympathy For The Devil («Сочувствие к дьяволу») группы The Rolling Stones (1968), начинающаяся со строчки «Please allow me to introduce myself» («Пожалуйста, разрешите мне представиться»).

только автомобиль, но что-то гораздо большее. Некоторые из дорог, по которым катилась его жизнь, были с односторонним движением — ни остановиться, ни развернуться, ни сдать хотя бы немного назад.

Некоторые вещи невозможно отменить или исправить.

Через несколько минут Ломакс уже был на окраине Бакстауна. Свернув на перекрестке перед первым же светофором, он поехал домой. Его дом, старый особняк в колониальном стиле, за последние несколько лет был полностью отреставрирован. Все деревянные доски обшивки заменили и покрасили в другой цвет. Это был домик с картинки на открытке, с четырьмя спальнями, из которых использовалась лишь одна. Оставив пикап на подъездной дорожке, Ломакс выбрался из него и увидел Люси, сидящую на террасе. Новенькие москитные сетки защищали ее от большинства вьющихся в воздухе насекомых. Она сидела в своем любимом деревянном садовом кресле с широкими подлокотниками, опустив на колени руки с неподвижными спицами — вязание и моток красной шерсти лежали у ее ног.

— Ну и жарища… Проезжал вот мимо, решил за-

скочить домой и выпить лимонаду, — сказал он.

Люси шел уже седьмой десяток, и она слишком хорошо знала своего мужа. Так что улыбнулась ему — или, по крайней мере, изобразила улыбку, — когда подняла голову.

— Рассказывай, Колт… Хотя мысль неплоха. Возьми себе чего-нибудь холодненького из холодильника. И мне тоже принеси.

Ломакс нежно положил руку ей на плечо, как будто оно было стеклянным, и спросил:

— Ты уверена, что стоит?

Она кивнула.

На кухне все было так, как он там утром оставил. На столе — нетронутая тарелка овсянки. Все столь же полный стакан апельсинового сока рядом с ее таблетками. Какие поменьше — лежат на блюдечке, другие раскрошены и разложены по ложкам. Ее парик, который он утром старательно расчесал, висел на спинке кухонного стула. Налив два стакана лимонада, Ломакс вышел из дома, где на него опять навалилась жара. Один он протянул Люси и присел рядом с ней.

— Ты не приняла свои таблетки, милая, — негромко произнес он.

— Это точно, — тихо отозвалась она.

Каждый день, утром и вечером, Ломакс скру-

пулезно заготавливал для Люси прописанные ей таблетки. Их было около дюжины. Некоторые она не могла проглотить. Более крупные он размельчал между двумя ложками или плоским лезвием кухонного ножа. Остальные ломал пополам. Люси испытывала все большие проблемы с глотанием.

— Надо все-таки принимать лекарства, Люси. Врач сказал…

— Врач сказал, шесть месяцев, Колт. А это было шесть месяцев назад. Мое время вышло, — сказала она, проведя пальцами по голове. Несколько жиденьких прядей волос, зачесанных назад, которые кое-как прикрывали ее бледный череп, не могли скрыть червячки голубых вен, теперь ярко выделяющиеся на коже.

— Мы уже об этом говорили, — сказал Ломакс.

— Вот именно. Это мое решение. Мы пробовали химиотерапию. Она не помогла, и я не собираюсь проходить через это по новой. Эти таблетки делают меня еще более тупой и больной, чем я уже есть. Я хочу вязать, но не могу, когда у меня руки ходуном ходят. Так что приходится либо ковылять по дому, либо тошнить в туалете, либо спать. Боль не такая уж сильная. Она дает мне понять, что я все еще жива.

Люси протянула руку и легонько коснулась его ладони. Кожу словно обдало легким ветерком, настолько нежным и прохладным было это прикосновение.

— Я хочу опять стать женой. По крайней мере, хоть на какое-то время.

— Но всегда есть новые лекарства, новые методы лечения. Мы могли бы узнать какое-нибудь другое мнение…

— Нет! — отрезала Люси, и голос у нее прозвучал так громко, как он давно уже от нее не слышал. — Мы и так потратили слишком много денег. Сотни тысяч долларов, и все ради чего? Я умираю, Колт. Пришло мое время. Тебе пора это понять. И принять это. Ради меня, хорошо?

Ломакс даже не слышал, как стакан с лимонадом выпал у него из руки и разбился о доски террасы. Он слышал лишь тихий голос жены и чувствовал это ее прикосновение. Ему хотелось расплакаться, но он не мог. Только не перед ней. Он поклялся не распускать сопли. Никогда. Ей от этого только тяжелее. Он лишь натужно сглотнул, словно загоняя поглубже поджидающую его потерю.

Ломакс всегда знал, что этот день обязательно когда-нибудь настанет.

А еще знал, что причиной тому было все то плохое, что он успел сделать в своей жизни. Что это Господь наказывает его за грехи. Что ложь, которую он регулярно прогонял у себя на работе, и люди, которым он причинил зло, а также деньги, которые он взял у Корна, чтобы заплатить за этот дом, — это тоже причина болезни Люси. Как и те деньги Корна, которыми потом он оплачивал ее лечение. Это не карма — для Ломакса это была не более чем какая-то буддийская чушь. Нет, это Господь посылал ему сообщение. И он возненавидел его за это.

Ломакс сожалел, что в один прекрасный день свернул с давно проторенного пути. Иначе бы каждый вечер, как и следовало, добирался домой целым и невредимым благодаря своей кроличьей лапке. Присматривал бы за женой в их старом доме в Бакстауне, и цента не взяв у Рэндала Корна.

Подул ветер, и он уловил в воздухе запах смерти. Это напомнило ему о Коди Уоррене. «Смит и Вессон» двадцать второго калибра [123] сделал свое дело. Он прижал дуло к черепу адвоката, увидел промелькнувший у него в глазах страх и

[123] notes: 123

Специально для «оружейных пуристов»: имеется в виду калибр нарезного ствола 0,22 дюйма (в основном 5,6 мм, хотя из-за разных способов измерения возможны небольшие разночтения).

нажал на спусковой крючок, навсегда запечатлев в памяти это выражение ужаса на лице Уоррена. Это было самое тяжелое, что Ломакс когда-либо проделывал. После этого ему было очень мерзко. И с тех пор он плохо спал по ночам.

Когда Корн решил начать судебное преследование Энди Дюбуа, это привело к целому ряду событий, каждое из которых неизбежно вытекало из предыдущего. Результаты судебно-медицинской экспертизы опровергали обвинение против Дюбуа, поэтому Корн подправил отчеты. Плюс Ломакс уже не мог отпустить Дюбуа после того, как выбил из него признание. И когда Коди Уоррен слишком близко подобрался к истине, с ним тоже пришлось разобраться.

В отличие от других подобных случаев, убийство Скайлар Эдвардс не давало покоя Ломаксу. Жестокость и необычность этого преступления выбивали его из колеи. И поэтому он проигнорировал предложение Корна по-прежнему возлагать ответственность за это убийство на Дюбуа. Без ведома Корна Ломакс продолжил свое расследование.

Он знал, что произойдет, доведи он результаты этого расследования до сведения Корна. Они будут преданы забвению — возможно, вместе с

самим Ломаксом за неподчинение приказу Корна. Нельзя было и рисковать тем, чтобы передать результаты этого приватного расследования в прокуратуру США. У Корна имелось достаточно компромата на Ломакса, чтобы надолго упрятать его за решетку, а кто тогда будет присматривать за Люси? Он оказался в ловушке собственной лжи, и как раз это и заставило его лишить жизни адвоката. Энди Дюбуа вскоре станет еще одним мертвым телом, которое будет давить на сердце Ломакса. Еще одним последствием простого сокрытия фактов. Потому что именно это происходит, когда позволяешь себе всего один раз пойти на компромисс. И дело вовсе не в пропавших уликах — такое случается уже далеко не в первый раз. Попытки сокрыть первородный грех — вот что развращает твою душу, окончательно и бесповоротно.

Он знал, что чувство вины и стыда за содеянное со временем ослабнет. Точно так же, как и в прошлый раз, и в позапрошлый. А пока что придется жить с этим. У него нет иного выбора, кроме как следовать по этому пути. Даже если это означает, что еще какому-нибудь адвокату придется расстаться с жизнью.

Глава 5

Эдди

Терпеть не могу летать.

Терпеть не могу аэропорты. А все из-за ледяного кондиционированного воздуха, заоблачных цен и треска чемоданных колесиков по плиточному полу.

Два часа перелета из «Ла-Гуардиа»[124] в Шарлотт, Северная Каролина, короткая стыковочная пересадка, а затем еще два часа полета до Мобила[125]. Во время обоих перелетов я успел вкратце ознакомиться с материалами дела. Как только двери самолета закрылись и в салоне стало повышаться давление, я открыл один из скоросшивателей, а голова Гарри начала падать на грудь. К тому времени, когда шасси были убраны,

---

[124] notes: 124

«Ла-Гуардиа» — один из трех нью-йоркских аэропортов.

[125] notes: 125

Тот случай, когда в произношении названия превалируют местные традиции, а не правила английского языка. Место, в которое прилетел Эдди (Mobile), называется именно Мобил, а не Мобайл, как пытаются произнести его незнакомые с местным диалектом. Обычная история на многонациональной территории США. Впрочем, далее этот момент объясняется.

он уже храпел во всю носовую завертку.

Эти материалы уже лежали наготове в багажнике машины Берлина. Гарри проглядел их еще вчера — пока я передавал Кейт несколько своих дел, чтобы она присмотрела за ними, пока нас не будет.

В общей сложности здесь было около пятисот страниц, в том числе и несколько расшифровок свидетельских показаний, и по мере чтения у меня сложилось кое-какое представление об Энди Дюбуа из округа Санвилл.

Энди был сыном Патриции и Франко Дюбуа, хотя и недолго. К тому времени, когда он начал ходить и говорить, Франко уже не было в его жизни. Отец Энди попытался ограбить заправочную станцию в Тусоне, получив за свои хлопоты заряд волчьей дроби в плечо и пятнадцать лет отсидки в тюрьме штата Пенсильвания. Там дела Франко обстояли ничуть не лучшим образом. Где-то через год из этого срока его нашли во дворе для прогулок, частично обезглавленным. Другие заключенные как следует прижали его, причем в прямом смысле этого слова. Четверо парней удерживали Франко на скамье для жима лежа, в то время как по меньшей мере двое других подняли над ним трехсотфунтовую штангу и сбросили ее

ему прямо на горло.

Государство оплатило похороны Франко на территории исправительного учреждения. Патриция отказалась забрать его тело. Она порвала с ним всякие отношения и не хотела, чтобы этот человек обошелся ей еще хотя бы в один цент. По мнению Патриции, лучшее, что Франко когда-либо сделал для своего сына, — это позволил себя убить. Она не хотела, чтобы Энди рос среди алкоголя, наркотиков и всей той лжи, обид и боли, которые они приносили с собой.

Она знала — с того самого дня, как родился Энди, — что он будет хорошим мальчиком.

Читая подробные показания Патриции, подготовленные адвокатом Энди, Коди Уорреном, я уже знал, что это дело заберет у меня что-то. Некоторые дела стоят какой-то части тебя, которую ты уже никогда не вернешь. Иногда совсем маленькую. Иногда довольно большую. И чем дальше я читал, тем больше испытывал готовность заплатить эту цену.

Патриция Дюбуа

Мой Энди всегда не слишком-то умел ловить мяч или бросать его, а отбирать-то уж точно – телесная конституция не та;

но он всегда любил читать. Читал все, что подвернется под руку, с самого малолетства. Он хороший мальчик, мой большой южный джентльмен. Нос в книжке, вот как я его называю. Этот парень прочел чуть ли не все книги в библиотеке на Чапел-авеню, но все равно не помнит, что нужно посмотреть в обе стороны, переходя через улицу. Никакого понятия. Витает в облаках, мой мальчик. Но он усердно учился в школе, окончил ее вторым в классе и получил стипендию в университете Монтевалло. До сих пор не могу поверить, что мой мальчик учится в колледже! Он так усердно работал в том баре, каждый день, когда только мог. Экономил каждый цент. И тут нате… Мой сынок не убивал ту девушку. Он молится в церкви по воскресеньям и никогда никому не причинил зла. Даже не дрался-то ни разу. И могу сказать вам еще кое-что. Энди никогда, ни в коем случае не причинил бы вреда ни одной женщине.

Я перелистнул еще несколько страниц, чтобы ознакомиться с потерпевшей по этому делу.

Звали ее Скайлар Эдвардс. Ей было двадцать лет, и она училась в Алабамском университете. Изучала химию и каждый день ездила на учебу из дома. Родители ее были небогаты, и я сразу задался вопросом, как они умудрялись оплачивать ее обучение, поскольку о стипендии нигде не упоминалось, а простому работяге было бы чертовски трудно отправить своего ребенка в колледж. Подрабатывала в баре, неполный рабочий день. Ее отец, Фрэнсис Эдвардс, — шофер-дальнобойщик. Мать, Эстер, — домохозяйка. Ее показаний я так и не нашел. Вот как Фрэнсис описывал ночь на четырнадцатое мая:

Фрэнсис Эдвардс

Она работала в баре «У Хогга». Это бар в основном для дальнобойщиков. Обслуживала столики, подавала пиво и откладывала чаевые на колледж. Она работала там четыре вечера в неделю. С семи до часу ночи, а иногда и позже, если народу было полно. Машина была Скайлар не по карману, так что она звонила мне, когда заканчивала, а я приезжал и забирал ее. Отвозил домой. Обычно она ждала меня с этим парнем, Энди. Его я

тоже пару раз подвозил. Забрасывал к мамане, когда шел дождь. Но это было нам не по пути, понимаете? За него у меня голова не болела, так что в большинстве случаев я не заморачивался. Во всяком случае, в тот вечер Скайлар не позвонила. Было уже за полночь. У ее мамы, Эстер, проблемы со сном, так что она не спала и возилась с чем-то на кухне. И попросила меня позвонить Скайлар. Я подумал, что в баре, наверное, полно народу, так что решил еще немного подождать. Господи, сколько ночей я провел с тех пор, жалея, что не позвонил! Может, все тогда было бы совсем по-другому, понимаете? Может, тот парень не стал бы избивать ее и убивать, если б у нее зазвонил телефон? Эстер так и не простила меня. Я выехал в половине второго, и бар был уже закрыт. Вокруг никого не было. Я позвонил Скайлар, но она не ответила. Я объехал весь город, на случай если она заедет на Мейнстрит, чтобы пропустить стаканчик на сон грядущий.

Это было совсем не похоже на Скайлар. Она всегда давала нам знать, где находит-

ся. Эстер позвонила шерифу. Я искал ее весь день. А потом, в ту ночь, нам позвонили и сказали, что ее нашли.

Не думаю, что вы много чего добьетесь от Эстер… Доку пришлось дать ей успокоительное, когда она узнала про все это от вас, ребята, – в смысле, от управления шерифа. Она просто все плакала, плакала и плакала. И несколько дней не выходила из комнаты Скайлар. Понимаете, Эстер никогда не работала. Скайлар была жизнью Эстер. Она жила ради этой девочки. Теперь, когда ее нет, просто не знаю, что она будет делать. Это неправильно, что нашу девочку так вот отобрали у нас. Убили. Этому парню, Энди, надеюсь, как следует поджарят задницу за то, что он сделал с моей девочкой!

Пропустив еще несколько страниц, я нашел показания Райана Хогга, владельца бара.

Райан Хогг

Скайлар проработала у меня официанткой почти три года. Была хорошим работником. Всегда приходила вовремя, умела ладить с клиентами, даже с буйны-

ми. Могла постоять за себя, понимаете? Короче говоря, около двенадцати я закрыл бар. Они с Энди там прибрались и сразу после полуночи ушли. Насколько я помню, ушли вместе. В этом не было ничего необычного. Иногда отец Скайлар и его подвозил домой, если шел дождь. А в большинстве случаев Энди просто ждал с ней, пока за ней не приедут. В тот вечер они из-за чего-то поцапались перед самым уходом. Только не спрашивайте меня, из-за чего. Я не знаю. Не расслышал. Но Энди повысил на нее голос. Вот это я хорошо помню. На Энди это было не похоже. Он вообще тихий парнишка. Вечно уткнется носом в книжку, когда должен мыть пол. Как бы там ни было, вид у Скайлар был вроде испуганный. А потом они вместе ушли, и больше я ее не видел.

Скайлар пропала за сутки до того, как было найдено ее тело.

Его звали Тед Бакстон. Этого местного дальнобойщика. Четырнадцатого мая, в ту ночь, когда пропала Скайлар, он припарковал свою фуру возле бара Хогга и оставил ее там на целые сут-

ки, чтобы немного отдохнуть перед следующим рейсом. А когда вернулся к ней вечером пятнадцатого мая, то что-то увидел на топкой земле сразу за гравийно-грунтовой парковкой.

Сначала ему показалось, будто кто-то ползет на животе в высокой траве, пригибая ее. Бакстон взял фонарик и подошел туда, чтобы все как следует рассмотреть. И тогда увидел пару черепах, которые исследовали труп Скайлар Эдвардс. Поначалу он и не понял, что это Скайлар. Все, что ему было видно, это подошвы ее ног, выступающие над землей. Он вызвал копов, которые и откопали ее.

Скайлар была похоронена вертикально. Засунута в глубокую узкую могилу головой вперед. Но та оказалась недостаточно глубокой и широкой, чтобы согнуть ей ноги, поэтому ступни торчали из земли. Земля вокруг лодыжек уплотнилась. Убитая была зарыта вверх ногами.

Потом я перешел к отчету о вскрытии. Травмы были просто-таки чудовищными. Скайлар была обожжена. Лицо, торс, ноги, но только на передней части тела, а не со спины. Судмедэксперт, некая мисс Прайс, предположила, что это мог быть солнечный ожог. Прайс обнаружила у Скайлар два сломанных пальца на левой руке,

синяки и ссадины на предплечьях, полученные явно в попытках защититься, и ушибы на лице. На запястьях и лодыжках — следы от связывания. В качестве причины смерти коронер указала удушение. Описала приложенную силу как весьма значительную, учитывая повреждения, нанесенные гортани и шейным костям.

Я был крайне осторожен и не позволил никому в самолете увидеть приложенные к материалам дела фотографии — широкоформатные снимки частично обгоревшего и окровавленного трупа.

Нашелся там и журнал осмотра места преступления, в котором подробно указывалось время прибытия первого из полицейских, судмедэксперта, шерифа, каждого из патрульных, а затем, в конце концов, время окончания работы. Все это напоминало черновой дневник расследования. В два часа ночи шериф отметил в журнале, что потерпевшей, вероятно, является Скайлар Эдвардс. Неподалеку от тела была найдена сумочка.

Содержимое сумочки:

Один комплект ключей (три шт.), бумажник (сорок девять долларов и двадцать пять центов наличными, пластиковая карточка «Бэнк оф Америка»,

пластиковая карточка «Уэллс Фарго», читательский билет библиотеки Бакстауна – все на имя Скайлар Эдвардс. Студенческий билет Университета Алабамы на имя Скайлар Эдвардс, водительские права на имя Скайлар Эдвардс), бальзам для губ, ручное зеркальце, тональный крем, жевательная резинка.

Не так уж много у нее было при себе в конце жизни… Полистав страницы, я нашел еще фотографии. Первым было фото Скайлар на выпускном вечере. Светлые волосы собраны сзади в тугой хвост, на лице широкая улыбка. Голубое платье, на вид недорогое, но все равно симпатичное. Выглядела она восторженной, полной жизни и энергии. Ее кавалером на выпускном был Гэри Страуд, квотербек школьной футбольной команды. Выглядел он так, будто плотно сидел на стероидах. Под смокингом бугрились внушительные мускулы, лицо покрывали прыщи, и он улыбался, стоя рядом со Скайлар. Было еще несколько ее фотографий — дома, с семьей.

Где-то в груди у меня образовалась пустота, и я почувствовал, что мне трудно сглотнуть. Голову заполнили обычные в таких случаях мысли. Это

кем же надо быть, чтобы так поступить с невинной девушкой?

Шерифское управление округа Санвилл произвело арест почти сразу же после обнаружения тела. Судя по всему, одним из главных оснований для ареста Энди послужили показания Райана Хогга — касательно того, что тем вечером Энди и Скайлар из-за чего-то поцапались. Имелось краткое объяснение, полученное от ее парня, Гэри, который собирался сделать ей предложение в тот вечер. Она так и не добралась до него.

Я ненадолго закрыл скоросшиватель, чтобы собраться с мыслями. Против Энди имелось не так уж много улик. И в лучшем случае косвенных. Пока что.

Опять открыв скоросшиватель, я стал читать дальше.

Блин…

Отложив его, я откинулся на спинку кресла и на последний час полета закрыл глаза.

Улик на самом-то деле оказалось более чем достаточно, чтобы осудить Энди.

Его кровь была обнаружена под ногтями у Скайлар. Эксперт-криминалист по имени Шерил Банбери подтвердила совпадение ДНК. Ее отчет был кратким и сокрушительным.

Доктор Шерил Банбери, ведущий аналитик отдела судебной биологии

Переданные для сравнительной экспертизы обрезки ногтей, взятые с правой руки жертвы, были предоставлены шерифом округа Санвилл Колтом Ломаксом. Он подтвердил, что под ногтями имелась грязь и что-то похожее на кровь. Изучив обрезки ногтей, представленные мне в запечатанном пакете для улик с маркировкой СЛ-12, я обнаружила следующее: кровь, частицы кожи, общий мусор, следовые количества какого-то порошка.

В составе этого порошка были обнаружены частицы антихолинергического средства (четыре части), сертралина (одна часть), сульфата морфина (четыре части), фенотиазина (скорее всего, прохлорперазина, одна часть).

Шериф Колт Ломакс также предоставил образец ДНК, взятый при помощи мазка у подозреваемого Энди Дюбуа и помеченный как СЛ-28.

Оба предоставленных образца подверглись процедуре выделения ДНК. Генетические характеристики опреде-

лялись при помощи ПЦР-анализа по однолокусному методу. Было проведено двадцать одно сравнение ДНК-маркеров обоих образцов, а также отдельно взятый контрольный тест. Биостатистический анализ подтвердил, что ДНК-маркеры из образца СЛ-12 совпадают с ДНК из образца СЛ-28 с вероятностью 99,9999 %.

Состав упомянутого порошка, обнаруженного в следовых, то есть в совершенно мизерных количествах, не вызвал у меня особого беспокойства — жертва изучала химию, поэтому я предположил, что она могла контактировать с самыми разными веществами. А вот результаты анализа ДНК были просто убийственными. Вообще-то идеального совпадения ДНК не бывает, но в отчете утверждалось, что ДНК из крови под ногтями Скайлар совпадает с ДНК Энди настолько, насколько наука вообще способна их проанализировать. У Энди на плече имелись царапины от ногтей. Достаточно глубокие, чтобы пустить кровь. Похоже, Скайлар оцарапала того, кто напал на нее, и этим человеком был Энди.

Шестнадцатого мая, на следующий день после того, как было найдено тело Скайлар, Энди дал

шерифу Ломаксу полное и подробное признание. Это было совсем не похоже на то, что могло быть написано молодым человеком вроде Энди. Судя по дубовому стилю, скорей кем-то из правоохранителей. Наверняка какой-нибудь коп сочинил эту чертову бумагу и заставил Энди подписать ее.

Но это было не единственное признание. Его сокамерник засвидетельствовал, что Энди признался в убийстве Скайлар, которое совершил, потому что она отказалась с ним переспать. Я ощутил легкую тошноту, но в то же время и какую-то странную надежду.

В этом деле было не одно, а сразу два сомнительных признания. Одно написанное каким-то копом через несколько часов после ареста Энди, другое предположительно появилось неделю спустя и поступило от тюремного стукача. Зачем им понадобились два признания?

Мне нужно было поговорить с самим Энди. Прочувствовать его. Посмотреть на него, глаза в глаза. Мне требовалось убедиться в том, что он невиновен. Я знал, что все сразу пойму, когда пообщаюсь с ним.

На данный момент у меня не имелось никаких сомнений только в одном: если я возьмусь

защищать Энди, это будет самое трудное дело в моей жизни.

Глава 6

Эдди

Прилетев в аэропорт Мобила около восьми, мы получили багаж, и я оплатил аренду автомобиля корпоративной кредитной картой.

Прокатная компания высадила нас с Гарри на дальнем конце огромной парковки рядом с «Приусом», который явно знавал лучшие времена. Выбравшись из гольфкара, Гарри уставился на «Приус» так, словно это был его собственный ребенок, который только что бросил Гарвард, чтобы заняться плетением корзин.

— Я думал, мы берем напрокат машину… — заметил он.

— Вот машина, — сказал я.

— Нет, это не так. Это батарейка на колесах, с моторчиком от игрушечной машинки. У нее нет души.

— У тебя тоже. Давай просто забросим наше барахло в багажник и двинем в Бакстаун. Я поведу.

— Нет, я сам поведу. Это даст мне повод пожало-

ваться на машину, а тебе — на мою манеру езды. Тогда мы оба будем счастливы.

Похоже, что спутниковый навигатор в машине больше опирался на астрологию и надежду, чем на GPS, но к тому времени, как мы выехали на автостраду, до округа Санвилл оставалось уже всего ничего. Гарри продолжал кочевряжиться, жалуясь, что машина неисправна.

— Она не неисправна, это гибрид.

— Гибрид с чем? С мулом? Говорю тебе, эта штука на последнем издыхании!

На указателе съезда на Бакстаун виднелись три проржавевших по краям пулевых отверстия. И все внутри буквы «с». Мы оказались на двухполосной шоссейке, обрамленной с обеих сторон деревьями. Вскоре они сменились открытыми полями, затянутыми низким туманом. Затем туман сдвинулся, слегка колыхаясь, как будто тысячи привидений катались по земле.

Это был не туман. Это было то, чего я никогда раньше не видел.

— Хлопковые поля, — объяснил Гарри. — Странновато они выглядят в лунном свете, точно?

— Жутковато, — поправил я.

— Мой прадедушка собирал хлопок в Алабаме. Та еще была работенка… Не знаю, считалось бы

это сейчас трудоустройством. Ему ни фига не платили.

Его голос стал тише и глубже, когда он произнес:

— Слишком много крови было пролито на этой земле… Это место кажется каким-то… отравленным. Мой отец проповедовал по всей Алабаме. Мы прожили здесь пять лет. Не могу сказать, что я когда-либо скучал по здешним краям.

Я почувствовал, как по спине у меня пробежал холодок.

— Как только с этим делом будет покончено, мы уедем отсюда. И никогда не вернемся, — пообещал я.

Поля простирались на многие мили во все стороны, пока мы не перевалили через гребень холма и перед нами не открылся лес. Дорога вилась между огромными дубами и ивами. Их ветви, укутанные испанским мхом, нависали над асфальтовым дорожным покрытием, словно какая-то готическая вуаль. Вдоль дороги попадались старые бревенчатые домишки. Одноэтажные. Ни у одного из них не было приличной крыши, да и стояли они все вкривь и вкось. Выглядели эти дома заброшенными — или, по крайней мере, только выглядели. Кое-где в них горел

свет. В некоторых даже не было оконных стекол — только вощеная бумага, которая на удивление красиво светилась, подсвеченная изнутри.

— Ты прочел уже все материалы дела? — спросил Гарри.

— Да. Что думаешь?

— Если он утверждает, что невиновен — а это может быть и так, — то нам придется тяжко. У тебя уже были сложные дела в прошлом. У меня тоже. Но не такие, как сейчас. Перво-наперво нам надо отмести два эти признания. Одно — данное сокамернику, другое — шерифу, — сказал Гарри.

— Нам нужно с ним поговорить. Если он скажет, что признание в полиции было получено под принуждением, то нам понадобятся какие-то доказательства этого. Другое признание сделано тюремному стукачу. С этим, пожалуй, будет полегче бороться.

— Я не думаю, что этот парнишка убил ту бедняжку, — прямо сказал Гарри.

— Почему ты так уверен? — спросил я.

— Что-то во всей этой истории не так. Я и раньше видел, как копы подкрепляют разваливающиеся дела сфальсифицированными уликами, но все-таки не так, как сейчас. У них есть кровь Энди и его ДНК под ногтями жертвы, а у парня

всего-то царапина на плече. Почему вдобавок ко всему получено не одно, а сразу два ложных признания? Что-то тут мне не нравится.

— Не нравится, говоришь? Через пару дней нам предстоит судебный процесс по делу об убийстве, за которое полагается смертная казнь, нам не платят, мы находимся в какой-то жопе мира, и у нас есть клиент, который дважды признался в убийстве. Что тут может понравиться?

— Ни черта не может, это точно. Жертва — вот ключ к этому делу. Нам нужно знать о ней все, от и до. В деле не так уж много полезных сведений.

Городскую черту отмечала заправочная станция. Гарри повез нас по тому, что навигатор назвал Мейн-стрит и что вроде и вправду было тут главной улицей. Все имеющиеся здесь торговые и развлекательные заведения, кроме бара и магазинчика «Севен-илевен»[126], уже закрылись на ночь. Зданий по сторонам становилось все меньше. На краю улицы, у последнего здания, были припаркованы три патрульные машины с шерифскими звездами. Длинное двухэтажное

[126] notes: 126

«Севен-илевен» («7–11») — крупнейшая в мире сеть небольших продовольственных магазинчиков, представленная в 18 странах. Изначально работали с 7 утра до 11 вечера, отсюда и название, но сейчас многие такие магазины работают и круглосуточно.

здание управления окружного шерифа торчало тут словно волдырь на заднице. Второй этаж его был выкрашен в белый цвет, а нижняя половина выложена из голого кирпича. Примерно на середине Мейн-стрит нам попался перекресток, похожий на экране навигатора на перекрестье прицела винтовки — главную улицу здесь пересекала Бак-стрит. Заранее заглянув в интернет, я обнаружил, что единственные отели в Бакстауне расположены как раз на этой улице. Веб-сайтов для онлайн-бронирования у них не имелось, а когда ранее в тот же день я попробовал туда позвонить, никто там не брал трубку. Приходилось действовать явочным порядком.

Гарри приглянулась первая же гостиница, которую мы увидели, под названием «Лисичка», с желтым грибом на вывеске, и он припарковался у входа.

Это был всего лишь большой дом в колониальном стиле с выцветшей белой краской и креслом-качалкой на крыльце. Табличка в окне гласила: «Свободные номера».

Как только я открыл дверцу машины, алабамский климат тут же выдавил испарину, проступившую у меня на лице. Влажность воздуха составляла восемьдесят девять процентов,

и было невыносимо жарко. К жаре и сырости я давно привык, проживая в Нью-Йорке — летом там это обычное дело, — но здесь все было по-другому. Воздух был плотным и насыщенным влагой, и его не тревожило ни малейшее дуновение ветерка. Словно в прогнившей могиле. И буквально повсюду — тучи насекомых.

Я проследовал за Гарри через дверь главного входа к стойке из красного дерева, за которой сидела администраторша примерно такого же цвета. Бейджик с именем на ее голубом платье гласил «Клара», и когда-то она была белой, но за шестьдесят с лишним лет солнечных ванн и безостановочного курения сигарет «Кэмел» ее бледность приобрела тот же цвет, что и мебель. Стойка выглядела даже несколько поновей и почище.

— Фамилии? — поинтересовалась она безжизненным голосом. Кончики светлых волос у нее на челке завивались внутрь, упираясь в лоб, отчего казалось, будто та всеми силами пытается избежать контакта с кожей.

— Форд, Гарри. Рад познакомиться. А это мой коллега Эдди Флинн.

Опять присосавшись к «Кэмелу», Клара выпустила струю голубого дыма прямо на табличку

«Не курить» и прохрипела:

— Сожалею, джентльмены. У нас все забронировано.

С этими словами она раздавила сигарету в пепельнице и уткнулась носом в номер «Космополитен».

— Простите, мэм… Но снаружи написано, что у вас есть свободные номера, — заметил Гарри.

— Это объявление недействительно, — буркнула она, не отрывая глаз от статьи под заголовком «Все, что нужно знать о бикини».

Гарри понимающе посмотрел на меня. Отбить этот мяч ему не удалось. Хотя что это был за мяч, от меня по-прежнему ускользало.

— По-моему, я знаю, в чем проблема. Мэм, мы понимаем, что это город, в котором исповедуют традиционные ценности. Мы с Эдди работаем вместе. Мы не пара. И хотя я не вижу в этом ничего плохого, нам все равно хотелось бы получить два отдельных номера.

— У нас все забронировано, — повторила она.

Гарри уже перегнулся через стойку, так что я предостерегающе взял его за руку, предложив попытать счастья в каком-нибудь другом отеле — перспектива поселиться в «Лисичке» не вызывала у меня особого восторга.

Мы вышли на улицу, и Гарри хлопнул меня по плечу.

— Думаешь, она не позволила нам остаться, потому что сочла нас геями?

Я покачал головой.

— Даже не знаю.

— Вообще-то приятное разнообразие по сравнению с прочими отелями в Алабаме, где могут отказать мне в номере попросту потому, что я черный, — заметил он.

— Я по-любому не хочу там оставаться. И неважно, расизм это или гомофобия, — все это одинаково мерзко. Давай-ка заглянем в тот, что через дорогу. На этот раз я зайду первым. Я — ирландский католик.

Мы перешли через пустынную улицу. Въехав в город, мы так и не видели по дороге ни одной машины. Даже тусклый свет уличных фонарей наводил тоску. Идти было совсем недалеко, но моя рубашка все равно прилипла к спине, словно горячий клей. Не создан я для такого климата. Гарри остался дожидаться снаружи, когда я рискнул заглянуть в отель под названием «Новый». Ну да, полагаю, что когда-то он и вправду был новым. Годах эдак в сороковых. Возле маленькой красной неоновой вывески «Есть свободные

номера» тучей вились комары. Когда я открыл входную дверь, звякнул колокольчик. Как и в случае с «Лисичкой», за регистрационной стойкой уже кто-то сидел. На сей раз администратором оказался молодой человек с черными волосами, которые выглядели так, словно были нарисованы у него на голове. Он приподнялся и кивнул. Открыл регистрационный журнал.

— Могу я узнать ваше имя, сэр?

— Эдди Флинн, — представился я, потянувшись за ручкой, вложенной между страницами.

В глубине его маленьких голубых глаз словно вспыхнула электрическая лампочка. Парень втянул воздух сквозь зубы, захлопнул лежащую передо книгу передо мной и сказал:

— Сожалею, но у нас все забронировано.

Я стоял молча, уставившись на него. На вид ему было не больше двадцати. Он прикусил губу и начал быстро постукивать ручкой по стойке.

— В городе проходит какой-нибудь съезд? — поинтересовался я.

— Сейчас лето. Самый сезон, — ответил он, упорно глядя в пол.

Не было смысла чего-то доказывать. Я вышел и присоединился к Гарри на тротуаре.

— Похоже, тут тоже все полностью забито. За-

бавно, не правда ли? Я думаю, кто-то заранее знал про наш приезд.

— Да ладно тебе… Послушай, я все равно не хочу останавливаться ни в одной из этих ночлежек. Давай вернемся в Мобил, заселимся в нормальный отель, — предложил Гарри.

— Отличная мысль, — сказал я.

Мы двинулись по пустынной улице обратно к «Приусу». Гарри открыл водительскую дверцу, сунул одну ногу внутрь — и замер.

— Что такое? — спросил я.

Обойдя машину, проследил за его взглядом и увидел, что переднее колесо полностью спущено. Потом перевел взгляд на заднее. Оно было в полном порядке. Опять вернувшись на тротуар, я заметил, что заднее правое колесо тоже спущено. Присев на корточки в лучах света, падавших от входа в «Лисичку», я провел пальцем по резине и обнаружил на боковине покрышки, в паре дюймов от обода, порез около дюйма длиной. След от ножа.

— Это все моя фамилия, — сказал я. — Кто-то знал, что мы приедем, и хотел убедиться, что нас встретят должным образом.

Гарри надул щеки и сказал:

— Уже заранее ненавижу этот сраный горо-

дишко!

Глава 7

Пастор

Человек, известный как Пастор, смотрел сквозь мансардное окно на жирную бледную луну, повисшую над крышами Бакстауна.

Заслышав шаги на лестнице, он повернулся и оглядел помещение у себя за спиной — довольно просторное, на всю ширину дома. Верхним этажом Бакстаунская страховая служба практически не пользовалась. Одну из стен комнаты занимал ряд канцелярских шкафов. Посреди деревянного пола стояли семь кресел, расположенных по кругу. Под окном — столик с чашками и большим термосом, который Пастор наполнял кофе в маленькой кухоньке на задах дома. Единственным украшением стен были два флага — флаг Конфедерации, приколотый к потолочному плинтусу, и еще один, совсем старинный, который был вставлен в раму и прикреплен на стене напротив шкафов с документами. Флаг это основательно выцвел, некогда ярко-красный фон теперь приобрел оттенок ржавчины. В самом

центре коричневато-красного полотнища красовался белый цветок — старая эмблема на ветхой от времени ткани. Это была камелия, которая из некогда белой превратилась в желтую. Семь лепестков, расходящихся веером от центра, заметно потускнели. То ли от времени, то ли от мочи. На этот флаг скорее всего и вправду мочились — да даже и не скорее всего, а наверняка. Это был один из трех подобных флагов, сохранившихся до наших дней. Пастор заплатил за него пятьдесят тысяч долларов на тайном аукционе черного рынка.

Ни один дорожащий своей репутацией антиквар не стал бы продавать такой флаг в открытую. У него была своя история. Истончившаяся, истрепанная по краям ткань несла на себе всю тяжесть грехов, совершенных под этим знаменем.

Дверь открылась, и в комнату вошел приземистый лысый мужчина в твидовом пиджаке. Профессор Грубер взмок настолько, что пот проступил даже сквозь пиджак. Даже ночью стояла невыносимая жара, и за время подъема по лестнице голубая рубашка Грубера почернела от пота. Позади него двигался высокий худощавый мужчина с рыжими волосами и бородой, слегка тронутыми сединой. На нем были клетчатая

фланелевая рубашка и синие джинсы. Смотрелись они вдвоем довольно нелепо. Хотя Пастор давно уже пришел к выводу, что политические взгляды и мысли способны объединить самых разных людей.

— Это отец? — спросил он.

Грубер кивнул.

Пастор направился прямо к мужчине в рабочей одежде и протянул ему руку.

— Ну что ж, добро пожаловать!

Ненадолго опустив взгляд на руку Пастора, мужчина ответил на приветствие. Ладонь и пальцы были у него шершавыми и сухими — рука работяги.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, сэр. Я…

Но прежде чем мужчина успел сказать хоть что-то еще, Пастор прервал его:

— Мы не используем имен на наших собраниях и встречах. Вы можете называть меня Пастором. С профессором вы уже знакомы. Мы считаем, что так безопаснее. Мы регулярно проверяем эту комнату на наличие подслушивающих устройств, и здесь нам ничего не грозит, но для полной уверенности в том, что никто случайно не проговорится по телефону или на встрече в каком-нибудь дру-

гом месте, мы никогда не используем в разговоре настоящие имена. У ФБР повсюду есть уши.

Мужчина кивнул.

— Я очень сожалею о потере вашей дочери, — продолжал Пастор. — Она была просто-таки живительной силой в нашем сообществе. Все мы очень глубоко переживаем эту утрату. Хотя, конечно, это не идет ни в какое сравнение с той болью, которую испытываете вы и ваша супруга. Пожалуйста, присаживайтесь.

Этим мужчиной был Фрэнсис Эдвардс. Отпустив руку Пастора, он с силой провел своей крупной ладонью по лицу. Пастор заметил, что глаза у Фрэнсиса покраснели и наполнились влагой, а дыхание стало затрудненным и прерывистым. Как будто он был на грани срыва и каждая секунда была битвой за то, чтобы удержать эту боль внутри.

Фрэнсис устроился на одном из расставленных по кругу стульев, Пастор и Грубер расположились напротив.

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли сюда сегодня. Профессор сказал мне, что встретил вас в «Калхуне». Насколько я знаю, в тот вечер вы довольно сильно приложились к бутылке. Могу вас понять. Алкоголь способен

умерить душевную боль, но вскоре он становится единственной опорой, костылем у вас под мышкой. И стоит ему обрести власть над вами, как уже трудно от него избавиться. Так что лучше всего выговориться, поведать кому-то другому о том, какие чувства овладевают вами.

— Очень хорошо, что я встретил профессора Гру… В смысле, профессора в тот вечер. Мы… — начал было Фрэнсис, надолго умолкнув, прежде чем продолжить. Взгляд его взметнулся к потолку. Крупный кадык заходил на шее вверх-вниз. Он прочистил горло и натужно сглотнул, пытаясь подавить эмоции, угрожающие захлестнуть его с головой. А потом вроде взял себя в руки, потирая ладони друг о друга, вновь и вновь, как будто пытаясь оттереть их от грязи.

— Мы говорили о Скайлар. Это был первый раз, когда я по-настоящему поговорил с кем-то об этом. Шериф сказал, что мне надо пообщаться с доком или мозгоправом, но я не так воспитан. Вы понимаете?

На лице у Пастора появилась улыбка, и он кивнул. Фрэнсис назвал свою дочь по имени, что вызвало у него некоторое раздражение, но он предпочел не выговаривать за это скорбящему родителю.

— Я все прекрасно понимаю. Хорошо, что вам выпала возможность поделиться своим горем. Это помогает. Однако мы способны на нечто гораздо больше, чем просто разговоры, — верно, профессор? — сказал Пастор.

Грубер кивнул и поднялся на ноги. Подойдя к одному из канцелярских шкафчиков, он выдвинул ящик и вытащил большой конверт из плотной бумаги — дюймов пяти толщиной, незапечатанный — и протянул его Фрэнсису.

— Насколько мы понимаем, после убийства вашей дочери вы так и не могли выйти на работу. Вы ведь шофер-дальнобойщик, верно? — спросил Пастор.

Фрэнсис заглянул внутрь конверта, и его рука взметнулась ко лбу, как будто он был поражен тем, что увидел внутри. И вот тут он наконец расплакался, больше не в силах сдерживаться. Казалось, будто его дергающиеся плечи выкачивают из него слезы, как насос.

— В этом конверте двадцать пять тысяч долларов. Мы собрали их среди шестерых из нас. Я знаю, что вам сейчас приходится нелегко, и мы хотим сделать все, что в наших силах. Скоро будет и больше, — сказал Пастор.

— Нет, прошу вас, этого уже и так слишком

много!

— Вздор! Послушайте, вы уже знакомы с профессором. А теперь и со мной. В этой церкви нас еще четверо. У всех из нас есть связи среди власть предержащих, а также влияние и сила. И мы заботимся о жителях этого штата. То, что случилось с вашей дочерью, было неизбежно, в некотором смысле.

Вытирая слезы, Фрэнсис вопросительно посмотрел на Пастора.

— Я знаю, какой особенной она для вас была. Для всех из нас в этом городе. Она была нашей королевой бала, еще не так давно. Я часто видел, как она сидела в закусочной Гаса, пила молочные коктейли и смеялась со своими друзьями. Уж поверьте мне: если б это была не она, то был бы кто-нибудь еще. Посмотрите-ка вон туда. Видите этот флаг? Это подлинный флаг «Белой Камелии». Он висел в одной церкви в Луизиане сто пятьдесят лет назад. Мужчины и женщины, стоявшие под этим флагом, знали, какие ужасы обрушатся на наш образ жизни, если мы не будем держать этих людей в узде. Понимаете меня? Вашу дочь убил не белый человек. Белый человек никогда такого не сделал бы. Мы должны заботиться о своих семьях.

Фрэнсис уставился на Пастора с чем-то вроде недоверчивого выражения на лице. И замешательства.

— Я не хочу, чтобы еще какие-нибудь белые родители сидели там, где сейчас сидите вы, и оплакивали своего убитого ребенка. Мы поможем вам и вашей жене, но вы должны наконец проснуться и понять, что боретесь за свое выживание, как и любой другой белый мужчина.

Фрэнсис ничего не сказал.

— А теперь идите домой. Мы поговорим завтра. Я знаю, что скоро суд, и нужно еще много чего обсудить.

В воздухе повисло молчание, прежде чем Фрэнсис поднялся на ноги, поблагодарил обоих и направился к выходу.

Грубер и Пастор дождались, пока внизу не закрылась дверь.

— Я не очень-то насчет него уверен, — сказал Грубер. — У нас осталось меньше недели до расплаты. Он к этому не готов. Позвольте мне…

— Я уже говорил тебе: он как раз то, что надо. И он будет готов. У нас еще шесть дней. Полным-полно времени, чтобы…

— Нет, слишком многое стоит на кону. Говорю вам: у нас недостаточно времени, чтобы…

— Ты обеспокоен, и я это понимаю. Тебе нужно просто довериться мне. Ты не уверен в нем или в самом себе? — спросил Пастор.

Грубер помотал головой.

Пастор продолжал:

— Мы уже говорили об этом. Другого выхода нет. Люди умрут. Много людей. Я думал, ты уже смирился с этим…

— Да, сами же знаете, что да.

— Через шесть дней он будет готов. У тебя ведь есть его электронная почта? Пришли ему несколько видео. Обычный набор: «Брайтбарт», «Фокс Ньюс», «Уан Америка» [127]… Он скоро проникнется.

— Как скажете. Завтра я загляну к нему и его жене.

— Хорошо. А теперь скажи мне: Флинн уже в городе?

— Не знаю. Я всех, кого надо, предупредил.

— И на том спасибо, — сказал Пастор.

Двое мужчин проговорили еще час, обсуждая свои приготовления. Пастор и Грубер стремились

---

[127] notes: 127

Информационно-политические СМИ, рассматриваемые американскими мейнстрим-медиа как ультраправые, хотя без всяких натяжек к этой категории можно отнести разве что ресурс, основанный консервативным комментатором Эндрю Брайтбартом, регулярно позволяющим себе ксенофобские и откровенно расистские высказывания.

к одному и тому же, но иногда у них были разные взгляды на то, как этого достичь. Грубер понимал и принимал, что жертвы необходимы. Пока не ему самому приходилось их приносить.

— Я постараюсь находиться рядом с ним каждый день во время процесса, но мне может понадобиться, чтобы иногда подключался и кто-нибудь еще, — сказал Грубер.

— У тебя какие-то планы? — спросил Пастор.

— Нет, просто я нахожу его стенания несколько утомительными. Если он и дальше будет рыдать у меня на плече, то скоро я просто начну раздражаться.

— Все остальные заняты. В данный момент ты не работаешь. И, по-моему, более чем справедливо, что львиная доля усилий приходится на тебя. В конце концов, ты ему нравишься.

Грубер ушел. Было почти два часа ночи, и Пастору захотелось подышать свежим воздухом. Когда машина Грубера скрылась вдали, Пастор без особой цели двинулся по улицам пешком. В Бакстауне в это время ночи было тихо. Если избегать баров, то можно было пройти через весь город, не встретив ни единой души.

Он наслаждался тишиной. Теплым светом уличных фонарей, падающим на влажный ас-

фальт. Температура его не беспокоила — с тех самых пор, как Пастор был мальчишкой и отец впервые посадил его в деревянный ящик за то, что он не доел свой обед. Этот ящик с таким же успехом мог быть духовкой. Сквозь щели между сосновыми досками просачивались тонкие полоски света. Света было достаточно, чтобы читать Библию, но не более того. Провести какое-то время в ящике можно было из-за чего угодно. За то, что повысил голос, что забыл почистить зубы или недостаточно усердно молился. Так что благодаря этому своему детскому опыту Пастор никогда не жаловался на жару, поскольку ничто не могло быть хуже, чем поджариваться в том ящике.

Вырос он на ферме за пределами Бакстауна. Первые несколько лет его жизни не оставили у него никаких ярких воспоминаний — лишь ощущение тепла и защищенности. Когда ему было шесть лет, мать умерла, оставив Пастора с отцом, который так и не оправился от смерти жены. Отец Пастора винил себя в ее смерти — в том, что был недостаточно набожен, что, пренебрегая своей преданностью Богу, каким-то образом навлек гнев Господень на свою семью. Он снял все картины в доме, все часы, а вместо них повесил толстые деревянные доски с вырезанными

вручную отрывками из Библии. В церковь они ходили каждое утро и дважды по воскресеньям. В промежутках между ящиком и избиениями Пастор познавал силу слова Божьего.

На углу Бак-стрит он остановился. Отсюда были видны два отеля, обслуживающие город, а еще какая-то незнакомая ему машина, припаркованная напротив входа в «Лисичку». Пройдя дальше по улице, Пастор увидел, что это гибридная «Тойота», а внутри спят двое мужчин. Шины автомобиля были проколоты, а в гостинице для этих двух приезжих не нашлось места. Пастор сразу узнал Эдди Флинна по фотографиям, которые видел в интернете. Вид у того был расхристанный, как и у любого, кому приходится спать в одежде. Пастор скрежетнул зубами. Это был человек, единственной целью которого было освободить Энди Дюбуа. А этого Пастор никак не мог допустить.

На улице больше никого не было. Ни камер наблюдения. Ни машин. Ни людей. Только легкий шелест ветра в молодой сосенке позади него. Одном из множества новых деревьев, выстроившихся вдоль улицы.

Десять лет, проведенных на отцовской ферме, со временем основательно затянули гайки у

Пастора в голове. Со временем он научился распознавать признаки, предшествующие очередному такому эпизоду. Одним из них было скрежетание зубами. Пастор втянул воздух в легкие, пытаясь умерить дыхание. Но без толку. Сердце бешено частило. Руки сжались в кулаки.

Наклонившись, он приблизил лицо к боковому стеклу с пассажирской стороны, которое запотевало при каждом его выдохе. Сейчас он напоминал огромного быка, уткнувшегося мордой в ворота на родео и готового к тому, что его вот-вот выпустят на арену.

Сунув руку под куртку, Пастор вытащил пистолет двадцать второго калибра. Направил его в голову Флинна, так что дуло почти касалось стекла.

Если сейчас он спустит курок, то ему придется убить и человека, сидящего за рулем. Для него это не составило бы большой проблемы. Все они одинаковы, эти нью-йоркские выскочки. Они никогда не понимали настоящей Америки. Они не были патриотами — такими, как Пастор. Он был способен убить за свою страну, за свое дело. Через шесть дней начнется отсчет. Расплата.

Его палец коснулся спускового крючка.

Он представил себе, что произойдет, если

нажать на него посильнее. Треск выстрела, огласивший темную, тихую улицу, моментально исказившееся изображение Флинна, когда пуля пробьет стекло, оставив лишь паутинку трещин вокруг единственного пулевого отверстия. После чего он переведет прицел, выпустит еще две пули в чернокожего мужчину на водительском сиденье, а затем исчезнет в переулке, поглощенный ночной тьмой.

По щеке у Пастора скатилась капелька пота.

Убийство Флинна привлечет дополнительное внимание. Внимание, которое ему сейчас совсем ни к чему.

Он убрал пистолет, низко наклонился к окну и, оскалив зубы, испустил беззвучный крик.

Отходя от машины, Пастор услышал под ногами негромкий хруст.

Он наступил на сухую ветку, упавшую с дерева.

Звук был знакомым. Пастор повернулся и направился обратно к своей машине, припоминая тот момент, когда в последний раз слышал этот звук.

Этот треск.

Точно такой же звук он слышал, когда душил Скайлар Эдвардс, — мелкие косточки ее шеи с

хрустом ломались у него под пальцами.

День второй
Глава 8

Эдди

Обычно я не встаю в шесть тридцать утра. Люди, которые видели меня в это время, обычно говорят, что я не в лучшей форме. Этим утром я проснулся от храпа Гарри на водительском сиденье рядом со мной. Нам не оставалось ничего другого, кроме как откинуть спинки сидений и поспать в машине. В этой прокатной тачке имелся всего один комплект для ремонта проколов, а ближайшая бригада дорожной помощи объявила, что доберется до нас в лучшем случае часов через шесть. Прошло уже восемь часов, а они так и не появились.

Солнце било прямо в меня сквозь лобовое стекло. Казалось, будто оно проникает сквозь мои сомкнутые веки напрямую в мозг. Спину ломило, в голове стучало, и мне казалось, будто я с жуткого бодуна, чего явно не заслуживал. Гарри проснулся, выбрался из машины, потянулся. Хлебнув водички из бутылки, я присоединился к нему.

— Беру свои слова обратно. Это очень удобная машина, — сказал Гарри. — А ты дерьмово выглядишь.

— Спасибо. У тебя ничего не болит?

— Я целый месяц спал в мокром окопе в кишащих крысами джунглях в двенадцати километрах от Сайгона. Это жалкое подобие автомобиля, — сказал он, похлопывая по капоту «Приуса», — просто роскошь по сравнению с этим.

Мы оба вспомнили, что видели на Мейн-стрит закусочную. Без пиджаков, в распущенных галстуках и мятых брюках мы добрались до нее пешком, пока солнце не вздумало взяться за нас всерьез. При дневном свете этот городишко выглядел еще грязнее. Большинство зданий, выстроившихся вдоль улицы, были низенькими, в один или два этажа. Некоторые витрины украшали потрепанные навесы с зияющими в них дырами. В других виднелись ярко-желтые пластиковые транспаранты с надписью «Распродажа», хотя и без каких-либо указаний на то, что там может распродаваться внутри. Свернув направо на Мейн-стрит, мы отыскали закусочную Гаса — классическую американскую закусочную в виде снятого с колес вагона-ресторана. Внутри — кабинки, обтянутые красной искусственной

кожей, столы из твердого пластика и длинная стойка с хромированными краями и высокими кожаными табуретами, привинченными к полу. Я указал на кабинку в углу. Старые привычки… Предпочитаю видеть, кто входит и кто выходит, и чтобы за спиной была только стена. Пережиток карьеры мошенника, когда выживание зависело от знания того, как и когда уместно удалиться со сцены. У судебных адвокатов примерно все то же самое: ключ к встречному допросу — это умение точно определить момент, когда надо заткнуться и опустить свою задницу обратно на стул.

Мы заняли столик, и Гарри с треском раскрыл меню. Из-за сочетания ламинированных страниц с невиданной влажностью и застывшим жиром создавалось впечатление, будто кто-то сдирает клейкую ленту с обнаженной кожи. В закусочной было немноголюдно. Двое парней в клетчатых рубашках, джинсах и бейсболках при помощи жареной курицы и вафель поднимали свой уровень холестерина до заоблачных высот, пожилой мужчина за стойкой читал газету, а здоровенный парень в костюме потягивал кофе в углу. В первую очередь бросались в глаза его внушительные габариты, а также то, что его костюм был слишком уж тесным.

Снаружи остановилась машина. Судя по всему, когда-то она была красной, но теперь почти полностью покрылась ржавчиной. В капоте зияла пара сквозных дыр, но их почти не было видно из-за черного облака дыма, поднимавшегося над машиной из выхлопной трубы. Из-за руля вылезла женщина в униформе официантки, которая пулей метнулась в закусочную. Забежала за стойку, надела фартук, взяла блокнот для заказов и ручку. За грилем трудился какой-то крупный малый — оглядев ресторан, он направил ее к нашему столику. Судя по выражению ее лица, проделано это было не слишком-то вежливо. У нее были темные волосы, грустные голубые глаза, и от нее пахло перегретым моторным маслом. Несмотря на все это, официантка изобразила улыбку.

— Привет, я Сэнди, сегодня я вас обслуживаю. Что вам принести, джентльмены?

Мы оба заказали блинчики и кофе.

Я проследил, как здоровяк в костюме встает, не без труда застегивает пиджак и направляется к стойке. Там он подозвал к себе работающего за грилем повара, который вытер руки о свой белый хлопковый фартук и перегнулся через стойку. Мужчина что-то прошептал ему, после чего оба

повернулись и посмотрели прямо на нас. Я дружески помахал им в качестве приветствия.

— Спасибо, мистер Вингфилд, — произнес повар, и детина в костюме ушел.

Потом этот повар подошел к нам. У него были толстые руки, полное отсутствие шеи и лысая голова, переполненная недобрым отношением к нам. На груди его белой рубашки было написано «Гас». Я решил, что это владелец, хотя, опять-таки, мы сейчас находились в Алабаме. Абсолютно всех в этой закусочной можно было бы назвать Гас, включая остальных официанток. Гас вытер свои лапы о фартук.

— Так вы, ребятки, адвокаты Энди Дюбуа? — поинтересовался он.

Гарри посмотрел на меня.

— А что, если и так? — отозвался я.

— Тогда проваливайте к чертям собачьим из моего ресторана! Мы не кормим людей, которые помогают таким подонкам, как он! Он убил ту девушку, и его за это поджарят.

Уже не обращаясь к нам, Гас отошел в сторону и принялся орать:

— Сэнди! Мы не обслуживаем этих людей. Они уходят.

Сэнди вышла из-за стойки с кофейником. Вид у

нее был явно сконфуженный.

— Но они ведь вроде ничего такого не сделали?

— Это адвокаты Энди Дюбуа.

— И что? — спросила она.

— А то, что ты уволена! Никогда не лезь в мои дела с вопросами. И это уже третий раз, когда ты опаздываешь на этой неделе. Собирай свое барахло и проваливай отсюда!

Сэнди поставила кофе на стойку, сняла фартук и вышла за дверь, пока румянец у нее на щеках не успел превратиться в слезы. Мы с Гарри последовали за ней по пятам.

Снаружи солнце припекало уже заметно сильнее, и я почувствовал, как у меня сразу же вспотела шея.

— Чертов кусок дерьма, — выругалась Сэнди и пнула заднюю панель своей машины, оставив вмятину. В воздух, словно конфетти, взметнулись ошметки ржавчины.

— Гарри, эвакуатор ни за что не попрется в такую даль, — сказал я.

Подойдя к насквозь проржавевшей машине, я увидел у нее на задке эмблему «Фольксвагена». Кузов, может, был тут и убитый, но фольксвагеновский движок будет работать до конца света.

— Эй, Сэнди! Прости, что так вышло, — сказал я.

Прикрывая глаза от солнца, она отозвалась:

— Да ладно, вы тут совсем ни при чем. Гас уже несколько недель ищет предлог, чтобы избавиться от меня. Может, это и к лучшему.

— Послушай, нам нужна машина. А тебе нужны деньги. Сколько ты хочешь за этот, гм… автомобиль?

— Тысячу долларов, — сказала она быстрей, чем я ожидал.

— Утилизация обойдется в двести пятьдесят. Что скажешь насчет четырех сотен?

— Пять, и он ваш, — сказала она, покачивая ключами.

Все мои заблуждения касательно того, что жители сельского Юга сплошь тормозные тугодумы, развеялись как дым. У меня было чувство, что если я не заключу сделку прямо сейчас, то в конце концов лишусь последней рубашки.

Я отсчитал пять стодолларовых купюр, положил их на ладонь Сэнди и взял ключи.

— А что это за модель «Фольксвагена»? — крикнул я ей вслед.

Сэнди была уже в десяти футах от меня, но все-таки обернулась, улыбнулась и сказала:

— Это не «Фольксваген». Тут просто эмблема от «Фольксвагена». Я точно не знаю, что это за машина. Хотя удачи вам.

Гарри схватил ключи, забрался в машину и завел ее. Завелась как миленькая. Правда, из-под капота донесся громкий хлопок, за которым последовало облачко дыма, но мотор все-таки работал.

— Мне нужно отдохнуть от этого городка. Съезжу разживусь каким-нибудь съестным и двумя шинами для мула. А ты что собираешься делать? — спросил он.

Я посмотрел дальше по улице в сторону офиса шерифа и ответил:

— А я попробую пообщаться с нашим клиентом.

Глава 9

Эдди

Берлин сказал мне, что Энди содержится в окружной тюрьме. А это не норма даже для Алабамы. Как только задержанному предъявлено обвинение, а судья отказал ему в освобождении под залог, то его, как и всех остальных, отправля-

ют в ожидании суда в тюрьму штата.

В отличие от Энди.

Окружная тюрьма располагалась непосредственно в пределах штаб-квартиры шерифа и представляла собой в лучшем случае обычный «обезьянник». Никакого прогулочного дворика. Солнечного света совсем мало или почти нет. Кругом алкаши, наркоманы и копы, пытающиеся всеми силами добиться казни Энди.

Хуже для него и быть не могло. Я все пытался понять, почему Энди было отказано в надлежащей процедуре ведения дела и почему его бывшему адвокату, Коди Уоррену, не удалось хотя бы перевести его оттуда. А потом вспомнил, какой теплый прием был оказан нам с Гарри, и уже почти ничему не удивлялся. Берлин настоятельно советовал мне быть поосторожней.

Направляясь к зданию управления шерифа, я достал телефон, набрал в строке поиска название города и нажал на «Ввод». Первая же дюжина новостных статей выставляла Бакстаун в не слишком-то выгодном свете. Все они были про бомбу, которая почему-то не сработала в евангелическом молельном зале на окраине города около года назад. Посещали эту церковь в основном афроамериканцы, хотя, как и во всех других

хороших церквях, здесь были рады всем, независимо от цвета их кожи. Одним воскресным утром преподобный обнаружил взрывное устройство под стопкой Библий и журналов в задней части церкви.

Кто-то наверху явно присматривал за этой церковью, но прочитанное оставило у меня неприятный привкус во рту. До сих пор все жители Бакстауна, которых я видел на улице, были белыми, так что возлагать больших надежд на беспристрастное жюри присяжных особо не приходилось. Остальные публикации были посвящены осуждениям различных лиц и вынесенным им смертным приговорам. Убрав телефон в карман, я вытер пот со лба.

По дороге я миновал небольшую юридическую контору с именем Коди Уоррена на вывеске. За письменным столом у окна сидела дама средних лет. Я решил, что нанесу ей визит на обратном пути. Сначала мне требовалось поговорить с Энди Дюбуа.

К общественному входу в офис шерифа вело небольшое крылечко. Внутри ожидала благословенная передышка от жарящего солнца, но было лишь ненамного прохладней. На стойке дежурного крутились два больших настольных

вентилятора, но ни один из них не был направлен на общественное пространство. За высокой стойкой стоял долговязый помощник шерифа с пышными рыжими усами, и вентиляторы дули ему прямо в физиономию. Согласно бейджику у него груди, фамилия его была Леонард. И хотя был он худощав, руки и грудь у него бугрились мускулами во всех нужных местах. Усы несколько смягчали недобрый изгиб его рта.

— Чем могу быть полезен, сэр? — вежливо поинтересовался он, улыбаясь одними усами.

— Меня зовут Эдди Флинн. Я адвокат — пришел сюда, чтобы повидаться с Энди Дюбуа.

Помощнику шерифа Леонарду, похоже, не понравилось такое развитие событий. Не говоря ни слова, он направился в помещение позади своего рабочего места, подозрительно поглядывая на меня, как будто я собирался украсть колокольчик со стойки.

Минуту спустя он вернулся и сказал:

— У Энди Дюбуа не запланировано никаких визитов. И вообще, сейчас еще не время для посещений.

Моя рубашка уже прилипла к телу от пота. Я еще не выпил кофе, не позавтракал, почти не спал, и мне было интересно, как будут выглядеть

его усы после того, как я сломаю ему нос.

— Послушайте, адвокат Энди пропал без вести. Я здесь, чтобы представлять его интересы. Мне просто нужно сначала с ним встретиться. Не заставляйте меня идти к судье за судебным ордером. Просто впустите меня.

— Насколько я понимаю, его адвокат — Коди Уоррен. Вы не можете получить судебный ордер на встречу с человеком, который не является вашим клиентом.

За спиной у Леонарда возник какой-то грузный мужчина. Фунтов на пятьдесят потяжелей, чем следовало бы, с красным лицом, явно недовольный происходящим. На темно-синей рубашке у него был значок, и я предположил, что это и есть местный шериф. Более пристальный взгляд на бейджик с именем подтвердил это. Да, это был шериф Колт Ломакс — человек, который засвидетельствовал подпись Энди под признанием, а вероятно, сам его и написал.

Пару секунд я молча разглядывал обоих. Улыбки на их физиономиях. Скрещенные на груди руки. А потом повернул голову и посмотрел налево. Две болтающиеся туда-сюда на пружинах дверцы, высотой мне разве что до бедра, были единственным, что отделяло меня от помещения

за ними. В этом офисе открытой планировки толпилось еще с полдюжины помощников шерифа. Слева, в углу, располагался личный кабинет шерифа, а в центре задней стены я заметил открытую стальную дверь, за которой виднелся темный коридор — судя по всему, вход в тюремный блок. Я подступил к распашным дверцам чуть ближе, чтобы получше разглядеть камеры изолятора.

— И куда это вы намылились? — поинтересовался Леонард.

Я проигнорировал его, приглядываясь. В этом блоке было около полудюжины камер, двери некоторых были открыты. Изолятор временного содержания был тут относительно небольшим. Большинство его обитателей наверняка проводили тут максимум два-три часа, прежде чем предстать перед судом.

— Еще один шаг, сэр, и вы будете арестованы, — предупредил Леонард.

Я шагнул назад, повернулся и вышел из здания, не сказав ни слова.

Полсотни футов от управления шерифа до конторы Коди Уоррена обошлись мне в обожженные шею и руки. Мне срочно требовался крем от загара и душ. Но вместо этого я открыл дверь с

именем Уоррена на табличке. Кондиционированный воздух внутри был, пожалуй, лучшим, что случилось со мной в то утро.

Дама средних лет поднялась из-за своего стола и подошла ко мне.

— Сожалею, но в данный момент мы не можем взять новых клиентов, — объявила она.

— Я не клиент. Меня зовут Эдди Флинн. Меня прислал Александр Берлин.

Лицо ее с вежливо приподнятыми уголками губ и приветливо распахнутыми глазами моментально исказилось тревогой.

— Он нашел его?

— Насколько я знаю, нет. Он послал меня сюда, чтобы я взял на себя защиту Энди Дюбуа. Мне нужно поговорить с кем-нибудь об этом деле, и я хочу попытаться выяснить, что случилось с мистером Уорреном.

Без всякого предупреждения дама заключила меня в медвежьи объятия, так плотно сомкнув руки, будто могла вот-вот сорваться с высокого обрыва. В тот момент я был рад, что не успел позавтракать: все съеденное могли выдавить из меня обратно, как пасту из тюбика, а заодно и весь воздух из легких.

— О, огромное вам спасибо! — с чувством про-

изнесла она, наконец отпуская меня.

Я лишь сделал глубокий вдох, чтобы опять наполнить легкие.

— Я Бетти Магуайр, офис-менеджер Коди. И секретарь. Вообще-то здесь только я и Коди, но он любит называть меня менеджером… Господи, до чего же я рада, что здесь появился хоть кто-то еще, с кем я могу поговорить! Шериф… Ну, по-моему, он втайне рад, что Коди пропал. Они никогда не сходились во взглядах, а в последние годы все стало только хуже… Но я что-то заболталась — пожалуйста, присаживайтесь, не хотите ли чего-нибудь? Чаю? Лимонада?

— Было бы здорово выпить немного водички и кофе, — ответил я.

Она указала мне на стул и скрылась в задней комнате — ее платье в цветочек и тугие кудряшки химической завивки так и подпрыгивали при каждом шаге.

Я оглядел контору. Два письменных стола… Ряд канцелярских шкафов вдоль противоположной стены… Сертификаты и лицензии на осуществление адвокатских услуг в рамках, фотографии Коди и Бетти, стоящих с клиентами и гордо демонстрирующих то, что, по моим предположениям, было чеками на отсуженные крупные суммы. Коди был

далеко не крупным мужчиной, намного мельче Бетти. Поскольку Бетти была в том же платье, я предположил, что фото недавние. У Коди были седые волосы, большие проницательные глаза и приятная улыбка. Некоторые говорят, что все, что нужно адвокату из маленького городка, — это обаятельная улыбка, чтобы сиять ею с рекламного щита на шоссе, и легко запоминающийся номер телефона.

Бетти вернулась со стаканом воды и стаканом чая на подносе.

— Простите, кофе тут пьет только Коди, а весь запас у нас вышел неделю назад…

— Всё в порядке, спасибо.

Я залпом осушил стакан воды, сделал глоток холодного чая, но он оказался для меня слишком сладким.

— Когда вы в последний раз видели мистера Уоррена?

— Почти неделю назад. Это совсем не похоже на Коди — уйти и ничего мне не сказать… У него нет семьи, он никогда не был женат. Он всецело поглощен работой. И искусством. Он коллекционирует картины. Это его жизнь. Я подумала, что он мог поехать навестить кого-нибудь или просто потерял свой сотовый. Коди пропал уже больше

недели назад. Последней весточкой, которую я от него получила, было текстовое сообщение. Он спрашивал, не значат ли для меня что-нибудь буквы «F» и «C».

— К чему бы это?

— Я не знаю — и нет, на тот момент это ничего для меня не значило. И до сих пор не значит.

— Коди живет где-то в этом городе?

— Конечно, и я уже побывала у него дома. Когда я подъехала туда, его машины на подъездной дорожке не было. В доме тоже никого. Я набрала его по мобильному — нет ответа. Так что заволновалась и позвонила в полицию.

— Они смогли отследить его мобильный телефон?

Бетти ненадолго примолкла, нахмурившись, а потом ответила:

— Миленький вы мой, в управлении шерифа и пальцем ради него не пошевелят! На словах-то на всё горазды, да ни хрена не делают, простите за мой французский…

Нижняя губа у нее задрожала, она сделала глубокий вдох и осторожно вытерла глаза пальцами с длинными ногтями, выкрашенными в ярко-желтый цвет. В центре каждого ногтя виднелись камешки разного цвета, а вокруг них — узорчик

из камешков поменьше.

— Как вы думаете, исчезновение Коди как-то связано с делом Дюбуа?

— Точно не могу сказать. У Коди не было врагов. Единственными людьми, которые его недолюбливали, были представители закона и окружной прокурор, конечно же. Козел драный, простите за мой…

— Не переживайте, — сказал я и сделал еще глоток приторно-сладкого чая, едва не почувствовав, как от него у меня на зубах трескается эмаль. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти Коди. Но мне нужно срочно разобраться с делом Дюбуа. У Коди были какие-нибудь теории, какие-нибудь заготовки, с которыми я мог бы ознакомиться?

— Материалы по нашему делу были у него в багажнике. Он всегда забирал их домой, чтобы поработать над ними вечером. Единственное, что у меня тут могло остаться, — это заключение нашего эксперта.

— Коди привлек эксперта?

— Только одного, независимого судмедэксперта.

— Довольно необычно.

— Только не для Коди. Доктор Фарнсворт раньше работал в бюро судмедэкспертизы в соседнем

округе, сейчас на пенсии. Коди всегда проводил собственную аутопсию жертвы в каждом случае убийства. Фарнсворт — честный человек, чего я не могу сказать о нашем окружном судмедэксперте.

— Почему?

— Потому что эта дама регулярно что-нибудь упускает из виду. В основном то, что может быть полезно для защиты. Мне пока не удалось связаться с доком Фарнсвортом. Я знаю, что Коди пытался с ним поговорить. Я не знаю, удалось ли ему это перед тем, как он пропал. Я получила копию результатов вскрытия по электронной почте. И могу хоть прямо сейчас ее распечатать.

— Вообще-то, Бетти, мне еще нужно кое-где побывать, и я не хочу прямо сейчас брать с собой какие-то важные бумаги. Спасибо за чай. Ничего, если потом их заберет мой коллега, Гарри Форд? — спросил я, поднимаясь на ноги.

— Конечно, миленький вы мой, — сказала она. — А куда это вы вдруг засобирались?

— Под арест, — ответил я.

* * *

На улице было такое ощущение, будто дьявол подбросил в огонь еще пару-тройку тысяч душ. Я

держался поближе к зданиям, стараясь оставаться в тени, пока шел обратно к офису шерифа. В десяти футах от входа остановился и позвонил Гарри.

— Я раздобыл несколько сэндвичей с яичницей и кофейку. Сейчас как раз забираю шины, — сообщил он.

— В случае чего за меня не волнуйся. Мне нужно встретиться с Энди, а они меня не пускают. Придется пойти трудным путем. Мне от тебя нужны две вещи. Когда вернешься в город, первым делом забери отчет из конторы Коди Уоррена. Я только что поговорил с его офис-менеджером, Бетти. Она готова посодействовать. И скажи мне вот что: буквы «F» и «C» имеют для тебя какое-нибудь значение?

— Нет, сходу не припомню. А это в связи с чем?

— Перед тем, как пропасть, Коди Уоррен скинул Бетти текстовое сообщение — спросил, значат ли для нее что-нибудь буквы «F» и «C». Она ответила, что они ей ни о чем не говорят. Хотя пока что этим не заморачивайся: второе, что мне от тебя нужно — и это очень важно, — что бы ни происходило, ни в коем случае не вноси за меня залог немедленно. Дай мне несколько часов.

— Залог? Эдди, я знаю, ты еще не пил кофе, но

что, черт возьми, ты несешь?

Я завершил разговор, распахнул двери управления шерифа, прошел прямо через приемную — мимо Леонарда, который орал мне, чтоб я немедленно остановился, — и толкнул низенькие распашные двери.

Должно быть, эти двери были снабжены каким-то звуковым сигналом, чтобы копы знали, что кто-то вошел. В кабинете было трое помощников шерифа, все сидели за своими письменными столами, и у всех на лицах застыло дурацкое выражение, когда я стал пробираться сквозь нагромождение столов к камерам предварительного заключения.

— Я сказал: стой, черт возьми! — еще раз выкрикнул Леонард, после чего, забежав передо мной, уперся обеими руками мне в плечи. Он собирался вытолкать меня обратно за дверь, вышвырнуть мою задницу на улицу.

Я не испытывал к Леонарду какой-то особой неприязни. В этом не было ничего личного. Он просто стоял между мной и клиентом. А так поступать нельзя.

Моя правая рука сжалась в кулак, и я выбросил ее вперед. Коротким тычком. Низко. Очень низко. Никто не должен был этого заметить. Особенно

сам Леонард. Теперь его нос был всего в четырех дюймах от моего лица. Мой кулак пролетел шесть дюймов. Вот один из секретов того, как вложить силу в подобный удар. Нужно мысленно целиться на два дюйма дальше цели.

Когда как следует получаешь по яйцам, вся фишка в задержке. Ты, конечно, ощущаешь удар, чувствуешь соприкосновение чего-то с этим болезненным местом, и на какой-то миг тебе кажется, будто все не так уж и плохо. Боли нет. Кажется, будто удар прошел вскользь. Ты обманул смерть. А потом волна горячей боли пронзает все твое тело, дыхание перехватывает, и ты кучей валишься на пол. Прямо как сейчас Леонард.

Я перешагнул через него.

И тут же почувствовал острую боль в бедре. Потом прямо передо мной промелькнула полицейская дубинка, и я рухнул на пол, уткнувшись носом в ковер.

В голове у меня звенело.

Глава 10

Эдди

Я увидел вокруг себя тяжелые казенные ботин-

ки, ощутил, как сильные руки обхватывают мои вывернутые назад запястья. Чье-то колено уткнулось мне в спину, а затем я почувствовал, как шериф наваливается на меня всем весом, пока они обыскивали меня, забрав мой мобильный телефон и бумажник. Потом рывком поставили меня на ноги, и я словно сквозь вату услышал, как они зачитывают мне мои права. По щеке у меня стекало что-то мокрое. Кровь, как я ожидал, — от дубинки. Их было двое. Шериф Ломакс и какой-то приземистый волосатый детина без шеи, который выглядел так, словно состоял в основном из жира и мускулов.

Сорвали у меня и цепочки с шеи — медальон со Святым Христофором и распятие, некогда принадлежавшее человеку, которого я потерял. Кое-кому особенному. Они выдернули у меня из брюк ремень, стащили ботинки и усадили на стул. Ломакс тоже выдвинул стул и уселся напротив меня. Они с Жиртрестом тяжело дышали. Леонард все еще катался по полу, держась обеими руками за пах.

— Это было чертовски глупо, Флинн, — сказал Ломакс.

— Я ничего такого не делал. Я пытался добраться до своего клиента, когда ваш помощник

врезался прямо в меня. Надеюсь, с ним всё в порядке, — отозвался я. — Потому что я собираюсь подать в суд на него и на вас за нападение и незаконный арест.

Ломакс издал хриплый смешок, похожий на визг мокрых котят из мешка.

— Вот что сейчас произойдет… Вы сейчас малость остынете в камере, а затем мы предъявим вам обвинение и вечерком доставим вас в суд. Если от вас последуют еще какие-то неприятности… — Он взмахнул дубинкой.

— Вы угрожаете мне, шериф?

— Вы чертовски правы! Не знаю, заметили ли вы это, но вы сейчас довольно далеко от Нью-Йорка. У нас здесь все по-другому. Вам лучше как следует подумать о том, что вы собираетесь сказать судье. А теперь давайте отведем вас в камеру, где тихо и уютно. Вы ведь именно туда хотели попасть, насколько я понимаю?

Жиртрест обошел меня сзади и, подхватив под мышки, помог подняться. Я решил побыть паинькой. Он провел меня через стальную дверь в узкий коридор, который с одной стороны ограничивала сплошная кирпичная стена, а с другой — решетки камер, до самого конца коридора. На кирпичной стене напротив каждой камеры

теплилась единственная подвесная лампа. Я присмотрелся. Всего камер было пять, судя по количеству ламп. В первой уже имелся какой-то гость. Единственный обитатель. Мужчина с длинными и сальными серебристыми волосами, спящий на койке. Обуви на нем не было. Из-под порядком обтрепанных обшлагов брюк выглядывали грязные, заскорузлые и покрытые какими-то болячками пятки.

Насколько я понял, две следующие камеры были свободны — их железные двери стояли приоткрытыми. Дверь последней камеры была плотно закрыта. Камеры Энди Дюбуа.

Ломакс встал передо мной. На широком кожаном ремне, поддерживаемом сбегающей с плеча перетяжкой на манер военной портупеи, у него висели кобура с «Глоком», два запасных магазина и два комплекта ключей. Отстегнув один из них, он широко распахнул дверь камеры и отступил назад. Жиртрест стоял у меня за спиной, положив мне руку на плечо. На ходу он тоже позвякивал ключами, пока мы шли сюда. Пояс у него был намного шире, чем у шерифа, и колыхался и побрякивал при каждом шаге и каждом движении его живота. Жиртрест указал мне на открытую дверь камеры. Стоя на пороге, я

всего на какую-то секунду отпрянул назад. Типа как инстинктивно — ни один человек по доброй волне не позволит оставить себя взаперти. На самом же деле толкнул я Жиртреста совершенно намеренно и преследуя совершенно конкретную цель. Его реакция была полностью предсказуема. Он сильно пихнул меня в спину, и я понял, что падаю, прямо лицом вниз — руки у меня все еще были скованы наручниками сзади. Изогнувшись вправо, я нацелился на койку. Неуклюже, но довольно мягко приземлился на тонкий матрас, накрытый простыней и коричневым одеялом. Вставая, подхватил одеяло, скомкал его и уронил обратно на кровать.

Ломакс захлопнул дверь и запер ее.

— Подойди к решетке и повернись, — приказал он.

Там была открытая щель чуть ниже пояса. Я подошел, повернулся и просунул в нее руки. Ломакс расстегнул наручники. Я потер запястья. Они были красными, и я немного содрал кожу, но могло быть и хуже.

Жиртрест сразу ушел, а Ломакс все топтался перед решеткой. А затем, вместо того чтобы направиться к выходу, прошел в конец коридора и негромко заговорил. Не шепотом, но и не как при

обычном разговоре. Впрочем, стены усиливали звук, и я слышал каждое слово.

— Энди, даже не вздумай ни с кем тут разговаривать! Мы только что поместили одного психа в камеру дальше по коридору. Не слушай его. Слышишь меня, парень?

— Да, сэр, — отозвался Энди.

Ломакс прошел мимо моей камеры, даже не взглянув на меня, и направился к выходу. Я услышал, как скрипнула стальная дверь, и клин света, падавший из приемной на бетонный пол, стал шире. Должно быть, он посильней приоткрыл стальную дверь в тюремный блок, чтобы слышать, если я вдруг заговорю с Энди.

Было около половины десятого — мой первый день в Бакстауне.

От матраса воняло. Оторвав кусок простыни, я перевязал им рассечение на голове. К счастью, рана располагалась выше уровня волос. А затем опустился на пол, прислонился спиной к стене и стал ждать.

Прошло где-то около часа. Из-за двери коридора до меня доносился обычный офисный гомон, и я предположил, что всё там успокоилось и вернулось в нормальное русло. Обитатель соседней камеры, как видно, пробудился и начал издавать

какие-то звуки. Я слышал, как скрипят пружины его матраса, когда он заворочался с боку на бок.

Я продвинулся вдоль решетки как можно ближе к его камере и прошептал:

— Эй, братан, хочешь заработать сотню баков?

Звали его Шеймус Коэн. Ирландец во втором поколении, родом из Бостона. Это был Алкаш, все проблемы которого имели непосредственное отношение к музыке. Ему приходилось играть на гитаре на улице, чтобы заработать денег на бухло. Но чем больше при этом употреблялось, тем меньше он был расположен услаждать слух прохожих своим пением. Заработать сто баксов Шеймус и в самом деле хотел.

Не уверен, что музыкальная стезя была правильным выбором для карьеры Шеймуса. Голос у него звучал так, будто он звал на помощь со дна глубокой шахты. Но, похоже, Шеймуса это ничуть не беспокоило. К тому времени, когда он совершенно убийственным образом обошелся с «Лугами Атенрии», монструозный корабль о двадцати семи мачтах из «Ирландского скитальца», предварительно девять раз подряд перевернувшись, благополучно пошел ко дну, а к Пэдди Райли уже несколько раз обратились с настоятельным

призывом вернуться в Беллиджеймсдафф[128], музыкальное терпение шерифского управления округа Санвилл окончательно истощилось.

— Заткнитесь там к чертовой матери! — послышался чей-то голос — за миг до того, как стальная дверь камеры с грохотом захлопнулась.

— Продолжай в том же духе, Шеймус. И давай на сей раз погромче, — шепнул я.

Пока Шеймус заканчивал «Грязный старый город», я подошел к койке и развернул одеяло, в котором спрятал ключи Жиртреста. Я сдернул их у него с пояса как раз в тот момент, когда он собирался втолкнуть меня в камеру. «Щипок на толчок», как этот фокус называется в определенной среде. Мое столкновение с ним замаскировало мои действия. К счастью, я успел повернуться и укрыть ключи одеялом, прежде чем оба увидели, что произошло. Повертев связку в руках, я нашел ключ, который вроде должен был подойти к замку на двери камеры. Просунуть руку сквозь прутья решетки и выгнуть ее, чтобы попасть ключом в скважину, оказалось непросто,

---

[128] notes: 128

Трогательные баллады на тему дома родного с несколько блатным уклоном, примерно как в нашей «По диким степям Забайкалья». Громоздкое, труднопроизносимое (особенно после вискаря), но чисто ирландское название населенного пункта в песне «Вернись, Падди Райли, ты в Беллиджеймсдафф» порой вызывает смех у самих ирландцев.

и вскоре запястье у меня уже горело от напряжения. Наконец замок щелкнул. Я медленно и бесшумно открыл свою дверь, прошел по коридору и вставил ключ в замок камеры Энди.

Он лежал на койке — молодой человек в грязной белой футболке, джинсах и пластиковых тапочках. В его камере ничего не было. Ни книг. Ни телевизора. Ни газет. Ни запасной одежды. Как будто Энди угодил за решетку всего десять минут назад. Он посмотрел на меня снизу вверх, и глаза у него расширились от страха. Когда я повернул ключ в замке, Энди попытался сесть на койке. А потом натянул одеяло до подбородка и начал сильно дрожать все телом.

Я вошел в его камеру, повернулся и вставил ключ в замок снаружи, через решетку.

Когда я обернулся, Энди был уже в дальнем углу камеры. На полу под ним расплывалась лужица, к которой от кровати тянулся мокрый след. Энди не сумел справиться со страхом. Он сидел в углу, положив левую руку на правое плечо, ритмично похлопывая по нему и мерно покачиваясь взад и вперед.

— Энди, меня зовут Эдди Флинн. Я адвокат из Нью-Йорка. Твой адвокат, Коди Уоррен, пропал без вести. Я здесь, чтобы заменить Коди, пока

он не вернется. Не бойся, я здесь, чтобы помочь тебе.

Я отступил от Энди, давая ему пространство, встал в противоположном углу и сполз по стене на корточки. Потом сел, вытянул ноги и ощупал голову, из которой опять потекла кровь.

Ноги у Энди все еще дрожали, и он продолжал раскачиваться в том же ритме, похлопывая себя по правому плечу в такт чему-то, чего я не мог расслышать.

— Я ничего плохого тебе не сделаю. У тебя не будет неприятностей из-за того, что ты поговоришь со мной, — сказал я.

— Еще как будет, — отозвался Энди.

— Что будет?

— У меня обязательно будут неприятности из-за того, что я поговорю с вами. Шериф, он-он-он сказал мне… Он сказал не делать этого. Я не хочу неприятностей.

Набрав воздуху в легкие, я медленно выдохнул. И продолжал делать это до тех пор, пока Энди сам не начал повторять за мной это дыхательное упражнение. Даже сквозь одеяло, в которое он закутался, было видно, насколько он худой. Его правая нога лежала на полу, джинсы задрались. Я мог бы запросто обхватить его икроножную

мышцу пальцами одной руки. Глаза у Энди были большими, мягкими и полными страха. Губы пересохли, их покрывала тонкая белая пленка, а верхняя губа треснула. В новостях я видел заложников, только что вызволенных из всяких горячих точек, и зачастую выглядели они получше, чем сейчас Энди. Через несколько минут он успокоился настолько, что смог отдышаться. По-прежнему похлопывал себя по плечу, но раскачиваться прекратил.

— Мне пришлось позволить себя арестовать, чтобы попасть сюда и поговорить с тобой. Иначе шериф не впустил бы меня.

Энди ничего не сказал. Он все еще был напуган.

— Я не думаю, что это ты убил Скайлар Эдвардс. Шериф утверждает, что это твоих рук дело, но я в это не верю.

— Я этого не делал. В тот вечер я попрощался с ней и пошел домой пешком. Я никогда… — начал было он, но тут же спохватился и зажал рот рукой. Ужас вернулся к нему.

— Энди, шериф хочет, чтобы на суде тебя признали виновным в убийстве, а затем казнили. Шериф тебе не друг.

— Он сказал, что это не так, — сказал Энди,

убрав руку ровно настолько, чтобы произнести фразу, а затем прихлопнул ее обратно.

Я не хотел продолжать. Я не мог рисковать тем, чтобы прервать любого рода контакт с этим парнем. Он был умен. Высоченный средний балл в школе, мастерски играл в шахматы, прочел чуть ли не все, что имелось в школьной библиотеке… Юный интеллектуал на пути к колледжу. Хотя вообще-то интеллект не играет особой роли, когда тебя сажают за убийство, которого ты не совершал. И неважно, будь ты даже таким же башковитым, как Альберт Эйнштейн, — страх способен напрочь лишить тебя интеллекта.

Слова явно не шли у него с языка. Я склонил голову набок, свел брови вместе и спросил:

— И что же сказал шериф?

Энди заглотил наживку.

— Он сказал, что я просто сяду в тюрьму на какое-то время. Мне больше не причинят вреда, а он позаботится о моей матери.

— Он тебе что-нибудь сделал? — прямо спросил я.

Энди откинул одеяло, приподнял футболку. Мне было видно только его левый бок, но на ребрах и в районе почек было несколько выделяющихся линий. Я насчитал по меньшей мере три. Совер-

шенно прямых, с четко очерченными краями, параллельных друг другу. Синяки эти выглядели довольно свежими. Им было не более двух дней.

Следы от ударов дубинкой.

— Избивал меня до потери сознания. Дважды. Я не хочу, чтобы кто-нибудь причинил боль моей матери. Я просто буду делать то, что мне говорят. Коди Уоррен все не так понял. Лучшее, что я могу сделать, — это признать себя виновным.

Глава 11

Эдди

Я не хотел заходить с Энди слишком далеко. Только не при нашей первой встрече. Только не тогда, когда и сам я был под арестом и тайком прокрался в его камеру. Завтра должен был состояться отбор присяжных. Энди согласился позволить мне выступать в качестве его адвоката, пока не вернется Коди Уоррен. На данный момент этого было достаточно. Я не мог начать обсуждать детали дела — по крайней мере пока что. Энди был слишком напуган. Сначала мне требовалось вытащить его отсюда.

Я вышел из его камеры, запер его там, вернул-

ся в свою и тоже запер дверь. Потом попросил Шеймуса угомониться, но его было уже не остановить. После двух исполнений «Восходящей луны» и «Кто-то сказал, что дьявол уж мертв» я и сам принялся барабанить по решетке камеры.

Вошел Ломакс. В сопровождении Жиртреста. Здоровяк потянулся за ключами, чтобы отпереть дверь, но не смог найти их у себя на поясе. Ломакс вздохнул, отстегнул свои ключи и открыл мою камеру.

— Наручники нам теперь не нужны, насколько я понимаю? — поинтересовался он.

— Хотел бы извиниться за любые недоразумения, — сказал я.

— Можете судье это сказать, — ответил Ломакс.

Я последовал за ними из коридора обратно в офис, небрежно положив ключи от камер на стол, когда проходил мимо, быстрым и незаметным движением выдернув их из заднего кармана, пока якобы почесывал спину.

Вместо того чтобы выйти на улицу, Ломакс провел меня к боковой двери и небольшому кабинетику для обработки задержанных. Я сдал отпечатки пальцев, подставил физиономию под фотоаппарат, и они отвели меня прямо через

боковую дверь к ожидавшей там машине.

— На данном этапе нам нужно надеть на вас наручники, — объявил Ломакс.

На меня надели браслеты, посадили на заднее сиденье патрульной машины и целых десять минут везли к высокому, величественному зданию окружного суда Санвилла, расположенному на окраине города. Это явно старое здание было выкрашено в белый цвет и немного напоминало старую церковь, особенно из-за башни с часами, увенчанной шпилем. Как и во многих старых судебных зданиях, в нем не было боковой двери для приема подсудимых. Меня провели прямо через парадный вход, а потом по боковому коридору к камерам временного содержания. Зал для судебных заседаний имелся здесь только один, хотя уголовное право было в приоритете — тем, кто с семейными и гражданскими делами, приходилось подстраиваться.

В камере я пробыл недолго.

Вскоре помощник шерифа провел меня в суд через боковую дверь. Зал суда был прямо как из

«Убить пересмешника»[129]. В смысле, из фильма с Грегори Пеком, а не из книги. Над головой у меня жужжали два больших потолочных вентилятора. Огромный зал опоясывал балкон в форме подковы, с витражным окном посередине, хотя оно и не давало много света. Свет исходил от вычурной люстры, висевшей между вентиляторами. Галерея для публики представляла собой церковного вида скамьи из орехового дерева, примерно по полдюжины с каждой стороны, отделенные от процессуальной зоны зала суда деревянной перегородкой с распашной калиточкой по центру. Панели были украшены ручной резьбой, но вместо выдержек из конституции, юридических принципов или хотя бы каких-то символов, имеющих отношение к правосудию, изображала она всякие сцены из Ветхого Завета.

Параллельно галерее стояли два длинных стола — один для стороны защиты, другой для обвинения. В глубине, обращенная к ним, располагалась судейская трибуна, с огороженной барьером

[129] notes: 129

«Убить пересмешника» (1960) — роман американской писательницы Харпер Ли, главный герой которого, адвокат Аттикус Финч, представляет в суде чернокожего парнишку, ложно обвиненного в изнасиловании белой женщины. Действие романа происходит в Арканзасе, в вымышленном городке Мейкомб. Многим это произведение больше известно по одноименной экранизации 1962 г. — по крайней мере, в США.

скамьей для присяжных справа и свидетельским возвышением слева. За пустым креслом судьи вяло свисал с флагштока американский флаг. На стене над флагом висел еще один образец деревянной резьбы: огромная сосновая доска с весами, символизирующими правосудие наверху, а под ними — Десять заповедей, изложенных вырезанными в дереве буковками.

Я был уже не в Арканзасе.

Религиозная символика в зданиях суда не допускается. Конституция запрещает это. И все же у меня сложилось впечатление, что если бы кто-нибудь из обвиняемых или адвокатов защиты вздумал на это пожаловаться, то не встретил бы особого понимания. Это был не суд, а некая личная вотчина.

Качок в обтягивающем костюме, которого я утром видел в закусочной, вошел в зал суда, следуя за высоким бледным мужчиной с кожаным портфелем в руках. Я сел за стол защиты, со все еще скованными перед собой руками.

— Меня зовут Рэндал Корн, я окружной прокурор округа Санвилл. А это мой помощник Том Вингфилд. Я бы пожал вам руку, но, боюсь, вы всё еще носите эти свои украшения, — произнес высокий бледный мужчина.

Корн даже не взглянул на меня, когда произносил эти слова, — просто достал бумаги из своего портфеля и положил их на стол обвинения. В этот момент до меня долетел какой-то странный запах. Чем-то очень неприятно пахло, но я не мог сказать, откуда он исходит.

— Я все равно не стал бы пожимать вам руку, — отозвался я.

Выражение лица у него изменилось, и я не сразу понял, что он улыбается. Если так на его физиономии выглядела улыбка, то не хотелось бы мне видеть его в гневе.

— Мы будем возражать против освобождения под залог, если только вы не согласитесь на мои условия, — продолжал он. — Во-первых, сумма залога составит пятьсот тысяч долларов. Во-вторых, вам запрещается появляться в пределах Бакстауна, кроме как для последующей явки в суд. Вас это устраивает?

— Не пойдет, — ответил я. — Я представляю Энди Дюбуа. И буду находиться здесь во время суда над ним.

— Когда это вы успели пообщаться с Энди Дюбуа?

— Сегодня днем. Он невиновен. И я собираюсь проследить за тем, чтобы его полностью оправ-

дали.

На лице у Корна опять возникла эта улыбка — словно рана на лице у трупа.

— Мистер Флинн, вы не способны добиться даже своего собственного оправдания.

Я уже обдумывал какой-нибудь остроумный и содержательный ответ, когда опустил глаза и осознал, что рубашка у меня расстегнута и уделана моей собственной кровью, что на мне нет галстука, что вся моя одежда пропотела насквозь, что я небрит, а в голове у меня звенит, как внутри церковного колокола. Наверное, я все-таки был не совсем в том положении, чтобы сыпать угрозами. Корн был на добрых шесть дюймов выше меня — он выглядел как распасовщик баскетбольной команды какой-то нечисти, собравшейся на Хэллоуин.

— Тишина в зале суда, всем встать! Председательствует достопочтенный судья Фредерик Чандлер, — объявил судебный пристав.

В зал вошел судья Чандлер в черной мантии поверх серого костюма, быстро сел. Было ему по меньшей мере лет семьдесят, у него были тонкие как пух седые волосы, темно-красная черточка вместо рта, тонкий нос и глазные яблоки, которым, казалось, не сиделось в черепе.

Когда судебный пристав начал излагать суть дела и назвал мою фамилию, судья прервал его и уставился на меня так, словно я только что вытер задницу его судейской мантией.

— Передо мной документы, подтверждающие ваш статус приглашенного адвоката в этом штате. Я в жизни не видел, чтобы юрист, практикующий в качестве гостя коллегии адвокатов штата, вел себя так, как вы, Флинн!

Пока он все это говорил, лицо у него все больше темнело, как будто каждое произнесенное им слово повышало его кровяное давление.

— Вы позорите коллегию адвокатов Нью-Йорка, коллегию адвокатов Алабамы, самого себя и эту замечательную профессию! Вы обвиняетесь в нападении на помощника шерифа и незаконном проникновении в служебное помещение управления шерифа. И что же вы такое себе позволяете? А? Что вы можете сказать в свое оправдание, Флинн?

Когда он произнес мою фамилию, с губ у него слетела пенистая струйка слюны, которая, описав дугу над судейской кафедрой, шлепнулась на паркет.

С того момент, как вошел судья, я продолжал стоять, как и Корн. Тот явно наслаждался каждой

минутой этого зрелища.

— Ваша честь, я должен прояснить три важных момента. Во-первых, для вас я *мистер* Флинн. Во-вторых, я ни на кого не нападал. На меня пока что распространяется принцип презумпции невиновности. А вы, кажется, уже признали меня виновным, даже не спросив у меня, признаю ли я себя таковым. Кстати, я не признаю себя виновным. В-третьих, если меня немедленно не освободят, я подам в суд на управление шерифа, на вас, на это вот чудовище Франкенштейна и вообще на любого другого жителя этого городка, какого только смогу припомнить.

Красные щеки судьи Чандлера начали дрожать. Он был сейчас похож на миску с прокисшим желе.

— Меня еще никогда так не оскорбляли из-за стола защиты… — наконец выдавил он.

— Вам следует чаще высказываться, — парировал я.

— Ваша честь, — встрял Корн, — это вопиющее оскорбление со стороны обвиняемого! Я бы попросил суд рассмотреть вопрос о привлечении мистера Флинна к ответственности за неуважение к суду. Причем не только за нанесенное им оскорбление судье, но и за его неучтивое поведе-

ние по отношению к офису окружного прокурора, который я тут представляю.

— Удовлетворено. Мистер Флинн, насколько я понимаю, вы ходатайствуете об освобождении под залог. Надеюсь, у вас есть богатые друзья, иначе вам придется долго охлаждать свою горячую голову в тюрьме штата.

Я уставился в пол, ругнувшись себе под нос. Я позволил этому городишке, этому окружному прокурору и этому судье добраться до меня. Я поступил не слишком-то умно. Это была плохая идея, и Энди Дюбуа здорово пострадает, если я застряну за решеткой до окончания суда над ним.

Мне следовало позвонить Гарри. У человека, который представляет сам себя в суде, клиент — дурак набитый.

И в этот момент я услышал, как позади меня распахнулась дверь. С дальнего конца зала донесся знакомый голос, и шаги стали громче, приближаясь. Туфельки на полудюймовых каблучках. А за ними — тяжелые армейские ботинки.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что прибыло подкрепление.

— Ваша честь, Кейт Брукс, сторона защиты, — произнес голос с выговором северного Нью-Джерси, по которому я соскучился гораздо

сильней, чем готов был признать.

— А вы являетесь членом ассоциации адвокатов штата Алабама? — поинтересовался судья.

— Мои документы поданы сегодня прямо с утра. Насколько я понимаю, я вправе выступать в качестве гостя местной коллегии, пока мое заявление не будет удовлетворено.

Кейт подошла к окружному прокурору и что-то прошептала ему на ухо. Он позволил ей ознакомиться с обвинительным заключением и заявлением помощника шерифа, которому пришлось приложить лед к яйцам. Кейт все это запомнила. Впитывая детали за считаные секунды. Скорочтение — вообще ее конек. И мозг у нее работал столь же стремительно. Кейт обладала врожденным умением усваивать и использовать новую информацию практически мгновенно. Блок в своих тяжелых кожаных ботинках, узких джинсах и синей спортивной куртке стояла рядом с ней.

Ни Кейт, ни Блок не сказали мне ни слова.

— Ваша честь, нападение на представителя власти носит незначительный характер, а сам факт его легко может быть оспорен. Вообще-то нападению подвергся мой клиент. Вы можете видеть рассечение высоко у него на лбу. Мы

немедленно подадим иск о нападении и нанесении побоев против управления шерифа округа Санвилл, требуя возмещения ущерба в размере одного миллиона долларов. Незаконное проникновение в служебное помещение не может быть отнесено к уголовным преступлениям, и при данных обстоятельствах обвинение в подобном деянии представляется нам довольно безнадежным. Помещения отделов полиции и схожих с ними структур являются государственной собственностью, и если только не установлены специальные знаки, четко обозначающие зоны ограниченного доступа, обвинение в незаконном проникновении не может быть предъявлено. Что же касается обвинения в неуважении к суду, то судья, который предположительно стал объектом подобного неуважения, должен будет назначить другого судью, который изучит факты до начала судебного разбирательства. Никто не может быть судьей в своем собственном деле. Это будет противоречить требованиям закона, если этот суд будет рассматривать дело, в котором сам является истцом. Мы ходатайствуем о том, чтобы обвинения во вторжении в служебное помещение и в неуважении к суду были официально отозваны прямо сейчас. В отношении же обви-

нения в нападении, то, если мистер Корн желает продолжить, ему потребуется альтернативный обвинитель для представления этого дела в иной юрисдикции, поскольку мы добавим офис окружного прокурора округа Санвилл к нашему иску о злонамеренном и противоправном судебном преследовании.

Судья Чандлер посмотрел на Корна. Какое-то время оба таращились друг на друга, оценивая свои возможности. Кейт не оставила им выбора. На распашных дверях, ведущих в офис шерифа, не было предупреждающей надписи «Посторонним вход воспрещен». И если б имелась видеозапись того нападения с камеры наблюдения, то на ней было бы видно, что усач повел себя агрессивно, врезавшись в меня всей своей тушей, а затем меня повалили на пол, шмякнув дубинкой по башке.

Блин, Кейт сработала просто отлично.

Наконец Корн кивнул и сказал:

— Учитывая обстоятельства, мы снимаем обвинения в незаконном проникновении на служебную территорию и нападении. Дело о неуважении остается на усмотрение суда.

Чандлер провел серым языком по зубам. А затем медленно произнес, и каждое его слово было

словно пропитано ядом:

— Я откажусь от обвинения в неуважении, если Флинн извинится перед судом и окружным прокурором. Немедленно.

Кейт промолчала.

Я тоже промолчал. Просто нацелился взглядом прямо в судью Чандлера.

Он уставился на меня в ответ. Челюсть у него сжалась.

— Эдди… — прошептала Кейт.

— Что ты здесь вообще делаешь? Я думал, у тебя важное дело о разводе.

— Вчера поздно вечером мы всё уладили. А сегодня утром позвонил Гарри. Сказал, что мне нужно срочно ехать сюда, чтобы спасать твою задницу. Так что я здесь. И спасаю твою задницу. Просто проглоти это и извинись. Это ничего не значит. Нам нужно действовать умней. А не жестче.

— Мне не нравится этот городок. Мне не нравится этот судья. И я просто ненавижу окружного прокурора и этого его толстожопого помощничка!

— Я все это знаю, но речь сейчас не о тебе. Речь об Энди Дюбуа.

Я кивнул. Она была права, но легче от этого не стало.

— Ваша честь, приношу извинения за свои предыдущие замечания, — сказал я.

— Дело закрыто, — объявил судья, после чего сразу же встал и вышел. Его правая рука, крепко сжатая в кулак, заметно дрожала.

Корн собрал свои бумаги и, уходя, бросил:

— Я надеюсь, у вас не возникнет дурацких мыслей касательно того, чтобы попытаться защищать Энди Дюбуа.

— Как я уже сказал, Энди невиновен.

— Энди обязательно поджарят, — заверил Корн. — Так или иначе.

Глава 12

Эдди

В пять часов пополудни, потного, всего в ссадинах и засохшей крови, несущего свои пожитки в прозрачном пластиковом пакете, Кейт вывела меня из здания суда навстречу последним часам атомного солнца.

— Спасибо, — сказал я.

— У вас с Гарри есть склонность вечно влезать во всякие истории. Я знала, что в этом деле их будет предостаточно, просто не думала, что это

произойдет так скоро. Это, должно быть, новый рекорд, даже для тебя, — сказала она.

— Я стараюсь совершенствоваться при каждой подвернувшейся возможности.

— Тебе следует стараться не высовываться! Гарри уже посвятил нас в подробности дела Энди Дюбуа. Этому парню нужна вся помощь, которую он только может получить. Так вот феерически злить судью, который будет председательствовать на процессе Энди, — это не лучший способ вести дела.

— Я знаю, но мне нужно было увидеть Энди. А кроме того, мотать судьям нервы — это типа как в моем духе. Как еще прикажешь получать удовольствие?

Блок сидела за рулем огромного темно-синего «Шевроле» с полным приводом, Гарри — на пассажирском сиденье рядом с ней. Я придержал заднюю дверцу для Кейт, она забралась на заднее сиденье, и я последовал за ней. Кондиционер в машине даже не был включен.

— Тебе не трудно включить кондей? Я плохо переношу жару.

Блок ничего не ответила. Гарри принялся поворачивать шишку на передней панели, чтобы настроить температуру. Блок бросила на него

сердитый взгляд, вырубила кондиционер, а затем потянула за маленький рычажок, который приоткрыл заднее стекло на два дюйма.

— Кондиционер вреден для здоровья, — отрезала она, после чего вывернула руль, и мы влились в жиденький транспортный поток Бакстауна.

— Когда вы приехали? — спросил я.

— Примерно за час до того, как ты должен был предстать перед судом. Пришлось туго. Хотя Блок все-таки ухитрилась найти нам жилье в городе. Гарри сказал мне, что у вас, ребята, были проблемы с размещением.

— Можно и так сказать. Где мы остановимся?

— Тут неподалеку, — сказала Кейт.

— А кто присматривает за Кларенсом? — спросил я.

— Дениз согласилась взять его к себе.

— Я прихватил тебе вот это, — вмешался Гарри, протягивая мне сэндвич, завернутый в вощеную бумагу.

— Это мой утренний сэндвич с яичницей?

— Я решил, что не стоит его выбрасывать. Он обошелся мне в два доллара, — сказал Гарри.

Я развернул сэндвич, посмотрел на него, опять завернул и полностью опустил стекло, чтобы ветерок из-за него обдул лицо и избавил нас от

яичного запаха.

— Ты получил тот отчет у Бетти из конторы Коди Уоррена? — спросил я.

— Конечно, — ответил Гарри. — И, прежде чем ты успел спросить, — я уже поговорил с Кейт и Блок; мы и понятия не имеем, что может означать это «FC». Это не инициалы свидетелей или вообще каких-то лиц, имеющих отношение к этому делу, — просто не представляю. Может, Фарнсворт в курсе… Этот отчет довольно любопытный. Окружной судмедэксперт кое-что упустил при вскрытии тела Скайлар Эдвардс — прежде всего следы у нее на лбу. Эксперт Уоррена явно сделал и фотографии, но у Бетти их не было. Они в машине Уоррена, вместе с остальными документами. В отчете говорится, что на лбу имеются достаточно четкие вмятины. Кровоподтеки хорошо различимой конфигурации.

— Значит, убийца мог использовать какого-то рода дубинку? — предположил я.

— Фарнсворт считает, что это след от узора на кольце или перстне. Я думаю, он прав.

— Хорошо различимый, говоришь?

— В отчете говорится, что он имеет форму звезды. Насколько я могу судить, проверив перечень изъятых вещей в протоколе, на момент ареста у

Энди не было никакого кольца.

— Что-что вроде начинает вытанцовываться… Это хорошая основа для защиты, — сказал я, невольно улыбнувшись. — Нам просто нужны эти фотографии.

В машине воцарилась тишина. Ни Гарри, ни Кейт не смотрели в мою сторону.

Блок вздохнула.

— Не хочешь сказать ему? — спросила Кейт.

— Что мне сказать?

— Как ты знаешь, у Бетти этих снимков не было. Они были в машине Уоррена, которая пропала с концами, а самого судмедэксперта мы тоже никак не можем найти. Он не отвечает ни на звонки, ни на письма по «мылу». У меня такое впечатление, что нас просто табанят, — сказал Гарри.

— А ты просил Бетти позвонить ему?

— Ты думаешь, это наше первое дело об убийстве? — обиделся Гарри. — Она теперь тоже от нас бегает. Думаю, что кто-то добрался до нашего эксперта. Без этих фотографий и появления Фарнсворта в суде мы не сможем воспользоваться отчетом, а значит, крыть нам пока что совсем нечем.

— Есть еще хорошие новости? — спросил я.

Тут Блок притормозила напротив «Лисички».

— Да уж, просто замечательно, — заключил я.

Тетка, изображающая тут портье, все еще держала сигарету в уголке рта, а желтая от никотина табличка «Не курить» затрепыхалась под потоком воздуха, когда Блок закрыла входную дверь. Она вприщур смотрела на нас, пока мы поднимались по лестнице, направляясь к двум комнатам, которые сняла Блок. Кто бы ни разнес весть о моем появлении в этом городишке, он явно не выполнил свою домашнюю работу до конца. Кейт Брукс не значилась в черном списке Бакстауна, и было уже слишком поздно опять втирать ей, будто все номера заняты. Мы вошли через одну из дверей в комнату с письменным столом, одним стулом, лампой и двумя односпальными кроватями, хотя на самом деле это оказались две смежные комнаты, разделенные дверью, такой сопливой, что открыть ее можно было бы и простым плевком. Эта дверь была открыта, и Гарри уже разложил все бумаги по делу на двуспальной кровати в соседней комнате. В этой комнате имелись только кровать, туалетный столик и ванная. И никакого тебе письменного стола.

Кофеварки ни в одной из комнат не нашлось.

— Если мне в ближайшее время не принесут чашечку кофе, я кого-нибудь тут прикончу, —

пригрозил я.

Не говоря ни слова, Блок повернулась и направилась к двери.

— Сливки и побольше сахара, — крикнул я ей вслед. На выходе Блок с улыбкой показала мне средний палец.

— Что собираешься теперь делать? — спросил Гарри.

— Хочу еще раз перечитать все материалы по делу. А затем составить ходатайство об освобождении под залог. Нам нужно вызволить Энди оттуда. И может, получится сегодня вечером навестить его маму.

— Я тоже почитаю, — сказала Кейт.

— Когда ты закончишь, нам нужно разработать план. Мы должны спасти этого парнишку. Прямо сейчас я не вижу способа, как это сделать.

— Мы найдем способ, — заверила меня Кейт.

Гарри кивнул и принялся за работу.

Мне хотелось быть более оптимистичным, но в данный момент казалось, что нам всем предстоит попотеть на этом процессе по делу об убийстве, только чтобы увидеть, как Энди Дюбуа выносят смертный приговор. Я просто чувствовал это. Эта комната, весь этот чертов городок казались враждебной территорией. Где-то в глубине глаз у

меня нарастало давление, и вовсе не из-за удара полицейской палкой по голове.

Жизнь Энди Дюбуа висела на тоненькой ниточке. И в тот момент я не знал, как его спасти.

Глава 13

Корн

Подъехав к химчистке «На скорую руку» на Четвертой улице, Корн заглушил двигатель своего «Ягуара» и опустил стекло. В ночной жаре цикады отбивали свой мерный ритм, постепенно сливающийся с биением его сердца. В химчистке все еще горел свет. Было почти полночь. Время закрытия.

Остальные магазины в квартале затворили свои двери уже несколько часов назад. Бар в четырех кварталах отсюда был единственным признаком жизни в городе. По обе стороны дороги было припарковано с полдюжины машин, но все они были темными и пустыми. Уличные фонари отбрасывали на асфальт тусклый желтый свет. Корн поднял стекло и вышел из машины как раз в тот момент, когда в химчистке погас свет. Он пересек улицу, постукивая каблуками

своих мокасин «Брукс бразерс».

Дверь химчистки открылась. Патриция Дюбуа достала из кармана фартука связку ключей и принялась запирать за собой дверь.

— Добрый вечер, миссис Дюбуа, — сказал Корн.

По-прежнему стоя к нему спиной, она передернула плечами. А потом медленно повернулась. В ее испуганных поначалу глазах появилось холодное выражение. Патриция плотно сжала губы, ставшие совсем тонкими, и кивнула. Это было признанием его присутствия и исходящей от него угрозы. Некоторые люди, в первую очередь женщины, были способны каким-то образом заглянуть прямо внутрь Корна и увидеть там его гнилую, темную душу. И все же он знал, что она никогда не узнает об истинной глубине ненависти и тьмы внутри него. Никому это было не под силу.

— Рад, что застал вас, — продолжал он.

— Вам меня ни на чем не подловить. Я не нарушала никаких законов, мистер. Как и мой Энди. Вы здесь, чтобы сказать мне, что собираетесь его отпустить?

— Боюсь, что нет. Может, я мог бы еще что-то сделать для вас и вашей семьи? Могу я подвезти вас домой?

На улице все еще было выше тридцати градусов тепла. В помещении химчистки наверняка еще жарче.

— Я, пожалуй, прогуляюсь, — ответила Патриция.

— Вы уверены? Я подумал, мы могли бы поговорить…

— Можете поговорить прямо здесь, а потом уйти.

Корн отступил на шаг, стараясь, чтобы свет уличного фонаря не падал ему на лицо. Это не было сознательным движением с его стороны. Это просто казалось чем-то совершенно естественным. Некоторые вещи должны быть сказаны только в темноте.

— Энди убил ту молодую женщину, миссис Дюбуа. Закон требует наказания за это преступление. Наказания, которое отвадит от подобных деяний других людей. Жизнь за жизнь. Увы, это так, и я сожалею об этом. Я знаю, что, с тех пор как Энди попал в тюрьму, для вас настали тяжелые времена. Вы задолжали за аренду.

— Он никому не причинил зла. Мой Энди… Эй, а откуда вы знаете про аренду?

— Это маленький городок. Слухи разносятся быстро. Ваши соседи вроде уже не столь распо-

ложены помогать, как раньше. У вас долги и по медицинским счетам, — сказал он, бросив быстрый взгляд на ее лодыжку.

Патриции Дюбуа было пятьдесят пять лет, и двенадцатичасовые смены, проведенные в основном на ногах, прибавили ей еще лет двадцать. Ее правая лодыжка распухла почти до толщины икры, и короткий сапожок оттопыривался сбоку, чтобы вместить ее. Левое колено было туго перебинтовано. Бедняки трудились на износ, чтобы выжить, и напряженная работа частенько приносила с собой боль и инвалидность.

— Я не без сочувствия отношусь к вашему положению. В конце концов, это не ваша вина, что Энди убил ту девушку, — добавил Корн.

Дыхание Патриции участилось, губы задрожали. Свет уличного фонаря отразился в слезах, застилавших ее большие печальные глаза, — гордость жгла их.

Когда она заговорила, голос у нее дрожал и звучал едва громче шепота. И все же это было всё дыхание, какое она только могла собрать в своем теле, и вместе с ним появилась тихая сила.

— Мне не нужна благотворительность от таких, как вы! Вы хотите убить моего мальчика. Я знаю. Я вижу это. Я чувствую исходящий от вас запах. С

вами что-то не так.

Свет уличного фонаря даже не мигнул, однако Корн, который только что стоял в трех или четырех футах от нее, внезапно перескочил вперед, как на неудачной склейке в кинофильме, на которой не видно, как кто-то движется, — или, может, то была просто игра света, не выхватившего сделанного им шага, — но какова бы ни была причина, теперь Корн вдруг возвышался прямо над Патрицией Дюбуа, а его лицо зависло в считаных дюймах от ее лица. Он чувствовал исходящий от нее запах химикатов, стирального порошка и чистящих средств.

Каждое слово, произнесенное им, звучало хрипловато и влажно — было что-то такое на грани каждого слога, словно мед, сдобренный мышьяком.

— Не торопитесь, миссис Дюбуа… Подумайте над тем, что я только что сказал. Я не могу спасти вашего сына. Я могу лишь обещать ему быструю смерть. И я могу пообещать вам достаточно денег, чтобы похоронить его и погасить ваши долги. Жители этого города могут быть милосердными и по-христиански относиться к тем, кто испрашивает искупления. Я прошу только об одном. Скажите правду. Расскажите нам, как

Энди вернулся домой той ночью и сказал вам, что убил Скайлар Эдвардс. Проследите, чтобы он рассказал ту же историю присяжным. Если он этого не сделает, я могу заставить вас обоих страдать. Думаете, что сейчас плохо? Вам может быть много хуже. Ему может быть намного хуже. Я прослежу, чтобы Энди сделали укол. Хорошего препарата. Чтобы он заснул перед тем, как ему введут яд в вены. Если он не будет сотрудничать, у нас обнаружится нехватка подобных препаратов. Так что Энди будет ждать стул. Подумайте об этом, миссис Дюбуа.

Корн отступил на шаг. Прежде чем повернуться к своей машине, он сказал:

— Энди умрет. Вопрос только в том, как именно. Легко или тяжело? Он может просто заснуть или же умереть с кипящей в жилах кровью. Это зависит только от вас.

Глава 14

Эдди

Я проследил, как Корн, прихрамывая, пересекает улицу по направлению к своей машине, оставив пошатывающуюся женщину на тро-

туаре, и садится в свой «Ягуар». Нутро машины осветилось.

Чья-то рука легла мне на затылок. Блок тоже пригнулась. Как только Корн проехал мимо, она позволила мне выпрямиться.

Открыв водительскую дверцу, Блок ступила на асфальт, и я начал открывать дверцу со своей стороны. Блок покачала головой и движением руки велела мне подождать в машине.

Наверняка это было разумно. Судя по разговору, который только что состоялся у Патриции Дюбуа с Корном, ей были совсем ни к чему еще какие-то неожиданные встречи с незнакомыми людьми нынешним вечером. Если б мы подвалили к ней сразу вдвоем, этого могло оказаться уже слишком. Патриция стояла прислонившись к уличному фонарю, уронив голову на грудь и тяжело дыша. Корн не прикасался к ней физически, но выглядела она так, будто из нее высосали все силы. Блок двинулась прямо к ней, не желая еще больше ее пугать.

Подойдя ближе, она замедлила шаг и подняла руки с раскрытыми ладонями. К словам Блок относилась так, будто это стодолларовые купюры. Раздавала она их нечасто, но когда раздавала, они стоили каждого своего цента.

Я остался в машине. Не стоило выходить, пока Блок не покажет мне поднятые вверх большие пальцы.

Теперь говорила миссис Дюбуа. Медленно. С трудом выговаривая слова, вытирая мокрые от слез щеки. Что бы там ни сказал Корн, это потрясло ее до глубины души.

Блок неподвижно стояла, слушая миссис Дюбуа. А затем произошло то, чего я никак не ожидал. Миссис Дюбуа шагнула вперед и обняла Блок. Я никогда еще не видел, чтобы та хотя бы просто пожала кому-нибудь руку. На несколько секунд Блок застыла с распростертыми в стороны руками, как будто это было то, чего никогда с ней раньше не случалось. Было для нее практически чуждо. А потом она медленно обняла миссис Дюбуа, и та расплакалась, уткнувшись ей в плечо.

Я почти физически ощущал дискомфорт Блок, но она, видать, сумела подавить это чувство. Миссис Дюбуа сейчас требовались люди, на которых она могла бы опереться, и не только из-за ее больного колена и опухшей лодыжки.

Я подождал еще пару минут, после чего Блок подошла к машине, одной рукой обняв миссис Дюбуа. Я выбрался на тротуар, открыл заднюю пассажирскую дверцу.

— Миссис Дюбуа, меня зовут Эдди Флинн…

Отпустив Блок, она заключила меня в объятия. Блин, она оказалась довольно сильной женщиной!

— Мистер Флинн, Мелисса сказала мне, что вы поможете спасти Энди. Даже не знаю, как вас за это благодарить… Когда пропал Коди, я молилась. Молилась так усердно и так долго… Я молилась о том, чтобы кто-нибудь пришел и помог нам. Теперь у меня есть вы и Мелисса.

Было непривычно слышать, как кто-то называет Блок по имени. Она его никогда не использовала. Для всех она была просто Блок. Наверное, исключение делалось лишь для таких женщин, как миссис Дюбуа. Та выпустила меня из объятий, но продолжала держать руки у меня на плечах, глядя мне в лицо.

— Сам Господь послал мне вас, мистер Флинн! Я знаю это.

Я не стал говорить ей, что меня послал коррумпированный правительственный агент, у которого внезапно пробудилась совесть. Мне показалось, что момент для этого не самый подходящий.

— Если я собираюсь помочь Энди, то вы мне тоже понадобитесь, миссис Дюбуа.

— Я сделаю все, чтобы вернуть моего мальчика домой! Мелисса сказала, что вы виделись с ним в тюрьме. Как он? Они не позволили мне с ним поговорить.

Я не хотел ей говорить. Просто не смог.

— Он держится, миссис Дюбуа, но нам нужно вытащить его оттуда.

— Этот человек, мистер Корн… В нем есть что-то холодное. Что-то старое и дурное, что витает вокруг него подобно запаху. Он — это зло. Он хочет убить моего Энди. Сказал, что если я уговорю Энди признать себя виновным, то он проследит за тем, чтобы Энди умер во сне. А если я этого не сделаю, то мой мальчик… мой мальчик перенесет нечто ужасное!

Глаза миссис Дюбуа опять наполнились слезами, и она низко согнулась в поясе. Мы с Блок усадили ее в машину и проехали шесть миль до дома миссис Дюбуа. По дороге я решил, что в историях о том, что Корн одержим идеей смертной казни куда больше правды, чем казалось мне вначале. А еще дал торжественное обещание — самому себе. Что не просто добьюсь оправдания Энди. А еще так или иначе пущу Рэндала Корна ко дну.

На веки вечные.

Глава 15

Эдди

Одноэтажный деревянный дом, в котором жила Патриция Дюбуа, находился на самых задворках Бакстауна, неподалеку от узенькой двухполосной шоссейки. Грунтовая дорога вела от нее между старыми, покрытыми мхом деревьями к дому с покатой крышей. Имелись в нем небольшая гостиная, даже еще более маленькая кухня и тесная, словно кладовка, комнатка, служившая спальней. Еще одна спальня была лишь ненамного просторней. За домом виднелась пристройка, в которой располагались туалет и душ.

Невзирая на все, с чем ей сейчас приходилось иметь дело, Патриция — как по ее настоянию мы стали ее называть — сумела создать в гостиной атмосферу тепла и гостеприимства. Старый диван был застелен пледами. Крайняя правая из трех его подушек была заметно вдавлена, как будто на ней сидел какой-то невидимый человек. На средней подушке тоже была большая вмятина, и я понял, что именно здесь сидели Патриция и Энди, вместе. Перед диваном на ящике из-под

молока стоял старый угловатый телевизор. Ящик был накрыт одеялом, но не до самого низа. Стены увешаны фотографиями с Энди: его первого дня в школе, верхом на велосипеде, сидящего на коленях у матери и так далее — от обедов в честь Дня благодарения до вечеринок по случаю дня рождения. Денег в этом доме было очень мало, но любви побольше, чем во многих других.

— Садитесь, устраивайтесь поудобнее, — предложила Патриция.

Мы с Блок устроились на диване. В свете единственной лампы, горевшей в углу, мы едва могли различить очертания старого кресла, на которое Патриция бросила свой фартук.

— Хотите кофе?

При мысли о кофе у меня слегка закружилась голова.

— Я бы с удовольствием, спасибо.

Блок просто кивнула.

Патриция отдернула занавеску, отделявшую кухонный уголок от гостиной, и принялась открывать шкафчики.

— Увы, но кофе у нас закончился… Может быть, чайку?

Кофе я не пил уже почти сутки, и исправить ситуацию мне по-прежнему не светило. Пришлось

довольствоваться чаем, хотя бы из вежливости.

Она принесла два стакана чая со льдом. Я взял еще сахара, Блок отказалась.

Кроме телевизора и серванта, здесь повсюду стояли коробки со старыми книгами. В основном в бумажных обложках, а то и вовсе без обложек. Блок полезла в коробку на своей стороне дивана и достала несколько книг — это оказались любовные романы. Коробка с моей стороны была набита в основном старыми детективами — не только дешевыми книжками в мягкой обложке, но и журналами на эту тему.

— Гляжу, вы оба любите читать… Энди, должно быть, заразился любовью к чтению от вас, — заметил я.

— Этот телевизор сломался, когда Энди было одиннадцать. К тому времени, как я накопила достаточно деньжат, чтобы купить новый, Энди сказал, что лучше нам потратить деньги на книги. Что мы и сделали. Сидим вот тут по вечерам и читаем. По телевизору все равно ничего хорошего не показывают, — сказала Патриция.

— А когда Энди начал работать в этом баре для дальнобойщиков? — спросил я.

— Где-то три года назад. Сначала мне это не понравилось, но я поговорила с владельцем,

приятным человеком по имени Райан, и он сказал, что будет присматривать за моим Энди. И не обманул. У Энди никогда не было проблем в этом баре. Он подметал полы, мыл стаканы, поддерживал чистоту и порядок. Энди настоящий труженик, как и его мама. Отлично со всем справлялся и не допускал, чтобы это как-то мешало его учебе в школе, — с сияющим лицом сообщила Патриция, явно не в силах сдержать гордость за своего Энди.

— Он был близок со Скайлар?

Огонек, на миг вспыхнувший в глазах у Патриции, тут же погас под сомкнувшимися веками, брови сошлись на переносице, губы резко захлопнулись и поджались так, что чуть ли не полностью исчезли во рту. Когда она заговорила опять, голос ее звучал едва слышно:

— Бедная девочка… Нет, он особо не говорил о ней. Разве что от случая к случаю. В основном Энди рассказывал про Райана. И про посетителей. Для бара, рассчитанного на дальнобойщиков, там было очень много завсегдатаев. В этом городе нет недостатка в пьянчужках, это уж точно.

— Они были друзьями? Энди и Скайлар?

— Приятелями, я бы сказала. Не друзьями. Он никогда не встречался с ней вне работы. Во

всяком случае, насколько я знаю. Но она тепло относилась к нему. Сразу же ввела его в курс дела. Заботилась о нем. Энди может всего за пару часов прочесть какой-нибудь роман и написать по нему работу для школы. Но в остальном он не слишком смекалистый. И не слишком хорошо ладит с людьми. Скайлар помогла ему в этом, потому что была действительно популярна.

— Что он рассказывал вам о Скайлар?

— Она была умной девочкой. Доброжелательной. Я помню, Энди рассказывал, что они часто говорили про колледж и про книги. Вот, пожалуй, и всё. Хотя он как-то упомянул, что у нее были какие-то проблемы с парнем.

— У нее был парень?

— Думаю, что да. Она постоянно болтала с каким-то парнем по телефону или писала ему сообщения, когда Райан не видел. Персоналу там не разрешалось пользоваться телефонами во время смены. Энди это не заботило, у него никогда не было телефона.

— А вы случайно не знаете, как звали того парня? Не Гэри Страуд? Вроде это с ним она встречалась…

— Да, с ним. Простите, но больше я особо ничего не знаю. Я не была знакома со Скайлар. И теперь

жалею об этом. Я пошла на…

Патриция примолкла, достала из рукава бумажную салфетку и промокнула ею глаза.

— Я пошла на похороны Скайлар. Этот человек, мистер Корн, все время стоял рядом с ее родителями, что-то шептал им и посматривал на меня. А после службы Эстер Эдвардс подошла ко мне. Все смотрели на меня. И знаете, что она сделала? Плюнула мне в лицо. Прямо в лицо. Господи, я не знала, куда деваться… Мой сын не убивал ее дочку. Я знала это тогда, знаю и сейчас. Я не виню Эстер. Ей было больно. Я думаю о том, что тогда сказал мистер Корн, и вспоминаю выражение лица Эстер в тот день. И я знаю, что тоже почувствую эту боль, когда они заберут у меня Энди.

— Мы сделаем все возможное, чтобы этого не произошло, — пообещал я.

Блок расстегнула куртку, достала заключение доктора Фарнсворта — патологоанатома, выбранного Коди Уорреном, — и положила его себе на колени. Это был не слишком тонкий намек на то, что мне нужно получить конкретную информацию и что у нас не так много времени, чтобы разводить антимонии.

— Энди когда-нибудь носил кольцо с рисунком в виде звезды? — начал я.

— Нет, Энди никогда не носил колец… Как-то раз я купила ему одно кольцо. На его шестнадцатилетие. В ломбарде на Восьмой улице. В нем было два черных камушка. Однажды он надел его, а потом сказал, что у него чешутся пальцы.

— Может, у него была пуговица, или значок, или что-то еще со звездой на нем?

— Нет, вся одежда Энди была простой. Какого рода звезда?

Блок пролистнула несколько страниц отчета и передала его мне. Хотя у нас не было фотографий, имелось хорошее описание травмы.

— Пятиконечная звезда, — сказал я.

Патриция перекрестилась.

— Разве это не имеет какого-то отношения к поклонению дьяволу? [130] Энди никогда не стал бы иметь отношение к чему-то подобному!

Блок удовлетворенно кивнула и позволила мне перейти к следующим вопросам.

— После того как Энди арестовали, когда вам впервые разрешили его навестить? — спросил я.

— Это было в окружной тюрьме. Он сказал мне, что ему пришлось сказать шерифу, что он напал на Скайлар, иначе его бы не выпустили. Они веле-

---

[130] notes: 130

Многие видят в пятиконечной звезде в первую очередь пентаграмму — символ, предохраняющий от сил зла в ходе темных обрядов.

ли ему подписать какую-то бумагу и пообещали, что затем позволят ему увидеться со мной, чтобы я могла отвезти его домой.

Мне уже приходилось слышать, как копы оказывают давление на молоденьких перепуганных подозреваемых. Такое происходило уже далеко не в первый раз, и не в последний. Видео- или аудиозапись допроса Энди отсутствовала: по-видимому, не работала записывающая аппаратура. Все, на что мы могли опираться, — это слово шерифа против слова Энди, что тот подписал это признание по собственной воле.

— Энди рассказал бы им все что угодно, лишь бы поскорей вернуться домой, мистер Флинн. Он всегда доверял полиции. Он у меня не особо смышленый — только не в этом смысле. Бедный мой мальчик… Пожалуйста, скажите мне, что вы хоть чем-то можете мне помочь!

— Я сделаю все, что в моих силах, Патриция. Послушайте, на суде не бывает абсолютно никаких гарантий. Но я сделаю все, что смогу, чтобы добиться оправдания Энди. Обещаю вам. А пока что еще один вопрос: когда вы в последний раз видели Коди Уоррена?

— Он заходил ко мне в химчистку, где-то с неделю назад, и сказал, что нашел что-то, что может

доказать невиновность Энди. Он не уточнил, что именно, просто сказал, что ему нужно выяснить еще пару вещей. Я беспокоюсь и за него тоже. Никто не видел его уже несколько дней. Так вы думаете…

— Думаю ли я, что с Коди что-то случилось? Да, именно так.

— По-моему, вы правы, — сказала Патриция. — И я не удивлюсь, если за этим стоят представители закона. Этот шериф Ломакс… Когда-то он был хорошим человеком. Честным. Все в городе уважали его, и он был добр к бедным. А потом появился этот окружной прокурор, Корн. И вдобавок жена шерифа тяжко заболела… Миссис Ломакс работала в благотворительном магазине на Мейн-стрит. Добрая была женщина. Тихая такая, но было видно, что ей хочется помогать людям. Шериф сильно изменился после того, как она заболела. Он избил Энди! Когда я увидела своего сына в тот день, на нем места живого не было. Мой бедный сынок…

— Он заплатит за это, — заверила ее Блок.

— Не связывайтесь с шерифом, — предостерегающе произнесла Патриция.

Блок подалась вперед:

— После того, что вы нам сегодня рассказали, я

с него и с Корна уже не слезу.

— Вам надо быть поосторожней. Это опасные люди.

— Меня это не пугает, — сказала Блок.

— Почему?

— Потому что я сама опасная.

Глава 16

Пастор

Эстер Эдвардс на дрожащих ногах подошла к кухонному столу, расплескивая кофе из чашек, которые она пыталась удержать в руках. Коричневые капли падали на грязный кафельный пол ее кухни, но она ничего не могла с собой поделать. С каждым шагом проливалось все больше. Казалось, будто эти чашки весили по двадцать фунтов каждая. Ставя их на стол, Эстер пробормотала извинения — что это из-за лекарств, которые дал ей доктор, она так дрожит… Пастор кивнул, положил свою большую ладонь на ее руку, и она почувствовала, как крупная дрожь пробежала уже по всему ее телу.

Эта дрожь была вызвана не болью или лекарствами. Он улыбнулся ей — и увидел в глубине

ее глаз пустоту. Что-то было вытянуто из этой женщины. Жизнь, надежда, любовь, сам смысл ее существования были насильно вырваны из ее тела. Эта часть ее сейчас покоится рядом с дочерью в холодном дешевом гробу на глубине шести футов под землей старого кладбища в Бакстауне.

— Я видела вас на похоронах, — надтреснутым голосом произнесла она. — Простите, я не помню, разговаривали ли мы с вами о чем-нибудь…

— Разговаривали, — ответил Пастор. — Но не переживайте на этот счет. Я просто не могу представить себе, насколько вам больно. То, через что вы с Фрэнсисом сейчас проходите, это просто ужасно.

Фрэнсис поднес было чашку к губам, но, поколебавшись, поставил ее обратно.

— Я уже говорил Фрэнсису, что хочу помочь всем, чем только смогу. Деньги, которые мы передали вам обоим, — это только начало. Группа, к которой я принадлежу, стремится к тому, чтобы вы и ваш муж в предстоящие годы абсолютно ни в чем не нуждались.

Эстер высвободила свою руку из его пальцев, и в ее глазах, которые до этого были пустыми, промелькнул страх.

— Фрэнсис рассказывал мне про эту группу… Я

так и не поняла, что она в точности собой представляет.

— Это… Как там назвал ее профессор? «Коллектив»? — спросил Фрэнсис.

— Что-то в этом роде. Мы — группа неравнодушных граждан, которые объединились, чтобы предпринять определенные шаги для защиты христиански мыслящих людей в нашем округе, — объяснил Пастор.

— Белых людей? — уточнила Эстер.

Пастор сложил губы в улыбку, прежде чем ответить:

— Да, белых. Скайлар не единственная, кого потеряли эти люди, так что…

– *Эти люди?* — с нажимом переспросила Эстер. — Все мы люди, сэр. Обычные люди, все из нас. Ни один цвет кожи не лучше и не хуже другого. Нашу дочь убили, и я не испытываю ничего, кроме ненависти к тому, кто это сделал, — и к тем, кто его защищал, — но у нас нет никаких предубеждений. Это был всего один человек…

— Все мы знаем, кто убил вашу дочь. Все мы знаем, как он выглядит. Это не единичный случай, миссис Эдвардс. Эстер, если можно…

— «Миссис Эдвардс» меня вполне устраивает, — отрезала она, выпрямляясь. Она уже больше

не дрожала.

— Эстер, этот человек дал нам… — начал было Фрэнсис, но не успел закончить фразу.

— Я знаю, что он нам дал, — перебила она, поворачиваясь к Фрэнсису. — И благодарна ему за это. Ты знаешь, что благодарна. Но то, что он говорит, — неправда. Это неправильно.

Пастор почувствовал, как в правом кармане пиджака у него завибрировал телефон. *Другой* его рабочий телефон. На звонок с этого номера требовалось ответить незамедлительно.

— Боюсь, мне пора идти. Труба зовет, как говорится. Не надо меня провожать, Фрэнсис. Может, покажете Эстер — то есть *миссис Эдвардс* — несколько видеозаписей, которые прислал вам профессор? Они могут немного ее просветить. Спасибо за кофе.

Пастор вышел в прихожую, где на столе, заваленном почтой с красными штампами «Просроченный платеж» на конвертах, лежал толстый слой пыли. Он знал, что способен дожать Фрэнсиса, да и деньги должны были помочь. Эстер оказалась более крепким орешком, чем ожидалось.

Закрывая за собой входную дверь, Пастор слышал, как в кухне разгорается спор. Дом Эдвардсов

был одним из пятидесяти одноэтажных домов в креольском стиле в квартале. Построенных лет семьдесят назад и даже по тем временам дешевых. Пастор все еще слышал супругов, когда спускался по ступенькам крыльца.

«Я больше не хочу видеть в доме этого человека! Он расист и…»

«Он дал нам тысячи и тысячи долларов, и это еще не всё. Нам нужны эти деньги, и знаешь, пожалуй, он прав…»

Пастор проверил свой телефон на наличие пропущенных вызовов, набрал последний.

Телефон, на который он звонил, тоже был одноразовым. Ответили ему незамедлительно. Голос на другом конце провода звучал холодно и отстраненно. Акцент слегка изменился — Пастор словно переместился из сельской Алабамы в Верхний Ист-Сайд на Манхэттене.

— Вы не ответили сразу. Что-то случилось? — спросил Рэндал Корн.

— Беспокоиться не о чем. Что за срочность? — отозвался Пастор.

— Сегодня новый адвокат Энди Дюбуа нанес визит в контору Коди Уоррена. И пробыл там полчаса.

Пастор подошел к своему черному внедорож-

нику, открыл дверцу, уселся за руль и захлопнул дверцу.

— Вас это тревожит?

— Позже там появился его партнер, Гарри Форд, и вышел с тоненькой папкой с документами.

— Отчетом о вскрытии, устроенном Фарнсвортом?

— Подозреваю, что так.

Пастор стиснул зубы, скрипнув ими от напряжения. Корн уже обратился за советом к Пастору касательно этого дела и трудностей, связанных с травмами, обнаруженными на теле Скайлар Эдвардс. Пастора это даже позабавило. Как все это срослось… Корн не знал, да и не мог знать, что Скайлар Эдвардс убил сам Пастор. И Пастор хотел, чтобы так все и оставалось. Поэтому он дал совет, как лучше всего справиться с проблемами, которые возникли у прокурора в результате проведения независимой судмедэкспертизы.

Пастор посоветовал убрать адвоката защиты и его секретаря, а доктора Фарнсворта запугать как следует. Он не мог допустить, чтобы адвокат обнаружил истинного убийцу. Это было в их общих интересах, чтобы Энди Дюбуа был быстро и однозначно осужден. Корн получил бы еще один труп, поджаренный на стуле, а Пастор — черно-

кожего, осужденного за убийство белой девушки, как и планировал.

— По крайней мере, у них не будет фотографий. Это хорошо, но не забывайте, Рэндал: я же говорил вам, что Бетти Магуайр должна была исчезнуть вместе с Коди Уорреном. Это была бы более убедительная история. Они примерно одного возраста, оба бобыли. Они убегают посреди ночи с деньгами клиентов… Скажите мне еще раз, почему этого не произошло, — сказал Пастор.

— Я не из тех, кто пускает в ход ствол или нож. Вы это знаете. И мне потребовалась вся моя сила убеждения, чтобы заставить Ломакса разобраться с Уорреном. Он не стал бы убивать женщину. Это не в его характере, — сказал Корн.

— Я помню, как вы мне это говорили, и помню, как сказал, что позабочусь об этом. Бетти видела эти фотографии. Она могла описать их адвокатам Дюбуа. Нам нельзя больше рисковать с этим делом. Бетти придется…

— Нет, я этого не хочу. Это может отвлечь внимание прессы от судебного процесса.

— Этого не произойдет. Предоставьте это мне.

— Что вы собираетесь сделать?

— Я собираюсь слегка пообщаться с Бетти и убедиться, что Флинн больше не получит ника-

кой помощи. Это важно. Дюбуа должен умереть за то, что он сделал. В этом деле есть только две стороны. Те, кто выступает за справедливость, и те, кто готов разрушить наши суды и выпустить убийц на свободу. Вы сами говорили мне об этом, Рэндал.

Корн вздохнул и сказал:

— Просто давайте поосторожней. Суд уже совсем близко.

— Я не сделаю ничего, что может повредить процессу. Я знаю, как это важно для вас и для всех нас.

Дав отбой, Пастор на секунду задумался, как поступил бы Корн, если б точно знал, что Дюбуа невиновен. Ответ был очевиден. Корна не заботило правосудие. Его заботила только власть. Пастор достаточно давно знал Корна, чтобы знать и его аппетиты — не имело значения, кого пристегнут ремнями к «Желтой мамаше» после суда. Пастор разыскал окружного прокурора уже несколько лет назад. Послужной список Корна говорил сам за себя, но лишь при личной встрече с ним Пастор понял, что обрел по-настоящему родственную душу.

Корн был чудовищем — ангелом смерти. Таким же, как и он сам. Иногда Пастор задавался

вопросом: если б он тогда не разыскал прокурора, нашел бы его сам Корн в любом случае? Он знал себе подобных — тех, кто не был обременен совестью, кто придерживался более возвышенной морали. Бог убивает миллионы людей, и его последователь тоже должен быть готов убивать во имя него. Ради дела. Ради чистоты своей страны. Иногда, лежа в одиночестве в темноте, Пастор задавался вопросом, кем бы он стал, если б его отец не наделил его этими талантами. Монстрами не рождаются, ими становятся. Пастор сознавал, что это сам Господь Бог действовал посредством скорых на расправу, грубых рук его отца. Он страдал за своего бога. И он ответит на призыв.

Пастор знал, что отец Корна тоже передал свои таланты сыну. Корн-старший был легендой на Уолл-стрит — не из-за своего огромного состояния, а из-за того, что был готов сотворить со своими врагами. Для человека, который был настолько богат, деньги абсолютно ничего не значили. А вот власть означала все. И это стремление к власти перешло к сыну, вместе с желанием и возможностями использовать ее.

Он вспомнил одну из их встреч, состоявшуюся в доме Корна в Бакстауне несколько лет назад, когда они потягивали лимонад на заднем

крыльце его дома и смотрели на стаю скворцов, мельтешащих в тускнеющем вечернем свете, словно черные узоры Роршаха на фоне фиолетового неба.

— Почему вы их всех убиваете? — спросил тогда Пастор.

— Этого требует закон, — без колебаний ответил Корн.

Пастор рассмеялся, но в его смехе не было веселья.

— Мы оба знаем, что все это чепуха. Вы можете пудрить мозг Ломаксу и всем остальным, но меня вам не одурачить. Плевать вам на правосудие.

— Пожалуй, что да. Невиновных людей не бывает. Практически не бывает. Главное — это порядок.

— Да при чем здесь порядок? Я знаю, что вы казнили невиновных людей. Так что хватит прикидываться. Скажите мне, почему вы это делаете.

Корн отставил свой лимонад и уставился на птиц.

— Знаете, никто не понимает, почему скворцы летают так слаженно… Может, это как-то связано с защитой от хищников, или им так проще ловить насекомых — все это веские причины, по

которым они могут собираться вместе. Но никто не знает, как именно они поворачивают настолько одновременно, настолько синхронно, словно единая масса, как будто телепатически связаны между собой.

— Вы хотите сказать, что не знаете, почему это делаете?

— Все, что я знаю, — это что когда смотрю на этих птиц, они кажутся мне счастливыми и довольными жизнью. Имеет ли значение, по какой конкретной причине что-то может доставлять удовольствие?

— Полагаю, что нет. Так вот почему вы это делаете… Потому что это доставляет вам удовольствие?

Корн встал — высокий, как каланча, в тени раннего вечера.

— Это не просто доставляет удовольствие. Это слишком дешевое объяснение. Наблюдать, как умирает человек, зная, что это ты отправил его туда и организовал его смерть, — это не передать никакими словами. Это нечто большее, чем просто удовольствие. Это заставляет меня чувствовать, что я горю жизнью и силой.

— Мне знакомо это чувство, — сказал Пастор.

— Ваша маленькая группа может доставить

вам массу неприятностей. ФБР следит за правыми экстремистами. И это станет их приоритетом, как только они разберутся с угрозой со стороны иностранных террористов, — предостерег Корн.

— Никто не знает, что я в этом замешан. Во всяком случае, никто из тех, кому бы я не стал доверять. Я знаю, что вы не разделяете наши взгляды, но наши цели полностью совпадают.

— Сеять страх, — сказал Корн.

— Белый округ, в котором большинство населения боится небольшой чернокожей общины, — это оружие, которое можно и нужно использовать. Люди, охваченные страхом, готовы почти на все, и они будут слушать тех, кто способен их спасти. Всегда легче добиться смертного приговора, когда присяжные боятся обвиняемого.

Корн кивнул и сказал:

— Мне бы пригодился такой человек, как вы. Ломакс не будет оставаться здесь вечно, и есть определенные задачи, которые он либо не пожелает, либо не способен выполнять. Я знаю, что у вас хватит смелости сделать все, что потребуется.

Пастор поднял свой стакан в тосте.

— За нашу взаимную выгоду!

Так и был заключен альянс. Именно этот разго-

вор в итоге и привел к нынешнему телефонному звонку. И предупреждению. Это было в их общих интересах, чтобы Энди Дюбуа был признан виновным на суде. Нельзя было допустить, чтобы что-либо помешало этому процессу.

Для Пастора до расплаты оставалось всего несколько дней.

Провернув мотор стартером, он отъехал от дома Фрэнсиса Эдвардса, резко набирая скорость, и вскоре оказался на Мейн-стрит. В конторе Коди Уоррена все еще горел свет. Пастор сидел в машине, наблюдая за домом и ожидая, когда Бетти Магуайр отправится домой.

Долго ждать не пришлось.

Он проследил, как она запирает входную дверь и садится в припаркованный перед домом десятилетний «Вольво». Заработал мотор, вспыхнули фары, и машина тронулась с места. Пастор последовал за ней на некотором расстоянии. Бетти жила одна, сразу за городской чертой. Пастор дождался, пока она не выедет на пустынный участок двухполосного шоссе, заросший по обеим сторонам ивами, с крон которых мягким пологом свисали плети испанского мха. Включил сирену и красные и синие мигалки, установленные на приборной панели его внедорожника.

Бетти съехала на обочину, и Пастор остановился позади нее. Он не спешил выходить из машины. Дал ей подождать. Позволил накопиться тревоге. Бетти не доверяла правоохранительным органам. И на то у нее имелись веские причины.

Вытащив из бардачка фонарик, он подошел к «Вольво» Бетти со стороны водителя. Немного постоял возле задней дверцы. По привычке. При остановке нарушителя полицейскому полагается остановиться там, не высовываясь в пределы водительского окна — так меньше шансов стать мишенью, да и угол для стрельбы более выгодный, если водитель вдруг выхватит пистолет.

Пастор постучал в водительское стекло, за которым белело лицо Бетти. Стиснул зубы и сжал челюсти в предвкушении, когда стекло опустилось. Наклонился вперед и посветил фонариком ей в лицо.

— В чем проблема? Я не превышала скорость, а вы…

Слова застряли у Бетти в горле, когда тяжелый «Мэглайт» врезался ей в висок.

Глава 17

Эдди

Кейт и Блок заняли в «Лисичке» комнату побольше. Мы с Гарри устроились на двуспальной кровати в соседней комнате и спали валетом, хотя спал в основном Гарри. Он вообще мог спать где угодно.

Где-то через час я не выдержал, встал и опять принялся перечитывать материалы дела. Когда я берусь за какое-то дело, то должен знать все улики и показания, как собственную руку. Они должны отпечататься у меня в голове, иначе я не смогу оформить их, правильно сформулировать, использовать их или понять, когда во время дачи показаний всплывет что-то, что не соответствует уже имеющимся доказательствам по делу. Все это еще не отпечаталось в моем мозгу, но я уже приближался к этому.

Я еще раз проглядел признание Энди.

> Мои имя и фамилия Энди Дюбуа, и я делаю это признание по собственной воле, без каких-либо поощрительных

стимулов или принуждения. Вечером четырнадцатого мая я работал в баре Хогга, расположенном на стоянке для грузовиков на Юнион-хайвей. Моя смена закончилась в двенадцать часов пополуночи, и я проследовал на автостоянку вслед за своей коллегой, Скайлар Эдвардс. Я знаю Скайлар. Мы некоторое время работали вместе. Она симпатичная, и она мне нравилась. Я хотел поцеловать Скайлар, но она оттолкнула меня. Я схватил ее и сильно сжал. Она оказала мне сопротивление, и я принял меры к тому, чтобы она не поднимала шума. Я не хотел причинить ей какие-либо телесные повреждения. Она перестала сопротивляться, и я сжал ее еще сильнее. После этого мне стало очень стыдно. За парковкой есть болотистая местность, и я отнес ее туда и закопал, чтобы никто ее не нашел.

Вот и всё. Проведя с Энди каких-то пятнадцать минут, я понял, что это были не его слова. Никто так не говорит, и уж точно не молодой человек девятнадцати лет от роду. Заявление было распе-

чатано на принтере и подписано Энди. Подпись была выписана очень аккуратно, с нажимом, продавившим страницу.

Сказать, что управление шерифа и окружной прокурор принудили этого парня к ложному признанию, было бы преуменьшением. Его избивали, ему угрожали, угрожали его матери. При том, что настоящий убийца Скайлар Эдвардс по-прежнему разгуливал на свободе.

Еще час я провел в интернете, разыскивая изображения колец с пятиконечными звездами на них. Их оказалось не так уж много. В отчете о вскрытии, составленном окружным судмедэкспертом, эти отметины вообще не упоминались. Что придавало им особую важность. Предполагается, что судмедэксперт должен сохранять полную беспристрастность, хотя, имея дело с таким обвинителем, как Корн, я вполне ожидал того, что в отчет будут добавлены какие-то моменты, которые будут поддерживать его позицию, — или же будут убраны те, которые не столь для него полезны.

Я выключил свет и опять попытался уснуть. В голове у меня безостановочно мелькали всякие образы. Энди. Его матери. Молодой женщины, которую избили, задушили и засунули головой

вперед в глубокую узкую дыру в земле.

Я встал, отыскал пластиковый пакет со своим имуществом, которое мне вернули в здании суда. Там были только две важные для меня вещи. Одна — шейный медальон с изображением Святого Христофора, у которого была своя история. Другая — золотая цепочка с распятием, принадлежавшая нашему следователю и оперативнику, Харпер. Я провел большим и указательным пальцами по этому потертому золотому крестику, с некоторых пор постоянно висевшему у меня на шее. Харпер погибла, работая над одним из моих дел. Мне до сих пор было больно думать о ней. Эта рана никогда не заживет. Она умерла, так и не узнав, что я любил ее. Я должен был сказать ей об этом. Должен был защитить ее. Я посмотрел на Гарри, лежащего с открытым ртом, — его храп наполнял комнату. Подумал о нем и о Кейт и Блок, спящих по соседству.

Они знали, чем рискуют, но мне от этого было не легче. Весь этот чертов городок ненавидел нас. Я подверг их опасности, но чувствовал, что пока в состоянии справиться с этим. Если б окончательно припекло, я бы отправил Кейт и Блок вместе с Гарри куда-нибудь подальше отсюда.

Я бы не вынес, если б с ними что-то случилось

из-за меня.

Зубы у меня скрипнули.

Я не брошу Энди в беде, что бы ни случилось.

День третий
Глава 18

Эдди

Кейт без особых нежностей растолкала меня в восемь утра. Она уже приняла душ и оделась в деловой костюм. На ногах у нее были кроссовки, а в руке — туфли на двухдюймовых каблуках.

— Приоритеты на сегодня: подать ходатайство об изменении территориальной подсудности для Энди и ходатайство об исключении его признания из перечня улик, а также попробовать добиться его освобождения под залог. В этом городишке он не добьется справедливого судебного разбирательства, и чем дольше будет находиться в камере, тем проще шерифу будет давить на него.

— Согласен. Как насчет того, чтобы сначала позавтракать?

— Гарри рассказал мне, что произошло вчера в закусочной. Может, мы могли бы позавтракать и немного поработать там? — предложила она. После чего показала мне приложение для записи голоса в своем телефоне и лукаво улыбнулась.

— Кейт, ты хороший адвокат, но проводишь со мной слишком много времени, — заметил я.

Огляделся, пытаясь сориентироваться. Я все еще находился в этом дерьмовом гостиничном номере, в дерьмовом городе, с гнилым делом на руках, и собирался разозлить целую кучу людей, которые, возможно, захотят меня за это убить.

Я принял душ, переоделся в свежую рубашку и костюм и сразу почувствовал себя лучше. Шампунь в ванной крепко пах лавандой, но это было лучше, чем запах засохшей крови. Достаточно рано выйдя из отеля, мы поехали в закусочную, из который накануне утром нас с Гарри выставил ее владелец, Гас. Там выбрались из арендованной Кейт машины, и я немного поотстал. Блок вошла первой. Похоже, что вокруг были те же лица, что и вчера, — все сидели на тех же местах и, вероятно, ели ту же еду.

Мы последовали за Блок к кабинке у окна. Я догадался, что она хотела, чтобы ее заметили.

Кейт с Гарри сели у стекла, Блок устроилась рядом с Кейт, у прохода, готовая встать, а я подсел к Гарри.

Гас, тот самый парень в засаленном фартуке, который накануне отказался нас обслуживать, подошел к нам с раскрасневшимся и блестящим

от пота лицом.

— Я, кажется, говорил вам вчера, что таких, как вы, здесь не обслуживают! Это христианская закусочная. Скайлар Эдвардс часто пила молочные коктейли прямо у меня за стойкой. Будь я проклят, если стану вас обслуживать! А теперь убирайтесь, пока я не позвонил шерифу!

Блок медленно поднялась. Парень был высок, но Блок четко встретилась с ним взглядом. Он скрестил руки на широкой груди.

— Что случилось с южным гостеприимством? — поинтересовалась Блок.

— Я покажу тебе еще кое-что, чем мы занимаемся на Юге, если ты не уйдешь, — прошипел Гас.

Блок улыбнулась. С хрустом покрутила шеей.

Парень вдруг заметно растерял всю свою уверенность.

— У тебя пять секунд, или я звоню шерифу.

— Давай, — лениво отозвалась Блок.

Гас попятился, не в силах понять, что происходит. Он не походил на парня, которого когда-либо пугала женщина, и явно не был до конца уверен, как с этим управиться. Подойдя к стойке, он подхватил беспроводной телефон и набрал номер.

Блок опять села.

Кейт достала свой мобильник, включила при-

ложение для записи голоса и спрятала телефон под стол.

Мы с Гарри откинулись на спинку сиденья, повернулись к окну и стали ждать, пока подъедет патрульная машина управления шерифа. Ждать пришлось недолго, не больше четырех минут. Довольно быстрое реагирование. Двое помощников шерифа, которые вышли из машины, сначала посмотрели на нас через окно, а затем открыли багажник и достали свои дубинки. Одним из них был тот усатый, которому накануне я врезал по яйцам, — помощник шерифа Леонард. Его приятель был намного крупнее и гладко выбрит. У него были злобные черные глазки, которые казались слишком маленькими для его головы. Вены проступали на его руках, словно черви, ползающие по загорелой коже.

Войдя, они направились прямиком к Гасу. Двое здоровенных парней в клетчатых рубашках, бейсболках, джинсах и с ярко выраженным чувством гражданского долга поднялись от своих тарелок с недоеденной едой и опустили руки по швам. Я подумал, что они могут попытаться оказать поддержку правоохранительным органам, вышвырнув нас пинками под зад на улицу.

Потом копы вместе с владельцем подгребли к

нам. У того, что покрупней, был более высокий чин. На его бейдже было написано: «Шипли, старший помощник шерифа».

Шипли стоял чуть позади Леонарда, наблюдая за тем, как его подчиненный справится с возникшей задачей. Оба они были одеты в черные форменные рубашки с короткими рукавами. Ворот у Шипли был расстегнут, и я увидел массивное распятие у него на шее. Дубинку он держал низко, но по побелевшим костяшкам пальцев я понял, что он крепко сжимает ее, готовый по первому же поводу расколоть кому-нибудь башку.

— Гас попросил вас уйти. Вы никому не нужны в этом городе. Я бы понял намек, Флинн, — сказал Леонард. Он поднял дубинку и похлопал ее толстым концом по ладони.

— Ты уж лучше поосторожней размахивай этой своей палкой… Так ведь и по яйцам себе можно случайно попасть, — заметил я.

— Аллё, давайте-ка вести себя цивилизованно, — вмешался Шипли.

— А почему это нам здесь не рады? — спросил Гарри.

— Вы действуете от имени этого убийцы, Энди Дюбуа. Скайлар была лучиком света в этом городе. Нам тут не нужны подонки вроде вас. Вам

здесь не рады, — сказал Гас, заглядывая Леонарду через плечо.

— Но Энди Дюбуа невиновен, пока его вина не доказана. И мы намерены проследить за тем, чтобы так оно и оставалось, — сказал я.

— Ничего себе невиновен… — буркнул Леонард. — Все в этом городе знают, что он виновен как смертный грех. Вам, ребятки, лучше остановиться где-нибудь в другом месте. И питаться в каком-нибудь в другом месте, раз уж на то пошло. Вам здесь не рады.

Я бросил взгляд на Кейт. Она улыбнулась и сказала:

— Спасибо, офицер.

После чего достала из-под стола свой телефон. Остановила запись, отмотала назад, проиграла фрагмент, чтобы убедиться, что со звуком все о'кей. Все оказалось в порядке.

— Это все, что нам нужно, чтобы подать ходатайство об изменении места судебного разбирательства, — объявила она. — Вы сами это только что сказали, офицер. Все в этом городе считают, что наш клиент виновен. Нам придется перенести рассмотрение дела в какое-нибудь другое место.

У Леонарда отвисла челюсть, но он быстро по-

пытался исправить свою ошибку, перегнувшись через стол и сделав попытку схватить телефон. Кейт ловко убрала мобильник, и его рука не встретила ничего, кроме пустоты.

Блок встала из-за стола, и оба помощника шерифа отступили назад, держа дубинки наготове. Мы с Гарри вслед за Кейт вышли из закусочной. Я остался у входной двери, придерживая ее для Блок.

— На вашем месте я бы как можно скорее убрался из города, — сказал Леонард, нацелившись дубинкой на улыбающееся лицо Блок. Он быстро шагнул вперед, вскинув дубинку над плечом — глаза расширились, губы скривились в усмешке.

А потом резко опустил ее, метя прямо в голову Блок.

Та не пошевелилась, не сводя с него глаз.

Дубинка застыла в воздухе в каких-то двух дюймах от ее черепа. Блок по-прежнему улыбалась. Неподвижная, как статуя. Ни на волос не дрогнув, даже инстинктивно. На ее месте я бы начал пригибаться еще при замахе. Блок знала, что он не посмеет ее ударить. Она просто выводила его из себя. Давала им обоим знать, что они ее не напугали.

Блок вообще ничто не могло напугать.

Насупленный взгляд Леонарда сменился удивлением. Он опустил дубинку и огляделся, словно чтобы убедиться, что кто-то еще столь же потрясен, как и он.

Шипли превратился в ледяную глыбу. Он не двинулся с места. Никак не отреагировал на попытку Леонарда напугать Блок. Она тоже это заметила. Так что проигнорировала Леонарда и встретилась взглядом с Шипли. Некоторое время они стояли так, не двигаясь. Наконец, вдоволь натешившись, Блок отвернулась от Шипли и направилась ко мне. Я все еще держал дверь открытой, когда она гордо проследовала мимо.

— Крутизна нечеловеческая, — сказал я ей.

Блок лишь подмигнула в ответ.

Направляясь к машине и уже протягивая руку, чтобы открыть дверцу, я увидел, что Шипли пристально смотрит нам вслед.

— Леонард — слабак. Хотя этим и опасен, — сказала Блок. — А вот Шипли совсем другой. В этом парне чувствуется стальная жилка и что-то еще.

— Что? — спросил я.

— Пока не знаю, но дело не только в его габаритах. Есть что-то очень нехорошее у него внутри. Он не хотел меня бить. Он хотел меня убить.

— А ты и вправду умеешь произвести впечат-

ление на людей, — заметил я.

— Это не я. Ты видел глаза у этого Шипли? Они не просто холодные. Они мертвые. Что-то внутри у него сломано. Нам надо быть поосторожней.

Вернувшись в машину, мы выехали на дорогу, намереваясь отыскать ту стоянку для дальнобойщиков, чтобы наконец самим осмотреть место преступления, как только я пущу по венам некоторое количество кофеина.

Глава 19

Эдди

Стопка блинчиков с сиропом и беконом в закусочной на шоссе заметно подкрепила силы. Я съел их так быстро, что едва ощутил вкус. А вот кофе оказался таким горьким и обжигающим, что я так и не смог его выпить. С тех пор, как я прекратил каждый вечер употреблять алкоголь, мне пришлось заменить его чем-то еще. Кофе оказался прекрасной заменой, пока у меня имелась возможность быстро и регулярно загонять его в организм. Теперь я уже начинал гадать, не подвергся ли какому-то проклятию, согласно которому мне больше уже никогда не суждено

выпить кофе. Я отставил практически нетронутую чашку в сторону.

Впрочем, пара банок «Кока-Колы» за завтраком несколько облегчили головную боль от кофеиновой абстиненции.

Кейт, подчистив свои тарелки, уже выложила перед собой на столик свой лэптоп.

— Я как раз заканчиваю ходатайство об освобождении под залог. Те, что касаются смены юрисдикции и исключении признания, уже готовы. Почему бы вам троим не осмотреть место преступления? Я к вам туда подойду, как только закончу.

В ее мобильник были воткнуты наушники, и она расшифровывала заявление помощника шерифа Леонарда, опрометчиво сделанное им у Гаса. Небольшой план, разработанный этим утром, сработал на ура.

Мы расплатились, вышли на улицу, и Блок сразу же направилась к бару Хогга. Площадка для дальнобойных грузовиков на самом деле представляла собой заправочную станцию, почтовое отделение и закусочную в одноэтажном торговом центре. Чуть в стороне от этого центра располагалось отдельно стоящее низенькое строение с неоновой свинкой на крыше и надписью «Бар

Хогга», намалеванной выцветшими красками на вывеске над дверью. Я толкнул дверь, но она не открылась. Больно уж рано, даже для дальнобойщиков.

Все эти постройки выходили фасадами на шоссе, которое находилось примерно в сотне метров от них. Огромные фуры с мощными тягачами стояли как перед зданиями, так и на посыпанной гравием площадке позади них. Площадка эта была размером с футбольное поле. Я предположил, что стоянка для грузовиков и бар пользовались немалой популярностью. Или, по крайней мере, когда-то пользовались. Территорию окружали остатки проволочной изгороди, за которыми росли деревья и простирались дикие земли. Бóльшая часть изгороди упала или проржавела насквозь. Тело Скайлар Эдвардс было найдено как раз там, примерно в двадцати футах от нее. Закопанным вниз головой, с торчащими из земли ногами.

Блок обошла бар по кругу — она хотела проследить, какие шаги Скайлар могла предпринять в ту ночь. Фонарный столб там был только один, высокий, на полпути между баром и шоссе. На парковке за баром никакого освещения вообще не было. Никаких камер наблюдения — ни у входа, ни на этом фонарном столбе.

Пройдя на зады бара, мы обнаружили табличку с надписью: «Парковка для персонала».

— Скайлар обычно звонила отцу, чтобы он отвез ее домой, — напомнила Блок.

— Она не звонила своему отцу, — сказал Гарри.

— Нам нужен ее…

Я хотел было подхватить: «телефон», но передумал, припомнив описание всего того, что было найдено на теле Скайлар или было закопано вместе с ней. Список мгновенно всплыл в памяти: кошелек, немного наличных, две банковские карты, читательский билет, жвачка, какая-то косметика… Мобильник там не фигурировал.

— У шерифа нет ее телефона. Его не было среди ее вещей, когда было найдено тело. Он пропал, — сказал я.

— Может, она забыла свой телефон дома? — предположил Гарри.

Я покачал головой. Скайлар была совсем молоденькой девчонкой, а в этом возрасте телефон всегда обязан быть при тебе. Кроме того, имеются показания сестры ее парня, Тори. Они разговаривали в тот вечер. Тори сказала ей, что Гэри собирается сделать ей предложение.

— Значит, ее телефон у копов?

— Я так не думаю. Они бы зарегистрировали

его изъятие на месте преступления. Даже если б и собирались с ходу повесить на кого-то это убийство, то вряд ли сообразили бы избавиться от ее телефона в тот момент. Просто внесли бы его в общий список, а позже попытались это скрыть. Нет, копы не указали мобильник среди ее личных вещей, потому что его там и не было. Его забрал убийца.

В задней части бара имелось только одно окно с неоновой рекламой пива «Миллер». Света она давала не слишком много. На задах бара были припаркованы четыре фуры — не исключено, что в ночь убийства их было и больше. Блок быстрым шагом направилась к тому месту, где было найдено тело Скайлар. Остановилась. Оглянулась на бар.

— Какое расстояние между задней стеной этого здания и тем местом, где ее нашли? — спросил я.

— Девяносто пять ярдов, — ответила Блок.

Не девяносто. Не сто. Девяносто пять. В этом вся Блок.

Тягачи, стоящие там этим утром, выглядели пустыми, но в кабинах могли быть люди, у которых наступил обязательный период отдыха.

Ночью в этом месте должно быть темно, как у черта в заднице. В зависимости от луны, ко-

нечно.

Блок вдруг испустила пронзительный вскрик.

Через десять секунд какой-то мужик открыл дверцу своей кабины, выглянул и спросил, всё ли в порядке. Блок кивнула. Он захлопнул дверцу как раз в тот момент, когда наружу высунулся другой водила, чтобы задать тот же самый вопрос.

— В баре могла греметь музыка, но я бы сказал, что вряд ли она могла тут что-то заглушить, — сказал я.

Блок кивнула.

— Повреждения на лице у Скайлар указывают на то, что в какой-то момент нападавший держал ее только одной рукой. У трупа синяки на руках, два сломанных пальца. Это последнее место, где ее видели, и именно здесь она и была закопана, — сказал Гарри.

Блок опять кивнула.

— Мы знаем это, но есть и многое, чего мы не знаем. Я думаю, кто-то все-таки мог слышать ее крики. Если только ее не увезли куда-то еще, а затем не вернули сюда уже мертвую, — сказала она.

— А как насчет прочих травм? — напомнил я. — Мы знаем, что причиной смерти было удушение, но на локтях и запястьях имелись следы от свя-

зывания, а на передней части тела — солнечные ожоги. А затем ее похоронили головой вперед в узкой могиле. Исчезла она в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое мая. Тед Бакстон нашел ее в ночь на шестнадцатое. Что произошло за эти двадцать четыре часа? Ее захватили на стоянке, затащили в кусты и убили? Или же держали где-то в другом месте, скорей всего, под открытым небом? А потом убили и привезли сюда, чтобы закопать? Я не понимаю…

— Не забывай о следах у нее на лбу, — напомнил Гарри. — От кольца с узором в форме звезды.

— Это было сделано намеренно, — уверенно произнесла Блок.

— Что было сделано намеренно? — не понял я.

— Синяки на руках, сломанные пальцы — все это, я бы сказала, получено в ходе борьбы. Но он не оставил следов от кольца нигде на ее теле, кроме головы. Я думаю, что эти следы были нанесены намеренно, — сказала она.

Мы двинулись вперед, за старую изгородь, через высокую траву к тому месту, где траву забросали землей, доставая тело, — пятачку размерами где-то десять на двенадцать футов. Вынутая почва была черной и липкой, как глина, но куда более влажной. Даже палящее солнце над

нами не могло справиться с такой влажностью. Мы были все в поту.

— Способ захоронения и впрямь крайне необычный… В такой рыхлой земле можно было сравнительно быстро вырыть неглубокую могилу. Зачем копать так глубоко? Пришлось бы воспользоваться мотыгой или киркой. Это заняло бы гораздо больше времени, — сказал я.

— Ее ноги, — сказала Блок.

— Что?

— Он хотел, чтобы ее ноги оставались над поверхностью.

— Почему?

— Понятия не имею, — ответила она.

Гарри отступил на шаг, и в этот момент я услышал негромкий всплеск и громкое ругательство, слетевшее с уст отставного судьи. Грязь из лужи забрызгала ему обшлага брюк. Но он не смотрел на свои штаны и перестал ругаться. Вместо этого уставился на лужу.

Вода в ней все еще болталась туда-сюда, отражая солнце. Похожее на яркую звездочку, попавшую в мутную воду.

— Подошвы ее ног вовсе не обгорели на солнце… — медленно произнес Гарри.

— Может, ее закопали уже после восхода солн-

ца шестнадцатого числа, всего за пару часов до того, как ее нашел Тед Бакстон?

— Дело не только в этом. Над ногами у нее должно было сиять кое-что еще, — сказал он.

Выражение лица у него было какое-то странное. Гарри Форда я уже сто лет знаю. Через что мы только с ним не прошли… Но я никогда еще не видел его таким. Глаза у него были широко раскрыты, и он сначала опустил взгляд вниз, затем задрал его в небо, а после оглядел траву и наши лица. Губы у него подрагивали, и он поднес к ним пальцы.

— Гарри, ты вообще как? Какой-то у тебя вид… чуть ли не испуганный, — сказал я.

— Отметины у нее на лбу — эти звезды… Это венец. Солнечный ожог, похоронена вверх ногами — господи, все сходится! — воскликнул он.

— Что сходится? — не понял я.

Сначала Гарри ничего не ответил — закрыл глаза, и губы у него при этом беззвучно шевелились, как будто он искал что-то в глубинах своей памяти, пытаясь как следует это вспомнить. А когда он заговорил опять, голос у него звучал совсем тихо и срывался на каждом слове.

— «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на

главе ее венец из двенадцати звезд… И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим…»[131]

Мы с Блок обменялись взглядами.

— Я десять лет мотался на заднем сиденье универсала моего отца, когда он проповедовал по всему штату, и читал там Библию, чтобы скоротать время, — объяснил Гарри. — Мы ищем дракона. Вот кто с ней это сотворил — великий зверь из двенадцатой главы Книги Откровения[132].

— Типа демона? — спросил я.

Гарри выпрямился, стиснул зубы и сказал:

— Нет, это сам дьявол.

Глава 20

---

[131] notes: 131

Откр. 12:1–3.

[132] notes: 132

Откровение Иоанна Богослова, также известное как «Апокалипсис» — последняя книга Нового Завета в Библии. Единственная апокалиптическая книга в Новом Завете и вторая вместе с ветхозаветной Книгой пророка Даниила в каноне Библии. Библейские цитаты приводятся в синодальном переводе.

Эдди

Блок уставилась на заправку. Направилась к ней. Мы потянулись следом.

Мы пробыли на улице минут пятнадцать, не больше. Рубашка у меня на спине промокла насквозь, у Гарри тоже. На лбу у Блок блестели капельки пота, но она по-прежнему была в своем темно-синем блейзере и белой футболке под ним. Блок даже солнцу не позволяла цепляться к себе. Стоя в тени у заправочных колонок, она разглядывала четыре камеры, расположенные на каркасе навеса.

Мы с Гарри зашли внутрь. Кондиционированное нутро «Сёркл Кей»[133] показалось натуральным раем. Ну, почти. Кофемашина у них тоже работала, но я слишком перегрелся для кофе. Вытащив из прозрачного холодильника четыре газировки и четыре бутылки простой воды, поставил их на стойку.

На плечах у парня за прилавком была футболка с эмблемой «Металлики», а на физиономии — улыбка, которой, как видно, его научили

---

[133] notes: 133

«Сёркл Кей» (*англ.* Circle K) — крупная американская сеть автозаправок с магазинами повседневного спроса.

настолько давно, что он успел забыть, как ее воспроизвести.

— Могу еще чего-нить вам предложить? — поинтересовался он.

— Конечно. Ваши камеры захватывают и какую-то часть площадки за баром? — спросил я.

— Угу-у-у, — протянул этот парнишка.

— Мы следователи. Ты в курсе про убийство, которое произошло на этой площадке?

Я не стал говорить ему, что мы действуем от имени подозреваемого — равно как и врать, будто мы представляем обвинение.

— Ну да, конечно. Просто жуть, — сказал он.

— Можно нам глянуть записи с камер за тот вечер? — продолжал я.

— Угу-у-у, — опять протянул он, как будто был одновременно и обижен, и сбит с толку.

— Это не займет много времени, — заверил я.

— Вы из управления шерифа или что-то типа того?

— Что-то типа того, — сказал я.

— Ну тада лана, — ответил он и поднял откидную часть прилавка, чтобы впустить меня.

Я постучал в витринное стекло, предупреждая Блок. Гарри последовал за мной, но ничего не сказал. В материалах дела, представленных об-

винением, не упоминалось ни о каких записях с камер наблюдения. Всегда остается вероятность того, что правоохранители упустят что-то важное — из-за профессиональной некомпетентности или обычного раздолбайства.

Я спросил у парнишки, как его звать, и он сказал, что Дэмиен Грин. Ему был всего двадцать один год, и его ай-кью был явно лишь ненамного больше, но он был нам полезен — вот и все, что сейчас меня волновало.

В подсобке за прилавком стоял небольшой сейф, на письменном столе лежали стопки каталогов «Товары — почтой», а на стене висел план пожарной эвакуации. На другом конце помещения стоял еще один стол с компьютером и сразу двумя экранами, каждый из которых был разделен на четыре отдельных окна с изображениями с разных камер. На большинстве была собственно заправка с разных ракурсов. Одна из камер показывала дорожку, ведущую ко въезду на заправочную станцию, другая — выезд с нее. Я не спеша изучил виды с каждой из камер.

— Северо-западный угол. Второй экран, внизу справа, — сказала Блок у меня из-за спины.

Парень повернулся и спросил:

— А у вас есть какие-нибудь документы?

— Есть, — сказала Блок.

Но даже не потянулась за ними. Не выказала никакого желания их показать.

— Лана, — кивнул Дэмиен — и больше уже ни о чем не спрашивал.

Я опять посмотрел на второй экран. В нижний левый угол. Ну конечно… Это была ближайшая к бару заправочная колонка, за которой виднелось здание бара — в кадр попадали его входные двери и площадка на задах, примерно на ту же длину, что и основная парковка.

— Тут у вас есть запись за вечер четырнадцатого мая? — спросил я. — За тот вечер, когда убили Скайлар Эдвардс?

— Думаю, что да.

Дэмиен присел за компьютер, открыл окно поиска и стал просматривать список дат и чисел, набранных мелким шрифтом.

— Есть! Хотите посмотреть?

— Конечно, — сказал я.

Он щелкнул по одной из дат в списке. Тут же выскочило диалоговое окно: «Не удается найти указанный файл».

Дэмиен попробовал еще пару раз, с тем же результатом. Затем щелкнул по файлу, указанному строчкой выше, от пятнадцатого мая, и его тоже

не удалось найти. Записи за тринадцатое и шестнадцатое мая были доступны.

— Кто-то стер этот файл? — спросил я.

— Наверное… Не знаю. Видать, случайно, — сказал Дэмиен.

— Это было бы просто невероятное совпадение, — произнес Гарри.

— Не совсем, — ответил Дэмиен. — Это могло произойти, когда люди из управления шерифа скачивали эту запись на флэшку.

Глава 21

Корн

Входя, Том Вингфилд едва не снес дверь в кабинет Корна — лицо его выражало решимость, а в кулаке были зажаты какие-то бумаги. Корн поднялся на ноги, взял протянутые ему страницы и начал читать.

— Ходатайства от Флинна. Они хотят освобождения под залог, исключения признания Дюбуа, смены места рассмотрения дела и предоставления всех материалов обвинения. Посмотрите на последнее ходатайство. Они утверждают, будто мы утаили записи с камеры наблюдения, и теперь

хотят их получить. Судья назначил слушание на пятнадцать ноль-ноль.

Корн кивнул, бегло просматривая страницы. Был уже почти полдень.

Челюсть у него ходила вверх и вниз, а глаза бегали из стороны в сторону.

— Помощнички Ломакса создали нам проблемку… — протянул он. — Ты видел какие-нибудь записи камер наблюдения с этой заправки?

Том покачал головой.

— Нет, не видел.

— Я тоже. И не похоже, что этот парень с заправки, Дэмиен Грин, сейчас лжет, так ведь?

— Не вижу, каким образом он может быть замешан в этой истории. Может, этот Флинн подкупил его, или еще чего?

— Сомневаюсь. Дэмиен не знает, кто конкретно из помощников шерифа скопировал запись и стер оригинал, — знает только, что тот был одет в форму. Если б Флинн платил за дачу показаний, то попросил бы этого заправщика быть более конкретным.

— Мне позвонить Ломаксу? — спросил Том.

— Нет, с шерифом я сам разберусь. У нас этой видеозаписи нет, так что на этом всё, насколько это касается судьи. И нет смысла переживать

насчет того, что Дюбуа выйдет на поруки: у его родни нет ни шиша, чтобы внести залог. Вероятность того, что судья исключит признание, равна нулю. Насчет этого тоже можно не беспокоиться. Нет, главная проблема — это ходатайство об изменении места рассмотрения дела. Помощник шерифа Леонард на этой записи практически признает, что Дюбуа не сможет добиться справедливого судебного разбирательства в Бакстауне.

Том переступил с ноги на ногу, и Корн заметил, что он поигрывает золотым кольцом на среднем пальце правой руки. Он постоянно теребил его, крутя вокруг пальца.

— Ты ведь служил в шерифском управлении Бакстауна до того, как перевестись сюда… Кто из помощников шерифа мог скопировать эту запись с камеры и зачем им это понадобилось?

— Даже близко не представляю, — ответил Том.

Досадливо крякнув, Корн бросил страницы на стол и повернулся к Тому спиной. Наклонился, упершись руками на бедра и опустив голову. Крепко сжал мышцы чуть выше колена, и губы у него задрожали от боли.

Потом он резко выпрямился, подобрал со стола сотовый телефон и набрал номер губернатора. Те-

лефон у того был выключен. Он глянул на часы.

— У меня уже нет времени ехать в Монтгомери на встречу с губернатором, чтобы вернуться сюда к трем. Скажи девушкам за дверью, чтобы они продолжали названивать в офис губернатора, пока кто-нибудь не ответит на этот чертов звонок.

— Но губернатора сейчас нет в Монтгомери. Он за городом, на химическом заводе. Они пытаются пересмотреть условия сделки с банком, и Пэтчетт сейчас там — хочет попробовать помочь им продлить кредит, — сказал Том.

Сняв пиджак с вешалки в углу, Корн просунул руки в рукава и, сдернув с головы застрявший на макушке воротник, направился к выходу из кабинета. Том последовал за ним.

— Позвони на завод, скажи, что мне нужно ровно пять минут пообщаться с губернатором. А потом обзвони новостные телеканалы, радиостанции и газеты. Объяви им, что в час дня возле проходной завода состоится пресс-конференция.

— Есть какие-то пожелания касательно того, с какими конкретно новостными каналами, радиостанциями и газетами стоит связаться?

— Со всеми, — сказал Корн. — По всему штату, по всей стране, если получится.

— Как мне подать тему этой пресс-конферен-

ции?

— Пока никак. Просто скажи им, что она того стоит, и пусть лучше они будут там, иначе я этого не забуду.

Через десять минут Корн уже сидел за рулем своего «Ягуара», и дорога летела ему под колеса. Подключив свой одноразовый мобильник к системе громкой связи машины, он ждал, пока шериф ответит ему по собственному одноразовому телефону. У обоих на всякий случай имелись такие.

— Где пожар? — спросил Ломакс, отвечая на звонок.

— Похоже, что в вашем управлении. Сегодня утром у Леонарда и Шипли произошла стычка с Флинном и его командой. У него есть цифровая запись голоса Леонарда, который утверждает, что весь город знает о виновности Дюбуа. Они подали ходатайство об изменении места слушания, — сказал Корн.

Ломакс вздохнул.

— Тупей Леонарда только поискать… Могло быть и хуже. У Шипли есть темная жилка. Он у меня на коротком поводке, но может больно укусить, если его спровоцировать.

— Это еще не все. Похоже, что продавец на

заправке на Юнион-хайвей подписал аффидевит [134], что какой-то помощник шерифа из Бакстауна скопировал запись с камеры наблюдения, нацеленной на площадку для дальнобойщиков, — за ночь убийства и за следующий день, а затем удалил исходный файл. Я впервые слышу об этом.

— Я тоже. Поспрашиваю у ребят; может, кто-нибудь из них что вспомнит… Вы опасаетесь, что это может дать нам другого подозреваемого?

— Да мне плевать, пусть даже эта запись полностью оправдывает Дюбуа! Я не хочу знать, что там на ней, — я просто хочу знать, где она сейчас, чтобы быть уверенным, что она в последний момент где-нибудь не всплывет и не торпедирует мое дело.

— Как уже сказал, я поспрашиваю.

— Обязательно дай мне знать, как что-нибудь выяснишь. И еще кое-что. Флинн подал ходатайство об освобождении на поруки, но у Дюбуа нет средств, чтобы внести залог. Когда сегодня вечером, после слушания, он вернется в свою камеру,

---

[134] notes: 134

Аффидевит — письменные показания лица, выступающего в роли свидетеля, которые при невозможности его личной явки даются под присягой и удостоверяются нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

проследи за тем, чтобы он понял, что не стоит разговаривать с этими адвокатами. Подсади к нему в камеру своего человечка. Грамотного. Правда, я не хочу, чтобы Дюбуа настолько пострадал, что пришлось отложить процесс. Нужно просто передать ему сообщение.

— И как вы хотите, чтобы это сообщение было доставлено? — спросил Ломакс.

— Медленно. Может, хватит и просто сломать ему пальцы. Сустав за суставом. На ногах тоже.

— Я прослежу за этим. И это всё?

— Ну уж нет, это только начало! Флинн тоже должен получить такое же сообщение, — сказал Корн.

— Как вы это видите? — спросил Ломакс.

Корн поговорил с ним еще немного, а затем закончил разговор, заехал на стоянку химического завода, предназначенную для посетителей, и направился к проходной. Завод представлял собой большое здание, обшитое алюминиевым сайдингом, из-за чего зимой там было холодно, а летом жарче, чем в аду. Проходная для администрации была стеклянной, с двойными дверями и единственной секретаршей за старым компьютером. Завидев Корна, она сняла трубку телефона, стоящего на столе.

Корн с облегчением укрылся от жары в вестибюле с кондиционером. Пол здесь был выложен черной плиткой, которую, наверное, хрен отдраишь дочиста, кожаные диваны тоже были черными. Он остался стоять, наблюдая за лестницей сразу за приемной стойкой. Через несколько минут увидел итальянские кожаные туфли ручной работы, спускающиеся по лестнице. За обувью последовали хорошо сшитый костюм в синюю полоску, белая рубашка и темно-красный галстук — цвета свежей крови. Человеком в этой рубашке с галстуком, костюме и туфлях был Крис Пэтчетт, губернатор штата. Волосы у него были малость длинней, чем следовало, и в этой густой черной копне, разделенной на косой пробор, кое-где, особенно по бокам, проглядывали седые волоски. На такой должности, как у него, — вполне обычное дело.

— Рэндал, что это такое я слышу про какую-то пресс-конференцию? У нас пока что нет соглашения между компанией и банком, но я ценю вашу уверенность в моих способностях, — сказал Пэтчетт.

Обменявшись рукопожатием, они отошли за пределы слышимости секретарши.

— Этот завод тут совершенно ни при чем. Я

хочу попросить вас о кое-каком одолжении, — сказал Корн.

— Вы меня знаете: я всегда вас прикрою. Органы правосудия у меня в приоритете — это всегда приносит пять очков на любых выборах. Что именно я должен сказать прессе?

И как раз в тот момент, когда Пэтчетт произносил эти слова, Корн заметил эту самую прессу. Фургон передвижной телевизионной станции с логотипом телеканала на боку и спутниковой тарелкой на крыше.

— Вы умный человек, губернатор. Гораздо умней, чем считает кое-кто в партии, и вы легко переживете неприятные последствия, которых можно в данном случае ожидать. Если что, то я бы сказал, что ваш рейтинг и электоральная база взлетят до небес. Но давайте внесем ясность: сегодня я не хочу, чтобы вы были умным. Сегодня я бы хотел, чтобы вы сказали кое-какую совершенно вопиющую глупость.

Глава 22

Эдди

Отправление закона — дело небыстрое, в боль-

шинстве случаев. А иногда приходится и гнать во весь опор.

Гарри честь по чести оформил заочные показания того продавца с бензоколонки, Дэмиена Грина. Парень оказался честный, а в наши дни это качество встречается куда реже, чем когда-то.

Кейт по уши закопалась в бумаги, подготовив ходатайства о срочном освобождении под залог и переносе рассмотрения дела из Бакстауна в какое-нибудь другое место, ходатайство об исключении из числа улик полученного под давлением признания Энди и запрос о предоставлении нам всех материалов обвинения — в первую очередь нам требовалась та видеозапись с бензоколонки.

Мы с Гарри внимательно прочли все документы, подготовленные Кейт, но добавить или изменить там было нечего. Она справилась с этим делом даже лучше, чем удалось бы мне самому. Составляя эти ходатайства, Кейт сохраняла ясный, ровный тон. Аргументировала свои доводы исключительно неопровержимыми фактами, а мало что можно противопоставить фактам — по крайней мере, в зале суда.

Ходатайства были сразу же отправлены по электронной почте в прокуратуру и суд, и когда мы возвращались на машине в отель, Кейт

позвонили и сказали, что судья рассмотрит все предоставленными нами документы сегодня в три часа дня.

Время у нас было, но очень мало.

Мне требовалось принять душ и переодеться. Кейт по-прежнему выглядела достойно, как и с утра. Погрузившись все в тот же здоровенный темно-синий «Шевроле» с полным приводом, мы отправились в суд.

Когда подъезжали к судебному зданию, я заметил снаружи толпу — каких-то мужиков в камуфляже, плотных черных жилетах на торсах, в бейсболках и с винтовками AP-15 [135] на плечах или пистолетами на поясах. У некоторых были американские флаги, а двое или трое из них держали какие-то плакаты на палках. У подножия лестницы здания суда собралось в общей сложности около дюжины человек.

— У здания суда не останавливайся, — распорядился я, обращаясь к Блок. — Припаркуйся сзади, а там посмотрим, есть ли здесь какой-нибудь другой вход.

---

[135] notes: 135

AR-15 представляет собой гражданскую версию автомата (штурмовой винтовки) AR-10/M-16, предусматривающую только полуавтоматический (самовзводный) режим — примерно как наша «Сайга» на базе «Калашникова».

Блок прибавила газу, обогнула толпу и по длинной дуге провезла нас к стоянке за зданием суда. Мы вышли из машины прямо на солнце — от асфальта поднимался жар, как от раскаленных углей. Увы, но в здании не оказалось иного заднего входа, кроме пожарной двери, которую, похоже, очень давно не открывали.

— Как они узнали о слушании? Не думаешь, что это Корн их предупредил? — спросил Гарри.

— Наверное, он сообщил отцу Скайлар, а тот все это и организовал, — предположил я.

— Тут разрешено носить штурмовые винтовки в общественных местах? — недоверчиво спросила Кейт.

— Добро пожаловать на Юг, — отозвался Гарри. — В этих краях можно таскать с собой полностью заряженный автомат, но нельзя держать в руке открытую банку пива.

Мы опять двинули вокруг здания к главному входу. Гуськом. Я шел впереди, Блок — замыкающей. Гарри и Кейт — посередине. Толпе не потребовалось много времени, чтобы нас заметить. Они сразу же меня узнали. Я увидел, как двое впереди тычут в нас пальцами.

Я огляделся по сторонам.

Ни одного судебного охранника на улице.

Предводитель этой гопы отделился от остальных и встал прямо у нас на пути. Обойти его и войти в здание суда было решительно невозможно. У него была седая козлиная бородка, бронежилет, натянутый поверх футболки с изображением американского орла, и красная бейсболка с каким-то давно стершимся политическим лозунгом, которая прикрывала его лысую башку. В руках этот тип держал AP-15. Он ничего не сказал. Просто стоял, не сводя с меня своих маленьких блестящих глазок и держа указательный палец на спусковом крючке.

Сквозь толпу протолкался какой-то молодой человек, который встал рядом с ним. Чуть за двадцать, светлые волосы, голубые глаза… Симпатичный паренек, да и сложен как квотербек. На нем были синие джинсы и рубашка «Найк», и, в отличие от остальных, он не был вооружен.

— Скажи ему, кто ты, Гэри! — раздался чей-то голос из задних рядов.

На звук своего имени молодой человек обернулся, и я догадался, что это Гэри Страуд, парень Скайлар Эдвардс.

— Не пропускай этих сволочей! — сказал Гэри мужику с козлиной бородкой и винтовкой, стоявшему передо мной.

Я повернулся боком, пытаясь проскользнуть мимо них, но лысый двинулся вправо, а Гэри шагнул синхронно с ним, преграждая мне путь. Не успев остановиться, я уткнулся прямо в физиономию мужику, и он, перехватив свою винтовку обеими руками поперек живота, отпихнул меня назад.

Блок обошла его и встала рядом со мной, согнув правую руку и растопырив пальцы. На поясе у нее был ствол, «Смит и Вессон 500», способный проделать в этом парне дыру достаточного размера, чтобы я мог в нее пролезть.

Мужики позади него придвинулись ближе, начав понемногу сосредотачивать свое внимание на Гарри.

— Предлагаю тебе сделку, — сказал я человеку с козлиной бородкой.

После чего достал из кармана его бумажник, открыл его и достал водительские права. Я подрезал этот лопатник, когда он налетел на меня. Это уже сила привычки. Самый простой способ осуществить щипок так, чтобы контакт не был замечен, — прикоснуться к какой-нибудь другой части тела терпилы. Это отвлекает внимание, как физически, так и психологически.

— Брайан Денвир, проживает на Калабасас-ро-

уд, двести двадцать четыре… Здесь написано, что тебе полтос, но выглядишь ты минимум лет на семьдесят, — сказал я.

Осознание услышанного заняло некоторое время. Эти парни выглядели не слишком сообразительными, и мне было грустно признать, что, вероятно, так оно и было. Постепенно бородатый узнал бумажник у меня в руке.

— Сукин ты сын, это же мой бумажник… — прошипел он, загибая палец вокруг спускового крючка винтовки.

— Рад познакомиться, Брайан, — продолжал я, пересчитывая банкноты в заднем отсеке бумажника. — У тебя тут сорок три доллара нальником и скидочная карта зоомагазина «Петс-ар-ас». Гуляем! Почему бы тебе не пойти и не купить себе хомячка, чтобы было с кем поиграть? Можешь назвать его Дэвид Дьюк[136], нарядить его в маленькое беленькое платьице, а потом запихнуть себе в задницу.

Физиономия у него злобно скривилась.

— Отдай мне мою вещь! — потребовал он, а

[136] notes: 136

Дэвид Эрнест Дьюк (р. 1950) — один из самых одиозных ультраправых американских политиков. Известен как бывший «великий магистр рыцарей Ку-клукс-клана», белый националист, расист, теоретик семитского заговора и отрицатель Холокоста.

затем сделал то, чего мне меньше всего от него требовалось, — отступил на шаг и начал вытягивать левую руку, отводя винтовку от тела, чтобы направить ее прямо на меня.

Прежде чем ему это удалось, вмешалась Блок. Она положила руку куда-то на верхнюю часть AP-15, раздался металлический щелчок, и когда она отступила, в одной руке у нее был патрон, а в другой — отстегнутый от винтовки магазин. Все это произошло в мгновение ока, одним плавным движением. Из нее вышла бы отличная карманница. Блок бросила оба трофея себе под ноги, а затем откинула куртку с бедра, демонстрируя укрывшуюся там Мэгги.

Мэгги — так Блок прозвала свой любимый «Смит и Вессон» с патронами «0.500 S&W Magnum». Это один из немногих короткостволов в мире, который стреляет пулями пятидесятого калибра. С пятью патронами в барабане он весит почти шесть фунтов. При продаже этого ствола «Смит и Вессону» пришлось добавить опциональный дульный тормоз, поскольку отдача способна сломать запястье любому, у кого хватит ума держать его одной рукой.

Брайан, видать, знал толк в оружии, поскольку, едва только завидев Мэгги, отступил еще

на несколько шагов. Его бронежилет уже не имел никакого значения. Штука на бедре у Блок выплевывала куски свинца весом в триста пятьдесят гран со скоростью более двух тысяч футов в секунду. И могла пробить сплошную стену из шлакобетона, как мокрую салфетку.

— Все вы можете сейчас разойтись, — произнесла Блок. — Или же полезть за своими боеприпасами и навсегда остаться здесь, размазанными по тротуару. Думай быстрей, Брайан.

— Ваш клиент убил мою девушку, и он заплатит за это, так или иначе! — выкрикнул Гэри.

— Вы Гэри Страуд? — обратился я к нему.

Он сжал челюсти, желваки у него напряглись, а голубые глаза сосредоточились на мне. Парень заморгал, а затем кивнул.

— В таком случае я очень сожалею о вашей утрате, но вас неверно информировали. Энди Дюбуа не убивал вашу подругу, и мы это докажем.

Толпа позади них становилась все громче.

Глаза Брайана расширились от страха. Он знал, что будет первым, кто получит пулю.

Блок подмигнула.

— Ладно, парни, пожалуй, на сегодня хватит. Убери свой утюг, — выдавил Брайан, пятясь и поднимая руки.

Я положил его водительские права обратно в бумажник и перебросил его через дорогу.

Гарри и Кейт передо мной зашли в здание суда. Подобрав с асфальта патрон из винтовки Брайана и магазин от нее, Блок выбросила их в мусорный бак, а затем повернулась спиной к толпе и тоже вошла внутрь.

Теперь, на расстоянии пятидесяти футов, когда Блок была уже внутри, у Брайана внезапно опять отросли яйца. Он осклабился и послал мне воздушный поцелуй.

Не исключено, что, если нам удастся вытащить Энди Дюбуа под залог, тот может оказаться в большей опасности, чем оставаясь в бакстаунской тюрьме. Но это был шанс, которым обязательно требовалось воспользоваться. С толпой разъяренных вооруженных идиотов я еще был способен справиться, но ничем не мог помочь Энди, пока он оставался во власти шерифа и окружного прокурора, пытающихся отправить его в камеру смертников.

Я повернулся и вслед за остальными вошел в здание суда. Блок предъявила на посту охраны свой ствол, а я снял ремень и вывернул карманы, готовясь пройти через металлодетектор.

Гарри уже стоял по другую сторону рамки. Он

печально покачал головой и иронически процитировал мои собственные слова:

— Поехали со мной в Алабаму, Гарри… Это МОЖЕТ быть опасно.

Я прошел через рамку, собрал свое барахло и бочком придвинулся к нему.

— Послушай, — сказал я. — Если мы выводим из себя таких людей, значит, наверняка делаем что-то правильное.

— Мы и раньше бывали во всяких переделках, но ничего подобного этому я не припомню. Я беспокоюсь за Кейт, — сказал он.

Кейт тем временем собирала материалы по делу и ходатайства, выложенные на досмотровый стол. Вид у нее был немного бледный. Блок подошла, взяла половину бумаг и положила руку ей на плечо. Они обменялись несколькими словами. Что это ни были за слова, они явно разрядили напряжение.

— Блок прикроет нам спины, — сказал я. — Нам нужно прекратить просто пытаться защитить Энди. Этого будет недостаточно.

— Что еще мы можем сделать?

— Не мы — Блок. Она прищучит Корна до кучи с шерифом. Вот наш лучший шанс выиграть это дело.

— И кто будет прикрывать нам спины, пока Блок будет охотиться за окружным прокурором?

— Мы будем сами присматривать друг за другом. А сейчас ближе к делу: у нас есть час до начала слушания. Скоро управление шерифа доставит Энди в суд. Тебе нужно быть готовым поговорить с этим парнем.

— Мне? — удивился Гарри.

— Тебе и Кейт. Заставьте его довериться вам. Пусть подпишет клиентский договор. Кейт вполне управится со слушанием.

— Ну а ты куда?

— Ну а я пока что попробую раздобыть ему кое-какую денежку для залога.

Глава 23

Кейт

— Я подброшу Эдди куда надо. Помогу ему с этими залоговыми деньгами, — сказала Блок.

Кейт кивнула, ощутив легкое трепыхание в животе. Нервничала она отнюдь не из-за предстоящего слушания — просто всегда чувствовала себя куда уверенней, когда Блок была рядом. Толпа на улице спокойствию тоже не способ-

ствовала.

— И сразу же назад, — попросила Кейт.

Блок кивнула и направилась к выходу, а Кейт и Гарри двинулись по коридору старого здания суда. Дверь впереди вела в изолятор временного содержания, и Кейт ощутила тюремный запах еще до того, как Гарри открыл ее. Это была некая комбинация душка разложения и застоявшейся воды. Ступеньки лестницы, спускающейся в изолятор, были из старого камня и основательно протерлись посередине от долгого использования. Единственная трубка дневного света отбрасывала больше теней, чем этого самого дневного света. Из-за этого протертые в ступеньках углубления были практически не видны, и Кейт пару раз оступилась, едва не полетев кувырком.

У подножия лестницы обнаружился письменный стол, а также шкафчики, словно в раздевалке спортзала, в которые адвокаты могли убрать свои мобильные телефоны. На столе лежал регистрационный журнал. Единственный охранник что-то просматривал на своем телефоне и жевал сэндвич, от которого пахло почти так же мерзотно, как и от камер.

— Кейт Брукс и Гарри Форд к Энди Дюбуа, — со-

общила Кейт.

Охранник посмотрел сначала на нее, затем на Гарри, не спеша дожевал и проглотил откушенный кусок сэндвича, а недоеденное положил на стол. Потом встал, поддернул ремень и ответил:

— Его еще не привезли.

— Мы подождем, — сказала Кейт.

— Делайте что хотите, — сказал он, возвращаясь к своему сэндвичу.

Кейт оглядела маленькую и очень душную квадратную комнатку. Направо вел узенький коридор, предположительно к камерам. Стены здесь были выкрашены особой разновидностью промышленной краски — бездушно-бежевой. На стенах висели инструкции по технике безопасности, касающиеся посещения заключенных и обращения с ними. Пластиковые плафоны потолочных светильников потемнели от пыли, никотиновых пятен и слоя дохлых насекомых. Кейт присмотрелась к стене за письменным столом охранника. Там висела белая доска с расчерченной на ней таблицей. В левой колонке были написаны номера камер, а справа — имена их обитателей и всякие особые указания.

«№ 1. Бойд, Ричард – склонен кусаться.

При транспортировке использовать кляп или капу».

Судя по этой таблице, все восемь камер были на данный момент заняты. А в четвертой строке вместо имени было написано просто «убийца». Больше никаких сведений об этом сидельце не приводилось.

— По-моему, вы сказали, что Энди Дюбуа здесь нет. Да вон же он — в четвертой камере!

— В четвертой? — переспросил охранник, поворачиваясь к таблице. — С чего вы взяли, что это он?

— Его имя не указано. Все камеры заняты. Его уже привезли сюда из управления шерифа, и шериф не хочет, чтобы мы с ним разговаривали. Вы хотите, чтобы я продолжила? — поинтересовалась Кейт.

— Дайте-ка проверю, — сказал охранник.

Сняв с пояса связку ключей, он исчез за углом узкого коридора. Кейт слышала, как он там с кем-то перешептывается. Выглянув из-за угла, она увидела, что охранник разговаривает с помощником шерифа. Это был Шипли, тот крупный темноволосый коп с мертвыми глазами.

— Полагаю, Энди только что доставили? —

спросила Кейт.

Оба обернулись.

— Конечно, — сказал охранник. — Идите за мной.

Гарри лишь покачал головой, пристраиваясь вслед за Кейт. Свернув за угол, она увидела широкую спину Шипли, исчезающую за дверью в конце коридора. Охранник отпер зарешеченную дверь слева, ведущую в более широкий коридор с камерами — по четыре с каждой стороны, с прочными стальными дверями.

Кейт и Гарри проследовали за охранником к камере под номером четыре. Тот отпер дверь и пропустил их внутрь. Это было помещение размерами всего восемь на восемь футов, выложенное плиткой, с деревянной скамьей, подковой огибающей стены. Молодой человек, который, судя по его виду, давно уже как следует не ел, лежал на этой скамье, прикрыв руками голову. Спиной к двери.

— Покричите или постучите, когда захотите выйти, — сказал охранник, прежде чем с грохотом захлопнуть дверь.

Кейт была рада, что Гарри сейчас с ней. Скрежет засова и лязг, с которым тот задвинулся до упора, относились к тем вещам, которые неукос-

нительно действовали Кейт на нервы. Медленно и ровно выдохнув, она произнесла:

— Энди?

Тощий парень обернулся.

Кейт сразу узнала Энди Дюбуа по фотографиям, которые видела в интернете, в газетах и по телевизору. У него было симпатичное, славное круглое лицо, большие глаза и маленький подбородок.

— Меня зовут Кейт Брукс, а это Гарри Форд. Мы работаем с Эдди Флинном, адвокатом, который виделся с вами вчера в вашей камере. Мы здесь, чтобы помочь.

Парнишка закрыл глаза и отвернулся от нее.

— Энди, — сказал Гарри. — Кейт хочет сказать, что мы здесь для того, чтобы попытаться вытащить тебя из тюрьмы. Сегодня. Примерно через два часа.

Когда Энди повернулся обратно, то сделал это быстро. На лице у него отразилось удивление, рот приоткрылся в виде буквы «О», но он быстро сник. Как будто что-то вспомнил, — может, то, что не стоит верить обещаниям адвокатов?

— Твоя мама скоро будет здесь. Мы считаем, что выйдет лучше, если вы с ней побудете дома во время судебного разбирательства. Как сам-то

думаешь? Ты хотел бы вернуться домой? — спросила Кейт.

Энди выпрямился.

— Он велел мне не разговаривать с вами. Сказал, что для меня и моей матери будет лучше, если я не буду общаться с адвокатами.

— Кто это тебе сказал? — спросила Кейт.

Говорила она мягко и негромко, побуждая Энди прислушиваться.

— Шериф Ломакс. Он типа как позаботится обо мне. И о моей маме, когда меня переведут в тюрьму штата после суда.

— А он сказал тебе, что произойдет после? — спросил Гарри.

— Он даст маме немного денег. Нет смысла с этим бороться. Я просто должен смириться с тем, что так все и будет.

— Энди, шериф и прокурор хотят, чтобы тебя казнили. Тебе либо сделают смертельную инъекцию, либо посадят на электрический стул, — сказал Гарри.

Энди помотал головой.

— Шериф сказал, что этого не произойдет, если я буду сотрудничать. И дал мне подписать какую-то бумагу. У меня не было возможности прочесть ее, но он сказал, что это защитит меня и гаранти-

рует, что с моей мамой все будет в порядке.

Кейт открыла папку и достала судебный документ, составленный окружным прокурором и подтверждающий, что тот добивается смертной казни. Деликатно присев рядом с Энди, она дала ему прочесть написанное.

— Этого не может быть… — пролепетал он.

— Еще как может. Смотри — вот печать суда, заверившего этот ордер.

Энди посмотрел на печать, прижал кулаки ко лбу и произнес:

— Ничего не понимаю… Тут что-то не то. Я никого не убивал.

Отыскав в своих бумагах клиентское соглашение, Гарри передал его Кейт.

— Нам нужно, чтобы ты подписал эти бумаги и тем самым официально заявил, что мы действуем от твоего имени и сделаем все возможное, чтобы спасти твою жизнь и доказать суду, что ты не убивал Скайлар Эдвардс.

— А как же моя мама? Я не хочу, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое! Коди пропал — шериф добрался до него. Я это знаю. Он и до вас доберется. Он сказал, что сегодня вечером ко мне в камеру подселят какого-то нового парня. Который объяснит мне, что не стоит разговаривать с

адвокатами.

Гарри и Кейт обменялись взглядами, после чего Гарри опустился рядом с Энди на корточки и сказал:

— Мы не допустим, чтобы с тобой или твоей мамой что-нибудь случилось. Она хочет, чтобы мы помогли тебе. И мы обязательно это сделаем. Ты умный парень, но тебя обманули и запугали, принудив к кое-каким действиям, которые навредили твоему делу. Теперь с этим покончено. Мы здесь, чтобы защитить тебя и бороться за тебя. И шериф ничего не сможет нам сделать. Мы — команда, и мы довольно крепкие ребята. Если ты хочешь выжить, ради своей мамы, возьми ручку и подпиши эту бумагу. Нам нужно вытащить тебя отсюда уже сегодня же.

Энди некоторое время размышлял над этими словами. Пожалуй, даже слишком уж долго. А потом взял ручку и нацарапал свою подпись. С такой силой, что кончик ручки оставил на деревянной скамье вдавленный след.

— Отлично, когда с этим разобрались, у меня есть кое-какие вопросы, — сказала Кейт.

— Какого рода вопросы? — спросил Энди.

— Важные. Давай начнем хотя бы с этого. Есть свидетель, Райан Хогг, который утверждает, буд-

то вы со Скайлар из-за чего-то поцапались, когда уходили с работы в тот вечер. Это правда?

— Мы со Скайлар никогда не ругались. Мы были друзьями.

— Ты видел еще кого-нибудь со Скайлар в тот вечер после работы?

— Нет. Она собиралась встретиться со своим парнем на какой-то вечеринке, но я не знаю, добралась ли она туда. Я пошел домой пешком.

— Ладно, хорошо. А вот вопрос немного посложнее. Полиция говорит, что у тебя были царапины на спине. А под ногтями у Скайлар обнаружили частички твоей кожи и ДНК. Можешь объяснить, как это могло произойти?

Глава 24

Кейт

За свою недолгую карьеру Кейт довелось предстать уже перед несколькими судьями. И по выражению лица судьи Чандлера она поняла, что день обещает быть непростым.

Один из советов Эдди: всегда изучай судей. Есть среди них и справедливые люди. А есть и предвзятые: в пользу мужчин, или полицейских,

или бизнеса — и приходится горы сворачивать, только чтобы избежать рассмотрения ими твоего дела. В юридической школе не учат тому, что даже самое выигрышное дело может быть проиграно из-за сволочного судьи. К этому требуется прийти самостоятельно.

Если Эдди практически не делал никаких заметок, работая над делом, то Кейт скрупулезно делала подробнейшие записи обо всем на свете. У нее имелся отдельный блокнот, посвященный судьям. С досье на каждого, с кем она сталкивалась или о ком слышала какие-то истории. Теперь там появились и истории про Чандлера. В основном из интернета, от возмущенных родственников подсудимых, которых Чандлер отправил в тюрьму или, что еще хуже, в камеру смертников. Они говорили, что он слишком близок с прокурором. Что Чандлер просто ненавидит адвокатов защиты и их клиентов.

Кейт вполне могла в такое поверить.

Обвинитель, Корн, даже словом с ней не перекинулся. Затаился за своим столом, словно какой-то огромный паук. Гарри сидел за столом защиты рядом с Энди и что-то тихо шептал ему — не позволял ему упасть духом и объяснял все то, что происходит в суде.

— Еще вчера защита Энди Дюбуа оценивалась как минус единица. А теперь, похоже, у него целая команда пафосных нью-йоркских адвокатов. Скажите, мисс Брукс, ваш клиент выиграл в лотерею? — поинтересовался судья Чандлер.

— Нет, ваша честь. Исчезновение Коди Уоррена по-прежнему вызывает точно такую же озабоченность у меня и у моего клиента, как, уверена, и у вас, — сказала Кейт.

Судья Чандлер какое-то время сохранял полную неподвижность, а потом его брови взметнулись вверх, словно усики у жука, засекшего какую-то опасность. В данном случае — явно талантливого адвоката защиты.

— Я ознакомился с вашими ходатайствами, мисс Брукс. Залог? Правда? По делу об убийстве, караемом смертной казнью?

— Да, ваша честь. У моего клиента нет паспорта [137], зато есть семья и прочные связи с этим сообществом. До предъявления данного обвинения его никогда не арестовывали, и учитывая опасность физического или эмоционального

[137] notes: 137

Имеется в виду то, что у нас именуется заграничным паспортом. В качестве удостоверения личности в США чаще всего выступают водительские права или карта социального страхования, а паспорт требуется только при выезде за границу.

давления…

— Кто сказал, что это ему грозит? — тут же перебил ее Чандлер.

— На мой взгляд, учитывая его возраст и неопытность в судебной системе, Энди Дюбуа весьма уязвим в этом смысле.

— Вы готовы вызвать для дачи показаний сертифицированного психолога?

— Если потребуется, то да, ваша честь, — ответила Кейт более уверенно, чем ей хотелось бы.

— Пока этого не произошло, держите свое мнение при себе, *дорогуша*, — отрезал судья. — Меня не волнует, что вы думаете или во что верите. Вы сейчас не выступаете в качестве свидетеля, вы адвокат. Так что больше никогда не делайте подобных заявлений в моем суде.

Она ощутила на себе пристальный взгляд Гарри. У него были добрые глаза. Он был мягким человеком, способным, когда это требовалось, проявить львиную храбрость. Кейт знала, даже не глядя, что Гарри своими большими карими глазами призывает ее сохранять спокойствие.

Она пошевелила пальцами ног в своих туфельках на скромных дюймовых каблучках. Как следует пошевелила. Еще одна хитрость от Эдди. Никто не видит, как ты это делаешь, а нервов

и тревоги как не бывало. Кейт обнаружила, что это помогает подавлять и гнев. Сжатая челюсть расслабилась, пальцы на ногах заныли, и она вновь обрела деловой настрой. Лучший способ заставить этого судью заплатить — как следует выполнить работу для своего клиента.

— Как я уже говорила, ваша честь, мой клиент…

— …может быть освобожден на поруки, — опять перебил ее Чандлер, откидываясь на спинку кресла с самодовольным выражением лица. — Под залог в размере пятисот тысяч долларов наличными. Вся сумма должна быть внесена суду до того, как он переступит порог вон той двери. Это самая низкая сумма, которая только может прийти мне в голову при столь серьезном обвинении.

С таким же успехом это мог быть миллион или десять. У Энди не было и пяти долларов. Кейт кивнула Гарри, который вытащил свой телефон и начал набирать сообщение.

— Ваше ходатайство об исключении улики отклоняется. Он может сколько угодно утверждать, что шериф запугал его, или солгал ему, или что угодно еще, что может прийти ему в голову, чтобы отказаться от своего признания. Меня это не интересует. Изложите эти аргументы перед

присяжными, мисс Брукс.

Два ходатайства в минусе. Одно удовлетворено, но откуда взять такие деньжищи? Кейт сглотнула и выпрямила спину — она была в гораздо большей степени заинтересована в изменении места слушания и получении материалов обвинения. Особенно в последнем — здесь никак нельзя было проиграть.

— Я ознакомился с вашим ходатайством об изменении места проведения слушаний. Мистер Корн, что вы можете сказать по этому поводу? — спросил судья Чандлер.

— Я думаю, что это ходатайство излишне, ваша честь. Могу я представить в качестве доказательства один видеоролик? — спросил окружной прокурор, жестом подзывая своего помощника. — Мистер Вингфилд записал заявление, сделанное сегодня губернатором Пэтчеттом. Не разрешите воспроизвести его для суда?

Вингфилд достал лэптоп, открыл его и какое-то время щелкал по клавишам и елозил пальцем по сенсорной панели, пока на экране не появилось видео, готовое к воспроизведению. Другой ассистент принес высокий стол, стоявший в глубине зала, чтобы и судье, и Кейт было хорошо видно запись. Вингфилд поставил на него компьютер,

ткнул на «Пуск» и опять занял свое место.

Видео выглядело так, как будто было снято в ходе пресс-конференции, имевшей место возле какой-то фабрики.

«И раз уж я сегодня здесь, то просто хочу заверить жителей Бакстауна и всех добрых людей округа Санвилл, озабоченных страшным преступлением по отношению к Скайлар Эдвардс, что ваш окружной прокурор не успокоится, пока правосудие не восторжествует. Она была очень популярной девушкой в этом городе, круглой отличницей и королевой выпускного бала. Ее забрали у нас, когда она училась на первом курсе колледжа. Энди Дюбуа обязательно заплатит за свое гнусное деяние. Я знаю, что есть много неравнодушных граждан, которые по праву напуганы и разгневаны жестокостью этого чудовищного убийства. Все, что я могу сказать, это что так или иначе справедливость будет восстановлена…»

Кейт просто не могла поверить в то, что слышала. Губернатор только что заявил, что Энди Дюбуа виновен — в прямом эфире, открытым текстом. И она знала, что все газеты, местные новостные агентства и радиостанции будут транслировать эту новость по крайней мере день или два. Весь состав потенциальных присяжных был только

что ею отравлен. Она взглянула на Корна и опять увидела у него на лице это странное подобие улыбки.

Кейт тут же предположила, что наверняка это он приложил руку к тому, что губернатор сделал подобное заявление. Это было умно, безжалостно, и в этом суде ему это вполне могло сойти с рук.

— Мисс Брукс, я не одобряю заявление губернатора, но уверен, что моего указания присяжным игнорировать любые заявления прессы будет вполне достаточно. Похоже, что любой ваш аргумент касательно того, что состав присяжных в Бакстауне скомпрометирован, теперь применим ко всему штату. Мы не станем переносить это дело в Нью-Йорк, юная леди. Ходатайство об изменении места рассмотрения отклоняется, — объявил судья.

— Ваша честь, обращает на себя внимание своевременность этой пресс-конференции. Которая почему-то проводится в момент, наиболее подходящий для окружного прокурора. Я бы попросила суд вынести частное определение в отношении губернатора и окружного прокурора и по крайней мере перенести судебный процесс из города, являвшегося местом проживания жертвы.

— Отказано. А теперь ваше ходатайство каса-

тельно предоставления материалов обвинения — тут совсем другое дело.

Кейт ощутила покалывание в животе.

Это ходатайство было подкреплено вескими доказательствами. Которые прокурор никак не мог отмести, даже если б судья Чандлер был у него в кармане. Что бы ни было на той записи с камеры наблюдения, это могло доказать невиновность Энди, и если б удалось убедить судью, что окружной прокурор намеренно утаил такую улику, Чандлеру не оставалось бы ничего иного, кроме как полностью закрыть дело против Энди. Это был очень важный момент. Кейт чувствовала связанное с ним давление и приветствовала его. Она специально готовила себя к подобным моментам.

— Это ходатайство может быть рассмотрено быстро, — продолжал судья Чандлер, поворачиваясь к Корну. — Мистер Корн, имеются ли в вашем офисе или в управлении шерифа какие-либо записи с камер наблюдения за ночь с четырнадцатого на пятнадцатое мая, имеющие отношение к рассматриваемому делу?

Корн встал, посмотрел на Кейт и сказал:

— Нет, ваша честь.

— Что ж, мисс Брукс, вот вам ответ. Ваше хода-

тайство представляет собой…

— Подождите, ваша честь, — прервала его Кейт, громко и даже с некоторой властностью. — У меня имеется должным образом заверенный аффидевит некоего мистера Дэмиена Грина, продавца магазина при заправочной станции, который утверждает, что представитель управления шерифа отыскал запись с камеры наблюдения за ту ночь и скопировал ее на флэшку. Он также заявляет, что этот представитель удалил видеозапись с жесткого диска, как только скопировал ее. Мы считаем, что у окружного прокурора имеются оправдывающие нашего подзащитного доказательства, которые он утаивает от защиты. Мы желаем получить эти доказательства или, в качестве альтернативы, требуем от суда снять обвинения с нашего клиента и подвергнуть сторону обвинения дисциплинарным санкциям. Мистер Дэмиен Грин является независимым свидетелем, и его аффидевит имеет значительный вес в любом суде.

Корн оглядел зал, приметив Патрицию Дюбуа, мать Энди, сидящую в самом последнем ряду галереи для публики. Кейт успела лишь совсем коротко переговорить с ней, сказав, что сделает все возможное, но не стала обнадеживать ее на-

счет возвращения Энди домой. Корн во весь голос окликнул шерифа, отчего Патриция вздрогнула на своем месте.

Двери в задней части зала суда открылись, и вошел шериф Ломакс. Кейт подумала, что он наверняка прислушивался к происходящему в зале, ожидая вызова Корна, словно ротвейлер, готовый наброситься по команде. Позади Ломакса шли один из его сотрудников и задержанный — молодой человек в разорванной футболке. Правый глаз был у него ярко-фиолетовым и почти не открывался, руки скованы спереди наручниками. Помощник шерифа рванул его за наручники, а затем взмахом руки приказал занять место на одной из скамей для публики.

— Ваша честь, это ваше следующее дело к рассмотрению. Наверное, есть смысл вкратце изложить его суть. Это мистер Дэмиен Грин — тот самый человек, на которого мисс Брукс ссылается как на предоставившего письменные показания под присягой в отношении видеодоказательств. Мистер Грин обвиняется в хранении и сбыте запрещенных веществ — метамфетамина, ваша честь. Насколько я понимаю, он готов признать себя виновным в этих преступлениях.

Кейт уже привыкла, что ее оппоненты прибе-

гают ко всяким грязным приемам. Но только не к чему-то подобному. Должно быть, они сразу же арестовали Грина, как только увидели его имя в аффидевите. Корн только что и камня на камне не оставил от ее ходатайства. На таком расстоянии понять было трудно, но у Грина была чистая хорошая кожа, он был упитанным и ухоженным, если не считать разорванной футболки, и последние три года бессменно работал на той заправке. Стоя за прилавком в «Сёркл Кей», баснословного состояния не наживешь, и как раз поэтому большинство наркоторговцев и наркоманов не слишком-то расположены трудиться в подобных местах. Кейт, судя по совсем короткому общению с ним, он показался честным работягой из категории «от девяти до девяти», в меру сил тянущим свой воз и честно зарабатывающим каждый доллар. А еще он явно был из пугливых. Шериф наверняка первым делом крепко врезал ему, судя по этому фингалу. Если б ее попросили угадать, Кейт сказала бы, что наркотики могли попасть к Грину только из багажника машины шерифа.

— Теперь ваш свидетель вряд ли заслуживает доверия, мисс Брукс? — заметил судья.

— Ваша честь, могу я коротенько побеседовать с мистером Грином?

— Нет! Я не хочу с ней разговаривать. Она все это выдумала, а вон тот человек позади нее сказал мне, что я должен это подписать! — выкрикнул Грин со своей скамейки, глядя на Гарри.

— Я проигнорирую это последнее утверждение. Однако, похоже, он не желает с вами разговаривать, мисс Брукс, — заключил судья Чандлер.

Нервы у Кейт окончательно сдали. Боевой запал тоже иссяк. Единственное, что удерживало ее на ногах, — это кулак, который она держала за спиной. Стиснув его, она впилась ногтями в ладонь. Корн смотрел на нее с самодовольной ухмылкой на тонких, словно червяки, губах.

— А за вами тут и не уследишь… — выдавила Кейт.

— Ваше ходатайство касательно предоставления доказательств отклонено. Отбор присяжных начинается завтра с утра, и, по моему опыту в данном суде, займет максимум день. По крайней мере, я очень на это рассчитываю. И да — пожалуйста, дайте мне знать, если ваш клиент все-таки внесет залог в размере пятисот тысяч долларов. Офис залоговой службы закрывается через пятнадцать минут. И помните: необходимо внести всю сумму целиком, и только наличными. А пока что рассмотрение дела отложено.

— Отправляйся с Энди в его камеру. Скажи им, что тебе нужно провести консультацию. Выиграй для нас сколько-то времени. А я позвоню Эдди, — сказал Гарри, уже держа в руке телефон.

Кейт взяла Энди за руку, дабы убедиться, что судебный пристав не разлучит их. Она уже решила, что не оставит парнишку наедине с этими людьми. Дэмиен Грин уже вышел вперед — его единственный уцелевший глаз был полон страха, когда было объявлено о рассмотрении его дела. Его избили и подставили, потому что он помог им. Этот городишко насквозь прогнил, и Кейт была готова сжечь его дотла, только чтобы спасти Энди.

— Что происходит? — спросил тот.

— Всё в порядке, — сказала Кейт. — Я тебя не брошу. Мы возвращаемся в изолятор, чтобы там поговорить. Вот и всё. Всё будет хорошо. Я не позволю им забрать тебя.

Ломакс снял с ремня дубинку и подошел к Энди.

— Давай-ка сопроводим тебя обратно в камеру, — пробурчал он.

Глава 25

Эдди

Припарковавшись перед бакстаунским отделением Национального банка, Блок врубила кондиционер и закрыла глаза.

— Устала? — спросил я.

Она подняла руку, растопырила пальцы и повертела ладонью взад-вперед: типа да, есть маленько.

— А я вот реально с ног валюсь, — сказал я. — Гарри жутко храпит.

Не обращая на меня внимания, Блок откинула голову на спинку сиденья. Бывшие копы обладают удивительной способностью засыпать в любой момент, когда им это нужно.

У меня блямкнул телефон. Сообщение от Гарри.

«Полмиллиона. Нальником. Если мы не вытащим его сейчас, шериф может убить его. Сегодня вечером к нему в камеру подсадят какого-то уголовника».

Вот гадство… Я набрал номер, и трубку сняли быстро.

— Привет, Эдди, как там дела? — отозвался Берлин.

— Не слишком-то хорошо. Никаких следов Коди Уоррена. Два коротеньких момента. В-первых, мне нужно, чтобы ты провел поиск по мобильному телефону жертвы. Его не было в ее вещах, когда нашли тело.

— Уоррен уже просил меня. Что касается сотового покрытия, то ее телефон был либо выключен, либо уничтожен прямо на месте преступления. С ночи убийства он не соединялся ни с одной сотовой вышкой. Что во-вторых?

— Шериф поместил Энди в окружную тюрьму и вовсю обрабатывает парнишку. Дело идет к тому, что тот признает себя виновным в преступлении, которого не совершал, если мы его оттуда не вытащим. Он напуган, а я не могу выиграть это дело, пока он там. Я должен вытащить его отсюда, поговорить с ним. Заставить его сказать правду. Если мы его не вытащим, парня в любой момент могут забить до смерти.

— Сколько?

— Ты всегда знаешь, как сразу перейти к делу. Поллимона. Наличными.

— Для внесения залога? Господи, неужели ты не мог хоть немного снизить сумму? Энди и за

всю свою жизнь полмиллиона не заработать!

— Я не смогу спасти жизнь этого малыша, если его убьют в камере. Если он предстанет перед судом — а он предстанет, — тогда ты получишь все обратно. Нас время поджимает. Я сейчас сижу в машине напротив бакстаунского Национального. Мне нужно, чтобы ты перевел эти деньги прямо сейчас.

— Ты бы хоть чутка пораньше предупредил…

— Прямо сейчас. Этот парнишка может и не дожить до утра. Избить Энди до смерти или повесить его в камере этой публике раз плюнуть.

— Ладно, черт возьми, но только проследи, чтобы он не сбежал из-под залога. Это под твою личную ответственность. Если ты его упустишь, то будешь должен мне пятьсот штук.

— Заметано.

— Хорошо. Заходи в банк, проверь счет на имя Форбса. Я тебя сейчас авторизую. У нас есть счета для оперативников — казначейство США получит уведомление только через двадцать четыре часа, а к тому моменту я переведу деньжат, чтобы покрыть разницу. Просто вытащи его оттуда.

Берлин повесил трубку.

Блок открыла глаза.

— Работаем, — сказал я.

* * *

Бакстаунское отделение Национального банка было сплошь из мрамора и стекла, с двумя операционистками и охраной на каждом углу. Блок принесла из машины пустую кожаную сумку, содержимое которой вывалила в багажник — дробовик, пуленепробиваемый жилет и патроны.

От сумки пахло порохом.

Кассирша заглянула в компьютер, сняла копию с моего удостоверения личности и ушла посоветоваться с менеджером. Затем вернулась и сказала:

— Мистер Флинн, вы полностью авторизованы на получение пятисот тысяч. Мы сможем заказать эту сумму для вас на следующей неделе.

— На следующей неделе? Нет, мне эти деньги нужны прямо сейчас.

— Сожалею, но у нас столько нет в сейфе. Сегодня мы можем выдать вам сто двадцать пять тысяч наличными, но это все, что у нас есть.

— А есть поблизости какое-нибудь другое отделение с дополнительными средствами?

— Ближайший к нам банк находится в Мобиле. Девяносто минут по таким пробкам.

В кармане у меня зазвонил телефон — Гарри.

— Эдди, нам нужны эти деньги, прямо сейчас. Залоговая служба закрывается через пятнадцать минут. Я постараюсь задержать служащую, но ты должен приехать сюда как можно скорее. Не знаю, смогу ли я уболтать ее задержаться после работы особо надолго.

— Это обязательно должны быть наличные? Он уточнил, что именно наличные? — спросил я.

— Да. Суд не примет банковский чек или долговую расписку. Только нал. Раздобыл уже?

— Максимум, что я могу получить, это сто двадцать пять тысяч.

Гарри вздохнул.

— Ломакс уже размахивает этой своей дубинкой… Кейт готова оставаться с Энди в изоляторе до тех пор, пока мы не внесем залог, но если мы его не выпустим, то его изобьют до полусмерти за то, что заговорил с нами. К утру его уже может и не быть в живых.

Что, черт возьми, мне оставалось делать? У меня не хватало каких-то трехсот семидесяти пяти тысяч.

— Гарри, у них в офисе в здании суда есть машинка для подсчета банкнот?

— Ты в Бакстауне, штат Алабама, — отозвался Гарри. — Машинка для подсчета банкнот — это

разведенка шестидесяти одного года от роду по имени Агата, которая работает тут клерком и вроде запала на меня.

— Блок, ты когда-нибудь видела в деле «Гарлем Глоубтроттерс» [138]? — спросил я.

Правая бровь Блок взметнулась к потолку.

— Все будет в порядке, — сказал я. — И так насобачишься. — Затем поднес телефон к уху: — Гарри, ты когда-нибудь видел «Гарлем Глоубтроттерс» в деле?

— Дважды. Мы устраняемся от суда, чтобы покидать мячик?

— Нет, у меня уже есть игрок. А вот насвистывать некому.

Глава 26

Эдди

Гарри Форд — один из самых обаятельных

---

[138] notes: 138

«Гарлем Глоубтроттерс» (*англ.* Harlem Globetrotters, букв. «Гарлемские путешественники») — странствующая американская баскетбольная команда из чернокожих игроков, основанная еще в 1920-х гг. В своих выступлениях сочетает элементы спорта, театрального шоу и комедии. Один из наиболее зрелищных моментов такого шоу — это когда члены команды становятся в круг и начинают хитроумные перепасовки с обманными финтами, когда за мячом порой просто не уследить глазом.

мужчин на планете. Я думаю, все дело в этом его глубоком голосе. Словно мед в бочке размешивают. Для своих лет выглядит Гарри вполне даже ничего, к тому же человек он веселый, но без пошлости. Он просто неотразим для определенных дам определенного возраста. Хотя тот факт, что теперь имелось уже три бывших миссис Форд, говорил о том, что его очарование длится не вечно. К тому времени, когда мы с Блок прибыли в залоговую контору, тамошняя служащая Агата была уже на пути к тому, чтобы стать четвертой миссис Форд.

У недавно разведенной Агаты была пышная копна аккуратно уложенных седых волос, джемпер на пуговицах поверх аккуратно выглаженной белой блузки и серые слаксы. Она сидела за своим столом в маленькой залоговой конторе на втором этаже и смеялась над одной из шуточек Гарри. Тот пристроился прямо на письменном столе, а Агата смотрела в его карие глаза так, словно они были сделаны из леденцов.

— Агата, это мои коллеги, мистер Флинн и мисс Блок, — представил нас Гарри, поднимаясь на ноги вместе с Агатой, когда мы вошли.

Блок не любила официальных обращений. Она была Блок. Не мисс Блок. Не миз Блок. Просто

Блок. Гарри тоже это знал, но его больше волновало, как удержать Агату под своими чарами. Он одними губами извинился перед Блок, которая бросила на него быстрый кислый взгляд, после чего широко улыбнулась Агате.

— Это деньги для внесения залога? — спросила Агата, указывая на большую сумку, пристегнутую наручниками к запястью Блок.

— Конечно, — сказал я. — Пятьсот тысяч. Наличными.

— Тогда приступим, дорогуша, мне нужно их пересчитать. Поставьте этот баул сюда, если не трудно, — сказала Агата.

— Нет проблем, — сказал я. — Но Блок будет оставаться при деньгах до самого момента передачи. Меры безопасности, знаете ли.

— Конечно, — кивнула Агата.

Гарри наклонился, прошептал что-то ей на ухо, и она озорно рассмеялась.

Блок поставила сумку на стол. Открыла ее. Достала пачку банкнот, перетянутую резинкой, и положила ее справа от сумки на стол перед Агатой. Я встал справа от Агаты. Гарри обошел вокруг стола, встав к нам лицом.

Сняв резинку, Агата принялась быстро отсчитывать банкноты, одну за другой снимая их за

уголок и беззвучно шевеля губами. Пачка состояла из пятисот стодолларовых купюр. Пальцы Агаты работали быстро, и она перебрала ее меньше чем за две минуты.

— Пятьдесят тысяч, — объявила она. Стянув пачку резинкой, положила ее справа от себя, передо мной, а Блок протянула ей другую пачку.

Гарри начал что-то насвистывать.

— Знакомый мотивчик, — заметила Агата, продолжая считать. — «Милая Джорджия Браун» [139]. Это не под нее когда-то играла та баскетбольная команда?

— «Гарлем Глоубтроттерс»? — уточнил Гарри.

— Она. Классная песенка…

Агата считала, как опытный кассир. Точно и быстро. Раз случайно захватила сразу две купюры, облизала большой палец и принялась пересчитывать пачку заново.

Когда она закончила, на письменном столе лежало десять пачек банкнот. Высота каждой составляла чуть более двух дюймов.

— Пятьсот тысяч, как в аптеке, — объявила Агата.

---

[139] notes: 139

Когда мелодия старой джазовой композиции «Милая Джорджия Браун» (Sweet Georgia Brown) использовалась в качестве гимна «Гарлем Глоубтроттерс», то именно насвистывалась.

— Могу я получить квитанцию? — поинтересовался я.

— Конечно, — отозвалась она.

Блок отстегнула от сумки наручники, бросила их внутрь и застегнула молнию.

Агата куда-то позвонила и попросила, чтобы Дюбуа доставили в залоговую контору. Потом подготовила квитанцию на полмиллиона долларов, подписала ее, заверила печатью санвиллского окружного суда и отдала мне.

— Спасибо, — сказал я, пряча квитанцию в бумажник.

Агата пересчитала деньги правильно. И насчитала пятьсот тысяч долларов. Десять пачек по пятьдесят тысяч. Из расчета по пятьсот стодолларовых купюр в пачке.

И все же я знал, что на столе сейчас лежало всего сто десять тысяч.

Проблема Агаты заключалась в том, что она пересчитывала одни и те же пачки.

Каждая долларовая купюра любого достоинства весит ровно один грамм. И сотня, и всего один доллар весят абсолютно одинаково. Все банкноты, выпущенные в Соединенных Штатах, имеют одинаковый размер — 6,14 дюйма в длину и 2,61 дюйма в ширину. Если подсунуть в пачку

однодолларовых купюр по несколько соток сверху и снизу, то никто ничего и не просечет.

Когда Агата закончила пересчитывать первую пачку в пятьдесят тысяч долларов, Блок протянул ей вторую пачку, в которой опять было ровно пятьдесят тысяч долларов. Дальше все пошло как по маслу. Пока Агата, склонившись над столом, орудовала своим резиновым наперстком, Блок доставала из сумки пачку, состоящую из однодолларовых банкнот и десяток с сотками снизу и сверху и за спиной у Агаты незаметно протягивала ее мне. Я убирал их правой рукой за спину и подменял настоящей пачкой, отложенной Агатой в сторону. Настоящая пачка с пятьюдесятью тысячами отправлялась из-за моей спины и за спиной у Агаты прямиком к Блок, которая подкладывала ее в сумку левой рукой, чтобы достать и отдать Агате, когда та будет готова пересчитать новую пачку, не зная, что уже пересчитала ее. Когда Гарри прекращал насвистывать, это означало, что Агата перестала считать и могла заметить, как я подменяю пачки. Пока же он насвистывал, все у нас было пучком. Мы с Блок перекидывали эти пачки у себя за спинами, между Агатой, с ловкостью Халли Брайанта и Уилли Гарднера из «Глоубтроттерс», пока Гарри исполнял их гимн.

Агата убрала все десять пачек в сейф, захлопнула дверцу и заперла на ее на ключ.

— Готово дело. Удачи, Гарри. Может, еще увидимся? — спросила Агата.

— Конечно, увидимся за ужином, как и договорились, когда всё тут уладим, — ответил Гарри.

Мы оставили Агату в ее кабинете и с квитанцией о внесении залоговой суммы спустились вниз.

— Эдди, если дело кончится тем, что я опять женюсь, то ты будешь должен пятьсот штук уже мне, — заметил Гарри.

— Не переживай, — заверил я. — Мне такую сумму раздобыть — раз плюнуть.

Глава 27

Эдди

Вид Энди Дюбуа, когда он на заплетающихся ногах поднимался по лестнице из изолятора, вызвал у меня приступ ярости. Он был настолько изможденным и слабым, что Блок пришлось практически нести его на руках. На лодыжках, локтях и кистях рук у него были ссадины, оставленные соприкосновением с бетонным полом.

Когда Патриция увидела его вблизи, для нее это оказалось уже слишком. Радость от того, что ее сын у нее в руках, и осознание того, в какого изможденного, больного человека он превратился, заставили ее расплакаться от боли и облегчения.

— Почему ты так исхудал? Тебя там вообще кормили? — спросила она в промежутках между всхлипами.

— Я предпочитал там не есть. В моем картофельном пюре было что-то острое. Я порезал язык, да и сзади потом кровь шла, — сказал он.

Она прищурилась, не понимая, что это значит. Я-то прекрасно знал, что это значит, но никогда бы ей этого не сказал. Помощники шерифа округа Санвилл подсыпали Энди в еду толченое стекло. Неудивительно, что он ничего не ел.

Патриция прижала его к себе и почти понесла к входной двери. Гарри ждал их в машине, чтобы отвезти домой. Кейт я рядом с ним не заметил.

Когда я подошел, он опустил стекло.

— Где Кейт? — спросил я.

— Пошла забрать кое-что для меня из отеля.

Потребовалось некоторое время, чтобы окончательно оформить залог за Энди. Наконец все нужные бланки были заполнены, а его имущество возвращено. Открывая дверцу здоровенного

«Шевроле», я увидел, как Кейт появляется из-за угла с коричневым бумажным пакетом в руках. «Лисичка» находилась всего в десяти минутах ходьбы от здания суда. Кейт отдала пакет Гарри, который поблагодарил ее и положил его в бардачок. Кейт подсела к нему. Мы с Блок вернулись к моему прокатному «Приусу», чтобы позже встретиться с ними возле дома Патриции.

Патриции пришлось подсаживать Энди на заднее сиденье. Он прошел всего каких-нибудь пятьсот ярдов и был уже весь в поту. Но не от солнца. Энди привык к солнцу. Это было вызвано чисто физическим напряжением от перемещения тела без капли топлива в баке.

Сидя за рулем «Приуса», Блок следовала за Гарри, пока он, попетляв по каким-то закоулкам, выехал на шоссе, а затем опять углубился в путаницу разбитых грунтовок с какими-то давно заброшенными строениями на них, окружавших Бакстаун.

К дому Патриции мы подъехали как раз в тот момент, когда солнце начало опускаться за высокие деревья, обступившие ее владения. Никакой тебе торжественной встречи со стороны копов или каких-нибудь гопников из числа белых националистов. На данный момент Энди мог спокойно

чего-нибудь поесть и немного отдохнуть.

Энди и Патриция вместе с Блок сразу зашли в дом. Выбравшись из машины, я подошел к Гарри и Кейт. Кейт стояла возле «Шевроле», просто дышала воздухом. Гарри по-прежнему сидел за рулем, опустив боковое стекло.

— Что это там в бумажном пакете? — полюбопытствовал я.

— Лучше бы тебе не знать, — ответила Кейт.

— Ну что ж, теперь мне уж точно нужно знать. Как вышло, что это тебе пришлось забирать его?

— Потому что Гарри не зарегистрирован в отеле. Ему нужно было указать имя кого-то официально проживающего там, прежде чем курьерская служба согласилась принять это к пересылке.

— Гарри, что вообще происходит? — спросил я.

Он наклонился к бардачку, достал сверток и развернул его. Внутри была шкатулка из розового дерева. Ручной работы, размером примерно со сложенный номер «Нью-Йорк таймс». Гарри открыл крышку, за которой обнаружился «Кольт-

1911» [140] и запасной магазин к нему, лежащие в фигурных углублениях внутренней вставки из какого-то вспененного материала.

— Сегодня утром я позвонил Дениз. Попросил ее срочно передать мне это с курьером, — сказал Гарри.

— Ты позвонил ей сразу после того, как мы осмотрели место обнаружения тела Скайлар, насколько я понимаю?

Гарри ничего не ответил. У него опять было то выражение лица. Такое же, как сегодня утром.

— Смотрю, это тебя всерьез зацепило.

— Это мой табельный ствол, — сказал Гарри. — Он старше тебя, но куда надежней. Я чувствую себя лучше, когда он при мне. Мы с этим пистолетом побывали во многих переделках в джунглях.

Он закрыл глаза, вынул пистолет из коробки, зарядил его и передернул затвор. И как только услышал, как затвор загоняет патрон в патронник, плечи у него опустились, он выдохнул и медленно открыл глаза.

— И давно ты в последний раз пользовался этой

---

[140] notes: 140

Этот самозарядный пистолет калибра 0.45 дюйма, более известный под обозначением M1911 (или же коммерческим названием фирмы «Кольт» Government model — «Правительственная модель»), был разработан в США Джоном Мозесом Браунингом в начале XX в. и в 1911 г. принят на вооружение армии США.

штукой? — спросил я.

— Давненько. И все же не так уж и давно.

— Гарри, может, тебе стоит вернуться в Нью-Йорк? Пересидеть эту ситуацию, — сказал я.

— Думаешь, я слишком стар?

— Нет, я *знаю*, что ты слишком стар, но проблема не в этом. Это не какая-то там критика — ни в коем случае, — но есть дела, которые пролезают тебе под кожу и надолго остаются там. Ты знаешь это лучше меня. Я вижу, как сильно это тебя задевает, и…

— Ты все неправильно понял. Я не расстроен этим делом. Мне страшно. Как должно быть и тебе. И всем вам. Человек, убивший Скайлар Эдвардс, отправил тем самым совершенно четкое послание.

— Какое еще послание? — спросила Кейт.

Когда Гарри заговорил опять, взгляд у него был устремлен куда-то вдаль, а на лице выступили капельки пота, которые стекали на губы.

— В главе двенадцатой Книги Откровения женщина остается в живых после столкновения с дьяволом — тот низвержен, на небесах разгорается война. А в главе пятнадцатой Бог заканчивает эту войну, отправив на землю семерых ангелов с семью язвами, которыми оканчивалась ярость

Божия. Смерть Скайлар Эдвардс — это не конец чего-то. Это только начало.

Какое-то время мы с Кейт молчали. Пальцы ее нервно отбивали какой-то ритм по капоту «Шевроле», а затем она потянулась внутрь машины и положила руку Гарри на плечо.

— Это просто какой-то псих, Гарри. Мы обязательно найдем того, кто убил Скайлар, и проследим, чтобы он оказался за решеткой.

— Ну конечно же, найдем, — сказал он. — А пока я буду держать этот пистолет при себе и молиться, чтобы мне не пришлось им воспользоваться. Я останусь здесь, в машине. Только отъеду немного по этой грунтовке, чтобы видеть въезд с главного шоссе. А вы заходите в дом.

— Я собирался попросить Блок присмотреть за этим местом, — сказал я.

— Блок нужно заняться Корном и отыскать любые следы Коди Уоррена, — сказал Гарри.

— Разумно, — сказал я. — А я…

— Ты оставайся здесь, — сказала Кейт, — а я буду по-прежнему жить в отеле с Блок. С отбором присяжных я и сама управлюсь, а тебе нужно поговорить с нашим клиентом. У нас по-прежнему нет ответов на множество вопросов.

— Когда вы с ним были в камере, у тебя была

возможность расспросить его о царапинах у него на спине и насчет того, как под ногтями у жертвы могла обнаружиться его кровь?

— Была, — ответила Кейт, нацелившись взглядом в землю.

— И что он сказал? У него было какое-то правдоподобное объяснение?

— Не было у него никаких объяснений. Он просто помотал головой и сказал, что не знает.

— Это дело становится все лучше с каждой минутой, — скривился Гарри.

* * *

Кейт и Блок уехали на «Приусе». Гарри переставил «Шевроле» по узенькой грунтовке от дома Патриции ближе к выезду на шоссе. Я слонялся по гостиной, глядя, как Патриция и Энди рассматривают какие-то старые фотки, не в состоянии отлипнуть друг от друга.

Мне нужно было задать очень много вопросов, но в тот момент я просто не мог. Энди выглядел таким измотанным и хрупким, что было просто приятно видеть его рядом с матерью. Он был несколько месяцев заперт в тюремной камере, его избивали, над ним издевались, и я подумал, что для начала ему лучше немного прийти в себя,

прежде чем мы вновь вернемся к кошмару, от которого он только что очнулся.

Энди съел половину сэндвича с арахисовым маслом и сладким желе, запил его стаканом молока и отправился прямиком в свою комнату. Вскоре он уже крепко спал в своей постели. Я съел вторую половину его сэндвича, а Патриция засуетилась было, предложив приготовить мне курятины, от чего я отказался. Она прямо-таки летала по дому. Лодыжка у нее все так же сильно опухла, но Патриция не позволяла боли остановить себя — как и мысли о предстоящем судебном процессе не могли испортить ей вечер. Сегодня вечером ее сын был дома, и ничто не могло стереть улыбку у нее с лица.

Однако у меня была работа, которую было необходимо выполнить. И кое-что мне требовалось знать прямо сейчас, потому что без ответа на этот вопрос мы просто тупо производили обычный набор действий по подготовке защиты. Я не мог спросить об этом у Энди, но ничто не мешало мне задать этот вопрос Патриции.

— Энди недавно сказал Кейт, что не знает, откуда у него эти царапины на спине — равно как и каким образом его ДНК могла обнаружиться под ногтями у Скайлар. Не хочу вас расстраивать, но

это просто чудо, что нам удалось выцарапать его оттуда и вернуть домой. Однако я хочу убедиться, что дома он и останется. Есть у вас какие-нибудь мысли? Что-нибудь, что могло бы помочь?

— Я поговорю с ним, но вы должны знать, что мой Энди не *лжет*. Если он не знает, значит, и в самом деле не знает. Он всегда говорит правду.

Я поблагодарил ее, и она сказала, что идет спать и что мне нет нужды за ними присматривать. Ничего им не сделается.

— Я все-таки хотел бы остаться до утра. Просто для собственного спокойствия. Если вы не против. Я не хочу навязываться. Я могу поспать в машине вместе с Гарри, — сказал я.

— На диване будет гораздо удобней. Я принесу вам кое-какие одеяла. И да, мистер Флинн…

— Просто Эдди, пожалуйста.

— Эдди, — произнесла Патриция, словно примеряя на меня это имя. — Спасибо, что вернули моего сына домой.

— Был только рад, — отозвался я.

Вызволить Энди из тюрьмы было непросто. А вот попытки спасти его от смертной казни обещали оказаться совсем иного рода игрой. В которой, как я все больше убеждался, мы были заранее обречены на проигрыш.

Патриция застелила мне диван, а затем ушла в свою комнату.

Я жутко устал, но было слишком жарко, чтобы заснуть. Вместо этого я налил себе холодного чаю и вышел на маленькую террасу, чтобы посидеть на ночном воздухе. Толстые густые деревья тихо шумели листвой, легкий теплый ветерок доносил до меня слабый запах гнили. Я снял галстук, расстегнул рубашку и оглядел деревья. Был почти час ночи. Я знал, что скоро должен пойти и сменить Гарри, но почему-то казалось неправильным оставлять Патрицию и Энди одних в доме.

Когда я оказывался в подобных местах, меня сильней обычного тянуло обратно в Нью-Йорк. Вырос я в Бруклине, среди оживленного уличного движения, уличных пацанов и преступности, музыки и смеха, доносящегося из парикмахерских и угловых баров. Поставь меня в темном переулке против трех крутых парней, и никакого страха я бы не испытывал. Не так, как сейчас. Мне не нравилось находиться вдали от городских огней, в темноте, среди лесных зверей, змей, пауков, насекомых и бог знает каких еще тварей, которые ползали и сновали повсюду, производя слишком много шума.

Плюхнувшись в кресло-качалку Патриции на

террасе, я отхлебнул чаю.

А когда вновь открыл глаза, лед в чае давно растаял. Должно быть, я задремал.

Было так темно, что за густыми деревьями, окружавшими участок, мне было видно не дальше, чем на несколько футов. «Шевроле» стоял на грунтовке где-то далеко от меня. Я не знал, смог бы его засечь, даже если б у него были включены фары.

Я поставил стакан на перила, встал на ноги и потянулся.

И тут вдруг что-то услышал. Звук, который ни с чем нельзя было спутать.

Хлопок закрывшейся дверцы машины.

Вытащив телефон, я позвонил Гарри на сотовый. Может, он просто пошел отлить в лес и на минутку вылез из «Шевроле». А может, и нет. Телефон все звонил и звонил.

Гарри не брал трубку.

Какая бы мрачная причина ни стояла за убийством Скайлар Эдвардс, сегодня я был совершенно уверен, что на самом деле ничто из этого не могло быть частью какой-то апокалиптической библейской теории. Гарри был намного старше меня и, если честно, намного умнее, но воспитывался он в церкви, и эта сторона жизни никогда не

покидала его.

Я сказал себе, что с ним всё в порядке. Наверное, мне просто показалось, что хлопнула дверца машины. Он наверняка спал. Этот человек был способен проспать хоть царствие небесное.

Всё с ним было в порядке. Я был в этом уверен.

Почти что уверен.

Попробовал позвонить еще раз. Нет ответа.

Перемахнув через перила террасы, я со всех ног помчался к грунтовой дороге.

Глава 28

Пастор

— Вы выросли в этих краях? — спросил Пастор.

Фрэнсис Эдвардс смотрел сквозь пассажирское стекло фордовского пикапа на мелькающие вдоль обочины деревья, словно призрачные в лунном свете.

— Я вырос в Голд-Ривер, — ровным голосом отозвался он.

— Знаю этот городок… Это совсем недалеко отсюда. Насколько я помню, в местной школе была приличная футбольная команда, — сказал Пастор. — Вы играли?

— Я-то? Конечно. Тогда я был большим и быстрым. Это все, чем можно было заниматься в Голд-Ривер. Играть в футбол и бегать за девчонками.

На последнем слове у него отвисла челюсть.

— Расскажите мне о Скайлар, — попросил Пастор. — Время от времени полезно высказать то, что накопилось на душе. И это только между нами. Я и словом никому не обмолвлюсь.

— Я знаю, что вы этого не сделаете. В этом я вам полностью доверяю, учитывая вашу должность и все такое.

Пастор кивнул, не отрывая глаз от дороги впереди. Фонарей тут не было — лишь полоса асфальта, пересекающая старый, окутанный туманом лес. Он мог видеть лишь то, что выхватывал свет фар, и поэтому намеренно не разгонялся. Машина была не его, и это заставляло его соблюдать осторожность, но еще он помнил о том, что было у него сейчас с собой в этой машине. Пастору слишком дорого обошлось бы, если б эту машину обыскали в случае аварии.

Хоть Пастор и был терпеливым человеком, он уже был сыт по горло тем, что Фрэнсис постоянно избегает его вопросов, даже не особо трудных и не имеющих никакого отношения к его горю.

— Боль — это совершенно реальная штука, Фрэнсис. Я представляю ее в виде чего-то вроде газа. Если ты позволишь ей наполнить твое нутро и не выпустишь ее, то в конце концов лопнешь, и это будет выглядеть не слишком-то красиво.

Кивнув и улыбнувшись, Фрэнсис сказал:

— Понимаю, о чем вы. Скайлар… она была всем моим миром. Все, что я делал в своей жизни, с того самого дня, как она родилась, я делал только для нее и Эстер. Я знал, что никогда не стану достаточно хорошим игроком, чтобы податься в профессионалы. Я рано догадался об этом. Но и в школе я учился не слишком-то хорошо. Все, что меня ждало, — это химический завод или работа на тракторе, как у моего папани. И позвольте мне сказать вам, что, когда растешь на ферме, тебе меньше всего хочется зарабатывать на жизнь фермерством.

Пастор кивнул. Ферма, на которой вырос он сам, запомнилась ему лишь хло́пком и болью. У него были шрамы на спине, подтверждающие это.

— Нет, сэр, я не создан для фермерства. Мне всегда нравилось крутить баранку, поэтому я и пошел в дальнобойщики. Совсем неплохая жизнь. Все время в дороге. Радио, компакт-диски… Любая нездоровая еда, какую только пожелаешь… Мне

нравилось водить свой тягач, но, оглядываясь назад на последние несколько месяцев, я теперь сожалею об этом.

— Вы жалеете, что стали дальнобойщиком?

— Больше чем о чем-либо еще, — сказал Фрэнсис. — Это отрывает меня от семьи. Иногда на две недели подряд. Чего бы я только ни отдал, чтобы это изменить! Чтобы вернуться назад во времени. Вот вроде Скайлар только что грызла мой палец — у нее прорезались зубки, — а всего через миг она уже заканчивает школу, первой в своем классе… Королева выпускного бала, можете в это поверить?

— Вы наверняка очень гордились? — сказал Пастор.

Фрэнсис начал было что-то говорить, но тут же прихлопнул рот пальцами. Словно проглотил что-то. Что-то большое и твердое. А затем быстро заморгал. Ему не хотелось расплакаться перед Пастором. Такие люди, как Фрэнсис, естественно, тоже плачут. Но меньше всего на свете им хочется расплакаться в присутствии другого мужчины. Это неправильно. Постыдно.

— Я очень гордился Скайлар, хотя, по правде говоря, я… я совсем ее не знал. Есть такой возраст, когда с тобой просто перестают разговаривать.

А я бывал рядом недостаточно долго, чтобы заметить. Она была хорошим ребенком, умным и добрым. И она была добра к этому парнишке, Энди… Господи, как бы я хотел, чтобы прямо сейчас он был уже мертв, чтобы никогда не встретился с моей маленькой девочкой!

Пастор внимательно наблюдал за происходящим, отвлекшись от дороги, и не отводил глаз от лица Фрэнсиса, пока не увидел, как по нему скатилась первая слеза. А затем опять перевел взгляд на дорогу. Ту прямую темную дорогу, которая лишь уводила их все глубже в леса и болота Алабамы. Проезжая часть ее все сужалась, а деревья вокруг становились все выше и гуще.

— Простите… — пробубнил Фрэнсис, вытирая нос кулаком и глубоко втягивая воздух носом.

— Даже и не думайте переживать по этому поводу. Нужно быть настоящим мужчиной, чтобы заплакать. Никогда не забывайте об этом. И знаете почему?

— Нет, вряд ли.

— Потому что только настоящий мужчина умеет так сильно любить. Потому что именно это заставляет нас плакать, Фрэнсис, — любовь. Никогда не стыдитесь этого.

— Я никогда не думал об этом с такой точки

зрения.

Пастор кивнул.

— А тут я собираюсь свернуть. Прямо вон в те кустики, если вы не против. Дорожка тут малость ухабистая, но не беспокойтесь на этот счет. Это просто чтобы мы окончательно не заснули, — сказал он.

— Я знаю, вы говорили, что хотите немного прокатиться и, может, поговорить, но мы едем куда-то конкретно?

— Сами увидите через минуту-другую.

Некоторое время оба молчали. Пикап был лифтованный, на высоком шасси, и на толстых зубастых шинах для бездорожья, поэтому на лугу не настолько трясло, как ожидал Пастор. Он купил этот пикап через интернет, и техпаспорт был выписан на основе поддельного удостоверения личности, благодаря чему номерные знаки и машину было практически невозможно отследить.

Когда они приблизились к густому лесу, Пастор выключил фары. Несколько мгновений они медленно катились дальше практически вслепую, затем глаза Пастора привыкли к лунному свету. Он окончательно сбросил газ и остановил машину. Заглушил двигатель.

— Классные перчаточки, — заметил Фрэнсис,

кивнув на руки Пастора, лежащие на руле. — То, что надо, когда ведешь машину.

— Это не водительские перчатки. Я хочу, чтобы вы вышли, тихо закрыли дверь и пошли со мной.

Оба выбрались из кабины, позаботившись о том, чтобы закрыть дверцы как можно бесшумней. Пастор сразу направился к деревьям, которые росли всего в двадцати футах от него, взмахом руки пригласив Фрэнсиса следовать за ним.

— А где мы… — начал было Фрэнсис, но Пастор прервал его, приложив палец к губам.

Они медленно продвигались между деревьями. Земля была мягкой и влажной от летнего мха. При каждом шаге до Пастора, дышащего полной грудью, доносился сладковатый запах разложения. Этот запах был частью его детства. Где-то раз в месяц он уходил с фермы ночью в ближайший лес, с мыслью построить домик на дереве и жить там. На следующий вечер его всегда ловили, поскольку его отец был, помимо всего прочего, опытным следопытом. Как бы Пастор ни старался замести следы, в каком бы уголке леса ни прятался, он всегда слышал голос своего отца и шелест его шагов по устилающим

землю листьям и веткам. А потом какую-нибудь цитату из Священного Писания. Это было хуже всего. Скорчившись в дупле какого-нибудь дерева среди многоножек, пауков и жуков, Пастор слушал, как его отец вещает о муках адовых или об отцах из Ветхого Завета, которые были готовы пожертвовать своими сыновьями, чтобы исполнить волю Божью. И ждал. Просто ждал неизбежного момента, когда огромная рука отца ухватит его за лодыжку и вытащит из укрытия, из его безопасного пространства. В какой-нибудь сырой, темной дыре всегда было спокойней и безопасней, чем дома.

Пастор остановился, повернулся и протянул Фрэнсису руку, приглашая его подойти и на что-то взглянуть. Земля перед ними резко уходила вниз, к камням, мертвым деревьям и тропинке. Откос был крутым и высоким — футов, наверное, тридцать.

— Видите тот дом вдалеке? — спросил Пастор.

Фрэнсис кивнул.

— Это дом Энди Дюбуа. Он сейчас там, крепко спит. Вы ведь в курсе, что сегодня его выпустили под залог?

— Слышал что-то такое, — сказал Фрэнсис.

— И что вы при этом чувствуете? Парень, кото-

рый убил вашу маленькую девочку, сейчас у себя дома, валяется в постели, набив живот курятиной с кукурузным хлебом. Скажите мне: так должно быть? Это справедливо?

— Нет, конечно же, нет! Он должен получить иглу в вену, а еще лучше — стул! Хотел бы я, чтоб мне дали побыть с ним хотя бы десять минут в запертой комнате!

Пастор согласно кивнул.

— И что бы вы с ним сделали? Расскажите мне.

— Я бы заставил его страдать, — ответил Фрэнсис.

— Ну что ж, а теперь взгляните на этот дом еще разок. Видите начало колеи? И вот там, чуть правей, большую темную машину?

— Вижу, но едва-едва. У нее свет выключен.

— В этом «Шевроле» сейчас один из адвокатов, представляющих Энди Дюбуа. Подумайте об этом. Они хотят вернуть его обратно на улицу. Я не могу этого допустить.

— А что тут можно сделать? — спросил Фрэнсис.

— Пойдем, посмотрим, — сказал Пастор.

После чего двинулся налево, где обрыв был не таким крутым, и бесшумно направился к темнеющему впереди «Шевроле». Фрэнсис последовал за

ним, хотя на некотором расстоянии. Выйдя из-за деревьев позади машины, Пастор подождал, пока Фрэнсис догонит его. Потом взмахом руки приказал тому остановиться на обочине, примерно в тридцати футах от машины. Следующие несколько минут должны были стать решающими. Это был поворотный момент. Пастор понимал, что как только он сделает следующий шаг, пути назад уже не будет. Он уже представлял, как отреагирует Фрэнсис, и надеялся, что был прав. Если он ошибся в своих предположениях и Фрэнсис отреагирует плохо, то не исключено, что придется убить его. Чего очень не хотелось бы.

Пастор опять переключил все свое внимание на темный внедорожник. В нем находился только один человек. Какой-то мужчина, на водительском сиденье. Был виден только его затылок — копна седых волос. Подбородок мужчины покоился на груди, как будто он заснул.

Все оказалось даже слишком легко.

Пастор достал из заднего кармана нож и раскрыл его. Рукоятка из слоновой кости всегда казалась ему скользковатой в руке, даже несмотря на перчатку. Это был не тот нож, который следует использовать для резки. Создавался он совсем для других целей. Лезвие из закаленной

стали было невероятно острым и твердым. Небольшой изгиб клинка никак не влиял на его прочность. Это был нож, предназначенный исключительно для нанесения колющих ударов. И много лет назад, когда не существовало еще нынешних пружинных выкидных ножей, его использовали именно для этой цели.

На основании рукояти был вырезан цветок. Белая камелия. Нож принадлежал одному из основателей этой группы, и как только Пастор увидел его, то понял, что должен любой ценой получить его. Говорили, что именно этим ножом был убит один человек из Законодательного собрания Луизианы, выступавший против рабства. Лезвие вошло ему прямо в глаз. Пришлось раскошелиться: тайный дилер, приторговывающий нацистскими и ку-клукс-клановскими реликвиями, выручил за него несколько тысяч долларов. Как и в случае со всеми подобными артефактами, происхождение было трудно проверить. Однако Пастор понял, что это настоящая вещь, едва только взял этот нож в руки. Каким-то образом он почувствовал кровь, некогда брызнувшую на это лезвие.

Присев возле водительской дверцы «Шевроле» на корточки, Пастор прислушался. Убедился, что

вокруг никого нет. А затем потянулся к дверной ручке и взялся за нее, готовый в любую секунду рвануть ее на себя.

Фрэнсис наблюдал за происходящим, сжав кулаки и оскалив зубы. Глаза у него угрожающе сузились.

Пастор улыбнулся. Ярость, бушевавшая внутри Фрэнсиса, была неподдельной. Это был гнев, на который способен только родитель, потерявший ребенка.

Теперь требовалось действовать быстро. Одним плавным движением он распахнул водительскую дверцу внедорожника, оттолкнулся ногами от земли и изогнулся. Годы работы на земле в молодости сделали его сильным. Время, проведенное в тренажерном зале, позволило стать еще сильнее. И он использовал всю эту силу в одном взрывном движении, взмахнув рукой и задействовав плечи и корпус. Словно боксер, выпрыгивающий из нырка прямо на правый кросс. Быстрый всплеск напряжения в скрутившихся мышцах… Мгновенное движение… Между распахиванием двери и этим рывком прошло меньше половины секунды.

Нож безошибочно нашел нужную точку на шее у старика. Лезвие вошло в плоть и кость по самую

рукоятку.

И тут Пастор увидел это выражение в глазах у Фрэнсиса. Нельзя было терять ни секунды.

Пастор подозвал его к себе.

Они постояли несколько мгновений, глядя на мертвого старика на водительском сиденье, из-под уха у которого торчал нож.

— Этой ночью мы стали братьями, Фрэнсис. Пути назад уже нет. Мы будем сражаться за тебя насмерть и ожидаем того же в ответ. Скажи мне, что ты клянешься в этом.

Лицо Фрэнсиса заливал пот, он тяжело дышал, адреналин бурлил у него в крови, словно горячее моторное масло. Он протянул Пастору руку.

— Клянусь.

— Хорошо. Очень хорошо. А теперь помоги мне достать кое-что из пикапа, — сказал Пастор, опять захлопывая водительскую дверцу.

Глава 29

Эдди

Бежать во весь дух при сорокаградусной жаре и влажности в восемьдесят девять процентов — это все равно что бултыхаться в горячем супе.

Воздух ощущается совсем по-другому. Он слишком теплый и влажный. Свернув на грунтовку, я еще больше наддал, изо всех сил работая ногами. Дом Патриции стоял в низине между двумя склонами. Узенькая грунтовка шла здесь в гору и была чертовски крутой. Для машины ничего страшного, но вот в обуви на кожаной подошве постоянно оскальзываешься.

Впереди я различил очертания крупного угловатого автомобиля. На фоне тускло-серой грунтовки он выделялся чуть более темным и четко очерченным силуэтом. Я посмотрел на затылок Гарри, сидевшего на водительском сиденье, и поначалу не мог как следует различить, что именно вижу.

А потом увидел, что голова у него завалилась набок. Наверное, он спал.

А может, и нет.

Закралась непрошенная мыслишка. Всего три слова, которые закрутились у меня в голове.

«Только не это…»

«Только не это…»

И в этот миг, пока мое тело отчаянно месило грязь, прорываясь вверх по мокрой колдобистой дороге посреди болотистой Алабамы, своими мыслями я оказался в больничном коридоре,

опять превратившись в подростка старшего школьного возраста. Умирал мой отец. В тот день я одиннадцать часов продержал его за руку. Моя мама просила меня хотя бы ненадолго прерваться — даже не знаю, сколько раз, но я ее не слушал. Я не хотел оставлять его одного. Я не хотел, чтобы он умер, а меня не оказалось рядом — держащего его за руку. Бóльшую часть того дня он проспал. Редкий вид рака уже почти прикончил его. В тот день отец проснулся всего на двадцать минут. Слишком слабый, чтобы говорить, он немного посмотрел «Старски и Хатч» [141] по портативному телевизору в палате. Отец всегда любил этот сериал, особенно машину из него — «Форд Гран Торино» 1976 года выпуска, ярко-красный, с белыми стрелами по бортам, V-образной виндзоровской «восьмеркой», на широченных легкосплавных колесах с пятью прорезями и черненными покрышками.

Когда серия закончилось и пошли титры, мама попросила меня принести ей попить из автомата в коридоре. Я отпустил руку отца, взял у нее из

[141] notes: 141

«Старски и Хатч» — американский телесериал, который транслировался на канале «Эй-би-си» с 1975 по 1979 г. В центре сюжета — двое полицейских из Южной Калифорнии, совершенно разные по характеру, но слаженно действующие при расследовании убийств.

кошелька какую-то мелочь и вышел из палаты. Когда банка виноградной газировки со стуком свалилась в лоток, я почувствовал чью-то руку у себя на плече. Это была мама. Я хотел спросить ее, что она тут делает, сказать, что ей не следовало оставлять папу одного. Но промолчал. По выражению ее лица я понял, что отец ушел. И умирал он тяжело в эти последние мгновения. Она предвидела это и отослала меня с поручением. Мать не хотела, чтобы я это видел. Сейчас я это понимаю, но тогда мне казалось, что я подвел его. Меня не было рядом, когда он умер, и это очень долго не давало мне покоя. В тот же вечер прямо в этом коридоре она вручила мне отцовский медальон со Святым Христофором.

Я чувствовал, как этот самый медальон подпрыгивает у меня на груди, когда я скачками поднимался по склону к темнеющему впереди «Шевроле». Той ночью, в коридоре больницы, я просто понял, что мой отец мертв. То же самое чувство пронзило меня сейчас, в самый центр груди. Это случилось опять. Гарри был мертв — и меня не было рядом, когда он умер.

Когда я, теперь уже отчаянно хватая ртом воздух, подбегал все ближе, лунный свет полоснул по заднему стеклу, коснувшись значка «Шев-

роле» на задней двери, а затем исчез, так как облако скрыло свет. Чем дальше я поднимался в гору, тем мокрее становилась земля под ногами, и с каждым шагом на штанины налипало все больше грязи. Мне было на это плевать, но поскользнуться и упасть не хотелось, поэтому я сместился прямо на траву и двинулся вдоль линии деревьев. Бежать по траве было труднее, но я, по крайней мере, мог двигаться, не теряя равновесия.

С этого ракурса я уже мог частично углядеть интерьер машины, когда на нее опять мимолетно пролился лунный свет. Я чуть не упал, запнувшись, когда увидел, как этот призрачный свет упал на что-то серебристо-белое. Быстро приближаясь, я не сумел разобрать, что это было.

Достигнув цели, я уже ухватился за ручку водительской дверцы, чтобы распахнуть ее, — и тут замер.

Из окровавленной копны седых волос торчала рукоять ножа. Я резко отпрянул, закрыв рот рукой. Мне не хватало воздуха, чтобы крикнуть. Все, что я мог сделать, это попятиться на пару шагов, почувствовав, как где-то в груди растет твердый ком. Показалось, будто меня душат откуда-то изнутри. Паника, шок и страшная боль одновре-

менно охватили меня, и я упал на колени.

Я опять ощутил больничный запах хлорки. Тонкую руку матери у себя на плече. Во рту появился металлический привкус. Все это происходило опять, как будто наяву.

И тут я услышал то, чему не было места в этом моем мрачном воспоминании.

Я услышал низкий вой. Который становился все громче. Сначала мне показалось, будто это я сам издаю тот звук, но затем его тон изменился, и он еще больше усилился. Звук мощного двигателя, набирающего обороты на резких подгазовках. Я посмотрел направо, в сторону шоссе, и увидел свет фар, пробивающийся сквозь деревья, приближающийся по грунтовке в мою сторону. Эта машина ехала явно слишком быстро.

Если убийство Гарри было задумано как ловушка, чтобы заманить меня в этот темный лес, где меня тоже убьют, то я был чертовски уверен, что обязательно заглочу эту приманку. Только вот не я стану тем, кто в конечном итоге расстанется с жизнью! Руки у меня сжались в кулаки, а давление в груди ослабло. Я вскочил, по-звериному взревев, и помчался по колее навстречу темной машине, которая продолжала приближаться. Слезы жгли мне глаза. Примерно в тот момент,

когда лучи ее фар упали мне на лицо, она еще быстрей рванула вперед.

— НУ ДАВАЙ ЖЕ, УЁ… — Я даже не смог закончить крик. В легких не хватило воздуха.

Машина замедлила ход. Остановилась. Я услышал, как открылась дверца.

Я был всего в сорока футах от нее.

Я не останавливался. Плевать, пусть даже у них стволы. Они убили моего друга. Лучшего друга, который у меня когда-либо был. Гарри был моим наставником, отцом, братом… он был для меня всем.

Кроме сияющих фар, я все равно ничего не видел. Не было смысла щуриться, пытаясь разглядеть лицо. В луче света появилась человеческая фигура. Для меня — не более чем темный силуэт.

Туловище, ноги и руки. И в одной из них пистолет.

В тридцати футах от себя я увидел, как правая рука силуэта поднимается. Рука с пистолетом. Вытягивается в мою сторону.

Я никак не успевал подобраться достаточно близко, чтобы нанести этому человеку какой-либо урон, прежде чем мне прострелят какой-нибудь жизненно важный орган.

Рука фигуры выпрямилась.

И тут моя левая нога выскользнула из-под меня куда-то вбок, а руки разлетелись в разные стороны, когда я попытался восстановить равновесие и удержаться на ногах. Но без толку. Я упал лицом в грязь.

Шаря руками по земле, пытаясь опять подняться на ноги, я услышал приближающиеся шаги, хлюпанье подошв по грязи. Земля была такой скользкой, а шок от того, что я увидел Гарри мертвым, бег по крутому подъему в такую жару — все это отобрало у меня остатки сил. Последним усилием подтянув под себя одну ногу, я опять поскользнулся и тяжело рухнул обратно на землю.

Шлепанье по грязи смолкло.

Щелкнул взведенный курок.

А затем человек с пистолетом заговорил.

— Эдди, какого черта ты тут делаешь? — спросил Гарри.

Глава 30

Эдди

— Эдди… — повторил Гарри.

Я не расслышал, что он сказал дальше. Я вскочил на ноги, и мои руки крепко обхватили его.

Моя голова лежала у него на плече.

— А я подумал, что это ты сидишь за рулем, — выдавил я.

— Эта машина серая. А та, что позади меня, — синяя. Была такая духота, что я уже не мог усидеть в машине без включенного кондиционера. Аккумулятор начал садиться, и я решил по-быстрому проехаться. Подумал: покатаюсь-ка взад-вперед по шоссе, погляжу, не едет ли кто в нашу сторону… Прости. Меня не было всего пятнадцать минут.

Я ослабил хватку, отступил назад и взял его за плечи.

— Да ладно, я просто жутко рад, что ты жив.

— Ну естественно, я жи… Что ты сейчас сказал?

— В той машине, дальше по дороге, какой-то мертвец.

Гарри посмотрел мимо меня на серый внедорожник. Затем его пальцы коснулись рубашки, и он вполголоса ругнулся.

Я каким-то образом умудрился перенести бóльшую часть грязи с себя на его рубашку и костюмные брюки.

Мы медленно приблизились к машине.

— Смотри под ноги. Тут какие-то следы, —

предупредил Гарри. Вытащив из кармана брюк связку ключей, он включил маленький фонарик-брелок, после чего приказал: — Перейди на траву в стороне.

Я сделал как было велено. Гарри свернул направо, я — налево, и мы двинулись каждый вдоль своей обочины, пока не подошли к серому внедорожнику вплотную. У меня тряслись руки, и я ничего не соображал. Адреналин постепенно отпускал, но я еще не совсем пришел в себя.

Гарри посветил фонариком внутрь, а я наклонился, уперся руками в колени и попытался выровнять дыхание.

— Когда ты сказал, что в этой машине мертвец, то, наверное, имел в виду *мертвецов?* — уточнил Гарри.

— Что?

— В этой машине два трупа. Господи, да это же Бетти Магуайр! А мужчина рядом с ней…

— Это Коди Уоррен, — закончил я.

День четвертый
Глава 31

Ломакс

— Это ты? — донесся до него сверху тоненький голосок.

Было уже за полночь, когда Ломакс скинул в прихожей свои заляпанные грязью ботинки и крикнул:

— Как думаешь, кто еще это мог быть?

— Просто проверяю, ты ли это. А не какой-нибудь психованный убийца, который бродит по здешним краям, — беззаботно отозвалась Люси, в тоне которой явственно сквозила улыбка.

Эта безобидная шуточка все-таки основательно задела Ломакса за живое. Он потряс головой, пытаясь прогнать из головы застрявший в ней недавно образ. Со временем у копов это хорошо получается. Большинство полицейских на определенном этапе своей карьеры обязательно видят или переживают что-то травмирующее. Это часть их работы. У некоторых такое случается всего один раз в жизни. У других — как минимум раз в неделю. Весь фокус в том, чтобы разложить

все по своим полочкам — оставить все накопившееся дерьмо за дверью, как пару перемазанных грязью ботинок.

Корн хотел отправить предостерегающее послание. Ломакс засунул труп Коди Уоррена во внедорожник адвоката, отвез его по бездорожью к дому Энди Дюбуа и оставил там, согласно полученным инструкциям. Корн позаботился обо всем остальном. Это должно было стать совершенно четким предупреждением для Флинна и его людей.

Хотя не то чтобы Ломаксу не приходилось делать такое и раньше. В прошлом ему уже доводилось убивать людей — во время своей боевой командировки в ходе «Бури в пустыне» [142]. Это его никогда особо не беспокоило. Он делал это ради своей страны. По крайней мере, так он себе говорил, хотя на самом деле знал, что занимался этим исключительно ради денег. Когда Ломакс впервые застрелил кого-то на территории США, все было совсем по-другому, но заплатили за это куда больше. Люси не знала и половины того, что он успел натворить. Блин, да она вообще ни

[142] notes: 142

Операция «Буря в пустыне» (1990–1991) — вторжение сил многонациональной коалиции во главе с США на территорию Ирака в ходе ирако-кувейтской войны.

черта не знала!

Ломакс должен был вернуться домой еще несколько часов назад. Он уже звонил Люси. Она сказала, что сегодня чувствует себя получше. Что способна думать. И почти закончила вязать подушку. Сегодня ее почти не рвало. Боль была терпимой. Заверила, что дождется его. Чтобы он мог принести ей какао в постель, когда вернется домой.

С тех пор как Люси перестала принимать лекарства, к ней почти полностью вернулся ее прежний характер. Она непринужденно улыбалась, смотрела сериалы и читала журналы.

— Какао на плите — надеюсь, не убежало! — крикнула она сверху.

Ломакс просунул ноги в тапочки и прошел на кухню. Там на медленном огне стояла кастрюлька с какао, от которой по кухне распространялся пар. Он воспользовался кухонным полотенцем, чтобы снять кастрюлю с огня, налил какао в две чашки и осторожно отнес их на подносе наверх вместе с печеньем. Люси уже лежала в постели, читая какой-то роман Джанет Иванович в мягкой обложке. Она просто обожала книги про Стефани

Плам [143].

Он поставил ее какао на прикроватный столик и предложил ей печенья.

— Нет, спасибо. Меня будет мутить, если я что-нибудь съем в такое время… Ну, давай рассказывай, как прошел твой день. Сделал какое-нибудь доброе дело?

Люси часто задавала ему этот вопрос, когда Ломакс только поступил на службу в полицию: «Ты сделал сегодня какое-нибудь доброе дело?»

Поначалу он обычно без особого труда находил, что ответить. Потом ответы стали звучать довольно уклончиво. В конце концов она перестала спрашивать. Видать, почувствовала, что этот вопрос вызывает у него неловкость. Единственное, что Ломакс мог вспомнить сегодня, — это то, как трудно было перетаскивать тело Коди Уоррена из морозильной камеры в машину. О том, как он избил продавца на заправке, Ломакс уже почти полностью забыл.

— Такой уж сегодня денек, угу? — спросила она.

---

[143] notes: 143

Джанет Иванович (р. 1943) — американская писательница, которая начала свою карьеру с написания любовных романов под псевдонимом Стеффи Холл, но получила известность благодаря серии детективов про Стефани Плам, бывшую продавщицу нижнего белья, переключившуюся на охоту за преступниками, сбежавшими из-под судебного залога.

Он ничего не ответил. Просто разделся, почистил зубы, вымыл лицо и руки. Глянув на свою рубашку, брошенную на пол в ванной, увидел следы крови: бурые брызги — либо с трупа Уоррена, либо, что более вероятно, от продавца с заправки. Взяв свою форму в охапку вместе со всей остальной одеждой, которая была на нем в тот день, Ломакс отнес ее вниз, засунул в стиральную машину и включил стирку. Одним из полезных последствий болезни Люси было то, что теперь он знал, как стирать белье, как пользоваться сушилкой, мыть посуду и выполнять все остальные обязанности по дому, которые раньше ложились на ее плечи. Это была тяжелая работа. Но Люси сказала ему, что он должен только радоваться тому, что можно научиться всему этому сейчас, пока она еще здесь и может дать ему подробные инструкции. Овладеть всем этим тогда, когда она уйдет, будет значительно сложнее.

Ломакс опять поднялся наверх, надел пижаму и лег в постель. Какао остыло. Он не мог заставить себя выпить свою чашку, а одна лишь мысль о печенье вызывала тошноту.

— Не парься, — сказала Люси.

— Я в полном порядке. Просто тяжелый денек выдался, вот и всё, — сказал он.

— Ты видел сегодня Корна? — спросила она.

— Видел, — ответил он, с понимающим вздохом.

— Мне не нравится этот человек. Мне не нравится мысль о том, что ты находишься рядом с ним. В тот раз, когда он приходил к нам на ужин, я сказала тебе, что в нем чего-то не хватает. По-моему, он какой-то совершенно пустой внутри, если тебя интересует мое мнение.

Ломакс ничего не ответил.

— Без сердца. Без души… Будь осторожней с ним, Колт. Вот и все, что я хочу сказать.

— Я знаю, — сказал Ломакс.

— Я проклинаю тот день, когда он приехал в этот город, — добавила она.

— Знаешь, мы с ним убрали с улиц много плохих людей. С тех пор, как он стал окружным прокурором, здесь стало намного безопасней.

— Ему все равно, кого сажать. Иногда мне кажется, что ему просто охота поглазеть, как страдают люди. По-моему, он просто кайфует от этого, разве не так?

Ломакс перевернулся на другой бок и обнял Люси, которая все еще сидела на кровати.

— Ты уже сто раз мне это говорила. Я буду присматривать за ним. Прослежу, чтобы он не сделал

ничего плохого.

Он почувствовал, как она сжала ему руку. Это пожатие ободрило его, как ничто другое в его мире. Люси по-прежнему оставалась сильной.

— Хороший ты человек, Колт Ломакс, — сказала она и легонько поцеловала его в лоб. Он все еще обнимал ее, когда провалился в сон.

Проснулся Ломакс с неприятным привкусом во рту. Он все еще держал Люси в своих объятиях. Открыв глаза, перевел взгляд вверх. Видать, она опять читала всю ночь. Люси все так же сидела в постели, но свесив голову вперед, с закрытыми глазами. Рука ее лежала на покрывале, хотя книга перед ней по-прежнему оставалась открытой.

— Эй, тебе лучше прилечь. У тебя затечет шея, — произнес Ломакс.

Люси ничего не ответила. Он опять заглянул ей в лицо. На сей раз он был уже полностью настороже, и в груди у него зародилось крошечное зернышко паники.

— Эй, давай ложись, я сказал!

Она не ответила. Ломакс дотронулся до ее щеки, убирая волосы с ее лица, и резко отпрянул на кровати.

Люси была холодной на ощупь. Она умерла ночью, у него на руках, — похоже, довольно мирно,

не испытывая никаких мучений. Чашка с какао по-прежнему стояла на ночном столике. Нетронутая. Ломакс схватился за лицо и волосы, и из груди у него вырвался какой-то звук. Это был такой же звук, который издают люди по всему миру. Звучит он всегда одинаково, на каком бы языке ни говорили эти люди. Это был мучительный вой. Вопль, вырвавшийся из горла, сдавленного сокрушительной волной внезапного горя.

Ломакс вышел на крыльцо. Светало. Он сидел в своем кресле-качалке, раскачиваясь взад и вперед, и плакал, обхватив себя руками за плечи, и все никак не мог остановиться, пока горячее красное солнце все выше поднималось над темной землей.

Люси ушла. И боль уже не могла коснуться ее. Ни боль от смертельной болезни, ни боль от осознания того, кем он стал на самом деле. По крайней мере, она будет избавлена от этого.

Несмотря на все свое горе, Ломакс с горьким облегчением улыбнулся. Люси умерла с уверенностью в том, что он хороший человек. Теперь она уже никогда не узнает, каким человеком Корн помог ему стать. И этому он был очень благодарен. Благодарен тому, что она умерла, так и не узнав об этом.

Ее последние слова проигрывались у него в голове бесконечной горькой петлей.

«Хороший ты человек, Колт Ломакс…»

Глава 32

Эдди

Ни Гарри, ни я не были специально обученными оперативниками, так что не стали подходить ближе в отсутствие профессионала.

Блок не потребовалось много времени, чтобы добраться до дома Дюбуа. Она достала из машины фонарик и, держа его в зубах, обернула обувь пластиковыми пакетами и натянула пару латексных перчаток. Из внедорожника Коди исходил ужасный запах, но Блок вроде не обращала на это внимания. Она медленно приблизилась к автомобилю, зафотала его со всех сторон на телефон, уделив особое внимание отпечаткам ног в грязи, а затем широко распахнула все дверцы и внимательно осмотрела тела и салон. В бардачке лежал техпаспорт, подтверждающий, что машина принадлежит Коди Уоррену, но в багажнике не нашлось никаких документов.

Равно как и фотографий со вскрытия, сделан-

ных Фарнсвортом.

Вид у Коди Уоррена был какой-то промокший — на щеки как будто налип тонкий слой поблескивающей слизи. На нем был деловой костюм, прилипший к телу, — тот тоже выглядел мокрым, хотя крови на нем вроде не было. Сбоку из шеи у него торчал нож. Все выглядело так, как будто кто-то ткнул его ножом прямо сквозь опущенное стекло. Блок долго рассматривала этот нож, в особенности рукоять. Платье и тело Бетти были сухими, за исключением лица и шеи, залитых кровью. Она безвольно обмякла на переднем пассажирском сиденье рядом с Коди.

Наконец Блок спросила:

— Кто-нибудь из вас к чему-нибудь прикасался?

— Ни в коем случае, — ответил я.

Она кивнула.

— Мне нужно сфотографировать вашу обувь.

Мы с Гарри повернулись к ней спиной и приподняли пятки, чтобы Блок могла как следует зафотать подошвы.

— Ну и на что это похоже, по-твоему? — спросил я.

— Странно… — ответила Блок.

— В смысле? — уточнил я.

— Больно уж топорно. И есть одна ошибка, — сказала она.

Мы с Гарри обменялись озадаченными взглядами. Иногда Блок изъяснялась так, как будто мы все должны быть настроены на ее волну. Правда же в том, что частенько она опережала всех нас в своих выводах.

Вздохнув, Блок объяснила:

— Бетти была избита и застрелена в голову и грудь из ствола двадцать второго калибра. На пассажирской дверце вроде есть следы крови от выстрела в грудь, судя по росту, но я не вижу следов от выстрела в голову. А Коди Уоррен умер не от ножевого ранения. За ухом у него тоже пулевое отверстие. И опять мелкий калибр. В ногах у него, под педалью тормоза, лежит пистолет.

Блок примолкла, ожидая, пока мы ее нагоним. Мне стало немного яснее, хотя и не до конца.

— Этот пистолет у него в ногах, — спросил я, — он тоже двадцать второго калибра?

Блок кивнула.

— Так что ты считаешь, что все выглядит так, будто Коди Уоррен избил Бетти, дважды выстрелил в нее, а потом покончил с собой?

— Примерно так все и выглядит, если не считать ножа.

Я кивнул.

— Просто чтобы внести ясность: ты уверена, что все было не так?

— Это просто невозможно, — ответила Блок. — Коди мертв гораздо дольше, чем Бетти. Не могу сказать, как долго, поскольку труп был заморожен.

— Заморожен? — изумился Гарри.

Блок кивнула.

— Он еще даже не оттаял как следует. Веки все еще не открыть.

— Ричард Куклиньски [144], серийный убийца и наемный киллер мафии, обычно поступал точно таким же образом. Засовывал труп в морозилку, иногда на несколько месяцев, а затем оттаивал, и никак было не определить, когда этот человек был убит, — сказал я.

— В этом и была ошибка, про которую ты упомянула? — спросил Гарри.

— Нет, тут целая куча ошибок, — сказала Блок. Поманив нас ближе, она ткнула пальцем в зем-

---

[144] notes: 144

Ричард Куклиньски (1935–2006) — американский наемный убийца по прозвищу «Ледяной человек». Работал на несколько итало-американских мафиозных семей и утверждал, что убил от 100 до 250 человек. Совершал убийства с особой жестокостью и нередко просто для собственного удовольствия. Большинство его признаний не подтверждены. В 1988 г. получил несколько пожизненных сроков и умер в тюрьме.

лю.

С водительской стороны было сразу несколько разновидностей следов. Как будто тут топтались еще как минимум два разных человека, помимо меня и Блок.

— Кто-то пригнал сюда этот внедорожник. Поставил его тут. Перенес тело Коди на водительское сиденье. С пассажирской стороны есть два разных следа, оба на одной линии, как будто эти люди подходили к машине точно в затылок друг другу. И точно так же шли обратно, — сказал Блок.

Мы с Гарри старались держаться подальше от этих отпечатков, когда переходили грунтовку, чтобы подойти к машине с пассажирской стороны.

Блок продолжала:

— Следы на пассажирской стороне выглядят так, будто…

— Как будто два человека несли что-то тяжелое, — закончил за нее я.

Блок кивнула, мотнула головой внутрь кабины и посветила фонариком на платье Бетти. Подол его был задран и обмотан вокруг талии.

— Двое мужчин принесли ее тело сюда и поместили в эту машину, — сказала Блок. — Ни одна

женщина не сядет в машину с таким задранным платьем. Далеко не высший пилотаж, но вполне достаточно, чтобы шериф округа Санвилл объявил это убийством с последующим самоубийством. Я знаю, каковы шерифы в таких вот маленьких городках — как раз такое написал бы в отчете любой из них.

— А как же нож?

— А вот это уже не соответствует попытке выдать это за самоубийство. Хотя они могут оставить тело Коди оттаивать достаточно надолго, прежде чем вызвать судмедэксперта. При такой жаре это не займет много времени. Может, ничто из этого и не имеет никакого значения, если шериф и судмедэксперт на зарплате у Корна или у него под контролем. Они вообще могут написать в отчете, что эти люди утонули, если им так захочется.

— Нож — это послание для нас, — сказал Гарри. — Кто-то убил Коди Уоррена и Бетти Магуайр и выставил их тела в полумиле от дома Энди Дюбуа. Нож подтверждает это.

Я видел, что даже Блок не сумела до конца это догнать.

— Каким это образом нож может быть посланием? — спросил я.

— Цветок на рукояти… Это белая камелия. Ку-

клукс-клан был далеко не единственной группой убийц и расистов на Юге. В Луизиане были еще Рыцари Белой Камелии, хотя у них имелись отделения и в других штатах. Основу Клана всегда составляла в основном белая беднота. Рыцари были куда опасней, хотя их никогда не было особо много. Эта группа объединяла богатых людей. Влиятельных людей. Основали эту группу бывшие офицеры армии Конфедерации, а вскоре к ним присоединились редакторы газет, врачи, юристы, землевладельцы, представители закона и даже судьи. Сливки высшего общества американского Юга. Они лоббировали свои интересы во власти, использовали свое богатство и влияние, чтобы отстаивать превосходство белой расы. Они убивали, подвергали преследованиям и уничтожали целые общины чернокожих.

— Никогда о них не слышал, — сказал я.

— Считается, что они закончили свое существование еще в семидесятых годах позапрошлого века. Хотя, учитывая природу подобных подпольных движений, никогда нельзя сказать наверняка. Посмотрите на рукоять этого ножа. Это перламутр, старинное серебро и сталь. Я видел фотографии точно таких же ножей, воткнутых в тела белых людей, выступавших

против Белой Камелии. Должен добавить, что большинство из них были республиканцами. Партия Линкольна одной из первых долгое время взывала к терпимости на Юге.

— Все меняется, — заметил я.

Гарри кивнул и сказал:

— Это предостережение. Если мы продолжим заниматься этим делом, то окажемся в серьезной опасности. Все мы.

Блок шагнула вперед и уставилась внутрь кабины, поигрывая желваками и стиснув зубы. Я знал, что она запечатлевает эти образы в своей памяти. Двух ни в чем не повинных людей, безжалостно убитых.

Нам ничего другого не оставалось, кроме как обратиться к служителям закона. Из управления шерифа прислали двух помощников, которых я еще не видел. Они взяли у меня показания и вызвали криминалистов. Я оставил их заниматься делом и вернулся к дому Патриции. Ступив на крыльцо, услышал шум, доносящийся изнутри. Открыв дверь, я увидел Патрицию и Энди, сидящих на диване.

Они сидели вплотную друг к другу. Патриция обнимала Энди, ее ладонь лежала на его правом плече. Левой рукой он нежно похлопывал ее по

ладони и раскачивался взад-вперед, пока Патриция шептала ему, что всё в порядке.

Когда я впервые увидел Энди в той камере, он делал то же самое. Похлопывая себя по плечу, раскачивался взад и вперед. Пытаясь успокоить себя. Похоже, они часто так делали, мать и сын, каждый по-своему утешая друг друга.

— Энди приснился кошмар. Такое часто случается. Все нормально, он сейчас отойдет… Что тут за дела у шерифа? — спросила Патриция. Судя по всему, она увидела мигалки патрульной машины, когда та прибыла сюда.

Я не хотел ей говорить. По крайней мере, сейчас. Ночью все выглядит гораздо хуже. Некоторые вещи следует говорить только при дневном свете.

— Я завтра вам всё расскажу. Всё в порядке. Энди в норме?

— Ему просто нужно немного времени. Посмотрю, получится ли завтра раздобыть кое-какие лекарства… У нас все закончилось.

— Какого рода лекарства? — спросил я. Я и не знал, что Энди принимает какие-то лекарственные препараты.

— Это от тревоги. Они не входят в «Медикэйд»

[145], и я не всегда могу их себе позволить. Если хотя бы пару недель лодыжка у меня будет в порядке, то я смогу запастись ими. Хотя в последние месяцы все так и болит не переставая.

Только в величайшей стране мира работающей матери приходится взвешивать, покупать ли лекарства для себя или для своего сына. Патриция была готова обходиться без них и терпеть боль, если это принесет Энди хоть какое-то облегчение. И я знал, что она так и сделает.

— Это недавнее явление — в смысле, тревога?

— Нет, — ответил Энди. — Это у меня еще с подростковых времен. Не могу спать, не могу есть. И бывают панические атаки [146]. Иногда стресс усугубляет ситуацию.

— У тебя был доступ к лекарствам в тюрьме?

— Нет, они мне ничего не давали.

В материалах дела не было ни слова о том, что

---

[145] notes: 145

«Медикэйд» (*англ.* Medicaid) — федеральная и местная программа американского здравоохранения, которая помогает оплачивать медицинские расходы малоимущим, инвалидам и другим социально незащищенным лицам. Имеет целый ряд ограничений.

[146] notes: 146

Имеется в виду острый приступ тревоги и страха с целым набором физиологических проявлений: учащенным сердцебиением, одышкой, нарушением двигательных функций и т. д., причем обычно эндогенный — случившийся, что называется, «на ровном месте». Непрофессионалы нередко употребляют этот термин и по отношению к приступам паники, вызванным вполне понятной причиной.

Энди принимал какие-либо лекарства или что у него было диагностировано какое-либо тревожное расстройство.

— Вы не против, если я задам вопрос касательно причины этого беспокойства? Конечно, это не всегда что-то конкретное. Иногда люди просто чувствуют себя плохо. Но если было что-то такое — может, какая-то душевная или физическая травма, — то я хотел бы знать об этом. Я не хочу никаких сюрпризов в суде.

Патриция и Энди вместе покачивались на диване, и я видел, что это успокаивает его. Грудь у него уже не так резко вздымалась, а ноги перестали дрожать.

— Это не был какой-то один инцидент, — ответила Патриция. — Люди просто не понимают, каково это — быть молодым чернокожим в Америке. Мне уже пятьдесят пять, Эдди. Я полагала, что моим детям придется легче в их жизни. Но не думаю, что у черных дела стали обстоять лучше, скорее наоборот. Стоит ли удивляться, что в этой стране молодой чернокожий мужчина принимает противотревожные препараты?

— Наверное, вы правы. Многие люди сейчас уверены, что они вправе высказывать свое собственное мнение, каким бы отталкивающим оно

ни было. Это пятно всегда омрачало Америку. Просто в наши дни мы видим его намного яснее. Со временем все наладится, — сказал я.

— Вы в это верите? — спросила она.

— Я думаю, что появилось новое поколение, которое не потерпит всего этого дерьма. Энди — его часть. Такие молодые люди, как он, спасут нас всех.

Патриция не сводила глаз со своего сына, пока я произносил эти слова, и я видел, как надежда наполняет ее глаза слезами.

— Ты сказал, что тебе приснился кошмар, Энди… Что это было? Когда рассказываешь кому-то о таких вещах, обычно становится легче.

Тут он посмотрел прямо на меня, и за все время, что я живу на этой земле, я никогда еще не видел, чтобы кто-то был так напуган.

— В последнее время мне каждую ночь снится один и тот же сон, — сказал Энди. — Как будто я привязан к большому креслу, но это кресло все в огне, и мне никак не выбраться из него. И еще там мистер Корн. Смеется надо мной — смотрит, как я горю…

Глава 33

Тейлор Эйвери

Тейлор Эйвери закрутил кран с горячей водой. Внимательно прислушался.

Да, так и есть.

Тихий стук в дверь.

Он схватил кухонное полотенце, вытер руки. Прежде чем выйти из кухни, потянулся на верх холодильника за пистолетом. Снял со спусковой скобы запорное устройство [147] при помощи ключа со своей связки, после чего, опустив пистолет стволом вниз, направился к входной двери. Тейлор, мужчина среднего роста со светло-каштановыми волосами, был владельцем молочной фермы, на которой сам и трудился. Работа эта была долгой и тяжелой, отчего при его худощавом телосложении силы ему было не занимать.

Ферма Эйвери располагалась по меньшей мере

---

[147] notes: 147

Такое устройство, фиксирующееся при помощи ключа, полностью перекрывает спусковую скобу, не позволяя подобраться к спусковому крючку, и тем самым исключает несанкционированное или случайное использование оружия — например, детьми. Нередко оно требуется при домашнем хранении огнестрельного оружия по закону, вместо сейфа или наряду с ним.

в миле от его ближайшего соседа, тоже молочного фермера. Было уже за полночь. Его жена и сын-подросток спали наверху. Кто бы ни стоял сейчас у двери, явился он явно не поболтать за жизнь. Ни глазка в двери, ни какой-либо охранной системы в этом доме не имелось. Свою охранную систему Эйвери сейчас держал в своей правой руке. Открыв входную дверь, он увидел высокого мужчину, стоящего на крыльце. Одет тот был в деловой костюм и смотрел куда-то в поля, словно его совершенно не заботило, кто откроет дверь. Свет на крыльце придавал его бледной коже желтый оттенок.

— Мистер Эйвери? — спросил мужчина.

Тейлор прищурился в темноте. Мужчина не был вооружен. Руки у него были сцеплены на животе, как будто где-нибудь в церкви. Тейлор не сразу узнал того, кто стоял у его входной двери.

— Мистер Корн? Это вы?

— Он самый. Вам не трудно выйти на пару минут, чтобы мы могли поговорить?

Пистолет Тейлору не понадобился, хотя он все равно ощутил страх при виде окружного прокурора, стоящего у него на пороге. Опять заперев пистолет, он положил его на столик в прихожей и вышел на улицу. Указав на одно из кресел, про-

следил, как Корн опускает на него свое длинное тело. Выглядело это не так чтобы неловко, хотя все равно почему-то создавалось впечатление, словно стулья и кресла были чем-то чуждым Корну. Как будто его рост и фигура не подходили большинству обыденных вещей. Усевшись, он приглашающе протянул руку к соседнему креслу.

Тейлор опустился на него, и в этот момент уловил в воздухе какой-то странный душок, вроде как гнили или разложения. На столике рядом с креслом лежала книжка в мягкой обложке — «Убить пересмешника». Любимый роман Эйвери. Он любил перечитывать его каждый год, летом. Он помнил, как сидел на этом самом крыльце, после того как помогал отцу в поле в тот день: рядом с ним стоял стакан прохладного лимонада, а мир Глазастика [148] освещал неяркий свет масляной лампы. Мир, который, по крайней мере в то время, не так уж сильно отличался от его собственного.

— Прошу прощения за появление в столь позд-

[148] notes: 148

Глазастик (Scout) — прозвище главной героини и рассказчицы романа, Луизы Финч, вначале пятилетней, а потом девятилетней девочки — сообразительной, решительной и нетерпимой ко всякого рода несправедливости.

ний час. Я был несколько занят подготовкой к предстоящему судебному разбирательству. Вы, наверное, слышали об этом. Я выступаю в качестве обвинителя этого парня Дюбуа. Который убил Скайлар Эдвардс.

Тейлор кивнул.

— Конечно, в городе только и разговоров… В газетах тоже. Бедная девочка…

И тут Тейлор замолчал, догадавшись, почему Корн сейчас здесь. Сглотнув, он приказал себе быть поосторожней с речью.

— Я в курсе, что вы получили повестку на отправление своего гражданского долга в качестве присяжного, мистер Эйвери. Учитывая, как далеко вы живете от города, а также тот факт, что вы не читали никаких статей об убийстве и не смотрели никаких новостных репортажей, вполне вероятно, что вас выберут в состав жюри по этому делу.

Тейлор прочитал великое множество таких статей. Просмотрел великое множество новостных репортажей. Он, по сути, едва ли не открытым текстом сказал это каких-то две секунды назад. Однако просто кивнул, прикусив язык.

— Эта ферма принадлежит вашей семье уже очень долгое время. Как мне сказали, пять поко-

лений, — продолжал Корн.

— Именно так. Нам повезло. Содержать ферму — дело нелегкое. Никогда таким не было, и становится только труднее, — сказал Тейлор, который решил, что фермерство — куда более безопасная тема, чем судебные процессы об убийствах.

— Как вы знаете, я отвечаю за соблюдение закона в этом округе. Но при этом и в курсе всего, что происходит здесь в административном плане. Поговаривают, будто одно казино присматривает себе участок земли за городом. Хочет построить торговый центр, кинотеатр и все такое прочее. Не слышали об этом?

Тейлор кивнул. Ему уже поступали предложения купить его землю от двух разных юридических фирм, выступающих от имени крупных компаний, которые строили как раз такие планы. Он отклонил их оба. Хотя предложения были выгодными и могли обеспечить его и его семью на протяжении еще двух или трех поколений. По правде говоря, он даже не стал особо раздумывать.

Это была земля Эйвери. У них было несколько ржаных полей, которые позволяли кормить скот, и оставалось достаточно, чтобы продавать рожь на сторону вместе с молоком. Они были во

многом самодостаточны, почти полностью себя обеспечивая. Его отец всю свою жизнь проработал на земле, как и его отец до него, и Тейлор был полон решимости делать то же самое.

— Видите ли, если намечается коммерческая застройка, отвечающая интересам округа, есть определенные законы, которые они могут использовать для приобретения земли. Они могут получить постановление суда, и тогда вам и вашей семье придется съехать отсюда. Такие постановления обычно означают, что вы не получите полную рыночную цену за свою собственность. Может, разве что из расчета двадцать центов за доллар. А то и меньше.

Тейлору вдруг стало холодно, хотя вечер был теплый.

— Знаете, я не лишен влияния, — продолжал Корн.

— Догадываюсь, — сказал Тейлор.

— Не нужно догадываться. Поверьте мне на слово. Я могу отменить такие постановления. Я могу указать казино на дверь. Или же могу ускорить этот процесс и уже к зиме выгнать вас с этой фермы. Возможно, вы вспомните об этом, когда будете обсуждать вердикт по делу Дюбуа. Вы уважаемый человек в этих краях. Честный,

как я всегда говорил. И ваши коллеги-присяжные, вне всякого сомнения, последуют за вами. Вам так не кажется?

— Наверное, — сказал Эйвери.

— Я думаю, что так оно и будет. Убедите своих коллег-присяжных признать Энди виновным, и ваш внук в вашем возрасте будет доить коров вон в том сарае. Если вы подвергнете мое решение сомнению… что ж, тогда все будет гораздо хуже. Ваше пребывание на этой земле — дар с моей стороны. На данный момент я готов предоставить вам этот дар. Но подаренное всегда можно забрать обратно, если ничего не получаешь взамен.

Корн подался вперед, и Тейлор опять уловил этот запах. Это напомнило ему про тот раз, когда он нашел мертвую черепаху под домом.

— Это будет пародией на правосудие, если суд присяжных отпустит этого парня Дюбуа на свободу, — сказал Корн.

Тейлору было ясно, чего от него ждут. Он не знал об этом деле ничего, кроме того, что было в новостях. Судебно-медицинская экспертиза установила бесспорную связь Энди Дюбуа с этим убийством — так там говорилось. Тем не менее он знал, что Корн не должен сейчас находиться здесь, и очень не любил, когда ему угрожали. Не-

которые сельские жители обладают чрезвычайно острым умом в таких вот житейских ситуациях — острей, чем у любого уличного жулика. Чем-то вроде врожденной мудрости, наверное.

Тейлор кивнул. Ничего не ответив.

— Я думаю, мы поняли друг друга, мистер Эйвери, — произнес Корн, протягивая длинную бледную руку.

Тейлор пожал ее, подивившись тому, насколько холодной на ощупь была кожа у Корна, как будто он только что вылез из ледяной ванны.

— Доброй ночи, — попрощался Корн.

Тейлор проследил, как тот уходит, садится в машину и не спеша уезжает прочь. Он не был знаком ни с Энди Дюбуа, ни со Скайлар Эдвардс, ни с кем-то из ее родни. Когда пришла повестка, призывающая его исполнить свой гражданский долг в качестве присяжного, Эйвери лишь молча молился, чтобы его в итоге не выбрали в состав жюри, потому что это означало бы необходимость нанять кого-то для помощи на ферме, пока он будет торчать в суде. Хотя в противном случае он честно выполнил бы свой долг в соответствии с законом и своей клятвой на Библии. Тейлор серьезно относился к таким вещам. Каждое воскресенье ходил в церковь, обязательно с семьей.

Корна он недолюбливал еще до того, как тот вздумал угрожать ему. В этом человеке было что-то странное. Как и тот странный огонек в его глазах, который Тейлор приметил лишь мельком, но от которого, тем не менее, у него по спине пробежал холодок.

Столь же важной вещью, как и его земля, было лишь его доброе имя.

Эйвери были частью этой земли. Это их потом и кровью на протяжении десятилетий выращивался урожай, а скот из поколения в поколение пасся на этих полях. Эйвери расплатились со всеми своими долгами и даже в меру сил помогали бедным. И вот теперь человек, представляющий закон, требовал у Тейлора, чтобы тот нарушил свою клятву и предал свое имя, если потребуется…

Стоя на крыльце, Эйвери поежился. Дело было не в температуре — это было просто физическое чувство облегчения от того, что он наконец избавился от присутствия Корна. Тейлор просто не мог дождаться, когда наконец избавится от его вони. Защита земли Эйвери была делом всей его жизни. Он и сам пока не знал, на что готов пойти, только чтобы сохранить ее за собой.

Опять опустившись в кресло, Тейлор взял экземпляр «Убить пересмешника» и положил его

себе на колени. Рассеянно перелистывая страницы, поразмыслил о том, какой выбор стоит перед ним. Возможно, скоро ему придется выбирать между своим добрым именем и фермой. Хотя, похоже, особого выбора у него не было. Его четырнадцатилетний сын спал в бывшей комнате Тейлора наверху. Эта земля принадлежала его сыну по праву рождения, и он сказал себе, что должен сделать все возможное, чтобы сберечь ее.

Глава 34

Эдди

Энди было нелегко опять заставить себя появиться в суде на следующий день после того, как он вышел на волю. Я хотел дать ему больше времени, чтобы успокоиться, чтобы нам было легче разговаривать, но суд выдвинул свои требования. По крайней мере, на сей раз Энди был одет в приличную одежду. Новую. Ну, или почти новую. На свои сбережения Патриция купила Энди костюм в комиссионке. Некогда тот был бы ему впору — до того, как его арестовали. Теперь казалось, будто в этом костюме могли бы уместиться сразу два Энди. С рубашкой дела обстояли не намного

лучше. Шея Энди выглядела так, будто из воротника высовывается черенок лопаты.

— Ну разве ты не прекрасно выглядишь? — сказала Патриция.

Энди, который, заметно нервничая, сидел перед ней за столом защиты, повернулся в сторону мест для публики и показал ей поднятые большие пальцы. Он знал, что она потратила на этот наряд все свои деньги до последнего цента, и не собирался портить ей настроение. Это был способ Патриции помочь ему. Она позаботилась о том, чтобы Энди хорошо выглядел в суде. Как порядочный молодой человек, каким на самом деле и являлся.

Патриция сидела в первом ряду галереи для публики. В тот день в зале суда было не так уж много народу. Несколько репортеров, а также кучка заинтересованных граждан в белых футболках и легких бежевых брюках, в том числе Брайан Денвир, на сей раз без своей AP-15. Находился в суде и отец жертвы — Кейт незаметно указала мне на него. На нем были синяя рубашка и черные брюки, а на лице написана такая боль, какой не пожелаешь и врагу. Перехватив мой взгляд, он уставился на меня.

Я кивнул, но не улыбнулся.

Боль, которая кипела в глубине его глаз, превратилась во что-то другое и нацелилась в мою сторону. Вот и еще один человек, который при малейшей возможности вцепится мне в глотку. И его трудно было в этом винить. Правоохранители сказали ему, что его любимую дочку убил Энди Дюбуа, и неважно, что произойдет в дальнейшем в этом зале суда, — это мнение может никогда не измениться.

Гарри расположился за столом защиты слева от меня, Кейт — справа. Энди сидел рядом с Гарри, который очень заботливо относился к парнишке. У Гарри никогда не было детей, но привязанность, которую он выказывал по отношению к этому молодому человеку, навела меня на мысль, что Гарри наверняка сожалел об этом.

Кейт держала наготове папку с заметками касательно потенциальных присяжных заседателей. С утра я пролистал ее, после бессонной ночи — отличная работа. Лучше, чем это вышло бы у меня самого.

Корн уже сидел за столом обвинения, в окружении нескольких помощников. Я внимательно оглядел присутствующих, но шерифа нигде не увидел. В зал вошел судья Чандлер, и по команде пристава все поднялись со своих мест. Судья

объявил, что собеседование с кандидатами в присяжные по делу «Округ Санвилл против Дюбуа» объявляется открытым.

— Более сотни потенциальных присяжных заседателей ждут своего часа, господа адвокаты. Я ожидаю от вас обоих, что вы будете работать быстро. В моем суде меня в первую очередь интересует отношение кандидатов к смертной казни, и мне не нужно, чтобы вы тратили на каждого больше пяти минут, прежде чем я сам приму решение. Это ясно, мистер Флинн? — спросил судья.

Я кивнул.

Это было мое первое дело по обвинению, караемому смертной казнью, но я уже представлял себе, какие подводные камни меня ждут. В этом городке не имело особого значения, кто будет сидеть в жюри. Вряд ли кого-то тут вдохновит перспектива исходить из невиновности Энди, пока не будет доказано обратное. И существовала еще одна проблема — отбор присяжных для рассмотрения дела о преступлении, наказуемом смертной казнью, существенно отличается от любого другого процесса отбора присяжных в системе уголовного правосудия.

В деле об убийстве, караемом смертной казнью,

присяжные должны быть допущены к рассмотрению такого рода дел [149]. Они должны быть готовы к тому, что в случае вынесения вердикта «виновен» фактически выносят подсудимому смертный приговор, и это не должно их каким-либо образом сдерживать. Вопросы, которые задают присяжным в таких случаях, как правило, касаются того, вынесли бы они смертный приговор или никогда бы не вынесли такой приговор, даже если подсудимый будет признан виновным. А это уже с ходу склоняет будущий процесс в пользу обвинения. Большинство женщин, представителей различных меньшинств, католиков и либерально настроенных людей выступают против смертной казни и никогда бы не вынесли такой приговор, даже если б признали кого-то виновным. А значит, они не могут быть присяжными в делах об убийствах, караемых смертной казнью. Как следствие, основная масса допущенных к таким делам присяжных не отличается особым расовым разнообразием — в большин-

[149] notes: 149

На английском юридическом языке звучит это довольно страшновато — Death Qualification (нечто вроде «допуск к смерти»).

стве своем это белые протестанты [150] мужского пола, приверженцы Ветхого Завета, которые с таким же успехом могли бы вывести обвиняемого на задний двор и кончить его выстрелом в башку, прежде чем в суде будет произнесено хоть слово.

Факт в том, что присяжные, допущенные к рассмотрению дел по преступлениям, предусматривающим смертный приговор, с очень большой вероятностью вынесут обвинительный вердикт, то есть этот самый смертный приговор. Конец пьесы.

Ну а вопрос, который им чаще всего задают в самом начале — готовы ли они в случае чего вынести смертный приговор, — дает понять даже самым непредвзятым присяжным, что в конечном итоге к этому-то все и сведется. Таким образом, присяжные уже не думают о том, доказало ли обвинение свою правоту, — все их мысли направлены только на то, хватит ли у них духу убить обвиняемого, и на поиск каких-либо моральных оправданий этому. В результате обвиняемого окутывает густое облако виновности,

---

[150] notes: 150

Протестантов в США и без того подавляющее большинство, но не будем забывать, что Эдди (как и автор романа) — ирландец, т. е. католик, для которого протестантизм ассоциируется в первую очередь с Британией, которую даже законопослушные ирландцы традиционно недолюбливают.

которое преследует его от отбора присяжных до самого вынесения вердикта.

Дело против Энди продолжало складываться наихудшим образом, по всем фронтам. И, похоже, мы мало что могли с этим поделать.

— Не забывайте, — напомнила Кейт, указывая на список имен, который она выписала на отдельный лист бумаги, — мы должны во что бы то ни стало привлечь вот этих людей.

Кейт просмотрела уже заполненные кандидатами анкеты и отобрала двадцать пять человек, которых нам следовало отмести, основываясь на их ответах.

Вначале судья Чандлер вызвал пятнадцать потенциальных присяжных заседателей и ознакомил их с процессом отбора. Чтобы, по его собственным словам, сразу взять быка за рога, он с ходу спросил у них, не выступает ли кто-нибудь из них против смертной казни настолько категорически, что никогда бы сам не вынес такой приговор. Четверо здравомыслящих граждан округа Санвилл подняли руки — и были незамедлительно исключены из списка.

Потом судья несколько подробней попытал оставшихся одиннадцать человек по тому же вопросу, отведя еще пятерых.

— С таким же успехом нас вообще могло бы здесь не быть, — буркнул Гарри, когда Чандлер отправил за двери очередного кандидата.

Я был удивлен тому, что судья с ходу избавился сразу от стольких кандидатов в присяжные. Исторически сложилось так, что страна в целом одобряет смертную казнь. С конца 1930-х годов среди населения Соединенных Штатов ежегодно проводятся опросы по поводу смертной казни. И впервые большинство американцев заявили, что они против смертной казни, лишь в ходе опроса в 2019 году. В течение примерно девяноста лет большинство американцев считали, что казнить своих сограждан — хорошая идея.

* * *

К четырем часам дня на трибуне сидели десять отобранных присяжных заседателей. Требовалось еще двое. Мы уже исчерпали десять предоставленных нам законом возможностей, позволяющих отвести того или иного кандидата без всякого объяснения причин. Мы всё еще могли отвести кого-то с указанием причины, но при председательстве Чандлера это была явно непростая задача. Кейт была на ногах, опрашивая молочного фермера по имени Тейлор Эйвери.

— Вы читали новостные статьи по этому делу? — спросила Кейт.

— Совершенно верно, мэм.

— Вы смотрели новостные репортажи об этом деле по телевидению?

— Да, мэм.

— Посмотрев эти выпуски новостей и прочитав эти статьи, как вы можете провести различия между тем, что говорилось и писалось, и реальными фактами по этому делу?

— Я не верю ничему, что читаю в газетах, и по большей части не верю в то, что вижу по телевизору, мэм.

Хороший ответ. Мне уже начинал нравится мистер Эйвери. Я мог сказать, что Кейт тоже заметно к нему потеплела.

— Как вы решаете, что считать правдой, мистер Эйвери? — продолжала Кейт.

— Ну, что касается новостей, то если они поступили из Вашингтона, то, скорей всего, это неправда. Или же только чья-то правда. Мой папаша всегда учил меня, что у любой истории есть как минимум две стороны.

— Чем вы занимаетесь в свободное время, мистер Эйвери, когда не работаете на ферме?

Судья Чандлер закатил глаза. Он явно не соби-

рался слишком долго терпеть нечто подобное.

— Я читаю, — ответил Эйвери.

— И что читаете?

— Художественную литературу, в основном классику.

Кейт не спеша изучала Эйвери, не сводя с него взгляда. У него не было причин лгать. Она наклонилась ко мне.

— По-моему, он неплох. А ты что думаешь?

— Если он не соврал насчет чтения, то я предлагаю взять его. Читающие люди обладают эмпатией и склонны к сопереживанию. Во всяком случае, причин для отвода не вижу. Давай возьмем его.

— Ваша честь, мы принимаем мистера Эйвери в качестве одиннадцатого присяжного заседателя, — объявила Кейт.

Судья Чандлер указал Эйвери на свободное место за барьером.

Теперь там наличествовало уже одиннадцать присяжных. Семь белых парней, двое афроамериканцев мужского пола и две белые женщины. Вот с чем приходится иметь дело, когда к обычному отбору присяжных присоединяется еще и допуск, связанный с высшей мерой наказания.

Оставалось занять только одно место.

Вперед вышла молоденькая афроамериканка, которая заняла место за свидетельской трибуной. Звали ее Имельда Фоллс. В списке присяжных, составленном Кейт, она занимала одну из первых строк. У Корна оставалась еще одна возможность отвода без объяснения причин, и он ею тут же воспользовался.

Кейт тоже не дремала.

— Правило Батсона [151], ваша честь! — тут же объявила она.

Согласно закону о Верховном суде, право отвода присяжного без объяснения причин не может быть использовано в каких-либо дискриминационных целях. Нельзя отстранить кандидата в присяжные только из-за цвета его кожи, религиозных убеждений или пола.

— Очень хорошо: мистер Корн, от вас требуется

---

[151] notes: 151

Англосаксонское право является прецедентным, и зачастую прецеденты именуются по названию того судебного дела, в ходе разбирательства которого они обрели ранг закона. Упомянутое правило, суть которого Эдди излагает ниже, названо по делу «Батсон против штата Кентукки» 1986 г., в ходе которого обвинение пыталось отвести часть присяжных по расовому принципу. Кстати, процесс допуска присяжных к рассмотрению дела о преступлении, наказуемом смертной казнью, вместо жутковатого официального термина Death Qualification на судейском жаргоне нередко именуют забавным выражением Witherspooning a jury — нечто вроде «уизерспунить присяжного» (тоже от названия прецедентного судебного процесса «Уизерспун против штата Иллинойс» 1968 г.)

изложить причины данного отвода, — с тяжелым вздохом молвил судья.

Корн поднялся на ноги, застегнул пиджак и откашлялся, давая себе время подумать.

— Ваша честь, я считаю, что адвокат защиты в данном случае не вправе требовать от меня каких-либо обоснований моего решения. Однако все-таки изложу причину. Основываясь на ответах мисс Фоллс на вопросник для присяжных, обвинение считает, что в роли члена жюри она была бы неспособна вынести справедливый вердикт.

— Каких конкретных ответах? — уточнила Кейт.

— Юная леди, — сказал судья, — прошу не задавать вопросов окружному прокурору. Он уже дал свой ответ. Ваше возражение основывалось на правиле Батсона, но я не вижу никакой предвзятости с его стороны. Кандидатура отводится.

Так вот попросту.

Я шепнул Кейт:

— Не парься. С таким же успехом Чандлер может сидеть за столом обвинения.

Она кивнула. Я видел, как кровь бросилась ей в щеки. Кейт так и тянуло спустить на Чандлера всех собак, и я ее в этом не винил. Вообще-то, если

б это сошло ей с рук, я бы подержал ее пиджак.

— Следующий! — объявил Чандлер.

Свидетельское место заняла еще одна молодая женщина. Помоложе Имельды, белая. Я пробежал список присяжных Кейт. Я уже знал, как ее зовут, — Сэнди. Совсем недавно она работала в закусочной Гаса, и принадлежащий ей кошмар на четырех колесах с фольксвагеновской блямбой был припаркован напротив «Лисички».

Настал черед Корна задавать вопросы.

— Вы знакомы с кем-нибудь из представителей сторон или свидетелей по данному делу? — спросил он.

Сэнди Бойетт была одета в белую блузку и черные брюки, с красной лентой в темных волосах. Она довольно надолго задумалась, показывая, что поняла вопрос. Покосилась на меня. Коротко. Максимум на полсекунды. А затем ответила:

— Нет.

Корн продолжал задавать все обычные вопросы, но подкопаться было не к чему. Сэнди сказала, что у нее нет моральных возражений против смертной казни и что она готова к такому развитию событий в случае осуждения обвиняемого.

Я шепнул Кейт:

— Давай возьмем ее. Без всяких вопросов и

возражений.

— Как-то я насчет нее не уверена, — так же тихо отозвалась Кейт. — Она ненамного старше жертвы, жила с ней в одном городе… Я не думаю, что у них получалось избегать друг друга. Эта Сэнди наверняка знала ее — или хотя бы про нее — и может отождествлять себя с жертвой. Это усложнит нашу задачу.

— Под мою ответственность, — сказал я.

Кейт неохотно кивнула, и, когда настал наш черед, мы утвердили Сэнди в качестве последнего члена жюри.

В самом конце были отобраны еще двое запасных, после чего судья сказал:

— Мы потратили более чем достаточно времени, собирая этот состав жюри. Рассматривать дело начнем послезавтра. Мистер Корн, мисс Брукс и мистер Флинн — будьте готовы.

Когда мы выходили из зала, один вопрос по-прежнему не давал мне покоя.

Зачем Сэнди солгала прокурору, заявив, что не знает меня?

Глава 35

Эдди

Комната в «Лисичке» с каждым разом казалась мне все более тесной. Было уже больше восьми вечера, и мы весь день проторчали в ней, изучая материалы дела. Блок почти весь день просидела на телефоне, а мы с Гарри были заняты чтением и размышлениями. Кейт заполнила комнату своими заметками и вообще таким количеством всяких бумаг, что я уже не знал, какая из них о чем. Дело вроде все больше раздавалось вширь, но вперед мы не продвинулись ни на шаг.

— Не удалось связаться с тем патологоанатомом, Фарнсвортом? — спросил я.

Блок помотала головой.

— Ладно, предоставь это мне. А ты берись за Корна и не слезай с него, пока не нароешь что-нибудь полезное.

Она кивнула.

— Нам давно уже нужно обсудить стратегию касательно свидетелей обвинения, — сказала Кейт.

— Знаю. Но сейчас я не могу связно мыслить.

Гарри выбрался из кресла, подобрал лист бу-

маги и кнопкой приколол его к стене. Потом вооружился фломастером и начал составлять список свидетелей обвинения.

— Итак, что мы тут имеем? Во-первых, у обвинения есть отец Скайлар, Фрэнсис Эдвардс. Он будет давать показания либо в самом начале, либо в конце процесса. Выдаст что-нибудь, чтобы встряхнуть присяжных. Затем дующий в дудку окружного прокурора судмедэксперт, мисс Прайс, выложит присяжным кое-какие кровавые подробности. Затем у нас есть эксперт-криминалист окружного прокурора, Шерил Банбери. Она подтвердит, что кровь под ногтями Скайлар принадлежит Энди. У нас по-прежнему нет плана, как от всего этого отбиться. После этого достаточно владельцу бара поведать нам, что Энди и Скайлар в тот вечер поцапались прямо у него на глазах, и всё — сливай воду. Корну даже не понадобится этот тюремный стукач, Лоусон, или шериф Ломакс с его подписанным признанием нашего клиента, чтобы добиться обвинительного приговора.

— И, до кучи ко всему, состав присяжных явно не в нашу пользу, — сказала Кейт. — Даже если б у нас и имелись какие-то серьезные контраргументы касательно показаний экспертов и владельца

бара, на признании Энди мы прочно застрянем. Я просто не вижу, что мы можем выиграть это дело, Эдди. Прости: я думаю, что Энди невиновен, но не вижу выхода из этой ситуации.

Я кивнул.

— Эти звездообразные отметины на голове у Скайлар явно важны. Судмедэксперт штата не включила их в свой отчет. А значит, они как-то не бьются с позицией окружного прокурора, хотя я никак не могу понять, каким образом. Почему эти отметины исключены из отчета? Дело явно не в том, что их просто пропустили или что при аресте у Энди не было такого кольца на пальце, — ничуть не сомневаюсь, что Корн мог найти где-нибудь точно такое же и подбросить его Энди. Нет, есть тут что-то еще. Что-то, чего мы не видим.

— К примеру, записи с камеры наблюдения на заправке в ночь убийства, — заметил Гарри, скривившись.

— Корн тщательно заметает следы, — продолжал я. — Он нарушает правила, скрывает улики, которые помогают защите, и я думаю, что он имеет какое-то отношение к убийствам Коди и Бетти. Просто посмотрите на этого деятеля — это же просто ходячий мертвец! И он буквально помешан

на смертной казни. Нет, если мы хотим прижать его и спасти Энди, то должны действовать умнее — и грязнее, чем Корн.

Я достал свой сотовый, выбрал контакт и ткнул на «Позвонить». Ответили мне быстро. Ни приветствий, ни любезностей — у него не было на это времени.

— Я уже слышал про Коди и его секретаршу. Ты сам-то цел? — спросил Берлин.

— Мы в полном порядке. Нас не так-то просто напугать. Послушай, дело против Энди сшито так, что не подкопаешься. Этот гаденыш Корн то ли спрятал, то ли просто уничтожил записи с камеры наблюдения, которые могли бы показать нам настоящего убийцу и оправдать Энди. И от нашего судмедэксперта по-прежнему ни слуху ни духу. Похоже, Корн и до него успел добраться. Убийство Коди и Бетти — это сигнал в нашу сторону.

— Думаешь, Корн как-то причастен к этому? — спросил Берлин.

— Я не могу этого доказать, но думаю, что да.

— Что я могу сделать?

— Мне нужно еще деньжат.

— Я проверил счет, там все еще доступно триста семьдесят пять тысяч долларов. Этого мало? —

изумился Берлин.

— Нет. Мне это понадобится для кое-чего другого. Еще сотни штук вполне должно хватить, — сказал я.

— И на что пойдут эти дополнительные сто тысяч?

— Не думаю, что тебе захочется это знать.

— Эдди, я думаю, будет лучше, если я буду точно знать, что для чего нужно.

— Разумно. Дело в том, что я хочу подкупить одного из присяжных.

День пятый
Глава 36

Эдди

До суда у меня оставался всего один день. Пораньше поднявшись, я укатил на «Приусе» еще до рассвета. Округ Санвилл — самый маленький в штате, но расположен он по соседству со вторым по численности населения округом и неподалеку от административного центра этого округа — города Мобил. То, что это название произносится именно так, а, к примеру, не «Мобайл», я списал на какое-то французское или креольское наследие. По сравнению с крошечным Бакстауном атмосфера здесь была куда как более безмятежной. Я предположил, что вооружена до зубов всего лишь половина из встреченных мною на улице людей. Вокруг царило такое спокойствие, насколько это вообще возможно в Алабаме.

Припарковавшись на какой-то горбатой улочке сразу после девяти утра, я выбрался из машины и двинулся к большому особняку, расположившемуся в разрисованном белыми штакетниковыми заборами пригороде. Это было место, где навер-

няка имелись правила, определяющие, на какую высоту дозволено вырасти траве у тебя на лужайке, прежде чем кто-то другой подстрижет ее вместо тебя, а затем выставит тебе счет. Я открыл калитку, поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Как и все дома на этой улице, этот был в отличном состоянии и выглядел так, словно его только что покрасили.

Дверь открыл мужчина в домашнем халате, лет шестидесяти или около того, с лентой седых волос, обрамляющих лысую макушку. Халат был не из дешевых — из красного шелка. Тонкий, чтобы можно было носить летом. Правый боковой карман халата заметно оттопыривался, и я сразу узнал за тканью очертания револьвера. Хозяин дома, похоже, опасался незваных гостей даже при дневном свете.

— Доктор Фарнсворт? — произнес я.

— Кто вы? — спросил он вместо ответа, и рука его нырнула в оттопыренный карман.

— Меня зовут Эдди Флинн. Я адвокат и представляю интересы Энди Дюбуа, — ответил я, делая шаг вперед и подпирая дверь ногой.

Он попытался закрыть ее, отвернулся, но дверь уперлась в мой ботинок и не сдвинулась с места.

— Вы нарушаете границы частной собственно-

сти, — предостерегающе произнес Фарнсворт.

— Я разговариваю со свидетелем-экспертом, который не выполняет свою часть договора.

— Я отошел от дел, — сказал он.

— Как и Коди Уоррен. Теперь уже навсегда. И его офис-менеджер, Бетти, тоже.

— Бетти мертва?

— Их нашли прошлой ночью. Оба тела были оставлены в брошенной машине во владениях Дюбуа. Доктор, я понимаю, что вы напуганы, но мне нужно с вами поговорить.

Фарнсворт примолк, и я видел, как он что-то подсчитывает в уме. Взгляд его метался вправо-влево. У меня сложилось впечатление, что о смерти Коди он уже знал. Хотя случившееся с Бетти оказалась для него неожиданностью. Об этих убийствах не было ни слова ни в газетах, ни по телику. В управлении шерифа на сей раз решили помалкивать в тряпочку, что было более чем подозрительно.

Доктор отпустил дверь, вышел на крыльцо и осмотрел обе стороны улицы. Пешеходов там не было, и, за исключением «Приуса», ни одной машины. У каждого участка в этом районе имелась собственная подъездная дорожка. Парковались прямо на улице только гости или та публика, что

присматривала тут за чистотой и порядком.

— Это ваша машина? — спросил Фарнсворт, указывая на «Приус».

— Вообще-то она прокатная, хотя да. Мы можем поговорить в доме?

Он едва не затащил меня внутрь. Быстро закрыл дверь и провел в комнату слева от коридора. Это был кабинет, обшитый дубовыми панелями, с книжными полками вдоль одной стены. Шторы здесь были задернуты, и единственным источником света была старомодная настольная лампа с зеленым абажуром, стоящая на письменном столе. Садиться доктор не стал, мне тоже сесть не предложил, хотя тут имелся небольшой диванчик.

— Чего вы хотите? Я уже сказал вам, что я на пенсии и отошел от дел.

Фарнсворт хватал ртом воздух, но скорей от паники и страха, чем от каких-то физических усилий.

— Коди Уоррен нанял вас для проведения вскрытия тела Скайлар Эдвардс. Вы обнаружили у нее на голове следы, оставленные каким-то кольцом. В отчете окружного судмедэксперта эти следы не упомянуты. Я думаю, это важный момент. Либо судмедэксперт пропустила их — что,

на мой взгляд, маловероятно, — либо ей было приказано исключить их из своего отчета. Как вы думаете, по какой причине?

— Разве это не очевидно? У подозреваемого в убийстве, которого нашел Корн, подобного кольца не было. Это кольцо могло быть использовано впоследствии, чтобы заронить разумные сомнения. Позвольте мне сказать вам кое-что, мистер Флинн: в округе Санвилл очень мало нераскрытых убийств. Многие подозревают, что эти немногие нераскрытые преступления, которые у них все-таки есть, могут быть совершены самим окружным прокурором или кем-то из его ближайшего окружения.

— Вы думаете, что окружной прокурор — убийца?

Фарнсворт покачал головой.

— Если вы еще и сами не пришли к такому выводу, то я ничем не могу вам помочь. Он живет ради того, чтобы наблюдать за казнями, которые сам же и инспирирует. Либо на электрическом стуле, либо при помощи иглы, либо… другими способами.

— Тем больше причин помочь мне спасти Энди Дюбуа.

Когда я произнес это имя, лицо у Фарнсворта из-

менилось. Он отвернулся, не в силах встретиться со мной взглядом, глаза у него метнулись к полу, лицо осунулось. Похоже, имя Энди Дюбуа вызвало у Фарнсворта жесточайший приступ стыда.

— Я ничем не могу вам помочь. Я же сказал, что я на пенсии, — тихим голосом повторил он.

— Вы были на пенсии, когда приняли работу от Коди. Что изменилось?

— Всё. Я провел вскрытие, написал свой отчет и обсудил его с Коди. На каком-то этапе ему пришлось поделиться этим отчетом с прокурором — в рамках обычного обмена материалами между обвинением и защитой. На следующий день после того, как мой рапорт был официально передан в офис окружного прокурора, мне позвонили и сказали, что давать показания не в моих интересах, если я хочу и дальше ходить по земле.

— Вы сообщили об этом шерифу?

— Этот телефонный звонок поступил как раз из офиса шерифа.

— Ломакс? — спросил я.

— Ну да, Ломакс был неплохим человеком до того, как встретил Корна. Не знаю, как вам это как следует объяснить, — а может, этого и не нужно, — но Корн умеет достучаться до людей. Залезть прямо им в душу со своими мерзостя-

ми. Заражая их. Вскоре после того, как он стал окружным прокурором, число вынесенных в округе смертных приговоров стало буквально зашкаливать, а Ломакс купил себе новую машину. А потом и новый дом, и его жена начала затариваться во всех дорогих магазинах города… Послушайте, вам и вправду нужно, чтобы я все расписал вам в красках? Корн практически купил Ломакса. А стоит вам пойти хотя бы на небольшой компромисс, как с вами покончено. Это улица с односторонним движением. Когда берешь взятки, то поначалу просто закрываешь глаза на подтасовку улик, затем уже сам активно подтасовываешь улики, затем уничтожаешь улики, а затем уничтожаешь и людей, вроде Коди и Бетти. И рано или поздно понимаешь, что эта улица завела тебя туда, где ты никак не ожидал оказаться.

Подобная история была мне более чем знакома. Я уже видел, как такое происходит с копами. Это не случается в одночасье. Процесс это медленный и постепенный: мало-помалу они становятся все более коррумпированными, пока грязь не поглотит их целиком. Незаметно для них — как для лягушки в холодной воде, которую медленно доводят до кипения.

— Зачем Ломаксу ради Корна спускать курок? Это серьезный шаг. Его шантажируют?

— Я не знаю. Корн умеет заставлять людей делать все, что ему требуется. А если он не может кого-то контролировать, то этот человек долго не протянет. Вот почему я ничем не могу вам помочь. Не хочу однажды утром по пути к почтовому ящику наткнуться на дуло дробовика.

Мне не хотелось давить на Фарнсворта. Выглядел он сейчас как просто испуганный старик. Однако то, что Энди могли посадить на электрический стул, представлялось мне куда бóльшим злом.

— Послушайте, вы сделали несколько фотографий, когда осматривали тело. Бетти сказала мне, что эти снимки были в багажнике машины Коди вместе с материалами дела, но они пропали. Мне нужны эти фотографии, и мне нужно, чтобы вы дали на суде показания по поводу следов на голове у жертвы. Если вы это сделаете, я сумею вас защитить.

— Собираешься переехать ко мне, сынок? Не хочу тебя обидеть, но тебе и самому придется как следует поднапрячься, чтобы остаться в живых.

— Всю жизнь только этим и занимаюсь, — сказал я. — Послушайте, должен же быть какой-то

способ, чтобы я смог воспользоваться этими снимками и не впутывать вас в это дело… Ни один из прочих отчетов или фотографий не свидетельствует о таких отметинах на теле у жертвы.

— Сочувствую вашему клиенту. Правда сочувствую. Но я не хочу умирать за него.

— У меня есть друзья в Нью-Йорке. Я могу попросить их прислать целую команду охраны, которая прилетит сюда спецбортом меньше чем через час. Прошу вас…

— Я ни за что не стану так рисковать.

— Выходит, Коди и Бетти погибли напрасно, убийца Скайлар пускай разгуливает на свободе, а Корн поджарит ни в чем не повинного парнишку на электрическом стуле? Вы это мне хотите сказать?

Фарнсворт на шаг отступил, нижняя губа у него задрожала, когда он резко втянул воздух сквозь зубы.

— Вы же были врачом. Разве это не первый долг врача — спасать человеческие жизни?

Он опустил голову. Я едва ли не собственными глазами видел, как этот вопрос гложет его изнутри. Я задал ему отнюдь не риторический вопрос. А очень серьезный. Вопрос, который мы все задаем себе в тот или иной момент. Тот самый

вопрос, который подразумевался в исповедальной речи Мартина Нимёллера [152] в 1946 году. Его слова, облеченные в поэтическую форму, теперь украшают несколько музеев Холокоста. Мартин выразился в том смысле, что, когда пришли за социалистами, он промолчал, потому что не был социалистом. Потом они приходили за коммунистами, членами профсоюзов, затем за евреями, а он не был ни коммунистом, ни членом профсоюза, ни евреем, и по-прежнему помалкивал. Последняя строчка не дает покоя моему сердцу.

«А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто мог бы протестовать».

В какой момент ты вылезешь из своей норы? Когда нарушишь молчание?

Вот вопрос, который сейчас задавал себе Фарнсворт. По одежде, висевшей на вешалке в прихожей, и по тому, как был обставлен дом, я понял, что у него есть супруга, которая ему явно далеко не безразлична. Доктор взвешивал риск возможных последствий — в виде причинения ей какого-то вреда и темного стыда, который мог

---

[152] notes: 152

Мартин Нимёллер (1892–1984) — немецкий богослов, пастор протестантской Евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» в 1967 г.

возникнуть, если он откажет мне.

— Я не могу, — наконец выдавил он.

Я задал себе этот вопрос давным-давно. И давным-давно нарушил молчание. Я выступаю в суде за тех, кто нуждается во мне, несмотря ни на что. Это стоило мне всего. Моего брака, моих отношений с дочерью. А совсем недавно и женщины, которую я очень сильно успел полюбить. Правильные поступки тоже имеют свои последствия, как и бездействие. И иногда после них так же тяжело смотреть на себя в зеркало.

Я кивнул. Я понимал страх Фарнсворта. Он имел полное право бояться.

— Хорошо, но теперь вам остается два варианта. Я знаю, что у вас есть фотографии, и они мне нужны. Вы можете сами отдать их мне, или я отниму их у вас силой. Здесь нет чего-то среднего, док.

— Я отдам вам эти чертовы фотографии, но ноги моей не будет в зале суда! А значит, вы не сможете использовать их в суде, насколько я понимаю?

— Просто отдайте мне фотографии, — сказал я.

Фарнсворт подошел к письменному столу, отпер его и перебрал несколько папок, прежде чем достать конверт и передать его мне. Конверт был открыт — засунув руку внутрь, я вытащил пачку снимков.

— Я думаю, что Коди и Бетти погибли из-за того, что есть на этих снимках, — сказал Фарнсворт. — Теперь мне придется как-то жить с этой мыслью.

Перебрав фото, я нашел те, на которых раны на голове у Скайлар были сняты крупным планом.

— Звездообразные следы от ударов протянулись по всей передней части черепа. Как будто кто-то специально их так расположил, — сказал он.

По мере того, как фотограф приближал раны трансфокатором объектива, красноватые звезды на фото становились все крупнее и крупнее. Последний снимок — вероятно, сделанный так, что объектив камеры почти касался кожи — и стал причиной гибели Коди. Я был в этом совершенно уверен. Я не знал, что это в точности значит, но сразу понял, что ничего хорошего.

— Это что там — никак, какие-то буквы у нее на коже, прямо поверх этой звездочки? — спросил я.

— Сначала я их не заметил. Глаза у меня уже не те, что прежде. Коди что-то углядел на фотографиях, которые я сделал, и увеличил их. А потом пришел ко мне, чтобы обсудить это. После того как он вышел из моего дома, никто его больше не видел.

— Что это за отметины? Ожоги?

— Нет, это следы от ушибов. Кожа проминается, принимая форму рельефной поверхности предмета, который соприкасается с ней на высокой скорости и с большой силой. Место удара может выглядеть белым, обесцвеченным, отчего отпечаток становится более четким. Эти символы были на кольце. Они повторяются, едва заметно, при каждом ударе, но вот здесь отпечатались четче всего. Это тот снимок, который Коди считал наиболее важным.

Я различил что-то похожее на полумесяц, а рядом — две горизонтальные черточки, соединенные вертикальной линией. Эти символы были совсем крошечными — может, всего в какую-то четверть дюйма. Я знал, что символы на кольце отпечатались на коже Скайлар в зеркальном виде.

Так что это и в самом деле были две буквы. Расположенные прямо на лучах звезды.

«F» и «C».

Глава 37

Блок

Блок стояла на углу Пятнадцатой и Мейн-стрит, обшаривая взглядом автостоянку на противоположной стороне улицы — площадку за оградой из стальной сетки, рассчитанную примерно на полсотни машин. По бокам от стоянки пристроились почтовое отделение, выглядевшее так, будто оно находилось там испокон веков, и бубличная, которая словно возникла там всего пять минут назад. На той стороне улицы, где стояла Блок, располагались склад и кондитерская, выходящая витриной на стоянку.

Было 10:01 утра, и личность, с которой тут была назначена встреча, уже опаздывала на целую минуту. Поймав себя на том, что скрежещет зубами, Блок прекратила это делать. Отправила в рот пластинку «Джуси фрут» и вздохнула.

Если она сама говорила, что будет где-то в определенное время, то всегда появлялась в точно намеченном месте в точно обозначенное время или даже раньше. Блок терпеть не могла опаздывать и терпеть не могла людей, не соблюдающих подобные договоренности. Все у нее должно было делаться строго определенным образом. Она так и не научилась уживаться с людьми, не уклады-

вающимися в ее личную программу.

На парковку напротив заехал «Линкольн Навигатор». Широкие шины заскрипели по гравию у въезда, а затем покатились по гладкому бетону. «Линкольн» сдал назад, занимая свободное место, и из него выбралась дама в бежевом топе, фланелевых брюках и кроссовках из конопляного волокна — из тех, что ныне выбирают рьяные защитники окружающей среды. У нее были каштановые волосы, собранные в пучок на макушке, и цепочка из чистого золота со свисающим с нее необработанным кусочком какого-то минерала, похожего на нефрит. Перейдя через улицу, Блок встретилась с дамой, когда та уже выходила со стоянки.

— Джейн? — спросила она.

— Да, а вы, должно быть, Блок, — ответила дама.

От нее пахло какими-то изысканными ароматическими маслами. Сладко и насыщенно. Блок представила себе, как Джейн проводит вечера, поглощая веганскую еду, слушая классический джаз и лениво перелистывая свежий номер «Ньюйоркера» [153]. У Джейн были деньги. Вполне

[153] notes: 153

«Ньюйоркер» — еженедельный журнал, основанный в 1925 г. и до сих пор доступный в печатном виде — в киосках и по подписке.

достаточно для того, чтобы не нуждаться в какой-то настоящей работе и довольствоваться тем, что посвящать свое время целому ряду благотворительных организаций и мероприятий. Одним из которых была кампания по пересмотру дел осужденных, приговоренных к смертной казни. Джейн была там вице-председателем.

Блок кивнула в знак приветствия.

— Ну что ж, вот здесь все это и произошло, — сразу перешла к делу Джейн. — Как я уже говорила, смотреть тут особо не на что. Вскоре после убийства мистера Секвентеса тот автосалон закрылся. Долгое время эта площадка пустовала, но когда в этой части города оживилась предпринимательская деятельность, понадобилось больше парковочных мест, и открыли вот эту автостоянку. Для этого района тут довольно дешево. Четыре доллара в час.

Блок не интересовало, сколько тут стоит парковка.

— Вы захватили с собой материалы дела? — спросила она.

Джейн скрестила руки на груди, отставила ногу и склонила голову набок.

— А не могли бы вы мне рассказать, откуда у вас такой интерес ко всему этому? Я не видела,

чтобы ваше имя упоминалось где-либо в этих документах.

— Я работаю в одной юридической фирме, — ответила Блок.

Джейн не сдвинулась с места, больше ни о чем не спрашивая и явно пытаясь дать своей собеседнице понять, что этого недостаточно. Даже близко не достаточно.

— Мы представляем интересы Энди Дюбуа, — добавила Блок.

— О, я слышала об этом деле… Слушание начинается завтра, так ведь? Так почему же вы спрашиваете меня про Дариуса Робинсона?

— Меня интересует не Дариус Робинсон. Меня интересует окружной прокурор.

— Послушайте, не теряйте зря времени. Рэндал Корн надежно прикрыт со всех сторон. На него нет ничего, что мы могли бы использовать в деле Дариуса. Он ловко заметает следы. На суде у Дариуса был никудышный адвокат, но тот, что подавал апелляцию, — чертовски грамотный, однако даже Коди Уоррен не смог найти ничего, что можно было бы использовать против Корна. Увы, но это так, — сказала Джейн.

Она опустила руки по бокам и сделала шаг назад, явно собираясь уйти.

— Коди Уоррен мертв, — сообщила ей Блок.

— Мертв?

— И его секретарша тоже. Оба казнены и оставлены в машине Коди возле дома Энди Дюбуа.

— Господи, да это… это просто ужасно! Бедняжки… О боже, вы думаете, что окружной прокурор мог иметь к этому какое-то отношение?

Блок лишь приподняла бровь.

Джейн на какое-то время остолбенела, но у Блок не было свободного времени, чтобы тратить его впустую.

— Позвольте мне взглянуть на материалы, пожалуйста.

— Какой в этом смысл? Если б там что-то было, Коди давно бы это увидел.

Блок вздохнула. Она не любила разговаривать. Разговоры — это не ее конек. Но ей нужно было взглянуть на эти бумаги.

— Если в этом деле нет ничего, что могло бы мне пригодиться, то вы ничего не теряете. Разве что полчаса своего времени, которые мне понадобятся, чтобы прочесть его. А если я что-нибудь найду, вы сможете подать прошение об амнистии Дариуса Робинсона — посмертно.

Джейн остановилась. Оглядела Блок с ног до головы. Спросила:

— И что же заставляет вас думать, будто вы сможете заметить то, что упустил один из лучших адвокатов в этом штате?

Блок ковырнула гравий носком ботинка.

— Такая уж у меня работа.

Джейн ненадолго примолкла, после чего произнесла:

— Господи, да как же вы прочтете эти материалы за полчаса? У меня в багажнике две полные коробки документов!

Бровь у Блок опять едва уловимо дернулась верх.

— Тогда пошли, — сказала Джейн.

Блок потребовалась всего пара дней, чтобы просмотреть последние двадцать дел по преступлениям, наказуемым смертной казнью, возбужденных Корном. Может, два из них были бы квалифицированы другими окружными прокурорами как просто тяжкие преступления, но Корн определил их по всей строгости закона, всякий раз требуя высшей меры наказания. Десять из этих двадцати человек были явно виновны. Не то чтобы они заслуживали смерти, подумала Блок, но все-таки не удостоились бы большого сочувствия со стороны общественности, если б ей удалось найти со стороны Корна какие-то нару-

шения. Девять из остальных десяти обвиняемых представляли собой молодых людей с какими-либо умственными или психологическими проблемами. Защитники у всех вроде работали достаточно эффективно, не для галочки, и ничто тут внимания Блок не привлекло.

Пока она не дошла до дела Дариуса Робинсона. Тот был осужден в соответствии с региональным законом о соучастии, согласно которому, если вы имели отношение к какому-либо преступному деянию, то несете полную ответственность за всё преступление целиком, даже если сыграли в нем лишь совсем незначительную роль. Дариус был осужден за разбой и убийство. Он был водителем, который помог бывшему преступнику по имени Портер скрыться, когда тот украл некоторую сумму денег с площадки для подержанных автомобилей и застрелил ее владельца. Дариус утверждал, будто и знать не знал о том, что у Портера есть оружие, — что он просто подвез его, чтобы тот мог забрать купленную им машину. И что когда Портер бегом вернулся к его машине с пистолетом в руке и сумкой с наличными, то пригрозил пристрелить Дариуса, если тот немедленно не увезет его оттуда.

Позже Портер был застрелен полицией, а Дари-

уса выследили, потому что два человека сумели запомнить номер его машины.

Именно это и привлекло внимание Блок.

Когда собираешься совершить вооруженное ограбление, воспользоваться для этого собственной машиной — не самая лучшая мысль. Вообще-то для этого нужно быть полным дебилом. А Дариус Робинсон такого впечатления не производил.

Джейн открыла багажный отсек «Линкольна», Блок вытащила оттуда коробку, поставила ее на заднее сиденье, села туда сама и начала просматривать бумаги. С первой коробкой она покончила всего за десять минут. Джейн протянула ей вторую.

Девятнадцать минут спустя Блок достала из второй коробки какой-то единственный листок и объявила:

— У меня всё. Пойдемте со мной.

Они вылезли из машины, и Джейн последовала за Блок со стоянки через улицу к кондитерской напротив.

— Мы уже поговорили с владелицей этого заведения, Дороти Мейджорс. Она лишь подтвердила то, что рассказала полиции. Она ничего не слышала и не видела. Она совершенно глухая, —

сообщила Джейн.

Когда дверь кондитерской открылась, у притолоки звякнул колокольчик. Почти сразу же за прилавком из подсобки появилась женщина в синем фартуке поверх белой блузки. На щеке у нее белела сахарная пудра, еще больше которой покрывало ее руки и фартук. Двигалась она в сопровождении белого сладко пахнущего облачка. Волосы у нее были седые, и трудно было сказать, сколько на них осело все той же пудры.

— Доброе утро, — поздоровалась женщина.

— Доброе утро, — отозвалась Блок. — Я из офиса окружного прокурора. Я хотела бы поговорить с Дороти Мейджорс по поводу дела Дариуса Робинсона.

— Ну, Дороти — это я. Я думала, что с этим давно покончено. Он… А разве его не…

— Его казнили в прошлом году, — перебила ее Блок. — Мы просто уточняем кое-какие детали, прежде чем отправить дело в архив. Надеюсь, вы не против.

Дороти лишь отмахнулась:

— Нет, вовсе нет. Что вам от меня требуется?

Блок протянула ей листок бумаги. Это было единственное заявление Дороти в деле, и оно было подготовлено тем сотрудником прокуратуры,

который рассматривал апелляцию Робинсона.

— Вы заявили в прокуратуре, что в тот день абсолютно ничего не слышали.

Хозяйка магазинчика взяла документ, глянула на него. Там было всего несколько строк, в которых, помимо ее адреса и рода занятий, говорилось, что выстрела она не слышала, поскольку у нее проблемы со слухом, и ничего не видела.

— Ну да, я помню, как подписывала эту бумагу. Я не слышала выстрела, так что у меня не было причин выйти и посмотреть, что случилось, — сказала она, хотя не удержалась и бросила взгляд через плечо Блок на колокольчик над дверью. Дороти явно услышала его звяканье, когда Блок и Джейн вошли.

— Хорошо, — сказала Блок. — Значит, вы не сказали тому человеку, что все-таки слышали выстрел, что вышли на улицу и *видели*, как все это произошло.

Дороти улыбнулась, хотя уже не так приветливо, как совсем недавно, и спросила:

— Напомните-ка мне, откуда вы?

— Из офиса окружного прокурора. Всё в порядке, мэм, вы можете говорить свободно.

Дороти некоторое время молчала, протирая прилавок тряпкой и обдумывая заданный во-

прос.

— Кто вам сказал, что я слышала выстрел? — наконец произнесла она.

— Это само собой разумеется, мэм. Ваш маленький колокольчик над входной дверью звонит с громкостью около сорока децибел. Реактивный двигатель, сжигающий один галлон топлива в секунду, выдает сто сорок децибел. Портер стрелял из девятимиллиметровой «Беретты», парабеллумовской пулей с полым наконечником. Он сделал это снаружи, в ста пяти футах от вас. В результате громкость звукового удара в момент преодоления звукового барьера составила не менее *ста шестидесяти* децибел. Вы только что слышали этот крошечный колокольчик. Значит, слышали и выстрел.

— Я вышла, как и сказала шерифу, сразу после того, как услышала выстрел, и увидела какого-то парня с сумкой. Он стоял на улице, наставив пистолет на водителя машины, и кричал, что если тот не откроет дверь, то он убьет его. Вот то, что я сказала шерифу Ломаксу. Он сказал, что мне следует держать это при себе. Он не давал мне ничего подписывать. Теперь все нормально?

— Всё в порядке, мэм. У вас был подобный разговор с окружным прокурором?

— Нет, я разговаривала только с шерифом. Я сделала что-то не так?

— Не волнуйтесь, и спасибо за сотрудничество. Если нам понадобится что-нибудь еще, мы с вами свяжемся.

Блок вышла из магазина — колокольчик опять звякнул у нее над головой, — а Джейн с открытым ртом последовала за ней.

— Боже ты мой, — только и сказала она.

Джейн, похоже, частенько приходилось это повторять. Блок достала из кармана куртки телефон и остановила встроенный диктофон. Сохранила аудиозапись в виде файла и отправила Кейт по электронной почте.

— Никто этого так и не просек… Как вам это удалось? — спросила Джейн.

— Я ведь уже говорила вам. Такая уж у меня работа, — ответила Блок.

Глава 38

Кейт

Здоровенный полноприводный «Шевроле» взяла Блок, Эдди уехал на «Приусе», в результате чего Кейт и Гарри пришлось довольствоваться

убитым недофольксвагеном, приобретенным по случаю. Гарри заехал на нем на площадку для дальнобойщиков и припарковался за баром. Было в районе полудня. Время открытия. Кейт разговаривала по телефону с Блок.

— Я прослушала эту запись с дамочкой из кондитерской. Отличная работа, но Корна нам с ее помощью не прижать, — сказала Кейт.

— Мы можем использовать ее, чтобы подобраться к нему поближе. Дороти Мейджорс фактически обвиняет Ломакса в склонении к даче ложных показаний и препятствовании отправлению правосудия. Мы можем использовать это, чтобы развернуть шерифа в свою сторону.

— И вынудить Ломакса заключить сделку с Берлином в обмен на его показания против Корна.

— Вот именно.

— Хорошо, я поговорю с Эдди, — сказала Кейт, после чего дала отбой.

— Думаешь, Ломакс сдаст окружного прокурора? — скептически произнес Гарри.

— Ему ничего другого не останется. Сомневаюсь, что ему так уж хочется оказаться за решеткой. Я слышала, у Ломакса больная жена. Он не захочет с ней расставаться. Вот так мы и прищучим Корна, мне уже просто не терпится…

Гарри кивнул, глянув сквозь ветровое стекло на бар Хогга.

Выбравшись из машины на палящее солнце, они быстро направились к главному входу. Внутри бара было темно. Контраст с сияющим солнцем оказался для Кейт слишком резким. Ей пришлось остановиться и несколько раз моргнуть, прежде чем глаза привыкли к слабому освещению. Окна витрины были закрыты щитами из толстого пластика, и приходилось ориентироваться только по свету неоновых реклам за длинной стойкой, расположенной напротив двери, мигающим огонькам игральных автоматов и цифровому музыкальному автомату с компьютерным жестким диском вместо набора старинных грампластинок-сорокапяток.

Между дверью и стойкой было расставлено с полдюжины маленьких круглых столиков с хлипкими стульчиками, а слева располагалось несколько кабинок. Штук шесть, со светильниками над каждым столиком, хотя пока и не включенными. На концах стойки к потолку поднимались две колонны из деревянного бруса, украшенные приколоченными к ним подковами.

За стойкой стоял какой-то мужчина, протирая

пивной бокал белым кухонным полотенцем. Помимо него, в зале никого не было, хотя, судя по запахам, доносившимся с кухни, там вовсю готовились к обеденному времени. Поставив стакан на стойку, мужчина воспользовался полотенцем, чтобы вытереть шею, и бросил его в раковину. На нем была фланелевая рубаха в красно-черную клетку поверх черной футболки и синие джинсы. Либо он неделю не брился, либо ему и полагалось так выглядеть, — Кейт так и не смогла решить.

— Могу я вам что-нибудь предложить, ребятки? — поинтересовался он.

— Конечно, — отозвался Гарри, усаживаясь на табурет перед стойкой. — Кофе вроде пахнет неплохо. Мне два бурбона со льдом, воду и чашечку кофе.

Бармен кивнул, после чего сразу же налил два стакана воды со льдом, поставив один на стойку перед Гарри, а другой — перед соседним табуретом. В подобных заведениях есть прямой смысл предохранять клиентов от обезвоживания: меньше шансов, что они помрут от теплового удара, не успев расплатиться по счету.

— Кейт, ты чего-нибудь хочешь? — спросил Гарри.

Кейт присела рядом с ним и отпила глоток

воды.

— Пока что нет, спасибо.

Бармен вернулся с напитками для Гарри и дымящейся чашкой.

— Два бурбона и кофе? — изумилась она.

— О, не волнуйся, кофе не для меня, — ответил Гарри, который уже вытащил свой мобильник и нацеливал на чашку глазок камеры. — Эдди не пил нормального кофе с тех самых пор, как мы уехали из Нью-Йорка. Эта фотка сведет его с ума.

— А почему вам было просто не заказать двойной бурбон со льдом?

— Потому что бармены всегда наливают больше в один стакан. Я прав?

Бармен кивнул Гарри.

— Видать, бывали в наших краях, — заметил он.

— Бывал. В основном в барах, — подтвердил Гарри. — Скажите, это вы Райан Хогг?

Когда Гарри задал этот вопрос, бармен склонился над стойкой, чтобы протереть ее, и в этот момент его тряпка замерла на месте.

— Кто хочет это знать? — спросил он.

— Мы — адвокаты Энди Дюбуа, — сказала Кейт.

Бармен вздохнул и продолжил протирать стой-

ку, на сей раз более энергично.

— Я уже рассказал шерифу обо всем, что видел, — произнес он.

— Значит, вы и вправду Райан, — заключила Кейт. — Энди вроде славный парнишка.

— Я тоже так думал, но никогда не знаешь, — буркнул Райан.

Кейт обменялась взглядом с Гарри. Райан явно не растерял симпатию по отношению к Энди. Она точно могла это сказать. Гарри тоже это заметил.

— Окружной прокурор утверждает, будто Энди убил Скайлар Эдвардс. Мы в это не верим. А вы что думаете? — спросила Кейт.

Райан отложил тряпку, подошел к ним и оперся о стойку, широко расставив руки.

— Я плакал в ту ночь, когда нашли Скайлар. Она была особенной. Умная, красивая, с золотым сердцем. У нее для всех находилось минутка. Многие люди в этом городе гордились ею. Она присматривала за Энди, когда он здесь работал. Вступалась за него, если что. Следила за тем, чтоб он ни в чем не накосячил. Понятия на имею, почему они поссорились в тот вечер. Но я видел это собственными глазами. Они стояли прямо у входной двери.

— Вы можете описать, как Энди вел себя тогда

по отношению к Скайлар? — спросила Кейт.

— Он орал на нее. А Скайлар была не из тихонь — отвечала ему тем же.

— Вам показалось, что Энди был зол на нее? — спросил Гарри.

Райан посмотрел на двери, как будто пытаясь восстановить эту сцену у себя в памяти и позволяя ей проявиться в реальном пространстве.

— Он повысил голос… Пожалуй, что да.

— Как думаете, из-за чего вышел этот спор? — продолжал Гарри.

— Понятия не имею, но он был реально зол.

Они примолкли, Кейт опять бросила на Гарри короткий взгляд, и он едва заметно кивнул. Настал момент выдать вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов [154].

— Райан, вы и вправду думаете, что Энди убил Скайлар?

Он покачал головой.

— Я просто пытаюсь спокойно работать в собственном баре. Я уже сказал шерифу, что выложил все как на духу. Это то, что я видел. Вот и всё. Мне совсем ни к чему, чтобы Рэндал Корн

---

[154] notes: 154

«Вопрос на 64 000 долларов» — американское игровое телешоу, выходящее на канале «Си-би-эс» с 1955 по 1958 г., название которого давно превратилось в поговорку.

стоял у меня над душой.

Гарри вздохнул.

Кейт понимала опасения Райана. Никому не хотелось бы видеть Корна своим врагом. Но это не объясняло, почему Райан солгал. Не особо объясняло. Энди сказал, что в тот вечер они со Скайлар не ссорились. Что они вообще никогда не ссорились, и Кейт верила ему. Взгляд ее упал на руки Райана, лежащие на барной стойке.

— Спасибо. Ничего, если я воспользуюсь вашим туалетом? — спросила Кейт.

— Конечно, это сразу за углом, — бросил Райан.

Она слезла с табурета, обогнула барную стойку, подошла к распашным дверям с надписью «Туалеты» и толкнула их, чувствуя, как учащенно забилось сердце. Достав мобильник, отправила Гарри текстовое сообщение.

За пружинными дверями протянулся короткий узенький коридорчик, заканчивающийся пожарным выходом. Стена справа, некогда выкрашенная белой краской, теперь была сплошь уделана граффити. Слева виднелись две двери. На одной было написано «Хряки», на другой — «Свиноматки». Кейт остановилась у дверей, через которые только что вошла, навострив уши в ожидании… и вот оно. Из бара донесся коротенький

сигнал, извещающий о том, что на телефон Гарри поступило текстовое сообщение. Кейт зашла в кабинку для «свиноматок», вскользь подивившись, как это любая женщина вообще способна заглянуть в это проклятое место. Поплескала водой себе на шею, вымыла руки, вытерла их насухо и вернулась в бар.

Гарри тут же встретился с ней взглядом.

Кейт забралась на соседний табурет, а Гарри не спеша допил последний глоток из стоящего перед ним стакана и поставил его обратно на стол.

— Послушай, Райан, ты не против, если я возьму этот кофе с собой?

— Без проблем, — отозвался тот, вынимая из держателя над кофеваркой бумажный стакан. Взял чашку Гарри и аккуратно перелил в него кофе.

Пока он был этим занят, Кейт незаметно наставила на него свой телефон и сделала несколько снимков. Райан отдал стакан Гарри, извинившись, что крышки у них закончились. Гарри расплатился, и они с Кейт встали, чтобы выйти из бара.

— Спасибо вам за помощь, — как можно искренней поблагодарила Кейт.

Впервые с момента их знакомства Райан Хогг

подозрительно посмотрел на нее.

Кейт ничего не сказала Гарри, когда они уходили. На парковке оба тоже не проронили ни слова. Не заговаривали, пока не сели в машину.

Кейт подумала, что теперь наверняка знает, почему Райан солгал.

— Засняла? — спросил Гарри.

Почиркав по экрану своего телефона, она нашла одну из только что сделанных фотографий и, раздвинув большой и указательный пальцы, увеличила фрагмент. Это было фото Райана Хогга, переливающего кофе в бумажный стакан. На правой руке у него виднелось большое золотое кольцо.

С пятиконечной звездой в центре.

Глава 39

Ломакс

Последний из скорбящих поставил свою пустую тарелку в раковину, еще раз выразил Ломаксу свои соболезнования и ушел. Похороны должны были состояться только через два дня. Ему предстояло пережить еще сорок восемь часов этого дерьма. Он не хотел, чтобы в доме появился еще

один поминальный пирог, не хотел больше готовить кофе, видеть или разговаривать с кем-либо еще в течение очень долгого времени.

Люди, которые пришли выразить свое уважение покойной, были друзьями Люси — соседи, просто горожане, владельцы магазинов, медсестры и все остальные. Болезнь была долгой, но в конце концов скончалась она так внезапно, что люди были совершенно к этому не готовы. Люси упорно боролась с болезнью и никогда не позволяла ей лишить ее достоинства и силы. Наверное, как раз по этой причине для некоторых это по-прежнему оставалось неожиданностью.

Ломакс оставил грязные тарелки, стаканы и кружки там, где они и стояли, поднялся наверх и подумал, что Люси задала бы ему перцу за то, что не убрал за собой. Но он был уже не в силах. Ему просто хотелось прилечь. В спальне стряхнул с ног ботинки и улегся на ту сторону кровати, где обычно спала Люси. Вдохнув, уловил аромат ее духов, все еще остававшийся на простынях. Немного поплакал, а потом заснул. Проснувшись, посмотрел на часы на ночном столике и увидел, что уже больше пяти вечера. Он проголодался, но возиться с готовкой не хотелось.

Перевернувшись на другой бок, Ломакс

уставился на статуэтку, которая изображала полицейского, стоящего у фонарного столба. Принадлежала она Люси — ее подарила его жене какая-то подруга, когда Ломакса впервые избрали шерифом. Этой фарфоровой статуэтке было уже двадцать пять лет от роду. Люси смотрела на него каждую ночь, и эта фигурка по-своему смотрела на нее в ответ.

Ломакс отбился от света. Корн завлек его во тьму. Шериф выдвинул ящик прикроватной тумбочки Люси в надежде найти ее духи. Это было личное пространство его жены. Обычно он никогда даже не приближался к ее ящикам или комоду. Она предпочитала именно такое положение вещей, и для Ломакса это была запретная зона. В конце концов, у него имелся свой собственный гардероб — даже не просто гардероб, а целая гардеробная комната.

Заглянув в ящик прикроватной тумбочки, он увидел флакон французских духов. А рядом с ним — белый конверт. Довольно большой. Ломакс сел, достал его и прочел имя, написанное на конверте знакомым почерком.

Для Колта. На потом.

Перевернув конверт лицевой стороной вниз, он

осторожно вскрыл его. Ему не хотелось его рвать. На обратной стороне был почерк Люси, и это она написала его имя, и этот конверт представлял собой большую ценность. То, что следовало беречь.

Внутри было письмо, написанное от руки.

Дорогой мой Колт!

Любовь моя, я знаю, что ты не получишь этого письма, пока я не уйду. Пожалуйста, не расстраивайся так сильно. Я любила тебя всю свою жизнь. И до сих пор тебя люблю. И не забывай поесть. Я уж тебя знаю.

Мне очень нравится, как ты заботился обо мне во время этой болезни. Как ты растирал мне ноги, купал меня, мыл мне волосы, даже крошил мои таблетки в ложке и разводил их йогуртом, когда я не могла их проглотить. Ты можешь быть таким заботливым…

Мне нравится дом, который ты построил для нас. Последние несколько лет он доставлял мне особенную радость. И не думай, что я не знаю, во что это удовольствие обошлось. Ты молча нес бремя, повисшее у тебя на шее. Я это видела. Это

началось вскоре после того, как в нашей жизни появился Рэндал Корн, и не проходит и дня, чтобы я не жалела, что ты в какой-то момент попался этому человеку на глаза. Он совершенно прогнил изнутри. И пытается сделать тебя таким же, как он.

Ты не такой, как Рэндал Корн. Ты хороший человек. Я это знаю. Я поняла это еще в тот день, когда вышла за тебя замуж. Что-то изменило это. Но в тебе по-прежнему есть это хорошее, Колт Ломакс. Я вижу это, когда ты надеваешь на меня тапочки, когда помогаешь мне сходить в туалет, когда готовишь какао поздно вечером.

Он заставляет тебя заниматься плохими вещами. Такими, на которые ты раньше никогда бы не решился. Жизнь так коротка – и так сладка… У меня не получалось поговорить с тобой об этом раньше. Ты знаешь, что не получалось. Я пыталась, но ты не слушал. Что бы ты ни сделал, это причинило тебе боль, в самой глубине души. И я не хочу, чтобы тебе было еще больнее.

Делай что-нибудь хорошее, каждый

божий день. Как делал это раньше. У тебя есть твоя счастливая кроличья лапка. С тобой не случится ничего плохого, пока она у тебя на ключах. Она хранит тебя. Но не медли, любовь моя, – вычеркни этого человека из своей жизни, раз и навсегда.

Ради меня.

Пожалуйста.

Сделай это, и я буду ждать тебя.

Твоя любящая жена,

Люси

ххх

Ломакс уставился на письмо, не в силах вымолвить ни слова. Не в силах пошевелиться.

Он вздрогнул, когда на странице появилась слезинка, размазавшая чернила. Осторожно положил письмо на ночной столик и разрыдался, оплакивая свою жену.

И себя самого.

Через некоторое время Ломакс встал и открыл гардеробную. Рядом с сейфом для хранения личного оружия стояла коробка из-под обуви. Он вытащил ее и открыл. Внутри лежала флэшка с записью с камеры наблюдения на заправочной станции, сделанной за сорок восемь часов,

охватывающие момент исчезновения и убийства Скайлар Эдвардс. Единственная копия этой записи. Оригинал с сервера заправочной станции он удалил.

После того как отчет судмедэксперта выявил некоторые несоответствия, Ломакс продолжил собственное расследование убийства Скайлар. И через пару дней после того, как Дюбуа предъявили обвинение, нашел эту запись. Он по-прежнему не мог поверить в то, что там увидел. Скайлар села в машину. И эта же машина вернулась на следующий вечер, сразу после наступления темноты. Увеличив изображение, Ломакс увидел, как водитель достал из багажника что-то тяжелое и направился к лугу за стоянкой.

Он знал водителя. Настоящего убийцу. И что еще более важно, было четко видно, что в ночь исчезновения Скайлар Энди Дюбуа ушел оттуда и так и не вернулся.

Пришло время сделать признание — остановить Рэндала Корна, пока он не отправил в камеру смертников еще одного невиновного человека.

Глава 40

Эдди

С Кейт и Гарри мы пересеклись в мясном ресторанчике в пятнадцати милях от Бакстауна. Это было типичное придорожное заведение со скатертями в бело-голубую клетку и тарелками с разделителями. Три разных отделения: одно для мяса, другое для оладий или луковых колец и еще одно для зелени. Мы с Гарри заказали свинину на гриле. Кейт выбрала салат из курицы, приготовленной на углях.

— Так что тебя так возбудило? — спросил я.

Правая пятка Кейт подпрыгивала на деревянном полу под столом с тех самых пор, как она опустилась на стул.

— Я видела кольцо, которым нанесены раны Скайлар Эдвардс! — выпалила она.

Я подался вперед.

— Мы искали большое кольцо с пятиконечной звездой. У Райана Хогга как раз такое кольцо, — добавила Кейт, демонстрируя мне фото.

На снимке я углядел предплечье Гарри, так что предположил, что фото сделано сегодня. На

следующем снимке, который она мне показала, было то кольцо крупным планом. Роскошный золотой перстень с белой звездочкой в центре.

— Можешь немного приблизить? — попросил я.

Кейт увеличила изображение, но оно было недостаточно хорошего качества, чтобы разглядеть мелкие детали.

— Я поговорил с Фарнсвортом. У нас есть и хорошая, и плохая новости, — сказал я. — Хорошая состоит в том, что он довольно подробно описал мне эти следы от кольца на голове у Скайлар. На самом деле поверх звезды есть еще две буквы, «F» и «C», но я не могу сказать, есть ли такие на перстне Хогга.

— Мы всегда можем вернуться и рассмотреть поближе, — сказала Кейт.

— Не знаю, насколько это разумно на данный момент… Ты еще не спросила у меня, в чем плохая новость.

Гарри закрыл глаза. Он опередил меня. Кейт опустила голову. Они оба поняли, в чем проблема.

— Фарнсворт не будет свидетельствовать в суде, — озвучила ее Кейт.

— Верно. Он очень напуган. И на то есть веские

причины. Адвокат, который инструктировал его, мертв, как и офис-менеджер этого адвоката. Доктор воспринял предупреждение всерьез. Не имеет значения, найдем ли мы настоящего убийцу и подходящее кольцо, — без Фарнсворта нам никак не представить присяжным следы на лбу у жертвы в качестве доказательства. Это будет сочтено чем-то, не имеющим отношения к делу.

— И мы не можем привлечь другого судмедэксперта для дачи показаний в суде, потому что тело Скайлар было кремировано, — добавил Гарри.

— А что, если вызвать Фарнсворта повесткой? — предложила Кейт.

— Такое возможно, но это будет профессиональным самоубийством. Даже если он и откликнется на повестку и явится в суд, то не станет сотрудничать в качестве свидетеля защиты. Нам придется рассматривать своего собственного свидетеля-эксперта как враждебно настроенного, а это рецепт катастрофы в подобном деле, учитывая тяжесть обвинений. На кону жизнь Энди. Мы не можем позволить себе никаких ошибок, — сказал я.

Еда на столе так и оставалась нетронутой. Мы погрузились в молчание. Гарри нарушил его, когда взял вилку и начал есть.

— Когда я был во Вьетнаме, мы ели, когда только выпадала такая возможность. Никогда не знаешь, когда опять получишь что-нибудь горяченькое. Съешьте хоть что-нибудь, вы оба. Мы что-нибудь придумаем, — сказал Гарри.

— Да что тут придумывать? Мы в тупике. У нас нет никакой стратегии. Эдди, нам нужно перенести слушание на месяц-другой. Взять отсрочку и воспользоваться этим временем, чтобы хоть что-то выработать.

— Нет, откладывать рассмотрение дела на месяц или два — это не вариант. Для начала, ты думаешь, что судья Чандлер предоставит нам отсрочку? Черта с два. Хотя не то чтобы в этом был какой-то смысл, поскольку через месяц мы окажемся в точно такой же дерьмовой ситуации. Это дело лучше не станет.

— Все идет к тому, что мы его благополучно провалим, — угрюмо произнесла Кейт.

— Похоже на то, — сказал я. — Все улики указывают на Энди Дюбуа, и присяжные, скорее всего, по-любому не станут нас слушать. У меня и раньше бывали сложные дела, но ничего подобного этому. Корн набрал благосклонных к нему присяжных, распугал наших свидетелей… у него есть криминалистические улики — кровь Энди

под ногтями у жертвы, целых два признания, свидетель, который утверждает, будто Энди был последним, кто находился с ней перед ее исчезновением, — короче говоря, способов проиграть эту дело у нас просто масса.

Кейт помотала головой.

— У нас нет какого-то способа выиграть, но я стала адвокатом не для того, чтобы подкупать присяжных, — сказала она.

За пару дней, проведенных на солнце, веснушек у нее на носу и щеках стало еще больше. Пряди волос прилипли к вспотевшему лбу. Под серым костюмом на ней была черная футболка, и пиджак сейчас висел на спинке стула. Жара и работа над делом сказались на ней серьезней, чем я ожидал.

— Послушай, тебе не о чем беспокоиться. Я никогда не попрошу тебя нарушить какие-либо правила или пойти против закона. Мы же партнеры, не забыла?

— Вот как раз это-то меня и беспокоит. Если ты попадешься, они скажут, что я наверняка знала об этом, будучи твоим партнером. Я тоже окажусь в полной заднице.

— Нет, не окажешься, — возразил я.

— И почему же?

— Послушай, Корн играет настолько грязно, насколько это вообще возможно. Для него это личное дело. Это война. Господи, гибнут уже даже адвокаты! Свидетели-эксперты отказываются выступать в суде, поскольку боятся, что он их убьет. Игры по правилам будет недостаточно, чтобы спасти Энди. Думаю, что я смогу спасти его, но дело идет к тому, что мне придется измазаться в грязи за компанию с Корном, чтобы это сделать. Другого выхода нет.

— Должен быть способ победить, не нарушая закон.

Гарри расхохотался.

— Я сказала что-то смешное? — поинтересовалась Кейт.

— Мы имеем дело с прокурором, который считает, что он выше закона. Раньше я тоже думал так же, как ты. А потом понял — ну, вообще-то это Эдди меня научил, — что правосудие и закон могут быть совершенно разными вещами, — сказал Гарри.

— Мне это просто не нравится.

— Ты думаешь, что Блок никогда не приходилось преступать закон? — поинтересовался я.

Кейт подобрала вилку и принялась ковыряться в своей тарелке.

— Блок всегда поступает по-своему. Я не хочу сказать, что она выше закона, просто знаешь — Блок, она…

— …другая, — сказали мы с Гарри одновременно.

— Да, — кивнула Кейт.

— Она бы не вписалась в нашу компашку, если б была нормальной, что бы, черт возьми, под этим ни понималось, — сказал я.

С улыбкой Кейт атмосфера заметно разрядилась. Гарри легонько подтолкнул ее локтем. В ответ она пихнула его локтем посильнее, в ребра, и он в ответ разразился своим фирменным раскатистым смехом, который обычно действует заразительно на всех, кто находится в пределах слышимости. У Гарри никогда не было дочери. Раньше мы работали с оперативницей по фамилии Харпер. Не то чтобы Гарри относился к ней по-отцовски, но их отношения вполне могли бы перерасти и в такие, если б мы не потеряли ее годом ранее. Ее смерть сокрушила нас обоих, как перегруженный самосвал с отказавшими тормозами.

Она все еще снилась мне. Почти каждую ночь. Когда Харпер не стало, я понял, что эта рана никогда не заживет. И что я буду носить ее в себе

всю оставшуюся жизнь. Есть только два варианта. Либо я научусь жить с этим, либо это убьет меня. У меня была дочь, и я не мог подвести ее. Хотя иногда мне не хотелось жить в этом мире без Харпер.

Я находил успокоение в мелочах. Как и сейчас, наблюдая, как Кейт и Гарри улыбаются и смеются вместе. Кейт смотрела на него снизу вверх, а он восхищался ее силой и умом. Скоро он начнет жаловаться, что она мало ест, а она будет ворчать, что он не принял свои таблетки. Дело шло к тому же, что и с Харпер. Отец Кейт был очень даже жив, но родителей может быть и несколько. И каждому нужен наставник. Я был чертовски уверен, что сам уже не смогу ничему ее научить.

В тот момент я был рад, что сижу с ними за одним столом. Это был мимолетный момент легкомыслия, который снял, всего на миг, сокрушительную тяжесть того факта, что мы представляем в суде человека, который обречен на смерть, если мы проиграем.

Вот каковы были ставки. Выше уже некуда.

Мы наслаждались едой, и за то время, что нам понадобилось, чтобы подчистить тарелки, это бремя спало само собой.

— Есть какие-нибудь новости от Блок? — спро-

сил я.

Кейт ввела меня в курс дела. У Блок нарисовалось кое-что на Ломакса. Возможно, этого хватит, чтобы посадить его.

— Так она собирается тряхнуть его? Посмотреть, не расколется ли он? — спросил я.

— Она сказала, что сначала просто поговорит с ним. С глазу на глаз.

— Разве кто-нибудь не должен пойти с ней? Кто знает, как он отреагирует… Дело может закончиться насилием, — встревожился Гарри.

— Блок сказала мне, что даст ему понять, что имеются и другие копии устных показаний Дороти Мейджорс. Ломакс достаточно умен, чтобы понимать, что попыткой устранить Блок проблему не решить. К тому же мы все-таки говорим про Блок. Это Ломаксу следует дрожать от страха. Если Блок убедит Ломакса согласиться на переговоры с Берлином и дачу показаний против Корна, это может затормозить дело Энди и предоставить нам шанс передать дело новому окружному прокурору. Вряд ли кто-нибудь захочет иметь касательство к любому из текущих дел Корна, — сказала Кейт.

Я кивнул и сказал:

— Давай-ка сначала послушаем, что скажет

Ломакс. Спроси у Блок, не хочет ли она, чтобы я съездил к нему вместе с ней. Просто за компанию.

— Почему бы тебе не позвонить ей прямо сейчас?

— Сейчас я не могу. Если она не против, чтобы я присоединился к ней, скажи ей, что я подъеду к отелю чуть позже. А теперь возвращайтесь туда и начинайте думать о том, как отбиться от вещественных улик. Вы уже перевезли Энди и его маму в отель?

— Понадобились кое-какие махинации, чтобы протащить их мимо этой тетки за стойкой, но нам это удалось, — сказал Гарри.

Я не хотел, чтобы Энди и Патриция оставались в такой глуши. В отеле их было легче защитить, и на время судебного разбирательства они согласились переехать туда.

— Отлично. Проследите, чтобы они заказывали в номер все, что им только понадобится. Чтобы на улицу и носа не высовывали. Тут я сам расплачусь, — сказал я.

Гарри вытер губы салфеткой, скомкал ее, положил на свою пустую тарелку и спросил:

— Останешься еще кофейку выпить?

— Конечно. И мне нужно тут кое с кем встре-

титься.

— А с кем ты тут встречаешься? — заинтересовалась Кейт.

— Лучше тебе этого не знать.

Вскоре после этого они ушли. Гарри — с явной неохотой. Кейт согласилась с тем, что будет лучше, если она не будет знать, что я затеваю. При моих методах я всегда предпочитал оставлять работающим со мной людям возможность отрицания вины за незнанием последствий. Проще говоря, позволяя им следовать принципу «Меньше знаешь — крепче спишь».

Подошла официантка, чтобы убрать со стола.

— Желаете что-нибудь еще? — спросила она.

— Да, я бы с удовольствием выпил чашечку кофе. Вообще-то сделайте, пожалуйста, две чашки, мэм.

Она улыбнулась и принесла мне две кружки дымящегося черного кофе. Я добавил сахар и сливки и быстро покончил с первой. А едва только приступил ко второй, как в ресторан вошла молодая женщина. Сэнди Бойетт была одета в кожаную байкерскую куртку поверх красной футболки и голубые джинсы. Несколько дней назад она потеряла работу в закусочной Гаса, продала нам свою судорогу на четырех колесах и теперь

была двенадцатым присяжным по делу Дюбуа.

Я глянул на часы.

Как раз вовремя.

Стойки администратора в этом ресторанчике не было, не имелось и надписи, призывающей клиентов подождать, пока их не усадят. В этом заведении полагалось быстро метнуться на первое же свободное место и благодарить бога, что никто тебя не опередил.

Сэнди оглядела ресторан. Он был почти полон. Человек шестьдесят, наверное. Семьи, семейные пары, даже несколько парней в деловых костюмах. Барбекю на Юге употребляют представители абсолютно всех социальных слоев и прослоек. А хорошее барбекю вроде здешнего — это самое близкое к тому, что южанин понимает под коммунизмом.

Я поднял руку и подержал ее так несколько секунд, пока она меня не заметила.

Нервно оглядываясь на других посетителей, Сэнди направилась к моему столику. Нерешительно села.

— Как вы меня нашли?

— У меня очень хороший следователь.

— Мне нельзя с вами разговаривать, — объявила она.

— Я тоже рад вас видеть, Сэнди, — сказал я.

— Вы понимаете, что я имею в виду, — многозначительно произнесла она.

— Всё в порядке. Я не думаю, что многие жители Бакстауна попрутся в такую даль, чтобы отведать барбекю, когда мангалы там на каждом углу.

Она кивнула и добавила:

— И все же, наверное, будет разумно особо не затягивать. Это место расположено в стороне, но и уединенным его тоже не назовешь.

— Это не займет много времени. Я подумал, что нам нужно поговорить, — сказал я.

— О чем? — спросила Сэнди.

— Есть пара вещей, которые не дают мне покоя. Во-первых, когда прокурор спросил у вас, знаком ли вам кого-нибудь из представителей сторон по этому делу, вы ответили, что нет, и я хочу знать почему.

— Все очень просто. Я никого из них не знаю. Вас я тоже не знаю. Я всего лишь продала вам машину, типа как всего за пять минут. Вот и всё. Не то чтобы мы так уж часто встречались. Так что без обид, — сказала она.

— Да какие уж тут обиды… Однако вы со мной знакомы, сколь бы короткой ни была наша встреча. Почему вы солгали судье?

— Это была ложь? Это просто не показалось мне важным. Не так, как сейчас, когда я член жюри, а вы адвокат по этому делу. Это означает, что нам не следует встречаться или разговаривать, — сказала Сэнди.

На этих ее словах между нами повис вопрос — словно лампа, свисающая с потолка и создающая в центре стола световой ореол. Я позволил этому вопросу некоторое время потрепыхаться на ветру, пока откидывался на спинку стула и решал, хочу ли я его задать.

Сэнди была достаточно умна, чтобы понять, о чем речь. Она сама напросилась на этот вопрос. Я просто чувствовал, как он качнулся в ее сторону. Она могла задать его с точно таким же успехом, что и я. И в тот момент мне показалось, что сейчас Сэнди так и сделает. Я заметил это по улыбке, появившейся в уголках ее красных губ.

Я решил, что будет вежливей, если я сам проявлю инициативу.

— Сэнди, вы не против заработать немного деньжат?

Она поджала губы, и ее взгляд метнулся ко мне и выжидающе остановился на моем лице, как на барабанах игрального автомата.

— Я нахожусь в уникальном положении, поз-

воляющем изменить исход этого судебного процесса, — заметила Сэнди.

— В Алабаме обвинительный вердикт по делам, предусматривающим высшую меру наказания, должен быть вынесен большинством как минимум в десять присяжных заседателей. Одного голоса в пользу невиновности недостаточно.

— Один — это уже что-то, — заметила она.

— Ну да, конечно. И сколько же может стоить нечто подобное?

Сэнди ненадолго задумалась. Она не хотела назначать слишком высокую цену, но и не хотела продавать себя слишком дешево. Все-таки это было преступлением. Тяжким преступлением. Если ее разоблачат и осудят, это повлечет за собой серьезный тюремный срок. Подобный риск требовал соответствующего вознаграждения.

— Двадцать тысяч долларов, — наконец объявила она.

— О, я думаю, мы можем предложить кое-что получше… Скажите, вам нравятся диснеевские персонажи?

Глава 41

Блок

Блок остановила машину на другой стороне улицы, напротив управления шерифа. Перед зданием выстроилась шеренга патрульных машин, сверкающих в свете уличных фонарей.

Прежде чем что-либо предпринять, она как следует все обдумала.

У ее следующего шага было несколько возможных последствий. Попытка бросить шерифу в лицо даже подкрепленные доказательствами обвинения в препятствовании правосудию, лжесвидетельстве и многом другом могла закончится по-всякому — в том числе вкривь и вкось. Человек, сидящий в таком глубоком колодце, перелезет через груду мертвых тел, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на солнце. Правда, не исключалась вероятность и того, что шериф поднимет руки вверх, включит голову и согласится дать показания в качестве свидетеля против Корна. На это Блок и возлагала свои надежды. На то, что в нем еще оставался какой-то тлеющий уголек доброты, который она могла бы раздуть

в пламя, способное спалить дом Корна дотла. И лучше было проделать это в одиночку. Блок некогда служила в полиции, так что знала, как разговаривать с копами.

Выйдя из машины, она перешла через улицу и увидела, как из здания вышли двое копов, которые направились к одной из патрульных машин. Этих ребят она еще ни разу не видела. Ночная смена. Что-то в их облике показалось ей необычным, но сначала Блок не могла понять, что именно.

А потом до нее дошло. У обоих патрульных на правом бицепсе были черные повязки.

Проходя мимо них, якобы по пути ко входу в дежурку, она спросила:

— Здрасьте, а зачем эти черные повязки?

— В знак траура, — ответил ей один из патрульных. — Жена шерифа долгое время болела. Рак. Она умерла прошлой ночью.

— Господи, а я и не знала… Случайно вот оказалась в городе и решила заглянуть к нему. Шериф там? Когда-то давно мы работали вместе, — сказала Блок.

Оба патрульных остановились и нацелились на нее взглядами, примечая, как она стоит: спина прямая, большой палец за поясом, голова высоко

поднята, непринужденно общаясь с ними.

— А где вы служили вместе? — поинтересовался один из парней в форме.

— Я тогда работала во втором райотделе в Мобиле. Один хрен, который удрал из-под залога, устроил вооруженное ограбление на моей территории, а потом свалил сюда. Ломакс хотел найти его до того, как у него кончится бабло и ему взбредет в голову грабить людей здесь. В итоге мы его поймали. Ну, Ломакс поймал.

Они внимательно выслушали все, что она сказала. В Мобиле было более четырехсот полицейских, и никто не знал их всех до единого. Блок говорила как настоящий коп. Она не стала уточнять, что она бывший коп, готовящийся взять Ломакса за задницу.

— Ну да, это похоже на Колта… В любом случае сейчас его здесь нет. Он наверняка дома.

— Жаль, я хотела бы выразить ему свои соболезнования, — сокрушенно произнесла Блок.

— Мы можем передать. Я уверен, что…

— Лично. Иначе это было бы невоспитанно с моей стороны, — добавила она.

Патрульные переглянулись, пожали плечами, и один из них начал объяснять дорогу. Блок поблагодарила их. Они полностью купились на ее

манеру держаться, и даже если у них и оставались какие-то сомнения касательно Блок, то они думали, что, даже если они ошибаются, шериф легко справится с женщиной.

На подобное заблуждение Блок и рассчитывала.

Вернувшись в машину, она ввела полученный адрес в спутниковый навигатор, однако результатом поиска оказался лишь примерно очерченный район к северу от города. Блок тронула машину с места, сказав себе, что все равно найдет нужное место. Владения шерифа располагались в нескольких сотнях ярдов к югу от Девил-крик — Дьявольского ручья — узенькой быстрой речки, впадавшей в реку Локсахатчи.

Когда красный значок, обозначающий конец маршрута, уже появился на экране навигатора, дорога из двухполосной превратилась в однополосную, а слева она увидела просвет между деревьями. Вбок отходила грунтовка с почтовым ящиком на правой обочине. Блок остановила машину и сдала назад. На почтовом ящике белой краской было написано имя.

«Ломакс».

Проехав задним ходом еще десять футов, она свернула на уходящую от шоссе колею. Фары у

нее уже были переключены на дальний свет, но он все равно не мог пробиться сквозь деревья. Колея резко поворачивала то влево, то вправо, огибая большие дубы, так что ее поле зрения простиралось только до следующего поворота — обычно не более пятидесяти футов или около того. А затем, без всякого предупреждения, грунтовая дорога выпрямилась, и перед Блок возникло что-то вроде старого дома в колониальном стиле. И все же выглядел он слишком уж аккуратным и чистеньким, чтобы быть чем-то иным, кроме нового дома, построенного в старом стиле. Был он белым, с большой террасой по периметру. Подъехав к нему, Блок припарковалась рядом с патрульной машиной шерифа.

Когда она вышла из машины, до нее донеслись звуки сверчков и цикад, поющих свои полуночные любовные песни.

Земля была вся изрыта колесами. Недавно здесь стояло очень много машин. Оглядевшись, Блок увидела повсюду на траве следы шин, некоторые даже вели за дом. Внутри горел свет. По крайней мере, на первом этаже. Вероятно, на кухне и в гостиной. Блок поймала себя на том, что поднимается на террасу, громко стуча ботинками по доскам ступенек, чтобы ее появление не

стало неожиданностью. Это было бы неразумно в этом городке, в доме, стоящем особняком от остальных. Особенно ночью. Особенно, когда его хозяин вооружен. И особенно — когда ему нужен лишь совсем небольшой повод, чтобы разрядить дробовик тебе в лицо.

Она сделала шаг к входной двери. Верхняя половина ее была из матового стекла, за которым виднелись занавески, притянутые к косяку прихватами.

Одна половица скрипнула так громко, что это прозвучало почти похоже на вскрик. Еще один шаг, и Блок оказалась прямо у двери. Она подняла руку, сжала ее в кулак, отвела его назад.

Стукнула в дверь.

Второй стук совпал с другим звуком.

Со звуком выстрела из пистолета сорок пятого калибра.

Глава 42

Ломакс

Какое-то время спустя он проснулся в своей постели. На улице было темно, а снизу доносился какой-то шум. Шаги и вроде как что-то еще. Из

сейфа на верхней полке платяного шкафа Ломакс достал свой «Зиг-Зауэр Эй-Си-Пи» сорок пятого калибра, проверил, есть ли патрон в стволе, взвел курок и осторожно вышел в коридор.

Внизу горел свет. Он медленно спускался по ступенькам, поводя дулом пистолета вправо-влево, пока не увидел в своей кухне мужчину со стопкой посуды в руках.

Рэндал Корн вытер руки полотенцем, после чего нажал кнопку запуска посудомоечной машины, предварительно закрыв ее. Вся грязная посуда, оставленная собравшимися на поминки, была убрана.

— Можешь опустить пистолет, — сказал Корн, не поднимая глаз на Ломакса, стоящего на лестнице. — Я тут подумал, что тебе не помешала бы еще пара рук, чтобы прибраться. Похоже, это меньшее, что я могу для тебя сделать.

Ломакс ничего не ответил. Просто спустился по лестнице как ни в чем не бывало, хотя пистолет не убрал. По-прежнему держа его в опущенной вдоль бока руке, он наблюдал, как Корн передвигается по кухне: заливает в кофеварку воду, насыпает молотый кофе и включает ее.

— Люси этого не одобрила бы, — заметил Ломакс.

Корн застегнул пиджак, прислонился к кухонной стойке и сложил руки на груди. Некоторое время он молчал. Заклокотала кофеварка, и запах свежесваренного кофе смешался с едва уловимым запахом гнилой плоти, повсюду сопровождавшим Корна.

— Она бы не хотела, чтобы вы распоряжались на ее кухне, — сказал Ломакс.

— Это больше не ее кухня. А твоя. Сожалею о твоей утрате. Искренне сожалею.

— Чего вы хотели? — спросил Ломакс.

— Выразить свои соболезнования. Естественно.

— Вы уже их выразили.

Корн посмотрел на кофеварку, которая начала выплевывать черную жидкость в прозрачную колбу, прежде чем вернуться к Ломаксу.

— Я подумал, что мы могли бы выпить по чашечке кофе. Поговорить.

— Тут не о чем говорить.

— Нет, еще как есть. Нам так много чего нужно обсудить… Завтра начинается судебный процесс. Я понимаю, что у тебя свои приоритеты, но сразу после похорон ты понадобишься мне в суде. Твои показания имеют ключевое значение. Это твой долг, и я знаю, что ты его выполнишь. Ты хоро-

ший человек. Я всегда так говорил.

Ломакс знал, что Корн не представляет собой физической угрозы. И все его опасения по поводу этого человека были напрочь заглушены горем и потоком гнева, нахлынувшим на него после письма Люси. Злости на самого себя и на человека, который стоял сейчас у него в кухне, заражая весь воздух вокруг своей мерзостью. Ломакс положил пистолет на мраморную столешницу — рядом с большим желтым конвертом с мягкой подкладкой внутри, который он надписал пару часов назад и собирался отправить утром. Взгляд Корна упал на конверт, и глаза у него на секунду вспыхнули. А затем он тут же отвернулся. Ломакс прошел через кухню в гостиную, тяжело опустился на диван и обхватил голову руками. Несколько раз резко вдохнул и выдохнул, борясь с переполнявшими его эмоциями.

— Когда-то я и вправду был хорошим человеком… Но это уже давно не так, — проговорил он.

Корн, прихрамывая, вошел следом за ним и поставил кружку с горячим кофе на столик перед Ломаксом. Рядом с креслом в углу стоял еще один маленький столик. Корн сел, поставил на него свой кофе и подался вперед, широко расставив колени и опустив между ними руки со сцеп-

ленными пальцами. Такая поза была призвана изображать задумчивость, но при строении тела Корна выглядело это неестественно. Сейчас он больше напоминал какое-то насекомое.

— Понимаю, каким ударом это для тебя стало. Я делал все, что только мог, для вас обоих. Я рад, что у вас имелись средства, чтобы делать все возможное для Люси, — сказал он.

«Средства» было странным способом это выразить. Корн просто давал ему деньги. Кое-что от ограблений, кое-что из своего личного немалого состояния. Он был богат, это точно. За все время их знакомства Ломакс ни разу не видел, чтобы в течение месяца Корн дважды появлялся в одном и том же костюме.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что я рядом в трудную минуту, Колт, — сказал Корн.

Он никогда раньше не называл шерифа по имени. Ломакс не мог такого припомнить. Неужели этот человек рассматривает его как какого-то своего приятеля?

— Я ни в чем не нуждаюсь. Я потерял жену, и с этим мне уже ничего не поделать. Я просто теперь жалею, что не слушал ее, не разговаривал с ней чаще, пока она еще была здесь. Вы ей явно не нравились, — сказал Ломакс.

— Она видела, какую хорошую работу мы проделываем вместе, и, наверное, из-за этого боялась за тебя. Знаешь, нельзя посадить стольких убийц без того, чтобы кто-нибудь не попытался тебя завалить. Так уж у них заведено. Они всеми силами пытаются добраться до тебя. А ты всегда должен быть готов сокрушить своих врагов. Пока они не сделали это с тобой. Работая со мной, ты защищал Люси, а я защищал вас обоих. Наверное, она просто не понимала этого до конца.

— Дело было не в этом, — возразил Ломакс. — Она не хотела, чтобы я делал что-то, что заставило бы меня пойти на сделку со своей совестью. А я не просто пошел на такую сделку. Я выбросил свою совесть в помойную яму. Это то, к чему вы меня вынудили.

— Ты свободный человек. Ты хочешь сказать, что деньги, которые я тебе давал, были приняты не по дружбе, не как от полноправного партнера?

— Мне не следовало брать даже цента.

— Тогда у Люси не было бы этого дома. А она ведь любила этот дом, разве не так?

— Да, но меня она любила больше, — сказал Ломакс.

— Что ты хочешь этим сказать?

— С меня хватит. Вот что я хочу сказать.

Корн откинулся на спинку стула и приложил палец к губам, словно пытаясь унять свою реакцию. Притупить ее. Пока яд, готовый сорваться с языка, не превратился в мед.

— Ты слишком хороший коп, чтобы я мог позволить себе тебя потерять. Что я могу сделать, чтобы убедить тебя остаться? Есть ведь похороны, за которые предстоит платить, естественно… И если с этим домом связано слишком много болезненных воспоминаний, то ты можешь переехать отсюда. Я могу дать тебе пару сотен тысяч прямо сейчас. Уже сегодня вечером. А то и больше, если тебе нужно.

— Дело не в деньгах и не в их сумме. Я хочу освободиться от этого. Я хочу, чтобы все это вскрылось. Все, что мы сделали. Люди, которым мы поломали жизнь… Люди, которых мы убили, и тот адвокат, которому я выстрелил в голову…

— Это было правое дело. Божье дело, Колт. У Коди Уоррена и этой сучки была только одна цель — выпустить убийц на свободу. А мы не отпускаем виновных на свободу. Мы сжигаем их. Вот наше призвание.

– *Ваше* призвание, скорей всего. Взять хотя бы Энди Дюбуа. Я вынудил его признаться, когда

нам было удобней по-быстрому закрыть дело. А настоящего убийцу мы отпустили. Как вы и сами подозреваете. Я знаю это. Это стало ясно в тот самый момент, когда мы увидели те снимки, сделанные сторонним судмедэкспертом.

— Но разве ты не понимаешь, что мы должны придерживаться Дюбуа, чтобы добиться обвинительного приговора? Эти фотографии судмедэксперта вызывают обоснованные сомнения в отношении Дюбуа, а его признание вызывает обоснованные сомнения в отношении настоящего убийцы, раз уж считать Дюбуа невиновным. Единственное, что мы можем сделать, чтобы успокоить родных Скайлар, — это добиться вынесения обвинительного приговора. Думаешь, он невиновен? Да все такие, как он, одинаковы! Если б не дело Скайлар, в будущем мне пришлось бы привлекать его за что-нибудь еще. Во всяком случае, мы наверняка спасем немало жизней, убрав Дюбуа с лица земли.

Вот как он это видел… Эта извращенная логика некогда успешно обманывала Ломакса, но больше уже не обманет. Он подумал, что наверняка сам позволил втянуть себя во все это дерьмо. Эта мысль нисколько не успокаивала его совесть. Ломакс знал, что Корн просто хотел заполучить еще

одну человеческую душу при помощи электрического стула. И неважно, кто это будет, виновен он или невиновен. Корн жил, чтобы убивать. Ломаксу потребовалось довольно долгое время, чтобы это понять, но теперь все стало ясно. Он знал, что должен сейчас сделать.

— Я больше не могу этим заниматься. Дюбуа не убивал эту девушку, — сказал Ломакс.

Корн сохранял полную неподвижность, вслушиваясь в каждое слово. Челюсть у него отвисла, губы приоткрылись, словно готовые произнести какие-то слова, но он медлил, как будто дожидаясь, пока какая-то смутная мысль не обретет форму, после чего нарушил молчание:

— Это был ты, так ведь? Это ведь ты забрал запись с камеры наблюдения на заправке?

— Мне нужен был страховой полис. Эта запись все меняет. Я собираюсь обнародовать ее. Этот судебный процесс должен быть прекращен, и вам придется отпустить Энди Дюбуа. На этом видео запечатлен настоящий убийца.

— Я не собираюсь проигрывать этот процесс, и я не собираюсь терять тебя, Колт. Мы ведь друзья. Я был рядом с тобой, когда заболела Люси…

Ломакс вытер слезы и сказал:

— Когда ей только поставили этот диагноз, я

подумал, что нам просто не повезло, понимаете? Это было сразу после того, как мы купили дом, у нас завелись кое-какие деньги и нам можно было ни о чем беспокоиться. И вот *тогда-то* она и заболела. И по-моему, все это было из-за меня. Это я стал причиной ее болезни. Все то, что я делал, — дерьмо обязательно в конце концов всплывает, вы это понимаете?

— Нет, не понимаю, — сказал Корн.

Ломакс пристально посмотрел на него покрасневшими глазами.

— Так скоро поймете. Вы не можете приговорить к смерти так много людей, чтобы в один прекрасный день это не цапнуло вас за задницу.

— Вот тут ты ошибаешься… У моего отца были деньги, и он передал их мне. Люди думают, что богатство дает власть, но мой отец знал, что это не так. Настоящая власть приходит, когда ты держишь жизнь и смерть в своих собственных руках.

— Ты полон дерьма… Ты говоришь о том, чтобы убить кого-нибудь, но тебе никогда не нравилось самому пачкать руки. У тебя не хватает смелости сделать это самому — вот почему тебе так нравится сажать всех этих парней на «Желтую мамашу» и смотреть, как они там корчатся и поджарива-

ются. Ты больной на всю голову, и ты трус!

И с этими словами Ломакс опустил голову, слегка кивнув сам себе. Решение принято. Все это нужно прекратить. Корна требуется остановить. Ради самого себя.

Ради Люси.

Он услышал, как Корн со вздохом поднялся с кресла. Услышал его приближающиеся шаги по деревянному полу, которые остановились прямо перед ним. Увидел свое собственное искаженное лицо, отражающееся в надраенных лакированных туфлях.

— Сожалею, что втянул тебя в это, — произнес Корн.

— Я тоже. Я просто больше не могу во всем этом участвовать, — ответил Ломакс, по-прежнему уставившись в пол и в свое собственное отражение в сверкающих туфлях Корна.

И тут ему показалось, будто он что-то услышал. Вроде как скрипнула половица на крыльце.

— И я сожалею, что так вышло с Люси, и сочувствую твоей утрате. Хотя касательно пары вещей ты прав, — продолжал Корн.

— Да? — отсутствующе отозвался Ломакс, поднимая голову.

Глаза у него широко раскрылись, когда он уви-

дел перед собой дуло «Зиг-Зауэра», который он оставил на кухне, — теперь пистолет был в руке у Корна, направленный ему в голову. В другой руке тот держал конверт с флэшкой. Должно быть, подобрал его со стойки, когда Ломакс повернулся к нему спиной.

— Во-первых, да — я не люблю пачкать руки, но иногда у меня просто нет выбора. А во-вторых, ты и вправду больше не сможешь во всем этом участвовать, — сказал Корн.

Глава 43

Блок

Едва услышав выстрел, она почти мгновенно проделала пару обязательных действий. Первым делом тут же шагнула в сторону, присела на корточки и одновременно крутнулась на правой ноге, упершись спиной в стену дома рядом с дверью. Обеспечив себе прикрытие.

Во-вторых, Мэгги уже находилась у нее в правой руке, дулом к небу, наготове.

Никакой сознательный мыслительный процесс этому не предшествовал, а все эти движения осуществлялись почти независимо друг от друга.

Это была смесь инстинкта и результата длительных тренировок. Передвинувшись влево, Блок приподнялась и украдкой заглянула в окно. Там она увидела современную кухню, опять-таки претендующую на старый деревенский стиль, но со стойкой из черного мрамора и кремовыми шкафчиками. Никого не было видно. Рискнув заглянуть в следующее окно, она и увидела гостиную. Ломакс полулежал на диване, откинув голову на мягкую спинку, так что она не могла видеть его лица. Хотя в этом не было необходимости. Ярко-красное пятно на диване говорило само за себя. Ломакс получил пулю в голову.

Опять пригнувшись и присев на корточки, Блок двинулась к входной двери и, уже добравшись до нее, услышала тихое урчание запущенного двигателя. Доносилось оно откуда-то из-за дома. Двигаясь вдоль стены, она слышала, как этот звук меняется с увеличением оборотов мотора и в то же время становится тише по мере того, как машина уезжает все дальше.

Выглянув из-за угла, Блок увидела еще одну грунтовую колею, а на ней, где-то в паре сотен ярдов, — красные габаритные огни, быстро удаляющиеся. В тот же миг она вскинула ствол. С появлением Мэгги ей пришлось освоить осо-

бый хват, при котором вторая рука не просто поддерживает оружие снизу, но и тоже крепко обхватывает рукоять. Ноги у нее были расставлены на ширину плеч, колени слегка согнуты, и она немного наклонилась вперед. Руки тоже чуть согнуты. Когда она впервые выстрелила из Мэгги, то держала револьвер чуть ли не на прямых руках, и отдачей ей едва не выбило плечо. Отдача у «пятисотого» более чем серьезная, и единственное, что могла сделать Блок, — это немного самортизировать ее при помощи мышц плеча и предплечья.

Выдохнув, она поймала машину в прицел доминирующим правым глазом.

Попасть с такого расстояния в автомобиль для Блок не составило бы труда. Даже из оружия, не рассчитанного на высокую точность стрельбы на дальних дистанциях. Вопрос был только в том, в какую часть машины она попадет. Блок была вполне уверена, что на таком расстоянии сумеет пробить дыру в блоке двигателя и остановить уносящийся прочь автомобиль. Пуля должна была пробить багажник, заднее сиденье, переднее сиденье, приборную панель и попасть в цель. Но случайный порыв ветра или излишнее напряжение пальца на спусковом крючке могли

привести к тому, что пуля пробьет багажник, заднее сиденье, переднее сиденье, водителя и приборную панель, прежде чем угодить в двигатель. Блок не знала, кто сидит за рулем. Казалось не особо правильным проделывать в ком-то дыру размером с баскетбольный мяч, предварительно не представившись.

Она позволила Мэгги опуститься вдоль бока.

Потом еще раз присмотрелась, прищурившись. Форма задних фонарей была довольно необычной. И совсем недавно Блок уже видела такие же огни.

На «Ягуаре» Рэндала Корна.

Когда машина скрылась за деревьями, Блок выругалась, а затем вернулась к дому.

Прежде чем предпринять что-либо еще, она порылась в кармане и достала пару латексных перчаток. Натянула их и протерла то место на двери, в которое постучала. Затем попробовала входную дверь. Та была открыта. Если в доме находился кто-то еще, то вряд ли он был готов встретить ее с распростертыми объятиями. «Магнум» опять выскользнул из кобуры у нее на поясе, и она, опустив его стволом в пол, проверила сначала гостиную с кухней, а затем каждую комнату в доме.

Чисто… Чисто.

Блок ни к чему не прикасалась, двигалась медленно и бесшумно. В комнатах царил полный порядок, все было на своих местах. За исключением хозяйской спальни. На подушке лежало письмо. Она прочитала его и положила обратно на кровать. Письмо было от покойной жены Ломакса, Люси. Нечто подобное наверняка должно было поразить ее скорбящего супруга в самое сердце. Блок не была лично знакома ни с Люси, ни с Ломаксом, и хотя считала последнего настоящим подонком, была тронута этим письмом.

Спустившись вниз, Блок немного постояла в дверях гостиной, не спеша оценивая обстановку. Если появится какая-нибудь машина, она сразу ее услышит. Так что стоило рискнуть.

В момент смерти Ломакс сидел на диване. Пистолет лежал рядом с его правой рукой. Рукоятка его располагалась всего в нескольких дюймах от его пальцев. Как будто он просто разжал их и уронил пистолет на подушку рядом с собой. Склонившись над ним, Блок резко втянула воздух из дула. Из пистолета совсем недавно стреляли.

Стоя над Ломаксом, она попробовала заглянуть ему за спину. Кровь и мозговое вещество виднелись не только на стене позади него, но

и на диване. Вообще-то большая часть брызг пришлась на основание шеи Ломакса. Входное отверстие темнело в самом центре лба.

Для всех, кому предстояло появиться на месте происшествия, это будет самоубийством. Шериф только что потерял жену и нашел письмо от нее. Нехорошее письмо. Любой опер помножит два на два и квалифицирует это как классический случай суицида. Ломакс будет далеко не первым копом, получившим в итоге пулю из своего собственного ствола. Обычная история. Вот как все это выглядело.

Даже если бы Блок и не знала, что в момент выстрела в доме наверняка был кто-то еще и что этот «кто-то» очень быстро уехал, то все равно сочла бы эту сцену сфабрикованной.

Пуля вошла в тело в области лба и вышла у основания шеи. Внутричерепная баллистика — это вам не бином Ньютона. Пуля обычно летит по строго определенной траектории, если только ее не собьет с пути что-нибудь очень твердое.

Блок взяла Ломакса за плечи и слегка оттянула его тело вперед. Среди темного мозгового вещества на спинке дивана тоже виднелось отверстие, соответствующее выходному отверстию на задней части шеи.

Если Ломакс сам вышиб себе мозги, то, выходит, откинулся на спинку дивана, запрокинул голову, глядя в потолок, приставил пистолет ко лбу и нажал на спусковой крючок.

Нет.

Все было совсем не так. Ломакс смотрел вверх на направленный на него пистолет, когда кто-то другой нажал на спусковой крючок. Если курок спустил Корн, то, хорошо знакомый с работой местной криминалистической лаборатории, наверняка как следует протер оружие, прежде чем бросить его на диван рядом с Ломаксом.

Блок вернула тело в прежнее положение на диване, отступила назад и направилась к двери. Уже взявшись за ручку, она остановилась.

Письмо так и осталось наверху. Подумав, что оно может пригодиться, Блок развернулась и поднялась наверх, чтобы сфотографировать его на телефон.

Опять спустившись вниз, она осторожно закрыла входную дверь, а затем переключила внимание на хозяйственные постройки — большую, нечто вроде рабочего сарая, и другую, поменьше. Для начала выбрала ту, что по-больше.

Поиски не заняли много времени. Хоть мастерская и была заперта на висячий замок, в

ней имелось маленькое окошко. Посветив фонариком, Блок заметила в углу то, что на первый взгляд напоминало гроб с поднятой крышкой. Естественно, это был не гроб. Это был морозильник. И на слое льда на крышке осталось красное пятно.

Именно здесь и был спрятан труп Коди Уоррена. Вероятно, его серый внедорожник тоже стоял здесь.

Любое сочувствие, которое Блок могла испытывать к Ломаксу, быстро улетучилось. Она села в машину, завела мотор и быстро уехала.

Глава 44

Корн

Корн осторожно опустил иглу на пластинку. Из динамиков донеслось знакомое шипение и пощелкивание, а затем — первые такты любимого музыкального произведения Корна — бетховенской сонаты № 32 до минор [155] в исполнении Йорга Демуса, играющего на рояле работы ма-

[155] notes: 155

Соната № 32 до минор (соч. 111) стала последней фортепианной сонатой Людвига ван Бетховена и предпоследним его крупным творением для фортепиано без оркестра.

стера Графа, некогда принадлежавшем самому Бетховену. Запись была сделана в 1970 году, во время концерта в Бонне, посвященного двухсотлетию со дня рождения композитора.

Когда Корн впервые услышал это произведение, будучи одиннадцатилетним мальчиком, оно ему не понравилось. Звуки фортепиано были какими-то странными, словно жестяными. И только примерно через год, узнав, что этот инструмент был изготовлен Конрадом Графом специально для Бетховена, он начал слушать эту сонату более внимательно [156]. На этом этапе своей жизни Бетховен почти полностью оглох, и Граф приложил все усилия, чтобы усилить звучание фортепиано, в том числе добавил по одной дополнительной струне на каждую клавишу верхнего регистра. Некоторые части этого произведения требовали чрезвычайно сильных и быстрых ударов по клавишам. Корну нравилось представлять себе, как Бетховен изо всех сил молотит по этим самым клавишам, отчаянно пытаясь услышать тот же звук, который он сам слышал на пластинке, зная, что композитор был жестоко лишен возможно-

[156] notes: 156

Вопреки легенде, этот рояль, экспериментальный для того времени, который сейчас хранится в доме композитора в Бонне, не был изготовлен специально для слабослышащего Бетховена.

сти ощутить свой собственный дар.

И именно тогда Корн влюбился в эту сонату. В тех звуках, которые доставляли другим столько радости, он слышал лишь тоску и боль Бетховена. И наслаждался ими.

Именно тогда Корн понял, что он не такой, как все. Это не было целиком и полностью влиянием его отца. И в некотором смысле ему повезло, поскольку он познал себя еще в раннем возрасте. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем страдания.

Телевизора у него не было. Время от времени Корн слушал радио в машине, но не слишком часто. Иногда ему казалось, что он родился не в то время. Он читал свои книги, слушал Бетховена, Малера и Вагнера, и этого ему в основном хватало.

Корн поднялся наверх, в свою спальню. В полутемной комнате горела единственная лампа, едва рассеивавшая темноту. Он снял пиджак и аккуратно повесил его в шкаф. Затем галстук. Рубашку вместе с носками отправил в корзину для грязного белья. Сняв ботинки, в течение пяти минут старательно надраивал их щеткой и суконкой, а затем поставил на отведенное им место в своем огромном встроенном шкафу.

Потом сел на кровать. Глубоко вздохнул. Откинулся на одеяло, свесив ноги с края, и взялся за дело.

Расстегнув брюки, Корн спустил их до бедер, после чего остановился. Сел, а затем очень осторожно спустил брюки на пол и вытащил из них ноги.

Знакомый запах сразу ударил в нос.

Вонь просачивалась наружу, даже несмотря на плотную повязку из прозрачного пластика на его правом бедре. Иногда ему казалось, что другие тоже чувствуют этот запах. Хотя не то чтобы Корна волновало, что другие думают на его счет.

Нащупав конец обмотки, он ухватился за него и резко рванул, за чем последовала вспышка боли.

Нет, снимать его таким образом было слишком уж больно. Найдя на прикроватной тумбочке ножницы, Корн разрезал пластиковую обертку, чтобы открыть марлевую повязку. Теперь запах стал очень сильным. Он разрезал бинты, мокрые от крови.

Открывшуюся под бинтами кожаную манжету на бедре требовалась опять замочить в хлорке. Она уже почти расползлась. В сейфе у него лежала новая, но ему не хотелось ею воспользоваться. Пока что. По крайней мере до тех пор, пока не

выйдет избавиться от инфекции. Он просунул пальцы под ремень, расстегнул застежку и медленно снял манжету с задней стороны бедра. Это приходилось делать дюйм за дюймом.

Из-за булавок.

Ремень оставил на коже вмятину, потому что был очень плотно затянут. Пять стальных булавок с обратной стороны манжеты засохли в ранах, которые они оставили на передней поверхности бедра. Ему пришлось выдернуть их одну за другой.

Пять дырочек от булавок в его плоти были красными, воспаленными и явно инфицированными. От запаха, исходившего от ноги, его едва не стошнило, да и выглядела она ненамного лучше. Корн достал из прикроватной тумбочки йод и смазал им ранки, прикусывая губу и тяжело дыша при каждом прикосновении ватного тампона. Закончив, залез под душ, обработал ногу еще одним дезинфицирующим средством, а затем принял свою ежедневную дозу антибиотиков. Было непонятно, дают ли они вообще хоть какой-нибудь эффект. Он принимал их так долго, что, наверное, у него уже выработался иммунитет. Вероятно, требовалось увеличить дозу или опять поменять препарат.

Корн жил один. Так было всегда, с того самого дня, как он съехал из отцовского пентхауса в Верхнем Вест-Сайде. Боль была единственным спутником, в котором он нуждался. И она сослужила ему добрую службу. Приводя его в движение, давая ему эту небольшую электрическую встряску каждые несколько минут, напоминая ему, что он еще жив.

Корн поразмыслил о событиях этого вечера. Приехав к Ломаксу, он не ожидал, что ему придется убить его. В прошлом этот человек не раз вынуждал его задуматься. Чтобы развратить его, многого не потребовалось. Просто деньги. То, чего у Корна имелось в избытке, а у многих других вообще не было. Все началось с малого, и, конечно же, Корн постоянно вливал яд в уши Ломакса, напоминая ему об их великой миссии. О правосудии и возмездии для тех, кто пострадал и был убит злом, жирующим в этом мире. Поначалу Ломакс купился на это. Решил, будто является участником священной миссии, задача которой — пошатнуть систему в их пользу. Систему, которая потворствует насильникам и убийцам, предоставляя им бесплатных адвокатов и с самого начала исходя из их невиновности.

Хотя все они виновны.

Корн знал это. И не потребовалось особых усилий, чтобы убедить в этом и Ломакса.

Женушка шерифа, черт бы ее побрал, никогда его не любила, это уж точно. Тем не менее он все-таки сумел дожать Ломакса. Постепенно увеличивая серьезность действий, которые от того требовались, чтобы добиться обвинительного приговора. Присвоение денег от продажи наркотиков, попадающих в карман шерифа, или потеря улик, жизненно важных для защиты, вскоре привели к тому, что Ломакс стал полностью игнорировать свидетелей, способных оправдать обвиняемых, и даже заставлял их умолкнуть. Вскоре он попал в полную зависимость от Корна. Сам полностью разложившийся, Корн заразил этим и Ломакса, и никаким количеством йода и пенициллина эту рану было уже не очистить.

Он вспоминал о том, как убил Ломакса, и это казалось странным, что он не испытал абсолютно никакого волнения, когда выстрелил ему в голову. Корн подумал о своем отце — Николасе Корне. Компания Корна «Капитал и инвестиции» начала торговать на фондовом рынке еще в шестидесятых, а к восьмидесятым годам его отец был уже до неприличия богат. Он был умен и знал, как играть на бирже, но главный секрет его

успеха заключался в его безжалостности. Николас Корн был готов на то, на что не решились бы даже самые отъявленные волки с Уолл-стрит.

Невозможно стать миллиардером, не причинив никому зла. Только не в том мире, бал в котором правят финансы. А врагов у Николаса хватало. Корн припомнил, как на Рождество, когда ему было шестнадцать, он сидел в кабинете своего отца и пил со стариком свой первый в жизни стакан скотча. В тот день его отец пребывал в необычайно хорошем настроении. Рождество он терпеть не мог и даже не позволял украшать дом. Праздничные дни никогда не были радостными в их доме — с тех пор, как умерла мать Корна, когда ему было десять лет. Так что этот вечер был особенным. Корн помнил, как спиртное обожгло горло, как пахла сигара его отца, когда он усадил молодого человека за стол и рассказал ему, почему находится в таком прекрасном расположении духа. К празднику это не имело никакого отношения.

Месяц назад главный соперник его отца был полностью разорен. Этот человек перешел дорогу Корну-старшему, а тот никогда такого не забывал. Отцу Корна представилась возможность купить компанию, в которую его соперник вложил зна-

чительную долю своего состояния. Хорошую крепкую компанию, занимающуюся розничной торговлей. Тогда, во время торгового бума начала восьмидесятых, прямо-таки процветавшую. Корн-старший перекупил ее поставщиков, одного за другим, тем самым лишив эту торговую сеть товара. Курс ее акций резко обвалился, и Корн купил эту компанию, пообещав спасти ее. На следующий же день он полностью закрыл ее. Это обошлось ему почти в сто миллионов долларов, но он мог легко позволить себе потерять такие деньги.

Соперник был уничтожен. Остальные его вложения внезапно стали выглядеть не особо привлекательно, и его коллеги-инвесторы отчетливо увидели нарисованную Корном мишень у него на спине.

— И где же сейчас этот человек? — спросил Рэндал. — Строит козни, замышляя поквитаться?

— Вряд ли, — ответил его отец. — На прошлой неделе он потерял свой дом. В тот же день от него ушла жена, забрав с собой детей. Я слышал, что сегодня утром он выбросился с крыши бывшего своего здания. Того, которое я купил в прошлом месяце. Он — всего лишь пятно на тротуаре, сынок.

Рэндал не знал, что сказать, но тут вдруг что-то почувствовал. Какую-то искорку в животе. Приятное возбуждение.

— Видишь ли, сынок, любой тупой ублюдок способен нажать на спусковой крючок. Если ты хочешь убить своего врага, тебе нужно использовать свой мозг. Свою хитрость. Нет ничего упоительней, чем полностью уничтожить человека. Наблюдать, как он распадается на части. Смотреть, как его богатство, его достоинство, его личность постепенно исчезают, растворяются без следа. Это власть, сынок. Это настоящая власть. Вот почему я хочу, чтобы ты работал на меня. Когда-нибудь ты сможешь возглавить дело. Управлять компанией вместо меня. Знаешь, в тебе это есть. В твоем маленьком сердечке живет убийца.

Рэндал прекрасно помнил этот разговор. Помнил, как чокался с отцом, как тот смеялся над тем, что его соперник покончил с собой в канун Рождества, но вовсе не это вызывало у Корна приятные воспоминания. И дело было не в той близости с отцом, которая была для него непривычной. Они никогда не испытывали особой привязанности друг к другу, да и никогда такого не будет. Нет, это было что-то совсем другое.

Еще в том юном возрасте Корн понял, чем хочет заниматься всю оставшуюся жизнь. Деньги его не интересовали, а финансовые вопросы наводили на него скуку. Он не хотел отчитываться ни перед другими акционерами, ни перед инвесторами, ни, не дай бог, иметь дело хоть с какими-то клиентами.

Нет, он хотел власти. Просто и ясно.

Власти, которая была в глазах у его отца в ту ночь.

Власти над жизнью и смертью.

Потребовалось какое-то время, чтобы ужиться с этим желанием, хотя оно казалось ему совершенно естественным. Корн перестал бороться с ним, когда поступил на юридический факультет. Уже тогда он знал, что станет прокурором, а затем и окружным прокурором — в первую очередь обвинителем. Но ему требовалось сменить место жительства: в Нью-Йорке подобное занятие не было бы связано со смертной казнью [157].

Предстояло найти какой-нибудь небольшой округ, дослужиться там до окружного прокурора и обрести искомую власть. Ради которой Корн

[157] notes: 157

Смертная казнь в штате Нью-Йорк официально запрещена с 2007 г., хотя фактически смертные приговоры не приводятся там в исполнение еще с начала 1960-х гг.

и жил. Ради того химического, эмоционального и даже сексуального кайфа, который приходит, когда смотришь, как человек дергается на электрическом стуле, и понимаешь, что это ты отправил его туда. И что у тебя хватает власти и умения для того, чтобы проделать это еще раз. И еще. И еще…

Потом Корн открыл свой лэптоп, вставил флэшку и просмотрел хранящуюся на ней видеозапись. А когда опять закрыл его, то ощутил острое возбуждение. Дюбуа был невиновен. Мысль о том, что его осудят и что он будет наблюдать за его казнью, стала намного приятнее. Если запись с флэшки когда-нибудь выплывет наружу, это погубит его, а для Дюбуа станет пропуском на свободу. Корн не мог этого допустить. Он мог бы прямо сейчас спуститься вниз, достать из ящика с инструментами молоток и растолочь эту штуковину в порошок.

Однако Корн понимал, что разумней всего придержать эту флэшку при себе. Теперь он знал, кто убил Скайлар Эдвардс, и это давало ему рычаг воздействия. Пастор и раньше был своего рода союзником. А теперь он мог стать оружием Корна, если правильно все разыграть.

Корн выключил лампу в спальне и лег на все

ту же кровать. Он так и не поел, да есть ему и не хотелось. Надо было поспать. Утром должен был начаться суд над Дюбуа.

Едва он начал засыпать, как зазвонил его сотовый телефон. Корн потянулся за ним.

— Том, уже поздно. В чем дело? — спросил он. Звонил его помощник, Вингфилд. Вероятно, с известием о самоубийстве Ломакса.

— Я приглядывал за Флинном, как вы и просили. Короче говоря, есть кое-какие достижения.

— И какие же?

— Я проследил за ним до одного мясного ресторана, стараясь не попадаться на глаза, а там произошло нечто невероятное. Вошла одна из присяжных, подсела к Флинну, и они разговорились.

— Присяжных по делу Дюбуа? — встрепенулся Корн, садясь.

— Вот именно. Сэнди Бойетт. Я проследил за ней до ее квартиры после этой встречи и убедился, что это была именно она.

— Думаешь, он пытался подкупить ее? Ты не видел, чтобы они чем-нибудь обменивались? Какими-нибудь пакетами? Свертками?

— Нет, они просто разговаривали.

— Это очень важно, Том! Мне нужно, чтобы ты

хорошенько подумал. Как он встретился с ней в этом ресторане? Они появились там примерно в одно и то же время?

— Он уже был там, ужинал с тем старым судьей и своей помощницей, Брукс. Они ушли, а Флинн остался. А потом вошла эта присяжная и направилась прямиком к его столику.

— Он подозвал ее к себе?

— Нет, насколько я помню.

— Она просто подошла и села напротив него?

— Угу, и они сразу же начали о чем-то переговариваться. Похоже, Флинн ожидал ее появления.

— О чем они говорили?

— Я не мог подобраться достаточно близко, чтобы хоть что-то расслышать. Но разговаривали они минут двадцать. А потом он ушел.

— Этого недостаточно, — сказал Корн. — На данный момент все, что у нас есть, это то, что Флинн о чем-то разговаривал с этой присяжной в общественном ресторане, — чего, конечно, ему делать не следовало, но этого недостаточно для того, чтобы обвинить его в попытке оказать влияние на жюри. Нам нужно что-то более серьезное. Гораздо более серьезное.

— Вы расскажете об этом судье? Вы сможете добиться отстранения этой присяжной от участия

в процессе и чтобы Флинну влетело от коллегии адвокатов?

— Нет. Этого явно мало. Мы могли бы надолго упрятать Флинна за решетку вместе с этой женщиной, но нам нужны доказательства того, что деньги перешли из рук в руки. У тебя есть хотя бы фотография, на которой они вместе?

— Конечно же, есть. Если речь идет о подкупе — на что это очень похоже, — то я могу получить ордер на проверку ее банковских счетов.

— Флинн для этого слишком умен, — сказал Корн. — Это будут только наличные. И ничего, что способно привести к нему. Впрочем, если мы найдем эти наличные, то этого может быть достаточно, поскольку эта Сэнди не сможет объяснить, где она их взяла. Да, этого может быть достаточно. Тебе нужно и дальше следить за Флинном. Не спускай с него глаз. Ему придется как-то передать ей деньги…

Он примолк.

— Вы все еще здесь? — спросил Том через тридцать секунд.

— Да, здесь. Я думаю. Для вердикта «невиновен», после чего Флинн сможет получить пересмотр дела, нужны как минимум два члена жюри. Можно пока особо не спешить — непосредственного

риска для процесса нет, если у него будет только один присяжный. Да и нет никакой гарантии, что он сразу же расплатится с ней. Флинн может дождаться вынесения вердикта — даже выждать несколько месяцев, — а затем заплатить ей. Было бы наиболее разумно поступить именно таким образом.

Корн не стал добавлять, что он сам именно так и поступил бы.

— А станет она так долго ждать? Думаете, она настолько ему доверяет?

— Так безопасней для них обоих. И я полагаю, что, если он ей не заплатит, она всегда может пойти в полицию и сдать его. Я помню ее анкету: терять ей куда меньше, чем Флинну.

— Так как поступим?

— Ты по-прежнему наблюдаешь за Флинном. Остальное предоставь мне. Максимум через пару дней он вновь окажется в окружной тюрьме — и никогда уже оттуда не выйдет. Там много плохих людей. Заключенные регулярно режут друг друга…

Глава 45

Пастор

Постукивая перстнем по рулю, Пастор наблюдал, как профессор Грубер выводит Фрэнсиса Эдвардса из его дома. Грубер отпер свою машину, припаркованную у входа, оба сели в нее и укатили. Они собирались встретиться с кое-какими своими единомышленниками. В частности, с тем, которого звали Брайан Денвир. Обычно Пастор не общался с публикой вроде Денвира, но ей тоже можно было найти свое применение. Это простые люди, у которых, может, и заметно недоставало ума, зато страхов было в избытке. Вчера Брайан с подачи Пастора организовал акцию протеста напротив здания суда. Брайан был не только легко внушаем, но еще и дружил с Гэри Страудом, столь же бесхитростным и заурядным молодым человеком, который встречался со Скайлар Эдвардс. Страхом Брайана перед любыми переменами, а в первую очередь перед чернокожим сообществом и иммигрантами, и объяснялся его нездоровый интерес к огнестрельному оружию.

Расизм вооружил американцев почище любых

усилий НСА [158].

А вот Пастор ничего не боялся и иногда смеялся про себя, когда думал о таких людях, как Брайан, которые не могли выйти на улицу, чтобы купить пончик, без пистолета за поясом — а иногда и без винтовки, висящей у них на плече.

Маленькие люди. Простые люди. Люди, которым можно внушить достаточно ненависти и страха, чтобы они нажали на спусковой крючок. К его большому разочарованию, из Фрэнсиса оказалось не так-то легко вылепить задуманную фигуру, как предполагал Пастор. С утра они уже успели поговорить. Фрэнсис в панике позвонил ему.

— Меня рвало все утро, — выпалил он.

— Съели что-нибудь не то? — спросил Пастор.

— Вы прекрасно знаете, что дело не в этом. Я все никак не могу выбросить это из головы. Вы *убили* того адвоката, и мы отнесли ту женщину в машину. Женщину, которую вы тоже убили…

Пастор прервал его:

— Вы имеете в виду продажного адвоката и

---

[158] notes: 158

НСА (*англ.* NRA, National Rifle Association) — Национальная стрелковая ассоциация США, одна из главных задач которой — лоббирование свободной продажи огнестрельного оружия в стране, многие регионы которой ввели в этой области серьезные ограничения.

его подручную, которые пытались освободить человека, убившего вашу дочь?

Фрэнсис на некоторое время примолк, а Пастор слушал, затаив дыхание.

— Это не означает, что я должен…

— Еще как означает! Неужели вы ничему не научились за последние пару месяцев? Это война, Фрэнсис. Вы должны выбрать верную сторону. Речь не может идти о законе и порядке, когда система настроена против нас. Мы должны бороться со всем этим. Отстаивать свою позицию. Ваша дочь стала потерей в этой войне, и если это не заставит вас драться, то уж я не знаю, что тогда заставит. Хотя, вообще-то, у вас особо нет выбора. В ту самую минуту, когда вы увидели, как я убиваю того адвоката, когда схватили Бетти Магуайр за ноги и помогли мне затащить ее в машину, вы уже записались в наши ряды. Вы стали солдатом. Это не преступление, когда действуешь во имя справедливости. Мы строим здесь нечто лучшее…

Пастор беседовал с ним в течение часа. Успокаивал его, но также недвусмысленно дал Фрэнсису понять, что теперь тот соучастник. И если расскажет обо всем властям, то попадет в тюрьму, а кто тогда будет заботиться об Эстер, пока он

будет сидеть за решеткой? Пастор не думал, что после их разговора Фрэнсис станет рассказывать кому-то о той ночи.

Но при этом он был совершенно уверен, что без серьезного давления Фрэнсис не сможет выполнить возложенную на него задачу.

До расплаты оставалось всего два дня.

Вот почему Пастор находился сейчас возле дома Фрэнсиса. Он знал, что единственным человеком, который способен привести Фрэнсиса в чувство, убедить его целиком и полностью осознать и принять свое предназначение, была его жена Эстер. Пастор посмотрел из своего автомобиля на дом Фрэнсиса. В окне гостиной горел свет. Он решил выждать еще несколько минут, прежде чем войти внутрь. Пастор не хотел, чтобы все выглядело так, будто он выманил Фрэнсиса из дому, чтобы поговорить с ней наедине. Это могло у вызвать Эстер определенные подозрения. И он не был с ней в хороших отношениях. Он знал, что она почувствовала в нем что-то темное. У некоторых людей был такой дар.

Пастор подхватил свою сумку, выбрался из машины и, перекинув ремень через плечо, направился к дому. Когда по дому разнеслась мелодичная трель дверного звонка, он увидел,

как дернулись шторы в гостиной. Входная дверь приоткрылась, всего на несколько дюймов, и из-за нее выглянула Эстер. На ней был розовый махровый халат и розовые домашние тапочки.

— Его здесь нет, — сразу объявила она.

— О, а я думал подхватить его, — сказал Пастор.

— Нет, это уже сделал ваш друг.

Пастор хлопнул себя тыльной стороной ладони по лбу, улыбнулся и сказал:

— Совсем я сегодня замотался… Простите, что побеспокоил. Как вы сами-то?

— Утром состоится суд над убийцей моей дочери. Как, по-вашему, я сейчас себя чувствую?

Теплая улыбка на лице у Пастора тут же сменилась мрачным выражением, и он сказал:

— Да, я знаю. Не могу даже представить, каково вам сейчас приходится. Сегодня днем я общался с окружным прокурором по поводу этого суда…

Это последнее заявление заставило Эстер отступить на шаг, и она вновь оглядела Пастора с ног до головы. Она знала, что у него наверняка близкие отношения с окружным прокурором, учитывая его работу. Это было очевидно. И все же, как видно, это до сих пор не приходило ей в голову.

— Если хотите, могу по-быстрому ввести вас в курс дела прямо сейчас. Иногда такие события выглядят не столь пугающе, когда вы знаете процедуру и представляете, что там будет происходить изо дня в день. Я могу встретиться с Фрэнсисом и чуть позже. Мне не трудно, — сказал он.

Дверь приоткрылась чуть шире, но Эстер ничего не сказала. Она все еще размышляла. На данный момент этот суд был самым важным событием в ее жизни. Это было последнее, что можно было сделать для ее дочери, и она хотела, чтобы человек, убивший ее, заплатил за это. Хотела знать об этом абсолютно все. Мысли Эстер сейчас были такими же, как у любой скорбящей матери, и Пастор знал это.

— Хорошо, если вы расскажете мне, что сказал окружной прокурор, это будет очень любезно с вашей стороны. Не хотите зайти на минутку?

— Конечно, — сказал Пастор.

Эстер провела его внутрь, на маленькую кухоньку. Встала, прислонившись спиной к стойке, скрестив руки на груди и избегая взгляда Пастора.

— Ну, так что будет завтра? Он изменит свои показания? Я читала об этом в некоторых газет-

ных статьях, посвященных аналогичным делам. Чтобы избежать смертной казни, они признают свою вину, и в суде уже нет необходимости. Лучше уж так. Я просто не знаю, сколько еще мы сможем вынести.

— Такое вполне может произойти. У меня нет сведений о том, что Дюбуа планирует так поступить, но я бы не стал безоговорочно на это ставить. Мистер Корн требует смертной казни. И, как правило, он ее добивается. Что бы вы при этом почувствовали? В смысле, если Дюбуа приговорят к смерти?

Она пожала плечами, покачала головой.

— Даже не знаю… Сначала я хотела, чтобы он умер. Я знаю это. Но я не знаю, к чему приведет его смерть. Не знаю, что я чувствую по этому поводу. Наверное, он и вправду заслуживает смерти, но я не уверена, хочу ли через все это проходить.

— Я знаю, что это тяжело. Судебный процесс будет проходить довольно быстро. Мистер Корн не из тех юристов, которые разводят долгую канитель. Ради родных и близких потерпевших, как вы понимаете. Некоторые юристы растягивают судебные процессы на многие недели. Он же будет работать намного быстрее, дело это не из сложных.

— Я рада.

Взявшись за спинку стула, стоящего за обеденным столом, Пастор спросил:

— Вы не возражаете?

Она покачала головой, он выдвинул его и сел.

— Я уже давно хотел с вами поговорить, Эстер. Я знаю, вы не согласны с некоторыми моими взглядами, но уверяю вас: я ни в коем случае не хочу вас как-то принизить. Я видел слишком много страданий в этом округе. И таким людям, как Фрэнсис, пора уже встать на ноги. Твердо заявить, что мы не потерпим подобного насилия.

Выражение ее лица изменилось. Она покачала головой и, оглядев кухню, наконец нашла пачку «Кэмела» за сахарницей. Оторвала спичку от упаковки, лежащей у плиты, прикурила сигарету, выпустила в потолок облачко дыма, но ничего не сказала.

— Фрэнсис — хороший человек. Черт возьми, вы оба с ним хорошие люди! И я столько раз это видел — когда белые люди не хотят защититься от тех, кто может причинить им вред.

Иронический смех Эстер перешел в кашель, и она прикрыла рот рукой, пока прочищала горло. Затем спросила:

— Вы хотите сказать, что угроза исходит со сто-

роны черных? Я не верю в эту вашу расистскую чушь! Фрэнсису больно, очень больно. Он сейчас неважно соображает, и я не хочу, чтобы вы или ваши приятели наполняли его голову ненавистью. Разве с него не хватит?

— У вас обоих…

— Подождите, подождите минутку… Так вот в чем дело? Вы пришли сюда, чтобы поговорить со мной? Использовать этот судебный процесс по делу об убийстве моей дочери как предлог, чтобы попытаться меня переубедить?

— Дело не в вас. Нам нужен Фрэнсис. Да, это так. Такие люди, как он, важны для нас. Но теперь, стоило вам упомянуть об этом… да, я действительно пришел сюда, чтобы повидаться с вами. Нам нужно, чтобы вы помогли Фрэнсису понять, что он должен быть с нами и быть частью общего дела.

— Зря вы сюда притащились… Вам никогда не убедить меня в том, что ваша болтовня способна принести добро моей семье!

Эстер еще раз затянулась сигаретой, подняла голову, вытянула шею и выпустила дым уголком рта.

Пастор встал.

— Я пришел сюда, потому что нам нужно, что-

бы вы помогли Фрэнсису достичь того, чего мы от него хотим. Я даже и не думал склонить вас на свою сторону. Я знаю, что вас никак не переубедить. Фрэнсиса просто нужно слегка подтолкнуть. Требуется что-то, что довело бы его до крайности, побудило переступить черту. И ваша помощь в этом деле будет поистине неоценимой…

Правый кулак Пастора метнулся вперед, нацеленный в левую сторону шеи Эстер, с громким шлепком угодив в цель. Рот у нее открылся, скрюченные пальцы вцепились в шею, царапая ее, а колени подогнулись. Удар был недостаточно сильным, чтобы сломать ей трахею, но горло у нее свело судорогой, отчего она панически закашлялась, пытаясь отползти от него на коленях и отчаянно силясь втянуть в себя воздух.

Пастор достал из своей сумки пару кожаных перчаток, быстро натянул их, а затем извлек из сумки моток веревки. На конце ее уже была завязана петля. Заступив Эстер за спину, он накинул петлю ей на шею и туго затянул.

Упершись ей левым коленом между лопаток, Пастор заставил ее лечь плашмя и потянул за веревку, полностью перекрыв ей горло. Увидел, как шея у нее становится ярко-пунцовой. Эстер начала издавать какие-то звуки. Это был звук,

с которым человек пытается вдохнуть воздух, когда тот не проходит в дыхательное горло. Как будто давилась, пытаясь проглотить что-то.

Ее пальцы суматошно цеплялись за горло, и Пастор, все так же сильно натягивая веревку, стиснул зубы. Он хотел, чтобы эти звуки наконец прекратились. Ему было неприятно их слышать. Чтобы заглушить их, он начал читать «Отче Наш». Эта молитва по-прежнему служила ему утешением. Он произносил ее многие тысячи раз. В том числе еще мальчишкой, в темном и душном ящике на заднем дворе. Обливаясь потом и теряя сознание от жары. От слов этой молитвы ему всегда становилось легче.

К тому времени как он закончил, Эстер перестала сопротивляться. Любые звуки прекратились, все ее тело обмякло. Пастор ослабил хватку на веревке, когда почувствовал что-то мокрое на своем левом колене, упертом в пол. Встал, глянув на пятно на колене, и увидел, что у Эстер опорожнился мочевой пузырь.

Переступив через нее, он взял ее за пояс и повернул на бок. Ухватил за руку. Опустившись на колени, взвалил ее тело себе на плечо и осторожно вышел в прихожую. Пристроив его у подножия лестницы, взял свободный конец веревки и под-

нялся на второй этаж. Перебросив веревку через перила, а затем накинув петлей на один из столбиков, начал выбирать слабину.

Затем потянул. Это было серьезное испытание, но справился он с ним без труда. Веревка врезáлась в деревянные перила, оставляя в них светлую борозду, когда он подтягивал ее, перебирая руками, пока Эстер не повисла в трех футах от пола. После этого он закрепил веревку и спустился по лестнице.

Перила над ним поскрипывали, когда тело Эстер слегка раскачивалось из стороны в сторону. Шея у нее ужасно вздулась, лицо и глаза налились кровью. Забрав из кухни свою сумку, Пастор быстро вышел из дома.

Груберу было велено держаться поблизости, когда он забросит Фрэнсиса обратно домой. Быть под рукой, когда приедет полиция, чтобы успокоить Фрэнсиса и проследить за тем, чтобы тот не наделал глупостей — например, не сунул ствол себе в рот.

Зрелище повесившейся жены было именно тем, что сейчас ему требовалось. Последние запреты будут отброшены. Больше ничто не будет его сдерживать. Он станет человеком, которому незачем жить. Человеком, для которого един-

ственным выходом будет присоединиться к своей семье в гробу под землей.

«Отлично», — подумал Пастор.

Глава 46

Эдди

Сидя на кровати в «Лисичке», я слушал Блок. Она нам кое-что вкратце рассказала, пока возилась с полицейским сканером, который извлекла из своей дорожной сумки. Кейт тоже слушала и рассматривала фотографии, которые я получил от Фарнсворта. Гарри лежал на кровати, закрыв глаза.

— А это не может быть та дама, с которой ты тогда встречалась, — в смысле, которая организовала всю эту кампанию за невиновность Дариуса Робинсона? — спросил я.

— Джейн? Нет. Она никому не рассказывала о разговоре в кондитерской. Я уже позвонила ей и справилась на этот счет, — сказала Блок.

— Значит, это была та продавщица, Дороти Мейджорс, — подал голос Гарри с кровати.

— Нет, с ней я тоже созванивалась, — возразила Блок.

— Короче говоря, кто-то предупредил Корна, что у нас есть компромат на Ломакса, чтобы развернуть его в свою сторону. Больше в магазине никого не было, так что это могут быть только Дороти или Джейн, — сказал я.

— Я думаю, все-таки дело в письме, — сказала Кейт.

Блок кивнула.

Кейт успела купить в магазине электротоваров на Мейн-стрит принтер, который подключила к своему лэптопу, что позволило Блок распечатать фотографии письма Ломаксу от его покойной жены.

— Я думаю, что такого рода письмо способно всерьез поменять человека, — сказала Кейт. — Только подумайте: Ломакс любит свою жену, она заболевает раком, он долгие годы ухаживает за ней, а потом она кидает в него такую бомбу из могилы… Все сходится.

— Возможно, — отозвался я, быстро проглядывая письмо еще раз. Я знал, что с этим письмом связано что-то важное, хотя пока не понимал, что именно.

— Ладно, допустим, он вдруг резко поменял свои взгляды на жизнь. И объявил окружному прокурору, что собирается его сдать? Признаться

во всем и утянуть Корна на дно за собой? Зачем ему было предупреждать об этом?

— Я думаю, Ломакс просто недооценил, насколько далеко тот способен зайти, — сказала Кейт.

Мы еще немного поговорили, а затем примолкли, поскольку Блок наконец отыскала радиочастоту шерифского управления округа Санвилл. Она не стала сообщать о смерти Ломакса, поскольку незаконно вторглась на его территорию и шарилась на месте преступления. Ей не хотелось насторожить своих бывших коллег, но она все равно чувствовала себя виноватой из-за того, что не поставила их в известность. Блок была уверена, что кто-нибудь из управления обязательно заглянет туда, хотя бы даже просто для того, чтобы выразить свои соболезнования, и хотела знать об этом ровно в тот момент, когда это произойдет.

Я сидел на кровати рядом с Гарри, подперев подбородок кулаком и внимательно рассматривая фотографию перстня Райана Хогга, сделанную Кейт. Гарри храпел рядом со мной, а Кейт мерила шагами комнату.

Помимо прослушивания радиоканалов, Блок пыталась прислушиваться к тому, как мы с Кейт

вполголоса обсуждаем это фото кольца на руке у Хогга.

— На этой звезде могут быть еще и буквы… В смысле, там явно что-то есть, только я никак не могу это разобрать, — сказал я.

Кейт забрала у меня телефон, повертела его перед глазами и сказала:

— Нам нужен снимок получше. Дай-ка мне глянуть те фото, что ты получил от Фарнсворта.

— Я тоже их еще не видела, — сказала Блок.

Кейт кивнула ей и сказала, что сейчас покажет, а пока что держала фотографии, сделанные на вскрытии Фарнсвортом, и свой телефон перед собой в разных руках, попеременно в них заглядывая.

— Не могу ничего сказать, — наконец произнесла она.

— Дай-ка я гляну, — попросила Блок.

Сначала она внимательно изучила фото кольца Хогга на телефоне, а затем снимки медэксперта. И как только переключила внимание на них, я заметил, как натянулась кожа у нее на лбу.

— Что такое? — встрепенулся я.

— Ты все неправильно понял, Эдди, — сказала Блок. — Углубления в виде букв на лбу у Скайлар Эдвардс — это не «FC». «C» — это только часть

символа. На звезду нанесены буквы «F, «O» и «P».

У Кейт отвисла челюсть.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я.

— Потому что теперь я точно знаю, какое кольцо было на пальце у убийцы. Мы все ошибались. Пятиконечная звезда в данном случае не имеет никакого отношения к оккультизму. Она символизирует правоохранительные органы. Звезда — это щит. В БОП нет членских билетов. Вместо этого ее члены носят кольца.

— Что такое БОП? — спросила Кейт.

— Братский орден полиции [159], — объяснил я. — Лоббистская группа и общественная организация, представляющая сотрудников полиции по всей стране. Человек, убивший Скайлар Эдвардс, — полицейский.

— Или раньше был полицейским, — добавила Блок. — И это ставит нас перед другой проблемой. Такое кольцо далеко не уникально. В обращении могут быть тысячи экземпляров.

Никто из нас ничего не сказал. Мы надеялись,

---

[159] notes: 159

FOP (Fraternal Order of Police) — совершенно реальная общественная организация в США, основанная двумя бывшими питтсбургскими патрульными в 1915 г. На данный момент насчитывает 355 тыс. членов в более чем 2000 региональных отделений. Перстень со звездой и этой аббревиатурой и вправду служит в ней вместо членского билета, а также чего-то вроде масонского символа, позволяющего определить единомышленника.

что кольцо приведет нас к убийце. Но теперь у нас имелись только подозреваемые. Великое множество подозреваемых. Пока мы обдумывали услышанное, никто по-прежнему не проронил ни слова. Однако вскоре тишину нарушил торопливый, встревоженный голос диспетчера, прозвучавший из динамика полицейского сканера Блок:

«Всем свободным экипажам: требуется помощь в связи с вероятным самоубийством…»

Блок кивнула, слушая сообщение. Это был явно вызов по поводу Ломакса. Она хотела знать, как случившееся будет квалифицировано и не возникнут ли какие-либо подозрения в связи со смертью шерифа.

«…по адресу: Пичтри-авеню, четыреста девяносто один…»

Блок нахмурила брови.

— Это не адрес Ломакса. Это…

— Адрес Скайлар Эдвардс, — сказала Кейт.

Блок была уже на полпути к двери, когда я крикнул:

— Подожди! Я тоже с тобой.

* * *

В течение сорока пяти минут мы с Блок наблюдали, как Фрэнсис Эдвардс рыдает на заднем сиденье патрульной машины шерифского управления округа Санвилл. Диспетчер упомянул, что вызов связан с вероятным самоубийством, и не требовалось особых умственных усилий, чтобы предположить, что покончила с собой жена Фрэнсиса. Рядом с ее супругом сидел какой-то полный мужчина в твидовом пиджаке, который обнимал Фрэнсиса за плечи и что-то шептал ему, пытаясь успокоить. Фрэнсис был крупным детиной, и машина так и сотрясалась от его рыданий.

Судебно-медицинский эксперт как раз собирался уходить, когда к дому подъехал «Ягуар», из которого вылез Корн. Он подошел к судмедэксперту, и они о чем-то поговорили на лужайке перед домом.

— Наш выход, — объявил я.

Мы выбрались из своего вместительного «Шевроле» и подошли к Корну, стоявшему рядом с судмедэкспертом, мисс Прайс.

— Не возражаете, если мы заглянем в дом? — спросил я.

Корн повернул ко мне свое длинное тело. В

уголках его глаз собрались морщинки от недосыпа.

— Чего вам тут надо, Флинн? — недовольно буркнул он. — Это совершенно отдельное дело. Оно не имеет никакого отношения к вашему клиенту.

— Вот тут вы ошибаетесь. Дюбуа не убивал Скайлар Эдвардс. Это сделал кто-то другой. Весьма подозрительно, что ее мать покончила с собой накануне суда над Дюбуа. А вдруг Эстер Эдвардс не смогла справиться с чувством вины за то, что убила собственную дочь, а затем подставила невиновного человека? — ответил я.

Корн отступил на шаг, морщинки вокруг глаз у него стали еще глубже от гнева.

— Вы же не хотите сказать, будто Эстер Эдвардс убила свою собственную дочь? — вопросил он.

— Это версия защиты, — объяснил я. — А теперь вам лучше впустить нас в дом, чтобы мы могли собрать доказательства для ее подтверждения. Если вы этого не сделаете, мне придется разбудить судью и получить судебный ордер, чтобы я мог войти и взглянуть.

— Это просто возмутительно… — начал было Корн, но не договорил. По выражению его лица я понял, что в голове у него что-то щелкнуло.

Гневные морщинки исчезли, и он поджал губы, отчего они превратились в тонкую линию, однако уголки его рта предательски приподнялись в улыбке, которую он отчаянно пытался скрыть.

— Не стоит будить судью, — сказал Корн. — Ладно, идите, вы оба. Я скажу патрульным, что вы можете осмотреть место происшествия.

— Спасибо, — отозвался я, уже направляясь к входной двери. Я слышал, как Корн крикнул помощнику шерифа у входной двери, чтобы он впустил нас и позволил осмотреться, но проследил, чтобы нас кто-нибудь сопровождал.

Когда мы оказались вне пределов слышимости Корна, Блок склонилась к моему уху:

— Ты и вправду собираешься использовать это для защиты?

— Обвинять мать жертвы в ее убийстве — это, пожалуй, худшее, что мы можем сейчас сделать. Особенно если все выглядит так, будто она покончила с собой, поскольку не смогла смириться с потерей своего ребенка. Это оттолкнет присяжных. Вообще-то присяжные просто-таки навсегда возненавидят нас за такое предположение. Это просто ужасная идея. Корн знает об этом. Вот почему он и позволил нам поводить тут носом. Иначе не стал бы. Первое правило судебного процесса

— это не мешать своим оппонентам совершать их собственные ошибки, а затем выставлять их на всеобщее обозрение. Корн наверняка считает себя большим ловкачом, не препятствуя нам и дальше развивать подобную теорию.

— А голова у тебя неплохо варит — в смысле, для юриста, — отозвалась Блок.

Помощник шерифа, охранявший дом снаружи, отошел в сторону, когда мы приблизились, и подал знак одному из своих коллег, чтобы тот последовал за нами внутрь и проследил, чтобы мы никак не нарушили обстановку на месте происшествия.

Стоило нам переступить порог, как ужас стал буквально осязаем. Неудивительно, что Фрэнсис Эдвардс буквально сходил с ума на заднем сиденье патрульной машины.

Эстер висела лицом к входной двери. Фотограф, работавший на месте преступления, все еще делал снимки, что объясняло, почему ее до сих пор не срезали с веревки. Судя по лицу покойной, причиной смерти было явно удушение. Глаза вылезли, превратившись в черные бильярдные шары, язык распух и свисал из разинутого рта. Розовый махровый халат распахнулся, открывая шелковую пижаму, тоже розовую. В низу живота

и в паху расплывалось темное пятно. Когда мы подошли ближе, я уловил характерный запах. У нее опорожнился мочевой пузырь.

Каких-то иных отметин или следов насилия не было видно. Классическое самоубийство. Только, конечно, это было совсем не так.

Блок многозначительно посмотрела на меня. У нее это всегда хорошо получалось. К счастью для нее, она не любила лишних разговоров, а иногда, как сейчас, когда позади нас маячил патрульный, а впереди — фотограф-криминалист, было разумней не высказывать свои соображения в открытую. Но я все понял по этому ее взгляду.

Она тоже это заметила. Когда кто-то умирает, мочевой пузырь и кишечник в какой-то момент опорожняются, из-за расслабления мышц. В промежности и на животе у Эстер было мокрое пятно мочи, а не темная дорожка, стекающая по ногам. Ковер под ее висящим на веревке телом был практически сухим. Она описалась лежа на животе.

Я посмотрел, как Блок проходит мимо Эстер в гостиную. А сам поднялся наверх, стараясь не касаться перил.

На верхней площадке я повернул направо и осмотрел веревку, перекинутую через перила,

несколько раз пропущенную между стойками, протянувшимися вдоль площадки второго этажа, и завязанную толстым двойным узлом. Посмотрев на поручень перил, я сразу сделал стойку. В нем виднелось узкое углубление, прорезанное веревкой. Я посмотрел на тот ее отрезок, длиной дюймов в шесть, который спускался от поручня к толстому узлу. На волокнах остались следы белой краски. Выемку на перилах, хлопья краски и ковер я зафотал на телефон.

Я увидел достаточно. Блок посмотрела на меня снизу вверх, когда я спускался по лестнице. Потом посмотрела опять. На сей раз слегка кивнув.

Мы вышли на улицу, не проронив ни слова.

К этому моменту Корн уже уехал. Мы сели в машину, завели мотор и тоже укатили, не успев обменяться и словом.

— На кухонном полу валяется мокрая сигарета, от которой исходит сильный запах мочи, — наконец сообщила Блок.

— Я так и думал, что ты сможешь найти что-нибудь в этом роде. Ковер под телом был абсолютно сухим. Наверху на перилах есть зазубрина в том месте, где веревка довольно глубоко пропилила их, а на веревке, ведущей к узлу, остались следы краски.

Блок кивнула.

— Кто же ее убил? — задумчиво произнес я.

— Тот же человек, который убил ее дочь.

— Что заставляет тебя так думать?

— Требовалась изрядная сила, чтобы так вот вздернуть ее над полом, и еще бóльшая, чтобы удерживать ее там одной рукой, завязывая узел. Это вполне соотносится с силой, использованной при убийстве Скайлар. Главный вопрос в том, почему он убил Эстер? И почему именно сегодня?

День шестой
Глава 47

Эдди

Было уже два тридцать ночи, а я все еще не спал — путающиеся в голове мысли стремительно сменяли друг друга, а рядом со мной на кровати громко храпел Гарри.

Я вообще очень часто не сплю накануне суда. Я и без того сплю мало, но мысль о том, что утром я войду в зал суда, когда козырять мне особо нечем, а присяжные и весь город настроены против Энди, наполняла меня ужасом, который сковал мне грудь. Я встал, оделся и спустился на один этаж к номеру Патриции и Энди. Прислушавшись у двери, услышал за ней голоса, так что понял, что они не спят, еще перед тем как постучаться.

Патриция впустила меня, а затем опять присела на край кровати рядом с Энди. В углу горела единственная лампа.

Она обняла сына, и он опять стал раскачивался взад-вперед в их фирменном объятии, поглаживая ее руку, которая словно приросла к его плечу.

— Кошмары? — спросил я, усаживаясь на стул напротив них.

Патриция негромко проговорила:

— Он боится, а я все время говорю ему, что бояться нечего. Он этого не делал, и Господь Бог заставит их это понять.

Я не стал говорить ей, что в Алабаме Господь Бог появляется крайне редко, а уж в здешних уголовных судах — тем более.

— Чем больше я думаю об этом деле, тем лучше понимаю, что мы слишком многого не знаем. Расскажи мне поподробней про Скайлар, — попросил я Энди.

— Она и вправду очень по-доброму ко мне относилась. Когда я только начал работать в том баре, то толком не понимал, что надо делать. Не знал, как работает система оформления заказов, как загружать посудомоечную машину или работать с кассой… Она помогала мне. Райану особо не было до меня дела, по правде говоря. Это как раз Скайлар научила меня, как там что делается. Она всегда говорила о том, чем собирается заниматься, когда окончит колледж. Что уже присмотрела работу в Сиэтле в какой-то исследовательской компании. И неважно, в каком бы настроении ни находилась, — всегда улыбалась.

— А что — бывала она и в дурном настроении?

— Редко. Иногда Скайлар ссорилась со своим парнем, Гэри. Я всегда мог сказать, когда они ссорятся, потому что, когда она злилась, набирала текст на своем телефоне сразу двумя большими пальцами.

— Какой телефон был у Скайлар? Его не было среди ее вещей, когда ее нашли.

— Вроде как «Айфон». Розовый, с ее инициалами с задней стороны, выложенными из стразиков.

— Они часто ссорились?

— Просто спорили. Он не какой-то там буйный или что-то в этом роде. В основном они спорили о политике. Понимаете, Гэри — рьяный сторонник нынешнего президента…

— А Скайлар — нет?

— Можно и так сказать. Она видела его таким, какой он есть, и злилась, что Гэри на все это ведется. Меня он явно недолюбливал. В смысле, Гэри. Иногда я мог немного прогуляться со Скайлар, пока не появлялась ее машина. Если за ней заезжал Гэри, то он всегда бросал на меня довольно недобрые взгляды.

— А у Гэри есть какие-нибудь кольца или перстни на руках?

Энди ненадолго задумался, после чего сказал:

— Нет, я так не думаю.

— Как по-твоему, кто мог убить Скайлар?

— По правде говоря, я до сих пор в шоке. Я не знаю никого, кто мог бы с ней так поступить. Она была милейшим человеком, у меня это просто в голове не укладывается.

— Энди, я понимаю, что тебе страшно. Мне нужно, чтобы ты был храбрым. Возможно, на каком-то этапе тебе придется сказать присяжным, что ты не убивал Скайлар и что тебя заставили подписать это признание.

Я открыл скоросшиватель на странице с признанием Энди.

— Они сказали, что все будет в порядке, если я его подпишу. А если я этого не сделаю, то моей маме придется плохо. А мне еще хуже. Я был все еще не в себе, наверное. Ломакс бил меня дубинкой — ударил по голове, и я, видать, вырубился. А когда очнулся, они стали молотить меня, чтобы выбить это признание, и я… Я просто почти ничего не соображал. Я не хотел это подписывать. Я знал, что нельзя этого делать, но был слишком напуган.

Энди говорил тихо. Тон его был ровным и полным убежденности. Его большие глаза ярко блестели в полумраке комнаты. И эти глаза были

полны страха.

Я хотел сказать ему, что все будет хорошо. Что Гарри, Кейт и я обязательно выиграем это дело. Что этот кошмар скоро закончится и он сможет вернуться к своим книгам, поступить в колледж, встречаться с девушками, усердно учиться, чтобы его мать гордилась им, и жить богатой и насыщенной жизнью, которую он заслуживает.

Но я так и не смог. Надежда есть всегда. Однако прямо сейчас, за восемь часов до начала судебного процесса, я не мог подарить ему никакого утешения и душевного спокойствия. Во всяком случае, эти понятия не особо сочетались с системой, которая изначально была настроена против него: и копы, и окружной прокурор, и предвзятый судья, и предвзято настроенные присяжные. Какую-то часть этих проблем я вполне мог решить.

Но только не все.

Только не в этот раз.

Глава 48

Эдди

К зданию суда мы подъехали около половины девятого утра. Протестующих снаружи не было.

Я предположил, что у парней с AP-15 и флагами Конфедерации принято продирать глаза не раньше полудня. Энди, Патриция, Гарри и Кейт вошли в зал суда, чтобы занять свои места.

Я остался ждать в коридоре, засунув руки в карманы и меряя шагами плиточный пол.

Сегодня Корну предстояло представить дело присяжным, а мне — выступить с ответным заявлением. Накануне я накидал несколько идей для этой речи, но все они были не слишком-то хороши. Я без устали расхаживал по пустому коридору взад и вперед, и мои шаги эхом отдавались от каменных плит пола. Иногда движение помогало мне думать.

Но только не нынешним утром.

Пока что оставалось полагаться на то, что Блок все-таки обнаружит какое-нибудь золотое зерно. Запись с камеры наблюдения на заправочной станции так пока нигде и не выплыла, и оставалась надежда ее отыскать. Блок не отказалась от этой идеи. Просто кивнула и сказала, что посмотрит, не получится ли ее найти.

Я не стал спрашивать, где она собирается искать.

Было ясно только одно: к тому моменту, когда мне потребуется что-нибудь весомое, чтобы

подкрепить свою вступительную речь перед присяжными, не будет найдено ни шиша.

Чтобы добиться обвинительного приговора, Корну требовалось, чтобы вердикт «виновен» вынесли десять из двенадцати присяжных. В Нью-Йорке для этого необходимо единогласное решение. В течение всей моей предыдущей карьеры мне надо было склонить на свою сторону всего одного из присяжных. А теперь сразу двух, и если я облажаюсь, то мой клиент умрет мучительной смертью.

Обычно у меня есть какая-то идея. Своя версия по делу, которую я могу изложить присяжным в самом начале судебного разбирательства. Вступительное заявление не должно содержать аргументов — только указания на то, какие доказательства будут представлены жюри. У меня еще не было собственной версии по этому делу. По крайней мере, законченной. Ни в коем разе. Расхаживая взад и вперед перед входом в судебный зал, я так особо и не придумал, что скажу присяжным.

Скайлар Эдвардс убил кто-то еще, но мы понятия не имели, кто именно.

Игнорируйте данные криминалистической экспертизы, доказывающие, что под ногтями

у жертвы обнаружены частички кожи Энди, и соответствующие царапины у него на спине… Игнорируйте показания очевидцев о том, что Скайлар и Энди ссорились в вечер ее исчезновения… Игнорируйте признание Энди, сделанное шерифу, и второе признание, сделанное сокамернику…

Выходило слишком уж много всего, чтобы призывать присяжных все это игнорировать.

Нет, это полностью исключалось. Даже при абсолютно непредвзятом и беспристрастном жюри было бы достаточно сложно преуменьшить значение любой из этих улик.

Мне требовалось что-то еще. Что-то серьезное, что могло бы как следует встряхнуть двенадцать душ за барьером трибуны для присяжных.

Пока я расхаживал взад-вперед, в зал суда позади меня безостановочно вливалась людская толпа. Теперь в коридоре было тихо. Я бросил взгляд на часы.

Почти пора.

Дело не давало мне абсолютно ничего.

Я решил, что лучше всего сосредоточиться на чем-то совсем другом вместо всех этих убийственных улик против Энди.

Я собирался крикнуть «Пожар!» в переполнен-

ном театре.

Иногда лучший способ разобраться с компрометирующими доказательствами — это вообще не разбираться с ними.

* * *

Когда присяжные расселись по своим местам, а публика в зале наконец угомонилась, Корн встал, чтобы произнести свое вступительное слово. За столом защиты было полно народу, но так и должно было быть. Гарри и Кейт расположились по бокам от Энди. Я устроился рядом с Кейт. Патриция сидела в первом ряду галереи, прямо за Энди. Чуть наклонившись, она могла бы запросто дотронуться до него. Пока этот суд не останется позади, ему явно не раз понадобится ощутить ее руку у себя на плече.

Корн медленно поднялся на ноги и дождался, пока шепотки в толпе не сменятся почтительной тишиной.

Хорошее начало. Нацеленное на то, чтобы показать, кто тут хозяин. Это был его дом. А мы — теми, кто вторгся в него без спросу.

— Дамы и господа присяжные, прежде всего я хочу поблагодарить вас за служение этому округу и родным Скайлар Эдвардс. Смотрите: вон они

там, в первом ряду, прямо за моим помощником, мистером Вингфилдом, — произнес он, величественным взмахом руки указывая на то место на галерее позади стола обвинения, на котором сидел мужчина лет пятидесяти с рыжими волосами и опухшим лицом, уже мокрым от слез. Фрэнсис Эдвардс. В зале не оставалось ни единого свободного места, кроме первого ряда галереи позади стола защиты, где сидела Патриция. И еще одного пустого сиденья — рядом с Фрэнсисом.

— Скайлар Эдвардс была зверски убита обвиняемым по этому делу, мистером Дюбуа. Один ее добрый друг собирался сделать ей предложение в ту ночь, когда она была убита. Однако обвиняемый, Энди Дюбуа, жестоко разлучил ее с друзьями и близкими. Отец Скайлар, Фрэнсис, находится здесь, чтобы наблюдать за тем, как свершится правосудие над человеком, который избил и задушил его дочь до смерти, а после закопал ее тело. Ничто из происходящего в этом зале суда не будет способно смягчить его горе. Он будет носить его в своей душе до самого конца своих дней. Как вы, наверное, обратили внимание, матери Скайлар здесь нет. Она так и не сумела смириться с потерей своего ребенка и, как это ни печально, покончила с собой менее суток назад.

Некоторые присяжные кивнули, наверняка уже зная об этом. Городок-то маленький, в конце концов… У других вырвались громкие вздохи.

— Фрэнсис пришел сюда сегодня ради своей жены — и своей дочери. Вы, господа присяжные, способны помочь ему с еще бóльшим достоинством и благородством нести это горе, признав Энди Дюбуа виновным в убийстве Скайлар Эдвардс. Это будет правосудием. Тем щитом, что помогает семьям пострадавших от рук преступников нести свое бремя. Однако не мне даровано вручить ему этот щит. Я не могу воздать ему правосудие. Поверьте, я сделал бы все на свете, только чтобы дать ему хоть минутку душевного покоя. Но я не могу. Это не в моей власти.

Корн сделал паузу, позволив своему взгляду задержаться на искаженном от горя лице Фрэнсиса Эдвардса. Присяжные проследили за его взглядом, направленным на этого человека. Корн не сводил с него глаз, как и они. Он сделал Фрэнсиса центром внимания всего зала. Он хотел, чтобы присяжные почувствовали эту боль. Чтобы горе Фрэнсиса заставило присяжных почувствовать себя неуютно. Такова уж человеческая натура — большинство людей обладают врожденным стремлением помочь тем, кто в этом нуждается.

Корн присосался к нашим благороднейшим инстинктам, выворачивал их наизнанку в своих собственных целях.

И надо отдать должное — в этом не было абсолютно никакой театральщины. Я верил бы каждому слову Корна, если б принимал его слова за чистую монету. Однако, зная то, что знал я, можно было заглянуть под эту маску. Надо быть последней сволочью, чтобы использовать страдания родителей в каких-то своих целях, тем более откровенно низменных. Ему было глубоко наплевать на Фрэнсиса или его покойную жену. Наверняка наплевать и на Скайлар. Он просто хотел победить. И если б для этого ему пришлось живьем содрать кожу с этих людей, он бы это сделал.

— Только в вашей власти, дамы и господа присяжные, помочь этому человеку. А для этого прошу вас как можно внимательней изучить все улики и доказательства по этому делу.

С эмоциональной стороной дела было покончено. Подцепив присяжных на крючок, Корн перешел к делу.

— Обвиняемый, Энди Дюбуа, признался в этом преступлении. Дважды. Один раз — своему сокамернику Джону Лоусону. И еще один раз —

сотрудникам правоохранительных органов. Да, он полностью признал свою вину в управлении шерифа округа Санвилл. Вы прочтете это его признание. Хотя теперь, похоже, он передумал. Он хочет исключить это признание из числа улик, но судья отклонил его ходатайство. Вы получите возможность прочесть его и решить, говорил ли он правду, давая это признание. Его пафосная юридическая команда, приехавшая из Нью-Йорка, попытается убедить вас, что это признание было получено от Дюбуа под принуждением. Вам самим решать, насколько это соответствует истине.

Итак, помимо полного признания в убийстве, какие еще улики указывают на обвиняемого как на исполнителя этого ужасного преступления? Их более чем достаточно. Он был последним, кого видели со Скайлар Эдвардс в ночь ее смерти. Его кровь была обнаружена под ногтями у жертвы. Царапины у него на спине свидетельствуют о том, что жертва впилась ногтями ему в кожу в отчаянной попытке освободиться от его смертоносного захвата.

Одна из присяжных, женщина в бежевом кардигане поверх бежевой блузки, в отвращении и замешательстве скривила губы и повернула

свое бежевое лицо в мою сторону. Похоже, она искренне не могла понять, зачем мы вообще проводим этот судебный процесс. Исход-то совершенно ясен — этот парень же сознался, ради всего святого!

Она была не единственной из присяжных, кто бросил на меня любопытный и неприязненный взгляд. Крупный мужчина во фланелевой клетчатой рубашке тоже то и дело косо посматривал в мою сторону. На лице у него было то же самое раздраженное выражение, с каким он обычно смотрел на тех, кто стучался в его дверь с намерением втюхать пылесос или страховой полис. Все мы просто тратили его драгоценное время впустую.

— Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали доводы обвинения и отложили в головах все, что я сказал. Но, что гораздо более важно, не забывайте про отца Скайлар. Не позволяйте себе отвлекаться на ничем не обоснованные аргументы защиты. Мистер Флинн и сотрудники его элитарной нью-йоркской юридической фирмы будут утверждать, будто Эстер Эдвардс могла убить своего собственного ребенка, а затем покончила с собой прошлой ночью, потому что не смогла жить с чувством вины. Он и *в самом деле*

собирается возложить вину на покойную мать жертвы — даже еще до того, как несчастную женщину успели предать земле! И он проделает это прямо на глазах у убитого горем мужа этой женщины. Отнеситесь к подобным инсинуациям со всем отвращением, которого они заслуживают.

Теперь уже все присяжные смотрели на нас. Все до единого.

Гарри наклонился ко мне и прошептал:

— Похоже, присяжные горят желанием отправить нас в камеру смертников вместе с Энди.

— Леди и джентльмены, — продолжил Корн, — правосудие в ваших руках. И вы должны воздать его Фрэнсису Эдвардсу. Вы сделаете это, отправив обвиняемого в камеру для приведения в исполнение смертных приговоров. Вы будете делать это, выслушивая доказательства, вместо того чтобы слушать *пафосного* адвоката, представляющего обвиняемого.

Корн еще раз выдержал небольшую паузу, позволив своему взгляду блуждать по присяжным. Глаза у него представляли собой маленькие черные щелочки под бровями, и все же я был уверен, что они внимательно изучают каждое из нацеленных на него лиц. Позволив молчанию достаточно сгуститься, он повернулся к судье,

кивнул и, прихрамывая, вернулся на свое место.

Выражение уважения и восхищения Корном на лице у судьи Чандлера сменилось изумлением и растерянностью, когда он перевел взгляд на меня. Как будто я был какой-то липкой дрянью, которую он обнаружил на подошве своего ботинка.

— Мистер Флинн, желаете ли вы выступить со вступительным словом непосредственно в данный момент?

Прозвучало это скорей как угроза, чем как приглашение.

Я встал и сказал:

— Да, ваша честь. Хотя не разрешите минут на пять прерваться?

— Давайте, только побыстрее, — буркнул он.

Мы на несколько минут разошлись. Я направился прямиком в мужской туалет, зашел в кабинку и запер ее. Расстегнул пиджак, схватился за нагрудный карман рубашки и дергал его, пока он слегка не надорвался, обнажив на дюйм голое тело. Потом застегнул пиджак, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и ослабил галстук.

Я был готов.

Глава 49

Эдди

— Уважаемые члены жюри, меня зовут Эдди Флинн, и я адвокат из Нью-Йорка. По этой части вступительное заявление мистера Корна соответствует истине. Хотя многое из того, что он вам сказал, истине *не* соответствует. Вот вам хотя бы одна ложь, просто в качестве примера: мы *не* утверждаем и *никогда* не утверждали, будто Эстер Эдвардс убила свою собственную дочь. Он знает, что мы никогда не обращались с запросом о возбуждении дела по подобному обвинению. Ни в одном судебном документе, ни на одном листке бумаги, поданном в этот суд, нет даже намека на то, что мы могли бы выдвинуть подобный аргумент. И если сейчас я лгу на этот счет, судья вам об этом скажет.

Я выдержал паузу, резко повернулся и посмотрел на Чандлера. То, что я сказал, полностью соответствовало действительности. Некоторые защитники намекают на подобные действия в ходе предварительного раскрытия своих доказательств, требуемого от обеих сторон по закону,

или же подачи каких-либо ходатайств. Судья при этом, естественно, в курсе. Желваки у судьи Чандлера заходили ходуном, когда он стиснул зубы. Он хотел осадить меня, но, конечно, не мог. Я использовал судью, чтобы вбить клин между обвинителем и истиной.

Я повернулся обратно к присяжным:

— Видите? Слова мистера Корна о том, что мы готовили подобное дело, — не более чем чудовищная ложь, и он должен извиниться перед Фрэнсисом Эдвардсом за то, что использовал самоубийство его жены, чтобы попытаться заработать очки у присяжных.

В этот момент я отвернулся от присяжных и судьи и подмигнул Корну.

Он угодил в ловушку, которую я расставил ему прошлым вечером. Его лицо, обычно лишь чуть-чуть порумяней, чем у трупа, стало еще чуть-чуть порумяней. Это реально его обожгло. Теперь у присяжных по крайней мере появилась мысль, что Корн может вводить их в заблуждение. А если они не будут доверять Корну, то, пожалуй, у Энди есть шанс.

Однако с Корном я еще не закончил — и опять переключил внимание на присяжных.

— Я и *в самом деле* адвокат из Нью-Йорка. Эта

часть тоже соответствует истине. В отличие от примененного ко мне определения «пафосный». Вырос я в Бруклине, у моего отца никогда не было постоянной работы, а моя мать всю жизнь обслуживала столики в закусочной. Мистер Корн опустил в своей речи тот факт, что он тоже из Нью-Йорка, только вырос в квартире стоимостью в тридцать миллионов долларов в Верхнем Вест-Сайде. Его отец был крупным брокером с Уолл-стрит. Мистер Корн получил юридическое образование в частном колледже, я — в вечерней школе. Посмотрите на мистера Корна. Какой замечательный на нем костюм! Индивидуальный пошив, итальянская ткань, а эта сногсшибательная шелковая рубашка под ним… У меня вот костюмы тоже итальянские. Каждую зиму получаю по две штуки со склада Большого Момо в Джерси. Правда, качество не то, — сказал я, распахивая пиджак, чтобы присяжные увидели небольшую прореху на нагрудном кармане моей рубашки. — В этом зале присутствует только один *пафосный* нью-йоркский юрист, и это не я.

Я был удивлен, когда услышал несколько смешков из зала и даже увидел улыбки на лицах одного или двух присяжных. Это стало для меня приятной неожиданностью.

Все пока шло хорошо. Я заставил присяжных думать про Корна, а не про Энди. Однако вскоре все должно было катастрофически полететь к чертям.

На то и был расчет.

— Однако речь сейчас не обо мне. И даже не о Скайлар Эдвардс. И уж точно не об Энди Дюбуа. В основе этого дела лежит совершенно иная фигура. А именно фигура окружного прокурора округа Санвилл, мистера Рэндала Корна…

Я это ожидал, но все равно был удивлен быстротой, с которой Корн выпрямился во весь рост и выступил с возражением.

— Возражение принимается. Мистер Флинн, вам не дозволяется использовать этот зал суда для личных нападок на окружного прокурора этого округа, это ясно? — сказал судья Чандлер, сморщив нос и обнажив пожелтевшие зубы. Прежде чем он обрушил свой гнев на меня, взгляд его метнулся к присяжным. Он хотел, чтобы они оставались на его стороне. Предполагается, что судья должен направлять присяжных к принятию их собственного справедливого и беспристрастного решения.

Он пытался заткнуть меня. Я этого ожидал и теперь собирался воспользоваться ситуацией,

изложив все максимально понятно и четко — и проследив за тем, чтобы присяжные услышали все до последнего слова.

— Закон позволяет мне очертить основные аргументы, которые будут представлены в этом деле, ваша честь. Это крайне необычно для обвинителя — выдвигать возражения в ходе вступительного выступления защиты. Впрочем, это не единственная аномалия в карьере мистера Корна. В ходе данных судебных слушаний мы покажем, что Энди Дюбуа был ложно обвинен в этом убийстве — а проще говоря, подставлен на роль убийцы — окружным прокурором и покойным шерифом Колтом Ломаксом. Покажем, что у мистера Корна самый высокий процент смертных приговоров в современной истории и что он использует отправление правосудия как оружие, чтобы убивать кого ему заблагорассудится, для своего собственного удовольствия. Он — зло в этом округе, и он призывает присяжных стать соучастниками его преступлений. Я думаю, присяжные должны это услышать. И если вы пытаетесь помешать мне обвинить полицию и прокуратуру в фабрикации дел, способных привести к смертному приговору, то *вы тоже* являетесь частью этой проблемы. Ну давайте, скажите мне,

что я не могу привести этот аргумент, и я прослежу за тем, чтобы вас вместе с вашим решением поджарил на медленном огне апелляционный судья, не успеете вы еще высунуть голову из жопы окружного прокурора!

* * *

Камеры временного содержания под зданием суда были безупречно чистыми. Явно чище, чем в окружной тюрьме. А еще светлее, и не чувствовалось вони человеческих испражнений. Так вообще-то везде. Камеры в здании суда самые чистые, потому что со временем вонь проникает повсюду, и достаточно кому-то из судьей уловить запах мочи, как в течение часа примчится целая бригада уборщиков, поднимая облака мыльной пены.

Моя дерзкая речь перед присяжными не слишком-то понравилась судье Чандлеру. Он что-то шепнул сотруднику службы безопасности суда, после чего меня арестовали прямо за столом защиты и увели.

Пожалуй, я зашел слишком уж далеко, употребив бранные выражения в суде — чего, как правило, никогда не делаю, — но в данном случае я просто не смог сдержаться. Я провел в камере

уже почти два часа, и этого оказалось достаточно, чтобы слегка остудить мне голову.

Хотя, с точки зрения защиты, это было неплохое начало.

Бывали у меня ситуации и похуже.

В тюремной камере особо нечем заняться, кроме как думать. А подумать мне было о чем. Первое, что не давало мне покоя, — это Ломакс. Прочитав письмо его жены, я все больше и больше склонялся к тому, что он резко переменил свои взгляды на жизнь. Насколько я это себе представлял, совесть взяла над ним верх, и вместо того, чтобы помалкивать в тряпочку, он погнал на Корна. И на этом его песенка была спета. У него отняли любую надежду на искупление. Люди меняются. На жизненной дороге могут встретиться самые неожиданные повороты, прежде чем ты пройдешь ее до конца. Такой вот поворот совершил Александр Берлин, отправив меня сюда спасать Энди Дюбуа. Хотя Корн был слишком уж больным на голову, чтобы что-то менять. Он был исключением. Входил в те два процента людей, которые как-то неправильно устроены или стали такими в раннем возрасте, отчего не могут даже предвидеть приближение такого поворота, не говоря уже о том, чтобы ощутить необходимость

совершить его.

Я услышал, как в замке синей стальной двери повернулся ключ.

Вошла Кейт, села на крашеную бетонную скамью и подождала, пока за ней не закроется дверь, прежде заговорить.

Дверь захлопнулась с таким лязгом, что у меня задребезжали пломбы в зубах.

— Ну? — сказал я.

Она поднесла палец к губам и еще немного выждала. Через несколько секунд мы услышали едва различимое постукивание каблуков тяжелых ботинок, удаляющееся за пределы слышимости. Охранник, вернувшийся на свой пост, был явно разочарован тем, что не сумел подслушать наш разговор. В этой камере не было ни камер, ни микрофонов. Спрятать их тут было негде.

— Хорошего мало. После окончания сегодняшнего заседания состоится слушание, на котором Чандлер будет решать, что с тобой делать. Он вообще-то не вправе сам проводить его, но я не хотела заходить чересчур далеко. В отличие от тебя, — сказала Кейт.

— Я знаю, прости. Я просто волновался, что не получу от судьи Чандлера той реакции, которая нам требовалась. Наверное, я малость переста-

рался.

— Да уж, совсем чуть-чуть, — сказала Кейт.

— Ну а в остальном у нас всё в порядке?

— В полном порядке. Сегодня я за главного.

— Речь подготовила?

— Всё на мази.

Мы крикнули «Пожар!» в переполненном театре. И пожар был самый настоящий. Без дураков. Это довольно простой шулерский прием. Неважно, что скажет Корн или какие доказательства он будет приводить со сцены для зрителей, — если мы сможем убедить их, что здание охвачено огнем, они не станут слушать ни единого чертова слова из пьесы.

— А как ты относишься к тому, чтобы взять на себя судмедэксперта — эту мисс Прайс?

Кейт подняла глаза к потолку, надула щеки и сказала:

— Похоже, что придется туго.

Отчет о вскрытии Фарнсворта мы использовать не могли, поскольку он отказался свидетельствовать на суде. Хотя у нас с Кейт имелся план, как проникнуть в этот дом через черный ход. План был рискованный, и существовала вероятность того, что он не сработает. Если все обломается, Энди наверняка осудят. Хотя шанс был, но все

зависело от Кейт.

— Знаешь, можно было бы взять отсрочку до завтра, — сказал я. — Если тебе не хочется этого делать, я пойму. Это и вправду требует слишком…

— Я могу это сделать, — перебила она.

— Знаю, что можешь. Тебе просто нужно выбросить из головы, что по этому делу корячится высшая мера. Я думаю, что чувство ответственности в таких случаях заморочило голову многим адвокатам. Не позволяй этому чувству наложить на тебя лапы. Просто относись к делу спокойно и взвешенно.

— Я из Нью-Джерси, спокойно и взвешенно — это не мой стиль, — сказала Кейт.

— Хорошо, тогда как ты хочешь обойтись с мисс Прайс?

Кейт на миг задумалась, прижав палец к губам, а затем произнесла:

— Думаю, я ее тощую задницу просто по стенке размажу.

Глава 50

Кейт

Кейт выждала, пока все в зале угомонятся, хотя долго ждать не пришлось. Она ощущала то самое знакомое жжение в животе, что и всегда, когда в первый раз выступала перед судом по какому-то делу. Это было нормально. Это было совершенно нормально. Она бы насторожилась, если б чувствовала полное спокойствие. Ей нужна была эта нервная энергия. Кейт использовала ее, разжигая внутри у себя огонь, который выплескивала на своих оппонентов.

Она стояла полностью наготове.

Присяжные провели бóльшую часть часа в совещательной комнате, обсуждая только что услышанное и увиденное, в то время как Кейт и Корн препирались с судьей касательно судьбы Эдди. Время, проведенное присяжными наедине, было полезным. Эдди сказал им, что окружной прокурор и судья коррумпированы, а затем его арестовали за эти слова. Они не думали о результатах анализа ДНК, о царапинах на спине у Энди или о свидетеле, который видел Энди и Скайлар вместе незадолго до ее исчезновения. Они обсуждали Эдди. И Корна, и судью. И Кейт знала, что должна и дальше поддерживать разговор на

эту тему.

— Дамы и господа присяжные, постараюсь быть краткой. Подсудимый утверждает, что его обвиняют в преступлении, которого он не совершал. Что его просто подставили. Что улики против него были сфабрикованы. Он оказался легкой мишенью для правоохранительных органов, которые просто хотели побыстрей произвести арест и поставить галочку в отчете. И легкой мишенью для окружного прокурора, позволяющей без особого труда добиться обвинительного приговора. Мы надеемся, что вы не будете считать его легкой мишенью для палача. И покажем вам, что существуют серьезные проблемы с теми доказательствами, которые окружной прокурор думает вам предъявить. Все, о чем мы вас просим, — это не закрывать глаза. Мистер Корн стоит перед вами сегодня как в некотором роде рекордсмен. Он отправил в камеру смертников больше людей, чем любой другой прокурор в истории Соединенных Штатов.

Кейт сделала небольшую паузу, чтобы оценить настроения присяжных. Некоторые явно не проявляли особого интереса к ее словам — сидели скрестив руки на груди, словно дома́ с плотно закрытыми ставнями. Лишь немногие посматри-

вали то на Корна, то опять на Кейт.

— Я не считаю, что округ Санвилл так уж опасней любого другого места в Америке. Думаю, вы тоже так не считаете. Так почему же в этом округе в камере смертников оказывается куда больше людей, чем в любом другом? Статистика показывает, что этого не было до тех пор, пока мистер Корн не стал тут окружным прокурором. Спросите себя: рады ли вы тому, что в Соединенных Штатах до сих пор существует смертная казнь? Потому что сегодня Энди Дюбуа борется здесь за свою жизнь. А мистер Корн хочет, чтобы вы лишили его жизни. Это не просто дело об убийстве Скайлар Эдвардс. Наша позиция в том, что убийца Скайлар по-прежнему на свободе, а перед вами сидит невиновный человек. Это совсем не тот случай, когда одним убийством можно поквитаться за другое.

Один из присяжных выпрямился, перевел взгляд на Корна и уже не отрывал от него глаз. Чувствовал он себя явно неловко, как будто под его креслом только что развели огонь. Кейт сразу же вспомнила, как его зовут, — Тейлор Эйвери.

У нее было еще что сказать, но она видела, что некоторые присяжные, по крайней мере, начали задумываться об этом. И на данный момент этого

было достаточно. Кейт поблагодарила присяжных за внимание и села.

— Мистер Корн, не желаете ли вызвать своего первого свидетеля? — сказал судья Чандлер.

— Да, ваша честь, народ округа Санвилл вызывает окружного судебно-медицинского эксперта мисс Фиону Прайс.

С одного из рядов для публики поднялась высокая женщина, прошла сквозь болтающиеся на пружинах створки калитки барьера, мимо столов обвинения и защиты, а затем остановилась у входа на свидетельскую трибуну. Все в ней показалось Кейт слишком уж резким и контрастным. На Прайс был длинный черный жакет из тонкой ткани поверх черного же шелкового костюма. Ее темно-красные губы напоминали два неограненных рубина, вставленных в алебастровый овал лица. Либо она использовала очень светлый тональный крем, либо кожа у нее была совершенно бесцветной, как нетронутый снег. Волосы у нее были короткие, кудрявые, и тугие локоны пружинисто подергивались при каждом движении головы. Выражение ее больших круглых глаз Кейт очень не понравилось. Они тоже были практически бесцветными, бледно-серыми, с едва заметным намеком на голубизну — глаза

трупа со змеящимися по ним ярко-красными прожилками. Кейт была почти удивлена, увидев, что эти глаза двигаются. Казалось, будто вдруг ожило что-то давно мертвое.

Холодная как лед женщина, хладнокровно работающая с такими же холодными мертвецами… Кейт не могла представить себе худшей участи, чем умереть и оказаться после смерти вверенной заботам кого-нибудь вроде мисс Прайс.

Произнеся положенные слова присяги, мисс Прайс вернула секретарю Библию с таким видом, как будто это был кусок раскаленного угля. По прищуренным глазам и плотно поджатым кровавым губам, которые теперь больше походили на два кусочка печенки, было видно, что ей неприятно держать эту книгу в руках.

Невольно поежившись, Кейт записала Прайс в свой блокнот. Эту свидетельницу ей теперь приходилось взять на себя.

Корн быстро получил у Прайс подтверждение тому, что она является судебно-медицинским экспертом округа Санвилл и что это она проводила вскрытие и осмотр тела жертвы.

На все заданные вопросы свидетельница отвечала простым, но внушительным «да».

Публика молчала. Корн продолжал задавать

обычные в таких случаях вопросы, а Прайс все так же отвечала на них своим громким «да», которое все больше звучало словно треск ломающегося льда. Кейт почувствовала, как по рукам побежали мурашки. Отложив ручку, она потерла их. Даже от одного присутствия мисс Прайс у нее кровь холодела в жилах.

Гарри наклонился и прошептал Кейт:

— В качестве своего первого вопроса спроси у мисс Прайс, что ей известно о ста одном пропавшем далматинце [160].

Кейт спрятала улыбку, прикрыв пальцами губы. А когда опять посмотрела на Прайс, то уже не чувствовала себя такой зашуганной. Уверенность опять возвращалась к ней. Иногда монстры теряют свою силу, когда их выставляют на посмешище. Гарри кивнул ей. Он дал Кейт именно то, в чем она сейчас нуждалась.

Она перевела взгляд на свидетельскую трибуну, возле которой ассистент Корна, Вингфилд, устанавливал большую фотографию жертвы — ту, на которой та лежала в грязи рядом с большой ямой

---

[160] notes: 160

Намек на диснеевский фильм 1996 г. «Сто один далматинец» — про щенков далматинского дога, похищенных злобной миллионершей Стервеллой де Виль, которая собиралась использовать их шкуры для производства модной одежды.

в земле. На лице у нее была кровь, ярко-красная под крупинками темной земли. Кровь так и светилась, почти как красный лак у нее на ногтях. Фотография была реально огромной, почти в натуральную величину. Глядя, как Вингфилд устанавливает подставку, Кейт вдруг заметила у него на пальце большое золотое кольцо. Он находился слишком далеко, чтобы Кейт могла разглядеть узор на кольце, но какой-то рисунок там определенно был. Вингфилд был крупным мужчиной. И очень сильным, так что это вполне мог быть наградной перстень чемпиона или какое-нибудь другое памятное кольцо.

Гарри похлопал ее по тыльной стороне ладони, показал на свой палец, а затем указал на Вингфилда. Он тоже заметил кольцо у того на пальце. Затем встал, прошел по проходу и спросил у Вингфилда, не надо ли чем помочь, получив отказ. Вернувшись на свое место, что-то черкнул в своем блокноте.

«Это кольцо БОП. Вингфилд наверняка бывший полицейский».

Эта организация представляла собой нечто вроде масонской ложи, только для копов. И Кейт ничуть не удивилась тому, что уже видела такие кольца по крайней мере у двух человек.

Наверняка их было и больше, просто она этого не замечала. Теперь она будет начеку.

Как только Вингфилд установил фотографию и надежно закрепил ее на подставке, Прайс получила разрешение судьи подойти к ней. Из кармана жакета она достала телескопическую указку, которую умело вытянула во всю длину. Поднесла ее кончик к рукам жертвы и приступила к даче показаний.

— Я перечислю повреждения в том порядке, в каком обнаружила их, мистер Корн. Во-первых, вы можете видеть хорошо различимые синяки на предплечьях у жертвы. Вот здесь, здесь и здесь, — сказала она, указывая на них своей раздвинутой палочкой. — Это указывает на то, что покойная пыталась прикрыться от наносимых ей ударов руками. Она сопротивлялась. Если вы посмотрите на ее левую руку, то увидите, что мизинец и средний палец распухли и деформированы. Мизинец был вывихнут в проксимальном межфаланговом суставе с переломом шейки проксимальной фаланги. Средний палец вывихнут в пястно-фаланговом суставе, дистальная и промежуточная фаланги раздроблены. На голове и лице имеются синяки и рассечения кожи. Ни одна из этих травм не была смертельной.

Кейт закончила записывать сказанное Прайс и, подняв глаза, увидела, что Гарри пребывает в глубокой задумчивости. Выглядел он так, будто хотел что-то сказать, но, чем бы это ни было, пока что держал это при себе.

— И что же стало причиной смерти? — спросил Корн.

— Удушение. Об этом свидетельствуют петехиальные кровоизлияния в глазных яблоках и на лице, наличие и конфигурация кровоподтеков в области шеи и перелом подъязычной кости в передней части горла.

— Мисс Прайс, не могли бы вы подытожить, исходя из перечисленных вами травм, каким образом они были получены?

Кейт хотела встать и выступить с возражением, но промолчала. Ей могла явно понадобиться некоторая свобода действий со стороны судьи Чандлера, который сейчас смотрел в ее сторону, ожидая протеста. Она покачала головой. Чандлер приподнял бровь, уголки его губ изогнулись в легкой улыбке, и он опять переключил внимание на свидетельницу.

— На эту молодую женщину напали, жестоко избили, а затем задушили. Она пыталась отбиться от нападавшего, сопротивлялась, но тот был

слишком силен и в конце концов одолел ее.

— Спасибо, — сказал Корн. — Больше вопросов не имею.

Прежде чем он успел доковылять до своего места, Кейт быстро встала и постаралась задать свой первый вопрос так, чтобы его отчетливо услышал весь зал, включая и окружного прокурора:

— Мисс Прайс, будучи окружным судебно-медицинским экспертом, вы вовлечены в расследование абсолютно всех убийств и подозрительных смертей в округе, верно?

— Верно.

Корн наконец подошел к столу обвинения, но садиться не стал. Вместо этого он наклонился и вытянул указательный палец, упершись им в деревянную столешницу, как будто собирался воспользоваться им, чтобы резко распрямиться опять — с возражением.

— Два дня назад вы осматривали тела Коди Уоррена и Элизабет Магуайр, больше известной большинству людей как Бетти. Какова была причина смерти в каждом из случаев?

Спина Корна резко выпрямилась, словно вылетевшее из рукоятки и защелкнувшееся на месте лезвие выкидного ножа. Он на миг перехватил взгляд Прайс, а затем обратился к судье:

— Возражаю, ваша честь, — это сейчас совершенно несущественно.

Кейт хотела поскорее перейти к этому вопросу, пока Корн еще не успел устроиться за своим столом и собраться с мыслями. Возражение он все-таки высказал, но сформулировал его довольно неуклюже, предоставив Кейт возможность, к которой она стремилась.

Прежде чем Чандлер успел принять решение, Кейт нанесла обвинению прямой в челюсть:

— Ваша честь, убийство уважаемого адвоката, который не раз выступал в этом суде, требует внимания окружного прокурора хотя бы исходя из элементарной вежливости. Коди Уоррен и Бетти Магуайр были полноправными членами данного сообщества. Мистер Корн не должен позволять своей враждебности по отношению к этим людям лишить его уважения по отношению ко всем представителям этой профессии в целом.

Судья Чандлер поднял ладони, чтобы разрядить ситуацию, прежде чем будет сказано что-либо еще. Кейт так и не сумела получить никаких свидетельских показаний о том, что Корн ненавидел Коди Уоррена. Не нашлось ни одного свидетеля, который мог бы это сказать, так что и не было никакой возможности заявить это перед присяж-

ными. Однако она только что это сделала.

— Ваша честь, я ничего такого не имел в виду, высказывая возражение насчет… В смысле, я не испытываю абсолютно никакой неприязни к… — начал было Корн, но судья Чандлер оборвал его.

— По-моему, обстановка уже накалилась до предела. Суд признает, что вы не ставили целью кого-либо оскорбить.

Кейт проигнорировала судью, сосредоточившись на присяжных. Тот фермер, Тейлор Эйвери, и еще несколько человек смотрели не на Чандлера — они смотрели на Корна, и в их взглядах, по мнению Кейт, не было ничего похожего на восхищение. В этих взглядах были только вопросы.

Кейт бросила спасательный круг, предложив компромисс:

— Ваша честь, я понимаю суть возражения, но могу закрыть эту тему буквально в двух вопросах, а затем двинуться дальше.

— По-моему, звучит вполне разумно, но я все-таки вынужден спросить, при всем уважении к покойным мистеру Уоррену и мисс Магуайр: какое отношение это имеет к данному делу?

— Присяжным это скоро станет ясно, — ответила Кейт. — Это судебный процесс по делу об убийстве, караемом смертной казнью, и я попро-

сила бы предоставить мне некоторую свободу действий.

Чандлер откинулся на спинку кожаного кресла и, задрав подбородок к потолку, стал покачиваться из стороны в сторону, взвешивая свое решение. Кейт сглотнула и замерла, сцепив перед собой пальцы. Она нуждалась в этом, чтобы двигаться дальше намеченным курсом. На суде бывают моменты, когда все держится буквально на лезвии тонкого ножа. Это был один из таких моментов.

— Я разрешаю задать эти два вопроса, но потом вам нужно будет двигаться дальше, — наконец объявил Чандлер.

Кейт кивнула и повернулась к свидетельнице:

— Так какова была причина смерти Коди Уоррена и Бетти Магуайр, насколько вам удалось установить?

— Оба были убиты выстрелами в голову из малокалиберного пистолета.

— И последний вопрос на данную тему. На момент смерти мистера Уоррена и мисс Магуайр они представляли обвиняемого по этому делу, Энди Дюбуа, верно?

— Верно, — сказала мисс Прайс.

— Спасибо за честный ответ. Хотя обождите всего лишь минутку, пожалуйста…

Кейт кивнула, отвернулась и начала перебирать какие-то бумаги на столе защиты. Заранее подготовив свою следующую серию вопросов, она тщательно отредактировала их, отработала перед зеркалом в отеле и заучила наизусть. Ей не требовалось заглядывать в свои записи. Кейт просто тянула время. Время, в течение которого присяжные могли как следует подумать над последним ответом Прайс. Они должны были сами провести связь между ненавистью Корна к Коди Уоррену, убийством Уоррена и Бетти и участием обоих в защите интересов Энди Дюбуа. Для некоторых из присяжных подобный прицел мог оказаться чересчур дальним, но кое-кто из них все-таки должен был уже понемногу задумываться. Кейт продержалась так долго, как только могла, переворачивая страницы на столе, казалось, несколько бесконечных минут. На самом деле даже меньше тридцати секунд, но этого оказалось вполне достаточно. Когда Кейт повернулась к трибуне жюри, Тейлор Эйвери потирал подбородок, а его взгляд был устремлен куда-то вдаль. Он явно размышлял.

— Мисс Прайс, в вашем отчете о вскрытии Скайлар Эдвардс отсутствуют какие-либо упоминания о синяках и рассечениях кожи на голове и лице у

жертвы, верно?

— Мне это показалось несущественным. Хотя я все-таки упомянула о подобных повреждениях, в общем и целом, — ответила Прайс.

— То есть эти раны и кровоподтеки вы заметили, но не стали уточнять их местоположение и внешний вид в своем отчете?

— Да. Они явно не имели существенного значения для определения причины смерти.

У Кейт пересохло в горле. Во рту тоже. Она облизнула губы и подумала, стоит ли задавать следующий вопрос. Она не знала, что скажет Прайс, что всегда было опасно. Но все-таки очертя голову решилась.

— Не имелось ли у этих ран у нее на лбу какого-либо характерного рисунка, который мог бы навести на мысли касательно того, что могло их оставить?

Ключевые слова наконец прозвучали. И Прайс надолго задумалась. Кейт понятия не имела, что произойдет дальше. У нее не было никаких доказательств, которые можно было бы предъявить Прайс, так что она целиком и полностью находилась во власти предстоящего ответа, каким бы тот ни был. Дожидаясь его, Кейт отошла на несколько шагов от свидетельского места, так что

стол обвинения оказался прямо у нее перед глазами. И увидела, как Вингфилд поспешно стащил с пальца золотое кольцо и убрал его в карман.

Брови у Прайс сошлись на переносице, а ее взгляд, явно переполошенный, упал на Гарри. Кейт шагнула вперед, к столу защиты. Гарри, державший в руке стопку каких-то документов, протянул их Кейт. Она взяла их у Гарри, который затем подхватил пачку фотографий синяков на лбу у Скайлар Эдвардс, сделанных доктором Фарнсвортом, и тоже передал их ей. Кейт даже не пыталась спрятать эти фотографии — позволила Прайс увидеть, что держит их в руке, а затем шепотом поблагодарила Гарри.

— Ваша честь, возможно, свидетельнице потребуется небольшой перерыв, — встрял Корн.

— У меня осталась еще только пара вопросов. Если мисс Прайс будет готова ответить на них, мы сможем отпустить ее буквально через несколько минут, — сказала Кейт.

Она не сомневалась, что это Корн велел Прайс исключить упоминание об этих синяках из ее отчета, а также умолчать о них в суде, поскольку знал, что эксперт защиты не будет давать показания. Он поставил Прайс в трудное положение. И вот теперь, стоя перед адвокатом защиты,

задающим вопрос об этих ранах с экспертным заключением на руках, она пребывала в полнейшем ступоре.

Кейт улыбнулась уголком рта. Глаза у Прайс расширились. Кейт давала ей понять, что у нее на руках флеш-рояль. И что если Прайс попытается блефовать, то потеряет куда больше.

— Мисс Прайс? У вас вроде возникли какие-то трудности… Скажите, окружная прокуратура готовила вас к даче показаний на сегодняшнем слушании? — спросила Кейт, на миг опустив взгляд на фотографии, а затем опять переведя его на свидетельницу.

Над верхней губой у Прайс выступили капельки пота. Покосившись на стол обвинения, она сказала:

— Я просто обсудила содержание своего отчета с окружным прокурором и его помощником, Томом Вингфилдом.

— Тогда у вас не должно возникнуть проблем с тем, чтобы припомнить то, что было обнаружено при вскрытии. Эти синяки имели какой-то характерный повторяющийся рисунок, верно?

— Насколько я припоминаю, они и в самом деле могли иметь какой-то рисунок, — неохотно согласилась Прайс.

— Вы хотите сказать, что эти синяки имели какой-то повторяющийся рисунок? — уточнила Кейт.

Прайс немного поколебалась, после чего, сглотнув, кивнула.

— Для протокола требуется, чтобы вы сказали «да», — напомнила Кейт.

Прайс посмотрела на Корна и обнаружила, что тот так и сверлит ее взглядом. Перехватив этот взгляд, Кейт даже не поняла, чего в нем больше — разочарования или едва сдерживаемой ненависти. Прайс оказалась на нейтральной территории. Она не хотела, чтобы ее уличили во лжи, но при этом ей не нравилось, к чему клонит Кейт. Прайс отвела взгляд от Корна, посмотрела на присяжных и произнесла:

— Да.

— Человеческая кожа обладает определенной эластичностью, верно?

— Верно.

— А если по определенным участкам кожи нанести сильный удар каким-либо твердым рельефным предметом, то его отпечаток может остаться на коже в виде кровоподтека?

— Такое возможно, но, опять-таки, несущественно для определения причины смерти в

данном случае, — сказала Прайс, теперь уже из последних сил стараясь держать голову над водой.

Проигнорировав эту ее попытку, Кейт продолжала:

— На лбу жертвы имелись несколько звездообразных кровоподтеков. Расположенных в ряд, практически на одной линии, каждый меньше дюйма размером, верно? — спросила она, отделяя от лежащей перед ней стопки страницу, как будто собираясь предъявить ее суду.

— Не знаю, именно такой ли они были формы, но похожей.

— Могли ли такие отпечатки появиться на голове у жертвы в результате ударов, если на руке у нападавшего было кольцо или перстень?

— Думаю, что такое возможно.

Кейт шагнула вперед и передала один листок судье, а затем другой обвинению.

— Ваша честь, поскольку теперь свидетельница признала конфигурацию этих кровоподтеков, я хотела бы приобщить данные материалы к доказательствам защиты. Это распечатка веб-страницы, на которой предлагаются к продаже кольца определенного типа. Я хотела бы узнать мнение эксперта касательно данного кольца.

Чандлер просмотрел распечатку, но не слишком внимательно. Похоже, эта тема ему уже наскучила, и он не особо понимал, к чему идет дело.

Кейт и Эдди уже обсуждали данную стратегию, зная, что Корн не станет выступать с возражениями. Вряд ли ему захочется привлекать внимание к тому, что его эксперт исключила из отчета о вскрытии. Эксперт заявила, что, с точки зрения причины смерти, это несущественно, и чем большую шумиху Корн будет поднимать по этому поводу, тем большее значение могут придать этому присяжные. Нет, он будет просто сидеть на жопе ровно и помалкивать в тряпочку. Что он и сделал.

Судья тоже не стал кочевряжиться и приобщил переданные документы к вещественным доказательствам.

— Мисс Прайс, кольцо, выставленное на продажу на этом веб-сайте, имеет украшение в виде звезды на ободке. Судя по указанным здесь размерам, оно в точности соответствует размеру и форме отметин на лбу у жертвы, вы согласны?

Кейт вручила Прайс распечатку, чтобы та могла рассмотреть ее поближе.

— Вообще-то не могу сказать этого наверняка.

— Но выглядят они одинаково — у них такая же форма и такой же размер, вы бы не сказали?

— Не знаю, мне нужно изучить такое кольцо, — сказала Прайс.

Тем самым она, сама того не ведая, оставила окно открытым — и Кейт тут же этим воспользовалась.

— Это кольца Братского ордена полиции, которые очень часто носят действующие и бывшие сотрудники правоохранительных органов. Вы хотите сказать, что никогда раньше не видели такого кольца?

— Нет, не видела.

— Странно — я думала, вы заметили его на руке у помощника окружного прокурора Вингфилда, когда обсуждали с ним отчет о вскрытии…

Прайс набрала было воздуха, чтобы ответить, но тот застрял у нее в груди. В зале суда воцарилась тишина.

— Не помню, чтобы видела на нем такое кольцо, — наконец вымолвила Прайс.

— Может, тогда он снял его и убрал в карман, как поступил несколько минут назад?

Вингфилд откинулся на спинку стула и вытер вспотевший лоб.

Вмешался судья Чандлер — с него было уже

довольно. Он обратился к помощнику прокурора так, словно хотел, чтобы тот помог ему уладить какой-то спор с непонятливым ребенком. Это было оскорбительно, бесцеремонно, и он и понятия не имел, что тем самым только что вручил защите победу в первом раунде.

— Мистер Вингфилд, адвокат обвиняемого, похоже, считает, что у вас в кармане какое-то кольцо. Не могли бы вы разубедить ее в этом?

Левая рука Вингфилда заметно дрожала, когда он медленно вставал со своего места. Врать судье — все равно что играть в русскую рулетку с тремя патронами в барабане. Исходов может быть всего два. Безопасней всего не лгать. От всего остального всегда можно отбрехаться.

— Нет, ваша честь, не мог бы, — сказал Вингфилд.

— Прошу прощения? — опешил судья. — Не могли бы что?

— Не мог бы разубедить ее в этом, — объяснил Вингфилд. — Это кольцо у меня в кармане.

Щеки у Чандлера стали почти такими же бледными, как у Корна. Он махнул рукой окружному прокурору, вроде как извиняясь.

— Мисс Прайс, — произнесла Кейт, воспользовавшись моментом, — я полагаю, что вы не

упомянули об этих кровоподтеках на лбу у жертвы в своем отчете, поскольку они не соответствовали версии окружного прокурора. Эти синяки были явно оставлены кольцом вроде этого, а у обвиняемого такого кольца нет, в отличие от помощника прокурора и большинства сотрудников правоохранительных органов в этом округе. Где-то так?

— Нет, не так.

— Больше вопросов не имею, — заключила Кейт.

Когда она села рядом с Гарри, Энди наклонился к ней и прошептал:

— Спасибо, мисс Брукс… Спасибо, что боретесь за меня!

Кейт посмотрела на присяжных, которые вроде впервые за все время были явно выбиты из равновесия.

Это был добрый знак. Потому что больше на такую удачу рассчитывать не приходилось.

Глава 51

Блок

В глубине судебного зала, сидя на краю послед-

него ряда мест для публики, Блок наблюдала, как Кейт рвет на куски окружного судмедэксперта.

После того, как Блок внимательно выслушала показания свидетельницы, кое-какие вещи, которые беспокоили ее раньше, теперь представлялись гораздо более важными. Полученные Скайлар травмы были очень необычными. Теперь, названные вслух и подробно описанные, они прочно обосновались у Блок в голове. Когда Прайс вышла из-за свидетельской трибуны и направилась обратно на свое место среди публики, по залу пробежали шепотки. В судебном заседании наступило естественное короткое затишье, а поскольку судья и адвокаты молчали, собравшимся было позволено вполголоса обсудить услышанное. Блок еще разок оглядела собравшихся.

И тут увидела это.

Сначала из первого ряда поднялся Фрэнсис Эдвардс, который направился по проходу к дверям. Судя по стиснутым зубам, он едва сдерживал ярость. Встречный допрос Кейт явно оказался нелегким испытанием для Фрэнсиса, особенно после детального описания травм, нанесенных его дочери.

Увидев, что Эдвардс направляется к дверям, со

своего места поднялся невысокий толстый мужчина — тот самый тип в том же самом твидовом пиджаке, который прошлым вечером утешал Фрэнсиса на заднем сиденье патрульной машины. Не сказав Фрэнсису ни слова, толстяк обнял его за плечи и вывел из зала суда.

Когда они проходили мимо Блок, направляясь к выходу, она повернулась и спросила у сидевшей рядом с ней дамы, который час. Оказалось, что уже пятый.

Дождавшись, когда за двумя мужчинами закроются двери, Блок сосчитала в уме до пяти, а затем встала и тоже двинулась к выходу.

Из коридора она мельком увидела, как оба вышли на улицу и свернули налево, к парковке, и последовала за ними, держась на почтительном расстоянии. У входа задержалась, прислушиваясь. Звук захлопывающихся автомобильных дверей, а затем глухое побулькивание V-образной «восьмерки» послужили ей сигналом. Тоже свернув налево от здания суда к стоянке, она увидела обоих мужчин в кабине красного пикапа. Машина была новенькой и, судя по всему, недешевой.

Добравшись до своего «Шевроле», Блок завела мотор, но пикап все так и стоял, не трогаясь с места. Вытащив мобильник, она набрала номер.

Не так давно Блок еще служила в полиции, и еще меньше времени прошло с тех пор, как она работала консультантом в правоохранительных органах, занимаясь в основном повышением квалификации полицейских — вела курсы самообороны без применения летальных средств, а также продвинутого вождения. На звонок быстро ответили, после чего Блок представилась, назвала номерной знак пикапа, попросила пробить его по базам и сразу же завершила разговор.

Менее чем через минуту зазвонил ее сотовый, и женский голос произнес: «Ксавье Грубер, полная проверка по базам займет некоторое время, но приводов и судимостей нет», после чего ответившая продиктовала адрес и повесила трубку. Для них обоих было проще и безопасней избегать любезностей. Только факты.

Блок ввела имя и фамилию в поиск на своем телефоне и вскоре рассматривала на экране фото мужчины, которого только что видела. Это был профессор Ксавье Грубер, числившийся на химическом факультете Алабамского университета деканом. Просмотрев остальные результаты поиска, Блок нашла пресс-релиз, в котором говорилось, что Грубер в настоящее время отстранен от работы на длительный срок в ожидании

дисциплинарного слушания. Похоже, что на каком-то политическом митинге он выступил с речью, в которой содержались призывы касательно превосходства белой расы.

Через несколько минут на стоянку въехал другой пикап, на этот раз синий и гораздо более старый, и припарковался вплотную к машине Грубера. Водитель синего пикапа высунулся из окна, о чем-то коротко переговорил с профессором и тут же выехал со стоянки. Грубер пристроился за ним, а Фрэнсис по-прежнему сидел справа от него на пассажирском сиденье.

Блок подождала, пока обе машины не выедут со стоянки, прежде чем двинуться следом. Потерять их она не опасалась — над кузовом синего пикапа трещал на ветру флаг Конфедерации на пятифутовом флагштоке. Опасность упустить преследуемых ей не грозила. Проехав совсем немного, вскоре они припарковались на одной из городских улиц — вышли из машин и подошли к двери рядом со входом в фирму под названием «Бакстаунские страховые услуги». Контора выглядела так, словно была уже давно закрыта. Блок предположила, что эта дверь ведет в помещение этажом выше — может, в квартиру. Она хорошо разглядела водителя синего пикапа и сразу узна-

ла человека, которого видела всего пару дней назад. Брайан Денвир — так было написано в его водительских правах. Сегодня при нем не было ни бронежилета, ни винтовки на плече, но Блок заметила пристегнутый к поясу «Глок». Грубер прихватил с собой объемистый черный чемодан, и они все вместе скрылись внутри.

Не прошло и минуты, как Блок увидела свет, льющийся из мансардного окна. Поблизости не имелось удобных мест, откуда можно было бы заглянуть внутрь, поэтому ей ничего другого не оставалось, кроме как просто ждать. Наблюдая за входной дверью, она продолжала ждать какой-либо информации на Грубера, которые могла иметься на него в распоряжении правоохранительных органов. Ей уже сообщили, что Грубер ранее не был судим, но где-то он все-таки засветился, и с доступом к подобным сведениям, похоже, возникли какие-то трудности. Теряя терпение, Блок уже собиралась опять позвонить своему контактному лицу, когда позвонили ей самой.

— Что-то на него есть, но у меня нет допуска, — произнес тот же голос, после чего тут же отключился.

Судя по тому, что Грубера отстранили от рабо-

ты в университете по подозрению в расистских взглядах, а также учитывая тот факт, что он водил компанию с Брайаном Денвиром, Блок подозревала, что Грубер находился в каком-то списке «лиц под наблюдением». Странное все-таки время, чтобы быть американцем, подумала она. После одиннадцатого сентября [161] единственная наибольшая угроза исходила от иностранных террористов. Ситуация изменилась. ФБР, Агентство национальной безопасности и прочие разведывательные и правоохранительные органы все чаще признавали, что наибольшая угроза для страны ныне исходит от местных террористических групп, выступающих за превосходство белой расы, которые становятся все более хорошо организованными и финансируемыми.

Блок припомнился нож, найденный в шее Коди Уоррена. И эмблема на нем — символ «Белой Камелии». При этой мысли запершило в горле, живот скрутило узлом. Блок не любила испытывать эмоции, считая, что чувства пло-

[161] notes: 161

Естественно, имеется в виду массовая террористическая атака на США 11 сентября 2001 г., известная еще как «9/11». После тех событий подход к вопросам общественной безопасности в стране был коренным образом пересмотрен, а правоохранительные и вообще силовые структуры, даже частные охранные фирмы, наделены значительными дополнительными полномочиями.

хо уживаются с холодной рациональностью и фактами. А это были основные инструменты ее ремесла. Однако иногда, как бы она ни боролась с собой, чувства брали верх над мыслями, подавляя их. С самых юных лет Блок с опаской относилась к эмоциям. По большей части она их просто не понимала. Они были сложными, трудно контролируемыми, и никакой пользы от них вроде как не было. Хоть Блок и выказывала привязанность по отношению к своей семье, своей лучшей подруге Кейт, а иногда и к женщинам, с которыми встречалась, с другими людьми она предпочитала сохранять дистанцию, возводя барьеры, как физические, так и психологические. Избегала рукопожатий — а объятий уж точно — и была крайне немногословной.

Но то и дело все эти ее методы, барьеры, критический склад ума — все в одночасье рушилось. С тех пор, как она восстановила отношения с Кейт и стала работать следователем-оперативником в юридической фирме, это происходило все чаще. Ей нравились Эдди и Гарри. И то, что она впустила их в свою жизнь, стало причиной того, что глубокие эмоции все чаще накатывали на нее.

Свет в окне погас, и через минуту Грубер, Денвир и Эдвардс вновь оказались на улице. Услы-

шав какой-то скрип, Блок посмотрела на руль. Скрипела кожаная обивка обода под ее крепко стиснутыми пальцами. Ее первой реакцией на встречу с расистами всегда было отвращение, а затем гнев. Заныла челюсть, и она поняла, что крепко сжала зубы. Блок несколько раз резко выдохнула, расправила плечи и хрустнула шеей. Ненависть, переполнявшая голову, мешала ей думать, а она не могла этого допустить.

Как только включилась аналитическая часть ее мозга — доминирующая часть, — она заметила, что чемодана у Грубера больше при себе нет. Чемодан был теперь у Фрэнсиса Эдвардса, и он поставил его себе под ноги в машине Грубера, забравшись в нее. Машина Грубера сразу же отъехала. Денвир немного выждал, а потом тоже уехал, резко сорвавшись с места, и выхлоп его пикапа громом огласил окрестности.

Блок выбралась из «Шевроле» и подошла к входной двери, из которой они только что вышли. На двери было два замка, в том числе мощный ригельный. Можно было войти и здесь, но не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что она внутри. Вместо этого Блок дошла до конца квартала, пересчитывая на ходу строения, сплошной чередой выстроившиеся вдоль улицы, а затем свернула

налево и вскоре оказалась в переулке, протянувшемся позади зданий. Опять начала считать, на сей раз в обратном порядке, и наконец остановилась перед стальными двойными дверями, такими же старыми, как и само здание. Врезной замок на одной их половинке основательно проржавел и явно давно не использовался. Дверные ручки, расположенные дюймах в десяти друг от друга, скрепляла стальная цепь с обычным висячим замком на ней. Судя по всему, это была дверь пожарного выхода, и запирать ее снаружи на цепь было против правил, хотя, вероятно, это был единственный способ обезопасить заднюю часть дома — когда врезной замок бездействовал.

Висячий же выглядел столь же новым, как и стальная цепь, которую он скреплял. Существовало множество способов взломать замок или цепь, но в этом не было нужды. Все, что ей требовалось, чтобы открыть замок, — это ножнички из мультитула, прицепленного к ключам, банка из-под пива или газировки и немного слюны.

Найдя в ближайшем мусорном контейнере алюминиевую банку из-под «Доктора Пеппера», Блок вырезала из нее узкую полоску длиной четыре дюйма, после чего теми же ножничками сделала посередине ее полукруглый язычок.

Сложив тонкий алюминий по краям от язычка вдвое, чтобы полоска стала прочнее, она продела ее в дужку висячего замка и как следует потянула за края. Плюнула на основание дужки, а затем затолкала туда изогнувшийся о нее полукруглый язычок. Послышался щелчок, и дужка выскочила из замка. Блок сняла цепочку и прошла через дверь в крытый проход, ведущий к железной лестнице, выкрашенной черной краской, — пожарному выходу со второго этажа. На верхней площадке лестницы она обнаружила окно, закрытое, но не запертое, и, натянув пару латексных перчаток, открыла его снаружи.

Помещение внутри не было похоже на квартиру. Когда-то это был офис, но стало ясно, что теперь у него другое назначение. На флаге, висящем над канцелярскими шкафчиками, был изображен тот же цветок, который она видела на рукояти клинка, найденного на теле Коди Уоррена. Блок начала один за другим выдвигать картотечные ящики. Первый шкаф был пуст, второй — забит рекламными листовками. Фоном для напечатанных крупным шрифтом лозунгов служила все та же эмблема в виде цветка.

Спасите вторую поправку! [162]

Спасите своих детей!

Спасите белую расу!

Все на марш «Белой камелии» в Монтгомери!

В следующем ящике лежали батарейки и электрические провода, а ниже — коробка с сотовыми телефонами и зарядными устройствами. В последнем шкафчике хранились канцелярские папки, аккуратными рядами расставленные на полках. Вытащив первую попавшуюся, Блок открыла ее и обнаружила, что в ней содержится единственный документ — справка о какой-то правозащитной организации, базирующейся в Мобиле. В ней были перечислены имена и фамилии сотрудников, их домашние адреса, имена пользователя в социальных сетях, номера телефонов, а также имена и адреса членов их семей. В следующей папке содержалась аналогичная справка на какую-то юридическую фирму из Монтгомери — опять перечень сотрудников и вся их личная информация. Перебирая подоб-

[162] notes: 162

Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия. Поправка вступила в силу 15 декабря 1791 г., одновременно с остальными девятью поправками, входящими в Билль о правах.

ные документы, Блок видела названия местных компаний, фамилии членов законодательного собрания, полицейских, судей, политиков из Демократической партии, а затем наткнулась на папку, от которой по спине у нее пробежал холодок. Озаглавлена она была попросту: «Евреи». Внутри хранились служебные записки на обычных мужчин и женщин — почтовых работников, чиновников, владельцев малого бизнеса — и вся их личная информация, иногда даже с фотографиями.

Нашлись также папки с надписями: «Черные», «Латиносы», «Геи»…

Последняя оказалась без ярлыка. Когда Блок открыла ее, то увидела, что в ней содержится список местных церквей, а под ним — распечатки новостных статей. Все они были посвящены одному и тому же происшествию — неудачной попытке взорвать евангелический молельный зал, который посещали преимущественно афроамериканцы.

Блок с такой силой захлопнула шкафчик, что тот даже пошатнулся. Она тяжело дышала, сжав кулаки и широко раскрыв глаза.

Оставался один последний ящик. Папок в нем не было — только большой рулон плотной бума-

ги. Вытащив и развернув его, Блок обнаружила, что смотрит на архитектурные планы какого-то большого и очень старого дома с четырьмя колоннами перед входом. Помещения в нем были частично жилыми, а частично офисными. На планах имелись какие-то рисунки и примечания, написанные мелким почерком, с такими словами, как «Финли-авеню, путь отхода № 3», «узкое место № 2» и «зона ожидания».

Забив названия улиц в приложение «Карты» на своем телефоне, Блок получила вид на город Монтгомери, штат Алабама, с высоты птичьего полета. Место сбора участников марша находилось неподалеку от автомагистрали. Здание на схеме должно было находиться неподалеку, и после нескольких минут изучения местных достопримечательностей она нашла его.

Выбравшись из окна, Блок покинула здание тем же путем, каким вошла, не забыв опять накинуть цепь и защелкнуть дужку висячего замка. Села в машину и на большой скорости погнала обратно в суд, иногда проскакивая на красный и вдавив педаль газа в пол.

Ей нужно было вытащить Эдди из изолятора, а после не отходить от Энди и его матери. Люди, с которыми они имели дело, были хорошо

организованы, обладали связями и уже имели какой-то план.

По мнению Блок, планировали они какую-то массированную атаку. С какой целью, она не знала. Это могло быть убийство, или похищение, или и то, и другое сразу. Здание на планах представляло собой резиденцию властей штата.

Особняк губернатора.

Глава 52

Эдди

Когда судебный пристав привел меня обратно в зал суда, там уже почти никого не осталось. Только Гарри, Кейт и судья Чандлер. Корн со своим помощником Вингфилдом тоже уже ушли. С меня сняли наручники, и я во второй раз встал рядом с Кейт, с ней в качестве моего адвоката. Я не мог больше ждать — мне нужно было знать, каких мы добились успехов за день.

— Как все прошло с Прайс?

— Просто отлично, кольцо уже в игре, — сказал Гарри.

Кейт наклонилась ко мне и шепнула:

— Скоро я начну взимать с тебя плату, Эдди.

— Не переживай, это в последний раз.

Когда Кейт начала говорить, Чандлер многозначительно откашлялся. Он отмахнулся от ее слов, призывая к молчанию, а затем сказал:

— Неуважение, которое вы проявили к суду, требует взыскания. Так что либо штраф в размере тысячи долларов, либо десять суток административного ареста. Вам это по карману, Флинн?

— Наличными или картой, ваша честь? — отозвался я.

* * *

— По-моему, тебе там понравилось, — сказал Гарри, имея виду изолятор временного содержания.

— Я много о чем успел поразмыслить, — ответил я, натягивая пиджак, когда мы вышли на парковку. — Я до конца не уверен, но вроде у меня появилась рабочая теория касательно материальных улик обвинения. Где Энди и Патриция?

— Вернулась Блок и отвезла их обратно в отель. Она проследила за кем-то из суда, и ей нужно, чтобы ты позвонил ей прямо сейчас, чтобы она могла все тебе объяснить. Блок говорит, что мы по-крупному влипли, и хочет, чтобы ты срочно вызывал подкрепление, — сказала Кейт.

— С каких это пор нам есть кого вызывать? — отозвался я, когда Гарри вернул мне мой сотовый. Как только тот снова включился, я увидел текстовое сообщение от Блок:

«Позвони мне. Прямо сейчас».

Когда мы возвращались в отель, я поговорил с Блок по телефону. Она подробно рассказала мне о том, за кем следила и что обнаружила. Мы уже припарковались у отеля и я поднимался по лестнице в номер Энди, а она все еще продолжала излагать ситуацию.

— Угроза самая непосредственная. Надо привлекать ФБР, — сказала она.

— Мы уже за прямо за дверью — выходи в коридор, и поговорим.

Дверь открылась, Блок вышла, прикрыв ее за собой, и мы остались стоять в коридоре, таком душном и влажном, что по стенам стекал конденсат, как будто все это здание обливалось по́том. Говорили мы совсем тихо, под стать приглушенному свету тусклых настенных ламп, который едва достигал пола.

— Тебе нужно позвонить федералам, — сказала Блок.

— Я позвоню Александру Берлину. Если он захочет привлечь ФБР — отлично. Сражаться

на стольких фронтах сразу нам не по силенкам. Сейчас наш приоритет — Энди. Как только мы снимем его с крючка, у нас появится шанс прищучить Корна. Я приехал сюда не для того, чтобы биться с нацистами, — сказал я.

— Сторонниками превосходства белой расы, — педантично поправила Блок.

— Да без разницы. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, и уж точно не от рук этих сволочей, но если их непосредственная цель — губернатор, то это, по крайней мере частично, отведет удар от Энди. Все, что сейчас от нас требуется, — обеспечить безопасность его самого и его маменьки, пока все это не останется позади. А после этого ФБР, Национальная безопасность, АТО, «Дельта», да хоть сами эти чертовы «Мстители» [163] могут сровнять это здание с землей, мне по барабану. Нам совсем ни к чему вести так много сражений. Может, это они убили Коди — и, можешь не сомневаться, я хочу, чтобы они за это заплатили, — но

[163] notes: 163

АТО (*англ.* ATF или BATFE, Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ) — федеральное агентство Министерства юстиции США, тоже могущественная силовая структура; «Дельта» — подразделение специального назначения армии США, задачами которого являются борьба с терроризмом, восстаниями и выполнение секретных заданий; а вот «Мстители» (Avengers) — команда супергероев из одноименного фантастического фильма, основанного на комиксах «Марвел».

сейчас мы не можем взять их на себя. Фрэнсис Эдвардс потерял дочь и жену, и ему больно. Легко понять, почему он связался с этой публикой, и я уверен, что он на грани срыва. Денвир, тот тип, который на днях пикетировал здание суда, просто ищет предлог, чтобы кого-нибудь пристрелить. Этого другого мужика, Грубера, университетского профессора, я не знаю, хотя…

И тут меня вдруг осенило. Я почти услышал щелчок у себя в голове, когда четко увидел связь.

— Ты вроде говорила, что до недавних пор Грубер был деканом химического факультета…

— …Алабамского университета… — закончила Блок, и я увидел, как вдруг изменилось выражение ее лица: кожа на лбу натянулась, а глаза заблестели, как будто она только что увидела вдали путеводную звезду.

— Профилирующей специальностью у Скайлар Эдвардс была химия… — продолжала она.

— Наверняка он ее знал, — предположил Гарри.

— Но еще он знаком и с ее отцом, — вмешалась Кейт. — Не исключено, что Грубер знал Фрэнсиса Эдвардса уже много лет по этой расистской группе, задолго до того, как Скайлар поступила в колледж.

— Вряд ли, — возразил Гарри. — Энди не сказал ни одного плохого слова про отца Скайлар, и Фрэнсис иногда подвозил его до дома. Не думаю, чтобы кто-то из участников подобной группировки позволил бы своей дочери иметь такого друга, как Энди. Такого просто не бывает.

— Так что ты думаешь, что Фрэнсис присоединился к этой группе уже после убийства Скайлар? — спросил я.

Гарри кивнул и потер подбородок:

— Логично. Человек, который испытывает такую боль, неспособный смириться с потерей своего ребенка… Я бы сказал, что это как раз та озлобленная, потерянная душа, которую и станет затягивать в свои ряды подобная группировка. Они наверняка сами на него вышли.

— Тогда что же случилось с его женой? — спросила Кейт. — Вы сказали, что это было больше похоже на убийство. Думаете, это он ее убил?

— Сильно в этом сомневаюсь, — сказал я. — Я наблюдал за ним, когда он сидел на заднем сиденье патрульной машины. Фрэнсис был полностью поглощен своим горем. Безудержно плакал, его рыдания сотрясали всю машину. На мой взгляд, это не было похоже на какой-то спектакль. Он не убивал свою жену.

— Тогда кто же это сделал? Почему ее убили? И почему убили Скайлар? — спросила Кейт.

Мы с Гарри покачали головами. Скайлар могла быть убита и просто потому, что была красивой молодой женщиной, попавшей под воспаленный взгляд монстра. Такое случается, и при этом нет ни какого-либо видимого мотива, ни причины. В мужчинах и женщинах живет зло. Некоторые люди не согласны с этим. Существует множество причин, по которым один человек может убить другого, — месть, наркотики, алкоголь, психические заболевания, даже деньги. А иногда это что-то за рамками всего перечисленного. Иногда люди убивают, потому что это им просто нравится. И если это не зло, то я не знаю, как это еще назвать.

Блок уставилась на стену напротив. Мысли ее сейчас были где-то за тысячу миль отсюда. Она была близка к чему-то. То, чего всем им не хватало, что объясняло всю эту жуткую мешанину событий, было совсем близко. Эта путеводная звезда уже почти что проклюнулась на ночном небе.

— Я останусь на ногах и понаблюдаю за входом в отель, — объявила Блок.

— А я сменю тебя через пару часов, — отозвался

Гарри.

— Я хочу, чтобы сегодня все хорошенько выспались, — сказал я. — Сегодня у нас все худо-бедно срослось, но завтра все тузы будут на руках у Корна. Две самые убедительные улики в любом уголовном процессе — ДНК и признание обвиняемого. Для получения обвинительного вердикта Корну достаточно и одной из них. У меня есть идея, с какого бока зайти на результаты сравнения ДНК; над признанием я пока еще работаю. Не обольщайтесь, будто мы уже выиграли это дело. Ни на секунду. Завтра нас могут размазать по асфальту, и если это произойдет, то Энди конец. Блок, мне нужно, чтобы ты завтра рано утром выполнила одно мое поручение. Если все пройдет так, как я думаю, то у нас есть шанс.

Кейт собиралась еще немного поработать, а потом слегка вздремнуть. Я спустился вниз, постоял у входа в отель и посмотрел, как Блок устраивается в вестибюле. Мозг у нее по-прежнему работал на всю катушку. Я вдохнул горячий сладкий воздух и позвонил Берлину.

Голос у него был раздраженный.

— И когда ты собирался мне сообщить о гибели Эстер Эдвардс? — поинтересовался он.

— Я веду защиту в суде по делу об убийстве,

караемом смертной казнью. Я был занят. Как ты узнал про Эстер?

— Я работаю сразу на несколько секретных служб США, Эдди.

— А ты в курсе, что сегодня Блок обнаружила террористическую ячейку белых супрематистов?

Берлин немного помолчал, после чего произнес:

— Давай рассказывай все, от и до.

Глава 53

Корн

Было уже около полуночи, когда Рэндал Корн подъехал к продуктовому магазину на Дьюк-стрит, сразу вслед за патрульной машиной шерифского управления. Выбравшись из своего «Ягуара», он открыл багажник и достал туго набитую спортивную сумку из коричневой кожи. Проходя мимо патрульной машины, постучал в боковое стекло. Помощник шерифа Леонард повернул к нему голову и кивнул.

Корн подошел к двери рядом с продуктовым магазином. На панели домофона было три кнопки. Он нажал на кнопку второй квартиры и выждал.

Оглядел улицу — вокруг вроде никого. В паре сотен ярдов у тротуара стояло несколько машин, но тоже никакого движения. Потом опять нажал на кнопку. На сей раз из динамика послышался ответ:

— Да?

— Это управление шерифа, откройте, — сказал Корн.

Затрещал замок, и он толкнул дверь. Перед ним протянулся небольшой узкий коридор, ведущий к лестнице. Поднявшись по ней, Корн обнаружил еще один коридор и три двери. Две квартиры располагалась справа, прямо над продуктовым магазином, и еще одна — слева. Двинувшись налево, он постучал в дверь квартиры под номером два.

Сэнди Бойетт приоткрыла дверь — совсем чуть-чуть, не снимая цепочки — и посмотрела на Корна.

— Снаружи полиция. Выгляните в окно, а затем вернитесь и откройте эту дверь. У вас большие неприятности, мисс Бойетт, — сказал Корн.

Она не стала закрывать дверь, оставив ее все-таки слегка приоткрытой. Цепочка по-прежнему была на месте. Корн прислушался к шлепанью босых ног Сэнди по полу ее квартиры, клацанью

открываемых и закрываемых жалюзи. Потом услышал еще какой-то шорох и торопливые шаги. Как будто она поспешно наводила порядок. Сэнди вернулась, сняла цепочку, и дверь открылась.

— Что вам нужно? — спросила она.

Корн вошел внутрь и сказал:

— Я здесь для того, чтобы посмотреть, смогу ли я помочь тебе избежать тюрьмы, Сэнди.

На ней была пижама с Минни Маус, волосы растрепаны после сна. Единственная лампа в углу квартиры испускала совсем слабый свет. Эта комната была в квартире единственной — с кроватью в одном углу, кухонной раковиной и туристской газовой плиткой в другом. Одна дверь вела из этой студии в помещение, которое, как предположил Корн, было кладовкой, переоборудованной в крошечную ванную комнату с туалетом и душем. По сторонам от этой двери стояли низенький столик и два кресла: одно кожаное, прорванное снизу, а другое обитое зеленой тканью, подлокотники и подушка которой давно выцвели и вытерлись.

— Тебе лучше присесть, — сказал Корн, усаживаясь в кожаное кресло.

Сэнди встала перед ним, скрестив руки на груди.

— Что, черт возьми, все это значит? Я ничего такого не сделала.

Корн поставил кожаную спортивную сумку на стол, расстегнул молнию и приоткрыл ее, чтобы показать плотные пачки пятидесятидолларовых банкнот.

— Уже поздно, а утром тебе нужно быть в суде. Давай не будем придуриваться, Сэнди. Я знаю, что ты разговаривала с Эдди Флинном и он предложил купить твой голос в жюри присяжных по делу Дюбуа. Я не могу этого допустить. Я знаю все, кроме того, сколько он тебе платит. Полагаю, он не хочет вызывать подозрений, поэтому отправит тебе деньги через… шесть месяцев после оглашения вердикта?

Сэнди ничего не сказала, но Корн заметил, как на шее у нее вздулась жилка, а кожа вокруг нее покраснела.

— Что ж, разумно. Флинн вообще умен. Твои гарантии заключаются в том, что ты можешь разоблачить его, если он не заплатит, и, конечно, ему есть что терять. Полагаю, именно так он тебе это и подал?

— Это неправда, — ответила она, после чего явно собиралась сказать что-то еще, но передумала.

Склонив голову набок, Сэнди плотно сжала губы. Корн догадался, что она ждет, когда он выскажется до конца.

— Я не могу ждать так долго, чтобы разоблачить Флинна. Вот твой выход из положения — ты голосуешь за «Виновен» в конце процесса. И не мечтай, что тебе удастся скрыть свой выбор: я могу провести опрос присяжных после вынесения вердикта. Твое решение по нему будет документально зафиксировано. Как только я получу обвинительный приговор по делу Дюбуа, то потребую ареста Флинна. Ты официально засвидетельствуешь то, что он подкупил тебя этими деньгами, — сказал Корн, указывая на спортивную сумку. — Пятьдесят тысяч долларов. Более чем достаточно, чтобы купить твой голос. Ты будешь свидетелем, сотрудничающим с прокуратурой округа, и в обмен на это тебе не будут предъявлены уголовные обвинения. Ты выйдешь сухой из воды, Сэнди. А если ты откажешься, я прикажу арестовать тебя прямо сейчас. Ты отсидишь пятнадцать, а может, и все двадцать лет. Я не дам тебе много времени на принятие решения, потому что выбирать тут особо нечего. Мое предложение уйдет отсюда со мной всего через пять секунд. А потом сюда поднимутся копы и

арестуют тебя. Сделай правильный выбор.

Он начал считать про себя. Сэнди нервно вздохнула, провела рукой по волосам, затем закрыла ими лицо.

— Три, — вслух произнес Корн.

Она обхватила себя руками за плечи и кивнула.

— Вы собираетесь арестовать меня за то, чего я не совершала… Да, я разговаривала с Флинном. Я продала ему свою машину около недели назад. Он хотел знать, почему я не сказала судье, что встречалась с ним раньше. Вот и всё.

— Двадцать лет, Сэнди. Подумай об этом. Это твой последний шанс. Ты соглашаешься дать показания. Заявишь под протокол, что Флинн подкупил тебя, или твоя жизнь на этом закончена.

Сэнди наконец опустила голову, кивнула.

— Я не хочу попасть в тюрьму, я сделаю это.

Губы Корна раздвинулись в некоем подобии улыбки.

— Ну вот и умница. Только не подведи меня. Сейчас помощник шерифа Леонард поднимется сюда и сфотографирует эти деньги. Просто в качестве доказательства, что они у тебя есть. Можешь называть это страховкой. И даже не думай

сказать об этом Флинну. Если я не смогу упрятать за решетку его, мне придется довольствоваться тобой.

Глава 54

Пастор

— Все уже тут? — спросил Грубер.

— Все, кроме Фрэнсиса, — ответил Пастор.

— Эта жара просто убивает меня, — пожаловался профессор, вытирая лоб носовым платком, прежде чем осторожно перешагнуть через ствол упавшего дерева. Маленький фонарик, который он держал в другой руке, светил едва-едва. Пробираясь по лесу, Грубер пытался не отставать от Денвира, который шел впереди, прокладывая путь. Пастор двигался самым последним, вслед за Грубером.

— Почему мы всю дорогу встречаемся черт знает где? — продолжал ворчать Грубер.

— Потому что завтра седьмой день. До расплаты уже всего ничего. Все приготовления практически закончены, и я не хочу, чтобы нас видели вместе. Никто не появляется здесь в такое время суток. Ни охотники, ни рыбаки. Нам нужно все

окончательно обсудить. Убедиться, что мы готовы, — сказал Пастор.

Впереди показалась поляна, и, когда они вышли из-за деревьев, местность начала подниматься вверх, образуя нечто вроде крутого берегового откоса.

— Некогда Локсахатчи протекала прямо через эту часть леса, — сказал Пастор.

Грубер промолчал. История этой местности его ничуть не интересовала — то, чего Пастор никогда не понимал. Грубер был человеком науки. Ему нравились цифры, химические вещества, реакции, которые можно было предсказать, основываясь на объективных данных. Личный круг чтения привел его к тому, что он применил свой научный ум к некоторым из самых отвратительных социальных теорий. Был готов обсуждать эти темы часами. Евгеника [164]... Контроль за рождаемостью... И, естественно, в итоге и то, что Грубер именовал «радикальной расовой теорией», хотя, конечно, в этом не было ничего радикального. Только не для Пастора. Для него все это было предельно ясно и продолжалось на протяжении более двух тысяч лет. Белая раса,

[164] notes: 164

Евгеника — учение о селекции применительно к человеку, ставшее одной из теоретических основ нацистской идеологии.

несомненно, высшая и доминирующая раса на планете. Которая не должна разбавляться кровью других людей. Об этом говорится в Библии. По мнению Пастора, день, когда Соединенные Штаты отменили рабство, был ошибкой. Библия не объявляла рабство вне закона — не называла его грехом. Это был естественный ход вещей.

— Посмотрите-ка туда, — сказал Пастор, посветив фонариком на участок откоса.

В густой траве там виднелось небольшое скопление цветов, которые отчаянно пытались подняться выше окружающих их зеленых стеблей.

— Белые камелии, — сказал Пастор. — Видите, как эта сорная трава пытается их задушить? Мы не можем допустить, чтобы нечто подобное случилось и с нами, джентльмены. Мы должны быть сильными и стремиться к солнечному свету.

— Далеко ли еще? Я нигде не вижу остальных, — сказал Грубер.

— Они на другой стороне, — сказал Денвир, стоя на вершине откоса и светя фонариком в лощину внизу.

— Очень скоро мы все будем вместе, — заверил Пастор.

В «Белой камелии» их было семеро, включая Пастора.

Брайан Денвир, узколобый фанатик, который искренне верил в то, что в Розуэлле действительно побывали инопланетяне [165]; верил в масштабный правительственный заговор демократов, в результате которого «глубинное государство» управляло бандой педофилов из подсобки вашингтонской пиццерии [166], а также в то, что нацисты по крайней мере в чем-то были правы — они просто делали это не так, как надо. После Брайана появился Грубер, а затем еще трое. Ричард Барнс был богатым фермером, выращивавшим арахис, который просто обожал свои стволы и флаг Конфедерации и за всю свою жизнь не нанял ни одного афроамериканца. Следующими были два брата — один врач, а другой юрист. Братья Рид выросли в Мобиле и никогда

---

[165] notes: 165

Розуэлльский инцидент — «городская легенда» о крушении неопознанного летающего объекта близ г. Розуэлл в штате Нью-Мексико, США, в июле 1947 г., распространившаяся после обнаружения за городом каких-то непонятных обломков. Инцидент стал основой для теорий заговора, утверждающих, будто информация о крушении летающей тарелки скрывается правительством Соединенных Штатов. В 1994 г. ВВС США опубликовали отчет, в котором разбившийся объект был идентифицирован как аэростат для наблюдения за ядерными испытаниями. Благодаря инциденту название города часто ассоциируется с НЛО. Город извлек выгоду из этого события, став столицей всяких уфологических мероприятий. На официальной печати Розуэлла теперь изображен маленький зеленый человечек.

[166] notes: 166

Имеется в виду так называемый «Пиццагейт» — появившаяся в 2016 г.

теория заговора, согласно которой влиятельные сторонники Хиллари Клинтон, баллотировавшейся тогда на пост президента США, были связаны с тайной организацией педофилов, скрывающейся под вывеской пиццерии «Комет Пинг-Понг» в Вашингтоне.

ни в чем не нуждались. Упорный труд помог их отцу продвинуться по службе в полицейском управлении Мобила до довольно высокой руководящей должности, несмотря на его открытый и очевидный расизм. Братья были сделаны из того же теста. Богатые и влиятельные, они тайно финансировали это дело.

Пастор смотрел, как Грубер поднимается на вершину откоса и заглядывает за гребень.

— Господи, — опешил Грубер. — Что тут произошло?

Пастор тоже посмотрел вниз, на мертвые тела Ричарда Барнса, Коула Рида и Сета Рида. Все они были убиты выстрелами в грудь и голову.

Грубер был умен. В этом не было никаких сомнений. Он мог солгать, мог привести убедительные аргументы в защиту своих взглядов и даже знал, как собрать взрывное устройство, — но никогда не отличался чисто житейской сообразительностью.

Только когда Денвир вытащил свой «Дезерт

Игл» [167], до профессора дошло, что случилось с другими членами «Белой камелии», когда их полезность для организации была исчерпана. Он поднял руки, словно сдаваясь, и упал на колени, но, прежде чем успел попросить пощады, пистолет в руке у Денвира коротко дернулся, плюнув огнем.

Денвир столкнул тело Грубера с откоса, затем прицелился и произвел еще два выстрела. Все еще сжимая в руке раскаленный пистолет, он посмотрел на тела внизу и спросил:

— А когда я вам больше не буду нужен, вы тоже меня убьете, как и остальных?

Пастор покачал головой, отыскивая взглядом кирку, которую оставил на берегу.

— Тебе не о чем беспокоиться, Брайан. Они были не такими, как мы с тобой. Мы знаем, что нужно делать, и у нас хватит на это смелости. Грубер мог изготовить бомбу, но у него не хватило духу привести ее в действие. Ты никогда не

---

[167] notes: 167

Desert Eagle (*англ.* «Пустынный орел») — самозарядный пистолет крупного калибра (до 12,7 мм) израильского производства. При всех своих впечатляющих характеристиках не состоит на вооружении государственных структур ни одной страны и позиционируется как охотничье и спортивное оружие, а также средство самозащиты от диких зверей и преступных посягательств. Благодаря своим габаритам и устрашающему виду часто используется в фильмах, телевизионных постановках и компьютерных играх.

задумывался, почему те устройства в церквях так и не взорвались?

— Вы хотите сказать, что он специально их испортил?

— Именно это я и имею в виду. Грубер понимал необходимость кровопролития, поощрял его и содействовал ему, но не хотел пачкать руки.

— А как же тот чемодан, что он передал Фрэнсису?

— С этим всё в порядке. Я сам все проверил. Оно точно сработает. У него не было проблем с созданием чего-то, что будет использовать кто-то другой. По его мнению, это снимало с него ответственность. Как я уже сказал, мы единственные *настоящие* рыцари. Мы понимаем, что революция рождается в крови. Другие были слабы. Но в наших рядах не место слабости. А теперь возьми вон ту лопату и помоги мне, — сказал Пастор.

Денвир кивнул и убрал пистолет в кобуру. Пастор воткнул широкий плоский конец кирки в рыхлую землю на вершине насыпи, налег на рукоятку и насыпал кучку земли на тела, лежащие внизу. Денвир наклонился, чтобы подобрать лопату, но остановился, обошел вокруг и наклонился за ней опять, на сей раз держа Пастора в поле зрения.

— Я же говорил тебе, что можешь не волноваться, Брайан. Итак, у нас все готово к завтрашнему дню? — спросил Пастор, продолжая перекидывать землю через край гребня.

— Все готово, — сказал Брайан.

— И ты знаешь, что тебе нужно сделать?

— Целиком и полностью. И мои парни тоже полностью готовы. Копытом землю роют. Все, чего они ждут, — это моего сигнала.

— Как же долго я мечтал об этом… О расплате. Завтра мы устроим настоящий ад. И тогда наконец вернем себе нашу страну.

День седьмой
Глава 55

Блок

Блок въехала на «Шевроле» на стоянку торгового центра на окраине города в самом начале десятого. Набор предприятий тут оказался несколько необычным. Прачечная самообслуживания, закусочная — и пункт проката видео. Блок не могла вспомнить, когда в последний раз была в подобном заведении, однако не слишком удивилась, обнаружив его в Бакстауне. Это место явно застряло в 1980-х годах. А некоторые жители Бакстауна, наверное, считали, что сейчас вообще 1880-е.

Она выполняла поручение Эдди. У него типа как возникла интуитивная догадка. Вообще-то, даже теория. И Блок подумала, что в ней что-то есть. Теперь ее предстояло проверить.

Прямо напротив торгового центра стояло здание окружной администрации. Вместилище законодательной власти округа. Блок перешла через улицу, стараясь не поднимать головы, когда миновала камеры наблюдения на въезде на пар-

ковку окружной администрации. Она не хотела, чтобы номера ее машины попали в поле зрения этих камер. Да и вообще что-нибудь, способное насторожить Корна.

На парковке стояло несколько десятков автомобилей. Каждой бюрократической структуре требуются люди, раскручивающие колеса государственной машины. Вход в здание окружной администрации преграждали двойные двери из лакированной сосны. Одна их половинка была открыта, другая заперта. В вестибюле Блок обнаружила список внутренних помещений, напечатанный на приделанной к стене пластиковой панели. Маленькие таблички на ней указывали, как добраться до различных этажей и офисов. Нужный ей офис находился на втором этаже, в помещении «5.02». Следуя указателям, Блок вскоре добралась до него. Оно было небольшим, с тесноватой приемной на шесть сидячих мест и стойкой с прозрачной перегородкой и двумя справочными окошками. Никто не сидел тут в ожидании, поэтому она сразу подошла к первому окошку, за которым никого из персонала не оказалось, хотя сквозь оргстекло она разглядела какую-то даму, сидящую за письменным столом у окна. Блок кашлянула, надеясь привлечь ее

внимание, однако без толку. На приделанной к перегородке табличке предлагалось позвонить в звонок. Блок огляделась, но звонка нигде не увидела, пока наконец не заметила кнопку возле соседнего окошка. Нажала на нее и стала ждать.

Дама с высокой, туго уложенной прической и в кардигане ручной вязки поверх белой шелковой блузки поерзала за своим столом, а затем встала и не спеша подошла ближе. Плоть у нее на ногах валиками нависала над тесными туфлями на дюймовом каблуке, на шее болтались очки на золотой цепочке. Когда она подошла к прилавку, Блок уловила запах застарелого пота, перебиваемый резким ароматом духов.

— Чем я могу вам помочь? — поинтересовалась дама таким тоном, что Блок показалось, что меньше всего на свете этой женщине хотелось кому-то помогать. У нее был вид человека, который любит тыкать в кошек острыми палками и обвинять в этом соседских ребятишек.

— Да, я хотела бы взглянуть на свидетельство о смерти Колта Ломакса, будьте добры, — ответила Блок, вежливо улыбаясь.

Дама за прилавком напялила очки и окинула Блок оценивающим взглядом, затем сдвинула очки на кончик носа, как будто увиденное ей

очень не понравилось.

— А вы кто? — подозрительно спросила она.

— Клиент, — ответила Блок.

— Вы родственница покойного?

— Насколько я знаю, в этом округе необязательно быть родственником, чтобы ознакомиться с чьим-то свидетельством о смерти. Единственная информация, которая при этом требуется, — дата рождения и имя покойного.

Ярко-красные губы женщины сжались в маленький красный шарик, и она втянула щеки. Просунув в бойницу окошка какой-то бланк, сказала:

— С вас двенадцать девяносто пять за копию.

Положив на полочку под окошком тринадцать баков, Блок вместе с заполненным бланком просунула деньги внутрь. Глянув на бланк, женщина спросила:

— А это ваше настоящее имя?

— Насколько я знаю, вы не вправе требовать у меня удостоверение личности.

Дама еще немного пожевала губу и исчезла в глубине помещения, а через пару минут появилась опять, держа в руке сдачу и готовый документ. Просунула документ в окошко, положив сверху мелочь.

— Это все, мисс *Маус*?

— Нет, секундочку, — отозвалась Блок, быстро проглядывая свидетельство о смерти. В качестве причины смерти указывалось самопричиненное огнестрельное ранение. Самоубийство, как ни крути. Потом Блок заглянула в графу «Супруги», где обнаружила запись «Люси Энн Ломакс (скончалась)», но без указания даты рождения.

— Мне еще понадобится свидетельство о браке Колта и Люси Энн Ломакс. И, пожалуйста, зовите меня Минни, — сказала Блок.

Дама уже почти полностью высосала помаду с губ, когда наклонилась, взяла другой бланк и протянула его Блок.

— С вас еще двенадцать девяносто пять.

Блок заполнила бланк и вручила ей запрошенную сумму. Дама исчезла, через пять минут вернувшись с копией свидетельства о браке. Просмотрев его, Блок нашла дату рождения Люси Ломакс, после чего попросила бланк для запроса свидетельства о смерти Люси Энн Ломакс, заполнила его, сунула его вместе с деньгами в окошко, глядя, как женщина за стойкой закатывает глаза, втягивает щеки и идет за свидетельством.

Когда та вернулась, то спросила:

— Ну это-то наконец все?

Просмотрев свидетельство о смерти, Блок улыбнулась и ответила:

— Да, это все, что мне требовалось.

Глава 56

Корн

От завтрака в таверне «Голубая черепаха» по приглашению исполняющего обязанности шерифа Шипли было нелегко отмазаться, пусть даже Корн был по самые уши в судебном разбирательстве по делу об убийстве. Они договаривались встретиться в половине восьмого, но он появился почти в восемь. Таким образом, можно было по-быстрому выпить кофе, а затем отправиться в суд, имея в запасе час до возобновления судебного процесса.

Когда мэтр проводил его к столику, Корн понял, что трапеза не будет спокойной. Столик был круглым, и мест за ним практически уже не осталось. Рядом с Шипли сидел губернатор Пэтчетт. По соседству с ним — помощник шерифа Леонард, а затем Райан Хогг и помощник Корна Том Вингфилд. Корн занял место справа от Вингфилда, так что Шипли оказался слева от него. Все под-

креплялись яичницей с беконом и знаменитой кукурузной кашей «Голубая черепаха» в качестве гарнира. В центре стола стояла тарелка с печеньем, от которого уже оставалась всего пара штук. Мужчины пожелали Корну доброго утра.

Он медленно сел, не спеша вытянув правую ногу. Корн нуждался в боли в этот день, поэтому чуть сильней затянул кожаную манжету. Утром нога сильно кровоточила, и он наложил дополнительные бинты и марлю, чтобы остановить кровь. И все равно по дороге обнаружил на штанине своих темно-серых брюк сырое пятно. Практически никто этого не замечал, а у него уже не было времени заехать домой и переодеться.

Сидящие за столом, конечно же, тоже ничего не заметили. Все уже возобновили свои разговоры, за исключением Шипли и Пэтчетта.

— Рад вас видеть, губернатор, хотя я думал, что после встречи на химическом заводе вы сразу же направитесь обратно в Монтгомери, — сказал Корн.

— Так и было, но потом мне позвонил наш новый шериф, присутствующий здесь. Очень ответственный человек, — ответил Пэтчетт.

Шипли прочистил горло и повернулся к Корну:

— Мы получили сообщение о серьезной угрозе. Судя по всему, некая экстремистская группировка планирует полномасштабное нападение на особняк губернатора. Цель состоит в том, чтобы захватить губернатора в заложники и убить всех остальных в здании.

— Насколько надежна ваша информация? — спросил Корн.

— Сведения на сто процентов точные, — сказал Шипли.

— Он прав, — добавил Пэтчетт. — Через четыре часа после звонка Шипли моему советнику по безопасности позвонили из ФБР и сказали, что там узнали об этом по своим каналам. Все это более чем реально.

Корн на секунду задумался, как это исполняющий обязанности шерифа мог услышать о планируемом теракте против известного общественного деятеля раньше Федерального бюро расследований.

— Господи… И уже известно, кто за этим стоит?

Шипли собрался что-то сказать, но губернатор прервал его:

— Естественно, левые радикалы. Наверняка какая-то военизированная ячейка той же «Анти-

фа» [168]. Эта страна находится под угрозой, и вы это знаете. И мы должны быть готовы встретить этого врага лицом к лицу.

— Будьте уверены, губернатор, именно так мы и поступим, — заверил его Шипли.

Корн уже не в первый раз заметил, что радужки глаз у Шипли настолько темно-карие, что кажутся черными. Пламя от чайной свечки, стоящей на столе, угодило в ловушку этих глаз, словно их темнота потянулась, чтобы схватить это пламя — а потом утопить его в беспросветной черноте.

— Полагаю, что здесь я в такой же безопасности, как и в любом другом месте. Может, даже и в большей, с нашим новым шерифом, — сказал Пэтчетт. — Это мой родной округ. А потом, сейчас здесь проходит этот судебный процесс, а через несколько дней состоятся похороны нашего бывшего шерифа. Так что на данный момент мне есть смысл оставаться здесь.

— Что ж, я просто рад, что вы еще какое-то время сможете наслаждаться нашим гостеприимством.

---

[168] notes: 168

«Антифа» — не какая-то конкретная организация, как вроде следует из текста, а общее название для движений, организаций и отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу с фашизмом, хотя в последнее время это название все чаще ассоциируется с радикальными движениями, преследующими благородные цели откровенно экстремистскими методами.

Времена нынче опасные, — сказал Корн.

— Вы мне это говорите? — отозвался Пэтчетт. — Вы в курсе, что президент подозревает, что демократы попытаются украсть у него победу в следующем году?

Много лет назад отец Корна имел кое-какие дела с нынешним президентом. И считал его таким же болваном, как и всех остальных в Нью-Йорке.

— Президент много чего говорит. Но мне до него нет дела. Нам нужно беспокоиться насчет…

Но Корн не успел закончить фразу.

— Уже нет, — перебил его Шипли. — Мои люди проследят за тем, чтобы губернатор оставался в безопасности, используя все средства, имеющиеся в нашем распоряжении.

Эта фраза — «все средства, имеющиеся в нашем распоряжении» — показалась Корну немного зловещей. Подумалось, что это запланированное покушение на губернатора могло показаться Шипли просто манной небесной — как предлог для задействования более драконовских методов.

— Итак, как продвигается судебный процесс? — спросил Пэтчетт.

— Пока еще рано говорить, но я уверен, что присяжные на нашей стороне, — ответил Корн.

— Да не то, блин, слово! — встрял Вингфилд. —

Мистер Корн нынче в ударе. И сегодня мы задействуем всю тяжелую артиллерию. Присутствующий тут мистер Хогг тоже будет свидетельствовать. Вот почему он сегодня с нами. И у нас есть два свидетеля, которые скажут, что Дюбуа сознался, — его сокамерник Лоусон, а затем помощник шерифа Леонард подтвердит признание, которое Дюбуа подписал шерифу Ломаксу, упокой Господь его душу. Сегодня игра пойдет по другим правилам — с Дюбуа будет покончено.

В то время как Вингфилд считал, будто подыгрывает начальнику, Корн не мог не поморщиться от фразы, которую тот использовал, насчет других правил игры. Он знал, что Пэтчетт сразу за это ухватится.

— «По другим правилам»? Значит, до сих пор все шло не слишком хорошо? — спросил губернатор.

— Сложностей оказалось больше, чем я думал поначалу. Это нормально. Люблю трудные дела, — сказал Корн.

— Сегодня присяжные заслушают эти признания, и его песенка спета, — сказал Леонард.

— Согласен, — кивнул Шипли. — Присяжным сроду не понять, с чего это кто-то будет признаваться в преступлении, которого не совершал.

Это просто неизбежно, тем более что Дюбуа признался не один раз, а дважды.

Наливая себе кофе, Корн внимательно рассматривал Шипли — змеящиеся на мускулистых предплечьях вены, массивное золотое кольцо на пальце и коварный змеиный ум, светящийся в прищуренных глазах.

— Когда я буду давать показания? — спросил Хогг.

— Возможно, сегодня во второй половине дня, но не волнуйтесь. Ваше свидетельство будет кратким и непринужденным, — ответил ему Вингфилд.

— Я просто хочу поскорей со всем этим покончить. Мне следовало как следует подумать, прежде чем нанимать Дюбуа, — сказал Хогг.

— Многие люди совершают одну и ту же ошибку, — ответил Шипли. — Рано или поздно понимаешь, что все они одинаковы.

Леонард кивнул, но больше никто не произнес ни слова. Корн испытывал необычайное отвращение к человеческой жизни как к таковой. Он говорил себе, что на самом деле не имеет никакого значения, какого цвета кожа у его жертв. Все они кричали и умирали одинаково. Тем не менее расизм, лежащий в основе власти на Юге,

присутствовал в его жизни всегда. Он сталкивался с ним на протяжении всей своей карьеры. Однако впервые услышал, как об этом говорят вслух в такой вот публичной беседе. Это были не какие-то опасливые шепотки между двумя заговорщиками. Теперь это происходило в открытую. И молчание, последовавшее за этим заявлением, не было неловким. Хотя сейчас, в нынешние времена, это казалось вполне естественным.

— Просто прижмите этого сукина сына к стенке, хорошо, Рэндал? — сказал Пэтчетт, нарушая молчание.

— Будьте уверены: скоро мы пристегнем его ремнями к «Желтой мамаше», — заверил его Корн.

Ему потребовалось еще несколько минут, чтобы допить кофе, и он оставил Вингфилда, Хогга, Шипли, Леонарда и Пэтчетта заканчивать свой завтрак. Когда официантка принесла ему портфель, он подумал, насколько легко Пастор в наши дни скрывается у всех на виду. Никто бы в жизни не заподозрил, что один из мужчин за этим столиком — серийный убийца.

У Корна имелась запись с камеры наблюдения, которая предоставляла ему рычаг давления на Пастора. Сейчас такой человек мог быть чрез-

вычайно полезен. Хотя придет время, когда он станет скорее угрозой, чем ценностью, и когда это произойдет, Корн убьет его — точно так же, как убил Ломакса.

Глава 57

Эдди

Блок со свидетельствами о смерти встретила нас в здании суда. Мне не требовалось читать их, чтобы понять, что на этом суде нам впервые улыбнулась удача. Моя теория оказалась верной. Но это не означало, что впереди нас не ждали еще сотни миль трудного пути. Это не давало нам возможности нанести нокаутирующий удар — позволяло лишь как следует размахнуться. Вот и всё.

Ведь всегда можно и промазать.

Посмотрев на первый ряд мест для публики, Блок помахала Патриции.

— Ну как они, держатся? — спросила она.

— Чисто на нервах. Они не спали уже несколько дней.

Мы вместе подошли к столу защиты. Патриция, подавшись вперед, просунула руку сквозь стой-

ки барьера, отделяющего места для публики, и держала Энди за руку. По крайней мере, в отеле он немного отъелся, хотя костюмная рубашка по-прежнему выглядела так, словно могла вместить по меньшей мере троих Энди. Патриция опять надела свое лучшее платье — темно-синее, с мелкую белую и желтую крапинку, рассыпанную по ткани. Волосы у нее были собраны в пучок, а на руках было то, что она назвала «воскресными перчатками» — пара старых кожаных перчаток, которые подарила ей мама, чтобы ходить в церковь. Должно быть, этот подарок был получен еще в юности, поскольку теперь эти перчатки едва налезли ей на руки.

— Сегодня нам придется туго, — констатировал Энди.

Блок просто улыбнулась ему. Я впервые увидел, как она едва сдерживается, явно желая сказать что-то ободряющее, что-то обнадеживающее, хотя знала, что сегодня нам предстоит забраться на высоченную гору, и при помощи всего одной тоненькой веревки. Так что Блок прикусила губу и лишь похлопала Патрицию по плечу. Я заметил, что Кейт наблюдает за ней, явно получая удовольствие от увиденного. Она знала Блок получше любого из нас, и все мы знали, что Блок вступала

в физический контакт с кем-либо лишь тогда, когда требовалось сломать тому какую-то важную конечность. Рука Блок на плече у Патриции дорогого стоила — маленькое чудо в холодном здании суда, где чудеса случались крайне редко.

Видит бог — в данный момент мы в нем крайне нуждались.

Взглянув на места позади стола обвинения, Блок спросила:

— А что, Фрэнсис сегодня не в суде?

— Нет, — ответил Гарри. — Не видел его. Не хочешь прокатиться — может, где и заметишь его?

Блок кивнула и направилась к выходу — как раз в тот момент, когда в зал вошел судья. Затем появились присяжные. А потом мы с головой погрузились в то, что, как я знал, будет одним из самых тяжелых дней, которые я только проводил в зале суда.

— Обвинение вызывает Джона Лоусона, — объявил Корн.

Это были первые слова, произнесенные в суде в то утро. Корн держался немного прямее, словно стал чуть выше ростом. Плечи у него больше не были сгорблены, лицо нацелено на присяжных. Наверное, уже втянулся в ритм судебного процесса. Первый день любого слушания — всегда

самый напряженный, независимо от того, кто вы и сколько судебных процессов у вас за плечами. Требуется некоторое время, чтобы обрести почву под ногами, понять свое нынешнее место относительно присяжных, относительно улик — и найти свой путь среди них.

Корн такой путь явно нашел. Его помощник, Вингфилд, сгорбился за столом обвинения, словно солдат в окопе, готовый ринуться в атаку.

Из глубины зала вышел мужчина в тесном коричневом костюме. У него была тонкая острая бородка, которая змеилась вдоль линии подбородка, а усы раздваивались над верхней губой. Если б я не знал, что эта растительность настоящая, то мог бы поклясться, что кто-то нарисовал ее у него на лице перманентным маркером. Левую бровь его надвое рассекал шрам, словно некий модный атрибут. Костюм выглядел дорогим, но я мог сказать, что он не надевал его очень долгое время. Руки торчали из рукавов, ткань туго обтягивала грудь и бедра. Как будто костюм сел после стирки — или, что более вероятно, Лоусон вырос из него. А он уже очень давно не надевал этот костюм, потому что сидел за решеткой, а делать там особо нечего, кроме как тягать железо и читать. А еще прикидывать, как бы выбраться

оттуда к чертям собачьим.

Лоусон взял в левую руку Библию, поцеловал обложку, словно это была какая-то священная реликвия, а затем поднял ее над головой и повторил слова присяги. Судья разрешил ему сесть.

— Мистер Лоусон, каков ваш нынешний адрес? — спросил Корн.

— Я сейчас в тюряге штата, — ответил Лоусон. Изъяснялся он с каким-то со странным акцентом — вроде как южным, но без характерной тягучести. Вообще-то говорил даже слишком быстро, едва шевеля губами, отчего его ответ прозвучал как некое невнятное бормотание, нечто вроде «Яща-втряге-шта». Судебная стенографистка перестала колотить по клавишам, повернулась и прошептала что-то секретарю, который, в свою очередь, переговорил с судьей.

— Не будете ли вы так добры говорить слегка помедленней и разборчивей, мистер Лоусон? У стенографистки суда возникли небольшие проблемы с вашим выговором, — сказал судья Чандлер.

Стенографистка одними губами поблагодарила судью. Я посмотрел на нее, на ее быстро бегающие по клавишам пальцы, и это навело меня на одну мысль.

— Вы хотите сказать, что в настоящее время отбываете тюремный срок? — спросил Корн.

— Совершенно верно, — сказал Лоусон, на сей раз медленней, стараясь более четко произносить слова для стенографистки и прочих присутствующих.

— Вы уже отбыли весь свой срок в данном исправительном учреждении?

— Нет, на какое-то время меня перевели в окружную тюрьму. Я сидел там в одной камере с обвиняемым, вон с этим, — сказал он, указывая на Энди.

— Как долго вы находились в одной камере с обвиняемым?

— Наверное, где-то с пару недель, я не знаю.

— И близко познакомились с обвиняемым?

— Ну да, мы же были сокамерниками, понимаете? На соседних шконках парились. Места там не так-то много. Нас держали взаперти двадцать три часа семь минут в сутки. Надо ладить с парнем, с которым спишь. Иначе просто взбесишься.

— Будет ли справедливо сказать, что вы подружились с обвиняемым?

Лоусон вытер рот рукой, затем провел указательным и большим пальцами по линии своих усов, а потом вдоль бороды по бокам рта к под-

бородку.

— Ну не то чтобы подружились… Только не после того, как он сказал мне, что убил ту девушку.

— Не торопитесь, мистер Лоусон, расскажите присяжным в точности, что вам сказал обвиняемый.

Тот вздохнул, прикрыл глаза и выполнил эту просьбу:

— Мы были в камере поздно ночью, и я услышал, как он плачет. Он лежал на нижней койке — ну, в общем, я там был главным. И я слышал, как он плачет внизу: он никогда раньше еще не сидел. Я сказал ему, чтоб он вел себя потише, что лить слезы без толку. Что надо просто пройти через это. А он ответил, что по заслугам сидит здесь. Что не надо было убивать ту девушку.

Закончив свой ответ, Лоусон обвел взглядом зал суда. Сначала посмотрел на присяжных, затем на Корна.

— Вы спросили у него, какую девушку он имел в виду?

— Я понял так, что это была та девушка, которую убили на стоянке для дальнобойщиков.

— Вы что-нибудь сказали в ответ на это заявление обвиняемого?

— Просто сказал ему, что ему ничего другого не

остается, кроме как признаться. Выложить все копам. Он сказал, что не может, потому что они поджарят ему задницу.

Стенографистка шумно выдохнула, что-то раздраженно промычав. Он по-прежнему говорил для нее слишком быстро.

— Спасибо, мистер Лоусон. И последнее: кто-нибудь в моем офисе обещал вам что-нибудь в обмен на ваши сегодняшние показания в суде?

— Не, да вы чо… Я здесь только для того, чтобы рассказать все как есть, понимаете?

— Спасибо.

Судья Чандлер посмотрел на меня и приподнял брови, как будто интересуясь, осмелюсь ли я задавать какие-то вопросы такому свидетелю. Кейт что-то прошептала Гарри, после чего оба повернулись и начали тихо переговариваться с Энди. Он мотал головой, и я давно уже не видел его таким взвинченным. Трудно сидеть спокойно, когда кто-то стоит в зале суда и нагло лжет на твой счет.

Я встал и обошел стол защиты, заняв свое место в процессуальной зоне зала. Лоусон склонил голову набок и встретился со мной взглядом. Вид у него был самодовольный. Как будто крыть мне было нечем.

— Мистер Лоусон, сколько времени прошло с тех пор, как вы в последний раз надевали этот костюм? — спросил я.

Брови у него сошлись на переносице, уголки губ поджались, а голова втянулась в плечи. Вид у него был растерянный, как будто я только что попросил его назвать столицу Перу.

— Ну не знаю… Может, лет шесть назад?

— В последний раз вы наверняка надевали его на оглашение приговора. Я прав?

— Пожалуй, что да.

— Итак, вы отсидели шесть лет. За что вас приговорили?

— За распространение запрещенных веществ, — сказал Лоусон.

— Вы торговали ими?

— Угу, но я никогда никого не убивал, — сказал он.

— А я и не говорю, что убивали. Сколько еще вам осталось по приговору?

— Чуть меньше восьми лет.

— И вы отсидели шесть лет в исправительном заведении штата, а затем по какой-то причине вас на две недели перевели в окружную тюрьму, верно?

— В’рно, — ответил Лоусон. Он немного развол-

новался, и его ответы ускорились.

— Перевели прямо в камеру к Энди Дюбуа?

— Да.

— И вы пробыли там две недели?

— Где-то так.

— Вы только что засвидетельствовали, что обвиняемый признался в убийстве. Когда вы сообщили в правоохранительные органы об этом признании?

— Я сказал охраннику, что хочу поговорить с шерифом.

– *Когда* вы обратились к охраннику?

— Ну не знаю… может, на следующее утро?

— А когда поговорили с шерифом?

— В тот же день.

— И когда вас перевели обратно в тюрьму штата?

— Через пару дней.

— Почему?

— Ну не знаю… Я просто делаю то, что мне говорят.

— И вы не заключали никакой сделки в обмен на свои сегодняшние показания?

Лоусон подался вперед и произнес прямо в микрофон:

— Нет.

Громко и четко.

— И ни о чем в устной форме не договаривались с окружным прокурором — например, о досрочном освобождении в обмен на ваши показания?

— Нет.

— И не подписывали никакого соглашения, в котором говорилось бы, что вам будет сокращен срок отбытия наказания в обмен на ваше выступление в суде?

— Нет.

Старая история… Тюремный стукач скажет что угодно, лишь бы заключить сделку и выйти условно-досрочно, однако последнее, чего хочется прокурору, — это чтобы присяжные подумали, что стукач лжет. Обвинитель хочет, чтобы присяжные поверили в то, что показания свидетеля не были куплены или получены в обмен на какие-то блага — что это чистая правда и ничего кроме правды.

С этим есть только одна проблема.

Все это чушь собачья.

Честных тюремных стукачей нет и быть не может.

— Чтобы присяжным было понятней: вы хотите сказать, что не заключали никакой сделки, чтобы сократить свой тюремный срок в обмен на

сегодняшние показания?

— Нет, не заключал, — ответил он едва ли не торжествующе.

— А почему? — спросил я.

— А?

— Почему вы не заключили такую сделку?

Лоусон обвел глазами зал, обменявшись взглядом с Корном. Он явно не знал, что сказать.

— Просто не хотел, — выдавил он в конце концов.

— Но нет ведь ничего плохого в том, чтобы заключить подобную сделку… Такое случается сплошь и рядом. Заключенный вдруг становится обладателем информации, которая может помочь властям, выражает готовность сотрудничать, и окружной прокурор заключает с комиссией по условно-досрочному освобождению сделку. Комиссия по УДО всегда выражает желание, чтобы заключенные полностью реабилитировали себя перед обществом перед освобождением. Сотрудничество с властями в расследовании других преступлений является хорошим свидетельством того, что заключенный встал на путь исправления. Поэтому я еще раз спрашиваю: почему вы не пошли на такую сделку?

— Я же сказал вам, что не знаю! Я просто хо-

тел сказать правду, вот и всё. Убили ни в чем не повинную девушку, и я хотел помочь копам поймать этого гада, — сказал Лоусон. Теперь он говорил очень быстро. Стенографистка, скривившись, из последних сил молотила по клавишам своей машинки.

Я сделал маленький шажок к свидетелю. Он был выбит из колеи и забыл, что должен отвечать медленно и разборчиво. Нужно было надавить на него чуть посильнее.

— Я не прошу вас раскрывать что-либо деликатное или конфиденциальное, если вы этого не хотите, но мне было бы интересно узнать, что сказал ваш адвокат, когда вы сообщили ему, что не заключили подобную сделку?

Еще один шаг в сторону Лоусона. Я хотел, чтобы он почувствовал, что я надвигаюсь на него, готовый окончательно зацапать. Не оставляя ему никакого пространства для маневра.

— Я не говорил об этом со своим адвокатом, — сказал он.

Я уже собрался сделать еще шаг, но остановился. В замешательстве помотал головой.

— Подождите секундочку: я знаю, что для обвинения выгодней, чтобы никакой такой сделки не было. Доносчик не пользуется большим доверием

у присяжных, если он свидетельствует на суде только для того, чтобы избежать тюрьмы. Иногда прокурор не хочет, чтобы присяжные знали о сделке. Это повышает доверие к показаниям. Вы понимаете, что обычно так и происходит, верно?

Лоусон сглотнул и сказал:

— Понимаю.

— Видите, как вон та дама печатает на машинке, пока я говорю?

Челюсть у него дернулась, когда он посмотрел на нее, после чего произнес:

— Да.

— Это судебная стенографистка. Которая записывает каждое слово, произнесенное в этом зале. Если возникают какие-либо спорные вопросы касательно чего-то, сказанного в этом зале, то они решаются при помощи такой вот записи. Ваши показания тоже записываются. Вы это понимаете?

— Понимаю.

— Хорошо: а что произойдет, если через шесть месяцев вы предстанете перед комиссией по условно-досрочному освобождению и там вам скажут, что им ничего не известно о вашей сделке с окружным прокурором? Вы сейчас официально, под протокол и под присягой, заявляете судье и

присяжным, что никакой сделки не было. Ваш адвокат ничего не знает о такой сделке, и никаких подтверждающих документов тоже не имеется. А что, если мистер Корн скажет, что никакой сделки не было? Как думаете, комиссия по условно-досрочному освобождению поверит вам или мистеру Корну?

Под потолочными вентиляторами в зале было прохладно, но это не помешало крупным каплям пота, выступившим на лбу у Лоусона, скатиться ему в глаза, по щекам и бороде. Его сузившиеся глаза были теперь устремлены на Корна.

— Я адвокат защиты, мистер Лоусон, и хорошо понимаю, каково это — выступать против окружного прокурора, так что ради вашего же блага, и только вашего, собираюсь спросить у вас еще раз: предлагал ли вам окружной прокурор какую-либо сделку в обмен на ваши сегодняшние показания?

Двое присяжных подались вперед, ожидая ответа.

Лоусон облизал губы. Вытер пот с лица.

– *Для протокола*, мистер Лоусон, — пожалуйста, ответьте на вопрос, — сказал я.

— Он сказал, что замолвит словечко перед комиссией по условно-досрочному.

Присяжные, которые подались вперед — Эйвери и еще какой-то мужик, — моментально перевели взгляд на Корна. Я тоже. Корн улыбнулся и покачал головой.

— Значит, он все-таки заключил с вами сделку?

— Да, это так.

— Понятно… Значит, когда вы свидетельствовали о том, что никакой сделки не было, вы лгали?

— Нет, я просто оговорился.

— Просто чтобы внести ясность: вы солгали присяжным о сделке с окружным прокурором, но не лгали, когда сказали, что Энди Дюбуа признался в убийстве Скайлар Эдвардс?

— Типа как да.

— Когда вас арестовали по обвинению в торговле запрещенными веществами — из-за чего вы, собственно, и оказались в тюрьме, — вы признали себя виновным на предварительном слушании?

— Не признал.

— И вас осудили?

— Угу.

— Вы солгали присяжным на вашем собственном суде, и вы солгали присяжным сегодня — касательно того, что не заключали сделку с

прокурором, — но почему-то ожидаете, что присяжные поверят вашим утверждениям о том, что Энди Дюбуа признался в убийстве?

— Это чушь собачья, мужик! Я по-прежнему могу получить рекомендацию для комиссии по условно-досрочному освобождению, чтобы выйти пораньше? — вопросил он, оглядывая зал.

Я повернулся к присяжным, поднял руки и сказал:

— Больше я к этому свидетелю вопросов не имею.

Корн встал, готовый к повторному допросу, дабы устранить хотя бы часть ущерба.

— Мистер Лоусон, я просто хочу кое-что прояснить для присяжных, так что для протокола: мы ведь с вами не заключали никаких сделок о вашем досрочном освобождении в обмен на ваши показания, верно?

Лоусон, нацелившись пальцем в Корна и злобно скривив губы, подался вперед и собрался уже возразить прокурору, когда вмешался судья:

— Я не думаю, что этот свидетель заслуживает доверия. Если он намекает на то, что окружной прокурор решил ввести суд в заблуждение, склонив его к даче ложных показаний, то мы можем проигнорировать данного свидетеля.

Корн видел, как Чандлер бросил ему спасательный круг, и сразу же ухватился за него. Судья приказал Лоусону покинуть зал. Однако это не заставило его замолчать.

— У нас все-таки был уговор! — провозглашал он, когда двое тюремных охранников уводили его со свидетельской трибуны.

Судья спас Корна, но у меня сложилось впечатление, что это его не порадовало. Впервые Корн удостоился такого взгляда, который Чандлер ранее приберегал только для меня одного. Либо ему не понравилось, что Корн проявил подобную неряшливость, либо у Чандлера все-таки имелись какие-то моральные принципы, которые окружной прокурор ухитрился нарушить.

Это направление атаки Корна разваливалось на глазах. Он сел и уставился в свои записи на столе. Я заметил, что прокурор крепко сжимает свое правое бедро. На брюках, как раз в том месте, где сомкнулись его пальцы, расплывалось красноватое пятно.

Наконец он отпустил свою ногу и объявил:

— Обвинение вызывает мистера Бакстона!

Бакстон был тем дальнобойщиком, который обнаружил тело Скайлар. Свидетель был не из важных, и я даже сомневался, что Корн вообще

его вызовет.

Кейт наклонилась ко мне и прошептала:

— Корн вроде оправился от удара. И вызывает простого свидетеля. Бакстон не скажет ничего противоречивого. Корн хочет опять войти в ритм. Надо разделать этого Бакстона под орех.

— Нет, — сказал я. — Мы просто подкинем с помощью Бакстона кое-какие вопросики. А потом сами на них и ответим. Если Корну сейчас нелегко, то надо проследить за тем, чтобы так оно и оставалось. Подкинуть ему еще какой-нибудь повод для беспокойства.

Кейт кивнула и сказала:

— Бакстона я беру на себя.

Глава 58

Кейт

Кейт проследила за тем, как Тед Бакстон занимает свидетельскую трибуну. На нем были белая рубашка, синий галстук и бежевые брюки. Крупный мужчина лет сорока с небольшим, с каштановыми волосами, зачесанными на косой пробор, без единого седого волоска. Он был чисто выбрит, и когда проходил мимо, носа Кейт

коснулись ароматы мыла и крема для обуви. Для выступления в суде Бакстон надел свой лучший воскресный наряд.

Его привели к присяге, и Корн неловко поднялся на ноги, чтобы обратиться к свидетелю. При этом он держал перед собой толстый том законодательных актов, который заранее заготовил на столе, чтобы скрыть кровавое пятно от присяжных, когда встанет. Кейт тоже заметила это и лишь подивилась, когда и как он успел пораниться. Не похоже, что у него что-то было в руках, когда нога начала кровоточить, поэтому она предположила, что это какая-то старая травма, хотя, похоже, Корн сам спровоцировал кровотечение, как будто наказывая сам себя.

Таковы уж некоторые влиятельные мужчины. Выступая от имени различных женщин в судебных процессах о сексуальных домогательствах, Кейт слышала множество историй от жертв. В основном история была одна и та же: мужчина не знал, как разговаривать или вести себя должным образом. Вот, собственно, и всё. Остальное различалось не более чем в деталях. Хотя некоторые из этих деталей регулярно появлялись в разных историях. Влиятельные мужчины частенько предавались фантазиям, будто они ранены или

беспомощны. Кейт подумала, что прокурор мог сам намеренно причинять себе боль.

— Мистер Бакстон, кто вы по профессии?

— Я водитель-дальнобойщик.

— А где вы были в ночь на четырнадцатое мая этого года?

— Я решил устроить перерыв для отдыха на площадке для дальнобойщиков на Юнион-хайвей.

— Что это понятие в себя включает?

— Я немного вздремнул у себя в кабине. Когда выездишь всю положенную норму, по закону полагается отдохнуть. Я частенько сплю прямо в кабине, чтобы сэкономить на отеле.

Кейт нравился Бакстон. Нормальный мужик. Он выглядел как человек, который явился сюда просто для того, чтобы сказать правду, и ни для чего другого.

— В ту ночь что-нибудь произошло?

— Абсолютно ничего.

— Чем вы занимались на следующий день?

— С утра я уже доставил свой груз на химический завод. Я живу здесь, в городе, и моя улочка слишком узкая для тягача с фурой, поэтому я опять оставил его на той стоянке и пошел домой пешком. Провел день с детьми, а вечером жена подбросила меня обратно на площадку, чтобы я

мог заправить тягач и поехать за новой партией груза.

Поколебавшись, Бакстон сглотнул, прочистил горло — то ли от волнения, то ли от нахлынувших эмоций, а когда заговорил снова, голос у него дрожал, а глаза внезапно заблестели от влаги.

— Я уже забрался в кабину, когда увидел, как что-то копошится в высокой траве за стоянкой. Я пошел взглянуть, и это…

— Пожалуйста, продолжайте, мистер Бакстон.

— И тогда я увидел черепах. Они собрались в круг. Я не мог понять, что они там жевали. Поначалу. А потом пригляделся и увидел пару ног. Обращенную подошвами ко мне. В лунном свете они казались голубыми.

— И что вы сделали потом?

— Я позвонил шерифу, — сказал Бакстон. — Я слышал, что у Эдвардсов пропала дочка, так что не колебался.

— Спасибо, — сказал Корн и вернулся на свое место.

Присяжным Тед Бакстон явно понравился. Нападать на него было бы ошибкой. Кейт знала, что добьется большего, если Бакстон выступит в качестве свидетеля защиты.

— Мистер Бакстон, в котором часу вы заехали

на эту площадку для грузовиков? — спросила Кейт.

— Около половины одиннадцатого вечера. Где-то так.

— И потом так и оставались в кабине?

— Да, у меня там была коробка с едой. О… Разве что разок сходил в туалет на заправке. Как только заехал. И всё.

— Вы слышали музыку в баре Хогга из своей кабины?

— Ну конечно же, слышал. Поев, я решил прилечь. И эта музыка не давала мне уснуть какое-то время.

— Вы чутко спите?

— Не особенно.

— Но этой музыки хватило, чтобы не дать вам заснуть?

— Ну да.

Кейт коротко глянула на присяжных, а затем опять переключила внимание на свидетеля. Это были едва уловимые знаки на языке тела, в использовании которых она становилась все более искусной. Только что она по-своему сказала присяжным: «Это был важный момент. Запомните его. А теперь смотрите».

— Вы не слышали, чтобы какая-нибудь молодая

женщина кричала или звала на помощь в тот вечер?

Он покачал головой.

— Нет, ни в коем случае. Если б я чего-нибудь такое услышал, то сразу бы прибежал. У меня самого дочка примерно такого же возраста.

— И вы не видели жертву ранее в тот вечер — до того, как нашли ее?

— Нет.

— А обвиняемого — в любое время той ночи?

— Нет, такого не припомню.

— Мистер Бакстон, обвинение утверждает, что Скайлар Эдвардс вышла из бара Хогга около полуночи вместе с обвиняемым и что они ссорились. Их версия событий заключается в том, что подсудимый избил жертву, нанеся ей несколько ударов по лицу, что потерпевшей удалось поцарапать спину подсудимой ногтями на правой руке и что в ходе борьбы два пальца жертвы на левой руке были вывихнуты и сломаны. Затем она была задушена, и в какой-то момент — либо в ту ночь, либо на следующий день — ее закопали там, где вы ее нашли. Вы понимаете, что это не более чем версия обвинения?

— Догадываюсь, — сказал Бакстон.

— Но вы не слышали никаких криков или

каких-либо иных звуков, которые могли бы сопровождать борьбу, не так ли, мистер Бакстон?

— Нет, не слышал.

— Спасибо вам, мистер Бакстон. На этом всё.

Проводить повторный прямой допрос Корн не стал и позволил Бакстону покинуть трибуну. Проводив взглядом свидетеля, который прошел по проходу и скрылся за дверями в задней части зала, судья Чандлер объявил перерыв, и Кейт показалось, что она заметила что-то у него на лице, когда он тоже поднялся со своего места. Там присутствовали озабоченность и сомнение, причем явно нацеленные на прокурора. Кейт не хотела обнадеживать себя, но, похоже, Чандлер начинал склоняться к мысли о возможной невиновности Энди Дюбуа. Кейт пока что отогнала эту мысль, чтобы та не отвлекала ее, и освежила в памяти список свидетелей, которым еще только предстояло дать показания в пользу обвинения.

Эксперт по ДНК Шерил Банбери, которая сопоставит ДНК Энди с материалом из-под ногтей Скайлар Эдвардс… Помощник шерифа Леонард, который подтвердит признание и даст показания о царапинах на спине у Энди… Райан Хогг, владелец бара на площадке для дальнобойщиков, и наконец отец Скайлар — Фрэнсис Эдвардс, кото-

рый завладеет сердцами присяжных.

Не было никакой гарантии, что вызывать их будут именно в таком порядке, хотя Кейт предположила, что Корн оставит Фрэнсиса напоследок. В конце концов, сейчас его даже не было в зале суда.

— Кто у него следующий свидетель? — спросила Кейт.

Эдди покачал головой.

— Понятия не имею. Корн отчаянно цепляется за свою позицию. Он может отмочить все что угодно. В этом деле нас ждет еще далеко не один сюрприз.

Глава 59

Эдди

Мы были уже довольно близки к тому, чтобы спасти жизнь Энди, и я знал, что Корн наиболее опасен, если загнать его в угол. Как и вся подобная публика. Он кайфовал от власти, которую предоставляла ему его должность. Когда в твоих руках жизнь и смерть, без всяких сдерживающих факторов и противовесов, когда не перед кем отчитываться, легко превратиться в монстра. У

Корна были деньги, первоклассное образование, и он должен был представлять в международных судах какие-нибудь мелкие государства, сидя за мраморным столом в офисе площадью двадцать пять тысяч квадратных футов на Манхэттене. А вместо этого обитал в захолустном городишке в Алабаме и приносил домой каких-то жалких сто тысяч штук в год. И не считал себя неудачником. Он специально искал именно такую работу. Он уже был монстром, когда устраивался на эту должность. Все, что его интересовало, — это власть.

Во время короткого перерыва Корн сменил костюм. Теперь на нем был темно-синий, в тонкую полоску, видно, способный скрыть кровотечение из бедра. Либо это была рана, которая не заживала, либо та, которой он не позволял заживать. Некоторые люди не просто получают удовольствие от причинения страданий — он наслаждался болью как таковой, даже своей собственной. Хотя, если б я влепил ему с правой в челюсть, это вряд ли доставило бы ему такое уж большое удовольствие. По крайней мере, не такое, как мне.

В зале опять появились судья и присяжные, и Корн вбросил мяч в игру.

— Вызывается доктор Шерил Банбери, — провозгласил он.

Вперед вышла дама в лимонном пиджаке и черных брюках. На вид ей было около шестидесяти, а может, и чуть за шестьдесят. Ее изрядно поредевшие темно-каштановые волосы были собраны на затылке в конский хвост. Выражение лица было у нее каким-то натянутым, словно зажим у нее за затылке и вправду туго натягивал кожу на лице через всю поверхность черепа. Белесый оттенок зеленых глаз дамы и пигментные пятна на руках еще больше выдавали ее возраст.

Она принесла присягу, благосклонно посмотрела на Корна и без запинки оттарабанила ему все подробности своей квалификации как свидетеля-эксперта, когда он спросил ее. Это выглядело как нечто давным-давно отработанное. Они уже танцевали этот танец раньше, множество раз. Подобная фамильярность заставила меня задуматься, скольких людей эта добрая докторша помогла Корну посадить на стул.

От этой мысли меня бросило в дрожь.

Пот у меня на спине понемногу высыхал, и я даже слегка подмерз. Я был рад этому. Мне нужно было быть предельно внимательным с этой свидетельницей. Она явно видала виды. Док Банбери

была реально грозным противником.

— Вам были представлены два объекта для изучения и сравнения, это верно? — спросил Корн.

— Да, как я это подробно описала в своем отчете. Срезы с ногтей и мазок с образцом ДНК.

— Я знаю, что в вашем отчете много чисто научных подробностей, но не могли бы вы объяснить присяжным простыми и понятными непрофессионалу словами, каковы были результаты ваших исследований?

— Конечно. Сначала я изучила вещества, находящиеся на внутренней стороне ногтей, и взяла их образцы. Некоторые из них представляли собой частицы крови и кожи. Мельчайшие частицы. Исследовав эти частицы, я смогла выделить структуру ДНК.

— А что такое структура ДНК?

— Это как бы генетический код человека. Все люди разные, и у каждого свой собственный код.

— Что вы сделали с мазком, взятым у обвиняемого?

— Я извлекла из него ДНК и идентифицировала ее маркеры — те части структуры ДНК, которые помогают нам установить код. А затем сравнила ДНК-маркеры из крови и кожи, найденных под ногтями, с образцом, взятым у обвиняемого.

Док Банбери не договорила, сделав паузу, чтоб глотнуть воды из стакана. Это заставило присяжных с еще бóльшим нетерпением ожидать ответа. Да, она знала свое дело.

— Проведенное мною научное сравнение показало практически полное совпадение предоставленных образцов ДНК.

— Значит, совпадение…

— Практически полное совпадение, да.

— Чтобы присяжным было ясно: кровь и кожа, обнаруженные под ногтями жертвы, принадлежат обвиняемому?

— Насколько нам может сказать наука, да.

— И какова точность данного совпадения?

— Мы уверены более чем на девяносто девять процентов.

— Спасибо, — сказал Корн, усаживаясь на свое место с выражением некоторого удовлетворения на своем угловатом лице. Я знал, почему вид у него куда более довольный. Присяжные ловили каждое слово Банбери. Показания ее прозвучали весьма убедительно. Сама наука говорила им, что жертва и Энди вступили в борьбу и что та оцарапала ему спину, оставив у себя под ногтями его ДНК.

Крыть нечем.

Я почувствовал, как чья-то рука легла мне на плечо. Гарри, притянув меня к себе, перешел на шепот:

— С этой теткой шутки плохи, так что убедись, что прижал ее к земле, прежде чем спустить курок. Если она сумеет вывернуться, Энди покойник.

Он был прав. Все сводилось к этому моменту. Если мы не развернем эту свидетельницу в свою сторону, все будет кончено. Прежде чем приступить к встречному допросу, я бросил последний взгляд на Энди и его маму. Ее рука просунулась через перила, отделяющие места для публики от стола защиты. Энди повернул свой стул так, чтобы судья этого не видел, и взял ее за руку.

Патриция знала своего сына. И какими бы доказательствами Корн, по собственным словам, ни располагал, она знала, что ее мальчик не убийца. Хотя все это не будет иметь особого значения, если мы не сумеем его спасти.

У меня уже было время поразмыслить об этом, и, по-моему, все-таки оставалось узенькое окошко для атаки. Ключом тут был сам Энди. Он сказал мне, что копы избили его до потери сознания. И я поверил ему. Улики, обнаруженные нами за последние несколько дней, уже складывались

у меня в голове в единую картину. Отдельные фрагменты постепенно срастались друг с другом.

Теперь пришло время собрать их все воедино.

Собравшись с духом, я забил первый гвоздь:

— Доктор Банбери, я прав в своем утверждении, что департамент шерифа предоставил вам сразу два объекта для изучения?

— Да. Два объекта, зарегистрированных в качестве вещественных доказательств. Обрезки ногтей и мазок с образцом ДНК обвиняемого.

— Каким образом вам были предоставлены эти вещественные доказательства?

— Шериф, упокой Господи его душу, лично привез их в окружную лабораторию, где я подписала сохранную расписку о передаче их под мою ответственность.

— Как долго вы работаете экспертом по ДНК в округе?

— Уже пятнадцать лет.

— На протяжении столь длительного периода времени у вас сложились хорошие рабочие отношения с правоохранительными органами?

— Можно сказать и так, да.

— Какой объект вы изучили в первую очередь?

— Обрезки ногтей жертвы.

— Вы исследовали материал, оставшийся под

ногтями, верно?

— Верно. Меня поставили в известность, что у обвиняемого на спине имелись царапины, которые могли быть следами ногтей, и моей задачей было проверить, нет ли следов его кожи, крови или ДНК в материале под ногтями жертвы.

— Понятно. На этих ногтях был обнаружен какой-либо иной материал, помимо генетического?

— Да, кое-какие химические соединения. Мне стало известно, что жертва изучала химию на последнем курсе Алабамского университета. Поэтому я предполагаю, что она могла контактировать с самыми разными веществами.

— Не могли бы вы зачитать список материалов, которые обнаружили на обрезках ногтей и которые не относились к генетическим?

Банбери посмотрела на судью.

— Могу я свериться со своим отчетом?

— Можете. Это свидетельские показания, а не проверка памяти, — ответил судья Чандлер.

Из кармана своего желтого пиджака Банбери достала очки для чтения в тонкой металлической оправе, водрузила их на нос и обратилась к своему отчету, который держала в пластиковой папке. Пролистнула пару страниц, а затем нашла

нужный абзац и принялась зачитывать:

— «Изучив обрезки ногтей, представленные мне в запечатанном пакете для улик с маркировкой СЛ-12, я обнаружила следующее: кровь, частицы кожи, общий мусор, следовые количества порошка. В составе этого порошка были обнаружены частицы антихолинергического средства (четыре части), сертралина (одна часть), сульфата морфина (четыре части), фенотиазина (скорее всего, прохлорперазина, одна часть)».

— Сертралин — это ведь лекарство, не так ли, доктор? Противотревожное средство, обычно называемое золофт?

— Да, это так.

— Вот эти три остальных соединения, которые вы обнаружили, — давайте рассмотрим каждое из них. Упомянутое антихолинергическое средство — это тоже лекарство, насколько я понимаю? Оно используется в качестве действующего вещества в бенадриле [169] — миорелаксанте, помогающем при спазмах желудка?

— Да.

---

[169] notes: 169

Вообще-то бенадрил, больше известный у нас как димедрол (действующее вещество — дифенгидрамин) — в первую очередь антигистаминный (противоаллергический) препарат, но обладает и свойством расслаблять гладкую мускулатуру, а также снотворным действием.

— Сульфат морфина можно принимать в виде таблеток, чтобы облегчить боль?

— Да.

— И последнее вещество, прохлорперазин, является в том числе и противорвотным средством. Оно может помочь справиться с тошнотой?

— Наверное, я не фармацевт.

— Жертва тоже не была фармацевтом. Она изучала химию, а не фармакологию. Вы не находите, что это довольной необычный набор веществ, чтобы найтись у кого-нибудь под ногтями?

— По моему опыту, под ногтями можно найти много чего необычного, — парировала Банбери.

Надо быть пожестче. Набить еще гвоздей.

— Тогда позвольте мне перефразировать: вы когда-нибудь находили подобную комбинацию веществ под другими обрезками ногтей, которые вам доводилось исследовать?

Док Банбери кивнула, едва заметно. Она понимала, что мы сейчас ведем словесную перестрелку и что это для меня какой-то ключевой момент. Хотя понятия не имела, к чему я клоню. Никто этого не понимал. Кроме Кейт, Гарри и Блок.

— Нет, — сказала Банбери, — не думаю, что когда-либо находила такое сочетание веществ в срезах ногтей. Хотя, с другой стороны, все подоб-

ные образцы в той или иной мере отличаются друг от друга.

Доктор думала, будто успешно парировала очередной удар. Я и хотел, чтобы она так думала.

— И вещества, обнаруженные под такими вот обрезками ногтей, могут дать нам важные улики, верно?

Теперь уже она была более осторожна, но ей ничего другого не оставалось, кроме как ответить утвердительно.

— Да, они могут рассказать свою историю. Например, кто именно оставил царапину у кого-то на спине.

Банбери отстреливалась любым доступным ей способом. Мне приходилось пока что не обращать на это внимания. Я держал в голове более широкую картину, но мысленно отложил в голове ее ответ. Который собирался скомкать и швырнуть ей обратно в физиономию.

— Просто для ясности: вы анализировали вещества, обнаруженные на ногтях, а не сами ногти?

— Верно, не было нужды исследовать ДНК собственно ногтей. Их происхождение было очевидным и уже установлено на основании свидетельства предоставившего их шерифа. К тому же извлечение ДНК из человеческого ногтя

— гораздо более сложный процесс.

Настал момент напрячь палец на спусковом крючке.

— Обвиняемый по этому делу, который отрицает какую-либо ссору с жертвой, не помнит, чтобы его царапали. Он не знает, откуда эти царапины взялись у него на спине.

— Ну а что еще вы от него ждали? На мой взгляд, все тут ясно.

— Доктор, я хотел бы показать вам фото жертвы. Это фотография обвинения номер два.

Секретарь суда нагнулась под свой стол и вытащила оттуда увеличенную фотографию жертвы, лежащую на земле за баром Хогга.

— Для начала я хотел бы поблагодарить обвинение за то, что они увеличили этот снимок. Он полезен и для стороны защиты. Доктор Банбери, взгляните, пожалуйста, на ногти жертвы.

Банбери сняла очки для чтения, повернулась и уставилась на фотографию.

— На ногтях у жертвы ярко-красный лак. Доктор, при изучении обрезков ногтей жертвы вы не упомянули лак для ногтей в числе тех обнаруженных компонентов, которые не относились к генетическому материалу.

Банбери сглотнула, после чего выдавила:

— Да.

— Где сейчас эти обрезки ногтей?

— В моей лаборатории.

— Доктор, подумайте хорошенько, прежде чем отвечать, но все-таки, насколько я понимаю, на обрезках ногтей, которые вы исследовали, не имелось следов лака для ногтей, так ведь?

Банбери заколебалась, глядя на фотографию. Присмотрелась к ней, прищурившись и сосредоточив внимание на ногтях.

— Лак мог облупиться, когда срезали образцы, — наконец произнесла она.

— Подождите секундочку, давайте вернемся к сути моего вопроса. Так вы подтверждаете, что на обрезках ногтей, которые вы исследовали, не было лака?

— Совершенно верно — хотя, как я уже сказала, он мог осыпаться.

— Полагаю, что такое не исключается, но не полностью же? Не оставив и следа?

— Такое возможно, — упорно сказала она.

Наклонившись к столу защиты, я взял три копии некоего документа, одну из которых передал обвинению, а другую — судье.

— Ваша честь, в свете ответа, предоставленного данным свидетелем, мы хотели бы приобщить

этот документ к делу в качестве доказательства, — сказал я.

— Документ не существенен для рассматриваемого дела, — тут же встрял Корн.

— Ваша честь, существенность будет продемонстрирована данным свидетелем.

Судья Чандлер просмотрел документ, не спеша вчитываясь в каждое слово.

— Я тоже не вижу, чем этот документ может быть существенен для данного слушания, и, может статься, присяжные тоже этого не увидят, но я разрешаю задать вопрос свидетелю в этой связи. Это дело об убийстве, караемом смертной казнью, — сказал он, явно пытаясь свести значимость этого документа к минимуму, дать присяжным понять, что он не так уж и важен, — судя по всему, в надежде, что они не обратят на него особого внимания.

Я вручил копию документа свидетельнице и попросил ее прочесть его. Она прочла. Сначала Банбери была озадачена тем, зачем я вообще показываю ей эту бумагу, но затем, когда она дошла до конца страницы, выражение ее лица изменилось. Глаза широко раскрылись, губы приоткрылись, и она сразу же посмотрела на Корна. Тот ничего не мог с этим поделать.

— Доктор, когда вы совсем недавно упомянули шерифа Ломакса, то добавили замечание: «Упокой, Господи, его душу». Я так понимаю, вы были добрыми друзьями с покойным шерифом?

— Мы познакомились и узнали друг друга благодаря занимаемым нами должностям. Полагаю, что со временем у нас установились хорошие товарищеские отношения.

Я пытался выманить у нее нужный ответ, стараясь, чтобы это не выглядело слишком уж очевидно. Но Банбери не велась, так что пришлось спросить об этом прямо:

— Из вашего опыта — он был честным человеком?

— Да, он был хорошим человеком.

Бинго!

— Его жена тоже так думала, — сказал я, протягивая руку. Кейт вложила в нее три экземпляра одной и той же фотографии. Я вручил их судье, Корну и свидетельнице. — Я хочу, чтобы эта фотокопия была приобщена к делу в качестве вещественного доказательства.

— Ваша честь, мистер Флинн серьезно просит суд приобщить эту фотографию к уликам? — спросил Корн.

Судья Чандлер посмотрел на фотографию, а

потом словно взвесил ее на ладони. Посмотрел в потолок, затем на Корна, затем опять на фото. Судья занимал свой пост уже много лет. Дольше, чем Корн. Дольше, чем шериф. Я мог ошибаться, но заметил, что в судье что-то неуловимо изменилось. Он был знаком с Ломаксом очень долгое время. Они знали друг друга задолго до появления тут Корна, и это фото явно что-то всколыхнуло в судье.

— Эта подлинная фотография? — спросил он.

— Да, ваша честь. Если есть какие-либо сомнения, то я уверен, что оригинал до сих пор находится в распоряжении управления шерифа. Его всегда можно предъявить, если вдруг возникнут какие-либо сомнения в подлинности данной копии, — сказал я.

— Документ приобщен к уликам, — объявил судья.

— Ваша честь, это просто возмутительная… — начал было Корн, но закончить не успел.

— Нет, мистер Корн. Разговор закончен! Я вынес свое решение, и вам следует отнестись к нему с должным уважением! — выпалил Чандлер прямо в недоверчивое лицо прокурора.

Я повернулся, чтобы посмотреть на Кейт и Гарри. Вид у них был такой, словно судья только

что вытащил из своей мантии живого кролика. В зале что-то изменилось. Прямо в воздухе. Такой тяжелый линкор, как Чандлер, не разворачивается в одночасье на пятачке, как он только что сделал. Я предположил, что судья увидел на этом фото что-то такое, что затронуло его личные чувства. В голове у судьи прозвенел звоночек, о существовании которого я даже не подозревал.

Я указал свидетельнице на фотографию.

— Это копия письма, написанного Люси Ломакс, покойной женой шерифа Колта Ломакса. Вероятно, это было последним, что он прочел в своей жизни. Вскоре после этого его нашли мертвым и власти полагают, что он покончил с собой. Я дам вам минутку, чтобы прочесть это письмо, из которого ясно, что жена считала его хорошим человеком, которого намеренно сбили с праведного пути.

Банбери прочитала письмо.

— Ну что ж, лично у меня все равно сложилось хорошее мнение о шерифе, — сказала она.

— Вы в курсе, что жена шерифа, Люси Ломакс, долгое время страдала от рака, прежде чем умереть, всего несколько дней назад?

— Да, в курсе.

— Документ, который вы уже держите в ру-

ках, — это свидетельство о смерти Люси Ломакс. Внизу этого документа, в соответствии с принятой в данном округе практикой, приведен список ее заболеваний, известных на дату смерти, а также перечень назначенных ей лекарств. Видите его?

— Вижу.

— На момент смерти, буквально на этой неделе, Люси Ломакс были прописаны бенадрил, золофт, сульфат морфина и прохлорперазин. Именно такое сочетание веществ было обнаружено под обрезками ногтей, которые вы исследовали, верно?

Банбери кивнула.

— Для протокола: нам нужно услышать «да» или «нет» в качестве ответа.

— Да, верно.

— Вы также видите в письме, которое она оставила своему мужу, что она благодарит его за заботу о ней. Цитирую: «Мне очень нравится, как ты заботился обо мне во время этой болезни. Как ты растирал мне ноги, купал меня, мыл мне волосы, даже крошил мои таблетки в ложке и разводил их йогуртом, когда я не могла их проглотить». Обрезки ногтей, которые вы исследовали, принадлежали не жертве, так ведь, доктор? Вы

исследовали обрезки ногтей шерифа Ломакса. Он ободрал ногтями спину обвиняемого после того, как тот был избит до потери сознания в тюремной камере. Это логичный вывод, не так ли?

Густо покраснев, она ответила:

— Я могу свидетельствовать только о проведенных мною тестах. Не я сама получала эти образцы.

— Совсем недавно вы сказали, что вещества под ногтями способны рассказать свою историю — например, о том, кто именно расцарапал кому-то спину. В данном случае ясно, кто нанес это царапины, и это была не жертва, так ведь?

Док Банбери уставилась в пол, а затем откинула назад голову, стряхивая с плеч попавшие на них волосы, как будто пытаясь сбросить с себя это свое заключение, к которому больше не хотела иметь ни малейшего касательства.

— Я добросовестно изучила предоставленные мне образцы и пришла к изложенным мною выводам, основываясь на информации, предоставленной мне шерифом.

— Шерифу Ломаксу уже поздно что-либо менять… В отличие от вас, доктор Банбери. Спрошу у вас еще раз: готовы ли вы и дальше утверждать, что проанализированные вами обрезки ногтей

принадлежали жертве? Или они могли принадлежать самому шерифу?

Банбери покосилась на судью Чандлера. Тот пристально смотрел на нее поверх очков, подперев подбородок кулаком.

— В свете того, что я сегодня услышала, вполне возможно, что они поступили от самого шерифа, а не от жертвы, — произнесла Банбери.

Шум в зале суда очень важен. В зале никогда не бывает тихо, хотя вроде должно быть. Люди перешептываются, кашляют, бормочут, восклицают… Практически, блин, постоянно. В тот момент единственный шум в зале исходил от присяжных. Некоторые из них переглядывались со своими сотоварищами за барьером. Другие разинули рты, кто-то негромко выругался. Это была именно та реакция, которую я и ожидал. Как минимум половина из двух тонн придавившего меня груза свалилась с моих плеч. Впервые с тех пор, как Берлин заявился в мой офис и поведал мне историю Энди Дюбуа, я почувствовал, как мои легкие наполняются воздухом.

Ломакс погиб, потому что отправился на поиски искупления. Я был в этом совершенно уверен. Судья тоже это видел. Он, вероятно, вспомнил того молодого шерифа, о котором говорилось в

письме Люси, адресованном ее мужу. Молодого человека, который хотел творить добро, у которого был талисман на удачу, который хотел что-то изменить к лучшему. Возможно, судья Чандлер в чем-то узнал и самого себя в этом письме.

Женщины способны вскрыть любой обман и неискренность с такой же легкостью, с которой горячий стальной нож взрезает вишневый торт.

Я сказал судье, что больше не имею вопросов к данной свидетельнице. Я не хотел все испортить. Я получил гораздо больше, чем рассчитывал, и дальше все могло лишь покатиться под откос.

У меня была уже мысль попросить судью объявить присяжным, что дело закрыто — по причине неправомерных действий полиции и прокуратуры. Но я знал, что этого недостаточно. Этот момент не был доказан. Я решил, что приберегу это для заключительного выступления перед присяжными.

— Ваша честь, мы хотели бы попросить о перерыве в слушаниях, чтобы подготовить наших последних свидетелей к завтрашнему заседанию, — сказал Корн.

На сегодня слушание было отложено. От взгляда, который бросил на меня прокурор, собирая свои бумаги, по спине у меня пробежал холодок.

Ему нанесли серию крепких ударов в живот, и он все равно был готов дать отпор. Его взгляд переместился на Энди, и в этот момент на губах у него заиграла улыбка.

Что-то надвигалось.

Что-то плохое.

У Корна имелся какой-то козырь. Какой-то страховой полис, и он был готов пустить его в ход.

Глава 60

Блок

Сидя в «Шевроле» с выключенным кондиционером и приоткрытым на дюйм боковым стеклом, Блок наблюдала за тем, не остановится ли какая-нибудь из проезжающих мимо машин возле того дома, на второй этаж которого она тайком проникла накануне.

Пару часов поколесив по городу и его окрестностям, Фрэнсиса Эдвардса она нигде не заметила. На подъездной дорожке принадлежащего ему дома его машины не было, и в тот день она ее вообще не видела. Безуспешно погонявшись за собственным хвостом, Блок решила подождать возле бывшего офиса, в котором «Белая камелия»

проводила свои встречи.

Она проторчала там целых сорок пять минут, обливаясь потом на солнце и наблюдая за улицей. Ни один из автомобилей, которые она видела вчера, не был припаркован поблизости — ни пикапа с флагом Конфедерации, ни вообще каких-то машин на улице перед домом не было.

Город притих под полуденным солнцем. Едва не умиротворенно.

И все же что-то таилось в пропитанном влагой воздухе. Что-то зловещее, от чего Блок никак не могла избавиться. У таких маленьких американских городков, как этот, имелась и обратная сторона. Темная сторона, пропитанная кровавой историей и ненавистью.

Скрутив крышечку с бутылки холодной воды, купленной на заправке, Блок выпила сразу половину. А когда ставила ее обратно в подстаканник, что-то заметила боковым зрением. Что-то, что могла пропустить пять секунд назад.

Дверь в офис открылась, и на улицу вышел мужчина, закрыв ее за собой. В панаме, светло-сером костюме, с довольно большой сумкой, свисающей с плеча на ремне. Из-за шляпы лицо его оставалось в тени. Это был не Денвир, и не Фрэнсис Эдвардс, и не Грубер. Блок никогда еще

не видела этого человека.

На улице он оставался недолго. К тротуару подкатил громоздкий черный автомобиль с полным приводом, и мужчина забрался на переднее пассажирское сиденье. Блок повернула ключ в замке зажигания и пристроилась за черной машиной, соблюдая дистанцию. Из-за тонированных стекол было трудно что-либо разглядеть внутри, но ей показалось, что там только водитель и человек в панаме, а на заднем сиденье никого нет.

Проехав через весь город, вскоре они оказались в более густонаселенных пригородных районах — в основном с белым населением. За прошедшие дни Блок успела объездить чуть ли не весь Бакстаун, и шрамы, оставленные законами Джима Кроу [170], были по-прежнему хорошо видны. Афроамериканцы, латиноамериканцы и несколько азиатских семей, попавшиеся ей на глаза, жили на другом конце города, в бедных кварталах. В больших, более современных домах к западу от Мейн-стрит их были считаные единицы.

---

[170] notes: 170

После окончания Гражданской войны в США, освободившей чернокожих от рабства, федеральное правительство приняло меры по обеспечению их прав. В ответ демократы южных штатов приняли местные законы, серьезно ограничившие в правах черное меньшинство. Эти законы стали известны как «Законы Джима Кроу» (Jim Crow laws), названные по имени комического чернокожего персонажа из песенки «Прыгай, Джим Кроу!», впервые исполненной в 1828 г.

От потрескивающего в воздухе статического электричества волосы у нее на затылке встали дыбом, когда угловатый черный автомобиль впереди свернул налево на Пичтри-авеню, замедлил ход и остановился возле дома под номером 491.

Дома Фрэнсиса Эдвардса.

Блок достала из бардачка фотоаппарат, навела его на машину впереди и засняла номерной знак, намереваясь пробить его по базе, как только у нее будет время. Потом подкрутила трансфокатор объектива, чтобы как следует рассмотреть того, кто выбирался сейчас с пассажирского сиденья.

Глава 61

Пастор

Пастор расстегнул пиджак, снял шляпу и положил ее на один из канцелярских шкафов. В офисе не было вентиляции, но он не хотел открывать окна, чтобы не привлекать к себе внимания с улицы. Вытащив из шкафа нужные папки, закрыл его, а затем нашел план особняка губернатора и убрал его в сумку вместе с папками.

Потом не спеша осмотрелся.

В этой комнате родилось его видение мира. Все

великие события, которые скоро должны были произойти, начались с разговоров в этом месте. Тайных разговоров. И имелись два человека, которые теперь воплотят его мечты в жизнь. Все, ради чего он трудился, сводилось к событиям, которым предстояло развернуться в этот день.

Перекинув сумку через плечо, Пастор подхватил шляпу и опять надел ее. Сегодня из-за невыносимой жары асфальт на тротуарах чуть не трескался. Это напомнило ему о днях, проведенных в ящике. Солнце, словно какой-то пылающий бог, сдирало лохмотья черной краски с дощатых стенок, поджаривая его в темноте, пока он умолял отца выпустить его.

— Молись, мой мальчик! Молись о прощении, и оно освободит тебя! — Вот и все, что он слышал от отца в ответ на свои отчаянные призывы о помощи.

И Пастор молился. Молился, чтобы его отец умер, так же как его мать, и дал ему хоть немного покоя.

В итоге отец Пастора и в самом деле умер. И смерть его была нелегкой. Пастор приехал домой погостить на время своих первых каникул в колледже. Полная стипендия позволила ему не залезать в долги по оплате учебы, но жить

все равно было не на что. На ферму находились покупатели, однако отец Пастора отказывался продавать ее, сказав, что лучше умрет в своих владениях, чем уступит их в чужие руки.

Когда отца нашла полиция, он был на заднем дворе, возле колоды для колки дров, представляющей собой просто массивный отрезок толстого дубового ствола. Верхний спил его был весь иссечен ударами колуна, несколько подобных шрамов виднелись и возле самого основания — бывало, топор шел вкось или соскакивал с полена. Отец Пастора лежал рядом с этой колодой, и левая ступня была у него частично отрублена. Шериф не долго думая пришел к заключению, что мужчина наверняка поскользнулся, тяпнул себя по ноге топором и довольно быстро истек кровью.

Пастор знал, что это не так. Его отцу потребовалось несколько часов, чтобы умереть, после того как он рубанул его топором по лодыжке. Пастор мог бы покончить со страданиями отца гораздо раньше — достаточно было еще одного удара топором по шее или по голове. Но вместо этого он обмотал поврежденную ногу своего отца тонкой проволокой, другой конец которой прибил гвоздями к колоде. Его отец мог бы отползти,

попробовать добраться до телефона в доме или хотя бы до крыльца, чтобы окликнуть кого-нибудь оттуда, но ему пришлось бы сделать это, лишившись левой ступни.

Однако вместо этого он лишь звал на помощь, плакал и умолял сына отцепить проволоку.

— Пожалуйста, отпусти меня! — взывал его отец.

— Молись, отче… Молись о прощении, — таков был ответ Пастора, наблюдавшего за тем, как он умирает.

День тогда был жаркий. Такой же, как сегодня, — День Седьмой. День, когда его ангелы изольют свой огонь на землю и призовут людей к оружию в первой битве, которая, как он верил, станет священной войной. Молитвы никогда никого не спасли. Только действия.

Ступив на залитый солнцем тротуар, Пастор огляделся, прикрыв глаза полями шляпы. Вдалеке он увидел какой-то громоздкий темный автомобиль. Слишком далеко, чтобы понять, есть ли кто-нибудь внутри. Глянул на часы, подождал еще немного. Тут подъехал черный внедорожник, и он сел в него. Денвир опять сорвал машину с места, пока Пастор еще только пристегивал ремень безопасности, поглядывая при этом в

боковое зеркало.

Большой темный автомобиль выехал на улицу позади них.

— Это «хвост»? — спросил Денвир.

— Не исключено, — ответил Пастор.

— Хотите, чтобы я его стряхнул?

— Нет, в этом нет нужды. Пусть себе едет за нами. Он может нам пригодиться, — сказал Пастор.

Проехав через город, они оказались в пригородах, населенных белыми людьми среднего класса. Свернули на Пичтри-авеню и остановились возле дома Фрэнсиса Эдвардса.

— Ты знаешь, что нужно сделать сегодня вечером, после того как я подам сигнал? — спросил Пастор, передавая Денвиру папки, которые он забрал из офиса.

— Думаю, что да. Мои парни уже на низком старте. Я держу их в состоянии повышенной готовности. Все в полной боевой экипировке, стволы заряжены и уложены в пикапы. Все, что мне нужно сделать, — это дать отмашку.

— Хорошо. Просмотри наши досье еще раз. Просто чтобы убедиться, что нет никаких ошибок. Начинай с евреев, а затем двигайся дальше.

С этими словами Пастор перекинул через голову ремень своей сумки, поправил шляпу и вышел

из машины. Пройдя по дорожке, он открыл входную дверь Фрэнсиса своими ключами, вошел внутрь, плотно закрыл ее за собой и натянул резиновые перчатки. Потом достал из сумки лэптоп, поставил его на журнальный столик в гостиной, открыл и включил. Вытащил рулон с планами губернаторского особняка, какую-то пластиковую папку и разложил все это на диване.

Направляясь к задней двери, Пастор бросил взгляд на пол кухни, все еще слыша у себя в голове те звуки, которые издавала Эстер, пытаясь хватать ртом воздух. В замке задней двери торчал ключ. Он повернул его, но прежде, чем успел открыть ее, заметил, как некая фигура перемахнула через забор в задней части двора и быстро исчезла из виду, нырнув в высокую траву.

Пастор быстро присел на корточки, а затем завалился на спину и выхватил свой «Глок», нацелив его на прозрачное окошко в верхней части двери.

Как только за стеклом появится чья-нибудь голова, он пустит в нее пулю.

Глава 62

Блок

Подкрутив объектив на максимальное увеличение, она сделала несколько снимков, но из-за шляпы лицо того человека по-прежнему оставалось в тени. Как только фигура скрылась внутри, Блок выкрутила руль, развернула машину и доехала до конца квартала. Держа телефон в руке, она набрала знакомый номер, зачитала номер черной машины и попросила быстро дать ответ в текстовом сообщении, после чего сразу же отключилась.

Над головой у нее пролетел вертолет. Это был уже второй вертолет, который попался ей на глаза за сегодняшний день.

Сразу за домами начинались деревья, отделявшие этот коттеджный поселок от соседнего. Блок пробиралась сквозь них, пока не уткнулась в забор на задах владений Эдвардса. Футов пяти в высоту, крепкий. Разбежавшись, она перемахнула через забор во двор. Обвела его взглядом. Газон давно не стригли. Несколько скамеек, сарай для садовых инструментов, мощеная

площадка у задней двери, уставленная садовой мебелью… Пригнувшись и стараясь не шуметь, Блок двинулась к задней двери, которая, как она предположила, вела на кухню. За окном гостиной никого не было видно.

Последние шаги до двери она преодолела, полуприсев и пригнув голову. Держа Мэгги в правой руке. Левую уже подняла над головой, чтобы дотянуться до дверной ручки. Но тут остановилась. Подумала, не стоит ли заглянуть в стеклянное окошко в верхней половине двери. Иначе непонятно, с чем там можно столкнуться. Возможно, мужчина в панаме был вооружен. Так что глянуть стоило. Совсем по-быстрому. Одним глазком.

Стандартная процедура для полиции — входить без стука. Если есть возможность быстро глянуть в окно, получить какое-то представление о расположении дома и людях внутри, — это просто золото.

Сердцебиение резко ускорилось. Дыхание не было затрудненным, но выброс адреналина, разлившегося по телу, усилил работу легких. Тренировки и правильный хват не давали тяжелому револьверу дрожать в руке. Блок ненадолго замерла, прикрыв глаза и восстанавливая контроль над дыханием.

Она боялась. И это было совершенно нормально. Каждый полицейский испытывает страх прямо перед тем, как открыть закрытую дверь. Каждый без исключения. Страх обостряет чувства, но также и приводит к ошибкам. Избавиться от этого страха нереально, остается лишь по возможности контролировать его. В Блок уже раз стреляли, во время ее службы в полиции. Пули принял на себя бронежилет, но она никогда не забывала об этом. Поэтому-то и носила с собой это подобие артиллерийского орудия, как следует насобачившись с ним обращаться. Благодаря тренировкам и хорошо развитым инстинктам она могла на секунду опередить любого другого человека в любом доме. А этого было достаточно, чтобы Мэгги успела выпустить одну-единственную пулю. Которой должно было хватить за глаза. Блок больше не хотела оказаться в ситуации, когда одной пули окажется недостаточно. Нет уж, спасибо. Особенно сегодня, когда ее кевларовый бронежилет благополучно остался в «Лисичке» вместе с прочим ее имуществом.

Прежде чем привстать и глянуть в окошко, она осторожно потянула за дверную ручку. Та подалась. Задняя дверь не была заперта. Так что разбивать стекло или вышибать дверь всем

телом не требовалось. Можно было быстро проскользнуть внутрь, что давало ей еще пару секунд, прежде чем мужчина в доме осознает ее присутствие. А на счету была каждая секунда.

Блок подобрала под себя ноги, приподнялась и осторожно заглянула внутрь.

Глава 63

Пастор

Он увидел, как дернулась ручка на задней двери.

За этой дверью кто-то был. Прямо сейчас.

Не было времени ждать, пока голова этого человека покажется в окошке.

Пастор дважды выстрелил, прицелившись чуть правей дверной ручки. На оконном стекле прямо над ней появилась небольшая трещина. Он прислушался, услышав звук, с которым тело упало на деревянный настил за дверью, а затем наступила тишина. Пастор вскочил на ноги и бросился в переднюю часть дома. Вылетел во входную дверь, захлопнув ее за собой, запрыгнул во внедорожник и, едва успел крикнуть Денвиру «Топи!» — как машина сорвалась с места, остав-

ляя за собой вонь горелой резины.

— Что случилось? — спросил Денвир.

— На задах кто-то был. Я уложил его. Мы уже совсем близко, так что я не позволю, чтобы хоть что-то нас остановило.

Пастор бросил взгляд на часы.

Тело обнаружат не сразу. Если этот человек еще жив, «скорой» и патрульным шерифа потребуется минут десять, чтобы прибыть на место. Еще с полчаса, чтобы объявить Фрэнсиса в розыск. Они опоздали. Он уже в пути.

— Господи, едва не спалились! — выдохнул Денвир.

— Да, начинает всерьез припекать. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь раскололся. Только не на данном этапе. Я знаю, мы собирались позволить Райану Хоггу дать показания на суде, но окружному прокурору придется обойтись без него. После того как высадишь меня, езжай и кончай с Райаном. Напиши ему на одноразовую мобилу и попроси встретиться с тобой в баре. Сегодня там уже закрыто, потому что он должен свидетельствовать на суде. Скажи ему, чтобы не открывал свою лавочку, пока ты не приедешь…

— И тогда поступим, как и планировали?

— Да, постреляй там слегка. Выгреби все, что

есть в кассе, и обставь это как ограбление.

— Понял.

Пастор снял шляпу и бросил ее на заднее сиденье.

Это была охотничья шляпа с пером и двумя козырьками.

Глава 64

Блок

Отодвинувшись от стены, она развернулась на носках так, что теперь оказалась почти прямо перед дверью. Максимальный обзор внутрь, и можно было сразу же упасть ничком и открыть огонь с пола, если б кто-нибудь обнаружился внутри.

Блок потянулась к ручке, но остановилась.

Под этим углом зрения, стоя прямо напротив двери, она заметила два пулевых отверстия в дереве. Стекло прямо над ними треснуло. Когда она была этом в доме и осматривала кухню после убийства Эстер Эдвардс, на задней двери не было никаких повреждений. Это произошло совсем недавно. Опустив взгляд на настил крыльца, Блок увидела осколки стекла.

Да, это произошло совсем недавно. Может, несколько часов назад. А может, и минут.

Тут на ее телефон пришло текстовое сообщение: «Запрошенный номерной знак принадлежит Агентству национальной безопасности».

Блок открыла дверь, а мужчина на кухне снял панаму и сказал:

— А я все думал, когда же вы наконец войдете…

Входя внутрь, Блок продолжала направлять Мэгги на этого подозрительного мужика. А затем узнала его — и облегчение вырвалось у нее из всего тела одним шумным вздохом, плечи поникли, и она опустила револьвер.

— Мистер Берлин, — проговорила Блок. — Я не узнала вас без…

— …плаща? Да, в последнее время мне и самому трудно себя без него представить.

— Эдди сказал, что вы собирались проинформировать ФБР. Мы вас не ждали.

— Дело дошло до той стадии, когда мое вмешательство стало неизбежным, мисс Блок. Насколько я понимаю, вы проследили за мной от того офиса, который использовала «Белая камелия»?

— Ну да, я…

— Перед этим я наблюдал за домом Эдвардса.

И видел, как какой-то тип в охотничьей шляпе с пером входит в него с улицы, так что отступил и обошел дом сзади. Он дважды выстрелил в меня с пола в кухне. Одна пуля попала в бронежилет, а вторая чуть не снесла мне башку. Он выбежал через переднюю дверь. Я осмотрел участок, а затем вернулся в их офис. Подойдите-ка поближе, взгляните на это.

Пройдя вслед за Берлином в гостиную, Блок увидела открытый лэптоп и планы губернаторского особняка на кофейном столике. Открылась входная дверь, и Блок опять машинально потянулась за стволом, но Берлин успокаивающе поднял руку. Вошел светловолосый мужчина в черном костюме, белой рубашке и черном галстуке. На нем были солнцезащитные очки, а лицо ничего не выражало.

— Это мистер Андерсон, — сказал Берлин. — Из Национальной безопасности. Он мой водитель.

Андерсон кивнул.

Блок кивнула в ответ, после чего переключила внимание на чертежи.

— Вы взяли эти планы в том офисе? — спросила она.

— Нет, это тот тип в шляпе с пером оставил их здесь. Поэтому я и вернулся в их офис. Там всё

подчистили. А планы оставили здесь. И вот этот лэптоп. Смотрите…

Берлин чиркнул пальцем по сенсорной панели, выводя компьютер из спящего режима. Блок наклонилась и увидела, что на экране открыт какой-то форум, а сверху — окошко чата в реальном времени. Она быстро пробежалась взглядом по названию форума и паре комментариев. Это был чат левых радикалов, в котором обсуждались намеченные акции протеста, нападения на ультраправые группы и прочие подобные планы.

— Что это такое? — спросила она.

— Это подбросили сюда, мисс Блок, чтобы все выглядело так, будто Фрэнсиса Эдвардса охмурили левые экстремисты.

— Охмурили? Зачем?

Не успела она задать этот вопрос, как ответ сам пришел к ней. Вытащив свой мобильник, Блок позвонила Флинну.

— Эдди, я в доме Фрэнсиса Эдвардса с Берлином, — сказала она, после чего рассказала ему о том, что случилось с Берлином и что тот обнаружил. Эдди всегда ловил все на лету. Ничего растолковывать не пришлось.

— Мы задавали себе неправильный вопрос касательно этого дела, — сказал он. — Мы терялись

в догадках, зачем кому-то понадобилось нападать на Скайлар Эдвардс. Господи, это не Скайлар была целью! Целью был Фрэнсис. Но почему? Почему именно он?

— Из-за его работы, — ответила Блок.

— Из-за того, что он дальнобойщик? — спросил Эдди.

— Нет, — ответила она. — Эдвардс не частник, работающий сам на себя, и не работает на какую-то транспортную фирму. Он работает на химическом заводе «Солант кемикалз».

В трубке воцарилось молчание.

Берлин жестом попросил у Блок передать ему телефон, чтобы поговорить с Эдди.

— Это я, — сказал он. — Я только что связался с «Солант кемикалз». Фрэнсис сегодня впервые за несколько месяцев появился на работе и выехал в рейс. С грузом. С полной цистерной. Я спросил у них, где сейчас находится тягач с этой цистерной, и мне ответили, что Эдвардс отключил спутниковый трекер. Я не хочу объявлять его в розыск, поскольку не знаю, кому из местных правоохранителей можно доверять. Пока что. Я связался с офисом губернатора, и они уже приведены в состояние повышенной готовности. Я отправил вертолеты ФБР и АНБ на поиски этой

автоцистерны.

Эдди что-то сказал, но Блок не расслышала. Хотя в этом не было необходимости. Это был тот самый вопрос, который задала бы она сама.

«Что в этой цистерне?»

— Пропилен, — сказал Берлин.

Блок выругалась и закрыла глаза. Выброс сжиженного пропилена из какого-либо резервуара способен привести к тому, что у газовиков и нефтяников именуется ВРПВЖ — взрыв расширяющихся паров вскипающей жидкости. Такие случаи происходят каждые несколько лет по всему миру. Большинство людей не знают об этом, такое редко попадает в новости, но профессора химии вроде Грубера наверняка в курсе. Взрыв автоцистерны с пропиленом способен стереть с лица земли целый квартал.

На Манхэттене.

Берлин прижимал телефонную трубку к уху, но при этом смотрел на Блок, как будто обращался не только Эдди, а к ним обоим.

— Эдвардса и вправду охмурили, но только не левые экстремисты. Это «Белая камелия» затянула его в свои сети. Они изначально нацелились на него — внушили ему определенные идеи, а затем систематически разрушали его жизнь. Человек,

обиженный на весь мир, которому не для чего жить, очень опасен. Фрэнсис собирается взорвать себя. Я в этом не сомневаюсь. Вопрос только в том, кого он собирается прихватить с собой.

Глава 65

Гарри

Поставив пустой стакан из-под бурбона на стойку, Гарри Форд потребовал налить еще. Эдди вышел купить сэндвичей и воды в бутылках. Либо он не торопился, либо добрые жители Бакстауна по обыкновению горели желанием всячески услужить нью-йоркским гостям. Барменом в «Лисичке» был совсем юный парнишка, вроде как даже не доросший до того, чтобы самому заказывать выпивку, — что его, похоже, вполне устраивало. Наливая Гарри еще одну порцию бурбона, он бросил на него тот взгляд, который обычно бывает на лицах тех прихожан, которые на восьмичасовой воскресной утренней мессе обычно стоят в самом первом ряду, теша себя мыслью, что они просто более достойные люди, чем вся остальная паства, толкущаяся позади них.

— Это будет уже шесть порций бурбона под-

ряд, — заметил бармен.

Гарри внимательно посмотрел на парнишку.

— А сколько тебе годочков, сынок?

— Достаточно, чтобы вам тут наливать, — надулся бармен.

— Логично… И пока ты продолжаешь мне наливать, мы с тобой прекрасно поладим.

— Сколько еще вы планируете употребить?

— Столько, сколько потребуется, малыш. А что?

— Да просто… Напиваться ведь нехорошо, согласны?

Гарри откинулся на своем табурете у стойки, как будто расстояние от бармена могло улучшить ситуацию.

— Ты, наверное, первый бармен, какого я только встречал в жизни, который осуждает пьянство. Не хочу огорчать тебя, дружок, но, видать, ты просто не создан для этого занятия.

Бармен налил еще бурбона, придвинул стакан Гарри и принялся надраивать тряпкой пивной бокал.

В маленьком баре «Лисички» имелся всего один круглый столик, за спиной у Гарри, а за ним — двойные двери, выходящие в небольшой вестибюль со стойкой администратора. В стену

рядом с ними было вделано стекло, чтобы бармен всегда мог видеть администраторшу. Стена слева от Гарри была сплошь увешана фотографиями старых голливудских звезд — Фрэнка Синатры, Дина Мартина, Бриджит Бардо, Одри Хепберн и многих других. Гарри заметил, что фото Сэмми Дэвиса-младшего [171] здесь не имелось.

Окно справа от него выходило на улицу. Гарри приглядывал за этим окном. Оно было открыто, и он мог услышать любого, кто вошел бы в отель или остановился на улице. В баре не было ни телевизора, ни музыки. Примерно как в зале ожидания в аэропорту, только без сопутствующей атмосферы.

За окном вдруг остановился тягач с полуприцепом. Когда он подъехал, двигатель работал на слишком высоких оборотах, а пневматические тормоза отозвались резким коротким шипением. Гарри вытянул шею, чтобы взглянуть на водителя.

---

[171] notes: 171

Сэмюел Джордж Дэвис-младший (1925–1990) — американский эстрадный артист, киноактер и певец. Помимо прочих музыкальных достижений, вместе с Дином Мартином выступал в коллективе Фрэнка Синатры «Рэтс Пэк», где был единственным чернокожим участником. Известен еще тем, что в зрелом возрасте принял иудаизм. Неоднократно сталкивался с проявлениями расизма — в частности, подвергался нападкам за свой второй из трех браков со шведской актрисой Мэй Бритт.

На улице было уже темно, но в свете приборной панели Гарри разглядел знакомое лицо.

Фрэнсис Эдвардс.

Кожа у него на лице была краснее обычного, волосы слиплись от пота, и он тяжело дышал. В руке у него был сотовый телефон. Экран осветился. Он постукал пальцем по экрану, глянул на отель, опять посмотрел на экран, а затем постучал по нему еще раз. Поднес мобильник к уху.

Гарри услышал, как зазвонил телефон. Развернувшись на барном табурете, он сделал глоток бурбона. Звонок прекратился, когда администраторша сняла трубку. Гарри не мог разобрать ее слов, но предположил, что она произносит обычное телефонное приветствие — тем же тоном мертвеца, к какому вроде прибегала во всех остальных случаях.

Выражение ее лица изменилось. Взгляд метнулся в сторону входной двери.

У нее был более густой загар, чем Гарри когда-либо у кого-нибудь видел, и лицо, похожее на грецкий орех, и такое же твердое, но Гарри был готов поклясться, что в этот момент увидел, как она побледнела. Администраторша швырнула трубку на рычаг, озираясь по сторонам и вытянув руки ладонями вверх. Она разговаривала сама

с собой.

Выглянув в окно, Гарри увидел, что Фрэнсис убрал телефон и наклонился к рулю, чтобы лучше видеть фасад отеля.

— Блин, да что это там с ней? — спросил бармен.

Он перестал протирать стаканы и теперь смотрел поверх плеча Гарри через стеклянную панель вестибюля. Проследив за его недоверчивым взглядом, Гарри увидел, что секретарша машет обеими руками бармену, подзывая его к себе, а затем размахивает ими в воздухе, словно отчаянно сигнализируя идущему на посадку самолету.

— Простите, — бросил бармен, приподняв открывающуюся часть стойки и выходя из-за нее. Секретарша схватила его за руку и сразу же вытащила за дверь на улицу.

Фрэнсис посмотрел им вслед, надул щеки и резко откинул голову, ударившись затылком о подголовник позади себя. Затем в руке у него появился другой телефон — не такой, как тот смартфон, который он только что держал в руке. Это была совсем старая модель. Наверное, «Нокия», с крошечным дисплеем.

У Гарри зазвонил сотовый. Это был Эдди.

— Забирай Кейт, Энди и Патрицию и немед-

ленно сваливай из отеля! Я всего в нескольких кварталах отсюда.

— Что происходит? — спросил Гарри.

— Это Фрэнсис Эдвардс. Он и был целью всего этого плана. Они убили его дочь и жену, чтобы сломить его. А затем подсунули ему врага. Он сейчас в фуре с таким количеством пропилена, что хватит поднять на воздух полгорода. Я не хочу, чтобы он добрался до своей цели, поэтому мы должны…

— Он у входа. В тягаче с этой самой цистерной. Прямо сейчас, — сказал Гарри.

— Что?! Забирай Кейт, клиентов и сваливай оттуда ко всем чертям!

— Тебе нужно позвонить Кейт, — сказал Гарри. — Она в своем номере.

— Гарри, что бы ты ни собирался сейчас сделать, просто выбрось это из головы. Забирай Кейт и…

Гарри отключился.

А потом ненадолго опустил голову, вспомнив про свой пиджак, наброшенный на спинку барного табурета позади него, и про «Кольт» модели 1911 года во внутреннем кармане этого пиджака.

В жизни, безусловно, бывает всякое. В некотором смысле, ход человеческой жизни могут

определять решения, принятые в мгновение ока. У Гарри таких моментов более чем хватало. Когда в пятнадцать лет он солгал о своем возрасте в вербовочном бланке армии США. Когда прислушался к совету своего преподавателя в вечерней школе, посоветовавшего ему получить юридическое образование в колледже, за обучение в котором платила армия. И, конечно же, тот момент, когда он пригласил некоего молодого жулика на обед, восхитившись тем, с какой ловкостью тот отвертелся на суде от ответственности за ДТП, которое сам и подстроил [172].

Гарри допил свой стакан, встал со своего места и зашел за барную стойку. Взял с полки бутылку бурбона, свободными пальцами той же руки зацепил два чистых стакана и двинулся к выходу.

Оставив пиджак висеть на том же месте, с пистолетом в кармане, он пересек пустой вестибюль и вышел на улицу. Фрэнсис вроде даже не заметил Гарри — был слишком занят, разглядывая маленький черный телефон. Гарри открыл пассажирскую дверцу кабины и, не говоря ни слова, забрался внутрь.

---

[172] notes: 172

В своей мошеннической молодости Эдди Флинн промышлял и автоподставами, и момент его знакомства с Гарри Фордом подробно описан в романе Стива Каваны «Сделка».

— Эй, ты чего? — вскинулся Фрэнсис.

Слезы смешивались с пóтом у него на лице, глаза были красными и влажно поблескивали. На маленьком телефончике Гарри увидел высветившийся номер. Это была древняя мобила с обычной клавиатурой, где зеленый символ в виде телефонной трубки служил для совершения звонков, а красный — для отбоя. Большой палец Фрэнсиса лежал на кнопке вызова. Гарри знал, что где-то в этой фуре есть еще один такой же одноразовый телефон, который сработает в качестве пускового устройства, как только на него поступит звонок. Итогом будут замыкание и взрыв, достаточно сильный, чтобы пробить цистерну и воспламенить ее содержимое.

Гарри закрыл дверцу, поставил один стакан себе на колени и начал наливать бурбон в другой. По крайней мере, стакан был достаточно большой, рассчитанный на двойную порцию. Поставив наполовину наполненный стакан под ветровое стекло перед собой, налил еще один. Этот стакан он поставил посередине приборной панели.

— Составишь компанию? — спросил Гарри.

— Ты из этих сволочных нью-йоркских адвокатов, которые приехали сюда, чтобы освободить

человека, убившего мою дочь! Я не пью с такими, как ты!

— Как хочешь, — сказал Гарри, залпом опрокидывая свой стакан.

— Ты понятия не имеешь, что происходит, — продолжал Фрэнсис. — Может, это и хорошо, что сейчас ты здесь, со мной.

— Я знаю, что теперь вся эта фура превратилась в бомбу, — отозвался Гарри. Он посмотрел вниз и увидел, что между его ногами и ногами Фрэнсиса лежит большой портфель. Наверняка начиненный взрывчаткой, которой самой по себе было недостаточно, чтобы нанести серьезный ущерб, но вполне хватило бы, чтоб пробить цистерну и воспламенить ее содержимое. К чему это способно привести, Гарри не хотелось даже думать.

— Я знаю, что ты можешь активировать устройство у тебя под ногами, нажав на кнопку вызова. А еще я знаю, что оставил свой пистолет в баре, в пиджаке. «Кольт» модели девятьсот одиннадцатого года. Мое бывшее табельное оружие. Сегодня вечером я сделал свой выбор. Я знал, что ты затеваешь, и мог бы всадить тебе пулю в глаз, стоя в холле отеля. Но я этого не сделал. Я пришел сюда с бутылкой и не собираюсь выпить ее в одиночку.

Судя по выражению его лица, Фрэнсис явно не

знал, что сказать.

Налив еще, Гарри продолжал:

— Знаешь, я вижу, насколько тебе больно. И очень сожалею о том, что случилось с твоей женой и дочкой. Из того, что я прочитал о твоей дочери, она представляется мне особенным человеком. Хорошим человеком. А это не берется из ниоткуда. Так что я думаю, что и ты хороший человек, и твоя жена тоже была хорошей женщиной. Боль, горе, несправедливость — все это может изменить людей.

Тяжело дыша, Фрэнсис выпалил:

— Вся система направлена против нас! Нас, белых! Я был слишком слеп, чтобы заметить это раньше.

— Ты сам знаешь, что это не так. Люди, которые внушили тебе эту идею, люди, которые подсунули тебе этот портфель, этот телефон, — им на тебя наплевать. Они живут одной только ненавистью. Это все, что у них есть. Я просто не могу поверить, что в вашем доме царила ненависть, когда в нем росла Скайлар. Люди не начинают ненавидеть друг друга с самого начала. Этому учат. И этому учатся. Ты не учил этому свою дочь. Она дружила с Энди, и ей было неважно, какой у него цвет кожи. И для тебя тоже это должно быть неважно.

— Важно то, что он убил ее, а ты помогаешь ему! — бросил Фрэнсис.

Гарри налил себе еще и сказал:

— На днях ты был в суде, и я уверен, что окружной прокурор, газеты и телевидение держали тебя в курсе событий. Теперь ты знаешь, что касательно ночи убийства Скайлар есть целое множество вопросов, на которые прокурор не способен ответить. Скайлар погибла не на той площадке — кто-нибудь обязательно услышал бы шум борьбы. А спину Энди оцарапал Ломакс. Кровь Энди нашли на обрезках его ногтей, а не ногтей Скайлар…

Фрэнсис перебил его:

— Ломакс знал, что Дюбуа виновен. И просто хотел убедиться, что он не выйдет сухим из воды.

Гарри опустил голову:

— Ломакс увидел возможность легко произвести арест. Он не озаботился найти того, кто на самом деле убил Скайлар, — ему был просто нужен кто-то, кого можно было бы осудить. У Ломакса тоже были свои проблемы. Его жена и полный яда человек, который каждый божий день нашептывал ему на ухо. У него была своя собственная боль. А знаешь, люди, которым больно, делают одно из двух. Они либо хотят сделать

все возможное, что никто другой не испытывал такой же боли, либо хотят, чтобы абсолютно всем было так же больно, как им. Наверняка ты знаешь, что только у одного из этих вариантов есть будущее. Причиняя боль другим людям, ты навсегда остаешься ее пленником. Ты это знаешь. Вот почему не вылезаешь из этого грузовика. Ты мог бы уйти и взорвать это устройство с расстояния в милю. Но ты-то здесь. Ты хочешь, чтобы все это наконец закончилось. И разве ты не хочешь узнать правду о том, что случилось со Скайлар?

Несколько секунд Фрэнсис смотрел на стакан с бурбоном, стоящий на приборной панели. Затем опять перевел взгляд на телефон у себя в руке.

— Почему я должен тебе верить? — произнес он со слезами на глазах, почти касаясь большим пальцем кнопки вызова.

— Думаю, ты способен распознать, что правда, а что ложь. Многое, связанное с той ночью, не имеет никакого смысла. И не соответствует версии обвинения. Следы на лице у Скайлар оставлены перстнем, какой носят копы. Это не какая-то там выдумка пафосного нью-йоркского законника, это совершенно четкие следы. У нее на коже.

Дыхание у Фрэнсиса стало еще чаще, он крепко зажмурился и ударил кулаком по рулю.

— Все это брехня, ты лжешь мне! — воскликнул Эдвардс, обеими руками хватая телефон.

— Может, и так, а может, и нет. Тебе решать. Меня бы здесь не было, если б я не считал, что ты стоишь того, чтобы тебя спасать. Я бы просто прострелил тебе башку из окна бара. Так что либо ты сейчас берешь этот стакан, выпиваешь со мной, а я рассказываю тебе, что на самом деле произошло с твоей дочерью, либо нажимаешь на эту кнопку. Решай сам.

Глава 66

Эдди

Как только Гарри дал отбой, я позвонил Кейт и попросил ее по возможности забрать Энди, Патрицию и Гарри и убираться к чертовой матери из отеля. А потом коротко переговорил с Блок, убрал телефон и сорвался с места.

Я был всего минутах в пяти от отеля. Бросив сэндвичи и бутылки с водой, со всех ног помчался обратно в сторону «Лисички».

Рядом со мной притормозил большой внедорожник, и его заднее правое стекло с жужжанием опустилось. Это была Блок.

— Садись! — бросила она.

Я обежал машину с другой стороны и забрался внутрь. На переднем пассажирском сиденье сидел Берлин, а за рулем — какой-то незнакомый мне парень.

— Гарри попытается уговорить Эдвардса успокоиться. Я знаю это, — выдохнул я.

— Зачем ему это делать? — спросил Берлин.

— Потому что он старый и глупый, и он верит в людей.

Я вцепился в заднее сиденье, когда внедорожник с полного хода свернул с Мейн-стрит — шины протестующе взвизгнули, машину сильно накренило влево, и я врезался правым плечом в Блок, вертя головой во все стороны в поисках тягача с цистерной.

Долго высматривать его мне не пришлось.

— Прямо впереди, — подсказал Берлин с переднего сиденья, после чего обратился к водителю: — Не гони, проедь мимо потихоньку, чтобы мы могли взглянуть.

Парень за рулем притормозил, сбрасывая скорость, и мы проехали мимо грузовика. Гарри сидел в кабине рядом с Фрэнсисом и наливал себе выпить.

— Остановите машину! — приказала Блок.

Берлин махнул водителю, чтобы тот продолжал движение.

— Стойте! Эдвардс все еще в кабине. Гарри с ним, — сказала она, потянув за ручку двери. Дверь не открылась. Все двери были заблокированы и управлялись с места водителя.

— Выпустите меня! — крикнула Блок.

Я тоже схватился за внутреннюю ручку и дернул ее на себя. Ничего не произошло.

— Да подождите вы… Андерсон, разворачивайся. Вернись назад и поставь машину так, чтобы мне было видно, что происходит в кабине этого грузовика, — сказал Берлин.

Парень, которого, как я понял, звали Андерсон, вывернул руль, мы опять проехали мимо грузовика — наверное, еще ярдов сто, а затем он поставил машину поперек улицы, полностью перекрыв движение по ней в сторону фуры.

И вытащил из кармана черного пиджака пистолет.

— Не вздумай стрелять, — предупредил Берлин. — Ты можешь пробить цистерну.

— Объедь его справа и выпусти меня! — потребовала Блок.

Она была взвинчена, ее голос звучал намного громче обычного. Я впервые видел Блок в чем-то

похожем на панику.

— Успокойтесь, Блок, — сказал Берлин. — Тут без вариантов. Даже если вы зайдете справа и всадите ему две пули в башку, может быть рикошет. Вы рискуете попасть в Гарри, или пуля отскочит от внутренних стенок черепа Эдвардса и проделает дыру в кабине и цистерне.

— Выпустите меня! Я вытащу Эдвардса из кабины, прежде чем уложу его, — настаивала она.

Мне была хорошо видна внутренность кабины. Гарри держал в руке стакан с бурбоном, а Эдвардс — древний мобильный телефон. Губы у Гарри шевелились, Эдвардс слушал.

— Гарри пытается отговорить его. Надо дать ему шанс, — сказал я.

— Выпустите меня из машины, и я разберусь с Эдвардсом. Мы теряем слишком много времени, — продолжала требовать Блок.

Голос Берлина громом разнесся по салону машины:

— Да нельзя же! Он увидит, что вы приближаетесь, и разнесет весь город!

Блок разочарованно зарычала, врезав кулаком по спинке сиденья.

Берлин был прав. Мы ничего не могли поделать. Только не сейчас. Если мы хоть как-то напугаем

Эдвардса, то все будет кончено.

Во рту у меня стоял привкус желчи, подташнивало. Я был не в силах на все это смотреть — и в то же время не мог отвести глаз от кабины. Гарри все еще говорил. Вид у него был непринужденный и раскованный. Появилась бутылка бурбона; Гарри опять наполнил свой стакан и приложился к нему. Под ветровым стеклом между Гарри и Эдвардсом стоял еще один стакан. В нем был бурбон, но он оставался нетронутым.

Я сглотнул, прислушиваясь к тому, как колотится сердце у меня в груди.

— Не надо мне было оставлять его… — сказала Блок.

Фрэнсис Эдвардс держал в руке телефон. Старый. Дешевый. Судя по всему, это с его помощью приводилось в действие взрывное устройство. Глаза у него были совершенно безумными. Он слегка раскачивался взад-вперед в кабине. Держа телефон в руке, вытер слезы, а затем пристально уставился на него.

Гарри продолжал говорить.

Эдвардс запрокинул голову, рот у него был широко разинут. До меня донесся отголосок крика, вырвавшегося у него из горла. Я попытался заговорить, но не мог издать ни звука — настолько

перехватило дыхание. Потом кое-как выдавил из себя слова:

— Надо что-то делать! Он сейчас нажмет на кнопку!

Глава 67

Кейт

Кейт внезапно проснулась, обнаружив, что привалилась к усыпанному бумагами комоду, уткнувшись головой в согнутую руку. Все еще в костюме.

У нее звонил телефон. Она подобрала его. Это был Эдди.

— Алло? — отозвалась Кейт все еще хриплым со сна голосом.

— Возле отеля стоит фура с бомбой внутри. Забирай Энди и Патрицию и вали вместе с ними к заднему выходу, прямо сейчас — убирайтесь из здания! Через главную дверь не выходи! Если увидишь где Гарри, прихвати и его, а если нет, просто сматывайтесь оттуда!

Отключился он прежде, чем Кейт успела переварить услышанное, не говоря уже о том, чтобы ответить. Она оглядела комнату, заваленную

папками и отдельными бумагами, которые лежали даже на кроватях. Все они были ей нужны. От них зависел исход дела Энди. Кейт встала, приказывая себе сохранять спокойствие. Попыталась сделать глубокий вдох, но ничего у нее не вышло. Грудь сдавило, живот свело спазмом. Подкрадывалась паника.

Оставив бумаги лежать на прежних местах, она пробежала по этажу и принялась колотить в дверь Энди и Патриции. Энди сразу же открыл. Они с матерью смотрели телевизор.

Кейт сначала запиналась в словах, а потом оперлась рукой о дверной косяк, чтобы собраться с силами, и наконец обрела дар речи.

— Нам надо убираться отсюда, прямо сейчас! Здесь небезопасно, — выпалила она.

Энди без лишних слов вернулся в комнату и начал собирать вещи.

— У нас нет времени. Нужно уходить прямо сейчас. Сию же секунду, — поторопила его Кейт, придерживая дверь.

Патриция попыталась встать с кровати, но вскрикнула, когда перенесла вес тела на распухшую лодыжку. Этот день, как и любой другой, взял с Патриции Дюбуа свою дань. Энди помог ей подняться. Она была в халате и тапочках,

Энди — в спортивных штанах и футболке. Он помог Патриции двинуться к двери, приняв на себя ее вес со слабой стороны — одной рукой придерживая ее за локоть, а другой обхватив для равновесия.

С каждым шагом к Патриции возвращались силы, а распухшая лодыжка понемногу привыкала к весу. Когда они вышли из комнаты, Кейт отпустила дверь и повела их по коридору к лестнице. Других постояльцев в «Лисичке» не было. Лифтов тут не имелось, так что они спустились по лестнице — так быстро, как только могли. Патриция одной рукой держалась за перила, а Энди поддерживал ее с другой стороны.

Бар, вестибюль и стойка администратора на первом этаже были пусты, входная дверь распахнута настежь. Кейт различила рокот мощного двигателя, работающего на холостом ходу.

Пользоваться главным входом Эдди ей запретил. Она огляделась, но ничто не указывало на какой-то другой выход, кроме как через вестибюль.

— Нужно выйти здесь, пока есть такая возможность, — сказала Патриция.

— Нет, здесь нельзя, — отозвалась Кейт, тяжело дыша. И вовсе не от легкой пробежки. Ей не хвата-

ло воздуха, потому что она была на грани паники. Это лишало ее сил и мешало ясно мыслить.

Крепко зажмурившись, Кейт выругалась и впилась ногтями в ладони. Это ей сейчас требовалось. Толчок. Резкая боль, которая заставила бы ее очнуться, стряхнуть оцепенение от нарастающей нервной энергии, которая овладела ее телом и разумом. Затуманивая все вокруг.

Это сработало.

— Кухня, — произнесла Кейт.

Еда в «Лисичке» подавалась только один раз в день. Завтрак. На выбор — блинчики с яйцами или яйца с блинчиками. Можно и то, и другое. По четвергам — вафли с беконом, подаваемые в баре.

Кейт направилась по коридору к двери с табличкой «Только для персонала», подергала ручку. За дверью обнаружилась небольшая кухня. Белая плитка на стене, пожелтевшая от жира, гриль по другую сторону островка из нержавеющей стали в центре помещения. Рядом с грилем — дверь пожарного выхода.

— Давайте быстрей, — поторопила Кейт.

Энди и Патриция последовали за Кейт на кухню, обошли громоздящуюся по центру стойку с плитой, и Кейт увидела, что засов на противопо-

жарной двери сломан. Она толкнула ее плечом, и дверь поддалась. Кейт придержала ее для Энди и Патриции. Из кухни на зады отеля спускалась пара ступенек.

Когда туда спустилась и Кейт, пожарная дверь за ней с грохотом захлопнулась. Энди и Патриция застыли на месте.

— Нам нужно поскорей выбраться из здания. Тут…

Голос Кейт сошел на нет, когда она присоединилась к матери и сыну. Они оказались в небольшом дворике, использующемся в качестве чего-то вроде склада. Сломанные кресла из вестибюля, старый матрас, какие-то картонные коробки занимали пространство, не намного превышающее по площади один из номеров отеля и огороженное десятифутовой оградой из проволочной сетки.

В ограде имелась дверь, сделанная из алюминиевых балок и затянутая той же проволочной сеткой, с засовом, который проходил через металлическую планку, которая была частью дверной рамы. Засов был заперт на висячий замок.

— Мы не сможем отсюда выбраться, — произнесла Патриция, с трудом переводя дух — как от усилий, так и от страха.

Замок был не новый, но на вид крепкий и надежный. Кейт огляделась в поисках чего-нибудь увесистого, чем можно было бы его сбить. За мешками для мусора валялся старый газовый баллон, проржавевший настолько, что едва не превратился в труху, но она не думала, что сможет его поднять. Рядом лежала старая банка из-под краски, но она была явно недостаточно тяжелой.

Запертая дверь в ограде располагалась примерно в двенадцати футах от здания — расстоянии явно недостаточном, чтобы чувствовать себя уютно в ожидании взрыва. Даже близко не достаточном.

Разбежавшись, Энди запрыгнул на ограду, перелез через нее и спрыгнул на другой стороне. За сеткой виднелся темный переулок, заваленный мусором и старыми коробками.

— Энди, уходи! Скорей проваливай отсюда! С нами все будет в порядке, но тебе нужно уходить. Мы не можем допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось! — крикнула ему Кейт.

— Беги, детка! Давай скорее! — подхватила Патриция, и в лунном свете на лице у нее блеснули слезы.

Энди посмотрел на Кейт. Затем на свою мать. После чего развернулся и бросился вглубь пе-

реулка.

Кейт выдохнула, обняла Патрицию за плечи и оглянулась на отель. Это было старое деревянное строение, способное обрушиться, как спичечный домик, и без всякой бомбы.

Ограда была слишком высокой, чтобы она могла перелезть через нее. А даже если б ей это и удалось, в чем Кейт сомневалась, она не собиралась бросать Патрицию.

— Давайте и вы тоже. Все со мной будет в порядке, — сказала та.

— Я вас тут не оставлю, — ответила Кейт.

И тут она что-то услышала в переулке. Шаги. Кто-то приближался к ним в темноте. Быстро.

Она осторожно взяла Патрицию за плечи, и они отошли от ограды. Это вполне мог быть кто-то из «Белой камелии» — пришел проследить за тем, чтобы никто не выбрался из отеля живым.

Когда фигура приблизилась, Кейт судорожно вздохнула и тоже разрыдалась.

Энди держал на плече длинную толстую стальную трубу, которую бросил на землю, просунул под дверь ограды и дернул наверх. Дверь выдержала, но Энди подлез под трубу, положив ее на плечо, и стал упорно поднимать ее конец наверх, упираясь спиной и ногами.

Алюминиевые брусья, из которых была сделана дверь, заскрипели и прогнулись. С петель посыпалась ржавчина.

Энди взревел от напряжения и принялся рывками выпрямлять ноги, пытаясь с каждым разом задирать конец трубы все выше и выше.

Но дверь не поддавалась.

Глава 68

Гарри

Прикрыв глаза, Гарри прислушался к крику Фрэнсиса Эдвардса. Такое ему уже приходилось слышать. Люди могут издавать звуки, которые исходят откуда-то глубоко у них изнутри. Это часть их самих. Гарри подумал, что, может, они исходят прямо из человеческой души. Это был крик родителя, потерявшего ребенка. В нем были страдание, боль и что-то еще. Что-то настолько глубинное, что не нуждалось в объяснении.

Фрэнсис уронил голову на руль и заплакал. Его широкие плечи содрогались от рыданий.

— Теперь ты знаешь правду, — сказал Гарри, убирая телефон. Он только что показал Фрэнсису фото с хлопьями краски на веревке, которые

убедительно доказывали, что Эстер сначала задушили, а затем вздернули в воздух. — Они развязали войну. То, что они сделали с телом Скайлар, — это имеет для них большое значение. Они вообще придают большое значение всяким символам и флагам, потому что это означает, что им не нужно думать о той реальности, что стоит за их идеологией. Куда проще ненавидеть, когда все вы носите одинаковую форму и маршируете под одним и тем же знаменем. Они пытались взорвать несколько церквей в округе, но это им не удалось. А потом они поумнели. Поняли, что убийство ни в чем не повинных людей не поможет их делу. Чего им хотелось, так это легитимности. Чтобы люди сплотились вокруг них. Фуры, выезжающие с твоего завода, — это готовые катастрофы. Всего-то надо, чтобы кто-то захотел умереть. Грубер преподавал у Скайлар, и вот так-то они и планировали втереться к тебе в доверие. Он мог протянуть руку помощи после ее смерти, помочь тебе и твоей семье. А затем залить свой яд тебе в уши, лишить тебя всего, ради чего ты жил.

— Да, все так и было… Я купился на всю их чушь. Господи, бедные мои девочки…

— Тот лэптоп и архитектурные планы должны

были выставить тебя их врагом. Ты выглядел бы слетевшим с катушек леваком-экстремистом, и они бы использовали тебя как повод для вербовки всех кретинов в этом городе. Они уже даже напечатали листовки для своего марша.

Всхлипывания стали реже, Фрэнсис вытер лицо одной рукой, другой по-прежнему сжимая телефон. Он откинулся на спинку сиденья и перевел дыхание.

— Ну что, теперь готов выпить? — спросил Гарри.

Фрэнсис шумно выдохнул, надув щеки, еще раз вытер лицо, а затем наклонился вперед и взял стакан.

— Ты ничего сюда не добавил? Что-нибудь такое, от чего я отключусь? — спросил он.

— Мне это и не нужно. Если выпьешь достаточно, оно само уложит тебя на спину.

Фрэнсис опрокинул стакан, помотал головой и резко выдохнул.

— Э-э, да ты непьющий… — заметил Гарри. — Могу тебя научить.

— Нет, спасибо, — отозвался Фрэнсис. И тут на лице у него промелькнуло выражение человека, полностью разбитого жизнью, потерей, гневом. — Спасибо, — повторил он. — Спасибо,

что рассказал мне.

Прямо на глазах у Гарри грудь у него опять начала ходить ходуном. Паника нарастала.

— Я тоже кое-что знаю, — сказал Фрэнсис. — Мне все равно, что скажут обо мне потом. Я больше не могу так жить. Я не хочу. Так что сделай мне одолжение — вылезай из кабины. Даю тебе пять минут, чтобы убраться подальше отсюда.

Гарри медленно протянул руку и положил ее на крепкое плечо Фрэнсиса.

— Ты ведь не хочешь этого делать, — сказал он.

Фрэнсис помотал головой.

— Нет, хочу. Мне нужно.

Его большой палец опять накрыл кнопку вызова, готовый надавить на нее. Фрэнсис вытер лицо и уставился на телефон.

— А тебе надо уходить, убираться отсюда, — сказал он.

— Никуда я не пойду, — сказал Гарри. — У меня здесь бутылка бурбона, за которую я не заплатил, и мне не с кем ее выпить, кроме тебя.

— Я больше не могу быть таким… — начал было Фрэнсис, но тут же прикусил нижнюю губу, тяжело дыша. Пот струйками стекал с его губ,

которые с трудом выдавливали из себя слова. — Я не хочу жить в этом мире без моих девочек… — проговорил он.

— Да, от такой боли никуда не деться. Сейчас она огромна. Она у тебя перед глазами каждую минуту, каждую секунду. Но так будет не всегда. Она по-прежнему никуда не денется, но ты не будешь замечать ее каждый день.

Гарри примолк, слушая, как плачет здоровяк. И налил ему еще.

Фрэнсис начал кивать головой, понемногу приходя в себя. Сделал еще глоток. Отдышался. Да, к бурбону он определенно не привык.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — с трудом выговорил Фрэнсис и, все еще держа телефон в руке, потянул за дверную ручку. Водительская дверь со скрипом приоткрылась.

Глава 69

Эдди

Ощутив вкус крови во рту, я даже на миг испугался. А потом понял, что прокусил губу. Боль пришла, лишь когда я это осознал. Я уже почти уверился, что Эдвардс сейчас нажмет на кнопку

вызова, но потом он взял стакан, стоящий на приборной панели, поднес его к губам и что-то сказал Гарри.

А теперь, похоже, Эдвардс был опять взбудоражен. Чуть ли не в панике.

И по-прежнему держал телефон в руке. Почему он не опустил его?

Услышав сирены, я обернулся. Мимо нашего автомобиля, перегородившего улицу, протиснулись две патрульные машины шерифского управления. Из окна одной из них высунулся Шипли, который крикнул, когда они проезжали мимо нас:

— Не лезть туда!

Машины образовали баррикаду поперек улицы, примерно в тридцати футах перед нами. Леонард и двое других помощников шерифа вышли из машин и использовали их в качестве укрытия, сразу же достав оружие и направив его на фуру. Открыв багажник, Шипли достал полуавтоматическую винтовку с оптическим прицелом.

— Не стреляйте! — крикнул Берлин, направляясь к ним и подняв служебное удостоверение высоко над головой. Он что-то говорил Шипли, но я не расслышал, что именно.

И тут водительская дверца тягача открылась.

Шипли оттолкнул Берлина, оперся о крышу патрульной машины и прицелился.

Глава 70

Гарри

Гарри крепко схватил Фрэнсиса за руку. Тот уже высунул одну ногу из кабины, когда обернулся к нему.

— Дай мне телефон, — попросил Гарри.

Фрэнсис опустил голову и посмотрел на маленькое устройство в своих руках, как будто ему казалось невероятным, что такая крошечная штуковина способна причинить столько вреда.

Гарри видел, как появилась местная полиция. Вероятно, с подачи федералов и руководства химического завода. Берлин о чем-то спорил с Шипли.

Фрэнсис положил телефон на приборную панель. Гарри поднял его и помахал рукой с телефоном полицейским.

— Может, останешься в кабине, пока за тобой не придут? — предложил он, когда Шипли оттолкнул Берлина в сторону, а затем направил

винтовку на грузовик. — Они не стреляли в тебя, потому что боялись попасть в бомбу. Оставайся здесь.

— Спасибо тебе, — сказал Фрэнсис. — Спасибо, что рассказал мне, что случилось со Скайлар и Эстер.

Теперь уже все четверо помощников шерифа нацелили свои стволы на тягач. Гарри почувствовал, как у него внутри все сжалось, когда Фрэнсис опустил обе ноги на землю. Тот тоже увидел помощников шерифа. И Гарри понял, что Фрэнсис уже принял решение. Дверь грузовика закрывала верхнюю часть его тела от направленных на него винтовок.

— Фрэнсис, вернись в кабину. Пожалуйста, — попросил Гарри.

Тот помотал головой.

— Кто это с тобой сделал? Кто тебя во все это втянул? — спросил Гарри, отчаянно пытаясь заставить его говорить.

Фрэнсис схватился за грудь. Отступил на шаг в сторону.

— Он называл себя Пастором… — начал было он, но если дальше и сумел выдавить из себя еще какие-то слова, то их заглушили совсем другие звуки.

Гарри закрыл уши ладонями и отвернулся. Он не мог на такое смотреть. Напряжение в кипящем воздухе внезапно прорезал грохот выстрелов. Даже с закрытыми глазами Гарри не мог отвлечься от того, что происходило вокруг него. Его разум дополнял звуки образами, живыми и яркими. Он видел, как над пулевыми отверстиями на груди и лице Фрэнсиса распускаются кровавые розы. Когда стрельба прекратилась, Гарри все еще зажимал уши, чтобы не слышать собственного крика.

Затем дверь кабины открылась, и Гарри ничего не оставалось, кроме как открыть глаза. Берлин вытащил его из тягача, и Блок тут же схватила Гарри, обняла и крепко прижала к себе.

— Эй, эй, я в полном порядке! — запротестовал он.

Эдди опустил мобильник, и меньше чем через минуту из «Лисички» выбежала Кейт, тоже сходу угодив в объятия Блок. Глаза Кейт широко раскрылись от удивления, и она обняла свою подругу.

Обогнув фуру, Эдди подошел к Гарри и довольно сильно ткнул его кулаком в плечо.

— А это еще за что? — спросил Гарри.

— За то, что тебя чуть не убили! Никогда не

ставь себя в ситуацию, в которой тебя могут убить. Это *моя* работа.

Какое-то время они смотрели друг на друга, и облегчение сменилось печалью.

— Он намеренно полез на эти стволы, — сказал Гарри. — Он тоже жертва.

Эдди кивнул, но ничего не сказал. Сначала не сказал. Он смотрел мимо Гарри на Берлина, который о чем-то негромко переговаривался с тем мужчиной, который сидел за рулем их машины, — Андерсоном. Что бы они там ни обсуждали, Гарри не хотел этого знать. Берлин был опасным человеком. Судя по его виду, Андерсон тоже. Гарри посмотрел на свою левую руку. Она ощутимо подрагивала, и в этот момент ему хотелось только одного — чтобы это прекратилось.

— Передай Берлину, что нам нужно поговорить, — сказал Гарри. — Кейт и Блок тоже. Под конец я спросил у Фрэнсиса, кто его на это подговорил. Это был не только Грубер. Он назвал мне еще одного. Думаю, что это главарь «Белой камелии», судя по прозвищу. Они делали вид, будто у них христианская организация, и на их собраниях звучали проповеди. Он назвал его Пастором. Хотя и не сообщил мне его настоящего имени. Мы должны найти этого человека. У меня в пиджаке

«Кольт», и мне не терпится им воспользоваться.

Глава 71

Тейлор Эйвери

Тейлор Эйвери все никак не мог уснуть.

Он сидел на террасе с чашкой чая в руке, в окружении ночных звуков Алабамы. Было уже за полночь, и он чувствовал себя очень усталым. Полчаса назад, когда он задремал, томик «Убить пересмешника» выпал у него из рук, и теперь пожелтевшие страницы взывали к нему с досок террасы.

Если раньше Тейлор находил утешение в этой книге, то теперь никак не мог его найти. Это больше не была история о людях, которых он не знал, и о каких-то далеких чужих краях. Это было про «здесь и сейчас». И одним из присяжных заседателей был он сам. Он знал, как ему следует поступить. Улики в деле против сына Дюбуа воняли коровьим дерьмом. А Тейлор хорошо знал, как оно пахнет. Не нужно быть юристом, чтобы это унюхать, особенно будучи фермером.

Рокот двигателя он услышал задолго до того, как увидел машину. Фары осветили фасад

фермерского дома, когда та свернула к нему и остановилась. Двигатель умолк, открылась и закрылась дверца.

Он не слышал шагов Корна. Двигался тот так, словно был частью ночной тьмы. Прокурор поднялся на крыльцо, держа в длинных тонких пальцах какие-то бумаги.

— Добрый вечер, — поздоровался Корн.

Тейлор кивнул, но не встал, чтобы обменяться с ним рукопожатием.

Корн протянул ему бумаги. Тейлор взял их, на секунду соприкоснувшись своими пальцами с пальцами Корна и ощутив холод этого прикосновения.

— Это требование на обязательную продажу земли. Которое включает и ферму, — сказал Корн.

Тейлор пролистал страницы. Компания под названием «Макс девелопмент» хотела получить тысячу акров. В качестве компенсации она предлагала половину реальной стоимости земли.

На последней странице было оставлено место для подписи.

— «Макс девелопмент» хочет вашу ферму, мистер Эйвери. Я позабочусь о том, чтобы они ее не получили.

— Спасибо, — сказал Тейлор. — Хотя это странно.

— Странно?

— Что они выдвинули это требование именно сейчас, когда я нахожусь в жюри.

Корн подался вперед и положил руки на подлокотники кресла Тейлора, отчего их лица оказались всего в нескольких дюймах друг от друга.

— Я акционер «Макс девелопмент», — сказал Корн. — И убедил правление, что это выгодное вложение средств и что округ готов пойти нам навстречу. Я могу дать задний ход абсолютно в любой момент. Вы выносите обвинительный вердикт по тому делу, и все это останется позади. Вас оставят в покое. На вашу землю больше никто не покусится. Но не питайте иллюзий: если вы будете вставлять мне палки в колеса, то через месяц окажетесь на улице.

Корн выпрямился, и Тейлор уловил запах чего-то еще. Не той дерьмовой брехни, которую пытались ему скормить. А чего-то столь же мерзкого. Чего-то гнилого.

Он посмотрел, как прокурор возвращается к своей машине, не проронив больше ни слова. Какие-либо убеждения больше не требовались.

Тейлор воспринял услышанное всерьез. Этот человек говорил правду. Тейлор знал, что произойдет, если он встанет у него на пути, и что будет, если подыграет ему.

Отхлебнув чаю, он опустил взгляд на книгу, лежащую на крыльце.

Тейлор никогда не думал, что ему когда-либо придется делать такой выбор. За принципы приходится платить. И хотя Тейлор был готов заплатить эту цену, он не хотел, чтобы его семья потеряла свой дом из-за того, что он поступил по справедливости. Если правильный поступок навредит его семье, то действительно ли это правильный поступок?

Потирая лоб, он решил, что выбора у него не осталось.

Тейлор знал остальных присяжных по именам. Они являлись его земляками, и было ясно, что они прислушиваются к нему. Он мог бы склонить каждого из членов жюри проголосовать за «Виновен». В этом не было никаких сомнений.

Корн выбрал подходящего человека для этого дела. Ни один из присяжных не проголосует против него, если он поставит свою подпись под обвинительным вердиктом.

Тейлор подобрал свою книгу, спустился по

ступенькам крыльца к мусорному баку, бросил ее туда поверх мусорных пакетов и закрыл крышку.

Это была всего лишь книга.

А вокруг был реальный мир. Он поднял взгляд на окно спальни своего сына. Лампа была включена. Его сын был сейчас наверху, читал.

Эйвери выругался, поднял крышку мусорного бака и вытащил книгу обратно.

Глава 72

Эдди

Перед допросом помощника шерифа по фамилии Леонард Кейт не теряла времени зря и была в полной боевой готовности, когда Корн вызвал того для дачи показаний в десять часов утра. Выпрямив спину, она открыла чистую страницу в своем блокноте, готовясь записывать каждое его слово. Леонарду предстояло засвидетельствовать, что признание Энди было получено шерифом Ломаксом совершенно добросовестно и без всякого принуждения.

Хотя проблем у Леонарда имелось вагон и маленькая тележка. Было совершенно ясно, что

Ломакс выбил признание из Энди еще до того, как успел ознакомиться с отчетом судмедэксперта. В своем письменном признании Энди показывал:

«Моя смена закончилась в двенадцать часов пополуночи, и я проследовал на автостоянку вслед за своей коллегой, Скайлар Эдвардс. Я знаю Скайлар. Мы некоторое время работали вместе. Она симпатичная, и она мне нравилась. Я хотел поцеловать Скайлар, но она оттолкнула меня. Я схватил ее и сильно сжал. Она оказала мне сопротивление, и я принял меры к тому, чтобы она не поднимала шума. Я не хотел причинить ей какие-либо телесные повреждения. Она перестала сопротивляться, и я сжал ее еще сильнее. После этого мне стало очень стыдно. За парковкой есть болотистая местность, и я отнес ее туда и закопал, чтобы никто ее не нашел».

Судмедэксперт отметила в своем отчете, что тело Скайлар Эдвардс обгорело на солнце. Если Энди утверждал, будто убил ее в полночь и сразу же закопал, значит, она никак не могла обгореть на солнце. Или же это признание Энди было полной чушью.

Кейт была во всеоружии, заготовив несколько вопросов, чтобы запутать Леонарда в его собственной лжи. И сейчас просто не могла до-

ждаться, когда же он наконец начнет давать показания.

Вид у Гарри был не особо бодрый. У Блок тоже. Поспать в ту ночь нам практически не удалось, но вот Кейт привыкла к полуночным бдениям. Я надел свежий костюм и галстук, а руководство «Лисички» с утречка расщедрилось на свежесваренный кофе для вашего покорного слуги. Интересно, подумал я, были бы они столь же великодушны, если б знали, что Гарри подрезал у них бутылку бурбона.

В итоге решил, что вряд ли.

Патриция и Энди были уже на грани. Ни один из них не спали ни секунды, и Энди казался еще более тощим в этом своем слишком просторном костюме. Они, как всегда, держались за руки. Только на сей раз эти сцепленные руки заметно подрагивали. Я так и не понял, из-за кого — из-за Энди или Патриции.

Корн встал, чтобы обратиться к судье, — застегнув пиджак на все пуговицы, высоко воздев подбородок и выпрямив спину. Как будто уже победил. Словно ничто из того, что мы сделали, не имело для него никакого значения. Я видел, как его свидетель Леонард ерзает в первом ряду галереи позади Корна и Вингфилда. От него исхо-

дила неуемная энергия человека, так и горящего желанием поскорей оказаться на свидетельской трибуне. Помощник шерифа тщательно уложил волосы, подстриг усы и подобрал рубашку, которая на сей раз не натягивалась у него на животе, как будто из него мог в любой момент с визгом вырваться детеныш зубастого инопланетного чудища.

— Ваша честь, — начал Корн, — народ округа Санвилл вызывает помощника шерифа Ле…

Но фразу он не закончил, хотя никто его не перебил. Голос у него просто сошел на нет, когда взгляд его упал на трибуну жюри.

Оглянувшись туда, я увидел, что один из присяжных поднялся со своего места.

— Ваша честь, я обязан кое о чем сообщить, — произнес он. Это был Тейлор Эйвери. Одна из тех холодных, трезво мыслящих голов, на которые мы и полагались.

— Да, есть какая-то проблема? — поинтересовался судья.

— В общем, сэр… — начал Эйвери, после чего полез рукой за спину, достал из заднего кармана своих синих джинсов несколько сложенных документов и начал их разглаживать. — Я очень долго и упорно думал об этом. Я еще никогда не

выступал публично, так что не знаю, как полагается в таких случаях говорить…

— Мистер Эйвери, присяжным не разрешается делать какие-то заявления, так что я намерен вас прервать, пока это не зашло слишком далеко. Вы понимаете?

— То есть я не могу сейчас ничего сказать?

— Нет, членам жюри не дозволяется выступать в суде. Если возникает какой-либо вопрос, присяжный может задать его, хотя такие вопросы обычно записываются и передаются мне в письменном виде.

Эйвери достал из кармана рубашки ручку, нацарапал что-то на листках бумаги, которые держал в руках, и собрался передать их судебному приставу. Тот посмотрел на присяжного, а затем перевел взгляд на судью. Судья Чандлер сказал, что всё в порядке: он готов прочесть то, что там написано.

Пристав передал листки судье.

— Ваша честь, это что-то просто из ряда вон выходящее, — заметил Корн.

Теперь вид у него был уже далеко не столь уверенный, хотя я совершенно не представлял, что происходит. Судья Чандлер никак не показал, что услышал это выпад Корна. Поначалу. Он прочел

написанное, пролистал страницы и положил их на свой стол. А потом повернулся к Тейлору Эйвери, и в его взгляде, нацеленном на присяжного, вроде как что-то неуловимо промелькнуло. Что-то вроде одобрения.

— Мистер Корн, — произнес судья Чандлер, — вы правы: это и в самом деле нечто из ряда вон выходящее. У меня есть вопрос от данного члена жюри. А спрашивает он меня вот о чем, цитирую: «Почему мистер Корн угрожает отобрать у меня землю, если я не уговорю остальных присяжных вынести обвинительный вердикт по этому делу?»

Я много чего повидал за время работы в зале суда, но только не что-то подобное. Публика в зале дружно ахнула и поразевала рты.

Корн улыбнулся и махнул рукой, как будто отметая сказанное, как совершенно смехотворную инсинуацию. Взгляд судьи переместился с Корна на Эйвери, а затем обратно на окружного прокурора.

— Это совершенно нелепое обвинение. Чем он может это доказать? Какие у вас основания ему верить?

— Мое слово. У меня нет никаких доказательств, кроме моего доброго имени, — сказал Эйвери. — Я

говорю правду — то, что и должен был сделать.

Судья Чандлер кивнул. У меня сложилось впечатление, что он поверил Эйвери, хотя без доказательств это было всего лишь слово какого-то фермера против слова окружного прокурора. Так что исход был практически ясен.

— Ваша честь, — сказал Корн, — есть кое-что, на что только что обратил мое внимание помощник шерифа Леонард. Я не поднимал этого вопроса раньше, поскольку совсем недавно узнал об этом и хотел установить все обстоятельства произошедшего. Теперь же мне кажется уместным предпринять действия на основе этой информации. Я прошу суд объявить об аннулировании данного судебного разбирательства по причине нарушения законодательных и процессуальных норм, а судебных приставов — поместить мистера Флинна под арест.

Это был запасной план Корна.

Он был так уверен в себе, поскольку думал, что подкупил присяжных. Но мистер Эйвери отказался. У меня сложилось впечатление, что Корн крайне редко получал в чем-либо отказ. И все же это поражение, столь публичное и позорное, назревало уже довольно долгое время. Люди способны проявлять терпимость только до како-

го-то определенного предела. В какой-то момент хоть кто-нибудь да решится дать отпор. Эйвери не просто чувствовал себя неуютно — он был до чертиков напуган. И у него имелись на это все основания. И все же вон он где. Подал голос. Не стал молчать. Не ради самого себя, а ради Энди.

Теперь, когда план Корна добиться обвинительного вердикта насильственным образом провалился, он решил накрыть медным тазом весь этот процесс целиком. И переключиться на меня.

— Ваша честь, — продолжал Корн, — единственная попытка подкупа присяжных по этому делу была совершена мистером Флинном. И, в отличие от ложного заявления присяжного Эйвери, у меня есть доказательства и у меня есть свидетель — тот член жюри, которого подкупил мистер Флинн.

Вид у судьи Чандлера был такой, словно по его залу суда только что с грохотом пронесся перегруженный товарняк.

— Это серьезное обвинение, предусматривающее уголовную ответственность, мистер Корн. Кто именно из присяжных?

— Присяжная Сэнди Бойетт, — ответил Корн.

Судья Чандлер повернулся к жюри. Сэнди сиде-

ла опустив голову, когда он напустился на нее:

— Мисс Бойетт, встаньте! Что вы можете сказать по этому поводу? Вы и вправду получили взятку в обмен на свой голос по этому делу?

Сэнди встала, вздернула голову и посмотрела на меня. В глазах у нее блеснули слезы, когда она повернулась к судье. Сэнди сглотнула, стараясь выиграть время, чтобы подобрать нужные слова.

— Ну? Это правда? Вас и в самом деле пытались подкупить? — выкрикнул судья.

— Да, ваша честь, — ответила Сэнди.

— Приставы, арестуйте Флинна! — крикнул Чандлер.

Глава 73

Эдди

Два судебных пристава двинулись в мою сторону.

— Ваша честь, можно вас на минутку? Я думаю, что здесь какое-то недоразумение, — сказал я.

— В каком это смысле недоразумение? — воинственно отозвался Чандлер.

— Ваша честь, — встрял Корн, доставая из кармана конверт и открывая его, — у меня здесь

фотографии мистера Флинна, беседующего с упомянутой присяжной в ресторане за городом. Они были сделаны моим ассистентом мистером Вингфилдом. Чтобы устранить все возможные сомнения касательно данной ситуации, вот еще фото кожаной сумки, набитой деньгами, в квартире этой присяжной. Пятьдесят тысяч долларов наличными. Этот снимок сделал помощник шерифа Леонард.

Секретарь передал фотографии Чандлеру, который просмотрел их одну за другой.

Кейт протянула мне телефон. Я передал его секретарю со словами, что судье следует обязательно просмотреть открытые на нем фотографии и видеозапись. Он взял его, поводил пальцем по экрану. А потом, когда я услышал приглушенный звук из динамиков телефона, буквально вперился в него взглядом.

— Как прикажете это понимать? — наконец вопросил Чандлер.

— Спросите об этом у присутствующего здесь присяжного заседателя, ваша честь, — ответил я.

— Я могу рассказать вам, как все в точности произошло, — вмешалась Сэнди, не дожидаясь вопроса. — Мистер Корн приватным образом обратился ко мне и сказал, что хочет обсудить

судебный процесс. Сказал, что мы могли бы помочь друг другу. Я испугалась и не знала, что делать, так что поговорила с мистером Флинном, рассказала ему об этом, и он сказал, что мне надо защитить себя и вообще быть поосторожней, если кто-то будет предлагать мне деньги. Его следователь дала мне пижаму с Минни Маус и маленькой видеокамерой в одной из пуговиц. А еще сделала фото, которое вы можете посмотреть на этом телефоне. На нем видно, как мистер Корн входит в мою квартиру с этой же сумкой в руке. Помощник шерифа Леонард тоже был в этом замешан. Ваша честь, мне были не нужны никакие деньги. Я просто хотела исполнить свой долг. Я записала свой разговор с мистером Корном у себя дома на видео и показала запись мистеру Флинну. Он сказал, что я не должна обращать на все это внимания и просто вынести честный вердикт, а если меня спросят об этом, то должна рассказать обо всем суду и согласиться свидетельствовать против мистера Корна.

Чандлер внимательно изучил фотографию, которую я ему передал. Все было ясно, как божий день. Блок сама сделала этот снимок — Корна, стоящего перед дверью квартиры Сэнди с кожаной сумкой, набитой деньгами. Да и видео вышло

идеального качества: Корн, разглагольствующий в квартире у Сэнди и расставляющий мне ловушку. В ходе работы на бракоразводном фронте, которой регулярно пробавлялась Кейт, миниатюрная видеокамера Блок в пуговице пижамы с Минни Маус дала им куда больше инкриминирующих сведений, чем им когда-либо требовалось.

Мы полностью изменили намеченный сценарий, перевернув его с ног на голову.

— Мистер Корн… — начал было судья Чандлер, но окружной прокурор уже бросился в атаку:

— Ваша честь, мой помощник Том Вингфилд готов подтвердить мою версию событий!

Сидящий рядом с Корном Вингфилд встал и обратился к суду:

— Ваша честь, боюсь, что я не имею ни малейшего представления, о чем говорит мистер Корн. Я впервые об этом слышу.

Корн выглядел так, как будто его пырнули ножом. Рот у него приоткрылся. Вингфилда не было на видео, снятом в квартире Сэнди, и сейчас он дистанцировался от Корна, поскольку хорошо представлял, чем закончится вся эта история.

— Ваша честь, я… — Но слова застряли у Корна в горле.

Сэнди не подкачала. Мы классически обули

Корна, заставив его попытаться подставить меня. Мне было почти жаль его.

— Я больше не желаю вас слышать, мистер Корн. Приставы, арестуйте мистера Корна и сотрудника шерифского управления Леонарда!

Корн попятился было, но затем уступил. Поначалу Леонард тоже попробовал ерепениться, но тычок локтем в ребра быстро лишил его боевого пыла.

— Прежде чем вы уйдете отсюда, мистер Корн, — сказал судья Чандлер, — я хочу, чтобы вы это услышали. Я прекращаю дело против Энди Дюбуа — по причине явных нарушений, допущенных в ходе следствия. Мистер Дюбуа, вы свободны. И, пожалуйста, примите мои извинения. Вы предстали перед несправедливым судом, и я искренне сожалею об этом.

Судебные приставы провели Корна в наручниках через зал суда к боковой двери, ведущей в изолятор временного содержания. Он прихрамывал, и когда проходил мимо меня, я увидел его истинное лицо. Узкая щель его рта была перекошена от злобы, а глаза горели яростным огнем. И я опять уловил этот его запах. Запах гниющей плоти.

Я с отвращением отвернулся, глядя вместе с

Кейт и Гарри, как Энди и Патриция растворяются в объятиях друг в друга — объятиях, которые теперь продлятся целую жизнь.

Глава 74

Блок

Мистер Андерсон подкатил к тротуару напротив дома 224 по Калабасас-роуд. Это было ветхое каменное строение с облупившейся краской на стенах и прогнившими оконными рамами. Лужайка совсем заросла, и среди высокой травы были беспорядочно раскиданы детские игрушки, выцветшие на солнце, как будто они без толку валялись здесь уже очень давно. Если б кому-нибудь понадобилась наглядная иллюстрация дела о разводе, при котором мужу достается дом, а жена получает детей, то это она и была.

По местному радио только и говорили, что о попытке взрыва, предпринятой Фрэнсисом Эдвардсом прошлой ночью. В новостях сообщалось, что злоумышленник был застрелен прямо на месте происшествия и что местные правоохранительные органы проводят расследование. Была и еще одна важная новость, но она совершенно

затерялась на фоне неудачной попытки теракта. Накануне вечером был ограблен бар Хогга, а его владелец, Райан Хогг, был застрелен неизвестным преступником, которого, как сообщалось, видели выходящим из бара с автоматическим оружием в руках. Очень похожим на винтовку AP-15.

Берлин и Блок могли лишь прийти к выводу, что этот неведомый Пастор подчищает концы. Профессора Грубера тоже не видели уже два дня, и его мать успела заявить о его пропаже.

Берлин направился по усыпанной гравием дорожке ко входной двери. Он встал слева от двери, Андерсон справа, а Блок отступила назад. Берлин постучал.

Судя по всему, Брайан Денвир видел, как они подходили к дому, потому что сразу же окликнул их:

— Вы вторглись в частные владения! Я вооружен и буду стрелять на поражение, чтобы защитить себя и свою собственность! Сейчас же уходите!

— Настроен он не слишком-то дружелюбно, — заметил Берлин, после чего крикнул в ответ: — Мистер Денвир, это Агентство национальной безопасности! Прошу вас убрать оружие и выйти из дома.

Молчание.

— Это посягательство на частную собственность, я сказал! Проваливайте с моего участка! Считаю до трех, а потом открываю огонь!

— Мистер Денвир, весьма желательно, чтобы мы с вами поговорили. Я бы этого очень хотел. Вы не арестованы.

— Раз! — крикнул Денвир.

— Ответьте на мой вопрос, и мы оставим вас в покое. Нам плевать на Хогга и всех остальных, кого вы убили. Скажите нам то, что мы хотим знать, и вы свободны.

То ли Денвир не смог вспомнить, что идет после «раз», то ли ему просто надоело переговариваться через дверь, но через миг входную дверь сокрушила автоматная очередь. Полетели щепки. Все трое приникли к земле.

Берлин кивнул Андерсону. Не говоря ни слова, тот подполз к боковому окну справа от входной двери, быстро заглянул внутрь, а затем опять пригнулся и помотал головой.

Подкравшись к окну слева от двери, Блок быстро подняла голову, а затем опять присела. Она сразу поняла проблему Андерсона. Планировка дома делала лобовую атаку опасной. Широкая прихожая с гостиной открытой планировки спра-

ва и обеденной зоной слева означали, что Денвир мог стоять у подножия лестницы и держать под огнем всю переднюю часть дома. На груди, руках и ногах у него были кевларовые доспехи. На голове — боевой шлем со всеми положенными причиндалами.

Тут где-то за домом залаяла собака. Большая собака.

На передних воротах висела табличка «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА», а участок был обнесен семифутовым забором. Обойти дом с тыла было бы непросто. Причем собака послужила бы ранним предупреждением для Денвира, что исключило бы элемент неожиданности для этого фланга, тем самым исключив его и из доступных вариантов атаки.

Резко поднявшись над боковым окном, Андерсон быстро произвел четыре выстрела, один за другим — все четыре менее чем за полторы секунды, — после чего укрылся опять. Ответом на заданный таким образом вопрос стала автоматная очередь в его сторону.

Блок осторожно заглянула в окно со своей стороны. Тихий и немногословный Андерсон не казался ей человеком, способным промахнуться. По тому, как он держал «Глок», она поняла, что

он знает свое дело. Пуля из этого пистолета обязательно найдет свою цель.

Андерсон несколько раз выстрелил в ответ. Наблюдая за происходящим из своего окна, Блок увидела, как одна из пуль отскочила от шлема Денвира. Остальные тоже попали в цель, но без толку. Денвир был слишком хорошо защищен.

Блок достала свой мобильный телефон, выбрала опцию «Камера» и поместила его в углу окна, поставив на подоконник таким образом, чтобы видеть Денвира на экране. На это ушла всего пара секунд, и телефон оставался практически незаметным, выступая над рамой от силы на дюйм. Привстав на одно колено, Блок вскинула ствол. Глянула на телефон, показывающий обстановку за окном и притаившегося там Денвира. Сориентировалась, куда целиться.

Мэгги тяжело оттягивала руки. Блок уже неделю не выходила на стрельбище, и это чувствовалось. Она выбрала именно такой ствол, потому что могла полагаться только на один удачный выстрел, угодивший в цель, однако сейчас прикинула, что ей понадобится три выстрела.

Один для пристрелки.

Один для корректировки.

И третий — чтобы поразить цель.

Когда она нажала на спусковой крючок, из ствола «Магнума» вырвался сполох пламени размером с баскетбольный мяч. И Андерсон, и Берлин удивленно обернулись на нее. От грохота заложило уши. Блок видела Берлина и Андерсона одним только боковым зрением. Она посмотрела на экран своего телефона: в воздухе в трех футах позади Денвира повисло облако пыли, деревянных щепок и волокон ковра. В деревянной обшивке дома образовалась дыра, и еще одна — в одной из ступенек лестницы, в футе справа от левой ноги Денвира.

Корректировка.

Блок подправила прицел и опять нажала на спусковой крючок.

Дыра в стене образовалась ниже, но рядом с первой и чуть левей.

Денвир истошно визжал.

Ей понадобилось всего два выстрела.

Блок посмотрела на экран своего телефона. Денвир лежал на спине, винтовка валялась рядом с ним на полу. Тут она услышала звон разбитого стекла, и через миг Андерсон уже придавливал лежащего Денвира к полу.

Подхватив свой телефон, Блок пролезла вслед за Берлином через окно, которое разбил Андерсон.

Денвир лежал на спине в прихожей, вопя от боли. Он елозил по полу правой ногой, упираясь пяткой в половицы и пытаясь приподняться на локтях. Его левая ступня лежала футах в десяти от него, в гостиной. Все еще обутая в ботинок.

Возле двери стояла стойка с автоматами, а рядом — две полные сумки патронов. Увидев, что Андерсон отбросил ногой винтовку Денвира и вытащил пистолет из кобуры у него на поясе, Блок убрала свой ствол. Кровь уже пропитала пол. Андерсон сорвал с занавески шнурок и обмотал его вокруг левой икры Денвира, туго затянув.

Берлин встал над раненым.

— Мы можем сделать так, чтобы вам оказали профессиональную медицинскую помощь всего через две минуты — или же через двадцать. Выбор за вами. Хотя не думаю, что у вас есть двадцать минут, мистер Денвир. Думаю, вам очень повезет, если вы продержитесь хотя бы пять, даже со жгутом. Тут расположена пара крупных артерий. У вас не так много времени, так что скажите мне, кто этот Пастор, и получите шанс остаться в живых.

— Это противозаконно! На кого вы работаете? На глубинное государство? — выкрикнул Денвир.

— Это не противозаконно, потому что я говорю, что это не противозаконно. Куда вы намылились со всем этим арсеналом, мистер Денвир? Я вижу, на сумке лежит какой-то список. Это ваши цели? — спросил Берлин.

— Да пошел ты! — бросил Денвир.

— Мистер Андерсон, перережьте жгут. Мистер Денвир не желает сотрудничать.

— Нет! — выкрикнул тот.

Андерсон наклонился, открыл длинное тонкое лезвие и поднес его к шнурку от занавески. Это было единственное, что мешало Денвиру быстро истечь кровью.

— Последний шанс, мистер Денвир. Кто этот Пастор?

— Он убьет меня, если я вам скажу, — процедил тот сквозь стиснутые зубы.

— А если не скажете, вас убьет мистер Андерсон. Вам решать, кто сейчас представляет для вас более непосредственную угрозу.

— Ни хрена я вам не скажу! Мне плевать, кто вы такие!

Берлин повернулся и направился к входной двери, сказав напоследок:

— Мистер Денвир слишком глуп, чтобы оставаться в живых. Помогите ему, пожалуйста,

мистер Андерсон.

Блок отвернулась. Двинулась вслед за Берлином к двери, и как только вышла на улицу, услышала звук полицейских сирен.

— А теперь — к зданию суда, — бросил Берлин.

Мистер Андерсон аккуратно прикрыл за собой входную дверь и открыл брелоком автомобиль. Направляясь к машине, он бросил шнур от занавески в высокую траву.

Глава 75

Эдди

— По-моему, тебе здесь нравится, — сказал Берлин.

— Вы с Гарри постоянно это повторяете, — отозвался я.

Мы в этот момент спускались по каменным ступенькам к камерам временного содержания в здании суда Бакстауна — примерно через час после того, как судебные приставы доставили сюда Корна, закованного в наручники. Кейт с Гарри отвезли Энди и Патрицию обратно в отель, подальше от толпящихся в здании суда зевак и репортеров. А также от агентов ФБР, которые тол-

пами нагрянули в Бакстаун сразу после того, как известие о попытке взрыва разлетелось по всей стране, и понатыкали контрольно-пропускных пунктов по всему городу и на окраинах.

Берлин спускался первым, молчаливый мистер Андерсон держался за ним. Я следовал за Андерсоном, а Блок двигалась за мной по пятам.

— Денвир заговорил? — спросил я.

— Боюсь, что нет. Будь у меня чуть больше времени и поменьше народу вокруг, все могло бы сложиться совсем по-другому.

— Мне не нравится, как это звучит, — сказал я.

На посту дежурного офицера изолятора сидел крупный детина, который выглядел так, будто съел кого-то чуть поменьше себя.

— Вы опять здесь, мистер Флинн?

— Никак не могу расстаться с этим чудесным заведением, — сказал я. — Мы хотим поговорить с Корном, если вы не против.

— Вы его адвокат? — спросил он.

— Смотря по обстоятельствам. Сначала он должен нанять меня. Впустите нас.

Дежурный забрал у Блок и Андерсона личное оружие, бегло обшмонал нас, а затем провел по знакомому коридору и открыл дверь камеры. В тот день Корн был единственным обитателем

судебного изолятора. И дежурил там только один сотрудник охраны.

— Дайте мне знать, когда закончите, — сказал он, после чего запер нас с Корном внутри.

Тот сел на скамью, упершись локтями в колени и обхватив голову руками. И в этот момент я увидел кровавое пятно у него на бедре.

— Мистер Корн, меня зовут Александр Берлин, а это мистер Андерсон. Насколько я понимаю, с мистером Флинном и мисс Блок вы уже знакомы.

— А кто вы, собственно, такой, мистер Берлин? — вызывающе поинтересовался Корн.

— Что ж, на данный момент я делаю вид, будто работаю на Агентство национальной безопасности, поскольку именно эта структура одолжила нам машину. Моя конкретная роль в правительстве вас не касается. А вот что все-таки касается, то я здесь для того, чтобы предложить вам вот это.

У Берлина под мышкой был электронный планшет. Он достал его, постучал пальцем по экрану, открыв на нем какой-то документ, а затем передал Корну, который приступил к чтению.

— Здесь говорится, что я отсижу пять лет, если полностью признаю вину в нарушении закона при проведении следственных мероприятий…

Боюсь, я не могу это подписать. Я не сделал ничего противозаконного. И я вас не знаю. Какие у вас полномочия, чтобы что-то мне предлагать?

Берлин набрал номер, сохраненный в его мобильном телефоне, и вскоре услышал ответ.

— Передайте этому человеку, что у меня есть полномочия заключить сделку, — произнес он, после чего передал телефон Корну.

— Кто это? — спросил тот.

— Это генеральный прокурор, — ответил Берлин.

Глаза у Корна недоверчиво расширились.

— У вас на быстром наборе есть генеральный прокурор штата Алабама?

— Нет, — сказал Берлин, — это генеральный прокурор Соединенных Штатов.

Прижав телефон к уху, Корн стал внимательно слушать. Минуту спустя он вернул его Берлину.

— Прошу прощения — я должен был убедиться, что у вас и вправду есть полномочия делать мне такие предложения.

— Вполне вас понимаю. И советую подумать на этот счет.

— Я уже подумал. Говорю же вам, я не сделал ничего противозаконного.

— Видите ли, тот деятель, который выступал

против вас на последних выборах окружного прокурора, готовится баллотироваться по новой. Я уже договорился с несколькими влиятельными и богатыми людьми, которые обеспечат ему победу на этих выборах. Вы даже не сможете выставить свою кандидатуру на переизбрание. Хорошая для вас новость заключается в том, что он сторонник смертной казни. Плохая же в том, что мистер Вингфилд, скорее всего, будет сотрудничать со мной в обмен на иммунитет, а из этого следует, что вы будете осуждены за допущенные злоупотребления, воспрепятствование отправлению правосудия и, весьма вероятно, за убийство Колта Ломакса.

Берлин позволил этому последнему заявлению повиснуть в воздухе.

— Есть свидетель, который видел, как ваша машина отъезжала от дома сразу после того, как был произведен роковой выстрел.

— Какой еще свидетель? — спросил Корн.

— Вот этот свидетель, — ответил Берлин, указывая на Блок.

Она помахала Корну.

— Вы же не решили, что я привел сюда мисс Блок и ее адвоката чисто для виду?

Никогда не думал, что такое возможно, но

Корн вроде стал еще бледнее. Кадык у него на горле заходил ходуном. Он что-то мысленно подсчитывал. Убийство шерифа влекло за собой совершенно определенное наказание.

— Вам же не нужно, чтобы я объяснил вам все по буквам, мистер Корн? Просто представьте, что не пройдет и года, как новый окружной прокурор, сидя в вашем кабинете, усадит вас на «Желтую мамашу» в главном исправительном заведении штата.

Корн мог быть кем угодно. Трусом, конечно же. Однако не дураком. Я видел, как он выпрямился. У него оставался последний козырь.

— Я никогда не признаюсь в неправомерных действиях при исполнении служебных обязанностей! Я действительно выиграл все эти судебные процессы. Все эти люди были казнены благодаря мои усилиям, и я горжусь своим послужным списком. Я не призна́ю ничего, что могло бы поставить под угрозу мое наследие и замарать мою репутацию как слуги закона. Но я могу кое-что предложить. В моем распоряжении оказалась информация, раскрывающая истинную личность убийцы Скайлар Эдвардс. Это глава небольшой группы сторонников превосходства белой расы. Там его называют Пастором. Я знаю его настоя-

щее имя, и у меня есть кое-что, чтобы доказать все это в суде.

Берлин посмотрел на меня. Это была его игра, но он знал, что меня заботит судьба десятков людей в камерах смертников, ожидающих казни, потому что Корн подтасовывал факты и лгал, чтобы отправить их туда.

— И какого же рода доказательствами вы располагаете? — спросил Берлин.

— У меня есть видео. Запись с камеры наблюдения на заправочной станции. Которая указывает на причастность Пастора к убийству Скайлар Эдвардс.

Казалось, будто из маленькой бетонной камеры полностью выкачали воздух.

— И что вы хотите взамен? — спросил Берлин.

— Полный иммунитет. Мы составим соглашение о юридической неприкосновенности прямо сейчас и попросим судью его засвидетельствовать. Я не доверяю вам, мистер Берлин. В отличие от судьи Чандлера. Это придаст нашей договоренности официальную силу. Тогда я предоставлю вам Пастора, а вы предоставите мне свободу.

Я собирался кое-что сказать, но Берлин уже принял решение.

— Согласен, — сказал он.

Ему потребовалось еще полчаса, чтобы внести кое-какие поправки в текст соглашения, залитый в электронный планшет, и дождаться, пока судья Чандлер не спустится в камеру. Тот ничего не сказал ни мне, ни Корну, ни Блок. Коротко переговорив с Берлином, он подписал соглашение о юридической неприкосновенности цифровой ручкой, поставив свою подпись под подписью Корна.

Выходя из камеры, Чандлер повернулся ко мне и сказал:

— Вы с мисс Брукс — хорошие адвокаты, пусть даже методы у вас далеко не ортодоксальные.

— Приму это как комплимент.

Дверь камеры закрылась за ним.

После недолгого молчания Берлин обратился к Корну:

— Так где же эта запись?

— Она на флэшке, в моем портфеле, который охранник снаружи убрал в пакет с моими личными вещами.

Блок постучала в дверь камеры и попросил дежурного принести нам вещи Корна. Берлин вставил флэшку в свой планшет, и мы стали вместе отсматривать записанный на ней материал.

— Так теперь я свободен? — спросил Корн.

Эта флэшка уже была у него, когда он пытался осудить Энди Дюбуа за зафиксированное на ней преступление. Я это знал. Более того — он пытался добиться вынесения смертного приговора. Не в силах больше смотреть на Корна, я вышел из камеры вместе с Блок и Берлином.

— Эй, мы же договорились! — крикнул нам вслед Корн.

— Всё в силе. Вы предоставляете нам информацию, идентифицирующую Пастора, в обмен на вашу свободу, — сказал Берлин, после чего посмотрел на Андерсона. Закрывая дверь камеры и оставляя того наедине с Корном, он произнес: — Договор есть договор. Мистер Андерсон, освободите его.

Блок не могла смотреть на Берлина, и в тот момент я не понимал почему. Но выражение лица у нее было достаточно мрачным, чтобы дать мне подсказку. Тогда-то я и заподозрил, что Корн покинет эту камеру в мешке для трупов.

— Так ты собираешься ловить этого типа? — спросил я.

— Конечно, — сказал Берлин. — Как только мистер Андерсон тут закончит, мы нанесем визит в управление шерифа.

Глава 76

Пастор

Дома и сады Бакстауна быстро сменяли друг друга за окошком машины. Водитель Пастора гнал по городу за сорок миль в час, но копы и не думали их останавливать.

Только не при виде машины губернатора.

Вдобавок на заднем пассажирском сиденье рядом с Пастором сидел шериф Шипли. Конечно, он не знал его как Пастора. Он называл его «губернатор Пэтчетт». Шипли требовался в качестве символической фигуры на предстоящей пресс-конференции, плюс обеспечивал дополнительную охрану. Все, ради чего работал Пэтчетт, вот-вот должно было окупиться. Он глянул на часы. Было уже почти четыре.

Пресс-конференция была назначена на шесть. В Монтгомери.

Времени было более чем достаточно, чтобы вовремя добраться туда, но губернатор все равно хотел появиться пораньше. На нем был один из его лучших костюмов — простой темно-синий, заказанный у одного портного в Мобиле. Сидел

этот костюм идеально, а ткань позволяла ему дышать в любую жару. Дополняли его наряд белая рубашка и бледно-голубой галстук, а завершал ансамбль цветок на лацкане пиджака.

Белая камелия.

На самом деле не имело значения, что Фрэнсис Эдвардс так и не взорвал цистерну с пропиленом. Он все равно угрожал всему городу. Он все равно был террористом. И на данный момент лучший террорист для извлечения максимального политического капитала — это мертвый террорист. Он вселил страх Божий в жителей Алабамы, и это было все, чего Пэтчетту от него требовалось.

На Юнион-хайвей машина замедлила ход.

— Почему останавливаемся? — спросил Пэтчетт.

— Похоже, впереди ФБР проверяет машины, — отозвался водитель.

Пэтчетт повернулся к Шипли:

— Ну и каково это?

— Что вы имеете в виду?

— Ты понимаешь, о чем я. Каково это — быть героем, который спас Бакстаун от огненного ада?

Шипли нервно хохотнул.

— Очень даже неплохо.

— Думаю, это окончательно укрепит тебя в

роли нашего нового шерифа, — сказал Пэтчетт.

— Хотя, наверное, всего на несколько месяцев… В смысле, должность-то выборная.

— На этот счет не переживай. Я знаю, что Корн помогал Ломаксу. И теперь, когда окружной прокурор в затруднении, нам понадобятся все хорошие люди, которых мы только сможем найти. Я могу с практически полной уверенностью гарантировать, что противостоять тебе на выборах никто не будет. По крайней мере, всерьез. Хотя, конечно, мы можем выставить оппонента, чисто для виду, а затем попросить его снять свою кандидатуру за несколько дней до выборов. Чтобы все выглядело честнее. А теперь, когда мы будем на пресс-конференции, я хочу, чтобы ты улыбался, стоял рядом со мной, но даже не пытался отвечать на вопросы прессы. Это моя забота. Понятно?

— Понятно.

Пэтчетт глянул в боковое окошко и увидел, что они и впрямь практически остановились. Он покрутил на пальце свое массивное золотое кольцо с аббревиатурой «БОП». По привычке, как и всегда, когда был на взводе.

— Эй, а почему бы нам не включить сирену? — спросил он.

— Конечно, губернатор, — отозвался водитель, включая сирену и мигалки и выруливая на полосу встречного движения.

— Ну вот и отлично, а теперь дайте мне минутку. Я просто хочу еще раз пробежаться по своему выступлению, — сказал Пэтчетт.

Листки с текстом его речи лежали у него на коленях. Это была самая важная речь в его жизни, и он изорвал множество черновиков. Теперь она была идеальной. В шесть часов Пэтчетт должен был выступить с ней в прямом эфире по телевидению и не хотел допустить ни малейшей ошибки. Надев очки, он приступил к чтению.

> 21 мая 1961 года губернатор Алабамы Джон Паттерсон выступил с речью, транслировавшейся телеканалом «Дабл-ю-эс-би». Речь эта послужила ответом агитаторам из других штатов, которые прибыли в Алабаму с единственной целью – вызвать вспышку гражданского неповиновения, сопряженного с насилием. Среди этих агитаторов были преподобный Мартин Лютер Кинг-младший и Джон Льюис. Льюис входил в число так называемых «Наездников свободы» –

мужчин и женщин, черных и белых, которые воспользовались решением Верховного суда, объявившим неконституционной практику расовой сегрегации в автобусах дальнего следования и на автобусных станциях. В то время, когда в Алабаме еще соблюдались законы Джима Кроу, эти люди все вместе отправились в Монтгомери с единственной целью – подстрекать к насилию в нашем мирном городе. И встретили достойное сопротивление. Губернатор Паттерсон выступил по телевидению, гневно заклеймив в своей речи Мартина Лютера Кинга-младшего и так называемых «Наездников свободы», спровоцировавших беспорядки.

Как вы знаете, прошлой ночью у нас имела место попытка поджога Бакстауна, предпринятая неким Фрэнсисом Эдвардсом, и в правоохранительных органах мне сообщили, что у него имелись и дальнейшие планы, включая массированное нападение на особняк губернатора. Благодаря героическим усилиям местного шерифа он был остановлен прежде, чем успел осуществить свой план, который

мог бы привести к разрушению жилых и общественных зданий и стоить сотен, если не тысяч жизней. Эдвардс был членом радикальной левой группировки, связанной с «Антифа», террористической организацией, которая одержима идеей уничтожения этой страны.

Я пять лет прослужил в полиции, поэтому знаю, какое давление оказывается на сотрудников наших правоохранительных органов. Вот почему, учитывая беспрецедентную угрозу, исходящую от этих группировок, я черпаю силу в действиях Джона Паттерсона в тот день в 1961 году. Сегодня я объявляю военное положение в округе Санвилл. Помимо Национальной гвардии, поддерживающей наших сотрудников правоохранительных органов, я собрал небольшую тактическую группу ополченцев. Состоящую из обычных мужчин и женщин – граждан нашего великого государства, – которые будут вышибать двери, искоренять подстрекателей и предателей среди нас и расправляться с ними при помощи силы. Это ангелы Алабамы. Они будут защи-

щать наши дома, как если б они были самим архангелом Гавриилом.

Будьте уверены, что я, как ваш губернатор, приму все необходимые меры, чтобы сделать наш штат безопасным и великим вновь.

Машина замедлила ход, и Пэтчетт оторвался от своей речи.

— Дорога опять перекрыта, останавливают все машины, — доложил водитель.

Несколько автомобилей и люди в бронежилетах с надписью «ФБР» перегородили проезжую часть, проверяя каждую машину. Водитель сбавил скорость и остановился, когда один из агентов махнул им рукой вниз.

Прежде чем он успел хоть что-то сказать, к губернаторской машине подошли двое мужчин. Один из них был высокий, в темном костюме и белой рубашке. Другой, заметно меньше ростом, снял панаму, открыл переднюю пассажирскую дверцу и сел в машину.

— Я Александр Берлин из Агентства национальной безопасности; добрый день, губернатор, — произнес он.

— Что тут происходит? — недовольно поинте-

ресовался Пэтчетт.

— Мы получили информацию о высокой вероятности покушения. И будем сопровождать вас отсюда. В Монтгомери вас доставит мой коллега мистер Андерсон.

Распахнулась водительская дверца, и высокий мужчина в черном костюме подождал, пока растерянный водитель Пэтчетта не выйдет из машины. Потом сел на его место, захлопнул дверцу и взялся за руль. Заграждение впереди убрали — машины ФБР раздвинулись по сторонам, пропуская автомобиль губернатора.

— Вообще-то в этом нет никакой необходимости… — начал было Пэтчетт, но тут же осекся. Преуменьшать угрозу не стоило. Как раз на это он сейчас и ставил. — Водитель у меня опытный, и со мной шериф в качестве охраны. Мне не нужно…

— Вы правы, — отозвался Берлин, обернувшись к заднему сиденью. Шериф Шипли сидел прямо позади него, а Пэтчетт — за Андерсоном. — Шериф, как у вас дела?

Тот стиснул зубы, ответил:

— У вас здесь нет полномочий, мистер Берлин.

Человек, которого звали Берлин, на мгновение обернулся, чтобы оглядеться, и увидел, что они находятся на пустом шоссе, вокруг никаких

машин. Все движение намертво застряло на контрольно-пропускном пункте, устроенном ФБР. Согласно указаниям Берлина, там не должны были пропустить ни одного транспортного средства еще в течение получаса.

Развернувшись на своем сиденье к Шипли, он сказал:

— Насколько я понимаю, сейчас мы уже за пределами округа. Ясно тут одно — это *у вас* здесь нет каких полномочий. А теперь передайте мне свое табельное оружие. Медленно.

Пэтчетту показалось, будто его позвоночник превратился в ледяную глыбу, когда он увидел, как над спинкой переднего сиденья поднимается рука Берлина с пистолетом.

— Вы что, серьезно? — проговорил Шипли.

— Угроза может исходить от кого угодно, шериф. Даже вы можете оказаться убийцей. А теперь отдайте мне свой ствол.

Плечи у Шипли поникли, когда он понял, что имеет дело с представителем федеральных правоохранительных органов и что в крутизне с Берлином ему лучше не меряться. Вытащив свой пистолет из кобуры, он передал его Берлину, который взял его, а затем незамедлительно направил на Шипли, нажал на спуск и вышиб ему

мозги, уделав ими заднее стекло.

— Господи Иисусе! — вскрикнул Пэтчетт.

— Успокойтесь, Пэтчетт, — сказал Берлин, убирая свое собственное оружие и направляя на него пистолет Шипли.

И тут он кое-что заметил. Устроившись на пассажирском сиденье боком, подтянув к себе колени, спиной к ветровому стеклу и лицом к заднему сиденью, под этим углом случайно увидел кое-что.

Пошарив свободной рукой в щели между сиденьем и центральной консолью, Берлин вытащил оттуда розовый «Айфон». Телефон Скайлар Эдвардс, который Пэтчетт так и не сумел найти ни у нее в карманах, ни в сумочке после того, как избил и задушил ее.

— Вам это почти сошло с рук, так ведь? — спросил Берлин. — Я тут просто подумал, что должен сообщить вам, что Денвир мертв. Люди из вашего списка на устранение на данный момент в безопасности. И вот как все пойдет дальше. Мы уже успели заскочить в шерифское управление Бакстауна и забрать оттуда улики, найденные в доме Фрэнсиса Эдвардса. Теперь ни вы, ни кто-либо другой не сможет использовать его убийство в своих целях. Средства массовой информации по-

дадут его смерть как трагедию, вызванную горем и психическим расстройством. И это всё. Здесь не будет никакой политической подоплеки. А вот что касается Шипли — ну, тут совсем другое дело. ФБР обязательно найдет в его доме множество атрибутов, указывающих на рьяного сторонника превосходства белой расы. А еще список целей. В котором будете и вы. Примерно через три минуты эта машина въедет на мост через Локсахатчи и упадет в реку. Не бойтесь утонуть — вы будете уже мертвы. Убиты Шипли, отъявленным белым супрематистом. Вы станете мучеником борьбы за гражданские права, губернатор. Как вам такое?

Пэтчетт рванулся вперед, нацелившись скрюченными пальцами в лицо Берлину.

Хлопнул выстрел, и еще один, и еще.

А потом наступили тишина и полная темнота.

Глава 77

Эдди

На следующее утро

Когда мы с Гарри зашли в закусочную на Мейн-стрит, там было почти пусто. Здоровяк за стойкой, Гас, заметил нас, как только мы вошли.

Враждебности Гас не проявил. Но и радушия тоже. Он едва взглянул в нашу сторону, и, судя по выражению его лица, отнюдь не из неприязни по отношению к нам. Местные СМИ уже сообщили, что судья Чандлер закрыл дело против Энди Дюбуа. Судья Чандлер был, несомненно, редкостным говнюком, но тот факт, что он извинился перед Энди, во многом изменил мнение общества. Здесь того больше не считали убийцей. Однако такие люди, как Гас, в жизни не стали бы извиняться, пусть даже он сгорал от стыда, — это было для него слишком.

Мы заняли столик у окна, с четырьмя стульями. Я заказал официантке блинчики и кофе. Гарри тоже.

— Мне начинает нравиться этот городок, — заметил он.

— Хочешь переехать сюда? Ни в чем себе не отказывай. Тебе уже давно пора нормально выйти на пенсию.

— Я не собираюсь уходить на пенсию. Пока что. В этом городе еще многое предстоит сделать, хотя, я думаю, они тут и сами справятся.

Звякнул колокольчик над дверью; вошли Блок и Кейт, которые присоединились к нам за столиком. Официантка, показавшаяся нам знакомой,

подошла с термосом кофе и четырьмя чашками. Сэнди налила нам с Гарри кофе и спросила у Блок и Кейт, что бы они хотели.

— Ты прикинула расходы, о которых мы говорили? — спросил я у нее.

— Да, спасибо. Это много для меня значит, — сказала Сэнди.

Берлин выделил мне пятьсот тысяч на внесение залога за Энди и добавил еще пятьдесят тысяч для Сэнди.

В газетах только и писали, что о нашем судебном процессе, о смерти губернатора от рук шерифа Шипли и о самоубийстве Рэндала Корна, найденного мертвым в своей камере судебного изолятора временного содержания. Департамент исправительных учреждений выступил с заявлением, в котором утверждалось, что Корн прятал на себе кожаный бандаж с иголками и что он был найден с этим предметом у себя на шее. Которым и задушил себя вчера в течение дня.

Я примерно представлял, в котором часу.

Из пятисот штук, которые Берлин выделил для внесения залога за Энди, мы тогда сняли только сто двадцать пять тысяч, которые передали в управление по внесению залога, выдав их за полные пятьсот. В итоге на этом счете оставалось

триста семьдесят пять тысяч долларов, о переводе которых я договорился вчера вечером. Блок все устроила. Деньги пошли одной благотворительной организации, финансирующей апелляции заключенных, приговоренных к смертной казни. Вице-президентом которой была приятная дама по имени Джейн. Первым делом в их списке была посмертная апелляция по делу Дариуса Робинсона.

Подкрепившись, в основном в молчании, мы покинули закусочную. Кофе и блинчики были просто божественными.

А потом мы поехали к зданию суда, где встретились с Энди и Патрицией. Оба явно нервничали.

— Я думала, что дело закрыто, Эдди, — сказала Патриция.

— Да, просто нужно уладить кое-какие бумажные дела, — сказал я.

Мы зашли в офис суда, и Гарри переговорил со служащей из отдела залога. Вернулся он с двумя листами бумаги в руке.

— Эта тетка говорит, что ей позвонили из банка, — сказал Гарри. — Похоже, что, когда она вносила сумму залога в размере пятисот тысяч долларов наличными, они насчитали только сто двадцать пять тысяч.

— Странно… Должно быть, служба залога где-то обсчиталась, причем больше чем на триста тысяч, — предположила Кейт.

— Именно это я ей и сказал, — сказал Гарри, помахав одним из листков. — Потому что у нас есть квитанция на пятьсот тысяч.

— Верно, — согласилась Блок.

— А что на другой бумажке? — полюбопытствовал я.

— Ее номер телефона. Я ей нравлюсь. Она уже пообщалась с судьей и поделилась с ним моим мнением о пропавших деньгах. Я сказал ей, что у покойного окружного прокурора Рэндала Корна нашлось достаточно денег, чтобы шантажировать присяжных, и что он мог забрать деньги, внесенные в качестве залога за Энди, из сейфа в офисе суда. Судья списывает триста семьдесят пять тысяч в убытки, как вероятно украденные Корном.

— Поехали в банк, — сказал я.

Мы подъехали к банку, припарковались и вошли внутрь. Я подошел к окошку кассы вместе с Патрицией и Энди.

— Эти добрые люди хотели бы открыть совместный счет на фамилию Дюбуа.

Кассирша записала их данные, а Патриция все

это время вопросительно смотрела на меня. Она не понимала, что происходит.

— Надо внести какую-то сумму, чтобы открыть счет, — сказала кассирша.

Гарри сунул мне квитанцию. Я передал ее кассирше.

— Вот судебное постановление о перечислении пятисот тысяч долларов из денежных средств суда на имя Энди Дюбуа. Это деньги, внесенные в качестве залога, которые сейчас ему возвращаются. Этого должно хватить.

* * *

На выходе из банка Энди пришлось поддерживать Патрицию. Она не хромала. Она брякнулась в обморок прямо перед кассиршей.

К тому времени, как мы добрались до машины, Патриция уже чувствовала себя намного лучше.

* * *

В самолете, летевшем в аэропорт Кеннеди, я размышлял обо всем, что произошло за последние несколько дней. Как близко мы были к цели. И насколько нам повезло. Берлин явно начнет бухтеть по поводу того, что выделенные для

внесения залога полмиллиона долларов так и не были возвращены, но он вполне сможет спрятать эту пропажу где-нибудь в своих бухгалтерских книгах. Он вообще мастер скрывать все, что угодно.

Прежде чем мы отправились в аэропорт, Кейт проследила за тем, чтобы временно исполняющий обязанности окружного прокурора Вингфилд прекратил дело о наркотиках против Дэмиена Грина, того продавца с бензоколонки. А еще поговорила с Тейлором Эйвери — познакомила его с юристом по недвижимости, который позаботится о том, чтобы никто не наложил лапу на его ферму.

Тейлор Эйвери…

В итоге все наши уловки в суде не имели абсолютно никакого значения. Мы говорили правду. И именно благодаря Тейлору Эйвери Энди оказался на свободе. Тейлор слушал. А потом встал и использовал свой голос. Он высказался в защиту другого человека, потому что именно так и надо было поступить. И ни политика, ни деньги были тут не при чем.

Он совершил правильный поступок, не оглядываясь на то, во что это могло ему обойтись.

И если когда-нибудь наступит момент, когда я

понадоблюсь ему, то я буду рядом.
Чтобы высказаться в его защиту.

Примечание автора

В период с января 2018 года по август 2020 года в Соединенных Штатах было казнено пятьдесят семь человек. Пятеро из них расстались с жизнью на электрическом стуле.

За тот же период десять заключенных, приговоренных к смертной казни, были оправданы.

В тех штатах, где смертная казнь все еще применяется, подобный приговор выносится только за наиболее тяжкие преступления, и окружные прокуроры вправе решать этот вопрос по собственному усмотрению. Большинство из них предпочитает не запрашивать высшую меру наказания, за исключением самых ужасающих преступлений. Однако некоторые окружные прокуроры готовы добиваться смертной казни при малейшей на то возможности. Когда я писал этот роман, то наткнулся на исследование, проведенное проектом «Справедливое наказание» («Пятерка самых смертоносных прокуроров Америки: как чрезмерно ретивые личности правят смертной казнью»), которое показало, что за вынесение четырехсот сорока смертных приговоров, что составляет около пятнадцати процентов

от общего числа обитателей камер смертников по всем Соединенным Штатам, были ответственны всего пять окружных прокуроров. Эти люди были настолько одержимы идеей смертной казни, что иногда нарушали те самые принципы правосудия, которые они клялись соблюдать, — просто чтобы отправить кого-то в камеру смертников.

На момент написания этих строк ФБР и Агентство национальной безопасности классифицировали террористические группировки сторонников превосходства белой расы как самую большую угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов.

«Белая камелия» представляла собой совершенно реальную организацию, совершившую ряд зверств в период с 1867 по 1870 год. Когда губернатор Джон Паттерсон объявил в Монтгомери, штат Алабама, военное положение, то действительно назвал «Наездников свободы» и преподобного Мартина Лютера Кинга-младшего причиной насилия в городе. Хотя на деле полиция Монтгомери стояла и наблюдала, как члены Ку-клукс-клана и обычные белые граждане Алабамы избивают молотками и железными трубами черных и белых

молодых людей, как мужчин, так и женщин [173]. Конгрессмен Джон Льюис, известный борец за гражданские права и один из тринадцати «Наездников свободы», протестовавших тогда против расовой сегрегации на Юге, сказал в декабре 2019 года: «Когда вы видите что-то неправильное, несправедливое, непорядочное, у вас есть моральное обязательство что-то сказать».

Объявляя о введении военного положения в новостях телеканала «Дабл-ю-си-би» 21 мая 1961 года, губернатор Алабамы Джон Паттерсон вдел в лацкан пиджака белый цветок.

[173] notes: 173

Здесь, наверное, стоит добавить, что чернокожие «Наездники свободы» (Freedom Riders) попросту решили воспользоваться предоставленным им правом на общих правах пользоваться общественным транспортом и доехать до Монтгомери на обычном междугороднем автобусе компании «Грейхаунд». По дороге этому автобусу несколько раз прокалывали шины, а под конец и вовсе сожгли его дотла.

Благодарности

Моя первая искренняя благодарность, как и всегда, — моей жене Трейси, потому что без нее этой книги, как и всех остальных, просто не существовало бы. Она — это огромная часть успеха моих книг, и если вам понравилась эта или любая другая из них, то вам наверняка тоже захочется поблагодарить ее.

Спасибо Шейну Салерно и всем сотрудникам «Стори фэктори» за их работу и наставничество. Я могу с полной уверенностью заявить, что Шейн — лучший литагент в мире, и считаю, что мне очень повезло познакомиться с ним и заполучить такого представителя и друга. Моя семья тоже благодарит его каждый божий день.

Спасибо Франческе Патхак и всем сотрудникам «Орион букс» за их терпение, редакторский и издательский труд.

Спасибо Али Кариму за техническую консультацию касательно ВРПВЖ. Али хорошо известен в сообществе любителей криминальной литературы по всему миру и был моим сторонником на протяжении многих лет. Я рад знакомству с ним, его опыту и дружбе. Спасибо тебе, Али!

И моя огромная благодарность тебе, читатель. Мне очень повезло, что ты у меня есть, и я думаю, что важно отметить и твой вклад. Эдди Флинн живет лишь благодаря тебе. И он так же благодарен тебе, как и я.

Спасибо, что читаешь мои книги. Я говорю это совершенно серьезно.

Надеюсь, лучшие из них еще впереди.

Стив Кавана
Соучастница

Steve Cavanagh
THE ACCOMPLICE
Copyright © Steve Cavanagh 2022

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

* * *

СОУЧАСТНИЦА

THE ACCOMPLICE

СТИВ КАВАНА

INSPIRIA
Москва

Посвящается Трейси

Вечером, когда дети преспокойно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле-Лукойе. Он обут в одни чулки и тихо-тихо поднимется по лестнице; потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнет в комнату и сыпанет детям в глаза очень мелкой пыли. Тогда веки у детей начинают слипаться, и они уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылки. Подует, и головки у них тотчас отяжелеют. [Его брата] тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше одного раза в жизни. А когда же явится, то берет человека, сажает к себе на лошадь и рассказывает ему сказки… а еще его зовут Смерть[174].

---

[174] notes: 174

Кое-кто наверняка вспомнит, что в русском переводе этой сказки, как и в датском оригинале, Оле-Лукойе (Олле-Закрой-Глазки) брызжет детям в глаза сладким молоком из чего-то вроде спринцовки. Однако в ряде англоязычных переводов этот персонаж, даже сохранив данное ему Андерсеном имя, действует более привычным для многих европейцев способом — подобно своему фольклорному прародителю Песочному человеку (Сэндмену по-английски) засыпает детям глаза каким-то мелким порошком или песком. Так что известный русский перевод Анны Ганзен тоже пришлось слегка модифицировать. — *Здесь и далее прим. пер.*

«Оле-Лукойе»
(Легенда о Песочном человеке),
Ганс Христиан Андерсен, 1888 г.

Пролог
Пейдж Дилейни

Командир полицейского спецназа объявил десятисекундную готовность.

Когда обратный отсчет дойдет до нуля, им останется преодолеть еще сотню ярдов ухоженного газона, прежде чем подобраться к задней двери. Пейдж Дилейни приподнялась с мокрой листвы и оттянула вниз болтающуюся перед глазами тонкую сосновую веточку, чтобы лучше видеть дом. Над силуэтом кирпичного особняка в колониальном стиле, расположенного в Олд-Уэстбери, штат Нью-Йорк, низко навис меловой шар луны.

Набрав полные легкие воздуха, она медленно выдохнула. Прислушалась к отсчету в наушнике рации.

«Десять…»

Ей нравились цифры. За долгие годы службы в ФБР в качестве специального агента подразделения поведенческого анализа номер два Дилейни научилась доверять цифрам больше, чем людям. А цифры в этом деле были просто экстраординарными.

«Девять…»

Вот уже четырнадцать месяцев и двенадцать дней она охотилась за человеком, которого газеты окрестили Убийцей с Кони-Айленда. Разумеется, сам он предпочитал совсем другое прозвище, о чем и сообщил в одном из своих писем в ФБР, копию которого отправил в «Вашингтон пост». Он называл себя Песочным человеком — Сэндменом.

«Восемь…»

В среднем Дилейни работала по пятнадцать часов в сутки. Межведомственная оперативная группа, которой она руководила на пару со специальным агентом Биллом Сонгом — около двухсот полицейских и федеральных агентов, — уже опросила более тысячи потенциальных свидетелей и переговорила с семьюдесятью одним подозреваемым. Материалы по делу занимали уже шестьдесят три коробки, распределенные по двум комнатам хранилища вещдоков в нью-йоркском отделении Бюро.

«Семь…»

Далее шли пусть и не столь крупные, но куда более серьезные цифры. Те, что попали на первые полосы газет.

Семнадцать жертв. Мужчины и женщины.

Первые жертвы были найдены полуприкопанными в песке на пляже Кони-Айленд. Эти люди были застрелены, истыканы ножом и изуродованы. Усиленное присутствие полиции на пляже изменило тактику убийцы. Остальных своих жертв он убивал в их собственных домах. Чаще всего кого-то одного. Но иногда лишал жизни и еще кого-нибудь в доме.

«Шесть…»

Психологический профиль Песочного человека, составленный Дилейни, выявил две закономерности, характерные для каждого из убийств. Одна из них была известна абсолютно всем. И СМИ просто обожали смаковать эту чернушную подробность. Сразу после того, как жертвы были убиты, их раны, рты и пустые глазницы заполнялись песком. Глаза убийца забирал с собой. Казалось, будто по ночам весь Нью-Йорк замирал, затаив дыхание, в ожидании нового злодеяния в том же духе.

«Пять…»

О втором маркере профиля знали только Дилейни и пара-тройка избранных из командования оперативной группы. Нельзя было допустить, чтобы это просочилось в прессу. Убийца забирал у каждой из жертв какие-то личные мелочи. Это

могло помочь в один прекрасный день поймать и осудить его, поэтому данный момент держался в строжайшем секрете. В основном это были ювелирные украшения.

«Четыре…»

Со временем эти цифры начали работать против Песочного человека. Невозможно раз за разом совершать идеальные убийства. Рано или поздно он должен был ошибиться. Дилейни была уверена в этом — и оказалась права. Три дня назад были обнаружены его последние жертвы. Семья Нильсен. Муж и жена — детей чем-то усыпили на время убийства. Дети рассказали, что ночью почувствовали, как кто-то дует им в шею, затем — резкий укол, после чего они моментально заснули.

На грудной клетке миссис Нильсен, прямо под ее правой рукой, был найден кровавый отпечаток большого пальца.

«Три…»

Совпадение по этому отпечатку обнаружилось меньше чем через два дня, хотя и не в какой-то из криминальных баз данных. Дэниелу Миллеру, сорока пяти лет, пришлось предоставить свое удостоверение личности и отпечатки пальцев для регистрации лицензии на осуществление

операций на фондовом рынке — в соответствии с законом о банковской деятельности. Следующие пятнадцать часов пролетели незаметно, пока Дилейни составляла для себя картину жизни Миллера, получала представление о его частном инвестиционном бизнесе, его прошлом и, что самое главное, его нынешнем местонахождении. Миллера не было в списке подозреваемых, который изначально включал несколько тысяч возможных кандидатур и который они успели основательно сузить.

«Два…»

Стрелки часов приближались к десяти вечера. На первом этаже дома Миллеров кое-где горел свет — на кухне, в гостиной и прихожей. Дилейни вытащила свой «Глок–19». Подалась вперед. Мышцы у нее напряглись, ладони уже покрылись испариной. Она уже была готова избавиться от запаха сосны и гнилых листьев. Готова была вырваться из-под прикрытия деревьев. Готова сцапать свою добычу. По предварительным данным, в этом доме проживали двое — Дэниел Миллер и его жена Кэрри.

«Один…»

Нуля она дожидаться не стала.

Где-то неподалеку взрыкнул мощный мотор

«Форда Краун Виктория». Прозвучало это словно выстрел стартового пистолета. К тому моменту, как командир спецназа выкрикнул «Пошли!», все уже были на ногах и, вспахивая тяжелыми ботинками газон, неслись каждый к своей точке. Дилейни опережала как минимум дюжина федеральных агентов и полицейских — даже в тяжелом боевом снаряжении, шлемах и кевларе. Впрочем, она не собиралась сегодня выигрывать спринтерские забеги, да это было и ни к чему. Первыми все равно должны были войти другие — бойцы, обученные вышибать двери зданий, обитатели которых решительно возражали против появления подобных незваных гостей.

К тому времени как Дилейни ступила во внутренний дворик и миновала бассейн, команда спецназа была уже внутри, задняя дверь болталась на петлях. Она услышала голос. Крик. Женский.

Дилейни выждала у задней двери, с оружием наготове. С ней были еще пять агентов ФБР — спецы по обыску. Вместе со служебными удостоверениями ФБР на шеях у них висели ламинированные карточки с фотографиями ключевых задач обыска — ювелирных изделий, прихваченных убийцей в качестве сувенира.

Некоторые из них, редкие и уникальные, было бы довольно легко опознать — вроде ожерелья из таитянского черного жемчуга, три дня назад сорванного с шеи Стейси Нильсен.

«Его здесь нет, — послышалось в наушнике. — В доме, на территории и в гараже все чисто. Жена на кухне. Объект занят».

Невольно ругнувшись, Дилейни вошла в дом через заднюю дверь. Большое подсобное помещение вело в просторную кухню. В двенадцатифутовой высоты сводчатом потолке зияло огромное окно, которое днем наверняка заливало это немалое пространство ярким светом. Сейчас же казалось, будто оно пропускает одну лишь темноту. На кухонной стойке лежал на боку винный бокал. Красное вино лужей растеклось по мраморной столешнице, медленно капая на белый кафельный пол.

В дальнем углу комнаты на диване сидела женщина с короткими темными волосами. Кэрри Миллер, плача, мотала головой, подняв взгляд на двух вооруженных спецназовцев полиции Нью-Йорка, которые стояли над ней и задавали вопросы. На ней были белая футболка, спортивные штаны из мягкой серой ткани и кремовые домашние носки. Подойдя ближе, Дилейни

обратила внимание на идеальный овал лица женщины, чистую кожу и ярко-зеленые глаза, наполненные слезами.

— Да не знаю я, где он! Его нет дома уже несколько дней. Он-он с-сказал, что уезжает по делам, п-пожалуйста… В чем дело, я…

— Миссис Миллер, я специальный агент Пейдж Дилейни. Я понимаю, насколько вы сейчас испуганы. Сожалею, что нам пришлось вторгнуться сюда таким вот образом. У нас есть ордер на обыск ваших владений и арест вашего мужа, Дэниела Миллера.

Трудно предугадать, кто как способен отреагировать на подобное известие. В тот момент Дилейни не была уверена, что Кэрри до конца понимает происходящее.

— Миссис Миллер, то, что я собираюсь сказать, наверняка вас очень сильно расстроит, но для вашей же безопасности вам необходимо знать правду.

Прежде чем окончательно огорошить Кэрри Миллер, вывалив на нее все зловещие подробности, Дилейни примолкла и встретилась с ней взглядом. Вид у Кэрри был уже совершенно убитый. Макияж у нее на лице поплыл, размытый слезами. Она шмыгнула носом и с силой потерла

ладонями щеки, размазав помаду по белоснежным зубам. В душевной травме есть что-то такое, что здорово уравнивает людей. Дилейни уже множество раз доводилось так вот сидеть на диване с какой-нибудь женщиной и сообщать ей плохие вести.

В этом смысле Кэрри ничем не отличалась от всех этих женщин.

Богатой ее сделало замужество. Дилейни знала, что Кэрри происходила из бедной семьи на Среднем Западе, приехала в Нью-Йорк, чтобы стать актрисой, и где-то на этом пути судьба свела ее с Дэниелом Миллером. Столь ли важно, чем подкрашивали свои обкусанные губы те женщины, которых Дилейни утешающе обнимала на таких вот диванах, — десятидолларовой помадой «Мейбелин» или девяностодолларовой «Кристиан Лабутен»? Открытая сумочка Кэрри лежала на стеклянном кофейном столике, и Дилейни была рада увидеть в ней какую-то дешевую помаду. Непохоже, что деньги особо изменили Кэрри. А это свидетельствовало о ее характере. Она подумала, что Кэрри понадобится вся ее сила духа, чтобы пережить следующую главу в своей жизни.

Для серийных убийц нет ничего необычного в том, чтобы совершать жестокие преступления

и вести при этом вполне нормальную жизнь. СПУ, Гейси, Убийца с Грин-Ривер[175] и многие другие серийные убийцы были женатыми мужчинами. Как только шок и неверие проходят, а жены окончательно осознают, что на самом деле представляют собой их мужья, начинается внутренняя борьба другого рода. Со временем Кэрри, как и те женщины, будет вновь и вновь задавать себе один и тот же вопрос: как она могла не знать, что вышла замуж за монстра? А потом подключится чувство вины. Совершенно незаслуженное чувство вины, но оно будет ощущаться как самое настоящее и причинять столь же сильную боль. Эти женщины не только вдруг осознают, что у них нет будущего, но и что напрочь исчезло все то счастье, которым они наслаждались в прошлом. Что каждый поцелуй, каждое объятие, каждое мгновение, проведенное вместе, отныне отравлены — заражены этой нежданно свалившейся вестью. И тогда их поразит *настоящая* боль от

[175] notes: 175

СПУ (*англ.* BTK — «bind, torture, kill») — прозвище американского серийного убийцы Денниса Рейдера (р. 1945): сокращение от «связывать, пытать, убивать»; Джон Уэйн Гейси, «Клоун-убийца» (1942–1994) — американский серийный убийца и насильник, в 1970-х гг. изнасиловал и убил 33 человека, пять из которых до сих пор не опознаны; «Убийца с Грин-Ривер» — американец Гэри Риджуэй (р. 1949), печально известный количеством своих жертв (48 доказанных убийств женщин и девушек в период с 1982 по 1998 г.).

вопроса — что же в них было такого, что привлекло такое воплощение зла? Если это не разорвет Кэрри на части в ближайшую пару лет, то она, наверное, справится с этим. Дилейни очень на это надеялась. Еще раз глянув на десятидолларовую губную помаду в лежащей на столе сумочке, она подумала, что у Кэрри, пожалуй, тут побольше шансов, чем у большинства.

— Можно я буду называть вас Кэрри? — спросила она.

Та согласно кивнула, губы у нее были слегка приоткрыты, словно впуская внутрь недоверчивый страх и ужас, заставляющие ее дрожать всем телом.

— Кэрри, мы думаем, что ваш муж — убийца, известный как Песочный человек.

Ну что на такое можно сказать? Как отреагировать? Дилейни считала, что абсолютно *любая* реакция будет приемлемой. Это не из того, что так уж легко переварить и осмыслить. Однако она знала, что процесс осмысления все равно неизбежен. И первым его шагом будет отрицание: «Вы нацелились не на того человека! Я знаю своего мужа — это просто смехотворно, он не склонен к насилию, он такой хороший отец, он обеспечивает нас, заботится о нас. Простите, но

это наверняка какая-то ошибка…»

Приоткрытые губы Кэрри Миллер задрожали, и взгляд ее пробежался по лицу Дилейни.

Но она ничего не сказала. Не стала отстаивать невиновность своего мужа. Это напомнило Дилейни ее десятый день рождения. В тот день умер ее отец, уже месяц лежавший в больнице с неоперабельной опухолью головного мозга в последней стадии. Он был в коме, и она навестила его в то утро. Днем состоялось небольшое празднование — три ее лучшие подруги и тортик. После того как все разошлись, ее мать уже надевала пальто, чтобы вернуться в больницу, когда зазвонил телефон. Дилейни никогда не забудет мамино лицо в тот момент. Казалось, будто слезы заморозили его, лишив всякого выражения. Кэрри сейчас выглядела точно так же. Женщина, которая знала, что должно произойти что-то ужасное, даже успела подготовиться к этому, но когда это наконец произошло, боль оказалась сильнее, чем она ожидала.

— Не принесете ли Кэрри стакан водички? — попросила Дилейни одного из спецназовцев, и тот подошел к буфету, нашел стаканы, налил в один из них воды из-под крана и протянул Кэрри. Она взяла стакан обеими руками и, дрожа, под-

несла к губам.

— Если вы знаете, где он, то мне нужно, чтобы сейчас вы назвали мне это место, — сказала Дилейни.

— Я не знаю, где он, — ответила Кэрри. — И мне все равно. Я больше не хочу его видеть, никогда в жизни.

Нажав на тангенту рации, прикрепленной к бронежилету, Дилейни спросила:

— Нашлось что-нибудь в ходе обыска, Билл?

Ответ от старшего группы агента Билла Сонга поступил незамедлительно:

— Поднимайся наверх. В хозяйскую спальню.

Она быстро поднялась по парадного вида лестнице, преодолевая по две ступеньки за раз. Большая хозяйская спальня располагалась в конце коридора, по левую сторону. Внутри ее обнаружились два мягких кресла с пологими спинками, зеркало, широченная кровать по центру и плоский телевизионный экран на стене.

— Вот тут, в шкафу, — показал Билл.

В спальне имелись еще две двери — отдельной ванной комнаты и гардеробной, которая оказалась примерно такого же размера, как вся квартира Дилейни на Манхэттене. По обеим сторонам от входа высились стеллажи из красного

дерева, комоды и платяные шкафы. С одеждой обоих обитателей дома. Ее и его. Билл посветил фонариком на вешалку с белыми рубашками, плотно притиснутыми друг к другу.

— Глянь-ка на манжету вот на этой, — сказал он.

На рукаве виднелось небольшое пятно. Как будто на нее брызнула какая-то темная жидкость. Хотя рубашка была выстирана и выглажена, это пятно цвета ржавчины все еще оставалось на ней. Дилейни в свое время достаточно насмотрелась окровавленной одежды, чтобы понимать, что выглядит оно подозрительно.

— Упакуйте, — распорядилась она.

Билл щелкнул пальцами, подзывая криминалиста, стоявшего позади него, и тот начал открывать пакет для улик.

— Это еще не всё, — добавил Билл, нацеливая фонарик на выдвинутый ящик комода.

Заглянув в него, Дилейни увидела множество драгоценных украшений, разложенных на черной ткани. Некоторые из них показались ей знакомыми. Особенно одно.

Ожерелье из черного жемчуга Стейси Нильсен.

— Есть! — с улыбкой произнес Билл.

— Вот эту рубашку? — спросил криминалист.

Дилейни обернулась. Да, все правильно. Упаковать следовало именно ее — белую рубашку с пятном на…

И только тут она поняла, что это не мужская рубашка.

А женская блузка.

Дилейни повернулась к ящику с драгоценностями. Тот находился на «ее» половине гардеробной.

Билл Сонг спросил в рацию:

— Того фургона на территории не видать?

— По крайней мере, не в гараже, — последовал ответ.

— Блин, — бросил Сонг.

— У нас есть ожерелье и его ДНК, — сказала Дилейни. — Вообще-то, нам не особо нужен этот фургон.

— Мне нужно все, — произнес Билл.

Те немногие свидетели, что находились поблизости от мест преступлений во время совершения убийств, сообщили, что видели неподалеку капотный доставочный фургончик с кузовом темного цвета. ФБР выявило уже около одиннадцати тысяч зарегистрированных владельцев подобных фургонов с кузовом темного цвета в Нью-Йорке. Хорошо еще, что был замечен не бе-

лый фургон, поскольку в обращении находилось пятьдесят пять тысяч таких машин. Совместно с сотрудниками местных отделов полиции агенты ФБР обошли все дома владельцев фургонов темного цвета, исключая полученные из базы данных имена из списка подозреваемых.

Возле офиса Дэниела Миллера такого фургона не оказалось. Дома тоже.

Зазвонил телефон Билла. Глянув на имя, высветившееся на экране, он передал мобильник Дилейни, которая вышла в коридор, чтобы ответить.

— Телефон Билла Сонга, — произнесла она.

— А где сам Билл? — недовольно спросил Дрю Уайт, помощник окружного прокурора, ведущий дело Песочного человека.

— Он сейчас занят. Дрю, у нас тут обыск в самом разгаре.

— Скажи мне, что фургон у вас.

— У нас есть кое-что получше. У нас есть ожерелье, — сказала Дилейни.

— Что ж, это хорошая новость… А у меня, боюсь, только плохие. Хочешь знать, почему Дэниела Миллера не было в нашем списке для розыска фургона?

Дилейни прикрыла ладонью другое ухо, полно-

стью сосредоточившись на Уайте.

— Он купил его с рук и не зарегистрировал? — спросила она.

— Нет. Миллер был в нашем списке, черт возьми! Мы могли зацапать его еще два месяца назад.

— Господи, почему же его исключили?

Со всех сторон до Дилейни доносились звуки выдвигаемых ящиков и открываемых шкафов, содержимое которых вываливалось на пол, топот тяжелых ботинок, громкие мужские голоса — но, несмотря на все это, она слышала только голос Уайта.

Закончив разговор, он повесил трубку. Дилейни направилась к лестнице, вдруг ощутив тяжесть в желудке. Билл последовал за ней.

— Чего хотел Уайт? — спросил он.

Дилейни ничего не ответила, поэтому он задал этот вопрос еще раз. Она продолжала спускаться, по-прежнему не проронив ни слова. Прошла по коридору в гостиную и остановилась перед дрожащей Кэрри:

— Кэрри Миллер, я арестовываю вас по подозрению в совершении нескольких умышленных убийств…

СРОЧНО! ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПОЛУЧИЛ

ИМЯ

Последние новости на этот час по делу Песочного человека из Нью-Йорка: объединенная оперативная группа под началом ФБР подтвердила, что ее сотрудники окончательно установили личность серийного убийцы, который терроризировал город на протяжении уже более года. Руководитель этой группы, специальный агент Уильям Сонг, провел пресс-конференцию, на которой заявил, что теперь у них имеются улики, позволяющие идентифицировать сорокапятилетнего Дэниела Миллера, менеджера одного из нью-йоркских хедж-фондов, как Песочного человека. Соответствующие оповещения разосланы по всем автовокзалам, железнодорожным станциям, паромным терминалам и аэропортам страны. Гражданам следует проявлять повышенную осторожность в случае встречи с Миллером, который, по словам специального агента Сонга, вооружен и чрезвычайно опасен. Чтобы выяснить подробности этой сенсационной

истории, мы выходим на прямую связь с нашим корреспондентом по вопросам преступности и правосудия Шимоном Прокупечем, который в данный момент находится на Федерал-плаза[176]…

НОВОСТНОЙ ВЫПУСК ТЕЛЕКОМПАНИИ СИ-ЭН-ЭН

ПО ДЕЛУ ПЕСОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА
ОФИЦИАЛЬНО
ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ

[176] notes: 176
По адресу Федерал-плаза, 26, в Нью-Йорке находится управление ФБР.

Окружная прокуратура Южного округа города Нью-Йорка подтвердила, что через шесть месяцев после ареста Кэрри Миллер, жены предполагаемого серийного убийцы Дэниела Миллера, большим жюри ей было предъявлено обвинение по шести эпизодам умышленного убийства. Помощник окружного прокурора, ведущий это дело, Дрю Уайт, сообщил журналистам, что, по их мнению, Кэрри Миллер не только знала, что ее муж – это и есть печально известный Песочный человек, но и была его сообщницей по меньшей мере в шести убийствах. Мистер Уайт подчеркнул, что эти обвинения отражают улики, которые напрямую указывают на Кэрри Миллер как на соучастницу убийства этих шести жертв. Каждый пункт данного обвинения предусматривает наказание в виде пожизненного заключения…

«Нью-Йорк таймс»

САМАЯ ПОРОЧНАЯ ЖЕНЩИНА АМЕРИКИ

Ее муж – самый разыскиваемый человек в Америке. Она – жена предполагаемого серийного убийцы Дэниела Миллера, более известного как Песочный человек. В следующем месяце эта женщина должна предстать перед судом по обвинению в шести убийствах. Окружная прокуратура Южного округа Нью-Йорка утверждает, что она действовала как сообщница своего мужа, зная, что он – серийный убийца: активно способствовала ему в совершении преступлений и даже помогала избежать поимки. Сама Кэрри Миллер решительно отрицает все обвинения, но это не останавливает спекуляций касательно того, что она знала и чего не знала о царстве ужаса своего мужа. Мы поговорили с бывшими коллегами Кэрри Миллер. Они описывают женщину холодную, как могила…

«Нэшнл Инквайрер»

Соседи и знакомые женщины-убийцы рассказывают…

Судебный процесс над Кэрри Миллер,

известной как супруга Песочного человека, начинается уже на следующей неделе, и в связи со все ширящимися рассуждениями на тему того, что Кэрри Миллер знала о преступной деятельности своего супруга, мы на условиях анонимности поговорили с ее соседями и школьными друзьями и спросили их, каково это – быть в числе знакомых той, кто может нести ответственность за многочисленные убийства, и имелись ли какие-либо ранние признаки того, что Кэрри Миллер способна действовать заодно с серийным убийцей.

«Я просто всегда считала, что она немного странная. Эдакая тихоня, знаете ли», – говорит ее ближайшая соседка.

«Я знаю Кэрри уже пятнадцать лет. Мы были лучшими подругами в старших классах. Я была подружкой невесты у нее на свадьбе. Господи, даже от одной мысли об этом у меня мороз по коже! Если вы хотите спросить меня, могла ли она убить кого-нибудь, то должна сказать, что даже не знаю…»

«Я ей не доверяю. И никогда не дове-

ряла. С того самого момента, как она поселилась по соседству. Понимаете, у меня такое ощущение, будто от нее так и исходит зло. Я больше не могу даже смотреть на ее дом!»

О Песочном человеке ничего не было слышно с тех самых пор, как он скрылся от полиции. Но недавно пошли разговоры, будто его жена готова пойти на досудебную сделку. В обмен на информацию, которая может привести к поимке Песочного человека, Кэрри Миллер может выйти на свободу. Мы спросили у ведущего обвинителя, Дрю Уайта есть ли в подобных слухах хотя бы доля правды, и получили четкий ответ: «Жертвы взывают к правосудию. Никакой сделки не будет». Судебный процесс начнется на следующей неделе, как и планировалось.

«Вашингтон пост»

Глава 1
Эдди

Все началось с совершеннейшего незнакомца.

Как это всегда и бывает.

Хотя этот незнакомец, сидящий в коричневом кожаном кресле в приемной моей фирмы, не был похож на всех остальных. По крайней мере, как показалось поначалу. Его длинные ноги были обтянуты синими шерстяными брюками в тонкую полоску — из такой же ткани, что и весь остальной костюм. Белоснежная рубашка представляла собой смесь шелка и хлопка. Довершал этот наряд широкий темно-синий галстук. Вьющиеся каштановые волосы этого типа были зачесаны назад, а бородка аккуратно подстрижена. Выглядел он как модель из каталога, продающего такие костюмы. И вполне мог бы им быть, если б не одна черта, объединяющая его с остальными людьми, которые обычно сидят в моей приемной. Он понуро обмяк в кресле, вытянув перед собой свои длинные ноги, как будто только что прошел пятьдесят кварталов в новеньких неразношенных ботинках. Помимо усталости, выражение

глаз у него тоже казалось очень знакомым.

Его взгляд блуждал по комнате, но словно не замечая ничего вокруг. Глаза его будто искали что-то, чего никак не могли найти. У него был вид человека, обремененного какой-то невероятно тяжелой ношей.

Проблемы и беды — это деньги. И вы не станете приходить ко мне, если только беды у вас не самого худшего свойства. Не так давно из-за локдауна, вызванного пандемией, денежный ручеек, втекающий в нашу контору, заметно иссяк. Теперь Нью-Йорк понемногу восстанавливался, вакцины помогли, и дела пошли веселей. Я некоторое время внимательно изучал этого мужчину в хорошем костюме, и он показался мне смутно знакомым. Дениз, наша секретарша, прошла мимо него, одарив его мимолетной улыбкой, открыла стеклянную дверь моего кабинета и закрыла ее за собой.

Я уже выпил свою первую за день чашку кофе и встал, чтобы принести еще из кофеварки на кухне.

— Сидите, — с улыбкой произнесла Дениз.

В руках у нее была кружка с горячим кофе, но я заметил, что кружка не ее. Поставив кофе на стол передо мной, она сказала:

— Держите добавку.

Дениз — опытный секретарь со знанием юриспруденции. Даже побашковитей большинства юристов, и при этом человек очень организованный и хорошо разбирающийся в бизнесе. И сердце у нее размером с озеро Мичиган. Печатание со скоростью сто слов в минуту и едва ли не единоличное управление моей юридической фирмой — вот ее основные обязанности. Обязанность приносить мне кофе в них явно не входит. Я вообще не люблю, когда другие люди приносят мне кофе или поесть. Я и сам как-нибудь справлюсь. До этого Дениз ни разу не принесла мне даже стакан воды.

Она стояла рядом и улыбалась.

— Вам требуется прибавка к жалованью? — поинтересовался я.

— Нет, меня все устраивает. Я знаю, вы как-то говорили, что утром не чувствуете себя стопроцентно бодрым, пока не выпьете две чашки кофе.

Сказанное было правдой, но я не мог вспомнить, когда говорил это Дениз.

Затем в мой кабинет с большой стопкой бумаг в руках вошел Гарри Форд — бывший судья, мой давний наставник, а ныне консультант,

помогающий решать наиболее заковыристые юридические вопросы в наших делах. Гарри свалил бумаги на мой стол и пристроил задницу в одном из кресел для клиентов.

Сразу за Гарри появилась Блок, наш следователь и оперативник. Она вкатила в мой кабинет два стула на колесиках и устроилась на одном из них, оставив другой свободным. Кейт Брукс, моя партнерша в фирме «Флинн и Брукс», тоже явилась со своим собственным креслом и устроилась в нем, поджав под себя ноги. Блок и Кейт знали друг друга с самого детства и при общении порой обходились одними лишь взглядами, жестами и полуулыбками, благодаря которым прекрасно понимали друг друга. Блок достала из кармана джинсов свой сотовый и выключила его. Кейт, одетая в деловой костюм, тоже извлекла из кармана пиджака свой телефон и последовала ее примеру.

Все они уставились на меня.

— Это что, дружеское вмешательство?[177] — вопросил я. — Я давно уже не пью, вон хоть у Гарри спросите…

Но Дениз перебила меня.

— Пейте на здоровье, — сказала она.

— Как все это понимать? И почему у меня такое ощущение, что это как-то связано с тем пижоном в приемной? — спросил я.

Блок поджала губы и бросила на Кейт взгляд — похоже, что ободряющий.

— Мы беремся за новое дело, — объявила Кейт.

— Мы? — спросил я.

Она кивнула:

— Это дело потребует от всех нас максимальной отдачи. Мы с Блок прочитали все материалы еще в выходные, а Гарри только вчера. Это крупняк, Эдди.

Я продолжал стоять, не двигаясь с места.

Я люблю, когда появляется работа. Суть ее в том, чтобы помогать людям, и по большей части

---

[177] notes: 177

«Дружеское вмешательство» (intervention) — довольно распространенное явление в США. Если кто-то страдает алкоголизмом, наркоманией или каким-то опасным заболеванием, но ничего не делает по этому поводу, собирается группа его друзей, знакомых и родственников, чтобы коллективно надавить на него и заставить предпринять какие-то меры. В крайнем случае такая группа доброхотов имеет право поставить в известность правоохранителей или организовать принудительное лечение.

это приносит удовольствие. Если нам светило какое-то крупное дело, то я мог ожидать, что Гарри или Кейт уже давно бы мне про это сказали. Блок никогда особо много не говорила, хотя мы с ней были друзьями. Она вообще не отличалась разговорчивостью с кем бы то ни было.

— Если мы напали на крупное дело, то почему меня вот так ставят перед фактом? И почему Дениз приносит мне кофе?

— Потому что я люблю приносить кофе, — ответила Дениз.

— Ну уж нет, только не надо! Что это за тип в пижонском костюме за дверью? Это клиент?

— Нет, — сказал Гарри. — Это адвокат клиента.

Я вытянул шею над всеми собравшимися, еще разок глянул на этого человека. И только сейчас сообразил, где видел его раньше, — по телевизору.

— Это Отто Пельтье? — спросил я.

Гарри кивнул.

Это объясняло и костюм и стрижку. Посетитель глянул на меня в ответ, теребя губу наманикюренными пальцами. До прошлого года большинство адвокатов по уголовным делам на Манхэттене никогда не слышали об Отто Пельтье. Его клиенты обитали в наикрутейших районах Нью-Йорка,

и Отто практиковал в престижнейших областях юриспруденции. Недвижимость, налоги, управление капиталом, бракоразводные процессы, оформление завещаний… Другими словами, он помогал своим клиентам сэкономить достаточно денег на уплате налогов, чтобы они могли купить яхту или дом, после чего следил за тем, чтобы они сохранили их и после возможного развода, и, наконец, заботился о том, чтобы правительство не отхватило слишком большой кусок наследства после того, как они отдадут концы. Так что для нью-йоркских законников, специализирующихся на криминале, стало настоящим сюрпризом, когда Отто Пельтье зацапал крупнейшее уголовное дело в городе. Это отразилось на нем. Отсюда и замеченный мною напряг у него в глазах.

Отто представлял Кэрри Миллер — жену Песочного человека. В прошлом году полиция и ФБР провели обыск у нее в доме — сразу после того, как определили Дэниела Миллера как Песочного человека по его отпечаткам пальцев и ДНК, оставленным на месте преступления. Год спустя Песочный человек по-прежнему оставался в розыске. Некоторые считали, что, поскольку настоящего убийцу поймать не удалось, Кэрри Миллер оказалась вполне удобной заменой. В

результате федералы и копы выглядели так, будто чего-то добились. А результат был ой как нужен, поскольку город и большая часть штата уже очень долгое время жили в страхе перед этим человеком. Арест убийцы был правильным политическим решением для всех правоохранителей.

— Минуточку. Он хочет, чтобы мы тявкали у него из-за спины в этом деле? Я вторым номером никогда не выступаю, — возмутился я.

— Он не просит нас взять на себя черновую работу или помогать ему на процессе, — сказала Кейт. — Он хочет, чтобы мы взяли на себя защиту целиком и полностью.

— Что? Почему?

— Он ставил на досудебную сделку, а окружной прокурор дал ему от ворот поворот. Отто Пельтье не судебный адвокат. Ему нужна команда с опытом судебных разбирательств, — сказал Гарри.

— Это очень великодушно с его стороны и правильно для его клиента, но проблема в том, что мы не представляем в суде виновных людей. Окружной прокурор утверждает, что Кэрри была сообщницей в шести убийствах Песочного человека. Если наша задача в том, чтобы вернуть убийцу обратно на улицы…

— Она говорит, что невиновна, — перебила

Кейт.

— Все они так говорят, — отмахнулся я.

— По-моему, Кэрри говорит правду, — сказала она.

Из всех адвокатов, которых я когда-либо встречал, Кейт, пожалуй, самая смышленая и проницательная. Если она поверила Кэрри Миллер, значит, там явно было что-то, за что стоило бороться. У меня уже начал пробуждаться интерес. Но тут я дал по тормозам.

— Подождите, разве слушания не начинаются всего через пару дней? Почему он отказывается от дела именно сейчас? Может, он там как-то здорово напортачил и мы столкнемся с судебным иском от клиента, если будем продолжать по его наработкам?

— Я так не думаю, — произнес Гарри. — У него нет опыта, необходимого для защиты обвиняемого в убийстве, но я просмотрел материалы дела, и на стадии досудебной подготовки он все сделал грамотно. Все необходимые ходатайства поданы. Я не знаю, что представляют собой присяжные, но насколько там может быть все плохо? Процесс начнется через два дня. Вполне достаточно времени, чтобы подготовиться. У нас и раньше были дела, за которые приходилось браться с

ходу и очертя голову. И непохоже, чтобы это было совсем уж безнадежным. Тут вполне можно побороться, Эдди.

Я закрыл лицо руками. Сейчас мне требовалась темнота, немного тишины и еще одна чашка этого чертова…

— Выпейте кофейку, — произнесла Дениз.

Я с силой провел пальцами вниз по щекам, открыл глаза и увидел, что все уставились на меня. Имелась еще одна причина, по которой я не хотел браться за это дело.

— Песочный человек по-прежнему на свободе. Если мы влезем в это дело, то станем на шаг ближе к этому психу. Есть риск, что…

Кейт прервала меня. Я видел страсть у нее в глазах. Она просто жаждала взяться за это дело. С тех пор как мы стали партнерами, Кейт сосредоточилась на защите интересов женщин, пострадавших от дискриминации по половому признаку и сексуальных домогательств на работе. На своем предыдущем месте работы она и сама стала жертвой нежелательных подходцев со стороны одного из владельцев фирмы и с тех пор неуклонно преследовала работодателей, имеющих привычку третировать своих подчиненных женского пола. Каждый такой случай был для

нее сугубо личным делом. С каждой женщиной, которой Кейт удавалось помочь, она спасала не только эту конкретную личность, но и ту часть себя, которая в свое время пострадала, так полностью и не оправившись.

— Риски нам вполне понятны, но я не вижу, зачем ему нацеливаться на нас, — возразила она. — Мы спасаем его жену. Самый большой риск — это что СМИ заклюют нас по полной программе, если мы не докажем, что она невиновна. А если это у нас выйдет, то это будет еще одна жертва женского пола, которая благодаря нам добьется справедливости. Ты ведь знаешь, насколько это для меня важно.

Я кивнул.

— Давайте выслушаем этого человека, — заключила Кейт.

— Хорошо, зовите его.

Дениз попросила посетителя зайти. Кабинет у меня не очень-то большой, так что в нем стало уже тесновато. На лице вошедшего по-прежнему застыло выражение человека, попавшего в беду и нуждающегося в нашей помощи. Потянувшись к груди, я нащупал медальон со Святым Христофором, который носил под рубашкой.

Наконец усевшись, Пельтье заставил себя

улыбнуться. Пусть даже сам нуждаясь в нас, он вроде все равно ощущал обязанность продать мне это дело. Едва только представившись, тут же сказал:

— Поздравляю, мистер Флинн! Вам предстоит самый громкий судебный процесс по делу об убийстве в Америке.

— Не сочтите за грубость, — вежливо отозвался я, — но для меня все это в некотором роде новость. И у меня такое чувство, что мои коллеги ожидали некоторого сопротивления с моей стороны. Видите ли, во-первых, я не берусь за дело, если не уверен в невиновности клиента. Я уже обжигался на этом, и мне не нужны еще какие-то призраки, поселившиеся у меня в голове. Во-вторых, я человек подозрительный. Мне по-прежнему непонятно, с какой это стати вам передавать дело другой юридической фирме. Я знаю не одного адвоката, который за такое дело придушил бы собственную бабушку.

Откинувшись в кресле, Пельтье скрестил перед собой свои длинные ноги, и на лице у него прорезалась улыбка, когда он произнес:

— Я могу привести вам более чем одну причину, чтобы ответить согласием. А моя клиентка — простите, *ваша* клиентка — готова привести ва-

шей фирме два *миллиона* причин. Оговоренный гонорар за это дело составляет три миллиона. Треть этой суммы я оставляю себе за подготовительные мероприятия, остальное — ваше. Так мы договорились?

От этой цифры у Кейт загорелись глаза. Дело и в самом деле было крупное. Самое громкое дело в стране. С оплатой, о которой большинство адвокатов могут только мечтать. Такое дело выпадает лишь раз в жизни. Такое, какое все мы стремимся заполучить, которое способно сделать нашу карьеру. Что касается моей фирмы, то, считай, мы только что выиграли в лотерею. Только дурак отказался бы от такого предложения.

И как раз поэтому я и ответил «нет».

Глава 2
Эдди

— Послушайте, мистер Пельтье, при всем моем уважении к вам и вашей клиентке, что-то тут все-таки не сходится, — сказал я.

— Вполне могу вас понять. Наверное, я недостаточно ясно изложил ситуацию, общаясь с вашими коллегами, — отозвался он. — Я надеялся заключить досудебную сделку с окружным прокурором. Хотел, чтобы в обмен на сотрудничество моей клиентки в деле Песочного человека с нее сняли все обвинения. Поначалу мне показалось, что они просто ведут жесткую игру, подводят нас к самому порогу суда, прежде чем согласиться на сделку. Увы, но они не блефуют. Рассмотрение дела начнется через два дня. И хотя я и вправду талантливый юрист и переговорщик, у меня нет вашего опыта судебных разбирательств. Кэрри невиновна, и я намерен добиться справедливого рассмотрения ее дела. Чтобы это произошло, ей требуется самое лучшее представительство в суде.

Говорил он четко, уверенно. Хороший зри-

тельный контакт, естественные движения рук. Никаких подсознательных «значков». Никаких признаков того, что он *лжет*. За исключением того факта, что Пельтье рассказал мне далеко не всю историю. Что-то заставило его изменить тактику защиты Кэрри Миллер. Произошли какие-то события, которые не позволяли ему и дальше вести это дело. Я был в этом совершенно уверен. Ни один адвокат просто так не бросил бы такой лакомый кусок.

— Каким было последнее предварительное ходатайство? — спросил я, нацелившись на него взглядом.

От этого вопроса кожа вокруг его глаз натянулась чуть туже.

— Ходатайство обвинения о проверке и изъятии ряда материалов из офиса мистера Пельтье, — ответила вместо него Кейт. — То есть всех документов, предшествующих аресту миссис Миллер, я права?

Пельтье медленно кивнул.

Я одним глотком допил кофе. Дениз, стоявшая позади всех остальных, скрестила руки на груди. Она знала меня достаточно хорошо, чтобы определить тот момент, когда мой мозг наконец-то начинает оживать.

— Не самое у нас удачное начало, мистер Пельтье… Вы не солгали, но и не сказали нам всей правды. Так что хватит. Прекращаем с этим прямо сейчас. Я собираюсь задать вам несколько вопросов. Если вы солжете, встреча окончена и вы можете вынести это свое дело вместе с этим шикарным костюмом прямиком на улицу. Я ясно выражаюсь?

— Я намеревался рассказать все от и до, как только вы согласитесь взяться за это дело — когда на этот разговор будет распространяться привилегия адвокатской тайны в отношении клиента, — ответил он с улыбкой.

Пельтье и вправду что-то скрывал, и это было достойное оправдание. Привилегия адвокатской тайны в отношении клиента — основа нашей профессии. Все, что ваш клиент сообщает вам напрямую или посредством какой-либо другой стороны, является конфиденциальной информацией. Вы никому не вправе раскрывать ее, и никому не разрешается спрашивать вас об этом или просматривать ваши записи или какие-либо документы клиента. Для того чтобы окружной прокурор получил доступ к материалам Пельтье, должна была иметься какая-то действительно чертовски веская причина.

— Что привело прокуратуру к вашим старым документам? — спросил я.

— Платежи, отраженные в банковских выписках, — от Кэрри Миллер моей фирме за юридические консультации, — ответил он.

Это явно соответствовало истине. Никаких сомнений.

— Что было в этих документах?

— Сообщив эту информацию, я нарушу адвокатскую тайну в отношении… — начал Пельтье.

— Она уже нарушена, если у окружного прокурора есть эти бумаги. Что они искали?

— Они искали любую имеющуюся у меня информацию, которая указывала бы на причастность Кэрри Миллер к убийству шести жертв Песочного человека.

Еще один честный ответ. И как раз такой, какого я и ожидал.

— И что они нашли? — спросил я.

Ответил он сразу же. Без всяких колебаний.

— Они нашли записи, которые я сделал в ходе нескольких встреч с миссис Миллер. И ее дневники, которые она хотела подержать у меня. Прежде чем вы успели спросить: речь на этих наших встречах шла о возможном бракоразводном процессе на почве жестокого и бесчеловечного

обращения. Миссис Миллер поделилась со мной своими подозрениями о том, что ее муж — серийный убийца.

— Она знала? — спросила Кейт.

— Она не знала. Она подозревала, — мягко поправил ее Пельтье.

— И ничего в связи с этим не предприняла, верно? Она не обратилась в полицию? — спросил Гарри.

— Нет, она этого не сделала. В брачном договоре имелось несколько пунктов, которые могли быть затронуты обращением в полицию, если бы обвинение оказалось ложным, то есть… Если б подобное обвинение было выдвинуто и не было доказано, миссис Миллер лишилась бы своего права на долю в совместно нажитом имуществе и денежных средствах. Другими словами, одним телефонным звонком она выбросила бы на ветер восемь миллионов долларов.

— Восемь миллионов — это была бы ее доля после развода? — уточнила Кейт.

Пельтье кивнул.

— Это меняет дело, — сказал Гарри. — Окружной прокурор может привести присяжным восемь миллионов причин, по которым Кэрри стоило держать рот на замке и помочь своему

мужу скрыться от полиции.

Гарри был прав. Кэрри Миллер не могла строить свою защиту на том, что она ничего не знала о преступлениях своего мужа, — могла лишь утверждать, что не была уверена. Ей было бы трудно убедить в этом любой состав жюри.

История знает целое множество серийных убийц, которые совершали свои преступления, будучи счастливо женаты. Насколько мне помнится, ни одна из их жен не знала и даже не подозревала о чем-то подобном. И ни одной из них не было предъявлено обвинение в соучастии. Все «говорящие головы» на всех новостных каналах обсуждали это дело. Опра[178] посвятила ему специальный выпуск, пусть даже Кэрри и отказалась появиться на шоу. У всех на устах был один вопрос: «Как это можно быть замужем за серийным убийцей и не знать об этом?» В некотором смысле мы следим за подобными обсуждениями в первую очередь затем, чтобы нас успокоили: да, все-таки были какие-то явные признаки или указания на то, что эти мужчины были убийцами, а их жены просто всё это прошляпили. Людям нужна уверенность в том, что уж они-то обязательно

---

[178] notes: 178

Опра Гэйл Уинфри (р. 1954) — американская актриса и телеведущая, ведущая популярной программы «Шоу Опры Уинфри».

заметили бы эти признаки, что их не так-то легко провести. В реальности же жены убийц обычно ни черта не подозревают.

Факт это довольно обескураживающий, причем сразу по целому ряду причин.

Во-первых, это подтверждает невероятную способность этих убийц скрывать свою истинную натуру от всех, включая самых близких им людей. Во-вторых, это вызывает у людей неуютное чувство. Если такое могло случиться с этими женщинами, то не может ли произойти вообще с кем угодно? Насколько хорошо вы знаете своего собственного супруга, брата или отца? Однако люди из публики всегда считают, что это вина женщины. Что это она была слепа к правде. Что, окажись они сами в такой же ситуации, они бы знали.

Психологические барьеры в работе присяжных зачастую невозможно преодолеть. Всего-то, что потребуется от окружного прокурора в этом деле, — это укрепить мнение присяжных о том, что Кэрри Миллер знала, что ее муж — убийца, и помогала покрывать его. А эти ее так называемые подозрения будут только на руку. Легкая победа даже для посредственного обвинителя.

И хотя дело против Кэрри Миллер выглядело

бы намного более убедительным, если б им удалось доказать, что она знала, что он убийца, это все-таки не было настоящей причиной, по которой Пельтье пришлось искать альтернативного защитника.

— Мистер Пельтье, вы могли бы сэкономить уйму времени, если б были честны на этот счет. Мы бы все равно это выяснили, если б согласились взяться за это дело.

— Конечно, но на этом этапе было бы уже слишком поздно. Вы бы уже согласились взяться за это дело и были официально зарегистрированы судом в качестве адвоката обвиняемой.

— Что-то я не пойму… — присоединилась к разговору Дениз. — Только из того, что у окружного прокурора имеются ваши старые записи, вовсе не следует, что вы не можете представлять интересы Кэрри Миллер.

— Это как раз следствие того, что у окружного прокурора имеются мои записи, — возразил Пельтье.

Я сразу понял, в чем дело, в ту же секунду.

— Вы больше не можете быть ее адвокатом. Вы вообще не можете выступать в качестве адвоката на этом процессе, — сказал я.

Пельтье глубоко вздохнул.

Я продолжил:

— Кэрри Миллер сообщила вам, что подозревает своего мужа в серийных убийствах. А это делает вас главным свидетелем обвинения.

Глава 3
Эдди

В сопровождении Пельтье, который ехал за нами на своем «Мерседесе», мы выкатили за пределы Манхэттена на кремовом «Джипе Гранд Чероки» с Блок за рулем. Полуденное движение было не особо плотным, и продвигались мы практически без задержек. Гарри устроился спереди, чтобы Кейт могла без помех углубиться в спор со мной на заднем сиденье. Через сорок пять минут мы уже были на дальнем конце Гранд-Сентрал-паркуэй, где она вливается в Лонг-Айлендскую скоростную автомагистраль. Небо, словно обитое серым листовым железом, упорно скрывало низкое ноябрьское солнце. С каждым днем холодало все сильней, но все же пока не настолько, чтобы заставить меня влезть в пальто.

— Я думаю, что Кэрри — просто еще одна жертва Песочного человека, — убеждала меня Кейт. — Для меня важно, чтобы мы показали миру правду. Дали ей право голоса. Я верю ей. Думаю, ты тоже поверишь.

— Я поговорю с ней, но если не буду оконча-

тельно убежден, мы уходим. Договорились?

— Ты ведь знаешь, что нормальные адвокаты так не поступают, верно?

— Если кто-то признается в содеянном, у меня нет проблем с тем, чтобы представлять его или ее интересы. Я рассказываю его историю суду и прошу проявить взвешенность при вынесении приговора. Иногда это условный срок, а иногда я желаю такому человеку всего наилучшего, когда он отправляется в тюрьму. Все совершают ошибки, и хорошо, когда кто-то способен их признать, но я уже очень давно решил, что больше не собираюсь нести ответственность за то, что вернул опасного человека обратно на улицы.

— Но ведь не ты это делаешь. Решение — за присяжными. Каждый имеет право на защиту, так работает система…

Кейт уже тогда была чертовски грамотным адвокатом, хоть и начала практиковать не так давно. Через пару-тройку лет она вполне могла выбиться в лучшие, однако закон еще не врезал ей хорошенько под дых.

— Системой можно манипулировать. Обычно как раз этим мы и занимаемся. Послушай: я же сказал, что поговорю с Кэрри Миллер. И если буду уверен, что она говорит правду, тогда мы

возьмемся за это дело.

— Иногда я тебя просто не понимаю, — буркнула Кейт, отворачиваясь и глядя в правое боковое окошко.

Я надеялся, что она никогда не придет к пониманию моих мотивов на собственном опыте. Юстиция — это та игра, в которой повязки на глазах на самом деле носят юристы, а не статуи богини правосудия, стоящие на крышах судебных зданий с мечом в одной руке и весами в другой. Адвокаты по уголовным делам не спрашивают у своих клиентов, виновны те или невиновны. Они указывают клиентам, когда им следует положить карты на стол и признать свою вину в надежде на сделку с прокуратурой, а когда бороться. Но когда выигрываешь дело в пользу виновного, у этой победы есть своя цена, и я не имею в виду судебные издержки. В этот момент какая-то частичка такого адвоката умирает, пропадает без следа. Проделай это достаточное количество раз — и ты превратишься в зомби. А потом, когда в один прекрасный день ты в очередной раз снимаешь такого вот клиента с крючка, он выходит из зала суда и прямо с ходу убивает кого-нибудь еще — и вот тогда-то ты и получаешь этот удар под дых от судебной системы.

Около пяти лет назад я сам был в такой же ситуации. Только вот я смог остановить того парня, прежде чем он успел прикончить свою жертву. Прямо перед этим я вернул его на улицу. Это была моя вина. И с тех пор я каждый день расплачиваюсь за эту ошибку. Я научился переносить эту боль, не разделяя ее с бутылкой виски.

Тоже отвернувшись от Кейт, я уставился на деревья, мелькающие по обеим сторонам скоростной автомагистрали. Наконец свернув с нее, Блок быстро повезла нас по какому-то жилому району Олд-Уэстбери. Я заезжал в эту часть округа Нассау, наверное, всего пару раз своей жизни и ни разу не останавливался, чтобы осмотреться. Помню только, что каждый раз где-то поблизости суетились съемочные группы. Если вы снимаете фильм, место действия которого происходит в шикарном коттеджном поселке, то неизбежно оказываетесь в Олд-Уэстбери. Если не считать разве что городка под названием Атертон, что в Кремниевой долине, штат Калифорния, это наверняка один из самых богатых районов страны — с улицами, густо обсаженными деревьями, и огромными доминами, стоящими далеко от тротуаров.

Кэрри Миллер жила в маленьком закрытом

поселке на Мидоу-роуд. Перед воротами толпилось, наверное, человек двадцать. Вдоль тротуара выстроились фургоны новостных каналов, но в толпе были не только репортеры. Пять или шесть человек стояли с плакатами в руках. Они что-то скандировали. Я чуть опустил стекло, чтобы лучше слышать.

— ВИ-НОВ-НА, ВИ-НОВ-НА!

— СУ-КА, СУ-КА, СУ-КА!

— ВИ-НОВ-НА, ВИ-НОВ-НА!

— СУ-КА, СУ-КА, СУ-КА!

Плакаты были лишь немногим лучше. Блок посигналила, и репортеры и пикетчики обернулись, чтобы посмотреть на нас. Я прикрыл лицо рукой. Толпа расступилась. Когда за нами остановился «Мерседес» Отто, половинки ворот разъехались по сторонам.

Как только собравшиеся увидели его машину, на телекамерах зажглись огоньки, а скандирование стало громче. Во время досудебных слушаний Отто регулярно представал перед телекамерами и фотообъективами, и было хорошо известно, кого он представляет в суде. Все сгрудились вокруг его машины. Одна из протестующих, тетка с толстым розовым шарфом на шее, плюнула на ветровое стекло «Мерседеса». Отто включил двор-

ники и проследовал за нами за ворота, медленно — стараясь случайно не задавить какого-нибудь пикетчика или репортера.

— Господи, туго же ей приходится, — заметил я.

— Отто сказал мне, что Кэрри уже едва держится. Ей сотни раз угрожали смертью, а в прошлом месяце она получила письмо, подписанное всеми соседями, которые требовали от нее немедленно съехать.

Дома в этом районе были разных размеров, хотя определение «особняк», на мой взгляд, подходило к любому из них. Посмотрев на один из таких домов, с бассейном сбоку, Гарри восхищенно присвистнул. Тем не менее для некоторых здешних обитателей это была самая бедная часть Олд-Уэстбери. Сюда переехали обладатели старых нью-йоркских денег, которым требовались шикарные усадьбы с прилегающими угодьями и садами, — Вандербильты, Фиппсы, Уитни, Дюпоны и прочая подобная публика, у которой денег было больше, чем здравого смысла. Которые построили здесь величественные дворцы на двадцать спален, выглядевшие так, будто их сдернули с фундамента где-нибудь в патриархальной сельской Англии — не исключено, что

и прямо с нетрезвым лордом внутри, — и бережно опустили на просторах Олд-Уэстбери. Дома на этой стороне были довольно скромными по сравнению с такими дворцами, хотя лично я все равно не мог бы позволить себе нечто подобное — даже если б мне крупно повезло в лотерею.

Блок остановила «Гранд Чероки» возле кирпичного дома в колониальном стиле, с красной входной дверью. Выбрались мы из машины как раз в тот момент, когда Отто припарковал свой «Мерседес» прямо позади нас. Я воспользовался случаем, чтобы полюбоваться окрестностями. Дома были расположены на большом расстоянии друг от друга, а лужайки размером с футбольное поле создавали ощущение еще большего расстояния и простора. За домом Кэрри Миллер шелестела листвой небольшая роща из дубов и буковых деревьев.

Отто склонился над своей машиной, осматривая краску. С одного бока по кузову тянулась глубокая царапина.

— Выглядит не лучшим образом, — заметил я.

— Да плевать. Это уже третий раз за месяц. И это ничто по сравнению с тем, с чем приходится иметь дело Кэрри. Она здесь почти как в тюрьме. Репортеры и пикетчики обычно расходятся по

домам около десяти, когда по-настоящему холодает. Так что я назначаю свои встречи на шесть утра или после десяти вечера, когда у ворот никого нет.

— Как Кэрри со всем этим справляется? — спросил я.

Отто на секунду опустил голову, а когда опять посмотрел на меня, я увидел ответ, написанный у него на лице.

— Первые две недели она едва могла говорить. Все время плакала. У нее пропал голос. Я позвонил врачу, и он дал ей какие-то таблетки, которые практически вырубили ее на несколько дней. После этого она обрела способность говорить. Таблетки лишь притупили все это на какое-то время. Она была просто опустошена, Эдди, по всем статьям. Всеми преданная, оставшаяся в полном одиночестве, ненавидимая всей страной, обвиняемая в многочисленных убийствах — знаете, в какой-то момент я подумал, что она просто сдастся. Мне приходилось выдавать ей лекарства каждый день. Я просто боялся оставить целый флакон. Понимаете, о чем я?

Я кивнул.

— Но она все еще здесь. Кэрри сильная, и у нее есть причины жить дальше. Она хочет, чтобы

люди знали, что она невиновна. В некотором смысле, я думаю, как раз этот суд и удерживает ее на плаву. Она хочет бороться. Но какие бы силы у нее ни были, они уже начинают покидать ее. Сейчас, в самом преддверии слушания, напряжение вернулось. Сами увидите.

— А что вы сами-то о ней думаете? Только честно?

— Я вспоминаю свой первый месяц на юридическом. Ты читаешь судебные дела и знаешь, что закон способен творить чудеса, но столь же легко он может и погубить ни в чем не повинных людей. Вообще-то, ужасная штука — правосудие. Кэрри напомнила мне об этом. И как раз поэтому вы сейчас здесь. Вы гораздо лучший судебный адвокат, чем я, и я не хочу, чтобы студенты-юристы через двадцать лет читали о ее деле и разбирали по косточкам, как я ее подвел.

Даже несмотря на свой тысячедолларовый костюм, шикарную машину и всю ту власть и деньги, которые Отто собой воплощал, в тот момент он был полон страха. Страха подвести Кэрри. Вот что способна сделать с вами судебная практика. Вообще-то, вам и следует бояться. Это хороший знак. Это означает, что вам не все равно, и это говорит о том, что вы будете достойно выполнять

свою работу и станете бороться до последнего. Адвокатов особо заботят судьбы невиновных клиентов. Тех, кому требуется, чтобы система работала без сбоев. Именно из-за таких дел мы не спим по ночам, обливаясь холодным пóтом. Отто впервые попробовал себя в подобной ипостаси.

— Я знаю, что вы не подведете ее, Эдди, — сказал он, после чего повел нас по дорожке, выложенной мраморной плиткой.

Мы последовали за ним, и к тому времени, как добрались до входа, дверь уже открыла женщина, в которой я узнал Кэрри Миллер. Когда я впервые увидел ее фотографию в новостях, она выходила из здания суда на Сентер-стрит, 100, под градом вопросов репортеров и вспышек фотокамер. Картина была вроде знакомая, но на этой фотографии все было по-другому. Мне уже не раз доводилось выводить клиентов из того же здания в схожих обстоятельствах, при повышенном внимании прессы. Обычно мои клиенты пониже нахлобучивали шляпу или даже накидывали пальто на голову, не желая, чтобы их образ был запечатлен в этот крайне драматический момент, когда они наиболее уязвимы.

Однако Кэрри Миллер в темно-синем деловом костюме решительно проталкивалась сквозь

толпу репортеров с гордо поднятым подбородком. В глазах у нее была решимость. Наверное, как раз из-за этой ее уверенности в себе репортеры расступились, чтобы пропустить ее к ожидавшей машине. В движениях Кэрри, во взгляде ее ощущалось что-то собранное и уравновешенное — что-то граничащее с изяществом.

Теперь, когда она стояла у своей входной двери, всего этого как не бывало. Какой бы образ ей ни посоветовали принять для СМИ, в реальности все было совсем не так.

На ней были фиолетовые джинсы и черная футболка. Она едва могла поднять голову, чтобы посмотреть на Отто. Плечи у нее поникли, руки судорожно обхватывали хрупкое тело, а глаза были устремлены в пол, и лишь иногда она с большим усилием поднимала взгляд. Кожа у нее на шее покрылась красными пятнами и следами от ногтей, а уголки рта были опущены. Казалось, будто какая-то стихийная сила притягивает ее все ниже и ниже, в самую глубь земли. Даже ее темные волосы поредели, и кое-где в них предательски проблескивала седина.

— Кэрри, это адвокаты, о которых я тебе рассказывал, со своей командой в полном составе. Мисс Кейт Брукс, Гарри Форд, их следователь

мисс Блок, а это…

— Эдди Флинн, — произнесла она, пристально глядя на меня.

Я видел напряжение и потерю в этих зеленых глазах, налитых кровью.

— Прошу вас, заходите, — сказала Кэрри, после чего повернулась, чтобы проводить нас внутрь.

Посреди вестибюля возвышалась изогнутая лестница с медными перилами, и я последовал за своей командой в комнату справа — гостиную с двумя диванами напротив друг друга. Выглядела эта комната с камином в задней стене довольно минималистически — диваны разделял лишь белый мраморный столик. На одной стене висела картина, изображающая золотого быка, другую занимало большое окно, выходящее на лужайку перед домом. Это была чисто мужская комната, пропитанная чисто мужским духом. Если бы я не знал, что здесь живет Кэрри, то предположил бы, что попал в обиталище закоренелого холостяка.

Еще там стояла тумба для большого телевизора, но телевизора на ней не было. Я не стал спрашивать, куда он делся. Если б мне приходилось каждый вечер видеть свою собственную физиономию по телевизору и слушать, как люди, которые и знать меня не знают, называют меня

убийцей, я бы тоже давно уже снес эту чертову штуковину на помойку. Кэрри и Отто сели на один диван, Гарри, Кейт и Блок — на другой. Я остался стоять.

— У нас есть несколько вопросов, прежде чем мы возьмем на себя это дело, миссис Миллер, — начала Кейт. — Прежде чем очертя голову окунуться в него, нам нужно знать, насколько обоснованной тут может быть основная позиция защиты.

— Я никому не причинила вреда. И я не знала, что была замужем за дьяволом, если вы это имеете в виду, мисс Брукс, — отозвалась она. Голос у нее звучал натянуто, тихо и ломко, как будто Кэрри только что несколько часов проплакала. Судя по тому, как она сейчас выглядела, я предположил, что так оно и есть.

— Насколько мы понимаем, вы обсуждали свои подозрения касательно вашего мужа с мистером Пельтье. Не могли бы вы рассказать мне, что заставило вас заподозрить вашего супруга? — спросила Кейт.

— В том-то все и дело, — ответила Кэрри. — Стоит мне об этом подумать, то нередко случались довольно странные вещи, но у Дэнни всегда находилось какое-то разумное объяснение. И

все оказывалось вполне невинным, стоило мне только с ним об этом поговорить. Скорее это было нечто вроде ощущения. Паранойей я не страдаю — хотя, наверное, следовало бы, — но мне просто нужно было с кем-то поговорить и рассказать о том, что случилось и что у меня на уме.

— Значит, вы никогда по-настоящему не верили, что ваш муж — Песочный человек? — заключила Кейт.

— Сама точно не знаю. Какое-то время я думала, что это так. Даже сейчас, в некотором смысле, я все еще не могу в это поверить.

Кейт посмотрела на меня. Я чуть ли не кожей ощущал ее взгляд. Кэрри говорила от чистого сердца. Но за этим голосом сердца скрывалось что-то еще, и дело было не в жесткой хрипотце в ее пересохшем горле, это было что-то совсем другое. Как будто она скрывала что-то. Это было всего лишь ощущение, чисто интуитивное.

— Миссис Миллер, — спросил я, — вы с мужем кого-нибудь ранили или убили?

Сначала она ничего не ответила. Глаза у нее мягко закрылись, брови сдвинулись, как будто ей вдруг стало больно. Как будто этот вопрос был ядом в ране, который требовалось удалить.

— Нет, я этого не делала, — наконец произнесла

Кэрри на одном долгом выдохе.

— Вы знали, что ваш муж — убийца?

На глаза у нее навернулись слезы. Она моргнула, и из каждого глаза выкатилось по одинокой слезинке, которые побежали наперегонки по щекам, а потом по подбородку, где встретились, слились в одну и упали на пол.

— Я не знала наверняка. Я подозревала его. А еще подозревала, что, наверное, сошла с ума, думая такое.

— В те времена, когда вы подозревали его, вы когда-нибудь делали что-нибудь, что могло бы помочь ему оставаться в стороне от полицейского расследования?

Кэрри ответила сразу же:

— Не осознанно. Не намеренно. Если б я была уверена, что он убийца, хотя бы на секунду, то сразу позвонила бы в полицию.

— Драгоценности, которые нашли в ящике вашего комода, принадлежавшие кому-то из жертв Песочного человека, — где вы их взяли?

— Их подарил мне Дэнни.

— Пятно крови на рукаве вашей рубашки — вы знаете, как оно туда попало?

— Я и не знала, что оно там, пока мне не сказали в полиции. Я понятия не имею, как оно там

оказалось. Могу только предположить, что это дело рук Дэнни.

— Тот факт, что вы могли потерять восемь миллионов долларов, обратившись в полицию, как-то повлиял на ваше решение не привлекать ее к делу?

Кэрри подалась вперед, тонкими дрожащими пальцами смахнула слезу и даже не попыталась сдерживаться.

— Нисколько, — горячо и явно чистосердечно ответила она. — Отто сказал мне, что будет неразумно выдвигать обвинения, которые я не могу доказать, но мне было все равно. Если б я знала наверняка, то, конечно же, позвонила бы в полицию. Поверьте мне, все это постоянно крутилось и крутилось у меня в голове. Я была дурой. Я слушала Дэнни. Вас когда-нибудь предавали, мистер Флинн?

Я кивнул.

— Это больно, — продолжала Кэрри. — Но больней этого нет ничего на свете. Не говоря уже о том, что твердят обо мне в газетах или по телевизору, или о тех людях с плакатами, и о тысячах угроз изнасиловать и убить меня, которые я получаю в социальных сетях. Это кошмар, превосходящий все, что я только могу себе представить, но в

самой глубине души мне кажется, что я этого заслуживаю.

Я покачал головой и сказал:

— Вы этого не заслуживаете, Кэрри.

— Может, и так. Я доверяла Дэнни и сомневалась в собственном рассудке. Из-за этого, *из-за меня*, погибли люди. И я виню себя в этом каждый божий день. Потому что, если б я была умнее, храбрее, то могла бы спасти некоторых из этих людей. Они мертвы, потому что я предпочла не раскрывать рот. И это то, что будет пожирать меня заживо до конца моих дней.

И тут я наконец увидел это у нее в глазах — то, что она скрывала.

Боль и чувство вины.

Кэрри Миллер подверглась лжи и манипуляциям со стороны человека, являвшего собой воплощение зла. Человека, которому она доверяла и которого любила. Я просто не мог себе представить, какую эмоциональную дань это могло взять с молодой женщины, какой удар ей могло нанести. И вдобавок ко всему, мерзость ее мужа каким-то образом запятнала и ее. Она оказалась в самом центре бури из ненависти, чувства вины и боли. Даже сидя на ее диване, я ощущал, как эти ветры кружат вокруг нее, угро-

жая разорвать ее на части. Не давая ни секундной передышки. Каждое осознанное мгновение ее разум подвергался изощренной пытке. Эта женщина находилась в камере психологических пыток. Мировые СМИ, ее знакомые, соседи и даже сама Кэрри медленно закручивали гайки, вонзая раскаленные булавки ей в мозг.

Я и сам сталкивался с болью и потерей. Я знал людей, полностью раздавленных горем. Оно разрушило их, и когда горе наваливалось на меня, как это частенько бывало, я боролся с ним. Поскольку знал: если я не сделаю этого, то оно затопит меня с головой.

Кэрри Миллер страдала так, как никто другой, кого я когда-либо встречал.

Я внимательно слушал, пока она говорила.

Трудно описать правду. У нее есть вес. Плотность. Она издает некий звук, когда проходит сквозь твою грудину, врезается тебе в душу, а затем падает куда-то в живот. Ты чувствуешь ее. Она так и витает в воздухе, такая плотная и неоспоримая, что кажется, будто от нее можно откусить изрядный кусок. В основном же ты просто понимаешь, с чем имеешь дело, когда слышишь ее.

Кэрри говорила правду. И тогда я понял, что

буду бороться за нее.

Потому что никто другой не станет этого делать.

Конечно, выстроилась бы целая очередь из адвокатов, готовых взяться за это дело по карьерным соображениям или просто ради денег.

Деньги меня не волновали. Стоя там и глядя, как Кэрри разваливается на части на этом диване, я понял, что должен помочь ей. Мне хотелось верить, что она сумеет все это преодолеть. И больше всего на свете мне хотелось, чтобы она сама в это поверила.

Все мы порой испытываем боль. Рано или поздно тьма касается каждого из нас. Если я смогу помочь Кэрри пройти через это, если я сумею спасти ее, тогда, наверное, спасти можно кого угодно. Даже меня. Я стал адвокатом не для того, чтобы выигрывать дела. Я стал адвокатом, чтобы помогать людям. Это человеческий инстинкт. Наверное, лучшая часть любого из нас. И неважно, какую катастрофу вы видите в новостях — пожар, обрушение здания, землетрясение или теракт, — всегда находятся люди, которые бросятся навстречу опасности, пытаясь помочь.

Кэрри требовался кто-то, кто стоял бы сейчас рядом с ней. Кто держал бы ее за руку.

Ей требовалась Кейт и все остальные из нас.

Прямо сейчас Кэрри Миллер находилась в пылающем здании, а я стоял снаружи, готовый вскарабкаться по лестнице и вытащить ее оттуда.

Я посмотрел на Блок. Она улыбнулась мне, подмигнула. Гарри показал мне большой палец.

Я кивнул Кейт. Та сказала:

— Миссис Миллер, мы рады быть вашей новой командой защиты.

Глава 4
Песочный человек

Многие люди ведут двойную жизнь.

Кровожадный, безжалостный генеральный директор крупной корпорации в шикарном офисе на крыше высоченного небоскреба может быть у себя дома нежным, любящим родителем и супругом; заботливый, преданный своему делу в дневное время психотерапевт способен оказаться деструктивным, одержимым сексуальным партнером ночью; солдат, готовый без всяких колебаний лишить другого человека жизни на поле боя, вдруг содрогается при виде крови, текущей из разбитой коленки собственного ребенка. Люди не просто надевают другую одежду для каждой из своих жизней — они становятся совершенно другими личностями. Ситуация и окружение еще больше способствуют таким вот личностным изменениям.

У тех немногих людей, которые не похожи на остальных из нас — тех, кого некая неведомая сила толкает охотиться на своих собратьев без всяких угрызений совести или сожаления, — эта

разница может быть еще более разительной.

Поскольку этот человек, один из тех немногих, сбросил свою внешнюю оболочку, словно чудище из ночного кошмара, которое появилось на свет, раздирая плоть своего хозяина острыми когтями. Он дал этой версии себя имя. И, находясь в шкуре этого своего чудовища, называл себя этим именем даже у себя в мыслях. Во всех остальных оно вселяло страх. В этом имени была сила. И он носил его с гордостью, это имя.

Песочный человек. Мистер Сэндмен.

Он скрывался уже в течение года, успешно избегая встреч с ФБР и полицией Нью-Йорка. Но больше не мог прятаться. Теперь у него была цель. Миссия. Которую никак нельзя было провалить.

Низкое красное солнце уже опускалось за полуразрушенную крышу отеля «Грейдис Инн», когда Песочный человек заехал на парковку перед входом. В округе было множество гостиниц. Эта часть Квинса находится неподалеку от аэропорта Кеннеди, так что практически представляет собой городок из дешевых отелей. «Грейдис Инн» был даже дешевле всех остальных, и вы получали ровно то, за что заплатили. Когда-то это был великолепный частный особняк, но все состояние владевшей им семьи было сметено в Черную

пятницу 1929 года, когда рухнула Нью-Йоркская фондовая биржа, предвещая Великую депрессию.

Судя по внешнему виду здания, Великая депрессия все еще продолжалась. Здесь останавливались только те, кто оказывался в отчаянном положении, когда больше некуда деваться, или на мели, или в обеих ситуациях одновременно.

Деньги для Песочного человека не были проблемой.

В отличие от расплодившихся повсюду камер наблюдения.

В течение пятидесяти лет «Грейдис Инн» был первоклассным отелем, но время и отсутствие ухода довели его до практически полного запустения. Департамент юстиции Нью-Йорка поддерживал работу этого заведения в течение нескольких последних лет, придерживая для себя несколько предоплаченных номеров на случай секвестирования присяжных[179]. Это помогало отелю держаться на плаву, но теперь все это прекратилось, поскольку серийный убийца Долларовый Билл и останавливался здесь, и уби-

[179] notes: 179

Секвестирование присяжных — изоляция членов жюри на особо ответственных судебных процессах, призванная исключить их общение с внешним миром и ознакомление с освещением суда в СМИ. Присяжных при этом обычно заселяют в какой-нибудь удаленный отель, из которого каждый день доставляют на судебные заседания.

вал здесь, когда сам был присяжным[180]. Теперь единственными постояльцами были те, кто не мог позволить себе «Холидей Инн» и кто либо не знал о недавней кровавой истории отеля, либо не придавал ей никакого значения.

На небольшой парковке, всего мест на двадцать, находились еще всего две машины. Старый универсал стоял там уже очень давно, судя по толстому слою пыли на лобовом стекле и четырем спущенным шинам. Другая, чуть более свежего вида «Тойота», вероятно, принадлежала ночному администратору.

Песочный человек вынул из своего черного фургончика большую дорожную сумку. Все правоохранительные органы Соединенных Штатов безуспешно разыскивали этот фургон уже в течение года. Регулярная смена номерных знаков позволяла по-прежнему пользоваться этой машиной, не привлекая ненужного внимания. Натянув на голову бейсболку, он еще раз полюбовался зданием и окружающим его лесом. Краска на каждой доске деревянной обшивки, на каждой оконной раме давно потрескалась, а кое-где и полностью облезла. Старый шифер, покрывающий крышу,

---

[180] notes: 180
См. роман С. Каваны «Тринадцать».

казалось, вот-вот сдует даже малейшим дуновением ветерка — что кое-где вроде уже произошло, и из прорех пучками пробивалась травка.

Темный дом… Большой и пустой.

Что ему идеально подходило.

Поднявшись по ступенькам крыльца, Песочный человек прошел через главный вестибюль к стойке администратора. Стены были обшиты деревянными панелями, что придавало этому помещению внушительный и тяжеловесный вид. Оленьи головы на стенах тоже не добавляли декору легкомысленности. За стойкой устроился на стуле какой-то малый, читая книжку в мягкой обложке, — который и не подумал встать, даже заметив приближение Песочного человека. По крайней мере, сразу. Он опустил книгу, открыв свое бледное лицо, жирные волосы и тонкие губы, изогнувшиеся в едва заметной улыбке.

— Чем могу помочь, сэр? — спросил он.

— Я хотел бы снять номер.

Администратор задумался, явно не сразу сообразив, что пришелец не шутит.

— Вы к нам надолго? — поинтересовался он. — Мы не берем почасовую оплату.

— Я возьму его на сутки.

— С вас пятьдесят три доллара, — сказал адми-

нистратор, протягивая через стойку регистрационный бланк для гостей.

Песочный человек взял из кружки карандаш и начал заполнять бумагу.

— Мне понадобится ваша кредитная карта для оплаты номера, и обычно мы резервируем с нее еще пятьдесят долларов на случай дополнительных расходов, если вы не против.

— Вовсе нет, — сказал нежданный клиент, доставая из бумажника кредитную карту и протягивая ее администратору, который приложил ее к считывающему устройству, распечатал чек и карту гостя и попросил указать адрес и поставить еще одну подпись.

Пока малый за стойкой стучал пальцем по экрану платежного терминала, Песочный человек перевернул карту гостя, написал что-то на обороте, перевернул ее обратно, написал адрес в Олд-Уэстбери и расписался. Потом вернул карту и сказал:

— Я только съезжу куда-нибудь перекусить. Ничего, если я пока оставлю свою сумку в вашей камере хранения?

— Конечно, давайте ее сюда, сэр. Кстати, меня зовут Том. Я тут за управляющего.

— Спасибо, Том, — отозвался Песочный чело-

век, передавая ему сумку, после чего вышел из отеля, сел в свой фургон и повернул ключ в замке зажигания.

Бросив взгляд на часы, он не смог удержаться, чтобы не провести указательным пальцем по бронзовому корпусу. «Панерай Сабмерсибль» 1950 года был дорогим и очень ценимым подарком. Всего было изготовлено двести сорок девять экземпляров этой модели. Покинув стены завода, эти часы были абсолютно одинаковыми, но со временем, под воздействием открытого воздуха, каждый корпус покрылся своей индивидуальной патиной. Эти часы много для него значили. Это был хорошо продуманный подарок внимательного человека, потому что они были такими же, как он сам, — точными и уникальными.

Было ровно без двух минут восемь вечера.

Плюс-минус еще тридцать минут.

Примерно столько понадобится ФБР, чтобы отреагировать на вызов.

Включив первую передачу, он выехал с парковки.

Глава 5
Дилейни

Без двух минут восемь.

Дилейни закончила свой рабочий день в офисе ФБР точно тем же, с чего он и начался. Каждое утро и каждый вечер в течение всего последнего года она проверяла, нет ли каких-то известий о Песочном человеке. ФБР располагало доступом к базам данных о преступлениях по всему миру. Обновлялись они более или менее регулярно, в зависимости от региона. Некоторые из них, вроде СРЛИ — Системы распознавания лиц Интерпола, — дополнялись новыми биометрическими данными буквально каждую пару минут. Другие обновлялись каждые несколько часов, ежедневно или даже ежемесячно. Для Дилейни это не имело значения. Она работала с цифрами. Требовалось проверить тридцать одну базу данных. Каждое утро. Каждый вечер.

Просматривая базы, Дилейни незаметно для себя приговорила пинту холодного кофе. Как и каждое утро. И каждый вечер. Без сливок. С пятью ложками сахара. То, что доктор прописал.

Потыкав в кнопки стационарного телефона, стоявшего на столе, она набрала номер. Еще один способ работать в режиме многозадачности. Из динамика послышался гудок, потом второй, третий. Это все, что от нее требовалось. Дать телефону прозвонить три раза, а затем повесить трубку. Еще с восемнадцатилетнего возраста, проводя ночь вне дома, Дилейни всякий раз приходилось по возвращении набирать номер мамы и давать телефону прозвонить ровно три раза. Просто чтобы Коллин знала, что всё у нее в порядке. Матерям вообще свойственно волноваться, но ирландские матери — чемпионки мира по беспокойству в тяжелом весе. Едва только Дилейни собралась отключить линию, исполнив свой долг перед матерью, хотя и немного преждевременно, как услышала, что на звонок ответили.

— Пейдж, это ты? Номер, с которого ты звонишь, не опознается. Ты ведь еще не дома, насколько я понимаю? — спросила Коллин с характерным дублинским придыханием, от которого упорно не могла избавиться, несмотря на сорок с лишним лет, прожитых в Бостоне[181].

— Да, это я. Всё в порядке, мам. Я просто…

---

[181] notes: 181

Бостонское произношение считается в США наиболее близким к классическому британскому.

— Ты же знаешь, я не смогу уснуть, пока не буду уверена, что ты дома, в безопасности. Не лги мне сейчас! Я слишком стара, а ты и наполовину не столь искусная лгунья, как тебе представляется, юная леди!

— Мам, все у меня нормально, я прямо сейчас ухожу с работы…

— Ну что ж, теперь-то мне от этого какой прок? Позвони, когда окончательно будешь дома. Не раньше.

На другом конце линии Дилейни уловила какое-то еле слышное потрескивание. Дело было не в связи, а в том, что ее мама сжимала в руках четки. Дилейни знала, что лучше не спорить.

— Я позвоню, когда буду дома. Люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, сладкая моя горошинка.

Повесив трубку, Дилейни вернулась к монитору.

К тридцать одной базе данных.

И точно так же, как и с утра, не обнаружила никаких попаданий или зацепок ни по банковским счетам Дэниела Миллера, ни по его кредитным картам, ни по номерному знаку его фургона, а его лицо так и не было зафиксировано какой-нибудь камерой наблюдения с функцией распознавания лиц. Песочный человек по-прежнему занимал

первое место в списке десяти самых разыскиваемых преступников ФБР. Прибираясь на своем рабочем столе к следующему дню, Дилейни нашла свой список задач. Обычно она комкала этот список и бросала его к остальным измельченным в лапшу бумагам в конце смены. Если какие-то пункты из этого списка еще оставались незавершенными, приходилось еще немного задержаться, чтобы выполнить намеченное.

Сегодня оставался невыполненным только один пункт.

Дилейни набрала номер и дождалась соединения. Звонок сразу же переключился на голосовую почту, как и во время предыдущих трех попыток. Судебный процесс над Кэрри Миллер начинался через два дня. Список свидетелей был длинным, так что полиции Нью-Йорка и ФБР пришлось распределить его между собой. В обязанности Дилейни входило проверить всех свидетелей, с которыми она успела пообщаться, — убедиться, что они готовы к судебному разбирательству, и сообщить им, когда именно им надо быть готовыми к вызову в суд повесткой.

Отловить ей удалось всех своих свидетелей, кроме одного.

Вечно хоть кто-нибудь, да смажет всю кар-

тину.

На сей раз такой паршивой овцой оказался некто Честер Моррис, швейцар в отеле «Ле Блю» на Четвертой авеню в Бруклине. После того как фотография Кэрри Миллер впервые появилась в прессе, Честер лично явился в полицию Нью-Йорка и заявил, что как-то вечером, в конце своей смены, зашел в закусочную на углу Четвертой авеню и Шестой улицы, чтобы купить буррито навынос. И, уже уходя с покупкой, заметил двух человек, стоявших у входной двери жилого дома по соседству с закусочной. Мужчину и женщину. Они стояли под навесом, тесно прижавшись друг к другу, хотя дождя не было. Мужчина вроде как возился с ключами, пытаясь открыть дверь. А может, и не с ключами, а с чем-то еще. Честер не стал вмешиваться и пошел дальше к автобусной остановке.

Только на следующий вечер он услышал в новостях, что Песочный человек убил двух женщин в том самом многоквартирном доме. И хотя подозрения у него вызвали двое у двери этого здания, полиция разыскивала только одного человека. Не пару.

И лишь после того, как фотографии Дэниела и Кэрри Миллер появились на первых полосах

газет, Честер позвонил в полицию Нью-Йорка и сообщил им, что видел этих людей возле той жилой многоэтажки в ночь убийства.

Это была важная улика, и Честер был бы хорошим свидетелем. Конечно, он хотел получить кое-что взамен за свои показания на суде. На нем висело ожидающее рассмотрения обвинение в нападении, из-за которого он мог лишиться своей лицензии частного охранника и работы швейцаром, если б его признали виновным. Билл Сонг и Дрю Уайт заключили с Честером сделку, пообещав, что дело о нападении будет закрыто, если он будет с ними сотрудничать. Каким-то образом СМИ пронюхали о показаниях Честера, и на эту тему появилось несколько статей.

И вот теперь он не отвечал на телефонные звонки. Дилейни оставила ему сообщение. Вероятно, Честер был на смене, общался с каким-нибудь гостем…

Она встала из-за стола, потянулась. Было уже пять минут девятого. На сегодня было сделано достаточно. Потянувшись за мобильным телефоном, Дилейни услышала сигнал о поступлении нового сообщения. А затем гуднул и компьютер, объявляя о получении электронного письма.

Сообщение на мобильнике оказалось опове-

щением от отдела по борьбе с финансовыми махинациями «Американ экспресс». Она проверила свою электронную почту. Это было резервное уведомление — чтобы убедиться, что она прочитала первое сообщение. Прежде чем Дилейни успела позвонить в банк, зазвонил ее телефон. Это был отдел финансовых преступлений в Куантико[182].

— Специальный агент Дилейни, это агент Рудник из ОФП. Есть попадание по вашему парню, — произнес мужской голос.

На какое-то время Дилейни лишилась дара речи. Она так долго ждала какого-то прорыва — и вот оказалась прямо перед ним. Это был *тот самый* звонок. С тех пор как Дэниел Миллер пустился в бега, ФБР неустанно следило за его банковскими счетами и кредитными картами. Они не были заморожены — просто отслеживались на предмет какой-либо активности. Считалось, что Миллер, который был весьма состоятельным человеком, прихватил с собой большую сумму наличными, чтобы не привлекать к себе внимания. Но наличные, как видно, закончились.

— Где? — спросила Дилейни, ожидая, что уве-

---

[182] notes: 182

В Куантико, штат Вирджиния, находятся центральная база и главный учебно-тренировочный центр ФБР.

домление поступило из какого-нибудь автосалона в Суринаме, частной чартерной авиакомпании в Колумбии или просто из продуктовой лавки в Сальвадоре. Она была уверена, что Миллер бежал из страны и теперь скрывается в каком-нибудь захолустном городке, вдали от досягаемости ФБР.

— Песочный человек только что воспользовался своей картой «Американ экспресс» в отеле «Грейдис Инн» в Квинсе.

Глава 6
Дилейни

Автостоянка у «Грейдис Инн» была уже заставлена полицейскими машинами. Фары, мигающие синие и красные огни и даже несколько больших прожекторов придавали этому месту вид народных гуляний на Четвертое июля[183]. Дилейни уже доводилось бывать в этом отеле, когда она охотилась за серийным убийцей Долларовым Биллом, который содержался здесь в качестве секвестированного члена жюри. Заведение выглядело еще более запущенным, чем в прошлый раз.

Подъехав к нему, Дилейни припарковалась возле древнего универсала с четырьмя спущенными колесами. На стоянке обнаружилась еще только одна частная машина — старенькая «Тойота». По крайней мере, отель практически пустовал, и если Песочный человек что-нибудь предпримет, здесь будет не так много народу, за которых придется переживать. У входа в здание стояли десятка три полицейских с помповыми ружьями

---

[183] notes: 183
4 июля в США с большой помпой празднуется День независимости.

или штурмовыми винтовками наперевес.

Билл Сонг вывел из отеля мужчину в черных брюках, черном жилете и белой рубашке — вероятно, дежурного администратора. За ними вышла тетка лет пятидесяти в спортивном костюме и фартуке — единственная уборщица, которая требовалась отелю при столь малом количестве постояльцев. Офицер отвел менеджера и горничную к ближайшему фургону полицейского спецназа и усадил их внутри.

— Миллер здесь? — спросила Дилейни, заранее упавшим голосом. Она уже могла сказать, что они разминулись с ним.

— Том, дежурный администратор, говорит, что он зарегистрировался где-то сорок — может, сорок пять минут назад. Оставил свою сумку и сказал, что поедет перекусить.

— Он оставил свою сумку в номере?

— Нет, у администратора.

— Так это он? Это Миллер? — спросила Дилейни, ощущая сосущее чувство в животе. Последнее, что им требовалось, — это чтобы кто-нибудь украл кредитные карты Миллера. Это должен был быть только он — Песочный человек.

— Это он.

— Есть записи с камер наблюдения?

— Камеры у них работают от видеомагнитофона, который сломался пять лет назад, и они так и не смогли найти никого, кто сумел бы его починить, а новую систему здесь не могут себе позволить. Так что видео нет. Менеджер дал приблизительное описание — и по росту и по возрасту вроде подходит.

— Ты показывал ему фото Миллера?

— Показывал. Он сказал, что это может быть он. Тот человек был в бейсболке. Мы не знаем, как Миллер мог изменить свою внешность за последний год. Хотя не волнуйся. Это точно он.

— Откуда такая уверенность, что это Песочный человек?

— Он воспользовался картой «Американ экспресс» и оставил нам записку. Пошли, нам нужно выставить оцепление, — сказал Билл, вручая Дилейни прозрачный пластиковый пакет для улик с картой гостя внутри. Затем взял ее за руку, осторожно развернул и повел прочь из здания.

Дилейни посмотрела на карту гостя.

Он подписал ее «Д. Миллер». И в качестве адреса указал Мидоу-роуд в Олд-Уэстбери. Она перевернула листок.

На обороте было написано всего два слова.

«Тик-так».

Размышляя о значении написанного, Дилейни оглянулась через плечо на отель, а затем опять перевела взгляд на парковку, забитую полицейскими машинами.

— Нам нужно разместить в отеле несколько человек, спрятать все эти машины и оцепить периметр автомобилями без опознавательных знаков. Он может вернуться в любую секунду, — сказала она.

— Он не вернется, — отозвался Билл. — Я зашел в кладовку, а потом повернулся и тут же вышел обратно, как только это услышал.

— Что услышал?

— Тиканье часов. Из сумки Миллера. Команда саперов будет здесь через пять минут.

У Дилейни опустились плечи.

— У него не закончились наличные. Он не допустил ошибки, — констатировала она.

Билл кивнул и приказал полицейским на стоянке отойти подальше от здания и очистить территорию.

— Нет, не допустил, — сказал он. — Он хотел, чтобы мы сразу схватили эту сумку, и тут же — бум!

— Почему именно сейчас? — спросила Дилейни, обращаясь скорее к самой себе, чем к Биллу.

— Наверное, потому, что через пару дней его жена предстанет перед судом.

Группа по обезвреживанию взрывных устройств въехала на стоянку, когда полицейские машины уже начали выезжать с нее, окружая территорию по периметру. А прилегающая территория у загибающегося отеля была довольно обширная — в основном плохо ухоженные газоны и деревья, протянувшиеся до другого четырехполосного шоссе. Ближайшим зданием оказалась баптистская церковь, которая находилась вне зоны поражения любого взрывного устройства, которое можно спрятать в дорожной сумке. И все же полиция проследила за тем, чтобы на парковку больше никто не заезжал, и отвела двух работников отеля на безопасное расстояние. Несмотря на все эти перемещения, вокруг все еще было слишком много полицейских, и Билл отправил треть из них патрулировать район, а еще треть с заданием найти все дорожные камеры, охватывающие подъезды к отелю, и изъять записи, сделанные в течение часа во время приезда и отъезда Миллера. Если повезет, то, может, удастся разобрать номерной знак. Они подозревали, что он регулярно менял номера на фургоне, если все так и ездил на нем.

Все это обсуждалось в передвижном командном пункте полиции Нью-Йорка, расположенном в пятидесяти футах от ряда защитных экранов, которые быстро возводились перед отелем. Они ничего не могли сделать для спасения здания, если бы взрывное устройство сработало — экраны были установлены для улавливания обломков и осколков стекла при взрыве.

Команда саперов отправила к зданию своего робота, и Дилейни приготовилась к длительному ожиданию. Такие вещи обычно занимают много времени, а кажется, что еще больше. Довольно странное ощущение — ожидание взрыва. Нечто вроде смеси скуки и напряжения. Дилейни уже несколько раз испытывала подобный опыт в своей жизни. В федералы она подалась сразу после того, как демобилизовалась из армии США. Боевых командировок в Ирак и Афганистан оказалось вполне достаточно, чтобы она поняла, что пора сменить профессию. Сидение на базе якобы во время перерывов между боевыми заданиями тоже вызывало у нее это необычное чувство напряженной апатии. На самом-то деле никаких перерывов не было. Через каких-то полчаса она могла опять оказаться по уши в дерьме, и даже на базе сохранялась постоянная угроза миномет-

ного обстрела или того, что террорист-смертник въедет на территорию за рулем фуры, битком набитой взрывчаткой. Именно в такие периоды мучительного ожидания Дилейни пришла к осознанию того, какие чувства испытывала ее мать. Это тоже стало одной из причин, почему она оставила военную стезю. Во время боевых командировок Дилейни Коллин ежедневно посещала маленькую приходскую церковь в Дорчестере[184], где ставила свечку и молилась святой Марии о благополучном возвращении дочери. А когда Дилейни наконец возвратилась домой из мест боевых действий, священник сказал ей, что Коллин чуть не сожгла это место дотла своими свечами.

Это ожидание было похожим, хотя и не заставило ее так сильно потеть. Не так, как в Фаллудже[185]. И дело было не в тогдашней жаре. А в напряжении, от которого у нее сводило плечи и которое поднималось по затылку к мозгу,

---

[184] notes: 184

В данном случае имеется в виду не город в Англии, а один из районов Бостона, США.

[185] notes: 185

Эль-Фаллуджа — город в Ираке, расположенный неподалеку от Багдада. Вторая битва за Фаллуджу в 2004 г. стала самым кровавым сражением войны в Ираке — помимо многочисленных боевых потерь с обеих сторон, погибли и тысячи мирных жителей.

доводя его до кипения. Дилейни стояла рядом с Биллом, прислонившись спиной к капоту его «Рендж Ровера», и скрипела зубами. В течение этих сорока с лишним минут ничего особо не происходило. Прибыла команда криминалистов с кофе, устроившись поблизости в ожидании отмашки. Взрывотехник, облаченный в тяжелые взрывоустойчивые доспехи, пробрался через щель между защитными экранами и направился к отелю. Прошло еще полчаса, прежде чем Билл получил рапорт по рации.

— Все чисто. Ложная тревога. В сумке нет никакого взрывного устройства, — объявил сапер.

Направляясь к отелю, Дилейни бросила на Билла полный любопытства взгляд. Вошли они как раз в тот момент, когда оттуда выходил закованный в доспехи взрывотехник.

— Если в сумке нет никакого взрывного устройства, то что же это за тиканье я слышал? — спросил Билл.

Сапер лишь пожал плечами.

— В сумке нет металла. И ни пластиковой взрывчатки, ни жидкой. Это… В общем, лучше вам самому взглянуть.

Сумка теперь стояла на стойке администратора, открытая сверху. Билл, надев перчатки,

подхватил ее и поставил на пол. Дилейни подняла взгляд и увидела, что команда криминалистов направляется к ним. У одного из них был фотоаппарат, и он уже изготовился, чтобы сделать снимок.

— Сфотографируйте верхнюю часть сумки, — распорядился Билл, отступая в сторону, чтобы не попасть в кадр. Камера пару раз щелкнула, полыхнув вспышкой, после чего Билл присел на корточки, а Дилейни — рядом с ним, и оба принялись расстегивать молнии и широко раскрывать сумку.

Теперь она знала, почему Честер Моррис не отвечал на звонки.

Честеру уже можно было не беспокоиться касательно показаний против Кэрри Миллер, и ему уж точно не было нужды переживать насчет грозящего обвинения в нападении.

Глаза у Честера отсутствовали, а голова была отсечена у основания шеи чем-то очень острым. Ровный и чистый срез говорил сам за себя. Рот был открыт в крике, которого больше уже никто не услышит. Рот и глазные впадины заполняло что-то темное, но это была не кровь.

Это был песок.

Дилейни довелось повидать много ужасных ве-

щей на своем веку. Людей, разорванных на части. Замученных. Убитых. Ужас и муку последних мгновений, отчетливо отразившуюся на том, что осталось от их лиц. Она отступила назад, глубоко вдохнула и покрутила шеей, разминая ее, прежде чем шагнуть обратно, чтобы осмотреть голову более внимательно.

Вот тут-то они и услышали тиканье.

— Господи, да какое-то устройство, видать, у него в голове! — бросил Билл, но, прежде чем успел сказать что-то еще, Дилейни перебила его.

— Это не механизм. Послушай, — сказала она.

Они замерли, затаив дыхание, и опять услышали это — быстрое ритмичное пощелкивание. Сняв с пояса фонарик, Билл посветил им в сумку, и что-то крошечное и черное метнулось по передним зубам Честера от внезапной вспышки света. Это была не тень. А какое-то насекомое.

— Сверчки, — выдохнул Билл. Он затаил дыхание, едва только заслышав непонятное тиканье.

— Это не сверчки, — возразила Дилейни. — Они слишком маленькие. Да и звук не такой.

— Пора уже сажать Кэрри Миллер, — сказал Билл. — Она наверняка передала всю информацию о процессе своему мужу, и теперь он убирает ключевых свидетелей обвинения. Я сейчас по-

звоню окружному прокурору, и мы обеспечим круглосуточную защиту каждому свидетелю по этому делу.

— Билл, нам нужно нечто большее. Ради бога: Честера показывали в утренних новостях! Я же говорила тебе еще несколько месяцев назад, что нам нужно привлечь…

— Ни за что! Я категорически против.

— Ну что ж, все, что мы до сих пор пробовали, благополучно провалилось. Результатов — ноль. Если и есть человек, который способен вывести нас на Песочного человека, то это Гэбриэл Лейк.

— Ты и вправду в это веришь?

Дилейни кивнула:

— Он единственный человек из тех, кого я знаю, который способен думать так, как они.

— И есть причина, по которой он может мыслить как убийца, не так ли, Пейдж?

Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но Сонг перебил ее:

— Я не могу на это пойти. Он опасен, и я ему не доверяю.

Она покачала головой. Переубедить Билла так и не удавалось.

Оба двинулись к выходу, оставив криминалистов и судмедэксперта осматривать сумку

и голову. И эти маленькие насекомоподобные существа в песке, и издаваемые ими звуки были Дилейни чем-то знакомы, но в данный момент она не могла вспомнить, чем именно. Убив два часа, они опять так ничего и не добились. Песочный человек лишь посмеялся над ними. Посмеялся над Биллом и Дилейни. Она почти не разговаривала с Биллом после того разговора про Лейка. Он все равно не стал бы слушать. Когда что-то не складывалось, такие люди, как Билл Сонг, были способны предвидеть лишь чисто политические последствия. Они думали только о себе. О своей карьере.

Вслед за Лейком тянулось столько всякого сомнительного багажа, что не влезло бы и в «Боинг–747», но с ним приходили и результаты.

Он был охотником за людьми. В прямом смысле этого слова, и сейчас Бюро нуждалось в нем больше, чем когда-либо.

Вконец измотанная, Дилейни направилась к своей машине, оставленной на парковке. Рядом с ней она заметила какой-то старый универсал — задняя дверца у него была на дюйм приоткрыта. На заднем сиденье валялись скомканные одеяла. Вероятно, кто-то из многочисленных бездомных в городе нашел себе неплохое местечко для ночле-

га. Дилейни поехала обратно в город, надеясь, что впереди ее ждет сон. Резко спавшее напряжение, которое она испытывала в ожидании команды саперов, вкупе с ударом, нанесенным потерей свидетеля, высосали у нее энергию почти до нуля. Именно этого и добивался Песочный человек, который убивал, когда ему только заблагорассудится, и дразнил полицию и ФБР как только мог. Дилейни очень опасалась предстоящих дней.

У Бюро имелось с дюжину объектов недвижимости, разбросанных по всему Нью-Йорку. Даже несколько на Манхэттене — вроде той квартиры, где Дилейни проводила время, работая над делом Песочного человека. В основном в таких местах укрывали свидетелей или потерпевших, когда это требовалось, но иногда ими пользовались прикомандированные агенты. Она остановилась именно на этом здании, потому что оно было одним из тех немногих, в которых имелась подземная парковка. Квартира сама по себе была не ахти какая, так что парковочное место внизу обладало не меньшей ценностью, чем объект, к которому оно прилагалось. Открыв при помощи радиобрелока шлагбаум, Дилейни съехала по пандусу и отыскала свое место на тускло освещенной подземной парковке. Заглушила двигатель.

Вздохнула, расправила плечи и откинула голову на подголовник.

Уже закрывая глаза, она мельком увидела, как над головой у нее метнулось что-то тонкое и черное, резко упав вниз, а затем…

Послышался треск пластмассовых зубчиков, когда одноразовую стяжку туго затянули у нее на горле, перекрыв доступ воздуха и заставив ее широко распахнуть глаза, разинуть рот и прижаться затылком к подголовнику. Ее пальцы вцепились в шею, а ноги забарабанили по коврику под рулем, обдирая лодыжки о педали.

В зеркале заднего вида Дилейни углядела фигуру у себя за спиной. Сильная рука схватила ее за макушку, удерживая голову, а другая вонзила ей в шею что-то острое. Когда рука убиралась обратно, она мельком заметила иглу шприца, мокрую от ее собственной крови.

Ноги не слушались. Руки безвольно упали, волной накатили тошнота и головокружение. Когда глаза сами собой закрылись, показалось, будто она слышит телефонные гудки: один… другой… третий, а потом — потрескивание четок.

Горячее дыхание коснулось ее шеи.

А затем послышался голос. Настоящий, а не галлюцинация, вызванная наркотиками. Низкий,

хрипловатый баритон, который почти мгновенно усыпил ее.

«Мистер Сэндмен, навей ты мне сон… Пусть будет сладким и радостным он…»[186]

[186] notes: 186

Песенка «Мистер Сэндмен», посвященная фольклорному Песочному человеку, сочиненная и записанная американским джазменом Ваном Монро еще в 1954 г., с тех пор неоднократно перепевалась различными группами и исполнителями. Наиболее известная версия — женского квартета «Кордеттс» (1958).

Глава 7
Эдди

Закрыв лежащую у меня на столе папку с делом Кэрри Миллер, я откинулся в кресле и прислушался к ночной тиши. Еще мальчишкой я как-то смотрел в школе передачу о природе, записанную на видеокассету. Речь в ней шла о тропических лесах Амазонки, и я помню слова диктора о том, что после захода солнца в джунглях по-прежнему кипит жизнь.

То же самое и на Манхэттене. Шум, производимый уличным движением и людьми, наверняка отлично слышен и днем — как, я думаю, и всякие шумы в тропических лесах Южной Америки, — но все-таки больше всего вы замечаете его ночью. Кто-то пел старинную ирландскую народную балладу, хотя я не мог разобрать, какую именно, поскольку какие-то люди рядом перекрикивали припев, препираясь из-за того, кому платить за такси. Трубили автомобильные гудки, гудели автомобильные моторы, пели пролетающие по асфальту шины…

После пяти часов чтения на тему смерти, пе-

ремежающегося рассматриванием фотографий жертв Песочного человека, мне захотелось хотя бы на минутку остановиться и окунуться в жизнь. Нью-Йорк для этого более чем подходит. Это тоже джунгли, только несколько иного рода. Столь же насыщенные жизнью, столь же полные света и звука. И, пожалуй, столь же опасные.

Здесь тоже водились хищники, рыскающие по темным улицам. Охотились они в основном на слабых и бедных, но некоторые, вроде Песочного человека, охотились на всех подряд. Именно это делало его таким страшным. В его нападениях не было никаких закономерностей. И места их, и время выбирались совершенно произвольно, жертв его тоже абсолютно ничего не объединяло. Не имело значения, шли вы по улице в четыре часа утра или же сидели дома за запертой дверью — нигде вы не были в безопасности.

Пока длился этот его убийственный разгул, весь город тревожно притих. А потом убийства прекратились. Когда отменили вызванный ковидом карантин, а общее мнение склонилось к тому, что Песочный человек где-то укрылся — вероятно, даже покинул страну, — большинство людей сочли безопасным вновь выходить на улицу или оставаться в своих постелях в полном одиночестве

по ночам. Страх все еще незримо присутствовал, но заметно рассеялся, и в стальные, стеклянные и бетонные каньоны Манхэттена постепенно вернулась нормальная жизнь.

Когда я закрыл глаза, перед ними продолжали по-прежнему мелькать кое-какие образы, виденные мной на фотографиях с мест преступлений. В основном женщин. Глаза у них были вырваны, а лица засыпаны песком, заполнившим те два отверстия в черепе, в которых некогда скрывалась душа, забившим рот и горло тоже. Песчинки застряли у них между зубами, прилипли к губам и деснам. Их раны окрасили песок в розовый цвет. За исключением песка во рту, который оставался все столь же бледным и чуждым какой-либо жизни.

В соответствии с обвинительным заключением, дело было разделено на несколько частей, для каждой из жертв, шесть из которых были связаны с Кэрри. Я подумал, что если окружной прокурор добьется осуждения по этим обвинениям, федералы могут попытаться связать и другие убийства Песочного человека с Кэрри. Хотя сейчас это был отнюдь не первоочередной вопрос. Полицейские и криминалистические отчеты с мест преступлений, а также показания соседей

и родственников предоставили мне достаточно информации, чтобы составить первое представление об этих шести жертвах, их жизнях, а также о том, как эти жизни были отняты.

Маргарет Шарп, директор по маркетингу, тридцати двух лет от роду, проживала в Восточном Гарлеме. Любила винтажную одежду и домашнюю выпечку. Каждый день ездила на работу на синем в белый горошек велосипеде с прикрепленной к переднему крылу плетеной корзинкой, в которой обычно привозила домой продукты. Недавно в своем спортзале она познакомилась с девушкой по имени Петра, которая тоже любила ездить на велосипеде и печь. Через шесть месяцев Петра обнаружила Маргарет мертвой в ее квартире — на следующее утро после нападения. Почти каждый день они вместе ездили на работу на велосипедах, и поскольку подруга не отвечала на телефонные звонки, Петра воспользовалась запасным ключом от квартиры Маргарет. Убита та была 21 мая прошлого года. Позже Петра подтвердила, что старинные серебряные серьги в виде розочек, найденные в гардеробной у Кэрри, когда-то принадлежали Маргарет.

Пенни Джонс и Сюзанна Абрамс жили в одной квартире в Бруклине, на Четвертой авеню.

Пенни, певице и автору-исполнительнице, был двадцать один год, она давала по восемь концертов в неделю и обслуживала столики «У Каца»[187], когда выпадало свободное от музыки время. Сюзанна была старше, но не мудрее. Она наливала «Гиннесс» и виски в ирландском баре в двух кварталах от дома, и в большинстве случаев заколачивала за вечер больше, чем Пенни за неделю, если говорить о чаевых. Проблема была в том, что заработанное так или иначе возвращалось в бар. Особенно когда Пенни получила отказ. Она написала роман и пыталась найти литературного агента, из-за чего всякий раз, когда открывала свою электронную почту, ей казалось, будто она получает шлепок по физиономии. В общем, типичная история двух молодых женщин, которые наслаждаются жизнью и пытаются добиться успеха в величайшем из городов мира.

Утром 29 мая их сосед заметил, что дверь квартиры девушек открыта, но когда он окликнул их, никто не ответил. Сосед зашел внутрь, а затем выбежал обратно и позвонил в «911». Пенни и

[187] notes: 187

«У Каца» (или «Деликатесы Каца», *англ.* Katz's Delicatessen) — известная закусочная в еврейском стиле на Манхэттене, основанная еще в 1888 г., достопримечательность Нью-Йорка, входящая во многие справочники для гостей города.

Сюзанна были найдены в своих спальнях. Изуродованные, засыпанные песком. Двери их спален были закрыты, а в самой квартире не имелось никаких признаков борьбы. Примечательно, что две здоровые молодые женщины, по-видимому, не смогли оказать сопротивление нападавшему. В вечер нападения, 28 мая, свидетель по имени Честер Моррис заметил у дверей дома Пенни и Сюзанны мужчину и женщину, и было похоже, что мужчина пытался взломать замок. Позже Моррис опознал Дэниела и Кэрри Миллер как пару, стоявшую у двери. У Пенни и Сюзанны пропало по кольцу: у Пенни — кольцо из розового золота с двумя красными гранатами, у Сюзанны — серебряное с каким-то серым полудрагоценным камнем. Оба были найдены среди украшений Кэрри.

Лилиан Паркер была женщиной тихой и замкнутой — дизайнер-фрилансер, в основном работавшая на дому, жила в Трайбе́ке[188]. Ее тело нашли в переулке за домом, где она жила, что было необычно для Песочного человека. Ей шел

---

[188] notes: 188

Трайбе́ка (TriBeCa, *сокр. от англ.* Triangle Below Canal — «Треугольник южнее Канал-стрит») — престижный район нью-йоркского Манхэттена, известный благодаря историческим промышленным зданиям, многие из которых преобразованы в жилые лофты, рестораны и бутики.

сорок второй год, и она была заядлой скрипачкой, хотя ее соседи понятия не имели об этом. Ее скрипку нашли со струнами, обернутыми ватой, чтобы приглушить звук. Тереза Васкес, проживающая в соседней квартире, показала, что в ночь нападения, 3 июня, она видела мужчину и женщину, которые околачивались возле здания. Описание их соответствовало Дэниелу Миллеру и Кэрри Миллер. Тереза Васкес, как и Честер Моррис, обратилась в полицию только после ареста Кэрри Миллер, наделавшего много шуму. Броши с камеей, которую Лилиан носила каждый день, не нашли ни в ее квартире, ни на теле. О пропаже этой броши сообщила полиции мать Лилиан. Это привело к повторному изучению обстоятельств других убийств с участием родственников жертв и опознанию всевозможных украшений, похищенных Песочным человеком. Если б не миссис Паркер, полиция и ФБР могли бы так и не узнать о том, что Песочный человек забирал какие-то трофеи после своих убийств.

Нильсены жили в роскошном особняке в Ист-Виллидж. Какой-то добрый самаритянин, проходящий мимо около шести утра, заметил, что их входная дверь открыта. Первый из полицейских, прибывших на место происшествия,

простой патрульный, был еще сравнительным новичком на этой работе. Его начальник провел этого неопытного парнишку в дом и велел ему подняться наверх. После чего бросился вверх по лестнице, когда услышал этажом выше глухой стук. Новичок лежал без сознания на лестничной площадке перед главной спальней. Сначала его старший подумал, что парня сбил с ног тот, кто вломился в дом, но вскоре понял, что на самом деле стало причиной падения. Тобиас и Стейси Нильсен лежали в постели, прижавшись друг к другу и завернутые в простыню, туго натянутую им до самой шеи. Рты и глазницы у обоих были забиты песком. В соседней комнате спала восьмилетняя Элли Нильсен, прижимая к себе плюшевого мишку. Ее приемный брат Роберт тоже находился в своей спальне. Ему было всего пять лет. Дети были живы и невредимы, если не считать того, что им ввели какое-то успокоительное в виде инъекции. Они не видели человека, который уколол их в шею в темноте, но один из них, маленький Роберт, сказал, что почувствовал чье-то дыхание у себя на щеке.

Тот новичок взял месячный отпуск по болезни и по его окончании сразу же уволился из органов. А через неделю после увольнения принял

слишком большую дозу обезболивающих и был похоронен со всеми почестями, как и положено в полиции Нью-Йорка. Я на миг задумался: если бы он прожил достаточно долго, чтобы федералы успели найти дом Дэниела Миллера и ожерелье из черного жемчуга Стейси Нильсен в шкафу Кэрри Миллер, это дало бы ему какой-то элемент логической завершенности? Спасло бы это его?

Это была лишь небольшая горстка жертв Песочного человека. И это были самые последние убийства, а также те, которые окружной прокурор мог однозначно связать с Кэрри Миллер. Я стоял в ее доме, мы разговаривали с ней, и я все никак не мог приравнять эту личность к той, что способна усыпить двух маленьких детей, а затем походя убить их родителей.

Мне и раньше приходилось иметь дело с монстрами. Как и ведущему аналитику ФБР по этому делу Пейдж Дилейни. Вообще-то, Дилейни работала вместе со мной над делом Бобби Соломона, в котором мы столкнулись с убийцей, пробившемся в число присяжных на процессе над Бобби. Мне повезло, что в итоге я остался в живых, хотя семидюймовый шрам у меня на бедре все еще чесался зимой и саднил летом. Она также дала мне несколько советов на процессе по делу Авеллино,

где мы с Кейт впервые встретились в качестве оппонентов[189]. Дилейни зарабатывала себе на жизнь охотой на убийц. Я представлял интересы людей, которых обвиняли в убийстве. Неудивительно, что в итоге мы встретились, ведь мы оба сталкивались с самыми ужасными вещами в одном и том же городе. Мне нравилась Дилейни. Она была умной и въедливой. Женщина по фамилии Харпер, которую я любил и потерял, была нашей общей подругой.

В последний раз мы с Дилейни общались на встрече в честь годовщины со дня смерти Харпер. Она вспоминала нашу подругу, и тепло и привязанность, которые звучали в ее словах, были совершенно искренними. Пока Дилейни говорила, я слушал, кивал, и мы расстались, обнявшись на прощание. Я не мог говорить о Харпер. Пока что. Ни с кем, даже с Гарри. Когда-то я думал, что у нас двоих могло бы быть совместное будущее. Шрамы на моем теле — это не единственные старые раны, которые я буду носить с собой всю оставшуюся жизнь.

Я встал с кресла и подошел к окну. Неоновое сияние из клуба на другой стороне улицы пада-

---

[189] notes: 189
См. роман С. Каваны «Пятьдесят на пятьдесят».

ло сквозь оконное стекло, окрашивая комнату в темно-красный цвет. Звуки с улицы словно растворялись в этом сиянии, как будто буйство красок заглушало все остальное.

Блок, Кейт и Гарри — все они верили в Кэрри Миллер. Я не мог этого не признать. И когда я посмотрел ей в глаза и спросил, убила ли она тех людей, Кэрри сказала мне правду. Я знал это. Улики против нее были косвенными, но все они складывались один к одному. Я давно уже научился не сбрасывать со счетов свою интуицию, что бы ни говорило обвинение.

Правда, мне подумалось, что она могла знать о темной стороне жизни своего мужа куда больше, чем хотела сказать. Она могла знать об этом с самого начала и жила в страхе, медленно утопая в чувстве вины за свое молчание. Я знал, что в какой-то момент Кэрри заподозрила его, но ничего не предприняла. И это мучило ее. Это означало, что ей не все равно. Серийные убийцы не обладают эмпатией и не способны ее изобразить. Мы все вчетвером поверили Кэрри. Это многое значило.

Просто весь остальной мир считал ее убийцей.

Окружной прокурор наверняка намеревался выдвинуть две версии событий. Для начала — ту, что она имела намерение убить указанных

жертв, отчего поощряла действия своего мужа или же напрямую помогала ему. Если наличие умысла доказать не удастся, у обвинителя остается запасной вариант — что Кэрри была просто сообщницей. В данном случае ему следует доказать, что Кэрри знала о том, что ее муж имел намерения убивать, и что она предоставляла средства и возможность для этого или просто потворствовала ему в совершении преступлений. Последнее доказать гораздо легче. Если ее признают виновной хоть в чем-либо из этого, Кэрри больше никогда не увидит другого дня за пределами тюремных стен.

Заключительное доказательство обвинения ставило нас перед серьезной проблемой. Я не стал спрашивать об этом у Кэрри. По крайней мере, вдаваясь в особые подробности. Рассматривая вопрос о привлечении Кэрри к уголовной ответственности, большое жюри наверняка сочтет этот момент одним из основных. В этом деле было ясно только одно. Песочным человеком был Дэниел Миллер, и это он убил всех этих людей. Вне всякого сомнения. А Кэрри Миллер лгала, чтобы скрыть этот факт.

Вопрос, на который мне требовался ответ, заключался в том, почему она защищала его.

На моем столе завибрировал мобильный телефон.

Я глянул на свои наручные часы, которые много лет назад подарила мне моя дочь Эми. Циферблат был весь в царапинах, и батарейку приходилось менять каждые несколько месяцев, но я не расстался бы с ними ни за какие коврижки. У нее имелись точно такие же — или, по крайней мере, до тех пор, пока они не перестали работать. Ее отчим, Кевин, купил ей на пятнадцатилетие новые. Правда, официально он не был ее отчимом — по крайней мере, пока. Моя бывшая жена Кристина должна была выйти замуж во второй раз в жизни уже через несколько недель, и эта новость поразила меня не так сильно, как я ожидал. Я уже смирился с тем, что Кристина ушла от меня. Это уже ощущалось, как некая застарелая печаль. Бóльшую часть времени она не доставляла мне особых хлопот — больно было лишь тогда, когда что-то вдруг напоминало мне об этом. Меня больше заботила Эми, чем Кристина. У меня было такое чувство, будто я теряю свою дочь.

Подхватив телефон, я дважды сверил время на экране с часами. Почти два часа ночи. Звонки в такое время никогда не бывают приятными.

Это была наша следователь Блок.

— У тебя все нормально? — спросил я.

— Я сейчас на пути в резидентуру ФБР в аэропорту Кеннеди. Только что по всему штату объявлен план-перехват. Один из жильцов дома Пейдж Дилейни вызвал полицию. Машина Пейдж стояла на подземной парковке с орущей сигнализацией, все четыре дверцы были открыты. В машине нашли ее сотовый телефон и табельное оружие.

Я хотел было что-то сказать, но не смог. Дыхание застряло у меня в груди.

— Он вернулся, — сказала Блок.

Глава 8
Эдди

Манхэттенское отделение ФБР расположено по адресу Федерал-плаза, 26. Плюс по всему Нью-Йорку разбросаны пять вспомогательных офисов, известных как резидентуры. Резидентура, расположенная в Джамейке, неподалеку от аэропорта Кеннеди, занимала один этаж в современном, сплошь застекленном здании на Кью-Гарден-роуд и делила его с круглосуточным фитнес-центром, агентством, предоставляющим услуги медсестер и сиделок, курсами барменов, парикмахерской и страховой компанией.

Охрана тут была чисто номинальной.

Блок уже ждала меня у входа, одетая в черную футболку, черную спортивную куртку, узкие синие джинсы и тяжелые ботинки со стальными носами. Я все еще был в своем темно-синем костюме, но без галстука, с расстегнутым воротом белой хлопчатобумажной рубашки.

— Адвокаты должны носить галстуки, — заметила Блок.

— Я все делаю немного по-другому.

— Я уже обратила внимание.

— Есть какие-нибудь новости?

Она лишь покачала головой.

Мы подошли к стеклянным вращающимся дверям, без всяких проблем прошли через них, мелко семеня ногами, и поднялись на лифте во вспомогательный офис ФБР. Вся система безопасности располагалась на этом этаже. Рамки металлодетекторов, сканеры сумок, сканеры тела — полный джентльменский набор, через который нам пришлось пройти, прежде чем добраться до приемной. Она оказалась довольно маленькой, с четырьмя жесткими пластиковыми стульчиками — по два с каждой стороны от двери, лицом к монументального вида письменному столу, за которым восседала монументального вида женщина. Было ей хорошо за шестьдесят, и в глазах у нее ясно читалось превосходство всех этих прожитых лет. Развернув к нам свое кресло, женщина взглянула на нас поверх толстых черных очков и поджала губы.

— Чем могу вам помочь? — спросила она.

— Мы друзья Пейдж Дилейни. Не могли бы мы поговорить с кем-нибудь из дежурных агентов? Меня зовут Эдди Флинн.

— Присаживайтесь, — отозвалась она, после че-

го исчезла за боковой дверью. Я не стал ставить ее в известность, что представляю интересы Кэрри Миллер, поскольку меня в момент выпроводили бы из здания.

Я сразу и не осознал, что в приемной уже находился кто-то еще, кто сидел на одном из пластиковых стульев по другую сторону от входной двери. Этот человек опустил голову чуть ли не между колен, и это объясняло, почему я сразу его не засек. Когда мы подошли к регистрационной стойке, нам были видны только спинки стульев. У него были темно-каштановые, слегка вьющиеся волосы, а пальцы рук он сцепил на затылке, как будто в самолете перед аварийной посадкой. Мы сели на стулья с противоположной стороны от двери. Он выпрямился, потер лицо, а затем не спеша обвел нас оценивающим взглядом.

Человек этот был худым и бледным, с легкой щетиной на щеках. Его синяя рубашка и черный костюм выглядели так, словно в них спал какой-то куда более крупный мужчина, а этот парень утром потихоньку стащил их с него. Воротник рубашки был слишком велик, а пиджак свисал с плеч, словно скатерть. Вид у этого малого был какой-то больной, и я предположил, что похудел он совсем недавно. А вот его карие глаза оказа-

лись совсем другим делом. Взгляд их оказался на удивление острым и при этом вроде особо не задерживался ни на Блок, ни на мне. Они быстро и неустанно двигались, фиксируя каждую деталь.

Уголок его рта дернулся, прежде чем он заговорил.

— Я правильно расслышал? Вы друзья Дилейни?

Я так и не смог определить акцент. Парень был явно откуда-то с Восточного побережья, только вот непонятно, откуда именно.

— Да. Вы ее коллега? — спросил я в ответ.

На агента ФБР он был совсем не похож, если только не работал под прикрытием.

— Бывший, — ответил тощий парень. — Откуда вы знаете Дилейни?

— Она помогла нам с парой дел. И как-то раз спасла мне жизнь. Или помогла спасти. Это многое значит, — сказал я.

Он кивнул, но по выражению его глаз было видно, что ответ его не удовлетворил.

— Вы не коп, — сказал он мне. — Хотя вот эта дама рядом с вами явно из них.

Блок пожала плечами.

— Меня зовут Эдди Флинн. Я адвокат, а это мой следователь Блок.

— Где вы служили?

— Много где, — ответила Блок.

Она не была грубой. Просто была сама собой.

Прежде чем худой мужчина успел представиться, из-за двери за регистрационной стойкой появился агент ФБР. Все в нем выглядело как с иголочки. Галстук, рубашка, костюм, прическа… Он обошел стол, искоса бросил взгляд на человека на стуле, но ничего не сказал и подошел к нам, приветственно протягивая руку.

— Мистер Флинн, я специальный агент Билл Сонг. Мы благодарны вам за то, что пришли, но в данный момент не можем предоставить никакой информации. Мы понимаем вашу озабоченность и дадим вам знать, когда у нас будет больше сведений, но сейчас вам лучше отправиться домой. Вы все равно ничего не можете сделать.

— Мы тут просто подумали, что могли бы чем-нибудь помочь. Блок — отличный оперативник. Если вам нужна еще одна пара рук на земле…

— Нет, спасибо. Репутация Блок говорит сама за себя, но у нас в этом плане всё в порядке. У нас сейчас все до единого агенты на территории штата заняты поисками…

— Откуда вы знаете, что ее похитил Песочный человек? — спросила Блок. Как и всегда, без вся-

ких светских преамбул. Сразу быка за рога.

Билл, раскрыв рот, умолк на полуслове. А прежде чем опять заговорить, явно произвел какие-то мысленные подсчеты.

— Эта информация еще не была обнародована.

— По радио об этом только и разговоров. Откуда вы знаете, что это был он? — опять спросила она.

Я заметил, что мужчина на стуле с интересом посмотрел на нее.

— Я не могу сказать, но мы точно знаем, что это он. И мы думаем, что она жива, на данный момент.

Кивнув, Блок встала. Она была на добрых три дюйма выше Билла.

— Дилейни — очень хорошая знакомая Эдди. Он всерьез обеспокоен.

— Она и моя хорошая знакомая тоже, — буркнул Билл, поигрывая желваками.

— Тогда позвольте нам помочь, — сказала Блок.

— Мы и сами способны со всем этим справиться.

Блок кивнула, после чего повернулась и направилась обратно в сторону коридора. Я предположил, что наша встреча окончена.

— Билл, дай мне только взглянуть на… — начал

было мужчина на стуле.

— Нет. Никто из вас в это не вмешивается. Мы вернем ее. Просто держись в сторонке и дай нам выполнять нашу работу, — сказал Билл, после чего опять исчез за дверью позади регистрационной стойки.

Мужчина встал, повесил потертую коричневую кожаную сумку на измятое плечо своего костюма и подошел ко мне.

— Я надеялся, что они меня допустят. Это многое упростило бы. Так что теперь просто придется пойти сложным путем. Значит, вы хотите найти Дилейни?

Я кивнул.

— Я слышал о вас, мистер Флинн. Люди говорят, что вы умный парень. И если вы друг Дилейни, то, пожалуй, человек вы стоящий. Думаю, я знаю, откуда мы можем начать поиски, — сказал он.

— И откуда же?

— Вы на машине?

— Ну да. Вы хотите, чтобы я поехал за вами?

— Нет, чтобы вы меня кое-куда подбросили.

— Кто вы?

Он протянул мне руку. Я пожал ее, удивленный силой его рукопожатия.

— Я Гэбриэл Лейк, — представился он. — Я охо-

чусь на серийных убийц.

Глава 9
Эдди

В офис ФБР я приехал на такси, зная, что встречу там Блок. Она открыла брелоком «Джип», я сел на переднее пассажирское сиденье, а Лейк — на заднее позади меня.

— Куда едем? — спросила Блок.

— Сегодня вечером в один отель нагнали целую толпу копов, — сообщил Лейк. — А еще саперов с ФБР. Обычные предупреждения, которые рассылаются правоохранительным органам по всему штату при возникновении террористической угрозы, не поступали, поэтому я предполагаю, что это было что-то другое, из-за чего понадобился полицейский спецназ, пятьдесят патрульных, группа взрывотехников и федералы. Я думаю, это был Песочный человек. Этот отель, «Грейдис Инн», типа как всего минутах в десяти отсюда.

Подключив телефон к прикуривателю, Блок начала искать адрес в навигаторе.

— Я знаю этот отель, — прервал ее я. — Я уже бывал там раньше.

На парковке «Грейдис Инн» стояли две поли-

цейские машины и еще два каких-то автомобиля. Я не бывал в этом отеле с той самой ночи, как тут жил Джошуа Кейн — серийный убийца, который пролез в присяжные по одному из моих дел. С тех пор здание еще больше обветшало. Крыша прогнулась еще глубже, со стен и оконных рам осы́палось еще больше краски, а прилегающая территория окончательно пришла в запустение — трава и сорняки вымахали до четырех футов в высоту.

Блок остановила «Джип» неподалеку от двери, после чего выбралась из него и направилась к полицейским машинам, припаркованным напротив входа в отель.

— Не хотите пойти с ней? — спросил я.

— Нет уж, — отозвался Лейк. — Я не слишком-то популярен в правоохранительных органах.

— Я тоже. Так вы зарабатываете на жизнь выслеживанием серийных убийц?

— Было дело.

— Так вы и познакомились с Дилейни?

— Она обучала меня в отделе поведенческого анализа. Дилейни была моим наставником, но и не только. Мы с ней друзья. Она оставалась на моей стороне, даже когда…

Когда Лейк вдруг умолк, я оглянулся на него

через плечо. Судя по глазам, он вроде как оказался в совсем другом времени, в совсем другом месте, когда страх и боль были всем, что он знал. Свет приборной панели отбрасывал оранжевый отблеск на его лицо, как будто перед ним пылало холодное пламя.

— Простите, — подрагивающим голосом выдавил Лейк. Слова словно застревали у него в горле. — Она очень много для меня значит, мистер Флинн.

Я кивнул. Дилейни из хороших людей. Если она не побоялась пойти на профессиональный риск ради Лейка, то это делало его, при всей некоторой его эксцентричности, тоже хорошим человеком.

Он прочистил горло, посмотрел сквозь ветровое стекло и объявил:

— Она возвращается.

Блок села за руль и достала телефон.

— Один из этих патрульных обучался у меня навыкам экстремального вождения пару лет назад. Он готов ввести нас в курс дела. Песочный человек сегодня утром зарегистрировался в этом отеле. Расплатился картой, оставил администратору свою сумку и сразу же свалил. Федералы решили, что это бомба, — услышали тиканье. Оказалось, что в сумке была голова какого-то

парня. По-моему, Билл Сонг знает, чья она, но эти копы не в курсе. Сейчас восемьдесят патрульных машин, почти из каждого райотдела, колесят по городу в поисках Дилейни.

Она подняла свой мобильный телефон повыше, как будто вдруг пропал сигнал.

— Один из патрульных зафотал эту голову в сумке, пока криминалисты раскладывали свои причиндалы. Не удивляйтесь, если утром эта фотка появится на первой полосе «Нью-Йорк пост», а днем этот коп купит новую машину.

— Это он — тот парень, которого ты учила, — зафотал голову? — спросил я.

— Нет, но у копов есть способы прикрыть друг друга. Кто бы это ни был, но тот, кто продал эту фотку, сразу же выложил ее в группу своего райотдела в «Ватсапе». А эта группа поделилась ею с другой группой. Таким образом, если служба внутренней безопасности начнет расследование касательно того, кто зафотал эту голову и продал ее в «Пост», у каждого копа в городе будет эта фотка в телефоне.

— Копы покрывают копов, — произнес я, качая головой.

— Не все, — подал голос Лейк.

Я хотел спросить у него, что он имеет в виду,

но резкий звуковой сигнал возвестил о новом сообщении на телефоне Блок, и это оказалось важнее. Она открыла его, чтобы посмотреть присоединенное изображение.

Подкладка сумки была из желтой холщовой ткани, пятна крови выглядели на ней совсем темными. На дне сумки лежала голова какого-то мужчины. Глаза у него отсутствовали. На их месте были лужицы окровавленного песка. И во рту тоже. По лицу рассыпались черные точки, и поначалу я подумал, что это засохшие капельки крови. Блок раздвинула большой и указательный пальцы на экране, чтобы увеличить изображение. Это были не капли крови.

— Букашки какие-то, — сказал я.

— Нет, — сказал Лейк. — Это не просто букашки. Это перепончатокрылые — насекомые. Жуки. Можно мне взглянуть поближе?

Брови Блок взлетели к потолку, когда она протянула свой телефон Лейку на заднее сиденье.

Мы обернулись, увидев, что он еще больше увеличивает изображение, а потом уменьшает и увеличивает его еще раз.

— Я бы сказал, они около сантиметра в длину — может, чуть меньше. И у них желтые волоски. Очень характерные. Полагаю, это объясняет,

почему там решили, будто в сумке что-то тикает.

— Что это за твари? — спросил я.

Лейк передал Блок ее телефон и откинулся на спинку сиденья.

— Они издают громкие щелкающие звуки. Когда их достаточно много, это может быть похоже на тиканье часов или механического таймера. В течение многих лет люди не думали, что этот звук издают жуки. Они думали, что это трескается дерево, в котором они поселились. Но теперь известно, что они сами издают эти звуки в определенное время года. Они любят старые дома, со старыми деревянными каркасами. Большинство людей слышат их ночью, когда не спят и в доме тихо. Говорят, эти жуки получили свое название во время ирландских поминальных бдений. У ирландцев есть такой обычай — кто-то постоянно находится рядом с мертвым телом, даже ночью, в течение трех дней. Вот тогда-то они и слышат щелканье — пока несут свой караул смерти. Хотя вообще-то правильное название такого жучка — точильщик.

— Да, я слышала, что их еще называют караульными смерти, — произнесла Блок. — А вы много чего знаете о насекомых…

— Погоняйтесь за серийными убийцами с мое

и тоже много чего нахватаетесь. Эти насекомые не питаются мертвецами. Песочный человек специально подсадил их в сумку с головой того парня. Он хотел, чтобы их нашли.

— Зачем? — спросил я.

— Это предупреждение, — сказал Лейк. — Этот звук — предзнаменование смерти.

Некоторое время воцарилась тишина — все разом примолкли.

Нарушил ее телефон Блок, который принялся то и дело блямкать — по мере того как появлялись новые фото.

Эти снимки были сделаны еще до обнаружения головы. На одном из них был виден фасад отеля и взрывотехник в громоздком защитном костюме, делавшем его похожим на глубоководного водолаза; он пробирался между защитными экранами. На других снимках было запечатлено массовое присутствие полиции на парковке, что давало представление о масштабах реагирования. Быстро просматривая их один за другим, на каком-то Блок задержалась чуть подольше, вернулась к предыдущему снимку, а потом опять перешла к последнему. После чего передала мне телефон, молча вылезла из машины и пошла осматривать парковку.

Мы с Лейком тоже выбрались на асфальт и последовали за ней, когда она подошла к универсалу со спущенными шинами и толстым слоем пыли на лобовом стекле. Блок потянулась к задней пассажирской дверце. Та была открыта.

— Машину Дилейни нашли на подземной парковке ее дома. С открытыми дверцами и орущей сигнализацией… — произнесла она. — Злоумышленник не мог попасть туда без ключ-карты или брелока. Все эти парковки охраняются, потому что стоят целое состояние. Так как же он попал на парковку? Он не мог въехать туда на машине.

Я просмотрел фотографии, которые она только что так внимательно изучала. На обоих был виден этот универсал. На одном из них задняя правая дверца была слегка приоткрыта. На другом снимке — уже плотно закрыта.

— Машина, которая стоит рядом с этим универсалом, — машина Дилейни, — сказал Лейк. — Теперь мы знаем, как он попал на подземную парковку. Все это время он прятался в этом ушатанном универсале, а когда всеобщее внимание переключилось на саперов, потихоньку выскользнул оттуда и забрался на заднее сиденье машины Дилейни.

— Но откуда он мог знать, что она оставит свою

машину рядом с этим универсалом? — спросил я.

— А это ему и не требовалось, — сказала Блок. — Универсал стоял на самых задах парковки. При появлении саперов внимание каждого копа было приковано к зданию. Они не следили за тем, что происходит на стоянке в пятидесяти футах позади них. Он не спешил — выбрал подходящий момент и прокрался в машину Дилейни. Она просто облегчила ему задачу. Нам нужно заглянуть в то здание, где нашли ее машину.

— Я знаю, где это, — сказал Лейк.

Глава 10
Эдди

Подземные парковки имеются только в зданиях, построенных за последние лет сорок или около того. Их не так много, хотя больше, чем вы можете себе представить. ФБР заключило договор аренды квартиры как раз в таком здании в центре города, в Ист-Сайде.

Напротив въезда и выезда из подземного гаража стояли две патрульные машины. Так что этот путь исключался. Это было место преступления, и даже репутация Блок не позволила бы нам миновать копов на пандусе, ведущем на подземную парковку.

Один из патрульных достал рацию, что-то сказал в нее, затем сел в машину и дал задний ход. Другая патрульная машина сделала то же самое, освободив въезд для серого седана, который въехал на пандус и проследовал на парковку мимо шлагбаума, заблокированного в поднятом положении. Водителя я не разглядел, но одним из мужчин на заднем сиденье был Билл Сонг. Как только серый седан скрылся внизу, патрульные

машины опять перегородили въезд на пандус.

— На заднем сиденье той машины был Сонг, — сообщил Лейк.

— Давайте попробуем зайти через дом, — предложил я.

Блок припарковалась чуть дальше по улице, и мы вернулись к зданию. Вход для жильцов представлял собой пару стеклянных дверей. Снаружи к стене был прикреплен домофон с цифровой клавиатурой и какими-то инструкциями рядом с ней.

— Какой номер квартиры у Дилейни? — спросил я.

— Десять-одиннадцать, — ответил Лейк.

Когда ФБР впервые получает уведомление о пропаже кого-то из своих агентов, проводится стандартная процедура контрольных проверок. Сотовый телефон… Квартира… Свидетели…

Сегодня вечером в квартире Дилейни наверняка уже побывала оперативная группа ФБР. Обнаружив, что квартира пуста, они поговорили с ее соседями, чтобы выяснить, когда те видели ее в последний раз и не заметили ли чего-нибудь подозрительного в ту ночь.

Я набрал на клавиатуре «1012». На гудок ответил мужской голос:

— Да?

— Это ФБР, мы уже с вами недавно общались. Не могли бы вы открыть дверь? — произнес я.

Домофон пискнул, Блок толкнула входную дверь, и мы оказались внутри. Лифт доставил нас на два этажа вниз, к парковке. Один подземный гараж практически ничем не отличается от прочих. Открытые стальные балки, трубки дневного света… Желтая и белая разметка на отполированных до блеска бетонных полах, и где-нибудь обязательно лужа воды, в которую постоянно капает сверху. И запахи перегоревшего моторного масла и старого мусора.

Вокруг машины Дилейни толпилась группа криминалистов в синих защитных костюмах. Билл Сонг стоял в двадцати футах от них, в компании еще пятерых агентов, сплошь мужчин в одинаковых темно-синих или черных костюмах. И с одинаковыми стрижками, за исключением одного парня, который побрил голову наголо.

Я надеялся, что он нас не заметит и мы сможем подобраться к машине Дилейни поближе, чтобы получше рассмотреть ее. Отчасти потому, что я хотел посмотреть, не оставил ли Песочный человек еще каких-нибудь предупреждений, но в основном мне требовалось знать, нет ли крови

на сиденьях или приборной панели. На парковке было прохладно, но я ощутил, как на затылке у меня выступил пот. Я не хотел потерять еще одного хорошего друга. Мы с Блок потихоньку направились к машине Дилейни.

— Эй, Билл! — крикнул Лейк.

Блок негромко ругнулась, погрозив ему кулаком.

— А мне он нравится, — сказал я.

— А как ты… Тебе нельзя здесь находиться! Выведите этих людей отсюда, сейчас же! — сразу же разорался Сонг.

Федералы, которые стояли вокруг него, целеустремленно направились к нам.

— Подождите — мы знаем, как он попал в здание, — продолжал Лейк. — Он спрятался на заднем сиденье машины Дилейни. Дэниел Миллер просто напарил вас всех этой угрозой взрыва в отеле. Это был отвлекающий маневр. Он прятался в старом универсале, и пока все внимание было приковано к саперам, пробрался на заднее сиденье ее машины.

Сонг ничего не ответил, но я видел, как в голове у него закрутились шестеренки. Когда первый из федералов уже потянулся ко мне, он велел им подождать. Затем подозвал нас к себе.

— Если вы так много знаете, тогда скажите мне, как это понимать. Вот эту прямую трансляцию из машины Дилейни, вон там, — сказал Сонг, держа в руках электронный планшет. Я оглядел парковку и увидел видеокамеру, установленную на штативе и направленную прямо на машину Дилейни. Изображение транслировалось на экран планшета. На приборной панели что-то лежало. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что это такое.

Этот предмет был примерно в фут высотой — вставленный между лобовым стеклом и приборной панелью. Сначала я подумал, что смотрю на два стакана для виски, поставленных один на другой и заключенных в деревянную рамку. А потом присмотрелся повнимательней.

Это были песочные часы. В верхней колбе уже оставалось совсем немного песка, который непрерывным потоком сыпался сквозь тонкое горлышко в такую же колбу внизу.

— Сколько осталось? — спросил я.

— Мы думаем, минут десять. Кто-то тут предположил, что эта штуковина рассчитана на четыре часа. Никаких требований не поступало. Никаких попыток связаться. Никакой записки в машине. Только эти чертовы песочные часы, — сказал

Сонг.

— Как он вывел ее из здания? — спросил Лейк.

— Пока непонятно. Мы проверили камеры наблюдения в вестибюле, и вышел он не этим путем. Единственная камера на этой парковке фиксирует въезд и выезд, и, после того как Дилейни сюда въехала, никто отсюда не выезжал. Наверное, он как-то усыпил ее и волоком протащил за собой, прижимаясь к стене, вверх по пандусу, не попадая в поле зрения камеры, а потом поднырнул под шлагбаум и отнес ее в машину, припаркованную на улице. Чего-то другого пока что в голову не приходит.

— Невозможно протащить чье-то тело по нью-йоркской улице, сколько там — десять, двадцать футов? — и не попасться на глаза полудюжине людей. Он, конечно, не боится рисковать, но даже для Миллера это слишком рискованно, — сказал Лейк.

— У тебя есть идея получше, как он вытащил ее отсюда?

Мы с Блок вместе подошли к пандусу. Камера наблюдения располагалась высоко на левой стене. Плотно прижавшись спиной к кирпичам под ней, вполне можно было пробраться наверх, не попав в поле зрения камеры. Но только не с

заложником, в сознании тот был или нет.

— Мне это не нравится, — сказал я.

То ли Блок просто меня не услышала, то ли решила проигнорировать — это не имело значения. Включив карманный фонарик, она принялась осматривать парковку. Оставив Билла и всех остальных, я последовал за ней. Почти все парковочные места были заняты. Стояло тут штук сорок — может, пятьдесят машин.

— Я уверен, что стоянку они уже проверили, — сказал я.

— Разве что по верхам. Не более того, — отозвалась Блок.

Пока Лейк о чем-то спорил с Сонгом, мы с Блок прошлись по парковке. Следуя за лучом ее фонарика, заглянули в темные закоулки позади машин и между ними, куда не доставал свет газовых трубок. Воздух был наполнен запахами моторного масла, бензина и сырости.

Ровное «кап, кап, кап» с потолка звучало как тиканье старинных часов, отсчитывающих секунды.

Ничего вроде не бросалось в глаза. Блок методично освещала фонариком пространства между машинами, но нигде не задерживалась. Заметив двадцатилетний «Порше», заглянула в салон

и двинулась дальше. Закончив с одной стороны, мы перешли к следующему проезду между рядами. Блок остановилась возле машины, припаркованной напротив автомобиля Дилейни. Это был старый тойотовский пикап, грузовой кузов которого был закрыт брезентом.

— Может, объяснишь, что мы ищем? — спросил я.

— Какую-нибудь совсем старую машину, без сигнализации… — начала было она и тут же умолкла. Потом подняла руку, призывая к тишине. — Слышишь?

Я прислушался, но слышал только ровный звук капель, падающих с труб. Здесь он был вроде громче. Я поднял голову, пытаясь понять, откуда капает, но так и не смог.

— Все равно не пойму, как он вытащил отсюда Дилейни, — сказал я.

— По-моему, тот федерал был в чем-то прав, — отозвалась Блок.

— В каком это смысле — в чем-то?

— По-моему, Песочный человек и в самом деле прижался к стене, поднялся по пандусу и вышел на улицу пешком. Но вот Дилейни…

— Черт… Ты думаешь, она все еще здесь?

Блок низко наклонилась и посветила фонари-

ком под пикап.

— Лейк! Сонг! Давайте сюда! — позвала она.

Я упал на колени. Под днищем виднелась лужица темной жидкости, которая стекала в канализацию. Капало в нее откуда-то из задней части пикапа. Машинным маслом не пахло.

К тому времени, как я поднялся на ноги, Блок уже сорвала брезент, закрывавший кузов пикапа. На его стальном полу лежала Пейдж Дилейни.

Я видел много всяких мерзостей. Худшее из того, что люди способны сотворить друг с другом. Но потрясение от вида хорошо знакомого мне человека, буквально растерзанного на части, заставило меня содрогнуться. Я на секунду закрыл глаза и отвернулся.

Дилейни была вся, от колен до шеи, залита кровью, сочащейся из огромной раны в животе. И он забрал ее глаза.

Блок уже кричала остальным, чтоб вызывали «Скорую»; одна ее рука зажимала рану на животе, другая была на шее у Дилейни. Потом она убрала ту руку, что на горле, сказала:

— Я не могу нащупать пульс.

Я забрался к ней в кузов, чтобы помочь сдавливать рану. И как только положил руки на живот Дилейни, понял, что мы опоздали. Она была хо-

лодной на ощупь.

Казалось, что целое множество вещей происходило одновременно. Подземная парковка наполнилась шумом. Я слышал крики и топот нескольких федералов, бегущих к машине. Один из них кричал в рацию, вызывая «Скорую», Сонг выкрикивал какие-то приказы, а кровь, вытекающая из тела Дилейни, капала на пол кузова все реже и реже.

Руки у нее были связаны за спиной. Сквозь кровь я разглядел большой круглый синяк у нее на шее, а в центре — след от укола. Ей вкололи какой-то усыпляющий препарат. Я молился о том, что она не успела от него очнуться.

Блок принялась ритмично сдавливать грудную клетку Дилейни, когда я склонялся над животом. Паника вокруг нас словно замедлила ход времени, и я увидел, как Сонг перегибается через борт кузова и подбирает с пола какой-то конверт. На конверте было его имя. Остальные федералы либо пытались отдавать Блок какие-то приказы, либо что-то кричали в свои телефоны.

Каждый раз, когда Блок нажимала на грудную клетку Дилейни, на тыльную сторону моих ладоней выплескивалась свежая кровь. Бросив взгляд влево, я увидел Лейка. Он прислонился к голой

стальной колонне, поддерживающей потолок, но этого было недостаточно, чтобы удержать его в вертикальном положении. Спина его сползала по металлу, пока он не осел на пол. Лейк закрыл лицо руками, и я видел, как все его тело сотрясается от беззвучных рыданий.

Где-то вдалеке я услышал вой сирен, прорывающихся сквозь ночь. Но знал, что они уже опоздали.

Глава 11

Выдержка из дневника Кэрри Миллер

22 мая

Сегодня у Дэнни день рождения.

Я очень хотела сделать этот вечер особенным для него, показать, как сильно я его люблю, и, наверное, вернуть хотя бы часть того взаимопонимания, которое было между нами, когда мы только начали встречаться. Боже, я говорю так, будто мы уже лет десять как женаты! Нашему браку нет и года, а я уже волнуюсь и паникую (слегка), что ничего у меня не получается. Вроде как вообще ничего у меня не получается!

Что подарить парню, у которого есть все, что только душа пожелает? Я даже погуглила этот вопрос. И в конце концов нашла в интернете каллиграфа, который прислал мне лист пергамента в рамке с надписью «Я счастливей всего, когда я с тобой», написанной красивым старинным почерком. Я хотела, чтобы он знал, что мне не нужны ни его деньги, ни этот дом, ни шикарная машина, что все, что мне действительно нуж-

но, — это он сам, его внимание. Один год вместе — это «бумажная свадьба», поэтому я и заготовила такой подарок, но нельзя ведь дарить нечто подобное на день рождения? Мне было нужно что-то другое.

Он всегда удивляет меня продуманными и внимательными подарками, которые просто идеальны. Я тоже хотела подарить ему что-нибудь по-настоящему красивое. Я нашла часового дилера, потому что у Дэнни есть несколько хороших часов, но они немного кричащие, а я хотела для него что-нибудь более стильное и классическое. Часы «Панерай Сабмерсибль», которые мне предложил дилер, были просто великолепны. Со временем цвет бронзы стал более насыщенным, и я надеялась, что наши отношения будут такими же. Дэнни для меня — человек особенный. Я хотела, чтобы у него тоже было что-то особенное, чего нет ни у кого другого, и эти часы были как раз то, что надо.

Помню, когда их доставили, я испытала легкий укол страха. Почему-то припомнились слова моей бабушки, когда дедушка ворчал насчет ее старых механических часов, которые вечно отставали. Она запретила ему покупать ей новые — сказала, что часы накладывают определен-

ный срок на брак. Типа как бомба замедленного действия.

А еще моя бабушка думала, что Элвис жив и работает в «Уолмарте» в Рино.

Короче говоря, я купила эти чертовы часы.

И это стоило того, чтобы увидеть выражение его лица, когда он открывал коробочку на кухонном столе. Он надел их, когда я готовила яичницу этим утром. Это тот Дэнни, которого я люблю. Когда мы вместе, я чувствую такое тепло… Такой уют и спокойствие…

Хотя мы вроде как проводим вместе все меньше и меньше времени. Я-то думала, что, когда мы поженимся, все будет наоборот. Я пыталась сделать этот дом более уютным, накладывая на него свой отпечаток то здесь, то там. Ничего особенного, просто легкие штрихи, делающие обстановку более домашней и теплой, — местом, которое ему никогда не захочется покидать.

Прошлой ночью ничего из этого не вышло. Я услышала, как Дэнни пришел в четыре утра, и застала его в гостевой ванной, когда он принимал душ. После того как я принесла ему свежие полотенца, он извинился за то, что разбудил меня. Я собиралась забрать у него костюм и рубашку, но Дэнни сказал, что уже сдал их в химчистку, —

сказал, что клиенты, с которыми он был, всю ночь курили сигары. Наморщил нос и засмеялся, когда я стала вытирать ему волосы полотенцем. Установление связей с инвесторами — это важная часть его работы, и я напомнила себе, что он делает все это ради меня. Однажды Дэнни сказал, что подарит мне целый мир, и я ему поверила.

Этим утром, когда Дэнни уже съел яичницу и сидел за барной стойкой в кухне, любуясь своими часами, он велел мне закрыть глаза и раскрыть ладонь. У него для меня тоже был сюрприз. Дэнни в своем репертуаре — даже в свой день рождения он думает обо мне. Я почувствовала что-то у себя в руке, а когда открыла глаза, то увидела пару красивых старинных сережек. Серебряных, в виде розочек. Моих любимых цветов. Простенько и при этом совершенно потрясающе. Без подарочной коробки. Дэнни сказал, что увидел их в каком-то маленьком магазинчике и просто не смог устоять. Они были просто безупречны.

Он и сам был само совершенство.

Когда я встретила Дэнни, моя жизнь сильно изменилась.

С тех самых пор, как я была маленькой девочкой и сидела на диване своих родителей в нашем маленьком домике в Кливленде, смотрела «Пла-

вучий театр», «Парни и куколки» и «Сорок вторую улицу»[190], *мне хотелось петь и танцевать. Как и многие другие, я приехала в Нью-Йорк с большой мечтой и совсем небольшими деньгами. Я жила в ужасных квартирах с людьми, которых едва знала, работала на трех работах и оставила за плечами впечатляющее количество неудачных прослушиваний. Когда мне не досталась роль цыпленка Цыпы на детском утреннике, я решила, что шоу-бизнес — это не для меня.*

Я уволилась с трех мест работы официанткой, получила более выгодную должность продавца-консультанта в магазине кожгалантереи на углу Восточной двадцать шестой и Мэдисон-стрит и начала получать достаточно, чтобы снять квартиру, в которой не толклись какие-то совершенно посторонние мне люди. Мне уже не требовалось переворачивать подушки на диване в поисках завалившихся за них мелких монеток, чтобы купить лапшу быстрого приготовления. И такой была моя жизнь где-то в течение года, пока Дэниел Миллер не увидел меня сквозь витрину, после чего остановился и зашел внутрь. Он не хотел покупать ни портфель, ни дорожную сумку,

---

[190] notes: 190

Классические бродвейские мюзиклы, неоднократно экранизированные с участием звезд американской эстрады.

ни даже бумажник. Он хотел меня. Сказал, что я самая красивая женщина, которую он когда-либо видел, и что он будет сожалеть до конца своих дней, если не пригласит меня на ужин прямо в этот же вечер.

В тот день, в магазине, он сказал, что его зовут Дэниел Миллер. Как будто это что-то значило. Мне еще только предстояло узнать, что его имя и вправду кое-что значило для богатых людей в этом городе. Он управлял частным хедж-фондом и зарабатывал на этом целую кучу денег. Он был высок, хорошо сложен, красив, обаятелен, и на нашем первом свидании в тот вечер я лишь гадала, что скрывается за этой великолепной улыбкой. Когда мы только начали встречаться, я не знала, что он богат, но на нашем четвертом свидании, когда Дэнни заказал целый самолет, чтобы мы слетали в Вегас, я вроде как поняла это. Однако вовсе не деньги заставили меня влюбиться в него. А то, что он заставил меня чувствовать. Как будто я была самой важной персоной на свете.

До той поры моя жизнь всегда была довольно неопределенной. Мой отец не мог долго удержаться ни на одной работе и часто ссорился с моей мамой. Алкоголь, безусловно, тут тоже сыграл свою роль, но в основе всего этого лежала

нехватка денег. Мне было девятнадцать, и я работала за стойкой в баре, когда он въехал на своем пикапе в ограждение на шоссе. Мама была на пассажирском сиденье. Он был пьян. Они оба были пьяны. И так и не выбрались из того пикапа. Потеря родителей и заставила меня попробовать себя в актерском ремесле в Нью-Йорке. Жизнь тогда казалась мне чем-то хрупким и хаотичным.

Но Дэнни подарил мне чувство защищенности, тепла и уверенности. Я просыпалась каждый день, зная, что он заботится обо мне, что мне не нужно беспокоиться ни о деньгах, ни о ночлеге, да и вообще ни о чем, на самом-то деле.

Теперь я уже могла не работать, но все равно работаю волонтером в приюте для животных, чтобы не сидеть без дела, когда Дэнни нет рядом.

Сегодня я вернулась домой около половины пятого и приняла душ. Дэниел все еще был у себя в офисе. Я как раз спускалась на кухню в спортивном костюме, чтобы начать готовить праздничный ужин, когда в дверь позвонили. Я открыла дверь какому-то молодому человеку в костюме с галстуком, с блокнотом и ручкой в руках.

Он сказал, что его зовут детектив Майк Стоун, и спросил, здесь ли живет Дэниел Миллер и не я

ли миссис Миллер.

Я ответила, что да.

Он спросил, на какой машине ездит Дэнни.

Тут меня начало трясти. Волна паники так и захлестнула меня — вместе с воспоминанием о том полицейском, который пришел ко мне домой, чтобы сказать, что мои родители погибли в автомобильной аварии. В этот момент на подъездную дорожку въехал Дэнни, и я бросилась к его машине и обняла его. Он был совершенно сбит с толку, не понимая, что происходит, после чего я объяснила ему, что этот парень возле двери — полицейский и что он спрашивал про его машину, а я умножила два на два и получила пять. Сразу запаниковала.

Дэнни знал, что случилось с моими родителями, и сразу же понял, как я могла на такое отреагировать. Я все еще была потрясена, поэтому он объяснил, что произошло, ошеломленному полицейскому, вид у которого вдруг стал по-настоящему смущенный. Он извинился и сказал, что просто хотел проверить, есть ли у Дэнни развозной фургон темного цвета. Дэнни сказал, что такой имеется в одной из принадлежащих ему компаний.

Затем полицейский спросил, где Дэнни был

прошлой ночью.

Он сказал, что был дома, со мной. Полицейский посмотрел на меня. Я все еще не могла прийти в себя. Не могла вымолвить ни слова, поэтому просто кивнула и кое-как промямлила, что да, он был дома, со мной.

Полицейский поблагодарил нас обоих, еще раз извинился за то, что напугал меня, и быстро ушел.

И только когда мы вернулись в дом, где я выпила водички и немного успокоилась, я опять задумалась о том, что сказал тогда Дэнни. Я спросила у него, почему он сказал полицейскому, что прошлой ночью был дома, тогда как его не было дома чуть ли не до утра.

Он сказал, что видел, как я расстроена, и просто хотел избавиться от полицейского, чтобы утешить меня, и что по какому бы делу этот коп ни явился к нам, оно не имело к нему никакого отношения. А потом подошел и прижал меня к себе, пока его тепло не заставило меня почувствовать, что всё в порядке. Что я в безопасности.

И любима.

Глава 12
Эдди

Было уже половина девятого утра, когда мы с Блок, спотыкаясь в крутящихся дверях, выбрались из офиса ФБР на Федерал-плаза на утреннее солнце. У меня болела голова, и мы оба были голодны как волки. Руки у нас были чистые, но и у Блок, и у меня манжеты на рубашках стали сырыми и теперь уже бледно-розовыми, потому что мы в основном смыли с них кровь нашей подруги. В то утро в мужском туалете я углядел под мышкой у одного из агентов свежий номер «Нью-Йорк таймс». Чтобы помыть руки, он положил его на полку над раковиной.

Сегодня все газеты наверняка опубликовали на первых полосах известие об убийстве Песочным человеком агента ФБР. Кроме одной. Копия письма убийцы каким-то образом попала в «Нью-Йорк таймс», где и красовалась на самом видном месте. Слоган над заглавием газеты гласит: «Все новости, достойные печати». Эта фраза красуется

на страницах «серой леди»[191] вот уже сто пятнадцать лет. И никогда еще не выглядела настолько неуместно, как сегодня. Они напечатали письмо Песочного человека полностью, без каких-либо купюр. Было оно коротким, совершенно конкретным и при других обстоятельствах могло и не привлечь всеобщего внимания.

Я – убийца. Моя жена – нет.
Отпустите ее, иначе будут еще трупы.

Стоящий на улице перед офисом ФБР мужчина в жеваной рубашке, измятых брюках и таком же пиджаке прикрыл глаза рукой от утреннего солнца и уставился на нас, когда мы выходили из здания. Если б я не знал, что вчера вечером его одежда выглядела точно так же, то мог бы поклясться, что он в ней спал. Хотя сегодня не спал никто из нас. Гэбриэл Лейк приветственно поднял руку.

— Могу я угостить вас завтраком, ребятки?

---

[191] notes: 191

«Серая леди» (или «Седая леди») — прозвище газеты «Нью-Йорк таймс» на протяжении уже более века; считается, что по причине очень мелкого и убористого шрифта, а также благодаря бесстрастному и лишенному эмоций стилю изложения.

* * *

Поесть в настоящей манхэттенской закусочной — одно из величайших удовольствий в жизни. Лейк сказал, что знает одно такое заведение неподалеку. Через два квартала мы подошли к забегаловке старой закалки. У них были кабинки и ламинированные меню, а за грилем стоял человек-гора с пятидневной щетиной, который через слово матерился и изъяснялся на каком-то незнакомом мне языке. Другими словами, все было просто идеально.

Блок заказала жареный сыр с яйцами и чоризо. Я решил попробовать блинчики с беконом, а Лейк потребовал горячей воды с лимоном.

— Я не употребляю кофеин, — объяснил он, после чего принялся детально допрашивать официантку касательно маффина, который собирался заказать. Каково его происхождение? Что там у него внутри? А органические ли эти ингредиенты?

Официанткам в ресторанах не так уж часто приходится заниматься готовкой. Их главная задача — обслуживать людей и улыбаться, чтобы регулярно получать чаевые, а соответственно, оплачивать жилье в нашем далеко не дешевом

городе. Лейк вовсе не пытался довести ее до белого каления. Он искренне хотел знать все подробности. Официантку звали Халина. Она наблюдала за пальцами Лейка, которыми он постукивал по столу, когда говорил, подчеркивая ее ответы более сильным и размеренным постукиванием большого пальца, когда ему нравилось то, что он слышит. Кабинки были переполнены, и у дверей толпились клиенты, ожидающие, когда их усадят. Халина выставила бедро, уперлась в него кулаком и принялась притоптывать подошвой туфли по полу. Для нее данное обсуждение уже подошло к концу, даже если Лейк этого еще не понял.

— А мак для обсыпки тут выращен органическим способом? — продолжал свои расспросы Лейк.

— Фигасе! — ответила Халина. — Даже не знаю, что вам и сказать, приятель… У этого маффина точняк нету никакого свидетельства о рождении.

– *Халина!* — многозначительно окликнул ее детина за грилем. — Ёкарный бабай, давай-ка, блин, *повежливей* с этими клиентами!

И она отправилась выполнять наш заказ.

— Я вроде начинаю понимать, почему вам

пришлось оставить карьеру федерального агента, — заметил я.

— Простите, — отозвался Лейк, — но в последнее время я стараюсь быть вдумчивей с тем, что закладываю в свой организм. Только и всего. Это не какой-то там пунктик.

— Не сказал бы.

— Это не так.

Лейк откинулся на спинку сиденья, опустил взгляд, и на лице у него появилось страдальческое выражение.

— Дилейни тоже так считала, — тихо произнес он.

— Мы не настолько хорошо ее знали, — сказал я. — Теперь я об этом жалею. Она была хорошим человеком.

Лейк кивнул и воздел указательный палец правой руки вверх, как будто собираясь что-то сказать, но тут же положил обе ладони на стол, когда подошла официантка с нашими напитками. Кофе для Блок и для меня, горячей водой с лимоном для Лейка. Тот внимательно осмотрел содержимое чашки, покрутил ломтик лимона чайной ложкой и оставил остывать.

— Я уже давно хотел у вас спросить, — продолжал он, — вы сказали Биллу Сонгу, что представ-

ляете интересы Кэрри Миллер?

Блок напряглась.

Я ничего не ответил. Я об этом Лейку не говорил. И знал, что Блок тоже ему не говорила.

— О, у меня есть один человечек в суде… Он держит меня в курсе всех повесток, ходатайств — любых событий по делу Кэрри Миллер. Я слышал, что вчера вечером вы зарегистрировались в этом качестве в судебной канцелярии, — объяснил он.

Так что вскоре этой информации предстояло стать всеобщим достоянием.

— Нет, не говорил, — сказал я. — Подумал, что если я это сделаю, то вход туда мне будет заказан. Любая информация о муже Кэрри Миллер может помочь ее делу. Сонг у нас не спрашивал, а мы ему ничего не сказали. Вчера вечером нас больше заботила Дилейни.

— Я знаю, ничего страшного. Я согласился помочь в этом деле в качестве консультанта. Дилейни хотела меня подключить, и, думаю, Сонга грызла совесть, поэтому он хоть и неохотно, но согласился. Я хотел бы знать, на чем будет построена защита Кэрри.

Давать любые подсказки людям, которые хотят отправить твою клиентку за решетку на пятьдесят лет, — не самая умная идея. Я добавил в

кофе сливки и сахар, размешал и сделал первый глоток.

— Она не сообщница. И все дела. Больше я ничего не могу сообщить, — сказал я.

— Стало быть, она говорит, что никак во всем этом не участвовала… Разумно. Она хочет сказать, будто не знала, что ее муж — убийца?

Блок наступила каблуком мне на ботинок и сильно надавила.

— Всё в порядке, Блок, — успокоил я ее, после чего повернулся к Лейку. — Послушайте, сожалею, но не могу вам ничего сказать.

— Я понимаю. Выходит, она *и вправду* его подозревала… Вы не против, если я поговорю с ней?

— Еще как против! Вы допрашиваете мою клиентку, потом делитесь этой информацией с ФБР и становитесь новым свидетелем обвинения? Нет уж, спасибо!

— Ничего подобного не будет.

— Зачем вы хотите с ней поговорить?

Разговор прервался, когда подошла Халина с тремя тарелками: моими блинчиками с беконом, жареным сыром с яйцами и чоризо для Блок и маффином для Лейка. Блок достала из кармана куртки упаковку антибактериальных салфеток, распечатала ее и тщательно протерла свои сто-

ловые приборы, не сводя при этом глаз с Лейка. Тот снял с маффина бумажную обертку и теперь препарировал его на тарелке. Присматриваясь. Принюхиваясь. Удовлетворенный, он положил кусочек в рот.

Просушив нож и вилку обычной салфеткой, Блок вонзила их в яичницу. Лейк поймал на себе ее пристальный взгляд.

— Вы странный, — сказала она ему.

— По крайней мере, я не провожу дезинфекцию своих столовых приборов, — парировал он. — Во всяком случае, послушайте: все, что Кэрри Миллер может мне сказать, останется строго конфиденциальным. Я обещаю не делиться этим с Бюро.

— Типа, как честное скаутское под салютом?

— Зря вы так… Я даю вам слово, что ничем с ними не поделюсь, — обиделся Лейк.

— Даже если вы принесете мне должным образом заверенный аффидевит[192] с подобным обещанием, я все равно пошлю вас подальше. И вы так и не ответили на мой вопрос: почему вы

---

[192] notes: 192

Аффидевит — письменные показания лица, выступающего в роли свидетеля, которые при невозможности его личной явки даются под присягой и удостоверяются нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

вообще хотите поговорить с Кэрри?

— Потому что я читал дело Песочного человека. Я просмотрел все эти материалы — неофициально, поговорил на этот счет с Дилейни. Я знаю, что произошло. Но не знаю Дэниела Миллера. Ваша клиентка была замужем за ним почти год, и у нее есть того рода информация, которая мне требуется, если я собираюсь его поймать.

— Извините, я не могу.

Лейк потер щетину на подбородке и положил в рот еще кусочек маффина.

— Знаете, в ваших же интересах, чтобы я поймал этого парня, — заметил он.

— Прямо сейчас Дилейни должна была быть жива. Я хочу заполучить этого сукина сына не меньше вашего, но, полагаю, вы говорите о чем-то другом, — сказал я.

— Против Кэрри Миллер возбуждено дело, но она не та, кто им нужен. Они собираются утверждать, будто она была сообщницей, но на самом-то деле она в данном случае лишь вспомогательное орудие. Им нужно главное событие. Если я поймаю его, вы сможете заключить сделку. Ее прежний адвокат, Пельтье, полагался на сделку. Мои люди в суде сказали, что он постоянно просил встречи с окружным прокурором. Кэрри

Миллер обладает гораздо большей ценностью как свидетель обвинения против своего мужа, чем как соответчик, но эта ее ценность реализуется только в том случае, если Песочный человек окажется под стражей.

Он был прав. Если б Песочный человек предстал перед судом, отношение окружного прокурора к Кэрри Миллер в одночасье изменилось бы. СМИ оказывали на город огромное давление, от имени родственников жертв требуя результата. Привлечение к суду Кэрри Миллер помогло немного ослабить это давление, но власти пошли бы на всё, только чтобы прижать к стенке самого Дэниела. Даже если бы для этого пришлось заключить досудебную сделку с Кэрри, чтобы она дала показания против своего мужа.

— Это могло бы сработать, но у нас нет времени. Завтра Кэрри Миллер предстанет перед судом. Рассмотрение дела может занять максимум неделю. ФБР потребовалось четырнадцать месяцев, чтобы опознать Дэниела Миллера как Песочного человека, и вот теперь, год спустя, они все еще не поймали его. Что вы можете сделать за неделю такого, чего не могут они?

Лейк откинулся на спинку стула, потер руки.

— Начнем с того, что он опять активен. Мы не

знаем, где Миллер находился в течение года, но теперь нам известно, что он снова в Нью-Йорке. Вы видели сегодняшнее письмо в «Таймс»?

— Видел. Он утверждает, что Кэрри невиновна, и грозится убить еще больше людей, если они не прекратят дело против нее. Это явно не поспособствует большой симпатии к Кэрри со стороны присяжных.

— Может, и нет, но для меня это полезно, — сказал Лейк.

— Каким образом? — спросила Блок.

— В общем, теперь я понимаю его мотивацию. Он не хочет, чтобы Кэрри попала в тюрьму. Это помогает мне понять его образ мыслей.

— Почему он вышел из подполья именно сейчас? — спросил я.

— Во всех газетах писали, что по этому делу может быть заключена досудебная сделка. Вплоть до того момента, пока помощник окружного прокурора Уайт не поставил точку и не заявил, что собирается преследовать Кэрри обычным порядком. Вот что его спровоцировало.

— Но зачем было вообще выходить из укрытия?

— Разве это не очевидно? Он любит свою жену. Психология серийных убийц — довольно слож-

ная и запутанная штука. Они могут запросто разорвать на куски случайного прохожего ради собственного удовольствия, но это не значит, что они не способны заботиться о ком-то. Многим серийным убийцам присущи как нарциссизм, так и ненависть к самим себе. Если они находят кого-то, с кем им хорошо, с кем они даже чувствуют себя любимыми, это помогает им прийти в норму. Они начинают жаждать этого чувства. Это не совсем любовь, но все-таки что-то наиболее близкое к ней, что они могут себе представить. Дэниел Миллер любит свою жену. Или, по крайней мере, думает, что любит, и готов пойти на любой риск, только чтобы ей помочь. В этом наше преимущество, но мне может понадобиться кое-какая помощь. Не могли бы вы пока что обойтись без Блок?

Та оторвала взгляд от тарелки, глянула на Лейка, приподняв бровь, а затем вернулась к своей яичнице.

— Я не могу обойтись без своего оперативника. Я ведь уже сказал вам, что у меня сложнейший судебный процесс на носу.

— Если мы поймаем Миллера, никакого суда не будет. Окружной прокурор просто набросится на вас, чтобы заключить сделку. Послушайте, я

прошу не просто так. С еще одной парой рук я мог бы работать намного быстрее. И я знаю Блок по репутации. Наслышан. Я…

Он умолк, глядя куда-то над моим плечом. Пригубил горячей лимонной воды, нахмурив брови, как будто пытаясь сказать что-то, что никак не шло с языка.

— Знаете, у меня кое-какие проблемы с доверием к людям…

— У вас проблемы с заказом маффинов.

Лейк кивнул, и в уголках его губ появилась улыбка.

— Да, это пунктик, но это совсем другое. Ловля монстров — вот то, чем я занимаюсь. С Блок это вышло бы у меня намного быстрее.

— И с какой это стати вам мне доверять? — поинтересовалась Блок.

— Потому что вы пытались помочь моему другу. И вы больше не коп.

Я проследил за тем, как Блок не спеша откладывает вилку и вытирает губы салфеткой, прежде чем опять заговорить.

— Фамилия Лейк мне вроде как знакома… Когда я работала в управлении шерифа в Порт-Лонли, то слышала про одного федерала по фамилии Лейк, который в одиночку разгромил нарколабо-

раторию в Нью-Джерси. Ухлопал там двенадцать парней с помпухами, «калашами» и «АР–15». Половина из этих парней были бывшими вояками. Их хорошо обучили и им хорошо заплатили, чтобы они убивали любого, кто переступит порог этого дома. Я слышал, что этого парня, Лейка, дважды подстрелили во время перестрелки. Это вы?

Лейк встретился с ней взглядом, и челюсть у него беззвучно задвигалась, словно он набирал обороты, чтобы выплюнуть ответ.

— Все было совсем не так, и никакой я не герой.

Вернувшись к своей яичнице, Блок бросила: «Лейк в порядке», как будто речь шла о Декларации независимости.

Дилейни была готова поверить в Лейка. А теперь и Блок тоже. У меня хватало ума не сомневаться ни в одной из них. Если они были готовы доверять этому парню, я не мог просто закрыть на это глаза.

— Лейк, может, и в порядке, но проблема не в этом. Только без обид, Лейк: ФБР и полиция Нью-Йорка располагают сотнями сотрудников, и при всех своих ресурсах две эти правоохранительные структуры безуспешно ищут Дэниела Миллера уже почти два года. Что заставляет вас

думать, что вы сможете поймать его меньше чем за неделю?

Я был настроен совершенно серьезно. Я не хотел терять Блок ради безнадежной погони за Дэниелом Миллером, когда она была нужна мне на процессе по делу его супруги. Мне нравился Лейк, но при всех своих способностях в одиночку разгромить хорошо охраняемый наркопритон он все-таки не был чудотворцем. Лейк вроде как уловил суть. Посмотрел на меня так, словно взвешивая на каких-то невидимых весах. Оценивая мой характер, изучая мои глаза. Наконец кивнул.

— Я думаю, что понимаю Песочного человека гораздо лучше других агентов. Во многих отношениях это убийца явно авантюрного склада, способный действовать под влиянием момента, но, похоже, у него все-таки есть тщательно продуманный план. Это странно. Я думаю, он очень умен и способен адаптироваться к своему окружению и ситуациям, в которых оказывается, с такой ясностью мышления, о которой большинство убийц не могут и мечтать. Это как в шахматах. Он может и не знать, какой в точности фигурой собирается сделать ход его противник, но у него в запасе уже есть полдюжины готовых

стратегий, отвечающих практически любому развитию событий. Я могу поймать его, потому что работаю умней и усердней, чем федералы и копы, вместе взятые, плюс у меня есть одно значительное преимущество.

— И какое же?

— В отличие от федералов я знаю, как ловить таких людей, как Дэниел Миллер. И я не повторю их ошибок. Видите ли, есть секрет, который Бюро становится все трудней и трудней скрывать. Поистине ошеломляющий и в чем-то даже постыдный. Способный в буквальном смысле вызвать скандал на национальном уровне. Они не хотят, чтобы я напоминал им об этом, и уж точно не хотят, чтобы об этом узнал кто-то еще.

— Какой еще секрет?

Отодвинув тарелку, Лейк поставил локти на стол, подался вперед и произнес:

— А что, если я скажу вам, что все, что ФБР знает о серийных убийцах, в корне неверно?

Глава 13
Песочный человек

Было почти половина четвертого утра. Песочный человек еще раз объехал вокруг квартала на своем фургоне, позволяя мыслям блуждать по собственной воле. За рулем ему всегда думалось лучше всего. У федералов должно было уйти несколько дней, чтобы выяснить, что случилось с агентом Дилейни.

Следовало соблюдать осторожность. Ее похищение и убийство могли пойти наперекосяк уже великое множество раз, по целому ряду причин. Но опыт окупился сторицей. Опыт, а также планирование, анализ рисков и четкость мышления.

Результатом стало мощное послание правоохранительным органам. И всему этому чертову городу. Песочный человек вернулся. И может добраться до кого угодно. В любое время. Так что копы должны оставить Кэрри в покое.

Он всегда кропотливо обдумывал каждый свой шаг. Каждое убийство было тщательно спланировано, продумано до мелочей. Риск поимки оценен и сведен к минимуму.

Он не совсем понимал, почему выбирает тех или иных людей. Хотя иногда это было понятно. Некоторые женщины выделялись, словно сверкающие идолы. Сразу отличались от обычной толпы. Тем, как они ходили, или как высоко держали голову, или даже просто тем, как их волосы блестели на солнце, или какой нежной была их кожа. Для других это было связано с их полнейшей заурядностью. С тем, что они абсолютно ничем не выделялись. Были почти что невидимы для окружающих. Как та брюнетка, завернутая в длинное полотенце, несшая доску для серфинга по горячему песку на пляже Кони-Айленд… Или блондинка, которая стояла на углу с плакатом на шее и раздавала рекламные листовки ресторана, расположенного чуть дальше по улице. Однако неважно, чем именно кто-то притягивал его внимание, — его решение выбрать этого человека в качестве следующей жертвы сводилось к одному-единственному аспекту.

В конечном счете его привлекали глаза.

Красивые, ясные глаза. Которые высекали в нем некую искру, зажигали в нем что-то. Нечто большее, чем просто предвкушение. Жар, способный перерасти в какое-то странное чувство. Не совсем ярость. Не совсем любовь. А нечто более

глубокое и темное, чем то и другое.

Однако заканчивалось это всегда одинаково. Он осторожно дул им на шею, усыплял их при помощи иглы, а затем мог без всяких помех продолжать свою работу. После которой они засыпали уже вечным сном. Во многих отношениях ему казалось, будто он отпускает их из этого мира в мир вечного, безмятежного сна.

Песочный человек видел множество мертвых тел. Нечто основополагающее менялось, когда жизнь покидала их. Кровь прекращала течь. Они быстро остывали. Тело утрачивало всю свою привлекательность, превращаясь в груду мертвого мяса.

И только глаза сохраняли отблеск жизни.

Он был очарован человеческим взглядом. Так было всегда. Припомнилась однажды читанная очень старая книга криминальных рассказов, в которой говорилось, что сто лет назад коронеры и судмедэксперты сохраняли глаза жертв убийств и внимательно изучали их, полагая, что образ убийцы каким-то образом по-прежнему остается запечатленным в самой глубине глаза. Чепуха, конечно, но эта история его заинтриговала.

Так что теперь, когда его жертвы уже надежно спали вечным сном, Песочный человек вынимал

у них глаза и хранил их у себя. Иногда, в этом своем особом месте, он вынимал эти глаза из банок и держал их в руках. На этом этапе они уже были тусклыми, поскольку затвердевали от консервирующего раствора, словно комки жвачки. Он долго всматривался в них, гадая, не осталось ли в каком-нибудь из них его лицо.

Песок, которым он засыпал своих жертв, служил двум целям. Согласно старым историям, это гарантировало, что они уже никогда не проснутся. И это помогало скрыть любые следы, которые он мог оставить. Он засыпáл песком их разинутые рты, красные брюшные полости и пустые глазницы, глядя, как песчинки прилипают к их окровавленным деснам и зубам. Тело очередной жертвы уже представляло собой безжизненный сосуд, и в то же время он ощущал, как в его собственное тело вливается живительная сила.

Вернувшись мыслями к дороге, Песочный человек проехал мимо переулка на южной стороне квартала и остановился у тротуара. Он чувствовал легкий трепет. Предстоящее действовало на него возбуждающе. Вызывая прилив сил, зародившийся где-то в животе и поднявшийся по позвоночнику прямиком к мозгу. Это было воспоминание. Великолепное воспоминание, ко-

торое каким-то образом заставило его тело вновь пережить физическое опьянение, испытанное в ту ночь.

В ту ночь, когда он убил Лилиан Паркер и бросил ее тело в том переулке.

Выбравшись из фургона, Песочный человек перешел через улицу. Эта часть Трайбеки представляла собой настоящее смешение культур. На углу, рядом с манерной хипстерской кофейней и шикарным букинистическим магазином, в котором продавались в основном первые издания, располагалась контора судебного поручителя. Через дорогу от книжного находилась круглосуточная прачечная самообслуживания, расположенная между магазинчиком фиксированных цен и салоном дизайнерской женской одежды. Свидетельства джентрификации[193] Манхэттена все ширились, и всегда было любопытно оказаться в тех частях города, где старое и новое мирно соседствовали друг с другом.

---

[193] notes: 193

Джентрификация — облагораживание старых городских или пригородных районов, по каким-то причинам пришедшим в упадок и запустение. Зачастую вызывает смену социального статуса какого-либо района — например, когда заброшенные фабрики перестраивают в шикарные лофты с соответствующей инфраструктурой, хотя процесс этот не всегда успешный: при всех изменениях последних лет та же Трайбека, райончик по нью-йоркским понятиям крошечный, по-прежнему остается довольно неоднородной.

Дверь в жилой комплекс, расположенный над этими магазинами, была зажата между магазином одежды и пекарней. Открыв входную дверь собственным ключом, он шагнул в коридор.

В прошлом году, наблюдая за Лилиан Паркер, Песочный человек арендовал на месяц мансарду в здании напротив ее дома. Для жилья она была слишком мала, хотя вполне подходила в качестве офиса для какой-нибудь небольшой фирмы, которая нуждалась в помещении, но не могла позволить себе арендовать его где-нибудь в другой части Манхэттена, особенно если не особо волновало, как это место выглядит. Окна ее выходили на улицу и находились достаточно высоко — на седьмом этаже, — из них была прекрасно видна квартира Лилиан Паркер.

Через несколько дней после убийства он расторг договор аренды, хотя предварительно сделал копии ключей от входной двери и от мансардной квартирки на случай, если ему понадобится вернуться. Песочный человек частенько так поступал. Он не строил осознанных планов на будущее — скорее делал кое-какие заготовки на всякий случай. И сегодня вечером впервые за год опять оказался в этом здании.

Хотя один план, практически гарантирующий

успех, у него уже имелся, на случай каких-либо непредвиденностей он заготовил еще пять. Песочный человек всегда оставлял себе возможность выбора. Именно такая его склонность к критическому анализу и оценке гипотетических проблем и давала ему преимущество в его повседневной работе, сделав его богатым.

Поднялся он по лестнице — в этом здании не было лифта. Положив руку на железные перила, вдыхал знакомые запахи этого места: вареной капусты и перегоревшего масла на втором этаже, где жила какая-то древняя старушка; сырости в углу деревянной лестницы, ведущей на третий этаж, где деревянные панели прогнили настолько, что стали темно-зелеными; металлический запах перил и затхлый душок старого дерева и пыли, поднимающейся с каждой скрипучей ступеньки при подъеме.

Поднявшись на верхний этаж, Песочный человек вставил ключ в замочную скважину и медленно повернул его. Несколько раз объехав вокруг квартала, он знал, что свет в квартире выключен. Нынешним ее жильцом был Питер Дюрант — подающий надежды художник с некоторой репутацией. Арендатор, снимавший эту мансарду до того, как в прошлом году его сменил

Песочный человек, тоже был художником. Вообще-то, это было ничуть не удивительно. Летом бóльшую часть дня комнату заливал свет из двух больших мансардных окон.

Дверь приоткрылась на пару дюймов, и Песочный человек остановился. Затаил дыхание. Ни звука внутри. Половицы были как минимум такими же старыми, как и лестница, и безумно скрипели. Оставалось лишь надеяться, что, открыв дверь, ему удалось не потревожить Дюранта. Он приоткрыл ее еще шире, поморщившись от звука, издаваемого старыми петлями, затем закрыл и запер ее за собой. Наконец выдохнул заполнивший легкие воздух и повернулся, чтобы осмотреть комнату, залитую лунным светом.

У окна стоял мольберт. Стол рядом с ним был заставлен разноцветными флаконами, использованными палитрами, тряпками, кистями в стаканах с мутной водой и мастихинами, перепачканными краской. Дверь слева вела в ванную комнату. Справа располагалась небольшая кладовка, ширины и глубины которой хватало ровно настолько, чтобы влезла узенькая раскладушка. Дверь в нее была приоткрыта, и он мог различить пару ног, торчащих из дверного проема.

Размеры комнатки вполне позволяли Песоч-

ному человеку использовать ее для ночлега, но Дюрант, вероятно, был на несколько дюймов повыше. Песочный человек обошел вокруг мольберта, чтобы сначала взглянуть на картину.

Это был автопортрет. Не очень хорошо выполненный, но можно было предположить, что работа над ним еще не завершена. Художник на этой картине был обнажен по пояс, в одних лишь синих джинсах. Мускулатура была хорошо прорисована, но Дюрант явно не завоевал бы за свою работу никаких призов, пусть даже удачно уловил и использовал свет.

Хотя Кэрри что-то такое явно понравилось бы.

Тут послышался какой-то шум. Взвизгнули пружины раскладушки. Скрипнули ржавые дверные петли.

— А ты, блин, кто такой? — рявкнул чей-то голос.

Песочный человек шагнул в сторону и увидел Дюранта в спортивных штанах, с голой грудью, стоящего посреди комнаты. Руки у него были до локтей в краске, разноцветные пятна покрывали живот и широкую грудь. Если б этот Дюрант тратил на работу с кистью столько же времени, что и на поднятие тяжестей, то, пожалуй, чего-то и добился бы в жизни.

— Да вот любуюсь вашими работами, — отозвался Песочный человек, обойдя картину и небрежно направляясь к Дюранту.

Художник напрягся. Руки у него сжались в кулаки.

— Как ты сюда попал?

— Дверь была открыта, — ответил Песочный человек, делая еще один шаг вперед.

— Эй, а ну назад! Давай-ка выкладывай, кто ты такой и что тебе надо!

— Прошу вас, мистер Дюрант, успокойтесь, пожалуйста. Я надеялся обсудить возможность взять ваши работы на комиссию.

— Я не отдаю своих работ на комиссию, так что проваливай на хер из моей квартиры!

Художник шагнул вперед, в полной боевой готовности — плечи напряжены, правая рука сжата в кулак и готова метнуться вперед. Песочный человек прикинул, что Дюрант выше шести футов как минимум дюйма на четыре — а может, и на пять. И весит фунтов двести пятьдесят, не меньше[194]. На лбу у него виднелся неровный шрам, а нос был несколько лет назад сломан и сросся не слишком удачно. На автопортрете

---

[194] notes: 194
192–197 см и 112–114 кг.

ни одного из этих недостатков не было видно. Песочный человек добавил к тому, что уже знал о Дюранте, еще и тщеславие. А еще то, что этот человек был явно скандалистом. Шрам мог объясняться несколькими причинами, хотя, судя по углу, с которым тот сбегал к носу, можно было предположить, что оставила его «розочка» из разбитой бутылки. На напрягшихся костяшках пальцев Дюранта, словно личинки, проявились маленькие белые шрамы.

Бросив взгляд за спину художника, Песочный человек увидел на полу две пустые бутылки из-под виски. А еще уловил его запах в дыхании художника.

— Последний раз предлагаю… — угрожающе произнес Дюрант, делая шаг к незваному гостю, который стоял совершенно неподвижно. — Уходи сейчас же, или тебя вынесут отсюда на…

Дюрант не закончил эту фразу. Челюсть у него отвисла, а глаза расширились, когда он посмотрел вниз.

Рука Песочного человека была вытянута вперед. И в этой руке был зажат охотничий нож, каким свежуют туши. Лезвия не было видно — только рукоять, которая слегка промяла кожу на мускулистом животе художника.

— Вы знаете, что такое дамасская сталь, мистер Дюрант? — поинтересовался Песочный человек.

Дюрант ничего не ответил. Он даже не дышал. Просто смотрел на свой живот с выражением крайнего ужаса на лице.

— Говорят, она такая острая, что даже не чувствуешь пореза…

Отступив на шаг, Песочный человек выдернул лезвие из живота художника, и из раны потекла темная кровь. Дыхание у того восстановилось, но ненадолго.

Песочный человек расставил ноги, чуть согнув колени, опустил плечо, а затем нанес удар лезвием снизу вверх, толкнувшись ногами и крутнувшись в поясе, чтобы вложить в удар максимум силы. Движением, похожим на боксерский апперкот. Предполагалось, что нож вонзится под подбородок, пройдет через нёбо и попадет в мозг, мгновенно убив Дюранта, пока тот успеет вскрикнуть.

Песочный человек промахнулся.

Послышался звук, от которого у него мурашки побежали по коже. Резкий скрежещущий треск и хруст. Сразу за этим звуком последовало глухое позвякивание и постукивание сломанных зубов, отскакивающих от натертого деревянного пола.

Тело художника обрушилось на пол, вырвав нож из руки Песочного человека — который низко наклонился, поставил правую ногу Дюранту на лоб и выдернул лезвие из того места, где оно вошло ему в лицо, довольно прочно в нем застряв.

Вытерев нож о спортивные штаны Дюранта, он внимательно осмотрел его. Лезвие не блестело — на нем достаточно четко проглядывал какой-то рисунок. Словно кто-то разрезал кусок серебристо-голубого мрамора пополам, открыв его переливчатую слоистую структуру. Это была не настоящая дамасская сталь, но, наверное, что-то максимально к ней близкое. Убрав клинок, Песочный человек посмотрел на мертвого человека на полу.

Ухватив Дюранта за лодыжки, он затащил его тело в ванную комнату. Обойдя труп, зашел ему за спину, перевел Дюранта в сидячее положение, приподняв за волосы, а затем низко наклонился и обхватил его за грудь сцепленными руками. Не без труда выпрямился и опустил труп в ванну.

Отмывая руки в раковине, Песочный человек напевал себе под нос знакомую мелодию.

Вытерев руки полотенцем, он подошел к окну, из которого открывался прекрасный вид на здание напротив. Придвинул к нему единственный

стул в комнате, чтобы сесть, глядя на Манхэттен.

Тереза Васкес жила рядом с покойной Лилиан Паркер, в соседней квартире. Отсюда было так же удобно наблюдать за ней, как и за Лилиан в прошлом году. Сегодня Васкес умрет. Песочный человек еще не решил, когда именно, но такая возможность обязательно представится. Он не мог рисковать тем, что Васкес даст показания против Кэрри по делу об убийстве Лилиан Паркер.

Ненадолго все мысли об убийстве Терезы Васкес покинули его. В голове всплыло яркое воспоминание. Про одно воскресное утро — казалось, будто это было целую вечность назад. Как он лежал в постели рядом с Кэрри, а ее голова покоилась у него на груди. Припомнился запах ее волос. То, как кончики его пальцев нежно касались ее плеча. Единственным звуком был тихий шелест простыней, когда она потихоньку двигала ногами, потирая ступни друг о друга. Она всегда так делала, когда уставала. Это была одна из тысяч мелочей, которые он любил в ней. Это были те вещи, за которые сейчас он отчаянно цеплялся. Эти воспоминания были очень важны. Песочный человек всегда был хорош в запоминании деталей, фактов, закономерностей. А вот его эмоциональная память была иной. В ней хранились обрывки

образов из его детства. Такие мимолетные и абстрактные, что иногда он задавался вопросом, не выдумал ли он их. Время, проведенное с Кэрри, запечатлелось у него в мозгу, как на кинопленке. Песочный человек мог вспомнить почти все из этого. И эти интимные моменты были как глоток прохладной воды для его разума. Такой животворный и неповторимый.

Ему нравилось убивать. Ощущение того, что он отнимает жизнь, вызывало у него дрожь удовольствия. Только теперь, вдали от Кэрри, Песочный человек осознал, насколько сильными стали его чувства к ней. Он хотел ее. Хотел оказаться в той постели, чтоб ее голова лежала у него на груди, а ноги перепутывали простыни. Хотел чувствовать ее запах и тепло, хотел ощущать то, как принадлежит ей, а она — ему. Он понял это с того самого момента, как только увидел ее.

Он любил Кэрри Миллер. Она была единственным человеком, которого Песочный человек любил или полюбит когда-либо.

И это делало ее самой важной женщиной в мире.

За нее стоило бороться.

Ради нее стоило умереть.

Кэрри никогда не должна была предстать перед

судом. Это было то, чего он не мог даже просто представить. Нельзя было допустить, чтобы ее опять разлучили с ним. Наступит момент, в ближайшие несколько дней, когда они воссоединятся. Когда и этот суд над ней, и все ее тревоги останутся позади. Когда он убил Честера Морриса, отрезал ему голову и положил ее в ту сумку, когда он убил Дилейни, тому была совсем иная причина, чем просто удовольствие от убийства.

Теперь Песочный человек убивал, чтобы защитить Кэрри.

Убивал по одной-единственной причине. По самой простой причине.

Он убивал из-за любви. И ради этого предстояло совершить еще очень много убийств.

Глава 14
Кейт

Гарри остановил свой маленький ядовито-зеленый спортивный автомобильчик с откидным верхом у ворот на Олд-Мидоу-роуд в восемь пятьдесят девять утра. «А он хороший водитель», — подумала Кейт. Иначе никак. Машинка была европейская — вероятно, британская. С деревянной отделкой приборной панели. Из настоящего дерева! И у нее протекала крыша. Колеса были слишком маленькими, двигатель — слишком громким, а из-за низкой посадки казалось, будто Кейт только что провела полчаса на автостраде, пристроив задницу на скейтборде с пристегнутым к нему моторчиком от газонокосилки. Гарри сказал ей, что машина винтажная. Классическая. Кейт выросла в Нью-Джерси. А в Джерси, когда автомобиль называли классическим, это был еще один способ сказать, что выхлопная труба вот-вот отвалится ко всем чертям, если только сначала кузов не сломается пополам.

Перед началом частной дороги околачивалось всего несколько пикетчиков, и раньше они эту

машину не видели, поэтому не доставили Кейт и Гарри никаких хлопот. Кейт открыла электронные ворота брелоком, который Кэрри дала ей вчера вечером, Гарри проехал через них, а затем направился к дому Кэрри.

Кейт выбралась на тротуар, как только Гарри поставил машину на ручной тормоз, дернув наверх ручку между сиденьями. Автомобильчик был двухместным, но между спинками сидений и багажником имелось небольшое пространство. Перегнувшись назад, Гарри выудил оттуда обычный отрезок двухдюймовой доски, после чего выбрался из машины, наклонился и вставил эту деревяшку между педалью тормоза и сиденьем.

— Если ручной тормоз не работает, зачем тогда его затягивать? — удивилась Кейт.

— Так мне спокойней, — ответствовал Гарри.

— Сколько лет этой машине?

— Примерно столько же, сколько мне, — сказал он.

— Она *настолько* старая? — спросила она с улыбкой.

— Если не считать ручника, эта машина в идеальном рабочем состоянии. Как и ее владелец. Она *быстрая,* стильная и отлично держит дорогу.

Гарри потребовалось некоторое время, чтобы выпрямиться, положив руку на поясницу, которая в последнее время доставляла ему некоторые проблемы. Кейт обошла машину с его стороны и осторожно взяла его за руку, чтобы немного поддержать. Он не стал ворчать по этому поводу. Вместо этого, выпрямившись, одарил ее одной из своих обычных улыбок. Гарри по-прежнему был привлекательным мужчиной и чертовски обаятельным, но это была улыбка отца, который улыбается своей дочери.

— Да уж, очень быстрая, — сказала Кейт, услышав в ответ:

— Особенно под горку, тем более в последнее время.

Она достала из багажника папки с материалами дела, и они вместе направились к входной двери дома Кэрри Миллер.

— Как вы думаете все это разрулить? — спросила она.

— Я как раз собирался задать тот же вопрос тебе. Это твое дело. Я всего лишь консультант.

— Да ладно вам, Гарри! Вы ведь двадцать лет проработали судьей. Как бы вы все это проделали?

Немного поразмыслив, он ответил:

— Я думаю, торопиться не стоит. Давай для начала разговорим ее. Простыми, открытыми вопросами. А когда она расслабится, можно будет перейти к более сложным вещам.

Уже подойдя к входной двери, они поняли, что та приоткрыта. Всего на дюйм или два. И сразу остановились. Разумеется, Кэрри Миллер вполне могла заметить, как они подъезжают к дому — скажем, из кухни, после чего направиться прямо к входной двери и открыть ее для них, как поступила накануне.

Но ни Гарри, ни Кейт не притронулись к двери.

На всякий случай.

— Миссис Миллер? Кэрри? — позвала Кейт.

Они прислушались. Ничего не услышали.

На сей раз хозяйку окликнул Гарри. Немного выждал.

Тишина.

Сунув руку под пиджак, Гарри вытащил оттуда старый «Кольт» модели 1911 года, висевший там в потертой кожаной плечевой кобуре. Дослал патрон в патронник, опустил ствол и кончиками пальцев осторожно толкнул дверь, которая полностью распахнулась. Потом поднял руку, показывая, что Кейт должна оставаться снаружи.

— Я буду держаться позади, — пообещала она.

Гарри цыкнул на нее, помотал головой и шагнул в дом, в котором царила полная тишина — ни звуков радио, ни телевизора. Кейт еще раз окликнула Кэрри. Никто не ответил. Ни в гостиной, ни на кухне никого не было. Гарри поспешил к лестнице. Оба почувствовали, что нельзя терять времени. Они опять окликнули хозяйку. Ни слова в ответ. Спальни и ванные были пусты. Никаких признаков борьбы, всё на своих местах. Кровать была аккуратно застелена. На подушке лежала белая шелковая пижама.

Кейт быстро спустилась по лестнице, оставив Гарри в главной спальне, и выбежала на улицу.

На заднем дворе, у бассейна, тоже никого не было. Спортивный автомобиль Дэниела Миллера все еще стоял в гараже рядом с машиной Кэрри. Это были единственные транспортные средства, которые Кейт видела на участке во время своего первого визита. Положив папки с делом на крыльцо, она достала из сумочки телефон и позвонила Кэрри Миллер на сотовый. Тот был выключен.

— Она ведь знала, что мы сегодня с утра приедем, верно? — спросил Гарри, спустившись с лестницы в коридор.

— Да, я сказала ей вчера вечером. Может, она поехала в магазин на такси?

— Это не тот район, где люди вызывают такси или «Убер». Если она куда-то собиралась и не хотела садиться за руль, то вызвонила бы лимузин с шофером. Только вот зачем? Почему было не воспользоваться собственной машиной? И почему ее здесь нет?

— Я сейчас позвоню Пельтье, — решила Кейт.

Тот сразу же взял трубку.

— Отто, мы возле дома Кэрри. Обе машины в гараже. Входная дверь открыта, а ее самой здесь нет.

— Что-то мне это не нравится… Вы уже звонили ей на мобильный?

— Он выключен.

— Черт, так вы думаете?..

Но он не закончил эту свою мысль. Голос адвоката звучал взволнованно, в нем слышалась неподдельная тревога.

— Думаете, ее забрал Песочный человек? Я понятия не имею, что происходит, — продолжала Кейт.

— Может, нам стоит позвонить в полицию? — сказал он.

— Нет, — ответила она. — Пока что не стоит.

Следов взлома нет. И по условиям освобождения под залог Кэрри обязана постоянно находиться в этом доме. Если копы решат, что она сбежала из-под залога, то сразу же получат ордер на арест.

— Ордер ордером, но она может быть в опасности. Я видел сегодняшние газеты. Вчера Песочный человек убил двух человек, в том числе агента ФБР.

Кейт уже разговаривала на эту тему с Эдди прошлым вечером, после того как было найдено тело Дилейни. Он также был кратко упомянут в одной из новостных статей, прочитанных ею с утра. В «Пост» сообщалось, что Эдди Флинн и два частных детектива, Мелисса Блок и Гэбриэл Лейк, каким-то образом оказались на месте убийства прошлой ночью, но было неизвестно, принимают ли они какое-либо официальное участие в расследовании. Имелась даже фотография всех троих, выходящих из дома Дилейни.

— Я знаю, она была подругой Эдди. Он всю ночь провел в ФБР.

— Господи, какой ужас… Я так волнуюсь, Кейт! Это не похоже на Кэрри. Я думаю, мы должны вызвать полицию. Я никогда себе не прощу, если с ней что-нибудь случится…

Кейт не знала, что и думать. В голосе Отто она

слышала неподдельную озабоченность. Похоже, что он относился к этому делу с такой же страстью, как и она сама. Это и было одной из причин, по которой отношение Кейт к Отто заметно потеплело.

— Может, она просто вышла прогуляться и подышать свежим воздухом. Это дело опять во всех новостях. Ее муж вернулся и убивает людей. Для нее это могло оказаться тяжелым испытанием.

— Может, и так. Она сейчас реально проходит через ад. Когда ей предъявили обвинение, все ее друзья и знакомые отвернулись от нее. Она совершенно одинока и, естественно, совершенно невиновна. Единственное, что ее поддерживало, — это что Дэниел исчез из ее жизни. Она думала, что он ушел навсегда. И больше уже не объявится. Это наверняка оказалось для нее серьезным ударом.

— Тогда нет нужды вызывать полицию и усугублять ситуацию арестом за несоблюдение условий залога. Она вернется. Давайте дадим ей немного времени, прежде чем бить тревогу. Я еще раз осмотрю дом и перезвоню вам, — сказала Кейт, после чего дала отбой.

— В шкафу по-прежнему полно одежды. На кровати лежит пижама. Может быть, она просто

пошла прогуляться по округе и потеряла счет времени, — предположил Гарри.

— Да, я уверена, что это и всё, — отозвалась Кейт, крепко сжимая мобильник и прикусывая губу. Ей не нравилась эта ситуация. Ни в чем не повинная женщина, находящаяся в здравом уме, которой вот-вот предстоит суд за множественные убийства, ни в коем случае не пропустит встречу со своей командой юристов. Такого просто не бывает. Даже если ее муж, серийный убийца, прошлой ночью вдруг опять объявился в Нью-Йорке.

Гарри вышел на крыльцо, убрал пистолет и, прикрыв глаза от солнца, оглядел прилегающую территорию.

— Кэрри сейчас наверняка где-то на этой дороге — она никак не могла пройти мимо этих пикетчиков пешком. Если не собиралась уходить особо далеко, это может объяснять, почему дверь оставлена незапертой. На прошлой неделе я вышла из дома и тоже в запарке оставила дверь своей квартиры открытой, — сказала Кейт.

Гарри с сомнением посмотрел на нее.

— Язычок замка заедает. Если не хлопнуть ею со всей дури, дверь не закроется как следует. Я уже говорила управляющему, но он так и не удо-

сужился ее починить. Я думала, что закрыла ее в прошлый вторник, но, когда вернулась, дверь была нараспашку, а телевизор тю-тю.

— Ты никогда не упоминала об этом, — заметил Гарри. — Я, конечно, старый, но я бы такого не забыл.

— Эдди я тоже не стала рассказывать. С тех пор как это случилось, я не могу нормально уснуть. А у моего соседа вдруг появился телевизор с очень хорошей звуковой системой. И он любит включать его погромче.

— А почему ты не… — начал было Гарри, после чего тут же прикусил язык. Потому что уже знал ответ. — А-а, так ты не хотела, чтобы Блок узнала! — сказал он.

Кейт кивнула:

— Мне приходится жить в этом здании. Это всего-навсего телевизор. Оно того не стоит. — Подхватив папки с материалами дела, она убрала их обратно в багажник машины Гарри. — Давайте проедемся по округе. Может, где и найдем Кэрри…

Гарри прикрыл входную дверь, но не стал закрывать ее до конца. Они забрались в машину, и Гарри поехал по Мидоу-роуд. Кэрри нигде не было видно. Кейт предложила все равно попо-

дробней осмотреть Олд-Уэстбери. Они миновали антикварные магазины, шикарные мебельные салоны и пафосные салоны красоты. Автомобильных дилерских центров имелось в этом районе целых три — «Феррари», «Ленд Ровер» и «Мерседес». Такого уж рода это было место. Кэрри нигде не было видно, так что примерно через полчаса Гарри развернулся и направился обратно к дому. За воротами уже расположились две телевизионные съемочные группы, а пикетчиков заметно прибавилось. Было их человек пятнадцать, которые уже скандировали свои обычные речевки:

— КЭР-РИ У-БИЙ-ЦА, В ТЮРЬ-МУ ЕЁ!

— КЭР-РИ У-БИЙ-ЦА, В ТЮРЬ-МУ ЕЁ!

Как только они вернулись на Мидоу-роуд и остановились, Кейт увидела на подъездной дорожке знакомую машину. Это был темно-синий «Мустанг» 1965 года выпуска. Водительская дверца распахнулась, и из-за руля выбрался Эдди Флинн. Выйдя из машины Гарри, Кейт направилась к нему по гравийной дорожке. Но не успела она приступить к объяснениям, как Эдди опередил ее:

— Мне недавно позвонил Пельтье — узнать, всё ли со мной в порядке после вчерашнего, и выразить соболезнования по поводу Дилейни. И

заодно спросил, не знаю ли я, где сейчас может быть Кэрри Миллер. Только умоляю: не говори мне, что она удрала из-под залога!

Хрустя гравием, Гарри присоединился к Кейт. Они обменялись взглядами.

— Трудно сказать, — ответила Кейт. — Не похоже, чтобы она что-то взяла с собой. Ее машина на месте. На кровати лежит комплект ночной одежды, как будто ее застелили только сегодня утром. Следов взлома тоже нет. Странно только то, что самой хозяйки здесь нет, а входная дверь была открыта, когда мы приехали.

— У нее есть прислуга?

— Насколько я знаю, нет, — ответила Кейт.

— Давайте заглянем внутрь.

Кейт последовала за Эдди в дом. Он быстро осмотрел первый этаж. Гостиная, кухня — везде царил идеальный порядок. Они поднялись наверх. Эдди заглянул в гардероб, спальни для гостей, две гостевые ванные комнаты, а затем в ванную, примыкающую к главной спальне.

Электрическая зубная щетка стояла в зарядном устройстве над раковиной. Это была единственная зубная щетка в этой комнате — других в шкафчиках не нашлось. Эдди оторвал лоскут туалетной бумаги, приподнял через нее зубную

щетку, захватив щетинки, осмотрел бумагу и бросил в унитаз. Опустившись на колени, положил ладонь на поддон душевой кабины, а потом встал, осмотрел ванну и кивнул. Кейт последовала за ним вниз по лестнице в прихожую.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Эдди.

— Ну не знаю… — ответила Кейт. — Никакой борьбы не было. Но ушла она в спешке, это точно.

— Ты права, — сказал он. — Зубная щетка сухая. Ванна и душевая кабина тоже.

— И что это доказывает? — спросил Гарри.

— Это доказывает, что ушла она, скорей всего, не сегодня утром. Ты ведь помнишь ее вчерашней ночью. Даже в том аду, в котором Кэрри сейчас оказалась, она следит за своей внешностью. Я ожидал бы, по крайней мере, обнаружить немного влаги на зубной щетке или в душе.

Кейт скрестила руки на груди и уставилась на плиточный пол в коридоре.

— На кровати лежит шелковая пижама, в которой она собиралась лечь спать вчера вечером. Как видно, Кэрри ушла уже после наступления темноты, когда у ворот не было пикетчиков. Первые сообщения о Песочном человеке в «Грейдис Инн» появились в десятичасовых новостях. Все,

что я могу сказать, это что здесь она не ночевала.

— Вот блин… — сокрушенно произнес Гарри. — Выходит, она все-таки удрала из-под залога? Суд начинается завтра. Нервы на пределе. Я такое уже видел. Проблема в том, что нам нечего на этом суде делать, если у нас нет клиента.

— Нам нужно найти ее. Где Блок? — спросила Кейт.

— Она с Гэбриэлом Лейком. Они хотят попробовать выследить Песочного человека.

— Ты уже упоминал о нем вчера вечером. Кто это такой?

— Бывший сотрудник ФБР. Раньше работал с Дилейни. Умный парень, хотя и малость странноватый.

— И этот странноватый парень и Блок собираются найти Песочного человека?

— Что ж, давайте дадим им шанс. Они только начали, — сказал Эдди.

— Так где же Кэрри? — задумчиво произнес Гарри.

Кейт мысленно вернулась к вчерашнему дню. Она никогда еще не видела никого, кто выглядел бы таким измученным, таким побежденным и сломленным, как Кэрри Миллер. Возможных вариантов было совсем немного.

— Если она смотрела новости, то наверняка перепугалась до смерти и сбежала, — сказала Кейт. — Другие вероятности не лучше. Если она и не сбежала сама, то это он мог прийти и забрать ее. Или, может, она вообще не ударилась в бега, а лежит в номере какого-нибудь отеля или на дне…

Она не закончила свою мысль — в этом не было нужды. Кейт видела, что Эдди и Гарри уже прикидывают такую возможность. Человеческая сила духа далеко не безгранична. То, через что прошла Кэрри и что она пережила, многие другие просто не перенесли бы. Это не признак слабости. Это болезнь. И для некоторых самоубийство представляется единственным выходом.

Единственными звуками были вопли протестующих, столпившихся в пятистах ярдах от них, по другую сторону ворот. Гарри и Эдди переглянулись, но ничего не сказали. Они явно боялись за Кэрри, и это почему-то напугало Кейт еще больше.

Тут завибрировал ее телефон. Номер на дисплее казался знакомым.

— Кейт Брукс, — произнесла она в трубку.

— Мисс Брукс, это из секретариата на Сентер-стрит. В полдень вам необходимо явиться к судье

Стокеру на экстренное слушание по делу Кэрри Миллер.

Кейт почувствовала тупую боль в затылке. У нее началась головная боль, вызванная стрессом. Причиной которого для Кейт стало осознание того, что ее только что застали врасплох. Она точно знала, о чем пойдет речь на этом экстренном слушании, но все равно спросила — просто чтобы получить подтверждение:

— И в чем суть данного слушания?

— Залог, — коротко ответил клерк и, прежде чем повесить трубку, сообщил ей, в какой зал суда и на каком этаже необходимо прийти.

Кейт набрала номер Пельтье.

— После нашего разговора вы разговаривали с Эдди. С кем еще вы общались? — спросила она.

— Ни с кем, — ответил он.

— Мне только что позвонили из канцелярии суда. В полдень состоится слушание о залоге по делу Кэрри. Окружной прокурор считает, что она сбежала из-под залога. Единственные люди, которым известно, что Кэрри пропала, это Эдди, Гарри, вы и я.

— Я же сказал, что больше ни с кем не общался на эту тему! Я не хочу, чтобы Кэрри арестовали. Клянусь, я не разговаривал ни с кем, кроме Эд-

ди! — с жаром запротестовал он.

— Ладно, простите. Позже поговорим, — сказала Кейт, после чего дала отбой.

— С кем он разговаривал? — спросил Гарри.

— По его словам, ни с кем, кроме нас. Судя по голосу, он говорит правду, — сказала Кейт.

— Тогда откуда же в суде узнали, что у нее какие-то проблемы с освобождением под залог? — продолжал Гарри.

— Есть только два объяснения, — сказал Эдди. — Либо это Отто сообщил полиции, либо они уже знали.

— Но как они могли узнать? — удивилась Кейт.

— Потому что я думаю, что в том ордере предусматривалось нечто большее, чем просто изъятие старых материалов Отто Пельтье. ФБР прослушивает его телефон.

Глава 15

Выдержка из дневника Кэрри Миллер

29 мая

Я все еще чувствую себя виноватой из-за того, что солгала офицеру полиции на прошлой неделе. Вообще-то я не намеревалась врать. Я была настолько выбита из колеи и испугана, что просто хотела, чтобы он поскорей ушел. Но даже после того, как я спросила об этом у Дэнни, все равно чувствовала себя просто ужасно.

Я решила еще раз спросить его об этом на следующий день. Сказала ему, что чувствую себя виноватой. Это вообще преступление — лгать полицейскому? Я уже даже хотела позвонить в полицию и поговорить с ним, чтобы все прояснить. Дэнни сказал мне, что в этом нет необходимости. Подошел к своему лэптопу, нашел местный новостной сайт и кликнул на какой-то статье. Я прочитала ее и почувствовала себя гораздо лучше. Оказывается, полиция проводила плановые проверки зарегистрированных владельцев развозных фургончиков определенного типа. Предполага-

лось, что Песочный человек мог пользоваться подобным транспортным средством.

Дэнни сказал, что не хочет ввязываться в это дело. У него нет такого фургона, на самом-то деле. Фургон зарегистрирован на одну из компаний, которыми он владеет, но Дэнни даже не был уверен, что машина все еще у них. Он вкладывается в целое множество мелких предприятий и время от времени продает их в зависимости от приносимой прибыли. Он сказал, что полиции нет смысла тратить на все это время, тогда как все, что на самом деле требуется от копов, — это выйти на улицы и искать настоящего убийцу. Я сказала, что полностью с ним согласна. Теперь это уже не казалось чем-то серьезным, и у меня сразу отлегло на душе.

В первые дни после появления того копа у нас с Дэнни все было просто отлично. Пару раз он даже приходил домой пораньше, и мы вместе готовили, пили вино и смеялись. Нам было легко, весело и уютно. Как в те первые дни, когда мы только начинали встречаться.

До вчерашнего вечера.

Дэнни вернулся домой только в третьем часу ночи. Принял душ в нашей ванной комнате и улегся в постель с мокрыми волосами. Я сделала

вид, будто сплю. Он встал и вышел из дома еще до того, как я проснулась утром. Вероятно, хотел избежать выяснения отношений.

Когда позже Дэнни вернулся домой, я решила не быть такой сварливой женой и просто как бы невзначай упомянула, что он слишком много работает и что вид у него немного уставший. Вот и все, что я сказала. Но тем не менее заметила вспышку раздражения, промелькнувшую на его лице.

После ужина он стал больше похож на моего Дэнни. Наверное, и вправду просто устал и проголодался. Он настоял, чтобы я отдохнула и налила себе белого вина, пока загружал посудомоечную машину. Когда я устроилась на диване с бокалом в руке, он подошел и положил на кофейный столик передо мной маленькую бархатную коробочку. Сказал, что любит меня и никогда не перестанет показывать, как много я для него значу. Внутри коробочки было два кольца. Одно из розового золота с красными камушками, другое — из серебра с каким-то дымчатым полудрагоценным камнем в центре. Я примерила их. Серебряное оказалось немного тесновато, но все равно подошло. Они были просто великолепны. Дэнни прекрасно знает мой вкус. Я сказала, что

ему вовсе не обязательно постоянно покупать мне украшения, что на самом деле мне нужен он сам. Его время и внимание. Мы поцеловались, и он вернулся на кухню, чтобы закончить уборку.

Я включила телевизор и обнаружила, что по «Ти-си-эм»[195] уже показывают наш любимый фильм. Я заставила его посмотреть этот фильм, когда мы еще только встречались, и он понравился ему так же сильно, как и мне. Это стало нашим общим увлечением. Мои любимые фильмы — «Красотка», «Грязные танцы», «Взморье»[196] (я каждый раз плачу) и вот этот. Потому что он пугает меня до чертиков.

Дэнни вернулся в гостиную, увидел вино и фильм на экране и сказал, что сожалеет, но ему очень нужно ехать на встречу с каким-то клиентом. Сказал, что только что закончил один проект, но уже планирует следующий. Перегнулся через диван и поцеловал меня в щеку. Я сказала ему, что не возражаю. Что все нормально.

Все было далеко не нормально.

---

[195] notes: 195

TCM (Turner Classic Movies) — круглосуточный телеканал, специализирующийся на показе старых классических фильмов.

[196] notes: 196

Имеется в виду американская музыкальная мелодрама Beaches (1988), шедшая у нас в стране под названиями «Взморье» или «Побережья».

Он стал натягивать пальто, а я устроилась поудобней, чтобы посмотреть «Ночь охотника»[197] *с Робертом Митчемом.*

Проходя мимо дивана, Дэниел бросил взгляд на экран и пропел своим хрипловатым баритоном знаменитую фразу из церковного гимна: «Л-ле-ежа, л-ле-ежа, лежа в вечных объятьях Христа...»

В фильме Митчем играет пастора и серийного убийцу, который случайно узнаёт, что деньги, вырученные при ограблении банка, спрятаны где-то в доме вдовы грабителя. Митчем заводит дружбу с вдовой и женится на ней, чтобы найти их. Он убивает свою новоиспеченную жену складным ножом, а затем обнаруживает, что один из детей спрятал деньги в своей тряпичной кукле. Лилиан Гиш играет суровую старую даму, которая берет к себе осиротевших детей, чтобы защитить их от пастора-убийцы.

Это моя любимая сцена. Темно, за полночь. Митчем сидит на пне в саду и напевает старинный христианский гимн «Лежа в вечных объятьях

---

[197] notes: 197

«Ночь охотника» (*англ.* The Night Of The Hunter) — американский кинофильм 1955 г. по одноименному роману Дэвиса Грабба. В основе и романа и фильма положена реальная история маньяка Гарри Пауэрса, известного как Кларксбергский мясник и повешенного в 1932 г. в Западной Вирджинии за убийство двух вдов и трех детей.

Христа», в то время как Гиш — виден лишь ее силуэт — сидит в кресле-качалке перед оградой террасы, держа в руках дробовик. И чтобы показать, что не боится, она даже подтягивает певцу. Но тут один из детей подходит к ней со свечой, осветив ограду, отчего зловещая фигура Митчема теряется в сполохе света. Когда Гиш наклоняется вперед и задувает свечу, Митчем уже исчез в ночи.

С тех самых пор, как я впервые посмотрела этот фильм, я уже никак не могла выбросить эту песню из головы. Здесь был Митчем, хладнокровный убийца, поющий таким красивым баритоном. Причем гимн, ни больше ни меньше. Он и был тем, кто отправлял людей в вечные объятия с помощью своего выкидного ножа. Он был таким наглым, злым и бесстрашным, чтобы сидеть прямо напротив того дома — и петь. У меня каждый раз мурашки бежали по коже.

Я не слышала, как закрылась входная дверь. Не слышала, как открылась дверь гаража или как Дэниел завел мотор своего спортивного автомобиля. Я просто увидела отраженный красный отсвет на экране телевизора. Обернувшись, посмотрела в окно и увидела, как его габаритные огни исчезают в конце улицы, словно два огром-

ных красных глаза, растворяющихся в ночи.

Я досмотрела фильм, заснула прямо на диване на час или около того, и меня разбудил мой телефон.

Пару дней назад я прочла о деле Песочного человека абсолютно все. После появления того копа мне стало любопытно, и теперь на телефон приходили оповещения о появлении новых статей на эту тему. Я открыла уведомление. Там были ссылки на две новости.

Прошлой ночью Песочный человек убил двух женщин в их собственной квартире. Полиция разыскивала свидетелей. Вторая новость была посвящена предыдущей жертве Песочного человека, Маргарет Шарп. Там была ее фотография в летнем платье в красно-белую клетку, с ярко-красной помадой на губах и волосами, уложенными в прическу в стиле пятидесятых годов. Она улыбалась.

Телефон выпал у меня из рук. Я кое-как подобрала его и увеличила изображение Маргарет Шарп, раздвинув прижатые к экрану пальцы.

На ней были серебряные серьги в виде розочек.

Глава 16
Блок

Лейк сказал, что у него есть машина, но она в ремонте.

Обычно Блок не отличалась особой разговорчивостью. Она любила автомобили и переделала свой скромный семейный «Джип» до такой степени, что он в значительной степени стал совершенно другим транспортным средством. В основном это касалось усиления шасси, приводных валов и прочих компонентов трансмиссии, чтобы они были способны работать в паре с недавно установленным V-образным шестицилиндровым нижневальным движком с двумя нагнетателями. Кузов она трогать не стала, так что стоило ей втопить педаль, как челюсть у вас от шока отваливалась до полу, а позвоночник вплавлялся в сиденье.

— А вы на какой машине ездите? — поинтересовалась Блок.

— О, на синей, — ответил Лейк.

Неделя обещала быть напряженной. Забравшись в «Джип» Блок, они направились в Трайбе-

ку. Лейк предложил начать именно оттуда.

— А что там в Трайбеке? — спросила Блок.

— Квартира Лилиан Паркер. Я хочу ее осмотреть.

— Почему именно эту?

— Из-за свидетельницы, которой предстоит давать показания против Кэрри Миллер. Честер Моррис уже мертв. Остается только Тереза Васкес, которая видела мужчину и женщину, околачивавшихся возле здания в ночь убийства Лилиан Паркер. Кроме того, есть еще свидетель по делу Нильсенов, но я пока не готов туда отправиться. Песочный человек явно попытается устранить этих свидетелей, так что он может быть где-то поблизости. Это причина номер один. Причина номер два: мне нужно собственными глазами взглянуть на место преступления, чтобы лучше понять этого типа.

— Собираетесь составить его профиль? — спросила Блок, вливаясь в поток машин. — Вы ведь вроде говорили, будто методы ФБР по поимке серийных убийц в корне неверны.

Лейк улыбнулся ей с пассажирского сиденья — или, по крайней мере, растянул губы в некоем подобии улыбки.

— В современной криминалистике существует

целое множество подходов к психологическому профилированию и поведенческому анализу серийных преступников. Но у меня свой собственный.

— И какой же?

— Вы когда-нибудь слышали про Джорджа Метески — Безумного Бомбиста?[198]

Блок кивнула, сворачивая на перекрестке влево. Вся область криминального профилирования и ее популярность среди общественности обязаны своим появлением одному-единственному человеку в двубортном костюме. Это был самый первый случай современного криминального профилирования, ставший примером для подражания на протяжении более шестидесяти лет, и обстоятельства этого дела до сих пор остаются увлекательной темой тех, кто изучает закономерности серийных насильственных правонарушений.

— Вам наверняка известна история, которую постоянно повторяют всем будущим криминалистам. Реальная же история куда как интересней.

---

[198] notes: 198

Джордж Питер Метески (1903–1994), более известный как Безумный Бомбист — американский электрик и механик, терроризировавший Нью-Йорк в течение 16 лет в 1940-х и 1950-х гг. с помощью взрывчатки, которую он закладывал в театрах, терминалах, библиотеках и офисах.

В ноябре тысяча девятьсот сорокового года на подоконнике здания энергоснабжающей компании «Консолидейтед Эдисон» была найдена бомба, а к ней была прикреплена записка с текстом: «Жульё из “Кон Эдисон” — это для вас», подписанная инициалами «Ф. П.». Еще одна бомба была найдена неподалеку от офиса этого предприятия в сентябре сорок первого года. В декабре того же года полиция получила от этого Ф. П. письмо, в котором говорилось, что, поскольку идет война, из патриотических соображений он больше не будет закладывать бомбы, но после все равно заставит «Кон Эдисон» заплатить за то, что он назвал их «подлыми деяниями». И это свое обещание сдержал, с пятьдесят первого по пятьдесят шестой год заложив более тридцати бомб — некоторые в «Кон Эдисон», а остальные в таких известных местах Нью-Йорка, как мюзик-холл «Радио Сити», Центральный вокзал, театр «Парамаунт» на Таймс-сквер и многих других. В результате этих его действий около двадцати человек были ранены, но никто не погиб. Однако в полиции Нью-Йорка сочли, что это лишь вопрос времени, поэтому капитан Джон Кронин вызвал криминолога и психиатра по имени Джеймс А. Брассел…

— Который составил первый в истории психологический профиль преступника, — перебила Блок. — Причем довольно точный.

— В каких-то местах совершенно ошибочный и достаточно обобщенный, чтобы быть точным в других, однако внимание средств массовой информации привлекло в первую очередь внешнее описание Безумного Бомбиста. Брассел сделал два прогноза. Он сказал, что, когда этого человека поймают, на нем будет двубортный костюм, *а также* что пиджак на нем будет застегнут на все пуговицы.

Блок улыбнулась при этом воспоминании. Она сидела в аудитории вместе с другими полицейскими, когда инструктор ФБР рассказывал ту же историю в начале лекции о том, как Бюро использует профайлеров для поимки серийных преступников.

— Хотя он оказался прав. Когда они поймали Джорджа Метески, на нем был как раз такой костюм, и пиджак был застегнут на все пуговицы, — сказала Блок.

— Все это была чистая шерлокхолмсовщина, оттого-то и газетам так понравилась. Профайлеры по серийным убийцам вечно поднимают эту историю на щит, хотя вся штука в том, что

этот профиль ничуть не помог копам поймать Метески. Вообще никак. Они совершенно правильно предположили, что это какой-то бывший сотрудник энергетической компании, затаивший обиду на свое бывшее место работы. Метески получил ожог легких в результате обратного выброса из топки, так что повод затаить зло имелся у него еще какой, однако «Кон Эдисон» скрыла от полиции документы о выплате компенсаций своим бывшим работникам, пострадавшим на производстве. Сотрудница компании по имени Элис Келли нашла личное дело Метески и обратила внимание, что в своих письмах с жалобами в компанию он использовал те же фразы, что и в переписке с полицией. Но Брассел считал Метески весьма дотошной и скрупулезной личностью, учитывая, с какой методичностью тот ополчился на «Кон Эдисон». Вдобавок он счел, что почерк в письмах наводит на мысли о человеке безупречно аккуратном и опрятном, следящем за своей внешностью и манерами, — потому-то и подумал, что Метески будет в таком костюме. Это была удачная догадка, основанная на ложной теории касательно почерка, хотя дело было вовсе не в этом. Там и без того имелось достаточно информации, чтобы любой, даже не имеющий

ученой степени в области психиатрии, мог сказать, что Метески носит двубортный костюм и что всегда застегивает его на все пуговицы.

— Не пойму, каким образом.

— Подумайте как следует.

Блок остановилась на светофоре, ненадолго убрала руки с руля и положила их на колени. Прошло шестьдесят секунд, и загорелся зеленый свет. Она сказала:

— Все равно не пойму. Скажите мне.

— Первая бомба была подложена в сороковом году, — сказал Лейк. — Цель — «Консолидейтед Эдисон». Безумный Бомбист затаил злобу на эту компанию. Он потерял работу, потому что получил травму и не мог больше работать. Он ждал десять лет или даже больше, до пятьдесят первого года, прежде чем начать новую кампанию по минированию города, а это означало, что он все еще был в обиде на эту компанию и по-прежнему слишком болен, чтобы найти другую работу. Если б он сумел двинуться дальше и найти новую работу, то не стал бы оставлять бомбы по всему городу, взывая к правосудию против «Кон Эдисон». В тысяча девятьсот пятидесятых мода изменилась. Большинство мужчин по-прежнему носили костюмы, но в моду вошли узкие лацка-

ны, короткие приталенные пиджаки и тоненькие галстуки. В тридцатые и сороковые годы мужчины предпочитали двубортные костюмы. Метески был одет в двубортный костюм, потому что это был последний костюм, который он купил, когда еще работал. Ему было просто не по карману гоняться за модой.

— Хорошо, но откуда Брассел знал, что этот костюм будет застегнут у него на все пуговицы?

— Это-то как раз просто. Вы когда-нибудь носили двубортный костюм? — спросил Лейк.

Блок покачала головой.

— Типа как на животе еще около фута ткани. Пиджак складывается сам собой, прежде чем вы успеваете застегнуть его на одну пуговицу изнутри, а затем на две пуговицы снаружи. Он рассчитан на то, чтобы носить его всегда застегнутым. Если полностью не застегнуть такой пиджак, кажется, будто с плеч свисает парашют. Он просто выворачивается наизнанку. Если вы посмотрите какой-нибудь фильм, действие которого происходит в тридцатые или сороковые годы, то увидите, что все там в двубортных костюмах, застегнутых на все пуговицы.

— К чему это вы клоните? — спросила Блок.

— Все улики, необходимые для поимки Ме-

тески, уже были налицо и лежали прямо перед следователями, как на блюдечке. Им не требовался психиатр или криминолог. Я хочу сказать, что вам не нужен профайлер, чтобы понять, в какую сторону дует ветер, — вы можете просто послюнить палец и поднять его над головой.

«Джип» остановился на парковочном месте у тротуара прямо напротив переулка слева от них.

— Это и есть то место? — спросила Блок.

— Оно самое.

Прямо перед ними был припаркован большой коричневый фордовский седан, на передних сиденьях которого устроились двое парней в уличной одежде, с наушниками в ушах. Один из них что-то пил из крышечки от термоса.

— ФБР уже здесь. Группа охраны свидетеля, Терезы Васкес, — сказала Блок.

— Ну вот и славненько. Не будем им мешать. Песочный человек бросил тело вон в том переулке. Давайте сначала заглянем туда.

— И что мы сейчас будем делать? — спросила Блок.

— Сейчас мы послюним палец и поднимем его над головой.

* * *

Удивительно, как мало на Манхэттене больших открытых переулков и тупичков. Большинство из них снабжены воротами. Этот был открыт. Блок смотрела на Лейка, который двигался впереди. Шел он медленно, но уверенно. В его походке чувствовалась некоторая чванливость, хотя он вроде этого не осознавал и склонностью к понтам вроде не отличался, в противном случае сбрил бы щетину, погладил рубашку и отутюжил костюм. У Блок возникло ощущение, что все его внимание сосредоточено на чем угодно, но только не на себе. Как будто он мог часами увлеченно рассуждать на какую-нибудь сложную тему, не сознавая, что уселся задницей прямо в горящий костер.

Переулок был примерно пятнадцати футов в ширину, но не казался таким уж просторным. Железные пожарные лестницы на зданиях по обеим сторонам заметно сужали пространство. Блок посмотрела вверх, на желтовато-серые облака. Металлические пожарные лестницы на верхних этажах казались тонкими чернильными штрихами на фоне бумажного неба. Если не считать трех мусорных контейнеров с рассыпанным вокруг разномастным хламом и картонных

коробок, сваленных рядом с ними, переулок был пуст. И хотя он и не был забит мусором, пахло тут как на помойке. Переулок тянулся от улицы футов на пятьдесят, резко загибаясь влево еще на двадцать. Красная кирпичная кладка была грязной и кое-где потрескавшейся, а к стене было даже прилеплено несколько самопальных афиш. Одна из них рекламировала концерт какой-то рок-группы, состоявшийся уже три года назад, а от нескольких других, которые стихия давно сорвала со стен, остались лишь обрывки бумаги, прилипшие к кирпичам. Это было не лучшее место, чтобы встретить смерть.

— Брошь с камеей, принадлежащую Лилиан, так и не нашли, — сообщил Лейк. — И это ее мать, Джоан Паркер, сообщила полиции о пропаже. Эта камея принадлежала матери Джоан, бабушке Лилиан. Семьям остальных жертв вернут драгоценности после суда. Эта брошь много значит для Джоан, но они никак не могут найти ее.

— Я читала ее показания. Дэниел Миллер наверняка до сих пор где-то прячет эту брошь.

Блок, которая захватила из машины свой электронный планшет, теперь включила его и открыла одну из зазипованных папок. Дениз отсканировала все документы по делу Кэрри

Миллер и загрузила их в компьютерную систему фирмы. Каждая улика, каждое ходатайство, каждый клочок бумаги были каталогизированы и отражены в отдельном указателе, чтобы к ним можно было получить доступ за считаные секунды. Дважды ткнув пальцем на каталоге под названием «Лилиан Паркер», Блок открыла список всех свидетельских показаний по этому убийству, а также перечень фотографий с места преступления. Лилиан нашли лежащей поверх мусорного контейнера жаркой ночью 3 июня прошлого года. Она была одета в джинсы, сапожки и белую футболку. Песочный человек бросил ее в том же виде, что и всех остальных, — изуродованную, с песком, насыпанным поверх тела и заполнившим пустые глазницы.

Никто ничего не слышал. Ни один из обитателей зданий по обеим сторонам переулка. Хотя некоторые показали, что у них были открыты окна, поскольку было очень жарко, и они жаловались на запах мусора и шум от этих проклятых кошек, но жара была хуже, чем пронзительный визг этих бродячих тварей.

Лейк остановился возле мусорных контейнеров, которые стояли в ряд у стены, как раз перед тем местом, где переулок загибался влево. Ог-

лянулся на тот путь, которым пришел, а затем наклонился и внимательно осмотрел землю. Выпрямившись, опять изучил окружающую обстановку. Внизу в переулок выходили только две двери, по одной на каждое из зданий. Обе были пожарными выходами — снаружи никак не откроешь.

— Сигнализация аварийного выхода в доме Лилиан Паркер была полностью исправна, — сообщил Лейк.

Блок кивнула, затем подняла голову. Нижний конец вертикально укрепленной стремянки, ведущей на первую площадку железной пожарной лестницы, нависал футах в десяти над землей. Чтобы спуститься по стене здания с этажа, на котором жила Лилиан Паркер, пришлось бы в непосредственной близости миновать как минимум двадцать одно окно — их тут было по три на каждом этаже. И некоторые из них в ту ночь были открыты. Блок представлялось маловероятным, что Лилиан или кто-либо другой сумел спуститься по пожарной лестнице незамеченным, независимо от времени суток.

— Как же он заманил ее в переулок? — задумчиво произнесла Блок.

Лейк кивнул:

— И в самом деле хороший вопрос. Попала она сюда явно не из своего здания. Пожарные двери не открывались, поскольку сигнализация не срабатывала, и по пожарной лестнице она тоже не спускалась. На мусоровозе в этот переулок не заехать, так что он не захватил ее где-нибудь в другом месте и не перевез тело сюда. Она вошла в переулок с улицы?

— Похоже на то, — сказала Блок, кивнув.

— Этот парень рискует, но рискует *просчитано*. Хватать Лилиан Паркер на оживленной улице Манхэттена и тащить ее в переулок не имеет смысла. Кто-то мог что-то увидеть или услышать.

В методах исполнения преступлений Песочного человека прослеживались две достаточно четкие схемы. Поначалу его жертв находили исключительно на пляжах Кони-Айленда, наполовину зарытыми в песок. После того как была найдена четвертая жертва, круглосуточное полицейское патрулирование по всей длине этой узкой полоски океанского побережья вынудило Песочного человека изменить свою обычную схему поведения. Он начал нападать на своих жертв только у них дома. За исключением этой.

— Давайте поднимемся наверх, — предложил

Лейк.

Управляющий зданием не был похож ни на одного из своих коллег, которых Блок когда-либо встречала. Звали его Деннис. Был он аккуратно одет, от него ничем не пахло, штаны не висели у него на бедрах, вызывающе демонстрируя половину голой задницы, стоило ему повернуться спиной; он был вежлив и готов к сотрудничеству, когда Лейк сказал ему, что они здесь для того, чтобы помочь ФБР в их расследовании. Блок не думала, что Деннис долго удержится на этой работе.

Он поднялся с ними в лифте на седьмой этаж, достал ключи и начал возиться с дверными замками в квартире Лилиан Паркер. На двери было по меньшей мере четыре замка, так что требовались четыре разных ключа. В общем и целом у Денниса ушла почти целая минута, чтобы отпереть дверь. В нижней части двери имелся кошачий лаз с откидывающейся дверкой, но он был слишком мал, чтобы в него мог пролезть даже ребенок.

— Есть какие-нибудь мысли, когда я смогу избавиться от всей этой мебели и опять сдать эту квартиру? — поинтересовался Деннис.

— Думаю, что уже совсем скоро. Бюро не безраз-

лично к потребностям вашего бизнеса, Деннис, — ответил Лейк. — Благодарим за сотрудничество.

Это был намек Деннису немедленно исчезнуть.

Квартира представляла собой так называемую студию: всё в одной комнате. Едва только войдя внутрь, Блок увидела и кровать в углу, и диван с телевизором напротив, и кухонный уголок с несколькими шкафчиками, холодильником и чем-то вроде туристической газовой плитки, которую берут с собой в походы с палатками. Единственная вторая дверь вела в небольшой туалет с душем. Ванны не было.

Она еще раз осмотрела замки на двери, на сей раз изнутри. Все они были довольно новыми и надежными на вид. Блок немного разбиралась в таких вещах, поскольку много лет назад вела дело о краже со взломом. Все замки у Лилиан были лучших марок и установлены грамотно. Даже самому талантливому взломщику потребовалось бы не меньше пяти минут работы отмычками, чтобы вскрыть эти замки, и было бы чертовски трудно проделать это бесшумно.

Жила Лилиан Паркер довольно скромно. В квартире не было почти ничего ценного. Слева от телевизора, которому было по меньшей мере лет десять, стоял лоток кошачьего туалета,

а немногочисленная мебель в комнате была изрядно поцарапана. На кухне возвышалась ступенчатая кошачья башня с когтеточками, с домиков которой свисали зеркала, веревки и порядком замусоленные и погрызенные игрушки. В кухонных шкафчиках было больше кошачьего корма, чем нормальной еды. Башня не помешала питомцу Лилиан ободрать когтями спинку кровати, прикроватную тумбочку и маленький журнальный столик. На кухонном полу стояли две керамические кошачьи миски.

— Кошку забрала соседка, живущая этажом выше, — объяснил Лейк. — На случай, если вам интересно.

Блок кивнула: ей это было интересно. Она терпеть не могла, когда животных бросали на произвол судьбы, и была рада, что у кошки появился новый хозяин. Который, как оставалось надеяться, полюбит ее так же, как Лилиан.

Блок подошла к окну и посмотрела на улицу внизу. Даже в этот час там было полно народу. Это была оживленная часть города, в которой никогда не бывало тихо.

— Ну, что думаете? — спросил Лейк.

— Даже не знаю… Жаль, что он не попробовал убить ее прямо в этой квартире. Кто-нибудь услы-

шал бы, как он пытается взломать дверь.

Блок и Лейк на некоторое время умолкли, глядя друг на друга. Их мысли текли в одном направлении.

Глава 17
Эдди

Есть в этом мире люди, которым катастрофически недостает эмпатии.

Не знаю уж, каким образом это связано с назначением на судейские должности, однако юристы, лишенные способности к сопереживанию, имеют явное преимущество, когда дело доходит до того, чтобы занять место судьи. Я могу по пальцам одной руки пересчитать судей, которым доверил бы присмотреть даже за собакой. И его честь судья Лео Стокер не в их числе. Честно говоря, я не доверил бы ему даже аллигатора. Еще будучи молодым окружным прокурором, он как-то вел одно крупное дело — уголовное преследование целой толпы каких-то мелких мафиози, в основном албанцев. За восемнадцать месяцев он посадил пятьдесят восемь из них, и хотя их немедленно заменили на улице, а его действия были разве что блошиным укусом в задницу албанской мафии, это явно неплохо смотрелось в газетах и по телевидению. Так уж повелось в Нью-Йорке: если тебе не удалось сделать что-то

по-настоящему великое, то хотя бы выглядеть так, будто ты сделал что-то великое, будет ничуть не хуже, если даже не лучше.

Стокер пролетел на гребне этой волны весь путь до назначения на должность судьи. У него за плечами было уже десять лет работы на судейской трибуне, и он вроде был вполне доволен тем, что может продолжать в том же духе, отправляя за решетку как можно больше народу. Все, что требуется от судьи, — это побыстрей закрывать дела. В этом и заключается их функция: в кратчайшие сроки прогнать через систему как можно больше людей, и хотя большинству судей все же требуется хотя бы какое-то время, чтобы убедиться в соблюдении надлежащей правовой процедуры, Стокер никогда не был обременен какими-либо представлениями о правосудии и справедливости. Пробил свой табель ровно в девять утра. Закрыл все дела, намеченные к рассмотрению, вычеркнул их из списка. Пошел домой, поддал. По выходным — гольф.

Стокер никогда не был женат, что довольно необычно. Когда у вас достаточно времени и судебных дел за плечами в качестве юриста, то обычно за плечами и как минимум пара распавшихся браков, но только не у Стокера. Хотя это

в некотором роде объяснимо, поскольку предполагается, что брак — это вечная преданность другому человеку, чего Стокер был просто не в состоянии постигнуть. В кабинетах и коридорах Сентер-стрит поговаривали, что он предпочитает дорогих девушек по вызову и даже приплачивает паре детективов из отдела нравов, которые следят за тем, чтобы эти его шалости вдруг не вызвали какой-либо негативный общественный резонанс. Собственный публичный статус был для него очень важен, и его частенько видели в ресторанах с девушками вдвое моложе его, которые выглядели как модели из каталога. О том, что девушки эти и впрямь были из каталога с проставленными в нем ценниками, Стокер предпочитал помалкивать. Одним словом, развращен он был не только в профессиональном смысле, но и в личном.

И вот теперь Стокер восседал в кресле судейской трибуны на Сентер-стрит, глядя на меня и мою команду сверху вниз. Пальцы переплетены на животе, аккуратно зачесанные назад черные волосы густо залиты лаком… Загар у него никогда не тускнел, независимо от времени года, а бледные круги вокруг глаз выдавали, что он регулярно посещает солярий. Щеки у него

всегда сияли и лоснились, как будто он щедро опрыскивал лаком не только волосы, но и всю физиономию целиком.

— Мистер Флинн, я вернусь к вам через минуту. Мистер Уайт, насколько я понимаю, на данный момент у вас имеется какое-то ходатайство?

Дрю Уайт был одним из наиболее выдающихся помощников окружного прокурора в городе. А еще одним из самых выдающихся говнюков в городе. Он уже был на ногах, застегивая пиджак. Я никогда не сужу ни о ком по внешности, но росточком Уайт был разве что чуть выше пяти футов двух дюймов[199]. Никто при этом не упоминал о двухдюймовых каблуках, которыми он пытался компенсировать недостаток роста, — по крайней мере, в лицо. Адвокаты по уголовным делам и большинство женщин, с которыми он работал, просто не могли дождаться, когда после работы можно будет заглянуть в бар, чтобы посмеяться над ним. У него была репутация человека, принимающего самое живое участие в судьбе молодых прокурорских работников, — но только женского пола. Я слышал, что окружной прокурор без лишнего шума повысил в должно-

---

[199] notes: 199
5 футов и 2 дюйма — 158 см.

сти или уволил не меньше пяти работавших в прокуратуре женщин, которые имели наглость жаловаться на то, что Уайт их преследует. Это были всего лишь слухи, но Кейт поставила перед собой задачу во что бы то ни стало найти этих женщин. Предъявление исков компаниям и учреждениям за сексуальные домогательства было ее настоящей страстью, и это у нее чертовски хорошо получалось. В числе прочих слухов упоминалась и некая попытка изнасилования на рождественской вечеринке у окружного прокурора. По всей видимости, Уайт подсыпал что-то в напиток своей молодой коллеге, которая успела проработать в прокуратуре всего шесть месяцев. Двум секретаршам, которые заметили, как он выходит с ней на улицу, удалось вытащить ее из такси, прежде чем Уайт успел отвезти ее в какое-нибудь тихое местечко. Поговаривали, что все было еще хуже и что спас его задницу от уголовного преследования лишь тот факт, что взятые у потерпевшей пробы, положенные в таких случаях, были таинственным образом утеряны экспертизой.

Прежде чем заговорить, Уайт повернулся и посмотрел на меня, Гарри и Кейт, убедившись, что судья не видит его лица. Скользнув взглядом по

Кейт, он на миг задержал его на ней. Улыбнулся ей краем рта. Совсем коротко, но далеко не подружески. Так улыбается какой-нибудь вусмерть пьяный мужик, пожирающий чизбургер в четыре часа утра. Это был голодный, жутковатый взгляд. Затем он повернулся и начал представлять судье свою команду обвинителей.

— Уф-ф, — поморщилась Кейт, — это что, новая тактика обвинения или что-то в этом роде? Заставить оппонента реально блевануть?

— Так вот как флиртуют молодые люди в наши дни? — заметил Гарри. — Я на секунду подумал, что у него инсульт.

— Ваша честь, — начал Уайт, — до сведения прокуратуры дошло, что Кэрри Миллер нарушила условия освобождения под залог. Как вы знаете, фактически она находится под домашним арестом. Ее нет в ее владениях. Мы хотели бы попросить суд отменить ее освобождение под залог.

— Это правда, мистер Флинн? — спросил судья Стокер.

Поднимаясь, чтобы ответить судье, я напомнил себе несколько юридических правил, которые сейчас не стоило нарушать. В частности, откровенно врать судье. По крайней мере, касательно

того, о чем он явно прекрасно знал.

— Моему второму адвокату Кейт Брукс и консультанту моей фирмы Гарри Форду и в самом деле не удалось найти ее в ее владениях сегодня с утра. Я хотел бы знать, каким образом этот факт оказался в поле зрения окружной прокуратуры. Мы как раз находились в процессе определения местонахождения нашей клиентки, когда нам позвонили и предложили присутствовать на этом слушании, — ответил я.

— Это вас не касается, мистер Флинн. Я полагаю, что в данном случае остается лишь одно: я отменяю залог и выдаю санкцию на арест вашей клиентки. У вас есть еще какие-либо ходатайства, мистер Уайт?

— Да, ваша честь. Я хотел бы ненадолго прервать это слушание и возобновить его через час для слушания по правилу Паркера[200].

— Принято, — объявил судья Стокер, вставая со своего места и исчезая в своем кабинете, прежде чем я успел открыть рот, чтобы возразить.

---

[200] notes: 200

Как это часто бывает в англосаксонском прецедентном праве, данное слушание, задачей которого является выяснить, не будут ли нарушены какие-либо права обвиняемого при рассмотрении дела в его отсутствие, получило свое название от судебного дела, в ходе которого получило ранг закона (правда, только на территории штата) — «Народ штата Нью-Йорк против Вики Паркер» 1982 г.

Блин… Слушание по правилу Паркера. Я повернулся к Гарри — лицо у него вытянулось. Кейт качала головой. Я едва ли не физически ощутил, как это дело тяжким грузом наваливается на меня. Меньше суток назад у нас имелось направление защиты и имелся сам подзащитный. Теперь все это уже представлялось совершенно безнадежным делом.

На слушании по правилу Паркера решается, можно ли судить обвиняемого в его отсутствие. Они явно собирались попытаться продолжить рассмотрение дела, с Кэрри Миллер или без нее.

Мы топтались по здешним коридорам еще больше часа, сделав за это время более тридцати звонков на мобильный и домашний номера Кэрри. Кейт позвонила Пельтье, и он предоставил нам список ее друзей и знакомых, и те немногие, кто ответил на звонок, тоже не видели ее и не получали от нее никаких известий, причем все эти люди более чем прозрачно намекнули, что больше не желают видеть ее или даже слышать о ней. С того момента, как широкой публике стало известно, что Кэрри замужем за Песочным человеком, никто не хотел ее знать или даже признаваться, что знаком с ней. Она удалила все свои аккаунты в социальных сетях, чтобы

защититься от оскорблений и угроз, но никак не ожидала, что ее друзья и подруги перестанут отвечать на ее звонки — даже та, что была свидетельницей у нее на свадьбе и которую она знала почти тридцать лет.

Я прислонился спиной к прохладной мраморной колонне и откинул голову, упершись в нее затылком. Холод, исходивший от камня, не ослабил скопившегося в шее напряжения. Оно еще больше усилилось, когда я увидел, как Уайт стремительно шагает по коридору в сопровождении Билла Сонга и еще с полдюжины прокурорских — ни один из них не был выше шести футов ростом, но на их фоне Уайт казался еще меньше, чем был на самом деле, когда с самодовольным видом вышагивал впереди этой кодлы. Он сейчас напоминал крылатую фигурку на пробке радиатора старинного лимузина, несущегося вперед. Кейт сидела на одной из сосновых скамеек, стоявших вдоль стен коридора, и, когда он уже подходил к ней, я опять заметил этот его взгляд. Не то чтобы совсем уж откровенный, но и не особо скромный. Кейт поморщилась. Я подсел к ней, и Уайт подошел к нам.

— Ну что, готовы получить пинка под зад, господа хорошие? — поинтересовался он.

Кейт пристально посмотрела на него и сказала:

— Двоюродный брат моего отца, Альберт, был даже чуток меньше вас ростом. У него были жена, восемь детей и продуктовый магазин в Эджуотере, штат Нью-Джерси. Никто из тех, кто заходил в этот его магазин, не уходил домой без полных сумок еды. И неважно, что у вас при себе было — пятидесятидолларовая купюра или пятицентовик. Он никогда никого не отпускал голодным. Когда он умер, его похоронная процессия растянулась на восемь кварталов. Альберт был ровно пяти футов ростом, но он был настоящим гигантом. А вот вы, мистер Уайт, — вы реально коротышка.

— В гробу я вас обоих видал. После того как я выиграю слушание по этому своему ходатайству, это дело можно будет считать закрытым. Удачи.

Прокурор повернулся и вошел в судебный зал, оставив меня с ужасным чувством, что он прав. Улик против Кэрри было выше крыши, и если вы никогда не встречались и не разговаривали с ней, то сразу поверили бы в ее виновность. Однако дело было не в том, что именно она рассказывала. У нее не было никаких реальных аргументов, которые могли бы опровергнуть доказательства

обвинения, — просто когда Кэрри говорила, вы понимали, что она говорит правду. Трудно объяснить это как-то по-другому. Без ее показаний выиграть это дело было практически нереально.

Слушания по правилу Паркера не так уж сложны. Судья должен убедиться в том, что действительно имели место две вещи: что обвиняемый скрылся по собственной воле и что обвиняемого заранее предупредили, что в случае его неявки в суд дело будет рассмотрено в его отсутствие.

Для этого Уайт вызвал трех свидетелей. Билл Сонг подтвердил судье, что побывал во владениях Кэрри Миллер в Олд-Уэстбери и что ее не было дома, в нарушение условий освобождения под залог. После него помощница окружного прокурора по имени Сандра Коллинз показала, что обзвонила все обычные и психиатрические больницы на Манхэттене и по месту проживания Кэрри Миллер, плюс еще связалась с центральной справочной службой полиции, так что, насколько могла судить, Кэрри Миллер не была ни госпитализирована в качестве пациентки, ни задержана за какое-либо правонарушение. Отвечала Коллинз короткими фразами и вроде как неловко ерзала на стуле под пристальным взглядом Уайта, особенно когда взгляд этот падал

на ее ноги.

Я задал Коллинз и Сонгу два одинаковых вопроса и получил стереотипные ответы от каждого из них.

— Полиция Нью-Йорка и ФБР разыскивают мужа Кэрри Миллер за многочисленные убийства, верно?

Оба ответили утвердительно.

— Так что существует вероятность того, что Кэрри Миллер была похищена своим собственным мужем, разве не так?

Оба согласились с этим предположением. И это было, пожалуй, лучшее, что я мог сделать.

— Заслушав свидетельские показания, — начал судья Стокер, — я попросил бы секретаря суда отметить в моем письменном решении, что в соответствии с правилом Паркера я лично зачитал обвиняемой полагающееся в таких случаях предупреждение, когда она была освобождена под залог. Ее заранее предупредили, и она подтвердила, что понимает, что в случае ее побега из-под залога судебное разбирательство будет проходить в ее отсутствие. В связи с этим я считаю, что имеются вполне достаточные и убедительные доказательства того, что она скрылась по собственной воле.

— Ваша честь… — начал было я, но судья прервал меня:

— Нет, мистер Флинн! Нет никаких свидетельств того, что ваша клиентка была похищена. Я должен придерживаться подхода, основанного на доказательствах. Рассмотрение дела будет продолжено в ее отсутствие. Данное слушание окончено.

Уайт опять оглядел всю нашу компанию. Никаких тебе высунутых языков. Никаких насмешливо искривленных губ. Никаких заигрывающих улыбочек на сей раз. Он просто удовлетворенно ухмыльнулся и покинул зал суда.

Гарри вздохнул:

— Единственный шанс, который у нас был в этом деле, — это показания Кэрри. Если б она рассказала присяжным свою историю так, как рассказала ее нам, они бы ей поверили. Без Кэрри Миллер наше дело гиблое.

Я взглянул на Кейт, которая без разбору заталкивала разрозненные страницы обратно в кожаную сумку вместе с электронным планшетом и ручкой. Губы у нее были плотно сжаты, и всякий раз слышался лишь глухой стук, когда очередной предмет падал на дно стоящей на столе сумки.

— Нам нужна Блок, — в сердцах произнесла она. — Чтобы разыскать Кэрри Миллер и за уши притащить ее в суд.

Я последовал за Гарри и Кейт к выходу из зала. В коридоре меня поджидал Билл Сонг.

— Эдди, мы можем поговорить наедине?

Я кивнул, и мы направились в тихий уголок коридора, к зарешеченному окну. Стекло давно стало табачно-коричневым от жирной городской сажи, грязи и копоти. Оглядевшись по сторонам, я увидел адвокатов и их клиентов, которые кучками стояли и сидели вокруг — разговаривали и пили дрянной кофе, ожидая начала рассмотрения своих дел. Было трудно сказать, кто тут юрист, а кто жулик. Это навело меня на мысль, что окна, наверное, запачкались изнутри — вроде как слишком уж много грязи бродило по этим коридорам.

— Мне только что позвонили из группы наблюдения в доме Терезы Васкес. Поскольку в число жертв попал и Честер Моррис, мы взяли всех свидетелей под усиленную охрану. Блок видели входящей в дом Лилиан Паркер вместе с Гэбриэлом Лейком. Нам с вами делить нечего, так что хочу по-честному предупредить: ваши люди не в безопасности рядом с Лейком.

— Почему?

— Просто поверьте мне.

— Но вы же достаточно ему доверяете, чтобы допустить его до этого дела, как и хотела Дилейни. Что плохого в том, что Блок работает с ним на пару?

Брови Сонга сошлись на переносице, хотя и не от гнева — от недоумения.

— Дилейни и вправду хотела привлечь Лейка к этому делу… Я решительно отказал. Убийство Дилейни ничего не изменило. Вчера вечером он буквально умолял меня допустить его в качестве консультанта, но я опять ответил «нет».

— Но он сказал нам, что работает…

Я не закончил фразу. Ну вот… Лейк попросту соврал нам. Он влез в это дело совершенно самовольно, на свой страх и риск.

— Этому парню нельзя доверять, Эдди. И он опасен.

— Блок и сама у нас опасная барышня.

— Много сказать не могу. Это закрытая информация. Документы по этому делу засекречены. Скажу лишь одно: однажды он выбил не ту дверь. В одиночку, без прикрытия, наткнулся на тайник с героином. В том месте было четыре миллиона налом и пятьдесят фунтов герыча, и оно очень

хорошо охранялось. Десять человек. И трое из них были бывшие вояки. Комиссия, расследовавшая инцидент, установила, что это была самооборона. Пошла молва, как водится. Парня выставили эдаким гребаным суперкопом. Героем. После чего Бюро по-тихому уволило Лейка со службы по состоянию здоровья, потому что была и другая история. Конечно, в том доме все началось с самозащиты, но закончилось все совсем по-другому. В какой-то момент у Лейка была возможность оттуда выбраться. Однако он остался и перебил всех этих людей, хотя и сам был тяжело ранен. Последнему из них он всадил две пули в грудь. А затем перезарядился и выпустил весь магазин прямо ему в физиономию. Он казнил всех этих людей. Он убийца, Эдди. Я не хочу, чтобы Лейк даже близко подходил к кому-нибудь из моих людей, а вам не советую подпускать его ни к кому из своих.

Я подумал про того нервного человека, с которым недавно завтракал. Парня, который машинально барабанил пальцами по столу, когда что-нибудь говорил, и который даже не мог нормально заказать какой-то там несчастный маффин. Я решил, что расскажу обо всем этом Блок — просто на всякий случай, — но все ска-

занное Биллом и мое собственное впечатление от Лейка не совсем совпадали. Я поблагодарил Билла — в принципе, он мог мне ничего и не говорить, — но решил, что сам составлю свое мнение о Лейке и позволю Блок сделать то же самое.

Я огляделся в поисках Уайта. Очень хотелось пообщаться с ним на тему «жучка» в телефоне Пельтье. Вправить ему мозги. Дать ему понять, что я этого так просто не оставлю. Прослушивание телефона адвоката защиты означало бы конец его карьеры, даже если ему и удалось получить ордер на это от сговорчивого судьи. Это была самая подлая игра, о которой я когда-либо слышал. Если это выплывет на свет божий, Уайта не возьмут ни в какую юридическую фирму даже подметать полы.

Гарри, Кейт и я вышли на улицу, навстречу толпе репортеров. Все они толклись вокруг Уайта, словно голубые акулы, пожирающие дохлого тюленя. Увидев нас, некоторые оторвались от него и бросились к нам. Уайт обернулся, помахал рукой и сел в машину, ожидавшую его у тротуара.

Какая-то девица-репортер в синем костюме в тонкую полоску и очках с толстенными стеклами дочапала до нас первой. Сунула мне под нос цифровой диктофон, но не рассчитала и ударила

им меня по губам, со словами:

— Вы думаете, Кэрри Миллер сбежала со своим мужем?.. О господи, простите…

— Ничего страшного, — отозвался я, ощупывая губу. Не до крови — не считается, как выражались мы в детстве, когда кто-то получал мячиком по физиономии. Прежде чем остальные журналисты успели тоже подбежать к нам, я спросил:

— Как вас зовут и какой у вас номер телефона?

— Я Бетти Кларк, из «Стража», — представилась она, протягивая мне визитку.

— Я не могу сделать заявление прямо сейчас, но мы свяжемся с вами. Если мы сговоримся, то могу предложить вам эксклюзивное интервью, как только все это закончится.

— В каком это смысле «сговоримся»? Наша газета не платит за интервью!

— Вот и хорошо, нам не нужны деньги. А вот кое-какие сведения вполне могут пригодиться.

С этими словами Гарри, Кейт и я с боем прорвались на улицу. Вскоре репортеры от нас отцепились — как только поняли, что ничего им тут не светит.

Я подошел к Рэю, который держал киоск с хот-догами возле здания суда и давал мне хорошую рекламу с тех самых пор, как я вытащил его пле-

мянника из Райкерс-Айленд[201].

— Рэй, три хот-дога на «грязной воде», будь добр, — попросил я, протягивая ему полтос.

Некоторые продавцы готовят сосиски на гриле. Однако лучшие заготовки для хот-догов хранятся теплыми в небольшом стальном чане в тележке, наполненном чем-то похожим на воду из Ист-Ривер, хотя на самом деле это нечто вроде бульона с добавкой тмина, чили, лука и бог знает чего еще.

— Я не хочу хот-дог, — сказала Кейт.

— Это наш обед. У нас еще куча работы. Поверь мне, тебе это сейчас необходимо.

Рэй вручил нам три хот-дога — с горчицей, кетчупом и луком для Гарри, с одной только горчицей для нас с Кейт. Мы взяли по банке кока-колы, отыскали в центре Фоули-сквер свободную скамейку и устроились на ней. Глядя на проезжающие мимо машины, ели сосиски, запивали их колой. Я пересказал Гарри и Кейт то, что по-

---

[201] notes: 201

Райкерс-Айленд — остров-тюрьма в проливе Ист-Ривер, относящийся к городу Нью-Йорку, районам Квинс и Бронкс. Тюремные блоки рассчитаны на 10 тысяч сидельцев, натуральный город. Используется в основном как следственный изолятор, отбывающих там наказание сравнительно немного, причем по небольшим срокам, до года. Осенью 2019 г. стало известно о предстоящем закрытии этого учреждения, намеченном на 2026 г. Главная причина — постоянные нарушения со стороны надзирателей и администрации, ставшие поводом для многочисленных судебных исков.

ведал мне Сонг, а затем позвонил Блок, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. Ответила она сразу же.

— У нас тут кое-что произошло. Ты мне нужна. Вы там еще не поймали Песочного человека? — спросил я.

— Хочешь верь, хочешь нет, но в данный момент я смотрю прямо на него, — отозвалась Блок.

Глава 18
Блок

— Он не напал на нее в этой квартире, потому что не смог попасть внутрь, — сказала она.

Открыв дверь, Блок осматривала замочные скважины снаружи. Вокруг них виднелось несколько царапин, но было трудно сказать, кем они были оставлены — взломщиком или просто излишне нервным жильцом.

— Хотя столь же трудно схватить кого-то на улице и затащить в темный переулок так, чтобы никто ничего не увидел и не услышал, — добавила она.

— Навряд ли он так поступил. Я думаю, он как-то уговорил ее зайти в этот переулок, — сказал Лейк.

— Чушь собачья. Ни одна женщина в Нью-Йорке не пойдет в темный переулок с посторонним человеком.

— Есть кое-что, что вполне могло побудить ее зайти в этот неосвещенный переулок. Свидетели не слышали ни борьбы, ни криков, но все они слышали…

— Кошек… — произнесла Блок.

Они с Лейком сцепились взглядами, хотя в этот момент и невидящими. Их мысли витали где-то еще, электрическим током прорыва. Было что-то очень важное, что-то жизненно важное, что Блок почти ощущала на вкус, к чему почти что могла притронуться — это было прямо здесь, прямо перед ней…

Лейк направился на кухню, наклонился и подхватил одну из кошачьих мисок. На красной было написано «Пушинка». На другой, синей, — «Мистер Лапс».

— Кошку забрал сосед, живущий этажом выше. Так говорится в деле. Но кошка-то была тут не одна… — проговорил Лейк.

Блок глянула на миски, а затем взяла электронный планшет и еще раз просмотрела фотографии, сделанные в переулке. Крупные планы она пропускала, выискивая более общий ракурс.

— Вот, — наконец произнесла Блок. — Объявление на стене.

Она взялась двумя пальцами за экран, чтобы увеличить изображение. Рядом со старой афишей рок-группы виднелось самодельное объявление, частично оборванное. Блок не смогла прочитать его целиком. Было оно черно-белым и напечата-

но сплошь заглавными буквами.

«…ЛАСЬ КОШКА»

А ниже — номер мобильного телефона. Лейк достал свой сотовый, набрал этот номер и включил громкую связь. Гудков не последовало. Вызов сразу переключился на голосовую почту: «Вы позвонили Лилиан Паркер. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу».

— Он украл ее кошку. Вот почему она пошла в переулок. Она услышала мяуканье. Этот гондон держал на руках кошку, заманивая ее туда! — сказал Лейк.

— Чтобы это сработало, он должен был знать, что она любит кошек, — заметила Блок.

— Он знал ее? — спросил Лейк — хотя, уже задавая этот вопрос, помотал головой. Песочный человек, насколько им было известно, не нападал ни на кого из своего окружения. Ничто не указывало на какую-либо связь между Дэниелом Миллером и Лилиан Паркер. Это уже было тщательно проверено ФБР. И в квартире Лилиан Паркер никто, кроме нее, не появлялся.

— Нет, у Лилиан Паркер не было гостей мужского пола. Никто сюда не приходил. Хотя постойте-ка, он ведь… — начала была Блок, однако эта

мысль подстегнула ее, и ноги сами поднесли ее к окну, выходящему на улицу и на здания напротив. — Он наблюдал за ней, — сказала она, обводя взглядом поцарапанную мебель, кошачью башню, туалетный лоток. — Лилиан Паркер любила кошек. Любой, кто заглянул бы в ее квартиру через окно, понял бы это с первого взгляда. А если видел и замки на двери, то понял бы, что без ключей сюда нечего и соваться.

— А значит, у него имелся какой-то наблюдательный пункт, — подхватил Лейк. — Такой, который ему не хотелось бы раскрывать. Готов поспорить, что он как-то связан с одной из квартир через дорогу — чем-то, что легко отследить, вроде краткосрочной аренды.

На противоположной стороне улицы виднелись сразу два здания. В одном из них, сорокаэтажной башне, сплошь застекленной, размещались коммерческие офисы. На каждом этаже — одна и та же картина. Блок видела офисных работников за письменными столами, какие-то диаграммы и графики на стенах, конференц-залы с разноцветными стульями вокруг белых столов, мужчин, разговаривающих по телефону, с уже ослабленными после утренней горячки галстуками, стажеров, пропускающих бумагу через

ксероксы… Песочный человек никогда не выбрал бы такое здание в качестве наблюдательного пункта — больно уж всё на виду.

Другое строение было гораздо меньше, примерно такого же размера, как и жилой комплекс, в котором они сейчас находились. Верхний этаж этого здания напротив выглядел просто идеально. Мансарда. С большим окном, расположенным почти прямо напротив этого. Может, разве что чуть выше, обеспечивая более полный вид квартиры, в которой они сейчас находились. И там, у окна, Блок увидела мужчину, который смотрел прямо на них.

У нее зазвонил телефон.

— На нас что, кто-то оттуда смотрит? — спросил Лейк.

— У Терезы Васкес квартира прямо по соседству с Лилиан Паркер. У нее наверняка такой же вид из окна, — сказала Блок.

Если б кто-то захотел проследить за передвижениями Терезы, то мог бы использовать для этих целей тот же наблюдательный пункт, что и в случае с квартирой ее соседки Лилиан Паркер.

Звонил Эдди. Блок ответила на звонок.

— У нас тут кое-что произошло. Ты мне нужна. Вы там еще не поймали Песочного человека? —

спросил Эдди.

— Нет, этого просто не может быть… — произнес Лейк, пристально глядя на мужчину в мансарде на противоположной стороне улицы.

Тот был настолько далеко, что различить черты его лица было невозможно. Понятно лишь было, что он белый и одет в темную одежду.

И он держал перед лицом что-то черное. Что-то, иногда отражающее свет.

Бинокль.

Человек в окне вроде как пригнул голову.

— Хочешь верь, хочешь нет, но в данный момент я смотрю прямо на него, — произнесла Блок, не отрывая взгляда от лица в окне.

Лейк придвинулся ближе, едва не уткнувшись носом в стекло, которое запотело от его дыхания.

Человек в мансарде опустил бинокль, отвернулся.

И бросился в глубь квартиры.

Глава 19
Песочный человек

Опустив компактный бинокль, он немного поморгал, а затем опять поднес его к глазам.

Гэбриэл Лейк сейчас находился в квартире Лилиан Паркер вместе с той оперативницей, Мелиссой Блок. Фотограф из «Нью-Йорк пост» заснял их выходящими из дома Дилейни прошлой ночью вместе с Эдди Флинном.

Решив, что беспокоиться не о чем, Песочный человек опять переключил внимание на соседнюю квартиру и Терезу Васкес. Терезе было чуть за двадцать, и она работала когда только могла — по выходным на полставки в Нью-Йоркской публичной библиотеке, а на неделе жарила цыплят в «Попайз»[202].

В то утро она вышла из своей квартиры в сопровождении двух агентов ФБР, чтобы купить продукты и утреннюю газету, после чего сразу же вернулась домой. Это оказалось полезно, поскольку позволило ему изучить охрану Терезы.

---

[202] notes: 202

«Попайз» — популярная в США сеть фастфуда, своей специализацией на курятине напоминающая более известную у нас KFC.

На улице, прямо напротив ее дома, в машине сидели два агента. Которые приняли ее от еще двоих агентов, сопроводивших ее вниз по лестнице из квартиры. Агентам в машине было чуть за тридцать, оба в уличной одежде — синих джинсах и темных худи. Двое агентов, дежуривших в квартире, были в костюмах с галстуками. Один помоложе, с темной шевелюрой, и ветеран с седыми волосами.

Работы для охраны — не бей лежачего. Вряд ли кто-нибудь станет врываться в переполненное заведение быстрого питания, перепрыгивать через прилавок и стрелять Терезе в голову. Точно так же и Нью-Йоркская публичная библиотека — вполне себе безопасное здание, с металлоискателями и досмотром на входе. Опасными моментами были лишь доставка Терезы из квартиры на рабочее место и обратно.

Он подождет удобного случая. Такой случай обязательно представится. Вопрос был лишь в том, когда именно.

Ждать Песочный человек умел. Опыта в этом у него хватало. В течение многих лет он страдал от бессонницы. И, лежа в постели в темноте, мысленно перебирал всякие ужасные вещи, которые могли случиться с ним или его семьей. Это

началось, когда ему было лет семь. Как только родители ложились спать, он вставал и залезал во встроенный шкаф. И, сидя там на полу, в окружении развешанной на вешалках одежды, читал с фонариком сказки. Читал почти до рассвета, после чего, вконец измученный, забирался обратно в постель и засыпал. Так продолжалось до тех пор, пока он не стал слишком большим, чтобы сидеть в шкафу, так что стал оставаться в кровати с книжкой. Сказки, к которым он возвращался вновь и вновь, были связаны со сном. Сон был частью целого множества сказок — «Гензель и Гретель», «Спящая красавица», «Белоснежка», «Златовласка и три медведя», «Принцесса на горошине» и многих других. А еще были истории про фигуру, которая посещала детей, не желавших ложиться спать, — Бугимена, Крошку Вилли Винки, Оле-Лукойе… Эти сказки были придуманы для того, чтобы побудить детей оставаться в постели. Песочный человек, который засыпал детям глаза своей мелкой волшебной пылью, погружая их в сон, был его любимым персонажем.

Он знал, что вовсе не эти истории сделали его убийцей. Это уже было в нем. Он годами мечтал убить их домашнюю кошку Люси и пытался причинить ей боль всякий раз, когда выпада-

ла возможность сделать это незаметно. Кошке всегда удавалось ускользнуть невредимой. Она возненавидела его еще до того, как он запустил в нее кухонным ножом. Наверное, она чувствовала его природу, тогда как все остальные были к этому не способны. Она шипела на него и выгибала спину, когда он входил в комнату. Кошка боялась его. Для него это было естественно. Он знал, что его следует опасаться. Он научился не подвергать сомнению свои порывы. Никаких объяснений не требовалось. Акуле вот тоже не нужно ничего себе объяснять. Это акула.

А он был убийцей.

И в ту летнюю ночь на пляже Кони-Айленда, когда Песочный человек впервые наткнулся на пьяную женщину, спящую на песке, он наконец осознал свое истинное призвание и подчинился своей натуре. Ощущения, испытанные той ночью, до сих пор отдавались эхом у него в памяти и даже в самих его конечностях. Все его тело физически сотрясалось от силы.

А потом он вернулся в свое особенное место, спрятал глаза этой женщины в маленькую жестяную коробочку, лег на пол и заснул так, словно не спал сто лет. И ничто не меняло того чувства, что приходило с убийством. Даже когда он встретил

Кэрри. Она была первой женщиной, с которой он был близок и которую не хотел убивать — хотел лишь обладать ею. Но что удивило его больше всего, так это его собственное желание самому принадлежать ей. Кэрри называла его своим мужчиной, своей половинкой, своим мужем.

Она была единственной. Его настоящей любовью. И он разрушил бы этот город до основания, чтобы спасти ее.

Песочный человек сказал себе, что еще не слишком поздно. Если он сумеет спасти ее от этого кошмара, она будет принадлежать ему навсегда. Никто не осмелится встать у него на пути. А если и осмелится, он покажет такому наглецу, что такое настоящий страх.

Даже фэбээровцы боялись его. Он припомнил сладковатый запах страха, исходивший от кожи Дилейни.

Двое агентов в штатском, сидящие в седане без опознавательных знаков, тоже боялись. Хотя и не тот молоденький и явно легкомысленный офицер охраны, который находился в квартире, принадлежащей Терезе Васкес. Сейчас этот малый с совершенно беззаботным видом сидел на диване и листал «Космополитен», пока Тереза готовила кофе для него и его старшего, более

мудрого напарника.

Тут внимание Песочного человека привлекло какое-то движение слева от окна ее квартиры. Он опустил бинокль и увидел Лейка, который стоял в квартире Лилиан Паркер, прижавшись лицом к стеклу.

Лейк смотрел прямо на него.

Впервые за много лет Песочный человек ощутил легкий озноб, пробежавший по всему телу. Прохладное покалывание в нижней части позвоночника, которое поднялось наверх к затылку — волоски там встали дыбом.

Страх.

Очень старое чувство. Которое не касалось его уже несколько десятков лет.

Лейк и Блок не смотрели ни на улицу, ни на другие здания. Он чуть ли не кожей чувствовал на себе их взгляды.

Песочный человек повернулся и быстро направился к входной двери. Лейк и Блок развернулись и бросились к выходу из квартиры.

Теперь в этом не было никаких сомнений. Они заметили его.

Он побежал вниз по лестнице — подошвы туфель дробно стучали по ступенькам, пульс угрожающе бился в такт, пот приклеил кожа-

ные перчатки к ладоням. За свою собственную безопасность Песочный человек не опасался. Не было на свете человека, которого он боялся бы в схватке. Нет, он боялся потерять жизнь, которая ждала его впереди. Жизнь с Кэрри, вдали от Нью-Йорка, ФБР и полиции. Начатую заново где-нибудь там, где никто не знает их в лицо, где никому даже в голову не придет их искать.

Песочный человек и представить себе не мог, что кто-то обнаружит его в этой мансардной квартирке. Во всех своих заранее заготовленных планах он не учел такого развития событий. И все же это сейчас происходило. И этим можно было даже воспользоваться. Ясность мышления и умение приспосабливаться — вот что так чертовски долго помогало ему оставаться в живых и не угодить за решетку.

В вестибюле здания было пусто, и он без помех выскочил за дверь на улицу, где резко свернул влево. Преследователей пока что не было видно. Не доходя до конца квартала, перешел на шаг, услышав позади себя автомобильный гудок, визг резины по асфальту. Витрина магазина одежды на углу была изогнутой, и, чуть отступив в сторону, он мог частично заглянуть себе за спину, на пройденный участок улицы.

Лейк и Блок в сопровождении двух агентов ФБР в уличной одежде уже подбегали к входу в здание.

Песочный человек свернул за угол, а потом побежал, петлей огибая квартал. Миновав его восточную сторону, промчался вдоль южной и теперь подбегал к концу западной стороны, но так и не замедлил бега. Еще больше ускорился и перебежал через улицу к дому Лилиан Паркер. Дверь подъезда оказалась незапертой, и он сумел проскользнуть внутрь и подняться по лестнице никем не замеченным. Поднявшись на седьмой этаж, вытащил из наплечной кобуры швейцарский пистолет с глушителем и постучал в дверь квартиры, принадлежащей Терезе Васкес. После чего, отойдя в сторону, нацелился взглядом на дверной глазок, в центре линзы которого проглядывало крошечное светлое пятнышко, миллиметра три, не больше — отблеск света из окна квартиры за дверью.

Песочный человек выдохнул.

Покрутил плечами.

Светлое пятнышко исчезло.

Держась так, чтобы его не было видно в глазок, тесно прижавшись левым плечом к дверному косяку, он вывернул правую руку с пистолетом

так, чтобы тот был направлен прямо на дверь, в самый центр, и несколько раз быстро нажал на спусковой крючок, опустошая магазин. Послышался вскрик, и что-то тяжелое упало на пол. Отступив назад и одновременно вставив новый магазин, Песочный человек сделал два глубоких вдоха, выстрелил в замок, а затем рванулся вперед и согнул правую ногу, изготовившись для удара.

Дешевая деревянная дверь сорвалась с петель и рухнула на тело, распростертое на полу. Это был один из агентов, тот самоуверенный молодой человек в костюме. Седого агента нигде не было видно. Войдя в квартиру, Песочный человек увидел открытую дверь спальни. Там он и обнаружил Терезу Васкес, забившуюся в угол по другую сторону кровати, — она обеими руками зажимала рот, сдерживая крик. Лицо у нее было мокрым от слез.

Песочный человек четыре раза выстрелил в нее, повернулся и быстро прошел в прихожую, а затем к окну, выходящему на пожарную лестницу.

Через две минуты подошвы его туфель ударились об асфальт переулка, в котором он убил Лилиан Паркер. Стащив куртку, он вывернул ее

наизнанку. Обратная сторона ее была желтой — не в его вкусе, но теперь куртка отличалась от описания его одежды, которое Лейк и Блок наверняка дали агентам в синих джинсах. Из кармана широких брюк карго он вытащил медицинскую маску, в которых во время пандемии ковида ходили чуть ли не все, и матерчатую бейсболку, надел их. Снял перчатки и убрал их в карман. Потянулся за спину и расстегнул ремешок на рукояти охотничьего ножа, прикрепленного к пояснице. Клинок мог быстро ему понадобиться. Пистолет он уже упрятал в наплечную кобуру.

Выйдя из переулка, Песочный человек быстро оглядел обе стороны улицы и не увидел ни одного из преследователей. Однако услышал завывание полицейских сирен. Полиция могла появиться здесь в любую минуту. Его фургон по-любому был припаркован в нескольких кварталах к северу отсюда, так что имело смысл побыстрей добраться до него, пока район не заполонили копы.

Подойдя к пешеходному переходу, Песочный человек остановился рядом с женщиной в цветастом платье, с ярко-синей детской коляской. Ребенку было разве что несколько месяцев, и он проснулся и тихонько гугукал, завернутый в голубое одеяльце. На голубом слюнявчике бол-

талась желтая соска-пустышка. Младенец был пухленький, с розовыми щечками и первыми золотистыми пушинками на голове. Он широко улыбнулся беззубой улыбкой, нацелив на незнакомого дядю свои голубые глазенки — яркие, как рассвет.

— Он просто чудо, — восхитился Песочный человек.

— Спасибо, — отозвалась мать. Она была невысокого роста, с волнистыми светлыми волосами, в солнечных очках и с тяжелым рюкзаком. «Новоиспеченные родители вечно берут с собой полдома, когда отправляются куда-нибудь со своими чадами», — подумал он.

— Сколько ему? — спросил Песочный человек.

— Джошу сейчас четыре месяца.

Вид у матери был порядком измотанный, несмотря на попытки скрыть это за солнцезащитными очками «Рэй Бэн». Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, и ее кроссовки «Конверс» поскрипывали на грязном асфальте тротуара. Женщина поглядела на проезжающие мимо машины, а потом перевела взгляд на пешеходный светофор, на котором по-прежнему горел сигнал в виде красной ладони, запрещающий переход.

— Беда с ними в таком возрасте, — продолжал Песочный человек.

Она просто повернулась, улыбнулась и кивнула. Хотя Песочный человек отличался недюжинным обаянием, которое сейчас включил на всю катушку, а у этой женщины не было никаких причин его опасаться, он мог сказать, что она побаивается его. Ладони ее лежали наготове на ручке коляски, и приподнятые пальцы слегка подрагивали. Некоторые люди обладали способностью сразу понять его суть, какую бы маску он ни использовал и кого бы ни пытался из себя изобразить. Он уже с таким сталкивался.

На противоположной стороне улицы, ярдах в пятидесяти правей пешеходного перехода, Лейк, Блок и два федеральных агента вышли из-за угла и остановились, прикрывая глаза от солнца и оглядываясь в поисках ускользнувшего Песочного человека.

Он надвинул бейсболку пониже на глаза. Все, что ему оставалось сделать, это перейти через улицу, повернуть налево, оказавшись к преследователям спиной, и благополучно покинуть этот район. Они не искали человека в желтой куртке и бейсболке. Они не искали мужчину с женщиной и ребенком в коляске. И уж точно

не рассчитывали, что подозреваемый двинется прямо им навстречу.

Пока что он будет стоять рядом с этой женщиной и вести непринужденную беседу, а затем перейдет на другую сторону вместе с ней. Как бы неловко она сейчас себя ни чувствовала, ему требовалось, чтобы она прикрыла его — все должно было выглядеть так, как будто они вместе.

Помимо этих расчетов, Песочный человек прикидывал, что будет делать, если Лейк или кто-то из агентов узнает его, когда он будет переходить через улицу. Вариантов было в избытке. В конце концов, они находились на оживленном городском перекрестке. Прямо перед ним слева направо по двум полосам движения текли машины. С запада на восток. Совсем рядом, ярдах в двадцати справа, два таких же потока остановились на светофоре. Когда движение перед ним остановится, автомобилям справа от него загорится зеленый свет, и они двинутся с севера на юг.

Красный сигнал светофора заставил машины, едущие слева, остановиться на перекрестке. Красная ладонь на пешеходном светофоре сменилась зеленым шагающим человечком, и Песочный человек одновременно с матерью ребенка ступил

на проезжую часть. Шли они бок о бок. Два потока машин в двадцати ярдах справа от них пришли в движение.

Из-под козырька бейсболки он поглядывал на Блок и Лейка, стоящих на противоположной стороне улицы. Если они его узнают или он чем-то привлечет их внимание, придется как-то отвлечь их, чтобы уйти.

Ему не доставило бы удовольствия причинить вред ребенку, но и не причинило бы никаких душевных терзаний. Если эти судебные следователи или федералы сейчас его засекут, он просто оттолкнет эту мамашу в сторону, развернет коляску в сторону движущегося справа транспортного потока и подтолкнет малыша Джоша прямо под колеса. Преследователи, естественно, бросятся вслед за детской коляской. Если толкнуть ее достаточно сильно, машина или грузовик не успеют остановиться. Водитель, скорей всего, разве что лишь мельком увидит коляску, прежде чем врезаться в нее.

Малыш Джош опять гугукнул, пиная голубенькое одеяльце своими маленькими ножками.

Из-под козырька бейсболки Песочный человек приглядывал за Лейком.

Сменяющие друг друга цифры на пешеходном

светофоре вели обратный отсчет.

«15…»

Один из федералов глянул в его сторону.

«14…»

Песочный человек придвинулся к коляске еще чуть ближе.

Глава 20
Блок

Как только Блок увидела, что дверь в мансардную квартиру открыта, то поняла, что Песочный человек покинул здание. И все же не стала рисковать. Этот человек был хитер и коварен. Блок выхватила из наплечной кобуры «Мэгги» — «Магнум–500»[203]. Свой любимый ствол. В барабане было всего пять патронов. Когда умеешь им пользоваться, достаточно всего одного выстрела. Даже если цель прячется за шлакоблочной стеной.

Услышав, как Лейк поднимается по лестнице позади нее, она махнула ему рукой, чтобы он не поднимал шума и держался на расстоянии. А затем вошла в квартиру, проверяя углы. В центре комнаты стояла на мольберте картина с изображением какого-то мужчины. За картиной на полу виднелась цепочка бурых пятен, ведущих к луже крови, от которой тянулся смазанный след. Кого-то там сильно ранили, а затем протащили

---

[203] notes: 203

Имеется в виду револьвер Smith & Wesson Model 500, рассчитанный под патрон Magnum с увеличенным боезарядом калибра 0,5 дюйма (12,7 мм).

по полу.

Тело она обнаружила в ванне. На мужчине не было рубашки, а лицо оказалось изуродовано. Развернувшись, Блок выбежала из квартиры.

— Он ушел, а в ванне труп. Вероятно, жильца этой квартиры, — бросила она.

После чего они помчались вниз по лестнице обратно на улицу, где огляделись, уже вчетвером. Заметив бегущих Лейка и Блок, федералы в джинсах решили помочь им.

Третий федерал — тот, что постарше — перешел через улицу и направился к ним.

Они остановились на углу, осматривая улицу. Блок не требовалось изучать фотографию Дэниела Миллера в материалах дела. Его изображение мелькало в каждой газете, на каждом телеканале и на каждом новостном веб-сайте в течение уже двух лет. Она сразу узнала бы его, едва только увидев, как бы ни пытался он изменить свою внешность.

— Нигде его не видать? — спросил Лейк, тяжело дыша.

Двое федералов шарили взглядами по сторонам, тоже пытаясь отдышаться и всматриваясь в лица прохожих на улице. Парочек, идущих под руку… Мужчин в костюмах, быстро шагающих по

тротуару, бегунов трусцой, двух каких-то женщин в спортивных костюмах, поглощенных беседой, и множества прочих людей. На Манхэттене, как и всегда, кипела жизнь.

— Лучше проверьте свидетельницу. Я оставил ее со своим напарником, — сказал агент постарше, поравнявшись с Блок. У него были седые волосы, тонкая трещина вместо рта и проницательные глаза.

— Блин! — всполошился Лейк.

Дом Лилиан Паркер был на другой стороне улицы. И все они сразу же сосредоточились на нем.

Поток машин перед ними поредел и иссяк — из-за красного сигнала светофора на пешеходном переходе прямо справа от них. Перед ними остановилось несколько машин, не позволяя напрямую перейти улицу. На противоположном тротуаре стояла женщина с детской коляской, разговаривая с мужчиной в желтой куртке и бейсболке. И что-то в этом мужчине привлекло внимание Блок. Эти двое вроде не знали друг друга, однако вели хоть и вежливую, но несколько натянутую беседу. На мужчине была голубая медицинская маска. Многие люди по-прежнему носили их, чтобы защититься от вирусов или выхлопных газов.

Лейк направился к пешеходному переходу. Федералы потянулись за ним. Старший агент сказал, что его зовут Миггс, и он явно всерьез запыхался — даже уже попросту задыхался. Блок решила на всякий случай держаться поближе к нему.

Лейк и двое федералов продолжали вглядываться в лица прохожих.

Блок все смотрела на мужчину в желтой куртке.

На табло пешеходного светофора появилось изображение идущего человечка, и почти сразу же сбоку от него начался обратный отсчет. И в этот момент голова Лейка резко повернулась в сторону человека в желтой куртке.

Блок ощутила, как от прилива адреналина онемели кончики пальцев. Она уже и без того вся вспотела от бега и по-прежнему тяжело дышала, но все же один только взгляд на этого человека заставил ее вскинуться. Выходя из квартиры, Блок убрала револьвер в кобуру, а теперь поймала себе на том, что рука ее метнулась под куртку.

Мужчина в голубой медицинской маске тоже поднял руку к груди и принялся расстегивать молнию.

Блок и сама не знала почему, но у нее перехватило дыхание, когда она увидела, как он

потянулся к детской коляске.

Глава 21
Песочный человек

Хотя взгляд Лейка не задержался на нем, на Песочного человека нацелилась еще одна пара глаз. Он так и чувствовал их на себе. Весь их жар и проницательность. Это был врожденный, первобытный инстинкт. Что-то, оставшееся еще с тех времен, когда люди жили в пещерах, добывая себе пропитание охотой и в свою очередь сами становились добычей более крупных хищников. Инстинкт требовал поднять глаза и встретиться взглядом с наблюдателем.

Песочный человек противился этому стремлению. Позволил себе лишь совсем коротко глянуть в ту сторону, запрокинув голову вверх.

Это была та женщина с Лейком — Блок.

«13…»

Он положил правую руку на детскую коляску.

Мать еще крепче сжала пальцы. Побелевшими руками вцепилась в ручку, обтянутую мягкой резиновой оболочкой.

«10…»

Джош захихикал, задрыгал ножками и сбросил

с себя одеяльце, протягивая к небу аккуратные пяточки в крошечных носочках.

Песочный человек чувствовал, что Лейк и Блок смотрят прямо на него. Он не мог рисковать тем, чтобы открыть лицо, и держал голову опущенной, позволяя козырьку бейсболки скрывать его. Волоски у него на руках встали дыбом, по затылку пробежали мурашки страха. Он опустил замочек молнии еще немного, чуть ниже рукояти пистолета, спрятанного под курткой.

«8…»

Услышав рокот дизеля тяжелого строительного грузовика, приближающегося справа навстречу ему, он поднял взгляд. Боковые стенки огромных шин и ободья были забрызганы коричневой грязью. Каждая такая шина весила как минимум с полцентнера, а весь грузовик целиком — тонн пять-десять.

Золотистые волосики Джоша были тонкими, как паутинка, череп хрупким, как тонкий фарфор. Песочный человек представил, как коляска врезается в передний бампер грузовика, а затем переворачивается. Ребенок резко взлетает в воздух, а затем падает прямо под колеса…

«6…»

Он шагнул к матери, готовый оттолкнуть ее

в сторону.

Глава 22
Блок

При виде мужчины в желтой куртке, который разговаривал с матерью младенца в детской коляске, Блок поначалу заколебалась. Возможно, они были друзьями. Однако и не близкими друзьями. В том, как мужчина положил руку на коляску, было что-то собственническое. Хотя мать при этом явно напряглась. Если б так поступил какой-то совершенно посторонний человек, разве она не отреагировала бы?

Блок очень хотелось как следует разглядеть лицо под бейсболкой.

Она покачала головой.

Мужчина, которого они недавно видели, был одет в черное.

Привлек ее внимание сам факт того, что этот мужчина собирался перейти через улицу. Это был не Песочный человек.

— Я не могу связаться со своим напарником! Джулиан остался со свидетельницей, — с тревогой произнес Миггс.

— Вот черт! — ругнулся Лейк, бросаясь бегом

через улицу. Федералы устремились за ним. Блок ускорила шаг, но держалась рядом с пожилым агентом, Миггсом. Теперь он уже откровенно хватал ртом воздух, но не от физической нагрузки. Когда они оказались на другой стороне улицы, он остановился и опустился на колени, тяжело дыша и держась за левую руку.

— Вызовите «Скорую»! — крикнула Блок, и Лейк, обернувшись, указал на Миггса. Один из федералов на бегу вдел в ухо наушник.

Схватив Миггса за плечи, Блок попыталась удержать его в вертикальном положении. Это было бесполезно — он лег на тротуар, неспособный говорить. Губы у него шевелились. Она не без труда различила имя — Джулиан.

— Я уверена, что с ним всё в порядке. Успокойтесь, — произнесла Блок.

— Я… я не должен был оставлять его…

— Не пытайтесь разговаривать, — перебила она его.

Блок заметила, что некоторые из прохожих успели остановиться и теперь столпились вокруг нее и Миггса. Она слышала потрясенные вздохи и бормотание: «Сердечный приступ… В него стреляли? Что с ним случилось?» — и тут, где-то совсем рядом, истошный женский крик.

Блок оглянулась, но ничего не могла разглядеть из-за людей, окруживших ее. И нельзя было бросить Миггса.

— Я не должен был оставлять его… — выдавил тот и, застонав, еще крепче вцепился ей в руку.

Придерживая ему голову руками, Блок произнесла:

— С ним всё в порядке. Всё с ним в полном порядке. Не волнуйтесь.

После чего услышала треск рации. Громкие голоса. Агенты что-то срочно передавали в эфир. И тут выражение его лица изменилось. Он крепко зажмурился, из-под сомкнутых век показались слезы. И она поняла. В этот момент Миггс услышал, что его напарник мертв. Наклонившись, она выдернула наушник гарнитуры у него из уха.

А когда опять опустила на него взгляд, он уже смотрел куда-то вверх, мимо нее. Его взгляд был устремлен к небу. Дыхания не было. Сердце не билось.

Блок приступила к реанимационным мероприятиям. Приникнув к его губам, несколько раз наполнила ему легкие воздухом, а когда опять приподнялась, чтобы начать непрямой массаж сердца, то сквозь просвет в толпе увидела мужчину, уходящего прочь. Спиной к ней. Теперь он

был уже далеко.

Того мужчину в желтой куртке.

Оглянувшись, она увидела, что та женщина сидит на тротуаре, согнувшись в три погибели, и плачет.

И что посреди пешеходного перехода валяется на боку опрокинутая детская коляска.

Глава 23
Песочный человек

В его планах, даже составленных с ходу, прямо на месте, всегда учитывались непредвиденные обстоятельства. И хотя временами это приводило его в замешательство, ему казалось, что он все-таки способен понимать человеческое поведение. Над этим ему приходилось работать, поскольку его неестественные реакции на те или иные события ставили в неловкое положение его друзей и родню. Ему пришлось всеми силами изображать горе, когда умерли его бабушка и дедушка. Плакать было трудно. Он обнаружил, что, если в ванной поскрести ногтем кусок мыла, то можно легко изобразить это, втирая немного мыла из-под ногтя в уголок глаза. Сильно щипало, но это было лучше, чем взгляды, которые он получал от своих родителей. Он изо всех сил старался научиться этому так называемому нормальному поведению, которого от него ожидали, и, в свою очередь, это дало ему важное преимущество. Изучив человеческие эмоции и то, как люди реагируют на определенные ситуации, он обна-

ружил, что способен предсказать их реакцию.

Песочный человек не понял, почему мать отпустила коляску.

Он увидел, как ее руки взлетели в воздух, отпустив ручку, и потянулись к ребенку. А затем ее бедро неожиданно врезалось в него сбоку, лишив его равновесия. Подхватив малютку Джоша на руки, она закричала так громко, как только могла, и бросилась на другую сторону улицы.

Ребенок расплакался.

Блок и Лейк уже перешли через улицу, затерявшись в толпе. Он свернул с проезжей части на тротуар, обойдя мать как можно дальше, и быстро зашагал по улице прочь, опустив голову.

Свидетельница была мертва.

Кэрри оказалась на шаг ближе к свободе.

Проверив свой телефон, Песочный человек увидел дюжину уведомлений. Он установил оповещения для всех упоминаний о Кэрри Миллер на любых новостных сайтах. И просмотрел каждое из них, но везде сообщалось одно и то же: Кэрри скрылась, нарушив условия освобождения под залог, и судом выдан ордер на ее арест. Судья постановил, что судебный процесс над ней будет проходить в ее отсутствие.

Экран телефона треснул у него под пальцами.

Он выбросил его в ближайший мусорный бак.

Где же Кэрри, черт возьми?.. Должно быть, и вправду сбежала. Давление оказалось для нее слишком сильным. Неважно — он найдет ее, когда все это закончится. И тогда они опять будут вместе. Тогда можно будет начать новую жизнь.

Надо только проследить за тем, чтобы ее оправдали, даже если ее и не будет на суде.

И сразу же в голову пришел способ, как именно это осуществить.

Глава 24
Эдди

Никто так и не смог точно определить, какой породы Кларенс. Гарри подобрал его на улице — или же Кларенс подобрал Гарри, это как посмотреть. Псом он был некрупным, но все-таки в нем определенно было что-то от лабрадора, а вероятно, и от кого-то еще. С некоторых пор на нем красовался суперсовременный ошейник со встроенным GPS-трекером, синхронизированный с мобильным телефоном Гарри. Прилагаемый к ошейнику коричневый кожаный поводок был явно слишком тонким и длинным, но Кларенс никогда не натягивал его, когда мы гуляли по улицам. Ему никогда не хотелось особо удаляться от Гарри. Был двенадцатый час, ночное небо заполняла огромная картофелина луны, и на тротуарах было тихо. Обычно в это время Гарри и выгуливал Кларенса, а я иногда присоединялся к ним, чтобы подышать свежим воздухом и поболтать.

Остановившись у входа в башню Трампа на Пятой авеню, Кларенс задрал ногу, направив струю

мочи в сторону входной двери.

— Молодец, — сказал Гарри, и мы двинулись дальше, в сторону Центрального парка.

Из ближайшего люка с шипением вырывалось облако пара, но Кларенса это не беспокоило. Он был городским псом, привыкшим к превратностям манхэттенской жизни — вроде отбойных молотков, постоянного шума машин, автомобильных гудков и людей. Великого множества людей. Это были очень тяжелые два дня, и я смертельно устал, но уснуть не было никакой возможности. В голове у меня как будто ревел раскрученный до шести тысяч оборотов в минуту мотор хот-рода, готовый под визг резины провернуть широченные колеса на стартовой линии дрэг-рейса[204].

Недавно в наш офис заходила Блок, которая попросила меня добавить к списку погибших от рук Песочного человека еще четыре имени. Двух агентов ФБР, один из которых умер от сердечного приступа. Местного художника, который волею случая проживал в квартире, которая понадо-

[204] notes: 204

Дрэг-рейс (*англ.* drag race) — гонка на приемистость, спринтерский заезд двух автомобилей или мотоциклов, в классической версии — на дистанции 402 м; хот-род — автомобиль, «заряженный» прежде всего в расчете на такие гонки, обычно старый.

билась Песочному человеку, и Терезы Васкес — одной из свидетельниц по делу Кэрри Миллер. Блок сидела в кресле для клиентов, ссутулившись и опустив голову, что было на нее совершенно не похоже. Обычно она сидит прямо — руки на подлокотниках, кисти расслаблены, взгляд острый и проницательный.

— Вид у тебя усталый, — констатировал я.

Она кивнула.

— Я разговаривал с Биллом Сонгом в здании суда. Он хотел предупредить насчет Гэбриэла Лейка. Похоже, тот соврал нам. Он вовсе не консультирует федералов по этому делу. Чем бы он ни занимался, у него нет никаких полномочий, и вообще-то Сонг считает, что он опасен. Оказывается, во время перестрелки в том доме Лейк малость обезумел и даже не пытался оттуда вырваться. Вместо этого он перебил всех, кто там находился. Целенаправленно, понимаешь?

Пока я все это говорил, каблуки ее ботинок уперлись в ковровую плитку, и она выпрямилась в кресле.

— Я слышала про тот дом, это меня не беспокоит. Он прошел через ад. Ты же сам видел. Но нам его опасаться нечего, — сказала она. — Он соврал насчет федералов, потому что ему нужен

был доступ к уликам по делу Песочного человека — который есть у нас, благодаря делу Кэрри. И это единственная причина, по которой он нам солгал.

Крайне экономный способ, которым Блок всегда предпочитала изъясняться, способен отвратить от нее очень многих людей. Однако это обманчивое впечатление. Если б мне предстояло переступить порог ада, то первым человеком рядом со мной была бы Блок. Такую дружбу не купишь ни за какие деньги. Быстрота ее действий равнялась только быстроте ее ума. Я уже знал причину, по которой Лейк солгал нам, и Блок пришла к точно такому же выводу, причем столь же быстро.

— Он не хочет поймать Песочного человека, — сказал я. — Он хочет убить его.

— Если мы найдем его, я прослежу, чтобы этого не случилось.

Меня это вполне устраивало.

— Зайди к Кейт, прежде чем завалиться спать, — попросил я. — Сегодня в суде нам здорово досталось. Она должна знать, что это не ее вина, если все и дальше пойдет наперекосяк. Она сейчас дома, работает.

Развернув кресло, Блок встала и направилась

к двери.

— Полегче с ней. Ей сейчас и вправду тяжко приходится. Вдобавок ко всему прочему, она считает, что этот дебил, ее сосед… — И тут я прикусил язык, увидев, как у Блок посуровело лицо. Зря я об этом упомянул.

— И что же сделал этот дебил, ее сосед?

— Она думает, что он стырил у нее телевизор.

Не сказав больше ни слова, Блок ушла. По спине у меня пробежал холодок. Не хотел бы я быть этим соседом Кейт… Внизу давно уже хлопнула дверь, а я все сидел в кресле, погрузившись в размышления. Так продолжалось до тех пор, пока не появился Гарри с Кларенсом и не спросил меня, не хочу ли я прогуляться, чтобы проветрить голову.

И вот теперь я рассматривал ночное небо, нависшее над каньоном из высотных зданий. Гарри и Кларенс шли рядом со мной.

— Надеюсь, Лейк настолько хорош в своем деле, как думает Блок, — наконец произнес я.

— Я тоже, — сказал Гарри. — Но у меня такое чувство, что, каким бы спецом он ни был, Дэниел Миллер всегда будет на шаг впереди. Он очень умен, этот парень. Пожалуй, поумней любого убийцы, какого мы встречали до сих пор.

— Возможно, но умней ли он Лейка и Блок, вместе взятых? Не знаю. Я не стал бы ставить против этих двоих, но все-таки предпочитаю, чтоб у нас была лишняя пара рук в розысках Кэрри Миллер.

— Есть какие-нибудь новости от Пельтье?

— Он тоже ищет ее — или, по крайней мере, так он сказал по телефону сегодня вечером. Пельтье куда ближе к ее миру, чем кто-либо из нас. В смысле, к миру богатеев. Кто знает, как мыслят богатые люди и куда они могут податься…

— Она не всегда была богата. Не забывай об этом, — напомнил мне Гарри.

Мы дошли до парка, и хвост Кларенса заметался из стороны в сторону. Для прогулок в этой части города было уже поздновато, но Гарри не боялся. В последнее время он взял за правило иметь при себе кое-какие средства индивидуальной защиты. Нью-Йорк, как и вся остальная страна, уже практически дошел до ручки. Казалось, будто существует сразу две разные Америки, разделенные между собой четко начерченной линией фронта. Преступность в городе заметно выросла, особенно вооруженные ограбления. Однако двое мужчин, вышедших погулять с собакой, были нелегкими мишенями, и меня особо не беспоко-

ил какой-нибудь гопник с выкидным ножом в дрожащей руке.

— Где бы ни была Кэрри, она сейчас не способна мыслить связно, — сказал я. — Не думаю, что в данный момент она со своим мужем. Ты же видел ее в тот вечер. Она доверяла ему, любила его, и все это время он был настоящим чудовищем. Как ты можешь опять кому-то довериться после такого? Этот парень изменил всю ее жизнь, когда они встретились. Дал ей все, о чем она только мечтала, — огромный дом, машину и возможность никогда больше не беспокоиться о деньгах. И все это оказалось ложью.

— Может, и не *во всем* ложью, — поправил меня Гарри. — Может, Миллер и вправду любил ее. Может, он думал, что брак изменит его.

— Понимаю, что ты имеешь в виду… Люди не просто так вот вдруг просыпаются с идеей убить четырнадцать человек. Зло в таких людях зреет очень долгое время. И, однажды начав, они, наверное, просто уже не могут остановиться, даже если захотят. Когда мы с ней разговаривали… ладно, вообще-то это неважно.

— Нет уж, продолжай. Что ты хотел сказать? — не дал мне умолкнуть Гарри.

— Чувствуя себя преданной и всеми ненавиди-

мой, она вдобавок испытывает огромное чувство вины. Отчасти винит во всем этом саму себя. Кэрри знает, что, если б она позвонила в ФБР, эти люди были бы и по сей день живы.

— Последними жертвами были Нильсены, — сказал Гарри. — Нелегко носить такое в душе, зная, что ты мог бы остановить эти убийства — спасти родителей этих детей. Люди прыгали с моста и не…

— Ну давай, скажи это, — подстегнул его я. — Я тоже думал об этом.

Вздохнув, Гарри остановился, наклонился и погладил Кларенса по голове.

— Мне и не нужно этого говорить. Если б береговая охрана нашла ее тело в реке, меня бы это ничуть не удивило. Все мы видели это по телевизору — самая ненавидимая женщина в Америке и прочая такая фигня. Как ее знакомые отзывались о ней в новостях… Господи… Какой кошмар.

— Я просто надеюсь, что она все еще где-то тут, — сказал я.

Некоторое время мы шли молча, объединенные надеждой, что Кэрри Миллер по-прежнему жива и прячется где-то под этим звездным небом. В парке было не так уж много людей — как и всегда в подобное время. Где-то далеко впереди или

на других дорожках изредка попадались люди, которые прогуливались под красивыми чугунными уличными фонарями. Мы тоже молча брели куда глаза глядят, довольные тем, как Кларенс радуется возможности побегать вдали от шума и городской суеты.

— Где мы? — спросил я.

Гарри подошел к фонарю, нацепил очки для чтения и с помощью фонарика на телефоне рассмотрел нижнюю часть металлического корпуса на столбе.

— Что ты там делаешь? — удивился я.

— Площадь этого парка — более восьмисот акров, и устроен он задолго до появления телефонов и GPS. Работникам парка требовалось точно определять местонахождение фонарей, чтобы зажигать и обслуживать их. У каждого фонаря в этом парке свой четырехзначный номер. У этого — 7238. Первая цифра обозначает улицу, которую разрывает парк, так что отсюда мы можем выйти на Семьдесят вторую. Последние две цифры указывают, в какой части парка мы находимся. Нечетные цифры обозначают западную сторону, четные — восточную.

— Да, тут уж точно не заблудишься, — сказал я.

И тут вдруг что-то почувствовал. Это было ощу-

щение, которое я испытывал уже множество раз, прежде чем наконец осознать что-то важное. Что-то, что я упустил.

Зародилось оно с жара где-то в самой глубине груди, после чего поднялось к горлу. Словно искра, которая, как оставалось надеяться, в итоге доберется до мозга. Но только не сейчас. Было что-то важное, что-то абсолютно судьбоносное в деле Кэрри Миллер, чего я по-прежнему не видел. Буквально только что это было прямо передо мной, а потом исчезло. Хотя и должно было объявиться снова.

— У тебя был такой вид, будто ты собирался что-то сказать, — заметил Гарри.

— Я тоже так думал… Ладно, неважно, это еще вернется ко мне. Давай-ка двинем назад. Нам нужно выспаться, иначе мы просто не доживем до конца завтрашнего дня.

— Завтра — вступительное слово обвинения. Кейт сейчас репетирует свое. Я уже его слышал — по-моему, очень даже неплохо. Плюс не исключено, что останется время для допроса какого-то одного свидетеля. Не так-то уж много нам предстоит сделать.

— Нам предстоит сделать нечто гораздо большее. Завтра решится, выиграем мы это дело или

нет. До сих пор мы только реагировали. Пора это изменить. С утра мы как следует насядем на Дрю Уайта и судью Стокера. Пусть знают, что будет драка не на жизнь, а на смерть.

Глава 25
Кейт

— Алекса, поставь плейлист на паузу, — громко произнесла Кейт.

Ей показалось, будто она что-то услышала. Кейт стояла в маленькой кухоньке своей квартиры. Хотя теперь в партнерстве с Эдди она заколачивала просто несусветные деньжищи, у нее оставалось еще несколько месяцев предоплаченной аренды. Когда арендный договор закончится, съехать будет проще, а значит, предстояло пожить в этой единственной комнатке еще три месяца. Кровать, маленький диванчик, ничем не огороженный кухонный уголок и нечто вроде самодельной барной стойки вместо кухонного стола. Имелась еще отдельная ванная комната, без ванны, только с душем и унитазом. И ни то, ни другое не работало как следует.

По крайней мере, Кейт содержала это свое более чем скромное обиталище в чистоте, без тараканов и прочих вредителей. По правде сказать, она так много работала, что эта квартирка стала просто местом, где можно было поздно ночью

завалиться спать, не более того. Сейчас ей явно хотелось именно так и поступить, но надо было еще разок пробежаться по своему вступительному слову на процессе над Кэрри Миллер. Когда Отто Пельтье позвонил в офис с предложением взяться за это дело, как раз она и ответила на звонок. Эдди был в суде. Кейт видела Кэрри по телевизору и знала кое-какие подробности. Больше того: едва только увидев Кэрри, она сразу же приметила в выражении ее лица что-то знакомое.

До того, как начать работать с Эдди, Кейт работала младшим юристом в одной крупной юридической фирме, специализирующейся в основном на корпоративных спорах. Для молодого начинающего адвоката это начало, о котором можно только мечтать. Все, на что только можно надеяться. Хотя вскоре Кейт обнаружила, что, как и многое другое в Америке — работа мечты, автомобиль мечты, жизнь мечты, — в общем, все это не так просто, как выглядит на первый взгляд. В первую же неделю ее работы один из партнеров — владельцев фирмы — начал откровенно похотливо поглядывать на нее. А во время корпоратива с обилием выпивки, состоявшегося в пятницу на той же неделе, одна из ее молодых коллег сказала ей, что уходит из фирмы, поскольку не в

силах уже справляться с постоянными подкатами владельцев и прочих своих руководителей, чуть ли не в открытую требующих секса. В итоге Кейт самой пришлось долгие месяцы стискивать зубы, глубоко дышать и изо всех сил стараться не думать о себе как о жертве. И все же на работе ее постоянно затирали, недвусмысленно намекая при этом, что если б она была «чуток подружелюбней с парнями», ее карьерные перспективы сразу заметно улучшились бы.

В итоге Кейт уволилась из этой фирмы и подала на нее в суд. С этого и начался тот проект, которому она была готова страстно посвятить всю свою жизнь, — представлять интересы женщин, подвергшихся сексуальной дискриминации и домогательствам на рабочем месте. Это была ее миссия. И, едва увидев Кэрри, она сразу узнала этот взгляд. Кейт уже видела такой же в своем маленьком треснувшем зеркале в ванной. Хотя далеко не всякий распознал бы, что скрывается за этим взглядом. Кейт было трудно признаться даже самой себе, что она стала жертвой домогательств. Эмоции ее при этом были сложными — гнев, боль, отвращение и, как ни странно, чувство вины. Кейт постоянно сомневалась в самой себе и своих действиях, пока наконец не

убедилась, что не сделала ничего, что могло бы спровоцировать такое поведение. Как только она поняла, что ее и вправду всерьез обидели, ей потребовалось некоторое время, чтобы признать, что это не ее вина. Кэрри тоже была жертвой. У нее были все эти эмоции и даже больше. Ее тоже очень сильно обидели. И Кейт была готова на все, только чтобы помочь ей.

Как только музыка из «умной колонки» смолкла, Кейт положила гелевую ручку на стойку, служившую не только в качестве кухонного, но и письменного стола.

«Бум… Бам-бам… Бум!»

Сначала Кейт подумала, что эти звуки доносятся из коридора, но, прислушавшись, поняла, что шум исходит от козла из соседней квартиры.

— Алекса, продолжи, — скомандовала она. — Прибавь громкость.

Маленькую квартирку наполнил голос ее любимой исполнительницы — Тейлор Свифт. Бейонсе ей тоже нравилась, но Тейлор занимала особое место в ее сердце и помогала думать во время работы.

Грохот за стеной послышался снова, и Кейт вырубила музыку. Теперь он звучал громче.

«Бум-бум!»

На сей раз барабанили в ее входную дверь.

Кейт встала и заглянула в глазок.

Перед дверью стояла Блок.

Когда Кейт открыла ей, Блок подхватила большой телевизор с плоским экраном и, не говоря ни слова, занесла его внутрь.

— Это же мой…

Хотя Кейт не была уверена, что хочет закончить эту фразу, припомнив громкие удары, только что доносившиеся из соседской квартиры.

Блок поставила телевизор на пустую тумбу.

Обойдя подругу, Кейт решила подойти поближе и убедиться, что это и вправду ее телевизор. Модель была та же, знакомо выглядела и царапина в левом нижнем углу, где она случайно задела пластик канцелярским ножом, распечатывая коробку. А в противоположном углу экрана виднелось что-то еще.

— Это, случайно, не кровь? — поинтересовалась Кейт, указывая на темные пятнышки в его правом верхнем углу.

Сходив на кухню за тряпкой, Блок протерла экран со словами:

— Потребовалось прибегнуть к кое-каким методам убеждения, прежде чем твой сосед решил признаться в краже твоего телика. Когда в следу-

ющий раз будешь уходить, проверь, хорошо ли заперта дверь.

Никаких сомнений не было лишь в одном: вот Блок-то не была жертвой. И никогда ею не будет.

— Хочешь кофе? — спросила Кейт.

Улыбнувшись, Блок сняла куртку и присела на диван.

— Конечно. Сегодня не будут показывать «Коломбо»?

Эти две женщины были подругами с самого детства. Когда они не терроризировали мальчишек в своем районе в восточном Нью-Джерси, то сидели дома у Кейт и смотрели «Коломбо».

— У меня все это есть на дисках. Хочешь посмотреть «Звено в преступлении»?

— Это та серия, где Леонард Нимой[205] играет? — уточнила Блок.

— Та самая. Давай неси подставки под чашки и салфетки.

Квартира была лишь ненамного больше рабочего кабинета Кейт в фирме, и хозяйка ее была

---

[205] notes: 205

Леонард Нимой (1931–2015) — американский актер, режиссер, поэт и фотограф. Получил всемирную известность благодаря роли Спока во франшизе «Звездный путь» — персонажа, которого он изображал на телевидении и в кино почти пятьдесят лет; «Звено в преступлении» (Stitch in Crime) — шестой эпизод второго сезона детективного телесериала «Коломбо», 1973 г.

буквально помешана на поддержании чистоты и порядка. Даже самый мелкий беспорядок в таком тесном пространстве создавал впечатление всеобщего бардака, и это сводило Кейт с ума.

— Я принесу кофе, — сказала она. — Или ты предпочитаешь…

— Молоко с печеньем, — закончила за нее Блок, и они обменялись теплыми улыбками, напомнившими им о тех дождливых воскресных вечерах, когда они, завернувшись в одеяла, лежали на полу в гостиной в доме родителей Кейт со стаканами холодного молока и тарелками, полными шоколадного печенья «Орео».

Два часа спустя, ближе к полуночи, Блок ушла, а Кейт еще раз повторила свою вступительную речь перед присяжными. Ее главной задачей было перенаправить гнев присяжных в другое русло. Объяснив им, каким образом все улики указывают на то, что Кэрри была лишь еще одной жертвой Песочного человека, и не более того. Кейт хотела, чтобы они знали: ее клиентка уже порядком настрадалась и будет страдать дальше. Аргумент был трудный, но из тех, которые требовалось привести с самого начала.

Сделав несколько исправлений своими любимыми ручками «Мудзи», Кейт почистила зубы,

переоделась в хлопковую ночную рубашку и забралась в постель. Сон овладел ею почти сразу.

Всего через пару часов она внезапно проснулась, в полной темноте. Алекса проигрывала какую-то песню. Поначалу, очнувшись от глубокого сна, Кейт не поняла, что происходит. В замешательстве она села прямо в постели, немного испуганная тем, что мир сна и осознанная реальность вроде как столкнулись между собой.

Песня была старой. Поначалу она звучала как какой-то диснеевский трек. Словно инструменты оркестра воссоздавали, в музыкальной форме, звуки ниспадающего с гор волшебного водопада.

После чего подключилась перкуссия. Что-то вроде колокольчиков или, может, ксилофона, после чего зазвучали мужские голоса.

«Мистер Сэндмен, навей ты мне сон…»

Кейт неподвижно застыла, все тело вдруг обдало холодом, словно под порывом арктического ветра.

А затем что-то темное, какая-то тень, схватило ее и прижало к кровати, одной рукой зажимая ей рот. Сверху навалилось что-то тяжелое, и чье-то жаркое дыхание согрело ей шею, прежде чем она почувствовала, как игла вонзилась в кожу. Когда она попыталась сделать вдох, в нос ударил запах

кожаных перчаток.

Кейт попыталась повернуться на бок, оттолкнуть от себя этого неведомого человека, сопротивляться. Но все конечности казались какими-то чужими. Как будто весили две сотни фунтов. Она едва могла поднять их. Веки тоже отяжелели, а потом комната начала кружиться. Кейт казалось, будто она проваливается куда-то в глубь кровати и уже никогда не сможет выбраться оттуда.

Он разговаривал с ней. Звучало это так, словно он находился где-то очень далеко от нее.

— А у тебя красивые глаза… Думаю, я сохраню их.

Кейт почувствовала, как ее подняли, а потом опять положили на что-то. Она лежала на чем-то черном. Запахло резиной. Какой-то громкий треск грозил повергнуть ее в панику, но она была такой сонной, что не могла даже пошевелиться. Это был звук застегиваемой металлической застежки-молнии — большой, толстой.

Когда притягиваемые этой молнией черные половинки окончательно сомкнулись, Кейт с ужасом поняла, что оказалась в мешке для трупов.

Тут глаза у нее закрылись, и воцарилась тьма — темнее самой темной ночи.

Глава 26
Эдди

Восемь тридцать утра — это обычно не то время, когда я уже на ногах и в офисе, и к тому же я плохо спал предыдущей ночью. Слишком много всего крутилось в голове. Стоило только закрыть глаза, как я сразу же представлял Дилейни в кузове того пикапа, чувствовал ее теплую скользкую кровь у себя на руках, видел жуткие темно-розовые лужицы кровавого песка у нее в глазницах.

Дверь моего кабинета открылась, и вошла Дениз с коричневым бумажным пакетом в руках. Содержимое пакета она вывалила мне на стол. Это были дешевые одноразовые мобильные телефоны, все еще запаянные в твердые упаковки из прозрачного пластика. Всего пять штук.

Я взял один и попытался отковырнуть край пластика. Без мазы. Потом подхватил довольно массивные на вид канцелярские ножницы, которые тут же благополучно развалились на две отдельные половинки, когда я попытался разрезать ими плотный край прозрачной упаковки.

— Может, принесете мне кирку или паяльную

лампу, чтобы я мог их вскрыть? — в сердцах бросил я.

Тяжело вздохнув и закатив глаза, Дениз исчезла на кухне и вернулась с открывалкой для консервов. Зажала край упаковки между зубчатых колесиков, покрутила ручку, и через считаные секунды уже протягивала мне новенький телефон.

— Я уже повышал вам сегодня зарплату?

— Пока что нет, — с улыбкой ответила она.

— Возьмите этот телефон себе.

— Минутку, мне нужно сначала проверить нашу электронную почту.

— Кофе еще остался? — спросил я, но Дениз уже вышла из моего кабинета и направилась к своему письменному столу.

— Сами принесете, не развалитесь, — отозвалась она, даже не оборачиваясь.

— Как и всегда. Я просто хотел узнать, не осталось ли еще сколько-нибудь…

Мне потребовалось гораздо больше времени, чем Дениз, чтобы вскрыть следующую упаковку с телефоном, но к тому времени, когда я добыл из прозрачной оболочки последний из них, в мой кабинет вошли Гарри и Блок.

— Давайте обменяемся номерами этих мобильников. Поскольку окружной прокурор

прослушивает телефон Пельтье, я бы не исключил, что он может подключиться и к нашим. Властям так нужен Песочный человек, что Дрю Уайт мог бы получить ордер на получение даже моего аттестата зрелости, если б очень захотел. Не пользуйтесь своими собственными мобилами и рабочими телефонами. Вот наши новые рабочие телефоны. Погодите-ка — а где же Кейт?

Когда бы я сам ни появлялся в офисе — если честно, обычно хорошо после девяти, — Кейт уже была там.

— Сегодня утром я заезжала к ней домой, но там никого не было. Пробовала позвонить на мобильный, но она не ответила. Я подумала, что она уже на пути в офис. Сейчас позвоню ей еще раз, — сказала Блок.

— Дениз! Зайдите и тоже возьмите телефон! — позвал я.

Вошла она с пачкой сегодняшней почты. С тех пор как мы основали фирму, я нашей офисной почты и в глаза не видел — Кейт всегда успевала просмотреть ее с утра. Конверты были самых разных размеров и формы, в основном белые или коричневые, но в самом низу стопки, которую Дениз держала в руке, я заметил нечто вроде конверта для поздравительной открытки. Почтового

штемпеля на нем не было, так что, похоже, доставили его лично. Письмо было адресовано мне.

Вывалив всю пачку на мой стол, Дениз принялась разбирать ее, а потом увидела конверт, осмотрела его с обеих сторон и передала мне.

— У вас сегодня день рождения? — спросила она.

Покачав головой, я вскрыл конверт, пока Блок помогала Гарри разобраться с новым телефоном, а Дениз возилась с почтой.

Внутри лежал единственный листок бумаги, сложенный пополам. Вырванный из желтого линованного блокнота, какими обычно пользуются юристы. Я сразу узнал почерк и гелевые чернила японских ручек, которые так нравились Кейт. Это был черновик вступительной речи Кейт перед присяжными по делу Кэрри. Я перевернул страницу.

Поверх записей Кейт было нацарапано сообщение, красными печатными буквами:

ОНА У МЕНЯ.

ПОКА ЧТО ОНА ЖИВА.

ЕСЛИ ТЫ СООБЩИШЬ ВЛАСТЯМ, КЕЙТ УМРЕТ.

ЕСЛИ КЭРРИ ОСУДЯТ, КЕЙТ УМРЕТ.

ЕСЛИ ТЫ ДОБЬЕШЬСЯ ОПРАВДАНИЯ КЭРРИ, Я ОТПУЩУ ЕЕ.

Глава 27
Эдди

Иногда ты пропускаешь удар. Сильный.

Казалось, мой кабинет стал заваливаться куда-то вправо, как будто здание раскололось надвое и резко накренилось, выбив меня из равновесия. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, и я почувствовал вкус блинчиков, которые ел на завтрак. Рот наполнился слюной. Записка выпала у меня из руки и спланировала на стол.

Стол…

Я потянулся к нему, обеими руками ухватившись за края, чтобы не упасть.

Одни и те же слова стучали у меня в голове, как барабан: «Только не Кейт, только не Кейт, только не Кейт, только не Кейт…»

Я не мог говорить. Я не мог думать. Единственное, что я понимал, это что нужно взять себя в руки, иначе меня стошнит.

Гарри обеими руками подхватил упавший на стол листок. Он уже видел мою реакцию, и глаза у него расширились, пока он читал написанное — губы у него шевелились, беззвучно произнося

слова, делая их настоящими; страница так сильно тряслась у него в руках, что почти вибрировала. Ноги у него подкосились, а задница резко соприкоснулась с креслом для клиентов. Если бы оно в тот момент не оказалось прямо за ним, Гарри оказался бы на полу. Блок наклонилась и тоже прочла записку, хотя та и выскользнула у него из рук. А потом закрыла лицо обеими руками, неподвижно застыв на месте.

— Блок… — с трудом выговорил я, протягивая к ней руки, перебарывая тошноту и вновь обретая дыхание. — Блок, мы обязательно вернем ее, — сказал я, но она меня не услышала. Вытерла лицо и выбежала из моего кабинета.

— О господи… — пробормотал Гарри и перекрестился. Наклонился в кресле, сложил перед собой руки и начал читать какую-то молитву.

А потом я что-то услышал. Какой-то треск и как разбилось что-то твердое. Я ухитрился выйти из кабинета, ощутив, что малость потверже стою на ногах. Дверь в дамскую комнату была открыта. Услышав те же звуки, Дениз забежала туда. Я последовал за ней. Она стояла, прислонившись спиной к кабинкам и прижав руку ко рту, и потрясенно наблюдала за Блок.

Каждый удар отбивал от стены еще один кусок

белой кафельной плитки. Руки у Блок задвигались еще быстрее, как будто она работала с тяжелым боксерским мешком. У ее ног образовалась уже целая груда битой плитки, и при каждом ударе поднималось небольшое облачко гипсовой пыли.

Я охватил ее сзади, прижав ей руки к бокам, и осторожно оттащил от стены. Сначала Блок сопротивлялась, и у меня сложилось впечатление, что при желании она могла бы легко вырваться, для начала влепив мне затылком в переносицу.

Чего она не сделала, естественно.

Тяжело дыша, просто позволяла мне удерживать ее. Физический контакт всегда давался Блок нелегко. Но прямо сейчас, когда у нее вскипела кровь, она либо этого не заметила, либо двигатель у нее работал на слишком уж высоких оборотах, чтобы это почувствовать.

Постепенно дыхание у нее стало глубже, а его темп замедлился.

Я слегка ослабил хватку. Ровно настолько, чтобы проверить, не вырвется ли она и не начнет ли опять долбить стенку. Она не стала. Я отпустил ее и отступил назад.

Выдернув из диспенсера пригоршню бумажных полотенец, Дениз смочила их холодной водой и

теперь стояла, вытирая ими сначала окровавленные костяшки пальцев Блок — а потом, с большой осторожностью, промокнула известковую пудру, осевшую у той на лице.

Сквозь слой пыли по левой щеке Блок скатилась слеза, оставив глубокий след, похожий на шрам.

Дениз вытерла его, и две женщины обнялись.

— Что, черт возьми, происходит? — вопросила Дениз.

— Кейт у Песочного человека. Вам никому нельзя об этом рассказывать. Ни полицейским, ни вообще никому. Он говорит, что, если мы не добьемся оправдания его жены, он убьет Кейт.

Крепко зажмурившись, Дениз прижала к себе Блок и что-то прошептала ей. Та кивнула, и они отступили друг от друга. Блок шмыгнула носом, объявила:

— Мне нужно встретиться с Лейком. Я позвоню из машины.

И сразу же двинулась к выходу.

Гарри, стоя в дверях офиса, произнес:

— Куда это она? С ней всё в порядке?

Я помотал головой.

— Я тоже так не думаю, — сказал Гарри. — Вот черт… Что же нам делать? Надо бы сообщить в

полицию.

— Нет, он убьет ее, — возразил я.

— Как же тогда поступим?

Я поднял руку, чтобы вытереть пот, заливший глаза, и заметил, что пальцы у меня дрожат, причем вовсе не от недавнего напряжения, когда я удерживал Блок. Нервы у меня пошли лесом. Я не мог думать.

Осколки кафеля хрустели у Дениз под ногами, когда она вернулась к раковине, смочила водой свежие полотенца и вручила одно мне, а другое Гарри. Потом прислонилась к двери кабинки, промокнула скомканной бумажной салфеткой почерневшие от туши слезы и скрестила руки на груди.

— Это не юридическая фирма… — произнесла Дениз. — Я проработала в юридических фирмах всю свою жизнь… Это, черт побери, прямо-таки *семья* какая-то! Я просто не вынесу, если с Кейт что-нибудь случится! И что же нам теперь делать?

Мы с Гарри молча уставились друг на друга. Наконец он произнес:

— Похоже, у нас нет выбора.

Глава 28
Блок

При роде деятельности Блок пара-тройка синяков и порезов была тем, с чем вполне можно было ужиться. Это было достаточно распространенным явлением, и в бардачке ее машины всегда лежали бинты и пластыри. Стоя в пробке, она перевязала оба кулака. Кровь из пореза на правой руке все равно просачивалась сквозь бинты, но не так уж и сильно. Пока что сойдет, решила Блок. Она не привыкла проявлять какие-либо эмоции — в том числе и гнев. Это отняло у нее много сил, но она еще никогда не оказывалась в ситуации, когда ее лучшей подруге грозила какая-то реальная опасность. Для Блок это были совершенно неизведанные воды. Сейчас ей требовалось сохранять хладнокровие. И не терять головы — чтобы можно было ею воспользоваться.

Махнув ей с тротуара, Лейк подошел к «Джипу», когда Блок подрулила к бордюру и опустила стекло со стороны пассажирского сиденья.

— Залезайте, — коротко сказала она.

— Но мы ведь уже на месте. На этой улице жили

Нильсены.

— Залезайте. Сначала нам нужно еще кое-куда заехать.

Он было заколебался, но только лишь на мгновение, после чего плюхнулся рядом с ней и пристегнул ремень безопасности.

— То, что я сейчас вам скажу, дальше пойти не должно, — предупредила Блок, поддавая газу и резко трогаясь с места. — Если об этом прознают копы или федералы, я сразу пойму, что это от вас. И тогда вам мало не покажется. Это понятно?

— Что случилось?

— Прошлой ночью Песочный человек похитил мою подругу, Кейт Брукс. Они с Эдди партнеры. Сегодня утром он прислал нам записку, в которой говорилось, что если мы не добьемся оправдания Кэрри Миллер, то он убьет Кейт. И сделает то же самое, если мы обратимся в полицию.

— Господи, сочувствую… А где все это произо…

— Прямо сейчас мы едем к ней на квартиру.

Они были всего в двадцати минутах езды от дома Кейт, и в течение этих двадцати минут никто из них не проронил ни слова. Хотя по-своему Лейк сказал очень многое.

Он погладил свою кожаную сумку, которую держал на коленях, затем побарабанил по ней

пальцами, подергал за ремешки, потер запястья, потопал ногами, поцыкал зубом и подергал себя за мочку уха. Сегодня этот человек представлял собой прямо-таки комок нервов, даже по сравнению с его обычным состоянием. И пока Лейк давал волю своим тревожным чувствам, открыто их демонстрируя, Блок просто вела машину. Лишь изредка двигала головой, поддавала газу и поворачивала руль. Зубы у нее были крепко сжаты, и иногда она чувствовала, как на шее вздувается вена, но все равно держала весь свой страх и тревогу при себе. Позволяла им тихонько побулькивать на медленном огне, как и всегда. Зная, что если больше уже не сможет сдерживаться, то всегда найдется что-то, на чем можно будет выплеснуть свои чувства. И если это «что-то» вдруг будет ходить на двух ногах, то бог ему в помощь.

Ее ничуть не удивило, что недавно Кейт обокрали. Удивительно было лишь то, что этого не случилось раньше. Когда оказываешься на высоте нескольких этажей над улицей на Манхэттене, возникает иллюзия, будто ты в полной безопасности. Что совершенно не соответствует действительности. Кражи не редкость даже в самых хорошо охраняемых жилых комплексах.

Когда достаточно долго живешь в этом городе, вопрос вовсе не в том, обнесут ли тебя когда-нибудь, а в том, когда именно и с насколько серьезными последствиями. В отличие от дома Лилиан Паркер жилой комплекс Кейт не отличался высокой безопасностью. Из здания было целое множество выходов, в соседние переулки или по пожарным лестницам. Прямо из парадной двери можно было выйти с окровавленным трупом на руках, так и не попав в поле зрения какой-нибудь камеры наблюдения. Кроме того, в ранние утренние часы на улице было тихо. У Песочного человека не было особых проблем с тем, чтобы проникнуть в квартиру Кейт и похитить ее, оставшись никем не замеченным.

Когда Блок остановила машину, Лейк просто кивнул, последовал за ней в здание и поднялся в квартиру Кейт. Входная дверь была закрыта, но вокруг обеих замочных скважин виднелись какие-то отметины.

— Он использовал виброотмычку, — констатировал Лейк, имея в виду небольшой электроинструмент со звукоизолированным моторчиком, приводящим в действие ударную отмычку. Некоторые называют такое приспособление «волшебным ключом».

Блок толкнула дверь кончиками пальцев, и та открылась.

Одним из недостатков «волшебных ключей» было то, что они, как правило, взламывали замок, не позволяя опять запереть дверь.

Шторы внутри были задернуты, но они были тонкими и дешевыми, и свет все равно проникал в комнату. Распахнув их, Блок позволила солнечному свету пробиться сквозь танцующие в воздухе пылинки. Пока они кружились в его ярких лучах, Блок обвела взглядом обстановку, не обнаружив ничего необычного, кроме неубранной постели. Кейт никогда не оставляла постель неубранной по утрам.

— На что стоит обратить особое внимание? — спросил Лейк.

Блок ничего не ответила, полностью сосредоточившись на своем деле. Откладывая в голове каждую деталь, она сверялась со своей памятью, чтобы выделить в увиденном что-нибудь странное или необычное. И хотя она не торопилась и тщательно изучила всю окружающую обстановку, ничего из ряда вон выходящего не обнаружилось.

За исключением лишь одной вещи.

На заменяющей кухонный стол самодельной

барной стойке лежал рабочий блокнот Кейт, и одна страница из него была вырвана — та, на которой Песочный человек написал Эдди записку. Наконец Блок подошла к оставленной в беспорядке кровати. Одеяло было откинуто, как будто Кейт только что вылезла из-под него. Или ее из-под него вытащили.

Блок взялась за стеганое одеяло, которое Кейт всегда упорно именовала пуховым, и стянула его с кровати, решив застелить постель. Казалось глупым сейчас это делать, но Кейт всегда была крайне щепетильна касательно поддержания порядка в квартире. Блок подняла подушку, поднесла ее к лицу и глубоко вдохнула, втягивая ноздрями запах Кейт. Не духов или средства для ухода за волосами, а самой Кейт. Блок знала этот запах с одиннадцати лет. Натужно сглотнув и подавив спазм в горле, грозящий перерасти в поток чувства утраты и страха, который захлестнул бы ее с головой, она принялась застилать постель. Это было совсем небольшое и совершенно несущественное действие, но оно имело для Блок большое значение. Потому что, так или иначе, это должно было что-то значить и для Кейт.

Когда она наклонилась и расправила одеяло, пальцы ее коснулись чего-то твердого. На покры-

вале был серый узор из плотно переплетающихся линий с желтыми прожилками. Было бы трудно углядеть что-то, лежащее на кровати, особенно если это был совсем небольшой предмет из прозрачного пластика, но Блок все-таки нашла его.

Предмет был тонким, чуть скошенным на конус — защитный пластиковый колпачок от инъекционной иглы.

— Загляните в ящик под кофеваркой на кухне, — сказала Блок. — Там вы найдете пластиковые пакеты для сэндвичей. Принесите мне один.

— Что там у вас? — спросил Лейк, подходя ближе.

— Пакет, — повторила Блок.

Лейк, похоже, понял, что больше ничего от нее не добьется, пока она не получит требуемое. Обойдя вокруг стойки, он нашел картонную коробку с несколькими полиэтиленовыми пакетиками и протянул один ей. Блок открыла его и подобрала с кровати пластиковый колпачок.

— Ничего себе! — изумился Лейк. — Он его пропустил…

— Он схватил ее в темноте, — сказала Блок. — Вытянул одну руку, чтобы сразу зажать ей рот, и стал медленно и бесшумно приближаться к ней. Он явно знал, что стены здесь тонкие и главное

— подавить крик. Шприц уже был у него в другой руке, но от волнения или по какой-то другой причине он забыл заранее снять колпачок с иглы и сунуть его в карман…

— Согласен, — кивнул Лейк.

Вопрос, на который каждый из них хотел получить ответ, заключался в следующем: рискнул бы Песочный человек в последний момент сомкнуть руки, чтобы сдернуть со шприца колпачок и освободить иглу? Колпачок лежал прямо на кровати, значит, он сделал это в самый последний момент. Скорее всего, схватил Кейт одной рукой, удерживая ее на месте и заглушая крик, и сдернул колпачок со шприца, прикусив его зубами, а затем выплюнул на кровать.

— Колпачок оставил Песочный человек. Если он похитил Кейт, значит, где-то ее держит. И есть большая вероятность того, что именно там он и скрывался все это время. На этом колпачке могут найтись какие-нибудь волокна, следы химикатов — словом, что-то, что может дать нам подсказку касательно этого места, — сказала Блок.

— Я сейчас же передам его одному своему парню. У меня есть хороший знакомый, который частным порядком занимается криминалистиче-

ской экспертизой[206].

Запечатав пакет, она оставила его в руке и выпрямилась, глядя на Лейка.

— На кону жизнь моей лучшей подруги. Почему я должна доверять вам после того, как вы нам откровенно соврали?

Кружащие в треугольнике солнечного света пылинки словно подчеркивали, каким совершенно спокойным стал вдруг Лейк. Никаких тебе подергиваний, почесываний, нервных движений. Словно его мотор, постоянно работающий на повышенных оборотах, внезапно заглох. Блок знала, что он обдумывает свой следующий шаг. И сейчас будет либо отстаивать свою ложь — и в этом случае придется послать его на три буквы и привлечь собственного эксперта, — либо выложит все начистоту.

Лейк не сводил с нее пристального взгляда, словно тоже просчитывал ее вероятную реакцию. Затем поднял руки ладонями к ней, растопырив

---

[206] notes: 206

Довольно распространенное явление, причем не только в США, но и в Великобритании и ряде других стран. Судебная экспертиза все чаще отдается государственными следственными органами на аутсорсинг частным лабораториям. Кроме того, к услугам «частников» нередко прибегают и адвокаты защиты, когда результаты независимой экспертизы могут оспорить доводы обвинения, — только платит в данном случае не государство, а клиент, обвиняемый в каком-либо преступлении.

пальцы.

— Ладно, ты меня раскусила, — произнес он, отбрасывая официальный тон. — Я не работаю на федералов.

— Так почему ты соврал?

— Потому что я не хочу ареста Дэниела Миллера. Я хочу его убить. И это ни на йоту не поможет вашему делу с Кэрри. Мне нужно было как-то заинтересовать вас, чтобы привлечь к себе в помощь другого оперативника, а также чтобы получить доступ к материалам ФБР по этим убийствам. Вашим материалам. Прости, что я солгал. Если б я сказал вам всем правду, вы не допустили бы меня к расследованию — и, как я уже сказал, у меня вообще проблемы с доверием к людям.

— Тогда почему бы мне не отстранить тебя от этого расследования прямо сейчас?

Лейк облизнул пересохшие губы, на секунду уставился в пол, а когда заговорил, голос у него сорвался. Стал вначале слишком высоким, а затем глухим, наполненным горем, которое он не мог скрыть:

— Потому что один близкий мне человек уже мертв. И я не могу этого просто так оставить. Я могу помочь тебе поймать этого гада и вызволить твою подругу живой. Сейчас на кону еще одна

жизнь. Это важней мести. Даю тебе свое слово, что не стану его убивать.

Блок секунду помолчала, обдумывая услышанное. Затем кивнула.

— Что, годится? На этом все? У нас все хорошо? Серьезно? — спросил он.

— Хочешь изобразить крутого фэбээровца? Давай-ка заглянем к ее соседу.

* * *

Сосед Кейт вряд ли открыл бы Блок дверь после вчерашнего, и она решила, что лучше войти без спросу. Прижалась спиной к стене напротив, быстро сделала два длинных шага вперед, а на третьем долбанула правой ногой в дверь. Сосед Кейт сидел на диване с пивом в одной руке. Другая рука, как видно, была непригодна для использования — мизинец на ней был в гипсе. Нос соседа был заклеен большим пластырем. Вокруг испуганных глаз темнели фиолетовые синяки.

Он протестующе захныкал, когда Блок схватила его за рубашку, рывком поставила на ноги и прижала к ближайшей стене.

— Видел или слышал кого-нибудь в коридоре этой ночью, после моего ухода?

— Я же сказал, что не пойду в полицию! — про-

гундосил парень в ответ.

Блок отдернула его от стены, а затем опять пришлепнула к ней.

— Я не об этом. Дело не в тебе. У меня не так-то много времени, и мне нужно знать, не видел ли ты или не слышал ли кого-нибудь или что-нибудь этой ночью — после того, как я ушла отсюда.

— Ну давай, ударь меня! — вызывающе бросил он, воздев к потолку свой сломанный мизинец. — Что еще ты можешь мне сделать?

Взявшись за гипсовую повязку, Лейк зловеще произнес:

— Я мог бы придумать по крайней мере девять других столь же приятных вещей.

— Пожалуйста… — проныл парень. — Я ходил в травмпункт. И ничего не видел.

— Не видел ли ты какого-нибудь незнакомого человека в коридоре, или незнакомую машину, припаркованную снаружи, или…

— Музыка… — выдавил он.

— Какая еще музыка?

— Я вернулся домой из травмы около часа ночи, не мог уснуть. А потом услышал, как у вашей подруги играла какая-то старомодная музыка. А потом я лег спать. Вот и всё.

Кейт не любила классические песни. Ей нрави-

лись Бейонсе и Тейлор Свифт.

— А что это была за старомодная музыка?

— Вроде той песенки из «Назад в будущее». Ну, сами знаете — из кино… Которая играет в тот момент, когда Майкл Джей Фокс оказывается в прошлом.

— Отпусти его, — сказал Лейк.

Блок оттолкнула соседа, и они вышли из квартиры.

— О чем это он говорит? — спросила Блок в коридоре.

— Я знаю эту песню. Действительно старая вещь, на четыре голоса. «Мистер Сэндмен» называется.

Глава 29
Эдди

Возле здания суда собрались представители чуть ли не всех мировых СМИ. Я приметил фургоны передвижных телевизионных станций с логотипами «Би-би-си», «Блумберга», «Фрэнс–24» и некоторых других телеканалов, названия которых я даже не смог прочитать. Все они боролись за наиболее выгодные места наравне с прочими американскими информагентствами — Песочный человек был новостью номер один. А то, что перед судом предстала его жена, лишь подлило масла в огонь журналистского интереса.

Мы с Гарри воспользовались боковым входом в здание суда, предназначенным для сотрудников прокуратуры и работающих в здании. Охрана достаточно хорошо нас знала, чтобы впустить без особых проблем. Поднявшись на лифте на восьмой этаж, мы увидели в коридоре плотную толпу репортеров. Ничего не оставалось, кроме как опустить головы и протолкаться сквозь них.

Каким-то образом Гарри добрался до дверей судебного зала суда — видать, ему удалось про-

тиснуться мимо этой толпы вдоль стены, и он схватил меня за руку и втащил внутрь как раз в тот момент, когда судебный пристав закрыл за нами двери.

Я бывал во многих подобных залах, на многих напряженных судебных процессах, но сейчас все было совсем по-другому. Я буквально ощущал тяжесть воздуха, вдыхая его. Левая рука у меня не переставала дрожать. Мысль о Кейт — скорее всего связанной, наверняка смертельно напуганной, теряющейся в догадках, спасем ли мы ее когда-нибудь…

Показалось, будто меня вот-вот вырвет.

В течение многих лет я практиковал в одиночку. Никого, кроме меня, больше не было. Ни секретаря, ни сотрудников, ни помощников, ни партнера… Потому что иногда дела мне попадались настолько жаркие, что я оказывался под прицелом у очень опасных людей. И не хотел, чтобы кто-то из моего окружения угодил под перекрестный огонь. Те, кто мне близок, всегда оглядываются через плечо. Одной из причин, по которой мы с Кристин расстались, была моя работа. Я предпочел защитить свою семью тем, что отдалился от нее. Я не хотел такой жизни для своей жены и ребенка. К тому времени, когда я

понял, что сделал неправильный выбор и что мне следует найти обычную работу юриста от девяти до пяти, было уже слишком поздно. Я потерял их обеих.

А затем появилась Харпер. Женщина, которую я любил. И так и не успел сказать ей об этом. Она погибла из-за меня. Потому что я пытался кое-кому помочь. Я все еще просыпался по ночам, задыхаясь, в поту, от сна, в котором бегу к дому Харпер, а она все еще жива.

Хотя и знаю, что уже слишком поздно. Что я никогда не доберусь туда вовремя.

И теперь я опять наступаю на все те же грабли.

Кейт оказалась в руках безумца только из-за меня.

Закружилась голова. Моя рука метнулась к одной из скамей, я вцепился в нее, чтобы не упасть. И тут почувствовала, как Гарри обхватывает меня за пояс, просунув свое плечо мне под мышку.

— Пойдем-ка вон туда, в уголок, — произнес он.

Мы прошли в самый конец галереи для зрителей, подальше от клерков и прочего судебного персонала. На процессах с большим участием средств массовой информации судебные приставы обычно предоставляют адвокатам

возможность побыть наедине некоторое время до начала разбирательства. В правилах об этом ничего не говорится; это просто нечто вроде традиции, негласной договоренности.

Я присел на скамью. Я не хотел находиться где-то рядом со столом защиты. Просто не мог. Пока что. Обстановка кружилась вокруг меня, сводило живот, и я никак не мог сосредоточиться. Не мог дышать.

— Эдди, успокойся. У тебя просто паническая атака, — сказал Гарри.

— Это все из-за меня. Мне не следовало соглашаться на партнерство с Кейт. Гарри, она еще такая молоденькая! Я не могу…

— Я испытываю примерно такие же чувства. Она мне как дочь. И как раз поэтому ты должен взять себя в руки. Из этой ситуации есть выход. Мы можем спасти ее.

— Я не могу…

— Можешь! *Мы* можем. Ты тут совершенно не виноват. В этом никто не виноват. Но ты должен это исправить. Кейт жива, и мы должны продолжать в том же духе. Тебе сейчас надо взять себя в руки и с головой окунуться в игру. Потому что если ты этого не сделаешь, Кейт надеяться не на что.

Я закрыл глаза, запрокинул голову.

Казалось, будто все ошибки, которые я совершил в своей жизни, громоздятся вокруг меня, готовые обрушиться прямо мне на голову.

Я подумал о том, что сделала бы Кейт, если б ситуация была обратной — если б это я был тем, кто угодил в ловушку, и Кейт пришлось бы бороться, чтобы меня вызволить.

Ответ был очевиден. Я восхищался Кейт. Она была умней и сильней почти всех, кого я когда-либо встречал. Я точно знал, что она сделает. Она стиснет зубы, напомнив себе, что она из Эджуотера, штат Нью-Джерси, и что тот, кто попытается играть в подобные игры с Кейт Брукс, сильно об этом пожалеет.

Я хватался за эту мысль, дышал ею. Теперь у меня не было сомнений, что где бы Кейт сейчас ни была, она будет отбиваться. Она обязательно выживет. Я просто должен был быть таким же сильным, как она.

Глубокий вдох. Я упивался этим чувством, этой силой, которую черпал у Кейт. Я встал, и мы с Гарри вместе направились к столу защиты.

В судах США существует еще одна негласная договоренность: судьи, вышедшие на пенсию, не возвращаются к юридической практике. Это

более или менее соблюдалось, всего лишь с горсткой примеров того, как судьи — бывшие адвокаты — возвращались к борьбе за старых клиентов после того, как навсегда покидали судейскую трибуну. У Гарри не было намерений возвращаться к реальной практике. В нашей фирме он был лишь консультантом, не более того.

По крайней мере, как он думал.

— Я не могу справиться с этим в одиночку. Мне нужна твоя помощь, — сказал я.

— Вот он я, Эдди, никуда не делся, — заверил он меня, когда мы заняли свои места.

— Нет, я хочу сказать, мне нужно, чтобы ты занял второе кресло за столом защиты.

— Но мне ведь нельзя…

— Нет такого закона, который бы тебе это запрещал. Мы зарегистрируем тебя прямо сегодня же, после обеденного перерыва. А пока что всё под мою ответственность, как ведущего адвоката защиты.

— Эдди, уже двадцать лет прошло. Я не знаю…

— Во встречном допросе ты куда сильней меня. Ты мне нужен. Я не справлюсь с этим делом в одиночку.

Я разложил перед нами на столе материалы дела и два электронных планшета со всеми

документами в цифровом формате. Гарри посмотрел на мои дрожащие пальцы. Достал из своего портфеля желтый рабочий блокнот, авторучку «Пеликан» и пузырек синих чернил. Положил ручку на страницу, посмотрел на нее. Посмотрел на меня. Потом кивнул и взял ручку. Сделал горизонтальный штрих вверху листа, а затем провел вертикальную черту, разделив страницу пополам. Правый столбец — для записи слов обвинителя или свидетеля, правый — для собственных контраргументов. Азы адвокатской работы.

Потянувшись ко мне, Гарри накрыл мою руку своей, сжал мои дрожащие пальцы. А когда заговорил, голос у него срывался от напряжения.

— Давай выиграем это дело для Кейт, — сказал он.

Глава 30
Эдди

— Где он? — спросил я.

— Он обязательно появится. Он такое никогда не пропустит, — заверил меня Гарри.

Команда обвинения уже была на месте. Дрю Уайт и целое множество его помощников — все мужчины, всем не больше тридцатника, все хотят сделать себе имя на этом деле. Офис окружного прокурора мог похвастаться широким выбором способных и грамотных женщин-юристов, и ни одной из них не предоставили возможность хоть как-то проявить себя в этом деле. Уайт тщательно подбирал свою команду поддержки. Все мужики, все друзья, все готовы закрыть глаза на любое нарушение или неправомерное действие, на которое Уайт может пойти в ходе рассмотрения дела, а если понадобится, то и прикрыть его. Никто из них и не думал о потерпевших. Все, что их заботило, — возможность указать название этого дела в своем резюме, прежде чем отправить его в какую-нибудь юридическую фирму на Уолл-стрит, начальная зарплата в которой измеряется

шестизначной цифрой.

Прямо за столом обвинения в первом ряду галереи сидели копы и федералы. Билл Сонг устроился возле самого центрального прохода. Это и в самом деле было его дело, и оно могло быть передано в федеральный суд. У меня появилось ощущение, что в случае поимки Песочного человека Сонг стал бы настаивать, чтобы этим делом занялась Генеральная прокуратура США, в рамках своей федеральной юрисдикции. Но судили не Песочного человека, а максимально близкую к нему персону. И Сонг поступил совершенно разумно, предоставив разбираться с этим делом местному окружному прокурору. Это был эксперимент, причем совершенно беспроигрышный. Полная свобода манипуляций доказательствами без каких-либо последствий для него самого. Сонг абсолютно ничем не рисковал. Если б дело развалилось и Кэрри Миллер была оправдана, Сонг мог спокойно умыть руки и во всем обвинить местных — суд штата. А потом проследить за тем, чтобы те же ошибки не повторились на процессе по делу Песочного человека в федеральном суде. А если Уайт ухитрится добиться осуждения, все заслуги достанутся Сонгу.

— Он ведь вроде уже должен быть где-то

здесь? — не отставал я.

Гарри встал и обернулся, всматриваясь в лица сидящих на переполненных скамьях позади нас. В задних рядах кто-то поднял руку. Я тоже встал и увидел в том уголке зала Отто Пельтье с поднятой вверх рукой. После вчерашнего слушания мы переговорили по телефону. Он уже довольно давно боролся за Кэрри и был всей душой вовлечен в это дело. К тому же с исчезновением Кэрри пропали и его денежки. Мне нравился Отто, но я все равно не мог отделаться от мысли, что он не стал бы тратить столько времени и усилий на поиски Кэрри, если б она уже уплатила ему миллион долларов за юридические услуги. Весь вчерашний день он проверял мотели, небольшие отели и хостелы в Бруклине, Квинсе и Бронксе — такие, где за номер брали наличными и не задавали лишних вопросов. Именно в таких местах и мог скрываться кто-то в ситуации Кэрри. Отто намотал на машине под двести миль и сделал более сотни телефонных звонков — работа более чем серьезная, но на кону все-таки стояла семизначная сумма.

Однако никто Кэрри не видел.

— Пойду поговорю с ним, — сказал Гарри.

— Не упоминай про Кейт.

— Не буду, но он обязательно спросит, где она.

— Скажи ему, что они с Блок нашли какую-то зацепку. Попроси у него список мест, которые он уже проверил.

Я проследил, как Гарри направляется к выходу из зала суда, поманив за собой Пельтье. И стал ждать.

В суде вообще часто приходится чего-нибудь ждать. Тут ты полностью отдан на милость юридической системы и пристрастиям судьи к игре в гольф. Я скрестил руки на груди, крепко взявшись за них пальцами, — только чтобы они перестали дрожать. Секретарь перехватил мой взгляд и поднял руку с растопыренными пальцами — мол, до начала всего пять минут.

Я проверил свой телефон — никаких новых сообщений. Я ожидал кое-какую информацию, которую обещала мне скинуть Бетти Кларк из «Стража». Поскольку Блок моталась где-то с Лейком, мне требовался какой-то другой источник. Я уже навел о Бетти кое-какие справки. Она уже пять лет работала в «Страже» корреспондентом криминальной хроники. Теперь, стоило мне об этом подумать, я припомнил, что в свое время частенько встречал ее в коридорах ночного суда. Там можно увидеть целое множество голодных

журналистов, которые околачиваются там в надежде на то, что в суд привезут какую-нибудь пьяную знаменитость, из чего можно будет раздуть сенсацию и выгодно запродать ее в «Нью-Йорк таймс» или «Пост». Поспрошав знакомых, я выяснил, что Бетти все любили и даже доверяли ей. А значит, что у нее был доступ к определенным сведениям. Иной раз репортеру разумней не публиковать какой-то подвернувшийся «жареный» сюжет. Всегда есть более масштабная история, а оказанная услуга и новые связи всегда помогают открыть того рода двери, за которыми могут скрываться куда более крупные скелеты и в куда большем количестве.

Я отправил ей сообщение:

Есть успехи?

И немного подождал.

Мой телефон отозвался короткой вибрацией:

Есть кое-что, но я жду подтверждения.

Набрав ответ, я нажал на «Отправить».

У нас время поджимает. Пожалуйста, давай поскорей.

Сквозь гул возбужденной толпы я услышал, как позади меня открываются двери. Пройдя по центральному проходу, Гарри занял свое место рядом со мной.

— Все отлично, — коротко сообщил он.

Я встал и подошел к секретарю Стокера, судебному ветерану по имени Джерри. Последний судья, у которого он работал, очень любил поддать. Иногда являлся в суд слишком пьяным, даже чтобы просто сидеть прямо. То есть до тех пор, пока Джерри не вливал в него целый кофейник кофе, тем временем разными способами табаня представителей тяжущихся сторон, чтобы выиграть время. Другими словами, Джерри принадлежал к тому типу лояльных людей, которые редко встречаются среди вспомогательного персонала. Он был первым кандидатом Стокера, когда предыдущий судья, с которым работал Джерри, ушел в отставку.

— Джерри, мне нужно пообщаться с судьей, — сказал я. — Накоротке. Я не хочу, чтобы прокурор при этом присутствовал.

— А это вообще разрешено? Это имеет какое-то отношение к делу? — спросил Джерри.

В этот момент к нам подошел Гарри и поздоровался с ним. Они хорошо знали друг друга. Джерри даже выступал в роли крупье в не особо легальных карточных играх, которые Гарри некогда устраивал среди судейской верхушки.

— Эдди нужно поговорить с судьей наедине. Я

знаю, это выглядит несколько необычно, но всё в порядке. Передай судье Стокеру, что переживать ему не о чем.

Обычно советнику в ходе судебного разбирательства не дозволяется разговаривать с судьей без присутствия представителя противоположной стороны. Это правило призвано исключить возможность каких-либо злоупотреблений, а также фактической или предполагаемой предвзятости. Это нигде не записано, это тоже из категории негласных договоренностей.

— Ну, если ты говоришь, что всё в порядке, Гарри… Хотя не думаю, что его чести это понравится, — сказал Джерри.

— Меня бы это не удивило. Кстати, как у тебя с ним складывается? — спросил Гарри.

— Он честный человек, — отозвался Джерри с обреченным вздохом, так что в переводе «честный человек» следовало понимать как «урод редкостный».

— Держи себя в руках, Джерри. Рад тут тебя видеть, — сказал Гарри.

После этих слов Джерри провел меня через заднюю дверь зала суда по коридору в кабинет судьи Стокера, который, чуть ли не оранжевый от загара, восседал за своим письменным столом. Раз уж

на то пошло, этим утром он выглядел еще более бронзовым — наверное, предвкушал мириады репортажей в международных СМИ и хотел удостовериться, что выглядит наилучшим образом. Или, по крайней мере, наилучшим на его собственный взгляд. На мой же взгляд, выглядел он так, словно его окунули в бочку с лаком, а затем прошлись по щекам шлифовальной машинкой. Все это выглядело совершенно неестественно. И все же таковы уж некоторые люди. Чтобы скрыть тьму в своих сердцах, они носят ту или иную маску. Правда, не совсем хорошо представляют себе, ни как должна выглядеть нормальность, ни как должна ощущаться. Отсюда и некоторая экстремальность выбора.

— Доброе утро, ваша честь; я хотел бы обсудить один приватный вопрос, если позволите.

— Вам придется подождать, пока Джерри не вызовет обвинителя.

— Он не станет вызывать обвинителя. Как я уже сказал, это приватное дело.

— Джерри, где окружной прокурор? — прервал меня Стокер.

— Судья Форд разрешил вам поговорить с мистером Флинном по личному делу.

— Он больше не судья, Джерри, — бросил Сто-

кер. — Судья в этом деле только один, и это я.

— И вы честный и справедливый человек, — сказал Джерри, после чего вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

— Джерр…

— Ваша честь, речь идет о потенциально неправомерных действиях со стороны офиса окружного прокурора. Если вы приведете сюда обвинителя, то предупредите его, что явится вопиющим злоупотреблением процессуальными правами и способно воспрепятствовать отправлению правосудия. У меня нет привычки заходить в кабинет судьи с просьбой поговорить с ним наедине без уважительной причины.

Стокер откинулся на спинку стула, подергивая своими густыми бровями на той дубовой колоде, что заменяла ему лоб.

— Что случилось?

— Прокуратура прослушивает телефонные разговоры команды защиты. Это нарушает привилегию адвокатской тайны в отношении клиента и конфиденциальность достигнутых результатов. Я хочу, чтобы это немедленно прекратилось, и мне нужны записи всех тех телефонных разговоров, которые они прослушивали.

— Что?! В смысле, допустим, вы правы на этот

счет, хотя это определенно не так — для прослушки нужно иметь ордер, подписанный судьей.

— Когда вы были младшим судебным работником, сколько раз полиция Нью-Йорка заваливалась к вам домой в три часа ночи и совала вам под нос письменные показания под присягой на пятидесяти страницах и черновик ордера? И сколько раз вы действительно читали этот аффидевит и ордер от корки до корки, строка за строкой? Надеюсь, вы не хотите сказать, что у окружного прокурора не хватило бы ума провести это через судью, который не имеет привычки прочитывать подсовываемые ему документы?

Подавшись вперед, Стокер уперся локтями в стол и переплел перед собой свои толстые пальцы, словно принимая боевую стойку. Это поза свидетельствовала о том, что он намерен перейти в решительное наступление.

— У вас есть какие-нибудь доказательства, подтверждающие это очень серьезное обвинение? — вопросил он.

— Нет, у меня их нет, ни одного, — признался я.

— Вот когда отыщете неопровержимые доказательства того, что ваши телефоны прослушиваются, тогда и обращайтесь с соответствующим

ходатайством. Тогда и будем разбираться.

— Я не могу подать такое ходатайство, поскольку копию его мне придется вручить прокуратуре. Тем самым предупредив их.

— Мистер Флинн, наша система правосудия не идеальна, но процедурные правила существуют не просто так.

— Просто обещайте мне одно: если я найду веские доказательства того, что наши телефоны прослушиваются, вы вынесете судебное постановление передать мне все эти записи.

Он ухмыльнулся и сказал:

— Если вы предоставите мне эти доказательства, я вынесу соответствующий судебный приказ. А теперь хватит уже тратить мое драгоценное время! У нас впереди судебный процесс. Ваша клиентка уже появилась?

— Ее нет в суде, но я уверен, что мы сможем доставить ее сюда до завершения судебного разбирательства. И больше по этому поводу мне сказать нечего.

— Ну разумеется, по причине привилегии адвокатской тайны в отношении клиента… Ясненько-ясненько…

Я встал и вышел за дверь.

В коридоре, на обратном пути к залу суда, опять

завибрировал мой телефон. Пришло текстовое сообщение от Бетти.

В сообщении было указано имя.

Время.

Место.

И Бетти подтвердила, что информация точная.

Я бросился бегом.

Вернувшись в зал, я сбежал по ступенькам с судейской трибуны и направился прямиком к столу защиты, держа в руке телефон. Гарри встал, и, когда мы проходили мимо стола обвинения, я обратился к сидящим за ним:

— Если сейчас выйдет судья, не скажете ему, что мне нужно было срочно позвонить?

Глаза у Дрю Уайта расширились, и я заметил, что он повернулся на стуле и переглянулся с Биллом Сонгом. Оба явно догадались, что я что-то замышляю, хотя понятия не имели, что именно.

Мы с Гарри быстро направились к выходу, вышли за двери и оказались в коридоре.

— Где Пельтье? — спросил я.

— Он в кафе через дорогу — ждет, когда прокурор вызовет его по пейджеру.

Помощник окружного прокурора Дрю Уайт настоял на том, чтобы его свидетели дожидались своей очереди за пределами судебного зала, —

чтобы они не присутствовали ни при какой части судебного процесса до того, как их вызовут для дачи показаний. Им выдают пейджер и просят пойти куда-нибудь выпить кофейку. Пельтье с утра пришел в суд, чтобы встретиться с нами до начала судебного заседания. Сейчас его уже не было в зале. Я набрал его номер, и он сразу же ответил.

— У меня есть один источник — я не могу сказать, кто это, — сообщивший, что Кэрри Миллер собирается сегодня встретиться со своим частным банкиром в ресторане «Коммодор», в час пятнадцать. Отдельный столик в глубине зала, сразу за аквариумом. Нужно поговорить с ней и привести ее сюда. Вы готовы это сделать?

— Готов. Я буду там, — ответил Пельтье, и я дал отбой.

Мы с Гарри вернулись в зал и заняли свои места — как раз в тот момент, когда Джерри выкрикнул: «Всем встать!» — после чего представил Стокера в качестве председательствующего судьи. Уайт не сводил с меня глаз, пока не вошли присяжные, и тут-то я и понял, что с присяжными у нас проблемы.

Одиннадцать из них меня вполне устраивали. Но, как говорится, чтобы испортить бочку меда,

достаточно всего одной ложки дегтя. Я был не единственным, кто заметил нашего проблемного присяжного. Гарри почесал свой седой хохол надо лбом, наклонился ко мне и шепнул:

— Глянь-ка на присяжную номер пять. Ту, на которой платье в цветочек.

Присяжной номер пять была белая дама лет шестидесяти. На ней было голубое платье с цветочным узором, а серебристые волосы были так туго стянуты на затылке, что было видно, как натянулась кожа вокруг ее маленьких черных глазок. Массивные очки с толстыми стеклами, которые обрамляли эти глаза, делали их еще меньше. Ее губы были так плотно сжаты, словно эта тетка только что слизывала напалм с кактуса. Свою маленькую бежевую сумочку она выставила перед собой как щит, обеими руками взявшись за ручку. Связываться с присяжной номер пять вам явно не захотелось бы. Ее телосложению мог бы позавидовать и лайнбекер[207] какой-нибудь университетской команды. Вид у нее был крайне недобрый. Даже злобный. За исключением тех случаев, когда она смотрела на прокурора. Когда

[207] notes: 207

Лайнбекер — игрок линии защиты в американском футболе. Одно из основных требований к таким игрокам — внушительные габариты и вес.

ее взгляд упал на Дрю Уайта, лицо дамы малость смягчилось, но только на секунду. Затем она поерзала на своем стуле, немного сдвинувшись влево, и одарила презрительным взглядом свою коллегу, сидящую справа от нее, — афроамериканку примерно того же возраста, что и сама присяжная номер пять.

— Эта тетка выглядит так, будто хочет, чтобы весь мир сгорел дотла, — сказал Гарри.

— Не женись на ней — вот тебе мой совет.

— Ты же знаешь, я люблю разводиться, но она сразу указала бы мне на дверь. Ты заметил, какой взгляд она бросила на присяжную номер шесть?

— А вот белые присяжные таких ее взглядов не удостаиваются, — заметил я.

— Да и не слишком-то она похожа на застенчивую и замкнутую женщину… В совещательной комнате шуму от нее будет больше всего.

Я открыл на планшете список членов жюри. Под каждым именем были какие-то рудиментарные пометки, которые Пельтье сделал во время отбора присяжных.

— Ее зовут Этель Горман. Бывшая управляющая скотобойни в Джерси. Никогда не была замужем. В свободное время занимается сбором средств

для местной церкви и НСА[208]. Она зарегистрированная республиканка и категорически против масок для лица и вакцинации от коронавируса.

— Она… Как там таких принято называть? Карен?[209] — спросил Гарри.

— Не просто Карен, а настоящая кареновская королева, — сказал я.

Я просмотрел список запасных присяжных заседателей. Первым из них был Клэй Драйер, который сидел рядом с трибуной для присяжных с еще двумя запасными. Ему было примерно столько же лет, что и Этель. Был он почти полностью лыс, если не считать густой белой ленты волос, обрамлявшей блестящую макушку. На нем были очки в красной оправе, клетчатая рубаха, темно-синий блейзер и брюки-чинос. На запястье у него, прямо перед часами, было надето еще что-то. Какой-то браслет из ярких разноцветных бусин со свисающей с него кожаной биркой. Запасные сидели достаточно близко, чтобы можно было

[208] notes: 208

НСА (*англ.* NRA, National Rifle Association) — Национальная стрелковая ассоциация США; одна из ее главных задач — лоббирование свободной продажи огнестрельного оружия в стране, многие регионы которой ввели в этой области серьезные ограничения.

[209] notes: 209

Карен — сленговый термин, используемый преимущественно чернокожими для описания чересчур требовательной и конфликтной белой женщины.

разобрать надпись на бирке. Я не мог прочитать ее целиком, но увидел достаточно, чтобы понять, что это одно-единственное слово — «Дедуля».

В записях Пельтье говорилось, что Клэй — плотник на пенсии, который женат на одной и той же женщине уже пятьдесят лет и имеет семерых взрослых детей. Теперь он и его жена присматривали за внуками, пока их дети и их супруги работали. Они любили устраивать большие семейные каникулы. У них было три собаки. Все семеро их детей со своими супругами и тринадцатью их внуками снимали на севере штата несколько соседних курортных домиков, где проводили все лето вместе, как одна большая семья.

— Надо как-то исключить Этель, а Клэя ввести в состав жюри, — прошептал я.

— Согласен. Нам нельзя рисковать. То, что устроит эта Этель в совещательной комнате, страшно даже представить. Господи, мы и без того в полной заднице, а Кейт… — Голос у Гарри дрогнул, когда он указал на список присяжных на экране планшета. — Кейт полагается на нас. Как бы нам вышибить Этель? Сейчас мы уже не можем дать ей отвод.

Мне предстояло с головой уйти в работу. В этот судебный процесс. Свидетелей. Обвинителя. Су-

дью. А теперь и присяжных. Все мои мысли были нацелены на то, как развалить дело против Кэрри Миллер. Потому что другого выхода не было. Это был единственный способ спасти Кейт, которая была мне очень дорога. Надо было отбросить страх, мучительную тревогу и сосредоточить свое внимание на том, что сейчас только и было в моих силах, чтобы вернуть ее.

Но иногда, как сейчас с Гарри, я ловил себя на том, что думаю только о ней. Где же она сейчас, черт возьми? Она не ранена? Ей страшно? Что сейчас творится у нее в голове?

Дрю Уайт на противоположной стороне прохода от нас встал, обошел вокруг стола обвинения, занял свое место в процессуальной зоне зала, лицом к присяжным, и начал свою вступительную речь.

— Дамы и господа присяжные, меня зовут Дрю Уайт. Я тот человек, который ознакомит вас с доказательствами обвинения против Кэрри Миллер. Дело это весьма необычное. Я не могу припомнить ничего подобного. И, как и все необычные дела, оно требует особого внимания. Вашего внимания. Мы считаем, что к концу этого судебного разбирательства у вас могут сформироваться два обоснованных мнения. Первое — что

Кэрри Миллер активно участвовала в убийствах наравне со своим мужем Дэниелом Миллером, более известным большинству людей как Песочный человек. У нее было то же намерение, что и у ее мужа, — намерение убивать. И, зная, что ее муж убийца, она намеренно содействовала его преступлениям. У нас есть доказательства, подтверждающие это ее намерение, и мы докажем, что она содействовала своему мужу. Другими словами, что она является его соучастницей. И что это делает убийцей и саму Кэрри Миллер.

Впрочем, если вы не будете уверены, за пределами всех разумных сомнений, что она разделяла намерение своего мужа убивать, может быть выдвинуто альтернативное обвинение — что она потворствовала совершению его преступлений. Оба обвинения предусматривают наказание в виде пожизненного заключения. Однако ясно одно, дамы и господа присяжные: не может быть никаких сомнений в том, что Кэрри Миллер знала, что ее муж — убийца. Она не стала обращаться ни в полицию, ни в ФБР. Вместо этого конфиденциально пообщалась на эту тему со своим адвокатом. И что она сделала, получив юридическую консультацию? По-прежнему держала рот на замке, помогала своему мужу избегать поимки и позво-

ляла ему убивать — снова, и снова, и снова. Кэрри Миллер сегодня нет в этом зале. Она нарушила условия освобождения под залог. Она в бегах. В бегах от правосудия. От вас. Вы можете спросить себя, с какой это стати ни в чем не повинной женщине пускаться в бега? Ответ прост. Она виновна. Мы все это видим. Ваша задача — дать этому официальное подтверждение.

Глава 31
Блок

В Нью-Йорке есть несколько частных криминалистических лабораторий. У некоторых из них имеется доступ к базам данных правоохранительных органов, у некоторых нет. Блок припарковалась у современного здания в районе, расположенном где-то между Сохо и Трайбекой. Лейк зашел внутрь и через десять минут вернулся.

— Через тридцать шесть часов, — сообщил он. — Они проверят этот колпачок на предмет волокон, ДНК и любых других следов. Контора серьезная. Если там что-то есть, они это обязательно найдут.

— Да, лучше бы нашли. Нам нужен хоть какой-то прорыв, — отозвалась Блок, отъезжая от тротуара. Выложив свой сотовый телефон на приборную панель «Джипа», она голосом сделала вызов на номер, отмеченный в списке контактов как «Паркс».

Паркс был одним из тех агентов в синих джинсах, которые охраняли Терезу Васкес. После того

как приехала «Скорая» и увезла Миггса, Блок коротко переговорила с ним.

— Блок, ну как вы там? — послышался голос из динамика громкой связи.

— Да вот хотела узнать, не продвинулись ли вы как-то с хозяином той мансарды.

— Нет. Он сказал, что на тот месяц, когда была убита Лилиан Паркер, был заключен договор краткосрочной аренды. Парень заплатил наличными, ничего не подписывал и не указывал никаких личных данных или банковских реквизитов.

— Еще раз мои соболезнования насчет тех агентов, которые погибли вчера, — сказала Блок.

— Мы очень благодарны за то, что вы сделали для Миггса. Если узнаем что-нибудь еще, я сразу дам знать.

Блок дала отбой. Песочный человек наблюдал за квартирой Терезы Васкес с того же места, с которого следил за Лилиан Паркер. Художник, который был нынешним арендатором этой мансарды, мог пролежать там мертвым несколько дней или даже недель, прежде чем его кто-нибудь обнаружил, а с учетом того, что глаза у него не были удалены, и отсутствия каких-либо иных «подписей» Песочного человека, это убийство

и местоположение этой квартиры никогда не связали бы ни с Песочным человеком, ни с какой-либо из его жертв.

* * *

Проживали Нильсены на относительно тихой пригородной улочке в Ист-Виллидж. В отличие от большинства ньюйоркцев, они могли позволить себе собственный дом — старинный каменный особняк, расположенный примерно посередине квартала. Некогда в этом доме жила счастливая семья. Сейчас он пустовал. После завершения судебного разбирательства дом должны были выставить на продажу, однако риелтор не ожидал получить так уж много предложений.

Этот дом простоял тут, наверное, лет девяносто. За это время в нем перебывало целое множество счастливых семей. С каждым годом его стоимость лишь увеличивалась.

А теперь он никому не требовался.

Блок предполагала, что если кто-то в итоге и приобретет его, то разве что какой-нибудь игрок на рынке недвижимости. Пока что ни одна семья не купит этот дом, в котором побывало зло, оставив здесь свои отметины.

У домов тоже есть память. Наверняка в этом

городе нет ни единого здания, в котором хоть раз не происходило бы что-нибудь жуткое, и люди были только рады въехать туда, как только была замыта последняя кровь. Но некоторые преступления настолько кошмарны, что оставляют после себя такое клеймо, какое не смоешь попросту мылом и хлорным отбеливателем.

Остановившись за несколько домов от дома Нильсенов, Блок вырубила мотор. Посмотрела в зеркала заднего вида, а затем принялась обшаривать взглядом припаркованные на улице машины. Фургонов среди них не было. Перед зданием, в котором жила Дейзи Бродер, стояли три легковых автомобиля. Блок ознакомилась с ее показаниями в деле и выяснила о ней все, что только могла. В конце концов миссис Бродер была свидетелем обвинения, и Эдди требовалось что-то, что можно было бы против нее использовать. Узнала Блок много чего, но особого толку от этого защите не было.

Миссис Бродер, как ее тут все называли, было, по прикидкам Блок, уже хорошо под девяносто, и чувствовала она себя для такого возраста более чем неплохо. Каждое утро вставала в шесть утра, делала растяжку, съедала миску органических мюсли, за которыми следовали две чашки

кофе, блинчики и изрядный ломоть бекона. А после она отправлялась на одну из своих многочисленных работ — тут же, в своем районе. Миссис Бродер преподавала испанский в местном доме культуры, подрабатывала кассиршей в «Севен-Илевен»[210] в двух кварталах от дома, а в свободное время посещала местный фитнес-центр. Ее любимыми занятиями там были групповые тренировки на велотренажерах, йога и линейные танцы.

Дом миссис Бродер, пользующейся большой популярностью среди детишек района, был первым адресом, по которому они заглядывали на Хэллоуин, потому что у нее были самые вкусные конфеты. Она никогда не уклонялась от ответов на их вопросы, когда они видели номер, вытатуированный у нее на руке. Был он совсем поблекшим и почти незаметным, потому что миссис Бродер получила его, когда была ненамного старше, чем они сейчас. Однако ее воспоминания о ее ранней жизни в Польше так и не сумели поблекнуть.

---

[210] notes: 210

«Севен-Илевен» («7–11») — крупнейшая в мире сеть небольших продовольственных магазинчиков, представленная в 18 странах. Изначально работали с 7 утра до 11 вечера, отсюда и название, но сейчас многие такие магазины работают и круглосуточно.

Миссис Бродер сидела в своей квартире, расположенной через дорогу от дома Нильсенов, когда как-то поздно вечером увидела проходящих мимо мужчину и женщину. В этом не было абсолютно ничего необычного. Но когда та же пара опять прошла мимо, миссис Бродер поставила фильм с Арнольдом Шварценеггером на паузу и подошла к окну. На сей раз эти люди остановились перед домом Нильсенов и уставились на него. Миссис Бродер позже сказала полиции, что ей показалось, будто эта пара простояла перед домом как минимум пару минут, не сводя с него глаз. Как будто изучая его. В какой-то момент мужчина повернулся и уставился на миссис Бродер. По спине у нее пробежал холодок, когда он посмотрел на нее. Что-то у нее внутри предостерегало ее насчет этого человека. Она и раньше встречала людей зла, особенно когда была еще совсем маленькой девочкой. И теперь ее опять охватило точно такое же чувство, и миссис Бродер поймала себя на непреодолимом желании сейчас же отойти от окна.

После убийств она рассказала полиции об этой паре, однако, похоже, это их не заинтересовало. Они искали не двух человек, а только одного мужчину. Все изменилось, когда ФБР и копы опознали

Дэниела Миллера как Песочного человека. С миссис Бродер связались из полиции Нью-Йорка с вопросом, не могла ли пара, которую она видела в тот вечер, быть Дэниелом и Кэрри Миллер. Она ответила, что выглядели эти люди похоже.

И вот теперь Блок стояла возле дома Нильсенов, глядя через дорогу на квартиру на втором этаже, принадлежащую миссис Бродер.

— Как думаешь, она могла опознать кого-нибудь с такого расстояния? — спросил Лейк.

— Вряд ли, — ответила Блок, после чего опять уставилась на окна квартиры, пытаясь прикинуть, насколько далеко находилась тогда от этих людей миссис Бродер. Сосредоточиться было трудно. Хотелось запрыгнуть в машину и нажать на газ. Отправиться на поиски. Или просто ездить по улицам, высматривая Кейт. Это было бы совершенно бессмысленно, но, по крайней мере, она бы двигалась.

Блок воспользовалась случаем, чтобы немного перевести дух. Ей нужно было подумать. Где бы ни прятался Песочный человек, именно там и должна была находиться Кейт. Сейчас требовались ясный ум и умение сосредоточиться, а не движение. Блок осмотрелась, отыскала ближайший уличный фонарь, а затем сделала на камеру

телефона несколько снимков, которые отправила Эдди по электронной почте — просто на всякий случай. Он был способен наворотить горы из самой малости, и было бы лучше, если б у него имелось хотя бы несколько снимков улицы.

— Давай-ка заглянем в дом, — предложил Лейк, выуживая из кармана цепочку со здоровенной связкой ключей на кольце.

— Откуда у тебя ключи Нильсенов? — спросила Блок.

— Это мои ключи, — коротко ответил он.

Прежде чем предпринять что-либо еще, Лейк внимательно осмотрел замочную скважину. Вокруг нее виднелся такой же круглый след, который они совсем недавно видели.

— Опять виброотмычка, — констатировал Лейк, после чего выбрал один из ключей и попытался вставить его в замок. Пришлось немного повозиться, но в конце концов ключ вошел в скважину и без особых усилий повернулся, отпирая дверь. Использование электроинструмента не разрушило механизм, но сделало замок настолько разболтанным, что в скважину можно было вставить пилочку для ногтей, и он все равно бы открылся.

— После вас, — галантно произнес Лейк.

Блок вошла в прихожую семейного дома, узрев такого рода картину, какую можно увидеть на заглавной странице сайта какого-нибудь элитного риелтора. Белые стены, пастельные тона, настоящий паркетный пол… Отделано все было с большим вкусом. Слева от двери на журнальном столике в гостиной стояла семейная фотография. Блок внимательно изучила ее.

Симпатичные маленькие дети — мальчик и девочка. Вроде довольно близкие по возрасту. Оба улыбаются во весь рот, и в этих улыбках ни намека на смущение или неловкость — лишь веселье, счастье и любовь. Так способны улыбаться только дети, полностью поглощенные моментом. Роберту было пять лет, Элли восемь. Эта фотография была сделана совсем незадолго до того, как в их жизнь ворвался Песочный человек.

А за ними — их родители. Тобиас Нильсен чисто выбрит, с улыбкой на миллион долларов — прямо хоть сейчас на придорожный щит с рекламой зубной пасты. Глаза у него были ясными и сияющими, и даже в сорок пять лет без единой морщинки.

Он владел несколькими ресторанами в городе, а также покупал и продавал недвижимость на стороне. Каждый год устраивал грандиозный прием

для друзей и знакомых. Он и его жена Стейси были настоящими представителями нью-йоркского высшего света. Стейси была еще красивей. Длинные каштановые волосы касались щеки, словно сообщая коралловое свечение ее коже. Казалось, даже недостатки лишь подчеркивали ее красоту. Правую бровь пересекал небольшой шрамик, нарушая симметрию лица, но это никоим образом не умаляло ее привлекательности. Каким-то образом это лишь добавляло ей очарования и подчеркивало безупречное совершенство других черт ее лица. Была она моложе Тобиаса. Когда Песочный человек оборвал ее жизнь, Стейси было тридцать четыре года.

Пройдя через гостиную, Блок обнаружила большую кухню и обратила внимание на заднюю дверь. Сделанная из цельного дуба, она запиралась на два тяжелых засова. Один из них располагался наверху, задвигаясь в потолок, а другой — внизу, с отверстием для ригеля в каменном полу. Даже если б Песочному человеку и удалось отпереть врезной замок виброотмычкой, эти засовы стали бы совершенно непреодолимым препятствием.

Открыв заднюю дверь, Блок вышла в узкий крытый переулочек. Навес из оргстекла, при-

крепленный к задней части здания, прикрывал мусорные баки. Продвигаясь вдоль кирпичной стены, она свернула налево по переулку, который огибал дом и выходил обратно на улицу. На врезном замке задней двери не было следов от какого-либо инструмента. Песочный человек проник в дом с парадного входа. На оставшейся части первого этажа больше ничего интересного не нашлось, и Блок последовала за Лейком наверх.

На втором этаже располагались игровая комната, ванная и большая студия. Стейси была архитектором и работала в основном дома. На третьем этаже — еще одна ванная комната и две детские напротив друг друга. Блок с Лейком направились в хозяйскую спальню, расположенную дальше по коридору.

Широченная двуспальная кровать по-прежнему стояла там. В центре матраса виднелось огромное пятно овальной формы, словно брюшко гигантского черного паука.

Блок подошла к окну и выглянула наружу. Маленькая квартирка миссис Бродер была видна отсюда как на ладони. Достав из своего рюкзака планшет, она включила его и просмотрела фотографии с места убийства Нильсенов — в поисках

снимков жертв в том виде, в каком их обнаружила полиция.

Смотреть на лица мертвых людей всегда тяжело. А тем более изучать лица тех, кто умер насильственной смертью. Однако для Блок в этом не было ничего нового. Ее учили не обращать внимания на всякие ужасы, чтобы она могла увидеть за ними улики. Каждое убийство — это отдельная история, нужно лишь уметь ее прочесть.

Усыпив детей каким-то транквилизатором, Песочный человек натянул им одеяла до самого подбородка. Они были найдены с закрытыми глазами, и поначалу копы подумали, что дети мертвы. По крайней мере, так решил первый прибывший на место преступления полицейский, который впоследствии покончил с собой. Девочка очнулась первой и, спотыкаясь, вышла из своей комнаты — только чтобы обнаружить в своем доме полицейского, который смотрел на ее родителей, убитых в своей собственной постели. Шок травмировал обоих.

У Тобиаса было пулевое ранение в левой части носа. Выходное отверстие располагалось на макушке, что говорило о том, что он лежал, когда был произведен выстрел, а стрелок располагался

прямо над ним. У Стейси были множественные ножевые ранения. По словам судмедэксперта, любое из них могло привести к смерти за считаные секунды. Оба были найдены на кровати, мертвые тела были укрыты одеялом, глаза отсутствовали, глазницы и раны засыпаны песком.

— Почему целая семья? — спросил Лейк.

Аналитики ФБР, в том числе Дилейни, думали, что у них есть ответ.

Он повышал ставки.

Пойдя на больший риск, демонстрировал миру свое могущество.

Блок видела в этом определенную логику, но что-то тут все-таки не складывалось.

— Детей он оставил в живых. Просто проследил, чтобы они ничем не помешали. Отцу выстрелил в голову, однако жену зарезал ножом. У меня сложилось впечатление, что основной целью была только эта пара. Дети были просто сопутствующей частью работы, — предположила Блок.

— Почему именно эта семья?

— Не знаю, — ответила она, принявшись задумчиво расхаживать по комнате.

— В этот дом не так-то легко попасть, — заметил Лейк. — И он вошел через парадную дверь. Это оживленная улица, он рисковал попасться

кому-нибудь на глаза. И вообще-то на самом деле попался на глаза миссис Бродер — вместе с какой-то женщиной, когда они наблюдали за домом.

Что-то из сказанного Лейком показалось ей важным. Стоило ему только заговорить, как Блок ощутила покалывание на коже, от которого по спине побежали мурашки.

— Скажи это еще раз, — попросила она.

— Что?

— Просто повтори, что ты только что сказал.

— А-а… Гм, этот дом довольно неплохо укреплен, и его видно из многих окон. Он здорово рисковал, когда…

— Нет, — произнесла Блок, с некоторым раздражением в голосе.

— Успокойся, давай просто хорошенько всё обдумаем, — сказал Лейк.

— Я не могу успокоиться, — сказала Блок. — Он похитил мою подругу! Нам нужно пошевеливаться. Ты сказал что-то еще. Что-то насчет этого дома.

— О, ему пришлось войти через парадный вход — это большой риск для…

— Вот оно! — бросила Блок, выходя из комнаты и быстро спускаясь по лестнице.

— Что? Что «оно»? — недоуменно спросил

Лейк.

Блок ничего не сказала — просто прошла прямо на кухню и подождала, пока Лейк не нагонит ее.

— Если б ты сам собирался проникнуть в этот дом, как бы ты это проделал? — спросила Блок.

— Ну, вообще-то, единственный способ — это войти через парадную… — Лейк застыл. — Войти можно *только* через парадную дверь, — продолжил он. — Задняя дверь заперта гораздо надежней, но он даже не пытался ее открыть. На замке нет следов от виброотмычки. Засовы на кухне с внутренней стороны… Блин, снаружи их не видно! А он знал о них! Миллер уже бывал в этом доме…

Но Блок его не слушала. Держа возле уха телефон, она дожидалась ответа Эдди.

Глава 32
Эдди

— Мистер Флинн, желаете выступить со вступительным словом прямо сейчас? — спросил судья Стокер.

В зале суда воцарилась тишина. После ропота, поднявшегося после выступления Уайта, и вопроса Стокера, обращенного ко мне, эта тишина стала почти что жидкой. В воздухе повисла плотная пустота. Полное отсутствие звуков. По крайней мере, так мне показалось.

У меня кружилась голова. Тысячи проблем молниями вонзались в мозг.

— Эдди, так мы ничем не поможем Кейт. Просто поговори с присяжными, — прошептал Гарри.

— И что я должен сказать?

— Просто расскажи им то, что Кейт рассказала нам.

Я встал, сделал большой глоток воды и поставил стакан обратно на стол. Стук моих каблуков с треском заметался по залу — шум заполнял пустоту, посылая звуковую рябь по всем четырем стенам. Подняв глаза, я обнаружил, что стою в

центре зала лицом к присяжным. Судья находился слева от меня, остальные присутствующие справа. Я оглядел лица каждого из членов жюри. Кое-кто из них, вроде Этель Горман, явно не мог скрыть своего отвращения. Оно было прямо-таки написано на ее жестоко искривленных губах и в маленьких черных глазках, похожих на булавочные проколы.

— В этом деле обвинение будет много говорить о жертвах. И это только правильно. Такова уж работа мистера Уайта — дать возможность высказаться мертвым в этом зале суда, позволить им говорить через него. И показать вам, кто их убил. Дамы и господа, перед обвинением стоят две серьезные проблемы. Первая заключается в том, что человека, убившего всех этих людей, сейчас нет в зале суда. Он все еще на свободе. По-прежнему забирает человеческие жизни. А ФБР и полиция Нью-Йорка никак не могут его поймать. ФБР и полиции Нью-Йорка нечасто приходится сталкиваться с таким давлением общественности, требующей привлечь преступника к ответу. А поскольку им это не удалось, они предлагают вам вместо него его жену. Вам будут демонстрировать улики против Кэрри Миллер, хотя на самом деле это улики против ее мужа,

Дэниела Миллера. Нет никаких свидетельств тому, что Кэрри Миллер хоть как-то причастна к этим убийствам. Нет никаких свидетельств тому, что Кэрри Миллер знала, что ее муж — серийный убийца. Нет никаких свидетельств тому, что она когда-либо сознательно помогала ему. Кэрри Миллер — жертва Песочного человека. Ее жизнь полностью разрушена. Теперь она никогда не доверится другому мужчине. Ни за что на свете. Попробуйте представить себе, что ваш собственный супруг — убийца. Попробуйте представить, что это способно сделать с человеком.

Дамы и господа, обвинитель в этом деле попытается оседлать двух лошадей одновременно. Он попытается доказать, что Кэрри Миллер причастна к этим убийствам, но это ему явно не удастся. А когда это и вправду не удастся, он попытается доказать, что она знала об этих убийствах и потворствовала им, даже лгала властям.

Я сделал паузу, чтобы впитать в себя выражения лиц присяжных.

Они явно не купились.

И в тот момент я понял почему, — поскольку в глубине души я и сам на это не купился.

Кэрри Миллер носила в себе что-то тяжелое. Что-то темное, что глубоко запало ей в самое

сердце. И чем бы это ни было, это и побудило ее сбежать с этого судебного процесса. Сбежать от меня, Кейт и Гарри. Но когда я поговорил с ней и она сказала мне, лицом к лицу, что никого не убивала, я поверил ей. В глубине души я знал, что это правда. И все же, когда я выступал с этим своим вступительным словом, меня по-прежнему не покидали сомнения в невиновности моей клиентки. Может, я совершил ошибку, взявшись за это дело. Однако теперь, когда жизнь Кейт висела на волоске, у меня уже не было выбора. Я должен был заставить присяжных поверить мне. Я должен был победить. И не ради Кэрри.

Ради Кейт.

— Я не собираюсь уверять вас, что у Кэрри Миллер не было абсолютно никаких подозрений в отношении своего мужа.

Я опять сделал паузу, чтобы эти слова повисли над головами у присяжных. Некоторые из них заерзали на своих местах. Один или двое подались вперед, едва заметно.

— В какой момент подобное подозрение становится юридическим обязательством сообщить полиции, что, по вашему мнению, ваш муж способен причинить кому-то вред? Это вопрос, который никогда ранее не поднимался перед

присяжными. Ее муж лгал ей. И она верила ему. Если это преступление, то вы можете посадить за решетку любого женатого мужчину и любую замужнюю женщину в Нью-Йорке… Кэрри Миллер сегодня здесь нет. И, возможно, не будет до самого конца этого судебного разбирательства. Это нормально, потому что ей и не нужно ничего доказывать. Это задача обвинения — доказывать то, что было предъявлено. Хотя, раз уж на то пошло, предъявить им Кэрри Миллер нечего. Я уверен, что достаточно скоро вы это тоже поймете.

Я повернулся и направился обратно к своему месту, но тут у меня завибрировал телефон. Стоя спиной к судье, я глянул на экран. Это была Блок.

— Народ вызывает доктора Фарли Климптона! — объявил Уайт.

То есть судмедэксперта. Уайт собирался начать это дело с фильма ужасов. С демонстрации кое-каких жутких фотографий. Некоторые из этих образов присяжные запомнят на всю оставшуюся жизнь. А когда они окончательно проникнутся всеми этими ужасами, он торжественно нацелится пальцем в Кэрри Миллер и примется уверять присяжным, что это ее рук дело. Просмотр подобных фотографий наносит психологическую травму, и присяжным потребуется кого-то в этой

травме обвинить — а вина в таких случаях легко ложится на подсудимого.

— Подожди-ка минутку, — бросил я Гарри, направляясь к дверям.

В коридоре я ответил на звонок.

— Ну, что там у тебя? — спросил я у Блок.

— Вроде что-то вырисовывается. Дэниел Миллер знал планировку дома Нильсенов. Нам нужно найти связь между ним и Нильсенами.

— Нам надо пошевеливаться. Нужно поскорей найти ее.

— Думаешь, я это не понимаю? Просто не знаю, что я сделаю, если…

— Прекрати. Этому не бывать. Мы этого не допустим. Федералам удалось что-нибудь выяснить у хозяина той чердачной квартиры?

— Особо ничего. Краткосрочная аренда, оплачена вперед. На бумаге не оформлялась.

— Что-то тут не то… В этом городе никто не сдает недвижимость в аренду, не получив хоть какую-то информацию об арендаторе — чтобы можно было прищучить его, если что-то пойдет не так.

— Федералы говорят, что ничего не нашли.

— Домовладелец лжет, и я вроде знаю почему. Есть кое-кто, с кем тебе стоит поговорить. Это

адвокат, обслуживающий всяких левых арендодателей, зовут его Арчи Банзен. Он вряд ли захочет хоть чем-нибудь с тобой поделиться, так что не исключено, что придется на него надавить. Просто чтоб ты знала: у Банзена есть защита. Его личный телохранитель — бывший рестлер по кличке Лунатик. Шесть футов пять дюймов, пятьсот фунтов как минимум[211]. Жрет одни только стероиды. Очень сильный и злобный как черт. Будь с ним поаккуратней…

— Что? Думаешь, я с ним не справлюсь?

— Нет, я хотел сказать, аккуратней в том смысле, что не сломай ему что-нибудь жизненно важное.

[211] notes: 211

Примерно 196 см и 227 кг. Хотя рестлинг — это не борьба, а в чистом виде цирк, физические данные участников подобных представлений более чем серьезные.

Глава 33
Эдди

Проговорили мы с Блок примерно полчаса. Закончив разговор, я набрал номер офиса, и Дениз сняла трубку.

— Мне нужно, чтобы вы взяли из кассы триста долларов наличными и купили за две сотни подарочный ваучер на обед в одном ресторане. А потом чтобы наняли лимузин с водителем на весь день по безналу, — сказал я.

— Погодите, а зачем еще сотня?

— Потом расскажу. И еще кое-что. Сейчас скину текстом один номерок. Позвоните по нему. И скажите в точности то, что я сейчас продиктую. Ручка под рукой?

— Диктуйте.

— «У нас есть один общий друг, и мы хотели бы тоже угостить его в благодарность за обед, который он организовал. Он немного застенчив, но любит парики. Блондинистые, ярко-белые, причем чем ненатуральней, тем лучше. Тысячу сверху выплатим прямо сейчас. И еще: он очень бережется от ковида, так что понадобится

маска».

— Это все?

— Все. Закиньте эти деньги на офисную кредитную карту. Она у вас с собой?

— Что это вы такое творите, черт возьми? — спросила Дениз.

— Занимаюсь юридической практикой. Доверьтесь мне. Как только закончите с этим, возьмите свою папку с зажимом и блокнот и к обеденному перерыву подходите к подъезду суда на Сентер-стрит.

Если Дениз сказала, что что-то сделает, — значит, железно так и будет.

Я вернулся в зал суда. Когда я занял свое место рядом с Гарри, доктор Фарли Климптон уже толокся с лазерной указкой в руке возле увеличенной до несусветного размера — примерно шесть на пять футов — фотографии Стейси Нильсен, на которой она лежала мертвой рядом со своим мужем.

— Раны на груди у Стейси Нильсен, как и у прочих жертв, были нанесены каким-то необычайно прочным и невероятно острым предметом — предположительно ножом с симметричным остроконечным лезвием неизвестного происхождения, более чем вероятно каким-то экзоти-

ческим, ручной работы. Лезвие было достаточно острым и прочным, чтобы пробить грудинную кость. Никаких металлических частиц в ране обнаружено не было — после того как песок, заполнявший раневую полость, был просеян, а трещина в кости исследована с помощью рентгена.

Я наклонился к Гарри, шепнул:

— Какие-нибудь сюрпризы?

Он бросил взгляд на присяжных.

Этель Горман так сильно сжимала свой скомканный носовой платочек, что у нее тряслись руки. Если б я как следует прислушался, то, наверное, даже услышал бы, как у нее скрипят зубы. Остальные присяжные выглядели так же, как и большинство своих коллег, которым приходится иметь дело с подобными делами. Половина из них смотрела в пол, поднимая глаза только в случае крайней необходимости, а затем опять опуская взгляд под ноги. Остальные потрясенно прикрывали рты рукой, покачивали головами и кривились, когда на экране появлялось очередное жутковатое изображение.

— Всё как и ожидалось, угу?

Гарри кивнул. Блокнот перед ним был уже весь исписан заметками, сделанными в ходе показа-

ний судмедэксперта.

— Не хочешь взять его на себя? — спросил я.

Ответом мне послужила едва заметная улыбка.

— Доктор Климптон, — сказал Уайт, — вы обнаружили на теле Стейси Нильсен какие-либо раны, полученные при самообороне?

— Таковых не было, — ответил он.

— Насколько я понимаю, доктор, на телах Маргарет Шарп, Лилиан Паркер, Пенни Джонс, Сюзанны Абрамс, а также Тобиаса и Стейси Нильсен тоже не имелось защитных ран? Их не обнаружено ни на одной из шести жертв?

— Совершенно верно. Таковых ран не имелось.

— И смертельные ранения всем женщинам были нанесены при помощи ножа?

— Да.

— И все пострадавшие женщины были предварительно обездвижены при помощи какого-то транквилизатора?

— Да, путем инъекции в область шеи.

— Имелись ли на остальных телах какие-либо царапины или следы от уколов, которые указывали бы на борьбу?

— Нет.

— Учитывая ваш обширный опыт работы с

жертвами преступлений, связанных с использованием холодного оружия, насколько необычно отсутствие на телах каких-либо защитных ранений?

— Весьма необычно.

— Опять же, основываясь на вашем немалом опыте, можете ли вы предложить какое-либо объяснение этому?

Климптон откашлялся. Отпил воды из стакана.

«Значок», как я это называю.

Окружной прокурор Уайт наверняка тщательно подготовил Климптона к этому выступлению. Натаскал его. И пока что подталкивал его настолько далеко, насколько тот сам был готов зайти. Этот последний вопрос явно выходил за оговоренные рамки, и я мог сказать, что удовольствия это Климптону не доставило. Ему и так уже пришлось пойти на некоторые натяжки, чтобы дать обвинителю то, чего тот хотел. И эти загибы за пределами привычных рамок оказались для него довольно болезненными — как для пятидесятипятилетнего водилы-дальнобойщика, вдруг угодившего на продвинутые занятия по пилатесу.

— Можно предположить, — начал Климптон, — что причина, по которой оборонительные раны

отсутствуют, заключается в том, что во время нападений жертвы удерживались каким-то другим человеком.

Уайт повернулся к присяжным и повторил этот ответ — медленно, торжествующим тоном. После чего повернулся ко мне и объявил:

— Свидетель — ваш.

— Минуточку, ваша честь, у нас и вправду есть вопросы к этому свидетелю, — отозвался Гарри. А потом прошептал мне: — Как ты хочешь, чтобы я с ним обошелся?

Мы с Гарри уже обсуждали возможную стратегию. Есть множество способов разделать свидетеля на котлеты — и еще много дополнительных тактик, когда имеешь дело со свидетелем-профессионалом вроде Климптона, с большим опытом выступлений в суде.

— Эта обмолвочка касательно какой-то третьей стороны, удерживавшей жертву, явно вышла за рамки зоны комфорта Климптона, — заметил я.

— Согласен. Ну так что — Джо Фрейзер или Ларри Дэвид?[212] Я думаю, что все-таки Ларри.

---

[212] notes: 212

Лоуренс «Ларри» Дэвид (р. 1947) — американский актер, сценарист, комик и продюсер. Известен в том числе как создатель и исполнитель главной роли в телесериале «Умерь свой энтузиазм», название которого и легло в основу соответствующей тактики Эдди и Гарри.

— Ларри Дэвид, всю дорогу, — кивнул я.

Гарри взял свой блокнот и ручку и вышел из-за стола защиты, широко улыбаясь свидетелю.

Встречный допрос — это как быстрый уличный развод. И для каждого лоха нужен свой правильный стиль. Первым вариантом с Климптоном было действовать в стиле Джо Фрейзера, легендарного тяжеловеса, предпочитавшего бой на короткой дистанции и в клинче. Боксеры по-разному используют ринг и пространство между собой и своими противниками. Анджело Данди, легендарный тренер, подготовивший множество чемпионов по боксу в различных весовых категориях, как-то сказал, что Мохаммед Али предпочел бы драться в комнате, Тайсон — в чулане, а Фрейзер — в телефонной будке. Встречный допрос в стиле Фрейзера заключается в том, чтобы сунуться свидетелю прямо в физиономию и забрасывать его жесткими вопросами в надежде на чистый нокаут.

Гарри избрал более спокойный стиль Ларри Дэвида.

— Доктор Климптон, — начал он, поправляя очки, — прежде чем мы начнем, я хотел бы поблагодарить вас за ваши показания и те уважение и чуткость, которые вы проявили не только к

жертвам, но и к их родным и близким. Я знаю, что сегодня вы выполняете свой профессиональный долг, насколько это только в ваших силах, но ваш энтузиазм, каким бы похвальным он ни был, все-таки взял над вами верх. Давайте попробуем исправить эти ошибки. Минутку, я только сверюсь со своими записями…

Классическое вступление в стиле Ларри Дэвида. Гарри не задал ни единого вопроса. Он похвалил профессионала, неустанно трудящегося на благо города, а после этого сказал свидетелю, что тот допустил несколько ошибок, предложив свою помощь в том, чтобы их исправить. А затем сделал паузу. Якобы чтобы заглянуть в свои записи. Естественно, Гарри не требовалось сверяться ни с какими записями. Ему нужно было дать присяжным время переварить то, что он сказал, и осознать, что Климптон вроде и не пытается оспаривать его слова. У свидетеля не имелось вопроса, требующего ответа, так что он, как и все профессионалы, просто ждал, пока таковой не последует. А присяжные тем временем уже успели отложить в головах, что Климптон допустил какие-то ошибки. И что эти ошибки не были злонамеренными — свидетель просто проявил «излишний энтузиазм». Этот способ позволяет

использовать авторитет свидетеля против него самого — что наверняка куда более эффективно, поскольку это делает его свидетелем защиты, а не обвинения. Этот стиль — отсылка не к самому Ларри Дэвиду, а к его знаменитому телешоу. Все дело в том, чтобы заставить свидетеля «умерить свой энтузиазм».

— Доктор, вы заявили под протокол, что, помимо травм в области глаз, у жертв женского пола обычно имелись лишь одно или два ножевых ранения в области живота или груди?

— Да.

Для свидетелей-профессионалов это давно изведанная территория. Они в курсе, что их ответы должны быть краткими, отрывистыми. Что не нужно вдаваться в подробности и высказывать какие-либо предположения. Чем больше будет сказано, тем значительней вероятность того, что защита сумеет просунуть между этими словами лом и примется крошить их на бесполезные мелкие кусочки.

— У Лилиан Паркер и Пенни Джонс имелись лишь одиночные ножевые ранения в области груди?

— Совершенно верно.

— И эти ранения как раз и стали причиной

смерти?

— Да — мгновенной, я бы сказал.

— А этот второй участник убийств, о котором вы упомянули, — как именно эта личность удерживала жертв?

Это был открытый вопрос. Который предоставлял Климптону свободу говорить все, что ему хочется, и подкреплять свои слова как ему только заблагорассудится. На любом встречном допросе открытые вопросы — не лучшая идея. Они сопряжены с огромным риском, потому что вы ничего не способны контролировать. Свидетель всегда может сказать что-то большее, чем просто «да» или «нет». Причем намного большее, практически наверняка. Вот почему метод Ларри Дэвида сопряжен с таким большим риском.

— Я бы сказал, сзади, заломив им руки за спину, — ответил Климптон.

Он все еще находился на зыбкой почве. Не там, где он хотел бы сейчас оказаться, а куда отправил его прокурор.

— Жертва попыталась бы вырваться из захвата этого второго участника?

— Безусловно, — ответил Климптон.

— Я не хочу опять показывать присяжным снимки с мест преступлений, чтобы избавить их

от столь тягостного зрелища, но сделаю это, если придется. Это будет зависеть от вашего следующего ответа, доктор. Мой вопрос в том, видны ли на фотографиях с места преступления, которые нам всем тут пришлось изучить, какие-либо следы борьбы?

Климптон прикусил губу. Гарри поставил его в затруднительное положение. Если он начнет возражать, то Гарри потребует опять продемонстрировать эти снимки и примется разбирать их по косточкам, указывая на то, что вся мебель стоит на своих местах, ничто не опрокинуто, комнаты не забрызганы кровью и ничего не сломано. И присяжным придется пройти через все это еще раз, потому что фактически такая демонстрация будет проведена по настоянию Климптона. Они станут винить его в этом, а если он попытается доказывать свою точку зрения перед лицом того, что совершенно ясно следует из фотографий, то даже еще больше усомнятся в достоверности его высказываний.

— Нет, — произнес Климптон, проглотив подобное стремление на тот случай, если Гарри и впрямь устроит ему адское испытание этими фотографиями.

— И каких-либо синяков и ссадин на какой-ли-

бо из жертв также не имелось?

— Нет, подобных следов не было.

— Эти женщины боролись за свою жизнь. Они обязательно попытались бы вырваться, так ведь?

— Да.

— И кричали бы при этом?

— Я не знаю, — сказал Климптон, отчаянно пытаясь съехать с этой темы.

— Но вы только что сказали присяжным, что руки жертв удерживались сзади… Второму участнику убийств пришлось бы использовать для этого обе руки. Таким образом, ничто не могло бы заглушить крики жертв, не так ли?

Климптон теперь смотрел на окружного прокурора так, словно тот только что продал ему подержанную машину с дырявым глушителем и без двигателя.

— Нет — думаю, что нет.

— Пенни Джонс и Сюзанна Абрамс были убиты в одной и той же квартире, на расстоянии менее двадцати футов друг от друга, верно?

— Верно.

— У обвинения ведь нет свидетелей, которые слышали бы крики какой-нибудь из жертв, не так ли?

— Нет, насколько мне известно.

— Разве не более вероятно, что единственный убийца, бесшумно и быстро передвигаясь, неожиданно нанес по смертельному удару каждой из жертв, пока они спали в своих постелях под воздействием транквилизатора?

— Я бы не сказал, что это более вероятно… — начал было Климптон, но тут увидел, как изменилось выражение лица у Гарри. Я заметил это по его собственному лицу. Как будто он только что поднял голову и увидел, что на башку ему валится рояль, сброшенный с двадцатого этажа.

Было бы большой ошибкой позволить Климптону и дальше развивать тему — накрутить какой-нибудь фигни, чтобы окончательно все запутать и свести этот поединок вничью.

— Доктор, все мы видели эти фотографии. Следов борьбы там нет и в помине. Имеющиеся травмы никак не свидетельствуют о наличии какого-то второго преступника, и в своих усилиях проявить внимание к жертвам по этому делу вы просто допустили ошибку, верно?

— По ранам я не могу судить, кто именно наносил удары ножом. Это могла быть и обвиняемая, в то время как ее муж удерживал жертв в горизонтальном положении, зажимая им рты.

Это было лучшее, на что Климптон сейчас был способен. Он перевел дух и сделал глоток воды.

Гарри подошел к свидетельской трибуне. Так близко, что мог бы протянуть руку и дотронуться до нее, если б захотел. После чего продолжил:

— Итак, теперь вы утверждаете, что ножом орудовала Кэрри Миллер, а не ее муж?

— Такое вполне возможно.

— Как долго вы работаете судмедэкспертом?

Метод Ларри Дэвида не принес результатов — Климптон оказался больно уж скользким и увертливым, — поэтому Гарри начал действовать как Джо Фрейзер. Заметив это, я подобрал со стола электронный планшет и стал искать нужный документ.

— Пятнадцать лет, — ответил Климптон.

— А вы перечитывали собственные отчеты, готовясь к сегодняшнему допросу?

— Перечитывал.

Гарри протянул руку. Я встал и передал ему планшет, на экране которого был открыт соответствующий раздел отчета Климптона.

— Это из вашего отчета о вскрытии Стейси Нильсен. В заключительном абзаце говорится: «Лезвие легко пронзило кожу и одним ударом с огромной силой прошло через грудину. Это

говорит о том, что преступник физически силен. Возможно, намного сильнее среднестатистического мужчины».

Климптон сглотнул, но не поднял головы. Может, он вспотел и раньше, но только сейчас я заметил, что лоб у него покрылся испариной.

— Далее вы утверждаете: «Это соответствует ранам, обнаруженным на других жертвах — полученным вследствие резкого удара, нанесенного с огромной силой».

— Да, но…

— Кэрри Миллер вряд ли весит больше ста десяти фунтов. Это ведь не она нанесла эти раны, не так ли, доктор?

Апперкот Джо Фрейзера.

— Полагаю, что нет, — сказал Климптон.

— Чтобы и нам и присяжным все было ясно: в вашем экспертном заключении ничего не указывает на то, что Кэрри Миллер могла быть вторым участником какого-либо из этих убийств, не так ли?

Климптон сделал для окружного прокурора все, что мог. И теперь хотел убраться со свидетельской трибуны подобру-поздорову. Это было хорошо видно. Он едва ли не ерзал на своем месте, как будто сидел на муравейнике.

— Теперь, задним числом, я понимаю, что нет. Я не могу сказать, что она была вторым участников этих убийств.

Фрейзер побеждает чистым нокаутом.

— Спасибо, что разъяснили свою позицию, доктор, — заключил Гарри, возвращаясь к столу защиты.

Когда Уайт поднялся, чтобы провести повторный допрос, то заметил, что Климптон уже оторвал свою задницу от кресла. Умный и опытный, прокурор сразу понял, что больше от Климптона ничего не добьешься. С этим человеком было покончено.

— Повторный допрос не требуется, — объявил Уайт.

Гарри сел и прошептал:

— Особо не радуйся. У нас еще полным-полно времени, чтобы проиграть это дело.

Стокер посмотрел на часы. 12:45.

— Сейчас мы прервемся, чтобы позволить присяжным слегка перекусить. Возвращаемся в два пятнадцать. Мистер Уайт, вам хватит этого времени, чтобы подготовить вашего следующего свидетеля?

— Мы будем готовы, ваша честь, — ответил тот. — Вопрос только в том, будет ли готов мистер

Флинн?

— После обеда мы это узнаем, — сказал Стокер.

Глава 34
Эдди

Мы с Гарри заказали столик в ресторане «Коммодор». Обычно я не ем в подобных заведениях — довольствуюсь сэндвичами и блинчиками, а если спешу, то вполне сойдет и хот-дог на «грязной воде». Рестораны с их крахмальными скатертями и картами вин заставляют меня нервничать. Я никогда не уверен, какими столовыми приборами следует пользоваться и правильно ли я их держу. Это был столик на четверых, в самой глубине заведения, рядом с кухней. Столик, зарезервированный для клиентов, которых вы не хотите видеть в своем ресторане.

Как и большинство манерных нью-йоркских ресторанов, «Коммодор» напоминал роскошный бункер. Витринные окна были глухо затонированы. На столиках горели крошечные электрические лампочки, а с потолка примерно через каждые десять футов свисали пузатые светильники несколько индустриального стиля. Некоторые люди считали, что это придает заведению интимности. Меня же больше заботило то, что в таких

заведениях невозможно прочитать меню. Однако пахло здесь как в действительно хорошем ресторане. Аромат жарящегося мяса, приправленного ароматными травами, обычно возбуждает у меня аппетит. Сегодня же я был слишком возбужден, чтобы есть. Тем более что мы были здесь чисто по делу.

Метрдотель помог нам устроиться и предложил воды. С газом или без газа. Гарри сказал, что предпочел бы пива, поскольку не доверяет воде, и выдал метрдотелю старую как мир фразу У. К. Филдса[213]:

— Вы видели, как от нее ржавеют трубы? Я уж лучше пивка.

Я попросил «Пепси».

— Когда вы ожидаете остальных участников вашего мероприятия? — осведомился мэтр.

— Скоро, — сказал Гарри. — А пока что у вас есть стейки?

— Разумеется, официант подойдет принять ваш

---

[213] notes: 213

Уильям Клод Дьюкенфилд (1880–1946), более известный как У. К. Филдс, — американский комик, актер, фокусник и писатель. Многие из его афористичных высказываний стали популярными и часто цитируемыми. Наиболее известен своим комическим персонажем — эгоистичным подвыпившим мизантропом, ненавидящим женщин, детей и собак, но все равно любимым публикой. Этот образ, который актер изображал в кино и на радио, был настолько убедителен, что его часто отождествляли с самим Филдсом.

заказ через…

— Просто скажите ему, чтобы закинул нам пару стейков. Средней прожарки. Благодарю вас.

В ресторанах, подобных этому, существует строгая иерархия. Совершенно иная классовая система, которая распространяется не только на зал и подсобки, но и на клиентов.

Метрдотель улыбнулся нам так, словно хотел, чтобы это наши мамы поджаривались у него на гриле, и ушел.

— Как думаешь, срастется? — спросил Гарри, раскладывая на коленях салфетку.

Я тоже взял со стола салфетку и попытался повторить изящное движение запястья Гарри, которым он умело уложил ее себе на колени. Но чуть не уронил ее на пол и в итоге решил оставить на столе.

— Должно срастись. Все, что от нас требуется, это положиться на ФБР.

— Знаменитые последние слова, — сказал Гарри.

В ресторан вошел высокий мужчина. Поначалу я не обратил на него внимания — в отличие от многих других. Я заметил, как повернулись несколько голов, когда Отто Пельтье вошел в зал: обаятельная мужественная внешность, рост,

плечи и, конечно, костюм. Он подошел к нашему столику и сел.

— Джентльмены… — произнес Отто в качестве приветствия.

— Мы заказали стейки. Вы что-нибудь хотите? — спросил Гарри.

Метрдотель, который, по-моему, мог запросто приказать поварам наплевать в нашу еду, вроде даже изменился в лице, едва завидев Пельтье.

— Мистер Пельтье, я так рад вас видеть! — чуть ли не вскричал он.

— Спасибо, Чарльз. Мне, пожалуйста, только куриный салат и итальянскую воду без газа.

— Прекрасный выбор. Я принесу их вместе с остальным… заказом. Если вам, достойные джентльмены, понадобится что-нибудь еще, просто дайте мне знать.

Когда мэтр отошел от стола, виляя задом и чуть ли не кланяясь Пельтье, Гарри лишь покачал головой.

— Можешь съесть и мой стейк, коли охота, — сказал я. — Что-то у меня пропал аппетит.

— Когда я был во Вьетнаме, — внушительно начал Гарри, — в самой глубине страны наш взвод попал в засаду вьетконговцев. В тот день погибли двое моих лучших друзей. Мой лейтенант,

ветеран двадцати лет от роду, разрешил нам всем в тот вечер съесть двойной паек. «Жрите, пока есть такая возможность», — сказал он нам. Тело и разум тесно связаны между собой. Когда принесут стейк, лучше тебе его съесть, Эдди. Тебе сейчас это нужно.

Пока Гарри говорил, я заметил, что руки Пельтье поправляют нож и вилку, идеально выравнивая их на столе. Затем он скрестил руки на груди, словно борясь с искушением и дальше возиться со столовыми приборами.

— Как думаете, она и вправду появится? — спросил он.

Мы с Гарри переглянулись. Потом я отвернулся и посмотрел на аквариум. Тропические рыбки всегда вызывали у меня чувство умиротворения. Наверное, это как-то связано с тем, как они плавают, с игрой света на их мелкой люминесцентной чешуе. В детстве я всегда мечтал о такой рыбке, но все, что мы могли себе позволить, — это пара самых простецких золотых рыбок в банке, которые долго не прожили. Даже названия у этих рыб были экзотические. В этом аквариуме обитали грациозные рыбы-клоуны, которые всегда выглядели так, будто танцуют, плавая в воде; голубые скалярии с плавниками, похожими на перья;

стайка крошечных неонов, которые казались просто вспышками яркого света, мерцающими и танцующими в воде, словно зеленые и красные язычки пламени. Были и какие-то другие, но я забыл, как они называются.

Лампа на столе придавала лицу Пельтье золотистое сияние. И, может, сияла сама его кожа, я не мог сказать. Я встал со своего места и объявил:

— Пойду-ка гляну, что там снаружи.

Проходя сквозь полумрак «Коммодора», я не спеша разглядывал лица за столиками. Мужчины были в костюмах или, по крайней мере, в пиджаках с галстуками. Такое уж это было место. Деловая публика, поглощенная беседой, дамы с магазинными пакетами от «Мейсон Гояр» и «Александер Маккуин», зажатыми в ногах, парочки, склонившиеся друг к другу над столиками и перешептывающиеся между собой, двое парней в темных костюмах, откинувшиеся на спинки стульев и изучающие меню с таким видом, будто его написал Джеймс Джойс. Прикостюмленная парочка устроилась за столиком у окна, откуда было хорошо видно входную дверь. Каждый одной рукой подпирал голову, а другой неловко удерживал тяжеленное меню в кожаном переплете, готовое вот-вот шлепнуться обратно на

стол. Оба прикрывали вставленные в ухо наушники. Федералы. С таким же успехом эти парни могли быть одеты в ветровки и бейсболки с логотипом ФБР.

Толкнув входную дверь, я оказался на улице. Это был перекресток в районе тридцатых улиц, неподалеку от Мэдисон-авеню. На углу стоял газетный киоск. Я взял со стеллажа номер «Уолл-стрит джорнал», и когда наклонился за ним, то увидел черный фургон, припаркованный на углу. Рядом со мной стоял парень в бежевом макинтоше, с номером журнала «Тайм» в руках. Он листал его, хотя на самом деле украдкой нацелился взглядом совсем в другую сторону. Расплатившись, я повернулся и заметил на другой стороне улицы еще один фургон со скучающим водилой за рулем.

Неподалеку околачивались двое парней в желтых светоотражающих жилетах и строительных касках, которые пили кофе из пластиковых стаканчиков с логотипом «Севен-Илевен» и обсуждали какую-то игру «Янкиз». Я никогда еще не видел строителей в таких чистых надраенных ботинках, отутюженных брюках и с нежно-розовыми руками.

Они сразу же примолкли, когда из такси вышла

женщина в белом брючном костюме. У нее были длинные неоново-светлые волосы — сразу видать, что парик. Костюм был вроде чисто шелковый, и надела она его с четырехдюймовыми каблуками и сумочкой, которая наверняка стоила дороже моей машины в ее нынешнем состоянии. Рот и нос ее прикрывала ковидная медицинская маска, но я уловил аромат дорогих духов, когда эта дама вошла в «Коммодор». Из-за парика и маски было трудно как следует разглядеть ее лицо. Похоже, она пыталась всячески скрыть свою внешность.

Я немного выждал.

Глянул на часы.

Все должно было занять не больше тридцати секунд, по моим прикидкам. Они дождутся, пока ее не усадят, прежде чем арестовать ее. После чего — Пельтье, потом Гарри.

А затем и меня.

Глава 35
Эдди

Парень в макинтоше внезапно потерял интерес к журналу «Тайм», отбросил его и быстро зашел в ресторан. Работяги-строители тоже побросали свои стаканчики с кофе и последовали за парнем в макинтоше, на ходу вытаскивая из-за пазухи «Глоки». Задние дверцы фургона, стоявшего на другой стороне улицы, резко распахнулись, и из него выскочили Билл Сонг, окружной прокурор Дрю Уайт и еще двое федералов.

Я нырнул в «Коммодор».

Впереди возникла какая-то суматоха — парни в строительных касках метались между столиками.

Женщина в светлом парике и маске была уже где-то в самой глубине ресторана, совершенно глухая к сцене, разыгравшейся у нее за спиной.

Завидев ее приближение, Отто привстал со стула.

Она была из тех женщин, которые не умеют просто ходить, как все нормальные люди. Она реально скользила над полом. Сумочка раска-

чивалась у нее на руке, белый жакет и брюки развевались в такт ее движениям.

Она прошла мимо нашего столика. И свернула за угол аквариума.

Я обернулся и увидел, как в ресторан влетает Сонг, а за ним Уайт. Окружной прокурор не собирался упускать возможность лично проследить за тем, как Кэрри Миллер будет арестована вместе со всей своей командой юристов.

— Флинн, не двигаться! Ты арестован! За укрывательство лица, сбежавшего из-под залога, — объявил Сонг.

Я остановился, сказал:

— Никого я не укрываю. И ни с кем тут не встречаюсь. Можете сами убедиться.

Люди способны наговорить кучу всякой херни, когда их арестовывают. Угрожают копам — либо тупо физической расправой, либо обещают, что их адвокат засудит их до конца жизни, иногда просто сыплют оскорблениями и активно сопротивляются, размахивая руками и силясь вырваться из рук закона. Федералы и копы все это не раз проходили. Хотя каждый арест индивидуален. И случиться может все что угодно.

Но для Билла это было что-то новенькое.

Я видел, как он резко дал по тормозам. Даже

выставил вперед обе руки, как будто чтобы смягчить падение. И посмотрел на меня так, словно я только что продемонстрировал ему выигрышную комбинацию из четырех тузов в покере, в то время как у него на руках уже было три из них.

— Как это, блин, понимать, Эдди? — вопросил он. — Это ведь там Кэрри Миллер, насколько я понимаю?

— Вам лучше придержать своих людей, — индифферентным тоном ответствовал я.

Парень в макинтоше уже вытащил пистолет и направил его на Гарри и Пельтье. Отто вскочил на ноги, задрав руки вверх.

Гарри было на него абсолютно плевать. Принесли его стейк, и он не обращал на вопли агента ФБР никакого внимания. Просто отрезал кусок мяса и отхлебнул пива.

Якобы строители проследовали за женщиной в белом за аквариум, и я видел, как они стоят там в стрелковой стойке, выкрикивая Кэрри приказы лечь на пол.

Весь ресторан гудел, как пчелиный улей, в котором помешали палкой. Люди были напуганы, и большинство из них пытались свалить подобру-поздорову — не исключено, что и не расплатившись.

Сонг направился в дальний конец зала, намереваясь всех успокоить. Я последовал за ним — не хотел пропустить весь этот цирк.

Зайдя за аквариум, Сонг приблизился к столику, стоящему за ним. Схватив за руки парней в светоотражающих жилетах, заставил их опустить оружие. Я тоже завернул за угол и увидел ту даму в парике, которая, вся так и сжавшись, стояла на коленях на полу. Маску она сняла, и теперь было ясно, что никакая это не Кэрри Миллер.

Бетти Кларк из «Стража», со всеми ее связями в суде, прислала мне текстовое сообщение с именем этой дамы, но теперь я никак не мог его припомнить. Из того, что рассказала мне Бетти, я знал только, что она работает в агентстве под названием «Классические компаньонки», берет две сотни в час за удовольствие провести время в ее компании, и что она придет сюда, в «Коммодор», чтобы встретиться со своим постоянным клиентом. И как раз этот-то клиент меня и интересовал.

Этот дебил, заплативший две сотни, стоял с поднятыми руками и открытым ртом по другую сторону от столика. По мере того как Сонг усмирял своих людей, выражение лица дебила сменялось с потрясенного на возмущенно-яростное. Теперь

он выглядел более знакомо.

Клиент, он же дебил — судья Стокер, — опустил руки и выкрикнул:

— Что все это значит?!

И как раз в этот момент из-за угла вывернул запыхавшийся Дрю Уайт, который сразу же просек, что их с Сонгом феерически подставили.

— Ваша честь… — начал был Уайт, но рев Стокера заглушил его слова.

— Да что вы тут такое творите, мать вашу так? Я обедаю со своей… приятельницей… — Судья вдруг несколько сник и взял свою спутницу за руку, чтобы попытаться успокоить ее.

— Мне очень жаль, господин судья, — сказал Уайт. — У нас была информация, что Кэрри Миллер прямо сейчас появится здесь, в этом ресторане. Крайне сожалеем, но мы увидели эту даму — ну, знаете, в парике — и решили, что это переодетая Миллер…

— Какого рода информация? Кто вам это сказал?

— Я, ваша честь, — ответил я. — Только вот сказал я это не окружному прокурору. А позвонил Отто Пельтье и сказал об этом ему. Кэрри Миллер никогда не собиралась приходить в этот ресторан. Мы знали, что вы будете здесь. Я

получил наводку от сотрудников суда, что это ваше обычное обеденное место. Я не знал, что вы будете со своей девушкой. Сожалею, что так вышло, — хотя, ваша честь, это доказывает, что мой телефон и телефоны всей команды защиты прослушиваются прокуратурой.

Я солгал, хотя и совсем слегка. Естественно, мы знали, что он будет здесь с этой эскортной барышней. И даже приплатили ей за то, чтобы она надела парик и маску — так это выглядело как откровенная попытка изменить внешность, и федералы должны были сразу же наброситься на нее, приняв за Кэрри Миллер. Все это представление было устроено исключительно для Стокера.

— Это правда? — рявкнул судья.

Потирая виски, Билл Сонг прикрыл глаза, наверняка жалея, что находится сейчас именно здесь, а не где-нибудь еще на планете Земля. Уайт ничего не сказал.

— Мистер Уайт, либо вы ответите на мой вопрос, либо я обвиню вас и каждого копа и федерального агента в этом ресторане в неуважении к суду! Вы можете ответить мне прямо сейчас или отправиться в камеру и подумать об этом там…

— Да, ваша честь. Есть ордер, разрешающий прослушивание телефонных разговоров…

— Ну что ж, теперь этот ордер аннулирован, вы меня поняли? И вы передадите Флинну все документы, пленки и цифровые записи, которые у вас имеются! А вы… — выпалил судья, глядя на меня с почти что багровым лицом.

Стокер собирался устроить шоу, немного покричать и пригрозить мне и Уайту. Но он не мог подать никакой официальной жалобы, потому что эта его «приятельница» получала почасовую оплату, причем не только за свое присутствие за обедом. Судья явно не хотел, чтобы хоть что-то из этого попало в какого-то рода протокол. Равно как и Уайт. Он только что поручил ФБР провести дорогостоящую операцию наружного наблюдения, только чтобы поймать девицу по вызову, обслуживающую судью. Он хотел забыть об этом как можно скорее.

— Я понимаю, что вы играли с прокурором, но вы меня *использовали*! — продолжал орать Стокер, уже обращаясь ко мне. — Так что вы получите свои записи, но с любыми ходатайствами по поводу нарушения процессуальных норм и аннуляции данного судебного процесса можете распрощаться! Если найдете чего-то в этих записях с прослушки, то подавайте ходатайство, но прямо сейчас — черта с два! Вы всё это подстро-

или. И даже не мечтайте, что можете отправить это дело на пересмотр, когда вам это только заблагорассудится. Причем если кто-то из вас хоть словом обмолвится присяжным, что окружной прокурор прослушивает телефоны адвокатов защиты, этот судебный процесс *и впрямь* будет аннулирован, а дело отправлено на пересмотр! У меня не будет другого выбора, кроме как объявить об этом. Но если это произойдет, я подам на вас обоих докладную в комитет по этике коллегии адвокатов, и вы оба лишитесь лицензии. Я ясно выражаюсь? Присяжные не должны услышать ни о чем из этого! Понятно? *Обоим* понятно?

Стокер едва не сорвался на визг, и на шее у него вздулась толстая вена. Я даже подумал, как бы мужика не хватил удар.

Уайт еще раз извинился. Я не стал.

— Ваша честь, есть еще кое-что, — сказал я.

— Что?! — взвизгнул он, забрызгав белыми хлопьями слюны стол и федералов, стоящих ближе всего к нему.

— Мне нужно, чтобы вы исключили из состава жюри Этель Горман.

— Вы, видать, издеваетесь надо мной, Флинн? И *теперь* вы требуете еще и это? Мы сейчас не в суде! И какого черта я вообще должен это делать?

— Потому что она сидит вон там, — безмятежно ответствовал я, указывая на столик в углу, за которым сидела Этель Горман с отвисшей челюстью, недоеденной устрицей во рту и глазами размером с фару грузовика. Все присмотрелись в интимной полутьме, но это и вправду была Этель Горман.

Встретив Дениз у здания суда, я незаметно указал ей на эту присяжную, когда та выходила из зала, доставая сигареты из сумочки. Дениз подошла к ней и сказала, что та была случайным образом выбрана для получения сегодняшнего приза в виде обеда в ресторане в качестве «тайного покупателя». Что она имеет возможность потратить на это двести долларов, прямо сейчас — в первоклассном ресторане под названием «Коммодор». Ее отвезут и туда, и обратно на Сентер-стрит на лимузине, и все, что от нее за это требуется, это потом высказать Дениз все, что она думает об этом обеде, и заполнить небольшой опросник, чтобы забрать домой стодолларовую плату за маркетинговое исследование, уплаченную авансом. Судя по выражению лица Этель, она уже начинала понемногу понимать, что на Манхэттене не бывает бесплатных обедов.

Казалось, будто прошло очень много времени,

но никто не двигался. И никто ничего не говорил. А затем я услышал Гарри, скрытого от меня за аквариумом. Он вежливо кашлянул, и я догадался, что он пытается привлечь чье-то внимание. А потом услышал, как он вопит метрдотелю:

— Простите, а нельзя нам завернуть этот заказ с собой?

Глава 36

Выдержка из дневника Кэрри Миллер

4 июня

Было уже больше трех часов ночи, когда я услышала, как хлопнула входная дверь.

Я ожидала услышать его шаги на лестнице. В спальне было жарко, но я не могла уснуть вовсе не по этой причине.

В последние недели я просто сходила с ума. С тех пор как у нашей двери появился тот коп с расспросами про фургон. В последние несколько дней Дэнни отсутствовал допоздна каждый вечер. А я лежала здесь и думала. Паниковала.

Вновь и вновь прокручивая в голове одни и те же мысли.

Он любит меня.

Его не было дома в ночь убийства Маргарет Шарп.

Он никогда не был жесток по отношению ко мне, никогда не поднимал на меня руку. Я никогда не видела его даже просто сердитым.

На следующий день после ее убийства он пода-

рил мне серьги, которые были точно такими же, как у нее.

Это просто совпадение. Иначе и быть не может.

Он солгал полиции о том, что был дома в ту ночь.

У него было этому объяснение.

Он заставил солгать и меня.

Он волновался за меня и просто хотел поскорей отделаться от полицейского, который меня расстроил.

Его не было дома в ночь двух последних убийств. Тех девушек, что были убиты в собственной квартире.

Ему приходится работать допоздна и встречаться со своими клиентами, а кое-кто из тех, с кем он общается по телефону, находится в других часовых поясах.

Он принял душ, когда вернулся домой.

И этому у него нашлось объяснение…

ЭТО. СВОДИТ. МЕНЯ. С УМА!

Я прислушалась, ожидая его шагов на лестнице.

Но в доме было тихо.

А затем я услышала, как внизу скрипнули дверные петли.

Это было странно. В доме есть только одна дверь со скрипучими петлями. Дверь, которую Дэниел никогда не открывает.

Я сбросила одеяло и босиком спустилась по лестнице.

Мне надо было знать.

Я зашла на кухню и увидела, что дверь в подвал открыта. Там горел свет. Я проскользнула в нее и тихонько спустилась по лестнице в подвал.

У меня перехватило дыхание.

Моя жизнь, эта сказка, закончилась. Все закончилось той ночью в нашем подвале. Стены, которые я возвела, чтобы защитить себя от этих мыслей, пошли трещинами. Трещинами, которые становились лишь шире с каждым поздним возвращением, с каждым пропущенным им ужином, с каждыми подаренными мне серьгами, а теперь и с этим…

Теперь я оказалась на другой стороне, смотрела на свою прошлую жизнь с нового места, глядя, как она исчезает без следа.

Ничто уже не будет прежним, никогда.

Дэниел стоял голый в подвале, засыпая порошок в стиральную машину. Увидев, что я стою у подножия лестницы, он вздрогнул. Сказал, что я чуть не довела его до сердечного приступа. Я не

дала ему возможности успокоиться — потребовала объяснить, что, черт возьми, происходит.

Прежде чем ответить, он высыпал остатки порошка из чашечки в стиральную машину, закрыл ее и нажал на кнопку, запуская цикл. Я никогда раньше не видела, чтобы он занимался стиркой.

Он сказал, что ужинал с каким-то клиентом, который облил его красным вином, и ему пришлось срочно закинуть одежду в стирку, иначе ее можно было бы только выбросить.

Его обувь стояла на полу, а сам он был босиком. Я спросила у него, не пролил ли его клиент красное вино заодно и на его носки.

Он посмотрел на меня. В глазах у него было что-то такое, чего я никогда раньше не видела. Это напомнило мне о том, как выглядел Митчем в нашем любимом фильме — прямо перед тем, как зарезал свою жену. Этот холодный, отсутствующий взгляд.

Дэнни сказал, что может вообще все закинуть в стирку, раз уж он здесь, попытался отшутиться. Но ни в его улыбке, ни в этом глухом смехе не было ни капли веселья.

Я начала пятиться от него. Мне все это очень не нравилось. Я взбежала по лестнице на кухню и прислонилась спиной к кухонной стойке.

Я не могла дышать.

Дэниел поднялся по лестнице, выключил свет в подвале и захлопнул дверь. Немного постоял там, глядя на меня. Он больше не улыбался. Не был смущен. Его лицо абсолютно ничего не выражало. Как будто он смотрел в никуда, как будто меня вовсе не существовало. А потом шагнул ко мне, и я вздрогнула. Еще крепче уперлась спиной в стойку.

Он опять извинился и сказал, что идет наверх принять душ.

Я посмотрела ему вслед. Когда Дэниел благополучно поднялся наверх, я пошла в ванную на первом этаже, заперла дверь и села на сиденье унитаза. Расплакалась, раскачиваясь взад-вперед на этом сиденье. Не знаю, как долго я пробыла там, но в какой-то момент, как видно, я свернулась калачиком на полу, потому что проснулась я именно там. Солнечный свет, проникающий сквозь окно, заливал комнату. Я встала, чувствуя боль во всем теле после сна на кафеле, и открыла дверь.

Заглянула в гараж.

Машины Дэниела там не было.

Я налила себе стакан воды, разыскала свой телефон наверху, рядом с кроватью. Поступило

сразу четыре новых уведомления, все с разных новостных сайтов.

Сегодня утром в каком-то переулке на Манхэттене была найдена мертвая женщина. У нее были удалены глаза. Судя по всему, это была очередная жертва Песочного человека.

Я закрыла лицо руками и расплакалась.

Глава 37
Блок

Адвокатская контора Арчи Банзена явно не слишком-то стремилась заполучить новых клиентов. Снаружи представляла она собой стальную дверь с домофоном на 110-й улице. И больше походила на бункер, чем на юридическую консультацию. Вывески над дверью не было. Слова «Банзен, юр. усл.» были написаны на узеньком листочке, вставленном в прозрачный пластиковый кармашек возле кнопки домофона. Лейк нажал на нее и стал ждать. Блок отошла в сторонку, с удовольствием предоставив все переговоры ему.

Стальная смотровая щель с лязгом распахнулась, и в ней появилась чья-то физиономия. Очень крупная физиономия. Пожалуй, с обеденную тарелку. Снизу ее обрамляла идеально подстриженная тоненькая, рэперского стиля бородка, словно нарисованная фломастером. Щеки были такими круглыми и пухлыми, что словно пытались раздавить между собой нос.

— Чё надо? — осведомилась физиономия.

— Мы хотели бы поговорить с Арчи Банзе-

ном, — вежливо ответил Лейк.

— Нету его здесь, — последовал ответ, и смотровая щель захлопнулась.

Лейк забарабанил в дверь, крикнул:

— Нас прислал Эдди Флинн!

Тишина.

Щель медленно открылась.

— Чё надо от Арчи?

— Надо просто поговорить, вот и всё.

Щель закрылась. Дверь тоже оставалась закрытой.

— Ну и ладно. Мы можем попросить ФБР прийти и поговорить с Арчи, — крикнул Лейк через дверь, которая наконец открылась.

Фигура за ней была под стать физиономии. Блок предположила, что это и есть Лунатик. Парень был больше шести футов пяти дюймов ростом и весил фунтов четыреста. И далеко не все эти фунты приходились на жир. Физиономия сидела на паре хорошо развитых трапециевидных мышц, переходящих в округлые плечи, создавая впечатление горы мускулов. Даже если он и не весил столько же, сколько «Фольксваген-Жук», то наверняка мог запросто поднять его.

Детина не без труда развернулся в узеньком коридорчике и подвел их к двери в самом конце.

Постучался, сказал:

— К вам какие-то кенты. От Эдди Флинна.

Дверь отворилась, и за ней открылся кабинет, который выглядел так, словно его только что переворошила свора грабителей. Бумаги и папки были разбросаны не только по всему письменному столу, но и по полу, валялись на стульях, высокими стопками громоздились на столах, торчали из металлических канцелярских шкафов, которые были переполнены и уже не могли нормально закрыться. За огромным письменным столом из резного дуба сидел лысоватый коротышка в желтоватой рубашке, коричневых подтяжках на плечах и со свисающей изо рта сигаретой. Рубашка, наверное, изначально была белой, но вся комната была окутана шафрановой дымкой, словно исходившей из единственного окна слева, с толстым слоем никотина на стекле. Блок учуяла запах табачного дыма еще в коридоре. Пепельница на письменном столе явно не опорожнялась уже несколько месяцев. Окурки заталкивались в нее ряд за рядом, пока не стали торчать из пепельницы, словно толстые иглы какого-то оранжевого дикобраза.

— Ну, что там у Эдди? — буркнул коротышка, голос которого звучал так, словно в ведре с обой-

ным клеем перекатывались болты и гайки.

— Так это вы Арчи? — спросил Лейк.

— Можете называть меня мистер Банзен.

— Нам нужна ваша помощь. В прошлом году один из ваших клиентов сдал в аренду мансарду на Манхэттене. ФБР связалось с арендодателем, и он сказал, что сделка никак не оформлялась. Мол, это была краткосрочная аренда, и тот парень заплатил наличными. Эдди говорит, что ни один домовладелец в городе не сдаст в аренду даже дыру в стене без какого-либо залога и информации о банковских счетах. Насколько я понимаю, как раз вы и занимаетесь оформлением документов для всех… домовладельцев в этом районе, стало быть…

— Вы хотели сказать, *левых* домовладельцев, насколько я понимаю?

— Я этого не говорил, — возразил Лейк.

— Нет, но Эдди наверняка так и сказал. Хотя я не против. Я человек простой, мистер…

— Лейк, Гэбриэл Лейк. А это моя напарница Блок.

— Не сильно-то она разговорчива…

— В этом нет необходимости. В общем, ФБР не удалось отыскать никакого бумажного следа, но Эдди знает, что вы ведете всю бухгалтерию для

своих клиентов, и у вас могут иметься какие-то документы, которые могли бы нам помочь.

— И с какой это стати я должен передавать вам бумаги моего клиента?

— Нам нужно срочно найти этого арендатора. Для нас важны любые документы, способные на него вывести.

— Сожалею, но я не могу разглашать информацию о клиентах без решения суда.

— Эдди предупреждал нас, что вы можете так и ответить. Он сказал, что был бы очень признателен вам за помощь в этом вопросе.

— Боюсь, что ничем не могу помочь. А теперь, если вы не возражаете, у меня еще дел выше крыши.

— Мы знаем, что вы ведете два отдельных комплекта отчетности для своих арендодателей. Есть множество способов обойти контроль за арендой и скрыть часть доходов от налоговой. Вам ведь не хочется, чтобы это вдруг привлекло внимание ФБР, согласны? — сказал Лейк.

По тому, как Банзен скрестил руки на груди, Блок подумала, что Лейк ожидал, что после подобной угрозы тот все-таки пойдет им навстречу. Но он явно недооценил адвоката. В расследованиях Лейк, может, и знал толк, но в таких делах явно

ни черта не смыслил.

— Не в том вы положении, чтобы угрожать, мистер Лейк… Вам и вашей спутнице лучше уйти подобру-поздорову, покуда вы еще целы.

Прежде чем Лейк успел что-либо сказать в ответ, Лунатик шагнул к нему. Это был серьезный шаг. Сразу во многих отношениях. Это было не просто вторжение в личное пространство — скорее это наводило на мысли о буйволе, готовом насадить кого-нибудь на рога, или появлении какой-нибудь планеты всего в двадцати футах от вашего дома. Лейк перевел взгляд на здоровяка и улыбнулся. Не получив улыбки в ответ.

Лунатик положил руку на запястье Лейка, поначалу довольно мягко, а затем глянул на Арчи, ожидая подтверждения того, что ему следует выбросить обоих наглецов на улицу. Рука эта выглядела так, словно на ней была бейсбольная рукавица, хотя это была просто здоровенная пятерня с толстенными пальцами.

— Скажите своему дружку, чтобы держал свои лапы при себе, — ровно произнесла Блок.

— Ого, она все-таки разговаривает! Это ваш телохранитель, мистер Лейк? — отозвался Банзен, подавляя смех. — Тогда у вас большие неприятности. Вам следовало прихватить с собой

кого-нибудь покрупней.

Лейк стоял между гигантом и своей спутницей, и все это время она сохраняла полную неподвижность. Просто оглядывала комнату, сцепив руки перед собой. Так что когда Блок двинулась, и двинулась быстро, все, казалось, произошло в какую-то долю секунды. Она сунула правую руку под куртку, и внезапно в этой руке перед лицом у Лейка возник огромный револьвер, направленный прямо в голову здоровяка. «Магнум–500» — это оружие такого размера и мощности, что оно, как правило, способно произвести драматический эффект в любой ситуации, в какой извлекается на свет.

— Эта штука для вас достаточно крупная? — осведомилась Блок. — Документы! У меня нет времени на всю эту фигню. Вы уже в курсе, что мы ищем, потому что ваш клиент наверняка сразу же позвонил вам, когда его навестили федералы. Доставайте. Немедленно.

— Что она собирается делать? Выстрелить в него? — опасливо спросил Арчи.

— У вашего приятеля башка размером с баскетбольный мяч. Не думаю, что она промажет в нее даже с пятидесяти футов, — ответил Лейк.

— Нет, я не стану в него стрелять, — сказала

Блок, разжимая пальцы на рукояти револьвера, который провалился у нее в руке вниз, удерживаемый за спусковую скобу. Ствол взлетел вверх, а рукоятка нацелилась вперед и вниз, когда она ловко перехватила револьвер за барабан, превратив его в подобие кастета. Словно стрелок в старом вестерне.

Короткий замах, и рукоятка револьвера воткнулась в пухлое запястье Лунатика. Тот немедленно отпустил Лейка, схватившись за предплечье и разинув свой огромный рот, чтобы хватить воздуха. Отступив назад, споткнулся и шлепнулся на задницу.

— Вы начинаете действовать мне на нервы, — произнесла Блок. — Тяжелый плотничий молоток весит около двух фунтов. А эта волына — почти шесть. Если вы сейчас же не отдадите нам эти бумаги, я сломаю этому бугаю вторую руку. А потом засуну вашу башку ему в задницу.

В тоне Блок было что-то такое, что вызвало у Банзена немедленный отклик.

Его кресло громко скрипнуло, когда он подался вперед и, поднявшись, быстро направился к канцелярскому шкафу. Открыл его и начал просматривать папки внутри, перебирая пальцами страницы.

— Если вы достанете оттуда какое-либо оружие, я испорчу вам стенку, проделав в ней большую дыру, — предупредила Блок. — Но предварительно будете сильно испорчены вы сами плюс этот вот шкафчик.

Пальцы у Банзена напряглись, а затем опять взялись за дело. Вытащив из шкафа тонкую папку темно-синего цвета, он протянул ее Лейку.

Открыв папку, тот увидел всего несколько страниц. Договор аренды с подписью, которую он не смог разобрать, и банковскую выписку. Оба документа были оформлены на некую компанию под названием «Шорлайн Лимитед».

— И это всё? — спросил Лейк.

— Всё, что у нас есть.

— Ну вот и славненько, — заключила Блок.

* * *

Пока Лейк забирался на пассажирское сиденье «Джипа» с папкой в руке, Блок уже заводила мотор. Открыв папку, лежавшую у него на коленях, он пробежался пальцем по строчкам, нашел то, что искал, и принялся что-то набирать на своем телефоне.

— Согласно базам данных КЦББ[214], «Шорлайн Лимитед», похоже, какая-то подставная компания. Никаких отчетов никогда не подавалось, — вскоре объявил он. — Директором компании является Дэниел Миллер — но тут-то как раз ничего удивительного… Погоди-ка, тут указан еще и адрес, хотя это не домашний адрес Миллера.

Движение в туннеле Холланд оказалось в кои-то веки не особо плотным, и где-то через час Блок въехала в какую-то промзону в Бейонне, уже в штате Нью-Джерси. Этот район представлял собой пчелиные соты из складов, фабрик и складских комплексов различных транспортных компаний. По адресу, который Лейк отыскал в базе данных КЦББ, располагалось старое кирпичное здание, окруженное ржавой оградой из проволочной сетки. Судя по широким и высоким двойным дубовым дверям на фасаде, некогда оно служило чем-то вроде склада или гаража. Все стекла в здании были выбиты.

— Детишки с рогатками поупражнялись, — предположила Блок.

Выбравшись из машины, они осмотрели цепь,

---

[214] notes: 214

КЦББ (*англ.* SEC — The United States Securities and Exchange Commission) — Комиссия по ценным бумагам и биржам США.

стягивающую створки ворот в ограде. Цепь была не новая, но и не такая уж старая. Замок на ней — явно в рабочем состоянии. Ржавчины нигде не было.

— Подходящее местечко, чтобы спрятаться, — заметил Лейк.

Блок подошла к своей машине, достала из багажника длинную монтировку и протянула ее Лейку. Вытащила револьвер и объявила:

— Когда мы приехали сюда, замок был уже взломан.

Лейку потребовалось три раза налечь на монтировку, чтобы сорвать замок с ворот. С того момента как они подъехали сюда, Блок не видела на улице ни какой-то другой машины, ни пешехода, поэтому не думала, что шум создаст им особые проблемы. Открыть огромные двойные двери здания было совершенно нереально. Его окружала грунтовая площадка, посыпанная гравием, и на боковой стороне строения Блок заметила стальную дверь, выкрашенную в синий цвет, — наверное, лет сорок назад. Замок на двери был исправен. И был новеньким. Блестящим, хорошо смазанным. Хотя краску на двери не обновили. Кто-то решил использовать это место в каких-то своих целях, но не хотел, чтобы кто-то

знал об этом.

Обойдя здание по периметру, они так и не нашли простого способа проникнуть внутрь.

Футах в десяти над ними зияли окна с выбитыми стеклами. Размерами примерно три на три фута каждое, они тянулись по всей стене здания.

— Подсади-ка меня, — попросила Блок.

— Ты уверена? — отозвался Лейк. — Если заберешься туда и не сможешь открыть дверь, то…

— Я сумею справиться с тем, что находится на той стороне, — заверила она, убирая оружие в кобуру.

Монтировка полетела на землю. Лейк прижался спиной к стене, расставил ноги, сцепил перед собой ладони и опустил их вниз. Блок шагнула к нему, упершись ногой в образованную ими ступеньку и ухватив его руками за плечи. Он вздернул ее вверх, и она сумела дотянуться до подоконника. Блок думала, что стекол в этом окне уже совсем не осталось, но в раме все еще торчали несколько старых пыльных осколков, о которые она поранила икру, просовывая ногу внутрь. Наконец Блок спрыгнула на бетонный пол внизу, и хлопок ее подошв эхом отразился от голых стен.

Включив миниатюрный фонарик, она огляде-

лась по сторонам.

Когда-то это место было складом. Вдоль противоположной стены тянулись тяжелые железные полки, вздымающиеся до самого потолка. В крышу были врезаны прозрачные потолочные панели, перемежающиеся с кровельными листами из гофрированного железа. Видимо, прозрачные панели были призваны впускать дневной свет, но они оказались слишком уж грязными. Широкий пол усеивали детали каких-то старых механизмов и ржавые инструменты, и ей приходилось соблюдать осторожность, ступая по нему. Похоже, что в этом помещении больше не было ничего, кроме нескольких штабелей деревянных поддонов. Часть склада была отгорожена от остального пространства — судя по всему, там располагался кабинет заведующего. Дверь его была закрыта, но в стене-перегородке имелось окошко.

Блок вырубила фонарик.

Либо в задней стене конторы было еще одно окно, выходящее наружу, которое она не заметила во время внешнего осмотра, либо в здании все еще было электричество.

Потому что Блок увидела внутри тусклый свет.

Вроде как исходящий от лампы.

Или от фонарика у кого-то в руке.

Глава 38
Блок

Наличию света в маленькой складской конторе могло быть множество объяснений, в том числе и совершенно невинных. Вроде контрольной лампочки на распределительном щитке с предохранителями.

Или же это мог быть Песочный человек с фонариком и пистолетом сорок пятого калибра. Готовый нацелить яркий луч прямо в глаза незваной гостье и одновременно разрядить ей в грудь весь магазин.

Блок решила, что будет лучше, если Лейк тоже окажется здесь, поэтому молча двинулась через склад, не отрывая взгляд от внутреннего окна конторы, пока не уткнулась в одну из кирпичных колонн, поддерживающих крышу. Быстро обернулась, просто чтобы сориентироваться, и заметила, что находится всего в нескольких футах от крашеной стальной двери. Никаких крюков. Никаких засовов. Дверь была заперта на замок. Требовался ключ.

Лейк, должно быть, услышал ее снаружи, по-

скольку осторожно постучал в дверь.

Ей захотелось сказать ему, чтобы вел себя потише. Что, возможно, она тут не одна. Ее большим преимуществом было то, что кто бы сейчас ни находился в конторе, он не знал, что за дверью ее находится Блок. Если это был Песочный человек, то ей требовалось сохранять это преимущество. Он был опасен. Наверное, это был самый опасный человек, с которым она когда-либо сталкивалась, и ей не хотелось недооценивать его.

Однако не оставалось ничего другого, кроме как действовать. И действовать прямо сейчас, пока у нее еще был элемент неожиданности. Пройдя мимо двери, она обошла складской зал по периметру, приближаясь к входу в контору под некоторым углом, а не двигаясь прямо к нему. Окна с этой стороны не было. Он никак не мог заметить ее приближения.

Продвигалась Блок не настолько бесшумно, как хотелось бы. Каждый вдох казался резким порывом ветра, каждый шаг — слоновьим топотом, каждый удар сердца — ударом в барабан. В темном кирпичном помещении было прохладно, и все же ей то и дело приходилось смахивать пот, заливающий глаза. Тяжесть «Мэгги» в руке уже не успокаивала, как раньше. Теперь этот револь-

вер казался просто громоздким, как будто она прихватила с собой для этого дела не то оружие.

Блок правильно понимала, что за чувство сейчас испытывает, — страх. Она не боялась Песочного человека. Да и вообще никакого человека, раз уж на то пошло.

Она боялась того, что могла сейчас найти.

Боялась, что может найти на этом старом пыльном складе бездыханное тело своей давней подруги.

Теперь Блок была уже близко. Дверь конторы была всего в нескольких футах от нее.

Кончик револьверного ствола перед глазами начал дрожать. И вовсе не оттого, что устала рука. Когда Блок выбрала «Магнум» в качестве своего личного оружия, то целый год ежедневно тренировалась с ним. Каждое утро по часу упражнялась в стрельбе по мишеням, а после обеда — в тренажерном зале. Отдача была такой, что ей словно били кулаком в ладонь со всей дури. Но она терпела. Становилась сильнее. Молча переносила эти удары, пока на ладони у нее не образовалась толстая мозоль, и больше уже не было больно. Тяжелый револьвер ощущался у нее в руке столь же естественно, как нож с вилкой за столом или авторучка.

Но сейчас, когда тяжело вздымающаяся грудь накачивала организм кислородом, а в крови бушевал адреналин, ей казалось, словно все ее чувства притупились и запутались под обилием внешних раздражителей.

Низко наклонившись, Блок подобралась к самой двери кабинета. Не было смысла заглядывать в окно. Она могла лишь предупредить того, кто находился внутри, а при этом и временно ослепнуть от его фонарика.

Оставался только один способ.

Войти внутрь быстро и без промедления.

Блок поудобней перехватила фонарик, держа его теперь в левой руке, как кинжал. Выключатель располагался на корпусе, так что можно было сдвинуть его одним движением большого пальца. Оперла правую руку на левую, сомкнув запястья и нацелив фонарик туда же, куда и ствол. Встала перед дверью. Перевела дыхание. Расправила плечи. Хрустнула шеей. Толкнула ногой дверь.

Та легко поддалась. Шагнув за порог, она вслед за лучом фонарика обвела взглядом темную комнату.

В углах пусто.

Прямо впереди ничего подозрительного.

В комнате вообще никого не было.

Теперь Блок увидела, что свет был бледно-зеленым и исходил откуда-то возле самого пола. Фонарик осветил что-то похожее на большой белый сундук в дальнем конце комнаты. Присмотревшись к источнику свечения, она увидела, что это лампочка индикатора питания. От сундука к стенной розетке тянулся белый электропровод.

Это был не сундук.

А большая морозильная камера.

Убедившись, что в здании никого нет, Блок убрала оружие и подошла к белому сундуку. Зачем кому-то понадобилось держать домашнюю морозилку в заброшенном здании? Вид у нее был не новый, но и не такой уж и старый. На крышке лежал слой пыли, но, подойдя ближе, она услышала негромкое жужжание моторов и вентиляторов.

Рука почти что сама собой потянулась к длинной ручке, расположенной посередине крышки. Блок не хотелось заглядывать внутрь. Но она знала, что должна это сделать.

Она представила себе Кейт в морозильной камере. Все еще в ночной рубашке, мертвую в этой ледяной могиле. Глаза, затуманенные инеем… Потрескавшиеся и почерневшие губы… Лед спо-

собен запечатлеть мертвых в последний момент их жизни. Ей и раньше приходилось видеть трупы, в самых разных местах.

Блок не была верующей, но, когда ручка приподнялась над крышкой, она поймала себя на том, что беззвучно молится. Потянув посильнее, она услышала тот характерный чмокающий звук, который издает резиновое уплотнение холодильника.

Подсветки в морозильной камере не имелось. Но внутри что-то было. И это была цельная глыба льда. Причем не обычная в таких случаях снежная шуба — похоже, что туда вылили галлонов тридцать воды, чтобы с гарантией сохранить то, что находилось внутри. Луч фонарика ощутимо дрожал, когда Блок посветила внутрь.

И резко выдохнула. Она узнала это мгновенно, даже сквозь толщу льда.

На секунду ей показалось, что сейчас она не выдержит и сорвется. С трудом подавив нахлынувшие эмоции, Блок повернулась и бросилась к двери с одноразовым мобильником в руке, на бегу вызывая Лейка.

— У тебя там всё в порядке? — едва не выкрикнул он после первого же гудка. — Я тут чуть с ума не сошел!

— Укройся, отойди от двери! Как можно дальше! Я собираюсь открыть ее.

— Понял, — отозвался Лейк.

Блок уверенно подошла к крашеной стальной двери, достала свой «Магнум» и, стоя в шести футах от нее, прицелилась — расслабила руки, стряхнула напряжение, — затем еще раз прицелилась и нажала на спусковой крючок. Грохот выстрела, разнесшийся по старому складу, едва не оглушил ее; волной накатила пыль, поднятая выстрелом. Там, где только что был гладкий металл, на месте замка зияла здоровенная дыра. Блок пнула дверь, и та распахнулась, остатки механизма замка посыпались на пол.

— Что бы ты там ни вышибла из двери, оно улетело сквозь ограду вон туда, — показал Лейк. — Может, тебе еще побольше где-нибудь ствол надыбать?

— Тащи монтировку, — только и сказала Блок.

— Что вообще происходит?

— Нам нужно выдолбить кое-что из морозилки.

— И что же?

— Мешок для трупов. Похоже, что с трупом внутри.

Глава 39
Эдди

Всю обратную дорогу в суд Пельтье не закрывал рта. Он подвозил нас с Гарри на своем «Мерседесе», так что, как я предположил, считал себя вправе высказать все, что хотел.

— Все это было очень ловко проделано, но как, черт возьми, вы собираетесь добиться оправдания без Кэрри? Она должна лично дать показания, если хочет, чтобы у нее был хоть какой-то шанс. Я хочу сказать, разве вы не обязаны помогать мне в ее поисках? И где Кейт? Может, хотя бы она сможет помочь? — спрашивал он.

Я не мог рассказать ему про Кейт. Я просто не имел права рисковать. В юридических вопросах Пельтье явно отличался пуританской добропорядочностью. Разумеется, он вполне мог по возможности отступить от кое-каких правил по части налогообложения и наследственного права, но в криминальной сфере был полнейшим младенцем, а младенцам свойственно пугаться всего на свете. Если б я рассказал ему про Кейт, то он наверняка сразу позвонил бы в полицию,

пусть даже и просто для того, чтобы успокоить свою совесть.

— Кейт сейчас занята поиском кое-каких зацепок… Послушайте, я бы и сам хотел, чтобы Кэрри сейчас была с нами. Я с самого начала говорил, что ей нужно посмотреть присяжным в глаза и прямо заявить о своей невиновности. Если она будет столь же убедительна, как и со мной, я уверен, что присяжные поверят ей на слово. Но если Кэрри так и не появится, это будет выглядеть так, как будто она виновна и как раз по этой причине и ударилась в бега. Без нее у нас есть шанс, но он тоньше бумаги. Вы знаете ее лучше, чем мы, — куда она могла податься?

— Ни с кем из своих старых друзей и знакомых она не связывалась, а если воспользуется кредитной картой, полиция моментально ее вычислит. Кэрри где-то залегла на дно и пользуется наличными или же нашла способ покинуть страну. Вот и все возможные варианты, — сказал Пельтье.

— А есть у нее какие-нибудь совсем уж дальние родственники, которым она могла бы довериться, или знакомые в каких-нибудь забытых богом местах? Ну давайте же, Отто, — нам нужно хоть что-нибудь!

Он на секунду примолк, сосредоточившись

либо на дороге, либо на этом вопросе — либо на том и другом одновременно.

— Никого у нее нет, — наконец произнес Пельтье. — Ее родителей давно нет в живых. Когда все узнали про Дэниела, друзья и знакомые отвернулись от нее. Кэрри справлялась со всем этим в одиночку. Я не могу припомнить ни одного человека, к которому она могла бы обратиться. Теперь все ее ненавидят. Можете себе такое представить? Мы — единственные, кто у нее есть.

— Да уж, ситуация, — буркнул Гарри.

— Послушайте, теперь у нас более выгодный состав присяжных, да и обвинитель уже не представляется судье таким уж душкой, — сказал я. — Это могло бы помочь нам заполучить чуть больше свободы действий при встречном допросе свидетелей Уайта, но нам почти что нечего им противопоставить. Да и вообще ни один из свидетелей не поможет нам доказать невиновность Кэрри. Потому что мы не можем этого сделать без твердой уверенности в том, что ее саму вызовут для дачи показаний. Все, что в наших силах, — это слегка потрясти дерево обвинения и надеяться, что корни у него настолько неглубокие, что оно само свалится на землю.

— Этого будет недостаточно, — ответил Пель-

тье.

Подумав о Кейт, я стиснул зубы и сказал:

— Надо сделать так, чтобы этого было достаточно.

Тут у меня завибрировал телефон — электронное письмо от Дениз с несколькими ссылками на новостные статьи. Все они были посвящены вчерашним убийствам Терезы Васкес и двух агентов ФБР. Кликнув на статью в «Таймс», я прочел ее. А затем и все остальные. Большинство из них с незначительными вариациями излагали одну и ту же историю от «Ассошиэйтед пресс», но одна заметно отличалась от прочих. В «Пост» было немного больше подробностей, поскольку им удалось связаться с родными Терезы в Тихуане и получить у них кое-какие комментарии. Я прочитал эту статью дважды и перезвонил Дениз.

— Мне нужно, чтобы вы связались с миссис Васкес в Тихуане. Вы ведь немного говорите по-испански, насколько я помню?

– *Por supuesto*[215], — отозвалась она, с приличным произношением.

— В статье говорится, что миссис Васкес должна была переехать на Манхэттен в новом году, что

---

[215] notes: 215
Разумеется, о чем речь *(исп.)*.

она с нетерпением ждала этого и что не видела свою дочь уже много лет. Я хочу знать все об этих ее планах. Ей придется организовать похороны своей дочери — скажите ей, что мы можем ей с этим помочь.

— С чем это связано? — спросила Дениз.

— Сам пока не знаю, это только догадка. Хотя я все равно хочу помочь миссис Васкес, как бы там ни было. Да, и есть еще кое-что.

— Тоже догадка?

— Да. Мне нужны данные о задержании Честера Морриса, швейцара, который был убит в ту же ночь, что и Дилейни. На самом деле проведите полную проверку, хотя с протоколами задержаний проблем обычно не бывает — все они в открытом доступе.

— У меня есть логин и пароль для входа в базу данных. Без проблем. Я сразу же займусь этим. Есть какие-нибудь новости?

— Нет, пока что нет, — сказал я.

Отключившись, я повернулся к Гарри. Он опирался локтем о верхний край дверцы с опущенным стеклом, согнув руку и поглаживая пальцами верхнюю губу.

— С Кейт все будет в порядке. Мы вернем ее, — прошептал я.

— Я больше не могу ходить на похороны, Эдди. Я просто…

Гарри не закончил эту мысль — не хотел больше ничего говорить в присутствии Отто. Наконец «Мерседес» остановился возле здания суда на Сентер-стрит. Прежде чем выйти, Гарри посмотрел на меня и сказал:

— Пока что все зависит от пары-тройки следующих свидетелей. Ты как — готов?

Я сделал глубокий вдох, медленно выдохнул.

В тот момент я не был в этом уверен. У меня возникла кое-какая интуитивная догадка, которой мне лишь оставалось следовать, и это могло помочь. Есть дела, которые просто невозможно выиграть. Отто был прав: без Кэрри Миллер нам абсолютно ничего не светило.

Телефон у меня затрезвонил опять, и, выбравшись из машины и ступив на тротуар, я ответил на звонок. Это была Блок.

— Мы сейчас на складе, адрес которого указан в старом арендном договоре Дэниела Миллера. Здесь пусто, если не считать морозильной камеры. Эдди, там внутри мешок для трупов. И наверняка не пустой.

Голос у нее звучал ровно и бесцветно, как и всегда, — но в нем все равно сквозил страх. У

меня внезапно подкосились ноги. Я закрыл глаза, мысли путались в голове, лихорадочно сменяя друг друга. Я знал, какой вопрос хочу задать. Какой я должен был сейчас задать, но просто не мог заполнить им умолкнувший эфир. Я смотрел прямо перед собой на толпу репортеров, фотографов и телеоператоров у входа в здание суда и молил бога, чтобы они меня не увидели.

Гарри обошел вокруг машины, всего один раз глянул мне в лицо — и сразу же схватил меня за руку.

В тот момент мне захотелось лечь на тротуар, закрыть глаза и просто молиться, чтобы все это поскорей закончилось. Я хотел заснуть и проснуться, когда весь этот кошмар останется позади, а Кейт будет в безопасности.

— Эдди, Эдди, очнись! В чем дело? — встревоженно спросил Гарри.

Я споткнулся, и он еще крепче сжал мою руку. Прижав к уху телефон, я прислушался, но Блок по-прежнему молчала. Я хотел, чтобы она сказала мне, что с Кейт всё в порядке. Это все, чего мне сейчас хотелось.

— Эдди, отдышись! — сказал Гарри и шагнул еще ближе ко мне, поддерживая меня в вертикальном положении. Я зарабатывал на жизнь

тем, что задавал вопросы. У меня это всегда неплохо получалось. И имелся вопрос, который я сейчас должен был задать. Неизбежно. Как бы ни хотелось обратного. Надо было посмотреть правде в глаза. Пусть даже та могла оказаться крайне болезненной.

— Что там в этом мешке? — спросил я в телефон.

— Непонятно. Пока что, — ответила Блок. Я никогда раньше не слышал, чтобы речь ее звучала настолько эмоционально. Голос у нее дрожал, как будто страх сотрясал ее физически.

— Это не Кейт… — проговорил я. — Скажи мне, что это не Кейт.

Блок ничего не ответила. Я слышал, как она тяжело дышит, кое-как выдавливая из себя слова:

— Мешок полностью покрыт льдом. Тот, кто бросил его туда, как видно, залил в камеру не один десяток галлонов воды. Мы с Лейком сейчас обкалываем его, но дело движется медленно.

— Блок, ты ведь знаешь, кто это, разве не так?

— Я не могу сказать. Я н-не могу сказать… Тут льда фута на три. Лейк… Лейк сказал, что это может быть его первая добыча.

Наконец-то возникла хоть какая-то надежда, и я с готовностью ухватился за нее.

— Что он имеет в виду?

— Некоторые серийные убийцы прячут своих первых жертв. Стараются либо полностью избавиться от тела, либо спрятать его так, чтобы никто не смог его найти. Обычно по той причине, что жертва как-то связана с ними.

Сказанное Лейком имело смысл, но я не мог выбросить из головы мысль о том, что в этой морозилке была Кейт, а Блок находилась там с парнем, которому я не совсем доверял, и что сейчас они вырубали из ледяной глыбы тело ее лучшей подруги.

Больше Блок ничего не сказала. И я ничего не сказал. Она тоже думала, что это Кейт. Я был в этом совершенно уверен. Я посмотрел на репортеров у входа в зал — те уже пробирались в мою сторону, — вслушиваясь в едва заметное шипение и потрескивание помех на линии. И чуть ли не в первый раз в жизни ощущая полнейшую беспомощность.

Я знал, что Блок больно. Я слышал это по ее голосу. У нее буквально перехватывало дыхание от страха. Я не знал, что ей сказать. Она выросла вместе с Кейт. Блок была ей ближе, чем кто-либо другой на этой планете. Если б с Кейт что-то случилось, весь мир Блок попросту рухнул бы. Не

зная, что сказать, я лишь тесней прижал телефон к уху. Мне и вправду было нечего ей сказать. Я никак не мог ее утешить.

Ни у кого из нас не было подходящих слов.

Надежда для Кейт умерла в тишине, изредка нарушаемой потрескиванием помех.

* * *

Атмосфера в зале суда заметно переменилась.

Судья Стокер выглядел как человек, у которого в самый разгар проливного дождя лопнула шина на автостраде, причем в тот самый день, когда от него ушла жена и случился обвал на фондовом рынке. Вид у него был несколько прибалдевший — словно у боксера, только что очухавшегося после нокаута и ожидающего, что прилетит еще одна такая же крепкая плюха. Бледные круги вокруг глаз, оставленные защитными очками солярия, казались еще белее, чем обычно, делая его похожим на какую-то испуганную красную панду.

Обвинитель, Уайт, уже стоял за своим столом, раскладывая на нем бумаги и украдкой поглядывая на присяжных. Или, вернее, на нового члена жюри. Клэй Драйер, призванный из запасных, теперь восседал на скамье присяжных вместо

Этель, которая в данный момент возвращалась домой со всей своей ненавистью в сердце, сотней баксов в кошельке, вкусным ужином в желудке и полным отсутствием какого-либо представления о том, что произошло в этот день.

— Вызываю на свидетельскую трибуну профессора Кэла Джонсона! — объявил Уайт, выпрямляясь.

Мы с Гарри только что обсудили звонок Блок. Вид у него был пришибленный, пока я рассказывал ему о том, что ей удалось обнаружить. Затем он покачал головой.

— Это не Кейт. Она нужна Песочному человеку.

— А вдруг она уже мертва, Гарри?

— Тогда мы должны и дальше защищать ее клиентку. Послушай, на данный момент нам нужно исходить из того, что Кейт жива. Нам нужно надеяться. И нужно с головой уйти в игру, *прямо сейчас*.

Я кивнул, сделал глоток воды и попытался выбросить из головы все мысли о Кейт. Я чуть не потерял самообладание прямо возле здания суда. Все, что мне оставалось, это надеяться, что Гарри прав. Что она все еще жива. А если она жива, то мы были нужны ей, чтобы победить.

Профессор Кэл Джонсон создал для нас серьезную проблему. По сути это была единственная реальная вещественная улика, связывающая Кэрри Миллер со всеми этими убийствами. Фактически это был туз на руках у прокурора. Другие свидетели тоже представляли собой сильные карты, но всем им еще предстояло объединиться, чтобы собрать стрит-флеш. Даже если нам удастся выбить одну или две из них, Уайт все равно оставался с этим своим тузом на руках. А поскольку у нас самих ничего на руках не было, ему хватило бы и одного туза, чтобы сорвать банк.

При рассмотрении дел об убийствах к уликам, полученным в результате криминалистической экспертизы, отношение самое что ни на есть трепетное. Показаний свидетелей-экспертов, привязывающих ДНК к умышленным убийствам, обычно более чем достаточно, чтобы отправить любого обвиняемого в тесную, выкрашенную унылой масляной краской камеру на очень долгий срок. Защите в таких случаях предстоит преодолеть два серьезных препятствия — собственно характер этой улики и интерпретацию этой улики присяжными. Даже если вам и удастся привести какие-то убедительные аргументы против доказательств, полученных на основе

анализа ДНК, все это не будет стоить и ломаного гроша, если присяжные не поймут вашу точку зрения. Так что мне приходилось действовать медленно и осмотрительно, равно как и Уайту.

На профессоре Джонсоне был тонкий коричневый свитер с треугольным вырезом под темно-синим пиджаком. Я надеялся, что это было попыткой скрыть его галстук, который цветом своим, мягко говоря, больше напоминал навозную жижу. Профессор был худощав и высок и, пожалуй, вполне прилично одет, но все это резко контрастировало с его лохматой нечесаной бородой. Густые клочки белых и темных волосков под странными углами торчали во все стороны, как будто там жил какой-то маленький зверек, которого внезапно выгнали из его густо заросшего прибежища. Дополняли этот ансамбль начищенные до блеска костюмные туфли и потускневшее золотое обручальное кольцо на пальце. Я предположил, что одежду ему покупала жена — по крайней мере, у нее имелся хоть какой-то вкус, — и, будучи представителем технической интеллигенции старой закалки, он всегда начищал свою обувь до зеркального блеска, но борода свидетельствовала о некоторой сумасшедшинке — той эксцентричной части ума,

что столь успешно питает творческую сторону ученых-исследователей. Я был немного удивлен, что жена позволила ему выйти из дома с такой бородой.

Привычно произнеся положенные слова присяги, профессор занял свое место на свидетельской трибуне. Налил себе стакан водички, устроился поудобней. Хотя я заметил, как он теребит свои бороду, перебирая ее пряди в пальцах. Хорошие мошенники способны распознавать такого рода «значки». А великие мошенники не только замечают их, но и умеют использовать. С криминалистической точки зрения дело было совершенно несложным. Простым как грабли. Подобные показания Джонсон неоднократно давал уже много раз на протяжении двадцати лет, в том числе и по громким делам об убийствах. Это была его работа. Я и сам уже видел, как он это проделывает. И тогда он выглядел куда как уверенней.

Профессор все утро дергал себя за бороду. Он из-за чего-то нервничал. А значит, я должен был выяснить, из-за чего именно. И использовать это.

— Профессор, все мы в курсе касательно вашей квалификации и опыта. В области анализа ДНК

вы очень хорошо известны. Поэтому давайте сразу же перейдем непосредственно к делу. Взгляните, пожалуйста, на фотографии под номером одиннадцать, двенадцать и тринадцать.

Большой экран, обращенный к присяжным и свидетельской трибуне, сразу же осветился, и на нем появилась фотография белой блузки, висящей в шкафу Кэрри Миллер. Следующий снимок изображал манжету этой блузки, снятую крупным планом. На ней виднелось какое-то пятно. Ржаво-красное. Как будто на манжету попала капля кетчупа, которая потом высохла и потускнела. На последней фотографии фигурировала все та же блузка в прозрачном пакете для улик с маркировкой «БС–9».

— Что вы можете рассказать нам об этих фотографиях?

— Вместе с этой уликой, «бэ-эс-девять», и этими фотографиями мне выдали сопроводительный документ, в котором указывалось, что данный предмет одежды был найден в шкафу Кэрри Миллер и сохранен в качестве вещественного доказательства для последующей экспертизы. Моя задача заключалась в том, чтобы исследовать и извлечь ДНК из пятна на волокнах рукава и сравнить этот образец с любыми известными

профилями в наших системах, — начал Джонсон. Его речь производила впечатление клинически бесстрастной и тщательно взвешенной. Каждый слог каждого слова был выверен и безукоризненно произнесен.

— Что вы далее сделали с этой блузкой, приобщенной к вещественным доказательствам под номером «бэ-эс-девять»?

— Сначала я подверг данный предмет одежды внешнему осмотру. Это была женская блузка, шестого размера. Белая, из хлопка с добавлением шелковых волокон. По внешнему виду упомянутого пятна, которое уже выцвело, было ясно, что его пытались удалить — вероятно, постирали эту блузку при достаточно высокой температуре в стиральной машине. А затем высушили, выгладили и повесили в шкаф. Но даже стирка не позволила полностью удалить ДНК. В данном случае я провел поиск еще и скрытых пятен крови. Могу я обратиться к улике под номером «эс-дэ-три»?

Уайт повернулся к своему помощнику, который склонился над лэптопом, подключенным к большому экрану, обращенному к присяжным. Изображение блузки, висевшей в шкафу Кэрри, сменилось каким-то другим. Поначалу было

непонятно, что появилось на экране. Бóльшая часть снимка была слишком темной, чтобы хоть что-то разобрать, но, как следует присмотревшись, можно было различить очертания белой блузки, а на ее рукаве и манжете — несколько пятен разного размера и формы, сине-зеленого цвета с металлическим отливом.

— Я обработал данный предмет одежды люминолом, а затем осмотрел его в темной комнате, чтобы проверить, нет ли на нем каких-либо остаточных следов крови, которые были более не видны. Как вы можете видеть на этом снимке, имелось еще несколько кровавых пятен, но, за исключением самого большого из них, длина которого составляет около полудюйма, они не были видны невооруженным глазом.

— И когда вы выявили эти следы, что произошло потом?

— Выявленные следы были срезаны с данного предмета одежды и помещены в микроцентрифужную пробирку Эппендорфа. ДНК была выделена из них методом центрифужной экстракции, а также фенол-хлороформным методом с использованием изоамилового спирта, амплификация осуществлялась ПЦР-методом с использованием спектрофотометра. Результа-

том этого стала успешная экстракция ДНК и ее последующий анализ. ДНК из следов крови на данном предмете одежды совпала с имеющимся в системе профилем с вероятностью миллиард к одному.

— Профессор, касательно этой последней части… Вас не затруднит чуть подробней объяснить про вероятность и совпадение профиля?

— Мы никогда не сможем утверждать, что какой-либо образец ДНК стопроцентно соответствует контрольному, но я могу сказать, что кровь на этом предмете одежды почти наверняка, с вероятностью миллиард к одному, относится к профилю Стейси Нильсен, имеющемуся в базе данных. То есть если б я сравнил этот профиль ДНК с миллиардом других профилей, то он в лучшем случае совпал бы всего лишь еще с одним из них.

— И какова же вероятность такого исхода?

— Как я уже сказал — один к миллиарду. То есть на основании своего научного подхода я могу почти с полной уверенностью заявить, что кровь на блузке обвиняемой принадлежит одной из жертв по этому делу — Стейси Нильсен.

Глава 40
Эдди

Когда умелый игрок действительно попадает в цель, когда все его тренировки, опыт, мастерство и природный талант сливаются воедино в идеальном моменте исполнения, — всегда есть звук. Это производит какой-либо шум. Это глухой «бульк!» девятого шара, заглатываемого горловиной угловой лузы; щелчок идеально воткнутой передачи на перегазовке; шелест кожаного баскетбольного мяча о полиэстерную сетку, когда он проваливается в корзину после трехочкового броска; шлепок воловьей кожи о кленовую биту, посылающей мяч за пределы игрового поля[216]. Как только вы слышите подобный звук, то сразу понимаете, что произошло что-то особенное.

В суде все по-другому.

Вообще-то, даже совсем наоборот.

Да, когда происходит что-то особенное — когда какая-либо из сторон объявляет прямой допрос

---

[216] notes: 216

Один из наиболее зрелищных моментов в бейсболе — игровая ситуация, позволяющая отбивающему и всем его партнерам, тоже находящимся на базах, совершить пробежку (т. н. хоум-ран) и набрать очки.

свидетеля и все проходит без сучка без задоринки, — это, блин, натуральная симфония. Но только без звука.

В судебных залах, особенно при обилии посторонней публики, всегда шумно. Люди постоянно кашляют, перешептываются, ерзают на своих местах, представители сторон расхаживают по залу, разговаривают, кричат, ножки стульев скрежещут по полу — и все это в помещении, специально рассчитанном на то, чтобы передавать и усиливать звуки.

А когда в суде происходит что-то особенное, наступает тишина.

Только это такого рода тишина, которую вы никогда раньше не слышали. Как будто все это показывали по телевизору и кто-то вдруг вырубил звук. Это происходит внезапно. И это не просто отсутствие звука. Это звук в минусе. Как будто космический вакуум высосал из комнаты все акустические частицы. Становится так гнетуще тихо, словно сама тишина обладает весом.

Если во время судебного разбирательства воцаряется такое величественное молчание, остается только одно — сидеть и наслаждаться им, пока оно длится, поскольку обычно это означает, что вы только что выиграли свое дело или хотя бы

какой-то важный его этап.

«Гадство», — нацарапал Гарри в своем блокноте.

Ничего нам тут не светило.

— Профессор, в начале своих показаний вы описали эти пятна крови как брызги. Что вы имели в виду под словом «брызги»? — спросил Уайт.

— Судя по размеру и форме пятен, — ответил профессор, — они могли появиться в результате разбрызгивания крови — когда на образовавшие их капли действовала не одна только сила тяготения.

— Благодарю вас, профессор Джонсон. Больше вопросов не имею.

Я медленно поднялся, нацелившись взглядом на заметки Гарри, лежащие перед ним на столе. Коротко глянул на профессора Джонсона, после чего произнес:

— Ваша честь, мне нужно минутку переговорить с моим коллегой.

Я наклонился, прошептал Гарри:

— Для Уайта все пока сошло хорошо.

— Как хочешь все это разыграть? Ты можешь мурыжить этого деятеля часами, — отозвался Гарри.

Одна из тактик адвоката защиты, когда дело

доходит до дачи показаний по ДНК, заключается в том, чтобы цепляться даже к самым мельчайшим деталям. Часами вникать в технологию каждого из этапов обработки улик, проверяя, применялись ли по отношению к биологическим образцам надлежащие процедуры карантина и соблюдения чистоты, убеждаясь, что использовалось только новое или надлежащим образом стерилизованное оборудование, — словом, пытаться найти хотя бы мельчайшие прорехи в той последовательности действий, которая привела к выводу о том, что, к примеру, эта кровь и в самом деле принадлежит Стейси Нильсен с вероятностью миллиард к одному. Это хорошая тактика, и после второго часа присяжные уже начинают ненавидеть эксперта, потому что им скучно и они окончательно сбиты с толку, а некоторые из них могут даже отмести подобные свидетельства. Но это рискованно — присяжные могут вместо этого обратить свое раздражение на адвоката защиты.

— У нас нет на это времени, — ответил я. — Нам нужно проделать все это как можно быстрей, ради Кейт.

Эдди Фелсон, бильярдная акула в фильме «Шу-

лер»[217], играл лучше всего, когда не вымучивал очко за очком. Когда он играл быстро и разнузданно, никто не мог его обставить.

— Не дашь мне листок бумаги и ручку?

Гарри вырвал страничку из блокнота, протянул мне авторучку. Я написал четыре слова и повернул листок к Гарри. Он прочитал их, улыбнулся.

«Погнали! Быстро и разнузданно».

[217] notes: 217

Черно-белая спортивная драма The Hustler (1961) известна у нас также под прокатными названиями «Бильярдист» и «Король бильярда».

Глава 41
Эдди

Когда я встал, чтобы провести встречный допрос Джонсона, в руке у меня все еще была ручка Гарри. Красивая вещица — ярко-зеленый корпус и золотое перо. Немецкая чернильная авторучка, известная своей надежностью. И, как я надеялся, высокой прочностью. Потому что сейчас я так стискивал ее в пальцах, словно это был спасательный конец.

— Профессор Джонсон, вы возглавляете криминалистическую лабораторию в Южном округе, это верно? — спросил я.

— Верно.

— Могу я подойти к свидетелю?

Судья Стокер кивнул.

— Профессор, мне уже доводилось наблюдать за вашими выступлениями несколько лет назад, но до сих пор не выпадало возможности познакомиться с вами. Очень приятно, сэр, — сказал я, после чего шагнул к нему и протянул руку.

Джонсон улыбнулся, слегка приподнялся в кресле, и мы обменялись коротким рукопожати-

ем. Когда он опять сел, на лице у него явственно отразилось облегчение. Уайт тщательно подготовил его к этому делу и наверняка сказал ему, что я настоящий тигр, который попытается оторвать от него куски мяса. Теперь Джонсон начинал думать, что ему предстоит куда как более безмятежное плавание. Пока что мне хотелось, чтобы так оно и оставалось. Чтобы он перестал кипишиться, почувствовал себя комфортно. Расслабился.

— Профессор, вы проанализировали пятна на блузке моей клиентки. А вы, случайно, не обнаружили на ткани заодно и ДНК моей клиентки?

Профессор откинулся на спинку кресла, закинул одну длинную ногу на другую и сложил руки на коленях. Он был готов к этому вопросу. Хитрость заключалась в том, чтобы дать ответ так, чтобы тот не прозвучал отрепетированно или фальшиво.

— ДНК вашей клиентки попала бы на блузку, если б она хотя бы раз надела ее. ДНК из пота может легко проникнуть в ткань. Однако при стирке одежды ДНК вашей клиентки могла быть полностью удалена.

— Но только не кровь?

— Нет, кровь гораздо труднее удалить с ней-

лона и хлопка, чем пот. Она глубоко въедается в волокна, зачастую навсегда. Примерно как красное вино.

— Понятно. И если б моя клиентка вообще никогда не надевала эту блузку, на ней тоже не было бы ее ДНК, верно?

— Наверняка.

— Вы не проводили анализ на наличие ДНК моей клиентки, насколько я понимаю?

Джонсон улыбнулся присяжным, давая свой ответ:

— Нет, в этом не было никакого смысла — если предмет одежды прошел через стиральную машину, как этот.

— Но если вы не проводили анализ на наличие ДНК моей клиентки, то невозможно сказать, надевала ли она когда-нибудь эту блузку раньше, разве не так?

Он прочистил горло. Явно ощутив себя несколько неуютно. Однако я не хотел, чтобы профессор по-настоящему задергался. Пока что.

— Я не знаю, стирала ли ваша клиентка свои новые блузки перед тем, как надеть их.

— Хорошо, я рад, что мы с вами пришли к консенсусу по этой части, — сказал я, после чего быстро перешел к другому вопросу, когда Джон-

сон уже открыл было рот, собираясь сказать, что ни к какому консенсусу мы с ним не приходили.

— Профессор, вы ведь не специалист по брызгам крови, не так ли?

— Да, тут вы правы. Но, как вы сами мне недавно напомнили, за свою карьеру мне доводилось давать показания на сотнях судебных процессов по уголовным преступлениям, в основном связанных с убийствами, и у меня есть некоторый опыт исследования следов крови. На мой взгляд, конфигурация этих пятен наводила на мысль о брызгах. Как будто обвиняемая находилась где-то неподалеку, когда убивали Стейси Нильсен, а может, и сама орудовала ножом.

— Вы сейчас очень далеко от своей лаборатории и своего оборудования, профессор. Вы вообще в курсе, что на данный момент Министерство юстиции продолжает расследование показаний аналитиков по брызгам крови, результатом которых стало множество неправомерных осуждений?

— Мне известно о таком расследовании.

— Вы не видели каких-либо отчетов касательно анализа брызг крови в связи с пятнами на блузке, которую вы изучали?

— Нет, не видел. Не уверен, что такой эксперт

вообще привлекался.

Теперь мы уже начали куда-то продвигаться. Уайт хотел, чтобы кто-нибудь сказал, что кровь Стейси Нильсен попала на блузку Кэрри Миллер, потому что она присутствовала при ее убийстве. Увы, но все эксперты по брызгам крови к востоку от Миссисипи отказывались консультировать по судебным делам до получения результатов расследования Министерства юстиции — не хотели лишний раз светиться. Выступление кого-то из них на громком судебном процессе по делу о множественных убийствах могло привлечь к такому эксперту дополнительное внимание и спровоцировать тщательное расследование, в ходе которого Министерство юстиции перешерстит всю его карьеру. В отсутствие эксперта по брызгам крови Уайт завел доброго профессора на минное поле, отчаянно пытаясь связать Кэрри Миллер с местом преступления.

— Профессор, в этих делах ведь нет каких-либо биологических или криминалистических улик, связывающих моего клиента с каким-либо из мест преступления, насколько вы это себе представляете?

— Кроме крови, которую я исследовал, — нет, таковых не имеется.

Настал момент завалить профессора на ковер.

— Что такое первичный перенос? — спросил я.

— Это когда какой-либо материал, обычно биологический, переходит от жертвы к подозреваемому. Например, брызги крови.

— А что такое вторичный перенос?

— Это происходит, когда какие-либо материалы переходят от первичного получателя к другому лицу.

Я сделал секундную паузу, давая Джонсону понять, что тщательно обдумываю свой следующий вопрос. Позволил своему рту на миг изогнуться в короткой улыбке. Плечи у него напряглись.

— Профессор, прежде чем я задам свой следующий вопрос: есть ли в ваших показаниях что-либо, что вы хотели бы сейчас изменить или пересмотреть?

Джонсон согнул небрежно вытянутые перед собой ноги и твердо поставил их на пол.

— Нет, не думаю, — сказал он. — Я высказываю свое профессиональное экспертное мнение настолько объективно, насколько это только вообще возможно.

Мои брови приподнялись в притворном удивлении.

Джонсон сглотнул, после чего правой рукой

подергал себя за бороду. Именно этого я и ждал.

— Профессор, вы в курсе, что обвинение выдвигает версию о том, что моя клиентка участвовала в этих преступлениях вместе со своим мужем Дэниелом Миллером?

— В курсе.

— Естественно, в курсе — потому что проводили извлечение ДНК с последующим ее анализом из отпечатка пальца, найденного под мышкой у Стейси Нильсен. Каков был результат этого анализа?

Джонсон погладил бороду, проведя по ней пальцами, а затем потянул за нее, скручивая в пучок, который тут же распустился обратно, как только он выпустил его из руки. Прежде чем заговорить, глянул на присяжных, затем снова на меня.

Заслышав за спиной едва слышный шепот, я обернулся. Одна из присяжных, блондинка в красном свитере, подталкивала свою соседку локтем и незаметно указывала на свидетельскую трибуну. Я знал, на что она смотрит, на что указывает.

Жаль, что Джонсон этого не знал.

— Да, я извлек перепутанные между собой цепи ДНК и сумел их разделить. Это был отпечаток пальца Дэниела Миллера, как показала другая криминалистическая экспертиза. Но, еще не

зная об этом, я составил два профиля ДНК из материала, взятого с тела Стейси Нильсен. Один образец ДНК однозначно указывал на то, что он принадлежал самой Стейси Нильсен. Другой образец оставался неопознанным, пока я не извлек ДНК из зубной щетки, найденной в ванной Дэниела Миллера. ДНК на этой зубной щетке полностью совпала с другим образцом с тела Стейси Нильсен.

Перешептывания стали громче. Теперь уже и кое-кто из публики обратил на это внимание, бросая на профессора Джонсона какие-то странные взгляды.

— То есть результаты экспертизы ДНК безоговорочно связывают мужа моей клиентки, Дэниела Миллера, с жертвой, Стейси Нильсен. Его ДНК на отпечатке попала туда из пота?

— Совершенно верно, а кровь в составе этого отпечатка пальца принадлежала Стейси Нильсен. Это свидетельствует о том, что он прикасался к ней.

— Понятно. Но разве не возможно, чтобы кровь, обнаруженная на блузке моей клиентки, попала туда путем вторичного переноса?

— Возможно. Хотя и крайне маловероятно.

— А возможно ли, что когда муж моей кли-

ентки, известный как убийца Стейси Нильсен, снимал с себя одежду в той же гардеробной, какой пользуется и Кэрри Миллер, часть крови с его одежды попала на блузку моей клиентки?

— Опять-таки возможно, но крайне маловероятно, — повторил Джонсон, повысив голос. Он уже начал замечать взгляды присяжных и людей из публики, и теперь даже Дрю Уайт как-то странно смотрел на него, причем Джонсон понятия не имел почему.

— Почему вы считаете, что это маловероятно? — подзадорил я его.

Я знал ответ еще до того, как профессор его произнес. Так говорят все эксперты по брызгам крови, когда правдоподобная последовательность событий не соответствует их собственным представлениям. Я слышал это уже десятки раз. То же самое сказал и Джонсон, который участвовал уже в сотнях судебных процессов. Он превысил уровень своей компетенции и знал это. Профессор был выбит из равновесия, так что когда заговорил, то едва ли не выкрикнул свой ответ:

— Потому что я не верю, чтобы кто-то мог испачкать кровью самого себя или свою одежду в результате вторичного переноса, не заметив этого!

Вот оно. Его объяснение. Сформулированное именно так, как я и ожидал.

— И в самом деле, — произнес я, поднимая ладонь, чтобы Джонсон и присяжные могли хорошенько рассмотреть ее.

Он прищурился и подался вперед.

— Профессор Джонсон, я должен извиниться перед вами, — сказал я. — Я только что делал пометки авторучкой моего коллеги и испачкал руку чернилами.

На руке у меня осталось темно-красное круглое пятно от ручки Гарри — с того момента, как я слегка провернул шпенек поршня, брызнув немного чернил себе на ладонь. После чего пожал Джонсону руку, а вскоре заставил его настолько занервничать, что он начал поглаживать свою бороду. Профессор поднял руку, с удивлением узрев на пальцах и ладони чернильные разводы.

Чернила были и у него на бороде. Белые пряди стали красными. Это заметили присяжные. Это увидели зрители из публики. Это увидел прокурор, а в результате увидели и все до единого.

Кроме Джонсона.

— На вас чернила. Вторичный перенос. Что вы там только что говорили? Что нельзя испачкать кровью свою одежду, не заметив этого?

Он недоверчиво уставился на чернила на своей руке и принялся качать головой.

— Профессор, вы ведь не можете сказать, *когда* эта кровь попала на блузку моей клиентки, *где* это произошло и *как* это произошло, не так ли?

Джонсон просто мотал головой, уставившись на свою ладонь, а затем посмотрел на меня так, словно хотел добыть из моей физиономии какой-то биологический материал.

— Всё в порядке, профессор. Вам не обязательно отвечать на этот вопрос. Присяжные увидели достаточно. Просто оставлю вас обтекать… простите, я хотел сказать обсыхать. От чернил.

Глава 42
Блок

У Блок горели плечи.

Замерзшими и онемевшими руками она уже в тысячный раз подняла монтировку и воткнула ее в лед. Лейк орудовал подобранным на складе ломиком — вместе они лихорадочно обкалывали толстую ледяную оболочку, в глубине которой темнел мешок для трупов. Таким способом они удалили уже первый фут льда. Оставалось еще никак не меньше.

В очередной раз вскинув монтировку, Блок с силой опустила ее вниз, но как только та ударилась о лед, выпустила ее из рук — длинная массивная железка со звоном свалилась на пол. Тяжело дыша, Блок подула на ладони, потерла их друг о друга.

— У меня уже спина не разгибается. Мне нужно передохнуть. Тебе тоже — давай, присядь. Нам нужен перерыв, иначе мы без пальцев останемся, — сказал Лейк.

Подхватив монтировку, Блок вновь воткнула ее в нутро морозильной камеры, но опять не

удержала, выпустив из рук.

— Ну ладно же, хватит! Передохни минутку, — сказал он.

Слишком измученная, чтобы говорить, Блок села на пол, привалившись к морозилке спиной.

— А ты и вправду не доверяешь федералам, что ли? — спросила она. — Странно, особенно если учесть, что когда-то ты был одним из них.

— Именно что когда-то. Хотя я никогда не был федералом. В Бюро требуется определенный склад ума, а значит, я никогда не смог бы стать одним из них. По-настоящему.

— В смысле?

— Ну, сама небось знаешь… Подчиняться приказам, уважать начальство, следовать политике… Что-то в этом роде. Если я сочту, что что-то неправильно, то никогда не стану так поступать. В работе Бюро до хрена всего неправильного, и больше всего неправильного в том, как они охотятся за серийными убийцами.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Блок.

— Весь подход в целом. Профиль серийного убийцы хорош настолько, насколько хорош специалист, который его составил. И если такой спец упорно придерживается политики Бюро, то толку с него ноль. Или почти ноль. Они думают,

что могут выяснить, кто может стоять за этими преступлениями, изучив методы и психологию убийств, — увидеть личностные свойства убийцы в том, как он убивает, — но люди так себя не ведут. К человеку, который выходит на улицу ночью и убивает людей, неприменимы те же личностные черты, которые определяют его манеру одеваться или то, как он разговаривает с покупателями за кассой «Уолмарта» в течение дня. Мы адаптируем свою личность и манеру поведения применительно к различным ситуациям. Я думаю, что на месте преступления нет смысла искать обычного человека — можно искать только убийцу.

— Логично, — сказала Блок. — Составить профиль с таким подходом и вправду сложно.

— А от профилирования все равно нет никакого толку. Как думаешь, сколько таких профилей привели непосредственно к поимке серийного убийцы за всю историю ФБР?

— Ну не знаю… Пятьдесят? — предположила она, а затем подула в ладони и потерла их друг о друга, пытаясь разогнать кровь.

— Два.

— Всего два?

— Я не буду спрашивать, сколько профилей

ошибочно исключили преступника из списка подозреваемых, но точно известно, что как минимум пять, а так-то, вероятно, побольше двадцати.

— Тогда зачем же до сих пор существует подразделение поведенческого анализа?

— Это хорошо для создания нужного общественного мнения, и, естественно, около пятнадцати лет назад все коренным образом изменилось. Сейчас профили составляются на основе статистического анализа преступлений девяноста двух серийных убийц. Это не более чем игра с цифрами, еще более бесполезная.

— Как все это делается?

— Один из основных отсеивающих факторов для анализа сейчас заключается в том, перемещал ли убийца тело. К примеру, если тело перемещалось, то, согласно анализу Бюро, существует сорокапроцентная вероятность того, что либо убийца, либо его отец служили в армии.

— Чушь собачья.

— Вот именно. У этого подхода есть целое множество проблем, и не в последнюю очередь по той причине, что Бюро публикует всю эту цифирь для всеобщего обозрения. Если б я был серийным убийцей, то посмотрел бы, как они

классифицируют и экстраполируют личностные характеристики при составлении профиля, и изменил бы свой «модус операнди»[218], чтобы тот и близко не намекнул на мою личную историю или демографическую принадлежность.

Блок промолчала.

— Другая проблема, — продолжал Лейк, — заключается в том, что этот анализ основан на совсем небольшом исследовании — всего девяноста двух серийных убийц, которые были настолько глупы, чтобы попасться полиции. Эксперты, не связанные с ФБР, сходятся во мнении, что в настоящее время в Соединенных Штатах может действовать от пятисот до двух тысяч серийных убийц. Я не хочу использовать метод статистического анализа, основанный на данных о тех преступниках, которых мы уже поймали. Я хочу выяснить, как найти тех, кто еще не был пойман.

Лейк подошел к морозилке, подхватил ломик и пятью быстрыми ударами разбил лед, выбросив наружу еще несколько крупных обломков.

— Знаешь, Сонг рассказал Эдди о том, что про-

---

[218] notes: 218

Modus operandi, или просто MO, — старинный латинский термин, известный любому юристу; означает «образ действий» (как правило, преступника). Он же «преступный почерк», кому как привычней.

изошло на том складе. По его словам, в какой-то момент ты перестал просто защищаться и устроил охоту на всех людей в том доме, — сказала Блок.

Теперь Лейк тяжело дышал. Отложив ломик, он потер руки, чтобы согреть их.

— У многих людей есть свои версии касательно того, что произошло в том доме, — сказал он. — Я оказался там, потому что преследовал одного серийного убийцу и получил наводку от одного из осведомителей, зарегистрированных на федеральном уровне. Оказалось, что примерно через четыре часа после того, как он дал мне эту наводку, этого самого стукача нашли на пустыре под Манхэттенским мостом. Парень поперхнулся зарядом картечи из помпового ружья. Руки и ноги у него были связаны кабельными стяжками. Примерно так, как обездвиживают задержанных сотрудники правоохранительных органов — *федеральных* правоохранительных органов, то есть.

— Господи… — произнесла Блок.

— Кто-то в Бюро хотел, чтобы я вслепую вошел в этот притон, зная, что шансы опять выйти оттуда у меня разве что чуть выше, чем у «Милуокских

пивоваров» на победу в Мировой серии[219]. Сказать по правде, не знаю, за счет чего я выжил. В меня влепили четыре пули, и я чуть не истек кровью. Какая-то часть меня… Даже не знаю, как это описать. В какой-то момент мне показалось, будто меня там нет. Что я просто наблюдаю за происходящим со стороны.

— Ты знаешь, кто тебя подставил? — спросила Блок, поднимаясь на ноги.

Лейк помотал головой:

— Когда-нибудь я это выясню. Когда я рассказал своему начальству, зачем вошел в это здание и что случилось с тем осведомителем, меня сразу же выпроводили из ФБР на пенсию. Они не хотят скандала. Они не хотят неприятностей. Они защищают кого-то из своих.

Подобрав монтировку, Блок три раза с силой воткнула ее в лед.

— Но ты и был одним из них, — заметила она.

— Не совсем. Я играл не по их правилам. Я был для них белой вороной, хотя это я вывешивал результаты на доске. Впрочем, начальству на

---

[219] notes: 219

«Милуокские пивовары» (*англ.* Milwaukee Brewers) — профессиональный бейсбольный клуб, основанный в 1969 г. и выступающий в Главной лиге бейсбола, традиционно не особо результативный; Мировая серия — решающая, финальная серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола.

самом деле наплевать на результаты, если ты не играешь в их игры.

Он с силой ударил ломиком по центру сковавшей нутро морозилки льдины. Блок услышала громкий треск.

Она посветила фонариком внутрь.

Навалившись на ломик, Лейк отколол кусок льда фунтов в сорок весом. Теперь они могли уже подобраться к молнии по центру черного пластикового мешка. Вытащив из-за голенища высокого ботинка складной нож, Блок аккуратно взрезала ту часть мешка, примерно дюймов десяти длиной, до которой они могли достать сквозь отверстие, выдолбленное во льду.

В свете фонарика, который держала Блок, Лейк раздвинул негнущийся черный пластик по сторонам.

Фонарик выпал у Блок из руки прямо внутрь морозилки. Голова у нее закружилась. Схватившись за стенки морозильной камеры, чтобы не упасть, она наклонила голову.

Попыталась отдышаться.

Блок не плакала уже очень давно. И сейчас почувствовала знакомую волну эндорфинов, тяжесть в животе, ощущение чего-то липкого в горле.

Крепко зажмурилась, борясь с желанием больше не сдерживаться и разрыдаться в голос.

А потом выпрямилась, достала свой телефон и нажала на кнопку, отправляя вызов Эдди Флинну.

Глава 43
Эдди

Вопросов к перемазанному чернилами эксперту по ДНК у обвинителя больше не нашлось.

Когда один из ваших свидетелей откровенно обделывается во время дачи показаний, есть два варианта последующих действий: попытаться залатать причиненный ущерб или как можно скорее убрать его с трибуны и выставить перед присяжными свежего свидетеля. Уайт выбрал последний вариант. Который требует хорошего свидетеля. Более или менее непоколебимого.

— Народ вызывает миссис Дейзи Бродер!

Супер.

Невысокая женщина с седыми волосами, одетая в элегантный серый костюм и блузку в бело-голубую полоску, уверенно шла по проходу. Двигалась она так хорошо, что это напомнило мне те телешоу с розыгрышами, в которых загримированные под стариков каскадеры вдруг вскакивают на скейтборд и начинают выделывать всякие отвязные трюки. Миссис Бродер вполне могла быть такой вот переодетой каска-

дершей. Иссохшая плоть свисала у нее с костей, как будто все мышцы были высосаны досуха. Пальцы скрючены артритом. Возраст начертал свою историю почти повсюду у нее на коже — мелкими морщинками и пигментными пятнами на тыльной стороне запястий и на лбу.

Приметив подходящую возможность, Уайт поднялся со своего места и обошел стол, чтобы подать ей руку — собираясь помочь миссис Бродер подняться на свидетельскую трибуну. Она лишь отмахнулась от него. Миссис Бродер не нуждалась ни в какой помощи. Это поставило Уайта в несколько дурацкое положение, но он со всей возможной теплотой улыбнулся ей и вернулся за стол обвинения. Миссис Бродер поклялась на Библии говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет ей Бог. Я уже сбился со счета, сколько людей у меня глазах давали эту клятву. Большинство нервничают, путаются в том, какую руку положить на Библию, потеют и запинаются, произнося слова присяги, даже когда секретарь суда помогает им ее зачитать. Все, что от них требуется, — это просто повторить то, что говорит секретарь. Некоторые воспринимают эту процедуру всерьез — или, по крайней мере, делают вид, пытаясь создать впечатление

искренности, хотя на самом деле лишь в полный рост демонстрируют свою лицемерную натуру.

Миссис Бродер, однако, и впрямь была настроена всерьез. Громко повторяла каждое слово, произнесенное секретарем, как будто и вправду клялась от всей души. Словно произносила клятву верности в первой игре Мировой серии с круга подачи на стадионе «Янки». Когда она закончила и судья пригласил ее сесть, она величественно поблагодарила его, словно какого-то глуповатого, но горячо любимого внука.

— Миссис Бродер, — начал Уайт, — вы помните, где вы были вечером десятого июня прошлого года?

Она кивнула:

— Молодой человек, я прекрасно помню, где была, что делала и что произошло той ночью!

Уайт улыбнулся и бросил на меня взгляд, говорящий о том, что уж эта-то свидетельница ни на какие мои выкрутасы не поведется. Мог бы и не стараться. Я и так видел, что миссис Бродер обещает стать для нас натуральной занозой в заднице. Некоторых свидетелей, хоть тресни, не свернешь с пути истинного. Они совершенно непоколебимы. Однако Кейт оставалось полагаться только на меня. На Гарри. На Блок.

— Просто послушай, — прошептал Гарри. — Дыра в заборе есть всегда. Удобный случай обязательно подвернется. Просто дождись его.

— Миссис Бродер, не поведаете ли нам, где вы находились и что видели в ту ночь?

— Я смотрела кино. «Хищник» с Арнольдом Шварценеггером. И была уже примерно на середине фильма, в том месте, где убивают Хокинса, когда случайно выглянула в окно и увидела какую-то парочку на другой стороне улицы. Они проходили мимо дома Нильсенов, но явно не спешили.

— Что вы имеете в виду, говоря, что они не спешили?

— Они проходили мимо очень медленно. И не похоже, чтобы куда-то направлялись. Именно это и привлекло мое внимание. Все в Нью-Йорке куда-то стремятся. А эти люди — нет.

— Что произошло потом?

— В общем, я не придала этому особого значения, так что вернулась к своему фильму. Минут через пять они вернулись. Опять прошли мимо дома. А потом остановились, повернулись и стояли на тротуаре, просто разглядывая это место.

— Сколько они там простояли?

— Не знаю — может, минут пять или десять…

— Вы узнали эту пару?

— В тот момент нет. Я их не знала. В этом городе можно увидеть много чего чудно́го, но эти двое вызвали у меня какое-то чувство… Трудно описать. Это может показаться странным, но у меня возникло какое-то нехорошее предчувствие, пока я наблюдала за ними. Я уделила им немало внимания. И хорошо разглядела их лица.

— Когда вы переговорили с полицией, миссис Бродер?

— На следующий день я увидела перед домом Нильсенов полицейские машины. И «Скорую». Они перекрыли целый участок улицы, и я даже не могла пойти на занятия. Но я спустилась и поговорила с кем-то из офицеров. Рассказала ему о том, что видела вечером.

— И что он вам сказал?

— Он сказал, что они ищут не пару. А только одного человека — мужчину, сказал он мне.

Я почувствовал, что Уайту хочется быстро исправить ошибку того полицейского, но он придержал язык. Прокурор наверняка решил, что присяжным куда важнее узнать, что миссис Бродер говорила с полицией еще до того, как лицо Дэниела Миллера появилось на всех новостных каналах, веб-сайтах и в газетах страны.

— Что произошло дальше, миссис Бродер?

— Ну после этого прошло не меньше пары дней. Весь район был в шоке. Мы знали эту семью. Мы видели, как эти дети играли возле своего дома каждый день, вернувшись из школы, как ходили со своими родителями в магазин. Это всех очень сильно потрясло. Не помню, сколько времени прошло с того вечера, когда я опять увидела лицо этого человека в новостях. Я позвонила в местный райотдел полиции, и к тому времени как оттуда пришли ко мне домой, в новостях появилось еще одно лицо. Той женщины, которую я тогда видела. На тот момент я не знала, кто они такие. Но поняла, что это они, как только увидела их фотографии.

У меня в кармане загудел телефон. Электронное письмо от Дениз, с вложениями. Я открыл его и прочитал текст.

— Миссис Бродер, я обратил внимание, что вы без очков. Как у вас со зрением? — поинтересовался Уайт.

— У меня дальнозоркость. Мне нужны очки для чтения, но у меня нет проблем с просмотром телевизора или с тем, чтобы прочесть вывески, которые находятся далеко от меня.

— И последний вопрос, миссис Бродер. Нас-

колько вы уверены, что пара, которую вы видели наблюдающей за домом Нильсенов в ночь этих убийств, была обвиняемой Кэрри Миллер и ее мужем Дэниелом Миллером?

Сначала миссис Бродер ничего не ответила. Просто огляделась по сторонам, явно удивленная вопросом.

— Да я никогда в жизни не была ни в чем так уверена! Это точно были они. Я очень хорошо рассмотрела их в тот вечер, и совершенно исключено, чтобы это мог быть кто-то другой.

— Спасибо вам, миссис Бродер. Я знаю, что последние сутки вы находитесь под надежной охраной в безопасном месте. Представляю, насколько это нелегко. Хочу еще раз поблагодарить вас за то, что согласились сегодня предоставить присяжным свои показания. Пожалуйста, оставайтесь пока на своем месте — возможно, у мистера Флинна есть к вам несколько вопросов.

Уайт сел, крайне довольный собой.

Я обвел взглядом присяжных.

Иногда бывает трудно «прочитать» людей. Большинство из нас не способны понять, что на уме даже у одного-единственного человека, не говоря уже о двенадцати. Но мне и не требовалось, чтобы все двенадцать этих людей были на

моей стороне. Для оправдательного приговора мне нужен был только один-единственный член жюри. Однако сейчас, вглядываясь в лица присяжных, я не видел ничего похожего на скепсис ни на одном из них. С таким же успехом миссис Бродер могла нести им слово Божье.

Судебный процесс зачастую похож на русские горки — вот ты взлетаешь куда-то ввысь, а уже через миг по какой-то дикой спирали стремительно валишься к земле, и кажется, будто тебе сейчас конец. Пара присяжных глянули на меня в ответ. Либо на их лицах было написано: «Ну давай, братан, попытайся — миссис Бродер говорит все как есть», либо же им было и вправду искренне любопытно, удастся ли мне хоть в чем-то поколебать грозную миссис Бродер.

Мне и самому это было любопытно.

Ничего не оставалось, кроме как попытаться.

Гарри положил руку мне на плечо и сказал:

— Просто выдай все, на что ты способен. Строго по существу. И как можно короче. Нам совсем ни к чему ввязываться в битву с этой миссис Бродер. У нее энергии еще на девяносто лет хватит.

Я кивнул, встал, застегнул пиджак.

Свидетельства очевидцев — это нечто вроде старой псевдоспортивной детройтской тачки тех

времен, когда никого не волновал расход топлива — лишь бы дури хватало под капотом: выглядит и звучит потрясающе, но немного покатайтесь на ней и наверняка обнаружите, что она столь же надежна, как «Ролекс» за двадцать долларов. Единственное, что может сделать адвокат защиты, — это попытаться помешать присяжным быть ослепленными обтекаемыми обводами кузова и рыком V-образной «восьмерки». Я должен был проследить за тем, чтобы они не просто попинали шины и сразу же запрыгнули за руль, но и заглянули под капот, чтобы увидеть обгоревшую проводку, залезли под такую машину и ощупали ржавчину, по-настоящему прислушались к ней, чтобы услышать, как сечет глушитель. Кто-то ограничится одной только красотой такой тачки, кто-то нет. Все, что я могу сделать, — это открыть капот и врубить фонарик.

Я знал, что эта свидетельница способна причинить нам немалый ущерб. Присяжные не просто верили миссис Бродер — они хотели ей верить.

— Добрый день, миссис Бродер. Меня зовут Эдди Флинн. Мне очень жаль слышать, что это дело создало вам целый ряд серьезных неудобств. Наверняка это было очень страшно.

— Это напомнило мне о давно ушедших вре-

менах. Но все не настолько плохо. Я уже старая женщина, мистер Флинн, и не боюсь этого Песочного человека.

Я кивнул, сделал шажок вперед.

— Я восхищаюсь вашей храбростью, миссис Бродер. Давайте поговорим о том, что вы видели в тот вечер…

При встречном допросе, когда речь заходит о показаниях очевидцев, есть три основные области для атаки — расстояние, освещенность и время. Существуют и другие уязвимые места, и мне понадобится по крайней мере еще одно. Однако на данный момент я начал с основ. Итак, расстояние.

— Как далеко находится окно вашей квартиры от дома Нильсенов на другой стороне улицы?

— О, точно не скажу, но…

— Давайте я вам немного помогу. На каком этаже расположена ваша квартира?

— На третьем.

— Стало быть, на какой там высоте?.. В тридцати — может, сорока футах над землей?

— Примерно в тридцати, я бы сказала.

— Хорошо, и проживаете вы на Восточной двенадцатой улице между Третьей и Второй авеню?

— Совершенно верно.

— Основные поперечные улицы в Нью-Йорке имеют ширину порядка ста футов. Улица эта не из основных, так что ширина у нее, сколько там… футов шестьдесят, не больше?

— Да, я бы сказала, что примерно так.

— Стало быть, с учетом высоты окон вашей квартиры, вы находились примерно в семидесяти футах от тротуара перед домом Нильсена в тот вечер?

— Верно, — ответила миссис Бродер, кивнув.

Итак, расстояние установлено. Теперь освещенность.

— Во сколько начался ваш фильм в тот вечер?

— О, думаю, где-то около десяти.

— А в котором часу, по-вашему, вы видели эту пару?

— Наверное, примерно в десять сорок пять или в одиннадцать. Где-то так.

— На улице было уже темно, верно?

— Верно. Но там есть фонарь, — сказала она.

Зачастую где-то в этот момент свидетели начинают понимать, к чему их подводят. И пытаются заранее дать отпор, опередить события. Единственный способ справиться с этим — дать им понять, что это ты контролируешь ситуацию.

— Я не спрашиваю вас об уличных фонарях,

миссис Бродер, я спросил у вас, было ли темно на улице. О фонарях мы еще поговорим, буквально через секунду. Давайте просто попробуем еще разок. Время было вечернее и на улице стемнело, не так ли?

Она переплела пальцы, кивнула:

— Да, было темно.

— Тот уличный фонарь, о котором вы так настойчиво стремились упомянуть, — на каком расстоянии, по-вашему, он находится от дома Нильсенов?

Миссис Бродер явно испытывала затруднения с ответом на этот вопрос. У многих людей такая же проблема. Они не могут мыслить футами или дюймами, они просто не способны их себе наглядно представить. Моей задачей было заставить миссис Бродер почувствовать себя как можно более неуютно.

— О, вообще-то не знаю. Никогда об этом не задумывалась. Хотя довольно близко.

— Что значит «довольно близко»?

— Ну не знаю — может, в десяти футах…

— Давайте поступим проще. Этот фонарь находится на вашей стороне улицы или на противоположной?

— На моей.

— Прямо под вашей квартирой?

— Нет, чуть в стороне.

— Мы уже установили, что ваша квартира находится в семидесяти футах от тротуара перед домом Нильсенов. А значит, этот уличный фонарь никак не может располагаться в десяти футах от дома Нильсенов — вы согласны, миссис Бродер?

Она поджала губы, развела руками и пожала плечами, как это делают люди, когда просто не знают, что сказать или что сделать.

— Я вижу, что вы не совсем уверены, поэтому позвольте мне вам помочь. Этот уличный фонарь расположен не прямо перед вашим зданием, а между ним и Третьей авеню, верно?

Прикрыв глаза, миссис Бродер попыталась мысленно представить себе улицу, после чего произнесла:

— Верно. Так что если стоять лицом к моей квартире, то он будет слева.

— Это я понимаю — вопрос в том, насколько далеко слева?

— Опять-таки точно не знаю. Не очень далеко.

— Давайте попробуем по-другому. Допустим, вы сейчас стоите прямо под окнами своей квартиры. Используйте какой-нибудь ориентир в данном

зале суда, чтобы показать нам, где находится этот фонарь. Явно не там, где стою я. Наверное, на самом дальнем конце судебного зала, где выход?

Оглядевшись, она сказала:

— Нет, не настолько далеко. Может, где-то посередине?

Я повернулся и двинулся в ту сторону — так медленно, как только мог, черт возьми! Позволяя звуку моих шагов разноситься по притихшему залу, прошел мимо стола защиты, миновал первый ряд мест для публики, потом второй, третий, четвертый, пятый, еще больше замедляя шаг, пока наконец не добрался до десятого ряда, примерно на полпути к выходу. Повернулся к миссис Бродер и спросил, совсем негромко:

— Примерно тут?

Миссис Бродер, нацелив ухо в мою сторону, отозвалась:

— Простите, я вас не слышу!

На этот раз я уже заорал:

— Простите, я уже довольно далеко от вас! Примерно такое расстояние между вашей квартирой и уличным фонарем?

Она кивнула.

Я направился обратно. Медленно. Позволяя присяжным прочувствовать это расстояние. Соз-

давая у них впечатление, будто оно значительно больше, чем на самом деле. Наконец остановился возле стола защиты.

— По моим оценкам, это около сорока пяти футов?

— Думаю, что так. Да.

— А ваша квартира, как мы уже выяснили, находится примерно в семидесяти футах от тротуара перед домом Нильсенов?

Она кивнула.

— Мне нужно, чтобы вы произнесли это вслух для протокола, миссис Бродер.

— Да, — коротко ответила она.

— Стало быть, уличный фонарь, на котором вы так стремились сосредоточить наше внимание, фактически расположен более чем в восьмидесяти футах от дома Нильсенов?

Подавшись вперед, миссис Бродер открыла рот. Быстро закрыла его опять. Немного помолчала, после чего произнесла:

— Я… Ну, может, и так. Но я все равно хорошо их разглядела.

— Когда мистер Уайт недавно расспрашивал вас, вы сказали, что эта пара медленно прошла мимо дома, после чего вернулась и на сей раз задержалась там, наблюдая за домом в течение

пяти или даже десяти минут. Прозвучало это так, словно вы не были уверены, как долго они там простояли, — я правильно вас понял?

— Нет, я их видела. И они простояли там какое-то время.

— Какое-то время… — повторил я. — Миссис Бродер…

После чего сделал паузу, принявшись мысленно считать до десяти. Не спеша, по секундам. «Одна тысяча один, одна тысяча два, одна тысяча три…»

Миссис Бродер терпеливо ждала, гадая, какой удар я собираюсь нанести ей на сей раз.

— Я только что прервался ровно на десять секунд. А показалось, будто очень надолго, согласны?

— Я… Ну, не совсем.

— Показалось, будто прошло гораздо больше десяти секунд.

Тишина. В особенно напряженной, тревожной тишине секунда может показаться минутой. Время субъективно.

— Наверное. Даже стало как-то неуютно.

— Согласен. Миссис Бродер, вы и вправду наблюдали за этой парой все это время или же просто иногда поглядывали на улицу, пока

смотрели свой фильм? Как, говорите, он там назывался? «Хищник»?

— Да, тот самый, с Арнольдом, — ответила она с улыбкой.

— Любите Арнольда?

— А разве не все любят?

— Это хороший фильм, согласен с вами.

— Один из моих самых любимых.

— Стало быть, я прав? Вы вроде как смотрели фильм и изредка поглядывали на улицу?

— Наверное, но я видела, как они там стояли.

— А не будет ли правильней сказать, что вы не уверены, сколько именно времени они там простояли? Могла это быть минута или даже меньше?

— Наверняка больше, — сказала миссис Бродер.

И последняя тема — точка обзора.

— Насколько я понимаю, улица видна вам прямо из вашего кресла? Вам не нужно было вставать и выглядывать в окно?

— Нет, я вижу ее прямо со своего места.

— Свет у вас в квартире был включен?

— Напольная лампа, рядом с телевизором.

Теперь у меня был выбор. Имелось несколько способов, как все это разыграть. Блок уже сооб-

щила мне, что улица из окна миссис Бродер и вправду видна, но отнюдь не как на ладони. Ветка растущего внизу дерева закрывала ей обзор. Если б я спросил у нее, не заслоняют ли вид на противоположный тротуар листья дерева возле ее квартиры, она бы просто ответила «нет». Так что лучше было сосредоточиться на кресле, а не на дереве.

— Вам не требовалось повернуться в кресле, чтобы разглядеть что-либо сквозь листья и ветви дерева, растущего перед вашим домом?

— Совсем немного. Мне просто пришлось слегка податься вперед.

Пора заканчивать.

— Миссис Бродер, вы разговаривали с сотрудником полиции буквально на следующий день после убийства и сказали ему, что накануне вечером видели пару, стоявшую возле дома, но тот полицейский не счел это важным, поскольку они искали только одного мужчину, Песочного человека, верно?

— Ну да, и как раз это я и сказала мистеру Уайту.

— Через три дня после этого убийства полиция Нью-Йорка и ФБР опубликовали фотографии Песочного человека в средствах массовой инфор-

мации, и началась охота на него — припоминаете, что видели их тогда?

— Припоминаю, хотя не могу точно сказать, когда именно. Сначала я увидела его фотографию.

— А две недели спустя, сразу после того, как большое жюри предъявило обвинение Кэрри Миллер, а ее фотография рядом с фотографией ее мужа была напечатана на первой полосе «Нью-Йорк таймс», — вот только тогда вы и обратились в полицию, верно?

— Верно.

— Но вы ведь только что сказали присяжным, что узнали их. Вы хотите сказать, что не узнали Дэниела Миллера, когда увидели его фотографию по телевизору через трое суток после убийства в доме напротив?

— Они сказали мне, что ищут только одного человека. А не пару.

— Но вы ведь видели его лицо в новостях и ничего не сказали полиции.

— Нет, по-моему, все-таки сказала. Хотя точно не помню. Наверное, я подумала, что это их не заинтересует.

Я сделал вдох. Не спеша выдохнул. Настал момент собрать разрозненные нити в клубок. Мне было жаль миссис Бродер, но на кону стояла

жизнь Кейт. Я должен был сохранять надежду. А значит, не мог позволить себе сдерживаться.

— Миссис Бродер, в тот вечер из залитой светом квартиры, сквозь листву, вы мельком увидели какую-то пару на другой стороне темной улицы в семидесяти футах от себя. И когда несколько недель спустя увидели фотографию Кэрри и Дэниела Миллер в газете или по телевизору и поняли, что Дэниел Миллер был опознан как человек, совершивший убийства Нильсенов, то помножили два на два, получив пять, и сказали полиции, что видели Миллеров в тот вечер на своей улице. Разве не так все было на самом деле?

Она начала было что-то мямлить, запинаясь, остановилась, перевела дыхание и выпалила:

— Я с этим не согласна!

Я не дал ей возможности привести какие-то объяснения. И Уайт тоже не стал этого делать. Если б он стал вдаваться в подробности, то только все испортил бы. Не стоит задавать вопросы, на которые не знаешь ответа, поэтому он встал и объявил:

— Ваша честь, повторный допрос не требуется. Однако есть один крайне тревожный момент, который мне хотелось бы прояснить прямо сейчас…

Глава 44
Эдди

— Ваша честь, — начал Уайт, — всего несколько дней назад были убиты сразу два свидетеля обвинения. Я уверен, что этот факт не ускользнул от внимания суда.

— Ваша честь, не стоит ли нам удалить присяжных из зала для обсуждения данного вопроса? — вмешался я, прежде чем Уайт успел заронить какую-то предвзятость в двенадцать душ слева от меня.

Поставив локти на стол, Стокер сцепил руки перед собой и ответил:

— Я не совсем понимаю, о чем меня просит мистер Уайт. Может, будет разумней вообще отправить присяжных на сегодня по домам? Сейчас уже начало пятого.

Уайт пояснил свою мысль:

— Мы хотели бы, чтоб присяжные зачитали письменные показания этих погибших свидетелей.

Вот оно… Формально он не настраивал присяжных против обвиняемой, поскольку никак не

намекнул, что именно содержалось в этих показаниях, но присяжные наверняка разошлись бы по домам с мыслью о том, что Песочный человек убрал двух ключевых свидетелей, способных усугубить положение его жены. Ничего хорошего это не обещало. По крайней мере, Дениз уже успела провести кое-какую подготовку по моей просьбе, и теперь мне ничего не оставалось, кроме как раскрыть карты.

— Ваша честь, мы возражаем против такого подхода. Честер Моррис, один из этих предполагаемых свидетелей, уже год как был задержан за нападение и нанесение побоев, однако ни о каком судебном преследовании до сих пор и речи не велось. Другими словами, он заключил сделку, чтобы сохранить свою лицензию частного охранника в обмен на показания по данному делу. А Тереза Васкес согласилась свидетельствовать на данном процессе при условии, что ее мать получит грин-карту и ускоренное получение гражданства США. Представительница моего офиса только сегодня разговаривала с матерью миссис Васкес. У нас больше нет возможности подвергнуть этих свидетелей встречному допросу по данным пунктам, поэтому мы категорически возражаем против рассмотрения их письменных

показаний присяжными.

Каким бы гаденышем и подлецом ни был Стокер, он был умным подлецом. Что касается конкретно этих свидетелей, то я был почти уверен, что они бессовестно лгали.

— Вы слышали мистера Флинна. Боюсь, это совершенно обоснованный довод. Мы объявляем перерыв до девяти утра завтрашнего дня. К этому времени соблаговолите подготовить вашего следующего свидетеля, мистер Уайт.

Присяжные встали, и их отвели обратно в их комнату за пальто и сумками. Стокер поднялся, и все мы тоже встали. На сегодня битва была окончена.

Гарри наклонился ко мне и шепнул:

— Молодец, хорошо справился.

Я покачал головой:

— Может, кто-то из присяжных и вправду сочтет, что на слова миссис Бродер особо полагаться не стоит. А может, и нет… Сам-то как думаешь?

Гарри начал укладывать блокнот и ручки в кожаную сумку, сделав вид, будто не услышал меня.

— Гарри, что ты об этом думаешь?

— Ты посеял сомнения. Это все, на что ты сейчас способен.

Я подошел совсем близко, убедившись, что больше нас никто не слышит.

— Скажу тебе, что я сам думаю, Гарри… Мы должны выиграть это дело для Кейт. И я сделаю все, чтобы это произошло. Хотя клиентка наша в бегах, а на ее блузке — кровь одной из жертв. Может, Честер Моррис и Тереза Васкес просто дурили окружному прокурору башку, чтобы добиться своего. Может, конечно, они и вправду что-то видели, но мне в это не особо верится. А вот миссис Бродер… Что ж, я и в самом деле набрал с ней несколько очков, но, черт возьми, Гарри, эта тетка говорит правду. Дэниел и Кэрри Миллер все-таки были напротив ее дома в тот вечер, когда убили Нильсенов.

Он застыл, не вынимая руки из сумки. Глаза у него были закрыты.

— Я знаю. Я тоже верил Кэрри. А теперь, как и ты, уже не знаю, что и думать. Понимаю, что у нас нет полной картины от нашей клиентки. Но при этом у нас и нет выбора. Мы должны выиграть это дело ради Кейт.

— В том доме было двое маленьких детей… — начал я, но так и не смог закончить свою мысль. Просто не хотел. Есть правда, которой трудно посмотреть в лицо.

— И что же ты предлагаешь? Бросить это дело? Оставить Кейт на съедение Песочному человеку, если она уже не мертва?

— Нет, конечно же нет, но это не значит, что я совсем уж слепой и не вижу совершенно очевидных вещей. Кэрри что-то скрывает или испытывает чувство вины за что-то. Это было видно по ее лицу. Может, она и не принимала активного участия в этих убийствах, но она *знала*. Я просто уверен, что знала. Это единственное разумное объяснение.

Я хотел сказать что-то еще, но увидел, что Уайт направляется к нам с большим коричневым конвертом в руке.

— Согласно распоряжению судьи, — сказал он. — Это биллинговая информация с телефонной прослушки. Никакие сведения, почерпнутые в ходе прослушивания, не будут использованы в этом уголовном разбирательстве.

Я взял конверт, сломал печать и вытащил с полдюжины страниц с детализацией использования мобильных телефонов. Звонки, номера, время и продолжительность разговора — все это было указано в таблицах. Отчеты, касающиеся телефонов Блок, Кейт, Гарри и моего собственного, были сколоты вместе — всего по страничке на каждый.

Прокурорские очень быстро подключились к нам, но наверняка не нашли ничего полезного. Вообще-то, я был уверен, что эти записи помогут скорее нам самим.

Поскольку я знал, что они были у Уайта, а он даже не пытался приобщить их к уликам, это означало, что ни в одном из звонков не нашлось ничего компрометирующего. Перечень телефонных звонков Отто занимал всего пять страниц, с указанием номеров входящих и исходящих абонентов. Мне нужно было бы сесть и пробежаться по ним, чтобы прикинуть, что это за люди, но там не было листов с расшифровкой. Уайт был уже на пути к дверям, когда я окликнул его.

— А где расшифровки с прослушки? — спросил я.

— Таковых не имеется.

— Как это так?

— Наш ордер позволял отслеживать все звонки, но нам разрешалось расшифровывать и приобщать к уликам только те, которые можно было отнести к инкриминирующим. Таковых не было. И она никогда не разговаривала со своим адвокатом.

— Я вам не верю, — сказал я.

— Думаете, что если б у меня было что-то на

Кэрри Миллер, то я стал бы это придерживать? Да я помахал бы этим у вас перед носом, Флинн! Сожалею, но ничего тут нет. Это была совершенно пустая трата времени.

И он окончательно ушел, вместе со своими помощниками. Было что-то очень неправильное во всей этой картине и в этих звонках. Я чувствовал это, но пока не мог этого увидеть. Я не доверял Уайту, но если б у него и был какой-то туз в рукаве, чтобы разыграть его в нужный момент, он не стал бы тянуть резину.

Я проверил свой телефон, обнаружив два пропущенных звонка от Блок пятнадцать минут назад. Кроме нас с Гарри, в зале суда уже больше никого не осталось. Я перезвонил ей.

— Что там у вас? — спросил я.

— Это не Кейт, — сказала она. — Это какой-то мужчина.

Я закрыл глаза, на миг поднял голову к потолку и безмолвно вознес молитву Господу.

Еще одна жертва Песочного человека… Только вот кто?

Иногда, когда ты смотришь на окружающий мир, абсолютно все в нем кажется тебе каким-то неправильным. Что-то не так, что-то не согласуется, что-то просто выпадает из общей обоймы.

Ты чувствуешь, что есть какая-то проблема, но никак не можешь понять, в чем она и как ее разрешить.

Иногда такое решение порождается другой проблемой. Как будто мое подсознание упорно работало над чем-то в течение нескольких дней, а я и не подозревал об этом. И тут последний фрагмент головоломки вдруг — бац! — и встает на место. Словно по волшебству.

— Расскажи мне про этого убитого, — попросил я.

— Его разделали на несколько частей, чтобы уместить в морозилку. Вот, пожалуй, и все, что мы можем сказать. Лица по-прежнему не видно…

— И каких-то частей тела не хватает? — спросил я.

Минутная пауза. Полная тишина на другом конце провода. Затем Блок спросила:

— Откуда ты знаешь?

Мы поговорили еще минут десять. Согласовали план.

— Что происходит? — спросил Гарри.

— Самое время предоставить той репортерше обещанный эксклюзив, — сказал я.

Глава 45
Кейт

Сначала была боль.

А потом темнота.

Голова и шея буквально горели огнем. Такой жуткой боли она еще никогда в жизни не испытывала. Как будто кто-то поднес к ее мозгу ацетиленовую горелку и поджаривал его, пока тот не превратился в горячий розовый комок кипящей живой ткани.

Ощутив какое-то давление на грудь, Кейт осознала, что оно исходит от ее собственного подбородка. Медленно попыталась поднять голову. Мышцы шеи тут же свело от мучительной боли — остававшиеся в напряжении бог знает сколько времени, пока она находилась без сознания, уронив голову на грудь. Надо было перебороть эту боль. Надо было поднять голову. Она попыталась пошевелить руками, чтобы взяться ими за подбородок, но руки были связаны за спиной.

Только тогда Кейт поняла, что сидит на стуле в вертикальном положении. Острые пластиковые стяжки у нее на запястьях были прикреплены и

к спинке стула.

Глаза у нее открылись. Она несколько раз моргнула. Вокруг по-прежнему была только темнота. Вообще никакого света.

Попытка сглотнуть обожгла пересохшее саднящее горло. Кейт сделала два быстрых вдоха, стиснула зубы и все-таки подняла голову, выпрямив шею. Ломота в мышцах быстро утихла, когда головная боль решила, что ей не слишком-то нравятся любые движения шеей. Боль была такой сильной, что она вскрикнула, и по губам скатились соленые слезы, обжигая их. Губы так жутко пересохли, как будто запеклись на солнце. И потрескались, так что когда она попыталась облизнуть их, то почувствовала вкус крови.

Кейт всхлипнула, не чувствуя почти ничего, кроме жуткой боли в голове. Потом откинулась на спинку стула, расслабила плечи и сосредоточилась на дыхании. Она знала, что если этого не сделает, то ее стошнит, а потом ею овладеет паника. И от этого будет только хуже.

Боль сменилась смятением. Почему она здесь? Это просто сон?

На смену смятению пришли воспоминания.

Чья-то рука у нее на губах.

Чье-то дыхание на шее.

Жалящий укол иглы.

Песенка. Эта долбаная песенка…

И вот теперь она здесь.

Только вот где это «здесь»?

Размышления помогли.

Ее отец прослужил в полиции Нью-Йорка больше двадцати лет, прежде чем сдать свой значок. Припомнились его истории обо всяких переделках. Так отец их называл — переделки. Как он вжимался в землю за своей патрульной машиной, пока какой-то бандюган превращал ее в швейцарский сыр очередями из «Мак–10»[220], как оттаскивал прыгуна от края крыши десятиэтажного здания, потому что тот только что случайно придушил своего грудного ребенка, когда был под кайфом, как вдруг увидел уткнувшийся в лоб его напарнику ствол дробовика, когда тот постучал не в ту дверь не в том районе…

Переделки.

Отец говорил ей, что зачастую жизнь и смерть зависят от способности не терять головы и принимать правильные решения. Вот ключ к выживанию. Правильные решения. Всегда есть что-то, что можно сделать, чтобы ухудшить или

---

[220] notes: 220

Компактный американский пистолет-пулемет наподобие более известного израильского «Узи».

улучшить ситуацию.

Глаза Кейт постепенно привыкли к густой тьме. Дыхание замедлилось. Она обрела способность слышать, обонять и видеть.

Смотреть было не на что. В такой темноте Кейт не могла различить никаких очертаний, кроме того, что, как ей казалось, могло быть потолочной панелью над ней. Насколько высоко над ней, она не могла точно сказать, но та располагалась явно намного ближе к ней, чем должна. Кейт подумала, уж не поставлен ли стул, на котором она сидит, на что-нибудь вроде стола, поскольку казалось, что если она даже немного привстанет, то ударится головой о потолок.

Ее дыхание казалось слишком громким, хотя теперь Кейт держала его под контролем. Она тихонько произнесла «Эй!» и прислушалась. Звук вернулся почти сразу же, и был плотным и приглушенным одновременно. Кейт предположила, что находится в какой-то очень маленькой и узкой комнате с бетонными стенами. Может, в тамбуре на входе в какой-нибудь бункер.

Ее босые ноги поерзали по холодному полу. Определенно бетон. Пол был ровным, твердым и гладким. И на нем было что-то еще, благодаря чему ноги скользили по нему достаточно легко.

И это была не пыль.

Это был песок.

На секунду вернулся страх. На этот раз вдвойне. Но Кейт подавила этот порыв, сделала глубокий вдох, взяла свою нервную систему под контроль.

Запах, окружавший ее, был знакомым и сильным.

Смазка… Моторное масло… Металлический привкус во рту — наверное, от инструментов.

Пахло как в гараже, что совершенно не вязалось с неясными очертаниями окружающей обстановки. Кейт начала дрожать. На ней по-прежнему была ночная рубашка, и теперь она чувствовала, как холодный воздух покусывает кожу. Вызванные им легкие подрагивания разожгли огонь у нее в голове. Холод, страх и дрожь резко вернули к жизни притупившуюся было боль. Как будто кто-то заменил ее мозг чугунным шаром, которым крушат сносимые здания, и от малейших движений он бился о череп, отскакивая от кости и пытаясь вырваться наружу.

Вместе с болью пришла тошнота. Кейт закрыла глаза, стараясь сохранять неподвижность.

И ясность мысли.

Она была жива. Хотя и не знала почему. Песочный человек не брал никого в заложники, не

оставлял своих жертв в живых. Причин могло быть две.

Она была выкупом. Тем, при помощи чего можно было как-то повлиять на копов или на Эдди. Поводом для торга. Это казалось наиболее вероятным объяснением.

Была и другая причина. О которой ей не хотелось думать. Но эта мысль все равно пришла и осталась с ней. Как этот запах. Который так и витал вокруг, постоянно.

Он похитил ее, чтобы не спеша убить.

Кейт тут же решила, что ей нужно бежать. Она никого не слышала, никого не видела. Песочного человека не было в этой странной комнате. У нее было время. Правда, совершенно непонятно, сколько именно.

Ей нужно было подумать.

Ей нужно было составить план.

Ей нужно было сбежать отсюда.

Судя по ощущениям, сидела она на деревянном кухонном стуле. Он заскрипел, когда Кейт откинулась на спинку, как обычно и скрипит старый расшатанный деревянный стул. Ее руки были заведены за спину, запястья скованы кабельными стяжками. Большим и указательным пальцами Кейт нащупала еще одну стяжку, прямо между

запястьями, и та, судя по всему, была прикреплена к чему-то под сиденьем стула — наверное, к поперечине между задними ножками.

Оттолкнувшись правой ногой, она перенесла весь свой вес на левую, оторвала обе правые ножки стула от бетона, подняла их повыше, а затем, как раз в тот момент, когда ей показалось, что она может завалиться набок, резко качнулась вправо. Ножки с правой стороны стула с треском опустились на пол, и Кейт тут же оттолкнулась другой ногой, пока уже левая пара ножек не оказалась в воздухе, а затем перенесла весь свой вес в эту сторону.

От такого раскачивания ножки стула скрипели и трещали, и вдобавок она напрягала руки, позволяя кабельной стяжке впиваться в плоть.

На то, чтобы высвободить поперечину под сиденьем, не потребовалось много времени, поскольку грозили отвалиться уже сами задние ножки вместе со спинкой, выломав винты, удерживающие их на месте.

Кейт потянула, подергала и почувствовала, как кабельная стяжка соскальзывает с деревянной планки.

Это потребовало от нее больших усилий, и она сильно запыхалась, но невольно улыбнулась, ко-

гда наконец сумела выпрямиться, освободившись от этого чертова стула. Стоило выпрямиться, как сразу же заболели мышцы спины. Кейт постаралась максимально расслабиться, после чего выгнулась, потянувшись стянутыми за спиной руками вниз, вдоль задней поверхности бедер. Наклонилась и села на пол, а затем вытянула руки вперед и одну за другой просунула между ними ноги.

Теперь руки, все еще связанные, оказались перед ней. И она смогла встать.

От этих усилий Кейт даже прошиб пот, и, если не считать ног, ей больше не было холодно. И зубы у нее перестали стучать.

Зубы…

Она поднесла запястья к лицу, наклонила голову и кое-как сумела дотянуться нижними передними зубами до края кабельной стяжки.

Вгрызлась в нее.

Пластик больно впился в нижнюю губу, и теперь Кейт уже чувствовала вкус крови, двигая челюстью взад-вперед, — слезы так и струились у нее по лицу, жаля порез на губе, запястья были ободраны и кровоточили, все ее тело сотрясала дрожь.

Наконец стяжка лопнула.

Когда пластиковая лента упала на пол, Кейт инстинктивно проследила за ней невидящим взглядом, и вот тут-то и приметила тонкую полоску света на полу. Свет исходил не от пола — он падал откуда-то сверху. Подняв глаза, она увидела небольшую щель в потолке. Поначалу Кейт никак не могла понять, в какого рода помещении оказалась. Явно в узком, в этом она была уверена — может, разве что всего футов пяти в ширину и десяти в длину. Потолок был низким, как она и подозревала. Очень низким. Кейт была невысокой, но могла легко дотянуться до него. Она очень удивилась, когда потолок под костяшками пальцев отозвался глухим металлическим отзвоном.

Похоже, что крышей здесь служила огромная стальная пластина. Упершись в нее ладонями, Кейт попыталась приподнять ее. Та даже не сдвинулась с места. Она переместилась вперед, в самый конец этой узенькой комнатушки, где остановилась под тоненькой щелью — достаточной ширины, только чтобы просунуть бумажное полотенце, не более. Кейт не сумела запустить в нее даже кончики пальцев. Она еще раз попыталась сдвинуть стальную пластину, но та была слишком тяжелой.

Теперь Кейт поняла, где находится.

Запах машинного масла, песок на полу, форма и размеры помещения… Ощупав узкую торцевую стену, она обнаружила, что бетон уступил место дереву, хотя и не полностью. Словно в бетоне был вырезан проем, который после заделали старым твердым деревом.

Она находилась в смотровой яме.

Это место, где бы оно ни находилось, наверняка представляло собой старый гараж — судя по всему, некогда предназначенный для какой-то крупной техники вроде автобусов, грузовиков или седельных тягачей. Деревянная часть стены на самом деле служила перегородкой. Если ее убрать, за ней откроются ведущие из ямы бетонные ступени. Вероятно, это было специально сделано, чтобы закрывать ступени, когда яма не использовалась. Когда же она использовалась, люди могли спуститься в яму, а сверху на нее заезжал автобус или грузовик, оказываясь на удобной для работы под ним высоте — в те времена, когда еще не было достаточно мощных гидравлических подъемников, чтобы поднимать такие большие и тяжелые машины.

Теперь эта смотровая яма была закрыта толстым стальным листом. Если получится каким-то образом сдвинуть его, то можно будет выбраться

отсюда.

Тут она услышала сверху какое-то негромкое царапанье, клацанье. А затем то, что производило этот шум, издало другой звук. Кейт услышала воркование и хлопанье голубиных крыльев.

Всего лишь птица…

Всего лишь чертова птица!

Кейт ненадолго прервалась, чтобы немного подумать. Нужно было как можно скорее убираться отсюда ко всем чертям.

Только она совершенно не представляла, как это сделать.

Глава 46

Выдержка из дневника Кэрри Миллер

5 июня

Был только один человек, которому, как мне казалось, я могу доверять.

Мои родители давно умерли. У меня нет ни братьев, ни сестер. С тех пор как мы с Дэниелом стали встречаться, я все реже и реже вижу своих подружек. Он всегда поощрял меня навещать их — устраивать «девичнички», как он это называл, но они типа как сами собой сошли на нет. Клэр, Ванесса, Сюзанна — все они по-прежнему в Нью-Йорке. Все в тех же дерьмовых квартирках. На тех же дерьмовых работах. Когда я подъезжала к тротуару на «Тесле», то видела, как у них сжимаются сердца. Когда расплачивалась за ужин или оплачивала счет в баре, то замечала, как это их гложет. Они никогда ничего не говорили, но это таилось в уголках их вымученных улыбок и в натянутых словах благодарности. Между нами выросла стена. Деньги не изменили меня, но все же они многое изменили. Вскоре мне перестали

звонить. Я не хотела, чтобы они чувствовали себя неловко, и попыталась поговорить об этом, особенно с Клэр. Она сказала, что это не имеет значения, что на самом деле она очень рада за меня. Но я видела, что это не так. И ощущалось это совсем по-другому.

У Дэниела не было своего постоянного круга общения. По большому-то счету. Мы с ним ходили на кинопремьеры, благотворительные балы, коктейльные вечеринки и праздничные ужины, которые принято именовать великосветскими, — на такого рода мероприятия, в такого рода места и с такого рода людьми, о которых раньше я могла лишь мечтать или которых видела только по телевизору. Однако никого из них мы не могли бы назвать друзьями. Люди ходят на такие мероприятия, чтобы «засветиться» там и вести пустопорожние разговоры с людьми, которых они считают влиятельными.

Мне не к кому было обратиться по этому поводу. Тем более что и друзей у меня не осталось.

Так что я позвонила человеку, который, как я знала, умеет хранить секреты. Человеку, который сказал мне, что я могу связаться с ним абсолютно в любой момент. Человеку, который просто не мог не хранить любые секреты, пото-

му что это его работа.

Фирма Отто выглядела словно какая-нибудь элитная художественная галерея. Мебель в приемной была старинной и очень красивой. Мне не пришлось долго ждать, прежде чем секретарша провела меня в его кабинет. Дубовые панели на стенах, антикварные книжные шкафы, по всей комнате старинные настольные лампы с зелеными абажурами — из тех, что именуют «банковскими», а на письменном столе — чудесная шкатулка из орехового дерева, наполненная прекрасными сигарами.

Поначалу Отто опасался разговаривать со мной в отсутствие Дэнни. Сказал что-то про возможный конфликт интересов, поскольку Дэнни был его клиентом. Я сказала, что очень важно и ему тоже знать такое о Дэнни. Сказала, что просто должна была кому-то обо всем рассказать, что больше не могу держать это в себе.

Может, дело было в том, как дрогнул у меня голос, стоило мне только заговорить. Может, сказался мой умоляющий тон. Может, выражение моего лица. Как бы там ни было, Отто сбросил свою личину неприступного хранителя закона, протянул через стол обе руки и взял меня за пальцы.

Он спросил у меня, не бьет ли меня Дэнни. Отто наверняка наслышался подобных историй от своих клиентов — вел достаточно дел, чтобы почти сразу распознавать секреты, старательно хранимые людьми.

Я рассказала ему. Я рассказала ему все. Про поздние возвращения. Про того копа, который приходил к нам домой. Про то, как Дэнни солгал ему, а потом заставил солгать и меня. Про фургон, о существовании которого я даже не подозревала. Про душ, принимаемый посреди ночи. Про сережки, которые он мне подарил, и про виденную мной фотографию, на которой Маргарет Шарп была в точно таких же сережках. Про два кольца, золотое и серебряное, после которых Дэнни впервые на моей памяти лично затеял стирку, да еще и в три часа ночи.

После этого рот у Отто приоткрылся, но никаких слов не последовало. Я видела, как у него на лице, словно на крутящихся барабанах игрового автомата, мелькают возможные ответы, и пока он не был уверен, что сказать или как это сказать, челюсть у него оставалась отвисшей. Когда вращение этих барабанов замедлилось, Отто облизнул губы.

Я видела, что мои слова задели его, сильно

задели. Оказались серьезным ударом. Но так и не улеглись в голове. Пока что. Потому что он сказал, что не верит, что Дэнни может быть убийцей. Я ответила ему, что месяц назад я бы тоже в это не поверила, но есть слишком уж много всего такого, на что никак не закроешь глаза. Я сказала ему, что, наверное, живу с убийцей.

Достала этот самый дневник, показала его Отто и назвала даты, когда Дэнни дарил мне драгоценности, после того как отсутствовал всю ночь, — это всякий раз бывало на следующий день после того, как Песочный человек убивал еще кого-нибудь. Это заставило Отто опять надолго умолкнуть.

Потом он спросил, не хочу ли я обратиться в полицию и все это рассказать. Я спросила у него, что он сам по этому поводу думает, — я ведь пришла к нему за советом. Отто сказал, что не знает, что делать, прежде всего из-за моего брачного контракта. Частью его является пункт о взаимном уважении — по сути, если я ложно обвиню своего мужа в чем-либо, то потеряю свое право на долю в так называемом «совместно нажитом имуществе».

Я сказала Отто, что мне страшно и я не знаю, что делать. Что я не могу заснуть, не могу ду-

мать ни о чем другом. Что это сводит меня с ума.

Он встал и обошел вокруг стола. Положил руки мне на плечи и постарался утешить, что-то тихо шепча и нежно поглаживая меня по рукам. У стены позади него стояло старинное кресло из красного дерева — он выдвинул его, поставил рядом с моим и сел. Попытался успокоить меня. Я чувствовала себя полной дурой. Испуганной и эгоистичной дурой. Я достала из кармана салфетку и вытерла слезы. Сказала, что сейчас смотрю на своего мужа и спрашиваю себя, не он ли убил всех этих людей, но не знаю ответа. Просто не знаю. Я больше не могу так жить.

Помню, как смотрела при этом в лицо Отто. Бедняжка… Он привык иметь дело с благовоспитанными богатыми людьми, единственной проблемой которых было лишь нежелание отдавать так много собственных денег налоговой службе. Все это было ему совсем ни к чему. Ему совершенно не требовалось, чтобы какая-то истеричная дурочка приходила в этот кабинет и заливала слезами его письменный стол. Вид у него был искренне обеспокоенный. И я могла сказать, что он действительно хотел помочь. Хотя и не знал, как со мной обращаться.

Отто сказал, что у него есть один частный детектив, который тайно всем этим займется. И если что-нибудь раскопает, он лично поедет со мной в полицию. Отто был заметно встревожен, когда я сказала ему, что солгала полиции. Он постоянно возвращался к этому, спрашивал, почему я так поступила. Я просто сказала ему, что не понимала, к чему все это было, и что в тот момент не подозревала Дэнни даже в нарушении правил парковки, не говоря уже о том, что он серийный убийца.

Отто встал и подошел к стальному канцелярскому шкафу в углу. Это такая массивная, прочная, несгораемая штуковина, которая весит, наверное, целую тонну. Вероятно, в этом шкафу хранились всякие свидетельства о собственности и прочие оригиналы важных документов. Он снял ключ с цепочки, висевшей у него на жилете, отпер шкаф и выдвинул второй ящик сверху. И достал из него то, что я приняла за ярко-желтый игрушечный пистолет.

Отто сказал, что терпеть не может оружия, но страховщики настояли, чтобы у него имелись какие-то средства личной защиты, поэтому он

обзавелся вот этим. Это был «Тейзер»[221]*. Он сказал, что хотел бы, чтобы эта штука была у меня под рукой, — и что, наверное, с нею я буду чувствовать себя поуверенней. А еще сказал, что и сам будет чувствовать себя поуверенней, если она будет у меня. Я взяла «Тейзер», почувствовала его вес. Он оказался на удивление тяжелым.*

Я поблагодарила Отто, и он сказал, что свяжется со мной. Я вышла из его кабинета, радуясь, что решилась на такой шаг. По крайней мере, хоть кто-то еще теперь знал. По крайней мере, если со мной что-нибудь случится, Отто будет знать, что я сказала правду.

Кто-то будет знать.

---

[221] notes: 221

«Тейзер» (*англ.* Taser) — электрошоковый пистолет, выбрасывающий две острые стрелки на тонких проводках под высоким напряжением. Бьет на 5–10 м.

Глава 47
Кейт

Она сидела на полу в темноте, пытаясь перевести дыхание. Неважно, что было холодно, что она была в одной ночной рубашке. Без обуви, даже без носков. Ноги у нее так онемели от ледяного пола, что Кейт их больше не чувствовала.

И все же по всему ее телу струился пот.

В течение вот уже нескольких часов она пыталась сдвинуть стальную пластину, закрывавшую яму. Та не сдвинулась ни на дюйм. Поднять ее из центра ямы было невозможно, потому что для этого пришлось бы взять на себя бóльшую часть ее веса. Вместо этого Кейт сместилась насколько более можно вперед, упершись спиной в стену, и попыталась оторвать от бетона лишь один из концов стального листа. В руках явно не хватала силы.

Тогда она попробовала выпрямить руки, согнуть колени и оттолкнуться ногами. Тоже без толку, а запястья сводило такой болью, как будто они вот-вот сломаются. Вроде ничего не помогало. Ни длительные упорные надавливания, ни

короткие и резкие толчки ногами. Когда предплечье пронзила острая боль, она едва подавила вскрик и рухнула на пол.

Когда умерла мама, Кейт впала в уныние. Настолько пала духом, как никогда прежде. Учебу на юрфаке ей оплачивали родители, и в то время она еще не знала, что ее мама скрывала от дочери свой страшный диагноз — рак. Мать не хотела, чтобы Кейт потратила эти годы на беспокойство, грусть и мучения, которые начались ближе к концу. А еще не хотела, чтобы Кейт узнала об уже сделанном ею выборе. Страховка всех ее медицинских счетов не покрывала, а семейных сбережений хватало либо на то, чтобы оплачивать учебу Кейт, либо на дорогущий медикаментозный курс лечения, способный продлить жизнь матери. Мать решила, что выбирать тут нечего. Она уже прожила свою жизнь, и теперь этой жизнью была Кейт. Отец понимал и поддерживал это ее решение. И каждый день в адвокатской карьере Кейт был тем днем, когда она возвращала этот долг своей матери. Каждое выигранное ею дело, каждое утро, когда она надевала свой деловой костюм, каждый телефонный звонок отцу — всякий раз этот долг вроде должен был становиться меньше, чувство вины должно

было хоть немного ослабнуть.

Но этого так никогда и не произошло.

Ни разу.

И вот теперь какой-то монстр поймал ее и заточил в эту яму…

И что — вот ради этого ее мать и пожертвовала теми годами? А ведь они могли быть хорошими годами. Лучшими годами. Потому что, когда время дорого, на счету каждый миг, каждая улыбка, каждое объятие и каждый поцелуй.

Кейт вытерла лицо, провела обеими руками по мокрым от пота волосам. Стиснула зубы и, невзирая на боль в ногах, руках и спине, все-таки встала.

Если так и не вышло приподнять эту пластину по центру или с одной из сторон, можно было попробовать подлезть под нее в одном из углов. Подхватив стул, она переставила его в правый угол ямы — почти квадратное сиденье более или менее надежно вписалось в него, упершись в стенки.

На сей раз Кейт забралась на стул; присела, согнув ноги в коленях. А когда начала выпрямляться, то поняла, что голова коснулась стального листа гораздо раньше — ноги по-прежнему оставались согнутыми. Уткнув подбородок в грудь,

она прижалась лопатками к поверхности пластины, равномерно распределив по ней плечи, и уперлась руками в колени.

Сделала три глубоких вдоха.

Прошептала молитву своей маме.

И навалилась на пластину, толкая ее вверх.

Та совсем чуть-чуть приподнялась.

Кейт уронила ее обратно. Набрала в легкие побольше воздуха. Тяжеленный стальной лист сдвинулся, но едва заметно. Требовалось что-то еще. Что-то, что помогло бы не только приподнять его, но и сдвинуть в сторону. Она ухватилась за толстую изогнутую деревянную планку, служившую спинкой стула, и принялась выламывать ее.

Да, она все-таки выберется отсюда!

И тут Кейт замерла.

Где-то неподалеку открылась, а затем с грохотом захлопнулась металлическая дверь. Она услышала шаги по полу.

Он двигался прямо к ней.

Глава 48
Песочный человек

Песочный человек отпер пятифунтовый висячий замок на толстой тридцатифунтовой стальной цепи, запиравшей двойные двери старого автобусного парка на Кони-Айленде. До того как в 1955 году здесь появились автобусные маршруты, пассажиров по линии Кони-Айленд-авеню перевозили трамваи. Трамвайные вагоны требовали регулярного ремонта и технического обслуживания. Автобусы, которым они уступили место, тоже в этом нуждались — может, даже и в большей степени, чем трамваи.

По мере совершенствования автобусов режим и методы технического обслуживания тоже совершенствовались. Этот автобусный парк на Кони-Айленде не входил в состав муниципальной транспортной сети, а некогда принадлежал одной частной фирме. Песочный человек приобрел его через подставную компанию под предлогом покупки земли под застройку. Только вот эта компания не стала осваивать купленную землю. Просто сидела на ней, дожидаясь очередного ро-

ста цен на недвижимость. И пока те люди ждали, это место находилось в его единоличном распоряжении. Уединенное и обособленное, где никого не волновало, какие звуки оттуда доносятся, кто входит туда и что оттуда выносят. В этой части района не было ни жилых домов, ни прохожих, лишь промышленные здания и склады. После пяти часов вечера на улицах не попадалось ни легковых машин, ни грузовиков — до пяти утра следующего дня.

Он вошел внутрь, закрыл за собой дверь. Пространство ремзоны бывшего депо позволяло обслуживать сразу четыре автобуса. Отсюда четыре смотровые ямы. Первая, прямо впереди и слева от него, была закрыта массивной стальной пластиной. На которой, прямо по центру, стояла железная тележка для инструментов — для дополнительного веса. Депо построили в 1880-х годах, и тогда древесина была все еще дешевле стали. Крышу поддерживали огромные деревянные балки, перекрещивающиеся друг с другом. Некоторые из них обвалились — просто рассыпались в труху. В основном с правой стороны помещения, возле двухстворчатых дверей на противоположном конце. Хотя дерево не сгнило. Это постарались насекомые. Точильщики, иначе

еще именуемые «караульными смерти», местами почти полностью разрушили крышу. Он мог видеть их, особенно ночью, похожих на маленькие черные капли дождя, стекающие по старому дубу. Их тут были тысячи.

Приблизившись к закрытой яме, Песочный человек постучал по стальному листу носком ботинка. Прислушался.

Он слышал ее там, внизу. Ее дыхание, учащенное от страха. И что-то еще. Какое-то движение, вроде как шаги.

Она освободилась от стула. Он ожидал этого.

Из сумки он достал бутылку воды, сэндвич с пастра́ми и несколько шоколадных батончиков. Она, должно быть, уже проголодалась. И наверняка измучилась от жажды.

Песочный человек углубил голос. Понизив его на октаву. Это помогало, когда он работал. Люди реагировали на командный тон.

— Сейчас я дам тебе немного еды и воды. Если ты попытаешься выбраться, я сделаю тебе больно. Ты понимаешь, Кейт?

После короткой паузы он услышал ее голос, гулким эхом донесшийся до него, искаженный тесными бетонными стенами и сталью, окружавшими яму:

— Да.

Между краем ямы и железным листом он специально оставил небольшой зазор — совсем крошечный, может, всего в одну восьмую дюйма. Вполне достаточный, чтобы пропускать воздух, но не настолько широкий, чтобы даже просунуть в него мизинец. Первым делом требовалось передвинуть тележку. Песочный человек встал на пластину и с некоторым усилием перекатил тяжелую железную тележку на бетонный пол. Стоило стронуть ее с места — что далось не без некоторого труда, — как двигалась она уже достаточно легко. Вращение каждого из четырех ее ржавых колес сопровождалось своей собственной симфонией надсадных поскрипываний и повизгиваний.

На полу лежал длинный стальной лом с крюком на конце. Песочный человек поднял его, просунул плоским концом в зазор и принялся подковыривать им край пластины. Как только образовалась щель достаточной ширины, он просунул лом еще глубже, а затем потянул его на себя, используя как рычаг. Железный лист заскрипел и заскрежетал по бетону, сдвинувшись на несколько дюймов.

Прислонив стальной прут к одной из колонн,

поддерживающих крышу, Песочный человек бросил в темный проем пластиковую бутылку с водой, сэндвич и шоколадные батончики. Кейт ему не было видно. Наверное, она пряталась в противоположном углу. Впрочем, не стоило искушать ее мыслями о побеге. Он опять подхватил лом, перевернул его крюком вниз и, немного повозившись, подцепил им проушину, приваренную в углублении пластины. Теперь уже было достаточно просто попятиться назад, сначала сдернув пластину с места, а затем подтащив ее дальше, пока она опять не закрыла яму.

Отбросив лом в сторону, Песочный человек подошел к тележке и закатил ее обратно на центр стального листа. Нет уж, никому не выбраться оттуда. Только не с таким грузом сверху.

На сей раз он оставил щель чуть пошире, чем раньше. Примерно на дюйм. Потом опустился на корточки, упершись локтями в колени и сцепив пальцы.

— Я сказал Флинну, что отпущу тебя, если он добьется оправдания Кэрри.

Ответа не последовало.

— Судя по всему, сегодня все прошло хорошо. Он молодец, этот Флинн. Реально соображает в своем деле. Ему просто требовался правильный

стимул. К завтрашнему дню дело должно быть закрыто.

Молчание.

— Кэрри наверняка ведь объявится, когда дело будет закрыто, как думаешь? В конце концов, я ей нужен.

На сей раз Песочный человек подождал ответа. Которого опять не последовало.

— Тебе страшно? — спросил он.

Кейт ничего не ответила, но он услышал ее. Тихий всхлип. А затем…

— Да, мне страшно. И Кэрри тоже страшно. Она боится тебя, — отозвалась Кейт, и ее голос эхом разнесся по яме, усиленный тесным пространством и стальной крышей.

Песочный человек вытащил свой нож из кожаных ножен, пристегнутых к пояснице.

— Да, я сказал Флинну, что отпущу тебя, если он выиграет…

Крутнув запястьем, он подбросил завертевшийся нож в воздух и ловко поймал его за рукоять.

— Я сказал это совершенно серьезно. Если он выиграет дело Кэрри, я тебя выпущу. А вот выйдешь ли ты отсюда, сохранив при себе оба своих глаза, зависит только от тебя.

После этих слов Песочный человек встал, по-

вернулся и направился к двери. Возле самого выхода громоздилась гора джутовых мешков высотой ему по плечо. Убрав нож, он сдернул с нее верхний мешок и взвалил его себе на спину. Сорок фунтов мелкого песка. Приготовленных для нового дома.

Выйдя, Песочный человек запер ворота гаража на цепь с навесным замком, забросил мешок с песком в кузов фургона, а затем выехал на улицу, направляясь обратно в город.

Было почти шесть, когда он нашел свободное место на открытой парковке, на месте которой еще около года назад стояло какое-то здание. Его снесли, но другое построить не успели. Из-за эпидемии ковида строительство в Нью-Йорке надолго прекратилось, но объявление на сетчатом заборе парковки сообщало, что на следующей неделе она закроется навсегда. Жизнь понемногу возвращалась в город, и все становилось почти как прежде.

Когда Песочный человек проходил мимо газетного киоска, кое-что в нем вдруг привлекло его внимание. То, из-за чего его ноги застыли на тротуаре, как будто приклеенные к нему суперклеем.

Каждый газетный заголовок здесь был посвя-

щен этому делу.

Он достал свой телефон, на который уже насыпалось с полдюжины уведомлений и электронных писем, сообщающих о новостях с процесса.

Хэштег *#ЭддиФлинн* успел стремительно распространиться по социальным сетям.

Он кликнул на последнем обновлении с вебсайта «Нью-Йорк таймс». Заголовок представлял собой совершеннейшую бессмыслицу: «Эдди Флинн призывает Кэрри Миллер разоблачить ее мужа».

«Таймс» опубликовала полное заявление Флинна. Некая репортерша по имени Бетти Кларк взяла у него эксклюзивное интервью для своей газеты, которое было передано во все новостные агентства — печатные, онлайн и телевизионные.

«Сотрудница нью-йоркской газеты “Страж” Бетти Кларк опубликовала эксклюзивное интервью с адвокатом защиты из самого сердца судебного процесса над женой Песочного человека, Кэрри Миллер. Этот процесс продолжался сегодня в отсутствие обвиняемой. Несмотря на эту накладку, адвокат Кэрри Миллер Эдди Флинн с жаром выступил в защиту своей клиентки перед лицом улик, предоставленных криминалистической экспертизой, которые Флинн энергично оспари-

вает. В конце сегодняшнего судебного заседания он выступил со следующим заявлением:

— Ни для кого не секрет, что сегодня моей клиентки нет в этом зале. Она нарушила условия выхода под залог. Она в бегах, потому что смертельно напугана. А напугана моя клиентка по той причине, что она — еще одна жертва Песочного человека. Настоящий убийца по-прежнему на свободе и продолжает убивать ни в чем не повинных людей. Полиции Нью-Йорка и ФБР уже давно пора прекратить попытки преследовать мою клиентку за преступления ее мужа. Как раз этим и заняты сейчас наша судебная система и средства массовой информации. Всякий раз, когда женщины становятся жертвами насилия, вся вина почему-то возлагается на самих женщин.

Это должно прекратиться. И со мной это прекратится прямо сейчас. Это послание для Кэрри. Я знаю: вы напуганы, и я знаю почему. Вам нужно кому-то довериться. Я знаю, это трудно, учитывая то, через что вам пришлось пройти, но мне вы можете доверять. Я не смогу ничем вам помочь, пока вы не объявитесь. И тогда мы либо выстоим, либо падем в этой битве вместе. Позвоните мне в офис, сегодня же. Либо вы позвоните мне, либо завтра с утра я официально снимаю с себя

обязанность представлять вас в суде. Тогда у вас не будет никакой защиты. Судебный процесс будет проходить дальше и без вас, и без меня, и вы будете неминуемо осуждены.

У вас есть время до конца сегодняшнего дня, чтобы связаться со мной. Это ваш единственный шанс. Не упустите его, поскольку я могу гарантировать вам одно: я знаю, что вы жертва, и пока вы доверяете мне, я никогда не перестану бороться за вас, чего бы это ни стоило. Но я не могу справиться с этим в одиночку».

Песочный человек нажал боковую кнопку на своем телефоне, и экран опять почернел. Это был очень умный ход — отправить Кэрри такое вот сообщение. Она обязательно позвонит ему. Он ничуть в этом не сомневался. Флинн — реально умный сукин сын. Повернувшись, Песочный человек направился обратно к своему фургону.

Как только он увидит Кэрри Миллер с Эдди, то по-быстрому убьет адвоката и заберет ее.

Песочного человека и Кэрри ждала новая жизнь. Где-то очень далеко отсюда. Он уже сделал кое-какие приготовления. К тому времени, когда все закончится, они будут в полной безопасности. Смогут совершать долгие прогулки по сельским дорогам. Лениво наслаждаться ужином у насто-

ящего камина. Смогут проговорить всю ночь напролет — как раньше, когда только впервые встретились, — а потом спокойно заснуть и спать допоздна, заключив друг друга в объятия.

Спокойно заснуть…

Это было то, чего он так жаждал. Это всегда давалось ему нелегко, но ее объятия или даже просто тот факт, что она где-то рядом, приносили ему то блаженное чувство, что заставляло убраться острые зубы, терзавшие его мозг в темноте. Все будет идеально. Как только Кэрри окажется в безопасности.

По правде говоря, Песочный человек знал, что, если б пришлось, он умер бы за нее.

Но сначала он хотел опять жить.

Все, в чем он сейчас нуждался, — это женщина, которую он любил.

Глава 49
Эдди

Беспроводная трубка от телефона в приемной лежала на моем письменном столе.

Все звонки в фирму проходят по этому номеру. Дениз, Гарри и Блок успели обмякнуть в своих креслах в моем кабинете. В отличие от Лейка — тот ничуть не обмяк. Скорей наоборот: напряженно согнулся в кресле, упершись локтями в колени, и притоптывал правой ногой. Иногда это постукивание прекращалось, пока он сосредоточенно откусывал от ногтя очередной заусенец, а затем начиналось по новой.

Меня это порядком раздражало. Да и всех остальных тоже, разве что кроме Блок, которая была слишком измотана, чтобы замечать это или обращать на это внимание. Она была вовлечена в упорную битву с собственными веками, в которой явно проигрывала. Время от времени Блок проваливалась в сон, но только на секунду или две. Как только голова у нее начинала падать на грудь, она резко открывала глаза, и битва начиналась по новой.

— Не хотите ли кофе, мистер Лейк? — предложила Дениз.

— А у вас нет лимонов? С удовольствием выпил бы горячей лимонной воды.

— Мы не покупаем лимоны, — ответила она, — потому что они не помещаются в кофеварку. У нас есть только кофе, больше ничего.

На что он спросил:

— А что это за кофе?

Дениз никогда раньше об этом не спрашивали. Она знала все до единого регистрационные коды, которые должны указываться в судебных документах по уголовным и гражданским делам, знала все правила уголовного и гражданского судопроизводства, — в общем, была самым высококвалифицированным по этой части секретарем на Манхэттене. Она знала все. Кроме того, какой у нас кофе.

— Это молотый кофе, — сказала она.

— Ну да, но он органический?

— Он продается в таких пакетиках с фольгой внутри.

— А где выращивались зерна?

— Наверное, на какой-нибудь кофейной плантации.

— Ладно, но типа как этот кофе — этически

чистый?[222] Где его вырастили? В Колумбии, Бразилии, Индонезии…

— Я думаю, он вырос прямо у меня из задницы.

– *Дениз!..* — многозначительно произнес я.

— Так хотите кофе или нет, мистер Лейк? Я покупаю его в «Таргете»[223] за наличные, по статье офисных расходов.

— Пожалуй, воздержусь, спасибо, — отозвался тот.

— Спасибо, Дениз, а я вот выпил бы сейчас кофейку, — произнес Гарри, выпрямляясь в кресле. Кларенс сидел у его ног, преданно глядя на него снизу вверх. Гарри погладил пса и улыбнулся.

Из лежащей на столе трубки вырвался звук цифрового рингтона, наполнив комнату, и, как будто сам этот звук был наэлектризован, все выпрямились и подались к ней. Дениз цапнула телефон со стола.

---

[222] notes: 222

Под «этической чистотой» понимается не собственно качество какого-либо товара (который в данном случае именуется ethically sourced), а в некотором роде качество его изготовления, по целому спектру самых разных показателей: насколько экологически чистым является само производство, не используется ли на нем детский и рабский труд, не финансирует ли производитель какого-нибудь злобного диктатора и т. д.

[223] notes: 223

«Таргет» — американская сеть магазинов розничной торговли, шестая по своим масштабам в США и располагающаяся на втором месте в числе дискаунтеров после «Уолмарта».

— Флинн и Брукс, юридические услуги, — произнесла она с полным надежды и чаяний лицом.

Надежда исчезла с ее лица, а плечи поникли. Дениз закатила глаза, отдала мне телефон и сказала:

— Это мистер Пельтье.

Я взял трубку.

— Эдди, я внизу. Уже звонил в домофон. Она не проявлялась?

— Кто-нибудь, пойдите впустите Отто, — попросил я. — Затем в телефон: — Сейчас откроем. Прошу прощения, мы все сидим в моем кабинете и ждем ее звонка.

Дениз встала и вышла. Через несколько секунд я услышал курлыканье домофона, затем хлопнула дверь. Вскоре комнату заполнил аромат тысячедолларовых костюма и одеколона Отто.

— Простите, я не хотел занимать линию. Я вообще не хотел разговаривать по телефону. Особенно после того, как ФБР оттопталось на нас с прослушкой, — сказал он.

— Всё в порядке, берите стул.

— Нет, я не останусь. Я знаю, что вообще-то мне не следует здесь находиться, учитывая, что я свидетель обвинения…

— Все нормально, — сказал Гарри. — Как мы

уже говорили. Пока мы не начинаем обсуждать ваши показания, это совершенно не проблема. Ну как вы — держитесь, Отто?

Только сейчас я заметил круги у того под глазами. Невозможно так долго вести подобное дело и не иметь к нему личного отношения. Адвокаты, даже самые циничные из них, просто не могут сохранять профессиональную отстраненность, когда на кону стоит чья-то жизнь. По крайней мере, я предпочитал думать об Отто именно так. Хотя мысль о потере миллиона долларов гонорара наверняка тоже взяла с него свою дань. Пока Кэрри была в бегах, ему не светило и цента из этой суммы.

— Я в порядке. Просто хочу знать, что происходит. Я сам выбрал вас для этого дела. Мне нужно знать, что у нее есть кто-то, кто представляет ее интересы. Раз она уже положилась на меня. Я не хочу опять ее подвести.

На что я сказал:

— Мы пытаемся помочь ей. Действительно пытаемся. Но не можем ничем ей помочь, пока она скрывается. Она должна объявиться и встретить всю эту ситуацию лицом к лицу. Она нужна нам, Отто. И на кону у нас гораздо больше, чем вы думаете. Речь идет о жизни не одной только Кэрри.

— Я не совсем понимаю… — начал было он.

— Ладно, неважно. Мы справимся. Она обязательно позвонит. А потом я встречусь с ней и организую ее сдачу властям. Все срастется.

— Хорошо, что напомнили, насчет властей… Будьте поосторожней, если собираетесь встретиться с ней прямо сегодня вечером. В паре кварталов от вашего офиса пасутся федералы.

— В открытую? — спросила Блок.

— Нет, это скрытая наружка. Чуть дальше по улице, возле лапшевни, стоит какой-то темный фургон. Я специально их высматривал. По крайней мере, я думаю, что это они. Из-за этой прослушки я уже гоняюсь за призраками.

Блок, Лейк и я встали и подошли к окну. Так и есть — тремя кварталами дальше, напротив вывески «Лапша от дядюшки Хо», и впрямь припарковался темный фургон. Скорее всего, где-то на улице есть и другой фэбээровский транспорт, заготовленный на случай слежки как минимум тремя машинами, хотя каждый чих будет координироваться двумя или тремя парнями, пялящимися в экраны в кузове этого фургона.

В темноте и на таком расстоянии было трудно хоть что-то разглядеть, но все-таки мне показалось, что я почти различил одинокую фигуру в

кабине фургона. Более темный силуэт за рулем.

— Если она позвонит, убедитесь, что у вас есть ее номер, и перезвоните ей со своего одноразового телефона, — сказал Лейк. — Они могут прослушивать ваш стационарный телефон из кузова этого фургона.

Я услышал, как Дениз входит в дверь с кофе, и сразу же зазвонил телефон на столе. На секунду мы все повернулись и уставились на ярко вспыхнувший экранчик переносной трубки. Я подхватил ее, нажал на зеленую кнопку и произнес:

— Алло?

На другом конце провода была женщина. Я понял это по звукам. Слов не было. Только хриплое дыхание, вырывающееся из саднящего горла, явное усилие сдержать всхлип и сплошная стена беспокойства на другом конце провода.

— Я и вправду могу вам доверять? — наконец произнесла Кэрри Миллер. Это был не какой-то придурок, позвонивший нам в офис чисто поприкалываться — у нас уже было целых два таких звонка.

— И вправду можете. Я хочу убедиться, что мы ведем этот разговор без посторонних ушей. Только вы и я. Я перезвоню вам с защищенной линии.

Ваш номер есть на экране. Подождите у телефона. Я сейчас положу трубку и сразу же перезвоню.

Завершая разговор, я уже набирал номер на своем мобильнике.

Когда я нажал кнопку вызова, все в комнате смотрели на меня. Я глянул за окно на фургон. Никакого движения. Габариты выключены. Он просто стоял там. Для какой-нибудь службы доставки явно слишком поздно.

Кэрри сразу же ответила на звонок.

— Вот вам план. Нам нужно встретиться и поговорить. После этого я организую вашу завтрашнюю сдачу полиции Нью-Йорка. Вас арестуют и поместят под стражу, но вы будете присутствовать на слушании. Вы будете со мной — и в безопасности. Я это гарантирую. Я не могу гарантировать лишь то, что вы выиграете это дело. Это зависит от вас, но я думаю, что знаю, как это сделать. Чтобы закончить это судебное разбирательство, понадобится еще день, максимум полтора. Не больше. Все закончится в течение сорока восьми часов, начиная с данного момента, если мы встретимся сегодня вечером.

В ожидании ответа я наблюдал за фургоном.

— Я не убивала тех людей, — сказала она.

— Я знаю, что не убивали. Но есть гораздо боль-

ше вопросов и помимо этого дела, которые нам стоит обсудить. Встретимся в Дамбо[224], в парке у реки, через час.

— Я буду там.

Я отключился и сразу же набрал другой номер. На мой звонок ответили почти мгновенно.

— Эдди-Финт… — услышал я голос Джимми Феллини по прозвищу Кепарик.

Мы с Джимми выросли вместе. В детстве у нас было много общего. Мой отец был профессиональным мошенником, косящим под обычного работягу. Отец Джимми, старик Феллини, возглавлял крупнейший итальянский преступный синдикат в стране. Единственное отличие между ними заключалось в том, что его папаня не притворялся законопослушным гражданином. Мы оба любили бокс и проводили все лето и бóльшую часть зимних вечеров в спортзале Микки, молотя тяжелые мешки, отжимаясь на кулаках от голого бетона и гоняясь друг за другом по рингу. Мы оба

---

[224] notes: 224

Дамбо — нью-йоркский район с мощеными улочками и перестроенными складскими помещениями, в которых сейчас находятся независимые магазины, элитные рестораны и модные кафе. Расположен на противоположной стороне Ист-Ривер от Манхэттена и соединен с ним Бруклинским и Манхэттенским мостами, а также паромной переправой. Изначально это название представляло собой аббревиатуру DUMBO (Down Under the Manhattan Bridge Overpass) — нечто вроде «Территория под путепроводом Манхэттенского моста».

пошли по стопам наших отцов — в моем случае, по крайней мере, на какое-то время. Мы всегда были готовы вписаться друг за друга в любой передряге, хотя в последнее время в основном я просил Джимми о помощи, пусть даже и знал, что он будет только рад оказать ее. Так вот все и происходило. А если и ему когда-то что-нибудь было нужно от меня — я всегда был рядом, причем без лишних вопросов.

— Как ты там? — спросил я.

— Я-то в порядке. Дел по горло. Гляжу, у тебя тоже… Нужно чего?

— Думаю вот кое-кого подрядить, да только время поджимает.

— Насколько поджимает?

— Надо бы уже минут через тридцать.

— Думаю, что реально, хотя смотря что тебе нужно.

— Четверо водил со своими тачками к моему офису. Мне нужна команда — люди, которым уже приходилось работать вместе и которые хорошо знают, что такое венециана.

— Задумал ломануть какой-нибудь ювелирный магаз?

— Честно говоря, моя жизнь наверняка была бы куда проще, если б я избрал подобное поле

деятельности. Нет, мне просто нужно кое-где побывать, а я не хочу, чтобы федералы притащились туда у меня на хвосте. Кто у тебя лучший водила?

— Крылан по-прежнему лучший из лучших.

— Сколько же ему сейчас лет?

— Никто не знает и никто не спрашивает. Я вот его босс, и даже у меня не хватает пороху спросить его об этом.

— Ясненько… Дела на тридцать минут. Максимум. Полторы штуки за машину. И еще две лично тебе. Этого хватит?

— Забудь про две штуки лично для меня. Ребятки потом отстегнут по пятихатке каждый. Мне хватит. Через полчаса они будут у тебя перед входом. Береги себя, разводила!

— Спасибо, Джимми.

Глава 50
Эдди

Когда ровно двадцать девять минут спустя я взмахом руки велел Отто садиться в его «Мерседес», у него явно отлегло от сердца. Так было безопасней. Это было Отто не по силенкам. С того самого момента, как мы вышли на улицу, я не мог отвести глаз от того фургона. За рулем явно кто-то был, но я не мог разглядеть лица. Чем больше я смотрел на этот фургон, тем больше гадал, что там у него внутри — толпа федералов в кузове или же только этот водитель спереди. А может, Отто был прав и у страха и вправду глаза велики…

Хотя лучше было не рисковать.

Будь у нас время, я попросил бы Блок как бы невзначай пройтись мимо и понаблюдать за водителем. Но времени уже не было, да это и не имело значения. Как только мы тронемся с места, этот фургон последует за нами, я был в этом совершенно уверен.

Блок, Гарри, Лейк и я стояли на тротуаре.

— Почему я сама не могу сесть за руль? — спросила Блок.

— Потому что гонять ты у нас мастерица, а вот о венециане и понятия не имеешь.

— Что это еще, блин, за венециана такая?

— Наверняка ты не захочешь этого знать, — сказал Гарри.

Мимо заведения с вывеской «Лапша от дядюшки Хо» колонной прокатили несколько автомобилей. Впереди ехал «Мустанг» новой модели, ярко-синего цвета. За ним следовал еще один «Форд» — «Фокус» заряженной версии «Ар-Эс», потом «Додж Хеллкэт» и еще один «Фокус». И неважно, как выглядели эти машины, сойдя с заводского конвейера, или какие двигатели были там на них установлены — каждая из них была доработана в соответствии с личными предпочтениями водителя, поскольку именно так и поступают настоящие профи. У большинства из них имеется собственная мастерская, или же они знают какой-нибудь достаточно дружественный к ним гараж, чтобы позволить им работать в нем днем и ночью.

Все они подъехали к офису. Гарри забрался в «Ар-Эс», Блок — в обычный «Фокус», Лейк — в «Мустанг», а я в «Хеллкэт». Водитель был мне хорошо знаком. Крупный мужик, которому даже пришлось приспособить сиденье под габариты

своего брюха. Голову его венчала буйная взъерошенная шевелюра, а кожаная куртка плотно облегала фигуру, словно костюм супергероя. Звали его Энтони Ломбарди — он приходился Джимми кузеном. Вообще-то, чуть ли не все приходились Джимми кузенами. Я знал его только по прозвищу — Тони Мать-Перемать.

— Эдди, мать твою, Финт — как делишки, так тебя растак?

Что бы Тони ни говорил, в каждом предложении, каким бы коротким оно ни было, мать в определенном контексте обычно упоминалась как минимум дважды. Этой своей привычке он не изменял даже в таких банальных ситуациях, как покупка пачки сигарет, заказ чизбургера или получение вещей из химчистки. Даже когда Тони произносил какую-нибудь длинную тираду и вы уже думали, что мамой в самом начале все и ограничится, он все равно не изменял давней традиции, завершая свою мысль тем же, с чего ее и начал, — когда окружающие меньше всего этого ожидали.

— Всё у меня пучком, Тони. Ты готов?

— А то, мать твою перемать!

Он вдавил педаль газа в пол, и все мы рванули в разные стороны. Я едва ли не слышал, как

группа наружного наблюдения ФБР схватилась за рации. По количеству «мать твою» в эфире они в этот момент наверняка могли посоперничать даже с Тони.

Венециана — это такой традиционный итальянский народный танец. В самом начале его пары расходятся. Мужчины и женщины объединяются в группы, а потом сходятся опять и начинают кружиться. Но в этом танце есть одна особенность — перед его окончанием пары меняются партнерами.

— Значит, на нас этот «Краун Вик», мать его, и этот гребаный фургон… Ну держитесь, козлы, мать вашу!

Я глянул в боковое зеркало. Тони был прав. Кроме перечисленного, фэбээровские тихари располагали еще как минимум двумя машинами — седаном «Шевроле» и хондовским пикапом. «Шевроле» устремился вслед за Гарри, а пикап все еще разворачивался, явно намереваясь сесть на хвост Блок. Лейка оставили без внимания. Как я и ожидал. Преследователи сосредоточились на ядре нашей юридической команды.

На компьютерной консоли на передней панели «Хеллкэта» высветился четырехсторонний конференц-вызов, позволяющий водилам коор-

динировать свои действия по мобильникам с громкой связью.

— Крылан, я на Уоттс, мать твою, буду на Кэнел через тридцать секунд.

— Я на Гудзон-стрит, как раз на подходе, — последовал ответ.

Тони пришпорил «Хеллкэт», и что бы он там ни переделал под капотом, крутящий момент был слишком велик для нормальной рулежки, потому что машина начала мотать хвостом. Он чуть сбросил газ и за секунду вернул контроль над ней, а затем колеса резко зацепились за асфальт, и моя голова и спина прилипли к сиденью, когда мы резко рванули вперед.

— Что ты сделал с этой тачкой? — спросил я.

— Почти ничего, мать ее… Она и прямо с завода машина-зверь.

Свернув направо на Кэнел-стрит, главную улицу с двусторонним движением, в сторону туннеля Холланд, Тони объявил в невидимый микрофон:

— Уже на Кэнел. Где ты сам-то, мать твою?

В этот момент с Гудзон-стрит навстречу нам вывернул синий «Мустанг» и остановился у центральной разделительной полосы на Кэнел-стрит. Тони ударил по тормозам и пристроился борт о борт с «Мустангом». Носы машин были

нацелены в противоположных направлениях.

Я уже открыл дверцу, когда Тони еще только начал тормозить, и выскочил из машины прямо перед «Мустангом». Лейк запрыгнул на переднее пассажирское сиденье «Хеллкэта», и я услышал, как Тони клянется гребаным Иисусом мать его так Христом, что Лейку лучше пошевеливать задницей. Тони сорвал машину с места, и только через миг я услышал, как захлопнулась дверца Лейка. Пригнувшись к сиденью, я тоже закрыл пассажирскую дверцу «Мустанга», как раз в тот момент, когда услышал, как мимо со свистом промчались две машины — вслед за Тони, который был уже на полпути к туннелю.

— Этот «Вик» с этим фургоном теперь уже с Тони не слезут, — удовлетворенно заметил Крылан, медленно трогаясь с места, и мы поехали в противоположном направлении, никем не преследуемые.

Это и есть венециана. Федералы не заметили подмены. По их мнению, они всю ночь будут следить за мной и Тони, даже не подозревая, что на пассажирском сиденье на самом-то деле сидит Лейк. Крылан и Тони просто-таки виртуозно всё исполнили. У них подобный фокус был давным-давно отработан. ФБР уже много лет следило за

Джимми-Кепариком. Если ему требовалось встретиться с кем-то без посторонних глаз и ушей, венециана была простейшим способом от них избавиться.

— Так куда в итоге едем? — поинтересовался Крылан.

— В Бруклинский парк.

— Нет проблем.

Крылан был намного старше нас с Джимми. Когда мы были маленькими, он всегда присматривал за нами. Жил он в том же районе, что и Джимми, и, когда я приходил туда в гости, всегда следил за тем, чтобы никто тут до меня не докапывался. Для единственного ирландского пацана в исключительно итальянском квартале ситуация в любой момент могла стать довольно стрёмной. Никто не цеплялся к Джимми, учитывая личность его папаши, но многие другие ребятишки были совсем не прочь затеять драку с ирлашкой. Если, конечно, поблизости не было Крылана. Тогда у него всегда был подбит как минимум один глаз, а где-нибудь на лице или руках красовался большой фиолетовый синяк. Я думал, это из-за борьбы с конкурирующими бандами, но оказалось, что это дело рук его старика, который был скор на расправу.

Тогда Крылана все звали попросту Томми. Когда его старик вытолкнул его мать из окна их квартиры на втором этаже, а Томми выпрыгнул вслед за ней, перехватил ее прямо в воздухе и принял на себя весь удар, приложившись спиной, люди и стали называть его Крыланом. Его мамаша сказала, что он вылетел из окна как на крыльях, схватил ее и она приземлилась на него сверху. В тот день врачи еще не знали, сможет ли Томми когда-нибудь опять ходить из-за травмы позвоночника. Поговаривали, что в тот же вечер у отца Джимми и отца Томми состоялся крупный разговор, который закончился не слишком-то хорошо. Отец Томми так и не выжил после падения с крыши здания. А Томми не только благополучно выздоровел, но и попал под покровительство семейства Феллини и начал работать на семью, угоняя автомобили для одной из полулегальных авторазборок. В чем здорово преуспел, особенно в вождении. Никто не мог обставить Крылана, когда он оказывался за рулем.

К Бруклинскому парку мы подъехали даже с некоторым запасом.

— Мне пойти с тобой?

— Не, ничего тут со мной не случится. Ты не против немного поторчать тут, пока я не закончу?

— Об чем речь, малыш. Я пригляжу за тобой.

Выбравшись из машины, я закутался в пальто и направился к береговой линии Бруклинского парка. Эту часть Дамбо содержали в порядке и благоустраивали, особенно после того, как паром начал перевозить пеших пассажиров через Ист-Ривер в Манхэттен. В это время в парке было не так уж много народу — разве что изредка попадется одинокий любитель бега трусцой или какой-нибудь старик с собакой. Парк примыкал к Ист-Ривер, и его ограждение смотрело прямо в воду. В ряби на поверхности воды неярко мерцали огни небоскребов Манхэттена.

Я прислонился спиной к перилам, засунул руки в карманы пальто, чтобы согреться, и стал наблюдать за дорожками, ведущими к набережной. Слева ко мне подошла пожилая пара с маленькой собачкой на поводке. Они остановились возле стационарного платного бинокля на подставке, сквозь линзы которого открывался вид на залив, и мужчина порылся в карманах в поисках мелочи, прежде чем сдаться и двинуться дальше мимо меня.

Условленное время давно вышло, а Кэрри все не появлялась. Тревога и страх все сильней охватывали меня с каждой прошедшей минутой. Я

уже окончательно замерз и опасался, что сделанная мною ставка так и не окупилась. Достал свой одноразовый мобильник, набрал последний номер и стал ждать.

Наконец Кэрри ответила.

— Простите, — сказала она. — Я не знаю, могу ли вам доверять.

— У вас нет другого способа это узнать, не дав мне шанс. Просто приезжайте сюда и подойдите ко мне, я все еще здесь. Я все еще жду.

— Вы даже не знаете, что я сделала, — сказала она.

На миг я растерялся, не зная, что сказать. Я нуждался в ней, и обычно мне удавалось убедить людей довериться мне. Имелась какая-то причина, по которой Кэрри не знала, можно ли мне доверять. И эта причина была в том, что я не знал всей истории целиком. Я догадывался, что она что-то скрывает от меня, но теперь знал это наверняка. И у меня уже имелось довольно хорошее представление касательно того, что именно она скрывала.

— Я знаю больше, чем вы думаете. И я все еще на телефоне. Я все еще здесь, чтобы помочь вам. Поскольку, что бы ни случилось, я не думаю, что вы плохой человек, Кэрри. Люди порой совер-

шают ужасные ошибки, но в душе они все равно остаются хорошими людьми. Всего одна ошибка не должна определять чью-то жизнь.

— Хорошо, — сказала она. — Вы видите платный бинокль у самой воды?

Я огляделся проверить, не наблюдает ли кто за мной. Кэрри я не видел, но предполагал, что она уже где-то здесь. Потом переключил все свое внимание на бинокль на подставке.

— Вижу.

— Понизу его огибает поручень. Вы найдете кое-что, подсунутое под самое основание бинокля.

Я подошел туда. В основании подставки и вправду обнаружилась маленькая черная книжечка.

— Блокнот?

— Мой дневник. Остальная его часть. Прочтите его. И если после этого все равно пожелаете мне помочь, тогда я готова вам довериться.

Она отключилась.

Я открыл дневник и приступил к чтению, еще только возвращаясь к машине. И к тому моменту, как подошел к «Мустангу», уже знал, почему Кэрри ударилась в бега.

Кое-какие фрагменты общей картины, в которых я не был уверен, внезапно обрели смысл.

Главные пробелы были заполнены. Впервые у меня была реальная история, более или менее похожая на истину, — или, по крайней мере, бóльшая ее часть. Остальное я мог заполнить сам.

Я позвонил Кэрри.

— Я в деле. Я знаю, что произошло. Я знаю, что вы сделали. Я все еще готов вам помочь. Вместе мы можем выиграть это дело. Правда в том, Кэрри, что вы мне нужны. Песочный человек захватил Кейт.

— Что?!

— Завтра вы должны явиться в суд. Вас сразу же арестуют за побег из-под залога, но не волнуйтесь. Все будет хорошо. Если завтра вы не объявитесь, то Кейт в реальной опасности. Он сказал, что убьет ее, если вас осудят. Он любит вас.

— Боже ты мой…

— Я не допущу, чтобы случилось что-то плохое, готов в этом поклясться. Я думаю, мы сможем победить. Но вы нужны мне в суде. Могу я на вас рассчитывать? На кону жизнь моего партнера.

— Я буду там. И, Эдди, — спасибо вам.

— Я просто хотел бы, чтобы вы раньше мне все это рассказали. Я понимаю, почему вы этого не сделали, но теперь мы должны доверять друг

другу.

— Я доверяю вам. И утром буду в суде.

Завершив разговор, я посмотрел на черную реку, покрытую клубящимися столбами света. В ночной воде есть что-то такое, что меня успокаивает. И проясняет мысли. Теперь все полуправды и недостающие фрагменты окончательно улеглись у меня в голове. Чего я не знал в тот момент, так это что мне теперь делать. Никаким ошибкам здесь не было места. На кону была жизнь Кейт.

Я смотрел на Ист-Ривер, мысленно проигрывая в голове все недавние события.

Во всем этом был огромный риск. Особенно для Кейт.

Закрыв глаза, я прислушался к шуму ветра и воды.

А когда открыл их, уже принял решение.

Сначала я позвонил Дениз:

— Вы ведь знаете кого-то в регистрационной палате, насколько я помню?

— Знаю начальника, замначальника и двоих штатных сотрудников, — подтвердила она.

— Не могли бы вы попросить их открыть офис для Блок в ближайшие полчаса?

— Вы вообще серьезно?

— Дайте знать начальнику, что если он нам

поможет, то за нами не заржавеет.

— Поняла. Он мой хороший знакомый, так что, думаю, не откажет.

Затем я позвонил Блок:

— Мне нужны оригиналы регистрационных документов компании, которую Дэниел Миллер использовал для покупки склада для своей морозильной камеры. Тебе потребуются именно оригиналы. Если я прав, ты найдешь начало следа. Следуй по нему. Возьми с собой Лейка.

Я потратил еще пять минут, чтобы пересказать Блок то, что Кэрри Миллер написала в своем дневнике.

Блок ничего не ответила. Я терпеливо ждал.

— Сукин сын, — наконец произнесла она.

— Скажи мне, что ты сможешь это сделать.

— Да, смогу.

Оставалось сделать еще два звонка. Следующий представлял собой прямое нарушение профессиональной адвокатской этики. Я уже далеко не в первый раз выпадаю за рамки подобных норм. И не в последний.

Отто ответил почти сразу же.

— Кэрри утром будет в суде. И мы собираемся выиграть это дело с вашей помощью. Я знаю, что не должен обсуждать с вами ваши показания. Ин-

структаж свидетеля обвинения может привести к тому, что нас обоих лишат лицензии. Возможно, даже привлекут к уголовной ответственности. Однако по-другому не скажешь, Отто: мне нужно, чтобы завтра вы дали отпор Дрю Уайту, — сказал я.

Некоторое время он молчал, обдумывая услышанное, а затем сказал:

— Если я буду отрицать то, что уже сказал Уайту, он может попросить Стокера объявить меня враждебно настроенным свидетелем — а тогда сможет подвергнуть меня встречному допросу и дискредитировать. Я потеряю все, на что потратил всю свою жизнь. Вся моя карьера пойдет прахом. И ради чего? Как только меня объявят враждебно настроенным, присяжные все равно не поверят ни единому моему слову. Мне все-таки придется придерживаться того, что я уже сказал обвинителю.

— Может, и так, но вы можете подать это и в ином ключе. Кэрри не знала, что ее муж — убийца, по крайней мере, с полной уверенностью. Она это подозревала, но у нее не было доказательств. Она — такая же жертва, как и все остальные, Отто. Давайте, вы сможете это сделать. Мне реально нужна ваша помощь.

— Я и вправду сочувствую Кэрри, но не могу пустить свою карьеру под откос из-за одного-единственного…

— Вам не придется ничего пускать под откос. Просто сделайте все возможное, хорошо?

— Хорошо, — сказал он.

Последний звонок за этот вечер был самым трудным. Судя по всему, Билл Сонг пребывал в сильном раздражении. Я понял это по тону его голоса, даже несмотря на шум машины.

— Вы, случайно, не преследуете красный «Додж Хеллкэт»? — поинтересовался я.

— Да, один гаденыш по имени Эдди Флинн мотается по всему Нью-Джерси. Просто скажите мне, где вы с ней встречаетесь! Это все намного упростит.

— Я не в этой машине. На пассажирском сиденье Лейк. Я поменял машину.

— Ах ты сукин…

— Пока вы не успели сказать чего-нибудь, о чем можете пожалеть, послушайте внимательно. Завтра Песочный человек будет у меня в руках.

Все, что мне было слышно, — это гул мотора и повизгивание шин на крутых поворотах. Как только Сонг овладел своим языком, то сказал:

— Повторите мне это еще раз.

— Я собираюсь доставить вам Песочного человека, но не за просто так.

— А бывало как-то по-другому? Чего вы хотите?

— Я хочу двух вещей, и они не подлежат обсуждению. Во-первых, вы не должны его арестовывать.

— Что-что?

— Вы меня услышали. Песочный человек далеко не глуп, и СМИ вовсю обсуждают это дело. Еще одного судебного процесса быть не должно. Никаких споров по поводу показаний свидетелей, никаких оспариваний результатов экспертизы — вы возьмете этого парня с поличным. Я не только преподнесу вам этого ублюдка на блюдечке, но еще и бантиком украшу. Если вы этого хотите, вам придется подождать, пока я не дам добро арестовать его.

— Господи, Эдди, а что же во-вторых?

Мы поговорили еще немного, и к тому времени как я дал отбой, можно было практически не сомневаться, что Сонг сдержит свое слово. Слишком уж много чего завтра должно было пройти как надо, и я полагался в этом на стольких людей, что любая, даже самая мелкая оплошность могла обрушить всю конструкцию целиком. Я

уже видел, как в моей прежней профессии дела шли подобным образом. Как бывший мошенник, частенько работавший с целой командой подручных, могу подтвердить: порой даже такая мелочь, как не тот взгляд, брошенный на терпилу, может сорвать всю операцию.

Я привык работать на лезвии ножа. Но только не тогда, когда острие этого ножа нацелено в горло тому, кто мне дорог.

Подышав на свои онемевшие руки, я вернулся к машине и плюхнулся на пассажирское сиденье.

— Ты в порядке, малыш? — спросил Крылан.

— Нет, но, думаю, завтра в это же время буду. Как ты смотришь на то, чтобы заработать десять штук?

— Звучит заманчиво.

— У тебя есть другая машина — такая же быстрая, как эта?

— Есть даже еще более быстрая — новый «Камаро». На четверти мили он и в десятку не уложится[225], но поворачивает быстрей и круче большинства других.

— Подгоняй его завтра. Он нам понадобится.

---

[225] notes: 225

Четверть мили (402 м) — одна из самых популярных дистанций в дрэг-рейсинге (гонках на приемистость). Кстати, 10 секунд для серийной машины, даже «заряженной», — более чем достойный результат.

— Кто-то прижал тебе хвост? Хочешь, чтобы я что-нибудь сделал?

— Всё в порядке, Крылан. Ты слыхал о Блок? Она вполне с этим справится.

Глаза у него расширились, и он сказал:

— Да, это серьезная тетенька, где сядешь, там и слезешь… Тогда не парься, малыш. Если она на кого-то нацелилась, то это им стоит за себя переживать.

Глава 51
Песочный человек

Песочный человек проследовал за той машиной через туннель Холланд и со временем где-то в Джерси-Сити потерял ее. Было важно соблюдать дистанцию, поскольку слежку вело еще и ФБР, и он не хотел, чтобы они его засекли. Впрочем, шансы на это были крайне невелики. Он, естественно, просчитал их. В ситуации преследования федералов интересуют только их цели, а не те машины, которые у них самих на хвосте. Все их внимание нацелено вперед. Если он будет держаться на расстоянии, не выпуская их из виду, ничего такого не произойдет.

Преследуемая машина, «Додж Хеллкэт», принялась нарезать круги по району. Федералы не отставали от нее, а она даже не пыталась оторваться от них. Песочный человек подрулил к тротуару. Вырубил мотор. Некоторое время сидел, барабаня пальцами по рулю. Надо было догадаться, что Флинн прокрутит какую-то подмену. Кэрри ни за что не стала бы прятаться в Нью-Джерси. Этот «Додж» был приманкой. Где-то

по пути Флинн сменил машину.

А сам он настолько сосредоточился на том, чтобы не потерять федералов, что не слишком задумывался о вероятном пункте назначения…

Развернувшись, Песочный человек поехал обратно через город и через мост на Кони-Айленд. В ярости он даже погнул обод рулевого колеса и теперь при каждом повороте руля замечал его странный угол и форму. Это никак не уменьшило его ярость. Иногда гнев ощущался как давление внутри головы. Которому требовалось дать выход. Когда он этот напор слишком долго сдерживал, мышление у него затуманивалось, разум был полностью захвачен стрессом, вызванным бешенством.

Когда Песочный человек добрался туда, было уже поздно, и он очень устал. Адреналин от погони и злость из-за упущенного шанса захватить Кэрри так и не утихли. Если что, усталость лишь усилила его эмоции. Распахнув дверь бывшего автобусного парка, он посветил внутрь фонариком.

Тележка для инструментов переместилась на другое место. Стояла на стальной пластине, закрывающей яму, только одним колесом. Посветив фонариком на пластину, Песочный человек увидел, что она на дюйм сдвинута. Вокруг щели

белели свежие деревянные щепки.

Умная девочка…

— Кейт, отсюда нет выхода, — произнес он.

Потом прислушался и услышал, как она тяжело дышит. То ли от страха, то ли, что более вероятно, от усилий при попытках сдвинуть пластину. Было ясно, что Кейт каким-то образом ухитрилась выломать из спинки стула массивную верхнюю поперечину, вставила ее в оставленную им щель и орудовала ею как рычагом, пытаясь сдвинуть пластину или хотя бы чуть-чуть приподнять ее с угла. Способ оказался действенным — тележка почти скатилась со стального листа.

Песочный человек повернулся и прошел мимо мешков с песком в маленькую контору в задней части здания, которую использовал в качестве хранилища. Здесь он держал два паспорта — один для себя, другой для Кэрри. Оба на другие имена. Две сотни штук наличными, еще двести пятьдесят тысяч в золотых слитках. В этом кабинетике имелся также холодильник, в котором Песочный человек хранил свои трофеи, в банках для домашнего консервирования.

Семнадцать банок.

Семнадцать пар глаз.

Не удостоив их даже взглядом, он подхватил

свой рюкзак и закинул его на плечи. В углу конторы стояли четыре канистры, в каждой — по пять галлонов бензина. Он взял по одной в каждую руку и вынес их из кабинета к яме. Бензин шумно плескался в канистрах, и когда он опустил их на бетонный пол, раздался глухой металлический звон.

— Слышишь это? Узнаешь этот звук?

Подхватив одной рукой лом, Песочный человек сдвинул стальную пластину примерно на фут. Отвинтив крышку первой канистры, открыл свой рюкзак и нашел пластмассовый носик, который закрепил на горлышке канистры.

— Уже чувствуешь этот запах? — спросил он.

После чего, наклонив канистру, стал лить бензин в яму.

— А теперь чувствуешь?

Последовавший за этим вскрик доставил ему несказанное удовольствие. Когда бензин с бульканьем выплевывался из носика канистры в яму, пока едкий аромат наполнял ему ноздри, а крики Кейт наполняли уши, ему казалось, будто он принимает дозу какого-то сильнодействующего наркотика. Чем больше бензина выливалось в яму, тем громче она кричала.

И давление в голове понемногу ослабло.

На то, чтобы полностью опустошить канистру, много времени не потребовалось. Ушло на это меньше минуты. Он бросил ее в яму, а затем опять полез в свой рюкзак. Его рука вынырнула оттуда с фальшфейером — красной картонной трубкой с колпачком на конце. Стоило сорвать колпачок, как этот сигнальный факел загорался и горел при температуре в две тысячи градусов. Крепко сжав его одной рукой, Песочный человек взялся другой за колпачок — и только тогда заметил, что грудь у него ходит ходуном, с лица капает пот, а по всему телу пробегает дрожь чистого возбуждения.

Он остановился. Взял себя в руки.

Если бросить фальшфейер в яму прямо сейчас, оставалось лишь гадать, воспламенятся ли пары перед тем, как тот упадет в довольно глубокую лужу бензина на полу. Бензин сам по себе не горюч, он вообще-то может даже потушить пламя. А вот его пары способны вспыхнуть даже от малейшей искры.

Песочный человек еще никогда никого не сжигал. И уж точно никогда никого не сжигал заживо. Он представил себе Кейт в яме, наверняка стоящую на стуле, чтобы держаться как можно дальше от бензина, и гадающую, как долго продержится стул, прежде чем загореться, после чего

пламя охватит ее ступни, голени, а потом…

Хотя нет. Все будет не совсем так.

Если он сначала позволит парам накопиться в яме, а затем бросит в него фальшфейер, то сам воздух полыхнет там огненным шаром. Тяжелый стальной лист защитит его, если он сразу же отойдет в сторонку, но вот Кейт мгновенно окажется в огненном аду. Воздух вокруг нее, а также во рту и в легких, мгновенно вспыхнет.

Все та же мысль опять пришла ему в голову: «Пусть пока еще поживет. Она может тебе понадобиться».

Песочный человек знал, что убивать ее сейчас было бы глупо. Это доставило бы немало удовольствия, но все равно глупо.

— Если ты еще раз попытаешься удрать, я сожгу тебя заживо, поняла?

Положив фальшфейер на пол, он опять подцепил стальной лист крюком и подтащил его к краю ямы, оставив совсем небольшой зазор — дюйма два, не больше. Принес из кучи у входа один из мешков с песком и бросил его сверху. Затем другой. И еще. Чтобы она уж точно оттуда не выбралась.

Глава 52
Кейт

От грохота стальной пластины над головой у Кейт каждый раз стучали зубы. Что-то сыпалось дождем в яму, но это был не бензин. На сей раз.

Это был песок.

Он бросал на пластину мешки с песком, чтобы утяжелить ее.

Кейт балансировала на стуле. Встав ногами на сиденье, согнулась и обхватила колени руками, стараясь держаться как можно дальше от бензина. Ее так трясло, что пару раз она чуть не упала.

От бензиновых испарений подкатывала тошнота. Слезились воспаленные глаза. Горело горло, а вонь уже заставила головную боль вернуться с новой силой. Она хотела, чтобы ее стошнило, но боялась в этот момент потерять равновесие.

От навернувшихся слез глаза защипало еще сильней.

Этот человек задумал сжечь ее. Если не сейчас, то скоро.

И спасения от этого не было.

Оглушительный грохот мешков с песком, па-

дающих на стальной лист, прекратился, и Кейт услышала удаляющиеся шаги. Знакомый звук захлопнувшейся двери сменился гробовой тишиной.

Когда она спустилась со стула, ноги мгновенно промокли в луже бензина на полу. Кейт передвинула стул в правый угол, встала на него, уперлась плечами в пластину и навалилась на нее.

Та не подалась ни на волос.

На сей раз.

Спинка стула, простенькая деталь из твердого дерева дюймовой толщины, которую она отломала от вертикальных стоек, просунулась в щель между пластиной и краем ямы. Кейт опять уперлась плечами, попыталась использовать толстую деревяшку как рычаг, силясь приподнять пластину и сдвинуть ее, увеличить щель.

Пластина не сдвинулась с места.

Спинка переломилась пополам и упала в лужу на полу.

Кейт опять вскрикнула. И расплакалась. Она упустила свой шанс выбраться. Понадобился бы небольшой подъемный кран, чтобы сдвинуть этот тяжеленный стальной лист со всем этим дополнительным грузом, наваленным на него сверху. У Песочного человека окончательно со-

рвало резьбу. Даже если он сейчас и оставил ее в живых, он никогда не отпустит ее. Она умрет в этой яме. Вопрос был только в том, когда именно. Он не пытался напугать ее этим бензином — это была просто удача, что он не поджег ее прямо в тот момент.

Ее жизнь держалась на кончике спички.

Присев на стул, Кейт уставилась в зазор над головой. Полоска лунного света вернулась, и в этот момент она поняла, что это наверняка последний лунный свет, который она видит в своей жизни.

Глава 53
Эдди

В зале суда не было естественного освещения — в этой бетонной коробке, доверху наполненной потерями, ненавистью, предательством, убийствами, коррупцией и ложью. Это был великий театр человеческой слабости.

Мы с Гарри сидели за столом защиты. Кресло для клиента, стоявшее в конце нашего стола, по-прежнему пустовало.

Было самое начало десятого утра. Я не спал двое суток, а полный сил Дрю Уайт был полностью готов устроить представление в нашем маленьком театре.

— Народ вызывает Отто Пельтье! — объявил он.

Гарри открыл чистую страницу в своем блокноте, проверил, заправлена ли авторучка, и приготовился делать заметки.

Присяжным наверняка нравился внешний вид Отто. Этот костюм, прическа, стройная подтянутая фигура — все так и кричало о богатстве и власти. Это был человек, которого присяжные

явно стали бы слушать.

После присяги на Библии с разрешения судьи Стокера он опустился в кресло за свидетельской трибуной.

— Мистер Пельтье, при каких обстоятельствах вы познакомились с Дэниелом Миллером?

— Моя фирма представляет интересы элитных клиентов, мистер Уайт, во всех вопросах управления капиталом, включая налоговое законодательство, трастовые фонды, завещания и планирование порядка распоряжения наследуемым имуществом. Мистер Миллер был успешным менеджером хедж-фонда, а в прошлом биржевым брокером. Мы представляем интересы многих клиентов с Уолл-стрит, и он обратился ко мне по рекомендации.

— Одно время вы представляли в этом деле интересы Кэрри Миллер. А с ней как вы познакомились?

Он откашлялся и ответил:

— Я познакомился с Кэрри, когда Дэниел представил ее мне как свою невесту. Он хотел убедиться, что в случае чего она не пострадает финансово, по каковой причине желал частично распространить на нее право собственности на принадлежащие ему активы. Я посоветовал им

заключить брачный контракт, и они оба согласились. Я оформил соответствующее соглашение, разделив имущество.

— Мистер Пельтье, в какой-то момент обвиняемая Кэрри Миллер обратилась к вам за советом касательно своего мужа, верно?

— Верно, — подтвердил он.

Гарри недовольно фыркнул.

Это была упущенная возможность. Будь Отто малость пособразительней, он мог бы развить этот ответ, изобразив Кэрри обеспокоенной, ни в чем не повинной супругой. Я отодвинул свое кресло, все четыре ножки которого скрипнули по плиточному полу. Пельтье, привлеченный этим звуком, глянул в мою сторону. Я ответил ему выразительным взглядом. Он отвернулся.

Этот спектакль также наглядно демонстрировал один из величайших недостатков особей нашего вида — трусость.

— У присяжных уже имелась возможность ознакомиться с дневниками Кэрри Миллер, которые она оставила в вашем офисе на хранение, — просто расскажите членам жюри о своем впечатлении от этих дневников.

— Они отражают то, что она чувствовала и о чем думала в то время. Состоявшийся тогда

между нами разговор приводится там достаточно точно, насколько я сам могу его припомнить…

Пельтье явно хотел сказать что-то еще — я заметил, как он перевел взгляд на присяжных и провел языком по губам. И уже открыл было рот, но…

— Спасибо, — сказал Уайт, прервав его прежде, чем он успел сказать что-либо полезное для защиты, и тут же продолжил: — В этих дневниках она рассказывает о том, как ее муж возвращался домой поздно вечером и принимал душ, как он дарил ей драгоценности, принадлежавшие жертвам — обычно на следующий день после их убийства, — а явившись посреди ночи, сразу же засовывал свою одежду в стиральную машину. Разве из этих дневников не следует, причем со всей возможной ясностью, что Кэрри Миллер знала о том, что ее муж — это и есть Песочный человек?

Пока Отто еще только размышлял над ответом, ход его мыслей был прерван открывшимися дверями в задней части зала суда. Он посмотрел вдоль прохода, а когда понял, кто это, подался вперед, опираясь на локти, чтобы внимательно рассмотреть вошедшую. Судья тоже.

Кэрри Миллер выглядела еще более худой, чем

несколько дней назад. Макияж не мог скрыть ни темных кругов вокруг глаз, ни напряженного выражения лица. Вслед за ней в зал вошла Блок с кипой бумаг в руках, которую она положила на стол защиты, прежде чем занять место среди публики. Мы с Гарри встали, когда Кэрри подошла к нам и села на стул в конце стола. Все в зале суда затаили дыхание и уставились на персону, которая была здесь важнее всех остальных. Персону, вокруг которой вращалась вся эта история. Все они хотели как следует рассмотреть ее и сами составить суждение о ней.

— Ваша честь, — произнес я, — если вы позволите на секундочку прервать мистера Уайта, то я хотел бы сообщить суду, что моя клиентка готова сдаться полиции в связи с нарушением условий освобождения под залог в конце сегодняшнего слушания. Я уже поговорил с детективами, участвующими в деле, и у них не имеется никаких возражений.

— Мы разберемся с этим вопросом в конце дня. Вернемся к вам, мистер Уайт.

Уайт словно вырос на целый дюйм. Он стоял очень прямо и так выпятил грудь, что чуть ли не выгнул спину дугой. Некоторые обвинители теряют всякое представление о порядке и за-

конности еще в самом начале своей карьеры. Для них работа сводится к тому, чтобы получать осуждения, одерживать победы любой ценой. Побеждать, побеждать, побеждать — вот и все, что их волнует.

— Мистер Пельтье, я повторю свой вопрос. Судя по этим дневникам, Кэрри Миллер заметила, что ее муж демонстрирует более чем странное поведение. Он появлялся домой на ночь глядя, чуть ли не каждый вечер. Он дарил ей украшения, которые, как она знала, принадлежали жертвам Песочного человека. И так далее. Она пришла к вам, и она *знала*, что ее муж, Дэниел Миллер, это и есть Песочный человек, верно?

— Я бы сказал, она подозревала его. Но у нее не было никаких реальных доказательств.

— Это не то, что говорится в этих дневниках, не так ли? Она знала и пришла к вам за советом, верно?

Пельтье облизал пересохшие губы, сказал:

— Вы можете толковать эти дневники как угодно, но подозревать что-то и знать о преступлении — это две совершенно разные вещи.

— В последней из записей, с которыми присяжные успели ознакомиться заранее, Кэрри Миллер сообщает вам, что ее муж и есть Песоч-

ный человек. И не только это, но также и то, что она предоставила полиции ложное алиби для своего мужа.

— Я думаю, совершенно очевидно, что на нее оказали давление, чтобы она предоставила это алиби, — сказал Пельтье.

— Однако она не утверждает, что ее муж угрожал ей, чтобы получить это алиби, не так ли?

— Нет, но…

— Кэрри Миллер подтвердила ложь своего мужа полиции. Она сказала тому полицейскому, что ее муж был дома в ночь убийства Маргарет Шарп, разве не так?

Вздохнув, Пельтье ответил:

— Да.

— А поскольку вы уже поставили ее в известность о санкциях, предусмотренных брачным контрактом за выдвижение ложных обвинений, она не пошла в полицию, не так ли?

— Да, в полицию она не пошла.

— Свидетельств, которые она вам представила, оказалось недостаточно, чтобы убедить вас в том, что Дэниел Миллер может представлять интерес для полиции?

— Я этого не утверждаю. Я говорю, что доказательств того, что он и в самом деле являлся

Песочным человеком, было недостаточно. Мы присмотрелись к Дэниелу, но больше ничего не нашли. Если б мы сделали какие-либо дальнейшие открытия, я, может, и в самом деле посоветовал бы ей обратиться в полицию.

— Упоминала ли она при вас в какой-либо момент о пятнах крови на рукаве ее блузки?

Это был поворотный момент допроса. Уайт хотел использовать Пельтье, чтобы изобразить Кэрри нечестной и скрытной личностью.

— Нет, не упоминала.

— Она сказала вам, что во владение к ней перешли серебряные серьги в виде розочек, принадлежавшие Маргарет Шарп, а также кольца, принадлежавшие Пенни Джонс и Сюзанне Абрамс. А упоминала ли она когда-нибудь о броши с камеей, взятой у Лилиан Паркер? Потому что эта вещица так и не была обнаружена.

— Нет, Кэрри не упоминала об этом.

— Упоминала ли она когда-нибудь, что муж подарил ей ожерелье из черного жемчуга, украденное у Стейси Нильсен?

— По-моему, эта вещь была найдена в ее шкафу, но нет, она никогда не рассказывала мне о ней.

— Мистер Пельтье, теперь вам ясно, с какой целью Кэрри Миллер пришла к вам и отдала эти

дневники?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Вы и эти дневники — ее *алиби*. Она знает, что в конце концов ее и ее мужа поймают, и хочет задним числом нарисовать картину того, как она подозревала своего мужа, — возможно, даже верила, что он может быть убийцей, но у нее никогда не было абсолютных доказательств. Она попыталась состряпать эту историю, чтобы скрыть свое соучастие в преступлениях мужа — именно это и произошло у вас с ней на самом деле?

Прочистив горло, Пельтье потянулся за стаканом воды. Отпил из него, собираясь с духом, прежде чем сказать хоть слово, — это всегда плохой знак. Выглядит это так, будто вы ищете ответ, который как-то поможет вам, вместо того чтобы просто сказать правду.

— Я могу объяснить суду только то, что рассказала мне Кэрри Миллер, и ее дневники являются достаточно точным отражением наших бесед. Она лишь подозревала своего мужа — у нее не было доказательств, и она *никогда* не была уверена, что он и есть тот самый Песочный человек.

— И все же скрыла от вас важную информацию, которая указывает на ее причастность к

убийствам?

Я встал, чтобы выступить с возражением:

— Ваша честь, мистер Уайт проводит встречный допрос своего собственного свидетеля…

— Я вижу, как формулируются эти вопросы, — перебил меня судья Стокер. — Мистер Уайт, вы хотите, чтобы этого свидетеля признали враждебно настроенным?

— Это был мой последний вопрос, ваша честь.

— Что ж, задавайте его. Но перефразируйте.

— Мистер Пельтье, — сделал вторую попытку Уайт, — Кэрри Миллер скрыла от вас информацию, которая указывала на ее причастность к убийству Стейси и Тобиаса Нильсен?

— Она не говорила мне ни о пятнах крови, ни о черном жемчужном ожерелье. И никогда не упоминала о какой-либо подаренной ей мужем броши. Но вы должны понять: он дарил ей множество всяких подарков, и полиция никогда не сообщала, что эти предметы были взяты у жертв Песочного человека, пока его личность не была установлена. То, что ей дарили какие-то драгоценности, еще не означает, что она причастна к каким-либо преступлениям, совершенным ее мужем.

Уайт кивнул, затем с важным видом вернулся

к столу обвинения и сел.

— Вопросов более не имею.

В судебном процессе бывают моменты, которые являются в полном смысле переломными. Моменты, когда все меняется и начинает двигаться в одном направлении. И это был тот самый момент.

Я встал и подошел к Пельтье. Напрягшиеся было плечи у него немного обмякли, и он опять приложился к стакану с водой, стоявшему перед ним. По мнению Отто, самая трудная часть для него осталась позади. Теперь вместо града пуль и железных ядер в него с моей стороны полетят безобидные мячики для софтбола, и он сможет попытаться исправить тот ущерб, который причинил Кэрри. Он начал расслабляться, почувствовал себя заметно уверенней.

— Мистер Пельтье, вы сказали, что Кэрри Миллер никогда не была уверена в том, что ее муж и есть Песочный человек, верно?

— Верно, — подтвердил он.

Я примолк на секунду, чтобы посмотреть на присяжных. Большинство не теряли бдительности и внимательно слушали показания. Вид у некоторых был несколько отвлеченный — эти не сводили завороженных глаз с Кэрри Миллер.

Следующие несколько секунд должны были полностью захватить их внимание и задержать его на мне.

— Мистер Пельтье, я хотел бы напомнить вам о вашем профессиональном долге как юриста и представителя системы судопроизводства, а также о клятве говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, которую вы только что дали, — и, имея это в виду, спрошу у вас еще раз: до того, как ФБР опознало Дэниела Миллера как Песочного человека, располагала ли Кэрри Миллер какими-либо достоверными сведениями о том, что ее муж и является указанным убийцей?

— Нет, не располагала.

Присяжные ожидали такого ответа.

В отличие от следующего вопроса.

— Мистер Пельтье, это ведь ложь, не так ли?

Воздух в зале суда словно сгустился.

— Простите? Что-то я вас не понимаю… — произнес он.

— Да что же тут непонятного? Кэрри Миллер знала, что ее муж и Песочный человек — это одно и то же лицо, еще до того, как это стало известно ФБР, и всячески скрывала этот факт — разве не так все было на самом деле?

— Что?!

— Отвечайте на вопрос!

Я не удержался и глянул на Уайта. Он отодвинулся на своем стуле от стола, вытянул ноги, отложил ручку и скрестил руки на груди. На физиономии у него расплылась широкая улыбка. Я выполнял за него его работу, и, по его мнению, всякая надежда на оправдание Кэрри Миллер только что окончательно вылетела в трубу.

— Это возмутительный поклеп, который выходит за все допустимые рамки! — провозгласил Пельтье.

— Правда?.. Ваша честь, я хотел бы представить вот эту последнюю запись в дневнике Кэрри Миллер в качестве вещественного доказательства защиты номер один.

Глава 54

Выдержка из дневника Кэрри Миллер

Без даты

Вот и остальная часть моей истории. Та часть, которую я до сих пор не излагала на бумаге. Самая важная часть.

Выйдя из офиса Отто, я несколько дней не имела от него никаких известий. Дэнни на той неделе уехал по делам, и я поймала себя на том, что игнорирую его звонки и сообщения. Я не хотела с ним разговаривать. Просто не могла, пока не узнаю наверняка, чем он на самом деле занимается, когда говорит, что работает или развлекает клиентов. Хоть в глубине души я и чувствовала себя виноватой, но была рада, что он где-то далеко. Я знала, что не должна так себя чувствовать, но никак не могла выбросить из головы мысль о том, что мой муж может оказаться убийцей.

В четверг вечером, около половины седьмого, мне позвонили. Поначалу я позволила своему мобильному звонить дальше, и только в последнюю секунду глянув на экран, заметила, что это не

Дэнни, — это был Отто. Он сказал мне, что его частный детектив только что звонил ему и сказал, что Дэнни ведет себя как-то странно. Отто хотел, чтобы я приехала и посмотрела сама.

Я спросила у него, уж не хочет ли он, чтобы я села в самолет до Сиэтла. Он сказал, что Дэнни не в Сиэтле. Мой муж никуда не уезжал из Нью-Йорка.

Я встретилась с Отто на парковке какого-то нового жилого комплекса в Квинсе. Все больше и больше людей ищут пристойное жилье за пределами Манхэттена, и эти квартиры были выкуплены инвесторами, надеявшимися продать их с немалой выгодой. Отто сказал, что Дэнни и какая-то женщина поднялись в это здание, во вторую квартиру на третьем этаже. Я спросила у него, куда делся его детектив, и он сказал, что уехал, чтобы выяснить, кто проживает в этой квартире. В этот момент я начала паниковать.

Я сказала Отто, что Дэнни мог задумать убить эту женщину. По его виду я поняла, что ему пришла в голову та же самая мысль. Отто сказал, что мне не следует звонить в полицию. Я хотела — ведь там чья-то жизнь была в опасности, но он сказал, что им потребуется слишком много времени, чтобы добраться сюда, и мы

должны сначала сами подняться и посмотреть.

Даже сама уже не помню, как поднималась по лестнице. Словно уже была без чувств. Отто следовал за мной. Наконец мы добрались до третьего этажа, оказавшись в светлом коридоре, недавно выкрашенном в белый цвет. Подойдя ко второй двери, мы остановились. Прислушались.

Я что-то услышала. Женщину. По звуку было похоже, что ей больно.

А затем…

Вскрик.

Отто тоже услышал его.

— Он убивает ее! — выкрикнула я.

Отто оттолкнул меня с дороги, отступил назад и бросился вперед, ударив ногой в дверь. Потребовалось три удара, чтобы выбить ее. На сей раз мы услышали, как эта женщина кричит уже и в самом деле испуганно, взывая о помощи.

Я вбежала внутрь, Отто за мной. Я ожидала увидеть стены, залитые кровью. И Дэниела, стоящего над трупом очередной жертвы.

Там, в спальне…

Дэниел и какая-то женщина в постели. Оба запыхавшиеся.

Оба голые.

Он не убивал ее.

У него был роман.

Дэнни посмотрел на меня со смесью смущения и шока.

Женщина встала и натянула нижнее белье. У нее была белоснежная кожа, не считая чего-то черного и блестящего на шее — ожерелья из черного жемчуга. Она натянула через голову топ, влезла в джинсы. Проследила за тем, чтобы ожерелье легло поверх белой рубашки. Сказала, что ей очень неловко, хотя извиняться и высказывать свои сожаления не стала, это я хорошо помню.

Я не могла плакать. Я не могла думать.

Я выставила себя полной дурой. Дэнни не был убийцей. Ложь и поздние возвращения, одежда в стиральной машине… Он просто спал с другой.

Он никого не убивал.

Теперь, когда я как следует рассмотрела эту женщину, то никакой неловкости она вроде не испытывала, несмотря на свои слова. Просто выглядела раздраженной из-за того, что я им помешала. Когда я ворвалась туда, эта женщина не задала ни единого вопроса. Дэниел назвал меня по имени, и она не проявила никакого любопытства. Она знала, кто я такая. Она знала, что он женат.

Я стояла в дверях, дрожа всем телом.

— С дороги! — надменно сказала она.

В течение нескольких предыдущих недель я тихо сходила с ума. Боялась находиться рядом со своим мужем. Вновь и вновь задавала себе вопрос, почему он выбрал меня, а потом пошел убивать ни в чем не повинных людей, и я могла думать об этом часами, а потом говорить себе, какая же я дура, — что Дэниел хороший и добрый человек. Я пребывала в полнейшей растерянности. Сомневалась в своем муже и в собственном рассудке.

А теперь меня предали и причинили боль.

И эта тварь хотела, чтобы это я убралась у нее с дороги?

Прежде чем я поняла, что делаю, моя рука взметнулась в воздух и влепила ей пощечину. Я не удержалась и ударила ее еще раз. На сей раз в губы.

Дэнни закричал на меня, чтобы я оставила ее в покое.

Мне вдруг стало очень страшно. Я ощутила себя совершенно потерянной, лишившись всех привычных якорей. Мир кружился вокруг меня. Мой разум распадался на части. То, через что Дэнни заставил меня пройти, вдруг разом навалилось на меня, и я расплакалась, после чего выбежала из квартиры. Отто что-то сказал

той женщине — я не разобрала, что именно, но мне показалось, будто я услышала чье-то имя. А потом он бросился вдогонку за мной. Я прыгнула в свою машину и просто уехала. Отто звонил мне семь раз, но я не отвечала. Мне нужно было время подумать. Чтобы собраться с мыслями, взять себя в руки. Не знаю, как долго я колесила по округе, но было уже темно, когда я подъехала к нашему дому, остановила машину прямо на улице и перезвонила ему.

Я чувствовала себя такой дурой…

Он сказал мне, что меня предали, что это не моя вина.

Боже, до чего же ужасно я себя чувствовала из-за того, что ударила ту женщину! Я не склонна к насилию. Я никогда в жизни никого не ударила. От одной только мысли об этом мне становилось только хуже.

Отто высказался в том смысле, что она наверняка поймет. Хотя это не совсем то, что он на самом деле сказал. Вроде как немного запнулся, подбирая слова, и у меня сложилось впечатление, будто он собирался назвать ее по имени, но вовремя спохватился, чтобы не сболтнуть лишнего. А потом окончательно притих на другом конце провода.

Он знал ее. Или узнал ее. Я была в этом простотаки уверена.

По крайней мере, это было единственное, что я могла сделать, чтобы почувствовать себя лучше. Я могла пойти и извиниться. Это Дэнни заставил меня ударить ту женщину. Да, она спала с моим мужем, но именно из-за Дэнни я прошла через весь этот ад. Это была не ее вина. Не совсем. Готова поспорить: он лгал и ей.

Я умоляла Отто сказать мне, кто эта женщина.

Сначала он ничего не сказал. А потом признался, что и вправду знает ее.

И через несколько минут рассказал все, что мне требовалось знать.

И дал мне адрес Стейси Нильсен. Жила она в пятнадцати минутах езды. Я заехала на ее улицу, припарковалась и постояла у ее дома. Я хотела поговорить с ней. Сказать, что очень сожалею, — и, наверное, я хотела, чтобы она тоже извинилась. Она причинила мне боль, намеренно. Никто из нас не заслуживал такого мужчины, как Дэнни. Я хотела сказать ей, что мы ворвались в ту квартиру, чтобы спасти ее, потому что думали, что он может ей что-нибудь сделать, убивает ее. А не для того, чтобы устроить скандал.

Я стояла на улице. Ее дом был прямо передо мной, когда кто-то вдруг окликнул меня. Кто-то спросил у меня, какого черта я тут делаю. Я обернулась и увидела, что ко мне подходит Дэнни. Он сказал, что только что высадил Стейси и увидел, как подъехала моя машина.

Я не могла в это поверить, но он с ходу напустился на меня. Он хотел знать, какого черта я тут забыла. Я и вправду собираюсь предъявить Стейси насчет ее интрижки на глазах у ее семьи?!

Ее семьи…

Я медленно двинулась вперед — Дэниел шел рядом со мной, а я смотрела в окно их дома. Двое маленьких детей уютно пристроились на диване рядом с ней. Муж сидел в большом кресле в углу, и все смотрели телевизор. Стейси Нильсен выглядела как мать года, сидя в этой образцовой гостиной в окружении своей образцовой семьи.

Я повернулась и пошла обратно к машине.

Дэнни сказал, что ему нужно поговорить со мной. Чтобы все это объяснить. Я сказала себе, что больше не позволю, чтобы мне лгали, и сказала ему «нет». Я не хотела с ним разговаривать. Я больше никогда не хотела его видеть.

Я не хотела затевать свару на улице. Я замети-

ла, как Дэниел глянул вверх на освещенные окна. Это достаточно отвлекло его, чтобы я смогла немного отдалиться от него. Я добралась до своей машины, села за руль и заблокировала замки, когда он подошел к пассажирскому стеклу.

Дэниел выглядел совсем по-другому. Его лицо за поднятым стеклом машины резко изменилось. Он так и кипел от злости.

Я нажала на газ и поехала прямо домой.

Дом казался пустым и холодным. Это было враждебное место, которому я не могла доверять. Я больше не чувствовала себя здесь как дома. Я разделась в ванной, включив душ. И уже собиралась побросать одежду в корзину для стирки, когда заметила кровь на рукаве.

Господи, я, должно быть, разбила ей губу, когда набросилась на нее в той квартире!

Я приняла душ, надела пижаму и легла спать. Я была голодна, но одна только мысль о еде была мне ненавистна. Уснуть тоже не получалось, но я лежала в постели, заставляя себя провалиться в беспамятство. Мне просто было нужно, чтобы этот день поскорей закончился. Каким-то образом, в какой-то момент той ночью сон все-таки овладел мной.

Сразу после часа ночи меня разбудил звонок

моего телефона. Я глянула на дисплей. Ответила на звонок.

Это был Отто.

На одну блаженную секунду, в момент пробуждения, я перестала быть той взбалмошной дурой, которая опозорила себя, которую предали, которая открыла дверь и шагнула в какую-то другую жизнь, теперь сжигающую меня изнутри.

А потом вспомнила.

Сказала ему, что я одна.

То, что Отто сказал дальше, напугало меня.

«Тот "Тейзер", что я тебе дал, все еще у тебя?»

По спине у меня пробежал холодок.

Он сказал, что направляется ко мне домой. Стейси и Тобиас Нильсен убиты. Его детектив узнал об этом от кого-то из своих знакомых в полиции. Отто был уверен, что их убил Дэнни.

Он велел мне не открывать дверь, пока он не приедет, взять «Тейзер», а потом найти место, где спрятаться. После чего отключился.

И тут я услышала, как открывается входная дверь.

Я вскочила с кровати и бросилась в гардеробную. Моя сумочка висела на вешалке для верхней одежды сразу за дверью. Я открыла ее, достала электрошоковый пистолет, который дал мне

Отто. Выключила свет, села на пол в темноте.

И стала ждать.

Скрипнула расшатанная половица на лестнице. Дэниел поднимался ко мне.

Моя вспотевшая рука едва удерживала рукоятку «Тейзера», который я нацеливала в коридор. Приходилось то и дело перекладывать его из одной руки в другую, дыхание перехватывало. Руки дрожали, и я не могла как следует прицелиться.

В дверном проеме возникла темная фигура.

— Кэрри, нам нужно поговорить, — сказал Дэниел и двинулся ко мне.

Я крикнула ему, чтобы он не подходил ближе, но он продолжал приближаться.

Я нажала на спусковой крючок.

Синяя электрическая вспышка сотрясла воздух, и Дэниел рухнул на пол. Его тело сильно затряслось, словно в каком-то жутком припадке, конечности колотились об пол с такой силой, что он временами отрывался от земли. Изо рта пошла кроваво-красная пена.

«Тейзер» выпал у меня из руки, и конвульсии прекратились. Дэнни лежал совершенно неподвижно. А затем, пошарив руками по полу, начал приподниматься. Я по-прежнему была в гардеробной. Он возник прямо в дверном проеме. Я выдернула из

комода один из ящиков — тяжелый, массивный ящик из дуба. Когда я подняла его над головой, оттуда посыпались носки, и я швырнула его ему в голову. Дэниел опять упал на пол, я перешагнула через него и побежала вниз по лестнице, и тут в открытую входную дверь дома вошел Отто.

Я сказала ему, что Дэнни наверху. И что я выстрелила в него из «Тейзера».

Отто велел мне выйти на улицу. Сказал, чтобы я пока никуда не звонила. Просто подождала его, и если он не вернется через пять минут, то я должна буду вызвать полицию.

Слезы текли у меня по лицу, руки дрожали, когда я шагнула на холод. Машина Дэниела стояла на подъездной дорожке. Водительская дверца была открыта. Я подошла, чтобы сесть на водительское сиденье, просто чтобы отвлечься и попытаться успокоиться, но тут увидела это.

В кармашке двери лежали нож и пистолет. Я не осмелилась прикоснуться к ним или даже просто протянуть к ним руку. На заднем сиденье лежала черная одежда, блестящая от крови. Я обошла машину сзади и открыла багажник, обнаружив внутри два мешка с песком, веревку, отвертки и большую кожаную сумку. Дрожащими руками я открыла ее. Внутри были женские ожерелья,

кольца, часы. В сумке было еще что-то, из-за чего она была такой тяжелой. Две стеклянные банки. Поначалу я не поняла, что это, но одна из них выкатилась в багажник, когда я наклонила сумку.

Я зажала рот руками, чтобы не вскрикнуть.

Из темной жидкости в банке на меня смотрела пара глаз.

Я услышала, как Отто зовет меня.

Я подбежала к нему и крепко обняла. В этот момент Отто и сказал мне, что мой муж мертв.

Что я убила его.

Я не могла ничего сказать. У меня в груди словно разверзлась дыра. Ноги подкосились, но Отто удержал меня.

Он заглянул в машину, а потом почти что на руках занес меня в дом. Он был таким бледным и потрясенным… Сказал мне, что мы должны подумать о том, что сказать копам, потому что сейчас это совсем не похоже на самооборону.

Я сидела у себя в гостиной, стуча зубами, дрожала и плакала почти полчаса, пока Отто пытался меня успокоить.

Он сказал мне, что у Дэнни проломлена голова, и мы попытались восстановить, как все было. Отто забрасывал меня вопросами. Предупредила ли я Дэнни? Он угрожал мне?

Нет, он мне не угрожал. И я его не предупреждала. И на мне нет никаких следов.

И тут опять всплыло это ложное алиби.

По мнению Отто, имелось сразу несколько вариантов развития событий. И способов, какими это можно было разыграть.

Я могу стать героической личностью, остановившей Песочного человека.

Или могу стать убийцей. Во-первых, по причине убийства своего мужа, а во-вторых, из-за сокрытия его преступлений, поскольку солгала полиции. Отто сказал, что меня могут впутать во все убийства Песочного человека.

Мы всё говорили и говорили, и сколько бы я ни прокручивала все это в голове, но всегда возвращалась к тому, что полиция меня арестует. И никакого выхода из этого не видела. Это было неизбежно. Все стало намного хуже, и я жалела, что вовремя не ушла от Дэниела. Просто не сбежала от него без оглядки.

Я никогда не забуду, что сказал Отто после этого.

— Что, если есть и другой вариант? — спросил он. — Что, если он просто исчезнет? Я мог бы засунуть его в машину, отвезти в какое-нибудь тихое местечко на озере Хемпстед и заставить

его и все его зло исчезнуть навсегда.

Я согласилась оставить драгоценности у себя — на случай если Дэнни когда-нибудь свяжут с убийствами Песочного человека и я смогу сказать, что он отдал их мне, перед тем как исчезнуть. Спрятать их в доме, чтобы здесь оставалось хоть что-то, что связывает его со всеми этими убийствами. Через год я могла бы объявить Дэниела умершим и унаследовать его деньги.

Мой план состоял в том, чтобы вести себя тихо и избежать обвинения в убийстве собственного мужа. А если полиция свяжет его с этими убийствами, я должна была сказать, что подозревала его, но у меня не было никаких доказательств.

Отто сказал, что все будет в порядке.

Это останется нашей с ним тайной.

В последующие дни я во всем доверяла Отто. Мы сблизились.

Мы стали любовниками.

Глава 55
Эдди

— Это ложь чистой воды, — хладнокровно заявил Пельтье, прочитав эту дневниковую запись вместе с судьей, прокурором и присяжными. Налил себе еще стакан воды, немного отпил и поставил стакан обратно. Ему не требовалось смочить горло — он просто хотел сделать паузу, чтобы немного успокоиться.

— Вы хотите сказать, что в этой записи имеются какие-то неточности и ложные утверждения?

— Вот именно.

— Думаю, вы правы. Вы лгали Кэрри Миллер с того самого дня, как познакомились с ней.

— Нет, это не так.

— Вы не стали топить тело Дэниела Миллера в озере Хемпстед, это точно. Может, его машина и в самом деле там, но только не он сам, так ведь?

Прищурив глаза, Пельтье произнес:

— Все это целиком и полностью сфабриковано.

— Полиции известно, что Песочный человек снимал квартиру через улицу от дома Лилиан Паркер. Мои оперативники сумели установить

связь между этим договором аренды и некой фирмой, а по юридическому адресу этой фирмы они обнаружили морозильную камеру. Вот эту морозильную камеру, — сказал я, указывая на экран.

Вчера вечером я показал сделанные Блок фотографии Биллу Сонгу и окружному прокурору. Без каких-либо объяснений — просто сказал, что Блок готова дать показания касательно того, при каких обстоятельствах они сделаны.

Изображение на экране представляло собой бытовую морозильную камеру, стоящую в какой-то темной пыльной конторе. Несколько крупных планов показывали труп в черном пластиковом мешке, замороженный во льду.

— Это Дэниел Миллер, не так ли, мистер Пельтье?

— Я не знаю, кто это; я никогда раньше не видел этих фотографий.

— На месте обнаружения тела сейчас работают криминалисты из ФБР. Со временем они подтвердят, что это Дэниел Миллер и что умер он от ножевого ранения горла — а вовсе не от удара электрическим током, не от инсульта или остановки сердца, вызванных разрядом «Тейзера», и не от удара мебельным ящиком по голове. Не хотите что-нибудь сказать по этому поводу?

Он ничего не сказал.

— Еще один важный момент, запечатленный на этих снимках, хорошо виден на фото номер три. Как вы видите, у Дэниела Миллера отсутствует большой палец правой руки. Профессор Джонсон уже засвидетельствовал, что отпечаток, снятый с тела Стейси Нильсен, был оставлен большим пальцем правой руки Миллера…

Пельтье прервал меня:

— Не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне.

— Тела Нильсенов были обнаружены двумя патрульными в начале восьмого утра, а не в час ночи, когда вы позвонили Кэрри Миллер и сказали ей, что они оба мертвы. В тот момент эти люди были вполне себе живы и здоровы. Вы знали, что Дэниел Миллер едет домой, чтобы пообщаться с женой. Поэтому напугали Кэрри до полусмерти — велели ей приготовить высоковольтный «Тейзер», которым сами ее и снабдили. Вы подстроили все это, чтобы убить Дэниела и выдать его за Песочного человека. Вы отрезали Миллеру большой палец, после чего убили Тобиаса и Стейси Нильсен и оставили его отпечаток на месте преступления. Вы хотели обвинить Дэниела Миллера в своих собственных преступлениях,

мистер Пельтье, потому что вы и есть Песочный человек.

Прокурор Уайт вскочил было на ноги с возражениями, но Стокер лишь отмахнулся от него.

— Это просто смешно, — бросил Отто.

— Песочный человек жив и продолжает свою преступную деятельность, мистер Пельтье. Он уже убил двух свидетелей по данному делу, отправил записку в ФБР и убил двух их агентов. Но вы уже знаете об этом.

— Ничего я об этом не знаю. И никогда в жизни не видел эту морозилку.

— И все же именно ваша фирма зарегистрировала эту компанию, оформив все необходимые документы, — сказал я. — Что заверено печатью на оригинале документа, поданного в регистр компаний. Вы знали этот адрес, и не похоже, чтобы Дэниел Миллер или кто-нибудь еще пользовался этим зданием.

— Это была компания Дэниела Миллера.

— Он уже не в том положении, чтобы кого-нибудь убивать… Но мы еще многого не знаем. Почему вы подставили Миллера, обвинив его в своих преступлениях, а потом вдруг остановились? Что случилось? Какие произошли изменения?

Пельтье на миг стрельнул взглядом в Кэрри,

после чего опять перевел его на меня.

— Как только Песочный человек опять принялся убивать, мир Кэрри обрушился вновь, и она ударилась в бега. Она поняла, что ее муж не убийца. Что это вы подбросили улики в его машину в ту ночь, когда приехали к ней домой, не так ли?

— Нет, конечно же нет!

— Вы уже предприняли кое-какие шаги, чтобы дистанцироваться от документов о собственности на фургон, который использовали в своих преступлениях. Он зарегистрирован на компанию, принадлежащую Дэниелу Миллеру. Эта компания уже много лет не ведет никакой хозяйственной деятельности и не подает никакой отчетности. Компания чисто подставная. Пустышка.

— Нет, я не имею никакого отношения к этой компании. А тот фургон принадлежит Дэниелу Миллеру.

— Естественно, это так, но зарегистрировала эту компанию ваша фирма, и вы ведете ее дела по доверенности. Хотите ознакомиться с документами?

— Ваша честь, — объявил Отто, — я не потерплю столь наглых…

— Отвечайте на вопросы мистера Флинна! —

приказал судья Стокер.

— Это была прекрасная возможность обвинить кого-то в своих преступлениях, заставить Кэрри поверить, что это она убила своего мужа, и все это надежно прикрыть, — продолжал я. — Тогда вы могли получить то, чего на самом деле хотели. Вы ведь с самого начала хотели Кэрри, не так ли? Вы хотели ее с того самого момента, как Дэниел привел ее к вам в офис. И вы обвинили его в своих преступлениях, чтобы заполучить ее.

Желваки у него напряглись, когда он прикусил губу. Выражение лица изменилось. На нем огненной вспышкой расцвел гнев. Чистая ярость. Пельтье провел рукой по лицу — очевидно, осознав, что эмоции выдают его с головой, — и придал лицу нейтральное выражение.

— Ложь, мистер Флинн.

— В дневниковой записи, с которой мы только что ознакомились, Кэрри не упоминает, что видела в машине своего мужа ожерелье из черного жемчуга, не так ли?

— Нет, но…

— Она не упоминает о нем, потому что в тот момент его там не было, так ведь?

— Я не знаю, что она там увидела.

— В тот момент его там не было, но позже оно

оказалось в той сумке, не так ли? После того, как вы забрали его из дома Стейси Нильсен?

— Ложь.

— Вы знали Стейси Нильсен?

— Она и ее муж занимали заметное место в обществе, вели светский образ жизни. Естественно, я с ними встречался.

— И бывали у них дома…

— Я не помню, — сказал Отто, поморщившись.

— Вы частенько бывали в том доме, мистер Пельтье. И знали, что проникнуть в него можно только через парадную дверь, а не через черный ход со всеми этими засовами, верно?

— Я не убивал Стейси и ее мужа. Или кого-то еще, раз уж на то пошло.

— Это вы познакомили Стейси с Дэниелом? Вам была очень выгодна их интрижка. Это позволило вам заставить мою клиентку поверить, что ее муж — убийца. Именно вы посеяли это семя, разве не так?

— Ложь.

— В самом деле? — отозвался я, и Гарри протянул мне коричневый конверт. Я открыл его, поднял над головой его содержимое. — Это детализация ваших телефонных разговоров. Не стану говорить, откуда они у меня, но в них зафиксиро-

ваны все ваши звонки Кэрри Миллер. За месяцы, предшествовавшие судебному разбирательству, вы ни разу не позвонили ей, а она ни разу не позвонила вам. Несколько необычно, не правда ли? Она не звонила вам, потому что вы были с ней. Вы поддерживали постоянную связь. К тому времени у вас с ней уже были отношения. Кэрри Миллер подтверждает это.

— Она лжет.

— Эти ее дневниковые записи — они ведь достаточно точны, разве не так? Вы вроде сами это совсем недавно утверждали.

— Да говорю же, она лжет. Ваша клиентка отчаянно добивается оправдательного приговора и пытается обвинить меня в своих преступлениях. Все это не более чем ее слово против моего. Я — юрист с безупречной репутацией, а ваша клиентка — неудачливая актриса, которая вышла замуж за серийного убийцу из-за денег. Я думаю, присяжные поймут, кто говорит правду.

Для человека, оказавшегося в его положении, Пельтье был на удивление спокоен. Он поднес стакан с водой к губам, сделал глоток и поставил его на стол.

Я подошел к нему, протянул руку, взял стакан с водой со свидетельской трибуны и переставил

его на стол защиты.

— Это все-таки не просто ваше слово против слова Кэрри, так ведь? Два дня назад Песочный человек похитил на Манхэттене одну молодую женщину. Он становится неряшливым. Он оставил там пластиковый колпачок от шприца. Этот колпачок проверили на наличие волокон и прочих следов…

Произнося эти слова, я видел, как его шея покрывается румянцем, который растекся из-под воротничка рубашки. Пельтье натужно сглотнул, и у меня сложилось впечатление, что он прилагает огромные усилия, чтобы сохранять спокойствие.

— Лаборатория, которая исследовала этот колпачок, сейчас делится результатами с ФБР. Выяснилось, что ДНК на нем принадлежит не Дэниелу Миллеру. ДНК моей клиентки, которая уже есть в базе данных, тоже не соответствует обнаруженному профилю… — Я сделал паузу, уставившись на стакан на столе защиты. — Какова вероятность того, что он совпадет с ДНК, оставленным вами на этом стакане?

— Это просто абсурд, — сказал Пельтье, после чего набрал в грудь побольше воздуха, словно собирался еще много чего сказать.

Но не стал. Взгляд его упал на Кэрри, и тоска в этом взгляде была красноречивей сотни совпадений ДНК.

— У меня больше ничего нет к этому свидетелю, — сказал я и повернулся к Уайту.

Выглядел тот так, словно его только что переехал грузовик, полный лошадиного навоза. Судья спросил, есть ли у него какие-либо вопросы для повторного прямого допроса. Уайт покачал головой.

— Мистер Пельтье, вы можете покинуть трибуну, — сказал Стокер, настороженно поглядывая на свидетеля.

Отто встал, застегнул пиджак и на своем пути к выходу прошел мимо стола защиты. При этом он не сводил глаз с Кэрри, которая все это время сидела, низко опустив голову. Она не могла даже просто посмотреть на него. Не так давно Кэрри сомневалась, в здравом ли она уме, терялась в догадках, почему еще давным-давно не заметила каких-либо зловещих признаков у своего мужа, почему еще перед тем, как выйти за него замуж, не поняла, что он убийца. Однако ирония ситуации заключалась в том, что она не была замужем за убийцей. Убийца увидел ее, захотел заполучить — и манипуляциями влез в ее жизнь,

заставив поверить, что это она убила своего мужа, заставив взвалить на себя все бремя вины, а затем выступив в роли ее спасителя.

И только когда Песочный человек убил Дилейни и опять продолжил свою череду убийств, Кэрри поняла, что ею бессовестно манипулировали. Очень немногие сумели бы собрать все воедино, увидеть цельную картину так быстро, как она. Однако после своего опыта с Дэниелом Кэрри уже была настороже. Знала, как легко можно обмануть ее доверие. Так что ударилась в бега, не зная, что еще делать, и неспособная доверять никому, даже Отто — своему новому любовнику и адвокату.

Проходя мимо стола защиты, Отто шагнул к нему и наподдал коленом по краю стола, пошатнув его. Стакан с водой опрокинулся, упал на плиточный пол и разбился на миллион осколков. Пельтье улыбнулся и вышел из зала суда.

Как только он скрылся за дверями, я попросил Гарри подменить меня — получить у суда дневную отсрочку на тот день, пока ФБР будет проводить дополнительные исследования тела, обнаруженного в морозильной камере, чтобы подтвердить личность его обладателя, — а затем повернулся и бросился к выходу.

Торопливый звук шагов позади заставил меня обернуться.

Это была Блок.

А Билл Сонг у нее за спиной уже тоже устремился в нашу сторону.

Глава 56
Песочный человек

Выбежав в толпу репортеров у здания суда, Отто Пельтье одной рукой отмахнулся от них, а другой, выставив ее вперед, стал прокладывать себе дорогу сквозь бурлящую массу вопросов, камер и микрофонов, направленных ему в лицо. Метнувшись вперед, даже повалил на землю какую-то женщину с микрофоном, а затем плечом оттолкнул в сторону кого-то еще. Камеры переключились с него на упавшую репортершу, но к тому времени, когда вновь нацелились в его сторону, он уже пробился сквозь толпу и со всех ног бежал к своему «Мерседесу», оставленному на противоположной стороне улицы, на ходу открывая его брелоком.

Добежав до машины, Отто услышал, как толпа репортеров забурлила опять. Обернувшись, он увидел, что в ней застряли Флинн и Блок. Они явно попытаются последовать за ним. Вот как они рассчитывали найти Кейт. Хотели разоблачить его, спровоцировать, а затем последовать за ним туда, где он удерживал их подругу.

Он прыгнул за руль, завел мотор и пристегнулся ремнем безопасности. Поддал газу двенадцатицилиндровому движку с двойным турбонаддувом.

Ни черта у них не выйдет. Они ни за что не поймают Песочного человека — только не в этой машине. Отто все еще думал о себе под этим именем. Песочный человек дал ему силу. Сделал его непобедимым. Обострил его ум, отточил хитрость и безжалостность его натуры. Если б он хорошенько подумал, то понял бы, что никакого Отто Пельтье никогда и не существовало. Это заурядное имя было не более чем маской. Адвокат Отто Пельтье был персонажем, роль которого он играл.

Реально существовал лишь Песочный человек.

Он был убежден, что после суда, когда Кэрри оправдают, она останется с ним навсегда. Но Кэрри предала его. Выступила против него, прогнулась перед Флинном, купившись на его хитроумные схемы. Вот почему он и выбрал его, когда понял, что не получается заключить досудебную сделку с окружным прокурором, чтобы спасти Кэрри. Флинн был в точности тем типом адвоката, который ей требовался.

Привлечь к этому делу Флинна было его самой большой ошибкой.

Посмотрев влево, он увидел, что толпа репортеров постепенно расступается, пропуская Флинна и Блок. Увидев сидящего за рулем Отто, оба бросились к нему.

Раскручивая дымящиеся колеса и позволяя резине приварiться к асфальту, он наслаждался выражением лица Флинна, когда тот понял, что опоздал. Что Песочный человек вот-вот сорвется с места и что у них нет никакой надежды его поймать. И, конечно же, на полном му́ки лице Флинна ясно читалось явное осознание последствий этого провала.

Песочный человек направлялся к бывшему автобусному парку на Кони-Айленде. Прежде чем навсегда покинуть США, прихватив поддельный паспорт и деньги, спрятанные в конторе парка, он собирался отомстить Флинну. Адвокат покусился на его женщину. Настроил ее против него. Это нельзя было оставить безнаказанным. В идеале Песочный человек с удовольствием убил бы Флинна — может, даже лишил его глаз, причем пока тот еще оставался в сознании, — хотя и понимал, что на это уже нет времени. Однако было еще кое-что, что он пока успевал сделать. Имелся еще один способ отомстить этому хитрозадому адвокатишке.

Он сожжет Кейт Брукс заживо.

Глава 57
Эдди

Выбежав из распахнутых стеклянных дверей здания суда, я сразу угодил в море репортеров, которые теперь роились вокруг нас с Блок, перекрыв нам все пути на улицу.

— Гарри Форд сейчас прямо у меня за спиной, он сделает заявление для прессы! — выкрикнул я, и сразу после этого океаны СМИ расступились, как будто я был Моисеем, а репортеры принялись расталкивать друг друга, чтобы первыми добраться до Гарри, который, даже не подозревая, что его ждет, все еще оставался в зале.

Перепрыгивая через три ступеньки за раз, я вырвался на тротуар и тут услышал, как мощный двигатель на противоположной стороне улицы закладывает стрелку тахометра в красный сектор. Пельтье, который с перекошенным от злобы лицом покосился на меня из-за руля своего «Мерседеса», со скоростью молнии рванул с места, вскоре свернув налево, на Леонард-стрит.

Другой звук. Автомобильный гудок. Справа от меня.

Из водительского окна оранжевого «Камаро» высовывался Крылан, нетерпеливо похлопывая рукой по дверце и подзывая нас. Блок пролезла на заднее сиденье, а я запрыгнул на переднее.

— Ну давай же, давай! — поторопил меня Крылан.

Прежде чем я успел захлопнуть дверцу, он нажал на газ, и мы проскочили прямо перед здоровенным грузовиком-бетономешалкой, которому пришлось резко перестроиться на другую полосу, чтобы избежать столкновения. Движок «Камаро» оглушительно взвыл. Я сумел пристегнуться, только когда Крылан уже сворачивал на Леонард-стрит, удовлетворенно приговаривая:

— Вот он, сукин сын…

У меня зазвонил телефон. Я ответил:

— Билл, мы у него на хвосте. Он сейчас на Леонард. Похоже, задумал дать кругаля через Лафайет и Федерал-плаза. Наверняка метит к Бруклинскому мосту. Вы уже на колесах?

— У меня за вами еще три машины. Я в четвертой, и мы далеко позади. Я отслеживаю маячок, чтобы не потерять его, но не хочу дать ему шанс сменить транспорт. Не вздумайте его упустить! Я все еще не могу поверить, что позволил вам уговорить меня отпустить его…

Для лишней подстраховки федералы прикрепили к колесной арке автомобиля Пельтье GPS-трекер, пока он находился в суде.

— Мы его не упустим. Я же вам говорил. Он приведет нас туда, где держит Кейт. Мы останемся с ним, а я буду держать вас на телефоне. Как я уже сказал, вы получите его в подарочной упаковке. Не будет никаких споров касательно того, кто говорит правду. Вы застукаете этого типа прямо на месте преступления. Я не претендую на какое-то участие в этом — все заслуги будут ваши.

— Да не нужны мне никакие заслуги! Мне нужен ублюдок, который убил моих агентов!

Глава 58
Песочный человек

Этот «Камаро» он приметил на Бруклинском мосту. В зеркале заднего вида. В пяти машинах от себя.

Другие автомобили позади него явно не представляли никакой угрозы. Это можно было определить хоть бы по марке и модели. Два старых японских внедорожника. Оба тускло-серые, оба потрепанные. За ними виднелся электромобиль, за рулем которого сидел хипстерского вида парень с длинной бородой. В четвертой машине, благопристойном семейном седане, сидела типичная мамаша, которая раскачивалась под музыку из стереосистемы, постукивая в такт по рулю и театрально подпевая.

Этот «Камаро» был единственным возможным вариантом. Держался он слишком далеко, чтобы разглядеть, кто там за рулем. Это был единственный возможный хвост, хотя и маловероятный. Федералы не следят за подозреваемыми из машины, которую видать за милю.

Один из внедорожников и мамашу он потерял

на Белт-паркуэй. Электромобиль и другой внедорожник ушли с развязки на Шор-паркуэй, но «Камаро» остался, все так же держась позади.

Мощностью эта тачка могла бы легко потягаться с его собственной, хотя тот, кто сидел за рулем, не выказывал никаких намерений чуть посильней прижать педаль газа. В машине было по меньшей мере двое. Оба мужчины. Водитель был постарше. В его темных кудрях проглядывали пряди седых волос.

Песочный человек резко втопил педаль в пол. Оставив «Камаро» далеко позади, украдкой ускользнул с автострады. И, попетляв по улицам, ведущим к Кони-Айленд, наконец остановил машину перед воротами старого автобусного парка, вырубил мотор и открыл багажник. Подхватил лежащий там рюкзак, распахнул его и достал пистолет, который засунул за брючный ремень. Потом вытащил оттуда фальшфейер, закрыл рюкзак и закинул его на плечо, захлопнув при этом багажник, и побежал к запертым воротам. Уже прикрыв за собой дверь служебного входа, он услышал снаружи глухой рокот подъезжающего «Камаро».

Заперев за собой дверь, Песочный человек быстро направился к смотровой яме. Сквозь мутные

прозрачные панели на потолке просачивались лучи ноябрьского солнца, придавая обстановке оранжевый оттенок, как будто солнце сидело прямо на крыше здания. Через открытые дыры в крыше лились косые столбы солнечного света.

Сейчас он озарит это место еще ярче…

Мешки с песком и тележка для инструментов были на том же месте, где он их и оставил. Надо было действовать быстро. Ногами он сбросил мешки со стальной пластины, подбежал к тележке, с разбегу навалился на нее всем своим весом, чтобы стронуть с места, а затем одним сильным толчком перекатил ее на бетон. Подняв стальной прут, просунул его в щель, которую оставил у бетонного края ямы, и потянул, сдвигая железный лист, пока не образовался проем шириной в два фута.

Отбросив прут, он услышал, как за спиной у него выбивают дверь.

Времени сбегать еще за одной канистрой бензина уже не было.

Хотя теперь, оказавшись здесь, Песочный человек понял, что в этом нет никакой нужды. Запах, поднимавшийся из ямы, говорил ему, что она вспыхнет, как пороховая бочка.

Повернувшись лицом к двери, он щелкнул

зажигалкой.

— Не двигаться, — послышался чей-то голос.

Один из этих столбов чистого солнечного света отделял его от двери. До нее было футов тридцать, но ему пришлось наклонить голову и прикрыть глаза рукой, чтобы разглядеть говорившего.

Блок ступила в этот солнечный луч, нацелив на него свой ствол, больше похожий на какое-то артиллерийское орудие, и повторила:

— Не двигаться.

Рядом с ней возник Флинн.

Фальшфейер в руке у Песочного человека ярко вспыхнул.

— Не двигаться! — опять выкрикнула Блок.

Вооружена была только она одна. И явно умела обращаться со своим страховидным оружием. Хотя теперь он слышал и другой звук.

Сирены.

В последующие секунды Песочный человек произвел целое множество мысленных расчетов. Оставалось сделать всего лишь одно движение.

Бросить фальшфейер в яму.

Воспламенение паров бензина вызовет взрыв, стальную пластину наверняка подбросит в воздух. Этого хватит, чтобы отвлечь внимание Блок, позволить ему выхватить пистолет и всадить в

нее как минимум две пули, пока она еще не успела очухаться от шока, вызванного взрывом. Он знает, что сейчас произойдет, так что успеет пригнуться и прикрыть голову. А затем выстрелить.

Да, это вариант.

— На пол! — приказала Блок.

— Лучше бы тебе сделать то же самое, — отозвался Отто, падая на колени и бросая фальшфейер в яму.

Сначала он подумал, что ничего не произошло. А потом услышал визг. Какой-то дикий звук, за которым последовал оглушительный хлопок.

Сила, вызванная воспламенением газовых паров, выбросила стальной лист в воздух, прямо над ямой. Отто не удержался на ногах и упал на бок.

Подняв взгляд, он увидел, как Блок с Флинном пригнулись, прикрыв головы.

Он потянулся за спину за пистолетом, когда бензиновые пары взорвались и языки пламени вырвались из ямы оранжевым и красным шлейфом, а следом за ними на него накатила плотная стена жара, обжигая губы и опаляя волосы.

Он выдернул пистолет из-за ремня.

Глава 59
Кейт

Каждый вдох требовал невероятных усилий и сосредоточенности.

Она стояла на стуле. Глаза ее были плотно закрыты. Губы сжимали пластиковую насадку, которую она открутила от канистры и просунула в щель между стальным листом и краем ямы. Вдыхание паров бензина могло привести к ожогу легких или отравлению едкими парами. Насадка позволяла ей вдыхать чистый воздух.

Когда она держала глаза закрытыми, их не так сильно щипало. И все же ей приходилось оставаться в полуприседе, балансируя на стуле, чтобы приблизить рот к воронке, а воронку просунуть в щель между стальным листом и краем ямы. Болели спина и ноги. Дрожащие мышцы сводило судорогой.

Но это был единственный способ оставаться в живых.

Кейт не знала, сколько времени прошло с тех пор, как он ушел, оставив ее вот так. Часы. Много часов. И она была уже не в состоянии продер-

жаться хоть сколько-то дольше. Она знала это. Придется задержать дыхание, пригнуться и дать ногам немного передохнуть.

Звук открывающейся и закрывающейся двери. Он эхом разнесся по всему зданию, и от испуга Кейт широко распахнула глаза. Опять закрыла их, как только их начало щипать. Они уже опухли, и кожа вокруг рта тоже горела огнем.

Торопливые шаги в ее сторону.

Она сделала глубокий вдох. Набрала в легкие воздуха, сколько могла, и нырнула вниз, потянув за собой пластиковый носик от канистры. Застыла на коленях в темноте, с закрытыми глазами. С разрывающимися на части легкими.

Зная, что это все.

Вот чем все это закончится…

Он пришел, чтобы сжечь ее.

Шаги были уже совсем близко. Вот они уже гремят по стальному листу. Кейт открыла глаза, всего на секунду, и ощутила сыплющийся в яму песок.

Он передвигал мешки.

Тяжелая тележка на колесах… Она издавала характерный звук. Колеса заскрипели и загрохотали по железу, а затем со стуком опустились на бетонный пол.

Стальной прут просунулся в яму, после чего его вытащили обратно. Кейт попятилась, когда железная пластина сдвинулась, открывая просвет наверху.

Голоса.

Она не слышала, что говорили. В ушах у нее шумело, от ядовитых испарений кружилась голова. Желудок скрутило, и он судорожно сжался, посылая волну рвоты в горло, отчего пришлось выпустить воздух, который она удерживала в легких.

Когда пластину окончательно оттащили в сторону, Кейт подняла взгляд на хлынувший сверху яркий свет. Он горел ярче, чем все, что она когда-либо видела, обжигая глаза.

Дрожа всем телом, Кейт заставила себя поднять голову, чтобы посмотреть на него. Если этот человек собирался убить ее, она хотела, чтобы он посмотрел ей в глаза, прежде чем подожжет ее.

Она встала и заставила себя открыть глаза.

Фонарик погас.

На его месте осталась темнота. Но не всепоглощающая чернота ямы.

Это был лунный свет.

И там, в этом лунном свете, перед лицом у нее возникла чья-то рука.

Кейт взялась за нее. Другая рука схватила ее и вытащила из ямы. Только теперь ее глаза привыкли к слабому, мягкому освещению. Сквозь все еще плавающие перед глазами разноцветные пятна от фонарика она, проморгавшись, различила лицо своей подруги, которая смотрела на нее в ответ в полутьме.

Блок притянула Кейт к себе и обняла ее. Все тело Кейт сотрясалось, и казалось, будто ее мозг тоже сотрясается. Она не могла понять, что происходит. У нее что — галлюцинации от бензиновых паров?

— Я держу тебя, — послышался голос Блок.

Сквозь дыры в крыше здания проникал лунный свет, и за спиной у Блок Кейт увидела какого-то мужчину в плохо сидящем костюме. Судя по всему, это был Гэбриэл Лейк.

Кейт все никак не могла унять дрожь, а потом поняла, что Блок тоже трясет.

Они обняли друг друга, и Кейт расплакалась так сильно, как никогда в жизни. А когда слегка перевела дух, посмотрела на Блок и произнесла:

— Спасибо тебе.

— Песочный человек — это Отто Пельтье, — сказала Блок.

Кейт покачала головой, мало что соображая, —

голова по-прежнему кружилась, дурная от бензиновых паров.

— Мы отследили компании, которые он основал для Дэниела Миллера и для себя самого, и нашли целое множество заброшенной недвижимости. В основном старые склады и гаражи. Это третье место, которое мы проверили за сегодняшний вечер. Господи, Кейт… Я так рада, что ты…

Блок поперхнулась и не смогла закончить фразу. Она опять схватила Кейт и прижала к себе.

— Где он? Где Отто? — встрепенулась та.

— Он дома. Эдди приставил к нему одного из людей Джимми-Кепарика, присматривать за ним. Какого-то толстяка, который через слово матерится. Не волнуйся. Завтра мы обязательно прищучим Пельтье. Кэрри нам все рассказала. Утром Эдди собирается предъявить ему все это на свидетельском месте. Это спровоцирует Пельтье завтра вернуться сюда и попытаться тебя прикончить. Песочный человек приведет прямо сюда половину нью-йоркского ФБР, и тогда у них будут все доказательства, что это он.

— Я хочу быть здесь, — заявила Кейт.

— Что?

— Я хочу быть здесь, когда они его сцапают. Я хочу посмотреть этому уроду в глаза. — Кейт

оглядела гараж, увидела контору в глубине. — Я могу подождать там, в той конторе, если ты останешься со мной. Мне просто нужна какая-нибудь одежда и вода, чтобы промыть глаза.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — сказала Блок.

— Я тоже. Но если не увижу, как прихлопнут эту сволочь, то знаю, что буду сожалеть об этом каждый день своей жизни.

— Завтра мне нужно будет помочь Эдди. Но с тобой тут останется Лейк.

— Привет, — подал голос Лейк. — Рад, что вы в полном порядке.

— Я далеко не в порядке, — отозвалась Кейт. — Но завтра буду.

Глава 60
Кейт

После взрыва бензина, одетая в запасную одежду Блок, которую та держала в «Джипе» — синие джинсы, ботинки и свитер, — Кейт вышла из конторы старого гаража бок о бок с Гэбриэлом Лейком. Обе подошли к Пельтье, который лежал на полу. Он подтянул к себе колени, попытался приподняться на корточки.

Лейк поднял правую руку. В ней он держал резервный пистолет Блок «Глок», который направил на Пельтье.

Быстрым движением Кейт подобрала с пола стальной прут. Подняла его над головой, шагнула вперед, оказавшись перед Лейком, и изо всей силы опустила этот прут на Пельтье.

Пока тот летел к нему, Пельтье вскинул свой пистолет и направил его на Блок и Эдди — как раз в тот момент, когда прут угодил ему в руку между запястьем и локтем. Удар был жестким. Предплечье хрустнуло, пистолет выстрелил в потолок и выпал из его руки со скрюченными пальцами на бетонный пол.

Взвыв от боли, Пельтье обернулся и увидел Кейт. При виде нее он опять завалился на бок, на лице у него ясно отразились шок и растерянность.

Наклонившись, Кейт подобрала пистолет Пельтье и прицелилась в него.

— Кейт, нет! — выкрикнула Блок.

Палец Кейт лежал на спусковом крючке, пистолет у нее в руках ходил ходуном. При виде Пельтье ее захлестнула волна гнева и адреналина. При виде человека, который собирался сжечь ее заживо. Человека, который подверг ее этой пытке ямой с бензином и темнотой.

Эдди и Блок подбежали ближе и остановились в нескольких футах от нее.

— Кейт, опусти пистолет! — крикнул Эдди.

— Нет, — отозвалась она. — Он собирался убить меня. Он — зло. Он должен умереть прямо сейчас. Прямо здесь.

Лейк подошел ближе. Она ощутила его присутствие рядом с собой. Голос его был тих и полон печали.

— Ты ведь не хочешь этого делать, — негромко произнес он.

— Хочу, — твердо сказала Кейт, стиснув зубы.

Она уже слышала приближающийся вой сирен.

Машины, оглашающие воздух этим воем, уже подъезжали к входу в заброшенный гараж.

— Поверь мне. Я сам через это проходил. Я знаю, каково это. Ты жмешь на спуск — и меняешься навсегда. Ты всегда будешь видеть его лицо таким, какое оно сейчас. Испуганным и страдающим. Ты будешь видеть это каждую ночь перед сном. Эта картина будет ждать тебя каждое утро, едва ты только проснешься. Это лицо будет вечно преследовать тебя. Тебе это не нужно. Тебе не нужен этот тип в твоей голове.

И он осторожно протянул к ней руку.

Ее красные, воспаленные глаза щипало от слез. Грудь тяжело вздымалась. Руки Лейка коснулись ее собственных, и он с большой осторожностью сжал их. Рыдания судорожно вырывались у нее из груди, пока она не сдалась и не отдала пистолет Лейку. А потом отступила назад.

Лейк повернулся к Песочному человеку. Лицо у него было совершенно бесстрастным. На нем не было гнева. Никакого осуждения. Вообще никаких эмоций.

Направив на него его собственный пистолет, он сказал:

— Кейт лучше меня. С ней все будет в порядке. Со мной тоже все будет в порядке. Потому что ты

убил близкого мне человека, и еще одно лицо в темноте для меня ровно ничего не изменит.

Кейт закрыла уши руками, услышав звуки выстрелов. Они следовали один за другим. Вырвавшаяся из ствола вспышка словно застыла на месте. Это даже не было похоже на пулеметную очередь. Прозвучали они так быстро, так близко друг к другу, что походили на один долгий раскат грома, когда грудь Пельтье разорвалась брызгами крови и ошметками плоти, пока все не стихло и его мертвые глаза не уставились в потолок.

Дверь гаража распахнулась, и Билл Сонг в сопровождении дюжины агентов ворвался внутрь, выкрикивая распоряжения.

И тут он увидел мертвого Пельтье на полу.

— Что тут произошло? Лейк?.. Почему мой подозреваемый мертв, Лейк? Ты опять это сделал? Так, что ли? Да мать твою…

— Он нас всех спас, — подал голос Эдди.

Сонг повернулся и скептически посмотрел на него.

— Пельтье собирался всех нас убить, Лейк начал бороться с ним, и пистолет Пельтье вдруг выстрелил. Лейк спас всех в этом здании. Вот что тут произошло.

Сонг остановился над мертвым телом Пельтье,

низко наклонившись, чтобы осмотреть огнестрельные ранения. Затем посмотрел на пустой пистолет в руке у Лейка.

— Бороться? Вы что, смеетесь? Да в этого парня всадили с десяток пуль!

— Ну, пришлось повозиться, — сказал Эдди. — Давайте, загляните в контору.

Кейт проследила, как Эдди зашел в каморку, где они с Лейком прятались утром, чтобы дождаться Пельтье. Она знала, что там находится. Банки с глазами. Немигающими.

Которые уже никогда не закроются перед сном.

Кейт осела на пол и расплакалась. Блок опустилась на колени рядом с ней. Лейк тоже. Все тесно прижимались друг к другу, пока она плакала.

— Спасибо, — сказала Блок, повернувшись к Лейку.

Тот кивнул:

— Вообще-то это ты нашла место. Это ты спасла Кейт. Мы сделали это вместе.

Вокруг них уже суетились агенты ФБР. Огонь в смотровой яме понемногу догорал.

— Давайте убираться отсюда, — наконец произнесла Кейт. — У меня есть клиент, которому я нужна.

* * *

СРОЧНО! ШОКИРУЮЩИЕ СЦЕНЫ В ЗАЛЕ СУДА НА МАНХЭТТЕНЕ

НОВОСТНОЙ ВЫПУСК ТЕЛЕКОМПАНИИ СИ-ЭН-ЭН

ДЭНИЕЛ
МИЛЛЕР НЕВИНОВЕН. ПЕСОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ НАЗВАН АДВОКАТ ОТТО ПЕЛЬТЬЕ

«Нью-Йорк таймс»

ОКРУЖНОЙ ПРОКУРОР СНИМАЕТ ВСЕ ОБВИНЕНИЯ С КЭРРИ МИЛЛЕР

«Нэшнл Инквайрер»

ФБР ПРИНОСИТ ПУБЛИЧНЫЕ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ТО, ЧТО НАЗЫВАЛО ДЭНИЕЛА МИЛЛЕРА ПЕСОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

«Вашингтон пост»

Глава 61
Гэбриэл лейк

Выходя из своей квартиры, он уже опаздывал.

Задержка произошла из-за того, что ему пришлось заклеивать карман пиджака скотчем — после того как он зацепился им за дверную ручку и порвал ткань. Шесть месяцев реабилитации после огнестрельных ранений, полученных в перестрелке в том притоне, стоили ему сорока фунтов веса. Он так и не купил новую одежду, даже через год после окончания восстановительного лечения. Лейку нравилась его одежда, хотя она ему больше не была впору. Да и, по правде говоря, пенсия по инвалидности не оставляла ему так уж много свободных денег, чтобы разбрасываться ими.

Спустившись в метро, он вышел на Центральном вокзале и разыскал маленький ирландский бар в двух кварталах от станции, прямо на углу Лексингтон-авеню.

Они сидели за столиком в самой глубине зала. Ему там тоже приберегли местечко.

Кейт выглядела отлично. После небольшого

отпуска она опять стала бывать в суде. Вернулась и в офис, после чего вновь обрела прежний румянец на щеках. Правда, то затравленное выражение, которое иногда появляется после перенесенных испытаний, было все еще заметно, хотя и лишь в самой глубине глаз. Лейк обратил на это внимание, перехватив ее взгляд в дверях. Он не видел Кейт с того самого дня в старом автобусном парке, но в течение последнего месяца Эдди регулярно держал его в курсе ее достижений.

Рядом с ней вытянула ноги Блок. Сидела она почти вплотную к Кейт. Эдди уже говорил Лейку, что Кейт пока что поживет у Блок, в ее доме в Нью-Джерси, пока не подыщет новую квартиру. Блок и Кейт пили пиво.

Перед Гарри Фордом стояли бутылка бурбона и два стакана. У его ног лежала собака, вроде как дружелюбно настроенная. Лейк так и не смог определить породу.

Эдди поздоровался, отпил колы из стакана.

— Я не думал, что в бары пускают с собаками, — заметил Лейк.

— Пускают, если покупать бурбон бутылками, — ответил Гарри. — А кроме того, это ирландский паб. Что это за ирландский паб без собаки?

— Как вы, Кейт? — спросил Лейк.

— В полном порядке, — ответила она. — Понемногу осваиваюсь. Это требует времени, понимаете?

Лейк, кивнув, ответил:

— Если когда-нибудь захочется поговорить с профессионалом, то я знаю пару-тройку грамотных людей.

— Спасибо. Пока что посмотрю, как все будет складываться.

Взяв припасенный пустой стакан, Гарри плеснул изрядную порцию и поставил его перед Лейком.

— Вот, выпей-ка.

— Вообще-то, я не большой любитель выпить, — нерешительно отозвался тот.

— Я тоже, — сказал Гарри, одним махом осушая свой стакан и наливая себе еще.

Лейк уставился на янтарную жидкость, поставленную перед ним.

— Это напиток исключительно этичного происхождения, — добавил Гарри. — Его делают в Кентукки, и он очень и очень вреден для здоровья. Пей!

Лейк приветственно поднял свой стакан, и все последовали его примеру. Пригубил бурбон,

подивившись его мягкому вкусу.

— А вот и Дениз, — объявил Эдди.

Лейк обернулся и увидел секретаршу Флинна, подходящую к их столику. Она сняла пальто, а Эдди придвинул еще один стул. Из сумки у нее торчал коричневый конверт. Она передала его Эдди, который поблагодарил ее и положил на стол перед Лейком.

— Это тебе, — сказал он. — Ты это заслужил.

— В этом нет нужды, — ответил Лейк, отмахнувшись. — Я делал это не ради денег, я…

— Мы знаем, — перебил его Эдди. — Я вроде не говорил, что ты требовал оплаты, — я просто сказал, что ты это заслужил. А теперь бери, иначе обижусь.

Лейк открыл конверт. Внутри был чек на двести тысяч долларов, выписанный на имя Гэбриэла Лейка. Он надолго уставился на него. У него еще никогда в жизни не было таких денег. Лейк перечитал чек еще раз. Проверил правильность написания своего имени. Проверил сумму.

Скотч, скреплявший карман его пиджака, уже начал отклеиваться.

— Бери, — сказала Блок. — Купи себе новый костюм. Только убедись, что он не двубортный и тебе не придется его застегивать.

Лейк кивнул.

Остальные недоуменно посмотрели на Блок, явно не понимая, о чем речь. У Лейка не было друзей. И он ни с кем не был достаточно близок, чтобы делиться подобными шуточками, непонятными остальным.

Блок улыбнулась ему.

В этот момент ему было приятно находиться здесь, в этой компашке. Они были хорошими людьми. Они ему нравились. Ему нравилось быть рядом с ними. И умом их тоже господь не обидел.

Убрав конверт в карман, он поблагодарил Эдди и Кейт.

— Хотя мне как-то неловко это брать — ведь столько всего еще осталось невыясненным…

— Кэрри Миллер окончательно рассчиталась за юридические услуги. Ты заработал кое-какую часть из этой суммы. Песочным человеком был Отто, и теперь он мертв. Что еще тебя интересует? — спросил Гарри.

— Ну, мы знаем, что кое-что из дневника Кэрри и в самом деле было правдой, — ответил Лейк. — Включая то ложное алиби. На этот счет у меня нет никаких сомнений. Я вполне могу себе представить, что Дэниел, парень с Уолл-стрит, просто

солгал копам во спасение, чтобы избежать того, что могло оказаться длительным расследованием, к тому же он не хотел говорить копам, что его не было дома, поскольку на самом деле изменял жене. А Отто принудил Кэрри солгать о том, что ее муж дарил ей все эти драгоценности, а затем исчез. Она оказалась в крайне уязвимой ситуации. Отто был юристом и запугал ее тем, что она может сесть в тюрьму. Хотя я не знаю, какова на самом деле связь между Отто и Стейси Нильсен.

— Почему это так важно? — заинтересовался Гарри.

— Засовы на задней двери ее дома, — объяснила Блок. — Только тот, кто бывал в доме Нильсенов, мог знать, что они там есть. Пельтье даже не пытался открыть заднюю дверь. Он вошел с парадного входа.

— Разве они не вращались в одних и тех же кругах? Я помню, как Отто говорил нечто подобное в суде. Нильсены занимали заметное место в обществе, вели светский образ жизни. Вероятно, они познакомились на какой-нибудь светской тусовке, — предположил Эдди.

— Возможно, но Пельтье из кожи вон лез на свидетельском месте, все решительно отрицая — даже после того, как Кэрри его предала. Не

исключено, что его знакомство со Стейси объясняется как-то по-другому. Я знаю, что сейчас Сонг пересматривает каждое из этих убийств в поисках связей между жертвами и Пельтье. Я не знаю, но просто у меня такое чувство, что если б мы знали, что в точности связывало между собой Пельтье и Стейси Нильсен, это могло бы все прояснить. Это могло бы помочь установить его связи с какой-либо из других жертв. Не исключено, что она была единственной из жертв, с которой Пельтье был знаком еще до убийства.

— Он мертв, и это дело расследуют федералы. Сонг просто землю носом роет. Если он что-нибудь найдет, то будет держать нас в курсе, — сказал Эдди.

— Да знаю я, знаю… Просто сейчас все слишком уж зыбко. Пельтье мог и солгать насчет этой связи. Кстати, они уже нашли брошь Лилиан Паркер — ту, что в виде камеи? — спросил Лейк.

— Пока что нет, — ответила Блок. — Сонг говорит, что они всё еще проверяют все объекты недвижимости, хоть как-то связанные с Пельтье и Дэниелом Миллером. Так что эта камея еще может найтись.

— Надеюсь, что так, — сказала Кейт. — Возможно, это хоть немного утешит ее мать.

Лейк, кивнув, спросил:

— А вы, ребята, идете на эту траурную церемонию на следующей неделе?

— Кейт, Блок и Гарри идут, — подтвердил Эдди. — А я не могу, это мой вечер с дочкой, Эми.

В городе была запланирована панихида по жертвам Песочного человека. Во время этой церемонии сотрудники ФБР собирались вернуть семьям личные вещи, которые Пельтье забрал у своих жертв и часть из которых они нашли в конторе старого автобусного парка.

Лейк все еще размышлял над словами Эдди. Нильсены были очень хорошо известны в городе. Тобиас был преуспевающим ресторатором. А еще они были известны своими ежегодными светскими приемами.

Он допил бурбон, откашлялся и встал.

— Ну, мне пора. Спасибо за виски. И за чек. Увидимся на панихиде.

Распрощавшись, Лейк вышел на улицу и поймал такси.

— В публичную библиотеку, пожалуйста, — попросил он.

Было уже два часа дня, когда такси высадило его возле Нью-Йоркской публичной библиотеки. Лейк частенько бывал здесь. Библиотеки — это

великие соборы знаний. Он любил проводить время в читальном зале или просто прогуливаться между стеллажами и осматривать ее старинные помещения. Хотя больше всего Лейк любил книги. Припомнилось, как он впервые пришел в это здание со своей мамой и получил читательский билет. И был поражен еще больше, когда узнал, что этот билет дает ему право выбрать любую книгу, которая ему только приглянется, забрать ее домой, прочесть и принести обратно. Совершенно бесплатно. Просто невероятно!

Архивный отдел еще не успел перевести абсолютно все в цифровой формат — кое-что по-прежнему хранилось на микрофишах. Библиотекарь взяла у Лейка бланк требования, отвела к проекционному аппарату и загрузила первую микрофишу.

В Нью-Йорке имелось сразу несколько изданий, освещавших светскую жизнь. В самом начале нового века их было около дюжины. Теперь, наверное, всего три или четыре. Сосредоточившись на этих журналах, Лейк начал свой поиск.

Спустя множество микрофишей и часов перед экраном он потер переносицу, потянулся и взглянул на часы. Было уже почти шесть вечера. Лейк покрутил ручку, переключаясь на другое изобра-

жение, но тут остановился. Вернулся назад.

Снимок был не цветной. Черно-белый. Фото из местного журнала, освещающего вопросы искусства и культурной жизни города, а также жизнь влиятельных людей в мире искусства. На каждой художественной выставке, в каждой галерее, на каждом приеме в честь какой-нибудь бродвейской премьеры, на каждой красной дорожке — везде вовремя оказывался их фотограф.

Лейк уже нашел несколько снимков с приемов, устроенных Тобиасом Нильсеном в своих ресторанах, но эти отличались от прочих. Эти фото были с мероприятия по сбору средств на предвыборную кампанию кандидата в мэры в 2013 году. Прием проходил дома у Нильсенов. Лейк узнал вестибюль и столовую.

То, что он искал, нашлось уже на следующей странице. Огромную гостиную Нильсенов Лейк тоже уже видел.

И там, в толпе, позади Стейси и Тобиаса Нильсен, в смокинге и с бокалом шампанского в руке стоял Отто Пельтье.

Плечи у Лейка поникли. Теперь он точно нашел связь. То, что объясняло, откуда Пельтье знал планировку дома Нильсенов.

Лейк уже собирался пойти к библиотекарю и

попросить сделать копию этой страницы, но тут заколебался. Подался ближе к экрану.

В левой руке Пельтье держал бокал с шампанским. А из-за правой проглядывала тонкая женская рука.

У Лейка перехватило дыхание. Он уставился на экран. Не мигая.

Молодой женщиной, держащей Пельтье под руку, была Кэрри Миллер.

Глава 62
Кэрри миллер

— Вам подлить, миссис Миллер? — спросила стюардесса.

— Вообще-то, не могли бы вы принести мне новый бокал? — спросила Кэрри, поскольку клубника на дне ее фужера для шампанского стала уже казаться слегка размякшей.

— Конечно, — ответила та, а наклонившись, чтобы взять у Кэрри фужер, вдруг кое-что заметила. — Какая у вас чудесная брошка! Это камея? — восхитилась она.

— Да, спасибо. Это семейная реликвия, — поблагодарила ее Кэрри.

Стюардесса ушла, а Кэрри посмотрела в иллюминатор на голубую Атлантику внизу. Еще четыре с половиной часа — и вот уже Лондон, где ее ждет новая жизнь.

Где-то в самой глубине души ей было жаль Отто. Никто не любил ее так, как он. Даже Дэниел.

С самого детства Кэрри мечтала быть кем-то другим. Наверное, именно поэтому и пыталась податься в актрисы. Она понятия не имела, кто

она такая на самом деле, но ей нравилась мысль о том, чтобы хоть ненадолго стать совсем другой персоной — это опьяняло. Голубой мечтой ее было выступать на Бродвее. Однако, как она ни старалась, ничего из этого не вышло. Денег, вырученных от продажи родительского дома, в этом огромном городе хватило ненадолго, и ей приходилось гораздо больше работать на всяких черных работах, чтобы оплачивать жилье. В некотором смысле все усилия, которые Кэрри приложила, чтобы незаметно вывести из строя тормоза отцовского пикапа и устроить ДТП, в котором погибли ее родители, на самом деле того не стоили. На открытом рынке их дом стоил сущую ерунду, а в Нью-Йорке все было жутко дорого.

Жизнь ее была непростой, пока она не встретила Отто.

Он заботился о ней. Помогал ей. Кэрри поняла, что он особенный, еще только впервые встретив его. Отто носил ту же маску, что и она, — лишь притворялся человеком. Кэрри поняла, что сердце у него столь же холодное, как и у нее, стоило им только в первый раз поцеловаться.

И когда Отто рассказал ей о своих фантазиях, о власти, которую он мог обрести, забирая человеческие жизни, став Песочным человеком,

он ожидал, что Кэрри придет в ужас. И никак не думал, что она спросит, можно ли ей на все это посмотреть. Однако аппетиты Отто превосходили ее собственные. И она забеспокоилась. Пусть он умен и аккуратен, но однажды неминуемо совершит ошибку.

Когда Отто познакомил Кэрри с Дэниелом Миллером, она поняла: вот на кого можно будет беспрепятственно взвалить бремя вины за их собственные грехи. Если они будут осторожны, то смогут обвинить этого человека в своих преступлениях и даже присвоить его огромное состояние. У Отто были деньги, но далеко не в таком количестве. Не те, что способны принести полную свободу. Естественно, Отто просто ненавидел Дэниела.

Все было бы хорошо, если б не тот день, когда к ним в дом пришел тот полицейский и ей пришлось обеспечить Дэниелу алиби. Другой ошибкой было последнее убийство. Кэрри не заметила у себя на рукаве кровь, оставшуюся после убийства Нильсенов. Она была слишком возбуждена и стояла слишком близко к Стейси Нильсен, когда Отто ударил ее ножом. На тело Стейси уже нанесли отпечаток пальца Дэниела. Кэрри постирала рубашку и повесила ее в шкаф,

не подозревая, что на ней осталась кровь Стейси.

Это привело к ее аресту. И судебному разбирательству.

И она вполне могла бы пережить эту бурю, если б Отто просто позволил судебному процессу идти своим чередом. Кэрри сфабриковала дневниковые записи, указывающие на причастность Дэниела, — все, кроме самой последней. И предупредила Отто, чтобы он не вмешивался. Но когда он убил Честера Морриса и ту тетку из ФБР, она поняла, что никак не способна его контролировать. Потому-то и сбежала. Кэрри боялась, что он совершит еще одну ошибку. И Отто совершил ее, оставив в квартире Кейт Брукс колпачок от шприца со своей слюной.

Она чувствовала себя немного виноватой из-за того, что предала его. А также по той причине, что придумала историю об интрижке Дэниела со Стейси Нильсен, тем самым практически обвинив Отто во всех этих убийствах. Кэрри знала, что пусть даже она и предала его, он не стал бы обвинять ее, давая показания в суде.

Отто слишком сильно любил ее, был готов пожертвовать собой ради нее. Пока она жила с Дэниелом, Отто безумно ревновал. Он никогда не говорил об этом, но Кэрри видела, с каким мсти-

тельным удовольствием он перерезал Дэниелу горло. А потом взял часы «Панерай», которые она подарила Дэниелу, и попросил надеть их ему на запястье. Что она и сделала. Ради него.

Отто убил тот следователь, Лейк. И в некотором смысле оказал ей услугу. Если б Отто схватили, всегда существовал риск, что он может передумать насчет Кэрри и рассказать ФБР правду. Теперь он мертв, и правда никогда не выплывет на свет.

После того как она оплатила гонорар адвокатам, а ФБР прекратило отслеживать банковские счета Дэниела, Кэрри получила тринадцать миллионов долларов в награду за свои усилия. Вот *это* была уже настоящая свобода.

— Вот, пожалуйста: свежее шампанское, — сказала стюардесса, протягивая ей фужер.

Немного пригубив, Кэрри надела наушники и включила воспроизведение на своем лэптопе, чтобы продолжить просмотр скачанного на него фильма.

Это была ее любимая часть.

Митчем сидел на пне в темноте, наблюдая за своими жертвами в доме. Сильный, наглый и бесстрашный. Не просто смотрел на женщину и детей, планируя их убийство, — он воспевал его,

словно серенаду.

Откинувшись в самолетном кресле, Кэрри негромким фальцетом подпевала ему:

— Л-ле-ежа, л-ле-ежа, лежа в вечных объятьях Христа…

Глава 63
Гэбриэл лейк

Лейк сидел за маленьким обеденным столом в своей убогой квартирке.

Он не помнил, как прошел тридцать кварталов от библиотеки домой. Все, о чем он мог думать, — это о Кэрри Миллер и о том, как она играла и манипулировала Эдди, Кейт, Гарри, Блок, ФБР и в конечном счете даже своим любовником — Отто Пельтье.

Его нога отбивала какой-то неведомый ритм по полу. Уставившись на сотовый телефон, лежащий перед ним на столе, Лейк попытался успокоть дыхание. Убийца скрылась. И в какой-то степени он сам помог этому случиться.

Подобрав со стола телефон, Лейк набрал номер Эдди. Адвокат ответил почти сразу же.

— Привет, это я… — произнес Лейк.

— Ты как там? Только не говори мне, что потерял чек, — отозвался Эдди.

Лейк открыл было рот, чтобы заговорить, но заколебался. Губы у него шевелились, но он никак не мог подобрать нужных слов. То, что он соби-

рался сказать Флинну, должно было оказаться для того довольно тяжелым ударом. Не было простого способа сказать это. Или мягкого. Подобное знание было пулей в живот, и смягчить его было просто невозможно.

Он услышал, как Кейт и Блок на заднем плане хохочут над какими-то словами Гарри. Они всё еще сидели в баре, расслаблялись и наслаждались компанией друг друга.

— Нет, чек я не потерял, дело совсем не в этом, — наконец произнес Лейк.

Кейт на заднем плане опять громко рассмеялась. Голос у нее был счастливый и радостный.

— Так в чем же? — спросил Эдди.

— Это… Да так, ни в чем, — сказал Лейк.

— Ты позвонил мне, чтобы ничего не сказать? — удивился Эдди. — Я не уверен, что ты понимаешь, для чего людям вообще требуются разговоры.

— Да просто…

— Что «просто»? — спросил Эдди.

— Если тебе когда-нибудь понадобится еще один оперативник, ты можешь позвонить мне, знаешь?

— Знаю. А теперь давай отдыхай.

Адвокат дал отбой.

Эдди ничего не мог с этим поделать. Полиция

тоже ничего не могла с этим поделать. Обвинения против Кэрри Миллер были полностью сняты.

Вряд ли ее будут судить еще раз. За нарушение условий освобождения под залог было вынесено предупреждение и наложен штраф в размере двухсот долларов, который она с радостью выплатила. Кэрри Миллер теперь была свободна. Как ветер.

Лейк выдвинул кухонный ящик, в котором держал столовые приборы и кое-что из инструментов. В том числе и свой личный ствол — «Глок». Он достал пистолет из коробки вместе со снаряженным магазином. Передернул затвор, произвел контрольный спуск. Защелкнул магазин на место, дослал патрон в патронник.

Когда-нибудь он найдет Кэрри Миллер. И в этот день объяснит ей, что не будет ни повторного судебного процесса, ни шумихи в прессе, ни месяцев ожидания приговора.

Иногда то, что правильно, и то, что законно, — это не одно и то же.

Лейк обязательно найдет ее. Неважно, сколько времени это займет.

В этом пистолете была пуля для нее.

И в один прекрасный день он доставит ее по назначению.

Благодарности

Как и все мои книги, эта не появилась бы на свет без моей жены Трейси. Эта книга посвящена ей, хотя на самом деле все они написаны для нее — для моей первой читательницы и единственного человека в мире, на которого я хочу произвести впечатление.

Моя сердечная благодарность — Шейну Салерно, Дону Уинслоу, Стиву Хэмилтону, Эдриану Маккинти и всем в «Стори фэктори». Не знаю, что бы я без вас делал.

Огромное спасибо Франческе, Саре и всем сотрудникам «Орион букс» за их работу и за то, что подарили миру Эдди Флинна.

Благодарю всю свою родню, друзей и моих собак за вашу поддержку и доброту.

И, как и всегда, хочу выразить свою самую большую благодарность тебе.

Да, тебе.

Человеку, который сейчас все это читает. Спасибо, что читаешь мои книги. Без таких преданных и умных читателей, как ты, я был бы никем. Потому что книга — это не книга без читателя, а мои читатели — одни из самых лучших читателей на

земле. Даже не знаю, как выразить вам всем свою благодарность за то, что вы покупаете эти книги и рассказываете про Эдди Флинна своим друзьям и знакомым. Я надеюсь, что смогу развлекать вас еще очень долгие годы.

Будем надеяться, что это будут хорошие годы для всех нас.